КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

26-го декабря 1900 года

въ 8 часовъ вечера

скончался въ Лубнахъ извѣстный малорусскій

этнографъ

Матвѣй Терентьевичъ

Симоновъ (Номисъ).

Извѣщеніе о результатахъ конкурса, назначеннаго редакціей „Кіевской Старины“.

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ напечатаны были въ № 2 журнала за 1896-й годъ. Такъ-какъ къ назначенному сроку не было представлено въ редакцію ни одного труда на этотъ конкурсъ, то срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ былъ продленъ сначала до 1-го января 1899 года, а потомъ до 1 января 1900 года. Въ прошломъ году, въ № 1-мъ, было заявлено, что на означенный конкурсъ доставленъ въ редакцію *одинъ только трудъ,* который, въ случаѣ признанія его удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, будетъ удостоенъ преміи въ *1000 рублей* и начнется печатаніемъ въ нашемъ журналѣ.

Въ настоящее время редакція считаетъ себя обязанной извѣстить, что означенный трудъ не признанъ удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, а потому редакція на ассигнованные ею для преміи *1000 рублей* разсчитываетъ пригласить отдѣльныхъ лицъ заняться составленіемъ „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ по указанной программѣ и, послѣ окончанія такого труда, напечатаетъ его на страницахъ журнала.

Правленіе *„Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“* симъ объявляетъ *конкурсъ* на составленіе популярныхъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ:

1) по сельскому хозяйству или естествознанію вообще, примѣнительно къ практическимъ потребностямъ и вопросамъ крестьянскаго быта южно-русскихъ губерній; 2) по гигіенѣ или медицинѣ, также въ формѣ практическихъ указаній, вытекающихъ изъ условій сельской жизни и принаровленныхъ къ наиболѣе настоятельнымъ нуждамъ малорусскаго крестьянства.

Необходимымъ условіемъ присужденія премій является общедоступность и простота изложенія; желательна беллетристическая форма. Предпочтеніе отдается произведеніямъ, пополняющимъ наиболѣе ощутительные пробѣлы популярно-научной малорусской литературы.

Размѣръ брошюръ опредѣляется отъ 1 до 3 листовъ, формата послѣднихъ изданій общества ($^1/_{32}$).

Премій назначается двѣ: 1) за лучшую брошюру, удовлетворяющую условіямъ конкурса и посвященную сельскому хозяйству или естествознанію, выдается сто пятьдесятъ руб.; 2) за лучшую брошюру по медицинѣ или гигіенѣ уплачивается отъ двадцати пяти до пятидесяти руб. съ печатнаго листа, смотря по достоинству произведенія.

Премированныя рукописи поступаютъ для перваго изданія въ распоряженіе „Благотворительнаго общества“.

Послѣдній срокъ представленія рукописей—1 января 1902 г.

Рукописи высылаются на имя Предсѣдателя общества—Д. Л. Мордовцева (С.-Петербургъ, Столярный пер. 6).

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи каждой страны нѣтъ болѣе важнаго и интереснаго предмета, какъ жизнь даннаго народа, проявляется ли она въ видѣ опредѣленнаго массового движенія, взрыва и настроенія, или течетъ вяло, безцвѣтно, дробясь на тысячи мелкихъ индивидуальныхъ стремленій, интересовъ, столкновеній. Бурныя проявленія народной жизни, какъ все яркое и эффектное, всегда привлекали вниманіе историковъ,—благо, для изображенія такихъ моментовъ даже сухія и скудныя въ другихъ отношеніяхъ лѣтописи даютъ болѣе или менѣе обильный матеріалъ. Но какъ отдѣльный человѣкъ остается самимъ собою, совершаетъ ли онъ геройскіе подвиги, или погружается въ обыденные, житейскіе интересы, такъ и народная жизнь, вспыхиваетъ ли она яркой полосой, или погружается въ тусклыя сумерки будничнаго прозябанія, должна представлять для историка одинаковый интересъ, ибо въ томъ и другомъ случаѣ въ ней непрерывно совершаются эволюціонные процессы, пристальное наблюденіе надъ которыми только и можетъ привести къ познанію исторической закономѣрности. Но это пока—идеалъ будущаго; ближайшей же задачей историческаго изученія является по возможности все-

стороннее, живое и полное представленіе минувшей жизни въ ея повседневныхъ, будничныхъ проявленіяхъ.

Но гдѣ-же взять матеріалы для такого детальнаго изученія минувшихъ эпохъ? Обычные историческіе источники—лѣтописи, дипломатическіе акты, законодательные памятники и т. под. окажутся уже недостаточными. Наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для этого была бы литература изучаемой эпохи или, еще лучше, повседневная пресса, и нѣтъ сомнѣнія, что историки будущихъ вѣковъ, при изученіи нашей, напримѣръ, эпохи, главнымъ образомъ и будутъ пользоваться этимъ матеріаломъ. Но мы имѣемъ дѣло обыкновенно съ такими эпохами, литература которыхъ слишкомъ скудна и безжизненна, а періодической прессы и вовсе не было. Взамѣнъ той и другой приходится довольствоваться мемуарами. Но если и мемуаровъ нѣтъ или они плохи, тогда историку остается разсчитывать на единственный цѣнный матеріалъ, къ сожалѣнію не существующій для исторіи отдаленныхъ вѣковъ, но болѣе или менѣе сохранившійся отъ эпохъ болѣе къ намъ близкихъ: разумѣемъ судебные акты. Нѣтъ нужды въ подробномъ разъясненіи цѣнности этого матеріала для указанной цѣли; достаточно напомнить, что и въ наше время, при возможности непосредственнаго наблюденія надъ общественною или народною жизнью, нѣтъ болѣе удобнаго мѣста для подобныхъ наблюденій, какъ судебныя засѣданія, и не даромъ судебные отчеты занимаютъ такое видное мѣсто въ повременной печати. Нерѣдко уголовные процессы вскрываютъ такіе тайники души народной или же такія глубоко скрытыя язвы въ общественномъ организмѣ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не поддаются наблюденію.

Исторія Малороссіи болѣе, чѣмъ какая-либо иная, есть исторія народная. Самымъ блестящимъ и самымъ интереснымъ ея періодомъ справедливо считается XVII вѣкъ, когда украинскій народъ проявилъ высшее напряженіе своихъ духовныхъ силъ и, хотя на короткое время, устроилъ свою жизнь по своимъ извѣчнымъ идеаламъ; когда, по образному выраженію поэта,

Братерськая наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби, у жупани,
Розвернулася весела.

Ни литература того вѣка, скудная и безжизненная, ни записки иностранныхъ путешественниковъ, очень цѣнныя въ другихъ отношеніяхъ, не даютъ сколько-нибудь полнаго представленія о тогдашней народной жизни; своихъ же мемуаровъ изъ той эпохи мы и вовсе не имѣемъ. Остается разсчитывать на единственный источникъ—судебные акты; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ источникѣ, необходимы нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Въ то время, какъ для исторіи западной Малороссіи, т. е. Волыни, Подолья и отчасти Кіевской Украины, мы имѣемъ около шести тысячъ актовыхъ книгъ бывшихъ здѣсь въ XVI—XVIII вв. судовъ гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ,—книгъ, представляющихъ неисчерпаемый матеріалъ для всесторонняго изученія протекшей жизни этого края,—объ актовыхъ книгахъ лѣвобережной Малороссіи ни въ одномъ историческомъ сочиненіи нѣтъ и упоминанія, да и самый вопросъ о существованіи такихъ книгъ еще не разъясненъ. Правда, въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1852 и 1857 гг. были напечатаны отрывки изъ Стародубскихъ магистратскихъ книгъ за 1683 и 1690 годы, но эти отрывки такъ незначительны по объему, что странно было и говорить о нихъ, какъ объ историческомъ матеріалѣ; о другихъ же актовыхъ книгахъ малороссійскихъ судовъ XVII—XVIII ст. составилось общее убѣжденіе, что онѣ погибли безъ остатка. Вотъ почему и о судоустройствѣ въ старой Малороссіи нельзя было сказать ничего опредѣлительнаго, и вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ до послѣдняго времени не подвергался обстоятельному изслѣдованію. Лишь недавно стали извѣстны новые актовые матеріалы бывшихъ малороссійскихъ судовъ: въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1887 г. напечатаны отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ за 1657 и 1673—74 годы; въ 1892 г. въ

приложеніи къ нашему журналу была издана цѣлая актовая книга Бориспольскаго ратушнаго суда за годы 1612—1698; наконецъ, намъ лично извѣстно, что въ библіотетѣ почтеннаго изслѣдователя старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго хранятся отрывки актовой книги Борзенскаго сотеннаго суда 1664—1720 г. и четыре полныя книги Полтавскаго полкового суда второй половины XVII и XVIII вв., да двѣ книги того же суда (XVII в.) имѣются въ библіотекѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанной имъ, вмѣстѣ съ его музеемъ, Черниговскому губ. земству [1]). Итакъ, вотъ сколько актоваго матеріала прибыло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ! Конечно, это лишь ничтожныя крупинки изъ того богатаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, и мы твердо увѣрены, что со временемъ отыщутся и другія актовыя малороссійскія книги; но и тѣ, что уже открыты, представляютъ въ общей сложности настолько обильный и важный матеріалъ, что отнынѣ ни одинъ изслѣдователь малорусской старины не въ правѣ болѣе игнорировать его. Въ рукахъ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ отчасти уже послужилъ для интереснаго и пока единственнаго въ нашей литературѣ очерка судоустройства въ старой Малороссіи [2]), въ такой-же степени онъ пригоденъ и для освѣщенія многихъ бытовыхъ сторонъ ея прошедшей жизни.

Настоящіе „Очерки" также составлены по актовымъ книгамъ преимущественно Полтавскаго полкового и отчасти другихъ козацкихъ судовъ, и нужно сказать, что лучшаго матеріала мы и пожелать не могли бы: едва-ли найдутся другіе судебные

---

[1]) Извѣстно, сверхъ того, что въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ, хранится актовая книга Прилуцкаго полкового суда за 1660 годъ, куда поступила изъ библіотеки П. Лукашевича.

[2]) См. его брошюру: «Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малор. дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ». Харьковъ, 1898 г.

акты, такъ ярко и полно отражающіе въ себѣ жизнь народную, какъ именно акты малороссійскіе. Это объясняется двумя причинами: а) судъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. былъ народнымъ, слѣдовательно всесословнымъ и вполнѣ свободнымъ отъ мертвящаго формализма, и б) юридическая практика еще не успѣла выработать тѣхъ мертвящихъ канцелярскихъ формъ, благодаря которымъ самыя яркія проявленія жизни, пройдя черезъ протоколъ, на половину обезличиваются, поэтому протоколы малороссійскихъ судовъ, писанные народнымъ языкомъ, отличаются жизненностью.

До переворота Хмельницкаго въ Малороссіи, какъ и въ другихъ областяхъ южно-русскаго края, существовали суды: статутовые—гродскіе и земскіе (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ) и магдебургскіе—магистратскіе и ратушные въ городахъ и мѣстечкахъ. Всѣ они были построены на сословномъ началѣ: суды статутовые существовали почти исключительно для шляхтичей, магдебургскіе—для мѣщанъ. Существовалъ, кажется, и у козаковъ свой особый судъ, но о немъ пока еще ничего опредѣленнаго мы не знаемъ. Что же касается народной массы, то для нея не существовало спеціально организованнаго суда: посполитые, жившіе въ королевскихъ староствахъ, судились у старостъ или ихъ намѣстниковъ, (такъ было въ староствахъ: Черкасскомъ, Любецкомъ, Остерскомъ, Нѣжинскомъ и мн. др.), а тѣ, что жили на частно-владѣльческихъ земляхъ, были подчинены присуду своихъ „дѣдичей" или ихъ старостъ и намѣстниковъ. Правда, сельское и деревенское населеніе въ маловажныхъ дѣлахъ судилось собственнымъ, народнымъ—„громадскимъ" судомъ, соотвѣтствовавшимъ древнему „копному" суду, еще и въ то время существовавшему на Волыни и въ Кіевской Украинѣ, но государственная власть совершенно игнорировала „громадскій" судъ, хотя „копный" отчасти признавала. Когда Малороссія была освобождена и должна была вновь создавать себѣ формы гражданскаго быта, то ей нужно было прежде всего организовать судъ, такъ какъ старыя его формы не отвѣчали новымъ условіямъ обще-

ственной и политической жизни страны. Когда именно и какимъ законодательнымъ актомъ совершена была эта важная реформа—не извѣстно, но реформированные суды несомнѣнно функціонировали въ Малороссіи еще при жизни Хмельницкаго. Въ общихъ чертахъ реформа состояла въ слѣдующемъ: а) гродскіе и земскіе суды, а равно старостинскіе и частновладѣльческіе, были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены были суды козацкіе: въ сотняхъ—сотенные, въ полковыхъ городахъ—полковые, и въ качествѣ высшей инстанціи, при гетманскомъ управленіи—судъ генеральный; б) существовавшіе до того времени въ Малороссіи магистратскіе и ратушные суды не только не подверглись той же участи, но получили еще бо́льшее распространеніе: теперь они встрѣчаются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только населеніе занималось торговлей и ремеслами; но такъ какъ сословный—мѣщанскій характеръ магистратскихъ и ратушныхъ судовъ не имѣлъ смысла въ безсословной Малороссіи, то эти суды не могли удержать прежней обособленности и скоро слились съ козацкими судами: въ сотняхъ—съ сотенными, въ полковыхъ городахъ—съ полковыми, хотя старинные магистраты въ маловажныхъ дѣлахъ часто дѣйствовали и безъ участія козацкой старшины; в) собственный юридическій кодексъ для малороссійскихъ судовъ, естественно, не могъ быть тотчасъ составленъ,—мысль о его составленіи возникла лишь въ началѣ XVIII ст., послѣ чего и было приступлено къ составленію свода „Малороссійскихъ правъ"; до того-же времени (да и впослѣдствіи) малороссійскіе суды, какъ собственно козацкіе, такъ и магистратскіе и ратушные, въ равной мѣрѣ руководствовались Литовскимъ Статутомъ и Магдебургскимъ правомъ, но по большей части видоизмѣняли ихъ предписанія подъ вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права или внутреннихъ понятій о справедливости. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Литовскій Статутъ и Магдебургское право были удержаны единственно въ качествѣ юридической нормы при опредѣленіи рода наказаній за уголовные проступки и взысканій по тяжбамъ гражданскимъ; всѣ же прочія предписанія названныхъ кодек-

совъ, касавшіяся организаціи суда, порядка и формъ судопроизводства, вопросовъ о подсудности, правѣ апелляціи и т. под., не имѣли силы и были замѣнены новыми обычаями, нигдѣ, однако, не записанными. Судебныя засѣданія, какъ и въ прежнихъ судахъ, были всегда публичны и, какъ видно изъ протоколовъ, охотно были посѣщаемы; но это не была „публика" въ современномъ значеніи, влекомая въ судъ лишь простымъ любопытствомъ: тогдашніе посѣтители шли въ судъ потому, что считали правосудіе актомъ общенароднымъ, и по мѣрѣ силъ старались оказывать ему содѣйствіе. Болѣе почетныя лица („зацныя персоны") изъ числа присутствовавшихъ козаковъ и мѣщанъ были приглашаемы въ составъ суда и вмѣстѣ съ „урядовыми персонами", т. е. присяжными судьями, участвовали въ совѣщаніяхъ при составленіи декретовъ. Но кромѣ того, каждый изъ присутствовавшихъ могъ безъ вызова заявить суду, что ему извѣстно по данному дѣлу. Если присутствовавшіе находили приговоръ слишкомъ суровымъ, они тутъ же ходатайствовали о его смягченіи, и такія ходатайства по большей части немедленно судомъ были удовлетворяемы. Порядокъ и формы судопроизводства отличались крайней простотой и патріархальностью. Все, что въ предписаніяхъ Статута и Магдебургскаго права отзывалось формализмомъ или создавало почву для казуистики, было отвергнуто: ни возныхъ, ни письменныхъ позвовъ, ни повѣренныхъ—ничего этого и въ поминѣ не было въ козацкихъ судахъ. За то въ нихъ практиковалось немало такихъ обычаевъ, о которыхъ не знаютъ ни Статутъ, ни Магдебургское право.

Такимъ же характеромъ простоты и отсутствіемъ канцелярскаго формализма отличаются и протоколы козацкихъ судовъ XVII ст. По формѣ ближе всего они подходятъ къ протоколамъ тогдашнихъ ратушныхъ судовъ, напримѣръ, Олыки, Ковля, Выжвы, та же въ нихъ и терминологія; но благодаря тому, что малороссійскія актовыя книги писались народнымъ языкомъ, онѣ тѣмъ самымъ выигрываютъ со стороны жизненности. Въ общемъ—это рядъ какъ бы стенографическихъ отче-

товъ, только болѣе короткихъ. Писарь не передаетъ своими словами содержанія жалобы или свидѣтельскаго показанія, а буквально воспроизводитъ рѣчи участниковъ процесса, сохраняя всѣ характерныя особенности живого слова, съ разными подчасъ наивностями, записывая даже разнообразныя формы обращенія къ суду истца, отвѣтчика или свидѣтелей. Благодаря такому пріему изложенія, актовыя книги козацкихъ судовъ обладаютъ необыкновенною силою увлекательности: ими положительно можно зачитываться, какъ реально-художественнымъ произведеніемъ. Передъ вами проходятъ словно живые люди XVII ст.; точно изъ фонографа, вы слышите ихъ подлинныя рѣчи, ощущаете какъ-бы дыханіе давно минувшей старины. И кого только нѣтъ въ этой волшебной панорамѣ! Благодаря единству суда, передъ вами мелькаютъ живыя тѣни изъ разныхъ слоевъ тогдашняго безсословнаго общества. Здѣсь вся Малороссія временъ Самойловича и Мазепы,—правда, преимущественно въ лицѣ порочныхъ своихъ гражданъ; но и самые ихъ пороки и преступленія нерѣдко такъ своеобразны, такъ рѣзко запечатлѣны характеромъ того оригинальнаго быта и вѣка!

И намъ казалось, что ничто не въ состояніи такъ непосредственно ввести читателя въ ту эпоху, какъ простой, безхитростный пересказъ болѣе характерныхъ процессовъ, сопровождаемый лишь необходимыми историко-бытовыми поясненіями. Мы старались выбрать такія дѣла, въ которыхъ раскрываются по возможности разнообразныя стороны и проявленія тогдашней жизни. Чтобы сохранить въ нашемъ пересказѣ то впечатлѣніе живой непосредственности, какое получается при чтеніи подлинныхъ книгъ, мы, слѣдуя пріему тогдашнихъ писарей, приводимъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ текстуально, какъ онѣ протоколирозаны, но чтобы не затруднить читателей-нефилологовъ, позволяемъ незначительныя текстуальныя измѣненія, именно—устраняемъ немногія, явно книжныя выраженія и формы (въ томъ убѣжденіи, что они принадлежатъ писарю, а не записаны изъ народныхъ устъ) и замѣняемъ тогдашнее безсистемное правописаніе близкимъ къ современному. Поэтому приво-

димые нами во множествѣ образцы тогдашняго языка со стороны формъ и начертанія не удовлетворятъ строгимъ требованіямъ филолога, которому рекомендуемъ обратиться къ подлиннымъ актамъ, но въ отношеніи лексическомъ они вполнѣ вѣрны подлинникамъ.

---

1. Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ.

Самарскій Николаевскій монастырь [1]), исторія котораго столь неразрывно связана съ исторіей Запорожья, получилъ начало не ранѣе 1672 года; но точныхъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ его существованія не имѣется. Довольно сказать, что первое документальное о немъ упоминаніе (въ письмахъ кошевыхъ) относится лишь къ 1691 году. Вообще же можно утверждать, что въ началѣ существованіе этого монастыря было эфемерно: монахи (преимущественно изъ бывшихъ сѣчевиковъ) то сходились въ него, то по разнымъ причинамъ разбѣгались. Прежде всего, имъ не было житья отъ татаръ; монастырь находился одинаково далеко какъ отъ южной границы гетманщины, такъ и отъ Сѣчи, и потому ничтожный татарскій загонъ всегда могъ разорить его раньше, чѣмъ прибудетъ помощь съ той или съ другой стороны. Правда, въ 1687 г. московскимъ правительствомъ былъ заложенъ на р. Самари, близъ монастыря, Богородицкій городокъ; но это была ничтожная крѣпостца, съ незначительнымъ гарнизономъ, и на ея помощь нельзя было серьезно разсчитывать. При томъ же, надо вспомнить, какимъ бѣльмомъ на глазу у запорожцевъ служила Богородицкая крѣпость и какъ непріязненно они относились къ ея гарнизону; а Самарскіе иноки были плотью отъ плоти запорожцевъ и на все смотрѣли ихъ глазами. Но, кромѣ татарскихъ набѣговъ, монастырь постигали и другія бѣдствія. Въ 1690 г.

---

[1]) Близъ г. Новомосковска, Екатериносл. губ.; существуетъ и нынѣ.

въ іюлѣ появилась па Самари саранча, все истребила и своимъ трупомъ отравила воздухъ, отчего здѣсь открылся моръ, жертвою котораго сталъ игуменъ и многіе изъ братіи, остальные же въ страхѣ разбѣжались, такъ что къ осени въ монастырѣ осталось всего лишь три монаха, но и изъ нихъ два уѣхали зачѣмъ-то въ Ичню, оставивъ монастырь на попеченіе единственнаго брата, отца Авксентія, и при немъ стараго сѣчевика въ званіи послушника. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни въ самомъ монастырѣ, ни близъ него не было ни одной живой души. Лишь изрѣдка сюда навѣдывались изъ ближнихъ зимовниковъ сѣчевики, остававшіеся для промысловъ, но и они опасались вступать въ зараженную обитель.

Къ этому именно времени относится кровавый эпизодъ, живыя подробности котораго сохранились въ актахъ полтавскаго полкового суда.

Въ Нехворощанскомъ монастырѣ [1]) проживали въ числѣ послушниковъ нѣкто Иванъ Петренко и Петро Винникъ. Первый былъ раньше „кравцемъ“ (портнымъ) въ Соколкѣ, а другой, безродный „нетяга“, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по „вынныцяхъ“ (на винокурняхъ), отчего и получилъ свое прозвище, такъ какъ фамильнаго у него не было. При всей простотѣ и несложности экономической жизни тогдашней Малороссіи, въ ней было всегда много субъектовъ, по разнымъ причинамъ не умѣвшихъ пристроиться ни къ какому опредѣленному дѣлу или же легко выбивавшихся изъ жизненной колеи. Ихъ такъ и именовали: „*неробочіе*“, „*гультяи*“. Изъ такихъ неудачниковъ въ военное время легко рекрутировались охотницкіе полки и и запорожскія „ватаги“, а когда войны не было, они „тягались“ по винокуреннымъ, пивоваренным и селитреннымъ заво-

---

[1]) Нехвороща—тогда сотенный городъ Полтавскаго полка, нынѣ мѣстечко Константиногр. у. Тамъ находился Успенскій монастырь, основанный одновременно съ Самарскимъ и закрытый въ 1786 г.

дамъ, а болѣе отважные пускались на легкую, хотя опасную „дôбычъ" въ качествѣ „прыбышовъ" (разбойниковъ). Наши новые знакомцы Петренко и Винникъ пока избрали среднiй терминъ—поступили въ монастырь, гдѣ ихъ охотно приняли, какъ мастеровыхъ людей, возложивъ на нихъ и „послушанiе", соотвѣтственно ихъ прежнимъ занятiямъ: Петренко обшивалъ братiю, а Петро Винникъ работалъ на монастырской винокурнѣ. „Но скученъ миръ однообразный сердцамъ, рожденнымъ для войны", такъ и нашимъ „нетягамъ" не могло прiйтись по вкусу иноческое безмолвiе, ночныя бдѣнiя, а паче всего воздержанiе и обязательный трудъ. Имъ мерещилась иная жизнь—сытая, пьяная и привольная; но для такой жизни нужно много денегъ, а ихъ не заработаешь столько честнымъ трудомъ. Вотъ если бъ подвернулся счастливый случай, легкая „дôбычъ"!

И вотъ имъ показалось, что такой случай представился. Въ ихъ монастырь пришли два брата изъ Самари и повѣдали горестную вѣсть, что тамъ свирѣпствуетъ ужасный моръ, игуменъ и многiе изъ братiй умерли, остальные разбѣжались, а самая обитель со всѣмъ ея имуществомъ и казной оставлена впустѣ, и никто не смѣетъ войти въ нее изъ страха заразы. Петренкомъ и Винникомъ разомъ овладѣла преступная мысль.— „А много ли казны осталось въ монастырѣ"? разспрашивали они пришельцевъ. Тѣ въ точности этого не знали, но полагали, что очень много, а добра всякаго—серебряной посуды, шолковыхъ матерiй, турецкихъ платковъ, поясовъ и не перечесть: запорожцы любили свою обитель и щедро одѣляли ее всѣмъ, что ни посылалъ имъ Господь на сушѣ и на морѣ, въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ. И вотъ Петро Винникъ, какъ болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ, сталъ подговаривать товарища отправиться на легкую и богатую „добычъ" въ Самарскiй монастырь. Петренко не долго колебался, и въ ближайшую ночь, въ началѣ октября 1690 г. оба они исчезли изъ Нехворощи. Предпрiятiе казалось имъ очень легкимъ и безопаснымъ: вѣдь монастырь совершенно пустъ, къ нему боятся даже приблизиться,—кто же помѣшаетъ имъ похозяйничать тамъ, какъ дома? Когда они

пришли на Самарь, тамъ дѣйствительно на всемъ лежала печать заброшенности и запустѣнія, но монастырь не былъ всетаки совершенно оставленъ: въ немъ обитали старецъ Авксентій и при немъ послушникъ, престарѣлый сѣчевикъ Ѳедоръ. Это значительно разстраивало планы нашихъ добычниковъ, но отступать было уже поздно. Они сдѣлали видъ, будто пришли съ намѣреніемъ вступить въ число братіи опустѣлаго монастыря; конечно, ихъ приняли очень охотно. А на четвертый день послѣ этого Петренко и Винникъ вѣроломно убили пріютившихъ ихъ старцевъ, ограбили монастырскую казну, взяли немалую сумму наличныхъ денегъ и какія нашли цѣнныя вещи и оставили монастырь на этотъ разъ совершенною „пусткою", съ двумя непогребенными трупами. Убійцы были столь безпечны, что возвратились снова въ Нехворощу, гдѣ ихъ, конечно, тотчасъ и накрыли. Имъ не удалось воспользоваться ни одной полушкой изъ своей „добычи", такъ какъ путь изъ Самари до самой Нехворощи проходилъ совершенной пустыней, и они съ деньгами умирали отъ голода. Отобранныя у нихъ вещи ясно указывали на то, гдѣ они ихъ добыли; да они, впрочемъ, и не думали таиться и при первомъ допросѣ во всемъ повинились. Мѣстный сотникъ арестовалъ ихъ и подъ конвоемъ отослалъ въ Полтаву.

18 октября происходило первое засѣданіе полкового суда по дѣлу объ этихъ „кгвалтовникахъ и запамяталыхъ забойцяхъ", привлекшее въ зданіе ратуши многочисленную публику. Съ нихъ стали снимать допросъ, при чемъ они „сами доброволне злость свою вызнавалы, повидаючы: „Грихъ то насъ, панове, смертелный такъ спиткавъ, що мы невынныхъ душъ позабывалысьмо въ монастыри святого Ныколы Самарскимъ". Первымъ былъ допрошенъ Иванъ Петренко, давшій такое показаніе:

— Булы мы въ товарыстви въ монастыри Нехворощанскому, я бувъ послушныкомъ, а Петро вынныкомъ. И ставъ мене Петро намовляты: „Ходимъ, мовытъ, на добычъ на Самарь, до монастыра тамошнёго". Я килькокротне зборонявся, не прыступаючы на тін ёго слова, а напотимъ, давшыся намовыты,

пишлысьмо обыдва до монастыра Самарского и прожылысьмо тамъ днивъ чотыри; я жъ зостававъ пры козаку, который въ тимъ же монастыри бувъ послушныкъ, а Петро пры черици, въ едній целіи (кельи). А такъ мени Петро мовывъ: „напередъ ты козака вбый, а вбывшы прыйды до мене, скажешъ мени висть о смерты ёго, а я того-жъ часу убью черниця". Съ которои Петровои порады вбывъ я ночнои поры того козака, вже спячого, обухомъ въ голову, и свичка свитылася, а по вбытю, взявшы свичку, пійшовъ до Петра, ажъ Петро стоитъ зъ черицемъ у пекарни. Такъ тоди Петро тымъ же обухомъ стоячого черниця вдарывшы въ голову, обвалывъ на землю и ставъ вязаты, пытаючысь грошей. А той небожчыкъ чернецъ сказавъ: „гроши у скрыни, въ трапези". Тоди одбывшы тую скрыню, найшлысьмо въ ній готовыхъ грошей трыста золотыхъ, кубокъ срибный церковный, жупанивъ чотыри, шапокъ куниxъ такожъ чтыри, поясивъ шовковыхъ малыхъ два, и третій блакытный бильшій, хустокъ турецькыхъ пять, кытайкы жовтои штука и запаска червоная кытайчаная. Зъ тымы всимы ричамы пійшлысьмо зъ Самарского монастыра, и прыйшовшы до Кильчени [1]), подилылысьмося въ ривный дилъ, и въ Нехворощу прыбулы, де насъ панъ сотныкъ піймавшы, тіи вси помененныи ричи и гроши одибравъ одъ насъ".

Другой „забойця", Петро Винникъ началъ такъ:

— Панове, власне було, якъ повидаетъ Иванъ, товарышъ мій",—и затѣмъ буквально повторилъ его разсказъ, прибавивъ лишь слѣдующую подробность объ убійствѣ имъ старца Авксентія: „Винъ же, небожчыкъ, рукы и ногы мои цилуючы, для мылостывого Бога просывся, абы я ёго не забывавъ; однакъ я, не глядячы на ёго прозьбу, згладывъ ёго своимы рукамы зъ сёго свита". Свое показаніе Петро такъ закончилъ: „Поты моеи повисты; хочъ и на той свитъ пійду, бильше мене не пытайте: остатнюю правду вамъ повидаю".

---

[1]) Рѣка въ Новомосковскомъ у., правый притокъ Самары.

Судъ велѣлъ записать „доброволнее прызнатя тыхъ збродниѣвъ“, а ихъ самихъ отвести въ тюрьму, „покиль хто за почынения того забойства не одзовется стороною акторскою“, т. е. пока явится обвинитель или же лице, потерпѣвшее отъ даннаго преступленія.

Но черезъ два дня судъ снова вызвалъ обвиняемыхъ и, не довольствуясь ихъ добровольнымъ сознаніемъ, велѣлъ ихъ „на квестію (иначе: „на пробу“, „на спытку“) даты, допытуючысь“, не взяли-ли они въ Самарскомъ монастырѣ еще какихъ-либо вещей, „або товарыства зъ собою бильше чы не малы“. Иванъ Петренко былъ пытанъ троекратнымъ приложеніемъ раскаленнаго желѣза, а Петро Винникъ „звычайною мистровскою пробою трикротною“, т. е. дыбою. Оба они утверждали прежнее показаніе: ничего больше изъ монастыря не брали и въ „товарыстви“ съ ними никого не было. „Вже мени—прибавлялъ Петро—прыходытъ часъ на той свитъ иты: самую правду вамъ повидаю“.

Лишь въ началѣ ноября „отозвалася акторская сторона“ въ лицѣ прибывшаго въ Полтаву „честного отца Веніамина, законника монастыра Самарского“. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Сѣчи козакъ Васько съ „товарыствомъ“, присланный въ качествѣ представителя Войска Запорожскаго низового, считавшаго себя патрономъ и ктиторомъ Самарской обители. Когда открылось засѣданіе полкового суда и были введены подсудимые, отецъ Веніаминъ, какъ главный истецъ и обвинитель, держалъ такую рѣчь:

— Панове! Оныи запамяталыи и Бога небоячіися люде монастыръ нашъ кривью невынною оскверныли, брата мого отця Авксентія убывшы и послушныка зъ нымъ Өедора, побралы гроши, що тамъ було, и иншіи речи. Нехай бы незбожныкы, худобу тую забравшы, жывыхъ ихъ въ монастыру оставылы,—меншая бъ то скорбъ була; а то знялыся имъ рукы, безбожныкамъ, погубыты невынныи души. По моровій плядзи (бѣдствіи, карѣ), якъ по Божимъ допущеніи черезъ той же моръ превелебный въ Богу отець игуменъ нашъ зъ братіею зъ

сёго свита пійты мусилы, тоди мы осталыся тры насъ тилько въ монастыри. Я жъ для нужнои потребы поихавъ бувъ зъ монастыра до Ични, а ё о, отца Авксентія небожчыка, зоставывъ въ монастыри съ послушныкомъ Ѳедоромъ, въ которій дорози одно часъ не по тому бувъ, а друге—все на мысль прыпадае вертатыся до монастыра Самарского назадъ; такъ я и вернувся зъ другымъ братомъ, который теперъ въ Сичи. Прыихалысьмо въ Самарь, до монастыра, ажъ выйшовъ до насъ козакъ той, що монастырскіи посудкы (снасти) на ловъ рыбный беретъ, и ставъ до насъ мовыты: „Отцеве честныи! Прыйшовъ я тилько що зъ куреня въ монастыръ, ажъ померъ, знаты, зъ мору отець Авксентій, и послушныка Хведора нема. Да тутъ було и два чоловикы, казалыся съ Полтавы, а нема ихъ теперъ: десь-то небожчыкъ ихъ пославъ". Чуючы одъ козака такую мову, звонтпылемся (я не рѣшился) зъ другымъ братомъ и въ монастыръ иты, а потимъ тее не въ певносты стало: тыи люде, що зъ Полтавы меновалыся, де бъ милы буты посланыи? Тыхо прыйшовшы я въ монастыръ, викно видсунувъ въ целіи; виконыця впала на землю. Гляну—ажъ послушныкъ, небожчыкъ Ѳедоръ, лежыть, голова ёму напивъ перетята. Потимъ прыйшлы мы до целіи, де чернець бувъ, ажъ небожчыка убыто и голову у пологъ уверчено, той пологъ увесь кривавый, у голови дви раны велыкыхъ, сокырою протятыхъ, було, а плечи и груды одъ обуха вси збыти зосталы. Обачывшы мы тее забойство, одъихалы въ Новобогородычынъ, а съ потребу возивъ напявшы, прыихалы въ монастыръ и все, що було, въ городъ Новобогородычынъ позабиралы. Правда, въ церкви святій церковныхъ ричей ничого не брано, тилько, якъ чую есть запысано, скрыню одбыто въ трапези и грошп, и що було пры грошихъ, все побрано. О которыхъ кгвалтовныкахъ и забойцяхъ вже въ Новобогородычнимъ вчувъ я, що воны есть тутъ, въ полтавскимъ вязеню, зъ якыхъ запамяталыхъ людей прошу мылостей вашыхъ святои справедлывосты".

Козакъ Васько и его товарищи, делегаты Запорожья, заявили, что они съ своей стороны „попыраютъ (поддерживаютъ)

тую жъ справу", и именемъ кошевого и всего Войска Запорожскаго низового просили „скутечнои справедлывосты зъ тыхъ домови Божому кгвалтовныкивъ и душъ людскыхъ забойцивъ".

Слово еще разъ было предоставлено обвиняемымъ, не сообщатъ ли они еще чего-либо, касающагося совершеннаго ими преступленія, но отъ нихъ послѣдовала лишь слѣдующая „отповидь":

— Вже, панове, покилькокротне до того свого злого учынку прызнавалысьмося, такъ и теперъ тее жъ повидаемъ: я, Иванъ Петренко, вбывъ послушныка Хведора обухомъ, а я, Петро, черняця до смерты прыправывъ; а якъ въ той монастыръ Самарскій прыйшлысьмо, есть мылостямъ вашымъ достатечне видомо зъ прызнатя нашого".

Судъ нашелъ, что „вси слушныи доводы", т. е. уличающія обстоятельства, достаточно разъяснены, и приступилъ къ составленію декрета. Этому предшествовала „судовая порада" (совѣтъ), на которой „вси згодне одынъ къ другому склонывшыся", судьи „удалыся до кныгъ Статуту Литовского" и нашли въ раздѣлѣ одиннадцатомъ артикулъ третій „о кгвалтѣ церковъ Божіихъ набоженства христіянского", гласящій: „если бы хто, кгвалтовне на церковъ Божую найшовшы, кого забилъ, тотъ горло тратитъ". Это наказаніе показалось судьямъ недостаточно строгимъ для даннаго случая, и они остановились на 18 артикулѣ того же раздѣла: „хто кого молчкомъ потаемне ножемъ и якою иншою бронью на улицѣ, въ дому албо въ коморцѣ забьетъ, таковый срокгою карностю, четвертованьемъ зъ свѣта маетъ быти зглаженъ". Къ такой именно казни судьи и приго ворили Петренка и Винника.

Но въ это время отецъ Веніаминъ заявилъ домогательство, чтобы осужденные еще разъ были даны „на квестію": онъ не зналъ навѣрное, „чы много тыхъ всихъ грошей було въ скрыни у трапези", и хотѣлъ, чтобы это было ему выяснено. Судьи хотя и находили вторичную пытку излишней послѣ произнесенія декрета, и безъ того опредѣлившаго осужденнымъ очень „срокгую карность", но не захотѣли отказать „акторской сторонѣ"

въ ея домогательствѣ. Преступники были отведены въ тюрьму и тамъ снова подвергнуты „спытцѣ“ при помощи „сродзе роспаленого“ желѣза, въ присутствіи отца Веніамина, который, по принятому обычаю, обязанъ былъ лично задавать пытаемымъ вопросы. Отвѣты получились прежніе: „не бильшъ, тилько талярivъ сто (иначе 300 золотыхъ) було, тыхъ грошей, которымы въ ривный дилъ на Кильчени подилылысьмо. На той вже свитъ идемо, остатнюю повидаемъ правду“.

„По спытцѣ оной (заключаетъ протоколъ) тие кгвалтовники и забойци отъ мистровыхъ рукъ четвертованямъ зъ сего свѣта пойшли“. Протоколъ не упоминаетъ о мѣстѣ совершенія казни, но она обычно происходила на площади базарной, въ присутствіи толпы народа.

Отобранныя отъ преступниковъ деньги и вещи были отданы отцу Веніамину, „яко сторонѣ акторской“, съ тѣмъ, чтобы онъ то и другое „мѣсцу святому, до монастыра Самарского вернулъ“. При отдачѣ денегъ вышелъ немалый конфузъ: преступники и добровольно, и на пыткѣ твердили, что у нихъ было отобрано сто таляровъ, или триста золотыхъ, а въ наличности ихъ оказалось всего двѣсти золотыхъ и то еще „безъ пяти копъ“. Судьи объясняли этотъ недочетъ тѣмъ, „що тыи гроши черезъ розніе руки ишли“, при томъ же о. Веніаминъ и самъ навѣрное не зналъ, „чи много ихъ всѣхъ було, нѣмъ (пока) пану сотникови подано“. Впрочемъ, заключилъ судъ, это обстоятельство „на увазѣ панской (т. е. полковника) належати маетъ“.

---

2. Прыбыши.

Герои Самарской „трагедіи“ Петренко и Винникъ, какъ мы видѣли, принадлежали къ категоріи тѣхъ „неробочыхъ“ людей, или „гультяевъ“, которымъ тягостенъ былъ скромный повседневный трудъ пахаря или ремесленника; имъ все мерещилась легкая „добыча“, которая доставляла бы неизсякаемыя средства для беззаботной, разгульной жизни. Къ такому „добычничеству“

малороссъ XVII ст. легко могъ пріучиться самымъ ходомъ политическихъ событій на своей родинѣ: не говоря уже о запорожцахъ, постоянно предпринимавшихъ морскіе и сухопутные походы за добычей, стоитъ вспомнить безконечныя войны, долго не прекращавшіяся въ Малороссіи, когда козакъ возвращался съ похода, обремененный богатою добычею, и беззаботно пропивалъ талеры и дукаты и за безцѣнокъ сбывалъ дорогую утварь, платье и оружіе, увѣренный, что скоро предстоитъ новый походъ, и онъ снова легко добудетъ этого добра, сколько пожелаетъ. Когда войны сдѣлались рѣже, а походы въ чужія государства, какъ раньше въ Молдавію и Польшу, и вовсе прекратились, пріобрѣтенная долгими годами страсть къ добычничеству или спорадически проявлялась въ такихъ дикихъ взрывахъ, какъ массовые „рабунки" богатыхъ и значныхъ въ 1687 г., послѣ низложенія Самойловича, или же принимали хроническую форму „прыбыштва", т. е. разбоевъ. Любители легкой наживы, „прыбыши" соединялись въ небольшія шайки, укрывались въ лѣсахъ, при большихъ дорогахъ и рѣчныхъ переправахъ, и грабили и убивали проѣзжихъ. Почему-то преимущественно жертвами ихъ свирѣпства являлись „московскіе люди", торговцы и даже военные, приходившіе въ Малороссію съ своими воеводами. „Прыбыши" имѣли своихъ пристанодержателей, укрывателей и сбытчиковъ награбленной добычи. Для отвода глазъ они нерѣдко накупали рыбы или дегтя и пускались въ торговлю, въ прасольство или на другіе промыслы, но главнымъ, профессіональнымъ ихъ занятіемъ все-таки было воровство и разбой. Легко добывая деньги, они такъ же легкомысленно и растрачивали ихъ: на базарахъ, на ярмаркахъ водили за собою музыкантовъ, поили и угощали перваго встрѣчнаго и съ напускнымъ равнодушіемъ не берегли ни мало своихъ кармазиновыхъ жупановъ и цвѣтной обуви, чѣмъ нерѣдко и выдавали свое профессіональное занятіе. Казалось бы, что, при отсутствіи организованной полиціи, при безусловной свободѣ занятій и передвиженія населенія, при отсутствіи даже намека на что-нибудь въ родѣ паспортовъ, приписки къ обществу и другихъ мѣръ современнаго полицей-

скаго контроля, трудно, даже невозможно было властямъ успѣшно бороться съ этимъ ужаснымъ зломъ—разбоемъ; но, просматривая декреты тогдашнихъ малороссійскихъ судовъ, мы поражаемся сравнительною малочисленностью дѣлъ о разбояхъ и на каждомъ шагу находимъ доказательства, что власть отлично справлялась съ „прыбышами“ и, какъ говорится, держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Безъ сомнѣнія, этому отчасти должны были способствовать тѣ жестокія мѣры наказанія, какія тогда примѣнялись къ разбойникамъ, попадавшимъ въ руки правосудія: ихъ немилосердно вѣшали, а не то—отсѣкали по одной рукѣ и ногѣ или пятнали урѣзываніемъ носа, ушей, а при допросахъ жестокими пытками заставляли выдавать товарищей и соучастниковъ. Но лучшей и наиболѣе дѣйствительной гарантіей противъ чрезмѣрнаго размноженія разбоевъ, какъ и другихъ преступленій, служилъ живой, дѣятельный и неусыпный контроль самого общества надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и та полная, завидная и для нашего времени солидарность между обществомъ и властью, какая неизмѣнно проявлялась, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, въ дѣлѣ открытія и преслѣдованія преступниковъ. При малолюдности тогдашнихъ даже городскихъ поселеній, почти всѣ односельцы знали лично другъ друга, жизнь каждаго протекала у всѣхъ на виду, и не было возможности укрыться дурному поступку. Пословица же: „моя хата съ краю“, очевидно, сложилась впослѣдствіи, при другихъ общественныхъ и административныхъ порядкахъ; во всякомъ случаѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, она рѣшительно не примѣнялась въ жизни. Не только тотъ, кто непосредственно терпѣлъ отъ даннаго преступленія, но и всякій, кто о немъ вѣдалъ или могъ навести на его слѣдъ, не стѣснялся обращаться къ содѣйствію власти или даже возбуждать противъ виновнаго судебное преслѣдованіе. Простота и патріархальность тогдашней юстиціи, отсутствіе тонкихъ, недоступныхъ простому разумѣнію юридическихъ формальностей, благопріятствовали этому въ полной мѣрѣ. Никто не опасался столь страшной впослѣдствіи судебной волокиты, ибо таковой вовсе еще не было. Въ судебныхъ актахъ того времени можно указать

сотни дѣлъ по разнымъ уголовнымъ проступкамъ, возбужденныхъ совершенно посторонними, нимало отъ нихъ не потерпѣвшими лицами. Мало того, благодаря гласности и публичности тогдашняго суда, при самомъ разборѣ даннаго дѣла изъ среды присутствующей въ судѣ публики то и дѣло выступали частныя лица и безъ всякаго стѣсненія уличали подсудимыхъ, если тѣ показывали неправду, и нерѣдко при этомъ сообщали суду очень важныя свѣдѣнія по данному дѣлу. Вотъ чѣмъ была сильна и страшна для преступниковъ тогдашняя юстиція въ Малороссіи; вотъ почему ея малочисленная администрація, даже не имѣвшая въ своемъ составѣ спеціально полицейскихъ органовъ, съ успѣхомъ обуздывала и во время накрывала любителей легкой „добычи"! Поэтому и самые разбои въ то время были довольно мелки и не такъ ужъ часты. Такія крупныя фигуры на этомъ поприщѣ, какъ знаменитый Гаркуша, формировались въ другое время, при другихъ условіяхъ.

Нижеслѣдующій пересказъ одного судебнаго процесса „о розныхъ прыбыщахъ" долженъ послужить живою иллюстраціею къ сказанному.

Въ августѣ 1688 года нѣкто Прокопъ Столчанинъ, житель полтавскій, бывши въ Решетиловкѣ, обратилъ вниманіе мѣстной старшины на одного франтоватаго гуляку, который „марне копійками и иншымы гришмы шафуетъ и подъчасъ въ кали въ сапьяновыхъ чоботихъ въ грязи ходытъ", и предложилъ задержать этого молодца „на выводъ, що бы винъ мивъ буты?" Задержанный оказался Процыкомъ Стадниченкомъ, небезъизвѣстнымъ сотенной старшинѣ, такъ какъ онъ одно время проживалъ даже въ Решетиловкѣ, занимаясь шинкарствомъ, потомъ неизвѣстно куда исчезъ, оставивъ по себѣ довольно темную память, какъ человѣкъ „непевный". На вопросъ, чѣмъ онъ теперь промышляетъ и откуда добылъ тѣ значительныя деньги, которыми такъ „марне шафуетъ", Процыкъ не далъ удовлетворительнаго объясненія, и потому сотникъ рѣшилъ отправить его, какъ подозрительнаго

человѣка, въ Полтаву, гдѣ въ то время происходилъ большой розыскъ о пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ „прыбышахъ", авось и Процыкъ окажется изъ этой же компаніи. Тамъ дѣйствительно нашлись между арестантами его давніе знакомцы, признавшіе въ Процыкѣ своего стараго компаньона; но самъ онъ упорно отрицалъ это и ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться.

Насталъ день разбора этого дѣла въ полковомъ судѣ. Въ числѣ другихъ подсудимыхъ, призванъ былъ къ допросу Процыкъ; онъ и на судѣ продолжалъ отрицать свою виновность не только въ разбоѣ, но и въ какомъ бы то ни было преступленіи. Но въ это время изъ публики выступилъ „значный товарышъ" панъ Тимошъ Гаевскій и сказалъ:

— Панове! Я заразъ пизнавъ того неробочого, прыбыша Процыка. Хиба-жъ я—продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подсудимому—не видаю досконале о твоихъ нецнотахъ? Якъ бувъ я высланымъ (командированнымъ) одъ бувшого полковныка Семеновыча въ Новимъ-Санджарови, а ты самочвартъ съ прыбышамы въ купця Краснокуцкого орихы зъ воза выкралы-сте и и орихы тыи волоскіи михомъ носылы-сте въ Старый-Санджаривъ, продаючы чумакови, и того чумака, якъ злодія, за тыи орихы карано, и шкуру возовую поризалы-сте, явный злодію. Я жъ тебе хотивъ за те караты, а ты просывся и подыймовався добрымъ буты, и за упрошенямъ твоимъ давъ я тоби кобенякъ, убраня и шапку. И ты, нецното, зрадывъ мене: побравшы мою одежу, знову въ тимъ же есы прыбыстви. Де жъ ты, нецното, грошей тилько мивъ набраты? Ты явный злодій!

Процыкъ ничего не отвѣтилъ на эту обвинительную рѣчь пана Гаевскаго.

А тутъ поднялся полтавскій мѣщанинъ Марко Тесля, „зацная персона", и такъ „повидавъ:"

— Панове! Того запамяталого ризуна людского, прыбыша Процыка Стадныченка новосанджаривского зъ грихомъ вамъ ёго жывыты (оставлять въ живыхъ) для велыкыхъ шкодъ, яки винъ плодыть, по ризныхъ мисцяхъ, по рикахъ, въ лисахъ людей мордуючы. Отъ и прошлого року, пидъ часъ походу військового,

въ сторожив, въ пасици черпецькій, мнозство винъ съ прыбышамы людей руськыхъ[1]) поризалы, тилько копійкы и оружя доброе одбыраючы. А въ манастыру часто бувают зимою, бо зъ Паськомъ шынкаремъ товарыство міють. А якъ Процыкъ зъ вязеня полтавского втикъ, много винъ въ ровняхъ (въ степяхъ), въ рикахъ людей невынныхъ помучылы зъ Кыктемъ и зъ Чутомъ, которыи Кыкоть и Чуть и теперъ зъ прыбышамы самочвартъ въ стинци[2]) Билыцькій зостають, а сей Процыкъ, товарыш Кыктивъ и Чутивъ, для славы будто въ торговлю кынувся, шафуючы скарбомъ людскымъ, которого скарбу прыбыствомъ, людей невынныхъ рижучы, добулы. Увесь Подолъ нашъ, пидъ монастыремъ, доскопале о тимъ свидомъ. Той же Процыкъ уже тры разы въ мистра (палача) въ рукахъ бувавъ, а все зъ вязеня втикаетъ. Билшыхъ злостей Процыковыхъ не можно выповисты. Тое вамъ истотне повидаю. Знаетъ же Процыка и братъ Паськивъ ридный Самойло (одинъ изъ подсудимыхъ), бо воны зъ тымъ Самойломъ изъ вязеня полтавского втеклы, а напотимъ чоловика заризавшы, кони и возы побралы. Я жъ самъ и піймавъ сёго Процыка, злодія, зъ конемъ и зъ возомъ и зъ хомутомъ и давъ въ двиръ ёго мылосты панови полковныкови въ Полтави. А посли того знову воны въ ричкахъ, по розныхъ мисцяхъ, людей розбываючы, шкоды строилы".

Далѣе „обизвався" Левко Хлибенко, козакъ полтавскій, и обращаясь къ Процыку, такъ „мовилъ":

— „Азажъ (развѣ) ты, злодію, съ прыбышамы не приходывъ пидъ мою кимнату, хтячы кимнатное окно открутыты? А мене сторожъ дворовый остеригъ, такъ я выбигъ на мій двиръ, ажъ ты и твое товарыство, втикаючы черезъ перелазъ, одбиглы со-

---

[1]) Рѣчь идетъ о первомъ Голыцынскомъ походѣ въ Крымъ въ 1687 г. Монастырь разумѣется полтавскій. Любопытно, что великороссовъ и въ то время, какъ и нынѣ, именовали въ Малороссіи «руськими». И въ «протоколѣ» Стародубскаго магистрата 1690 г. великороссіяне именуются нерѣдко «людьми руськои породы».

[2]) *Стинка*—гора, поросшая лѣсомъ.

кырку, которая и теперъ пры менн зостаетъ, а тебе, злодію, піймавъ я въ тини мисячній пидъ кимнатою, и ты зъ рукъ моихъ втикъ. Оповищавъ я твою злость сусидомъ и прыятелемъ моимъ Иваномъ Красноперычомъ».

Наконецъ отозвалась нѣкая Палажка Кунтушивна и „доброволне сама на себе тое вызнала“:

— А що жъ, панове, якъ шынковала я въ пана Якова Перехрысты, добре ся знала съ прыбышамы, а зъ сымъ Процыкомъ прыбышомъ и дытыну соби прыплодыла, которое дытя и вмерло“.

Имѣя противъ себя цѣлый сонмъ свидѣтелей и уличителей, поколебался въ своемъ упорствѣ Процыкъ „неробочый“ и такъ „доброволне самъ на себе вызналъ“:

— А що жъ, панове, рикъ тому будетъ о святій Покрови, якъ я на ярмарку въ Нижыни вкравъ въ купця московского шисть сотъ золотыхъ и тыи гроши марне пошафовавъ, пустывшися до чумацтва, хтивъ горилкою шынковаты, и домъ купывъ бувъ соби у Решетыловци; а що ся грошенятъ зостало, позычывъ Савци Лытвынови Орлянскому [1]) копіёкъ десять золотыхъ, чехивъ симъ копъ, ножны на сафъяни пидъ сребромъ и зъ ланцушкомъ срибнымъ давъ Савци до спряту; але Савка о моихъ злостяхъ не видаетъ. До того купывъ я дёгтю пивторы бочкы и рыбы вялои пивъ-пяты головы, и еще въ Савкы моихъ тры михы борошна пшеничного и жытного михивъ два. Остатнюю вамъ правду повидаю, хочъ уже и на той свитъ пійду“.

Перешли къ другимъ обвиняемымъ. Стали допрашивать Самойла, пріятеля Процыка. Противъ него выступилъ обвинителемъ братъ его Пасько, говоря такъ:

— Панове! Маю певныи видомосты, що Самойло, рожоный братъ мій, съ прыбышамы туляючыся по розныхъ мисцяхъ, чыгаетъ (подстерегаетъ) прыправыты мене о смерть и всю домивку мою росшарпаты. Оповищавъ я тое непоеднократне

---

1) Т. е. жителю г. Орла, что нынѣ мѣст. Орликъ, кобелякцкаго уѣзда.

паномъ Иваномъ Красноперычомъ [1]) що на мое здоровъя рожоный братъ мій непріятельско наступуетъ. Въ день и въ ночи завжды зостаю въ осторожносты. А въ тимъ мене остеригъ Борысъ, такый же прыбышъ, товарышъ Самойливъ".

Самойло отрицалъ это, но противъ него „обозвался" одинъ изъ подсудимыхъ, тотъ самый Борисъ, на котораго ссылался Пасько:

— Чого ся, Самойло, таишь? А же ты вправди тую злость хтивъ надъ братомъ твоимъ пополныты! Я твій товарышъ, и съ тобою вкралысьмо коней трое на броду Буцкого, на Коломаку, и съ того броду прывелысьмо тыи кони на Рудное тры насъ".

Слѣдующіе три „злочынци", Нычыпоръ Мырошныкъ, Яковъ Шабатура и Павло „прыбышъ" „самы злость свою доброволне вызналы". Нычыпоръ за всѣхъ держалъ рѣчь:

— А що жъ, панове, бувъ и я пры товарыству, якъ матку Матвіеву мучено, допытуючыся сукна и грошей; я до тои злосты и прычынцею бувъ. А направляла насъ на тое Каська шынкарка: „теперъ, мовытъ, батька Матвіевого нема, пишовъ до Кыива, а самъ Матвій у війську,—тамъ теперъ добудетеся", и на еи повисть тую злость справылысьмо. Вправди, ничого-сьмо въ неи не пропылы".

По справкѣ оказалось, что двое изъ этой компаніи побывали уже въ „рукахъ мистровыхъ". У одного недоставало уха. Его спросили: гдѣ онъ уха „позбувся?" Онъ откровенно отвѣтилъ:

— Я вуха ливого позбувъ за московскіи кони.

Судьи признали, что виновность „тыхъ явныхъ збродневъ, розбойниковъ и прыбышевъ" вполнѣ доказана «и болшихъ доводовъ не потребуетъ", и „по радѣ товарыской вглянувши у право", постановили декретъ: „не допускаючы злымъ на свити жыты и запобигаючы тому, абы ся тая злость въ городи и по селахъ

---

[1]) Иванъ Красноперычъ былъ тогда атаманомъ городовымъ въ Полтавѣ.

не діяла", примѣнить къ подсудимымъ артикулъ Магдебургскаго права, гласящій: „по квестіи злодій маетъ быти обвѣшонъ".

Когда осужденныхъ подвергли пыткѣ (черезъ троекратное приложеніе „сродзе роспаленого" желѣза), они стали выдавать своихъ пристанодержателей и укрывателей добычи. Процыкъ „волалъ: у отця мого есть дви бляси срибра и глекъ грошей, подилылысьмося зъ нымъ; въ Кобеляци, въ Мыколая Мирного жупанъ фалендышовый и бочка борошна; зъ Афанасіемъ чернцемъ въ Коломаку зховалысьмо пидъ коморнымъ помостомъ, по правимъ боку отъ пекарни, саблю пидъ срибромъ янычарскую. въ Яська Бабенченка шабля пидъ ящуромъ. Хочъ и па той свитъ пійду, останю вамъ правду повидаю".

Нѣкоторые изъ осужденныхъ подъ пыткой старались очистить тѣхъ, кого они напрасно раньше оговаривали: „Дмытро Кузубенко („волали" они) зацный чоловикъ: винъ того злого дила ничого не видаетъ, дармо на нёго безчестя наволоклы булы, а теперъ ёго не хочемъ дармо калягы".

Когда, послѣ пытки, осужденныхъ стали вести уже на висѣлицу, судъ двумъ изъ нихъ уменьшилъ кару: вмѣсто шибеницы, велѣлъ «тымъ розбойныкомъ кождому по одной руцѣ и по нозѣ втяты (отсѣчь), абы ся тая злость не множыла».

Сомнительно, чтобы они были особенно рады такой милости.

Изъ этого пересказа можно убѣдиться, какъ мелки и незначительны были разбои въ то время. Какой-нибудь Процыкъ Стадниченко, въ сущности, является едва-ли не самою крупною фигурою въ ряду тогдашнихъ „прыбышевъ". Но вотъ передъ нами судебный декретъ о пяти „прыбышахъ", приговоренныхъ въ 1700 г. къ четвертвованію. Судя по крайней строгости кары, можно бы думать, что ей подверглись какіе-нибудь страшные кровопійцы; а между тѣмъ ихъ преступленія состояли вотъ въ чемъ. Трое изъ нихъ забрались на пасѣку, на Коломакѣ, и стали мучить раскаленнымъ заступомъ старика-пасѣчника, допытываясь денегъ. Пасѣчникъ немедленно указалъ имъ все, что имѣлъ цѣннаго, и

разбойники взяли у него 70 золотыхъ, двѣ „ручницы“, нѣсколько круговъ воску, сермягу и ушли, оставивъ его въ живыхъ. Въ другой разъ они же забрались ночью въ хуторъ полтавскаго козака Стецька Сергіечка, о которомъ „чувалы, що у нёго грошей много“. Его также подвергли пыткѣ, но сколько ни „пеклы“, онъ твердилъ одно: „мои гроши по людяхъ: люде моимы грішмы орудують“. Такъ ничего и не добились, хотя замучили его на смерть, а уходя, взяли воловью шкуру и порѣзали себѣ на „постолы“. Судъ нашелъ это преступленіе неслыханнымъ и такъ мотивировалъ свой суровый приговоръ: „Поневажъ воны, не памятаючы на Господа Бога, на право посполитое и на карность срокгую, и не маючы литосты (жалости) надъ чоловикомъ невынным, безъ увагы оного мордовалы и до смерты спеклы, не мають ныни и самы у суду мылосердія миты“,—и приговорилъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Лишь одного изъ нихъ судъ помиловалъ въ послѣднюю минуту и то снисходя „на плачливую прозьбу честнои госпожи игуменіи монастыра дивочого полтавского“, почему-то принявшей въ немъ близкое участіе.

Преступленіе двухъ другихъ прыбышовъ, приговоренныхъ къ тому же ужасному наказанію, было совсѣмъ уже обыкновеннымъ. Ѣхали они зачѣмъ-то въ Чигринъ-Дуброву и остановились ночевать въ чужомъ пустомъ хуторѣ. На свою бѣду, туда же заѣхалъ для ночлега проѣзжій человѣкъ. Они его соннаго застрѣлили изъ ружья, сняли съ него жупанъ „тузинковый“ (недорогого сукна), кожухъ, шаблю, взяли коня съ сѣдломъ, немного денегъ, а тѣло убитаго, „за хоромамы положывшы, очеретовымы двермы накрылы“.

---

3. Нетяги.

Осенью 1699 года въ Велико-Будищской сотнѣ участились случаи кражъ и грабежей. Ни убійствъ, ни крупнаго разбоя еще не было, но только и слышно было—тамъ остановили въ лѣсу и ограбили проѣзжаго, тамъ обокрали комору, а тамъ за-

брались въ уединенный хуторъ и унесли съѣстные запасы. Всѣ говорили, что это пошаливаютъ не настоящіе „прыбыши", а голодные „нетяги". Такъ назывались бездомные бродяги, которые обыкновенно нанимались въ чернорабочіе, а потерявши службу, не знали чѣмъ жить и кормиться, уходили въ лѣса, искали товарищей и начинали промышлять на дорогахъ и въ чужихъ амбарахъ. На крупный разбой „нетяги" обыкновенно не отваживались, но если во главѣ шайки становился опытный и смѣлый „ватажокъ", то подъ его руководствомъ нетяги быстро могли переродиться въ настоящихъ „прыбышей".

Въ концѣ октября мѣстному сотнику удалось накрыть шайку „нетягъ" въ хуторѣ Будищскаго женскаго монастыря, и гдѣ-же? въ „господѣ" атамана, гдѣ у нихъ была „складка" добычи. Шайка состояла изъ шести человѣкъ, но поймано было только трое, а остальные вмѣстѣ съ „ватажкомъ" ускользнули. Изъ имущества была захвачена лишь лошадь, „ручныця" и кожухъ, принадлежавшіе „ватажку".

Пойманныхъ „нетягъ" препроводили въ Полтаву и предали полковому суду. Здѣсь выступила противъ нихъ и „акторская", или „укривжоная сторона". Нѣкій Панасъ, коваль изъ с. Петровки, жаловался, что ему отъ тѣхъ нетягъ „вчынывся погромъ на шляху доброволномъ Будянскомъ": его обобрали дочиста и сняли съ чересомъ золотыхъ сорокъ „и въ капшуци" на шеѣ золотыхъ „полсема" ($6^1/_2$). Козакъ Хведоръ Шаравка, изъ с. Рыбцовъ, „скаржывся о выкраденю зъ коморы всеи зложенои худобы". Велебный отецъ игуменъ Полтавскаго монастыря прислалъ двухъ законниковъ „зъ скаргою, що въ хутори ихъ, на Говтви, одъ тыхъ нетягъ многіи пакости почынылыся въ худоби, и що тамъ було для роботникивъ солоныны, сала и пшона, все забрано, и еще на законныка, будучого тамъ на послушаніи, засидаютъ, хотятъ ёго вбыты".

Выслушавъ эти жалобы, судъ подвергъ подсудимыхъ допросу, и первому изъ нихъ, Хведору Василенку, былъ предложенъ вопросъ:

— Зъ якого ты города и якее есть дило твое и жытіе?

И тотъ „безъ жадного прымусу и страху и караня“ показалъ:

— Я зъ Багачкы. Сёго лита до черныць прыставъ: казалы мени, що по Дымытріи (26 октября) будешъ овець пасты, ажъ стало такъ, що овець не дано пасты. Тоди я, зъ нетягамы знайшовшыся, добувалыся на шляху, и сёго коваля потрусылы и щось грошей въ нёго въ каншуци було—подилылыся и иншыи ричи зъ воза и зъ нёго позабыралы; а о тыхъ грошихъ, якіи, онъ говорытъ, булы въ череси, не знаю. А потимъ и другого чоловика на тій же дорози, йихавъ зъ крейдою, розгромылы и борошна чотыри михы взялы, а ёго самого пустылы. Поты моеи повисты“.

По той „испытци“ спрошенъ былъ о томъ же другой „нетяга Васыль“, безъ прозвища, давшій такое показаніе:

— Родомъ я зъ Харькова. До Будыщъ прыйшовъ того року, якъ саранча ишла [1]), а жытіе мое таке: въ людей служывъ, а теперъ, недавно, знявшыся зъ нетягамы, тому маетъ буты недилъ дви, якъ пробуваемо въ лиси, и то шышуючы (sic), знайшовъ на шляху якогось Максыма зъ Тахтавулова, зъ возомъ драбынчастымъ и зъ конемъ рыжымъ, а въ вози було уздъ чотыри и хомутъ зайвый и дижечка лыповая зъ вичкомъ зъ водою, и тамъ той Максымъ на дорози безпечне огонь роскладавъ, которого я запытавъ: „Чому ты тутъ на шкодлывимъ мистци ставъ? Десь ты не маешъ буты певный, бо добрый бы чоловикъ не стававъ тутъ“. И винъ мени одказавъ такъ: „Бачышъ, пане брате, якый я? Такый-же якъ и ты нетяга. Мене Иванъ Черняченко, сотныкъ полтавскій, у вязеню килько недиль державъ и бывъ, и я ледва выкрутывся одъ нёго. Уже мени у Полтаву и въ Тахтавуливъ невыдно, бо зловлятъ и вже не видаю, якъ попаду, чы й выйду знову видтиль. Отъ уже буду зъ нетягамы пробувàты, бо и теперъ я въ попа якогось яблукъ накравъ и то возывъ въ Рублывку и въ Будыща про-

---

[1]) Т. въ 1690 году.

даваты". И ставъ раиты мени, щобъ я зъ товарыствомъ своимъ прыйшовъ до ёго на шляхъ, „бо я, мовытъ, йидучы зъ города, глядивъ, хто будетъ за мною йихаты: матымемъ добычу добрую". Я, послухавшы его, пишовъ и прывивъ зъ собою чотырохъ чоловикъ нетягъ: сыхъ двохъ, що тутъ ніймани, и другыхъ двохъ, що повтикалы зъ тымъ ватажкомъ Максымомъ,—я и йменя ихъ не знаю, бо не казалы свого йменя; и не забарывшысь, того жъ часу сёго коваля за ёго (Максымовымъ) прыводомъ погромылы и другого затымъ, у которого борошна чотыри михы взялы; тилько жъ до грошей, що, мовытъ коваль, въ череси малы буты, не знаю и не бачывъ. И до сей шкоды, що чернци жалуются, я прызнаюся: мы взялы въ ихъ хутори сало, полоть солоныны и сорочку чорную, въ якую сорочку пшоно завязалы,—було изъ пидсытокъ, и тее все въ схованю остается у атамана чернычого въ Будыщахъ, у погреби, а о ыншыхъ речахъ не знаю. Воля, панове, ваша зо мною, куды хотиты повернуты".

Третій нетяга, Васыль Кгрудзыченко сдѣлалъ такое „прызнатя":

— Я зъ Будыщъ, у чернычого плуга всю осинь погонывъ, и одставшы одъ плуга, прыставъ до сыхъ же гултяивъ тако-жъ недавно, передъ Дмытріемъ. Я, панове, безъ быття прызнаюся вамъ по правди, що того ватажка Тахтавуливского мы вси слухалы и за ёго прыводомъ у вечиръ, на Дмытрія святого, сёго коваля розбылы, и що въ ёго було на вози и на нюмъ, побралы, объ чимъ вси знаютъ, о всихъ речахъ, де що подилося, тилко тыхъ грошей, яки на ковалеви булы, воны не знаютъ, бо я самъ зъ нёго, якъ шарпалы одежу, ухватывъ чересъ зъ гришмы и тамъ свою пайку и тую, що зъ капшука подилылыся, укынувъ и закопавъ потай товарыства пидъ пня, недалеко одъ монастыря. Я ти гроши изнайду, колы извелыте туда мене повесты,—вси цили; та и казанокъ ёго жъ покынувъ въ келарни. По тій шкоди другого чоловика шарпалы, и я прытомнымъ бувъ, въ которого борошно отнялы, а бильше не видаю. Надъ сымъ насъ поймано трохъ, а тры зъ того погрому

втеклы. А того нашого ватажка кинь въ сотныка Будыського и ручныця, а кожухъ у асаула; а складка наша у атамана маетности чернычои. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ „таковыхъ неробочыхъ людей" виновными въ кражѣ и разбоѣ и, принимая мѣры къ тому, „абы такіи злости не шырылыся межи народомъ хрыстіянскымъ", рѣшилъ покарать ихъ по заслугѣ. „А вглянувшы въ „Порядокъ" права Магдебурского, который вказуетъ на лысти 221 за таковую роботу плату такымъ подобенствомъ: „зрайцу, розбойныка, лупежцу (грабителя) въ коло вплесты" (колесовать),—судьи признали такую кару слишкомъ суровой и предпочли мѣру наказанія, предписанную въ Литовскомъ Статутѣ: „злодій, приведеный зъ лыцемъ и правомъ перековаемъ, по квестіи маетъ быти повѣшенъ". Но и эту кару примѣнили не ко всѣмъ осужденнымъ: Васыля Кгрудзыченка, „который свою добычъ до рукъ господареви тому, въ кого розбылы, отдавъ" судьи „пустили на покаяніе"; „а тыхъ двохъ, по квестіи (пыткѣ), велено на шыбеныцю выдаты, поручаючы ихъ души судови Божому".

---

4. „Злодійская складка".

Въ концѣ 1690 года въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, у бѣдной вдовы пономарки Гапки Яцыхи, „злодіи" обокрали комору и забрали все ея достояніе. Виновныхъ не удалось открыть, и дѣло грозило кануть въ вѣчность; но вскорости послѣ того въ с. Супруновкѣ былъ пойманъ на кражѣ чужихъ овецъ Климъ овчаръ, у котораго при обыскѣ оказалась плахта, похищенная въ числѣ другого имущества у Гапки пономарки. Естественно, его заподозрили и въ этой кражѣ, но онъ упорно отрицалъ свое участіе въ ней, хотя не скрывалъ, что ему вѣдомо, кто обокралъ Гапку: по его словамъ, это было дѣломъ рукъ воровской компаніи, состоявшей изъ членовъ семьи вдовы-козачки Марьи Педорчыхи: ея сына Харька, зятя Йосыпа Хведченка, и нѣкоего Гаврыла овчара, незадолго передъ тѣмъ повѣшеннаго за овцекрадство; у

этого Гаврыла Климъ и купилъ будто-бы пономарчину плахту. Тамъ, въ сельцѣ Хведоркахъ (близъ Мачохъ), на пасѣкѣ Марьи Педорчыхи, была „злодійская складка“ и тайное убѣжище „прыбышивъ“, съ которыми ея сынъ и зять вмѣстѣ ходили на добычу.

По этому оговору позваны были въ полковой судъ Марья Педорчыха и ея сынъ Харько (зять не былъ разысканъ) и подвергнуты допросу. Оба они отрицали оговоръ, а Климъ такъ уличалъ ихъ:

— Чого ся, Хведорчыхо, таишъ? Доскопале о тимъ видаешъ, що я тоби очне повидаю, що въ пасици вашій сынъ твій Харько, міючы складку злодійскую, передержовавъ прыбышивъ. Южъ того не можешъ ся втаиты!

На это Педорчыха „жаднои одповиди не дала, тилько таилася, що яко-бы о тимъ не видаетъ“. А неугомонный „Клымъ неробочій подруге и потретье Педорчыси очне мовывъ:“

— Хиба жъ то неправда, Педорчыхо, що зять твій въ твоихъ же добрахъ добычъ злодійскую и самыхъ прыбышивъ передержувавъ, о чимъ есы добре видала, бо зъ твого дому й исты имъ ношено.

Но Педорчыха твердила одно:

— Не знаю о тимъ ничого, не видаю.

Тогда Климъ принялся за ея сына.

— Запамяталый Харьку, чого ся таишъ? Передержувавъ ты въ пасици своій прыбышивъ и вси складкы злодійскіи, о чимъ и матка твоя видаетъ. Хочъ на той свитъ пиду, остатнюю вамъ правду повидаю.

Если бы Марья Педорчиха впрямь сознавала себя невинно оклеветанною, то она, „зносячы зъ себе потваръ“, должна была бы положить на столъ шостакъ—плату палачу—и потребовать, чтобы Климъ, какъ явный „злодій“, не заслуживающій никакого довѣрія, немедленно подвергнутъ былъ пыткѣ и на дыбѣ повторилъ клеветническія рѣчи. Но Педорчиха этого не сдѣлала. Тогда судъ, по собственной иниціативѣ, велѣлъ Клима „на квестію даты“, желая допытаться, „якъ власне (какъ именно) тыхъ покраденыхъ ричей лыце—плахта ёму до рукъ досталася“. По-

званъ былъ палачъ и началъ связывать Климу руки, чтобы вести его на пытку. Тутъ Климъ сталъ „волаты, мовячы:“

— Що хочете зо мною, панове, чините, а я вамъ одно повидаю, що Харько, Педорчышынъ сынъ, Йосыпъ Хведченко, зять Педорчышынъ, и Гаврыло вивчаръ, которого за Будыськи вивци обвишено,—а мене тоди зъ вязеня пущено и горломъ даровано,—тіи до паламаркы выкрадаты комору ходылы. О тимъ я видаю добре, бо колы я, купуючы у Гаврыла тую плахту за висимъ шагивъ, пытавъ ёго, де вона есть добута, тоди мени Гаврыло вивчаръ казавъ: „выкралысьмо, прави, въ Гапкы паламаркы комору тры насъ: я, Харько Педорчышынъ сынъ и Юсыпъ Хведченко. Самую вамъ правду, панове, повидаю, хочъ и на той свитъ пійду, бильше мя не пытайте!

Судьи велѣли записать Климово „прызнатя“, а его самого, „яко прылычного злодія“, все-таки приказали „на пробу попровадыты“, Педорчиха же и ея сынъ, какъ лица оговоренныя Климомъ, должны были присутствовать при его истязаніи, чтобы онъ и на пыткѣ могъ имъ „очне“ (въ глаза) повторить оговоръ или же отречься отъ него. Тутъ Марья Педорчыха, какъ видно, очень нервная женщина, не выдержала роли и взволнованно заговорила:

— Не хочу я, панове, того, абы Клымъ бувъ мученъ: есть у мене чымъ покрадены ричи съ худобы нагородыты Гапци паламарци. Якъ першъ просыла-мъ, щобъ той злодій Клымъ не бувъ на муку выданый, такъ и теперъ о тое прошу, и не хочу за нымъ туды иты, де винъ буде мученъ. А що-сьмо зъ сыномъ проступылы, повынна я тое съ худобы своеи одбуваты, и що въ хутори нашому прыбышивъ передержувалы-сьмо съ крадеными ричамы—не таюся я: есть то самая правда, съ которымы прыбышамы сынъ мій Харько и Юсыпъ, зять, хожовалы красты въ людей ризныхъ ричей.

Послѣ такого откровеннаго признанія судъ не сталъ продолжать слѣдствія и прямо приступилъ къ составленію приговора. Судьи признали „явное проступство Марьи Педорчыхы, що вона, видомость міючы о злодіяхъ, у своимъ хутори жыю-

чыхъ, не тилько щобъ могла объ оныхъ урядови даты знаты, але ще зъ дому еи, якъ прызнаетъ Клымъ, йисты имъ ношено, и сына своего Харька одъ тои крадижи не завстягала" (удерживала). Поэтому Харько, обокравшій вмѣстѣ съ другими „комору" Гапки пономарки, согласно Статуту (разд. XIV, арт. 14), „годенъ есть обвишенъ буты на шыбеныци"; но судъ, „на молодыи лита ёго респектъ міючы", даровалъ его „горломъ и назначенямъ члонковъ", обязавъ однако его съ матерью „за такъ значное проступство" уплатить „вину панскую и врядовую" и потерпѣвшую отъ его воровства Гапку пономарку „слушне нагородити и во всемъ успокоити". Клима же овчара, какъ „приличного злодія", судъ велѣлъ „одризанямъ носа скаравшы, зъ миста посторонкамы (веревками) выбыты"

Мѣсяцъ спустя въ тотъ же полковой судъ явилась Гапка Яцыха, пономарька, и заявила:

— Мила я, панове, значныи шкоды въ выкраденю худобы моеи и вывидалася по самій слушносты, що Харько Педорченко тоею жъ крадежею бавывся; за тое мя Марья Педорчыха передъ людьмы зацнымы, тамъ же, на сели Мачухахъ, угодыла и во всемъ перепросыла и поеднала, давшы мени готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ, о чимъ и атестацію передъ мылостямы вашымы презентую.

А Марья Педорчиха къ этому прибавила:

— Такъ есть, панове: угодыла я на всимъ Яцыху паламарку за проступство сына мого Харька, що мылостямъ вашымъ нехай видомо буде, ижъ бысьмо (чтобы мы) въ симъ заводи правнимъ бильше не турбовалыся".

Судъ велѣлъ прочесть „еднальный листъ", составленный сторонами передъ Мачошскимъ атаманомъ, священниками и др. „зацными людьми". Тамъ было оговорено между прочимъ, что Яцыха пономарька впредь „не буде турбоваты Марушкы Педорчыхы" и ея сына Харька, „а оная Педорчыха не буде жадныхъ похвалокъ и посвару зъ Гапкою паламаркою чыныты", а если одна изъ сторонъ вздумаетъ „заводъ сей правный взновляты,

должна будетъ за то на урядъ городовый полтавскій заплатить „заруку" десять таляровъ.

Полковой судъ, съ своей стороны, наказалъ сторонамъ строго соблюдать условія мировой, а ихъ заявленія объ „угодѣ" и „листъ едналыный" велѣлъ внести въ актовую книгу. Но впослѣдствіи эта запись въ книгѣ была зачеркнута, въ объясненіе чего писарь сдѣлалъ приписку: „Сия справа затерта есть по указу его мылосты пана Захарыя Шийкевича, зосланого отъ е. м. вельможного пана гетмана у Полтаву для ферованя (рѣшенія) розныхъ справъ на тотъ часъ прилучающихся". Очевидно, генеральный писарь, посылавшійся въ полковые суды для ревизій, призналъ мировую сдѣлку Педорчихи съ Ганкой противозаконной. Сопровождалось ли это привлеченіемъ Харька къ уголовной отвѣтственности за кражу—не знаемъ. Извѣстно только, что этотъ Харько, какъ и его младшій братъ Семенъ, и впослѣдствіи ловился на кражахъ, но корыстолюбивый полковникъ Иванъ Искра обыкновенно „даровалъ ихъ карностью", получая всякій разъ въ „вѣчную посессію", въ видѣ „вины" или „за доброволынымъ пущеньемъ", то лѣсокъ, то грунтикъ, то иное угодье изъ числа ихъ „отцевскихъ добръ".

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДОЛЯ.

(Риздвяне оповидання).

Гей! а хто тамъ каже: „доли немае“? Хто каже: „доля—выгадкы“?... Ты, Охриме? Та й чудный-же ты чоловикъ! Якъ-то „доли немае“? Якъ-то „доля—выгадкы?..“ Поспытайся краще мене, колы хочешъ дизнатыся правды. Люде чы бачылы, чы ни, а я не разъ бачывъ іи своимы очыма, добре знаю, яка вона зъ себе и на зристъ, и на масть, яка въ неи вдача, де вона и пробувае. Не вирыте? Я доли не бачывъ? Овва! Та я іи на рукахъ, якъ свою ридну дытыну, носывъ, пидъ одніею оселею жывъ, на своёму вози возывъ. А! та й неймовирный-же народъ! То-бъ-то я брешу? Горилкою очи залыло? Эге-жъ, горилкою! Отакъ и Хивря каже: „горилкою“, а спробуйте лышень выпыть барыло горилкы, чы побачыте долю? Ось спробуйте! Песыголовци, мыши червони, пивни безголови, сыройиды оти...—наше мисце свято!—ажъ кышитымуть передъ очыма: й по подушкахъ, и по стинкахъ, и по сорочци плыгатымуть, а доля... доля й пальцемъ не кывне, й не навернется, бо не такого вона заводу,—онъ що!

Та й те подуматы: ну, якый зъ мене пьяныця? Чарку-дви иноди и выпью по трудахъ, та й то бильше черезъ клопоты, бо того клопоту собачого не збудешся, не перебудешъ до-вику... Ось, скажемо, шкапына... дарма, що 12 карбованцивъ

коштуе—жыва товарюка, йисты хоче. Треба якось розкынуты головою, прыбырать ума, якъ іи содержуваты, чымъ прогодуваты. Або диткы! Дочка пишла десь замижъ у чуже село, до чужыхъ людей, Хведиръ—у москаляхъ, Андрій—у наймахъ, Степанъ—разъ-у-разъ дома на роботи—хиба-жъ то все легко зносыты батькови! Ось и теперъ: йидемо, гомонымо, а на серци наче та гадюка вьется, въ голови—гуде, нудно, досадно, а все черезъ ти клопоты. Выпывъ-бъ зъ горя осьмыну, выпывъ-бы ажъ-ажъ,—та не дала проклятуща баба и шага! повирыте? Скрыню, гаспыдська, замкнула.—Отъ горе!—Ага! Вы такы изнову про долю? Зацикавылыся небись? Одже, якъ не чвертка, то й не розскажу. Вамъ по пьятаку зъ кышени вытягты, а мени може легше було-бъ на гору каминь котыты, нижъ згадуваты про ту долю. Здатни на чвертку? Гараздъ! Хай кони идуть тюпкы—не на весилля поспишаемося; попокыдаемо ще тыхъ лантухивъ за свій викъ! Охриме! годи-бо сирныкы нивечыты—беры ось кресало. Запалюй люльку и ты, Степане, щобъ дома не журылыся! Андрію, сидай и ты на визъ!.. Слухайте-жъ теперъ, братця, якъ я вперше ту долю побачывъ!

Кажуть люде, що іи проты нового року можна побачыты—воно такы й правда. [1]) Разъ якось на Меланкы трапылася намъ добра хура—повезлы мы ячминь до вокзалу. Прыйихалы туды зарани; гадалы за сонцяи до-дому повернутыся, адже покы скынулы лантухы, покы росплатывся хазяинъ, стало намеркаты. Пидвечерялы, де-хто може й выпывъ яку осьмыну (заведено—зима!),—рушылы до-дому.

Выйихавъ и я у-слидъ за валкою. Йихавъ я, йихавъ та й заснувъ якось ненарокомъ. Прокынувся—стоить коняка моя надъ якымсь проваллямъ, а навколо ни души, ни лялечкы... ривный билый степъ—та й годи. Сумно, наче ажъ якось моторошно мени. Звивъ я очи до неба, а тамъ мисяць ясный та повновыдый до когось моргае та усмихается.

---

[1]) Долю можна побачыты передъ Риздвомъ, передъ Водохрыщамы, на Меланкы и у четвергъ на страстнимъ тыжни.

„Эге!“—подумавъ я соби,—„це винъ до мене такъ: зрадивъ-бо, що не самотній середъ степу, та хоче, сердешный, до мене забалакать“. Скынувъ я шапку, усмихнувся прыязненько, але-жъ тилько що хотивъ бувъ проказать: „здоровъ бувъ, мисяцю-брате“, а щось: „хи—хи—хи“ биля самыхъ саней. Обернувся, глянувъ—та й охоловъ: не дали, якъ оце ты, Охриме, видъ мене, бижыть та пидстрыбуе на одній нижци дивча якесь. Легенька сорочына иззаду розидрана видъ комира ажъ до самыхъ пьятъ, збоку телипается клапоть, ноженята по кисточкы у снигу... Стрыба вона, рученькою мотузокъ якыйсь колесомъ крутыть, а мисяць своимъ проминнямъ іи ажъ наскризь пронызуе, наче черезъ той крышталь просвичуе. Злякався я спершу, братця, злякався—ниде правды диты, хотивъ мерщій на сани сидаты та безвисти тикаты, а дали роздумався: отака негидь, холодъ та снигъ, а воно, нещасне, босонижъ стрыбае.

— Гей,—кажу ій—сидай, дочко, на сани—довезу до-дому.

А вона мени тонисенько такъ, та ще зъ прыдавцемъ:

— Не хочу.

— Чому-жъ то такъ, що не хочешъ?

— Ты мене не слухатымешъ.

— Ахъ, ты-жъ, кошеня,—кажу,—хто-жъ бы тебе, задрипанко, слухавъ?

— Давыдъ Мойсеевычъ, Авраамъ Дувыдовычъ мене слухалы.

— Такъ ты жыдивка, чы що?

— Мене и Памхвылъ Тимохвіевычъ и Никыхворъ Семеновычъ слухалы...—та й пострыбала дали...

— Що-жъ ты таке?—гукнувъ я ій навздогинъ.

— Доля!—донисъ мени витеръ.

— Эге!—думаю соби,—колы ты справди доля, то не втечешъ моихъ рукъ; за тобою давно побываюся, тебе звидусиль выглядаю, на тебе всю надію покладаю—не втечешъ видъ мене!

Стёбнувъ коня разъ, вдруге—догнавъ іи якось.

— Гей-бо!—кажу,—доленько, не тикай, не стрыбай по снигу—ниженькы потрудышъ, сидай-бо на визъ!

Вона не хоче.

Стрыбнувъ я зъ саней, ухопывъ за сорочыну:

— Не пущу,—кажу,—докы не скажешъ, куды бижышъ, чому до мене не хочешъ?

Сипнула вона разъ, вдруге свое дрантя, бачыть—не іи сыла.

— Мисця, каже, шукаты.

— Такъ ты наймычка?

Вона—у-смихъ:

— Наймычка! Ачъ, що выгадавъ! *Воны* мои наймыты. Я *имъ* плачу.

— Хто жъ-то *воны*? Кому ты платыла, де пробувала?..

— Давыду Моисеевычу, Памхвылу Тымохвіевычу, але воны теперъ померлы!

— Огь и гараздъ!—кажу.—Вична имъ памьять, земля перомъ!.. Иды теперъ до мене, платы мени.

— Не хочу.

— Чому?

— Ты такый самый, якъ и швець.

— Якый швець?

— Той, що сорочку порвавъ.

— Хто-жъ жъ винъ такый?

— Крывый Хведиръ.

— Знаю я того шевця—добрячи чоботы шые. Не пручайся—однаково не пущу, докы не скажешъ, за вищо тоби Хведиръ сорочку розидравъ?

— „За папирчани пидошвы“—каже.

— За яки пидошвы?

— Кажу: за папирчани!—зъ серцемъ видказала вона мени та й сипнула сорочку зъ моихъ рукъ.

Я не пустывъ.

— Не пущу,—кажу,—докы до дила не розскажешъ про пидошвы!

Не хотилося ій розсказуваты—страхъ якъ не хотилося, та шкода мабудь сорочыны стало: нахмурыла бровенята та й каже:

— Забигла я до Хведора, а винъ саме до чобитъ пидошвы прыбывае. Сила я поручъ зъ нымъ, та й кажу стыхенька: „пры-

бый краще пидошвы зъ товстого паперу: Тымохвій Тымохвіевычъ на такыхъ пидошвахъ дви крамныци збудувавъ",—а винъ мене за комиръ та на двиръ...

— Отъ дурный, отой Хведиръ—кажу—колы-бъ це мени...

Але вона вже и зныкла, наче кризь землю провалылася, мовъ парою розійшлася. Охъ! и досадно-жъ мени стало. Де-жъ: держаты долю у рукахъ та упустыты!

Втретте стёбнувъ по коняци—потаскавъ винъ мене, ажъ духъ мени зайняло, ажъ серце нимíе, а винъ все таска... Летымо мы, якъ той витеръ, а навколо по всёму степу щедривка лунае: „у Юрусалыми рано задзвонылы"—спивають у одному, „у пана Даныла та на ёго двори"—щедруе челядь у другому. А кинь одно несе мене, несе и на хвылыну не спыняется. Перескочылы мы черезъ яръ якыйсь, помынулы лисъ, пробиглы скилькись гонивъ по самому лёду—та й ставъ мій кинь, якъ вкопаный, передъ чіеюсь хатыною.

Злизъ я зъ саней, глянувъ... Боже мій! Та це-жъ я биля Максымовои хаты. Якымы шляхамы таскавъ мене кинь, зъ якого боку пидйихалы мы до сіеи хаты, хочъ вбыйте, не скажу. Де воно той яръ, той лисъ, та ричка взялася—и доси не зрозумію.

Злизъ я зъ саней, зазырнувъ у виконце—тамъ саме Меланка гуляе: музыкы грають, дидъ-машкара штукы преставляе, москаль та Меланка тропака выбывають.

— Слава тоби, Господы!—добывся, думаю, до знакомого чоловика, хочъ у чужій хати зазнаю свято. Та отъ горе, братця: дверей не знайду. Кругляю биля хаты, мацаю, мацаю по стинкахъ, облапавъ всю хату видъ самои стрихы ажъ до землинема ниде дверей,—хочъ у верхъ стрыбай. Надійшовъ я до виконця,—стукнувъ разъ—не чують; вдруге—не чують (заведено: гоминъ, спивы, та танкы!). Ухопывъ я тодиципокъ. Ну, вже, думаю, хочъ скло выгачу, та такы подамъ про себе звистку!

Ухопывъ ципокъ, нацилывся—не влучывъ, знову нацилывся—не попавъ. Бый тебе сылаБожа! Що воно за знакъ?

Колы це видчыняются двери—Меланка зъ хаты йде. Угледивъ я двери—та туды. Шкода́—зъ мисця не зійду: держыть

мене щось за плечи, не пускае. Обернувся я—„вона"; за кожухъ иззаду учепылася—ніякъ не одирву.

— Пусты-бо!—ставъ я іи прохаты.

— То й пущу—каже, а сама мерщій у хату...

Изнову такы не бачу дверей. Зрозумивъ я, чого це мене обмарюе: вона не хоче мене до Максыма впустыть.

— То вже,—кажу—брешешь! Ты розумна, а я старишый: не обдурышъ мене. Хочъ отутъ и одубну, а дизнаюся, яки въ тебе намиры, яки думкы.

Ставъ надъ виконцемъ, дывлюся—сыдыть Максымъ самъ,—жинкы не выдко,—на колинкахъ старшенького хлопчыка держыть. Трое меньченькыхъ на полу пидъ ряденцемъ сплять, а „вона" прытаилася за кочергамы й не ворухнется.

— Чы вы-жъ, тату, купыте на ярмарку бычкивъ?—пытается сынокъ.

— Не куплю,—каже Максымъ.

— Чому?

— Грошей немае,—не виддала Бондарыха.

— А чому-жъ у дядька Спырыдона и бычкы, и коривкы, и гроши завжды йе? Воны-жъ такый ткачъ, якъ и вы...

— Мабуть, сыну, винъ хочъ ткачъ кращый за мене, хочъ доля ёго краща,—ажъ зитхнувъ Максымъ.

— Яка-жъ у дядька доля?—пытается изнову сынокъ.

— Роботяща.

— А ваша-жъ яка?

— Ледаща.

— Здобудьте, каже сынокъ, и соби роботящу.

— Радый-бы здобуты, та не знаю, де іи шукать, а сама вона,—клычу, клычу—не йде.

— А дайте, я гукну іи у-верхъ, чы не прыйде?

— А гукны, гукны—сёгодня саме и день той, що вона блука!—сміется Максымъ.

Скочывъ хлопчыкъ зъ колинъ, стрыбнувъ на ослинчикъ, всунувъ свою голивку у прыпичокъ: „Гей", гукае, „доле роботяща, йды до насъ жыты!"

А тутъ саме й Лукына на поригъ.

— Оце-жъ наша и доля!—сміется Максымъ, показуючы на жинку.

— Прямо доля, бодай-бы такои доли и лыхи ворогы не зазналы! Чы воно намъ заказано, чы мы таки гришни передъ Богомъ—немае намъ доли та й край!—каже Лукына, а сама трохы не плаче.

— Що тамъ таке?—пытается Максымъ.—Де ты була?

— Була тилько шо у Хрысти; набралася досады—на вси святкы и годовыи, и роковыи постачыть.

— Та що таке скоилося?—пытается Максымъ.

— Домаха прыйихала; нарочыто—каже—за полотномъ забылася. Прынисъ Спырыдонъ іи полотно,—гыдко-жъ, гыдко выткавъ,—а вона не добачае, заплатыла до копійкы та ще й подякувала. „Завтра—каже—ще до Максыма навидаюсь; якъ що почавъ, то и вси впередъ гроши заплачу".

— Невже!—наче ажъ злякався Максымъ.

— Далеби, правда!—каже Лукына.

— Що-жъ ты ій сказала?

— Зъ досады—каже Лукына—ничого ій не видказала.

— А! бидно голивонько! Це-бъ якъ разъ на бычкы постачыло—каже Максымъ.

— Бидкайся, не бидкайся—не пособыть. Було-бъ мене послухать, якъ тоби казала: покынь Бондаренкове полотно, почынай Домашыне.

— Хотилося, бачъ,—каже Максымъ—по правди, по черзи: хто ранійшъ пряжу прынисъ, тому ранійшъ и полотно выткаты.

— Отъ теперъ и знатымешъ, яка-то правда, яка то черга: зостанешся и на цей рикъ безъ бычкивъ—каже Лукына.

— Ай, доле-жъ моя проклята! Миркуешъ, думаешъ, якъ-бы краще зробыты, а воно тоби все на зло!—ажъ скыпивъ Максымъ...—Працюешъ, працюешъ, рукъ не покладаючы, а не бачышъ и кинця тій лыхій годыни. Чы вже-жъ такы намъ черезъ

те, що Свято заступыло сёгодни, а не завтра, що я не встыгъ полотна тій Домаси почати,—залышытыся ще на рикъ бычкивъ?..

— Колы-бъ—каже Лукына—ты хочъ почавъ те полотно, абы Домаха побачыла основу, то й булы-бъ гроши.

Замыслывся Максымъ, такъ замыслывся, наче ажъ зблидъ на выду.

Лукына помолылася Богу, поклала сынка на пилъ, а сама полизла на пичъ спаты. Перевивъ я очи до кочергъ, до „неи". Ой Боже-жъ мій! И доси, якъ иноди згадаю, ажъ за боки беруся. Колы-бъ же вы, братця, побачылы, яки „вона" кумедіи почала преставляты!

Сыдыть Максымъ за столомъ, голову на рукы схылывъ, а „вона" поступытся видъ кочергъ на одынъ крокъ напередъ та изнову стрыбъ у кутокъ; оце надійде до ёго блыжче, зазырне у вичи та скилько духу назадъ, а сама ажъ зъ лыця миняется: то зрадіе—почервоніе, то наче зъ ляку пополотніе... Колы це бачу: ворушатся—ворушатся клубкы на жердци. О! вже у Максыма у рукахъ одынъ клубокъ; крутыть винъ той клубокъ, розмотуе, изнову змотуе, а вона ёму стыхесенька та обережно такъ:

— Заводь на основу—до-свита оснуешъ, и бычкы будуть.

— Отаке Велыке Свято...—каже про себе Максымъ.

— Богъ простыть, жинка спыть, и бычкы будуть—каже „вона" вже смилывійше, та все блыжче, блыжче до Максыма поступается.

Глянувъ я на Максыма—ажъ зчорнивъ на выду видъ досады; мовчыть та на той клубокъ зъ-пидъ лоба дывытся...

— А що?—думаю соби—наскочыла? Пожды! дасть и цей тоби по потылыци.

Колы це... пидводытся мій Максымъ, пидводытся... простуе прямо до верстата. А! бый тебе сыла Божа! Вже заводыть и пряжу на основу... Ось щобъ я вечора не диждавъ, колы брешу! Своимы очыма бачывъ: заводыть...

Винъ заводыть, а пряжа,—одно рвется, одно—рвется, такъ и лизе...

— Та це, здается, наша генъ-позаторишня пряжа; у Домахы мицна—догадувався Максымъ, та почавъ изразу іи назадъ на клубокъ змотуваты.

А „вона“ ухопыла ёго за руку:

— Заводь—каже—заводь смилыво: Домаха не добачае, а ты ще бильше за Спырыдона на пряжи выгадаешъ.

Що-жъ-бы вы думалы? И словечка не видмовывъ винъ ій... Закыпила, братця, робота! Зроду-вику не бачывъ, щобъ хто такъ швыдко ткавъ. Винъ снуе, а „вона“ клубокъ розмотуе та вузлыкы на основи звьязуе.

— Гляды—думаю самъ соби—не дурно кажуть: багатому чортъ колыску гойдае,—справытся и Максымъ за такымъ пособныкомъ на дукареву стежку.

Колы це якъ не схопытся мій Максымъ! Якъ не сипне основу—на шматкы порвавъ, понивечывъ основу.

— Не прызведешъ мене, проклята, не прызведешъ до гриха!—крычыть, а самъ ажъ до стели вырисъ. Бачывъ я здоровыхъ людей, ось скажемо й Охримъ, хай здоровъ буде, не зъ маненькыхъ, а такои людыны, якъ Степанъ у той вечиръ, не бачывъ я й зроду. Рукы сталы у маховый сажень, кулакы—зъ мою голову, очи—у яблуко завбильшкы, волосся пиднялося вгору, якъ та щетына... Крыкнувъ винъ, махнувъ рукою... и доля вкупи зъ основою ажъ за воритьмы опынылася.

Стала вона за воритьмы, затуманылася на хвылыну, але-жъ тилько на хвылыну: не встыгъ я и словечка промовыты до неи, якъ вона побигла... Я изнову такы за нею...

Опынывся я ажъ у якомусь сели—не то Матяшивци не то Мыколаивци.—Глянувъ... ажъ „вона“ вже пидъ виконцямы якоись хатыны шмыгае. Зазырнула туды—одійшла геть; зазырнула у другу хату—те-жъ щось здалося не до-вподобы; побигла до третёи—четвертои,—всю вулыцю простры̆бала та ажъ до царыны добигла.

— Куды-жъ ты теперъ бижышъ, навиженна?—запытавъ я іи.

— До пана Надіенка!—кынула вона мени, а сама, якъ той витеръ, якъ та завирюха, пустылась бигты.

— Оце гараздъ—подумавъ я самъ соби,—що ты таке прырозумила: це-жъ ты простуешь прямисенько до моеи хаты.

Вы-жъ свидоми, де моя хата? Эге-жъ, поручъ зъ панськымъ дворыщемъ.

Дывлюсь—ажъ я вже коло своеи хаты. Покынувъ коня посередъ двору, а самъ мерщій черезъ перелазъ до панського будынку. Зыркнувъ—„вона" вже тамъ: по-пидъ викнамы блукае... Поблукала, поблукала та й зопьялася до того виконця, де блыщало свитло.

Зопьялася, держытся самымы пальчыкамы объ прызьбу, а сама такъ и влыпла до скла.

Ставъ я поручъ зъ нею: дывлюся, слухаю...

Охъ, братця, трохы бувъ забувъ про шкалыкъ, а це изнову згадавъ, изнову за серце ухопыло. Выпывъ-бы я теперъ осьмыну! Охъ, выпывъ-бы мабуть и панъ ще охитнійше за мене, колы-бъ раныше пересвидчывся, якъ той шкалыкъ добре видъ жиночои лайкы пособляе. Доводылося мени чымало видъ жинкы горя прыняты, доводылося за свій викъ чымало перетерпиты, одже не дошкулыла вона ни разочку такъ, якъ пани у ту ничъ сердешному панови. Що вона ёму, спытаете, робыла? А ничогисинько не робыла—стояла тилько передъ нымъ та одно—лопотила, одно—лопотила...

Винъ вже и встававъ, и сидавъ, и грымавъ, и благавъ... ни, не стыхала, не спынялася ани-же ни на хвылыну. Ажъ пóтомъ пройняло ёго, ажъ плямы на выду повыступалы, а вона все свое—не стыхае.

Що вона ёму, пытаете, казала? Ой, Боже нашъ, Боже нашъ! Чы то-жъ запамьятуваты все, що скаже жинка за такый довгый часъ, та ще, крый Бигъ, вчена? По облыччю пановому бачывъ, що не соловейка, не горлыцю слухае... Ото тилько и розибравъ, що недостаткамы ёго докоряла. Отъ горе! 1000 десятынъ, гаи, лисы, и таке хозяйствечко, стилько добра—та ще недостача! „Проби"—каже—„у злыдняхъ та недостаткахъ, у журби разъ-у-разъ черезъ тебе", а сама шовковымъ хвостомъ хату замитае. „Проби, теперъ саме у Петербруси балы усяки, музыкы выграють, кумедіи преставляють, а мене зануда жывцемъ йисть

черезъ те, що у тебе грошей немае на мою подорожъ у той Петербрюхъ. Іроби, не вміешъ ты своимъ добромъ корыстуватысь, не вміешъ, не знаешъ, якъ де грошей здобуваты."

— Потерпы трохы—благавъ іи панъ:—сама знаешъ, я ще й зъ строковцямы не оплатывся и у збанокъ не посылавъ, а чымъ я выненъ? У позыку не дають, хлиба не можу продаты, бо легковисный дуже цей рикъ вдався.

— И у Ивана Ивановыча не важче за твое жыто—про те винъ змигъ продаты ёго,—скыпила пани.

— Не знаю, якъ винъ позбувсь свого жыта. Пощастыло якось ёму"—зитхнувъ панъ.

— Тымъ мабуть и пощастыло, що ты ёго за дурня вважаешъ. Ось не пныся и ты краще у велыкоумныкы, то й твоя доля не сказытся!

— „Охъ, доле моя, доле!"—ажъ застогнавъ панъ.

А „вона" ажъ затремтила вся... Не встыгъ панъ и духу перевесты, якъ вона вже биля ёго опынылася. Прыпадае, братця, до ёго, голубыть, цилуе... тилько, тилько не скаже: „ось и я".

— „Дострыбалася—думаю соби—знайшла такы людыну соби до вподобы, тутъ мабуть и зимуватымешъ. Пиду соби спаты".

Адже ще я и до хаты не дійшовъ—чую: щось пфурхъ! та на городъ. Я видразу и пизнавъ „іи". Невже, думаю, и тутъ тоби незгода?

Ажъ зыркъ! Зупынывся я... де-жъ бы вы думалы, братця??? У самисенького Шмулевого лижка. Хай мене сыла Божа побье, колы брешу. Такъ такы биля самисенькыхъ подушокъ и спынывся мій кинь.

Стала вона надъ Шмулевымъ вухомъ та й прошопотила щось. Немовъ опеченый схопывся Шмуль.

— Сурко, а Сурко! Це ты мени велышъ йихаты до пана Надіенка та купыты въ ёго жыто?

— Видчепыся—я сплю!—гыркнула на ёго жинка.

— „Вставай, выймай гроши—иды зразу до пана!"—все мени якыйсь голосъ учувается,"—каже Шмуль.

— Чы ты не здуривъ? Якый голосъ? Адже вже трычи дывывся ты на те жыто та й трычи казавъ, що не гоже.

— Дывывся, казавъ, а теперъ—голосъ... Мабудь телеграмъ прыйшовъ, що жыто подорожчало. Вставай!....

Ажъ ось зновъ нибы мы у панському двори; вже и Шмуль тамъ, а „вона" наче ажъ поздоровшала: бижыть, пидстрыбуе та грудочкамы пидкыдается...

Отъ колы, братця, отъ колы побачывъ я суму! Увесь стилъ закыдавъ Шмуль червинцямы та бумажкамы. Зроду-вику не бачывъ такого грошей та й не доведется мабудь и побачыты николы. Не то я—пани ажъ рукамы сплеснула, якъ глянула на стилъ. Сила вона биля пана, обняла за шыю, цилуе та одно туркоче: „пощастыло тоби, пощастыло, мій голубе"... „Охъ!" думаю соби „куды не глянь—скризь однаково: що у мужыкивъ, що у панивъ—одно заведеніе. Якъ пощастыть людыни, якъ усмихнется ёму доля, то усимъ стане любъязнымъ. Я самъ колысь, якъ продавъ пивъ-копы розбовткивъ, такъ цилисенькый день—чы повирыте?—не чувъ видъ жинкы и худого слова. Прямо такы и накрыво за увесь день не сказала, косо не глянула, а самъ я... Ачъ! яки нетерплячи! Погодить-бо трохы! Зразу казатыму и про долю...

Сивъ панъ биля столу, розиклавъ „бамажкы" на купкы та й прыказуе: „оце жинци на Петербрюхъ", „оце тежъ жинци", „оце строкивцямъ". Скинчывъ бамажкы—прыступывъ до золота. Одличывъ одынъ стовпець: „на земськи оплаткы"—каже; одиклавъ решту, поличывъ: „а! бидна голивонько", каже: „не постачыть у земельный".

— „Прысыпъ сёгоришній вивсюгъ, торишнимъ вивсомъ, то й на земельный буде", пидскочыла „вона" до пана.

— „Якъ? вивсюгъ вивсомъ прысыпаты? Купця дурыты? Та я швыдче серце вырву зъ грудей своихъ, нижъ допущу себе до такои гыдоты... скыпивъ панъ.

— „За жыто послухавъ, а за овесъ и ни",—заголосыла „вона" на всю хату та й подалася геть зъ кимнаты.

— „Доленько!" кажу я ій тоди „ось иды бо до мене! Я тебе слухатыму, я тоби догождатыму, я тоби корытымуся, якъ ридній матери..."

Стала вона на ганку, озырнулася навкругы, вытерла оченята:

— Беры, каже, лантухъ пшеныци та несы до-дому.

Зроду-вику, братця, не кравъ, не було въ нашому роду злодіивъ и въ заводи, а це... хай Богъ простыть—пидійшовъ до коморы, взявъ одынъ лантухъ зъ тыхъ, що наготовылы до млына, и потаскавъ до-дому.

Иду, а самъ все назадъ позыраю; ни, такы не збрехала—бижыть за мною.

Увійшлы мы у хыжу, зсыпавъ я ту пшеныцю у засичокъ, а „вона" якъ не розсміется... Та такъ-же весело, такъ-же любо, ажъ у хыжи повеселишало, самъ я наче ажъ зминывся, помолодшавъ, поздоровшавъ, наче николы не знавъ и горя на своёму вику. Та не страшно мени стало а ни голоду, а ни холоду, а ни оплаткивъ—наче того и на свити немае.

Та й не даремно: добре, справди, зъ того часу жыття почалося. Стало, братця, щастыты мени скризь: ставъ я у-двое меньше сіяты—ораты, а кипъ стало у-двое бильше прыбуваты. Чого, пытаете, такъ? Хиба я знаю? Выйидемо, було, у-ночи на степъ: „де", пытаю, „доленько, моя сгайка хлиба"?

— „Зъ панськои—каже—почынай"!

Я и почынаю... Добре жыття було, що й казаты? Ото тилько хиба и кепське дило було, що доводылося ночей не досыпляты. Усе село спыть, ажъ хропе, а я у доленькы на поради.

— Куды—пытаю—доленько, йихаты, що чыныты?

А вона вже и прыдумала, на всю довго ничку роботы прырозумила.

Запряжу конячку, посажу „іи" поручъ изъ собою та й гайда до панськыхъ комíръ, ожерeдивъ, у лисъ—куды трапытся...

У-ранци люде тилько-тилько зъ лижка рушають, за я вже въ города повернувся, грошей зъ торгу прывизъ, де-що купывъ—справывсь.

„Щастыть бисовому Степанови,—не спыть ёго доля: и нывка родыть добре, и конячка сыта, и диты не голодни"—гомонять навколо люде.

— „Доля, братця, кажу: доля повернулася“. Та й не брехавъ...

Вона мене оберегала, вона мене захыщала, вона мене направляла, вона мене розуму наставляла. Я було чы засну, чы ни, а вона вже не задримае.

Але ось прыйшовъ велыкый пистъ. Пойихавъ я якось у городъ, уторгувавъ добри гроши, купывъ жинци платокъ, шкапови чоботы, выпывъ зъ осьмыну—повернувся до дому веселый... та не въ добрый часъ,—напьяла мене, братця, жинка мокрымъ рядномъ:

— И докы и покы ты, харцызе, злодію, пьяныце, по почахъ блукатымешъ? Докы ты злодійкуватымешъ? Якъ ты и говитымешъ? Якъ тебе Господь до святого прычастя допустыть?

— А хиба я—кажу—що роблю?

— Схаменыся, опамьятайся, пьянюго!

— Чы ты мени заборонышъ слухаты доли?

— Якои доли? Чы тоби очи горилкою позалывало, чы ты збожеволивъ?

— Отіеи, кажу, доли, що пособляе крамныци будуваты, срибломъ та злотомъ скарбныци накладаты. Пожды рикъ-другый,—якый зъ мене дукарь буде!

— Брешешъ, злодію! Брешешъ, пьянюго! Чы зъ тобою схотила-бъ злыгатыся доля?

— Хиба, кажу, вона перебирае? Ій—абы слухняный.

Такъ хиба-жъ вы не знаете Хиври? Налаяла мене, заплювала мени очи, не схотила и дослухаты до кинця. Плюнувъ и я на неи, божевильну бабу, пишовъ геть...

Адже хочъ я пишовъ геть видъ неи,—слова іи палы на серце мое, наче те насиння зъ собачои лободы. Лаю іи, аспыдську бабу, а самъ чую, прямо такы чую, якъ те насиння роскореняется, росточкы пускае—ажъ боляче робытся, ажъ щемыть, ій-же Богу! А въ голови, якъ на похмилля, все обертомъ иде: почну личыть покрадени за зиму лантухы, сино або курей—панъ-отецъ зъ прычастямъ уявляется; стану вторговани гроши личыты—страшный судъ на думку спадае—одно слово: хочъ пропадай!

Блукавъ я, блукавъ по надвирью, та й пишовъ до Гершка (тоди ще монопольки не було). Выпывъ осьмыну, выпывъ ще шкалыкъ—не бере: не йде зъ думкы Св. прычастя та страшный судъ. Людямъ тежъ стало не тее... дывытыся у вичи...

Пишовъ я до-дому та прямисенько до „неи".

— Доленько!—кажу,—чы не годи-бъ намъ по чужыхъ степахъ та коморяхъ блукаты? Адже була десь, кажуть, така доля, що по степу за хазяиномъ ходыла та погублени колоскы докупы збирала—робы и ты такъ. Йе въ мене трохы пшеныци—посій ты іи своима рученькамы, походы по ныви своимы ниженькамы, зберы колосочокъ до колосочка—гляды, рокивъ черезъ десятокъ и „копыталы" у насъ поведутся.

Вона якъ не вызвирытся:

— Зъ колоскивъ копыталы! Вже видъ тіеи працуркы, що колоскы збирала, и попилъ потливъ, а ты мени очи нею выйидаешъ! Одвернулася, губу закопылыла, розсердылася, а дали пидгорнула кулакы пидъ голову, заплющыла очи.. та й заснула.

Прожывъ я такъ-сякъ не бильше, якъ зъ тыждень. На понедилокъ не постачыло сина. Метнувся я до доли—спыть. Пишовъ я до людей—позычывъ оберемокъ. На четвергъ вже и борошна позычывъ: у суботу печи нема чымъ затопыты...

— Де твоя доля, Степане?—дратують мене люде.

— Де? Спыть—кажу.

Сміются, глузують...

— Смійтеся, смійтеся!.. Ось якъ диждемо, дасть Бигъ,—думаю соби,—весны та якъ посіемо пшеныцю, та якъ прокынется „вона"...

Протягъ я ще якось зъ допомогою людей якый тыждень, а дали навсправжкы замыслывся: що ёго робыты? Жинка докоряе, диты плачуть, у конячкы ребра свитятся—бачу, не перелывкы—нанявся у экономію.

Колы це якось видпрохався я до-дому, прыхожу—ажъ у мене гостей, гостей! Цинують, братця, и коня, и усе якъ есть, що тилько можно цинуваты, за неоплатку у гамазей. Повытягалы на двиръ де не бувъ якый зайвый скарбъ, де не було

якои празныковои або такъ зайвои одягы. Повытягалы все, поскладады на купу, а Хивря ухопыла дитей на оберемокъ та тежъ туды: „цинуйте!"—крычыть—„и дитей"! Диты плачуть, люде крычать, жинка лютуе—горенько тяжке! Сумно и згадаты! Ухопывся я за голову—не знаю, чы дитей увищаты, чы жинку спыняты, чы людей благаты; метнувся и до „неи"—спыть.

Выбигъ я назадъ до людей.

— Господа, кажу, обчество! не займайте коня, не займайте того дрантя! Ось я продамъ пшеныцю, то й оплачуся безъ клопоту.

Розійшлыся, спасыби Богови, люде; угомонылася жинка, заспокоилыся диты—ставъ я пшеныцю набираты.

Выбравъ всю пшеныцю до зернечка—бачу: не постачыть на оплатку.—Зажурывся я, тяжко зажурывся. Докоряю самъ себе, лаю себе: „бодай тоби, старому дурневи, и толку не стало: кравъ, кравъ, а на оплаткы и не розстарався.

Ажъ дывлюсь—„вона"; вже и догадалася: повнисиньку назушчыну писку прытаскала.

Повагавсь я трохы, подумавъ, подумавъ, а дали махнувъ рукою: сыпъ, кажу. Всыпала вона той писокъ у пшеныцю. Завьязавъ я мишечкы, скынувъ на визъ; сила вона зверху—пойихалы. Сталы мы вже до города дойиздыты, саме на писокъ зйихалы, колы йде навпроты насъ старець—зъ манастыря повертается. Поривнявся винъ зъ намы, прывитався; давъ я ёму шагъ. Вытягъ старець свій гаманець, сховавъ той шагъ, хотивъ гаманець назадъ у кышеню вкынуты, а винъ замисть у кышеню—та на землю. Що-жъ бы вы думалы? Не встыгъ той гаманець и объ писокъ черкнутыся, якъ „вона" вже и пидхопыла ёго, вже и до рукъ мени тыче.

Сивъ я на писку, роскрывъ гаманець—бачу, гроши. Колы це иде Максымъ Бараболя.

— Здоровъ бувъ,—каже. — Що-то якъ доля: и на писку гроши ростуть. А скилько ихъ тамъ?

— Два карбованци та ще шагивъ скилькось.

— Буде каже опохмелытыся,—та й пойихавъ...

Доличывъ я грошей: 2 карбованци 27 копіекъ наличывъ, закрывъ гаманець,—не знаю, куды ёго сховаты. Колы тутъ саме: бомъ! бомъ! у церкви святои Варвары, а дали бомъ-бомъ-бомъ-бомъ! у вси дзвоны.

Ухопывъ я той гаманець, та скилько духу, скилько сылы за старцемъ: на, кажу, дидусю, твій гаманъ, та гляды не губы вдруге, а самъ не знаю, и доси не зрозумію, чого—чы то зугледившы хрестъ на святому храми, чы то зъ радосты, що не попустывъ своеи души до гриха утаиты гроши,—знявъ шапку, та одно, бью поклоны...

Охъ! колы-бъ же вы угледилы пидъ отой часъ долю! Колы-бъ вже вы та зазырнулы у іи лыченько! Мовъ наче хмарою заволоклося, мовъ наче ажъ почорнила. Блыкнула вона на мене оченятамы, мовъ наче тіею блыскавкою, затремтила уся, одвернулася та й ни пары зъ вустъ.

Зважывъ я Шмулеви пшеныцю, спорожнывъ мишкы, заплатывъ мени Шмуль, що слидъ; прывьязавъ я коня до стовпця, а самъ забигъ на хвылыну туды... у шынкъ. Выйшовъ я, або—ниде правды диты—вытягъ мене якыйсь супостатъ зъ шынку та й кынувъ пидъ тыномъ. Прокынувсь я—ни коня, ни шапкы, ни шага за душею. Э-жъ, смійтеся! смишкы, бачъ, зъ чужои кишкы, а въ мене и душа перетлила, покы я доплентавъ до дому.

Дійшовъ я до свого тыну, хожу навколо, у двиръ заглядаю, а самъ боюся и до хаты наблызыться: де-жъ? коня прогавывъ.

Колы це чую, спасыби Богови—крычыть Степанъ:—„стій, буланый!“

— Слава тоби Господы! кинь дома.—Це вона, доленька похазяйнувала: до-дому шкапыну довела, дарма що розгнивалася на мене; думаю соби: пиду-но, подякую іи!

Увійшовъ у хыжу, метнувся туды, сюды по всихъ куточкахъ, по всихъ засичкахъ—нема іи.

И вечиръ прыйшовъ—нема, и ранокъ прыйшовъ—немае.—

На другый день, такъ якъ у обидню пору, запригъ я коня—пойихавъ до Шмуля. Ажъ ёго уже и блызько немае: пойихавъ, кажуть, до того подрядчыка, що поставляе нашымъ москалямъ у Туреччыну харчи, чоботы, то що.

— А доля, пытаю, де?

— Хиба я знаю?—здывувалася Сурка.

Пишовъ я у ту комору, куды учора пшеныцю всыпавъ, гукавъ, гукавъ іи—не видклыкнулася.

Двадцять два рокы не бачывъ я іи, не знавъ, куды вона подилась, до кого подалася. А це... Вы-жъ свидоми, якъ мени цей рикъ у Велыкый пистъ прыйшлося? Вже на першому тыжни почала Хивря хлиба позычаты, а на останвёму люде вже годи и даваты. Православни хрыстіяне Святкамъ радіють, мажуть, билять, шыють та готуются, а мене видъ самого страстного понедилка такый смутокъ обгортае, що не знаю, де-бъ и дився, що-бъ и робывъ. Разъ—досадно, що доведется на останнимъ тыжни вкупи зъ пьяныцямы говиты, вдруге—ни за вищо говиты, втретте—знаю, що й пылынкы борошна на паску не прыпасено, а до того ще й жинка лютуе.—Отъ и пережывай, мовлявъ, якъ знаешъ, стилько заразомъ клопотивъ!!! У четвергъ, ще на свитъ не благословылося, а жинка вже й репетуе: пойидь та й пойидь на вокзалъ—може хочъ на паску заробышъ. Не хотилося мени йихаты,—Господы! не хотилося: разъ—сусида хрестыны справлявъ, а вдруге й те на думку спадало: якый зъ того прыбутокъ буде, що я зароблю 50,—хай одъ сылы 60 копіёкъ на тому вокзали? Поверну ти гроши на говиння—паскы ни за вищо буде справыты; паску куплю—ни у чымъ буде до Святого храму питы ту паску посвятыты, бо у правому чоботи кать-ма закаблукивъ, а зъ ливого вси 5 на добры-день кывають. Адже не вблагаешъ ніякымъ побутомъ клятои бабы, не умовышъ іи ніякъ—у одну шкуру: „йидь“!

Пойихавъ я.

Ще здалека чую: шыпыть, свыстыть, стугоныть чугунка.

— Колы-бъ же, думаю, не спизныться. Поспишаюся швыдче до ганку. Куды тоби! До ганку и не потыкайся. Не те що! яблукови ниде впасты—такого людей. Биля самого ганку стоить карета, у коморю завбильшкы, золотымы вызырункамы та цвяшкамы уся якъ есть поцяцькована. Шестеро, волосъ-у-волосъ, коней басуе, землю копытамы пидкыдае... За каретою ажъ тры хваетоны,—по четверо коней у кожному. Ось выходыть зъ вокзалу двое у золотыхъ гудзыкахъ,—сказать-бы охвыцерыкы, такъ погонивъ немае,—и ведуть воны, братця мои, пидъ рукы старого-старого, у довгому, мало не до пьятъ, жупани, пана. Оже-жъ, думаю соби, архырей.

— Пропустить, люде добри, пидъ благословеніе!

А люде мени:

— Шмуль, Шмуль прыйихавъ! Шмуль зъ Туреччыны повернувся.—Вже збудувавъ десь одну сахароварню, а це—будуватыме другу у насъ, поблызу.

Глянувъ я—такъ и йе: Шмуль. Боже же мій! це мій знаёмый.

— Господынъ купець, господынъ купець—метнувся до ёго.

Адже не вспивъ: посадылы вже у карету, фурманъ ляснувъ по коняхъ—побиглы. Побигъ и я соби у слидъ... Дигнавъ, стрибнувъ на зализну пиднижку, ухопывся за золоте держальце у дверцяхъ, зазырнувъ у виконце... зазырнувъ, та й отерпъ, обомливъ, братця: сыдыть Шмуль на оксамытовій подушци и очи заплющывъ, а повзъ ёго... хто-жъ бы вы думалы?,.. доля! Та сама доля, у тій самій и сорочци, що розидравъ колысь Хведиръ. Сыдыть вона биля Шмуля та червинцямы граєтся.

— Доленько! голубонько!—гукнувъ я ій наче ажъ не своимъ гласомъ, бо такы зрадивъ ій. А вона мене—штовхъ у груды:

— Не бачышъ, хиба, мазепо, що *винъ* спыть?

Упавъ я та якъ-разъ у калюжу. Упавъ, лежу, не зведуся ніякъ, а вона высунулася зъ кареты, сміется та ще й языкъ вытрища,—то-бъ-то на глумъ мени.

Охъ! скыпивъ я! Скрутывъ ій зась, пидвивъ руку въ-гору:

— На, зйижъ!—гукнувъ, ажъ залунало.—Хочъ и въ калюжи лежу, та не твій, пошарпана задрипанко, наймытъ!

Онъ бачыте, якого цеглы навозылы? Ото-жъ нашъ Шмуль сахароварню будуватыме—отамъ и „вона“ жыве.

Л. Яновская.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

(Историческая справка). *)

Въ Чуфутъ-Кале — вблизи Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Ѳеодосіи и въ другихъ мѣстахъ Таврическаго полуострова открыто было въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, которые указываютъ, что въ VI в. по Р. Х. въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, занятого греческими колоніями, уже обитали евреи. Можно думать, что около того же времени они находились и въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Азовскаго, а, можетъ быть и Чернаго моря. Черезъ три вѣка послѣ этого историческіе памятники указываютъ на присутствіе евреевъ далеко уже за пре-

*) Источниками служили, кромѣ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ въ журналахъ, главнымъ образомъ:

1) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археографич. Коммиссіи. 1871 г. Спб.

2) Писцовыя книги бывшаго Пинскаго староства. Ч 1 и 2. Вильна, 1874 г.

3) Ревизія Кобринской экономіи, составл. въ 1563 г. Вильна, 1863 г.

4) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Зап. Россіи, изд. при Управленіи Виленск. учебн. Округа. 1867 г. т.т. I—IX.

дѣлами Крыма, на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ IX в. ихъ влі-янію подпадаетъ обширное Хозарское царство, въ которомъ еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали хозарскій ханъ и городское хозарское населеніе. Тогда же евреи проникаютъ и въ землю русскихъ славянъ, между прочимъ и въ Кіевъ, гдѣ они встрѣчаются вмѣстѣ съ греками и, вѣроятно, шведами и датчанами, пѣмцами, поляками и печенѣгами. Первобытно-свободная Русь въ X-мъ вѣкѣ была открыта для всѣхъ мирныхъ

---

5) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильна, Ковно, Трокъ. Вильна, 1843.

6) Акты, относящіеся къ исторіи Западнаго края, собр. и изд. Археографич. коммиссіей. Т. 1—3.

7) Акты, издаваемые ком. Высочайше утвержденной для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. т. т. I—VI.

8) *Шараневичъ*. Исторія Галицко-Владимірской Руси.

9) *Szaraniewicz*. Rys wewnętrznych stosuncow Galycyi Wschodniej w drugiej polowie XV wieku. Lwow, 1861.

10) *Бершадскій*. Литовскіе евреи, исторія ихъ юридич. и обществ. положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи.

11) Д-ръ *Адольфъ Іелинекъ*. Еврейское племя. Этн. этюды. Спб. 1870 г.

12) *Исидоръ Коимъ*. Столѣтіе эманципаціи евреевъ и ея христіанскіе защитники 1870 г.

13) Судьба евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ по настоящее время. Москва, 1860 г.

14) *Головацкій*. Карпатская Русь. Географ. статист. и историко-этногр. очерки Галиціи, сѣверо-вост. Угріи и Буковины (Славянск. Сборникъ 1877 т. т. I и II).

14) *Чубинскій*. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. т. 5 и 7.

16) Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи. Таврическая губ. 1849.

17) Pr. Pilata. Wiadomosci statystyczne. 1881 г.

иностранцевъ, и потому понятно, почему въ этотъ періодъ евреи могли выступать и у насъ съ культурно-религіозными стремленіями, слѣды чего отмѣчены занесенною въ лѣтопись легендою о принятіи крещенія св. Владиміромъ. Судя по религіозно-культурной роли евреевъ въ Хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, въ связи съ топографіей обитанія евреевъ, можно думать, что евреи, отмѣченные въ памятникахъ до X вѣка, были по преимуществу *библеисты*, выходцы непосредственные изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, асси-

---

18) *Риттихъ*. Племенной составъ контингента въ русской арміи и мужск. населенія Европ. Россіи. Спб. 1876.

19) *Де-Ливронъ*. Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Спб. 1874 г.

20) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба: Черниговская губ.—Домонтовича (1865), Бессар. обл.—Защукъ (1863), Гродненская губ.—Оброскій (1863 г.), Минская губ.—Зеленскій (1863) и Херсонская губ.—Шмидтъ (1863).

21) Календарь юго-зап. края, сост. Борисовъ и Чубинскій. Кіевъ, 1872.

22) *Ніановъ*. Статистическіе очерки Россіи (Дѣло, 1873 г. №№ 1, 4, 7 и 10).

23) *Скальковскій*. Опытъ Статистич. описанія Новороссійскаго края. Ч. 1.

24) Статистическій временникъ Россійской Имперіи, 1865. Вып. 1, вып. 17.

25) *Диттерици*. Народонаселеніе земного шара по количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ.

26) Мѣсяцесловъ на 1860 и 1864 г.

27) *Лебедкинъ*. О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Росс. Имп. (Записки Русск. геогр. Общ. 1861 г. № 3).

28) Статистическія свѣдѣнія о государствахъ 1866 г. (Приложенія къ Современнику 1860 г. № 1).

29) Ир. Житецкій. Смѣна народностей въ Южной Россіи («Кіевск. Старина», 1883 г.).

милировавшихся позже съ іудействующими татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но рядомъ съ евреями библеистами уже въ это отдаленное время можно предполагать появленіе въ Южной Россіи и евреевъ талмудистовъ. Какъ извѣстно, евреи послѣдняго вида начали поселяться въ Европѣ прежде всего на Аппенинскомъ полуостровѣ; отсюда они, разселяясь по торгово-промышленнымъ мотивамъ въ предѣлахъ Римской Имперіи, перешли на Пиринейскій полуостровъ, на которомъ, особенно въ мусульманскій періодъ, играли видную роль въ торгово-промышленномъ мірѣ, а затѣмъ и въ другія провинціи имперіи.

На своей родинѣ, въ Малой Азіи, евреи представляли земледѣльческое населеніе. Даже послѣ Р. Х. они не утратили этой черты. Такъ, въ Талмудѣ Вавилонскомъ (сост. около 600 г. по Р. Хр.) почти нѣтъ еще постановленій, относящихся къ торговлѣ. Рѣчь идетъ только о куплѣ, продажѣ земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, домашнихъ животныхъ, удобренія и т. п. Очевидно, тамошніе евреи въ то время занимались не торговлей, а сельскимъ хозяйствомъ, какъ, впрочемъ, было отчасти и въ Европѣ до XI столѣтія. Имѣются положительныя свѣдѣнія, что въ Греціи, въ Ломбардіи, въ сѣверн. Италіи, въ южн. Франціи евреи занимались земледѣліемъ. Но на ряду съ этимъ въ Европѣ евреи занимались уже промыслами и вели торговлю, которая принимала въ нѣкоторыхъ странахъ значительные размѣры. О грандіозныхъ торговыхъ предпріятіяхъ евреевъ въ Испаніи и Франціи сообщаетъ одинъ арабскій писатель подъ 880 г. по Р. Хр. замѣчательныя подробности. „Владѣя различными языками", говоритъ онъ, „и находя почти повсюду единовѣрцевъ, евреи достигали на своихъ корабляхъ Индіи и Китая, а иногда они отправлялись черезъ славянскія земли на Волгу, въ Хозарское царство и далѣе въ Туркестанъ". Изъ еврейскихъ источниковъ извѣстно также, что еврейскіе купцы доставляли цѣлые караваны товаровъ изъ прирейнскихъ странъ въ русскія, т. е., вѣроятно, въ сѣверную Галицію. Очень возможно, что евреи западной Европы (талмудисты) проникли „въ южно-русскіе пре-

дѣлы уже въ IX вѣкѣ и раньше, преимущественно съ торговыми цѣлями. На это указываетъ проживаніе евреевъ въ хозарскихъ и славяно-русскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Азіей и Европой, и посредничество евреевъ въ продажѣ плѣнныхъ въ восточныя мусульманскія страны. Но около этого же времени судьбу европейскихъ евреевъ стали сопровождать уже и такія событія и обстоятельства, которыя еврейское населеніе стали направлять все болѣе и болѣе въ славянскія страны. Мало по малу папскій Римъ втянулъ европейскую жизнь въ сферу церковнаго вліянія, и евреи послѣдовательно стали исключаться отъ всякаго участія въ этой жизни. Сначала католицизмъ пытался привлечь евреевъ къ христіанству мирнымъ путемъ, а при неудачахъ въ этомъ направленіи сталъ все болѣе и болѣе ограничивать евреевъ въ ихъ гражданскихъ правахъ.

При Юстиніанѣ старые ограничительные законы Константина и Өеодосія II были еще усилены, и особенно тягостно съ ними поступали иконоборствующіе императоры. Въ Западной Имперіи уже при Карлѣ Великомъ постепенно шли измѣненія въ гражданскихъ занятіяхъ евреевъ, которымъ предоставлена была торговля и промыслы, да ростовщичество. Къ этому же времени относятся и первыя прямыя гоненія на евреевъ. По распаденіи имперіи Карла Великаго, государи Франціи и Германіи, а также владѣтели разрозненныхъ частей Италіи, предоставили церкви по отношенію къ евреямъ полную свободу дѣйствія. Уже въ 855 г. Людовикъ II пытался совершенно изгнать евреевъ изъ Италіи, а начиная съ X стол., во Франціи и Германіи страстная недѣля часто становилась для евреевъ временемъ страшныхъ погромовъ. При первомъ крестовомъ походѣ (1096 г.) цѣлыя еврейскія общины въ Трирѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ и Кельнѣ, послѣ жестокихъ мученій, были истреблены, не пожелавъ креститься. Во время второго крестоваго похода пришлось сильно пострадать евреямъ во Франціи, а затѣмъ корыстолюбивый Филиппъ II Августъ (1180—1223) изгонялъ и призывалъ обратно евреевъ неоднократно, смотря по тому, что представлялось выгоднымъ для его казны. Приготовленія къ третьему

крестовому походу оказались печальными для англійскихъ евреевъ, и ихъ преслѣдуемое положеніе длилось до тѣхъ поръ, пока въ 1240 г. всѣ евреи не были совсѣмъ изгнаны изъ Англіи. Преслѣдуемые евреи съ перваго же времени стали бѣжать на востокъ, въ новыя славянскія государства, гдѣ царствовала вѣротерпимость, но они уже въ это время приносили туда и свои, воспитанныя вѣковымъ преслѣдованіемъ, антиобщественныя свойства, особенно въ формѣ ростовщичества. Западная христіанская церковь въ этотъ періодъ строжайше преслѣдовала своихъ послѣдователей за денежный ростъ, и потому по неизбѣжности пришлось разрѣшить вѣрующимъ займы у „невѣрныхъ“.

Благодаря этой мѣрѣ, евреи могли пріобрѣсть замѣтное вліяніе, хотя этимъ же денежнымъ дѣламъ евреи также обязаны были тѣмъ, что часто становились жертвами страшнѣйшихъ гоненій. Существуетъ основаніе полагать, что съ этого же времени въ южно-русскія области стали вселяться, кромѣ евреевъ библеистовъ, западные евреи талмудисты, спеціализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. Кстати, общественно-экономическія свойства тогдашней южно-русской страны, не имѣвшей организованнаго національнаго коммерческаго населенія и страдавшей отъ внутреннихъ неурядицъ, представляли благопріятныя условія для дѣятельности западныхъ евреевъ. По крайней мѣрѣ тѣми же признаками, какими отличаются евреи талмудисты въ теченіе всей южно-русской исторіи и до нашего времени, характеризуются уже кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Такъ, по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“ въ отместку за ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Съ тѣми же особенностями евреевъ ведетъ борьбу и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленіе о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ этотъ періодъ евреи составляли уже далеко не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева. Такъ, извѣстно, что при пожарѣ 1124 г. въ Кіевѣ

погорѣли и „жидове“. Вѣроятно, они жили даже въ отдѣльной части города, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, куда вели „жидовскія ворота“. Поселенія евреевъ, конечно, не ограничивались городомъ Кіевомъ, и вѣроятно они были и въ другихъ торговыхъ мѣстахъ южной Руси, какъ Любечъ, Черниговъ, и проникли даже вмѣстѣ съ князьями и въ сѣверную Русь. Такъ они оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти Андрея Боголюбскаго въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ. Особенно можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской землѣ, какъ области, ближайшей къ западной Европѣ и притомъ выдѣлявшейся въ то время своей внѣшней торговлей, гдѣ евреевъ особенно цѣнили, о чемъ и свидѣтельствуетъ сказаніе Волынской лѣтописи о томъ, что въ Галицкомъ княжествѣ въ половинѣ XIII в. они оплакивали смерть Володимірскаго князя Василька.

Изгнанія евреевъ, подобно кіевскому при Владимірѣ Мономахѣ, были, конечно, явленія мѣстныя и временныя, и таковыя, въ связи со взятіемъ ихъ имуществъ „на потокъ“, лишь указываютъ на то, что и въ эту раннюю эпоху южно-русской исторіи, именно въ XI—XIII вѣкахъ, уже отчетливо вырисовываются особенности южно-русскаго еврейства и тѣ ненормальныя экономическія отношенія евреевъ къ туземному населенію, какія потомъ уже рѣзко выступаютъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ и еврейское населеніе, хотя есть основаніе утверждать, что въ періодъ грозной татарщины евреи не исчезли совершенно на территоріи южной Руси, такъ какъ они, между прочимъ, оказываются въ числѣ сборщиковъ дани, которая собиралась для монгольскихъ хановъ съ туземнаго населенія

Новое и болѣе обильное населеніе евреями южной Руси произошло уже въ періодъ литовско-польскій, и особенно сопровождало переходъ этого края подъ власть Польши.

Въ составѣ еврейскаго населенія различаются ясно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы (или библеисты) и евреи-талмудисты (или раввинисты). Первые переселялись

обыкновенно отдѣльными семьями въ южную Русь изъ Крыма въ XIII, XIV в. в., но въ отдѣльныхъ случаяхъ переселеніе принимало и болѣе массовой характеръ. Такъ, въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ, откуда еще позже разселились на западъ—въ Галицію и на востокъ—въ Приднѣпровье. Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля; но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли евреи-талмудисты. Послѣдніе передвигались въ южнорусскую страну изъ западной Европы, по преимуществу черезъ Польшу, гдѣ появленіе евреевъ относится къ незапамятнымъ временамъ, хотя несомнѣнныя свидѣтельства о евреяхъ въ польскихъ провинціяхъ восходятъ лишь къ XI в. Козьма Пражскій подъ 1093 г. сообщаетъ, что богемскіе евреи, спасаясь отъ преслѣдованій, выѣзжали изъ Богеміи и высылали свое имущество въ сосѣднюю Польшу и Венгрію *къ своимъ единовѣрцамъ*. Въ 1264 г великопольскимъ евреямъ отъ Калишскаго князя Болеслава Благочестиваго особою грамотою предоставляются права торговать всѣми предметами, наравнѣ съ мѣщанами, право ссуды денегъ подъ закладъ и залогъ; религіозная свобода евреевъ охраняется угрозою конфискаціи имущества. Подобныя же привилегіи позже нѣсколько подтверждаетъ для малопольскихъ евреевъ грамота короля Казиміра Великаго (1367). Около этого же времени, именно съ XIV в., еврейское переселеніе увеличивается замѣтно и совпадаетъ съ усиленіемъ и расширеніемъ польскаго государства. Польскіе короли сами стали заботиться о переселеніи прирейнскихъ евреевъ, какъ населенія, отмѣченнаго уже и тогда своимъ коммерческимъ складомъ, въ малолюдные въ то время города и мѣстечки Польской короны. На такія зазыванія послѣдовали массовыя передвиженія нѣмецкихъ евреевъ, и къ XV в. еврейское населеніе въ польскихъ владѣніяхъ считалось

уже тысячами. Изъ Польши евреи переходили и въ сосѣднія литовскія владѣнія.

Въ Литовской Руси лѣтописи упоминаютъ евреевъ въ качествѣ постоянныхъ жителей уже въ половинѣ XII ст., и еврейскій элементъ въ Литвѣ растетъ по мѣрѣ распространенія Литовскаго государства на востокъ. Въ половинѣ XIV ст. они отмѣчаются уже старинными жителями Бреста Лит., Трокъ и Луцка, какъ это удостовѣряетъ жалованная грамота вел. князя Витовта отъ 1388 и 1389 годовъ, такъ какъ первая грамота лишь систематически излагаетъ тѣ привилегіи, которыми уже раньше обладали евреи. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ Польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ Литовскомъ — Витовтъ и Ягелло. Въ силу Люблинской уніи (1569 г.) открывается возможность широкому передвиженію евреевъ изъ Польши въ Литву. Польскіе евреи немедленно пользуются этимъ, и въ вольныхъ новыхъ польскихъ переселенцахъ исчезаютъ старые русскіе евреи. Мало по-малу и здѣсь еврейская жизнь складывается по-польски: евреи обращаются быстро въ замкнутое сословіе, какъ въ Польшѣ. Общее направленіе колонизаціи въ южно-русскихъ земляхъ — съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что, напримѣръ, во Владимірѣ Галицкомъ евреи уже были въ значительномъ количествѣ въ 1288 г., тогда какъ въ Пинскѣ они появляются въ лишь началѣ XVI ст.

Въ XIV в. евреи указываются историческими источниками во многихъ городахъ Галицкой Руси: во Львовѣ, Галичѣ и пр.; на Волыни—въ Брестѣ, Володимірѣ, Луцкѣ Кобринѣ и др. Въ XV в. встрѣчаемся съ ними въ Подоліи: въ Каменцѣ, Смотричѣ и пр., а также въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ, а въ XVI и въ Пинскѣ, Клецкѣ и др., и къ началу XVII в. еврейскія поселенія указываются и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, напр. въ Путивлѣ.

Сначала евреи поселялись только въ городахъ, особенно замѣтныхъ въ торгово-промышленной дѣятельности, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Что касается общей

численности евреевъ въ эту эпоху, то въ предѣлахъ Литовскаго княжества, сравнительно съ послѣдующими вѣками, она не была особенно еще велика. Напр., въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильному тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было всего 30 семействъ, да за р. Муховцомъ еще 4 семьи, въ мѣстечкѣ Дуботинѣ 19 семей, въ м. Городцѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи; около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ числилось всего 39 человѣкъ. По разсчету г. Бершадскаго, въ предѣлахъ Литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ; относительно гуще было еврейское населеніе въ южно-русскихъ провинціяхъ Польши.

Евреи Литовско-польскаго періода по своимъ занятіямъ и общественному строю представляютъ значительно измѣнившійся типъ, сравнительно съ тѣмъ, какой они имѣли въ періодъ дотатарскій, хотя и тѣ и другіе евреи переселились въ южную Русь изъ западно-европейскихъ государствъ.

Съ конца XI столѣтія въ Западной Европѣ обстоятельства сильно измѣнились къ невыгодѣ евреевъ. Вслѣдствіе крестовыхъ походовъ европейскіе христіане вступили въ близкія сношенія съ востокомъ, образовались христіанскіе цехи, въ которые евреи не могли имѣть доступа, и для нихъ въ этой области осталась только мелочная торговля. Въ средніе вѣка, съ развитіемъ цеховъ, евреи были вытѣснены изъ всѣхъ промысловъ, и имъ дозволена была лишь починка стараго платья. Кромѣ мелочей торговли и домашней ручной работы, евреямъ для поддержанія жизни оставалось еще занятіе врачебнымъ искусствомъ, въ чемъ они, несмотря на запрещеніе, сдѣлались необходимыми, и наконецъ денежныя дѣла въ видѣ ростовщичества. Послѣднее занятіе то создавало для евреевъ вліяніе, то еще чаще было источникомъ бѣдствій. Заимодавца еврея, при господствовавшемъ тогда церковномъ вліяніи, можно было безнаказанно при удобномъ случаѣ убить, или изгнать всю еврейскую общину изъ города и тѣмъ освободиться отъ всѣхъ долговъ, или исходатайствовать у

главы государства эдиктъ, объявляющій всѣ выданныя евреямъ долговыя обязательства потерявшими силу. Исключенные отъ всякаго участія въ жизни государства, евреи могли находить успокоеніе въ собственной семьѣ и въ обычаяхъ предковъ, а это вело къ послѣдовательному замыканію евреевъ въ сферу узкихъ личныхъ и національныхъ интересовъ. Къ этому вели, какъ требованія отъ евреевъ жить въ особыхъ кварталахъ, носить особые знаки на одеждахъ, такъ еще въ большей мѣрѣ и разроставшіяся гоненія на нихъ. Съ XI вѣка въ Западной Европѣ каждая община ежеминутно должна была страшиться нападенія или изгнанія. Въ 1391 г. во всѣхъ почти городахъ Испаніи произошла страшная рѣзня, въ которой погибли тысячи евреевъ, а черезъ столѣтіе (2-го августа 1492 г.) около 300,000 евреевъ вынуждены были оставить страну, которая въ теченіе 1500 лѣтъ была ихъ родиной. Въ XV в. во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Германіи, евреи были поголовно истреблены, а изъ другихъ бѣжали. Германскіе евреи находили себѣ сносное положеніе въ славянскихъ земляхъ, и особенно въ Польшѣ, а оттуда въ Литвѣ и южно русскихъ предѣлахъ. Сюда они естественно принесли съ собою и всѣ антиобщественныя особенности, какія копили среди гоненій въ западной Европѣ. Михаилъ Литвинъ (Michalon) въ половинѣ XVI вѣка пишетъ, что „въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодоносныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ подписи, печати, на рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не зная другого искусства кромѣ обмана и клеветы". Аналогичные отзывы раздавались и на люблинскомъ сеймѣ (1569 г.), гдѣ литовскіе депутаты жаловались на отдачу евреямъ въ аренду разнаго рода оброчныхъ статей: мельницъ, солодовенъ, торговыхъ пошлинъ, мыта, на то, что въ рукахъ евреевъ находятся всѣ корчмы, куда они, пользуясь страстью славянъ къ водкѣ, завлекаютъ крестьянъ всѣми способами, развиваютъ въ ихъ средѣ

порчу нравовъ и потворствуютъ разнымъ порокамъ. На своей новой родинѣ евреи, хотя и не сдѣлались полноправными гражданами, но какъ въ Польскомъ государствѣ, такъ и въ Литовскомъ, они составляли существенную часть населенія главнѣйшихъ городовъ, пользовались въ значительной мѣрѣ гарантированнымъ положеніемъ и разными льготами, подтвержденными правительственными актами. Благополучіе евреевъ устраивалось, какъ въ интересахъ фиска, такъ еще болѣе въ личныхъ разсчетахъ польскихъ королей, нуждавшихся въ богатыхъ и надежныхъ кредиторахъ, какими оказывались евреи, примкнувшіе къ власти королей, пока еще имѣвшихъ силу и фактическое значеніе въ странѣ. Порабощеніе посполььства и отсутствіе организованнаго и развитого промышленно-торговаго класса въ странѣ представляли просторъ для дѣятельности евреевъ, и „эти бездомные скитальцы и отверженцы общеевропейской цивилизаціи", въ сравнительно короткое время, своими дѣйствіями успѣли возбудить и здѣсь, во всѣхъ мѣстахъ своихъ поселеній, противъ себя недовольство коренного населенія. Это обстоятельство не могло не отражаться и на судьбѣ самихъ евреевъ. Положеніе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, постепенно дѣлается юридически менѣе выгоднымъ и болѣе неопредѣленнымъ: въ польско-литвинскомъ законодательствѣ вводятся ограниченія и составляются отдѣльныя сеймовыя постановленія, особенно въ XVI в. Королевскою грамотою 1619 г. евреи утратили право на осѣдлость и торговлю въ Кіевѣ, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только на одинъ день и останавливаться на особомъ подворьѣ; еще строже поступлено было съ евреями относительно Каменца, окрестности котораго даже на разстояніи трехъ миль были закрыты для евреевъ; въ Кременцѣ евреи потеряли право на производство вина, пива, меда и на торговлю ими. Грамотою королевича Владислава 1623 г. запрещено было евреямъ жить въ повѣтахъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ. Помимо мѣстныхъ ограниченій, отъ времени до времени сеймовыя постановленія стѣсняли евреевъ и общими мѣрами: взиманіемъ податей въ

двойномъ количествѣ, единовременными подушными налогами, запретомъ торговли лошадьми, отбираніемъ на монетный дворъ по низкой цѣнѣ принадлежащаго евреямъ серебра. Можно въ южно-русской исторіи того времени отмѣтить и случаи поголовнаго изгнанія евреевъ, хотя послѣдніе скоро возвращались на старыя мѣста, съ правомъ брать во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми въ промежутокъ изгнанія пользовались христіане. Основаніемъ указанныхъ явленій въ положеніи евреевъ служило, какъ стремленіе королей и сеймовъ парализовать вредное вліяніе послѣднихъ на экономическое положеніе массы, торговлѣ и ремесламъ которыхъ еврейская монополія нанесла явный ущербъ, такъ и интересы привилегированныхъ сословій государства—шляхетства. Въ завладѣніи евреями денежнымъ рынкомъ правящее сословіе не могло не видѣть нарушенія своихъ интересовъ и имѣвшеюся въ ихъ рукахъ властью естественно стремилось ограничить обогащеніе евреевъ. Сеймовыя стѣсненія указали, на чью сторону въ польскомъ королевствѣ переходила фактическая сила, и евреи, вѣрные талмудическому афоризму „когда лисица въ силѣ, и ей должно кланяться", примкнули къ польскому панству: открыли кредитъ и сдѣлались вольными слугами и агентами могучаго панства. Въ жизни и законодательствѣ такое соціальное явленіе выразилось въ томъ, что евреи изъ королевскихъ имѣній, на которыхъ они сначала и имѣли только право постоянной осѣдлости на правахъ подвластныхъ королямъ, начали экстенсивно наполнять собою владѣнія магнатовъ.

Слабѣйшая сторона тогдашняго южно-русскаго общественнаго строя состояла въ разрывѣ между панствомъ и „хлопами" и въ безграничной власти перваго надъ послѣднимъ. Евреи заполнили собою этотъ огромный промежутокъ, отдѣлявшій въ Речи Посполитой полновластную шляхту отъ безправныхъ хлоповъ, и сдѣлались factotum'омъ пановъ. Сближеніе произошло не только въ жизни, но и въ соціально-юридическомъ положеніи. По своимъ правамъ евреи въ Польско-Литовскомъ госу-

дарствѣ стояли вообще ближе къ дворянству, чѣмъ къ посполь-ству и даже мѣщанству: права евреевъ на жизнь, честь и свободу по закону удовлетворялись наравнѣ съ шляхтичами; они пользовались привилегированнымъ правомъ меча (jus gladii), въ силу котораго носили саблю; въ городахъ съ 1578 г. они освобождены отъ суда по Магдебургскому праву; какъ панскіе арендаторы, получили право судить крестьянъ и наказывать ихъ даже смертію и получили своеобразное устройство, дѣлавшее ихъ юридически независимыми и самобытными. Уже въ концѣ XV в. главный городъ каждаго воеводства содержитъ въ себѣ и главную еврейскую общину, представляющую въ глазахъ государственной власти всѣхъ евреевъ административнаго округа. Отдѣльный еврей мало-по-малу закрывается для государства еврейскимъ обществомъ, внѣ котораго онъ безсиленъ и безпомощенъ. Опираясь на свои привилегіи, польскіе евреи къ концу XVI ст. вырабатываютъ, примѣнительно къ государственному устройству Речи Посполитой слѣдующую организацію. Все еврейское населеніе раздѣляется между четырмя провинціями, имѣющими совершенно самостоятельное управленіе: Великою Польшей, Малою Польшей, Русью (Червонною) и Волынью. Всѣ евреи провинціи составляютъ „синагогу". Всякая провинція или „синагога" распадается на меньшіе округа, называемые „кагалами", а территорія каждаго кагала дѣлится еще на „прикагалки". Во главѣ каждаго кагала или прикагалка находились избираемые евреями на опредѣленный срокъ раввинъ и старшины; на нихъ лежали всѣ судебныя и административныя функціи по завѣдыванію дѣлами евреевъ округа. Основаніемъ для разрѣшенія всѣхъ споровъ между самыми евреями служилъ Талмудъ и до извѣстной степени мѣстные еврейскіе обычаи. Кагалъ являлся оффиціально признаннымъ органомъ, къ которому обращалась государственная власть со своими требованіями и предписаніями. Изъ кагальныхъ старшинъ и особо избираемыхъ депутатовъ отъ каждаго кагала составлялись провинціальные сеймики. По дѣламъ всѣхъ евреевъ польскихъ еже-

годно, одинъ разъ въ Ярославлѣ Галицкомъ, а другой—въ Люблинѣ, собирались старшины всѣхъ польскихъ кагаловъ и депутаты отъ всѣхъ четырехъ провинцій на генеральный сеймъ польскихъ евреевъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ „синода четырехъ странъ". Опираясь на такую стройную организацію, подчиняясь безусловно авторитету еврейскаго права, польскіе евреи сложились окончательно въ замкнутое торгово-промышленное сословіе, овладѣли большею частью промысловъ и всею торговлею королевства. Поддерживаемые покровительствомъ воеводъ и ихъ намѣстниковъ и католическимъ духовенствомъ, которому они платили искусственно большіе проценты на занимаемые у нихъ капиталы, евреи быстро ослабили торговцевъ христіанъ, находившихся между собою въ постоянныхъ столкновеніяхъ, благодаря соперничеству цеховому и пр. Ставъ на мѣсто мѣщанъ, евреи, однако, не въ состояніи были выйти изъ своего замкнутаго положенія. Лишенные возможности получать иное образованіе, кромѣ талмудическаго, евреи остались безучастными къ внутренней жизни польскаго общества, остались иностранцами, проживающими въ чуждомъ имъ государствѣ. Съ другой стороны, въ результатѣ сближенія денежнаго еврейства съ властнымъ шляхетствомъ, повторилась въ исторіи Польскаго королевства XVI—XVII в.в. старая исторія, какую евреи пережили въ Александріи, въ Испаніи, въ Римѣ и, вообще, во всѣхъ странахъ, куда ихъ заносила судьба: они и здѣсь примѣнили отмѣченное въ Талмудѣ Рабби Іохананомъ „замѣчательное искусство евреевъ быть господами своихъ тирановъ". Прежде всего расширилась территорія поселеній евреевъ: подъ видомъ польскихъ арендаторовъ, управителей и агентовъ, евреи получили фактическое право жить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по закону имъ были недоступны. Такимъ путемъ они проникли, вопреки грамотѣ Владислава 1627 г., въ лѣвобережную Украйну, вкоренились во всей области, появились въ селахъ и не только въ видѣ шинкарей, но и какъ фактическіе землевладѣльцы, и уже въ началѣ XVII ст. евреи были въ *городахъ и селахъ* Га-

лиціи, Подоліи, на Волыни, въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ теперешнихъ Полтавской и Черниговской губерній, пробрались даже въ Новороссійскія степи, въ сосѣдство съ запорожцами, гдѣ они вели различную торговлю, были откупщиками соли у крымскихъ хановъ и ростовщиками. Численность еврейскаго населенія возрастала пропорціонально расширенію области, увеличиваясь не однимъ естественнымъ ростомъ, но и продолжавшимся переселеніемъ евреевъ изъ западной Европы. На всемъ пространствѣ южно-русскихъ поселеній, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ, евреи раскинули сѣти своихъ коммерческихъ предпріятій и овладѣли городами и селами. Въ городахъ и мѣстечкахъ коренное населеніе, вытѣсненное изъ сферы торговли и промышленности, обратилось къ земледѣльческимъ работамъ, и въ результатѣ города оказались истощенными, съ полукрѣпостнымъ населеніемъ, оторванные объ общей жизни страны и переполненные иноплеменнымъ еврейскимъ населеніемъ, и южная Русь въ это время лишилась возможности на образованіе національнаго средняго сословія. Побѣда евреевъ въ городахъ была тѣмъ успѣшнѣе, что, помимо разныхъ привилегій, евреи явились въ южную Русь съ болѣе значительною степенью общаго и экономическаго развитія, чѣмъ туземные горожане; они были къ тому же сильны солидарностью въ дѣйствіяхъ и, наконецъ, сознавая себя постоянно племенемъ пришлымъ, чуждымъ туземцамъ и ихъ интересамъ, евреи въ своей дѣятельности не стѣснялись никакими моральными требованіями, кромѣ экономической выгоды. Не въ лучшемъ положеніи находились и села: паны довѣряли евреямъ свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, свои имѣнія и своихъ подданныхъ, и еврейскіе арендаторы, корчмари и экономы благопріятствовали истощенію богатствъ земли и помогали панству въ порабощеніи народа, и въ то же время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую бы получило панство, или, говоря словами лѣтописи, „мазали пановъ по тѣлу ихъ собственнымъ саломъ“.

Народъ сознавалъ тяжесть еврейскаго хозяйничанья въ странѣ и, не находя дѣйствительной себѣ поддержки въ борьбѣ съ еврействомъ въ правительствѣ, которое ограничивалось грамотами и разными ограничительными постановленіями, принялся помогать себѣ средствами массъ, какъ при Святополкѣ II,—грабежемъ и убійствами. Кровавая расправа въ періодъ козацкихъ войнъ постигла на ряду со шляхетствомъ и его двойника—еврейское населеніе. Еврейскій элементъ ослабѣлъ въ южнорусскихъ областяхъ, а въ ближайшихъ къ военному району мѣстахъ и совершенно исчезъ, но, однако, не на долго. Волны народнаго возбужденія постепенно улеглись, опасности отъ ярости массы не оказывалось для евреевъ, и соціально-экономическія условія страны не измѣнились, особенно въ правобережной Украинѣ: къ XVIII в. въ краѣ по прежнему не существовало такого свободнаго національнаго сословія, которое могло бы заполнить вновь образовавшійся промежутокъ между панствомъ и хлопствомъ, а правящіе классы относительно евреевъ держались прежнихъ основаній. Однимъ словомъ, все благопріятствовало возврату евреевъ въ край. И дѣйствительно, съ раздѣленіемъ Южной Руси по Андрусовскому договору, въ заселенную часть правобережной Украйны, рядомъ съ польскими порядками, приходили и евреи, и гдѣ только поселялись, дѣлались по прежнему придаткомъ панства, посредствомъ котораго паны не безъ ущерба, впрочемъ, для себя, владѣли своими хлопами. Въ лѣвобережной Украинѣ, откуда болѣе всего евреи были вытѣснены козацкимъ движеніемъ, во весь гетманскій періодъ евреямъ дозволялось жить только временно, ради торговыхъ операцій; но по мѣрѣ заселенія праваго побережья Днѣпра, они незамѣтно, мало-по-малу, водворялись и на лѣвомъ берегу. Въ 1764 г. малорусское гетманство уничтожилось, а русское правительство, въ интересахъ уничтоженія автономныхъ традицій Малороссіи, не стало ставить преградъ для еврейской осѣдлости въ ней. Результаты получились сходные съ XVII ст.; на защиту интересовъ малорусскаго населенія возникло гайдамацкое

движеніе, жестоко расправившееся, на ряду съ поляками, и съ евреями.

Къ концу XVIII ст. политическія обстоятельства значительно измѣнились: въ 1773 г. послѣдовалъ первый раздѣлъ Польскаго королевства, а въ 1792 г. и второй, и судьба жгучаго тогда еврейскаго вопроса въ южно-русскихъ областяхъ ставится въ полную зависимость отъ внутренней политики двухъ сильныхъ европейскихъ государствъ—Русскаго и Австрійскаго. Польское правительство съ XIV вѣка и до конца своего существованія держалось по отношенію Евреевъ принциповъ утилизаціи: евреи не были признаны полноправными гражданами, но они, какъ полезный элементъ, составляли покровительствуемое племя, и имъ было предоставлено въ законодательныхъ установленіяхъ столько свободы, сколько, при односторонности шляхетскаго воззрѣнія, того требовала государственная польза и интересъ правящихъ классовъ. Съ переходомъ власти отъ Польши къ Австріи и Россіи, какъ то, такъ и другое государства нѣкоторое время въ еврейскомъ вопросѣ слѣдовали тѣмъ же принципамъ утилитаризма не безъ нѣкоторой, впрочемъ, примѣси гуманныхъ началъ, модныхъ тогда при дворахъ Іосифа II и Екатерины II. Подъ вліяніемъ именно гуманнаго настроенія въ 1782 г. въ Австріи былъ опубликованъ такъ называемый „эдиктъ терпимости“ (Toleranza Edict) Іосифа II, по которому евреямъ дозволялось постоянно жить во всѣхъ городахъ и, за нѣкоторыми исключеніями, и въ деревняхъ, заниматься ремеслами и торговлей, но безъ права владѣнія недвижимыми имуществами; они получали право основывать нормальныя школы и нести обязанности военной службы. Почти одновременно, именно въ 1786 г., современницей Іосифа II, Екатериной II-ой, подписанъ былъ сенатскій указъ, отмѣнявшій неравноправность евреевъ въ имущественныхъ и судебныхъ дѣлахъ и религіозную нетерпимость, въ чемъ и выразилось фактическое стремленіе русскаго правительства къ уравненію правъ евреевъ. Параллелизмъ въ этомъ отношеніи Австріи и Россіи

продолжается приблизительно до конца XVIII вѣка. Въ этотъ періодъ евреи, разогнанные передъ тѣмъ гайдамацкими расправами, вновь заселяютъ Юго-Западный край; съ присоединеніемъ къ Россіи въ 1772 году Бѣлоруссіи, еврейское населеніе нахлынуло въ теперешнія Полтавскую и Черниговскую губ., гдѣ они и были укрѣплены въ 1794 г. въ городахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ; фактически тогда водворилось еврейство и въ „Екатерининскомъ намѣстничествѣ“ и въ „Таврической области“, хотя указъ, разрѣшавшій евреямъ водвореніе на жительство въ „Новороссійской“ губ., послѣдовалъ лишь въ 1829 г., 16-го ноября; въ концѣ же XVIII в. евреи поселились въ Буковинѣ и Угорской Руси, куда они перешли изъ Галиціи и Польши. Слѣдовательно, къ началу XIX в. изъ малорусскихъ областей только Харьковская и малорусскія части Курской, Воронежской и Земли Войска Донск., а равно и земля Черноморскаго войска были свободны отъ еврейскаго населенія.

Въ XIX вѣкѣ Австрія, служа невольнымъ отраженіемъ политическихъ движеній въ Европѣ, шла постепенно, хотя и не безъ колебаній, къ полной эмансипаціи евреевъ, а юридическое положеніе евреевъ въ малорусскихъ областяхъ, въ силу государственной необходимости, подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и все вообще конституціонное устройство государства. Существенныя улучшенія, въ смыслѣ дѣйствительнаго уравненія правъ, австрійскіе евреи получили, однако, лишь по конституціи 4-го марта 1849 г. Наступившая потомъ реакція породила снова разныя ограниченія: такъ, указомъ отъ 2-го октября 1853 г., право евреевъ на поземельное владѣніе во всѣхъ коренныхъ земляхъ было снова временно ограничено, а указомъ 18-го февраля 1860 г. пріобрѣтеніе евреями недвижимой собственности въ Галиціи и Буковинѣ поставлено было въ зависимость отъ диплома высшихъ учебныхъ заведеній или отъ офицерскаго званія; только конституціей отъ 24 декабря 1867 г. евреи окончательно были уравнены съ остальными гражданами, что было потомъ еще гарантировано особымъ закономъ

о вѣроисповѣданіяхъ (25 мая 1868 г.), которымъ признавалось полное равенство и свобода всѣхъ вѣроисповѣданій въ религіозныхъ и гражданскихъ правахъ.

Нѣсколько менѣе послѣдовательно и постепенно совершалась эманципація въ Венгріи. Въ 1847 г. въ литературѣ поставленъ былъ вопросъ о равноправности евреевъ въ государственныхъ сферахъ и энергично поддерживался Кошутомъ, но обѣ палаты по этому вопросу ограничились рѣшеніемъ, что еврейскіе церковнослужители должны были получать содержаніе отъ правительства. Послѣдовавшее вскорѣ усмиреніе венгерскаго движенія печально отразилось на судьбѣ венгерскихъ евреевъ: имъ въ этотъ періодъ разрѣшено было пріобрѣтать поземельную собственность, но отъ исключительныхъ законовъ все не отказывались еще долго, не смотря на жаркую борьбу по этому вопросу въ мартовскомъ сеймѣ 1861 г., и законъ объ уравненіи евреевъ съ христіанами во всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и объ отмѣнѣ всѣхъ противныхъ этому постановленій утвержденъ былъ обѣими палатами лишь 20 декабря 1867 года.

Такимъ образомъ, евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Австріи—въ Угорской Руси, Галиціи и Буковинѣ съ 1868 г. и юридически, и фактически пользуются не только всѣми судебными и имущественными правами, но и въ политическомъ отношеніи являются полноправными гражданами Австрійской Имперіи.

Иначе устроились евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Россіи. Во вторую половину царствованія Екатерины II издано было уже нѣсколько ограничительныхъ положеній о евреяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ гуманными принципами указа 1786 г., и между прочимъ характерный указъ, запрещающій евреямъ вести какую-бы то ни было корреспонденцію кромѣ торговой. [1]) Въ началѣ царствованія Александра I, наравнѣ съ

[1]) Поводомъ къ этому указу послужило открытіе, что во время турецкой войны еврейскіе купцы въ своей корреспонденціи передавали туркамъ свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи страны.

многими другими вопросами, былъ поднятъ и вопросъ вѣроисповѣдный, и въ 1804 г. обнародованъ „уставъ", имѣвшій задачей поставить евреевъ „въ состояніе равное съ другими, безъ различія закона и народа". Но кромѣ указаннаго устава, всѣ прочія относящіяся къ евреямъ постановленія въ XIX вѣкѣ носятъ явные слѣды системы опеки съ разными задачами: „образовать", „перевоспитать", „ассимилировать" евреевъ, какъ народъ лишь терпимый. Система опеки сопровождалась и разными ограниченіями дѣятельности и района поселеній евреевъ, а по временамъ и преслѣдованіемъ религіозно бытовыхъ особенностей націи. Такъ, въ царств. Николая I изданы были постановленія, запрещающія евреямъ носить польско-еврейскій костюмъ: ермолки, пейсы и пр.; въ 1844 г. уничтожено было кагальное устройство у евреевъ, и надзоръ за ними былъ съ этого времени порученъ общимъ административнымъ властямъ. Однако, рядомъ съ ограниченіями, въ покровительственной системѣ русскаго правительства шли и нѣкоторыя расширенія еврейскихъ вольностей: они были допущены въ общія учебныя заведенія, имъ было дано право записываться въ купечество и мѣщанство, устраивать фабрики и заводы, равно какъ и заниматься ремеслами, предпринята была цѣлая система пріученія евреевъ къ земледѣлію и пр. Особенно преобразовательное царствованіе Александра II было сравнительно богато гуманными мѣрами къ уравненію евреевъ въ правахъ съ остальными національностями страны: прекращены были изгнанія евреевъ изъ селъ; Высочайшимъ повелѣніемъ 1861 г. было дозволено евреямъ, получившимъ ученую степень, вступать въ государственную службу, кромѣ педагогической дѣятельности; въ 1865 году разрѣшено купцамъ первой гильдіи жительство во внутреннихъ губерніяхъ, а равно и ремесленникамъ іудейскаго вѣроисповѣданія; евреи уравнены были относительно рекрутской повинности, призваны къ участію въ городскомъ самоуправленіи и т. д.

Сравнительно съ евреями австрійской части Малороссіи, положеніе евреевъ Малороссіи русской осталось неопредѣлен-

нымъ и незаконченнымъ. Въ современномъ нашемъ законодательствѣ находится болѣе пятидесяти главъ съ 400 сепаратныхъ статей о евреяхъ, которыми прямо или косвенно ограничиваются права ихъ, то съ цѣлью огражденія населенія отъ вреднаго вліянія евреевъ, то ради пользы самихъ же евреевъ. Среди этихъ мѣръ существуетъ ограниченіе осѣдлости евреевъ. Выше уже отмѣчено было, что въ концѣ XVIII в. евреи фактически обитали, за незначительными исключеніями, во всѣхъ малорусскихъ областяхъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствительное разселеніе переходило за предѣлы, предвидѣнные законами, и только post factum уже происходило узаконеніе мѣстожительства евреевъ. Такъ, указомъ отъ 23 декабря 1791 г. евреи узаконены были въ теперешнихъ губ. Екатеринославск. и Таврической; черезъ 12 лѣтъ они допущены были въ Херсонскую губ. и окончательно утверждены указомъ отъ 16 ноября 1829 г. Позже этого происходили лишь частичныя урегулированія вопроса о районѣ еврейской осѣдлости, и въ настоящее время, по русскому законодательству среди малороссовъ евреи имѣютъ право жительства въ губерніяхъ: Бессарабской, Подольской, Волынской, Кіевской, кромѣ г. Кіева, Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, въ сѣверныхъ частяхъ Таврической, въ Херсонской, Екатеринославской, Черниговской и Полтавской. Всѣ эти области полны теперь еврейскимъ населеніемъ. Количество еврейскаго населенія, въ предѣлахъ собственно малорусскихъ поселеній въ Россіи и Австріи, около 2,000,000 душъ.

Центромъ поселенія евреевъ въ Малороссіи служатъ старыя польскія владѣнія—Галиція, Привислянскій и юго-западный край, гдѣ еврейское населеніе доходитъ до 20% по отдѣльнымъ округамъ, а въ среднемъ составляетъ болѣе 13%. Отъ этого района величина коэффиціента падаетъ болѣе рѣзко на востокъ и менѣе чувствительно на западъ и югъ. Относительно еврейскаго населенія среди другихъ народностей выясняется слѣдующее явленіе: на востокѣ и сѣверо-востокѣ, среди великорусскаго населенія процентъ евреевъ выражается въ совершенно ничтож-

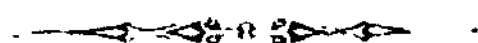
ныхъ доляхъ; на западѣ: въ Румыніи одинъ еврей приходится на 19 душъ населенія, въ Венгріи—на 22, въ Моравіи—на 47, въ Богеміи—на 57, въ Пруссіи—на 79, въ Европ. Турціи—на 150, въ Швейцаріи—на 386, во Франціи—на 785, въ Бельгіи—на 2541, въ Испаніи—на 2806, въ Швеціи—на 3646, въ Норвегіи—на 69164, т. е. чѣмъ какая страна западной Европы дальше отстоитъ отъ Малороссіи, тѣмъ слабѣе въ ней еврейское населеніе. Однако есть области, внѣ малорусскихъ поселеній, которыя въ количествѣ еврейскаго населенія даже превосходятъ южную Русь—это Польша и Бѣлоруссія. Въ первой одинъ еврей приходится на 7 жителей, а въ послѣдней существуютъ такіе уголки, какъ Чаускій у. Могилевской губ., въ которомъ евреи составляютъ 55,5% всего населенія. Очевидно, что въ настоящее время центръ еврейскихъ поселеній приблизительно совпадаетъ съ географическимъ центромъ Европы, и малорусскій народъ, жительствуя въ серединѣ Европейскаго материка, оказался вмѣстѣ съ поляками и бѣлоруссами въ центральномъ мѣстѣ нынѣшняго еврейства.

Въ Европѣ колыбелью евреевъ были по преимуществу страны Романскаго населенія—Аппенинскій полуостровъ и южная Франція; къ среднимъ вѣкамъ евреи передвинулись въ среду германскаго племени, а отсюда уже густою массою іудаизмъ сталъ вселяться въ поселенія славянскихъ народовъ—сначала Чеховъ и Моравовъ, которые къ нашему времени успѣли уже освободиться отъ евреевъ, а потомъ въ Польшу, Бѣлоруссію и Малороссію, на территоріи которыхъ теперь обитаетъ около $^2/_3$ всѣхъ евреевъ земного шара. Въ западной Европѣ нѣтъ уже и воспоминаній о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, а во второй половинѣ XIX ст. исчезли и послѣдніе остатки неравноправности еврейскаго населенія, за исключеніемъ только Швеціи, Норвегіи, Евр. Турціи и Румыніи, и однако еврейское населеніе продолжаетъ свое движеніе и теперь, уменьшаясь на западѣ Европы и увеличиваясь въ ея центрѣ. Во Франціи въ 1809 г. числилось евреевъ до 80,000 душъ и одинъ еврей приходился на 362 жит.;

въ 1829 г. еврейское населеніе уменьшилось до 60,000, и одинъ еврей оказывался на 600 душъ населенія; а въ 60-хъ годахъ одинъ еврей приходился уже только на 785 душъ. Аналогичное явленіе произошло и въ другихъ частяхъ западной Европы.

Совершенно противоположное явленіе происходило въ этотъ періодъ въ центральной части Европы, именно среди Малоруссовъ. Въ Буковинѣ систематическія поселенія евреевъ начались лишь въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, а черезъ полстолѣтія евреевъ уже числилось около 50,000. Въ Полтавской и Черниговской губ. въ 1739 г. было всего 573 еврея въ 130 дворахъ, а въ 1870, т. е. черезъ 130 лѣтъ, здѣсь числилось уже около 100,000 евр , а еще черезъ десять лѣтъ въ одной Черниговской губ. евреевъ считалось болѣе 81,000. Въ Полт. губ. въ 1842 г. евреевъ было до 17,000, къ 1862 г. ихъ уже насчитывалось около 31,000, а въ 1873 г. евреевъ исчислено было до 63,000; въ 1881 г. еврейское населеніе составляло уже 84,000 д. Такое интенсивное размноженіе евреевъ не можетъ быть объяснено естественнымъ приростомъ, а происходитъ отъ наплыва евреевъ въ предѣлы Малороссіи изъ другихъ мѣстъ. Безъ сомнѣнія, часть еврейскаго населенія даетъ Малороссіи отъ своего избытка ея ближайшій сосѣдъ—Бѣлорусскій край, который за одно семилѣтіе съ 1863 по 70-ый годъ потерялъ около 100,000 еврейскаго населенія; но остальная часть не могла явиться ни изъ Польши, гдѣ съ 1867 г. по 70-ый населеніе еврейское увеличилось на 115,000, ни изъ Галиціи и Буковины, гдѣ приростъ евреевъ несоразмѣрно великъ, а вѣроятнѣе всего изъ стараго же источника—изъ западной Европы и старымъ же путемъ—черезъ страны западныхъ сосѣдей малороссовъ. Гонитъ же еврейство изъ западной Европы къ намъ теперь уже не преслѣдованіе, а постепенно растущій уровень образованія и развитія населенія, при которомъ не остается мѣста для еврейства, ничего не производящаго, а живущаго исключительно посредничествомъ въ торгово-финансовыхъ операціяхъ.

Ир. Житецкій



НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.

I.

Отъ скилько есть на нашій славній та веселій Украини усякыхъ селъ, слобицъ та хуторивъ и скилько въ тыхъ селахъ, слободахъ та хуторахъ жыве усякыхъ людей, а, здается, такого села, якъ Суныцивка, Харькивськои губерни и Харькивського повиту, а найпаче такого чоловика, якъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, що прожывае у тій Суныцивци, десь нема на всій шырокій та далекій Украини.

Що-жъ воно за село та Суныцивка и чымъ воно славне? Чы тымъ, що дуже багате? Чы тымъ, що дуже велыке? А чы, може, тымъ, що дуже пышне та роскишне село? Ни, и не пышне, и не багате воно; а що до славы, то воно таке славетне, що якъ зазнають ёго верстовъ за двадцять навкругы окильни селяне, то отъ то и вся ёго слава... Але все-жъ такы не завжды можна побачыты таке село, якъ та Суныцивка...

Якъ хочешъ ты гараздъ раздывыться на те село, то йды ты до нёго зъ полуденнои стороны, по дорози одъ хутора Коноваливкы, и тутъ тоби буде спершу всёго, у ливоручъ, глыбоченне проваллля; однымъ кинцемъ те проваллля досягае до самои дорогы, а другымъ до велыкои гребли, що на шырокимъ та

глыбокимъ цанськимъ ставу. По середыни того провалля есть глыбокый колодязь, де бье джерело чыстои, якъ скло, и холодпои, якъ крыга, воды: луччои воды, якъ у тому колодязи, нема у всій Суныцивци,—того-жъ то зъ нёго и возять воду панамъ на чай; при самому киньци того проваллял, тилько геть выще колодязя, есть страшенно глыбока,—кажуть, буцимъ-то зовсимъ безодня, яма, и въ тій ями щось дуже не добре діется. И не дай, Боже, заглянуты у ту ямуру у темну ничъ! Тамъ чоловикови таке увыжается, що винъ чы гляне туды, чы ще й не гляне, а вже буде ажъ цилый тыждень жахаться та позихаты та хрестыты рота та оглядатысь округъ. Промижъ людей ходе така балачка, шо буцимъ-то тамъ саме найстрашенне кышло, де кублятся нечысти, мовъ ти гадюкы на прбвесни у порожнёму дупли дерева.

За тымъ проваллямъ почынается „выщый" панськый садъ. Тутъ ты вздрышъ и велыченни дубы, и роскишни кленкы, и товстенни берестки, и высоки-превысоки березы, що Богъ-зна кымъ и Богъ зна колы понасажувани у тому саду на дыво всимъ суныганамъ, бо не тилько у Суныцивци, а, мабудь, такъ, що и по всій Харькивськiй губерни, береза на велыку дывовыжу всимъ. Того-жъ то кожный, хто не йде по дорози на Суныцивку, якъ тилько порывняется зъ „выщимъ" панськымъ садомъ и якъ тилько побачыть высоки та товсти березы, а на макивци тыхъ березъ уздрыть ще й вуликы для божои мушкы-бжилкы, щобъ сидала, якъ летитыме зъ чужои пасикы,—такъ якъ порывняется зъ тымъ садомъ чоловикъ, то заразъ же стане супроты березъ, та й давай дывытысь на ныхъ. Дывытся винъ и на ту билу кору, и на ти тонки та довги, якъ батогы, гилочкы, що прямисенько-прямисенько, якъ струночка, спускаются зъ верху уныз; дывытся и на ти дрибни та зелененьки сольїстячка, шо такъ и дрижать, такъ и трипочутся проты сонечка одъ легкого та тыхесенького витреця. Якъ то буде йты мымо того саду дидъ, то подывытся винъ, подывытся на березу та й скаже: „Славна-жъ и кора на цій берези! И яку-бъ-то зъ неи можна було зробыть тавлыночку для табаку!.." А якъ то

буде дядько, а не дидъ, то подывытся винъ, подывытся на ти гнучки та довги гилочкы, та й скаже: „Ну-й ловка-жъ була-бъ и метелочка изъ цыхъ гилочокъ пидметаты токы!..“ А якъ-же то буде иты по дорози стара баба и погляне на ту березу, то тутъ-же потыхесеньку пидкрадется пидъ саму нызьку гилочку дерева, та й давай щыпаты зъ нёго бруньки та ховаты ихъ за пазуху: „Це дуже цилюще древо,—якъ нарваты побильше цыхъ брунёкъ, та якъ до цыхъ прыбавыты ще молоденькыхъ гилочокъ, та якъ настояты це все на крипкій горильци, та потерты цією березивкою чы поясныцю, чы жывитъ, то у тебе и въ жывоти полегша и поперекъ перестане болить“... А якъ уже бигтыме по дорози повзъ „выщого“ панського саду яке-небудь хлопья, та якъ уздрыть воно высоку березу, и колы то буде на провесни, то ото воно вже й не жыве, щобъ не пидлизты крадькома пидъ березу, не продовбаты малесенькои дирочкы у стволыни дерева, не вставыты туды очеретынкы, та не посмоктаты черезъ ту дирочку березового соку. Воно черезъ те, сказать, бува и велыка шкода дереву, та хлопцеви до того байдуже: винъ-же, той сикъ, солодкый, та смашный такый, що й Боже мій! И смокче воно той сикъ, и смокче, прытулывшысь щильно губамы до очеретынкы и уткнувшысь носомъ у саму кору дерева.

Якъ мынешъ ты той „выщый“ панськый садъ, то тутъ буде одразу шырокый майданъ, и на тому майдани, у праворучъ, убачышъ ты панськый тикъ зъ глыбокымъ ровомъ и зъ высокымъ валомъ, чы, якъ кажуть тамъ, загатою, округъ; а у ливоручъ побачышъ невелычку, прысадкувату, якъ печерычка, церковку. То-жъ то й церковка славнесенька! Невелычка, кажу, вона соби и збудована не зъ цеглы, а зъ дерева, помалёвана зъ бокивъ билою фарбою, а сверху зеленою ярью; округъ неи нызенька, побиляна вапною оградочка, зложена изъ цеглы, тилько не въ щиль, а, якъ тамъ кажуть, у решето зъ витрогонамы. Выще ограды, надъ правымы боковымы дверыма церквы, намалёвана и далеко видризняется видъ стины постать Господа Вседержытеля зъ довгою-предовгою та билою, якъ

снигъ, бородою и зъ двома пиднятымы у гору благословляючымы рукамы. Здалека выдко, якъ грае та перелывается сонечко у тыхъ высокыхъ зъ зализнымы перепе́ламы викнахъ, де повставлени шматочкы зеленого, червоного, сынёго и жовтого скла. Мижъ церковкою и оградою ростуть та красуются товсти, гилляста та пахучи жовтымъ цвитомъ лыпы; высоки та зелени зъ лапчастымъ лыстомъ кленкы, и въ одному куточку, що коло дзвиныци, гойдаются гилочкы рябыны, що позвысалы ажъ черезъ ограду до самого долу, укупи зъ червонымы, якъ дрибне кораллове намысто, ягидочкамы. И якъ то погоже, и якъ то славно у тій церковній огради пидъ тымы деревамы у литній пекучій день!..

Якъ разъ супроты тіеи церковкы, тилько трошкы ливійшъ, стоить старынный, у два поверхы, панськый будынокъ, и коло того будынка пороскыдани скризь усяки будивли, яки потрибни за-для панського господарства, се-бъ то: ледовня, лазня, столярня, пральня, застольня, загоны, стайни, хливы, сажи и друге. За панськымъ будынкомъ выявляется „ныжчый" панськый садъ, а за „ныжчымъ" садомъ поблыскуе проты сонечка шырокый та довгый панськый ставокъ. Вы, може, подумаете, що то такъ соби, абы-якый садъ? Эге-жъ! Та то такый садъ, що якъ-бы забравсь туды ночнои добы, то хто ёго зна, чы выблудывсь бы и къ свиту изъ ёго...

И, Боже мій, яки то въ тому саду ростуть велычезни та густи дерева! Тутъ и дубы, и кленкы, и сосны,—упьять такы велыке дыво у тій сторони,—и лыпы, и акаціи, и ясенкы, и берестки, и били срибляста тополи. Отъ тутъ тополи, такъ тополи!

Такыхъ высокыхъ та товстыхъ тополь, пройидь ты сто, пройидь двисти, або й трыста верстовъ, не побачышъ нигде. Якъ помиряты ихъ рукамы, то буде тры, або й чотыри обіймыщивъ округъ. Та воно й не дыво, що тутъ таки тополи: стоять воны край самисенького берега ставка и ростуть у чорній, якъ вороняче крыло, и въ жырній, якъ те масло, земли. Тамъ-то прохолодно, тамъ то роскишно, тамъ-то славно, у тому „ныж-

чому“ панському саду! Тамъ що тыхъ квитокъ, тамъ що того овочу усякого, тыхъ ягидъ, тіеи огородыны, тыхъ пташокъ, що щебечуть, спивають, та залываются на всяки голосы!

Всёго, всёго тамъ багато, а тилько боязко туды и однымъ окомъ зыркнуть. Одно те, що тамъ лютый-прелютый сторожъ Хвылька Баукало, увесь волохатый, якъ той звирь, крыклывый, якъ та сорока билобока, занюханый та засопляный, якъ та мара свитова, зъ одными костяными „колодочками“ на пальцяхъ замисть нигтивъ,—цей Хвылька Баукало якось-то зимнёи поры одморозывъ соби на лёду нигти и шкуру на пальцяхъ, якъ йшовъ пьяный черезъ ставъ у панськый садъ та впавъ на лидъ и проспавъ на нёму усю ничъ. Черезъ те то у нёго, замисть пальцивъ, зосталысь одни чорни „колодочкы“. И злющый же винъ бувъ чоловикъ! Хлопци, глядючы на ёго „колодочкы“, казалы, що винъ зовсимъ уже й не чоловикъ, що винъ зъ того часу, якъ ёго понюхалы чорты на лёду, самъ ставъ чортомъ... Такъ отъ черезъ того сторожа, кажу, и боязко було заглянуты у той „ныжчый“ панськый садъ. А друге й те, що въ тому саду часто выглядавъ ще лютійшый, нижъ Хвылька Баукало, самъ панъ Иванъ Мытровычъ Голованъ. И не дай маты Божа, якый то бувъ скаженый панъ! Высокый, товстый, банькастый, лысый, якъ макогинъ, зъ довгымъ та закарлюченымъ, якъ у орлякы, носомъ, съ страшеннымъ голосомъ; той панъ, Голованъ, бувъ справжнимъ страховыщемъ на все село и своимъ голосомъ лякавъ и старыхъ и малыхъ, и жинокъ и мужыкивъ, не кажучы уже про малу дитвору. И шо винъ тилько выроблявъ зъ своимы крепакамы, такъ якъ теперъ сказаты, то мало хто й повире, а воно-жъ правда, справжня правда. Мужыкивъ винъ бывъ, нивечывъ, катутавъ гирше, нижъ никчемну товаряку; минявъ ихъ на собакъ, програвавъ у карты, завдававъ у некруты, засылавъ у Сибиръ. Молодыць, якъ яка була брава та красовыта, бравъ у „горныци“ за для своеи потихы; а якъ яка некрасовыта та нечепурна, тій отдававъ на згодування одъ гончои сучкы цуцынятъ. И годувала вона ихъ умисти зъ своею дытыною, а панъ, на дыво велыкый стрилець, що-тыжня

довидувався до тіеи молодыци, и пыльно доглядавъ, чы добре вона годуе собачятъ, чы не худи зъ пидъ неи выходять годованьци, и боронь Боже, якъ худи! „Розокъ! Запороть её! Закатать! Пороть, пока своею кровью не подплывётъ!“ Такъ хочешъ, не хочешъ, а годуй! „А воно-жъ тебе, проклятe собача, тягне за груды та куса тоби тило, та дряпае собачымы кихтямы шкуру. А ты залывайся слизьмы, та годуй, та мовчы, та все мовчы, а то лютый панъ на викы тебе и забье и засиче“... А ще гирше того выпадало одъ того пана Голованя дворовымъ людямъ; ти вже бидолахы, що часъ, що хвылыну тремтилы за свое жыття. Завжды голодни, завжды зъ облупленною шкурою, завжде залякани, воны ходылы у-литку и голи и боси, а взимку набувалы на себе деревьяни черевыкы, що самъ панъ выточувавъ на „токарному станку“... И хто-бъ ни йшовъ, и хто-бъ ни йихавъ зъ мужыкивъ черезъ паньськый двиръ, скыдай зъ головы шапку за пивъ-верствы, а то якъ уздрыть тебе панъ, що ты йдешъ мымо ёго ганка у шапци, то тутъ тоби й капутъ: „Запорю! Засѣку! Заморю! На конюшню его, подлеца! Дать ему девяносто! Всыпать ему сто!..“ А якъ сяде-жъ той панъ, не дай Боже, на свого билого коня та надине на себе охвыцерськый картузъ, бо винъ на лыхо всимъ бувъ майоръ, та якъ визьме у рукы ременный зъ дротомъ малахай и пойиде по своёму селу, то отъ то вже все, що тамъ буде жывого и хрещеного, старого и малого, слипого и выдющого,—все неначе одъ чумы бижыть и, не оглядуючысь, ховается, хто по бурьянахъ, хто по погрибахъ, хто по горыщахъ, хто по хливахъ. И якъ яка жинка хвора та непорожня схоче утекты одъ пана на горище, та не попаде на драбыну, що стоить у синяхъ, а злизе на двери, що зъ хаты одчыняются въ сины, то тамъ-же, сыдючы на дверяхъ, зъ переляку и дытыну зкыне. „А, такая-сякая! Я вамъ приказывалъ не топить по вечерамъ печей! Хотите пожару надѣлать на все село? Въ кандалы забью! въ тюрьмѣ згною!..“ Та такъ устрахае, що бидна жинка и туды и сюды, и сама не зна, чы вона жыва, чы вона мертва. Ажъ страшно згадуваты—якый-то лютый бувъ той панъ Головань. Та, хвалыты

Бога, власть пана Голованя хутко увирвалась, якъ увирвалась власть усихъ панивъ надъ мужыкамы писля скасування крепацтва.

Такъ отъ то, кажу, якъ разъ супроты тіеи Божои церковкы стоить панськый будынокъ, и въ тому будынку жыве панъ Иванъ Мытровычъ Головань. Якъ помынешъ-же ты панськый двиръ, то ось тоби скоро, у праворучъ, буде невелычка хата и невелычкый коло неи двиръ, де жыве паламарь Ныканоръ Нечипайло-Будякъ, а урядъ зъ нымъ и господа батюшкы, отця Калистрата Горобця. Супроты господы батюшкы, тилько трошкы оподаль, у ливоручъ, стоить просторый та довгый шынокъ, де шынкарюе, якъ кажуть прости люды, пидпебель, себъ то фельдфебель, Кастіёнъ Петровычъ Чубарокъ, захожый звидкилясь москаль. Давно уже той Кастіёнъ Петровычъ топче рястъ у Суныцивци, и давно винъ уже кохается тамъ у такыхъ роскошахъ, яки наврядъ чы прыснятся иншому чоловику и у висни... Того-жъ то винъ такый гладкый та повновыдный, а вьязы у нёго хочъ обиддя гны;—десь, мабудь, ёму дуже погано на свити жыть... Якъ настане оце день, та якъ сонечко почне дуже прыпикаты на вулыци, то Кастіёнъ Петровычъ позатуляе уси викна виконныцямы у своёму шынку, розчыне шыроко синешни двери, сяде у синяхъ на невелычкому ослинчыку, та якъ почне „залываты“ московскои писни, шо тамъ „Сизинькай галупчикъ, завдалой малотчикъ, сидѣлъ па дубочку, брови въ ёго чорни, глаза въ ёго кари, личенькомъ биленькой. Прощай, прощай, Маша, дорогая Саша, а я скоро ѣду во царскую службу. Плакала, рыдала, слёзы ютирала правою рукою, лентой голубою.“ Скинчыть одну писню, почне выводыть другу: „Ты, сухота, ты сухота, ты сухотушка моя, иссушыла дивчинонька завдолова молодца, вынимала румяница съ его бѣлова лица... А я съ горя пойду въ поле, да рассѣю грусть-тоску... Я рассѣялъ да й пайшолъ, ва зеленый садъ зайшолъ; ва зеленому садочку саловей паетъ во клѣткѣ, виноградъ растетъ на вѣткѣ, а я слушалъ-переймалъ, подъ кустомъ сидѣлъ дремалъ...“ Отакъ, кажу, якъ почне Кастіёнъ Петровычъ розлягаться голосомъ, якъ

почне выводыты, такъ ажъ уся вулыця лунае. Выводе писню, а самъ нызенько пидстрыженый та чепурненько пидголеный, сыдыть та шые соби кумачеву сорочку; здалека тилько выдко, якъ винъ прудко мотае правою рукою: то винъ такъ орудуе голкою, прыганяючы одынъ шматокъ кумачу до другого... Ось якъ тилько сонечко стане у макивку чоловика, тоди Кастіёнъ Петровычъ покыне свою роботу, ласо и добре пообидае, писля обидъ добре видпочыне, а потимъ устане, напьется зъ лымоною, або зъ вышневымъ вареннямъ та зъ бублыкамы чаю, дали порозчыня вси викна у своихъ кимнатахъ, и тоди жде та пидждае до себе любыхъ та дорогыхъ гостей: „Эй, идить же та поспишайтесь и багати и бидни, и стари и молоди мужыкы—Васыль Тыхоновычъ Полушка, Якуша Пылыповычъ Крыженко, Семенъ Ивановычъ Гыренко, Васыль Рябый-Могиленко, Андрюша Прыдуха-Кебетенко, Ондрій Ивановычъ Семененко, Олекса Кудрявый-Чекмаренко—идить швыденько, поспишайте хутенько до Петровыча, та несить ёму побильше, яко мога, побильше вашыхъ трудовыхъ, потомъ та кровію добутыхъ грошыкивъ! Тамъ у тому „прохладному" шынку вы заспиваете и „Сухота, ты, сухота, ты сухотушка моя" и „Соловей ва клѣткѣ, виноградъ на вѣткѣ", а на свое ридне, украинське вы наплюйте, обхайте ёго и начхайте на нёго! То колысь-то ваши диды та ваши батькы спивалы: „Ой, горе тій чайци, горе тій небози, що вывела чаинятъ пры бытій дорози"; або: „Гей, летыть орелъ та по-надъ моремъ, та й крычыть: море, пыты; гей, горе тому козакови та на Вкраини жыты..." Такъ спишить, та поспишайте, сыны Украины, у той „прохладный" та любьязный вамъ шынокъ Кастіёна Петровыча Чубарка, а мы пидемъ дали, все дали по дорози того села Суныцивкы.

Якъ мынешъ ты зъ правои рукы двиръ батюшкы Калистрата Горобця, а зъ ливои—шынокъ Кастіёна Чубарка, то тутъ-же побачышъ невелыкий будынокъ убогого панка Крачка, що жыве на своимъ власнимъ грунти, якый ёму доставсь чы одъ дида, чы ще одъ прадида, що зайшовъ у Суныцивку ажъ изъ-за Днипра, яко бродячый музыка, и оселывсь въ ній зъ ласкы

панивъ Голованивъ, шо державы коло себе велыки двирськи музыкы. За будынкомъ пана Крачка почынается уже саме село. Невелычке воно соби те село: въ нёму усёго навсёго дви перей, выща и ныжча, и одна, тилько одна вулыця; по середыни вулыци глыбоке та довге проваллю, куды звозять зъ усёго села гній, и де, якъ кажуть въ одынъ голосъ и стари и мали, чортивъ и всякои другои нечести куды бильшъ, нижъ у тій ямури, шо въ глыбокому проваллі, коло „выщого“ панського саду. Бильшъ провалля чортячого у Суныцивци нема, якъ оця баюра, що по середыни села. Ото-жъ видъ тыхъ чортивъ, що кублятся у гнояци, неначе у багныщи, а не видъ чого другого, такъ и дмется вгору пàра, такъ и стелется пислля дощу по всёму селу густый туманъ... За тымъ гноёвымъ та чортячымъ проваллямъ иде знову та-жъ такы вулыця. На самому кинци та вулыця подается трошкы у-праворучъ, и все выще и выще пидіймается въ-гору, и напослидокъ переходыть у высокый шпыль, де гниздятся убоги хаткы убогыхъ людей, найбильшъ молодыхъ хазяинивъ, що виддилылысь видъ батькивъ. Цей край села зветця Жабокрюкивкою, бо поныжче хатокъ, у балочци, выдніется невелычке багныще, де литнёи поры, у ночну добу, разъ-у-разъ квакаютъ да брекекекаютъ жабы.

II.

Такъ у тому-то невелычкому, глухому та вбогому сели Суныцивци жывъ одынъ чоловикъ, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ. Може хто подума, що Максымъ Витрякъ або красовытый, або дуже бравый, або тяжко багатый чоловикъ? Ни, Максымъ Витрякъ и не красовытый, и не бравый, и не багатырь чоловикъ. Зросту винъ бувъ высокого, зъ выду русявый, тиломъ бильше, сказать, худый, чымъ товстый, боридка и вусы у нёго такъ соби, и не велыки, и не овси, щобъ сказать, мали; нисъ ривный и трошкы довгый, очи добри и якись-то вдумлыви. Винъ бувъ чоловикъ добрый и подильчывый, спокійный и розсудлы-

вый, и ридко хто бачывъ, щобъ винъ колы-небудь чы розпалывсь, чы розсердывсь дуже на кого; а що вже винъ бувъ богобоязлывый, чесный, повсегда тверезый, то про те уже всяке, и старе и мале скаже, хто жыве, чы тилько прожывае у сели Суныцивци. И ниде Максымъ Витрякъ не высовувавсь и ниде не выпынавсь попереду другыхъ, щобъ выявляты свій розумъ и свій хыстъ: якъ ёго не пытають, то винъ и мовчыть, а якъ спытають, то винъ скаже и добру пораду дасть.

— А що, Максыме Мыкытовычу,—спыта оце було ёго якый-небудь тамъ сусидъ:—чы буде на завтра дощъ, чы не буде? Я хотивъ побигты у городъ борошно продать, та й не знаю, чы йихать мени, чы не йихать. Максымъ Мыкытовычъ, почувшы такый спытъ, пидниме у-гору голову, погляне на схидъ сонця, погляне на захидъ, подывытся на небо, та й скаже:

— Ни, Якымовычу, не йидьте вы завтра у городъ, бо щось дуже кладется на дощъ. Ось бачыте, якъ лыстя на вашыхъ вербахъ трепощутся,—не зъ боку, а зъ-пидъ нызу у-верхъ, та ще ажъ крутятся. Та й те сказаты вамъ, Якымовычу: учора у-ночи, якъ лягаты спаты, у мене дуже поперекъ боливъ, а сёгодня, якъ я снидавъ, такъ надъ самою мыскою спустывся зъ стели чымалый павукъ; а такъ, якъ уже звернуло зъ обиднёи поры, почавъ хававкать та выбывать голосомъ отой перепелъ, що высыть у крывого Ялдокыма Могыляка у клитци, пидъ стрихою. Такъ я зъ тымъ, що не совитую вамъ йихать.

И сусидъ послуха, и гляды, такъ воно и выйде: на другый день у ранній обидъ такый полосне дощъ, що ажъ усе навкругй запыщыть...

— Слухайте, Максыме Мыкытовычу, якъ вы у цю весну: чы рано, чы пизно будете сіяты?

— Я думаю, Пылыповычу, почать попизнійшъ, бо зъ весны у насъ дощыкивъ Богъ дасть, та ще й съ зимы земля выйшла суха: торикъ писля субботы Дмытра, якъ ударылы одразу морозы, якъ ударылы морозы, то высушылы землю геть чысто, а тоди вже на ту суху землю упавъ снигъ, що лежавъ нерухомо ажъ до середописття; потимъ одразу пишло поло-

видля. Такъ тутъ уже не сподивайсь, щобъ у земли була яка-небудь вохкисть. А оцей мисяць, що теперъ народывсь, тежъ показуе сушу: верхній рижечокъ ёго гострый-прегострый, та ще й закарлюченый. Черезъ те, якъ дуже поранышся посіять—якъ-бы уся твоя заправа задармá не пропала,—краще трошкы пидождать: скоро мисяць буде на ущерби замоложувать на дощъ, то тоди вже можна буде и сіяты благословлясь.

— Шо це у насъ, тату, такъ собакы валують? Якъ настане ничъ, то воны чысто-жъ по всёму селу такъ и залываются, неначе показылысь, а нашъ Покотъ, такъ той улизе у загороду, та вые, та все вые, безъ угаву и безъ перестану, пиднявшы морду ажъ выще вухъ.

— На моровыцю то бъ то, сыну! Колы-бъ у насъ моровыци на товаръ у це лито не було? Треба-бъ оце, яки молоди телята, то треба-бъ ихъ поризаты; та воно й на жныва и яловычынка онъ якъ здастся!

И якъ отто Максымъ Мыкытовычъ сказавъ, такъ воно й сталось: ось скоро-недовго проявылась пошерсть на товаръ: уже пропала корова у одного сусида, пропала и у другого, дійшла черга и до Максыма Витряка: и у нёго одна, що найлучча, корова полягла. Що-жъ тутъ казать? на те воля Божа! Одначе, про Бога думай, та й про себе гадай: треба бороныты хочъ уже тыхъ коривокъ, що зосталысь жыви. И Максымъ Витрякъ бороныть, и якъ боронытъ?

Якъ тилько згынула у нёго одна корова, винъ перво-наперво видлучывъ видъ неи другыхъ коривокъ, потимъ перегнавъ здоровыхъ у нову обору и не давъ имъ ни йисты, ни пыты зъ ранку и до самого вечора. Тымъ часомъ мерщій знявъ шкуру зъ здохлои коровы, уволикъ іи у стару хату, положывъ шерстю у-нызъ на пичъ, посыпавъ зверху силью, натопывъ жарко пичъ и продержавъ шкуру на тепли, ажъ покы вона не степлылась и не просолылась силью. Тоди обережно знявъ іи зъ печи за чотыри киньци, прынисъ у загинъ, розвернувъ передъ коровамы и зновъ посыпавъ силью. Коровы, простоявшы увесь день безъ годивли, заразъ-же кынулысь до шкуры, та й давай іи

лызать. Якъ добре воны налызалысь тіеи солы, тоди Максымъ Витрякъ прынисъ имъ по видру воды и напоивъ ихъ. Ранкомъ на другый день хазяинъ давъ имъ по доброму клаптю сина и по пивъ ведра воды. Такъ выдержавъ Витрякъ коровъ своихъ тры дни, и вси коровы ёго, Богъ мылувавъ, на четвертый день пишлы здорови, а на всёму сели стилько-жъ ихъ полягло, що, батю мій!..

А то и такъ у Максыма Витряка бувало: скризь у людей червякъ пойисть хлибъ, а у нёго на ныви и чуткы нема про того червяка. А через що? А отъ черезъ що: винъ оце якъ почуе, чы за годъ, чы тамъ за два, що червякъ пойида на поли хлибъ, то замисть того, щобъ сіяты хлибъ на толоци, посіе ёго на коноплыщи, и гляды, Богъ погодыть такъ, що у нёго уроде таке добро, якъ золото. Воно, бачъ, червякъ та не любе того духу, що видіае видъ конопель, и черезъ те уже ни за що не полизе у коноплыще.

Такъ-то робылось у Максыма Мыкытовыча Витряка. Иншый чоловикъ норовыть посіяты картоплю на ныэку, та ще й жде, щобъ на неи пройшлы дощечкы, а у Максыма Витряка вона росте и на гори. Винъ ото, якъ тилько що картопля выкыне бадылля, заразъ визьме тры-чотыри возы старои соломы, прывезе іи до картопли, та такъ обридно, злегка, и накрые нею увесь картопляный ланокъ. То воно черезъ те у земли повсигда держытся вохкисть, неначе писля доброго дощу, и картопелька тоби и не схне и не вьяне, а въ-осены выросте завбильшкы зъ кулакъ. Каминь, кажуть, та й той пуска росу, а то-жъ земля, та ще й покрыта соломою!..

Ридко хто изъ суныцивськыхъ мужыкивъ вывозывъ у поле гній, та угноювавъ нымъ свій ланъ, а Максымъ Витрякъ повсигда це робывъ, та ще й робывъ не абы-якъ: иншый вывезе гній у поле, роскыда ёго у кучкы та й край, и шабашёмъ дило; а Витрякъ, такъ той не такъ: винъ оце вывезе у поле гній, пошле своихъ хлопцивъ на ланъ та звелыть имъ заразъ-же заорать и землю и гній; то воно черезъ те и сикъ

зъ гною не пропаде, и самый гній скорійше перегніе, лежучы въ земли.

Такъ ось бачыте, якый премудрый бувъ той Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ! Отакъ чы кому треба закынуты у сажъ кабаньця, чы посадыты на грядкы капусту, чы купыты коня, або продаты корову,—спытай порады у Максыма Витряка, и винъ тебе нараить такъ, що вже не будешъ каяться,—та все такъ тыхенько, та все зъ ласкою, та такъ прыязно, та любьязно! А трапытся на сели якому чоловикови бида, то тутъ першый хто заратуе ёго? Усе-жъ такы Максымъ Витрякъ: винъ скилько людей одъ глата одвольнывъ! А есть-же ворогы таки, що не пожывышся. Отъ хоть-бы тоби Грыцько Драпчакъ: той самъ себе тры разы на годъ любе, а про другыхъ, щобъ винъ кого любывъ, такъ и не кажы. Якъ прыйде чоловикъ до нёго купыть чы зерна, чы борошна, то винъ заразъ и пыта: „Чы готови гроши?“—„Ни, наборъ!“ „Нема!..“ одриже тоби та й край. А Максымъ Витрякъ—той, якъ гроши йе, грошей дае, а грошей нема, то пшеныци, або жыта дае: „беры, та продавай, то й гроши тоби!“

И мудрый и добрый, тай богобоязкый и богомильный бувъ Максымъ Витрякъ. Уже чы велыке, чы невелыке тамъ пастане свято, а якъ тилько паламарь бовкне на дзвиныци у дзвинъ, Витрякъ уже и вбирается до церквы. Заразъ вымыется чыстенько, визьме билу сорочку зъ вырызуваннямъ, зъ мережкамы та зъ шырокымы рукавамы,—теперъ ёго и на свити нема, того шырокого рукава, бо скризь усе вузеньки повелысь; такъ визьме, кажу, сорочку, набуе на ногы добри чоботы, одягнется у нову свыту, пидпережется штепненько суконнымъ поясомъ, надине высоку шапку, визьме квитчасту хустку за пазуху та й пиде тыхою та поважною ходою до церквы. А въ церкви якъ стане на одному мисци, то такъ и стоить, якъ струночка, тилько пидниме у-гору голову та воде нею то за батюшкою, то за дякомъ. „У церкви стоишъ“, каже винъ: „усе однаково, шо передъ самымъ Господомъ стоишъ.“ Иншый стоить, та тилько вытришкы ловыть, якъ тамъ кажуть, рукою мотае, а думкою по

всёму свиту литае, а Максымъ Витрякъ,—э!.. той не такъ: той такъ ажъ неначе увипьется увесь у святе пысьмо. „Нема", каже винъ, „наймудрійшого пысьма, якъ святе пысьмо; уже якый-бы тамъ не бувъ мудрый чоловикъ, и яку-бъ винъ розумну кныгу не напысавъ и скилько-бъ рокивъ винъ надъ нею не працювавъ, а того винъ не скаже, що сказавъ у святій евангеліи Господь Іисусъ Хрыстосъ... „Господы, Господы, чого-бъ я не давъ, щобъ тилько мени буты пысьменнымъ! Темный я, невыдющый чоловикъ... Хочъ-бы уже которого изъ сынивъ своихъ навчыты пысьма... Йе за кымъ и вчытыся, та ба, школы нема"..

И изъ церквы иде Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ не такъ, якъ други люде йдуть: иде винъ, похылывшы пызенько голову, та все дума про те, що чытавъ батюшка у церкви. „Не зарывай, каже, чоловиче божый, таланy свого у землю: якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зробы зъ нёго два; а якъ тоби дано два, то ты зробы тры; грихъ велыкый закопуваты у землю Богомъ дарованый таланъ". „Отъ паничу, каже Максымъ Мыкытовычъ Ивасыку Краченку, що поручъ иде зъ нымъ зъ церквы до-дому: „не ховай таланy свого у землю: твій батько казавъ мени, що у тебе есть велыка кебета до наукы, и що ты не встыгнешъ перекынуты одного аркуша на другый, якъ уже й знаешъ и що въ тому аркуши напысано, и якъ зрозумиты ёго розумомъ; а тилько не хочешъ йихаты у городъ до наукы. Не загрибай свого таланy, бо то есть велыкый грихъ. Чы чувъ, що сёгодня батюшка у церкви чытавъ?"— „Чувъ, Максыме Мыкытовычу, чувъ!"—И впьять Максымъ Мыкытовычъ зныкне у-нызъ головою и, йдучы, ще тыхше, впьять щось згадуе, що винъ чувъ чы сёгодня, чы, може, ранійшъ колы, якъ чыталось у церкви: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущіи-же власти отъ Бога учинены суть". То правда, справжня правда! Безъ власти не бува и царства на земли, и якъ хочешъ жыты у божому свити, слухайся властей. Ну, а якъ-же жъ паны? Воны тежъ власть? И ихъ треба слухать? Такъ власть, якъ вона одъ Бога, повынна буты спра-

ведлыва, а де-жъ та правда у нашыхъ панивъ? Отъ хочъ-бы панъ Голованы! Що винъ тилько за крепацства выроблявъ? Жинка Максыма Витряка якъ була молодою, то яка брава та хороша була! И ставъ панъ що-дня выгравать на вулыци на своёму жеребцю, та все чы йиде на село, чы йиде зъ села, то все стане супроты двору Максыма Витряка, та все й дывытся и дывытся... А то якось у-литку косывъ Максымъ Витрякъ жыто коло панського лису, Корнiйвкы, а жинка ёго, Маруся, за нымъ вьязала. Колы ось выбига зъ лису до Маруси Грыцько Драпчакъ, що ходывъ за панського старосту, та й каже: „Марусю, иды-лышень у лисъ, до пасикы, туды прыйихала пани, такъ зве тебе до себе за-для якогось-то дила.“ Глянувъ Максымъ Витрякъ на того Грыцька та й затрусывсь увесь: „не ходы, Марусю! Яке тамъ дило пани до тебе? Пани у насъ тыха та смырна, вона така, що все сыдыть дома, та чыта святи кныжкы. Тутъ щось не те“.—„Такъ щожъ ты, Марусю?“ пыта Грыцько Драпчакъ, буцимъ-то не чуючы того, що каже Максымъ.—„Що? Не пиду! Отъ що!“—одризала Маруся. Але не вспила вона вымовыты цёго слова, якъ Грыцько мытнувсь у лисъ, и черезъ хвылыну пisля того выскочывъ изъ лису на кони зъ малахаемъ у руци самъ панъ Голованы и, якъ скаженый, налетивъ на Марусю: „Взять её, шельму, и отвести въ лѣсъ!“ Тутъ въ очахъ у Максыма все позеленило, рукы й ногы затрусылысь, и винъ, самъ себе не тямлючы, забувшы Бога, забувшы власть, забувшы страхъ, пиднявъ однiею рукою въ гору косу, а другою перехрестывсь та якъ закрычыть не-своимъ голосомъ: „Ну, що буде, то буде, а я тебе, людойида, косою засичу! Простьт мени, Боже, мiй велыкый грихъ!“ И зъ тымъ якъ кынувсь на Голованя, та якъ пиднявъ надъ нымъ косу, а той баче, що лыхо, та малахаемъ по коняци, та хода тикать, та въ лисъ!.. А Маруся, ни-жыва—ни-мертва, упала навколюшкы, плаче та хрыстытся, та прыказуе голосомъ: „Пропалы-жъ мы теперъ, голубчыку мiй, на викы пропалы! Зйисть винъ насъ, людойидъ, розшматуе на шматкы! Лучче уже и мене зарубай, щобъ не досталась на посмихъ собаци лютому, та й соби лыхо заподiй, щобъ не згноивъ тебе у Сибиряци!“

Тутъ тилько пизнавъ Максымъ Витрякъ, яке лыхо винъ наклыкавъ и на себе, и на свою жинку; якъ пизнавъ винъ те, тоди перехрестывся та й каже Маруси: „Заспокойся, моя дружыно вирная, не наложу я ни на тебе, ни на себе рукы, а якъ Господь дасть, такъ и буде!“

Охъ, яка-жъ страшна була писля того ничъ для Максыма та Маруси! Ось-ось прыйдуть одъ пана посланци та потребують ихъ у панськый двиръ... Ось-ось прыйдуть... Ой лышечко, ой горечко велыке!.. Одначе, мынула ничъ, мынувъ и день, мынула и друга ничъ и другый день, а одъ пана ни слуху, ни духу... Уже навпосли дознавъ Максымъ Витрякъ, що про те провидала суныцивська пани,—то була справди свята душа!—та й вымолыла у пана на-вколюшкахъ мылости Максыму та Маруси. А панъ уже писля того, якъ йиде було по полю, та якъ уздрыть де-небудь косаривъ, то заразъ-же й пыта: „А кто тамъ перёдъ ведётъ?“—Максымъ Витрякъ, пане! „Гм, хорошій мужикъ, только крѣпко сердитый, подлецъ!“ Та такъ ажъ до самои воли и панъ и его староста греблы ногою на Витряка.

„Слава-жъ тоби, Боже, за твои велыки мылости до мене; сперше за те, що я теперъ, якъ и ввесь хрыстьянськый людъ, уже жыву на воли; друге за те, що я не зробывсь душогубцемъ и злодіемъ: хочъ винъ и лютый панъ, а якъ не я, а Господь давъ ёму жысть, то нехай Господь и одбира іи у нёго. Та и вньять-же такы у церкви чытается: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущіи же власти отъ Бога учинены суть...“

Того-жъ, якъ треба стояты у церкви, Максымъ Витрякъ навчавъ и своихъ дитей; уже чы ты велыке, чы ты маленьке, а якъ зачуешъ дзвинъ, то заразъ-же иды до церквы, и въ церкви стій, на людей не оглядайсь, не пасы очей, а слухай, що батюшка у вивтари буде чытать, чы дякы на крыласахъ будуть спивать, а прыйдешъ до дому, ще й розскажы. За це Максымъ Витрякъ дуже зыськувавъ.

Однаково зыськувавъ Максымъ Витрякъ и тоди, якъ яка дытына чы визьме у чужому садку що-нѐбудь зъ садовыны, чы пидниме у чужому току яечко яке,—за це Витрякъ дуже гры-

мавъ на свою дитвору! „Чужого николы не займы! Переступы, а не займы! Свого не губы, та й чужого не чипай! Ты ёго не дбавъ, ты ёго не добувавъ, воно й не твое! Хто краде чуже добро, той краде чужи сылы, чужый трудъ, чужый розумъ, чуже щастя? Чы чулы вы, диты, що святе пысьмо каже? „Не украдь!" Такъ глядить-же у мене: боронь васъ, Боже, одъ такого страмотного гриха! Хто захоче зъ васъ узяты чуже, той нехай сперше всёго закопа мене жывого у землю, щобъ я и не бачывъ, и не чувъ про такый соромъ.

Та вы думаете, шо цей грихъ такъ дарма и пройде вамъ? Ни, голубчыкы мои, винъ на девьятій води сплыве, а въ десятій утопыть и васъ самыхъ. Якъ хочешъ, щобъ у тебе у домивци була усяка усячына,—робы; робота усе тоби дасть: и худобу, и гроши, и здоровья, и повагу одъ людей."

Такъ повсегда казавъ Максымъ Витрякъ; такъ якъ казавъ, то такъ и робывъ. Уже якъ рано ты ни вставай, а ранійшъ Максыма Витряка не встанешъ: винъ уже, Богъ зна колы, пиднявсь и, Богъ зна колы, гупаеципомъ у клуни. До тіеи роботы Максымъ Витрякъ уже такый бувъ прыдатный, уже такый палкый та упадлывый, що ажъ трусытся було та робыть. Винъ якъ ходыть було чы по двору, чы по току, чы по вгороду, то не инакше, якъ росчыпырывшы рукы, и все неначе збирается щонебудь ухопыть та робыть, робыть и робыть. „Робы та не линуйсь и памьятай, шо робота чоловика збагачá, а линь роворя; ледацство гирше хворобы"—такъ було каже Витрякъ своимъ сынамъ. И щобъ хто-небудь бачывъ ёго безъ роботы, то ажъ нихто и ажъ николы, хиба тилько у празныкъ якый, або у недилю святу. Винъ уже не лежатыме литнёи поры де-небудь у холодку а зимнёи—у проси, на печи; винъ уже не пиде тоби у той шынокъ та не загуляе въ нёму. И, крый Маты Божа, якъ винъ не любывъ того шынка! „Шынокъ—то", каже, „храмъ сатаны; у нёму образы потемнилы одъ скверныхъ словесъ, що пьяни люде верзуть, позабывавшы соби уси тямкы". И николы, такы справди николы, не бувъ Максымъ Витрякъ у тому шынку, дарма що жывъ якъ-разъ черезъ дорогу одъ того шынку. Що-дня, що-часу бачывъ винъ,

якъ то одынъ, то другый чоловикъ простувавъ по дорози до шынку и якъ метлявсь винъ по тій-же дорози назадъ изъ шынку; чувъ, якъ пьяныця коренывъ та лаявъ своимы пьяныmы устамы, хто ёго зна кого, и хто ёго зна за що; чувъ винъ не разъ и не два ти спивы та крыкы, що вылиталы изъ шынку на дорогу та луналы ажъ на всю вулыцю; не разъ и не два запрошуваный бувъ винъ сусидамы зайты у „прохладни" кимнаты Кастіёна Петровыча Чубарка та выпыты тамъ хочъ чарку або дви горилкы,—такъ ни: Максымъ Витрякъ не тилько що не пиде у шынокъ, а ще й почне одговорюваты и другыхъ видъ того. „Хто ёго выгадавъ той шынокъ? Хто? Уже-жъ Богъ не выдумавъ! Сатана—нихто! То нечестывый Вавылонъ; бижы зъ ёго, чоловиче, яко мога, вонъ! Шынокъ не наставыть тебе хазяиномъ: заробышъ кревно, а въ шынку пропьешъ даремно. У шынку велыкои чести не запобижышъ: пидешъ до нёго разъ—ничого; пидешъ и въ-друге—ничого; а въ-трете такои дадуть вылочкы, абы втрапывъ у двиръ. У насъ, якъ почуешъ, такъ тилько й балачкы, шо тому жыты погано, тому скрутно, а тому сутужно, а воно, якъ завьязаты соби горлянку, то ще можна жыты!"

Отъ такъ було казавъ Максымъ Витрякъ про той шынокъ. Одначе, не можна сказаты, щобъ Витрякъ овси не бравъ горилкы въ ротъ; ни, винъ, якъ колы, чы тамъ у свято яке, чы пры якій оказіи, то такы й пывъ; та тилько пывъ дома и не бильше, якъ чарку, або дви, одъ сылы—тры. „Выпывъ чарку до хлиба, та й край; хиба іи що-дня брыдня, чы що? Ты визьмы у розумъ те, що хто повсигда пье, той запевне бильше голодный, нижъ найиденый жыве..." Що до горилкы, то винъ уже такый чепурный бувъ, шо ёго зъ-роду и одна душа не бачыла, щобъ винъ колы-небудь не то, що бувъ пьяный, а тилько пидпылымъ бувъ. Та й чудно якось було-бъ бачыты пьянымъ Максыма Мыкытовыча Витряка!..

Оттакого-то заповиту бувъ Максымъ Витрякъ. Скилько зазналы ёго стари люды суныцивськи, то винъ замолоду бувъ дуже биднымъ парубкомъ; женывсь тежъ на бидній дивчыни,

Маруси Шелестивни. Усе іи багатство у тому тилько й було, що Господь наградывъ іи чаривною красою. Изъ себе вона була невелычка, а тилько, якъ тамъ кажуть, така уже була краса, така краса, що й очей одъ неи не можна було одвесты. А взята вона була у Суныцивку изъ другого села, изъ самыхъ Лыпцивъ, що ажъ за дванадцять верстовъ одъ Суныцивкы. Тымъ-то вона и не досталась, якъ ще була дивчыною, пану Голованю. Велыке щастя знайшовъ Максымъ Витрякъ, якъ одружывсь зъ Марусею Шелестивною: одно те, що вона була роботяща та невсыпуща, якъ и винъ; а друге те, що вона ёго вирно та щыро кохала, а уже винъ іи любывъ, такъ безъ краю и безъ кинця...

Оттакъ и жылы Максымъ та Маруся. Жылы по божому, чесно та праведно, и працювалы, не покладаючы рукъ и не даючы соби спокою, и Господь благословывъ ихъ усякымъ добромъ. Було у ихъ дви хаты,—одна стара, друга нова; була добра клуня на току, була нова съ пиддашьямъ комирчына; булы два огороды,—выщый, де сіялысь конопли, картопля, макъ, соняшныкы,—и ныжчый, де садылась капуста, морква, редька, рипа, сачавыця, бурякы, жовти ханькы, смугнасти горгопкы. Було у ихъ и тягла доволи—пьятеро, чы шестеро коней, тры коривчыны, килька тамъ телятокъ; було овечокъ чымало; свыней зъ десятеро, а птыци—курей, гусей, качокъ,—такъ не въ пойидокъ; тилько индыкивъ не любывъ плодыты Витрякъ, та не такъ винъ, якъ вона: „то", каже, „птыця дуже урічлыва: хто зазихне, то зостанется двое зъ трыдцяты; це тоби не такъ, якъ гуска, або качка,—тимъ байдуже..." И все те у Витряка и добре було нагодовано, и въ пору напоено, и за часу выгнано на пашу. Любывъ Максымъ Витрякъ и скотыну гараздъ годувать и семью свою добре удовольнять. „Якъ середына повна, то и вси крайкы грають", казавъ винъ по всякъ часъ, якъ сидавъ за стилъ обидать и якъ выходывъ пислядъ обидъ до клуни молотыты. Земли у Максыма Витряка було хочъ и омаль, усёго тилько одынъ надилъ, сказать, тры десятыны, але винъ то у пана, то у попа найме було земли, та такъ самого жыта сіе

було десятынъ зъ десять, и такъ, що пидъ годъ сотъ на двѝ продасть самого зерна.

Усёго доволи було ў Витряка. Господь благословывъ ёго и диточкамы: сынивъ у Максыма та Маруси було четверо: Охримъ, Якымъ, Петро и Павло; ще й дочка одна була,—Орысею звалы. И шо то вже за сыны славни булы! Тыхи та не бытлыви, слухняни та роботящи, богобоязьки та покирни! Максымъ та Маруся, глядючы на своихъ сынивъ, не зналы уже, якъ имъ за таке щастя и Господа Бога дякуваты. А сусиды, прыслухаючысь, якъ Максымъ Витрякъ выбывае булоципамы у клуни зъ трёма сынамы,—меньшый ще бувъ овси малый,— тильки дывувалысь тому: „Чуете, якъ Максымъ Витрякъ зъ своею капеліею гоцае: цоко! цоко! цоко!!! ажъ земля гуде! ажъ ципура сюрчыть! И снопивъ самъ соби ніякъ не надасть! Ну й роботящый-же й чоловикъ! Якъ наполяже, якъ наполяже, такъ усе ажъ ходоромъ коло нёго ходе. „Эй, сынкы, сынкы, а-ну пиддайте! а-нуте ще, а-нуте ще! Робота хороша, та шкода день малый!..“ А сыны—не сыны, а чысто тоби скарбъ! И дасть-же Господь щастя таке чоловикови! Але якъ-же ёму й не дать? То жъ и чоловикъ якый? Чы забувъ винъ хвалыты диламы Бога? Чы ступывъ винъ колы-небудь хочъ одніею ногою у нечестывый шынокъ? А чы, може, не знавъ винъ нагодуваты калику, або зарятуваты у нужди бидного чоловика?—То якъ-же ёму одъ Господа и мылости не ждать?

III.

Отже-жъ и цёго богобоязького, чесного, непытущого и доброго чоловика спиткало лыхо, та ще й яке лыхо? Що-жъ винъ? Може поныкъ духомъ? Може покынувъ працюваты? Може хотивъ наложыты на себе рукы? Эге-жъ! И не думавъ ничого такого, а все тильки молывсь Богу та твердывъ, що кожному чоловикови Господь посыла на земли испытаніе и за

все, що дарує чоловикови Господь, треба дяковаты Его Святого, бо винъ зна, на що робыть такъ, а не инако. И колы-жъ мы добро прыймаемо одъ Бога, то чы не потерпымо-жъ злого?

А якъ воно склалось, те лыхо, и якъ ёго стричавъ Витрякъ, про це саме й буде оповидь.

Сперше всёго спиткнувсь винъ на своёму старшому сыну, Охриму. Непоказный бувъ изъ себе Охримъ Витряченко, але, якъ тамъ кажуть, густый козакъ. Зросту невелычкого, прысадкуватый, трошкы опецькуватый, зъ довгымы рукамы, повсигда на выду червоный, зате тыхый, звычайный, мовчазлывый, слухняный та роботящый, Охримъ николы не сказавъ супротывного слова ни батькови, ни матери, и бувъ писля батька старшымъ хазяиномъ на всёму господарстви. Уже й жонатый винъ бувъ, и зъ жинкою своею жывъ, якъ законъ велыть: жалувавъ іи, николы не зобиждавъ, а щобъ тамъ ударыты колы, такъ и пальцемъ николы не торкнувъ. Тилько диточокъ у Охрима та у Палажкы не було. Та й те сказать: якъ воны побралысь, то всёго, може, рокивъ два, не бильшъ, було.

— Слухай сюды, Охриме! Оце у насъ черезъ два тыжни буде Риздво, такъ треба тоби зйиздыты у Харькивъ та продаты тамъ четвертей чотыри пшенышного борошна та купыть де-чого про празныкы. А щобъ тоби не загоняться до Метелыка та не прыбавляты кругу, пойидешъ ты на Красну слобидку, Гребенныкови хутори, тамъ выскочышъ на велыкый шляхъ, а дали по шляху и до самисинького города и на Конну. Продасы на Конній борошно, купышъ соли пудивъ зо два, бо скоро будемъ колоты кабанивъ, такъ треба солыты сало; купышъ рыбы чабака, хунтивъ симъ, або и вси десять; купышъ оліи,—та гляды покуштуй, щобъ не була гирка; озьмешъ горилкы зъ пивъ-ведра,—горилка городська, самъ знаешъ, не те, що у нашого Кастіёна Чубарка: винъ чымъ тилько не розведе іи: и дурманомъ, и колодязною водыцею, та ще хочъ-бы зъ Сыдоренкового, а то зъ Гекового колодязя; такъ визьмешъ, кажу, горилкы,—празныкамы трапытся якый добрый чоловикъ, то треба-жъ ёго, якъ поводытся у людей, и горилкою

почаcтуваты; купышъ пляшку церковного выва,—беры у купця Жевержея, бо тамъ, кажуть, саме добре выно,—а то прыйде батюшка на Риздво зъ хрестомъ, то винъ у насъ горилкы не вжыва, а пье церковне выно; ну, та купы на копышнывъ, чы на два, солодкыхъ рижкивъ та на стилько-жъ медяныкивъ, маненькому Павлусеви та Орыси про святкы... Отце неначе и все... Ну, зъ Богомъ, сынку!.. Эге, постривай! Ось бачъ, и забувъ бувъ: купы олывы на лямпадку про свято!.. Гм., це не на добро, що я про олыву забувъ... Таке велыке свято, а я й забувъ. Ще-жъ Маруся и нову лямпадку купыла на ярмарку, у Лыпцяхъ, а я про олыву й забувъ. Це не на добро.. Ну, та Господь мылосердный простыть мени мій грихъ... Теперъ уже справди усе... Та слухай, Охриме, коней не дуже-то гоны; а прыйидешъ у городъ, то гарячыхъ не напувай, а дай имъ спершу видпочыть. Та не загубы де-небудь по дорози рептуха зъ синомъ,—частійшъ на ёго поглядай. А вивса-жъ ты повенъ мишокъ насыпавъ?"

— „И насыпавъ, тату, ще й натоптавъ!"

— „Ну, гляды-жъ! Та сина, ажъ покы у городъ не прыйидешъ, не требы́,—чуешъ?"

— „Чую, тату!"

— „Ну, щасты-жъ тоби, Боже, на все добре! А скупышся, то не забаряйсь, а швыдче, не гаючы часу, до-дому вертайсь, а то теперъ, самъ бачышъ, денькы таки, якъ у зайця хвистъ."

— „Ни, тату, не забарюсь!"

— „Та гляды—надержуй гнидого коня, а то винъ дуже шкульный, гарячый кинь: ёго тилько торкнешся батогомъ, то й то винъ неначе опеченый бижыть..."

На двори ще було зовсимъ темно, колы Витрякъ заходывсь выряжаты свого сына Охрима до города. Къ свиту зробылось ще темнійшъ, нижъ було опивночи, и по селу де-ни-де выднилось свитло у викнахъ. У таку-то добу Охримъ и рушывъ зъ дому. Ось надйихавъ винъ до церквы, знявъ зъ себе шапку и звычайненько помолывсь до Божого храму; округъ церквы

тыхо-тыхо, та сумно-сумно... Ось надйихавъ винъ и до „выщого“ панського саду,—теперъ винъ увесь замурованый у снигу стоить, а ти высоки березы такъ рясно облипleни снигомъ, неначе то не березы, а снигови стовпы стоять. Ось мынувъ винъ и провалле, те, що побиля панського саду такъ далеко простяглось. Ну й дыко-жъ ёму було йихаты побиля того проваллы! Тамъ, у середыни ёго, неначе щось завыло, такъ протягло та жалибно, що у Охрима ажъ волосся у гору пиднялось... Такъ отто помынувъ, кажу, Охримъ провалля, покынувъ у праворучъ Коноваливку; пройихавъ черезъ Красну слобидку, тамъ пиднявсь черезъ мисточокъ на гору, а тамъ скоро-не-довго выскочывъ и на шырокый шляхъ, що йде, колы хто зна, изъ Билогорода черезъ Лыпци на Харькивъ. Тутъ уже Охримови и заплющавшысь можна було дойихаты до Харькова, бо скрозь, по обохъ бокахъ того шляху, стоялы величенни та стари вербы, таки, що, мабуть, бачылы на своёму вику ще царя Петра. Ось Охримъ, такъ якъ у ранній обидъ, уже и въ городи. Кони у нёго добри, дорога найизжана,—такъ чы довго тамъ перебигты ти сорокъ верстовъ одъ Суныцивкы до Харькова?

Якъ тилько Охримъ Витряченко прыйихавъ у городъ и якъ тилько винъ тамъ прымостывсь десь на „Конній площади“, якъ ось швыдко Богъ пославъ ёму и купця на борошно. Знаёмый ёму бувъ той купець: робывъ винъ колысь у Суныцивську церкву канистасъ, а мавъ свою господу у городи, десь ажъ на Клочкахъ. Метнувсь Охримъ сюды-туды по городу, купывъ те, що ёму тра було купыть, та скорійшъ и на Конну; зосталось тилько олывы узяты, та тоди вже й край. „Це я уже якъ буду выйиздыть изъ Конной до-дому, то тамъ у крайній крамныци и куплю, а теперъ погодую коней, дамъ имъ воды та швыденько й потрюхаю до-дому; тутъ-же и самъ трохы перекушу“.

Нагодувавъ Охримъ коней, напоивъ ихъ изъ колодязя, що десь выкопаный бувъ коло двору якогось-то купця, самъ трохы перехопывъ, напывсь изъ бадійкы воды, запригъ у санкы коней, сивъ та й йиде соби. Ось пидйихавъ винъ до крамныци, де тамъ

продавалы олыву, ладанъ и друге таке, що потрибне за-для церквы. Прыпынывъ Охримъ коней до пиддашья, коло крамныци, а самъ увійшовъ у крамныцю и отто спытавъ тамъ соби олывы про свято. Покы купець тамъ знайшовъ тіеи олывы, а прыкащыкы виддавалы усякый крамъ другымъ людямъ, Охримъ пидійшовъ до тіеи полыци, де стоялы тамъ чашечкы, чарочкы та слоечкы, сыни, блакитни та зелени,—отти, що вставляются у лямпадку на олыву. Стоявъ Охримъ, стоявъ, а дали якось-то, хто його зна и якъ, простягъ потыхеньку руку до тіеи полыци, де стоялы банькы та пляшечкы, та й узявъ одну сыненьку зъ биленькымы очкамы. Узявъ, подержавъ-подержавъ іи у руци, подывывсь-подывывсь на неи и вже хотивъ поставыты на мисце, та тутъ якось такъ, уньять такы, хто його зна и якъ, сама рука узяла та й засунула ту пляшечку за пазуху кожуха, та ще й осмыкнула кожухъ коло пояса.

Ось подалы Охримови олыву. Винъ узявъ олыву та й давай вытягуваты изъ кышени гроши, та й упусты изъ-за пазухы на доливку ту пляшечку. „Що це таке?“ пыта Охрима купець. Охримъ и запнувсь. Глянувъ купець на полыцю, ажъ тамъ, де стояла пляшечка, одно пусте мисце. „Що це таке?“ зновъ пыта у Охрима купець. Охримъ такъ зразу переляківсь, що й голосъ у нёго стерявся. „Це ты звидциля узявъ? Кажы: звидциля?“ пыта купець, а самъ увесь ажъ почервонивъ.—„Звидциля, господынъ хазяинъ!“ „Якъ-же це ты посмивъ чуже добро зачипляты? Га? Якъ ты посмивъ?“—„Я, господынъ, хазяинъ, я... Простить мене, господынъ купець! Я... я й самъ добре не знаю, якъ воно й выйшло“... „А, ты й самъ того не знаешъ, якъ воно й выйшло? Роспатякуй тамъ! Може духомъ святымъ? Та ты, може, ще друге що-небудь зачепывъ,—прызнавайсь“!—„Ни, господынъ купець, ни, зъ роду-вику ничого чужого не бравъ, а це“... „Такъ, балакай! Це тоби мабуть, уже не первына!.. Ахъ, ты безсоромна тварь! Ахъ, ты погана лычына! И не соромно-жъ тоби пиднематы очи на людей, що оце тутечкы посходылысь та дывлятся на тебе? И не стыдко-жъ тоби дывытысь на свитъ Божый? Десь, мабуть, у тебе батько такый, що не вчывъ тебе

чести та шанобы! Геть пишовъ звидциля, поганець!.. Хлопци, митламы ёго поганымы изъ крамарни!..“

Якъ уже писля такого сорому выйшовъ Охримъ изъ крамныци, якъ винъ улизъ у санкы, якъ выйихавъ изъ города—того винъ и самъ не знавъ. Якъ тилько дійшовъ винъ до саней, то такъ одразу и ввалывсь у ныхъ, ажъ на самисенькый на спидъ, такъ и застыгъ увесь; уже и вижокъ не держыть и киньмы не правыть. А кони тому и ради: замись того, щобъ порожнякомъ швыденько бигты до-дому, воны йдуть соби зъ ногы на ногу та ще й то туды, то сюды мыкулятся. Протарганылысь воны оттакечкы по всёму шляху, що тягнется одъ Харькова до Лыпець, звернулы у бикъ на Гребинныкови хуторы, перейихалы Красну слобидку и, якъ уже зовсимъ стемнило, тоди тилько дотюпалы до того глыбокого провалля, що тягнулось одъ „выщого“ панського саду до ставка. А Охримъ и не бачыть, и не чуе, и не розуміе, де винъ и що винъ. Колы ось тилько що надйихавъ винъ надъ саме провалля, тутечкы щось якъ выскочыть изъ саду та якъ плыгне у провалля, а кони Охрима, якъ шелеснуть та зразу у бикъ! А Охримъ тилько беркыць! Та зъ саней та такъ и хляпнувсь бокомъ объ поручча, що звычайно роблятся коло провалля за-для обороны пройизжаючыхъ по шляху людей... И штовханъ той такый сыленный бувъ, що Охриму такъ зразу и вси тямкы видбыло...

Довго лежавъ Охримъ безъ памьяты надъ самою кручею провалля, зачепывшысь за стовпъ видъ поручча; и лежавъ бы десь усю ничъ, до свита, якъ бы на ёго щастя та не выпалы дви оказіи: перша та, що кони ёго, шелеснувшысь у-бикъ, недалеко, одначе, видбиглы видъ провалля, бо зразу попалы у глыбоку канаву, що выкопана була видъ дороги, повзъ панського саду, и зимнёи поры засыпана була уся снигомъ; а друга та, що тамечкы трапывся одынъ чоловикъ, що йихавъ ничью изъ Суныцивкы на Коноваливку та вчувъ якись-то стогнання. Спершу винъ дуже злякавсь, а дали, побачывшы коней и недалеко видъ ныхъ чоловика, зразу узявъ у тямкы, яка трапылась видоласи прыгода, и зупынывсь на дорози. Пидійшовъ винъ до Охрима, видходывъ ёго, пидвивъ до саней, пидмигъ ёму влизты въ ныхъ и

поклавъ ёго на бикъ; дали вывивъ коней на дорогу и пустывъ ихъ напрямѐць. И кони, найившысь добре дрижакивъ, теперъ швыдко побиглы до-дому.

А тымъ часомъ дома Охрима и батько, и маты, и жинка, и браты, и сестра ждуть и ни якъ не дождутся. Уже килько разъ и старый выходывъ ажъ геть за клуню та дывывсь на дорогу, чы не йиде Охримъ, уже й Маруся килько разъ выходыла ажъ за верхній тикъ; уже й сама Палажка выбигала ажъ на выгинъ,—такъ одъ Охрима ни хуху, ни духу. „Що це нашъ Охримъ такъ забарывсь? Якъ бы якои халепы не було? Чы не обломывся де у дорози? Чы не заблудывъ де? чы не захворавъ у нёго якый кинь? Уже щось воно та йе. Винъ же у насъ и не пытущый, и швыдкый такый, и не то, щобъ любывъ базикаты зъ кымъ по-дурному. Тай дорóга теперъ така, що хочъ бокомъ котысь, не то шо тамъ рдсквась, якъ буває по весни, що по сами маточыны гразюка...“ И мала дитвора тежъ жде—не дождется Охрима: сыдючы на печи, Павлусь та Орыся килько разъ гукалы у-верхъ до „братика“ Охрима, щобъ винъ скорише йихавъ до-дому та прывозывъ солодкыхъ рижкивъ да смашныхъ медяныкивъ. А „братика“ Охрима усе-жъ такы нема та й нема.

Уже туды геть-геть, якъ уси люде погасылы у себе свитло и полягалы спаты, уже тоди кони Охрима дотюпалы до-дому. Прыбылысь воны до воритъ та й сталы, а Охримъ лежыть тилько що жывый та теплый: не здужае и изъ саней вылизты. Ось кони ёго заиржалы у воритъ; имъ на те заиржалы и домашни кони; якъ заиржалы домашни кони, то тутъ заразъ же зъ хаты повыскакувалы и батько и маты, и жинка Охрима, и вси браты, окримъ малои дитворы. А Охримъ лежыть у саняхъ, не здужае и пидвестысь та тилько стогне. „Охриме, Охриме, що зъ тобою зробылось? Охриме, Охриме, сыне, сыночку, та що зъ тобой сталось“?—„Заслабъ, тату, дуже заслабъ!“ «Чого жъ ты заслабъ? Що въ тебе болыть? Колы жъ воно саме почало болить?» „Кони мене... люде мене... купци... кони понеслы та перекынулы у яръ, такъ я... крипко прыбылы мене... Ой, смерть моя!“... „Головонька-

жъ моя безталанная! Лышенько-жъ мени! закрычала, почувшы слова Охрима, не своимъ голосомъ жинка ёго, Палажка. «Не дурно-жъ,—голосыла у мисци зъ Палажкою Маруся,—не дурно-жъ мени и сонъ такый страшный позавчора прыснывсь, неначе-бъ то нашъ Охримъ та на шлюби стоявъ! Недурно жъ у мене сёгодня увесь день и серденько такъ ныло! Не дурно жъ мени и страва ніяка у ротъ не йшла! Сыночку жъ мій, любый мій, соколыку мій! Дай же я хочь на ручкы свои тебе пидійму»!— «Та постій, стара, постривай! шо ты такъ зъ маху на нёго накынулась. Може жъ винъ ще не такъ крипко забывсь?.. Ведить мерщій, хлопци, коней у двиръ та давайте ёго зносыты зъ саней!...» Ось хлопци пидвелы коней до хаты, зсадылы Охрима зъ саней и внеслы ёго въ хату; у хати ёго роздяглы, положылы на пилъ и обглядилы скризь. Тило ёму було циле, и ниде ни сыныны, ни дряпаныны, а винъ усе стогне та стогне та якъ повернется, то такъ и вхопытся за бикъ. А маты заразъ у слёзы, а жинка соби. «Та розскажы жъ ты намъ, на мылый Бигъ, якъ воно сталось, що тебе таке лыхо спиткало», пыта Охрима батько. А Охримъ тилько й каже; „Кони мене... люде мене... былы мене... крипко побылы"... Та впьять якъ застогне та якъ закрычыть: „Смерть моя! Ой, смерть моя!.." Маруся уже й свичку страсну запалыла передъ образомъ Пантелеймона цилющого, уже й лямпадку засвитыла передъ Спасытелемъ, щобъ Господь помылувавъ хворого Охрима. „Мамо, мамо, не свитить лямпадкы, бо мени щось дуже у вичиударя!.. Ой, смерть, ой, смерть моя!.."

Усю ниченьку пробидкалысь и Максымъ, и Маруся, и Палажка коло Охрима, то повертаючы ёго зъ одного боку на другый, то одягаючы та зновъ роздягаючы ёго, то прыскуючы святою водою, та подаючы ёму кухлыкъ зъ пыттямъ. Бильше усихъ убывалась та бидкалась сердешна маты Охрима, Маруся: вона за всю ничъ хочъ бы на хвылыночку очыма звела: „Може, тоби моченыхъ кыслычокъ прынесты? Може, тоби даты настойкы на чыльчыбели, або на калгану? Може, тебе стерты перцивкою? Може тоби заварыты соняшныци"?—„Ничого мени, мамо, ничого не треба... Смерть моя! Ой смерть моя!.."

Уже чого-чого бидна маты не робыла своёму сынови, уже якъ ни благала за нёго Бога, обрикалась и въ печери до Кіева сходыты, и старцямъ обидъ зварыть, и на престолъ одіяння зробыть, такъ ничого не запомогло: Охримъ, якъ злигъ та все „охъ та охъ", и все де дали, тымъ гирше.

Такъ пройшовъ тыждень; пройшло ще пивъ-тыждня. Максымъ Мыкытовычъ зъ сынамы десь поравсь на двори, мала дитвора десь гралась на вулыци, а Маруся пишла на тикъ насмыкаты соломы зъ ожереду топыты пичъ. Прыйшла вона на тикъ, стала коло загаты та й смыче. Смыче, колы це чуе, по той бикъ загаты балака зъ кымсь іи сусидка, Хымка Дудукалка. То баба на все село: и ротата и языката, а шо вже лайлыва, такъ така, що якъ выйде було за ворота та якъ начне лаяты кого-небудь, то лайка іи лунае ажъ на все село. А лайнуты було чымъ: ротъ такый, шо якъ-бы всунувъ туды цилу лопату, то десь бы й дѐржала не вздривъ... Та така вона соби сухорлява, порожнювата та зигнута, якъ та сула; очи у неи сири, якъ полуда, а вся іи тварь поколупана виспою, неначе те решето... Такъ стоить отто Хымка Дудукалка по той бикъ загаты та й слебезуе: „Ты думаешъ, кумко, що Охрима Витряченка и справди кони перекынулы и черезъ те винъ такъ гирко забывсь? Эге-жъ, кони! Винъ укравъ у якогось купця у городи зъ крамныци ажъ сто карбованцивъ грошей, та й уже було зъ нымы и втикъ, такъ за нымъ прыкащыкы́ якъ уляглы, якъ уляглы та дошлы ажъ на краю города та якъ скрычалы гвалтъ, а людей якъ позиходылось, такъ моя годыно! Та уже тамъ ёго якъ почалы типашыть, якъ почалы быть, и вси печинкы поодбывалы: та тамъ бы ёму и яма була, якъ бы пройизжаючи люде сыломиць не виднялы... Такъ отто-жъ воно писля того и прыкынулось Охримови... Та ты думаешъ, що це ёму первына́? Эге жъ! Винъ и ранійшъ того счекавъ щось у того жъ такы купця... Та воно, мабуть, кумасю, такъ що й панськый млынъ обикравъ нихто, якъ Охримъ Витряченко... Та, може, и замкы у церковныхъ дверяхъ Охримко-жъ покрутывъ... А, може, отто на лыпчанському шляху и чоловика пройизжаючого

винъ же жъ такы забудувавъ. А ты думаешъ, кумочко, самъ Максымъ Витрякъ то й не забудуе чоловика? Може, уже й не одного ухекавъ та де-небудь закопавъ... Ты думаешъ, що винъ и справди добрый чоловикъ? Нелюдъ, а не чоловикъ! Звидкиля воно те все багацство ёго узялось? Га? Звидкиля"?—„А вже, кумко, що правда, то правда: ти багачи—дукаряччa повсигда зъ чортамы водятся!" „Не що, кумасю, не що!„—„Та винъ на крадени гроши и хаты повыстроювавъ,—сама Маруся якось балакала зо мною та й проязычылась!"—„А такъ и повыстроювавъ, кумасю, и повыстроювавъ!"—„Такъ отъ я тоби, кумасю, и доказала-бъ, у кого винъ и гроши покравъ, такъ и сама забула"...

Якъ почула таку розмову Маруся, то такъ у неи у жывоти все и похолонуло. Покынула вона браты й солому та заразъ у хату. Ускочыла у хату та мыттю до Охрима: „Охриме, Охриме, скажы мени, якъ передъ самымъ Господомъ,—ты, кажуть, узявъ сто карбованцивъ у якогось-то купця, у Харькови; скажы мени поправди, чы це було?"—„Я, мамо, узявъ сто карбованцивъ грошей? Ни, мамо, я взявъ тилько слоечокъ,—той, що въ лямпадку за-для олывы вставляется." „Та на що винъ здавсь? Господь зъ тобою! У насъ же своихъ два, та ще й третій я недавно купыла! Та якъ-же ты? Та що це ты? Та хто-жъ тебе навчывъ того? Чы у тебе батько такый, що зачепыть чуже, чы маты така?"—„Нихто мене, мамо, нихто не вчывъ, а це мене бисъ спокусывъ: я й самъ не счувсь, якъ я ёго взявъ и якъ за пазуху поклавъ!.." „Може-жъ ты ще що-небудь у того-жъ такы купця, або у якого другого узявъ?"—„Ни, мамо, бильшъ ничого и николы зроду-вику не бравъ"...

Такъ одразу у биднои Маруси и налягли слёзы, щобъ плакать, якъ почула вона таке одъ сына. Плаче вона та хрыстытся, хрыстытся та плаче. А якъ вона николы и ничого не таила одъ свого Максыма, то заразъ же вийшла изъ хаты та й розсказала ёму про грихъ Охрима. Максымъ Витрякъ якъ почувъ таке, такъ ажъ здригнувъ увесь, ажъ поблидъ, якъ крейда. Якъ? Ёго Охримъ та щось тамъ укравъ у купця? И вирыты ёму не хочется!... „Охриме, Охриме, чы правда тому, що маты про тебе

мени сказала?“—„Правда, тату, правда! Простить мени мій велыкый грихъ!“—„Та хто жъ тебе такого вчывъ?“—„Нихто мене, тату, не вчывъ, а це мене нечыстый спокусывъ: а й самъ не знаю, якъ я зробывъ и для чого зробывъ“!..

Тутъ Охримъ тяжко застогнавъ, скынувъ зъ себе рядно, зъ превелыкою сылою пиднявсь на рукы, спустывсь зъ полу на доливку, упавъ одразу навколюшкы та такъ и прыныкъ головою до батькивськыхъ нигъ; трусытся увесь, плаче розрываєтся та просе у батька прощенія: „Николы я и ничого, зроду-вику николы не бравъ чужого, а це справди неначе мене хто спокусывъ... Тату, голубчыку, ридненькый, простить мени мій грихъ! Вы насъ усихъ навчалы на добро, вы, и лягаючы и вставаючы, казалы намъ, щобъ мы ничого чужого не займалы, и це вже мій, тилько мій грихъ. Тату, убыйте мене, а тилько простить! Простить же, таточку, простить, бо я чую, що мени вже не жывотить!“...

Слуха Максымъ Мыкытовычъ Охрима, а у самого такъ зло на души и закыпа: такъ бы винъ узявъ своимы власнымы рукамы та й задушывъ свого сына... И задушывъ бы, и жалко ёму своеи кровы. „Геть, одійды одъ мене! Якъ ты не стыдаешся на свитъ Божый дывытыся писля такого страмотного дила?“—„Тату, таточку, покарайте мене, а простить! Я-жъ ще не овси злодій, а Господь и злодіивъ прощавъ. Тату, помылуйте мене“!... И згадавъ Максымъ Витрякъ, якъ батюшка у церкви про розбійныка чытавъ, про того, що высивъ коло Господа на хресту, якъ винъ воззвавъ до Спасытеля, и якъ Спасытель одповивъ ёму зъ хреста: „Днесь будеши со мною въ раю“...—Та для чого-жъ ты взявъ? На вищо воно тоби здалось?—„Тату, простить,—убыйте мене, а простить!“—шепоче Охримъ слабымъ голосомъ, а самъ неначе ажъ ковта щось, та ажъ давытся, а дали якъ прыпавъ лыцемъ до доливкы, то кровъ такъ и клянула у нёго зъ рота... Максымъ Витрякъ, глядючы на такы невымовни мукы свого сына, не мигъ бильше держатысь: слёзы, гарячи слёзы такъ и побиглы у нёго по обохъ щекахъ: „Ну, нехай тебе судыть Богъ, а не я! Господь давъ кожному чоловику волю, и чоловикъ може

слухаты або Бога, або сатану. Ты послухавсь голоса сатаны; молысь же теперъ, щобъ Господь простывъ тоби твій грихъ, а я прощаю тебе"! Якъ ухопывся жъ тоди Охримъ за ногы батька, якъ почавъ ихъ цилувать, такъ Максымъ Витрякъ ніякъ и не одведе ёго одъ себе. „Ну годи тоби, сынку, годи! Давай я поможу тоби злизты на пилъ". Узявъ Максымъ Мыкытовычъ Охрима, якъ малу дытыну, пиднявъ ёго до прымосткы, положывъ на подушкы, прыкрывъ зверху рядномъ, перехрестывъ та й выйшовъ изъ хаты; иде изъ хаты, а у самого слёзы такъ и льются, такъ безперестанно и льются скризь и по лыцю, и по бороди, и по грудяхъ...

А Охримъ усе—охъ та охъ, усе—охъ та охъ, та такъ скоро писля Водохреща и прыбравсь...

IV.

Охъ, и залюта жъ тоди була зима! Снигу навалыло такого, що Суныцивку усю геть чысто такъ занесло, такъ и замело, такъ и закужелыло. И вси дворы, и вси хаты, и вси хливы, чысто жъ такы позасыпало округь; щобъ выбраться зъ хаты, люде робылы по-пидъ снигомъ ходы, а шобъ выйихаты зъ двору на вулыцю, то йиздилы поверхъ воритъ. Отаке-то робылось по селу! А вже про дорогы и казаты ничого. До такого снигу та ще й морозы: морозъ якъ уриже-уриже, такъ ажъ скалкы скачуть, ажъ неначе мрява пиднимается отъ земли. А въ повитри така тыша, що нищо въ нёму й не поворухнется. И якъ иде якый чоловикъ по дорози на однимъ кинци вулыци, то рыпъ одъ ёго чобитъ чуется геть ажъ на другому кинци. Викна въ хатахъ позапушувало такъ, шо скилько тамъ дитвора ни хукай на скло, а ничого не вздрышъ, що воно робытся на вулыци, бо тилько шо одхукае хлопець въ одному мисти та почне хукаты у другому, якъ воно вже у першому мисци и замуровало и запушыло и такы вывело розводы, що чоловику зроду и не прыгадаты такыхъ. Уже и стари и мали килько разъ лічылы

та переличувалы усихъ лысыхъ та голомозыхъ на сели, щобъ пересився моровъ, такъ де тоби! Учора та завчора бувъ лютый морозъ, а сёгодня ще лютійшъ. По хатахъ скризь такый холодяка, що стари бабы та диды позабывалысь геть ажъ на пичъ та тамъ и лежать, якъ ти бабакы.

— Диду, диду, чы чулы? Охримъ Витряченко вмеръ! Идить лышенъ помынать,—годи вамъ на печи лежать!

— Якъ? Що? Юхымъ Пистряченко змерзъ?

— Кажы глухому про Тараса, а винъ каже: пивтораста! Охримъ Витряченко вмеръ, такъ идить, кажу, помынать!

— Богъ зъ нымъ, зъ тымъ Витряченкомъ! Нехай винъ соби царствуе! Куды тутъ у такый холодяку, та зъ хаты выходыть!

— Дядьку, дядьку, пустить у хату!

— А що тоби треба?

— Та мене прыслалы до васъ батько прохаты, чы не пишлы-бъ вы, спасыби вамъ, копаты яму на кладовыщи,—оце нашъ Охримко вмеръ...

— Охъ, сынку, сынку, якъ-же іи, ту яму, у такый холодяку копать?

— Та будь ласка, дядечку-голубчыку! У насъ же, чуете, горе яке!...

— Що горе, то горе!.. А що холоднеча, то вже така, що й носа не можна вытнуты на вулыцю, а не то що копаты землю! Теперъ тіеи земли и зубамы не вгрызешъ.

— Та здилайте мылость!

— Ну, та Богъ зъ вамы—треба уже йты...

Одъ одного дядька пишовъ хлопець до другого, такъ у того и овси не достукавсь. Дали пишовъ до третёго,—тамъ тежъ саме. Насылочку-насылочку уже знайшовсь ще одынъ чоловикъ, Давыдко-розгамуза.

Сякъ-такъ ти два чоловика выкопалы такы яму. Максымъ Витрякъ прызвавъ батюшку, одправывъ панахыду та й понисъ бидного Охрима на кладовыще. А холоднеча-жъ така, що такъ и риже тоби въ лыце, такъ огнемъ и палыть, такъ духъ и займа,

що ажъ дыхаты важко, ажъ стояты не можна на мисци. Хто тамъ ни бувъ на похорони, то вси позавьязувалысь, позатулялысь, та повкутушкалысь,—хто платкамы, хто рядnамы, або опанчамы, та такъ и йдуть за труною. Одынъ тилько Максымъ Витрякъ идé зъ непокрытою головою, идé—зовсимъ не чуе, якъ морозъ пече ёму, неначе вогнемъ, и лыце, и вуха, и нисъ, и рукы. „Охриме, Охриме, сыну мій любый, що це ты соби зробывъ, и що це ты соби заподіявъ?.. Нехай же тебе простыть Господь и ёго пречыста Маты!“ Маруся, такъ та и зъ хаты не выйшла: якъ рушылы домовыну зъ покійныкомъ, такъ вона якъ упала на лаву, то такъ и злягла, неначе нежыва. А жинка Охрима, Палажка, такъ та, якъ дійшла до ямы та якъ узяла у руку грудку мерзлои земли, щобъ кынуты іи на труну чоловика, то такъ и захолола зъ тіею грудкою, ажъ покы Максымъ Мыкытовычъ не рознявъ іи рукы та не вкынувъ самъ тіеи грудкы у яму.

Такъ и поховалы того бидолашного Охрима Витряченка. А мыръ, якъ бувъ, такъ и зоставсь, и нищо въ нёму не перевернулось и не переставылось: якъ свитыло праведне сонце, и якъ за Божымъ днемъ шла Божа ничъ, а за ничью наступавъ день, такъ воно й зосталось. И никому нема до того дила, що одного чоловика не стало на свити. Тилько про те й зналы, що въ хати у Витряка. Максымъ Витрякъ, поховавшы свого старшого та любого сына та помьянувшы ёго, якъ треба, похрыстьянськи, дуже задумавсь надъ своимъ лыхомъ. Шо це мій Охримъ зробывъ таке? Зроду-жъ за нымъ не було ничого такого, а тутъ ось тоби на! Та ще й на якій речи!... И розсудлывый винъ у мене бувъ, и непытущый, и богобоязкый, а все-жъ такы... Та яка-жъ ричъ! Хочъ бы вже тамъ що путне, а то що-жъ воно коштуе?.. Це вже не ёго, а мене покаравъ за щось Господь?... Це вже не ёго грихъ! Може прогнивывъ чымъ Господа Бога; може образывъ чымъ чоловика, може погордувавъ передъ кымъ; може супроты закону колы-небудь пійшовъ... А може це... може це мени за те, що я занисъ косу надъ чоловикомъ та хотивъ ёму голову зарубать?... У Бога праведного та всевыдющого ничого дарма не робытся. Просты-жъ мени,

Боже, и помылуй за мій невыдимый грихъ и не выправляй ёго на моихъ дитяхъ! Скарай уже краще мене самого, нижъ моихъ дитей!... А про те, якъ Твоя воля, такъ и буде... А може це... може прадидивськый та пращурськый грихъ: Господь карае чоловика и въ девьятимъ колини за ёго грихы... Господы, просты и помылуй!...

Д. Яворницкій (Д. Эварницкій).

(*Дали буде*).

Договоры прихожанъ съ священниками въ Старой Малороссіи.

(*По поводу договорнаго акта 1789 г.*).

Актъ, напечатанный ниже, не представляетъ собою чего-либо новаго, совершенно неизвѣстнаго. Подобнаго рода акты, заключающіе въ себѣ условія договора прихожанъ съ священниками, были не разъ публикуемы и на страницахъ „Кіевской Старины“, и въ другихъ изданіяхъ [1]), и даже были предметомъ изслѣдованія. [2]) Если, тѣмъ не менѣе, мы помѣщаемъ его здѣсь, то дѣлаемъ это по многимъ причинамъ. Прежде всего потому, что актовъ подобнаго рода напечатано все еще сравнительно немного, между тѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ населенія старой Малороссіи къ низшему духовенству—одинъ изъ крупныхъ вопросовъ и можетъ освѣтить многое въ исторіи Малороссіи, въ особенности же въ исторіи ея религіозной политической и соціальной борьбы съ Польшей. Съ другой стороны, нашъ настоящій документъ касается мѣстности (именно Сѣверщины), относительно которой не было еще ни разу констатированъ фактъ примѣненія и въ ней выборнаго начала, господствовавшаго какъ въ правобережной, такъ и въ лѣво-

[1]) См. архивъ Ю. З. Россіи, ч. 1, т. II; матеріалы для исторіи православія въ Украинѣ въ XVIII в. Особенно актъ № II, 1759, № III, VI, XVIII и др.

[2]) И. Лучицкій, Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII в. Въ «Земскомъ обзорѣ», Полтава, 1889 г., № 6.

бережной Украинѣ, той ея части, которая входила въ составъ нынѣшней Полтавской губерніи. Какъ ни незначительно количество извѣстныхъ намъ договоровъ прихожанъ съ священниками, они, тѣмъ не менѣе, во первыхъ, обнимаютъ собою цѣлое столѣтіе, начиная съ 1712 г. [1]) и кончая 1789 г., а во вторыхъ, касаются самыхъ разнородныхъ мѣстностей, и нѣсколькихъ селъ бывшаго Чигиринскаго староства [2]), и лѣваго берега Днѣпра, селъ нынѣшнихъ уѣздовъ Золотоношскаго и Переяславскаго, и Черниговщины, и, наконецъ, Сѣверщины. А это важное свидѣтельство общераспространенности обычая какъ выборовъ сельскихъ священниковъ „громадами", такъ и общеобязательности договоровъ между священниками и громадами.

Церковь въ Старой Малороссіи была церковью, опиравшейся на выборномъ началѣ, какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ своихъ ступеняхъ, и, вдобавокъ,—особенно въ томъ, что касалось вознагражденія священниковъ,—являлась такъ сказать какъ-бы свободною церковью, независимой отъ внѣшней власти. Какъ таковая, она существовала съ давнихъ временъ, и въ XVII в. ея организація, опиравшаяся на принципъ выбора, была столь же распространенной, какъ и раньше и позже. Право выбора принадлежало одинаково и городскому, [3]) и сельскому населенію, и было настолько обычнымъ явленіемъ, что попытки отмѣнить его или только нарушить въ томъ или иномъ случаѣ, вызывала жалобы и протесты со стороны прихожанъ. Когда въ концѣ XVII в. новый кіевскій митрополитъ, Варлаамъ Ясинскій, началъ было собственною властью, „сильно", сажать на вакантныя мѣста священни-

---

[1]) Договоръ обществъ селъ Козлова и Леляковъ. Въ Земскомъ Обзорѣ, 1889 г., № 6.

[2]) Старый Крыловъ, Липовое, Райгородъ и т. д. Архивъ ю. з. Россіи.

[3]) См. королевскій декретъ по дѣлу между мѣщанами и уніатскимъ священникомъ Іоанномъ Юзефовичемъ о правахъ на Воскресенскую церковь въ Кіевѣ. Въ прилож. (№ XXXII) къ книгѣ проф. Голубева, Петръ Могила, т. 1, изд. 1883 года.

ковъ, помимо вѣдома прихожанъ, кіевскіе мѣщане, ссылаясь на жалованныя грамоты, на исконное ихъ право выбора священниковъ, опротестовали дѣйствія митрополита. Войтъ кіевскій, Иванъ Быковскій, со всѣмъ урядомъ, обратился съ протестомъ и жалобой къ московскому патріарху, Адріану, и добился у него не только признанія правъ Кіева на выборы „парохіальныхъ священниковъ", но и посланія, съ которымъ патріархъ обратился къ кіевскому митрополиту и въ которомъ потребовалъ отъ послѣдняго возстановленія нарушеннаго права во имя „христіанской любви" и мира.[1]) И любопытны основанія этого требованія. „Кіевскіе мѣщане, пишетъ патріархъ, извѣстиша намъ, что прежде сего митрополитовъ кіевскихъ и при твоемъ уже бытіи бысть таковой обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они, прихожане, и всѣ ихъ урядники, по любви, чтобы онъ былъ *отецъ* имъ *и жертвоприноситель, избираютъ обще,* и о посвященіи во іерейство вамъ, архіереемъ, бьютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитье творится, еже бы о томъ у нихъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія и нуду не было". Теперь же, продолжаетъ патріархъ, „отъ тебе къ нимъ бываютъ присланы къ приходскимъ ихъ церквямъ священники *сильно,* не по ихъ избранію, и дѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созиждаются въ Божіей любви", и рекомендуетъ кіевскому митрополиту „пасти христово стадо любовно" „пещися да Богъ мира со всѣми будетъ".

Дѣло о назначенія священника и объ уплатѣ ему его содержанія лежало исключительно на одномъ населеніи, на „громадахъ" каждаго даннаго прихода. Отъ „громады" зависѣло указать на то или иное излюбленное избранное ею

---

[1]) Посланіе патріарха Адріана находится въ числѣ рукописей московскаго архива министерства юстиціи (Деп. Правит. Сената, кн. № 5—1732 г.,) f°. 205—208. За сообщеніе этого любопытнаго документа приносимъ искреннюю благодарность проф. С. Голубеву, любезно предоставившему копію документа въ наше распоряженіе. Онъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Кіевской Старины».

лицо. Обязанность высшей духовной власти, епископа или архіепископа данной епархіи, заключалась лишь въ выдачѣ ставленной грамоты, въ удостовѣреніи, что данное избранное лицо способно быть священникомъ, или же въ томъ, чтобы подготовить его къ священству, въ случаѣ отсутствія у него подготовки. Данный приходъ избиралъ прежде всего извѣстное ему лицо, заключалъ съ нимъ договоръ и затѣмъ посылалъ и приговоръ, и договоръ къ архіерею. Послѣдній предписывалъ „послать избраннаго во ученіе каѳихыза и святыхъ тайнъ, и на хоръ чтенія и пѣнія, затѣмъ, получивши рядъ удостовѣреній отъ экзаменатора, что ставленникъ „Законъ Божій, святое церковное таинство и протчое надлежащое къ катихизису изучилъ", и отъ духовника, разрѣшалъ рукоположить его; наконецъ, послѣ выдачи ставленнику удостовѣренія въ успѣшномъ обученіи богослуженію („священнослуженія іерейскаго добрѣ обученъ"), выдавалъ ставленную граммоту". [1])

Будущій ставленникъ могъ быть указанъ и избранъ и самой громадой, могъ, въ иныхъ случаяхъ, просить громаду избрать его, взять на себя инициіативу [2]). Никакихъ ограниченій для выбора не существовало. Громадѣ вольно было избрать либо духовное лицо (бывшаго уже священника или служащаго при архіерейскомъ дворѣ и т. д.), либо свѣтское, все равно изъ старшины ли (какъ, напр., священникъ с. Домантова переяславскаго полка [3]), или изъ козаковъ, или изъ посполитыхъ [4]).

Разъ данное лицо оказывалось избраннымъ громадой, послѣдняя приступала къ ряду дѣйствій, въ видахъ установленія на прочныхъ основаніяхъ будущихъ отношеній своихъ къ своему „пастыру и богомольцу". Она устанавливала прежде всего размѣръ вознагражденія священника за исполненіе имъ разнаго

---

[1]) Архивъ ю. з. Р., т. II, стр. 4—5, ср. 15—17 и др.

[2]) Договоръ с. Самовицы 1761. Земскій Обзоръ Ср. Ар. Ю. З. ч. I, т. II, 28, 31 и др.

[3]) Рум. Опись, с. Домантовъ.

[4]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. I, т. II, стр. 27, 32, 50 и др.

рода требъ и послѣ переговоровъ съ нимъ выдавала ему контрактъ или договоръ, который нерѣдко (какъ видно и изъ прилагаемаго акта) посылала въ судъ для засвидѣтельствованія. Договоръ заключался съ цѣлью оградить прихожанъ, членовъ громады, отъ излишнихъ поборовъ, почему въ него нерѣдко вносилось прямое требованіе, чтобы „попъ ничего больше не вымагалъ", не забиралъ ничего „насильно" или „самъ собою". Въ нихъ прямо говорится, что опредѣленнымъ громадою онъ „повиненъ контентоваться" [1]). Договоръ имѣлъ, впрочемъ, силу лишь по отношенію къ членамъ избравшей священника громады: онъ былъ обязателенъ для него. По отношенію къ лицамъ постороннимъ, которые пожелали бы обратиться къ священнику данной громады, послѣдняя, какъ то видно изъ прилагаемаго акта, предоставляла своему „пастыру" свободу дѣйствій: онъ могъ „уеднаться" съ чуже-общественникомъ (актъ с. Козлова), но „сходственно съ указанными повелѣніями".

Размѣръ вознагражденія за требы точно опредѣлялся громадой, и тарифъ вносился цѣликомъ въ договоръ, но плата не была одной и той-же: онаи змѣнялась постепенно отъ начала къ концу XVIII в. Такъ, въ 1712 г. села Козловъ и Студеники опредѣлили платить за сорокоустъ всего 30 к., тогда какъ въ 1761 г. за него въ Самовицѣ уплачивали 3 р. и таже цѣна отмѣчена и въ договорѣ 1789 г. с. Погребки. За вѣнчанье въ 1712 г. платили всего 5 коп., тогда какъ 1761 г.—20 к., а въ 1789—10 к., но съ добавленіемъ отсыпного хлѣба, роковщины, которой вовсе не уплачивали въ XVIII в. другія села лѣвобережной Украины. За похороны плата съ 5 коп. въ 1712 г. возросла до 10 коп. 1761 и 1789 г. и т. д. Но въ 1789 г. уже гораздо детальнѣе опредѣлена плата за всякія мелкія требы, чѣмъ въ актахъ предшествующихъ, чего вовсе нѣтъ въ старыхъ договорахъ, какъ нѣтъ и обязательной роковщины.

---

[1]) См. И. Лучицкій с. община и с. духовенство, акты № (сел. Козлова 1712), № III (с. Самовицы 1761).

Рядомъ съ договоромъ о платѣ за требы разрѣшался громадой и вопросъ о земельномъ обезпеченіи священника и причта. Обыкновенно громада отводила избранному ею священнику такое количество земли, какое считала нужнымъ. Села Козловъ и Студеники отводятъ гай и луку; жители Самовицы—пахать въ общественной толокѣ, мѣсто для двора и рыболовный уступъ; жители с. Каневцы—пахать въ общественной толокѣ („помѣрки") въ двухъ смѣнахъ и сѣнокосъ. Во всѣхъ этихъ актахъ земля отводится совмѣстно и козаками, и посполитыми. Такойже отводъ земли совершается и въ с. Погребкахъ въ 1789 г., но здѣсь уже новая черта: отводятъ землю отдѣльно козаки, отдѣльно казенные крестьяне. Въ большей части случаевъ отводъ производился изъ общественныхъ земель и признавался дѣйствительнымъ, въ старыхъ актахъ, лишь до тѣхъ поръ, пока „хто з оныхъ (священника или причта) церкви Божіей служить будетъ„ (актъ с. Каневцы 1764 г.) Не лицо признавалось собственникомъ земли, не данный священникъ, а священникъ вообще, какъ данный, такъ и его преемники. Но однажды отведенная земля считалась неотчуждаемой: ее отдавали „на вѣчность", какъ церковную собственность.

Довольно значительное различіе существовало между договорами селъ лѣвобережной Украины, сѣверной и южной, и селъ правобережной. Въ первой, гдѣ община была болѣе свободной, не требовалось согласія какой либо власти, не требовалось ея разрѣшенія для составленія договора. Не только козаки, но и посполитые дѣйствовали сами, по собственной волѣ. Въ правобережной члены громады испрашиваютъ прежде всего разрѣшеніе приступить къ выборамъ и составленію договора. Жители Стараго Крылова получаютъ это разрѣшеніе отъ коммиссара чигиринскихъ имѣній князя Яблоновскаго, который, также какъ и громада, посылаетъ просьбу объ утвержденіи даннаго лица въ званіи священника архіерею [1]). Съ другой стороны, отсутствуютъ въ лѣвобережной Украинѣ и тѣ обяза-

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ib., стр. 1—10, стр. 18—19 и др.

тельныя взысканія презентовъ и проч., которыми были обложены священники праваго берега [1]).

Труднѣе рѣшить вопросъ, какъ поступала „громада" въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ не исполнялъ договора. Несомнѣнио, договоръ,—разъ онъ еще и засвидѣтельствованъ былъ въ судѣ,—долженъ былъ имѣть силу и значеніе юридическаго акта, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Если, какъ то показываютъ данныя о с. Козловѣ, переяславскаго полка, священникъ могъ жаловаться полковой старшинѣ чрезъ атамана на нарушеніе своихъ правъ, то, вѣроятио, такимъ-же правомъ обладала и „громада". Къ сожалѣнію, у насъ иѣтъ въ рукахъ данныхъ подобнаго рода для лѣвобережной Украины. Но что община могла требовать смѣны священника и замѣны его новымъ, ею избраннымъ, видно изъ того, что села правобережной Украины пользовались этимъ правомъ, правда, лишь въ одномъ случаѣ, когда, не желая отступать отъ православія, не только настаивали на замѣнѣ обратившагося въ унію священника другимъ, православнымъ, за котораго прихожане подали свои голоса, но просто удаляли его [2]). Существовало-ли это право и въ другихъ случаяхъ нарушенія договора, остается открытымъ вопросомъ.

И. Л.

1789 года, марта 10 дня, мы нижеподписавшіеся дали сей обовязательной контрактъ находившемуся въ новгородскомъ архиерейскомъ домѣ въ должности расходчика, церковнопричетническому сыну, Іосифу Домницкому, [3]) въ томъ, что если Богъ

---

[1]) Ib, LIX.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ib., дѣло объ избраніи въ м. Мглѣевѣ священника Григорія Хоминскаго вмѣсто Василія Гдишинскаго, котораго жители имѣть не желаютъ. Стр. 446 и сл.

[3]) Изъ архивныхъ данныхъ погребской церкви видно, что Домницкій еще состоялъ священникомъ въ селѣ Погребки и въ началѣ XIX ст. С. Р.

удостоитъ и господинъ преосвященнѣйшій Ияаріонъ, епископъ новгородскосѣверскій и глуховскій, посвятыть его, Домницкаго, къ нашей приходской церкви, храму Покрова пресвятія Богородыци, во священника, то тогда за его священнослуженіе и исправленіе намъ христіанскихъ требъ опредѣляемъ ему, Домницкому, въ руку место, на которомъ умершаго священника, Гурія Гоpащевскаго, состоитъ жилой домъ съ огородомъ, при томъ же дворѣ имѣемимъ, и въ лузѣ сѣнокосъ церковный [1]) во урочищи Далматовѣ, а особливо того со стороны козачей хлѣбопахатной земли во урочищи Боровой сменѣ, близълежащей с. Погребокъ на Ивотъ [2]) дороги, посѣвомъ на четверть, да со стороны казенныхъ крестьянъ, съ вѣдома господина эконома директора, Семена Федоровича Уманца, пустовскій имѣемій грунтъ, прозиваемій Козинскій, [3]) состоящій во всѣхъ трохъ смѣнахъ, яко то Боровой, [4]) въ средней и кормовой, и притомъ въ лузѣ сѣнокосъ, Козинъ же; сверхже того обовязуемся давать въ годъ отъсипного хлѣба отъ всякого грунта по полчетверты старой мѣры, особливо же за требы, именно: за молитву родительницѣ 2 коп., за крещеніе младенца 2 коп., за елеосвященіе 1 ефимокъ (?), за погребеніе младенца 5 к., за погребеніе возрастного 10 к., и за чтеніе притомъ евангелія каждого 5 к., за панихиду большую 10 коп., за уписаніе въ помянникъ умершей души 40 коп., за сорокоустъ 3 ефимка, за здоровный обѣдъ, за молебенъ, за акафистъ, за освященіе дому, воды и колодезя по 10 коп., за освященіе иконы 2 коп., за обвѣнчаніе своего прихода отъ тѣхъ, кои отсипнимъ хлебомъ даютъ роковщину, по 10 коп., а от огородниковъ и стороннихъ смотря по чело-

---

[1]) Состоитъ и нынѣ во владѣніи церкви Погребской въ пользованіи у причта. С. Р.

[2]) Село Ивожъ находится въ 7 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

[3]) Существуетъ нынѣ урочище «Боровая Смѣна», С. Р.

[4]) Названія „Козинъ“, «Козинскій сѣнокосъ» болѣе не существуютъ въ с. Погребки, и мѣсто, гдѣ они находились, остается неизвѣстнымъ. С. Р.

вѣку и по доброхотству, сходственно съ указанными повелѣніями. Во утверждение какова учиненнаго нами договора дозволяемъ ему, Домницкому, сей контрактъ, гдѣ надлежитъ, оконфирмовать, на коемъ и подписуемся при печатехъ. Къ сему контракту намѣстничества и уезда Новгородско-сѣверского жительствующіе въ селѣ Комонѣ [1]), при печатехъ подписалися: корметъ Опанасъ Худорбій; значковій товаришъ Владимиръ Худорбій [2]) Къ сему контракту уезда Кролевецкаго жительствующій въ селѣ Погребкахъ губернскій регистраторъ Иванъ Гриневичъ при печати подписался. Къ сему контракту сотенній асаулъ, дворянинъ Денисъ Малченко, при печатехъ подъписался. К сему контракту намѣстничества Новгородско-сѣверского, уезда Кролевецкого, села Погребокъ козаки: Іосифъ Денисенко, Иванъ, Никифоръ, Демянъ и Михаило Фатуни, Каленикъ и Иванъ Вощыни, Захаръ Луговій, Сергей Межуй, Илья Отрошко, Сергей и Мина Шляхти, Леонтій, Василь и Омелко Колмиченки, Владимеръ и Артемій Тереховскіи, Трофимъ Козелъ, Тарасъ Воропай, Никифоръ Куций, Федоръ Жоровъ, подписались, а вмисто ихъ неграмотнихъ, по ихъ персональному прошенію, за нхъ и за себя того жъ села Погребокъ итаманъ Василь Денисенко руку приложивъ.— Казеннаго ведомства крестяне: войтъ Семенъ и Яковъ Шерстюки, Терентій и Петро Рудкм, Стефанъ Благушъ, Димитрій Коротченко, Никита, Ходько, Данило и Иванъ Товкачи, Васи-

---

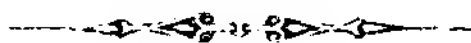
[1]) С. Комонь находится въ 2 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

[2]) Земли Худорбіевъ находятся и теперь въ дачахъ с. Погребки. Фамилія—Худорбій, какъ и фамилія Малченка, извѣстны еще во время «шведской инкурсіи». Отмѣченная въ исторіи Маркевича (II, 474—75) фамилія «Худорбай», какъ и фамилія козака с. Погребки, у котораго останавливался Петръ I,—„Мальчикъ", очевидно не вѣрны. По всей вѣроятности значковой товарищъ Худорбай,—потомокъ того хоружого, котораго сотникъ Н.-Сѣверскій, Жоравка, посылалъ къ Петру въ Погребки. Относительно рода Малченокъ погребскіе старожилы разсказываютъ, что на одной изъ балокъ хаты Малченка была вырѣзана надпись: «здѣсь былъ Петръ I» Въ 1889 г. хата сгорѣла. С. Р.

лій Смолникъ, Халимонъ и Константій Заровніе, Федоръ, Исай, Василь и Василь Мойсеенки, Григорій Скрипченко, Иванъ Школній, Иванъ Комаръ, Никита и Отрохъ Шамови, Семенъ Реготъ, Дорохъ Кохановъ, Федоръ, Василь и Николай Хроленки, Алексѣй Макаренко, Макаръ Зимодранъ, Матвѣй Сковородка, Петро Стягайло, Федоръ Коротченко, Илія Потапенко, Антонъ Пацуй, Захарій Шепель, Онисимъ Пластунъ, Симонъ Морочко и Гуринъ Науменко подписалися, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ, по ихъ персональному и рукоданному прошенію, за ихъ и за себя того жъ села житель изъ дворянъ козакъ Филипъ Малченко при печаты руку приложилъ.

1789 года, марта 13 дня, сей договоръ въ Кролевецкій уездный судъ со стороны прихожанъ погребскихъ явленъ и въ книгу входящихъ дѣлъ подъ № 55 записанъ и за надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печаты, изъ сымъ засвидѣтельствованіемъ просытелю Иосифу Домнѣцкому возращенъ. Засѣдатель Лукянъ Огневскій, секретаръ Александръ Антоновичъ, коллежскій канцеляристъ Павелъ Стожко. (Архивъ Покровской церкви села Погребки Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда).

Собщилъ **Сергѣй Рклицкій**.



Александръ Яковлевичъ Кониссkій.

(*Некрологъ*).

I.

Немногочисленные ряды выдающихся дѣятелей на нашей родной нивѣ съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ; съ каждымъ годомъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены энергичные, горячо преданные своей родинѣ и народу, вѣрные до конца жизни разъ принятому ими направленію работники. Если утрата подобныхъ работниковъ всегда тяжела даже въ обществахъ, успѣвшихъ хорошо развить свою культурную жизнь и потому богатыхъ культурными силами, то тѣмъ чувствительнѣе она въ той средѣ, которая, въ силу различныхъ обстоятельствъ, постоянно оказывается задерживаемой въ своемъ естественномъ ростѣ и вслѣдствіе этого считающей въ своихъ рядахъ энергичныхъ, неутомимыхъ работниковъ только единицами.

Такимъ именно работникомъ и былъ, скончавшійся 29 ноября минувшаго года, извѣстный украинскій писатель и общественный дѣятель, А. Я. Кониссkій. Въ лицѣ сошедшаго въ могилу А. Я. Кониссkаго Малороссія и Галичина понесли тяжелую утрату, одного изъ старѣйшихъ, самыхъ неутомимыхъ работниковъ, въ теченіе слишкомъ сорокалѣтней своей кипучей дѣятельности неизмѣнно и твердо стоявшаго на стражѣ интересовъ своей ро-

дины и своего народа. Этими чертами своего характера покойникъ долженъ служить прекраснымъ примѣромъ для молодого поколѣнія.

Для полной и всесторонней оцѣнки общественной и литературной дѣятельности покойнаго, длившейся болѣе сорока лѣтъ, теперь пока еще не время: слишкомъ она была продолжительна и слишкомъ разнообразна, а потому ее и не возможно сдѣлать сейчасъ, предъ незакрытой еще почти могилой. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателей, друзей и почитателей сошедшаго въ могилу дѣятеля съ главными моментами жизни и дѣятельности его и дать общій перечень литературныхъ трудовъ и работъ покойника.

А. Я. Конисскій родился 6 августа 1836 г. въ хуторѣ Переходовкѣ, нѣжинскаго у., черниговской губ. Потерявъ на седьмомъ году своей жизни отца, Конисскій рано испыталъ тяжелое положеніе сироты, матеріальныя лишенія и притѣсненія окружающихъ. Девяти лѣтъ его отдаютъ въ нѣжинское приходское училище, а затѣмъ—въ Черниговскую гимназію. Здѣсь ему пришлось испытать первыя горечи за свое влеченіе къ высшимъ порывамъ человѣческаго духа: гимназическое начальство усмотрѣло его испорченность въ томъ, что онъ пишетъ стихи на малорусскомъ языкѣ, и въ результатѣ онъ очутился за порогомъ гимназіи. Попытка продолжить образованіе въ Нѣжинскомъ дворянскомъ училищѣ и лицеѣ также окончилась неудачей: крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, а также тяжелая болѣзнь глазъ, заставили его бросить школу и вступить въ жизнь на борьбу съ лишеніями и невзгодами. Въ 1854 г. Конисскій поступаетъ на службу при судѣ въ Полтавѣ, не оставляя въ то-же время надежды пополнить свое образованіе самостоятельнымъ трудомъ, и дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли. Юношескіе годы Конисскаго совпали съ тѣмъ освободительнымъ теченіемъ, которое увѣковѣчено также недавно сошедшимъ въ могилу, покойнымъ Джаншіевымъ въ его трудѣ подъ названіемъ „Эпоха великихъ реформъ“. Конисскій отдался служенію народу со всею страстью своей пылкой натуры. Онъ

принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ въ Полтавѣ, пишетъ корреспонденціи въ „Искру", „Черниговскій Листокъ" и „Основу", гдѣ выступаетъ пламеннымъ защитникомъ интересовъ народа и убѣжденнымъ борцомъ за его права. Наступившія въ 1863 г. неблагопріятныя вѣянія отразились и на Кониссκомъ: по доносу одного изъ сослуживцевъ, его обвинили въ распространеніи превратныхъ сепаратистическихъ идей и сослали сначала въ Вологду, а затѣмъ въ Тотьму, гдѣ онъ пробылъ до 1865 г., когда получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину: сначала въ Воронежъ, затѣмъ—Елисаветградъ, Бобринецъ и Екатеринославъ. Въ 1872 г. Конисскій переселяется въ Кіевъ, гдѣ живетъ до послѣднихъ дней, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ на малорусскомъ языкѣ.

Не входя въ подробную оцѣнку литературной дѣятельности Конисскаго, мы все-же не можемъ не остановиться прежде всего на тѣхъ обвиненіяхъ по его адресу, какія часто раздавались и въ печати, и въ частныхъ отзывахъ, обвиненіяхъ въ проповѣди національной исключительности и нетерпимости. Такія обвиненія, по нашему мнѣнію, основаны только лишь на недоразумѣніи: не національную нетерпимость и исключительность онъ проповѣдывалъ, а напротивъ—свободу національностей. Видя свой родной народъ не на высотѣ тѣхъ правъ, какими пользуются другіе народы, онъ не могъ иногда, какъ натура въ высшей степени чуткая и отзывчивая, освободиться отъ страстнаго, обличительнаго тона, который его противники толковали, какъ шовинизмъ и исключительность. Что мысль наша справедлива, доказательствомъ тому является и то обстоятельство, что, посвятивъ свои силы малорусской литературѣ, Конисскій не чуждается въ то-же время и русской и принимаетъ дѣятельное участіе въ лучшихъ органахъ ея: Вѣстникъ Европы, Русская Мысль, Искра, Страна, Порядокъ, Заря, Земство, Земскій Обзоръ, Семья и Школа, Московскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва и мн. др.

Литературная дѣятельность Конисскаго начинается съ 1858 года, когда имъ въ „Театрально-Музыкальномъ Вѣстникѣ"

помѣщено было нѣсколько замѣтокъ. Начало 60-хъ годовъ совпадаетъ съ возрожденіемъ и расцвѣтомъ малорусской литературы въ Россіи, и вотъ Конисскій помѣщаетъ по-украински и по-русски въ „Основѣ“ и „Черниговскомъ Листкѣ“, издававшемся извѣстнымъ украинскимъ писателемъ Глѣбовымъ, рядъ очерковъ беллетристическаго и публицистическаго содержанія, подписывая ихъ псевдонимомъ „Переходовець“.

Въ публицистическихъ своихъ очеркахъ онъ ратуетъ за допущеніе въ народную школу малорусскаго языка и вообще за предоставленіе ему правъ полнаго гражданства. Въ то-же время дѣятельность его въ качествѣ учителя воскресныхъ школъ въ Полтавѣ натолкнула его на мысль составить учебники для украинскихъ школъ, результатомъ чего и были его „Украински прописи“ и „Арихметика, або щотниця“. По поводу учебниковъ на народномъ языкѣ онъ ведетъ интересную переписку съ Костомаровымъ. Но измѣнившіяся условія вскорѣ прервали эти зачатки педагогической дѣятельности Конисскаго: другіе составленные имъ учебники не были разрѣшены къ печати. Такое исключительное положеніе малорусской письменности въ періодъ 1863—73 г.г. натолкнуло Конисскаго на мысль перенести свою литературную дѣятельность въ Галичину. Конисскій въ этотъ періодъ печатаетъ свои произведенія (стихотворенія, повѣсти, романы, разсказы, статьи литературно-критическаго и публицистическаго содержанія) въ галицкихъ и буковинскихъ украинскихъ изданіяхъ—„Слово, Галичанинъ, Мета, Вечорнпци, Правда“ и др. Неоднократныя поѣздки въ Галичину еще болѣе укрѣпили его связи съ галицкими дѣятелями національнаго направленія, связи, не прерывавшіяся до самой его смерти. Галичина и вся Малороссія особенно обязаны К—му за его дѣятельность въ качествѣ одного изъ основателей извѣстнаго „Наукового товариства імени Шевченка“ въ 1873 г., сперва поставившаго себѣ чисто литературныя задачи, а затѣмъ съ 1892 г. реорганизовавшагося, при поддержкѣ и горячемъ участіи его, въ научное общество. Въ началѣ 70-хъ годовъ малорусскому слову въ Россіи вздохнулось свободнѣе, и Конисскій, не пре-

рывая своей дѣятельности въ Галиціи, опять обращается къ изданію книжекъ въ Россіи: имъ издано нѣсколько популярныхъ брошюръ, приготовлены къ печати литературные сборники, не увидавшіе, впрочемъ, свѣта. Въ 1881 г. Конисскій поднимаетъ вновь старый вопросъ о допущеніи малорусскаго языка въ народную школу. Статья его по этому вопросу, появившаяся въ журналѣ „Семья и Школа", вызвала цѣлую литературу въ русской повременной печати, большинство представителей которой вполнѣ согласились съ положеніями автора. Вообще при каждомъ удобномъ случаѣ Конисскій поднималъ этотъ вопросъ, какъ въ статьяхъ, такъ и въ различнаго рода докладныхъ запискахъ, выступая всегда защитникомъ правъ малорусскаго слова.

Послѣдніе годы своей дѣятельности Конисскій посвятилъ изученію личности и произведеній Шевченка. Плодомъ этого изученія былъ двухтомный трудъ „Тарасъ Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя", первый томъ котораго появился въ 1898 г. въ Львовѣ, а второй появится въ скоромъ времени. Тотъ-же трудъ авторъ переработалъ и издалъ въ Россіи подъ названіемъ „Жизнь украинскаго поэта Т. Гр. Шевченка". Трудъ Конисскаго представляетъ лучшую біографію знаменитаго украинскаго поэта. Шевченку-же посвященъ и послѣдній трудъ Конисскаго, появившійся на русскомъ языкѣ—это популярная біографія поэта, предназначенная для широкой публики, напечатанная въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Журнала для всѣхъ".

Перечислить все написанное Конисскимъ не представляется пока возможнымъ: его произведенія печатались большею частью въ Галицкихъ изданіяхъ, мало въ Россіи извѣстныхъ и доступныхъ, подъ многочисленными псевдонимами („Переходовець", „Верныволя", „Сырота", „Журавель", Дроздъ, Семенъ Жукъ, О. Яковенко, К. Маруся, О. Кошовый, Перебендя, Лесько, Кость Одовець, Сырота зъ Украины, О. Я. Хуторный, Вакула зъ Лубенъ, Степанъ Шкода, Полтавець, О. Я. К., О. К., Дрибный и др.), изъ которыхъ многіе остались нераскрытыми до сихъ поръ.

Болѣе популярные его романы и повѣсти—„Семен Жук і його родичі“, „Юрій Горовенко“ (подъ псевдонимомъ Красюченко), „Непримиренна“, „В гостях добре, а дома ліпше“. Въ послѣднее время Конисскій предпринялъ изданіе своихъ беллетристическихъ произведеній въ Россіи; до сихъ поръ вышло три тома, въ недалекомъ будущемъ ожидалось еще нѣсколько томовъ, но смерть прервала его намѣренія.

Утрата, понесенная малорусской литературою, тяжела и трудно вознаградима. Съ энергіей, стойкостью, убѣжденіемъ онъ въ теченіе своей долгой литературной и общественной дѣятельности отстаивалъ то, во что вѣрилъ, и до послѣдней минуты убѣжденъ былъ, что стѣсненная теперь въ своемъ теченіи родная литература дождется свѣтлыхъ дней... Если къ кому можно примѣнить прекрасное изреченіе: „Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“—такъ это къ Конисскому.

Несомнѣнно, что онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ малорусской литературѣ и жизни.

Миръ праху твоему, неутомимый, стойкій труженникъ и вѣрный сынъ родной страны!

Матушевскій-Ефремовъ.

II.

Библіографическій указатель сочиненій А. Я. Конисскаго, написанныхъ по-малорусски.

Предлагаемый нами ниже перечень произведеній покойнаго Ал. Як. въ хронологическомъ порядкѣ составленъ отчасти на основаніи труда Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-Русская библіографія XIX ст. (съ 1801—1889)", отчасти послѣ просмотра тѣхъ изданій, въ которыхъ покойный А. Я. сотрудничалъ, отчасти, и даже главнымъ образомъ, на основаніи матеріаловъ и записей, оставшихся послѣ его кончины. Въ настоящемъ перечнѣ мы почти исключительно останавливаемся на произведеніяхъ, печатавшихся въ Галицкой Руси, которыя, въ особенности до 1890 года, отмѣчены нами повидимому съ достаточной полнотой; что же касается времени послѣ 1890 года, то здѣсь оказались крупные пробѣлы, благодаря рѣдкости нѣкоторыхъ изданій, которыхъ намъ не представилось возможности видѣть... Предлагая этотъ, хотя и далекій отъ полноты, указатель, мы исходимъ изъ того вполнѣ естественнаго заключенія, что отдѣльныя лица и редакціи, въ особенности галицкихъ періодическихъ изданій, для которыхъ дорога память почившаго, еще такъ недавно поддерживавшаго съ ними самыя живыя сношенія, не преминутъ подѣлиться съ нами своими сообщеніями, дополненіями, поправками, замѣчаніями—драгоцѣннымъ матеріаломъ для будущихъ біографовъ А. Я. Конисскаго.

Какъ извѣстно изъ біографической записи А. Я. Конисскаго, первый его опытъ на литературномъ поприщѣ относится къ 1858 г. въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ"; [1]) въ томъ же году онъ помѣстилъ первыя свои стихотворныя произведенія въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, съ которыхъ мы и начнемъ перечень.

1858 г.

Въ „*Черниг. Губ. Вѣдом.*"—Стихотвор. **Перебендя О.** (№№ 37, 40, 45).

---

[1]) Замѣтка объ итальянской оперѣ въ Полтавѣ.

1861 г.

1) Въ „*Основѣ*“ 1861 г.—**Конисскій Ал.** Изъ Полтавы. Вісті (Полтавскіе колонисты)—(май, 68—71); Людська память про старовину. Спафаріева рудка—(ноябрь—дек. 1—7),; стих. Сиротина (май, 26). **Ол. Переходовець.** Зъ Полтави. Вісті (Положеніе школьнаго образованія въ Полтавѣ) (Янв., 319—322); Изъ Полтави. Вісті. (Мѣстныя извѣстія) (май, 71—74); Листи зъ дороги (изъ Херсона) (Окт., 145—148).

2) Въ «*Черниговскомъ Листкѣ*». Повѣсть «Купованый батько».

1862 г.

1) Въ «*Галичанинѣ*», кн. I, вып. I, Литерат. сборн., издаваемомъ Я. Ѳ. Головацкимъ».

Стихотворенія.

Верниволя Ѳ.: Вечерня розмова (стр. 9—10), Вѣтеръ (10), До дивчины. Ганнѣ Павловнѣ Ф. Р—ъ (8—9), Думка (10—11), Зъ святого письма (I. Царь Саулъ. II. Пѣсня пѣсень) (7—8), Каторжный (II), Левъ та барсъ. Басня зъ Крылова (6), Моя доля (11), Споминки (10).

К. О. Я. Думки (6—7), Пророкъ. Миколаю Ивановичу Костомарову (7).

Конисскій Александръ Я. Бажання (6), Весна и зима. Виктору Васильевичу Лободѣ (3—4), Доля (3), До Мины. Вольный переводъ изъ Шиллера (15), До моря (5), Останне слово Василю Тарасовичу М..... (3), Петро (1—3).

Разсказы. **Конисскій Александръ Я.** Панська воля. Оповиданне (21—35).

2) Въ книгѣ «*Р.(озлуцкій) М. В.* Сонное видѣніе, або разговоръ духовъ о польскій и рускій справѣ. Оповѣдь въ стихахъ».—**Конисскій Александръ Я.** На смерть Тараса Шевченка (стихотвореніе) (106—108).

3) Въ «*Словѣ*», Львовъ, 1862. Рочникъ вторый.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Въ память дня 19 лют. 1861 р. (№ 50), До сестры (№ 35), Думка (№ 54), Заповѣдь. Богдану Александровичу Калинѣ (№ 78), Зъ святого письма. Іефѳаева дочка. Марку Вовчку (№ 39), Калѣка (№ 79), Коли-бъ (№ 78), Мое бажання (№ 22), Нема й надѣи (№ 75), Нѣ! Нѣ! Романсъ, присвяч. О. О. М. (№ 28), Одного бажаю (№ 67), Панамъ—лже-либераламъ (№ 79), Пѣсня браттямъ галичанамъ (№ 46), Сестрамъ-галичанкамъ (№ 47), Туга (№ 61).

Конисскій Александръ Я. Грѣшниця (№ 53).

Корреспонденціи. **Верниволя Ѳ.** Зъ Полтавы (№№ 32, 40, 43, 45, 54, 59, 68, 74, 83. 84, 97).

4) Въ *«Черниговскомъ Листкѣ»* 1862 г. Стихотвор. **А. Кониского**: Безталанна (№ 6), До вбогои (№ 6).

О. Переходовецъ —Листъ до редакціи (№ 12)

5) Въ *«Основѣ»*. **Конисскій.** Дорожныя замѣтки (изъ Полтавы въ Кременчугъ) (февр. 55—58); **Переходовецъ Ол.** Вісті. З Кременчуга (мартъ, 78—80), З Млыновъ (май, 19—22), З Лубенського у. (май, 16—19), З Полтавы (февр., 52—54), З Старыхъ Санжаръ (май, 11—16)

6) *Украиньски прописі.* Полтава, 1862. Ц. 4 коп.

1863 г.

1) Въ *«Вечерницяхъ»*. Рочникъ II.

Стихотворенія. **Сирота**: Плачъ Іереміі (№ 16), Споминки про Богдана Хмельницького (№ 13), Украінська нічъ. Олені Василевні С—л—д—кій (№ 14),

2) Въ «Галичанинѣ». Книга I, Выпускъ II.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** До В. В. Лободы (стр. 13), До родини (11), Журба (14), Моя любовь. Ганнѣ Викентьевнѣ П... (16), На прощанье. Г. М. С. (16), На смерть Я. Г. Кухаренка. Сте пану Як. Кухаренкови (13—14), Не вѣрю клятвѣ я раба (12—13), Не призывайте всуе Бога (12), Очи (15), Покрышка (14—15), Пѣсня. Оленѣ Михайловнѣ Филоферпъ (12), Сама до себе. Ганнѣ Миколаевнѣ С... (15), Сирота (15), Усе плаче! Д. П. Пильчикову (11—12).

Конисскій Александръ Я. Загублена душа. Бретонська баллада зъ феодальныхъ часôвъ (8—11).

Разсказы. **Верниволя Ѳ.** Пропащи люде. Оповиданье. Ганнѣ Олексієвни П-а-ч-к-в-ô-й (60—68).

3) Въ *„Галичанинѣ"*. Книга I, Выпускъ III и IV.

Стихотворенія. **Сирота зъ Украины**: Братьямъ на Вкраину (№ 2), До П. М. Ар...т-а (4), До себе (4—5), До старои моеи неньки (3), Послѣдній день. Ив. Авт. Криштофу (3—4), Сповою рабского не хочу я (2).

4) Въ *«Словѣ»*. Рочникъ III.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Пустка. (№№ 94—96).

Корреспонденціи. **Верниволя Θ**. Зъ Полтавы (№ 1); **Сирота**. Зъ Полтавы (№№ 5, 29).

5) *Арихметика або щотниця.* Спб. 1863. Ц. 5 коп. Видано Н. Костомаровымъ.

1864 г.

1) Въ «*Словѣ*». Рочникъ IV.

Стихотвореніе. **Верниволя Θ**. Прощанье Чайдъ—Гарольда. По Мицкевичу. Моему щирому и любому пріятелеви Леону Ковальскому (№ 100).

1865 г.

1) Въ «*Мети*». (Первый годъ изданія).

К. Маруся. Критичний оглядъ українськои руськоі драматичноі літератури. Зъ московського журнала „Русская Сцена" (стр. 532—535).

2) Въ «*Словѣ*». Рочникъ V.

Стихотвореніе. **Перебендя**. Надѣя (№ 93).

1866 г.

1) Въ «*Русалкѣ*» (всего 11 №№).

Стихотворенія. **Верниволя Θ**. Елегія (№ 5), Памяти В. Щ. (№ 6); **Перебендя:** Де вы? (№ 1), До А. Ф. К. (№ 2), До дивчины (№ 8), До М В. В. (№ 4), До русалки! Присвячено руськимъ академикамъ у Львовѣ (№ 3). Думка. Ст.... К... (№ 7), Памяти великихъ. Въ роковины смерти Тараса Шевченка (№ 9); **Сирота** (на вигнаньи): В. В. М....чу (№ 11).

Разсказы. **Сирота**. Споминки давнего. Школа (№№ 3, 6, 9); **Журавель**. Передъ свѣтомъ. Оповиданье для людей нового часу. Присвячую любой моѣй жѣнцѣ (№№ 6—11).

Критич. статья. **К. Маруся**. Критичный оглядъ украинськои [руськои] драматичнои литературы. Зъ московського журнала „Русская Сцена" (№№ 5—7).

2) Въ «*Читанкѣ руской для низшои гимназіи.* Часть П. Львовъ».

Стихотвореніе. **Кониссвій Александръ**. Доля (стр. 75—76), Зима (66—67).

1867 г.

Въ «*Правдѣ*» (1-й годъ изданія).

Стихотвореніе. **Верниволя**: На смерть С....а С—а М—к—а (№ 17).

Кониссkій Александръ Я.: У селі (№ 12). Частина зъ поеми Войнаровськый». Перекладъ зъ Рилієва (№№ 14, 21).

Полтавець: Думка. (И я въ неволи, на чужині (№ 7).

По—**О. К.**: До небоги (№ 5).

П...ъ Мое бажання (№ 1).

Сирота: До братівъ товаришів по долі. Прологъ до поеми „Острожникъ" (№ 6), Пісня (№ 16), Частина зъ поеми «Острожникъ» (№№ 10, 19, 22).

Критическія, статьи.

О. П.: а) Сватання невзначай, драма въ шести діяхъ. Написавъ О. Цись; б) Ятровка, драма въ пяти діяхъ зъ прологомъ Написавъ О. Цись (№№ 1—2).

1868 г.

1) Въ Сборникѣ «*Торонскій Алексѣй. Руская читанка для высшой гимназіи. Томъ III.* Ч. I. Львовъ».

Кониссkій Александръ. *Стихотворенія*: Весна и зима (стр. 480—481), Левъ та бaрсъ. Басня зъ Крылова (481—482), На прощанье (472), Петро (478—480), Пророкъ (Зъ Лермонтова) (483), Сирота (482) (Всѣ эти стихотворенія были напечатаны въ предыдущіе годы въ вышеуказанныхъ изданіяхъ).

1869 г.

1) Въ „*Правдѣ*". Р(окъ) III.

Стихотвореніе. **Яковенко.** Зъ сербського (№ 4).

1870 г.

Въ «*Правдѣ*». Рочн. IV.

Стихотвореніе. **Яковенко.** Нива (№ 2).

1871 г.

1) Въ сборникѣ «*Барвинскій Александръ.* Руска Читанка для высшои гимназіи. Ч. III. У Львовѣ».

Стихотворенія. **Кониcскій Александръ**: Весна и зима (157—158), До П. М. Ар...т—а (160—161), *Диброва* (154—155), Думка (И за що, за що, Боже милый), (162), *Завтра* (155), Заповѣдь (161—162), Зъ святого письма. Іефѳаева Дочка (162—163), *Люби другихъ, якъ самъ себе* (157), Моя доля (158), *На прощанье* (160), На смерть Я. Г. Кухаренка (159), *Обжинки* (155—156), *Отъ гулькъ! до мене злодій влізъ* (154), *Що найлирше* (158). (Стихотворенія *курсивомъ*—напечатаны въ этихъ изданіяхъ впервые).

2) Въ сборникѣ *„Партыцкій Емиліанъ. Руска читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ.* Ч. II. У Львови».

Стихотворенія. **Кониcскій Александръ**: Елегія (стр. 83), *Микола*, Надъ моремъ, *Наука Христова* (стр. 84) (Стихотворенія *курсивомъ*—въ этотъ изданів впервые).

Разсказы. **Кониcскій Александръ.** Мій першій приходъ до школы (стр. 122 –123).

3) Въ сборникѣ *„Читанка руска для низшихъ клясъ середнихъ школъ.* Часть I. Во Львовѣ".

Стихотворенія. **Кониcскій Александръ**: Зима (стр. 430), При видъѣздѣ (стр. 449), У селѣ (428—429).

1874 г.

Въ «*Правдѣ*», рочникъ VII: З України (№ 5, 229), Подорож од Полтави до Гадяча (№ 10, 11, 13).

1875 г.

1) Въ *„Ластовкѣ"*. Львовъ. Р(очникъ) VII.

Стихотвореніе. **Верниволя Ѳ.** Бѣдна дитинка и недобри люди (№ 24).

2) Въ «*Правдѣ*». Рочникъ VIII.

Стихотворенія. **В-р-ля Ѳ.** До ватажка (№ 5) Думка (Тихо округъ мене) (№ 18), На память 10 січня 1865 р. М. А. К. (№ 9), Старий (№ 15). Тобі сусідоньки сказали (№ 5).

Разсказы. **К—ий О. Я.** Мої давні знаёмі. Етюды з житя: Дмитро Кипш (№ 24), Марта Михайловна Перепечка (№ 20), Сила Федорович Гарбуз (№ 21).

Яковенко О. Семен Жук и ёго родичі. Хроніка (№№ 1—10, 16—20, 22).

Критическ. статьи. **Кошовой О.** Коли ж виясниться. За проводом повісти И. Левицкого „Хмари“ (№№ 19, 20). До всіх живих руских людей (№ 23), Політични часописи на Україні (№ 17), Літературні злочинства (ст. 931—933).

1876 г.

1) Въ «*Газетѣ Шкильній*». Рочникъ II.

Стихотвореніе. **Конисскій О.**: Елегія (№ 22).

2) Въ «*Правдѣ*». Рочникъ IX.

Стихотворенія: **В-р-ля Ѳ.** В больниці душевно-недужих (№ 10), До музи (№ 8), На Тарасовій могилі (№ 12), Наша пісня (№ 5).

Перебендя О. На березі моря (№ 5), На 15-ти роковини смерти Т. Шевченка (№ 5).

Разсказы. **К. О. Я.** Мої давні знаёмі. Етюди з житя: Бродяга Иванъ (№№ 10, 11).

О. Я.: Наймичка. Оповідане (№№ 21—22).

Критическія статьи и замѣтки. **Дрибный.** Ліки своенародні. З домашнёго обиходу и в картинах житя. Київ, 1875 (№ 5), Про холеру. Київ, 1875 (№ 5).

Кошовой О. Збірник творів Іереміи Галки. Одесса, 1875 (№№ 3, 4), Про кари, до якихъ присуджують мирові суді. Київ, 1875 (№ 4).

1877 г.

Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ Х-ий.*

Стихотворенія. **Перебендя. О.** Думка (На скелі високій—сижу одинокий) (№ 22), Скорбні пісні (№ 22), Українська пісня (№ 22). *Мелкія статьи.* **Вакула изъ Лубенъ.** Мої хуторні сусіди (№ 1)

1878 г.

Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ XI. Томъ* I.

Стихотворенія. **Перебендя.** Біля церкви (стр. 233), Картинка (стр. 232), Марусі Ф. (231).

2) *Тамъ же*, Томъ II.

Разсказы. **К. О. Я.** Мої давні знаёмі. Етюди з житя: а) Бабуся Харитина (стр. 90), б) Павло Бодько (стр. 42)

Корреспонденція. Изъ Кіева (Историческое Общество Нестора-Лѣтописца) (№ 24).

Статьи. Сёгочасне літературне прямування. Ч. I (№ 11).

1879 г.

1) Въ „*Правдѣ*“. *Рочникъ XII*-ий.

Стихотворенія. **Перебендя.** Скорбні пісні (стр. 505).

2) Въ сборникѣ „*Романчукъ Юліянъ. Руска читанка для низшихъ клясъ середнихъ шкилъ.* Часть I. У Львовѣ“

Стихотворенія. **Конисскій Александръ:** Зима (стр. 230), *При видъѣздѣ.* (245), *У селѣ* (237).

1880 г.

1) Въ «*Зорѣ. Рочникъ першій*».

Статья. **О. К.** Михаилъ Куземскій (№ 4).

3) Въ „*Правдѣ. Рочникъ XIII*, въ № 4—6 (стр. 195).

1881 г.

1) Въ „*Антольогіі руській*“. У Львові.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ. Я.**: *Вітер* (73), *Вйіздячи на Вкраіну* (153), *Каліка*, *Каторжний* (101), *Тюрма за волю* (33); **Конисскій Александръ:** Думка (стр. 173), Коли б, (45) Мое бажання (6), Моя любов (26), Одного бажаю (131), Сиротина (стр. 145).

2) Въ „*Сьвіті*“. Рочник I.

Стихотворенія. **В-р-ля Ѳ.** Вйіздячи на Украіну (№ 1), Думка. (На скелі високій сижу одинокий) (№ 6), *Зоря* (№ 8, 9), *Філантропія* (№№ 11—12); **Перебендя:** *Буває інколи порою* (№№ 8, 9), *В ясну ніч у садок* (№ 7), *До Миколи Лисенка* (№ 10), *Мої кучері опали* (№ 8, 9), *Молитись хочу! слів немає* (№№ 8, 9), *Не для мене прийшла* (№№ 8, 9), *Отак, не вирвавшись на волю* (№ 7), *Сквитоване* (№ 11, 12).

Разсказы. **К—ий О. Я.** Мої давні знайомі. Етюди з життя: Антін Калина (№№ 11, 12)

Статьи: **К.** Відчити з історіі руско-украінського письменства XIV віку (Котляревскій, Гоголь, Боровиковскій, Гребинка, Бодянський, Гулакъ-Артемовськый) (№№ 1, 2, 8, 10); **Шкода Степанъ:** Листи з дороги (№№ 8—12); **Ѳ. В.:** Листи про Ірляндію (№№ 10—12).

3) Въ «*Дѣлѣ. Рочникъ II*».

Конисскій Александръ: Листъ зъ Кіева до редактора «Дѣла» (№ 74).

4) Въ сборникѣ *«Луна»*. Кіевъ, 1881.

Стихотворенія. **О. К.** Скорбна пісня (стр. 9); **Перебендя. На** березі моря (стр. 10), Просты (стр. 58); **А Конисскій.** Божевільна (стр. 11); **Федоръ Верниволя.** Думка.

1882 г.

1) *„Съвітъ". Рочникъ III.*

Стихотворенія. **В-р-ля Ѳ.** Ніч (№ 13); **Перебендя.** Скорбні пісні (Із дня в день, із віку в вік) (№ 15).

Разсказы. **К. О.** Із житя хуторян в Полтавщині (№ 16, 17), Антон Калина (№ 14); **безъ подписи:** И ми—люде! (№№ 15, 18—21).

Статьи: **Конисскій Александръ Я.** (автобіографія съ портр.) (№ 13); **К.** Відчити з історії русько-українського письменства XIX віку (№ 14); **Ѳ. В.:** Листи про Ірляндію (№ 13, 14).

1883 г.

О. К. Перша граматка, або чытанка. Кыевъ, 1883 г. Ц. 10 к.

1884 г.

1) Въ *„Зоръ". Рочникъ пятый* (два рази въ мѣсяць).

Стихотворенія. **Перебендя:** Вѣрна дружина (№ 14), Зъ скорбныхъ пѣсень (№ 3), Сподѣване (№ 13).

Разсказы: **К. О. Я.** Музика Павло Дрантусъ (№№ 18—19), Порвани струни (№№ 6—11).

Статьи. **Жукъ Семенъ:** Листи зъ Полтавщины (№№ 2, 8, 9, 15, 24, 25, 48, 49, 85, 99); **К. О. Я.:** Павло Чубинський (некрологъ) (№ 10); **Кость Одовець:** Очерки изъ исторіи украинской литературы XIX ст. Н. И. Петровъ, Кіевъ, 1884 (№№ 43, 44—46, 54, 55, 61, 62); „Руска Библіотека", томъ III. Критична замѣтка (№ 86).

3) Въ *„Календаръ ілюстров. Товариства „Просвъта" на рикъ 1885".*

Разсказы. **Конисскій Александръ Я.** Пастухъ Кузьма Шило (стр. 1).

4) **Конисскій Александръ** Я. Порвалась нитка! Комедія на чотыри справы. Написавъ Олександеръ Я. Кониській. У Львовѣ (накладомъ Ивана Белея). Зъ друкарнѣ Товариства ім. Шевченка, 1884, 8⁰, стр. 73+1.

1885 г.

1) Въ *„Альманахѣ буковинскомъ въ память общества «Союзъ» въ Черновцяхъ“*.

Стихотворенія. **К. Я.** До рускои молодежи (стр. 36), Мати (36), Смерть ватажка перехожихъ. За Фрайлигратомъ (39).

Разсказы. **К. О. Я.** Коханне въ останне (стр. 76).

2) Въ *«Буковинѣ». Рочникъ I* (2 раза въ мѣсяцъ).

Стихотворенія. **Перебендя О.** Заспѣвъ до поемы „У Гуцуливъ“ (№ 3).

3) Въ *„Зорѣ“*. Рочникъ шестый.

Стихотворенія. **Перебендя.** Давно а нынѣ (№№ 15, 16), Доля славы (№ 13); **Перебендя О.**: Розмова Музы зъ поетомъ. Перекладъ изъ Альфреда Мюссе (№ 8).

Разсказы. **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре. а дома лѣпше. Зъ житя рускои емиграціи (№№ 8—19); **К. О. Я.** Чи злочинець, чи недужий? Зъ карнои хроники (№№ 3—5); **Кониссвій О. Я.** Драма в тюрмі (№ 23).

Статьи. **Жукъ Семенъ.** Нова громада. Поема В. Кострицького (№ 19); **Кониссвій Александръ Я.** Микола Костомаровъ. Некрологъ (№ 3).

4) **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре, а дома лѣпше. Зъ житя рускои емиграціи. Историчне оповѣдане Дрозда. Передрукъ зъ „Зорѣ“. Львовъ. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка, 1885, 8⁰, стр. 165.

5) Въ *«Календарь ілюстр. тов. «Просвѣта» на рикъ 1886*.

Статьи. **Жукъ Семенъ.** Зъ исторіи Руси—Украины. Писля Миколы Костомарова (стр. 33).

6) Въ *«Дѣлѣ. Рочникъ VI»*.

Статьи **Кониссвій О. Я.** Микола Костомаровъ. Мои згадки про него и его листы (№№ 49—52).

7) *Лисенко Николай.* Имнъ на жѣночи голосы зъ акомп. фортепиана. Слова **О. Я. Кониского.** Бібліотека музикальна. Выпускъ III. Львовъ. У Львови, 8⁰.

8) *Красюченко.* Юрій Горовенко. Романъ. Львовъ, 1885. Выдане Руско-Укр. Бібліотеки.

9) *Яковенко.* Фотографіи зъ старого альбому. Кіевъ, 1885 г. (Марта Перепечка, Бабуся Харитина, Музика Павло Драгтусъ).

1886 г.

1) Въ *«Буковинѣ». Рочникъ II.*

Разсказы. **К—ій О. Я.** Капитанъ Гуля. Ескизъ (№№ 10, 11, 12); **Конисскій О. Я.** Занѣвечене житье (№№ 16—19).

2) Въ *«Дѣлѣ. Рочникъ VII».*

Статьи. **Одовецъ Костъ.** Михайло Максимовичъ. Біографічна замѣтка (№№ 56, 57).

3) Въ *«Зорѣ. Рочникъ VII».*

Стихотворенія. **Конисскій О. Я.** Проповѣдь на горѣ (№ 22).

Разсказы. (**Жукъ Семенъ**). Зъ житя на селахъ. Фотографія (№№ 1, 11); **Конисскій О. Я.** Отакъ буля вскочили! Зъ народныхъ устъ (№ 18, 19).

4) Въ *„Календарѣ буковинскомъ на рикъ 1887"*.

Разсказъ. **Конисскій О. Я.** До чого доводить людей горѣлка.

5) Въ *«Календарѣ ілюстр. товар.. «Просвіта» на рикъ 1887».*

Стихотвореніе. **Яковенко.** Елегія (стр. 45).

6) Въ книгѣ «Історія Украины за часивъ Петра Великого и Катерини II: Павло Полуботокъ. Петро Кальнишевский. Видане Товар. «Просвѣта» (ч. 89). У Львовѣ",—авторъ очерка „Петро Кальнишевский"—**Кость Одовецъ**.

Статьи: **Конисскій О. Я.** Женщины-професcоры на университетѣ въ Болоньи. Писля Никитенка (№№ 20—23), Жѣноча освѣта на Украинѣ (№№ 3, 4).

2) Въ *„Дѣлѣ. Рочникъ V"*.

7) *Костомаровъ Ник. Ив.* Исторични монографія Миколи Костомарова. Т. I. Руска исторична библіотека подъ редакціею Олександра Барвѣнского. Томъ II, въ Тернополѣ». Содержитъ: а) Двѣ Руски народности (въ переводѣ Ѳ. **В.**) (стр. 1), б) Нарысы народнои украинсько-рускои исторіи (въ переводѣ **Дрозда и Уманца**) (стр. 93).

8) Въ томѣ V „Рускои Историчнои Библіотеки"—*Смирновъ М.* Доля Галицкои Руси до злученя еи съ Польщею—переводъ **Ѳ. В.** (стр. 1).

9) Въ Сборникѣ *«Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для III клясы шкиль середныхъ» Львивъ».*

Стихотвореніе. **Конисскій Александръ.** До доньки (стр. 310).

Статья. **Конисскій Александръ.** Степы. Сѣнокосы въ степахъ (стр. 211).

10) Въ Сборникѣ «*Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для IV клясы школъ середныхъ*». Львовъ».

Разсказы. **Дроздъ.** Въ Кленовцѣ (стр. 241), Ночлѣгъ (стр. 187)

11) Въ книгѣ «*Романчукъ Юліанъ. Руска Читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ*. Ч. І. У Львовѣ».

Стихотворенія. **Кониссkій Александръ:** Зима (стр. 255),), При водъѣздѣ, (стр. 261), У селѣ (стр. 253)—всѣ были напечатаны въ предыдущіе годы.

12) *Порвани струны.* Виршы. Житомыръ, 1886. Ц 20 коп.

1887 г.

1) Въ «*Библіотекѣ для молодѣжи*». *Въ Черновцяхъ. Рочникъ III*».

Стихотвор. **Кониссkій Александръ:** Сиротина (стр. 161)

2) Въ „*Буковинѣ*". *Рочникъ III.* Разсказъ. **Кониссkій Александръ Я.**: Черничка (№№ 19, 20).

3) Въ «*Ватрѣ*». *Въ Стрыю Стихотвор.* **Перебендя О.**: Скорбни пѣснѣ (стр. 11).

Разсказы. **Кониссkій Александръ:** Сѣчовикъ. Зъ подорожи по хуторахъ Украины (стр. 20—37).

Статьи. **Кониссkій Александръ:** Біографични замѣтки (нѣкоторыя данныя къ біографіямъ: Василя Гречулевича, Петра Охоцкого—Огіевского, Александра Ильича-Шишацкого, Петра Кузьменка, Анатолія Свидницкого (стр. 105—118); Пубични и приватни архіви на Украинѣ (стр. 166—168).

4) Въ «*Дѣлѣ. Рочникъ VIII*». Разсказы: **Кониссkій Александръ Я.** Казенный млынъ. Розповѣвъ Мартинъ Химуля (№№ 36—38), Конокрадъ Иванъ Дранка. Зъ споминокъ адвоката (№№ 33—34), Не люби двохъ. Зъ устъ послушныцѣ Чернички Ксеніи (№№ 66—67)

5) Въ «*Зорѣ. Рочникъ VIII*». Стихотв. **Перебендя:** Бенкетъ у царя Ирода (№ 2), Казка (№ 17), Марево (№ 12).

Разсказы. **Кониссkій Александръ Я.** Браты Чепѣги. Фотографія зъ народного життя (№№ 15—16), Доля одного письменника. Ескизъ зъ натуры (№ 3); Попови грушѣ. Розповѣла стара дячыха (стр. 54—57); Чудниригоди въ житю (стр. 24—28), Чотыри вечерѣ. Образки зъ житя народного учителя (стр. 111—114).

Статьи: Просвѣтный поступъ галицкои Руси за послѣдне десятилѣтіе (стр. 231—234), Освѣта на захидно-пиведенній Украинѣ (стр. 234—236; 259—262).

Статьи. **Кониссkій Александръ Я.** Олександръ Атанасіевъ Чужбинскій (№ 4).

6) Въ *„Календарь" ілюстр. Товар. „Просвіта" на рик 1888.*

Разсказы. **Кониссків Александръ Я.** Гарибальдій. (стр. 3—9): **Перебендя.** Батькивски слезы (стр. 50—64).

Статья. **О. К.** Михайло Максимовичъ (съ портретом) (стр. 85—88).

1888 г.

1) Въ *«Буковинѣ». Рочникъ IV.* Стихотвор. **Кониській Александеръ.** Зъ скорбныхъ пѣсень (№№ 1—2). *Переводъ:* За що жь? Оповідане Д. Мордовцева (стр. 22—24).

2) Въ *«Дѣлѣ». Рочникъ IX». Статья:* **О. Я. К.** Шляхта на Украинѣ (№№ 54—56, 62, 66).

3) Въ изданіи: *«Зерна. Літерат.-науковий додаток до «Буковини» за р. 1888. Чернівці.* Стих. **Перебендя:** Весна (стр. 3—5).

4) Въ *«Зорѣ». Рочникъ IX. Статья.* **Кониській Александръ Я.** Про Анатоля Свидницкого (№ 7). Разсказъ: Смерть Хруща (стр. 261—262) Статья. Де лѣпше? (ст. 53—55, 66—70).

5) Въ *«Календарь буковинск. на рикъ 1889».* Стихотв. **Кониській Александръ:** Безродный (стр. 75—76).

6) Въ *«Календарь ілюстр. тов. «Просвѣта» на рокъ 1889.»* Стихотвор. **Перебендя.** На веселому вечерѣ (стр. 47—48); Батьковськи слезы. Оповѣданне, стр. 50—64.

7) Въ *«Правдѣ». Рочникъ XIV.*

Стихотв. **Перебендя.** З скорбних пісень Перебенди (стр. 187—188); **Оповиданне** Анастасіада (№ 1, 29—39). **Статьи.** Народні болячки а урядові пластирі на Україні (101—106, 169—178), Потреба реформи в осьвіті жіноцтва (I, 25), Потреба кафедри історії України (провідна ст.) (III, 145), Потреба морального виховання (провідна статя), (III, 145), Потреба історичн. знання (пров. статя) (81, 85), Шевченко на столітніх роковинах, Щепкина (переводъ стати Н. Стороженка). (III, 188), Сучасне становище русинів (II, 85—88), Провідні статті (II, 149), Вісті: з Киіва (I. 38; III, 178), Кременчуга (III, 182).

1889 г.

1) Въ *«Библіотекѣ для молодѣжи (74—85). Рочникъ V.»* Разсказъ. **Кониській О.:** Оповѣданя зъ бібліи. (ч. стр. 62—72, 84—86, 101—102).

2) Въ *«Дѣлѣ»*. *Рочникъ X.*

Разсказы. **К. О. Я.** Пѣвень. Оповѣданье (№№ 60—68), За кригою. Оповѣданье (№№ 36, 37).

3) *Перебендя.* Княгиня. Повість Тараса Шевченка. Переклад Перебенди. Передрук з II т. Правди 1889 г. Львів. Зъ друкарні Тов. імени Шевченка, 1889, 8⁰, стр. 27.*

4) Въ *«Правді»*. *Том II. Выпускъ IV—VI.*

Разсказы. **Перебендя.** Княгиня. Повість Тараса Шевченка. Переклад. (стр. 312), Пригоди в дорозі. С подорожі на Вкраіну (стр. 346, 416).

Статьи. **Ѳ. В.** Короткий огляд устрою держав европейських: Швеція та Норвегія (стр. 254, 408); Переводы: «Особый русскій языкъ» А. Пыпина (стр. 473), Про твори Шевченка історичного змісту проф. В. Б. Антоновича (стр 3371), Про твори Шевченка писані московською мовою.—ст. А. Пыпина (стр. 341). **Статьи:** Шевченкові малюнки (стр. 369), Де-що про штунду (IV, 29—34; V, 119—124); Бунти селян въ Киівщині (V, 129—135), Про земельну власність (провідні статті) (IV, 7—113; VI, 107—182), Про батраків в Ірляндіі

То-же, том III, випуск VII—IX.

Стихотвор. **Перебендя О.** З скорбних пісень (стр. 62).

Статьи. **Жукъ С.** З огню та в полумя (стр. 182), **С. Ж.** До історіі кольонізаціі Чорноморья (стр. 124), Де-що про штунду (V, 62—65). **Оповидання.** За що його вибили? (кн. VII, 43—48), Теорія и практика (т. VIII, 125—133), Між бабами (замість фельєтона) (VIII, 144—152), В тісноі баби (IX, 202—217).

То-же, том IV, випуск X—XII. Статьи. **К.** До історіі украінсько-руського письменства: Де-що про Опанаса Марковича (VIII, стр. 105); **С. Ж.** Вісті з Украіни (про селянський банкп (стр. 226), Цукровий промисел на Украіні (стр. 198).; **Ѳ. В.** А. Лазаревскій. Описаніе Старой Малороссіи. Т. I, (стр. 15), Кольонізація Украіни від половини XIII до половини XV віку. Компіляція з статті проф. Буданова (стр. 115, 181); Нужди і потреби Украіни перед комиссією Катерини II (XI—XII, 132, 146); Народне здоровье (провід. ст.) Огляд політичний (VII, 65; VIII, 140; IX, 227), Про народне здорове (1, 226), Про фінанси Сполуч. держ. Пів. Америки (228), Кольонізація Африки німцями (230), Сучасна хроніка (VII, 75, VIII, 161; IX, 235), Вісті з Київа (XI—XII, 167), Некролог Зайончківськоі (VIII, 160), Некрольог Щедрина (Салтыкова) (V, 152).

То же, том I, вип. I—III. Стихотвор. **Псребендя.** З скорбних пісень (стр. 63), Ковалі (268).

Разсказы. **К—ій О. Я.** Козарський ланок. С хровіки одного села на Україні (стр. 10, 86), Віщовання (кн. 35). Переводъ: Т. Г. Шевченко. Княгиня (II, 312—337). *Статьи:* Українці замучені: в Соловецькому острозі (I, 263), Про руську азбуку (пров. статья) (стр. 222), На вічну память Котляревському (№ 5, 123), Провідна стаття про значіння Федьковича (I, 219), Пров. статя про Шевченка (II, 298), Пров. статья про Шашкевича (II, 302), Як треба поминать Шевченка (II, 305), Літер.-Наукова бібліотека Франка (II, 360), Пров. статья про Костомарова (III, 473), Бібліограф. замітки (Ib. 151), Переполох над свіжою могилою Шевченка (Перклад статьи Білика (268, 360), Провідні статті (I, 217; IV, 58; V, 145; VI, 241; VIII, 86; IX, 65; XI, 81—85); Оглад політичний (III, 461), Потреба реформи Літ. Товар. ім. Шевченка на Наукове (провідна статья) (II, 304—312), Шевченкові малюнки (II, 369), Сучасна хроніка (83, 158, 288, 373, 466).

5) *Кониській Александръ Я.* Оповѣданя. Передрукъ зъ «Дѣла». Накладомъ выдавництва «Дѣла». Львôвъ. Зъ друкарнѣ тов. им. Шевченка, 1889, 16°, стр. 1+141. Содержаніе: Конокрадъ Иванъ Дранка, Казенный млынъ, Не любы двохъ, За кригою, Пѣвень.

1890 г.

1) Въ *«Правдѣ»* —**О. Кониський.** Грішник (этюд), (I, 11—26), Боротьба (романъ) (I, 33; II, 124; III, 204; IX, 12; IV, 109; XI, 181; XII, 225). *Статьи:* про Белгию (I, 26; II, 120; III, 197). Переклад: Ів. Лучицький. Займанщина на Україні (IV, 29); Провідні статі (IV, 1—6), Робітницьке витанне (6—12), Оглад журналистики российської (I, 67, 78; IV, 67—72), Бібліогр. замітки про твори Манжури (I, 85), Бібл. замітки про праці Комара, Яснопольского і інч. (IV, 72), Провідні ст. (I, 1—11; II, 90—96; III, 176—181), Ювилей Антоновича (III, 169—171), Утиски Финляндіи (179), Пров. статьи (I, 1—4; II, 70—72), Права чоловіка в імперіи Росийській (перекл. статьи Танѣева) (III, 219; IV, 40; IX, 101), Провідна ст. про становище поляків і русинів (I, 1—5), Сучасна хроніка (246), Вісті: з Києва (I, 78; III, 240; XI, 205), З життя и Полтаві (споминки) (II, 106—119).

2) Въ *«Буковинѣ»*—Разсказъ: Памятне видѣнє («Зъ моихъ споминокъ»).

3) Въ «Бібліотецѣ для молодѣжи. Черновци» (кн. I—VI)—карафейзія (переробка зъ сербськои мовы).

1891 г.

1) Въ *«Зорі»*—**Олександер Кониський**. Не попущу. Оповіданне (стр. 4—7); *Стих.* «З скорбних пісень Перебенді (стр. 327). Статьи: **Олександер Кониський**. На Шевченковій могилі (стр. 90), Памяти Трохима Зіньківського—Певного (стр. 273), До історіі украінсько-руського письменства. Кілька слів про Василя Мову (стр. 394).

2) Въ *«Правдѣ»*—**О. Кониський**. Дівоча журба: Думка (кн. VIII, 95—97). Оповідання: Грішник (роман) (продолженіе) (І, 5; II, 73; III, 133), Пімста (етюд) (VII, 74—86) Переклад: Ів. Лучицький. Займанщина на Украіні (IX, 145). Статьи: Украіна въ цифрах (V, 281; VI, 353), Розверстаніе угодій (VI, 380—391), Недорід і причини його (X, 212—218), Думки при роковинах Шевченка (II, 91), Народна память про Шевченка (Ів. 95), Історична місія Росіи (I, 31—34), Реформа німецьких шкіл (I, 34—36), Поступові придбання Росіи за 10 літ (II, 102; III, 151), Вісті з Бердичевського повіту (II, 108—113), Некролог Трохима' Зайончківського (VII, 71), Некролог Потебні (XII, 375), Некролог Репніноі В. (XII, 375), Некролог Репніна В. (XII, 275), Некролог Харитоненка (XII, 376), Некролог Чернишевського М. (?).

1892 г.

1) Въ *«Записк. Наук. Тов. ім. Шевченка»*.—**О. Кониський**. Дитинний вік Т. Г. Шевченка (Критично-біографічний нарис), т. I, (87—123).

2) Въ *«Зорі»*—**Олександер Кониський**. Сестра жалібныця (фотографіі з холерного часу) (стр. 461); *Стих.* З скорбних пісень (стр. 6).

3) Въ *«Правді»*—**Олекс. Кониський.** Оповідання: Непримиренна (оповід) (III, 129; IV, 193; V, 257). Де та правда? (XI, 17 719—125). *Статьи.* До історіі штунди (IV, 214—219), Придбання в музеі В. Тарновського (III, 157), Народня моральність на Украіні (III, 146), Провідна ст. Про еміграцію (XII, 741—744), Кобза, бандура, торбан (библ. замітка) (IV, 253), Огляд подій року 1891, (I, 19—25), Придбання Росіи (II, 79—84), Провідні статі (I, 1—5), Віщовання про

XX вік (II, 92; V, 281), Видатнійші реформи Росіи (XI, 675), Фінанси Росіи (XII, 745).

1893 г.

1) Въ «*Зорі*» —**Ол. Кониський.** Дід Евмен (стр 131); *Подорож в рідні села Шевченка* (стр. 48, 71, 92); **О. К.** Похорони Леоніда Глібова (стр. 481).

2) Въ *Правді*—Оповід.: Розстрига (240, 303, 360, 423, 472). *Статьи*: Міщанин Малёваний і професор Сікорський (353, 417, 405, 531), До життеписі Шевченка (II, 73—90), Огляд подій в Европі за рік 1892 (I, 5, 16), Торішня ворохобня в Росіи (57; 233; 297), Падолисний ювилей (IV, 190—195), Записки Т. Шевченка (переводъ) (440, 486, 551, 607, 672), Некролог Глібова (XII, 698).

1894 г.

1) Въ «*Записк. Н. Тов. ім. Шевч.*—**О. Кониський**. Парубочий вік Т. Г. Шевченка до викупу з крепацтва (1829 до 1838). Критично-біографічний нарис (т. IV, 1—28).

Тамъ-же—Сообщ. о рефератѣ И. М. Каманина «Универсалъ Тимоша Хмельницькаго». (т. III, библ. 226—228).

Тамъ-же.—Сообщ. о рефератѣ Н. Н. Оглоблина «О Томской Литвѣ 1634 г.» (т. III, биб. 222 —225).

1) Въ «*Зорі*»—**О. Кониський**. Бенефіс Д. Пвунової (рецензія Т. Шевченка) (стр. 115); Шевченко підчас перебування его в академиі художеств.—(ч. 16—21, и отдѣльн. оттискъ—Львів, 1894; (реценз на него—Зап. Н. Тов. ім. Шевч., т, IX, библ. 27—31).

Олександер Кониський. Оповідання: Вісім день з житя Люлі (стр. 454, 472 и 493), Собача правда (стр. 435); Подорож по Україні. II. Въ Дахнівці (II, 34, 59, 81, 129, 156, 177 и 199). Споминки: Дмитро Пильчиків (стр. 92).

2) Въ «*Правді*»—Оповідання—Вірна дружина (695, 711). *Статьи*: Банк селянський на Україні (37, 179, 244), Огляд політ. 1893 (I, 40—47), Епопея Федора Білецького (VIII, 542), Записки Т. Шевченка (переводъ) (21, 90, 159, 232, 291, 353, 425, 497, 577).

3) *Дидъ* Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Запысавъ Олександеръ Кониський. Виданне 2-е, У Черныгови, 1—24. Цина 5 к.

1895 г.

Въ «*Записк. Н. Тов. ім. Шевченка*» —**О. Кониський**. Тарас Шевченко в арешті (5 квітня до 23 червня р. 1847). (Критико-біографічний нарис). Т. V, 1—26). (Рец. см. въ т. IX, биб. 34—37).

Тамъ-же. Проба улаштовання хронольогії до творів Тараса Шевченка. Частина трета (т. VIII, 1—20).

2) Въ *«Зорі»*—**О. Кониський**. Т. Шевченко підчас розцьвіту його кебети до арешту його (1845—1847) (№№ 5—14; отд. оттискъ Львів, 1895). (Реценз. на него—Зап. Наук. Тов. ім. Шевч. IX, библ. 31—34).

Тамъ-же. **Олекс. Кониський.** Грішники Повість. (стр. 1, 21, 41, 61, 121, 141, 161, 181, 201, 221, 241, 261, 281 и 301).

3) В *«Правді»*—Оповід. Через крикушу (435, 460), Вдова (95, 545, 569). В додатку до «Правды»—переводы: Е. Оржешко. *Великій* и Т. Г. Шевченко. *Наймичка*; *Статьи*: про Царя Миротворця (I, 55—61), Царьска запомога письменникам (II, 73—75), Петиціи Росийских земств до царя (III, 176—186), Хроніка Украінська (158, 228), Вісті з Украіни (541).

1896 годъ.

1) Въ *«Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка»*—**Кониський**. Тарас Шевченко на першому засланню ($^1/_{13}$ червня 1847—$^{17}/_{29}$ жовтня 1850). Критико-біографічний нарис. (т. XI, 1—62).

— *Тамъ же*: Тарас Шевченко на другому засланню ($^{17}/_{29}$ жовтня р. 1850—$^2/_{14}$ серпня р. 1857) (Критико-біографічний нарис) (т. XIII, 1—76).

— *Тамъ же*—Тарасъ Шевченко підчас перебування його в Петербурзі (З 29 березоля 1858 до червня 1859 р.) (т. XIV, 1—42).

2) Въ *«Зорі»*. **Олекс. Кониський**: Листи з Криму. I. Київ-Симферопіль (стр. 13), II. Географічний і історичний огляд (34, 35), III. З Симферополя до Алушти. Алушта. Татари і Зайди. Токмаков і Молотков. Стахеев. Бандероля (стр 112, 133). IV. З Алушти в Ялту (стр 151) V. Алупка (170, 191). VI и VII. Ялта (236, 255, 277 и 295). **О. Кониський.** Шевченко в дорозі до заслання (стр. 90, 117, 137, 156, 175, 195, 215, 237 и 256) (Рец. въ Зап. Н. Тов. ім. Шевч. т. XVI, библ. 1—4). **Ол. К—ий.** Іраклій і Агата Ускови (стр. 100).

3) Въ *«Кіевской Старинѣ»*, № 4, отд II, стр 1—2,—«Время написанія Шевченкомъ картины «Катерына.»

4) Въ *«Правді»*.—З подорожі на той світ (180, 196, 208, 243, 255), Вісті з Стародуба (393).

5) *О. Кониський*, У тиснои бабы (оповид). Кыивъ, 1896. ц. 5 к.

6) Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Запысавъ Олександеръ Конiськый выданне трете у Кыиви, 1—32, ц. 5 к.

1897 г.

1) Въ *«Запискахъ Наук. Т. ім. Шевченка»*. **О Кониcскій:** До родоводу Кониcских (т. XVI. 2—4).

Тамъ же,—Тарасъ Шевченко підчас останньоі його подорожі на Україну ($^{3}/_{15}$ червня до $^{7}/_{19}$ вересня 1859 г.) (т. XV, 1—35).

Тамъ же: Тарас Шевченко в останні часи свого життя (7 вересня 1859 до 26 лютого 1861 р) (т. XVI, 1—70).

Тамъ же: Проба улаштовання хронольогіі до творів Тараса Шевченка. Частина друга (т. XVII, 1—22).

Тамъ же—рецензія на книгу: «Величко Гр. Др. Народописна карта укр.-руського народу. Коштомі и заходом тов. „Просьвіта“ у Львові. 1896. (Т. XVI, Библ. 42—45).

Тамъ же—рец. на журн. «Русская Старина за 1896 г.»—(т. XX, Н. Хр., 12—13).

2) Въ *„Зорі“*—**Кониcскій О. Я.** Малюнки сучасного життя на селах. Баба Явдоха (стр. 261, 281, 301, 321); Безщасний. Переклад **О. Я. Конисского** (стр. 87, 101, 121); Лейла. З сербського. Переробка О. Я. Кониського (стр. 461); статья: Похорони Т. Шевченка (стр. 81).

1898 г.

1) Въ *„Літер.-Наук Вістнику“*.

О. Кониській: Обшир і людність російськоі Украіни (т. I, кн. I, стр. 1—7), Въ тумані (дійсність і галюцинациі) (кн. II, стр. 135—139), Стихотв. „З скорбних пісень Перебенді“ (кн. X, стр. 47—49), Хоча б була постаті дожала, (стр. 255—261).

2) Въ *„Руслані“*—**О. К.** «Цікава сторінка з минулого» (ч. 137—142).

3) Въ *„Запискахъ Наук. Тов. ім. Шевченка“*—**О. К.** Реценз. на „Н. Барсуковъ. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Спб. 1898 (т. XXV, библ. 43—45).

4) **Олександеръ Кониський.** Тарас Шевченко—Грушівський, хроніка його життя. Т. I. Ювилейне виданне товариства. У Львові, стр. 1—252, in 8⁰.

5) **А. Я. Кониcскій.** Жизнь Украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Одесса, 1—728. Ц. 1 р. 75 к.

1899 г.

1) Въ *«Літерат.-Наук. Вістнику»*—**О. Я. Кониський.** Сікутор. З подорожних заміток (кн. X, 251—258).

2) *Творы. О. Я. Кониского-Перебенди* Т. I. Оповидання (Дидъ Евменъ, Непрымыренна, Баба Явдоха, Хвора душа). Одесса, стр. 1—223, in. 8°. Ц. 50 к.; т. II. Оповидання (У тиснои бабы—Млынъ.—За крыгою.—Отакъ були вскочылы!—Завертка.—Народня Педагогія.—Не любы двохъ.—Конокрадъ.—Музыка Драптусъ.—Надіи.—Марта Перепичка.—Бабуся Харытына). Одесса, стр. 1—214. Ц. 50 к.

1900 г.

1) Въ „*Записках Наукового Товар. ім. Шевченка*"—**Олекс. Кониський**. Варіянти на декотрі Шевченкові твори (томъ XXXIII, стр. 1—16).

2) Въ газетѣ „*Днѣпровская Молва*"—**А. Я. Кониссkій.** Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка (№№ 7—9) (Отд. оттискъ. въ Екатеринославѣ, 1900, стр. 1—16).

Тамъ же,—Воспоминанія о Полтавѣ въ началѣ 60-хъ годовъ (№ 3).

3) Въ «*Літерат.-Наук. Вістнику*»—**О. Кониський:** За плахту. Оповіданне (кн. III. стр. 273—280), До життепису М. О. Дикарева (кн. X, XI, стр. 10—29, 75—91).

4) *Творы О. Я. Кониского-Перебенди.* Томъ третій. Ялта, 1900, стр. 1—421, in 8°. Змистъ: Гришныкъ, Спокуслыва ныза, Сестра жалибныця, Пригоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ въ Алупци, Радощи и скорботы велыкого скрыпныка, Пытання, Зъ ранку до ночы, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча б була постати дожала, Въ сели, Пимста, Спафаріева Рудка.

5) **О. Кониссkій.** Грошолюбка. Выдання трете. Черкассы. 1900, № 13. Ц. 5 коп.

6) Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Запысавъ Олександеръ Кониськый. Виданне 3-е (4-е?). Харьковъ, 1900, 1—29. Изданіе Комитета Харьк. Общ. распространенія въ народѣ грамотности. № 56.

7) Въ сборникѣ стихотвореній «Викъ. 1798—1898. Кіевъ, 1900»—*Стихотвор*: Проповидь на гори, Мое бажання, Ратай, Не прызывайте всуе Бога, Сыротына, У-сели, Биля моря, Сподивання, До старои моеиненькы, Думка, Зъ скорбныхъ писень (1—4) (стр. 192—208).

8) Посмертное изданіе—въ «*Руслані*» —(№№ 177—178 и слѣд.)—«З писань Ол. Я. Кониського. Кумедні пригоди». Глава I).

Что-же касается русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ принималъ участіе покойный Ал. Яковлевичъ, то здѣсь—представить хотя-бы даже краткій перечень произведеній—пока не представляется возможности. Можемъ отмѣтить, согласно собственноручнымъ записямъ покойнаго, лишь заглавія изданій, въ которыхъ онъ сотрудничалъ: Театральный и Музыкальный Вѣстникъ, Русская сцена, Порядокъ, Страна, Молва, Искра, Судебный Вѣстникъ, Семья и Школа, Педагогическій Музей, Заря, Московскій Телеграфъ, Земство, Земскій Обзоръ, Новороссійскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва, Русская Мысль (о Шевченкѣ, 1894), Вѣстникъ Европы (о Галичинѣ, 1886 г.; о Федьковичѣ, 1888, февр.), Журналъ для всѣхъ (Біографія Т. Г. Шевченка, 1900).

На обязанности почитателей таланта покойнаго Ал. Як. и его ближайшихъ друзей—соратниковъ лежитъ священный долгъ—собрать все, что было имъ написано за все время болѣе чѣмъ 40-лѣтней литературной дѣятельности,—трудъ, разумѣется, не легкій! Но этимъ будетъ достойнымъ образомъ оказана дань уваженія памяти неутомимаго труженика на благо и преуспѣваніе родного края и народа.

В. Доманицкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Конотопская старина по устному преданію. Недавно мы имѣли возможность пересмотрѣть нѣсколько десятковъ тетрадей разныхъ *записей изъ живыхъ устъ*, почтеннаго малорусскаго этнографа Ст. Дан. Носа (нынѣ пораженнаго нервнымъ ударомъ); нѣкоторое поняніе объ этихъ *записяхъ* могутъ дать приводимые здѣсь ихъ отрывки. Безконечно жаль будетъ, если эти единственные въ своемъ родѣ сборники, начатые съ 1855 г., не будутъ сохранены. Желательно, чтобы на нихъ обратилъ вниманіе какой-нибудь меценатъ [1])...

А. Л.

—

Помищикъ —ровичъ прызнавъ становогo, щобъ подвергнуть наказанію чоловика—300 ударовъ ризгамы.—А за що?—за те, що долженъ бувъ чоловикъ вернуться изъ соломою (изъ сосѣднаго хутора) въ десятому часу, а вернувся въ 12-му, оттого, що гололедыця и беригъ скотыну, щобъ не побыть.—ровичъ давай ёго лаять, а дали позвавъ людей, щобъ высикты.—За що-жъ вы будете сикты?—одправте мене въ судъ, нехай судъ насъ розбере, чы я выноватъ?—Ахъ ты, сякой-такой сынъ, ты смѣешъ говорить!—Становогo!—Той давъ трыста, да въ стану—трыста одъ себе прыбавывъ, щобъ показаты прыязнь пану ликарю (—ровичъ бувъ ликаремъ) и якъ жинка або дытина заболіе, щобъ полечывъ...

—

[1]) Во время печатанія этой замѣтки, получено извѣстіе о смерти Ст. Д. Носа, въ г. Городнѣ, Черниговск. губ.

Пасичныкъ того-жъ —ровича та впустивъ роя (пчелъ); винъ звеливъ закувать ёго въ путо, щобъ такъ у-пути глядивъ пчолъ. Разъ полизъ (пасичникъ) на дерево, зачепывся путомъ; тамъ-бы бувъ ёму и капутъ, якъ-бы люде не одчыпылы. Поты того мучывъ, покы зъ свита зигнавъ чоловика...

—

Пипъ о. Петро—винъ десь зъ малку при манастыри бувъ. Було приходить чоловикъ да й пытае: що визьмете за винчання, паноче?—То винъ було: що мылость твоя!—Пивкипкы визьмете?—Спасеть Бигъ!—Тоди було пипъ, якъ становытся на прыходъ, заразъ було бере подпыску одъ людей що його прыймають. Було умовляются—поскильво за винчання братыме, за хрестыны, похороны... А тоди вже йиде до архіерея.—А теперъ громады и знать не хоче! Ище о. Александръ, якъ становывся попомъ у нашому сели, такъ громада: «мы не знаемо васъ, може вы зъ насъ будете лышне брать. Якъ дасте подпыску, такъ и оставайтесь у насъ попомъ!» Ище я покойному пысавъ и подпыску. Винъ на мене за те трохы и сердывся... Тоди було времья не таке, якъ теперъ. Покойный о. Петро було ходыть у нагольному кожушку, у *кучмочци*, а було, якъ служыть, дакъ и дратву на рукахъ знать: шые було покойный чоботы.

—

Заньковычъ, маршалъ, скильно наробывъ дворянамы!—половыну Озарычъ (село) наробывъ дворянъ.—Голову сахару або бочонокъ вына прывезе... А въ того бувъ пысьмоводытелемъ Прасолъ, батько Ивана Федоровыча,—свидительство напыше, що зъ дворянъ, тоди въ ратушу на службу, до Пинчука, щобъ у ратушу опредилывъ.—Що-жъ винъ уміе пысать?—Та вже шрябае!—Ну, нехай ходыть!—А черезъ чотыри годы представляють, и чынъ получывъ...

—

На *Марусю* посадыть—значыть закувать за шыю и прыкувать до колоды. Такъ наказують у Николая Гаврыловыча крестянъ.

—

Преже бувало, якъ дытына не поважае батька,—люды объявать попу: треба його прывьязать до дзвиныци и—привьязують для стыда...

—

Александръ Петровычъ, не мавшы способа ослобонытся одъ того, щобъ не питы въ ратныкы (1855 г.), хлопотавъ про те, щобъ його отдали подъ судъ.

—

Петро Петровычъ Скоропадскій запивъ у Чернигова, прыйихавшы у Черниговъ безъ одпуска. Отъ Павелъ Ивановычъ (Гессе), узнавъ про се, да й прысылае полицмейстера узнать про здоровье Скор—аго. А въ се времья бувъ тамъ фершалъ, котрый пускавъ кровъ Скоропадскому; дакъ полицмейстеръ прийихавши да й каже фершалу, щобъ винъ сказавъ, що губернаторъ прыславъ полицмейстера запытать про його здоровья.—Дакъ винъ выймае грывенныкъ изъ кышени, звернувъ його у трубочку, да й каже: на! однесы губернатору, скажы—стало-быть я здоровъ, колы звернувъ у трубочку грывенныкъ!

—

Ничымъ було суда (земського) [1]) топыть, бо тоди грошы не одпускалысь, а предпысаніе зробится на сѐла, щобъ доставылы дровъ, такъ черезъ годъ и доставлять... У суди холодно... Було, дилованния (заборъ) позабирають, порубають на дрова та въ сундукъ и поскладають, а на сундуци бумагы... Прыходять трусыть у судъ съ квартальнымъ, дывлятся—а тутъ одни бумагы... Квартальный державъ за насъ руку... Бумагу було дають (для пысьма) чверточкамы. Ни ослона, ни стульця,—на колинахъ було пышемъ... Канцелярськи булы за мальчыкивъ,—у посылкы посылають.—Секретарь, якъ губернаторъ... Канцелярській у билыхъ (полотняныхъ) штаняхъ, чоботы насылу волоче, бо велыки, якъ у пистровому жупани, то й хрантъ. А на вкулачкы: тилько земськый та уѣздный судъ выйде, наша взяла! Заразъ Илько Страшный и почавъ качать...

—

У старовыну жинка николы, було, не пиде безъ намиткы; стадо виганяе: изъ колка и бере намитку; а дома—безъ намиткы.

—

Було, хоронять, который богатый: выдовбае суцильного дуба и положать...

Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. Недавно намъ встрѣтились два акта, указывающіе, что статутовые суды существовали въ лѣвобережной Малороссіи уже и въ перв. полов. XVII в. и, слѣд., наше мнѣніе, что тогда «не было, повиди-

---

[1]) Теперешнее уѣздное полицейское управленіе.

мому, статутовыхъ судовъ въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи», т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ (Кіевск. Стар. 1898 г., іюль—августъ), оказывается не вѣрнымъ. О черниговскомъ земскомъ судѣ свидѣтельствуетъ актъ 1639 г., въ которомъ значатся: Станиславъ Піончиковскій—судья, Якубъ Война-Оранскій—подсудокъ и Николай Солтанъ—писарь, судовые земскіе черниговскіе урядники («sądowi ziemscy Czernihowscy urzędnicy»). О Стародубскомъ земскомъ судѣ говоритъ актъ 1643 г., начинающійся такъ: «На рокахъ судовыхъ земскихъ о святой Тройце, святе римском, припалых и порядкомъ правнымъ в Стародубе на месцу звыклом отправуючихъ передъ нами: Яномъ Кавицкимъ, судею, Каролемъ... подсудкомъ, а Малхеромъ Кгабриелем Милвидомъ, писаром, урядниками судовыми земскими Стародубовскими»...

А. Л.

Пасѣка Богдана Хмельницкаго. Изъ приводимаго здѣсь документа видно, что «славной памяти» гетманъ, устраивая судьбу освобожденнаго имъ края, заботливо велъ и свое домашнее хозяйство.

«Перед нами, урядомъ, Лаврѣну Радченку, сотнику Уласовскому [1]), Михайлу Брайку, атаману городовому, за прибитіемъ честного отца Андрияна, іеромонаха обытели стой Пивской [2]), постановившись люде зацные Стецко Махно, Лаврѣнъ Димиденко, жители бывшие Чегиринскиі, а теперь Уласовские, вызнавали ведлугъ пасеки Опысковской, лежачой в Чорном лѣсе [3]), в тотъ способ, мовячи, иж тую мененую пасеку

---

[1]) Мѣст. Власовка, Кременчугск. уѣзда.

[2]) «Пивскій монастырь» находился ок. м. Городища, иначе Градижска, Кременч. у. См. о немъ Полт. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 1.

[3]) «Чорный лѣсъ»—знаменитый лѣсъ, находившійся въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, и занимавшій пространство отъ в. къ з.—30 верстъ, а отъ ю. къ с.—15 в. Подробное его описаніе см. въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г., № 7, 43—65. Центромъ этой мѣстности было извѣстное поселеніе Цыбулевъ. Чорный лѣсъ въ XVIII в. былъ излюбленнымъ убѣжищемъ всѣхъ бѣглецовъ изъ Малороссіи, искавшихъ свободы. Тутъ-же запорожцы, во втор. пол. XVIII в., занимались грабежомъ разныхъ путниковъ. (См. Хронол. Обозр. Новор. Края, I, 39). Пчеловодство въ Чорномъ лѣсу и теперь находится «въ довольно цвѣтущемъ положеніи». Чорный лѣсъ находился отъ Чигирина верстахъ въ 15-ти. См. карту Александрійскаго уѣзда, приложен. къ Описанію этого уѣзда въ «Матеріал. для оцѣнки земель Херсонск. губ.», т. III. (Херсонъ, 1888 г.).

еще славной памети Богданъ Хмелницкий у Шулганя отнялъ был усиловне, а потим Гедеонъ Хмелниченко, вышовши з Полщи, за упомненемся о тую паску (sic) Шулганцѣ, сто талярей далъ и оную цѣлкомъ заплатилъ вправди, и небожчик Павло Яненко [1]) хотѣлъ и просилъ Хмелниченка, жеби до половини тоей пасеки припустилсе и принял, еднак до того Хмелниченко не призволивсе и тое пасеки а нѣ половиня не попустилъ. Тое теди вызнане мененних людей выслахавши (sic) а на жадане іеромонаха чесного отца Андрияна, казалисмо записат. В року 1690, марта 9 д.

Иван Гавриловичъ, писаръ Уласовский и сего записаня».

(Съ подлинника).

Происхожденіе слова „мацапура“. Извѣстенъ стихъ изъ Энеиды, гдѣ описываются мученія «мацапуры» въ аду:

Якусь особу *мацапуру*
Тамъ жарили на шашлику...

Здѣсь это слово употреблено въ нарицательномъ смыслѣ. Происхожденіе-же его такое: *Мацапурою* звался извѣстный разбойникъ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣдующаго «указа изъ нѣжинской полковой канцеляріи сотнику Воронежскому Холодовичу», 1740 г.— «Минувшого ноября 29, противъ 30 чиселъ, содержачійся подъ карауломъ въ Глуховѣ, бывшій заплѣчний Прилуцкого полку майстеръ, главній воръ и разбойникъ Павелъ *Мацапура*, которій не точію безчисленние воровства и многіе разбои чинилъ, но зверхъ того и безчеловѣчние неслиханніе мучительства, яко-то: ядевіе человѣческаго мяса и протчія богопротивния злодѣянія, чрезъ многие лѣта, надъ многими починилъ и ночю бежалъ, а оний Мацапура примѣтами таковъ: росту болшого, волося темнорусого, очей сѣрихъ, носъ долговатъ, бороду бриетъ, человѣкъ здоровъ и широкоплечой, кнутомъ неоднократно питанъ»...

---

[1]) Павелъ Яненко Хмельницкій сначала былъ однимъ изъ полк. старш въ Чигиринск. полку, а потомъ съ 1654 г. полковникомъ Кіевск. полка.

О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 году. Слѣдующее представленіе архимандрита Межигорскаго монастыря Кіевскому митрополиту указываетъ, что въ Запорожскую Сѣчь Межигорскій монастырь посылалъ разомъ по нѣсколько монаховъ, для священнослуженія не въ одной только, слѣдовательно, сѣчевой церкви, но и въ другихъ церквяхъ запорожскихъ поселеній, хотя изъ книги *Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской Епархіи* (Екатеринославъ. 1880) видно, что въ церквяхъ значительнѣйшихъ запорожскихъ поселеній, напр. въ Стар. Кайдакѣ, с. Камянскомъ и др., и до 1770 г., были уже священники изъ бѣлаго духовенства.

«Ясне въ Богу преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь мой. По имѣючойся въ Войску Запорожскомъ надобности къ священнослуженію и преподаянія (sic) требъ христіанскихъ, отправляются нынѣ отъ ставропигіальнаго Кіево-межигорскаго монастыря въ оное Войско іеромонахи: Өеоктистъ, Адріанъ и Варооломей, да предъ симъ отправленъ въ Сѣчь по нѣкоторой надобности іеромонахъ Савва, который и пристановленъ тамо для таковыхъ же предписанныхъ церковнослуженій, которимъ вашего ясне въ Богу преосвященства покорнѣйше прошу къ таковой опредѣляемой имъ іеромонахамъ въ Войску Запорожскомъ должности преподать свое архипастырское премощнѣйшое благословеніе, причемъ я, вручивъ себе вашего ясне въ Богу преосвященства въ архипастырсхіе молитвы и благословенія, съ моимъ высокопочитаніемъ пребуду. Вашего ясне въ Богу преосвященства нижайшій слуга и богомолецъ ставропигіального Кіево-межигорского монастыря архимандритъ Гедеонъ 1770-го года, мая 9 дня. № 241».

О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей" въ студенты Кіевской академіи, въ 1757 году. Сношенія Черногоріи съ Россіей начались съ Петра В., но прибытіе оттуда «молодыхъ людей» „для обученія россійскаго празу", въ первый разъ имѣло мѣсто, какъ кажется, только въ 1757 г., причемъ молодые черногорцы направились въ Кіевъ; администрація послѣдняго представила объ ихъ прибытіи въ правит. сенатъ, а до полученія отвѣта, они были помѣщены въ Кіевскую академію. Въ послѣдней однако-жъ они не

тстались, такъ какъ въ 1758 г. приказано было ихъ перевезти въ С.-Петербургъ для помѣщенія тамъ въ кадетскій сухопутный корпусъ[1]).

„Указъ ея императорскаго величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной митрополіи Кіевской консисторія духовной консисторіи члену Кіевского свябогоявленского Братскоучилищного монастыря архимандриту и ректору Манассіи. Настоящаго 1757 года, декабря 23 числа, присланною въ дух. консисторію изъ Кіевской губернской канцеляріи промеморіею, объявлено: сего жъ де декабря 10-го числа, прибыли въ Кіевъ, при маеоре Петровиче изъ Черныхъ Горъ, для обученія Россійскаго праву и разныхъ наукъ, Черногорского шляхетства молодыхъ людей деветь человѣкъ, въ томъ числѣ преосвященного Черногорского митрополита Саввы родныхъ племянниковъ два, сердаря Вукотича родной же племянникъ одинъ, о которыхъ де представлено въ правительствующій сенатъ и дабы де, до указу правит. сената они праздно здѣсь быть и втуне время продолжать не могли, оною промеморіею требовано, дабы соблаговолено было обучать ихъ въ Кіевской академіи славенороссійкой грамотѣ. По которой Кіевской губернской консисторіи промеморіи, опредѣлено: послать къ вамъ ея и. величества указъ и посилается, дабы вы вышеобъявленныхъ прибывшихъ въ Кіевъ, при маеоре Петривиче, исъ Черныхъ горъ, Черногорского шляхества молодыхъ людей, деветь человѣкъ, въ Кіевскую академію, заявкою ихъ, принявъ, определили кому въ академіи обучать ихъ славяноросcійской грамотѣ и дух. митр. Кіевск. консисторіи члену кіевск. св. Богоявл. бр. учил. монастыря архимандриту и ректору Манассіи учинить о томъ по сему ея и. величества указу. О полученіи же сего и исполненіи репортовать. 1757 года, декабря 24 дня. Катедральный намѣстникъ іеромонахъ Лука. Катедр. уставникъ Сиѳъ. Реентъ іеродіаконъ Іаковъ. Канцеляристъ монахъ Веніаминъ".

Письмо въ редакцію *(по вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества).* Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ дать

[1]) См. Архивъ Сената П. Баранова Ш, № 11061.

въ Вашемъ журналѣ мѣсто настоящему письму. Вамъ извѣстно, что я былъ однимъ изъ инициаторовъ возбужденія вопроса объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Въ засѣданіи подсекціи статистики X съѣзда естествоиспытателей и врачей 26 августа 1898 г. мною былъ прочтенъ по этому вопросу докладъ подъ названіемъ «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ Вашего журнала за 1898 г. Затѣмъ профессоромъ Н. П. Яснопольскимъ и мною собирались подписи лицъ, желающихъ поступить въ число членовъ-учредителей будущаго Отдѣла, подъ заявленіями на имя Географическаго Общества, содержавшими ходатайства подписавшихся о скорѣйшемъ учрежденіи этого Отдѣла.

Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ дать отчетъ о положеніи даннаго вопроса въ настоящее время, по скольку таковое характеризуется матеріалами, напечатанными въ послѣднихъ книжкахъ „Отчета“ и „Извѣстій“ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Данныя эти могутъ быть кромѣ того интересны для читателей „Кіевской Старины“ и сами по себѣ—въ качествѣ матеріаловъ для исторіи вопроса о судьбахъ Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ.

Привожу эти матеріалы цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ названныхъ изданіяхъ Общества, но съ соблюденіемъ ихъ хронологическаго порядка (который въ «Извѣстіяхъ» не вполнѣ сохраненъ):

I) Протоколъ засѣданія подсекціи статистики 26 Августа 1898 г. (выписка) [1])

«Л. С. Личковымъ доложено сообщеніе «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», въ которомъ, изложивъ данныя о неудовлетворительности оффиціальной статистики въ немъ, о почти полномъ отсутствіи въ немъ какого-либо общества, занимающагося его изученіемъ, напомнилъ о предполагавшемся въ 1894 г. по иниціативѣ бывшаго Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора графа А. П. Игнатьева обслѣдованіи его въ отношеніи экономическомъ и для цѣлей оцѣнки, въ видахъ правильнаго обложенія недвижимыхъ имуществъ земскими сборами. Указавъ, что изслѣдо-

---

[1]) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 784.

ваніе это не состоялось лишь въ виду предстоявшей въ то время всеобщей народной переписи, каковое препятствіе теперь не существуетъ, и что нужды оцѣночнаго обслѣдованія края въ цѣляхъ установленія правильнаго земскаго обложенія и понынѣ не устранены, докладчикъ предложилъ возбудить ходатайство о производствѣ помянутаго изслѣдованія въ настоящее время. Исходя затѣмъ изъ отсутствія въ краѣ какого либо ученаго общества, имѣющаго своею цѣлью изслѣдованія экономическаго быта и этнографіи столь обширнаго, густонаселеннаго и разнообразнаго края, какъ Юго-Западный, Л. С. Личковъ, въ качествѣ дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества, предложилъ возбудить ходатайство объ учрежденіи Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества, а для формулировки обоихъ его предложеній избрать коммиссію подъ предсѣдательствомъ Д. И. Пихно, въ составъ которой предложилъ Н. П. Василенко, Т. И. Осадчаго, Н. И. Борисова, А. С. Бориневича, В. Е. Постникова и А. А. Русова.

Собраніе единогласно приняло предложеніе докладчика, просило поименованныхъ лицъ образовать коммиссію и просило его, г. Личкова, войти въ составъ коммиссіи въ качествѣ члена таковой. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 118 членовъ и до 80-ти гостей".

II) „Протоколъ засѣданія подсекціи статистики 27 августа (выписка). [1])

Д. И. Пихно доложилъ собранію протоколъ избранной въ засѣданіи 26 августа коммиссіи по докладу Л. С. Личкова. Коммиссія, при участіи предсѣдателя секціи географіи, этнографіи и антропологіи, профессора В. Б. Антоновича, соглашаясь съ соображеніями докладчика, предложила подсекціи: 1, признать необходимымъ производство сплошного статистическаго и оцѣночно-экономическаго обслѣдованія Юго-Западнаго края, 2. обратиться чрезъ секцію географіи, этнографіи и антропологіи въ Распорядительный Комитетъ X съѣзда съ просьбою о возбужденіи ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Географическимъ Обществомъ относительно учрежденія Южнаго Отдѣла Географическаго Общества въ г. Кіевѣ для губерній Юго-Западныхъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ. Предложенія эти при

---

[1]) Тамъ же, стр. 785.

няты Собраніемъ единогласно. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 115 членовъ и 48 гостей".

III) «Протоколъ засѣданія секціи Географіи, Статистики и Антропологіи 27 Августа (выписка). [1]) Завѣдывающій секціею проф. В. Б. Антоновичъ вноситъ на обсужденіе секціи предложеніе подсекціи Статистики войти съ заявленіемъ въ Распорядительный Комитетъ о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго отдѣленія этого Общества. Предложеніе это единодушно принято, и секція проситъ завѣдующаго секціей войти съ этимъ ходатайствомъ чрезъ посредство Распорядительнаго Комитета въ Географическое Общество».

IV) «Протоколъ Четвертаго Общаго Собранія 30 августа (выписка). [2]) Секретарь съѣзда доложилъ нижеслѣдующія ходатайства и предложенія различныхъ секцій, заслушанныя и одобренныя Распорядительнымъ Комитетомъ въ засѣданіи 28 сего августа». «Отъ секціи Географіи, Этнографіи и Антропологіи: Статистическая секція, обсуждая пріемы для возможно успѣшнаго изученія края въ отношеніи географіи и входящихъ въ ея составъ областей знанія, пришла къ заключенію, что огромную пользу въ этомъ отношеніи могло-бы оказать учрежденіе большого количества областныхъ отдѣловъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, въ которомъ могли бы сосредоточиваться мѣстныя научныя силы и стремиться къ вышеуказанной цѣли по выработанной программѣ и при взаимномъ гармоническомъ содѣйствіи своихъ членовъ. Желая въ возможной мѣрѣ осуществить эту мысль, подсекція Статистики предложила Географической секціи обратиться въ Распорядительный Комитетъ X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей съ покорною просьбою принять на себя трудъ ходатайствовать предъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Географическая секція, выслушавъ въ своемъ засѣданіи 27 августа предложеніе статистической подсекціи, нашла это предложеніе въ высокой степени полезнымъ для научнаго изученія края и постановила единогласно присоединиться къ нему и просить Распорядительный

---

[1]) Тамъ же, стр 786.

[2]) Тамъ же, стр. 786.

Комитетъ X съѣзда не отказать принять на себя трудъ ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Къ этому постановленію примкнула и подсекція статистики".

„Общее собраніе утвердило всѣ эти ходатайства и постановило представить тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть исполнены Распорядительнымъ Комитетомъ, на благоусмотрѣніе г. Министра народнаго Просвѣщенія" [1]).

22 Января 1899 года послано было изъ Кіева на имя Географическаго Общества нижеслѣдующее заявленіе [2]).

V) „Въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество.

Нижеподписавшіеся, всецѣло присоединяясь, на основаніи мотивовъ, изложенныхъ въ постановленіяхъ Общаго Собранія членовъ X съѣзда естествоиспытателей и врачей, секціи географіи, этнографіи и антропологіи и подсекціи статистики, къ состоявшемуся 30 августа 1898 г. рѣшенію X съѣзда возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества для губерній Новороссійскихъ, Малороссійскихъ и Юго-Западныхъ,—имѣетъ честь покорнѣйше просить ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество о зависящемъ распоряженіи относительно скорѣйшаго открытія областнаго Отдѣленія названнаго Общества въ Кіевѣ и о зачисленіи насъ, нижеподписавшихся, какъ лицъ, желающихъ принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ проектируемаго Отдѣла, въ число членовъ-учредителей его, съ правами членовъ-сотрудниковъ Общества на точномъ основаніи его устава". „(Далѣе слѣдуетъ 74 подписи членовъ мѣстной администраціи, профессоровъ университета [3]) и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній)».

Это заявленіе доставлено было въ Географическое Общество черезъ меня, а нижеслѣдующее—чрезъ профессора Н. П. Ясенопольскаго.

---

[1]) Это постановленіе общаго собранія съѣзда, какъ видно изъ самой его формулировки, относится вообще ко всѣмъ ходатайствамъ, представленнымъ Общему Собранію разными секціями и получившимъ, его одобреніе. См. Дневникъ X съѣзда, стр. 509—510 и стр. 511.

[2]) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 784.

[3]) и Кіевскаго политехническаго института.

VI) «Въ Императорское Русское Географическое Общество» [1]).

«При громадности Россіи, при большомъ природномъ и культурномъ ея разнообразіи, уже давно обнаружилось, что одному столичному учрежденію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества безъ содѣйствія мѣстныхъ его органовъ не подъ силу справиться съ обширною его задачею. Между тѣмъ какъ на страницы исторіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества занесено уже не мало цѣнныхъ для науки открытій цивилизованному міру очень мало ему до того извѣстныхъ пустынныхъ окраинъ дальняго востока и сѣвера Имперіи и даже мѣстностей, лежащихъ внѣ ея предѣловъ,—та часть территоріи Россіи, на которой проживаетъ главная масса ея русскаго населенія, и донынѣ остается недостаточно изслѣдованною въ географическомъ отношеніи. Восполнить этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Общества призваны именно мѣстные его органы, какъ могущіе стать ближе къ населенію и странѣ въ разныхъ ея частяхъ. Сознаніе этой потребности уже привело къ образованію отдѣловъ названнаго Общества въ нѣсколькихъ, даже малокультурныхъ частяхъ Имперіи. Между тѣмъ югъ Европейской Россіи, богатый природными дарами и населеніемъ, особенно въ послѣднее время быстро прогрессирующій въ промышленномъ отношеніи, обладающій тремя университетскими центрами, нынѣ не имѣетъ ни одного Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, хотя онъ уже давно сознаяъ потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ, выразившуюся въ образованіи сначала коммиссіи для описанія Кіевскаго учебнаго округа, а потомъ Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, не функціонирующаго уже болѣе двухъ десятилѣтій. Послѣ столицъ, Кіевъ обладаетъ самымъ многолюднымъ университетомъ и еще двумя высшими, многими средними учебными заведеніями и многими же учеными обществами. Одно уже это свидѣтельствуетъ объ обиліи въ Кіевѣ такихъ значительныхъ интеллигентныхъ силъ, которыя могли-бы принять участіе въ изслѣдованіи тѣхъ краевъ родной страны, которые къ нимъ гораздо ближе, знакомѣе имъ, чѣмъ это оказывается для отдаленнаго столичнаго учрежденія—Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хотя было бы желательно, чтобы въ каждомъ университетскомъ центрѣ Россіи

---

[1]) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 787.

основалось свое отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества, но, пока это еще не осуществилось, Кіеву, какъ крупнѣйшему и культурному и окружному центру юга Европ. Россіи, слѣдовало-бы взять на себя иниціативу въ географическомъ изслѣдованіи юга Евр. Россіи, а для этого включить въ раіонъ дѣятельности проектируемаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества весь этотъ югъ, т. е. *приблизительно* три учебные округа—Кіевскій, Харьковскій и Одесскій. Это географическое расширеніе задачи южнаго Отдѣла тѣмъ болѣе умѣстно, что прилегающія къ Черному и Азовскому морямъ степи экономически тѣсно связаны съ густонаселенными мѣстностями Кіевскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, не распространяясь здѣсь уже о томъ, что *природа и люди* въ плодородныхъ частяхъ бассейна Чернаго и Азовскаго морей, не смотря на все свое разнообразіе въ частностяхъ, носятъ и общій отпечатокъ вліянія юга,—правда, русскаго юга. Въ частности же юго-западный край, окружнымъ центромъ для котораго служитъ Кіевъ, и донынѣ еще лишенъ земскихъ учрежденій, а послѣднія своими статистическими описаніями не мало помогаютъ самопознанію. Поэтому-то основаніе Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества именно въ Кіевѣ оказало бы Юго-Западному краю особенную услугу, хотя отчасти пополнивъ тотъ пробѣлъ, который вызванъ долгимъ отсутствіемъ земства въ Юго-Западномъ краѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, нижеподписавшіеся лица имѣютъ честь просить Императорское Русское Географическое Общество сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе объ открытіи въ Кіевѣ своего отдѣла, предоставивъ ему возможность распространить свою научную дѣятельность на весь югъ Европ. Россіи въ очерченныхъ выше предѣлахъ. Желая принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, мы просимъ зачислить насъ въ члены этого Отдѣла. (Далѣе слѣдуетъ 40 подписей профессоровъ университета и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній)».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ходатайствъ, 17 марта 1899 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

VII) «Постановлено возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ новаго отдѣла Общества подъ названіемъ Южнаго» [1]).

---

[1]) Отчетъ И. Р. Геогр. О. за 1899 г., стр. 23.

При личномъ моемъ свиданіи въ Петербургѣ въ 1900 году съ г. вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества П. П. Семеновымъ выяснилось, что во исполненіе этого постановленія Совѣтъ Общества просилъ г. вице-предсѣдателя лично поддержать это ходатайство передъ г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, но до того времени (февраль 1900 г.) личное ходатайство эго еще не было возбуждено.

Л. Личковъ.

4-го декабря 1900 г.

Текущія извѣстія.

Памятникъ Т. Г. Шевченку. Въ общемъ собраніи союза взаимопомощи русскихъ писателей 28 ноября рѣшено ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ открытіи всероссійской подписки на памятники: а) писателю Бѣлинскому и б) *Малороссійскому писателю* Шевченко,—послѣднему на берегу Днѣпра въ Кіевѣ. (С.-Петерб. Вѣдомости).

—

Памятникъ П. И. Нищинскому. На засѣданіи «Виділу наукового товариства імени Шевченка» 31 октября постановлено оказать матеріальную поддержку для постановки памятника покойному талантливому композитору и писателю П. И. Нищинскому и обратиться къ инымъ обществамъ и заграничнымъ землякамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ пожертвованіяхъ. (Літер.-Науковый Вістник, кн. XII).

—

Дѣятельность „Украінсько—руськоі Видавничоі Спілки“. Основанная во Львовѣ два года тому назадъ „Видавнича Спілка“ до сихъ поръ ограничивалась изданіемъ книгъ для интеллигенціи. Имѣя возможность расширить въ настоящее время объемъ своей дѣятельности, „Видавнича Спілка“, не оставляя серіи начатыхъ ею изданій, открываетъ рядъ новыхъ изданій подъ общимъ названіемъ „Літературно-Науковоі Бібліотеки“, предназначающейся для крестьянъ, мѣщанъ, молодежи и менѣе состоятельной интеллигенціи. „Літературно-Наукова Бібліотека“ будетъ заключать въ себѣ все, что мо-

жетъ заинтересовать русинское общество. Въ програму ея входятъ: 1) Оригинальная и переводная беллетристика: повѣсти, разсказы, драматическія произведенія и стихотворенія наилучшихъ украинскихъ и иностранныхъ писателей, 2) Оригинальныя и переводныя статьи изъ сферы общечеловѣческаго знанія и науки,—популярныя, по возможности,—изъ области естественныхъ и общественныхъ наукъ, изъ исторіи, политики и др.

„Літературно-Наукова Бібліотека" будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ отдѣльными книжками, въ среднемъ—въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ. Подписная цѣна за годъ—5 коронъ. Для первыхъ выпусковъ „Літ.-Науковоі Бібліотеки" приготовлены слѣдующія произведенія, которыя будутъ изданы въ теченіе перваго года: 1) М. Грушевський. Хмельницький і Хмельниччина. 2) Мирний. Лови. 3) Курций Руф. Фільотас, 4) І. Франко. Із моіх споминів, 5) Ів. Пулюй. Непропаща сила, 6) Короленко. Ліс шумить, 7) Волод. Барвінський. З поля статистики, 8) Золя. Напад на млин, 9) Драгоманов. Жите Костомарова, 10) Костомаров. Про Кирило-Методиеве товариство, 11) М. Левицький. Спілковий договор для селян, 12) Куліш. Орися, 13) Волод. Наумович. Про сонце, 14) Чехов. Каштанка, 15) Ляссаль. Що таке конституція, 16) М. Грушевський. Бех—Аль—Джугур, 17) Франко. Данте Алігієрі, 18) Мопасан. Орля, 19) Про поділ Галичини, 20) Достоевський. Великий інквізітор, 21) М. Коцюбинський. Біографія Гарібальді, 22) Гете. Нова Мелюзина, 23) Тайне товариство на Украіні в. р. 1846, записки сучасника, 24) Музайос. Геро і Леандер.

Кромѣ того, въ обѣихъ серіяхъ (беллетристической и научной) предположено къ изданію около 30 книжекъ, среди которыхъ намѣчены произведенія Шекспира въ переводѣ П. Куліша (Юлій Цезарь, Антоній і Клеопатра, Ромео и Джуліета, Богато голосу з нечев'я, Король Лір, Міра за міру), Л. Толстого—Відродженне, Крейцерова Соната; Тургенева—Весняні води; Лермонтов—Герой нашого часу; Калевала—фінська епопея в перекладі Евгена Тимченка; Коцюбинского—Оповіданя (третя книжка); Іван Франко—Сім казок,—Оповіданя, Коваль Басссім—поема, з переднім словом А. Кримського; Флямаріон. Про небо; и другіе. (Літерат.—Науковий Вістник, кн. XII).

—

Неудачная реставрація живописи въ Лаврской церкви (въ Кіевѣ). „Спеціальная коммиссія, состоящая изъ художниковъ, осмотрѣвъ живописныя работы по росписи Великой лаврской церкви,

признала ихъ неудовлетворительными, такъ какъ во многихъ случаяхъ эта живопись не соотвѣтствуетъ духу церковныхъ изображеній, слаба по композиціи, страдаетъ рѣзкой, бьющей въ глаза, пестротой тоновъ, уродливостью рисунка фигуръ святыхъ и т. п. Работы эти производились бывшимъ профессоромъ Императорской академіи художествъ Василіемъ Петровичемъ Верещагинымъ. Орнаментныя работы гг. Лазарева и Станищева, по заключенію коммиссіи, также неудовлетворительны, такъ какъ лишены стиля, грубы и безвкусны. На эти живописныя работы Лаврой затрачены огромныя деньги». („Россія").

Интересная находка. Изъ Рима сообщаютъ, что въ одномъ изъ монастырей сѣв. Италіи открыта рукопись на пергаментѣ, заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX вѣка, также церковный календарь, при датахъ котораго записаны имена умершихъ лицъ. Между этими записанными попадаются имена поляковъ, чеховъ, венгерцевъ и русскихъ. Рукопись эта въ 1000 году была въ Тревизѣ, затѣмъ перешла въ собственность Езона Геренфрида изъ Лотарингіи, а съ дочерью этого послѣдняго, Рыксой, попала въ Польшу. Дочь Мѣшка I и Рыксы вышла замужъ за князя Изяслава Кіевскаго, и съ нею рукопись эта перешла на Русь, гдѣ къ ней прибавлены были новыя миніатюры. Затѣмъ, она была собственностью Ярополка, сына Изяслава, а послѣ его смерти возвратилась обратно въ Польшу, можетъ быть, съ Здиславой, первой женой Болеслава III. Во всякомъ случаѣ, вторая жена этого князя, Саломея, дочь графа Берга, владѣла этой рукописью и около 1140 г. подарила ее монахамъ въ Цвифальтенсъ.

Рукопись украшена многочисленными миніатюрами; болѣе раннія принадлежать къ разряду знаменитыхъ ирландскихъ, а болѣе позднія вставлены въ рукопись, когда она была на Руси. Эти послѣднія носятъ на себѣ чисто византійскій характеръ и имѣютъ подписи частію греческія, а частію славянскія. (Одесс. Листокъ, № 319).

Племянникъ Т. Г. Шевченко. 24 ноября въ херсонскомъ окр. судѣ предстояло къ разбору дѣло по иску крест. Кіевской губ. нѣкоего Андрея Шевченко къ О. В. Фальцъ-Фейну въ суммѣ 4800 руб. за увѣчье, полученное сыномъ Андрея, Митрофаномъ, служившимъ въ качествѣ ученика въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейнъ, гдѣ ему оторвало лѣвую руку, впослѣдствіи ампутированную до плеча.

Дѣло разборомъ отложено за неявкой свидѣтелей со стороны Шевченка. Старикъ Андрей—родной племянникъ «соловья Украины», поэта Тараса Григорьевича Шевченко. У поэта, какъ извѣстно, кромѣ трехъ сестеръ Ирины, Катерины и Маріи, были два брата, Никита и Осипъ; отъ послѣдняго именно и происходитъ Андрей, котораго судьба привела къ судебной тяжбѣ съ г. Фальцъ-Фейнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей, по окончаніи военной службы, оставилъ родное село и сталъ служить прикащикомъ по различнымъ экономіямъ. Въ 1898 году Андрей нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего Митрофана отдалъ въ ученье въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» той-же владѣлицы. Тутъ-то и постигло Митрофана Шевченка несчастье, а съ нимъ и Андрея, съ тѣхъ поръ совершенно выбитаго изъ колеи и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденнаго вмѣстѣ съ калѣкой Митрофаномъ терпѣть холодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной сиротской жизни (Югъ).

—

Субсидія на ученый трудъ. Св. правительствующій синодъ ассигновалъ субсидію въ 6,000 р. кіевской духовной академіи на изданіе новой крупной ученой работы—«Историческіе памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вѣкахъ». Это изданіе, подъ ред. доцента Ѳ. Титова, должно составить 6 громадныхъ томовъ и послужить основаніемъ для составленія исторіи церкви отъ 1686 до 1795 гг.—труда, предпринятаго по предложенію оберъ-прокурора св. синода К. Побѣдоносцева. (Бир. Вѣд., № 333).

—

Юбилейный сборникъ. Весною 1901 г. исполнится 30-лѣтіе научной и общественно-публицистической дѣятельности профессора Императорскаго московскаго университетв Н. И. Стороженко. Его ученики и почитатели рѣшили издать ко дню юбилея научно-литературный сборникъ. Всѣ расходы по изданію должны быть покрыты по подпискѣ. Лица, желающія принять участіе въ изданіи сборника, приглашаются обращаться на имя И. И. Иванова (Москва, Воздвиженка, гост. «Петергофъ») или М. Н. Розанова (Москва, Поварская, Трубниковскій пер., д. Игнатьева).

—

Выборы въ Галиціи. На выборахъ V и IV Куріи въ Галиціи въ число пословъ до Рады Державной оказались избранными со стороны галичанъ-русиновъ—изъ IV куріи: Юліанъ Романчукъ, Олександеръ Барвинскій, др. Михайло Король, Василь Яворскій, свящ. Корнило Мандычевскій, др. Иванъ Длужанскій, др. Омелянъ Гладишовскій, и изъ V: др. Андрій Косъ. („Руслан,“ ч. 274).

—

Украинская пѣсня на китайской границѣ. Въ № 306 газ. «Сѣверный Курьеръ», г. г. Д. П. и Р., въ описаніи своихъ дорожныхъ впечатлѣній на китайской границѣ, между прочимъ даютъ интересный образчикъ того, какъ украинская пѣсня, неизвѣстно какимъ образомъ занесенная къ сибирскимъ козакамъ, выродилась въ обыкновеную солдатскую пѣсню. На просьбу авторовъ спѣть что-нибудь, козаки начали:

«Засвистали козаченьки
Въ походъ съ полуночи,
Заплакала Марусеночка
Свои ясни очи.
Не плачь, не плачь, Марусеночка,
Мы вазьмемъ тебя съ собою,
Мы вазьмемъ тебя съ собою—
Назовемъ родной сестрою.
Не сестрою тебя, не родною—
Жоной бравой, молодою».

—

Труппа М. Л. Кропивницкаго (подъ управленіемъ Н. К Садовскаго и А. К. Саксаганскаго). Лѣтомъ минувшаго года въ жизни украинскхго театра произошла важная перемѣна: лучшія артистическія силы—М. Л. Кропивницкій, М. К. Заньковецкая, И. К. Карпенко-Карый, Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій пришли къ взаимному соглашенію и составили одну труппу—М. Л. Кропивницкаго, подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго. Соединеніе первостепенныхъ артистическихъ талантовъ—выдающихся сценическихъ дѣятелей, смотрящихъ въ высшей степени идейно на служеніе искусству, образцовая постановка и выборъ пьесъ, прекрасная обстановка—естественно обусловливаютъ выдающійся

успѣхъ этой труппѣ. Репертуаръ ея значительно расширился, представляя, главнымъ образомъ, соединеніе пьесъ г.г. Карпенка-Караго и Кропивницкаго; въ числѣ послѣднихъ между прочимъ оказываются «Глытай або-жъ Павукъ» и «Доки сонце зійде, роса очи выйисть» — снятыя со сцены около 10 лѣтъ тому назадъ и въ минувшемъ году снова разрѣшенныя.

Новинкой является только что разрѣшенная драматической цензурой новая пьеса г. Карпенка-Караго «Хозяинъ», представляющая по идеѣ какъ бы продолженіе извѣстной комедіи того-же автора,— «Сто тысячъ». Труппа соединенныхъ выдающихся артистовъ—«корифеевъ» украинской сцены,—начала свою дѣятельность 29 іюня минувшаго года въ Полтавѣ, затѣмъ побывала въ Николаевѣ, Екатеринославѣ (до 19 октября), съ 22 и по 2 ноября въ Лубнахъ, затѣмъ до 15 ноября въ Нѣжинѣ и, наконецъ, съ 16 ноября и по настоящее время даетъ спектакли въ Кіевѣ, въ театрѣ Бергонье. Кромѣ упомянутыхъ уже «корифеевъ», въ труппѣ состоятъ немалоизвѣстные артисты и артистки—г-жи и г.г. Линицкая, Суслова, Тобилевичъ; Вукотичъ, Загорскій, Зайченко, Панькивскій, Чечорскій и друг.

Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. Отъ М. И. Лободовскаго въ ред. «Южн. Края» получено съ просьбой напечатать слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый г. редакторъ! Въ 1893 г. мною изданъ 2-й томъ стихотвореній украинскаго поэта, покойнаго Якова Ивановича Щоголева, на малорусскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Слобожанщина». По поводу изданія «Слобожанщины» мнѣ приходилось часто бесѣдовать съ Яковомъ Ивановичемъ. На мой вопросъ, всѣ ли написанные имъ стихи вошли во 2-й томъ, онъ мнѣ сказалъ, что только, *одно* не вошло, такъ какъ было написано зимой 1898 г., т. е. въ годъ изданія этого 2-го тома, когда уже получена была рукопись изъ цензуры съ разрѣшеніемъ печатать. Слѣдовательно, это *одно* стихотвореніе было написано имъ за 3—4 мѣсяца до его смерти, такъ какъ Я. И. умеръ 28 мая 1898 года. Онъ мнѣ прочелъ это стихотвореніе на память, а я попросилъ позволеніе списать его; у него-же въ домѣ оно и было мною списано. Чтобы не затонуло это предсмертное твореніе глубокоуважаемаго поэта въ житейскомъ морѣ, имѣю

честь покорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, напечатать его въ уважаемой вашей газетѣ. Вотъ оно:

Янголъ смерты.

Хто бъ не бувъ ты: сыльный свита,
Велетъ той, передъ котрымъ
Безъ прывита и одвита
Мы занедбано стоимъ;
Хто бъ не бувъ ты: старець бидный,
Що не знае, де и якъ
Прымостыты въ скрынци миднiй
Десь загореный пятакъ;
Хтобъ не бувъ ты: юнакъ смилый,
Зачарованый кругомъ,
Лада въ шати снижнобилiй,
Корунована винкомъ,—
Не жахайтеся вы сылы,
Що не знать въ который часъ
Налитае видъ могылы
Несподиванно на насъ:
То оману, то дурныцю
Намъ малюнокъ напысавъ,
Що таемну чаривныцю
Кистякомъ колысь вражавъ;
Тая сыла—Янголъ Божый,
Якъ вси Янголы Его:
Духомъ смырный, выдомъ гожый,
Вирный кметъ Царя Свого;
Темнымъ флересомъ повытый,
Промижъ намы винъ лита,
Кладучы покою миты
На змовкаючи уста,
И говоре: „якъ-бы жало
Те, якымъ я жалю васъ,
Та вражаты перестало,—
Пожалилы бъ вы не разъ!
Я беру зъ земли никчемнисть—

Ту, що долею зовуть,
И веду васъ у таемнисть
Свита иншого нижъ тутъ...
Такъ лита посланець Божый
Зъ краю въ край и день за днемъ,
Той и любячый, и гожый,
Що дарма мы смертью звемъ.

Щоголевъ.

(Южн. Край, № 6872).

Библіографія.

Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisyi Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie. Tom IV.
W Krakowie. 1900.

Матеріалы означеннаго тома касаются украинско-русскаго народа и мѣстностей, занятыхъ имъ, лишь въ отдѣлахъ антропологическомъ и археологическомъ.

Изъ антропологическихъ работъ на первомъ мѣстѣ стоитъ работа *Talko-Hryncewicza—Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy.* Объ этомъ изслѣдованіи, вышедшемъ раньше отдѣльнымъ оттискомъ, В. Б. Антоновичемъ было сдѣлано сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора Лѣтописца, переданное затѣмъ вкратцѣ и на страницахъ Кіевск. Старины («Археологич. Лѣтопись», іюнь н. г.), такъ что снова говорить о работѣ г. Талько-Гринцевича не приходится.

Maryan Udziela въ статьѣ *Trwanie życia w Janowie na zasadzie wykazu zmarłych w ciągu lat 110 (1785—1894)*, имѣя подъ руками метрики мѣстныхъ приходовъ, какъ католическаго, такъ и уніатскаго, различнымъ образомъ комбинируетъ тѣ данныя, которыя представили метрики, и приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ. Онъ даетъ общія цифры умершихъ въ Яновѣ (мѣстечко возлѣ Львова, называемое также «Русскимъ Яновомъ») за 110 лѣтъ, причемъ наибольшая смертность падаетъ на десятилѣтіе 1845—54, а также на годы эпидемій (1831, 1848, 1855 и 1872), приводитъ далѣе таблицы умершихъ, съ подраздѣленіемъ на возрасты и таблицы смертности

по отношенію къ живущимъ. Всѣ эти цифровыя данныя расположены отдѣльно для поляковъ и отдѣльно для русиновъ. Что до итоговъ, то они не въ пользу русиновъ: продолжительность жизни у нихъ меньшая, чѣмъ у поляковъ, смертность дѣтей на первомъ году жизни большая, хотя въ дальнѣйшіе годы смертность у поляковъ большая, чѣмъ у русиновъ. Поражаетъ средняя продолжительность жизни какъ у русиновъ, такъ и у поляковъ: у первыхъ она равняется всего 23, 4 год., у вторыхъ—24, 6; главной причиной этого факта является упоминаемая авторомъ страшная бѣдность, гнетущая мѣстное населеніе.

На основаніи данныхъ, полученныхъ при призывѣ къ отбыванію воинской повинности, *Leon Magierowski*, въ отвѣтъ *Wzrost ludności w powiecie Sanockim*, устанавливаетъ среднія для роста поляковъ, русиновъ и евреевъ въ этомъ уѣздѣ. Ростъ поляковъ оказался ниже средняго, ростъ русиновъ и евреевъ—низкимъ. Именно: у поляковъ, при измѣреніи 304 человѣкъ, онъ равнялся 164,5 стм., у русиновъ, при 415 измѣреніяхъ,—159,5 стм., у евреевъ, при 61 измѣр.,—162,7 стм. Эти цифры получились при измѣреніи роста новобранцевъ (21 года), для людей-же болѣе взрослыхъ ихъ нужно увеличить приблизительно на 3,3 стм. Г-нъ Магеровскій распредѣляетъ затѣмъ ростъ по мѣстностямъ. У поляковъ, жителей Санока и селъ преобладаетъ ниже-средній ростъ, у жителей-же мѣстечекъ—высокій. У русиновъ—въ Санокѣ и мѣстечкахъ—ниже средняго, въ селахъ—низкій.

Настоящій томъ даетъ массу данныхъ по доисторической археологіи Галичины. Благодаря неутомимой энергіи и вполнѣ научному отношенію къ дѣлу д-ра В. Деметрыкевича, секретаря коммиссіи, начинаетъ понемногу освѣщаться доисторическое прошлое этого края (имѣемъ въ виду Восточную Галичину), оказывающагося не менѣе богатымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ и другія, сосѣдящія съ нимъ, страны. Для насъ изслѣдованіе даннаго края представляется тѣмъ болѣе интереснымъ и важнымъ, что черезъ него проникали и къ намъ (по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени) тѣ вліянія западно-европейскихъ доисторическихъ культуръ, слѣды которыхъ все съ большей и большей ясностью начинаютъ обнаруживаться и на обширной территоріи южной Россіи. Что касается Подольской губерніи, то эти взаимныя вліянія установлены для нея уже давно, но интересно, что теперь, однородность культуръ прослѣживается и

дальше, напр. въ предѣлахъ Кіевской и Херсонской губерніи. Вслѣдствіе этого, для всѣхъ, интересующихся древностями нашего юга, необходимо внимательно слѣдить за открытіями въ этой области на территоріи Галичины.

Имѣя это въ виду, мы постараемся вкратцѣ отмѣтить всѣ тѣ факты, которые собраны г. Деметрыкевичемъ въ данномъ томѣ матеріаловъ.

Уже въ протоколахъ засѣданій Коммиссіи, которыми начинается томъ, есть интересныя свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ г. Деметрыкевича. Такъ, имъ продолжались раскопки въ пещерѣ Вертеба въ *Бильчѣ Злотомъ*, начатыя еще покойнымъ Г. Оссовскимъ. Здѣсь открыта новая сѣть ходовъ со слѣдами многочисленныхъ кострищъ, со скелетами и расписной посудой до-микенскаго типа. Въ ходахъ средней части встрѣтились еще болѣе интересныя находки: посуда того-же типа, но лучшей выдѣлки, съ орнаментомъ, иногда изображающимъ звѣрей—лисицъ, бѣлокъ, оленей, издѣлій изъ кости и, наконецъ, нѣсколько орудій и буссъ изъ чистой мѣди.

Посѣтилъ г. Деметрыкевичъ и *с. Михалковъ* для обслѣдованія на мѣстѣ найденнаго тамъ новаго цѣннаго клада [1]. На основаніи сходства посуды, въ которой найденъ кладъ, съ посудой скифскаго типа изъ сосѣдняго села (Ивань Пустый), г. Деметрыкевичъ говоритъ, что михалковскія находки имѣютъ близкую связь съ т. н. скифской культурой. Намъ кажется, что одного сходства посуды еще не достаточно, сами-же предметы представляютъ мало аналогій съ многочисленными извѣстными предметами скифской культуры.

По сосѣдству съ Михалковомъ г. Деметрыкевичъ сдѣлалъ развѣдки и въ другихъ мѣстахъ. Въ *с. Сапоговѣ* ему удалось удостовѣриться, что нѣкогда вывезенныя отсюда г. Киркоромъ вещи, имѣющія характеръ скифскихъ, происходятъ изъ 3-хъ кургановъ, заключающихъ погребенія и сожженія. Въ *с. Крывчѣ* открыто существованіе пещеръ въ гипсовыхъ скалахъ, ожидающихъ подробнаго изслѣдованія. Въ с. *Монастыркѣ* осмотрѣнъ гротъ въ скалѣ, считавшійся языческой святыней; г. Деметрыкевичъ считаетъ несомнѣнной принадлежность его къ христіанской эпохѣ, когда гротъ служилъ для цѣлей церковныхъ. Въ с. *Бедрыковцахъ* изслѣдованъ могильникъ, заключавшій погребальныя ямы, иногда прикрытыя каменными пли-

[1]) См. Кіевск. Стар., февраль 1900 г., Археол. Лѣт.—Михалковскій кладъ.

тами; могильникъ относится къ концу доисторическаго періода по переселеніи народовъ.

Среди статей, г. Деметрыкевичу принадлежатъ двѣ. Въ первой—*Korony bronzowe przedhistoryczne, znalezione na obszarze ziem dawnej Polski*, мы имѣемъ обстоятельную монографію, посвященную этимъ рѣдкимъ памятникамъ доисторическаго прошлаго. Бронзовыя короны довольно часто встрѣчаются на сѣверѣ—въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Сѣверной Германіи; южнѣе ихъ было найдено всего 2 въ Познанскомъ в. и одна въ Галичинѣ, въ с. Залѣсьѣ надъ Збручемъ. Авторъ опровергаетъ существующее объясненіе этихъ коронъ г. Садовскаго, считавшаго ихъ «corona vollaris», выдававшихся римскимъ воинамъ за взятіе окоповъ, а также мнѣнія скандинавскихъ ученыхъ, считающихъ ихъ шейными украшеніями, и предлагаетъ свое, несомнѣнно найболѣе правдоподобное. Именно, корона, найденная въ Залѣсьѣ, снабженная довольно высокими и острыми зубцами, не могла служить украшеніемъ шеи, а служила скорѣе всего украшеніемъ головы, и предназначалась для скрѣпленія волосъ. Что касается эпохи, то г. Деметрыкевичъ относитъ короны къ концу бронзоваго вѣка и къ т. н. періоду La Tène.

Прибавимъ къ этому, что на территоріи южной Россіи намъ извѣстны два случая находокъ такихъ коронъ. Одна найдена въ м. Новомъ Дашевѣ, Липовецкаго у., и хранится въ Церковно-археолог. музеѣ при Кіевск. Дух. Акад., другая найдена въ Подольской губ.—къ сожалѣнію не знаемъ точно мѣста находки и не имѣемъ свѣдѣній, куда она поступила отъ любителя, пріобрѣвшаго ее.

Результатомъ цѣлаго ряда археологическихъ изслѣдованій г. Деметрыкевича въ Трембовельскомъ уѣздѣ явилась другая его статья—*Poszukiwania archeologiczne w powiecie Trembowelskim w Galicyi wschodniej*. Авторъ дѣлится тѣми наблюденіями, какія онъ вынесъ изъ посѣщенія и осмотра той или другой мѣстности; послѣдуемъ и мы за нимъ.

Въ самомъ *г. Трембовлѣ*, при проведеніи желѣзной дороги, открыты т. н. пашенныя ямы съ остатками проса и гречихи; вблизи этого мѣста обнаружены погребенія съ глиняными и стеклянными сосудами. Къ сожалѣнію, съ обѣими этими находками поступили по варварски: ихъ совершенно уничтожили; но на основаніи нѣкоторыхъ находокъ—вышеупомянутыя погребенія нужно отнесть къ римской эпохѣ

(II—III в. по Р. X.) [1]. Далѣе, у *с. Подгорья* также встрѣченъ могильникъ римской эпохи но уже съ обрядомъ сожженія.

Рядъ интересныхъ наблюденій и открытій дало *с. Зеленче* и его окрестности. На плоской возвышенности, на берегу Серета, здѣсь обнаружены слѣды поселенія княжеской эпохи (интересны находки сосудовъ, наполненныхъ стекляными браслетами и кольцами). Въ другомъ мѣстѣ, на той-же возвышенности, встрѣченъ цѣлый рядъ остатковъ жилищъ неолитической эпохи съ расписными сосудами и глиняными статуэтками. Здѣсь легко было установить присутствіе этихъ остатковъ: послѣ свѣжей вспашки поля, если еще прошелъ частый дождь, можно было замѣтить на полѣ большія пятна квадратной или четыреугольной формы, отличавшіяся отъ остальной поверхности болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ,—эти пятна и служили указаніемъ присутствія остатковъ жилищъ. Находки представляютъ обычные типы: расписные и нерасписные сосуды, глиняныя грузила, встрѣчающіяся иногда цѣлыми массами, такія-же статуэтки, кремневыя орудія—все это въ слоѣ пережженной глины. Описывая свои находки, г. Деметрыкевичъ попутно опровергаетъ теорію г. Оссовскаго, принимавшаго совершенно аналогичныя находки въ Бильчѣ и Васильковцахъ за погребальныя поля съ погребальнымъ обрядомъ, по которому въ сосуды помѣщали прахъ не всего покойника, а лишь по одной пережженной косточкѣ. Г. Деметрыкевичъ вполнѣ правильно считаетъ эти остатки разрушившимися жилищами, а куски обожженной глины съ отпечатками—обмазкой стѣнъ; послѣднее положеніе, намъ кажется, еще требуетъ болѣе вѣскаго подтвержденія. По поводу этихъ-же самыхъ находокъ авторъ дѣлаетъ упрекъ русскимъ ученымъ, удивляясь, что послѣдніе менѣе всего занимались обслѣдованіемъ этого рода памятниковъ. Но г. Деметрыкевичу вѣроятно неизвѣстно, что присутствіе этихъ памятниковъ на территоріи Россіи (главн. обр. въ Кіевской губ.) установлено всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что научное изученіе ихъ только-лишь начинается...

Тѣ-же наблюденія, что и у Зеленча, удалось сдѣлать г. Деметрыкевичу и подъ *м. Будзановымъ*, т. е. такіе-же остатки жилищъ съ расписной посудой.

---

[1]) У насъ большую аналогію съ ними представляютъ погребенія и сожженія, открытыя между сс. Жуковцами, Веремьемъ и Черняховомъ, Кіевск. у. (см. «Лѣтопись», іюнь 1900 г.).

На пространствѣ той-же гмины Зеленче, на правой сторонѣ Серета, произведены раскопки городища, и обнаружены слѣды нѣсколькихъ доисторическихъ эпохъ.

Въ *с. Подгайчикахъ Юстыновыхъ* открыты слѣды неолитическихъ поселеній того-же типа и могилы II—III в. по Р. Х. Въ *с. Семеновѣ* раскопано 6 славянскихъ могилъ, къ той-же эпохѣ г. Деметрыкевичъ относитъ и погребенія, открытыя въ одномъ изъ двухъ большихъ кургановъ, расположенныхъ на возвышенности возлѣ села, но, пожалуй, твердыхъ основаній для такого опредѣленія эпохи и не имѣется, такъ какъ единственная находка—сосудъ грубой выдѣлки можетъ указывать и на болѣе раннюю эпоху.

Опуская цѣлый рядъ мѣстностей, гдѣ встрѣчены болѣе или мѣнѣе мелкія находки или гдѣ о памятникахъ упоминается лишь вскользь, отмѣтимъ еще раскопку одного кургана у *с. Глещавы*, заключавшаго въ себѣ каменную кисту съ покойникомъ. Къ сожалѣнію, погребеніе было уже кѣмъ-то нарушено, но кое-какія находки даютъ возможность опредѣлить его время—II—IV в. по Р. Х.

Просматривая работы г. Деметрыкевича, оставляя въ сторонѣ ихъ несомнѣнное научное значеніе, проникаешься невольнымъ уваженіемъ къ автору, какъ представителю цѣлой группы лицъ, за то отношеніе къ памятникамъ старины, которое чувствуется въ нихъ. Дѣйствительно, каждый фактъ, какъ бы ни былъ онъ незначителенъ, тщательно отмѣчается, взвѣшивается, оглашается. Не то у насъ. При массѣ производимыхъ раскоповъ, большинство ихъ гибнетъ безслѣдно для науки, и въ результатѣ изслѣдованіе памятниковъ древности превращается въ уничтоженіе ихъ.

Н. В.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 12 й. *Харьковъ 1900 г.*

Новый томъ «Сборника» знакомитъ насъ: а) съ состояніемъ и дѣятельностью историко-филологическаго общества вообще (въ отчетѣ за 1898—99 годъ) и б) съ трудами нѣкоторыхъ его членовъ. Въ обозрѣніи состоянія и дѣятельности будемъ слѣдовать порядку изложенія въ отчетѣ. Средства общества очень небольшія: поступило 876 руб. 53 к.; израсходовано 501 р. 93 к., въ остаткѣ 364 р. 80 к.

Источники средствъ обычные: съ трудомъ выжимаемые членскіе взносы да продажа изданій общества. Обычны также и расходы: устройство засѣданій и печатаніе „Сборника". Необычайнымъ источникомъ средствъ служитъ субсидія отъ университета въ размѣрѣ 1000 рублей, изъ нихъ расходуется на изданіе трудовъ общества 400 руб. и на жалованье архиваріусу Харьковскаго архива («историческаго»)—600 руб. Случайнымъ источникомъ является доходъ отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ членами Общества; суммою однако очень невеликъ—83 рубля. Всего получено за лекціи 942 р., но изъ нихъ 856 р. ушло на расходы по устройству лекцій; правда, 30 руб. 86 коп. пожертвованы въ пользу голодающихъ. Въ отчетѣ приведенъ списокъ лекторовъ, количество лекцій и сумма сбора, сдѣланнаго каждымъ лекторомъ. Лекторовъ было 7 (г.г. Рѣдинъ, Сумцовъ, Тимофеевъ, Маляренко, Котовъ, Масловъ, Риттеръ). Наибольшій сборъ дали лекціи г. г. Рѣдина и Риттера; наименьшій—Маслова. Первые имѣли каждый около 200 слушателей, а послѣдній—около 60 (предполагая цѣну билетовъ въ 1 руб. и въ 50 коп.). Вообще, успѣхъ лекцій не великъ для такого многолюднаго города, какъ Харьковъ, да еще при обстановкѣ лекцій картинами волшебнаго фонаря. Гдѣ лежитъ причина этой неудачи? Къ сожалѣнію, отчетъ не объясняетъ этого и не даетъ матеріала для разрѣшенія.

Составъ общества не означенъ, вѣроятно по недосмотру редактора.

Дѣятельность общества выразилась въ 11 засѣданіяхъ, въ которыхъ прочтено 18 сообщеній; изъ нихъ исторіи южной Руси коснулись 6 сообщеній, т. е. $^1/_3$. Вотъ ихъ краткое содержаніе: г. Дриновъ, разобравъ румынскую надпись на иконѣ Богоматери, находящейся въ с. Рогани (Харьков. губ.), нашелъ, что икона эта—копія чудотворной иконы Нямецкаго (въ Молдавіи) монастыря; написана копія не позже XVII в. и принесена молдавскимъ господаремъ Димитріемъ Кантемиромъ, которому принадлежало с. Рогань.

А. Сумцовъ, посвящая свое чтеніе «памяти Калнишевскаго», описываетъ печальное состояніе могильнаго памятника послѣдняго кошевого атамана Запорожья и предлагаетъ южно-русскимъ историческимъ обществамъ (въ томъ числѣ и кіев. обществу Нестора-Лѣтописца) принять участіе въ исправленіи памятника.

Гг. Рѣдинъ и Федоровскій, описавъ раскопку «могильникъ курнана (sic) слободы Сенькова, Купянскаго уѣзда», пришли, на основа-

нія добытыхъ данныхъ, къ заключенію, что въ предѣлахъ Харьковской губерніи жилъ какой-то народъ, въ періодъ болѣе древній, чѣмъ «желѣзный» (г. Федоровскій) или, точнѣе, въ періодъ, когда наряду съ предметами каменными, кремневыми, были въ употребленіи бронзовые (г. Рѣдинъ).

Г. Халанскій въ двухъ своихъ докладахъ «о происхожденіи имени и прозвищъ Ильи Муромца» и «о происхожденіи названія Муравскаго шляха» старается доказать, что Илья Муромецъ — Олегъ Мурманскій, вѣщій Олегъ, а Муравскій шляхъ — Мурманскій.

Наконецъ г. Савва сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ перевода г. Муркоса «Путешествіе патріарха Макарія въ Москву, описанное сыномъ патріарха архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ». Критики этого описанія путешествія, судя по изложенному содержанію доклада, все-таки нѣтъ въ послѣднемъ, а она была-бы весьма необходима, такъ какъ при массѣ впечатлѣній, при постоянной перемѣнѣ мѣста, при невозможности записывать впечатлѣнія немедленно по ихъ воспріятіи, составитель описанія многое записывалъ по памяти и неизбѣжно долженъ былъ впадать въ неточности и путаницу.

Изъ статей, помѣщенныхъ полностью въ настоящемъ томѣ «Сборника», должно отмѣтить двѣ — г. Федоровскаго: «Могильникъ кургана Слободы Сеньковъ Купянского уѣзда», сущность которой передана нами выше; она не требуетъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ состоитъ изъ описанія самого могильника и добытыхъ въ немъ предметовъ, и г. Амфіана Лебедева: «Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (съ 2 іюня, 1754 г. до 10 декабря 1754 г), которая написана по неизданному архивному матеріалу и даетъ точные факты для характеристики Іоасафа Горленка, какъ самостоятельнаго епархіальнаго правителя. Авторъ не ставитъ своей цѣлью полной біографіи или полной оцѣнки пастырской дѣятельности Горленка; онъ сообщаетъ лишь немногіе факты, но за то факты характерные, благодаря которымъ личность этого общественнаго дѣятеля очерчивается довольно ясно и отчетливо. Горленко принималъ энергическія мѣры въ видахъ уничтоженія безпорядковъ въ церкви, поднятія умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства, уничтоженія въ народѣ остатковъ языческой старины, строго преслѣдовалъ несоблюденіе постовъ, отступленія отъ нравственной жизни и проч.; лица, подпадавшія его суду, наказывались весьма строго; такъ, напр., у одного сельскаго священника вмѣсто купели онъ нашелъ нѣчто въ родѣ

рукомойника для крещенія на дому дѣтей; за это нарушеніе церковнаго устава священникъ былъ наказанъ въ духовномъ правленіи плетьми. Или еще: монахини Троицкаго монастыря въ Курскѣ безъ его епископскаго указа выбрали себѣ игуменью; за это епископъ Іоасафъ приказалъ 18 избиравшихъ монахинь наказать плетьми. Къ наказанію плетьми прибавлялось часто отлученіе отъ церкви и проклятіе; онъ не щадилъ даже дѣтей: учениковъ, убѣгавшихъ отъ тогдашней суровой школы, онъ велѣлъ наказывать розгами и сковывать ноги учениковъ по-парно. Картина, нарисованная г. Лебедевымъ, производитъ удручающее впечатлѣніе на современнаго читателя, но, при оцѣнкѣ дѣятельности надо имѣть въ виду жестокіе нравы начала и первой половины XVIII в., когда жилъ и дѣйствовалъ Іоасафъ Горленко. Остальныя статьи хотя и очень крупныя (напр. «Леонардо да Винчи» г. Сумцова),—не имѣютъ отношенія къ южно-русской исторіи.

Въ этомъ же томѣ продолжается печатаніемъ сырой матеріалъ: «Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ», добрая половина котораго съ удобствомъ для изслѣдователя (такъ какъ и читателя онъ приводитъ въ изнеможеніе) могла-бы быть опущена, и «Опись» «историческаго архива»; полнота описи оставляетъ желать одного—чтобы надъ описью каждаго документа въ дѣлѣ обозначался бы и листъ (т. е. его цифры).

Внѣшность книги производитъ пріятное впечатлѣніе, и только виньетка на обложкѣ и заглавномъ листѣ, хотя и очень поэтичная, но мало соотвѣтствуетъ содержанію книги и характеру изданія. Не лучше ли было бы замѣнить ее «портретомъ миѳическаго Харька, якобы основавшаго г. Харьковъ», каковой портретъ, вѣроятно, будетъ доставленъ на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году и окажется ея гвоздемъ.

И. Каманинъ.

Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія. *Кіевъ, 1900, стр. 1—171. («Приложеніе къ Циркуляру по Управленію Кіевск. учебн. округомъ за 1900 годъ»).*

Неизвѣстный авторъ настоящаго интереснаго изданія, составленнаго на основаніи извлеченныхъ изъ архивовъ университета св.

Владиміра и Канцеляріи Управленія Кіевскаго учебнаго округа свѣдѣній о приходскихъ фундушевыхъ училищахъ въ Юго-Западномъ краѣ, ближайшей цѣлью въ своемъ трудѣ поставилъ—возможно обстоятельное разъясненіе о времени и причинахъ происхожденія и назначенія состоящихъ въ вѣдѣніи Управленія округа капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ училищамъ, о порядкѣ распоряженія ими, о способахъ взысканія платежей и полной комбинаціи имуществъ,—затрагивая попутно и нѣкоторыя другія стороны жизни означенныхъ училищъ. Самъ авторъ въ своемъ предисловіи указываетъ, что „фундушевые документы и дѣла заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и ждутъ только своего изслѣдователя, который бы собралъ, привелъ въ порядокъ и освѣтилъ этотъ крайне интересный матеріалъ, между прочимъ, въ бытовомъ и политическомъ отношеніи" (стр. 3). Въ ожиданіи такого изслѣдователя, авторъ и рѣшилъ взять на себя благодарную задачу—предохранить архивныя дѣла отъ вліянія времени и привести ихъ въ опредѣленный порядокъ, результатомъ чего и явилось лежащее передъ нами цѣнное изданіе, съ важнѣйшими пунктами котораго считаемъ небезъинтереснымъ ознакомить читателей.

Основаніе большинства нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ Юго-западнаго края было положено въ знаменательные въ исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще 1802—1803 года. Обширный планъ устройства училищной части въ Имперіи намѣченъ былъ въ „Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія", Высочайше утвержденныхъ 24 января 1803 г., по 3 ст. которыхъ каждый приходъ или два вмѣстѣ должны имѣть хоть одно приходское училище. Понятно, что намѣченный планъ, при его осуществленіи, долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія прежде всего въ матеріальныхъ затратахъ, которыя были бы непосильны въ то время для государственнаго казначейства. Въ виду этого въ „Правилахъ" (ст. 48-я) указывалось на единственно возможный источникъ болѣе широкаго распространенія просвѣщенія—на частныя средства гражданъ, желающихъ пожертвовать частныя выгоды общей пользѣ, за что имъ и должно принадлежать „особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей". Такое предположеніе правительства встрѣтило полное сочувствіе и готовность на жертвы интеллигенціи присоединенныхъ отъ Польши областей. Во главѣ движенія въ пользу

открытія школъ стали видные дѣятели и польскіе патріоты—князь Адамъ Чарторійскій, попечитель Виленскаго университета и округа, въ составъ котораго, въ числѣ 8-ми губерній, вошли Кіевская, Подольская и Волынская, и тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, получившій должность Визитатора трехъ губерній юго-зап. края. Оба они затратили массу труда и энергіи для осуществленія взятаго на себя дѣла. Въ то же время, во второй половинѣ того-же 1803 г., едва были обнародованы „Правительственныя правила», большинство самыхъ видныхъ представителей общества откликнулось на призывъ, и непосредственнымъ результатомъ явились опредѣленно выраженныя ими желанія открыть въ своихъ имѣніяхъ „парафіальныя школы», при чемъ желанія эти обнаружились не на словахъ только, не въ видѣ обѣщаній, но въ законныхъ документахъ на крупныя пожертвованія. Главнѣйшей, конечно, заботою при открытіи училищъ было снабженіе ихъ достаточными матеріальными средствами,—„фундушами», т. е. движимымъ и недвижимымъ имуществомъ или капиталомъ, доходъ съ которыхъ долженъ поступать, по силѣ извѣстнаго рода документовъ, на поддержаніе тѣхъ учрежденій. Такими документами въ 1803 и 1804 гг. снабжено было 28 школъ Волынской губ. По примѣру свѣтскихъ фундаторовъ, и духовныя лица, и учрежденія, преимущественно капитулы монашескихъ орденовъ, дали обязательство содержать приходскія училища во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ уѣздныхъ училищъ. Такія училища обязались открыть: *Доминикане*—въ Волынск. губ.—9, въ Подольской—7, въ Кіевской—3, *Кс. Тринитары*: *босые*—въ Волынск.—1, въ Подольской—1; *Монахини Кармелитанки*—въ г. Дубно—приходское женское училище; *Кс. Бернардины*—въ Волынск.—7, въ Подольской—2; *Кс. Капуцины*—въ Волынской—1; *Кс. Францискане*—въ Волынской—4.

Дѣйствительно, въ одной Волынской губерніи до 1831 г. духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ открыты были приходскія училища въ 45 мѣстечкахъ и селеніяхъ, не считая губерній Кіевской и Подольской (въ послѣдней—главнѣйшіе пункты: Кіевъ, Лысянка, Бѣлая Церковь; въ Подольской—въ 9 пунктахъ).

Въ виду значительныхъ крупныхъ пожертвованій дворянства и духовенства юго-зап. края, слѣдовало, конечно, считаться съ желаніями жертвователей и съ тѣми правами, которыя они имѣли въ виду предоставить себѣ по отношенію къ открываемымъ на ихъ средства училищамъ. Въ этомъ направленіи Коммиссія училищъ подъ предсѣ-

дательствомъ графа П. Завадовскаго представила въ 1807 году на Высочайшее воззрѣніе «Уставъ для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской», утвержденный 31 августа того же года... Вслѣдъ за утвержденіемъ Устава 1807 г., нѣкоторые владѣльцы рѣшили сдѣлать пожертвованія на основаніи его положеній. Изъ такихъ фундушей отмѣчены: въ Луцкомъ—2, въ Ковельскомъ—1, въ Староконстантиновскомъ—3, въ Ровенскомъ—1. Кромѣ того, подчинились этому Уставу также нѣсколько училищъ изъ тѣхъ, которыя существовали еще раньше, съ прошлаго столѣтія: Турійское въ Ковельскомъ, Топорищское—въ Житомірскомъ, Выговское въ Овручскомъ и Брусиловское (Θаддея Чацкаго) въ Радомысльскомъ у.

Такъ какъ теперь въ распоряженіи Виленскаго округа очутились громадныя имѣнія и капиталы, распоряженіе которыми представляло не мало затрудненій, то Высочайшимъ повелѣніемъ 21 дек. 1807 г. признано было необходимымъ «для приведенія въ ясность фундушевыхъ дѣлъ и для разрѣшенія споровъ» учредить двѣ Коммиссіи—въ Вильнѣ (для губерній Бѣлорусскихъ, Литовскихъ и Минской) и въ Кременцѣ (для Волынской, Подольской и Кіевской). Послѣдняя, упраздненная въ 1829 г., въ теченіе своей, хотя непродолжительной, дѣятельности, оказала громадныя услуги въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія и возникновенія нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ. Ей же всѣ существующія училища обязаны тѣмъ, что, благодаря ея вліянію, фундушевыя записи получили окончательное значеніе безспорныхъ документовъ, будучи внесены въ 1819 г. въ актовыя книги подлежащихъ судебныхъ учрежденій (уѣздныхъ судовъ).

Между тѣмъ, послѣ учрежденія устава 1807 г., правительственныя распоряженія по М. Н. Пр. стали клониться къ тому, чтобы дѣло обученія юношества по возможности привести въ соотвѣтствіе съ общегосударственными интересами; такъ, 25 мая 1814 г. послѣдовало циркул. распоряженіе о желательности большаго распространенія русскаго языка въ школахъ; о томъ, чтобы учитель имѣлъ извѣстный образовательный цензъ и установленное свидѣтельство на право обученія, и др. Но въ особенности на учебную дѣятельность въ юго-зап. краѣ повліяли событія 1830 года: всѣ приходскія училища, состоящія въ вѣдѣніи р.-католич. духовенства, были закрыты, а вмѣсто нихъ, по мѣрѣ возможности, открывались такія же училища при церквахъ греко-россійскаго или уніатскаго исповѣданія. Оффиціальное закрытіе училищъ произошло 4 октября того же 1830

года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобная мѣра должна была распространиться и на приходскія училища, открытыя на средства свѣтскихъ лицъ, такъ какъ фундуши ихъ пришли въ окончательное разстройство, а направленіе учебной дѣятельности также не внушало довѣрія. Въ началѣ 1832 г. обнаружилось, что эти училища дальше не могутъ существовать безъ точнаго разъясненія и возстановленія источниковъ ихъ содержанія; естественнымъ выходомъ изъ такого положенія явилось закрытіе всѣхъ ихъ съ мая—іюля 1832 г. по 1834 годъ, пока окончательно не опредѣлилась возможность дальнѣйшаго ихъ существованія. Возстановленіе нарушеннаго порядка пошло съ началомъ дѣйствій вновь учрежденнаго около этого времени (въ 1832 году) Кіевскаго учебнаго округа, въ составъ котораго вошелъ весь юго-западный край. Уже въ началѣ слѣдующаго 1833 г. попечитель фонъ-Брадке командировалъ въ Волынскую губернію двухъ чиновниковъ—Сбитнева и Александра Мицкевича, которые объѣхали всѣ тѣ пункты, гдѣ должны были имѣться фундуши и училища, и въ 1834 г. представили результаты своихъ трудовъ. Пока продолжались работы Сбитнева и Мицкевича, пока учебное начальство разбиралось въ результатахъ этихъ работъ, выяснилось окончательное заключеніе, что учебныя заведенія юго-зап. края должны подчиниться общегосударственнымъ началамъ. Эта необходимость выразилась въ Высочайшемъ указѣ правительствующаго сената 5 іюля 1834 г. о подчиненіи училищъ западныхъ губерній дѣйствію Устава 8 декабря 1828 г. Однимъ изъ главнѣйшихъ отличій этого устава отъ Устава 1807 года является вопросъ о порядкѣ назначенія учителей въ приходскія училища, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, а также о правахъ въ этомъ отношеніи фундаторовъ. Тогда какъ, по прежнему уставу, право назначенія учителей оставалось за «мѣстнымъ начальствомъ», т. е. учредителемъ или въ крайнемъ случаѣ предводителемъ дворянства, теперь «въ учители приходскихъ училищъ опредѣляются штатнымъ смотрителемъ лица всякаго состоянія, но нравственнаго качества и поведенія, при чемъ «общества и помѣщики или иначе частные люди, коими учреждаются или содержатся приходскія училища, *имѣютъ право представлять кандидатовъ въ учителя оныхъ»* Отсюда возникъ одинъ изъ главныхъ поводовъ къ столкновеніямъ между фундаторами и училищнымъ начальствомъ; помѣщики отказывались отъ содержанія училищъ, игнорируя послѣдній уставъ, и твердо стояли на томъ, чтобы внесенное въ записи условіе осталось въ своей силѣ, считая въ противномъ

случаѣ всѣ обязательства утрачивающими силу, разъ условія документа не исполняются заинтересованной стороной. Въ результатѣ—многократные и могочисленные судебные процессы, не оконченные отчасти и по сію пору. Тѣмъ не менѣе, этотъ непрерывный процессъ заканчивается нынѣ все-таки съ значительнымъ для дѣла успѣхомъ: 26 училищъ въ Волынской и 3 въ Кіевской существуютъ и содержатся на фундушевыя средства, и 4 училища, хотя и упразднены, но въ управленіи учебнаго округа хранятся нѣкоторые капиталы, которые въ будущемъ дадутъ основаніе для возстановленія училищъ тамъ, гдѣ они предположены были по записямъ.

Таковы главнѣйшія, интересующія насъ данныя, заключающіяся въ первой общей части настоящаго изслѣдованія. Во второй части, болѣе обширной, излагаются краткіе очерки о фундушѣ каждаго приходского училища въ отдѣльности, составленные преимущественно на основаніи данныхъ изъ отчетовъ упомянутыхъ выше—Сбитнева и Мицкевича. Здѣсь сообщаются данныя объ упраздненныхъ приходскихъ училищахъ Волынской губерніи—Ивановскомъ, Турійскомъ, Мельницкомъ, Топорищскомъ, Выговскомъ, Киселинскомъ, Торговицкомъ и Столинскомъ, затѣмъ о 26 существующихъ въ той же губерніи, о Брусиловскомъ и Бѣлоцерковскомъ—въ Кіевской губерніи и Немировскомъ—въ Подольской.

На этомъ заканчивается данное изслѣдованіе. Авторъ отмѣчаетъ (стр. 33), что въ разсмотрѣнной имъ части архива Виленскаго округа, хранящагося при университетѣ св. Владиміра, и въ дѣлахъ бывшей Канцеляріи Виленскаго Попечителя за время 1803—1831, найдено въ общемъ очень мало данныхъ, касающихся фундушей приходскихъ училищъ, и что въ первомъ случаѣ могутъ быть почерпнуты цѣнныя свѣдѣнія *для общей исторіи приходскихъ училищъ.* На эту то сторону слѣдовало бы обратить вниманіе лицамъ, интересующимся исторіей просвѣщенія въ нашемъ краѣ.

В. Д.

А. П. Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. *Съ алфавитнымъ указателемъ произведеній писателей. С.-Петербургъ, 1900, I—VI, 1—534, 1—49, in 8⁰. Цѣна 2 р.*

Авторъ задался весьма симпатичной цѣлью «собрать и составить біографіи русскихъ писателей отъ эпохи царствованія Императрицы

Елизаветы Петровны до настоящаго времени, по возможности съ указаніемъ въ систематическомъ порядкѣ произведеній каждаго изъ нихъ». Безъ сомнѣнія, такой трудъ, удовлетворительно исполненный, явился бы немалымъ подспорьемъ для всякаго, желающаго получить справку о литературной дѣятельности того или иного выдающагося русскаго писателя. Выдающихся писателей авторъ насчытываетъ, со времени Елизаветы Петровны и до нашихъ дней, 200 съ лишнимъ, руководствуясь при этомъ, надо полагать, личными симпатіями. Такъ напримѣръ, зачисливъ въ ряды безсмертныхъ Веревкина, Виленкина, Дудышкина и др., авторъ игнорируетъ *П. Кулиша*, *А. Стороженка* и многихъ другихъ малорусскихъ писателей, которыхъ вообще, какъ напр. Гребенку, Котляревскаго, Квитку-Основьяненка, Костомарова, Мордовцева, Шевченка, онъ, повидимому, не исключаетъ изъ числа русскихъ.

Но, впрочемъ, счастливъ ихъ Богъ что они не удостоились быть избранными... Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, обратимся къ тѣмъ біографіямъ малорусскихъ писателей, которыя вошли въ книгу г. Добрыва. Возьмемъ Е. П. Гребенку. Здѣсь мы съ глубокимъ интересомъ читаемъ, что Е. П. въ 1834 году издалъ свои малороссійскія «*Призраки*(!)[1]),—имѣвшія большой успѣхъ и потребовавшія второго изданія», а затѣмъ далѣе, въ перечнѣ произведеній, съ неменьшимъ любопытствомъ находимъ, что Е. П. написалъ романъ «*Нѣжинскій полковникъ Золотоноша*» (?!) [2])... Перейдя къ Н. И. Костомарову, найдемъ, что онъ написалъ драму «Савва Шалый», историческую статью: «Иванъ Спиргофскій» и друг. произведенія. Котляревскій также написалъ «*Москаля-Черевника*»—хотя въ особенности прославился «переложеніемъ на украинское нарѣчіе «Энеиды» (*Вершнія*), гдѣ боги и герои античнаго міра дѣйствуютъ среди жизни украинскаго простонародья, въ обстановкѣ *хохлацкаго* быта имѣвшая(?) громадный успѣхъ и популярность на Украинѣ, гдѣ она долго была любимой книгой грамотнаго южанина» и т. д... «Въ этой *породіи*, помимо *своего* интереса, какъ веселой блестящей шутки, имѣется еще немалое значеніе (sic!) какъ вѣрная картина (sic!) украинскаго быта, какъ изображеніе пороковъ и смѣшныхъ сторонъ малороссійскаго народа» Что касается Квитки-Основьяненка, то въ 1833 году вышло „на

---

1) Вм. *Прикавки*.

2) Вм. *Золотаренко*.

русскомъ и малороссійскомъ языкахъ одно изъ лучшихъ его произведеній, романъ «Панъ *Холявскій*, въ которомъ Г. Ѳ. неподражаемо, правдиво и картинно изобразилъ помѣщичій бытъ *того* (sic!) веремени Въ біографіи Д. Л. Мордовцева можно прочесть, что онъ написалъ разсказъ «Солдатъ» (Салдатка). Не лучше составлена и біографія Т. Г. Шевченка. Разсказывая о его дѣтствѣ, авторъ замѣчаетъ, что положеніе его какъ сироты, у дьячка Богорскаго, «было однимъ изъ худшихъ. Въ два года тяжелаго ученья онъ успѣлъ однако пройти *грамотку*, *числовецъ* и псалтырь». Побывъ нѣкоторое время у Лысянскаго маляра—дьякона, четырнадцатилѣтній мальчикъ «порѣшилъ возвратиться въ родное село, наняться пасти стадо, *разсчитывая на большой досугъ*, *нужный ему для излюбленныхъ занятій*» (sic!). Упоминается, что Шевченко написалъ произведенія: «*Сонъ невольника*» (поэма)(?!), «*Иванъ Гусъ*, *Никита Гайдай*»(?!) и друг.

Какъ видимъ, не посчастливилось малорусскимъ писателямъ въ сборникѣ г. Добрыва,—и только имъ спеціально, такъ какъ біографіи русскихъ писателей, насколько мы замѣтили, составлены сравнительно сносно.

В. Д.

Викъ (1798—1898). *Кыивъ 1900.*, *стр. 1—464*, *ц. 2 р.*

Минувшій годъ, послѣдній въ девятнадцатомъ столѣтіи, далъ, среди многихъ другихъ изданій малорусскаго слова, изданіе названной въ заголовкѣ книги, подводящей какъ бы итоги цѣлому столѣтію существованія печатной малорусской словесности въ отдѣлѣ стихотворномъ, что почти совпадаетъ съ итогами этого творчества въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Хотя изданіе это, къ сожалѣнію, не имѣетъ никакой вводной статьи, замѣненной мало говорящимъ о сущности дѣла стихотвореніемъ Кулиша, но по самому заглавію его «*Викъ 1798—1898*)» можно догадываться, что это сборникъ образцовъ изъ малорусскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго. Беря въ руки подобную книгу, читатель прежде всего разсчитываетъ увидѣть въ ней образцы малорусской поэзіи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность сдѣлать наблюденія надъ тѣмъ, какъ шагъ за шагомъ шелъ ходъ развитія и роста этой поэзіи въ теченіе, столѣтія,—и онъ не ошибется, такъ какъ, начиная съ Котляревскаго встрѣтитъ здѣсь произведенія 50 авторовъ, включительно до многихъ нашихъ современниковъ, вновѣ выступающихъ въ печати. Но вотъ тутъ-то и встрѣчается первое недоразумѣніе: для читателя, не по-

священнаго въ детали изученія малорусской словесности, остается загадкой, исчерпанъ-ли этими 50-ю авторами весь запасъ опытовъ украинской поэзіи 19 вѣка, или это только лучшіе представители ея? Человѣку, знакомому съ этимъ вопросомъ, сразу станетъ яснымъ, что составителемъ сборника имѣлась въ виду послѣдняя задача, и что помѣщенные въ книгѣ 50 авторовъ есть, по мнѣнію конечно составителя, лучшіе по силѣ своего таланта, такъ какъ къ указаннымъ авторамъ можно было-бы, не особенно долго роясь въ книгахъ, сейчасъ же прибавить еще нѣсколько десятковъ (особенно имѣя въ виду галицкія изданія), оставленныхъ за флагомъ, какъ слабѣйшіе. Мы готовы не оспаривать вкуса составителя сборника по отношенію избранныхъ имъ авторовъ и, признавая, что въ этихъ 50 именахъ отразилось все лучшее въ малорусской поэзіи, посмотримъ, можно-ли опредѣлить по этой книгѣ картину жизни и роста нашей родной поэзіи въ 19 вѣкѣ.

Прежде всего надо замѣтить, что «Викъ» не есть сборникъ однородныхъ по содержанію и характеру піесъ, вслѣдствіе чего трудно улавливать, такъ сказать, переходъ и развитіе историко-литературныхъ теченій, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ въ сборникахъ именуемыхъ *антологіями*, почти приближающимися къ хрестоматіямъ. Тутъ вы найдете и образцы эпическаго творчества въ разныхъ видахъ и формахъ, и лирическія пьесы; тутъ вы встрѣтите и оригинальныя, и подражательныя, и переводныя произведенія,—и все это разбросано по всей книгѣ, стоя въ связи съ разными авторами. Такимъ образомъ, главная задача составителя такого сборника состоитъ въ тщательномъ выборѣ произведеній даннаго автора, давая оригинальное въ творчествѣ каждаго изъ нихъ. Вотъ съ этой-то стороны, намъ кажется, можно сдѣлать маленькій упрекъ составителю сборника, совершенно не обнаруживающему для насъ, какимъ принципомъ онъ руководствовался при выборѣ пьесъ. Для иллюстраціи возьмемъ подборъ пьесъ изъ Шевченка, который, какъ и слѣдовало ожидать, занялъ въ книгѣ по объему первое мѣсто (74—126 стр.). Для такого поэта, какъ Шевченко, удобнѣе всего было-бы избрать хронологическую систему, т. е. дать образцы его поэзіи до 1847 года, пока онъ былъ на свободѣ, затѣмъ—подобрать болѣе оригинальныя по содержанію и тону піесы, написанныя во время пребыванія его въ ссылкѣ, т. е. до 1857 года, и наконецъ—кое-что изъ піесъ послѣднихъ годовъ. Въ сборникѣ-же «Викъ» вы не увидите не только такой системы ознакомленія съ поэтомъ, но даже не встрѣтите въ подобранныхъ піесахъ

ни одного произведенія изъ тѣхъ, которыми поэтъ такъ прославилъ себя въ началѣ 40-хъ годовъ и которыя составляютъ оригинальное явленіе въ его творчествѣ: мы разумѣемъ его лироэпическія поэмы „Тополя“, «Прычынна», «Катерына»; нѣтъ также ни одного отрывка и изъ его классической піесы «Гайдамакы». Такое-же точно замѣчаніе можно сдѣлать и относительно нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, какъ напр.—Щоголевъ, Манжура, Руданскій. Что же касается авторовъ, представленныхъ въ 2-хъ, 3-хъ піесахъ (а Морачевскій, Забила, Мова, Шашкевичъ—даже только въ одной), то остается предположить, что составитель сборника считаетъ такихъ авторовъ слишкомъ однообразными и потому выбираетъ для образца только лучшія двѣ-три пьески. Если такъ, то читатель имѣетъ право быть особенно требовательнымъ къ достоинству этихъ піесъ, иначе самихъ авторовъ слѣдовало отнести къ оставляемымъ за флагомъ. Къ этимъ послѣднимъ, напримѣръ, безусловно надо отнести Морачевскаго, который совсѣмъ не можетъ быть характеризуемъ тѣмъ однимъ образцомъ, какой данъ въ сборникѣ (зъ поэмы «До чумака»), такъ какъ личность и авторство Морачевскаго въ напечатанныхъ до сихъ поръ его произведеніяхъ освѣщается далеко не въ томъ видѣ, какой можно представить себѣ по этому образцу: истинное значеніе Морачевскаго станетъ яснымъ тогда, когда будетъ обнародованъ его переводъ Св. писанія, а до тѣхъ поръ лучше его писанія въ сборникъ не вносить. Нельзя не указать еще одного недостатка въ сборникѣ «Викъ»—это внесеніе составителемъ его въ одну общую линію писателей малорусскихъ и галицкихъ. Недостатокъ этотъ уже былъ отмѣченъ г. Сумцовымъ въ его рецензіи, помѣщенной въ «Южномъ Краѣ», гдѣ совершенно вѣрно было указано, что галицкая поэзія, даже въ предѣлахъ народовцевъ, очень разнится и по интересамъ, и особенно по формѣ, отъ нашей малорусской, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ производитъ впечатлѣніе искусственнаго и случайнаго соединенія. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы захотѣли судить о томъ, насколько языкъ и форма поэзіи нашей являются постепенно мѣняющимися, совершенствующимися, то, послѣ образцовъ поэзіи Гулака-Артемовскаго, Гребинки, поэзія М. Шашкевича и Головацкаго окажутся взятыми какъ-бы совсѣмъ изъ другой среды, а между тѣмъ они поставлены рядомъ съ первыми, или, послѣ Шевченка, Кулиша, Щоголева, Глѣбова, Кониськаго, сразу чѣмъ-то инымъ повѣетъ отъ поэзіи Федьковича, гдѣ вы прочтете между прочимъ и такія строки:

Най пташка не тужыть, зозуля не *куе*,
Най такъ *соловіи* не плачуть,
Най руськая *земля* Бояна учуе,
Най руськи сыны *його* зачують!

Однимъ словомъ, галицкая поэзія должна быть выдѣлена въ сборникѣ въ особую группу и представлена въ большомъ количествѣ авторовъ и ихъ образцовъ.

Не смотря на отмѣченные нами недостатки, мы все-же должны сказать большое спасибо составителю сборника «Викъ», дающему намъ возможность увидѣть итоги малорускаго стихотворнаго творчества въ теченіе столѣтія и въ часы досуга не безъ удовольствія перечесть вновь иногда забытые образцы нашихъ давнихъ авторовъ.

Мы слышали, что первое изданіе «Вика» уже почти распродано, и теперь подготовляется второе изданіе. Пожелаемъ-же ему такого-же успѣха, какой имѣло первое, и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ надѣяться, что въ этомъ второмъ изданіи будутъ сдѣланы значительныя улучшенія въ смыслѣ болѣе обоснованнаго какимъ-нибудь принципомъ выбора авторовъ и ихъ произведеній, а также въ смыслѣ расширенія біографическихъ и библіографическихъ справокъ, въ чемъ ощущаются въ первомъ изданіи большіе пробѣлы.

В. Н.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Русская Старина, № 12; 3) Историческій Вѣстникъ, № 12; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Научное Обозрѣніе, № 12; 8) Книжки Восхода, № 11; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 12; 10) Ateneum, № 12; 11) Biblioteka Warszawska, № 12; 12) Slovanský Přehled, № 12 (3); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 12; 14) Przewodnik naukowy i literacki, № 12); 15) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10; 16) Русскій Филологическій Вѣстникъ, кн. 3—4; 17) Русская Школа №№ 10—11; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VI; 19) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 4.

Русскій Архивъ, № 12.

Ал. Маркевичъ. Замѣтки къ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 622—624). Авторъ предлагаетъ нѣкоторыя дополненія къ воспоминаніямъ князя А. В. Мещерскаго (см. въ 10 кн. Р. Арх.), между прочимъ объ имѣніи въ Малороссіи, принадлежавшемъ Лермонтову.

—

Русская Старина № 12.

В. А. Бильбасовъ. Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій. 1791—1793 (стр. 527—552).

Указы Екатерины II—В. В. Каховскому (№№ 23—65),—весьма интересный матеріалъ для исторіи юга Россіи. Между прочимъ, указы изданы объ Екатеринославскихъ фабрикахъ (въ Дубровкѣ, Купавнѣ и Койдакахъ), о разрѣшеніи молдавскому протопопу Михаилу Стрѣльбицкому завести типографію въ Дубосарахъ, о разведеніи лѣсовъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ отводѣ земель и матеріальной поддержкѣ менонитамъ и друг. колонистамъ, объ открытіи народныхъ училищъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ укрѣпленіи границъ отъ Ягорлыка по Днѣпру до устья его, объ учрежденіи межевой экспедиціи въ Екатериносл. намѣстничествѣ, объ отправленіи Черноморскаго войска на о. Фанагорію, о шелковичномъ заводѣ въ Кіевѣ (порученномъ завѣдыванію Василія Капниста, автора „Ябеды"), о штатѣ экспедиціи для производимыхъ въ новопріобрѣтенной области крѣпостныхъ и прочихъ строеній, о ризницахъ и сервизахъ покойнаго Григорія Алекс. Потемкина, два указа о Турбаевцахъ и друг.

Проектъ гр. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи стр. 615—616). Объ учрежденіи тайной полиціи въ главнѣйшихъ городахъ Имперіи, въ томъ числѣ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Рескриптъ Императора Павла I—генералу Розенбергу отъ 29 сент. 1797 г. (стр. 720). О назначеніи генерала Розенберга военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ украинской дивизіи по пѣхотѣ.

Записки Михаила Чайковскаго (Мехмотъ-Садыхъ паши) (Продолженіе) (стр. 721—744). Въ главѣ *LXXVI* есть указаніе, что казакъ Берто деръ-Давидъ отправился, со стариннымъ знаменемъ Запорожской сѣчи, взятымъ изъ патріархата, изъ Стамбула въ Варну, гдѣ ему было приказано сформировать полкъ охотниковъ, прибывшихъ изъ Добруджи.

—

Историческій Вѣстникъ № 12.

1) *А. С—скій. Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ* (стр. 1011—1020). Въ дополненіе къ своимъ воспоминаніямъ, помѣщеннымъ въ IX кн. „Историч. Вѣстника", авторъ сообщаетъ вновь собранный имъ матеріалъ о Е. П. Гребенкѣ и лицахъ, близкихъ ему: дочери Надеждѣ Евгеніевнѣ и женѣ Аннѣ Павловнѣ, урожденной Свѣчка. Наибольшій интересъ представляетъ найденный одной особой рисунокъ, изображающій Гребенку, входящаго въ классъ (рисунокъ приложенъ въ началѣ журнала).

Къ тексту приложенъ также рисунокъ могилы Е. П. Гребенки.

2) *В. Т. Иностранцы о Россіи.* Воспоминанія графа Де-ла-Ферроннэ (стр. 1094—1120).

Воспоминанія, относящіяся къ концу XVIII ст., связаны съ пребываніемъ арміи Кондэ въ г. Дубнѣ (Волынск. губ.) Въ воспоминаніяхъ сообщаются кое-какія свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

3) Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" (стр. 1121—1134) даны, между прочимъ, отзывы объ изданіяхъ и книгахъ: „Древности. Труды им. Моск. арх. общ. томъ XVII. Москва, 1900", „Извѣстія общ. любителей изученія Кубанской Области. Выпускъ II. Екатеринодаръ, 1900", „Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ, 1899—1900".

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 12.

В. И. Срезневскій. И. Е. Бецкій—издатель Молодика (стр. 273—304). Разсматривая дѣятельность И. Е. Бецкаго, какъ издателя «Молодика» (Харьковъ, 1843,—на 1843 г.; Харьковъ 1843—на 1844 годъ и СПБ. 1844), авторъ касается произведеній малорусскихъ и имѣющихъ отношеніе къ Малороссіи, помѣщенныхъ въ «Молодикѣ», сообщая попутно нѣкоторыя весьма цѣнныя для исторіи малорусской литературы указанія.

Н. Павловъ-Сильванскій. Иммунитетъ въ удѣльной Руси (стр. 318—365). Въ своемъ очеркѣ феодальныхъ отношеній удѣльной Руси, авторъ спеціально останавливается на иммунитетахъ—тѣхъ обширнѣйшихъ судебныхъ и податныхъ привилегіяхъ, которыя обезпечивались вотчинникамъ жалованными грамотами, льготными и несудными, XIII—XVI столѣтій. Эти привилегіи, по мнѣнію автора, несомнѣнно составляютъ учрежденіе, по существу тожественное съ западно-европейскимъ иммунитетомъ. Сравнивая детально русскія жа-

лованныя грамоты съ иммунитетными дипломами, авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что иммунитетные порядки на Руси и на западѣ совпали во многихъ частностяхъ.

—

Вѣстникъ Европы № 12.

Левъ Жемчужниковъ. Мои воспоминанія изъ прошлаго. Нѣсколько страницъ посвящено пребыванію автора въ Малороссіи въ 1852 году, при чемъ здѣсь кратко разсказано о посѣщеніи имъ Чернигова, Седнева, Батурина, Конотопа, а особенно живо и прочувствованно— Полтавщины (стр. 517—524).

Въ отдѣлѣ «Изъ Общественной хроники» помѣщено письмо изъ Полтавы, гдѣ разсказанъ очень странный инцидентъ съ популярными брошюрами *г. Чикаленка* «Розмова про сильске хазяйство». Первыя двѣ книжки этихъ «Розмовъ» были одобрены въ первомъ изданіи ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, и вдругъ одесская цензура запретила ихъ при второмъ изданіи (стр. 882). Впрочемъ, намъ теперь достовѣрно извѣстно, что въ высшихъ инстанціяхъ послѣдовало разрѣшеніе на второе изданіе, которое на дняхъ должно появиться въ продажѣ.

—

Русская Мысль № 12.

Въ *отдѣлѣ библіографіи* данъ отзывъ объ изданіи: «Изъ украинской старины» (стр. 456—458).

—

Книжки Восхода № 11.

М. Шорръ. Внутренняя организація евреевъ въ Польшѣ (стр. 94—115). (Продолженіе). Третій періодъ,—отъ половины 16 в. до перваго раздѣла Польши. Устройство общины въ этотъ періодъ: общинная администрація, порядокъ выборовъ ея, цехи и другія сообщества. Отношенія между еврейскими цехами и христіанскими.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 12.

Нечестиве кохання. Уривки з ліричного роману на трохи декадентській підвалині. Із сирийських згадок А. Кримського (I—XXVII) (стр. 241—250).

Без пуття. Оповідане по декадентському Івана Левицького (IV—V, конець) (стр. 251—280).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (LV—LX, конець) (стр. 281—329).

Кленові листки. Оповідане Вас. Стефаника (I—IV) (стр. 330—337). Въ высшей степени художественная картинка крестьянской тяжелой жизни.

Із оповідань Франсуа Копе: Передмова I. Час спати! II. За столом. III. Ходаки малого Вольфа (стр.—338—354).

Привид. Оповідане Болеслава Пруса (стр. 355—367).

Із переспівів В. Милорадовича: I. Маврський халіф (із Гайне). II. Маврська журба (із іспанського) (стр. 368).

—

На склоні віку. Розмова в ночи перед новим роком 1901, Івана Франка (стр. 135—149). Бѣглый обзоръ духовныхъ пріобрѣтеній XIX в. и надежды на XX вѣкъ.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (конець) (стр. 150—169). Пребываніе Кулиша во Львовѣ въ 1882 г.—Послѣднія его литературныя произведенія: Магометъ и Хадиза, Байда, Маруся Богуславка, Царь Налывай, Петро Сагайдачный, различные переводы.

З Російської України. Факт історичної вартости (стр. 170—177). О соединеніи въ одну труппу лучшихъ артистическихъ силъ малорусскаго театра—М. Л. Кропивницкаго, М. К. Заньковецкой, И. К. Карпенка-Караго, Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго.

Хроніка і бібліографія) (стр. 181—200.

—

Ateneum, № 12.

St. Piotrowski. Wspólna własność ziemska w gminie Wielkorosyjskiej (стр. 511—544). Приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о земельномъ положеніи въ древній періодъ русской исторіи на основаніи данныхъ лѣтописи и другихъ историческихъ памятниковъ.

—

Biblioteka Warszawska № 12.

Ksawery Chamiec. Wśród stepow i jarów. Kultura przeddzigejowa (стр. 465—500). (Окончаніе). Авторъ, какъ и въ первой части своей статьи, останавливается главнымъ образомъ на погребеніяхъ въ каменныхъ ящикахъ («кистахъ») во всей Европѣ, и въ частности въ Малороссіи, удѣливъ также нѣсколько мѣста гипотезѣ о происхожденіи

въ нашихъ краяхъ до-микенской культуры съ расписными сосудами (такъ называемыхъ «площадокъ»).

—

Slovansky Přehled, № 3 (12).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 150) упоминается о юбилеѣ О. Поповича, о почтенной дѣятельности послѣдняго и приводится отрывокъ изъ газеты «Буковина» по поводу славянской взаимности.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 12.

Свящ. Ѳ. Титовъ. Преосвященный Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, какъ ректоръ Кіевской духовной Академіи (15 декабря 1800 г.—15 декабря 1900 г.). (Къ столѣтнему юбилею со дня рожденія его) (стр. 493—521).

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности преосвященнаго, главнымъ образомъ въ бытность его ректоромъ Кіевской Академіи. Упоминается о занятіяхъ его церковной исторіей, особенно западно-русской, быть можетъ подъ воздѣйствіемъ митр. Евгенія и М. А. Максимовича, съ которымъ преосв. Иннокентій былъ связанъ узами тѣсной дружбы; а также объ участіи вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ возбужденіи вопроса объ основаніи въ Кіевѣ особаго общества исторіи и древностей словено-россійскихъ, для которыхъ вырабатывался въ 30-хъ г.г. XIX в. даже и уставъ.

С. Т. Голубевъ. Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоромъ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII ст.) (продолженіе) (стр. 567—629).

Назначеніе Одорскаго въ должность ректора. Замѣчанія о матеріальныхъ средствахъ Кіевской Академіи къ началу XVIII вѣка. Заботы Одорскаго объ упроченіи этихъ средствъ. Полученные имъ отъ гетмана Мазепы универсалы на земельныя угодья.—Универсалъ Мазепы 1704 о Корниловской пущѣ. Сооруженіе имъ каменнаго корпуса для Академіи. Изображеніе его на панегирикѣ—гравюрѣ, поднесенной бывшему ректору И. Колачинскому. Евангеліе, пожертвованное въ Академію бывшими учащими и воспитанниками Академіи, и списокъ ихъ, съ указаніемъ ихъ сана (всѣхъ 114 душъ).

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка (273—288). (Продолженіе).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 4.

А. Л. Пельтцеръ. Англійскія и шотландскія баллады по сборнику Чайльда (стр. 89—152). Излагая англійскія и шотландскія баллады, составляющія десятитомный сборникъ Чайльда, авторъ снабжаетъ послѣднія малорусскими аналогіями по сборникамъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова и др. русскихъ этнографовъ. Работа г. Пельтцера представляетъ немалый интересъ для лицъ, занимающихся малорусской этнографіей...

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (стр. 31—78). (Продолженіе). Состояніе Харьковскаго Округа и Университета при попечителяхъ: Филатьевѣ и Головкинѣ (по 1846 годъ).

Протоколы 4, 5 и 6 засѣданій предварительн. комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ и приложенія къ протоколамъ: докладъ *Е. К. Рѣдина.* «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи», *Н. А. Федоровскаго.* Древности окрестности с. Райгородки, Изюмскаго уѣзда, *М. Г. Халанскаго:* 1) О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, и 2). Новый списокъ перевода твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланнаго княземъ А. М. Курбскимъ, *А. М. Покровскаго.* О раскопкахъ въ с. Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда, *И. Ш—ва.* Памятники старины въ Ахтырскомъ уѣздѣ (изъ Хар. Губ. Вѣд. отъ 11 іюля 1900 г.), и *Ю. И Морозова.* О городищахъ Харьковской губерніи (Изъ Х. В. за 1891 г. №№ 43 и 45). (стр. 1—48).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 журнала «Кавказскій Вѣстникъ» помѣщена статья проф. грузинской литературы А. Хаханова подъ заглавіемъ „Грузинскіе поэты на малорусскомъ языкѣ“ (стр. 168—176). Авторъ разсматриваетъ переводы О. Любенького, Б. Грінченка и П. Грабовскаго и отзывается о нихъ съ симпатіей (всѣ переводы дословно выписаны имъ изъ «Зорі», «Правди» и др. журналовъ). Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ: «Привѣтствуемъ переводы нашихъ поэтовъ на языкѣ Малороссовъ, поэзія и музыка которыхъ имѣютъ такъ много общаго и родственнаго съ нашими. Пожелаемъ, чтобы малорусская литература, такъ роскошно развившаяся, расцвѣтала и впредь».

Такого же содержанія статья, на грузинскомъ языкѣ, помѣщена проф. Хахановымъ въ газетѣ «Иверія».

—

Въ № 12 „Журнала для всѣхъ“ (стр. 1411—1424) помѣщено окончаніе статьи покойнаго А. Я. Конисскаго „Украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко“, представляющей обстоятельную біографію поэта. Къ статьѣ приложенъ портретъ Т. Г. Шевченка—въ кожухѣ и черной шапкѣ.

Въ томъ же № даны Ив. Бунинымъ переводы двухъ стихотвореній Шевченка: „Заповитъ“ и „У зеленимъ темнимъ гаи“...

—

Въ №№ 375, 382, 389 газ. „Сѣверный Курьеръ“ г. В. Перетцъ помѣстилъ рядъ *«Очерковъ по исторіи* малорусской литературы». Въ помѣщенныхъ очеркахъ авторъ касается вопроса о времени и причинахъ появленія малорусской литературы, указываетъ образцы богословско-полемическихъ сочиненій и похвальныхъ стихотвореній, начинающихся съ конца XVI в.; останавливается на первыхъ произведеніяхъ Малорусской поэтической литературы—одахъ; излагаетъ процессъ постепеннаго проникновенія школьной и простонародной, духовной и свѣтской малорусской поэзіи въ московскую Русь и вліянія на великорусскую стихотворную литературу, и, наконецъ, даетъ характеристику искусственныхъ пѣсенокъ начала XVIII в., помѣщенныхъ въ сборникахъ того времени.

Продолженіе интересныхъ очерковъ г. Перетца слѣдуетъ.

—

Въ іюньской книжкѣ московскаго журнала «Наблюдатель» помѣщенъ переводъ «Перебенди» Шевченка, принадлежащій Уманову-Каплуновскому; переводъ плохой и совсѣмъ не поэтическій.

—

Въ № 334 газ. «Новости и Биржевая Газета» г. Д. Мордовцевъ въ фельетонѣ помѣстилъ статью *«Романъ Мазепы»*. «Не имѣя подъ рукой книги г. Уманца»,—г. Мордовцевъ полемизируетъ съ послѣднимъ по поводу романа Мазепы съ Мотрей Кочубей, пользуясь замѣткой въ «Библіографическомъ Листѣ» «Ежемѣсячныхъ Сочиненій І. І. Ясинскаго (за іюль мѣсяцъ прошл. года). Авторъ, не ссылаясь ни на одно изъ болѣе новыхъ изслѣдованій о Мазепѣ, основываетъ свои выводы на «Дѣлѣ Кочубея», печатавшемся въ свое время въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей».

—

Въ № 1052 газ. «Приднѣпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью *«Объ архивной коммиссіи»*. Послѣ краткаго обзора дѣятельности вообще архивныхъ коммиссій, авторъ переходитъ къ необходимости учрежденія архивной коммиссіи и въ г. Екатеринославѣ, для которой работы найдется порядочно. При этомъ авторъ отмѣчаетъ, въ какихъ архивахъ какіе документы можно встрѣтить.

—

Въ № 43 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda" помѣщена статья д-ра В. Морачевскаго подъ загл. „Literatura Małoruska". На самомъ дѣлѣ—въ статьѣ рѣчь идетъ лишь о двухъ писателяхъ: I. Франко и Вас. Стефаникѣ. Статья преисполнена категорическими, но далеко не совсѣмъ правильными утвержденіями, какъ напр., что у насъ нѣтъ повѣсти(!), нѣтъ драмы(!). Для образца приведемъ слѣдующую фразу: Będziemy mieli obraz literatury małoruskiej do ostatnich czasów, literatury roztkliwionej, *wiecznie piszącej wierszami*, o chatach, płotach, chustkach i jaworach (ktòrych nikt z piszących na własne oczy nie oglądał), *a prozą*—o przemyśle drobnym, kweśtyi kobiecej i powszechnem głosowaniu".

Врядъ ли подобныя сентенціи могутъ претендовать на серьезное значеніе...

—

Въ № 6856 газ. „Южный Край" въ замѣткѣ „Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія (1655—1904 гг.)"—изложенъ планъ предпринятаго проф. Д. Багалѣемъ труда по составленію всесторонняго изображенія исторіи г. Харькова.

—

Въ послѣднюю книжку (195-ю) „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ" между прочимъ вошли слѣдующіе матеріалы и изслѣдованія: 1) „Письмо Сардинскаго посла Барона де-ла-Турбіа о Россіи 1796 г. Съ предисловіемъ М. Поліевктова (стр. 1—22), въ которомъ авторъ, проѣхавшій чрезъ Малороссію и Новороссію въ 1796 г., даетъ краткое описаніе видѣнныхъ имъ мѣстностей, порядковъ, сосредоточивъ главное свое вниманіе на описаніи Новороссійскаго края,—и 2) „Литовско-Русскій Сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства—Матвѣя Любавскаго" (главы I—V, стр. 1—508). Въ настоящей части своего огромнаго труда авторъ касается вопросовъ о происхожденіи литов-

ско-русскаго сейма, его состава и функцій въ начальной стадіи его развитія; о національно-политической борьбѣ въ лит.-русск. государствѣ въ XV в. и происхожденіи „великаго вальнаго сойма"; о великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I, ихъ составѣ и функціяхъ; о составѣ и политическомъ значеніи господарской рады при Казимірѣ и его сыновьяхъ; объ организаціи шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

—

Въ № 46 газ. «Хуторянинъ» данъ отзывъ объ изданіи «Изъ Украинской Старины (La Petite Russie d'autrefois). Изданіе А. Ф. Маркса, 1900, in folio".

—

Въ № 11 „*Литературныхъ Приложеній* къ Нивѣ" и книгѣ 7 „*Педагогическаго* Листка" (стр. 977) даны отзывы о книгѣ „Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Сборникъ произведеній поэта въ переводѣ русскихъ писателей, съ біографіей. Ив. Бѣлоусова. 1900. Ц. 1 р. 50 к.".

—

Въ послѣдней книжкѣ (2-й, тома V) „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ" помѣщены, между прочимъ:

А. А. Шахматовъ. Симеоновская лѣтопись XVI вѣка и Троицкая начала XV в. (стр. 451—553) (Продолженіе слѣдуетъ)

Авторъ отмѣчаетъ, что описываемая имъ рукопись, которую онъ предлагаетъ назвать по имени владѣльца—печатнаго дѣла „справщика іерея нікифора сүмеѡнова", *Симеоновской*, по сличеніи съ Лаврентьевской отъ 1177 до 1305 г. доказываетъ близость обѣихъ лѣтописей и такимъ образомъ подтверждаетъ мысль о тѣсной связи Симеон. лѣтоп. съ Троицкой, которая, какъ извѣстно, весьма сходна съ Лаврентьевскою. При этомъ, отличія Симеоновскаго лѣтописца отъ Лавр. объясняются именно тождествомъ этого лѣтописца съ Троицкой, которая мѣстами сильно отличалась отъ Лаврентьевской, дополняя и измѣняя ея текстъ на основиніи другихъ источниковъ.

Н. Петровъ. Историко-географическая основа былинъ о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ (стр. 624—630).

Авторъ высказываетъ предположеніе, что Илья Муромецъ въ своемъ побѣдномъ шествіи направлялся съ сѣверо-востока на ю.-з. изъ Мурома въ Кіевъ, а не обратно. По всей вѣроятности, истори-

ческій Илья Муромецъ и скончался на югѣ Россіи, принявъ, по примѣру многихъ другихъ предковъ нашихъ, передъ своей кончиной иночество.

Въ отдѣлѣ „Библіографіи" (стр. 705—721), г. А. I. Лященкомъ данъ обстоятельный обзоръ изданій ученаго „Общества имени Шевченка во Львовѣ" за 1898 годъ и г. Ильинскимъ рецензированы „Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, изданный его учениками и почитателями подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900".

—

Въ №№ 7 и 8 журнала „Педагогическій Листокъ"—въ „Библіографическомъ справочникѣ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ" отмѣчены отзывы журналистики о слѣдующихъ книгахъ:

Малороссійскія сказки (бытовыя). Изд. Прянишника,—Посредств. отзывъ въ „Русск. Мысли" 1895, № 7.

Братства въ Ю.-З. Руси. С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти.—поср. отзывъ въ „Русск. Мысли" 1897, № 5 и „Образованіи", 1896, № 5.

Графъ Ал. П. Разумовскій.—Э. Миллеръ. Изд. Харьк. О-ва, Гр-ти. Цѣна 3 коп.—Высш. отзывъ—въ „Русск. Мысли", № 4.

Григорій Ал. Потемкинъ.— Фурманъ П. Изд Мартынова. 184 стр. Цѣна 1 р.—Посред. отзывъ въ журн. „Воспитаніе и Обученіе", 1889 г. стр. 390.

Изъ жизни запорожскихъ козаковъ. Изд. Калмыковой. Цѣна 2 коп. Посредст. отзывъ въ „Русск. Мысли", 1894, № 1 и „Русск. Школѣ", 1894, № 3.

Разумовскій А. Г. Изд. Харьков. О-ва—Посредств. отзывъ въ журн. „Образованіе" 1896 г., № 5.

Сковорода Г. С.—С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти.—Низш. отз. въ „Русск. Мысли", 1897, № 5 и „Сѣверн. Вѣстникѣ", 1895, № 5, посредств.—въ „Образованіи", 1896 г., № 5.

Шевченко Т. Г. Изд. журн. „Мірской Вѣстникъ". Цѣна 15 к. Посред. отзывъ въ „Воспитаніе и Обученіе" 1888 г. № 9, стр. 359.

Шевченко Т. Г. (Для юношества), 54 стр., съ 4 рис. Цѣна 1 р. 50 к.—*Е. К. Григорьевой.*—Низшій отзывъ въ „Вѣстн. Воспитанія", 1897, № 4.

Шевченко Тарасъ Гр. Украинскій поэтъ.—Ч. Вѣтринскій. Изд. Муриновой. 48 стр. Цѣна 4 коп.—Высш. отзывъ—„Міръ Божій",

1896, № 2; посредств. „Русск. Мысль", 1894, № 8 и „Всходы", 1896, № 13; низшій—„Русск. Школа", 1894, № 11.

Благодатный Край (Малороссія).—П. Александрова. Изд. Панафидина. 32 стр. Цѣна 10 к. Низш. отзывъ въ „Вѣстн. Воспитанія", 1897, № 8.

—

„*Молода Україна*", ч. 11.

Зміст: Кілька слів в конечній обороні. *Теофиль Мелень*: Григорий Савич Сковорода. *Степняк*: Софія Перовска. *Лесь На.* У тиху ніч. Хроніка з нашого життя.—Бібліографія.—Дрібні вісти.

—

Списокъ драматическимъ произведеніямъ, разрѣшеннымъ драматическою цензурою къ представленію.

По 1 Октября 1900 г.

1) Марія покрытка (або грихъ и покаяння). Драма у 4-хъ діяхъ зъ писнямы, хоромъ и танцямы (Свята правда). Сочиненіе Митра Свиридовича Тугого (Короля).

2) Тытаривна. Драма в 4 діяхъ (сюжетъ позыченый). В. Ф. Квѣцинскаго (Леонидова). (Правит. Вѣст. № 258).

По 1 Ноября 1900 г.

1) Середъ бури. Драма на пять дій Б. Гринченка. (По печатному изданію „Хвыля за хвылею").

2) Не въ добрый часъ. (Оповидання Олексы Стороженка, перероблене для сцены). У трехъ картынахъ. Переробывъ Митро Свиридовичъ Тугій (Король).

3) Не задывляйтесь на городянокъ, колы розуму не маете. Русско-малорусска комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Д. Гайсинскаго.

4) Свои ридни--гирше басурмана. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Скомпонувавъ Олекса Карбованець (А. И. Ястребцовъ).

5) Хазяинъ. Комедія въ 4 діяхъ. Ивана Тобилевича (Карпенка-Карого). (Правит. Вѣстн. № 275).

—

Памяти А. Я. Конисскаго, скончавшагося 29 ноября прошл. года въ Кіевѣ, некрологъ и перечень трудовъ котораго помѣщены въ настоящемъ номерѣ, посвящены слѣдующія болѣе или менѣе обширныя статьи и замѣтки: Въ *кіевскихъ* газетахъ: «Кіевлянинъ» (№ 333), «Кіевская Газета» (№№ 351, 352), «Кіевское Слово» (№№ 4635,

4636 и 4652); въ *иногороднихъ*: «Волынь» (№№ 266, 267), «Южный Край» (№ 6862, 6863), «Одесскій Листокъ» (№ 311), «Приднѣпровскій Край (№ 1038, 1040), «Полтавск. Губ. Вѣдомости» (№№ 267, 268), «Биржевыя Вѣдомости» (№ 334, 339), «Югъ» (№ 791), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 331), «Новое Время» (отъ 3 Декабря), «Одесскія Новости», «Русскія Вѣдомости» (№ 344), «Крымскій Курьеръ» (№ 279), „Россія»; въ *заграничныхъ*: «Дѣло» (№№ 273, 274, 276), «Руслан» (№№ 271, 275, 276), «Буковина» (№№ 145, 147) и, кромѣ того, своеобразная замѣтка въ № 272 «Галичанина».

Археологическая лѣтопись.

1900 годъ въ археологическомъ отношеніи.

По примѣру прошлаго года, отмѣтимъ вкратцѣ все, болѣе или менѣе выдающееся въ области южно-русской археологіи, что далъ намъ 1900-ый годъ.

Въ обзорѣ за 1899 г., на первомъ мѣстѣ, былъ поставленъ Кіевскій археологическій съѣздъ. И теперь мы начнемъ *со съѣзда, но будущаго, Харьковскаго.* Въ данномъ случаѣ представляется еще новый фактъ, съ очевидностью показывающій какое значеніе имѣетъ для русской археологіи идея покойнаго графа А. С. Уварова—археологическіе съѣзды. Громадное пространство, ограниченное Днѣпромъ и Дономъ, до сихъ поръ мало изслѣдованное, вдругъ какъ-бы ожило. Въ разныхъ частяхъ его образуются общества, комитеты, комиссіи, откликаются люди, начинается энергичная работа по описанію и собиранію памятниковъ старины, —и все это обязано будущему съѣзду. Центральнымъ пунктомъ является Харьковскій предварительный комитетъ по устройству съѣзда, онъ даетъ тонъ работѣ, самъ энергично работаетъ. Нужно замѣтить при этомъ, что археологія является новымъ дѣломъ для Харькова—въ немъ отсутствовали до послѣдняго времени и музеи, и спеціально подготовленныя лица,—теперь устраивается музей, нашлись люди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

давая отчетъ о Рижскомъ съѣздѣ, [1]) мы высказали пожеланіе, чтобы на Кіевскомъ съѣздѣ не была забыта и этнографія, такъ хорошо представленная на Латышской этнографической выставкѣ,— но она была забыта. Не забылъ ее Харьковъ—есть полное основаніе надѣятся, что устраиваемая при съѣздѣ малорусская этнографическая выставка соберетъ достаточно матеріала; матеріалъ останется для этнографическаго музея, а выставка дастъ толчекъ для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи, работы необходимой, уже сильно у насъ запоздавшей. Помимо Харькова, устраиваются и дѣйствуютъ филіальныя отдѣленія комитета и встрѣтитъ здѣсь произведэнія 50 авторовъ, включитсльно до многихъ общества въ Воронежѣ, Нѣжинѣ, Полтавѣ, Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, движеніе по изученію памятниковъ старины охватило около десяти губерній и областей, и, насколько говорятъ факты, движеніе бодрое, живое...

Ученыя общества лѣваго берега Днѣпра, Слободской Украины, Дона и Кубани заняты съѣздомъ; правобережныя, и, въ частности, кіевскія, не отличались особымъ интересомъ къ старинѣ: въ Обществѣ Нестора Лѣтописца и Церковно-археологическомъ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, Кіевское общество древностей и искусствъ и въ этомъ году не перешло еще къ активной научной работѣ—устраивало музей. Нужно однако отмѣтить, что состоящая при Обществѣ Нестора Лѣтописца Комиссія по описанію и изданію памятниковъ украинской старины, переживъ, такъ сказать, нерѣшительный моментъ, вызванный повизной дѣла, послѣ экскурсій нѣсколькихъ лицъ, особенно по Волыни и Подоліи, экскурсій, показавшихъ какъ много интереснаго хранитъ еще въ себѣ край, приступаетъ къ болѣе интенсивной дѣятельности. Упомянемъ еще объ одномъ очень отрадномъ фактѣ—вступило въ жизнь Общество Изслѣдователей Волыни, о немъ—немного ниже.

Изслѣдованія и раскопки, произведенныя въ отчетномъ году, носили характеръ или систематическихъ обслѣдованій цѣлаго ряда мѣстностей, или сосредоточивались на какомъ нибудь одномъ пунктѣ. Къ первымъ относятся: экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель, принявшая

на этотъ разъ довольно общирные размѣры и доставившая много матеріала для музея, затѣмъ, экскурсіи для описанія памятниковъ украинской старины—наша—по Кіевской губ., О. А. Фотинскаго—по Волынской и о. Е. Сѣцинскаго—по Подольской (о ней—см. ниже). Такого рода экскурсіи для нашего края являются еще новымъ дѣломъ; до сихъ поръ вниманіе изслѣдователей привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, отдаленная старина, теперь пришла очередь и для памятниковъ, болѣе намъ близкихъ и по времени, и по характеру ихъ; этихъ памятниковъ, не смотря на интенсивное уничтоженіе, еще много, такъ что къ работѣ слѣдуетъ привлечь возможно болѣе интересующихся лицъ, тогда и собранный матеріалъ будетъ представленъ въ достаточной полнотѣ и, слѣдовательно, будетъ изъ чего выбирать для изданія „Украинскихъ древностей“ [1]).

Раскопки доисторическихъ древностей особымъ обиліемъ въ данномъ году не отличались; достигнутые ими результаты также не блестящи; какъ на болѣе интересныя, можно указать на раскопки похороннаго поля II—III в. по Р. Х. вблизи м. Триполья, на раскопки остатковъ жилищъ и, какъ кажется, кургановъ съ посудой до-микенскаго типа у. с. Колодистаго и на раскопки Ольвійскаго городища, начатыя систематически лишь въ отчетномъ году.

Изъ *случайныхъ находокъ*, самыя выдающіяся падаютъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, на г. Кіевъ; всѣ онѣ относятся къ княжеской эпохѣ. Въ „Лѣтописи“ за прошлый годъ мы указали лишь на сравнительно не очень цѣнныя, объ одной-же находкѣ, состоявшей изъ замѣчельнаго клада золотыхъ предметовъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью, сканью и жемчугомъ, предметовъ, составляющихъ очень рѣдкій по полнотѣ подборъ украшеній княжескаго періода, мы еще не имѣли возможности сообщить—сдѣлаемъ это въ ближайшемъ будущемъ.

Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить находку въ склепахъ подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ цѣлаго ряда гробовъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар., октябрь 1896 г.

съ сохранившейся на покойникахъ богатой козацкой одеждой,— къ сожалѣнію, цѣнный матеріалъ, какой давала въ руки эта находка, не былъ какъ слѣдуетъ использованъ.

Отчетный годъ показалъ, что мысль о необходимости устройства *музеевъ*, какъ областныхъ, такъ и болѣе частныхъ, получаетъ широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ напр. проекты музеевъ въ Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринославѣ и Конотопѣ. Существующіе музеи и собранія продолжали дѣйствовать, сообразуясь съ энергіей лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, и съ имѣющимися матеріальными средствами. Эти послѣднія служатъ обыкновенно очень и очень сдерживающимъ стимуломъ; для примѣра можно указать на Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ, который и до сихъ поръ еще не началъ правильно функціонировать.

Что касается *изданій*, посвященныхъ южно-русскимъ древностямъ, то отчетный годъ уступалъ въ этомъ отношеніи предыдущему по продуктивности, хотя и въ этомъ году можно отмѣтить такія цѣнныя изданія, какъ описанія собранія Б. И. и В. Н. Ханенко и II-й томъ Каталога собранія В. В. Тарновскаго.

Н. Бѣляшевскій.

Ученыя общества.

27 ноября прошлаго года состоялось подъ предсѣдательствомъ прибывшей въ Кіевъ гр. П. С. Уваровой засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію древностей Украины.* Въ засѣданіи присутствовало 12 членовъ комиссіи, на обсужденіе которыхъ были предложены нѣкоторые вопросы, касающіеся какъ экскурсій, такъ и изданія.

Н. Ф. Бѣляшевскимъ были демонстрированы фотографическіе снимки (до 50-ти), снятые съ разныхъ памятниковъ старины во время экскурсіи прошлаго лѣта. За отсутствіемъ о. Е. Сѣцинскаго и О. А. Фотинскаго, отчеты объ ихъ экскурсіяхъ, иллюстрируемые снимками, были доложены предсѣдателемъ Общ.

Нестора Лѣтописца проф. Н. П Дашкевичемъ. К. В. Щербина демонстрировалъ снимки, снятые во время поѣздокъ по Юго-западному краю и Полтавской губ.

Что касается изданія, то, по предложенію гр. П. С. Уваровой, рѣшено отложить его до Харьковскаго съѣзда, т. е. до 1902 г., такъ какъ только къ тому времени можетъ быть собранъ достаточный матеріалъ. При изданіи памятниковъ, руководствоваться распредѣленіемъ ихъ по уѣздамъ, самое же изданіе поручить Обществу Нестора Лѣтописца.

По предложенію Н. Ф. Бѣляшевскаго, рѣшено обратить вниманіе на памятники старины г. Кіева, въ большинствѣ случаевъ еще неописанные и неизданные.

Гр. П. С. Уварова предложила также воспользоваться для изданія матеріалами, хранящимися въ Кіевскомъ Церковно-археологическомъ музеѣ и въ собраніи В. В. Тарновскаго, и для этой цѣли заняться ихъ описаніемъ и фотографированіемъ.

Проф. Голубевъ представилъ замѣтки покойнаго проф. Лашкарева, какъ митеріалъ для будущаго изданія „Древностей Украины“.

А. М. Лазаревскій указалъ на важность матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, касающихся кіевскихъ древностей,—гр. П. С. Уварова взяла на себя трудъ обратиться къ управляющему Архивомъ съ соотвѣтственной просьбой о составленіи выборокъ изъ актовъ.

Въ заключеніе, рѣшено пригласить въ члены Комиссіи проф. Н. И. Петрова и Е. М. Кузьмина.

2-го декабря, въ Житомірѣ, состоялось первое общее собраніе членовъ *Общества Изслѣдователей Волыни*. Мысль объ учрежденіи общества для изученія Волыни возникла уже давно. Еще въ 1896 г. былъ составленъ проектъ устава Общества Изслѣдователей Волыни. Въ свое время мы подробно познакомили читателей съ этимъ проектомъ; [1]) послѣдній, полу-

---

[1]) См. Кіевск. Стар., январь 1897 г.

чилъ утвержденіе лишь 14-го апрѣля прошлаго года и въ настоящее время Общество открыто. Напомнимъ вкратцѣ суть устава. Общество имѣетъ цѣлью всестороннее изученіе Волыни, ея прошлаго и настоящаго, поэтому въ предѣлы изученія входятъ и территоріи, составлявшія раньше части Волынской земли и Волынскаго княжества. Сообразно этой цѣли, Общество раздѣляется на 4 секціи: 1) естественныхъ наукъ, 2) этнографическая, 3) экономическая и 4) историческая. Для научныхъ сообщеній Общество устраиваетъ публичныя собранія, можетъ открывать платныя или безплатныя чтенія лекцій, имѣетъ право печатать свои труды безъ предварительной цензуры, получать изъ-за границы научныя изданія безъ цензурнаго просмотра. Изъ вспомогательныхъ учрежденій устраиваетъ библіотеку, архивъ, лабораторію и музей. Въ видахъ охраны предметовъ старины Общество входитъ въ сношенія съ Имп. Археологической Комиссіей, а также и съ другими учрежденіями (для охраны рѣдкихъ видовъ флоры и фауны и т. п.). Вообще нужно замѣтить, что уставъ общества въ основѣ составленъ очень раціонально, Обществу открыто обширное поле дѣятельности.

Первое собраніе, отличавшееся многолюдствомъ (присутствовало до 120-ти человѣкъ), было открыто волынскимъ губернаторомъ І. Я. Дунинъ-Борковскимъ, передавшимъ затѣмъ предсѣдательство спеціально пріѣхавшему для этого засѣданія въ Житоміръ генералу А. И. Косичу, въ теченіи многихъ лѣтъ руководившему работами офицеровъ генеральнаго штаба по изслѣдованію Волыни. Послѣ очень интересной рѣчи А. И. Косича, говорилъ С. А. Уваровъ, выразившій благодарность губернатору І. Я. Дунинъ-Борковскому, содѣйствовавшему учрежденію Общества. Въ отвѣтной рѣчи І. Я. Дунинъ-Борковскій, указавъ на свои многообразныя занятія, выразилъ однако надежду, что ему удастся поставить Общество на правильный путь, такъ что-бы о немъ не имѣли основаній говорить, что оно чахнетъ и влачитъ жалкое существованіе, а наоборотъ, что-бы его можно было поставить въ примѣръ живой и полезной дѣятельности...

Мы, съ своей стороны, отъ всей души привѣтствуемъ открытіе новаго Общества и присоединяемся къ только-что высказанному пожеланію.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія о. Е. Сѣцинскаго для описанія памятниковъ старины Подольской губерніи. Историческія судьбы Подоліи не благопріятствовали сохраненію памятниковъ старины, особенно памятниковъ монументальныхъ, художественныхъ. Да и не могло быть здѣсь много такихъ памятниковъ Эта страна была окраинной частью сначала Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, затѣмъ литовскаго государства и наконецъ Рѣчи-посполитой и какъ окраина, соприкасающая съ татарскими кочевьями, съ турецкими, молдавскими и венгерскими владѣніями, была въ вѣчной тревогѣ, испытывала постоянныя опустошительныя набѣги татаръ, частыя розорительныя походы другихъ сосѣдей. XVII вѣкъ былъ для Подоліи особенно тяжелымъ, и если вторая половина вѣка стала для южно-русскаго края временемъ „руины", какъ называютъ историки это время, то именно руиной стала въ это время Подолія. Рядъ постоянныхъ разореній страны закончился двадцатисемилѣтнимъ господствомъ турокъ, которые, занявъ страну и не надѣясь долго удержать ее за собой, не заботились о гражданскомъ, а особенно о культурномъ ея преуспѣяніи. Предъ занятіемъ края турками и во время самого владѣнія, почти вся мѣстная интеллигенція ушла изъ Подоліи и увезла съ собой всѣ цѣнности,—книги, рукописи, документы. Остался здѣсь только простой, бѣдный русскій народъ, не имѣвшій средствъ двигаться въ чужія страны. Просматривая архивы церквей и монастырей Подоліи, осматривая ихъ инвентари, вы видите, что будто страна эта начала существовать только съ начала XVIII в.: рѣдко гдѣ можно найти какую-нибудь вещь, икону, рукопись, документъ, древность которыхъ простиралась-бы раньше XVIII в. Если и попадется что древнее, то это принесено сюда уже въ

болѣе позднее время. Особенно это нужно сказать о церковныхъ древностяхъ. Кромѣ вышеуказаннаго, были и позднѣйшія причины того, что въ подольскихъ церквяхъ не сохранилось древностей. Какъ извѣстно, въ Подоліи, съ выходомъ изъ нея турокъ и съ началомъ XVIII в., введена была унія, не допускавшая возврата въ страну православныхъ древнихъ вещей, вывезенныхъ отсюда въ эпоху руины. Затѣмъ, съ конца XVIII в. возстановлено православіе:—и здѣсь, какъ и въ другихъ епархіяхъ, рьяные искоренители уніи изгнали изъ церквей всѣ остатки старины подъ видомъ уніи. Такъ пропало много древнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, рукописей, иконъ, утвари и др. Даже самыя церковныя зданія трехкупольнаго типа признавались уніатскими и поспѣшно замѣнялись новыми, съ высокими колокольнями, приземистыми куполами и т. п.

—

По порученію Московскаго Археологическаго Общества о. Е. Сѣцинскимъ начатъ прошлымъ лѣтомъ систематическій осмотръ и описаніе памятниковъ старины Подольской губерніи. На этотъ разъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на западную половину Подоліи, и экскурсія охватила сѣверъ уѣздовъ: Винницкаго, Литинскаго и Летичевскаго, отъ г. Винницы, чрезъ м.м. Калиновку и Яновъ и гор. Хмѣльникъ, до Пилявы, а затѣмъ, оттуда, къ югу, по направленію къ Каменцу; совершена также поѣздка по Могилевскому уѣзду, отъ м. Сниткова къ югу, до м. Ярошева и с. Лядавы на Днѣстрѣ. Кромѣ того, посѣщены и нѣкоторыя мѣста восточной Подоліи въ Ольгопольскомъ и Гайсинскомъ уѣздахъ, отъ Бершадскаго монастыря къ Грановскому и затѣмъ, чрезъ г. Гайсинъ, въ м. Лодыжинъ. При этихъ поѣздкахъ осмотрѣны слѣдующіе памятники (съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы фотографическіе снимки, произведены обмѣры и пр.).

Въ г. *Винницѣ*, изъ немногихъ остатковъ монументальной старины, осмотрѣны высящіяся при въѣздѣ въ центральную часть города опустѣвшія зданія іезуитскаго кляштора, такъ называемые народомъ „муры“, служившіе въ XVII—XVIII вв.

городскимъ замкомъ. Осмотрѣны также монастырище бывшаго здѣсь женскаго монастыря (съ 1635 г.) и четыре городища, изъ нихъ три въ районѣ города и одно въ окрестностяхъ (около с. Соборова). Одно изъ этихъ городищъ представляетъ значительный по размѣрамъ островъ на Бугѣ, съ сохранившимися еще по краямъ острова земляными валами; здѣсь нѣкогда Винницкій полковникъ Богунъ „упремудрывъ“ поляковъ, угостивъ ихъ холодной ванной въ бугскихъ прорубяхъ. Другія два городища, расположенныя въ городѣ на высокихъ берегахъ Буга, представляютъ мѣста бывшихъ древнихъ замковъ города. Въ предмѣстьѣ Старыхъ Хуторахъ осмотрѣна деревянная трехкупольная церковь, построенная въ 1726 г. монахами Винницкаго монастыря. Хотя зданіе это не слишкомъ древнее, но по архитектурѣ представляетъ интересную, типичную южно-русскую трехкупольную церковь, окруженную „опасанемъ“.

На предмѣстьѣ „Старая Винница“ церковь трехкупольная, постройки 1746 г., но въ позднѣйшее время зданіе ея потерпѣло нѣкоторыя измѣненія въ наружномъ видѣ (увеличены окна и т. п.).

Въ *м. Калиновкѣ*, Винницкаго у., осмотрѣно старое зданіе деревянной церкви 1733 г., предназначенное къ разборкѣ.

Въ *м. Яновѣ* сдѣланы снимки мѣстечковой ратуши, представляющей видъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами. Кажется, это зданіе, какъ и тамошній дворецъ гр. Холоневскихъ, представляющій видъ старого затка, не слишкомъ древнее, вѣроятно XVIII в., но интересно по наружному виду. Въ мѣстечкѣ, среди мѣщанъ, сохранилось много обычаевъ бывшаго здѣсь цехового устройства.

Въ *м. Хмѣльникѣ* сдѣланы снимки съ замковой церкви, устроенной въ башнѣ, и отмѣчены также черты цехового устройства среди тамошнихъ ремесленниковъ.

Въ *с. Голодькахъ*, возлѣ Хмѣльника, осмотрѣно монастырище бывшаго здѣсь до половины XVIII в. монастыря. Въ церкви есть чтимая икона Св. Николая хорошаго письма, бывшая раньше, какъ гласитъ прраданіе, въ монастырскомъ храмѣ.

Въ *Пилявѣ* (главной цѣли поѣздки въ эту сторону) осмотрѣны и измѣрены развалины замка, памятнаго по знаменитой битвѣ здѣсь Богдана Хмельницкаго съ поляками. Отъ замка, представлявшаго раньше квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ зданіями, стѣнами и башнями, осталась въ настоящее время только одна сторона съ двумя башнями,—остальное все разнесено то помѣщикомъ, то сельскимъ начальствомъ на свои надобности. Возлѣ замка стоитъ старая упраздненная деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери, подлежащая разборкѣ, не древняя (1799 г.), но типичная по архитектурѣ; сдѣланы снимки и этого памятника старины, имѣющаго скоро исчезнуть.

При проѣздѣ черезъ *м. Меджибожъ*, гдѣ, какъ извѣстно, прекрасно сохранился замокъ Синявскихъ, посѣщена Успенская церковь 1669 г., въ *Зиньковѣ* обмѣрена и снята на фотографіи Св. Троицкая церковь 1526 г., осмотрѣны костелъ 1450 г. и остатки замка. Въ *Сутковцахъ* посѣщена церковь XV—XVI в., сдѣланы снимки какъ съ этого памятника старины, такъ и съ остатковъ бывшаго здѣсь замка. Въ *Ярмолинцахъ* отыскана плита одного изъ Ярмолинскихъ, владѣльцевъ этого мѣстечка, и сосѣдняго села Сутковецъ, съ надписью на русскомъ языкѣ (даты нѣтъ,—отбита, но по характеру письма можно отнести къ XVI в.).

Въ Могилевскомъ уѣздѣ осмотрѣна и обмѣрена старая деревянная церковь въ *м. Ярышевѣ*, подлежащая разборкѣ; эта церковь пятикупольная; хотя построеніе ея относятъ къ XVIII в., но по своей архитектурѣ она достойна подробнаго описанія, иконостасъ ея также представляетъ интересъ: интересны на иконостасѣ, надъ царскими вратами, рѣзныя изображенія 4-хъ крылатыхъ евангелистовъ. Въ *Лядавѣ*, на Днѣстрѣ, осмотрѣна пещерная церковь, бывшая когда-то монатырской. Здѣсь есть чтимая древняя икона обрѣтенія главы Св. Іоанна Крестителя.

Въ *с. Курашовцахъ*, Могилевскаго уѣзда, очень интересенъ старый домъ священника, постройки половины XVIII в.; въ немъ имѣются двери и ставни съ разными аллегорическими изображеніями и нравоучительными надписями. Старина не

глубокая, но теперь и такой нигдѣ не отыскать; все подобное замѣняется новымъ,—и этотъ домъ будущей весной будетъ снесенъ. Въ Курашовцахъ издавна священниками были изъ рода Кардасѣвичей; недавно, въ 1900 г., умеръ здѣсь священникъ, священствовавшій болѣе 50 лѣтъ; предъ нимъ, здѣсь же, долго священствовали его отецъ и дѣдъ. Благодаря этому, здѣсь и сохранились старый домъ и амбаръ XVIII в. и вообще живы преданія старины, обычаевъ церковныхъ и общественныхъ. Здѣсь найдено въ церкви нѣсколько рукописныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ (поступили въ Каменецкое Древнехранилище Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета) Здѣсь сохранился еще у крестьянокъ обычай повязывать голову „намиткой", носить „запаску" (что въ другихъ селахъ давно изчезло).

Въ *м.м. Сниткове и Ярышеве*, Могилевскаго уѣзда. есть характерныя по архитектурѣ еврейскія синагоги; особенно интересна синагога въ Ярышевѣ; внутри она вся расписана арабесками; изъ надписи на еврейскомъ языкѣ, находящейся внутри синагоги подъ куполомъ, видно, что росписка ея сдѣлана около 1780 г. Внутри интересна рѣзьба шкафа, въ которомъ хранится свитокъ закона,—рѣзьба, отчасти напоминающая старинную рѣзьбу иконостасовъ: колонки здѣсь сдѣланы также въ видѣ вьющихся виноградныхъ лозъ съ кистями. Въ *Сниткове* осмотрѣна клекція тамошняго доктора г. Монастырскаго, состоящая изъ первобытныхъ древностей, стариннаго оружія и др.

При поѣздкѣ въ Брацлавщину, предполагалось найти что-нибудь въ двухъ монастыряхъ, расположенныхъ на окраинѣ Брацлавщины—*Бершадскомъ и Грановскомъ*; но ожиданія не оправдались. Здѣсь осмотрѣны и архивы, и зданія, и церковная обстановка, но ничего достопримѣчательнаго не найдено,—все новое, благоустроенное, приведенное въ порядокъ... Въ Бершадскомъ монастырѣ есть еще старая, маленькая, древняя церковь, построенная въ послѣдней четверти XVIII в. при возобновленіи монастыря, послѣ его разгрома уніатами и поляками около 1789 г. Въ Грановскомъ монастырѣ была старая церковь XVIII в.,

но она весною настоящаго года разобрана. Въ архивѣ того и другого монастыря нѣтъ ничего ранѣе конца XVIII в. Въ селѣ, лежащемъ близь Бершади, *Беризкахъ Бершадскихъ* осмотрѣны пещеры съ остатками пещерной церкви (кажется, что эти пещеры не древнія и относятся ко времени гоненій на православіе въ Брацлавщинѣ). Въ эту же поѣздку сдѣланы фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ старыхъ церквей трехкупольнаго типа— въ сс. *Гунчѣ и Кислякѣ*, Гайсинскаго уѣзда.

Въ ту же поѣздку посѣщено село *Козавчинъ*, Балтскаго у.,— здѣсь должны были быть татарскія гробницы XIV в., о коихъ упоминаетъ Марчинскій въ своемъ сочиненіи „Statystyka gubernii Podolskiey", изд. въ Вильнѣ 1820—1822 гг. О существованіи этихъ гробницъ повторяли за Марчинскимъ и другіе мѣстные историки, но такихъ гробницъ тамъ не оказалось. Можно думать, что эти памятники, находившіеся, какъ говорятъ, у скалистыхъ береговъ Буга, уничтожены при ломкѣ камня на постройки. Недавно, однако, о. Е. Сѣцинскимъ получено извѣстіе, что въ заборѣ одного крестьянина того села есть большой камень съ какою-то непонятною надписью; этотъ камень привезенъ былъ когда-то изъ окрестностей села. Въ *г. Гайсинѣ*, во время этой поѣздки, осмотрѣна значительная коллекція первобытныхъ древностей Г. А. Венгрженовскаго; коллекція собрана въ окрестностяхъ с. Севериновки, Литинскаго уѣзда.

Кромѣ этихъ поѣздокъ, о. Е. Сѣцинскимъ совершались небольшія поѣздки по радіусамъ отъ Каменца—въ близъ лежащія мѣстечки и села, гдѣ имѣлись тѣ или другіе памятники старины, напр. въ Жванецъ, Паневцы, Княжполь и др.

въ П—нѣ появляются подсосѣдки разныхъ владѣльцевъ; по вѣд. 1753 г. ихъ показано 23 дв. и 10 бд. х.; у бунч. тов. Дениса Демяновича было 4 дв., у значк. тов. Григорія Подольскаго—9, а остальные—все больше по одному двору.

Приведенныя свѣдѣнія о П—нѣ даютъ нѣкоторую возможность заключить, что мѣстныя экономическія условія привлекли сюда, уже въ половинѣ XVII в., значительное сравнительно населеніе, которое и держалось въ ней до начала XVIII в., но затѣмъ, при Скоропадскомъ, оно пошло на убыль и *мѣстечко*, обѣщавшее развиться въ значительный центръ,—обѣднѣло. Между прочимъ, изъ вѣдом. 1740 г. видно, что въ это время въ П—нѣ, кромѣ владѣльческихъ 6-ти водяныхъ мельницъ, другихъ, т. е. принадлежащихъ козакамъ или крестьянамъ, уже не было, а прежде онѣ были... Державческій гнетъ былъ повидимому главною причиною обѣдненія П—ны.

Для исторіи П—ны можно добавить, что ок. 1760 г. учреждена была *Переволочанская сотня*, при чемъ сотникомъ въ ней былъ назначенъ младшій сынъ Степана Лукомскаго (с. 136). Въ составъ этой сотни входили слѣд. села: Дѣдовцы, Боршна, Валки, Мольки, Лѣски, Рыбецъ, Красляне, Подища, Ладинъ, Высокое, Смошъ и Калюжинцы.

Д. Мольки, Удай [1]), были свободны („подъ вѣдѣніемъ войсковымъ") до 1710 г., когда, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, Скоропадскимъ были отданы Петру Носенку, у котораго М—ки оставались до 1716 г., а въ этомъ году, по тому же свѣдѣнію, М—ки отданы бы гетманомъ полк. писарю Галенковскому, на рангъ. **Кр. П.** 19 хоз. **А.** 36 д. **В.** 21 д. **В.** 21 д. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 17 д. 21 х. **Пс.** 2 д. 4 х. **Кз. В.** 11 д. **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 17 д. 32 х. Ранговою маетностью (полк. писарей) М—ки остались и до 1780 г. Уменьшеніе кр—нъ по ревизіи 1740 г. объясняется ихъ уходомъ изъ села, такъ какъ въ продолженіе 1736—40 гг. изъ М—къ, по свѣдѣнію этой-же ревизіи, ушло („без-

[1]) По вѣд. 1740 г.—«подъ тою деревнею за версту идетъ вода чистая р. Удай».

вѣстно") 7 хозяевъ, оставившихъ „плецы" свои пустыми. Почему-то Галенковскій не скупалъ здѣсь козаковъ, не смотря на свое особенно авторитетное положеніе въ полку.

С. **Боршна**, Удай, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ. По близости къ Густынскому м—рю, послѣдній очень старался захватить Боршенскихъ кр—нъ въ свое владѣніе путемъ „скупли". Купивъ въ Б—нѣ нѣсколько „плецовъ" и посадивъ на нихъ кр—нъ, м—рь требовалъ, чтобы Прилуцкая ратуша не „притягала" ихъ къ общенароднымъ повинностямъ; ратуша возражала, что Боршна—село ратушное, а слѣдовательно всѣ кр—не этого села подлежатъ вѣдѣнію ратуши. Монахи жаловались гетману, который и поручилъ ген. бунч. Лизогубу разслѣдовать дѣло. По разслѣдованію оказалось, что м—рю въ Б—ной принадлежатъ только два двора, которые и были исключены изъ ратушнаго вѣдѣнія. Извѣщая о такомъ результатѣ слѣдствія, гетманъ писалъ Густынскому игумену (14 сент. 1720 г.): „Превелебній въ Богу мосцѣ отче игуменъ м—ря Г—го, велце мосцѣвій господине, отче и ласкавій пріятелю. По суплѣцѣ, при листѣ отъ вашой пр—бности къ намъ присланной, посилаемъ нашъ до п. полк—ка При—го указъ, дабы онъ до людей монастырскихъ въ с. Боршнѣ мешкаючихъ, розискнимъ писмомъ п. бунчучного належати къ обителѣ опредѣленнихъ, а именно до Харка Коваленка и Леска Толоки (якіи до владѣнія писаніемъ тутъ намъ презентованнимъ м—вѣ суть стверженi) не велѣлъ интересоватися урядникамъ городовимъ Пр—мъ, тилко жъ и ваша превелебность—прикажи болшого числа селянъ Боршенскихъ, ратушевѣ Пр—му отведенnихъ, *не привлащати до поданства монастырского, ижъ-бы намъ уже до уставичныхъ трудностей болшъ такіи не заходили жалобливіе, якіе уже и придокучили, апелляціи*, жадаемъ"... [1]). Распоряжаясь, чтобы Пр—ая ратуша „не интересовалась" до означенныхъ кр—нъ, гетманъ въ своемъ письмѣ по этому предмету къ полковнику добавлялъ: „кромѣ стоялской сустентацѣи, якую сполне зъ селами монастырскими (монастырскіе кр—не) двигати повинни" [2]).

Не попавъ въ монастырское „послушаніе", Б—на была назначена въ числѣ прочихъ селъ въ ранговое владѣніе, причемъ въ 1732 г. досталась ген. есаулу Лысенку. Кр. П. 25 хоз. А. 64 д. В. 29 д. В. 57 д. Пс. 3. Г. 32 д. 32 х. Пс. 12 х. Д. 27 д. 96 х. 4 бд. х. Пс. 9 д. 12 х. 2 бд. х. Кз. В. 14 д. Г. 31 д. 15 х. Д. 28 д. 73 х. Указанныя въ ревизіи 1740 г. 12 х. подсосѣдковъ принадлежали Густынскому м—рю, причемъ замѣчено, что они имѣютъ „конѣ и волы", а наличность скота указываетъ, что эти подсосѣдки имѣли не только хаты, но и дворы и что запись ихъ по ревизіи 1740 г.—живущими въ бездворныхъ хатахъ, повидимому, неправильна и сдѣлана съ цѣлію уменьшить тогдашній денежный налогъ [1]).

Борщенскіе ранговые, какъ видно изъ вѣдом. 1740 г., платили „владѣльцу" Лысенку по сто рублей и затѣмъ личныхъ повинностей должно быть уже не несли; замѣна личнаго крестьянскаго труда денежнымъ платежомъ, сколько намъ извѣстно, въ гетманщинѣ было фактомъ исключительнымъ; относительно ранговыхъ маетностей Прилуцкаго полка—этотъ фактъ мы встрѣтили только во владѣніяхъ Лысенка (см. ниже с. Смошъ) и отчасти генер. есаула Мануйловича. Находился-ли этотъ фактъ въ связи съ личнымъ характеромъ владѣльца или зависѣлъ отъ другихъ причинъ—мы не знаемъ. По смерти Лысенка Б—на пожалована была въ 1744 г. зятю Разумовскихъ Ефиму Дара-

---

[1]) По ревизіи 1753 г. тѣ же самые монастырскіе кр—не, показанные въ числѣ 13-ти хоз., названы *посполитыми* (а не подсосѣдками), живущими въ дворахъ, при чемъ 5 хоз. показаны—„нищетными", а 7—„крайне нищетными" и только одинъ хоз.—жилъ въ бездворной хатѣ. Разница въ платежѣ денежнаго налога—на полковыхъ и друг. чиновниковъ,—у подсосѣдковъ и „нищетныхъ" даже хозяевъ—была оч. значительная. По раскладу этого платежа за 1753 г. всѣ подсосѣдки, имѣвшіе лошадей, платили по 1 коп. отъ хозяина, а „посполитые", какъ „нищетные", такъ и бездворные—$10^1/_8$ к., а „крайне нищетные" и бездворные—по $4^1/_2$ коп. Отсюда видно—какъ было выгодно тяглымъ кр—намъ записываться въ ревизіяхъ—подсосѣдками.

гану [1]).—Въ цифрахъ о населеніи Б—ны обращаетъ на себя вниманіе многосемейность въ ней „дворовъ“ и при томъ въ самомъ концѣ XVIII в. Такая многосемейность „дворовъ“ (т. е. отсутствіе дѣлимости семей) видна не только среди козачьяго населенія, но и среди крестьянъ: у послѣднихъ, напр., въ 27-ми дворахъ живетъ 96 семей, (считая на каждую хату по семьѣ), т. е. среднимъ числомъ болѣе чѣмъ по три семьи въ дворѣ...

Д. Манджосовка, Удай, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, была отдана Дм. Горленкомъ Прилуцкому полковому „подъесаулію“ Мартыну Рыжему, а потомъ (должно быть его преемнику по уряду) такому же подъесаулію Семену Портянкѣ; засимъ, въ 1707 г., тѣмъ-же Дм. Горленкомъ М—ка отдана Игн. Лисаневичу, въ то время полк. писарю, но въ 1709 г. отъ послѣдняго отобрана Скоропадскимъ и отдана канцеляристу Степану Тарновскому, у котораго и осталась. **Кр. А.** 24 д. **В.** 20 д. **В.** 38 д. **Г.** 37 д. 37 х. **Д.** 37 д. 42 х. **Кз. В.** *нѣтъ.* **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 2 д. 3 х. Козачьяго населенія здѣсь первоначально не было; явилось оно раньше 1731 г., такъ какъ въ этомъ году здѣсь было ужо 8 коз. двор. Козаки могли явиться въ М—кѣ во время коллегіи (1722—27), скупивъ здѣсь пустые „плецы“ ушедшихъ кр—нъ. Но коз. населеніе недолго здѣсь продержалось; вѣроятно оно сократилось, когда державцею М—ки сталъ Яковъ Тарновскій, занимавшій какъ извѣстно урядъ генер. бунчучнаго.

С. Валки, Удай. Изъ универсала Б. Хмельницкаго, даннаго Густ—у м—рю въ 1649 г., видно, что право на помолъ въ Валковской водяной мельницѣ отдано было Густ—у м—рю еще при Вишневецкихъ. Право это м—рю Хм—мъ было подтверждено въ октябрѣ 1649 г. [2]), но самимъ селомъ монахи не

---

[1]) Арх. Сената, Ш, № 9332.

[2]) Приводимъ этотъ универсалъ полностью, интересный уже и по времени его выдачи.—«Богданъ Хмелницкій, гетманъ з войскомъ его кор. милости Запорожскимъ. Всемъ вобецъ и каждому з особна, а меновите полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товарыству войска нашого до ведомости доносимъ, ижъ ведлугъ наданъя ясне-освечоныхъ княжатъ их мл. Вишъневецъкихъ православныхъ на

успѣли завладѣть, оно вошло въ составъ ратушныхъ селъ. **Кр.** П. *не показаны.* **А.** 102 д. **В.** 54 д. **В.** 78 д. Пс. 1. **Г.** 32 д. 32 х. **Д.** 29 д. 36 х., 2 бд. х. Пс. 5 д. 6 х. 2 бд. х. **Кз. В.** 27 д. **Г.** 39 д. 48 х. **Д.** 47 д. 117 х. Это уменьшеніе кр—скихъ дворовъ за время отъ 1729 по 1740 г. объясняется тѣмъ, что Валки въ 1738 г. отданы были въ ранговое владѣніе генер. судьѣ Михайлу Забѣлѣ, который засталъ въ этомъ селѣ 77 крест. двор. (ревизія 1740 г.); но на другой же годъ послѣ вступленія Забѣлы во владѣніе В—ми, отсюда ушло 32 домохозяина, а въ 1740 г. еще 13, итого за два года ушло—45 домохоз. и налицо, при составленіи въ к. 1740 г. ревизіи, осталось 32 домохоз. [2]). При этомъ изъ 45-ти оставшихся послѣ ушедшихъ „плецовъ", 42 показаны *во владѣніи Забѣлы,* а 3 остались пустыми, вѣроятно потому, что Забѣла не успѣлъ еще, во время составленія ревизіи, зачислить ихъ за собою. Несомнѣнно, что такой повальный уходъ кр—нъ изъ села былъ слѣдствіемъ того порядка въ хозяйствѣ, который установилъ въ немъ Забѣла. Къ сожалѣнію, сущность экономическихъ нововведеній послѣд-

---

месце светое манастыръ Густынский в селе Валкахъ преднейший — кол две млыновыхъ, одно ступное, а другое мучное, с которых вымеры на пожитокъ манастырский маютъ ити, мы реферуючисе во всемъ до права давного, срокго напоминаемъ хто толко товарышомъ нашимъ се менуеть и зъ месчанъ, жебы жадное перешкоды ни од кого манастыръ Густинский не поносилъ и хто колвек до того млына молòти привез без мерочки звычайное не мололъ, але все зуполна до рукъ отца игумена и братии манастыра Густынского доходило. Ежели-бы хто спротивнымъ былъ сему универсалови нашомъ и вымеры не належне с тыхъ млыновъ бралъ, росказуемъ пану полковникови Прилуцкому, абы безъ жадное фолгы своеволныхъ сурово каралъ, не одсылаючи до насъ. Данъ в Чигирыне, дня 8 мѣсаца октобра, року 1649.

Богданъ Хмелницкий рука власна". (Съ подлинника, въ Кіевск. центр. арх., въ бумагахъ Густынск. м—ря).

[1]) Свѣдѣнія эти беремъ изъ ревизіи 1740 (оконченной въ ноябрѣ этого года), гдѣ приведемъ ***поименный*** списокъ кр—нъ, ушедшихъ въ 1739 г. и особо въ 1740 г.

няго въ В—хъ остается неизвѣстною, но подкладкою ихъ была конечно тяжелая „панщина". В—ки находились во владѣніи М. Забѣлы до его смерти ок. 1740 [1]) Затѣмъ, въ 1743 г. В—ки были отданы Полтавск. п—ку Андрею Горленку, передавшему ихъ своимъ наслѣдникамъ.

С. Смошъ, рч. Смошъ, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1732 г., когда была отдана въ ранговое владѣніе генер. есаулу Лысенку. **Кр.** П. 29 хоз. **А.** 43 д. **Б.** 40 д. **В.** 82 д. Пс. 5. **Г.** 56 д. 59 х. **Д.** 87 д. 125 х. **Кз. Б.** 25 д. **Г.** 19 д. 24 х. **Д.** 22 д. 45 х. По вѣд. 1740 г. количество кр—скихъ дворовъ противъ ревизіи этого же года замѣтно разнится: въ этой вѣд. вм. 56 д. показано 70 дв., т. е. количество ближе подходящее къ цифрѣ 1729 г. Съ этихъ кр—нъ, по той же вѣд., собиралось въ пользу владѣльца 200 р , т. е. и здѣсь, какъ и въ с. Боршной (см. выше), Лысенко вм. „панщины" облагалъ кр—нъ денежнымъ сборомъ. По смерти Лысенка, Смошъ пожалована была въ 1744 г.—Герасиму, Денису, Андрею, Павлу и Корнѣю Демешкамъ [2]), которые стали позже называться Стрѣшенцами. Все это были братья Натальи Демьяновны Разумовской. Позже Б—ною владѣли только Денисъ Стрѣшенецъ и племянникъ его Кириллъ Герасимовичъ, капитанъ Преображенскаго полка, при чемъ хозяйство у нихъ было раздѣльное. Хозяйство это по Румянцовской описи (составл. въ ноябрѣ 1766 г.) описано такъ: „Господскій домъ, въ которомъ живетъ прикажчикъ Тернопольскій, изъ козачества, служитъ въ годъ, сверхъ пищи, по 10 рубл. Къ тому двору принадлежитъ земли пахотной въ трехъ мѣстахъ (смѣнахъ): 1) за греблею, къ Переволочной,—58 дней, 2) подъ д. Оникіевку,—20 дн. и 3) подъ с. Вацки,—27 дн. [3]). На р. Смоши мелниця одна, о 2-хъ колахъ мучныхъ, съ коихъ на одномъ колѣ и толчея и валуши; мелетъ во весь годъ поочередно съ мелницею Кирилла Стрѣшенца и съ другими, чрезъ четыре и пять дний; розмѣр-

---

[1]) О Мих. Забѣлѣ см. Опис. Ст. Малороссіи, II, 139.

[2]) Арх. Сената, Ш, № 9322.

[3]) Мѣра земли *день*=$^3/_4$ десят.

ного хлѣба получается до 15 четв., трингелду [1])—ничего нѣтъ; съ толчей пшена до 2-хъ четвертей, а съ валушнѣ денегъ до 2-хъ рубл. [2]).—Винокурня во дворѣ о 2-хъ котлахъ, въ ней висиживается къ годъ вина по 12 куфъ, въ каждой по 24 ведра.—Солодовня, въ коей солодъ растится толко для господского двора.—Шинкъ, въ коемъ вино продается господское, въ винокурнѣ висижуемое, и съ того въ годъ получается доходу до 100 руб.—Лѣсовъ дровяныхъ три: 1) въ окружности—3 версты 360 саж., 2) на 1 в. 410 саж. и 3)—на 460 саж.".

По вѣд. 1780 г. владѣльцами Смоши показаны гр. Кир. Разумовскій и умерш. тайн. сов. Тепловъ.

С. Калюжинцы, Утка, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, первоначально находились во владѣніи Лазаря Горленка, повидимому, безъ гетманскаго универсала; затѣмъ, въ 1705 г., Дм. Горленко получилъ отъ Мазепы на К—цы универсалъ, и владѣлъ ими до измѣны. Въ 1710 г. на К—цы былъ выданъ универсалъ сыну Дмитрія Горленка Андрею (с. 23), у котораго село это оставалось до 1715 г., когда было отобрано и отдано какому то „маршалку Волоскому бану Савину", но послѣдній въ томъ же году „пошолъ въ свою землю", и К—цы были выпрошены у Петра В. другимъ такимъ же авантюристомъ, сербомъ Гаврииломъ Милорадовичемъ. По этому поводу Головкинъ писалъ къ Скоропадскому: „г. полковникъ сербскій Гаврило Милорадовичъ, братъ полковника Михаила М—ча, въ случаѣ прошедшей съ турками войны такожде службу свою къ его ц. величеству показалъ и *нѣсколько пожитковъ своихъ притомъ употребилъ*, и не можетъ нынѣ къ дому своему возвратиться; и его ц. величество, за тѣ его Гаврила М—ча службы и въ награжденіе понесенныхъ его убытковъ, повелѣлъ дать ему на Украинѣ въ Прилукскомъ полку село Калюжинцы, бывшее п—ка Прилуцкаго Горленка, которымъ по указу ц. величества владѣлъ волостной (волоскій?) бояринъ Савинъ банъ, и нынѣ онъ отпу-

---

[1]) Слѣдуетъ думать, что подъ тринкгельдомъ разумѣется денежная доплата къ «розмѣрному хлѣбу».

[2]) Это та самая мельница, которая Стрѣшенцами отнята у города Прилуки (с. 92).

щенъ во отечество... Ваша вельможность о дачѣ ему Г—лу М—чу вышеобъявленнаго Горленкова села Калюженцовъ изволите учинить по его ц. величеству указу..." [1]) По этому письму К—цы и были отданы М—чу. Какимъ суровымъ державцею явился этотъ авантюристъ въ своихъ маетностяхъ (кромѣ К—цовъ, М—чу дано было еще Сосницкое село Нехаевка), объ этомъ приведены подробныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ. [2]) Насилія М—ча получили особую извѣстность, когда онъ сталъ въ 1728 г. Гадяцкимъ полковникомъ. По ходатайству Апостола насилія эти вызвали слѣдствіе, результатомъ котораго было устраненіе М—ча отъ полковничества, но К—цы и Нехаевка остались при немъ.— Кр. II.? **А.** 109 д. **В.** 74. д. **В.** 63 д. **Г.** 64 д. 73 х. **Д.** 100 д. 150 х. **Кз. В.** 8 д. **Г.** и **Д.**—*нѣтъ.* Отсюда видно, что главнымъ результатомъ хозяйничанія М—ча въ К—цахъ было уничтоженіе здѣсь козаковъ, которыхъ въ 1718 г. было еще 8 дв., а въ 1731 г. уже не было ни одного двора [3]). Умеръ М—чъ въ 1730 г., завѣщавъ будто бы, между прочимъ,—„отдати послѣднее свое поклоненіе" тогдашнему гетману. Такъ писала Апостолу вдова М—ча, ходатайствуя, чтобы мѣстныя власти не трогали посаженнхыъ умершихъ М—чемъ въ своихъ шинкахъ (въ Калюжницахъ и Переволочной) „жидовъ" [4]). Наслѣдни-

---

[1]) Матеріалы для Отеч. Истор., Судьенка, II, 244.

[2]) Кіевск. Старина 1882 г., мартъ.

[3]) Какъ это видно изъ ревизіи 1731 г.

[4]) Приводимъ здѣсь это прошеніе вдовы М—ча, дающее нѣкоторыя свѣдѣнія о «жидахъ»-шинкаряхъ въ гетманщинѣ. «Покойный сожитель мой предъ преставленіемъ своимъ, видячи себе зъ временного житня на вѣчное, спомнивши имены ясн—в—ть вашу, своего добродѣя, приказалъ отдати послѣднее свое ясн—ти вашой поклоненіе, а преставленіе его мѣс. сентеврия зъ 24 числа на 5. Что же до сихъ временъ умедлѣлось жаланіе покойного сожителя моего, тое мусило стать за немалымъ скорбнимъ препятствіемъ, а нынѣ зъ повторителнымъ моимъ нижайшимъ поклоненіемъ до ясн—ти в. отзываючися, доношу, ижъ будучи покойній сожитель мой зо мною въ Глуховѣ минувшого времени лѣтняго, надѣючися на тое, же жиди въ Глуховскихъ шинкахъ пребываютъ, такожъ и въ прочихъ владѣлческихъ маетностяхъ въ Мал. Россіи обрѣтаются, приняли и мы въ мает-

комъ Гаврила М—ча былъ его сынъ Антонъ, ограничившійся въ службѣ положеніемъ бунч. товарища. Онъ былъ женатъ на Агафьѣ Степ. Бутовичъ (внукѣ генер. ес.) и оставилъ 7 сыновей и 4 дочери; всѣ эти сыновья служили въ военной службѣ.

ность свою Калюжинцы едного жида, другого въ мѣст. Переволочную, въ домъ нашъ собственный шинковій, и дали онимъ напитокъ горѣлчаній и медовий. А же п. сотникъ полк. Пр—ій Петро Носенко перво, запечатати приказалъ атаману Переволочанскому въ дворѣ нашомъ напитокъ, въ мѣс. сентеврiѣ, и до насъ написалъ не держати жидовъ, а настоящій м—цъ, по указу его, набѣгаючи козаки въ Переволочную и въ маетн. Калюжинцы, шинки въ разореніе привели и жидовъ кгвалтомъ побрали... Потимъ, отъѣхавши до Прилукп зъ жидами, присланъ одъ того сотника указъ до старости подъ штрафомъ, если бы жидовокъ не прислалъ до Прилуки, знать приводячи шинки весьма до разоренія. А выражаетъ въ своемъ указѣ будто до его именемъ ясн—ти в. п. полковникъ Пр—л—цкій пишетъ зъ Глухова о висилцѣ жидовъ зъ полку его, и таковаго указу намъ не обявляно...» Засимъ вдова проситъ гетмана о выдачѣ ей универсала, чтобы Носенко «впередъ не чинилъ того.» (20 окт, 1730 г.). О результатахъ этого прошенія—свѣдѣній нѣтъ. Къ этому можно добавить, что первое (въ XVIII в.) распоряженіе о высылкѣ евреевъ изъ Малороссіи, сколько намъ извѣстно, относится къ 1721 г., когда Скоропадскимъ былъ изданъ слѣд. универсалъ: «Любо мы за уряду нашего гетманского килкократные передъ симъ видавали въ полки указы наши, до царск. величества стосуючіеся, о висилцѣ и вигнаню заграницу жидовъ зъ Украини, однакъ по тому хочай они были зъ иншихъ мѣстцъ вислани, но не отвсюду; теперъ знову ихъ немалое число, якъ слишимъ въ Мал. Россіи обрѣтается и щоразъ еще умножаются; изъ тихъ мѣръ они жъ жида иле богоненавистнии мѣючи зде по городахъ и селахъ шинковые и другіе промисли въ напояхъ и впрочемъ народъ христіанскій напаствуютъ, стараючися зъ природи и злочестивой науки своей всякимъ образомъ христіанъ озлобити, а къ тому между людми вѣрними мѣючи жилища и зборища, свои мерзкими своими жъ обхожденми всякіе чинятъ соблазни. Зверхъ зась того наемные у нихъ въ службѣ домовой христіане, мужеска и женска пола, въ постные седмици имъ потрави жидовские готуючи, безъ оскверненія обийтися не могутъ. Прето не хотячи мы болшъ уже тимъ зловѣрнымъ и креста Господня врагамъ жидамъ въ полкахъ рейменту нашего мешканя позволяти, а особливе, когда подъ сее время, черезъ посланыхъ нашихъ з СПБ-рха возвратившихся, именный о томъ получилисмо его ц. величества

С. Высокое, Удай, находилось въ числѣ ратушныхъ селъ до до 1732 г., когда было отдано на рангъ генер. есаулу Мануйловичу. **Кр. П.** 21 хоз. **А.** 45 д. **В.** 28 д. **В.** 29 д. **Пс.** 1 **Г.** 24 д. 28 х. **Д.** 19 д. 20 х. **Пс.** 10 д. 15 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д.

указъ, дабысмо всячески жидовъ з Малой Россіи презъ границу, зложивши срокъ до которого они з своими панами и заводцами въ порученнихъ себѣ шинкахъ и инших промислахъ розчислитися и свѣтоватися могутъ, висилати велѣли одселя зъ Малой Россіи, чрезъ сей нашъ унѣверсалъ грозно приказуемъ и упоминаемъ подъ неотпустними винами и сродимъ штрафомъ на тихъ, которіи въ городкахъ или селахъ жидовъ держатъ, абы всякъ зъ старшини и державцовъ и хто колвекъ оныхъ подъ своею имѣетъ протекціею, росчислившися зъ ними и росквитавшися въ промислахъ ихъ жидовскихъ шинковыхъ чили инишихъ, якіе хто которому жиду полѣцилъ, безъ отлагателства оныхъ за границу висилали, чтобъ ни единъ зъ нихъ до Покрова Пресв. Богородицы, о первыхъ числахъ октоврія, внутръ М. Россіи не остался, развѣ тилко тотъ, хтобы жидовское покинувши невѣріе, восхотѣлъ до христіанства повернутися... А по вийстю помянутого термѣну... пошлемъ одъ себе (въ полки)—охочіе полки сердюковъ при нарочныхъ висланыхъ, для обыску жидовъ и если где у кого мѣлъ бы винайтися жидъ, то той самъ знатного... штрафу и наказанія не увойдетъ, а жида имъ удержаного велимо все его жидовское имѣніе розграбивши зъ безчестіемъ и съ умаленіемъ здоровя, пречъ за рубѣжъ обнаженного вигнати»... *(15 іюля, 1721 г.)* Сборн. универсаловъ Скороп. 1720—722 гг., рукоп. Кіевск. археогр. коммиссіи, № 477. Это «грозное» распоряженіе однакожъ не возымѣло желаемаго результата, такъ какъ Апостолъ въ первый же мѣсяцъ своего гетманства (27 окт. 1727 г.) разослалъ другой о томъ же универсалъ, въ которомъ ссылаясь на высочайшій указъ о высылкѣ изъ М. Россіи всѣхъ жидовъ за границу, приказалъ немедленно исполнить этотъ указъ— «и сего ради велѣли во всѣ полки рейменту послать указы, дабы всѣхъ жидовъ зо всякой маетности выслать за границу всеконечно.» *Матер. для Отеч. Ист.* I, отд. 2-й, стр. 12. Но и это распоряженіе исполнено не было, какъ видно изъ прошенія вдовы Милорадовича, и вѣроятно только дало старшинѣ возможность — «мазать себѣ руки», какъ выразился гетманъ Апостолъ въ одномъ своемъ универсалѣ, говоря о старшинскихъ поборахъ. Замѣтимъ, что въ одной рукоп. малорос. *кроничкѣ*, подъ 1727-мъ годомъ, замѣчено: «Жиди безъ остатка вси *зъ Россіи* вигнати». Къ Малороссіи это извѣстіе повидимому не относится.

21 х. Д. 26 д. 38 х. Послѣ смерти Мануйловича, В—кое осталось ранговою маетностью ген. есауловъ, какъ значится и по вѣд. 1780 г.

С. Мацѣевка, Удай, извѣстна съ 1619 г., когда была еще хуторомъ, принадлежавшимъ Густынскому м—рю. Черезъ 30 лѣтъ М—ка была уже многолюднымъ селомъ, принадлежавшимъ тому же м—рю. Въ 1649 г. населеніе его хотѣло было, воспользовавшись общимъ возстаніемъ народа противъ державцевъ,—освободиться отъ монастырскаго послушанія, но монахи пожаловались Хмдльницкому и тотъ приказалъ (универсалъ 8 октября 1649 г.) Прилуцкому полк—ку „чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣевскихъ смирилъ, которые непослушны м—рю". Изъ этого универсала, полное содержаніе котораго неизвѣстно, видно, что уже въ 1649 г. въ М—кѣ были и *козаки*, какъ отдѣльная группа сельскаго населенія; козаки эти—должно полагать—выдѣлились изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это происходило тогда во всей лѣвобережной Малороссіи [1]). Распоряженіе Хмельницкаго конечно было исполнено, но Мацѣевскіе кр—не и затѣмъ пытались неразъ избавиться отъ монастырскаго послушанія, при чемъ единственнымъ для этого средствомъ, кромѣ ухода изъ села, представлялась переписка въ козаки. Впрочемъ эта мѣра для кр—нъ возможа была только при условіи, если мѣстные урядники—низшіе и высшіе—не особенно мирволили монахамъ; но когда нельзя было найти управы на самовольство крестьянъ у мѣстнаго полковника, которому постоянныя монашескія жалобы прискучали,—то монахи обращались къ гетману. Послѣднему труднѣе было отстранять эти докуки, вслѣдствіе чего и осталось такое обиліе гетманскихъ универсаловъ, выданныхъ для поддержанія монашеской власти въ ихъ маетностяхъ. Такой универсалъ выданъ былъ Самойловиченъ и Густынскому м—рю (19 апр., 1676 г.) для прекращенія „бунтовъ" Мацѣевскихъ крестьянъ [2]).—Черезъ десять лѣтъ послѣ этого монахи

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, I, 381.

[2]) «Вамъ, всѣмъ жителямъ села Мацѣювки, тымъ нашимъ ознаймуемъ писанемъ, ижъ дойшла насъ отъ велебного въ Богу г. о. ігу-

выпросили себѣ у того же гетмана и право торговли водкою, какъ въ Мацѣевкѣ, такъ и въ сосѣднихъ двухъ селахъ, Половой и Левкахъ, т. е. гетманъ отдалъ монастырю тотъ откупной сборъ съ шинковъ, который шелъ въ войсковой скарбъ [1]). **Кр. П.? А.** 79 д. **В.** 52 д. **В.** 115 д. **Г.** 71 д. 80 х. **Д.** 106 д. 118 х. Пс. 3 бд. х. Козаковъ въ М—кѣ въ XVIII в. уже *не было вовсе*; значитъ, монахи успѣли отъ нихъ избавиться еще въ XVII в., заставивъ ихъ—или покинуть село или переписаться въ кр—не. Видное изъ приведенныхъ цифръ уменьшеніе населенія въ 1718 г. и затѣмъ увеличеніе его за 11 лѣтъ болѣе

мена Густынского скарга, же вы подлугъ звычаю, якъ належытъ подданымъ, не отдаете монастырови повинности, бунтуетеся и хочете въ козацтво вписоватися, не порозумѣвшыся, же опрочъ того въ якомъ теперъ зостаете, іншому не можете выдолати поволаню, а надто зосланого его, который загадуетъ вамъ на послушенство, перехваляетеся забити. Прето, яко не помалу насъ тое мусить обходити, такъ тымъ унѣверсаломъ нашымъ васъ заславшы розсказуемъ, жебысте понехавшы тыхъ бунтовъ, ведлугъ старынного у васъ захowалого порядку вшелякое послушенство и повинность монастыреви Густынскому отдавали, а въ козацтво мужики абы не вписовалися и на зосланнаго похвалокъ не чинили, бо и тыхъ трохъ мужиковъ, которые своеволно, не хотячи оддавати повинности, въ реестръ козацкій вмазалися, жебы ихъ зъ оного вылучилъ—писалисмо о томъ до п. полковника Прилуцкого». (Съ подлинника, въ Кіевск. центр. архивѣ, бумаги Густынск. м—ря).

[1]) «Ознаймуемъ симъ нашимъ писанемъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ села Мацѣевку и Половую и Левки, въ области монастыра Густинского найдуючимся, якіе близко тогожъ монастыра маютъ свое положене, уволняемъ отъ аренды. А то взглядомъ того, же превелебний г. отецъ игуменъ зъ братіею—зъ шинковъ тамошнихъ маетъ вспоможенье ку реставрованю будинковъ потребныхъ въ обители своей. Мѣти теды хочемъ, абы, якъ п. полковникъ Прилуцкий, такъ и нѣхто иншии пречоныхъ сюлъ, якъ въ Прилуцкихъ, такъ и въ иншихъ мѣстъ арендовнихъ (въ?) реестръ потягати, якъ теперъ такъ и впередъ, не важился. Данъ въ Батуринѣ, августа 8 д., року 1686». (Оттуда-же).

чѣмъ вдвое—не умѣемъ объяснить. М—ка оставалась въ подданствѣ Густ. м—ря до 1786 г.

С. Ольшаная, вершина Смоши, поселена въ перв. полов. XVII в. Конецпольскимъ, которому и принадлежала до изгнанія поляковъ [1]). Затѣмъ О. была пожалована Лазарю Горленку (с. 9, 15), отъ котораго перешла къ сыну его Дмитрію, а послѣ измѣны послѣдняго, Скоропадскимъ отдана фельдмаршалу Шереметеву въ 1712 г., когда новый гетманъ волею и неволею одѣлялъ „Петровыхъ птенцовъ“ украинскими маетностями [2]).

Кр. П. ? **А.** 230 д. **В.** ? [3]). **В.** 184 д. Пс. 3 **Г.** 120 д. 152 х. **Д.** 149 д. 243 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 23 д. 30 х. **Д.** 29 д. 65 х.

У Шереметевыхъ О. оставалась до 40-хъ г.г. XVIII в., а въ 1744 г. она была пожалована бунч. тов. Власу Климовичу [4]), (позже—Будлянскому), передавшему это село своимъ наслѣдникамъ, за которыми оно показано и въ 1780 г.

Д. Сезьки поселены Лаз. Горленкомъ во время владѣнія имъ с. Ольшаною, къ которой и причислялись; но послѣ измѣны Дм. Горленка, С—ки обособились; исторія этого поселенія разсказана въ прошеніи Власа Будлянского, поданномъ имъ въ 1753 г. гетману: „на принадлежащихъ къ селу Ольшаной поляхъ бывшій полковникъ Прилуцкій Лазоръ Горленко, владѣя онимъ селомъ Ольшаною, устроилъ хуторъ прозваніемъ *Сезъки*, которымъ и владѣлъ; по умертвіи же полковника Лазора, жена его полковница Лазорка владѣла“... Послѣ измѣны Мазепы Сезьки были отданы Скоропадскимъ сотнику Золотаренку, на урядъ, какъ значится въ генер. слѣдствіи. Послѣ Золотаренка Сезьки перешли, при Апостолѣ, къ полк. ес. Панкевичу, тоже на урядъ, а послѣ его смерти сельцомъ этимъ владѣла вдова его, пока у послѣдней Сезекъ не отнялъ владѣлецъ Ольша-

---

1) Michałowskiego, Księga Pamiętnicza. Krakow, 1864, стр. 94.

2) Матеріалы для Отеч. Исторіи, II, 362.

3) По вѣдом. 1718 г. Ольшанскіе кр—не не показаны вѣроятно потому что эта вѣдомость была составлена для располога *порцій* и *рацій*, а Ольшанскіе кр—не, должно полагать, были освобождены отъ этого налога.

4) Арх. Сената. II. № 9332.

ной—Будлянскій. Однакожъ послѣдній писалъ гетману невѣрно: по его словамъ, Сезьками вдова П—ча владѣла до своей смерти, „а нынѣ, продолжаетъ Будлянскій, оженившійся на Панкевича внуцѣ зн. тов. Михайло Марковичъ тѣми Сезьками завладѣлъ (ср. с. 72); а понеже въ рѣшительныхъ пунктахъ, данныхъ гетману Апостолу, велѣно у женъ козачихъ только покамистъ во вдовствѣ будутъ и у дѣтей мужеска полу—не отнимать маетностей, а якъ оной Панкевичъ и жена его померли и мужеска полу никакихъ наслѣдниковъ не имѣется", то Будлянскій и просилъ гетмана—Сезьки отдать ему, „особливо же, что на грунтахъ надлежащихъ къ с. Ольшаной тѣ Сезьки состоятъ". Будлянскій скрывалъ, что въ этотъ моментъ Сезьки были уже имъ отняты, слѣдовательно понималъ свою неправоту, которую и хотѣлъ узаконить гетманскимъ универсаломъ. Разумѣется, просьба зятя Разумовскимъ была удовлетвореня. **Кр. А.** 26 д. **В.** 5 д. **В.** 12 д. **Г.** [1]) ? **Д.** 14 д. 16 х. **Пс.** 1 д. 2 х. **Кв.** нѣтъ [2]). Сезьки оставались во владѣніи Будлянскихъ и въ 1780 г.

С. **Мошковичи**—теперь не существуютъ, но въ актахъ 1697—1700 гг. упоминаются неразъ („село Мошковичи" или „Мошковцы—области Прилуцкой") [3]). Село это находилось гдѣнибудь недалеко отъ Сезёкъ, потому что ок. этого села и нынѣ—верховьямъ рѣчки Нежеровой (или по теперешнему—Радьковки) присвояется названіе Мошковки [4]). Вслѣдствіе какихъ

---

[1]) Въ ревизіи 1740 г. Сезьки почему-то не показаны, а по ревизіи 1731 г. кр—нъ здѣсь показано 9 дв.

[2]) По ревизіи 1731 г. въ Сезькахъ значится 2 дв. козаковъ. Оч. мож. быть, что Панкевичъ, владѣвшій въ это время Сезьками, позволилъ имъ тутъ поселиться съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить ихъ въ своихъ подсосѣдковъ.

[3]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. арх.

[4]) «Рѣчка Радьковка (притокъ Удая) въ своихъ верховьяхъ, у х. Дзюбина, носитъ названіе *Мошковки*, по причинѣ, какъ объясняли мѣстные жители, обилія мошки». «Прилуцк. уѣздъ», стр. 9. Ср. «Полтавская губернія» въ «Спискахъ насел. мѣстъ», № 3532, *Нежеровскій хуторъ*, состоящій изъ соединенія нѣсколькихъ хуторовъ

причинъ могло совершенно изчезнуть село въ нач. XVIII в.— трудно сдѣлать и предположенія.

Д. **Буды**, Нежирова (с. 74), судя по названію возникли изъ бывшаго здѣсь поташнаго завода; первымъ ихъ владѣльцемъ, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, былъ сотникъ Золотаренко, получившій это сельцо на урядъ отъ Мазепы, въ 1690 г. Послѣ З—ка Буды отданы на урядъ Панкевичу (с. 71); а послѣ смерти П—ча Будами владѣла его вдова, у которой они были отияты Будлянскимъ, вмѣстѣ съ Сеськами (с. 72), однакожъ этого сельца Б—ій не успѣлъ укрѣпить за собою, такъ какъ въ 1753 г. здѣшними владѣльцами, были: Густынскій м—рь (6 дв., 8 х.), полк. есаулъ Яковъ Величко (6 дв. 8 х.) и бунч. тов. Петръ Горленко (1 дв.) **Кр. А.** 6 д. **Б.** 6 д. **В.** 23 д. **Пс.** 1. **Г.** 11 х. **Д.** 18 д. 22 х. **Кз.** нѣтъ.

Слободка Нежеровская показана въ вѣд. 1753 г., причемъ владѣльцемъ ея названъ бунч. тов. Андрей Марковичъ (5 д. и 5 бх.). Нѣтъ сомнѣнія, что это бывшій *„хуторъ въ Нежеровѣ“*, о которомъ Ив. Марковичъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи (с. 118). Въ к. XVIII в. слободка Нежеровская называется уже **с. Радьковкою** (при сліяніи Нежеровой съ Удаемъ), съ обозначеніемъ, что въ ней 21 д. 34 х.—„владѣнія разныхъ чиновъ“; но главными владѣльцами тутъ были Марковичи.

С. Колесники—въ 1711 г., по универсалу Скоропадскаго, отданы Ив. Марковичу (с. 114). Изъ исторіи этого „державства“ интересенъ слѣд. эпизодъ. Ольшанскій приказчикъ графини Шереметевой пожаловался (1725 г.) въ генер. к—рію, что умершій въ 1724 г. судья Прилуцкій Марковичъ забралъ у одного изъ Ольшанскихъ „подданныхъ“ Шереметевой —Карпенка (перешедшаго изъ Колесниковъ въ Ольшаную)—всю „худобу“ и вырубилъ его лѣсъ. Жалоба приказчика отослана была на рѣшеніе Прилуцкаго полк. суда, который вызвавъ вдову М—ча, „велѣлъ ей противъ жалобы отвѣтъ учинити“. Вдова отвѣчала:

(есть тутъ и Дзюбинъ) и заключавшій въ себѣ полвѣка назадъ болѣе 500 жит. Не это ли мѣсто бывшаго с. Мошковичъ... Интересны по этому вопросу мѣстныя розысканія въ преданіяхъ.

„покойного п. гетм. Скоропадского засланны были таковіе указы (*якыхъ и нынѣ держатся*), *абы посполитіе люде що разъ зъ иной маетности въ другую, подъ иншого державцу, ради своей ползи—чимъ бы отъ дачи драгунской и протчіихъ общенародныхъ тяглостей тимъ переходомъ свобождать,—не переходили, а буде которій преслушавши той указъ, перейдетъ, то позволяемъ въ оныхъ всѣ его пожитки державцѣ въ свое владѣніе одибрать и що хотя зъ ними чинити* [1]). По якомъ указу и небожчикъ п. судя, кгды вышписанній Карпенко тайнымъ образомъ зъ ихъ маетности села Колесниковъ въ Олшаную на житло перейшолъ, велѣлъ въ его кгрунтъ иному человѣку на мешканне перейты и его пожитками владѣючи, всякіе зъ того кгрунту отбувать повинности, а зъ худобы его Карпенковой, которіе рѣчи по свѣдителству атамана, войта и протчіихъ Колесницкихъ людей, небожчикъ п. судя до своего двора казалъ забрати, то панѣ судѣна, по смерти небожчиковой, еще въ маи (1725 г.) мѣсяцѣ оніе ему Карпенку поотдавала, а иніе свои господарскіе рѣчи помянутій Карпенко, якыхъ теперъ требуетъ, договорували ему Карпенку свидителѣ, же зъ *Нежеровского* ихъ (Марковичей) *хутора*, пріѣхавши зъ Ольшаной, онъ, Карпенко, побралъ до себе самоволно; лѣсъ и гай, якъ предъ тимъ были цѣліе, то такъ и теперъ найдуются и оними панѣ судѣна ему, Карпенку, *не боронитъ владѣти*, а що за его Карпенка—у войта еи Колесницкого, не вѣдаетъ за що, приказчикъ Олшанскій, еще въ прошлій великій постъ, узявши коня, по сей часъ не отдаетъ, то въ томъ панѣ судѣна проситъ милости“ [1])... Приведенный отвѣтъ вдовы М—ча указываетъ на полное удовлетвореніе обиженнаго Карпенка: несомнѣнно что вдова М—ча боялась спорить, зная, что за Карпенка можетъ вступиться, кромѣ Шереметевой, еще и Вельяминовская коллегія... Кр. П.

---

[1]) Намъ не приходилось встрѣчать такого универсала, но что онъ могъ быть выпрошенъ у Скоропадскаго—хотя бы однимъ изъ Марковичей—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, имѣя такой универсалъ въ рукахъ, державцы могли сильно вліять на свободное передвиженіе крестьянъ.

[1]) Съ подлинника въ наш. б—кѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ *„Энциклопедія“* дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ *„Энциклопедія“* съ пересылкой: на годъ—*6* руб.; за-границу—*10* руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—*2* руб., въ Мартѣ—*2* руб., въ Іюнѣ—*2* руб., или первые шесть мѣсяцевъ по *одному* рублю.

Цѣна отдѣльной книги—*50* коп., съ пересылкой—*70* коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя

зрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

2—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея могочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Жуналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

2—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д—ра философіи М. М Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ

кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля,* еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизаціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ,* что дастъ читателямъ возможность

Первые два тома изданія (*LIX+825 стр.* *вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.*

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ *за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями* (въ общемъ *до 1000 стр.* текста и *около 500 снимковъ*), безъ дост. *8 р.*; съ дост. и пер. *10 р.*; за гран. *12 р.*

Въ отдѣльной продажѣ—отъ *75 к.* до *1 р.* за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается *наложеннымъ платежомъ* за *2 руб.* съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться *преимущественно* въ Главную Контору: *С.-Петербургъ, Мойка, 83.*

Книгопродавцамъ дѣлается уступка *отъ 40 до 60 коп.* съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по *10 руб.*, съ перес. по *12 руб.*

2—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*,—заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину, въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

3—3

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ".

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участію въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства"; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденціи; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ".

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к , 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м. —6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р, 50 к. и къ 1-му мая—2 р 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрицынъ.*

2–3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе"

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова.*

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни" и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы": шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода—**3** р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-въ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія" не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ — одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА" и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ": С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

2—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ

на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., 1/2 года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., 1/2 года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., 1/2 года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

без предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное

изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій.* Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.*

1—3

1–2

конскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы", кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**

1—3

(Окончаніе). 8) Главнѣйшіе представители Дарвинизма въ западной Европѣ. Августъ Вейсманнъ. М. А. Мензбира. 9) Къ вопросу о нашихъ университетахъ. Стараго профессора. 10) Очерки санитарной статистики. П. И. Курбина. (Окончаніе). 11) Сенъ Симонъ и начатки французскаго позитивизма. И. И. Иванова. (Окончаніе). 12) О нашемъ фабричномъ законодательствѣ. В. П. Литвиновъ-Фалинскій: „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи". Спб., 1900 г.)—И. О. 13) Фридрихъ Ницше. Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Брандеса. Пер. съ датск.—В. С—ой. 14) Письма о западѣ. (Письмо первое). П. С. Когана. 15) Генрикъ Сенкевичъ. (Съ итальянскаго). Е. К. 16) Земскій подвижной школьный музей.—О. К—ской. 17) Возраженіе Г. И. П. По поводу статей г. Хитрово о русск. воен. уголовн. процессѣ и возможной его реорганизаціи. Н. П. Хитрово. 18) Письмо въ редакцію. По поводу книги д-ра П. И. Якобія: „Основы административной психіатріи.—Д-ра Вл. Яковенка. 19) Со стороны (Письма изъ деревни).—Веталиса. 20) Внутреннее обозрѣніе. 21) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. 22) Письма о современномъ искусствѣ. 23) Горе героямъ! (Письмо въ редакцію).—Ив. И. Иванова. 24) Библіографическій отдѣлъ. 25) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: на 12 м. 12 р., 9 м. 9 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р. Заграницу: на 12 м. 14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к., 1 м. 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 30., въ Спб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевск. пер., д. Хилатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Грената. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію истор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. П. А. КУЛИШЪ. Біограф. очеркъ. Гл. I—V. **В. Шенрока.** 153—179

II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго.** . . . . 180—216

III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). **В. Милорадовича.** 217—233

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повисть. *(Продолженіе).* **Д. Яворницкаго.** . . . . 234—282

V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г. г.). **В. Н.** . . . . 283—300

VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. **В. Науменка** . . . 301—307

VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЪ). Некрологъ. **В. Н.** . . . 308—311

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. **В. Д.**; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «дижи». Сообщ. **В. Доманицкій**; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи; і) Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г.; к) Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича; л) Могила подъ Любаромъ; м) Справка **В. Срезневскаго.** 65—84

Текущія извѣстія . . . . 84—91

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства имени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. **В. Д.**; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. **В. Д.**; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ загадно-русскій край». **Кіянина**; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Винницe-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 92—120

Археологическая лѣтопись. . . . . 121—130

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 12-ый. . . . . . . 177—192

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Универси а Св Вл
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингговская ули
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 января 1901 года.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

Отъ редакціи.

Четыре года тому назадъ, когда получено было извѣстіе о смерти П. А. Кулиша, 2-го февраля 1897 года, нашъ журналъ далъ обѣщаніе постоянно удѣлять мѣсто на страницахъ своихъ матеріаламъ для всесторонней оцѣнки дѣятельности такого виднаго работника на родной нивѣ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, „Кіевская Старина“ выполняла данное обѣщаніе, печатая обширную переписку П. А. Кулиша со многими лицами. Переписка эта, по мнѣнію редакціи, есть тотъ первый матеріалъ, который болѣе всего умѣстенъ для печати, подготовляя всѣ данныя, на основѣ которыхъ только и можетъ быть составлена *впослѣдствіи* вполнѣ справедливая и безпристрастная оцѣнка какъ самой личности, такъ и ея трудовъ. Говоримъ *впослѣдствіи* потому, что дѣятели, подобные Кулишу, слишкомъ широко раскинувшіеся въ своей работѣ, игравшіе роль не только въ наукѣ, но и въ публицистикѣ, и даже въ политикѣ, не могутъ сразу

---

[1]) Настоящій очеркъ былъ провѣренъ вдовой покойнаго Кулиша, Александрой Михайловной, и покойнымъ его другомъ и родственникомъ В. М. Бѣлозерскимъ.

быть оцѣнены по достоинству современниками: слишкомъ еще живо, а иногда и болѣзненно, отзывается въ современности та активная роль, которая выпала на ихъ долю. Вотъ причина, заставившая насъ четыре года тому назадъ воздержаться отъ подведенія какихъ-бы то ни было итоговъ дѣятельности П. А. Кулиша и ограничиться напечатаніемъ маленькаго некролога, [1]) исполненнаго лиризма на почвѣ примиренія съ почившимъ и принадлежавшаго перу М. Т. Номиса (Симонова), некрологъ котораго мы помѣщаемъ теперь въ этой же книжкѣ.

Прошло четыре года—и мы все-же не чувствуемъ себя вправѣ рѣшить, что теперь наступилъ уже часъ высказать безошибочное сужденіе о личности и дѣятельности П. А. Кулиша: мало еще удалились въ область прошедшаго тѣ дѣла, съ которыми тѣсно были связаны жизнь и труды покойнаго. Единственно, что возможно сдѣлать теперь—это въ біографическомъ очеркѣ дать тотъ, болѣе или менѣе, объединенный матеріалъ, который поможетъ впереди нарисовать правдивый обликъ умственной и нравственной физіономіи видваго общественнаго работника. Мы знаемъ, что, печатая теперь біографію П. А. Кулиша, составленную уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ В. И. Шенрокомъ, мы оставляемъ много мѣста для внесенія въ эту біографію иныхъ страницъ, съ дополненіями и поправками, а также и съ инымъ освѣщеніемъ, но пусть все это будетъ сдѣлано впереди, пусть портретъ съ полной разрисовкой всѣхъ чертъ создастся постепенно, а пока-что читатель во всякомъ случаѣ получитъ хоть общій контуръ этой многозначительной для нашей Украины личности, этого почтеннаго сочлена знаменитой украинской тріады писателей середины прошлаго вѣка.

Ред.

Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патріота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны,

---

[1]) 1897 г. № 3.

ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго облика, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ-ли ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный, по поводу котораго неизбѣжно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергіи въ значительной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неоцѣненный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной и литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь. Еще задолго до своего затворничества Кулишъ, съ ужасомъ предчувствуя возможность подобной перспективы, говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ: „Сердце мое содрогается отъ мысли, что я могу опуститься въ хуторѣ, какъ многіе другіе, начавшіе свою жизнь иначе. Нѣтъ, я такъ не кончу: и послѣднія мои минуты будутъ отданы—если не труду, то благороднымъ помысламъ и завѣтамъ“. Эти слова, вырвавшіяся невольно въ самомъ заурядномъ и совершенно неинтересномъ въ остальныхъ отношеніяхъ письмѣ, по нашему мнѣнію, именно поэтому получаютъ особенное значеніе, и они въ самомъ дѣлѣ потомъ вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Трудъ,

упорный и неутомимый трудъ, не смотря ни на что, наполнилъ всю жизнь Кулиша и продолжался до послѣднихъ дней его. И ничто не было въ силахъ сломить этой энергіи и остановить этой дѣятельности: ни всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной фракціи и частныхъ лицъ, ни многочисленныя внѣшнія препятствія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и неизбѣжныя житейскія дрязги, особенно тяжелыя для бѣднаго человѣка, ни пожаръ, истребившій многолѣтними трудами съ любовью собранную библіотеку, ни временами постигавшая его ужасающая бѣдность, граничившая почти съ нищетой, ни, наконецъ, обидное полузабвеніе при жизни и невозможность печатать многіе и обширные труды, остававшіеся по годамъ въ рукописяхъ. И всю жизнь Кулишъ бился объ желѣзную стѣну и все спѣшилъ работать до надрыва, подавляемый сознаніемъ необъятности стоящихъ на очереди задачъ, какъ это неизбѣжно бываетъ удѣломъ людей, страстно преслѣдующихъ широкія цѣли. Въ другомъ, тоже незначительномъ письмѣ, мы находимъ еще слѣдующія любопытныя строки, похожія отчасти на отчаянный вопль: „я занятъ вѣчно и чувствую себя въ долгу у всѣхъ, кому бы слѣдовало показать вниманіе. Некогда жить на свѣтѣ!". Все это, естественно, оставаясь въ тѣни при жизни Кулиша, имѣетъ, однако, огромное значеніе для правильнаго сужденія о немъ по смерти.

До составленія полной и исчерпывающей дѣло біографіи, конечно, далеко; для этого было бы необходимо предварительно привести въ извѣстность и издать всѣ сочиненія, переводы и письма Кулиша, словомъ, все оставшееся отъ него обширное литературное наслѣдіе, чтобы была передъ глазами и чувствовалась вся, едва ли многими предполагаемая, колоссальная громада имъ написаннаго, [1]) переведеннаго и задуманнаго, чтобъ имѣть возмож-

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ львовскому профессору Огоновскому Кулишъ перечисляетъ, напр., слѣдующіе свои переводы изъ Шекспира: «Король Лиръ», «Коріоланъ», «Ромео и Джульета», «Цезарь», «Мак-

ность не только вполнѣ разобраться во всемъ этомъ, но и изучить все, что должно пролить болѣе яркій свѣтъ на его личность и дѣятельность, словомъ, необходимо исполнить много предварительныхъ работъ, которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій. Только вооружившись всѣмъ этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, можно было бы представить обстоятельную и всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполнѣ его личность и значеніе для украинской и русской литературъ. Не задаваясь такой обширной цѣлью, мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремленій и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій", наконецъ, дать представленіе о томъ, какъ, не смотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ данныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ не проявились вполнѣ—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли безплодно брошенныя имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малороссійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста. [1])

бетъ», «Антоній и Клеопатра», «Мѣра за мѣру», «Много шума изъ ничего», «Гамлетъ» и проч.; называетъ также свои переводы изъ Байрона („Чайльдъ Гарольдъ") и изъ Гейне. Всѣ эти переводы частію уже напечатаны, а частію приготовляются къ печати. Обстоятельный перечень переводовъ Кулиша см. въ „Кіевск. Стар." 1899, IX, 366—379.

[1]) Въ «Исторіи Славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича Кулишъ прямо названъ „наиболѣе ревностнымъ защитникомъ малорусскаго интереса въ литературѣ" (изд. I, 226).

Мы должны оговориться, что въ изложеніи событій, относящихся къ раннимъ годамъ жизни Кулиша до половины сороковыхъ годовъ, мы пользовались, за недостаткомъ другихъ данныхъ, уже напечатанными сочиненіями, именно воспоминаніями г. Чалаго въ „Кіевской Старинѣ" (1897, V) и краткой біографіей Кулиша, напечатанной въ одномъ заграничномъ изданіи. [1]) Притомъ мы будемъ постоянно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, личную жизнь Кулиша, какъ по указаннымъ выше соображеніямъ, такъ и потому, что окончательный трудъ по составленію біографіи Кулиша, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ на себя спеціальнымъ знатокомъ малорусской и русской литературъ и политическихъ отношеній этихъ странъ въ послѣднія десятилѣтія. [2])

I.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился 27 іюля 1819 года въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи, въ коренной Малороссіи, неподалеку отъ Новгородсѣверска. Предки Кулиша извѣстны со временъ Петра Великаго. [3]) Отецъ его происходилъ изъ исконнаго козацкаго рода. Хотя при императрицѣ Екатеринѣ II многіе изъ болѣе выдающихся козацкихъ родовъ начали получать дворянство и къ числу пожалованныхъ принадлежалъ также и дѣдъ Кулиша, несмотря даже на неимѣніе имъ чина, но отецъ нашего писателя, Александръ Андреевичъ, согласно Императорскому указу Николая I, въ качествѣ въ свою очередь невыслужившаго чиновъ,

---

[1]) «Правда» —журналъ, издававшійся въ Львовѣ 1868 г.

[2]) Характеристику литературной дѣятельности Кулиша читатель можетъ найти въ „Исторіи украинской литературы" Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 264—296 и въ „Исторіи русской этнографіи" А. Н. Пыпина, т. III, стр. 188—222.

[3]) Одинъ изъ нихъ былъ при Петрѣ войсковымъ товарищемъ, другой сотеннымъ атаманомъ.

долженъ былъ считаться простымъ козакомъ. [1]) Родители Кулиша слыли за людей зажиточныхъ; они владѣли въ окрестностяхъ Воронежа кое-какими пустошами, лѣсами и полями. Но они были оба простые и неизбалованные люди, вели самый скромный образъ жизни, а отецъ даже самъ пахалъ землю съ наемными рабочими. Это былъ человѣкъ добрый, но вспыльчивый и суровый въ обращеніи, не спускавшій рабочимъ ни малѣйшей оплошности, за что и былъ прозванъ „горячій Кулишъ". Прозвище это унаслѣдовалъ и его даровитый сынъ, но въ примѣненіи къ нему оно получило уже иное, болѣе почетное значеніе. [2])

Отецъ Кулиша женился на гораздо болѣе родовитой, чѣмъ онъ, воронежской дворянкѣ, но его первая жена вскорѣ умерла; оставшись вдовцомъ, онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью сотника Катериной Гладкой. Послѣдняя сначала не хотѣла выходить за вдовца, но упорное сватовство скоро привело къ желанной цѣли. Катерина Ивановна Кулишъ, урожденная Гладкая, сильно побаивалась своего мужа и, говорятъ, трепетала при звукахъ его голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалась вліяніемъ на него въ присутствіи постороннихъ людей, потому что при всемъ крутомъ характерѣ, Александръ Андреевичъ очень гордился умомъ жены и любилъ показывать, какъ онъ ее цѣнитъ и любитъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была женщина простая и необразованная, но замѣчательно умная и добрая. Въ то время въ ху-

---

[1]) По этому указу правъ дворянства лишались лица, не выслужившія чиновъ въ двухъ поколѣніяхъ.

[2]) Кромѣ указанной черты характера, т. е. способности за все браться горячо и все принимать къ сердцу, Кулишъ унаслѣдовалъ отъ отца также необычайное, по истинѣ бенедиктинское, трудолюбіе и неутомимую жажду дѣятельности: какъ въ рукахъ отца спорилось всякое ручное и хозяйственное дѣло, такъ и у сына всегда кипѣла работа и чисто практическаго свойства, вплоть до столярнаго и переплетнаго мастерства и рисованья акварелью, сепіей, масляными красками, карандашемъ и гальванопластикой, но особенно всякое научное и литературное предпріятіе.

торскомъ быту еще никому не приходила мысль обучать грамотѣ дѣвочекъ, и если кто вздумалъ бы заговорить объ этомъ, то ему непремѣнно возразили бы: „а на что это нужно? чтобы она научилась любовникамъ „письма писать?!“ Но, не смотря на невѣжество, женщина эта была такъ богата природнымъ умомъ, что производила на окружающихъ самое внушительное впечатлѣніе. Говорятъ, что когда она посреди бесѣды стремительно вскакивала съ мѣста и дѣлала жестъ, призывавшій къ молчанію, всѣ утихали и слушали. Доброта ея уже видна изъ того, что она горячо привязалась къ своему грозному мужу и при одномъ ласковомъ взглядѣ его забывала горе и слезы, считая себя въ замужествѣ съ нимъ счастливѣйшей женщиной. Изъ многочисленнаго своего семейства Катерина Ивановна съ особенной нѣжностью любила сына Тимоѳея, котораго рано лишилась и потомъ всегда представляла себѣ въ своихъ грустныхъ грезахъ чуть ли не единственнымъ въ мірѣ ребенкомъ. Но не этому любимцу ея, а седьмому или даже восьмому по старшинству ея ребенку было суждено прославить дарованіями свою фамилію.

Мальчикъ Пантелеймонъ родился очень слабымъ; онъ казался чуть живымъ и очень поздно, на третьемъ году, едва началъ говорить, и то какъ-то особенно растягивая слова. Въ одной изъ его повѣстей, напечатанныхъ въ „Основѣ“ подъ заглавіемъ „Другий чоловік“, изображено празднованіе рожденія будущаго писателя; отецъ его зазывалъ на пиръ всѣхъ встрѣчныхъ, такъ что скоро дворъ превратился въ какую-то почтовую станцію, загроможденную экипажами. Когда мальчику было четыре года, умеръ его братъ Тимоѳей. Послѣ этого мать перенесла свою любовь на Пантелеймона, холила и лелѣяла его; отца же онъ побаивался и, подобно матери, дрожалъ, заслышавъ издали его голосъ. Съ своей стороны, отецъ не особенно благоволилъ къ своему, какъ ему казалось, неудачному ребенку, хилому и слабому, тогда какъ онъ особенно цѣнилъ физическія преимущества, обладая и самъ могучимъ тѣлосложеніемъ.

Въ этой малокультурной средѣ, гдѣ не вели толковъ ни о литературѣ, ни о политикѣ, росъ даровитый ребенокъ; впрочемъ

родители его умѣли находить себѣ достойныя развлеченія, и въ домѣ Кулишей, въ кругу близкихъ знакомыхъ, часто пѣлись украинскія пѣсни, разсказывались старинныя преданія. Особенно мать Кулиша славилась дивнымъ голосомъ; она умѣла привлекать къ себѣ своими артистическими наклонностями (разумѣется, достаточными лишь для скромнаго хуторскаго обихода), но еще больше добротой и обходительностью и умѣньемъ ободрить ласковымъ словомъ, подать совѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень религіозна и, обладая замѣчательною памятью, хорошо знала Библію и церковную службу.

Кулишъ рано лишился матери[1]) и, по его словамъ, „взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ его, но утомлялъ чтеніемъ Державина и ариѳметическими задачами“.[2]) Этимъ, впрочемъ, и ограничилась его ученость, что не мѣшало ему, по словамъ сына, быть Аристотелемъ между сосѣдями, причемъ главными данными для такого отзыва служили его природныя дарованія. Кулишъ такъ характеризуетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства“: „Онъ былъ отъ природы человѣкъ очень умный и отличный говорунъ. Жилъ онъ не щегольски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознаніе собственнаго достоинства, которое было-бы въ пору какому-нибудь знатному барону[3]). О своихъ родителяхъ и ихъ вліяніи на себя въ годы дѣтства Кулишъ говоритъ такъ: „Кругомъ нашего хутора не было ни одного

---

[1]) Говоря о матери Кулиша, позволимъ себѣ здѣсь повторить легенду о томъ, что когда ребенкомъ онъ учился у какого-то дьячка и однажды ночевалъ въ школѣ, дьячокъ, проснувшись, увидѣлъ свѣтъ въ хатѣ и за столомъ пишущаго Панюшу; на вопросъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, дьячекъ не получилъ отвѣта и вдругъ замѣтилъ, что свѣтъ погасъ, а мальчикъ спокойно спитъ подлѣ него. Мать считала этотъ сонъ пророческимъ.

[2]) «Воспоминанія дѣтства», стр. 119. Бахмутъ 1899 г.—Ниже вездѣ указаны точныя цитаты приводимыхъ мѣстъ выраженій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ взяты изъ ненапечатанныхъ писемъ.

[3]) Тамъ же, стр. 105.

значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые пріобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны" [1]). Но дѣтство Кулиша не было совершенно лишено сердечнаго женскаго вліянія; передъ нимъ мелькнула одна загадочная и оригинальная личность, Ульяна Терентьевна Мужиловская, сперва окружившая себя небывалой роскошью и блескомъ среди убогой простоты хуторскаго быта, гдѣ казалась чудомъ ея роскошная мебель, серебряная и фарфоровая посуда и картины на стѣнахъ, а потомъ все роздавшая бѣднымъ и не оставившая себѣ ничего изъ прежнихъ благъ. Хуторъ ея, казавшійся невиданнымъ въ провинціальной глуши дворцомъ, и сама владѣтельница, проникнутая строгимъ и идеальнымъ взглядомъ на жизнь, отказавшаяся потомъ отъ міра и постригшаяся въ монахини, произвела глубокое впечатлѣніе на душу воспріимчиваго мальчика и представлялась его воображенію какимъ-то высшимъ, почти неземнымъ существомъ. Кулишъ потомъ навѣщалъ ее въ годы студенчества, а когда сталъ зарабатывать достаточно денегъ, всегда помогалъ ей, и даже въ половинѣ 50-хъ годовъ, среди собственныхъ нуждъ, находилъ небольшія деньги, чтобы выплачивать назначенную пожизненную пенсію. Эту личность онъ изобразилъ въ своей повѣсти „Исторія Ульяны Терентьевны". Заграничная біографическая записка о Кулишѣ, приписывая важное значеніе вліянію Ульяны Терентьевны на зарожденіе въ его душѣ идеализма, называетъ ее второй матерью. Кулиша [2]) и указываетъ на сходство въ ихъ судьбѣ, именно въ

---

[1]) «Воспоминанія Дѣтства», стр. 119,

[2]) Это мнѣніе подтверждается собственными словами Кулиша, который въ «Воспоминаніяхъ дѣтства» называетъ ее „благодѣтельной

томъ, что оба они, увлекшись идеалистическими стремленіями испортили себѣ жизнь, если смотрѣть на дѣло съ внѣшней, практической стороны.[1]) Ульянѣ Терентьевнѣ Кулишъ былъ обязанъ и тѣмъ, что былъ отданъ въ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Не располагая большими средствами и не получивъ самъ образованія, отецъ Кулиша едва-ли могъ бы остановиться на этой мысли, но онъ не рѣшился отказать уважаемой имъ Ульянѣ Терентьевнѣ, и ей, такимъ образомъ, принадлежитъ заслуга спасенія мальчика отъ духовнаго мрака предковъ, въ который онъ легко погрузился бы, еслибы осуществились мечты его отца отдать его па службу въ повѣтовый судъ.

Такъ какъ Новгородсѣверскъ отстоитъ отъ мѣстечка Воронежа на разстояніи тридцати верстъ, то мальчикъ былъ отданъ въ чужой домъ. Его помѣстили у одной офицерской вдовы Хлопотовой, знакомой отца, но послѣдняя жила такъ далеко отъ училища, что мальчику приходилось съ немалыми затрудненіями добираться въ дождливую погоду до училища по грязнымъ буеракамъ и косогорамъ. Въ домѣ своей хозяйки увидѣлъ Кулишъ ту самую Ѳеклушу, которая была имъ потомъ изображена въ повѣсти того же названія, но авторъ отступилъ отъ истины въ изображеніи конца своей героини, которая у него топится въ рѣкѣ, тогда какъ настоящая Ѳеклуша выбросилась изъ окна („покинулась").

феей" и говоритъ о ней, что „каждое его воспоминаніе о ней проникнуто умиленіемъ и всѣ ея поступки обвѣяны дыханіемъ поэзіи» (стр. 196). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Не мужское дѣло воспитывать дѣтей: ихъ дѣло профессорствовать. Женщинѣ ввѣренъ драгоцѣнный долгъ питать и согрѣвать юную раскрывающуюся душу" (242). Наконецъ онъ прямо говоритъ: „Съ умиленіемъ пишу о ней, пишу съ чувствомъ сына, молящагося на могилѣ матери" (стр. 145). Эта тихая, сердечная и вмѣстѣ умная и образованная женщина отчасти способствовала даже пробужденію въ Кулишѣ научной любознательности (см. стр. 205, 206, 222 и пр.), но особенно имѣла благотворное вліяніе на его нравственное развитіе (245).

[1]) «Правда», Львовъ, 1868, стр. 32.

Въ училищѣ Кулишъ продолжалъ свою дружбу съ Чуйкевичемъ и сблизился съ новымъ товарищемъ Діонисіемъ Подпружниковымъ, а изъ учителей ему навсегда остался памятенъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, изображенный имъ впослѣдствіи въ повѣсти того-же заглавія, большой оригиналъ „выражавшійся языкомъ, какимъ писались книги прошлаго столѣтія".[1]) Онъ преподавалъ ариѳметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. По старинному обычаю учитель требовалъ отъ своихъ питомцевъ не столько познаній и любви къ наукамъ, сколько доброхотныхъ приношеній живностью и мукой, и пока отецъ Кулиша не догадался объ этомъ, сынъ его не былъ на хорошемъ счету, но послѣ приношеній ученическая репутація мальчика стала быстро возвышаться, не смотря на то, что въ раннемъ возрастѣ духовныя силы его развивались туго и никакъ не позволяли пока провидѣть въ немъ будущаго литератора. Но рано дала себя знать артистическая жилка, сказавшаяся прежде всего въ мастерскихъ рисункахъ. Можно сказать, что Кулишъ отъ природы имѣлъ такое же призваніе къ живописи, какъ къ литературѣ и наукѣ; еще ребенкомъ онъ научился самоучкой чертить мѣломъ на стѣнахъ лошадей, церкви и т. п. Любопытно, что не только школьный учитель Кулиша, увидѣвъ въ первый разъ его рисунки, ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли принадлежать карандашу его ученика, пока не убѣдился въ томъ очевидностью; но и помощникъ попечителя кіевскаго округа Юзефовичъ, будущій покровитель Кулиша, впалъ впослѣдствіи въ такое же сомнѣніе и также былъ пораженъ искусствомъ. Впрочемъ въ годы ученія большой помѣхой для успѣховъ Кулиша въ рисованіи было невѣжество въ своемъ предметѣ его учителя рисованія Кириллова, который скоро принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи руководить своего питомца. Но, сойдясь съ своимъ товарищемъ Глотовымъ, Кулишъ, по словамъ Чалаго, „заключилъ съ нимъ союзъ взаимопомощи: Глотовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жан-

---

[1]) „Воспоминанія дѣтства", стр. 27.

ристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы.[1]) Мало пользы принесъ Кулишу и Яковъ Яковлевичъ, не умѣвшій толково разъяснять уроки ариѳметики, такъ что Кулишъ шелъ успѣшно, лишь пока проходили первыя дѣйствія, объясненныя ему еще дома, но встрѣтилъ потомъ большія затрудненія, когда дошелъ до дробей, тогда какъ его товарищъ Подпружниковъ, обладая сильной механической памятью, вполнѣ удовлетворялъ наставника своего. Къ обученію своему подъ ферулой Якова Яковлевича Кулишъ относился потомъ съ добродушной насмѣшливостью. Однажды, уже въ 1853 г., онъ писалъ И. С. Аксакову, выражая сожалѣніе о томъ, что ему въ дѣтствѣ мало удалось наслаждаться малороссійской деревенской весной: „Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ,"—говорилъ онъ—„я дышалъ уличною пылью, а вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ учительское объясненіе Якова Яковлевича". Не смотря на неблагопріятную обстановку, способности Кулиша стали быстро развертываться въ школѣ, такъ что, едва переведенный, единственно за красивый почеркъ, изъ приготовительнаго класса въ первый (ему сильно мѣшало тогда пониманіе книжнаго русскаго языка), Кулишъ сдѣлался потомъ первымъ ученикомъ и во многомъ опередилъ товарищей; онъ сталъ быстро рѣшать въ умѣ задачи, прекрасно владѣлъ языкомъ, а грамматика и правописаніе усваивались имъ со сказочной легкостью и быстротой, какъ будто ученіе сразу далось какимъ-то чудомъ. Но особенно замѣчательна была его способность писать и запоминать стихи и рано пробудившееся въ немъ эстетическое чувство. Любимымъ поэтомъ его всю жизнь былъ Пушкинъ, стихи котораго онъ часто цитировалъ въ устной бесѣдѣ и въ письмахъ, но на школьной скамьѣ онъ увлекался преимущественно балладами Жуков-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 294.

скаго и отчасти стихотвореніями Державина.[1]) Въ своемъ преклоненіи передъ поэзіей онъ встрѣтилъ живое сочувствіе въ лицѣ товарища Сердюкова, который, будучи двумя годами старше его, при хорошей памяти, едва могъ равняться съ Кулишомъ своими познаніями въ области русской поэзіи, хотя превосходилъ его во всѣхъ другихъ предметахъ и нерѣдко, какъ бы заступая для него мѣсто учителя, помогалъ ему своими объясненіями. Изъ своихъ товарищей Кулишъ очень полюбилъ Чуйкевича и Подпружникова; Сердюкова же онъ уважалъ до того, что этотъ мальчикъ казался ему ученѣе ихъ общихъ учителей. Дойдя до четвертаго класса гимназіи, Кулишъ имѣлъ столкновеніе съ учителемъ алгебры, притѣснявшимъ учениковъ и вынуждавшимъ ихъ брать у себя частные уроки. Когда однажды Кулишъ замялся въ рѣшеніи одной задачи и получилъ отъ учителя замѣчаніе, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ: „Колы поставыте мене навколишкы, то закыну на викы алгебру, якъ же на сей разъ мени простыте,—буду добрымъ учнемъ". Учитель, однако поставилъ его на колѣни, а Кулишъ бросилъ алгебру. На экзаменѣ въ присутствіи директора Тимковскаго Кулишъ сказалъ, что онъ ровно ничего не знаетъ изъ алгебры; но послѣдній, зная способности мальчика, выставилъ ему хорошій баллъ, взявъ съ него слово, что онъ займется этимъ предметомъ.

II.

Ранніе годы Кулиша прекрасно описаны имъ въ его „Восминаніяхъ дѣтства"", составившихся изъ повѣстей „Яковъ Яковлевичъ", Ульяна Терентьевна" и „Ѳеклуша". Всѣ эти повѣсти біографическія и представляютъ значительный интересъ какъ по мѣткому и правдивому изображенію старинной жизни въ одномъ изъ незамѣтныхъ уголковъ Россіи, такъ и по мастерской обрисовкѣ нѣсколькихъ ярко очерченныхъ лицъ. Какъ въ зер-

---

[1]) См. „Воспоминанія дѣтства», стр. 164.

калѣ здѣсь отражается незатѣйливая простота провинціальнаго быта и нравовъ со всей своей безцвѣтностью и однообразіемъ; передъ нами проходятъ силуэты безхитростныхъ людей, обреченныхъ на безпросвѣтное прозябаніе въ мертвой глуши, прозябаніе, не свободное однакоко-жъ отъ бурь и страстей. Содержаніе всѣхъ повѣстей составляетъ задушевное воспроизведеніе впечатлѣній нѣжнаго и отзывчиваго подростка, сумѣвшаго тонко подмѣтить и оцѣнить въ окружавшихъ его заурядныхъ людяхъ много истинно-прекраснаго; разсказъ ведется ретроспективно, съ точки зрѣнія пытливой дѣтской наблюдательности. Психологически вѣрно изображена свѣжесть и чуткость дѣтскихъ впечатлѣній, живо схваченъ, такъ сказать, самый тонъ чувствъ и ощущеній мальчика лѣтъ 12—14-ти и живо представлено его положеніе въ кругу взрослыхъ. Передъ нами смышленый ребенокъ, одаренный живымъ воображеніемъ и зоркой наблюдательностью, еще вполнѣ живущій впечатлѣніями минуты и безпечно приглядывающійся къ старшимъ; онъ легко сживается съ ними и невольно располагаетъ къ себѣ своей чистой дѣтской привязанностью, а часто оказывается догадливѣе[1]) и даже проницательнѣе ихъ, вполнѣ сохраняя въ то же время свойственныя возрасту наивность и простодушное невѣдѣніе жизни. Авторъ имѣлъ поэтому право сказать, что въ дѣтствѣ ему „міръ представлялся свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чуетъ себя и спѣшитъ сблизиться" и что его „душа была тогда довѣрчиво открыта любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію". „Боже"—продолжалъ онъ—„какъ я не похожъ теперь на того цвѣтущаго всѣми силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе".[2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „все, что поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ моей душѣ, живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить ни малѣйшаго

---

[1]) Забавно между прочимъ, какъ однажды онъ надоумливаетъ своего стараго учителя поцѣловать ручку у невѣсты.

[2]) «Воспоминанія дѣтства», стр. 111.

обстоятельства моего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радости и грусти, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣній". [1]) Благодаря этимъ качествамъ, Кулишу удалось много извлечь для своего духовнаго развитія изъ самой скудной обстановки и потому онъ такъ страстно потомъ отыскивалъ возвратную дорогу въ тѣ годы, которымъ нѣтъ возврата„. [2]) Но всего привлекательнѣе было въ подросткѣ пробуждавшееся живое чувство красотъ природы и поэзіи и теплая отзывчивость сердца на доброту и ласку. Съ какою любовью, напримѣръ, онъ восхищался, какъ „вечернее солнце играло на сѣдыхъ волосахъ" [3]) старика и умѣлъ находить красоту въ самыхъ простыхъ пейзажахъ: „Какъ хорошо потянулись внизъ по рѣкѣ горы, на которыхъ бѣдные домики городка Н. усѣлись между садовъ, точно гуси на лугу. Какъ ярко сіяютъ монастырскія главы!" и проч. Благодатные природные задатки способствовали устраненію и смягченію всякихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, если вѣрить слѣдующимъ словамъ Кулиша: „Я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердца". [4]) Какъ видно изъ одного признанія автора, онъ искалъ въ бесѣдѣ съ читателемъ сердечнаго отклика на дорогія чувства, желая въ то же время воздать честь памяти симпатичныхъ ему людей и подѣлиться этой свѣтлой памятью съ другими. Задача—дать почувствовать душевную красоту неэффектныхъ героевъ и заставить ихъ полюбить такъ, какъ любилъ ихъ связанный съ ними интимными воспоминаніями авторъ,—это задача не изъ легкихъ, и удачное ея разрѣшеніе дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ большую честь какъ искусству его пера, такъ и краснорѣчію сердца. Читая эти воспоминанія, проникнутыя и согрѣтыя любовью, невольно думаешь, что не такъ

---

[1]) Стр. 117.
[2]) Стр. 388.
[3]) Стр. 118.
[4]) Стр. 130.

бѣдна человѣческая природа, какъ часто кажется, но что не всегда душа наблюдателя бываетъ одарена такою чуткостью ко всему доброму, какъ мы видимъ это у нашего автора.

III.

Еще въ школѣ Кулишъ дѣлалъ большіе успѣхи въ словесныхъ предметахъ; онъ охотно писалъ товарищамъ планы для предложенныхъ сочиненій, а исторію Кайданова, благодаря изумительной памяти, зналъ почти наизусть и даже, подъ вліяніемъ этого реторическаго руководства, въ отвѣтахъ употреблялъ напыщенныя выраженія, которыя при воспоминаніи возбуждали въ немъ смѣхъ въ зрѣлые годы. Раздѣляя съ нимъ любовь къ словесности, пріятель товарищъ его, Сердюковъ, охотнѣе изучалъ нѣмецкую литературу и увлекался поэзіею |Гете, тогда какъ Кулишъ совершенно погрузился въ родную украинскую словесность и, отставъ отъ товарища въ начитанности, превзошелъ его раннимъ авторствомъ, пробуя свои силы на небольшихъ повѣстяхъ, какъ напр. „Цыганъ", появившейся въ изданномъ Гребенкой въ 1841 г., альманахѣ „Ластівка". Когда до Кулиша дошли первыя повѣсти Гоголя, восторгамъ его не было границъ; въ то же время онъ упивался произведеніями Квитки, особенно „Марусей".

Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ упоеніемъ, съ той жаркой юношеской страстью къ народной поэзіи, которую зажегъ въ душѣ юноши случайно попавшійся въ его руки сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. Объ этомъ событіи въ своей жизни Кулишъ такъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ:" „Николаша" (Костомаровъ), какъ мы всѣ, питомцы общерусскихъ школъ, въ началѣ пренебрегалъ хохлатчиною и думалъ на языкѣ Пушкина. Но съ обоими нами, на двухъ отдаленныхъ точкахъ Малороссіи, произошелъ замѣчательный случай. Ему въ Харьковѣ попалъ въ руки сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1827 г., а я въ Новгородъ Сѣвер-

скомъ также случайно сдѣлался обладателемъ украинскихъ думъ и пѣсенъ того же Максимовича, 1834 г. Мы оба въ одинъ день изъ великорусскихъ народниковъ сдѣлались народниками малорусскими".[1]) Подѣлился Кулишъ своей радостью съ Сердюковымъ, и забыли они надолго обо всемъ, чѣмъ увлекались прежде, и скоро вѣсть о чудной находкѣ облетѣла всѣхъ одноклассниковъ-гимназистовъ. Кулишъ сталъ приносить въ классъ сборникъ и увлекалъ товарищей молодой, захватывающей душу, восторженной декламаціей. Сильно западаютъ впечатлѣнія въ ранніе годы, и цѣлый новый міръ обаятельныхъ поэтическихъ образовъ открылся воображенію юноши: національная старина ожила и получила глубокій смыслъ для юнаго патріота, и глубоко хватали его за сердце то разгульныя и бодрыя, то заунывныя, но всегда очаровательныя своей задушевностью украинскія мелодіи. Хмельницкій, Сагайдачный, Дорошенко, Коновченко безпрестанно мелькали въ его воображеніи и возбуждали въ немъ глубочайшую симпатію. Всю книгу выучилъ Кулишъ наизусть и никогда потомъ, не разставался надолго съ излюбленнымъ сборникомъ. Когда Кулишъ пѣлъ столь полюбившіяся ему пѣсни, въ звуки ихъ онъ влагалъ свою душу и своимъ увлеченіемъ неудержимо заражалъ слушателей.

Не смотря на свою любовь къ наукѣ и поэзіи и на быстро развивавшіяся способности, а частью, можетъ быть, даже благодаря имъ, Кулишъ, въ надеждѣ черезъ нѣкоторое время выдержать экзаменъ въ только что учреждавшійся кіевскій университетъ, противъ воли отца, оставилъ гимназію. Но какъ гимназистъ, вышедшій изъ пятаго класса, онъ могъ, по тогдашнимъ правиламъ, получить право на университетское испытаніе не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось взять на себя обязанности домашняго учителя въ помѣщичьихъ домахъ. Тогда-то онъ началъ въ свободное время являться среди народа и, мастерски умѣя войти во вкусы и довѣріе своихъ собесѣдниковъ, затрагивалъ самыя чуткія струны

---

1) «Новь», 1885, № 13, стр. 63.

ихъ души. Его, обращенная къ нимъ задушевная рѣчь, его воодушевленная, льющаяся изъ души пѣснь легко пролагали себѣ дорогу къ ихъ сердцу. Кулишъ обращался съ простолюдиномъ, какъ другъ, забывая о своей принадлежности къ привилегированному сословію, и безъ всякихъ заднихъ мыслей, которыя, какъ бы ни были благородны и самоотверженны, всегда имѣютъ свойство возбуждать въ народѣ инстинктивную подозрительность и недоброжелательство. Кулишъ же обходился съ людьми изъ народа, какъ съ младшими братьями, не по принципу, а просто по побужденію сердца, чѣмъ и производилъ неотразимое обаяніе. Такимъ характеромъ отличались его отношенія къ народу отъ ясной зари до поздняго заката его дней. Слушая, какъ онъ декламируетъ на память думы, народъ чувствовалъ въ немъ своего искренняго, а въ звукахъ исполняемыхъ имъ мелодій ему слышалось что-то родное, кровное и невыразимо-дорогое. Въ такія минуты высокаго наслажденія забывались прозаическія заботы; душа пѣвца и слушателей сливались, переполняясь счастьемъ тихой грусти, которая дороже и выше всякаго веселья. Такъ устанавливалась между Кулишомъ и его аудиторіей столь сердечная связь, что о немъ сложилась наивная легенда, будто бы онъ—переодѣвшійся въ національный костюмъ царскій сынъ. Одинъ старикъ, сзывая своихъ сыновей слушать пѣніе Кулиша, въ отвѣтъ на обнаруженное ими удивленіе, такъ какъ дѣло было въ будни, сказалъ: „работа не уйдетъ, а *такого* гостя больше не увидимъ!“ То же наивное, но задушевное сочувствіе выразилось впослѣдствіи и въ хуторскихъ разсказахъ послѣ смерти Кулиша о томъ, будто бы онъ былъ похороненъ въ золотой трунѣ, т. е. въ золотомъ гробѣ.

IV.

Не сразу удалось Кулишу осуществить свою мечту о поступленіи въ университетъ: въ первый разъ онъ явился на экзаменъ, повидимому, съ недостаточнымъ научнымъ багажемъ, вслѣдствіе чего ему пришлось вновь обратиться къ занятіямъ домашняго

наставника; но черезъ годъ, вернувшись опять въ Кіевъ, онъ уже выдержалъ испытаніе и сталъ слушать лекціи сначала по словесности, а потомъ по юридическому факультету. Запасаясь такимъ образомъ разносторонними познаніями въ аудиторіяхъ, въ лѣтнее время онъ вступалъ въ живое общеніе съ народной массой и, становясь къ ней лицомъ къ лицу, обогащалъ свой языкъ складомъ народной рѣчи и глубокимъ знаніемъ народной жизни. По мнѣнію г. Чалаго, малороссійскимъ „языкомъ Кулишъ владѣлъ въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему писателей“ [1]). Около 1837—1838 г. Кулишъ, по словамъ его друга, В. М. Бѣлозерскаго, служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ правленіи лицея кн. Безбородко. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Кулишѣ г. Чалый сообщаетъ далѣе слѣдующія подробности: „Въ 1839 г. былъ вновь открытъ университетъ св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но по неимѣнію документа о дворянскомъ происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. [2]) О студенческихъ годахъ Кулиша г. Чалый, поступившій въ университетъ годомъ позднѣе, разсказываетъ такъ: „Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 295.

[2]) Лишенный такимъ образомъ возможности получить университетское образованіе, въ одномъ изъ писемъ своихъ (на галицко-русскомъ языкѣ) онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: «Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, «да мій панотець зиставсь десятолиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію, колы и я отъ ничого не вдіявъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той, що не схотивъ бачыты риднои матери, злыденнои вдовыци-попади и выславъ ій 25-рублевый папирець,—прысипавсь до мене, щобъ дворяньскый протоколъ напысанъ бувъ въ Черныгови на мое, а не панотцеве имъя, а покы що, не дозволывъ мени слухаты лекціи, а я, pессuniarum causa, не мигъ узять на себе «гиркои по судахъ волокиты».

отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и П. Е. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили въ Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я—совершеннѣйшій провинціалъ-простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія" (повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина"),—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извозчика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать". [1]) Эти строки рисуютъ добрый и обходительный характеръ Кулиша.

Въ университетѣ Кулишъ слушалъ по словесности лекціи Максимовича. Ему удалось, съ своей стороны, сдѣлать вкладъ въ его собраніе пѣсенъ, представивъ въ распоряженіе его тѣ, которыя были нѣкогда записаны имъ отъ матери; Максимовичу же для напечатанія въ альманахѣ „Кіевлянинъ" передалъ Кулишъ и двѣ сочиненныя имъ легенды о воронежскихъ козакахъ. Полюбивъ талантливаго юношу, Максимовичъ сталъ приглашать его къ себѣ, и часто они вмѣстѣ пѣли украинскія пѣсни и читали Вальтеръ-Скотта. Юноша съ жадностью ловилъ объясненія любимаго профессора-словесника, и именно этому профессору онъ былъ больше всѣхъ обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ прочіе держали студентовъ въ значительномъ отъ себя отдаленіи и обращались съ ними съ олимпійскимъ высокомѣріемъ. Но при всемъ расположеніи къ Кулишу любимаго профессора, ничто не могло спасти его, когда съ одной стороны для молодого человѣка наступило время крайней нужды, а съ другой къ оставленію almae matris его побуждало неимѣніе нѣкоторыхъ нужныхъ документовъ, и Кулишу

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897 г., V, 295—296.

не удалось окончить университетскаго курса, подобно тому какъ раньше онъ преждевременно оставилъ гимназію.

Стараясь всячески помочь Кулишу, Максимовичъ далъ о немъ самую лестную рекомендацію Юзефовичу, бывшему сперва инспекторомъ училищъ, а потомъ помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Онъ также оцѣнилъ съ своей стороны молодого человѣка; Кулишъ впослѣдствіи печатно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, „которому онъ, въ первоначальномъ образованія своемъ, обязанъ больше, чѣмъ кому-либо, изъ предшествовавшаго поколѣнія". [1]) Юзефовичъ назначилъ Кулиша учителемъ въ луцкое дворянское училище, находившееся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обладая прекрасной библіотекой, обогащенной „конфискованными, по распоряженію генералъ-губернатора Бибикова, библіотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣдкими изданіями, и состоявшей изъ 1500 томовъ". „Эта библіотека", продолжаетъ г. Чалый,—„весьма много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недостаточнаго образованія. Въ библіотекѣ, между прочимъ, находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ". [2])

Въ Луцкѣ П. А. Кулишъ подружился съ своимъ новымъ товарищемъ, учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ, который былъ десятью годами старше его; ему онъ также былъ многимъ обязанъ, какъ опытному руководителю и другу. Кулишъ оправдалъ здѣсь возлагаемыя на него Максимовичемъ и Юзефовичемъ надежды. Онъ не только безъ труда справлялся съ новыми обязанностями, но находилъ время и для изученія иностранныхъ языковъ, которое подвигалось съ большой быстротою: пріѣхавъ въ Луцкъ почти профаномъ въ данномъ отношеніи, что̀ и составляло тогда его слабую сторону, онъ незамѣтно научился свободно читать по-французски. Впослѣдствіи онъ въ совершенствѣ изучилъ, кромѣ малороссійскаго и русскаго, еще

---

1) «Новь», 1885, № 13, стр. 61.

2) «Кіевская Старина», 1897, V, 296—297.

польскій языкъ, также древнеславянскій, на которомъ любилъ потомъ говорить и переписываться съ Костомаровымъ, и хорошо узналъ нѣмецкій, итальянскій, испанскій, англійскій, а также латинскій. Вскорѣ онъ прочелъ на французскомъ языкѣ Вальтеръ-Скотта и, вдохновленный его романомъ, „Карлъ Смѣлый", написалъ и издалъ въ 1843 г. „Михаила Чарнышенка", своего литературнаго первенца (если не считать незначительные ранніе опыты).

Въ молодомъ Кулишѣ жизнь била ключемъ: по всѣмъ воспоминаніямъ, мы видимъ въ немъ, въ занимающую насъ пору, человѣка веселаго, не чуждаго увлеченій женской любовью, человѣка общительнаго и пріятнаго въ дружескомъ кругу и даровитаго работника на литературной аренѣ. Кулишъ писалъ такъ легко и успѣшно, что поражалъ близкихъ ему людей даромъ безъ малѣйшаго напряженія и безъ поправокъ излагать свои мысли въ красивой и изящной формѣ. Эта способность сохранилась у него до самой смерти. Кстати замѣтимъ, что онъ обладалъ также изящнымъ, щегольскимъ почеркомъ, и всѣ его рукописи были всегда такъ чисто и хорошо написаны уже начерно, что только нѣкоторыя вставки на поляхъ, дѣлаемыя имъ почему-нибудь въ видѣ прибавокъ на основаніи какихъ-нибудь вновь полученныхъ историческихъ документовъ, могли служить единственной причиной, вслѣдствіе которой Кулишъ имѣлъ иногда нужду въ перепискѣ, при чемъ эту работу онъ никогда не поручалъ другимъ лицамъ. Не менѣе удивлялъ онъ, по свидѣтельству г. Чалаго,—„и искусствомъ передавать на бумагѣ житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ" [1]).

V.

„При кратковременномъ пребываніи въ Луцкѣ"—разсказывалъ намъ со словъ Кулиша В. М. Бѣлозерскій—„Кулишъ пріобрѣлъ множество научныхъ свѣдѣній. Большая училищная биб-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, 297.

ліотека въ 1500 томовъ много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и пополнила пробѣлы недоконченнаго образованія".

„Между знакомыми Хильчевскаго было немало поляковъ, съ которыми онъ познакомилъ Кулиша, жившаго съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша влекла его и въ женское общество; онъ между прочимъ влюбился на короткое время разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ № 1 и № 2, недоумѣввя, которой отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому его занималъ № 1, племянница бывшаго профессора Кременецкаго лицея, Зиновича. Кулишъ своей обаятельной личностью очень нравился Хильчевскому, воскрешая для него родную Малороссію; говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполнѣ счастливыми и довольными своей судьбой. Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни продолжалось недолго: въ срединѣ года въ училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глыбовскій, изъ Чернигова. Несимпатичная, невѣжественная личность новаго начальника поселила между учителями разладъ; особенно ожесточенную войну съ смотрителемъ повелъ горячій и нетерпѣливый Кулишъ. „Я не люблю горячаго Кулиша", сказалъ однажды Глыбовскій. „Бо собакы не люблять гарячаго", отвѣчалъ Кулишъ.

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе библіотекарю Хильчевскому за то, что онъ оставлялъ по цѣлымъ днямъ въ библіотекѣ Кулиша одного. Кромѣ того, учителя открыли въ Глыбовскомъ весьма неблаговидный порокъ: онъ бралъ взятки и отъ родителей, и отъ квартиросодержателей; поэтому учителя отправили попечителю, князю Давыдову, коллективную просьбу избавить училище отъ позора. Послѣдствіемъ было то, что Глыбовскаго куда-то удалили, но вслѣдъ затѣмъ Хильчевскаго понизили по службѣ, перемѣстивъ его изъ дворянскаго луцкаго въ роменское уѣздное училище, а Кулиша перевели въ Кіево-подольское дворянское училище, и

онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего одинъ годъ. [1]) Впрочемъ успѣхи Кулиша на служебномъ поприщѣ были въ сущности второстепенными: онъ написалъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, какъ-то идилію „Орися“, поэму „Украина“ и проч. и при этомъ такъ быстро подвигался въ смыслѣ развитія и самообразованія, что интимный кругъ его друзей вскорѣ составляли уже такіе люди, какъ извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій, сразу оцѣнившій его талантъ и отнесшійся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что Кулишъ считалъ время

---

[1]) Семь мѣсяцевъ пробылъ Кулишъ преподавателемъ Луцкаго училища. Въ служебномъ аттестатѣ его находимъ слѣдующія свѣдѣнія о его первоначальной службѣ: „Въ службу вступилъ исполняющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10 дня; перемѣщенъ въ таковую же должность въ Кіево-печерское дворянское училище въ томъ же году августа 21; въ Кіево-подольское дворянское училище—въ томъ же году декабря 25; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотрудникомъ при временной коммиссіи для собиранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ пятую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 октября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію, на два съ половиной года... 1886 г. октября 22“. Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку потому, что, несмотря на сухость оффиціальнаго тона, она является въ высшей степени замѣчательной и краснорѣчивой въ смыслѣ яркаго доказательства *необыкновенныхъ успѣховъ* Кулиша на служебномъ поприщѣ, почти неимовѣрныхъ *при отсутствіи протекціи и связей.*

своего знакомства съ нимъ во многихъ отношеніяхъ лучшей порой жизни.

Наконецъ, настала знаменательная пора перваго знакомства Кулиша съ Костомаровымъ и Шевченкомъ. О томъ и другомъ мы узнаемъ изъ не разъ названной статьи его „Воспоминанія о Костомаровѣ".

„Однажды"—говоритъ Кулишъ—„засталъ я у Юзефовича магистра Харьковскаго университета, Н. И. Костомарова, въ широковѣщательной бесѣдѣ о козакахъ, до которыхъ мы всѣ были большіе охотники, я же лично былъ преисполненъ такой любви къ ихъ подвигамъ, что лѣтописныя о нихъ сказачія и пѣсни хранилъ въ памяти, какъ малорусскую „Иліаду". Принявъ участіе въ бесѣдѣ, я привелъ цѣликомъ длинную тираду изъ какой-то лѣтописи. Костомарова поразило такое рьяное изученіе малорусской письменности, и мы съ перваго обмѣна мыслей сдѣлались близкими знакомыми" [1]). Скоро сближеніе дошло до того, что они „проговаривали напролетъ цѣлыя лѣтнія ночи и въ своихъ ночныхъ прогулкахъ, сопровождавшихся нестѣсненнымъ никакими еще страхами ораторствомъ",—продолжаетъ Кулишъ,—„стороннему наблюдателю мы могли казаться пьяными. Избытокъ мечтательности, основанной на любви къ лучшему (какъ мы были убѣждены) изъ народовъ, дѣлалъ насъ восторженными" [2]).

Оригинально было начало знакомства Кулиша съ Шевченкомъ. „Когда я сидѣлъ за мольбертомъ, утопая въ игрѣ линій, тоновъ и красокъ", разсказываетъ Кулишъ—„передо мною появилась невѣдомая еще мною фигура Шевченка, въ парусинномъ балахонѣ и въ такомъ же картузѣ, падавшемъ ему на затылокъ, подобно козацкому шлыку.

---

[1]) «Новь», 1885, № 13, стр. 61. Въ «Правдѣ» объ этомъ разсказано такъ: «Вдарило Костомарова, що Кулишъ напамъять проказавъ аргументъ свій изъ литописи. Винъ разомъ зъ нымъ выйшовъ видъ Юзефовича и—скажемо такъ—*учепывсь ёму въ полу*». (1868 г. стр. 296—297.

[2]) «Новь», 1885, № 13, стр. 62,

— „А вгадайте, хто?"—это были первыя слова Тараса, произнесенныя тѣмъ очаровательно-веселымъ и беззаботнымъ голосомъ, который привлекалъ къ нему и женщинъ и дѣтей. Я отвѣчалъ: „Шевченко".

— „Винъ", отвѣчалъ Тарасъ, засмѣявшись такъ, какъ смѣются наши молодицы. Тогда онъ не носилъ еще усовъ и на лицѣ было много женственнаго.

— „Чы нема въ васъ чаркы горилкы?"—Это была вторая, услышанная мною отъ Шевченка, фраза. [1])

Съ Костомаровымъ Кулишъ особенно сошелся и жилъ съ нимъ душа въ душу, а Шевченко иногда коробилъ его своимъ цинизмомъ, тогда какъ, съ другой стороны, ультрадемократу Шевченку Кулишъ представлялся аристократомъ. Деликатный и сдержанный въ рѣчахъ, рѣдко позволявшій себѣ двусмысленности и цинизмъ, Кулишъ, хотя и любилъ Шевченка и охотно проводилъ время въ его обществѣ, особенно часто отправляясь съ нимъ въ бытность въ Кіевѣ на рыбную ловлю, но не могъ чувствовать въ немъ такую же духовно-нравственную личность и находить въ его обществѣ такое же глубокое удовлетвореніе, какъ въ обществѣ Костомарова.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Тамъ же, стр. 64.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе [1]).

5. Козацкія насилія во время походовъ.

Если въ мирное время общественная безопасность въ Малороссіи была нарушаема разными „прибышами“ и „нетягами“, то въ военную пору, при переходахъ козацкихъ полковъ, такими нарушителями нерѣдко оказывались сами же козаки. Это зло— насилія военныхъ людей надъ гражданами своей же земли— было обычнымъ явленіемъ въ исторіи всѣхъ народовъ, а въ странахъ малокультурныхъ, напр. въ Турціи, Китаѣ и др., оно въ большей или меньшей степени не исчезло и донынѣ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военное ополченіе состояло изъ людей наемныхъ, нерѣдко иноземцевъ, тамъ солдатскія своевольства и насилія обыкновенно достигали размѣровъ настоящаго народнаго бѣдствія, по своей тяжести мало уступавшаго ужасамъ непріятельскаго вторженія. Пальму первенства въ этомъ отношеніи безспорно заслужили польскіе жолнеры, неистовства которыхъ въ XVII—XVIII вв. вызывали непрерывный, хотя и безполезный вопль

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 1.

негодованія у современныхъ писателей, сеймовыхъ ораторовъ и проповѣдниковъ; актовыя книги южнорусскихъ воеводствъ также полны вопіющихъ жалобъ на эти неистовства. Козацкое войско уже въ силу того, что оно являлось народнымъ ополченіемъ, не могло вести себя столь варварски по отношенію къ мирному населенію своей страны; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда козакамъ приходилось дѣйствовать на территоріи, хотя принадлежавшей враждебному государству, но населенной ихъ же единоплеменниками, напр. на Волыни или въ Галичинѣ, они не забывали о племенной связи, соединявшей ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ и, безжалостно истребляя евреевъ и поляковъ, грабя подчасъ имѣнія и южнорусскихъ пановъ, мало или вовсе не обижали мѣстное посполъство. Надобно еще имѣть въ виду, что въ исключительныхъ случаяхъ, когда война принимала характеръ внутренней усобицы, наряду съ правильно организованными козацкими полками дѣйствовали еще партизантскіе отряды, подъ именемъ дейнекъ, левенцевъ и др., рекрутированные чаще всего изъ разныхъ „гультяевъ“, „нетягъ“ и тому подобнаго сброда и потому дозволявшіе себѣ разныя насилія надъ мирнымъ населеніемъ; но было бы несправедливо ихъ безчинства относить на счетъ козаковъ. Послѣдніе если и дозволяли себѣ въ походахъ нѣкоторыя своевольства, то они всегда были дѣломъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ отрядовъ, и происходили довольно рѣдко; по крайней мѣрѣ жалобы на нихъ почти не встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ. Такія безчинства по большей части случались лишь въ началѣ похода, когда сотенное „товарыство“, угостившись не въ мѣру при прощаніи съ односельцами, выступало небольшими партіями; но лишь только козаки становились подъ свои хоругви, суровая дисциплина сковывала ихъ дѣйствія и не давала имъ возможности своевольничать.

Безъ сомнѣнія, и въ козацкомъ войскѣ существовалъ своего рода военно-полевой судъ, каравшій за нарушеніе дисциплины, порядка службы и другія преступленія, совершенныя въ лагерѣ или въ походѣ; но потерпѣвшіе отъ такихъ преступленій могли

привлекать виновныхъ и въ обыкновенные суды, именно въ полковые, въ составѣ которыхъ хотя находились и члены магистрата или ратуши, но преобладающая роль принадлежала полковой старшинѣ.

Для образца приводимъ двѣ „кримѣнальныя справы“ о козацкихъ своеволіяхъ, разбиравшіяся въ 1657 г. въ нѣжинскомъ полковомъ судѣ.

—

Олена Яцыха Шовкоплясыха, „селянка“ изъ с. Вишневки, бѣдная вдова, горько жаловалась, что когда козаки, ея односельчане, выступали въ походъ, то одинъ изъ нихъ Ничипоръ Яцковичъ безвинно нанесъ ея сыну Мартыну, „виннику“ (рабочему на винокуренномъ заводѣ), столь тяжкіе побои, что тотъ на другой день умеръ. Обвиняемый не отрицалъ своей вины и лишь тѣмъ оправдывался, что былъ въ то время пьянъ и совершилъ убійство безъ намѣренія, вслѣдствіе несчастливой „прыгоды“ (случая). По его словамъ, дѣло происходило такъ:

— Выйшлы-сьмо зъ Вышніовкы въ дорогу, до війска. Перенявшы насъ, другій атаманъ въ тимъ же сели, Мысько, запросывъ на горилку“. И въ то время, когда козаки пьянствовали въ дворѣ атамана, „небожчыкъ Мартынъ, надъишовшы протывъ насъ на улыци, свыснувъ, за который свыстъ нашъ атаманъ Марко послалъ небожчыка имаіы (схватить). Межы иншымы и я, побигшы, хотивъ ёго взяты, а колы жъ винъ ся не дававъ, въ посвари тымъ обухомъ, съ которымъ мене атаманъ послалъ, неумысне, але съ пьянства и прыгоды ударывъ я Мартына у голову разъ, одъ которого разу ажъ дня другого у вечиръ змеръ“.

Быть можетъ, въ другое время судъ принялъ бы во вниманіе эти смягчающія вину обстоятельства и оказалъ бы подсудимому снисхожденіе, но въ то именно время подобныя козацкія безчинства повторялись очень часто, и потому судъ, „забигаючы дальшому сваволенству, поневажъ срокгая (ужасная) покилькакротъ сваволя зъ роспусты (вслѣдствіе распущенности) и пьянства тежъ оказалася и по дорогахъ розбои значныи почынено“, рѣ-

шилъ подвергнуть подсудимаго примѣрно строгому наказанію и постановилъ декретъ: „абы Нечыпоръ мечемъ на горли скараный бувъ, а атаманъ Марко абы головщыну[1]) жони забытого и выну (доходъ) на урядъ належную, зъ нагороженемъ сторони шкодъ, поплатывъ, и за змерлого душу священныка за сорокоустъ и столы (поминальное угощеніе) той же Марко повыненъ погодыты, поневажъ за ёго неосторожнымъ посланямъ тое ся забойство стало".

—

Въ тотъ же день нѣжинскимъ полковымъ судомъ было разсмотрѣно и другое аналогичное дѣло о насиліи, учиненномъ выступавшими въ походъ козаками.

Въ воскресный день 31 мая батуринская мѣщанка Вивдя (Евдокія) Борисыха, вмѣстѣ съ своей сестрой и полувзрослой дочкой, отправилась пѣшкомъ въ сосѣднее село Пальчики. Въ пути ихъ нагнали три всадника. Завидѣвъ ихъ, женщины свернули съ дороги и пошли хлѣбами, не слушая приказа пьяныхъ козаковъ остановиться. Тогда двое изъ козаковъ, Василій Волошинъ и Мысько Татарченко сошли съ коней, поручивъ подержать ихъ третьему товарищу Мойсею Мульченку, и погнались за женщинами. Ударами обуха Вивдя и ея дочь были сбиты съ ногъ, а ихъ спутница убѣжала съ крикомъ о помощи, и хотя неподалеку были пастухи, Вивдя подверглась грубому насилію со стороны Волошина, а Мысько сорвалъ съ дѣвочки монисто „зъ московчиками" (привѣсными великор. монетами), стоившее около десяти копъ литовскихъ, и отнялъ готовыхъ денегъ копъ на три. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ разбойники были задержаны, но на другой день они держали отвѣтъ передъ судомъ.

Главный преступникъ Василь Волошинъ, оказавшійся „выросткомъ"[2]) гетманскаго шурина Василія Золотаренка, бывшаго

---

[1]) Т. е. предписанное Лит. Статутомъ денежное вознагражденіе за голову убитаго.

[2]) *Выростками* именовались: а) пріемыши, питомцы и б) слуги, выросшіе въ домѣ. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово, нельзя опредѣлить.

передъ тѣмъ (и впослѣдствіи вторично) нѣжинскимъ полковникомъ, „не призналсл до учынку и вымовлялся непамятью, же (что) былъ пьяный“. Его товарищъ Мульченко оказался откровеннѣе. Онъ такъ „оповидавъ“:

— Мы самотреть пидъ Пальчики йихалы. Обачывшы, що жинкы идуть бокомъ (стороною), Волошынъ, зсившы съ коня, а мени давшы держаты, самъ погнався за жинкамы и Мысько за нымъ тамъ же бигавъ, де Васыль Борысыху бывшы по челюсти, гвалтъ ій пополнывъ“.

Мысько Татарченко также „прызнавъ очевысто (въ глаза) на Васыля, що незбожный учынокъ гвалтомъ выполнывъ надъ Борисыхою“.

Затѣмъ были спрошены свидѣтели, очевидцы преступленія. Пылыпъ, старый человѣкъ, обыватель с. Пальчиковъ, далъ такое показаніе:

— Шукавъ я шкапы своеи въ полю и иду до воды пыты, ажъ невиста (женщина) бигучы, гвалтъ волаючы, мене просытъ, оповидаючы, що еи сестри гвалтъ Васыль Волошынъ чыныть. Я, надбигшы, выдилемъ Васыля надъ тою невистою на гвалтовнимъ учынку, тилко обавялемся (опасался) даты ратунку, бо воны, гвалтовныкы, пры оружи, а я зъ голымы рукамы.

Другой свидѣтель, пастухъ Омелянъ, показалъ:

— Выдилемъ Васыля Волошына на тимъ гвалтовнимъ учынку въ полю, якъ и Пылыпъ, и Мыська Татарченка выдилемъ, що ся за дивчыною гонывъ и бывъ пагайкою, яко жъ и мене той же Мысько, набигшы, бывъ, абы зъ чередою пречъ отогнався, и мусилемъ зъ боязни далеко одійты, а воны що хотилы тамъ полнылы.

То же подтвердилъ и Ѳедоръ, „череднык“ (стадникъ) батуринскій.

Судъ, „выслухавшы обохъ сторонъ контроверсій и оные добре у соби уважывшы, забигаючы такъ срокгому сваволенству подъ часъ тягненя войскового и прыхыляючыся до права пысаного (т. е. Статута), въ роздѣлѣ 11-мъ, артикулѣ 2-мъ, и въ Саксонѣ (Speculum Saxonum) на картѣ 165-ой описаного,“ велѣлъ потер-

пѣвшей Вивдѣ Борисыхѣ „при свѣдкахъ поприсягнуть" Василя Волошина и Мыська Татарченка, послѣ чего оба они должны быть „на горлѣ мечемъ караны". Но тутъ произошло неожиданное затрудненіе: потерпѣвшая „гвалтовниковъ своихъ поприсягать не хотѣла",—не потому, конечно, чтобы она усомнилась въ справедливости своей жалобы, а потому, что ей тяжело было вести людей на плаху; она заявила, что „даруетъ ихъ горломъ", и „домовлялася" только „шкодъ нагороженя, гвалту и выкладовъ" (судебныхъ издержекъ). Но судъ не согласился оставить насильниковъ безъ наказанія, хотя и уменьшилъ степень его тяжести: „забигаючы злій роспусти", судьи новымъ декретомъ постановили, согласно „Порядку"[1]) (карта 132), „абы Василеви и Мыськови мистръ (палачъ) по уху отризавшы, зъ миста посторонками высвидчывъ (веревкой позорно выгналъ изъ города), щобъ и въ полку тутейшимъ ни въ кого и нихто ихъ передержуваты не важывся, подъ горловымъ скаранемъ; а Мойсій Мульченко, при томъ же гвалтовномъ учинку будучій, що не давъ жадного ратунку, повыненъ будетъ Борысыси почтивое навязати ведле еи стану (т. е. уплатить положенную Статутомъ „навязку"—денежное вознагражденіе за безчестье), шкоды и выклады (расходы) понагорожати и вину на урядъ належитую (судейскій доходъ) заплатити".

6. Обвиненіе священника въ убійствѣ.

Во вторникъ первой недѣли великаго поста, 9 февраля 1692 года, пришелъ изъ Павленокъ, что нынѣ предмѣстье Полтавы, убитый горемъ бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго имени или прозвища—въ актѣ онъ поименованъ: „Процыкъ, Савышынъ сватъ"—и заявилъ передъ полковымъ судомъ такую „плачливую" жалобу:

---

[1]) Разумѣется извѣстная руководящая книга по магдебурскому праву: Porządek sądow y spraw mieyskich, служившая въ Малороссіи законною книгою.

— Панове! Мавъ я сына Семена, кравця (портного), который мешкавъ въ монастыру нашимъ полтавськимъ, у кравечни (въ портняжей мастерской). Сымы днямы, на масныци въ четвергъ, небожчыкъ сынъ мій, будучы на послушаніи монастырскимъ, зъ отцемъ Каріономъ, діякономъ, въ сели Петровци осыпъ [1]) выбыралы и зайихалы въ Семянивку. Въ сели тимъ, не знаты, зъ якои прычыны, отъ отця Ивана Терпыла, священыка Семяновского, въ дому чернецькимъ, сынъ мій збытый зоставъ тыранско, одъ которого бою, колы прывезено ёго въ пятныцю до дому мого, третёго дня, въ недилю, рано, и Господу Богу духа отдавъ. Учора ёго и поховано".

Жалкій видъ Процыка, необыкновенно скорбный тонъ его жалобы, а болѣе всего необычайность преступленія такъ поразили судей, что они въ тотъ же день отрядили въ Семяновку, на мѣсто происшествія, двухъ бурмистровъ, „людей виры годныхъ", Петра Юревича и Процыка Солятыка, чтобы они „подлугъ самои слушности тому забойству вывелы инквизицію и, що належыть, порядне все казалы запысаты". Слѣдователи отправились сначала въ Петровку, взяли съ собою мѣстнаго атамана и двухъ „зацныхъ людей", въ качествѣ понятыхъ, и хотѣли ѣхать съ ними въ Семяновку; но имъ сказали, что петровскій асаулецъ [2]) Олыхвиръ (Елеѳерій) Бей сопровождалъ покойнаго Семена Проценка при сборѣ „осыпа", лично присутствовалъ при нанесеніи ему священникомъ побоевъ и можетъ дать подробныя показанія объ этомъ происшествіи. Онъ былъ боленъ въ то время, лежалъ въ постели, поэтому слѣдователи съ понятыми отправились къ нему въ домъ и записали съ его словъ слѣдующее:

— Панове! Прыйшовшы въ Семяновку, небожчыкъ Семенъ Проценко погнався, жартуючы, за Терпыловою дытыною, а вернувшысь, увійшовъ у корчму чернецькую, де отецъ Иванъ Тер-

---

[1]) *Осыпъ* - хлѣбный сборъ въ пользу монастыря, такъ какъ с. Петровцы было монастырскимъ имѣніемъ.

[2]) *Асаулецъ* или *асаульчикъ*—полицейскій урядникъ въ родѣ нынѣшняго десятскаго.

пыло, священыкъ семяновскій, сыдивъ. Заразъ ёго безъ жаднои прычыны ухопывъ отець Иванъ и ставъ давыты за горло, и давывъ ёго, небожчыка Семена, зъ годыну добрую, потимъ палыцею ставъ быты и палыцю всю на нимъ поламавъ. А колы-сьмо почалы Семена бороныты зъ Тымошемъ Ложечныкомъ, въ тимъ же рази винъ, отець Иванъ, и Ложечныкови руку тіею жъ палыцею перебывъ":

Послѣ этого слѣдователи отправились въ Семяновку и допросили сначала Тимоша Ложечника, который „тое жъ прызнавъ, якъ и Олыхвиръ, слово въ слово". Затѣмъ была призвана шинкарка Евдокія Билка, въ корчмѣ у которой случилось „забойство". „По напомненю ій (какъ и другимъ свидѣтелямъ) боязны Божои", Билка такъ „посвидчыла".

— Мои ласкавіи панове! Одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ той Проценко зъ сёго свита пишовъ: очыма своимы бачыла, що бывъ ёго отець Иванъ Терпыло нещадно, безъ мылосты, и за горло зъ годыну давывъ. Все жъ тое діялося, де я шынкую горилкою, въ дому чернецькимъ, де на той часъ бувъ пры тимъ побои и Тымишъ Ложечныкъ, и що ся тамъ чыныло одъ отця Терпыла, все тое по самій истынній правди передъ мылостямы вашымы высвидчаю".

Допросомъ этихъ трехъ свидѣтелей-очевидцевъ и ограничилось первое слѣдствіе. Самого отца Терпила къ допросу не привлекали.

Когда бурмистры, окончивъ возложенное на нихъ порученіе, возвратились въ Полтаву и въ открытомъ засѣданіи полкового суда доложили слѣдственный протоколъ вмѣстѣ съ устнымъ отчетомъ, ихъ сообщенія произвели большую сенсацію. Выходило такъ, что священникъ затѣялъ въ корчмѣ драку съ монастырскимъ слугой и причинилъ ему смертельные побои. Такое позорное преступленіе было, очевидно, весьма исключительнымъ, если не безпримѣрнымъ, въ тогдашней уголовной хроникѣ. Возникалъ вопросъ: какъ же поступить теперь съ „забойцей"? Не будь онъ посвященнымъ лицемъ, его немедленно бы „дали до вязеня" и затѣмъ судили бы въ полковомъ судѣ обыкновеннымъ

порядкомъ. Но по литовскимъ законамъ, духовныя лица по всѣмъ преступленіямъ подлежали исключительно духовному суду, т. е. митрополичьему, или вообще епархіальному, свѣтскому же уряду, именно гродскому суду, принадлежало лишь право принимать жалобы на духовныхъ, совершившихъ уголовное преступленіе, и производить по нимъ разслѣдованіе,—не предварительное дознаніе, котораго литовско-русское судопроизводство почти не знало, а такъ называемую „скрутенію" (scrutinium), т. е. разборъ и оцѣнку доказательствъ, представляемыхъ въ судебномъ засѣданіи самими тяжущимися сторонами, съ примѣненіемъ всѣхъ пріемовъ состязательнаго процесса, послѣ чего потерпѣвшей сторонѣ выдаваема была формально удостовѣренная выпись изъ судебнаго протокола для представленія въ духовный судъ, который при рѣшеніи дѣла руководился данными, добытыми и разъясненными съ помощью „скрутеніи". Тѣ же порядки остались и въ Малороссіи, съ замѣною лишь суда гродскаго полковымъ судомъ; но въ настоящемъ случаѣ старый порядокъ былъ нарушенъ, и дѣло получило весьма оригинальный ходъ и разрѣшеніе.

Когда полтавское городское духовенство, близко интересовавшееся дѣломъ своего собрата, ознакомилось съ результатами „инквизиціи", произведенной посыланными на мѣсто бурмистрами, оно единодушно признало ее неполной, невѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ негодной и, „хотячи самои истины дойты", настойчиво просило „урядъ, абы выведена була" вторая „инквизиція", въ Полтавѣ, при совмѣстномъ участіи уряда свѣтскаго и духовнаго, для чего должны быть вызваны не только тѣ „свѣдки", которые уже были допрошены бурмистрами, но и другіе, „хто тилко бувъ тому бою прытомный" (очевидцемъ). Полковый урядъ удовлетворилъ желаніе духовенства, и вторичная «инквизиція» состоялась 11 февраля, т. е. черезъ два дня послѣ первой. Такая быстрота дѣйствія была возможна потому, что Семяновка и Петровка находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Полтавы.

Не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ судебныхъ засѣданій, а въ «братерскомъ дворѣ пречистскомъ», какъ мѣстѣ, болѣе при-

личномъ для честныхъ отцовъ, собрался урядъ духовный и свѣтскій «для выведенія» вторичной инквизиціи. Предсѣдательствовалъ полтавскій протопопъ Лука Симеоновичъ, «при бытности честныхъ отцевъ презвытеровъ парахіяльныхъ полтавскихъ, зъ прытомностю уряду городового»: наказного полковника и полкового судьи „и при многыхъ обчыхъ (стороннихъ) персонахъ". Ни войта, ни бурмистровъ, повидимому, не было въ составѣ слѣдственной комиссіи, если не разумѣть ихъ въ числѣ „обчыхъ персонъ". На аналоѣ были положены св. евангеліе и крестъ для привода свидѣтелей къ присягѣ, чего не дѣлали первые инквизиторы.

Первымъ былъ допрошенъ Олыхвиръ Бей, асаулецъ петровскій. Онъ былъ тяжко боленъ, и его съ трудомъ привезли изъ Петровки, рискуя, что онъ могъ и померети въ дорогѣ, но духовенство особенно настаивало на его бытности. Олыхвиру напомнили, чтобы онъ „памятавъ на смерть и на судъ Божій" и говорилъ правду, и велѣли приложиться къ св. кресту и евангелію: въ этомъ и состоялъ краткій обрядъ присяги, хотя въ другихъ случаяхъ судебная присяга производилась по формѣ, близкой къ современной. Олыхвиръ Бей „вызнавъ тымы словамы:"

— Выбираючы мы осыпъ зъ небожчыкомъ Семеномъ, прыйшлы-сьмо на Семяновци въ двиръ шынковный чернецькій, де трапывся и сынъ отця Терпылы, прысланый зъ пляшкою по горилку. Купывшы горилкы, винъ пишовъ до-дому, а небожчыкъ Семенъ, жартуючы, погнався за нымъ, а не вдарывшы ёго ни разу, вернувся и пишовъ до школы, [1]) а потимъ прыйшовъ до воза, и пойихалы-сьмо добираты осыпу. Потимъ другымъ разомъ прыйшлы-сьмо въ корчму чернецькую горилкы пыты. На скоримъ часи прыйшовъ до тіеи жъ корчмы чернецькои отець Терпыло и ставъ небожчыкови мовыты: „для чого ты гнався за моею дытыною?" и вхопывшы Семена за груды, ставъ давыты палцемъ у горло, ажъ я мусивъ ихъ розвесты. Отець Иванъ

---

[1]) Любопытное указаніе, что и въ такомъ маленькомъ сельцѣ, какъ Семяновка, была тогда школа. Ниже упоминаются и ея «школяри».

Терпыло сивъ на лави. Мало часу згодывшы, другымъ разомъ почавъ ёго быты палыцею, а бьючы, и кинець тіеи палыци уломывъ. А по тимъ бою пишовъ отець Терпыло до-дому и, осидлавшы коня, мивъ йихаты до началныка зъ скаргою на небожчыка. А мы збытого небожчыка, що не мигъ о своій сыли иты, взявшы, вынеслы-сьмо зъ хаты и въ визъ вложылы. Тутъ надъихавъ отець Терпыло и, выдячы небожчыка барзо збытого, надъ возомъ просывъ ёго о прощеніе, и попростылыся зъ собою, а небожчыкъ Проценко, пры прощеніи тимъ, давъ ёму и руку. И заразъ пойихалы-сьмо. Булы пры тимъ люды зацныи, меновыте: Тымишъ Ложечныкъ, Иванъ Байракъ, Иванъ Коробочка и шынкарка чернецькая прозвыськомъ Билка.

Слѣдователи „велилы Бееви, яко хорому, систы, а другого свидка прызваты".

Призвали Евдокію, шинкарку. Поцѣловавъ крестъ и евангеліе, она „подъ сумненемъ завязанымъ повидала" тономъ, не столь увѣреннымъ, какъ передъ бурмистрами:

— Я, панове, не бачыла того, якъ небожчыкъ Семенъ за хлопцемъ отця Терпыловымъ гонывся, тилко тое мени школяри казалы; а що побой стався въ чернецькій хати, де я шынкую, тое вамъ по самій истыни повидаю, душу мою Господу Богу поваючы, що отець Терпыло разъ тилко всёго того змерлого Семена затявъ кулакомъ, и то впередъ межы нымы стався посваръ за хлопця, за которымъ небожчыкъ гонывся, хотячы зъ пляшкою отняты горилку. За тое гоненя и ляканя хлопця ставъ отець Терпыло небожчыка лаяты, а винъ ще барзій ёго лаявъ, такъ передъ ударенямъ, якъ и по удареню Терпыловимъ, за що отець Терпыло и другымъ разомъ хотивъ небожчыка палыцею ударыты, але замахнувшы, по сволоку ударывъ. Ложечныкъ тежъ Тымишъ розважавъ ихъ; а такъ другій разъ отець Терпыло замахнувшы на небожчыка, нехотячы затявъ по руци Тымоша, и билшъ южъ бійкы не було. Що зась Олыхвиръ, асаулець, мовытъ, щобъ отець Терпыло небожчыка, взявшы за груды, давывъ за горло, то не есть правда: свидокъ тому Иванъ Коробочка, Тымишъ Ложечныкъ и Левко Куць, ктыторъ семяновскій,

которыи спилне зъ отцемъ Иваномъ въ дому чернецькимъ сыдилы. Могутъ и тіи мылостямъ вашымъ посвидчыты, що такого бою отець Терпыло не чынывъ надъ тымъ змерлымъ Проценкомъ, якъ то Олыхвиръ повидаетъ; и не выношено Семена зъ хаты, але самъ побигъ, насмихаючыся зъ отця Терпылы и лаючы, и похвалкы чынячы, за що мивъ отець Терпыло зъ скаргою до началныка на того жъ Проценка йихаты за свою зневагу, але за упрошеннямъ людей зацныхъ, наветъ и сёго жъ Олыхвира, отець Иванъ Семена, небожчыка, во всимъ простывъ и вже не йиздывъ зъ скаргою до началныка. Зъ которымъ то Семеномъ, небожчыкомъ, отець Иванъ, по прощеніи, и зъ тымы жъ людьмы, якіи отця Ивана за небожчыка просылы, увійшлы знову въ хату, и купывъ имъ Олыхвиръ за шагъ горилкы, иднанщыны, [1]) и въ хати повторне прощеня межи собою взялы. Поклонывся той небожчыкъ Проценко отцю Иванови и поцилувавъ въ руку.

Сказавъ это, Билка „обернулася до Олыхвира и рекла“:

— А чы не такъ було?

Олыхвиръ равнодушно отвѣтилъ:

— Правда. По прощени булы-сьмо въ хати, и купывъ я за шагъ горилкы.

Тутъ „урядовыи особы“ замѣтили Бѣлкѣ:

— А чому жъ ты такъ передъ тымъ не свидчыла, колы выводылы инквизицію посланци наши? Тебе тамъ запысано такъ, що ты повидала, що одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ зійшовъ зъ свита Семенъ, небожчыкъ, и що давывъ небожчыка отець Терпыло за горло зъ годыну и бывъ нещадно.

Билка немного смутилась, но тотчасъ отвѣтила:

— Висланыи зъ ратуша, которыи туда, на Семянивку зъйиздылы, найбарзій Олыхвировои мовы слухалы и тое пысаты

---

[1]) Въ текстѣ: *ѣднанщына*, т. е. мировая; могорычъ, распиваемый по случаю примиренія. Обычай и слово, существующіе и нынѣ въ народномъ быту.

казалы, що винъ повидавъ. А я и того часу самую истынную правду повидаты передъ нымы хотила, але мени не далы въ ричи моiй виры, повидаючы: „неправду ты мовышъ—Олыхвиръ правду мовытъ“, а напотимъ пидпысалы мене, якобы и я такъ посвидчала, якъ Олыхвиръ, а то есть неправда.

Призвали третьяго „свидка“, Тимоша Ложечника, который показалъ:

— Сыдивъ и я, панове, въ дому чернецькимъ зъ господыномъ [1]) Терпыломъ и зъ Иваномъ Коробочкою и зъ Левкомъ Куцемъ, ктыторемъ. Того жъ часу прыйшовъ Олыхвиръ и за нымъ заразъ небожчыкъ Проценко Семенъ. Ставъ мовыты тому небожчыкови Семенови отець Иванъ: „За що ты, прави, мого хлопця бывъ и гонывся за нымъ?“ и налаявъ ёго за тое, а Проценко также отцю Иванови налаявъ прыкро. Отець Иванъ вставшы, ударывъ кулакомъ разъ усёго, а за горло не давывъ, якъ Олыхвиръ повидаетъ; не було того. Барзо ще й напотимъ межи собою сварылыся, и лаявъ Проценко отцю Ивану, за що хотивъ ёго отець Иванъ палыцею ударыты, а я, щобъ кровопролытя не було, уложывся (вмѣшался). Тоди винъ мене нехотячы въ той часъ палыцею ударывъ по палцяхъ. А щобъ давывъ за горло отець Терпыло небожчыка Семена, то не есть правда; и не выносывъ ёго Олыхвиръ до воза: самъ небожчыкъ, ще й похвалкы чынячы на отця Ивана, зъ хаты къ возови пишовъ. Діялося тое на масныци, у вивторокъ. И потимъ пры насъ же и попрощалыся за поворотомъ зъ дому отця Терпыловымъ.“

Далѣе выступилъ четвертый „свидокъ“ Левко Куць, ктиторъ семяновскій. Онъ такъ сказалъ:

— Я за своею потребою мымо двиръ чернецькій тоди йшовъ, а не умыслне (нарочно) горилкы пыты, бо одъ запустъ черезъ увесь пистъ святый велыкій горилкы николы не пью, ажъ до Воскресенія. Обачывшы мене отець Иванъ

---

[1]) Почтительный титулъ, прилагаемый въ то время исключительно къ духовнымъ лицамъ и очевидно заимствованный изъ церковнаго поминанія: «господина (древн. *кирь*) нашего епископа»...

тикномъ, просывъ до себе, а я отповидавъ: „Я вамъ не допомогу, бо горилкы не пью". А отець Иванъ реклъ: „Та ходы такы, хочъ такъ посыдышъ, о щось порадымось". А такъ я вступывъ до ныхъ. А въ прудкимъ часи прыйшовъ Олыхвиръ Бей, пидпылый, которого отець Терпыло запытавъ: „Чы то вы хлопця мого скубъ и гонывся за нымъ?" Отповидавъ Бей: „Я того не знаю". А въ тимъ часи прыйшовъ и Проценко Семенъ, небожчыкъ, де ставъ мовыты отець Иванъ до ёго: „За що ты за моимъ дытыною гонывъ?" А винъ одповидавъ: „То що жъ, що гонывся?" А отець Терпыло, тымы словамы уразывшыся, налаявъ ёму, а Проценко ще гиршей зъ лайбою одозвався. Повставшы тоди, отець Иванъ пхнувъ ёго въ груды разъ всёго кулакомъ, а колы винъ не перестававъ лаяты отця Терпыла, отець Терпыло хотивъ ёго палыцею ударыты, але по сволоку ударывъ, а другій разъ замахнувшы, ударывъ по руци Тымоша Ложечныка, а палыци ни трохы не зламавъ. Тилько було всёго тіеи бійкы. И выйшовшы на подвирья, Проценко лаявъ отця Ивана и тамъ же прыпомынавъ и якіись подвязкы, а отець Иванъ пишовъ до дому, хотячы за безчестя свое пойихаты до начальныка зъ скаргою. А Проценко прыйшовъ до хаты, которому ставъ я мовыты: „Небоже, не гараздъ чынышъ, що такъ священыка зневажаешъ; лише бъ, колы бъ ты ёму укорывся та попросывъ о прощеніе". Винъ на мою раду схылывшыся, запытавъ: „А куды отець Терпыло будетъ йихаты?" Отповидалы ёму: „Не куды, тилко мымо сюю корчму". И заразъ небожчыкъ ставъ мене просыты, щобъ зъ нымъ и зъ другымы сполъ сыдячымы перепросывъ отця Ивана. На прозьбу ёго выйшлы-сьмо вси на улыцю, а ото отець Иванъ ведется зъ конемъ осидланымъ, которого почалы-сьмо вси просыты, абы де бійка сталася, тамъ було и прощеніе. А такъ отець Иванъ, на прозьбу небожчыкову и нашу, попростывся зъ небожчыкомъ, и ввійшовшы до хаты, небожчыкъ ще й руку поциловавъ Терпылову, а Бей и горилкы купывъ".

Пятый свидѣтель Иванъ Коробочка показалъ то же, что и Левко Куць, почему его „мовы" и не записали, да и некогда было: „священныци спишылыся на службу преждесвященную, а

южъ було мало не ку вечеру". Такъ долго инквизиція продолжалась.

Отмѣтимъ одну существенную особенность настоящей „инквизиціи": она производилась безъ всякаго участія и даже, кажется, въ отсутствіи главныхъ лицъ во всякомъ процессѣ—обвинителя и обвиняемаго. Судъ самъ разыскиваетъ свидѣтелей, допрашиваетъ ихъ, устраиваетъ имъ очныя ставки, а тѣ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло и кто могъ бы представить наиболѣе существенныя улики и оправданія, указать нужныхъ свидѣтелей, отмѣтить ошибки или намѣренную ложь въ ихъ показаніяхъ,—тѣ даже не присутствуютъ при гласномъ разслѣдованіи ихъ дѣла. Порядокъ судопроизводства, предписываемый Лит. Статутомъ, исключалъ самую возможность подобнаго слѣдствія; статутовые суды производили „скрутеніи" непремѣнно при личномъ участіи сторонъ, которыя сами приводили свидѣтелей, представляли улики и оправданія, вступали между собою въ состязаніе, а суду оставалось лишь, какъ въ современномъ гражданскомъ процессѣ, оцѣнивать силу и достоинство представленныхъ ему доказательствъ. Впрочемъ, и козацкіе суды обычно не устраняли обвиняемаго и обвинителя отъ участія въ производствѣ слѣдствія и не отказывались допрашивать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ стороны указывали или, чаще всего, сами же и приводили въ судъ. Бывало и такъ, что обвиняемый опорочивалъ предварительную „инквизицію", произведенную безъ его участія сотеннымъ или сельскимъ урядомъ, и требовалъ произвести ее заново, и судъ удовлетворялъ такія требованія. Въ дѣлѣ отца Терпила первая инквизиція тоже была опорочена, но не обвиняемымъ, а посторонними лицами—полтавскимъ городскимъ духовенствомъ, которое затѣмъ присвоило себѣ первенствующую роль при производствѣ вторичной инквизиціи. Это стороннее вмѣшательство и въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса измѣнило его обычное теченіе.

Мы уже упомянули, что право суда надъ священникомъ, обвиняемымъ въ уголовномъ проступкѣ, по церковнымъ канонамъ и по прежнимъ польско-литовскимъ узаконеніямъ, принадлежало епархіальной власти; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ слѣд-

ственное производство объ о. Терпилѣ нужно было передать для рѣшенія кіевскому митрополиту, епархія котораго обнимала тогда всю нынѣшнюю Полтавщину. На самомъ же дѣлѣ „справа" о. Іоанна Терпила разсматривается и получаетъ окончательное рѣшеніе на мѣстѣ, въ Полтавѣ, въ соединенномъ засѣданіи „суда духовного и свѣцкого". Судъ свѣтскій—это полковой, но безъ обычнаго участія въ его составѣ войта и бурмистровъ, а судъ духовный—это игуменъ мѣстнаго монастыря и всѣ городскіе священники. Правду сказать, такой смѣшанный судъ не предусмотрѣнъ ни церковными, ни прежними литовско-русскими законами и составляетъ исключительное изобрѣтеніе малорусской юстиціи. Мало того, собраніе городского духовенства, во главѣ съ протопопомъ, могло считаться законнымъ „духовнымъ судомъ" лишь въ томъ случаѣ, если бы оно для разсмотрѣнія извѣстнаго дѣла получило спеціальное полномочіе отъ митрополита, которому одному принадлежало право духовнаго суда въ предѣлахъ своей епархіи; но въ данномъ случаѣ такое полномочіе не было испрошено. Въ этомъ сказалась давняя традиція южнорусскаго духовенства узурпировать, принадлежащее лишь епархіальной власти, право духовнаго суда. И въ прежній польско-литовскій періодъ, въ XVI—XVII в. в., мы часто встрѣчаемъ на Волыни и, вообще, въ правобережной Малороссіи случаи, что протопопы, а нерѣдко и простые приходскіе священники, самовольно совершаютъ разводы, даютъ разрѣшеніе на недозволенныя канонами браки, судятъ прелюбодѣевъ и т. п., и архіереи безуспѣшно протестуютъ противъ подобной узурпаціи. То же самое совершалось и въ гетманщинѣ до тѣхъ поръ, пока новое, синодальное управленіе завело и въ Малороссіи общерусскіе церковные порядки.

Какъ бы то ни было, 16 февраля, того же 1692 года, населеніе Полтавы съ утра уже толпилось въ „братерскомъ" успенскомъ дворѣ, чтобы послушать, какъ будутъ судить семяновскаго священника за убійство „кравця". За судейскимъ столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ сидѣлъ „превелебный въ Богу его милость господинъ отецъ" Лазарь Бузкевичъ, игуменъ пол-

тавскаго монастыря, и съ нимъ его намѣстникъ „всечестный старушекъ" отецъ Іеремія Свитайло; далѣе—„превелебный въ Богу господинъ" отецъ Лука Симеоновичъ, протопопъ полтавскій, и „честные господинове отцы презвитеры полтавскіе": свято-успенскій Іоаннъ Величковскій,—по свидѣтельству лѣтописца Самуила Величка, „мужъ благодати Божія и мудрости полный", привѣтствовавшій въ 1687 г. гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами „своеи композитуры [1]); спасскій Іоаннъ Свитайло, впослѣдствіи имѣвшій несчастіе впутаться въ злосчастную исторію Кочубеевскаго доноса и за то вынесшій жестокую пытку и затѣмъ сосланный въ Соловки; [2]) никольскій Іосифъ Нищинскій, срѣтенскій Тихонъ Филиповичъ и воскресенскій Іоаннъ Филиповичъ. „Зъ свицкого тежъ уряду" присутствовали: полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцыкъ, судья наказной Иванъ Красноперичъ, бывшій полковникъ п. Леонтій Чернякъ и сынъ его п. Иванъ Чернякъ, писарь полковый, „и много иныхъ зацныхъ особъ рыцерского и миського уряду". Здѣсь же собраны были всѣ свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи. Олыхвиръ Бей, „на смертелномъ лижку (постели) будучы, для тяжкои хоробы не моглъ самъ прытомне статы до суду, прето (поэтому) жона ёго Настя въ особи ёго зъ тымы жъ свидкамы стала". О присутствіи въ судѣ о. Терпила и „акторской стороны"—Процыка, „Савышыного свата", въ протоколѣ не упоминается; кажется, они опять отсутствовали, что являлось рѣзкимъ и непонятнымъ нарушеніемъ порядковъ, принятыхъ и въ козацкихъ судахъ.

Сначала была прочтена жалоба потерпѣвшаго Процыка и протоколы первой и второй „инквизицій", послѣ чего судъ „на

---

[1]) Лѣтопись Величка, III, 9.

[2]) Сохранилось преданіе, что когда этотъ попъ Свитайло и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожками, то Кованько сказалъ: «Отче Иване! Яка жъ московська нужка солодка! Купимъ іи жинкамъ на гостынецъ».—Бодай тебе, Петре, побыла лыха годына: хиба тоби трохы спыну спысалы»! отвѣчалъ Свитайло.

достовѣрнѣйшее всего того испытаніе", велѣлъ еще „всимъ свѣдкамъ, ставши, устне у голосъ повѣдати, що хто прызнавалъ". Прежде всѣхъ „пытано жону Олыхвѣрову Бееву, на мѣсцу мужа еи, що бы мѣла повѣдати именемъ мужа своего?" Настя такъ сказала:

— Панове! Мужъ мій хочъ було и подопьетъ, а еднакъ хороше дывытся; а теперъ, по выбыраню того осыпа, прыбувшы до-дому, захоривъ и чомусь гостро ставъ дывытыся, и колы прыйиздылы посланыи на инквизицію, южъ бувъ хорый и, хорымъ будучы, не видаю, що тамъ винъ имъ повидавъ. Потимъ взято ёго, хорого, до Полтавы на инквизицію, и тамъ не видаю, що винъ повидавъ, тилко прыйихавшы, ще барзій гостро ставъ дывытыся и кошулю зъ себе скынувъ; що я постеригшы, пыльновала ёго, яко жона, въ тій тяжкій хороби и сусидъ просыла, щобъ мени въ тимъ допомагалы. А колы трохы прыйшовъ къ соби, пытала я ёго: „Шо ты тамъ свидчывъ а, чуты, и прысягъ есы?" А винъ одповидивъ: „Я не знаю ничого, що тамъ говорывъ". Поты моеи повисты".

Затѣмъ велѣно остальнымъ „свидкамъ" поочередно „мовыты", и всѣ они „повидалы тое слово въ слово, що у второй инквизиціи запысано". Послѣ этого имъ предложено еще разъ поцѣловать св. евангеліе и крестъ и тогда велѣно „выступити" (отойти).

Судъ, „порадившись" между собою, объявилъ, что четыремъ свидѣтелямъ: Тимошу Ложечнику, Левку Куцю, Ивану Коробочкѣ и Евдокіи Билкѣ онъ „даетъ зуполную виру, яко статечнымъ свидкамъ, а Олыхвира Бея, яко подъ часъ того бою бувшого подпылого и подъ часъ инквизиціи не въ зуполномъ уми зостававшого, а надто не единослова, яко ся показуетъ зъ обохъ инквизицій (здѣсь указаны несогласія въ его двукратныхъ показаніяхъ), не прыймуетъ за свидка, понеьажъ въ двохъ ричахъ солгавъ, южъ такому и въ иншыхъ ёго свидоцствахъ довирять не можемъ, звлаща, же (что) и жона его прызнаетъ ёму забытіе ума". Кромѣ того, и первую инквизицію „судъ не прыймуетъ для многихъ въ ней фалшиве попысаныхъ речій: шынкарку напысано

Настею, а вона Евдокія; Ложечныка напысано Миськомъ, а имя ему Тымишъ" и т. п. Въ виду этого „тыхъ первыхъ инквизиторовъ, за неуміетность въ вывоженю инквизиціи, судъ нынѣшній велитъ карати вязенемъ (арестомъ), а честного отца Іоанна Терпыла, священыка семяновского, одъ тои напасти увольняетъ и симъ декретомъ наказуетъ, абы Процыкъ за тую нанесеную потваръ (клевету) и безчестіе отца Терпыла во всемъ перепросывъ. Варуетъ (предупреждаетъ) тежъ судъ нынѣшній подъ виною (судебнымъ штрафомъ) на архипастырскую милость (митрополита) ста таляровъ, абы нихто, такъ зъ духовныхъ, яко и зъ свицкыхъ не важывся николы безчестя того задаваты честному отцу Іоанну Терпылу, яко невынно напасть претерпившому; а хто бъ смивъ тымъ ёму прымовыты, таковый неотпустне вышреченую выну заплатыть".

Такъ энергично вступились полтавскіе пресвитеры за своего собрата,—не только обѣлили его, но и заградили уста всякому, кто былъ иного мнѣнія относительно „напасти", якобы „невинно претерпѣнной" отцомъ Терпиломъ. Это горячее заступничество, конечно, дѣлаетъ честь ихъ братской солидарности, но не судейскому ихъ безпристрастію. Вѣдь не съ добра же умеръ скоропостижно молодой Проценко послѣ іерейскихъ побоевъ. А что Проценко былъ избитъ, объ этомъ не было спора и на судѣ; тамъ шло лишь разногласіе о большей или меньшей интенсивности побоевъ.

А несчастный Процыкъ, Савышынъ сватъ, не только потерялъ сына, можетъ быть, единственнаго кормильца, но долженъ былъ еще „перепросить" о. Терпила „за потваръ и безчестье". Это совсѣмъ уже такъ, какъ разсказывается въ юмористической пѣснѣ:

Была жинка мужыка,
Пишла позываты:
Присудылы мужыку
Ще й жинку прохаты.

---

7. Убійца, прикованный къ гробу своей жертвы.

Крѣпко печалилась старая Кузьмиха, полтавская мѣщанка, вдова, что ея сынъ Тымко вышелъ не честнымъ ремесленникомъ, какимъ она надѣялась его видѣть, а „ледащомъ" и забулдыгой. Учился онъ смолоду „гаптарству" (золотошвейному мастерству) и могъ быть хорошимъ „гаптаремъ", если бы поменьше волочился по шинкамъ да не связывался съ шинкарками. Надѣялась мать, что женитьба исправитъ безпутнаго сына, но и молодая жена не сумѣла привязать къ дому Тымка, и онъ снова принялся за старое: „День гаптуе—два гайнуе, часомъ въ шинку й заночуе". Хорошо, что хоть извѣстно было, въ какомъ именно шинкѣ надо было искать его—„на братерскомъ пречистскомъ дворѣ", гдѣ шинковала Гапка „чаривныця". Кузьмиха твердо была убѣждена въ томъ, что Гапка „бавылась чаровныцтвомъ", иначе—чѣмъ же другимъ могла она „прывабыты до себе" ея сына? Ни „вроды" у нея, ни „хысту", да и „прыстаркувата" уже, а объ ея „нецнотлывомъ жытіи" и говорить нечего. Кто же видалъ „цнотлывую" шинкарку? Недаромъ полтавскій отецъ протопопъ отказывалъ шинкаркамъ въ святомъ причастіи. А случится въ городѣ „злодійство"—у кого тотчасъ же „трусятъ" (обыскиваютъ) краденое? У шинкарокъ. Развѣ и эту Гапку мало „трусылы" и „у вязеню" держали? И эта „нецнота", эта, „злыдена нетипаха" задумала было женить на себѣ Тымка! И едва не успѣла въ своемъ замыслѣ, да спасибу Вуцькѣ, другой шинкаркѣ, во время предупредившей объ опасности. Сколько тогда Кузьмиха пролила слезъ, умоляя и заклиная сына не позорить ихъ честнаго рода этой женитьбой и взять за себя другую дѣвушку, которую она сама же выбрала для него! Къ счастью, Тымко таки одумался, послушался матери и мѣсяцъ-другой послѣ женитьбы какъ будто и остепенился; но теперь снова пьетъ да гуляетъ и, кажется, опять „злигся" съ тою же Гапкою. Охъ, чуетъ материнское сердце—не добромъ это кончится!

Предчувствія старой Кузьмихи сбылись скорѣе, чѣмъ она ожидала.

Наступилъ праздникъ св. Николая (9 мая 1700 г.), день ярмарки въ Полтавѣ. Тымко съ утра шатался по ярмаркѣ и привелъ съ собою къ Гапкѣ какую-то „черныцю“ изъ Будищскаго монастыря, отрекомендовавъ ее своею родственницею. Потребовавъ угощенія, онъ пригласилъ за столъ Гапку; но Гапка, охмелѣвъ, стала ревновать Тымка къ „черныци“ и довела его до такого бѣшенства, что онъ схватилъ рогачъ и попереворачивалъ въ печи горшки „зъ стравою“. Гапка, избитая, ревѣла въ пекарнѣ, со злости катаясь по полу. Не обращая на нее вниманія, Тымко забрался въ „кимнату“ (боковую комнату) и улегся спать; туда же поплелась за нимъ и пьяная черница, и черезъ нѣсколько минутъ изъ „кимнаты“ доносился уже усиленный храпъ. Тогда Гапка подкралась на цыпочкахъ, заперла на защепку „кимнатную“ дверь и завязала щеколду свурком. Въ ея головѣ зародился предательскій умыселъ: дождавшись, когда въ шинокъ сойдутся люди, открыть предъ ними дверь въ „кимнату“ и потребовать, чтобы Тымку и черницѣ, какъ явнымъ прелюбодѣямъ, были обрѣзаны полы[1]) и ихъ самихъ отвели въ ратушу. Такъ бы оно и сталось, можетъ быть, но минуту спустя вернулась изъ церкви жившая въ томъ же братскомъ домѣ старуха Ганна Иваныха и, ничего не вѣдая, отвязала дверь и вошла зачѣмъ-то въ „кимнату“. Гапка въ ту минуту была въ сѣняхъ. Спохватившись, что Иваныха, открывъ дверь и разбудивъ спящихъ, разстроила ея планы, она сначала вбѣжала въ „кимнату“ и съ бранью начала гнать оттуда Тымка, но затѣмъ сообразивъ, что не все еще потеряно, Гапка быстро заперла дверь и хотѣла звать людей. Какъ ни пьянъ былъ Тымко, онъ разгадалъ, однако, предательскій замыселъ Гапки и сталъ бѣшено ломиться въ дверь. Вырвавшись изъ западни, онъ такъ неистово принялся колотить Гапку, что она подъ его ударами испустила духъ.

---

[1]) Обычный въ то время способъ позорнаго клеймленія захваченныхъ на прелюбодѣяніи.

Сбѣжался народъ. Тымка связали и, какъ „забойцу, зъиманого на гарячимъ учынку", отвели въ ратушу, „до полкового уряду". Тамъ его немедленно подвергли допросу. Тымко такъ объяснялъ происшедшее убійство:

— Я, панове, въ тимъ двори пывъ, а вона, Гапка, безъ дання прычыны мене по щокахъ ударыла, чого я, пьянымъ будучы, не стерпившы, вдарывъ ей тилко всёго два разы, а Гапка, павшы на землю, заразъ и духа пострадала.

Судъ на „достовирнійшый доводъ тои справы" велѣлъ призвать свидѣтельницу убійства Ганну Иваныху, которая такъ показала:

— Прыйшла я до тіеи жъ господы въ двиръ братерскій и не застала въ хати никого, тилко самую Гапку, ажъ бачу— поставци на столи стоять порожніи и стилъ полытый. Спыталася я: „чы то въ тебе, Гапко, напытку нема? Позбирай зъ столу поставци". И тое ій сказавшы, пишла зъ хаты въ другую и обачыла, що горшкы въ печи зъ стравою поворочано, и пишовшы знову въ хату переднюю, нарикала я на Гапку за тое, що шкода есть, страву поворочано. Взявшы зъ викна желизне перехрыстя, хотила понести ёго въ кимнату, ажъ двери кимнатныи мотузкомъ завязани. Я ихъ одчыныла, увійшла въ кимнату и застала ёго, Тымка, зъ черныцею ніякоюсь зъ Будыського монастыря, а вернувшысь зъ кимнаты, сказала: „Гапко, чого винъ, Тымко, туда увійшовъ?" А Гапка отказала: „Не знаю для чого и колы—не бачыла", и почала ёго, Тымка, зъ кимнаты гоныты, а потимъ сама напередъ выбигши, защепнула двери защипкою, а Тымко почавъ двермы трусыты и велытъ отщепнуты. Скоро жъ вона отщепнула двери, а Тымко, выбигшы, почавъ іи, Гапку, быты, выговоруючы: „Сякая-такая нецнота, чому ты на мене наволикаешъ безчестя?" и такъ тыранско бывъ, що ажъ заледво оную водою одлылы. Вона жъ, Гапка, прыйшовшы къ соби, схопывшыся, кынулася до Тымка, а Тымко знову іи затявъ два разы, которая впавшы на землю вмерла. И такъ одъ Тымковыхъ рукъ небожка свита пострадала".

Хотя фактъ преступленія былъ вполнѣ ясенъ и не нуждался въ разслѣдованіи, но судъ почему-то нашелъ нужнымъ отложить рѣшеніе дѣла „до указу пана зверхнійшого", т. е. полковника, котораго въ то время не было въ городѣ, а преступника велѣно было тотчасъ „пры тилу небожкы Гапкы прыкуваты, нимъ (пока) будетъ небожка погребена, а по погреби звычайнимъ до секвестру ёго, Тымка, даты" (т. е. взять подъ арестъ).

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ документѣ, т. е. приковываніе убійцы къ гробу жертвы, касается любопытнаго обычая, имѣвшаго въ то время общее распространеніе въ лѣвобережной Малороссіи, но, сколько извѣстно, не практиковавшагося на правомъ берегу Днѣпра. О немъ нѣтъ упоминанія ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ. По объясненію профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, [1]) это—остатокъ древняго судебно-уголовнаго обычая, состоявшаго въ томъ, что убійцу, схваченнаго на мѣстѣ или даже подозрѣваемаго лишь въ этомъ преступленіи, привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до офиціальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или— пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе; и нужно сказать, что такая форма пытки была одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ, такъ какъ рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою. Въ такой формѣ этотъ архаическій обычай существовалъ и въ Великороссіи еще въ XVI ст.

Въ Малороссіи XVII и XVIII вв. приковываніе къ гробу потеряло уже правовой характеръ и получило значеніе ненужнаго додатка къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Правда, на Запорожьи, если вѣрить народнымъ преданіямъ, нерѣдко случалось, что убійцу заживо хоронили вмѣстѣ съ жертвою, Хотя въ гетманщинѣ эта жестокая казнь

---

[1]) См. интересную его замѣтку объ этомъ предметѣ въ «Кіев. Старинѣ» 1888 года, т. XX.

несомнѣнно не практиковалась въ XVII ст., но если только она когда-либо была въ обычаяхъ древняго народнаго суда, то въ такомъ случаѣ приковываніе убійцы къ гробу убитаго можетъ быть разсматриваемо какъ ея символъ, или пережитокъ, имѣвшій цѣлью позоръ и устрашеніе. Правду сказать, и въ этой смягченной формѣ данный обычай заключалъ въ себѣ много излишней, утонченной жестокости. Преступникъ оставался прикованнымъ къ гробу иногда въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ и въ такомъ видѣ обязательно сопровождалъ его въ процессіи, когда мертвеца несли въ церковь и на кладбище. Легко представить, какія нравственныя муки онъ долженъ былъ испытывать, слушая вопли и причитанія родни убитаго и служа объектомъ негодованія со стороны окружающаго народа. Но этого мало. Обыкновенно покойника, наканунѣ погребенія, на ночь вносили въ церковь, и несчастный убійца проводилъ мучительнѣйшую ночь въ запертомъ храмѣ, наединѣ съ жертвою; а чтобы онъ, метаясь въ безумномъ ужасѣ, не опрокинулъ гроба, его нерѣдко связывали веревками и клали на ночь подъ „марами" (носилками), на которыхъ помѣщался гробъ.

Въ такой формѣ этотъ ужасный обычай просуществовалъ въ Малороссіи почти до конца XVIII ст. Еще въ 1783 году въ одной изъ церквей Черниговской епархіи, послѣ панихиды надъ убитымъ козачьимъ сыномъ Іосифомъ Бѣденкомъ, была прикована къ его гробу козачья дочь дѣвица Христина Водяникова, при чемъ мѣстный священникъ не только не препятствовалъ этому, но самъ приказывалъ бывшимъ въ церкви людямъ вязать Христину веревками и связанную положить подъ гробъ. Этотъ случай побудилъ генералъ-губернатора графа Румянцева, циркулярнымъ письмомъ къ архіереямъ малороссійскихъ епархій, обратить ихъ вниманіе на это „странное и человѣчество уражающее (оскорбляющее) произъшествіе" и просить о воспрещеніи столь жестокаго и противозаконнаго обычая, что и было исполнено [1]).

---

[1]) Тамъ же, указъ черниговскаго архіерея о воспрещеніи даннаго обычая.

Такую мучительную пытку долженъ былъ вынести и герой нашего разсказа Тымко Кузьменко и затѣмъ ожидать въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи.

Ровно черезъ недѣлю „маестратъ миській полтавскій“ [1]), „одобравшы отъ зверхнійшого пана, властелина, одъ его мылосты пана полковника, указъ цетоваты (рѣшить) тую справу подлугъ (по) належытого права“, велѣлъ снова „передъ собою поставыты того мужоубойцу Тымка не для выведеня инквизиціи, лечъ (но) для ферованя (произнесенія) декрету и укончення справы“. Тутъ явилась въ судъ и „акторская сторона“, сестра убитой Гапки, и „домовлялася судового всказаня“ надъ убійцей. Справившись съ законами, судъ приговорилъ Тымка къ смертной казни; но въ эту минуту полученъ былъ другой „указъ“ отъ полковника: „за усыловнымъ кривавослезнымъ маткы Тымковои и тещи и жоны его прошеніемъ, дароваты ёго горломъ“, обязавъ лишь его „поеднаты духовенство за отправу погребу небожкы Гапкы и за сорокоустъ за душу еи“ и сверхъ того уплатить „кревнымъ“ ея предписанную въ Литовскомъ Статутѣ „поголовщину“. Такъ какъ покойная Гапка „жыла лезно, безъ мужа, и не мила ёго, а шынкомъ бавылася“, то судъ опредѣлилъ за голову ея низшій размѣръ платы, всего 50 золотыхъ. Наконецъ, Тымко долженъ былъ уплатить „выну врядовую“, т. е. извѣстный денежный штрафъ въ пользу судей.

А „вына панская“, т. е. полковничій доходъ, неужели была прощена? О нѣтъ, полковникъ тоже въ накладѣ не остался. Оказывается, что не однѣ „кривавослезныя“ мольбы несчастныхъ женщинъ подвинули его на милосердіе, а нѣчто иное, болѣе существенное. Такъ какъ у старой Кузьмихи и у ея свахи не было ни грунтовъ, ни пасѣкъ, ни даже „паровыць“ воловъ, то продолжительный торгъ за голову Тымка окончился выдачей полковнику формальнаго обязательства, по которому „оный Тымко,

---

[1]) Такъ титулуетъ себя въ данномъ декретѣ полковой судъ, собравшійся въ обычномъ своемъ составѣ: наказной полковникъ, полк. судья, городовой атаманъ, войтъ и бурмистръ.

выдячы такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою мылосердіе, ижъ (что) не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонимъ зосталъ,—во вѣчные и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ дожпвотную дому его панскому службу".

Честь изобрѣтенія такой, новой въ Малороссіи, кабалы всецѣло принадлежитъ полтавскому полковнику Ивану Искрѣ, тому самому, который семь лѣтъ спустя вмѣстѣ съ Кочубеемъ задумалъ было подставить ногу Мазепѣ. Прежніе полковники продавали милосердіе за меньшую цѣну.

---

8. Козачка, спьяна застрѣлившая работницу.

Раннею весною 1689 года козацкіе полки, вмѣстѣ съ гетманомъ, выступили въ Крымскій походъ. Ушелъ вмѣстѣ съ ними и Борзенскій козакъ Грыцько Плющенко, а дома осталась жена его Палажка съ малыми дѣтьми. Въ то время рѣдкая изъ козачекъ въ отсутствіе мужа вела себя „статечно" (благоразумно, воздержно), особенно въ городахъ: на базарѣ ежедневно съ ней встрѣчались кумушки да сестрички, охотницы повеселиться, звали къ себѣ или сами шли къ ней въ гости,—и изо дня въ день тянулись „бѐсиды" да пьянство, а съ пьянства возникали подчасъ и другіе грѣхи. „Не статкува́ла", какъ видно, и Палажка Грыцыха: она тоже въ отсутствіе мужа предалась пьянству и дошла до того, что спьяна застрѣлила свою „наймычку".

Въ то время Борзна была сотеннымъ городомъ нѣжинскаго полка и въ ней, какъ и въ другихъ городкахъ, существовалъ „козацкій сполне и мѣйскій" судъ, немедленно собравшійся для разслѣдованія такого неслыханнаго проступка. За отсутствіемъ сотника, ушедшаго въ походъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ судѣ городовой атаманъ, а съ нимъ засѣдали: войтъ, „значное товарыство" (козаки), бурмистръ и нѣкоторые изъ почетныхъ мѣщанъ. Обвинителями выступили родители убитой,

нѣкто Тышко Батюта съ женой. Они съ плачемъ жаловались, что Палажка Грыцыха, „будучы подпылою, чы зъ умыслу, чы зъ трафунку (случайно),—о томъ Богъ всемогущій знаетъ,—невидомо за якую прычыну, а зъ неналежного своего жоноцкого поступку, чого бъ ій не годылося чыныты, порвавшыся до ручныци (ружья), хочай не знала, що оная була заправлена (заряжена), наймычку свою а дочку нашу власную Катерыну на смерть зъ ручныци застрелыла“.

Судьи спросили Палажку: „Для чого ты такый злый учынокъ учыныла: зъ якого ранкору (злопамятства), або за якый выступокъ смила на смерть забыты дивчыну, наймычку свою“?

— Що жъ, панове,—винилась Палажка,—грихъ мене споткавъ. Тилко и було прычыны—за едну фанту[1]) кармазыновую старую, що удерто шматъ полы. Пытала-мъ: „чы то ты учыныла шкоду“? Тилко жъ вона, небожчыця Катерына, мовыла, що „я того непровынна: не знаю и не видаю, бо тое ще пры самомъ господареви (хозяинѣ), якъ до війска не йшовъ, учынылося удартье“. И за тую прычыну хотила-мъ постраш͏ыты: поставыла-мъ еи на тій фанти, узявшы ручныцю съ килка, а правди не знаючы, що була заправлена. Якъ звела-мъ курокъ, безъ подсыпкы опустывся, невидаты зъ чого спалыло на пановци, и застрелыла-мъ небожчыцю на смерть“.

Дѣло было ясно, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи не было нужды; постановить же приговоръ по настоящему дѣлу сотенный урядъ не имѣлъ полномочій, такъ какъ уголовные проступки, за которые могла угрожать смертная казнь, подлежали рѣшенію высшаго суда, полкового или генеральнаго. Поэтому Палажку Грыцыху, какъ „забойцю“, судъ велѣлъ немедленно посадить въ тюрьму и занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, что сдѣлать съ трупомъ убитой Катерины.

---

1) *Фанта*—закладъ, залогъ; очевидно, рѣчь идетъ о кармазиновой одеждѣ, кѣмъ-то оставленной въ залогъ.

По обычаю, отчасти основанному на предписаніи Статута [1]), не принято было хоронить убитаго раньше, чѣмъ свершится судъ надъ убійцей. При необыкновенной быстротѣ козацкаго судопроизводства, когда преступникъ нерѣдко судился и даже подвергался казни не позже, какъ на другой или третій день послѣ преступленія, такой обычай не былъ очень стѣснительнымъ; но если дѣло грозило затяжкой, судъ обыкновенно постановлялъ раньше декретъ о преданіи убитаго погребенію, не ожидая рѣшенія судьбы убійцы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: принимая во вниманіе, что дѣло должно поступить на рѣшеніе высшаго суда и что трупъ въ лѣтнюю пору (дѣло происходило въ концѣ мая) нельзя долго держать, урядъ Борзенскій разрѣшилъ его „до гробу отпровадити".

Но при этомъ, согласно существовавшему въ Малороссіи обычаю, слѣдовало вести за гробомъ и убійцу, прикованную къ гробу жертвы. Тутъ выступили родственники Палажки и стали просить Тышка Батюту освободить ее отъ этой позорной церемоніи въ виду ненамѣренности совершеннаго ею проступка. Въ то время отъ воли потерпѣвшаго зависѣло многое въ участи подсудимаго, даже полное освобожденіе его отъ кары за уголовный проступокъ. И Батюта, уступая этимъ просьбамъ, оказалъ „милость" преступницѣ: „не позволилъ Грыцыхы до гробу при тѣлѣ дочки своеи явне вести", а затѣмъ, „за намовами людскими и прозбою" Палажки, „склонился и до згоды зъ нею" и заключилъ мировую, въ силу которой Грыцыха должна была нанять сорокоустъ за душу убитой и кое-чѣмъ вознаградить осиротѣвшихъ родителей, а послѣдніе отказывались отъ уголовнаго преслѣдованія ея за убійство ихъ дочери.

Обо всемъ этомъ сотенный урядъ былъ обязанъ донести высшему суду, именно полковому; но въ данномъ случаѣ онъ почему-то миновалъ эту инстанцію и непосредственно обратился

---

[1]) Разд. 11, артык. 2-й; изъ него видно, что до изданія 3-ей редакціи Статута, во всей Литвѣ было въ обычаѣ не хоронить убитаго до совершенія суда надъ убійцей.

въ войсковый генеральный судъ, прося у него „науки", какъ поступить съ этой „справой". Отъ генеральнаго суда послѣдовала такая „информація": такъ какъ Палажка Грицыха примирилась съ отцемъ убитой ею Катерины „и тое сталося зъ воли инстикгаторской (обвинителя, истца), того южъ и мы въ той справи поеднаня судомъ нашымъ не розрываемъ. Однакъ, гриху и помсты Божои варуючыся (остерегаясь), безъ карносты такого проступства, мимо законъ Божій, повынность наша судовая пустыты тую забойцю не повелѣваетъ; бо если право святое отцеви, который бы сына свого хотячы и не хотячы забывъ, указуетъ рикъ и шисть недиль у вязеню сыдиты, а другый рикъ въ собори церковномъ себе чтырикротъ на празныкы облычаты, [1]) а сеей забойци Грыцыси, которая, подпылою (пьяною) будучы, знаты зъ зухвальства своего надъ служебкою такее окрутное (жестокое) дило пополныла, овшемъ (тѣмъ паче) треба карности даты. Зачымъ абысте еи далы до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое вязеня способна, а ежели назбытъ прыкра (слишкомъ слаба), то въ якую комору крайную еи посадите, жебы сліота (непогода) не досаждала, де маетъ рикъ и шисть недиль, ведлугъ права (согласно закону), за свій выступокъ сыдиты; або выну пиняжную, ровную зъ нагородою укрывжоному, нехай намъ, суду, отдасть, ежели захочетъ фолкги (снисхожденія) и волносты отъ сыдинья".

Палажка, очевидно, предпочла уплату „вины" продолжительному заключенію, потому что спустя нѣсколько дней Борзенскій урядъ получилъ отъ генеральнаго судьи Михаила Вуяхевича слѣдующее увѣдомленіе:

„Мои ласкавіи прыятели, пане атамане Борзенскій и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Поневажъ Грыцыха, того свого злого учынку жалуючы, досыть тому укрывжоному отцеви забытои небожчыци учыныла, сорокоуста за душу еи уеднала, теды судъ нашъ, респектомъ и малыхъ еи дитей, и прыхылывшися на прозьбу отца Грыцышына и дядька, одъ вязеня еи уволняетъ,

---

[1]) Имѣется въ виду предписаніе Статута, розд. 11, арт. 7, § 2.

съ которого абысте ваши милости, южъ жадного датку не вытягаючы, еи выпустылы и въ домъ до дитей пойты и вольно мешкаты (памятаючы на грихъ той, щобъ до покуты ся доброволне удала) позволылы. При томъ, по васъ того пыльно хотячы миты, зостаю назавше вашмостямъ всего добра зычлывымъ прытелемъ ихъ царского пресвитлого величества Войска Запорозского енералный судя и наказный гетманъ Мыхаилъ Вуяхевичъ. Зъ Батурына, мая 28, 1689 року".

---

9. Жестокая жена.

Убійство женою мужа искони почиталось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и по степени уголовной отвѣтственности приравнивалось къ убійству родного отца или матери. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена была особая, необыкновенно жестокая, спеціальная кара за три преступленія: отцеубійство, матереубійство и убійство одного супруга другимъ. Первыя два преступленія, какъ совершенно противоестественныя, всегда были крайне рѣдки; скажемъ даже больше: ни въ уголовной практикѣ гродскихъ и магистратскихъ судовъ, насколько она извѣстна намъ изъ актовыхъ книгъ юго-западнаго края, ни въ актахъ козацкихъ судовъ мы не припоминаемъ ни одного случая такихъ преступленій. Но убійство между супругами лишь благодаря доктринерству старинной юриспруденціи могло быть включено въ одну категорію съ двумя первыми преступленіями; на дѣлѣ же, по самой природѣ своей, оно далеко не такъ, какъ тѣ, противоестественно, а неразрывность брачнаго союза, безправное положеніе замужней женщины и другія несовершенства семейнаго быта могутъ создавать на каждомъ шагу достаточные поводы къ этому ужасному преступленію. Правду сказать, малорусская женщина XVI—XVII в. в. меньше, чѣмъ всякая другая, имѣла поводовъ посягать на жизнь своего мужа: ея положеніе далеко не было безправнымъ; въ случаѣ неудачнаго брака не трудно было добиться развода; наконецъ, благодаря извѣстнымъ

свойствамъ малороссійскихъ нравовъ и характеровъ, женщина здѣсь всегда играла въ семьѣ такую роль, что чаще мужу приходилось терпѣть отъ нея, а не наоборотъ. Поэтому семейныя катастрофы были здѣсь явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, почти исключительнымъ. Даже въ правобережной дворянской средѣ (XVI—XVII в. в.), сильно уже тронутой польскимъ культурнымъ вліяніемъ и утратившей патріархальную строгость и чистоту нравовъ, съ трудомъ можно указать лишь нѣсколько случаевъ мужеубійства, въ которыхъ напрасно было бы искать выраженія какого-либо протеста противъ супружескаго гнета: преступницами обыкновенно оказывались легкомысленныя или развращенныя женщины, желавшія путемъ убійства избавиться отъ нелюбимыхъ мужей и овладѣть ихъ состояніемъ. Въ уголовной хроникѣ козацкихъ судовъ намъ извѣстенъ пока единственный случай подобнаго преступленія, именно тотъ, который мы намѣрены разсказать; но и онъ, какъ увидимъ, если и даетъ поводъ говорить о семейномъ деспотизмѣ, то жертвой такого деспотизма, во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ быть признанъ убитый мужъ, а отнюдь не убійца жена.

—

Дѣло происходило въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, въ первыхъ числахъ сентября 1700 года.

Жилъ тамъ нѣкій Дынысъ, бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго прозвища. Пробурлаковавъ всю жизнь, захотѣлъ онъ подъ старость обезпечить себѣ пристанище въ семьѣ и женился или, какъ говорится, „прыставъ въ прыймы“ къ немолодой уже бездѣтной вдовѣ Ульянѣ Бурковчихѣ, имѣвшей и хату, и грунтъ, и небольшое хозяйство. Дынысъ оказался усерднымъ, трудолюбивымъ „господаремъ“, и казалось, что престарѣлой четѣ до конца дней было обезпечено спокойное и безбѣдное существованіе. Одно лишь горе: Ульяна обладала однимъ изъ тѣхъ несносныхъ и для совмѣстной жизни совершенно невозможныхъ характеровъ, о которыхъ такъ мѣтко говоритъ извѣстное народное присловье: „се така баба, що ій чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ“. Безъ мѣры злая и сварливая, Ульяна

сразу же обратила мужа въ батрака и въ безотвѣтную жертву всегда ей присущаго желчнаго настроенія. Вдобавокъ, была у нея пріятельница Тетяна Яцыха, такая же фурія, пьянствовавшая вмѣстѣ съ нею и почему-то постоянно вооружавшая ее противъ Дыныса. Долго бывшій бурлака „понόсывъ" отъ жены „многіи биды, досады и уничиженія", наконецъ мѣра его терпѣнія истощилась, и онъ принялъ рѣшительное намѣреніе бѣжать отъ прелестей супружеской жизни и поступить въ „шпиталь" (богадѣльню), въ это послѣднее убѣжище сирыхъ, недужныхъ и безпріютныхъ. Но такихъ, какъ онъ, даромъ въ „шпиталь" не пускали, а требовали „вступного" копу грошей. Какъ ни незначительна была эта сумма, но у бѣднаго „госпόдаря", до изнеможенія работавшаго не на своемъ „господарствѣ", никогда ея не водилось, а жена не давала и требовала, чтобы онъ раньше окончилъ уборку хлѣба и тогда уже убирался „хочъ пидъ тры чорты". Дынысъ добросовѣстно исполнилъ и это требованіе, свезъ хлѣбъ до послѣдняго снопа въ токъ, сложилъ въ скирды и сталъ настойчиво просить жену отпустить его съ миромъ и дать ему копу грошей „для вкупленяся въ шпыталь" и новую свиту. Но Ульянѣ не было никакого разсчета лишиться дарового работника, и она, грубо издѣваясь надъ мужемъ, прогнала его съ глазъ и ушла въ корчму къ пріятельницѣ. Вернулся несчастный бурлака на токъ, а тамъ стоятъ аккуратно сложенные стожки—его „кривавая праця", плодъ неустанныхъ его трудовъ на чужую корысть. Невыносимо горько сдѣлалось на душѣ у Дыныса, и онъ „зъ велыкого жалю", не помня себя отъ гнѣва и огорченія, взялъ да и поджегъ эти самые стожки, а самъ натянулъ на плечи драную свиту, нахлобучилъ шапку, махнулъ рукой и ушелъ „свитъ за очи".

Когда надъ токомъ взвились клубы дыма, сбѣжались сосѣди и стали тушить пожаръ. Прибѣжала и Дынысыха. Она сразу догадалась, чьихъ рукъ это дѣло, и неистово кричала: „Ой дожените, ой прыведите мени того клятого палія, того старого собакý". Когда пожаръ былъ уже притушенъ, двое изъ сосѣдей, особенно негодовавшихъ на Ды-

ныса за поджогъ, угрожавшій и ихъ усадьбамъ, сѣли на возъ и погнались за бѣглецомъ. Они догнали Дыныса далеко за селомъ, связали, привезли на мѣсто пожарища и первые стали бить палками. Прибѣжала затѣмъ Ульяна, схватила оглоблю и била связаннаго мужа до изнеможенія, потомъ позвала на помощь пріятельницу Тетяну и велѣла ей бить вилами. Бѣдный Дынысъ не былъ въ состояніи выдержать такого дружнаго боя и испустилъ духъ.

Собрался судъ для рѣшенія дѣла о такой неслыханной „злости". Въ качествѣ истцовъ явились племянники убитаго Каленикъ и Пылыпъ Науменки, жители сосѣдняго съ Мачохами сельца Хведорокъ, а обвиняемыми были: Ульяна Дынысыха, какъ „принципалка забойства" и помогавшіе ей: Тетяна Яцыха, Юско Литвинъ и Павло Билыкъ. Первымъ былъ допрошенъ Юско Литвинъ, ѣздившій въ погоню за Дынысомъ. Его спросили: „Зъ якыхъ миръ и съ кымъ ты Дыныса бывъ?" Онъ отвѣтилъ:

— Правда, панове, піймавшы ёго и прывизшы до ёго току, я немного бывъ оного зъ Павломъ Билыкомъ, тилко жъ вышнынюю, и вдарывшы-сьмо по килка разивъ, оставыл-емъ оного, а самъ пишовъ до атамана оповистыты, що ёго, Дыныса, піймалы и прывезлы; и колы вже зъ атаманомъ прыйшлы-сьмо, засталы жону ёго Уляну Дынысыху та Тетяну Яцыху, которіи ёго былы: Уляна оглоблею, а Яцыха выламы, и такъ одъ того бою мало и жывъ будучы, якъ-бы годынъ въ дви чы въ тры умеръ, которого вже и розвязалы-сьмо нежывого".

Спросили Павла Билыка: „чы и ты тому бою прытомнымъ (участникомъ) бувъ?"

— А що жъ, панове—отвѣтилъ онъ—було тое, бо якъ прывизъ Юско зъ Педоромъ Деныса, пойманого, а я стеригъ вогню, щобъ не росполонывся, тоди Юско веливъ мени дви вышнины вырезаты, и такъ я, вырезавшы ёму одну, а соби другую, былы-сьмо ёго потимъ, звязаного. Юско жъ до атамана пишовъ, а я стеригъ оного. Тутъ прыйшла Дынысыха, а взявшы зъ стрихы оглоблю, была ёго, Дыныса, тыранско. Потимъ прыйшла Тетяна Яцыха, и мало вже жывого заставшы, тежъ

была выламы, допытуючыся: „за що ты, мовытъ, злый сыне, на мене маешъ за зле и говорышъ, будто ты черезъ мене не маешъ мешкаты зъ жоною своею?" И якъ вже прыйшовъ Юско зъ атаманомъ, засталы Дыныса тилко що жывого, однакъ вже не говорывъ, который того жъ часу и Богу душу отдавъ.

Тетяну Яцыху спросили: „За що ты Дыныса была?" Она сказала:

— Правда, панове, що была-мъ ёго, бо винъ на мене бувало все говорытъ, будто черезъ мене зъ жоною своею мешканя не маетъ, и за тое ёго зъ килька разивъ палыцею ударыла; бо жона ёго Уляна, прыйшовшы до мене, сказала мени: „прывезлы, мовытъ, и того старого собаку, ворога нашого, который о тоби а о мени много чынывъ обговору и веславы. Будетъ мене памятаты: частовала мъ ёго оглоблею добре; пойды и ты а свого жалю помстыся надъ старымъ псомъ". Послухавшы іи, пишла до току и была-мъ ёго палыцею, тилко не одъ мене смерть ёго постыгла.

Сама Денысыха Ульяна ограничилась короткимъ объясненіемъ:

— За тое я ёго была, що винъ мое добро, пашню въ току запалывъ. Тилко жъ того бою не я, панове, початкомъ: Лытвынъ зъ Павломъ впочатку, скоро ёго прывезлы, піймавшы, былы въ дви палыци.

Спрошены были въ заключеніе и свидѣтели, очевидцы происшествія. Они показали:

— Юско впочатку зъ Павломъ Былыкомъ былы въ дви палыци, перестаючы, и колы просывъ Дынысъ пыты, Юско знову велывъ ёго наповаты палыцямы, и насъ заставлявъ быты, але жъ мы ёго быты не хотилы; тоди Юско знову зъ нымъ же, Павломъ, ёго, Дыныса, былы. Потимъ прыйшла, жона ёго, Дынысова, и взявшы оглоблю, была ёго оглоблею нещадно; а по ній Яцыха прыйшла а, взявшы вила, оного жъ была. А Юско, видячы, що вже Дынысъ кончытся, пишовъ до атамана, и вже зъ атаманомъ прыйшовшы, жывого Дыныса не засталы, але вмерлого вже розвязалы.

Судъ нашелъ, что дѣло вполнѣ выяснено „и жадного болшъ доводу не потреба, поневажъ самы обжалованныи злость

свою на себе вызпалы". Прежде всего судьи постановили, чтобы тѣло убитаго, остававшееся, какъ всегда, до производства судебнаго слѣдствія не похороненнымъ, было предано землѣ „подлугъ звычаю", затѣмъ приступили къ составленію приговора относительно Ульяны Дынысыхы, признанной виновной въ мужеубійствѣ, и ея случайныхъ помощниковъ. Справившись съ Литовскимъ Статутомъ, нашли въ 6 артык. 11-го разд. прямое предписаніе, что жена, умертвившая „доживотного пріятеля своего, не толко горломъ маетъ быти карана, але и почтивость и всю маетность тратить, а тоею карностью ганебною (позорною) маеть быти карана: по рынку волочачы, клѣщами тѣло торгати, а потомъ въ мѣхъ скуряный (кожаный), всадивши до него пса, кура, ужа и кошку, зашити и где найглубей до воды втопити; тымъ же тежъ обычаемъ и помощники маютъ быти караны". Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ слишкомъ сложный и вычурный родъ казни едва ли примѣнялся и въ самой Литвѣ, по крайней мѣрѣ на Волыни извѣстные намъ процессы о мужеубійствахъ оканчивались обыкновенною смертною казнью отъ руки палача; тѣмъ меньше этотъ родъ казни могъ примѣняться въ лѣвобережной Малороссіи. Не остановились на немъ и члены полтавскаго полкового суда: „А поневажъ (читаемъ далѣе въ декретѣ) въ насъ того обычаю не заховуютъ, теды, запобигаючы мы такій злости, абы промежъ людьмы, а звлаща межи малженствомъ, оная не множылася, якая на Уляну Дынысыху показалася, що вона, не памятаючы на почтывость стану малженского и жадного николы пошановання мужеви своему не чынячы, овшемъ (а напротивъ) завше его пры старости уныжала, зъ дому ёго гоныла, а наостатокъ, якъ зъ инквизиціи показалося, свыты едной и копы грошей для вкупленяся въ шпытальи ёму не дала, и тымъ злость взгнитывшы, що винъ пашню свою запалывъ, о смерть ёго зъ помощныками своимы прыправыла,—маетъ вона подлугъ нынѣшнего декрету киньмы по рынку волочена и клищамы торгана, а наостатокъ маетъ смертелне четвертованемъ скарана буты сама одна, а помощныкы еи повынни головщыну кревнымъ Дынысовымъ платыты и выну панскую и врядовую".

Постановляя этотъ суровый приговоръ, судьи не могли не сознавать, что въ данномъ преступленіи, въ сущности, не было

преднамѣреннаго убійства, а было лишь причиненіе жестокихъ побоевъ въ состояніи запальчивости, вызванной опрометчивымъ поступкомъ самого пострадавшаго; вотъ почему остальные участники преступленія подверглись легкой карѣ, какая положена была за неумышленное убійство, между тѣмъ какъ Ульяна Дынысыха, въ сущности не болѣе ихъ виновная, была присуждена къ лютой казни, назначенной въ законѣ за предумышленное мужеубійство. Но судьи въ этомъ случаѣ могли невольно поддаться тому тягостному и крайне невыгодному для подсудимой впечатлѣнію, какое было произведено раскрытой при слѣдствіи картиной отношеній Дынысыхы къ ея покойному мужу, и въ своемъ приговорѣ они явились какъ бы мстителями за всѣ униженія и поруганія, какія терпѣлъ несчастный Дынысъ отъ злой жены.

---

10. Женоубійца.

Совсѣмъ иначе отнесся тотъ же судъ къ аналогичному преступленію—убійству жены мужемъ.

Въ началѣ 1700 г. присланъ былъ въ полтавскій полковой судъ „на декретъ“ житель г. Переволочной, Юхымъ Рѣзникъ, обвиняемый въ томъ, что онъ, „запомнившы боязнь Божую и встыду людского, тиранско замордовавъ жону свою ажъ до смерты“. На судѣ его спросили: „Що тому забойству за прычына була“? Онъ такъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, такъ то мене грихъ поткавъ и вседушевный непрыятель до того мене прывивъ. Воля ваша що хотиты зо мною чыныты, тилко якъ передъ Богомъ вамъ ся открываю, що вона, небижка, завжды пьянствомъ ся бавыла и статковаты не хотила, и мене не слухала, и ганебне було вексуетъ[1]), диты зъ дому розгоныть, и такъ зъ неосторожносты своеи хотивъ еи покараты, а до смерты прыйшло“.

---

[1]) Старинное польское *weksować* (отъ лат. vexare)—надоѣдать, мучить.

Въ Литовскомъ Статутѣ за женоубійство опредѣлена была та же самая лютая казнь, что и за мужеубійство; если же въ преступленіи Юхыма Рѣзника нельзя было усмотрѣть умышленнаго убійства, то и въ дѣлѣ Ульяны Дынысыхы, какъ мы видѣли, тоже не было основанія приписать ей злой умыселъ, однако ее покарали по Статуту, какъ умышленную мужеубійцу. Но въ данномъ случаѣ судьи, вопреки обычаю, даже не „взглянули у право" и безъ всякой ссылки на статьи закона постановили слѣдующій приговоръ: „Судъ, выдячы тое, що за убыйство ёго (Рѣзника) и инстикгаторовъ (обвинителей) жадныхъ немае и диты на ёго не настоюютъ и зъ выны вымовляютъ, полицаючы (поручая) сіе забойство праведному судови Божому, даруетъ его (Рѣзника) душею и одпускаетъ на покаяніе, щобъ за еи, небожкы, душу духовного отца за сорокоустъ погодывъ и за свое прегрищеніе старався до кончыны своеи покутоваты".

Здѣсь судъ вступилъ въ явное противорѣчіе съ закономъ: въ Лит. Статутѣ убійство между супругами отнесено именно къ числу тѣхъ немногихъ, особенно тяжкихъ преступленій, за которыя судъ былъ обязанъ по собственной иниціативѣ и своими средствами преслѣдовать виновнаго, хотя бы дѣти или близкіе родственники не желали возбуждать дѣла или даже готовы были простить убійцу[1]). Очевидно, что этотъ Рѣзникъ былъ дѣйствительно несчастливымъ мужемъ, но заботливымъ отцомъ, и у судей изъ чувства человѣколюбія не поднялась рука, чтобы обрушить на него громы правосудія и окончательно осиротить его несчастныхъ дѣтей. А въ подобныхъ случаяхъ члены козацкихъ судовъ, какъ непрофессіональные юристы, не стѣснялись слѣдовать исключительно велѣніямъ своей совѣсти, пренебрегая требованіями положительнаго закона.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

1) Раздѣлъ 11, артыкулъ 6, § 2.

УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА.

(ОЧЕРКЪ).

Внѣшность вѣдьмы. Испытанія ея и подготовленіе къ дѣятельности. Превращенія, полеты, сборища вѣдьмъ; вредная дѣятельность послѣднихъ, направленная на личность и собственность. Оберѣги отъ вѣдьмъ, поимка ихъ, испытаніе водой, сожженіе, побои, увѣчья, конфискація имущества. Естественная смерть вѣдьмы.

Отвратительная, зловѣщая старуха, съ загнутымъ носомъ, красными, опущенными внизъ глазами—таковъ портретъ вѣдьмы въ малорусскихъ и западно-европейскихъ этнографическихъ сборникахъ [1]). Устные народные разсказы Лубенскаго уѣзда прибавляютъ къ этому портрету еще слѣдующія черты. „Видьма въ лыци минязста, жовта, очи чорни—глыбоко. Погляд у неи негарный. Іи по очамъ пизнають. Вона на сонце праведне не буде дывыться и въ церкви усе дывытся унызъ.“ Кромѣ лица, главнымъ отличительнымъ признакомъ вѣдьмы признается хвостъ, и убѣжденіе въ существованіи хвостатыхъ людей распространено между отдаленнѣйшими арабскими, африканскими, меланезійскими пле-

1) Чубинскій. Тр. Экспед. т. 1, в. 1. 197. Ивановъ. Народн. разсказы о вѣд. въ Сб. Хар. Ист.-Филол. Общества, т. III, 164. Канторовичъ. Среднев. проц. о вѣд., 20. E. Monseur. Le Folklore Wallon. Bruxelles., 85.

менами[1]). Другой внѣшній признакъ вѣдьмъ—черная полоса волосъ отъ затылка до пояса (какъ у вятки) попадается только среди народныхъ представленій о вѣдьмѣ въ Харьковской губерніи[2]). Перечисленныя особенности только и могутъ, конечно, принадлежать „родовытій" вѣдьмѣ; ученой-же—дѣлается каждая женщина, выдержавшая испытаніе. Это испытаніе, какъ видно изъ печатныхъ источниковъ[3]) и устныхъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, заключается, кромѣ поруганій святыни,[4]) еще въ образномъ представленіи будущей дѣятельности вѣдьмы и ея грядущей судьбы. Испытываемая подходитъ въ полночь къ рѣкѣ, откуда вылазятъ пресмыкающіяся, которыхъ будущая вѣдьма доитъ и беретъ зубами; затѣмъ пресмыкающіяся жадно расхватываютъ сыръ, какъ впослѣдствіи разорвутъ вѣдьму или ея душу. Нѣсколько отличенъ искусъ вѣдьмы въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. „Жинка просыла своеи кумы: „навчы й мене видьмыть". А кума каже: „не выдержышъ".—Выдержу. —Прыходь завтра". У вечору прыйшла та жинка до кумы и кума повела на ихъ собраніе. Здохла кобыла, и въ кобылы и гады, и черепахы, и жабы; и туды тій куми пролазыть. Вона те побачыла та й назадъ и ти видьмы навелы ій прычыну и вона ошалымоныла, ума тронулась". (Отъ кр. с. Пѣсокъ И. Рябича).

„Одна жинка другу вчыла, повела до колодкы, а у тій колодци червы ворушатся,—и сказала: „Якъ ты вывчышся видьмою, такъ отакъ на тимъ свити будуть твою душу червы точыть. А якъ поведу тебе до рички,—щобъ ты не боялась, стояла". Повела, трычи свыснула. Выскочылы нечысти. Сталы воны іи розважать,—ту, що вчылась, казать: „поступай до насъ, и буде

---

[1]) Comte H. de Charancey. Le folklore dans les deux mondes. Paris. 1894. 264, 268.

[2]) Ивановъ. 164.

[3]) Чубинскій. Тр. 1., в., 1., 198, 199. Чернявская. Обр. и пѣсни с, Бѣлозерки, Херс. губ., 4; Кіев. Старина 1894 г, III, 553.

[4]) Ивановъ. 168, 172.

тоби хороше жыть". И та женщына переляκалась, не схотила". (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сивёненковой).

„Въ Хитцяхъ йе баба, уси кажуть—видьма. Вона и другихъ обучала. Узяла соби двохъ молодыць и узяла паляныцю и повела ихъ до комашни; узяла розломыла надвое паляныцю и половыну устромыла у комашню, а другу половыну переломыла ще разъ на два куска и ти молодыци танцювалы кругомъ комашни и йилы той кусокъ. А видьма прыказуе имъ: танцюйте, танцюйте, а то и поклониться тій комашни. Потимъ сказала: идить до-дому и не оглядайтесь назадъ, покы ажъ до-дому не дійдете, а въ ранци встанете до схидъ сонця и пидете туды до комашни и той шматокъ возьмете. А чоловикъ ишовъ тай чувъ ихъ розговоръ та взявъ той шматокъ вынявъ та собаци и оддавъ. Всталы ти молодыци утромъ, пишлы до тіеи комашни, довбалысь, довбалысь, нема ничого—уже взято. Пишлы воны до тіеи, що вчыла, и давай іи допрошувать: „на що ты взяла? сама клала, сама й узяла!" А вона имъ божытся, шо не брала. Давай воны спорыться и за косы водыться, такъ, шо и люде взналы. Жинкы ти кажуть видьми: сяка-така дочко! то хочъ яке-небудь було молоко въ нашыхъ коровъ, а теперъ нема ніякого". (Отъ кр. с. Хитцовъ Дм. Погорилого).

„Чоловикъ бачывъ, якъ дви видьмы у саду поскыдалы запаскы и очипкы и ходять до вышни, або груши, мовъ до коровы". (Отъ кр. м. Снѣтина. К. Прихидькиной).

Много свѣдѣній, необходимыхъ для дальнѣйшей дѣятельности, получаютъ вѣдьмы, сорвавъ цвѣтокъ папоротника. „Воны ходять на Ивана Купала и ждуть, якъ цвите папорочъ. Вона тилько половыны ночи цвите, а то сейчасъ же опада. Розризують долонь и запынають пидъ шкуру, шобъ все знать." [1]) Въ основаніи всякой дѣятельности вѣдьмъ находится умѣніе превращаться въ неодушевленные и одушевленные предметы, безъ чего самая дѣятельность эта не всегда была-бы возможна. Спо-

[1]) «О томъ же» Чернявская. Обр. и пѣсни. 19. и Очер. демон. малор. въ Москвитянинѣ 1842 г., XII, 115.

собность къ превращеніямъ мѣстами ограничивается лишь двѣнадцатью видами предметовъ, въ которые обращается вѣдьма,[1]) мѣстами-же такая способность признается почти неограниченной[2]). Вѣдьма превращается, между прочимъ, въ собаку съ женскимъ лицомъ,[3]) кошку, крысу, мышь;[4]) въ птицъ,[5]) змѣй,[6]) жабъ,[7]) лягушекъ,[8]) насѣкомыхъ[9]). Тѣ-же превращенія вѣдьмъ извѣстны и въ иностранномъ фольклорѣ. Шотландскія вѣдьмы преслѣдуютъ парней въ видѣ кошекъ;[10]) итальянки особенно часто превращались въ началѣ XVII в. въ кошекъ[11]), валлонки и фламандки въ собакъ, кошекъ, воронъ и сорокъ[12]), сициліанки въ жабъ и лягушекъ[13]). Какъ въ этихъ превращеніяхъ, такъ и особенно при полетахъ вѣдьмъ важное значеніе принадлежитъ мази, приготовляемой по западно-европейскому рецепту изъ человѣчьяго, особенно дѣтскаго жира, стружекъ отъ алтарей и церковныхъ часовъ[14]); по малорусскому—изъ кошачьяго мозга, собачьей кости и человѣчьей крови[15]) или только майскаго масла и сажи[16]). Уже

---

[1]) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., XII, 601.

[2]) Ивановъ. 195.

[3]) Ib. 180.

[4]) Ib. 162, 196.

[5]) Ib. 197., Москв. 1842 г., XII, смѣсь 112—120, Афанасьевъ. Рус. Нар. Ск.. изд. Ш, т. II, 329, Кіев. Стар. 1883 г., XI, 395.

[6]) Ивановъ. 176.

[7]) Зап. Имп. Рус. Геор. Общ., V, 19, 60.

[8]) Чуб. т. I, в., I 205

[9]) Ивановъ. 197.

[10]) Тэйлоръ. Первоб. культ. I, 289.

[11]) В. Поповъ. О колдуньѣ; Мишле. Время 1863 г., II, 65.

[12]) E. Monseur. Le folkl. wal., 85, 86. Is. Teirlinck. Le folkl. flamand. 102.

[13]) Arturo Trombatore. Folk—lore catanese. Torino 1896, 12.

[14]) Поповъ. О колд. 57, 61, 68, Канторовичъ 16, 70, 71.

[15]) Ивановъ. 170. Въ одномъ изъ разсказовъ Сборн. Иванова (171) вѣдьмы натираются корой осины.—Какъ согласить такое свѣдѣніе съ общеизвѣстною боязнью вѣдьмъ осины?

[16]) Манжура. Сб, Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 138, 139.

въ сказкѣ Апулея „Золотой оселъ“ Памфила, натершись подобной мазью, превратилась въ сову и улетѣла; затѣмъ французская вѣдьма, смазавшись мазью, кричитъ: emen hétan! и улетаетъ на лозинѣ;[1]) нѣмецкая вѣдьма, вымазанная мазью, летитъ нагая на помелѣ, кочергѣ, метлѣ;[2]) фламандскія вѣдьмы летаютъ на козлѣ, рѣшеткѣ, вилахъ, палкѣ, метлѣ. Вылетая, тоже кричатъ: „чрезъ трубу! выше деревьевъ, домовъ, выше всего!“.[3]) И малороссіянка, помазавъ подъ плечами „пурхне, якъ горобець, у-верхъ“ на коромыслѣ, чаще на мечикѣ изъ терницы.[4]) „Якось ночю зійшлысь видьмы у хату до хазяйкы, а наймытъ не спыть, дывытся. Мотаются воны по хати, наварылы вареныкивъ и, хто ихъ зна, у-вищо вмочалы. Кажна зъисть вареныка и летыть уверхъ“. (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сизоненковой).

Шумной, безпорядочной толпой, какъ въ „Фаустѣ“ Гете, спѣшатъ вѣдьмы всѣхъ странъ, темной ночью, едва освѣщенной луннымъ, красноватымъ блескомъ блудящихъ огней на Guy de Dôme, Бараону, Брокенъ, Лысую гору въ свои собранія. Свѣдѣнія о малорусскихъ сборищахъ вѣдьмъ кратки и блѣдны, вѣроятно по незначительности процессовъ о колдовствѣ. Предсѣдательствуетъ видьмачъ, иначе вовкулака,[5]) приказчикъ,—вообще

---

[1]) Поповъ. Колд, 57, 61, 68. Гейне. Германія. Ш, 136.

[2]) Ib. 29, Канторъ. 5.

[3]) Teirlinck. 106, 116, 117.

[4]) Номисъ. Укр. прик., 3.

[5]) Слово вовкулака имѣетъ разное значеніе. Такъ называютъ: 1. жертвъ вѣдьмъ, но не тѣхъ вѣдьмъ, о которыхъ рѣчь, а болѣе искусныхъ, приближающихся къ типу Цирцеи. Иногда онѣ обращаютъ въ волковъ цѣлые свадебные поѣзды (Ивановъ. 205, 223, 224), чаще отдѣльныхъ лицъ. По-бѣлорусскимъ повѣрьямъ женщина обращаетъ въ волка на срокъ до семи лѣтъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. IV, 103). Теща обратила зятя въ волка за побои дочери. (Желѣзновъ. Библ. для чт. 1861 г., Ш, 11—16). Дѣвка, бросивъ ленту на измѣнившаго ей парня, обратила послѣдняго въ волка. (Кіев. Стар. 1894 г, VI, 543—545) Женщина достигла того-же, навязавъ на шею человѣку веревку (Чуб. Тр. I, в. I, 223). Вовкулаки этой категоріи, будучи жертвами вѣдьмъ, не могутъ имѣть надъ послѣдними

умѣряющій дѣятельность вѣдьмъ. Послѣднія только любезничаютъ съ чертями, не имѣя связи, танцуютъ, играютъ въ подобіе войнъ, въ куклы даже, согласно мѣстному разсказу.[1]) Въ западноевропейскомъ фольклорѣ, гдѣ вѣдьмачъ—ничтожество (Michilet. La sorcière), предсѣдательствуетъ самъ сатана въ собраніяхъ вѣдьмъ въ видѣ козла съ человѣческимъ лицомъ. Вѣдьмы садятся за ужинъ изъ кушаньевъ, не приправленныхъ солью, послѣ ужина танцуютъ въ маскахъ, рубашкахъ или голыя (молодыя, по замѣчанію Гете), обращаясь другъ къ другу спиной. Послѣ пляски идетъ месса на изнанку, а затѣмъ участники предаются физическимъ излишествамъ и противоестественнымъ порокамъ. Въ заключеніе сатана сжигаетъ себя, а вѣдьмы берутъ пепелъ для новыхъ злодѣйствъ.[2]) Дѣйствія вѣдьмъ разно-

никакой власти. 2. По общечеловѣческимъ вѣрованіямъ, есть люди, способные къ оборотничеству вообще и къ частной формѣ послѣдняго—превращенію въ волковъ. Кромѣ классическихъ разсказовъ о такихъ оборотняхъ, еще Дены въ Америкѣ управлялись тиранами, обращавшимися въ собакъ; по японскимъ преданіямъ принцъ блуждалъ въ видѣ собаки. (C—te de Charencey. Le folk. dans le deux monde. 274). Дикари вообще вѣрятъ въ оборотней, обращающихся въ льва, тигра, гіенну и т. д. Въ судебныхъ процессахъ XVII в. обвиняемые показывали, что, натершись мазью, обращались въ волковъ, разрывали и ѣли дѣтей. (Спенсеръ. Основ. соціологіи 356, 357. Тейлоръ. Первобыт. культ. 288, 289, Канторовичъ. Среднев. проц. 77—81). Въ Катаніи жена отпираетъ дверь мужу вовкулакѣ послѣ троекратнаго требованія, иначе будетъ разорвана въ куски. (A. Trombatore Fl. cat. 18). Валлонскій вовкулака изорвалъ зубами передникъ жены (E. Monseur. Le Fl. wal. 85). Парень, замѣченный своимъ отцемъ въ видѣ волка, перекинулся волкомъ и навсегда убѣжалъ (Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1894 г., XII, 495—497). Хозяинъ обращался въ волка, перекидываясь черезъ пенёкъ (Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 35). О вовкулакахъ этой послѣдней категоріи народъ замѣчаетъ: «видьмамы заправля самый главный вовкулака, або видьмычъ» (иногда отаманъ, упырявка). (Ивановъ. 173. Манжура. 140).

[1]) Чубинскій. I, в. I.. 197, 205; Манжура, 140, Ивановъ. 215, 221, Ефименко. Судъ надъ вѣдьм. въ Кіев. Стар. 1883, XI, 378.

[2]) Гейне. Герм. III. 29, 137—143. Поповъ. Колд. 61, 72. Канторовичъ. Ср. проц. 6. Teirlinck. Fl. flam. 107.

образны; порой онѣ представляются невинной шуткой, шалостью, какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ.

„Старыкъ ишовъ зъ шынку пизно. Колышня́ ёго бье по ногахъ, винъ пада. Доходыть до свого двора,—валомъ переснована улыця. Якъ уплутавсь винъ у той валъ, крычыть: „ратуйте!“ Два чоловика вывелы ёго, довелы до дому, кажуть: „Парасю! визьмы свого чоловика.“ Тимъ же чоловикамъ не було валу, а старыку есть—обмарыло“. (Отъ кр. м. Снѣтина Н. Ивахненка).

„Пишлы мы на риздвяныхъ святкахъ на досвиткы, на грыще, на Дивынщыну [1]). Дійшлы на солонци. Морозъ—ажъ скалкы скачуть. Мисяшно. Насъ чотыри йде. Де взялась горохова копыця, коло насъ кругомъ вертытся; що мы ступымъ, то вона не дае ходу, а въ насъ ни въ одного нема й палыци. Мы й просымъ: „пусты насъ, дай намъ ходъ.“ Вона й посунулась на кладовыще“. (Отъ него-же).

Къ менѣе опаснымъ дѣламъ вѣдьмъ можетъ быть причислена ѣзда на парняхъ, какъ въ Гоголевскомъ „Віѣ“ и параллельныхъ ему народныхъ сказкахъ [2]), и принужденіе людей летать съ помощью тирлича (volantia minor) [3]). Но, затѣмъ, уже ассирійская вѣдьма, вкрадываясь въ дома, отравляетъ пищу, изводитъ людей глазомъ, языкомъ, узлами, зельями, питьями, чарами [4]); западно-европейская—также умерщвляетъ, похищаетъ,

---

[1]) Снѣтинскій кутокъ.

[2]) О ѣздѣ вѣдьмы на парняхъ см. въ моемъ очеркѣ «Къ вопросу объ источн. Вія» (Кіев. Стар. 1896, IX, 46—48). О распространенности главнаго мотива «Вія» свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сказка племени Ба-Ронка, живущаго по берегамъ Делагоа, о принцессѣ, поставленной въ гробу въ церкви. Принцесса съѣла нѣсколькихъ солдатъ, пока послѣдній охранитель не накормилъ и не напоилъ ее виномъ, чѣмъ избавился отъ смерти. (Junod. Les chants et les contes des Baronca. Lausanne. 1897. 317—322).

[3]) Черняв. Обр. 19, Квитка. Конот. вѣдьма. 228—230. Номисъ Укр. Пр. 5, Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 39.

[4]) Вс. Миллеръ „Ассир. Закл.“ Рус. Мысль 1896 г., VII 72—73.

портитъ дѣтей, содѣйствуетъ выкидышамъ и рожденію уродовъ; отымаетъ производительныя силы супруговъ, поселяя семейные раздоры между ними, по ночамъ душитъ людей въ видѣ Nachmaar [1]). И малорусская вѣдьма ходитъ [2]) по ночамъ съ ведромъ и точитъ кровь изъ сонныхъ, умерщвляетъ людей, похищаетъ или портитъ дѣтей, „очыма ихъ йисть"; пожираетъ трупы [3]). Переходомъ отъ вредной дѣятельности вѣдьмъ, направленной исключительно на личность къ имущественному вреду, является заламываніе закрутокъ на болѣзнь, смерть, падежъ, убытки, усыханіе лѣса [4]), порчу хлѣба [5]). По мѣстнымъ сказаніямъ закрутки дѣлаются такъ. „Видьма бере зверху пашню, скрутыть навпакы, переламуе пополамъ, загне до кореня и до земли у кустыкъ заткне. Не можна зжынать; хто зажне—заболіе, або вмре." Закрутки дѣлаются на зарѣ въ одной рубашкѣ [6]). Въ узелъ залома кладутъ золу, соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, зерна, уголь [7]). Похищеніе звѣздъ вѣдьмами можетъ быть также разсматриваемо, какъ убыточное дѣйствіе. „Звиздохватка знима свитову и полунишню зирку, щобъ не було дощу и для того, щобъ пивни не спивалы, щобъ їй вильно ходыть цилу ничъ". „Дивка полизла на небо та зняла зирку, такъ са-

---

1) Teirlinck. Le fl. flam. 103, Monseur. Le fl. wal. 85. 86. 89, Trombatore. Fl. catan. 15; Канторъ. 4, 71, 99.

2) Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣдьма блуждаетъ или какъ обыкновенная женщина, или же летитъ одна ея душа, а тѣло остается на мѣстѣ. (См. мою «Зам. по поводу вал. и сиц. фолькл. сборниковъ въ Кіев. Стар. 1898 г. VII, VIII, 3—5). По нашимъ народнымъ, также сицилійскимъ и средневѣковымъ французскимъ повѣріямъ, душа вѣдьмы, возвратясь и найдя тѣло перемѣщеннымъ, не можетъ уже войти въ него. (E. Langlois. Origines et sources du Roman de la rose. Paris. 1891, 167).

3) Очер. демон. Малор. Москв. 1842, XII, 112—120. Чуб. т. I, в. I, 204 и т. II, 410. Ивановъ 207.

4) Литвинова. Кіев. Стар. 1899, III, 140.

5) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. I, 348.

6) Литвинова 140.

7) Даль. О повѣр. 71.

рана и вылетила,—одъ того и повелась"—разсказываютъ крестьянки. Для того, чтобы снять звѣзду, вѣдьма лѣзетъ на крестъ вверхъ ногами [1]), или—вверхъ по острію ножа [2]); снятыя звѣзды хранятся закопанными въ кувшинахъ или горшкахъ [3]). Давно уже наука сблизила это похищеніе звѣздъ малорусской вѣдьмой съ общечеловѣческими повѣрьями объ уничтоженіи, поврежденіи и кражѣ свѣтилъ во время затменій. Дикіе тогда вопятъ, шумятъ, стрѣляютъ, желая отогнать враждебный духъ, угрожающій свѣтилу Въ лѣтописяхъ затменія разсматриваются какъ ущербъ или погибель свѣтила. Лоухи заключаетъ въ скалу солнце и луну, ѳессалійская колдунья послѣднюю въ коробку [4]). Флоберъ, приводя въ „Искушеніи св. Антонія" различныя вѣрованія, между прочимъ замѣчаетъ: „La lune tremble sous l'incantation des sorcières." По народнымъ представленіямъ вѣдьмы наносятъ значительный вредъ произвольнымъ управленіемъ стихіями. Такое представленіе принадлежитъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ вѣрованіямъ. Коринѳъ, напримѣръ, содержалъ укротителей вѣтровъ [5]). У кафровъ колдунъ называется дѣлателемъ дождя [6]). Въ современной Бельгіи народъ вѣритъ, что вѣдьма движеніемъ руки [7]) или метлы сводитъ молнію, производитъ бури, опрокидывающія дома и мельницы, срывающія крыши, деревья [8]). И наша украинская вѣдьма насылаетъ грозу, градъ, вихри, мятель, снѣгъ, морозы, отымаетъ

---

[1]) Чубинскій I, в. I, 198.

[2]) Въ моемъ соч. «Объ источ. Вія». Кіев. Стар. 1896, IX, 47.

[3]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1890, I, 60, Манжура 134, Москв. 1842, XII, 112.

[4]) Аѳанасьевъ. Зоомор. бож. III, 6, 8, 9, 12; Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1890 г. I, 61. Даль о повѣр. 61.

[5]) Сумцовъ. Кіев. Ст. 1889. I, 77.

[6]) Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'apr. l'anthrop. et l'hist. Paris, 1892, 95.

[7]) Ср. въ «Конот. вѣдьмѣ» Квитки: Пазька... куды махнула рукою, туды и хмары пійдуть. (203, 204)

[8]) Monseur. 88; Teirlinck. 106, 107.

росу и запираетъ дождевыя тучи въ комору или горшокъ въ видѣ лягушки. Однажды парень, вынувъ по указанію вѣдьмы колъ, вызвалъ обильный дождь [1]). Вѣдьмамъ иногда приписываютъ и порчу полей воробьями, гусенью, ржавчиной, садовъ—плодожорками [2]).

Наконецъ особый видъ вреда, причиняемаго вѣдьмами, составляетъ порча ими скота вообще и тельныхъ коровъ въ особенности. Она отымаетъ молоко у послѣднихъ не только непосредственно, но и на разстояніи. Въ одномъ изъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, невѣстка отомкнула чопъ въ сохѣ, откуда полилось молоко, а свекровь прибѣжала, крича: „усю череду повалыла" [3]). Вѣдьма, кромѣ коровъ, доитъ еще: собакъ, кошекъ, жабъ, ящерицъ, гадюкъ [4]), почему и въ маслѣ, приготовляемомъ вѣдьмой, есть „гадюче, жабьяче, черепаше". Такимъ образомъ кругъ дѣятельности вѣдьмъ, по народнымъ понятіямъ, весьма значителенъ, но есть извѣстные разряды лицъ, по самой природѣ своей изъятые изъ этого круга; таковы перворожденные [5]), послѣдніе въ семьѣ и седьмые, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Ишла я зъ матирью. Собака била, а очи червони, сыдила пидъ тыномъ. Може-бъ вона матирь зняла, такъ воны идуть та просять: „не займай, я тоби ничого не заподіяла. А я у матери сёма, такъ мене не займе. Первого, сёмого и мызынкы—не займа". (Отъ М. Скрыпчиной, м. Лукомья).

„Ишла я зъ поля, думала, шо буркунына цвите. Дойшла, колы кишечка лащытся до мене, а занять не займе. Ишла за мною ажъ до-дому, а не займе—шо я сёма". (Отъ нея-же).

Остальное человѣчество предохраняетъ себя отъ вѣдьмъ различными средствами и пріемами. Макъ, конопля, крапива и

---

1) Москв. 1842 г., XII, 112—120. Аөанасьевъ. Зоомор. бож. III, 13, 16. Даль. О пов. 61, Ивановъ. 214, Чернявская, 5.

2) Москв. 112—120, Канторовичъ 5, Teirlinck. 103.

3) О томъ же у Чубинскаго, I, 203. Иванова, 178.

4) Квитка. Кон. вѣдьма, 203.

5) Ивановъ. Раз. о вѣдьм. 190, 192.

др. средства обороны малоруссовъ, шиповникъ—грузинъ, звѣробой (hypericum perforatum. L., l'hypéricon), лютикъ (polygonatum multiflorum. L.)—западно-европейцевъ [1]). Въ Римѣ въ Иванову ночь продаются метлы, предохраняющія отъ вѣдьмъ. Въ Падуанской провинціи женщины въ ту-же ночь катаются по росѣ, предохраняя себя такимъ образомъ отъ вѣдьмъ [2]) Грузинъ и бѣлоруссовъ предохраняютъ тогда-же отъ вѣдьмъ костры [3]). Охраняющими отъ вѣдьмъ животными признаются: перворожденная собака [4]) и пѣтухи, какъ видно изъ слѣдующаго. „Той пивень, шо манисенькимъ спива и у ёго тры пирьины бильшыхъ, и видьмы ти пирьины вырываютъ, шобъ не рано спивавъ". „Пивень почакунъ, шо найперидъ спива; якъ винъ заспива, то вси пивни спиваютъ". „Баба зибрала у мирку тихъ курчятокъ, шо тыждень якъ вылупылысь, и взнала, де пивныкы, де курочкы. Тоди давай заразъ валашыть пивныкы; а ти москали, шо стоялы на кватыри, пытаются: „на шо ты, бабушка, такъ дѣлаешъ?" Вона говорыть: „оце на то я, диточкы, роблю, шо той пивень, шо валашеный [5]), за дванадцять дворивъ не допустыть видьмы до осели. Якъ видьма иде, то винъ почуе, та заспивае, такъ вона николы не дойде до того двору." Къ выгодамъ первородства принадлежитъ возможность увидать вѣдьму безъ всякихъ особыхъ приготовленій; другіе, желающіе ее увидѣть, должны засѣдать за тѣнью: „проты тини вона не побачыть." Лучше всего засѣдать за бороною, начатою утромъ и конченною до захода солнца [6]), хотя борона и не всегда

---

[1]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889. V, VI, 305 и VIII, 425, Сумцовъ. Совр. этногр. Кіев. Ст, 1892 г. II, 212, Чуб. I, 8. Кіев. Стар. 1895 г., VII и VIII. Докум. 12, Даль. О пов. 63. Teirlinck. Le Fl. flam. 109.

[2]) Tuchmann. La fascination. въ Melusine 1899. T. IX, Mai—Iuin 200.

[3]) Вѣстн. Евр. 1868. II, 552, Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 61, 721.

[4]) Чуб. I, 53, Ивановъ. 177, 180, Кіев. Стар. 1894. III, 553.

[5]) Каплунъ.

[6]) Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 37.

можетъ предохранить отъ внушенія. Напримѣръ: „Чоловикъ засидавъ за бороною. Видьма прыйшла и пытае: „сыдышъ за бороною, то й говоры изо мною“. Винъ окамянивъ и сыдивъ. Выйшла ёго жинка, борону остановыла и въ хату ввела“. (М. Снѣтинъ).

Подобные же разсказы приведены въ вышеуказанныхъ сборникахъ: Кулиша (38) и Иванова (177, 180 и др.) Увидѣвъ вѣдьму, нужно схватить ее сзади, „ловыть за вьязы, або за волосья, бильшъ ни за вищо не вдержышъ; брать треба зверху, рукою на выдли. Якъ возьмешъ видьму, то рукы не росправляй и не переминяй, такъ и держы; якъ росправышъ—вона выскочыть—и нема, пишла“. „Бувъ парубокъ и ходывъ на улыцю. Его видьма не разъ была, а винъ не знавъ, шо й казать. Сказавъ ёму батько: „хватай іи на выдли, то прынесешъ. Выйшовъ винъ; клубокъ ставъ проты ёго котыться. Винъ схопывъ на выдли; прынисъ до дверей, ставъ у другу руку брать,—незнать, де й дилось. Батько сказавъ: „не переминяй у другу руку; якъ узявъ, такъ и несы“. Винъ понисъ у хату, поставывъ въ кочергахъ на швайку. Уставъ утромъ, ажъ сыдыть жинка, плаче“. (Отъ Д. Сизоненковой, м. Снѣтина).

Вѣдьму ловятъ еще, вбивъ гвоздь въ то мѣсто на стѣнѣ, гдѣ легла тѣнь отъ вѣдьмы [1]). Непойманную на дѣлѣ, а только подозрѣваемую вѣдьму, подвергали прежде испытанію водой. Такое испытаніе, или ордалія, извѣстно повсемѣстно и не только средневѣковымъ, но и древнимъ, также дикимъ народамъ—полинезійцамъ, краснокожимъ, африканцамъ, и основано на убѣжденіи, что вода отвергаетъ виновнаго, почему онъ не тонетъ [2]). Въ XVIII, даже въ XIX в. еще купали вѣдьмъ въ правобережной Украинѣ [3]), но о купаніи ихъ въ лубенскомъ у., и, ка-

---

[1]) Москв. 1842 г., XII, 115.

[2]) Comte Goblet d'Alvilla. L'idèe de Dieu. 196. Гейне. Германія. III, 30. Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889, I, 83—89.

[3]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. II, 346, 347. Ефименко. Судъ надъ вѣдьм. Кіев. Стар. 1883. XI, 387, Кіев. Стар. 1885, XI, 567—570.

жется, во всей центральной лѣвобережной Малороссіи, не сохранилось никакихъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Топленіе вѣдьмъ было не только испытаніемъ, а и казнью [1]). Гораздо чаще однако колдовство въ западной Европѣ наказывалось сожженіемъ, особенно въ XVI и XVII в., а въ Польшѣ и въ XVIII. Еще въ 1793 г. сожжено 14 женщинъ возлѣ Кракова [2]). Польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить случаи сожженія вѣдьмъ въ 1827 и 1831 гг. въ Галиціи въ засуху и холеру [3]). Бывали и въ Великороссіи рѣдкіе случаи сожженія колдуній [4]). Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранился намекъ на этотъ родъ казни:

Купальской ночи
Выпекли вѣдзьмы очи...
Забью вѣдзьму кочергою,
Спалю вѣдзьму головунею [5]).

Въ средней же Малороссіи, гдѣ народъ былъ предоставленъ нѣкоторое время самому себѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на сожженіе вѣдьмъ. Повидимому здѣсь оно никогда не имѣло мѣста. Въ народной мѣстной расправѣ надъ вѣдьмами преобладаютъ побои, соединенные съ истязаніями, поврежденіями, рѣдко—со штрафомъ, какъ видно изъ слѣдующаго. „Одна хазяйка въ-ночи прокынулась,—бачыть: жинка безъ очипка и въ сорочци корову доить,—чуть, якъ молоко дзюрка. Хазяйка та взяла лопату, прыбигла, трычи вдарыла, та не влучыла по видьми, а по земли. Хто хоче влучыть видьму, хай бье по іи тини“ [6]). (Отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина).

---

[1]) Сумцовъ. Культ. Пер. Кіев. Ст. 1889 г., I, 83—89.

[2]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, вып. II, 325, 326, Ефименко. Кіев. Стар. 1883 г., XI, 388, 392—394. Канторовичъ. Средн. проц. 178.

[3]) Потебня. Объясн. Малор. пѣс. II, 436.

[4]) Канторовичъ. 210, 216.

[5]) Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. V, 426, 454.

[6]) У фламандцевъ сдоенное послѣ вѣдьмы молоко ставятъ въ печь и бьютъ по немъ палкой, вѣря, что эти удары получаетъ сама вѣдьма (Teirlinck. 103). О побояхъ и истязаніяхъ вѣдьмъ см. вышеприведенные сборники и статьи: Чубинскаго, Ефименка и Иванова.

„Одынъ вовкулакъ парубковавъ и дивка ёго любыла, а винъ іи не хотивъ. И хотила вона зъ ёго посміяться ночю; схватылась ёму на плечи, а винъ іи за передни лапы узявъ и пишовъ зъ хлопцями. Заходять на досвиткы, и винъ іи посадывъ на лавци. Дивкы сталы сміяться зъ тіи собакы, хлопци хотилы быть. Винъ каже: „не быйте, хай гуля.“ Сыдыть вона на покути. Потимъ идуть на други досвиткы. Бере іи на плечи той парубокъ та й несе. Обносывъ уси досвиткы, и вона нагулялась, и тоди лапы взявъ передни та й порозризувавъ и сказавъ: „ступай соби, та бильшь не зважуйсь того робыть.“ (Отъ И. Христича, с. Пѣсокъ).

„Зъ досвитокъ ишлы парубкы, душъ шисть, и де взялась сучка и вдарылась у ногы. Воны вси поторопилы и кажуть: „що воно таке? Поймать іи.“ Упіймалы и занеслы на досвиткы. Вона давай скавучать, рукы лызать имъ. Той каже: „лапу іи одирвать,“ другый—„ухо одризать.“ А третій каже: „знаете шо?—ротъ розирвемъ.“ Розидралы ій ротъ и выпустылы іи. „Теперъ мы взнаемъ, хто такый“! И оказалась баба—лежыть, нездорова. Выйшла невистка на улыцю, пытають іи: „де-жъ маты?“—Лежыть больна.—Чимъ?—Ротъ болыть. Стала вона крыворота. Узналы, шо видьма настояща, а то тилько подейкувалы на неи“. (М. Снѣтина).

„Манчыха—була скажена баба: кача по дорози, гуде, свыню пидкыда. Чоловикъ пидъ коровою заставъ та й око выбывъ пидпорою“. (Отъ Г. Мартыщенка, с. Литвяковъ).

„Я вже дивчыною велыкою була, а въ мене титокъ дви. Воны ходылы на улыцю. Одна прыйшла ранійше, а друга прыстояла зъ хлопцемъ та иде посли до-дому, пизнійше. Иде, колы доить коровы щось у-ночи. Вона прыстояла, подывылась,— стоить жинка безъ запасокъ, безъ очипка, доить корову. Дійныця велыка, якъ дижка, и реминякою зачеплена за щыю. Пишлы хлопци та взялы видьму у загороди пидъ коровою, увелы въ хату. Дядько каже: „по'друбую рукы.“ А вона впала въ ногы, якъ узяла просыть, та'ддала имъ пивъ огорода свого и прынесла юпку билу, шобъ не явылы, шо вона була; дивци по-

дарувала днище и сказала: „а молоко высыпте на тикъ и розметить митлою и прыбыйте осыковымъ килкомъ, то не то я вже не пиду, а нихто не пиде у вашъ двиръ.“ Якъ высыпалы молоко, такъ така калюжа—куды вамъ! мовъ писля дощу“. (Отъ К. Прихидькиной, м. Снѣтина).

И естественная смерть вѣдьмы тяжела [1]). Для облегченія страданій она должна передать свою силу кому-нибудь, напримѣръ дочери; послѣдняя тотчасъ дѣлается вѣдьмой [2]). Для облегченія предсмертныхъ страданій вѣдьмы сверлятъ еще чиринь на печи и срываютъ крайній сволокъ [3]). Послѣдній пріемъ представляется, быть можетъ, воспоминаніемъ о древнемъ обыкновеніи дѣлать въ могилахъ и гробахъ отверстіе для выхода души, оставшемся у готентотовъ, самоѣдовъ, краснокожихъ и фиджійцевъ [4]), для чего служила и посмертная трепанація черепа [5]). Мѣстные народные разсказы рисуютъ смерть вѣдьмы такими чертами.

„Видьма умирала трудно, провертилы стелю та впала глына ій на губы, вона й кончылась. Выйшлы жинкы зъ хаты, колы чорный собака выскочывъ спидъ стели“. (М. Якимовская, м. Лукомья).

„Въ одного чоловика маты була видьма. Вона стала вмирать, та що збунтуется умирать—ніякъ не вмре. Чужа баба сказала: „прорубайте въ стели диру, вона вмре. Прорубалы,—вона й умерла“. (А. Ризниченкова, с. Волчка).

„Занедужала велыка знахурка и видьма, пролежала недилю, чы дви; потимъ прыйшлось розризнятьея души зъ тиломъ. Реве, языкъ вывалыла, якъ блюне кровью, ризаною [6]) такою, просыть: „зорвить стелыну, то я швыдче умру“. Узялы зирвалы

---

1) Ивановъ. 216.
2) Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1896 г., IX, 242.
3) Мои Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 166.
4) Comte Goblet d'Alviella. Lidèe de Dieu 24.
5) Ib. 25.
6) Красной.

стелыну, то вона стала ревты, такъ якъ на рекговыщи скотъ. Люды повтикалы зъ хаты геть уси, покы вмерла." (Е. Купріева, д. Шекъ).

„Домаха заболила якъ и слидъ, а потимъ стала ничого не понимать; лежыть, а два іи сыны и дви дочкы держять за рукы и за ногы, а чуже боится прыступыть до неи. Лежыть вона, зареве, мовъ скотына, не людськымъ гласомъ, гавка, якъ собака, обома рукамы доить, мовъ корову. Воны мучылысь, мучылысь, що сумно людямъ чужимъ, та сталы чиринь вертить свердломъ, такъ якъ дерево, зрывалы й стелю. Вона й умерла. Братъ ридный ходывъ іи убирать, чужи боялысь; такъ зъ неи стала кровъ иты, бигла до порога; и ночвы пидставлялы пидъ лаву. Нагнало іи—така, якъ бочка..." (П. Кириленкова, с. Тишокъ).

„Якъ видьма умирала въ Кремянци, то за одынъ день не вмерла. На другый день уже зовсимъ умерла; сталы у́бирать—вона реве, якъ корова. Іи уси покынулы, поросходылысь и стелыну зирвалы. Колы на третій день дивка бижыть до сусиды, просыть: „идить, бо маты вмирае." Сталы іи вбирать, а вона було вмерла, а то зновъ не хоче. Уже на пьятый день прыйшла дивка зновъ и каже: „идить, уже маты вмерла." Узялы борошна, сала—чого треба, и пишлы. Посходылысь. До вечора диждалысь, заховалы іи. А вона—та, шо вмерла—прыйшла до дочкы и каже: „скыньте зъ мене запаску, бо не таку надилы". Имъ було-бъ надивать сыню, шо до плахты, а воны надилы чорну, ту, шо жинкы у будень носять. Ще разъ прыходыла вона до дочкы, ище щось зъ нею прыходыло биле. Такъ одъ того часу дочка уже не жыла въ тій хати—закляте мисто". (М. Романченкова, с. Волчка).

Изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что малорусскіе народные разсказы и повѣрья о вѣдьмахъ, сходясь въ мельчайшихъ подробностяхъ съ западно-европейскими, открываютъ любопытныя черты древнѣйшаго міросозерцанія человѣчества: вѣру въ оборотничество, основанную, по мнѣнію Спенсера, на постоянныхъ измѣненіяхъ растительныхъ и животныхъ

формъ въ самой природѣ; вѣру въ двойственное существованіе, т. е. въ дѣятельность души, отдѣльную отъ тѣла, основанную на представленіи о реальности сновидѣній; вѣру въ возможность произвольно управлять стихіями и похищать звѣзды, основанную на незнаніи законовъ природы и величины небесныхъ тѣлъ. Только правовыя западно-европейскія и малорусскія воззрѣнія на вѣдьму замѣтно расходятся. Нашему юридическому быту не былъ извѣстенъ такой исключительный порядокъ судопроизводства о вѣдьмахъ, какъ на западѣ, съ тюрьмой въ качествѣ единственной мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда, пыткой, исключеніемъ защиты, безапеляціоннымъ приговоромъ, усиленной смертной казнью, конфискаціей всего имущества у семьи обвиненной. Причины сравнительно снисходительнаго отношенія малорусскаго народа къ вѣдьмамъ заключаются, между прочимъ, въ представленіи о врожденности способностей вѣдьмы, исключающемъ злую волю; въ слабомъ развитіи въ народномъ воображеніи представленій о договорѣ съ дьяволомъ; въ отсутствіи въ украинскомъ прошедшемъ всякихъ ересей,—слѣдовательно и ереси колдовства, и отсюда въ полномъ невмѣшательствѣ духовенства въ вопросы о вѣдьмахъ.

В. Милорадовичъ.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

V.

Окримъ Охрима, у Максыма Мыкытовыча Витряка було ще тры сыны, и старшымъ теперъ ставъ Якымъ. Це парень бувъ друзяка: здоровый, высокый, повновыдый, добрый роботяга, слухняный, моторный и непытущый. Якъ ще жывый бувъ Охримъ, то Якымъ гулявъ нежонатымъ, теперъ-же, якъ Охримъ умеръ и якъ ёго жинка Палажка одійшла одъ Витрякивъ до свого батька та до матери, треба було подуматы и про те, щобъ женыты Якыма. Ну що-жъ! Якъ женыть, то й женыть! Знайшлась швыдко и дивчына, десь ажъ у Нескушному, верстовъ, мабуть, за висимъ одъ Суныцивкы. Сырота вона соби була—ни батька, ни матери, а звалы іи Мареою. Якымъ якось-то йиздывъ у те Нескушне до шаповала, щобъ виддаты ёму вовну та зваляты сукно зъ неи па свыткы, та тамъ и побачывъ у того шаповала ёго небогу, сыроту Мареу. Дуже вона ёму прыпала до серця, бо була соби дивка высока, огрядна, здорова, весела и хоть не овси-то красовыта, такъ зате брава и дуже прывязна. Та шо тамъ за корысть зъ тіеи красы? Зъ лыця, кажуть, воды не пыть! Та й що тамъ изъ тыхъ грошей? Карбованець не гроши, абы чоловикъ хорошый.

Отъ-то такъ по осени, якъ люде зовсимъ упоралысь зъ хлибомъ, скоилось у Витрякивъ и весилля. Бильшъ усёго кло-

---

1) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 1.

поталась у такому дили Маруся: вона, якъ настало саме весилля, и молодыхъ на кожухъ садовыла, шобъ воны, бачъ, багатеньки та замижненьки булы; вона и замкы усяки замыкала, и ключи видъ ныхъ геть кудысь далеко кыдала, шобъ молоди дружно та ладненько про-мижъ себе жылы; вона и обводыла трычи молодого округъ воза передъ тымъ, якъ йихаты ёму до шлюбу; вона й розсыпала навкругы весильного пойизду цили прыгоршни вивса та вмисти зъ вивсомъ розкыдала мидякы грошей.

Отъ и звинчалы молодыхъ. Молода выйшла, якъ молода. Весилля одгулялы такъ, шо на все село. Булы и музыкы—дви скрыпкы ще й одынъ басъ; була и всяка страва,—и печене, и шмалене, а шо вже тіеи горилкы, такъ хочъ купайсь у ній. Ажъ цилыхъ два тыждни веселувалы люде у Максыма Витряка.

Пройшовъ одынъ рикъ писля весилля Якыма Витряка; пройшло ще пивроку. Молоди жывуть, якъ ти голубята: и не налюбуются, и не намылуются. Якымъ, якъ и ранійшъ, працювавъ та слухавсь батька, та гонобывъ у хазяйстви, такъ и теперъ однаково робывъ. Марѳа тежъ була роботяща та слухняна. Свекра та свекруху вона и любыла, и шанувала, и николы не чутно було, шобъ у Витрякивъ, якъ тамъ у другыхъ людей, чы свекоръ, чы свекруха лаялы за що-нибудь невистку, або докорялы іи. Маруся, може, якъ колы, то ще й погримае за що небудь на Марѳу, а шо вже Максымъ Мыкытовычъ, такъ той зроду николы. „Оце, дочко, не такъ, а ось якъ; а оце, доню, не годытся,—у насъ такъ не поводытся, а поводытся отъ такъ“, скаже було винъ невистци безъ серця и безъ лайкы, якъ побаче, шо молодыця чы не втрапыть зробыть до-путя чого-небудь по хазяйству, чы не такъ скаже, якъ треба. Черезъ те-то мабуть, Марѳа и була повсегда весела та балакуча така. Якъ йе зъ кымъ балакаты ій, то вона тому чоловикови розскаже, якъ у ихъ сторони, се-бъ то у Нескушному, за висимъ верстовъ одъ Суныцивкы, та все ынчи звычаи та ынчи обычаи, та ынчи попы и ынчи дякы, шо овси не таки, якъ у Суныцивци. А якъ нема

кому ій розсказуваты, або ій самій никого слухаты, то вона заразъ заведе яку-небудь писню та-й спива соби и спива, та такъ спива, що писня іи лунае скризь и по всёму двору и по всёму току.

Такъ якось-то по осени,—а осинь тоди була така славна, деньки стоялы таки ясни, зъ ранку хочъ трошкы й свиженько, а проте, въ день такъ тепло та соняшно! такъ отъ-то кажу, якось-то по осени, такъ уже о пивдня, тре Мароа на терлыци, у току пидъ тополею конопли и спива соби писню:

„Ой що пры нывци, пры шырокій долынци,
Брала дивка билый лёнъ!
Ой, вона брала, тонко розстылала,
Всю долыну сходыла.
Ой, та не найшла парня молодого,
Которого любыла.
А вже-жъ того парня молодого
Та въ солдаты узялы,
Та й повезлы парня молодого
Все крутымы горамы.
Ой, выйшла дивка за нови ворота,
Вмывается слёзамы“...

Якыма у той день не було дома: винъ ще зъ вечора пойихавъ чогось у волость, ажъ у село Веселе. А Мароа отъ-то тре соби конопли на терлыци та спива писню и не знае, яке лыхо пидкрадается до неи. „Мароо! Мароо! иды лышень у хату“!—клыче іи Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ. Мароа, почувшы голосъ батька, покынула мняты конопли та швыденько побигла до хаты. „Иды, донько, скорійшъ“! Ось убигла вона въ хату та, переступывшы поригъ, тутъ же й стала, неначе вкопана. Якымъ іи журлыво сыдыть за столомъ, положывшы голову на руку и знікъ ажъ до самого столу. Супроты́ нёго стоить маты Маруся и вся такъ и залывается слёзамы, що й свита божого за нымы не баче. „Якыме! Якымочку! мамочко! таточку! Що це таке? Що зробылось? Татусю, голубчыку, що таке“?—

„Бильшъ ничого, доньво, окримъ того, якъ твоёму Якымови упавъ жеребокъ у москали йты“! „Охъ, лышенько-жъ мени! Охъ, долечко жъ моя лыхая! Шо жъ це воно буде такого? Куды жъ мени теперъ диться у свити Божому? Пропала жъ я, сырота безталанная! На викы пропала“!—„Не бійсь, доньво, не пропадешъ: молысь Богу, то все буде гараздъ. Теперъ яка тамъ служба москалямъ? Рокивъ тры-чотыри послуже та й до-дому прыйде, а ты тымъ часомъ у насъ такъ шануватымешся, якъ не шанувалась у ридного батька та матери: мы тебе й словечкомъ не зобидымъ, абы ты тильво сама жыла чесно та по закону; а тамъ, якъ дасть Господь мылосердный, Якымъ одбуде свій строкъ та звернется до-дому, то и все лыхо забудется... Э, якъ-бы винъ у насъ бувъ пысьменный, то друга була-бъ ричъ: ёму бъ и вильгота була и свитъ передъ очима бувъ-бы не той“! „Якыме! Якымочку, голубчыку мій! Поглянь же ты на мене, огляньсь та й озьмы и мене зъ собою! Я жъ безъ тебе не можу жыты! Я изсохну, я пропаду безъ тебе“!—„Та схаменысь ты, Марѳо, на мылый Бигъ, схаменысь! Хиба жъ такы воно де у свити діется такъ, шобъ жинкы та ходылы за своимы чоловикамы у службу? Уже якъ-не-якъ, а треба згодыться, бо на вздогинъ, кажуть, дочко, не нацилуешся... Дасть Богъ, ты й не счуешся, якъ и пройдуть ти два-тры рокы, и якъ Якымъ повернется зъ службы до-дому. Господы, Господы, и чомъ такы у насъ нема школы? Отъ якъ бы винъ бувъ пысьменный, то друга-бъ и балачка була... Темнымъ та невыдющымъ людямъ скризь погано“!..

Такъ посумувалы та побалакалы надъ своимъ лыхомъ Витрякы, та й зъ тымъ, шо треба Якыма выряжаты до города. Боже, и слизъ же було, якъ розставалысь Маруся та Марѳа зъ Якымомъ! Якъ ухопе то одна, то друга ёго за шыю, якъ почне плакаты та прыговорюваты, то справди такы неначе пидъ нымы земля розступается. „Та годи тоби, стара! Годи вже! Хиба такы винъ на війну йде, чы шо? Годи тоби, дочко, годи убыватьсн надъ нымъ! Чы ты ёго, боронь Боже, на смерть, чы на му́ку яку, чы у Сыбиръ выряжаешъ? Чудно́ и дывно мени!

И яка вже тамъ у Бога теперъ служба москалямъ! Теперь не те, шо за прежнёго царя, колы москали служылы по двадцять по пьять годъ! Буде вамъ голосыты!.. Ну, сынку, прощай! Служы Богу и царю праведно, не линуйсь, не пустуй, не забувай батька, матери та жинкы, прыходь до-дому зъ радиснымъ та легкымъ серцемъ!.. Прощай же, сынку! Помагай-би тоби на все добре!.. Та начална слухайсь! Началству не суперечъ! Чуешъ"?

— Чую, тату!..

Ото Якымъ Витряченко уже и въ москаляхъ. Уже бильшъ року мынуло зъ тіеи поры, якъ винъ служе москалемъ. Стоить винъ десь у Кышени-городи и що-мисяця пыше лысты батькови, матери и жинци, Мароы Петровни, и двомъ братамъ своимъ, Петру та Павлусю Максымовычамъ, и сестри Орыси Максымовни, и всимъ сватамъ, и всимъ свашенькамъ, и всимъ сусидамъ, и всимъ сусидкамъ. И каже, шо ёму служба овси не важка, шо началство имъ дуже задоволено, жалуе и хвале ёго, пыше, шобъ батько не пеклувавсь высылаты ёму грошей, бо москали ни въ чому не маютъ нужды, а шобъ гонобывъ у свое хазяйство.

Якъ одберуть ото Витрякы лыстъ одъ Якыма, то заразъ-же Маруся та Мароа идуть зъ нымъ до дякона и тамъ уже и чытають и слухають того лыста. А чыта-жъ той дяконъ такъ не скоро, та такъ высоко, та жалибно, та такъ же жалибно!.. Слухаючы того лыста, Маруся та Мароа такъ и облываются слизьмы. „Боже, Боже, Боже, и якъ то воно ёму, бидоласи, у нахотому чужому городи жывется? Де-жъ воно той городъ нахо-дытся, отець дяконъ"?—„Чы я-бъ вамъ и сказавъ, такъ, ій-же-Богу, и самъ добре не знаю. Мабудь, такъ, шо десь ажъ коло Турещыны"! „Ажъ, кажете, коло Турещыны! Охъ, моя-жъ годыно! Крый-же ёго, маты Божа"!..

И зновъ надишле Якымъ лыста, и зновъ Маруся та Мароа идуть чытаты ёго до дякона, а отъ дякона пидуть ще до пысьменного хлопця, Петра Метеля, шо навчывсь пысьменства ажъ десь тамъ у Лыпцяхъ, чы ще дали.

Одначе, чымъ дали, тымъ Якымъ Витраченко ставъ чогось усе ридче и ридче пысать до-дому. А якъ колы и надишле лыста, то одно тилько й пыше, шо ёму трудно и, Боже мій, якъ трудно служыть! Такъ трудно, шо николы ни сорочкы чыстои узять, ни чобитъ перебуть,—такъ у чоботяхъ и спы; онучкы такъ геть чысто уси на прахъ и попріють на ногахъ. А що вже тіеи нужи, такъ такого, шо бодай тебе!.. А службу усе-жъ такы знай: и коло коня ходы, и за конемъ „командѣра“ гляды, и „мундеръ-церу“ годы. И важко-жъ, охъ якъ важко служыть! А найголовна ричъ, шо прыходытся дуже бидкаться безъ грошей, а тутъ на лыхо попалась така скажена коняка, шо кажнисеньку ничъ рве на соби уздечку, и ты хочъ роды, а шобъ у тебе була цила уздечка, а не буде цила, такъ такого тоби прочухана зададуть, шо не знатымешъ, на яку й ступыть: и на обахти высыдышъ, и лящивъ добрыхъ піймаешъ, и въ штрахну кныжку попадешъ. А старшый, клятый чоловикъ, и не дывытся, яка то скажена коняка,—бье тебе по щелепахъ, та й край... Хочъ увесь тыждень сыды у конюшни та на коняку дывысь. Узявъ бы іи та хорошенько нагайкою нажавъ, такъ де тоби? Буде таке, шо!.. Беры іи блызенько бороды та говоры до неи, неначе до чоловика, та гладь іи, та дывысь ій пыльно въ вичи, а вона, якъ скажена, такъ и скаче, такъ и скаче на тебе, та такъ усю сорочку и штаны геть чысто все на шмаття пошматуе. „Шо-жъ воно, може, и справди ёму, бидоласи, та служба дуже важка“, скажуть було Максымъ та Маруся, чытаючы Якымивъ лыстъ, та ото якъ спроможутся, то й пошлють ёму килька тамъ грошенятъ. А Якымъ якъ одбере лыстъ зъ гришмы, то одпыше до-дому, а якъ одбере самый лыстъ, безъ грошей, то й мовчыть и мовчыть, неначе ёго и на свити нема.

Такъ воно и шло, тыждень за тыжднемъ, мисяць за мисяцемъ. Колы ось пройшла чутка, шо руськый царь буде воювать зъ турецькымъ. Незабаромъ писля того прыйшовъ до Витрякивъ и лыстъ одъ самого Якыма, де винъ пысавъ, шо скоро ёго повкъ выступе за Дунай. Боже, Боже, шо вже тоди слизъ було у хати Витряка, такъ и сказать не можна! Маруся та

Марөа и молылысь, и плакалы, и ходылы до батюшкы найматы ёго правыты молебень, шобъ Господь Богъ заступывъ Якыма на війни, а наконець тôго пишлы ще до дякона за тымъ, шобъ винъ напысавъ лыста до Якыма у повкъ. И дяконъ напысавъ имъ такого жалибного та довгого лыста, шо якъ ставъ вычытуваты ёго въ голосъ, то Маруся и Марөа такъ и облылысь слизмы... Довго того було!..

Напысавшы того лыста, Маруся та Марөа заразъ же и одислалы ёго до Якыма, а сами ждуть и не диждутся видпысу. А одъ Якыма ни слуху, ни духу... Чы винъ жывый тамъ? Чы винъ здоровый? Чы, може, уже ёго давно убыто? Чы, може, винъ де потонувъ у тій ричци, у Дунаю?..

Недовго, одначе, йшла та война промижъ руськымы та туркамы: швыдко пройшла друга чутка, шо уже руськый царь замырывсь зъ турецькымъ. Чують Витрякы, шо уже одынъ салдатъ, такый, шо пишовъ у москали умисти зъ Якымомъ, вернувсь у село; другый напысавъ до-дому, шо скоро буде; а третій переказувавъ черезъ людей, шо десь тамъ забарывсь у дорози, але-жъ такы спишыть та поспишае до своеи ридни; а одъ Якыма усе-жъ такы ніякои звисткы нема. Витрякы уже й не зналы, що имъ и думаты про це...

Була пиздня осиння доба. Люде давно уже попрыбиралы усе и зъ поля, и зъ огородивъ. Чоловикы,—якъ яки молотылы по клуняхъ та вывозылы зъ дворивъ гній, якъ яки возылы дрова зъ лису до-дому та мололы хлибъ у млынахъ. Жинкы якъ яки чыстылы та квасылы нà-зиму бурякы, якъ яки сиклы сикачамы капусту та складалы іи у глыбоки дижкы по погрибахъ, тежъ такы готуючы добро на зимнюю добу; а де-яки то выбиралы кавуны та ховалы ихъ у полову на горище, шобъ додержаты циленькымы ажъ до зимнёи поры.

Тежъ саме робылось и въ хати Витрякивъ. „Господы, Господы, шо це про нашого Якыма нема ніякои звисткы? Уже-жъ ондычкы и Сёмка прыйшовъ, уже и Стецько вернувсь, а нашого усе нема та й нема. Отъ и батькови нашому треба-бъ було помочы, бо Петро хочъ и роботящый хлопець, такъ ще

молодый парубчакъ,—не те у нёго на думци, а Павлусь зовсимъ хлопчакъ. Хочъ бы такы Господь скорійше прынисъ ёго! И хазяйство жъ такы у насъ, хлалыты Бога, чымале, а помочы хазяину нема; до того, ще й хазяинъ нашъ щось уже постаривсь".

Такъ балака, сыдючы въ хати, на лави, стара Маруся. „Уже-жъ, мамо, и пора такы ёму прыйты", одповида Маруси Мароа, сыдючы на тій-же лави, супроты шырокого шыритваса, куды вона складала сичену капусту. Мароа и дни и часы и хвылыны личыла та переличувала, чы скоро скинчытся той строкъ службы Якыма и чы довго ій ще ждаты свого любого та хорошого чоловика. Вона ни на одну хвылыну не переставала думаты про нёго и такъ ёго щыро та вирно кохала, шо й на мысли у неи никого, окримъ Якыма, не було. А оце у ту недилю подавала вона у церкви на часточку помьянуты Якыма умерлымъ: ій сказала якась стара баба, шо якъ помьянуты жывого чоловика умерлымъ, то де-бъ винъ не бувъ и шобъ винъ не робывъ, а ёго заразъ же потягне туды, де ёго ждуть та бажають. Такъ оце уже скоро тыждень, якъ Мароа помынала Якыма у церкви, а ёго усе нема, та й нема... А, може, такы, дасть Господь, шо й прыйде!..

Сиче Мароа капусту, а сама и духомъ и слухомъ уся на двори. „Мамо, чы вы чуете, неначе шось пидйихало до воритъ"?— „А шо тамъ, донько, пидйихало? То, мабудь, нашъ Покотъ пробигъ по прызьби та торкнувсь бокомъ объ стину".—„Ни, мамо, перехопыла Мароа, такы неначе шось и ворота уже одчыня. А-ну-лышень, я выскочу зъ хаты та подывлюсь"! Не вспила, одначе, Мароа пиднятысь зъ лавы, якъ ось двери у хати рыпнулы, и на порози зъявывсь москаль. Мароа такъ и скрыкнула одъ радощивъ та такъ и кынулась до москаля. „Якыме, Якымочку, голубчыку мій"!.. И справди, то бувъ Якымъ Витряченко... Боже, якъ-же жъ тому зрадилы Витрякы, и стари и мали, а найбильшъ усихъ Максымъ Мыкытовичъ Витрякъ!..

VI.

Швыдко по всёму селу пройшла чутка, шо Якымъ Витряченко вернувсь изъ службы до-дому. Тутъ и вси родычы, и вси сваты, и вси кумы, и вси кумаси заразъ-же понашевкалысь до Максыма Мыкытовыча Витряка у хату, шобъ подывыться на Якыма Витряченка, якый то зъ нёго выйшовъ москаль. За-для такои оказіи Максымъ Мыкытовычъ доставъ изъ погреба городськои горилкы, а Маруся понастановыла на стилъ усякои стравы, и тутъ почалась учта и дорогого сыночка и хорошыхъ гостей, шо посходылысь дывыться на бравого москаля. Максымъ Мыкытовычъ не жаливъ горилкы и витавъ гостей щыро одъ усёго сердця. И ото якъ уже уси добре пидвыпылы та разбазикалысь, то тутъ и почалы пытать Якыма, де винъ служывъ, кого бачывъ, якъ переходывъ ричку Дунай, яка въ неи глыбыня́, яка мылынà, якъ воювавъ винъ зъ туркомъ, и въ якыхъ „баталіяхъ“ бувавъ.

— Розскажить-но намъ, Якыме Максымовычу, якъ воно у тій сторони люде жывуть?

— Якъ у тій сторони люде жывуть? Овси не такъ, якъ у насъ: тамъ замѣстъ хлѣба,—Якымъ Максымовычъ закыдавъ уже по-московському,—тамъ замѣстъ хлѣба йидять кукургузу.

— Кукургузу?

— Кукургузу!

— Шо жъ це воно за кукургуза така?

— Такая, значитъ, прымѣромъ будучи сказать, пшенычка, што вотъ и у насъ на вгородахъ растётъ.

— Онъ воно шо! Ну, а ще шо йидять?

— А дали йидять брындзу,—ѣто такой уже, прымѣромъ будучи сказать, сыръ изъ овечого молока.

— Брындза, кажете?

— Брындза!

— Ну, а ще шо?

— А ще йидять чавку́, по нашому сказать, просо; только воно, значыть, не простое, а турецькое просо.

— Ну, и хрухту яку потребляють?

— Хрухту? Гм!.. Тамъ што етихъ абаркосивъ, такъ выды́мо и невыды́мо! Свынямъ кыдають, та й ти не йидять!

— Абаркосивъ, кажете?

— Тамъ што етихъ абаркосивъ!.. А што етого кавунячча! Гм!.. Та ще яки кавуны? Качается, наче той чавунный казанъ! Такъ, прымѣромъ будучи сказать, пудивъ тры буде одынъ кавунъ.

— Пудивъ тры одынъ кавунъ?

— Пудивъ тры одынъ кавунъ, колы не бильшъ!.. А што етой картопли? Падлець я буду, бадилля росте, наче той лисъ, а саме ядро завбольшкы та-якъ добрыхъ два кулакы. Отъ якъ!

— Тамъ-же десь и дешевына̀ на все?

— А такъ што дешевына́! Хранокъ, або пивхранка у руку взявъ, та й цилый визъ кавунячча накупывъ.

— Шо жъ воно за хранокъ такый?

— Гроши таки! Хранокъ, пивхранка, кгалакганъ, пивкгалакгана,—це все болгарськи гроши.—Есть и турецьки, зъ гадюкою, и пруськи, зъ трёма святымы. Усякого було!..

— Тамъ же десь и людямъ добре жыты?

— Гм!.. А то хиба добро у нашій обидраній сторони? У насъ хаты скризь такъ, што бильше небомъ укрыто, а тамъ...

— Якыме, шо це ты кажешъ? перехопывъ сына старый Витрякъ и зглянувъ на нёго якось-то прозоро.

— А шо я кажу? Батьку, покажы путь, якъ горилку пьють! Отъ шо я кажу!..

— Ну, а якый тамъ, Максымовычу, народъ жыве?

— Братушкы та туркы!.. „Берегы́сь мага́ биръ рюмка̀ ара́къ“.—„Якши, якши“! „Берегысь мага́ тютюнъ“! „Тыръ ты сымыны“!—„Якши, якши“. „Муны́нъ пулы аракъ“?—„Чокъ, чокъ“! „Яманъ, яманъ“! „Братушка, дай на мене икметъ кушать“! „Братушка, дай на мене тютюну попыть“.

— Онъ воно якъ! онъ якъ! Отъ скилько рокивъ панебрате, якъ я жыву на свити, а сякый-такый сынъ, хто ёго и чувъ, щобъ оттакечкы балакалы люде, якъ оце. Шо-жъ воно значе?

— Ето, прымѣромъ будучи сказать: „подать мнѣ рюмку водкы та трубку тютюну! Сдѣлать покурыть!“—„Хорошо, хорошо“! „А што стоить водка“?—„Дорого, дорого“! „Это не хорошо, овси не хорошо“! „Братушка, дай мени хлѣба поѣсть“! Братушка, дай мени тютюну попыть“! Не кажуть „покурыть“, а кажуть „попыть“... А то говорять и такъ:

„Давайте выпьемъ за отця до кинця, за неньку повненьку, а за жиночку симъ,—хай буде весело всимъ“.

— А, такы й воны пьють?

— Есть!

— Ото-жъ вы зъ тымъ туркомъ и воювалы?

— А зъ тымъ же туркомъ и воювавъ.

— И шо-жъ, и не пидстрелылы васъ ниде?

— Мене пидстрелылы? Гм!.. У насъ тоже горохъ у носи ёсть!..

— А десь и страшно було воювать?

— Гм!.. Батьку, краппить, лышень, чарку того пекельного кыпелю,

Шо литомъ не кысне,
Зимою не мерзне,
Передъ обидомъ не суше,
Писля обидъ потуше...

Батько налывъ Якыму чарку горилкы, и Якымъ такъ одразу и проковтнувъ іи, неначе закынувъ за потылыцю.

— Дай, Боже, усе, шо гоже, а шо не гоже, поправъ, Боже, шобъ було гоже!.. Зразу ставъ, кумкы мои, на війну, такъ страшно було воювать, а потимъ обыкъ. Не дасть Богъ смерти—не визьмуть и черти... Одно слово, покы не воюешъ, то воно й страшно, а якъ визьмешъ у рукы ружжо, то забудешъ и ввесь страхъ: такъ и лѣзышъ, такъ и лѣзышъ у вагонь, неначе та свыня на вгородъ. Инчому и руку по ликоть отсичуть, а винъ разгарячытся та тіею жъ куксою такы й дѣль-

ствуе, неначе штыкомъ... За то-жъ тилько й бьётся, што нашъ братъ—салдатъ, а што ети охвицери, такъ воны тилько, прымѣромъ будучи сказать, ховаются, по-за нашимъ братчикомъ—салдатомъ; оны тольки у мырное уремья камандувать нами хороши, а якъ на войну, то тутъ имъ и копъ, тутъ имъ и копъ! На войнѣ воны и курыть нашому брату дозволяють, и кисетъ роспростыраютъ и табаку свого дають. Такъ и нашъ братчикъ тоже не дуракъ: якъ набрякается на якого охвыцерыка у тиснимъ кутку, то такъ пидправыть його штыкомъ, што у того и бурдюкъ изъ пуза выпаде геть: „Молысь Богу та отутъ и лежы"! А тамъ, прымѣромъ будучи сказать, запышуть у лапортъ, што на войнѣ турокъ зарубавъ. Тоди смычъ насъ за штаны!..

— Якыме, шо це ты кажешъ? Хиба жъ воно такъ навспражкы и бува, якъ оце ты говорышъ?

— Шо я кажу? Налый мени, отець, чарку горилкы!.. Пый пывоту, та выгонь лыхоту, шобъ тая лыхота не сушыла жывота! Отъ шо я кажу!

Батько зновъ, хочъ и дуже нехотя, налывъ чарку горилкы, и Якымъ упьять чабулькнувъ іи такъ, шо тилько денце у чарци блыснуло: „Дай, Боже, у цимъ дили що-недили"!

Дывытся Максымъ Мкитовычъ Витрякъ на свого сына Якыма та самъ себе и пыта, чы це ёго сынъ, чы не ёго: Якымъ же ёго зроду чаркы въ рукы не бравъ, а цей москаль глушыть горилку, якъ воду...

— Скажить-же, Максымовычу, яки вы городы проходылы?

— Проходылы?... Проходылы Дунай...

— Та тожъ, кажуть, ричка Дунай?

— Ну-да прымѣромъ будучи сказать, ричка... А потомъ проходылы Свыстовъ, Плёвъ-городъ, Шумъ-городъ, Костянтынгородъ...

— Эге, отака ловысь! Каже, Турещына, а городы звутся такъ, якъ и въ насъ.

— А черезъ те звутся такъ, якъ и въ насъ, што та турецькая земля, вона ще отъ сотворенія мыра була руського царя.

— Онъ бачъ якъ! Такъ черезъ те то нашъ царь и воювавсь зъ турецькымъ,—за свою землю!

— Не що! Древній планъ, будучи прымѣромъ сказать, найшовъ у своимъ дворци, и на тому плану усмотривъ, што вся турецькая земля, ще якъ тилькы народывсь мыръ, була за руськымъ царемъ. Отъ воно що, а не то що! Што говорять тамъ за болгаръ, за братушекъ, то это пустое...

— Боже, Боже, чого вы тилькы, Максымовычу, не выдалы, чого не чувалы, чого не пройихалы и чого не проходылы? Отъ де вже свита побачылы,—не то, що мы!..

— Пройшовъ и багато земель, пролизъ и багато дирéй, пройшовъ и Крымъ и Рымъ, и огни, и воды и мѣдніи трубы, попавсь було и чортови въ зубы, та, якъ бачыте, выйшовъ знову на свитъ.... Хи, разъ и страху було, якъ нашъ пойиздъ та найшовъ на другый! Такои товчій наробыло, що!.. Вагоны на вагоны цапа посталы, та—якъ жеребци, а паравозъ злипыло, якъ пырижокъ, а шо вже народу побыло, такъ....

— Моя-жъ годыно! Черезъ шо-жъ воно пойиздъ на пойиздъ найшовъ?

— Черезъ то, шо по тій рейци, де намъ бигты, та джинджирувавъ, будучи прымѣромъ сказать, манёвры робывъ, другый пойиздъ.

— Джинджирувавъ, кажете?

— Джинджирувавъ! Сюды-туды по рейци бигавъ.

— Ну, якъ-же вы добралысь до миста?

— А якъ? Силы на другый пойиздъ, тай на війну!

— Отъ де ще, мабуть, нашого брата гыне, на війни?

— На війни кули бильшъ бьють ляшкивъ, нижъ нашого брата.

— Черезъ шо-жъ воно такъ?

— У ихъ вира не така, якъ у насъ,—отъ черезъ шо! Хто, прымѣромъ будучи сказать, зъ нашою вирою идёть, то того и куля не берёть....

— Онъ воно якъ! Скажить-же намъ, Максымовичу, ще одно,—выбачайте уже у цёму слови, шо пытаемо:—чы вы й гра-

моты у москаляхъ навчылысь, чы зъ тымъ, якъ булы, и до-дому звернулысь....

— А навчывсь! Буки-азба, види-азба, глали-азга, како-азка.... ять-ять-никому пиднять, юсъ-юсъ-я самъ пиднимуся, ыжыця-ыжыця-до чогось розка блыжытця-блыжытця.... А главна речь, я вернувсь изъ службы ни въ чымъ неповреждёнъ.

— Це-жъ якъ?

— А такъ, што ни въ чому поганому незвѣстенъ: други-прочи тамъ то те, то се, а мы... гм!

— Ну, и чына-жъ вы доскочылы?

— А вже-жъ, доскочывъ! А тольки што онъ прыйдётъ навпослѧ́!

— Якъ-же то такъ, шо навпослѧ́?

— А такъ, што значыть, будучи прымѣромъ сказать, одынъ получа чынъ зразу, а другый навпосля,—дисцыплына така!

— Шо-жъ це воно за... дыс-пыц-лына така?

— А это такая штука, што по ній горилякы хрюкать!... Тату, а-нуте ще ухнить у чарчыну того дійва, шо пече губы, полоще зубы, пале въ жывоти, а ные въ кості́! Ахъ, ахъ, хотя въ Москви не бывахъ, но горилочку пывахъ! Ахъ, ахъ!...

— Та, може-бъ, сыну, уже й годи?

— Э, батьку, батьку, хочъ пый-умрешъ, хочъ не пый-то ногы задерешъ! Та хиба іи якъ? Кусать, чы що? Ковтай тай годи! Жалаимъ добра, шобъ выпыть до дна!

Тутъ Якымъ, уже не диждавшысь учты одъ батька, самъ налывъ здоровлящу чарку горилкы, та такъ и хыльнувъ іи одразу у ротъ...

А Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ усе дывытся на свого сына, и чуе ёго серце, шо то вже не ёго сынъ... Ну, та, може, це винъ такъ тилькы, зъ прыходу, а дали обійдется, прывыкне, та-й буде зновъ такый, якъ бувъ... Крый мене, маты Божа, отъ усякои биды!...

Було уже далеко за пивничъ, якъ уси родычи, уси кумы та кумаси покынулы господу Максыма Витряка и поросходы-

лысь по хатахъ. Якымъ, якъ сыдивъ за столомъ, такъ и повалывсь на лаву, такъ и захрипъ на ній....

На другый день, чимъ свитъ, Якымъ уже бувъ на ногахъ и заразъ-же за горилку.

— А шо, мамо, чы нема чаркы тіеи жывыци-ледащыци, чымъ можна-бъ похмелыться?

— Якъ нема, сынку? На, та похмеляйсь та будь здоровъ!

Сивъ Якымъ за стилъ та-й давай похмеляться. Ось скоронедовго прыйшовъ до нёго де-хто изъ новыхъ гостей, и въ хати Максыма Витряка зновъ почалась весела бѐседа. И зновъ Якымъ розсказуе, яки „хрумты" ростуть у „тій" сторони, яки народы тамъ жывуть, яки гроши тамъ ходять, якъ винъ тамъ бывся зъ туркамы, яки проходывъ городы́, якъ воюется „нашъ братъ" салдатъ, и якъ стражаютця „ети охвыцери". Розсказуе винъ та зновъ пье горилку, а дали, упывшысь, зновъ спыть ажъ до пивдня; а тамъ, тилькы шо прокынувсь, тилькы шо роздывывсь-розлупавсь, якъ зновъ за горилку. На третій день Якымъ идѐ уже самъ до якогось тамъ чы до свата, чы до кума, а тамычкы упьять тежъ саме робытся. На четвертый день винъ идѐ до кумы, а дали до свахы, та такъ увесь тыжденёчокъ. А Максымъ Витрякъ усе дывытся та самъ себе пыта, чы скоро воно оце все скинчытся, чы, може, цёму николы не буде й кинця.

— Ну, сынку, оце вже цилый тыждень, якъ ты прыйшовъ изъ службы додому,—теперъ треба уже и за роботу браться.

Отъ и взявсь Якымъ за роботу, та тилькы ненадовго: день поробывсь, поробывсь и другый, а на третій день, якъ батько лигъ писля обидъ спочыть, винъ опынывсь у „прохладныхъ" кимнатахъ Кастіёна Петровыча Чубарка́... Уже туды геть-геть, якъ зайшло сонечко и якъ зовсимъ стемнило, вернувсь Якымъ до-дому. Максымъ Мыкытовычъ неначе-бъ то й не баче того, а у самого такъ серце и колотытся. Усю ниченьку винъ и на хвылыну не задримнувъ. Чуть свитокъ—винъ уже и вставъ. Уставъ и Якымъ; уставъ та й не дывытся ни на кого та прямо въ клуню та заципъ. Ажъ ось за нымъ и батько въ клуню.

— Якыме, Якыме! Що це зъ тобою робытся?

— А шо, тату?

— А то шо ты зроду́ вику не ходывъ у той проклятый шынокъ, а теперъ...

— Та це я, тату, ще не одгулявсь.

— А колы-жъ ты такъ гулявъ? Та якъ уже хотивъ ты такъ гулять, то гулявъ бы дома, а не соромывсь по шынкахъ...

— Я, тату, бильшъ не буду! Будь вона трычи проклята, та горилка! И той поганый чоловикъ, хто іи выдумавъ!.. Я бильшъ не буду!..

— Чы правду-жъ ты говорышъ?

— Правду, тату!

— Ну, гляды!..

VII.

Пройшло ще днивъ зъ два, чы зъ тры. Якымъ и на двори, и въ клуни, и на току вештается, а тилько выдко, шо ёму дуже нудно на серци. Визьмется винъ за одно дило—покыне ёго. Визьмется за друге—и того не зробе; сяде йисты—покруте ложкою у мысци, покруте и покыне ложку; стане балакаты зъ жинкою—хто ёго зна чого и хто ёго зна за що розсердытся. Въ одному тилько й находе втиху, шо куре; усе кушпелыть, усе кушпелыть, усе смалыть, усе смалыть ти цыгаркы̆, та такъ, шо ажъ давытся...

Ось настало пущання на Пылыпивку. Якымъ вставъ раненько, надягъ на себе мундерь свій, накынувъ зверху шынелю, узявъ картузъ и пишовъ до церквы. Выстоявъ винъ службу Божу, выйшовъ изъ церквы та й иде до-дому. Иде, ажъ ось ёму у лыворучъ и веселенькый шынокъ Кастіёна Петровыча Чубарка, та також гарно та прыязно дывытся! Синешни двери въ нёму розчынени навстяжъ и черезъ ныхъ уже не одынъ чоловикъ проскочывъ у середыну кимнатъ. „Хиба й соби зайты? А шо-жъ? Зайду, одну чарчыну выпью, та й швыденько до-дому загивлять... Якъ бы, одначе, старого не розгнивать? Чы зайты,

„чы"... Поснувавъ—поснувавъ Якымъ коло шынку та й зайшовъ... Якъ зайшовъ, та якъ засивъ, якъ засивъ, такъ забувъ и про пущання, и про батька, и про матирь, и про жинку свою... А дома ёго ждуть и не сидають за стилъ. Ось уже и обидня пора настыгла, ось Маруся та Марѳа уже и обидаты налагодылы, а Якыма якъ нема та й нема... „Де це нашъ Якымъ дивсь? Чы не зайшовъ лыбонь до батюшкы? Чы не забалакавсь зъ кымъ, идучы зъ церквы"?

А у Якыма инчій стилъ и инча кумпанія, нижъ дома. У шынку коло нёго уже чымало зъявылось „братчиковъ", такыхъ, шо и выпыть и закусыть та й побалакать и посміяться—хочъ куды! Одынъ Васыль Рябый чого стое! Цей друзяка славенъ на все село, якъ самый сылетельный чоловикъ и якъ велыкый мы́тець шобъ и поглузуваты зъ кого, и въ потылыцю накласты кому—на все гараздъ.

Сыдять за столомъ Якымъ Витряченко та Васыль Рябый, розсилысь-розчетверылысь, глушать горилку и усяки терёвенивени точать: то се та те, то те та се.

„А-ну, выпьемъ пивкварты водкы,
Зйимо дви селёдкы,
Хунтъ зъ рыбы икры,
Та булкы тры,
Закурымъ цыгары,
Дивчатъ по пари,
Добре запьемъ,
Ворота забьемъ,
Слюны роспустымъ,
Никого не пустымъ,
Самы́ будемъ гулять.

— Мужыкъ!

— Ну!

— Одолжы мени ароматного злаку, нарыцаёмого табаку, шо ёго вжывають и благородни и купци, и мужыкы, и шевци и кравци-молодци, тилько не вжывають старовѣры-падлеци. Хто

куре табачокъ, той хорошый мужычокъ; хто не куре табакы—не стое собакы. Славный мужычокъ, хто й нюха табачокъ: хто нюха, той трюха, а хто дывытся, той туды жъ хылытся.

— Та й славно-жъ ты й прыказуешъ, охота й слухать! И выдко, шо бувъ у москаляхъ!

— Не только што бувъ, а й Дунай переходывъ, и въ самому страженіи состоявъ,—чувъ?

— А чувъ! Ну, якъ ты такый хвабрый москаль, шо-жъ ты соби ни жодной медали не заслужывъ? Онъ Сёмка Крыженко, такъ той уже й выдко, шо хвабрый бувъ москаль: заслужывъ соби два хресты та ще й медалю та кожни два мисяци по тры карбованьця пиццёну гребе, а ты шо соби заслужывъ? Чымъ ты свою хвабрость докажешъ?

— Я? Я, може, на мисяць десять карбованцивъ заслужывъ!

— Эге жъ! Що мисяць—то десять, а на годъ пьятнадцять,—отъ такъ, мабудь, ты заслужывъ...

— Я? Я бувъ первой гыльдіи салдатъ! Та ты знаешъ, шо безъ меня, покы я не осмотрю позыціи, командѣръ, прымѣромъ будучи сказать, зъ мѣста никуда не пайдётъ... Я? Я, може, на кожный штыкъ по тры турка зразу сажавъ!.. Это есть моя прывелегія!..

— Хто й не сажавъ, якъ не ты? А мени чуется, шо ты бильшъ собакъ изъ-за вугла стрилявъ, нижъ турокъ на штыкъ сажавъ...

— Да это ты, прымѣромъ будучи сказать, говорышъ про миня?

— А то жъ про кого?

— Эхъ, ты, мужыкъ, мужыкъ, а чы знаешъ ты, што такое есть салдатъ!

— А шо? Собача лобода,—ни що!

— Дуракъ! Въ отставцѣ пышется, шо шеснадцять мужыкивъ одного салдата стоють. А проты мене двадцять мужыкивъ ништо! Я чоловикъ прахтыкованный, а ты палиняка дровъ и большъ ничаво! Ты знаешъ, шо такое есть салдацькый отче-

нашъ? Якъ мы муку зъ артели продавалы, а денёгъ въ казну не давалы, то хто буде платыть за насъ?

— Шо ты, сапата свыня, на тры копійкы задаешся? Оце вашъ и отче-нашъ? Хто жъ тебе ёму навчывъ? Чы не анчутэи, шо пидъ греблею сыдять? Не протыкованный, а простякованный ты салдатъ—Солопій Ивановычъ,— бильшъ ничого! А настоящого отче-нашу ты знаешъ?

— А на што намъ его знать?

— Якъ на шо? А шобъ Богу молыться?

— А на шо-жъ ёму молыться?

— Якъ то, на шо? Шобь Богъ здоровья давъ!

— А мени дохтуръ здоровья дасть!

— Ну, шобъ Богъ хлиба давъ!

— А мени каптенармусъ хлиба дасть! Шо мени! Хочъ сто копъ, хочъ одынъ снопъ, а салдату все тры хунты хлиба въ день полагается,—у вёго повсигда хлѣбный тукъ у жывоти ёсть...

— Отожъ у салдатъ черезъ той хлибный тукъ и пузо до верхнёи косты прысу́шуется? Славный же зъ тебе, бачу, и салдатъ! Недурно жъ и кажуть, шо салдатъ, якъ прыйде зъ службы до-дому, то тры годы Богу не молытся.

— Шо зъ тобою, хамломъ, разговарювать? Ты поймы то, шо хорошый салдатъ—чорту братъ, поганый салдатъ—трёмъ чортамъ братъ, а пьяный салдатъ—усимъ чортамъ братъ... Я пидъ Плёвомъ бувъ! Я Свыстовъ бравъ! Я Шумъ-городъ воювавъ! Я Дунай перейшовъ! Бережысь, рябко, а то розшибу! Это есть моя прывелегія!

— Гляды ты у мене, салдацьке смиття, якъ бы я тоби отъ-тутъ выволочкы, чы матлошкы не давъ? То ты у мене и свыснешъ, и плюнешъ, и зашумышъ, и Дунай ричку пишкы перейдешъ!..

— Хто? ты?

— А хочъ бы й я?

— Куды тоби, мазныци такій? Ты, прымѣромъ будучы сказать, салдацькои дисциплыны не понимаешъ? Вотъ скажы мени, сколько на свѣти погодъ?

— Це ще шо доброго выгадавъ,—куряча твоя голова? Ичъ якои юхы набравсь, якъ побувавъ у москаляхъ? Ось скажы мени ще шо, то я тоби такои чирвы дамъ, шо ты...

— Та ты шо? Я тебя, дурака, пытаю про погоды, яки, прымѣромъ...

— А я тоби, дурне салдацьке мнясо, и одвитъ даю!

— Такъ скилько жъ ихъ есть?

— А скилько?

— Девьять!

— А може жъ, десять?

— А я тоби кажу девьять! самъ командѣръ, прымѣромъ будучи сказать, задававъ мени таку загадку, а я ёму й говорю: „Вашъ-бродь, дайте мени тыждень подумать". „Думай". Я й почавъ думать...

— И де жъ ты думавъ? У шынку?

— Мовчы, мужыча твоя образына!

— Стій, кажу, не лайсь, а то лыхо матери твоій!..

— А я тоби кажу: стій, слухай мене! Я й выдумавъ, шо ихъ девьять. Счытай: метелица-шателица—двѣ; шатётъ-метётъ—чотыри, сухая-мокрая—шесть, теплая-холодная—восимъ, а девьятая крупка—подавай, мужыкъ, солдату трубку! Слухай сюды, небезобразованный мужыкъ! Скажы ты мени, у якыхъ часахъ есть трынадцятый часъ?

— Чы довго ще ты будешъ варнякать отутъ?

— У нимецькыхъ часахъ! Потому, выдышъ ты, безмозглый карбо, воны довшы руськыхъ, и въ ныхъ трынадцятый часъ набига. Понявъ? Чы де тоби понять? Ты знаешъ въ чомъ салдацька дисциплына состоить?

— У собачу кожу выбывать! Салдатъ у барабанъ бье та Настасью попадю выбыва: „Ты, Настасья попадя, ты Настасья попадя! Отожъ черезъ ту дыс—пыц—лыну у салдата на пузи чирякы...

— Брёшъ! Салдатъ, прымѣромъ будучи сказать, заразъ встаёть, ружье своё у рукы бырёть и на свою занятію идёть.

— Яку? Красты казенну муку?

— Стой! Какъ ты смѣешъ мени такъ говорыть, балваняча твоя голова? Если-бъ ты мени на команди попавсь, то я бъ зъ тебе кожу на барабанъ зидравъ! Это есть моя прывелегія!

— Хто? Ты зъ мене кожу бъ зидравъ?

— Я бъ и зидравъ!

— Ты, кажу, въ мене бъ зидравъ?

— А я жъ!

— Ахъ, ты бруква гныла! Ахъ ты гарбузъ немиченый! Ахъ, ты собачый недоидокъ!

— Мовчать, куцый Рябко! А то я тибѣ какъ паднесу, такъ ты!.. Я подъ Плевомъ бувъ!

— Такъ постривай же жъ ты, канцелюга поганый, сперше я тоби пиднесу! Бережысь! Разъ! Два! Тры! Отъ якъ у насъ! У насъ скорійше Плёвъ беруть!..

Не вспивъ „хвабрый“ Якымъ и окомъ моргнуть, якъ Васыль Рябый пидставывъ ёму пидъ очи ажъ тры здоровенныхъ каганьця.

— А шо, пидрябывъ? Удостоивъ? Я тоби казавъ, помовчы! Ты думавъ, набигъ дурныка та й одурывъ? Эге жъ! Якъ хочешъ, я ще й краще пыку тоби наварю!

Не такивськый же бувъ и Якымъ, шобъ зразу очуняться та швыдче отстать одъ Рябого Васыля. Ни, винъ въ одынъ ментъ пидскочывъ зъ земли, вмыть пидбигъ до стола, схопывъ на нёму пусту пляшку и, розмахнувшысь рукою зъ усіеи сылы, пустывъ іи навкыдя́ у Васыля. Одначе, розмахъ ёго пропавъ ни за понюхъ табакы: Васыль одхыльнувсь одъ Якыма у бикъ, и винъ замисть того, шобъ улучыты у свого ворога, улучывъ нею у стину, а самъ такъ и хряпнувсь бокомъ объ стилъ. А

въ той ментъ Васыль Рябый завдруге якъ замахнется кулаѐмъ та якъ затопе Якыма у саму тварь, такъ той такъ стовбура̀ середъ хаты и ставъ, та ще й носомъ по доливци заоравъ,— ажъ повно хряпа ёму земли набылось...

Баче Якымъ, шо не перевага, та тоди выскочывъ изъ шынку та й давай крычать калавуръ, и вмыть коло нёго зибралась цила юрба народу. Ось почулы той крыкъ и у Витрякивъ. Выбигла спершу Марѳа, тамъ Маруся, а тамъ и самъ Максымъ Витрякъ. „Хто и де ёго“?—„Васыль Рябый у шынку“! „За шо и якъ“?—„За те, що прахтику дилавъ та хотивъ ребромъ стилъ перебыть“!..

Отъ и повивъ бидолашный Максымъ Витрякъ свого сына Якыма изъ шинку до-дому. Прывивъ до-дому, увійшовъ у хату, сивъ за стилъ та такъ и залывсь слизьмы. Плаче Максымъ, а за нымъ Маруся, а за Марусею Марѳа...

Уже пизно, дуже пизно посидалы у Витрякивъ за стилъ, а ще пизнійшъ полягалы спаты... А Якымъ, такъ, не обидавшы и не загивлявшы, и повалывсь на пилъ та такъ ажъ до самого свиту и проспавъ.

На другый день, не свитъ-не зоря, якъ Якымъ уже сыдивъ у шынку и похмелявсь. Похмелявсь винъ ажъ до самого обиду, а тамъ прыйшовъ до-дому та й спать. На третій день те жъ саме. Та такъ що-божый день и що-тыждень. Иде бувало Якымъ изъ шынку до-дому пьяный-препьяный, ледве ногы переставля, не тямлючы добре, що винъ таке и на свити йе; иде та й писню салдацьку спивае:

Въ семдесятъ васьмомъ гаду объявывъ турокъ вайну,
Объявывъ турокъ вайну на Расѣюшку на всю.

Граймо славу трубой,
Мы дралысь, турка, зъ табой,
По горамъ твоимъ, Балканъ,
Прогремѣла слава намъ!

А пьятнадцятого юня ёдкрывався нашъ ёгонь,
Мыколай нашъ прызводытель, вонъ скрычавъ: „садысь на конь"!
Дымомъ горы покрывало, Дунай кровью облывало,
Ну, какъ турки волкомъ выли и клялы своихъ князей...
А нашъ Гурко сказавъ: Мы подъ Плевни пайдёмъ,
Мы падъ Плевни пайдёмъ, на шляху редуть найдёмъ".
Мы падъ Плевни пайшлы—на шляху редуть найшлы,
Османъ въ Плевняхъ юкрыпывся, хатѣлъ долго не пустыть,
Но онъ зъ голоду втомывся, на проломъ хотѣлъ юйтыть.
На проломъ Османъ пайшовъ, сибѣ мѣста не найшовъ,
Оглянувся назадъ—ружья въ козлахъ стоять.

Стой! Сторонысь! Я пидъ Плёвомъ бувъ! Я въ Свыстови воювавъ! Я Шумъ-городъ бравъ! Розшыбу! Рознесу! Атэць, ты знаешъ салдацькый отче-нашъ? Ты знаешъ, сколько есть на свѣти погодъ? Адвичай мнѣ, у якыхъ часахъ есть трынадцятый часъ? Скажы мени, чы треба салдату молыться Богу? Понимаешъ ты, што такое салдацькая дисциплына? Равненіе на право кругомъ, аршъ!... Атэць, отдилы мене,—я не хочу зъ тобою жыть! Подай мени мое,—я самъ соби буду хазяиномъ жыть! Шо мени на чужыхъ робыть? Якъ батько та маты, такъ уже й то! Мени про васъ клопитъ? Отдиляй мене, кажу тоби!

Огъ такъ якъ пишовъ Якымъ каламутыть, якъ пишовъ, то все де дальше, тымъ бильше и тымъ гирше. Пробувавъ старый Максымъ Витрякъ зупыныты Якыма и ласкивостью, и сувористью, такъ де тоби?

Разъ прыйшовъ Якымъ изъ шынку увесь побытый, сыній-пресыній, роздутый, роскудовчаный, увесь у глыни, прыйшовъ до-дому та якъ счепывсь зъ батькомъ, якъ счепывсь, такъ бидный Максымъ Витрякъ не счувсь, якъ винъ ёму и вси петелькы у сорочци порвавъ. „Пусты! Пусты! Шо це ты робышъ? На батька руку пидіймаешъ? Пусты, кажу тоби"!— „Не пустю! Отдилы мене, тоди пустю"! „Якыме, схаменысь! Шо це ты робышъ"?—„Убью, а не пустю"! Тутъ Якымъ якъ стысне батька рукамы та якъ пидійме ёго у-гору. „Шо це ты? Шо це ты? Ахъ, ты жъ варваръ! Шо це ты робышъ? Будь же

ты за це... Охъ, охъ, шо це я кажу?.. Нехай же тоби за це Богъ помога! Я отдилю тебе! Жывы, жывы, де хочешъ и якъ хочешъ... Охъ, Господы мылостывый, просты мени мій тяжкый грихъ и заступы мени мои уста!.. Якыме, Якымочку, сыну мій, схаменысь, оханысь! Я жъ твій батько, я ридный твій батько! Шо це ты робышъ? На кого це ты пидіймаешъ свою руку? Беры все, шо тоби треба и йды, йды куды хочъ! Якъ я тебе не отдилявъ, то черезъ те, шобъ ты овси не згубывъ своеи душы"...

Якъ не бувъ пьяный Якымъ, а якъ почувъ винъ таки слова та якъ побачывъ, шо ёго батько плакавъ гиркымы слизмы, то такъ одразу и въ розумъ прыйшовъ и батька зъ рукъ выпустывъ. Поточывшысь якось то на бикъ, винъ важко опустывсь на дрывитню, закрывъ лыце рукамы та такъ и зарыдавъ. „Тату! Таточку! Простить мене окаянного! Це горилка, проклята горилка згубыла мене! Товарыши у москаляхъ вывчылы пыть, и я теперъ пропавъ, чую самъ, шо пропавъ. Вона мени ось такъ и кортыть, вона мене тягне до себе, вона простяга до мене рукы, и я бъ іи усе пывъ бы и пывъ, безъ миры и безъ кинця... Краще вже мене отдилить, то я хочъ душегубцемъ не буду...

Такъ и отдилывъ Максымъ Витрякъ свого сына Якыма. Выпрохавъ ёму у обчыства грунтъ, давъ ёму и коня, и корову зъ телямъ, и свыню, и птыци килька тамъ, давъ и соху, и борону, и вызъ, и сокыру, и лису на хату; одно слово,—усе, якъ слидъ.

Отъ и выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку. Выйшла за нымъ и ёго безталанна жинка Мароа, бо вже, якъ тамъ кажуть, куды голка, туды й нытка. Выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку, та тилько не довго винъ тамъ господарювавъ и швыдко звивсь на нивить-що: позбувавъ усю худобу, шо давъ ёму батько, и зоставсь, якъ той старець; а дали, покынувшы и ту землю, шо була ёму упала, подавсь геть ажъ у Харькивъ. Служывъ винъ тамъ спершу за дворныка, потимъ за водовоза, а потимъ неначе чы кризь землю де провалывсь, чы въ воду де впавъ. Де винъ бувъ и шо винъ робывъ, того нихто й не

знавъ изъ Витрякивъ. Уже черезъ два рокы дійшла до ихъ чутка, шо Якымъ десь пьяный коло „Сабуровои дачы“ одубивъ, а ёго жинка, Мареа, вернувшысь у ридне село та позбувавшы свою матерызну, пишла скризь мыркаты по свиту... И на сей день нихто не знае, де вона у Бога и шо зъ нею сталось...

Якъ дизнавъ про те Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, то заразъ же пишовъ до батюшкы, наннявъ ёго одправыты панахвыду по „новопреставленному рабу божому“ Якыму, помьянувъ ёго, якъ требуе законъ, та писля того якъ забравсь у стару хату, якъ сивъ кинець стола та й задумавсь. „Отъ и другого сына у мене не стало. А чымъ и не парняга бувъ? И роботяга добрый, и здоровый изъ себе, та й розумомъ Богъ не зобидывъ, та ба! згынувъ. А черезъ шо згынувъ? Тутъ и чужый и свій грихъ: одно те, шо салдатчына, де бильше товарышивъ, и бильше простору, и бильше спокушення, нижъ дома; а друге— своя воля, безъ батька та безъ матери, шо никому ни доглядиты, ни прыпыныты. Якъ бы ще винъ бувъ чоловикъ укрѐпленный, якъ други люды, або якъ бы винъ бувъ такы пысьменный, то, може бъ, узявъ чы святе письмо, чы другу яку кныжку та й не пишовъ бы у той проклятущый шынокъ... И колы такы, Господы, у насъ заведется та школа, шобъ уже якъ не диты, то хочъ онукы наши учылысь грамоти та стереглысь недобрыхъ дилъ?.. Такъ... такъ, тутъ и свій и чужый грихъ: щастя чоловика и одъ насъ и одъ людей, шо коло насъ, а надъ усимы намы Богъ. Выдыме дило, одынъ Богъ. Навчы жъ мене, Боже, якъ мени жыты и якъ мени довесты до розуму другыхъ моихъ дитей!..

VIII.

Такъ стратывшы другого свого сына, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ посумувавъ-посумувавъ, а дали зновъ узявсь за дило и узявсь зъ такымъ паломъ, неначе ёму и старосты не було. Теперъ у нёго бувъ добрый помишныкъ, третій сынъ,

Петро. Цёго вже не визьмуть у москали, бо винъ бувъ на одно око слипый, черезъ шо такъ и звався на сели, Петро Слипый-Витряченко.

Петро Витряченко своею хыттю овси не бувъ схожый ни на Охрима, ни на Якыма: це парень дуже жвавый, веселый, шпаркый, до роботы прыгравный, на усяки выгадкы, на прыкладкы, та кумедіи велыкый мйтець. Якъ де вже проявытся було Петро Витряченко, чы на досвиткахъ мижъ дивчатамы, чы на лукахъ мижъ хлопцямы, то ото вже тамъ стоить такый смихъ та регитъ, шо ажъ земля горыть... Пры батькови та пры матери винъ було ходе неначе той святый, а якъ тилько батько, або маты куды-небудь одхыльнется, то винъ и не жывый, шобъ тутъ же не показаты меньчому брату, Павлусеви, языка, а маненькій сестри, Орыси, не скрывыты такои пыкы, шо вона, глядючы на нёго, и соби скрывытся та заразъ же въ плачъ.

— Чого це ты, Орысю?—спыта було батько.

— Та ондечкы Петро мене перекрывля та дражне!

— Пётре, ты все зъ вытивкамы! Шо ты тамъ выробляешъ?

— Ажъ ничогисинько, тату! То вона не знать шо выгадуе! Мени позихнулось, и я соби рота перехрестывъ,—тилько й було...

— Та ни-бо! Ты ще обома рукамы мени й дули засукáвъ!

— Эге, дули! То я горихъ тоби показавъ! Скажы, Орысю, на чимъ горихы ростуть?

— На чимъ же? На оришыни!

— Эге, на оришыни! А може жъ, на лищыни? Якъ ты Орыся, такъ думаешъ, шо на тоби й горихы ростуть?

Отъ такый-то бувъ той Петро. Роботяга зъ нёго бувъ добрый; не чуты було, шобъ винъ и у шо погане укыдавсь: чы въ шынкъ заглядавъ, чы у карты гравъ, якъ оце теперъ позвыкала молодяжъ скризь по селахъ грать, чы того зилля, шо тютюномъ зветця, хапавъ. Батька та матери Петро слухавсь и поважавъ, та й меньчыхъ видъ себе не ображавъ, а тилько

инколы надъ нымы глузувавъ та шкелювавъ. Одынъ за нымъ тилько й бувъ грихъ,—це той, шо винъ якось-то не любывъ дома сыдить: усе бъ ёму то побигты у лисъ, то выскочыть на самый найвыщый шпыль отъ тіеи горы, шо промижъ Суныцивкою та Иванивкою стоить; то затарасуватысь мижъ вильхъ, шо ростуть на болоти, ажъ въ кинци Иванивкы, по той бикъ горы; то пойихаты у городъ, погындлювать та пошвендяты тамъ по тому товчку, де тамъ товчутся та бадурятся зъ ранку и до самого вечера, крычать, репетують, сходятся и росходятся усяки людци: хто зъ одежою, хто зъ чобитьмы, хто зъ сластёнамы, хто зъ бублыкамы, хто зъ чымъ попало и якъ попало. Одначе, и цёго мало було Петрови: хотилось бы ёму дременуты кудынебудь ще подали,—чы у Таврію, чы отъ у Чорноморію. Тамъ же, Боже, и свита скилько! Тамъ-то десь можна надывыться та набачыться дывивъ! Тамъ десь и народъ овси не такый, якъ у Суныцивци, тамъ десь и сонце инакъ сходе, та чы такъ воно тамъ и заходе?.. Эхъ, шо то за щаслыви ти люде, шо скризь йиздять по свиту божому!..

Такъ ото чы ходе Петро по двору, чы молоте на току, чы йиде верхы конемъ де-небудь по полю, то все у нёго одна думка: якъ бы ёму выхопыться зъ дому та черконуты у Таврію.

— Шо це у насъ, тату, шо не годъ, то все плохше и плохше урожаи: ни дощивъ Богъ не дае, ни хлиба, ни травы, та й на вгородахъ мало шо вырвалы—усе повыгоряло, а оплатки за подушне усе бильше и бильше росте. Наче жъ мы, мовлявъ, и туды робымъ и сюды, а выходе...

— Все одъ Господа, сыну: Винъ одынъ зна, якъ треба и якъ не треба робыть... Прогнивылы Бога, черезъ те Господь и мылосты своеи не посыла.

— Упередъ було, тату, у кого-у кого, а уже у насъ повсигда йе хлибъ, а теперъ ондычкы два токы,—одынъ коло клуни, а другый повыше картоплыща,—и обыдва стоять пусти. Та впередъ, покы лучче милось у насъ, и шаноба намъ не така була одъ людей.

— Якъ бы було зъ кымъ та чымъ, сынку! Та якъ бы здоровья ще до того! А теперъ онъ, бачъ, рукы уже якось-то мало слухаются. Якъ жывый бувъ Охрымъ та якъ не ходывъ у москали Якымъ... Охъ, якъ же мени у груды шпыгонуло!.. И скрутно, и скрутно стало!..

— Може бъ, тату, мени питы на заробиткы куды-небудь, чы у Таврію, чы у Чорноморію... Тамъ, кажуть, заробитно добре... Онъ Иванъ Кандёръ, на що пидслипуватый та легкодухый парень, а й той ходывъ на роздобуткы та ще й прынисъ стилько грошвы, шо каже: „мени теперъ и за рикъ не прожыть“.

— Воно шо такъ, то такъ, сынку, а тилько Таврія—це дуже далека сторона,—усе може трапыться чоловику, а ни видъ кого й ласкового слова почуты.

— А воно жъ, тату, кажуть и такъ, шо якъ вовка боятьси, то и въ лисъ не ходыть.

— Шо кажуть, то кажуть, та тилько дома усе жъ такы краще, нижъ на чужій сторони: чы захворавъ, чы спиткнувсь якъ, то тутъ и батько й маты направлять; дома, сынку, кажуть, и трискы помогають, шобъ ты знавъ.

— А Иванъ Кандёръ збирается зновъ у Таврію...

— Збирается, кажешъ?

— А збирается, тату! Та ще такъ, колы не завтра, такъ сёгодня и на Харькивъ. Винъ, чуете, якъ дійде у степъ, то заразъ у байбары.

— Шо жъ це воно таке, байбары.

— Байбары? Ото винъ йисты варыть чабанамъ та лычманамъ, шо овець пасуть у степу. Та за те й гребе або пъятьдесятъ карбованцивъ гладко, або пъятьдесятъ два, чы тры. Тамъ же ёму й жысть попалась!

— Такъ винъ збирается?

— А збирается жъ!

— А батько жъ ёго, Андрій, шо?

— А шо? Пуска! Иды, каже, помижъ людей, ума набырайсь, зробляй гроши та до дому прынось.

— Гм! Треба про це зъ старою погомонить.

— Та я вже балакавъ, такъ маты кажуть, якъ батько.

— Ну, добре! Пидожды, сынку, до завтрёго: шо скаже ранокъ, те й буде.

Довго думавъ старый Максымъ Витрякъ. И такъ винъ прыкыне, и инакъ; выходе: и се и не те. Воно, правды ниде диты, годы теперъ дуже трудни: одно те, шо старіюся крипко,— уже й рукы не такъ служать; друге те, шо отъ уже третій рикъ, якъ у насъ урожаивъ нема,—не дае Господь Богъ дощу; а трете те, шо за подушне крипко тягнуть,—тамъ знать ничого не хотять,—подай та й квытъ! хочъ кровъ зъ носа. А шо ты тутъ дасы, колы ніякъ не стягнешся на гроши; ондечкы давно вже треба стару хату пересыпаты, такъ и не кажы... И сутужно, и сутужно жъ! Ще якъ я ставъ на свитъ, такъ такого не бачывъ: то овси ничого нема, а то хочъ и зароде Господь, такъ омолоть дуже плоха. А тутъ ще дорожнеча на все... Ну, и пустыть хлопця тежъ не зовсимъ гараздъ: молодый, дуже баскый, попадется ледачымъ людямъ, ще въ биду яку ускоче... Онъ Охримъ та Якымъ и не таки выхватни булы, якъ Петро, а бачъ шо зъ нымы зкоилось. Охъ, сыны мои, сыны мои!.. И впьять же жъ не пустыть! Шо жъ винъ тутъ, дома, заробе? Осё-сь незабаромъ выйиде изъ волости старшына,—подушне дай та подай, а ёго нема. То все такы якъ заробе, то якась полегкисть буде... Ну, що Богъ дасть, те й буде: нехай зъ Богомъ иде...

Такъ усю ниченьку и проморочывся Максымъ Мыкытовычъ, перевертаючысь зъ одного боку на другый та все думаючы, якъ бы ёго не зробыть и соби и сынови якого лыха. А якъ тилько почало на свитъ займаться, старый Витрякъ уже и вскочывъ на ногы, уже й пидъ повитку прыдыбавъ, де спавъ Петро.

— Петро! Петро! Чы ты тутъ?

— Тутъ, тату!

— Ну, якъ шо вже маешъ охоту иты на заробиткы, то йды,—нехай тоби Богъ на все добре помага!..

Не довго збиравсь Петро. Узявъ винъ невелыкый мишечокъ, положывъ два кускы сала, чымало сухаривъ, дви чы тры сорочкы, одни штаны, заховавъ за халяву тры карбованьци грошей, почепывъ мишокъ черезъ плече, узявъ у рукы ципокъ та й подавсь. Батько та маты выйшлы провожаты ёго геть ажъ за село, мало чы не до Метелыка, и тамъ уже якъ прощалысь зъ нымъ у останній разъ, то й хрестылы ёго, и прыказувалы ёму, шобъ, якъ прыйде до миста и якъ найметея до кого, то шобъ найсаме-впередъ напысавъ имъ лыста про свое здоровья; а якъ жытыме у кого, то шобъ не пуступавъ, хазяина слухавсь, чужого ничого не займавъ, грошн по дурному не проводывъ, зъ ледачымы товарышамы не братавсь, шобъ лыбонь не навчывсь чому поганому та черезъ ныхъ не прысипалы за те, чого й не бачывъ и не чувъ...

Отъ и пишовъ Петро, и пишовъ, скилько выдко. Батько и маты ёго пидня.лысь на высоку могылу, дывлятся ёму у слидъ та все хрыстять дорогу, та все шепочуть молытвы...

Пройшло зъ пивмисяця. Ось Витрякъ уже й лыста одибравъ одъ свого Петра. Пыше Петро, шо винъ пройшовъ усю Катерынославщыну и половыну Тавріи и сягнувъ ажъ до города Марнополя (се бъ то Маріуполя) и тамъ нанявсь до якогось-то пана за отáмана. Панъ—добра людына, а пани ще добрійша. Ставъ винъ у строкъ до Покрова ажъ за пъятьдесятъ за пъать карбованцивъ, а робота ёму такъ: то въ степу, то въ току, коло машыны, а то зъ пшеныцею та зъ жеребцямы у Бердянку на ярмарокъ. Тамъ-то, у тій Бердяньци, усякыхъ дывивъ! Тамъ и цыгане, и нимци, и кгрекы, и вирмены, и татары, и туркы, а найбильшъ усёго жыдивськои хевры. Та все народъ промысловый та комерчеськый! И торгъ тамъ такый иде, що ажъ усе кыпыть. Отъ тамъ-то саме люде жыву копіёчку добувають!

Пройшло вже и лито. Ось и Иванъ Богословъ, колы суныцяне храмують у своёму сели. Ось и свята Покрóва на двори. Незабаромъ пися Покровы зъявывсь до-дому и Петро Витряченко. Шо то вже радощивь було, якъ побачылы ёго батько та

маты! Не знають уже, куды ёго и посадовыть; не знають, шо ёго и спытать; не знають, шо ёму и сказать. Вернувсь Петро, дякуваты Богу, и здоровый, и щаслывый, и зъ гришмы, и зъ подарункамы. Усихъ, геть чысто всихъ удовольнывъ и никого не забувъ. Гроши, шо заробывъ, отдавъ батькови. И весело, и радисно було старому Витряку, шо у нёго такый моторный та бравый сынъ: и промижъ людьмы побувавъ, и батька та матиръ не забувъ, и гроши уси до-дому прынисъ.

А на селя уже давно пробигла чутка, шо Петро Витряченко до-дому вернувсь, и шо винъ багато подарункивъ прынисъ, а шо вже грошей, такъ и не переличыть... И ставъ Петро Витряченко у велыкій моди на селя: парубкы зъ нымъ братаются, дивчата,—дарма, шо винъ на одно око слипый,—до нёго, якъ ти ластивкы, залыцяются. Якъ выйде винъ оце у вечери на вулыцю, то коло нёго такъ заразъ и збижытся юрба хлопцивъ та дивчатъ. Тутъ винъ и почне всихъ учыты новыхъ писень, шо чувъ самъ десь у далекій Тавріи. Поберутся за нёго хлопци та дивчата, одни зъ одного боку, а други зъ другого, та й ходять по вулыци у-ночи, ходять та все спивають писни,—не сыдять тамъ де-небудь, чы на прызьби, чы на левади, пидъ вербамы, а вже по-новомоднёму, ходять по вулыци, та выводять писни та ще й выводять яки?

Та за ричкою, та за перевозомъ,
Думала, думала, думала, подумала,
Тамъ цыгане пылы та гулялы,
Думала, думала, думала, подумала.
Ёдынъ цыганъ не пье, не гуляе,
На цыганку скоса поглядае.
Ты цыганко, ты моя коханко,
Думала, думала, думала, подумала.
Ты, ёддай же ключи золотіи,
Думала, думала, думала, подумала.
Ёдимкну я сундукы новіи,
Думала, думала, думала, подумала.

Та й выйму я тысячу циляковыхъ,
Думала, думала, думала, подумала.
Та й выкуплю себе изъ неволи,
Думала, думала, думала, подумала.
Не разъ не два тебе выкупала,—
Думаю, думаю, думаю, подумаю.
Въ виконечко видъ тебе втикала—
Думаю, думаю, думаю, подумаю.
Въ вышневимъ саду сама ночувала,—
Думаю, думаю, думаю, подумаю".

Отакъ усю ниченьку ходе було Петро Витряченко по вулыци, а за нымъ уся ёго капелія, та все спивають нови писни та й зъ языка ихъ не спускають. Проспивають одну, тоди почнуть спивать другу; проспивають другу, почнуть спивать третю. Писля того, якъ уже вси добре наспиваются, Петро почне прыставлять „усяку усячыну". Почне показувать, якъ паны чай пьють: „винь, той панъ, сёрбне чаю та й балака, сёрбне та й балака, а якъ я, ка́е, то якъ допадусь, такъ наче вилъ до калюжи: штукъ пятнадцять стакани́въ одразу опорю"... Дали почне показуваты, якъ паны танцюють польскы, або кандрѣли, та озьме у рукы ослинъ та й танцюе зъ нымъ, наче зъ панею. Тутъ же „прыставе", якъ яка-небудь пани, роспустывшы хвоста, неначе той индыкъ, ходе по кимнатахъ та все оглядается на свій хвистъ та все любуе ёго; або якъ яка-небудь панночка ходе по свитлыци передъ панычамы та все видмахуется платочкомъ, а сама, буцимъ то и не вона, зачепе имъ якого-небудь паныча та ще й „мерсыкне" ёму. Писля усёго того Петро визьме де-небудь рогачъ, ляже середъ дорогы у-нызъ носомъ та й каже:

— А-нуте, хлопци, поставте мени оцей рогачъ поверхъ шыи, такъ шобъ винъ осидлавъ іи зверху, якъ йиздець коня, та державъ крипко, яко мога, крипко, чы я вывернусь зъ-пидъ нёго, чы ни.

— Отъ же не вывернешся!

— Отъ же вывернусь!

Отъ и визьмется за рогачъ якый-небудь найздоровійшый хлопець, накыне ёго на шыю Петру та ажъ крекче та держыть ёго. А Петро лежыть пидъ рогачемъ та тилько рукамы воде по земли. Воде, воде, а потимъ якъ піймa того хлопця за ногу та на́пругомъ якъ сипоне́ ёго до себе, то хлопець зъ рогачемъ такъ и полетыть стовбура́ на дорогу та ще й разивъ тры перекынется черезъ голову. Смиха тоди наробе такого, що ажъ вулыця застогне одъ реготу!.. Покыне Петро рогачъ, выйме изъ кышени колоду картъ, перемастыть іи, пидлывытся крадькома, яка карта ляже на самый спидъ колоды, та тоди й каже:

— А ну-те, хлопци, або вы дивчата, я оце одверну назадъ голову, а вы выбырайте карту, яку любля, та кладить іи на спидъ колоды, то я ту саму карту, яку положыте, и выкыну вамъ.

-- А-ну я!

— А-ну я!

— Та кладить, хто хочъ!

Отъ якый-небудь хлопець и давай класты карту на спидъ колоды. А Петро стоить, одвернувшы назадъ голову, наче бъ то и не винъ. Потимъ того, якъ почне перекыдаты карты, якъ почне—усе по купка́мъ, усе по купкамъ; перекыда, перекыда та й выкыне ту саму, що парубокъ положывъ на спидъ колоды. Тоди-жъ и дыва наробе такого, що неначе винъ выпустывъ на небо мисяця изъ свого рукава. Такъ округъ уси и обгорнуть ёго! А винъ стоить та ще й прыказуе:

А сходьтесь, молодци, а сходьтесь!
Рады послухаты, табакы понюхаты!
А сходьтесь! А сходьтесь!
Я, маненькый хло́пчыкъ, родывсь въ вивторчыкъ,
У середу рано до школы отдано...
А сходьтесь! А сходьтесь!

— Хлопци, а чы зуміе хто зъ васъ выпыты чарку горилкы, не бравшы іи въ рукы, та ще й кынуты іи геть видъ себе черезъ голову?

— А якъ же ты іи выпьешъ, якъ не визьмешъ у рукы? Хиба хто ввилле̂ тоби въ ротъ?

— Я й выпью!

— Овва!

— Выпью!

— Не выпьешъ!

— Ось посылай за пивквартою до Чубарка!

— А якъ же не выпьешъ?

— Самъ куплю цилу кварту!

— Ну, гляды-жъ, самъ поминывсь кварту купыть.

— А самъ же и поминывсь!

Ось парубокъ метнувсь до шынку; ось прынисъ винъ и пляшку горилкы и чарку. Постановывъ чарку на землю, налывъ у ню горилкы та й дывытся, якъ то Петро буде пыты зъ неи горилку. А Петро ставъ на-вколюшкы, заложывъ назадъ обыдви рукы, нагнувсь нызенько до чаркы, роскрывъ шыроко рота, узявъ чарку въ зубы, видкынувсь назадъ головою та такъ поважомъ и выцидывъ усю горилку, до капелюшечкы. И потимъ того прутко мотнувъ головою и перекынувъ черезъ голову чарку та прямисенько въ пыку тому хлопцеви, що прынисъ горилку.

— Отъ дыковына, що свыня не кована! А що, чы бравъ я въ рукы чарку?

— Ни, не бравъ!

— Э, такъ бы й я выпывъ!

— А хто жъ тоби не веливъ?

— Такъ якъ бы жъ ты сказавъ!

— А може бъ ще й писню проказавъ?

— Яку писню?

— Та хочъ бы й таку:

Суныцивськи парубкы пойихалы на ловы́,
Та вловылы комаря та повезлы до пана,
Сталы суды судыты, якъ комаря дилыты:
Сёму тому по стегну, а Йванкови голова,
А Йванкови голова—ёго дивка безъ ума,
А Васыльку телеса—ёго дивка нечоса,

А Семенку та нижка,—ёго дивка, якъ кишка,
А Петрови тулубець, шо хорошый молодець...

Прыказуе, прысвыстуе, выляскуе рукамы и тутъ же зновъ налье чарку горилкы, зновъ визьме іи у зубы, перехылытся назадъ головою та такъ усю до крапелыны и вытягне, та ще й языкомъ зробе такъ, мовъ винъ чымъ-небудь, самымъ ласымъ та смашнымъ, закусюе, а потимъ упьять за прыказкы.

„У Семенка на посу йидять чорты ковбасу".
Скочывъ козелъ на нашъ тикъ,
Та вытоптавъ винъ часныкъ,
Ще й чорную чорвушку,
Зеленую петрушку,
Ще й червони буракы,
Наши хлопци козакы,
Сунызивськи дуракы".

Покыне Петро хлопцивъ, та до дивчатъ: выхопе у якои крадькомà изъ-за пояса хустку та соби іи въ кышеню.

— Слухай, Петре!
— Петра дома нема!
— Та ну-бо, Петре!
— А шо, ну?
— Виддай бо назадъ!
— Та шо таке?
— Та хустку!
— Яку хустку?
— Та ту, шо вытягъ зъ-за пояса! Оддай бо!
— Та яку хустку? Я выдать не выдавъ, чувать не чувавъ, слыхать не слыхавъ! Ходывъ я де-що и гомонивъ про що, а щобъ я хоть що, або або-що, такъ нехай мени казна що, отъ що, а не то що! А ты кажешъ, шо що, або або-що!
— Хи, ты бисивъ парубокъ, це чысто зъ нымъ кумедія та й годи! Ты ёму одно, а винъ тоби друге! Ты ёму говоры, а винъ тоби каже.

А Петро ничого того й не чуе та зновъ за свои выгадкы. То розскаже винъ про царя Гороха, того, що голова горохвяна, очи цыбуляни, нисъ буряковый, рукы капустяни, а ногы изъ зеленыхъ стеблынъ крученыхъ суныцивськыхъ парубкивъ (замистъ „крученыхъ панычивъ“). То розскаже про те, якъ баба Хымка Дудукалка, родыма видьма, ходыла до панського ставка праты сорочкы та нагнулась до воды, а у неи изъ пидъ чорнои охсоты выскочывъ невелычкый хвостыкъ, а Петро хотивъ пиддывыться та на одно око и ослипъ. Отъ матери ёго Тарасъ!

— Ну, цёго Витряченка и до свита не переслухаешъ! О, бодай тебе морока преставляла! зарегочутся хлопци та дивчата та й ну розбигатысь до-дому зъ вулыци.

— Хлопци, хлопци, дивчата, пидождить! Я ще шось вамъ розскажу. А хто зъ васъ одразу може потрощыть цилый хунтъ сахарю, зъисты цилый кусокъ сала, а на закуску закусыты двома оселедцямы! Хто може?

— А ты хиба пробувавъ?

— А якъ же ты думавъ?

— Такъ сёгодня жъ, люде кажуть, пъятныця.

— А якъ пъятныця, то що? Хиба якъ, хиба що, хиба грихъ, чы що?

— Та докы сёго буде? Ёго й за тры дни не переслухаешъ!

— Слухай, Петре, виддай мени пъятака, що зъ кышени вытягъ.

— Якого пъятака?

— А що заразъ зъ кышени вытягъ?

— А на що тоби, такому розгамузи, така сумà грошей? Гроши—сыла у розумного чоловика, а ты що?.. Визьмы тры копійкы.

— А ще жъ дви.

— То вже нехай собака погавка!

— Це якъ же жъ воно?

— А такъ: визьмы, колы хочъ, два пъятака! Та тилько що ты зъ нымы зробышъ? Ты мени дай гроши, такъ округъ мене усе ажъ зашумыть!.. Хлопци, хлопци, а хто зъ васъ пройде такъ, щобъ пъятамы упередъ?

— А мы пятамы назадъ та й до-дому! Тебе й до свита не переслухаешъ!..

Такъ отакый-то хымерный та невгаючвый бувъ той Петро Витряченко. И скризь и завше такый. Оце хто зимою воде по селу козу? Петро Витряченко! Зробе зъ хвостомъ, зъ рогамы, въ чотырма ногамы та зъ мочуляною бородою козу; потимъ до неи довгоносого, цыбатого та высоченного журавля, знайде два, або тры бубны, збере коло себе цилу юрбу малыхъ хлопцивъ, та тоди и гайда гвынчуваты скризь по селу. Та бижыть по вулыци та выгадуе усяки вытребеньки, та такъ и сыпле одъ себе веселощи та жарты, непаче хмиль изъ рукава. „Шо це воно такого? Шо це такого“? „Петро Витряченко козу воде!.. Тутъ, Боже мій, скилько народу збижытся на таке дыво! И чоловикивъ, и жиноцтва, и парубоцтва, и малои дитворы! Хи, матери ёго хыря! Тутъ шо смиху, шо реготу, шо крыку, шо галасу, шо выгадокъ, шо вытивокъ, такъ чысто тоби ажъ уся вулыця гуде... А Петро танцюе козою та хвистъ у-гору задыра та мекекека, та трусе бородою, та пиднима то одну, то другу ногу та ще й то... морока ёго зна, й шо... А журавель соби! Танцюе коло козы та довбе іи по голови та прытуля свій хвистъ до іи хвоста та все танцюе, усе танцюе, ажъ покы коза не брыкне ёго ногою такъ, шо винъ и ногы вытягне на снигу, а носомъ пробуртыть снигъ ажъ до самои землі. А капелія малыхъ хлопцивъ, шо йде за козою та журавлемъ, шалено бубоныть у бубны, спива „козынячу“ писню та соби танцюе:

Пане господарю, Господь зъ тобою,
Господь зъ тобою, идемъ зъ козою!
На гори коза зъ козынятамы,
Въ долыни вовчокъ зъ вовченятамы.
Де взявся вовчокъ, за козу чокъ-чокъ!
А вовченята—за козыната.
Де взявся заиць—ставъ козу лаять:
„Дурная коза, нерозумная,
Своимъ диточкамъ не господыня,

Своихъ диточокъ та й не кормыла,
Раннёю росою та й не поила".
Вхопыла серпокъ—побигла въ лисокъ,
Нажала травыци зъ овсяный снипокъ,
Своихъ диточокъ та й накормыла,
Раннёю росою та й напоила...

Отакъ скризь, зъ одного села та до другого и пройде Петро зъ козынячою комедіею, зъ спивамы, скокамы та играшкамы.

— Ну й сибирный же хлопець, цей Петро Витряченко! И чого тилько винъ не выгада, такъ урагова ёго й маты зна! оце скаже якый-небудь сусидъ, або Иванъ Крыженко, або Иванъ Вовченко, довго дывлячысь на вытивкы Петра.

— Эге, ще й не таке, добродіи, буде! Це винъ ще не вси рбзрывкы взнавъ, а якъ дизна вси, то... Тилько глядить, якъ бы ци смишкы та играшкы до чого лыхого не довелы Петруся!.. Якъ бы воно не сталось зъ нымъ, якъ тамъ кажуть: упавъ зъ вышни, та піймавъ черешню...—прошамка на таки слова стара баба Дудукалка та ще й на бикъ скрывытся, неначе той грихъ.

— Не такій, бабо, хлопець: ёго дванадцять товкачивъ улучало, та ни одынъ не влучывъ! Цей, кому звавгодно, прышвы прышые.

— Нехай до якого часу, а тамъ якыйсь товкачъ и ёго такы влуче...

— Винъ, кажуть, бабо, хутко у купци запышется, якъ шо вже й теперъ чы не купець.

— И я така купчыха, якъ винъ купець! И кризь пятеро штанивъ выдко, якого винъ колина...

А Петрови и гадкы нема до того, шо тамъ про нёго балакають на сели: якъ настане масныця, то хто носе ото по селу на высокій коляци колесо та спива зъ дивчатамы веснянокъ? Упьять же такы нихто, якъ Петро Витряченко.

А уже жъ весна, а уже жъ красна,
Изъ стрихъ вода капле, изъ стрихъ вода капле,—

Козакови та Петрови
Мандривочка пахне, мандривочка пахне,
Мандривочка пахне!

И справди, якъ тилько настала весна, такъ Петрови й шкода; такъ и потягло ёго чкурнуть куды-небудь, або въ Таврію, або въ Чорноморію.

И Петро уже чкурнувъ...

Литомъ Цетро уже упьять десь тамъ мижъ нимцямы, жыдамы, цыганамы, кгрекамы та вирменамы, а на Покрову винъ заявляется до-дому. Тутъ упьять винъ прыносе зъ собою и грошый, и подарункивъ, ще й прыводе панську собаку зъ „ожерелкомъ“ на шыи, а до тіеи собакы ще й добре „ружжо“ и до „ружжа“ усю прымусію; самъ уже ходе „пры часахъ“ и не въ свыти, а въ „пинжаци“, або въ „жукетци“, и не въ шапци, а въ плысовому картузи; носе уже не полотняни, а суконни штаны и рантови зъ рыпомъ на высокыхъ закаблукахъ чоботы; куре не люльку, а панськи папиросы; зна, шо таке ромъ и шо таке „коняка“ (се бъ то коньякъ), а изъ себе выдае уже бильшъ на купця, нижъ на мужыка; уже де-хто такъ велыча ёго не Петромъ, а Максымовычемъ. Други-прочи хлопци, шо вертаются зъ заробитокъ, прыходять до-дому частенько и голи, и боси, и безъ копіяхы грошей, а Петро Витряченко, той не такъ: винъ и самъ прыодягнется добре, и батька та матиръ отъ якъ гришмы звеселыть, та й передъ парубкамы та дивчатамы покаже себе такъ, шо всимъ оскому на зубахъ набье; особлыво якъ почне закыдаты або на нимецькый штатулъ, або на цыганську герготню,—одного спыта: „Васъ махтеръ“? другому скаже: „худъ морденъ“, а третёму: „Не ходы въ калантыръ, не пый цыпундры, не грай на баляндрасахъ“...

Одначе, далеко не вси сусиды вирылы Петрови: де-яки, дывлячысь на те, якъ винъ „пры часахъ“, зъ рушныцею та зъ собакою, идѐ на полювання, тилько кывалы у ёго сторону головою та потыхеньку осмихалысь. А найбильшъ усихъ моргала на Петра своимы гадючымы очыма баба Дудукалка, родыма видьма.

— Ой, гляды, хлопче, якъ бы ты часомъ не скопытывсь! Бо шось дуже вже ты почавъ брышкаты! И не таки кони бувають, та спотыкаются... Поменьше бъ пащыкувавъ, то краще було бъ... Онъ бувъ у твого батька, Витряка, и Охримко, бувъ и Якымко, та выйшло зъ ныхъ одно пхе. Ичъ якый иде напындюченый! Отъ тожъ недаромъ кажуть, шо теперъ уси люде паны посталы, а свыни никому пасты, то воно й правда. И хочъ бы вже бувъ парубокъ, якъ парубокъ, а то, скарай Боже, на одно жъ око слипый, а ты бачъ!.. Та чы жъ на трудовани гроши воно добуте, оте, шо на тоби йе? А якъ вы знаете, добродіи, чія оце на ёму уся одежа? Га? Або жъ то й справди ёму даремно дають?

— А бачъ же, бабо, дають!

— Ото жъ мени й на вдывовыжу, шо де винъ грошей таку суму бере, шо убраппя на нёму, якъ на панычеви.

— Та винъ же каже, бабо, шо на Дону рыбу ловывъ, черезъ те й здобувся.

— Эге жъ! А зъ якои рукы ловывъ? Чы не зъ ливои часомъ?..

Та й самому Максыму Мыкытовычу Витряку шось не овси до вподобы було те, шо ёго Петро прыходывъ до-дому въ панською собакою, зъ рушныцею та зъ годынныкомъ, що винъ ходывъ у пиньжаци та въ суконыхъ штанахъ, ще й въ плысовому картузи.

— Слухай, сыну, по правди тоби сказать, мени не дуже то до вподобы те, шо ты прыходышъ до-дому такый убраный, неначе той павычъ.

— Такъ мени жъ, таку, инакше не можна,—у мене дило таке.

— А яке жъ у тебе дило?

— По комерціи, тату! Я вже теперъ, якъ прыхожу у Таврію, то мене вси тамъ знають; тамъ уже де продать, де купыть, де проминять, то вже безъ мене ридко колы дило обходытся; черезъ те мени, тату, уже якось-то ніяково ходыты у свыти та въ мужыцькій шапци. Паны, де я жывъ, такъ таку

уже совисть узялы, шо, було, якъ посылаты мене куды у ярмарокъ, то дають мени не визъ и не брычку зъ колыскою, а визокъ зъ табуркою, а кони таки, шо ажъ кыплять, ажъ мыло зъ ныхъ пада. И якъ йихаты мени, то я вже надиваю на себе не свыту, а жукетку,—надину та ще й почухаюсь. А якъ посяду на визокъ йихать, такъ одно слово, верстовъ симъ пробижу, неначе насиння злущу жменю... Якъ хочешъ ламать дила, то бильше пылу у вичи пускай... Воно скризь такъ помижъ купцивъ та панивъ поводытся,—я це теперъ товсто уровумивъ... Воно, тату, якъ-бы мени оце де-небудь доскочыть копыталу, карбованцивъ пъятьсотъ, або хочъ, на малу миру, двисти, то я бъ таку завивъ комерцію, шо куды тамъ къ лыхій годыни и нашому Кастіёну Петровычу Чубарку!.. Та я бъ ни за що мавъ и не такыхъ, якъ Чубарокъ... Я мижъ чужымы людьмы ухвалывъ лучче жыть, нижъ мижъ своимы,—та—якъ ото Таврыческа сторона: народу тамъ далеко меньчъ, нижъ у нашому краю, а простору того... хи! Куды вамъ! Отъ де добра можно доскочыть!

— Охъ, гляды, сынку! Краще бъ тоби працюваты коло плуга, та коло сохы, нижъ коло тіеи комерціи. Съ чого хлибъ йисы, того й гляды. Наше щастя не въ комерціи, а въ хлиборобстви.

— Шо жъ, тату, коло плуга та коло сохы? Не втикъ, не піймавъ! Ось вы уже килько рокивъ працюете коло плуга та коло сохы, уже и рукы у васъ черезъ роботу поплюсклы, а хиба вамъ не выпада такъ, шо инколы ніякъ и за подушне знесты?

— Выпада, сынку! На те воля Божа! А все жъ я тоби скажу такъ: хто зъ чымъ рожденъ, той на те й гожденъ.

— А якъ же жъ, тату, хиба багати купци та все зъ купцивъ? Ось хочъ у насъ у Харькови, купець Пащенко? Та винъ же жъ зъ такыхъ, якъ и мы зъ вамы. Тутъ яка кому лынія упаде, якъ чоловикъ родытся на свитъ... Хиба я у Бога валышнёго кабана вкравъ, чы що?.. Эге, мени бъ тилько де-небудь копыталу добуть, а то-бъ я зашароборывъ! Я бъ и справжнимъ

купцямъ носа утеръ... Та що? Не то шо копыталъ, а якъ бы хочъ добра спроможнисть, то я бъ не тягавсь по гнояци отутъ, а забравсь бы десь туды, де й совы очыма не лупають...

— Эхъ, сынку, сынку, не жадуй! Багатый не той, хто багато мае, а той, хто всёму миру знае. Шо, багацтво? Мана и тлинь,—бильшъ ничого! Головне—совисть.

— Совисть, тату, совистью, а якъ прыйде пора зносыты подушне, то тутъ уже одніею совистью ничого не поробышъ, а треба десь и грошій роздобувать.

— Це, сынку, ще не-съ-такъ велыка бида: де сокыркою цюкнувъ, деципомъ помолотывъ, де тягломъ, чы сказать, скотынкою, поробывъ, отъ и все горе розвивъ,—абы було чымъ та съ чымъ. А то такъ у наймыты до пана Голованя: трыдцять два карбованця на годъ, та ще й одна штука у панській череди. Отъ и буде намъ, такъ шо слава Богу, чымъ заратуватысь... Намъ, сынку, не пышно, абы затышно!..

— На що жъ мени, тату, у наймыты йты, якъ у мене есть кебета въ голови? Адже жъ кажуть, якъ маешъ таланъ, то не загортай ёго у землю, а робы такъ, шобъ у тебе стало зъ одного та два... Шо мени та сокыра? Шо мени той ципъ, шо за день не бильшъ копы зробышъ? Для мене, тату, друга робота есть.

— Ну, робы, сынку, якъ самъ, здоровъ, знаешъ, а тилько отъ шо: робы чесно та совисно, а головне—не заздры и не жадуй. А то ондечкы Васыль Полушка пожадувавъ та й у тюрягу попавъ.

— А що ёму, тату, та тюряга? Теперъ, кажуть, иде въ тюрьму—плаче, а йде зъ тюрьмы—скаче... Мени, тату, чуете, якъ бы копыталъ, то я бъ и не заздрывъ и не жадувавъ,—я бъ знайшовъ за яке мени дило зачепыться; я бъ шеменувъ такъ, шо!.. Отъ хочъ бы товарячи гурты,—хиба це, тату, не дило? Теперъ у насъ, тутечкы, быкы ни по чому, а ондечкы у Тавріи, ажъ пыщать та ніякъ не можуть ихъ занедать. Тутъ купы, дожены до Маріуполя, чы до Бердянкы, продай,—отъ уже й гроши тоби, та ще й яки гроши? Сотъ тры

одразу стягъ та й паномъ дило жыве. А тамъ, продавшы быкивъ, повернувсь та купывъ пшеныци та на Кубань и зновъ продавъ,—тутъ тежъ копійку прыдбавъ... А дали и за трете яке-небудь дило зачепывсь,—не все жъ за одно: чы на чавунку поставу, чы панамъ заводськыхъ жеребцивъ. Вы, тату, и не подумаете того, якъ добре зъ тымы панамы дила ламать! Одно те, шо панъ николы не торжытся за копійку: винъ надае сто карбованцивъ, а потимъ одраву набаве пъятьдесятъ; а друге те, шо винъ, якъ уже шо продасть, такъ не вдержытся одъ того, шобъ не побенкетувать... Эхъ, жысть наша мотузяна! Шо це у насъ за жысть?—Отъ тамъ жысть, такъ жысть,—у панивъ та у купцивъ! Тамъ и ласо пойисты и хороше походыты. Люблю я те все йисты та пыты, шо йидять та пьють господа!.. Якъ бы грошей до сына, то я бъ... Я теперъ товсто урозумивъ дило...

— Не тоби бъ, сынку, таке казать, а не мени бъ таке видъ тебе слухать! Бережысь, якъ бы таки мысли та не перепеныли тоби дорогу до Бога!.. Я бачу, у тебе въ сердци якась нечысть сыдыть.

— А хиба, тату, и у всихъ панивъ, якъ воны такъ ласо жывуть, тежъ нечисть у серци сыдыть?

— На панивъ, сынку, не потурай: ты бильшъ на себе дывысь. Паны, колы ласо жывуть, то воны звыклы такъ жыть,—имъ те байдуже; а мужыкъ, якъ почне по-панськи жыть, то ото вже й погыбель ёму...

IX.

Не до смаку було Петрови слухаты таки речи батька, и винъ однымъ вухомъ слухавъ, а черезъ друге выпускавъ геть. Выдко було, шо у нёго засилы въ голови якись-то дуже велыки думкы, шо не давалы ёму и всыдить на однимъ мисти...

Такъ мынула зима, настала весна, и Петро зновъ подавсь у Таврію, та ще й подався якось такъ, колы батька и дома не було, а була тилько сама маты.

Старый Витрякъ, хочъ уже й звыкъ до мандривокъ Петра, але у це лито винъ дуже чогось ёго жде. Оце, якъ помыне лито, а зъ нымъ вернется до-дому и Петро, то теперъ уже годи ёму швендяты по заробиткахъ,—теперъ, хвалыты Бога, лучча доба настала, такъ шо й дома йе надъ чымъ попрацювать, та треба уже подуматы и про те, шобъ одружыты Петра. И шо це у нёго ци дни Петро зъ головы не йде? Такъ, шо бъ винъ ни думавъ и шобъ ни робывъ, а Петро у нёго ось передъ очима, пеначе жывый, такъ и стоить. Хоче старый позвать свого Павлуся, а клыкне Петра; почне балакать зъ Марусею про дочку Орысю, а нагада ій про Петра.

— Шо це мени, стара, Петро не йде зъ головы?

— Та колы хочъ, старый, то и я оце чогось усе про нёго думаю: цю ничъ та якъ же й погано винъ мени снывсь, шобъ ты знавъ!

— Колы бъ, стара, якого лыха зъ нымъ не скоилось!

— Боронь насъ, Боже, видъ того! Чы вже жъ такы зъ насъ мало того лыха, шо було? Чы вже жъ такы усёго лыха, яке есть на божому свити, та не можна роздилыты промижъ усихъ людей, шобъ воно досталось не одному чоловику, а всимъ по троху? Тильки шо видпочылы видъ лыха, колы це зновъ уставай та прочынайсь. Та нехай на нёго пипъ зъ кадыльныцею, на те лыхо!

— Эхъ, стара, стара! Покійный мій дидъ, шо жывъ у Котлобуси за пасишныка, такъ той любывъ говорыть: „казало лыхо, шо добра не буде“... Такъ-то, стара! А проте—воля божа: може, Богъ дасть, ось, якъ не выдко, нашъ Петро и до-дому буде...

Такъ помиркувалы мижъ собою стари Витрякы, перехрестылысь та порозходылысь по своихъ куткахъ.

Було такъ уже на сходи лита, коло Пречыстои, а тильки стояла страшенна спека: такъ пекло, такъ крипко палыло, шо ажъ лыстя на деревахъ скручувалось. То, якъ тамъ казалы, сонце прощалось зъ литомъ.

Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ успивъ уже перевезты килька тамъ возивъ нового жыта и зложывъ ёго у клуни и

ото заходывсь, шобъ перепустыты килька тамъ кипъ. Вырививявъ винъ середъ клуни тикъ, наклавъ рядокъ снопивъ та й бье ихъ ципомъ. Коло нёго тутъ же мотаются ёго меньши дитки, хлопчыкъ Павлусь и дивчыика Орыся; одынъ выгриба зъ клуни кучечками солому, а друга насажуе у рядкы снопы батькови пидъ ципъ. Мотается дитвора коло батька та тутъ же й щебече ёму,—Павлусь про те, якъ винъ, якъ водывъ коней пасты у недилю пидъ Байракъ, та дравъ у лиси зъ хлопцямы граченятъ та варывъ зъ ныхъ кашу, и яка була солодка та каша зъ граченятамы; а Орыся про те, якъ вона, ще въ литку, умисти зъ велыкымы дивчатамы, несла марену до ставу та топыла іи у води та писля того спивала зъ дивчатамы жъ усяки писни.

— А якыхъ же ты тамъ, доню, спивала писень?

— Усякыхъ спивала, тату!

— Ну, та якыхъ жъ?

— Та спивала:

„Якъ прыйихавъ мій мыленькій зъ поля,
Та прывьязавъ коня до порога“.

— А ще якои?

— Багато жъ, кажу, тату, спивала! Ось и ціеи:

„Гей, у лузи калына, чомъ не рано зацвила?
А на тій же калыни сыдыть мале соловья,
Та нихто жъ того соловья, та нихто ёго не пійма.
Налетилы соколы зъ чужой дальней стороны,
Взялы, взялы соловья та на крылечкы свои“.

— Хто жъ тамъ найлучче всихъ спивавъ?

— А хто жъ, тату, якъ не Марійка Гекова!

— Та це жъ твоя прытелька?

— А вже жъ!

— Та чы вміе жъ вона ще спивать? Я чувъ, шо вона овси и не тяме спивать...

— Шо це вы, таточку, кажете? Це на неи такъ нанесено! Та вона така спивлыва, шо проты неи ни одна дивка у Суныцивци такъ не заспива.

— Не заспива?

— Не заспива!

— Ну, якъ же жъ вона спива?..

Тутъ Орыся покынула тягаты снопы, стала середъ клуни та й давай спивать. Спива та выводе, та такъ выводе, та такъ пиднима голосокъ, шо батько, дывлячысь на неи, увесь берется веселымъ смихомъ, самъ радіе серцемъ та розцвита душею... Ёму здается, шо й винъ такый же малый, якъ ёго мала дочка... А вона черезъ те ще выще пиднима голосокъ та ще голоснійшъ выводе...

— А стривай-лышень, донечко! Шо це воно неначе дзвоныкъ дзеленьчыть десь на вулыци? А побижы-лышень та подывысь, шо воно тамъ таке...

Орыся перестала спивать, метнулась на вулыцю и черезъ хвылынку прыбигла зновъ у клуню; прыбигла, а сама и слова не вымове.

— Шо тамъ таке? Шо тамечкы таке?

— Охъ, таточку—голубчыку! Тамъ... тамъ понайихало скилько панивъ, зъ яснымы гундзыкамы, а коло панивъ скилько людей, и тамечкы... нашъ Петро стоить, прывьязаный до оглобель...

— Якъ, Петро? За що?—не скрыкнувъ, а якось то ажъ неначе простогнавъ Витрякъ, а самъ такъ и охолонувъ, якъ камьяный марморъ, и духу ніякъ не може перевесты; прытулывъ ливу руку до грудей и зробывсь увесь билый, якъ стина; рукы, ногы, голова у борода такъ и затрусылысь у нёго, а языкъ неначе прырисъ до зубивъ: хоче винъ сказаты слово, а самъ ни жодною мирою не може сказать. Одно слово, той же каминь,—и серце не бьется. Простоявшы такъ зъ хвылыну на однимъ мисти, Витрякъ кынувсь, якъ бувъ, зъ ципомъ у руци, изъ клуни и въ одну мыть опынывся на вулыци.

— Хто це? За шо це? Господы просты и помылуй!

— Стій, старый, стій! Це твій сынъ? Прыдывысь на нёго, добре прыдывысь!

— А мій, ваше благородіе! Мій же, мій!

— А якъ твій, такъ винъ у тебе хвалшыви гроши зъ цыганамы та зъ вирменамы збувавъ!

— Крый мене, маты Божа, одъ такого сорому! Такъ отъ якъ! Такъ отъ куды ты, блудяжный сыну, метнувъ!! А, такъ отъ такъ ты! Убью! Якъ гадюку ногамы ростопчу!—скрыкнувъ страшнымъ голосомъ Витрякъ и, якъ бувъ зъ ципомъ у руци, такъ и кынувсь прожогомъ до Петра.

А Петро стоить обирваный, обшарпаный, увесь побытый, въязаный веревкамы, прыкрученый до оглобень та чорный-пречорный, якъ земля. Згорнувшы рукы на грудихъ, винъ одъ стыда та одъ сорому утупывъ очи у землю и увесь трусытся, якъ на ножи...

— Бый, батьку! Бый! Я... я заслужывъ того! Тилько одразу бый! Ось сюды по голови... бый!

— Стій, старый! не рушъ! Теперъ уже не ты ёго будешъ карать, а каратыме законъ... Старшына, староста, сотськи, поняти! Обдывиться у Витряка вси ёго куткы и вси ёго заулкы! скомандувавъ справныкъ,—бо той панъ „зъ яснымы гудзыкамы" бувъ нихто, якъ самъ справныкъ зъ становымъ.

Тутъ, по слову справныка, кынулысь и поняти, и сотськи, и староста, и старшына и почалы скризь нышпорыть по всихъ куткахъ та суточкахъ у старого Максыма Витряка. Передывылысь и въ коморяхъ, и въ засикахъ, и въ винбаряхъ, и въ пуньци, и въ клуньци, и въ погриби, и на горищи, и въ комини, и въ дымари и скризь-скризь, де тилько можна було шонебудь и одъ кого небудь сховать.

— Прызнавайсь, старый, чы ты знавъ про дила твого сына? Може, и въ тебе де-небудь сховани хвалшыви гроши? Га? Кажы, то буде тоби тилько пивъ-кары.

— Хай мене Господь на цимъ самимъ мисци громомъ убье, якъ шо я знавъ про таке незвычайне дило моёго блудяжного сына! Суды Богъ, судить люде! Шукайте, люде судовіи, скризь, руйнуйте мое добро, кыдайте мене у темну темныцю, рижте мене, шматуйте, а тилько я увесь тутъ передъ вамы, якъ передъ самымъ Господомъ, и ни душою, ни тиломъ неповыненъ у грихахъ моёго сына. Сыну мій, сыну! Шо жъ це ты наробывъ? Осоромывъ ты мою сыву голову, на викы вични

и прылюдно и прынародно осоромывъ! Сыну мій, сыну! Хто жъ навчавъ тебе такому дилу? Хто тебе заставлявъ таке робыты? И чы знаешъ же, шо жъ тоби за такый вчынокъ буде?

— Тутъ, старый, буде не трыдцять тры рокы вежы, якъ колысь у старовыну було, а цилый Сибирь, вичня каторга,— отъ що!.. Поняти, глядить лышень скризь хорошенько! Глядить въ ожередахъ соломы, у застрихахъ лискы, у сувіяхъ полотна, глядить у подушкахъ, за халявамы чобитъ!..

И знову поняти, сотськи, старшына та староста кынулысь шукать. Довго воны шукалы, усе геть чысто поруйнували и попереверталы, а тилько не знайшлы того, чого имъ треба було; знайшлы тилько зъ десятокъ карбованцивъ грошей у прыскрынку, та й ти нихто не прызнавъ, шобъ воны булы хвалшыви.

— Шо це у васъ за чоловикъ такый, цей Витрякъ? Спытавъ справныкъ понятыхъ.—Кажить по щырій правди, якъ передъ самымъ Богомъ.

— Шо жъ, ваше благородіе, якъ по правди пытаете, то по правди и скажемо вамъ!—обизвавсь на такый спытъ справныка Иванъ,—такы старый Вовченко, спокійный, розсудлывый и непытущый чоловикъ, найблыщый сусида Максыма Витряка. Винъ у насъ самый справный и самый розумный надъ усима; винъ такый, шо въ рода-вику не зобиждавъ никого, не зачипавъ ничого чужого, не вжывавъ горилкы, жывъ по-божому, а до роботы такъ усимы жыламы бравсь, якъ тамъ кажуть, и сюды робывъ, и туды робывъ, черезъ те дуже сыльно, заможно колысь жывъ, та отъ тилько у сынахъ щастя ёму якъ не було, такъ и нема... Шо жъ, ваше благородіе, *харошъ* чоловикъ! Одно слово *харошъ*! Грихъ и слово говорыть!.. Оце вамъ сказавъ, якъ передъ самымъ Господомъ. Не ймете виры, спытайте у другыхъ людей.

Справныкъ та становый спыталы де-кого ще про Максыма Витряка. Потимъ того якъ узялы пысать, якъ узялы соби пысатъ, спысалы те все, шо выслухалы про Витряка, виддалы старого на порукы тому жъ такы Ивану Вовченку, а

самы, закувавшы Петра Витряченка у зализа, зъ тымъ и одъихалы геть изъ села...

Днивъ шисть, чы симъ писля того ходывъ Максымъ Витрякъ неначе несамовытый. Самъ винъ не боявсь ніякои кары, бо совисть ёго була чыста, якъ той крышталь: винъ сумувавъ тилько за своимъ пропащымъ сыномъ, Петромъ... Пропавъ и третій сынъ у Максыма Витряка. Шо жъ тебе таке згубыло? Згубыло тебе, сыну, те, шо ты не схотивъ жыты такъ, якъ жывъ твій дидъ та прадидъ та якъ жыве батько и пишовъ по инчій стежци та тутъ и спиткнувсь... Тоби мало було того, чимъ удовольнявсь твій дидъ та батько, тоби треба було ширше поле и ширшый шляхъ. Одного тилько ты не знавъ, шо той шляхъ не для селянъ: нехай по нёму ходе той, хто змалычку звыкъ ходыть, а мужыцькый шляхъ не до комерціи, а до сохы... Хто жъ тому выненъ, шо винъ пишовъ по новому шляху и спиткнувсь на нёму? Це моя прычина! Чомъ я ёго не вдержавъ коло себе? Чомъ я ёго не зупынывъ у останній разъ иты у Таврію? Чомъ я ёго не женывъ та не зоставывъ працюваты коло дому?.. И впьять же жъ, хиба можна чоловикови, хочъ бы й своёму риддному сынови, уставыты свій розумъ, свою совисть и свій хыстъ? У нёго е и своя воля, и свій розумъ, та ще й до того повсигда знаходятся товарыши, таки, шо напучають на все злее. Хиба таке дило робытся безъ товарышивъ?.. Отъ и пишовъ инчою стежкою, пишовъ та й згынувъ... Теперъ тилько одно й зостается тоби, заблудлывый сыну, покаятысь и передъ Богомъ, и передъ людьмы, и передъ самымъ собою. Нема у свити такого гриха, за якый бы Господь мылосердный не простывъ чоловика, абы бъ тилько чоловикъ щыро та свято покаявся передъ Господомъ у своихъ грихахъ и зновъ не гнивывъ бы Ёго злымы дилами.

Д. Яворницкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма Мих. Матв. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку (1857—1859 гг.)

Въ самой полной изъ напечатанныхъ до сихъ поръ біографій Т. Г. Шевченка, составленной А. Кониссимъ, мы не находимъ точнаго указанія, когда собственно началось знакомство поэта съ семьей Лазаревскихъ. Извѣстно, что съ однимъ изъ братьевъ Лазаревсккхъ, Федоромъ, онъ впервые встрѣтился 9 іюня 1857 г. въ Оренбургѣ, гдѣ Лазаревскій служилъ въ Оренбургской пограничной коммиссіи. [1]) Тогда ли началось знакомство и съ братомъ Федора, Михаиломъ Матвѣевичемъ, служившимъ въ 200 верстахъ отъ Оренбурга въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ, точно установить, кажется, нельзя; но что съ нѣкоторыми изъ членовъ этой семьи онъ былъ знакомъ нѣсколько раньше, доказывается тѣмъ, что въ первой половинѣ 1847 года, еще до ссылки, Шевченко написалъ извѣстное свое стихотвореніе „Вечиръ", посвятивъ его матери Лазаревскихъ. Вѣроятнѣе всего, что знакомство это началось съ того времени, когда Шевченко въ 40-хъ годахъ проживалъ подолгу въ Малороссіи и между прочимъ въ Черниговской губерніи.

Въ жизни Шевченка во время ссылки его играли не маловажную роль оба брата Лазаревскіе, постоянно приходившіе къ нему на помощь въ разныхъ случаяхъ и разными способами. Объ этомъ мы знаемъ, съ одной стороны, изъ мелкихъ замѣтокъ,

---

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 2, стр. 152.

помѣщавшихся въ „Основѣ“ въ 1861 и 1862 гг., гдѣ печатался „Дневникъ“ Шевченка и переписка его съ разными лицами, а съ другой—изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были напечатаны и у насъ, въ „Кіевской Старинѣ“ (напр. „Изъ воспоминаній Ф. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ“, 1899 г. № 2) и наконецъ—изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ біографіяхъ Шевченка, составленныхъ М. К. Чалымъ („Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, Кіевъ, 1882 г.) и А. Кониссвимъ („Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка“, Одесса, 1898 г.). Среди этихъ матеріаловъ можно встрѣтить выдержки изъ писемъ Мих. Матв. Лазаревскаго къ Шевченку, относящихся къ 50-мъ годамъ, но письма эти въ полномъ видѣ до сихъ поръ не были опубликованы. Благодаря любезно доставленному намъ матеріалу нашимъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ, мы печатаемъ теперь 13 писемъ М. М. Лазаревскаго къ Шевченку. Письма эти имѣютъ особенный интересъ, въ виду того, что относятся къ моменту, когда шли хлопоты объ освобожденіи поэта изъ ссылки и когда эта желанная свобода наконецъ состоялась. Во всемъ этомъ дѣлѣ М. М. Лазаревскій оказалъ большія услуги, пользуясь знакомствомъ своимъ съ вліятельными лицами въ Петербургѣ, гдѣ въ то время онъ состоялъ на службѣ. Лучшими комментаріями къ нимъ являются письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому, напечатанныя въ „Основѣ“ 1862 г. № 3, такъ какъ почти на каждое изъ напечатанныхъ писемъ Шевченка находимъ отвѣтъ въ печатаемыхъ теперь, или наоборотъ.

В. Н.

I.

Когда началась переписка между Шевченкомъ и М. М. Лазаревскимъ, точно опредѣлить нельзя; извѣстно только, что 8 августа 1856 года Лазаревскій написалъ коротенькое письмо къ Шевченку (въ матеріалахъ его нѣтъ), на которое послѣдній отвѣтилъ 8 октября, а затѣмъ вторично 7 декабря; въ этомъ вто-

ромъ письмѣ, нѣсколько мистифицируя, Шевченко писалъ о своей повѣсти *Матросъ*, которая будто бы написана *Дармограемъ*.[1]) Отвѣтомъ на это и было слѣдующее письмо М. Лазаревскаго, хотя и не помѣченное 1857-мъ годомъ, но дата его точно опредѣляется содержаніемъ и связью съ указанными письмами Шевченка.

17 января (1857 г.) С.-Петербургъ.

Получивши твое первое письмо съ Матросомъ, я отдалъ его переписать; многіе жалѣютъ, что не на малорусскомъ языкѣ пишетъ Дармограй. Сію минуту воротился (12 ч. ночи) изъ театра и получилъ отъ Дармограя отъ 8 декабря.

На первое письмо не отвѣчалъ, ожидая сегодняшняго и ожидая окончательнаго результата о Дармограѣ.

Нехай молится Богу и дякуе Царю и добрымъ людямъ: о увольненіи его въ отставку уже послѣдовало разрѣшеніе Царя и сообщено объ этомъ Воен. Министру для исполненія; но виттиля чутки ще нема. Теперь, слава Богу, не до Матроса; теперь нужно думать да гадать, какъ выбратысь виттиля. Уже толковали, что на выѣздъ нужны деньги и, я думаю, хоть немного— скоро будетъ. Всѣ думаютъ, что гораздо лучше пріѣхать сюда, а не до дому, если только позволятъ это. Тутъ есть добрые знакомые, при помощи которыхъ можно устроить фотографич. и дагеротипн. станокъ и имѣть кусокъ хлѣба на всю жизнь. Если это ему не понравится, то можно найти 20 другихъ предметовъ къ жизни. И тамъ, въ Малороссіи, винъ не загыне, да тутъ все таки лучше.

Такъ думаютъ твои знакомые, которые тебѣ отъ души желаютъ добра. Я дома не былъ уже 7 лѣтъ и теперь собираюсь туда, взявши отпускъ на мѣсяцъ; послѣ завтра уѣзжаю и къ половинѣ февраля ворочусь. Я думаю, и безъ меня тутъ вышлютъ тебѣ денегъ для Дармограя, а если нѣтъ, то еще можно успѣть до лѣта.

---

1) «Основа» 1862 г., № 3, стр. 3—5.

Просьбъ его и твоихъ о разузнаніи о разныхъ лицахъ не справлю. Объ Осиповѣ я говорилъ Семену[1]) и самъ спрашивалъ, да не чуть такого тутъ. Писемскій въ Отеч. Запискахъ не участвуетъ, да его и въ ПБ. нѣтъ теперь.

Княгиня, кажется, теперь у Н. Д. Бѣл., съ которымъ буду видѣться и возьму. Отдалъ ее Кулишъ ему, а Кулишъ теперь въ Москвѣ, а его жена въ Малороссіи. В. М. Бѣл. уѣхалъ жениться, но скоро воротится. Вотъ еще слово, только пусть Дармограй не разсердится: ты знаешь, якъ я его поважаю; да и не я одинъ. Будь же ласковъ, скажи ему, чтобы онъ отъ радости не зробывъ чого нибудь непригодного. Поздравь его съ Царскою милостью и скажи, что мы такъ обрадовались ей, что ты и не повѣришь, да и онъ тоже.

Прощай же, мій любый, мій дорогій Тарасъ! можетъ быть: до свиданья и скораго! Молись же Богу.

Твой весь и всегда М. Л.

Чы получивъ ты мою посылку? Картина твоя, что ты сдѣлалъ когда-то для Езучевскаго, досталась мнѣ въ лоттерею. Многіе кланяются тебѣ низенько, а о желаніяхъ нечего и говорить.

II.

Только-что приведенное письмо отъ 17 января было получено Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи только 7 марта (см. Основа 1862 г. № 3, стр. 6), такъ-что М. Лазаревскій, не дождавшись отвѣта, написалъ ему второе письмо, 11 апрѣля 1857 года.

11 апрѣля (1857 г.) С.-Петербургъ.

Христосъ Воскресе! мій любый, мій дорогій Тарасе. Что ты такъ долго молчишь, не откликнешься до сихъ поръ? Я воротился уже давно изъ Малороссіи и началъ сейчасъ разнюхивать, что

---

[1]) Братъ Матв. Лазаревскаго.

и какъ, и только на дняхъ добился положительно, что докладъ о тебѣ и другихъ подобныхъ готовъ и будетъ представленъ къ Пасхѣ. Мнѣ тотчасъ-же обѣщали принести приказъ, но и до сихъ поръ его нѣтъ, и я боюсь, чтобъ не отложили опять до 17 ч. Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ, но все откладывалъ, чтобъ сказать что-нибудь положительное; а сегодня не утерпѣлъ и пишу, хоть не окончательное, но положительное все-таки, что ты можешь скоро разсчитывать на милость; но какую и съ какимъ ограниченіемъ—еще не знаю. Можетъ быть черезъ недѣлю обрадую тебя. И тамъ, гдѣ я недавно былъ, сильно радуются привезенному мной туда извѣстію и обѣщали мнѣ помочь въ добромъ дѣлѣ; и здѣсь твои знакомые радуются милости Царя. Дай-же Боже намъ еще разъ увидѣться съ тобою, и въ лучшемъ положеніи для тебя. По полученіи этого письма сейчасъ-же пиши, что и какъ ты думаешь, какъ ты теперь живешь-поживаешь и въ чемъ и насколько бы примѣрно ты нуждался на проѣздъ, если милость Царя тебѣ объявится. Я слышалъ, что и другіе здѣсь хлопочутъ для тебя и хотятъ помогти.

Теперь пишу, лишь бы сказать словцо, а какъ получу извѣстіе—напишу тебѣ больше и подробнѣе.

2-го отдѣла твоего Матроса еще не успѣли переписать; но на дняхъ окончится она; а ужъ твой подлинникъ въ переплетѣ, и никому не уступится.

Прощай, а можетъ быть и до свиданія.

Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ, счастливъ и богатъ.

Все и всѣ тебѣ кланяются.

Твой весь М. Лазаревскій.

Отвѣтомъ на это письмо служитъ 4-ое письмо Шевченка изъ напечатанныхъ въ „Основѣ“ (стр. 8).

III.

Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ М. Лазаревскій могъ извѣстить Шевченка о состоявшемся 17 апрѣля помилованіи,

что и видимъ изъ слѣдующаго письма его отъ 2 мая, отвѣтомъ на которое является 6-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 10). Незначительныя выдержки изъ этого письма напечатаны были уже въ книгѣ г. Чалаго (стр. 95), при чемъ сличеніе текста въ кн. г. Чалаго съ подлинными письмами показываетъ, что г. Чалый не точно воспроизвелъ его, а почти пересказалъ своими словами, соединивъ два письма въ одно (письмо отъ 17-го янв. и 2 мая).

2 мая 1857 г. С.-Петербургъ.

Ну, поздравляю наконецъ тебя, дорогой мой Тарасъ Григорьевичъ, съ великою милостью Царя: Дай Богъ, чтобы ты воспользовался ею счастливо и чтобы жизнь твоя съ этого времени текла въ покоѣ и довольствѣ; а ты, я увѣренъ, сумѣешь заслужить и милость Царя, и доброе мнѣніе о тебѣ всѣхъ твоихъ друзей. Но безъ объясненій: я узналъ только, что третьяго дня послана бумага командиру Оренбургскаго корпуса, что ты, согласно просьбѣ Гр. Толстого и засвидѣтельствованію гр. Перовскаго, получаешь отставку съ предостереженіемъ избрать родъ и мѣсто жизни. Но такъ-ли это—не убѣжденъ, потому что самъ не видѣлъ бумаги и увижу ее только черезъ нѣсколько дней. Потерпи, дружище, немного и вѣроятно самъ узнаешь все вѣрнѣе, нежели я теперь пишу.

Я слышалъ, что гр. Толстой имѣетъ у себя для тебя нѣкоторую сумму денегъ, которую будто бы думаетъ передать тебѣ по пріѣздѣ сюда; вѣроятно онъ самъ будетъ тебѣ писать: я съ нимъ не знакомъ.

Я же посылаю теперь же въ особомъ конвертѣ на имя твоего начальника изъ числа переданныхъ мнѣ 75 руб. серебр. для возможнаго пособія тебѣ къ выѣзду.

Теперь-же я пишу въ Оренбургъ къ М. В. Ладыженскому, чтобы не задержалъ тамъ о тебѣ бумаги.

Пиши-же: ты совсѣмъ замолчалъ; а мы жаждемъ слышать объ тебѣ какую-нибудь вѣсточку; пиши подробно. Будь здоровъ и счастливъ и молись Богу.

Весь твой Мих. Лазар.

IV.

Слѣдующее затѣмъ письмо М. Лазаревскаго, отъ 12-го октября 1857 года, написано было Шевченку уже въ Нижній-Новгородъ и служитъ отвѣтомъ на 8-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 12), извѣщавшее о непріятномъ осложненіи для него въ дѣлѣ прямого переѣзда въ столицу изъ ссылки, хотя, какъ видно, Лазаревскій зналъ уже объ этомъ случаѣ отъ Ир. Алекс. Ускова. Отвѣтомъ на печатаемое письмо Лазаревскаго является 9-ое Шевченка (стр. 14).

12 октября (1857 г.) С.-П.Бургъ.

Около мѣсяца назадъ я получилъ письмо отъ Ирак. Ал. о вышедшемъ тамъ недоразумѣніи и былъ въ сильномъ недоумѣніи насчетъ тебя, дорогой другъ. Полученное вчера вечеромъ твое письмо хоть нѣсколько успокоило за тебя. Жаль, что ты былъ боленъ. Пожалуйста, голубе сизый, береги себя и свое здоровье; ты не имѣешь права рисковать этимъ.

Прилагаю 2 письма Залѣсскаго къ тебѣ; а 150 р. сегодня отправилъ въ особомъ конвертѣ на имя Г. Овсянникова. Отъ Кухаренка ничего ни имѣю. По письму Ир. Ал. отсюда писали о тебѣ къ Катенину; писали и Алекс. Ник. Муравьеву. Усковъ сильно боится и безпокоится: напиши къ нему. Тебя здѣсь ждали съ нетерпѣніемъ.

Сейчасъ ѣду къ графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ, съ которою я еще не знакомъ, но которая присылала Сигизмунда Сѣраковскаго узнать о тебѣ, и я посылалъ ей твое и Уск. письма; ее хвалятъ до чрезвычайности.

Едва-ли ты... (помѣшали).—Былъ у графини: она сильно безпокоится о тебѣ и благодаритъ тебя за письмо. По совѣту съ графомъ рѣшили, чтобы ты написалъ графу Ѳ. П.[1]) письмо, что ты сильно желаешь заниматься живописью и изучить ее, чего нигдѣ не можешь такъ достигнуть, какъ въ Академіи Художествъ, а потому просишь исходатайствовать дозволеніе на

---

[1]) Гр. Ѳ. П. Толстой, вице-президентъ Академіи Художествъ.

пріѣздъ въ Петербургъ. Гр. по этому письму будетъ просить Президента.

Ты, вѣроятно, дождешься въ Нижнемъ паспорта, и если получишь, то пробирайся сюда, т. е. поближе къ Петербургу, но въ Малороссію не ѣзди; а главное береги себя, о чемъ поручила мнѣ просить тебя и графиня; а ты ея просьбу долженъ исполнить: она о тебѣ заботится, какъ о родномъ; да и не одна она. У нея есть для тебя деньги, но она положила ихъ въ банкъ, до твоего сюда пріѣзда. Если бы тебѣ еще были нужны деньги, то пиши не стѣсняясь; скоро я еще буду имѣть для тебя деньги.

Вечеръ: Бѣлозерскій женатъ на родственницѣ Катенина и обѣщаетъ, что ему еще напишетъ о тебѣ, и онъ совѣтуетъ тебѣ не возвращаться, если можно, въ Оренбургъ, а ожидать паспорта въ Нижнемъ. Жду твоего письма. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя и отъ души желаю тебѣ здоровья и счастья.

Вполнѣ преданный тебѣ М. Лаз.

V.

Пятое письмо М. Лазаревскаго, датированное 19-го ноября, находится въ соотношеніи съ 10-мъ Шевченка („Основа", стр. 14), т. к. въ этомъ послѣднемъ находимъ всѣ указанія на то, что оно есть отвѣтное письмо на печатаемое нами теперь. Сомнѣніе видимое только въ датахъ: письмо Лазаревскаго помѣчено 19-го ноября, а письмо Шевченка—18 ноября; но тутъ можетъ быть одно изъ двухъ объясненій: или въ Основѣ сдѣлана опечатка—18, вмѣсто 28, или въ подлинникѣ письма Лазаревскаго надо читать 9 вмѣсто 19, тѣмъ болѣе, что въ этой датѣ сдѣлана очевидная поправка, а именно—вначалѣ какъ будто было написано 10, а послѣ изъ 0 сдѣлано 9.

19 ноября (1857 г.) Петербургъ.

Много виноватъ я передъ тобой, дорогой другъ Тарасъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ; все это время у меня дѣло, какъ

въ котлѣ кипитъ, а сверхъ того, твое письмо я въ день полученія передалъ Пант. Алекс. и до сихъ поръ не могу вырвать; но на дняхъ освобожусь и тогда напишу побольше.

Что-жъ ты ничего не скажешь о себѣ? А я то съ нетерпѣніемъ жду каждый день отъ тебя извѣстій. Неужели изъ Оренбурга нѣтъ до сихъ поръ ничего? На дняхъ будетъ ѣхать изъ Вятки сюда черезъ Нижній братъ Федоръ; онъ вѣроятно будетъ видѣться съ Далемъ; постарайся и ты увидѣться и разскажи ему побольше, нежели на письмѣ. Всѣ здоровы.

Весь твой М. Лазар.

Пант. Алекс. тогда же обѣщалъ отправить тебѣ книги.

VI.

Письмо 6-ое есть отвѣтное на 10-е Шевченка, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ то *поличье* (портретъ), которое обѣщаетъ выслать Шевченко.

9 декабря (1857 г.) С.-Петербургъ.

Дорогой Тарасе! И Ѳедоръ сильно, сильно жалѣетъ, что не могъ отыскать тебя въ Нижнемъ (онъ не зналъ о твоемъ выѣздѣ въ Балахну), но дожидаться никакъ не могъ: онъ сильно спѣшилъ сюда.

Слава жъ Богу, что ты получилъ уже отставку: всѣ мы дуже, дуже рады этому. Вчера я былъ у графа: добрая графиня сама обѣщала писать къ тебѣ скоро и тоже рада за твою отставку; они говорятъ, что съ твоимъ письмомъ ничего не узнано, до полученія свѣдѣнія объ отставкѣ; а теперь при первомъ удобномъ случаѣ графъ будетъ просить Президента о дозволеніи тебѣ продолжать занятія при академіи. Какъ только будетъ что-либо похожее на милость, то я сейчасъ извѣщу тебя. Графиня показывала мнѣ твоего киргиза съ твоимъ поличьемъ и хвастала, что показывала многимъ и всѣ хвалятъ.

Сапожниковъ[1]) у нихъ не былъ и они ничего объ немъ не слышали. Письмо твое къ графу, какъ онъ говоритъ, написано хорошо. И Кулишъ, и Бѣлозерскій читали твое письмо; и послѣдній видѣлся гдѣ-то съ Воронцовымъ, но я не знаю, что это за человѣкъ, а слышалъ вчера, что онъ живетъ гдѣ-то на Васильевскомъ.

Пѣсни Метлинскаго посылаю тебѣ теперь же по почтѣ.

Уложи-ка хорошенько свой портретъ, чтобы не потерся, да пришли черезъ почту, а то долго придется ждать удобнаго случая; а мнѣ хочется скорѣе подывыться на тебя хоть на бумагѣ. Да чы похожъ?

У меня дѣла оч. и оч. много, но праздниками можетъ быть и вырвалъ бы дня два-три, чтобы съѣздить въ Москву и благодатный хуторъ, если онъ близко отъ Москвы. Да, я думаю, что тебѣ можно бы пріѣхать въ Царское Село и тутъ жить; тогда бы съ тобою много кто бы видѣлся и часто. Семена въ это время не видѣлъ.

У меня было твоихъ грошей 36 р., да недавно прислалъ 175 р. Алексѣй Мих. Жемчужниковъ отъ брата своего Льва и просилъ не говорить тебѣ, отъ кого они. Если тебѣ нужны деньги, то пиши; я сейчасъ же вышлю, сколько скажешь; только не забувай и чорного дня. Я встрѣтился здѣсь съ Кишкинымъ,[2]) который ѣхалъ съ тобой изъ Астрахани, и много съ нимъ говорилъ о тебѣ; онъ очень хвалитъ тебя.

Прощай, мій любый, мій дорогій друже. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя. Твой весь М. Л. Всѣ здоровы; Ѳедоръ скоро ѣдетъ въ Малороссію.

—

[1]) А. А. Сапожниковъ—извѣстный милліонеръ Астраханскій. Шевченко былъ знакомъ съ нимъ еще въ перв. полов. 40-хъ гг. Вмѣстѣ съ нимъ Шевченко ѣхалъ на пароходѣ «Кн. Пожарскій» изъ Астрахани до Нижняго.

[2]) Капитанъ парохода «Князь Пожарскій», на которомъ Шевченко ѣхалъ изъ Астрахани до Нижняго.

Узнай и скажи, откуда Павелъ Абрамовичъ?[1]) Вѣдь я самъ Конотопскій, но его фамиліи не знаю тамъ.

11 ч. вечера. Сейчасъ принесли твое письмо къ Кулишу, которое отправлю завтра.

VII.

Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на коротенькое письмо Шевченка, отъ 4 яв. 1858 г. (Основа, стр. 15).

19 января 1858 года. С.-Петербургъ.

Спасыби тоби, велике спасыби, мой милый, мой золотый Тарасе, за твой подарокъ: *твое поличье.* Ты не могъ выдумать лучшаго подарка, и я ему такъ радъ, что не знаю, какъ и благодарить тебя.

Павла Абрамовича я увидѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, наговорились съ нимъ о тебѣ вдоволь: теплая душа у него и доброе сердце.

Ты пишешь: „дай Кулешови *купу* серебромъ". Я не видѣлся съ нимъ послѣднее время; на дняхъ побачусь и можетъ быть онъ разъяснитъ мнѣ это.

Мнѣ передалъ деньги Алексѣй Мих. Жемчужниковъ, живущій здѣсь, но объ этой передачѣ просилъ его братъ Левъ Мих. Жемчуж. (родомъ кацапъ, а душею чистый малороссъ). Онъ теперь заграницею, въ послѣднее время былъ въ Парижѣ, но, кажется, уѣхалъ уже въ Италію: онъ въ душѣ артистъ, хорошо рисуетъ и много ѣздилъ по Малороссіи, для снятія видовъ ея.

Графиню Настасью Ивановну давно уже видѣлъ я; одинъ разъ, какъ-то недавно, я ѣздилъ, но она была нездорова и не принимала никого, а теперь я не дуже здоровъ; но, можетъ быть, на дняхъ заѣду.

---

[1]) Кажется, Кочубей?

Потретъ твой уже у фотографа, и какъ только будутъ готовы копіи, то сейчасъ-же пришлю тебѣ 4 штуки.

Не нужно ли тебѣ отсюда что-либо такое, чего у васъ въ Нижнемъ нѣтъ? Напиши.—Овсянниковъ еще долго пробудетъ здѣсь, можетъ мѣсяца два, а потому письмо адресую на твое имя.

Прощай, мой добрый другъ. Будь здоровъ, счастливъ, веселъ и богатъ.

Всей душой преданный тебѣ Мих. Лазаревскій.

Василь и Ѳедоръ кланяются тебѣ. Вѣроятно, къ тебѣ заходилъ братъ Яковъ (котораго ты не знаешь). Онъ поѣхалъ на службу въ Вятку, и я просилъ зайти къ тебѣ, если Вятскій Губ—ъ Муравьевъ (родной племянникъ вашего), съ которымъ братъ поѣхалъ, пробудетъ въ Нижнемъ хоть полсутокъ.

VIII.

Письмо 8-ое стоитъ въ связи съ 12 и 13 письмами Шевченка, такъ-какъ оно есть отвѣтное на 12-ое, а 13-ое есть отвѣтъ на него.

10 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Спасибо тебѣ мой сивый голубе Тарасе, что откликаешься изъ своего захолустья. Конст. Андр. Шрейдерсъ, [1]) спасибо ему, два раза былъ у меня, а завтра поѣду и къ нему съ этимъ письмомъ; съ нимъ посылаю 4 портрета; много есть охотниковъ, желающихъ и молящихъ у меня твоего портрета, и я рѣшаюсь заказать 50 штукъ, чтобы продавать съ барышемъ. Чрезъ недѣлю они будутъ готовы и, сколько получу за нихъ барыша—скажу, а гроши приложу къ имѣемымъ у меня твоимъ. Ты, друже, пожалуйста не сердись на меня за это доброе дѣло не для тебя, а для другихъ: гроши грошима, но главное не слѣ-

---

[1]) Пріятель Шевченка по Нижнему-Новгороду.

дуетъ отказывать въ такой теплой искренней просьбѣ о твоемъ портретѣ всѣмъ душевно тебя любящимъ.

Объ Овсянниковѣ я уже писалъ тебѣ; но послѣ того еще не видѣлся съ нимъ: и ему, и мнѣ некогда, но скоро мы съ нимъ увидимся.—Кажется, я тебѣ уже писалъ, что Кулишъ уѣхалъ заграницу, а если не писалъ, то теперь скажу; онъ уѣхалъ отсюда въ самыя заговины на постъ (2 ч.) въ Малороссію, а оттуда сейчасъ-же черезъ Варшаву въ Брюссель, гдѣ будетъ слушать лекціи въ Университетѣ, послѣ того въ Парижъ и еще кое-куда; думаетъ вернуться въ октябрѣ или ноябрѣ; твоихъ произведеній онъ мнѣ не показывалъ, т. к. я видѣлся съ нимъ наканунѣ отѣзда; у него было уже все уложено. Говорилъ, что тамъ займется всѣмъ и оттуда будетъ писать.

Шекспиръ въ переводѣ Кетчера рѣдокъ и стоитъ не меньше 25 р., а потому до твоего разрѣшенія я не купилъ его. Вовчка опять тебѣ послали (тутъ многіе имъ недовольны и говорили про Кулиша недобре); Беранже въ переводѣ Курочкина (славная вещь), говорятъ, есть у тебя, а повѣсть о временахъ Бориса Годунова и Дмитр. Самозв. (для дѣтей), хоть и Кулиша, да говорятъ, не стоитъ покупать: я не читалъ ее.

Прочитавши все это, скажи, что тебѣ нужно изъ этихъ книгъ, и я сейчасъ вышлю.

Овсянниковъ не былъ еще у графини Настасьи Ивановны; и я давно не былъ у нея; но вчера былъ у меня (при Шрейдерсѣ) одинъ знакомый и спрашивалъ меня отъ графини, когда будетъ у ней Овсянниковъ. Вчера былъ у меня и Семенъ и просилъ кланяться тебѣ; я говорилъ ему, чтобъ самъ написалъ тебѣ, но онъ хоть и обѣщалъ, да едва-ли исполнитъ: лѣнивый. Спасибо тебѣ, ты привиталъ моего брата Якова: онъ не нахвалится тобой, и изъ Вятки уже прислалъ твои письма. Прощай, дорогой, и люби по-прежнему вполнѣ преданнаго къ тебѣ Мих. Лазар.

IX.

9 ое письмо, напечатанное почти цѣликомъ г. Чалымъ въ его статьѣ „Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами“, [1]) перепечатывается теперь нами, какъ виду того, что нѣкоторыя строки въ немъ были пропущены, такъ и для полноты всей этой переписки. Оно находится въ связи съ 14-мъ письмомъ Шевченка (Основа, стр. 17), которое служитъ краткимъ отвѣтомъ на него.

20 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Сегодня графиня прислала ко мнѣ Сѣраковскаго, чтобы я съ Овсянниковымъ пріѣхалъ къ ней. Овсянникова я не засталъ въ квартирѣ и былъ у нея одинъ, а къ Овсянникову сейчасъ послалъ письмо, что графиня ждетъ насъ обоихъ непремѣнно послѣзавтра.

Графиня прислала за мною, чтобы объявить, что по просьбѣ Графа Ѳедора Петровича тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ (подъ надзоромъ полиціи) и подъ руководствомъ графа Ѳ. П. для продолженія изученія живописи при Академіи Художествъ.

Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бы ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно болѣе добра!), и проситъ тебя, чтобы ты поспѣшилъ, а главное, не обижался условіями, потому что это только форма. Она говоритъ, что ты долженъ представиться Президенту (Ея Высочеству) Академіи, что тобою теперь интересуются всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда.

Зная изъ словъ Овсянникова и Шрейдерса, что ты свыкся уже съ Нижнимъ, я не знаю, какъ ты примешь настоящее извѣстіе, но искренно скажу, что я оч. радъ не потому только, (какъ и всѣ, которые знаютъ тебя только по слуху даже), что увижу тебя, но что ты здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе

[1]) Кіев. Стар. 1897 г. № 2, стр. 153.

для себя и другихъ—и въ физич. и въ нравств. отношеніи. Притомъ же, если бы ты послѣ и не захотѣлъ остаться здѣсь, то можешь уѣхать, куда и когда хочешь. А по всему этому и ты долженъ быть радъ дозволенію пріѣхать сюда.

Графъ Ѳ. П. просилъ Ея Высочество, и она докладывала, о чемъ Ѳ. П. третьяго дня получилъ письмо отъ Адлерберга, [1]) который извѣщаетъ, что объ этомъ сообщено Долгорукому, для извѣщенія Нижег. Губ—а. Графиня тебя проситъ не медлить, чтобы застать выставку и скорѣе явиться къ Президенту, чего будто она хочетъ. Поспѣшай же! Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 р. На дорогу станетъ, а то и здѣсь деньги нужны. Пріѣзжай же скорѣе! Наговоримся при свиданіи. Если не сейчасъ выѣдешь, то пиши; пиши и графинѣ и графу. До скораго свиданія.

Весь твой М. Лаз.

Въ случаѣ бы тебѣ не объявили еще объ этомъ оффиціально, то ты держи это въ секретѣ, и никому не разсказуй; такъ просила и графиня,—она боится, чтобъ не выдумали чего.

X.

Это письмо есть отвѣтное на 15-ое Шевченка (Основа, стр. 17), въ которомъ онъ извѣщалъ о своей болѣзни и потому о задержкѣ въ Москвѣ.

16 Марта 1858 г. С.-Петербургъ.

Надняхъ графиня Настасья Ивановна присылала за мною и убѣдительно просила, какъ только ты пріѣдешь—сейчасъ-же дать ей знать и привезть тебя самого. Сегодня я былъ опять у

---

[1]) Управляющій военнымъ министерствомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

нея съ твоимъ письмомъ изъ Москвы: она чрезвычайно жалѣетъ о твоей болѣзни и боится, чтобы Михайло Семеновичъ [1]) не удержалъ тебя въ Москвѣ и на Пасху; она даже сомнѣвается въ твой болѣзни и думаетъ, что ты остался тамъ для Мих. Сем—ча.

Обдѣлалъ я изящно одинъ твой портретъ и поднесъ ей сегодня: она была оч. благодарна и проситъ тебя скорѣе пріѣхать сюда, если можно—къ Праздникамъ. Графа сегодня не видѣлъ, а третьяго дня онъ даже говорилъ, что ждетъ тебя съ удовольствіемъ. Пріѣзжай-же, друже, скорѣе—мы всѣ ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Овсянникова опять не видѣлъ нѣсколько вѣковъ и не знаю, здѣсь-ли онъ; но вчера послалъ ему по городской почтѣ письмо, чтобы онъ непремѣнно заѣхалъ къ тебѣ въ Москвѣ.

Рисунки, если и получу на дняхъ, то едва-ли фотографъ успѣетъ снять съ нихъ копіи къ празднику; впрочемъ, посмотримъ тогда.

Выздоравливай же скорѣе и пріѣзжай сюда; а то ужъ и намъ скучно такъ долго ждать. Прощай и будь здоровъ.

Семенъ и всѣ кланяются.

Тв. М. Лазар.

XI.

Слѣдующее письмо, не датированное въ подлинникѣ, писано въ мартѣ 1858 года, такъ какъ является отвѣтомъ на 16-ое письмо Шевченка (отъ 9 марта), въ которомъ онъ извѣщаетъ, что болѣзнь глазъ задерживаетъ его въ Москвѣ и что раньше свѣтлой недѣли докторъ не позволяетъ ему двинуться въ путь.

Христосъ Воскресе!

Мій дорогій Тарасе! жаль, что твое око наробило такъ погано; а мы ждали тебя сегодня непремѣнно. Пожалуйста не

---

[1]) Щепкинъ.

мѣшкай, когда выздоровѣешь. И третьяго дни, и вчера я былъ у фотографа; онъ говоритъ, что чрезвычайно трудно снять копіи съ твоихъ картинъ, что всѣ черныя мѣста не выходятъ, но обѣщалъ постараться и на дняхъ возвратить. Я ему говорилъ, что если фот. трудно, то пусть и не дѣлаетъ, но онъ непремѣнно хочетъ сдѣлать.

Завтра буду у графа и графини и разузнаю все. Посылаю тебѣ вчера полученное мною письмо страховое.

Третьяго дня я думалъ было махнуть въ Москву и уже было собрался, да обстоятельства измѣнились, и теперь мои дѣла въ такомъ положеніи, что изъ П.-Бурга я не могу выѣхать; впрочемъ м. б. на праздникахъ и удастся; но едва-ли. Поздравляю тебя съ праздниками и желаю тебѣ...

Весь твой Мих.

XII и XIII.

12-е письмо Лазаревскаго, писанное 13 іюня 1859 года, когда Шевченко былъ въ Малороссіи, стоитъ внѣ связи съ напечатанными письмами Шевченка. Что-же касается 13-аго письма, проще сказать записочки, писанной 17-го іюля 1859 г., то она имѣетъ отношеніе къ 17-му письму Шевченка (Основа, стр. 18). Въ виду отсутствія интереса этой записочки, мы не печатаемъ ее, а только указываемъ, что одновременно съ нею было послано письмо какой-то Марьи Александровны, о которой упоминаетъ Шевченко въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

13 іюня 1859. С.П.Б.

На дняхъ былъ у меня Брылкинъ [1]), пріѣхавшій сюда на сутки. Онъ сказалъ, что формовщикъ, которому ты заказалъ для Брылкина двѣ статуи, хоть и сдѣлалъ ихъ, но одну кому-

---

[1]) Управляющій пароходствомъ «Меркурій», въ Астрахани, гдѣ Шевченко впервые съ нимъ познакомился.

то раньше продалъ, а потому онъ самъ уже заказалъ у него-же двѣ статуи и самъ разсчитается съ нимъ. Просилъ тебѣ кланяться низенько. Я передавалъ объ этомъ Честаховскому, который тоже былъ у формовщика и убѣдился, что все это правда. Поэтому я 50 р. не получу отъ Брылкина. Новаго въ Петербургѣ ничего не слышно. Желяховскій [1]) завтра ѣдетъ и кланяется тебѣ.

О кн. Гагаринѣ есть уже въ газетахъ, а о Гр. Ѳ. П. нѣтъ ничего еще.—

Я уѣду, кажется, къ 1 іюля на мѣсяцъ.

Прощай, будь здоровъ и вертайся счастливъ.

Твой Мих.

[1]) Антоній Сава—польскій писатель; Шевченко какъ его, такъ и Сѣраковскаго впервые встрѣтилъ въ Орской Крѣпости.

Памяти В. С. Гнилосырова.

3-го ноября минувшаго года скончался въ г. Каневѣ *Василій Степановичъ Гнилосыровъ.* Совершенно неизвѣстный въ литературѣ подъ этой своей фамиліей и мало выступавшій вообще въ печати подъ своей псевдонимной подписью „*Гавришъ*“, покойный имѣетъ однако всѣ права на то, чтобы имя его было отмѣчено на страницахъ нашей культурной исторіи, если не для отдаленнаго потомства, то хотя бы для современниковъ и ближайшихъ къ нимъ поколѣній. Не говоря уже о тѣхъ симпатичныхъ чертахъ въ характерѣ покойнаго, которыя хорошо были извѣстны лицамъ, близко знавшимъ его; не говоря даже о тѣхъ качествахъ его, которыя, выходя за предѣлы личныхъ отношеній, касались разныхъ сторонъ нашей общественной жизни,—достаточно сказать только о томъ, что В. С. Гнилосыровъ, живя въ Каневѣ съ 1873 года, былъ „вѣрнымъ стражемъ“ могилы Т. Г. Шевченка, постоянно проявляя свою заботливость о сохраненіи ея въ порядкѣ, былъ живой лѣтописью всѣхъ тѣхъ событій, которыя связаны съ вопросомъ о реставраціи этой могилы въ 80-хъ годахъ. Въ этомъ отношеніи имя его хорошо извѣстно многочисленнымъ посѣтителямъ могилы нашего пѣвца Украины, т. к. на вопросъ ихъ о томъ, кто завѣдываетъ могилой, всегда былъ одинъ отвѣтъ—Василій Степановичъ Гнилосыровъ. Вотъ эта-то связь его съ именемъ Шевченка и заставила насъ, по полученіи извѣстія о

смерти его, отложить поминку о немъ до февральской книжки нашего журнала, всегда, въ большей или меньшей степени, удѣляющей мѣсто разнымъ матеріаламъ, имѣющимъ отношеніе къ имени „Кобзаря Украины". И вотъ теперь, въ 40-ую годовщину смерти Шевченка, мы и рѣшаемъ сказать нѣсколько словъ о томъ человѣкѣ, который всю свою сознательную жизнь прожилъ съ беззавѣтной любовью къ родинѣ, такъ чудно воспѣтой „Кобзаремъ", и который закрѣпилъ эту любовь къ ней другою любовью—благоговѣйнымъ отношеніемъ къ памяти того пѣвца, охрана могилы котораго составила одну изъ главныхъ задачъ въ его жизни.

Вас. Степ. Гнилосыровъ родился 21 марта 1836 года и происходилъ изъ мѣщанъ г. Полтавы. Какъ прошли первые годы его дѣтства и ученія, намъ не извѣстно; знаемъ мы только, что по окончаніи средней школы, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ въ концѣ 50-хъ годовъ, гдѣ былъ ученикомъ, между прочимъ знаменитаго впослѣдствіи, но тогда еще молодого адъюнкта А. А. Потебни, съ которымъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его письмо къ намъ въ 1899 году, сопровождавшее рукопись букваря Потебни [1]).

Увлеченный въ тѣ годы широкой волной народничества, В. С. Гнилосыровъ, будучи студентомъ харьковск. университета, предается народному дѣлу, распространяя, между прочимъ, среди сельскаго населенія малорусскія книжечки и преобразивъ себя на нѣкоторое время изъ студента въ „книгоношу", путешествующаго изъ села въ село по ярмаркамъ. Нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ этого періода его жизни можно прочесть въ „Основѣ" 1862 года (№ 9), въ статьѣ „Пять день зъ життя Х—го студента", подписанной А. Гавришъ и разсказы-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г. № 8, приложенія.

вающей о студентѣ X—го университета В. С. Г. (Вас. Степан. Гнилосыровъ), но принадлежащей перу самого Гнилосырова. Помимо очень любопытнаго содержанія этой статьи, дающей рядъ живыхъ картинокъ въ изображеніи опыта торговли по ярмаркамъ малорусскими книгами при исключительной обстановкѣ (торгуетъ интеллигентъ, не скрывающій своего званія),—самый языкъ, которымъ статья написана, методъ разсказа, переполненнаго остроумными замѣчаніями и изреченіями—все такъ живо и своеобразно, что нельзя не увлечься чтеніемъ ея и нельзя сейчасъ-же не узнать въ авторѣ того-же самаго В. С. Гнилосырова съ его острой и оригинальной рѣчью, какого мы знали въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Этимъ увлеченіемъ живой работой для просвѣщенія массъ, должно быть, надо объяснить и тотъ фактъ, что В. С. Гнилосыровъ въ 1861 году, не окончивъ курса, покидаетъ университетъ и держитъ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка, послѣ чего сейчасъ-же получаетъ мѣсто исправляющаго должность учителя того-же предмета въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ. Черезъ два года (въ 1864 году) былъ онъ переведенъ на ту-же должность въ Харьковское уѣздное училище, гдѣ прослужилъ до 1869 года, когда вышелъ въ отставку. Отставка его, вѣроятно, должна быть объясняема тѣмъ, что въ это именно время онъ увлекся организаціей „потребительныхъ обществъ"; по крайней мѣрѣ давніе кіевляне должны помнить его въ 1869 году въ Кіевѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ основанномъ здѣсь потребительномъ обществѣ, сразу вызвавшемъ было большое оживленіе въ публикѣ, но очень скоро, благодаря не совсѣмъ удачно поведеннымъ операціямъ, заглохшемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ прекратившемся. Очевидно, разочаровавшись въ этомъ дѣлѣ, В. С. Гнилосыровъ, въ концѣ 1870 года, вторично поступаетъ на службу учителемъ-же русскаго языка въ Звенигородское двухклассное городское училище, а въ 1873 году получаетъ мѣсто штатнаго смотрителя такого-же училища въ Каневѣ и остается въ этой должности до 1895 года, когда выходитъ въ отставку и остается на жительствѣ въ Каневѣ до самой своей кончины.

Не касаясь его служебной дѣятельности въ роли оффиціальнаго лица, мы считаемъ своимъ долгомъ, зная его за весь періодъ его каневской службы, отмѣтить ту страничку въ его педагогической работѣ, которая выходитъ за предѣлы оффиціальности, а именно—его личныя отношенія къ своимъ ученикамъ. Посѣщая его въ Каневѣ, намъ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ той простоты и сердечности, съ какою онъ обращался къ своимъ питомцамъ, еще учившимся въ школѣ; тутъ не было и тѣни начальническаго тона, не чувствовалось и намека на излюбленную у педагоговъ дѣланность отношеній и оффиціальность разговоровъ,—все было искренно, просто, преисполнено чисто дружескихъ пріемовъ бесѣды старика съ мальчикомъ, при чемъ въ малорусской его рѣчи при этихъ разговорахъ, которая была его второй натурой, слышался всегда тотъ юморъ, безъ котораго нельзя нарисовать себѣ фигуру этого почтеннаго педагога. Еще болѣе сказывалась сердечность его натуры въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сохранялись у него съ бывшими его питомцами: воспитывая въ нихъ съ дѣтства ту любовь къ родному, которая въ теченіе всей жизни была неразлучна съ нимъ самимъ, развивая ихъ въ этомъ направленіи еще въ школѣ, В. С. Гнилосыровъ не разрывалъ съ ними связи и въ дальнѣйшей ихъ жизни, по окончаніи школы. Лично намъ не разъ приходилось вести дѣловыя отношенія съ такими лицами—и всегда по порученію или рекомендаціи Василія Степановича; въ разсказахъ ихъ всегда слышалась та нота особеннаго почтенія къ своему учителю, которая не имѣетъ ничего общаго съ оффиціальностью, а звучитъ чистой лирикой, опирающейся на началахъ дружбы людей, раздѣленныхъ только годами. Для лучшаго освѣщенія этихъ отношеній мы воспользуемся выдержкой изъ письма къ намъ одного изъ бывшихъ учениковъ Василія Степановича, который вскорѣ послѣ смерти его писалъ намъ слѣдующее. — „Юношескій блескъ его глазъ, не смотря на шестидесятилѣтній возрастъ, и образная малорусская рѣчь его, то скрашиваемая своеобразнымъ юморомъ, то оттѣняемая острымъ сарказмомъ, производили симпатичное и надолго со-

храняемое въ памяти впечатлѣніе. А слушателями его была преимущественно та молодежь, которая выходила ежегодно изъ городского училища. Эта молодежь, ищущая на первыхъ порахъ по выходѣ изъ школы нравственной поддержки и помощи въ дальнѣйшемъ образованіи и развитіи, всегда находила такую поддержку въ лицѣ своего бывшаго учителя; если-же кто либо изъ этой молодежи обращалъ на себя особенное вниманіе Василія Степановича своими умственными и нравственными качествами, то послѣдній долгое время относился къ нему съ восхищеніемъ. Нерѣдко случалось, что такая личность, выбившись на самостоятельную дорогу, нравственно опускалась или измѣняла первоначальнымъ своимъ убѣжденіямъ, тѣмъ убѣжденіямъ, которыя служили связующимъ звеномъ между ученикомъ и его бывшимъ учителемъ,—но, не смотря на такія печальныя для Вас. Степ. „оказіи", ему еще долго не хотѣлось вѣрить такой, очевидной уже для другихъ, истинѣ. Такія „оказіи" тяжело ложились ему на душу, и онъ, какъ утопающій, хватался за всякую соломинку, желая оправдать, какъ въ собственномъ мнѣніи, такъ и въ мнѣніи другихъ, своего отщепенца-ученика, доказывая этой чертой своего характера все тотъ-же свой юношескій идеализмъ, не покидавшій его до могилы. Припоминая небольшую статейку покойнаго Вас. Степ. „Пять день зъ життя X—аго студента" и сравнивая мысленно этого молодого студента съ отставнымъ уже учителемъ, черезъ промежутокъ времени около 40 лѣтъ, видишь все того-же молодого душой книгоношу, всю жизнь распространявшаго между молодежью идею народнаго самосознанія, и если слѣдствіемъ такого систематическаго, хотя повидимому и незамѣтнаго, сорокалѣтняго труда оказалось нѣсколько человѣкъ его послѣдователей, то о немъ смѣло можно сказать, что жизнь имъ прожита не даромъ, что у родины смерть отняла добраго ея сына, и что всѣ изъ оставшихся въ живыхъ, знавшихъ болѣе или менѣе близко духовную жизнь покойнаго Василія Степановича, обязаны помянуть его „незлымъ тыхымъ словомъ".

Такими сердечными словами оканчиваетъ свое письмо къ намъ его бывшій ученикъ; этими-же словами могли-бы и мы окончить нашу замѣтку, если бы не чувствовали себя обязанными сказать еще о немъ хоть нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ, связанномъ съ нами единствомъ интересовъ въ нашей спеціальной области. Мы говоримъ о нашемъ журналѣ „Кіевская Старина". Сознавая, что изданіе это должно служить интересамъ дорогой для него родины, Вас. Степан. въ теченіе 19 лѣтъ существованія журнала поддерживалъ съ нимъ духовную связь: всѣ его письма къ кіевскимъ знакомымъ всегда касались вопросовъ, связанныхъ съ журналомъ. Хотя литературное его участіе ограничилось очень немногими страницами, напечатанными у насъ [1]), но это зависѣло отъ того, что жизнь въ захолустномъ городкѣ мало представляетъ удобствъ для литературной работы; между тѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, что Василій Степановичъ все время слѣдилъ за ходомъ развитія и разрѣшенія всякихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурной исторіей дорогой для него Украины, постоянно пріобрѣталъ на свои очень скромныя средства всѣ наиболѣе выдающіяся сочиненія по этимъ вопросамъ и дѣлалъ для себя разнообразныя выписки и замѣтки по поводу ихъ; извѣстно намъ также, что въ его бумагахъ сохраняются многія замѣтки съ воспоминаніями о тѣхъ или другихъ интересныхъ событіяхъ, какъ въ его личной, такъ и общественной жизни. Будемъ надѣяться, что все это не погибнетъ безъ слѣда, и тогда восполнится та литературная роль Василія Степановича, которая, при другихъ обстоятельствахъ личной жизни, несомнѣнно могла бы быть его удѣломъ, принимая во вниманіе его бойкую и умную рѣчь въ минуты оживленія, но которая, такъ сказать, заглохла въ немъ и сдѣлала его при жизни только писателемъ для себя. Считаемъ обязанными сообщить, что вдова покойнаго любезно предоставила намъ право на полученіе всѣхъ этихъ матеріаловъ, съ которыми мы надѣемся познакомить и нашихъ читателей, и тогда

---

[1]) 10-лѣтіе Каневск. публичн. библіот. 1889 г., № 8.

для всѣхъ будетъ видно, что покойный Василій Степановичъ былъ духовнымъ сотрудникомъ нашего журнала, какъ человѣкъ, всецѣло принадлежавшій интересамъ родного края.

Заканчивая нашу поминку о В. С. Гнилосыровѣ, скажемъ обычное малорусское „земля тоби перомъ"! Пусть же тѣло его мирно почиваетъ неподалеку отъ могилы Тараса Шевченка, а духъ его вѣчно будетъ витать подлѣ той самой могилы, вѣрнымъ стражемъ которой онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ!

В. Науменко.

М. Т. Симоновъ (Номисъ).

(*Некрологъ*).

Первую книжку текущаго года намъ пришлось начать печальнымъ извѣщеніемъ о кончинѣ 26 декабря 1900 года хорошо вѣдомаго всей Украинѣ этнографа, беллетриста, педагога и общественнаго дѣятеля, *Матвѣя Терентьевича Симонова*, въ печати выступавшаго подъ псевдонимомъ *М. Номисъ*, что составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*.

Годъ тому назадъ мы закончили печатаніемъ въ приложеніяхъ къ нашему журналу *разсказы* его, помѣщавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ „Русской Бесѣдѣ", „Основѣ", „Черниговскомъ Листкѣ" и альманахѣ „Хата", приложивъ къ нимъ и автобіографическія воспоминанія автора, написанныя спеціально для этого собранія его сочиненій. Ввиду этого, теперь, когда намъ приходится съ горестью печатать поминку объ этомъ почтенномъ нашемъ сотрудникѣ, мы не станемъ повторять болѣе подробныхъ фактовъ изъ его біографіи, а предложимъ читателямъ перечесть вновь его статью „Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній" (Кіев. Стар. 1899 г. № 12), а также его брошюру „Замѣтки къ юбилейной, по случаю 25-тилѣтія Лубенской гимназіи, записки" Кіевъ 1898 г. Мы ограничимся теперь только указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ его жизни, чтобы отчетливѣе обрисовался умственный и нравственный обликъ по-

койнаго. Весьма сожалѣемъ, что не успѣли мы для настоящей книжки журнала изготовить и портретъ М. Т. Симонова, который будетъ приложенъ къ слѣдующему номеру.

М. Т. Симоновъ родился въ 1823 году въ с. Зарогъ, лубенскаго уѣзда, и до 1832 года жилъ и обучался дома, въ зажиточной семьѣ отца. Съ 1832 года онъ поступаетъ въ Лубенское приходское училище, въ которомъ остается 3 года и оттуда, до окончанія училища, въ 1835 году переводится въ Переяславское духовное училище, гдѣ остается до 1840 года, а затѣмъ опредѣляется въ 4-ый классъ гимназіи. По окончаніи гимназіи въ 1844 году, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ, который окончилъ въ 1848 году по словесному факультету. Службу свою началъ онъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподавая русскій языкъ и словесность въ гимназіяхъ нѣжинской и немировской, затѣмъ перемѣнилъ службу и занималъ разныя должности въ государственномъ контролѣ въ С.-Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской и волынской. Когда земство открыло на свои средства мужскую гимназію въ Лубнахъ, М. Т. Симоновъ приглашенъ былъ занять въ ней мѣсто директора. Въ 1877 г. онъ вышелъ въ отставку и немало поработалъ затѣмъ на пользу земскаго дѣла, будучи одно время предсѣдателемъ лубенской земской управы, и, наконецъ, съ осени 1890 г. былъ мировымъ судьей въ Лубенскомъ уѣздѣ и предсѣдателемъ тамошняго мирового съѣзда.

Его личная и служебная дѣятельность прекрасно охарактеризована слѣдующими строками въ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1901 г. № 8). „Покойный принадлежалъ къ числу такихъ выдающихся дѣятелей на общественномъ и государственномъ поприщѣ, которые собственнымъ своимъ примѣромъ вносили въ окружающую ихъ среду, а въ особенности учащуюся—наглядныя понятія о честности, порядкѣ, трудолюбіи и состраданіи къ ближнему. М. Т., проходя свою службу въ указанныхъ выше учрежденіяхъ и въ послѣднее время, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, оставивъ должность миро-

вого судьи, не измѣнялъ ни прекраснымъ наклонностямъ своего сердца, ни простому образу своей жизни: до смерти онъ тратилъ на себя крайне мало, живя въ обыкновенной крестьянской избѣ, и почти весь свой заработокъ отдавалъ нуждающимся. Привыкнувъ къ трудовой, скромной жизни съ юныхъ лѣтъ, и стоя на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности, онъ свободные часы проводилъ за своей излюбленной работой на столярномъ верстакѣ и токарномъ станкѣ, много времени посвящая обращавшимся къ нему за разнообразными совѣтами крестьянамъ, любившимъ его безгранично за его практическія и теоретическія знанія въ разныхъ вопросахъ, такой сложной въ настоящее время, деревенской жизни. Не забывалъ онъ и учившейся у него молодежи, часто являвшейся съ разными вопросами къ своему бывшему директору, „строгому, но справедливому“. Время директорства М. Т. въ Лубенской гимназіи вспоминается бывшими воспитанниками этой гимназіи съ умиленіемъ, благодарностью къ бывшему ихъ директору“.

Чтобы судить, насколько М. Т. Симоновъ былъ преданъ общественнымъ интересамъ и заботился о благѣ родной земли, надо указать на тотъ фактъ, что, продавъ все свое имущество, онъ въ 1895 году подарилъ всѣ свои капиталы (около 50 тысячъ рублей) Полтавскому губернскому земству съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты съ него расходовались на разныя благотворительныя дѣла. Главнымъ изъ нихъ является содержаніе въ родномъ ему селѣ Зарогѣ особаго врача, обязаннаго безвозмездно оказывать медицинское пособіе жителямъ с. Зарога съ хуторами, а также выдавать безплатно лѣкарства.

Но помимо высокихъ качествъ покойнаго, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, онъ, какъ сказано уже, занималъ и въ наукѣ и литературѣ почетное мѣсто, какъ составитель сборника малорусскихъ пословицъ подъ заглавіемъ „Украинськи прыказки, прысливья и таке инше. М. Номисъ“. Не будь ничего больше издано и напечатано М. Номисомъ—и въ такомъ случаѣ имя его сохранилось бы въ потомствѣ, т. к. трудъ этотъ составляетъ

вкладъ въ науку малорусской этнографіи не только по богатству матеріала, но и по способу обработки и систематизаціи, особенно принимая во вниманіе, что работа эта исполнена была около 30 лѣтъ тому назадъ. Но кромѣ этого этнографическаго труда, мы имѣемъ цѣлый рядъ разсказовъ М. Номиса въ беллетристической формѣ, въ которыхъ онъ обнаружилъ себя такимъ знатокомъ старыхъ народно-бытовыхъ чертъ своей родины, что чтеніе ихъ невольно переноситъ васъ въ ту обстановку малорусской жизни, которая теперь уже почти отошла въ область невозвратнаго прошлаго. Достаточно перечесть вновь такіе его разсказы, какъ „Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка", „Риздвяни святки", „Дидъ Мына и баба Мыныха", чтобы почувствовать всю прелесть его простого и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальнаго творчества.

М. Т. Симоновъ скончался въ любимомъ своемъ родномъ городѣ Лубнахъ, гдѣ и похороненъ 29 декабря. Изъ дома до кладбищенской церкви гробъ несли студенты разныхъ университетовъ, бывшіе во время праздниковъ въ Лубнахъ, а въ день погребенія изъ церкви до могилы—учителя гимназіи. На гробъ его возложены были вѣнки: 1) отъ Лубенской гимназіи первому своему директору; 2) отъ Лубенскаго дамскаго благотворительнаго общества; 3) отъ общества вспомоществованія бѣднымъ гимназистамъ; 4) отъ полтавской губернской земской управы; 5) отъ Лубенской уѣздной земской управы; 6) отъ неизвѣстныхъ „Дорогому учителю"; 7) отъ почитателей покойнаго; 8 и 9) сдѣланные руками дѣвушекъ Н. В. и А. С. Время не позволило намъ возложить на гробъ почившаго вѣнокъ отъ имени нашей редакціи, тѣсно связанной съ М. Т. Симоновымъ не только узами частныхъ отношеній, но и единствомъ общихъ интересовъ. Пусть же настоящая поминка будетъ выраженіемъ слабой дани того почтенія, которое мы всегда будемъ питать къ нашему почившему собрату и которое кладетъ на насъ обязательство въ будущемъ дать нашимъ читателямъ болѣе подробную характеристику какъ его личности, такъ и его трудовъ.

В. Н.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. Въ недавно вышедшей во Львовѣ (1900 г.) книгѣ Fr. Rawita-Gawrońskiego „Studya i szkice historyczne. Serya II», среди другихъ очерковъ, почти исключительно касающихся различныхъ малорусскихъ вопросовъ [1]), встрѣчается «*Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki*» (стр. 211—224).

Что-же это за «нѣсколько словъ» и насколько эти «слова» для насъ новы и важны? Послѣдуемъ за авторомъ и разсмотримъ по порядку тѣ новыя данныя и новые выводы, къ которымъ пришелъ авторъ интересующаго насъ очерка.

Дѣло въ томъ, что у автора, въ его рукописномъ собраніи, оказалась одна рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Oblata aktu tradycyjnego na gruncie dóbr wsi Kiryłówki i innych w. Dębowskiemu służącego A⁰ 1779, d. 27 Febr. In Cro Kijoviensi*». Это не что иное, какъ инвентарь с.с. Кирилловки, Педыновки и Козацкой долины (нынѣ с. Козацкое), принадлежавшихъ Ксаверію Любомирскому, полковнику русскихъ войскъ, составленный при передачѣ этихъ маетностей В. Дембовскому. Конечно, въ данномъ случаѣ главный интересъ представляетъ инвентарь с. Кирилловки, мѣста рож-

---

[1]) Здѣсь находятся: Losy wielkiej fortuny na kresach ukrainnych. -Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki.— Prawo bartne XVI w.—Pogląd na historyę rolnictwa w Polsce.—Siabrostwo, jako forma władania ziemią.—Ludowe sądy kupne czyli kopne na Polesiu.—Przygoda jmć. p. Józefa Sieńkiewicza, namiętnika chorągwi tatarskiej.—Ludwika Sniadecka.—

денія поэта. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію данныхъ инвентаря, авторъ намѣренъ сказать нѣсколько словъ о семьѣ Шевченка, «такъ какъ этотъ вопросъ (ta sprawa) и донынѣ не исчерпанъ».

Въ біографіяхъ Шевченка (у Чалаго и у Конисскаго) говорится, что Шевченко имѣлъ двойную фамилію—*Шевченко-Грушевскій*, и что дѣдъ, а можетъ быть—прадѣдъ, Иванъ былъ «швецемъ», откуда и получилъ прозвище «Шевченко». Между тѣмъ оказывается, что въ спискѣ населенія с. Кирилловки *нѣтъ совершенно* фамиліи Грушевскихъ; «ни одинъ изъ прадѣдовъ, и даже дѣдовъ Шевченка не носилъ этой фамиліи». Остается допустить, что это—позднѣйшее, «панщизняное», добавленіе, явившееся по неизвѣстной для насъ причинѣ, и оно-то, собственно, и является прозвищемъ, уличной фамиліей.

Перейдемъ теперь къ названію «Шевченко». Происхожденіе его, какъ нарицательнаго отъ «швецъ», по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣда Шевченка, также не подтверждается. Въ инвентарѣ с. Кирилловки 1779 г. встрѣчается 4 названія одного и того же типа: «Васыль Швець, Андрій Швець, *Оныстратъ Шевченко и вдова Iwania*(!) *Szewczyczuchowa*. Слѣдовательно, фамилія *Шевченко* въ это время уже существовала. Но гдѣ же дѣдъ Шевченка, Иванъ? Такъ какъ его имени не встрѣчается въ инвентарѣ, то авторъ считаетъ возможнымъ допустить «съ полнымъ правдоподобіемъ, что протопластомъ Тараса—дѣдомъ—былъ *Оныстратъ Шевченко*» (?), хотя не исключается возможность родства по прямой линіи съ Iwanią Szewcyczuchową. Между тѣмъ, какъ намъ кажется, эта послѣдняя и есть не кто иная, какъ жена дѣда Шевченка, Ивана: на это указываетъ и несуществующее въ Малороссіи имя «Iwania», означающая просто—«жену Ивана» (Иваныху), и, еще болѣе, самая фамилія, образованная въ польскомъ духѣ—на «owa»: очевидно, она по смерти мужа оказалась «*Шевченчыха*» или «Шевчыха», а при записи полякомъ въ реестръ обратилось въ «*Шевчычухова*».

Слѣдующій затѣмъ спорный вопросъ—мѣсто жительства родителей Шевченка. Чалый въ своемъ трудѣ говоритъ, что отецъ Шевченка «переселился въ Моринцы», а Конисскій—«перешелъ на жительство», а въ 1816 г. снова возвратился въ Кирилловку. Авторъ нашего очерка не допускаетъ возможности послѣдняго (первое, само собою, не правильно) въ виду строгости административныхъ поряд-

ковъ того времени: можно было бѣжать, быть проданнымъ въ другое село, но добровольное переселеніе—не мыслимо...

Но въ данномъ случаѣ и Кирилловка, и Моринцы принадлежали одному и тому же владѣльцу,—слѣдовательно, послѣдній ничего не потерялъ бы, если бы его подданный, по извѣстнымъ соображеніямъ и на извѣстныхъ условіяхъ перешелъ на новое жительство въ его же владѣніяхъ. Впрочемъ, мы не настаиваемъ на своемъ утвержденіи, а лишь указываемъ на возможность и такого рѣшенія вопроса.

Какъ же авторъ объясняетъ путаницу въ данномъ вопросѣ? «Мать Шевченка была родомъ изъ с. Моринецъ, а отецъ былъ *не швецомъ и не плотникомъ*, но, какъ видимъ изъ упомянутаго инвентаря, землепашцемъ с. Кирилловки» (но могъ бы быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ?). «Произошла обычная исторія: мать Шевченка, чувствуя приближеніе родовъ, захотѣла отбыть ихъ у родителей —отбыла, дитя окрестила у родителей и вернулась къ мужу и хозяйству».

Прекрасно... Но почему же въ метрической книгѣ с. Моринецъ, гдѣ записанъ актъ о рожденіи и крещеніи Тараса Шевченка, сказано: «у *жителя с. Моринецъ* Григорія Шевченка а жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексѣй Базаринскій. Воспріемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, *житель Моринскій*» [1]. —Или предположить, что священникъ допустилъ вольную или невольную ошибку? Однако мы и на этомъ не будемъ настаивать—вопросъ этотъ пока еще открытый.

Перейдемъ далѣе,—къ вопросу о зажиточности семьи Шевченка. Это наиболѣе оригинальная и наименѣе обоснованная часть въ его очеркѣ. Взявъ за основаніе слова поэта въ одномъ изъ его произведеній на великорусскомъ языкѣ: «Передо мною наша бѣдная, старая бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенной крышей и черпымъ «дымаремъ», а около хаты на „причилку“, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры... За вербою клуня, а за клуней... „левада“,—авторъ съ достаточной наивностью утверждаетъ: «тамъ въ серьезъ о нуждѣ не могло быть и рѣчи, гдѣ лелѣютъ сады съ цвѣтами (но вѣдь этотъ маленькій цвѣтникъ—отъ собственныхъ трудовъ сестры Тараса?), гдѣ есть хорошія (?) хозяйственныя постройки (?) (клуня), гдѣ есть садъ у хаты, за садомъ огромное (?) паст-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1891, № 2, стр. 315.

бище (левада)». Вообще же, по словамъ автора, причина изображенія въ мрачныхъ краскахъ жизни Шевченка какъ у біографовъ, такъ и у самого поэта, вызвана *«недоразумѣніемъ между простотой, нетребовательностью жизни и обычаевъ того времени и привычками и потребностями псевдо-цивилизаціонными»* (!!)

Наивность ли это, или что-либо большее?

Чтобы обосновать фактически свои утвержденія о зажиточности родителей Шевченка, авторъ ссылается на инвентарь с. Кирилловки 1780 г. (т. е. за 34 года до рожденія послѣдняго!) и находитъ тамъ, что и Iwaпia Шевчычуха и Оныстратъ Шевченко принадлежали къ наиболѣе богатымъ семьямъ, ибо первая платила чиншу 16 зл., а второй 32, и что въ то время вообще *панщины*, въ смыслѣ земельной повинности, *въ Кирилловкѣ не существовало*; что подати были очень малы и т. п. (стр. 221), а между тѣмъ раньше (стр. 220) одно лишь перечисленіе всевозможныхъ повинностей и платежей заняло чуть ли не полъ-страницы. Да и самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 221), говоря о притѣсненіяхъ Любомірскаго, приводитъ свидѣтельство крестьянъ с. Кирилловки, что «дольше они поставлять подводы не будутъ въ состояніи»; «но это,—замѣчаетъ авторъ,—«была причина вовсе не экономическая, но попросту *злоупотребленіе*»!

Таковы новыя данныя о Шевченкѣ, найденныя нами въ очеркѣ г. Равиты-Гавронскаго. Въ сущности, новаго дано очень мало, но за то много раздраженія по адресу «lekkomyślnie operujących słowami biografów», по адресу «школы хлопомановъ и позднѣйшихъ ихъ поколѣній», безъ котораго, повидимому, означенный очеркъ ничего бы не потерялъ, а только лишь выигралъ.

В. Д.

Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ.

Печатаемое ниже письмо проф. харьковскаго университета Амвросія Лукьяновича Метлинскаго къ Н. И. Костомарову получено было въ Кіевѣ уже послѣ ареста Костомарова, обвиненнаго въ принадлежности къ славянскому кирилло-меѳодіевскому обществу. Съ Метлинскимъ Костомаровъ сблизился еще въ Харьковѣ. У пріятелей явилась мысль издавать сельское чтеніе для простого народа на малорус-

скомъ языкѣ; предполагалось, между прочимъ, переводить статьи изъ «Сельскаго Чтенія» кн. Одоевскаго. Костомаровъ писалъ объ этомъ Метлинскому, предлагалъ подыскать сотрудниковъ и жертвователей и разработать программу изданія для представленія властямъ на утвержденіе; предполагалось просить содѣйствія Министерства Госуд. Имуществъ въ дѣлѣ распространенія изданія между простымъ народомъ. Метлинскій въ письмахъ Костомарову усердно разсматривалъ вопросъ о правописаніи для малорусскихъ сочиненій; К. относился къ этому нѣсколько скептически; М. доказывалъ важность вопроса. При этомъ попутно поднимались вопросы объ исторіи малорусскаго дворянства, о поддержаніи народности и пр. Дѣло о кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ, какъ извѣстно, окончилось печально для обвиняемыхъ, и издательское общество, организаціи котораго посвящено письмо Метлинскаго, не могло осуществиться въ то время. Сколько извѣстно, Метлинскій не былъ привлеченъ къ дѣлу, продолжалъ безпрепятственно свою преподавательскую дѣятельность въ харьковскомъ и кіевскомъ университетахъ до 1858 г. Въ 1854 г. онъ напечаталъ «Народныя южнорусскія пѣсни», создавшія ему почетное имя въ литературѣ.

Копія настоящаго письма отыскалась въ бумагахъ покойнаго Н. А. Ригельмана, любезно переданныхъ въ редакцію сыномъ его.

«Харьковъ при католической церкви. 28 марта 1847. Коханый ты мій Миколо! Давненько таки ты не калякавъ еси зо мною. Та силькись! Я не такій мудрый чоловѣкъ, щобъ и тобѣ оддячити за се довгою мовчанкою. Такъ почнемо на мову твою до мене де що казати. Саме важнѣйше зъ усего того, що ты до мене пишешъ, конечне е те за для тебе, що женишся: се змѣна въ житьтю чоловѣка на цѣлый вѣкъ и змѣна безпремѣнна для всѣхъ, окроме деякихъ людей, которыхъ небагато. Бажаю тобѣ зъ будущею жинкою, зъ твоею матерью, зъ усимъ родомъ доброго житьтя отъ Господа Бога, а далѣ здоровья и всякого другого счастя, бо теперь усе для васъ обще и одинъ безъ другого стало буть ничого не матимете. А я для тебе останусь также риднымъ, якъ бувъ и попереду, бо не маю и не матиму семьи, племени и роду особливого: такъ пишло житьтя мое, а може й не безъ Божого попущенія.

Панъ П. П. Артемовскій Гулакъ иногда хвораетъ, а дѣла не покидае: пагадать хочъ про адъюнктство я не мавъ случаю та и не знаю, чи послужило бъ до того. Коли хочъ, напиши до его. Письмо

твое дійшло до мене на страстній недѣли. Чувъ одъ Сементовскаго, що и винъ одъ тебе получивъ. Я не думаю, якъ ты писавъ и пишешъ, щобъ война за правописаніе була задаромъ: бо писаньня и вымова—знамя характера и существа народности. А що таке война за дворянство, не вѣдаю, а равно и що зъ того буде. Я предлагавъ, окромѣ правописанія, змѣну книжокъ и проче, и ничого на те не чую. Писавъ недавно до Срезневского, якій видно дуже... занявся, що тильки до родычивъ пише. Почувъ недавно, що Кулѣшъ за границею, а Шевченко зязнався зъ чарочками (шкода!). Чи не багато, пане брате, замышляешъ? купуешъ имѣніе: гляди, щобъ не *процѣстить*(?) [1]) грошей задаромъ! [2])

Кулѣшъ просивъ збирать пидписку *на чорную раду на малороске* [3]); почавъ було збирать, а тіи рады немае! Писавъ еси про Хмельницкого: розпитувався, а про Хмельницкого нечути! Задумали есте изданьня для простого народу: чого бъ, кажу, лучше. Почавъ було и самъ я приглашать декого писати що можна для того благого дѣла изъ людей, знающихъ науку добре... такъ ни бо! Вже... щось инше! Хто жъ звѣриться на насъ, якъ буде на тыждень симъ пьятницъ?

Общества для печатанія не гудю, только нужно его утвердити гараздъ, а то нихто не пристане изъ посторонныхъ, а колы мало буде, то выйде изъ усего пшыкъ! Совѣстно и казать (хоча казавъ), бо не вѣдаешъ, що одвѣтить на деяки необходими вопросы. Моя рада (и до нее приставъ бы де хто): збирается сумма (безъ всякаго *общества... См. сводъ угол. зак.)* для пособія при изданіи сочиненій, имѣющихъ предметомъ Южную Русь по языку и содержанію или принадлежащихъ южному краю Россіи въ этихъ отношеніяхъ и имѣющихъ цѣлію содѣйствовать так. обр. познанію своего отечественнаго и противодѣйствуя распространеніи чужеземныхъ, несвоѣственныхъ духу и почвѣ народа мечтаній (еще что нибудь о народности, неразрывно связанной съ правосл. и самодерж.), послѣдуя примѣру Географическаго общества и тому подобное (ты понимаешь, что надобно оставлять что-нибудь и для размышленія читателю и

---

[1]) Очевидно въ копіи слово исковеркано: вѣроятно—*запропастить*

[2]) Н. И. Костомаровъ дѣйствительно думалъ было купить небольшое имѣніе въ Кіевщинѣ, но затѣмъ отказался отъ этого плана.

[3]) Вѣроятно—*по-малорусски*.

соблюдать не только раціональныя, но и оффиціальныя формы). Подписчикъ вноситъ 10 или 15 р. сер. *единовременно* (кто хочетъ, пожалуй и больше: тѣмъ лучше!). Капиталъ кладется въ Приказъ общественнаго призрѣнія въ Кіевѣ и Харьковѣ (для избѣжанія издержекъ при пересылкахъ), съ тѣмъ, чтобы проценты ежегодно выдавались въ Кіевскія или Харьковскія типографіи за напечатаніе упомянутыхъ сочиненій. Сочиненія должны быть одобрены, по крайней мѣрѣ, тремя изъ подписчиковъ, доказавшихъ свое знаніе языка и края, или избранными отъ прочихъ подписчиковъ. Подписчики получаютъ проценты (даже 10-й) на свою сумму книгами, изданными (ничего не теряютъ), а сверхъ того напечатанные экземпляры предоставляются автору въ пользу и распоряженіе (подписчики постоянные могутъ и должны бы помогать также сбыту).—Я надѣюсь быть лѣтомъ въ Кіевѣ. Если общество рѣшится на что-нибудь подобное, взнеси за меня: или отдамъ лично, или пришлю деньги, ежели дѣло состоится и найду участниковъ, а не то, буду подписчикомъ на Шевченка и хорошія сочиненія.

Кланяюсь панови Шевченкови и посылаю подарунокъ [1]). Де винъ буває, Богъ его знае: перешли до его. Извѣсти, коли кому изъ щирыхъ знадобится моя книжка: багатому за гроши, а бѣдному за спасибо: идучи у Кіевъ, буде случай передать. Тутъ начинають багато де хто говорить, а у мене есть довольно и писаного, бильше чудного и, особливо по языку, дуже доброго. Якъ бы составився капиталъ, то навѣки нашлась бы дорога для слова и дарованія: уже на 300 единовр. пожертвованій можно бы мати проценты для невеличкои книжечки, а що бильше, то лучче для кожного, и потому було бъ выгодно для кожного шукать пристаючихъ до сего дѣла.— Програму въ такомъ родѣ, какъ я отчасти накинувъ, треба бъ напечатать и роздать ревнителямъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ (печатное много значитъ!) Существо дѣла, напр., что печатать на южномъ языкѣ, подразумѣвать и кому слѣдуе объявить и соблюдать; въ печатной же программѣ нечего входить въ *мелочи* и *подробности*; они должны быть приняты *tacite*. Я готовъ бы може пристать и до вашого плану; но ты ничого про се опять не пишешъ и до

[1]) Къ письму приложено стихотвореніе Владиміра Александрова «До Т. Шевченка»: «Брате—голубе Тарасе! Счастливый ты въ Бога: Богъ давъ тоби слезы й слово—Спивай яко мога» и пр.

Сементовского. Да и какъ, опять, просить давать сочиненія *безмездно* кого нибудь? Свое готовъ бы, но чужое просить совѣстно. Но повторяю, чтобъ дѣлу доброму не помѣшать, на первый разъ 10 р. за мною, а дальшѣ побачемо, якъ Богъ дасть».

Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. Письмо это, не датированное временемъ и мѣстомъ, касается какого-то произведенія Шевченка, которое В. В. Тарновскій, извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ,[1]) совѣтуетъ даже сжечь. Неизвѣстно, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь, но судя по тону письма, вѣроятно объ одной изъ повѣстей его на русскомъ книжномъ языкѣ, такъ-какъ совѣты, подобные даваемому В. В. Тарновскимъ, часто слышались отъ разныхъ лицъ по адресу его русскихъ повѣстей, какъ напр. въ 1858 г. отъ П. Кулиша и С. Аксакова.

«Когда Вы разсказывали мнѣ, милый другъ, Тарасъ Григорьевичъ, содержаніе сочиненія Вашего, я со всею откровенностію выразилъ Вамъ мою мысль о главномъ недостаткѣ его и догадывался, что оно не удастся и въ исполненіи... Теперь я убѣдился, что самый высокій талантъ падаетъ, когда избираетъ ложный путь: исполненіе ниже Вашего таланта.—Умоляю Васъ, сожгите Вашу рукопись. Горько намъ было бы, если бы мимолетное заблужденіе положило пятно на Вашу славу и вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашу народную литературу.—Простите мою искренность, она внушена глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ и любовью къ Вамъ и народу.

Вашъ искренній другъ В. Тарновскій.

Вѣнчаніе вокругъ „дижи“. (*Случай двукратнаго вѣнчанія одной и той же четы).* Въ концѣ 20-хъ гг. XIX ст. въ с. Колодистомъ, Звенигородск. у., появился, какъ кажется изъ Черкасскаго уѣзда, нѣкій, преклонныхъ лѣтъ священникъ Левицкій,—„дывій пипъ“ Появленіе его въ означенномъ мѣстѣ вызвано было двумя причинами: съ одной стороны, дочь его, вдовая матушка, вышла замужъ за одного изъ богачей с. Колодистаго—крестьянина Павла Зарембу; а съ другой—батюшка, не вѣдомо за какія прегрѣшенія, находился „на запрещеніи“. Явив-

---

[1]) См. о немъ Кіевск. Стар. 1898 г. № 4.

шись въ село, гдѣ въ то время священствовалъ Маркіянъ Доманицкій, и, не имѣя никакого занятія, священникъ Левицкій придумалъ оригинальный способъ конкуренціи съ мѣстнымъ настоятелемъ: сталъ вѣнчать по дешевымъ цѣнамъ и при томъ упрощеннымъ способомъ. Похитивши заблаговременно на клиросѣ въ церкви требникъ, о. Левицкій, гдѣ-нибудь въ коморѣ, или въ хатѣ, ставилъ брачущихся въ парѣ, читалъ надъ ними изъ требника соотвѣтствующія молитвы и, при пѣніи «Исаія ликуй», обводилъ ихъ трижди вокругъ *„дижи“*. На этомъ обрядъ и прекращался. Если же почему-либо о. Левицкому не удавалось заблаговременно припрятать требникъ, тогда онъ читалъ различныя молитвы на память, какія только приходили ему въ голову, при чемъ фантазія играла не послѣднюю роль. Слава о немъ, какъ о священникѣ, который вѣнчаетъ безъ всякихъ формальностей, прогремѣла далеко. Къ нему начали съѣзжаться крестьяне и мелкіе панки изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Звенигородщины и Уманщины, и Херсонской губерніи—всѣ, у кого являлись затрудненія въ смыслѣ паспорта или близкой степени родства. Дошло даже до того, что Колодистскіе парафіане совершенно перестали вѣнчаться въ церкви у своего настоятеля.[1]) И не одну пару, да и не одинъ десятокъ, повѣнчалъ о. Левицкій упрощеннымъ способомъ; а тѣ и не подозрѣвали, что ихъ брачные союзы, освященные благословеніемъ священника „не законны...“

Между тѣмъ прошло почти двадцать лѣтъ. Одни изъ обвѣнчанныхъ о. Левицкимъ умерли (мы разумѣемъ только Колодистскихъ), другіе разошлись по бѣлу свѣту, немногіе остались въ живыхъ; умеръ уже и мѣстный священникъ, при которомъ совершалъ вѣнчанія о. Левицкій,—Маркіянъ Доманицкій, а на его мѣсто поступилъ сынъ его Михаилъ. Какъ вдругъ откуда-то дошла вѣсть до консисторіи (почти черезъ двадцать лѣтъ!) о «неблагополучіи» въ с. Колодистомъ. Докладываютъ архіерею, архіерей велитъ изготовить указъ, по которому всѣхъ лицъ, обвѣнчанныхъ незаконно свящ. Левицкимъ, предписывается немедленно обвѣнчать *„повторяемымъ бракомъ“*. Ко времени

---

[1]) Любопытную картину представляютъ записи метрическихъ книгъ того времени. Въ отдѣлѣ о брачующихся, число состоявшихся браковъ въ г.г. 1824—1826 и 1829—1837 въ среднемъ даетъ цифру 12, не понижаясь за 8 и не повышаясь за 17. Между тѣмъ въ годы пребыванія свящ. Левицкаго—1827—1828—оказывается: въ 1827—3, а въ 1828 -1.

полученія указа, въ нач. 1846 г., въ с. Колодистомъ оказалась, кажется, только одна чета, подлежащая „повторяемому браку". Это были: казенный крестьянинъ Яковъ Матвѣевъ Заверуха, *67* лѣтъ, и жена его — Евфросинія Ивановна—*56 л.*[1])

Трудно вообразить себѣ, какія чувства испытывали престарѣлые новобрачные, потребованные къ вѣнцу послѣ почти двадцатилѣтней совмѣстной семейной жизни, имѣвшіе уже взрослыхъ дѣтей,—и теперь эти послѣдніе оказываются какъ будто незаконными![2])

Обвѣнчанная наново чета еще не скоро отошла въ иной міръ. Мужъ умеръ спустя девять лѣтъ (въ 1855 г.), а женѣ суждено было существовать еще цѣлыхъ 28 лѣтъ.

Собщилъ **В. Доманицкій**.

Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей. *Письмо гетмана Разумовскаго къ кіевскому митрополиту о томъ, чтобы Максаковскій игуменъ и другія духовныя власти не брали платы на паромныхъ перевозахъ.* «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ митрополитъ Кіевскій, намъ въ Духу Святомъ отецъ пастиръ. Умершого судіи генералного Лисенка жена, чрезъ поданное свое прошеніе, донесла намъ, что ігуменъ епархіи Кіевской, монастира Максаковскаго Митрофанъ Горленко, прошлого юня, первихъ чиселъ, у отправленнихъ отъ еи судіиной подданнихъ, въ еи маетность, съ трема куфами простого вина, едну куфу, за неуплатку перевозного, заграбилъ былъ, и по тѣ поры въ монастырѣ содержалъ, пока требуемого платежа неуплачено. Да и въ прошломъ де мѣсяцѣ сентябрѣ онъ же, игуменъ, въ ѣдущихъ же къ ней судіиной съ естними и другимы домовимы припасы, подданнихъ же, заграбилъ же до нѣсколко десять локоть свитного сукна, которое де хотя на еи судіиной прошеніе и возвратилъ, толко къ ней, судіиной, писалъ, дабы отъ неи подданнимъ было притверждено, чтобъ подданніе еи, переезжаючіе чрезъ Максаковскій паромъ, платились, и иросила въ томъ нашего разсмотренія. И хотя намъ еще неизвѣстно по какимъ крѣпостямъ оной Максаковскій монастыръ то перевозное збѣраетъ и должно-лъ собѣрать ему, и какой-

---

[1]) По слухамъ, всѣхъ «перевѣнчанныхъ» было паръ десять. Но въ Метрич. книгахъ мы нигдѣ не нашли подтвержденія этого.

[2]) Кромѣ этихъ дѣтей, у Якова Заверухи были еще другіе дѣти отъ первой жены, большею частію уже пристроенныя.

платежъ съ купечества?—О томъ впредь надлежащіе справки учинены будутъ. Нынѣ же, яко изъ вышеписанного доношенія оказуется, что на ономъ перевозѣ и із подданнихъ владѣлческихъ не ради купечества, но точію зъ припасами владѣлческими изъ одной въ другую деревню переезжаючихъ, требуется платежа. А уповаю, что вашему преосвященству не безъизвѣстно о состоявшихся указахъ за жизнь блаженнія и вѣчнодостойнія памяти государини императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году, августа въ 8 д., имянномъ, за подписаніемъ собственнія ея импер. величества руки, въ коемъ между протчимъ повелѣно: на мостахъ, на гребляхъ и на перевозахъ—зъ генералной старшины, полковниковъ и съ полковой старшины, сотниковъ и протчихъ чиновниковъ, такожъ и зъ козаковъ зъ доношеніями въ Глуховъ и въ протчіе мѣста посилаемихъ, да и съ подданнихъ старшинскихъ и полковничихъ и протчихъ чиновниковъ—съ естними и питейними припаси въ Глуховъ къ нимъ едучихъ а із Глухова возвращающихся—никакого платежа не брать, по прежнему ихъ обикновенію, 2) Правительствующаго сената въ 746-мъ годѣ, генваря 20 д., съ темъ повелѣніемъ, даби со всякихъ служивихъ людей, козаковъ, духовенства и посполства, переезжаючихъ не ради своего купечества,—мостового, погребелного и перевозного отнюдь не брать, подъ взятіемъ неопустного штрафа. Того ради, ваше преосвященство, соблаговолѣте, какъ къ оному ігумену Максаковскому, такъ и къ другимъ духовнимъ властямъ, у коихъ въ Малой Россіи такіе жъ перевози имѣются, чтобъ на оnихъ зъ козаковъ и посполства, переезжаючихъ не ради купечества, никакого платежа не взимано и не требовано накрепко предложить, а отъ насъ къ полковнику Чернѣговскому, чтобъ онъ наблюдать приказалъ, даби въ силѣ предписанних указовъ на томъ Моксаковскомъ и другихъ перевозахъ никакого платежа зъ козаковъ и посполства, не за купечествомъ едучихъ, отнюдь не взимано, предложено.

Вашего преосвященства *послушнѣйшій слуга Графъ К. Разумовскій.* [1])

751 году, ноября 5 дня. № 2513».

(Съ подлинника).

---

[1]) Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно граф. К. Разумовскимъ.

Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII вѣка. Сложившіяся тяжелыя условія общественной жизни для крестьянъ и козаковъ въ гетманщинѣ—заставляли ихъ,—уже съ первыхъ десятилѣтій XVIII в.,—покидать родину и уходить въ невѣдомыя мѣста для отысканія лучшихъ условій быта. По свѣдѣнію Якова Марковича, уже въ 1741 г. «мужики» Лубенскаго полка «записывались въ Оренбургъ»-.. (II, 139). А вотъ любопытное свѣдѣніе о переселеніи гетманцевъ въ Тамбовскій край въ 1751 г., сообщаемое И. И. Дубасовымъ въ его интересныхъ разсказахъ „Изъ Тамбовскихъ былей".

„Въ 60-хъ годахъ прошлого вѣка у насъ все еще совершалась первобытная колонизація. Шли къ намъ цѣлыми сотнями-таборами и малороссы. Они обыкновенно «осаживались» на свободныхъ земляхъ крупныхъ тамбовскихъ помѣщиковъ и обязывались платить за это владѣльцамъ «чиншовой сборъ». Такъ, въ 1751 г. малороссы, подъ начальствомъ Якова Гуца, поселились на землѣ Нарышкиныхъ, въ Шацкомъ уѣздѣ. и основали село Новодмитріевское, Еланъ тожъ. Мало-по-малу колонія размножилась и усилилась вслѣдстіе естественнаго размноженія и новыхъ переселеній. Тогда Еланцы, по старокозацкому обычаю, задумали присвоить себѣ новоселитьбенныя земли. Они собрались «со всей слободы до единаго человѣка, вооруженные пришли въ домъ Нарышкинскаго управляющаго Небольсина и отняли у него Нарышкинскую казну. А затѣмъ торжественно и самоуправно объявили сами себѣ, что занятая ими земля не Нарышкинская, а казенная.»

«Иные ихъ земляки поступали гораздо хуже. Въ 1760 г. Малороссійскій таборъ, человѣкъ въ 500 и больше, самовольно поселился въ «Чураевскомъ бору», близъ р. Выши, раздѣлился на „курени" и безпечно зажилъ козацкою жизнію. Чураевскіе козаки въ своемъ глухомъ лѣсу выбрали поляну въ нѣсколько верстъ и поставили «многія избы» и «вырыли многія землянки». Чѣмъ жили они, мы не знаемъ. Вѣроятно, про это знали лучше ихъ сосѣди и г. г. проѣзжающіе... Шацкія власти приступили къ упорядоченію Чураевскихъ самовольниковъ только въ 1771 г....» (*Русск. Арх.* 1900, № 3, *стр.* 427).

Это было *свободное* переселеніе на востокъ. *Несвободныя* переселеніи крестьянъ, изъ Малороссіи, туда—случались нерѣдко въ XIX в. Объ одномъ изъ нихъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія г. Влад. Короленко въ разсказѣ о переселеніи гр. Ал. Кир. Разумовскимъ, (бывшимъ м—ромъ нар. просвѣщенія) своихъ крестьянъ въ Лукьяновскій уѣздъ,

Нижегор. губ., (Русск. Вѣд. 1892 г., № 319 и Русск. Богатство 1893 г., № 7, стр. 170).

Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. Объ этомъ народномъ волненіи имѣется уже нѣсколько свѣдѣній (см. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 483). Приводимъ еще одно.

«Року 1687, мця октоврия 20 дня. На ратушу нашомъ Гадяцкомъ, предо мъною Іваномъ Озерянскимъ, на сей часъ сотникомъ Гадяцкимъ, Өеωдоромъ Донъцемъ, атаманомъ городовимъ, при бытности значного товариства войскового, пана Тишъка Подлѣсного, пна Еухима Вечюрки, Кирила Мартиновича, Жадка Стефановича, Өеодора Бруховецкого, Криштопа Вѣлъчинъского, городничого Гадяцкого, а из майстрату Гадяцкого: Романа Михайловича, войта, Ігната Василевича, Івана Тимошенька, бурмистровъ Гадяцкихъ. Станувши персоналѣтеръ Паско Степаненко і Гарасимъ Паниченко, жители Лютенъские, поручилися за трохъ чоловѣка, втожъ жителей Лютенъскихъ, іминно: за Паска Бойченка, Матвѣя Кубѣтенъка и за Куця Колесника, а то таковимъ способомъ, ижъ онне мененъние Паско Бойченко, Матвѣй Кубѣтенко і Куцъ Колесникъ розъшарпали худобу его мл͠сти пана Михайла Буроховича, полковника войска ихъ црского пресвѣтлого величества Запорозского Гадяцкого, подчасъ тяхъ нещасливихъ рабунъковъ; теди такъ тие поручники Паско Степаненко і Гарасимъ Паниченко дали на себе таковий вирокъ, мовлячи такъ: если би которий колвекъ мѣвъ ухилитись с тихъ то рабовниковъ, мы повинъни за той ихъ вистунокъ, яко поручники, во всемъ що ни шкодуетъ его млть панъ полковникъ нашъ Гадяцкый—сами все тое слушне нагородити мы мѣемъ, що втожъ мы вишънаписаний урядъ оную поруку записавши, его милосты пану Михайлу Боруховичу, полковникови своему, при звиклой печати наши майстратовой казалисмо видати.

Писанъ на ратуши нашомъ Гадяцкомъ, року и дня вишписаного. М. П.

Року 1688, мца февруария 18 д., данъ термѣнъ з суду Паску Степаненку и Гарасиму Паниченку і назначено до середопуста на постановлене передъ судомъ Паска Бойченка, а ежели не поставятъ

на мененованый тэрмѣнъ передъ судомъ, теды всю шкоду одъ Паска учиненую, оны поручники, заплатити маютъ тисячу золотыхъ пану полк(овникови). Захария Шыйкевичъ». (*Съ подлинника*).

Походное вооруженіе гетманскаго козака въ 1735 г. видно изъ слѣд. „вѣдомости“, представленной Топальскимъ сотникомъ въ „полковую Стародубскую канцелярію“—„коликое число сотнѣ Топалской козаковъ въ походъ откомандировано и что въ нихъ имѣется оружія и оружейныхъ припасовъ“.

— Григорій Кириановъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ полтретя ($2^1/_2$), куль 50.

— Савка Махоринъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунт. 2, куль 70.

— Николай Гракъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ 2, куль 50.

— Мойсей Розувановъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ 2, куль 100.

— Артемъ Хаменокъ имѣетъ мушкетъ, шаблю т списъ, пороку фунтовъ 3, куль 100. И т. д.

Всѣхъ перечислено 14 козаковъ.

«На сей вѣдомости подписались: Сотникъ наказный Топалскій Михайло Янджулъ. За хоружого правящый Гаврилъ Бочокъ. Писаръ сотнѣ Топалской Хрисанеъ Околовичъ». (*Съ подлинника*).

Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи. Въ 1882 г. была издана очень интересная книжка Н. В. Слюнинымъ— „Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи“, (СПБ. 8⁰, 91 стр.) въ приложеніи къ которой помѣщенъ указатель *газетныхъ статей* по народному самоврачеванію. Изъ этого указатель перечисляемъ статьи, относящіяся къ Малороссіи.

1861 г. Кіевскій Телеграфъ, № 50.—1863 г. Харьковскія губ. вѣдомости, № 22 —1867 г. Кіевск. губ. вѣд., №№ 2—15. Кіевлянинъ, №№ 82—89.—1868 г. Кіевск. телеграфъ, №№ 56 —57—1875 г. Кіевск. Губ. Вѣд., № 7.

Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г. (*Къ характеристикѣ Мазепы*). Въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ б—ку университета св. Владиміра изъ собранія М. О. Судьенка, находятся, между прочимъ, слѣдующіе два универсала, *въ подлинникахъ*.

I. „Іоанъ Мазепа, гетманъ зъ войскомъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорозкимъ.

Пану полковникови Стародубовскому, зо всею его полковою старшиною, также сотникомъ, атаманомъ и всѣмъ обывателемъ тамошнимъ, ознаймуемъ, ижъ зъ певныхъ респектовъ и причынъ надаемъ в завѣдоване и в уживане, до ласки нашой войсковой, селце Спимъ прозиваемое п. Спиридонови, обывателеви Стародубскому. Вѣдаючи теди о таковой нашой волѣ, абы ему, помененному Спиридонови в лерженю того пречоного села и в отбираню з него отъ тяглыхъ людей (опрочъ козаковъ) всякого послушенства, не важился якъ самъ панъ полковникъ Стародубовский, такъ и нѣхто зъ обывателей тамошнихъ жадной и наименшой чинити перешкоды, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ. З Батурина, 26 мая, 1688. Звишъменованъный гетманъ рукою власною".

II. „Іоанъ Мазепа, гетманъ зъ войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величаства Запорозкимъ.

Вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писанемъ кождому, кому бы о томъ вѣдати належало, меновите пану полковникове войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого Стародубовскому, обозному, судии, асаулови, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому полку тамошнего товариству, ижъ по указу великихъ государей нашихъ, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государинѣ и благовѣрной царевни и великой княжны Софии Алексѣевни, всея Великія и Малия и Бѣлия России самодержцовъ, кгды мы справуемъ въ Малоросийскихъ городахъ належитий порядокъ, уступивъ доброволне учтивий панъ Ісаакъ Ярмоловичъ Деревянка такъ уряду войтовства Стародубовского, яко и села Озаричъ [1]), на тоть же урядъ идучого, а на тое мѣстце отъ майстратовыхъ и обивателей Стародубовскихъ есть обранъ панъ Спиридонъ. Еднакъ же ми для заслугъ его и певныхъ респектовъ, не отдаляемъ пана Ісаака Ярмоловича отъ слободки на томъ крунтѣ,

---

[1]) Должно быть Азаровки.

прозываемой Антоновъ Лубокъ, стоячой, але позволяемъ ему зъ людей тяглихъ тамошнихъ належитое соби отбирати послушенство; также и зъ трохъ млиновъ на рецѣ Ревнѣ своею працею и своимъ коштомъ въ певнихъ розниихъ мѣстцахъ, именно: на сыромъ коренѣ, подъ селомъ Демянками, урочища Гутнича и въ селѣ Понуровцѣ построенихъ, при господарской своей части отъ войсковихъ размѣровъ до ласки нашой не отдаляемъ. Тутъ же и сѣножати его, називаемие Будища, межи рѣчъками Ревною и Товкачовкою, за власние свои грошѣ покупление, на которие и купчие маетъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ ствержаемъ. Въ якомъ прето заживаню всѣхъ тыхъ вишъ писаннихъ добръ, аби нихто такъ зъ старшини и черни найменшои не важился чинить пану Ісааку перешкоди, пилно варуемъ и рейментарско заказуемъ. Писанъ въ Батуринѣ, року 1688, мѣсяця ноеврія 3.

Звышъ менованный гетманъ рукою власною".

Не имѣя предъ собою перваго универсала въ подлинникѣ можно было бы усомниться въ его дѣйствительности. По этому универсалу Мазепа, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поставленія, отдаетъ крестьянъ села Синина, „съ певныхъ респектовъ и причинъ", „п. Спиридонови, обывателеви Стародубскому", при чемъ отдаются кресгьяне, на общемъ основаніи—„для отбиранія отъ нихъ всякаго послушенства". Кто такой „п. Спиридонъ", какія его заслуги въ «Войскѣ» (только за эти услуги гетманъ и могъ раздавать маетности)—объ этомъ въ универсалѣ не говорится ни слова, вопреки непремѣнному тогдашнему обычаю—указывать на услуги «Войску» жалуемаго.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ выдачи перваго универсала, выдается другой универсалъ, извѣщающій объ избраніи войтомъ главнаго торговаго центра старой Малороссіи,—Стародуба,—тогоже «п. Спиридона», (при чемъ въ универсалѣ указывается опять одно только календарное имя новаго войта), и утверждающій за прежнимъ войтомъ маетности. Въ этомъ второмъ универсалѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ его редакція, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось поставленіе новаго войта... Въ текстѣ универсала найдено нужнымъ указать на источникъ гетманскаго права при «устроеніи въ Малороссійскихъ городахъ надлежащаго порядка», каковыхъ указаній въ тогдашнихъ гетманскихъ универсалахъ обыкновенно не дѣлалось. Значитъ, гетману нужно было подчеркнуть значеніе своей власти... А

затѣмъ говорится, что «п. Спиридонъ» выбранъ войтомъ послѣ того, какъ прежній войтъ Исакъ Деревянка *отказался* отъ этого уряда, при чемъ за отказавшимся отъ войтовства Деревянкою—тутъ же утверждаются разныя пріобрѣтенныя имъ во время войтовства имѣнія и утверждаются въ такомъ видѣ, точно Деревянка ими вознаграждается за его отказъ отъ войтовства...

Приведенные универсалы станутъ болѣе понятными, когда будетъ добавлено, что указываемый въ нихъ «п. Спиридонъ» былъ богатый Стародубскій купецъ, который велъ обширную заграничную торговлю пенькою, сначала черезъ Ригу, а потомъ черезъ Архангельскъ. Прозывался онъ Шираемъ, но, повидимому, прозвище это у «п. Спиридона» было не родовымъ, а только личнымъ («уличнымъ»), почему онъ, быть можетъ, и стѣснялся называть себя въ оффиціальныхъ бумагахъ этимъ прозвищемъ...

Однако жъ, не смотря на свое богатство, «п. Спиридонъ» въ маѣ 1688 г. былъ только Стародубскимъ мѣщаниномъ, т. е. человѣкомъ «посполитого стану», не имѣвшимъ слѣдовательно, по своему состоянію, никакого права на владѣніе крестьянами... Но «п. Спиридонъ» былъ очень богатъ... Поэтому является логическое предположеніе, что Мазепа далъ Шираю селоСининъ—съ тѣхъ «респектовъ и причинъ», что Ширай хорошо ему за это заплатилъ... Другихъ «респектовъ и причинъ», о которыхъ нельзя было бы сказать въ универсалѣ, выискать трудно... Несомнѣнно, что *особая* помощь гетманской власти оказана была Шираю и при поставленіи его на войтовство Стародубское. И если Сининъ былъ данъ Шираю за деньги, то такія же деньги должны были быть даны и за универсалъ, которымъ закрѣплялась состоявшаяся между Деревянкою и Шираемъ сдѣлка—о замѣнѣ, для перваго изъ нихъ, войтовскаго уряда маетностями...

Приведенная здѣсь догадка для объясненія выданныхъ Мазепою Шираю универсаловъ—является еще болѣе вѣроятною, когда вспомнимъ, что именно въ это время Мазепѣ нужны были деньги, и *деньги большія*, для пополненія десятитысячной «обѣтницы» Голицыну за помощь на Коломакѣ... [1]).

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 477. Интересно, что впослѣдствіи Мазепа даже породнился съ Шираемъ, такъ какъ сынъ послѣдняго былъ женатъ на дочери Мазепинаго пасынка Криштофа Фридрикевича.

Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича. Отецъ Григорія Ф—ча Криштофъ Самойловичъ Ф—чъ, сотникъ Седневскій († 1700), былъ, какъ извѣстно, пасынкомъ Мазепы. [1]) Поводъ къ составленію настоящей описи не объясняется, но можно догадываться, что она составлена по случаю смерти Григорія Ф—ча, *въ пути*, и именно въ м. Воронежѣ, гдѣ поэтому опись находившихся при умершемъ вещей и была составлена тамошнимъ сотникомъ Холодовичемъ. Григорій Ф—чъ умеръ въ двадцатыхъ годахъ (XVIII в.), такъ какъ въ 1728 г. вдова его была уже за вторымъ мужемъ. Опись вещей интересна, какъ по общественному положенію ихъ хозяина, такъ и по указанію *дорожныхъ* вещей, при чемъ совсѣмъ непонятно—зачѣмъ Ф—чу въ пути нужно было имѣть три дюжины деревяныхъ ложекъ... Можетъ быть, что онъ ихъ везъ куда-то. Интересно указаніе, что въ гробъ покойному положена былъ и «хустка матеріалная», т. е. шелковый платокъ носовой...

«Реестръ покойного пана Григорія Фридрикевича позосталихъ рѣчей. Въ червоной и чорной шкатулкахъ, межъ росписками и сказками ревѣзіи Нѣжинской и между прочими письмами, нѣчого болшъ не винашлось, кромѣ крѣпостнихъ на ґрунта мунѣментовъ, якіе въ тую жъ чирвоную шкатулку зложивши, реестровне оставлены в добромъ сохраненіи у Воронежу, в мене, и при оныхъ еденъ золотій сегнѣтъ (перстень съ печатью), а другій такожъ золотій обручикъ, которіе з рукъ у покойного зняты; а тамъ-же, въ червоной шкатулкѣ былъ крестикъ позлоцаній з мощами святыхъ, и зверцадло складное, тое до рукъ отдано Івану Коваленку и Кирилу, слузѣ покойного п. Григорія, а другая шкатулка чорная, зъ нѣкоторими приватними писмами, отсилается.—Въ третой скринцѣ палубчатой: шапка баранковая. Божка срѣбная. Ложокъ деревяныхъ Московскихъ тузневъ (дюжинъ) трое. Питушокъ (рюмокъ?) кришталнихъ трое. Молитовникъ зеленый, которій взяла себѣ на память п. сотникова (мать умершаго). Ножовъ пара. Рукавиць пара. Спална одна. Кантурки пѣстолетныи чирвоныи, гаптованіи. Кошуль паръ трое. Фанджаловъ чаевыхъ сѣмъ. Печатка срѣбная една. Шапка лисяя. Шапка видровая. Ручниковъ два. Серветъ шѣсть. Пантоплѣ червоніи. Пуздерко з чотирма плашками кришталними и чаркою срѣбною. Въ палубѣ (повозкѣ)

[1]) См. Любецкій Архивъ, предисл.

кунтушъ тонкій шарій. Кунтушъ тонкій лисѣй. Юпка штоповая. Плащъ кгронатовый. Шабля полская. Каѳанъ єдомашковый чирвоный. Шаравари сукнніи вишневыи. Кулбака з платомъ гаѳованимъ. Пляшка цѣновая. Ладовница эрѣбромъ оправляная. Каѳанъ рецетовый кгранатовый. Муштуковъ два зеленыхъ. Ладовница цѣновая. Лихторъ въ купу сложеній, мосенженій. Каваяру фунтовъ 12. Рыби осятрини фунт. 8. Пуздро мѣдное з мѣсочками мѣдними и талѣркамы вусѣми. Чоботы сафяновіи новіи. Чоботи другіи старіи сафяновіи. Кандѣйка мѣдная. Вѣлчура чорная. Магерацъ блакитный. Подушечокъ шѣсть. Ковдра матеріалная. А на покойного положено шапку шитую, кунтушъ тонкій перцовый, кафтанъ жолтій) штоповій, поясъ зеленій з засновами золотими, фуста мвтеріалная.

Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронежский". (*Съ подлинника*).

Могила подъ Любаремъ. Возникавшія въ гетманщинѣ дѣла о неправильной запискѣ козаковъ въ крестьяне—очень часто сопровождались опросами потерпѣвшихъ о прежней ихъ службѣ; при этомъ опрашиваемые давали показанія, очень нерѣдко, заключавшія въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія. Спрошенный въ нач. XVIII в. козакъ Сосницкаго села Волынки Петръ Демиденко, показалъ, напр., слѣдующее: „былъ онъ подъ Чигириномъ (1678 г.), послѣ Чигирина у Кіевѣ Печерское дѣлали въ 1679 г., подъ Переяславомъ стояли и того часу дѣлали Переясловъ; подъ Чигириномъ же другій походъ, якъ Самойловича взято в 1686 г., (sic) на Запорожжу, подъ Сѣчу, подъ Самарю на роботѣ, подъ Казѣкерменомъ въ 1695, подъ Паланкою въ 1694, въ Бѣлогорщинѣ въ 1696, подъ Азовомъ въ 1696, на Ижорской баталіи съ Петромъ Матвѣевичомъ Апраксиномъ, въ Полщи съ Переяславскимъ полковникомъ бывшимъ Мировичомъ, *подъ Любаремъ* [1]) *могилу сыпали*..." О высыпкѣ этой могилы говорятъ, кромѣ Демидка, и другіе козаки, которыхъ вмѣстѣ съ нимъ спрашивали о прежней ихъ службѣ, [2]) но ни слова не прибавляютъ съ какою цѣлью сыпалась эта могила. Сыпали эту могилу, повидимому, въ 1704 г., когда по свидѣтельству

---

[1]) Мѣстечко Новгр.-Волынск. у., Волынск. губ.

[2]) Арх. генер. к—рии по Черниговск. описи № 2570.

Самовидца, „гетманъ Мазепа зъ войсками козацкими на Перепатисѣ и подъ *Любаремъ* до осени стоялъ...“ Для чего эта могила могла высыпаться и существуетъ-ли она теперь?

— — —

Справка. Въ дополненіе замѣтки моей относительно „Записей И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года“ [1]), считаю необходимымъ сообщить, что всѣ рукописи, которыми я воспользовался въ предисловіи, равно и оригиналъ записей Котляревскаго, принадлежатъ С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ; мелкіе документы хранятся въ отдѣльныхъ листкахъ, непереплетенными, „Записи“ находятся въ сборникѣ, состоящемъ изъ рукописей разнообразнаго содержанія (т. IV, № 551).

В. Срезневскій.

Текущія извѣстія.

Библіотека-читальня имени Т. Г. Шевченка. 26-го февраля исполняется сорокъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго украинскаго поэта, автора «Кобзаря». При возвращеніи изъ ссылки, Шевченко время съ 19-го сентября 1857 г. по 8-е марта 1858 г. провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ виду этого обстоятельства, по словамъ «Ниж. Л.», среди малороссовъ, живущихъ въ Нижнемъ, возникла симпатичная мысль: ознаменовать сорокалѣтнюю годовщину кончины украинскаго кобзаря устройствомъ въ Нижнемъ библіотеки-читальни имени Т. Г. Шевченко. (Русскія Вѣдомости, № 16).

—

Читальня имени Тараса Шевченка въ Канадѣ. Въ Канадѣ, въ Reaver Czeek. Alta недавно открыта, какъ сообщаетъ американская „Свобода“, читальня имени Тараса Шевченка, благодаря старанію о. Заклинскаго и П. Зварича, а въ настоящее время обсуждается проектъ основанія гимнастическаго общества «Січ».

—

[1]) См. Кіев. Стар. 1900 г. № 12.

Открытіе народнаго дома въ Стрыѣ. 1 янв. наст. года въ Стрыѣ, состоялось торжественное открытіе Народнаго Дома. Ко дню открытія сюда прибыли делегаты отъ многихъ русинскихъ обществъ и учрежденій; получено было нѣсколько десятковъ привѣтственныхъ телеграммъ изъ провинціи и другихъ городовъ со множествомъ подписей. Домъ, по величинѣ не уступающій „Народному Дому“ во Львовѣ, снаружи производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Стѣна фронтона и окна изукрашены рельефной штукатуркой и лѣпными изъ гипса украшеніями. Подъ окнами устроено шесть нишъ, въ которыхъ поставлены бюсты: Шевченка, Шашкевича, Федьковича, Устіяновича, Котляревскаго и Лисенка; надъ окнами, на огромномъ синемъ фонѣ, надпись золотыми буквами: «Рускому Народови»; надъ главнымъ входомъ вырѣзанъ гербъ Руси. Внутри домъ еще красивѣе, чѣмъ снаружи. Въ залѣ устроена сцена. («Дѣло», ч. 1).

—

Дѣятельность общества „Просьвіта“ въ 1900 году. Дѣятельность Галицкаго русинскаго общества «Просьвіта», занимающаго первое по значенію мѣсто послѣ Наукового Товариства ім. Шевченка, выразилась въ минувшемъ году въ слѣдующемъ: 1) Издано 9 популярныхъ книжекъ (№№ 235—247), въ количествѣ 7—8 тысячъ каждая, 2) новыхъ членовъ поступило 118, 3) основано новыхъ читаленъ 106, такъ что къ концу минувшаго года всѣхъ читаленъ было 924 (филій, какъ и въ предыдущемъ году, оставались 19). (Дѣло, ч. 8).

—

Капитальный вопросъ въ школьномъ дѣлѣ. Послѣднее Полтавское губернское собраніе обратило вниманіе на одну весьма существенную потребность населенія въ дѣлѣ его школьнаго ученія, а именно на отсутствіе вполнѣ приспособленныхъ къ народному пониманію учебниковъ. Вопросъ этотъ, конечно, не новый, и въ Полтавскомъ земствѣ поднимался уже много разъ. Въ 1894 г. въ докладѣ губернской земской управѣ высказывала коммиссія по народному образованію пожеланіе, чтобы «губернское земство озаботилось пополненіемъ народной литературы книгами, соотвѣтствующими характеру и потребностямъ мѣстнаго населенія, путемъ изданія подобнаго рода книгъ на счетъ губернскаго земства, а также выдачей премій, назначеніемъ конкурсовъ» (стр. 17 доклада 1894 года). А въ

ожиданіи, пока такія книги напишутся, та-же коммиссія находила, что слѣдовало-бы обратиться съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ расширеніи каталога книгъ, допускаемыхъ въ школьныя и народныя библіотеки, и о включеніи въ этотъ каталогъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ (стр. 43). Въ докладахъ губернской управы за 1896 годъ проявляется та же забота о составленіи народныхъ библіотекъ «примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ Полтавской губерніи» (стр. 10, докладъ 1896 г.), т. е. имѣя въ виду прежде всего тотъ языкъ, на какомъ говоритъ мѣстное населеніе. Уѣздное же Полтавское земское собраніе въ томъ же 1896 г. возбуждаетъ передъ губернскимъ земствомъ ходатайство «о назначеніи конкурса и объ изданіи если не всѣхъ необходимыхъ для народныхъ школъ учебниковъ, то хотя бы одних задачниковъ, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населанія».

Черниговское земство также обращало вниманіе на неудобство для мѣстнаго населенія учиться по чужимъ, малопонятнымъ книгамъ, и коммиссія по народному образованію, существующая при Черниговскомъ земствѣ съ 1898 г., бралась за пересмотръ всѣхъ одобренныхъ для народныхъ школъ классныхъ книгъ для чтенія. Всѣ эти пересмотры приводили къ тому общему выводу, что книгъ—букварей, хрестоматій, задачниковъ, удовлетворяющихъ современнымъ запросамъ народной школы, нѣтъ: одни устарѣли и бѣдны содержаніемъ, другіе проникнуты какимъ-нибудь одностороннимъ узкимъ направленіемъ, третьи слишкомъ дороги, а, главное,—большинство изъ нихъ написано труднымъ, малопонятнымъ языкомъ. Уже не разъ возбуждался вопросъ о томъ, что каждый учебный округъ, на какіе подѣлена Россія, могъ бы одобрять и имѣть въ своемъ распоряженіи буквари и классныя книги, примѣненныя къ находящейся въ ихъ вѣдѣніи области. Такія книги значительно облегчили бы работу учителя и вызвали бы въ учащихся гораздо больше сознательнаго интереса къ ученію. Между тѣмъ какъ теперь, въ каждомъ земскомъ отчетѣ любой малорусской губерніи можно встрѣтить жалобы учителей на трудность для школьника-малоросса усвоить грамоту по русскому букварю.

Въ Черниговскомъ Земскомъ Сборникѣ [1]) читаемъ тѣ же жалобы.

---

[1]) См. Черн. Зем. Сборн. 1897 г., статья: «Отношеніе народа къ грамотности и къ книгѣ», стр. 28.

Задумываясь надъ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, Черниговская земская коммиссія по народному образованію рѣшила обратиться къ педагогамъ и учителямъ, чтобы составить болѣе подходящія для населенія учебныя книги, гдѣ читатель изъ нашей южной области встрѣчался бы съ родными картинами и образами, а главное—видѣлъ бы слова своего родного языка.

Совершенно понятно, что земства начинаютъ считаться съ препятствіями во всѣми признаваемомъ необходимымъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Полтавское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 29 сентября 1896 г. постановило возбудить передъ губернскимъ земствомъ ходатайство о томъ, «чтобы, пригласивъ желающихъ на конкурсъ, издать если не всѣ необходимые для народныхъ школъ учебники, то по крайней мѣрѣ задачники, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населенія» [1]), мотивируя это все тѣмъ же невозможнымъ положеніемъ дѣла, при которомъ «учителю приходится объяснять ученикамъ каждое слово, переводя его на родной языкъ, а нерѣдко и самъ учитель, встрѣчаясь съ чисто народными, великорусскими выраженіями, не знаетъ, какъ малороссъ, ихъ значенія». На эту насущную нужду школьнаго дѣла, т. е. на изданіе подходящихъ учебниковъ, Полтавское губернское земство отпускаетъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 750 р. ежегодно, но до сихъ поръ на конкурсъ не предъявлено никакихъ учебниковъ, и послѣднее Полтавское губерн. собраніе поручаетъ это дѣло особой коммиссіи.

Нельзя не пожелать, чтобы усилія избранной имъ комиссіи для улучшенія преподаванія въ народной школѣ и облегченія трудной работы народнаго учителя встрѣтили полное сочувствіе отъ всѣхъ лицъ, могущихъ своими знаніями и своимъ опытомъ прійти къ ней на помощь. Только преподаваніе на понятномъ и родномъ языкѣ можетъ расширить умственный кругозоръ учениковъ народной школы и пробудить къ сознательной работѣ всѣ дремлющія способности. Извѣстный знатокъ дѣла народнаго образованія—Левассеръ—въ своемъ обширномъ изслѣдованіи народныхъ школъ культурныхъ странъ прямо говоритъ: «народная школа должна быть національна. Денаціонализировать школу—значитъ отнять у нея всѣ жизненные за-

---

[1]) Докл. Полт. губ. зем. упр. комм. по нар. образ. 1896 г., стр. 25.

датки, заморить ея жизнь, не давъ ей правильно расцвѣсть». (Хуторянинъ, № 52, статья С. Р.)

—

Важное ходатайство. Важное въ практическомъ отношеніи ходатайство возбуждено, по словамъ «Волыни», житомирскимъ уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Комитетъ хлопочетъ о допущеніи въ читальняхъ при сельскихъ народныхъ чайныхъ нѣкоторыхъ полезныхъ книгъ и брошюръ на малорусскомъ языкѣ.

«Такое ходатайство,—говоритъ «Волынь»,—слѣдуетъ признать вполнѣ мотивированнымъ, такъ какъ доказано, что крестьянское населеніе лишено возможности усвоить что-нибудь по прикладнымъ знаніямъ изъ русскихъ книгъ. Въ крестьянскомъ быту говорятъ у насъ исключительно по-малорусски, а кратковременное пребываніе въ школѣ не прививаетъ дѣтямъ относительнаго знанія русскаго языка. Въ результатѣ оказывается, что крестьяне не только ничего не выносятъ изъ русскихъ книгъ по техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, медицинѣ и т. д., но вообще не читаютъ такого рода книгъ, уразумѣніе которыхъ для нихъ сопряжено съ большими трудностями, а чаще всего и совсѣмъ недоступно. Было бы поэтому очень цѣлесообразно прилагать всѣ старанія къ снабженію сельскихъ библіотекъ лучшими образцами русской изящной литературы, знакомство съ которой крайне полезно для учащихся въ школахъ и доступно для всѣхъ грамотныхъ крестьянъ, но наряду съ этимъ, по прикладнымъ знаніямъ и популярно-научнымъ—допустить книги на малорусскомъ языкѣ, единственно популярномъ, особенно для взрослаго населенія деревни, для котораго такого рода книги и предназначаются».

—

Эпитафія д-ра Владиміра Александрова. Среди бумагъ покойнаго украинскаго писателя доктора Владиміра Александрова, умершаго въ Харьковѣ, найдена, какъ сообщаетъ газета «Русланъ» (№ 284 прошл. года) слѣдующая эпитафія его самому себѣ:

Володимир Александров
Доктор медицини,
Умер з тіеі самоі причини,
З якоі й всі ті умирають,
Що медицини зовсім і не знають!

—

Симпатичный проэктъ. Въ «Развѣдчикѣ» сотникъ Головковъ высказываетъ нѣсколько грустныхъ замѣчаній по поводу той травы забвенія, которою среди самихъ козаковъ поросла «козачья слава».

«Попробуйте спросить *козаковъ*: откуда они взялись? какое ихъ прошлое?.. чѣмъ замѣчательно?.. и проч. И я увѣренъ, что изъ десяти-девять не сумѣютъ отвѣтить вамъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ... Если уже мы сами себя не знаемъ, то что можемъ требовать отъ другихъ, толкующихъ о козачествѣ. Живутъ-ли въ памяти нашихъ козаковъ имена ихъ героевъ? Нѣтъ, потому что устныя преданія старожиловъ не вѣчны, и уносятся ими въ могилу вмѣстѣ съ собою».

Въ противовѣсъ этому печальному факту, авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ станичныхъ школахъ введено было въ число обязательныхъ предметовъ «преподаваніе исторіи козачества, въ живыхъ примѣрахъ и разсказахъ; чтобы молодое, подрастающее поколѣніе, съ первыми проблесками сознанія, знало уже себя, свое прошлое и гордилось имъ, какъ дорогимъ наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ, омытыхъ ихъ кровью. Вѣдь стыдно, въ самомъ дѣлѣ, и грѣшно дѣтямъ не знать своихъ родителей; не менѣе стыдно и цѣлому обществу или сословію не знать своего прошлаго, на счетъ котораго оно живетъ»!

Авторъ полагаетъ, что, при осуществленіи его проэкта, не приходилось бы зачастую натыкаться на курьезы вродѣ слѣдующаго, сообщаемаго имъ:

«Находясь въ одной изъ станицъ по службѣ, я зашелъ въ станичную школу, присѣлъ въ сторонѣ и сталъ наблюдать за ходомъ занятій, руководимыхъ инструкторомъ. Желая, по всей вѣроятности, щегольнуть передо мной занятіями своихъ воспитанниковъ, казачатъ-приготовишекъ, онъ обратился къ одному изъ нихъ, самому бойкому, съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А скажи мнѣ, почему ты называешься казакъ, а не солдатъ?

— «По Его Императорскаго Величества, по его утвержденію, отъ судъ войскъ, отъ высшаго генерала до низшаго рядового—имени не простого, а потому я называюсь казакъ, а не солдатъ»,—скороговоркой, въ одинъ духъ, отколол казачокъ, искоса и самодовольно поглядывая на меня. На, молъ, тебѣ! Знай нашихъ»!

«Бѣдные казачата!—съ горечью восклицаетъ въ заключеніе сотникъ Головковъ,—«родитесь вы и въ гробъ ложитесь, а все не знаете,

почему называетесь казаками. Нѣтъ у васъ ни писемъ, ни скрижалей; лавры ваши сложены въ архивахъ, и славу вашу ѣдятъ мыши».

—

Лекціи Н. И. Карѣева. Извѣстный русскій историкъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета, проѣзжая черезъ Львовъ, прочелъ двѣ лекціи, въ томъ числѣ одну (вторую) въ пользу библіотеки «Наукового Товариства ім. Шевченка».

Первая лекція состоялась 13 января въ „Академичній Громаді" на тему „Стремленія русской молодежи къ самообразованію", а на другой день, въ залѣ „Народного Дому"—на тему «Значеніе Н. К. Михайловскаго въ русской литературѣ». Послѣдняя будетъ цѣликомъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала «Літературно-Науковий Вістник». (Дѣло, ч. 12).

—

Лекціи проф. Д. И. Эварницкаго. Двѣ лекціи профессора московскаго университета Д. И. Эварницкаго, прочитанныя имъ въ Екатеринодарѣ, въ залѣ женской гимназіи 10 и 11 января, привлекли значительное для Екатеринодара количество слушателей. Особенно много публики было на первой лекціи о «Запорожской старинѣ», что объясняется высокимъ интересомъ данной темы для слушателей, большинству которыхъ запорожцы прямые или косвенные предки. На вторую лекцію явилось слушателей нѣсколько меньше, чѣмъ на первую, несмотря на то, что одинъ и тотъ же билетъ давалъ право входа на обѣ лекціи. Это явленіе, въ свою очередь, объясняется заглавіемъ темы (Общій очеркъ археологіи въ Европѣ и Россіи), которая, по всей вѣроятности, показалась многимъ черезчуръ спеціальной и способной заинтересовать лишь ограниченный кругъ слушателей. (Куб. Обл. Вѣд. № 10).

—

Что дарить колядникамъ? Корреспондентъ „Кубанск. Обл. Вѣдом.», замѣчая, что колядниковъ, христославщиковъ, посѣвальщиковъ и т. д. принято награждать, ставитъ вопросъ: отчего бы вмѣсто даримыхъ денегъ и сластей, не дарить имъ книжечекъ доступнаго содержанія, т. е. на самомъ понятномъ для народа языкѣ, въ данномъ случаѣ—на малорусскомъ, родномъ языкѣ огромнаго большинства здѣшняго населенія. „Надо пользоваться каждымъ случаемъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, а книжки на родномъ языкѣ,

конечно, наилучшее средство для достиженія этой цѣли. Такую форму благодарности за поздравленія мы практикуемъ третій годъ и убѣдились, что всѣ довольны подобными подарками, и число посѣтителей нашей хаты съ тѣхъ поръ ежегодно возрастаетъ. Народъ любитъ книжки, но не привыкъ покупать ихъ. Не пожалѣйте же, господа, хоть разъ въ годъ истратить 2—3 рубля на книжки для народа и поставьте себѣ за правило предлагаемый способъ одаривать колядниковъ и посѣвальщиковъ.

Малорусскія книжки разныхъ названій, изданныя для народа по цѣнѣ отъ одной, двухъ, трехъ копѣекъ и дороже, можно пріобрѣтать въ безплатной читальнѣ, и въ войсковомъ книжномъ складѣ". (Куб. Вѣд. № 274).

—

Памяти М. Т. Симонова (Номиса). Въ № 6 газ. «Кіевлянинъ», въ корреспонденціи изъ «Лубенъ» помѣщенъ некрологъ Матвѣя Терентьевича Симонова. Некрологъ и описаніе похоронъ помѣщены также въ газетахъ: „Биржевыя Вѣдомости", № 8 (П. Быкова), „Полтавскія Губернскія Вѣдомости" (№ 13), «Кіевское Слово» (№ 11).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. *У Львові, 1900, кн. V и VI.*

«Наукове Товариство ім. Шевченка», реформированное въ 1892 г. изъ литературнаго Общества въ научное и развившее въ теченіе этого сравнительно небольшого промежутка времени необычайно энергично свою дѣятельность во всѣхъ сферахъ научной области,—издало между прочимъ по настоящее время 38 томовъ «Записок», пользованіе которыми для всякаго, кто лишь касается любого малорусскаго сюжета, является неизбѣжной необходимостью. Помимо своей огромной цѣнности, о которой неоднократно приходилось говорить на страницахъ „Кіевской Старины" при разсмотрѣніи предыдущихъ томовъ, „Записки" являются необходимымъ справочнымъ изданіемъ не только для лицъ, интересующихся малорусскими сюжетами, но и для всякаго: кромѣ замѣчательно полной и обстоятельной библіографіи, обозрѣвающей огромное количество книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ области изслѣдованія «Записок», здѣсь съ прошлаго года въ каждомъ томѣ дается обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и искусства,—обзоръ, являющійся необычайно важнымъ и цѣннымъ пособіемъ для всякаго,—не только ученаго или историка.

Въ двухъ послѣднихъ томахъ «Записок» помѣщено 5 статей и изслѣдованій: 3 по археологіи, 1 по исторіи и 1 по исторіи литературы. Статьи по археологіи принадлежать—двѣ М. Грушевскому:

«Ковтки т. зв. «київського типа» у сучасних Кавказців» и *«Печатки в околиць Галича»* (съ рисунками), и *„Археолоічний з'їзд у Київі"* — Миколѣ Княжевичу. Въ этой послѣдней авторъ, представляя обзоръ продукціи съѣзда, указываетъ на причины, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательныя, неудачи XI археологическаго съѣзда.

Область исторіи представлена изслѣдованіемъ Дениса Коренця *«Зносини Івана Виговського з Польщею в р. 1657—58»* (рефератъ, предназначавшійся на XI археолог. съѣздъ въ Кіевѣ).

Не давая ничего новаго въ смыслѣ новаго матеріала, авторъ, пользовавшійся исключительно печатными источниками, очень умѣло, съ полной ясностью открываетъ намъ комплексъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовались Выговскій и Польша во взаимныхъ сношеніяхъ, а также выясняетъ причины ихъ соединенія, выразившагося въ «Гадяцкихъ пактахъ».

Изслѣдованіе автора, не будучи обширнымъ по объему (всего 20 стр.), благодаря своей ясности и простотѣ изложенія, является пріятнымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей исторіи.

Наконецъ, послѣднее, наиболѣе солидное по объему (заняло 126 стр. въ обоихъ томахъ) и по внутреннимъ достоинствамъ, изслѣдованіе принадлежитъ извѣстному ученому д-ру Івану Франку. Это — *«Карпаторуське письменство XVII—XVIII віків»*, — рефератъ, также предназначавшійся на XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. Въ виду его несомнѣнно великой важности, остановимся на немъ нѣсколько дольше.

Изслѣдованія въ области исторіи литературы по территоріямъ, да и вообще изслѣдованія по исторіи украинской литературы, въ особенности прошлыхъ вѣковъ, у насъ понынѣ почти не начаты. Въ цѣломъ рядѣ монографій г. г. Дашкевича, Грушевскаго, Житецкаго, Сумцова и др. освѣщались донынѣ или отдѣльные вопросы, или комплексы ихъ, и лишь проф. Петровъ, а въ минувшемъ году Житецкій даютъ пробы обзора всего литературнаго пріобрѣтенія Украины въ XVIII в. Но проф. Петровъ сузилъ свою задачу, ограничившись Кіевомъ и его Академіей; въ трудѣ же г. Житецкаго видно уже желаніе разсмотрѣть различные центры литературныхъ трудовъ и различные ихъ формы, восточныя и западныя. Однако и этотъ трудъ не можетъ исчерпать темы: съ одной стороны, авторъ ограничилъ себя отысканіемъ генезиса для Энеиды, съ другой — ему не были извѣстны, благодаря отсутствію опубликованнаго матеріала, огромныя

территоріи, гдѣ существовала своеобразная духовная работа. Одной изъ такихъ невѣдомыхъ понынѣ территорій др. Франко и считаетъ Карпатскую Русь. До сихъ поръ о спеціальной письменности, которая могла бы существовать на этой территоріи въ XVII—XVIII в., не было и рѣчи. Почтенному автору въ послѣдніе годы удалось ознакомиться съ значительнымъ рукописнымъ матеріаломъ, специально возникшимъ въ Карпатской Руси. На основаніи этихъ матеріаловъ (детальное описаніе которыхъ помѣщено въ дополненіи къ данному изслѣдованію), авторъ опредѣляетъ, насколько возможно, характеръ и развитіе Карпаторусской письменности, физіономія которой до извѣстной степени опредѣлилась въ XVII—XVIII в. и которая должна занять подобающее мѣсто въ общей конструкціи нашей литературной исторіи, какъ одинъ изъ хорошо обрисованныхъ ея типовъ.

Какъ на характеристическій признакъ Карпаторусской письменности слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе—на его популярность, на языкъ, близкій къ народному. Этими чертами характеризуются: апокрифъ «Другий лист небесний», составленный въ концѣ XVI в. гдѣ-то въ Перемышльской области; учительскія евангелія—Даниліввське (угрорусское) (около половины XVII в.) и многія другія; «Староміський рукопис»,—гдѣ переведены зачала евангелій на всѣ недѣли года; памятники поэтической письменности: «наиболѣе древній—отрывокъ изъ Рождественской вирши 1655 г., свидѣтельствующій о существованіи на галицкомъ Подгорьѣ духовной вирши въ легкомъ юмористическомъ тонѣ. Въ концѣ XVII в. на Карпаторусской территоріи произошла перемѣна во вкусахъ и духовныхъ потребностяхъ людей, занимающихся литературой: съ востока и запада появляется масса различныхъ произведеній—апокрифовъ, легендъ, апологовъ, свѣтскихъ разсказовъ; повсюду начинается популяризація этого матеріала: заимствованные изъ «Перла Многоцѣннаго», изъ «Ключа разумѣнія» «приклады» и чудеса переходятъ въ народныя уста и вплетаются въ канву старинныхъ разсказовъ, пѣсенъ, колядокъ. Какъ образецъ, авторъ приводитъ т. наз. «Кіевскую» пѣсню, найденную въ Каменскомъ рукописномъ Богогласникѣ 1734 г., отмѣчаетъ нѣкоторыя колядки и т. п. Въ концѣ же XVII и началѣ XVIII в. литературное движеніе проявляетъ себя въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ энциклопедическаго характера. До насъ дошли четыре такихъ сборника, составленные исключительно или преимущественно на народномъ языкѣ въ концѣ XVII и нач. XVIII в.—всѣ четыре

изъ сѣверной Угорщины, и три подобные же сборника изъ Галичины, составленные или въ самыхъ горахъ, или на Подгорьи (сборники Ст. Теслевцьового и Кузикевича). Насколько свободно авторы сборниковъ обращаются со своими темами, исключительно духовнаго характера, образцомъ можетъ служить хотя бы такое мѣсто въ разсказѣ объ Іосифѣ и его братьяхъ въ Египтѣ: „ми сини патріарха Якова—може-сте чували про него".

Помимо сборниковъ—сюда же относится и „Александрія"; и она перерабатывалась такимъ же методомъ (авторъ приводитъ двѣ Карпаторусскихъ переработки начала XVIII вѣка), подобно другимъ романтическимъ повѣстямъ, легендамъ и въ особенности разсказамъ апокрифовъ, имѣющимъ отношеніе къ загробной жизни и адскимъ мукамъ. Наконецъ, сюда же относятся вирши церковныя (Угроруський сьпіванник, Дробицький збірник, Камянський Богогласник 1734 г.) и свѣтскія („Письмо о свѣтѣ", «Пѣснь о плачливомъ житіи бѣднаго студента»). Вообще, чѣмъ ближе къ концу XVIII ст., тѣмъ болѣе исчезаетъ мода списывать сборники разсказовъ, житій и т. п., и является наклонность къ списыванію пѣсенъ и виршей. Извѣстно огромное количество «сьпіванників», первоначально почти исключительно духовныхъ пѣсенъ, а впослѣдствіи съ значительнымъ содержаніемъ свѣтскихъ пѣсенъ; между прочимъ оттуда извѣстны: «Пѣснь свѣцка о ляхахъ зъ москалями» (по поводу событій 1764 г.), „вирша про війну Москалѣвъ зъ турками подъ Хотиномъ 1739 г." Наконецъ, съ конца XVII в. появляются пробы записывать народныя или полународныя (дворацькіи) пѣсни,—нѣсколько образцовъ очень любопытныхъ, такихъ записей авторъ приводитъ въ дополненіи къ своему изслѣдованію (№№ XIX, XXI, XXII, XXIII). Спрашивается: если существовала столь богатая литература въ теченіе почти 3-хъ столѣтій,—какой постигъ ее конецъ? подготовила ли она почву для новой народной литературы? претворилась ли органически въ новыя высшія формы? Къ сожалѣнію, ничего этого не случилось, и когда въ концѣ XVIII столѣтія по волѣ австрійскаго императора появились для Русиновъ высшія школы, въ которыхъ Русины должны были просвѣщаться lingua patria,—въ сознаніи даже просвѣщенныхъ слоевъ русинскаго общества утерялось сознаніе, что такое этотъ lingua patria, и пришлось снова, послѣ вѣковой работы, начинать ab origine...

Въ дополненіи къ изслѣдованію авторъ приводитъ XXV драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, составляющихъ весьма крупное пріобрѣтеніе для исторіи украинской литературы вообще.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» особенный интересъ представляетъ «Незвістний лист Мазепи до міста Львова» — копія, найденная С. Томашевскимъ въ рук. библ. Оссолинскихъ во Львовѣ за № 1447, стр. 337—8. Письмо, относящееся приблизительно къ 14 авг. 1705 г., отправлено Львовскимъ мѣщанамъ въ отвѣтъ на просьбы ихъ пословъ миновать съ козаками Львовъ, и такъ уже разрушенный шведами. Гетманъ, милостиво принявъ пословъ, обѣщаетъ оставить въ сторонѣ Львовъ съ околицами, хотя ему и придется «in hoc passu z nakładem drogi uti circulationibus. Въ обезпеченіе города отъ отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ, гетманъ присоединяетъ охранный листъ изъ своей войсковой канцеляріи.

Изъ другихъ замѣтокъ отмѣтимъ «Довжанське четвероевангеліе», относящееся къ 1595 г. и съ интересными приписками на народномъ языкѣ, «Два автографа Францішка Смольки», «З віденськоі революціі 1848 р.», «Е. Руліковський.—В. Лукашевичъ» (некрологи).

В. Д.

А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. *(Съ рисунками). Выпускъ 1, 2 и 3. Библіотека «Дѣтскаго чтенія», Москва, 1901 г., стр. 1—85, 1—136, 1—88, in 8⁰. Цѣна 1 и 2 вып.—30 к., 3-го—25 коп.*

Только что вышедшіе изъ печати, лежащіе передъ нами, три выпуска очерковъ и разсказовъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ принадлежатъ перу извѣстнаго историка и знатока Малороссіи—А. Я. Ефименко. Какъ можно заключить уже изъ заглавія—авторъ избралъ сюжеты изъ жизни Украины. Дѣйствительно, въ означенные выпуски вошли слѣдующіе очерки: въ первый—«На родинѣ», «Бандуристъ», «На майданѣ», «Татарскіе набѣги», «Какъ Самуилъ Кошка убѣжалъ изъ Турецкой неволи»; во второй—«Чумакъ», «Богданъ Хмельницкій», «Пасѣчникъ Чернаго лѣса», «Изъ быта Польши» и „Т. Г. Шевченко», и въ третій—«Канунъ Рождества», «Старыя книжки», «Въ куренѣ», «Цадикъ», «Сказка про жадную купчиху да про бѣдную старушку».

Особенно интересны первые два выпуска, въ которыхъ болѣе всего удѣлено мѣста популярному развитію наиболѣе интересныхъ моментовъ въ историческомъ прошломъ Украины.—Здѣсь предъ вами встаетъ, какъ живой, представитель нынѣ почти угасшей уже отрасли

музыки—украинскій бандуристъ, прошедшій тяжелую школу своей науки и скорбящій объ исчезновеніи ея; тутъ воскресаетъ мрачная страница далеко минувшаго—ужасные татарскіе набѣги, ведущіе за собой всеобщій ужасъ и разореніе; тамъ, далѣе, дается живой разсказъ о побѣгѣ Самуила Кишки, тридцать лѣтъ пробывшаго въ турецкой неволѣ; вотъ раскрывается предъ вами грандіозная картина освобожденія украинскаго народа отъ панскаго ярма при Богданѣ Хмельницкомъ, хотя и не надолго; а вотъ снова, спустя сто лѣтъ, тотъ же народъ, очутившійся въ прежнемъ тяжкомъ положеніи, подымается снова на защиту своихъ правъ и убѣжденій («Пасѣчникъ изъ Чернаго лѣса»); тутъ-же читатель мысленно переносится въ славную Сѣчь Запорожскую («Въ куренѣ», «Богданъ Хмельницкій»), хотя, надо сознаться, этотъ весьма любопытный уголокъ исторіи раскрытъ авторомъ съ меньшей полнотой и обстоятельностью, чѣмъ можно было ожидать; наконецъ, сюда же надо отвести и яркую картину состоянія польско-шляхетскаго государства передъ паденіемъ Польши. Таковы историческіе сюжеты, затронутые авторомъ. Не меньшій интересъ представляетъ и популярная, мастерски написанная біографія Шевченка. Въ остальныхъ очеркахъ, болѣе случайнаго характера—излагается процессъ гонки смолы на Полѣсьѣ («На майданѣ»), дается понятіе о внутренней (духовной) организаціи евреевъ(«Цадикъ»), отмѣчается страсть къ кладоискательству, вызываемая нерѣдко «старыми книгами», въ которыхъ, молъ, прописаны всѣ клады («Старыя книги»), наконецъ, дается описаніе празднованія въ Малороссіи кануна Рождества («кути»). Есть еще одинъ очеркъ(«Сказка про жадную купчиху да про бѣдную старушку»), который хотя и написанъ подобно остальнымъ очеркамъ, чрезвычайно художественно, но не совсѣмъ умѣстенъ, по нашему мнѣнію, среди цѣлаго ряда другихъ очерковъ, написанныхъ на столь интересныя и важныя темы, какъ это было указано выше.

Вообще же, очерки написаны такъ художественно, такимъ прекраснымъ, простымъ и понятнымъ языкомъ, такъ жизненно и правдиво разсказаны, что трудно представить себѣ что-либо лучшее, въ особенности если принять во вниманіе, какія трудности вообще представляетъ популярное изложеніе. Въ добавленіе къ этому авторъ постарался оживить еще болѣе свои очерки, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими рисунками, принадлежащими главнымъ образомъ кисти худож-

ника Н. Каразина, что придаетъ еще большій интересъ прекраснымъ его очеркамъ.

Рекомендуя ихъ читателямъ, интересующимся популярными изданіями, мы питаемъ надежду, что на этомъ не ограничится почтенный авторъ и продолжитъ свои очерки въ рядѣ новыхъ выпусковъ, выбирая при этомъ болѣе серьёзныя темы изъ богатой историко-культурной жизни Малороссіи,—изъ области исторіи, исторіи литературы, соціально-экономической, юридической, этнографіи и т. п.

В. Д.

Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Западно русскій край“. *Составленъ студентомъ Чеславомъ Багенскимъ подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Будде. (Прил. къ Учен. Зап. Каз. унив. за 1900 г., декабрь). Казань. 1900 г. Стр. XVII+66.*

Указатель открывается двумя объяснительными статьями: „отъ редактора“ (проф. Будде) и отъ автора (студ. Ч. Багенскаго въ его „Предисловіи“). Въ первой статьѣ г. редакторъ указываетъ на важность матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ и его сотрудниками, важность столь извѣстную, что авторъ считаетъ излишнимъ распространяться о ней, и при томъ не меньшую какъ для этнографа, такъ и для лингвиста. Между тѣмъ, составитель указателя въ своемъ „Предисловіи“ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ редакторомъ и въ значительной степени ограждаетъ важность для лингвиста „Трудовъ“ г. Чубинскаго, замѣчая, что „Труды“ представляютъ записи не одного г. Чубинскаго, но нѣсколькихъ, даже многихъ лицъ. Сюда вошли записи, сдѣланныя не только лицами, понимающими необходимость фонетическихъ записей, но и лицами, для которыхъ эти требованія чужды, какъ-то: священниками, сельскими учителями, учениками духовныхъ и учительскихъ семинарій, наконецъ, писцами г. Чубинскаго. Ужъ одно это обстоятельство не позволяетъ лингвистамъ вполнѣ довѣриться транскрипціи матеріаловъ г. Чубинскаго„. Далѣе авторъ говоритъ о небрежности изданія, массѣ опечатокъ и неудобномъ для лингвиста расположенія этнографическаго матеріала, смягчая этими выраженіями приговоръ своего учителя, по мнѣнію котораго „названія мѣстностей

часто до того *перевраны* (нашъ курсивъ) и перепутаны, что оріентироваться въ этихъ названіяхъ не было никакой возможности". Странно только, что, „въ виду всего этого", проф. Е. Ѳ. Будде не занялся самъ, а предложилъ студентамъ заняться составленіемъ алфавитнаго" (?) указателя, и только въ виду важности для науки этого указателя взялъ его редакцію на себя. Цѣлью составленія указателя являются интересы одной только „русской діалектологіи"; противъ этого ничего нельзя было-бы возразить, если бы такому указателю была придана и соотвѣтственная форма, съ указаніемъ территоріальнаго распространенія діалектическихъ особенностей малорусскаго языка; но указателю придана форма обыкновеннаго географическаго указателя; и если бы гг. редакторъ и авторъ не повторяли на каждой страницѣ о какихъ-то особенныхъ нуждахъ діалектологіи, то никто бы никогда и не догадался, зачѣмъ составленъ географическій указатель. Разъ для лингвиста нуженъ обыкновеннѣйшій географическій указатель къ «Трудамъ» г. Чубинскаго, разъ такого указателя до сихъ поръ (къ стыду южнорусовъ) нѣтъ, то не проще ли было бы составить указатель въ той формѣ, какъ принято ихъ составлять. Онъ былъ бы полезенъ и для лингвистовъ, и для занимающихся другими отраслями знанія. Между тѣмъ ограниченіе цѣли указателя нуждами одной только изъ наукъ привело къ тому, что изъ VI и VII томовъ „Трудовъ" Чубинскаго географическія имена совсѣмъ не выбирались. Такимъ образомъ, необходимость въ полномъ общемъ и обстоятельномъ географическомъ указателѣ къ „Трудамъ" осталась неудовлетворенной, а такой указатель нуженъ и для этнографа, и для лингвиста, и для историка, и для юриста.

Но оставимъ въ сторонѣ нужды лицъ, не занимающихся филологіей, и посмотримъ, насколько удобна система расположенія географическихъ именъ, принятая г. г. составителемъ и редакторомъ, для самихъ филологовъ. А система эта такова: всѣ географическія названія распредѣлены на шесть группъ или, по терминологіи автора, „отдѣловъ": 1) „съ обозначеніемъ деревни, села, мѣстечка и города"; 2) «съ обозначеніемъ волости»; 3) «съ обозначеніемъ уѣзда;» 4) «съ обозначеніемъ губерніи»; 5) «съ обозначеніемъ области» и 6, «безъ обозначенія мѣстности». Но къ чему эти мелкія группы, или отдѣлы, когда всѣ названія легко укладываются и удобнѣе отыскиваются въ краткомъ алфавитномъ порядкѣ даже лингвистомъ? При системѣ же указателя проф. Будде лицу, изучающему говоры какой-нибудь гу-

берніи или уѣзда, напр. Кіевской, надо пересмотрѣть всѣ отдѣлы— вездѣ, гдѣ находится Кіевская губернія, тогда какъ при общей алфавитной системѣ просматривались бы цифры, стоящія противъ рубрикъ «Кіевская губернія»; правда, при общей алфавитной системѣ нѣкоторыя цифры повторились бы два и три раза, за то они и при печатаніи заняли бы меньше мѣста, и при полученіи справки изъ указателя потребовали бы меньшей затраты времени. Но зачѣмъ допущенъ г, редакторомъ 6-й отдѣлъ, въ который отнесены матеріалы безъ обозначенія мѣстности»? Рѣшительно не можемъ понять. Кому и для чего потребуются въ этомъ отдѣлѣ цифръ справки? Развѣ только для того, чтобы, послѣ лингвистическаго изученія матеріала, пріурочить послѣдній къ какой-либо территоріальной единицѣ? Или можетъ быть это нужно для статистики? [1])

Однако потребность въ алфавитномъ указателѣ мѣстъ чувствовали сами и г. редакторъ, и г. составитель, и послѣдній внесъ въ свое «Предисловіе» алфавитный перечень селъ, т. е. далъ указатель къ указателю. Это-ли не путаница?

Но съ этимъ еще не конецъ. «Есть мѣстности, говоритъ составитель указателя, *не обозначенныя въ «Трудахъ» ни въ одномъ случаѣ уѣздами или обозначены невѣрно»* (курсивъ автора) и потому, представляющія затрудненія при группировкѣ мѣстностей для справокъ лингвистовъ и діалектологовъ», и сообщаетъ *«Списокъ такихъ мѣстностей»*. Но всѣ эти мѣстности легко могли бы быть опредѣлены, если бы составитель указателя пользовался «Словаремъ» г. Семенова, «Słownikiem» г. г. Хлѣбовскаго и Валевскаго, «Указателемъ г. Новицкаго, «Списками» г. Похилевича или, по крайней мѣрѣ, трехверстнаго или десятиверстнаго маштаба картами. Въ число *«такихъ мѣстностей»* внесено напр., и „Поросье“. Правда, его ни на какой картѣ нельзя найти, да и искать не слѣдуетъ, потому что «Поросье» (какъ и «Поволжіе») обозначаетъ собой мѣста, расположенныя по р. Роси и могущія поэтому принадлежать къ шести уѣздамъ Кіевской губерніи, съ которыми соприкасается или чрезъ которые протекаетъ этотъ притокъ Днѣпра. И лингвистики не помогли разгадать, что это за „Поросье“.

---

[1]) Статистики замѣтили, что даже количество отправляемыхъ по почтѣ писемъ безъ обозначенія адресовъ изъ года въ годъ повторяется съ удивительной правильностью

При составленіи указателя не обошлось и безъ курьезовъ: напр. с. *Говорье* въ текстѣ „Трудовъ" г. Чубинскаго принадлежитъ къ Ушицкому уѣзду, между тѣмъ какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ составителемъ указателя изъ Подольскаго Статистическаго Комитета, въ дѣйствительности—къ Ново-Ушицкому. Въ указателѣ это село причислено къ послѣднему уѣзду". Изъ словъ составителя указателя выходитъ, что онъ предполагаетъ существованіе двухъ одноименныхъ, уѣздовъ въ Подольской губерніи. Между тѣмъ въ Подольской губ. есть—только одинъ Ново-Ушицкій уѣздъ, который для удобстаа произношенія называется просто Ушицкимъ.

Или вотъ еще курьезъ: Читатель изъ «Предисловія» съ удивленіемъ узнаетъ, что село Кривинъ лежитъ въ Овручскомъ повѣтѣ, между тѣмъ всѣмъ хорошо извѣстно, что село это—въ Острожскомъ уѣздѣ. Въ указателѣ уѣздъ этого села означенъ правильно. Ясно, что въ „Предисловіи" опечатка. Да вѣдь какая досадная!

Таковъ-то указатель, составленный исключительно ради однихъ интересовъ лингвистической науки.

О наука, наука! Твоимъ именемъ многія чудеса творятся.

Кіянинъ.

Свящ. Игнатій Лотоцкій. Винницe-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. *Немировъ, 1900, in 8⁰, 1—62 (съ 6 фототипіями).*

Настоящая, прекрасно изданная, брошюра представляетъ трудъ недавно почившаго старшаго священника Браиловскаго монастыря о. Игнатія Лотоцкаго, священствовавшаго въ послѣднемъ съ 1895—1898 годъ. Покойный авторъ, занявшись изслѣдованіемъ прошлыхъ судебъ монастыря, составилъ помянникъ благотворителей, священнослужителей, сестеръ обители, разработалъ программу юбилейнаго празднованія монастыря, по случаю исполнившагося въ 1895 г. столѣтія со времени возсоединенія монастыря съ православіемъ. Плодомъ литературныхъ занятій его и является настоящая брошюра

Вся брошюра состоитъ изъ VII главъ, освѣщающихъ историческое прошлое монастыря и его современное состояніе. Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляютъ большой интересъ тѣ главы, въ

которыхъ авторъ касается исторіи монастыря: I „Положеніе и историческія судьбы монастыря“ и III. Рожецкая Александро-Маріинская пустынь—тѣмъ болѣе, что матеріаломъ для настоящаго очерка, помимо печатнаго матеріала, послужили также документы монастырскаго архива.

Изъ упомянутыхъ главъ мы видимъ, что начало Винннице-Браиловскаго монастыря относится къ 1635 году, когда фундаторъ его Михаилъ Кропивницкій исходатайствовалъ у короля Владислава IV грамоту на основаніе въ городѣ Винницѣ дѣвичьяго монастыря, въ видахъ поддержанія православія въ Брацлавщинѣ. Но уже въ первой четверти XVIII ст. монастырь этотъ попалъ въ руки уніатовъ, а къ 1780 году пришелъ въ такое запустѣніе, что уніатскія монахини совершенно покинули его. Около этого времени Францискомъ Салезіемъ Потоцкимъ неподалеку, въ Браиловѣ, воздвигнуты были величественныя зданія для проводниковъ латинства, монаховъ—тринитаровъ. Въ эти-то зданія, оставшіяся пустыми послѣ выселенія отсюда въ 1832 году католическихъ монаховъ, и былъ перенесенъ въ 1845 г. Винницкій женскій монастырь, гдѣ и пребываетъ понынѣ.

Другая обитель, приписанная къ Винннице-Браиловскому монастырю, это Рожецкая Александро-Маріинская пустынь, основанная въ началѣ XVIII в. въ мѣстности, гдѣ раньше, еще съ XVI вѣка, существовалъ мужской монастырь, извѣстный подъ именемъ Микулинскаго, уничтоженный въ XVII в. усиліями одного изъ пановъ Микулинскихъ и нападеніемъ татаръ. Но недолго вновь возникшая обитель оставалась православною: въ 1730 г. здѣсь появилась унія, затѣмъ случился въ обители опустошительный пожаръ, и монахини принуждены были уйти въ хозяйственный хуторъ бывшаго монастыря Рожокъ, гдѣ и устроили нѣсколько келій и небольшую часовню. Новый монастырекъ влачилъ здѣсь самое убогое существованіе, пока въ 1748 г. уніатская власть не упразднила его, а инокини и имущество Рожецкаго монастыря поступили въ Винницкій Благовѣщенскій монастырь. Однако, впослѣдствіи неоднократно возникала въ Рожкѣ монастырская обитель, переходившая отъ уніатовъ къ православнымъ и обратно, и даже въ недавнее время, въ 1891 г., построенъ и освященъ храмъ во имя князя Александра Невскаго.

Въ остальныхъ главахъ своего труда: „Храмы и другія зданія монастыря въ м. Браиловѣ“, «особенно чтимыя святыни монастыря», „просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія Браиловской

обители и современное ея состояніе", „юбилейныя торжества Браиловской обители",—авторъ даетъ цѣльную яркую картину внутренняго и внѣшняго благолѣпія монастырскихъ храмовъ, состоянія просвѣтительнаго и матеріальнаго, представляющую большой интересъ, въ особенности для лицъ, изслѣдующихъ церковную старину.

Вообще же книга, разсчитанная на неширокій кругъ читателей, можетъ быть съ интересомъ прочтена и не спеціалистомъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго годовъ.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1; 2) Русская Старина, № 1; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 1; 5) Вѣстникъ Европы, № 1; 6) Русская Мысль, № 1; 7) Научное Обозрѣніе, № 1; 8) Книжки Восхода, № 12; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 1; 10) Ateneum, № 1; 11) Biblioteka Warszawska, № 1; 12) Slovanský Přehled, №№ 1 и 2 (4 и 5); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 1; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11; 15) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VII и VIII; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—12; 17) Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 4—6; 18) Этнографическое обозрѣніе, кн. 3; 19) Wisła, кн. IV; 20) Русская Школа № 12; 21) Kwartalnik Historyczny, т. IV; 22) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12; 23) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, №№ 1 и 2; 24) Кавказскій Вѣстникъ, № 1; 25) Міръ Божій, № 1; 26) Книжки Недѣли, № 1.

Русскій Архивъ, № 1.

Первые мѣсяцы царствованія Екатерины Великой. (Изъ донесеній прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму). Въ этихъ интересныхъ донесеніяхъ встрѣчаемъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ гетману Разумовскому, а именно—10 августа 1762 г. въ донесеніи Гольца есть такія строки: „Одинаково (какъ и братьевъ Орловыхъ) ненавидятъ они (недовольные) гетмана. Къ нему всегда относилась съ презрѣніемъ вся здѣшняя знать за его низкое происхожденіе; недовольные-же говорятъ теперь, что во время переворота

онъ предалъ государя, обращавшагося съ нимъ, какъ съ братомъ, только затѣмъ, чтобы воспользоваться безпорядками въ государствѣ и самому захватить престолъ, но что эти замыслы не удались ему. Въ сущности они дѣлаютъ ему слишкомъ много чести; ибо, хотя онъ и способенъ на всевозможные преступные замыслы, но его дарованія слишкомъ ничтожны, чтобъ онъ могъ играть подобную роль" (стр. 32).

—

Русская Старина № 1.

К. С. Веселовскій. Русскій философъ Д. М. Велланскій (стр. 5—19). Сообщаются свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ знаменитый философъ, родомъ малороссъ, сынъ бѣднаго Борзенскаго ремесленника Кавунника, дважды потерпѣлъ неудачу въ Академіи наукъ, въ 1812 и въ 1832 году, когда наши академики дали неодобрительный отзывъ о его ученыхъ трудахъ, а въ послѣднемъ случаѣ даже указывали на вредное направленіе подобной философіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ философѣ были помѣщены въ Кіевск. Стар. 1897 года, № 11, гдѣ между прочимъ напечатаны письма его къ М. В. Бѣлозерскому.

А. Кирпичниковъ. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь (1832—1852 г.). Сообщается нѣсколько очень интересныхъ страницъ изъ первоначальной дружбы, а затѣмъ почти полнаго разрыва ея между Погодинымъ и Гоголемъ (стр. 79—96).

Къ біографіи В. Н. Каразина. Напечатано прошеніе Каразина въ С.-Петербургскую цензуру объ изданіи отдѣльной брошюры „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ". Этотъ уставъ былъ первоначально напечатанъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1818 года (кн. 5-ая), а когда была отпечатана названная брошюра, то она вызвала замѣчаніе цензурному комитету (стр. 244).

—

Историческій Вѣстникъ № 1.

Записки Н. И. Мамаева. Авторъ записокъ, бывшій съ 1838 г. по 1842 г. адъютантомъ при волынскомъ губернаторѣ, въ 3-ей части своихъ записокъ касается этого періода. Въ настоящей книгѣ еще не напечатана эта часть, но между прочимъ дана справка, что въ бумагахъ Мамаева, кромѣ записокъ, сохранились другія рукописи, а именно: 1) Историческія воспоминанія о волынской губерніи; 2)

Два дня свѣтской жизни—повѣсть изъ временъ польскаго возстанія 1830 года (стр. 43).

Въ *отдѣлѣ «критики и библіографіи»* находимъ отзывы о книгѣ «*Józef Dunin-Karwicki*. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłosci. Wołyńskie opowiadania historyczne. Warszawa 1901». (стр. 348).

Въ отдѣлѣ *„Смѣсь"* есть замѣтка о диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ привать-доцента В. Н. Перетца. Такъ-какъ тема его диссертаціи «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы изъ исторіи русской пѣсни» затрогиваетъ сюжеты по исторіи малорусской пѣсни, то диспутъ представилъ особенный интересъ для насъ южанъ. (стр. 399).

Тамъ-же помѣщенъ краткій отчетъ о докладѣ В. И. Ясевичъ (Бородаевской) «Сектантство въ Кіевской губерніи», читанномъ 17 ноября 1900 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ географическаго общества. (стр. 407).

Въ отдѣлѣ *Некрологи* помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго (стр. 413).

—

Вѣстникъ Европы № 1.

Кружокъ «Круглой Башни». Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой (стр. 240—284). Эти воспоминанія относятся ко времени русско-турецкой войны 1877—78 гг., когда въ Кіевѣ стали формироваться разнообразные кружки для оказанія помощи раненнымъ и больнымъ воинамъ. Въ одномъ изъ этихъ кружковъ принимала дѣятельное участіе В. Д. Хрущова, жена инспектора классовъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Характеристика лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ помощи раненнымъ, довольно блѣдная и мало дающая типичнаго для освѣщенія жизни Кіева: подобныя картины одинаково можно было встрѣтить въ любомъ пунктѣ.

—

Русская Мысль № 1.

Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ" помѣщенъ отзывъ о книгахъ: 1) *Записки Наукового Товариства імени Шевченка Т.* 33—38. (стр. 17).

—

Літературно-Науковий Вістник, № 1.

Наш Альбом:

Із поезий Дніпровоі Чайки, А. Б—О., Надіі Кибальчич, В. Залізняка, Із пісень Дмитренка, Івана Рекуна, Степана Петрушкевича. Стр. 1—14.

Моє слово, Василя Стефаника (стр. 15—17).

Над морем. Оповідане Лесі Украінки (конець буде) (стр. 18—33).

Мінятюри:

Я. Жарко: І. Чари, II. Згадка, III. Пташки (стр. 34—38).

В. Тарчанський: Ich grolle nicht (стр. 38—40).

І. Франко: Хмельницький і ворожбит (стр. 40—44).

Перша треба. Із записок сьвященника Т. Добрянського (стр. 45—51).

Більмо. Образок із гуцульского житя Марка Черемшини (стр. 52—64).

Із поезий Вл. Соловйова (стр. 65—70).

Із циклю сцен „При столі" Жанни Марні (стр. 71—85).

Притчі про початок авторітету, Мультатулі (стр. 86—90).

Із славянських поетів. (П. Славейкова, Чинтулова, Раковського, Вяч. Стаха, Вяч. Ганки, Я. Коляра, О. Хмеленського, Івана Коубека, Віляні, Б. Фурха, Вяч. Небеського, Анд. Сладковича, Ос. Гурбана, Анд. Зайлера)—перест. П. Граба (стр. 91—96).

Із „Фантазий реаліста" Лінкея (проф. Й. Поппера) (стр. 98—116).

—

Іван Раковський: Вік нашоі землі (стр. 1—9). Краткій обзоръ исторіи развитія земного шара.

Роман Заклинський. Спомини про Федьковича (стр. 10—20). (Конець буде).

Матеріалы для біографіи: два посѣщенія О. Федьковича—первое, въ 1866 г. О. Олексою Слюсарчукомъ, и второе, въ 1867, др. М. Бучинскимъ.

Ф. Майкут. Дещо з сучасного російского житя (По газетам і журналам) (стр. 21—31).

Наукові листки (стр. 32—45).

Новый отдѣлъ въ журналѣ, содержащій цѣнный научный матеріалъ: 1. Граматичний рід у аріо-европейських язиках—Бодуэна де—Куртене; 2. Остання праця Макса Міллера; 3. Рукописи Генриха Гайне, 4. Новий Грецький роман („Історія Хіони"), 5. За что ста-

рика обидѣли?—І. Ф. (по поводу статьи Свистуна въ „Галичанинѣ“ въ защиту о. А. Петрушевича) 6. Тезей „Нов. Время“ і його похід проти Мінотавра „окраін“—Ф. М. 7. Мукденські рукописи.

Олександер Яковлевич Кониський (18 серпня 1836—12 грудня 1900) (стр. 46—47).

Краткая замѣтка, отмѣчающая крупное значеніе почившаго въ исторіи украинской культурной жизни.

Осип Маковей. Людвік Якобовський. Посмертна згадка (стр. 48—50).

Сергій Ефремов. Останні години життя, смерть і похорон Олександра Кониського (стр. 51—54).

Хроніка і бібліографія (стр. 55—76). По обыкновенію, огромное количество цѣннаго матеріала для исторіи текущей культурной жизни.

—

Slovanský Přehled, № 4 и 5 (1 и 2).

Dr. Ivan Franko. K dejinam českorusinske vzájemnosti (стр. 156—160). Задавшись цѣлью указать вкратцѣ историческіе факты взаимныхъ сношеній чеховъ и русиновъ (украинцевъ вообще) съ древнихъ временъ (съ XI в.) и до нашихъ дней, авторъ попутно отмѣчаетъ имена чешскихъ дѣятелей, способствовавшихъ ознакомленію чешскаго міра съ галицко-русскимъ въ частности и съ Малороссіей вообще.

Въ отдѣлѣ „Rozhledý a zpráwy“ (стр. 192—193) отмѣчены нѣкоторые факты культурной Галицко-русской жизни, какъ-то: приготовленія къ предстоящему XII археологич. съѣзду; соединеніе въ одну труппу: М. Л. Кропивницкаго—подъ управленіемъ А. К Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго, при участія М. К. Заньковецкой и И. К. Карпенка-Караго—лучшихъ украинскихъ драматическихъ силъ; обязательное изученіе должностными лицами восточной Галиціи украинскаго языка и др.

№ 5 (2).

Въ отдѣлѣ «Rozhledý a zpráwy» (стр. 246) отмѣчены: исторія постановки памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, юбилей Петрушевича.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 1.

Fr. Rawita-Gawroński. Wycieczki Historyczno—Archeologiczne po Ukrainie (стр. 45—57). (Продолженіе слѣдуетъ). Авторъ дѣлится

своими впечатлѣніями отъ посѣщенія съ научно-археологическими цѣлями нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ по Днѣпру: д. Вишенокъ и Боровицы (оба на полтавскомъ берегу). Особенно цѣннаго въ научномъ отношеніи интереса впечатлѣнія эти не представляютъ.

Dr. Eugeniusz Romer. Rola Rzek w Historyi i geografii narodów (стр. 58—68) (окончаніе слѣдуетъ). Историко-философскія соображенія о значеніи крупнѣйшихъ рѣкъ, какъ то: Волги, Вислы, Эльбы, Одра и др. въ исторіи различныхъ народовъ, между прочимъ и Днѣпра—въ исторіи славянъ.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (стр. 289—352). (Продолженіе).

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. VII и VIII.

Е. О. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 243—312; 313—344).

Книга VII. Писцы книгъ. Школы письма, почерки. Способъ письма. Какъ пріобрѣтались въ старину книги и гдѣ ихъ можно было купить. Записи писцовъ и разныя помѣтки въ книгахъ: послѣсловія, краткія приписки о писцахъ, разныя случайныя помѣтки. Приписки вкладчиковъ и владѣтелей книгъ. Списокъ извѣстныхъ писцовъ кирилловскихъ книгъ по 1500 годъ.

Книга VIII. Первыя типографіи и типографы: въ Краковѣ, Прагѣ, Венеціи и др. мѣстахъ. Типографіи въ западной и восточной Руси (Виленская, Несвижская, Заблудовская, Львовская, Острожская). Первопечатныя книги.—Разныя редакціи рукописей, между прочимъ и русская: рукописи новгородскія, псковскія, галицко-волынскія, западно-русскія.—Особенности языка галицко-волынскихъ и западно-русскихъ письменныхъ памятниковъ.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 9—12.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 89—223) (Продолженіе).

Глава II. Доходы, источникомъ которыхъ служила судебно-административная дѣятельность самого великого князя: полюдіе, стація на господаря (яловщина, болкуновщина, мезлева, дары челобитья, судебныя вины, тивунщина. Глава III. Государственныя имущества:

добра «властныя» господарскія, столовыя и земскія, должностные лены. Способы управленія господарскими и земскими добрами. Господарское хозяйство: «платы» и службы населенія.

Этнографическое Обозрѣніе, № 3.

А. Л. Масловъ. Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента «малороссійской лиры» (стр. 1—13). Послѣ краткихъ историческихъ справокъ о лирѣ на Руси до XIX столѣтія, авторъ сообщаетъ данныя о нѣкоторыхъ лирникахъ въ Ливенскомъ у. Орловской губ., существующихъ тамъ уже около 40 лѣтъ (захожихъ съ южныхъ губерній) и имѣющихъ особый языкъ, отличающійся отъ языка юго-западныхъ лирниковъ. Репертуаръ ихъ, по словамъ автора, вращается теперь около духовнаго стиха и пляски».

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* (стр. 154) данъ отзывъ о книжкѣ проф. *Т. Флоринскаго. „Малорусскій языкъ и «украінско-русскій» литературный сепаратизмъ.* С.-Петербургъ, 1900». Рецензентъ (А. М.) заканчиваетъ свой отзывъ слѣдующими словами: «ратованію противъ этого (цитированнаго рецензентомъ изъ книжки проф. Флоринскаго) національнаго движенія и посвящена брошюра проф. Флоринскаго, свидѣтельствующая только о томъ, что люди науки иногда бываютъ очень дурными и вредными для народнаго дѣла и для самой науки публицистами".

Wisła, № 6.

H. L. Obrzędy weselne na Nizu Dnieprowym (стр. 743—752). Авторъ записалъ въ постепенномъ порядкѣ обряды, сопровождающіе свадьбу («весилля») въ Екатеринославской губерніи.

Въ отдѣлѣ *«Poszukiwania»* (стр. 770—786) отмѣчены: картинное письмо у Гуцуловъ и бойковъ-Верховинцевъ, изъ книги Józefa Sznaidera: «Z kraju Huculów», а также изслѣдованія Володимира Охримовича: «Останки первісного камунізму у Бойків-Верховинців— (въ Записк. Наук. Тов. т. 31—32), прибѣгающихъ къ различнымъ знакамъ взамѣнъ цифръ; представленія и понятія о природѣ въ с. Юрковщизнѣ, Звягильскаго уѣзда—различныя повѣрья о циклопахъ, кометахъ, «смокѣ» (радугѣ), громѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, землѣ, человѣкѣ, аистѣ, жаворонкѣ, «зузулѣ», павлинѣ, пѣтухѣ, гусѣ, сорокѣ, совѣ, «кажанѣ», воронѣ, голубѣ, журавлѣ, конѣ, дикой козѣ, собакѣ, котѣ, мышѣ, ужѣ, жабѣ, пчелѣ, муравьѣ, блохѣ, паукѣ и божьей коровкѣ.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 786—801) даны отзывы объ изданіяхъ: «Pisanki w Galicji. III. Lwów, 1898. Odbitka z «Ludu», str. 48», «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т 31—32».

„Etnografja" w Słowniku Geograficznym Królewstwa Polskiego i inych krajów slowańskich (стр. 801—807).

—

Kwartalnik Historyczny т. **IV**.

Adam Szelągowski. Przesilenie pieniężne w Polsce za Zygmunta III» (стр. 584—623). Авторъ разсматриваетъ вопросъ о финансовомъ кризисѣ въ первой половинѣ XVII ст., о причинахъ его и мѣропріятіяхъ правительства къ поднятія стоимости монеты; приводитъ свидѣтельства современной разсматриваемому имъ вопросу литературы, дающей любопытныя сравнительныя цѣны различныхъ предметовъ обстановки и потребленія.

Въ отдѣлѣ *«Recensye i Sprawozdania»* даны отзывы объ изданіяхъ: «Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе кіевскаго губернск. статист. комитета. Кіевъ, 1900 г.» (стр. 699—700) и «Załęski Stanisław. Jezuici w Polsce, tom I. Lwòw, 1900» (стр. 706—711).

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12.

Л. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XVI—XVII вв. (стр. 153—198) (продолженіе).

Въ настоящей главѣ авторъ останавливается на организаціи западно-русскихъ братствъ, ихъ дѣятельности (школы, типографіи), а также на наиболѣе выдающихся четырехъ лицахъ, которыя или тѣсно примыкаютъ къ братствамъ, находясь съ ними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, какъ-то: А. М. Курбскій, Францискъ Скорина и др. Подробно отмѣчены литературные труды доктора Скорины и А. М. Курбскаго.

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи № 1 и 2.

Бошнякъ. Майборода. Шервудъ. По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго (стр. 101—115). Нѣсколько интересныхъ страничекъ изъ жизни Южнаго Общества, въ которой очень неблаговидную роль сыграли наши земляки—Бошнякъ, помѣщикъ херсонской губерніи, и Майборода, изъ мелкопомѣстныхъ херсонскихъ дворянъ.

Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царьграда русскими въ 626 году (стр. 230—233). Объ этомъ интересномъ документѣ было сообщено у насъ въ 1900 г. № 11, отд. 2-й, стр. 111-я.

№ 2.

Въ отдѣлѣ «Странички Прошлаго» (стр. 195) помѣщенъ интересный документъ *«Заготовка розогъ»*, относящійся къ 1846 году. Кіевское губернское присутствіе въ упомянутомъ году постановило заготовить въ Кіевской губерніи 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ для Херсонской губ. и 9,000 для Таврической.

Изъ области археологіи (стр. 203—206).

Отчетъ о сообщеніи А. А. Бобринскаго въ засѣданіи Р. Арх. Общ. о раскопкахъ Зноско-Боровскаго и о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

—

Кавказскій Вѣстникъ, № 1.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» (стр. 174) отмѣчено чествованіе 70-лѣтняго юбилея извѣстнаго русско-украинскаго писателя Д. Л Мордовцева.

—

Міръ Божій, № 1.

Въ отдѣлѣ „На Родинѣ" (стр. 29—30) дано сообщеніе объ интересномъ докладѣ В. И. Бородаевской въ „Союзѣ писателей"—„Сектанты въ Кіевской губерніи".

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1-мъ журнала «Нива» помѣщенъ рисунокъ П. С. Шарварока, ученика И. Е. Рѣпина, подъ заглавіемъ «Думы мои, думы мои», представляющій сложную композицію разнородныхъ сюжетовъ поэзіи Т. Г. Шевченка. За эту картину П. С. Шарварокъ удостоенъ высшаго званія художника по новому академическому уставу.

—

Въ № 282 газ. „Волынь" помѣщена замѣтка *В. К.* «Сочельникъ на Волыни и во всей Украинѣ», авторъ которой отмѣчаетъ обычаи, соблюдаемые народомъ въ сочельникъ.

—

Въ № 279 газ. „Волынь“ помѣщена малорусская сказка «Якъ почалы робыты горилку», записанная В. Г. Кравченкомъ въ м. Червонномъ, Житом. у. Сказка, повидимому, представляетъ варіантъ обработанной Л. Н. Толстымъ народной легенды о „винокурѣ“. Сказка записана съ соблюденіемъ особенностей говора разсказчика.

—

Въ № 5 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщено продолженіе изслѣдованія Е. Д. Фелицына—«Кубанскій край сто лѣтъ назадъ». Глава III. Черноморія. Административный строй.

—

Въ № 280 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщены двѣ статьи: 1) *М. Пахомова.* «Різдвяні Святки въ Черноморіи» и 2) *Ив. Гр. Иванова.* Рождественскія святки на Лабіи (народные обычаи предъ праздниками Рождества Христова и Новаго Года въ ст. Вознесенской, Лабинскаго отдѣла).

Какъ въ той, такъ и другой приводятся интересныя данныя для характеристики народныхъ обычаевъ въ Кубанской Области, приводятся также нѣсколько колядокъ и щедривокъ.

—

Въ № 2, 3, 4 и слѣд. газеты «Буковина» печатается въ переводѣ на украинскій языкъ комедія Гоголя «Ревизоръ».

—

Въ №№ 4 и 5 газ. «Дѣло» помѣщена въ фельетонѣ статья М. Лозинскаго: *«Украиньско-руска література в 1900 р.»* Авторъ отмѣчаетъ литературную продукцію на Украинѣ (журналъ «Кіевская Старина», сборникъ «Викъ»), на Угорской Руси (календари), Буковинской (газеты: Буковина, Руска рада; отд. изданіе: «Буковиньска Русь»), въ Америкѣ (газ. «Свобода») и, наконецъ, въ Галицкой Руси (Науков. Тов. ім. Шевченка, Літературно-Науковий Вістник, «Видавнича Спілка», „Просьвіта“, Молода Україна; отдѣльныя изданія).

По мнѣнію автора, «въ нашемъ литературномъ движеніи замѣтенъ съ каждымъ годомъ все большій и большій прогрессъ какъ въ отношеніи количества, такъ и качества литературной продукціи».

—

Въ № 6877 газ. „Южный край“ помѣщена въ фельетонѣ статья Ек. Гай-Сагайдачной: „Три царя“. Автору удалось видѣть три года тому назадъ въ Чугуевѣ мистерію „Три царя“, въ исполненіи бродячей труппы; запись этой мистеріи и дана ей въ упомянутой газетѣ. Въ

числѣ дѣйствующихъ лицъ, какъ-то: Иродъ, царь Максимиліанъ, Мамай, палачъ Брамбеусъ, Смерть, воины—фигурируетъ и дѣдъ гробокопатель, говорящій довольно правильнымъ украинскимъ языкомъ.

—

Въ № 5 газ. «Куб. Областныхъ Вѣдомостей» помѣщенъ учителемъ К. Ковалевымъ интересный списокъ заговора отъ лихорадки, записанный въ ст. Шапсугской.

—

«Молода Україна», ч. 12 за грудень 1900 р. Зміст: По роцi.— На зеленій Буковині. *Іван Брик*: Олександер Конаський (з портретом).—*Теофіль Мелень*: Григорий Савич Сковорода.— *Володимир Лідин*: На границі.—Хроніка з нашого житя.—Бібліографія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

А. Л. Дорога до свѣдомости. I. Капиталъ и праця. Выдавя часоп. «Свобода», ч. 12. Olyphant, Pa. 1900. Зъ друкарни «Свободы». Ст. 26, 8°. Ціна 10 цент.

Archiwum Komisyi Prawniczej T. VII. Nakładem Krakowskiej Akademii Umiejętności. Содержитъ «Статутъ Литовскій во второй редакціи» (1566 г.).

Balzer Oswald. Nistorya porównawcza praw slowiańskich, główne kierunki rozwoju nauki i jej istotne znaczenie. Lwów, 1900.

Бібліотека для рускои молодежи пидъ редакціею проф. Юліяна Насальского. Випускъ XXVIII. Коломыя, 1900. Змистъ: 1) Позѣрка, оповѣдане Франца Мешка въ перекладѣ Илька Кузева; 2) Оповѣдане сѣльского священика.—Зъ французького; 3) Дивне письмо, дѣточа комедія вь одномъ актѣ Теофіля Медведя.

Василенко, В. И. Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губерніи. Выпускъ I. Пряденіе и ткачество въ Зѣньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Изданіе Полтавскаго Губ. Земства. Полтава, 1900, I—III, 1—111.

Въ двѣстальтну рочницю уніи львивскои архидіецезіи. Написавъ Т. А. Накладомъ Митр. Ординаріята. Львовъ, 1900. Зъ друкарнѣ Ставропигійского Института. ст. 40, 8. Ціна 10 сот.

Волынскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1901 годъ. Годъ 8-ой Изд. О. Ив. Досиничука. Житоміръ, 1900, I—XXXII, 1—144. Цѣна 20 коп.

Временникъ Ставропигійского Института съ мѣсяцесловомъ на годъ обыкновенный 1901. (Годъ изданія XXXVIII). Львовъ, 1900. Изъ типогр. Ставр. Института. Ціна 1 кор.

Gawroński-Rawita Fr. Historya ruchów Hajdamackich. Lwów, 1901.

Где есть скарбъ закопаный? Наука о томъ, якъ его выдобути. Написалъ Г. А. П(олянскій). Перепечатано зъ «Рускои Рады». Коломыя, 1900. Черенками и накладом Михаила Бѣлоуса. Ст. 74, 8°. Ціна 20 сот.

Грабина А. Т. Панъ Халявскій. Комедія-фарсъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ, 1900, 1—75. Цѣна 50 коп.

Грушевський Мих. Бех-Аль-Джугур. Оповіданє. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч. 9. Львів, 1900.

Грушевський Михайло Хмельницкиї і Хмельниччина. Історичний ескіз. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч 4. У Львові, 1901, стр. 1—63, 16. Ціна 20 сот.

Гумористичний—ілюстрований календар «Комара» на рік звичайний 1901. У Львові, 1900. Коштом и заходом редакції «Комара». З друкарні Уділової. Ст. 96+32, 16°. Ціна 50 сот.

Енцикліка Папи Льва XIII про робітниче питанне. Накладом «Літерат.-Науков. Товариства українськоі духовн. семинариі у Львові». Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, 8°, стр. 40. Ц. 15 кр.

Етнографічний Збірник. Видає етнографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VIII. Галицькі народні новели. Зібрав Осип Роздольський. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Стор. IX+166 вел. 8°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Передмова (д-ра І. Франка); 2) Текст новель, ст. 1—81; 3) Покажчик важнійших мотивів. Т. IX. Етнографічні материяли з Угорськоі Руси. Зібрав Володимир Гнатюк. Том 3-ій. 1) Західні угорсько-руські комітати. 2) Бач-Бодрогський комітат. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 4+284, вл. 8°. Ціна 3 корони.

Ефименко, А. Я. На Украинѣ. Очерки и разсказы. Съ рисунками. 3 выпуска. М. 1901 г. Ц. I и II вып. по 30 к., III—25 к.

Жерновъ Матвій Семеновычъ. Збирныкъ творивъ. Томъ первій. Харькивъ, Друкарня Саввы Иванченко, 1900 року, 1—87, in 16°. Цѣна 20 коп.

Записки И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года. Отт. изъ журн. «Кіевской Старины». Кіевъ, 1901 г., стр. 1—15.

Zalęski St., ks. J. J. Jezuici w Polsce, t. I. Wałka z różnowierstwiem. 1555—1606, częśc I. Lwów 1900.

Зальцман Христіян. Г. Книжка приказок про те, якъ не належиться поводитися з дітьми. Переклав Теодор Біленький. З переднім словом Івана Франка. Виданне Тов. «Просьвіта», чч. 243—244. Львів, 1900, стр. 1—48. Ціна 40 сот.

Замятченскій, П. проф. Старобѣльскій уѣздъ Харьковской губ. въ геологическомъ, гидрологическомъ и почвенномъ отношеніи. Отчетъ Старобѣльской уѣздной земской управы. Издано Старобѣльской уѣздной земской управой. Спб. 1900. Тип. К. Биркенфельца, 8 д. II+148 стр.

Zbiór ćwiczeń pisemnych polskich, ruskich i niemieckich, dla szkół ludowych typu niższego z językiem wykładowym polskim i ruskim. Nowy Sącz. 1901. Wydawnictwo Red. «Szkolnictwo». Ц. 1. 10 кр.

Ілюстрований буковинський календар на рік 1901. Видане «Рускої Бесіди», ч. 160. Чернівці, 1900. З друкарні «Руской Ради», Ц. 50 сот.

Илюстрованый Календарь Пр. Дѣвы Маріѣ на рикъ 1901. У Винтербергѣ, 1900. Накладомъ Ивана Штайнбренера, стр. 80, 4°. Цѣна 80 сот.

Илюстрованый календарь Общества имени Михаила Качковскаго на годъ звычайный 1901. Изданъ подъ редакціею Б. А. Дѣдицкаго. Годъ XVII. Львовъ, 1900. Типогр. Ставр. Института. Ціна 70 сот.

Інформаційний календарик Руского педагогічного Товариства у Львові на звич. рік 1901 в двайцяті роковини Товариства. Зложив Др. Мих. Пачовский, ц. к. професор акад. гімназиї у Львові. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. У Львові. 1900, 1—131. Ціна 50 сот. (Видане Рус. Тов. педагогіч., ч. 85).

К. В. Образки з Криниці. Артистично Літературні новини. Книжка IV. Перемишль, 1900. З друкарні М. Джулинського. 30. 8°. Ціна 50 сот.

Календаръ для американськыхъ Русиновъ на рикъ 1901. Олифантъ (Пенсильванія), зъ друкарни «Свобода». Съ иллюстр. и портретами: Котляревскаго, Драгоманова, Гончаренка и др. и 6 фотограф. снимками: Первые поминки по Т. Шевченкѣ на американск. территоріи въ Ша-

мокинѣ, вечерняя школа въ въ Олифантѣ, читальня имени Котляревскаго въ Ансоніи, Русинская школа въ Мт.-Кармелѣ, читальня имени Шашкевича въ Олифантѣ и русинская школа въ Олифантѣ.

Календар на звич. рік 1901. Накладом філії Руского Товариства Педагогичного в Коломиї. Ц. 25 сот.

Каллашъ Вл. Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. III. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1901, стр. 1—38.

Калитовскій Омелян. Учебникъ географіи для II и III кляси шкіл середніх (з 39 ілюстрациями). У Львові, 1900. Накладом фонду краевого. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 254, 8°. Ціна 2. 50 кор.

Др. Ол. Колесса. Поглад на сучасний стан історичних розслідів укр.-рускої літератури. Найдавнійший періодъ. Кілька проблем и десідератів. У Львові, 1901 Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка.

Коляди и щедрівки. З додатком тропарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявлене. У Львові, 1900. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевч. Виданне товар. «Просьвіта». У Львові, 1900, 1—84, 16°. Ціна 20 сот.

Короста (Чухачка). Якъ личыты коросту (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Котляревскій И. П. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. 1) Москаль-Чарявныкъ; 2) Наталка-Полтавка; 3) Энеида. Москва, 1900. Тип. т-ва Вл. Чичеринъ, 8 д., 338 стр. Цѣна 1 р. (3000 экз.).

Кулида Д. В. Стихотворенія. 1887—1889 г. Изд. А. Кулиды. Кременчугъ. 1900, Тип. Д. Жолковскаго, 8 д., 20+1 стр. (500 экз.).

L. Z. W. Stronnictwa polityczne w Galicyji w przedniu wyborów. Kraków, 1900.

Левицькій М. Короста (Чухачка). Чытанка для селянъ. Изданіе Врачебнаго Отдѣленія Кіевскаго Губернскаго правленія. Кіевъ, 1900, 1—8, in 16° (съ рисункомъ). Цѣна 1 коп. (10.000 экз.).

Левицкій Кость. Пропис людности. В додатку: «Староруськi оповідання», ч. V и VI (д-ра Ів. Франка). Виданне тов. «Просьвіта», ч. 245. Львів, 1901, стр. 16+20. Ціна 20 сот.

Лепкий Богдан. Оповідання. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 138, 12°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Цьвіт щастя, 2) Закутник, 3) Стріча, 4) Починок.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Накладом А. Хойнацького. У Львові, 1900, 1—16. Ціна 2 корони.

Лякоронскій В. Прошлое м. Триполья и мѣстныя народныя преданья о немъ. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 50 коп.

Макарь Стефанъ. Руско-англійскій провидникъ. Видавництво часописи «Свобода». Ч 11. Olyphant, Pa. Зъ друкарни „Свободы". 1900. Ст. 116, 8⁰. Стр. 41.

Мандичевский Евген. З живого і мертвого. Новелі. Львів, 1901. Накладом автора. Зміст: 1) Сирітський сон, 2) Мужицьке жито, 3) Харитинки, 4) Білила полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 7) Нужда, 8) Вечір. Ціна 1 кор.

Маркевичъ, А. И. Пушкинъ и Новороссійскій край. Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. универс. и учен. общ. 27 мая 1901 г. Одесса, 1900 г. Ц. 30 к.

Мирний Панас. Лови. Оповідане. «Літерат.-Наукова Бібліотека», ч. 7. Львів, 1901.

Др. Іос. Мѣльницкій. Теофилъ або выкладъ гомилетичный Апостоловъ и Евангелій. Т. Ш, вып. VI. Львовъ, 1901, 8⁰. Стр. 41.

Наумович Володимир. Величина і будова звіздяного сьвіта. В додатку: Спомини про Володимира Наумовича, написав Іван Франко. «Літерат.-Наукова Бібліотека». 6. Львів, 1901.

М(алинякъ) Н. Д. Малая Евхарістическая книжица. Послѣдованіе къ святому причащенію. Перепечатано изъ Почаевскаго Молитвослова изъ конца XVШ вѣка. Перемышль, 1900. Изъ тип. Н. Л. Джулынскаго. Ст. 48; 12⁰. Цѣна 50 сот.

М(алинякъ) Н. Д. Зерна горушичны изъ сѣменца Камянина. Евхарістіка. Календарь. Семенарь. Языкъ и каѳоликъ. Епілогъ. Перемышль. 1900. Зъ печатни Н. Л. Джулынскаго. Ст. 52, 8⁰.

Огоновсъкий П. Учебник аритметики для низших кляс. Часть I (на I и II кл). 2 виданне. Львів, 1900. Ц. 1 кор. 80 кр.

Огоновскій Іляріон. Словар до Гомеровоі Одиссеі і Іліяди. Накладом Науков. Тов. ім. Шевченка при підпомозі Галицкого сойму. У Львові, 1900, стр. 1—433. Ціна 4 корони.

Оркан Владислав. Скапаний сьвіт. Переклад Иосифа Стадника. Вид. Р.-Укр. Видавничоі Спілки. Ч. І. Львовъ, 1900.

Оставнте дѣтей приходити ко мнѣ. Начеркъ науки религіи въ першôи клясѣ народнои школы. Уложивъ свящ. Л. Лужницкій

Львôвъ, 1900. Накладомъ редакціи „Богословскаго Вѣстника". Ст. 48, 12°.

Остапенко Грыцько. „Кобзарь". Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1900. Тип. И. Полякова, 16 д. 144, стр. 6000 экз.

Pawiński A. Teki tom VI. Dyaryusze sejmowe, część I ч. 1581, 1681, 1726. Lwów. 1900. 4 k. 60 h.

Петеленичъ-Калитовський Герман. Вправи німецькі для IУ кл., 2 видане. 1900 р.

Про сифилисъ (пранци). Перекладъ зъ выдання „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова". (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Про скарлатыну (краснуха). Перекладъ зъ выдання „Общества врачей въ память Н. И. Пирогова". (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Профессоръ Николай Өеодоровичъ Сумцовъ. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ, 1900, 1—37, in 8°.

Познанскій Б. Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ. Разсказъ. Отт. изъ журн. „Кіевск. Стар.". Кіевъ, 1901, 1—16.

Покрива Т. Дорога до свѣдомости. II Борба класъ. III Для чого робітники організуються? Вид. час. „Свобода". Ч. 13. Olyphant. Pa. 1900. Зъ друкарнѣ „Свобода". Ст. 24, 8°. Цѣна 10 цент.

Приятель жовніра. Календарь на рік 1901. Вінтенберг, 1900. Накладом Івана Штайнбренера. Стр. 128, 4°.

Пулюй Іван, др. Непропаща сила. „Літерат.-Наукова Бібліотека", ч. 8. Львів, 1901.

Пятка Стефанъ. На прічках. Видане Руского Товариства педагогічного, Ч. 80. У Львові, 1900. З друкарні Наукoв. Тов. ім. Шевченка. Ст. 34, 8°. Ц. 30 сот..

Радичъ В. Запорожская Старина. Историческіе разсказы. Изд. ред. журн. „Всходы". Спб. 1900 г., 1—242. Цѣна 1 р. Содержаніе: Дѣдушка, Ссылка, Святой вечеръ, Погромъ Крыма, По синимъ волнамъ, Палій и Палінха, У гетмана, Максымъ Желѣзнякъ.

Рклицкій М. Городъ Новгородъ-Сѣверскій, его прошлое и настоящее. Изд. редакціи «Земскаго Сборника Черниг. губ.». Черниговъ, 1900. Тип Губ. Земства. 8 д., 32 стр.

Ротарь Ив. Епифавій Славинецкій, литературный дѣятель XVII вѣка. Оттискъ изъ журн. «Кіев. Стар». Кіевъ, 1901, 1—119.

Самойловичь Иванъ. Лѣтопись с. Разбишевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губ. Полтава, 1900, стр. 1—32 (Оттискъ изъ №№ 5—6 «Полтавск. Епарх. Вѣдомостей» за 1900 г.).

Сборникъ Им. Р. Ист. Общ. Т. 107. Матеріалы Екатерининской Законодательной Коммиссіи. Т. IX. Спб. 1900. Ц. 3 р.; т. *108.* Бумаги кабинета импер. Анны Ивановны. 1731—1740. Собр. и изд. подъ редакціей А. Н. Филиппова. Т. Ш (1734 г.). Юрьевъ, 1900 г. Ц. 3 руб.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся къ крестьянскому общественному управленію. Общее положеніе. Т. I, ч. I. Москва, 1901.

Сборникъ декламацій, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателѣвъ. Собравъ М. Бѣлоусъ. Коломыя, 1900. Черенками М. Бѣлоуса. Ст. 64, 8°. Ціна 30 сот.

Слово о. Генр. А. Полянского по случаю генерального собранія членовъ им. Михаила Качковского въ Сяноцѣ ($^{18}/_{9}$ 1900). Черенками Михаила Бѣлоуса. Ст. 16, 8°. Ціна 10 сот.

Стефаник Василь. Дорога. Збірка нарисів (Дорога, Скін, Давнина, Вістуни, Май, Палій, Кленові листки, Похорон, Сон, Басараби, Озимина, Злодій, Такий панок). Видане «Рус.-Укр. Видавничої. Спілки.» Ч. 2. Львів, 1900.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского, in 8°, стр. 131. Зміст: 1) Козацтво і гайдамаччина въ Енеїді Котляревського (стр. 1—32), 2) Характеристика поэзий Петра Гулака-Артемовского (стр. 35—131). Ціна 10 сот.

Teisseyre Wawrzyniec Dr. Atłas geologiczny Galicyji, zeszyt 9 (mapy i tekst). Kraków, 1900.

Тобилевичъ И. К. (Карпенко-Карый). Бурлака. Драма на 5 дій. Кіевъ, 1900, типографія П. Барскаго. № 16. Стр. 1—78, in 16°. Цина 7 коп.

Федьковичъ Ю. I. Фармазони. Красна и правдива повість для розумних господарів. II. Поэзії Юрия Федьковича. Виданне Тов. „Просьвіта", ч. ч. 246—247. У Львові, 1900, 1—80 стр. Ц. 40 сот.

Фільотас. Старинный процес за змову на королівське жите. Оповідане Квінта Курция Руфа. З латинської мовп переклав Іван Франко. У Львові, 1901. стр. 1—89, 16° („Літер.-Наук. Бібліотека, ч. 5).

Франко Іван. Перехресні стежки. Повість. Видане ред. „Літ.-Наук. Вістника". Львів, 1900. Ст. 320, 8⁰. Ціна 3 корони.

Хатемкинъ А. Земськый гласный. Разсказъ. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, стр. 1—37.

Chronik der ukrainischen Ševčenko—Gesellschaft der Wissenschaften im Lemberg № 3. (Mai—August). Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 22, 8⁰. Ціна 30 сот.

Християнский календар Місионаря на 1901 рік. Жовква. Печатня о.о. Василіян, 1900. Стор. 110, 8⁰. Ціна 50 сот.

Часопись правнича і економічна. Під редакцнею Станіслава Дністрянського. Львів, 1901. Зміст: 1) Передмова, 2) *Андрій Гошовский:* Про новий напрям в науці приватного права, 3) *Др. Станіслав Дністрянський:* Берненська унія і наше відношене до неі, 4) *Др. Іван Франко:* Грималівский ключ въ р. 1800.

Ш. Я. Пробуждающійся край (Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900). Отт. изъ жур. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, 1—22.

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирнычокъ творивъ. С.-Петербургъ. 1900 г., in 16⁰, стр. 40. Столичная типографія. Гороховая, № 12. Цина 20 к.

Шекспір Уілліям. Юлій Цезарь. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненям д-ра І. Франка. Наклад. „Укр.-руськ. Видавн. Спілки". Ч. 3. Львів, 1901, ст. XII+132, 8⁰. Ціна 1. 60 кор.

Шпойнаровский Сергій. Руска читанка для першої кляси шкіл середних. Чернівці, 1900. Накладом ц. к. книгарні університетськоі.

Якъ обереглты себе видъ виспы. Перекладъ зъ выдання „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова". Ананьевъ 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Яроцкій Я. В. Изъ прошлаго Волыни. Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-ый. Содержаніе: 1) Шереметевы валы на Волыни и ихъ историческое значеніе, 2) Парафіальныя школы на Волыни; ихъ возникновеніе и значеніе, согласно уставу 1807 г., 3) Парафіальныя школы Влад.-Волынск. у. и ихъ закрытіе въ 1832 г., 4) Изъ исторіи одного владѣльческаго города, 5) Искорость (изъ путевыхъ замѣтокъ), 6) Изъ Искорости въ Народичи (путевыя замѣтки). Житоміръ. 1900 г., стр. 1—50.

Археологическая лѣтопись.

Ученыя общества.

Воронежская ученая архивная комиссія. 1 декабря состоялось торжественное открытіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной комиссіи. Къ торжеству открытія собрались въ губернаторскій домъ представители разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, члены-учредители, а также и нѣкоторые изъ земскихъ представителей, прибывшіе въ Воронежъ на губернское земское собраніе.

Объявляя комиссію открытой, начальникъ губерніи П. А. Слѣпцовъ выразилъ благодарность кружку лицъ, иниціативѣ которыхъ принадлежитъ учрежденіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной комиссіи. (Разрѣшеніе на учрежденіе комиссіи дано 23 сентября настоящаго года). Затѣмъ главный иниціаторъ учрежденія комиссіи въ г. Воронежѣ, предводитель дворянства Коротоякскаго уѣзда, извѣстный своими арехологическими работами, Савеловъ произнесъ рѣчь, посвященную выясненію вопроса: что такое ученая архивная комиссія, что она должна сдѣлать и что она можетъ сдѣлать. Указавъ, что дѣятельность архивной комиссіи распадается на три отдѣла: архивный, историко-археологическій и этнографическій, ораторъ отмѣтилъ, что, кромѣ этихъ, чисто научныхъ занятій, комиссія должна озаботиться составленіемъ музея и библіотеки. Заканчивая свою, одушевленную идеальными стремленіями, рѣчь и обращаясь къ будущимъ труженикамъ комиссіи, почтенный ораторъ выразилъ надежду, что

въ Вороженскомъ краѣ, родинѣ Евгенія Болховитинова, Н. И. Костомарова, Н. А. Сѣверцова и многихъ другихъ, найдутся Второвы и Тарачковы, а при ихъ помощи юная воронежская комиссія займетъ съ честью подобающее ей мѣсто среди комиссій другихъ губерній.

По окончаніи рѣчи Л. М. Савелова произведены были выборы. Большинствомъ голосовъ избраны были: предсѣдателемъ—извѣстный писатель, воронежецъ Евг. Льв. Марковъ, товарищемъ предсѣдателя—Л. М. Савеловъ и правителемъ дѣлъ—членъ-секретарь губернскаго статистическаго комитета мѣстный педагогъ М. Н. Быловъ.

Занявшій предсѣдательское мѣсто Марковъ поставилъ на разрѣшеніе собравшихся въ количествѣ 34 членовъ нѣсколько вопросовъ. Такъ какъ еще ранѣе открытія настоящей комиссіи была организована при воронежскомъ статистическомъ комитетѣ особая комиссія по устройству въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, то рѣшено слить эту комиссію съ вновь открытой. Такъ какъ при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ уже организованъ музей, уставъ котораго до сего времени не утвержденъ, то обсуждался вопросъ о возможности присоедененія музея къ открытой комиссіи, о чемъ и постановлено просить статистическій комитетъ въ ближайшемъ общемъ его засѣданіи. Открытая комиссія пока не располагаетъ никакими денежными средствами. Единственнымъ источникомъ такихъ средствъ являются, въ настоящее время, членскіе взносы, ежегодный размѣръ которыхъ для дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ Воронежской губерніи, установленъ въ 3 р. и пожизненный—въ 75 р. Помѣщеніе для первыхъ ученыхъ занятій комиссіи рѣшено пока отвести при статистическомъ комитетѣ.

Но съ самаго же начала архивной комиссіи, какъ извѣстно, должны образоваться историческій архивъ и библіотека: возникаетъ серіозный вопросъ о самостоятельномъ помѣщеніи для комиссіи... Затѣмъ, комиссія должна печатать свои научные труды—найдутся-ли нужныя средства?.. Какъ юное учрежденіе выйдетъ изъ этихъ затрудненій—покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, остается пожелать симпатичному дѣлу полнаго успѣха. („Спб. Вѣд.“)

—

25 ноября въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ состоялось засѣданіе членовъ русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Прочитаны рефераты: графомъ А. А. Бобринскимъ „Кіевскія древности въ раскопкахъ Зноско-Боровскаго" и С. Л. Пташицкимъ „Нумизматика, какъ средство опредѣлить, кто былъ Лжедимитрій I" (по поводу новѣйшихъ польскихъ изданій о смутномъ времени). По сообщенію предсѣдателя Императорской археологической комиссіи, графа А. А. Бобринскаго, посвятившаго много лѣтъ на изученіе кіевскихъ древностей, археологія Кіевской губерніи за послѣднія 20 лѣтъ оказала значительные успѣхи. Тысячи раскопанныхъ кургановъ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые интересные выводы относительно племенъ, обитавшихъ нѣкогда въ этихъ мѣстностяхъ. Всѣ курганы кіевской области можно раздѣлить на 5 группъ. Къ первой принадлежатъ древнѣйшія крупныя насыпи, характеризующіяся скорченными костяками, бѣдностью предметовъ и находками грубо-выдѣланной посуды еще безъ помощи гончарнаго круга. Находки кургановъ второй группы, наоборотъ, отличаются изобиліемъ, разнообразіемъ и богатствомъ предметовъ. Но это богатство кургана служило приманкою грабителей, и поэтому только не болѣе двадцатой части ихъ осталось не расхищенными. Курганы эти—скиѳскаго происхожденія. Къ третьей группѣ принадлежатъ курганы римскаго времени (съ вещицами римскаго происхожденія). Четвертую группу составляютъ славянскія погребенія и, наконецъ, пятую—новый, недавно открытый типъ кургановъ—„печенѣжскій". Характеризуются они остатками лошади при костякѣ воина. Зноско-Боровскій, о раскопкахъ котораго сообщилъ графъ Бобринскій, былъ проницательный, точный и глубоко, до фанатизма, преданный своему дѣлу работникъ. Изслѣдовано и научно-описано имъ до 105 кургановъ. Коллекція предметовъ послѣ его смерти поступила въ собственность кіевскаго музея. Изъ четырехъ, наиболѣе интересныхъ кургановъ одинъ, судя по находкамъ, Зноско-Боровскій относитъ къ числу погребеній сарматскихъ амазонокъ, другой обнаружилъ остатки воина въ полномъ вооруженіи, съ желѣзной маской, нѣкогда покрывавшей его лицо. Это типъ печенѣжскій.

Второй референтъ, П. А. Пташицкій, указалъ на нѣкоторыя любопытныя заключенія, къ которымъ пришли современные

польскіе изслѣдователи смутнаго времени. По мнѣнію одного изъ нихъ, первый самозванецъ былъ сыномъ Стефана Баторія.

— -

17-го декабря состоялось засѣданіе *Коммиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*. Въ немъ было доложено заключеніе гр. П. С. Уваровой о доставленныхъ экскурсантами прошлаго лѣта фотографическихъ снимкахъ, гдѣ высказаны нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся технической стороны дѣла. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя комиссіи, Н. П. Дашкевича, рѣшено обратиться съ просьбой къ гр. П. С. Уваровой о разсылкѣ священникамъ чрезъ епархіальное начальство краткихъ вопросныхъ пунктовъ о времени постройки церквей и инвентарѣ послѣднихъ; такого рода свѣдѣнія необходимы для составленія маршрутовъ предстоящихъ экскурсій. Рѣшено также обратиться къ инспекторамъ народныхъ училищъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины при посредствѣ народныхъ учителей, при чемъ однимъ изъ членовъ комиссіи было заявлено, что инспекторомъ 3-го раіона Кіевской губ. В. Н. Бутовичемъ уже выражено желаніе способствовать такимъ путемъ цѣлямъ Комиссіи. Выбраны въ члены Комиссіи инженеры П. И. Голландскій и В. А. Осьмакъ—нельзя не привѣтствовать это избраніе, такъ какъ до сихъ поръ среди членовъ Комиссіи отсутствовали спеціалисты по исторіи архитектуры и по архитектурѣ вообще.

Изслѣдованія и раскопки.

Изъ журналовъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга. Свѣдѣнія о двухъ нижеописанныхъ раскопкахъ еще не были нигдѣ опубликованы; приносимъ искреннюю благодарность Н. Е. Бранденбургу, сообщившему намъ выписки изъ журналовъ этихъ раскопокъ,—помѣщеніе такого рода свѣдѣній составляетъ, какъ объ этомъ мы уже говорили раньше, одну изъ задачъ „Лѣтописи“.

Остатки небольшого кургана около с. Бурты, Каневскаго у. Кіевской г. Въ срединѣ, въ материкѣ, могильная яма (8×4 ар.),

глубиной $1^1/_2$ ар., въ ямѣ—остатки дубоваго гроба съ дѣтскимъ скелетомъ (послѣдній длиной $1^3/_4$ ар.,), лежащимъ головой на западъ. Кости малы и тонки и сохранились очень дурно. На шеѣ скелета найдена серебряная гривна, въ видѣ согнутаго кольцеобразно граненаго прута съ петлей и крючкомъ на концахъ. Рядомъ съ гробомъ, съ сѣверной стороны, лежалъ остовъ небольшого жеребенка въ обычной позѣ—съ поджатыми подъ себя ногами, но туловище лежитъ на боку и нѣсколько свернувшись (немного напоминаетъ положеніе спящей собаки); при остовѣ—стремя, желѣзная пряжка, въ зубахъ удила и на ребрахъ нѣсколько обломковъ какихъ-то костяныхъ оправокъ. Это единственный случай находки дѣтскаго погребенія съ конемъ, очевидно племя было кровное—кочевое.

Остатки кургана при с. Пышкахъ, Каневскаго у. Курганъ почти совсѣмъ уничтоженъ бывшей на немъ мельницей. Въ материкѣ—большая могильная яма (5×3 ар.), глубиной 5 ар.; на днѣ ямы—слѣды гроба и остатки совершенно истлѣвшаго скелета, головой почти на западъ. У головы скелета, съ правой стороны, найденъ желѣзный шлемъ и вдоль тѣла—длинная сабля, а также кучка желѣзныхъ стрѣлъ съ остатками древковъ, обвитыхъ полосками бересты; съ лѣвой стороны—длинная полоса золототканной матеріи, составлявшая, какъ видно, бортъ отъ покрова или плаща (остатки или слѣды послѣдняго совсѣмъ изъ другой матеріи); кромѣ того, при скелетѣ найдены: бронзовая пуговка, огниво съ кремнемъ, желѣзныя кольцо и пряжка и золотой прутикъ (длиной $5^1/_2$ дм. и вѣсомъ до 15 золот.),—б. м. часть разогнутой гривны. Съ сѣверной стороны скелета, но на 1 арш. выше его, находились остовы двухъ лошадей, головами также на западъ, лежащихъ на брюхѣ, съ подогнутыми ногами и съ удилами въ зубахъ. При лошадяхъ найдены двѣ пары стремянъ и три пряжки, а близъ поверхности ямы—желѣзное копье.

Всѣ находки сохраняются въ Артиллерійскомъ историческомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

—

Прошлымъ лѣтомъ В. Н. Доманицкимъ начато изслѣдованіе городища, находящагося въ с. Колодистомъ, Звенигородскаго у. Кіевск. г. Городище расположено въ возвышенной

части села, почти въ центрѣ его, сохранилось не вполнѣ, но слѣды вала и рва въ нѣкоторыхъ частяхъ ясно замѣтны. Изслѣдованіе городища имѣетъ пока характеръ предварительныхъ развѣдокъ, но и при такихъ раскопкахъ удалось собрать довольно значительный подборъ предметовъ, главнымъ образомъ, остатковъ керамики. Судя по этимъ остаткамъ, можно предположить, что городище должно представлять большой интересъ. Посуда приготовлена на кругѣ, хорошо обожжена и украшена орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ, углубленій и розетокъ, произведенныхъ оттискиваніемъ—орнаментъ, очень напоминающій украшенія посуды изъ погребальнаго поля у с. Триполья, относящагося ко II—III вв. по Р. Х. Кромѣ остатковъ посуды, на городищѣ найдены глиняныя пряслицы, сердоликовыя граненыя буссы, серебряныя и бронзовыя пряжки отъ узкихъ поясовъ, желѣзные ножики. Обнаружено здѣсь также и погребеніе на глубинѣ $1^1/_2$ ар., скелетъ обращенъ головой на сѣверъ.

—

Въ концѣ декабря и началѣ января, по порученію Московск. Археологич. Общества, нами производилось описаніе и фотографированіе памятниковъ украинской старины въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. За краткостью времени осмотрѣны и сняты различные предметы церковной утвари лишь въ церквяхъ соборной и Николаевской, гдѣ хранятся прекрасные образцы серебрянаго дѣла и шитья XVII—XVIII ст. Работа велась нами при ближайшемъ участіи знатока глуховской старины П. Я. Дорошенко, въ собраніи котораго также нашлось нѣсколько очень интересныхъ памятниковъ письменной и вещественной старины.—Кромѣ Глухова, намъ удалось съѣздить въ лежащее неподалеку с. Сварковъ—родовое гнѣздо Марковичей; здѣсь сняты: церковь, постройки половины XVIII ст., церковная утварь и нѣкоторые старинные предметы, принадлежащіе семьѣ Марковичей. Всего во время поѣздки въ Глуховъ сдѣлано болѣе 40-ка снимковъ. Продолжать съемку памятниковъ глуховской старины любезно взялъ на себя А. А. Мокрицкій, и на первую очередь поставлена церковь въ части города Веригинѣ, гдѣ имѣется довольно много иконъ и утвари XVIII ст., въ большинствѣ случаевъ датированныхъ.

Случайныя находки.

Минувшимъ лѣтомъ, *возлѣ деревни Кептинецъ*, отстоящей отъ Каменца въ 7 вер., найдена гробница каменнаго вѣка. Открылъ ее крестьянинъ той деревни Химчакъ при вспашкѣ своего поля: плугъ наткнулся на большой камень и крестьянинъ, желая выкопать его изъ земли, увидѣлъ, что это большая плита, прикрывающая гробницу, устроенную въ землѣ и обложенную со всѣхъ сторонъ громадными плитами изъ известняка (длиною около 2 арш. при толщинѣ въ 1/4 арш.). Съ помощью другихъ крестьянъ онъ поднялъ верхнюю плиту и сталъ выбрасывать землю, наполнявшую гробницу. Здѣсь земля оказалась очень рыхлою, мягкою; на глубинѣ двухъ аршинъ, въ гробницѣ оказалось два костяка, глиняные горшки, разбившіеся при раскопкѣ, и два кремневыхъ полированныхъ топорика. Докопавши до дна гробницы, выложеннаго камнемъ, и не найдя никакого клада, чего находчики ожидали, крестьяне все выкопанное сбросили въ яму и засыпали землей. Изъ найденыхъ двухъ кремневыхъ топориковъ одинъ былъ разбитъ нашедшимъ его крестьяниномъ на куски для огнива, а другой попалъ въ Каменецкое Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Послѣдній топорикъ имѣетъ длины 8 стм., ширины 3—2 1/2 стм. и толщины 1 1/2 стм. Найденная гробница находится на высокой ровной мѣстности, немного покатой къ рѣчкѣ Смотричу; въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдена гробница, не замѣтно курганной насыпи. Длина гробницы внутри 2 1/2 арш., шир. 1 1/4 арш. и глуб. до 2 арш.; направленіе длины отъ ю.-з. къ с.-в.

Е. С.

—

На помѣщичьемъ полѣ *у с. Богдановки, Брацлавского у. Подольской губ.*, въ октябрѣ прошлаго года крестьянинъ выоралъ горшокъ съ монетами. Горшокъ отъ удара плугомъ разбился, монеты-же поступили къ владѣльцамъ имѣнія (Ярошинскимъ). Монеты оказались мелкимъ римскимъ серебромъ, въ количествѣ

770 штукъ. Относятся онѣ къ царствованіямъ императоровъ Траяна, Адріана и Антонина Пія и довольно потерты.

К. В. В.

—

Нѣсколько времени тому назадъ на кіевскомъ рынкѣ появился очень *интересный кладъ*, найденный въ *с. Войтовцахъ, Переяславск. у. Полтавской губ.* Кладъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ княжеской эпохи: 1) золотого перстня съ шестиграннымъ щиткомъ, на которомъ выгравированъ левъ, 2) золотого кольца изъ двухъ перевитыхъ проволокъ со спаянными концами, 3) двухъ витыхъ серебряныхъ браслетовъ, у одного изъ которыхъ головки украшены чернью, 4) двухъ широкихъ, составныхъ изъ двухъ частей, серебряныхъ браслетовъ, съ львинными головами при соединеніи; каждая изъ половинокъ украшена розеткой и птицей, исполненными чернью; типъ браслетовъ—еще неизвѣстный въ кіевскихъ находкахъ, 5) 28-ми серебряныхъ шестіугольныхъ монетныхъ гривнъ, изъ которыхъ одна вѣсила 25 золотн., 2 по 36 зол., 7 по $36^1/_2$ зол., 10 по 37 зол., 3 по $37^1/_2$ зол., 1—38 зол., 2 по $46^1/_2$ зол. и 2 по 47 зол.; на нѣкоторыхъ гривнахъ видны тонкія нарѣзки, въ видѣ царапинъ.

—

Музеи и собранія древностей.

Вопросъ объ устройствѣ „Музея древностей Подоліи", какъ сообщаютъ „Подольск. Губ. Вѣдомости", находится въ такомъ положеніи: проектъ устава отправленъ для предварительнаго разсмотрѣнія его въ Императорское Московское археологическое общество, которое вправѣ дать извѣстныя указанія по существу и рекомендовать учредителямъ тѣ или другія измѣненія въ проектѣ. Хотя этого, какъ надо полагать, и не случится, такъ какъ посланный проектъ выработанъ учредителями по предварительномъ сношеніи съ предсѣдательницею названнаго археологическаго общества графинею Уваровою и притомъ примѣнительно къ присланному ею нормальному уставу подобнаго рода музеевъ, тѣмъ не менѣе, до возвращенія этого проекта археологическимъ

обществомъ, представляется не удобнымъ вносить вопросъ о музеѣ на разсмотрѣніе мѣстной городской думы. Несмотря, однако, на это, подготовительныя работы, благодаря энергіи иниціатора дѣла М. А. Трублаевича, идутъ безпрепятственно; такъ, г. Трублаевичемъ получено въ пользу будущаго музея 100 рублей, пожертвованныхъ высокопреосвященнѣйшимъ Модестомъ, архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ; затѣмъ, отъ одного изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, Х. Крайза,—довольно цѣнный сборникъ рисунковъ по нумизматикѣ—какъ русской, такъ и иностранной; наконецъ, раздобыта г. Трублаевичемъ для музея каменная плита съ армянскою надписью 1550 года. Такимъ образомъ, желающіе сдѣлать какой-либо посильный вкладъ свой для будущаго музея могутъ и нынѣ направлять свою лепту, вещами или деньгами, М. А. Трублаевичу. По полученіи проекта устава музея отъ Московскаго археологическаго общества, М. А. Трублаевичъ немедленно извѣститъ о томъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ открытію этого, въ высшей степени полезнаго для нашего края, учрежденія.

—

По иниціативѣ члена Таврической ученой архивной коммиссіи г. Иваненко, съ разрѣшенія Имп. Археологической Коммиссіи, *въ Бахчисараѣ*, въ мѣстномъ дворцѣ, *устроенъ музей* предметовъ, относящихся къ исторіи и этнографіи крымскихъ татаръ. Въ музей уже поступили: многіе историческіе предметы, собранные г. Иваненко, коллекція оружія и монетъ, пожертвованная Бедросомъ Топаловымъ, и будутъ переданы изъ Эрмитажа дубликаты ханскихъ монетъ.

—

Въ кіевскихъ газетахъ недавно было помѣщено извѣстіе, что находящійся вблизи г. Лубенъ археологическо-этнографическій музей, принадлежащій Е. Н. Скаржинской, подаренъ владѣлицей одному изъ столичныхъ ученыхъ учрежденій. Но по другимъ свѣдѣніямъ („Южн. Край“), г-жа Скаржинская, съ цѣлью усилить общественное значеніе музея, обнаруживаетъ готовность пожертвовать его правительственному или общественному учрежденію, *съ условіемъ сохраненія его въ г. Лубнахъ*. Надѣемся, что это послѣднее свѣдѣніе окажется болѣе близкимъ

къ истинѣ, чѣмъ первое, такъ какъ музей г-жи Скаржинской—музей чисто мѣстный, и съ переходомъ его въ столицу, онъ въ значительно меньшей степени будетъ служить просвѣтительнымъ цѣлямъ, чѣмъ это онъ можетъ дѣлать, оставаясь на мѣстѣ. Въ настоящее время составляется описаніе археологическаго отдѣла музея,—по окончаніи и изданіи его мы не преминемъ дать объ этомъ свѣдѣнія въ „Лѣтописи“.

14 д. **А.** 67 д. **В.** 56 д. **В** 57 д. **Г.** 25 д., 26 х. **Д.** 64 д. 75 х. Пс. 4 д. 10 х. **Кз. В.** 8 д. **Г.** 9 д. 9 х. **Д.** 7 д. 21 х. К—ки у Марковичей оставались до к. XVIII в.

С. Полова, руда Половая. Въ актѣ 1615 г., опредѣлявшемъ земли зачинавшагося Густынскаго м—ря, упоминается „рудка або рѣчка Половая", на которой въ то время никакого поселенія не было; возникло оно ок. 1638 г., когда возстали козаки съ Остраницею во главѣ; въ это время до Густыни дошелъ слухъ, что поляки схватили Мгарскаго игумена съ братіей за то, что будто тѣ доставляли козакамъ—аммуницію (prochi). Слухъ этотъ испугалъ Густынскаго игумена до того, что онъ убѣдилъ свою братію—бѣжать въ „Московщину"; дѣйствительно, Густынскіе монахи, „зобравъ все имѣніе церковное и монастырское, бѣжали въ Путивль, оставя м—рь впустѣ". Въ этотъ моментъ, по запустѣніи м—ря, окрестный народъ и сталъ заселять монастырскія земли: „Прилуцкіе и окрестніе жители, устремившись къ разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, дуброву м—скую,—отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребельки,—зрубали безъ остатка сплошъ и тую землю, пахотную и сѣнокосную, завладѣи и—*первіе, село Половая, а потомъ деревня Левки, селилась*". [1]) И когда монахи вернулись изъ Путивля въ Густыню, то „на рудкѣ Цоловой" застали населеніе, отнять у жителей котораго занятыя земли было уже имъ не подъ силу; тогда монахи обратились къ Хмельницкому съ просьбою отдать Половую на м—рь, доказывая, что это село, какъ сѣвшее на монастырской землѣ, монастырю и должно принадлежать. Въ отвѣтъ на эту просьбу, въ маѣ 1655 г., Хмельницкій выдалъ слѣд. универсалъ: „ознаймуемъ... ижъ мы зъ побожности нашой село Половое, стоячое на кгрунтахъ м—ра Густынского, феровалисмо отцемъ въ м—ру Густынскомъ будучимъ на виживлене, въ которомъ селѣ обывателѣ зостаючие во всемъ абы были послушними м—реви и вшелякую

---

[1]) Такъ показывали Густынскіе монахи при составленіи Румянцовской описи.

повинность безъ спорки жадное отдавали, тимъ писанемъ срокго напоминаемъ. До которого села п. полковникъ Прилуцкій наименшое справи аби не имѣлъ и до жадныхъ повинностей обывателей тамошнихъ потягати не важился...“[1]) **Кр. П** 20 д. **А.** 96 д. **В.** 36 д. **В.** 77 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 49 д. 82 х. **Пс.** 1 д. 4 х. **Кз. В.** 12 д. **Г.** 14 д. 19 х. **Д.** 20 д. 77 х. Умаленіе крестьянскаго населенія въ теченіе 11-ти лѣтъ (1729—740) почти вчетверо—должно быть объясвено суровыми отношеніями къ этому населенію монастырскаго начальства, которое въ лицѣ своего тогдашняго игумена Гавріила Леопольскаго проявляло иногда случаи ужасной жестокости по отпошенію къ монастырскимъ крестьянамъ. [2]) Въ ревизіи 1740 г. показаны „сшедшіе“ изъ Половы только за одинъ 1738 г., при чемъ ихъ было 7 хоз. Спасаясь отъ монашескихъ насилій, крестьяне частью расходились, а частью переписывались въ козаки, какъ объ этомъ говорятъ сами монахи въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ въ 1766 г. для Румянцовской описи: „козаки *Половянскіе, зпрежде небываліе въ Половой, зъ подданства въ козацтво повдиравшіесь,* зъ грунтами и землею монастырскою подданическою, а иніе зъ стороны въ тое село повходившіе и всѣ оніе грунта и землю у подданнихъ поскуплявши, завладѣли въ границѣ монастырской землѣ пахатной дней на 249“ (187 дес.).

Попытка Половянскихъ кр—нъ проявилась во время замѣшательства въ краѣ послѣ измѣны Мазепы; въ это время нѣ-

---

[1]) Съ подлинника въ Кіевск. центр. арх., бумаги Густынскаго м—ря.

[2]) Въ 1737 г. монастырскій крестьянинъ изъ с. Левковъ переселился было въ Ольшаную, подъ защиту Шереметевскихъ приказчиковъ. Узнавъ объ этомъ, Густынскій игуменъ Леопольскій послалъ двухъ своихъ «экономовъ» (одного—«монастырскаго», а другого—«дворцового») для „насильнаго взятія“ обратно ушедшаго Карпенка, „котораго за привозомъ, въ монастиру, на задворку у игумена, по приказу его жъ игуменскомъ, по самой сорочки бито шелепами, т. е. плитми товстыми, гораздо, такъ что и крузь сорочку кровь показывалася, и оный Карпенко по томъ бою тамъ же въ монастиру и умре“. Такъ писалъ Ольшанскій приказчикъ Дольбергъ въ Прилуцк. полк. судъ. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

сколько крестьянъ перечислилось въ козачьи реестры, но монахи тогда же пожаловались гетману и въ 1710 г. получили отъ него такой универсалъ: „супплѣковалъ до насъ превел. въ Богу г. отецъ Іовъ Мартыновичъ, иг—нъ м—ра Густ—го, что жителѣ с. Половой, подданніи до ихъ обители належали здавна, именно Грицко Чорномазъ и друг. (всѣхъ названо 19 чел.), села такъ тежъ Левковъ—Карпъ Левковскій (и еще 3), не хотячи обители св. Густ—ой належитого подданского отдавати послушенства, въ *реестръ козацкій повписывалися*...“ Поэтому гетманъ приказываетъ: впредь крестьянъ въ козаки не принимать, а перечисленныхъ въ универсалѣ жителей Половой и Левковъ—попрежнему „привернуть“ м—рю въ крестьяне.[1]) Позже, въ концѣ 30-хъ годовъ, Половянскіе кр—не снова стали было искать козачества, при чемъ имъ помогалъ тогдашній полк. судья Ягельницкій. Такъ, въ 1738 г., два жителя Половой, числившіеся крестьянами, при помощи Ягельницкаго были переписаны въ козаки. А когда монахи, не подчиняясь этому рѣшенію судьи, потребовали отъ „нововписныхъ“ посполитой тяглости, то на помощь послѣднимъ явился подпоручикъ Невскаго драгунскаго полка Фридрихъ Фохтъ, который, захвативъ съ собою „канцеляристовъ и козаковъ“, напалъ на монастырскій „дворецъ Заудайскій“, схватилъ тамошняго эконома да другого монаха и—били „обоихъ смертно палицями, плитми, кулаками и повидирали волосы зъ головъ и бородъ обоимъ...“ Видно, что противъ монашескихъ насилій протестовали даже чужіе люди въ родѣ Фохта, офицера квартировавшаго въ Прилукѣ полка.

Д. Левки поселены, какъ видно выше, около 1638 г., на землѣ Густынскаго м—ря. Послѣ изгнанія поляковъ, Л—ки „прислушали“ Прилуцкой ратушѣ пока Г—скіе монахи не обратились къ Хмельницкому, доказывая на Левки такія же свои права, какъ и на Полову. По этой просьбѣ гетманъ выслалъ въ апрѣлѣ 1657 г. состоявшаго у него тогда „прибоку“ Петра Дорошенка, поручивъ ему вмѣстѣ съ мѣстнымъ полк. судьею дознать—на чьей землѣ сидятъ Левки. Судья Лавриновичъ и До-

---

[1]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

рошенко разслѣдовали дѣло и выдали м—рю слѣдующій актъ: „Вѣдомо чинимъ, ижъ дойшла насъ скарга отъ превел. о. Иосифа Федоровича, игумена м—ра Густынского, на Костя Нечипоровича, бывшого войта Прилуцкого, же селце Левкувцѣ, человѣкъ килканадцять, которое на кгрунтѣ монастырскомъ засѣло, якъ и въ привилеяхъ отъ славной памяти ясн—осв. княжатъ Вишневецкихъ есть ограничено, неналежне и бесправне отнялъ, которому и послушество тіе людцеве отдавали, зачимъ мы, высланніе, прихиляючіеся такъ до привилеовъ, яко такъ и до унѣверсалу велможного его мил. п. гетмана, тое селце, поневажъ на кгрунтѣ монастырскомъ засѣло, отдаливши и отнявши отъ войта, до *мостира отдаемъ, приказавши тоей громадѣ, абы вшелялое послушенско* и повинности честнымъ господиномъ отдавали, а то до далшой резолюціи велможного его мил. п. гетмана...“ [1]) Дальнѣйшая исторія Левковъ одинакова съ Половянскою, только здѣсь монахи не допустили козакамъ появиться. **Кр. П.** ? **А.** 34 д. **В.** 15 д. **В.** 16 д. **Г.** 17 д. 18 х. **Д.** 19 д. 27 х. **Кз.** *нѣтъ.*

Д Сорочинцы Дальніе или **Лѣсовые,** Нежерова, получили свое названіе отъ первыхъ насельниковъ по прозвищу *Сорочъ*, какъ указываетъ на это актъ 1658 г. [2]) По свѣдѣніимъ генер.

---

[1]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

[2]) Въ этомъ актѣ читаемъ: «о. Леонтій, чернець м—ра Густынского, родичъ Прилуцкій, сынъ небожчика Василя *Сорочи* зятя, доходилъ отчизны своей, меновите ставка греблею занятого въ *Сорочи селѣ* Прилуцкомъ...» (Бумаги Густ. м—ря въ томъ же арх.).—По другому акту, того же года, тотъ же самый «чернець» Леонтій, пріобрѣвъ земли въ Сорочинцахъ и тутъ поселившись, будучи уже схимонахомъ, все свое имѣніе записалъ Густынскому м—рю, по слѣдующему любопытному акту, условно, съ тѣмъ, что до своей смерти онъ будетъ вести тутъ хозяйство безъ всякаго вмѣшательства м—ря. «Я, схимонахъ Леонтій Василиевичъ, пригорнувшися под власть и опеку мѣстца св. м-ря Густинского, за позволеніемъ на тотъ часъ отца игумена іеромонаха Іосифа Федоровича и соборнихъ братій на тотъ часъ бывшихъ, за свою власную копу купивьши грунти в селѣ *Дальнихъ Сорочинцяхъ*, где на оныхъ взглядомъ размышляся розныхъ пожитковъ мѣсцу святому, якіе Господь Богъ преизволитъ промислити, позволили ми

слѣдствія, С—цы въ 1685 г. отданы были Самойловичемъ тогдашнему обозному Григорію Чернявскому, передавшему ихъ своему сыну Степану, полк. есаулу, по смерти котораго С—цы по универсалу 1714 г. были оставлены за вдовой его Марьей. По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ С—цъ называетъ себя неграмотный значк. тов. Романъ Березинскій. Какъ попала въ его владѣніе населенная маетность—видно изъ слѣд. универсала Разумовскаго, 1752 г.—„Сего 1752 г., дек. 3 дня, л. гв. Преображенскаго полку сержантъ Моисей Березинскій представилъ намъ: полку Пр—го, въ сотнѣ полковой, имѣется с. Сорочинцѣ въ собственномъ его, сержанта, и родного его брата значк. тов. Романа Березинского владѣніи, которое де село унѣверсалами гетмана г. Скоропадского, первіе, отчиму его, сержанта, асаулу полк. умершему Стефану Чернявскому, а потомъ родному отцу просителя значк. тов. *Роману* Бер—му и матцѣ его, жъ сержанта Маріи Самойловой дочери, съ позосталими ее дѣтми, за службы онихъ его отчима и отца въ спокойное владѣніе утвержденого. А они де, сержантъ съ тѣмъ братомъ своимъ, о отдачи на владѣніе

с приданимъ братомъ, або послушникомъ, по вся дни живота моего тамъ мешкати, где и келейки коштомъ моимъ побудовати усиловатиму, и помощію того-жъ Господа Бога старатимуся—сади садити, винограды кохати, ставки сипати, если можная и млинокъ якій збудовати, грунти и поле разширати. Где іжъ давніе сади суть, прето зъ оныхъ що над виховане мое збывати, мелъ рокъ по рокъ пожитки, до м—ра отдавати повиненъ буду, маючи теди надѣю к Господу Богу—обицю тамъ на пятъ сотъ золотыхъ пол. мѣсцу святому размножити пожитковъ, що все, по зестю моемъ з сего свѣта, оставатиметъ до м—ра Густынского вѣчними часы. А поки при тыхъ грунтахъ мешкатиму, теди ми утиску—теперешній отецъ ігуменъ и всѣ о Христѣ братія—пообицяли не чинити, шлюбуючи и за потомнихъ честнихъ гг. отцевъ игуменовъ и за всю братію мѣсця святого, же ми прикрости и утиску не чинитимутъ і если бы мимо теперешнюю увагу мѣли бы уразливе прикрости чинити, теди ми волно буде съ тими всѣми пожитками, якъ хотя поступити, на чомъ и сіе писане с подписомъ власной руки моей до мѣстца святого даю. Писано при обители святой, року 1658, мѣс. декамврія 19 дня. Схимонахъ Леонтій Василевъ рукою своею власною." (Бумаги Густ. м—ря въ К. ц. арх.).

ему зъ братомъ его—тѣмъ селомъ въ силѣ тѣхъ унѣверсаловъ—просили подтвержденія". Въ подкрѣпленіе своего ходатайства Березинскіе представили Разумовскому слѣд. универсалы: а) 1709 г., сент. 19, значк. тов. Стефану Чернявскому на с. Сорочинцы, „до ласки войсковой", и б) 1715 г., сент. 16, товар. полку Пр—го Роману Березинскому, „кой оставшуюсь въ удовствѣ Марію Чернявскую взялъ себѣ въ жену", на то село Сорочинцы. Въ виду этихъ универсаловъ Разумовскій С—цы, „со всѣми къ оному селу принадлежащими посполитыми грунтами и угодіями", утвердилъ за братьями Мойсеемъ и Романомъ Березинскими, въ „вѣчное и безпрепятственное владѣніе". Кр. П. 7 д. А. 19 д. В. 22 д. В. 11 д. Пс. 1 Г. 3 д. 3 х. Д. 29 д. 43 х. Кз. В. 3 д. Г. 5 д. 5 х. Д. *нѣтъ*. Умаленіе посполитаго населенія въ 1740 г., когда еще тутъ жила вдова Ст. Чернявскаго, слѣдуетъ приписать м. б. *женскому* хозяйству, а увеличеніе въ 1780 г.—появленію здѣсь подсосѣдковъ на грунтахъ какъ козачьихъ, такъ и посполитскихъ, которыхъ Березинскіе, повидимому, не удержали за собою, такъ какъ по вѣд. 1780 г. здѣсь показаны только „разные владѣльцы", т. е. владѣльцы подсосѣдскихъ дворовъ. Вѣроятно путемъ „скупли" пріобрѣли тутъ земли и Марковичи (с. 118, 123).

Д. Стрѣльники, Удай, свободные до 1716 г., когда Галаганомъ отданы (генер. слѣдств.) п. есаулу Панкевичу на урядъ, причемъ эта „надача" была подтверждена и Скоропадскимъ, въ 1719 г. Послѣ Панкевича, С. отданы тоже на урядъ въ 1738 г. п. есаулу Никифору Носенку. Кр. П. 13 д. А. 23 д. В. 24 д. В. 19 д. Г. 7 д. 7 х. Д. 9 д. 12 х. Кз. В. ? Г. 4 д. 4 х. Пс. (капитана Дулова) 2 бд. х. Д. 3 д. 6 х.

Д. Пироговцы возникли изъ хуторовъ, селившихся поблизу Прилуки; по ревизіи 1713 г. П. значатся „селомъ Пѣрогувцями", которые отданы были, вмѣстѣ со Стрѣльниками и Будами, на рангъ Панкевичу. Послѣдній поселилъ тутъ особый свой хуторъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „п. Гр. Панченко прикладалъ намъ, что с. Сорочинцы, здавна на урядъ есаулства полк. належазшее, опредѣлено зъ респекту нашого до ласки войсковой жонѣ вдовствуючой покойного Черняв-

ского, прежде бывшого асаула, чего ради просилъ насъ онъ, п. Гр. П., о конфирмаціи на людей посполитыхъ коло власного его футора, на купленномъ кгрунтѣ устроенного, въ Прилуцѣ на Зарѣчью, прозываемомъ Пирогувка, поселившихся, на которыхъ одержалъ передъ симъ одъ своего полковника листъ отгористій, зъ позволеніемъ владѣти онимъ". (1719 г.) Ходатайство Панкевича было удовлетворено. Повидимому, этотъ хуторъ затѣмъ слился съ Пироговцами, такъ какъ отдѣльно онъ не упоминается, и по ревизіи 1731 г.—посполитое населеніе Пирговцовъ показывается за Панкевичемъ безъ какого либо раздѣленія, причемъ эта перепись Пироговцовъ подписана симимъ „Панковичемъ", какъ ранговымъ ихъ владѣльцемъ. **Кр. А.** 21 д. **В**. 9 д. **Пс**. 4 **Г.** 4 д. 4 х. 3 бдх. **Д.** 18 д. 35 х. **Пс.** 3 д. 6 х. **Кз. В.** (П—цы не показаны). **Г.** 8 д. 9 х. **Д.** 8 д. 15 х. По вѣд. 1780 г. посполитые показаны „разныхъ владѣній".

Д. Сорочинцы—Ближніе, какъ и Пироговцы, возникли не позже нач. XVIII в. изъ селившихся около Прилуки хуторовъ; по ревизіи 1713 г. здѣсь было уже 27 дв. Затѣмъ, въ послѣдующихъ ревизіяхъ Бл. С—цъ почему то нѣтъ, а по вѣдом. 1780 г. здѣсь значится: **Кр.** 32 дв. 41 х **Пс.** 2 дв. 4 х. и **Кз**. 2 дв. 7 х. Кр—не показаны „разныхъ владѣльцевъ".

Д. Лапинцы (Чернявщина), Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки Лапинское населеніе показывается лишь во втор. полов. XVIII в. Въ 1780 г. здѣсь было: **Кр.** 55 д. 64 х. (изъ нихъ коронныхъ" 17 д. 17 х.) и **Пс.** 9 д. 15 х. полковн. Горленка. **Кз.** 3 д. 3 х.

Слоб. Замостье, Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки здѣшнее населеніе показывается лишь во втор. пол. XVIII. Въ 1780 г. здѣсь было **Кр.** 19 х. 31 д. (изъ нихъ коронныхъ 7 д. 17 х.) **Пс**. 3 д. 6 х. **Кз.** 37 д. 66 х.

Д. Линовица, Руда, по свѣд. генер. слѣдствія, въ пол. XVII в. была „пустымъ селищемъ", на которомъ Прилуцкій протопопъ Иванъ Магеровскій осадилъ, передъ Кизикерменскимъ походомъ (1697), „слободу", утвержденную затѣмъ за Магеровскимъ Дм. Горленкомъ; послѣ измѣны Мазепы, по универсалу 7 февр.

1709 г., Скоропадскій утвердилъ за тѣмъ же Магеровскимъ— „людей осѣлыхъ" при хуторѣ Линовицкомъ. Но спустя нѣкоторое время, по свѣд. тоже генер. слѣдстія, Л—ца взята была Скоропадскимъ „на свою особу", и послѣ его смерти перешла къ его вдовѣ.[1]) Послѣ гетманши владѣльцемъ Л—цы является Минихъ, за которымъ она показана по ревизіи 1740 г., подъ названіемъ *хутора*, въ которомъ все населеніе состоитъ изъ *подсосѣдковъ*. Послѣ паденія Миниха, Л—ца отдана была въ 1742 г. сербу Стоянову (см. выше с. Мамаевка), за наслѣдниками котораго значится и по вѣд. 1780 г. **Кр. А.** 26 д. **В.** 31 д. **В.** 25 д. **Пс.** 3 д. **Г.** подсосѣдки Миниха—32 бд. х. и „попа" Мих. Лисаневича—5 бд. х. **Д.** 86 д. 115 х. **Пс.** 2 х. **Кз.** *нѣтъ*.

С. Дубовый Гай, руда Росошь, до измѣны Мазепы находился, повидимому, во владѣніи Дм. Горленка, потому что впослѣдствіи былъ отданъ Скоропадскимъ его сыну Андрею, въ числѣ прочихъ отцовскихъ маетностей (с. 24). А когда Скоропадскій съ женою рѣшили отдать Горленковскія маетности на Гамалѣевскій м—рь (с. 26), то Дубовый Гай—подъ именемъ „отческаго хутора" гетманши—сдѣланъ былъ центромъ этихъ маетностей, получившихъ общее названіе *Дубогаевскаго староства*, границы котораго были установлены актомъ 1716 г.—„По высокоповажному указу яс—го е. мил. п. Іоанна Ск.—го... будучи я, Иванъ Даровскій, господарь двору его рейментарского, умислне зосланнымъ въ села маетностей его жъ панскихъ въ полку Пр—мъ знайдуючихся, именно зовеміе: въ Дубовый Гай, въ Ковтуновку, въ Сергѣевку, въ Бѣлошапки, въ Вечурки и въ прочие села до *староства Дубогаевского* належние, для власного разсмотренія и ограниченія грунтовъ ихъ.., жеби всякъ впередъ вѣдаючи свое опредѣленіе поколь его и чіе мѣетъ быти, въ чужое вступати не дерзалъ..."[2]) За Гамалѣевскимъ м—ремъ Д. Гай

---

[1]) Днев. Зап. Якова Марковича, I, 137.

[2]) Въ этомъ актѣ интересно указаніе тогдашнихъ здѣсь рѣчекъ:— «и тоею дорожкою до руди Яблоновицѣ по-нудъ горою идучой... черезъ Туровскій шляхъ.. где идетъ *рѣка Переводъ*, взявши тою жъ рѣкою Переводомъ, надъ которимъ перве, садитъ Сѣргѣевка, потомъ

остался до 1786 г. **Кр. А.** 12 д. **В.** 42 д. **Пс.** 6. Въ 1731 г.—56 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 44 д. 63 х. **Пс.** (разн. вл.) 19 д. 24 х. **Кз.** въ 1731 г.—14 д. **Г.** 36 д. 40 х. **Пс.** 13 бд. х. **Д.** 35 д. 57 х.[1])

Д. Ковтуновка, руда Росошъ. **Кр. А.** 25 д. **В.** 19 д. **Пс** 3. Въ 1731 г. 15 д. **Г.** 9 д. 10 х. **Д.** 29 д 35 х. **Пс.** 11 д. 16 х. **Кз.** въ 1731 г.—12 д. **Г.** 42 д. **Пс.** 7. **Д.** 24 д. 16 х.

С. Яблоновка, руда Яблоновица. **Кр. А.** 33 д. **В.** 73 д. **Пс.** 6. 1731 г.—85 д. **Г.** 54 д. 58 х. **Пс.** 4 бд. х. **Кз.** 1731 г.—18 д. **Г.** 22 д. 26 х. **Пс.** 37 бд. х.

С. Сергіевка, Переводъ. **Кр. А.** 59 д. **В.** 72 д. **Пс.** 4 д. 1731 г.—78 д. **Г.** 50 д. 53 х. **Д.** 109 д. 157 х. **Пс.** 25 д. 50 х. 11 бд. х. **Кз** 1731 г.—19 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 30 бд. х. **Д.** 13 д. 32 х.

С. Бѣлошапки, Переводъ. Изъ исторіи этого села за перв. полов. XVII в. извѣстно, что Б—ки, по многолюдству, назывались мѣстечкомъ, въ которомъ сидѣлъ особый Вишкевецкаго „державца" Сверщевскій, завѣдывавшій окрестными селами. Къ Б—камъ тогда принадлежала обширная степь отъ Перевода до Оржицы, на которой уже съ XVII в. стали возникать значительные хутора. **Кр. А.** 37 д. **В.** 50 д. **Пс.** 14 д. 1731 г.—53 д. **Г.** 38 д. 39 х. **Пс.** 2 бд. х. **Д.** 24 д. 42 х. **Пс.** 7 д. 18 х. **Кз.** 1731 г.—27 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 24 бд. х. **Д** 15 д. 31 х.

хуторъ зовемий Шентовщина, а за хуторомъ Бѣлошапки и Вечурки, яки граничатъ зъ Сасоновцями и Грабовцями... у берегъ *руди* прозывалась *Росуши*, злучившойся ниже Бубновского ставу—зъ *Яблоновицею...»* Всѣ эти *руды* указываютъ, что и эта—нынѣ почти безводная—мѣстность нѣкогда орошалась нѣсколькими рѣчками, обратившимися впослѣдствіи въ болота, отъ недостаточнаго уклона въ ихъ теченія.

[1]) Монастырскія села были избавлены отъ постоя и потому въ вѣд. 1718 г. не попали; поэтому, при обозначеніи населенія маетностей Гамал. м—ря лит. **В.** не показывается, и вводится цифра другая, которую беремъ изъ ревизіи 1731 г.

Можно замѣтить, что по ревизіи 1713 г., въ послѣднихъ трехъ селахъ—въ перечнѣ посполитыхъ—отмѣчены „чиншовіе, якіе мѣсячного датку не даючи, старостѣ Дубогаевскому даютъ чиншъ"; ихъ было немного: въ Бѣлошапкахъ—1, въ Яблуновкѣ—3 и въ Сергѣевкѣ—5. Повидимому, чиншъ платили преимущественно богатые, имѣвшіе по нѣсколько воловъ и лошадей; напр., „Ганна Живилиха, удова, маетъ воловъ 4 и коней 2, а на рокъ даетъ чиншу старостѣ Дубогаевскому копъ 10.—Семенъ Трушъ маетъ воловъ 8 и коней 2, и даетъ на рокъ чиншу старостѣ копъ 7.—Тимко Черненко маетъ коня, а даетъ на рокъ чиншу старостѣ золот. 10." Послѣдній кр—нъ, какъ видно, рабочаго скота не имѣлъ, но вѣроятно былъ небѣденъ.

Всѣ эти села—Ковтуновка, Яблоновка, Сергіевка и Бѣлошапки—принадлежали Дм. Горленку и затѣмъ Скоропадскимъ отданы были Гамалѣевскому м—рю, въ составѣ *Дубогаевскаго староства*.

X. **Бубновщина** поселена въ к. XVII в. Дм. Горленкомъ, при Бубновскомъ „ставу", на которомъ устроены были его мельницы. По универсалу 1694 г., Мазепа далъ Горленку „для гаченя Бубновского ставу, три сельця: Яблуновицю, Сергіевку и Бѣлошапки". Въ 1714 г. Б—на, вмѣстѣ съ друг. маетностями Дм. Г—ка, отдана Гамалѣевскому м—рю. **Кр. Г.** 8 бд. х.

Д. **Лемешовка**, руда Святогоръ (притокъ Оржицы), поселена, повидимому, Нѣжинск. полковникомъ Толстымъ, на старомъ „селищѣ" прежняго поселенія, разореннаго татарами или по другой причинѣ изчезнувшаго. При опредѣленіи Батуринскимъ сотникомъ, въ 1703 г., границы между Прилукою и Пирятинскою сотнями, мѣстными обывателями были указаны: „рѣка Святогоръ" и около—„давно ораное поле селища Лемешувского, якъ еще люде сидѣли въ Лемещувцѣ поселеніемъ, надъ рудкою Святогоромъ". Нестеренко—„поле селища Лемешовки привернулъ для заживаня Бѣлошапскимъ обывателямъ", потому что по показанію старожиловъ—прежде бывшее село Лемешовка при Вишневецкихъ „прислушало къ Бѣлошапкамъ, бывшимъ тогда *мѣстечкомъ*". Такимъ образомъ въ Лемешовкѣ мы видимъ поселеніе, которое въ нач. XVIII в. слыло „селищемъ" т. е. мѣстомъ изчезнувшаго незадолго передъ тѣмъ села, можетъ быть—въ 60-хъ го-

дахъ XVII в., когда татарами было разорено нѣсколько поселеній въ южной Малороссіи. Въ 1752 г. Л—ка была продана сыновьями Толстого Ос. Лук. Закревскому. **Кр. В.** 32 д. 1731 г.—25 д. **Г.** 22 д. 23 х. **Д.** 47 д. 93 х. 15 бд. х., владѣнія прапорщика Алексѣя Закревскаго.

Д. Ганзеровщина поселена, судя по названію, Гандзеровскимъ, свякомъ Скоропадскаго; затѣмъ, перешла къ Нѣж. полк—ку Толстому, сыновьями котораго продана О. Л. Закревскому. **Кр. Д.** 81 бд. х. владѣнія кол. ассес. Григорія Закревскаго.

С. Туровка, Переводъ, по универс. 12 іюня 1712 г. отдана Скоропадскимъ в. тов. Федору Марковичу „для вспоможеня его господарства". М—чъ уже раньше скупалъ около Туровки земли и устроилъ тутъ хуторъ (с. 121), который вѣроятно и былъ указанъ гетману, какъ требующій „вспоможенія" —для полученія въ подданство посполитыхъ ближайшаго села. **Кр. А.** 13 д. **В.** 17 д. **В.** 30 д. **Г.** 10 д. 14 х. **Пс.** 16 бд. х. б. тов. Алексѣя (Александра?) Сакевича и 4 бд. х. Густынск. м—ря. **Д.** 52 д. 92 х. и 5 бд. х. владѣнія майоровъ Ивана и Ивана и б. тов. Константина Маркевичей. **Кз. В.** 2 д. **Г.** 3 д. 7 х. **Пс.** 6 бд. х. **Д.** 1 д. 2 х. Какъ видно, козачье населеніе—почти уничтожено...

С. Погребы (Переводъ), Переводъ. Въ актѣ 1657 г. читаемъ: „я, Семенъ Касяненко, обыватель Переводскій, атаманъ на тотъ часъ козацкій, чиню вѣдомо, ижъ продалемъ до м—ря Густинсного хуторъ свой надъ рѣчкою Переводомъ, у островѣ, который занялемъ (устроилъ) самъ, своимъ коштомъ, за позволеніемъ на тотъ часъ бувшого п. Павловского, который отъ п. Еремѣя Вишневецкого, у Держикраю, въ року 1640, урядъ удержалъ..." Актъ подписанъ Переводскимъ священникомъ „Іоанномъ Стефановымъ". Названное здѣсь с. Переводъ лѣтъ нѣсколько спустя „по спустошеню татарами, лежало впустѣ" (генер. слѣдств.); но какъ только Малороссія послѣ Брюховецкаго успокоилась, Переводскія земли стали заселяться, при чемъ заселеніе шло такъ быстро, что ок. 1690 г. здѣсь уже явилось „сельце", получившее новое нозваніе—„Погребцовъ", которое могло быть усвоено народомъ Переводскому *селищу* по тѣмъ погребнымъ ямамъ, которыя только и оставались отъ разореннаго

Перевода.—Степь, среди которой возникли Погребцы, считалась городскою Прилуцкою, вслѣдствіе чего и возникшее здѣсь сельце—городъ считаетъ своимъ и сталъ отъ его жителей требовать „послушанія".—Но степь, окружавшая это сельцо, представляла столько экономическихъ выгодъ, что на нее скоро обратилъ вниманіе тогдашній Нѣжинскій полковникъ Обидовскій, который и выпросилъ себѣ у Мазепы Погребцы.—Мѣстные старожилы позже разсказывали, что при передачѣ этого села Обидовскому, тогдашній Прилуцкій полковникъ Дм. Горленко, „уважая на него (Об—го), якъ въ близкомъ свойствѣ (родствѣ) будучого зъ Мазепою, опредѣлилъ до сельца Погребцовъ степи—по рудку Гнилицу да по Рядовыя Могилы, въ вершинѣ Гнилицы..." Однако Обидовскій, не довольствуясь отведенною степью, „засягнулъ" и на другой берегъ Гнилицы отъ Прилуки, и завладѣвъ самовластно здѣсь степью, началъ запрещать Прилучанамъ косить сѣно тамъ, гдѣ у нихъ по-надъ Гнилицею были „дѣдизныя" и купленныя сѣножати. Такъ разсказывали въ 1715 г. старожилы сосѣднихъ селъ (Заизда, Толкачовки, Обичева и двухъ Дѣвицъ) ес. генер. артиллеріи Семену Карпѣкѣ, которому Скоропадскій поручилъ разобрать жалобы Прилучанъ, за захваты городской степи, получившей названіе Гнилицкой (с. 86) по близости ея къ рч. Гнилицѣ. А когда Обидовскій умеръ, продолжали старожилы, то вдова его продолжала владѣть захваченною степью; „и трудно было въ той часъ зъ нею судиться, поневажъ близкая кревная, по мужевѣ своему, Мазепѣ найдовалася". Послѣ измѣны Мазепы, Погребы были у Обидовской (дочери Кочубея) отобраны и отданы тогдашнему Нѣжинскому полковнику Жураховскому, который тоже не допускалъ Прилучанъ косить сѣно на лѣвомъ берегу Перевода и Гнилицы; „и если кому зъ людей Прилуцкихъ потребно было травы, мусѣли (должны были) у старосты Погребского куповати". Такимъ образомъ по разслѣдованію Карпѣки оказалось, что кромѣ той степи, которую Горленко отвелъ Обидовскому вмѣстѣ съ Погребцами, у Прилучанъ отнята была часть Гнилицкой степи, которая находясь на лѣвомъ берегу рѣчки Гнилицы, принадлежать къ Погребцамъ не могла. Такъ разсудилъ и Карпѣка, указавшій, что степь на лѣв. бер. Гнилицы, „взявши отъ *каменного мосту*, гдѣ *рудка* Гнилица въ Переводъ впала, въ вершину Гнилицы" и т. д.,—

должна принадлежать Прилукѣ. Гетманъ утвердилъ такое заключеніе Карпѣки, „на що немало ратушного Прилуцкого ложено кошту“ (употреблено средствъ), какъ говорили потомъ Прилучане, конечно, желая этимъ сказать, что заплачено было и Карпѣкѣ и въ Глуховѣ... Кр А. ? В. 18 д. В. 47 д. Г. 38 д. 41 х. Д. ? Кз. *нѣтъ*.

С. Поддубновка, Переводъ. О началѣ П—ки Густынскіе монахи въ 1766 г. писали: „владѣетъ онымъ селомъ м—рь Густынскій, яко оное село прежде небывалое, на землѣ монастырской, купленной съ хуторомъ и сѣножатью за Переводомъ, 1656 г., отъ жителя Переводского Семена Косяненка, змѣнничкою Обидовскою осажено“. Такимъ образомъ, монахи утверждали, что П—ка поселена на землѣ, купленной у Касяненка (с. 187), въ купчей котораго значится, что продалъ онъ монастырю хуторъ свой „надъ рѣчкою Переведомъ, у островѣ, тамъ же и нивя и сѣножати, поблизу хутора; а граничка того хутору—отъ селища по крайнюю рудку, а одъ рудки долиною по могилки, а нижей хутора—къ Туровцѣ селцу“ и т. д. Этотъ хуторъ у монаховъ назывался тогда Переводскимъ; подъ такимъ именемъ онъ показанъ въ универсалѣ Мазепы 1700 г., по которому за м—ремъ утверждена была купленная у Касяненка земля.[1])—Пользуясь этимъ универсаломъ, монахи объявили—своими раньше прихваченныя земли с. Перевода. Жители послѣдняго пожаловались въ 1701 г. на монаховъ Мазепѣ, который для провѣрки жалобы выслалъ „чрезвычайную особу“—Батуринскаго сотника Нестеренка. При производствѣ Нестеренкомъ слѣдствія, мѣстные старожилы разсказали ему, что Г—скіе монахи, имѣя „хуторъ подъ с. Переводомъ, немало было приняли поля внизъ рѣчки Перевода, до пахання мешканцамъ Переводскимъ належачого, власне якобы на пятери гоней добрихъ вширъ и вдовжъ; оттого немалая дѣялась Переводцамъ перешкода и утискъ отъ пастуховъ чернецкихъ—грабежемъ коней и товару (рогатого скота), и самихъ людей самоволнымъ биттемъ“. При этомъ „старинный мешканецъ“ Переводскій Фе-

---

[1]) Сборн. Харьк. истор.-филол. общ., IV, 102.

доръ Поддубный указалъ и свой „гай“ съ полемъ, отнятый у него монахами, при чемъ пояснилъ, что захваченныя ими земли расположены внѣ того окопа, который сдѣланъ былъ монахами около своего хутора (т. е. хутора, купленнаго у Касяненка) еще тогда, какъ „подъ Чудновомъ Шеремета розбито“. Въ подтвержденіе своего показанія Поддубный предложилъ слѣдователю „присягу выконать“, но находившійся тутъ же Г—скій игуменъ Амвросій Чечканъ съ братіей, „спустившися на Господа Бога, не допустилъ Пуддубного до присяги,“ т. е. призналъ показаніе его вполнѣ правильнымъ и безъ присяги. Убѣдившись въ правильности жалобы Погребчанъ, Нестеренко „приказалъ“ Г—скимъ монахамъ возратить Погребчанамъ отнятыя у нихъ земли, при чемъ земли эти тутъ же были отмежеваны плугомъ отъ монастырскаго хутора и монахамъ указано—не выступать изъ границъ, означенныхъ въ купчей Касяненка.—Такое рѣшеніе Нестеренка безъ сомнѣнія находилось въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что с. Пореводъ, или Погребцы, принадлежали въ это время племяннику Мазепы—Обидовскому. Неизвѣстно—живъ ли былъ послѣдній въ этотъ моментъ, такъ какъ онъ умеръ въ томъ же 1701 г., но вдова его рѣшеніемъ Нестеренка воспользовалась и тогда же на отобранной отъ монаховъ землѣ „осадила“ Поддубновку, „осадчимъ“ которой можетъ быть былъ тотъ самый Поддубный, который явился, повидимому, главнымъ свидѣтелемъ при слѣдствіи Нестеренка. Однакожъ Г—скіе монахи не забывали, что Поддубновка сидитъ на землѣ, которая разъ уже находилась въ ихъ обладаніи и если была отъ нихъ отобрана, то благодаря лишь тому, что соперникомъ явился близкій родичъ Мазепы. Но когда послѣдній измѣнилъ, монахи нашли возможнымъ обратиться къ новому гетману съ просьбою—возвратить имъ Поддрбновку, „осаженную *змѣнничкою* Обидовскою“ на монастырскихъ земляхъ. Время было такое, что всѣхъ „змѣнниковъ“ преслѣдовали и не смотря на то, что указанная „змѣнничка“ была дочерью только что пострадавшаго смертью за „вѣрность“ Кочубея, Поддубновка была отобрана у Обидовскихъ и отдана Г—скому м—рю, въ февралѣ 1709 г. [1])

---

[1]) Тамъ-же, IV, 193. А черезъ годъ монахи нашли нужнымъ выпросить у Скоропадскаго другой универсалъ на то же поселеніе, въ

Это была одна изъ тѣхъ большихъ несправедливостей, которыя нерѣдко чинились гетманами благодаря настойчивости монашескихъ „докукъ“ (с. 162). Кр. А. 27 д. В. 24 д. В. 57 д. Г. 23 д. 24 х. Д. 44 д. 58 х. 8 бд. х. Пс. 5 бд. х. Кз *нѣтъ*. Засимъ, приводимъ отрывки изъ вѣдомости о Поддубновкѣ, составленной монахами въ 1766 г. для Румянцовской описи.—„Владѣетъ онымъ селомъ м—рь Г—скій, яко тое село прежде небывалое, на землѣ монастырской купленной зъ хуторомъ и сѣножатю за Переводомъ, 1656 г., отъ Семена Касяненка, змѣнничкою Обидовскою осажено.—Всей земли купленной пахатной и сѣнокосной, съ владѣемою подданными того села, зачавъ вдлину отъ бывшого на р. Переводѣ каменного мосту икъ с. Туровкѣ до Острой Могилы, на шесть верстъ и 275 саж., а вширину отъ р. Перевода по рудку Гнилицю, называемую Крайняя Рудка, на одну версту 460 с.“ Такое пространство земли монахи присвоили себѣ подъ видомъ земли пріобрѣтенной отъ Касяненка..

С. Гнилица, рч. Гнилица. Произведенное въ 1715 г. Карпѣкою разграниченіе Погребскихъ земель мало принесло пользы Прилучанамъ; трудно было имъ—при тогдашнемъ правѣ сильнаго—удержать за собою такіе приволья, какія представляла собою Гнилицкая степь. Выше сказано (с. 188), что границею степи, отдѣленной Карпѣкою для Прилуки отъ Погребовъ, между прочимъ, было указано то мѣсто на берегу Перевода, гдѣ съ этою рѣчкою сливалась „рудка“ Гнилица, при чемъ признакомъ границы означенъ *каменный мостъ*. Изъ существованія здѣсь такой рѣдкой для того времени постройки, слѣдуетъ заключить, что около этого каменнаго моста, уже раньше существовало поселеніе и весьма вѣроятно, что это и былъ упоминаемый въ купчей Касяненка (с. 187) *Держикрай*, поселенный кн. Острожскимъ (с. 3), а затѣмъ перешедшій къ Вишневецкому. По списку Пршездѣцкаго въ Держикраѣ значится 318 „господарей“. Затѣмъ Держикрай исчезъ, вѣроятно разоренный одновременно съ Переводомъ (с. 187). Его „селище“, какъ уже разъ насиженное, не могло не

видѣ подтвержденія Мазепинскаго универсала 1700 г. на Переводскій хуторъ. Тамъ же, 104.

привлечь вниманія такого ревностнаго собирателя земель, какимъ былъ Галаганъ. Задумавъ завладѣть частью Гнилицкой степи, Г—нъ, для большей осторожности, обратился къ гетману за позволеніемъ—посадить здѣсь хуторъ, но при этомъ указывалъ не Гнилицу, а уроч. Свидовецъ, [1]) гдѣ, по его словамъ, уже и прежде былъ хуторъ *полковника* Горленка. Въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ выдалъ въ 1719 г. слѣд. универсалъ: „Позволилисмо п. полковнику Ігн. Г—ну для построеня хутора занять мѣстце надъ Свдовцеимъ, въ степу Прилуцкомъ, гдѣ бувшого полковника Прил. Горленка также былъ построенъ хуторъ; тилко варуемъ того, чтобы онъ, п. полковникъ, для расширеня оного мѣстца, *отведенного границею до помѣжнихъ селъ кгрунту—не принималъ*; а если для самой нужди къ тому хутору—потребно будетъ болшой степу обширности, *то ку Гнилицѣ лежачого, по влушности, а не надъ мѣру, воленъ естъ приняти степу,* обехавши сполне и ограничивши изъ тамошнею полковою старшиною...“[2]) Воспользовавшись оговоркою, Г—нъ сразу занялъ подъ хуторъ землй „надмѣру“, и при томъ не у Свидовца, а на Гнилицѣ, чѣмъ тогда же вызвалъ жалобы Прилучанъ, желавшихъ оберечь Гнилицкую степь отъ новыхъ захватовъ. Вотъ эта ихъ жалоба. „Получивъ въ 1715 г. универсалъ на Гнилицкую степь, „посполство и у́божь (бѣдняки) Прилуцкая, зъ того одстояного степу, жадной (никакой) не имѣла корысти, ибо п. полковникъ Г—нъ, построивши, безъ позволенія рейментарского и *безъ вѣдома полчанъ*, надъ рѣчк. Гнилицею хуторъ, *мало не увесь* Гнилицкій тотъ степъ въ свое обнялъ владѣніе и уже нѣхто не дерзаетъ тамъ косити себѣ травы...“ Скоропадскій не любилъ Г—ка и потому немедленно послалъ ген. бунч. Лизогуба разслѣдовать жалобу Прилучанъ. Осмотрѣвъ проведенныя Карпѣкою границы и распросивъ стариковъ, Лизогубъ раздѣлилъ Гнилицкую степь между городомъ и тѣми владѣльцами, которые позанимали здѣсь участки „отъ 20, 30 и 40-хъ лѣтъ“. Кромѣ того, часть Гнилицкой степи отдѣлена была на Прилуц-

---

[1]) Мы не можемъ опредѣлить мѣстонахожденіе этого урочища, но, конечно, оно было гдѣ-нибудь поблизу отъ Гнилицы.

[2]) Съ подлинника въ семейн. архива покойн. Г. П. Галагана.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе

и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій.* Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. *Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства"*. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ.

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта.* XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается НА РОТАЦІОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫЙ.

1901 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ".

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе": Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе", при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракуевъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія" имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ"

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ" принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. Ѳ. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревицкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на «Женскій Альманахъ» не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельского хозяйствъ СБОРНИКЪ

подъ редакціей инженеровъ Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ" не позже 15 февраля 1901 г.

3—3

программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А, Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы", кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

3—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ

на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисъ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., 1/2 года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., 1/2 года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., 1/2 года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяцъ 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

нуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ *„Энциклопедія“* дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ *„Энциклопедія“* съ пересылкой: на годъ—*6* руб.; за-границу—*10* руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—*2* руб., въ Мартѣ—*2* руб., въ Іюнѣ—*2* руб., или первые шесть мѣсяцевъ по *одному* рублю.

Цѣна отдѣльной книги—*50* коп., съ пересылкой—*70* коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся

въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы

твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „*Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ*:“ а.) св. Кипріана, еп. Карѳ., части 1 и 2, б.) блаж. Іеронима, ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части *2 р.* съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей творен. блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по *1 р. 50 к.*

«*Опытъ правосл. догматическаго Богословія*» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. *1 р. 70 к.*, т. 2 (изд. 3-е ц. *3 р. 30 к.*, т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по *3 р.* каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу: *Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ* (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣ-

дованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея могочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Жуналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

3—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія **въ возможно широкихъ** кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля,* еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизаціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ,* что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремяная, 12, соб. домъ.

3—3

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. **И. Лучицкаго** . . . . 313—351

II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). **А. Л.** . . . . 352—367

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . 368—395

IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка** . . . 396—423

V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Продолженіе)*. **Д. Яворницкаго** . . . . 424—460

VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока** . . . . 461—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ б) Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинѣ; г) Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. **П. Т.**; д) Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка); е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ** ж) Поправка. . . . . 131—157

Текущія извѣстія . . . . 158—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Доманицкаго**; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Т. XVII. Б.; в) Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrzestianstwa na Rusi **М. К**; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники сѣвернаго Кавказа. **В**; д) Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa. **В.**; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—196

Археологическая лѣтопись. . . . . 197—205

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 13-й . 193—208
2) Портретъ М. Т. Симонова (Номиса).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

19-го февраля 1901 года исполнилось 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда крѣпостная масса русскаго народа получила личную свободу и тѣмъ признана была имѣющей права человѣческой личности. 5 марта положеніе о крестьянахъ было обнародовано и вскорѣ стало извѣстнымъ во всей Россіи, а также и на нашемъ югѣ. Нашъ журналъ, посвященный изученію и освѣщенію моментовъ прошлаго въ Малороссіи, не можетъ пройти молчаніемъ этого 40-лѣтняго юбилея крестьянской реформы и потому считаетъ обязательнымъ для себя помѣстить въ настоящей книжкѣ рядъ статей и матеріаловъ, посвященныхъ исторіи крестьянской реформы въ Малороссіи.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Изданіе **ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО** въ Кіевѣ.

КОБЗАРЬ Т. ШЕВЧЕНКА.

Музыка Владислава ЗАРЕМБЫ,

для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано.

1.	Витре буйный, витре буйный (сопр.)	40
2.	Ой умеръ старый батько (м. сопр.)	30
3.	Мынають дни, мынають ночи (баритонъ-басъ)	60
4.	До сестры (сопр.)	30
5.	Не журюся я (барит.)	60
6.	Не тополю высокую (бар.)	—
7.	Черезъ гору иду	30
8.	Зоря зъ мисяцемъ надъ долыною постричалася	60
9.	Ой одна я, одна, якъ былынонька въ поли (сопр.)	45
10.	За думою дума роемъ вылитае	60
11.	Чого мени тяжко (бар.)	45
12.	Тече вода въ сыне море	45
13.	Закувала зозуленька (бар.)	30
14.	На улыци не весело, въ хати батько лае	30
15.	На що мени чорни бровы	50
16.	У перетыку ходыла по горихы	30
17.	Калына. Баллада. Чого ты ходышъ на могылу	60
18.	Якъ бы мени черевыкы	30
19.	На городи коло броду	30
20.	Трала-ла, трала-ла, на базари була	30

21. Утоптала стежечку черезъ яръ 30
22. Думы мои, думы! Вы мои едыни! 45
23. Ой люли, люли моя дытыно. 30
24. Надъ Днипровою сагою. 45
25. И тутъ и всюды скризь погано 45
26. Якъ бы мени, мамо, намысто. 60
27. Не женыся на багатій, бо выжене съ хаты 45
28. Сонце заходыть, горы чорніють 45
29. И багата я, и вродлыва я 45
30. Заповитъ. Якъ умру, то поховайте. 30

Этого же автора для фортепiано въ 2 руки.

Adieu à l'Ukraine. Pièce de salon. Pożegnanie Ukrainy 50
Au Cimetière. Elégie. 60
Chant d'Oukraine. Doumka. 50
Chant Ukrainienne populaire «Зибралыся всп бурлакы» 60
Де гримъ за горамы. Украинская пѣсня 50
Doumka-Schoumka. 50
Гей же вы, хлопци, славни молодци. Запор. пѣсня. 60
Langueur après l'Ukraine. Pièce de Salon. 60
Реве та стогне Днипръ шырокый. Украинская пѣсня, слова Тараса Шевченка, музыка Д. Крыжановскаго 50
Стоить гора высокая. 60
Въ кинци гребли шумлять вербы 60

МОЯ МЫЛОВАНКА.

Мазурка для пѣнія.

Слова М. Старыцького.

Цѣна 50 коп.

Адресъ: **Книгопродавцу Леону Идзиковскому въ Кіевѣ.**

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Усилившійся въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія интересъ къ вопросамъ земледѣлія и земледѣльческаго класса, къ его судьбамъ въ прошломъ, къ его состоянію въ настоящемъ и къ его будущему, къ существовавшимъ и существующимъ теперь поземельнымъ отношеніямъ въ его средѣ, съ одной стороны,— развивающееся сознаніе, — особенно окрѣпшее въ послѣдніе тридцать лѣтъ,—что „исторію сверху" можно создать лишь изученіемъ детальнымъ и серьезнымъ „исторіи снизу", т. е. исторіи каждой соціальной группы въ каждой отдѣльной странѣ, изученіемъ ихъ съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, экономическихъ условій ихъ существованія и развитія, съ другой, породили въ З. Европѣ цѣлую литературу историко-экономическихъ изслѣдованій вообще, крестьянскаго земледѣльческаго класса въ частности. Изъ той зависимой, второстепенной роли, какую играли эти вопросы въ прежнихъ работахъ, изслѣдованіяхъ и общеисторическихъ построеніяхъ прежняго времени, гдѣ они, въ лучшемъ случаѣ, служили простой иллюстраціей для обрисовки общаго фона, на которомъ историки расписывали свои арабески,

они превращены теперь въ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ для изслѣдованія, безъ выясненія которыхъ представляется немыслимымъ выясненіе и пониманіе процесса жизни исторической, ея развитія. Естественнымъ, отсюда, явилось и привлеченіе къ изученію цѣлой серіи данныхъ и документовъ, на которые прежніе историки обращали мало вниманія, которые покрывались многолѣтнею пылью въ глубинѣ архивовъ, никѣмъ не тронутые, считавшіеся чуть не хламомъ... Архивная работа начала заполонять историческую литературу, и мало по малу стали разъясняться нѣкоторыя черты, часто совершенно новыя и неожиданныя, процесса развитія экономической жизни прошлаго различныхъ европейскихъ странъ, въ частности развитія поземельныхъ отношеній и судебъ земледѣльческаго класса. Въ Англіи со времени появленія трудовъ Роджерса, въ Франціи въ послѣдніе десять лѣтъ, въ Германіи, благодаря инціативѣ Шмоллера, Кнаппа и Гильдебранда изученіе развитія земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ получило сильный толчекъ, и въ рукахъ интересующагося судьбами крестьянства очутилась теперь значительная масса вполнѣ почти установленныхъ, критически провѣренныхъ и точныхъ данныхъ и выводовъ относительнаго развитія и судебъ крестьянскаго класса въ различныхъ странахъ западной Европы, данныхъ и выводовъ, основанныхъ не на однихъ только нерѣдко сомнительныхъ или неполныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ отдѣльныхъ лицъ...

Движеніе, зародившееся въ исторической литературѣ, коснулось не однихъ только крупныхъ и выдающихся націй. Изученіе прошлаго и нынѣшняго состоянія крестьянскаго класса проникло и въ сферу самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ странъ, не игравшихъ,—какъ это принято выражаться относительно „малыхъ сихъ" такъ называемой „исторіи",—выдающейся роли, и создало уже рядъ трудовъ, впервые попытавшихся снять завѣсу, покрывавшую прошлое массы трудового населенія и въ такихъ уголкахъ, какъ Буковина, Галичина, Седмиградія, мелкія нѣмецкія княжества и т. д.

Когда, какъ это было, напр., въ Буковинѣ, подъ напоромъ вспыхнувшей въ Австріи революціи 1848 г. былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, тяготѣвшей надъ большей частью населенія крестьянскаго какъ въ Австріи вообще, такъ и въ Буковинѣ, „историческая наука“ оказалась безсильной выяснить прошлое этого населенія. Оно, это прошлое, было очень мало, даже совершенно неизвѣстнымъ. Въ 1848 году была издана въ Буковинѣ лишь одна брошюра, явившаяся какъ памфлетъ, а не какъ серьозное изслѣдованіе, памфлетъ, вышедшій изъ подъ пера одного изъ ярыхъ защитниковъ стараго, теперь подорваннаго революціей режима. Я разумѣю „Denkschrift über den Ursprung und die Entwickelung des Unterthanswesens in der Bukowina“, неизвѣстнаго автора. Здѣсь впервые сообщены были нѣкоторые самые общіе факты изъ прошлаго крестьянскаго населенія Буковины, но непровѣренные и нерѣдко (особенно по вопросу о поземельныхъ владѣніяхъ крестьянъ) не точные и невѣрные. Съ другой стороны, положеніе крестьянъ въ прежнее время, особенно до австрійскаго господства, изображены въ черезчуръ розовомъ цвѣтѣ, и всѣ бѣдствія, испытанныя крестьянами въ теченіе почти 70 лѣтъ, предшествующихъ 1848 году, представлены, какъ результатъ исключительно одного только „бюрократическаго генія“ австрійскихъ чиновниковъ. Тенденція автора обезпечить землей помѣстное сословіе и создать свободу для крестьянскаго населенія путемъ освобожденія его отъ тяготы владѣнія землей сказывается въ памфлетѣ вполнѣ прозрачно, и исторія поземельныхъ и личныхъ отношеній пригоняется и поддѣлывается для этой цѣли. Авторъ рисуетъ намъ блестящую картину того, какъ царило въ XVIII в., наканунѣ присоединенія Буковины къ Австріи, право вольнаго перехода среди крестьянъ, и какъ рядомъ съ этимъ всѣ поземельныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ исчерпывались временнымъ, арендньмъ держаніемъ крестьянами владѣльческихъ земель.

Для Буковины и отношеній буковинскихъ крестьянъ къ владѣльцамъ не было въ то время сдѣлано даже и того, что имѣлось уже для Галичины въ видѣ чисто юридическихъ трак-

татовъ, заключавшихъ въ себѣ простое описаніе юридическихъ нормъ этихъ отношеній, трактатовъ въ родѣ книги Słotwinski, systematische Darstellung der Unterthansgesetze in Galizien (3 т. 1827), или L. Klunker'a (die gesetzliche Unterthansverfassung in Galizien 3 т., Lemberg 1845—46), или Drdacki, die Fronpatente Galiziens (1838).

Да кромѣ того, послѣ напечатанія упомянутаго Denkschrift не появлялось ни одного труда, посвященнаго крестьянамъ, хотя въ теченіе времени съ 1848 г. по 1870 г. начата и почти завершена была крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Лишь въ семидесятыхъ годахъ возникаетъ слабое движеніе въ исторической литературѣ, затрогивающее вопросъ о судьбахъ крестьянскаго класса въ Буковинѣ. Вновь издается извѣстный трактатъ Димитрія Кантеміра, описаніе Молдавіи, этотъ главный источникъ для ознакомленія съ положеніемъ крестьянъ въ Буковинѣ XVIII в. (1842), появившійся еще въ началѣ XVIII в. и перепечатанный Büsching'омъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1771 г. Затѣмъ Wickenhanser въ своихъ двухъ работахъ: Moldawa (2 т.) и Molda (5 т.) опубликовываетъ цѣлый рядъ актовъ, начиная съ конца 14 вѣка, актовъ, проливишихъ новый свѣтъ на процессъ измѣненій, происходившихъ въ поземельныхъ и личныхъ отношенія крестьянъ къ господарямъ молдавскимъ, владѣльцамъ и церкви. Наконецъ, Ficker впервые освѣщаетъ исторію цыганъ въ Буковинѣ, значительная часть которыхъ была еще съ XIV в. превращена въ абсолютно безправныхъ рабовъ [1]), и кромѣ того впервые знакомитъ съ нѣкоторыми изъ любопытныхъ отчетовъ о состояніи Буковины, положенія крестьянъ въ ней, отчетовъ, представленныхъ центральному вѣнскому правительству коммиссарами, посылаемыми въ Буковину въ 1775 и послѣд. года, во время присоединенія ея къ Австріи [2]). Если мы присоединимъ

---

[1]) Ficker, Zigeuner in Bukowina, въ вѣнскомъ statistischen Monatschrift 1879 г., т. V. n° 5, стр. 249—265.

[2]) Ficker, Hundert Jahre, 1775—1785, въ томъ же Monatschrift 1875, стр. 403—429.

сюда небольшой очеркъ Буковины, написанный Bidermann'омъ: die Bukowina unter oesterreieichischen Verwaltung (1875), представляющій скорѣе газетную замѣтку, чѣмъ изслѣдованіе, то этимъ и исчерпаемъ то, что сдѣлано было тогда.

Крупные шаги впередъ въ дѣлѣ изученія какъ исторіи Буковины вообще, такъ и крестьянскаго сословія въ частности относятся почти исключительно къ послѣднимъ годамъ, съ 1893 по настоящее время, и благодаря этому выдающіяся моменты развитія крестьянскихъ отношеній выступили теперь довольно ясно и опредѣленно. Разработка вопроса о крестьянахъ въ Румыніи вообще, въ трудахъ Xenopol'я (histoire des roumains), Kogolniceanu (объ освобожденіи цыганъ), Blaramberg'a (essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie, Bukarest 1855), Geblesco (la proprieté rurale, 1896) и т. п., въ особенности же рядъ документовъ, изданныхъ въ Румыніи въ послѣдніе годы (въ родѣ напечатанныхъ въ Magazin istoric pentru Dacia, Hurmuzachi, documente privitoare la istoria Romanitôr, Codrescu, uricariul cuprendetor de chrisoave, anaforale de alte acte ale Moldovei и т. п.) дали богатую почву для изслѣдованій, и уже съ 1893 года появились такіе труды, какъ рядъ очерковъ по исторіи Буковины, написанные авторомъ блестящей работы о политическихъ движеніяхъ въ Седмиградіи при Іосифѣ II и Леопольдѣ II, Zieglauer'омъ, подъ заглавіемъ: geschichtliche Bilder aus der Bukowina zur Zeit der oesterreichischen Occupation, далеко превзошедшихъ по полнотѣ и обилію сообщеннаго имъ неизданнаго матеріала для исторіи положенія крестьянъ въ Буковинѣ упомянутую работу Ficker'a [1]). Затѣмъ Kaindl, профессоръ Черновицкаго университета, пополнилъ данныя Циглауера, новыми данными относительно роли Іосифа II въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Буковинѣ [2]), а еще раньше

---

[1]) Съ 1893 по 1898 Zieglauer выпустилъ 5 т. (изданы въ Черновцѣ).

[2]) Kaindl, Kaiser Ioseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina, Czenowitz, 1896.

I. Polek издалъ мемуаръ одного изъ коммиссаровъ австрійскихъ, посланныхъ въ Буковину для производства измѣреній и межеванія въ 1783 г., Іоганна Будинскаго [1]). Благодаря какъ всѣмъ этимъ работамъ и изслѣдованіямъ, такъ и документамъ (частью издаваемыхъ въ выходившемъ въ то время въ Черновцахъ журналѣ: Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseum), Kaindl'ю удалось написать первую полную исторію Буковины (3 тома Czernowitz 1895—98), въ которой судьбы крестьянскаго населенія были изложены впервые болѣе обстоятельнымъ образомъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. То была первая, сколько нибудь серіозная попытка освѣтить положеніе крестьянъ въ Буковинѣ. Но авторъ не остановился на ней, и въ 1899 году, послѣ ряда розысканій въ архивахъ, составилъ первую полную и обстоятельную исторію какъ крестьянства въ Буковинѣ, такъ и его освобожденія, напечатанную въ Archiv für oesterreichiche Geschichte 1899, томъ 86 [2]). Кайндль ведетъ исторію крестьянъ съ первыхъ моментовъ, о которыхъ сохранились свѣдѣнія, съ 1342 г., и заканчиваетъ 1870 г., когда закончена была почти всецѣло выкупная операція. Онъ разсказываетъ намъ, какъ сформировалось крупное землевладѣніе церковное и свѣтское въ Буковинѣ, составлявшей тогда часть Молдавіи, затѣмъ какъ отразился этотъ процессъ и на крестьянахъ, превратившихся постепенно въ зависимыхъ подданныхъ, и на обращенныхъ въ рабовъ военноплѣнныхъ татаръ и цыганъ, наконецъ переходитъ къ изложенію послѣдствій подчиненія или, вѣрнѣе, захвата Буковины Австріей, послѣдствій для крестьянскаго класса во всей его совокупности. Анализъ, самый детальный, какъ проектовъ реформъ, такъ и реформы поземельныхъ крестьянскихъ отношеній, въ томъ видѣ, въ какомъ проводило ихъ австрійское правительство, то приспособляясь къ существующимъ порядкамъ, то остав-

---

[1]) J. Polek. die Bukowina zu Anfang des Jahres 1783. Nach einer Denkschrift des Mappierungsdirector Ioh. Budinszky. Czernowitz, 1894.

[2]) Статья эта вышла и отдѣльной книгой въ Вѣнѣ 1899 г.

ляя безъ измѣненія старые порядки, которые оно застало въ Буковинѣ уже выработанными и такъ сказать узаконенными хрисовулами Гики, то, наконецъ, создавая новые порядки, сообразно съ общей аграрной политикой того времени въ Австріи, представляютъ совершенно новую и неизвѣстную до сихъ поръ страницу въ исторіи крестьянской реформы, какъ ее проводилъ въ Австріи вообще и въ Буковинѣ въ частности Іосифъ II. Всѣ стороны процесса описаны Кайндлемъ. Онъ слѣдитъ за измѣненіями и въ сферѣ государственной барщины и государственныхъ платежей, и въ сферѣ поземельныхъ порядковъ, въ отношеніи какъ крупной собственности, такъ и крестьянскихъ владѣній, и въ области личныхъ отношеній, насколько они касаются рабовъ, съ одной стороны, подданныхъ—крестьянъ, съ другой. Съ такой же подробностью изложена имъ впервые и исторія мѣропріятій, предпринятыхъ въ сферѣ личныхъ и поземельныхъ отношеній въ Буковинѣ въ правленіе Франца II и Фердинанда до 1835 г., приведшихъ къ тому тяжелому и невыносимому положенію, въ какомъ очутились буковинскіе крестьяне въ послѣдніе годы, предшествующіе революціи 1848 года. Наконецъ, хотя къ сожалѣнію, въ болѣе сжатомъ видѣ, разсказываетъ онъ намъ исторію крестьянскихъ волненій въ Буковинѣ въ 1848, излагаетъ идеалы и требованія крестьянъ, и затѣмъ и примѣненіе къ нимъ крестьянской реформы и выкупной операціи (уже, главнымъ образомъ, съ 1857 года). Въ своей работѣ Кайндль является лишь простымъ разсказщикомъ. Онъ не пытается ни объяснить причины тѣхъ или иныхъ явленій и образованій въ крестьянской средѣ, ни выяснить экономическія условія, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ развивалось крестьянство въ Буковинѣ. Съ другой стороны, онъ далеко не использовалъ того громаднаго матеріала, который сосредоточенъ въ Вѣнѣ и касается процесса реформъ, какія пыталось провести въ Буковинѣ въ теченіе XIX в, до 1835 г., имперское австрійское правительство. Кромѣ того не всѣ выводы его обоснованы, не всѣ данныя критически провѣрены. Если изложенную имъ исторію личныхъ отношеній

крестьянъ къ владѣльцамъ можно признать вполнѣ почти обстоятельной и точной, то нельзя сказать того же объ его исторіи поземельныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Несмотря на отрицательное отношеніе его къ даннымъ, сообщеннымъ въ упомянутой брошюрѣ 1848 (Denkschrift), онъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ принимаетъ его точку знѣнія на поземельныя права крестьянства при молдавскомъ владычествѣ, считаетъ владѣніе крестьянъ лишь арендным, временнымъ владѣніемъ (Pachtsystem) и оставляетъ почти безъ вниманія и безъ объясненія рядъ фактовъ относительно порядковъ крестьянскихъ земельныхъ держаній въ Буковинѣ, далеко не совпадавшихъ, даже болѣе того: противорѣчившихъ системѣ временныхъ держаній въ смыслѣ арендныхъ держаній.

То, что не было выполнено или если и выполнено, то не вполнѣ точно Кайндлемъ, было въ значительной мѣрѣ пополнено извѣстнымъ изслѣдователемъ австрійской крестьянской реформы, какъ она была проведена въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, Карломъ Грюнбергомъ.[1]) Онъ долгое время работалъ надъ изученіемъ данныхъ о крестьянахъ и крестьянской реформѣ, находящихся въ вѣнскомъ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, данныхъ, касающихся всѣхъ сторонъ крестьянской жизни и отношеній,[2]) извлекъ изъ нихъ все, касающееся между прочимъ и Буковины, пополнивъ этими данными все то, что было извѣстно и изслѣдовано раньше, и въ 1900 г. составилъ очеркъ исторіи крестьянскихъ несвободныхъ отношеній и ихъ измѣненій въ Буковинѣ (die bäuerliche. Unterthansverhätnisse und ihre Beseitigung in der Bukowina [3]). Въ противоположность своему

---

[1]) Я разумѣю его изслѣдованіе: die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich--bäuerlichen Verhältnisse in Böhmen, Mähren und Schlesien—2 т. Leipzig, 1894.

[2]) Это—серія К и А, обнимающіе всякаго рода Unterthansacten: актовъ крѣпостного состоянія, рабства, земельныхъ надѣловъ, наслѣдственной аренды, реформъ и т. д.

[3]) Въ Iahrbuch für Geseszgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. Издав. G. Schmoller'омъ. 1900, 4 Heft стр. 231—310.

предшественнику, онъ не только разсказываетъ о процессѣ измѣненій въ положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, но пытается, съ большей или меньшей полнотой и сообразно съ суммой данныхъ, которыми онъ располагаетъ, выяснить экономическія условія развитія такихъ явленій, какъ напр., усиленіе стремленія со стороны владѣльцевъ увеличить размѣръ барщинныхъ услугъ въ XVIII в. и затѣмъ XIX в., стремленія, отсутствовавшаго въ XVII в. и направленнаго тогда скорѣе къ увеличенію размѣра платежей деньгами и натурой со стороны крестьянъ. Самое изложеніе хода какъ реформы, такъ и измѣненій въ положеніи крестьянъ является у Грюнберга гораздо болѣе систематическимъ и яснымъ, чѣмъ у Кайндля, и онъ не впадаетъ въ тѣ ошибки, которыя допустилъ послѣдній. Опираясь на данныя, сообщенныя коммиссарами, посланными австрійскимъ правительствомъ въ Буковину для разслѣдованія вопроса о земельныхъ владѣніяхъ въ 1819, 1820 и посл. годовъ, данныя, которыя Кайндлю были извѣстны лишь отчасти, Грюнбергъ путемъ сопоставленія ихъ съ законодательными актами, изданными еще XVII в. молдавскими господарями (напр. хрисовуломъ Василія Лупула), выяснилъ, даже болѣе открылъ такую сторону порядковъ землевладѣнія въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, какая не была извѣстна и выяснена раньше. Между тѣмъ благодаря ей и ея выясненію совершенно инымъ свѣтомъ освѣтились мѣропріятія австрійскаго правительства до 1835 года

Указанныя двѣ работы: изслѣдованіе Кайндля и трудъ Грюнберга, даютъ полную возможность съ достаточной полнотой обрисовать ходъ и развитіе крестьянской реформы въ Буковинѣ. Руководясь какъ ими, такъ и другими указанными выше изслѣдованіями и изданіями, мы и попытаемся изложить исторію крестьянской реформы въ Буковинѣ до 1870 г. Затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи реформы за тоже время въ Галичинѣ и, наконецъ, попытаемся, насколько позволяютъ имѣющіяся у насъ скудныя данныя, обрисовать послѣдствія, какія создала австрійская крестьянская реформа для сельскаго населенія обѣихъ областей.

Въ моментъ выхода настоящей статьи въ свѣтъ исполнится 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда въ 1861 г. 19 февраля крѣпостное право было отмѣнено въ Россіи вообще, въ Малороссіи въ частности. Въ память этого дня нѣкоторымъ явленіямъ и событіямъ того времени отводятся спеціальныя статьи въ настоящемъ № Кіевской Старины. Намъ казалось, поэтому, умѣстнымъ и небезполезнымъ дать читателямъ и обзоръ хода реформы въ сосѣднихъ и родственныхъ областяхъ, гдѣ въ истекшемъ году исполнилось тридцать лѣтъ съ того времени, какъ закончена была выкупная операція.

II.

Крестьяне въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ.

Въ моментъ занятія Буковины австрійскими войсками и присоединенія ея къ Австріи (1774—75 г. г.) крестьянское рабочее населеніе области распредѣлялось по тремъ значительно различавшимся другъ отъ друга группамъ. Въ одну, наименѣе многочисленную и представлявшую собою, подобно свободнымъ крестьянамъ Даніи, жалкіе обломки недавняго сравнительно прошлаго, входили либо калараши, либо мелкіе свободные крестьяне собственники, такъ называемые резеши (resesch=heres), нѣчто среднее между крестьянами и низшими дворянами, [1]) либо

---

1) См. D. Kantemir, Beschreibung der Moldau, стр. 261. «In der dritten (Klasse) sind die Ritter, *Calaraschi,* welche für die Nutzung der Landgüter, die ihnen von den Fürsten geschenket worden, beständig auf ihre eigene Kosten mit ihnen zu Felde ziehen müssen. Die letzten sind die *Reseschi,* die wir besser freye Landleute, als Edelleute nennen können. Sie kommen fast mit der Russen Odnodworzi überein. haben auch keine Bauerhöfe, sondern mehrere derselben bewohnen ein Dorf, und bauen ihre Ländereyen entweder selbst oder durch ihre gedungene Knechte».

свободные пастухи, занятые овцеводствомъ, сохранившіе свою личную свободу въ горныхъ долинахъ, защищаемыхъ природой, скалами и лѣсами. Они и къ концу XVIII в. удержались въ Буковинѣ, но лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, образуя въ нихъ, по словамъ Кантеміра, нѣчто въ родѣ „республикъ". [1]) То были: во первыхъ, такъ наз. Долгополье (Kympullung) въ Сучавскомъ округѣ. Въ началѣ XVIII в. въ немъ насчитывалось всего 15 деревень, управлявшихся по собственнымъ законамъ и согласно собственнымъ выработаннымъ ими обычаямъ. „Они, писалъ Кантеміръ, незнакомы съ искусствомъ обработки земли: ихъ главное занятіе—овцеводство. Они платятъ только ежегодную дань князю, но не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе онъ могъ бы требовать, а въ тѣхъ, какіе установлены ими самими". Они связаны съ княземъ договорами, которые возобновляются ихъ уполномоченными всякій разъ, какъ только новый князь вступаетъ въ управленіе областью, а въ случаѣ, когда князь проявляетъ желаніе увеличить дань или обложить ихъ новыми налогами, они прекращаютъ переговоры, удаляются въ неприступныя мѣстности въ горахъ и нерѣдко ищутъ защиты и покровительства у сосѣднихъ странъ, у польскихъ королей и т. п. Совершенно почти въ томъ же положеніи находились и обитатели Уранціи, на самой границѣ Валахіи (12 деревень съ 2000 дворовъ), и жители Кигича, лежавшаго въ лѣсу на границѣ съ буджакскими татарами, между Прутомъ и Бессарабіей. Эти послѣдніе, въ количествѣ 8 тыс. душъ, состояли исключительно изъ однихъ каларашей и платили князю самый ничтожный налогъ.

Но такого рода свободныхъ лицъ насчитывалось крайне мало въ XVIII в. Они не составляли и 1% всего крестьянскаго населенія, жившаго преимущественно въ болѣе низкихъ, менѣе защищенныхъ или равнинныхъ мѣстностяхъ. Вся остальная масса крестьянъ находилась въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, являлась для нихъ либо рабочею силою, либо источникомъ постояннаго дохода. Юридическое положеніе этой подавляющей

---

1) Ib., 278—281.

своею численностью массы далеко не было одинаковымъ. Она разбивалась на двѣ рѣзко различныя группы: во-первыхъ, на группу рабовъ въ полномъ смыслѣ этого слова, *робі* (*robi*), во-вторыхъ, на подданныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ (glebae adscripti) и носившихъ названіе vecini.

Первая изъ нихъ, рабы, была относительно незначительной. Изъ общаго числа жителей, которые насчитывали въ 1774 году австрійскіе уполномоченные, именно: 75 т. душъ, всего около 3—3¼% составляли рабы, и еще въ 1784 г. насчитывалось до 567 семей рабовъ, изъ которыхъ 144 семьи (422 души) находились во власти свѣтскихъ владѣльцевъ, остальные—въ рукахъ церкви и монастырей. [1]) Послѣдніе въ XVIII в. являлись главными и наиболѣе крупными владѣльцами рабовъ: Стѣны монастырей были наполнены рабами. Монастырь Молдавица еще въ 1775 г. насчитывалъ до 80 семей рабовъ (294 души). [2]) Монастырь Солька въ 1771 г.—25 семей. [3]) М—рю Гумара принадлежало до 95 семей или дворовъ въ 1785 г. [4]) Монастырь Путна, одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Буковинѣ, уже въ XVI в. (въ 1581) владѣлъ 53 семьями, 11 холостыми, 7 взрослыми „дѣвками“, въ общей сложности 124 душами, не считая дѣтей. Къ XVIII в. калугеры м—ря имѣли уже въ своемъ распоряженіи около 109 семей, 6 вдовъ, 4 холостыхъ раба, а всего около 313 душъ. [5]) Если у свѣтскихъ владѣльцевъ количество рабовъ было гораздо меньшимъ, если изъ списка, напр., 17 владѣльцевъ, перечислен-

---

[1]) См. донесеніе австрійскаго коммиссара графа Enzenberg'а изъ Черновицъ 25 мая 1784 г., цит. у Grünberg'а стр. 237, прим. 3. Ср. составленную Грюнбергомъ таблицу распредѣленія рабовъ по мѣстностяхъ, стр. 237—238 прим, 4.—Ficker въ своей статьѣ о цыганахъ въ Буковинѣ, основываясь на болѣе раннихъ данныхъ коммисара Spleny, опредѣляетъ число рабовъ въ 534 семьи, что, очевидно, ниже дѣйствительности. Ficker, Statist Monatschrift, V, кн. 5, стр. 250.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, I, n⁰ 195.

[3]) Ib., II, n⁰ 157.

[4]) Ib., Molda, I, 164.

[5]) Ib., Molda, III, n⁰ 38, и II, 151

ныхъ въ докладѣ окружнаго буковинскаго правленія отъ 1787 г., лишь у одного насчитывалось до 60 душъ рабовъ, у 3—отъ 31 до 36 душъ, у 3—отъ 22—26, у 2—отъ 12 до 19 и у 8—отъ 2 до 9,[1]) то за то, если вѣрить Кантеміру, не было въ Буковинѣ ни одного „барона", свѣтскаго владѣльца, у котораго не было бы въ дворѣ нѣсколькихъ семей рабовъ.[2]) Держаніе рабовъ было общимъ и повсемѣстнымъ обычаемъ въ области, и, можно думать, что число ихъ не только не уменьшалось, а, напротивъ, росло въ XVIII в. По крайней мѣрѣ и въ XVIII в. не было рѣдкостью закабаленіе въ рабы тѣхъ или другихъ лицъ [3]), либо по доброй волѣ, либо въ силу брака съ рабыней, либо, нерѣдко, и путемъ насилія, либо, наконецъ, систематически путемъ размноженія, съ помощью насильственныхъ браковъ рабовъ съ рабынями [4]).

---

[1]) Grünberg, стр. 238, прим.

[2]) Kantemir, 272.

[3]) См. напр. актъ 1760 г. 12 іюля (Wickenhauser, Moldawa, II, n⁰ 106). «Я, Ѳедоръ Церке, даю сіе мое письмо въ руки отца игумена... и братіи святого м—ря въ Солькѣ и заявляю, что, будучи чужеземцемъ—цыганомъ изъ Венгріи и не имѣя надъ собой господина, по доброй своей волѣ отдаю себя святому м—рю въ качествѣ раба монастырскаго, подобно всѣмъ другимъ цыганамъ. А также прошу м—рь дать мнѣ одну изъ монастырскихъ цыганскихъ дѣвокъ въ жены». Женитьба на цыганкѣ рабынѣ была крупнымъ источникомъ умноженія рабовъ въ Буковинѣ. Въ актѣ 1759 г., 2 іюня, мы читаемъ въ жалобѣ м—ря въ Сольнѣ, что чужеземцы изъ Венгріи являются въ Буковину и забираютъ въ жены монастырскихъ цыганокъ. Между тѣмъ по отношенію къ послѣднимъ существуетъ историческій обычай, что молдаванинъ, взявшій себѣ въ жены цыганку, самъ становится цыганомъ, а равно молдаванка, вышедшая замужъ за немолдованина, остается цыганкой, т. е. рабой». Wickenhauser, Moldawa, II, n⁰ 99.

[4]) Въ виду этого между м—рями и владѣльцами происходитъ постоянный обмѣнъ «дѣвками»—рабынями. «Дѣвку» за «дѣвку», таковъ былъ обычай. Такъ, въ 1710 одинъ цыганъ, рабъ м—ря Молдавица, взялъ въ жены цыганскую дѣвку, рабыню великаго канцлера Строича. Соглашаясь на этотъ бракъ, калугеры выдаютъ канцлеру обязательство

Институтъ рабства, вполнѣ сохранившійся въ Буковинѣ еще и въ XVIII в., установился въ области съ давнихъ временъ, и его существованіе, отвѣчавшее экономическимъ условіямъ жизни, очевидно, мало измѣнившимся въ теченіе почти столѣтій, указываетъ довольно ясно на характеръ отношеній и сельско-хозяйственныхъ порядковъ, царившихъ и въ XIV, XV, XVI и XVIII вв. Какъ и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ мѣстностяхъ, во Флоренціи, Руссильонѣ, Каталоніи,[1]) и здѣсь онъ былъ обусловленъ, какъ отсутствіемъ въ первое время даровой рабочей силы, такъ и, въ частности въ Буковинѣ, сохраненіемъ почти полнымъ первобытнаго сельскаго хозяйства, лишь слабо развивавшагося въ Буковинѣ къ XVIII в. Та роль, которую играли рабы въ Буковинѣ, тѣ занятія, которыя они несли, были, въ существѣ, совершенно почти сходными съ существовавшими до XVII в. во Флоренціи, въ Венеціи, въ Румыніи, Каталоніи и т. д. Какъ и тамъ, и въ Буковинѣ они играли прежде всего роль домашнихъ слугъ, состояли въ качествѣ поваровъ и кухарокъ, нянекъ, кормилицъ, кучеровъ, кузнецовъ, пастуховъ, рабочихъ и т. д.[2]) Только въ

отдать послѣднему взамѣнъ свою дѣвку». Ib., I, nº 150 и др. Въ числѣ рабынь м—ра Солька, женъ рабовъ, исчисляются рабыни м—рей Гумора, Путна, Молдавица, епископства Радоцъ и т. д. Ib., II, 157. См. Kaindl, Unterthanswesen, 569 и сл.

[1]) См. мои статьи о рабствѣ и русскихъ рабахъ во Флоренціи XIV и XV вв., Кіевъ 1886, и о русскихъ рабахъ и рабствѣ въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв. Кіевъ 1886 (въ Унив. Извѣстіяхъ) и отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) Изъ отчета одного миссіонера, посѣтившаго Буковину видно, что Cingani sive Cingari sunt magnatum coqui; cingarae puerorum educatrices, et nutrices et multa alia similia officia et servitutis ministeria obeunt cingani et cinganae. Omnia monasteria calugherorum habent proprios cinganos, quorum mulieres, anus vetulae, juvenes sponsae et puellae libere per Monasterium ambulant, panem pinsunt, coquinam colunt, domos scopis purgant". Цит. Grünberg'омъ изъ Magazin istoric pentru Dacia, V, 56. Буквально тоже повторяется и въ докладѣ окружного управленія 1787 года: ihre Arbeiten... von undencklichen Zeiten her von der Willkühr der Besitzer abhegangen. Sie

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ попадалось золото, рабовъ употребляли для промывки золота, для работъ по его добыванію [1]), и лишь въ XVIII в. уже, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для обработки владѣльческихъ земель.

Когда возникъ въ Буковинѣ институтъ рабства, мы не знаемъ, но, несомнѣнно, что уже въ XIV в. онъ существовалъ, какъ обычное явленіе, и его источникомъ служили въ началѣ военноплѣнные татары, а затѣмъ съ XIV в. почти исключительно одни цыгане. Въ 1370 г. мы находимъ одно изъ первыхъ указаній относительно цыганъ рабовъ въ дарственной записи Валашскаго господаря, Владислава Лачко, м—рю св. Антонія. [2]) Документы, относящіеся къ Буковинѣ и Молдавіи, документы, начинающіеся съ 1402 г. и идущіе затѣмъ непрерывно почти, указываютъ на распространенность и здѣсь института рабства Въ 1402 г. м—рю Молдавица пожаловано въ даръ 4 семьи татаръ. [3]) Въ 1428 такой же даръ принесенъ м—рю Бистрица (12 хижъ татаръ, [4]) а въ 1432 4 двора пожалованы одному изъ бояръ. [5]) Рядомъ идутъ и пожалованія цыганъ, усиливаясь все

---

werden demnach verschiedentlich, als Bediente, Köche, Kutschers, Haiduken, Schmiede, Hirten, Wirtschaftsknechte, ihre Weiber und Töchter als Dienstmenscher, Ammen, Kindeswärterinnen, Wäscherinnen etc. verwendet. И онъ прибавляетъ новую, еще болѣе характерную черту, указывающую на возникновеніе новыхъ условій сельско-хозяйственной жизни въ Буковинѣ; „doch werden einige, die von ihren Herrn mit Felder versehen sind, nur bey den Feldbau, jedoch mit dem Unterschiede verwendet, dass ihre Robot auch hier auf keine gewisse Zahl der Tage beschränket wird. Alle in Bukowina befindliche Robi entrichen ihre Arbeit ihren Besitzern in natura, und ebenso sind die ehemaligen klösterlichen Robi gehalten worden, *wodurch die Klöster ihre Wirtschaften grosstenteils bestritten haben*“. Ib.

[1]) Kantemir, 82—85.

[2]) Ficker, въ Monatschrift, стр. 249.

[3]) Wickenhauser, Moldawa, I, n⁰ 1.

[4]) Kaindl, Unterthanswesen, 567.

[5]) Winkenhauser, Molda, III, n⁰ 4.

болѣе и въ XV, и въ XVI, и въ посл. вѣка. Такъ, въ 1428 г. монастырь Бистрица получилъ 12 татарскихъ семей и кромѣ того 31 семью (czelid) цыганъ, въ качествѣ robi,[1]) и этотъ даръ былъ подтверждаемъ и въ 1454, и въ 1458, и въ 1522 гг., какъ подтверждались много разъ и всѣ другія подобныя же пожалованія, которыя въ смутныя времена (въ XVI в. въ особенности) могли легко быть утеряны вмѣстѣ съ цѣннымъ объектомъ въ видѣ раба и его потомства. Рядомъ съ пожалованіями шли и покупки рабовъ, какъ вещи, которая „весьма пригодна для многочисленныхъ домашнихъ работъ". [2]) Покупали рабовъ господари для раздачи ихъ вѣрнымъ своимъ слугамъ. Покупали рабовъ и эти слуги другъ у друга, покупали ихъ и въ Валахіи, и въ Бессарабіи. [3]) Въ XVI в. за цыгана съ женою его Параской съ 5 сыновьями и дочерью господарь Петръ уплатилъ 40 венгерскихъ гульденовъ и одну лошадь. [4]) Въ XVII в. господарь Стефанъ Томша заплатилъ за 10 цыганскихъ семей 400 венгерскихъ гульденовъ, или по 40 гульденовъ за семью, а въ концѣ того же столѣтія за одного цыгана было уплачено тысячу асперновъ или около 175 марокъ. [5])

Въ моментъ, когда robi появляются въ Буковинѣ и вплоть до водворенія австрійскаго владычества юридическое положеніе ихъ остается неизмѣннымъ. Это—лица, вполнѣ порабощенныя, обязанныя вѣчно и постоянно со своими женами и потомствомъ служить господамъ. [6]) Они—движимость и какъ таковая со всѣми движимостями можетъ быть продаваема, отдаваема въ даръ и

---

[1]) Ib., Moldawa, I, n⁰ 8.

[2]) Ib., Moldawa, II, n⁰ 7.

[3]) Ib., II. n⁰ 7, I, n⁰ 38; Molda, III, n⁰ 26.

[4]) Ib., I, n⁰ 43.

[5]) Ib., II, n⁰ 7 и I, n⁰ 136. I асперъ=0,179 марки.

[6]) Законъ 1749 г. Константина Маврокордато гласитъ: Les Ziganes sont complètement asservis et doivent avec femmes et enfants servir d'une manière permanente leurs maîtres. Цит. у Blaramberg, essai comparé sur les institutions de la Roumanie, 592.

залогъ, по завѣщанію и т. д.[1]) Отсюда безконечный рядъ актовъ XV и слѣд. вѣковъ вплоть до XVIII в., которые опубликованы Wickenhauser'омъ и въ которыхъ то и дѣло рѣчь идетъ то объ обмѣнѣ „дѣвки" на „дѣвку", цѣлой семьи на другую семью, того или другого члена семьи на соотвѣтственнаго раба или рабыню и т. д., то о такихъ же покупкахъ и продажахъ въ раздробь и оптомъ, то объ отдачѣ на время въ пользованіе раба, какъ кузнеца или въ какомъ либо иномъ званіи и т. д. Отсюда, дошедшая до детальности обработка правилъ обычнаго права,— этотъ результатъ безконечныхъ процессовъ въ судахъ изъ за владѣнія рабами, процессовъ и между свѣтскими владѣльцами съ монастырями и между монастырями и свѣтскими владѣльцами между собою. Не только бракъ признается съ рабыней цыганкой обычнымъ правомъ основаніемъ вполнѣ безспорнымъ для превращенія женившагося, хотя бы онъ былъ другого состоянія, а не рабскаго, въ раба, но и пребываніе вольныхъ пастуховъ, пробывшихъ на земляхъ монастыря въ теченіе зимы и вступившихъ въ связь съ монастырской „дѣвкой" или „дѣвками", влечетъ за собой неизбѣжное рабство для свободнаго пастуха.[2])

Какъ и вездѣ, rob, понятно, не имѣлъ никакихъ правъ, какъ гражданинъ, и не несъ его обязанностей. Онъ былъ освобожденъ отъ несенія государственныхъ повинностей, отъ государственной барщины, отъ военной службы. Все это обусловлено было во всѣхъ актахъ пожалованія рабами, которыхъ щедрою рукою раздавали господари. Не имѣлъ, естественно, rob права искать защиты у суда или у государственной полиціи противъ насилій своего владѣльца,[3]) которому принадлежало полное и вполнѣ

---

1) «Sie kommeu ebenso wie andere bewegliche Güter durch Erbschaft, Kauf, Heyratsgut und dergleichen von einem Besitzer auf den andern». Докладъ окружн. управленія 1787. Цит. у Grünberg'a, 235, прим. 2.

2) Winkenhauser, Moldawa II, n⁰ 137 (дѣло м—ря Solka изъ за 2 пастуховъ, перезимовавшихъ на земляхъ м—ря).

3) Omnes nobiles, говоритъ извѣстный миссіонеръ (1688 г.), habent cinganos, et illis utantur et abutantur sicut mancipiis, et ad

неограниченное право распоряженія и личностью, и имуществомъ гоb'а и право суда надъ ними. О какой либо постоянной связи раба съ землей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ и его семья стали получать земельные надѣлы въ XVIII в., о какомъ либо правѣ на землю его не могло быть и рѣчи: ни обычное право, ни законы не признавали его. Даже болѣе, освобожденіе раба не могло юридически имѣть значенія: какъ вольноотпущенникъ, онъ оказывался безъ господина, не былъ подчиненъ никакому владѣльцу (Herr) и, слѣдовательно, въ силу обычая и закона, или долженъ добровольно отдаться въ рабство, или сдѣлаться вновь рабомъ насильно, такъ какъ любой изъ бояръ могъ завладѣть имъ. [1]) Не могло спасти его и бѣгство, ибо обычай, законъ и взаимные договоры между владѣльцами дѣлали поимку и водвореніе его на его мѣстожительство обязательнымъ для каждаго подъ угрозой наказанія. [2])

Иного рода былъ процессъ возникновенія и развитія той другой и самой многочисленной группы крестьянъ, которая носила названіе vecini (сусида, селянинъ) и достигла полнаго своего развитія лишь въ XVIII в. Трудно выяснить во всей полнотѣ процессъ созданія зависимыхъ крестьянъ—подданыхъ въ Буковинѣ. Слишкомъ мало на этотъ счетъ опубликовано данныхъ, еще меньше сдѣлано въ этомъ отношеніи и румынскими, и нѣмецкими изслѣдователями. Единственно, что возможно дать поэтому, это—общія лишь черты процесса этого развитія.

Исходнымъ пунктомъ былъ XIV в., время завоеванія Буковины Людовикомъ I венгерскимъ (1342) и затѣмъ образованія самостоятельной области изъ Молдавіи и Буковины при господарѣ или воеводѣ Богданѣ (1348—9). Новообразованное государство, обнимавшее земли, бывшія до того ареной столкно-

---

instar manicipiorum eos *opprimere ut vult* possunt. Ни одинъ изъ нихъ, добавляетъ онъ, не свободенъ (nullus liber est). Цит. у Grünberg'а 236, прим. 2, 234 прим. 2.,

[1]) Grünberg, 237.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, II, 28.

веній, борьбы и переселенія татарскихъ и иныхъ ордъ, представляло въ большей части своей пустопорожнія пространства съ малымъ относительно числомъ населенія, занятаго преимущественно скотоводствомъ, лѣсными промыслами, пчеловодствомъ и менѣе всего и въ рѣдкихъ случаяхъ въ болѣе низменныхъ мѣстахъ земледѣліемъ. Еще и долгое время позже, почти до XVIII в., область, не смотря на увеличивавшееся населеніе, подверглась въ этомъ отношеніи весьма незначительнымъ измѣненіямъ, и слѣды такого порядка вещей бросались въ глаза австрійскимъ коммиссарамъ, ознакомлявшимся съ Буковиной еще и въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. Повидимому здѣсь въ XIV и посл. вѣка царили тѣже хозяйственные порядки, которые еще въ XV в. имѣли мѣсто на югѣ Россіи, въ Кіевской области, о чемъ говорятъ намъ ревизіи XV в.

Сгруппированное въ деревняхъ населеніе, также какъ и вся территорія Буковины, съ образованіемъ господарства, подпали подъ власть господаря, которая выражалась лишь въ провозглашеніи земли собственностью господаря, какъ верховнаго собственника, а затѣмъ въ тѣхъ, во первыхъ, данямъ, точнѣе *десятинахъ*, со всѣхъ продуктовъ, которыми было обложено населеніе, во вторыхъ, въ тѣхъ повинностяхъ, которыя оно обязано было отбывать натурой, въ формѣ работъ для устройства мостовъ, дорогъ, постройки крѣпостей и т. п., доставленія подводъ для надобностей господаря, отбыванія воинской повинности и т. п. Но ни личная свобода крестьянскаго населенія, ни права его на владѣніе землями фактически не были совершенно затронуты. Населеніе сохраняло, повидимому, до XVI в. какъ право свободнаго перехода, такъ и земельныя права, права, носившія здѣсь, какъ увидимъ, особый характеръ [1]). Тотъ фактъ, что лишь въ началѣ XVII в., въ 1644 году, впервые законодатель-

---

[1]) См. Xenopol, histoire des Roumains de la Dacie Trajane, Paris 1896, I, 235, 438 Cp. ib., I, 220 и сл., 426 и сл., II, 207, гдѣ изложено положеніе кресгьянъ съ перваго столѣтія послѣ образованія Молдавіи.

ство вмѣшивается въ отношенія крестьянъ и открыто воспрещаетъ имъ переходить съ мѣста на мѣсто, лишаетъ ихъ свободы перехода, ясно указываетъ на существованіе раньше, еще и въ XVI в. полной свободы крестьянъ, удержавшихъ ее въ XVIII в. только въ весьма немногихъ, какъ мы видѣли, мѣстностяхъ Буковины.

Но уже, начиная съ конца XIV в., создаются новыя условія для крестьянскаго населенія, постепенно приводящія къ коренному измѣненію его положенія. Начинаются тогда уже все болѣе и болѣе усиливающіяся съ теченіемъ времени пожалованія какъ частнымъ лицамъ за услуги разнаго рода, такъ и церкви и монастырямъ. Но это—не пожалованіе земель, а исключительно однихъ деревень [1]) или, точнѣе, тѣхъ правъ, которыми владѣлъ фактически господарь, т. е. права взимать десятину и требовать отбыванія натуральныхъ повинностей, того, что получило названіе барщины, но безъ права суда, безъ правъ административно-полицейскихъ надъ крестьянами. Пожалованія церкви и монастырямъ обнаруживаютъ этотъ фактъ съ полной ясностью. Такъ въ 1408 г. отдается на вѣчность монастырю Молдавица деревня Вама на Молдазѣ *со всѣми ея доходами* [2]). Въ 1488 г. доходы съ воска съ 6 работниками, добывавшими воскъ, затѣмъ мукомольная мельница съ доходами пожалованы м—рю Путна [3]). Въ 1457 г. м—рю Молдавица передается право взымать со всѣхъ домовъ въ Сучавѣ всѣ господарскіе налоги, и большіе и малые, которые прежде шли господарю, и имъ предписывалось теперь не нести ни барщины

---

[1]) «Les plus anciens documents des pays roumains qui contiennent presque exclusivement des donations de terres, indiquent presque tous que la terre donnée n'était pas une lande deserte, mais un village habité» Xenopol, I, 236. Ср. Kaindl, Unterthanswesen, 555 и сл.

[2]) Wickenhauser, I, 56 Ср. акты пожалованій м—рю Солька, ib., II, 72, 81, 88 и др.

[3]) Kaindl, Unterthanswesen, 557.

въ господарскихъ мельницахъ, ни другихъ видовъ натуральныхъ повинностей [1]). И тоже и относительно бояръ.

Въ силу всѣхъ такого рода пожалованій деревень и доходовъ съ нихъ около половины территоріи очутилось въ рукахъ духовенства и монастырей, значительная часть въ рукахъ господарскихъ слугъ, бояръ или „бароновъ" какъ ихъ титуловалъ Кантеміръ, а во власти господаря осталась къ XVIII в. лишь незначительная сравнительно территорія трехъ городовъ: Сучавы, Серета и Черновца, да кромѣ того область тѣхъ трехъ республикъ, о которыхъ мы говорили выше, хотя эти послѣднія тоже въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ были затронуты пожалованіями (какъ въ привед. случаѣ деревни Wama, входившей въ составъ Долгополья) [2]).

Почти до конца XVI в. пожалованія эти, какъ ни были они обширны уже въ то время, мало измѣняли существовавшія отношенія. Мѣсто господаря, взымавшаго подати, занимало частное лицо или монастырь, но юридическое положеніе крестьянина не измѣнялось. Онъ только уплачивалъ тѣже десятины и несъ тѣже натуральныя повинности новому лицу вмѣсто стараго. Онъ, правда, изъ доменнаго, господарскаго крестьянина превращался въ монастырскаго или боярскаго, но и только. Онъ не терялъ ни права перехода, ни права искать въ судѣ, не рвалъ окончательно связи съ господаремъ во всемъ касавшемъ администраціи, полиціи, отбыванія воинской службы. Да кромѣ того, за господаремъ оставалось значительное число и совершенно свободныхъ крестьянъ, полноправныхъ, связанныхъ договорами съ господаремъ, договорами, регулировавшими ихъ платежи и повинности. Борьба съ Турками повела къ гибели массы свободныхъ [3]). Затѣмъ подчиненіе Турціи создало обязанность уплаты имъ ежегодной дани, падавшей всею своею тяжестью на населеніе. А между тѣмъ въ теченіе всего XVI в.,

---

1) Ib., Moldawa, I, n° 24.

2) Kaindl, Unterthanswesen, 558. Grünberg, 233.

3) Xenopol, II, въ разныхъ мѣстахъ.

не переставая, свирѣпствовала внутренняя борьба изъ за господарскаго престола, борьба партій, доводившая крестьянство до полнаго разоренія, и это тѣмъ болѣе, что при дворѣ тратились громадныя суммы враждующими и соперничающими партіями. Добывать ихъ было возможно только съ однихъ крестьянъ, и въ результатѣ получалось все болѣе и болѣе усиливавшееся стремленіе добиться отъ господаря полной независимости подвластныхъ крестьянъ отъ несенія господарскихъ повинностей, включая даже и повинность военную [1]), а съ другой стороны либо насильственный захватъ свободныхъ вполнѣ крестьянъ, либо хотя и свободный, вслѣдствіе согласія самихъ крестьянъ отдаться подъ покровительство того или иного боярина или монастыря, но фактически вынужденный полнымъ отсутствіемъ безопасности личной въ странѣ, и превращеніе ихъ въ частныхъ, зависимыхъ крестьянъ.

Правда, благодаря полному почти отсутствію на земляхъ владѣльческихъ сколько нибудь обширнаго хозяйства, измѣненій, сколько-нибудь замѣтныхъ, въ размѣрахъ натуральныхъ повиностей не было. Барщинныя услуги не требовались въ такой мѣрѣ, какъ позже, въ XVIII в. Но за то, какъ слѣдствіе указанныхъ выше обстоятельства, создалось усиливавшееся стремленіе облагать крестьянъ возможно большими платежами. Крестьянинъ представлялся въ глазахъ и бояръ, и монастырей, какъ источникъ прямого дохода, и, естественно, что, съ одной стороны, ему открывали возможность, какъ увидимъ, откупаться отъ несенія барщины, въ видахъ увеличенія его платежей, а, съ другой, стали употреблять всѣ усилія, чтобы удержать платежную силу на мѣстѣ. И это послѣднее тѣмъ болѣе, что разореніе области, усиленныя взиманія доводили крестьянъ до полнаго разоренія и заставляли ихъ либо спасаться бѣгствомъ, либо переходить съ мѣста на мѣсто, отыскивать лучшія условія

---

[1]) Эта тенденція замѣтна уже съ конца XV в. См. Wickenhauser, Moldawa, I, n⁰ 25, гдѣ дано освобожденіе отъ платежей крестьянамъ деревни, подаренной м—рю, и др.

или въ области, или внѣ ея. Обязанность уплачивать дань туркамъ, смотрѣвшимъ на Молдавію какъ на свой хлѣбный магазинъ, съ одной стороны, развитіе роскоши среди бояръ, сказавшееся уже въ концѣ XVI и особенно въ XVII в., съ другой, побуждали господарей усиленно добывать хлѣбъ отъ подвластныхъ ему крестьянъ путемъ увеличенія ихъ натуральныхъ повинностей, а бояръ—добиваться бо̀льшихъ полученій съ нихъ деньгами и хлѣбомъ, и заставляли и тѣхъ, и другихъ смотрѣть на вольный переходъ, какъ на подрывъ ихъ средствъ. Фактически уже въ концѣ XVI в. вольный переходъ все болѣе и болѣе затруднялся, и крестьянъ задерживали на мѣстахъ силою. Въ 1601 году была сдѣлана даже попытка узаконить запрещеніе вольнаго перехода. Но эта мѣра, какъ и злоупотребленія и насилія бояръ, монастырей и господарей, вызвали въ 1604 году крупное возстаніе среди крестьянъ, за которымъ послѣдовала крестьянская война, тянувшаяся съ 1623 по 1628 г. Крестьянское возстаніе было подавлено, и въ 1644 г. вольный переходъ былъ окончательно отмѣненъ Василіемъ Лупуломъ. „Если крестьянинъ сбѣжитъ отъ своего господина, гласилъ законъ, никто не долженъ принимать и держать его у себя, подъ угрозою штрафа суду въ размѣрѣ 12 гульденовъ и господину въ размѣрѣ 24 гульденовъ“ [1]).

То, что уже зарождалось раньше въ Буковинѣ, теперь было распространено на большую часть крестьянъ: они окончательно были превращены въ подданныхъ какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и монастырей, державшихъ въ XVII в. въ своихъ рукахъ большую часть территоріи. Цѣль, къ которой они стремились, была достигнута: они могли облагать крестьянъ на полной своей волѣ и удерживать ихъ подъ вѣчной своей властью. Далѣе этого они пока не пошли. Ихъ отношенія къ крестьянамъ, ихъ подданнымъ, построены были теперь исключительно на почвѣ ихъ частно-правныхъ интересовъ, не выходили изъ

---

1) См. Xenopol, I, 439 и др.

сферы частно-правныхъ отношеній. Правда, кромѣ всякого рода взыманій деньгами и натурой владѣльцы пріобрѣли нѣкоторыя права баналитета и монополіи въ видѣ монополіи мельницъ и т. п., предпочтительной продажи вина и водки и т. п. Но они не превратились въ феодальныхъ владѣльцевъ, не пріобрѣли верховныхъ правъ собственности. Они не сдѣлались ни судьями надъ подданными, ни административно-полицейскими чиновниками. Всѣ эти функціи удержали въ своихъ рукахъ господари. [1]) Благодаря этому крестьяне сохранили возможность обращаться къ суду, подавать жалобы господарю или его представителямъ и путемъ судебныхъ процессовъ создать нѣкоторые обычаи, до нѣкоторой степени препятствованіе превращенію ихъ вполнѣ и цѣликомъ въ существовавшій въ Буковинѣ совершенно безправный классъ рабовъ, цыганъ.

Юридически крестьяне считались подданными, но они не были лишены личныхъ правъ, права свободно заключать браки, свободно же распоряжаться движимостью. Движимое имущество они могли свободно пріобрѣтать, отчуждать, передавать по наслѣдству и т. д. Обычай не признавалъ за владѣльцемъ права силою отымать у крестьянина его скотъ, его товары [2]). Правда, они превращены были въ лицъ, крѣпкихъ землѣ, glebae adscripti, лишены были права свободнаго перехода, но въ силу обычаевъ и законовъ они не могли быть оторваны отъ земли. Ихъ нельзя было продавать, дарить, уступать, отдавать въ залогъ отдѣльно отъ земли. Въ противоположность рабамъ (robi), они не должны были служить предметомъ продажи и купли сами по себѣ.

---

[1]) «Il n'y a jamais eu en Roumanie cette confusion de la souveraineté et de la proprieté qui est un des caractères, propre du régime féodal». Geblesco, la proprieté rurale en Roumanie, Paris 1896, 234. Тоже говорятъ и Xenopol и Blaramberg.

[2]) «Mit Gewalt darf der Herr ihnen ihr Geld oder ihr Vieh nicht wegnehmen. Wenn der Bauer sich auch einem noch so grossen Schatz erwirbt, so hat doch sein Herr keinen Theil daran: hat er es ihm mit Gewalt entrissen, so wird er in dem Gerichte verurtheilt, dem Klager es wieder zu geben». Kantemir, 276.

Даже болѣе того. Обычай и законъ воспрещали перепродажу ихъ съ землей за предѣлы ихъ деревни. Ихъ нельзя было переводить изъ одной деревни въ другую [1]). Съ другой стороны, такъ какъ владѣлецъ не имѣлъ права суда надъ крестьянами, то убійство, напр., крестьянина считалось обыкновеннымъ убійствомъ, виновникъ смерти подвергался суду и суровому наказкнію, а семья и потомки убитаго уже въ силу факта убійства становились свободными [2]).

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ исчерпывались, главнымъ образомъ, платежами и повинностями всякаго рода, которые они были обязаны нести въ пользу владѣльцевъ. То были: либо десятина со всѣхъ продуктовъ и разные другіе мелкіе платежи, либо барщинная работа въ пользу владѣльца. Почти до половины XVIII в. наиболѣе тяжелыми были лишь первыя изъ нихъ. Спросъ на трудъ крестьянина въ видѣ даровой барщины былъ относительно малъ и ничтоженъ вслѣдствіе

---

1) «Verkaufen kann wohl ein Baron einen Unterthan, aber nicht ausser dem Dorfe, wo er geboren ist. Verkauft er aber das ganze Gut nebst den Bauern, so wird solcher Verkauf für recht und gültig erkannt». Kantemir, 276. И тоже читаемъ мы и въ законѣ 1749 г.: Vecini не суть рабы и ими нельзя владѣть на такомъ основаніи, какъ рабами. Ни одинъ изъ нихъ не обязанъ такимъ повиновеніемъ, какимъ обязанъ рабъ... Вся его зависимость сводится къ тому, что онъ не имѣетъ права покинуть свою деревню, и буде онъ учинилъ бы это, то подлежитъ водворенію вновь на мѣсто. Продавать или уступать крестьянъ въ раздробь, переводить ихъ изъ деревни въ деревню, превращать ихъ въ предметъ обмѣна отдѣльно отъ земли или отымать дѣтей у ихъ родителей, все это такого рода права, какими никогда не обладалъ въ Молдавіи никакой собственникъ». У Blaramberg, 592—3.

2) «Den Gesetzen nach ist es verboten, ihn (Bauer) ums Leben zu bringen, und wenn er ihn auf irgend eine Art tödtet, wird nicht nur der Herr zum Tode verurtheilt, sondern er mus noch der Frau und den Kindern die Freiheit geben. Denn kein Privatmann hat das Recht über Leben und Tod irgend eines Moldauers; es kommt *allein* dem Fürsten zu». Ib., 276

мало-развитой сельско-хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ. Всѣ ихъ стремленія были направлены лишь на увеличеніе и умноженіе платежей и на превращеніе возможно большаго числа платежей натурой въ платежи деньгами. До XVII в., даже до половины его платежи сравнительно не были значительными. Такъ, крестьяне области Черемошъ, напр., уплачивали кромѣ обычной десятины по 2 парала (3 крейцера) за каждый клафтеръ [1]) луговой земли; а за дома по 9, 6 и 3 куропатки, смотря по состоянію владѣльцевъ домовъ; сверхъ того обязаны были возить соль и вино и помогать при жатвѣ 9 дней ежегодно. [2]) Но,—особенно во второй половинѣ XVII в.—возникаетъ уже рядъ процессовъ между владѣльцами и крестьянами, процессовъ изъ за требованій объ увеличеніи платежей. Почти всѣ они оканчиваются къ выгодѣ владѣльцевъ, и въ 1693 г. господарь Константинъ Дука издаетъ законъ, обезпечивающій за владѣльцами право взымать съ крестьянъ платежи въ увеличенныхъ сравнительно съ прежнимъ размѣрахъ. [3]) Чиншъ съ домовъ превращенъ въ денежную плату въ размѣрѣ 2 флориновъ для болѣе зажиточныхъ, 1 флорина 30 крейцеровъ для средне-зажиточныхъ и 1 флорина для бѣднѣйшихъ. Десятина установлена со всѣхъ добываемыхъ крестьяниномъ продуктовъ, какъ установлена и обязанность ихъ помогать по первому требованію владѣльцевъ во время охоты (крестьяне обязаны являться на охоту съ оружіемъ) и при ловлѣ рыбы. Что касается барщины, то крестьянамъ представлялась либо нести ее натурой, либо откупаться отъ нея деньгами. Въ однихъ мѣстахъ вмѣсто барщины они платили по одному гульдену, въ другихъ—уже по 2 гульдена, въ видѣ возмѣщенія барщины. [4])

---

1) 1 клафтеръ составлялъ $^1/_{2880}$ фальтше. Фальтше=1,8 моргена (около $^1/_2$ десятины).

2) Wickenhauser, Moldawa, I, n⁰ 190.

3) Ib., Molda, V, n⁰ 9.

4) Ib., Moldawa, I, n⁰ 205. Въ актѣ сказано, что крестьянамъ указывается ежегодно, сколько они, смотря по состоянію, должны платить владѣльцу либо трудомъ, либо деньгами.

Барщина, это наслѣдіе старинной обязанности выполнять натуральныя повинности всякаго рода въ пользу господаря, была, по теоріи, неопредѣленною и зависѣвшею въ своихъ размѣрахъ отъ воли и усмотрѣнія владѣльца. Никакихъ инвентарей, точно опредѣлявшихъ размѣры повинностей, не существовало въ Буковинѣ. Отношенія опредѣлялись либо (въ большинствѣ случаевъ) „добровольнымъ“ соглашеніемъ, либо на основаніи судебнаго рѣшенія, отчасти обычая, которые, какъ увидимъ, устанавливали барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году для большей части деревень, распредѣляя ихъ въ соотвѣтствующихъ количествахъ на лѣто, осень и весну. Но съ XVIII в., особенно съ половины столѣтія, тѣже стремленія, какія существовали въ XVII в. по отношенію къ крестьянскимъ платежамъ, переносятся и на ихъ повинности, на крестьянскую даровую барщину. Уже при Константинѣ Маврокордато, а особенно при Александрѣ Гикѣ все чаще и чаще раздаются жалобы со стороны крестьянъ на насилія владѣльцевъ, на стремленіе съ ихъ стороны увеличивать размѣръ барщины. „Дѣлаемъ вѣдомымъ всѣмъ, гласилъ законъ 1766 г., изданный Гикой, что къ намъ доходятъ въ неслыханномъ количествѣ жалобы селянъ на то, что ихъ вопреки порядку и справедливости страшно отягощаютъ барщинными работами“. [1]) И не только является тенденція примѣнить къ жизни старую теорію о безграничности барщины, о чемъ сообщаетъ намъ Кантемиръ, [2]) но возникаетъ рядъ попытокъ обойти установленные обычаемъ или судебными рѣшеніями и „добровольными“ соглашеніями размѣры барщинъ, путемъ измѣненія основаній разсчета. Для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для увеличенія необходимыхъ для того даровыхъ рукъ владѣльцы все

[1]) Законъ этотъ помѣщенъ у Codrescu въ его Uricariul, II, 217 и слѣд.

[2]) Alle (Bauern), von welcher Art sie auch seyn mögen, werden zu den Arbeiten ihrer Herren schärfer angehalten; es ist ihnen kein gewisses Maas der Arbeit vorgeschrieben, sondern es stehet in dem Belieben ihres Herrn, wie viele Tag lang er sie will arbeiten lassen». Kantemir, 275—276.

чаще и чаще пытаются замѣнить барщину, выражавшую въ данномъ количествѣ времени, т. е. днѣ работы, барщиной, исчисляемой на основаніи даннаго количества земли, которое подлежитъ обработкѣ въ теченіе дня, которое должно быть обработано въ данный срокъ, т. е. въ одинъ день. Этимъ сразу число дней на дѣлѣ должно было увеличиться сравнительно съ нормой, и, какъ увидимъ, господари узаконяютъ такой порядокъ, постепенно увеличиваютъ число дней барщины, сначала вдвое, а затѣмъ и втрое.

Вслѣдствіе всего этого положеніе крестьянъ все болѣе и болѣе ухудшается въ Буковинѣ въ теченіе XVIII в. Уже Кантеміръ отзывается о положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, какъ о самомъ плачевномъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ.[1]) Да это и понятно. Обычай, договоры, законы не въ силахъ были гарантировать крестьянъ, разъ въ рукахъ бояръ и монастырей сосредоточивалась громадная часть территоріи, разъ они являлись господами положенія, составляли ту силу, предъ которой не смѣли устоять господари, зависимые вполнѣ отъ нихъ, избираемые ими. Ни установившіяся юридическія нормы отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, устанавливавшія нѣкоторую грань между ними и рабами, ни законы, издаваемые господарями, не въ состояніи были охранить ихъ въ сколько нибудь значительной мѣрѣ отъ произвола владѣльцевъ, особенно съ того момента, когда стали выступать все яснѣе и яснѣе интересы послѣднихъ, когда началось среди нихъ движеніе въ сторону расширенія сельско-хозяйственной дѣятельности. И бояре, и монастыри дѣйствовали въ одномъ направленіи и дѣлали все возможное, чтобы сгладить различія, существовавшія между подданными и рабами. Въ XVIII в. нарушенія правъ крестьянъ, создавшіяся въ предшествующее время, стали усиливаться. Отсюда и тѣ безконечныя жалобы, съ которыми крестьяне обращаются уже въ первой по-

---

[1]) «Ich würde gewiss die moldawischen Bauern für die elendesten aller Landleute unter der Sonne halten, wenn nicht die Fruchtbarkeit des Boden etc». Ib. 276.

ловинѣ XVIII в. къ господарямъ. „Жалобы крестьянъ, сидящихъ на земляхъ монастырей и бояръ, гласитъ одинъ актъ XVIII в.[1]), на закрѣпощеніе, которому подвергаютъ ихъ господа, увеличиваются и учащаются; причиной ихъ недовольства и жалобъ является, по ихъ словамъ, то обстоятельство, что ихъ господа не дѣлаютъ никакого различія между подданствомъ и рабствомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. И они ссылаются въ подтвержденіе своихъ заявленіій на такіе случаи, какъ, напр., продажи помѣщиками крестьянъ—подданныхъ, какъ рабовъ, продажи отдѣльныхъ членовъ семьи, чѣмъ они приравниваются къ цыганамъ, записи ихъ въ такомъ же видѣ въ духовныхъ и дарственныхъ актахъ, продажи ихъ дѣтей, перемѣщенія изъ одной деревни въ другую и т. д.“ Не мало было жалобъ и на развивавшуюся съ конца XVII в. практику отдачи подъ залогъ то отдѣльныхъ семей, то цѣлыхъ деревень. А эта послѣдняя въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ произволъ владѣльцевъ, ухудшала положеніе крестьянъ. Она, по словамъ одного изъ австрійскихъ коммиссаровъ, была широко распространенной въ Буковинѣ, какъ и въ Галичинѣ. „Здѣсь въ Буковинѣ, писалъ онъ въ 1783 г.,[2]) царитъ ростовщическій обычай, въ силу котораго землевладѣльцы взамѣнъ за ссужаемыя имъ деньги отдаютъ въ залогъ то отдѣльныхъ ихъ подданныхъ, то ихъ поля и луга, то цѣлыя деревни. Вслѣдствіе этого бѣдные крестьяне не только все болѣе и болѣе отягощаются, но вынуждены платить больше, чѣмъ въ состояніи они вынести, становятся должниками и разоряются въ конецъ“. А ко всему этому присоединялись еще и платежи и повинности въ пользу государства, платежи и повинности, столь же, если еще не болѣе неопредѣленные и произвольные, не урегулированные законами, которые взымались съ крестьянъ въ пользу госу-

---

[1]) Act pentru desrobire vecinilor in Moldava, у Blaramberg, 592 и слѣд.

[2]) Bericht австр. коммиссара Enzenberg'a, цит. у Grünberg'a, стр. 249, пр. 3.

дарства, т. е. господарей.[1]) Взыманіе ихъ, вдобавокъ, возлагалось на чиновниковъ, которые въ той же мѣрѣ, какъ и бояре, и духовные владѣльцы, видѣли въ крестьянахъ источникъ не однихъ государственныхъ доходовъ, но прежде всего личнаго благоденствія.[2])

Понятно само собой, къ какимъ результатамъ могли привести и проводили всѣ указанныя условія, въ которыхъ жили крестьяне Буковины. Уже Кантеміръ указывалъ въ общихъ чертахъ на эти результаты въ своемъ описаніи Молдавіи. Только, писалъ онъ, одно плодородіе почвы, богатыя жатвы спасаютъ до нѣкоторой степени отъ полной бѣдности крестьянъ Буковины, положеніе которыхъ онъ самъ же называлъ самымъ бѣдственнымъ въ мірѣ. „Крестьяне въ Буковинѣ, говоритъ онъ,[3]) крайне лѣнивы къ работѣ; они обрабатываютъ очень слабо землю и сѣютъ мало. Не заботятся они о томъ, чтобы съ помощью труда пріобрѣсть все возможное для себя, и довольствуются скопленіемъ въ своихъ амбарахъ лишь самаго необходимаго для ихъ пропитанія въ теченіе года или, какъ они выражаются, до новаго хлѣба. И достаточно одного неурожая или нашествія врага, какъ имъ приходится испытывать голодовку". Кантеміръ описывалъ въ такихъ чертахъ положеніе крестьянъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Но оно не измѣнилось къ лучшему и во второй половинѣ того же вѣка. Ревностный патріотъ новаго австрійскаго отечества и столь же ревностный агентъ Австріи въ моментъ присоединенія къ ней Буковины, молдавскій бояринъ Василій Бальшъ,[4]) почти въ тѣхъ же чертахъ обрисовываетъ положеніе крестьянской массы. „Преобладающимъ

---

1) «Er (der Bauer) bezaht soviel Auflagen, als der Fürst ausschreiben lässt, wobei ihm weder Art, noch bestimmte Zeit vorgeschrieben wird». Kantemir, 276.

2) См. у Zieglauer'a, Bilder, I, 25–36.

3) Ib., 277.

4) Balsch, Beschreibung der Bnkowina und deren inneren Verhältnisse, изд. Zieglaur'омъ въ его Bilder, II, 48–65.

занятіемъ, разъясняетъ онъ въ своемъ донесеніи австрійскому правительству, служитъ въ Буковинѣ скотоводство, поддерживающее здѣсь кочевой образъ жизни. Значительная часть области все еще покрыта лѣсами, не тронутыми топоромъ. Земледѣліе, напротивъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ какъ каждый почти крестьянинъ засѣваетъ лишь такое количество земли, жатва съ которой едва въ состояніи покрыть его нужды въ теченіе года. Онъ ограничиваетъ свои посѣвы одной лишь кукурузой, льномъ и коноплей. Плодовая культура и виноградничество находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Главное богатство крестьянина—его скотъ, который перегоняется съ мѣста на мѣсто". Отсюда и крайне враждебная характеристика, какую онъ даетъ крестьянамъ. Онъ усиливаетъ и сгущаетъ тѣ краски, которыми обрисовалъ буковинскаго крестьянина Кантеміръ. „Крестьяне Буковины, по его словамъ, совершенно лишены привычекъ къ порядку, хозяйственности, чистоплотности, ремесленному труду. Всѣ они сплошь народъ лѣнивый, лживый и крайне грубый по отношенію къ своимъ господамъ, и эти послѣдніе не могутъ добиться отъ нихъ исполненія самыхъ ничтожныхъ услугъ или работъ иначе какъ при помощи ругани и побоевъ. Только и помышляютъ они о томъ, какъ бы покинуть своего господина, разъ доходы ихъ уменьшаются благодаря увеличенію налоговъ и платежей, и то и дѣло убѣгаютъ въ мѣстности, кажущіяся имъ болѣе привольными и выгодными. Да и что значитъ бѣгство для нихъ? Вѣдь не составляетъ же крупной потери покинуть жалкую, изъ жердей и соломы устроенную мазку, дворъ, большею частью пустой, безъ сада, безъ огорода и т. п."

Характеристика написана владѣльцемъ, очевидно враждебнымъ къ крестьянамъ, смотрящимъ на нихъ свысока, но, нужно замѣтить, ее далеко нельзя назвать фальшивой. Факты, безспорно вѣрны, ихъ освѣщеніе лишь невѣрно; а, главное, объясненія происхожденія ихъ не даетъ намъ Balsch, преслѣдовавшій въ своихъ донесеніяхъ одну цѣль—обезпеченіе правъ и вольностей боярства. Но то, о чемъ не говоритъ Бальшъ, вскры-

ваетъ его современникъ, Стурдза. „Да, писалъ этотъ послѣдній въ своемъ мемуарѣ, [1]) положеніе крестьянина въ Молдавіи—самое ужасное, самое жалкое. Онъ, этотъ крестьянинъ, существуетъ лишь для удовлетворенія капризовъ владѣльца; онъ доведенъ почти до скотскаго состоянія, предоставленъ вполнѣ жадности и страсти къ наживѣ всѣхъ и вся, начиная съ высшихъ и и кончая самымъ малымъ, какимъ нибудь ничтожнымъ сборщикомъ податей. Его эксплуатируютъ и арендаторъ, и собственникъ. И что же удивительнаго послѣ всего этого, если его же, этого бѣдняка, обвиняютъ въ томъ, что онъ лѣнивъ и безпеченъ“.

Усиливавшееся съ конца XVII в. стремленіе и владѣльцѐвъ, и монастырей увеличить обложеніе крестьянъ, при полномъ почти отсутствіи сколько нибудь выработанныхъ формулъ отношеній между крестьянами и владѣльцами, отсутствіи инвентарей, которые опредѣляли бы размѣры крестьянами платежей и повинностей, уже тогда, въ девяностыхъ годахъ XVII в., породили цѣлый рядъ столкновеній и споровъ между владѣльцами и ихъ крестьянами. И споры эти усилились благодаря спеціальной причинѣ. Потребность увеличить количество платежныхъ единицъ при существованіи массы пустопорожнихъ земель приводила къ ряду попытокъ вызвать новыхъ колонистовъ изъ сосѣднихъ областей. Поселенцамъ обѣщали разнаго рода льготы, ихъ осаживали на слободахъ (slobodzii) съ правомъ не нести повинностей и платежей въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Колонисты въ такихъ случаяхъ считались какъ бы особымъ классомъ, и акты того времени различали царанъ (ceran) отъ поданныхъ (vecini). [2]) Но такое отношеніе сохранилось къ новопоселенцамъ въ каждомъ почти данномъ случаѣ лишь до истеченія льготныхъ лѣтъ. Разъ срокъ свободы истекалъ, и съ царанами переставали церемониться. Ихъ подвергали тому же режиму, какой былъ устанавливаемъ

---

[1]) Michail Sturza, memorial despre abusul cu scutelnici di despre starea teranilor din Moldava, напеч. въ сборникѣ Hurmuzaki, suppl. I, V, 30—33.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, I, n⁰ 137.

для старыхъ крестьянъ—подданныхъ, и различіе между ними и крестьянами—подданными исчезало, его пытались всяческими способами уничтожить. Достаточно было, напр., колонистамъ царанамъ сослаться на ихъ льготы, на пріобрѣтенное ими право не нести повинностей, какъ ихъ либо силою принуждали къ тому, либо просто изгоняли изъ бывшей слободы.[1]) Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ дѣйствій было, съ одной стороны, ослабленіе прилива новыхъ поселенцевъ, особенно изъ Валахіи, съ другой, либо повальное бѣгство крестьянъ, выселеніе ихъ нерѣдко толпами въ сотни или тысячи человѣкъ въ сосѣднія области, въ Россію и Польшу, либо превращеніе части бѣглецовъ въ бродячій элементъ, находившій убѣжище въ горахъ и лѣсахъ Буковины. Въ теченіе времени съ начала XVIII в. до сороковыхъ годовъ движеніе въ этомъ смыслѣ стало пріобрѣтать внушительные размѣры, и тѣмъ самымъ поставило и владѣльцевъ, и господарей въ тяжелое положеніе. Доходы и тѣхъ, и другихъ сильно упали, а между для господарей было дѣломъ неотложнымъ еще уплачивать и ежегодную дань Турціи, которая требовала неукоснительнаго взноса ежегодно причитавшихся ей съ Молдавіи платежей. Необходимо было найти выходъ изъ такого положенія, и его попытались найти въ реформѣ существующихъ отношеній. Уже въ 1742 г. въ рѣшеніи спора между монастыремъ Молдавица и слобожанами, рѣшеніи, изданномъ господаремъ Константиномъ Маврокордато, можно подмѣтить слабое стремленіе до нѣкоторой степени ограничить произволъ владѣльцевъ. Требованіе м—ря заставить слобожанъ уплачивать десятину и нести барщину было удовлетворено, но, во первыхъ, дано разрѣшеніе лишь на барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году, а, во вторыхъ, поставлено въ обязанность игумену и калугерамъ „не обременять чрезмѣрными требованіями и взысканіями крестьянъ“ [2]) Само собою разумѣется, что серьознаго значенія такого рода просьбы господаря имѣть не могли, и при-

---

[1]) Ib., I, 152 отъ 1714 г.
[2]) Ib., Moldawa, I, n° 187.

шлось прибѣгнуть къ болѣе общей мѣрѣ, въ видѣ спеціальнаго закона, регулирующаго отношенія крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и вслѣдъ за тѣмъ и къ государству, съ цѣлью обезпечить приливъ колонистовъ и остановить эмиграцію крестьянъ. Такой мѣрой общаго характера былъ законъ, изданный тѣмъ же Константиномъ Маврокордато 6 апрѣля 1749 года. Онъ заключалъ въ себѣ двоякаго рода постановленія: одни, касавшіяся спеціально отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, другія, въ силу которыхъ создавались новые порядки въ дѣлѣ обложенія крестьянъ государственными налогами. Но, за малыми исключеніями, первыя изъ нихъ являлись не болѣе, какъ[1] попыткой распространить существовавшіе обычаи, опредѣлявшіе нормы платежей и повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ, на всю массу. Новымъ была отмѣна названія vecini въ примѣненіи его къ крестьянамъ—подданнымъ, но de facto отмѣна имѣла лишь словесное значеніе. Все, чего требовалъ новый законъ, заключалось главнымъ образомъ въ стремленіи положить предѣлъ тѣмъ попыткамъ владѣльцевъ превращать подданныхъ крестьянъ въ простыхъ рабовъ, которыя, какъ мы видѣли, стали проявляться въ XVIII в. и вызывали усиленныя жалобы со стороны крестьянъ. Отвѣтомъ на эти послѣднія и явилось заявленіе закона, въ силу котораго крестьяне объявлены были свободными людьми, т. е. людьми, съ которыми нельзя обращаться, какъ съ рабами. Въ дѣйствительности то было не болѣе, какъ узаконеніемъ существовавшаго раньше обычая, по которому за крестьянами признавались, какъ мы видѣли, права на бракъ, на движимое имущество и т. п. Свобода перехода, существовавшая до XVII в., возстановлена не была. Переходъ дозволенъ былъ лишь при одномъ условіи, которое дѣлало безцѣльнымъ и безполезнымъ статью закона о правѣ перехода крестьянъ. Крестьянину дозволялось уходить въ другое мѣсто лишь исключительно въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ даетъ свое согласіе на переходъ и когда къ переходу будутъ представлены достаточныя основанія. И законодатель прибавлялъ, что, въ случаѣ самовольнаго пере-

---

[1]) Законъ этотъ изданъ въ Magazin istoric pentru Dacia, II, 294.

хода, крестьянинъ обязательно долженъ быть силой возвращенъ на мѣсто его жительства. [1]) Не было крестьянамъ дано даже того права, какое октроировано было крестьянамъ Валахіи три года раньше (закономъ 1746 г.): право откупаться отъ барщины. Правда, законъ, сохраняя всецѣло десятину, установлялъ норму барщины въ 24 и 12 дней въ году, но это было выражено не какъ императивъ, а какъ простая просьба, рекомендація. Понятно отсюда, что серьезныхъ измѣненій онъ не создавалъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ владѣльцамъ, и все оставалось по старому; все сводилось de facto къ урегулированію отношеній лишь въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить ихъ, эти отношенія, волѣ и капризу бояръ и монастырей. И это въ такой степени, что и послѣ изданія закона продажа крестьянъ съ землею, не совмѣстимая съ принципомъ вольнаго перехода, продолжала существовать въ Буковинѣ. [2]) Продажи совершались на основаніи оффиціальныхъ актовъ съ характернымъ добавленіемъ: „въ случаѣ если проданный подданный окажется принадлежащимъ третьему лицу и будетъ имъ отнятъ, то я, продавецъ, обязуюсь замѣнить его другимъ“.

Повидимому, гораздо серьознѣе была реформа налоговъ, взимаемыхъ въ пользу государства, но на дѣлѣ и въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ не измѣнилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Правда, взамѣнъ всѣхъ старыхъ налоговъ, законъ 1749 года вводилъ особый, въ видѣ поголовной подати

---

[1]) Ст. 10 закона: «teranul poatesi lasa satul pentru o pricina bine cuventata si cu voe stapânului, altmintrelea stapânul l'introarce la urma sua.» Ср. отзывъ N. Soutzou: «ce même prince abolit le servage et supprima la dénomination de vecini; mais de fait le paysan n'en demeura pas moins attaché a la glèbe». Notices statistiques sur la Moldavie.

[2]) Такъ, три года спустя послѣ закона 1749 г., въ 1752 г. одинъ изъ крупныхъ владѣльцевъ, Стефанъ Тевтуль, продалъ другому боярину, Поттлогу, подданнаго, жившаго въ русскомъ Долгопольѣ, Григорія Букача, со всѣми его разробками за 25 гульденовъ. Wickenhauser, Moldawa V, 2, n⁰ 49.

со всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но уже въ скоромъ времени тотъ же самый господарь, который издалъ этотъ законъ, вынужденъ былъ рядомъ съ поголовной податью возстановлять постепенно и старые налоги, воскрешать старый порядокъ вещей. И это въ значительной мѣрѣ и потому, что попытка ограничить число крестьянъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ и освобожденныхъ отъ государственныхъ налоговъ, оказалась неудачной. Для нѣкоторыхъ крестьянъ, именно тѣхъ, которые были подданными высшаго класса бояръ и нѣкоторыхъ монастырей, законъ призналъ фактъ ихъ свободы отъ государственныхъ налоговъ, придавъ имъ спеціальное названіе: крестьяне—скутельники и крестьяне—послушники, [1]) а затѣмъ всѣхъ остальныхъ объявилъ податными, обязанными нести повинности и платить налоги въ пользу государства. Но дѣло въ томъ, что число скутельниковъ и послушниковъ начало все болѣе и болѣе возрастать на счетъ числа податныхъ и пришлось позже прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобы спасти государственные доходы.

Законъ 1749 года оказался, такимъ образомъ, палліативомъ, не принесшимъ никакихъ существенныхъ выгодъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени полезнымъ лишь для однихъ владѣльцевъ, произволъ которыхъ на дѣлѣ не былъ серьозно ограниченъ. Поэтому, и послѣ 1749 г. вплоть до 1766 г. эмиграція и бѣгство крестьянъ продолжались въ прежнемъ видѣ, и господари по прежнему получали массами жалобы отъ крестьянъ. Умноженіе и увеличеніе платежей съ крестьянъ продолжалось подъ благовидной формой „добровольныхъ соглашеній". [2])

---

[1]) Подъ первыми разумѣлись крестьяне нѣкоторыхъ лишь бояръ и монастырей, подъ вторыми—домашняя прислуга, дворовые люди. См. Zieglauer, Bilder, I, 74—78.

[2]) Такъ, уже въ 1762 г. монастырь Путна съ 19 гуцуловъ, поселившихся на монастырскихъ земляхъ, кромѣ обычныхъ платежей взымалъ еще, по договору, за 8 горныхъ пастбищъ по 19 овецъ ежегодно и обложилъ ихъ обязанностью давать м—рю постоянную охрану отъ нападенія разбойниковъ. Ib., Molda, V, 2, n° 217.

Въ 1766 г., поэтому, была сдѣлана новая попытка регулировать отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ. 1 января 1766 г. новымъ господаремъ Григоріемъ Александромъ Гикой была издана для этой цѣли „золотая грамота", или хрисовулъ, [1]) легшій позже въ основаніе мѣропріятій по части крестьянскаго вопроса въ Буковинѣ при австрійскомъ владычествѣ. То не былъ законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Законодатель не рѣшался создавать свои порядки, силою власти вводить ихъ въ жизнь. Не измѣнялъ онъ всего уже существующаго и выработаннаго раньше. [2]) Цѣль законодателя не шла дальше установленія нормы отношеній, которыми могли бы пользоваться въ случаѣ желанія, при заключеніи договоровъ, владѣльцы. Безусловно обязательнаго значенія законъ, такимъ образомъ, не имѣлъ до присоединенія Буковины къ Австріи. И его значеніе было такъ ничтожно въ Буковинѣ, что его почти ни разу не приводили въ исполненіе, [3]) а на крестьянъ его дѣйствіе было таково, что не смотря на вызовы колонистовъ—вызовъ, напр., 1768 г. остался безъ отвѣта и безъ результата. [4]) Съ другой стороны, не удовлетворилъ онъ и владѣльцевъ, недовольныхъ установленными въ законѣ нормами, особенно установленіемъ 12 дневной барщины въ теченіе года. Владѣльцы стали настойчиво требовать увеличенія нормы до 36 дней въ году, и имъ въ Молдавіи, уже послѣ отдѣленія Буковины, удалось добиться изданія новаго закона 1777 г., по которому уже на *всѣхъ* крестья-

---

[1]) Актъ этогъ изданъ въ Uricariul, II, 217—222; у M. Drdacki die Fronpatente Galiziens, 207—208 и цѣликомъ (въ переводѣ австрійскомъ 1776) у Kaindl'я, Unterthanswesen, 596 и сл.

[2]) Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ селахъ на границахъ Венгріи, въ русскомъ Долгопольѣ, сохранены были совершенно иные порядки, чѣмъ тѣ, которые установлены грамотой. Подданные этихъ селъ имѣли права собственности на разробки, платили очень мало и не несли барщины. Отчеты австр. коммиссаровъ, цит. у Грюнберга, 264, прим. 2.

[3]) Grünberg, 265, прим. 2.

[4]) Ib.

янъ, во всѣхъ имѣніяхъ боярскихъ и монастырскихъ возлагалась обязанность сверхъ 12 дней въ году работать на мельницахъ и рыболовняхъ, помогать при починкахъ водочныхъ заводовъ и кабаковъ и т. п. Кромѣ того къ обязательной барщинѣ присоединена обязанность помогать трудомъ при дворѣ для домашнихъ нуждъ владѣльца и доставлять ежегодно же по двѣ подводы дровъ (съ каждаго хозяйства). [1]) Законъ этотъ, обязательный для Молдавіи, какъ увидимъ, не остался безъ вліянія и на Буковину.

Вся суть закона 1766 года Гики заключалась лишь въ созданіи какъ бы проекта тѣхъ инвентарей или урбаріевъ, которые, какъ мы знаемъ, не существовали въ Буковинѣ. Онъ касался одновременно и денежныхъ платежей, и барщинныхъ повинностей крестьянъ. Что касается послѣднихъ, то онъ объявлялъ подлежащимъ барщинѣ каждаго самостоятельнаго хозяина, все равно былъ ли онъ надѣленъ землею или нѣтъ. Свободными отъ барщины признавались лишь холостые сыновья, живущіе при отцѣ, а также больные и увѣчные. Число дней барщины для всѣхъ подданныхъ установлено одно и тоже въ размѣрѣ 12 дней въ году: 4 весною, 4—лѣтомъ и 4—осенью. Лишь для подданныхъ пограничныхъ селъ барщина уменьшена до половины (6 дней). За то всѣ, владѣющіе скотомъ, обязаны были являться съ потребнымъ количествомъ для работы и скота, и людей. Нести барщину обязанъ былъ каждый хозяинъ лично. Лишь въ случаѣ болѣзни могъ онъ поставить вмѣсто себя другое годное вполнѣ лицо или уплатить за каждый день по 20 бани ($^1/_6$ гульдена). Но самопроизвольно замѣнить барщину уплатой денегъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшалось крестьянину: разрѣшеніе замѣны такого рода принадлежало исключительно одному владѣльцу, его личной иниціативѣ. Сверхъ того, этому послѣднему же предоставлялось по его личному усмотрѣнію распоряжаться барщинными работами, какъ ему угодно: все равно для обработки ли земли или для какихъ либо иныхъ его нуждъ. Получалъ онъ также право,—фактически приводившее къ неизбѣжному увеличенію числа дней

---

[1]) Законъ напечанъ въ Uricariul, I, 133—136.

барщины,—устанавливать у себя норму рабочаго барщиннаго дня, т. е. то количество работы, которая должна быть произведена въ теченіе сутокъ, считая отъ восхода и до захода солнца съ перерывомъ небольшимъ для ѣды (около 2 часовъ въ день). Такъ, въ теченіе дня установлено было обработать $^1/_4$ погона ($12^1/_2$ аръ) подъ кукурузу; во время косовицы скосить въ теченіе дня $^1/_2$ фальтше ($71^1/_2$ аръ) и сложить сѣно въ копицы и т. д. [1])

Единственнымъ ограниченіемъ произвола владѣльца являлось только требованіе исключать изъ счета 12 дней барщины время для прибытія на мѣсто работы лишь тѣхъ крестьянъ, жилье которыхъ отстояло отъ мѣста барщинной работы болѣе, чѣмъ въ 6 часовомъ разстояніи. Что касается денежныхъ платежей или платежей натурой, то эти послѣдніе состояли главнымъ образомъ изъ десятины, которая взымалась со всѣхъ и всякаго рода продуктовъ, добытыхъ крестьяниномъ. Освобождались отъ десятины лишь огородныя растенія, но и то только въ той части ихъ, которая шла на прокормъ семьи: съ огородины, шедшей на продажу, обязательно было отдавать владѣльцу десятину. Никто изъ крестьянъ не освобождался отъ десятины. Да кромѣ того, не разрѣшалось забирать продуктовъ съ поля до появленія владѣльца или его уполномоченнаго, которые тутъ же на мѣстѣ отдѣляли десятую долю продукта: владѣльцу рекомендовалось только производить взыманіе въ „подходящее“ для крестьянина время.

И. Лучицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Размѣръ земли, которую обязательно было выорать въ теченіе дня, опредѣленъ не былъ: указана ширина поля безъ опредѣленія ея длины.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.[1]

(1861—1863 гг.).

I.

Въ началѣ марта 1861 г. неожиданно появились (въ Петербургѣ) въ продажѣ *Положенія 19 февраля 1861 г.* Всѣ бросились читать этотъ—давно уже тогда ожидаемый актъ.—Когда я прочелъ „Общее положеніе", въ которомъ излагались общія начала уничтоженія крѣпостнаго права, а затѣмъ и другія „Положенія", меня обуяла великая охота самому попасть въ число тѣхъ, которые призывались для „приведенія въ дѣйствіе" великаго закона. Казалось, что всѣ молодыя силы отдалъ бы этому дѣлу,—такъ оно было свѣтло и радостно... Но, увы, главными исполнителями по приведенію въ дѣйствіе закона 19 февраля 1861 г. являлись мировые посредники, которые выбирались изъ мѣстныхъ дворянъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ и земельнымъ цензомъ; я же, хотя и имѣлъ этотъ цензъ по черниговской губерніи, но не жилъ на мѣстѣ, недавно лишь окончилъ одинъ изъ столичныхъ университетовъ, далекій отъ родины. Разсчитывать попасть

---

[1]) Печатаемъ только *отрывки*, потому что—*пока*—многое нужно опустить.

въ число избранныхъ я не могъ... Но кромѣ посредниковъ, въ имѣвшихъ образоваться крестьянскихъ учрежденіяхъ оказалась должность, на которую я имѣлъ уже болѣе доступное для меня право. Въ „Положеніяхъ" говорилось, что въ „Съѣздѣ" мировыхъ посредниковъ, участвуетъ, кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, еще и „членъ отъ правительства"; функціи этой должности въ законѣ не опредѣлялись, но затѣмъ практика выработала изъ этой должности нѣкоторое подобіе теперешнему товарищу прокурора, участвующему въ „Съѣздахъ" мировыхъ судей. Намѣтивъ себѣ эту должность, я сталъ думать о способахъ къ ея полученію. И тутъ не было у меня почти никакихъ шансовъ. Повидимому, назначеніе на эту должность зависѣло отъ мѣстнаго губернатора. Въ Черниговъ, въ мартѣ 1861 г., былъ назначенъ новый губернаторъ, какъ и во многія другія губерніи, причемъ имѣлось въ виду для новаго вина приготовить и новые мѣха. Черниговскимъ губернаторомъ былъ назначенъ, на мѣсто уволеннаго Шабельскаго, князь Голицынъ, о которомъ мнѣ было извѣстно только то, что онъ былъ членомъ „редакціонной коммиссіи", слѣдовательно человѣкомъ расположеннымъ къ крестьянскому дѣлу. Помню, что при разговорахъ о моихъ планахъ съ Н. М. Жемчужниковымъ (теперь—Буда-Жемчужниковъ), послѣдній обѣщалъ мнѣ помощь въ достиженіи намѣченной мною цѣли чрезъ гр. А. К. Толстого, который, какъ богатый черниговскій помѣщикъ и какъ старый знакомый Голицыныхъ, могъ указать новому губернатору на меня. О желаніи моемъ—втиснуться въ крестьянское дѣло, на родинѣ,—зналъ близкій мой пріятель и товарищъ по университету И. А. Новиковъ. Объ этомъ желаніи онъ какъ то сообщилъ хорошему своему знакомому Шумахеру, бывшему тогда директоромъ одного изъ департаментовъ м—ва вн. дѣлъ, а сей послѣдній неожиданно предложилъ Новикову—попросить Н. А. Милютина (тогда товарищъ министра вн. дѣлъ) попредстательствовать за меня у черниговскаго губернатора Разумѣется, предложеніе было принято, послѣ чего Милютинъ позвалъ меня къ себѣ въ м—во.—Явившись въ швейцарскую, я попросилъ сказать обо мнѣ М—ну, который и незамедлилъ

выйти ко мнѣ въ швейцарскую же. Тутъ, отведя ко окну, спросилъ онъ меня—почему именно желается мнѣ получить намѣченную должность. Я отвѣчалъ, что хочу служить крестьянскому дѣлу. Затѣмъ послѣдовалъ, сколько помню, такой разговоръ.

— Вы братъ того Л., который служитъ у Муравьева?

— Родной братъ, отвѣчалъ я.

Вопросъ этотъ предложенъ былъ, повидимому, по сомнѣнію въ искренности желанія служить въ крестьянскихъ учрежденіяхъ Л—аго, брата того Л—аго, который, по службѣ своей у Муравьева, предполагался несочувствующимъ освобожденію крестьянъ...

— Знаете вы—кто теперь въ Черниговѣ губернаторомъ?

— Князь Голицынъ.

— Знаете ли вы его книжку „Печатная Правда"?

— Читалъ.

— Какого вы мнѣнія объ этой книжкѣ?

Книжка Голицына, о которой спрашивалъ Милютинъ, была очень неудачная популяризація вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, хотя писалась несомнѣнно съ добрыми желаніями. Очень рѣзкую статью объ этой книжкѣ напечаталъ, помнится, извѣстный въ то время цензоръ Крузе, которую закончилъ тѣмъ, что князь Г. „удостоилъ" крестьянъ разсказомъ о томъ, въ чемъ суть ихъ освобожденія, но это молъ дѣло такое нелегкое, что за него не всякому можно браться...

Отзывъ мой М—ну о книжкѣ Голицына, разумѣется, былъ отрицательный.

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ по крестьянскому вопросу, видимо, съ цѣлію удостовѣриться въ сочувствіи тому дѣлу, на службу которому я просился, М—нъ сказалъ, чтобы я прислалъ ему по городской почтѣ записку—кто я и чего желаю, и тутъ же пообѣщалъ написать обо мнѣ Голицыну.

Вслѣдъ затѣмъ обстоятельства такъ сложились, что я, въ концѣ апрѣля, поѣхалъ изъ Петербурга, съ умершимъ уже моимъ спутникомъ Г. Н. Честаховскимъ, провожать тѣло Т. Г. Шевченка въ Кіевъ. Послѣ похоронъ тѣла поэта, около Канева, Г. Н.

Ч—ій остался „прибирать“ могилу, а я поспѣшилъ въ родное село, къ матери, которая, по слухамъ, сильно тревожилась въ своемъ одиночествѣ происходившимъ вокругъ волненіемъ, какъ „пановъ“, такъ и „мужиковъ“. Пріѣхавъ домой, я нашелъ крестьянъ своего села (нѣсколькихъ владѣній) по виду спокойными. Покой этотъ, какъ выяснилось позже, былъ только наружный. Дѣло въ томъ, что крестьяне здѣсь, въ Малороссіи (да и въ другихъ мѣстахъ—тоже) очень долгое время никакъ не могли понять той „воли,“ которую получили... „Воля“ была объявлена, а „панщина“ продолжалась; говорилось, что крестьянская земля остается при крестьянахъ, а помѣщики говорятъ о какихъ то „отрѣзкахъ“; дворовые остаются въ панскихъ дворахъ и должны будто бы продолжать прежнюю службу панамъ—еще два года... Все это не вязалось въ умѣ крестьянъ съ тою „волею“, какая прочтена была имъ въ церквахъ. Естественно возникъ рядъ недоумѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ крестьянамъ положительно не къ кому было обратиться: помѣщикамъ и священникамъ—они не вѣрили, а тѣ немногіе грамотные, которые тогда встрѣчались въ крестьянской средѣ, главнымъ образомъ отставные солдаты, давали комментаріи относительно „воли“—сбивчивые и неодинаковые... Изъ всѣхъ своихъ недоразумѣній крестьяне сдѣлали выводъ, что объявленная имъ воля—не та, которая дана царемъ, а извращенная панами, что настоящая воля сама объявится позже, когда крестьяне получатъ возможность прочитать настоящую волю... Поэтому крестьяне уже и къ первымъ распоряженіямъ администраціи по исполненію закона 19 февраля (образованіе сельскихъ обществъ, выборъ сельскихъ старостъ...) стали относиться совершенно пассивно, будучи убѣждены, что еще не насталъ тотъ „слушный часъ“, въ который они узнаютъ настоящую волю... Въ ожиданіи послѣдняго крестьяне не вѣрили разъясненіямъ мировыхъ посредниковъ и ни на какія почти предложенія помѣщиковъ, часто очень выгодныя для крестьянъ, не соглашались, ссылаясь на *слушный часъ*. Наступитъ „слушный часъ“, говорили межъ собой крестьяне, и лишь тогда они узнаютъ настоящую волю и будутъ знать, что имъ дѣлать, на что соглашаться,

а на что—нѣтъ... Хорошо помню свои разговоры съ крестьянами по поводу „введенія уставныхъ грамотъ“: нѣкоторые помѣщики предлагали крестьянамъ на выборъ—получить въ даръ четверть надѣла или взять, за установленную плату, полный надѣлъ. Крестьяне не знали что̀ дѣлать. Приходилось и мнѣ говорить съ ними по этому же вопросу. Крестьяне норовили отдалить отвѣтъ на предложеніе и, не смотря на указаніе, что написаніе уставныхъ грамотъ не можетъ быть отдалено, всякій разъ кончали тѣмъ, что просили подождать *слушнаго часа*. Извѣстно, что тѣ крестьяне, которые въ моментъ освобожденія вовсе не имѣли земли, [1]) могли по положенію 19 февраля получить четверть нормальнаго надѣла, но могли также и отказаться отъ него. Ожиданіе *слушнаго часа* повело къ тому, что безземельные крестьяне, не взявъ четвертнаго надѣла своевременно, затѣмъ вовсе потеряли на него право и остались безъ клочка пахатной земли тамъ, гдѣ весь ихъ бытъ основанъ на хлѣбопашествѣ...

Въ іюнѣ (1861 г.) получилъ я письмо отъ В. Н. Забѣлы (поэта), въ которомъ онъ „спѣшилъ извѣстить“ меня, что „его сіятельство господинъ начальникъ губерніи“ поручилъ ему передать мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ въ Черниговъ для полученія желаемаго мѣста. Дѣло въ томъ, что В. Н. Забѣла очень любилъ знакомиться со всякимъ „начальствомъ“. Будучи содержателемъ почтовой станціи въ г. Борзнѣ, черезъ которую проходилъ „московскій“ почтовый трактъ, Забѣла нерѣдко встрѣчалъ на этой станціи то или другое „начальство“ и тогда спѣшилъ ему представиться и по возможности познакомиться. Такимъ образомъ З—ла разъ встрѣтилъ на борзенской станціи князя Паскевича, представился ему, поднесъ своей наливки и за эту любезность былъ приглашенъ въ Гомель. Конечно, приглашеніе это было принято, и затѣмъ Забѣла очень любилъ повторять разсказъ о

---

[1]) Т. е. тѣ крестьяне, у которыхъ полевыя земли цѣликомъ были отобраны помѣщиками, при чемъ отобранныя земли обработывались безземельными крестьянами изъ части урожая.

своемъ визитѣ кн. Паскевичу, въ Гомель... Не знаю, гдѣ Забѣла встрѣтилъ Голицына, но приглашеніе послѣдняго, о моемъ пріѣздѣ въ Черниговъ, я, съ удивленіемъ, получилъ чрезъ Забѣлу. Приглашеніе губернатора показывало, что Милютинъ обѣщаніе свое исполнилъ.—Я поспѣшилъ въ Черниговъ и, облекшись во фракъ, явился въ губернаторскій домъ. Разговоръ съ губернаторомъ былъ коротокъ.

— Желаете служить по крестьянскимъ учрежденіямъ?

— Очень желаю, ваше с—ство.

— Я получилъ письмо отъ Н. А. Милютина и желаемое вами мѣсто согласенъ вамъ предоставить. „Свои люди—сочтемся!" закончилъ губернаторъ, разумѣя „своимъ" человѣкомъ Милютина.

Но когда Голицынъ спросилъ мои документы, то оказалось, что таковыхъ у меня не было, такъ какъ въ это время я служилъ въ археографической комиссіи; слѣдовательно, нужно было списаться съ начальствомъ послѣдней, чтобы оно сказало о неимѣніи препятствій на перемѣщеніе въ крестьянскія учрежденія. Губернаторъ обѣщалъ списаться, а пока получится отвѣтъ, я былъ свободенъ и уѣхалъ домой.—Передъ отъѣздомъ, я зашелъ къ близкому пріятелю одного изъ моихъ братьевъ, бывшему тогда предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда, Р. Д. Т—нѣ. Прежде онъ занималъ должность секретаря дворянскаго собранія, т. е. секретаря губернскаго предводителя или правой руки послѣдняго, пользовался большою извѣстностью въ губерніи, какъ за безкорыстіе, такъ и за участливое отношеніе къ ходатайствамъ всякаго состоянія просителей. Изъ нѣсколькихъ фразъ Р. Д. Т—ны, можно было видѣть, что это не только честный и добрый чиновникъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ довольно образованный и развитой. Сочувственно относясь къ крестьянской реформѣ, Тризна замѣтилъ мнѣ, что о новомъ губернаторѣ дать окончательное заключеніе—что онъ за человѣкъ—нельзя еще, но что выбранный имъ секретарь крестьянскаго присутствія, В. Д. Заика, несомнѣнно выходитъ изъ ряда обыденныхъ чиновниковъ по своимъ способ-

ностямъ, при чемъ, какъ человѣкъ молодой, онъ, Заика, кромѣ того, горячо относится къ крестьянскому дѣлу и несомнѣнно можетъ имѣть самое желательное вліяніе на ходъ этого дѣла въ сферѣ своей дѣятельности. [1])

II.

На желаемую должность я былъ опредѣленъ въ концѣ августа, а съ сентября началась и моя служба.

Я уже сказалъ, что въ „Положеніяхъ“ обязанности этой должности не были обозначены. Не могъ обязанностей этихъ предуказать и губернаторъ, по совершенной новизнѣ дѣла. Извѣстно было лишь, что министръ вн. дѣлъ,—въ циркулярѣ губернаторамъ о томъ, что̀ за люди должны быть опредѣляемы на эту должность,—писалъ, что отъ нихъ требуется прежде всего полное сочувствіе крестьянскому дѣлу... Циркуляръ этотъ исходилъ отъ только что назначеннаго тогда министромъ Валуева...

Членовъ отъ правительства мировыхъ съѣздовъ въ черниговской губ. полагалось четыре; между ними должны были быть распредѣлены пятнадцать уѣздовъ губерніи. На эту должность были назначены, кромѣ меня, П. Г. Борсукъ, А. В. Марковичъ и—не помню имени—Лузановъ. Борсукъ († 1893 г.), студентъ кіевскаго университета, получилъ это мѣсто по рекомендаціи Г. П. Галагана, у котораго онъ былъ передъ тѣмъ домашнимъ секретаремъ. Это былъ молодой человѣкъ, молчаливый, скромный, но въ тоже время съ характеромъ, и вполнѣ преданный идеѣ освобожденія крестьянъ. Кромѣ того, Б—къ хорошо былъ подготовленъ къ дѣлу потому, что съ крестьянскимъ положеніемъ знакомился еще до его напечатанія, при посредствѣ Галагана,

---

[1]) В. Д. Заика умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимая мѣсто директора одного изъ д—товъ м—ва вн. дѣлъ.

по порученію котораго разбиралъ документы на „собственныя земли“ галагановскихъ крестьянъ.[1]) Какъ у члена съѣздовъ, у Б—ка была еше отличительная черта, кромѣ предварительнаго знакомства съ „Положеніями 19 февраля“, заключавшаяся въ близкомъ знакомствѣ съ условіями крестьянской жизни. Родившись подъ Нѣжиномъ, онъ въ Нѣжинѣ окончилъ и образованіе (въ кіевскій университетъ Б—къ поступилъ послѣ окончанія нѣжинскаго лицея); такимъ образомъ, отъ рожденія и до окончанія лицея, Б—къ жилъ *дóма*, въ той средѣ мелкопомѣстныхъ *панковъ*, которая тѣсно связана была съ крестьянствомъ и ежедневно наблюдала экономическія и всяческія другія условія жизни послѣдняго.—Своимъ знаніемъ дѣла и своею скромною настойчивостью, Б—къ имѣлъ большое вліяніе въ съѣздахъ, направляя на правый путь тѣ дѣла, которыя, по неопытности или по другимъ причинамъ, посредники рѣшали съ отступленіями отъ закона.

Другой членъ съѣздовъ былъ А. В. Марковичъ, извѣстный знатокъ малорусской народности и мужъ писательницы, извѣстной подъ именемъ Марка Вовчка.[2]) Дѣятельность М—ча въ съѣздахъ едва-ли была особенно полезна, такъ какъ онъ не способенъ былъ къ хладнокровному обсужденію дѣла... Третій членъ

---

[1]) Къ характеристикѣ Б—ка можно еще добавить, что это былъ очень талантливый актеръ, удивившій черниговцевъ 12-го февраля 1862 г., когда онъ сыгралъ роль выборнаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» (См. Основа, 1862 г., № 3, стр. 71—75). Заглавную роль при этомъ играла О. Н. Ш., которая при своей миловидности, еще и пѣла очень хорошо. Спектакль этотъ прошелъ до того удачно, что, по общему настоятельному желанію, онъ былъ чрезъ нѣсколько дней повторенъ. П. Г. Б—къ опять исполнялъ роль выборнаго, удивляя пріятелей своею рѣшимостью—выйти на театральные подмостки. Но когда, весною того-же года, Б—къ повѣнчался съ «Наталкой-Полтавкой», пріятелямъ его стало ясно—чтó влекло актера на черниговскую сцену...

[2]) О Марковичѣ см. Кіевск. Стар. 1892 г., сентябрь.

съѣздовъ—изъ учителей гимназіи,—былъ человѣкъ, сколько помню, довольно равнодушный къ новому его дѣлу.

Прежде чѣмъ началась наша членская дѣятельность, т. е. прежде чѣмъ открылись засѣданія съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, мы присматривались и прислушивались къ тому, о чемъ говорилось въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, куда губернаторъ насъ постоянно приглашалъ.

Здѣсь я нахожу не лишнимъ сказать о начальной дѣятельности черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, заимствуя для сего свѣдѣнія изъ *журналовъ* присутствія, которые, по распоряженію губернатора, печатались: въ полномъ видѣ—для всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, и въ сокращеніи—для всеобщаго свѣдѣнія, въ губернскихъ вѣдомостяхъ. [1])

Новый губернаторъ (Голицынъ) вступилъ въ должность 14 марта и на первомъ представленіи ему губернскихъ чиновниковъ, въ своей рѣчи къ нимъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее. „Во главѣ предстоящихъ намъ занятій стоитъ приведеніе въ исполненіе великаго двухъ-сословнаго преобразованія. Первый шагъ этого дѣла былъ совершенъ еще до моего пріѣзда. Всемилостивѣйшій манифестъ обнародованъ 9-го марта и въ настоящую минуту нѣтъ мѣста въ черниговской губерніи, въ которомъ онъ не былъ бы извѣстенъ. Высочайше утвержденныя положенія о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, ожидаются мною съ-часу на-часъ; немедленно по полученіи, онѣ будутъ разосланы по всей губерніи.—Засимъ намъ будетъ предстоять святое дѣло введенія въ дѣйствіе этихъ положеній. На мнѣ и товарищахъ моихъ по губернскому присутствію лежитъ значительная часть этого труда... Помѣстное дворянство наше, безъ сомнѣнія, значительно облегчитъ намъ

---

[1]) Журналы губ. присутствія заключаютъ въ себѣ полную исторію—какъ вводилась въ черниговской губерніи реформа 19 февраля 1861 г., разумѣется съ опущеніемъ нѣкоторыхъ *закулисныхъ* добавленій. Жаль только, что полные экземпляры этихъ журналовъ найти теперь почти невозможно.

это дѣло. Оно выступило бодро и честно на встрѣчу преобразованія; оно и теперь, всѣми мѣрами будетъ способствовать ускоренію развязки, равно необходимой для охраненія всѣхъ вообще интересовъ..." [1]) Черезъ два дня послѣ этого, 16 марта открыто было губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ составѣ: губернатора, губернскаго предводителя, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и членовъ присутствія, А. И. Лизогуба и И. Г. Есимонтовскаго.— Второе засѣданіе, происходящее 20 марта, было прервано „по случаю внезапнаго прибытія фельдъегерей, привезшихъ назначенные для помѣщичьихъ имѣній экземпляры Высочайше утвержденныхъ *Положеній* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, почему председатель закрылъ засѣданіе, такъ какъ ему необходимо было распорядиться немедленною разсылкою сихъ *Положеній* по уѣздамъ". Слѣдующія засѣданія происходили 27 и 31 марта, 11, 12, 13, 17 апрѣля, 11, 13, 17, 18, 22, 24, 30 мая и т. д. Какъ видно, засѣданія происходили очень часто, при чемъ уже съ апрѣля мѣсяца, присутствіе функціонировало въ составѣ четырехъ своихъ членовъ, А. И. Лизогуба И. Г. Есимонтовскаго, Г. П. Галагана и П. А. Васильчикова. Предметами главныхъ занятій присутствія—за это время—было составленіе формъ для уставныхъ грамотъ и распоряженія объ открытіи сельскихъ обществъ. Относительно послѣднихъ, губернаторъ, въ одномъ изъ засѣданій присутствія, заявилъ, что скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, отдѣльные факты, указывавшіе на такое „возбужденіе умовъ" едва ли записаны... Открытіе сельскихъ обществъ произведено было, подъ наблюденіемъ предводителей дворянства, исправниками и становыми приставами. Засимъ, въ майскихъ засѣданіяхъ присутствія обсуждался въ высшей степени важный вопросъ для черниговской губерніи—опредѣленіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ могло быть введено „великороссійское по-

[1]) Черниг. губ. вѣд. 1861 г., № 12.

ложеніе", выгодное для помѣщиковъ и невыгодное для крестьянъ. Три уѣзда — суражскій, новозыбковскій и стародубскій—уже въ началѣ мая заявили въ губернскомъ присутствіи ходатайство „о повсемѣстномъ введеніи въ этихъ уѣздахъ великороссійскаго положенія". По закону (ст. 3 мѣстн. малорос. положенія) великорос. положеніе разрѣшалось вводить въ шести уѣздахъ черниговской губерніи: въ трехъ названныхъ и еще—мглинскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ, но при этомъ требовалось „*обоюдное соглашеніе* между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованное мировымъ посредникомъ". А помѣщики названныхъ уѣздовъ желали сдѣлать это положеніе *повсемѣстно* (въ уѣздахъ) *обязательнымъ для крестьянъ.* Къ нимъ присоединились и помѣщики сѣверной части сосницкаго уѣзда. Дѣло это велъ въ губерніи *членъ отъ правительства* И. Г. Есимовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи разскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великорос. положенія, при чемъ вѣроятно, окажется, что *повсемѣстному* (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва ли было мѣсто...

Въ маѣ мѣсяцѣ выбирались и назначались мировые посредники. Въ засѣданіи присутствія 6 іюня, губернаторъ по этому поводу заявилъ: „по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, я предположилъ учредить въ губерніи 57 мировыхъ участковъ. Приглашеніе лицъ къ занятію во всѣхъ этихъ участкахъ должностей мировыхъ посредниковъ мною сдѣлано. 52 посредника, изъявившихъ мнѣ свое согласіе, введены уже мною въ отправленіе этихъ должностей. Отъ остальныхъ ожидаю я отзывовъ". Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовало открытіе волостей, и дѣятельность губернскаго присутствія вступила за симъ въ опредѣленную закономъ колею—„введенія въ дѣйствіе положеній 19 февраля", т. е. руководительства при составленіи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ, договоровъ и др. актовъ, которыми неопредѣленныя условія крѣпостнаго состоянія уничтожались и замѣнялись различными юридическими формами, точно въ законѣ опредѣленными, уже *свободнаго* состоянія крестьянъ...

Засимъ продолжаемъ наши личныя воспоминанія.

III.

„Приглашеніе лицъ къ занятію должностей мировыхъ посредниковъ“—было важнѣйшею изъ функцій, возложенныхъ закономъ на губернаторовъ при „введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г.“ Мировые посредники являлись главными дѣятелями великой реформы, главными ея исполнителями. Какъ же произведено было это «приглашеніе» въ черниговской губерніи?—Хотя послѣдняя и не была чужою кн. Голицыну, такъ какъ онъ имѣлъ въ ней богатыя имѣнія (въ новозыбковскомъ уѣздѣ), будучи однимъ изъ наслѣдниковъ Румянцева-Задунайскаго, [1]) но такъ какъ Голицынъ почти постоянно жилъ за границей, то, разумѣется персоналъ черниговскаго дворянства, даже сѣверныхъ уѣздовъ, ему былъ почти совсѣмъ не знакомъ. Приходилось, значитъ, при выборѣ посредниковъ руководствоваться чужими мнѣніями.

Но что же за человѣкъ былъ самъ губернаторъ, на обязанности котораго лежалъ выборъ почти 60-ти *лучшихъ людей* въ губерніи?—Кн. С. П. Голицына я близко зналъ, впослѣдствіи, какъ губернатора и какъ частнаго человѣка, и, не обинуясь скажу, что это былъ безусловно честный и добрый человѣкъ, а къ тому же безсребренникъ. Жена его, при такой же добротѣ, какою отличался и мужъ, имѣла еще и недюжинный умъ. Голицынъ учился въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (его товарищемъ былъ Лермонтовъ) и затѣмъ служилъ въ преображенскомъ полку. Онъ рано женился на фрейлинѣ, гр. Л. П. Апраксиной, которая, при своей красотѣ, блистала, говорятъ, при дворѣ. Женившись, Г—нъ скоро оставилъ военную службу и былъ назначенъ однимъ изъ *атташе* при русскомъ посольствѣ въ Штутгардтѣ, гдѣ княгиня Г—на снискала сердечную пріязнь королевы Ольги Николаевны, дружескимъ благорасположеніемъ ко-

---

[1]) Мать кн. С. П. Голицына, В. С. Кагульская унаслѣдовала имѣнія гр. С. П. Румянцева.

торой пользовалась и потомъ. Въ Штутгардтѣ Г—нъ прожилъ до 1859 г., когда былъ назначенъ членомъ *редакціонной коммиссіи*, какъ говорятъ, по указанію самого Государя. Вотъ въ это то время Г—нъ, желая познакомить русское крестьянство съ предстоящей реформой его состоянія, и напечаталъ свою неудачную „Печатную Правду". У Г—на вообще была литературная жилка. Живя безъ дѣла въ Штутгардтѣ, онъ перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ книжку Щебальскаго о царевнѣ Софьѣ, а затѣмъ, будучи губернаторомъ, любилъ передѣлывать французскіе водевили на русскій ладъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ печаталъ. Строгій отзывъ Крузе о „Печатной Правдѣ" заставилъ Г—на куда то далеко запрятать эту книжку, и затѣмъ авторъ никогда о ней уже и не упоминалъ.

Когда въ нач. 1861 г. смѣнено было нѣсколько старыхъ губернаторовъ и замѣнено новыми, въ виду предстоящей имъ дѣятельности въ крестьянской реформѣ, смѣненъ былъ и черниговскій губернаторъ, бывшій передъ тѣмъ харьковскимъ губ. предводителемъ дворянства, К. П. Шабельскій, а вмѣсто его назначенъ кн. Голицынъ.

Губернскій персоналъ чиновниковъ, близко стоявшихъ къ губернатору, былъ въ это время слѣдующій.

Вицегубернаторское мѣсто занималъ Ш., который будучи близкимъ родичемъ очень вліятельнаго тогда въ Петербургѣ С—на, держалъ себя довольно высокомѣрно, почему Г—нъ, съ первыхъ же дней, сталъ его сторониться. [1])

---

[1]) Ш. скоро почувствовалъ свою ошибку въ отношеніяхъ къ Г—ну, но уже не могъ съ нимъ сойтись. Непріязненныя свои отношенія къ Г—ну Ш. выражалъ довольно странно. Княгиня Голицына впослѣдствіи разсказывала мнѣ, напр., такую выходку Ш. Когда въ нач. 1862 г. ставили въ Черниговѣ любители *Наталку-Полтавку*, то въ этой постановкѣ принималъ большое участіе Г. П. Галаганъ, помогая юнымъ актерамъ своимъ знаніемъ народнаго быта, за что былъ обвиняемъ уже и тогда въ пристрастіи къ родинѣ... Въ вечеръ представленія *Наталки*, когда Голицынъ былъ тоже въ театрѣ, Ш. пріѣхалъ къ княгинѣ Голицыной (почти никуда не выѣзжавшей)

Губернскимъ предводителемъ былъ Н. П. Бороздна, занимавшій это мѣсто лѣтъ пятнадцать уже до того, человѣкъ очень искусный въ дворянскихъ дѣлахъ, но довольно равнодушный ко всякому дѣлу, даже и крестьянскому, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ думалъ только о губернаторствѣ, которое ему было настоятельно обѣщано. А затѣмъ, въ губернской администраціи былъ еще близкій къ губернатору человѣкъ—правитель его канцеляріи. Эту должность занималъ тогда X., разславленный „Искрой" на всю Россію подъ именемъ *Хапугина*... Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ типичномъ представителѣ дореформеннаго чиновничества. X., послѣ прохожденія курса въ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ губернаторскую канцелярію, разумѣется, писцомъ; а затѣмъ, во время губернаторства П. И. Гессе, сдѣлался помощникомъ тогдашняго правителя канцеляріи Оболонскаго. [1])

Это было время очень памятное для черниговскихъ старообрядческихъ слободъ, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ, по представленію мѣстной администраціи, для раскольничьихъ слободъ черниговской губерніи, съ цѣлью противодѣйствія расколу, было учреждено нѣсколько новыхъ полицейскихъ должностей, подъ именемъ *помощниковъ становыхъ приставовъ*, на обязанность которыхъ возлагалось наблюденіе за нераспространеніемъ раскола и за непоявленіемъ раскольничьихъ поповъ... Назначеніе на эти должности, до Голицына, говорили, приносило тогда губернской канцеляріи особый и солидный доходъ... X. получилъ мѣсто правителя канцеляріи послѣ ухода Гессе, при губернаторѣ Анненскомъ, а можетъ быть и Шабельскомъ. Чѣмъ выслужилъ эту должность сей X., я никакъ не могъ понять, когда уже близко

и, какъ бы изъ участія, произнесъ такую фразу: „вотъ вы, княгиня, сидите здѣсь спокойно и не подозрѣваете, что въ этотъ моментъ черниговцы быть можетъ ставятъ Галагана на гетманство..." Разумѣется, разсчетъ былъ тотъ, чтобы напугать жену губернатора.

[1]) Позже—товарища прокурора казанской судебн. палаты, человѣка тоже очень замѣтнаго...

зналъ этого чиновника. Необразованный, неумный, малограмотный, грубый X. не могъ быть, повидимому, желаннымъ правителемъ для двухъ послѣднихъ предшественниковъ кн. Голицына, потому что и Анненскій, и Шабельскій были, какъ всѣ говорили, людьми безупречными... Одною чертою своего характера выдѣлялся X.—своимъ низкопоклонствомъ и грубою лестью... Быть можетъ, что предшественники Голицына ловились на удочку этой грубой лести... Какъ бы то не было, но X. сдѣланъ былъ правителемъ губернаторской канцеляріи и вмѣстѣ съ этимъ получилъ большее вліяніе на выборъ полицейскихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и чиновниковъ на доходныя мѣста въ раскольничьихъ слободахъ. Такого правителя канцеляріи засталъ Голицынъ, при чемъ ему хорошо было извѣстно и прозвище его *Хапугинымъ*.

Ни Бороздна, ни Ш., ни X.—никакой помощи Голицыну въ знакомствѣ съ контингентомъ мировыхъ посредниковъ оказать не могли. Кромѣ того, Голицынъ не нашелъ въ своей канцеляріи ни одного чиновника, котораго могъ бы приблизить къ себѣ: все это были люди безъ образованія и съ сомнительной репутаціей или же бездарные.—Но былъ въ Черниговѣ въ это время управляющій палатою государственныхъ имуществъ П. Л. Левдикъ (изъ стародубскихъ козаковъ), человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, умный и съ безупречною репутаціей. Вотъ этотъ то Левдикъ и указалъ Голицыну на молоденькаго чиновника своей палаты В. Д. Заику, способностей котораго нельзя было не замѣтить его умному начальнику. Голицыну не изъ кого было выбирать секретаря крестьянскаго присутствія и онъ пригласилъ на это мѣсто Заику. Послѣдній, кромѣ замѣчательныхъ своихъ редакторскихъ способностей, былъ еще, кромѣ того, постоянно привѣтливый и сообщительный человѣкъ, очень располагавшій къ себѣ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Голицынъ скоро оцѣнилъ Заику, которому и сдалъ на руки канцелярскую часть крестьянскаго присутствія. Большая часть серьезныхъ „циркуляровъ" и другихъ „бумагъ" писались Заикою, (впрочемъ Голицынъ и самъ могъ ихъ писать и нерѣдко писалъ), и нѣтъ сомнѣнія, что будущій

историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи отмѣтитъ выдающуюся дѣятельность перваго секретаря губернскаго присутствія.—Будучи студентомъ кіевскаго университета, Заика, кромѣ того, зналъ тѣхъ своихъ товарищей по ученію, изъ черниговскаго дворянства, которые могли стать въ ряды желанныхъ мировыхъ посредниковъ. Указаніями Заики, по сей части, Голицынъ тоже воспользовался, и не ошибся. Кромѣ Заики, Голицынъ надежныхъ совѣтниковъ пріобрѣлъ себѣ, но гораздо позже, въ нѣкоторыхъ членахъ-дворянахъ губернскаго присутствія, которыхъ числомъ было четыре: два—по назначенію отъ правительства, а два—по выбору дворянства. Въ черниговскомъ присутствіи первыми были: Г. П. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій, а вторыми—А. И. Лизогубъ и П. А. Васильчиковъ. Вотъ при такихъ условіяхъ Голицынъ и намѣтилъ тѣхъ людей, которыхъ онъ затѣмъ пригласилъ на мѣста посредниковъ. Разумѣется, не обошлось тутъ и безъ предстательства, за родичей и близкихъ людей, отъ разныхъ мѣстныхъ тузовъ. Голицынъ сдѣлалъ нѣсколько уступокъ этимъ ходатайствамъ, при чемъ впослѣдствіи оказалось, что назначенные по этимъ протекціямъ посредники оказались не изъ лучшихъ... Выборъ остальныхъ, въ общемъ, былъ болѣе или менѣе удаченъ, какъ увидимъ ниже.

А теперь скажемъ о членахъ крестьянскаго присутствія, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи.

А. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе [1]).

11. Кровосмѣшеніе и дѣтоубійство.

Полтавскій козакъ Данило Клитненко женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей сына. Своихъ дѣтей у него не было, и онъ выростилъ „пасерба" (пасынка), какъ родного, женилъ его и надѣялся въ старости имѣть въ немъ опору и утѣшеніе. Но въ началѣ 1698 г. этотъ „пасербъ" неожиданно умеръ, скоро послѣ того умерла и жена Данила, и остался онъ лишь съ неродною невѣсткою-вдовою Параскою Жаданивною. Данило былъ далеко не старымъ человѣкомъ, а его невѣстка совсѣмъ была молодою, и не диво, что, живя вдвоемъ въ одномъ домѣ, впали они въ превеликій грѣхъ, прижили дитя и, боясь позора и кары, погубили его. Можетъ быть, преступленіе это осталось бы нераскрытымъ, но вслѣдъ за тѣмъ сами преступники стали испытывать такое мучительное душевное состояніе, что Данило отправился къ своему духовнику, полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, повинился ему во всемъ и сталъ умолять наложить на него и на невѣстку самую тяжкую „покуту" (епитимію), но снять съ ихъ совѣсти непосильную тяготу и вернуть имъ утраченный душевный покой. Старый протопопъ пришелъ въ ужасъ, выслушавъ Данилову исповѣдь, и сказалъ: „Безъ мѣры великъ твой грѣхъ, человѣче, и нѣтъ вамъ иного способа для его искупленія, какъ съ раскаяніемъ и покорностью волѣ Божіей

[1]) См. Кіев. Ст. № 2.

перенести ту кару, какую наложитъ земное правосудіе",—и съ этими словами отправилъ Данила въ полковый судъ.

Вѣсть о неслыханномъ преступленіи Данила Клитненка и его невѣстки взволновала всю Полтаву, и много „значного козацтва" и „славетного" мѣщанства собралось въ ратушу, чтобы послушать, какъ будутъ судить великихъ грѣшниковъ. Съ видомъ глубокаго сокрушенія Данило и Параска предстали предъ судомъ и не таясь и не оправдываясь „сами на себе тотъ ганебный учинокъ вызнали".

— Грихъ насъ, панове, спиткавъ,—винился Данило,—бо ще одъ святъ прошлыхъ воскресенскихъ знесшися я зъ Параскою, невисткою моею, мешкалы-сьмо по смерти жоны моеи въ еднимъ дому, и грихъ полнячы, прыжылысьмо дытя, дивчыну, и на морози держачы оное заморозылы и въ хыжи у землю закопалы, уходячы публики свитовои и карности. Любо жъ (хотя) я еи, Параску, одъ того и одводывъ, лечъ (но) не мигъ еи въ тимъ погамоваты (удержать), бо вона мени сказала: „волымо вже за грихъ терпиты у Бога кару, нижъ встыдъ межъ людьмы миты"; и такъ по еи воли и я дався и билшъ одъ тои згубы не одводывъ, але и самъ на тое радывъ.

Параска ничего не сказала, потому что за горькимъ плачемъ не могла проговорить и слова.

Ни допроса свидѣтелей, которыхъ, впрочемъ, и не могло быть, ни извлеченія трупа погубленнаго ребенка, ни другихъ какихъ-либо слѣдственныхъ мѣръ судъ не призналъ нужнымъ производить: зачѣмъ все это, когда преступники сами во всемъ винились? Оставалось произнести декретъ.

Судъ, „познавши такый ганебный учынокъ Даныловъ и Паращынъ", призналъ, что они повинны въ двухъ тяжкихъ преступленіяхъ: „прогнивалы Господа Бога" тѣмъ, что, „въ сродстви будучы, допустылыся такого спросного (гнуснаго) гриха, а що гирше—поневажъ еще и плоду набувшы, оный згубылы"; и „вглянувшы въ право посполитое, (судьи) вынайшлы въ Статутѣ князства Литовского" (роздѣлъ 11, артык. 60) такое постановленіе: „кды бы (если бы) которая бѣлая-голова, не живучи въ станѣ малженскомъ, але вшетечне-ся и нерядне справуючи и такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стра-

тыла и о смерть приправовала, таковые—яко тотъ, хто ся того чинити и плодъ такый губити подвязалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами маютъ горломъ карани быти". Въ виду этого судъ постановилъ: „тому жъ декретови и тыи двое збытечныкы и явногришныкы Даныло и Параска, невистка ёго, зосталы подлеглыми".

Осужденныхъ отвели на мѣсто казни, и тамъ они „подлугъ права, за свою такую ганебную вину, зосталы стяти", т. е. имъ отрубили головы.

---

12. Расторженіе брака, какъ мѣра уголовнаго наказанія

Близка была отъ опасности впасть въ ту же „ганебную вину" душегубства и полтавская мѣщанка Настя Цымбалистая. Была она женщина далеко немолодая, имѣла мужа и почти взрослую дочь. Мужъ занимался прасольствомъ, ѣздилъ то въ Сѣчь, то за Днѣпръ, то въ Слободскую Украину и по цѣлымъ годамъ не бывалъ дома; а легкомысленная жена, получая отъ него деньги на уплату долговъ, прогуливала ихъ „зъ мылосны-комъ" (любовникомъ) Грыгоромъ „винникомъ" (винокуромъ) да справляла ему дорогіе жупаны. Это былъ захожій мастеровой человѣкъ, служившій на одномъ изъ винокуренныхъ заводовъ, какихъ въ то время было много въ Полтавѣ, и судя по имени (Грыгоръ=польск. Grzegorz) долженъ быть признанъ если не полякомъ, то выходцемъ изъ Бѣлоруссіи или правобережной Украины.

Что ни дѣлалъ несчастный Мартынъ, чтобы отвадить этого Грыгора отъ своей жены, ничто не помогало; пока онъ дома, Настя будто ведетъ себя „статечне", какъ подобаетъ „мужней жонѣ", а чуть мужъ со двора, она принимается за старое. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока осенью 1690 года Настя „несподивано набула плодъ" и, боясь мужа и „свитовои публики", задумала отдѣлаться отъ него путемъ преступленія или сдать его на попеченіе виновника его дней, какъ поется въ пѣснѣ:

Ой на тоби, коваче, дытыну,
Бо, далеби, въ кропыву укыну:
Я не хочу дытя годуваты,
То не будуть люды мене знаты.

Къ чести Грыгора, слѣдуетъ сказать, что онъ не отвѣтилъ, какъ герой той же пѣсни:

Не моя прычына—не моя дытына:
Сама есы, дурна дивко, ты у всёму вынна.

Опасаясь, какъ бы Мартыныха и впрямь не сгубила ребенка, онъ пріискалъ ему кормилицу и нанялъ для нея помѣщеніе вдали отъ сосѣдей, въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Но отъ любознательныхъ кумушекъ не скроешься и подъ землею: онѣ не спускали глазъ съ Мартыныхи съ первыхъ дней ея интереснаго положенія и прекрасно знали, гдѣ находится ея ребенокъ и что съ нимъ дѣлается.

Но вотъ спустя три мѣсяца кормилица была разсчитана, а ребенокъ куда-то исчезъ. Сосѣдки и кумушки пришли въ волненіе: куда Мартыныха дѣвала ребенка? Ужъ не „згладыла“ ли его со свѣта? Поволновались день-другой и рѣшили, что нужно оповѣстить урядъ. И вотъ въ февралѣ 1691 г. ближайшая сосѣдка Меланка Ковальковна, обиженная тѣмъ, что Мартыныха не пригласила ее „бабовать“, отправилась въ полковый судъ и заявила слѣдующее:

— Панове! Мартыныха Цымбалыстая, боязны Божои забувшы и караня права посполытого, безъ бытносты мужа свого Мартына, который у Сичи черезъ рокивъ два зостававъ, сплодыла дытя зъ Грыгоромъ вынныкомъ и породыла ёго сея прошлои осены, передъ святымъ Дымытріемъ. Видаю я о тыхъ нецнотлывыхъ поступкахъ еи добре, бо тоди Настя, дочка Мартынышына, прызвала мене до матери своеи, ажъ дытыну уже уродыла Мартыныха. Тамъ тоди стоявъ Яцько Лысый, вынныкъ, и баба тіеи дытыны, Хымка Семеныха. Яцько Лысый, вынныкъ, и Олена Хведорыха, взявшы тую дытыну, пишлы до манастыра, абы тамъ еи охрещено—для того, щобъ въ поголосци людскій

тое Мартынышыне проступство не могло чынытыся. И я зъ нымы туды жъ ходыла. Охрещено тамъ тую дытыну рукамы отця Исыхія, намисныка, и дано ій имя Настя. Зъ манастыра тоди, не несучы вже тіи дытыны до Мартыныхы въ домъ, але прынесено еи до Сухыныхы старои въ хату. Тая жъ Олена Хведорыха, що була кумою, наняласся тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. А теперъ не видаю, де тая дытына дилася. Поты моеи повисты."

Судъ велѣлъ эту „повисть" записать, а бывшую „мамку" и куму Олену Хведориху „припровадити" на урядъ. Въ тотъ же день она была допрошена и показала такъ:

— Правда то есть, панове: хрыстыла я тую дытыну въ манастыри изъ Яцькомъ вынныкомъ; тамъ тоди була и Мелашка Кованькивна. По крещени зась, для пидпоры свого убозства, взяла я тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. Перше зоставала я съ тіею дытыною въ Сухыныхы чотыри недили, и Сухыныси, що мя передержала зъ дытыною чотыри недили, дала Мартыныха два золотыхъ. А одъ Сухыныхы пишовшы, промешкала я на Павленкахъ у Ивана Чыгыря висимъ недиль. Бильшъ безъ нагороды годоваты я не хотила. Ажъ прыйихавъ туда, на Павленки, Яцько Лысый, вынныкъ, кумъ Мартынышынъ, съ которымъ я тую жъ дытыну хрыстыла у манастыри. Прыйихавшы зъ якымсь чоловикомъ, повидавъ Яцько, що се прыятель Мартынышынъ, въ Решетыливци жыветъ, и того чоловика жинка, взявшы дытыну Мартынышыну одъ мене, повезлы невидаю куды. Поты моеи повисты".

Судъ и эту „мову Оленыну" записать велѣлъ.

Затѣмъ былъ призванъ кумъ Мартыныхи, Яцько Лысый, винникъ, сослуживецъ и большой пріятель Грыгора, чѣмъ и объясняется его заботливое участіе въ судьбѣ ребенка и въ сохраненіи тайны его рожденія. Яцька спросили: „Черезъ якый способъ дытыну тую, взявшы зъ Оленою Хведорыхою, пишлы вы до манастыра хрестыты, а не до парохіяльного презвытера?

— Я, панове, не знаю, чія то дытына,—отвѣчалъ Яцько. Мене на улыци попрошено, Олена Хведорыха просыла, и пышлы-сьмо, тую дытыну перехрестылы въ монастыри.

— А що то за чоловикъ, що съ тобою прийихавшы на Павленкы, до хаты Ивановои Чегырёвои, взялы зъ рукъ Олены, кумы и мамкы Мартынышынои, дытыну Мартынышыну? спросили судьи.

— Не знаю, не знаю,—„одпирався" Яцько,—що то за чоловикъ зъ жоною своею, на Павленкы прыйихавшы зо мною, взялы у Олены тую дытыну.

Въ виду столь явнаго запирательства, судъ велѣлъ дать Яцька „пидъ кіевое караня". У него тотчасъ развязался языкъ, и онъ сталъ молить:

— Не кажитъ мене, панове быты: я вамъ скажу самую правду. Такъ було, якъ Мелашка Кованькивна и Олена Хведорыха повидаютъ: не на улыци мене прошено тую дытыну Мартынышыну хрестыты, але зъ господы еи, Мартыныхы, взявшы, у хрещеня святое у манастыри увелы-сьмо; и того чоловика, що зъ своею жинкою и зо мною прыйихавшы на Павленкы, у Олены тую дытыну узялы, зовутъ ёго Юхымомъ, а господыню ёго Орышкою, жывутъ воны на сели Кгуджулахъ. Той Юхымъ Грыгорови тому, зъ которымъ Мартыныха сплодыла дытыну, братъ удругыхъ (т. е. двоюродный.) Бо почувшы Мартыныха, що мужъ еи скоро къ домови будетъ, просыла мене, абы я Грыгоровій невистци тую дытыну отдавъ; я на прозьбу еи чынывъ тое, отдавъ дытыну на село Кгуджулы до рукъ Орышкы, невисткы Грыгоровои.

Въ это время „миськи слугы" привели въ судъ Настю Мартыныху Цымбалистую. „Не показуючы ей доводовъ тыхъ, що въ семъ свидомыо вышей доложено", судьи спросили Настю: „Чи правда есть тому, що ты, грихъ беззаконый исполнывшы, сплодыла соби дытя зъ Грыгоромъ вынныкомъ?"

— Не знаю я того, панове,—отвѣчала крайне смущенная Настя.—Такъ то на мене люды говорятъ, але я не чуюся въ тимъ.

Тутъ судьи позвали Олену Хведорыху и велѣли ей уличать Настю. И „стала ій Олена, кума и мамка, все въ очи выговоруваты, повидаючы: „Чого таишся, Насте? Сплодыла-сь тое

дытя зъ Грыгоромъ, вынныкомъ, которое теперъ, за прозьбою твоею, одъ мене взявшы, на Кгуджулы отдано."

Настя, слушая это, горѣла отъ стыда „и зъ велыкого встыду мало вже що и одповидала". Её велѣно взять „до вязеня".

Наконецъ „зыськанъ" былъ и Грыгоръ, винокуръ. Онъ упорно „прився (отрицалъ) всихъ своихъ нецнотлывыхъ поступкивъ". Его не стали уличять, а просто велѣли дать „до вязеня".

На другой день была допрошена Химка Семеныха, „що тій порожоній Мартынышыній дытыни бабою була". Она показала:

— Заввала мене, панове, Настя, Мартынышына дочка, въ хату, говорячы: „ходы, прави, маты моя недужа". Я зась прыйду, ажъ тилко тіеи дытыны порожденя стало. Тоди мусила-мъ очыстыты по звычаю нашому".

Въ этотъ же день были „прыпроважени" изъ с. Гуджуловъ, что близъ Полтавы, Юхымъ съ его женою Орышкою и съ ребенкомъ Насти Мартыныхи. Юхымъ „повѣдалъ" такъ:

— Я не видавъ, що то за дытына, бо Яцько Лысый говорывъ мени такъ: „сестра, прави, моя вмерла и дытына тая осталась; давъ я бувъ еи годоваты мамци, такъ вона не схотила годоваты въ чужій хати". А я певне не видавъ, чія то дытына."

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе, рѣшеніе же дѣла отложено до возвращенія въ Полтаву „акторской стороны", то есть мужа преступной Насти, которая до того времени, вмѣстѣ съ Грыгоромъ, должна была оставаться въ заключеніи.

Лишь черезъ двѣ недѣли послѣ того вернулся домой—не на радость, конечно—Мартынъ Цымбалистый, и на другой же день судъ занялся окончаніемъ дѣла о его женѣ. На судѣ Мартынъ такъ жаловался на Грыгора винокура:

— Панове! Сей зрайца Грыгоръ вже одъ давного часу мешканя мое псуетъ и не даетъ мени зъ жоною мешкаты, худобы моеи зъ моею Настею не мало поліотровалы (разграбили). Напомынавъ я незбожныка килькократне, щобъ мени встыду на домивку не наволикавъ, але винъ, на тое не дбаючы, до

сыхъ часъ зъ жоною моею мешкаючы, дытя (якъ теперъ я вывидавъ слушнымы доводамы) сплодылы, убогый домъ мій прывелы до нечесты. Я, убогый чоловикъ, черезъ еи власне у велыкыхъ довгахъ ставъ: що прышлю зъ Сичи и зъ иншыхъ сторинъ людямъ виддаты, то вона зъ мылосныкомъ своимъ, зъ сымъ Грыгоромъ, прогуляетъ, ще до того и жупаны ёму справляла. Воля мылостей вашыхъ, тилко жъ одъ сёго часу не хочу еи миты за жону. Прошу зъ онои справедлывосты.

Судьи спросили Настю: „Чы зъ давныхъ вже часивъ зъ тымъ вынныкомъ Грыгоромъ мешкаешъ?"

— Я того ничого не знаю,—продолжала играть роль угнетенной невинности Настя,—и не моя то дытына, що годовала мамка.

За то Грыгоръ пересталъ запираться.

— Що жъ, панове,—винился онъ,—мешкавъ я много зъ Мартыныхою, пополнылы-сьмо беззаконый грихъ, въ которомъ гриху сплодылы-сьмо дытя, якее мылостямъ вашымъ показувано. Правда, скоро воно уродылося, повидала мени Мартыныха: „Де хочъ, прави, ёго подинь: хочъ убый, хочъ дай мамци годоваты". Тоди я, боячыся велыкого караня на себе, заказавъ ій, абы тои дытыны не вбываючы, мамци дала годоваты, и на тимъ сталося съ порады моеи".

Послѣ этого откровеннаго признанія Настя убѣдилась, что дальнѣйшимъ запирательствомъ она лишь напрасно вредитъ себѣ, и „выркла тое:"

— Такъ есть, панове, гришыла я много зъ тымъ вынныкомъ и уродыла тое дытя. Не могу ся вже проступку, встыду одъ людей, а надто гриха свого затаиты, тилько прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя."

Судъ справился съ „правомъ посполитымъ" и въ книгѣ „Порядокъ", на листѣ 132, нашолъ „декретъ:" „Чужоложникъ на горлѣ маетъ бути каранъ, а чужоложниця абы была у пренкгера (позорнаго столба) быта и одъ права малженского оддалена". Но тутъ за Грыгора стали ходатайствовать „люды зацныи" изъ числа присутствовавшей въ судѣ публики, можетъ

быть хозяева тѣхъ винокуренъ, которыя имъ были устроены. Судьи согласились смягчить ему кару и постановили такой приговоръ: „Чужоложныка Грыгора любо (хотя), за прозьбою людей зацныхъ, караньемъ на горли даровалы-сьмо, однакъ прыказуемъ урядовне, абы винъ одъ сёго часу куда хотя зъ миста (изъ города) пишовъ и не тилько въ самимъ городи Полтави, але и въ селахъ полтавскихъ не мивъ своего жытла. А Настю Мартыныху, чужоложныцю, не въ пренкгера, тилко на рынку, предъ народомъ посполитымъ, публице, кіямы пробывшы добре, даемо на волю Мартынови: колы не хоче, респектуючы на диты, зъ нею спложеныи, прыняты онои Насти за жону, тоди, якъ доложено у „Порядку“ на лысти вышей напысаномъ, одъ права малженского и мы оддаляемъ. А колы въ наступуючіи часы винъ моглъ бы прыняты оную Настю за жону, то о тимъ впередъ въ суду духовного, потимъ намъ, врядови, повынецъ оповистытыся“.

Въ этомъ декретѣ достойна вниманія весьма любопытная подробность. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда одинъ изъ супруговъ подвергался осужденію за чужеложство, Магдебургское право безусловно предписывало расторженіе брака; между тѣмъ козацкій судъ, руководясь тѣмъ же параграфомъ Магдебургскаго права, постановляетъ декретъ о расторженіи брака лишь условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія стороны невиновной. Это общая черта козацкой юстиціи— свободное отношеніе къ буквѣ закона и примѣненіе его лишь постольку, поскольку его предписанія не противорѣчили мѣстнымъ юридическимъ воззрѣніямъ и обычаямъ, отъ которыхъ дѣйствовавшее право терпѣло на каждомъ шагу болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія. Такъ и въ данномъ декретѣ предписаніе Магдебургскаго права потерпѣло видоизмѣненіе потому, что оно противорѣчило основному положенію мѣстнаго обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ. Безъ нея даже юридическія и кононическія причины были безсильны сами по себѣ уничтожить брачный союзъ.

Разведенные такимъ способомъ супруги могли впослѣдствіи возстановить свой брачный союзъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ воли и желанія невиновной стороны; но въ такомъ случаѣ они обязывались предварительно заявить о томъ духовной власти и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ подвергся расторженію. Это опять черта мѣстнаго обычнаго права, не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ кодексовъ права Магдебургскаго. Повидимому, въ этомъ предписаніи рѣчь идетъ не объ испрошеніи у духовнаго и свѣтскаго уряда дозволенія на возстановленіе расторженнаго брака, а лишь о такомъ формальномъ заявленіи, какое въ любой гражданской сдѣлкѣ договаривающіяся стороны обязывались сдѣлать передъ урядомъ, если хотѣли вновь возстановить законную силу добровольно уничтоженнаго ими соглашенія.

---

13. Супружеское право помилованія осужденнаго.

Если бъ Мартынъ Цымбалистый захотѣлъ простить свою преступную жену, онъ не только имѣлъ право возстановить ея супружескія права, которыхъ она лишилась по судебному декрету, но могъ бы освободить ее и отъ той кары, къ какой она была приговорена.

Разъ судъ, подчиняясь воззрѣніямъ обычнаго права и опасаясь нарушить интересы и права невиновнаго супруга, нашелъ возможнымъ отступить отъ положительнаго требованія дѣйствующаго закона, то почему не итти и дальше въ этомъ направленіи? Если одна изъ мѣръ наказанія невѣрной жены—лишеніе ея супружескихъ правъ—ставится въ зависимость отъ согласія на то невиновнаго мужа, то почему и другія мѣры наказанія за то же преступленіе не подчинить тому же условію? Въ тѣ времена даже на убійство и другія уголовныя преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или воръ примирялись съ потерпѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ, по большей части, освобождалъ ихъ отъ всякаго наказанія, взыскивая

съ нихъ лишь свой судейскій доходъ, или „вину". Почему же и на чужеложство и вообще супружескую невѣрность не смотрѣть съ частно-уголовной точки зрѣнія, какъ на преступное дѣяніе, болѣе всего наносящее ущербъ чести, интересамъ и вообще праву невиновнаго супруга? А если такъ, то какъ долженъ былъ поступить судъ въ такомъ случаѣ, когда невиновный супругъ заявлялъ на судѣ, что онъ прощаетъ виновнаго, хотя бы преступленіе его было доказано и онъ уже подвергся осужденію?

Такой именно случай произошелъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ въ маѣ 1688 года.

Судились нѣкіе Педоръ Панченко и Гапка Панасыха, изъ с. Шостаковъ, пойманные на чужеложствѣ. Они „доброволне обое злость свою на себе вызнавалы" и такъ винились:

— А що жъ, панове, нашъ то грихъ. Южъ то міетъ буты рикъ, якъ пьяныхъ насъ дьяволъ звивъ и пополнялы-сьмо вшетеченство, любо то въ Педора жона есть, а въ мене мужъ. Вольно вамъ, панове, зъ намы що хотиты чыныты: самую правду вамъ повидаемо".

Въ виду сознанія подсудимыхъ, слѣдствіе признано было излишнимъ, и судъ произнесъ декретъ: „Поневажъ тіи проступци обое зоставалы въ стану малженскимъ, поскромляючы такіи роспусты и вшетеченство, наказуемъ декретомъ нашымъ, ведле „Порядку", въ части 4-й, на лысти 131, абы чужоложныкъ Педоръ Панченко мечемъ бувъ каранъ, а чужоложныця Гапка Панасыха у пронкга абы быта була и одъ права малженского оддалена".

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: изъ среды присутствовавшей въ судѣ публики выступилъ Панасъ, мужъ осужденной Гапки, „и не допускаючы жоны своеи подъ карность, прынявъ соби жону за жону", а слѣдуя его примѣру, „тутъ же и Зинька, Педорова жона, прынялася за мужа, пробачывшы ёму той злый учынокъ вшетеченства". Что оставалось дѣлать суду при этой умилительной сценѣ? Не вырывать же было осужденныхъ изъ объятій невиновныхъ супруговъ, любовью и всепрощеніемъ покрывшихъ ихъ проступки. И судъ немедленно постановилъ другой декретъ: „и мы,

на жаданя ихъ (невиновныхъ супруговъ) изволывшы, карностю ганебною оныхъ проступцивъ даруемъ, еднакъ вину панскую и врядовую за проступство ихъ мають платыты".

---

14. Разводъ мужа съ женой-воровкой.

Если Магдебургское право карало замужнюю женщину, обличенную въ прелюбодѣяніи, расторженіемъ брачнаго ея союза съ невиновнымъ мужемъ, то въ этомъ законоположеніи не трудно усмотрѣть извѣстное логическое соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, ибо чужеложство и по каноническимъ правиламъ признается достаточнымъ основаніемъ для законнаго развода. Но что сказали бы присяжные юристы, если бы кто-либо потребовалъ развода единственно на томъ основаніи, что его жена опозорила себя совершеніемъ какого-нибудь уголовнаго и при томъ легко наказуемаго проступка, напримѣръ кражей? Конечно, ученый юристъ призналъ бы такое требованіе абсурднымъ, такъ какъ данный проступокъ не имѣетъ никакого отношенія къ сферѣ супружескихъ обязанностей провинившагося лица. Но это теоретическое соображеніе могло казаться мало убѣдительнымъ или даже вовсе непонятнымъ судьямъ изъ народа, простецамъ, незнакомымъ ни съ какими юридическими доктринами, а судившимъ преимущественно по внутреннему убѣжденію о справедливости, и въ своихъ опредѣленіяхъ болѣе руководившимся правовыми воззрѣніями и понятіями своей среды, нежели положительными велѣніями писаннаго закона; а таковъ именно и былъ характеръ и составъ малороссійскихъ судовъ XVII ст. Не входя въ тонкости юридическаго анализа при рѣшеніи вопроса, почему именно прелюбодѣяніе служитъ препятствіемъ къ продолженію брачнаго союза, козацкіе юристы могли усматривать это препятствіе въ томъ позорѣ, какимъ клеймилось прелюбодѣяніе въ тогдашнемъ обществѣ, при чемъ позоръ этотъ пятналъ не однихъ виновныхъ, но и членовъ ихъ семьи, ихъ рода и даже ближайшихъ ихъ потомковъ. Понятно, что съ

опозоренною такимъ образомъ женою тяжело было продолжать брачный союзъ невиновному мужу. Но не меньшимъ позоромъ карало тогдашнее общественное мнѣніе и лицъ, уличенныхъ въ кражѣ; отсюда народное правосудіе естественно могло прійти къ выводу, что не одно чужеложство, но и воровство, а можетъ быть и вообще всякое позорящее преступленіе могло служить для невиновнаго супруга законнымъ поводомъ требовать расторженія брака съ лицомъ, опозорившимъ себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. [1]) Вѣроятно, этимъ лишь можно объяснить, почему въ практикѣ козацкихъ судовъ были возможны дѣла и рѣшенія въ родѣ слѣдующаго.

Въ 1665 году въ Бориспольскомъ сотенномъ и вмѣстѣ ратушномъ судѣ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію мѣстной обывательницы, жены козака Лукьяна Лихолапа, въ кражѣ „куры“ у нѣкоей Носачихи. Обвиняемая хотя запиралась, но не могла оправдаться въ приписываемомъ ей проступкѣ, и судъ готовъ уже былъ признать ее виновной. Но потерпѣвшая Носачиха заявила суду, что она „не настоюетъ“ на осужденіи Лихолапихи. Судьи, согласно обычаю, спросили мнѣніе „мыра“, т. е. присутствовавшихъ на судѣ козаковъ и мѣщанъ, но „мыръ весь едностайне крыкнувъ:“

— Колы той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?

Суду послѣ этого ничего не оставалось, какъ составить декретъ, по которому Лихолапиху „даровано жадною карностю“, т. е. она освобождена была отъ всякаго наказанія. Тѣмъ не менѣе судьи обратились къ присутствовавшему здѣсь же ея мужу Лукьяну съ вопросомъ: „Чы прыймешъ еѣ собѣ за жону, якъ булы-сте впередъ?“

Лукьянъ такъ „отповедилъ:“

— Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, колы вона съ тыхъ злыхъ речий (обвиненія) выводу собѣ не дастъ

---

[1]) Ниже, въ очеркѣ № 18, мы встрѣтимъ случай, что судъ угрожалъ зятю расторженіемъ его брака единственно за непочтительное обращеніе его съ тестемъ.

(т. е. не оправдается); а ежели бъ дала выводъ, що вона не есть тому причынцею, можна бъ тому ричъ. А теперъ еѣ цураюся и не хочу за жону мѣти, болше неславы не хочу на собѣ носыты; а дѣти моѣ при мнѣ нехай зостаютъ.

Судьи, „выслухавшы мовы Лукьяновои: „ижъ я цураюся еѣ", казали оное дѣло признати и писару записати," т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женою-воровкою на выраженныхъ имъ условіяхъ. Сверхъ того Лукьянъ просилъ дать ему „писание, щобъ онъ напотомъ не мѣлъ жаднои домовки" (попрека) по поводу того, что его жена прокралась. Судъ удовлетворилъ и эту просьбу и выдалъ ему письменное удостовѣреніе такого содержанія: „якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона, якъ зацнымъ предъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ".

Этотъ декретъ былъ скрѣпленъ подписями не только членовъ суда: войта, бурмистровъ и нарочито „зосланныхъ на тую справу отъ пана полковника" лицъ, но и нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ на судѣ „на той справѣ зацными и вѣры годными людьми".

---

15. Двумужница.

До сихъ поръ мы видѣли, что козацкіе суды, отчасти основываясь на своеобразномъ пониманіи извѣстнаго параграфа Магдебургскаго права, свободно расторгали браки по причинамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ каноническими предписаніями. Уже по одному этому можно судить, что принципъ неразрывности брачнаго союза въ убѣжденіяхъ людей той эпохи далеко не имѣлъ того абсолютнаго характера, какой ему придается церковными канонами; оттого и тогдашнія духовныя власти не протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая во всѣхъ христіанскихъ обществахъ относилась всецѣло къ духовной юрисдикціи. Но жизнь народная шла дальше въ

этомъ направленіи, освящая обычаемъ еще болѣе рѣзкія отклоненія отъ церковныхъ правилъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ Малороссіи, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ, брачныя отношенія все еще регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько народными обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ эпохъ.

Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей церковнаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII ст. въ правобережной Малороссіи и въ Бѣлоруссіи существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земяне, продолжаетъ руководиться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачущихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при свидѣтеляхъ, и оформленъ законнымъ документомъ, а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ въ формѣ „весилья", которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ сверхъ того освящаемъ и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права.

Точно такъ же и разводы сплошь и рядомъ совершались безъ участія духовной власти; для этого требовалось лишь, чтобы супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдали другъ другу такъ называемые тогда „роспустные листы“ и затѣмъ лично заявили ихъ передъ судомъ—духовнымъ или свѣтскимъ, послѣ чего обѣ стороны могли вступить въ бракъ съ другими лицами. Несогласная жизнь супруговъ считалась достаточнымъ поводомъ для расторженія брака по взаимному соглашенію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ обвинялся въ прелюбодѣяніи и виновность его была доказана, судъ (не только духовный, но и свѣтскій) постановлялъ декретъ о расторженіи брака по требованію стороны невиновной. [1])

Все это можетъ быть подтверждено многочисленными и неопровержимыми свидѣтельствами въ видѣ предбрачныхъ контрактовъ, разводныхъ листовъ и другихъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края отъ XVI по XVIII ст. Въ лѣвобережной Малороссіи такія книги почти всѣ погибли или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не разысканы; тѣмъ не менѣе имѣются пока многочисленныя указанія, что и здѣсь брачный союзъ регулировался тѣми же воззрѣніями обычнаго народнаго права и при его заключеніи и расторженіи практиковались тѣ же порядки и формы, что и въ правобережной Малороссіи. Такія указанія встрѣчаются и въ тѣхъ судебныхъ актахъ, которые послужили матеріаломъ для нашихъ очерковъ. Вотъ наиболѣе опредѣлительное изъ нихъ.

Въ 1683 году въ Кишиньскомъ сотенномъ судѣ возникло дѣло по жалобѣ мѣстной козачки вдовы Ганны Петращихи на свою „пасербицю“ (падчерицу) Гальку „о заданью соби отъ неи непочтывыхъ дѣлъ и нецнотлывого имени“, т. е. о безчестьи.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ—см. изслѣдованія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова изъ области семейнаго права по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ, а равно и наши статьи объ этомъ предметѣ въ «Русской Старинѣ» 1880 г., № 10, и въ «Кіевской Старинѣ» 1900 г. № 1.

Разслѣдованіемъ подтвердилось, что въ какой-то „бесиди," „при учтывыхъ жонахъ, Галька мачуху свою тымы словами публиковала: „тебе, мовытъ, отець мій въ Зинькови у стовпа (позорнаго) взявъ, ты-сь, мовытъ, курва". По обычному порядку дѣло поступило для рѣшенія въ полтавскій полковый судъ, который предложилъ жалобщицѣ предварительно доставить отъ Зиньковскаго сотеннаго уряда свидѣтельство „о житю еи въ Зинькови и о поступкахъ еи жъ билоголовскыхъ, коли оную небожчыкъ Петрашко соби за малжонку бравъ". Въ назначенный срокъ обѣ стороны предстали предъ судомъ, причемъ Ганна Петращиха вручила предсѣдателю суда, полковнику Павлу Герцыку слѣдующій „лыстъ" отъ Зиньковскаго уряда:

„Мосци пане полковныку полтавскій, велце намъ мылостывій пане и добродію! Въ заводи (тяжбѣ) Петращыхы, Кишиньськои жытелькы, зъ еи пасербыцею Галкою, которая публикуетъ еи, Петращыху, ніякымысь нестатечными ричамы, якобы вона овде (когда-то) въ насъ, въ Зинькови, мила за проступокъ якыйсь въ стовпа сыдиты и якобы съ того вязеня небожчыкъ Петрашко оную взявъ въ станъ малженскій, такъ до вашмосци пана пышемъ, що Галка Петрашкивна мачуси своій Петращыси жаднымъ (никакимъ) доводомъ слушнымъ реченого сромотного заданя довесты не можетъ, бо то не тилко намъ, урядови, свидомо о еи Петращышыныхъ статечныхъ поступкахъ, але и иншіи старынныи люде, видаючи о еи зъ першымъ мужемъ статечномъ мешканю, такого еи ексцессу не прызнаютъ, яко жъ и панъ Мыкыта Безпалый, атаманъ нашъ городовый, старостою пидъ часъ ихъ акту весильного будучи, мовытъ, що тіеи публи́ки на Петращыху не було. О тимъ вашмости, добродіеви нашому, вырысавшы, остаемъ на завше покорныи слугы: Ѳома Григоріевычъ, сотныкъ Зиньковскій, Мыкыта Безпалый, атаманъ городовый, Иванъ Матвіевычъ, войтъ зъ майстратомъ".

Этимъ документомъ окончательно опровергались клеветническія сплетни, выдуманныя Галькою относительно мачехи. Но для большаго посрамленія строптивой и дерзкой „пасербицы", судъ призналъ „за ричъ слушную" собрать такія же справки о

ней самой, объ ея „житю и билоголовскихъ поступкахъ". Съ такимъ запросомъ полковникъ обратился къ полтавскому протопопу Лукѣ Симеоновичу, который не замедлилъ прислать слѣдующій отвѣтъ:

„Мосципане полковныку, добродѣю мой! Совѣсти, на исповѣди открываемой священикови, не достоитъ откривати; а що ся дѣетъ всѣмъ явного о чиихъ нецнотахъ, тое оповѣдѣти не возбранно. Галка Петрашкивна, мѣючи живого мужа, зъ другимъ нецнотливымъ понялася и безъ благословенія моего и безъ вѣдомости парахиялного своего священика взяла шлюбъ. Дармо ся доброю менуетъ и нецноты свои приверненемъ славы покрыты усылуетъ, выводячись зъ якыхсь обмовокъ. Правда то, що корову въ неи отъ парахиялного превзвитера взято, проте и еще не вольна есть жити зъ сымъ мужемъ, але розлученію подлежитъ, кгды жъ (такъ какъ), мѣючи живого мужа, зъ симъ прелюбы творытъ, а не по закону Божію живетъ. А еще и не бравши зъ симъ вторимъ мужемъ шлюбу, пріобрѣла дѣтище, за що и я взялемъ корову. Неналежная рѣч, абы она зъ симъ прелюбодѣемъ жила: конечне ихъ розлучити треба; тилко одъ того ся завше криетъ, до сего часу не трафилося ен зыськати. Тое милости твоей ознаймивши, зостаю милости твоей всѣхъ добръ желатель и богомолецъ Лука Симеоновычъ, протопопа полтавский".

Итакъ, мы узнаѐмъ, что Галька Петрашковна, не обращаясь къ духовному суду, развелась съ первымъ мужемъ и вступила въ новый бракъ съ другимъ лицомъ, при чемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ бракъ вѣнчаннымъ, или дѣло обошлось однимъ „весильемъ". Съ точки зрѣнія обычнаго права, Галька не совершила нарушенія закона, а потому и сама она искренно считала себя „доброю", т. е. честною „мужнею жоною", и общество признавало законность ея второго брака. Будь иначе, ея открытое сожительство съ мужемъ явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ любодѣяніемъ; а въ тѣ времена въ Малороссіи не только явные, но и тайные прелюбодѣи подвергались немилосердному преслѣдованію: всякій, кто хотѣлъ (а въ охотникахъ не было

недостатка), имѣлъ право подстеречь ихъ „на зломъ учынку", подвергнуть позорному клеймленію (урѣзать полы и связанными представить на урядъ), а судъ всегда подвергалъ ихъ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ и позорнымъ наказаніямъ, а нерѣдко приговаривалъ и къ смертной казни. Но оказываеття, что приходскіе священники и протопопы, стоя на почвѣ каноническихъ предписаній, нерѣдко заявляли свой протестъ противъ народныхъ обычаевъ въ области брачнаго права. Справедливость требуетъ замѣтить, что такіе протесты не всегда исходили изъ чистыхъ побужденій, т. е. изъ пастырской заботливости о народной нравственности и исполненіи церковныхъ законовъ. Еще въ XVI ст. южнорусскіе архіереи многократно громили подвластныхъ имъ протопоповъ и священниковъ за узурпацію единственно принадлежащаго епископу права совершать разводы, разрѣшать недозволенные канонами браки, судить прелюбодѣевъ и другихъ нарушителей церковныхъ законовъ и т. п.; а эта узурпація обусловливалась не столько іерейскимъ властолюбіемъ, сколько корыстью: вѣдь тогдашній судъ какъ свѣтскій, такъ и духовный, доставлялъ судьямъ значительный доходъ въ видѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, или „винъ". Эта приманка могла сама по себѣ служить поводомъ духовенству для вмѣшательства въ область народныхъ обычаевъ, касающихся брачнаго права. Такъ было и въ данномъ случаѣ: за самовольный разводъ и вторичный бракъ приходскій священникъ отбираетъ у Гальки корову; въ то же время полтавскій протопопъ привлекаетъ Гальку къ своему суду за то, что она немного поторопилась стать матерью, и въ качествѣ судебной „вины" тоже беретъ у нея корову. Простодушная Галька и ея мужъ навѣрное полагаютъ, что двумя коровами они въ достаточной мѣрѣ расквитались за неумышленное нарушеніе невѣдомыхъ имъ каноновъ, и надѣются, что теперь уже оставятъ ихъ въ покоѣ,—не тутъ то было: протопопъ попрежнему считаетъ Гальку двумужницей и требуетъ, чтобы она насильственно была разлучена отъ совмѣстной жизни съ „прелюбодѣемъ", т. е. вторымъ мужемъ.

Впрочемъ, полковый судъ не выразилъ, что онъ придаетъ какое-либо значеніе этому требованію. Протопопское письмо ему понадобилось только лишь для посрамленія дерзкой падчерицы, которая, сама имѣя не совсѣмъ безупречное прошлое, осмѣлилась безчестить мачеху, ложно обвинивъ ее „въ непочтивыхъ рѣчахъ". Въ своемъ декретѣ судъ призналъ Ганну Петращиху „за невинную и доброе имя и почтивие, статечные поступки маючую", въ удостовѣреніе чего и въ огражденіе на будущее время ея неопороченной чести велѣлъ выдать ей посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета; а Галька была признана виновной въ клеветѣ, и ей велѣно было публично признать, что она ложно „задавала мачусѣ своей ганьбы и непочтивости", и „ревоковать", т. е. взять назадъ свои „кламливыи речи". И когда Галька исполнила все это, Ганна Петращиха, согласно обычаю, „Галку, яко клеветницу свою власную, по щокахъ килька разовъ вдарила". Откуда явился въ Малороссіи этотъ жестокій обычай—не умѣемъ сказать: ни въ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ о немъ нѣтъ и помину; но обычай этотъ неизмѣнно практиковался лишь въ дѣлахъ объ оклеветаніи женщинъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда невинно оклеветаннымъ оказывался мужчина, дѣло оканчивалось одной „ревокаціей", безъ пощечинъ.

---

16. Вотчимъ и падчерица.

Передъ нами только что прошли мачеха съ падчерицей. Взаимныя отношенія между ними, какъ и слѣдовало ожидать, крайне враждебны. Конечно, степень обостренности этихъ отношеній—явленіе случайное; но, вообще говоря, мирныя, а тѣмъ болѣе любовныя отношенія мачехи къ неродным дѣтямъ—феноменъ столь же рѣдкій, какъ и смоквы, выросшія на ивѣ, или изюмъ на липѣ, о которыхъ иносказательно говоритъ Даніилъ Заточникъ. Отчего мачеха не можетъ стать (иногда при всемъ желаніи) доброю матерью для пріемныхъ дѣтей—это вопросъ изъ области біологіи или психологіи, но никакъ не исторіи. Наша

наука можетъ лишь констатировать, что несимпатичный типъ мачехи въ своихъ существенныхъ чертахъ остается неизмѣннымъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ. Вліяніе расы, религіи, даже культуры не имѣетъ здѣсь почти никакого значенія, ибо опытъ свидѣтельствуетъ, что и образованныя женщины часто бываютъ безсильны до конца побороть въ себѣ низменное чувство инстинктивной непріязни къ пасынкамъ и падчерицамъ.

Къ чести представителей „грубаго пола" надо отнести, что они мало или вовсе не подтвержены этой странной идіосинкразіи. Въ то время, какъ въ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, „злая мачеха" только и дѣлаетъ, что злобно преслѣдуетъ и даже изводитъ со свѣта несчастную падчерицу, вотчимъ неизмѣнно рисуется, какъ добродушный и справедливый человѣкъ, съ одинаковою заботливостью относящійся къ роднымъ и нероднымъ дѣтямъ. И въ современномъ быту, не только среди культурныхъ классовъ, но и среди простонародья, какъ часто можно встрѣтить вотчимовъ, питающихъ настоящую отцовскую привязанность къ пріемнымъ дѣтямъ и пользующихся съ ихъ стороны тою же любовью! Это—важное преимущество мужчины, свидѣтельствующее о превосходствѣ его ума, чувства справедливости и человѣчности.

Такимъ прекраснымъ вотчимомъ былъ и Решетиловскій козакъ Пасько Палёнка. По смерти жены осталась на его попеченіи „пасербиця" (падчерица) Ивга; [1]) онъ ее выростилъ, какъ родную дочь, и выдалъ замужъ за какого-то Грыцька Семченка. Зять оказался пьяницей, „ледащомъ", часто колотилъ жену, поэтому она скоро бросила его и стала жить у вотчима. Какъ ни старался Грыцько вернуть Ивгу, однако не могъ этого добиться, потому что старый Палёнка не позволялъ взять ее силой и какъ родную дочь защищалъ отъ насилій пьяницы мужа. Это приводило въ бѣшенство Грыцька, и онъ при содѣйствіи своего зятя, такого же пьяницы, Паська Гончаренка, сталъ распускать слухи,

---

[1]) Т. е. Евгенія. Въ подлинномъ актѣ это имя, согласно тогдашнему произношенію, пишется *Югга*.

будто бы Палёнка потому удерживаетъ у себя его жену, что живетъ съ нею „вшетечно“. Не удовольствуясь этимъ, пріятели искали случая причинить Палёнкѣ еще бóльшія непріятности. Однажды они застали его въ корчмѣ въ состояніи полнаго опьяненія. Гончаренко привязался къ нему и въ присутствіи нарочно приглашенныхъ пріятелей и родственниковъ сталъ попрекать его, будто онъ состоитъ въ преступной связи съ падчерицей. Пьяный Палёнка бормоталъ что-то невнятное. Тогда Гончаренко крикнулъ присутствующимъ:

— Будьте, панове, свидкамы: Паліонка самъ вызнаетъ на себе, що чужоложытъ зъ Ювгою, и просытъ мене, абы-мъ я того не розголошавъ. Ахъ ты жъ, нецното!“ и съ этими словами Гончаренко нанесъ пьяному старику нѣсколько пощечинъ.

Палёнка, конечно, пожаловался за эти побои и безчестье. Гончаренко оправдывался, что онъ „поличковалъ“ (билъ по щекамъ) Палёнку, какъ явнаго прелюбодѣя, открыто признавшагося въ гнусномъ преступленіи, и ссылался на свидѣтелей, которые утверждали, будто слышали изъ устъ самого Палёнки это признаніе; но решетиловскій сотенный судъ не принялъ во вниманіе этихъ оправданій и приговорилъ Гончаренка къ тюремному заключенію и крупному денежному штрафу. Тогда Гончаренко и его пріятели употребили другое средство: по ихъ наущенію, пьяный Грыцько подкараулилъ какъ-то свою жену, силою увелъ въ домъ своего родственника, подвергъ ее жестокимъ истязаніямъ, пекъ раскаленнымъ желѣзомъ и даже угрожалъ убить ее, требуя, чтобы она, для „вызволенья“ изъ тюрьмы его зятя, въ присутствіи все тѣхъ же припасенныхъ впередъ свидѣтелей, призналась, будто „чужоложила“ съ отчимомъ. Опасаясь за свою жизнь, истерзанная Ивга была вынуждена сдѣлать на себя этотъ поклепъ. Послѣ этого ее сейчасъ же повлекли къ сотнику, передъ которымъ она, уличаемая мужемъ и его свидѣтелями, должна была повторить тотъ же поклепъ. Въ виду такого якобы добровольнаго сознанія, сотникъ приказалъ арестовать Ивгу и ея вотчима и отправить ихъ, какъ тяжкихъ преступниковъ, въ полковый судъ.

Въ началѣ августа 1694 года происходилъ разборъ этого дѣла. Пасько Палёнка горько жаловался, что Гончаренко и его свидѣтели ложно „наводятъ на него“ тяжкое преступленіе, и просилъ у судей «въ такій невинности своій святои справедливости». Первой была допрошена Ивга; она «плачливе» такъ говорила:

— Мылостывыи мои панове! Пасько Гончаренко отчыма мого побывъ, за якее безчестя отчымъ мій до суду тамошнёго грешетыливскою ёго, Гончаренка, бувъ позвавъ и копъ симъ грошей на оного наложывъ, которого Гончаренка тамошній урядъ и до вязеня давъ. А въ тій ихъ контроверсіи мужъ мій Грыцько, прыйшовшы на господу отчыма мого, бывъ мене тыранско, вы говорyючы тое: «ты, прави, жывешъ, нецното, зъ отчымомъ своимъ, пополняючы зъ нымъ чужоловство»; а потимъ, узявшы мене за шыю намиткою, повивъ до дядька свого Киндрата, де и тамъ бывъ мене нагайкою, а потимъ, росклавшы вогонь и роспалывшы желизо, пикъ мене, одъ чого и теперъ, якъ бачыте, на тили моимъ шванкы (поврежденія), и мордовавъ, такъ выговорyючы: «Твій, нецното, отчымъ для того тебе до себе взявъ, щобъ зъ тобою такый грихъ пополнявъ, якъ Пасько Гончаренко, зять мій, на отчыма твого свидчыть и бывъ ёго по щокахъ за тое, а отчымъ твій ще ёго, Паська, и просывъ, мовячы: „будь ласкавъ, що було, то було, а нехай тилко тое Господь Богъ видаетъ, а ты того не розшыряй, змылуйся“! А колы зять мій тое не хотивъ утаиты, винъ зятя мого теперъ и самого у биду управывъ. А теперъ, щобъ ёго зъ тіеи биды якъ вызволыты, говоры на отчыма свого, будто винъ съ тобою вшетечне жыветъ“. Прото я, терпячы такую биду отъ мужа мого, що и сокырою ще хотивъ мени шыю утяты, колы бъ того не казала, мусила-мъ тое говорыты, будто отъ Святои недили[1]) жыву зъ отчымомъ моимъ вшетечне. Тое я и говорыла, и такъ воны, по моимъ невыннимъ ся прызнатю, принеслы тое и до суду и сюда въ полтавскее вязеня управылы мене зъ отчымомъ моимъ. А ухoвай Боже, панове, нехай мене Господь Богъ скараетъ на души и

---

[1]) Такъ называется недѣля Пятидесятницы, или Троицкая.

на тили,—не чыныла я зъ отчымомъ моимъ того богомерзкого гриха и не видаю. И за тее мужъ мій мене мордовавъ и зъ направы власного зятя Гончаренка пикъ вогнемъ: „бо твій, прави, отчымъ зятя мого, що ёго ударывъ по щокахъ, зъ остатнои сорочкы вывертытъ, колы ты на ёго не скажешъ, щобъ винъ зъ тобою мешкавъ, якъ изъ своею жоною". Але нехай на мене явныи доводы въ тимъ злимъ учынку, въ якимъ зъ давныхъ моихъ литъ не чуюся, покажетъ, и вси, хто тамъ на той часъ бувъ пры моимъ мордерстви (мученіи), якый доводъ слушный дадутъ".

Свидѣтели Гончаренка единогласно показали:

— Мылостывыи панове райцы! Любо (хотя) пры тому мордерстви еи не булы-сьмо, а однакъ, поневажъ Гончаренко, прыятель нашъ же, завидъ маючы зъ Палёнкою, посылавъ насъ пытаты Ювгы, чы вона зъ нымъ мила сполкованця (связь); аже вона и передъ намы—правди, вже бытая—прызналась, що тое було межъ нымы; та и давно тая поголоска походыла, що воны жывутъ зъ собою."

Спрошенъ былъ въ качествѣ свидѣтеля и „господарь (мужъ) Ювжынъ", давшій такое показаніе:

— На тестя мого, панове, за тое жалую и въ подойзреню жону мою маю, що вона, зо мною не жывучы, мешкала зъ нымъ, отчымомъ своимъ, вкупи, въ едній господи. Та и зять мій Гончаренко на ёго тое вызнаетъ и людей пидводытъ, що зъ устъ еи чувъ, якъ вона и передъ судомъ прызналася въ Решетыловци, що зъ отчымомъ своимъ жыла власне, якъ бы въ своимъ мужомъ".

Наконецъ очередь дошла до Паська Гончаренка, игравшаго въ этомъ процессѣ двойную роль—обвиняемаго и вмѣстѣ обвинителя. Съ видимымъ одушевленіемъ и злобой онъ сказалъ:

— Панове уряде! Черезъ цилый рикъ уже тое слынуло, що якобы Палiонка, взявшы до себе Ювгу, жону шурына мого, изъ нею чужеложывъ; тилько жъ не смилы-сьмо въ тимъ за ёго взятысь. А теперъ, колы люде, пры нашимъ заводу, сталы шемраты о тимъ, та и сама Ювга передъ урядомъ прызналась, на

що есть у мене свидкы, якіи зъ устъ еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немае, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною прызнався бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованя, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, сватъ мій, хоче теперъ мене въ бидv прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ устъ ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе прызнавъ той учынокъ,—того жъ и теперъ не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому естъ дійця. Пoты моеи повисты".

Судъ призналъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палёнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы воны милы тое прысягою довесты", а мнимое сознаніе Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за сровгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность". Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдывіи свидкы, що воны, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невынность злослыве зложылы и зъ своими прыятелями на оного у суду того доводылы", судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку" полскомъ, на лысту 17 опысаного", постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палёнка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся", послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправдывымы, маютъ вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты," т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Палёнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винѣ подлеглыми зо-

ставши и карность належную понесши, яко правние виклады (судебные расходы) сторони поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панскои и врядовои."

---

17. Тесть и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Тесля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ" Леськомъ Матіенкомъ, по прозвищу Винограднымъ (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Өедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого серця, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечиръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывшы. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывосты, нехай той трупъ сына мого ведле звычаю хрыстіянского похованъ будеть, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платыты, которыхъ довгивъ всихъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ".

Судьи спросили Леська Винограднаго: „Для якои бы то прычыны Хведора, сына Панасового а зятя свого, гакъ ганебне вдарывшы, о смерть прыправывъ?"

Лесько съ понякшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлую, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына: вильно вамъ, панове, зо мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее серце забойство справыло, чого не можу оджаловаты."

що есть у мене свидкы, якіи зъ устъ еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немае, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною прызнався бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованця, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, сватъ мій, хоче теперъ мене въ бидv прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ устъ ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе прызнавъ той учынокъ,— того жъ и теперъ не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому естъ дійця. Поты моеи повисты".

Судъ признавъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Паленку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы воны милы тое прысагою довесты", а мнимое сознаніе Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за срокгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность". Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдывіи свидкы, що воны, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невынность злослыве зложылы и зъ своими прыятелями на оного у суду того доводылы", судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку" полскомъ, на лысту 17 опысаного", постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Паленка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся", послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „меменыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправдывымы, маютъ вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты," т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Паленкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винѣ подлеглыми зо-

ставши и карность належную понесши, яко правние виклады (судебные расходы) стороны поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панскои и врядовои."

17. Тесть и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Тесля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ" Леськомъ Матіенкомъ, по прозвищу Виноградным (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого серця, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечиръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывшы. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывосты, нехай той трупъ сына мого ведле звычаю хрыстіянского поховань будеть, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платыты, которыхъ довгивъ всихъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ".

Судьи спросили Леська Виноградного: „Для якои бы то прычыны Хведора, сына Панасового а зятя свого, такъ ганебне вдарывшы, о смерть прыправывъ?"

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлую, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына; вильно вамъ, панове, зо мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее серце забойство справыло, чого не можу оджаловаты."

Судьи осмотрѣли трупъ убитаго, видѣли рану на головѣ и стали „радитись“, какой карѣ подвергнуть убійцу. Посмотрѣли въ Статутѣ—тамъ (разд. 12, арт. 1 и 2) сказано: если шляхтичъ убьетъ человѣка „простого стану“, то платитъ лишь головщину; если же и убійца окажется „человѣкомъ простого стану,“ то подлежитъ смертной казни и уплатѣ головщины изъ его имущества. Посмотрѣли еще „въ Саксонъ правъ Майдебурскихъ“—тамъ категорически сказано (въ 38 артык.): „мужебойца маетъ быти стятъ“. Примѣнительно къ этимъ статьямъ закона, судьи постановили приговоръ: „Поневажъ то Лесько давъ мисце неужытому серцю своему и прыятеля (родственника) свого о смерть прыправывъ, маетъ буты, ведле права, горломъ каранъ, а головщына зъ маетности его рухомои ведле стану ёго заплачена буты маетъ“. Но тутъ „наступылы прозьбы людскіи“ о помилованіи невольнаго убійцы, и судъ немедленно измѣнилъ декретъ: „даровавшы ёго смертельною карностью, наказуемъ, абы Лесько той трупъ зятный ведле звычаивъ хрыстіянскыхъ поховавъ, зъ нанятымы сорокоустамы, во всемъ слушне, якъ того звычай вказуетъ, пры заплаченю поголовщыны, тутъ же и вины панскои и врядовои.“

Лесько съ одинаковымъ равнодушіемъ выслушалъ тотъ и другой декретъ; онъ долго стоялъ въ раздумьи, чѣмъ-то озабоченный, наконецъ сказалъ:

— А що жъ, панове, не мію чымъ того платыты, ажъ хиба грунтыкы кому спродамъ, котріе маю: хуторець подъ городомъ изъ виноградомъ и особлыве лисокъ за Ворскломъ, надъ Коломакомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ председателю суда, полковнику Ѳедору Жученку:

— Добродію мій, зарятуй мя гришмы, а я тоби за тыи гроши вичысте (навѣки) пущаю той мій хуторець зъ виноградомъ.

Полковникъ согласился на эту сдѣлку, и здѣсь же, въ судебномъ присутствіи, былъ составленъ формальный „реестръ“ съ точнымъ обозначеніемъ, что именно будетъ имъ уплачено за Леська въ качествѣ цѣны за „хуторець виноградный“: отцу протопопу за похоронъ и за сорокоустъ полковникъ „поступилъ

коня доброго", цѣною въ сорокъ золотыхъ „и на заплаченя долговъ небожчиковскихъ далъ готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чеховъ," что же касалось уплаты „головщины" и „вины врядовои", то полковникъ заявилъ, что онъ „въ томъ датку за Леська не заступуетъ". Головщина за человѣка „простого стану", по Статуту, равнялась 25-ти копамъ литовскимъ; во что цѣнилась „вина врядовая"— неизвѣстно; но очевидно, обѣ эти уплаты превышали стоимость принадлежавшаго обвиняемому „лѣска надъ Коломакомъ", почему полковникъ и отказался отъ его пріобрѣтенія.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

Въ столицахъ манифестъ 19 февраля 1861 г. былъ объявленъ 5; въ Черниговѣ—9 марта [1]).

16 марта состоялось первое засѣданіе Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Губернскому Присутствію принадлежалъ высшій надзоръ и руководство всѣми крестьянскими учрежденіями въ губерніи.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ губернаторъ, а членами—губернскій предводитель дворянства, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, приглашенныхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволенія, и два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства [2]). Для обсужденія частныхъ мѣстныхъ вопросовъ Губернскому Присутствію предоставлялось право приглашать, для совѣщаній и нужныхъ объясненій, опытныхъ

---

[1]) *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ, 5 изд. стр. 74.

[2]) Положеніе о губ. и уѣзд. по крестьянск. дѣламъ учрежденіяхъ. Ст. 123.

помѣщиковъ [1]). Для дѣлопроизводства при Губернскомъ Присутствіи полагался секретарь.

Дѣла, подлежавшія вѣдѣнію Губернскаго Присутствія, распадались на три категоріи: 1) жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ; 2) добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, если эти соглашенія влекли за собой уменьшеніе крестьянскаго надѣла; 3) распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣднія были перечислены довольно подробно и заключали въ себѣ: установленіе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ исполненіе Положенія; составленіе смѣтъ на содержаніе Губернскаго Присутствія и землемѣровъ; утвержденіе проэктовъ раздѣленія уѣздовъ на волости; разграниченіе мѣстностей въ отношеніи размѣровъ крестьянскаго надѣла; возвышеніе или пониженіе повинностей крестьянъ противъ установленныхъ размѣровъ; разсмотрѣніе и утвержденіе тѣхъ уставныхъ грамотъ, которые подлежали, на основаніи Положенія, окончательному утвержденію Присутствія; составленіе урочнаго положенія и установленіе сроковъ начала лѣтнихъ и зимнихъ работъ; опредѣленіе размѣровъ пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать дворовымъ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, въ случаѣ увольненія ихъ до истеченія срока обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; опредѣленіе въ степныхъ мѣстностяхъ размѣровъ солончаковъ, входящихъ въ крестьянскіе надѣлы; опредѣленіе условій пользованія рыбными ловлями крестьянъ; разрѣшеніе представленій мировыхъ посредниковъ о причисленіи къ господскимъ землямъ лѣсныхъ покосовъ при разверстаніи угодій; разрѣшеніе окончательнаго присоединенія отведенной въ пользованіе крестьянъ земли къ угодьямъ, остающимся навсегда въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика; разсмотрѣніе представленій мировыхъ посредниковъ объ увольненіи дворовыхъ людей изъ обязательственныхъ къ помѣщику отношеній, въ случаѣ злоупотребленія помѣщиковъ своею властью; утвержденіе мір-

---

[1]) Тамъ же, ст. 124.

скихъ приговоровъ объ удаленіи крестьянъ изъ общества; дѣла мировыхъ съѣздовъ, по которымъ не состоялось, при рѣшеніи ихъ, большинства; дѣла объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ и объ обмѣнѣ угодій, если въ мировомъ съѣздѣ не состоялось по этому поводу единогласнаго рѣшенія; наконецъ, разныя другія дѣла, которыя могли возникнуть при приведеніи Положенія въ исполненіе и которыя были поименованы въ правилахъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости [1]).

Компетенція Губернскаго Присутствія была, такимъ образомъ, очень широка.

На основаніи журналовъ за 1861 годъ мы постараемся охарактеризовать дѣятельность Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія въ первое время послѣ объявленія манифеста 19 февраля 1861 г. [2])

I.

Мы уже говорили, что Черниговское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе открыло свои засѣданія 16 марта 1861 г. Съ той поры по 30 декабря того же года оно имѣло 77 засѣданій, чуть ли не по два въ недѣлю. Одно это уже показываетъ, какую лихорадочную дѣятельность проявило Присутствіе на первыхъ порахъ, не говоря уже о массѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ имъ за это время, массѣ вопросовъ, поднятыхъ и разъясненныхъ.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ начальникъ губерніи князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ, на долго оставившій по себѣ

---

[1]) Тамъ же. Ст. 126—129.

[2]) Полные экземпляры журналовъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія достать теперь очень трудно, несмотря на то, что они разсылались всѣмъ предводителямъ дворянства, въ мировые съѣзды и мировымъ посредникамъ. Ихъ не хранили. Мы пользовались однимъ изъ такихъ полныхъ экземпляровъ, сохраненнымъ для потомства А. М. Лазаревскимъ въ своей библіотекѣ.

добрую память среди черниговцевъ. Членами по должности—губернскій предводитель дворянства Николай Петровичъ Бороздна, а въ его отсутствіе черниговскій уѣздный предводитель дворянства Иванъ Николаевичъ Дурново, теперешній (1901 г.) предсѣдатель комитета министровъ; управляющій палатой государственныхъ имуществъ—Павелъ Логгиновичъ Левдикъ, а въ его отсутствіе совѣтникъ хозяйственнаго отдѣленія Яковъ Павловичъ Филоновичъ; губернскій прокуроръ—Александръ Семеновичъ Соколовъ. Членами, съ высочайшаго соизволенія, были назначены Григорій Павловичъ Галаганъ [1]) и Иванъ Григорьевичъ Есимонтовскій; а по выбору предводителей дворянства—Петръ Алексѣевичъ Васильчиковъ [2]) и Андрей Ивановичъ Лизогубъ. Секретаремъ Присутствія былъ чиновникъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ Владиміръ Денисьевичъ Заика, умершій впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ засѣданіяхъ Присутствія изрѣдка принималъ участіе вице-губернаторъ Платонъ Александровичъ Шатохинъ, а также приглашались нѣсколько разъ помѣщики разныхъ уѣздовъ. Такъ напр., въ засѣданіи 11 мая принимали участіе помѣщики: городницкаго уѣзда В. Д. Дунинъ-Борковскій и нѣжинскаго Н. Н. Волжинъ, очевидно, съ совѣщательнымъ только голосомъ, такъ какъ въ засѣданіи 13 мая они также присутствовали, но не подписали читаннаго тогда журнала предшествовавшаго засѣданія. Въ засѣданіи 17 мая принимали участіе Н. Н. Волжинъ и отъ новгородсѣверскаго уѣзда кн. А. В. Голицынъ; въ засѣданіи 22 мая—

1) Въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи Присутствія 31 марта.

2) Въ засѣданіи Присутствія 31 марта предсѣдателемъ доложена была телеграмма министра внутр. дѣлъ Ланского такого содержанія: «Вмѣсто Подвысоцкаго считать членомъ Васильчикова. Подробности почтою». Объясненія этой телеграммы нѣтъ въ журналахъ Присутствія. П. А. Васильчиковъ въ первый разъ прибылъ въ засѣданіе Присутствія 17 мая.

черниговскій уѣздный предводитель дворянства И. Н. Дурново и суражскій кн. А. Г. Баратовъ, а также мировой посредникъ бобровицкаго участка черниговскаго уѣзда Н. И. Савинъ и т. д. Словомъ изъ 77 засѣданій въ 38, т. е. въ половинѣ, принимали участіе приглашенные для совѣщанія помѣщики отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ засѣданіе 19 іюля 1861 года былъ приглашенъ высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Вопросъ шелъ тогда о содѣйствіи духовенства въ дѣлѣ разъясненія истиннаго смысла Положенія крестьянамъ, а также объ установленіи перечня праздниковъ, въ которые крестьяне не могли быть принуждаемы къ работамъ.

Всѣ постоянные члены Присутствія несли свои обязанности, повидимому, очень добросовѣстно. На сколько можно судить по подписямъ подъ журналами, члены исправно посѣщали засѣданія, принимали въ нихъ дѣятельное участіе, беря на себя разработку того или другаго вопроса. Наиболѣе активную роль въ дѣлѣ разработки отдѣльныхъ, возникавшихъ въ дѣятельности Губернскаго Присутствія, вопросовъ играли П. А. Васильчиковъ и Г. П. Галаганъ, представлявшіе такіе обстоятельные и мотивированные доклады, что Присутствіе обыкновенно соглашалось съ ними единогласно. Многіе изъ вопросовъ были разработаны А. И. Лизогубомъ, И. Г. Есимонтовскимъ, наконецъ, самимъ предсѣдателемъ Присутствія кн. С. П. Голицынымъ, считавшимъ крестьянское дѣло „святымъ“ и отдававшимъ ему, вообще много силъ. Губернскій прокуроръ А. С. Соколовъ давалъ обыкновенно заключенія по вопросамъ объ удаленіи отдѣльныхъ крестьянъ изъ общества, о проступкахъ крестьянъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія и т. п.

II.

Въ первомъ засѣданіи Присутствія былъ поднятъ вопросъ объ образованіи мировыхъ учрежденій, а также сельскихъ и волостныхъ обществъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ въ пер-

вую очередь. Такъ гласилъ и высочайшій указъ правительствующему сенату 19 февраля 1861 года. Въ то же время начальникъ губерніи обязанъ былъ приступить къ избранію мировыхъ посредниковъ и объ избранныхъ имъ лицахъ донести правительствующему сенату [1]).

На мировые участки распредѣлялись всѣ имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами. Волости не должны были дробиться между мировыми участками. Число участковъ и селенія, входившія въ ихъ составъ, опредѣлялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и представлялись затѣмъ на утвержденіе начальника губерніи [2]).

Въ каждомъ участкѣ полагался одинъ мировой посредникъ [3]).

Въ мировые посредники назначались потомственные дворяне, владѣвшіе не менѣе 500 десятинъ земли, или имѣвшіе не менѣе 150 десятинъ, но зато окончившіе курсъ наукъ въ учебномъ заведеніи, дающемъ право на чинъ XII класса, или располагавшіе правомъ голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ былъ такой. Уѣздный предводитель дворянства составлялъ первоначально списки дворянъ, которые могли быть назначены въ посредники; списки эти провѣрялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и въ такомъ видѣ представлялись начальнику губерніи, который изъ нихъ дѣлалъ уже выборъ кандидатовъ въ мировые посредники. Кандидаты представлялись правительствующему сенату и утверждались въ должности его указами [4]).

Губернское Присутствіе предложило уѣзднымъ предводителямъ дворянства немедленно же приступить къ распредѣленію уѣздовъ на мировые участки, а также къ составленію списковъ

---

[1]) Жур. Присут. 16 марта 1861 г.

[2]) Положеніе о губерн. и уѣздн. по крестьян. дѣламъ учрежд. ст. 2—4.

[3]) Тамъ же ст. 5.

[4]) Тамъ же ст. 6—20.

лицъ, имѣющихъ право на назначеніе мировыми посредниками. Уѣзднымъ предводителямъ дворянства предлагалось кромѣ того образовать особыя уѣздныя коммиссіи для составленія проэктовъ распредѣленія селеній на волости.

Крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, если ихъ было болѣе 20 ревизскихъ душъ, а если меньше, то нѣсколькихъ владѣльцевъ, живущихъ въ одномъ селѣ или не на далекомъ одинъ отъ другого разстояніи, должны были составить изъ себя сельское общество. Смежныя сельскія общества одного уѣзда соединялись въ волости. Наименьшее число жителей въ волости полагалось 300, наибольшее около 2000 душъ. Разстояніе отдаленнѣйшихъ селеній отъ центра волостного управленія должно быть не болѣе 12 верстъ. При образованіи волостей сельскія общества не раздроблялись. Общимъ правиломъ ставилось, чтобы волость совпадала съ приходомъ, а гдѣ приходы маленькіе, ихъ соединяли по нѣсколько во одну волость [1]).

Въ первую же очередь было поставлено составленіе смѣты расходовъ по содержанію Губернскаго Присутствія и по найму частныхъ землемѣровъ, а также опредѣленіе размѣра денежнаго пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, если они увольняли ихъ до истеченія двухлѣтняло срока обязательныхъ отношеній. Разработку перваго вопроса принялъ на себя А. И. Лизогубъ, доказавшій вмѣстѣ съ Н. П. Бороздной, что настоятельной потребности въ частныхъ землемѣрахъ пока нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и надобности составлять смѣту расходовъ по ихъ содержанію [2]). Разработка второго вопроса была поручена И. Г. Есимонтовскому, на основаніи заключеній котораго, было признано справедливымъ давать вознагражденіе неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, увольняемымъ до срока. Размѣръ этого вознагражденія опредѣлили такъ. Помѣщикъ обязанъ

---

[1]) Общее положѐніе ст. 40—45.

[2]) Журналы 16, 20 и 27 марта.

былъ давать увольняемому крестьянину стоимость продовольствія и одежды за все, оставшееся до истеченія двухлѣтняго срока, время [1]).

III.

Въ засѣданіяхъ 27 и 31 марта наиболѣе безотлагательными обязанностями Губернскаго Присутствія были признаны: составленія образца уставной грамоты, составленіе урочнаго положенія, оцѣнка рабочихъ дней, оцѣнка усадьбъ въ разныхъ мѣстностяхъ; установленіе харчевого и кормового вознагражденія крестьянамъ при посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути. Послѣднее было опредѣлено по одной копѣйкѣ серебромъ на каждую версту и подводу [2]).

Надѣленіе крестьянъ землею, а также повинности, которыя слѣдовали съ крестьянъ за это въ пользу помѣщика, опредѣлялись добровольнымъ между крдстьянами и помѣщикомъ соглашеніемъ. Для опредѣленія постоянныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами были введены уставныя грамоты. Онѣ составлялись самимъ помѣщикомъ по опредѣленному образцу, измѣненія въ которомъ предоставлялось дѣлать Губернскимъ Притутствіямъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Сдѣлать такія измѣненія взялись А. И. Лизогубъ и Г. П. Галаганъ и въ слѣдующее уже засѣданіе 11—12 апрѣля представили выработанные ими образцы уставныхъ грамотъ какъ для мѣстностей, въ которыхъ вводилось малороссійское положеніе, такъ и для тѣхъ мѣстностей, на которые распространялось положеніе великороссійское.

Къ вопросу о выработкѣ формы уставныхъ грамотъ Присутствіе отнеслось въ высшей степени осторожно и возвращалось къ нему нѣсколько разъ, въ цѣломъ рядѣ засѣданій.

---

[1]) Журналы 16, 20 и 27 марта.

[2]) Журн. 31 марта.

Въ засѣданіи 11—12 апрѣля проэктъ формы былъ только прочитанъ, 13 апрѣля Присутствіе сдѣлало въ немъ нѣсколько дополненій и поправокъ, существеннѣйшею изъ которыхъ было обозначеніе общаго количества земли подъ рубрикой разныхъ угодій, въ виду того, что, при отсутствіи межевыхъ данныхъ, трудно опредѣлить количество пахатной земли отдѣльно отъ луговой и сѣнокосной. Были разсмотрѣны также проэкты подворной описи и разныхъ приложеній къ уставной грамотѣ. Все это постановлено было отпечатать и, въ корректурномъ видѣ, разослать членамъ, снова затѣмъ пересмотрѣть тщательно и тогда уже утвердить окончательно. Проэкты уставныхъ грамотъ разсматривались, такимъ образомъ, снова въ засѣданіи 11 мая и, наконецъ, утверждены окончательно 13 мая, причемъ раньше печатанія поручено было предсѣдателю еще разъ просмотрѣть и свѣрить ихъ. На каждой грамотѣ постановлено былъ напечатанъ губернскій гербъ. Бланки уставныхъ грамотъ продавались въ уѣздныхъ казначействахъ. Помѣщикъ Кочубей сдѣлалъ уступку на 800 стопахъ бумаги для напечатанія ихъ, по 25 коп. на стопѣ, „во вниманіе къ предмету, на который предназначается эта бумага". Такъ доложилъ объ этомъ князь Голицынъ Присутствію.

Для составленія уставныхъ грамотъ Г. П. Галаганъ написалъ особую инструкцію. Она разсматривалась въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, прежде чѣмъ была утверждена. Въ то же время по распоряженію предсѣдателя Присутствія, были собраны всѣ узаконенія и распоряженія, которыя могли бы служить къ руководству мировымъ посредникамъ. Повѣрялъ и окончательно редактировалъ ихъ А. С. Соколовъ [1]).

Дѣятельность Присутствія носила, такимъ образомъ, энергичный характеръ. Важность дѣла, атмосфера времени, которая окружала первыхъ дѣятелей, давала имъ бодрость, силу, энергію...

---

[1]) Журн. Присут. 11 мая.

Кромѣ уставныхъ грамотъ, регулировавшихъ земельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Губернское Присутствіе, какъ было замѣчено выше, поставило на первую очередь и составленіе *урочнаго положенія*. Оно должно было регулировать издѣльную повинность (барщину).

Урочное положеніе опредѣляло количество работы, которую втеченіе дня должны были, въ счетъ повинности, исполнять работникъ или работница [1]). Подъ урочныя могли быть, понятное дѣло, подведены только такія работы, которыя можно было учесть относительно времени и труда (молотьба, косьба, вывозка навоза и т. п.). Учетъ ихъ предполагалъ знакомство съ мѣстными условіями, такъ какъ величина и характеръ подобныхъ работъ естественно разнились по мѣстностямъ. Понятно, почему Губернское Присутствіе не сейчасъ же рѣшило этотъ вопросъ, а запросило сначала у уѣздныхъ предводителей дворянства необходимыя свѣдѣнія [2]). Въ связи съ урочнымъ положеніемъ стояла и оцѣнка рабочихъ дней. Присутствіе постановлено включить эту оцѣнку въ урочное положеніе.

За справками къ уѣзднымъ предводителямъ рѣшено обратиться и по вопросу объ оцѣнкѣ въ торговыхъ мѣстечкахъ и селахъ усадебъ по 102—240 рублей за десятину.

IV.

Приведеніе въ исполненіе Положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. вызывало на практикѣ много, конечно, вопросовъ, разрѣшить которыя мѣстныя власти были не въ состояніи. Они обращались къ Губернскому Присутствію за разъясненіями, иногда же съ различнаго рода ходатайствами.

6 апрѣля 1861 г. нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства обратился въ Присутствіе съ представленіемъ, въ кото-

---

[1]) Малорос. Полож. ст. 212. Великор. Полож. ст. 214.

[2]) Журналы 27 и 31 марта.

ромъ изложилъ ходатайство нѣжинскаго уѣзднаго дворянскаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ, въ томъ числѣ объ отмѣнѣ и измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положеній, а также о введеніи круговой поруки для крестьянъ. Первое ходатайство Присутствіе безусловно отклонило. Въ его компетенцію не входили подобнаго рода ходатайства. Что касается введенія круговой поруки, то Губернское Присутствіе такъ мотивировало свой отказъ поддержать нѣжинское дворянское собраніе. Круговая порука примѣняется при общинномъ пользованіи землею, между тѣмъ какъ въ Малороссіи способъ пользованія подворный. „Губернское Присутствіе никакъ не можетъ дозволить себѣ подобнаго домогательства, ведущаго къ измѣненію цѣлой системы поземельнаго устройства крестьянъ, принятой закономъ въ основаніе столько же по мѣстнымъ условіямъ поземельнаго надѣла крестьянъ, сколько по тому, что всякая другая система отвѣтственности за повинность не могла бы быть введена во всей Малороссіи иначе, какъ мѣрами насильственными“ [1]).

Тотъ же нѣжинскій предводитель дворянства спрашивалъ разъясненія по цѣлому ряду статей Положеній. Соображенія по поводу ихъ высказалъ Г. П. Галаганъ, и Присутствіе съ нимъ согласилось.

Для характеристики дѣятельности Губернскаго Присутствія по толкованію Положеній, мы остановимся подробнѣе на вопросахъ нѣжинскаго уѣзднаго предводителя дворянства; приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній и Г. П. Галагана.

Нѣжинскій предводитель спрашивалъ: какъ понимать 6-й пунктъ манифеста 19 февраля, въ которомъ сказано, что до утвержденія уставныхъ грамотъ крестьяне и дворовые люди должны находиться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять свои обязанности? Что значитъ выраженіе „прежнія ихъ обязанности“? Разумѣется ли здѣсь всякая работа въ пользу помѣщика или работа только по хозяйству? По 10 ревизіи большая часть дворовыхъ людей въ нѣжинскомъ

---

[1]) Журналы 11 и 12 апрѣля.

уѣздѣ записана въ крестьяне, а между тѣмъ они живутъ во дворахъ владѣльцевъ и пользуются содержаніемъ отъ нихъ. Должны ли они, при такихъ условіяхъ, исполнять всякую работу или же работать мущины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю; несовершеннолѣтнія же и вовсе освобождаться отъ работы?

На этотъ вопросъ Губернское Присутствіе, со словъ Г. П. Галагана, отвѣтило такъ. Въ 6 пунктѣ манифеста подъ прежними обязанностями крестьянъ, въ строгомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется отбываніе повинностей работою или деньгами въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Такою повинностью крестьяне отличаются отъ дворовыхъ, находящихся въ личномъ услуженіи у помѣщиковъ. Что касается крестьянъ, занимающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ хозяйственныя должности, то на это есть прямыя указанія въ 231 ст. малоросс. положенія. Если бы они не захотѣли дольше нести свои обязанности, то увольняться отъ крестьянской обязанности вообще не могутъ до утвержденія уставныхъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ все должно быть предоставлено добровольному соглашенію, которое, конечно, вполнѣ возможно тамъ, гдѣ крестьяне будутъ видѣть, что „ихъ существованіе обезпечено справедливымъ съ ними обращеніемъ и хорошимъ содержаніемъ“. Что касается несовершеннолѣтнихъ, то они зависятъ только отъ власти ихъ родителей: законъ не наложилъ на нихъ какихъ-нибудь обязанностей, даровавъ имъ полную свободу. Насильственное удержаніе круглыхъ сиротъ на прежнихъ мѣстахъ никакими узаконеніями не допускается.

Второй вопросъ предводителя касался 20 статьи малороссійскаго положенія: должны ли быть включены въ надѣлъ болота, которыя косятся только въ сухое время? Если должны, то въ какой пропорціи относительно сѣнокосовъ? Если помѣщикъ позволитъ косить крестьянамъ болота, прилегающія къ его усадьбѣ, то должны ли они войти въ составъ крестьянскаго надѣла? Затѣмъ предводитель спрашивалъ разъясненія 23 ст.: должны ли болота и лѣсныя заросли войти въ составъ крестьянскихъ усадьбъ, въ случаѣ когда они прилегаютъ къ усадь-

бамъ и т. д. Такихъ вопросовъ предводитель дворянства задалъ Губернскому Присутствію 8. Всѣ они даютъ намъ понятіе о томъ, какъ много недоразумѣній вызывало Положеніе 19 февраля при его практическомъ примѣненіи.

Вопросы, съ которыми отдѣльныя лица и учрежденія обращались къ Присутствію, можно бы увеличить до значительной степени.

11 іюля, напримѣръ, мировой посредникъ черниговскаго участка возбудилъ слѣдующія семь вопросовъ, интересныхъ въ томъ отношеніи, что они вытекали прямо изъ практики мировыхъ посредниковъ.

1) Какія мѣры слѣдуетъ принимать ко взысканію оброка съ дворовыхъ людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ и уклоняющихся отъ платежа оброка, принятаго ими по добровольному соглашенію съ помѣщиками, и въ правѣ ли мировой посредникъ отдавать такихъ неплательщиковъ въ заработки?—Въ правѣ—отвѣтило на это Присутствіе, на основаніи 11 ст. Полож. объ устройствѣ дворовыхъ людей.

2) Можно ли обязать крестьянъ, вмѣсто отработки пропущенныхъ жнивныхъ и сѣнокосныхъ барщинныхъ дней, уплачивать помѣщику деньгами по цѣнѣ, за какую помѣщики нанимаютъ работниковъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Присутствіе указало на 91 ст. Полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., гдѣ перечислены всѣ мѣры, которыя посредникъ можетъ употреблять при взысканіи съ крестьянъ недоимокъ. Взысканіе платы за прогульныя дни можетъ имѣть мѣсто, до введенія уставныхъ грамотъ, только по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами.

3) Какая повинность должна слѣдовать помѣщику, когда въ семействѣ, пользующемся усадебнымъ и полевымъ надѣломъ, нѣтъ ни мущинъ моложе 55 и старше 18 лѣтъ, ни женщинъ моложе 50 и старше 17 л.?—Основываясь на циркулярѣ М—ва Вн. Д., Присутствіе разъяснило, что основаніемъ барщины служитъ не извѣстнаго размѣра земельный участокъ, а лицо из-

вѣстнаго возраста; разъ въ семействѣ такихъ лицъ нѣтъ, съ него нельзя требовать и барщины.

4) Слѣдуетъ ли крестьянъ, не имѣющихъ ни усадебнаго, ни полеваго надѣла, обязать работами въ пользу помѣщика и какой мѣрѣ?—На этотъ вопросъ Присутствіе отвѣтило отрицательно: нельзя привлекать къ работѣ въ пользу помѣщика тѣхъ крестьянъ, которые ничѣмъ отъ него не пользуются.

Пятый вопросъ касался праздничныхъ дней, количество которыхъ и было установлено въ засѣданіи Присутствія 19 іюля.

Шестой вопросъ затрогивалъ натуральную повинность: слѣдуетъ ли подъ словомъ *натуральныя повинности,* отъ которыхъ на основаніи пун. 1, ст. 124 Общ. Полож. освобождаются должностныя лица, разумѣть и издѣльную повинность въ пользу помѣщика? Вопросъ этотъ, какъ заявилъ предсѣдатель, возбуждался во многихъ мѣстахъ, какъ онъ могъ въ этомъ убѣдиться изъ разъѣздовъ по губерніи. Присутствіе рѣшило его такимъ образомъ. Подъ *натуральными* повинностями разумѣются повинности казенныя: подводная, постойная и др.; повинности же въ пользу помѣщика называются *издѣльными.* Отъ первыхъ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія освобождаются на время ихъ службы, отъ вторыхъ нѣтъ; но за это имъ назначено особое жалованье.

Свой отвѣтъ на шестой вопросъ Присутствіе рѣшило разослать циркулярно всѣмъ посредникамъ.

На седьмой вопросъ, могутъ ли быть въ настоящее время опредѣлены урочныя работы, хотя бы на одну только обработку и уборку полей и сѣнокосовъ,—Присутствіе отвѣтило отрицательно: урочное положеніе не можетъ быть введено раньше окончательнаго утвержденія уставныхъ грамотъ [1]...

---

[1]) Журналъ 19 іюля.

V.

Если Положеніе 19 февраля вызывало столько вопросовъ и недоумѣній у лицъ, призванныхъ къ исполненію его, лицъ интеллигентныхъ, то что же говорить про крестьянъ? Для нихъ оно было малопонятной, а то и совсѣмъ непонятной книгой. Объ истинномъ смыслѣ Положенія крестьяне и знали часто только по наслышкѣ: „Не легко было даже грамотнымъ людямъ усвоить себѣ содержаніе этого довольно большого тома, состоящаго изъ 15 отдѣльныхъ законоположеній, написанныхъ нашимъ обычнымъ „казеннымъ" языкомъ, не отличающимся ни большою точностью, ни полною вразумительностью"— говоритъ Г. А. Джаншіевъ [1]). Въ черниговской губерніи, какъ и вообще въ Малороссіи языкъ Положенія былъ еще менѣе понятенъ. Народъ, говорившій на своемъ родномъ, малорусскомъ языкѣ, не въ силахъ ужъ совсѣмъ былъ разобраться въ „казенномъ" текстѣ Положенія. Существовала попытка издать Положеніе 19 февраля 1861 года на малорусскомъ языкѣ, въ переводѣ, кажется, Кулиша; начали было уже и печатать его, но затѣмъ почему то пріостановились [2]). Вопросъ о переводѣ малороссійскяго положенія на мѣстное нарѣчіе поднимался и въ Черниговскомъ Губернскомъ Присутствіи, но послѣднему это „не представилось удобнымъ" [3]) а между тѣмъ, думается намъ, если бы политика здѣсь уступила мѣсто практическому здравому смыслу, Положеніе 19 февраля было бы сдѣлано гораздо доступнѣй для пониманія грамотныхъ крестьянъ, быть можетъ нѣкоторыя случаи недоразумѣній съ крестьянами, совсѣмъ не имѣли бы мѣста или получили болѣе мягкій характеръ, чѣмъ это было впослѣдствіи.

---

1) Г. А. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ 5-е изд. стр. 76.

2) Корректурные листы Положенія на малорусскомъ языкѣ мы видѣли въ б—кѣ А. М. Лазаревскаго

3) Журн. Присут. 11 и 12 апрѣля.

Къ сожалѣнію, о крестьянскихъ волненіяхъ, о недоразумѣніяхъ съ мировыми посредниками, о мѣрахъ, которыя принимались для подавленія возстаній или устраненія недоразумѣній мы мало узнаемъ изъ журналовъ Губернскаго Присутствія, а если и узнаемъ, то только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ началѣ апрѣля 1861 г.—не прошло еще, значитъ, и мѣсяца со дня объявленія манифеста 19 февраля въ Черниговѣ—помѣщикъ Кобеляцкій представилъ съѣзду дворянъ черниговскаго уѣзда особую записку о тревожномъ и затруднительномъ положеніи помѣщиковъ. Съѣздъ нашелъ эту записку „совершенно соотвѣтственною съ обстоятельствами нынѣшняго времени и нуждами помѣщиковъ“ [1]) и рѣшилъ представить ее въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, „какъ выраженіе нуждъ и ходатайства дворянства всего уѣзда“ [2]). Текстъ записки, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ. Она содержала въ себѣ 9 пунктовъ „по весьма важнымъ и обширнымъ вопросамъ“ [3]).

Составленіе отвѣтовъ на записку Кобеляцкаго приняли на себя предсѣдатель Присутствія кн. С. П. Голицынъ и А. И. Лизогубъ.

Въ журналѣ 30 мая 1861 г. помѣщена выписка, заключающая въ себѣ краткое содержаніе этихъ отвѣтовъ. Въ цѣломъ она довольно отчетливо рисуетъ намъ настроеніе дворянства того времени, вытекавшее изъ опасенія съ одной стороны крестьянскихъ волненій, съ другой—хозяйственныхъ затрудненій, которыя должны были наступить съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Губернское Присутствіе, оказалось, само уже предусмотрѣло многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждены были въ запискѣ, и приняло соотвѣтствующія распоряженія. „Исправникамъ было поручено, передавъ часть своихъ занятій непремѣннымъ членамъ земскихъ судовъ, за-

1) Журн. 11 мая.
2) Журн. 30 мая.
3) Журн. 11 мая.

няться, при содѣйствіи становыхъ приставовъ, посѣщеніемъ помѣщичьихъ селеній, для разъясненія крестьянамъ точнаго смысла Положеній и внушенія имъ должнаго повиновенія владѣльцамъ и исправнаго выполненія прежнихъ работъ, съ тѣми только облегченіями, которыя указаны правилами о приведеніи въ дѣйствіе Положеній". Сдѣлано было также распоряженіе о немедленномъ открытіи сельскихъ обществъ [1]), разъяснено значеніе названія хозяйство и др. вопросы.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля губернаторъ объѣхалъ семь уѣздовъ: сосницкій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинской, суражскій, новозыбковскій и городницкій и вынесъ изъ поѣздки самое благопріятное впечатлѣніе. Всѣ распоряженія Губернскаго Присутствія приводятся въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ; „открытіе волостныхъ учрежденій имѣетъ весьма хорошее вліяніе на крестьянъ. Они, видимо, сочувствуютъ этому третьему шагу на пути преобразованія; для нихъ становится ясно, что дѣло идетъ впередъ". Мировые посредники, видимо, пріобрѣтаютъ довѣріе крестьянъ. Въ должностныя лица по крестьянскому самоуправленію выбраны лица толковыя, смѣтливыя, состоятельныя. Они охотно берутся за исполненіе своихъ обязанностей. „Мнѣ кажется, говорилъ кн. С. П. Голицынъ въ засѣданіи Присутствія 19 іюля 1861 г.,—что крестьяне вообще, убѣждаясь мало-по-малу въ дѣйствительности пріобрѣтаемыхъ ими правъ, становятся нынѣ осмотрительнѣе и ведутъ себя, какъ люди, у которыхъ уже есть что хранить, а не такъ, какъ вели себя вначалѣ, когда продолжали думать, что терять имъ нечего".

Предстояла трудная работа—составленіе и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ. Для болѣе успѣшнаго и спокой-

---

[1]) Въ Журналѣ 13 апрѣля, содержащемъ въ себѣ постановленіе о скорѣйшемъ открытіи сельскихъ обществъ, указано, между прочимъ, что «скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ».

наго совершенія этого дѣла князь С. П. Голицынъ считалъ необходимымъ немедленно же приступить къ откровенному и точному разъясненію крестьянамъ важности для нихъ уставной грамоты. „Необходимо всячески стараться пріохотить крестьянъ къ составленію этого акта—добавлялъ кн. Голицынъ. Это разъясненіе—дѣло не вполнѣ легкое, потому что во многихъ мѣстахъ крестьяне, къ сожалѣнію, держатся двухъ мнѣній, а именно: 1) что они обязаны работать, по прежнему, два года; по истеченіи же этихъ двухъ лѣтъ имѣютъ получить земли въ безвозмездное пользованіе, и 2) что всякая бумага, которую они подпишутъ теперь же, будетъ ничѣмъ другимъ, какъ актомъ новаго добровольнаго закрѣпощенія. Нѣтъ сомнѣнія, что, для довершенія прочнаго устройства крестьянскаго быта, необходимо прежде всего ясно доказать нелѣпость этихъ двухъ ложныхъ понятій“ [1])...

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили по разнымъ случаямъ. Иногда, дѣйствительно, крестьяне добивались невозможнаго, но иногда и помѣщики позволяли себѣ несправедливые поступки относительно крестьянъ и самое небольшое проявленіе съ ихъ стороны протеста раздували до понятія крестьянскаго бунта. Столкновеній между помѣщиками и крестьянами, само собой разумѣется, болѣе всего было при составленіи уставныхъ грамотъ, гдѣ затрогивались существеннѣйшіе матеріальные интересы обѣихъ сторонъ.

Въ маѣ и іюнѣ происходили крестьянскія волненія въ д. Селищѣ суражскаго уѣзда, и мировой посредникъ ляличскаго участка Н. Г. Есимонтовскій просилъ у Присутствія разрѣшенія созвать въ д. Селищѣ мировой съѣздъ „какъ для водворенія порядка и повиновенія между крестьянами, такъ и для удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ относительно надѣла землею“ [2]).

---

1) Журн. 19 іюля.

2) Журн. 19 іюля.

Въ имѣніи помѣщика Подольскаго при деревняхъ Антоновичахъ и Тарасевичевыхъ Величкахъ черниговскаго уѣзда встрѣтилось затрудненіе въ видѣ существованія тамъ людей, по X ревизіи записанныхъ въ разрядъ дворовыхъ, а на самомъ дѣлѣ пользовавшихся поземельнымъ надѣломъ. Мировой посредникъ жукотскаго участка спросилъ Губернское Присутствіе, какъ отбывать имъ барщину? Присутствіе признало ихъ крестьянами; слѣдовательно, и барщина должна была отбываться въ размѣрѣ, установленныхъ для крестьянъ [1]). Тѣмъ не менѣе г. Подольскій очевидно, недовольный дѣйствіями мирового посредника, обратился съ письмомъ къ предводителю дворянства, а послѣдній передалъ это письмо въ Губерн. Присутствіе. Къ сожалѣнію, ни этого письма, ни заключенія по нему А. И. Лизогуба въ журналахъ Присутствія нѣтъ. Мы знаемъ только, что на соображенія А. И. Лизогуба были нѣкоторыя возраженія, и затѣмъ Присутствіе постановило: „независимо отъ административныхъ мѣръ, которыя предсѣдатель приметъ по поводу сего, по званію начальника губерніи, спросить у мирового посредника жукотскаго участка, какого рода волненія между крестьянами деревень Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ, принадлежащихъ г. Подольскому, могли произойти вслѣдствіе объявленія имъ постановленія черниговскаго Губернскаго Присутствія, какой характеръ имѣли эти волненія“. Г. Подольскій изображалъ дѣло такимъ образомъ, что постановленіе Присутствія вовсе не относилось къ условіямъ жизни крестьянъ въ его имѣніи [2]). Мировой посредникъ будто бы представилъ эти условія не такими, какими они существовали на самомъ дѣлѣ, и вызвалъ, такимъ образомъ, смуту.

Оказалось наоборотъ. Помѣщикъ Подольскій все выставилъ въ ложномъ свѣтѣ, и Губернское Присутствіе опредѣлило: „считать дѣло по письму г. П. неподлежащимъ дальнѣйшему движенію“.

Въ своемъ объясненіи мировой посредникъ писалъ, что люди г. Подольскаго, записанные по сказкамъ X ревизіи дворовыми,

---

[1]) Журн. 30 мая.

[2]) Журн. 9 іюня.

но живущіе домохозяевами и пользующіеся полевымъ надѣломъ наравнѣ съ крестьянами, 29 мая явились къ нему со старостою, прося разъяснить имъ, какую они должны отбывать барщину? По этому поводу посредникъ обращался къ Губернскому Присутствію и получилъ оттуда извѣстное уже намъ разъясненіе. Онъ сообщилъ копію отношенія Присутствія г. Подольскому; крестьянамъ же не сообщалъ ее, а просто велѣлъ старостамъ д. Антоновичъ наряжать такихъ людей на барщину, подобно крестьянамъ. „Волненій между крестьянами деревенъ Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ—прибавляетъ мировой посредникъ, никакихъ не происходило и не происходитъ, и въ настоящее время они отбываютъ барщину подобно крестьянамъ. Что же касается до того, что г. Подольскій упомянулъ въ письмѣ своемъ о волненіи, то, какъ онъ самъ говоритъ, онъ этимъ хотѣлъ выразить недоразумѣніе, происшедшее между крестьянами относительно отбыванія барщины, т. е. должны ли они отбывать барщину какъ дворовые или какъ крестьяне, такъ какъ г. Подольскій полагалъ, что они должны отбывать ее какъ дворовые“ [1]).

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили и въ конотопскомъ уѣздѣ. Помѣщики, судя по отзыву мирового посредника конотопскаго участка Л. А. Астафьева, требовали отъ крестьянъ ежедневной работы; а когда крестьяне отказывались исполнять ее, ссылаясь на Положеніе, то землевладѣльцы грозили имъ, что когда настанетъ жатва, они отдадутъ снимать хлѣбъ на своихъ поляхъ съ копны постороннимъ людямъ, а имъ зажинать не позволятъ или допустятъ заработывать съ копны только въ теченіи трехъ дней въ недѣлю [2]). Въ м. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда были случаи уклоненія отъ отбыванія женской работы. Сходясь постоянно на работахъ съ крестьянками с. Смолянки, хотя одного владѣнія, но разныхъ мировыхъ участковъ, крестьянки м. Олишевки слышали отъ нихъ, будто мировой посредникъ говорилъ, что сколько бы

---

[1]) Журн. 9 іюля.

[2]) Журн. № 26, 22 іюля.

семействъ ни жито въ одной избѣ вмѣстѣ, со всѣхъ ихъ слѣдуетъ только 2 дня барщины въ недѣлю. По справкамъ оказалось, что мировой посредникъ верkіевскаго участка поступаетъ такъ, какъ говорили крестьянки с. Смолянки, т. е. требуетъ двухдневной женской барщины съ двора или хозяйства. Это вполнѣ совпадало съ разъясненіями понятія двора или хозяйства, сдѣланными Губернскимъ Присутствіемъ [1]).

Временно-обязанные крестьяне села Зметнева сосницкаго уѣзда отказались отъ надѣла и не желали обсѣменять его, ссылаясь на то, что земли, которыми они надѣлены, неудобны и имъ съ нихъ крайне тягостно и убыточно уплачивать казенныя повинности и отбывать повинности въ пользу владѣльца. Земли оставались невспаханными и необсѣмененными. Губернское Присутствіе поручило мировому посреднику провѣрить уставную грамоту. Результаты этой провѣрки намъ неизвѣстны [2]).

Въ суражскомъ уѣздѣ происходили волненія среди крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ генералъ-маіора Искрицкаго Членъ Присутствія И. Г. Есимонтовскій взялся лично на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Объясненія его были не въ пользу крестьянъ. Изъ другихъ мѣстностей губерніи шли также свѣдѣнія о томъ, что „крестьяне оказываютъ явное противодѣйствіе введенію уставныхъ грамотъ, отказываются, безъ всякой законной причины, отъ подписи акта при повѣркѣ уставной грамоты; въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже самые призванные для того добросовѣстные не соглашаются свидѣтельствовать этотъ актъ“. Губернское Присутствіе въ засѣданіи своемъ 16 ноября приняло цѣлый рядъ мѣръ противъ подобныхъ отказовъ. Мировой посредникъ, въ случаѣ отказа крестьянъ подписать уставную грамоту долженъ былъ составлять объ этомъ актъ и затѣмъ, пользуясь подписью добросовѣстныхъ, приступать къ введенію грамоты, не обращая внима-

---

[1]) Журн. № 29, 1 августа.

[2]) Журн. № 49, 9 октября 1861 г.

нія на сопротивленіе крестьянъ; если откажутся подписать уставную грамоту добросовѣстные, привлекать ихъ къ суду, какъ лицъ должностныхъ, уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ буйствъ, насилій мировой посредникъ долженъ былъ обращаться къ содѣйствію земской полиціи и дѣйствовать въ этомъ отношеніи на основаніи особыхъ циркуляровъ министерства [1]).

Дѣло генералъ-маіора Искрицкаго, вызвавшее всѣ эти постановленія, представилось совсѣмъ въ иномъ видѣ, когда за него взялся Г. П. Галаганъ. Дѣло это на столько характерно для тогдашнихъ отношеній, что мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

8 октября 1861 г. мировой посредникъ буднянскаго участка суражскаго уѣзда получилъ отъ генералъ-маіора Искрицкаго уставныя грамоты. Для повѣрки ихъ было назначено 15 число, но повѣрка началась только 19 октября. Крестьяне отказались принять условія, изложенныя въ уставныхъ грамотахъ. Мировой посредникъ донесъ объ этомъ Губернскому Присутствію, которое, какъ было уже сказано выше, поручило члену своему И. Г. Есимонтовскому ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. 31 октября и 1 ноября происходила повѣрка и объясненіе уставныхъ грамотъ въ присутствіи г. Есимонтовскаго, исправника и становаго пристава.

Въ душатинское волостное правленіе созваны были уполномоченные отъ крестьянъ изъ деревень: Кашевки, Власовичъ, Василевки и Лубенекъ, при постороннихъ добросовѣстныхъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ м. Душатина, въ числѣ 4 человѣкъ. При повѣркѣ мірскихъ приговоровъ на избраніе уполномоченныхъ оказалось, что представленъ былъ только приговоръ по д. Василевкѣ; приговоры же по д. Кашевкѣ и Власовичамъ были украдены у сельскихъ старостъ. Земской полиціи было поручено произвести объ этомъ дознаніе; уполномоченные

[1]) Журн. № 63, 16 ноября.

же и безъ мірскихъ приговоровъ были признаны представителями соотвѣтствующихъ обществъ.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ крестьяне выразили свое несогласіе на оброкъ въ 8 рублей съ ревизской души, означенный въ уставныхъ грамотахъ, съ круговою отвѣтственностью всего общества, и выразили желаніе отбывать барщину, опредѣленную Положеніемъ, но приняли всѣ остальныя условія уставныхъ грамотъ. Составленный по этому поводу актъ уполномоченные, однако, отказались подписать. Уставныя грамоты были признаны провѣренными, но крестьяне все-таки просили позволенія поговорить кой-о-чемъ со своимъ помѣщикомъ. Результаты этихъ переговоровъ сказались на другой день. 1 ноября въ с. Иржачахъ, куда съѣхались всѣ лица, бывшія при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, мировому посреднику было подано прошеніе генералъ-маіора Искрицкаго и крестьянъ означенныхъ выше деревень. Крестьяне выражали желаніе, съ согласія помѣщика, перейти на оброкъ на условіяхъ, изложенныхъ въ уставныхъ грамотахъ, а также выкупить весь надѣлъ съ выдачей ссуды отъ правительства и съ отказомъ г. Искрицкаго отъ 20% всей суммы, слѣдовавшей ему по капитализаціи оброка.

Въ далисицкой волости крестьяне совсѣмъ не допустили до провѣрки уставныхъ грамотъ и оказали буйные поступки. Надъ ними было наряжено формальное слѣдствіе, результатовъ котораго нужно искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ журналахъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Разсматривая уставныя грамоты по душатинской волости, Г. П. Галаганъ въ своемъ докладѣ Губернскому Присутствію находилъ не все въ нихъ „совершенно законнымъ и правильнымъ“. Изъ уставныхъ грамотъ не было видно, напр., существовала ли у крестьянъ душатинской волости круговая порука при отбываніи какихъ-нибудь повинностей? Изъ актовъ составленныхъ мировымъ посредникомъ было видно, напротивъ, что „для крестьянъ это было совершенно новое условіе, на которое они, можетъ быть, потому именно и не согласились, незави-

симо отъ общихъ заблужденій крестьянъ по этому предмету". Кромѣ упоминаній о круговой порукѣ въ уставной грамотѣ было „еще одно условіе, предрѣшающее дѣло и тѣмъ еще болѣе стѣснительное для крестьянъ: въ немъ было выражено, что въ случаѣ крестьяне измѣнятъ обыденное пользованіе землею на наслѣдственное, то каждый дворъ съ двумя ревизскими душами долженъ получить 9 десятинъ земли и платить 16 рублей; круговая отвѣтственность всѣхъ крестьянъ при этомъ не отмѣняется. По силѣ 115 ст. Великорос. Положенія, сохраненіе круговой поруки послѣ отмѣны общественнаго пользованія должно зависѣть отъ обоюднаго условія, а слѣдовательно, никакъ не можетъ войти въ составъ уставной грамоты, написанной помѣщикомъ безъ участія крестьянъ. Если взять во вниманіе выраженное крестьянами противодѣйствіе именно въ отношеніи поступленія на оброкъ съ круговою за него отвѣтственностію, то нельзя не придти къ предположенію, что самое неправильно введенное въ уставную грамоту стѣснительное условіе, упущенное изъ виду мировымъ посредникомъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на дурное расположеніе крестьянъ къ новому для нихъ Положенію". Что касается заявленія крестьянъ относительно выкупа ими земель при ссудѣ правительства и скидкѣ съ выкупной суммы 20% со стороны помѣщика Искрицкаго, то заявленію этому, по мнѣнію Г. П. Галагана, нельзя было придавать значенія законнаго акта. Условія выкупа были слишкомъ тяжелы. Выкупная сумма составляла 60611 руб. 15 коп. Сверхъ этого до 1 января 1862 г. крестьяне обязывались продолжать издѣльную повинность; съ 1 января по 23 апрѣля они обязывались по расчету мѣсяцевъ и дней, уплатить оброкъ впередъ, а съ 23 апрѣля впредь до утвержденія ссуды Правительствомъ обязывались уплачивать оброкъ за 6 мѣсяцевъ впередъ, за круговою порукою всего общества. Заявленіе о выкупѣ надѣла было подписано г. Искрицкимъ и крестьянами, но нѣсколько только человѣкъ отъ каждаго сельскаго общества: изъ 214 крестьянъ д. Кашевки подписалось, напримѣръ, 14 душъ; столько же подписалось и изъ д. Власовичъ, гдѣ крестьянъ было 246 душъ

изъ 95 крестьянъ деревни Василевки на заявленіи подписалось 12 душъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ подписей стояло удостовѣреніе мирового посредника, что сдѣлка о выкупѣ дѣйствительно добровольна и что всѣ выставленные въ прошеніи (заявленіи) свѣдѣнія и расчеты согласны съ дѣйствительностью.

Разсмотрѣвъ докладъ Г. П. Галагана, Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ его соображеніями и утвердило всѣ его заключенія. Уставныя грамоты по имѣнію генералъ-маіора Искрицкаго были признаны дѣйствительными съ исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ условій, которыя могли быть допущены только при добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ [1]). Относительно выкупа надѣловъ необходимо было составить, по взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ, особый законный актъ, на основаніи 74—92 ст. Положенія о выкупѣ [2]).

Этимъ дѣло, повидимому, не кончилось. 7 декабря предсѣдатель сообщилъ Присутствію распоряженія, сдѣланныя имъ по поводу введенія уставныхъ грамотъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ суражскаго уѣзда, въ которыхъ крестьяне оказывали упорное сопротивленіе. При обсужденіи мѣръ, которыя могли бы быть полезными въ этомъ случаѣ, Н. П. Бороздна, П. А. Васильчиковъ, Г. П. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій внесли особое письменное заявленіе, которое было затѣмъ представлено въ

---

1) А) „Общинное пользованіе землею и круговое за повинность ручательство можетъ быть упомянуто (въ уставной грамотѣ), какъ существующее въ имѣніи, только въ томъ случаѣ, если оно, по надѣлу и повинности дѣйствительно представляетъ общинное пользованіе“; б) безполезно вводить въ уставную грамоту какія-либо предрѣшающія дѣло условія, какъ напр., о раздѣленіи земли на каждый дворъ съ двумя ревизскими душами по 9 десят. разныхъ угодій земли; в) условіе сохраненія круговаго ручательства всего общества послѣ раздѣленія земли на наслѣдственные участки, какъ могущее состояться только лишь въ силу обоюднаго согласія или сдѣлки, не должно быть вносимо въ уставную грамоту, составленную безъ участія крестьянъ. (Журн. 29 ноября, стр. 11).

2) Журн. № 66, 29 ноября 1861 г.

министерство [1]). Къ сожалѣнію, сообщеніе предсѣдателя и заявленіе указанныхъ членовъ Присутствія намъ остались неизвѣстными.

Интересъ суражскаго дѣла заключается въ томъ, что оно характеризуетъ серьезное отношеніе Губернскаго Присутствія къ крестьянскому вопросу. На первыхъ порахъ легко было обвинить однихъ только крестьянъ въ самоуправствѣ, въ беззаконныхъ требованіяхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, крестьяне не такъ уже были виноваты, отстаивая свои матеріальные выгоды и интересы. Можетъ быть, со временемъ безпристрастная исторія приведетъ намъ не одинъ еще случай крестьянскихъ волненій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи генералъ-майора Искрицкаго Мы увидимъ тогда, въ какое трудное положеніе были поставлены крестьяне въ 1861 году, не понимая истиннаго смысла Положенія, не имѣя людей, которые бы толково, не горячась, не начальствуя, разъяснили имъ его. Отстаивая свои интересы, путаясь на каждомъ шагу, не рѣшаясь предпринять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе изъ боязни потерять многое, крестьяне часто, можетъ быть, совершенно невольно доходили до грубыхъ поступковъ, до бунтовъ, для усмиренія которыхъ вызывались войска... Бунтами этими не занималось Губернское Присутствіе. Они, по существу, не были предметомъ его сужденій. Только изрѣдка, поэтому, упоминается о нихъ въ „журналахъ". Мы знаемъ, напр., что были какія то волненія въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи черниговскаго губернскаго предводителя дворянства Н. П. Бороздны [2]); былъ нарушенъ порядокъ въ имѣніяхъ помѣщика Стражкова и помѣщика Дунинъ-Борковскаго [3]) и т. п. Подробности этихъ волненій и нарушеній порядка намъ неизвѣстны. Въ имѣніи Н. П. Бороздны все кончилось благопо-

1) Журн. № 69, 7 декабря 1861 года.

2) Журн. № 39, 29 августа 1861 г.

3) Журн. № 63, 16 ноября.

лучно, добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщикомъ и крестьянами [1])...

Волненія между крестьянами, вызванныя непониманіемъ истиннаго смысла Положенія 19 февраля 1861 г., были явленіемъ повсемѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи. Это вынудило министерство внутреннихъ дѣлъ издать 2 декабря циркулярное предписаніе для объявленія его во всеобщее свѣдѣніе. „Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ, говорилось въ этомъ предписаніи, свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды. Они ожидаютъ, такъ называемой ими, *новой воли*, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получать, будто-бы, какія-то *новыя льготы*, въ Положеніяхъ 19 февраля не указанныя, и отъ пользованія которыми будто-бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его имп. величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на ихъ обязанностяхъ. Государь императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволилъ говорить крестьянамъ, что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положенія 19 февраля“ [2]).

Двухлѣтній срокъ, установленный Положеніемъ для окончанія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику, на практикѣ вызывалъ вообще много недоразумѣній не у однихъ только крестьянъ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, напр.,

---

[1]) Журн. № 39, 29 августа.

[2]) Журн. № 73, 15 декабря 1861 г.

черниговскаго уѣзда толковалъ его въ томъ смыслѣ, что онъ обязателенъ для крестьянъ: до истеченія его уставныя грамоты не могутъ быть введены. По этому поводу Губернское Присутствіе высказало такого рода сужденіе. „Ложное понятіе о значеніи этого срока могло возникнуть между крестьянами; по ихъ малограмотности, можно допустить, что они могли не понять, что этотъ срокъ поставленъ въ Положеніи какъ крайній предѣлъ для окончательнаго, посредствомъ уставныхъ грамотъ, опредѣленія отношеній между помѣщиками и крестьянами. Ошибочность въ этомъ случаѣ убѣжденія крестьянъ, породившая уже столько затрудненій, должна быть всѣми мѣрами исправлена и всѣ усилія должны клониться къ точному и вѣрному разъясненію вопроса. Противное не можетъ не быть признано вреднымъ, такъ какъ оно можетъ служить только къ большему еще укорененію въ умѣ крестьянъ ложнаго пониманія двухлѣтняго срока, даннаго на повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ" [1]).

Ник. Василенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Журн. № 69, декабря 7.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

(*Продолженіе*).

X.

Мынуло килька тамъ тыжднивъ, и зновъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ працюе, и зновъ ходе що-праздныка до божого храму, и зновъ, якъ побаче старця якого, то вже такъ не видпусте ёго одъ себе, а подасть ёму мылостыню та ще й скаже: „Прыймы, старче божый, подаяніе та помолысь за гришну душу Петра“... Тилько вже писля того подавсь Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, дуже подавсь: и рукы у нёго крипко сталы трусыться, такъ що, якъ визьме винъ було карватку зъ водою, то и вода въ неи не держытся, та й поперекъ ставъ ёго шось дуже доймать... А тилько шобъ Максымъ Витрякъ показавъ кому свою журбу? Ажъ никому и ажъ николы! Та й чого ёму, якъ на чужу думку, журыться? У нёго, окримъ Петра, есть ще дочка Орыся, и яка дочка? Та есть ще найменьшый сынъ Павлусь,—такъ чого ёму?

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г № 2.

Вы подывиться, люде добри, яка выйде изъ тіеи Орыси Витрякивны краса? Ще вона, сказать, тилько дивчынка, але ось незабаромъ буде и дивкою. Хиба дивчатамъ довго рости? Воны, якъ те пшенычне тисто, шо не вспіешъ ёго и замисыты, якъ воно уже й зійшло. То хлопци... а дивчата, якъ верба. Такъ усяка дивка, такъ и Орыся Витрякивна.

Ще маненькою Орыся була така втишна, така уже втишна та гарна дытына була, шо онъ яка! Вона було и розскаже батькови про Ивашечка та про видьму; вона ёму и писню яку проспива, и въ голови ёму поська. И все було бильшъ коло батька, усе коло батька, якъ тамъ кажуть, трется та мнется. А батько уже, якъ тилько прысяде де, такъ заразъ же ухопе за рученята донечку свою та до себе на колина; посадовыть іи та такъ и держыть у себе и зъ колинъ не спуска. А вона ёму щебече, а вона ёму цвирынчыть та порощыть! „Щебечы, щебечы, моя галочко! Хай Богъ храныть, абы бъ не плакать“! скаже було Максымъ Мыкытовычъ, спускаючы зъ колинъ свою донечку та хрыстючы іи хрестомъ.

Отъ такъ було тишытся Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ своею Орысею, якъ вона була ще малою. А якъ уже стала вона велыкою, такъ винъ и очей зъ неи не зводе, безъ неи и не йисть, и не пье, безъ неи и не дыха. Черезъ шо жъ воно такъ? Одно черезъ те, шо вона була у нёго едыначка-дочка; а друге черезъ те, шо вона така жъ невымовна була красуня, якъ и іи маты Маруся, якъ ще молодою дивчыною гуляла, колы іи уперше уздривъ Максымъ Витрякъ. И справди такы Орыся на все село славылась своею красою. Зросту вона була середнёго, станъ у неи бувъ тонкый та ривнесенькый, неначе та молода тополя, шо росте—гойдается у садку захыстному; походка у неи була спокійна та поважна, неначе у тій королывны; зъ лыця вона була округла и повновыда; ротокъ невелычкый и повсигда трошкы роскрытый, нисокъ коротенькый и неначе трошкы кырпатенькый; а зубонькы—ну чысто жъ такы неначе воны выточени: ривнесеньки-ривнесеньки та били-били,—

таки уже били, шо ажъ свитятся, якъ свитытся билый снигъ у морозный та ясный день на сонци; а шо вже очи, ти кари та весели очи, то воны у неи повсигда свитять такъ, якъ свитять у неби дви самыхъ блескучыхъ зирочкы, и чымъ бильше дывышся у ти очи, тымъ бильше хочется дывыться у ныхъ, тымъ радиснійшъ у тебе робытся на души и веселійшъ на серци. Оце якъ засміется було Орыся, та якъ роскрые свои коралови губонькы, то неначе одъ неи, якъ одъ ясного сонечка, свитъ скризь заблещыть та засяе. А въ очахъ у неи стилько смиху, стилько радощивъ, стилько щастя, шо, глядючы на неи, и самый сумный чоловикъ заразъ же росправыть на чоли своёму зморшкы та стане такый веселый, якъ на Велыкдень передъ розговинням. Куды ни поверны Орысю, одна краса та й годи!

Ты подывысь ще на іи косы: якъ заплете оце вона ихъ у дрибушкы та якъ попуска унызъ, то воны у неи ажъ ныжче колинъ простягнутся. А якъ уберется було Орыся на яке-небудь свято, якъ надягне на себе свое дивоче убрання, червону, ще одъ бабы, квитчасту, усю въ картахъ, плахточку, зелену зъ червонымы лапкамы та зъ гарусными гудзыкамы керсетку, якъ пидпережется каламайковымъ пояскомъ, за поясъ заткне мережану хусточку, на шыю начепыть разкивъ пъять, або й бильшъ доброго намыста, ще й килька тамъ золотыхъ дукативъ та срибныхъ хрестивъ, у косы вплете червону, блакитну, рожеву та жовтогарячу стёжку, голову уквитчае жывымы гвоздыкамы, зеленымъ барвинкомъ та дивочымъ винкомъ, а на нижкы набуе маненьки червоного сапьяну зъ пидковкамы чобиткы, якъ уберется та якъ одягнется оттакъ Орыся, то чысто-жъ тоби картына, отъ-та сама картына, шо маляри малюють по городахъ на дывовыжу панамъ. И якъ иде оце Орыся у такому убранни до церквы, то неначе вона и до земли не доторкается, и одъ красы та одъ радощивъ неначе горыть уся въ золоти... А ще краща бува Орыся тоди, якъ пе́редъ веде у танку! Э, тутъ вона уже не дивчына, а справжня королывна! Тутъ вона якъ протягне своимъ звинкымъ та высокымъ голос-

комъ писню, якъ пробижыть попереду всихъ, ведучы за собою увесь танокъ, якъ стукне нижка объ нижку чобиткамы, якъ обкрутне дивчатъ округъ своеи рукы, шобъ зробыты зъ ныхъ справжный танокъ, такъ хто тамъ буде на вулыци, чы старе, чы молоде, чы жинка, чы чоловикъ, то вже не вдержытся, шобъ не сказать: „Ну-й дивка жъ оця, Орыся! На все село дивка! Не дивка, а чысто тоби втиха! Шо вродлыва, шо спивлыва, шо брава, шо жвава, такъ уже й никуды бильшъ“!..

Такъ на таку дивку десь уже хлопци не зазыралы? Эге-жъ! Инчый дывытсян на неи, дывытся, та ажъ очи вытрищыть. А инчый погляне на неи, погляне, та скорійшъ и одвернется, ухопе себе за серце, зитхне тяжко-претяжко та й геть одійде отъ танка.

— Ну, й дочку жъ Богъ давъ Маруси Витрячыси!—промовыть оце, дывлячысь на Орысю, баба Одарочка Сыдорыха.

— Эге, у литку й качка прачка, а нехай вона побрыжка зимнёи поры! перехопе бабу Одарочку Сыдорыху баба Химка Дудукалка. Ще побачымъ, шо зъ неи дали выйде; тоди скаже „гоцъ“, якъ выскоче.

— А що дали? Замижъ пиде за кого любля,—не що!

— А хиба якъ замижъ пійде, то вже й щастя запобижыть? Може писля веселощивъ та играшокъ доведется ще й сплакнуть. Зъ горемъ натѐрпытся, такъ и не таку заведе.

А Орыся гуля соби, та й байдуже ій и до молодыхъ хлопцивъ, и до старыхъ бабивъ. У неи ще не те на думци: у неи на уми те, якъ бы матинци своій краще догодыть та якъ бы татка, свого любого татка, пры старосты заспокоиты. И ось вона то побижыть до колодязя та прынесе до-дому воды; то метнется на вгородъ та выкопа картопли, або буряквъ на борщъ; то кынется на тикъ та нарве тамъ травыци коровка́мъ, шобъ вони побильше давалы молока. И за яке-бъ дило вона ни взялась, то такъ воно у неи и горыть, такъ и горыть. Батько та маты ще гараздъ ій и не скажуть, а тилько такъ, навтякы́, шо тамъ треба чы зробыть, чы ухопыть, якъ ось воно уже й йе. Вона и тре, и мне, и шые, и мые, и обидъ готуе, и въ поли працюе. Покы маты тамъ скуѐвдыть одынъ снипъ, а

вона тры, а вона тры. Та все, куды бъ вона ни йшла, шобъ ни робыла, за шобъ ни бралась, та все зъ играшкамы, та все зъ спивамы та зъ радощамы. И така жъ тоби весела та втишна та славна дивчына, шо онъ яка! А якъ оце вже все переробе и ничого бильшъ ій не зостается робыть, тоди вже вона у свій любый та гарный садокъ. Тамъ вона чысто якъ у божому раю. Тамъ вона такъ уже спива та выспивуе, такъ радіе та втишается, шо ажъ кожна квитка, коженъ кущыкъ ій сміются та усмихаются. А квитокъ у неи у тому садку, тамъ якихъ тилько и нема? Тамъ и холодна мнята, и зеленый любыстокъ, и душыстый кануперъ, и пахучы васылькы; тамъ и крокисъ и дзиндзивиръ, и майоркы́, и чорнобрывци, и высока рожа, и макивъ цвитъ. И чого тамъ, чого тилько нема? И тамъ же надъ тымы квиткамы, по середыни садка, ростуть-гойдаются кучеряви вышенькы та темно-зелени черешни, а въ одному, тыхому та захыстному куточку, дрижать на вильнимъ повитри та шепочуть своимъ било-зеленымъ лыстямъ сриблясти тополи. Невелычкый той садокъ, а тилько винъ такъ рясно усаженъ квиткамы и такый винъ веселый та чаривный, шо такъ до себе и прытяга чоловика у литню палку́ добу. И садокъ прытяга, и дивчына, шо спива у тому садку...

XI.

Обичъ зъ садкомъ Максыма Мыкытовыча Витряка стоявъ садокъ Грыгорія Якымовыча Крачка. Цей Крачокъ бувъ невелычкый соби панокъ и прожывавъ винъ на своёму грунти, коло Максыма Витряка, зъ давныхъ давенъ. Колысь-то, чы його дидъ, чы прадидъ, зайшовъ зъ-за Днипра на Слобожанщыну и якось-то опынывсь у Суныцивци. Тамъ винъ довго керувавъ музыкантамы—крепакамы пана Ивана Борысовыча Голованя, и въ якыйсь тамъ щаслывый часъ такъ догодывъ тому Голованю, шо вивъ подарувавъ ёму и грунтъ и двохъ, чы трёхъ крепа-

кивъ. Такъ отъ-то правнукъ того захожого Крачка, Грыгорій Якымовычъ Крачокъ, и прожывавъ обикъ зъ дворомъ Максыма Мыкытовыча Витряка. Винъ и родывсь, и зрисъ на своему грунти и черезъ те дуже любывъ свій ридный кутокъ. Тутъ же винъ, десь недалечко одъ Суныцивкы, и панночку соби якусь-то знайшовъ; тутъ же и одружывсь зъ тією панночкою, Ганнусею; тутъ же Богъ дарувавъ ёму и сыночка, Ивасыка.

Тилько одного сынка пани Крачыха и породыла на свитъ; одынъ винъ и зоставсь на втиху батька та матери. Черезъ тежъ батько та маты такъ крипко и кохалы та пѐстылы свого сыночка, шо для ныхъ луччихъ и радощивъ не було, якъ бачыть здоровымъ та щаслывымъ свого Ивасыка. А воно жъ тоби те хлопья ще змалку шо вже було огненне, шо вже було прудке та жваве, такъ чысто жъ тоби одно лыхо зъ нымъ та й годи! Ничымъ ёго не зупынышъ, ничымъ не вдержышъ, хиба тилько казку розскажешъ, або писню яку проспиваешъ, або чымъ страшнымъ налякаешъ. Оце спыть було воно у ночи, у своій кимнатци, а потимъ прокынется о пивночи та й давай воюваты зъ бабою Одарочкою, шо спыть коло нёго. То баба и такъ и сякъ, ниякъ ёго не вгамуе, а дали й каже:

— Спы, спы, Ивасыку, а то онъ видьма йде та вхопе тебе та й понесе.

— А де-жъ вона, бабусю, та видьма йде?

— А ондечкы выскочыла зъ глухого киньця Крыженковыхъ воритъ... Онъ вона зигнулась, якъ собака, та верхы на кійку зъ дійныцею и крадется по-пидъ тынню...

— Ой, бабусю, я боюсь! Вона мене не визьме?

— Якъ не будешъ воюваты, то не визьме, а якъ будешъ, то ухопе, та й понесе.

— А яка вона, бабусю, та видьма?

— А яка? Била-била, якъ снигъ; спереду морда довгапредовга, а ззаду ще й хвистъ. Ось дывысь, ось дывысь, якъ крадется по-пидъ тынню!..

— Ой, ой, бабусю, я боюсь! Краще ты мене закрый зъ головою,—я вже не буду бильшъ.

Бабуся закрые хлопчыка, и воно угамуется, хочъ и довго, дуже довго писля того не спыть: воно хочъ и закрыте, а добре баче черезъ викно, якъ скризь по дорози мыготыть та перелывается свитъ одъ мисяця и якъ винъ падае ясными та билымы пасмугамы на ворота, на хату и на повитку Крыженка: „ото-жъ, мабуть, одъ тіеи билои видьмы такый билый проминь!.. Ой, и страшно жъ, и не дай же, Боже, якъ страшно! А тутъ ще то баба Одарочка балакала, а то заснула та шо хропе, шо вже хропе! ій же й байдуже, а тутъ же жъ!..

А якъ устане Ивасыкъ зъ лижка ураньци, то и тутъ зъ нымъ лыхо: не хоче ни одягаться, ни обуваться: уже бабуся до нёго и такъ и сякъ, такъ ни: не хоче та й край.

— Спивай мени, бабусю, писню, тоди я буду одягаться.

— Та яку-жъ тоби спивать? Хиба про Хому та про Ярему? Якъ Хома та Ярема та ридніи браття симъ годъ збирались у Русалымъ, такъ Ярема хочъ заразъ, а Хома все збирается, такъ якъ оце ты у мене одягаешся.

— Э, ни, бабусю, я ціеи не хочу! Спивай мени про орла та про сокола, шо купались умисти на мори та балакалы про козака.

Отъ и почне бабуся спивать Ивасыку:

Та ой на мори на сынёму,
На камени на билому
Сокилъ зъ орломъ купается,
Сокилъ орла пытается:
„Чы бувъ, орле, за Дунаемъ,
Чы не знаешъ про Ногая,
Чы не чувъ ты про Мыхайла“?
— Не такъ я чувъ, якъ самъ знаю:
Ишлы ляхы на тры шляхы,
А татары на чотыри,
Запорожци поле вкрылы,
Чобиткамы зачорнылы,
Шабелькáмы заяснылы,

Шапочкáмы закрасылы.
Попереду гетьмàнъ йиде,
Въ правій рýчци держыть мúча,
Въ ливій рýчци горыть свича,
А шо зъ мича тече кривця,
А изъ кривци бижыть ричка,
Надъ ричкою воронъ кряче,
По сынови маты плаче.
„Не плачъ, маты, не вбывайся,
Ще жъ я не ввесь порубався:
Тилько рукы на тры штукы,
А ниженькы на чотыри.
Треба, маты, майстривъ cькаты—
Мени хату будуваты,
И безъ дверець, безъ виконець,
Шобъ витренько не віяло,
И сонечко не сяяло:
Мени въ двери не ходыты,
А въ виконце не глядиты,—
Мени, маты, въ земли приты“.

Такъ отъ такечкы якъ почне ривнымъ та спокійнымъ голосомъ спивать бабуся Одарочка, то й сама забуде, шо ій треба одягать панычыка. Спива соби та выводе старечымъ голосомъ, а панычыкъ соби спива та выводе. А дали, якъ скиньчыть бабуся писню про орла та про сокола, тоди панычыкъ до неи съ проханнямъ, шобъ спивала другу яку. Та вчепытся рученятамы ій за шію и давай іи цилуваты и въ шію, и въ плечи, и въ очи, шобъ тилько заспивала про ту сердешну Галю, шо, по прыказу своеи свекрухы, ходыла въ недилю пшеныченькы жаты, жала пшеныченьку та й не росхылялась, на свою малу дытыну та й не задывлялась, якъ побигла жъ Галя дытыны дывытся, та й зустрила жъ Галя тры вовчыкы сирыхъ,

А одынъ же несе колыску новеньку,
А другый же несе пелюшку биленьку

А третій же несе дытыну маненьку,
Та й почалы жъ воны дытыну дилыты:
Которому ручка, которому нижка,
А матери очкы, шо не спала ночкы...

Спива бабуся про Галю, а сама плаче та й плаче, неначе вона и справди баче, якъ безщасну дытыну та пошматувалы сири вовкы въ поли. А за бабусею плаче панычыкъ....

— Панычу, панычыку, та годи тоби, годи! То воно въ писни такъ! Одягайся лучче! Ось тоби штанци, ось тоби сорочечка, та, шо маты прынесла своёму Ивасыку, якъ винъ ходывъ на ричку рыбкы ловыты.

— А якъ же жъ винъ ходывъ, басусю, якъ по ричци неможна ходыть?

— Ну, такъ плававъ човныкомъ, а маты его прыходыла до бережечка та казала ёму...

— А шо жъ вона казала ёму?

— Казала: „Ивашечку, мій батечку, прыплывь-прыплынь до бережка, я тоби штаньци й сорочечку прынесла"!..

-- Ну, ось я, бабусю, и прыпливъ до бережка! Давай теперъ мени и штаньци и сорочечку!

Отъ така то була морока въ тымъ Ивасыкомъ уже зъ малечку. А якъ ставъ же винъ учытся письма, такъ тутъ зъ нымъ ще й гирше лыхо: не хоче блазня вчыться само, а подай ёму товарыша, тоди такъ! Отъ и знайшлы ёму товарыша, Стецька Гырю. И почавъ винъ умисти зъ нымъ учыться: сюды-туды повернувсь, уже й вывчывъ те, шо ёму велено, уже й закрывъ кныжку, уже й выскочывъ зъ Стецькомъ изъ хаты, ускочывъ у синныкъ, де наложене свиже та пахуче сино, та й давай борюкаться зъ Стецькомъ на сини. То потягне его за ногу, то перекыне унызъ головою, а въ гору поставе ногамы; то накыда на нёго сина, а самъ геть выскоче изъ синныка, мыттю выдерется на дерево въ садку та й регочется-регочется тамъ, сміючысь зъ Стецька, шо винъ такый кволый, та невковырный, ни якъ не выдряпается на дерево, шобъ ухопыты паныча за чобитъ та зтягты его на землю.

— Панычу, панычу, злазь унызъ та ходимъ до насъ!

— А шо тамъ у васъ?

— У насъ сёгодня буде борщъ зъ саломъ та каша-кутя зъ молокомъ.

— А не брешешъ ты?

— Чого? йиже-Богу! Злазь!

— А, якъ такъ, то я ось уже и внызу!

Отъ наши хлопчакы уже и въ хати у старого Ивана Гыри; отъ воны уже и за столомъ сыдять. Ну-й добрый же у того Гыри борщъ! А ще добрійша каша-кутя зъ холоднымъ молочкомъ!..

— Скажы мени, панычу, шо то таке балакають мижъ собою горобци, якъ позлитаются до купы? Ты теперъ уже пысьменный, такъ, мабуть багато де-чого знаешъ. Шо у васъ у кнымкахъ про це йе?

— Ни, дидусю, у насъ цёго у кныжкахъ нема.

— Эге, ще, значыть, не вспилы завесты у кныжкы. Це воны, анахтемськи горобци, такъ на Хрыста. Якъ мучылы жыды Хрыста, то оце бьють ёго, пречеснóго, бьють, а дали бачуть, шо винъ уже й не дыше, та й вкынуть у ясла: „Теперъ, кажуть, дійшовъ“. Ажъ воно хочъ и прыбылы ёго, та тилько не до киньця. Тутъ де не визьмутся горобци, понасидають на ясла та й цвириньчать: „жывъ—жывъ, жывъ—жывъ“! То жыды упьять за Хрыста та впьять давай мучыты ёго... Такъ про те воны, гаспидови горобци, и балакають промижъ собою. О, ба—о! Цёго у твоихъ кныжкахъ нема?

— Ни, дидусь, нема!

— Ну такъ ты упышы?

— Якъ вывчусь, дидусю, пысать, то впышу.

— Ну, а шо жъ у твоихъ кныжкахъ сказано про те, якъ выйшлы горы на земли?

— Ни, дидусь, и цёго не сказано; а якъ же воны выйшлы?

— А отъ якъ воны выйшлы: якъ Господь творывъ свитъ божый, то бисъ—хай Духъ Святъ пры насъ!—то бисъ, кажу,

шо ни сотворыть Богъ, чы тамъ вивцю, чы корову, чы коня, чы качку, ухопе те та заразъ же и зъисть. А якъ почавъ уже Господь творыть землю, то бисъ, якъ іи йисты не можна, давай дряпаты іи кыктямы. Та ото якъ надряпавъ, та давай выкыдаты іи изъ-пидъ кыктивъ: якъ выкыне шматокъ, то й гора, якъ выкыне другый, то й друга. О, ба—о!

— Невже жъ такы, дидусь, отъ такы высоки горы, якъ оце у насъ, шо про-мижъ Суныцивкою та Иванивкою, то вси воны булы у чорта пидъ кыктямы? Якый же то у нёго кыкоть завбильшкы?

— Эге, у нёго, панычу, такый кыкоть, шо пидъ нымъ и тры такыхъ горы схованется, якъ наша: винъ оце начепе на кыкоть землю та й держыть іи,—одъ того середъ дня и свита инколы не бува; люде кажуть, шо то сонце миныться, ажъ воно, якъ по справжнёму сказать, такъ то чортъ землю на кыкти держыть. Та вже, якъ Господь дѐржавою своею ёго опече и якъ винъ выпусте землю изъ кыктя, то тоди зновъ на земли и сонце засяе и свитъ заблыщыть... О—ба—о! И цёго у твоихъ кныжкахъ нема?

— Нема, дидусь, и цёго!

— А якъ нема, такъ ты заведы!

— Заведу, дидусь, якъ вывчусь пысать, заведу!

— Ну, а скажы мени ще одно: чого то зинське щеня та очей не мае?

— А я, дидусь, не бачывъ, чы воно мае, чы не мае.

— Очей воно справди не мае, и знаешъ черезъ шо?

— А черезъ шо?

— А отъ черезъ шо: якъ Богъ сотворывъ ёго, такъ воно хотило подывыться на Господа та й ослипло: Господь сяе такымъ блескучымъ свитомъ, шо проты нёго и соняшный свитъ не свитъ. Черезъ те Господа нихто не може й бачыть, а тилько може чуты Ёго велыку сылу... О, ба—о! Гляды жъ и це у кныжку заведы, якъ шо навчышся пысать.

Отъ такъ слуха Ивасыкъ, шо ёму розсказуе дидъ Иванъ Гыря, а тутъ же й баче, якъ ёму Стецько кывае изъ синей

пальцемъ, шобъ скорійшъ выходывъ изъ хаты въ сины та отъ то шобъ дременуты имъ куды-небудь, чы на тикъ, чы на огородъ, чы ажъ на ту леваду, шо за капустамы, пидъ горою. Тамъ такъ зелено, тамъ такъ погоже та такъ весело! Тамъ, по тій левади, вьется невелычкый зъ чыстою, якъ слизочка, водою струмочокъ, шо взявся десь ажъ повыще Жабокрюкивкы, а уплыва у панськый ставокъ, супроты панського саду. По обохъ берегахъ того струмочка ростуть высоки, дупласти та розлоги вербы, шо своимы гилкамы позвысалы ажъ до самои воды; а на тыхъ вербахъ турчать горлыци, скрекочуь сорокы, выбывають носамы, неначе ковали зализнымы молоткамы, довбачи́жбвны; а шо вже тыхъ шпакивъ, то воны, неначе та хмара, такъ и облипылы усю вербу,—и гилля не знать, а надъ усимъ тымъ пиднялось высоко-высоко ясне сонечко и облывае наоколо своимъ палкымъ та огненнымъ свитомъ и всю леваду, и всю гору, и все село.

Туды-то, на ту саму леваду, пидъ ти роскишни вербы, до того чыстого струмочка, и дременулы наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько. А тамъ уже циле збиговыще такыхъ же хлопцивъ, якъ и воны, и дивчатокъ, трошкы поменьче за ныхъ годамы: тамъ Захарько Блукетъ, Серёга Зализный, Павлусь Сокырка, Яцько Кебета, Васыль Пампушка, Тышко Полушка, Настя Гыривна, Вивдя Сокырчына, Онысся Кульбакивна, Уляна Бережкивна и Орыся Витрякивна,—тамъ хто пасе телятъ, хто стереже качатъ, хто догляда гусятъ.

— Хлопци, дивчатка!

— А шо?

— Давайте граться!

— Давайте! А въ шо?

— Давайте у квака̀?

— Давайте!

Ось и постановылысь хлопци та дивчатка кружка́ и давай граты у квака́. Тутъ одынъ хлопець, якому выпала черьга, ставъ на ливу ногу, праву видкынувъ видъ себе назадъ и пиднявъ іи въ гору; дали зробывъ изъ двохъ першыхъ пальцивъ

ливои рукы невелычке кильце и почавъ помаленьку плюваты черезъ те кильце, а други сталы коло хлопця и пильно прыдывляются на те, якъ винъ плюе. И ото якъ упаде слына у кильце, не зачепытся за пальци, то отъ то чыстый хлопець, а якъ зачепытся, то тоди вси крычать: „Квакъ! Квакъ! Йиже-Богу квакъ“!

Писля того роблять коло, у середыну кола заводять квака и почынають быты ёго долонямы, по чимъ хто влуче; бьють, а самы прудко видскакують видъ нёго, шобъ квакъ не видбывсь, та не передавъ свого стану другому: „Кваче, кваче, та не побьешъ! Кваче, кваче, та не побьешъ“!.. А винъ стоить та видмахуется та бига по колу та прыкладается, шобъ улучыты котрого зъ хлопцивъ, або зъ дивчатокъ. И якъ улуче котрого, то тоди вже квакъ не винъ, а той, кого винъ улучывъ. Новый квакъ тежъ становытся въ коло и тежъ плюе въ кильце.

— Годи вже въ квака! Давайте теперъ весилля справляты.

— Давайте! А хто-жъ буде молодымъ?

— Ивасыкъ!

— А хто-жъ буде молодою?

— Орыся!

— Давайте!

— Давайте!

— А хто-жъ буде старшымъ боярыномъ?

— Стецько Гыря!

— Ну, такъ давайте жъ!

— Давайте!

Отъ и почала дитвора справлять весилля, такъ саме, якъ роблять те старши: дивчатка плетуть изъ квитокъ винкы та крутять молодому та молодій изъ калачикивъ обидци, потимъ мисять изъ глею коровай, а изъ земли шышкы; а хлопьята выбырають бояръ-пойизжанъ, шобъ везты молодыхъ до шлюбу, та шукають троисти музыкы, шобъ граты на весилли, та крутять траву, шобъ перевьязувать, нею замистъ рушныкивъ, старостивъ черезъ плече. И писля всёго тōго, два хлопчакы, загнуздывшысь травою та видкынувшы на бикъ головы, одынъ

направо, а другый наливо, везуть молодыхъ виньчаться до ривчака; тутечкы одни везуть, а други бижать за нымы слидкомъ та спивають писни та плещуть у долони.

Якъ же повинчають молодыхъ, тоди сперше всёго дають имъ напыться вына,—справди воды изъ лопушыного лыста, потимъ надивають на пальци молодымъ обидци, тоди вже садовлять ихъ рядкомъ та справляють весилля. Тутъ дивчатка спивають весильныхъ писень, а хлопьятка грають на музыкахъ. Одынъ хлопчыкъ бере у рукы два цурпалкы та й давай нымы грать: одынъ у нёго служе за скрыпку, а другый за смычка; другый хлопець надыма соби обыдви щокы, якъ тилько можна ихъ надуты, та самъ себе и бье кулакомъ то по одній, то по другій щоци,—то у нёго такъ бубонъ бубоныть; а третій студывъ до купы дви долони та якъ свыстоне, якъ свыстоне у ныхъ, такъ яжъ усе птаство схоплюется зъ гылля та въ гору летыть. И тутъ же пидъ ти музыкы хто танцюе, хто перекыдается черезъ голову по трави, хто лазе рачкы та реве, якъ той ведмидь.

— Ой, дайте горилочкы горлянку промочыть!

— А онъ пый изъ ривчака,—тамъ горилкы, скилько хочъ!

— Ну, хлопци та дивчата, теперъ уже Ивасыкъ та Орыся—чоловикъ та жинка; теперъ воны уже не розійдутся никуды.

— Эге-жъ, такъ воно й було! А ну, Стець, побижымъ онъ туды, за той рижокъ горы, звидкиля выдніется дида Велычка баштанъ!..

Отъ наши хлопчакы уже й на баштани. Уже воны сыдять коло дида Велычка; уже й йидять кавуньци. Той дидъ, Олексій Велычко, такый древній-предревній дидъ, увесь билый-билый, якъ снигъ, а такый славный та добрый, якъ мала дытына; бильше всёго на свити винъ любывъ малу дитвору. Своихъ дитей у нёго зроду не було, такъ винъ узявъ чужу дытыну та й тишывъ іи, покы выростывъ, а потимъ и въ люды пустывъ. А якъ старымъ уже ставъ, то оце понасадовыть було у литку коло себе цилу юрбу дитей та й годуе всихъ и кавунамы, и

дынямы, и огирочкамы. Та ще, якъ нагодуе, то велыть и додому брать кавунивъ, або дынь, скилько хто у рукы захопыть, а въ кишеню, або въ пазуху не беры,—то вже непотрибна ричъ. „Чоловику, каже, треба стилько, скилько можуть рукы захопыть, а шо бильше того, то вже жадоба и за те велыкый грихъ одъ Бога". А шобъ тебе, дытыно моя, не спокушала ни пазуха, ни кешеня, такъ ты роздягнысь та голенькій и набирай; а якъ свою здобычъ однесешъ, тоди вже йды та свою одежу беры.

— Чіи жъ вы, диткы, есть, шо до мене у гости, прыйшлы?

— Та я, дидусь, Грыцька Крачка, а цей Иваня Гыри.

— А, такъ отъ вы чіи: ты Крачыня, а ты Гырыня! Ну, шо-жъ вы и грамоты учытесь?

— Учымось, дидусь!

— И хутко у городъ пойидете, до школы?

— Не знаемо, дидусь, якъ батько та маты.

— А въ городи колы булы?

— Ни, дидусь, зроду не булы.

— Эге, не булы! А мени то де тилько и не доводылось бувать?

— А дежъ вамъ, дидусь, доводылось бувать?

— Скризь: и въ Польши, и въ Басарабіи, и на Капказахъ бувъ. И шо то за край славный, той Капказъ! Горы тоби таки, шо макивкамы ажъ до неба досягають, ажъ у хмары упираются. Звиру якого тамъ, птаства-пернаства! Боже, Боже, и якого тамъ птаства тилько й нема? Якъ летыть оце зъ гиръ у степъ орляка, такъ крыламы махае, наче той витрякъ на витри. И сыльна жъ птыця яка! Оце якъ нагляне де у степу зайця, то такъ грудомахою и вдарытся на нього. А той бидненькый перекынется до голичерва та такъ лапкамы майдалае-майдалае та крычыть-крычыть; чысто тоби мала дытына! Такъ тоди якъ гунышъ изъ ружжа на того орляку, то згукъ той такъ и покотытся скризь по горахъ, такъ и покотытся-покотытся: га—га—га—га!.. неначе гримъ загрюкотыть, та ажъ у воздухы пиднимется... А шо вже того гаду, Боже велыкый! Якъ набижышъ оце на га-

дюче кубло та якъ почнешъ кроиты батогомъ той гадъ, такъ усе наоколо ажъ свыстыть... Э, де тилько мене и не було? Бувъ я и въ Петербурзи, де цари жывуть...

— Онъ де, мабуть, дидусь, хороше,—де цари жывуть? Га? Чы правда тому, шо тамъ, де жывуть цари, тамъ увесь крышталевый городъ, крышталеви вулыци, крышталеви домы, крышталеви мисткы и надъ усимъ тымъ велыка-велыка крышталева покривля, а сонечко, кажуть, надъ тымъ городомъ, якъ жаръ, такъ и горыть, такъ и горыть,—чы правда тому дидусь?

— За те, люба дытыно моя, не скажу тобя; а тилько шо цари йиздять у золоти, пьють-йидять изъ золота, сыдять на золоти, одягаются у золото, то це шо правда, то правда. Давно, дуже давно, якъ ще я бувъ меньчый, нижъ оце вы, такъ бачывъ я, якъ царыця Катерына йихала у золотій карети у Крымъ,—карета вся зъ золота и царыця въ золоти... Дуже давно це було! Я ще скоро зазнаю, такъ скризь по шляхахъ, де бигла царыця, стоялы камьяни мыли, а впередъ царыци бижыть було машталиръ та на сурьми грае, та грае жъ ловко— охота й слухать... Ой, якъ же воно давно й було!..

— А хиба вы, дидусь, таки стари?

— Не такъ старый, якъ давній, дытыно моя! Такый давній, шо вже треба бъ и вмираты, такъ десь про мене на тимъ свити й забулы. Та такы й пора и вмирать, бо дуже кисткы болять.

— А не страшно жъ вамъ, дидусь, умирать?

— А чого жъ ёго страшно, дытыно моя? На той свитъ иты—до Бога иты... Та, мабуть, скоро такы й пиду. Ось полапайте мене за вуха, чы мнягки.

— Мнягки, дидусь, дуже мнягки!

— А багато ще твердого зосталось?

— Ни, дидусю, трошечкы.

— Ото жъ стилько мени й жыть, скилько у мене твердого: якъ вуха зовсимъ стануть мнягки, то тоди вже й смерть.

— А у мене, дидусь, чы багато твердого?

— А ну? Э, у тебе вушко тверде, якъ заячый кигтыкъ! Тоби, дытыно моя, довго жыть! А-ну, дай мени ще твою праву руку! А-ну, ходы, сыночку, блызче до мене, а ну! Я шось ставъ недобачать... Эге, и щаслывый же ты зародывсь! Побачышъ ты и багато крышталевыхъ городивъ и у золоти царивъ... Щаслывый ты, а тилько й горя багато на своимъ вику уздрышъ... Рука у тебе золота. Цю руку такъ, шо хочъ и старому, то можна поцилувать. Ты мале дытя, а малыхъ дитей и Господь любывъ, любывъ та и цилувавъ...

— Дидусь, дидусь! почекайте! Вы дывится, якъ высоко пиднявсь голубъ надъ садомъ Явдокыма Могыляка́! Осё-сё, осё-сё! Летыть, летыть! Осё-се!.. Стець, Стецько, а побижимъ до Явдокыма у садокъ та подывымось, якого це винъ тамъ выпустывъ буркуна.

Отъ наши хлопци уже и въ садку у Явдокыма Могыляка. Той Явдокымъ Могылякъ бувъ одъ прыроды калика, у нёго зрослысь обыдви ногы пидъ колинамы, и винъ лазы́въ по земли навколюшкахъ, пидпераючысь то одніею, то другою долонею, а изъ себе бувъ велеть, справжній „богатырь" Илья Муромець,— и „богатырь", и красень. Голова у нёго здорова та кучерява, голосъ густый та гучный, грудына уся у шерсты, бровы чорни, густи та ривни якъ по струни, нисъ прямый та высокый, зубы чысто тоби слоновои косты, борода густа-прегуста, та ще й кучерява; а шо вже очи, такъ чысто Богъ давъ ихъ тому калици на вдывовыжу всимъ: блакитни, блакитни та ясни-ясни, неначе те блакитне та ясне небо, и стилько въ нихъ до̀бристы та ласкавосты дытячои, чыстои та неповынної, шо такъ бы й дывывсь, такъ бы безперечъ и дывывсь у ныхъ. А одразу якъ заговоре Явдокымъ густымъ та сылнымъ голосомъ, та якъ зарегочется, то зробытся ажъ страшно, а потимъ якъ засміется та якъ роскотытся-роскотытся басомъ, то сміется у нёго и ротъ, сміются й зубы, сміются й блакитни очи, сміется и винъ самъ, увесь, чысто увесь... Явдокыму тому було уже, мабудь, годъ трыдцять пьять, а винъ бувъ такый же чыстый, и тиломъ, и серцемъ, и душею, якъ мала дытына. Бильше усёго винъ любывъ свій

маненькый вышневый садокъ,—и славно жъ у тому садку було!.. А ще бильшъ любывъ своихъ голубивъ. И якыхъ тилько у нёго не було голубивъ? И буркуцьки, и дыки, и турманы, и ряби, и сызи, и попелясти, и зузулясти, и червони зъ билымъ перомъ.

— Дывысь, дывысь, панычу, яки штаны на моёму рябому голубу! Ось дывысь! ось дывысь! Неначе той турокъ у штаняхъ! А слухай, якъ винъ буркотыть! Ось слухай! ось слухай! Ичъ якъ! Чувъ? То винъ сердытся на свою голубку та заганя іи на гниздо. Хи, а лита́ якъ! Ты подывысь! Ось подывысь! Куды къ лыхій годыни отъ тому буркуцькому голубу, шо отъ то шкытильгавый Пашка швець изъ города прывизъ! Та ще-жъ винъ у мене такый удашный, чы сказать, красывый, шо чысто тоби... Отъ хиба твій буркуцькый трошкы зъ моимъ поривняется... Э, а якый бувъ у мене позаторикъ рябый та чубатый голубъ, такъ такого десь и въ цилимъ свити не було,—такъ украла якась яретыча душа. Такъ я подававъ десять копіёкъ Ивану Воину,—той, кажуть, зыськуе ворюгъ, та й на сей день нема чуткы. Не мылуюгь и мене,—крадуть!.. Ну, а такъ шобъ самъ де залетивъ,—цёго нема: де бъ не бувъ, а до-дому прылетыть, де-бъ не бувъ, а до-дому, чуешъ, прылетыть.

— И якъ такъ, Явдокымъ, шо у тебе багато голубивъ и шо воны никуды не залитають видъ тебе?

— Эге, я шось таке знаю, шо воны не залитають видъ мене...

— А шо-жъ ты знаешъ?

— Цёго вже дурно, безъ могарычу, не скажу.

— А чимъ же тебе пидмогорычыть?

— Якъ прочытаешъ мени казку про того богатыря, шо за однымъ махомъ сто душъ побываховъ, то тоди скажу.

— Та це, мабуть, про Полкана богатыря?

— Эге жъ!

— Прочытаю!

— Зъ тымъ, шо прочытаешъ?

— Зъ тымъ, шо прочытаю.

— Ну, такъ слухай же: оце тилько тоби та Стецькови и скажу, а вы вже, глядить, никому не кажить.

— Ни, зроду-вику никому!

— Такъ слухайте. Якъ настане оце недиля, такъ ты пиды до церквы, стань коло дзвиныци та й дывысь, якый прыйде до церквы самый найстарійшый дидъ та поставе свій ципокъ коло дзвиныци. Такъ ты, якъ той дидъ увійде уже въ церкву, визьмы потыхеньку той ципокъ та звидты мерщи до-дому та скорійшъ и всунь ёго у свій голубныкъ. Отъ тоди у тебе голубивъ-голубивъ буде и ни одынъ зъ ныхъ одъ тебе не втече!.. Го—го—го—го, ни одынъ, чуешъ, не втече!.. А прочытаешъ же про Полкана-богатыря?

— Прочытаю!

— А колы жъ ты?

— У недилю, писля того, якъ ципокъ уткну у голубныкъ.

— Гляды жъ,—я буду ждать! Го—го—го—го!.. А кныжка у тебе зъ малюнкамы?

— Зъ малюнкамы.

— И тамъ есть Полканъ-богатырь?

— Есть и Полканъ-богатырь!

— Гляды жъ прынесы!

— Та якъ хочешъ, то я й сёгодня у вечери прынесу.

— Ни, сёгодня не прынось: сегодня у вечери наши хлопци поведуть на ничъ коней пасты, такъ мени треба коло хворои бабы сыдить.

— А де жъ воны поведуть?

— На толоку, пидъ Корніевськый лисъ.

— Стецько, а ты сёгодня не поведешъ?

— Та й я поведу.

— Ну, такъ и я жъ зъ тобою! Слухай сюды, Стець: я теперъ сплю у санчатахъ, пидъ повиткою, що прычилкомъ выходе у Гекивъ переулокъ, такъ ты пидийдь потыхеньку до повиткы, крыкны мени пугачемъ, або совою, то я перескочу черезъ плитъ та тоди й гайда до лису,—нихто й не побаче, шо мене й дома нема. Добре, Стець?

— Добре, панычу! Пидййду до повиткы, крыкну совою, пидставлю тоби пидъ плитъ гнидого,—того, шо увесь-увесь гнидый, а права задня нога, поныжче колина, била, а ты тоди и улучай на нёго, а тамъ якъ улучышъ, такъ мы зъ тобою въ тры мыга уже й будемъ коло Корніевського лису. Та тилько гляды, то такый кинь, шо якъ не влучышъ на нёго, то винъ и ногою дрійнè...

— Такъ я й не влучывъ,—гляды!

XII.

Ну й темна жъ и ничъ выпала нашимъ хлопчакамъ! Така темна, така темна, шо й грывы конякы неможна побачыть, а хлопчакамъ же те й байдуже! Посидалы воны на коней, одынъ на вороного, а другый на гнидого, та такъ чешуть по дорози, пидъ Корніевськый лисъ, такъ уже чешуть, неначе ти козакы запорожци пидъ турка на выручку товарыства, а за хлопцямы слидма́ бижыть ще й тры стрыгуны и одно маненьке лоша. Оце одынъ якъ прыпече, якъ прыпече свого коня та якъ ушкваре по дорози, а другый соби якъ улупе за першымъ, такъ ажъ на пивъ-аршына пидскакуе выще спыны коня. Ото жъ у ихъ думка, хто кого выпереде и хто ранійшъ добижыть до таборыща, куды селяньськи хлопчакы змовылысь збыраться зъ киньмы на ту ничъ.

Отъ Ивасыкъ та Стецько уже й коло Корніевкы. Тутъ, навкругы, скилько займае око, простяглось шыроке та темне поле, и по тому полю шо вже травы, шо вже усякои квиточынѝ, шо вже пахощивъ, такъ безъ миры и безъ кинця! Здавалось, шо то не поле, а цилый квитяный садъ и надъ тымъ садомъ тилько шо спустылось циле море чыстои, рясной та пахучои росы. Бильшъ усёго тамъ було темно-зеленои бабкы зъ блакитно-сынимъ цвитомъ та лапчастымъ лыстямъ, и та бабка застылала собою и всю землю, и всю траву, и тутъ же выпу-

скала изъ себе свои особши, якись то дуже солодки и дуже пьянки пахощи, и неначе залывала нымы увечь безмирный и неоглядный ланъ. А дали, заздалегидь, у кинци поля, чорніе высокый дубовый лисъ, шо простягся геть-геть по глыбокій та крутій балци и стоить нерухомо, неначе винъ або зачарованый, або заговореный якоюсь невыдымою и непереоборымою сылою... А онъ-де-онъ, ажъ надъ самымъ шляхомъ, де впала суныцивська межа, высока могыла шелестыть, а пры самому взлиску палае велыке огныще и коло того огныща вытыкается скилько хлопьячыхъ головъ. И надъ усимъ тымъ полемъ, и надъ тымъ огнышемъ, и надъ тымы хлопцямы простяглось темне-темне та глыбоке-глыбоке небо, а на неби де-не-де грають невелычкымъ свитомъ зори, неначе ти гискоркы...

Ось Ивасыкъ та Стецько уже й коло огныща; ось воны поскакувалы зъ коней, попуталы ихъ мерщи путамы, а самы уже й коло хлопцивъ. Хи, отъ де весело та радисно! Тамъ, коло того огныща, циле збигбвыще хлопцивъ, мало чы не зъ усёго села. Лежать воны жывотамы на земли округъ багаття, попидпиралысь долонямы у пидборидця та й ведуть усяки балачкы про страшне, про чудне, про кумедне та регочутся-регочутся та залываются такымъ веселымъ смихомъ, шо ажъ гискры пиднимаются въ гору изъ полумья та розсыпаются навкругы по зеленій трави та по рясныхъ квиткахъ. Одынъ розсказуе про те, якъ винъ колысь-то у ночи бигавъ за панськый млынъ до панського току, де рисъ солодкый стрючковатый горохъ, та въ тому гороси набачывъ зализну бабу зъ червонымы, якъ жаръ, очима и зъ гострымы, мовъ у собакы, зубамы, та якъ чкурнувъ видъ неи навтикачà, та таки лататы̂ завдававъ, шо ажъ пьяткы улыпалы въ задъ... Другый розсказуе про те, якъ винъ полизъ у панськый ставокъ ракы печерувать, покынувшы свои штаны та сорочку на берези ставка, и якъ тамъ десь у прасунка узявся сторожъ садовый, Хвылька Бавукало, та вхопывъ ёго одежу и закынувъ геть на высоку тополю, и якъ ёму черезъ те прыйшлось бигты до-дому голому. И хочъ винъ пробигъ половыну села голый, такъ за тежъ скилько й ракивъ прынисъ

до-дому! Третій розсказуе про те, якъ винъ ходывъ на новый годъ посыпаты до самого пана Голованя та набравъ у рукавыцю, умисти зъ жытомъ, сухои квасоли та гороху, и якъ панъ выйшовъ до нёго у прыхожу, то винъ якъ почавъ штурляты на нёго зъ рукавыци горохомъ та квасолею та по лысыни та все по лысыни пана: „На щастя, на здоровья зароды, Боже, жыто-пшеныцю на всякій пашныци"! Та якъ учысте ёго, учысте, такъ у пана на голови ажъ кгули понабигалы, бильшъ нижъ самый горохъ, та червони, червони, неначе ти зязюлькы, що ростуть по садкахъ. А панъ закрывъ обома рукамы лысыну та тилько одно знай крычыть: „Будя! будя! будя"!.. А четвертый розсказуе про те, якъ винъ йихавъ зъ своимъ дядькомъ повзъ оцёго самого лису Корніевського, у ночи, дуже пизнёи добы, и якъ воны тилько що поривнялысь зъ высокымъ дубомъ, що стоить пры самому шляху, колы тутъ имъ назустричъ якъ выскоче зъ лису жеребець, билый-билый увесь, неначе снигъ, та якъ зарже-зарже, а дали якъ кынется на дорогу, а зъ дороги на высоку могылу, що стоить за кладовыщемъ, на шпылю, та зновъ якъ зарже-зарже: „Го! го! го! го!",—то такъ луна и покотылась-покотылась-покотылась скризь, и по лису и по балци, що за лисомъ, и по яру, що за кладовыщемъ... А у поли було такъ мисяшно, що хочъ голкы збырай... Пьятый перебыва четвертого та каже, що й ёго дидъ, сказать, батькивъ дядько, якъ йихавъ колысь ничью повзъ Корніевкы, такъ тутъ де не взялысь зъ лису голубы, такъ бы то пробилувати зъ червонымъ пиромъ, надлетилы падъ самый визъ та такъ и сидають, и сидають то на дугу, то на здуховыны, то на клубы коня, а дидъ дывытся на те та все хрыстытся, та все хрыстытся, та все шепоче молытвы, а описля того швыдко и вмеръ... Такъ де-котри бабы казалы, що то не голубы, а Духъ Святъ... Шостый забига попередъ пьятого та каже, якъ коло Корніевкы, раннёи весны, оравъ Мыкытка Гекъ, а пидъ возомъ у нёго сыдивъ ёго маненькій Захарько, и якъ наскочыла звидкилясь чорнапречорна хмара, а изъ тіеи хмары грюконувъ гримъ та прямо пидъ визъ, де сыдивъ хлопчыкъ. Тутъ якъ почало жъ воно

того хлопчыка пидкыдать у гору, якъ почало, такъ винъ увесь зробывсь сыній-пресыній, та тамъ же и Богови душеньку свою виддавъ. Самъ Мыкытка Гекъ казавъ, що то нечыстый ховавсь одъ Бога та вскочывъ у дытыну, и якъ бы було швыдко прыбигты до воза та перехрестыты дытыну хрестомъ, то нечыстый не насмилывся бъ полизты пидъ визъ. А Маруся Гекова такъ та казала, шо за тыждень, якъ умерты Захарькови, прыходывъ до ихъ отой Семенъ Петровычъ, шо вештается скризь по свиту, якъ Марко проклятый по пеклу, и шо кажуть про нёго: „Семенъ Петровычъ усимъ людямъ родычъ". Прыйшовъ, каже, та ставе ципокъ свій у кутку, мижъ рогачамы, а винъ визьме та й впаде: два разы становывъ,—та все пада. „Це, каже Семенъ Петровычъ, на вмырущеǃ.. А же жъ пипъ якъ прыходе сповидать, то заразъ ставе палыцю: якъ стоить, то буде жыть, а якъ упаде, то вмре"... А то ще й цыганка прыходыла до ихъ та казала...

— Хлопци, хлопци, що це наши кони такъ захроплы? Чы не вовкъ де проявывся? А-ну-мо за кіячча та до табуна! Хвыть! Хвыть! Хвыть! Тю—лю—лю—лю! Беры! беры ёго! беры! Покотъ! Рябко! Бровко!

— Хлопци, хлопци, а постривайте лышъ! Чы вы знаете, шо нашъ Покотъ ярчукъ? У нёго есть вовчый зубъ; винъ черезъ те и видьму, и вовка, и чорта чуе; ёго ни одынъ вовкъ не здоліе! Винъ у насъ такый, шо никому и въ гору не дасть глянуты,—не то що! Не бійтесь ажъ ничогисенько та лягайте соби та спить, винъ и за верству не пидпустыть вовкивъ до табуна...

— Отъ и полягалы хлопци спаты. Хто коло огныща, хто трошкы оподаль, на взлиску, а хто на толоци, у высокій та густій травi. Тамъ же, мижъ пахучымы квиткамы, на мнягкій травi поляглы и наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько, одынъ биля одного, укрывшысь зверху свыткамы та прытулывшысь щильно одынъ до одного спыною. Сплять воны соби та такъ солодко та здорово сплять, шо й не чують, якъ почавъ крапаты на ихъ дощъ, сперше потыхеньку, а потимъ, де дали, усе дужче

и дужче. Пада винъ на траву, на квиткы, на землю, на одежу хлопчакивъ, а воны пидъ той ривный та одномаитый шелестъ ще дужче, ще солодче сплять. Уже давно той дощъ и все огныще погасывъ,—тилько й курывся сдынъ дымокъ, шо такъ донызько розлягавсь по земли; уже давно той дощъ и землю досыть намочывъ,—тилько й зосталось сухенькои земли, де спалы помижъ травою хлопчакы. Дощъ уже й не йде, а прямо такы сиче, и чують хлопчакы кризь сонъ, якъ винъ пробирается имъ пидъ свыткы, якъ пада на голову, а зъ головы тече за шыю, а воны все такы сплять соби та й сплять. Дытячый сонъ—и, Боже мій, якый крипкый!.. Уже якъ почало зорять, тилько тоди наши хлопчакы, дуже змочени дощемъ, повскакувалы на ногы, мерщій посидалы на коней та швыденько до-дому на село. Ось Ивасыкъ уже й дома, ось винъ уже и пидъ повиткою, уже й спыть у санчатахъ, на сухому сини, неначе винъ никуды и не втикавъ зъ дому.

Одначе, те ночне полювання коло лису Корніевкы не пройшло дарма паначеви Ивасыку. Черезъ два чы черезъ тры дни писля того, якъ Ивасыкъ вернувсь до-дому зъ пидъ Корніевкы, пишовъ винъ якось зъ кубушечкою по холодну воду до Гекового колодязя та якъ нагнувсь надъ нымъ, то такъ и впавъ, такъ и злигъ тамъ, на зруби, та й лежавъ, ажъ покы не прыгнавъ до колодязя напуваты кони Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ та не вздривъ тамъ Ивасыка. Сперше Максымъ Мыкытовычъ подумавъ, шо хлопья заснуло коло воды, а дали якъ кынувсь до нёго, ажъ воно зовсимъ неначе не жыве: усе такъ и взялось паломъ та жаромъ, заплющыло очы и ничогисенько не говоре и пары не пуска зъ устъ. Узявъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ хлопчыка на рукы та скорійшъ до Крачка. „Отъ такъ и такъ, каже, найшовъ ваше хлопья коло колодязя та й не знаю, чы воно жыве, чы й нежыве. Такъ шо, глядить, колы бъ швыдко й не захолонуло“.

Батю мій, якъ стрипенется жъ, почувшы таки слова, пани Ганна Крачыха, а за нею и самъ панъ Крачокъ! Кынулысь воны до свого хлопьяты, а воно все такъ неначе полумьямъ

узялось и ни словечка не говоре, а тилько воде ручѣнятамы то туды, то сюды, та все якъ зитхне-зитхне, та якъ зивьется то въ одну, то въ другу сторону, такъ ажъ страшно на нёго дывыться. „Ой лышенько! ой горечко мени! Шо жъ тутъ на божимъ свити казать и шо тутъ робыть? Куды ёго зъ такымъ лыхомъ кынуться"? крычала неначе несамовыта маты Ивасыка. Никуды бильше, янъ до хрещенои матинкы Ивасыка, Гали Ивановны Голованивны, шо запомогала людямъ у всякій биди. „Панночко, голубочко, риднесенька, запоможить моёму горю: мій Ивасыкъ пишовъ оть такъ и сякъ до колодязя, и теперъ лежыть на лижку та умира"! заголосыла Крачыха, прыбигшы у горныци до Гали Голованивны. „Шо таке зъ нымъ зробылось? Шо таке"?—„Та отъ таке та онъ яке"...

Отъ и побигла добра панночка до своёго хрещеныка Ивасыка. А воно лежыть, зпустывшы зъ лижка рученята свои та, нычого не тямлючы, буровытся у своій же крови, шо такъ и тече, такъ и тече зъ носа у нёго, та така густа та ажъ неначе чорна вся: „Охъ, лышенько, це жъ у него гарячка"!..

Отъ и почала личыты панночка свого хрещеныка. Личе день, личе й другый, личе й третій, а ему все важче та важче робытся. Плаче надъ нымъ ридна маты, плаче и хрещена. „Зъ тимъ що помре Ивасыкъ"... Боже, Боже, яке жъ то горе велыке, яке лыхо страшне выпало ридній матери! Воно жъ, те хлопьятко, у неи одно, тилько одно, вона жъ имъ болила, вона жъ ёго годувала, вона жъ ёго пѐстыла, вона жъ ёго доглядала, та не доглядила, бачь, и теперъ шые ёму червону сорочечку та шукае маненьки черевычкы, шобъ спорудыды ёго на той свитъ. „Ой, Боже жъ мій, ой, сыночечокъ мій, любый мій, голубчыку, соколыку, лебедыку мій"!.. И не одна маты лье слёзы надъ Ивасыкомъ: онъ и батько ёго якъ розлягается надъ нымъ; онъ и у бабуси Одарочки не высыхають старечи очи одъ сливъ; онъ и Стецько Гыря якъ рыда надъ своимъ товарышомъ панычикомъ; онъ и Орыся, „молода" Ивасыка, почувшы, шо вже ёму на цимъ свити не жывотить, прыбигла у кимнаты до Крачка, прыпала до нижокъ Ивасыка та плаче, та

вже плаче надъ нымъ, неначе винъ дорогше ій ридного батька, дорогше риднои матери, дорогше усёго-усёго на всимъ свити...

Отъ же жъ, мабуть, ци гарячи слёзы, слезы матери та батька, слёзы святи та чысти дытячи дійшлы до мылосердного Бога: тыждливъ черезъ два, чы трохи бильше, писля того Ивасыкъ пиднявся зъ своёго лижка, а ще черезъ два тыждни зовсимъ пишовъ здоровенькый... И впьять побигъ винъ по селу: побувавъ и у всихъ хлопцивъ товарышивъ, и у всихъ дидивъ, и у всихъ крывыхъ, и у всихъ слипыхъ, и у всихъ голубьятныкивъ, и у всихъ собачіивъ...

Одначе, недовго писля хворобы прыйшлось Ивасыку бигаты по селу. Ось прыйихавъ до пани Крачыхы іи ридный братъ, шо вчывсь десь у Петербурзи, у найвысчій школи; прыйихавъ винъ, подывывсь на Ивасыка та й ставъ уговорять свою сестру, шобъ вона виддала свого сына въ науку: „Отдай, каже, сестро, цёго хлопця у науку,—зъ нёго буде корысть“. И, батю мій, якъ почувъ же таки слова Ивасыкъ, то такъ увесь и охолонувъ. Ихъ лыхо! Де бъ винъ ц дивсь? А старый Крачокъ, шо дуже поважавъ брата своеи жинкы, дывлячысь на те, ще й бильше нагнавъ холоду Ивасеви: „ну, шо жъ, каже, якъ у науку, то и въ науку, наука, кажуть, не мука, а просвита людямъ“.

Такъ скоро-недовго писля Спаса и вырядылы Ивасыка у науку. Плаче маты его, провожаючы свого сыночка; плаче ёго кревный товарышъ и друзяка, Стецько Гыря; плаче ёго вирна та щыра „молода“, Орыся Витрякивна; плаче бабуся Одарочка; плаче самъ Ивасыкъ, розстаючысь зъ усима товарышамы, зъ кудлатымы та лапатымы псамы своимы, зъ своимъ сирымъ котомъ-муркотомъ, зъ своимы буркуцькымы та чубатымы голубамы, зъ своимъ зеленымъ та прохолоднымъ садомъ. А ёго якъ посадылы у визокъ, та й повезлы, та й повезлы, та й повезлы...

XIII.

Багато-багато зъ тіеи поры утекло воды въ ричкахъ, якъ панычыка Ивасыка одвезлы изъ села Суныцивкы у далекій-далекій край та отдалы у науку. Уже давно винъ не панычыкъ, а панычъ. Уже давно винъ скинчывъ середню школу и перейшовъ до найвыщихъ наукъ, се-бъ то зробывсь студентомъ университета, та й и въ выщій школи ёму зосталось тилько одынъ рикъ учыться. Ось йиде винъ у свою Суныцивку, шобъ побачыть татка та матинку та набратысь на вильному жытти побильше мици та здоровья та шобъ добре скинчыты усю науку и тоди вже братысь за службу. Йиде винъ до-дому, дывытся шырокымы очыма на давно знаёми мисця, любуе и мылуе все свое ридне, дороге, украинське.

Украино. Украино! Люблю тебе, люблю серцемъ, люблю душею, всимы мыслямы тебе люблю! Та й якъ тебе, свята родыно, якъ тебе не любыть? Украино! скилько и веселыхъ и тяжкыхъ думъ встае въ моій голови пры одному цёму слови! Тилько одно слово, але—яке жъ выразне та глыбоке слово! Чы знайдется де-небудь у нашій безмирно-шырокій Руси такый, дуже славный своимы историчнымы діямы и ще до того такый дуже чаривный своею прыроднёю красою край, якъ та тыха, далека та шырока Украина? Чоловиче подорожній, стань-зупынысь: тутъ земля священна!.. Такъ, тутъ земля священна! Трычи священна! Тутъ, шо ни крокъ, то нагȃдъ на славетне мынуле нашихъ славетнихъ предкивъ. Скилько труждалось тутъ прославленныхъ въ нашій историі лыцаривъ-героивъ? Скилько разъ, за часы війнъ, гучалы тутъ, скризь по-пидъ небомъ, то радосни писни та побидни громы, то жалибный плачъ та сумни стогны? А скилько разъ залывалась тутъ земля кровію хрестіянською, скилько разъ засивалась вона кистьмы людськымы, скилько разъ покрывалась вона зброямы воёвнымы? Вельмы зубожена и безталанна Украино! Шо въ тоби діялось въ ти страшни, въ ти тяжки нескинчанни чȃсы татарщыны, колы

густа мла всю огортала тебе, колы сама земля стогнала велыкымъ стогиномъ, колы бидни люды твои, попавшы въ тяжку турецьку неволю, зализнымы кайданамы брязчалы, свою гирку долю клялы-проклыналы, до Господа мылосердного жалибно взывалы? Шо тоди діялось промижъ сынивъ твоихъ, бездольня Украино?

Зажурылась Украина, шо ниде прожыты:
Вытоптала орда киньмы маненькіи диты;
Ой, маненькыхъ вытоптала, велыкыхъ забрала,
Назадъ рукы постягала, пидъ хана погнала.

А шо чинылось на лони твоимъ, Украино, въ ти бучни ча́сы лядськихъ бенкетивъ, колы католи́кы ногамы топталы твою ридну православну виру, колы людськи права сынивъ твоихъ ознайменовани булы яко нелюдськи, колы хрыстыянынъ зневаженный бувъ немовъ та безсловесна товаряка, колы чоловикови давано було прызвыще „быдло, пся кревъ, поганьство", колы церквы твои споганени булы нечыстымы рукамы жыда-невиры, колы школы твои зробылысь прытыномъ непажерлыхъ іезуитивъ... Шо тоди діялось на лони твоимъ, безталанна Украино?

Встае хмара зъ-за лыману,
А другая въ поля,
Зажурылась Украина,—
Така іи доля!
Зажурылась, заплакала,
Якъ мала дытына,
Нихто іи не рятуе,
Козачество гыне...
Якъ та галичъ поле крые,
Ляхы, уніяты
Налитають—нема кому
Порадонькы даты...

Але ось за-для щастя и за для вичного жыття Украины въ іи лони зъявылась могутня, допрежъ того невидома сыла и

гучно пронеслась вона по всёму божому свиту. То було гризне, никимъ не перемо́жне, никимъ необо́рене и никимъ неодо́ляне нызове козацтво. Тоди неначе спорушена найвыщою сылою, уся Украина, мовъ та сыленна хвыля у бурхлыву годыну на безкраёму морю, заколыхалась велыкою хвылею и, хлюпнувшы геть далеко черезъ свій берегъ, гризно, якъ та блескуча блыскавыця, свирконула страшнымъ мечемъ на вси на чотыри стороны свита и счиныла велыку пожежу. Мицне тиломъ, тверде духомъ, нызове козацтво, якъ та летюча комета, бурхлыво пронеслось по всій шырокій Украини, скризь покыдаючы за собою кривавый слидъ и скризь видмещаючы страшною помстою ворогамъ своеи дидивськои виры и супротывныкамъ своеи украинскои народности, якымы булы кровопійни бусурмены и ненависни католы́кы... И розлылась та слава козацького руху далеко-далеко, запавшы глыбо́ко въ серця не тилько блызькыхъ, але й далече́зныхъ потомкивъ нызового лыца́рства... И до сіеи поры слипци-кобзари, слипци-бандурысты жывымы глаголамы выспивують-розносять по Украини ту славу велыкого козацького руху...

Але ча́сы козакивъ на Украини давно вже мынулысь, страсти вгомонылысь, кровъ перестала лыться, и на мисти велыкыхъ вчынкивъ сыніють тилько высоки могылы та вильно гуляе буйнесенькый, шо нышкомъ гомоныть зъ могыламы про давни гучни ча́сы велыкого козацького руху... Мынулы ти часы козацьки; самы козакы давно вже зійшлы зъ историчного кону, старе племено́ зминылось молодымъ поколинням, а прырода, якою була, такою й зосталась: „Родъ прыходе, родъ переходе, а земля во викъ стоить“... Все те жъ саме блакитне-блакитне, неначе въ теплій Италіи, небо; все ти жъ ярко-зелени, свижи та роскишни шаты, все ти жъ чаривни темнолысти та прохолодни лиса; все ти жъ ричкы, шо тыхо несуть срибни воды свои та ледве-ледве котятся по безкрайныхъ вильныхъ степахъ. Чудовый край! Люблю тебе, люблю серцемъ, люблю душею, всимы мыслямы тебе люблю!..

Ось и той шляхъ, що зъ гόрода иде въ ридне село; ось и той „постоялый двиръ“ Метелыкъ, що, не доизжаючы за пьять верстовъ до села, стоить у праворучъ, пры самому шляху: ось и лисъ Корнiевка, що простягнувсь геть-геть по яру ажъ до Вильныхъ хуторивъ, ось и невелычке кладовыще зъ деревьяныमы, витромъ пидбытымы та поваленымы на землю хрестамы; осьдечкы, наостаньци, и саме село Суныцивка, куды давно вже спишыть-поспишае нашъ панычъ Ивась Краченко.

„А що, якъ-то теперъ жывуть тамъ татко та матинка? Якъ-то тамъ уси товарыши та прыятели? Чы вже велыки зрослы? Якъ то тамъ диды? Чы й доси жывуть на божимъ свити? Якъ то тамъ мотается Максымъ Витрякъ? А яка то стала теперъ ёго дочка Орыся? А чы велыкый теперъ розрисся садокъ у Витряка? А чы густый ставъ садокъ у самого тасуся́“? Такъ то, йидучы до-дому, миркувавъ соби та згадувавъ панычъ Ивась Краченко, и ёго думкы та згадкы, неначе ти бжолы у вулику, роилысь у молодiй голови.

Боже, Боже! скилько радощивъ, скилько слизъ, скилько молытовъ було, якъ побачыла свого сыночка Ивася стара Ганна Крачыха! Якъ кынулась вона до нёго, якъ обхопыла ёго рукамы та такъ и впьялась у нёго! Цилуе ёго въ щокы, цилуе ёго и въ очи, цилуе и въ плечи, и въ шыю, и въ рукы... Не знае уже, куды ёго и посадовыты, чимъ ёго и нагодуваты, чимъ ёго и напоиты... А самъ старый Крачокъ, той, дывлячысь на свого бравого та хорошого сына, тилько плакавъ та шепотивъ якись слова, стоячы середъ кимнаты та зложывшы на грудяхъ обыдви рукы. Дывытся винъ на свого сына и самъ соби не вире, що у нёго такый сынъ...

А панычъ Ивась Краченко молодець молодцемъ выйшовъ. Высокый, прямый, якъ струночка, зъ тонкимъ та гнучкимъ станомъ — винъ справди бувъ, якъ той высокый, тонкый та темнозеленый явиръ, що вырисъ на зеленыхъ лугахъ та пры чыстiй, якъ дытячи слезы, води. А що найкраще всёго було у паныча — це очи; якись-то глыбоки, чаривни, блескучи, якъ самоцвиты, и невымовно таемни очи. Такъ якъ заговоре панычъ Ивась

зъ якымъ чоловикомъ, та якъ зблыжытся своимъ лыцемъ до лыця того чоловика, та якъ гляне ёму своимы очима у ёго очи, то того чоловика такъ и потягне до панычa; такъ бы винъ все дывывсь ёму въ вичи и все бъ слухавъ и слухавъ про те, шо винъ балака ёму. У тыхъ очахъ стилько свитылось розуму, стилько було вогню, укупи зъ якымсь веселымъ жартомъ, шо хочъ бы чоловикъ сперше и виры не нявъ тому, про шо ёму казалы, а якъ панычъ гляне на чоловика, якъ випьется у нёго своимы, повными мыслей та загадокъ очима, то той чоловикъ и слуха ёго, и вире ёму, и лыне за нымъ душею и серцемъ и всимы думкамы кудысь далеко-далеко, у той невыдымый таемный мыръ, куды инколы залитâ кожна жыва душа кожного жывого чоловика. „Винъ, той Ивась Краченко, казалы про паныча ёго товарышы, винъ, якъ захоче, то хочъ кого завгодно зачаруе своимы дывнымы очыма"... Тилько хто ёго зна чимъ бильше зачаровувавъ Ивась Краченко, чы своимы „очамы", чы своимы „речамы", бо винъ говорывъ зъ такою сылою, зъ такымъ вогнемъ та паломъ, и такъ якось ласкаво та тепло, шо такъ бы викъ слухавъ ёго и не наслухався...

Одначе, Ивась Краченко ще й самъ добре не знавъ тіеи сылы, якою щедро подарувала ёго прырода. Теперъ ёго тилько одно й цикавыло та турбовало: яко мога швыдче оббигать уси куточкы свого двору, свого току, свого садка, горбда и до вёсго пыльно додывыться и доглядиться. И панычъ, трошкы видпочывшы писля дорогы, побигъ скризь на оглядыны...

Бильшъ усёго тягъ ёго до себе маненькій садокъ, де рослы дрибнолысти вербы, срiблясти тополи, кучеряви вышенькы, темнозелени черешни. И ось винъ уже у своёму укоханному садочку. Тутъ винъ то вырве лысточокъ любыстку, то вытягне изъ земли кущъ холодной руты-мняты, то одщипне гилочку божого дерева та все те жужмомъ прытуля до носа, та все те нюха та вдыхае въ себе. Ось пидійшовъ винъ до самого тыну, де колысь посадывъ молодого дубочка, та й ставъ розглядать, чы велыкый вырисъ, чы прямымъ пишовъ у гору ёго коханець.

Довго розглядавъ панычъ свого дубочка, а дали глянувъ черезъ плитъ у садокъ Максыма Витряка и несподивано уздривъ тамъ дивчыну. Уздривъ та й зразу остовпивъ: передъ нымъ стояла прямо такы невыразна вродныця, чудодывна дивчына-краля, отъ така саме, якъ отъ то спиваюуть у писняхъ—„не наймычка, такъ дочка, чудодывна кралечка“... Вона прытулыла до лоба праву долоню и дывылась далеко-далеко вдалечинь, туды, де заходыло ажъ геть за церквою, за панськымъ садомъ, за глыбокымъ проваллямъ ясне сонечко, шо передъ самымъ захидомъ зробылось таке червоне-червоне, порозкыдало далеко одъ себе, скризь по небу, довги-предовги пасмугы и озолотыло частыну неба чудовымъ, гарячымъ та блескучымъ проминомъ. Вродныця-дивчына, дуже задумавшысь, стояла нерухомо въ дывному видблыску и дывылась на золоте сонечко, а панычъ Ивась, зачарованный дывовыжною красою дивчыны, дывывся на іи чысте та спокійне лычко, шо червонило веселымъ сяйвомъ вечирнёго сонця и, здавалось, палало безкраимъ щастямъ молодои дивочои доли...

— Не вже це Орыся Витрякивна?... Орысю, та це ты?

— Охъ мени лыхо! Хто це тамъ пыта? Ивась... Панычу... та звидкиля жъ це вы взялысь?.. Та чы це вы, чы хто другый?..

— Я, Орысю, я! Яка жъ ты красу... яка жъ ты велыка стала!

— Та й вы жъ яки... Пишовъ геть, бисивъ Покотъ, изъ саду!.. Ну, це ще!.. Та й вы жъ яки сталы...

Прывитавшы такъ одынъ одного, Ивась та Орыся на цимъ и замовклы: панычъ Ивась стоить та дывытся на Орысю, а Орыся стоить та дывытся на Ивася, и чогось имъ обомъ нибы бъ то соромно стало. Орыся уся ажъ зашарилась, ажъ полумьямъ узялась, а панычъ, опустывшы долу очи, одно знай робе, шо туле до носа то любыстокъ, то руту—мнягу, то боже-дерево, та все нюха, та все такъ крипко нюха та вдыха въ себе пахощи. И николы жъ винъ такъ не соромывсь, а тутъ неначе вчынокъ якый вчынывъ и неначе ёго на самому

мисти того вчынка застукала цила громада людей и соромыть и докаря ёго.

Але ось на выручку Орыси та Ивася якъ разъ тутъ трапывсь Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ: винъ проходывъ чогось черезъ тикъ, уздривъ у садку паныча и кынувсь до нёго, неначе до ридного сына.

— Якъ? Шо? Колы? Чы на довго до насъ, Иване Рыгоровычу?

— Та ажъ на два зъ половыною мисяци, Максыме Мыкытовычу!

— Отъ десь уже вамъ татко—нехай здоровъ ходе!—раденькый, шо Богъ прывивъ за стилько рокивъ побачыты сыночка?

— Де вже не раденькый, Максыме Мыкытовычу! Якый же батько, або маты та не будуть ради своёму сынови? Отъ хочъ бы й вы, якъ котрый изъ вашыхъ сынивъ вертается додому зъ далекои стороны?

— Э, Иване Рыгоровычу, Иване Рыгоровычу, мои сыны!.. У мене теперъ тилько одынъ сынъ, Павлусь, и зоставсь та, якъ бачыте, дочка Орыся.

— Якъ такъ?

— Такъ, та й бильшъ ніякъ! Шкодà й казаты!.. Пожывете—почуете... Не вмивъ до пуття довесты... А теперъ хочъ бы вже цёго у люде вывесты. И якъ винъ рвется до того пысьменства! Такъ де жъ тутъ и навчыться, якъ у насъ и доси и школы нема?

— А хиба такы и доси нема?

— А нема!

— А рвется дуже?

— Ще й якъ рвется! Такъ рвется, шо, я жъ кажу, спыть и у-ви сни баче те пысьменство. Винъ тамъ у когось навчывсь пысаты десять цыхвèръ, такъ оце теперъ изъ рукъ и крейды не выпуска та все малюе ти цыхверы и на палышныкахъ, и на дверяхъ клуни, и на дубкахъ, шо лежать зрублени на току, и на тополяхъ, шо ростуть у садку,—де тилько можна, тамъ и

пыше... Та ось винъ якъ разъ зъ крейдою и йде... Павлусю! Павлусю! а ходы лышень сюды, сынку!

— Здоровъ тоби, Павлусю!

— Здорови вамъ!

— А шо чы пизнаешъ?

— Та неначе бъ то пизнаю, а про те Богъ васъ зна, хто вы таки.

— Та ты гарненько прыдывысь, то може...

— То жъ то бо й йе: якъ добре прыдывлюсь, то выходе, неначе нашъ панычъ Краченко, а якъ добре не прыдывлюсь, то неначе якыйсь чужый городянськый панычъ...

— Отакъ ты мене отеступавъ! Ну, одначе, якъ же ты тутъ проживаешъ?

— Зъ усячыною!

— А пысьменства хочешъ учыться? Га?

— А хочу!

— И дуже хочешъ?

— А дуже!

— Ну, такъ знаешъ шо? Я оце прыйихавъ до-дому ажъ на два зъ половыною мисяци, такъ думаю буты тоби за вчытеля.

— Шо це вы, Иване Рыгоровычу? скрыкнувъ одъ радощивъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ.

— А шо? Буду вчыть вашого Павлуся,—та й бильшъ ничого!

— Господы мылосердный, Господы праведный, та пошлы жъ ты цёму доброму чоловику за ёго добристь щастя, якого тилько винъ одъ Тебе бажа! Отъ колы для мене буде радисть, якъ мій Павлусь та навчытся грамоты! Отъ колы мени буде втиха! Павлусю! Орысю! Та дякуйте жъ панычеви! Та молится-жъ за нёго! Марусю! Марусю! А ходы лышень швыдче сюды!..

— Та шо це вы, Максыме Мыкытовычу? Богъ зъ вамы! Вы жъ бильшъ зробылы за-для мене, нижъ я для васъ, якъ

пиднялы мене коло колодязя... Вы жысть мени дарувалы, а тутъ шо? Тутъ моя така послуга, шо вона мени ажъ ничогисенько не коштуе: то Павлусь до мене, колы ёму можна буде, забижыть, то я до нёго заверну, та такъ за циле лито, дасть Богъ, мы и навчымось и чытаты и пысаты...

Такъ и почавъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко учыты пысьменства Павлуся Витряченка. И хваткый же бувъ Павлусь до того пысьменства! Винъ такъ за нёго репьяхомъ и взявсь... Ще не вспіе панычъ показаты Павлусеви буквыцю, ще не вспіе винъ, якъ слидъ, втлумачыты ёму, якъ іи треба протягты голосомъ, якъ Павлусь уже й зна, уже іи й голосомъ протяга, уже й слово зъ неи склада, и тутъ же самъ соби дывуется, шо зъ такыхъ коротенькыхъ буквець та выходе циле слово и въ тому слови циле зна́чиння: У—мъ... Умъ"... Дывысь, та це жъ воно и есть, якъ отъ то кажуть: „Умный чоловикъ"... „У—съ... Усъ"... Бачъ, дви буквыци, а выходе циле слово „усъ", то „борода", а то „усъ"... „О—с—а... О—с—а". Дывысь же ты, дывысь! Тилько тры буквыци, а выходе справжне слово, та ще й яке кусюче слово! Бачъ, яке воно, то пысьменство! Бачъ!

Такъ пройшовъ тыждень; пройшовъ и другый, а на третій тыждень Павлусь Витряченко уже почавъ чытаты, хочъ и зъ прыпынкамы, яки завгодно слова, не тилько зъ двохъ, або зъ трёхъ буквыць, а и изъ пьятёхъ, або й бильшъ того. Дали панычъ почавъ даваты Павлусеви маненьки кныжечкы-читанкы до-дому, и якъ визьме Павлусь таку кныжечку, то такъ и увипьется у неи: чы йде по двору, чы йде куды у поле, то заразъ же вытягне іи изъ-за пазухы, або зъ кышени та й чита соби и чита. „Эге, цей уже у Максыма Витряка сынъ буде пысьменный! Цей такъ, шо буде пысьменный! Дывысь, якъ винъ чыта: неначе молоткомъ куе, або шаблею сиче! Та якъ голосно, та якъ выразно, не то шо нашъ заика паламарь, Нечипайло-Будякъ"! Такъ казалы про Павлуся уси люде на сели. И справди, Павлусь узявсь за пысьменство такъ щыро, шо усякому выдко було, шо зъ того выйде справжня для нёго корысть.

Одначе Павлусеви не доволи було одного пысьменства,— винъ узявсь ще за щотныцю. Тутъ Павлусь выявывъ таку кебету, шо прямо такы на вдывовыжу панычеви: винъ такъ легко розгадувавъ усяки завдання та чыслови загадкы, неначе роспускавъ клубкы нытокъ. А шо вже Павлусь цикавый бувъ на всяке пытання, чы про небо, чы про землю, чы про жыття якого звиря, або комахы якои, такъ тилько слухай ёго та поспивай ёму одвичать. Бильшъ усёго любывъ Павлусь чытаты божественни кныжкы и надъ усе ёго цикавылы религійни пытання. Це прямо такы для нёго булы справжни святощи, у якихъ винъ повсигда кохався и своимъ серцемъ, и своимы думкамы. Черезъ те винъ не знавъ, якъ други хлопци, ни играшкивъ, ни жартивъ, а ни звычайныхъ дытячихъ радощивъ, и зналы ёго на сели за „чуднòго" хлопця, такого, шо у нёго не вси-бъ то дома въ голови.

Зъ велыкою охотою ходывъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко до Витрякивъ. Тилько хто ёго зна, хто бильше прытягавъ до себе паныча, чы Павлусь Витряченко, чы, може, Орыся Витрякивна, и черезъ шо воно, и якъ воно сталось такъ, шо якъ тилько оце настане день, то паныча вже й тягне до Витрякивъ. Якъ нема дома ни Павлуся ни Орыси, то панычъ прыйде у свій садокъ, стане коло свого коханьця-дубка та тамъ и стоить и стоить та все дывытся черезъ плитъ у садокъ Максыма Витряка, а самъ, Богъ зна, де й литае своимы мыслоньками, и куды бъ винъ ни залитивъ своимы мыслямы, а скризь зъ нымъ и за нымъ Орыся Витрякивна. А якъ же Павлусь та Орыся дома, то й панычъ коло ихъ. И якъ сяде винъ у старій хати учыты Павлуся, то такъ и лагодытся, шобъ тутъ же була и Орыся. Та й Орыся, неначе бъ то вона й не хоче того, шобъ зустричатысь зъ панычемъ, а все якось воно выходе такъ, шо якъ тилько панычъ рыпне дверыма у старій хати, то тутъ уже и Орыся: то ій треба взяты у старій хати, въ скрыни, клубокъ суровыхъ нытокъ, то ій треба тамъ достаты, у мысныку, маненьку макитерку, то треба зняты зъ жердкы батькивскій кожухъ та выкынуты ёго на сонце. Оце ускоче Орыся

у хату, достане те, шо ій тамъ треба, и тутъ же або сяде на лави, або стане коло дверей та буцимъ-то слуха, шо тамъ чыта Павлусь, а сама крадькома зыркне на панича та скорійшъ и очици спусте у землю, та то румьяна, а то уся почервоніе, якъ калына... И чимъ частійшъ бачылысь Орыся та Ивась, тымъ усе дужче и дужче имъ хотилось бачытысь...

Д. Яворницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

VI.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ служебная и учено-литературная дѣятельность Кулиша быстро приняли широкіе размѣры [2]. Пользуясь уваженіемъ и покровительствомъ помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, нашъ молодой ученый старался найти себѣ такое поприще дѣятельности, на которомъ ему можно было бы вполнѣ развернуть свои силы. Планы одинъ шире и смѣлѣе другого возникали въ его головѣ и быстро смѣняли другъ друга, и всѣ они, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣли одну неизмѣнную черту—всѣ были такъ или иначе связаны съ дорогой Украйной. Къ Юзефовичу Кулишъ обращался часто и свободно и притомъ, въ виду его литературныхъ связей, также и по дѣламъ журнальнымъ. Однажды

---

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 2.

2) Однимъ изъ первыхъ произведеній Кулиша была повѣсть: «Михаилъ Чернышенко», о которой Шевыревъ далъ весьма лестный отзывъ въ «Москвитянинѣ», отмѣтивъ блестящее дарованіе Кулиша и его горячую любовь къ Украйнѣ.

Кулишъ писалъ ему: „вы велѣли мнѣ напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы доставилъ мнѣ постоянную плату отъ листа“. Мы видимъ изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ, что Кулишъ уже довольно высоко цѣнитъ свой трудъ и готовъ „лучше жить однимъ жалованьемъ и совсѣмъ не браться за перо, нежели обогащать бездумныхъ столичныхъ писакъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обложкахъ“. Замыслы Кулиша уже поражаютъ обширностью и отвагой, но для исполненія ихъ онъ принужденъ искать простора, для чего и необходимо было содѣйствіе вліятельныхъ лицъ. Онъ писалъ Юзефовичу: „У меня родилась такая дерзкая мысль, что я ужъ не смѣлъ и говорить вамъ о ней прежде ея осуществленія— мысль выразить жизнь малороссійскаго народа въ эпопеѣ. Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приближаясь къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ“ [1]).

Скоро Кулишу, при его необъятныхъ планахъ, тѣсно стало въ Кіевѣ, и онъ началъ просить Юзефовича помочь ему устроиться въ Петербургѣ, гдѣ можно было бы безпрепятственно посвятить себя изданію малороссійскихъ лѣтописей, исторіи малороссійскихъ фамилій и подобныхъ трудовъ, а досуги посвящать любимымъ занятіямъ живописью въ Академіи художествъ. Для многаго уже были заготовлены матеріалы, иное заранѣе рисовалось молодому автору въ весьма опредѣленныхъ и заманчивыхъ чертахъ; вездѣ его манила перспектива самостоятельнаго творчества и прокладыванія новыхъ путей. Каждый предпринимаемый трудъ представлялся Кулишу настоятельной и неотложной потребностью его родины, и онъ считалъ себя призваннымъ по мѣрѣ силъ способствовать разрѣшенію ея историческихъ за-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1899, II, стр. 191. Разумѣется «Черная Рада» (письмо отъ 14 августа 1843 г.)

дачъ [1]). . Свои завѣтныя мысли онъ сообщаетъ Юзефовичу, повидимому съ необходимыми уступками оффиціальнымъ взглядамъ, въ такомъ видѣ": Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и проч.—назову ее хоть поэтическою,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россіею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, расцвѣтая около двухъ вѣковъ такою сильною, такою пышною народною жизнью, мало принесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіяне, въ соприкосновеніи съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатство колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи. Я увѣренъ, что послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія" [2]). Увлекаясь богатствомъ и глубокимъ поэтическимъ значеніемъ памятниковъ духовной жизни малороссійскаго народа, Кулишъ сильно сокрушался о томъ, что они почти не приведены въ извѣстность и потому не могутъ оказывать должнаго благотворнаго вліянія какъ на малорусскую, такъ и на великорусскую народность. Отсюда первой неотложной задачей онъ считаетъ изданіе малороссійскихъ лѣтописей (въ этомъ направленіи онъ старался дѣйствовать на Юзефовича и другихъ вліятельныхъ лицъ), пѣсенъ, свода малороссійскихъ узаконеній, собранія всевозможныхъ географическихъ данныхъ и „описанія старинныхъ церквей и зданій, утварей

---

1) Кулишъ въ это время говорилъ о себѣ: «Я теперь хожу, какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣдую бороду, не отойду безъ того, чтобы не выжать изъ нея пахучаго цвѣта народной поэзіи или въ преданіи или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ живописца изученіе антиковъ скульптуры» («Кіевская Старина», 1899, II, 189—190).

2) Кіевская Старина, 1899, II, 199—200.

домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремеслъ" [1]). Изъ этого видно, какая широкая программа создавалась въ головѣ Кулиша. Понятно, что при такихъ стремленіяхъ онъ всячески избѣгалъ пустыхъ знакомствъ и непроизводительной траты времени и старался вступать въ сношенія преимущественно съ людьми, извѣстными своими трудами въ области исторіи и словесности, что вскорѣ привело его къ перепискѣ съ Погодинымъ, Плетневымъ, Максимовичемъ и другими. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности и сношеній Кулиша становился все шире, но центръ постоянно оставался тотъ же. Весной 1843 года Кулишъ отъ чрезмѣрной работы сталъ чувствовать сильныя боли въ груди и даже боялся смерти; имъ ненадолго овладѣло отчаяніе, но когда опасность миновала, его мысли опять немедленно устремились къ привычнымъ предметамъ, и онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. „Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ,—говорилъ онъ—явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтическаго, и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ нашей исторіи" [2]).

VII.

Въ такомъ настроеніи застало Кулиша сближеніе его съ семействомъ Бѣлозерскихъ, имѣвшее большое значеніе въ его жизни. Онъ прежде всего познакомился съ юнымъ украинскимъ патріотомъ, своимъ будущимъ другомъ и соиздателемъ малороссійскаго украинскаго журнала „Основа", В. М. Бѣлозерскимъ. При началѣ ихъ знакомства послѣдній былъ еще студентомъ; онъ былъ нѣсколькими годами моложе Кулиша. Сообщаемъ о ихъ первыхъ встрѣчахъ со словъ самого покойнаго Василія Михайловича [3]).

---

1) Тамъ же, стр. 200.

2) «Кіевская Старина», 1899, II, 188—189.

3) См. о немъ же нашъ некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 28 февраля 1899 г. (№ 59).

„Въ 1843 году студентъ Кіевскаго университета Д. П. Пильчиковъ, желая познакомить меня съ Кулишемъ, какъ любителемъ и знатокомъ всего украинскаго, привелъ меня на ту квартиру, гдѣ былъ у него г. Чалый. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ первой никого не было, во второй находился Кулишъ. Пильчиковъ вошелъ туда, пробылъ недолго и, возвратясь, сказалъ, что Кулишъ теперь занятъ и надо притти въ другой разъ. Послѣ этого прошло довольно много времени, пока я съ нимъ познакомился. Миновало лѣто, наступила осень, и Кулишъ былъ уже учителемъ въ Кіевскомъ училищѣ, живя на квартирѣ въ Старомъ Кіевѣ. Кажется, Пильчиковъ посовѣтовалъ мнѣ быть у него одному. Придя къ нему вечеромъ, я встрѣтилъ очень привѣтливый пріемъ и, пробывъ до поздней ночи, возвращался къ себѣ на Печерскъ темными улицами, по страшной грязи, восхищенный и восторженный, нисколько не жалѣя, что засидѣлся. Я съ нимъ говорилъ такъ, какъ будто былъ давно знакомъ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ... Мы съ нимъ условились видѣться какъ можно чаще.“

Съ первыхъ же свиданій Кулишъ совершенно околдовалъ своего новаго знакомаго задушевными бесѣдами о Малороссіи и знаніемъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ [1]). Вскорѣ онъ снабдилъ его лѣтописью Грабянки и другими столь же драгоцѣнными для обоихъ рукописями и книгами. Замѣтивъ въ юношѣ горячій энтузіазмъ ко всему, что касалось ихъ возлюбленной родины, Кулишъ вознамѣрился отклонить его отъ избранныхъ имъ юридическихъ наукъ на путь изученія исторіи и литературы, желая вовлечь его въ литературную дѣятельность. Вскорѣ молодые люди сблизились настолько, что Бѣлозерскій, уже заочно познакомившій Кулиша съ своимъ семействомъ, при наступленіи лѣт-

---

[1]) Въ свою очередь Бѣлозерскій также полюбился Кулишу, который писалъ о немъ П. Е. Чуйкевичу: «Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства» («Кіевск. Стар.», 1899, 14, стр. 357).

нихъ каникулъ, предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ свое имѣніе Мотроновку (борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Страсть ко всему малороссійскому была наслѣдственной въ семьѣ Бѣлозерскихъ. Ею въ высшей степени отличался отецъ семейства Михаилъ Васильевичъ, служившій по выборамъ въ Малороссіи комиссаромъ, повѣтовымъ судьей и маршаломъ дворянства. Обязанный говорить въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ административными лицами по-русски,—въ бесѣдахъ съ сосѣдями и крестьянами онъ постоянно пользовался малороссійскимъ нарѣчіемъ, любилъ пѣть народныя пѣсни и играть на гусляхъ [1]). Ко времени пріѣзда Кулиша въ Мотроновку его уже не было въ живыхъ, но пламенная любовь къ малороссійскимъ нравамъ и обычаямъ отличала также сестру его, Елену Васильевну, и жену, Матрону Васильевну [2]), такъ что всѣ семейныя преданія согласно тянули въ одну сторону [3]).

Въ этой народолюбивой сферѣ Кулишъ, уже становившійся тогда извѣстнымъ своими горячими украинскими симпатіями, явился не какъ гость одного изъ членовъ семьи, а какъ общій желанный другъ и собесѣдникъ. Сближеніе, конечно, не замед-

---

[1]) По словамъ письма П. А. Кулиша къ львовскому профессору Огоновскому, желавшему получить отъ него біографическія свѣдѣнія о его женѣ, хотя Михаилъ Бѣлозерскій былъ хорошаго происхожденія и учился въ кіевской духовной академіи, но по рѣчи и привычкамъ былъ близокъ къ народу. Онъ былъ почитателемъ Вольтера, къ большому неудовольствію своего отца, который въ гнѣвѣ прокололъ глаза въ портретѣ при книгѣ сочиненій Вольтера, находившейся у его сына". Говорятъ, что онъ былъ такой мастеръ разсказывать, что для того, чтобы слушать его, бросали карты и танцы.

[2]) Послѣдняя, по словамъ Кулиша въ письмѣ къ Огоновскому, любила малороссійскую словесность, народные разсказы, пѣсни, обычаи и т. п , а изъ иностранныхъ авторовъ особенно восхищалась Вальтеръ Скоттомъ.

[3]) Воспитательница невѣсты Кулиша въ сельскомъ пансіонѣ также любила малороссійскія пѣсни Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и поэта Виктора Ник. Забѣлло.

лило послѣдовать, чему особенно способствовало то, что, играя на флейтѣ и скрипкѣ, онъ любилъ пѣть малороссійскія пѣсни: „Ой сивъ пугачъ тай на могыли“, „Ой горе, горе, якый я вдався“, „Ой ходывъ чумакъ симъ литъ на Донъ“ и множество другихъ пѣсенъ, веселыхъ и грустныхъ. При немъ всегда находился большой сборникъ пѣсенъ, которыя любила пѣть его мать. Время проходило оживленно и пріятно; всѣ наслаждались отъ души. Кулишъ очень понравился матери и сестрамъ Бѣлозерскаго и потомъ вскорѣ сошелся съ старшимъ братомъ Викторомъ и съ ихъ дядей Николаемъ Даниловичемъ, котораго всѣ они очень уважали. Съ ними обоими онъ велъ потомъ дружескую переписку, а съ Василіемъ Бѣлозерскимъ скоро сдѣлался почти неразлученъ. Вникая въ дальнѣйшія отношенія Кулиша къ семейству Бѣлозерскихъ, мы убѣждаемся, въ особенности на основаніи недавно [1]) изданной переписки его съ И. Ф. Хильчевскимъ, что въ сущности здѣсь мы имѣемъ дѣло гораздо больше съ отвлеченнымъ духовнымъ союзомъ, обусловленнымъ общностью національныхъ интересовъ и увлеченій, нежели съ горячими личными симпатіями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть неустойчивыми или даже вовсе отсутствовать. Основой взаимнаго притяженія были постоянныя оживленныя бесѣды о равно всѣхъ интересовавшихъ предметахъ, на почвѣ которыхъ не разъ возникали даже широкіе политическіе планы и предположенія. У всѣхъ Бѣлозерскихъ съ Кулишемъ была общая жилка—всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ имѣли непреодолимое влеченіе къ малорусской словесности, этнографіи и археологіи; подобно Кулишу, эта семья тяготѣла ко всему, въ чемъ сказывается пульсъ народной жизни, и дорожила живыми отголосками родной старины. Этимъ вполнѣ объясняется и легкая для нихъ въ годы молодости возможность увлеченія въ области политическихъ утопій, а также не всегда согласныхъ, при идейной солидарности, родственныхъ отношеній. По болѣзни Кулишъ легко поддавался хандрѣ при самомъ началѣ сближенія съ Василіемъ Бѣлозер-

[1]) «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 84—149.

скимъ, но его развлекали посѣщенія новаго друга. На пасхѣ 1844 г. онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „На меня напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигдѣ быть; бываю счастливъ, если голова и душа сильно дѣйствуютъ, но едва дѣятельность меня оставляетъ, является скука самая мучительная. Утѣшаетъ меня только одна благочестивая бесѣда съ вашимъ дорогимъ Васею. Онъ часто меня оживляетъ. Очень часто теперь видимся, читаемъ вмѣстѣ Слово Божіе, трактуемъ, замышляемъ многое въ будущемъ; дай Богъ всему доброму исполниться". И тутъ же сообщается дальше объ отправкѣ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" статьи „Поѣздка въ Малороссію" и о полученіи отъ одного изъ знакомыхъ дневника его прадѣда, генеральнаго хорунжаго, въ которомъ „все записано кратко, но зато упоминается о всякой домашней мелочи", благодаря чему Кулишъ надѣялся „ознакомиться получше съ бытомъ малороссійскихъ пановъ во времена Петра Великаго". Въ то же время Кулишъ зачитывался Литовскимъ Статутомъ съ цѣлью опредѣлить состояніе малороссійскаго или, лучше сказать, древнерусскаго языка до того времени, когда онъ началъ ополячиваться". Погрузившись такимъ образомъ съ головой въ изученіе Украйны, Кулишъ искалъ полнаго кабинетнаго уединенія, освѣжаемаго бесѣдами по душѣ съ избранными людьми. „Люблю"—говорилъ онъ—„только такія собранія, гдѣ сойдутся три-четыре человѣка, связанныхъ или любовью родственной, или любовью къ наукѣ и добродѣтели".

Между тѣмъ кругъ друзей, малороссійскихъ патріотовъ, постепенно расширялся; вскорѣ Кулишъ подружился еще съ Г. Т. Мизко и В. Н. Волкъ-Карачевскимъ. Молодой ученый жилъ тогда мечтами молодости и то составлялъ проекты поѣздокъ къ друзьямъ и путешествій,—причемъ всегда имѣлась въ виду возможность предаваться на свободѣ излюбленнымъ бесѣдамъ или наблюдать и изучать нравы,—то замышлялъ новый планъ жизни съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности. Благодаря его просьбамъ, Юзефовичъ назначилъ его (въ 1845 г. на мѣсто Костомарова) учителемъ гимназіи въ Ровно, преду-

предивъ о невыносимой тамошней скукѣ. „Правду вы говорили“—писалъ вскорѣ Кулишъ своему покровителю,—„что не пройдетъ и мѣсяца, какъ я возопію къ вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ. Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ. Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназіи, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ Костомаровъ, котораго общество для меня такъ много значитъ“ [1]). Вмѣсто Кіева, однако, судьба перенесла Кулиша въ Петербургъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Плетневу.

Знакомство съ Плетневымъ было въ высшей степени благодѣтельно для Кулиша. Работая надъ „Чорной Радой“, Кулишъ стремился знакомить съ своимъ трудомъ настоящихъ цѣнителей. Поэтому въ августѣ 1843 года, отправившись въ поѣздку по Кіевской губерніи, онъ заѣхалъ къ извѣстному польскому писателю Грабовскому, представился ему и такъ полюбился, что тотъ удержалъ его на нѣсколько времени, предложилъ къ его услугамъ даже деньги для напечатанія „Чорной Рады“ и „Орыси“ [2]). Тутъ же онъ перевелъ одну часть „Дзядовъ“ подъ заглавіемъ „Любовь за гробомъ“ и подписалъ подъ переводомъ слова: „переводилъ я подъ вліяніемъ страданій, похожихъ на страданія Густава“ [3]). Значеніе этихъ словъ разъяснится намъ въ слѣдующей главѣ.

Въ Кулишѣ Грабовскій видѣлъ талантливаго и мыслящаго человѣка, подававшаго большія надежды. Изъ устъ его онъ охотно и даже съ увлеченіемъ, иногда долго засиживаясь съ ними по

---

1) «Кіевская Старина», 1899, II, 202.

2) Грабовскій даже говорилъ Кулишу, что онъ «первый постигъ элементы души запорожской и что со временемъ напишетъ что-нибудь равное «Веверлею» и «Пуританамъ».

3) Густавъ—дѣйствующее лицо въ этой части, выражающее любовь къ дѣвушкѣ—чистую и экзальтированную въ высшей степени.

ночамъ, слушалъ народныя малороссійскія легенды, разсказы про гайдамаковъ и многое другое изъ сокровищъ народной поэзіи, которыми овладѣлъ Кулишъ въ студенческіе годы [1]). Съ своей стороны Грабовскій замѣчательно умѣлъ дѣйствовать на подъемъ духа своего молодого друга и всячески старался помогать ему, разыскивая и доставляя ему разныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя выдержки изъ его поэмъ онъ посылалъ для напечатанія Крашевскому въ его „Ateneum", но Крашевскій не помѣстилъ ихъ, чтобы „nie narazić się naszej publiczności" [2]). „Можетъ быть„,— писалъ Кулишъ Юзефовичу о „Чорной Радѣ"—„я бы и совсѣмъ не показалъ вамъ этого труда, предпринятаго не съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что я начинаю вѣровать въ его достоинства" [3]). Вотъ эта вѣра и внушила Кулишу мысль послать первыя пять главъ „Чорной Рады" Плетневу, какъ лицу, достойному почета и довѣрія, какъ бывшему другу Пушкина и человѣку, извѣстному своей теплой, сердеч-

---

1) Впослѣдствіи Грабовскій приходилъ въ большой восторгъ отъ сочиненій Кулиша. Однажды онъ ему писалъ: „Ja Pana kochałem zawsze jako człowieka; miałem Pana za jednego z najzdolniejszych i najrozumnieiszych ludzi, jakich spotkałem u mem życiu; ale wyznaje Pana że jako o pisarzu nie miałem wielkiego wyobrażenia. Dwa ostatnie tomy pańskiego zbioru wyprowodziły mnie z błędu" („Правда", 1868, стр. 284).

2) Объ этомъ см. также „Кіевскую Старину", 1899, II, стр. 191—192.

3) Онъ же сблизилъ Кулиша съ библіоманомъ Свидзинскимъ, почему-то получившимъ прозваніе графа, хотя въ дѣйствительности не имѣлъ этого титула. Кулишъ, впрочемъ, недолюбливалъ или, по крайней мѣрѣ, не уважалъ этого человѣка, называя его «старымъ и причудливымъ холостякомъ» и сообщая о томъ, что онъ и Костомаровъ «допекали его, завзятаго аристократа, своими демократическими нападками на былое польское орудованье козаками». «Pan hrabia» — говорилъ онъ—краснѣлъ, пыхтѣлъ, называлъ козаковъ, нашихъ предковъ, наглыми хлопами, и продолжалъ снабжать насъ рукописями и старопечатными книгами съ довѣрчивостью непостижимой».

ной отзывчивостью. Избравъ Плетнева своимъ покровителемъ, Кулишъ разсчитывалъ на его благородство и доброту, и не ошибся. Между прочимъ Кулишъ имѣлъ въ виду здѣсь и завѣтную свою мечту о переходѣ на службу въ Петербургъ, куда онъ особенно стремился въ виду завязавшагося у него въ Мотроновкѣ неудачнаго (сначала) романа [1]), чтобы отвлечь свои мысли отъ предмета страсти. Кулишъ имѣлъ въ виду также убѣдить Плетнева присылкой сочиненій въ своемъ знаніи русскаго языка [2]), необходимаго для полученія каѳедры въ одномъ изъ петербургскихъ средне-учебныхъ заведеній, которую желалъ занять тогда Кулишъ [3]). Съ тѣхъ поръ у Кулиша завязалась

---

[1]) Впослѣдствіи Кулишъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: «Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе имѣетъ въ жизни моей Мотроновка».

[2]) Вскорѣ Плетневъ ближе узналъ Кулиша, приходилъ въ восторгъ отъ прекраснаго знанія Кулишемъ поэзіи Жуковскаго и Пушкина и даже такихъ поэтовъ, о которыхъ и въ кружкѣ Плетнева никто не зналъ. Плетневъ любилъ говорить о Кулишѣ: «вотъ какъ нужно изучать русскую словесность»! («Русск. Обозрѣніе», 1897, III, стр. 205.

[3]) Не имѣя университетскаго диплома, Кулишъ не могъ бы занять мѣсто учителя гимназіи, если бы лично знавшій его Юзефовичъ не рѣшился, въ виду замѣчательныхъ познаній и талантливости Кулиша, пренебречь формальностями. Теперь приблизительно то же предстояло сдѣлать Плетневу, который для этой цѣли и рѣшилъ опереться на литературные труды Кулиша. Мало того, по словамъ одного изъ ораторовъ на полугодовомъ поминаніи Кулиша, его шурина О. М. Бѣлозерскаго: „Плетневъ и Жуковскій устроили его отцу ради даровитаго сына сомнительное дворянство". „Не осудимъ",—говоритъ г. Бѣлозерскій—„а поблагодаримъ покровителей за это, памятуя слова практической мудрости Екатерины, сказавшей, что ложь дозволительна, если кому-либо приноситъ пользу, и никому не причиняетъ вреда". О покровительствѣ Плетнева Кулишу см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ", т. II, стр. 404, 528, 536, 622—623 и проч. Кулишъ же заочно познакомилъ Плетнева съ Костомаровымъ (тамъ же, 635). На предостереженія Грота, что Плетневъ слишкомъ скоро предался Кулишу (стр. 632), послѣдній отвѣтилъ:

переписка съ Плетневымъ, который, съ свойственной ему проницательностью, по первымъ литературнымъ трудамъ уже провидѣлъ въ Кулишѣ крупную литературную силу и, подобно тому, какъ раньше Юзефовичъ, подалъ ему руку для возвышенія по лѣстницѣ учено-литературнаго прогресса, предоставивъ ему одновременно два мѣста: учителя V петербургской гимназіи (Плетневъ исполнялъ тогда должность попечителя округа) и преподавателя русскаго языка студентамъ-инородцамъ въ университетѣ. Плетневъ полюбилъ Кулиша, какъ родного сына. Вспоминая о благодѣяніяхъ и задушевномъ обращеніи съ нимъ Плетнева, Кулишъ говорилъ: „Благодаря пристрастію дилеттанта бюрократіи, нѣкогда дуэлиста-маіора" (т. е. Юзефовича), „я посланъ былъ на мѣсто Костомарова въ Ровно изъ учителей трехкласснаго дворянскаго училища; подобное же пристрастіе одного изъ столичныхъ администраторовъ, Петра Александровича Плетнева, недѣли черезъ три перенесло меня въ столицу" [1]). Впослѣдствіи Кулишъ не мало сожалѣлъ о томъ, что не вполнѣ умѣлъ цѣнить чудную личность Плетнева, потому что полной его любви и уваженію къ послѣднему отчасти мѣшало нѣкоторое недовольство его незнаніемъ Плетневымъ малороссійскаго языка и отсутствіе въ немъ горячаго увлеченія Малороссіей, котораго нельзя было и требовать отъ старикавеликоросса, но которое въ глазахъ энтузіаста Украины являлось обязательнымъ въ человѣкѣ, идеальномъ въ другихъ отношеніяхъ. Въ свою очередь, и Плетневъ не могъ раздѣлять восторговъ Кулиша и не сочувствовалъ нѣкоторой исключительности его симпатій, хотя вообще высоко цѣнилъ его, отозвавшись о немъ такъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. К. Гроту: „милый молодой человѣкъ, интересный и наружностью, и чистотой души и умомъ" [2]). Черезъ Плетнева сблизился Кулишъ и

„Кулишъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ" (635 стр.) и что онъ „высокій образецъ чувствованій и дѣлъ" (стр. 753).

[1]) „Новь", 1885, № 13, стр. 62.

[2]) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 623.

со многими другими замѣчательными и достойными личностями: съ Ишимовой, извѣстной издательницей „Здѣздочки", съ братьями Гротъ [1]) и Нордштремами.

VIII.

Исторію любви Кулиша къ его будущей женѣ В. М. Бѣлозерскій передавалъ намъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

„Въ первое же лѣто (1843 г,) мы вмѣстѣ поѣхали изъ Кіева въ нашъ хуторъ Мотроновку. Здѣсь онъ познакомился съ моей матерью и сестрой Александрой; матери онъ очень полюбился; сестра была имъ очарована: онъ страстно въ нее влюбился. Они оба признались мнѣ въ своихъ чувствахъ, но сестра (ей было только 15 лѣтъ), воспитанная подъ внимательнымъ надзоромъ матери, какъ ея любимица, не помышлявшая даже о возможности чувствовать и мыслить безъ ея вѣдома, не говорила ей, однако жъ, о своихъ чувствахъ и старалась быть сдержанной съ Кулишомъ. Онъ, страстный и нетерпѣливый, хотѣлъ непремѣнно добиться ея признанія, но не могъ, и когда выѣз-

[1]) Яковомъ и Константиномъ Карловичами. О Я. К. Гротѣ Кулишъ отзывался такъ: «Онъ такъ-же молчаливъ, какъ и Петръ Александровичъ, но зато каждое его слово имѣетъ значеніе, и ни одно не сказано праздно. Этотъ человѣкъ не столько удивляетъ меня своими филологическими и другими способностями, сколько правильностью жизни и подчиненіемъ всего себя законамъ разума». Изъ сужденій Грота приводится между прочимъ слѣдующее: «Гротъ замѣтилъ, что идти въ монастырь непростительно, потому что назначеніе человѣка не въ томъ состоитъ, чтобы молиться только Богу; лучшая молитва, говоритъ онъ, заключается въ нашихъ дѣлахъ». Но религіозный Кулишъ замѣчаетъ: «Нѣтъ, господа, гордо вы мудрствуете, и душа моя невольно отъ васъ отстраняется». Впрочемъ позднѣе самъ Кулишъ высказывался, и весьма энергично, въ томъ же смыслѣ, какъ и Гротъ, противъ монастырей, сильно осуждая даже пушкинскаго Пимена. (См. его письмо къ Галагану въ «Кіевской Старинѣ», 1899, IX, 345—346).

жалъ отъ насъ, по порученію губернатора Фундуклея для путешествія по кіевской губерніи, просилъ ее принять его портретъ на память, но она отказалась, и онъ, выѣхавъ отъ насъ, за воротами изломалъ его и бросилъ въ канаву.

„Слѣдующій годъ мы провели въ Кіевѣ, и Кулишъ довольствовался краткими свѣдѣніями, которыя сообщались мнѣ сестрою въ письмахъ, и не разъ говорилъ о томъ, что старается ее забыть. Когда наступило время вакацій, онъ не поѣхалъ къ намъ, но прошло немного времени—и онъ неожиданно вдругъ явился. Помню, это поставило меня въ большое затрудненіе; я чувствовалъ, что должно произойти что-то рѣшительное. И дѣйствительно, произошло. Сестра, зная, что мать очень любитъ Кулиша, но несогласна на ея замужество съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бѣднымъ и безъ опредѣленнаго положенія, стала отъ него сторониться; это доводило его до крайняго нетерпѣнія, и наконецъ онъ рѣшился прямо объясниться съ матерью, попросивъ дать ему свиданіе наединѣ. Мать согласилась, по моему совѣту. Это свиданіе происходило въ нашемъ старомъ домѣ, которымъ впослѣдствіи владѣла сестра и который сгорѣлъ въ 1890 году. Свиданіе происходило въ такъ называемой столовой, дверь изъ которой вела въ дѣтскую, гдѣ мы съ сестрой помѣстились въ трепетномъ ожиданіи. Дверь была заперта, но мы все слышали. П. А. обратился къ матери съ упрекомъ за то, что она мѣшаетъ его сближенію съ А. М. „Нисколько“, отвѣчала мать: „она совершенно свободна, и сама не желаетъ сближенія“.—„Какъ не желаетъ?! она меня любитъ!“—„Позвольте мнѣ объ этомъ лучше знать“!—отвѣчала мать съ раздраженіемъ.—„Она это вамъ говорила?“ спросила съ насмѣшкой мать. Кулишъ былъ поставленъ въ затрудненіе, но отвѣчалъ, что хотя не говорила, но онъ въ томъ увѣренъ.—„Какая самоувѣренность“! насмѣшливо замѣтила мать, и зная, что мы находимся въ сосѣднихъ комнатахъ, громко позвала: „Саша! Саша“! Для сестры наступила рѣшительная минута; она вышла на зовъ матери.—„Саша, Пантелеймонъ Александровичъ говоритъ, что ты его любишь“.—„Да, я люблю Пантелеймона

Александровича", отвѣчала сестра твердымъ голосомъ. „Я этого не знала"! отвѣчала мать и сказала, обращаясь къ Кулишу, что она не выдастъ за него дочери, и тутъ же съ нимъ простилась. Чтó тогда произошло въ домѣ, трудно разсказать. Кулишъ вышелъ во флигель, въ которомъ мы съ нимъ жили. Мать и сестра молчали; я бросился за П. А. и увидалъ его на кровати съ головой, уткнутой въ подушку, и страшно, спазматически рыдающимъ. На другой день онъ уѣхалъ. Сестра, оставшись съ матерью наединѣ, сказала: „вамъ не угодно, чтобы я вышла за П. А.; я изъ вашей воли не выйду, но никто другой не будетъ моимъ мужемъ".—„И это говоритъ барышня! Стыдись, Саша"! отвѣтила мать. Но Саша, 16 лѣтняя дѣвушка, выросла выше своихъ лѣтъ; любовь ее преобразила. И цѣлую ночь мать прислушивалась у дверей къ громкимъ рыданіямъ дочери".

IX.

Такимъ образомъ сердечный романъ на время пріостановился. По переѣздѣ Кулиша въ Петербургъ, онъ первое время былъ всецѣло занятъ, кромѣ своихъ учено-литературныхъ дѣлъ, своими отношеніями къ Плетневу и лицамъ, его окружающимъ. Впослѣдствіи, въ одномъ письмѣ къ И. Ф. Хильчевскому, Кулишъ сказалъ: „Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьей Плетнева" [1]). Въ своихъ ожиданіяхъ отъ представителей столичной печати онъ очень скоро разочаровался. „Современная наша

---

[1]) „Кіевская Старина", 1898, I, стр. 121.—Плетневъ проповѣдывалъ ему одну идею, важную для всякаго талантливаго человѣка,— о необходимости искать такихъ людей, которые въ какомъ-нибудь отношеніи могутъ быть образцами и наставниками. Въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ" постоянно встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что Кулишъ часто проводилъ время и обѣдалъ у Плетнева.

литература", писалъ онъ Юзефовичу—„представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный,—другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца". Въ концѣ концовъ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи Кулишъ доволенъ не больше, нежели кіевской. „Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій"—продолжаетъ онъ,—„я здѣсь заключаюсь самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ".

Повторяется все то-же, что было въ Кіевѣ: такой же дѣятельный трудъ, то же недовольство другими и желаніе трудиться иначе, по новому, разумному плану, и наконецъ снова громко и сильно проявляетъ себя потребность женской любви. Мало-по-малу начинаетъ на себя обращать вниманіе Кулиша единственная дочь Плетнева, Ольга Петровна. О первой встрѣчѣ съ Ольгой Петровной Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пріѣзжаю къ Петру Александровичу на вечеръ и застаю двухъ дѣвушекъ, танцующихъ въ сарафанахъ. Одна изъ нихъ была О. П. Въ сарафанѣ она показалась мнѣ совершеннолѣтнею и чрезвычайно привлекательною. Вчера я случайно завелъ съ ней разговоръ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, хорошо образованномъ и свѣтскомъ. Ея отзывъ о немъ удивилъ меня своею солидностью и показалъ въ ней умъ, достойный прекраснаго чела, какимъ природа ее надѣлила. Сегодня новое впечатлѣніе оживило въ моей душѣ вчерашнее, а къ тому прибавилось еще одно обстоятельство: она обыкновенно ведетъ себя по-дѣтски".— „Сегодня"—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 3 января 1846 года, „сидя насупротивъ меня за столомъ, Ольга была такъ тиха и задумчива, что я назвалъ ее героиней баллады. Она мнѣ нравилась, и я почувствовалъ, что могу къ ней пристраститься. Надо вести себя какъ можно благоразумнѣе. Не смѣшно ли увѣрять себя и другихъ, что безъ той-то жить

---

[1]) „Кіевская Старина", 1899, 11, 201 стр.

не могу! Время ото всего насъ излѣчиваетъ. Теперь Саша [1] дорога моему сердцу, какъ сестра, но и безъ нея еще возможно для меня семейное счастье. Впрочемъ, да будетъ воля Божья"! Тѣмъ не менѣе Кулишъ, полюбивъ Плетнева, какъ отца, такъ привязался къ его дочери, что неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы однажды, когда онъ, разговорившись съ ней объ украинскихъ думахъ, сказалъ между прочимъ: „вотъ и вы выучитесь со временемъ по-украински", она же отвѣтила ему: „никогда". Это слово отворожило отъ нея Кулиша.

X.

Между тѣмъ Кулишъ получилъ уроки въ только что основанной петербургской пятой гимназіи, гдѣ пока были открыты лишь младшіе классы,—обстоятельство весьма благопріятное для молодого ученаго, нуждавшагося въ свободномъ времени для своихъ литературныхъ занятій [2]). Тогда же Кулишъ сдѣлался лекторомъ русскаго языка въ петербургскомъ университетѣ и надѣялся получить заграничную командировку. Такимъ образомъ карьера его подвигалась съ необычной быстротою. Однажды Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „То, чтò обыкновенно называютъ счастьемъ, льется на меня рѣкой. Я счастливъ, но счастье мое было бы самое бѣдное, если-бы основывалось только на возвышеніи, съ котораго такъ легко нисласть. На возвышеніе свое я смотрю, какъ на средство распространять больше добра между людьми". Удачно устроивъ собственныя дѣла, онъ не переставалъ заботиться и о своихъ друзьяхъ и, пользуясь своей близостью къ Юзефовичу, энергично ходатайствовалъ за нихъ. Почти въ каждомъ письмѣ онъ напоминаетъ Юзефовичу о Чуйкевичѣ, Красковскомъ, Хильчев-

---

[1]) Александра Михайловна Бѣлозерская, впослѣдствіи жена Кулиша.

[2]) „Кіевская Старина", 1899, II, 204.

скомъ. „Михаилъ Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей"! писалъ Кулишъ Юзефовичу: „Услышьте мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте" [1]). И наконецъ, даже такъ: „О Чуйкевичѣ, о Хильчевскомъ и о Красковскомъ до тѣхъ поръ не перестану васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять вамъ каждыя пять минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: „Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій"! и подарю его вамъ" [2]). Просьбы Кулиша дѣйствительно имѣли поразительный успѣхъ. О Костомаровѣ онъ пишетъ: „Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ!.. Онъ много сдѣлаетъ для вашего университета [3])". На мѣсто же Костомарова Кулишъ уже прочитъ въ первую кіевскую гимназію В. М. Бѣлозерскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „между тѣмъ вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу васъ, и да будетъ моя просьба стоитъ тысячи" [4]). А между тѣмъ въ то же время и съ той же просьбой Кулишъ обращался и къ Плетневу. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что сначала, еще не будучи увѣренъ въ успѣхѣ своей просьбы за Бѣлозерскаго, Кулишъ намѣтилъ было себѣ въ спутники заграничной поѣздки Чуйкевича, который—говорилъ онъ—„будетъ весьма полезенъ, какъ

---

[1]) „Кіевская Старина", 1899, III, 304.
[2]) Тамъ же, стр. 310.
[3]) Тамъ же, стр. 309.
[4]) „Кіевская Старина", 1899, III, стр. 306.

переписчикъ и исполнитель всякихъ надобностей, на что онъ охотно соглашается" [1]). Кулишъ просилъ даже исходатайствовать ему безплатный выѣздъ за границу, а когда Чуйкевичъ былъ въ проектѣ замѣненъ Бѣлозерскимъ, то Кулишъ просилъ перевести его учителемъ въ Бѣлую Церковь [2]).

Въ это время уже образовалось въ Кіевѣ „Кирилло-Мееодіевское братство принимавшее въ число членовъ людей безукоризненной репутаціи и отнюдь не допускавшее извѣстнаго іезуитскаго девиза. Завѣтная мечта братства заключалась въ объединеніи славянъ въ свободномъ союзѣ подъ протекторатомъ русскаго императора и въ улучшеніи быта и заботы о просвѣщеніи крестьянъ. Эмблемой общества служилъ чугунный перстень съ вырѣзанными на немъ именами святыхъ первоучителей славянства. (Кулишъ былъ противъ этого внѣшняго знака, но другіе члены сильно стояли за него). Дѣйствовать рѣшено было словомъ изустнымъ и печатнымъ.

XI.

24 января 1847 года совершилось знаменательное событіе въ жизни Кулиша: онъ женился на сестрѣ Василія Бѣлозерскаго, Александрѣ Михайловнѣ, получившей впослѣдствіи въ украинской литературѣ почетную извѣстность подъ именемъ Ганны Барвинокъ. Это была тогда еще совершенно юная дѣвушка, первоначально обратившая на себя вниманіе своего будущаго мужа вовсе не тѣми качествами, которыя онъ такъ высоко цѣнилъ въ ней впослѣдствіи. Молодой литераторъ, въ воображеніи котораго рисовалась блестящая ученая карьера, для чего при его богатыхъ дарованіяхъ у него были несомнѣн-

[1]) Тамъ же, стр. 305.

[2]) Вслѣдъ за этими лицами предполагалось выписать Шевченка для усовершенствованія его таланта въ живописи, и друзья просили го только хлопотать о паспортѣ, а о деньгахъ не заботиться.

ныя данныя, встрѣчаясь съ молодой дѣвушкой, чувствовалъ живое обаяніе отъ ея восторженной и чистой натуры; но, отдавая себѣ наединѣ отчетъ въ зарождавшейся въ его душѣ нѣжной симпатіи, онъ сначала старался всѣми силами противостоять своему влеченію въ виду недостаточности средствъ и страха за осуществленіе своихъ завѣтныхъ научныхъ стремленій, которымъ онъ рѣшился посвятить всю свою жизнь. Въ то время его петербургскіе друзья, корифеи учено-литературнаго міра, возлагали уже на него широкія надежды и побуждали его къ усиленной научной дѣятельности, а самъ онъ былъ, въ свою очередь, воодушевленъ свойственнымъ его страстной натурѣ пламеннымъ желаніемъ работать надъ усовершенствованіемъ своихъ познаній и, вообще, своей внутренней личности. Учено-литературные труды увлекали его, и въ головѣ его создавались все новые планы. Онъ работалъ тогда надъ „Черной Радой“ и отдавалъ этой работѣ значительную часть времени, а примѣръ его друга Шевченка окрылялъ его надеждой осуществить свою завѣтную мечту—создать самостоятельную украинскую литературу и высоко поднять національное знамя, и украинскій языкъ возвести на степень литературнаго. Кулишъ съ жаромъ отдавался избранному призванію и неусыпно стремился дѣйствовать на одномъ поприщѣ съ своими друзьями, въ числѣ которыхъ, кромѣ названнаго украинскаго поэта и Костомарова, наиболѣе видное мѣсто занимали Бодянскій, Метлинскій и другіе. Можно сказать, что онъ совершенно жилъ тогда своими малороссійскими симпатіями, и насколько горячо любилъ, напримѣръ, Костомарова, на столько же относился отрицательно къ Срезневскому и Юзефовичу [1]), несмотря на чувство благодарности къ послѣднему и на хорошія личныя отношенія. „Лѣтопись Самовидца“, имъ найденная и напечатанная, „Исторія Священника“, Плиска, лѣтопись Грабянки, „Исторія Руссовъ“—вотъ что̀ привлекало тогда къ себѣ всѣ его инте-

---

1) Впрочемъ отношенія Кулиша къ Юзефовичу всегда были довольно загадочныя.

ресы, да къ тому же онъ задумалъ еще изданіе собственнаго украинскаго альманаха и мечталъ даже о романѣ на малороссійскомъ нарѣчіи. „Странно думать“, говорилъ онъ, „что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ бы разсказать о своей жизни въ историческомъ романѣ“ [1]). И вотъ у него въ портфелѣ имѣющей возникнуть редакціи находились уже новыя стихотворенія и статьи Шевченка, Могилы (Метлинскаго), Іереміи Галки (Костомарова). Эта дружная горсть людей, вся исполненная надеждъ, воодушевленная сознаніемъ разумности и высокой справедливости своихъ чистыхъ и благородныхъ стремленій, вся такъ и кипѣла жаждой завѣтной дѣятельности. Единодушіе этихъ людей было замѣчательное: передъ нами не случайный подборъ случайныхъ сотрудниковъ, но тѣсная корпорація, проникнутая одной общей и всѣмъ имъ дорогой идеей. Русская жизнь не много представляетъ примѣровъ такого идейнаго союза, гдѣ бы каждый членъ вполнѣ подчинялъ соображенія личнаго успѣха интересамъ общаго дѣла, какъ это выразилось во многихъ мѣстахъ переписки Кулиша, между прочимъ хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ его къ Бодянскому: „Шевченко теперь въ Кіевѣ. Служитъ при архивной комиссіи; получаетъ 1000 р. жалованья. Этому нужно радоваться, потому что Комиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россіи для снятія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему Шекспировское знаніе людей и обычаевъ“ [2]). Какъ здѣсь каждое слово дышитъ любовью, горячимъ сочувствіемъ и радостной надеждой на личные успѣхи пріятеля и на успѣхи общаго дорсгого дѣла! Самъ Кулишъ, только-что успѣвъ приготовить къ печати „Лѣтопись Самовидца“, уже посылаетъ Бодянскому составленную для дѣтей исторію Малороссіи, предпринятую въ сущности съ

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, IX, стр. 399 и «Русскій Архивъ». 1892, XI, стр. 293.

[2]) Тамъ же.

тайной мыслью въ краткомъ и наименѣе отвѣтственномъ изложеніи затронуть интересующіе его вопросы, чтобы „предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самого украинскаго народа, чтобы окончательно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе украинцевъ въ нравственной дѣятельности славянскаго міра". Ему хочется, чтобы его трудъ „имѣлъ дѣйствіе камня, брошеннаго на неподвижную поверхность воды" [1]).

Между тѣмъ по рекомендаціи Плетнева, С.-Петербургскій университетъ, нуждавшійся, послѣ смерти Прейса, въ ученомъ славистѣ, и Академія наукъ успѣли уже оцѣнить этого украинскаго Инсарова, а послѣдняя рѣшила послать его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ языкахъ [2]). Въ ожиданіи почетной командировки, Кулишъ, съ упоеніемъ энтузіаста, утопаетъ въ архивахъ, но онъ менѣе всего могъ бы напомнить всей своей, тогдашней и послѣдующей, исполненной кипучей страсти, дѣятельностью сухого кабинетнаго отшельника. Письма Кулиша этого времени живо показываютъ, какъ его мысли и чувства были поглощены всѣмъ, касающимся Украины, и какъ его занимали украинскіе сборники, альманахи и другія изданія, не говоря уже о лѣтописяхъ; какъ, наконецъ, его интересовали большіе и малые дѣятели на поприщѣ изученія Украины: Максимовичъ, Бантышъ-Каменскій, Шевченко, Квитка, Стороженко, Срезневскій. Однимъ словомъ, украинскія увлеченія Кулиша были въ полномъ ходу и энтузіазмъ его достигалъ самаго высокаго градуса.

Въ это-то время, какъ мы знаемъ, въ семействѣ, относившемся съ такимъ же пыломъ къ прошлому и настоящему Украины, сочувственное вниманіе Кулиша обращаютъ на себя пре-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1892, XI, 294 и „Кіевская Старина", 1897, IX, 400.

[2]) „Русскій Архивъ", 1892, XI, стр. 293. „Кіевская Старина" 1897, IX, 401. См. также въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ", II, 813 и проч. особенно 949.

имущественно Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, получившій отъ него символическое прозваніе Ивана Коповченка и „ангелоподобнаго Васи“, и его сестра, будущая невѣста нашего украинскаго патріота. Въ душѣ послѣдней, въ свою очередь, зрѣла и крѣпла симпатія къ нему, но, замѣтивъ въ ней жилку домоводства, онъ даетъ ей шутливое прозвище „Хозяйственныя способности“. Въ своемъ дневникѣ отъ 20 августа 1847 г. онъ пишетъ: „кто узналъ любовь болѣе достойную человѣка, тотъ уже не придаетъ столько цѣны любви женской“, и „я не смѣю рѣшиться на бракъ, который, поглотивъ всѣ мои доходы, лишитъ меня возможности располагать ими для цѣлей благороднѣйшихъ“. Но не такова была дѣятельность и жезнерадостная натура Кулиша, чтобы остановиться передъ призракомъ препятствій, хотя его отчасти, можетъ быть, и пугало, что для женитьбы онъ долженъ будетъ отказаться отъ литературныхъ замысловъ и предпріятій, которые составляли отраду всей его жизни. „Вмѣсто изданія народныхъ пѣсенъ, лѣтописей, антиковъ, буду“, продолжалъ онъ, „заботиться о домашнихъ потребностяхъ“. Въ то же самое время ему „пріятно было жить въ пріязни между людьми въ хуторскомъ затишьѣ, и сколько было въ сердцѣ отмѣрено чувства для любви къ матери, которой цѣну онъ узналъ только по ея смерти, сколько дано ему было отъ природы способности любить сестру, которой у него не было, столько онъ принесъ въ жертву этимъ двумъ женщинамъ, т. е. Хозяйственнымъ Способностямъ и ея матери“. Чтобы оцѣнить вполнѣ колебанія Кулиша, укажемъ также выраженіе, встрѣтившееся въ одномъ изъ его писемъ къ Бодянскому: „Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности“ [1]). Посылая Бодянскому рукопись „Черной Рады“, онъ писалъ: „ввѣряю вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя мужу. Знаю, что оцѣните его

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400; „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 295.

по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите какъ нельзя лучше" [1]). Но страсть къ наукѣ и страсть къ женщинѣ не всегда исключаютъ другъ друга, и наконецъ Кулишъ однажды сообщилъ тому же Бодянскому: „люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Вкраини. Знаю добре, що никого, опричь іи, не визьму за себе, вернувшысь изъ нѣмецьыни. Дакъ щобъ ій не було у столыци якось моторошно, що, бачыте, не зна языкивъ, беру зъ собою за граныцю. А въ іи и грошенята йе,— буде за що жыты у Нѣмецьыни. И братъ іи йиде зъ намы. Не судите жъ мене и не корите за се. Безъ серця я бъ ничого въ свити не врадывъ: така моя натура" [2]). Такъ разрѣшились мучительныя колебанія, но ни передъ свадьбой, ни въ такъ называемый медовый мѣсяцъ, Кулишъ не разставался съ своими обычными занятіями, а равно и съ своими украинскими друзьями, какъ живыми, такъ и мертвыми, но неотлучно жившими въ его воображеніи; переписываясь съ Костомаровымъ, онъ, напр., горячо убѣждалъ его въ тождественности „Исторіи презѣльной брани" съ лѣтописью Грабянки; въ письмахъ къ Бодянскому убѣдительно умоляетъ „освободить изъ подъ лапы" цензора Никитенка вычеркнутыя имъ мѣста и возстановить ихъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей", „пользующагося благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры" (причемъ, между прочимъ, „страха ради цензорска" въ рукописи, предъявленной Никитенку, въ одномъ разсказѣ имя Потемкина вездѣ было замѣнено вымышленнымъ „Верходумовъ" [3]); наконецъ рекомендуетъ Бодянскому Сердюкова, „человѣка неизвѣстнаго, но великаго знатока украинской исторіи и заохотившаго его къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными" [4]). Словомъ, на каждомъ письмѣ его попрежнему

[1]) Тамъ же, стр. 405.

[2]) „Кіевская Старина", 1897, X, 35.

[3]) „Кіевская Старина", 1897, X, 27 и „Русскій Архивъ", 1892, XI, 297.

[4]) „Кіевская Старина", 1892, XI, 32.

лежитъ печать полнѣйшаго погруженія въ интересы украинской исторіи, для которыхъ предпринималась поѣздка въ Москву и предполагались сношенія съ харьковскими учеными по вопросу о народныхъ пѣсняхъ, и все это почти наканунѣ свадьбы. „Если харьковцы такъ малодушны, что не рѣшаются передавать вамъ своихъ рукописей"—пишетъ онъ Бодянскому, „то не думаю, чтобы они были такъ низки, что не позволятъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему" [1]), и особенно волнуетъ Кулиша, что „послѣ повѣстей Основьяненка, малороссіяне совсѣмъ уснули со своею литературою" [2]).

XII.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда заграницу. По свойственной ему живости, Кулишъ не можетъ переносить оффиціальныхъ проволочекъ. Онъ жалуется Бодянскому: „я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно". [3]) Надо было пройти рядъ формальностей. Предстоящее бракосочетаніе также не могло не вызвать нѣкоторыхъ пертурбацій въ обычномъ теченіи жизни. Прежде всего произошла важная перемѣна въ самомъ главномъ и коренномъ рѣшеніи, именно въ вопросѣ о времени свадьбы. Заграничная жизнь грозила продолжительной отсрочкой супружества, чего не хотѣла ни та ни другая сторона, во избѣжаніе всякихъ превратностей, что и оправдалось на судьбѣ Костомарова и его невѣсты. Рѣшено было отпраздновать свадьбу передъ отъѣздомъ, но относительно подробностей дѣла возникли несогласія, по поводу которыхъ невѣста потребовала было даже возвращенія обручальнаго кольца. Дѣло было такъ: Кулишъ настаивалъ однажды, чтобы невѣста прочла ему одно стихотвореніе Пушкина, но она не рѣшалась

---

[1]) Тамъ же стр. 28.
[2]) Тамъ же стр. 29.
[3]) Тамъ же, стр. 28.

читать при немъ и настойчиво отказывалась. Подъ вліяніемъ мысли о предполагаемомъ неимовѣрномъ упорствѣ ея характера, Кулишъ воскликнулъ: „Ахъ, я несчастный!“ Въ отвѣтъ на это невѣста сняла обручальное кольцо и, войдя въ комнату жениха въ его отсутствіе, положила на письменномъ столѣ при запискѣ: „Я никакъ не желала быть несчастьемъ другого, а тѣмъ болѣе вашимъ, и потому возвращаю кольцо, пока есть время“. Но это была минутная вспышка, на которую Кулишъ отвѣчалъ такъ: „несмотря на то, что для васъ такъ легко потребовать отъ меня кольца, я не возвращу его вамъ никогда. При всѣхъ вашихъ недостаткахъ, я васъ люблю, какъ родное дитя, и не только не отрекусь отъ васъ добровольно, но буду противостоять до последней возможности всѣмъ тѣмъ, которые окружаютъ васъ туманомъ. Мнѣ жаль васъ. Вы дитя моего сердца, и я испытываю отъ васъ такія противорѣчія. Впрочемъ, не вы виноваты. Да не смущается сердце ваше. То, что я прочелъ, написала не будущая супруга Кулиша, а разсерженная дѣвочка. На дѣтей сердиться не могу, а только жалѣю о нихъ. Впрочемъ утѣшаюсь надеждой, что дѣти въ свое время будутъ взрослыми“. Но недоразумѣніе было непродолжительно и скоро улеглось. 18 января было написано названное письмо, а черезъ нѣсколько дней молодая чета стояла уже подъ вѣнцомъ.

Объ этомъ знаменательномъ событіи въ жизни Кулиша сообщимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Передъ самой свадьбой сгорѣла кухня, и мать, выйдя во время пожара на крыльцо, простудилась и потомъ не выходила къ гостямъ, что имѣло свои неудобства и нѣкоторыми было принято, какъ несчастливое предзнаменованіе.

Незадолго до вѣнчанія пріѣхалъ Шевченко, принимавшій участіе въ церемоніи въ качествѣ шафера, и здѣсь произошло приключеніе, сначала смутившее и разстроившее многихъ, а потомъ обрадовавшее. „О пріѣздѣ Тараса Григорьевича“—разсказываетъ Александра Михайловна Кулишъ—„непремѣнно хотѣлъ знать Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, и мы поспѣшили его извѣстить. Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Зная, что Шевченко не бла-

говолитъ къ панамъ, но издавна восхищаясь его поэтическими произведеніями, онъ вошелъ въ залъ молча и молча же подалъ руку Шевченку, который только-что передъ тѣмъ пѣлъ. Николай Даниловичъ сѣлъ, а мы, желая занять гостя, приступили къ Шевченку съ просьбой что-нибудь спѣть; но Шевченко неожиданно уперся и на нѣсколько разъ повторенныя просьбы пѣть отказался. Пантелеймонъ Александровичъ въ смущеніи оставилъ его и обратился съ бесѣдой къ Николаю Даниловичу. Шевченко продолжалъ мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ по залѣ, и когда мы уже совсѣмъ перестали ждать, вдругъ запѣлъ козацкую пѣсню: „Ой морозе, морозенку! Ой ты славный козаче! За тобою, Морозенку, вся Украина плаче". Казалось, онъ никогда не пѣлъ съ такимъ совершенствомъ. Пѣсня его раздавалась по залѣ, какъ, бывало, по степи. Онъ кончилъ, и тутъ произошло нѣчто невиданное и неслыханное: Николай Даниловичъ быстро сошелъ съ мѣста, бросился къ Шевченку, обнялъ его и зарыдалъ на груди. Шевченко едва могъ его успокоить; все, что было въ душѣ обоихъ, родное, завѣтное, поднялось и обнаружилось въ этихъ слезахъ, въ этихъ объятіяхъ и рыданіяхъ. Съ этой минуты Николай Даниловичъ никогда не забывалъ его и потомъ посылалъ ему въ ссылку деньги". О Шевченкѣ, какъ превосходномъ исполнителѣ украинскихъ пѣсенъ, восторженно вспоминалъ потомъ Кулишъ, называя его въ одномъ письмѣ къ В. В. Тарновскому сыну [1]) тройнымъ поэтомъ: слова, кисти и пѣнія, причемъ, по его мнѣнію, скорѣе можно было найти въ немъ недостатки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, но какъ пѣвецъ, „онъ былъ совершенствомъ, и судьей надъ нимъ было само сердце" „Ничего лучшаго"—говоритъ Кулишъ въ подтвержденіе—„мы не слыхали—такое покрайней мѣрѣ у насъ осталось воспоминаніе хотя бы о томъ, какъ онъ пѣлъ на нашей свадьбѣ".

---

1) «Кіевская Старина», I, 1899 (январь), стр. 87.—В. В. Тарновскій отецъ, школьный товарищъ Гоголя, очень любилъ Кулиша, а также и сынъ его, скончавшійся лѣтомъ 1899 года.

Во время свадебнаго бала съѣхалось много гостей; было весело, играла музыка. Шевченко былъ въ ударѣ, шутилъ, вызывалъ изъ кадрили старшихъ сестеръ молодой и экзаменовалъ ихъ въ малороссійскомъ языкѣ. Онѣ сначала церемонились, но потомъ стали отвѣчать на вопросы бойко и удовлетворительно. Присутствующіе, удивленные тѣмъ, что, муштруя другихъ сестеръ, Шевченко все время оставлялъ въ покоѣ молодую, стали въ шутку упрекать его въ пристрастіи, на что Шевченко отвѣтилъ: „Я не экзаменую ее потому, что она будущая жена Кулиша, а онъ иначе и не женился бы, еслибы она была неспособна выдержать экзаменъ въ родномъ словѣ". Въ тотъ же вечеръ еще до пріѣзда гостей Шевченко превосходно пѣлъ „Зирочку вечирнюю" и нарисовалъ портретъ молодой и написалъ въ альбомъ ея стихи (онъ былъ въ сѣромъ пальто и красномъ шерстяномъ шарфѣ). Отзывъ Шевченко о Ганнѣ Барвинокъ подтверждается и слѣдующими словами о ней Кулиша къ Бодянскому: „Оженывсь я 24 чысла. Гарна и розумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу историю, а писни такъ спивае (та все наськи), що ажъ серце радуется". [1]) Дѣйствительно, будучи самъ горячимъ малороссійскимъ патріотомъ, Кулишъ, конечно, только и могъ полюбить такую же восторженную любительницу всего относящагося къ Украинѣ. [2]) Она знала даже всѣ народныя малороссій-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 36.

[2]) Это обстоятельство и было главной причиной, вслѣдствіе которой любовь къ Ганнѣ Барвинокъ вытѣснила изъ сердца Кулиша зарождавшуюся было въ его душѣ страсть къ дочери Плетнева, что мы можемъ ясно видѣть на основаніи дневника Кулиша. Однако, нѣкоторое время въ его душѣ происходила борьба, и любопытно, что уже почти передъ свадьбой, сравнивая обѣихъ дѣвушекъ, онъ объяснялъ свое предпочтеніе невѣстѣ именно ея кореннымъ малороссійскимъ происхожденіемъ: „О. П. не малороссіянка, иначе, можетъ быть, она воспреобладала бы надъ моимъ сердцемъ. Я ее нѣжно люблю; но Саша, воспитанная матерью, будетъ лучшею женою". Душевное настроеніе Кулиша передъ свадьбой было крайне неспокойно отъ множества разнообразныхъ хлопотъ и отъ столкновенія въ его душѣ раз-

скія повѣрья, и между прочимъ во время бракосочетанія очень радовалась, что восковыя свѣчи, перевязанныя пышнымъ бантомъ, горѣли ровно; свѣчи были, по народному обычаю, вложены въ стаканы, насыпанные рожью, и были поставлены передъ молодыми. По примѣтѣ выходило, что оба супруга умрутъ въ одно время. По указанной же причинѣ, т. е. въ силу пламеннаго согласія въ любви къ родинѣ, Кулишъ любилъ и мать и тетку своей невѣсты, родную сестру ея отца.

XIII.

Послѣ свадьбы молодые вскорѣ двинулись заграницу. Еще 26 ноября 1846 г. была получена Кулишомъ бумага о выѣздѣ заграницу для путешествія по славянскимъ землямъ. Отмѣчая этотъ фактъ въ своемъ дневникѣ, Кулишъ восклицаетъ: „одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни". Это была уже вторая бумага; первая, о назначеніи заграничной поѣздки, пришла мѣсяцемъ раньше. Кулишъ поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ лучшимъ другомъ и патрономъ, П. А. Плетневымъ, который былъ, въ свою очередь, очень обрадованъ и при этомъ сказалъ

народныхъ влеченій. Ему снились тревожные сны: то та, то другая интересующая его дѣвушка, т. е. то его невѣста, то Плетнева оказывались въ сновидѣніяхъ выходящими замужъ за кого-то другого. Бѣлозерская должна была ѣхать вѣнчаться съ его пріятелемъ Чуйкевичемъ, который, подобно самому Кулишу, собирался ѣхать заграницу, Плетнева же выходила замужъ неудачно и совершенно несогласно съ желаніями и принципами отца—за знатнаго и богатаго человѣка, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ. Въ другой разъ Кулишъ видѣлъ во снѣ, напротивъ, Бѣлозерскую выходящею за глупаго, но богатаго человѣка, но онъ убѣдилъ ее отказать недостойному жениху и, заступивъ его мѣсто, рѣшилъ ѣхать съ нею заграницу. Все это показываетъ, что рѣшеніе такого великаго шага, какъ бракъ, далось Кулишу не легко, и что сердечныя влеченія въ немъ сильно боролись. Отсюда происходила какая-то временная нервная надломленность, напугавшая его невѣсту.

слѣдующее небольшое напутствіе: „Помните только, что въ счастіи гораздо труднѣе сохранить благоразуміе, нежели въ несчастіи; отъ несчастья рѣдко сходятъ съ ума, а отъ счастья весьма часто. Это запишите въ своемъ дневникѣ". Спустя нѣсколько дней Кулишъ встрѣтилъ у Плетнева молодого ученаго Вернадскаго, [1]) „представившаго ему путешествіе въ самомъ привлекательномъ видѣ". Эта встрѣча произвела на него самое отрадное впечатлѣніе; довольство его случайнаго собесѣдника своей долей не могло не сообщиться такому воспріимчивому человѣку, какъ Кулишъ, притомъ уже приготовленному къ восторгамъ. „Онъ уѣхалъ худымъ и измученнымъ"—пишетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„а возвратился полнымъ силъ и свѣжести. Отъ него такъ и вѣетъ жизнью. Онъ такъ наэлектризировалъ меня радостью, что восторгъ могъ показаться даже страннымъ. Правда, я былъ расположенъ радоваться: въ немъ я видѣлъ себя черезъ три года".

Съ этихъ поръ для Кулиша наступаетъ непродолжительный переходный фазисъ его жизни: онъ находится въ самомъ напряженномъ оживленіи; не оставляя своихъ обычныхъ интересовъ и занятій, онъ волнуется восторженнымъ ожиданіемъ идеальной новой жизни за границей, переносится въ разговорахъ съ Вернадскимъ въ ласково манящее близкое будущее, хотя его вскорѣ же нѣсколько охлаждаетъ недостатокъ въ его новомъ пріятелѣ эстетическаго вкуса: „онъ романы Евгенія Сю"—съ досадой отмѣчаетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„ставитъ во всѣхъ почти отношеніяхъ выше романовъ Вальтеръ Скотта. Вообще онъ, кажется, вездѣ хромаетъ, гдѣ дѣло касается эстетическихъ вопросовъ. Въ немъ преобладаетъ направленіе раціональное. Художественная сторона въ немъ очень слаба."

Передъ отъѣздомъ заграницу Кулишъ рѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и родными и предпринялъ цѣлый

---

[1]) О Вернадскомъ см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ," т. II, 851—859. Кулишъ такъ быстро сошелся съ Вернадскимъ, что, говоря о послѣднемъ въ письмахъ къ Гроту, онъ уже называетъ его пріятелемъ Кулиша. См. также «Кіевск. Стар.», 1898, II, 187.

рядъ поѣздокъ, начиная съ Москвы, куда, какъ мы знаемъ, онъ уже раньше собирался къ Бодянскому, знакомому съ нимъ впрочемъ пока лишь заочно. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга случился забавный анекдотъ. „Все благопріятствовало"—разсказываетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„моему отъѣзду изъ Петербурга. Зная, что на почтовой станціи въ большихъ городахъ трудно сразу достать лошадей, я велѣлъ гимназическому солдату нанять вольныхъ. Но онъ привелъ мнѣ почтовыхъ. Онъ наговорилъ смотрителю, что я важный человѣкъ, что я ѣду заграницу по Высочайшему повелѣнію и проч.—„Да зачѣмъ онъ ѣдетъ"? спрашивали его. „Онѣ ѣдутъ"—отвѣчалъ солдатъ—„для малороссійскаго языка... отыскать отъ начала вѣковъ. Они издатели малороссійскаго языка".—„Да гдѣ жъ онъ тамъ его отыщетъ"?—„Да ужъ онѣ знаютъ—гдѣ. Велѣно отыскать отъ начала вѣковъ".—«Послѣ этого»—добавляетъ Кулишъ—«всякій согласится, что не дать лошадей было невозможно». Дорогой одинъ старикъ, узналъ, что Кулишъ ѣдетъ въ разныя государства, перепугался за него и сказалъ: „что нашъ братъ говоритъ, что господамъ легко: черезъ такіе народы надо проѣхать! Вотъ и теперь поѣдете на Кіевъ, а вѣдь тамъ народъ—хохолъ"![1])

Явившись къ Бодянскому, Кулишъ „вознамѣрился привѣтствовать его по-малороссійски, какъ человѣкъ ѣдущій заграницу для отысканія малороссійскаго языка „отъ начала вѣковъ". Находясь все еще въ самомъ отрадномъ настроеніи и подъ впечатлѣніемъ недавней забавной рекомендаціи его, какъ „издателя малороссійскаго языка", Кулишъ въ шутливомъ тонѣ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ московскимъ ученымъ, котораго онъ засталъ больнымъ, съ піявками на рукѣ. „Я воображалъ его очень худощавымъ и притомъ безобразнымъ"—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: „такое понятіе о его на-

---

[1]) Въ послѣднее время жизни въ Петербургѣ Кулишъ, кромѣ научнаго приготовленія къ предстоящей командировкѣ, особенно усердно занимался рисованіемъ (см. напр. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 823, 825 и проч.)

ружности составилъ я по разсказамъ знакомыхъ. Но не нашелъ ни того, ни другого. Блѣдное и довольно полное лицо его не лишено пріятнаго выраженія; даже одинъ Кутузовскій его глазъ, который при томъ смотритъ въ сторону, не безобразитъ великаго славянофила, напротивъ придаетъ его физіономіи какое-то поэтическое выраженіе, такъ что, когда съ нимъ бесѣдуешь, то кажется, будто лѣвый его глазъ вникаетъ въ современность, а правый устремленъ въ начало тѣхъ вѣковъ, въ которыхъ я долженъ отыскать малороссійскій языкъ". Съ Бодянскимъ Кулишъ въ два своихъ посѣщенія все время говорилъ по-малороссійски и о малороссійской исторіи.

Изъ Москвы Кулишъ поѣхалъ на свою родину въ мѣстечко Воронежъ (черниговской губерніи), но отъ свиданія съ больнымъ и окруженнымъ сомнительнымъ обществомъ отцомъ вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Оттуда онъ проѣхалъ къ роднымъ молодой въ Мотроновку.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Въ 1895 г. была издана въ Кіевѣ брошюра умершаго въ 1889 г. М. В. Юзефовича.— *Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи.* Говоря въ этой брошюрѣ о томъ, что императоръ Николай I не разъ затрагивалъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, но лишь конфиденціально, Юзефовичъ продолжаетъ: «объ одной послѣдней его такой попыткѣ я знаю положительно изъ сообщенія Государственнаго Совѣта члену своему Д. Г. Бибикову, въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, точно не помню».... И тутъ же въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ любопытное извѣстіе для исторіи освобожденія крестьянъ. Извѣстіе это, по малоизвѣстности брошюры Юзефовича, мы перепечатываемъ здѣсь полностью.

«Д. Г. Бибиковъ, получивъ отъ государственнаго совѣта конфиденціальное сообщеніе съ требованіемъ его мнѣнія по предложеннымъ вопросамъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ, по его словамъ, не былъ вовсе знакомъ практически съ этимъ дѣломъ. Поэтому онъ, между прочимъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не знаю ли я кого нибудь, съ кѣмъ бы я могъ посовѣтоваться. Я указалъ на бывшаго въ то время полтавскимъ предводителемъ (впослѣдствіи московскаго губернатора) Ивана Васильевича Капниста, стараго моего пріятеля, всю жизнь мечтавшаго и думавшаго объ освобожденіи крестьянъ. Бибиковъ слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но затруднился, какимъ образомъ вызвать его къ себѣ. Тогда я предложилъ съѣздить

къ нему въ Полтаву и привезти оттуда письменные его отвѣты на предложенные государственнымъ совѣтомъ вопросы. Предложеніе мое охотно было принято, и я съ подлинной бумагой поѣхалъ въ Полтаву. Капнистъ принялъ порученіе не только съ готовностью, но съ радостью, такъ какъ ему представлялся неожиданный случай провести свои любимыя идеи чрезъ такое авторитетное лицо, какимъ былъ Бибиковъ. Онъ тотчасъ принялся за дѣло и на другой же день сообщилъ мнѣ написанное введеніе, гдѣ объяснялась въ общихъ чертахъ исторія крестьянскаго закрѣпощенія у насъ вообще и въ Малороссіи въ частности. Потомъ мы бесѣдовали ежедневно о томъ, какъ рѣшить задачу. Я оставался въ Полтавѣ чуть не мѣсяцъ, но Капнистъ не прибавилъ къ своему введенію ни строчки. Его идеализмъ встрѣтился на практической почвѣ съ такими затрудненіями, которыя поставили его втупикъ: оказались необходимы разныя подготовительныя мѣры,—и школы, и новыя формы суда, и предварительное развитіе у народа понятія о правахъ и налагаемыхъ ими обязанностяхъ, и еще многое такое, безъ чего опасна была бы воля. Однимъ словомъ, я привезъ обратно отрицательный отвѣтъ, съ полнымъ убѣжденіемъ поборника, въ принципѣ, этой реформы, что приступать къ ней еще несвоевременно, такъ какъ она въ своихъ послѣдствіяхъ, при настоящемъ положеніи народа, могла бы принести ему болѣе вреда, нежели пользы. Освобожденіе должно было быть концомъ, а не началомъ этого великаго дѣла. И такъ думали у насъ въ то время всѣ положительные практическіе умы. Но исторія распорядилась по своему, и дѣло, начатое съ конца, благодаря духовному народному складу, разрѣшилось благополучно, лишь доказавъ еще разъ, что у насъ даже умные люди, смотря въ западно-европейскіе очки, видѣли свою жизнь и свой народъ только снаружи».

Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 года. Всѣмъ извѣстны тѣ опасенія, которыми сопровождалась въ правящихъ сферахъ подготовка, а затѣмъ и объявленіе крестьянской реформы. Ожидали чуть-ли не поголовнаго возстанія крестьянъ, чуть-ли не всенароднаго бунта. [1]) Ничего подобнаго, конечно, не случилось.

---

[1]) *Г. А. Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ, 5-е изд., стр. 48 и слѣд.

Два документа, печатаемые ниже, относятся къ этому тревожному времени и находятся между собой въ тѣсной связи, хотя одинъ изъ нихъ предшествовалъ манифесту 19 февраля, другой представляетъ собой распоряженіе мѣстной власти послѣ обнародованія освободительнаго манифеста.

17 февраля 1861 года, когда, значитъ, крестьянская реформа приходила уже къ концу, разсмотрѣніе ея было почти закончено въ государственномъ совѣтѣ, былъ уже написанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и проектъ манифеста, подписаннаго затѣмъ императомъ Александромъ II 19 февраля,—канцелярія оберъ-прокурора св. Синода обратилась съ циркулярнымъ письмомъ къ епархіальнымъ архіереямъ, и въ томъ числѣ къ митрополиту кіевскому Арсенію, о принятіи мѣръ съ ихъ стороны, чрезъ священниковъ, противъ неправильныхъ толкованій «мысли объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ». «На духовенствѣ, говорится въ этомъ письмѣ, лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована».

Священники должны были дѣйствовать путемъ увѣщаній, разъясненій, совѣтовъ, не давая своимъ дѣйствіямъ такого вида, какъ будто-бы они особенно назначены были отъ правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ». Причетникамъ было запрещено высказывать свои мнѣнія относительно новыхъ постановленій для крестьянъ. Если-бъ они услышали «между крестьянами толки, неблагопріятные дѣлу и общему спокойствію», то должны объ этомъ доводить до свѣдѣнія священника. «Все указанное здѣсь (т. е. въ циркулярномъ письмѣ) дѣйствованіе приходского духовенства—говорится въ заключеніе—должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію».

Циркулярное письмо это было разослано всѣмъ приходскимъ священникамъ кіевской епархіи.

Второй изъ печатаемыхъ документовъ—циркуляръ управленія кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи.

Манифестъ 19 февраля былъ уже обнародованъ, но Положенія какъ общія, такъ и для отдѣльныхъ мѣстностей, не были еще присланы въ достаточномъ количествѣ въ юго-западный край. Циркуляръ

вкратцѣ излагаетъ основы Положеній 19 февраля съ тѣмъ, чтобы чины земской полиціи могли распространять ихъ въ народѣ и разъяснять могущія встрѣтиться до разсылки Положеній недоумѣнія. «При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ (т. е. чиновъ полиціи) съ крестьянами, говорилось въ циркулярѣ, вы будете внушать имъ, что они должны непремѣнно молить Бога за государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою жизнію, уваженіемъ и повиновеніемъ установленнымъ властямъ они содѣлаются достойными оказанной имъ государемъ императоромъ милости».

Циркуляръ этотъ былъ разосланъ также всѣмъ священникамъ кіевской епархіи, при чемъ, по резолюціи митрополита, имъ рекомендовалось «по возможности строго держаться смысла вышепомянутаго циркуляра, но, для собственной безопасности, выражаться самыми терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣжать непріятныхъ для себя послѣдствій».

1. Циркулярное письмо Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ. Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! Ваше Высокопреосвященство изволило уже знать, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, въ скоромъ времени намѣренъ привести въ исполненіе мысль объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, занимавшую предшествующихъ Императоровъ, но которую, по благимъ судьбамъ Божіимъ, назначено довершить Ему. При этомъ случаѣ на духовенствѣ лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована.

1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ Государствѣ, не рѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣніе, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостію дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Подобные случаи могутъ встрѣтиться и при введеніи новаго постановленія объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ. Каждый вѣрноподданый, особенно достигшій

нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ, по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновеніе начальствамъ, отъ Него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными кѣмъ-либо, или чѣмъ либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ, и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ бесѣдахъ, при открывающихся къ тому случаяхъ.

3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой видъ, какъ бы священники особенно назначены были отъ Правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи; но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ.

4) Должно изъяснить крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ Отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и Его довѣрія къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелѣностно употребятъ для своей и общей пользы. Посему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя.

5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые

крестьяне найдутъ свое новое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ. Когда Государь восхотѣлъ даровать новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и Своей Отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не могъ не позаботиться о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ.

6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о ихъ благѣ и спокойствіи.

7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъявленіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла, они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отчего могутъ произойти дурныя послѣдствія; во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, не благопріятные дѣлу и общему спокойствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія Священника.

8) Все указанное здѣсь дѣйствованіе приходского духовенства должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію.

Испрашивая святыхъ молитвъ Вашихъ, съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостиваго государя и архипастыря покорнѣйшій слуга Г. А. Толстой.

---

2. *Циркуляръ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству кіевской епархіи.* Высочайшій манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей уже обнародованъ.—Между тѣмъ слѣдующія къ нему

положенія, какъ общія, такъ и отдѣльныхъ мѣстностей, хотя уже Высочайше утверждены, но не могли быть присланы въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы можно было, теперь же, передать ихъ для руководства и исполненія во всѣ помѣщичьи имѣнія, что впрочемъ будетъ сдѣлано въ самомъ непродолжительномъ времени, и положенія будутъ доставлены въ двухъ экземплярахъ, одинъ для помѣщиковъ, а другой для крестьянъ.

Поэтому, и имѣя въ виду, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, по прочтеніи имъ Высочайшаго манифеста, пожелаютъ имѣть болѣе подробное разъясненіе будущихъ отношеній ихъ къ владѣльцамъ имѣній, въ коихъ они водворены, и станутъ обращаться къ вамъ съ вопросами, или, не понявъ хорошо содержанія манифеста, будутъ превратно толковать опредѣляемыя положеніями права ихъ и обязанности, я считаю нужнымъ изложить въ настоящемъ предписаніи, въ главныхъ чертахъ, опредѣленныя положеніями права и обязанности крестьянъ и дворовыхъ людей, поручая вамъ, впредь до разсылки Высочайше утвержденныхъ положеній, руководствоваться настоящимъ предписаніемъ въ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами, въ случаѣ вопросовъ съ ихъ стороны, или въ случаѣ превратныхъ толковъ о содержаніи манифеста.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ положеній, помѣщики обязаны предоставить водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебную осѣдлость и настоящія нынѣ въ ихъ пользованіи полевыя земли. За пользованіе ихъ усадьбами и землями, крестьяне обязаны отбывать въ пользу помѣщика повинности въ размѣрѣ, подробно опредѣленномъ въ положеніи сообразно качеству и количеству состоящей у каждаго хозяйства земли. Повинности будутъ платиться деньгами (оброкъ), или отбываться работою (барщина); въ послѣднемъ случаѣ отъ крестьянъ будутъ требоваться только пѣшіе мужскіе дни и они не будутъ обязаны отбывать:

1) Женскихъ рабочихъ дней;

2) Мужскихъ тяглыхъ дней (съ рабочимъ скотомъ), въ томъ числѣ и подводъ;

3) Сгонныхъ дней;

4) Строительныхъ дней;

5) Ночного караула.

Усадебную осѣдлость крестьяне имѣютъ полное право выкупать въ собственность по цѣнѣ, опредѣленной въ положеніи. По добро-

вольному условію съ помѣщикомъ и съ его согласія, они могутъ по переходѣ на оброкъ выкупить и полевыя земли и въ семъ послѣднемъ случаѣ, по Высочайше утвержденному положенію о выкупѣ, Правительство облегчитъ имъ пріобрѣтеніе земель.

Но даруемыми новыми положеніями, льготами крестьяне не могутъ пользоваться теперь же, ибо для введенія новаго положенія необходимо опредѣлить съ точностью качество и количество находящейся въ пользованіи крестьянъ земли и потомъ съ точностью исчислить причитающіяся за эту землю повинности, для чего каждымъ помѣщикомъ будетъ составлена для его имѣнія уставная грамота, съ подробнымъ въ ней опредѣленіемъ всѣхъ будущихъ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ. Грамота эта будетъ повѣрена на мѣстѣ, съ предъявленіемъ крестьянамъ, утверждена и затѣмъ приведена въ дѣйствіе; со введеніемъ въ дѣйствіе уставной грамоты въ каждомъ имѣніи начнется и отбываніе повинностей по новому порядку. Но какъ для исполненія всего этого потребуется время, то на окончательное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ назначенъ послѣдній срокъ—двухлѣтній; до введенія уставной грамоты крестьяне должны пользоваться тѣми угодьями, какими пользуются теперь, и отработывать ту же барщину, какую работаютъ теперь, съ тѣмъ однако-жъ облегченіемъ, что, вмѣсто 12 сгонныхъ дней съ каждаго способнаго работника, будутъ работать по 8 сгонныхъ дней, съ платою не менѣе 20 коп. въ день.

Въ положеніяхъ крестьянъ даруются права свободныхъ сельскихъ обывателей личныя и по имуществу; они будутъ имѣть свой собственный судъ и расправу; но какъ для того необходимо прежде образовать волости, избрать сельскихъ должностныхъ лицъ и судей, то, до исполненія сего, дабы не могъ нарушиться порядокъ въ отчинахъ, право суда и расправы сохраняетъ помѣщикъ.—Вмѣстѣ съ обнародованіемъ положенія, крестьянамъ дается право вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія помѣщика, и пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества.

Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникать изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и, водворенными на ихъ земляхъ, крестьянами—будутъ избраны и утверждены Правительствтющимъ Сенатомъ мировые посредники, къ которымъ крестьяне и должны обращаться съ своими претензіями. Для разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія мировыхъ посредниковъ учреждаются въ

каждомъ уѣздѣ уѣздные мировые съѣзды и, наконецъ, Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора.

Дворовые люди, со дня изданія положенія, въ теченіи двухъ лѣтъ должны: тѣ, которые служили у помѣщика, служить ему по прежнему, за что помѣщикъ обязанъ одѣвать, кормить, платить за нихъ подати и выдавать жалованье, не ниже положеннаго по инвентарнымъ правиламъ; тѣ же, которые были на оброкѣ, платить помѣщику въ теченіи двухъ лѣтъ оброкъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы оброкъ этотъ не превышалъ 30 руб. для мужчины и 10 руб. для женщины: но тѣ дворовые, которые платятъ теперь меньше, должны платить теперешній меньшій оброкъ и таковой не можетъ быть увеличенъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ дворовые люди должны оставаться въ полномъ повиновеніи помѣщику, съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, что они могутъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, и помѣщикъ въ случаѣ проступковъ, для наказанія будетъ отсылать ихъ въ Полицію и не можетъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учрежденія, отдавать ихъ въ исправительныя заведенія и въ распоряженіе Правительства.

По истеченіи двухъ лѣтъ дворовые люди получатъ полное освобожденіе.

Изъ вышеизложеннаго ясно выказывается Всемилостивѣйшая заботливость о сохраненіи, при введеніи реформы, пользъ помѣщиковъ и крестьянъ. Для помѣщиковъ установленіемъ двухлѣтней обязательной службы дворовыхъ людей и опредѣленіемъ срока для постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній устраняется опасеніе разстройства ихъ хозяйствъ; крестьянамъ даруются теперь же нѣкоторыя льготы и личныя права и тѣмъ облегчается имъ ожиданіе болѣе существенныхъ льготъ, которыми начнутъ пользоваться: крестьяне по введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, а дворовые люди черезъ два года со дня изданія положенія. Наконецъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о выкупѣ помѣщикамъ и крестьянамъ облегчается возможность достигнуть прекращенія обязательныхъ отношеній и крестьянамъ сдѣлаться собственниками земель.

При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами вы будете внушать имъ, что они должны непрестанно молить Бога за Государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою

жизнію, уваженіемъ и повиновеніемъ установленнымъ властямъ они содѣлаются достойными оказанной имъ Государемъ Императоромъ милости.

—

На отношеніи Г. Генералъ-Губернатора, при коемъ препровождено было сіе циркулярное предписаніе Земскимъ Чиновникамъ, резолюція Его Высокопреосвященства состоялась слѣдующая: приложенный при семъ циркуляръ въ точныхъ копіяхъ разослать немедля къ Благочиннымъ, для раздачи подвѣдомымъ имъ Священникамъ, съ оставленіемъ по одному экземпляру у себя, съ тѣмъ, чтобы они какъ сами, такъ и состоящіе въ ихъ вѣдомствѣ Священники, принявъ оный къ своему свѣдѣнію и соображенію, и въ частныхъ разговорахъ съ своими прихожанами и даже посторонними лицами, и еще болѣе въ своихъ наставленіяхъ, увѣщаніяхъ и объясненіяхъ прихожанамъ, по дѣлу Высочайше дарованныхъ имъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, старались, по возможности, не только строго держаться смысла вышеупомянутаго циркуляра, но для своей безопасности, и выражаться самыми терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣжать непріятныхъ для себя послѣдствій.

Подольская пѣсня о панщинѣ. Лѣтъ десять тому назадъ прислалъ намъ, въ даръ, недавно умершій М. Т. Симоновъ (да будемъ ему земля перомъ) связку разной бумажной старины. Въ этой связкѣ, между прочимъ, находилась тетрадь въ листъ, наполненная разнаго рода произведеніями искусственной и народной малорусской литературы. Тутъ есть: колядки, переводъ комедіи Мольера *Le medecin malgré lui*, „Палій, драматични сцены“ (неизвѣстнаго автора), переводъ «Вія», Гоголя, „Характерникъ“, сцены для театра, переводъ „Генриха IV, часть II“ и разная мелочь. На тетради рукою Матвѣя Терентьевича надписано: „Все это труды Вита Андреевича К—ва, помѣщика с. Гуляй-Поля, на р. Гайчурѣ, Александровскаго уѣзда. Я получилъ рукопись отъ самаго К—ва, въ 1865 году“. Въ числѣ мелочей, въ этой тетради записаны и двѣ „пѣсни“ о панщинѣ. Поминая нынѣ сорокалѣтіе освобожденія крестьянъ отъ этой „панщины“, вспомнились и эти пѣсни. Одна изъ нихъ начинается такъ:

Не дывуйте, добри люде, що мужыкъ гуляе,
Винъ господарь зъ ласки Бога и панъ его знае.
Маю плуга, маю рало и все що потрибно.
Заграйте жъ мени зъ горя шумкы, тилько дуже дрибно.
Натягнувся жъ я косою, намахавсяципомъ,
Прыгнавъ же я зъ лиса волы, якъ ще передъ свитомъ.
Теперъ мене запросылы кумъ на честь до себе,
Грай же мени хорошенько, колы прошу тебе!
Теперъ же я не боюся ни пана, ни війта,
Оддавъ свою рокивщыну, ще й одробывъ квита [1])
Въ мене жинка господыня и дитки хорощи.
Заказнище встаетъ рано, ходитъ пидъ виконцемъ,
Загадуе на панщиву передъ сходомъ сонця,
А полевій не вважаетъ на снасть, на худобу,
Беруть хлопа зъ окономомъ, сыплють ему бобу.
Хочъ насъ паны бьють у-шкуру, то не справедлыво:
Якъ бы жъ мужыкивъ не було, щобъ паны робылы?—
И т. д.

Далѣе не продолжаемъ, находя, что это не пѣсня народная, а сочиненіе какого нибудь книжника, близко стоявшаго къ Подольскому крестьянину.—Другую пѣсню помѣщаемъ вполнѣ; повидимому, это произведеніе народа. Подобнаго склада пѣсни извѣстны были и въ лѣвобережной Малороссіи [2]).

Ой, судома, пане-брате,
Судома, судома!
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.

—

Було въ мене, пане-брате,
Жыто, да й зелене,
Найихалы вражы паны
Забралы у мене.

—

[1]) Мае квитокъ, що й на будущи дня одробывъ панщину. *Примѣч. записывавшаго.*

[2]) См. Кіевск Стар. 1899 г., апрѣль, стр. 6.

Якъ пишовъ же я до пана
Поминатысь платы,
То винъ мене набывъ добре,
Да ще й выпхавъ зъ хаты.

—

А якъ сталы полиськіи
Панкы заиздыты,
Такъ же сталы наши люде
Панщыну робыты.

—

Ходывъ же я въ понедилокъ,
Ходывъ у вивторокъ:
А вже жъ мени показалось,
Що вже недиль сорокъ.

—

А въ недилю пораненько
У вси дзвоны дзвонять,—
Отаманы зъ козакамы
На панщыну гонять.

—

„Зъ ципомъ, зъ ципомъ, вражый сыну,
Зъ ципомъ—молотыты,—
Бо якъ прыйдешъ до выпысу,
То ще будешъ бытый.

—

„Сыны зъ ципомъ, сыны зъ ципомъ,
А батько зъ косою,
Стара маты жъ—на ланъ жаты
Рано и зъ дочкою.

—

„Ярыны по пивторы [1])
А озими—копу“.
Треба добре увыхатысь
Хочъ якому хлопу.

—

[1]) Пивторы копы.

Паровіи [1]), поедынкы [2])
Высоко ся носять:
Якъ свято, або недиля,
То сыровець возять [3]).

—

А пишіи небораки
Хаты замиталы;
Якъ свято або недили,
Зъ хативъ повтикалы [4])

—

А ти же то отаманы
Мають въ пана ласку:
Зъ чоловика беруть штаны,
А зъ жинкы запаску.

—

А якъ би жъ ти пиши люде
Горилкы не пылы,
То бъ идучы зъ винокурни
По лисахъ ходылы.

—

По всихъ горахъ витеръ вые,
А въ долыни тыхо,
По всихъ селахъ нема добра,
И въ насъ таке жъ лыхо.

—

Ой у насъ же лыхо, лыхо,
Да ще й трохы гáраздъ:
Якъ не выйдешъ на панщыну
Протягають заразъ.

—

---

[1]) Що мають 6 паръ воливъ

[2]) Одну пару воливъ мають.

[3]) У виннецю, щобъ маты будень для себе, одробывшы панщыну въ свято або въ недилю.

[4]) Щобъ на панщину не згнали. (Такъ пивець додавъ, чого я не тямивъ).

Еденъ бере за головку,
А другый за нижкы,
Третій же то стоить зъ боку
Да маеть три ризкы.

Въ концѣ пѣсенъ имѣется такое примѣчаніе: «Плавни. 1862 року, липець. Си дви пасьни про панщину занесены у Плавни зъ подольской губерніи. Записалъ С. Козубенька» [1]).

Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. Огромное и глубокое озеро Свитязь [2]) находится въ сѣверо-западномъ углу Владиміръ-Волынскаго уѣзда, близъ границы губерній Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Волынской. Длина его достигаетъ $8^1/_2$ верстъ, ширина—до 6-ти верстъ. Вокругъ него, довольно въ далекомъ разстояніи, находится цѣлая группа другихъ озеръ, меньшихъ размѣровъ: на сѣверо-западѣ озера—Пулемецкое, Островское, Климовское и Черное; на сѣверѣ: озера—Луки (Перемутъ) и Песочно; на сѣверо-востокѣ: озера—Крымно, Соменецъ, Карасинецъ, Плотичье; на востокѣ: озера—Накрапье, Пьявочное, Долгое, Круглое, Черное, Люцемѣръ; на югѣ—озеро Лиговецъ. Многія изъ перечисленныхъ озеръ связаны съ болотами; глубина ихъ б. ч. незначительная. Среди этой группы озеръ Свитязь отличается какъ своими размѣрами и глубиною, такъ и особенными свойствами своей воды. На юго-западѣ Свитязь образуетъ довольно мелкій заливъ Бужно, на юго-востокѣ—извилистый и глубокій заливъ Лука. На сѣверо-западномъ берегу Свитязя расположено довольно значительное селенье Пульмо (въ немъ въ 1898 году по «Списку насел. пунктовъ» Волын. статист. комитета числилось 205 дворовъ и 1703 чел. жителей,—795 мужч. и 908 женщ.), гдѣ находится волостное правленіе; на южномъ берегу—еще бо́льшее село Свитязь (400 дворовъ и 2041 чел. жителей,—889 мужч. и 1152 женщ.). Берега озера Свитязя б. ч. невысоки; только

---

[1]) Что такое *Плавни* (днѣпровскія) см. въ журн. «Русское Судоходство» 1887 г. №№ 13—19

[2]) Въ настоящее время принадлежитъ М. И. Драгомирову.

на западномъ берегу, сѣвернѣе залива Бужно, находится песчаная «Татарская гора» (абсол. высота 78,9 саж., относит. высота надъ уровнемъ озера около 4 саж.), а на восточномъ берегу, саженяхъ въ 200 отъ озера, безъимянная песчаная гора съ абсол. высотой 81,8 саж. (относит. высота надъ уровнемъ озера около 7 саж.).

Въ 1900 г. мною произведено подробное лимнологическое изслѣдованіе озера Свитязя. Изслѣдованіе это показало, что озеро Свитязь, импонирующее своей огромной величиной и мощной массой своей воды, замѣчательно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Берега его и дно сложены изъ бѣлаго мѣла, прикрытаго песчаными ледниковыми отложеніями. На югѣ и западѣ отъ озера пески слоистые, безвалунные; на сѣверѣ и востокѣ они содержатъ валуны (частью—пирамидальные валуны), иногда огромныхъ размѣровъ; громадные валуны лежатъ также полосою на днѣ Свитязя, у восточнаго его берега, достигая болѣе сажени въ діаметрѣ. Лѣса вокругъ Свитязя вырублены; они сохранились болѣе или менѣе лишь на сѣверо-восточной и юго-западной его сторонахъ. «Татарская» гора представляетъ обнаженный холмъ, интенсивно развѣваемый вѣтромъ; по преданію, она была въ старину гораздо выше; при преобладающихъ здѣсь западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ цѣлыя тучи песку съ этой горы несутся въ озеро, особенно въ заливъ Бужно, сильно засоренный пескомъ и потому мелководный. Вода въ Свитязѣ замѣчательно чистая, свѣтлая и прозрачная, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ воды всѣхъ остальныхъ сосѣднихъ озеръ, что замѣчено и мѣстными жителями. Въ тихую погоду озеро имѣетъ интенстивно-синій цвѣтъ; въ бурю оно дѣлается чернымъ, а мелководныя прибрежныя полосы—грязнозелеными отъ взмучиваемаго песка. Въ мелкихъ мѣстахъ на днѣ озера растетъ много водяныхъ растеній («зелья») и камыша. Изслѣдованіе воды по способу Секки показало, что она обладаетъ значительной степенью прозрачности, которая, по словамъ мѣстныхъ рыбаковъ, еще увеличивается зимою, такъ что можно видѣть мелкіе предметы на глубинѣ 5 и болѣе саженъ. Волненіе на озерѣ Свитязѣ представляетъ величественную картину: волны въ видѣ валовъ, съ пѣнистыми бѣлыми гребнями («зайчиками»), достигаютъ вышины $1^1/_2$ и болѣе аршина и съ ревомъ обрушиваются на берегъ, напоминая бурю на морѣ. Волненіе чаще всего бываетъ при западномъ вѣтрѣ (съ Татарской горы) и длится не менѣе недѣли; мѣстные жители говорятъ, что предъ волненіемъ «Татарська гора гуде». Въ озерѣ ловится огромное

количество рыбы; невода достигають въ длину до 1000 саженъ и вѣсятъ (въ намокшемъ состояніи) до 400 пудовъ; большія лодки рыбаковъ имѣютъ въ длину 14 аршинъ, въ ширину $3^1/_4$ аршина (по срединѣ) и подымаютъ до 600 пудовъ; всѣ лодки плоскодонныя. Слѣдовъ усыханія на озерѣ незамѣтно,—даже напротивъ, оно становится все многоводнѣе и начало недавно затоплять свои берега (въ селѣ Свитязѣ дошло уже до фундамента церкви), такъ что въ 1887 году мѣстными крестьянами, по собственной ихъ иниціативѣ (съ разрѣшенія администраціи), прорытъ былъ каналъ, сообщающій оз. Свитязь (на сѣверѣ) съ оз. Перемутъ. На работу вышли *поголовно* всѣ крестьяне 3 селеній и прокопали каналъ (длиною около 3 верстъ, шириною внизу $4^1/_2$ арш., глубиною болѣе $1^3/_4$ сажени) *въ одну ночь*; такая торопливость вызвана была опасеніемъ сопротивленія со стороны крестьянъ сосѣдней волости, по землямъ которыхъ частью прошелъ каналъ, и со стороны арендатора озера, боявшагося ухода рыбы изъ Свитязя въ Перемутъ. Послѣ открытія канала вода съ ревомъ устремилась въ оз. Перемутъ и уровень ея въ Свитязѣ понизился болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ сажени (что́ хорошо замѣтно нынѣ въ селѣ Свитязѣ, у церкви). Каналъ существуетъ и въ настоящее время; по моимъ измѣреніямъ, черезъ него уходитъ изъ озера Свитязя 923 тысячи ведеръ воды въ сутки. Этотъ каналъ—единственный истокъ озера; притоковъ у него нѣтъ и тѣмъ не менѣе уровень его не понижается, даже и въ засушливые годы. Глубина озера весьма неравномѣрна; на днѣ его есть «горы» и «ущелья»; болѣе замѣчательныя „горы“ носятъ названія «Скитская гора» (наименьшая глубина $2^1/_2$ метра=3,6 арш.), „Куцкая“ (глуб. 7 м.=10 арш.), «Тучная» (глуб. 2 м.=2,8 арш.), «Жищеная» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$), «средняя» (глуб. 1,3 м.=1,8 арш.), «Герешева» (гбуб. 2,55 м.=3,37 арш.), «Гриценя» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$ арш.) и «Черевицкая» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$ арш.). Изъ «ущелій» или впадинъ съ очень крутыми склонами (понижающимися «залпомъ», по выраженію рыбаковъ) самая замѣчательная воронкообразная впадина находится къ с.-с.-з. отъ острова; по моему измѣренію глубина здѣсь достигаетъ *27 саженъ* или *$56^1/_4$ метровъ*, но нѣтъ сомнѣнія, что глубина этой воронки больше (вслѣдствіе сильнаго волненія я не могъ стать на якорѣ и разыскать точки наибольшей глубины, которая, по согласному показанію мѣстныхъ рыбаковъ, значительно превосходитъ 30 саженъ). Температура воды на этой глубинѣ 9° Ц. (на поверхности озера въ моментъ измѣренія 22° Ц.).

Посреди озера Свитязя находится небольшой песчаный островокъ, поросшій деревьями; на немъ—развалины какой-то хаты, разрушившейся въ незапамятныя (но во всякомъ случаѣ—историческія) времена; вокругъ островка—мель, густо заросшая высокимъ камышомъ. Никакихъ остатковъ доисторическаго человѣка ни на островкѣ, ни на меляхъ вокругъ него (подробно мною обслѣдованныхъ), ни на выше «горахъ» (гдѣ могли существовать свайныя постройки), ни на берегахъ озера Свитязя—нѣтъ; [1]) по разспросамъ, здѣсь нигдѣ не находили каменныхъ орудій; однажды лишь вытащили неводомъ рога оленя (болѣе сажени въ поперечникѣ) и огромный черепъ неизвѣстнаго звѣря (судя по разсказамъ,—мамонта), но эти находки, какъ ненужныя, брошены въ озеро.

Подробное изслѣдованіе озера Свитязя (которое будетъ опубликовано съ батиметрической картой въ журналѣ «Землевѣдѣніе», издаваемомъ Москов. Обществомъ Любит. Естествознанія, Антроп. и Этногр.) привело меня къ убѣжденію, что озеро это по своему происхожденію—очень оригинальное; оно образовано не ледниковой эрозіей и не эворзіей (какъ это принимаютъ для большинства озеръ сѣверо-германской озерной полосы), оно не принадлежитъ ни къ „Stauseen“, ни къ «Rinnenseen» германскихъ геологовъ, хотя и находится у конечной морены великаго ледника. Въ образованіи его принималъ участіе и ледникъ (I-ой ледниковой эпохи), но первоначально и на первомъ планѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ могучимъ ключамъ подмѣловой артезіанской воды, прорывающимся и нынѣ въ двухъ воронкообразныхъ впадинахъ на днѣ озера и въ одномъ мѣстѣ на зап. берегу залива Бужно. Эти могучіе ключи (самобытные артезіанскіе ключи) питаютъ озеро, покрываютъ расходъ воды въ вышеупомянутомъ каналѣ (923 тысячи ведеръ воды въ сутки или коло 337 милліоновъ ведеръ въ годъ) и тождественны съ описанныме мною въ 1899 году „Полѣсскими окнами“ Луцкаго уѣзда; [2]) подобно послѣднимъ, образованіе ихъ находится въ связи съ крупными тектоническими перемѣщеніями въ земной корѣ (съ такъ наз. Мани-

---

[1]) На Татарской горѣ и на высокой горѣ восточнаго берега Свитязя мною собрано въ пескѣ значительное количество черепковъ глиняной посуды, повидимому, очень древней.

[2]) *П. Тутковскій.* Полѣсскія «окна», —Землевѣдѣніе 1899 г., кн. IV, стр 29—82.

шлакско-Сандомирской дислокацеій). Подобные ключи, какъ оказывается, играютъ значительную роль въ гидрологіи Полѣсья, еще очень мало изученной, несмотря на пресловутыя обширныя работы экспедиціи ген. Жилинскиго.

Во время моихъ изслѣдованій на озерѣ Свитязѣ я собралъ нѣсколько народныхъ преданій, относящихся къ озеру; преданія эти приводятся здѣсь въ томъ видѣ, какъ они записаны мною со словъ мѣстныхъ крестьянъ [1]) (здѣшніе крестьяне говорятъ на довольно чесвомъ малорусскомъ языкѣ и по одеждѣ непохожи на полѣщуковъ-бѣлоруссовъ).

П. Т.

1. *Преданіе и происхожденіи озера Свитязя.*

Пасли пастухы быдло на лузи. Йшовъ дидъ (а це бувъ Богъ), и на ёго почавъ собака брехаты. Меньшы пастушкы почалы нацюкуваты, а бильшіи почалы одганяты. Винъ на тіи меньши каже: вы йдить за мною. И завивъ ихъ до каменя велыкого и каже: пидіймайте того каменя. Воны почалы пидійматы,—кажуть, що не можна. А винъ каже: а я пидійму. Взявъ—кіемъ заважывъ, и почала вода йты зъ пидъ того каменя и стало озеро (Свитязь),—тіи малыи потопылыся. А на бильшыхъ хлопця та дивчыну каже: и вы йдить за мною, тилько не оглядайтесь. Воны йшлы, шлы, та не втерпилы—оглянулысь,—на тимъ мисти взявся островъ, а воны сталы яворъ та лыпа на острови. Того явора якъ заріжуть, то кровъ йде; и лыпа такъ само.

2. *Преданіе о кладѣ водяного.*

Поставывъ мужыкъ нову хату въ Пульми. И полягають спаты у хати, а попробуджуются на двори: хтось ихъ выносыть зъ хаты. Оце разъ прыйшовъ до ныхъ поводырь зъ ведмедемъ, ставъ просыться на ничъ. Хазяинъ каже: у насъ не можна ночуваты, бо у насъ неспокій такъ, каже, якъ мы полягаемо спаты въ хати, я попробуджуемося на двори. Тоди винъ каже: йды до коваля, зробы скобля и прывъя-

---

[1]) Еще въ 1899 году, во время перваго посѣщенія Свитязя, ямщикъ (изъ с. Шацка) разсказалъ мнѣ преданіе о происхожденіи озера Свитязя, вполнѣ сходное съ легендой, положенной въ основу извѣстной поэмы Мицкевича «Switez»; къ сожалѣнію, тогда это преданіе не было мною записано.

жемо ведмеда коло дверы. Того ведмедя прывъязалы до двери и пополяглы спаты. Ажъ въ ночи той, що ихъ выносывъ зъ хаты, прыйшовъ—тай похотывсь на того ведмеди; воны почалы боротыся. А поводырь каже до хазяина: чы ты чуешъ, що тамъ робытся? Той каже: чую. Боролыся воны довго. Ажъ заспивалы пивни—и винъ зибрався, пишовъ. Писля зайихавъ мужыкъ на озеро, на Свитязь по рыбу. Хтось ёму зъ воды каже: Грыцю, а злапавъ добру кыцю? (намекъ на медвѣдя).—Злапавъ, каже, але отъ рыбъ наловлю и другую таку куплю. Винъ каже: буде зъ тебе и теп. Не жалуй, каже, що ты хату новую поставывъ; розверны хату и розберы пичъ; тамъ пидъ пичью е така, каже, сýма (сумма), що буде и тоби и дитямъ твоимъ. (А це богатый чоловикъ утопывся въ Свитязи и ходывъ довидуваться до своихъ грошей, ёму жалько було сýмы). Мужыкъ розвернувъ хату и взявъ грошы.

3. *Преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

На Татарській гори йшло тры мужыкы зъ лыкамы и дывлются—щось таке блыщыть. Йиденъ забрався—побигъ, а тіи забачылы—и соби. Колы-бъ бувъ йиденъ бигъ, то може-бъ воны булы на мисци лежалы (а то гроши зъ-пидъ земли выйшлы пересушуваться). Воны якъ зачалы вси бигты—и тіи гроши поховалыся. И якъ зачалы гребты писокъ, выгреблы 6 рублей.

4. *Еще преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

Мужыкъ зайихавъ жыто жаты и коло ёго дивчина мала ходыла. Вона зайде надъ озеромъ, набере грошей-червонцивъ, та й каже: тату, у мене е хороши черепкы. А винъ каже: ну тебез, ъ твоимы черепкамы! Вона ще другый разъ каже: тату, у мене е хороши черепкы. Винъ каже до неи: но, покажы. Вона показала—а то грошы. Ну, каже, заведы мене, де воны. Дивчына ёго завела до озера. Дывытся винъ—плавае на Свытязи скрынька, повна червонцивъ. Якъ хтивъ винъ протягты руку, набраты тыхъ грошей,—скрынька сама зачынылася та й поплыла на озеро.

5. *Варіантъ предыдущаго преданія.*

Разъ коло Лукы (заливъ) хлопци пáслы гусы, але бачуть—щось плыве, кишъ не кишъ (корзина для перевозки живой рыбы), скрыня—

не скрыня. Ажъ пидплывае блыжче—а то зализный котелъ а въ нёму сяють червонци. Хлопци пидійшлы, нагорнулы въ запилъ и пійшлы до-дому. Якъ побачылы батько и маты, що це грошп, такъ и побиглы до озера зъ цихою (большой мѣшокъ). Але якъ протяглы рукы, щобъ нагорнуты гроши,—якъ хлясне вичко, такъ и поотбывало рукы. А котелъ заразъ пурнувъ у воду. Тыхъ грошей нихто не посонкае (не воспользуется).

6. *Преданіе о холерѣ.*

Колысь бувъ страшный помброкъ на людей и на скотыну. Алеразъ до йидного мужыка прыходыть въ вечери нибы пани и просытся на ничъ. Мужыкъ довго не змагався—и позволылъ переночуваты. На другій день пани просыть, щобъ перевизъ іи черезъ озеро. И якъ йихалы, зирвалась шура, побыло човна, и цяя пани насылу вхопылась на плечы парубкови. А винъ бувъ здоровый и доплывъ до другого берега. Вона тоди каже: вже до страшного суду я не буду въ Свитязи. Якъ сказала—мыгнула якъ блыскавка—и не стало. (У жителей села Свитязя есть повѣрье, что холеры у нихъ никогда не будетъ).

7. *Преданіе о колоколѣ.*

Ловылы два мужыкы неводомъ рыбу коло острова. И выдобулы неводомъ щось важкѐ. Дывлются—а то дзвинъ велыкый. Давай, каже йиденъ, отдамо до церквы. Ни, каже другый, мерщій занеземъ до кбрчмы та пропьемо. Якъ сказавъ винъ про корчму, дзвинъ забравсь и пишовъ самъ назадъ въ озеро. Тилько ёго и бачылы.

8. *Варіантъ того же преданія.*

А ще за старо вытяглы неводомъ дзвона и постановылы ёго на леду и сталы радытысь, що зъ нымъ зробыты. Рыбакы порадылы раду и кажуть: подаруймо ёго до церквы. А жыдъ—рендаторъ не хтивъ даромъ виддаты до церквы, а хтивъ продаты. И якъ мицно засварылысь—якъ лясне лидъ! И дзвинъ пишовъ на дно. Съ теи поры ни разу вже не бачылы, тилько чуты бувае, якъ щось гудѐ пидъ водою.

9. *Преданіе о сомѣ.*

Сомы́ бувають въ Свытязи безъ кинця, безъ миры. Разъ якъ поивъ мужыкъ волы на шнурци, сомъ схопывъ ёго за ногу; але волы якъ рванулысь до берега—и вытяглы мужыка и зъ сомомъ.

Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. *(Архивная справка)* [1]). Въ м. Златополѣ Кіевской губ. уже въ 30-тыхъ годахъ истекающаго столѣтія обстоятельства благопріятствовали открытію средняго учебнаго заведенія, какъ мужскаго, такъ и женскаго.

Въ 1830 г. учрежденъ былъ иностранцемъ людвигомъ Вильетти частный мужскій пансіонъ, состоявшій изъ пяти классовъ и подготовлявшій учениковъ къ поступленію не только въ Гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія. Въ 1836 г., благодаря щедрому пожертвованію владѣльцевъ м. Златополя Лопухиныхъ, Петра и Адріана Федоровичей, было учреждено тамъ Уѣздное Дворянское училище, и всѣ воспитанники пансіона Вильетти составили приготовительный и три основные класса этого училища, продолжая жить въ Вильетти, который назначенъ былъ учителемъ французскаго яз. у училищѣ.

Въ архивѣ Златопольской гимназіи сохранились кое-какіе слѣды существованія въ м. Златополѣ и женскихъ пансіоновъ. Такъ, въ самый годъ открытія Уѣзд. Двор. училища штатному смотрителю его пришлось исполнять распоряженіе Попечителя Округа о закрытіи женскаго пансіона маіорши Данилевской, которая, задолжавши 396 р. помѣщику Нечаю, представившему при жалобѣ своей росписку маіорши на эту сумму, не могли, очевидно, справиться съ матеріальными затрудненіями.

Въ то же самое время французская подданная Елисавета Перримондъ ходатайствовала о дозволеніи ей открыть женскій пансіонъ въ м. Златополѣ, но представленный ею планъ, какъ не соотвѣтсвую-

---

¹) Назначенный въ 1886 г. инспекторомъ Златопольской Гимназіи наканунѣ празднованія ею 50-тилѣтія своего существованія—сначала въ видѣ уѣзднаго Дворянскаго училища, и затѣмъ Прогимназіи,—я съ особымъ удовольстіемъ занялся, согласно порученію Педагогическаго Совѣта, составленіемъ Исторической записки, при чемъ использовалъ весь имѣвшійся въ архивѣ матеріалъ. А матеріалъ этотъ представлялъ значительный интересъ для мѣстной исторіи. Къ сожалѣнію, при напечатанной въ іюлѣ 1887 г. моей «Исторической запискѣ», по независящимъ отъ меня обстоятельствомъ, не было напечатано самое цѣнное и обширное приложеніе къ ней—свѣдѣнія о служившихъ въ заведеніи лицахъ, свѣдѣнія, тщательно мною собранныя главнымъ образомъ изъ архивныхъ данныхъ, частію же по воспоминаніямъ мѣстныхъ старожиловъ. Надо думать, что современемъ Гимназія найдетъ средства для напечатанія и этого приложенія

Въ училищномъ архивѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія и о женскихъ пансіонахъ, которые были подчинены училищному начальству. Эти-то свѣдѣнія я и сообщаю въ настоящей «справкѣ».

щій § 309 Устава 1828 г., не былъ утвержденъ. Только въ декабрѣ 1837 г. г-жа Перримондъ, принявъ русскоа подданство, получила свидѣтельство на право обученія въ частныхъ домахъ чтенію и письму на французскомъ яз., а къ тому времени послѣдовало и разрѣшеніе г. Министра Нар. Пр. открыть ей въ м. Златополѣ женскій пансіонъ на степени Гимназіи. Пансіонъ, по плану, состоялъ изъ трехъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ, и съ преподаваніемъ, кромѣ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, еще и языка польскаго. Плата отъ полныхъ пансіонерокъ предположена въ 600 р. (безъ танцевъ и музыки) и отъ полупансіонерокъ 300 р.

Одновременно съ г-жей Перримондъ хлопотала о разрѣшеніи открыть въ м. Златополѣ «училище для дѣвицъ средняго состоянія» и капитанша Настасія Никифоровна Протокинская. При прошеніи своемъ къ директору училищъ кіевской губ. она приложила свидѣтельство предводителя дворянства Чигиринскаго уѣзда о знаніи ею русскаго яз. и рукодѣлья и способности ея обучать имъ дѣтей. Но директоръ увѣдомилъ просительницу, что представленная ею программа училища «не сообразна съ законными требованіями относительно частныхъ учебныхъ заведеній»,—а свидѣтельство предводителя дворянства не даетъ ей права на преподаваніе.

Тогда она подала прошеніе штатному смотрителю училища о допущеніи ея къ испытанію, которому и подвергалась въ училищѣ и получила свидѣтельство о достаточныхъ показаніяхъ въ русскомъ яз. и ариѳметикѣ. Свидѣтельство это признано было однако не достаточнымъ и за выдачу его сдѣлано было смотрителю замѣчаніе съ предписаніемъ прислать о произведенномъ испытаніи условленный протоколъ, подписанный всѣми членами Педагогическаго Совѣта. Смотритель оправдывался тѣмъ, что при училищѣ нѣтъ «Положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ», Высочайше утвержденнаго 1 іюля 1834 г., и просилъ присылки таковаго. Одинъ экземпляръ этого «Положенія» и былъ присланъ изъ дирекціи, но—на французскомъ яз. Видно, что Протокинской такъ и не удалось открыть «училища для дѣвицъ средняго состоянія». Пансіонъ же г-жи Перемондъ уже въ первый годъ своего существованія имѣлъ 32 учащихся, въ томъ числѣ 27 дворянокъ и 5 дѣвицъ купеческаго званія. Кромѣ учителей Уѣзд. Дворян. училища, въ пансіонѣ преподавали: сама содержательница—французскій яз., а иностранецъ Маркъ Бенистъ—нѣмецкій яз.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1838 г. учащихся въ пансіонѣ было 39. Но въ слѣдующемъ 1839 г. г-жа Перримондъ умерла, и пансіонъ былъ закрытъ. Только въ іюлѣ 1850 г. возникаетъ новый женскій пансіонъ уже на степени уѣзднаго училища. Открыла его жена коллежскаго ассесора Анна Велькоборская съ платою по 172 р. въ годъ. Въ первый годъ существованія этого пансіона учащихся въ немъ было 37, но затѣмъ въ 1852 г. ихъ было уже 60, въ томъ числѣ православныхъ 39, католиковъ 17 и лютерановъ 4, а въ 1855 г. учащихся 64. Но и этотъ пансіонъ просуществовалъ не долго: 29 октября 1856 г. Велькоборская умерла, надзоръ за воспитанницами и содержаніе ихъ до времени отъѣзда ихъ въ дома родителей поручено было классной дамѣ Александрѣ Константиновнѣ Тархановой, и затѣмъ пансіонъ былъ оффиціально закрытъ въ декабрѣ. Пыталась затѣмъ учредить въ м. Златополѣ женскій пансіонъ, но неудачно, нѣкая Александра Онисимовна (фонъ) Парфиновичъ, née Кадушкина, дочь отставного подпоручика, жена австрійско-подданного. Начала она свою педагогическую дѣятельность съ доноса, подавши 7-го октября 1858 г. штатному Смотрителю училища жалобу, что-де «она съ разрѣшенія г. Министра Нар. Просв. прибыла въ м. Златополь для открытія пансіона, и на проѣздъ и усмиреніе понесла большіе расходы», а учениць нѣтъ «по тому случаю, какъ я нынѣ узнала, что въ с. Водяной Звенигородскаго уѣзда открытъ помѣщицей Каминскою пансіонъ, на что она не имѣетъ вовсе права». Возникла переписка, становой приставъ производилъ дознаніе, по которому оказалось, что у помѣщицы Каминской имѣется пять дочерей и двѣ племянницы, которыя и учатся вмѣстѣ дома. Тѣмъ не менѣе 23 августа 1859 г. назначено было открытіе пансіона г-жи Парфиновичъ (née Кадушкиной) изъ трехъ классовъ, но, видно, учениць этотъ пансіонъ не привлекъ: въ декабрѣ 1861 г. въ немъ было 13 полныхъ и 3 полупансіонерки, а больше свѣдѣній о немъ въ «дѣлахъ» и не имѣется.

А. А.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *1) Вертопрахъ въ костелѣ.* Въ 1837 году, въ день празднованія Божьяго тѣла, въ Голованевскѣ, какъ донесъ засѣдатель Балтскому Земскому суду, въ костелъ «среди литургіи и пѣніи священства явился помѣщичій сынъ

селенія Катеринки, Владиміръ Д., съ усами, подбородкомъ подшею и бородою шпанкою, который въ странномъ костюмѣ семъ во мѣсто колѣнопреклоненія и благовѣнія при поднесеніи священникомъ чаши, въ видѣ вертопраха обращался какъ на коловраткѣ, и, измѣняя съ минуты на минуту позыцію свою, наконецъ раздѣлся и шинель свою, сшитую заграничною модою, бросилъ съ небрежностію на лавки».

По свѣдѣніямъ, имѣющимся у засѣдателя, Д. и съ родителями обращается неблагопристойно, а потому Земскій Судъ полагаетъ произвести слѣдствіе, при депутатѣ со стороны р.-к. духовенства, съ повальнымъ обыскомъ.

Но графъ Гурьевъ предписалъ разысканіе прекратить, уволивъ засѣдателя отъ должности за явное пристрастіе.

—

2) Бердичевскій полиційместеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку. Въ іюнѣ 1838 года Бердичевскій полиційместеръ рапортовалъ Генералъ-Губернатору о томъ, что во время бывшей ярмарки, «нѣкоторые изъ пріѣзжихъ помѣщиковъ были замѣчены въ неприличныхъ ихъ званію поступкахъ».

Изъ нихъ четверо «собираясь толпами, одинъ у другого, въ неблагопристойномъ и полураздѣтомъ видѣ выходили на улицу и шумѣли, произнося что-то похоже на ура, или вообще на какой-то торжествующій голосъ»...

Помѣщикъ *Я.*, «будучи въ театрѣ, во время представленія, въ виду всѣхъ зрителей, до такой дошелъ неблагопристойности, что надѣвъ на голову шляпу, показывая какое-то презрѣніе цѣлой публикѣ, старался тѣмъ обижать самую полицію... Не смотря на сдѣланныя ему мною по выходѣ изъ театра замѣчанія, оставался упорнымъ, грубымъ и до такой степени дерзкимъ, что требовалъ отъ меня объясненій на польскомъ языкѣ, говоря, что русскаго языка не понимаетъ».

Въ присутствіи Губернскаго предводителя, не придавшаго дѣлу значенія, *Я.* хвалился, что, будучи капитаномъ польскихъ войскъ, носилъ лучшій султанъ, нежели Бердичевскій полиційместеръ...

Наконецъ, помѣщикъ *О.* намѣревался ввести въ театръ мороженщика, изъ-за чего въ буфетѣ поднялся шумъ. Публика, вообразивъ, что въ театрѣ начинается пожаръ, въ страхѣ и смятеніи бѣжала...

—

3) Бѣлая горячка. Въ 1836 году Кіевскій Губернаторъ доносилъ Генералъ-Губернатору, что Совѣтникъ Губернскаго Правленія Д., по удостовѣренію пользующихъ его врачей, одержимъ бѣлою горячкою, происшедшею частію отъ геммороидальныхъ припадковъ, частью же отъ огорчительныхъ размышленій...

—

4) Кирпичныя шоссе. Въ 1844 года Главное Управленіе Путей Сообщенія предписало X округу произвести въ Кіевѣ опыты устройства «шоссе искусственнаго изъ обожженной глины», въ виду недостатка во многихъ мѣстахъ пригоднаго для дорожныхъ работъ камня.

Пробное шоссе устроено отъ Съѣзжаго дома Дворцовой части до квартиры начальника губерніи, но на первыхъ же порахъ устроители въ немъ разочаровались. 8 Мая 1845 г. Кіевская Губернская строительная коммиссія доноситъ Генералъ-Губернатору, что «отъ безпрестанной по оному шоссе ѣзды экипажами, а при сухой погодѣ отъ настланнаго кирпича происходитъ несносная пыль», покрывающая толстымъ слоемъ стѣны и крыши домовъ.

Предстоявшее квартированіе на семъ участкѣ улицы Великаго князя Константина Николаевича побудило губернскую администрацію къ замѣнѣ сего шоссе попрежнему мостовой.

Изъ сообщенія Главноуправляющаго узнаемъ, что подобный же опытъ въ Екатеринославѣ, въ противность Кіевскому, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, почему Генер. Адъют. Графъ-Клейнмихель просилъ вторично испытать новый типъ шоссе.

Округъ распорядился замощеніемъ участка на Лютеранской (нынѣ Анненковской), отъ Шелковичной (нынѣ Левашевской) до Университетскаго спуска и по спуску, но въ октябрѣ 1860 года кирпичныя шоссе признаны негодными, и отъ дальнѣйшихъ съ ними опытовъ окончательно отказались.

—

5) *Кіевскія магистратскія пушки.* Осенью 1836 г. Кіевскій 2-й гильдіи купецъ Сергій Тереховъ обратился къ Графу Чернышеву съ просьбою исходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе всеподданнѣйше подносимыхъ двухъ однокалиберныхъ чугунныхъ орудій, отлитыхъ, якобы, въ 1371 году, принадлежавшихъ Кіевской Думѣ и ею только что проданныхъ съ публичнаго торга.

Государю Императору угодно было повелѣть мѣстному начальству выяснить, насколько въ дѣйствительности древни орудія, о коихъ идетъ рѣчь, почему принадлежали они Думѣ, и не имѣется ли въ распоряженіи городскаго управленія какихъ либо другихъ рѣдкостей, которыя бы также предназначались къ продажѣ.

Генералъ-Губернаторъ Графъ Гурьевъ потребовалъ свѣдѣній отъ Губернатора, изъ донесенія коего явствуетъ, что, когда въ 1811 году, стоявшій на Подолѣ общественный домъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣлъ, то на пепелищѣ, среди желѣзнаго лома, отысканы двѣ пушки, одинъ необыкновенной длины ружейный стволъ и 600 старыхъ, къ употребленію негодныхъ, пикъ: послѣднія изготовлены въ 1806 году для милиціонеровъ. Сверхъ того, въ домѣ бывшаго войта Киселевскаго, хранятся кованные и чеканные:

1) Фигура Архистратига Михаила съ копьемъ въ десницѣ, которымъ, сообразно числу часовъ, онъ ударялъ въ пасть простертаго у его ногъ дракона; на лѣвой рукѣ щитъ съ надписью «кто яко Богъ». (красной мѣди 2 пуда 10 фунтовъ).

2) Статуя Богини Правосудія—(желтой мѣди 1 пудъ 28 фунтовъ).

3) Двуглавый орелъ; на груди, въ кругломъ щитѣ, изображеніе Императора Петра Великаго на конѣ, съ надписью: «Царь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ (красной мѣди 4 пуда).

Такъ какъ архивъ магистрата истребленъ пожаромъ, то никакихъ точныхъ свѣдѣній о сихъ городскихъ реликвіяхъ на лицо не имѣется.

Въ 1836 году представителями города постановлено: гербъ города съ вѣсами правосудія и «ружейный» стволъ, по очевидной древности оныхъ *«оставить безъ продажи»*, а пушки и пики продать (первыя пошли за 14 рублей; вторыя куплены евреемъ Гребенемъ за 12). Почему оружіе своевременно не сдано въ Арсеналъ—ни Дума, ни магистратъ объяснить не могли.

Гражданскій Губернаторъ представилъ Главному начальнику края о передачѣ пушекъ и пищали въ Арсеналъ, съ уплатою Терехову израсходованныхъ имъ денегъ; пики предположено оставить у покупщика на рукахъ; гербъ и вѣсы правосудія сохранить.

14 апрѣля 1837 года изъ столицы повелѣно объявить Терехову монаршее благоволеніе; орудія принять и сдать въ Кіевскій Арсе-

налъ. Всѣ прочіе предметы, о коихъ рапортовано Графомъ Гурьевымъ, Городскому Управленію хранить.

Выдержка изъ описанія орудій и ствола, которыхъ чертежи хранятся при дѣлѣ № 444. Полицейской части Канцеляріи Генералъ-Губернатора за 1836 годъ.

1) Пушки калибра 1 дюйма; каналъ и камера цилиндрическіе. Стѣнки ствола въ дульной части 1 дюймъ 1 линія, въ торели 5 дюймовъ 8 линій. Длина, безъ винграда, 2 фута 4½ дюйма.

На казенной части одной, ниже фризовъ, отдѣляющихъ затравку—число 1371; цифры выпуклыя, величиною 7 линій *«но оное не должно означать года вылитія орудія»*, ибо въ XIV столѣтіи, по введеніи въ употребленіе пороха[1]), не могли отливать подобныхъ хорошо отдѣланныхъ орудій съ дельфинами, цапфами и соблюденными во всѣхъ частяхъ размѣрами.

2) Желѣзный восьмигранный стволъ, съ «хвостовикомъ», длиною 7 футъ 10½ д.; калибръ 1 дюймъ; стѣнки въ казенной части 2 д. 7½ лин., въ дулѣ 5½ линій.

При затравкѣ, на боковой части, имѣется полка съ выемкою для насыпки пороха. По длинѣ ствола на трехъ верхнихъ граняхъ въ трехъ мѣстахъ нарѣзки для укрѣпленія ствола—въ станкѣ на нижней грани 3 скобы со сквозными дырами. Цапфы отъ дула въ 3 ф. 6 д. На верхней грани въ разстояніи 1 дюйма отъ «хвостовика», клеймо, сходное со встрѣчающимися на турецкомъ оружіи.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Поправка. Въ № 2-мъ текущаго года, въ статьѣ «Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку», на стр. 286-й ошибочно дана справка, что упоминаемый въ письмѣ *Семенъ* есть *братъ Матв. Лазаревскаго.* Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о ближайшемъ другѣ Шевченка еще до ссылки его—*Артемовскомъ.* За эту поправку приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому, который сообщилъ намъ, что у отца его, Матвѣя Лазаревскаго, братьевъ не было.

---

[1]) Въ Россію огнестрѣльное оружіе ввезено нѣмцами въ 1389 году при Димитріѣ Донскомъ.

Текущія извѣстія.

Юбилейный спектакль въ Херсонѣ въ память сороковой годовщины со дня кончины Тар. Гр. Шевченка. *(Корреспонденція).* Среди мѣстной малорусской интеллигенціи возникла мысль достойнымъ образомъ почтить память Шевченка, по случаю сороковой годовщины со дня его смерти.—Въ виду этого рѣшено было обратиться къ содѣйствію гостившей въ Херсонѣ малорусской труппы Разсудова-Ратмировой. Артисты ухватились за эту мысль, т. к. она обѣщала имъ хорошій сборъ. Но вмѣсто того, чтобы посовѣтоваться съ инціаторами, хорошенько обдумать программу вечера и подготовиться какъ слѣдуетъ къ нему, т. е. разучить стихотворенія и музыкальныя произведенія Шевченка, товарищество сейчасъ же расклеило широковѣщательный анонсъ: „Въ субботу 27 января, по случаю сороковой годовщины со дня кончины Т. Гр. Шевченка, имѣетъ быть юбилейный спектакль съ апоѳеозомъ и живымъ бюстомъ при роскошной обстановкѣ".—Публика заинтересовалась и повалила въ театръ, но тутъ ее ждало полное разочарованіе. До самаго конца спектакля ничто не напоминало, что присутствуешь на чествованіи національнаго поэта: ни декорированнаго зеленью бюста его на виду у публики, ни чтенія произведеній поэта, ни украинской музыки—ничего... Даже въ антрактахъ, вмѣсто обѣщанныхъ украинскихъ пѣсенъ, оркестръ все время наигривалъ польки, вальсики, попурри изъ давно заѣзженныхъ романсовъ и даже «Эй, ухнемъ!..» Можетъ быть такая *интернаціональная* музыка гдѣ-нибудь и умѣстна, но только не во время чествованія *національнаго* поэта.—Объ исполненіи самой пьесы („Назаръ Стодоля") говорить много не приходится: всѣ артисты, за исключеніеніемъ г-жи Россиной (Стеха) и г. Чубатаго (Хома Кычатый), были не на своихъ мѣстахъ.—За то апоѳеозъ, надо отдать справедливость труппѣ, удался прекрасно. Задній занавѣсъ изображалъ прекрасно написанную могилу Шевченка на берегу Днѣпра. По срединѣ сцены возвышался хорошо загримированный живой бюстъ поэта въ кожухѣ и смушковой шапкѣ; изображалъ его г. Чубатый. По обѣ стороны авансцены расположился мужской и женскій хоръ, который очень стройно пропѣлъ дважды „Заповіт". Затѣмъ было поставлено 5 живыхъ картинъ изъ «Невольника» и «Катерины». За-

кончился апоѳеозъ картиной изъ «Невольника» — возвращеніе Степана подъ родную „стриху" и пѣніемъ «Боже, вси мы твои диты».

Казалось бы, что хотя часть сбора будетъ удѣлена труппой на какое-нибудь дѣло, достойное памяти поэта, напримѣръ на Петерб. Общество имени Шевченка, Львовское Наукове Товариство ім. Шевченка, на основаніе украинскаго университета во Львовѣ или, наконецъ, на Петер. Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Но эти «украинскіе» артисты, вѣроятно, и не подозрѣвали существованія названныхъ обществъ, какъ не знали и того, что Шевченко умеръ 26 *февраля*, а не 26 января... Впрочемъ, отъ людей, преданныхъ всецѣло наживѣ, смѣшно и ожидать какихъ-то идейныхъ стремленій, какого-то служенія національнымъ идеаламъ и пр.,—не будемъ поэтому и требовать отъ нихъ того, что имъ чуждо, чего они и дать-то не могутъ. Но чего ужъ и людямъ, поклоняющимся золотому тельцу, не слѣдовало дѣлать, такъ это трепать дорогое всѣмъ имя поэта.

Дѣло въ томъ, что на слѣдующій же день шла такая пустая и глупая вещь, какъ „Запорожскій кладъ"; и вотъ къ подобной то пьесѣ снова примостили «апоѳеозъ при полной обстановкѣ». Очевидно, тутъ спекулировали Шевченковымъ именемъ, иначе никакъ нельзя объяснить себѣ такой безтактности, такого явнаго неуваженія къ памяти поэта и къ иниціаторамъ чествованія. Что обвиненіе это справедливо, видно изъ того, что на слѣдующій же день (29 янв.) была поставлена опера „Катерина" *уже* безъ апоѳеоза, т. к. она и сама по себѣ обѣщала хорошій сборъ.

Владиміръ Яблоновскій.

—

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. По случаю сороковой годовщины смерти Т. Г. Шевченка, въ Кіевѣ 5 февраля отслужена была въ Софійскомъ соборѣ панихида каѳедральнымъ протоіереемъ о. Александромъ Браиловскимъ, въ сослуженіи Ключаря Собора о. Петра Орловскаго и свящ. Н. Стеллецкаго. На панихидѣ пѣлъ прекрасно организованный обширный хоръ любителей. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

—

Чествованіе 40-вой годовщины смерти Т. Г. Шевченка въ Галичинѣ. 1) Во *Львовѣ* 3 февраля «Товариство рускихъ ремісників

«Зоря» въ огромной залѣ «Народного дома» устроили литерат.-музыкально-вокальный концертъ при участіи извѣстнаго артиста—Мышуги, хора товариства «Зоря» и военнаго оркестра. Концертъ сошелъ въ высшей степени удачно, при громадномъ стеченіи публики, преимущественно изъ средняго класса и крестьянъ. (Дѣло № 17).

2) Во *Львовѣ* 17 и 18 февраля въ залѣ Реальнаго училища учениками II, III, IV и V классовъ гимназіи и реальнаго училища устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе только учащіеся. Вечеръ прошелъ съ необычайнымъ оживленіемъ (Дѣло, ч. 39).

3) *Читальня с. Медина возлѣ Подволочиска* устроила литературно-вокальный вечеръ въ домѣ мѣстнаго священника. Вступительную рѣчь сказалъ о. Андрей Качала, въ которой выяснилъ значеніе и цѣль чествованій; затѣмъ о. Герасимовичъ изъ с. Терпиловки произнесъ рѣчь о жизни и произведеніяхъ Шевченка, продолжавшуюся цѣлый часъ; потомъ хоръ исполнилъ „Заповитъ", «Ще не вмерла Україна» и др. соотвѣтствующія данному случаю пѣсни. Номера хора чередовались съ номерами декламацій. (Дѣло, № 32).

—

Чествованіе памяти Маркіана Шашкевича. Въ 58 годовщину смерти Маркіана Шашкевича, 30 января въ Снятинѣ, въ залѣ магистрата устроенъ былъ «Рускою міщанською читальнею въ Снятині», музыкально-вокальный вечеръ по слѣдующей программѣ: 1) вступительное слово, 2) «Не згасайте ясні зорі»—хоръ, 3) декламація—„Причинна», 4) Ой чого ти почорніло—хоръ, 5) «Збудись, народе»—декламація, 6) «Нове життя»—декламація, 7) „Не пора»—хоръ, 8) Славянскіе гимны—хоръ; 9) «Чомъ, річенько домашняя» и друг. Вечеръ удался вполнѣ. Публики явилось значительное количество. (Дѣло, ч. 33).

—

Родственники Т. Г. Шевченко. Въ газетахъ былъ помѣщенъ печальный фактъ изъ жизни родственниковъ Т. Г. Шевченко. Въ 1898 году Андрей (родной племянникъ Т. Г. Шевченко) нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего, Митрофана, отдалъ въ ученье въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» владѣлицы г-жи Фальцъ-Фейнъ. Митрофану оторвало лѣвую руку, впослѣдствіи ампутированную до плеча. Андрей съ тѣхъ поръ со-

вершенно выбить изъ колеи и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденъ вмѣстѣ съ калѣкой Митрофаномъ терпѣть холодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной сиротской жизни. Теперь Андрей Шевченко, какъ пишетъ «Рос.» М. Борковка, предъявляетъ къ владѣлицѣ имѣнія «Преображенка» искъ, но дѣло отложено, и Андрей Ш., вмѣстѣ съ сыномъ, принужденъ влачить вышеупомянутую жизнь. Не говоря уже о томъ, что на обязанности общества лежало дать образованіе внуку пѣвца Украины, оно теперь даже не откликается, видя безвыходность его положенія. А, кажется, чего проще—собрать небольшую сумму денегъ и выслать по назначенію, чтобы на время, до суда, сдѣлать жизнь этихъ людей мало-мальски сносной. Неужели даже этимъ мы не можемъ поблагодарить Т. Г. Шевченка за дарованныя имъ талантливыя „Думы“? (Одесск. Листокъ).

—

Юбилей 25 лѣтней литературной дѣятельности О. П. Косачъ. 3 февраля, въ залѣ литературно-артистическаго общества съ особенной торжественностью былъ отпразднованъ юбилей малорусской писательницы Олены Пчилки (Ольги Петровны Косачъ). Изъ прочитаннаго реферата, присутствовавшая въ залѣ многочисленная публика познакомилась со всей разносторонней литературной и общественной дѣятельностью уважаемой малорусской писательницы, имя которой, по словамъ референта, должно быть дорого не только своему народу, но и всѣмъ людямъ, способнымъ жить жизнью человѣческаго духа, способнымъ понимать силу волшебныхъ словъ: родина и свобода. Послѣ прочтенія реферата на эстраду, при шумныхъ, несмолкаемыхъ аплодисментахъ, была вызвана сама почтенная юбилярша, и вслѣдъ за этимъ началось чтеніе адресовъ, телеграмъ и привѣтствій, полученныхъ г-жей Косачъ со всѣхъ концовъ Россіи и Галиціи. Привѣтствій этихъ было такъ много, что ихъ пришлось читать тремъ лицамъ; было получено болѣе десяти адресовъ, тридцать телеграммъ и множество писемъ отъ украинскихъ писателей изъ Россіи, Галиціи и Буковины. Членъ правленія литературно-артистическаго общества М. П. Старицкій поднесъ г-жѣ Косачъ отъ лит.-арт. общества золотой жетонъ и прочелъ адресъ, въ которомъ правленіе лит.-арт. общества, отзываясь съ глубокимъ уваженіемъ о дѣятельности уважаемой писательницы на пользу родного народа, съ особой благодарностью вспомнило ея заслуги передъ лит.-арт. обществомъ, къ развитію котораго уважаемая юбилярша относилась всегда съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

Затѣмъ были прочтены остальные] адреса, телеграммы и привѣтствія. Во всѣхъ адресахъ было отмѣчено высокое значеніе г-жи Косачъ, какъ украинскаго писателя, а также какъ гражданина, четверть вѣка неустанно трудящагося на пользу родного народа. По окончаніи чтенія телеграммъ и привѣтствій, въ залѣ долго не смолкали шумные аплодисменты. Когда, наконецъ, публика успокоилась, г-жа Косачъ произнесла горячую рѣчь, въ которой выразила искреннюю вѣру въ будущее литературно-артистическаго общества, ставшаго центромъ, вокругъ котораго группируются представители интеллигенціи всѣхъ народностей, живущихъ въ Кіевѣ, имѣющіе одну общую, дорогую всѣмъ цѣль—распространеніе гуманныхъ просвѣтительныхъ идей среди возможно большихъ массъ общества. Далѣе, уважаемая писательница изъявила благодарность всѣмъ присутствующимъ и отсутствующимъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ ей свое вниманіе, а также высказала горячую вѣру и надежду въ дальнѣйшее преуспѣяніе и развитіе того чистаго и святого дѣла, которому служила она и ея соратники по перу. Послѣ этого началась программа литературно-музыкальнаго отдѣленія вечера. Залы литературно-артистическаго общества были переполнены публикой. Вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ. (Кіев. Сл., № 4704).

Въ газетѣ «Волынь» (№ 19) также помѣщена статья «Къ 30-тилѣтнему юбилею Ольги Косачъ», въ которой приведена привѣтственная телеграмма юбиляршѣ отъ житомірской украинской интеллигенціи и дана оцѣнка литературной дѣятельности О. П. Косачъ.

Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ членъ черниговской земской управы, И. Шрагъ, возбудилъ вопросъ о допущеніи малорусскаго языка и книгъ въ народныя школы. Комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія постановила просить о допущеніи малорусскаго языка и малорусскихъ книгъ въ народныя школы съ цѣлью объясненія учащимся русскихъ непонятныхъ словъ и выраженій. Гласный Максимовичъ выступилъ по поводу этого представленія съ рѣчью, въ которой возражалъ противъ допущенія малорусскаго языка въ народной школѣ опасаясь, чтобы это обстоятельство не оказало вліянія на ослабленіе чувства политическаго и національнаго единства двухъ братнихъ племенъ. Противъ его доводовъ возражали г. г. Хижняковъ и Шрагъ, до-

казывая, что введеніе малорусскаго языка въ народныя школы необходимо для поднятія уровня народнаго образованія. Земское собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ постановило просить о допущеніи и малорусскаго языка, и малорусскихъ книгъ въ народныя школы, въ цѣляхъ объясненія малорусскимъ дѣтямъ непонятныхъ для нихъ русскихъ словъ и выраженій. («Gazeta Lwowska»).

Малорусскіе переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Въ «Восточномъ Обозрѣніи» г. Лаврецкій дѣлится впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ жизнью новоселовъ Южно-Уссурійскаго края. Ближайшимъ объектомъ наблюденія автора было село Вознесенка, расположенное въ самомъ центрѣ края, вблизи г. Никольско-Уссурійскаго.

«Жители Вознесенска,—пишетъ онъ,—малороссы, переселившіеся сюда лѣтъ шестнадцать тому назадъ изъ Полтавской, Черниговской и Могилевской губерній, разселились по землячествамъ—въ одномъ концѣ полтавцы, въ другомъ черниговцы и т. д. Характерная особенность: эти концы живутъ почти каждый своей особой самостоятельной жизнью и вовсе не питаютъ другъ къ другу дружелюбія. Такъ, назвать у насъ полтавца черниговцемъ или наоборотъ—считается большой бестактностью. Когда хлопци и парни одного конца приходятъ въ другой—межъ ними непремѣнно завязывается драка и т. п.

По первому впечатлѣнію, производимому селомъ, переселенцы здѣсь устроились хорошо: много хлѣба, скота, водятся деньжонки, чтобы заплатить даже такія большія суммы, какія платятся здѣсь за воловъ и лошадей; наконецъ,—пишетъ г. Лаврецкій,—свидѣтельствуетъ о томъ же владѣніе нѣкоторыми изъ хозяевъ хорошими заимками, мельницами и земледѣльческими орудіями. Но если вы войдете въ жилище переселенца даже зажиточнаго—васъ поразитъ убогость, тѣснота его, грязь и скудость во всемъ; я тщетно отыскивалъ и не нашелъ себѣ въ этомъ большомъ селѣ какой-нибудь комнаты или отдѣльной избы подъ квартиру—у всѣхъ одна темная, неприглядная и подчасъ страшно холодная хата служитъ жильемъ для многочисленной иногда семьи. Одежда на вознесенцахъ—этихъ малороссахъ, любящихъ тамъ, у себя въ Малороссіи, щегольнуть и «світкой», и хорошимъ кожухомъ, и красивой пестротой на женщинахъ и на дѣву-

шкахъ,—поражаетъ бѣдностью и нерѣдко несоотвѣтствіемъ по времени года. Церковь въ селѣ небольшая и холодная до того, что у священника руки чуть не примерзаютъ къ утварю. Школы нѣтъ. Дѣтей (челов. 10), учитъ какой-то несчастный старикъ изъ ссыльно-поселенцевъ, едва получая за это пропитаніе. Питаются вознесенскіе обыватели очень незатѣйливо; овощей нѣтъ, такъ какъ онѣ, будто бы, погибаютъ отъ сырости и раннихъ заморозковъ, а мясо очень дорого. Яйца и молоко очень дороги, и потому отправляются на продажу въ Никольскъ. Остается: хлѣбъ и просяная каша. Изъ хлѣбовъ болѣе нѣжные (пшеница и т. п.), по разсказамъ сельчанъ, здѣсь вовсе не сѣются или сѣются кое-гдѣ и весьма рѣдко, такъ какъ «пропадаютъ»...

Вмѣсто школы, здѣсь процвѣтаетъ кабакъ и всевозможныя суевѣрія и предразсудки, а огромное большинство крестьянъ не только не грамотно, но и молитвъ-то путемъ не знаетъ». (С.-Петерб. Вѣд. № 31).

Насколько переселенцы сознаютъ свое бѣдственное положеніе въ далекихъ отъ родины мѣстахъ, изобилующихъ, повидимому, всякими благами—яркой иллюстраціей можетъ служить слѣдующее четверостишье въ письмѣ одного богатаго крестьянина с. Таращи, Каневскаго у., переселившагося въ Южно-Усурійскій край и извѣщающаго оттуда земляковъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Тутъ,—пишетъ онъ:

Земли—хочъ удавыся,
Воды—хочъ утопыся,
Лиса—хочъ повисся,
А хлиба—хочъ сказыся!»

—

Лекція г-жи Ефименко. Третьяго февраля въ залѣ губернской земской управы въ пользу Полтавской общественной библіотеки А. Я. Ефименко (членъ Императорскаго географическаго и археологическаго Общества) прочла публичную лекцію на тему «Украинскій философъ и учитель народа Г. С. Сковорода». Программа лекціи слѣдующая: Сковорода какъ «сверхчеловѣкъ». Его біографія. Философема Сковороды, какъ ученіе раціоналистическаго монизма. Субъективизмъ—отличительная черта его философскаго настроенія. Опредѣленіе его взглядовъ съ точки зрѣнія современной философіи. Итоги его жизни и дѣятельности.

Лекція привлекла много слушателей, выразившихъ по окончаніи чтенія свое одобреніе почтенной лекторшѣ дружными апплодисментами. (Полт. Губ. Вѣд. 6 февр.).

—

Художественная выставка. Галицкій художникъ Иванъ Трушъ въ концѣ марта устраиваетъ во Львовѣ выставку своихъ картинъ. Помимо нѣсколькихъ миніатюрныхъ эскизовъ, на выставкѣ будутъ находиться: «Могила Шевченка подъ Каневомъ», «Надднѣпрянскій видъ съ могилой Шевченка», «Мѣсто Крещенія Руси въ Кіевѣ», «Вечеръ надъ Днѣпромъ», «Андреевская церковь въ Кіевѣ», «Видъ съ Псла подъ Гадачемъ». Изъ значительнаго числа портретовъ, нарисованныхъ имъ въ послѣднее время, будутъ выставлены: Н. В. Лысенка, проф. Антоновича, проф. Грушевскаго, г-жи Грушевской, Леси Украинки, г-жи Драгомановой (дочери), Вяч. Будзиновскаго. (Дѣло, ч. 28).

—

Къ дѣятельности Товариства „Просьвіта“. Въ январѣ мѣсяцѣ 1901 г. числилось всѣхъ читаленъ товариства „Просьвіта“ 946; въ настоящее время «Товариство» вошло съ ходатайствомъ въ Намѣстничество объ открытіи новыхъ 22 читаленъ. Новыхъ членовъ въ теченіе января мѣсяца поступило 90; всѣхъ же членовъ, со времени основанія общества, числится 13288. (Дѣло, ч. 36).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Украинскія изданія 1900 года.

I.

Послѣднему году XIX столѣтія въ отношеніи украинской литературы можно отвести не послѣднее мѣсто въ ряду нѣсколькихъ лѣтъ конца вѣка, ознаменовавшихся появленіемъ въ украинской литературѣ значительнаго количества крупныхъ и мелкихъ изданій, составляющихъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма желательное явленіе. Къ числу наиболѣе выдающихся и по величинѣ, и по значенію изданій у насъ въ Россіи, прежде всего, естественно, должны быть отнесены—изданные въ Кіевѣ: II-ой т. «Повистей и оповидань» И. С. Левицкаго—«*Старосвитськи батюшкы та матушкы*», произведеніе слишкомъ хорошо извѣстное въ украинской литературѣ, чтобы о немъ распространяться, [1]) а также сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи за сто лѣтъ существованія художественной украинской литературы (1798—1898) подъ заглавіемъ «*Викъ*». [2]) Останавливаться на немъ въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ новостей украинской литературы также не будемъ, отсылая интересующихся къ тѣмъ изданіямъ, въ

---

[1]) Рец. см. Кіевск. Стар., кн 7—8 за 1900 г., стр. 40—47; Літерат.-Науковий Вістник, кн. XI, за 1900 г., стр. 115—120; Русская Мысль, VII, стр. 409—410; Русское Богатство, № 8; въ газетѣ „Приднѣпровскій край" № 864.

[2]) Настоящее изданіе является I томомъ предположеннаго солиднаго изданія—дать лучшіе образцы во всѣхъ областяхъ украинской литературы; 2 и 3 т. (проза)—находятся въ цензурѣ; приготовляется также и 4 томъ (драматическ. произведенія).

которыхъ даны были отзывы объ этомъ художественномъ изданіи;[1]) скажемъ лишь въ двухъ словахъ, что болѣе изящныхъ изданій съ внѣшней стороны, при сравнительно дешевой стоимости (первое—1 р. 50 к., второе—2 р.), врядъ ли много можно указать понынѣ въ украинской литературѣ.

Переходя затѣмъ къ другимъ болѣе крупнымъ явленіямъ, на первомъ мѣстѣ должны будемъ отмѣтить изданный авторомъ въ Ялтѣ 3-ій томъ: *«Творы Конисского-Перебенди»*.[2]) Въ этотъ томъ вошло 19 болѣе мелкихъ произведеній недавно умершаго талантливаго писателя, а именно: Грішныкъ, Спокуслыва ныва, Сестра жалибныця, Прыгоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ на Алупци, Радощи и скорботы велыкого скрыпныка, Пытання, Зъ ранку до ночы, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча бъ була постати дожала, Въ сели, Пимста, Сафаріева Рудка.—Помимо художественнаго интереса, какой представляютъ перечисленныя произведенія, настоящее изданіе должно привлекать и своей крайней дешевизной (1 рубль при объемѣ въ 421 стр.).

Изъ другихъ болѣе крупныхъ изданій наиболѣе вниманія заслуживаютъ изданныя въ Бахмутѣ ***«Оповидання П. О. Кулиша, зъ переднимъ словомъ В. Чернявського»***. Въ настоящій томъ вошли всѣ мелкія украинскія произведенія П. О. Кулиша: Орыся, Січови гости, Гордовыта пара, Дивоче серце, Сира кобыла, Пивпивныка, Цыганъ, Лысты съ хутора (I—V), печатавшіяся въ началѣ 60-хъ г. г. въ «Основѣ», а затѣмъ неоднократно издававшіяся отдѣльными брошюрами («метелыкамы»). Сочиненіямъ предпослана краткая критическая статья на данныя произведенія, составленная М. Чернявскимъ весьма симпатично и серьезно.—Въ Харьковѣ одновременно появилось другое крупное изданіе (486 стр., in 8⁰) произведеній П. О. Кулиша: ***«Драмована (!) трылогія»***, въ составъ которой вошли драмы: «Байда, князь Дм. Вышневецькый; Гетьманъ Петро Сагайдачный и Наказный геть-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. I кн. за 1901 г., стр. 37—40; Русское Богатство, № 8; Русская Мысль, № 11, стр. 408—409; газеты: «Кіевское Слово» (№ 4467), Русскія Вѣдомости, Полтавск. Губ. Вѣдом. (№ 176), Южный край (№ 6766), Приднѣпров. Край (№ 957), Сѣверный Кавказъ (№№ 1676 и 1677), галицкое «Дѣло» (№ 4 за 1901 г.)

[2]) 4 и 5 томы въ непродолжительномъ времени будутъ представлены въ цензуру.

манъ Северынъ Налывайко». Написанныя въ семидесятые годы, когда П. О. Кулишъ открыто выступилъ отрицателемъ прежнихъ своихъ идеаловъ, и являясь лишь яркой иллюстраціей къ новымъ взглядамъ на значеніе историческаго процесса и историческихъ дѣятелей эпохи козачества, драмы эти, слабыя также и по развитію драматической акціи, тѣмъ не менѣе должны быть поставлены высоко, какъ и всѣ произведенія Кулиша, со стороны внѣшней: онѣ написаны звучнымъ, плавнымъ стихомъ, нерѣдко достигающимъ высшей степени художественности.

Обращаясь къ другимъ болѣе крупнымъ художественнымъ произведеніямъ минувшаго года, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на солидный, весьма содержительный сборникъ, изданный въ Черниговѣ, подъ заглавіемъ *«Хвыля за хвылею»*. Сюда вошли произведенія:—Бордуляка (Першый разъ. Оповидання), Гринченка (нѣсколько стихотвореній и драма «Середъ бури», впервые напечатанная въ 1899 г. въ «Літерат.-Наук. Вістнику»), Днипровой Чайки (Морськи малюнкы,—весьма художественныя произведенія въ прозѣ), Зинькивського (Кудою йты?—Риздвяна повистка), Коцюбинського (За-для загального добра. Оповидання—изъ бессарабскихъ нравовъ: картинка борьбы съ филоксерою), Крымського (Самотою на чужыни Вирши), Маковея (Вуйко Дорко. Оповидання), Самійленка (нѣсколько стихотвореній и «Драма безъ горилкы». Жартъ—остроумная, ѣдкая, но мѣстами нѣсколько утрированная сатира на украинскую пишущую братію), Франка (Зъ поэзій и «Лесышына челядь. Оповидання» изъ сборника «В поті чола»). Прекрасный подборъ произведеній выдающихся украинскихъ писателей, безукоризненно добросовѣстное и изящное изданіе, какъ и всѣ вообще изданія Б. Д. Гринченка, недорогая цѣна (1 рубль) при сравнительно солидномъ (434 in 16⁰) объемѣ, заслуживаютъ вполнѣ самаго широкаго распространенія въ публикѣ.

Нельзя также не порадоваться новому изданію (въ Одессѣ) исторической хроники П. О. Кулиша «Чорна Рада», ставшей за 40 лѣтъ, со времени ея перваго изданія, библіографической рѣдкостью. Изданіе это, прекрасно исполненное съ внѣшней стороны (часть его въ скоромъ времени появится въ продажѣ съ иллюстраціями художника Ждахи), весьма недорогое (50 к.), безъ сомнѣнія встрѣтитъ самый радушный пріемъ со стороны уже давно жаждущей имѣть его публики.

—

Область драматической литературы въ минувшемъ году представлена была довольно слабо. Если исключить стоящія въ сторонѣ: комедію Л. Яновской *«На зеленый клынъ»*, отличающуюся жизненностью и правдивостью изображенія, а также драму М. Л. Кропивницкаго *«Передъ волею»*, дающую довольно яркіе типы крѣпостнаго быта «передъ волею» (обѣ помѣщены были на стр. «Кіевской Стар.» въ минувшемъ году, а также вышли отдѣльными оттисками); [1]) если не считать дешеваго и чистенькаго изданія для народа двухъ пьесъ И. К. Тобилевича (Карпенка-Караго): *«По-надъ Днипромъ»* (въ Черкасахъ) и «Бурлака (въ Кіевѣ),—нашимъ взорамъ предстанетъ цѣлая серія «перловъ» украинской драматической музы: *«Тывуртіевы выпадкы»* — жартъ въ 1 діи А. Т. Грабыны, [2]) *«Панъ Халявскій»* — комедія-фарсъ, его же (обѣ книжки изданы въ Кіевѣ); послѣднее,—впрочемъ, нѣсколько несерьезнѣе перваго, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ, желая «перемудрить» Квитку-Основъяненка, дѣлаетъ вставки отъ себя, портящія лишь дѣло; *«Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало»*. Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4-хъ одминахъ» Зиневича (въ Каменецъ-Подольскѣ)—безсмысленный плодъ досужей фантазіи автора, свидѣтельствующій о низкой степени вкусовъ автора; *„Коханци-Шкодныки“*, жартъ-водевиль въ 1 діи — С. Ф. Воронки (въ Сумахъ) — не только безсмысленная, но и безнравственная композиція, вызывающая при чтеніи одно отвращеніе; *«Не до пары побралысь.»* —Малороссійская драма въ 5 д. и 7 карт.» — Кобищановой Мареы Яковлевны, въ Курскѣ. [3])

Но если драматическая литература въ изданіяхъ минувшаго года была представлена слабо, за то изящная и повѣствовательная (книжки популярно-научныя) литература нашла выраженіе въ значительномъ количествѣ болѣе или менѣе крупныхъ брошюръ, по большей части достойныхъ полнаго вниманія и уваженія. На первомъ мѣстѣ поставимъ изданія *Кіевскія*: *Л. Яновская. Смерть Макарыхы* (повисть) и ея же *«Идеальный батько»* (обѣ печатались въ

---

[1]) Кромѣ того, въ «Кіевск. Старинѣ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ были помѣщены еще *«Любка, или сватанее въ с. Рихмахъ*. Оперетта въ 4 хъ дѣйствіяхъ», относящаяся къ 30—40 г. г., а также Б. Гозан[illegible]нського *„Картынкы сучасного селянського побыту* (не за-для кону“).

[2]) Рец. см. въ „Кіевской Старинѣ,“ кн. XII за 1900 г., стр. 171—172.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ не пришлось видѣть этого изданія.

«Кіевской Старинѣ», а также вышли и отдѣльными оттисками). Это художественныя картинки, съ тонко развитой психологіей главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ярко рисующія до мельчайшихъ подробностей духовный міръ: въ первомъ случаѣ, умирающей съ удивительнымъ стоицизмомъ «бабы Макарыхи», а въ послѣднемъ—духовный разладъ помѣщика, готоваго всѣмъ пожертвовать для сохраненія жизни своего единственнаго законнаго сына въ то время, какъ своего незаконнаго сына, парубка Ивана, страдающаго полученной въ наслѣдство отъ отца эпилепсіей, онъ довелъ до того, что Иванъ преждевременно умираетъ у него же на работѣ. Какъ то, такъ и другое произведенія талантливой писательницы по справедливости должны занять почетное мѣсто въ ряду выдающихся произведеній украинской литературы.

Въ томъ же журналѣ помѣщены были, и затѣмъ вышли отдѣльными изданіями, еще три беллетристическихъ произведенія: *А. Хатемкина. Земськый гласный* (разсказъ), *Б. Познанскаго. Симсотъ первый и симсотъ второй законъ* (разсказъ). и *В. Левенка. Старе и нове* (Оповидання). Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ фигуру земскаго гласнаго, менѣе всего пригоднаго для несенія, хотя бы даже удовлетворительно, обязанностей, лежащихъ на этомъ послѣднемъ; во второмъ—авторъ приводитъ изъ своей юридической практики случай своеобразнаго толкованія 701 и 702 статьи X тома св. законовъ, и наконецъ, въ третьемъ, затрагивающемъ весьма любопытные вопросы общественной жизни, изображается постепенная замѣна въ глухомъ городишкѣ, въ рабочей средѣ, прежняго консервативнаго направленія новымъ, идущимъ по слѣдамъ прогресса. Помимо интереснаго сюжета, разсказъ этотъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность, благодаря особенностямъ его изложенія: въ данномъ разсказѣ авторъ выражаетъ на прекрасномъ литературномъ украинскомъ языкѣ самыя отвлеченныя философскія понятія, давая лишній разъ наглядный образецъ полнѣйшей пригодности и умѣстности этого языка и въ областяхъ, выходящихъ за предѣлы, положенные «этнографическими нуждами».

Изъ другихъ изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ, слѣдуетъ указать на двѣ брошюры, изданныя Кіевскимъ Обществомъ Грамотности,—обѣ заключающія произведенія *Марка Вовчка:* 1) *Максымъ Грымачъ, Выкупъ, Даныло Гурчъ* и 2) *Свекруха и отець Андрій*,—*оба изданія* исполнены чистенько, аккуратно и сравнительно недорого (4 и 2 к.); на популярно-научную (медицинскую) брошюру *М. Левицького* «Ко-

роста (чухачка). Чытанка для селянъ»,—написанную простымъ хорошимъ языкомъ и въ то же время весьма содержательную, изданную «Врачебнымъ Отдѣленіемъ Кіевскаго Губернскаго Правленія» въ значительномъ количествѣ экземпляровъ (10,000) по очень дешевой цѣнѣ (1 коп.), а также изданіе «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго (изданіе въ количествѣ 8.000 экз. принадлежитъ извѣстному Т. Губанову.[1])

Кстати будетъ сказать, что та же „Наталка-Полтавка" была издана въ колич. 12.000 экз. также и въ Москвѣ—Сытинымъ. Очевидно, спросъ на эту пьесу побуждаетъ г. г. книгопродавцевъ къ столь частымъ и численнымъ изданіямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ минувшемъ году въ Москвѣ т—омъ Вл. Чичерина издано было въ количествѣ 3.000 экз. также и „Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ: 1) Москаль Чаривныкъ, 2) Наталка Полтавка и 3) Энеида".

Въ Черниговѣ Б. Д. Гринченкомъ, кромѣ упомянутаго выше сборника «Хвыля за хвылею», была издана всего лишь одна брошюра: № 46. ***Наталя або дви доли разомъ. Поэма Мыхайла Макаровського.*** (Третье изданіе: первое въ „Южн. Русск. Сборникѣ" (1848 г.), 2—въ Харьковѣ 1890 г.) Поэмѣ предпосланы краткія біографическія свѣдѣнія объ М. М. Макаровскомъ.

Въ *Петербургѣ* «Благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» изданы три брошюры: *№ 4.* Орыся *П. А. Кулиша*, съ портретомъ Кулиша и съ иллюстраціями, нѣсколько въ ложно-классическомъ стилѣ; *№ 5.* Вирна пара. Въ-осены лито.—Спасенна пара—***Ганны Барвинокъ*** (съ портретомъ автора), и *№ 6.* ***Ф. И. Немоловскаго.*** Бжильныцтво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасикою».—Упомянутыя изданія отличаются изящной внѣшностью и дешевизной (первая 2 коп., вторая 3, послѣдняя въ 105 стр— 8 коп.), что можетъ служить лучшей гарантіей для ихъ самаго широкаго распространенія въ народѣ.

Кромѣ изданій «Благотворительнаго Общества» тамъ же появился „Збирнычокъ творивъ" *А. Я. Шабленка* подъ заглавіемъ «Нова Хатына», состоящій изъ 8 стихотворныхъ произведеній и одного раз-

[1]) Этотъ же Губановъ издалъ въ Кіевѣ сборникъ: „Украинскій кобзарь". Малороссійскія пѣсни знаменитыхъ писателей—Шевченка, Котляревскаго и друг. Скомпанувавъ *Н. И. Сучиленко.*- Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляетъ винигретъ изъ трудноузнаваемыхъ произведеній народныхъ и книжныхъ.

сказа («Доля наплювала»). Не отличаясь художественностью и изяществомъ, произведенія эти, въ особенности стихотворныя, свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о томъ, что автору не чужды лучшія общечеловѣческія и гражданскія чувства, что не «плодъ недолгой науки» понудилъ къ перу его «праздны руки».

Въ *Харьковѣ* минувшій годъ далъ 5 брошюръ, а именно: 1) *Олександеръ Кониськый.* Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Выдання трете (четвертое ?)—изданіе «Издательскаго комитета Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ Грамотности» (въ 20.000 экземпляровъ); 2) *Пейверинтъ.* Морозъ, переклавъ Гнатъ Галайда,—художественный небольшой разсказъ финскаго писателя, удачно выбранный переводчикомъ въ виду его занимательности и соотвѣтствія темы разсказа съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни; 3) «*Угадько*»—т. е. украинскій «Соломонъ», по которому желающій можетъ узнать свою судьбу. Для этой цѣли на первой страницѣ сдѣланъ кругъ, на сѣтку котораго нанесено 287 дѣленій, сотвѣтственно числу отвѣтовъ въ «Видповидныку». Это оригинальное изданіе, потребность въ которомъ у народа существуетъ въ сильной мѣрѣ, все же будетъ полезно хоть тѣмъ, что ознакомитъ каждаго обращающагося къ нему со многими перлами народной мудрости, изъ которыхъ составленъ «Видповидныкъ», 4) *М. Л. Кропивницкій.* По ревизіи. Этюдъ въ 1 дѣйствіи. Видане 6, выправлене авторомъ».—Къ сожалѣнію, исправленія, незначительныя въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ лишь ухудшаютъ первоначальную редакцію. Тѣмъ не менѣе, нельзя не привѣтствовать это новое изданіе, значительно болѣе дешевое, чѣмъ предшествующія (5 коп.), вышедшее въ солидномъ количествѣ (10.000) экземпляровъ; наконецъ, 5) *Жерновъ Матвій Семеновычъ.* Збирнычокъ творивъ. Т. І. Цѣна 20 коп.,—сборникъ довольно слабыхъ покушеній на поэзію, преимущественно подражаній Шевченку; нѣкоторыя вещи являются почти пересказомъ произведеній Шевченка.

Въ *Черкассахъ*, кромѣ упомянутой выше брошюры: «*№ 14 По надъ Днипромъ*» *И. Тобилевича* (Карпенка-Карого), были изданы «*№ 13. О. Я. Коныськый.* Грошолюбка. Выданне трете»,—прекрасный очеркъ, рисующій типъ жадной „грошолюбкы“ бабы Явдохы, съ виду «тыхои та божои», а на самомъ дѣлѣ злобной и деспотической натуры, и «№ 15. *Т. Г. Шевченка* Малый Кобзарь.» (Съ портретомъ Шевченка на обложкѣ). Сюда вошло 63 болѣе мелкихъ, преимущественно

лирическихъ произведеній Шевченка. Оба изданія, какъ и раньше упомянутое «По-надъ Днипромъ», отличаются привлекательной внѣшностью, изданы добросовѣстно и въ то же время недорого (5 коп. 70—80 стр.). [1])

Нельзя не отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ любопытныхъ и въ то же время въ высшей степени полезныхъ изданій, вышедшихъ въ г. *Ананьевѣ*, Херс. г. Это медицинскіе совѣты: «Якъ оберегты себе видъ виспы», [2]) «Про скарлатыну», «Про сифилисъ (пранци), «Короста (чухачка)», [3]) заимствованные изъ изданія „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова»; изданы они не въ формѣ брошюръ, а на отдѣльныхъ полулистахъ, какъ стѣнные календари. Лицу, принявшему на себя трудъ изданія этихъ крайне важныхъ медицинскихъ совѣтовъ, должна быть отдана огромная дань уваженія. [4])

Одесса дала два весьма цѣнныя изданія. Это—1) «*Е. Чикаленко*. Розмова про сельске хозяйство. 3-тя кныжка. Сіяни травы, кукуруза, та бурякы. Зъ малюнкамы»,—прекрасное изданіе со стороны содержанія и съ внѣшней стороны, снабженное нѣсколькими рисунками земледѣльческихъ орудій и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ полеваго хозяйства. Какъ и первыя двѣ брошюры, эта послѣдняя по справедливости должна занять выдающееся положеніе въ общерусской популярной литературѣ по сельскому хозяйству; [5]) 2) *А. Конощенко*. Украинськи писни зъ нотамы»,—сборникъ изъ 100 украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Конощенкомъ преимущественно въ Херсонской, а также Кіевской, Полтавской и Подольской губерніяхъ. Каждой пѣснѣ въ книжкѣ предпосланъ мотивъ, положенный на ноты. Мотивы и текстъ пѣсенъ оригинальные, сравнительно простые; очень немногіе находятъ соотвѣтствіе въ сборникахъ Н. В. Лисенка. Книжка

---

[1]) Довольно обстоятельная рецензія на „Малый кобзарь" дана въ XII кн. «Літературно-Наукового Вістника», стр. 186—187.

[2]) Издано въ количествѣ 12.000 экз.

[3]) Издано въ количествѣ 20 000 экз.

[4]) Уже во время печатанія нашего обзора мы узнали, что всѣ четыре медицинскіе листки вышли въ Харьковѣ въ видѣ отдѣльной брошюры: „№ 7. Якъ оберегаты себе видъ виспы. Про скарлатыну. Про сифилисъ. Про коросту. Выдано Рс. И. Гуріомъ. Харьковъ, 1900".

[5]) Книжка «*Чорный паръ, плодозминъ*»—въ настоящее время въ исправленномъ и дополненномъ видѣ вышла въ Одессѣ вторымъ изданіемъ въ количествѣ 50.000 экз.

издана изящно, чистенько и при значительномъ объемѣ (136 стр. словъ съ нотами) сравнительно очень дешево (30 коп.).

Кстати, заговоривъ о музыкальномъ изданіи, нельзя не отмѣтить двухъ крупныхъ явленій въ этой области:—*«М. В. Лисенко.* Утоплена (Майська ничъ). Лиричпо-фантастычна опера у 3-хъ діяхъ, 4-хъ одминахъ», изданная въ Лейпцигѣ и *«Н. Аркасъ.* Катерына. Опера у 3-хъ діяхъ. Либретто по Т. Г. Шевченко», изданная въ Николаевѣ (первая 4 р., вторая—3 р.). Не будучи компетентными въ музыкѣ—не беремся высказывать свое сужденіе о нихъ.

Въ *Бахмутѣ* издана М. Чернявскимъ брошюра: *«Щыри слезы надъ могылою П. О. Кулиша»* съ предисловіемъ [1]) М. Чернявскаго къ тѣмъ выраженіямъ горя по утратѣ великаго писателя и сочувствія осиротѣлой вдовѣ его, которыя и составляютъ содержаніе данной книжки [2]). Въ виду того, что выраженія сочувствія и дани уваженія почившему послѣдовали со стороны лицъ различныхъ классовъ, сословій и степеней образованія, то и содержаніе данной брошюры въ отношеніи художественности является довольно разнообразнымъ; наиболѣе выдающимися произведеніями можно считать стихотворенія М. Чернявскаго: «П. О. Кулишъ» и «На могыли П. О. Кулиша», запечатлѣнныя несомнѣннымъ талантомъ художника-поэта.

Остается теперь упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, присутствіе которыхъ въ украинской литературѣ минувшаго года является, по меньшей мѣрѣ, нежелательнымъ и излишнимъ. Это, во первыхъ, двѣ маленькія вещицы *Г. Ясковича,* изданныя имъ въ *Полтавѣ:* «Псалма (изъ псалма) (въ 4 страницы) и „Швець (Изъ казкы) (115 стр.),—Какъ та, такъ и другая свидѣтельствуютъ лишь о безнадежности поэтическаго дара у автора; во-вторыхъ, „*Кулида В. Д.* Слипець" и „Стихотворенія 1887—1899",—въ *Кременчугѣ* (первое—въ количествѣ 400, а второе—500 экз.). Хотя, къ нашему огорченію, намъ и не удалось достать этихъ изданій, но предыдущія творенія этого автора, оцѣненныя по достоинству и на страницахъ «Кіевской Старины», и «Літературно-Наукового Вістника», внушаютъ намъ сильныя подозрѣнія на счетъ ихъ доброкачественности. Наконецъ,

---

[1]) Это предисловіе было также издано и отдѣльной брошюрой (въ 8 страницъ). Бахмутъ, 1900.

[2]) Собственно, данное изданіе является перепечаткой съ Женевскаго изданія 1897 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ.

въ *Екатеринославѣ* издана брошюра (всего лишь въ 100 экз.)—«*Дубравскій Матвій*. Вирши. Перши юношни творы та переклады» (22 стр.) Къ сожалѣнію, и этой брошюры намъ не удалось видѣть. [1])

Таковъ итогъ литературной продукціи на нивѣ украинской литературы въ Россіи за минувшій годъ. Безъ сомнѣнія, не мало среди указаннаго нами матеріала можно найти излишняго балласта, но въ общемъ, если захотимъ сравнить въ качественномъ отношеніи (да и въ количественномъ!) изданія 1900 и 1899 гг. съ изданіями каждаго изъ предшествующихъ годовъ послѣдней четверти столѣтія,—несомнѣнное преимущество останется на сторонѣ этихъ двухъ послѣднихъ; который же изъ нихъ былъ болѣе продуктивенъ,—трудно сказать. Да и это не важно: дай Богъ, чтобы послѣдующіе годы новаго столѣтія давали не меньше.

Прим. Въ обзорѣ украинско-русской литературы за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, кн. II) нами по различнымъ причинамъ не были отмѣчены нѣкоторыя изданія 1899 года, о которыхъ мы сейчасъ и скажемъ нѣсколько словъ.
На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить два изданія «Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ—«№ 2. *О. Степовыкъ*. Про городыну» и «*№ 3. Г. Барвинокъ*. Молодыча боротьба»,—отзывъ о которыхъ былъ данъ въ свое время на стр. журнала „Кіевская Старина“ [2]); затѣмъ, въ *Луцкѣ*—нѣкто *Евгеній Ясинскій* издалъ разсказъ «*Кара Божа*», являющійся для читателя несомнѣнной «карой Божьей»: разсказъ такъ наивенъ, ненатураленъ и неинтересенъ, что остается лишь предупредить читателя держаться подальше отъ подобныхъ сплошь тенденціозныхъ произведеній; въ

---

[1]) Въ заключеніе надо упомянуть о цѣлой серіи драматическихъ произведеній нѣкоего *И. М. Качинскаго*, изданныхъ авторомъ въ Москвѣ (Литограф. Московск. театр. библіот. С. Разсохина) въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ (110), именно: 1) Въ мори безъ кормыла (драма), 2) Дивчына—атаманъ банды розбійныкивъ (драма), 3) Дочка запорожця XVII вику (мелодрама), 4) За сыротою—Богъ зъ калытою (мелодрама), 5) Палке серце—загублена доля (драма). 6) Промежъ молотомъ та наков'дломъ (!) (комедія).—И этихъ изданій не пришлось намъ видѣть. Наконецъ, нѣсколько украинскихъ стихотвореній, относящихся къ 30 гг. XIX ст., можно найти въ брошюрѣ „Воспоминанія и стихотворенія Н. Шрамченка“, изданной „pro domo sua“. Шрамченко, умершій въ 90 гг.—уроженецъ м. Воронежа, Глуховск. у.

[2]) См. кн. IV, за 1900 г. стр. 29—30.

Кіевѣ также не отмѣчены были два изданія фирмы Т. А. Губанова: 1) Дывный сонъ сыротыны (поэма) и Розмова про гроши, або сыротына—*Максыма Цымбаленка*—два произведенія, добросовѣстно написанныя шестистопнымъ ямбомъ, не имѣющія опредѣленнаго смысла и 2) Колядникы *Собралъ Кириллъ Ивановичъ Самойленко*, и *Максымъ Цымбаленко*. Семенъ у пекли. Поэма»—первая изъ нихъ, паче чаянія, имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ является записью колядокъ и щедривокъ, существующихъ въ настоящее время въ Кіевскомъ уѣздѣ, а вторымъ—очень оригинальнымъ по замыслу—авторъ, очевидно вознамѣрился затмить славу И. П. Котляревскаго, и потому собственной персоной отправился въ пекло, чтобы провѣрить автора «Энеиды». Результаты поѣздки оказались довольно утѣшительные: отчетъ занялъ сколо 75 страницъ, загроможденныхъ такой «чертовщиной», что даже у человѣка привычнаго ко всякимъ ужасамъ „чубъ свердломъ стане".

Не уступающій Т. Губанову, собратъ его по ремеслу,—Сытинъ, издалъ въ *Москвѣ*: «*Грицько-Кобзарь*. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, въ двухъ частяхъ»—здѣсь можно найти и щедрывки, и колядки, и колыбельныя, и обрядовыя пѣсни, и произведенія Шевченка и Котляревскаго (которыя можно пѣть), и, вообще, что хотите. Тѣмъ не менѣе, изданіе это нельзя ставить на одинъ уровень съ какимъ-нибудь «Семеномъ у пекли»,—оно, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ одобренія.

Кромѣ того, тамъ же вышелъ другой сборникъ, подъ заглавіемъ „Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ—*Грицька Остапенка*, въ количествѣ 6.000;[1]) наконецъ, въ *Николаевѣ* вышла брошюра «*Безшляхъ Г.* (Пущанськый-Крывый). Не любо—не слухай, брехать не мишай. Фантазія югового(!) руського народу. Выдане 2, выправлене и доповнене».[2])

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ добавить, что отмѣченныя нами въ прошлогоднемъ обзорѣ одесскія изданія *Ц. . . батька О.* Стародавня Украина въ драматичныхъ сиравахъ. 1. Чорный шляхъ. II.

---

[1]) Къ сожалѣнію, намъ не приходилось его видѣть.

[2]) Тоже.

Козакъ Вайда. III. За вiру и правду. IV. Тарасъ Бульба; V. Левенци. VI. Пушкаривна. VII. Злыгодни. VIII. За Булаву,—оказываются не мелкими брошюрами, а огромныхъ размѣровъ (in 4°) тетрадями по 100 и болѣе стр. каждая, литографированными въ незначительномъ (100 шт.) количествѣ экземпляровъ.

В. Доманицкій.

Древности. Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Томъ XVII. *Москва. 1900. 4°.*

Означенный томъ заключаетъ, главнымъ образомъ, протоколы засѣданій Общества и Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за 1893—96 г.г. Въ видѣ приложеній къ протоколамъ помѣщены различнаго рода сообщенія, замѣтки и отчеты. Изъ послѣднихъ мы отмѣтимъ имѣющіе отношеніе къ южной Россіи.

Отвѣтъ г. кіевскаго губернатора Л. Томары на запросъ Общества о нѣкоемъ Теленковѣ. Дѣло относится еще къ 1893 году, по поводу газетной замѣтки, въ которой сообщается, что какой-то Теленковъ разъѣзжаетъ по Кіевской губ. и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ или обмѣномъ ихъ на новыя. Разслѣдованіе подтвердило это сообщеніе. Теленковъ оказался крестьяниномъ Путивльскаго у., проживалъ съ 1880 г. въ Кіевѣ, занимался шитьемъ ризъ для магазиновъ и разъѣзжалъ по приходамъ Кіевск. губ. съ вышеуказанной цѣлью. По его словамъ, имъ пріобрѣтено: въ Таращанской соборной церкви 50 полотенецъ, 2 подризника и нѣсколько старыхъ ризъ, въ с. Ставкахъ, Радомысльск. у.,—2 старыхъ евангелія (за 7 руб.!): одно печатное, а другое писанное на пергаментѣ, послѣднее продано г.Хойновскому; въ г. Каневѣ, въ соборной церкви—нѣсколько ризъ и подризниковъ; въ уманскомъ соборѣ—облаченія и другія парчевыя принадлежности. Кромѣ того, Теленковъ сознался, что обмѣнивалъ и покупалъ старинныя церковныя вещи во многихъ другихъ приходахъ, но гдѣ и когда—не помнитъ. По собраннымъ, затѣмъ, свѣдѣніямъ черезъ исправниковъ, указанъ еще цѣлый рядъ приходовъ, гдѣ Теленковъ пріобрѣлъ различные церковные предметы. Разслѣдованіе открыло въ Кіевѣ еще одного скупщика

подобнаго рода—козака Онисима Шведова. Приведенные факты говорятъ сами за себя, прибавлять къ нимъ нечего, можно только представить себѣ, сколько предметовъ было взято изъ церквей этими господами за время ихъ многолѣтней практики! Неудивительно послѣ этого, что церкви Кіевской епархіи, какъ это показала, между прочимъ, и наша послѣдняя экскурсія для описанія памятниковъ старины, оказались почти совершенно очищенными отъ всего стараго. Но гг. Теленковы тутъ не виноваты,—это мелкіе, необразованные торгаши, преслѣдующіе лишь цѣли наживы,—виноваты тѣ, кто можетъ и долженъ заботиться о церковной старинѣ и, вмѣсто этого, допускаетъ ихъ сплошное уничтоженіе....

Въ замѣткѣ *С. Е. Звѣрева—Археологическія находки въ Воронежской губ. въ 1892—93 г.*, приводятся свѣдѣнія о находкахъ, главнымъ образомъ, монетъ, не представляющихъ особаго интереса.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ представилъ *Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Юго-Западный край и Крымъ*, гдѣ описываетъ встрѣченные имъ памятники армянской старины. Имъ посѣщены: г. Могилевъ на Днѣстрѣ, г. Каменецъ-Подольскъ (армянскій Николаевскій костелъ, построенный въ 1398 г. съ иконой Божіей Матери X в., ризница, портреты, надписи), с. Жванецъ, Кишиневъ, Григоріополь, мѣстности по Дунаю, Одесса, Аккерманъ (43 надписи, изъ нихъ одна X в.), Θеодосія (въ церквяхъ 53 надписи, одна XI в. и въ музеѣ—10 надписей, одна XI в.), Старый Крымъ, Симферополь. Поѣздка г. Кучукъ Іоаннесова показала, что югъ Россіи и въ частности Юго-Западный край могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для изслѣдователя армянской старины, и намъ кажется, что болѣе тщательные розыски дадутъ матеріала еще больше.

В.

Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi. *(III Zjazd historykow polskich w Krakowie).*

Небольшая брошюрка, въ 10 страницъ, занята, главнымъ образомъ, описаніемъ рисунковъ, помѣщенныхъ на приложенной таблицѣ. Сначала трактуется о пути отъ Черного моря къ Балтикѣ и главное вниманіе обращается на Припять («Припуть» по терминологіи автора, что означаетъ «при-пути»!), а дѣлается это съ той цѣлью, что въ

бассейнѣ Припяти, у нѣкоторыхъ селъ Овручскаго уѣзда, на песчаныхъ буграхъ, наряду съ цѣлой массой другихъ предметовъ, начиная отъ каменнаго вѣка и кончая XIX ст., были найдены, между прочимъ, и предметы, обратившіе серьезное вниманіе автора, послужившіе основаніемъ настоящаго реферата и признаваемые авторомъ за древнѣйшіе памятники христіанства на Руси.

Это, прежде всего, бронзовая привѣска въ видѣ рыбки, а рыба—символъ Спасителя, и потому наша «рыбка» должна относиться къ V-му вѣку и служитъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія христіанства въ этомъ вѣкѣ въ глубинѣ Полѣсья... Затѣмъ идутъ: привѣска въ формѣ схематическаго изображенія человѣческой фигуры—авторъ «вѣритъ», что это прототипъ пятиконечнаго креста, употреблявшагося въ первыя времена христіанства, два крестика—обычный типъ тѣльниковъ XI—XIII ст., но, по мнѣнію автора,—IX вѣка, каменный крестъ—очень и очень сомнительный въ отношеніи подлинности, бронзовый медальонъ въ формѣ сердечка—XVII или, что вѣрнѣе, XVIII в.,—по мнѣнію-же автора—XIV в., набивная бляшка въ формѣ сердечка, XI—XII ст., въ массѣ находимая на княжескихъ городищахъ, и еще нѣсколько крестиковъ, очень обычныхъ типовъ XI—XIII ст.—и все это памятники первыхъ временъ христіанства на Руси, отодвигаемаго авторомъ къ V-му вѣку, главнымъ образомъ, благодаря «рыбкѣ»! Конецъ реферата посвященъ рѣшенію еще одного капитальнаго вопроса: чѣмъ объяснить нахожденіе въ южной Россіи такой массы римскихъ монетъ I—III вв.? Дѣло обстоитъ очень просто: послѣ второго возстанія евреевъ, въ 135 году они были окончательно разсѣяны, забрели и на Русь и принесли съ собой римскія монеты...

М. К.

Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники Сѣвернаго Кавказа. *Москва. 1900. 4°. 381 стр. + карта + 134 табл.*

Настоящій трудъ гр. Уваровой займетъ выдающееся мѣсто въ археологической литературѣ, къ слову сказать, въ послѣднее время сильно оскудѣвшей. Какъ результатъ личныхъ раскопокъ и наблюденій, внимательнаго изученія и сравненія всего, имѣющагося въ

русскихъ и заграничныхъ музеяхъ, этотъ капитальный сводъ матеріала, касающагося могильниковъ Сѣвернаго Кавказа, долженъ послужить настольной книгой для всякаго, кто штудируетъ древности Россіи и особенно древности южно-русскія. Знакомство съ древностями Кавказа началось для графини Уваровой съ 1879 г. и съ того времени не прекращался интересъ къ нимъ. Будучи участницей многочисленныхъ раскопокъ покойнаго гр. Уварова и его сотрудниковъ (В. Б. Антоновича, В. Л. Беренштама, г. Полякова, А. А. Руссова и др.), продолжая, затѣмъ, раскопки самостоятельно, гр. Уварова накопила громадный запасъ свѣдѣній. «Я весьма долго не воображала, говоритъ гр. Уварова въ предисловіи, возможнымъ лично для себя обработку и изданіе собираемаго матеріала, не воображала потому, что не считала себя довольно подготовленною для столь трудной задачи и ожидала случая передать кому-либо, болѣе достойному, собранный матеріалъ, дневники и личныя наблюденія. Но годы идутъ; времени прошло не мало, не только со времени первыхъ систематическихъ раскопокъ на Кавказѣ, но даже и съ кончины графа; надвигается старость, и меня начинаетъ разбирать страхъ —унести съ собой въ могилу все, что пришлось видѣть и слышать о могилахъ Кавказа, и оставить снова весь собранный драгоцѣнный матеріалъ безъ описанія и обработки. Думаю, что издавъ его, какъ умѣю, со многими таблицами и цинкографіями, я, несмотря на всѣ недочеты своихъ познаній, все-таки послужу дѣлу и дамъ возможность русскимъ ученымъ, во-первыхъ, оправдаться предъ Европой изданіемъ научнаго матеріала, всецѣло принадлежащаго Россіи, но до сихъ поръ обработаннаго преимущественно иностранными учеными, и во-вторыхъ—воспользоваться имъ для дальнѣйшихъ трудовъ и научныхъ выводовъ, которые станутъ возможнѣе и доступнѣе при матеріалѣ, собранномъ въ одно цѣлое и болѣе или менѣе систематизированномъ»... Данный томъ составляетъ лишь начало цѣлаго ряда такого рода сводовъ по древностямъ Кавказа, по немъ можно судить о грандіозности предпринятой работы. Здѣсь, одно за другимъ, слѣдуетъ цѣлая масса описаній изслѣдованныхъ могильниковъ, представляющихъ огромное разнообразіе въ отношеніи времени происхожденія, погребальныхъ обрядовъ, типовъ найденныхъ предметовъ. Изложеніе состоитъ изъ характеристики мѣстности, описанія хода раскопокъ, перечисленія и детальнаго описанія добытаго инвентаря и въ концѣ—выводовъ. Если прибавить, что все это иллюстрируется, дополняется и объясняется

массой таблицъ, превосходно исполненныхъ фототипіей и хромолитографіей, а также рисунками въ текстѣ, то станетъ очевиднымъ то серьезное, *научное* значеніе, какое представляетъ настоящій трудъ. Опубликованіе массы неизвѣстнаго или мало доступнаго матеріала открываетъ новыя перспективы въ объясненіи многихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурными взаимоотношеніями древности, взаимоотношеніями, затронувшими отчасти и нашъ югъ, такъ что, несмотря на ту скромность, съ какой говоритъ о своемъ трудѣ гр. Уварова, его нужно поставить на ряду съ замѣчательными научными открытіями, сильно измѣняющими движеніе и направленіе научной работы.

В.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów, Kultura przeddziejowa.
(*Bibliotekа Warszawska, ноябрь и декабрь 1900 г.*).

Ксаверій Хамецъ время отъ времени помѣщаетъ въ названномъ журналѣ небольшіе очерки, посвященные первобытной культурѣ Кіевщины. Авторъ хорошо знакомъ съ мѣстными памятниками древности, хорошо знаетъ также и западно-европейскую археологическую литературу. Сближеніе и освѣщеніе нашихъ древностей съ данными западно-европейскими и составляетъ главную цѣнность этихъ очерковъ. До сихъ поръ авторъ трактуетъ пока еще древности каменнаго вѣка.

Въ первой статьѣ, послѣ небольшого вступленія, гдѣ говорится о находкахъ т. н. «площадокъ» съ культурой восточнаго происхожденія, и амфоръ, также чужеземнаго происхожденія (хотя нужно замѣтить, что для отнесенія послѣднихъ къ каменному вѣку пока еще нѣтъ данныхъ), авторъ все вниманіе сосредоточиваетъ на погребеніяхъ въ каменныхъ гробахъ или кистахъ. Такого рода памятники встрѣчены въ сѣверной, лѣсистой части Кіевщины, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ лишь очень немного свѣдѣній объ этихъ находкахъ. Объясняется это тѣмъ, что надъ кистами, на поверхности земли, нѣтъ никакихъ насыпей или другихъ признаковъ, указывающихъ на ихъ существованіе,—находятъ ихъ лишь случайно.

Благодаря скудости матеріала, погребеніямъ этого рода Кіевщины авторъ удѣляетъ здѣсь немного мѣста, распространяется-же главнымъ образомъ о вопросахъ болѣе общаго характера, однако имѣющихъ отношеніе и къ настоящему. Здѣсь говорится о дольменахъ, объ ихъ происхожденіи, назначеніи, о связи дольменовъ съ кистами, причемъ доказывается, что кисты могли возникнуть и самостоятельно; поднимается затѣмъ вопросъ о томъ, одному-ли народу принадлежали дольмены и кисты, или разнымъ,—все это съ массой ссылокъ на факты.

Погребенія въ каменныхъ гробахъ относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка, къ бронзовому вѣку и даже захватываютъ желѣзный. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о первыхъ. Среди другихъ видовъ погребальнаго обряда этой эпохи, встрѣчающихся въ Кіевщинѣ, этотъ типъ относится къ позднѣйшему времени. Именно, самымъ древнимъ авторъ считаетъ погребеніе въ землѣ трупа, завернутаго въ кору или шкуру—типъ, общій и для сѣверной и для южной части Кіевщины. Затѣмъ, въ южной, степной, части края господствующимъ является совмѣстное погребеніе нѣсколькихъ труповъ въ курганахъ, въ сѣверной-же, лѣсной —погребеніе въ кистахъ. Этотъ послѣдній типъ, по мнѣнію автора, возникъ здѣсь не самостоятельно, а былъ занесенъ съ юго-запада, изъ покутско-подлясскаго Подкарпатья. Въ заключеніе авторъ касается географическаго распространенія всѣхъ каменныхъ гробовъ, къ какой-бы эпохѣ они ни относились (конечно, рѣчь идетъ лишь о доисторическомъ времени). Въ этомъ отношеніи авторъ дѣлитъ Европу на двѣ части: восточную и западную, и принимаетъ за раздѣляющую линію теченіе Западной Двины и Днѣпра, хотя добавляетъ, что отъ этой главной линіи шли и отклоненія. Такъ, на югѣ, отъ средняго теченія Днѣпра до Чернаго моря, распространеніе каменныхъ гробовъ скорѣе можно констатировать въ бассейнахъ Буга и Днѣстра, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра.

Начало второй части посвящено обширному обзору и характеристикѣ погребеній въ каменныхъ гробахъ на всемъ обширномъ пространствѣ Западной Европы. Разбивъ, затѣмъ, всѣ эти данныя на группы по мѣстонахожденію, авторъ постепенно приближается къ востоку, къ каменнымъ гробамъ, обнаруженнымъ въ южной Россіи. Они образуютъ здѣсь обособленную группу, названную авторомъ подольско-волынско-полѣсской и составляютъ какъ-бы самостоятельное

гнѣздо. Авторъ даетъ перечисленіе находокъ въ данной области, попутно отмѣчаетъ сходство въ археологическомъ отношеніи Подоліи русской и галицкой и послѣ этого «длиннаго путешествія», какъ онъ говоритъ, возвращается къ Кіевщинѣ, но не надолго, такъ какъ матеріалъ, какъ указано выше, здѣсь очень ограниченъ. Въ концѣ статьи вниманіе автора снова привлекаетъ культура съ расписными сосудами, составляющая, какъ извѣстно, уже переходъ къ металлу. Что касается происхожденія этой культуры, то авторъ присоединяется къ общепризнанному мнѣнію именно слѣдующему: новый типъ расписанной посуды, по всей вѣроятности черезъ Венгрію и Подолію, вмѣстѣ съ южной культурой, достигъ Кіевщины; здѣсь онъ засталъ мѣстную культуру и, наряду съ ней, другую, пришедшую съ сѣверо-запада (тутъ авторъ отчасти противорѣчитъ раньше высказанному положенію), быть можетъ отъ оз. Гопла или изъ теперешнихъ Кувъ, представителями которой являются каменные гробы.

Вопросъ о погребеніяхъ въ кистахъ почти не былъ затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ, уже и теперь имѣющіяся данныя говорятъ за распространеніе этого типа на югѣ Россіи, но нужны еще факты, а для этого нужны и спеціальныя изслѣдованія,—статьи К. Хамца очень кстати ставятъ на очередь этотъ вопросъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать автору,—это черезчуръ ужъ растянутое изложеніе, снабженное массой подробностей, мало интересныхъ для читателя-неспеціалиста, для котораго и предназначена статья.

В

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 2; 2) Русская Старина, № 2; 3) Историческій Вѣстникъ, № 2; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 2; 5) Вѣстникъ Европы, № 2; 6) Русская Мысль, № 2; 7) Научное Обозрѣніе, № 2; 8) Книжки Восхода, № 1; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 2; 10) Ateneum, № 2; 11) Biblioteka Warszawska, № 2; 12) Slovanský Přehled, № 6 (3); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 2; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12 1900 г. и 1 за 1901 г.; 15) Варшавскія Университет-

скія Извѣстія, 1900 г. № 9; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 17) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 1; 18) Міръ Божій, № 2; 19) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1.

Русскій Архивъ, № 2.

П. А. Матвѣевъ.. Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокина Малороссійскимъ Приказомъ.

Послѣ краткаго обзора событій, предшествовавшихъ непосредственно смерти Хмельницкаго, авторъ переходитъ къ опредѣленію отношеній Ордина-Нащокина къ Малорусскому вопросу и степени его участія въ немъ. Какъ извѣстно, Ординъ-Нащокинъ не видѣлъ пользы въ присоединеніи «Черкасскихъ городовъ» къ Московскому государству и въ этомъ направленіи старался повліять и на Алексѣя Михайловича. Однако политическія соображенія Московскаго правительства шли въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Нащокина.—Послѣ избранія гетманомъ восточной Украйны Брюховецкаго—начинается сближеніе съ Москвою, такъ какъ Брюхов. искалъ «Московской протекціи», и дѣйствительно, до 1667 г. вѣрно и усердно служилъ Москвѣ. Но Андрусовскій договоръ и слухи, что Нащокинъ заключилъ съ польскими панами союзъ противъ козаковъ—побудили Брюховецкаго къ «измѣнѣ» и къ сношеніямъ съ Дорошенкомъ. Въ Москвѣ, въ Приказѣ Малой Россіи, всполошились и занялись принятіемъ мѣръ къ успокоенію умовъ; но начальникъ Приказа Малой Россіи обнаружилъ при этомъ свое явное незнаніе людей и отношеній въ Малороссіи. Въ 1668 г. произошло извѣстное изгнаніе русскихъ воеводъ. Когда позже произведено было разслѣдованіе о причинѣ вспыхнувшаго въ Малороссіи возстанія, оказалось, что одной изъ причинъ было сомнѣніе, вызванное словами Ордина-Нащокина, который гетманскимъ посланцамъ говаривалъ, что царскому величеству Малороссія будто бы ненадобна, и Кіевъ будетъ вскорѣ отданъ Польскому королю.

Могила Гоголя (стр. 338). Сообщается о печальномъ состояніи могилы Гоголя въ Москвѣ.

—

Историческій Вѣстникъ № 2.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (главы V—VII) (стр. 559—587). Упоминается о «Банкахъ» гр. А. Г. Разумов-

скаго, большого любителя карточной игры, о карточной игрѣ въ Малороссіи и Запорожьи вообще (ссылка на «Энеиду» Котляревскаго и завѣщаніе прилуцкаго есаула М. Ѳ. Мовчана, писанное въ 1742 году—см. Русск. Архивъ, 1875, кн. I, стр. 320).

Нельзя не отмѣтить курьеза въ данной статьѣ. Говоря о Разумовскихъ, въ особенности о гетманѣ Кириллѣ Григорьевичѣ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и большой популярностью въ Малороссіи, и вообще о поднятіи, благодаря ихъ возвышенію, кредита всѣхъ вообще малороссовъ въ Петербургѣ, преимущественно богатыхъ представителей знатныхъ шляхетныхъ фамилій, авторъ добавляетъ: «*Потомъ* кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ измѣной... *Мазепы*» (!)

Мелетій Васильевъ. Изъ прошлаго. Разсказы о Митрополитѣ Филаретѣ (стр. 816—818). Четыре небольшихъ разсказа о митрополитѣ Филаретѣ, записанные въ с. Выдыборѣ, Радомысльскаго у.,—о его щедрости, любви къ дѣтямъ, тактичномъ пресѣченіи въ консисторіи взяточничества, объ отказѣ отдать приходъ за дочерью матушки вдовы, вслѣдствіе крайне безобразной наружности невѣсты.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 831—834) помѣщенъ отчетъ о дѣятельности «Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ».

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія». *Ю. А. Кулаковскій*. Ѳ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: Готы на Вислѣ СПБ. 1899». (стр. 500—526).

Рецензентъ указываетъ крупные недочеты въ трудѣ Ѳ. Брауна, какъ-то: неточное опредѣленіе родины готовъ, смѣлое установленіе термина a quo для исторіи славянскаго міра, погрѣшности въ толкованіи исторіи скифовъ.

—

Русская Мысль № 2.

Въ статьѣ *Н. Тулупова*: «*Книжные склады въ Россіи*» (стр. 15—43) приводятся нѣкоторыя данныя о книжной торговлѣ въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣкоторыми губернскими и уѣздными земствами устроены книжные склады (херсонск. и харьковское губернск. земства, кременчугск., александрійское, александровское, елисавет-

градское уѣздныя земства). Изъ неземскихъ губерній встрѣчаемъ краткія указанія на книжный складъ Кіевскаго Общества Грамотности. Изъ данныхъ о томъ, какія книги пользуются наибольшимъ спросомъ, отмѣчено, что «Наймычка» Шевченка пользуется особой популярностью среди крестьянокъ южныхъ губерній, а также довольно распространены «Сестрыця Галя» Гринченка й «Павло Чернокрылъ» Марко-Вовчка.

Д. И. Эварницкій. «Гайдамацкое движеніе и уманская рѣзня 1768 года». (стр. 44—71). Это есть публичная лекція, читанная авторомъ въ Петербургѣ въ мартѣ прошлаго года для усиленія средствъ Общества имени Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 2.

Маруся Богуславка, П. Куліша. Друга половина (конець буде) (стр. 117—139).

З військового шпиталю, оповідане М. Яцкова (140—150). Картинка госпитальныхъ нравовъ.

Над моремъ, оповідане Лесі Украінки (конець, стр. 151—168). Изъ ялтинскихъ встрѣчъ; изображается типъ скучающей, пустой русской интеллигентной дѣвушки, ничѣмъ не занимающейся, кромѣ флирта и нарядовъ.

Так краще, оповідане Гр. Григоренка. (стр. 169—185). Изображается яркій типъ крестьянина (незаконнаго сына помѣщика), дармоѣда, отвыкшаго отъ какого-либо труда и потому живущаго на счетъ чужихъ силъ и средствъ. Оканчивается тѣмъ, что герой разсказа поджегъ скирды помѣщика и угодилъ на каторгу.

Разсказъ написанъ художественно и производитъ на читателя сильное впечатлѣніе.

Мінятюри: VI. Гармонія—Дніпровоі Чайки. VII. Спокій духа—Гната Хоткевича, VIII. Гимн щастя, IX. На руінах—Ярос. Веселовського (стр. 186—193).

Із буддийськоі книги «Сутта-Ніпата», пер. Івана Франка (стр. 194—196).

Маруся, оповідане В. Г. Короленка (кон. буде) (стр. 197—230) Переводъ.

Із «Фантазіи реалиста». Лінкея (проф. Й. Поппера) (стр. 231—238). Въ высшей степени жизненныя сцены и картинки общественной жизни.

На порозі століття, М. Грушевського (стр. 77—87). Итоги культурнаго развитія украинской народности и надежды на будущее.

Споминки про Федьковича, Р. Заклинського (далі) (стр. 88—104). Исторія букваря и «співанника», составленныхъ Федьковичемъ, и переписка по этому поводу Федьковича съ Бучинскимъ.—Воспоминанія о Федьковичѣ Семанюка (студента Вѣнскаго университета).

З російськоі України, Spectator'а (стр. 105—112).

Обзоръ украинской жизни за минувшій годъ: некрологи, юбилеи, общественная жизнь, національные споры, литература).

З подорожі по Европі, Андрія К—ського (стр. 113—120). З передмовою І. Франка.

Впечатлѣнія автора отъ посѣщенія имъ Швейцаріи.

Наукові листки I—VI. (стр. 121—131). 1) Кріза в біольогіі,—І. Ф.; 2) Міжнародній звязок Академій Наук,—В.; 3) До характеристики М. С. Щепкина,—А. Я. (изъ «Вѣстника всемірной исторіи») 4) «Гумористичний орган» —по поводу «Славянского Вѣка»—С. Е.; 5) «Говорила баба до самоі смерти»—по поводу послѣднихъ статей проф. Флоринскаго въ «Кіевлянинѣ», С. Е.; 6) Македонське питанне і сучачні фарисеі»—С. Е.

Хроніка и бібліографія (стр. 132—152). По обыкновенію, множество цѣннаго матеріала для текущей культурной жизни Галицкой Руси-Украины.

—

Slovanský Přehled, № 6 (3).

Ružena Jesenská. Z poesie maloruske. Ivan Franko: Rozvejte se vetrem («Розвійтеся з вітром, листочки зівялі»), V Peremyšli, kde San zeleny plynè («В Перемишлі, де Сян зелений плине»), Ach, to je ta cesticka («Чи сеж тая стежечка»), Odevzdàni vire («Дожиданьня»), Zivot a utrpeni, zajeti a smrt, muka i proslaveni svatého Seledia («Жите, страждання, мука і смерть, прославленне святого Селедія»), Kràci vitr po žite («Гуля по ниві вітер»), Rozkaz proti hladu («Наказ проти голоду»), Na udolim viska lezi («При долині сельце стоіть»).

Переводъ 8 стихотвореній извѣстнаго талантливаго писателя, исполненный Р. Ясенской довольно удачно, съ сохраненіемъ размѣра подлинника.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 2.

Fr. Rawita-Gawrońsky. Wycieczki historyczno-archeologiczne po Ukrainie (стр. 131—148). Авторъ дѣлится впечатлѣніями отъ посѣщенія съ археологическими цѣлями Чигирина и Субботова. Между прочимъ онъ высказываетъ гипотезу, на основаніи нѣкоторыхъ личныхъ соображеній, что «Метрополь» Птоломея—долженъ быть вовсе не Кіевъ, а Чигиринъ. Заговоривъ о Субботовѣ, авторъ не удержался, чтобы не разразиться филиппикой по адресу Хмельницкаго («zbyt cęzsto pijanego Chmiela») и его «вредной» дѣятельности; останковъ же Хмельницкаго «поляки несомнѣнно не выбрасывали; довольно посмотрѣть на толщину стѣны, чтобы убѣдиться, что гробъ (Хмельницкаго) почиваетъ, если не въ церковномъ подвалѣ, то въ боковой стѣнѣ—только никто до сихъ поръ не искалъ его»!

Dr. Eugeniusz Romer. Rola rzek w historyi i geografi i narodów (стр. 149—161). (Окончаніе). Подтверждается примѣрами та мысль, что коммуникаціонное и торговое движеніе производится во всемъ мірѣ въ двухъ направленіяхъ: въ вертикальномъ, въ которомъ происходитъ постепенное водоизмѣненіе продуктовъ земли, вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій, и горизонтальномъ—въ которомъ измѣняются культуры.

Fr. Bujak. Długosz jako geograf (стр. 171—184). Указываются ошибки въ его географическихъ трудахъ; неправильное пріуроченіе названій, напр., къ рѣкамъ въ Польшѣ и въ нынѣшней Малороссіи.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12-й 1900 г. и № 1-й 1901 г.

№ 12. Въ отдѣлѣ *«Земское и городское хозяйство»* (стр. 34) сообщается о конкурсѣ для составленія учебниковъ русскаго языка и ариѳметики, приноровленныхъ къ особенностямъ народнаго языка и быта Полтавской губерніи.

Въ отдѣлѣ «Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія»: *Б. Гринченко.* А. М. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). (По поводу сорокалѣтія ея литературной дѣятельности) (стр. 42—61).

Біографическій очеркъ и оцѣнка литературной дѣятельности писательницы, празднующей въ настоящемъ году сорокалѣтній юбилей своей лутературной дѣятельности.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» (стр. 61—63): *Александръ Яковлевичъ Конисскій.* Некрологъ, заимствованный изъ газеты «Кіевлянинъ».

Въ *«Приложеніяхъ»*:

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка, (стр. 353—417) (Окончаніе).

Здѣсь же приложено и предисловіе къ „Генеральному слѣдствію“ (стр. I—IX).

Б. Д. Гринченко. Изъ устъ народа. Этнографическіе матеріалы. (Отдѣльное приложеніе).

Очень цѣнный матеріалъ—малорусскіе разсказы, сказки и проч., составляющіе IV томъ въ высшей степени цѣнной серіи „Этнографическіе матеріалы“.

№ 1. *О. Бѣлозерскій.* Родина. Сестра. Люблянка (стр. 66—74). Не большіе экскурсы въ область народнаго творчества— лирическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ явствуетъ, насколько малороссъ всегда тяготѣлъ къ культу кровной связи, а въ частности,— къ члену ея—сестрѣ, а также явствуетъ разница во взглядѣ на любовь великоросса и малоросса, разница въ степени женственности и домовитости украинскойженщины въ сравненіи съ великорусской.

Экскурсы въ область пѣсеннаго творчества заставили автора прійти къ тому заключенію, что нашъ народъ „закристализовался въ формахъ родоваго быта“, и къ первобытнымъ, еще отъ поры земледѣльческаго и номаднаго общеарійскаго быта, названіямъ, какъ то: folk—полкъ, полчище, gram—громада, ничего не прибавлялъ къ номенклатурѣ болѣе обширнаго общественнаго порядка. Поэтому становятся понятными тѣ неурядицы, которыми сопровождался каждый подъемъ народнаго духа въ нашей исторіи: не было понятія, а слѣдовательно и слова, которое бы всѣхъ соединяло.

О. Илличевскій. Земледѣльческіе кружки въ Галиціи (стр. 116—121). Свѣдѣнія о достойной подражанія дѣятельности Львовскаго „Общества Земледѣльческихъ Кружковъ“, достигшаго въ теченіе 15 лѣтъ того, что въ настоящее время въ Галиціи нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было организовано земледѣльческаго кружка.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 1.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 1—34). Перечисляются переводные труды А. Курбскаго, а также отмѣчается благотворная дѣятельность К. К. Острожскаго въ дѣлѣ просвѣщенія (типографія, изданія по его мысли и порученію: Апокризисъ и др.)

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 1.

Н. И. Петровъ. Историко-археологическій очеркъ г. Брянска, Орловской губерніи, и его отношеній къ Кіеву (стр. 3—33). Историческія свѣдѣнія о г. Брянскѣ Орловской губ. съ XII в. и по настоящее время. Зависимость г. Брянска отъ Кіево-Печерской Лавры въ XVII и XVIII вв. Археологическій интересъ къ г. Брянску (Церковныя древности).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ, на 1-ой странице, прекрасный портретъ Т. Г. Шевченка и такая же статья А. Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка», въ которой авторъ отмѣчаетъ особенное значеніе Шевченка для Украины, не какъ поэта лишь, а какъ и дѣятеля историческаго, способствовавшаго возникновенію національнаго самосознанія у цѣлой народности. Тамъ же помѣщенъ переводъ стихотв. А. Я. Конисскаго «На смерть Т. Г. Шевченка» (пер. принадлежитъ Ив. Бѣлоусову).

—

Въ № 1 журн. «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

—

Въ № 40 газеты «Новости и Биржевая газета» помѣщена интересная статья А. Лотоцкаго *«Украинскій театръ»*, представляющая обстоятельный историческій очеркъ развитія театральнаго искусства въ Украинѣ въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Очеркъ содержитъ много новыхъ данныхъ для исторіи украинскаго театра во второй половинѣ минувшаго столѣтія, когда театральное искусство достигло наибольшаго развитія и стало на твердую почву. Статья эта, несомнѣнно,

займетъ почетное мѣсто въ небогатой понынѣ литературѣ украинскаго драматическаго искусства.

—

Исполнившееся въ 1898 г. столѣтіе малорусской литературы составило предметъ статьи Г. Адама въ послѣднемъ выпускѣ Magazin für Literatur. Сообщивъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ этой литературы и объ ихъ произведеніяхъ, авторъ заключаетъ, что не смотря на непрерывную борьбу съ различными препятствіями, малорусская литература продолжала развиваться и можетъ уже выставить рядъ имевъ, которыя сдѣлали бы честь любой литературѣ. (Русск. Вѣд. № 24).

—

Въ 1894 г. изъ-подъ пера нѣкоего А. Тодароделла Галіа вышла на итальянскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ „Положенія русскаго гражданскаго права“ (Istituzioni di dicitto civile russo «per A. Todaro della Galia. Torino-Roma. L. Roux e C. librai—editori. 1893, 8°, XXVIII+498). Сочиненіе посвящено императору Александру III, написано на основаніи свода законовъ Рос. Имперіи (т. X, ч. I) и другихъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ и раздѣляется на 3 части, изъ которыхъ одна носитъ названіе: «Disposizioni specialitei governi di Tchernigof e Poltava» (стр. 237—251) и трактуетъ о семейныхъ, имущественныхъ и наслѣдственныхъ отношеніяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Цѣль автора, очевидно, знакомаго съ русскимъ языкомъ,—содѣйствовать своимъ трудомъ расширенію данныхъ для сравнительнаго изученія права въ разныхъ странахъ.

—

Въ № 16 газ. «Кубанск. Областн. Вѣдомост.» помѣщено письмо въ редакцію М. О. Поночовнаго «Къ вопросу объ основателяхъ гор. Темрюка», въ которомъ сообщаются данныя о началѣ заселенія мѣстности г. Темрюка прапрадѣдомъ автора корреспонденціи—Демьяномъ Поночовнымъ.

—

Въ № 41 газ. «Дѣло» помѣщена статья «Справа народнихъ шкилъ на Украини», въ которой отмѣчены ходатайства земствъ въ послѣдніе годы о допущеніи въ народныя школы украинскаго языка и книгъ.

—

Въ послѣднемъ, XXVIII выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣатностей и племенъ Кавказа» помѣщено обширное изслѣ-

дованіе Е. С. Токайшвили «Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида». Въ этомъ послѣднемъ приводятся (стр. 158—159, прим.) интересныя данныя армянскаго писателя XI в. Асохика объ участіи русскихъ войскъ въ военныхъ дѣйствіяхъ царя Василія (греческаго) въ концѣ X столѣтія противъ Грузіи: «ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя рузовъ (русскаго) въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ то же самое время рузы увѣровали во Христа".

—

Въ № 15 (1) издаваемаго въ Вѣнѣ «Славянскаго Вѣка» помѣщена любопытная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья К—сы, „Проф. Карѣевъ во Львовѣ". Указавъ на то, что молодежь, собравшаяся въ „Академічній Громаді" слушала лекцію на „общерусскомъ языкѣ", и, значитъ, она понимаетъ этотъ языкъ, и онъ не такъ далекъ отъ малорусскаго—авторъ даетъ отъ себя въ высшей степени интересное объясненіе, которое считаемъ не лишнимъ заимствовать оттуда. „Знаніе русскаго языка молодежью русской Галиціи—результатъ дѣятельности проф. Грушевскаго, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ для нѣкоторыхъ. Воспитанникъ русской школы, человѣкъ русской культуры, онъ выгодно отличается отъ своеобразной человѣческой (!) породы рутенцевъ Галиціи, или отъ исключительныхъ этнографическихъ малоросовъ, и будучи малоросомъ, проф. Грушевскій не перестаетъ быть русскимъ вообще. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность г. Грушевскаго и ея результаты возбуждаютъ недовольство и разочарованіе гг. Бобжинскихъ и Барвинскихъ, которые ждали нѣчто другое (!) отъ «выписаннаго» профессора. *Что касается «украинства» въ дѣятельности г. Грушевскаго, то оно не оказываетъ вреднаго вліянія на Россію*, и *всей своей остротой направлено противъ полонизма, отъ котораго спасаетъ галицкое русское населеніе.* Слѣдовало бы понять это и многимъ другимъ людямъ въ Россіи: *безъ галицкаго украинства русское населеніе, можетъ быть, совсѣмъ пропало бы, не находя никакой поддержки изъ Россіи*».

Въ томъ же номерѣ (стр. 25), говоря о юбилеѣ А. С. Петрушевича по случаю 80-лѣтія со дня его рожденія, редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ „странную, чтобы не употреблять болѣе рѣзкаго

выраженія, выходку предсѣдательницы Рус. Археолог. Общества, гр. Уваровой, вздумавшей привѣтствовать *русскихъ* на *русскомъ* (курсивъ подлинника) торжествѣ не *по-русски*, какъ это дѣлали даже многіе славяне (проф. Кадлецъ изъ Праги), а по-французски". „*Ужъ лучше было бы по-малорусски, чѣмъ по-французски*"—прибавляетъ отъ себя, должно быть имѣя въ виду остроту, редакція, „Славянскаго вѣка".

—

Въ вѣнскомъ еженедѣльномъ журналѣ „Abrbeiter-Zeitung" въ № 42 отъ 4 февраля (с. г.), начата печатаніемъ повѣсть Ивана Франка «Boa Constrictor», въ переводѣ Карла Гельбиха.

—

Съ начала настоящаго года во Львовѣ начало выходить новое изданіе «*Газета господарска*», издаваемая Василемъ Королемъ. Выходитъ она дважды въ мѣсяцъ. (Дѣло, г. 27).

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматической цензурою.

По 1 декабря 1900 г.

1) Гайдамака. Драма у 4 діяхъ. Сочиненіе А. В. Гродзенка.

2) За кровъ (?), добро и крывду людську,—драма въ 5 актахъ С. Е. Зиневича.

3) Панъ Халявскій. Комедія-фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ А. Т. Грабины (по печатному изданію).

4) Шыто-крыто, або и козы сыти и сало циле,—комедія въ 5 дѣйств., 7 карт. Соч. А. А. Лемешко.

По 1 января 1901 г.

1) Бидолашна, або зруйноване щастя. Драма въ 3 дѣйствіяхъ П. В. Цыганенка.

2) Кохانци-школныкы Комед. въ 2 дѣйств. Съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе С. Ф. Воронки.

3) Несподивана халепа. Драма въ 2 дѣйств. В. Русинова.

(Правит. Вѣстн.).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Александръ Яковлевичъ Кониссkій. Некрологъ. Отт. изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1901, 1—27.

Бочкаревъ, К. П. Очерки Лубенской старины. Лубенскій музей Е. И. Скаржинской. Историческій отдѣлъ. Вып. I. Со стариннымъ планомъ и видами г. Лубенъ. Москва, 1901, in 4°, 39 стр.

Былое. 1) Дѣдъ Евменъ. 2) Не молотъ лѣнь учитъ, а голодъ. Переводъ съ малороссійскаго. Съ рис. П. Е. Литвинскаго. Ц. 30 коп.

Веретельникъ Андрей. Два брата. Оповідане. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. I. Мизевича. Ст. 64 мал. 8°. Ціна 32 сот.—«Біблiотека для русской молодежи», т. XLIV.

Гринченко Б. Д. Изъ устъ народа. Малорусскіе народные разсказы, сказки и проч. («Приложеніе къ XII кв. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» за 1900 г.), Черниговъ, 1900, стр. I—VIII, 1—488.

Драгоманов М. Микола Іванович Костомарів. (Біографическій очеркъ Костомарова, напечатанный въ 1—2 № «Світа» за 1881 г; письмо Костомарова къ Драгоманову, напечатанное въ январѣ 1877; двѣ шутки Костомарова). Видане «Літерат.-Науковоі Бібліотеки», 7—9. У Львові, 1901. Ціна 16 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901, кн. 1. Т. XXXIX. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор Зміст: 1) Памяти Олександра Кониського,—написав Михайло Грушевський, 2) Недруковані поезиі Т. Г. Шевченка, подав Олександер Кониський, 3) Варианти на де-котрі Шевченкові твори, подав Олександер Кониський (кінець), 4) Поглядъ на сучасный стан історичних розслідів україньско-руськоі літератури. Найдавнійший період. Кілька проблем і дезидератів, написав Др. Олександер Колесса, 5) Латиньскі інфінітіви на ier, написав Іван Копач, 6) Miscellanea: а) Вірша епископа И. Шумляньского про події 1683—6 рр., подав. Ів. Франко; б) Сотворене жінки (пародия), з народних уст, подав др. Олексій Маркевич. Наукова хроніка.

Збірник математично-лікарськоі секциі Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VII, вип. I. Часть математично-природописна під редакциею Івана Верхратского і Володимира Левицкого. У Львові 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім.

Шевченка. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Володимир Левицкий. До теориі рядів степенних. 2) Софрон Матвіяс. Де-що про лучі Бакереля. 3) Володимир Левицкий. Короткий начерк теориі функций автоморфних. 4) Стефан Рудницкий. Про плями сонічні (часть перша). 5) бібліографія і хроніка математично-фізична.

Каммереръ Вильгельмъ. Звôнокъ. Переклавъ Якôвъ Зробекъ. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича. Ст. 44, мал. 8⁰. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для рускои молодежи», т. XLV.

Колесса Ол. Погляд на сучасний стан історичних розслідів українсько-руськоі літератури. Найдавнійший период. Кілька проблем і дезідератів. У Львові, 1901, Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 40, вел. 8⁰. (Відбитка із XXXIX т. Записок).

Марта Борецка. Історичне оповідане. Друге видане. Вид. «Руского Товариства Педагогічного» у Львові (ч. 82), 1901, стр. 72. Ціна 64 сот.

Мосора Михаилъ. Народни казки. Часть І. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича, Ст. 32, мал. 8⁰. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для рускои молодежи», т. XLVI.

Народні оповіданя Марка Вовчка. І. Козачка. Чары. Видане „Руского Товар. Педагогічного" у Львові (ч. 81), 1901, стр. 32. Ціна 30 сот.

Пачовский М. Народні думи. Частина І. Видане «Руского Товариства педагогічного» (ч. 84). Львів, 1901. Зміст: «Думи про сестру та брата», «Про вдову і трьох синів», „Про невольницкий плач", «Про Марусю Богуславку», «Про трьох братів Озовских», «Про Самійла Кішку».

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 года по 1 іюня 1900 года. Выпускъ 1-й. Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Составлено по порученію Полтавской губернской земской Управы. Полтава, 1900, 1—402+119.

Пулюй Іван Др. Нові і перемінні звізди. Видане «Літерат.-Науково бібліотеки», ч. II. У Львові, 1901, Ціна 15 стр.

Пятка Стефан. На прічках. Видане «Руского Товариства Педагогічноого» у Львові (ч. 80), 1901, стр. 34. Ціна 30 сот.

Раковський Іван. Вік нашоі землі (Передрук з 1 кн. «Літ.-Наук. Вістника за р. 1901). Видане «Літерат.-Науковоі Бібліотеки», ч. 7. У Львовъ, 1901. Ц. 10 сот.

Руска читанка для першоі кляси шкіл середних. Уложив Сергій Шпойнаровский, ц. к. професор гімназияльний. Чернівці, 1900. Накладом Енгля і Суханки. З друкарні товариства «Руськоі Ради». Ст. 248 in 8°.

Самостоятельная Украина. Рѣчь, произнесенная в 39-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка. Перевод с украинскаго. Изданіе А. Б. Ворога. № 1. 1900 год. Ст. XVIII+46, in 4°. Ціна 60 коп.

Теодоровичъ Н. И. Волынская духовная семинарія. Исторія первоначальнаго ея устройства и списки учащихся за столѣтній періодъ существованія семинаріи. Житоміръ, 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Чехов А. Каштанка. Оповідане. Переклала М. Грушевська. Вид «Літерат.-Науковоі Бібліотеки», ч. 8. У Львові, 1901. Ціна 15 сот.

Якъ оберегатьи себе видъ виспы. Про скарлатыну (краснуха). Про сифилисъ (占ранци). Про коросту (чухачка). Выдано Вс. И. Гуртомъ. № 7. Харьковъ, 1900, стр. 1—32 in 32°. Типо-литогр. „Печатное Дѣло", кн. К. Н. Гагарина. Ц. 3 коп.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

15 января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу П. П. Короленко о сообщеніи ему черезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.) изъ церкви Подпольской сѣчи (послѣ разоренія въ 1755 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ, указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленкѣ для подготовляемой имъ къ харьковскому археологическому съѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ козаковъ, постановлено обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ московскому предварительному комитету.

Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чиръ, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой—трехъ, причемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта; при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей.—Постановлено г. Яковлева благодарить за сообщеніе и просить о высылкѣ кремневыхъ предметовъ для выставки съѣзда.

Прочтено сообщеніе С. Л. Ивановича о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Пет-

ровской волости, зъ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвенкиной, на правой сторонѣ р. Донца. Въ могилѣ, на глубинѣ $1^1/_4$ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти; около черепа горшокъ; между костями—металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Постановлено благодарить г. Ивановича за сообщеніе и за доставленныя вещи.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто нахожденій бабъ помѣстить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой проф. Д. И. Багалѣемъ, сдѣлать фотографическія снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся.

Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ, и вообще, частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи и помощи въ этомъ отношеніи губернатора, земскую управу и земскихъ начальниковъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленіи свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, причемъ прочиталъ сообщенія учителя Верхне-Салтовскаго народнаго училища В. Бабенко, приславшаго цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета къ духовной консисторіи и г. попечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, недоставившимъ свѣдѣній—срокомъ доставки таковыхъ—15-го марта сего года, по этому же поводу рѣшено: въ виду малоостающагося времени до съѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированія и проч.)—просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при съѣздѣ—присылать теперь же комитету.

Проф. М. Г. Халанскій познакомилъ съ продолженіемъ описи коллекціи г-жи Томилиной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михайловича; сборникъ

XVIII в.: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 г., Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма „Сократъ"), полученными имъ изъ Бѣлгорода (отъ г. Мичурина); далѣе прочелъ собщенную г. Лернеромъ народную свадебную пѣсню.

Постановлено выразить благодарность инспектору народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда; народнымъ учителямъ этого уѣзда, Н. С. Пономарову (приславшему рукопись XVIII в.— Акафистъ покрову Пресвятой Богородицѣ) и всѣмъ лицамъ, сообщившимъ свѣдѣнія и предметы; также напечатать приготовленныя проф. Ю. И. Морозовымъ карты подземныхъ ходовъ въ г. Харьковѣ.

Е. Р.

Ученыя общества.

Въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Археологическаго Института, 12-го января, въ 23-ю годовщину основанія Института, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей, въ которомъ сдѣланы сообщенія: 1) гр. А. А. Бобринскимъ—„Археологическія изысканія въ Приднѣпровьи. Результаты, добытые раскопками послѣднихъ 20-ти лѣтъ. Задачи будущаго" и 2) Н. В. Покровскимъ—„Отчетъ о состояніи губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1899 г."

Въ началѣ своего реферата гр. Бобринскій указалъ на общее положеніе дѣла изслѣдованія древностей Приднѣпровья, 20 лѣтъ назадъ, когда серьезная научная работа едва лишь начиналась, и на современное состояніе, обладающее уже многочисленными, цѣнными трудами и открытіями, далеко подвинувшими впередъ разработку различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ той или другой эпохой доисторическаго прошлаго Южной Россіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи референтъ, опираясь на факты, представилъ классификацію и характеристику разныхъ памятниковъ старины, въ такомъ изобиліи встрѣчающихся на среднемъ Приднѣпровьи. Подраздѣленія эти слѣдующія: 1) древне-каменная эпоха (палеолитъ), 2) енеолитическая (неолитъ, до-микенская культура, бронза), 3) скифо-сарматская, 4) переселенія народовъ

5) славянская и 6) велико-княжеская. Давъ, затѣмъ, приблизителеную датировку каждой изъ эпохъ, гр. Бобринскій намѣтилъ въ концѣ, по отношенію къ каждому изъ періодовъ, тѣ вопросы, которые надлежить рѣшить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Рефератъ гр. Бобринскаго составляетъ вступленіе къ III-му тому его капитальнаго труда „Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы",—по выходѣ послѣдняго въ свѣтъ, мы остановимся на немъ подробнѣе.

Н. В. Покровскій, очертивъ вкратцѣ положеніе архивныхъ комиссій, положеніе не всегда блестящее, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи, доложилъ отчеты нѣкоторыхъ комиссій.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Г. Л. Скадовскаго на о. Березани. Раскопки эти (лѣтомъ прошлаго года), давшія очень цѣнные результаты, продолжались полтора мѣсяца. Ихъ предполагалось закончить въ болѣе короткій срокъ, но осмотромъ на мѣстѣ константировано варварское опустошеніе съ хищническими цѣлями громадной площади, заслуживающей точныхъ изслѣдованій, такъ, что раскопки пришлось расширить. Результатомъ изслѣдованій явился объемистый дневникъ, обработкой котораго занятъ теперь г. Скадовскій и болѣе 300-тъ всевозможныхъ предметовъ (глиняная и терракотовая посуда, м. п. и чернофигурная, бронзовыя стрѣлы, зеркала, кольца, браслеты; затѣмъ бусы, предметы изъ египетской пасты, 2 монеты—ассъ и одна серебр., еще пока неопредѣленная), кромѣ того, 4 ящика черепковъ, собранныхъ въ кострищахъ, въ погребальныхъ сооруженіяхъ и въ кладоискательныхъ ямахъ. Черепки эти принадлежатъ посудѣ, которую можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: а) аттическая черполаковая и чернофигурная, VI в. до Р. Х., б) микенскаго типа и островной культуры, VII и VI в. до Р. Х., в) древне-милетская, г) іоническая, V в. до Р. Х. и д) посуда съ бѣлой накладной краской и краснымъ орнаментомъ.

Раскопками прошлаго лѣта программа изслѣдованія острова далеко неисчерпана и г. Скадовскій намѣренъ продолжать раскопки и въ настоящемъ году.

—

Раскопки проф. Н. И. Веселовскаго въ Кубанской и Донской областяхъ. Прошлымъ лѣтомъ, проф. Веселовскимъ были произведены раскопки въ слѣдующихъ мѣстностяхъ.

Въ Кубанской области. Въ Майкопскомъ отдѣлѣ: 1) большой курганъ на землѣ генер. Дукмасова, курганъ высотой болѣе 3 саж., 2) въ Курджинской станицѣ 3 кургана, изъ которыхъ одинъ большой, сложенный изъ камней, 3) въ казенномъ лѣсу подъ Майкопомъ 2 кургана и курганъ возлѣ сторожевой караулки тамъ же, 4) въ Тульской станицѣ 11 кургановъ, изъ которыхъ вещи оказались только въ 6-ти. Въ Кавказскомъ отдѣлѣ: 1) въ Зубовскомъ хуторѣ одинъ курганъ, высотой до 4-хъ саж., 2) въ участкѣ г. Зиссермана 4 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 4 саж., 3) въ хуторѣ Ипмановскомъ 2 кургана, 4) въ поселкѣ Ванновскомъ 1 кург., высотой до 5 саж., 5) въ Александровскомъ поселкѣ 1 кург., 6) въ Казанской станицѣ 1 кург., высотой до 5 саж.

Въ Донской области. Произведены изысканія близъ Таганрога, на мѣстѣ Чуленскаго клада, и раскопаны 3 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 3 саж.

—

Раскопки городища Шаргородъ. Въ „Лѣтописи“ еще не было помѣщено свѣдѣній объ этихъ раскопкахъ, произведенныхъ г. Хвойко въ послѣдніе годы,—настоящей замѣткой пополняемъ пробѣлъ. Городище находится въ 2-хъ верст. отъ с. Шарки, Васильковскаго у., Кіевск. г., состоитъ изъ 3-хъ частей, раздѣленныхъ валами и занимаетъ площадь до 11 десятинъ. При раскопкахъ были найдены комки обожженной глины, потрескавшіеся отъ огня камни, желѣзные ножи, стрѣлы, серпъ, бронзовыя пряжки и колечки, костяные наконечники стрѣлъ, стеклянные браслеты и бусы. Былъ изслѣдованъ также холмикъ, эллипсовидной формы, поднимавшійся между первой и второй частью городища и имѣвшій 50 метр. длины и 20 м. ширины. Здѣсь открыто до 50-ти погребеній, въ томъ числѣ около 20-ти сожженій. Покойники лежали или въ рядъ, или рядами другъ надъ

другомъ, направленіемъ на югъ, юго-зап. и западъ. При нѣкоторыхъ покойникахъ найдены остатки обожженнаго дерева. На черепѣ одного скелета найдена парчевая повязка, шитая золотомъ и серебромъ, у реберъ—парчевый поясъ съ серебряными бляшками, на ногахъ—башмаки изъ краснаго сафьяна. На другомъ скелетѣ—то-же, кромѣ пояса. У нѣкоторыхъ скелетовъ встрѣчались также колечки изъ серебряной или бронзовой проволоки. При сожженіяхъ обнаружено большое количество угля и золы, перемѣшанныхъ съ костями, а также куски расплавленнаго стекла и поврежденныя огнемъ бляшки, желѣзныя пряжки и половина серпа. Въ юго-западномъ концѣ третьей части городища находится довольно много невысокихъ кургановъ, повидимому раскопанныхъ кладоискателями.

Случайныя находки.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ мы помѣщаемъ перечень находокъ послѣдняго времени, главнымъ образомъ прошлаго года, свѣдѣнія о которыхъ поступили въ Императ. Археологическую Комиссію.

Кіевская губ. 1. Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ мѣщанина Романцова, найдено до 15-ти фунтовъ серебряныхъ западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.—2. Въ с. Великой-Снѣтинкѣ, Васильк. у., крестьянинъ, при вкапываніи столба на огородѣ, нашелъ 4 цѣлыхъ шестиугольныхъ гривны, вѣсомъ 47 зол. 51 дол., 46 з. 24 д., 47 з. 10 д., 39 з. 80 д. и одну съ отрубленнымъ краемъ, вѣс. 29 з. 9 д.—3. Въ с. Степанцахъ, Каневск. у., на огородѣ найдено 12 зап.-евр. сереб. монетъ XVII ст.—4. Въ с. Великой-Березянкѣ, Таращ. у.,—также зап.-евр. монеты XVII ст.

Волынская губ. 1. У с. Жабче, Заслав. у., около 100 польскихъ и шведскихъ сереб. монетъ XVII ст.—2. Въ с. Башукахъ, Кремен. у.,—6 ф., 31 зол. польскихъ монетъ XVII ст.—3. У с. Поповцы, Кремен. у., 115 сереб. монетъ Сигизмунда III.

Подольская губ. 1. Въ м. Жванцѣ, К.-Под. у.,—852 польскихъ и эльбингскихъ солида XVII ст.—2. У с. Ярова, Брацл.

у.,—146 сереб. пражскихъ грошей Карла I и Венцеслава III; переданы въ Музей унив. св. Владиміра.

Полтавская г. 1. У с. Керасирщины, Пеереясл. у., на берегу Альты, найдена 81 монета XVI ст., польскія и зап.-евр.; переданы въ Музей Полт. Губ. Земства.—2. Въ д. Софіевкѣ, того-же у.,—407 польск. и зап.-евр. монетъ XVII ст.—3. Въ с. Рудницкомъ, того-же у.,—29 такихъ-же монетъ.—4. На дачѣ д. Клепачи, Лубенск. у.,—6 золот. и 1519 сереб. зап.-евр. монетъ XVII ст.; часть поступила въ Эрмитажъ.

Екатериносл. губ. 1. Крестьянинъ д. Варваровки, Павлоградск. у., Д. Кришталь выоралъ очень интересный каменный топоръ—молотъ и представилъ *вобственноручное* описаніе его въ Комиссію, снабдивъ даже рисункомъ.—2. Въ Бахмутскомъ у., въ курганѣ, на землѣ гг. Беклемишевыхъ, найдены 2 золотыя продолговатыя дутыя привѣски въ формѣ луницъ и 4 золот. цилиндрическія бусы; поступили въ Эрмитажъ.—3. Въ $2^1/_2$ верет. отъ д. Ново-Ивановки, Екатериносл. у., подъ кучей камней, на глубинѣ 1 арш., найдено каменное надгробіе въ формѣ саркофага съ полукруглымъ верхомъ, на бокахъ высѣчены арабскія надписи (изреченіе изъ корана, стихъ 265), надгробіе относится къ XIV или началу XV в.—4. При ломкѣ камня у с. Бородаевки, Верхнеднѣпровск. у., найдены 22 сереб. зап.-евр. монеты XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.

Харьковская губ. На выгонѣ с. Колонтаева, Богодуховск. у., найдены 152 сереб. польскія монеты XVII ст.; переданы въ Музей Харьковск. университета.

Кубанская область. 1. Въ Ахтанизовской станицѣ, Темрюкскаго отдѣла, на ровной мѣстности, на глубинѣ 2 арш., найдена гробница, составленная изъ 5-ти каменныхъ плитъ; въ гробницѣ не оказалось ничего, но за одной изъ плитъ гробницы находился кладъ, заключавшій слѣд. предметы: желѣзный шлемъ, 2 сереб. сломанныя тарелки, сереб. бляхи отъ конскаго убора, стеклянную вазу съ ручками, металлич. зеркало, золотой вѣнецъ съ листьями, 2 золотыхъ обруча съ головками на концахъ, серебр. бляху съ штампованной головой, такую-же бляху поменьше, 2 золот. бляхи съ изображеніемъ птицъ, золот. бусинки, бляшки и пластинки, свернутыя въ трубочки.—2. На рѣкѣ Селенчугѣ, Тифлиск. почт

отд., въ курганѣ, найдены золотыя украшенія, горшки и желѣзные предметы.

Разныя извѣстія.

По слухамъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагаетъ объединить ученыя общества, желая придать имъ какую-нибудь опредѣленую организацію. На первой очереди стоятъ историческія общества, во главѣ которыхъ предполагается поставить Археографическую Комиссію.

—

Въ теченіи января и февраля въ Кіевскомъ Музеѣ Древностей и Искусствъ была открыта историко-археологическая выставка. Составъ ея приблизительно тотъ-же, что и въ 1899 году, когда такая-же выставка была устроена по поводу археологич. съѣзда. Дополненіе представляетъ коллекція Зноско-Боровскаго. Главную массу выставленныхъ предметовъ составляютъ коллекціи Б. И. и В. Н. Ханенко и В. В. Хвойки,— здѣсь есть довольно много новинокъ—результатовъ раскопокъ и пріобрѣтеній послѣдняго времени.

—

Крестьяне с. Ильинскаго (Парутина), Одесск. у., въ теченіи 1900 года усиленно занимались хищническими раскопками на мѣстѣ древній Ольвіи; добытыя древности сбывались евреямъ; при этихъ раскопкахъ былъ найденъ м. п. склепъ, въ которомъ находились расписныя вазы; причина раскопокъ—неурожай 1899 г.

—

Въ ночь на 8 февраля музей І. А. Хойновскаго (въ Кіевѣ) подвергся ограбленію; было украдено различныхъ цѣнныхъ предметовъ (табакерки, ордена и т. п.) на сумму до 30-ти тысячъ руб.; вещи разысканы.

—

Въ журналѣ „Отдыхъ“ за 1899—1900 г. находимъ одну замѣтку, касающуюся нашей области— „Старая Анастасіевская церковь въ г. Глуховѣ, Черниговск. г.“, П. Райляна (№ 5, мартъ).

Замѣтка, передающая исторію церкви, снабжена двумя рисунками, изображающими видъ церкви со времени перестройки 1816 г. и часть церкви, предназначенную къ реставраціи и составляющую первоначальную церковь, построенную гетманшей Скоропадской.

—

Въ журналѣ „Искусство и художественная промышленность“ за 1899—1900 г. южно-русской старинѣ посвящены слѣд. двѣ статьи Е. М. Кузьмина: „XI Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ“, съ 13 снимками (№ 14, ноябрь) и „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печерской лаврѣ“, съ 12 снимками (№ 17, февраль). Съ настоящаго года журналъ, бывшій органомъ Спб. Общ. Поощренія Художествъ, перешелъ въ собственность редактора Н. П. Собко. Не мотря на нѣкоторые промахи, за журналомъ нужно признать большую заслугу—онъ являлся единственнымъ періодическимъ изданіемъ, отражавшимъ художественную жизнь не только столицъ, но и провинціи, что, въ свою очередь, отзывалось на послѣдней въ смыслѣ возбужденія интереса въ вопросамъ искусства какъ стараго такъ и новаго. Желаемъ журналу дальнѣйшаго успѣха.

кую полковую и городовую старшину, при чемъ каждому была отведена особая „дѣляница". Былъ назначенъ участокъ и для Г—на, но не тотъ, который онъ занялъ на Гнилицѣ, а другой; устроенный имъ хуторъ на Гнилицѣ, по рѣшенію гетмана, долженъ былъ быть снесенъ, какъ записано Лизогубомъ въ его слѣдственномъ актѣ: „п. полковникъ, по именному рейментарскому указу, мѣетъ хуторъ тамъ стоячій—перенести на Свидовецъ, на тое мѣстце, гдѣ былъ хуторъ п. Дм. Горленка, подъ виною тысячи талярей на особу рейментарскую належную." Но „именной указъ рейментарскій" оказался безсильнымъ, такъ какъ Г—нъ своего Гнилицкаго хутора не снесъ. Изъ этого хутора къ концу XVIII в. образовалось с. Гнилица [1]).

С. Рудовка, руда Росоша. О началѣ этого села мѣстные старожилы, при генер. слѣдствіи, показали: „когда орды по Украину выходили, того часу Рудовка тѣми ордами опустошена, а потомъ, когда поселилось тамъ малое число людей, то Д. Горленко отдалъ людей (Рудовскихъ) Демьяну Якубовичу, у котораго Рудовка была отобрана полковникомъ Носомъ и отдана сыну его пасынка Петру Носенку". При этомъ Носъ выдалъ послѣднему слѣдующій любопытный „листъ": „Респектуючи на давніе заслуги небожчика блаж. памяти Ивана Носенка [2]) въ Войску Запор. роненіе одъ килка лѣтъ, а теперъ также взираючи на уставичные сына его п. Петра Носенка, значного полку нашго товариша, прислуги, и до далшихъ оного заохочуючи, надаемъ ему, п. П. Н—ку, на вспарте господарства его, въ подданство селце Рудовку зо всѣми тамошними посполитими людми. Прето, жебы оному п. П. Н—ку въ обладаню въ той помененной маетности его не смѣлъ нѣкто чинити перепоны,

---

[1]) Населеніе этого хутора по вѣдом. XVIII в. не показывается, если только одинъ изъ показанныхъ по вѣд. 1753 г.—Рудовскихъ хуторовъ, хуторъ «полковника Галагана» (6 д. 6 х.) не есть Гнилицкій. Въ 1861 г. въ с. Гнилицѣ было крестьянъ 786 м. п.; всѣ они принадлежали Галагану.

[2]) Это былъ Сребрянскій сотникъ Иванъ Бѣлецкій, пасынокъ Носа. См. стр. 127.

пилно мѣти хочемъ. Войтъ зась Рудовскій, жебы зо всѣми тамошними посполитими людми, *такъ цѣлими господарами, яко тежъ и подсусѣдками*, не чепаючи толко хуторовъ значныхъ пановъ особъ, вшелякое свое належитое послушенство безъ отмови до двора п. П. Н—ка отдавали, о тое пилно и срокго властію нашего полковницкою приказуемъ". (Прилука, 14 февр. 1709 г.) Этотъ „листъ" только что поставленнаго полковника, и выданный при томъ близкому своему свойственнику, по своей категоричности [1]) и включенію въ подданство подсосѣдковъ, указываетъ, что Носъ, получивъ полковничество по указу царя, очень высоко мнилъ о своей власти... По смерти П. Н—ка, Р—ка была утверждена въ 1734 г. за его сыновьями, по универсалу кн. Шаховскаго. **Кр. А.** 16 д. **В.** 10 д. **В.** 19 д. и въ хуторахъ Мих. Огроновича и Фед. Марковича 22 д. **Г.** 14 д. 14 х. Пс. 2 бд. х. **Д** 72 д. 77 х. Пс. 102 д. 113 х. 62 бд. х. **Кз. В.** нѣтъ **Г.** 5 д. 7 х. Пс. 4 бд. х. **Д.** 3 д. 15 х. Крестьяне по вѣд. 1780 г.—показаны во владѣніи: майоровъ Коцары и Ханенка и кол. ассес. Тарновскаго.

Рудовскіе хутора. Уже изъ Носоваго „листа" 1709 г.—видно, что ок. Рудовки и тогда были хутора „значныхъ пановъ особъ", возникновеніе которыхъ связывалось конечно съ обширностью Гнилицкой степи. Затѣмъ количество этихъ хуторовъ должно было увеличиться, когда Прилуцкая старшина въ 1719 г. получила назначенныя тамъ для нея „дѣляницы" (с. 193). По ревизіи 1740 г. показано 11 такихъ хуторовъ, съ населеніемъ въ 93 хатъ. Хутора эти показаны въ числѣ козачьяго, а не посполитаго населенія, но значитъ ли это, что населеніе хуторовъ состояло изъ козаковъ, обратившихся въ подсосѣдковъ?—Едва ли, такъ какъ по вѣд. 1718 г. въ Рудовкѣ козаковъ вовсе не значится. Быть можетъ, впрочемъ, что Рудовскіе хутора заселены подсосѣдками изъ козаковъ сосѣднихъ селъ... Въ вѣдом. 1740 года здѣсь показаны слѣдующ. хутора: 1) Полков. судьи М. Ягельницкаго—4 д. 4 х. 2) Капитана Параскевы (Нѣжинск.

---

[1]) Нѣтъ ссылки на «зверхнѣйшую» власть гетмана, который долженъ подтвердить «наданье» полковника.

грека)— 20 д. 20 х. 3) Зн. тов. Нестора Федорова—6 д. 6 х. 4) Полк. хор. Ив. Маценка—4 д. 4 х. 5) Якова (Михайловича) Огроновича—13 д. 13 х. 6) Полк. ес. Мих. Мовчана—2 д. 2 х. 7) Бунч. тов. Дм. Марковича—7 д. 7 х. 8) Марьи Носенковой (вдовы Петра Носенка?)— 1 д. 1 х. 10) Зн. тов. Ив. Сеня—5 д. 5 х. 11) Капитана Тихонова [1])—16 д. 16 х. По вѣдом. 1753 г. количество Рудовскихъ хуторовъ удвоивается (23), при чемъ значительнѣйшими хуторами указаны: Дм. Маркевича (3 д. 10 х. и 15 бд. х.), б. тов. Ник. Троцкаго (10 д. 10 х.),

[1]) Тихоновъ былъ женатъ на вдовѣ Степ. Тарновскаго, владѣльца д. Манджосовки (с. 164) и с. Бѣлоцерковки. Отношеніе его къ мѣстнымъ людямъ видно изъ жалобы священника сосѣдняго с. Каплинецъ, который жаловался въ 1739 г. своему Пирятинскому протопопу, что въ 1721 г. онъ получилъ отъ одного изъ своихъ прихожанъ («на поминовеніе за преставлшіяся души») участокъ поля въ въ с. Бѣлоцерковцахъ, но такъ какъ этимъ полемъ завладѣлъ тамошній державца Тарновскій (Степанъ), то не имѣя возможности получить поле, онъ подарилъ его полковнику Галагану. Это было уже по смерти Степ. Тарновскаго. Засимъ, поле нужно было указать повѣренному Галагана, для чего священникъ и поѣхалъ въ Бѣлоцерковку, но когда онъ, тамъ, пришелъ во дворъ Тарновской, то послѣдняя «стала заразъ безчестить мене словами», пишетъ жалобщикъ, «а потомъ мужъ ея, капитанъ Михайло Тихоновъ велѣлъ мене перве, роздегать и бить плетмы, а когда же обнажили мене, то жена его упросила отъ плетей, и онъ вхопивши за волосы мене, билъ палкою нещадно, которому капитану сказовалъ я, что ручу тисячу рублей на ея и. величество, буди ти станешъ безъ права бить мене, и онъ не смотрячи тоей моей заруки, билъ и велѣлъ бить мене служителямъ своимъ, якіи служителѣ били мене догоняючи, покудова збили зъ ногъ, а якъ збили зъ ногъ въ грязь, били чуть не до смерти, чтъ уже я и не помню того, якъ мене остановили. И отдохнувши, я пошовъ и сховавса въ городахъ, ибо объявилъ нѣякійсь человѣкъ мнѣ, что берутъ конѣ—шукать и убить тебе, которіе и шукали въ разнихъ мѣстахъ, а именно: въ попадѣ, въ жида и въ царинного дѣда... А я сховавшись, лежалъ въ соломѣ, гдѣ уже пшла кровъ носомъ и ротомъ»... (Арх. Кіевск. дух. консист.) Поданная обиженнымъ жалоба могла только установить, что побившій его капитанъ Михайло Тихоновъ служилъ въ Смоленскомъ пѣх. полку...

б. тов. Як. Тарновскаго (2 д. 9 х., 10 бд. х. [1]), морского флота отст. капитана Параскевы (5 д. 12 х. и 17 бд. х.).

С. Заиздъ, Удай, по универсалу 1716 г., Скоропадскимъ отданъ зн. в. тов. Якиму Горленку (внуку Лазаря Г—ка), передавшему это село своимъ потомкамъ. **Кр. П.** 12 д. **А.** 38 д. **В.** 38 д. **В.** 78 д. Пс. 1 д. **Г.** 44 д. 48 х. **Д.** 33 д. 54 х. 6 бд. х. Пс. 8 д. 17 х. **Кв. В.** 6 д. **Г.** 6 д. 9 х. Пс. 7 бд. х. **Д.** 6 д. 14 х. Умаленіе населенія въ З—дѣ за 10 лѣтъ (1729—740) почти вдвое—происходило, кажется, въ связи съ общимъ движеніемъ въ это время народа на правый берегъ Днѣпра. Въ 1780 г. З. принадлежалъ полковнику Петру Якимовичу Горленку, у котораго въ это время было около 500 д. крестьянъ м. п., въ томъ числѣ: въ Прилукѣ—44, Заиздѣ—212, Яблуновкѣ—112, Толкачовкѣ—14, разн. хуторахъ—43, при греблѣ Переводской—36, слободкѣ Обичевской—5, д. Будахъ—4, Калишовкѣ—11, Дѣдовцахъ—6, Красляпахъ—5 и Подищахъ—3. Все это было нажито главнымъ образомъ Якимомъ Горленкомъ, который былъ сначала генер. хоружимъ (1736—741), а потомъ генер. судьею.

С. Толкачовка, сліяніе Галки съ Удаемъ [2]), поселена въ по пол. XVI в. однимъ изъ Остерскихъ „бояръ", Романомъ Толкачомъ, какъ видно изъ слѣд.: при описаніи польскими люстраторами Остерскаго староства въ 1628 г., Остерскіе бояре показывали имъ листъ старосты Ратомскаго, писанный въ Острѣ 4 марта 1550 г., которымъ—одному изъ этихъ бояръ—Роману Толкачу, отдана Дѣвица („którym listem dawa Dziewiece Romanu Tołkaczowi") [3]). Здѣсь говорится о рѣчкѣ Дѣвицѣ, названіе которой осталось въ Нѣжинскомъ мѣстечкѣ Володьковой Дѣвицѣ и двухъ Прилуцкихъ селахъ—В. и М. Дѣвицахъ. Въ настоящее время рѣчка, при которой расположена Вол. Дѣвица, вливается въ Остеръ и назыв. Нов. Потокомъ (по картѣ Шуберта),

---

[1]) Вѣроятно это бывшій хуторъ Тихонова, такъ какъ Яковъ Тарновскій былъ его насынкомъ.

[2]) По вѣд. 1740 г.—«воды чистой подъ тѣмъ селомъ не имѣется, а идетъ подъ тѣмъ селомъ рудка Дѣвица».

[3]) «Остерск. уѣздъ», Митр. Александровича (Кіевъ. 1881), 92.

а рѣчка (нынѣ—Галка), при которой расположены оба села Дѣвицы—вливается въ Удай; водораздѣлъ ихъ находится у м. Лосиновки, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. Очень вѣроятно, что въ XVI в. рѣчка Дѣвица текла непрерывно отъ Остра до Удая, при чемъ берега ея и представляли ту мѣстность, которая отдана была Толкачу. Конечно, этимъ Толкачемъ и поселена Толкачовка—на предѣльномъ пунктѣ его владѣній. О дальнѣйшей судьбѣ Т—ки свѣдѣній не имѣется до XVIII в., когда она принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, при чемъ при Апостолѣ Т. была отдана на рангъ ген. хоружему Як. Горленку. **Кр. П.** 29 д. **А.** 102 д. **В.** 131 д. **В.** 213 д. Пс. 6 д. **Г.** 103 д. 112 х. **Д.** 98 д. 130 х. 3 бд. х. Пс. 13 д. 19 х. 2 бд. х. **Кз. В.** 16 д. **Г.** 28 д. 32 х. Пс. 10 бд. х. **Д.** 17 д. 36 х. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Т—ки ушло 16 крест. домохоз.; вѣроятно, что до 1735 г.,—со времени отдачи Т—ки Горленку,—крестьянъ изъ Т. ушло еще больше, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить столь значительное умаленіе населенія за время 1729—740 г.г. Въ 70-хъ г.г. Т. была пожалована П. В. Завадовскому.

С. Мал. Дѣвица, Галка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1709 г., отдана его тестю Марку Аврамову, а по смерти послѣдняго—отдана Гамалѣевскому м—рю въ составѣ Дубогаевскаго староства (с. 184). **Кр. А.** 45 д. **В.** ? **В.** 69 д. Пс. 16 д. **Г.** 46 д. 71 х. **Д.** 82 д. 133 х. 11 бд. х. Пс. 13 д. 16 х. 5 бд. х. **Кз. В** ? **Г.** 29 д. 37 х. Пс. 20 бд. х. **Д** 22 д. 42 х. Рядомъ съ М. Д., въ пол. XVIII в. была поселена **слободка Малодѣвицкая**, принадлежавшая сначала О. Л. Закревскому, а потомъ Прилуцк. полковн. Якубовичу. Въ ней въ 1753 г. значилось **Кр.** 31 дв. и 23 бд. х. и Пс. 1 х., а въ 1780 г.—18 д. 23 х. и **Кз.** 3 д. 6 х.

С. Велик. Дѣвица, Галка, извѣстна съ пол. XVII в., когда она была центромъ особой сотни, („Реестра В. З.“, 300) [1]; въ

---

[1]) Но уже въ 1654 г. этой сотни не было. Акты Ю. З. Р., X, 294.

1714 г. отдана (вѣроятно, изъ числа ратушныхъ селъ) Гамалѣевскому м—рю, въ составѣ Дубогаевскаго староства. Кр. А. 61, д. В. ? В. 46 д. Г. 21 д. 25 х. Д. 46 д. 82 х. 18 бд. х. Пс. 4 бд. х. Кз. Г. 20 д. 24 х. Пс. 9 бд. х. Д. 22 д. 33 х. 5 бд. х.

С. Обичевъ, Удай, по универсалу 1691 г., отданъ Мазепою полк. есаулу Семену Федорову, на рангъ, а по смерти его, въ 1718 г., Скоропадскимъ оставленъ во владѣніи вдовы его и зятя Захара Прокоповича. Засимъ, въ 1721 г. половина Об—ва отдана полк. обозн. Мих. Огроновичу, а другая половина, вмѣстѣ со **слободкою Обичевскою**, которую поселилъ тутъ Сем. Федоровъ вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, утверждена за послѣднимъ. Кр. П. 17 д. А. 95 д. В. 40 д. В. 55 д. Пс. 8 д. Г. 13 д. 13 х., изъ нихъ 8 д.—Як. Огроновича, а 5 д. Степана Прокоповича. Д. 7 д. 7 х. Пс. 1 х. (ранговыхъ Прилуцк. обознаго) Пс. 17 д. 22 х. 17 бд. х. Кз. В. 35 д. Г. 51 д. 58 х. Пс. 10 бд. х. Д. 71 д. 108 х. 5 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что крестьянское населеніе въ О—вѣ почти уничтожилось, а козачье значительно возрасло. Часть крестьянъ вѣроятно переселилась въ **слободку Обичевскую**, которая значится уже по вѣд. 1718 г. („*Слободка до Обѣчева прилеглая*"), при чемъ въ ней значится Кр. 7 дв., а Кз. 3 дв.; но еще бо́льшая часть, слѣдуетъ думать, переписалась въ козаки, когда владѣльцами здѣсь были: Як. Огроновичъ (по рангу) и маловліятельный Степанъ Прокоповичъ. О послѣднемъ извѣстно, что въ 1775 г. онъ былъ „выбранъ обществомъ полку Прилуцкого въ почтмейстеры", изъ чего видно, что эта должность тогда была выборною.

Кромѣ перечисленныхъ поселеній, входившихъ въ составъ полковой сотни, въ ней по вѣдом. 1753 г. показана—**слободка Лукомка** (3 д. 7 бд. х.), а по вѣд. 1780 г.—**дер. Пелюховка** (зн. тов. Кир. Тодорскаго, 4 д. 15 х.) [1]). Кромѣ того, по обѣимъ

---

[1]) У этого Тодорскаго по вѣдом. 1772 г. было 106 душъ крест. (въ Рудовкѣ, Обичевѣ, Грабовѣ), откуда видно, что самые незначительные люди, при умѣніи, могли тогда садить на своихъ земляхъ сотни подсосѣдковъ...

этимъ вѣдомостямъ, въ предѣлахъ полковой сотни, показано значительное количество *хуторовъ*, обозначенныхъ только именами ихъ владѣльцевъ [1]).

Монастырищенская сотня существовала уже въ 1649 г., какъ видно изъ „Реестровъ В. З."; она занимама оба бѐрега Удая (въ его верховьяхъ) и берегà двухъ его притоковъ, Ичѳнки и Галки (Дѣвицы). Характеръ этой мѣстности рѣзко дѣлился Удаемъ; лѣвый берегъ его представлялъ мѣстность низменную и лѣсную, а правый—чистую степь. Поселенія лѣваго берега явились только во втор. пол. XVII в., а правобережныя—въ перв. половинѣ.

Монастырищенскіе сотники. Левко Карасенко, 1672 [2]). Павелъ Сохансвій, 1721—722. Иванъ Романовичъ, 1728—753. Петръ Ивановичъ Романовичъ, 1772. Михаилъ Петровичъ Романовичъ, 1772—781.

Соханскіе были старинные Монастырищенскіе священники, получившіе еще при Мазепѣ личныя льготы и, кромѣ того, выхлопотавшіе у него же для своихъ церквей право пользованія тѣми доходами, которые обыкновенно шли на ратушу. Изъ нихъ первыхъ мы знаемъ—Демьяна и Мойсея Соханскихъ [3]); по-

---

[1]) Подсчетъ хуторскаго населенія сдѣланъ ниже, при указаніи общаго количества населенія въ полку по сотнямъ.

[2]) См. Собр. госуд. грам. и договор., IV, 270; у Величка (II, 316) по ошибкѣ—Тарасенко.

[3]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1709 г. читаемъ: «велебный отецъ Демянъ Соханский и отецъ Мойсей Соханский, парахиалние священники Монастирские, презентовали намъ бившого гетмана писмо и подлугъ оного просили, абы по прежнему ваговое, скатное и вѣдерковое, въ мѣстечку Монастырищахъ, было отбирано ку употребленію церковному, и ихъ священнические фолварки въ тихже Монастырищахъ будучие, волни зоставили отъ посполитой тяглости. Мы теди, стосуючися до листу антецессора нашого, яко фолварки честного отца Демяна Соханского и Мойсея Соханского, священниковъ Монастирскихъ, отъ посполитихъ повинностей и всякихъ податей уволняемъ, такъ стверждаемъ, абы ваговое, скатное и вѣдерковое въ м. Монастырищахъ вибиралося и употреблено било на потребу церквей тамошнихъ Монастирскихъ; зособна зъ млина власного, на греблѣ Пчолковской стоячого, обѣдвѣ части войсковіе честному отцу Соханскому во владѣніе подтвердилисмо». («Данъ» въ Прилукѣ, 3 марта).

видимому, это были отецъ и сынъ. Сыномъ Демьяна могъ быть и Павелъ Соханскій, такъ какъ въ гетманщвнѣ нерѣдко бывало, что сыновья вліятельныхъ священниковъ добивались сотничьихъ урядовъ. О дѣятельности Павла С—го свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно, что сынъ свящ. Мойсея—Максимъ Соханскій былъ впослѣдствіи сотниковъ Шаповаловскимъ (Опис. Стар. Малор., П, 158). Вѣроятно это былъ племянникъ Павла, если послѣдній, вмѣстѣ съ Мойсеемъ—были сыновьями Демьяна.

На мѣсто Павла С—аго былъ поставленъ, почему то, только наказный сотникъ, Григорій Забарный, при чемъ, когда онъ началъ обижать сотнялъ, то, по ихъ жалобѣ, З—ный, приказомъ гетмана, былъ отставленъ, [1]) и тогда же сотнянами былъ выбранъ

---

[1]) Во время наказничества Забарнаго, въ М—щѣ произошелъ слѣд. любопытный случай. Во время проѣзда чрезъ это мѣстечко митрополита Ванатовича, ему подана была на город. атамана Донца—жалоба, вслѣдствіе которой Ванатовичъ присудилъ послѣдняго къ заключенію въ м—рѣ (Густынскомъ). Намъ неизвѣстно преступленіе, въ которомъ обвинялся Донецъ, но несомнѣнно, что тутъ имѣла мѣсто 7-я заповѣдь, судъ за преступленіе которой духовенство считало принадлежащимъ ему (с. 115). Донецъ пробылъ въ м—рѣ, повидимому, нѣсколько мѣсяцевъ. Объ освобожденіи его—Носенко писалъ Галагану, въ Москву, слѣд.—«Андруша» («уличное» прозвище Донца) по прошенію п. п. старшины полк. и моемъ до преосв—го архіеп. Кіевскаго за нимъ внесенномъ, зосталъ разрѣшенъ и попрежнему зъ монастира въ домъ отпущенъ, и поставленъ атаманомъ; толко скаржится, что одъ *чести пекарней, же заставляютъ было его въ пекарнѣ часто дѣжу мѣсити*, незовсѣмъ гараздъ дочувае...“ Какъ видно, монахи не потакали своимъ „эпитемщикамъ“... По освобожденіи Донца, для возвращенія его на прежній урядъ, потребовалось слѣд. распоряженіе наказн. полковника: «Вѣстно тое есть самому в—мти, яко и товариству сотнѣ М—ой, что въ Андрѣя Донця имѣется пок. ясн—го п. гетм. Скоропадского унѣверсалъ на урядъ атаманства М—го, ему Андрѣю даннiй, по которому онъ, Донецъ, до битности въ полку нашемъ сего 1728 г. преосв. архіеп. Кіевск. куръ Варлаама Ванатовича, билъ на томъ урядѣ атаманскомъ, а когда его пр—во на помянутого Андрѣя *положилъ былъ неблагословеніе за его проступокъ, велѣлъ въ м—ру Густ—мъ жити*, по якомъ архіер—мъ веленію (когда) сталъ онъ въ м—рѣ, то писалъ я до в—мти, абы по согласію товариства на мѣсце его Андрѣя иного поставили атаманомъ, що такъ

„цѣлый“ сотникъ, какъ это видно изъ слѣд. донесенія наказн. полковника Носенка гетману.—„Прошлого ноеврія 25, 1728 р., поданъ мнѣ высоцеповажный ясн—ти в. листъ съ тимъ предложеннемъ, абымъ Григорія Забарного отъ правленія сотенного Монастириского отставилъ, а поручилъ бы оное въ вѣдомство справному и доброму якому человѣку съ тамошнихъ же сотянъ, покамисть волними, змижъ себе голосами, кого на тотъ М—го сотничествачинъ изберутъ угодного. И я.... помянутого Забарного отъ правленія сотенного М—го одставилъ, а по одставленію, предложилъ имъ, абы наказного себѣ обобрали, нѣмъ (пока) волними своими голосами до состоянія цѣлого сотника (sic); и они обобрали себѣ наказн. сотникомъ тамошного М—го обывателя значк. тов. Павла Карасенка. А сего декаврія 9, такъ отъ духовенства, яко отъ атаманнѣ и товариства, такожъ и войта съ посполствомъ, подали мнѣ суплѣку, что не имѣючи они въ сотнѣ своей М—ой такого человѣка, который до правленія сотенного былъ бы способенъ и за ними моглъ обстоювати, а присланного отъ ясн—ти в. въ полкъ П—кій, въ нѣкоторихъ дѣлахъ на розискъ, войск. канцеляристу п. Ивана Романовича, усмотрѣвши добродѣтелного къ правленію сотенному способного и того уряду сотнического за свои услуги достойного, изобрали его волними голосами въ сотню свою М—ую цѣлимъ сотникомъ, и за нимъ всѣ обще на оной суплѣцѣ подписались и обявили, что въ томъ своемъ общемъ и согласномъ намѣренію и до ясн—ти в. написали суплѣку, просячи рейментарской милости, чтобъ ему, п. Р—чу, въ сотнѣ ихъ М—ой быть цѣлимъ сотникомъ, и отправили зъ межъ себе до ясн—ти в. зъ оною суплѣкою товариство и посполство, доношу ясн—ти в.“ (10 дек., 1728 г.) [1]).

вы и учинили; а понеже теперъ его пр—во, по прошенію п. п. старшины и моемъ, мененного Андрѣя приказалъ отпустить зъ м—ра въ домъ его и *позволилъ ему домъ свой правити благочинно*, того ради предлагаю вати, абы вм., по тому нѣверсалу, вишписанному Андрѣю попрежнему атаманство М—ое велѣлъ содержати и онимъ якъ надлежитъ правити, а Петро Коваленко до того уряду атаманского интересоватись не повиненъ, приказую».

[1]) Книга распоряженій и приказовъ наказн. полковн. Носенка за 1728 г. (с. 132).

Изъ этого любопытнаго донесенія видно, что „цѣлымъ“ сотникомъ былъ избранъ чужой человѣкъ, потому будто бы, что М—іе сотняне у себя „способнаго“ не нашли. Вѣроятнѣе, что „способные“ были и изъ „своихъ“, но пока они между собою интриговали, ловкій Глуховской канцеляристъ съумѣлъ привлечь къ себѣ (разными обѣщаніями и угощеніями) большинство выборщиковъ и—былъ выбранъ.—Глуховскіе канцеляристы нерѣдко такъ попадали въ сотники.—Иванъ Романовичъ былъ гетманомъ утвержденъ и затѣмъ, пробывъ на сотничествѣ не менѣе 25-ти лѣтъ, умѣлъ передать этотъ урядъ своему сыну Петру, а когда послѣдній въ 1772 г. былъ за старостью уволенъ, то на мѣсто его тогда же былъ назначенъ сынъ Петра—Михайло, остававшійся сотникомъ до 1781 г. Такимъ образомъ три Романовича—отецъ, сынъ и внукъ—занимали М-ій сотничій урядъ непрерывно болѣе пятидесяти лѣтъ... Слѣдовательно, Р—чи съумѣли въ нужныхъ случаяхъ ладить съ вліятельными людьми въ своей сотнѣ, причемъ, кромѣ того, у нихъ не было и серьезныхъ соперниковъ, такъ какъ единственными замѣтными людьми въ сотнѣ были Раковичи, но послѣдніе, повидимому, считали себя слишкомъ большими „панами“ для сотничьяго уряда въ такой незначительной сотнѣ.

Заправляя сотнею болѣе полувѣка, Романовичи, конечно, успѣли нажить себѣ значительное количество земель и посадить на нихъ возможное количество подсосѣдковъ, хотя и не успѣли захватить въ свое владѣніе Монастырищенскихъ крестьянъ, которые („сотничьи ранговые посполитые дворы и другіе свободные, сколько осталось за роздачею грузинамъ“), по универсалу 1763 г. были отданы *въ потомственное владѣніе* б. тов. Максиму Соханскому, т. е. бывшему Шаповаловскому сотнику. Видимо, что у послѣдняго нашлась сильная протекція у Разумовскаго.

Села Монастырищенской сотни.

М. Монастырище „положеніе имѣетъ на возвышенномъ мѣстѣ, на прав. бер. р. Удая, которой подъ симъ мѣст., раздѣлясь на двѣ части, противъ оного составилъ *островъ*, гдѣ въ прежнія времена находился замокъ, но нынѣ остатки только развалившагося валу видны“. Изъ этого описанія, принадлежащаго Пащенку (1780 г.),

видно, что Удайскій островъ (называемый у того же Пащенка и *городкомъ*) представлялъ собою защитное мѣсто, которое должно было *издревле* привлечь къ себѣ населеніе. Нѣтъ сомнѣнія по этому, что М—ще должно было возникнуть одновременно съ Прилукою и Переволочною. Никакихъ однако жъ упоминаній о немъ въ лѣтописи нѣтъ; лишь, по названію этого поселенія, можно заключить, что тутъ нѣкогда былъ монастырь и что послѣ запустѣнія поселенія, память о немъ сохранилась только по существовавшему тутъ монастырю. Отновлено было здѣшнее населеніе въ нач. XVII в.; въ 1628 г. мы видимъ здѣсь только 4 „дыма" и 1 „млинъ" (Źr. Dziej., XX, I, 85), а по документу Шездѣцкаго, въ М—щѣ значится 939 господ. и 12 вод. мельницъ. По „реестрамъ" 1649 г. М. показано сотеннымъ городкомъ. Изъ событій втор. полов. XVII в., извѣстно взятіе Монастырища поляками въ 1664 г.,[1]) при чемъ оно было разорено и многіе его жители были плѣнены татарами (Самов., 42). **Кр. П.** 45 д. **А.** 80 д. и 15 д. „зимовчиковъ". [2]) **В.** 69 д. свободныхъ 44 д. разн. владѣній [3]) и 14 „коломійцовъ" [4]) **В.** 173 д. **Пс.** 130

---

[1]) Въ Опис. Черниг. епарх. (VII, 401) разсказано еще разореніе М—ща, поляками, въ 1653 г., но это событіе относится къ М—щу не Черниговскому, а Кіевскому, Липовецк. уѣзда.

[2]) Такіе же «зимовчики» показаны и въ м. Ичнѣ, причемъ замѣчено, «якіе зимовчики тяглостей жаднихъ съ посполитыми людми не отбуваютъ, а мѣсячное вистачаютъ на компанѣйца.» Это замѣчаніе однако жъ не вполнѣ разъясняетъ значеніе „зимовчиковъ".

[3]) Несвободные показаны слѣд.—3 дв. „чиншовыхъ п. полковника Прилуцкого" (с. 46), 8 д. „людей о. Даміана" и 8 д. „людей о. Мойсея", т. е. Сохапскихъ, 10 д. „сотника Монастырійскаго" (Павла Сохапскаго?), 7 д. „Андруши, нового отамана", (т. е. Донца, с. 200) и 8 д. „старой Карасихи".

[4]) „Коломійцами" назывались, повидимому, возчики соли изъ Коломіи, изъ которой „ступочная" соль вывозилась въ Малороссію издавна, какъ можно заключить изъ слѣд. мѣста *Журн. генер. к—ріи* за 1727 г.—„Противъ Малорос. коллегіи запросу, посланъ отвѣтъ, что о продажи въ Малороссіи, кромѣ Бахмуцкой и Турской соли, посторонной Кримской и *Полской ступковой* соли, запретителнихъ указовъ въ Мал. Россіи не было; толко въ 1719 г., когда на томъ боку Днѣпра моровая язва была проявилася, въ тое время не толко

д. [1]) Въ 1731 г.—138 д. **Пс.** 26 д. **Г.** 39 д. 43 х. **Пс.** 3 х. **Д.** 138 д. 179 х. 4 бд. х. **Пс.** 71 д. 144 д. **Кв. В.** 60 д. **Г.** 52 д. 61 х. **Пс.** 78 бд. х. **Д.** 59 д. 123 х. 1 бд. х. Умаленіе крест. населенія въ 30-хъ годахъ произошло главнымъ образомъ отъ ухода крестьянъ изъ мѣстечка; по ревизіи 1740 г. значится, что съ 1736 по 1730 г. ихъ ушло 20 семей. Любопытно, что большинство при этомъ ушло за Днѣпръ, какъ это видно изъ свѣдѣній, собранныхъ генер. канцеляріей въ 1765 г. Такимъ образомъ лѣвобережные крестьяне въ это время уже мало находили у себя мѣстъ для выгоднаго пріюта, и пытались найти лучшія условія жизни за Днѣпромъ.—Засимъ слѣдуетъ добавить, что въ 1745 г. въ М—щѣ, изъ числа ратушныхъ, крестьянъ отдано 30 дв. грузинскому князю Саакадзеву. Переселеніе въ Малороссію, по распоряженію правительства, нѣсколькихъ десятковъ семействъ грузинскихъ дворянъ (въ 40-хъ г. г.) и надѣленіе ихъ здѣсь крестьянами представляетъ собою любопытный въ исторіи гетманщины фактъ, до сихъ поръ еще мало разработный.[3]) Несомнѣнно, что это распоряженіе тяжело отразилось въ въ жизни отданныхъ грузинамъ крестьянъ, такъ какъ новыми державцами въ этомъ случаѣ явились люди, которые у себя на родинѣ знали полное рабство крестьянъ... Грузинъ

зъ солю, но и никого ни зъ чимъ—учрежденніе на граници заставиве пропускали; а 1720 году, генв. отъ 19 д., гетманъ писалъ въ госуд. ин. д. коллегію о свободномъ, зъ заграницы, соли ступочной *изъ Коломіи* пропуску—попрежнему", что и было разрѣшено.

[1]) Подсосѣдки числились слѣд. лицъ: а) сотничіе, которыми владѣетъ по универсалу гетманскому,—16 д., б) „хуторнихъ сотничихъ"—5 д., в) атаманскихъ—8 д., г) „хоружого сотенного"—8 д., д) б. т. Федора Марковича—6 д., е) значк. коз. Павла Карася—13 д., ж) Суханской (вдовы Павла Сохансклго?)—6 д. з) „радовыхъ козаковъ"—40 д. и) „посполитыхъ людей"—19 д., і) „поповъ Монастырскихъ"—27 д. и к) „маіора Шнака"—4 д. (Сотнику Романовичу отдана была часть крест. на рангъ, въ 1728 г.).

[3]) См. „Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.» М. Плохинскаго, въ Сборн. Харьковск. Инстит. Фил. Общества, т. V.

получившій въ М—щѣ крестьянъ былъ кн. **Алексѣй Саакадзевъ**; явился онъ сюда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ (р. 1720 г.), женился тутъ, на дочери б. тов. Дм. Марковича, и старательно повелъ хозяйство: въ 1780 г. у С—ва въ М—щѣ было 50 д. съ 70-ю х. крестьянъ [1]).

По описанію Пащенка, въ 1780 г., въ М—щѣ было слѣдующее населеніе: „партикулярные" дома: б. тов. Петра Романовича, о 8-ми пок., сек.-майора Саакадзева, о 8-ми пок., сек.-м. Степана Романовича, о 6-ти пок., прим.-майора Кобеляцкаго, о 5 пок., б. тов. Соханскаго, о 12-ти п., отст. полк. комп. ес. Ивана Карасевича, свящ.—2, причетн.—2, шляхетства—8, разноч.—12 дом.—Козаковъ—59 дв., 123 х., посполит.—владѣн. б. т. Петра и Федора и сек.-м. Степ. Романовичей—42 д. 52 х., отст. сек.-м. Саакадзева—50 д. 70 х., б. т. Соханскаго—20 д. 25 х., друг. влад.—21 д. 33 х., разноч. подсос.—56 д. 125 х. „Да въ *городкѣ*, составленномъ рѣкою Удаемъ": церковь дерев.—1, свящ.—2, причетн.—2, разноч.—3, подпом.—1 бд. х., б. т. Петра и Федора Романовичей—2 д. 2 х., кн. Саакадзева—1 д. 1 х., подсосѣдк.—15 д. 19 х.—„Для строенія жители лѣсъ покупаютъ въ Грабовѣ и Хаенкахъ, а за плитовымъ (плотовымъ) отъѣжаютъ къ р. Деснѣ, въ с. Кладьковку, гдѣ изъ Брянска сплавливаемому р. Десною лѣсу—находится пристань. Жители болѣе упражняются въ хлѣбопашествѣ, на принадлежащей на прав. берегу, *въ великомъ пространствѣ*, пашенной землѣ. Нѣкоторые отъѣзжаютъ въ Донскія станицы за рыбою и въ Крымъ за солью, и продаютъ какъ здѣсь, равно отвозятъ въ Прилуку и Ичню".

С. Галица, Галка, поселена въ перв. пол. XVII в., когда южная часть рч. Дѣвицы (отъ Лосиповки до Удая) стала называться уже Галкою (см. *с. Толкачовка*), по имени которой, вѣроятно, и поселеніе названо Галицею. Въ полов. XVIII в. мѣстные старожилы разсказывали, что „Г—ца была давнихъ

---

[1]) Умеръ С—въ въ 1785 г. секундъ-майоромъ, не оставивъ потомства. Опис. Черниг. епарх. VII, 402 и Списки Прилуцк. старшины. (*Ркпсь*). Позже С—въ пріобрѣлъ часть крестьянъ и въ Ичнѣ. См. м. Ичню.

временъ—сотеннымъ лядскимъ городкомъ и въ немъ было многолюдственно“. Лядскимъ городкомъ старожилы называли Галицу за время до 1648 г., когда и по „Реестрамъ“ 1649 г., въ составѣ Прилуцкаго полка, значится *Галицкая сотня* [1]). Но въ 60-хъ годахъ XVII в. Г—ца, по разсказу тѣхъ же старожилоовъ, была разорена и запустѣла: „а когда изъ Галицы орда людей въ полонъ забрала и около Галицы—степа́ и поля рабочія запустѣли“. Поблизу Г—цы находилось село Петровка, владѣя которымъ Лазарь Горленко вновь заселилъ Г—цу, и затѣмъ обѣ эти маетности—отдалъ Семену Раковичу, своему полк. писарю и зятю [2]). Послѣ смерти Р—ча, Петровка и Галица были подтверждены Мазепою его вдовѣ, „на вдовиное сиротство“. Владѣя этими маетностями, Раковичи захватили окружныя земли и образовали громадное земельное богатство. По смерти Семена Р—ча, этимъ богатствомъ заправляли—его вдова съ единственнымъ своимъ Павломъ [3]). О послѣднемъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери охочекомоннаго полковника

---

[1]) Сохранилось завѣщаніе одного Галицкаго *мѣщанина*, написанное въ 1653 г., въ которомъ читаемъ: «я, рабъ Божий Леско Снитивский, мещанинъ Галицкий... маетность мою убогую так. спос. распоражаю: напродъ, на церковь св. прор. Илии Галицкую золотыхъ сто отдаю, и заразъ отдалемъ до рукъ ктиторовъ фулварокъ, въ которомъ мешкалемъ» и т. д. Въ концѣ: «Дѣалося року 1653, мѣс. августа 5 дня. Матфей, дякъ Галицкий. Василий Дмитровичъ, священникъ Галицкий».

[2]) Въ полов. XVIII в. одинъ изъ старожиловъ Галицы показывалъ, что „памятенъ онъ того лобре, же покойный полковникъ Прилуцкій Лазаръ Горленко владѣлъ селами Петровкою и Галицею; *егда же зять его Семенъ Раковичъ*, не вѣдаетъ зачимъ, *былъ посыланъ въ Турецкую область* и оттудова повернувшись, принялъ во владѣніе свое помянутіе села Петрувку и Галицю“...

[3]) Въ полов. XVIII в. записано слѣд. показаніе Петровскаго священника: „Антоній Сугаковскій, попъ Петровскій, сказалъ, что за молодихъ своихъ лѣтъ былъ онъ, о Антоній, въ покойной старой Раковички Агафіи и сина ея покойного Павла Р—ча—старостою, чему будетъ дѣятись годовъ съ 50, и подъ насъ того званія, по своей должности, въ лѣтномъ времени, объѣздитъ было поля пахатніе и сѣнокосніе, къ селамъ Петровцѣ и Галицѣ принадлежащіе“.

Пашковскаго (Опис. Ст. Макор., I, 232) и служилъ бунчук. товарищемъ. Въ этомъ чинѣ онъ ходилъ, въ 1725 г., въ Гилянскій походъ вмѣстѣ съ своими сыновьями Андреемъ и Федоромъ. (Зап. Марк., I, 193, 209 и 210). Послѣдній сынъ умеръ раньше отца и Раковичевское наслѣдство перешло къ одному Андрею, за исключеніемъ той части земель, которую Павелъ Р—чъ отдѣлилъ своей дочери, бывшей замужемъ за капитаномъ великорусскаго полка нѣмцемъ Шнакомъ. Кр. А. 101 д. В. 100 д. В. 45 д. Г. 58 д. 65 х. Пс. 3 бд. х. Д. 88 д. 144 х. 44 бд. х. Кз. В. 19 д. Г. 6 д. 6 х. Пс. 1 бд. х. Д. 1 д. 1 х.

Умаленіе населенія въ Г—цѣ уже послѣ 1718 г.—слѣдуетъ объяснить, кромѣ ухода крестьянъ въ другія мѣста, еще и выселеніемъ части ихъ въ двѣ слободы, которыя поселилъ Павелъ Р—чъ не далеко отъ Г—цы, въ урочищѣ **Салная Дуброва** (Обозр. Рум. Оп., 187). Впослѣдствіи были поселены около Г—цы и другія слободы; ихъ селилъ уже сынъ Павла—Андрей. Послѣдній былъ женатъ на дочери Вас. Оболонскаго (Оп. Ст. Малор., I, 232) и оставилъ дочь Евдокію и шесть сыновей: Захара, Лаврентія, Степана, Ивана, Петра и Павла. Изъ нихъ первые два имѣли чины бунч. товарищей, Степанъ и Иванъ были, последовательно, хоружими генер. артиллеріи, а Петръ и Павелъ служили въ сербскомъ гусарск. полку. Между этими сыновьями было раздѣлено наслѣдство Андрея Р—ча, при чемъ Г—ца досталась Захару и Лаврентію, Петровка—Петру, Сальное—Павлу, Татаровка и Степановка—Степану и Шнаковка—Ивану [1]).

---

[1]) Въ 1767 г. раздѣлъ этотъ былъ измѣненъ вслѣдствіе предъявленнаго къ сыновьямъ Андрея спора сестрою ихъ Евдокіей, по мужу Стаховичъ, съ требованіемъ выдѣла ей четвертой части отцовскаго наслѣдства, въ приданное. Требованіе это было удовлетворено, при чемъ Р—чи отдали сестрѣ Петровку. При этомъ, для опредѣленія четвертой части наслѣдства Андрея Р—ча, всѣ имѣнія послѣдняго были подробно оцѣнены и такимъ образомъ явились любопытныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на земли. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній приводимъ здѣсь.

Въ дачѣ с. Сорочинецъ показаны между прочимъ слѣдующія цѣны на пахатныя земли: Поле дней на 4—4 р.—Нива дней на 3—

Лаврентій Р—чъ поселился въ Галицѣ, на старой усадьбѣ, при чемъ послѣдняя въ 1767 г. описана такъ: „дворъ жилой б. т. Лаврентія Р., въ немъ будинокъ, о 9-ти покояхъ, нововыстроенный, зъ сосновой деревнѣ, внутри всѣ комнаты выбиты столярными панелями, безъ печей, подъ кришкою деревяною. Свѣтлицъ двѣ, безъ комнатъ, полотняными шпалерами вибитіе, въ нихъ печи зеленіе, между ними (свѣтлицами) сѣни и комора рубленіе... Изба одна съ коморкою—рубленіе, въ коей и ледникъ имѣется, подъ дранію. Кухня плетеная, напротивъ хата рубленая; конюшня и амбаръ рубленіе, между ними возовня; два погреба рубленніе входніе; садъ изъ разнимъ родючиихъ

---

3 р.—Нива на 8 дней—4 р.—Нива дней на 7—3 р. 50 к.—Нива дней на 4—2 р.—Ланъ дней на 10—5 р.

Въ Журавкѣ—мельница о двухъ колахъ, одномъ мучномъ, а другомъ ступномъ, валушномъ и просяномъ, на р. Удаи,—500 рублей.

Въ слоб. Обичевской, между прочимъ, показаны на усадьбы и полевыя земли такія цѣны: «грунтъ, въ ономъ хатъ 3 и подсусѣдковъ три—15 р.—Грунтъ, въ ономъ хата мазка зъ подсусѣдкомъ—4 р. Плецъ пустый—3 р.—Нива дней на 3—1 р. 50 к.—Сѣножать на 10 косарей—10 р.—Нива на 2 упруга—30 к.

С. Петровка. Панскій дворъ со всѣми постройками—280 р. На рч. Галицѣ гребля и мельница о 2-хъ колахъ—200 р.—Ставъ рыболовній посрединѣ села—10 р.—Посполитскіе дворы съ ихъ хатами, коихъ числомъ 136, съ грунтами, садами, пасѣками, лѣсами, левадами, вѣтраными мельницами, пахотными и сѣнокосными землями—6288 рублей. Лѣса владѣльческіе—7000 р.

С. Галица. Панскій дворъ со всѣми строеніями и около двора 14 хатъ для подсосѣдковъ,—1700 р.—Дворы посполитыхъ (168) со всѣми угодьями—9815 р. Лѣса владѣльческіе—735 р.

С. Сальное. Панскій дворъ со всѣми постройками и 106 двор. посполитыхъ, со всѣми угодьями—7000 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Д. Татаровка. Господскій дворъ и 62 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—4500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Степановка. Пуспол. дворы (35) со всѣми угодьями—2500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Шнаковка. Панскій дворъ и 42 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—1700 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Приведенная оцѣнка сдѣлана Прилуцкимъ подкоморіемъ Андр. Маркевичемъ и двумя значк. товарищами.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта.* XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библіографія. XVII. Смѣсь XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край" печатается НА РОТАЦІОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его-же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы", кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**

2—3

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 72-го:

январь, февраль, мартъ, 1901 г.

Книга первая—январь.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. **О. Л.** . . . . 3—36

II. ДОЛЯ. (Риздвяне оповидання). **Л. Яновской** . . . . . 37—56

III. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историческая справка). **Ир. Житецкаго** . . . . 57—80

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (Повисть) **Д. Яворницкаго** 81—114

V. ДОГОВОРЫ ПРИХОЖАНЪ СЪ СВЯЩЕННИКАМИ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (По поводу договорнаго акта 1789 года). Съ пред. **И. Л.** Сообщ. **Сергѣй Рклицкій** . . 115—124

VI. А. Я. КОНИССКІЙ (Некрологъ). . . . . 125—151

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Конотопская старина по устному преданію. Сообщ. **А. Л.**; б) Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. **А. Л.**; в) Пасѣка Богдана Хмельницкаго; г) Происхожденіе слова «Мацапура»; д) О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 г.; е) О зачисленіи «черногорскаго шляхетства молодыхъ людей» въ студенты Кіевской академіи въ 1770 г.; ж) Письмо въ редакцію (По вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества). **Личкова**. . . 1—14

Текущія извѣстія . . . . 15—22

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Materyaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisyi

Antropologicznej Akademii Umiętności w Krakowie. T. VI. **Н. В.**; б) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества Т. 12. **И. Каманина**; в) Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія **В. Д.**; г) А. П. Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. **В. Д.**; д) Викъ (1798—1898). **В. Н.**; е) Обзоръ журналовъ конца 1900 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 22—52

Археологическая лѣтопись. . . . . 53—64

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 11-й. . . 161—176

Книга вторая—февраль.

I. П. А. КУЛИШЪ. Біограф. очеркъ. Гл. I—V. **В. Шенрока**. 153—179

II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго**. . . . . 180—216

III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). **В. Милорадовича**. 217—233

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повисть. *(Продолженіе)*. **Д. Яворницкаго**. . . . . 234—282

V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г. г.). **В. Н.** . . . . 283—300

VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. **В. Науменка**. . . 301—307

VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЪ). Некрологъ. **В. Н.** . 308—311

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. **В. Д.**; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «дижи». Сообщ. **В. Доманицкій**; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самовречеванія въ Малороссіи; і) Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г.;

к) Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича; л) Могила подъ Любаромъ; м) Справка **В. Срезневскаго.** 65—84
Текущія извѣстія . . . . 84—91
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. **В. Д.**; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. **В. Д.**; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ западно-русскій край». **Кіянина**; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Винннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. **В. Д**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 92—120
Археологическая лѣтопись . . . . 121—130
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 12-ый. 177-192

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. **И. Лучицкаго** . . . . 313—351
II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). **А. Л.** . . . . 352—367
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . 368—395
IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка** . . . 396—423
V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Продолженіе).* **Д. Яворницкаго** . . . . 424—460
VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока** . . . . 461—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ *б)* Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинѣ; *г)* Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. **П. Т.**; *д)* Къ исторіи

женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка); е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ** ж) Поправка. . . . . 131—157

Текущія извѣстія . . . . 158—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Доманицкаго**; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Т. XVII. Б.; в) Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrzestiaństwa na Rusi **М. К.**; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники сѣвернаго Кавказа. **В.**; д) Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa. **В.**; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—196

Археологическая лѣтопись. . . . . 197—205

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 13-й . 193—208
2) Портретъ М. Т. Симонова (Номиса).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 марта 1901 года.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр. 1-го іюля, 1-го окт. по 3 р. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметова. кв. 30; въ СПБ. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. магазинъ принимаетъ на коммиссію постор. и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ дешевыхъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ**.

Изъ недавняго прошлаго.

Крайне рѣдко пока приходится изслѣдователю наталкиваться на бумаги и документы, которые давали бы возможность ознакомиться въ деталяхъ съ характерными чертами крѣпостного права, какъ оно проявлялось и существовало въ первую половину истекшаго столѣтія въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ. Большею частью они, эти документы, хранятся въ немногихъ уцѣлѣвшихъ еще частныхъ архивахъ, откуда лишь случайно появляются на свѣтъ Божій.

Совершенно случайно одинъ изъ такого рода документовъ удалось получить и пишущему эти строки,[1]) документъ, не лишенный интереса и значенія и вскрывающій многія стороны въ многострадальной жизни крестьянъ XIX в. Это—небольшая рукопись [2]), заключающая въ себѣ рядъ приказовъ въ деревню Луговецъ, мглинского уѣзда черниговской губерніи, адресованныхъ помѣщикомъ, извѣстнымъ въ исторіи украинской литературы, Павломъ Павловичемъ Бѣлецкимъ-Носенко, изъ Прилукъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ велъ хозяйство въ сосѣднихъ селахъ, принадлежавшихъ ему наслѣдственно, къ его луговецкимъ прика-

[1]) Приносимъ искреннюю благодарность А. А. Савичу, любезно предоставившему рукопись въ наше распоряженіе.

[2]) Она озаглавлена: «Приказы въ деревню Луговецъ». Рукопись in fol., fols. 1—93.

щикамъ. Приказы эти обнимаютъ, къ сожалѣнію, далеко не весь періодъ, въ теченіе котораго онъ управлялъ деревней Луговцомъ: они ограничиваются лишь промежуткомъ времени съ 1822 по 1847 годъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки какъ отношеній помѣщика—и притомъ помѣщика вполнѣ по тому времени образованнаго,—къ подвластнымъ ему крестьянамъ, такъ и положенія самихъ крестьянъ. Мы въ настоящей замѣткѣ и воспользуемся ими.

Заброшенная въ глубь мглинского уѣзда деревня Луговецъ, послѣ длиннаго ряда перемѣщеній изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ, попала около начала XIX ст. во владѣніе новой семьи, нѣкогда козачьей, но волею судебъ достигшей высшаго ранга, попавшей въ ряды старшины, а затѣмъ и въ родословныя книги. Къ концу XVIII в. новый владѣлецъ, Бѣлецкій-Носенко, уже являлся представителемъ „стариннаго“ дворянскаго рода, ссылавшагося при Екатеринѣ, когда отъ его отца потребовали доказательствъ дворянскаго происхожденія, на то, что его предкомъ былъ „Луцкій князь Александръ Носъ, потомокъ коего, князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи“, въ 1694 г. получилъ с. Голубовку, а въ 1708 г. назначенъ прилуцкимъ полковникомъ [1]). Потомки нѣкогда бывшаго запорожскаго козака, извѣстнаго современника Мазепы, Ивана Носа, еще въ концѣ XVIII в. отбросили, поэтому, старые свои козачьи титулы, и сынъ послѣдняго сотника, Георгія Бѣлецкаго-Носенка, Павелъ уже отбывалъ свою дворянскую повинность въ арміи, гдѣ достигъ въ 1784 чина капитана. То былъ зажиточный помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими деревнями въ прилуцкомъ повѣтѣ, не малымъ количествомъ крѣпостныхъ и стариннымъ наслѣдствен-

---

[1]) Подробности о родѣ Б.-Носенковъ, см. въ исторіи прилуцкаго полка А. Лазаревскаго, помѣщ. въ Кіевской Старинѣ 1900 г., іюнь, іюль-августъ, 29 и сл., ноябрь и декабр, стр. 127 и сл.

нымъ домомъ въ Прилукахъ, этомъ главномъ родовомъ гнѣздѣ. Но, повидимому, не все старое было имъ забыто, не всѣ старыя традиціи, нашедшія себѣ выраженіе въ наказахъ черниговской старшины, были имъ отброшены. Своему сыну, тоже Павлу, онъ далъ хорошее воспитаніе, открылъ ему возможность усвоить современныя знанія, сдѣлаться человѣкомъ замѣтнымъ въ тѣ времена, человѣкомъ съ энциклопедическими знаніями, литераторомъ. Молодой Носенко очень скоро промѣнялъ шпагу на перо и педагогическую указку. Онъ бросилъ около 1798 г. военную службу, вернулся въ родныя мѣста, съ 1800 года вступилъ въ управленіе своими маетностями и предался педагогіи и хозяйству, наукѣ и литературѣ. Живя въ Прилукахъ, онъ основалъ тамъ двухклассное народное училище, преобразовалъ его въ трехклассное уѣздное въ 1812 году и затѣмъ сталъ выпускать одно произведеніе за другимъ. И чего только не касался онъ: и логики, и пчеловодства, и поэтики, и леченія холеры, и исторіи, и римскаго права, и филологіи, и народной поэзіи и т. д., и т. д. [1]). Энциклопедистъ, воспитанный въ духѣ XVIII в., онъ выработалъ цѣлую схему представленій о справедливости, и эту свою, какъ увидимъ, своеобразную, но въ высокой степени любопытную для характеристики міровоззрѣній того времени, теорію справедливости всецѣло примѣнилъ и къ той подвластной ему массѣ, которая была подчинена ему, какъ *„ея господину“* [2]). Педагогъ въ школѣ, онъ явился педагогомъ и въ крестьянской средѣ, и въ его лицѣ мы имѣемъ предъ собою типъ sui generis помѣщика первой половины XIX в., у котораго идеи XVIII в., взятыя на прокатъ изъ Европы, сочетались самымъ тѣснымъ и нераздѣльнымъ образомъ съ условіями тогдашней жизни, всецѣло обоснованной на крѣпостномъ

---

[1]) О произведеніяхъ П. П. Бѣлецкаго-Носенко см. Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы, стр. 36—56, и біографію его въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. IX, 187.

[2]) Большую часть приказовъ прикащикамъ онъ подписывалъ кратко, но вразумительно: „твой господинъ“.

правѣ, не противорѣча другъ другу, дружелюбно укладываясь въ немъ. Въ этомъ отношеніи приказы рисуютъ намъ его вполнѣ. Рѣдкій изъ нихъ не заключалъ въ себѣ какой-либо сентенціи философически-моральнаго содержанія, опредѣляющей его воззрѣнія на то, что разумѣлъ онъ подъ справедливостью.

Помѣщикъ-педагогъ, знакомый въ добавокъ съ римскимъ правомъ, П. П. Бѣлецкій-Носенко былъ человѣкомъ грознымъ и требовательнымъ, вникавшимъ во всѣ самыя мелкія стороны хозяйства и поведенія крестьянъ-крѣпостныхъ, не пропускавшимъ безъ педагогическихъ внушеній самаго ничтожнаго проступка крѣпостного. Высокаго мнѣнія держался онъ относительно своей роли, какъ владѣльца крѣпостныхъ, владѣльца, которому, какъ онъ самъ выразился въ любопытномъ письмѣ къ мглинскому становому приставу, „высочайше ввѣрена власть надъ крестьянами", т. е. дано „то священное право", которое „всякій благородный человѣкъ и дворянинъ будетъ защищать до послѣдней минуты своей жизни". Это, такъ сказать, „обязывало" его, и онъ систематически старался не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ наложенныхъ на него его званіемъ „священныхъ" обязанностей.

„Вообще ты долженъ, пишетъ онъ то тому, то другому изъ своихъ прикащиковъ въ д. Луговецъ, принять за правило: чужого не тронь, а своего не попускай. Ибо кто чужое взялъ неправо, тотъ и отдай вдвое". Или, какъ въ другихъ приказахъ, еще рельефнѣе: „чужого не займи на волосъ, но и своего отнюдь не попускай, а особливо такимъ, которые хотятъ отнять силою" (f° 35). Въ этихъ словахъ его—вся суть выработаннаго имъ кодекса справедливости, который лежитъ въ основаніи всѣхъ его дѣйствій. Въ 1823 году нѣсколько человѣкъ его крѣпостныхъ д. Луговецъ не отдали кому-то изъ сосѣдей занятаго хлѣба. Ему донесли о томъ въ Прилуки, и тотчасъ же онъ шлетъ энергичный приказъ: „немедленно возвратить долгъ, а буде того не сдѣлаютъ, продать ихъ лошадь или скотину, „а за ослушаніе всыпать „по пятидесяти розогъ" (f° 30). Позже, въ 1845 г., когда оказалось, что одинъ изъ его крѣ-

постныхъ, взявшій подъ залогъ пары коней и трехъ кобылицъ 250 р. у крестьянина сосѣдняго помѣщика съ обязательствомъ вернуть деньги полностью и оставить кредитору приплодъ, не выполнилъ условія, Бѣлецкій-Носенко спѣшитъ послать прикащику грозный приказъ. „Ты вѣдаешь, пишетъ онъ, что я не люблю неправды, а потому распроси свидѣтелей, и буде договоръ былъ точно таковъ и деньги не всѣ отданы, то заставь расплатиться по уговору, потому что уговоръ лучше грошей и заключаемый при свидѣтеляхъ долженъ быть святъ и между честными людьми не нарушимъ“ (f° 87). Отсюда, и его стремленіе не доводить своихъ крѣпостныхъ до полнаго разоренія, не требовать съ нихъ чего либо лишняго, не попускать ихъ ни къ дѣйствіямъ, вреднымъ для нихъ самихъ, ни къ лѣности и уклоненію отъ ихъ обязанностей. Въ голодный 1822 годъ онъ, напр., отдаетъ половину денегъ, вырученныхъ за продажу срубленныхъ по его приказу громадой старыхъ деревьевъ въ его лѣсу, „на надобности громады при теперешнихъ скудныхъ обстоятельствахъ“, отказывается отъ всей суммы, слѣдуемой за его шинокъ, „ибо мнѣ не кстати брать съ тѣмъ, чтобы допустить крестьянъ своихъ разореніе“ (f° 8). Позже, въ повторившійся голодный 1833 годъ, онъ освобождаетъ бабъ отъ приготовленія мотковъ пряжи, „дабы бабы имѣли случай себѣ заработать на хлѣбъ“ (f° 48). За все время съ 1822 по 1847 г. не подымаетъ онъ оброка съ крѣпостныхъ и всякій разъ пишетъ прикащику: „оброкъ и на сей годъ пока останется тотъ же“ [1]). Какъ бы предчувствуя будущее, то и дѣло ему

[1]) Въ копіи письма Носенка къ какому то Ильѣ Петровичу онъ еще яснѣе проводитъ ту-же мысль (письмо отъ 8 апр. 1837 г., f° 63): „извините, что не могу согласиться на предложеніе Ваше; хотя я получаю самый малый оброкъ съ крестьянъ моихъ и нѣкоторые другіе выгоды, также не важные, но въ замѣнъ я утѣшаю себя тѣмъ, что благосостояніе ихъ улучшается. Я, благодаря Бога моего, не имѣю нужды въ извлеченіи для себя новыхъ не важныхъ доходовъ съ крестьянъ моихъ, что могло бы иногда подвергнуть ихъ разстройству“.

кажется необходимымъ предписывать прикащикамъ, чтобы они воспрещали крестьянамъ уплачивать „лихоимцамъ-жидамъ и ростовщикамъ болѣе указного процента въ годъ“ и въ тоже время старались „не позволять никому грабить ихъ“ (f° 3). Если до его свѣдѣнія доходило, что прикащикъ, или кто либо изъ крѣпостныхъ его, взымаетъ „наспу“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ нужно за ссуженный хлѣбъ,—опять приказъ и повелѣніе: „не смѣть брать жидовскаго процента“ (f° 32). „Принесъ мнѣ жалобу, такъ пишетъ Б.-Носенко въ 1828 г. 20 апрѣля, одинъ изъ крѣпостныхъ, что ты, по какому то жидовскому ращету, за 8 чвертокъ гречки и только за 4 года нащиталъ наспы на наспу 60 чвертокъ и такимъ образомъ попускаешь его совершенно раззорить. Между тѣмъ какъ, щитая за 4 года за 8 чвертокъ съ наспою и наспы на наспу, находится только 18 чвертокъ, 3 мѣрки и 5 гарцовъ, въ число коихъ уже уплачено, при твоихъ глазахъ, 7 чвертокъ гречки и одна чвертка конопель“. Отсюда и приказъ прекратить взысканіе, какъ несправедливое, и „немедленно возвратить забратые у крестьянина 5 коней“ (f° 32). Съ неменьшимъ усердіемъ старался Носенко оградить крѣпостныхъ отъ злоупотребленій какъ прикащиковъ, такъ и болѣе зажиточныхъ изъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось либо пользованія землей, которую онъ почти всю отдавалъ громадѣ, такъ какъ самъ не велъ хозяйства въ д. Луговцѣ, либо платежа чиншей и повинностей. „Изъ вѣдомости о людяхъ я увидѣлъ, пишетъ онъ 1825 г. 28 сентября, что бѣдные, которые не имѣютъ скота ни шерстины, обложены на смѣхъ большимъ оброкомъ, а богатые, чтобъ меньше платить ченши и подати, господской земли взяли какъ можно менѣе. Ты прикащикъ! Чего ты смотрѣлъ за такимъ безпорядкомъ“. И вотъ приказъ: „съ полученіемъ сего, чтобы земли рѣзовыя были взяты отъ тѣхъ, кои не въ состояніи ихъ обработывать, и отданы богатымъ. У самыхъ бѣдныхъ оставить столько земли, сколько они сами въ состояніи обработывать» (f° 22). Въ другомъ случаѣ онъ пишетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что земли рѣзовыя пашутъ не тѣ, кому они даны, чтобъ было съ чего опла-

чивать подати и ченшъ, а другіе тѣ земли захватываютъ, подати же взыскиваются съ тѣхъ, кто землею не корыстуется". И тотчасъ же повелѣніе, прекратить подобныя безпорядки (f⁰ 16). Одинъ изъ его крѣпостныхъ завелъ шинокъ, но уклоняется отъ платежа денегъ вмѣсто громады въ казну за винокуреніе. Въ глазахъ Носенка это—вредное злоупотребленіе: шинкарь „шинкуетъ для своей одной пользы" и что же еще выходитъ? Онъ „на ряду съ самыми бѣдными даже чинша не уплачиваетъ (f⁰ 11), а посему приказъ—обложить его непремѣнно и неукоснительно. Не позволялъ Носенко, равнымъ образомъ, взыскивать недоимки, если взысканіе такое, при отсутствіи какихъ либо зловредныхъ или злонамѣренныхъ со стороны крѣпостного стремленій не платить, могло грозить ему разореніемъ. Его собственный прикащикъ, вопреки приказу помѣщика, забралъ за недоимку у одного изъ крѣпостныхъ пеньку. „Такъ ты не далъ ему льготы, какъ тебѣ приказываемо было, и, мстя и не уважая моихъ приказовъ, наважилъ его разорять!"—пишетъ Носенко въ своемъ грозномъ посланіи. „Ты вѣдь, не далъ ему самому продать пеньки, за которую ему давали по 70 р. за берковецъ, а самъ продалъ по 60 р., слѣдственно сдѣлалъ ему убытку 57 р. И тоже за сѣно. Тебѣ не должно было хозяйничать въ чужомъ добрѣ, а повременить, пусть бы онъ его самъ продалъ за 20 р., а ты взялъ за него 10 р.". И, разгнѣванный столь великою несправедливостью, Носенко приказываетъ: „и такъ, что ты осмѣлился не уважать моихъ приказазаній дать ему льготу, отдай ему ети 67 р. непремѣнно" (f⁰ 13). Всемѣрно, отсюда, заботился онъ объ устраненіи поводовъ со стороны крестьянъ, его крѣпостныхъ, подвергать себя и свои хозяйства разоренію. Пьянство преслѣдовалъ онъ всѣми силами. То и дѣло шлетъ онъ приказы: „всякаго пьянаго и буйнаго наказывать розгами и ничемъ другимъ и болѣе 100 ударовъ не давать" (f⁰ 30). „Смотри, писалъ онъ раньше, въ 1822 г., чтобъ пьянства, дракъ, праздности не было; таковыхъ наказывать розгами предъ сельскимъ судомъ и давать, смотря по винѣ, отъ 10 до 100 ударовъ розгами" (f⁰ 6). И когда одинъ

изъ присланныхъ къ нему изъ Луговца въ Прилуку крѣпостныхъ плотниковъ оказался постоянно пьянствующимъ, Носенко отослалъ его обратно въ Луговецъ съ педагогическимъ внушеніемъ и приказомъ прикащику: „Глазъ съ него не спускать; всякой разъ, что напьется пьянъ, сѣчь розгами" (f° 42—43). А если и послѣ того не исправится, то добавочное повелѣніе: „отдать въ рекруты". Отсюда и введенный имъ порядокъ въ его деревнѣ въ видѣ строгаго предписанія: крѣпостнымъ водки изъ шинковъ господскихъ въ долгъ ни подъ какимъ видомъ не давать подъ угрозой жестокаго наказанія [1]). Порядокъ этотъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ онъ пытался распространить и на чужихъ шинкарей. „Вообще, писалъ онъ прикащику (1822 г. 28 генваря), объяви чужимъ шинкарямъ, чтобы они моимъ крестьянамъ въ долгъ горѣлки ни кому не вѣрили, что я дамъ знать суду о томъ" (f° 4).

Строгій и неуступчивый во всемъ, касавшемся интересовъ крѣпостныхъ, онъ, съ истинно-педагогическою суровостью и настойчивостью относился и къ исполненію обязанностей крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и дѣйствовалъ со всею прямолинейностью стариннаго педагога. И это не только потому одному, что въ данномъ случаѣ онъ осуществлялъ свое „священное право", но и потому, что для него крѣпостной былъ тотъ же ученикъ, за поведеніемъ

---

1) „Пишутъ мнѣ, что ты грабишь, читаемъ мы въ приказѣ отъ 9 февр. 1829 г., крестьянъ чрезъ шинкованье: забралъ у нихъ пеньку по низкимъ цѣнамъ и проч. Я запрещалъ неоднократно, чтобы въ долгъ горѣлки никому изъ крестьянъ не давать, а всякой пилъ бы только за наличные деньги; въ противномъ случаѣ, это явной поводъ къ раззоренію, къ дракамъ и всякимъ безпорядкамъ отъ пьянства. Во вторыхъ, откуда крестьяне возмутъ заплатить подати и чиншъ, если ты будешъ напередъ отбирать свои кабашные долги?—Ето послѣднее дѣло! Отъ нынѣ запрещается тебѣ, подъ строгимъ взысканіемъ, отнюдь не давать крестьянамъ нашимъ горѣлки въ долгъ болѣе одной кварты въ годъ, и объявить приказчикамъ сосѣдей, чтобы они также не пускали имъ въ долгъ, въ противномъ случаѣ имъ не заплатятъ" (f° 27).

и исполнительностью котораго онъ считалъ себя обязаннымъ неукоснительно слѣдить. А, вдобавокъ,—съ его точки зрѣнія,—крѣпостной былъ по натурѣ склоненъ ко злу и въ такомъ качествѣ требовалъ неусыпнаго надзора, который, наконецъ, являлся и прямо выгоднымъ для педагога-помѣщика, обезпечивалъ исправность въ поступленіи податковъ и т. п. „Мужикъ простъ, какъ ворона, писалъ онъ своему прикащику въ 1837 г. 15 августа, а хитрый какъ чортъ“, и въ этомъ—суть его воззрѣній на порядокъ поведенія крѣпостныхъ и отбыванія ими службъ.

При томъ высокомъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ о своей власти, правахъ и обязанностяхъ, объ авторитетности и непререкаемости его мнѣній и приказовъ,—не даромъ изучалъ онъ римское право и даже сочинилъ о немъ книжку,—Носенко не могъ допустить и мысли о возможности не признавать его авторитета, нарушать его приказы. Всячески онъ старался оберегать его въ глазахъ подвластныхъ. „Приказъ мой долженъ быть немедленно исполненъ, безотговорочно; когда я приказываю, то сужденіе сторонняго не умѣстно“ (f°. 27),—вотъ тѣ стереотипныя формулы, съ которыми онъ постоянно обращался къ своимъ прикащикамъ и къ громадѣ. И съ особенной энергіей, постоянно требовалъ онъ, чтобы всѣ приказы его исполнялись „немедлѣнно“, „сейчасъ же“ и т. д. Горе было тому, кто хоть въ малой степени осмѣливался нарушить его авторитетъ и должное къ нему, какъ власти, уваженіе. Узнаетъ онъ, что приказъ его, отправленный въ Луговецъ чрезъ плотниковъ, „былъ распѣчатанъ кѣмъ то и приписано на немъ и потомъ опять припѣчатанъ“ (f° 30). То была неслыханная дерзость, и Носенко издаетъ распоряженіе: „за такую дерзость всѣхъ кто участникъ былъ въ разламаніи *господской* печати высѣчь розгами, дать по 50 ударовъ каждому» (Ib.). И хуже всего доставалось за неисполненіе барскихъ повелѣній прикащикамъ. На нихъ выливались цѣлые ушаты энергическихъ кличекъ, имъ то и дѣло напоминалъ ихъ господинъ о своей власти. „Ты видно зажилъ за панибрата, да только гуртомъ запиваешь могоричи! Такъ плохо будетъ“, пи-

шетъ онъ посланіе одному изъ своихъ прикащиковъ и твердитъ ему: „смотри, братъ, будь исправнѣе, чтобъ намъ съ тобою не поссориться“ (f° 10—11). А то, вѣдь, продолжаетъ онъ, „я пріймусь за тебя, за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ“ (f° 12). Преемникъ „развратника“—прикащика заслуживаетъ не менѣе лестные эпитеты за свою неслыханную смѣлость не исполнять приказовъ и дѣйствовать по личному усмотрѣнію. „Виноватъ (въ безпорядкахъ) ты одинъ, какъ нерадивый враль и злонамѣренный, глупый и безтолковый пустословъ, который менѣе всего думаетъ о своей обязанности, а только занимается мстить своимъ непріятелямъ“ (f° 21). И это—еще лучшій исходъ: въ другихъ случахъ 50, 56 ударовъ ожидали „нерадиваго“ и „непослушнаго“. Съ другой стороны, во имя тѣхъ же принциповъ, Носенко жестоко преслѣдовалъ и наказывалъ и тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые обнаруживали дѣйствіями и словами недостаточное уваженіе къ представителямъ власти его, ихъ «господина», къ назначеннымъ имъ лично прикащикамъ. «Прикащикъ поставленъ отъ меня, пишетъ Носенко между прочимъ въ письмѣ своемъ прикащику отъ 2 февр. 1825 г., письмѣ, которое онъ приказываетъ „вычитать передъ всею громадою“ (f° 16); „прикащикъ поставленъ отъ меня и потому всякъ ему обязанъ повиноваться, выполнять всѣ требованія его для пользы господской... подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Никто да не дерзаетъ его ругать или бить“. И вотъ, чтобы „и другимъ было неповадно“, Носенко распоряжается одному изъ крѣпостныхъ, который „осмѣлился не только ругать, но и ударить прикащика“, дать 50 ударовъ розгами передъ громадой въ примѣръ прочимъ“ (Ib.) И если прикащикъ, какъ то было съ однимъ изъ нихъ, жалуется на непослушаніе крѣпостныхъ, то этимъ вызываетъ лишь удивленіе у своего господина. „Тебѣ стыдно писать, что тебя не слушаютъ, внушаетъ онъ прикащику: всякаго ослушника призвать къ судьямъ и его наказать по приговору судей и громады (т. е. высѣчь) и на пай виноватаго судей и громаду почастовать“ (f° 19). И такой же авторитетъ старался придать Носенко и суду сельскому, пред-

писывая неоднократно безусловное послушаніе ему. „А за ослушаніе суду, приказываетъ Носенко, взыщи немедленно 1 рубль на церковь штрафу и дать 25 розокъ предъ судомъ, чтобы впредь неповадно было дѣлать ослушности и самоуправіе" (f° 27). За то, также какъ и относительно прикащиковъ, былъ онъ неумолимымъ педагогомъ-помѣщикомъ и для судей. „Антонъ Недбай, приказываетъ Носенко, будучи избранъ судьей, долженъ былъ хранить правосудіе, но онъ, забывши страхъ Господенъ, не только не защищалъ невиннаго, но, напротивъ, первый наложилъ на него руки, и для того, какъ негодной и недостойной, сейчасъ смѣняется и впредь его никогда судьею не избирать, недопускать ни на какой совѣтъ въ громаду, какъ буйнаго и безумнаго" (f° 19). И это повторялось нерѣдко за время съ 1822 по 1847 г.

Находясь постоянно въ Прилукахъ, почти не заглядывая въ отдаленное свое помѣстье, Носенко не могъ самъ лично преподавать подвластнымъ ему крѣпостнымъ нужные уроки. Съ сожалѣніемъ, которое проскальзываетъ не разъ въ его письмахъ—приказахъ, говоритъ онъ о томъ, что ему невозможно обучать лично, и что, поэтому, онъ вынужденъ передавать исполненіе и судъ въ чужіе руки. Уже съ самаго почти вступленія въ управленіе деревней Луговцемъ, онъ попытался организовать для крестьянъ крѣпостныхъ особый спеціальный судъ, какъ орудіе для выполненія его педагогическихъ мѣропріятій. Ежегодно сельская громада обязана была, по его приказу, избирать изъ своей среды двухъ судей, утверждаемыхъ имъ, судей, которые „совмѣстно съ громадою и должны въ свободное отъ работы время всѣ спорные дѣла и тебя (прикащика) судить и считать за всѣ поборы и воровскіе дѣла изъ господскаго лѣса. Ты обязанъ имъ повиноваться и давать имъ отчеты" (f° 68). Безъ суда прикащикамъ воспрещено было наказывать: наказаніе, какъ средство исправленія и наставленія на путь истинный, дѣло однихъ судей. Но компетенція суда ограничена въ одномъ отношеніи: судьи вмѣстѣ съ громадой должны разслѣдовать дѣло, допросить свидѣтелей, представить все господину, который и назначалъ мѣру наказанія, если не

предоставлялъ сдѣлать это самому суду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слухи о какомъ либо проступкѣ доходили до Носенка, онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ мѣру наказанія, предоставляя примѣнить ее суду, если по разслѣдованію послѣдняго виновность даннаго или данныхъ крѣпостныхъ окажется подтвержденною. Но само собой разумѣется, что судъ не могъ ни въ какомъ отношеніи стѣснять и не стѣснялъ воли господина, который не разъ распоряжался и помимо суда. Крѣпостные, такимъ образомъ, поставлены были подъ двойную ферулу, и обученіе ихъ нравственности и выполненію нравственныхъ поступковъ и обязанностей совершалось постоянно и неукоснительно, обученіе, понятно, однообразное, но педагогическое, въ формѣ сѣченія. Съ точки зрѣнія Носенка, какъ педагога, это—наилучшая мѣра наказанія и вполнѣ человѣчная. Да и какъ можетъ быть иначе! Вѣдь, писалъ онъ становому приставу, „56 розогъ не могутъ даже ребенка изувѣчить" (f° 77), а военное наказаніе, за первый побѣгъ, а именно: проведеніе виновнаго сквозь строй шпицъ—рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ 4000 ударовъ, вѣдь «никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*" (Ib.). И розга царила въ деревнѣ во всю и за все. Баба напряла мотки «мошенически и не додала требуемаго ихъ количества», и ей приказано дать 30 лозановъ, если въ 2-недѣльный срокъ не напрядетъ недостающихъ мотковъ изъ своей уже пряжи (f° 22). Одинъ крѣпостной нанесъ тяжкіе побои другому: виновный призванъ въ судъ и по приказанію владѣльца получилъ сто розогъ (f° 13). Сынъ въ другой разъ побилъ престарѣлаго отца и выгналъ его изъ дому: дать при цѣлой громадѣ 200 розогъ и посадить на 12 часовъ въ колоду» (f° 13). Крѣпостной нанесъ оскорбленіе прикащику,—50 розогъ (f° 19). Крѣпостной оставилъ данную землю впустѣ, а снялъ и пашетъ землю на чужинѣ, не платя чинша: взыскать чиншъ втрое и „предъ громадой наказать его розгами" (f° 22). Крѣпостной вырубилъ въ господскомъ лѣсу больше лѣсу, чѣмъ сколько ему то было дозволено господиномъ: за ложь и порубъ дать предъ громадой 50 розокъ" (f° 24). Одинъ изъ плотниковъ, присланныхъ къ панскому

двору въ Прилукахъ, „4 сутокъ курилъ и моталъ тутъ по шинкамъ въ городѣ съ своею любовницей, и, какъ слышно, промоталъ съ нею деньги, которые принесъ, и для того",—издается панскій приказъ,—„по прибытіи его въ Луговецъ, собравши людей, дать ему 50 розокъ за мотовство и пьянство, а за прочее судитъ Богъ" (f⁰ 62--63). За кражу изъ господскаго лѣса сыновьями прикащика,—по 30 розокъ (f⁰ 71). Бабу—мать „за побѣгъ и укрывательство своихъ сыновей отъ рекрутства", предписано „высѣчь розгами при всей громадѣ, потому она уклоняла сыновей своихъ отъ государевой неизбѣжной повинности" (f⁰ 86).

И съ совершенно такою же аккуратностью, съ какой раздавались и мужчинамъ, и женщинамъ удары розокъ для исправленія, требовалось владѣльцемъ и неукоснительное отбываніе наложенныхъ имъ на нихъ повинностей и податей. Дѣлалось это и въ видахъ пріученія ихъ къ порядку, и съ цѣлью не давать оскудѣвать карману владѣльца.

Деревня Луговецъ находилась въ особыхъ отношеніяхъ къ владѣльцу. Какъ мы говорили уже, здѣсь у Бѣлецкаго-Носенка не было ни собственнаго двора, ни самостоятельной запашки. Управлялъ онъ ею издалека при помощи часто смѣняемыхъ прикащиковъ. Поэтому его крестьяне не несли на мѣстѣ барщины, а обязаны были только оброкомъ, который состоялъ изъ чинша (ченша), ягодъ, грибовъ, рыбы, дегтю, журавины, пряжи въ видѣ мотковъ, земляники и т. п. продуктовъ, составлявшихъ главный предметъ доходовъ дворянъ временъ крѣпостного права. Вокругъ нихъ сосредоточивался главный интересъ, ихъ тщательно исчисляютъ, провѣряютъ, запираютъ въ амбары, продаютъ, и на нихъ же изощряютъ сельско-хозяйственныя способности. Пошехонская дворянская старина была стариной дворянской и въ прилуцкомъ, и въ мглинскомъ уѣздахъ, и нашъ герой,—литераторъ и ученый Бѣлецкій-Носенко,—являлъ собою всѣ черты исконнаго пошехонца. Заботы о доставленіи всего и вся полностью, безъ ущерба, не сходятъ съ строкъ его приказовъ. „Крестьяне должны исправно платить подати и оброки"—такова его теорія, и онъ предписывалъ прикащику, чтобы тотъ „не смѣлъ писать впередъ

такія глупости", какія помѣщены имъ въ его донесеніи, гдѣ онъ проситъ о пониженіи и облегченіи платежей. Не любилъ Носенко неправды, но и не любилъ ущерба въ своихъ доходахъ, и это тѣмъ болѣе, что послѣдніе—живые символы обязанностей его крѣпостныхъ. Если всего, что слѣдуетъ, недоставлено, вина прикащика; это—слѣдствіе его „нерадѣнія", его потворства пьянству, лѣни и ничего недѣланію „хитрыхъ чертей" и, глупыхъ воронъ". „Немедленно взыскать", „безотговорочно доставить", „беречься въ перѣдъ, чтобъ никакихъ недоимокъ не было", охранять имущество, лѣса и т. п. „господина" и т. д. (fol 13 и др.),—таковъ обычный припѣвъ къ его приказамъ. „Старайся доставлять деньги поскорѣе, потому что онѣ не собраны по твоему нерадѣнію", пишетъ Носенко прикащику въ 1822 г. (f° 1). Приказы не дѣйствуютъ. Поступленія идутъ вяло. И вотъ прикащикъ съ трепетомъ читаетъ новое полученное отъ „господина" повелѣніе: „ты совершенно запустилъ людей, что никто не думаетъ о работѣ, а только пьянствуютъ, и черезъ ето ты запустилъ чинши, что мужики у тебя безъ малѣйшаго страха и поэтому все запущено. Я непремѣнно пришлю осмотрѣть, и если огороды и поля найдутся въ запустѣніи или безпорядкѣ, то я пріймусь за тебя за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ" (f° 12). Грозное видѣніе въ видѣ розокъ и, особенно, систематическихъ вычетовъ съ прикащика и за недосланные продукты, и за непомѣрно, по мнѣнію Носенка, высокія цѣны, выставленныя прикащикомъ и за прядиво, и за бочку подъ олею, деготь и т. п., и за ваганы и т. п. произведенія, уменьшаютъ недоимки: прикащики изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы выполнить волю „господина", и отъ времени до времени получаютъ благодарность (крайне рѣдко), а иногда и деньги въ видѣ награды за хорошее поведеніе (еще рѣже)[1] А

---

[1]) Въ 1832 г. прикащикъ получаетъ слѣд. посланіе: «деньги и все посланное тобою я получилъ исправно; также и мотки напрядены хорошо. За ето тебѣ спасибо» (f° 45). „Даю тебѣ 20 р. особо изъ рекрутскихъ денегъ, которые ты взыщешь» (f° 46).

у Носенка оказывается хорошій хозяйственный глазъ. Всѣ поступающіе продукты одинаково интересуютъ его. Прикащикъ присылаетъ рыбу, которую ловятъ въ господскомъ прудѣ. Ловля строго регламентирована помѣщикомъ,—она допущена лишь всей громадой. Послѣдняя должна имѣть свой неводъ, громадскій (f° 3, 18, 19, 26, 89), который обязательно хранится у прикащика, а уловъ долженъ дѣлиться пополамъ: половина пану, половина на необходимости громады, особенно въ неурожайные годы. Строго воспрещено имѣть невода и другія орудія отдѣльнымъ крестьянамъ. Носенко неукоснительно приказываетъ „неводъ у такого то отобрать, ибо какъ осмѣлился самоправно пользоваться господскими правами!“ (f° 89). Онъ знаетъ, въ силу такихъ распоряженій, какъ великъ можетъ быть ежегодный уловъ, всему этому ведутся точныя записи, и потому настойчиво требуетъ исправной присылки всего положеннаго количества рыбы. „Рыбы мало, и та самая должна быть, и потому прислать непремѣнно еще“, предписываетъ онъ прикащику (f° 26). Въ 1839 году Носенко уже посылаетъ выговоръ за недосланную рыбу: „за рыбу присланную ты не стоишь и доброго слова“ (f° 56). „Гдѣ тутъ совѣсть, бездѣльникъ, гдѣ тутъ рыба?—когда, внушаетъ онъ прикащику,—негодной щучины присылано было тобой по 15 ф., которая вся не стоила и 1 р. 5 к., а на соль для этого особо показано 1 р. 5 к.“ (f° 72). Какъ истый хозяинъ, онъ не допускаетъ и мысли о возможности недополученія слѣдуемаго ему и съ прикащика предписываетъ взыскать сумму недостающаго. Еще раньше за рыбу накопилась недоимка и штрафныя деньги, не внесенныя прикащикомъ ни въ 1834, ни въ 1835 гг. Помѣщикъ издалъ въ 1836 г., въ февралѣ, приказъ: „ты не прислалъ всѣхъ штрафныхъ денегъ за рыбу! Люди, разживаясь, прибавляютъ оброкъ господину, за которымъ живутъ въ добрѣ, а ты гнешь, какъ бы убавить. Надо помнить, сентенціозно прибавляетъ онъ, что есть Богъ“, и предписываетъ немедля уплатить всю недоимку. „Ты не мысли, добавляетъ Носенко въ видѣ угрозы, чтобъ объ этомъ когда либо было забыто, и заплатишь съ процентами“ (f° 61). И то не было лишь пустой фра-

зой съ его стороны. Носенко, вѣрный своимъ принципамъ, выработаннымъ имъ понятіямъ о справедливости, воспитанный на римскомъ правѣ, не останавливается предъ продажей всего имущества прикащика, разъ послѣдній „гнулъ" слишкомъ сильно къ убавкѣ платежей въ пользу господина и, особенно, къ прибавкѣ ихъ въ свою пользу.

Вниманіе къ рыбѣ не было исключительнымъ. Въ совершенно равной мѣрѣ заботился Носенко и о томъ, чтобы грибы, да притомъ самые хорошіе, да рыжики, „да непремѣнно бѣлые" [1]) да боровики по 1 ф. съ двора, доставлялись полностью подъ тѣми же угрозами; и о томъ, чтобы и мотки изъ конопли и пеньки присылались въ установленномъ имъ количествѣ, опредѣленной величины и вѣса, указаннаго качества, безъ обмана и „не мошеннически" натканные. „Мотки, чтобъ были, настаиваетъ онъ постоянно, напрядены хорошо и вѣрно по данному мотовилу изъ бѣлыхъ конопель и чтобъ были карточки при каждомъ моткѣ, а также смотрѣть, чтобъ счетъ пасомъ былъ вѣренъ" (f⁰ 61). И объ обманѣ его не могло быть и рѣчи. Онъ зналъ, и кто изъ бабъ, сколько мотковъ обязаны были доставить, и кто изъ нихъ не доставилъ всего, и за все это взыскивалъ онъ съ прикащика, а если оказывалась виновной баба, то приказывалъ, какъ мы знаемъ, сѣчь ее. „Мотки доставлены, пишетъ Носенко въ 1838 г. (ib.), неисправно. Пять бабъ, изъ которыхъ двѣ въ твоей семьѣ, не доставили по нѣсколько пасомъ, а именно: одна—3 пасмы, другая—2, третья—2, четвертая—5, шестая—11. Это—мошенничество, и съ твоей стороны недосмотръ. А потому приказать имъ строжайше недостающее число пасомъ допрясть и сказать, что впередъ они будутъ наказаны". Въ 1830 г. прикащикъ доставилъ всего 91 мотокъ. „Слѣдственно, заявляетъ аккуратный Носенко, меньше противъ прошлогодняго

[1]) «Ты осмѣлился, пишетъ Носенко въ 1839 г., наругаться, бездѣльникъ, надъ своимъ господиномъ и вмѣсто дѣжки рыжиковъ прислалъ полъ-ведра гнилыхъ, черныхъ и зеленыхъ; грибы чтобъ были все бѣлые, а отнюдь не бабки и не менѣе пуда вѣсу» (f⁰ 69).

14 мотковъ, да и напрядены и намотаны на такое короткое мотовило, что не прибрать витушки". „А по сему,"—приказъ его: „за недостающіе 14 мотковъ мнѣ слѣдуетъ получить 14 рублей по ценѣ, какъ здѣсь (въ Прилукахъ) продаются на прямое шестипядное мотовило, а не плутовское" (f° 40). Затѣмъ онъ взыскиваетъ все-таки слѣдуемое полностью. Да и вообще для недоимокъ, для взысканія недосланнаго, все равно въ формѣ ли рыбы, ягодъ, журавины, мотковъ, грибовъ и проч., у него выработалось и прямое средство. Разъ оказываются недоимки такого рода,—отвѣчаютъ деньгами прикащикъ и громада. „Тебѣ приказано было, повелѣваетъ въ 1835 г. Носенко, много разъ, когда не будетъ выслана рыба или грибы или другое что, то вмѣсто того должны вы всѣ платить за недосланное по 25 р. за каждый предметъ; а безъ етого ты, пожалуй, и не подумаешь о томъ, чтобы отдать то, что слѣдуетъ. И такъ за недосланное собрать со всѣхъ людей 50 р. и деньги непремѣнно доставить" (f° 58). И о томъ, чтобы не уплачивать этихъ денегъ, нечего было надѣяться. На просьбу такого рода одной бабы, Носенко прислалъ въ отвѣтъ такую сентенцію: „нельзя прожить безъ уплаты податей" (f° 34). Единственная льгота, которую разрѣшалъ и допускалъ Носенко, заключалась лишь въ замѣнѣ платежа натурой платежемъ деньгами, или обратно. Такъ, вмѣсто денегъ дозволялось давать, напр., деготь, но при цѣнѣ за пудъ не дороже 80 к. (f° 56), или „кто не хотѣлъ давать журавины, тому объявлялось, что онъ можетъ платить деньгами" (f° 3).

Въ дѣлѣ взысканій всѣхъ и всякаго рода платежей порядокъ былъ установленъ предусмотрительнымъ и разсчетливымъ помѣщикомъ самый строгій. Во первыхъ, всѣ разнородные виды платежей обязаны были вносить помѣщику чрезъ прикащика всѣ крестьяне безъ исключенія, все равно, были ли они надѣлены землей или нѣтъ. Во вторыхъ, за поступленія отвѣчала вся громада, такъ какъ только съ нею въ полномъ составѣ имѣлъ дѣло помѣщикъ, а не съ отдѣльными лицами. Такой порядокъ заведенъ былъ Носенкомъ съ 1803 года, и онъ упорно придерживался его во все время правленія д. Луговцомъ. „Впередъ, такъ

писалъ онъ, напр., въ 1824 г. (f° 15), съ мелкими расчетами, что тотъ или другой не заплатилъ, ты мнѣ не смѣй входить и писать! Я положилъ оброкъ на цѣлую громаду, а не на души порознь, а потому цѣлая громада мнѣ должна отвѣчать за все сполна, какъ ето прежде всегда бывало". Кромѣ платъ натурой (съ правомъ замѣнять ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ деньгами), Носенко взыскивалъ со всѣхъ крѣпостныхъ и то, что онъ называлъ „ченшомъ", т. е. платежъ преимущественно деньгами, опредѣленный имъ въ 300 р. Взыскивался онъ два раза въ годъ, и прикащикамъ было особенно строго предписано присылать его аккуратно, въ два срока, которые, впрочемъ, не были строго установлены. Носенко лишь въ нѣкоторые годы требовалъ доставлять ему чинши, первую часть до Пасхи, вторую—до Василія. Такъ какъ хозяйства своего Носенко въ Луговцѣ не велъ, то и барщины въ деревнѣ не существовало вовсе. Крестьяне лишь обязаны были платежомъ натурою и деньгами въ видѣ чинша. Избавить отъ уплаты чинша могъ лишь одинъ помѣщикъ. Исключительно отъ его воли зависѣло или потребовать чинша деньгами, или заставить отработать его. Къ послѣднему способу онъ прибѣгалъ нерѣдко, но и то лишь потому, что въ д. Луговцѣ крестьяне были хорошими плотниками. Почти ежегодно, въ томъ или иномъ количествѣ, призывалъ онъ ихъ въ Прилуки или въ села прилуцкія, принадлежавшія ему, для всякаго рода построекъ Они должны были работать даромъ за освобожденіе отъ части чинша, по разсчету же помѣщика. Но и здѣсь педагогическія требованія стояли не на послѣднемъ планѣ: дозволялось являться на плотничьи работы лишь трезвымъ, не лѣнивымъ и непроштрафившимся крестьянамъ. Присылка гультяя вызывала настоящую грозу. „Какъ ты осмѣлился перемѣнять то, что уже мною утверждено, съ раздраженіемъ пишетъ Носенко своему прикащику въ 1837 г. (f° 65). Если Степанъ (крестьянинъ) безъ вѣдома твоего осмѣлился самъ отъ себя послать сюда, на смѣну, то дать ему 50 розокъ среди громады, если я самъ съ нимъ не перевѣдаюсь. И кого дерзнулъ ты сюда прислать мнѣ на глаза? Вора, негодяя, пьяницу, который за безчисленные

проказы отосланъ былъ къ тебѣ. Приказы мои отмѣнять не смѣй подъ опасеніемъ наказанія".

Какъ основное правило, господствовала въ Луговцѣ система неукоснительнаго взысканія во что бы то ни стало и „сполна" (f° 15, 18, 55, 57 и др.). Малѣйшая отсрочка вызывала рядъ повторныхъ и настойчивыхъ требованій о немедленной присылкѣ всей суммы или недоплаченной части. Лишь для „гультяевъ" и „лѣнивцевъ", которые упорно отказывались отъ уплаты и съ которыми безсильны были справиться прикащики и громада, была придумана Носенкомъ спеціальная кара: прикащики должны были высылать такого рода лицъ на время косовицы, жатвы и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ ко двору помѣщика, гдѣ ихъ заставляли отбывать барщину (f° 57). „Всѣ неисправные плательщики, издаетъ въ 1835 г. свой приказъ Носенко, пьяницы, лѣнивцы будутъ работать здѣсь панщину, а земли ихъ и особливо пенечные огороды должны будуть за нихъ же выплачивать всѣ подати и чинши" (f° 58). Это,—по мысли Носенка,—наказаніе крѣпостнымъ его за то, что, какъ онъ пишетъ въ томъ же приказѣ,—„вы только лукавствуете и хитрите" (Ib.).

Заботы о поддержаніи доходности имѣнія, о правильномъ поступленіи платежей идутъ у Носенка еще далѣе. Не желая увеличивать оброки, онъ ищетъ другихъ источниковъ доходовъ, создаетъ новые поборы. Такъ, напр., слѣпыя бабы обязаны были наравнѣ съ другими доставлять ко двору помѣщика причитающееся съ нихъ количество мотковъ. Въ 1824 г. онѣ уже увольнены были помѣщикомъ отъ приготовленія мотковъ, и, по его приказу, приготовленіе ихъ въ томъ количествѣ, какое должны были выполнить слѣпыя, возложено на молодыхъ. недавно вышедшихъ замужъ (f° 17). Но въ 1838 г. помѣщикъ постановляетъ, чтобы „съ ослѣпшихъ бабъ въ передъ взыскивать за мотки деньгами, по чемъ продается мотокъ," а прикащику поставлено въ непремѣнную обязанность „смотрѣть строго, чтобъ никакой недоимки не было" (f° 65). Въ тѣхъ видахъ, чтобы ущерба чиншамъ не было, издаетъ Носенко приказъ, безусловно воспрещающій

его крѣпостнымъ брать землю на сторонѣ. Имъ предписано обработывать лишь землю, принадлежащую помѣщику, дабы не причинить ему ущерба [1]).

Съ другой стороны, съ неменьшимъ вниманіемъ относится Носенко и къ вопросу объ удержаніи на мѣстахъ своихъ крѣпостныхъ, этихъ главныхъ источниковъ дохода его въ д. Луговцѣ. Сохраненіе существующаго количества рабочихъ крѣпостныхъ, ихъ увеличеніе постоянно заботили его, и онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не потерпѣть и въ этомъ отношеніи какого-либо убытка. Съ ушедшихъ безъ разрѣшенія крестьянъ и отысканныхъ гдѣ-либо у сосѣдняго помѣщика взыскивалось пожилое (f° 41). Относительно женщинъ онъ всячески старался о томъ, чтобы охранить свое право и не потерпѣть ущерба отъ выхода ихъ замужъ за чужого человѣка, въ чужую деревню. Такъ, въ 1822 г. Носенко предписываетъ своему крестьянину жениться на своей крестьянкѣ, но, буде онъ не захотѣлъ бы этого, то и на чужой, но подъ условіемъ замѣны (f° 6). Позже настаиваает онъ на соблюденіи неукоснительномъ своего права, чтобы „безъ воли и вѣдома его никто не выдавалъ замужъ, и не выходилъ замужъ, или не женился (f° 62). За неисполненіе указа Носенко подвергалъ виноватыхъ штрафу. Когда въ 1837 г. ему донесли, что одинъ мглинскій священникъ обвѣнчалъ безъ его вѣдома и позволенія женщину, его крѣпостную, онъ приказалъ или потребовать отъ священника куницу, или подать на него жалобу въ духовное правленіе (f° 64). Какъ общее правило существовалъ обычай уплачивать „куницу“ въ размѣрѣ 13 р. за отдачу дочери въ замужество за посторонняго человѣка. „Дочь свою, пишетъ Носенко прикащику въ 1847 году, выдать за сто-

---

[1]) «Кто осмѣлится, гласитъ приказъ 1825 г. (f° 22), взять землю и пахать на сторонѣ, когда своя въ пустѣ, и когда онъ имѣетъ земли столько, сколько всякій бѣднякъ (вслѣдствіе того, что уклоняется отъ чинша), то съ такого мошенника взыскать чиншу въ трое и наказать его предъ громадой розгами, и сей приказъ тотчасъ привести въ исполненіе».

ронняго можно не иначе, какъ со взносомъ за нее куницы тринадцати рублей серебромъ“ (f° 91—62, 65 и др.).

Строго охраняя свое „священное право“ распоряжаться по своей волѣ крестьянами, слѣдить за ихъ поведеніемъ, подвергать ихъ тѣлесному наказанію, Носенко, съ другой стороны, уже въ силу своего высокаго мнѣнія о роли дворянина, не допускалъ и мысли о возможности какого-либо посторонняго вторженія въ его отношенія къ крестьянамъ, отношенія, основанныя, по его убѣжденію, на присущемъ ему правѣ, особенно вторженія полицейской власти. Въ такомъ вторженіи онъ усматривалъ явное нарушеніе своего „священнаго права“ и либо просто отмѣнялъ приказы и распоряженія какого-нибудь станового пристава, либо протестовалъ противъ дѣйствій его, противъ „незаконнаго“ его вмѣшательства. Въ 1842 г. онъ получилъ жалобу отъ своихъ крестьянъ на обремененіе ихъ подводами по распоряженію станового. Разузнавши, что съ крестьянъ другихъ владѣльцевъ въ Луговцѣ подводъ не берутъ, а только съ его крѣпостныхъ, что вымогаютъ съ нихъ насильно подводы и задерживаютъ иногда по недѣлѣ у станового для собственной его ѣзды, Носенко пишетъ прикащику приказъ, прекратить все это. „Я не дѣлалъ, пишетъ онъ, никакого контракта содержать почту для возки станового пристава и содержать тройки коней и погонщиковъ въ его дворѣ для раззоренія моихъ крестьянъ, а потому приказываю тебѣ подать куда слѣдуетъ жалобу о прекращеніи такого самоправнаго разоренія крестьянъ нашихъ, и притомъ объявить, что впредь безъ письменнаго отъ земскаго суда приказа, законнымъ порядкомъ подписаннаго, никакія подводы выдаваться не будутъ, а также по запискамъ на лоскуткахъ бумаги, потому что такія вымогательства—противозаконные, а подводная повинность должна быть общественная цѣлаго уѣзда и слѣдовательно должна соблюдаться очередь по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ владѣніи“ (f° 83). Нѣсколько раньше, въ 1839 г., Носенко вступилъ въ еще болѣе рѣшительную борьбу съ становымъ приставомъ для защиты своего „священнаго права“. Назначенный имъ прикащикъ оказался виновнымъ въ похищеніи немалаго количества дерева изъ помѣщичьяго

лѣса, въ недобросовѣстномъ веденіи дѣлъ, неправильной присылкѣ чиншей и т. п. Кое-кто изъ крестьянъ донесли о порубкахъ Носенку, и послѣдній, выразивши „великое спасибо" симъ крестьянамъ и подаривши одному 25 р., а другимъ по 15 р., предписалъ суду произвести дознаніе. По дознанію прикащикъ съ сыновьями оказались виновными, и Носенко присудилъ ихъ ко взысканію около 4 тыс. рублей и постановилъ продать все ихъ имущество въ пополненіе долга, если они не уплатятъ слѣдуемаго въ мѣсячный срокъ. А такъ какъ при составленіи описи имущества громадою, по порученію помѣщика, бывшій прикащикъ оказалъ сопротивленіе и дрался, да и кралъ лѣсъ, то Носенко въ дополненіе приказалъ высѣчь и его, и его сыновей, дать каждому по 56 розогъ (f° 66 по 74). Высѣченные крестьяне обратились съ жалобой къ становому за увѣчья, нанесенныя имъ, и становой отправилъ къ Носенку повѣстку и потребовалъ у него объясненій. Повѣстка привела въ страшное негодованіе помѣщика Носенка, и онъ разразился ядовитымъ и насмѣшливымъ протестомъ противъ „явно", съ его точки зрѣнія, „незаконныхъ дѣйствій становаго, осмѣлившагося затронуть и его „господина" особу, и его „священныя права".

Мы приводимъ in extenso это письмо Б.-Носенка къ становому, какъ не требующее комментаріевъ и рисующее его во весь ростъ.

Письмо адресовано такъ: „отъ помѣщика коллежскаго ассесора, двухъ императорскихъ Россійскихъ ученыхъ обществъ члена и проч., и кавалера Павла Павлова сына Бѣлецкаго-Носенка, отвѣтъ на повѣстку его благородію г. приставу 3 стана Левицкому мглинскаго уѣзда".

„Повѣстку вашу отъ 27 ноября за № я имѣлъ честь получить чрезъ почту; и спѣшу предостеречь васъ.—Вы, милостивый государь мой, совсѣмъ меня не знаете, я человѣкъ довольно грамотный, читаю толстыя книги, никогда не отговариваюсь не знаніемъ законовъ; очень знаю свои права помѣщика и крѣпостныхъ людей; живу по русской пословицѣ: „ѣду тихо не свищу, кто жъ наскочитъ не спущу".—Въ теченіе почти

40-ка лѣтъ, крестьяне мои никогда... не впадали въ недоимку, потому что я непрестанно о томъ заботился, и даже въ дорогой годъ не заимствовались на продовольствіе отъ казны. Для разбора ихъ исковъ, споровъ, дракъ и протчего, за отдаленностью моего жительства, установленъ былъ отъ меня сельской судъ изъ двухъ избранныхъ ими судей и громады, они собирались всякой праздничной день послѣ обѣда и судили и рядили дѣла по святой правдѣ, какъ нельзя лутше, и за дерзкія дѣла приказчиковъ судили и штрафовали съ 1803 года. Но Иванъ Сигуль съ сыновьями своими... осмѣлились самоправно эту спасительную мѣру уничтожить и присвоили себѣ, какъ это доказано, самовластіе надъ моими крестьянами, начали тирански ихъ наказывать, отнимали у нихъ поля, сѣнокосы, огороды и проч., безъ здирства съ крестьянина не выдавали ему свидѣтельства для полученія покормѣжной; потомъ стали вымогать и брать съ крестьянъ лишніе поборы будто бы въ казенные податки; эту лихву присвоили себѣ и никогда не отдавали громадѣ отчета, пока не дошли до меня общія жалобы о всѣхъ ихъ злоупотребленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ Сигули разбогатѣли! Наконецъ, они, накупивши много лишнихъ лошадей и нанявши наймитовъ, не смотря на то, что своя семья многочисленна, зимнимъ путемъ иногда на 20 подводахъ крали мой лѣсъ и возили продавать его въ г. Мглинъ; и сверхъ того самоправно крали себѣ на постройки, и въ ослушаніе моего строгаго приказа Сигули не захотѣли идти съ громадою считать выкраденные ими деревья, за которыя я положилъ самую бѣдную плату, какая была установлена отъ меня назадъ тому около 40 лѣтъ, а не ту цѣну, которую предписано брать за покраденные сосновые деревья въ сводѣ законовъ.—Теперь позвольте вамъ, М. Г. мой, напомнить, что я рѣшилъ все это дѣло, какъ владѣлецъ *окончательно*, на основаніи т. IX, статьи 594-й..., слѣдовательно безъ всякой апеляціи къ кому либо.—Далѣе. Свода Законовъ въ томъ же томѣ статья 596: для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (т. е. владѣлецъ или помѣщикъ) имѣетъ право употреблять до-

машнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и проч.". Изъ этого вы усмотрѣть можете, что написанные вами 56 ударовъ розгою совсѣмъ не безчеловѣчно и не можетъ даже ребенка изувѣчить; вамъ угодно было назвать розгу по-нѣмецки *шпицъ-рутеномъ*, что все таки значитъ хлыстъ; но всякій знаетъ, кто служилъ въ военной службѣ, что военный судъ присуждаетъ за первый побѣгъ дезертира пройти сквозь строй шпицъ-рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ по теперешнему счету 4000 ударовъ, и это никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*.—Что касается до 75 рублей за лишній ударъ, это праведная гроза для исполнителей судебныхъ приговоровъ при наказаніи уголовнымъ палачемъ.—Вы поступили, М. Г. мой, очень неосторожно, въ противность закона т. X ст. 1614, п. 2: „запрещается давать судъ крѣпостнымъ людямъ противъ своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ объ отыскиваніи законной свободы отъ укрѣпленія", и того же С. З. въ т. IX ст. 597 узаконяетъ: „запрещается принимать отъ крѣпостныхъ какіе либо на ихъ владѣльцевъ доносы и проч.";—слѣдовательно, вы не имѣли никакого законнаго права принимать просьбъ отъ преступныхъ крестьянъ моихъ, Сигулей, чтобы тѣмъ возбудить въ нихъ дерзость законопреступную противъ высочайше ввѣренной мнѣ власти, когда я рѣшилъ дѣло *окончательно*, по силѣ закона.—Всякой благородный человѣкъ и дворянинъ вѣрно будетъ защищать это священное право до послѣдней минуты своей жизни.—Какъ законное повиновеніе отъ крестьянъ моихъ, Сигулей, нарушено, и какъ не мудрено предвидѣть послѣдствій этого приключенія, то я одолжаюсь покорно просить васъ обратить возмутившихся крестьянъ моихъ къ законному повиновенію и дать зависящую отъ васъ помощь крестьянамъ моимъ, Данилѣ Повтарю, Өедору Киреенку и протчимъ для исполненія моего приказа по окончательному моему присужденію.—Время не терпитъ; вы ободрили раззорителей моихъ крестьянъ, которые осмѣлились писать въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, будто они тратили громадскіе деньги на угощеніе членовъ земскаго суда, засѣдателей и всякихъ ревизо-

ровъ, и давали имъ деньги. Злодѣи, которые не умѣли цѣнить благодѣянія своего помѣщика, подъ правленіемъ котораго обогатились и нажились благополучно около 40 лѣтъ, конечно не пощадятъ сторонняго. Еще прошу васъ, поспѣшите привести ихъ въ повиновеніе. P. S. Мнѣ очень обидно, что вы, М. Г. мой, вздумали пугать меня принятіемъ отъ Сигулей на меня или на крестьянъ моихъ жалобы; естли они не будутъ обращены къ законному повиновенію мнѣ и не исполнятъ моихъ приказовъ, я принужденъ буду жаловаться въ Губернское Правленіе, гдѣ, конечно, найду правосудіе.—Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ мое имѣніе, нарушать беззаконно мою власть, увѣряя непокорныхъ крестьянъ моихъ, будто они могутъ приносить жалобы па окончательные суды своего помѣщика къ кому бы то ни было".

И. Лучицкій.

Кіевъ, 19 февраля 1901 г.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

(*Изъ воспоминаній Мирового Посредника перваго призыва*).

Въ послѣднее время „великій“ 1861 годъ вспоминается въ обществѣ очень рѣдко. Только иногда бывшій крѣпостной, опредѣляя время, говоритъ: „се було въ пятый годъ писля воли“, и вспоминаетъ тотъ день, когда впервые слово „воля“ смѣло и свободно раздалось по обширной землѣ; но чѣмъ дальше шли годы, оно все рѣже и рѣже вспоминалось, пока не замѣнилось другимъ словомъ, но уже не радостнымъ, а грустнымъ: „на переселеніе“. Но человѣку, бывшему очевидцемъ, а еще болѣе, принимавшему участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, приходится часто воспоминаніями переживать эти дни, полные жизни, полные дѣйствительной, живой работы, а не бумажной, канцелярской,—такъ живо, какъ будто это было вчера.

Съ полною ясностью возникаютъ въ памяти лица, ихъ характеры, взгляды на дѣло освобожденія, борьба съ ними, радость побѣды, боязнь, чтобы не ввести темный людъ въ бѣду. Все это прошлое сразу ожило въ моей памяти при встрѣчѣ съ однимъ изъ крѣпостныхъ, пришедшихъ ко мнѣ за „порадою“.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Ярмакъ, бывшій въ обществѣ крестьянъ однимъ изъ видныхъ людей, которымъ и въ экономіи дорожили, какъ хорошимъ плотникомъ, былъ, помнится мнѣ,

однимъ изъ тѣхъ, дѣло котораго съ экономіей пришлось мнѣ впервые разсматривать и рѣшать послѣ воли.—Теперь это былъ сѣдой, сгорбленный старикъ, думающій, какъ лучше устроить своихъ наслѣдниковъ послѣ своей смерти.

При встрѣчѣ съ этимъ-то Ярмакомъ припомнилось мнѣ время „великаго года“, припомнились многіе эпизоды изъ того времени, заставившіе Ярмака иногда повторять: „да и дурни-жъ булы мы тоди“.

Мало уже осталось насъ, принимавшихъ участіе въ освобожденіи. Вспоминая моихъ бывшихъ коллегъ, не могу не остановиться на тогдашнемъ предводителѣ дворянства, который игралъ большую роль въ уѣздной жизни. Съ особенною яркостью онъ припоминается мнѣ, добрый по натурѣ, но глубоко убѣжденный въ томъ, что и послѣ освобожденія онъ обязанъ поддерживать прежнія права помѣщиковъ, и мнѣ не разъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло въ Съѣздѣ Мировыхъ Посредниковъ, въ которомъ предводитель дворянства былъ предсѣдателемъ. Въ то время Съѣздъ Мировыхъ посредниковъ былъ первымъ гласнымъ учрежденіемъ, и въ немъ разбирались дѣла и споры такъ еще недавно бывшихъ безправныхъ людей со своими полноправными господами. Это учрежденіе, на которое были обращены взоры всего уѣзда, у насъ, да вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, имѣло громадное значеніе для будущности, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, большинство которыхъ никакъ не хотѣло сразу стать къ крестьянамъ въ положеніе, требуемое закономъ, и желало при всякой возможности оттянуть въ свою пользу хоть кусочекъ того, на что они уже не имѣли права.

Съѣздъ Мировыхъ Посредниковъ, состоя изъ мѣстныхъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ, не могъ внушать довѣрія только что освобожденнымъ крестьянамъ. Только членъ отъ правительства въ Съѣздѣ, на сторонѣ котораго было знаніе новыхъ законовъ да представительство взглядовъ губернскихъ присутствій, могъ сдѣлать Съѣздъ учрежденіемъ новымъ, способнымъ безпристрастно проводить новые законы. Поэтому, если-бы

голоса въ съѣздѣ не уравновѣшивались голосомъ правительственнаго члена, если бы губернаторъ не былъ на сторонѣ новаго положенія вещей, а члены и секретарь Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія были старыми чиновниками, а не людьми, всецѣло стремящимися исполнить законъ, то дѣло освобожденія и въ нашемъ уѣздѣ пошло бы плохо. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи, я вспоминаю быв. членовъ отъ правительства П. Г. Борсука и А. М. Лазаревскаго. Уѣздъ нашъ не имѣлъ въ большомъ количествѣ крупныхъ имѣній. Помѣщичьи крестьяне составляли менѣе трети всего населенія; главный элементъ составляли козаки, имѣвшіе въ то время еще нѣкоторыя льготы. За исключеніемъ нѣсколькихъ селъ и хуторовъ, остальные имѣли смѣшанное населеніе, состоящее изъ козаковъ и крестьянъ. По качеству почвы уѣздъ раздѣлялся на двѣ половины: въ 1-й мѣстности и надѣлъ требовался меньшій, и оброкъ большій; во 2-й мѣстности, гдѣ главнымъ образомъ преобладала песчаная почва, но за то было много сѣнокосовъ болотныхъ и заливныхъ луговъ, много лѣсовъ и срубовъ, надѣлъ былъ больше и оброкъ меньше.

Первая мѣстность урожайная, вторая—болѣе пригодная для скотоводства. Но какъ въ первой могли быть имѣнія съ болѣе плохой почвой, такъ, наоборотъ, во второй—могли быть имѣнія съ хорошей почвой. Законъ позволялъ переносить оцѣнку съ одной мѣстности въ другую, почему, какъ надѣлы, такъ и оброки могли и уменьшаться, и увеличиваться. Это обстоятельство требовало отъ посредника тщательнаго изученія крестьянскихъ земель.

Почти въ одно время съ освобожденіемъ началось и размежеваніе земель, съ цѣлью уничтоженія чрезполосности, но оно не могло придти на помощь въ опредѣленіи качества и количества земли, такъ какъ шло черепашьимъ шагомъ, хотя впослѣдствіи имѣло серьезное вліяніе какъ на помѣщичьи хозяйства, такъ и на крестьянскія. Но въ то время это не было предвидимо, почему и послѣдствія его не принимались въ разсчетъ. Но объ этомъ послѣ.

Очень много имѣній имѣли винокуренные заводы и нѣсколько сахарныхъ. Съ первыхъ же дней освобожденія, по крайней мѣрѣ пока на бумагѣ, приходилось обратить особое внимавание на возможность оставленія рабочими работъ на заводахъ, и въ особенности сахарныхъ, гдѣ пріостановка на нѣсколько дней могла причинить большіе убытки, а затѣмъ вызвать и строгія мѣры: вѣдь въ то время слово „бунтъ" было очень употребительно, и простой отказъ одного-двухъ рабочихъ идти на панщину возводился уже въ бунтъ и могъ окончиться вызовомъ солдатъ, что и было въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Присутствуя въ церкви при чтеніи манифеста, я замѣтилъ не счастливыя лица крестьянъ, а суровыя, хотя они и крестились при словахъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ".—Несомнѣнно, на всѣхъ повліяло то, что „воля" дается не вдругъ, что они должны еще отбывать панщину, что относительно земли, которою они владѣли и считали своей, дѣлается что-то не такъ. Изъ крестьянъ въ то время мало было грамотныхъ. Случалось, что въ иномъ селѣ нельзя было найти ни одного человѣка, который могъ бы расписаться за неграмотныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грамотнаго крестьяне находили, но этотъ грамотный самъ запутывался въ толкованіи и вѣрномъ пониманіи многихъ статей Положенія. Были, разумѣется, и такіе, которые толковали эти статьи въ пользу крестьянъ, за что и выпивали больше и получали большее вознагражденіе. Все это, на первыхъ порахъ, дѣлало задачу Мировыхъ Посредниковъ очень тяжелой. И теперь я вспоминаю то неспокойное состояніе духа, которое овладѣло мною, когда пришлось составлять программу своихъ дѣйствій. Очевидно, нужно было пріобрѣсть возможное довѣріе отъ крестьянъ, чтобы не надѣлать бѣдъ. Задача эта была очень трудной, и впослѣдствіи оказалось на дѣлѣ, что хотя крестьяне будто бы и вѣрятъ Посреднику, но держатъ ухо востро́ и часто на самое простое предложеніе, выгодное для нихъ, не соглашаются.

Первымъ дѣломъ послѣ чтенія манифеста было образованіе сельскихъ и волостныхъ учрежденій. Волостные Суды, правле-

нія, сельскіе старосты въ обществахъ козаковъ существовали давно, въ крестьянскихъ же были образованы отдѣльно; тѣмъ не менѣе, образцы для послѣднихъ уже были, и новые граждане, крестьяне, старались подражать козакамъ и въ манерахъ держать себя предъ начальствомъ, и съ подчиненными имъ крестьянами. Различіе было въ томъ, что козачьи старшины, управляемые особыми чиновниками бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, были грамотны, умѣли держаться, имѣли хорошо обученныхъ писарей. Наши же, крестьянскіе, въ большинствѣ неграмотные, съ первыхъ же дней могли попадать въ руки писарей, взятыхъ изъ бывшихъ козачьихъ писарей или пріучившихся около нихъ молодыхъ парней, набившихъ руку тутъ же въ Волостныхъ Правленіяхъ. Поэтому и тутъ Мировому Посреднику приходилось задумываться и быть на сторожѣ, чтобы незамѣтно на новыя учрежденія не повліяли привычки старыхъ уже козачьихъ учрежденій, въ которыхъ волостные старшины часто наживали крупныя земельныя имущества.

Но съ первыхъ же шаговъ самостоятельныхъ дѣйствій крестьянскихъ должностныхъ лицъ легко было замѣтить, что они подчинены, въ сущности, громадѣ. Какъ будто по наружности старосты и казались исполнителями распоряженій Мировыхъ Посредниковъ, но въ случаяхъ особыхъ выходило, что они въ полнѣйшей власти громады. Въ этомъ я очень скоро убѣдился.

Первый объѣздъ своего участка, знакомство съ помѣщиками показали, что дѣло скоро не пойдетъ. Первые говорили, что въ свое время представятъ и уставныя грамоты или, по крайней мѣрѣ, всѣ матеріалы для составленія грамотъ, такъ какъ они имѣли еще льготное время. Впослѣдствіи оказалось, что все нужно было и собирать, и составлять самимъ Посредникамъ. Крестьяне обыкновенно выражали желаніе сначала „подывыться, якъ буде у другыхъ“.

Въ моемъ участкѣ, кромѣ массы мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ въ большинствѣ такъ назыв. дворовыхъ, главныя имѣнія были гр. Кушелева Безбородка; они заключа-

лись во многихъ селахъ отъ одного конца уѣзда до другого. Въ рединѣ этихъ имѣній находился сахарный заводъ; рабочіе по недѣлямъ ходили туда на работы и работали на своихъ харчахъ, брали съ собой печеный хлѣбъ. Разстояніе отъ мѣста жительства рабочихъ до завода было отъ 10 до 25 верстъ. На заводѣ управляющій, конторщикъ были изъ крѣпостныхъ; главноуправляющій тоже, но жилъ въ другомъ концѣ уѣзда.

Крестьяне, живущіе въ различныхъ селахъ, кромѣ работы на заводѣ, обрабатывали экономическую землю. Тутъ были устроены приказчичества, и приказчики были тоже изъ крѣпостныхъ, а хаты, гдѣ они жили, и хозяйственныя постройки, крестьяне называли дворцами [1]).

Понятно, какъ трудно было тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на работы въ заводъ, гдѣ ни ночлега, ни харчей хорошихъ не было, послѣ объявленія воли продолжать эту ненавистную работу.

Въ этомъ имѣніи я чувствовалъ подъ собою колеблющуюся почву. На помощь старыхъ чиновниковъ, чуждыхъ не только мнѣ, но и новому порядку вещей, я не могъ разсчитывать. При случаѣ они стремились подставить мнѣ ногу. Все это я зналъ послѣ одного, въ сущности пустого, случая. Въ числѣ имѣній моего участка, находилось имѣніе А. В. Кочубея, Члена Государ. Совѣта, ежегодно пріѣзжавшаго на лѣтнія каникулы въ Малороссію. По существующему обычаю, всѣ уѣздныя власти должны были являться къ нему съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается въ уѣздѣ. Я былъ у него тогда, когда власти, начиная съ исправника, явились къ этому сановнику, добрѣйшему человѣку. Я сидѣлъ возлѣ него, разсуждая о лучшемъ устройствѣ его имѣнія послѣ освобожденія. Обширная его усадьба съ большимъ садомъ, отдѣлявшимся отъ прекраснаго парка рѣчкой, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ, составляла первую заботу владѣльца. Главнымъ образомъ онъ желалъ сохранить

---

[1]) Дворцомъ въ старой Малороссіи обыкновенно называлась усадьба помѣщика. *Пр. Ред.*

ее въ порядкѣ и окончить каменную ограду около своей усадьбы, начатую нѣсколько лѣтъ передъ освобожденіемъ. Въ это время началась явка мѣстныхъ властей, которыхъ хозяинъ принималъ стоя, не прося сѣсть. И вотъ это обстоятельство еще болѣе усилило чувствуемую ко мнѣ непріязнь. Вскорѣ эта непріязнь выразилась въ грубомъ отвѣтѣ казначея на мое требованіе выслать ревизскую сказку дворовыхъ. Нахлобучка, сдѣланная этому казначею его начальствомъ, заставила быть другихъ поосторожнѣе; тѣмъ не менѣе они радовались, если предчувствовали какую-либо непріятность для меня. Это, въ сущности, была борьба стараго режима съ новыми порядками, новою жизнью, которую уже предчувствовали. Старые порядки, съ безмятежною жизнью уѣздныхъ чиновъ, нарушаемою изрѣдка проѣздами губернскихъ чиновниковъ, подрывались.

Въ этой уѣздной семьѣ начали появляться новые люди, говорящіе что-то совсѣмъ уже новое, чего старые не допускали, съ чѣмъ имъ трудно было примириться. Напримѣръ, при имени Гоголя даже лучшіе изъ старыхъ, читающіе кое-что, приходили въ ярость, негодованіе, когда рѣчь заходила о новомъ направленіи въ литературѣ. Понятно, что случай, о которомъ я хочу разсказать, привелъ въ волненіе не только старыхъ помѣщиковъ, но и старыхъ чиновниковъ.

Вскорѣ послѣ объявленія воли я получилъ письмо отъ предводителя, этого еще такъ недавно могущественнаго въ уѣздѣ человѣка. Въ то время вѣдь большинство уѣздныхъ должностей замѣщались по выбору дворянства,—исправникъ, судья, засѣдатель, попечители хлѣбныхъ магазиновъ. Борзенскій предводитель дворянства писалъ, что лакей укралъ серебряную ложку и нагрубилъ ему, за что просилъ наказать виновнаго розгами. Я назначилъ разборъ дѣла въ Волост. Прав. и послалъ повѣстку, какъ жалобщику, такъ и лакею. Предводитель, разумѣется не явился, никого за себя не прислалъ—и лакей былъ оправданъ. Жалобы на это рѣшеніе не послѣдовало, но, повидимому, для поддержанія своего значенія, Предводитель назначилъ очередной Съѣздъ не въ городѣ, а въ домѣ одного помѣ-

щика, въ серединѣ уѣзда. На этомъ съѣздѣ, въ присутствіи массы дворянъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ, послѣдовалъ вопль уходящаго въ вѣчность стараго порядка. Не заявляя жалобы на мое рѣшеніе, Предводитель поднялъ крикъ, что такъ нельзя, что это вызоветъ ужасныя послѣдствія, что жить будетъ нельзя, что онъ будетъ писать „въ Собственныя Его Величества руки“.— Всѣ слушали безмолвно и чего-то ожидали... Но столъ уже былъ накрытъ для обѣда, и хозяинъ поторопился попросить закусить. Лица прояснились, думаю, не только потому, что неловкая сцена прекратилась, что аппетитъ будетъ скоро удовлетворенъ, но и потому, что какъ будто повѣяло чѣмъ-то старымъ—и предводитель, сдѣлавъ свое дѣло, подошелъ ко мнѣ и тихо проговорилъ: „не сердись, братику, такъ нужно“!

Въ сущности, это были мелочи, но они въ то время имѣли громадное значеніе. Крестьяне чутко прислушивались. Кучера, лакеи, масса другой прислуги, незамѣтно дѣлая свое дѣло, слушали; они знали все, что дѣлалось „между господами“, сообщали крестьянамъ и выводили свои заключенія.

Съ такою же отчетливостью возникаетъ предо мною сцена, чуть было не выросшая въ очень серьезное дѣло, такъ часто называемое бунтомъ. Выше я упомянулъ о тѣхъ порядкахъ, которые были на сахарномъ заводѣ, и какъ эти порядки нестерпимы показались крестьянамъ послѣ объявленія воли. Вскорѣ послѣ начатія работы на заводѣ и разыгралась бѣда. Крестьяне не вышли на работы, и управляющій заводомъ прислалъ мнѣ заявленіе, что очередные рабочіе отказались, что работы остановились, а нѣкоторыя общества крестьянъ этого имѣнія прогнали назначенныхъ сельскихъ старостъ, назначили новыхъ, которымъ и отдали „медали“, т. е. знаки сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Управляющій въ своемъ заявленіи добавлялъ, что онъ „объ этомъ бунтѣ“ послалъ эстафету губернатору. Въ то время телеграфовъ не было, а эстафеты—это были верховые посланцы, мчавшіеся отъ станціи до станціи. Эстафеты доставлялись скоро, но стоили очень дорого. Это былъ первый серьозный случай. Приходилось или звать полицію, или попро-

бовать самому подѣйствовать на крестьянъ. Я избралъ послѣднее. Пріѣхавъ въ бунтующее село, населеніе котораго на половину состояло изъ козаковъ, я просилъ перваго встрѣчнаго проводить меня къ сельскому старостѣ.—„Къ которому"?—Къ настоящему, законному, отвѣтилъ я.—„Того уже нема,—громада прогнала и назначыла нового"—получился отвѣтъ.—„Ну, веди къ новому". Около хаты новаго старосты собралась кучка людей, человѣкъ въ сто, между ними были и бабы. Въ хатѣ былъ говоръ, а по временамъ и смѣхъ. Войдя въ хату, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, съ пунцовымъ лицомъ, съ чаркой въ одной рукѣ и бутылкой въ другой, стоялъ новый староста съ знакомъ на груди. Возлѣ стола тѣснились люди съ раскраснѣвшимися уже лицами,—значитъ, выпили. Не сказавъ „здравствуйте", я спросилъ: „гдѣ староста"? Молча мнѣ указали на новаго. Новый, поклонившись, протянулъ мнѣ рюмку со словами: „не побрезгуйте". Оттолкнувъ протянутую рюмку, причемъ она выпала у старосты изъ руки, я, дѣйствительно разсердившись, началъ, возвысивъ голосъ, говорить о томъ, что они надѣлали, чѣмъ это можетъ кончиться, понимаютъ ли они, какое сдѣлали преступленіе. „Сними медаль", потребовалъ я въ концѣ „и пошли за старостой".

Настоящему старостѣ, котораго я разбранилъ, при чемъ онъ все ссылался на громаду, я привѣсилъ медаль и потребовалъ отъ него, чтобы завтра же онъ лично привелъ партіи рабочихъ на заводъ, куда и я пріѣду. Староста молчалъ на это требованіе, но изъ толпы раздались голоса, что харчи нужны.—Объ этомъ мы поговоримъ на заводѣ, а теперь я ничего знать не хочу,—сказалъ я, уѣзжая. На другой день рабочіе были на заводѣ, а управляющаго я уломалъ давать пищу по возможности хорошую.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія воли, и мнѣ уже казалось, что крестьяне настолько вѣрятъ, что можно начать и переговоры объ окончательномъ прекращеніи крѣпостной зависимости, которая оканчивалась послѣ соглашенія о земельномъ надѣлѣ. Это прекращеніе наступало, при обоюдномъ со-

глашеніи помѣщика съ крестьянами,—или выкупомъ земель, или подаркомъ уменьшеннаго надѣла. Въ первомъ случаѣ, крестьяне получали земли больше, но должны были платить и въ казну, и дополнительный платежъ помѣщику; во второмъ случаѣ, обязательныя отношенія прекращались со времени подписанія сдѣлки. Обѣ стороны находились въ нерѣшимости: отдать земли больше жалко, но за то получались деньги, на которыя многіе думали завести раціональное хозяйство. Крестьяне боялись обязать себя платежами, но отказаться отъ части земли, которою владѣли и они, и батьки ихъ, тоже казалось ужаснымъ. Но нужно было потребовать, и я избралъ для начала одно изъ имѣній гр. Кушелева-Безбородко, въ имѣніяхъ котораго вообще было больше порядка и были всѣ нужные матеріалы для сдѣлки тѣмъ или другимъ порядкомъ. Въ числѣ переданныхъ мнѣ бумагъ, одна заключала свѣдѣнія о деньгахъ, которыя экономія передавала обществамъ крестьянъ, съ условіемъ, чтобы общество составило приговоръ о томъ, какъ употребить эти деньги. Деньги же составились изъ особаго сбора, вносимаго ежегодно по распоряженію экономіи съ каждой ревизской души на случай какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ семьѣ крестьянина. Эти общества, кромѣ подушной подати, 3-хъ дневной въ недѣлю панщины, уплачивали еще и этотъ сборъ. Деньги хранились въ экономіи и составляли очень солидный капиталъ, котораго экономія могла и не возвратить.

Назначивъ сельскій сходъ, я съ удовольстіемъ думалъ, что это будетъ сюрпризъ для крестьянъ, что съ этого имѣнія пойдетъ начало поземельныхъ соглашеній. Велико же было мое разочарованіе, когда крестьяне, выслушавъ предложеніе экономіи мое увѣреніе, что деньги эти будутъ переданы обществу по составленіи ими приговора о храненіи этихъ денегъ и вообще о порядкѣ ихъ расходованія, крестьяне изъ толпы громко закричали: „не треба намъ сыхъ грошей! прыговора не дамо!“— Сдержавъ себя, я потребовалъ, чтобы вышли тѣ, которые кричали. Они вышли; я и теперь ихъ хорошо помню: молодые крестьяне Кривицкій и Ярмакъ. На мой вопросъ, почему они

не желаютъ принимать своихъ же денегъ, почему они говорятъ за всѣхъ, они отвѣчали: „не дамо прыговора, якъ вамъ угодно". Я обратился къ громадѣ, думая насмѣшкой, къ которой такъ чувствителенъ нашъ малороссъ, выиграть дѣло, и хотѣлъ осмѣять Кривицкаго и Ярмака, взявшихся отвѣчать за всѣхъ такимъ глупымъ образомъ. Но тутъ поднялся уже настоящій гвалтъ. Въ толпѣ кричали: „не треба намъ ихъ грошей; мало насъ мучылы на заводи голодныхъ и холодныхъ!.."

Я закрылъ сходъ и началъ съ уполномоченными, которые требовались при подписаніи всякой сдѣлки, разговаривать и осуждать людей, которые отказывались отъ своихъ же денегъ, когда отъ нихъ не требовалось никакихъ обязательствъ. Уполномоченные молчали и только повторяли: „это ихъ дѣло." [1])

Всѣ ожидали, чтобы кто-нибудь началъ, а нетерпѣніе все росло. Поступали жалобы отъ помѣщиковъ, что не исполняется трехдневная въ недѣлю панщина. Тотъ заболѣлъ, тотъ уже будто отработалъ.

Въ концѣ перваго года послѣ объявленія манифеста возвратился изъ-за границы молодой помѣщикъ, при первомъ же знакомствѣ со мною заявившій, что онъ желалъ бы такъ или иначе окончить обязательныя отношенія съ крестьянами. Съ него и пошло начало. Здѣсь я узналъ, что съ крестьянами уже разрѣшили вопросъ, на что имъ соглашаться. Когда я началъ имъ толковать, что имъ болѣе выгодно выкупить свой надѣлъ съ помощью отъ правительства, такъ какъ оцѣнка земли ниже дѣйствительной стоимости, что платежъ разсрочивается на долгое время, что со временемъ земля еще больше вздорожаетъ, мнѣ отвѣчали: „воно може и такъ, да луче, щобъ намъ платылы за роботу, нижъ мы повынни будемо платыть. Безъ нашыхъ рукъ земля пану ничого не дасть, все одно вона нашыхъ рукъ не втече".

Сдѣлка окончилась подаркомъ одной десятины земли на каждую ревизскую душу. Хозяинъ, у котораго былъ умершій

---

[1]) Деньги потомъ были имъ выданы.

отецъ, не исключенный изъ ревизіи; малолѣтній, родившійся до 1859 г.,—всѣ получали надѣлъ... Получить безплатно въ то время землю по такому разсчету и сразу стать внѣ всякихъ обязательствъ къ помѣщику, казалось самымъ выгоднымъ, такъ какъ прежнія мечты о томъ, что вся земля, которая была во владѣніи крестьянъ, поступитъ имъ даромъ, разсѣялись.

Помѣщики же, рѣшаясь на такую сдѣлку, разсуждали: у крестьянъ земли будетъ мало, не будетъ пастбищъ, и они будутъ брать землю у насъ на условіямъ, какія будутъ намъ выгодны.

Такимъ же образомъ было уничтожено крѣпостное право и у болѣе крупнаго владѣльца Кочубея, и онъ имѣлъ возможность видѣть, что и каменная ограда окончена, и паркъ сохраненъ.

Почти всѣ болѣе крупныя имѣнія окончили такимъ же образомъ, хотя у нѣкоторыхъ не обошлось безъ попытки урвать кусочекъ того, что имъ не слѣдовало. Такія попытки обнаруживались въ желаніи доказать, что земли, отходящія крестьянамъ, по качеству принадлежатъ къ первой мѣстности, и поэтому надѣлъ долженъ быть разсчитанъ меньше, а также во включеніи крестьянъ въ число дворовыхъ, которымъ надѣла помѣщикъ могъ не давать.

Первымъ въ этомъ отношеніи оказался все тотъ же предводитель дворянства, подавшій мнѣ заявленіе, что крестьяне надѣлены прекрасной землей и заливными лугами, и поэтому имѣніе по надѣлу должно быть перенесено въ 1-ю мѣстность. На отказъ мой въ его домогательствѣ, онъ подалъ жалобу въ губернское присутствіе, которое для разслѣдованія назначило въ его имѣніе мировой съѣздъ изъ двухъ уѣздовъ. Большинство Посредниковъ были старые помѣщики, старые пріятели нашего предводителя по дворянскимъ собраніямъ. И всѣ они, несомнѣнно тяготѣли къ хозяину, въ домѣ котораго мы собрались, и затѣмъ отправились осматривать надѣлы. Со стороны крестьянъ провожатыми были приказчикъ, изъ крестьянъ же, садовникъ крестьянинъ и нѣсколько домохозяевъ. Пахатныя земли не возбуждали

спора, такъ какъ всѣ посредники были изъ черноземныхъ имѣній, а тутъ почва все была песчаная.—„Поѣдемъ еще осмотрѣть поемные луга“, сказалъ одинъ изъ посредниковъ.—„Ну, да чортъ съ ними“, не слушаясь, отвѣтилъ предводитель,—„я и самъ ихъ не знаю; поѣдемъ лучше обѣдать!“

За обѣдомъ и помину не было о дѣлѣ, а разсказывали болѣе всего анекдоты. Въ журналѣ съѣзда было кратко написано: осмотрѣнные надѣлы съѣздъ не признавалъ возможнымъ отнести по качеству къ землямъ первой мѣстности.

Все это несомнѣнно доказывало, что помѣщики цѣплялись за каждую ниточку, чтобы стянуть въ свою пользу хотя тѣ кусочки, которые въ сущности не составляли ничего серіознаго, и дѣлали это потому, что жила въ нихъ надежда на сочувствіе къ нимъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ было дѣло. И, быть можетъ, пытаясь оттянуть эти кусочки, они надѣялись на случай,—„авось кривая вывезетъ!“

Послѣ этой исторіи другіе уже не пытались въ этомъ отношеніи пробовать счастья.—Почти всѣ владѣльцы спустя года полтора послѣ „воли“, пришли къ обоюдному соглашенію съ крестьянами, отдавъ имъ безвозмездно по десятинѣ на ревизскую душу. Ревизской же душой считался каждый мущина, состоящій въ спискахъ населенія, составленныхъ въ 1858 г. Пробовали нѣкоторые владѣльцы, при разсчетѣ количества земли, которую нужно дать крестьянамъ, считать дворовыми тѣхъ, которые были взяты изъ семейныхъ крестьянъ во дворъ въ разныя должности. Припоминается такой случай. Генералъ С., человѣкъ очень богатый, но скупой, который почти всѣ дни сидѣлъ на „тронѣ“—(такъ называлось кресло позолоченное, стоящее въ домѣ на особенно устроенномъ возвышеніи), просилъ меня подготовить всѣ нужныя бумаги для окончательной сдѣлки съ крестьянами. Составивъ списокъ, я занесъ повара Харлампія въ число крестьянъ, такъ какъ отецъ его не былъ дворовымъ и отбывалъ панщину. Генералъ началъ доказывать, что Харлампій—дворовый и не имѣетъ права на надѣлъ. Завязался споръ, и когда я рѣшительно отказался перечислить повара въ число дворовыхъ, прибавилъ, что

это было бы нѣчто похожее на то, какъ Собакевичъ записалъ Лизавету въ число мужчинъ,—генералъ до того разсвирѣпѣлъ, что мы не кончили дѣла, и я уѣхалъ. Чрезъ нѣкоторое время мы помирились: Харлампій получилъ надѣлъ, хотя генералъ и увѣрялъ, что онъ дѣлаетъ это не потому, что признаетъ Харлампія крестьяниномъ, а просто по великодушію.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти маленькія побѣды зависѣли отчасти отъ тѣхъ вліяній, которыя шли свыше, но тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ и на то, что все, главнымъ образомъ, зависѣло въ первое время отъ мировыхъ посредниковъ. Это подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ эпизодомъ.

Мѣсяцевъ черезъ восемь, губернаторъ началъ объѣздъ крестьянскихъ волостей. Къ одному изъ моихъ волостныхъ правленій начальникъ губерніи подъѣхалъ уже вечеромъ. Его ожидали старшина, старосты ближайшихъ селъ и немало крестьянъ. Не выходя изъ коляски, онъ, поздоровавшись со мною, обратился къ старшинѣ: „ну, какъ у васъ?" Получивъ по обыкновенію въ отвѣтъ, что все, слава Богу, благополучно, князь Голицынъ уже хотѣлъ уѣзжать, когда къ нему подошелъ одинъ крестьянинъ съ жалобой на меня.—„Ты пьянъ", крикнулъ ему губернаторъ:—„старшина, посади его подъ арестъ на три дня!" и уѣхалъ къ предводителю пить чай. Переконфуженный, я подозвалъ къ себѣ жалобщика и спросилъ, по какому дѣлу хотѣлъ онъ жаловаться. Оказалось, что онъ представилъ мнѣ купчую, такъ называемую *пантикулярную*, т. е. написанную однимъ крестьяниномъ другому о продажѣ упруга (1/4 десятины) земли, но той земли, которая принадлежала помѣщику. Такихъ купчихъ очень много имѣлось у крестьянъ и очень рѣдко попадались такія, изъ которыхъ было видно, что земля куплена отъ другихъ сословій: козаковъ, мѣщанъ и т. п. Всѣ такія купчія я представлялъ въ Губернское Присутствіе, которое, въ качествѣ высшаго совѣстнаго суда, разрѣшало ихъ окончательно. Удостовѣрившись, что желавшій пожаловаться крестьянинъ не пьянъ, а только, по его словамъ, „выпилъ осьмушку для смѣлости", я поѣхалъ къ губернатору выпрашивать амнистію. На мою просьбу князь Голицынъ смѣясь сказалъ: „да дѣлайте съ ними, что хотите".

Крестьяне, представляя такія купчія, никакъ не могли или не хотѣли убѣдиться, что они не имѣли на нихъ права, такъ какъ и вся земля, которою они владѣли, признавалась помѣщичьей и могла перейти къ нимъ или по выкупу, или по непринужденному согласію бывшаго владѣльца. Это была, по мнѣнію крестьянъ, явная несправедливость, съ которой многіе не могли примириться, и въ одномъ имѣніи, не моего участка, пришлось принимать крупныя мѣры. Крестьяне говорили, что тѣ купчія, которыя они имѣли, доказывали, что земля ихъ дѣдами и прадѣдами была куплена у козаковъ. Вопросъ этотъ былъ очень запутанный, и рѣшеніе его все откладывалось въ губернскомъ присутствіи. Вообще, очень мало купчихъ было признано такими, по которымъ земля была отдана крестьянамъ и не включалась въ число надѣла.

Въ концѣ второго года, по распоряженію Мин. Внут. Дѣл., Мировые Посредники должны были привести въ извѣстность дѣло продовольственное. Во время крѣпостного состоянія на обязанности владѣльцевъ лежалъ правильный взносъ подушной подати и обезпеченіе продовольствія крестьянъ на случай неурожаевъ. Эту обязанность помѣщики должны были исполнять по своему усмотрѣнію, но въ каждомъ имѣніи должно было быть особое помѣщеніе (магазинъ), а въ немъ на каждую ревизскую душу по четверти ржи и по $^1/_2$ четверти ярового хлѣба. Для контроля избирались особые попечители хлѣбныхъ запасовъ, которые обязаны были ежегодно ревизовать и представлять свѣдѣнія предводителямъ дворянства. Книги хранились,—однѣ у помѣщиковъ, другія въ канцеляріи предводителя. Попечители эти выбирались дворянами; отъ нихъ получали и жалованье. Очевидно, контроль могъ быть только для формы. Никто серьезно ничего и никого не ревизовалъ. Пріѣзжалъ ежегодно „попечитель“, выбираемый обыкновенно изъ бѣдныхъ дворянъ; ему приносили книги, онъ въ нихъ дѣлалъ надпись, что въ наличности оказывалось все. При нашей ревизіи выходило уже другое. Въ большинствѣ имѣній не было ни помѣщеній особыхъ, ни хлѣба. Только въ тѣхъ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ распоряжались управляющіе, а

владѣльцы жили въ Петербургѣ, и помѣщенія, и хлѣбъ были и переданы были въ завѣдываніе крестьянскихъ обществъ. Но вездѣ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и имѣлъ винокуренный заводъ, хлѣба не было. Были примѣры, но очень рѣдкіе, что владѣлецъ заявлялъ, будто хлѣбъ былъ, но онъ разобранъ крестьянами, и когда это было дѣйствительно такъ, крестьяне не отпирались и высчитывали количество взятаго ими хлѣба. Посредникамъ было предоставлено право рѣшать, кто долженъ возвратить хлѣбъ и сколько,—помѣщикъ крестьянамъ, или крестьяне. Все это своевременно рѣшалось, и когда рѣшеніе входило въ законную силу, то передавалось полиціи для взысканія. Эта груда протоколовъ, пролежавъ много времени въ полицейскихъ управленіяхъ, была потомъ передана въ Земскія Управы. Отъ Земскихъ Управъ (нѣкоторыхъ) возбуждались ходатайства объ исполненіи постановленій; отвѣтовъ долго не получалось,—вѣяло уже другимъ духомъ. Дѣло это (тоже нѣкоторыми управами) переносилось въ губернскія земскія собранія, и наконецъ изъ Министерства былъ полученъ отвѣтъ: „такъ какъ крестьяне получили юридическое право наравнѣ съ другими сословіями, то и могутъ сами отъ себя заявлять искъ!..“ Такъ эти дѣла и канули въ вѣчность.

На этомъ я и оканчиваю свои воспоминанія. Главное дѣло было завершено, а потомъ пошли мелочи, а затѣмъ окончили свое существованіе посредники при всеобщихъ на нихъ нападкахъ. Миръ праху ихъ!

Я оставилъ эту службу ради другихъ учрежденій, вызванныхъ другими реформами, но первую мою службу, послѣ канцелярской и департаментской, я вспоминаю съ самымъ отраднымъ чувствомъ и какъ будто дѣлаюсь моложе, когда начинаю вспоминать о ней или встрѣчаюсь съ тѣми, которыхъ приходилось освобождать.

Н. Волкъ-Карачевскій.

Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ Митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ октябрьской книжкѣ „Кіевская Старина“ за истекшій годъ помѣщены весьма любопытныя письма Митрополита Кіевскаго Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ замѣчаніяхъ редакціи, предпосланныхъ этимъ письмамъ, между прочимъ сказано: „оба названныя лица хорошо памятны нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможнымъ освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы же пока обязаны опубликовать тотъ матеріалъ, который поможетъ этому освѣщенію“ (стр. 123).

Располагая нѣкоторыми данными по вопросу о народныхъ школахъ въ 60-хъ годахъ въ кіевской губ., я хочу присоединить ихъ къ вышеуказаннымъ письмамъ, въ качествѣ матеріала для будущаго историка, и кстати представить нѣсколько и своихъ соображеній.

Какъ надо было ожидать, вопросъ о народномъ образованіи сталъ предметомъ особаго вниманія русскаго общества и правительства вслѣдъ затѣмъ, какъ реформой 19 февраля 1861 г. было юридически установлено, что крестьянство наше образуетъ

дѣйствительно народъ, а не предметъ только крѣпостного владѣнія помѣстнаго дворянства.

Въ числѣ другихъ мѣръ, которыя тогда были предприняты съ цѣлью способствовать насажденію образованія среди народа, было составленіе 20 іюля 1861 г. комитета для начертанія общаго плана устройства элементарныхъ школъ. Въ этомъ комитетѣ возникли разногласія относительно того, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться народныя училища—духовномъ или свѣтскомъ. Св. Синодъ доказывалъ свое преимущественное право на завѣдываніе народнымъ образованіемъ, ссылаясь на то, что духовенство уже вполнѣ успѣшно ведетъ это дѣло: церковныхъ школъ числилось въ Имперіи въ 1860 г.—7907, а въ 1861—18,587. Министерство же Народнаго Просвѣщенія въ оффиціальномъ отчетѣ о положеніи народнаго образованія заявляло, что многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени. Этотъ споръ между двумя вѣдомствами былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1862 г., согласно которому въ вѣдѣніи Синода остались только училища, учрежденныя духовенствомъ, а на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія возлагалось учрежденіе и завѣдываніе народными училищами во всей Имперіи.

Оффиціальное разрѣшеніе спора, какъ оказалось впослѣдствіи, не покончило его и не примирило враждовавшія вѣдомства. Борьба изъ-за народныхъ школъ продолжалась, и въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принималъ митрополитъ Кіевскій Арсеній. Переписка его съ протоіереемъ Лебединцевымъ показываетъ, что вопросъ этотъ его весьма занималъ, и выйти побѣдителемъ изъ борьбы ему хотѣлось всенепремѣнно. Въ письмѣ отъ 18 декабря 1862 г. онъ говоритъ: „прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ, статью о народныхъ училищахъ... пустите съ Богомъ въ путь“ (стр. 124). Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано: „ожесточенная злость противъ насъ, „народныхъ образователей“, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до прибытія моего въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ.

Это значитъ, что на огонь вылита смола... Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить... За всѣмъ слѣдите зорко и ничего не оставляйте безъ вниманія (стр. 126). Въ письмѣ отъ 27 марта 1863 г. читаемъ: „Забавно, что г. попечитель въ отнятіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь же, въ Петербургѣ, заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало... Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ, но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было бы, если бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили... Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицемъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ пошатано, то оно должно жаловаться па своихъ собратій, которые не имѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ, и дѣломъ на должной высотѣ“ (стр. 129 и 130).

Такимъ образомъ, „вся претензія въ этомъ дѣлѣ“, какъ говоритъ м—тъ Арсеній въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ, „чтобы школы, отнятыя у духовенства министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилось бы завести свои школы, куда онъ готовъ былъ назначить законоучителей, лишь бы только положить для нихъ достаточное жалованье, а именно 150—200 руб.“ (стр. 129).

„Думаю (говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3 февраля 1863 г.) „что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ собственному желанію, или по волѣ гг. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непремѣнно успѣю“ (стр. 128); открытіе же школъ, по свидѣтельству этихъ писемъ, происходило такимъ образомъ, „что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ составлены были безъ согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже прика-

занію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п. (стр. 130).

Мнѣ извѣстно, какъ состоялось открытіе трехъ народныхъ школъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ: въ мѣстечкахъ Малинѣ, Хабномъ и селѣ Скуратахъ. Открытіе совершилось слѣдующимъ образомъ.

Окружной инспекторъ (Туловъ) и уѣздный протоіерей (Гороновскій—оба нынѣ покойные), пріѣхавъ на мѣсто открытія школы, приглашали къ себѣ сельскихъ властей, объявляя имъ о своемъ желаніи, при этомъ просили приходского священника оказать имъ свое содѣйствіе, повліявъ на прихожанъ въ благопріятномъ смыслѣ. Засимъ, послѣ выраженнаго обществомъ согласія, составлялся объ этомъ приговоръ, въ которомъ указывались и обязательства, принимаемыя на себя обществомъ: давать учителю добавочное содержаніе къ назначенному от. казны, предоставить помѣщеніе для школы и учителя, нанять сторожа и т. п.—и такимъ образомъ, безъ обмана и угрозъ, улаживалось дѣло. Да и не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ. Въ существѣ для крестьянъ было совершенно безразлично, кто станетъ учить ихъ дѣтей—учитель ли казенный, т. е. присланный попечителемъ округа, или нанятый ими въ помощь „батюшкѣ“, или наконецъ самъ батюшка, лишь бы это имъ дешевле стоило. Не надо забывать, что и особеннаго рвенія тогда къ ученію не замѣчалось, а вопросъ о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи должна быть школа—Синода или министерства Народнаго Просвѣщенія, для крестьянъ былъ и мало понятенъ, и мало интересенъ. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ (помимо вышеуказанныхъ) и принимались неблаговидныя мѣры, при открытіи народныхъ училищъ, но это, вѣроятно, уже было тогда, когда отношенія между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ вполнѣ обострились, когда агенты того и другого не въ мѣру усердствовали и тянули крестьянъ на свою сторону,

Митрополитъ Арсеній указываетъ рядъ неблаговидныхъ дѣйствій со стороны свѣтскихъ властей; но тогда же говорилось, что нерѣдко были такіе случаи, когда сельскіе старосты, подъ вліяніемъ священниковъ, заставляли учениковъ переходить изъ народныхъ школъ въ церковно-приходскія. Не спроста также требовалъ митрополитъ Арсеній отъ министерста назначенія законоучителямъ народныхъ школъ жалованья 150—200 р., самъ же сознаваясь, что разумѣется такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ" (письмо отъ 27 марта 1863, стр. 129). Это требованіе равнялось отказу законоучителей, если принять во вниманіе, что министерство и учителямъ жалованья въ 200 р. не могло назначить.

Очевидно разсуждали такъ: воевать—такъ воевать. А насколько эта война вредна была для пользы дѣла, показываетъ эпизодъ изъ жизни одной изъ трехъ вышеуказанныхъ школъ—Скуратовской. Въ с. Скуратахъ, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстнаго приходского священника (давно покойнаго), устроена была церковно-приходская школа, въ которой преподаваніе шло весьма успѣшно, такъ что епархіальная власть обратила вниманіе на эту школу, и священнику за хорошее состояніе ея объявлена была „архипастырская признательность". Вотъ почему явилось желаніе и у „народныхъ просвѣтителей" обратить эту школу въ народную. И здѣсь, какъ и въ другихъ вышеуказанныхъ мѣстахъ, открытіе школы состоялось при совмѣстномъ дѣйствіи окружного инспектора и уѣзднаго протоіерея и благодаря участію священника, къ которому прихожане обратились за совѣтомъ—соглашаться-ли имъ на открытіе въ ихъ селѣ народнаго училища, или нѣтъ. Священникъ совѣтовалъ дать согласіе, такъ какъ всѣ данныя, повидимому, были на лицо, что преподаваніе въ народной школѣ будетъ лучше обезпечено, чѣмъ въ церковно-приходской, и такъ какъ и въ матеріальномъ отношеніи для прихожанъ было выгоднѣе имѣть народную школу: отъ нихъ приплата требовалась всего 20 руб. вмѣсто 60, которые они платили доселѣ учителю, министерство обязывалось также снабжать школу учебными пособіями. Священнику не могло прійти въ голову, что его дѣйствія окажутся

впослѣдствіи непріятными его начальству по той простой причинѣ, что объ открытіи школы хлопоталъ и представитель отъ духовнаго вѣдомства—уѣздный протоіерей. А между тѣмъ ближайшее будущее показало, что въ этомъ случаѣ и протоіерей, и священникъ заблуждались: весьма скоро пришло распоряженіе отъ епархіальнаго начальства отобрать у народнаго учителя учениковъ бывшей церковно-приходской школы, а ему предоставитъ набирать новыхъ учениковъ. Это распоряженіе спустя немного было подтверждено и лично митрополитомъ Арсеніемъ, который, обозрѣвая лѣтомъ 1862 г. епархію, посѣтилъ и с. Скураты, гдѣ въ церкви ему были представлены ученики и учитель народной школы. Владыка пожелалъ узнать, какіе ученики этой школы взяты изъ церковно-приходской и какіе вновь поступили. Оказалось, что вновь поступилъ всего одинъ ученикъ. Тогда Владыка, указывая на этого ученика, обращается къ учителю и говоритъ: „вы себѣ своихъ заберите, а намъ нашихъ отдайте“.

Такимъ образомъ, пока фактически народная школа упразднялась, а въ будущемъ, въ одномъ и томъ же селѣ, съ весьма немногочисленнымъ населеніемъ (Скураты были, такъ называемымъ, 7-ми классньмъ приходомъ) должны были бокъ-о-бокъ существовать двѣ школы—одного типа, но двухъ вѣдомствъ. Священнику же, еще недавно доказывавшему прихожанамъ полезность народной школы, теперь, во исполненіе воли начальства, пришлось доказывать полезность и необходимость церковно-приходской школы и, косвенно, безполезность школы народной—положеніе довольно неудобное и весьма непріятное. Но скоро оно стало еще непріятнѣе. Назначенный попечителемъ Округа учитель оказался крайне неудачнымъ, неисправнымъ по должности и нетрезваго поведенія: посѣщая родителей своихъ учениковъ, напивался пьянъ и велъ себя неприлично что, конечно, весьма неблагопріятно отражалось на моральномъ состояніи школы.

Священникъ, въ качествѣ законоучителя, сообщилъ объ этомъ благочинному, благочинный—епархіальному начальству,

а послѣднее—окружному. Учитель, провѣдавъ про это, сталъ искать защиты и поддержки у своихъ друзей по кутежамъ, и когда попечителемъ учебнаго округа назначено было черезъ посланное имъ лицо произвести разслѣдованіе, то, хотя вообще прихожане дали неодобрительный отзывъ объ учителѣ и подтвердили сообщенное священникомъ, но оказались и голоса, отстаивавшіе учителя.

Борьба между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ перешла изъ Кіева въ сельское захолустье. Оба вѣдомства проявили въ этой борьбѣ достаточно энергіи, не всегда похвальной. Командированные „для разслѣдованія дѣла" чиновники—во главѣ ихъ директоръ 2-й Кіевской гимназіи Вилуевъ и самъ попечитель Витте, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старались заискать у скуратовской околичной шляхты (тогда еще не причисленной, какъ то скоро было сдѣлано, къ мѣщанамъ), стремились всячески склонить ее на свою сторону, пожимая этой шляхтѣ руки, величая ее г. г. дворянами. Епархіальное начальство, желавшее въ свою очередь показать, что „кіевское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія возвысилось предъ цѣлымъ свѣтомъ" (по словамъ митрополита Арсенія), проявляло большую нервность въ этомъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ, какъ всегда бываетъ, пострадалъ младшій, т. е. священникъ: ему было вмѣнено въ вину то, что у учителя нашлись сторонники среди его „конвивовъ", обѣлявшіе его, и оно рѣшило, такъ сказать, выдать его головою: послѣ признанія его дѣятельности по веденію школы весьма полезной и послѣ свыше сорокалѣтней безпорочной службы, ему предложено было перемѣнить приходъ.—Въ концѣ концовъ, доказана была полная моральная непригодность учителя, и онъ былъ удаленъ своимъ начальствомъ; священникъ же остался на своемъ приходѣ, но вся эта борьба, всѣ эти непріятности такъ разстроили здоровье старика, что онъ послѣ этого сталъ болѣть и вскорѣ скончался.

Еще до его смерти былъ назначенъ другой учитель, болѣе удачный, и совмѣстными трудами этого послѣдняго и священника запущенная при прежнемъ учителѣ народная школа была

опять приведена въ хорошее состояніе, что и было засвидѣтельствовано ревизовавшимъ ее Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Но это уже было время мирное, когда епархіальное начальство рѣшило прекратить безполезную борьбу изъ-за церковно-приходскихъ школъ. Будущее и ближайшее показало, что ему не подъ силу было вести своими только средствами народное образованіе. Вотъ весьма любопытныя слова, принадлежащія, по словамъ Н. X. Весселя, бывшему Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу Д. А. Толстому, которыя являются какъ бы судебнымъ признаніемъ „въ дѣлѣ“. „Знаете-ли“, говорилъ графъ, „что сдѣлала со мною екатеринославская епархія, съ своими 400 церковно-приходскими школами? Я просилъ губернское земство оказать пособіе этимъ школамъ, и оно изъявило полную готовность; но по справкамъ, на мѣстѣ, у благочинныхъ, оказалось, что всѣ эти 400 школъ существовали только въ отчетахъ, на бумагѣ“. (Русская Школа 1891 г. кн. 9).

Это не значило, конечно, что и всѣ церковно-приходскія школы существовали только „на бумагѣ“: свою, и весьма существенную, пользу дѣлу народнаго образованія духовенство, въ особенности въ началѣ 60-хъ годовъ, принесло; это значило только, что взваливать всецѣло на его плечи обязанность, прямо на немъ не лежащую, было и несправедливо, и непрактично—замѣчаніе, относящееся не только къ тему времени.

Проф. А Загоровскій.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

(*Окончаніе*).

XIV.

Якось выпало такъ, шо панычъ Ивась не бачывъ Орыси ажъ цилыхъ тры дни и черезъ те упавъ у таку тугу, шо не знавъ, куды ёму и дитысь и за шо ёму взятысь: спыта винъ шо-небудь батька, або матиръ, и самъ не зна, про шо винъ пыта и шо ёму кажуть на ёго пытання; визьмется за кныжку— покыне іи, стане на мисци и замыслытся; выйде на вгородъ— и самъ дывуется, чого и за-для чого винъ опынывся тамъ; пиде до якого-небудь дида,—не чуе, шо ёму и говоре той дидъ. Тры дни пронудывсь отакъ панычъ, неначе той злодій, шо въ тюрязи сыдыть. Тилько тимъ винъ и втишавъ себе, шо ось, якъ скоро настане кинець тыждню, то тоди вже, де-бъ Витрякы не булы, чы въ поли, чы на лукахъ, а звернутся до-дому. Звернется тоди и Орыся, и якъ звернется, то вже заразъ прыбижыть у свій садокъ, шо стоить обичъ зъ садкомъ паныча. Панычъ давно вже покынувъ душни кимнаты свого дому и перебравсь у садокъ, де, зробывшы соби изъ свижои травы та зъ пахучыхъ квитокъ лижко, сыдивъ тамъ и въ день, спавъ и въ-ночи. Отъ и теперъ, якъ тилько ничъ обгорнула своею темною габою и вси горы, и все поле, и все село,

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

панычъ давно вже сыдивъ у своёму садку и давно думавъ свои думы...

А ничъ, Боже велыкый, яка то була чудова ничъ! Не ничъ, а справжня Божа краса! Въ повитри стоявъ такый спокій, така тыша, неначе хто увесь мыръ божый чы замовывъ, чы зашептавъ, зачарувавъ... Тилько лыстячка стрункы́хъ та высокыхъ тополь, та й то ажъ на самыхъ на верхивьяхъ тонкыхъ гилочо́къ, злегенька тремтилы та таемно шепотилы промижъ себе, боячысь зворушыты велыкый спокій. На безмирному неби давно вже высыпалы та розсвитылысь ясни зори и давно вже пиднявсь высоко-высоко вгору блидолыцый мисяць, шо кыдавъ одъ себе ясне про́миння на зелени лыстя, на ро́сяни травы, на пахучи квиты и залывавъ увесь садокъ чаривнымъ, мнягкымъ та таемнымъ сяйвомъ. А пышни квиты, шо рослы та кохалысь у садку, напоени ночною росою, выдыхалы изъ себе таки чудови та пьянки пахощы, шо, здавалось, неначе бъ то зъ небеснои высочины спустывсь якыйсь-то чаривныкъ и, ставшы промижъ небомъ та землею, вытрусывъ изъ своеи запашнои рызы на сонну землю сами чысти и сами найпахучи пахощи. Тутъ же изъ кущивъ рай-дерева, назустричъ блескучымъ зорямъ та блидолыцёму мисяцю, неслысь чудови писни соловейка, шо, забувшы увесь свитъ, забувшы самого себе, забувшы звычайни свои потребы, плынувъ въ чаривныхъ спивахъ своихъ и замовлявъ и заговорювавъ нымы и пахучи квиты, и зелени травы, и шепотлыви лыстя на деревахъ... А дали, геть дали, за садкомъ, у густому та высокому жыти, тамъ хававкавъ та выбывавъ своимъ голосомъ невгаючный перепелъ, а ёму виддавало ыха его нижне подружжя, маненька перепелочка... Тамъ же десь за садкомъ, у густыхъ вербахъ, поныжче левады, свыстила ночна птыця—зелекъ, такъ видрывчасто, зъ перегодомъ, але жъ такъ голосно та такъ звонко та весело, неначе той срибряный та дзвинкый дзво́нычокъ, шо дзеленчыть та розлывается скризь и по верхивьяхъ вербъ, и по шпылю горъ и по всій нызыни левады, и дали виддается десь, ажъ-ажъ геть въ кинци села... А ще дали, ажъ пидъ самою горою, де вылыскувавсь на мисяци чыстый та довгый ставокъ, тамъ крукалы, кумкалы та брекекекалы жабы на всяки способы и на всяки лады: „кка! кка! кка! ккэ! ккэ! ккэ! ккэ! ккы! ккы! ккы! ккы!“... Не вважаючы на крыкы жабъ,

особше видъ ныхъ, балакала своимъ языкомъ пташка-сплюшка: „сплю! сплю! сплю! сплю! сплю! сплю“! А десь за сплюшкою гомонивъ пташокъ-пущыкъ: „поховать! поховать! поховать“!.. И все те жыло, и все те ворушылось, и все те, по своему, вело розмову та радило... Отъ тилько кого було мало й чуть, то це собакъ на сели... А про те тамъ десь, въ кинци села, гавкала одна собака, та тилько такъ нескоро зъ видночынкомъ: шо гавкне—та й перестане, шо гавкне—та й не догавка,—десь, мабудь, сердегу дримкы узялы; десь, мабудь, вона давно вже й заснула, и тилько самый языкъ іи робывъ те, за-для чого ёго прычеплено... Не чуть було ниде и людей: ничъ давно вже попоклала ихъ на лижко и давно вже обхопыла своимъ солодкымъ та мицнымъ сномъ... Не чуть никого, нихто й не шевкне...

Не спыть тилько одынъ панычъ, Ивась Краченко. Винъ сыдыть на ызенькій скамныци, шо самъ соби зробывъ, пидъ кучерявою вышенькою, и весь потопа въ своихъ думкахъ та гадкахъ. А думкы ёго не далеко литалы: не дали, якъ въ садку Витряка и коло... Шо це таке? Ось ёму здалось, неначе шось хруснуло у тому садку... Панычъ здригнувсь и ставъ прыслухатысь... Ось воно хруснуло и въ другый разъ. Панычъ зскочывъ зъ скамныци и пидійшовъ до тыну, шо роздилявъ садокъ Крачка одъ садка Витряка. Перехылывшысь черезъ тынъ, панычъ уздривъ у Витряковому садку Орысю, шо стояла коло дерева, неначе вся залыта яснымъ проминнямъ и неначе до чогось прыслухалась.

— Орысю, це ты? стыха спытавъ панычъ.

— Я, панычу! ще тыхше видказала Орыся.

Не вспила Орыся вымовыть ци слова, якъ панычъ вмыть проскочывъ черезъ суточкы, шо булы мижъ обохъ садкивъ, и вмыть опынывсь коло Орыси. Орыся уся ажъ здригнула, якъ побачыла коло себе паныча...

— Орысю, де це ты була, шо я тебе ажъ тры дни не бачывъ?

— На лукахъ громадыла сино зъ таткомъ.

— Орысю!

— Шо, панычу?

— Слухай, Орысю, я хочу тебе спытаты про шось.

— Пытайте, панычу, шо таке?

— Орысю, серденько, скажы мени правду, щыру правду...

— Та шо таке? Кажить бо швыдче, а то мени якось боязно робытся...

— Скажы мени, чы тоби хотилось ци тры дни бачыты мене?

— Охъ, паныченьку, якъ не бачыла васъ, то...

— Орысю, зиронько моя, чы нудно, чы тяжко тоби було?

— Такъ тяжко було, шо я й не знала, чы жыва, чы я мертва хожу по земли...

— Радисть моя, втихо моя! скрыкнувъ панычъ и, кынувшысь до Орыси, крипко стыснувъ іи рукы, а самъ, якъ у пропасныци, такъ и затрусывсь, ажъ неначе духъ у нёго сперло у грудяхъ...

— Охъ, паныченьку, голубчыку мій, шо це зъ вамы зробылось?

— И самъ не знаю шо, а тилько и палко и холодно мени; такъ не мовъ пропасныця, такъ изъ плечей и бере...

— Може жъ, вы хвори чымъ?

— Хворый, голубко моя! Серце у мене хворе!.. Орысю, чы любышъ ты мене? Скажы мени щыру справжню правду, якъ оце заразъ казала, бурцимъ-то дуже нудылась, довго не бачучы мене...

— Я не знаю, паныченьку, якъ то такъ—чы люблять, чы не люблять, а тилько... а тилько якъ я не бачыла оце васъ ажъ тры дни, такъ у мене серце розрывалось на шматкы... Зъ роду, зъ рода́-вику ничого такого не було зо мною, а це... Чы не пороблено мени шо? Може, це якый грихъ?

— Грихъ? Чого грихъ? Нема, знать, за́-що! Грихъ ображаты кого, грихъ узяты чуже, грихъ насміятысь зъ кого, а любыты... любыты не грихъ; самъ Господь повеливъ любыть...

Голубко моя, ясочко, рыбко моя, виддай мени твое серденько, полюбы мене такъ, якъ я тебе полюбывъ!..

Не диждавшысь видказу на свои благання, панычъ прудко ухопывъ Орысю за рукы, мицно прытысъ іи до свого серця и, неначе божевильный, почавъ цилуваты іи и въ губы, и въ очи, и въ щокы. А бидна Орыся одъ такого несподиваного нападу такъ злякалась, шо ажъ затрусылась уся...

— Ой, лышенько жъ мени! Шо жъ це воно таке? Та хиба жъ такъ можна? Та за це жъ велыкый грихъ!..

— Шо мени до того гриха? Я люблю тебе, я молюсь на тебе, я дыхаю тобою! Орысю, короливно моя, чуе серце мое, шо й ты щыро любышъ мене, а тилько боишся якогось-то тамъ гриха. Прыслухайсь до свого серденька, шо воно вищуе тоби, и скажы мени, ось тутъ, у цёму зеленому садку, пидъ цымъ небомъ, пры цёму мисяцю и пры цыхъ зоряхъ... скажы, чы бьется воно до мене такою жъ невгасымою любовію, якъ бьется мое до тебе?

— Паныченьку, голубчыку, риднесенькый, я рада за васъ душу свою виддаты, я рада за васъ зъ усихъ жылъ моихъ кровъ выточыты, а тилько чы це любовъ, чы це шо друге, я цёго й сама не знаю... Я чую тилько, шо безъ васъ мени смерть...

— Орысю, любко моя! На шо тоби та смерть? Я хочу, шобъ ты викъ жыла, викъ любыла мене, безъ краю и безъ кинця, такъ, якъ я тебе люблю...

И зновъ панычъ прытягъ до себе Орысю. Взявшы іи за тонкый станъ, винъ почавъ іи и голубыты, и цилуваты, и мылуваты, и до серденька прыгортаты. Теперъ Орыся не суперечыла панычу: поборовшы у себе першый страхъ, вона обхопыла паныча своимы рученятамы за шыю, прыпала до ёго лыця своимъ палкымъ лыцемъ та такычкы и впьялась ёму въ ёго глыбоки та таемни очи. Шепоче ёму на вухо, шо це грихъ, шо це соромъ, а сама цилуе ёго и въ вухо и въ щокы та ще дужче горнется до нёго... Каже, шо ій треба бигты та тикаты геть одъ такого гриха, а сама ніякъ не може одирватысь одъ

панычa та ще мицнійшъ обійма ёго за шыю своимы рученятамы... Хоче вона заплющытысь, шобъ не дывытысь на паныча, такъ сами жъ оченята іи зазыраютъ у чаривни очи ёго. И чуе Орыся, якъ все тило іи займается жаромъ, а серце наповняется якоюсь отрутою, такою палкою-палкою та пекучою-пекучою, але жъ и такою солодкою-солодкою, шо солодче іи десь и въ свити нема, та й не було.

А панычъ ще дужче обхопывъ Орысю, и ще палкійшъ прыпавъ до неи... А мисяць высокый, а зори далеки, почувшы любовну розмову, ще дужче замыготилы своимъ чаривнымъ сяйвомъ и ще яснійше заблыскотилы своимъ блескучымъ проминнямъ; а квиты пахучи, а травы цилющи ще бильше роспустылы свои солодки та пьянки пахощи и ще ряснійше розлылысь по захыстному садку...

Уже геть-геть далеко за пивничъ панычъ покынувъ садокъ Витряка и потыхеньку пролизъ черезъ суточкы у свій садокъ.

На другый день панычъ Ивась Краченко ходывъ по своёму садку такый веселенькый та щаслывый, неначе винъ писля тяжкои хворобы зновъ народывся на божый свитъ. И допрежъ того бувъ панычеви любый ёго садокъ, а теперъ ще любійше ставъ винъ ёму: кожный лысточокъ, кожна квиточка, кожна травычка осмихалысь ёму и виталы ёго найщырымъ витаннямъ... Однымъ тилько й журывся панычъ,—це тымъ, шо винъ упьять мигъ побачыты Орысю не ранійше, якъ тилько черезъ тыждень, бо у недилю, у-вечори, вона зновъ зъ батькомъ мала йихаты на лукы. Ну, та тыждень—не цилый же рикъ: чы такъ, чы инакъ, а можна жъ перетерпиты черезъ той тыждень, а тамъ зновъ настане субота, а въ суботу, у-вечори, зновъ зъявытся до-дому Орыся, а тутъ черезъ суточкы недалечко и въ садокъ...

Одначе, той тыждень здався панычеви не за тыждень, а справди такы за цилый рикъ. Писля того, якъ пойихала Орыся зъ дому у поле, така взяла ёго нудота, шо винъ чысто такы не знавъ, за шо ёму и взятыся и шо ёму зробыть, шобъ тилько себе розважыты. Стара пани Крачыха, дывлячысь на свого любого сыночка, якъ винъ то ухопе себе за голову, то прыложе до серця руку, то зитхне тяжко та нибы ажъ застогне, не

разъ пытала ёго, чы не болыть у нёго шо-небудь, чы не скучае винъ за городомъ, чы не бажае чого ззисты, чы не ремствуе на кого за яку образу,—такъ ни: Ивась заразъ же заспокое свою матусю и завирыть іи, шо ёму краще всихъ на свити жыты и шо винъ щаслывійшый надъ усихъ князивъ и королнвъ. И стара Крачыха видступытся видъ свого сыночка и тутъ же сама соби подума: „молоде ще, зелене, черезъ те й скуча; треба бъ ёго одружыты зъ якою-небудь паняночкою,—або зъ Дорею Овчаривною, або зъ Лесею Селезнивною, то тоди винъ и веселенькый стане".

А панычеви и гадкы нема про якихъ-сь тамъ паняночокъ: ёму якъ бы скорійшъ настала субота, а въ суботу звернулась до-дому Орыся... И бажання паныча збуваетсяі: настала субота, и Орыся справди звернулась до-дому, а якъ тилько ничъ накрыла усе село своимъ темнымъ крыломъ, то Орыся сама вже пролизла черезъ суточкы и швыденько опынылась въ садку паныча.

— Голубко жъ моя, ясочко, зиронько моя ясная, та чы це жъ ты, чы це тилько тинь твоя?

— Я, панычыку мій любый, я!

— Охъ, якъ же жъ и гирко мени було цей тыждень безъ тебе! Такъ гирко, такъ нудно, шо якъ бы ты сёгодня не звернулась до-дому, то я и не знаю, шо заподіявъ 'бы соби! Иды до мене, моя куриночко! Дай я озьму тебе на рукы, дай я понесу тебе скризь по всёму свиту! Я не дамъ тебе ни царевычу, ни королевычу! Я буду тебе любыты, буду тебе кохаты, буду безперечь дывытысь у ясни очи твои, буду молытысь на тебе, якъ на саму найсвятійшу святыню. Я бачу, я чую, шо моя душа зрослась зъ твоею душею, шо мое серце, злучылось зъ твоимъ серцемъ... Орысю, чы любышъ ты мене?

— Люблю!.. теперъ знаю, шо люблю!.. Люблю бильшъ усихъ на свити! Люблю такъ, шо и тило и душу и всю жысть мою рада виддаты вамъ, якъ вы захочете того.

— Орысю! Люба моя, мыла моя! Обнимы жъ мене своимы рученятамы, подывысь же мени въ очи, прямо въ мои очи, и

скажы мени. . скажы, голубонько, чы хочешъ ты буты моею дружыною?

— Охъ, панычeньку, соколыку, лебедыку мій! Охъ, краще не пытайте мене про це!

— Кажы, кажы, голубко моя! Якъ передъ самымъ Господомъ кажы!

— Панычeньку, люблю васъ, люблю бильшъ усёго на свити, а тилько якъ же жъ мени буты вамъ дружыною? Хиба воно вамъ до речи одружытысь зъ простою дивчыною селянкою?

— Шо мени та простота? Любовъ, щыра, некорыстлыва, чыста, свята любовъ усихъ ривня: вона ривня багатого зъ убогымъ, пана зъ мужыкомъ, городянына зъ селяныномъ. Кажы мени, кажы, чы хочешъ буты моею дружыною? Я все и всихъ за-для тебе занехаю...

— Панычeньку, любый мій, коханый, я буду вично, до самои домовыны любыты васъ, я ни на одну хвылынку не перестану думаты про васъ, а тилько... чы можна жъ тому статысь, шобъ вы булы моимъ чоловикомъ, а я була вашою жинкою? Якъ вы мене повезете у городъ? Якъ вы мене покажете панамъ? Шо я буду имъ казаты? Якъ я тамъ сяду? Якъ я тамъ гляну? Якъ я тамъ пройдусь и якъ я тамъ пройидусь?

— Орысю, колы ты мене справди любышъ, то ты выкынешъ це все изъ твоеи головы, а теперъ, шобъ ты бильшъ не вражала мене, такъ ось тоби за це, ось тоби!

И панычъ, обхопывшы Орысю, почавъ іи зъ велыкою жагою цилуваты и въ губы и въ щокы, абы бъ тилько вона замовкла.

— Панычу, панычeньку, постривайте, постривайте бо! Ось мени чуется, неначе шось ходе по той бикъ тыну, по нашому садку.

— Та шо тамъ ходе по вашому садку? Хто теперъ, у таку пизню добу, ходытыме по садку? Не пустю я тебе! Ось тоби, ось тоби! Задушу тебе поцилункамы, ажъ покы ты не скажешъ, шо будешъ моею дружыною...

Панычъ скочывъ на ногы и обхопывъ за станъ Орысю та тутъ же и замеръ на мисти; по той бикъ Крачкового садка стоявъ билый, якъ стина, старый Максымъ Витрякъ и дывывся якось жалисно на свою дочку Орысю и на панычa Ивася... Въ садку уже давно пересталы співать вси пташкы, пересталы стрекотить и вси комахы. Тыша стояла невымовна. Тилько биле-биле, якъ снигъ, прбминня одъ повного мисяця перелывалось скризь по всёму садку, по всихъ лыстяхъ, по всихъ гилкахъ и по всихъ квиткахъ, и тутъ же падало на блиде и застыгле, якъ той марморъ, лыце Максыма Витряка. А винъ стоить спокійно и нерухомо, неначе скамьянилый... Простоявшы такъ зъ хвылыну, чы зъ дви, Максымъ Витрякъ одступывъ одъ тыну, шо роздилявъ два садкы, и потимъ мовчкы, не промовывшы ни жодного сливця, повернувсь й выйшовъ геть изъ свого садка тыхою и нескорою ходою...

XV.

Чы казаты про те, якъ панычъ провивъ ничъ писля того, якъ розставсь зъ Орысею? Не ничъ то була для нёго, а справжня мýка. Усю ниченьку просыдивъ винъ пидъ вышнею, на скамныци, и хочъ бы на хвылыночку звивъ однымъ окомъ. Якъ тилько стало благословлятысь на свитъ, панычъ уже й скочывъ на ногы. Першою думкою було, шо и якъ зъ Орысею. Заглянувъ винъ у садокъ Витряка—тамъ ни души; подывывсь черезъ плитъ у двиръ—и тамъ те жъ саме; глянувъ на тикъ—тамъ ни возивъ, ни коней, ни клепалъ, на чимъ видбываютъ косы передъ тымъ, якъ косыты хлибъ: выдымо було, шо вси Витрякы ще зъ досвитка выйихалы зъ дому у поле. Тяжко-претяжко стало на души у панычa; коло серця неначе чорна гадюка обвылась товстою обручкою. Панычъ покынувъ свій садокъ и подавсь геть ажъ у Корніёвскый лисъ до дида Якова Метеля́, шо мавъ тамъ свою невелычку пасику. То бувъ не тилько розумный, а премудрый дидъ, и панычъ довго беседувавъ зъ нымъ

про всяку всячыну: и про небо, и про землю, и про ризни царства та князивства. Вже якъ сонечко повернуло зъ обидъ на пивдень, панычъ попрощавсь зъ дидомъ Метелемъ и вернувсь до-дому. А дома давно вже ждалы ёго батько та маты, та ще й ридна титка по матери, Катерына Мыхайловна Сынычка, шо прыйихала здалека до своеи сестры Ганнуси зъ тымъ, шобъ погостюваты у неи та побачыты свого небожа, Ивася Краченка

Весело и радисно витала Катерына Мыхайловна Сынычка свого небожа, дуже дывувалась тому, якый зъ нёго выйшовъ бравый та красовытый студентъ, и тутъ же, недовго думаючы, почала выхваляты ёму одну панночку, якусь-то тамъ Марусю Лисняkивну, шо була и красыва, и вчена, и багата и чесного дворянського роду.

Панычъ зразу зрозумивъ, куды закыдала ключечку ёго титка, але мовчавъ, неначе не тямлючы того.

— Ну, такъ якъ же жъ, Ивась? Теперъ такъ, шо пора уже тоби и свататься! Ось черезъ рикъ скинчышъ курсъ своеи наукы, то треба тоби и кубельце свое заводыты,—адже-жъ пора?

— Такъ рикъ же, титусю, це не день?

— Та й не десять рокивъ!.. А панночка Маруся Лиснякивна, кажу тоби, прямо такы королывна! Я якъ побачыла іи на ярмарку у Старому-Салтови та якъ сказала, шо у мене есть небижъ студентъ, бравый та красовытый, то вона такъ уся и зашарылась. А якъ мы уже выйиздылы зъ ярмарку, то вона, прощаючысь зо мною, килька разъ усе обнимала та цилувала мене!.. А якъ одъихала уже геть далеченько, то обернулась до мене та ще й крыкнула, шобъ прыйиздыла до неи у гости... Ну, такъ якъ же, Ивасю, чы пойидемъ?

— Та чого жъ мы, титусю, пойидемъ?

— Якъ чого? Ты парубокъ, а вона дивчына,—отъ и пойидемъ, подывымось...

— Ни, титусю, мени теперъ дуже заниколылось: треба онъ килька кныжокъ перечытаты та треба ще...

— Э, шо тамъ ти кныжкы! Кныжка не ведмидь, у лисъ не втече, а дивчына може и втекты. Тамъ же жъ и краля! И молоденька, и вчена,—тилько шо скинчыла науку, и прывитна, и ввичлыва, а сама така чепурненька та бравенька, якъ квиточка.

— Може воно, титусю, и такъ, а тилько якъ же жъ мени йихаты до неи, колы ни я іи не знаю, ни вона мене не зна.

— Отъ про шо журба! Та я васъ такъ зведу, шо вы й не счуетесь.

— Та, може жъ, вона мене не вподоба, або я іи!.. Я, титусю, оженюсь тилько на тій, яку полюблю. Мени, будь вона хочъ мужычка, хочъ селянка, абы тилько я іи полюбывъ, а вона мене.

— Э, це ты, любый мій небоже, выкынь геть изъ головы! На що жъ тоби було и вчыться, якъ на селянци женытысь? Нехай на ій женытся простый парубокъ, а тоби треба шукаты инчого сорту дружыну. Та ще й те: яке тоби та селянка прыдане прыдба?

— А на шо мени те прыдане?

— Якъ на шо? Чымъ же ты жытымешъ? Яки достаткы у твого батька та у матери? Воны увесь викъ свій бидують та калатаются, та й ты жъ того бажаешъ? Краще тоби одружытысь зъ панночкою та взяты за нею земельку та самому зробытысь велыкымъ паномъ, шобъ не гнуты спыны передъ другымы... А за тебе люба́ панночка пиде,—ты подывысь на себе, якый изъ тебе красень!..

— Ни, титусю, ваша ричъ мени не до мысли. Я краще одружусь на бидній та на простій дивчыни, нижъ на багатій та вельможній панночци, абы тилько мижъ намы була щыра любовъ.

— Дурнѐ, не зна ще, почому Савка й дёготь продае, а Хведиръ зъ паровыци силь, а про щыру любовъ балака!.. Каятымешся, голубчыку мій, навпосля, та буде пизно! Буде у тебе каяття, та не буде вороття!.. Чую я, шо ты зачепышся десь на

гыляци... Дизнаешъ тоди, по чимъ кившъ лыха... Зачучверіешъ такъ въ убожестви, що ти любощи гирше гиркои редькы тоби стануть.

— Шо буде, титусю, те й буде, а я до вашои панночкы Лиснякивны не пойиду.

— Пропащый хлопець! Згадаешъ ты мене колысь, та не разъ и не два... Ты хочъ подывысь на свого бидолашного батька, шо и день и ничъ працюе, изигнувшысь у тры погыбели, та на свою стару матиръ, що вже й чыспыци на полотни не баче черезъ слёзы та горе...

— Шо жъ, титусю? якъ Богъ дасть, я скинчу курсу та поступлю на службу, то я жъ не забуду ни батька, ни матери, и буду ихъ шануваты, якъ тилько зможу и якъ зумію.

— Ну, щасты тоби Боже на все добре! А я зъ тымъ и прыйихала оце до васъ, шобъ стать тоби у прыгоди та зробыть тебе щаслывымъ.

— Спасыби вамъ за це, ридна титусю, а тилько ваши речи мени не до мысли.

— Молодый ще, зеленый! Уматеріешъ, то инчу писню заспиваешъ, а теперъ у тебе ще фантазія гра...

Прогостювавшы ще днивъ зо два чы зо тры, титка зъ тымъ и одйихала.

Дуже вразыла стару Крачыху розмова іи сына зъ Катерыною Мыхайловною Сынычкою. И вона тежъ, прожывшы викъ въ убожестви и дизнавшы, шо таке есть бидность, хотила бачыты свого сыночка и багатымъ и щаслывымъ, колы ось почула одъ нёго таке, якого и не сподивалась почуть. „Хто жъ це воно та селянка, що прыпала ёму такъ до серця?.. Чы не Орыся Витрякивна?.. А хто жъ бильше, якъ не вона? дивка брава, хочъ куды! Та тилько хиба жъ вона до пары Ивасеви? Це все однаково, шо запрягты у одни голобли коня та рака... Та хиба жъ такы на це згодытся и старый Витрякъ? Винъ же чоловикъ розсудлывый и повыненъ взять у тямкы, шо такый шлюбъ бильшъ ничого, якъ нещастя обомъ“...

Довго думала стара Крачыха писля одйизду своеи сестры и надумала погомоныты зъ старымъ Витрякомъ на самоти. Про шо и якъ Крачыха балакала зъ Витрякомъ, то зосталось у неи въ глыбочыни души и про те вона не сказала ни словечка Ивасеви.

А Ивась, видцуравшысь видъ панночкы Лиснякивны, ще бильшъ ставъ думаты про Орысю Витрякивну. Жде—не дождется винъ, колы настане субота, шобъ зновъ побачытысь зъ Орысею... Ось настала и субота. Ось уже и ничъ простяглась надъ усимъ селомъ. Панычъ давно уже сыдыть у своёму садку и давно прыслухается, чы не хрусне де сучечокъ по той бикъ тыну, у садку Витряка. Одначе, скилько винъ не сыдивъ, а ничого не почувъ. Ничъ була темна-претемна, и по садкахъ скризь гулявъ вохкый витеръ, такый, шо наганяе дощъ. Уже й пивничъ пройшла, уже й розвыдняться почало, а панычъ усе сыдыть пидъ кучерявою вышенькою та все нетерпляче жде Орысю, а Орыси якъ не чуть, та й не чуть... Такъ и не лягавъ спаты панычъ усю ничъ. А якъ бовкнулы на дзвыныци до церквы, то панычъ ничого не здужавъ выгадаты, якъ тилько зибравсь та пишовъ до церквы побачыты Орысю. Одначе и въ церкви винъ не побачывъ Орыси. И уже идучы до-дому, писля службы, нагнавъ панычъ Павлуся Витряченка и тутъ одъ нёго дознавъ, шо Орыся буцимъ-то ще въ суботу пойихала у Лыпци до своеи слабои титкы, шо слабувала прыпаднóю болистю, и повынна зостатысь тамъ дóтиль, покиль титка іи хочъ трохы выдужае одъ своеи хворобы... Краще було бъ панычеви, якъ бы ёго хто шеменувъ ножемъ у серце, нижъ сказавъ ёму таку новыну...

Пройшовъ ще тыждень, а Орыси усе такы нема та й нема. Скоро дизнавъ панычъ одъ того жъ такы Павлуся, шо Орыся нибы-бъ то изъ Лыпцивъ повезла свою хвору титку ажъ у Кыивъ до печерь, а звидтиля пойиде зъ нею ажъ у Почаивъ. Страшно защымило у серци паныча, якъ винъ почувъ таки слова про Орысю одъ Павлуся!.. Чы такъ воно було, чы не такъ, а тилько бачыть винъ, шо ёму не диждатысь на цей разъ

Орыси. До того ще прыйшовъ и кинець ёго вакаціямъ. „Чого жъ мени сумуваты? Чого мени вдаватысь у тугу? Пиду до старого Витряка та скажу ёму те, шо маю на мысли. Хиба це стыдъ? Хиба це соромъ? Якъ не згожуется Орыся, то повыненъ згодытысь самъ Витрякъ. Чому вона мени не ривня? Хиба я не такый чоловикъ, якъ и воны? Богъ усихъ людей изъ одного сотворывъ, а це вже сами люде такъ поробылы, шо одни посталы паны, а други мужыкы“...

И якъ надумавъ панычъ, такъ и зробывъ; але зъ ёго думкы ничого не выйшло: одно те, шо винъ дуже довго не мигъ побачыты Максыма Витряка черезъ те, шо Витрякъ бильшъ знаходывсь у поли, нижъ дома; а друге те, шо Витрякъ бувъ такои жъ думкы про шлюбъ селянкы зъ панычемъ, якъ и ёго дочка.

„Иване Рыгоровычу, люблю я васъ, якъ ридного сына; люблю и поважаю, черезъ що не хочу бачыты васъ нещаслывымъ чоловикомъ; ваше панське жыття и наше, мужыче, иде ризнымы шляхамы; вамъ треба дружыну панського колина, а моій дочци—простого. Рубай дерево по соби—каже мудра людська прыговирка. Теперъ вы ще молода людына, теперъ у васъ ще кровъ дуже гра; теперъ вамъ усе здается не такъ, якъ воно буде здаватысь тоди, колы вы уматеріете та наберетесь свитового розуму. Иване Рыгоровычу, поважаю васъ, якъ чесну и святу людыну, а тилько скажу вамъ, шо якъ вы одружытесь зъ простою селянкою, то запобижыте соби велыкого горя; вамъ треба шукаты такои дружыны, шобъ вона була вамъ пидъ мысли та ще й до того могла запомогты вамъ своею порадою у вашій праци, яко вченого чоловика. А якъ же васъ зрозуміе и якъ вамъ запоможе проста та невчена дивчына? Ій треба дуже багато и розуму, и освиты, и хысту, шобъ поривнятысь зъ вамы! Иване Рыгоровычу, я уже старый чоловикъ, и кажу вамъ, якъ знавця чоловичого жыття, шо дуже мало буває щастя тамъ, де сходятся люде не одного стану, не однылъ мыслей и не одныхъ думокъ Вамъ треба, кажу, дружыну инчого стану, нижъ моя дочка. Рубай дерево по соби—ще

разъ нагадаю вамъ, шо въ цихъ словахъ велыка свитова правда"...

Отакъ одповивъ старый Витрякъ Ивасеви Краченку. И якъ Ивась Краченко не упевнявъ Витряка, шо винъ навчыть Орысю пысьменства и поривня іи до себе, и не дасть іи никому на посмихъ, Витрякъ не тилько не здавсь на таки речи паныча, а ще нагадавъ ёму про те, шо винъ повыненъ йихаты у городъ кинчаты свое учення. „У васъ йе, Иване Рыгоровычу, велыкый таланъ до наукы. Грихъ вамъ буде велыкый, якъ шо вы покынете науку; святе пысьмо каже: не загортай у землю свого талану, и якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зробы зъ нёго два; а якъ тоби дано два, то ты зробы зъ нёго тры".—„Знаю, Максыме Мыкытовычу; знаю добре, шо мени треба йихаты до наукы; знаю, шо щастя и мое и моёго батька та матери въ моій науци, але жъ щастя мое и коло вашои дочкы. Максыме Мыкытовычу! молю васъ и благаю, не сылуйте іи и не виддавайте замижъ, покы я не звернусь пислямого вчення. Може, у васъ тоди и инчій поглядъ буде и бильшъ жалю знайдется въ серци, нижъ теперъ"...

Глядючы на те, зъ якымъ паломъ говорывъ паничъ, якъ винъ страждавъ одъ свого горя, якъ прылыпавъ у нёго языкъ одъ мукъ до органи, якъ душылы ёго слезы, старый Витрякъ самъ ледве не зарыдавъ одъ слизъ и на розставанни, немовъ подаючы надію, сказавъ панычеви: „молиться Богу, то все гараздъ буде"...

Зъ тымъ и розлучылысь панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко та Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ...

Пидъ той день, якъ выйизжаты изъ Суныцивкы, панычъ усю ниченьку ни на одну часынку не задремнувъ и все ходывъ по садку та думавъ свои тяжки думы та дывывсь на ти мисця, де або сыдила, або стояла Орыся, та плакавъ, такъ плакавъ та рыдавъ, що ажъ неначе винъ розрывавсь на дрибни дрибкы... Чуть свитокъ, якъ панычъ уже й выйихавъ изъ свого села. За всю дорогу винъ не промовывъ ни жодного словечка своёму возчыку, и якъ сивъ у визокъ, то такъ и застыгъ, такъ и сы-

дивъ, неначе скамьянилый, ажъ покы не прыйихавъ до мисця... Черезъ два чы черезъ тры дни винъ бувъ уже у свого дядька, а тамъ черезъ тыждень повыненъ бувъ братысь и за науку.

XVI.

Важкый, дуже важкый бувъ для паныча останній рикъ учення, але все жъ такы винъ скинчывъ курса та ще й скинчывъ такъ, шо ёго обралы, якъ саму талановыту людыну, задля найвыщои наукы, и послалы далеко-далеко, ажъ кудысь за кордонъ, чы загряныцю, досягаты тамъ закордонного розуму та чужеземнои освиты. Дуже не хотилось панычеви йихаты у ту далеку та чужу чужыну, але и дядько ёго, и вси поважни учытели умовылы ёго йихаты за кордонъ и побуты тамъ не бильшъ, якъ пивроку. Хотивъ винъ, передъ тымъ якъ йихаты за кордонъ, зйиздыты до батька та до матери, у Суныцивку, и напысавъ имъ про те лыста. Такъ маты швыдко видпысала ёму, шо благословля ёго у далеку дорогу, и за батька видказала, шо й винъ дуже просе сына, не гаючы часу, йихаты за кордонъ, а тоди вже вертатысь до-дому. Мижъ инчымъ маты закынула ключку, шо буцимъ то іи сусида, Маруся Витрячыха, зъ дочкою недавно выйихала изъ села кудысь у далеку дорогу на прощу...

Довго мучывсь панычъ, довго нудывся винъ, а якъ не мавъ ничого робыты, то й пойихавъ за кордонъ. Пойихавъ зъ тіею думкою, шобъ пробуты тамъ багато—пивроку, а тамъ и до-дому, у свою Суныцивку. Одначе, не такъ воно склалось, якъ жадалось: якъ побачывъ винъ тамъ новыхъ людей, нове кыпуче жыття, нову прыроду, новыхъ учытеливъ, то, замистъ пивроку, прожывъ за кордономъ цилый рикъ, а повернувшысь у свій городъ, пробувъ ще й тамъ мало чы не пивроку черезъ рижни справы, шо здававъ винъ своимъ старшымъ. Уже сталы ёго имья друкуваты и въ часопысяхъ, уже почалы про нёго пысаты „Нашъ молодой ученый Краченко“; уже сталы покла-

даты на нёго велыки надіи, якъ на нову учену славетнисть, а у нёго усе жъ такы одна думка: якъ бы скорійше вернутысь у свою Суныцивку та добратысь до свого любого садка... А тамъ... а тамъ, шо Богъ дасть, те й буде...

Ось панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, теперъ уже „ученый и славетный мужъ“, нарешти йиде до-дому по давно знаёмому шляху одъ Муравчыка на Метелыкъ. Тры рокы уже пройшло зъ того часу, якъ винъ покынувъ Суныцивку. Шо то теперъ тамъ за тры рокы сталось? Чы все гараздъ? Чы все добре?..

Бувъ на сходи вересень мисяць, якъ разъ передъ святомъ Ивана Богослова, колы сунычане справляють у себе храмъ и ярмаркують ажъ цилыхъ два дни. На те-то свято и поспишався панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, бо винъ дуже любывъ селянськи ярмаркы, куды зйизжалысь и сходылысь люде изъ усякыхъ селъ, у рижній одежи и зъ осибною вымовою. Зъ велыкою нетерплячкою сыдивъ панычъ у визку и все гукавъ на поштаря, шобъ дужче пидбадёрювавъ та поганявъ свои кони, хочъ ти кони и безъ того ледве не навзаводы неслысь по шырокому шляху, збываючи своимы ногамы пылюгу.

Даремно буде розсказуваты про те, якъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко прыйихавъ до-дому, якъ ёго стрилы батько та маты, якъ стари зрадилы, побачывшы свого сыночка, якъ сплакнулы одынъ передъ однымъ... Дуже хотилось Ивану Грыгоровычу заразъ же роспытаты своихъ старыхъ про Максыма Мыкытовыча Витряка та про Орысю Витрякивну, але чы винъ не насмилывсь спытаты, чы боявся, шобъ не почуты чого лыхого про Орысю, а тилько зъ тымъ и лигъ спаты, залышывшы свое пытання до другого дня.

На другый день панычъ пиднявсь зъ лижка дуже рано и заразъ же выскочывъ изъ господы на ґанокъ. Ранокъ бувъ чудовый: сонечко тилько-тилько шо выткнулось изъ-за горкы и засяяло такъ весело и такъ пышно, мовъ тая молода та чаривна красуня, шо вбырается до винця. На двори було дуже морозно и черезъ те и увесь двиръ, и увесь садокъ, и увесь дахъ господы,

и вси покривли повитокъ булы вкрыти билою та блескучою наморозью; а повитря було таке чысте та прозирне, якъ тилько воно бува саме по осены, уже тоди, колы настають перши прыморозкы и колы ствердіе верхня шкаралупа земли. Середъ двору стояло чымало усякыхъ возивъ, де спочывалы, прыкрывшысь зверху свыткамы та кожухамы, возчыкы, шо прыйихалы за панамы у гости до старыхъ Крачкивъ. И вси ти возы, и вси ти возчыкы, и ихъ свыткы, и ихъ шапкы—усе те такожъ прысыпано було билою наморозью и блескотило пидъ веселымъ проминнямъ ласкавого та веселого сонця.

Оглядившы прыроду окомъ чутлывого художа, панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко вернувсь у кимнаты, прыбравсь, якъ треба було у таке свято, и потимъ зъ дому пишовъ прямо до церквы зъ тіею думкою, шобъ побачыты тамъ усихъ своихъ знаёмыхъ и мижъ ными кого-небудь изъ Витрякивъ,—якъ не саму Орысю, то Павлуся. Простоявъ винъ усю вутреню, простоявъ и всю службу, а никого изъ Витрякивъ не запрымитывъ и зъ тымъ выйшовъ изъ церквы и пишовъ ходыты по ярмарку. Селянськый ярмарокъ повсигда бувъ любый серцю паныча, и винъ охочый и ладенъ бувъ ходыты по нёму хочъ увесь день, то прыслухаючысь до народнои мовы, то прыдывляючысь до облыччя людей и усякыхъ рéчей, шо выставляются на ярмарку. Такъ и теперъ панычъ скилько годынъ блукавъ по ярмарку, завертаючы у коженъ куточокъ та заулочокъ, до всёго доглядаючысь и до всёго прыслухаючысь. А народу-народу на тому ярмарку, такъ неначе муравы, шо ни пробигты, ни пройихаты ни жадною мирою неможна. И все то рушается, и все то сунется, неначе плавомъ плыве; тамъ сей, тамъ той, и все то крычыть, гомоныть, божытся, клянется, запрысягается, торжытся та прыциняется... Тутъ же чымало и пидпылыхъ людцивъ, та другый спива, а де-яки обгорнулы старця зъ трындыбаломъ, та ото вже й вывертають закаблукы наперѐдъ нискивъ...

Уже туды геть-геть, якъ наставъ справжній ярмарковый розгардіяшъ, панычъ, добре натоптавшысь по ярмарку, вый-

шовъ изъ нёго геть и потягъ до-дому. Сумувавъ и шкодувавъ винъ тяжко черезъ те, шо не вбачывъ никого изъ Витрякивъ. „Шо це воно за знакъ, шо ни въ церкви, ни на ярмарку невыдко нико́го изъ Витрякивъ? Воны жъ уси таки богомильни та богобоязки, а про те никого и въ церкви не було! Ну, нехай тамъ старый,—винъ теперъ, може, вже дуже слабый ставъ, а шо жъ молоди“?.. Такъ самъ себе пытавъ панычъ, идучы зъ ярмарку до-дому глухою стежкою одъ церквы черезъ выгинъ. Винъ знарошне пишовъ черезъ выгинъ, шобъ пройтысь повзъ Витрякового садка. Ось помынувъ винъ пански бурты; ось помынувъ паламаривъ, потимъ попивъ городъ и тилько шо выткнувсь изъ-за Полущыного току, колы ось назустричъ ёму нихто, якъ сама Орыся Витрякивна. Панычъ якъ уздривъ Орысю, такъ и охолонувъ, такъ увесь и заколотывсь...

— Орысю! Орысю! Та це ты?

А Орыся неначе й не баче, неначе й не чуе того, шо назустричъ ій иде іи любый та коханый панычъ та ще про щось тамъ и пыта.

— Орысю! Орысю! Постій! Пидождьі! Ты, мабуть, не пизнала мене? Я жъ Ивась Краченко! Я жъ твій... Орысю!!.

А Орыся усе жъ такы йде своею стежкою и не зупыняется передъ панычемъ, а тилько шось тамъ мурмотыть сама соби та все чогось осмихается та розводе рукамы.

— Орысю! голубко моя! Шо жъ це зъ тобою сталось? крыкнувъ несвоимъ голосомъ панычъ та й кынувсь раптомъ до своеи коханкы, якъ кыдается часомъ птыця до своихъ пташенятъ, колы баче ихъ у велыкій небезпечности...

Тутъ тилько Орыся зупынылась на хвылынку и неначе-бъ то стала прыслухатысь до голосу панича. Панычъ глянувъ ій у сами очи—и вментъ, зъ велыкымъ жахомъ гетъ одхыльнувсь одъ неи: передъ нымъ стояла божевильна людына зъ каламутнымы, померклымы и безцвитнымы очыма и зъ страшнымъ поглядомъ... Тутъ панычъ не стерпивъ... не стерпивъ и зарыдавъ... Зарыдавъ такымы гарячымы, такымы гиркымы слизьмы, якымы винъ зродá-вику и не плакавъ и не рыдавъ... А Орыси

и байдужисенько до панычa: стоить вона соби та тилько одмахуется одъ когось рукамы та то осмихнется та прыщулытся, то пидiйме голосъ та гризно на когось посварытся.

— Орысю! Орысю! Глянь же ты на мене, прыдывысь! Я жъ твiй панычъ! Я жъ твiй Ивась!

— Геть, одiйды одъ мене, сатано!.. Охъ, горе, горечко мени! Одлетила одъ мене душа моя! Де моя душенька гуля? Га? А, онъ-де вона, ондечкы вона лита! Пустить iи до мене! Я iи нагодую, я iи своимъ ротомъ накормлю! Пустить мене, не спыняйте! Я пиду до панъ-отця,—нехай винъ мене посповида! Нехай винъ упусте мою душу у гришне тило мое! Геть одiйды одъ мене, супостатъ!..

Кынувшы гризный поглядъ на панычa, Орыся рантомъ зирвалась зъ мисця и прудко пишла дали, на ярмарокъ.

Прыгниченый такымъ страшнымъ и несказаннымъ горемъ, панычъ ледве-ледве поволикъ ногы до-дому. Якъ винъ доплывсь до-дому, шо винъ казавъ и шо винъ робывъ дома, того винъ и самъ не тямывъ. Стара Крачыха ажъ уся затремтила, якъ побачыла, якый блидый та страшный вернувсь до-дому iи Ивась. Iй невдогадъ було, шо трапылось зъ iи сыномъ. Вона соби думала, шо винъ стилько верстовъ пройихавъ изъ города додому, потимъ простôявъ усю службу въ церкви, а до того ще такъ довго вештався по ярмарку, и черезъ те такъ заслабъ. Вона заразъ же одвела ёго въ дальню кимнатку и, перехрестывшы трычи, велила гарненко видпочыть и ничымъ себе не трёмать. „Я казала тоби, сынашу, ось не йды ты зразу на той ярмарокъ, такъ не послухавъ; не набрыдло тоби дывытысь на нёго змальству“?

Уже на другый день ранкомъ выйшовъ панычъ изъ своеи кимнаткы до батька та до матери, и якъ выйшовъ, то неначе винъ тилько шо вернувсь изъ самои лютои баталiи: такый винъ бувъ зъ выду замученый. Про свою стричу зъ Орысею Витрякивною винъ ни словечка не сказавъ ни батькови, ни матери, хоть и дуже ёго мучыло роспытаты, черезъ шо и якъ спиткало Орысю таке страшне лыхо. Уже навпосли панычъ то видъ су-

сидъ, то видъ своеи наймычкы, Вивди Сокырчыхы, шо дивувала колысь умисти зъ Орысею, дизнавсь про все жыття та про ту лыху годыну, яка спиткала безталанну Орысю. На сели люде балакалы багато, а доводу, окримъ Вивди Сокырчыхы, нихто панычеви не давъ.

Черезъ рикъ писля того, якъ panычъ покынувъ Сунвщивку, по-осени, Орыся Витрякивна выйшла замижъ изъ села Сунвщивкы у хутиръ Коноваливку, шо за тры верствы одъ Сунывщивкы. Якъ гралы весилля, то вона такъ плакала, такъ гирко та тяжко рыдала, шо чысто було на вдывовыжу всимъ людямъ. Ажъ трычи вона зрывала зъ себе очипокъ, шо надивають молодій на голову замисть винка, и трычи кыдала ёго геть видъ себе. И батько іи, старый Максымъ Витрякъ, такый уже бувъ смутный та невеселый, шо ледве не зомливъ, якъ ставъ благословляты свою дочку до шлюбу... Чоловика Богъ давъ Орыси гарного, Стецька Журбу, тилько одно, шо винъ дуже смырный та плохый бувъ,—такъ неначе мала дытына: и облычча у нёго дытяче, и голосъ якыйсь-то тонкый та слабый. Казалы, шо то черезъ те, шо винъ ще молодый та нежонатый бувъ, а якъ оженытся, то сыльнійшый и бравійшый зробытся. Одначе, и писля ожениння винъ такый же зоставсь, якъ и ранійшъ бувъ... И не злюбыла жъ ёго черезъ те Орыся! Такъ не злюбыла, шо почала що-дня ходыть изъ Коноваливкы въ Сунвщивку, до батька та до матери. И якъ прыйде було до-дому, та якъ увійде у свій садокъ та якъ почне плакаты та рыдаты! Та такъ плаче, шо й чужому чоловикови, та й то жалко було на неи дывыться. Жыве було у батька день, жыве два, тры дни и цилый тыждень жыве, а чоловикови іи до того и гадкы нема. И що дали—то гирше. Нарешти Орыси такъ остогыдивъ іи чоловикъ, шо вона надумала и овси покынуты ёго. Якъ батько та маты ни упевнялы іи, шобъ не ходыла изъ Коноваливкы у Сунвщивку, а жыла бъ зъ чоловикомъ дома, прынатурылась до нёго та кукобыла-бъ ёму у ёго хазяйстви, такъ де тамъ! Терпила-терпила сердешна, а дали зибралась та й подалась геть

ажъ у городъ зъ тіею думкою, шобъ забуты тамъ свое люте горе...

Довго Орыся блукала по городу, довго шукала тамъ забуття; ставала вона тамъ и до купцивъ, и до панивъ то за горнышну, то за куховарку; одначе худко кыдала ихъ и зновъ шла та тынялась по городу; тутъ вона дизнала, шо таке есть и холодъ, и голодъ; тутъ вона не разъ латана, чы быта була, тутъ вона бачыла килька панычивъ, и бравыхъ и красовытыхъ, та вси воны не те, не те, шо любый та гарный іи Ивась... „Пропаду отутечкы, середъ базару, а въ село не пиду!.. Краще жъ я овси свою душу у мелясивци утоплю, нижъ отакъ страждать та мучытысь мени на божому свити"!.. И почала Орыся топыты свою душу у мелясивци, се-бъ то хапаты гарячого до слизъ та залываты имъ свое люте горе...

Безперестанне шукання, безперестанна остуда, гирке піяныцтво, незвычайне жыття зробылы те, шо Орыся не знесла и на-прыкончыни стратыла свій розумъ.

Спочатку личылы Орысю десь у шпыталю, а потимъ якъ дизналы, шо вона запевне збожеволила и шо ій уже не малось буты повороту, перевезлы іи до „сумашедшого дому". Тутъ продержалы іи килька мисяцивъ и, впевнывшысь, шо вона изъ смырныхъ, выпустылы на волю и одправылы у волость.

Уси тоди, уси и видцуралысь и видкаснулысь одъ безталаннои молодыци, и тилько одынъ старый Максымъ Витрякъ не забувъ своеи коханои дытыны: пойихавъ винъ до волосты, знайшовъ тамъ свою дочку у холодній, на соломи, обирвану, обшарпану, обстрыжену пры самій голови, узявъ іи, прывизъ до-дому, одягъ, обхаючывъ и помистывъ у старій хати. Самъ у ту стару хату ходывъ, самъ и поивъ, и годувавъ, и прыбиравъ усе за дочкою, та все молывъ та благавъ Бога, шобъ Господь вернувъ бидоласи іи розумъ! Такъ де тамъ! Лежыть вона цилисенькый день у старій хати и не йисть, и не пье, и не ворушытся. Якъ батько дасть йисты—йисть, якъ дасть шо пыты—пье. Тилько якъ и выйде було, то выйде у свій садокъ, та й то бильшъ надъ-вечоры́. И якъ выйде оце у садокъ, то заразъ же

стане пидъ вышенькою та й дывытся на молодого дубка, шо стоить у садку Крачка, и тутъ же сама соби сміется и сама соби шепоче: „Панычу, паныченьку мій, любый мій, соколыку ясный мій! Чы й ты такый, якъ *той*? Га? Чы й ты такый? Кажы! Очи таки-жъ блескучи та таемни, якъ и у *того*!.. Чы й мова у тебе така? Га? Чы й мова така? Така, така сама, якъ и у *того*! А чы й ротокъ невелычкый такый? Га? Такый, якъ есть такый, якъ у Ивася! Визьмы жъ мене до себе! Прыгорны мене! Прыголубъ мене!.. Ни, це не *той*! Геть видъ мене—ты не *той*! Геть видъ мене, сатано! Ты тилько облыччамъ схожый зъ *тымъ*, а душа твоя и серце не *ти*! Одійды одъ мене, супостатъ! На шо ты хресты зъ церковъ здіймаешъ? На що ты чоловичу кровъ пьешъ? На що ты чоловиче мнясо йись? Чому ты душу мою въ церкву не пускаешъ? О—охъ! Душа моя, душа моя, куды-жъ ты одъ мене летышъ? А! Онъ куды вона, онъ! Пустить мене! пустить на сповидь до панъ-отця"!..

Такъ безщасна Орыся стоить було у своёму садку та, обхопывшы рукамы вышеньку, плаче та прычытуе. Сусиды Максыма Витряка и бачылы и чулы те не разъ та й не два, а тилько не розумилы того, до чого воно йшла та ричъ бидолашнои молодыци. „Кровъ збынчувалась,—казалы,—такъ вона ума тронулась и черезъ те ничого не тяме"... Розумила тилько трохы Вивдя Сокырчыха, а найбильшъ розумивъ панычъ Ивась Краченко.

Лыхо, шо спиткало Орысю, такъ вразыло паныча Ивася Краченка, шо винъ не выдержавъ... не выдержавъ и захворивъ.

Трохы не мисяць простраждавъ панычъ видъ гарячкы и ледве-ледве не вмеръ... Якъ уставъ винъ зъ лижка писля хворобы, то бувъ такый немочій, шо насылу тягавъ ногы по земли.

Була уже пизня осинняя доба. На двори стояла густа-прегуста мла и черезъ ту млу мрячивъ дрибненькый дощъ. Старый Крачокъ бувъ у садку и городывъ тамъ новый тынъ. Панычъ Ивась выйшовъ тежъ и соби у садокъ, шобъ подывытысь, якъ-

то тамъ ёго батько городе тынъ. Прысившы на ныженькому сучку старои вербы, панычъ завивъ балачку зъ батькомъ про те, якъ бы добре було пидсадыты у садокъ молодыхъ деревъ та провесты въ нёму прямисеньки стежечкы та ще й на весну невелыку пасику завесты.

— Вамъ же жъ це ничого не коштуе, тату, бо у васъ на всяке дерево легка рука: вербу уткнулы, такъ нарбкомъ, абы-якъ, то й росте; яблуню, и та жыве.

— Усе зроблю, сынку, усе буде такъ, якъ ты того бажаешъ, абы-бъ ты тилько скорійшъ поправлявсь одъ своеи хворобы та жывый та здоровый бувъ.

Такъ сыдыть на сучку панычъ Краченко та й балака зъ своимъ батькомъ, колы це чуе, десь оддали, тамъ ажъ геть на выгони, спивають шось сумне.

— Шо це тамъ, тату, таке?

— Дякы спивають „Со святымы упокой"...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? спытавъ панычъ та й пиднявсь зъ сучка на ногы, шобъ подывыться на выгинъ.

Густа мла не давала ёму розглядиты, хто йшовъ за труною мерця. Винъ тилько бачывъ, шо труну неслы зъ церквы прямо на кладовыще и шо за труною йшло чоловика чотыри-пьять и мижъ нымы неначе-бъ то дыбало шось дуже старе...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? зновъ спытавъ панычъ свого батька.

— Та це... та це... и самъ такы не знаю, хто тамъ такый и есть! видказавъ якось такъ нехотя старый Крачокъ.

— Та й мла яка густа, шо й роздывыться не дае! А дай лышень я выйду по стежци на выгинъ та подывлюсь, шо воно тамъ таке есть...

— Краще-бъ тоби, сынашу, не ходыть, а то якъ бы ты не втомывсь та зновъ не захворивъ...

— Ни, тату, я потыхеньку, та й дальше валу я не пиду.

Панычъ пиднявсь зъ сучка и, пидпыраючысь ципкомъ, подыбавъ черезъ коворотъ по стежци на выгинъ. Винъ запевне не дійшовъ до кладовыща, а выйшовъ тилько на выгинъ та й

прысивъ тамъ на валу, шо выведенъ бувъ на прыконеччи выщого горбда Крачка. Ось и зновъ гучно роздавсь въ ёго вухахъ сумный спивъ, а на закинчання голосно пронеслась скризь по выгону и „Вѣчная память"... Панычъ пиднявсь зъ мисця, знявъ шапку и перехрестывсь: „Упокой, Боже, душу раба твоего"!.. Одначе, хто жъ це такый умеръ?

Такъ стоить панычъ коло валу та самъ себе и пыта, колы ось прямо на нёго иде та сама невелычка купка людей, шо ховала мерця! Спершу выявывсь изъ млы одынъ чоловикъ, потимъ другый, дали третій, дали... дали... ззаду всихъ дыбавъ сывый, якъ молоко, згорбленный та тремтячый Максымъ Витрякъ и поручъ зъ нымъ шкандыбала стара Маруся Витрячыха...

— Максыме Мыкытовычу, та се жъ вы?! Кого жъ це вы?! скрыкнувъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ та й поточывсь до валу, шобъ не впасты на землю...

Старый Витрякъ замистъ видмовы на таке пытання, нешвыдко наблызывсь до паныча, нешвыдко простягъ до нёго рукы, потимъ обхопывъ ёго за шыю та такъ и зарыдавъ, положывшы свою старечу та сыву голову на ёго плече... Гирко плаче старый Витрякъ, а ще гирше плаче панычъ.

Насылочку-насылочку одирвавъ свого сына одъ Витряка старый Крачокъ и ледве-ледве довивъ ёго зъ выгону до-дому...

Писля такои прыгоды панычъ прохворавъ ще килька день, але молода натура и щырый батькивськый та матерынськый доглядъ одрятувалы ёго и на сей разъ, и черезъ килька тамъ день панычъ уже ходывъ по двору, и по току, и по садку вильно, хочъ на серце ёго налягло вичне и страшенне горе... Теперъ винъ давъ самъ соби зарикъ и самъ соби поклявсь— усю свою мицъ, усю свою кебету, усе свое жыття посвятыты ридному, украинсько-руському людови, ёго освити, ёго справи, ёго потребамъ... Ще черезъ килька день панычъ попрощавсь зъ батькомъ та зъ матерью, попрощавсь зъ своимъ засыротилымъ садкомъ, гирко оплакавъ могылу безщасной та безталанной Орыси и, взявшы грудку земли зъ іи могылы, подавсь у городъ до наукы..

XVII.

Одна теперъ, одна-едына зосталась надія у старого Максыма Мыкытовыча Витряка,—на останнёго сына Павлуся. Це у нёго бувъ хоть и меньчый одъ усихъ, але найрозумнійшій изъ усихъ сынивъ сынъ. До того жъ винъ бувъ велыкый пысьмакъ и чытавъ та пысавъ такъ, якъ нихто у всёму сели. Не вжывавъ винъ ни горилкы, ни тютюну; не блукавъ винъ зъ хлопцямы ночнои добы по завгороддяхъ, а на вулыцю до дивчатъ такъ и не кажы, шобъ колы пишовъ; не любывъ винъ и гброда, бильшъ любывъ село, а надъ усёго любывъ чытаты кныжкы, а зъ усихъ кныжокъ найвыше поважавъ святе пысьмо.

— Бабо, бабо! Чы довго вы будете лежаты та набиратысь духу на печи? Теперъ же, кажуть люде, лито! Злизлы бъ зъ печи та пишлы бъ до церквы.

— Пора, кажешъ, умерты? Эге, трясця твоёму батькови въ печинкы!

— Та ни, за шо вы лаетесь? Я кажу, пишлы бъ до церквы! Тамечкы меньчый сынъ Витряка, Павлусь, та онъ якъ чыта на крыласахъ! Вывчывсь пысьменства, и такый зъ ёго грамотій, шо куды тамъ и нашому паламарю нечытайлу—Будяку.

Такъ крычавъ глухій та старенній баби Дудукальци, шо перейшла уже на девьяностый рикъ, іи правнукъ Демко Дудукальчѐнко.

— Кажешъ, Павлусь Витряченко вывчывсь мошенства?

— Оце ще лыхо! Глуха, мовъ справди тоби та тетеря! Вывчывсь, кажу, пысьменства!

— Эге, пысьменства! А хиба те пысьменство та не доведе до мошенства? Кому и якъ воно пиде въ руку. Инчому на пожытокъ, а инчому на загынокъ!... Нехай слуха ёго велыкорозумный Витрякъ, то, може, дизна, шо воно есть той справжній пысьмакъ...

Але самому Максыму Витряку байдуже було до того, шо плескала тамъ стара баба Дудукалка. Теперъ давне та святе ба-

жання ёго збулось—бачыты хочъ одного изъ сынивъ своихъ пысьменнымъ. Теперъ уже старый Витрякъ не то що кожне свято, а и кожный вечиръ будня, писля скйнчання роботы, мигъ слухать, якъ ёго Павлусь, росклавшы быблію, чыта то про праведного Іова, то про царя Давыда, то про пророка Исаію, то про побожного Лазаря. Старый такъ и впывается у свого сына та все слуха слова Божого, та все набырается розуму, неначе та дирчаста губка, укынута у воду. Чытають сынъ та батько святе пысьмо та тутъ же й пытають одынъ одного, тутъ же й подиляются своимы мыслямы. Инколы прысяде коло Павлуся и стара Маруся тежъ послухаты святе пысьмо; слуха вона та хыта головою та иноди и сплакне, якъ почуе шо-небудь дуже вразлыве.

Такъ-то дожывавъ свои останни дни старый Максымъ Витрякъ зъ найменьчымъ сыномъ своимъ Павлусемъ. Часто згадувавъ винъ и про старшыхъ своихъ сынивъ, и про бидолашну дочку Орысю; згадувавъ, молывся за впокой ихъ душъ и тутъ же невпынно плакавъ старечымы слизьмы. Зъ тымъ, може бъ, и скинчывъ Максымъ Витрякъ свое важке та гирке жыття, маючы утиху въ найменьчимъ сыни своимъ. Такъ ни жъ, прокляте лыхо, неначе та вйидлыва миль, якъ уже уйистся въ що, то вже буде ёго точыты, буде ёго нивечыть, ажъ покы усёго не поточе и не понивече...

Зъ давныхъ давенъ село Суныцивка була дѐржавою панивъ Голованивъ. Колысь ти паны булы и дуже багати, и дуже славетни, такъ шо ихъ зналы не тилько на Слобожанщыни, але й далеко за Слобожанщыною, ажъ тамечкы десь у Рассѣи, пидъ самою Москвою. Жылы ти паны, якъ звычайно жыты панамъ, дуже гучно и бучно; тилько докы у ихъ булы крепакы, доты воны не зналы ни биды, ни горя; а якъ те крепацтво було скасовано, то хутко прыйшовъ кинець и Голованямъ. Останній панъ крепацтва, Иванъ Мытровычъ Головань, маючы повсигда нужду въ грошахъ, швыдко писля воли почавъ продаваты свою земельку усякымъ охочымъ до неи людцямъ. Спершу винъ іи збувавъ невелычкымы клаптямы,—то тамъ Грыцькови Драпчаку, шо бувъ колысь у нёго за старосту, то тамъ батюшци Горобцю; а то вже,

якъ прызнавъ винъ, шо земля—це одна тилько рахуба для пана, надумавъ продаты іи усю цилкомъ, и продаты не мужыкамъ, а нимцямъ—колоныстамъ, черезъ те, шо нимци и дорожче платять, и грошыкы уси одразу виддають. А це саме найлюбійше дило: грошыкы черконувъ, та й сюды, якъ той король, не думаючы ни про те, чы буде у тебе, чы не буде урожай, ни про те, чы стане на хлибъ цина, чы не стане.

Якъ надумавъ панъ Голованъ, такъ и зробывъ, и ось скоро—недовго, замисть руського пана, оселывсь у Суныцивци якыйсь тамъ нимець Нейхвельдъ, нимецькои виры.

Гай, гай, шо то воно теперъ у насъ на Вкраини й повстало? Де воно теперъ у Бога те й панство наше подилось? Якъ було крепацтво, то було й панство, а якъ те крепацтво увирвалось, то все, шо у панивъ було, такъ заразъ и загуло. Та ще жъ такы, покиль стари жылы, дотиль хочъ земелька у панивъ була. А то вже, якъ старыхъ не стало, то... Э, шо й казаты! Шо батькы збиралы, то диты прогулялы... Хутко теперъ піймають усю землю мужыкы та нимци!... Страшна, братця, сыла ти нимци! Багато и славно жывуть воны у насъ, на Вкраини. Усе то народъ зрослый та здоровый, а на морди брытый та червоный, якъ мисяць на витеръ. Жинкы у ихъ, хочъ и сухи якъ гылякы, а якъ понадивають на себе платтивъ та кохбтъ, та якъ понакгукгошуются, такъ таки зъ ныхъ рахмани выйдуть, якъ не знать-шо,—дарма, шо инча якъ розберется, неначе чапля на болоти стане... Э, дуже замйжный народъ ти нимци! Усёго у ихъ и въ-достачъ, и вдосыть: худобы тіеи, чы товару, чы коней, чы овечатъ,—такъ такого, якъ ракивъ вареныхъ у видри, та все те дуже, та высоке, та гладке, та здорове. У хозяйстви у ихъ скризь и доглядъ и порядокъ; хлиборобна справа у ихъ и прыдатна, и добренна, и згидна, та й наймытамъ у ныхъ не погане жыття: наймытъ у нимця хочъ и добре робе, такъ зате жъ ийисть добре,—тежъ саме и за тымъ же столомъ, шо йидять та пьють и сами нимци—хазяинй. Та й обертается нимець до наймыта не по-звирячому, а по-людському: усе такъ тыхо та смырно та

зрозумлыво. Того-жъ то такъ охоче иде́ до тыхъ нимцивъ у наймыты нашъ братчыкъ, селянськый людъ. Уже у того нимця хочъ и наробышся добре, такъ за-тежъ и одийисыся добре та й грошыкы визьмешъ добри, бо винъ повсигда куды бильшъ плате, нижъ нашъ панъ.

Тымъ-то такъ посунулы и сунычане до тыхъ нимцивъ: хто у наймыты, а хто зъ тымъ, шобъ побачыты, яка у ихъ справа, яка худоба, яки порядкы, яка поведенція. Частенько заходывъ до ихъ и Павлусь Витряченко: одно те, шо винъ цикавывся жыттямъ нимцивъ; друге те, шо винъ инколы корыстувався де-якою справою ихъ: то бравъ тамъ віялку, або плуга, то позычавъ тамъ гармана, штандарынъ, або букаря; а трете те, шо нимци осилысь недалечко одъ Витрякивъ, тилько шо черезъ дорогу, по ныжчій перей села.

Частенько буваючы у нимцивъ, Павлусь Витряченко ставъ прыдывляться до ихъ жыття и до всіеи ихъ поведенціи. Дуже цикавыло ёго дознаты, якъ воны жывуть, чымъ воны дышуть, чымъ радіють, въ шо воны вирують и якъ саме вирують.

Дывно ёму було те, шо у ихъ ни попивъ, ни дякивъ, ни церковъ не було, а одначе уси воны жылы и по правди, и по божому: ничого и ни въ кого не чипалы, ничымъ и николы одынъ одного не обижалы, ніякымы и николы не займалысь поганымы диламы.

Уже пройшло бильше року, якъ нимци Нейхвельды осилысь у Суныцивци. Невелыке те уремья—рикъ, а тилько велыка змина почувалась у сели. Де-хто изъ простого люду ставъ выявляты таки мысли про ризни людськи справы та про суспильне жыття, яки допрежъ того и въ голови не помищалысь ни въ кого...

Старому Максыму Витряку давно вже було не до вподобы те, шо ёго Павлусь учащае до нимцивъ. Давно уже не чуе винъ свого чытача, шо було чытае и пидъ свято и въ саме свято божественну кныжку: теперъ то ёму дуже заниколылось, то ёго нема дома, то винъ десь загубывъ кныжку свою та ніякъ не знайде іи...

— Слухай сюды, сынку, шо я тоби хочу сказаты! якось обернувсь старый Витрякъ до свого Павлуся.

— А шо, тату?

— А отъ шо: ты уже, хвалыты Бога, теперъ хлопець на пори, такъ тоби часъ вже подуматы и про те, шобъ... Мы зъ твоею матирью не тилько шо стари, а вже ветхи люде, такъ часъ тоби, сынашу, погадаты и про те, шобъ одружытысь... У тебе яка про це думка?

— Та шо жъ, тату? Воно шо такъ, то такъ, а тилько...

— А тилько шо?

— А тилько те, чы до мысли буде мени моя дружына?

— Треба браты таку, шобъ була до мысли...

— А де жъ таку взять?

— Отъ яка турбота? Якъ уже такъ казаты, то цёго цвиту по всёму свиту.

— А воно-жъ, тату, и такъ можна казать: не женывся— веселывся, оженывся та й пропавъ.

— Боронь, Боже! На що жъ тоди й женытысь, якъ пропадаты?

— А хиба зъ нашымы жинкамы та зъ нашымъ закономъ неможна пропасты? У насъ чоловикъ за поригъ, а жинка за пыригъ... У насъ, тату, не те, шо у нимцивъ; у ихъ и жинкы слухнянійшъ, нижъ у насъ, и законъ легше, нижъ нашъ, якъ шо чоловикъ захотивъ бы зъ недоброю жинкою розійтысь; та й обряду того нема, якый у насъ на шлюби бува... А шо вже у насъ писля весилля робытся, якъ бабы почнуть усяку нисенытныцю прыспивувать, такъ одно стыдовья та й годи... У нимцивъ ничого такого овси не поводытся.

— То нимци, сынашу! Нехай воны по своёму и шлюбъ свій справляють, а мы будемъ по своёму справлять. Не намы воно заведено, не намы й выведется. Мы зродá-вику православнои виры, и намъ нимци зъ ихъ вирою не вказъ.

— А хиба, тату, якъ нимецька вира, такъ то уже й не вира?

— Ни, воно усяка вира есть вира, а тилько до чужои виры намъ дила ніякого нема... Я не про те кажу,—я тилько кажу про те, шо мы повынни своеи виры держатыся, а нимци своеи,—отъ про шо!... Та й не съ цёго у насъ балачка почалась... Чому ось тоби не дивка Докійка Семененкова?

— Дивка, тату, якъ дивка, а тилько... Тату! Я буду вамъ вично служыты и за робитныка, и за куховарку, а тилько вы мене не невольте на таке дило!...

— Та Богъ зъ тобою, сыну! Я й не думаю тебе неволыты! Я тилько про те, шо й лита твои таки, и старисть наша така, шо давно вже велять тоби сповныты законъ... Шо жъ мы называемось и за родытели, шобъ не думаты про щастя своихъ дитей?...

— Въ закони, тату, сказано: „Могій вмѣстити да вмѣститъ“.

— Въ закони, сынку, и такъ сказано, шо Богъ благословля чоловика множытысь и володиты усіею землею... Ну, та Господь зъ тобою! Неволыты чоловика—велыкый грихъ... Охъ, Орысю, Орысю, донечко моя коханая! Нехай же надъ тобою земля перомъ лежыть!.. Якъ надумаешся, сынку, гарненько, то тоди и сповнышъ законъ, а теперъ бороны тебе Боже одъ усякого гриха!..

И зновъ Павлусь Витряченко гуля нежонатымъ, и зновъ винъ тилько шо не що дня загляда до нимцивъ. Нимци повсигда ласкаво стричають ёго, повсигда ввичлыво витають, а якъ лучытся иноди Павлусеви зайты до ныхъ въ обидню пору, то воны и посадовлять ёго за стилъ и назвутся ёму усякою стравою. Тутечка, за йижою,—а йисты нимци не овси сипшать,—тутечка воны ведуть розмову про божественни дила та про свитови справы, а писля йижы и не молются и не хрыстятся, та й хрестыться у ихъ нема на що, бо й богивъ овси нема... Одначе, и якъ сыдять воны за столомъ, и якъ устають, то все роблять и чынно, и порядлыво, и звычайно. Чы прыйде Павлусь до нимцивъ у будень, чы прыйде у недилю, а все у ихъ одынъ порядокъ, тилько шо у недилю воны не роблять ніякои роботы, и чытають еван-

ґелію и чытають кожный по порядку, и тутъ же кожный, хто чымъ цикавытся, пыта про те другого, и якъ другый не зна того, пыта третёго... Та й не одно святе пысьмо цикавыть нимцивъ: воны чытають и рижни часопыси, черезъ шо знають не тилько те, шо робытся у руському царстви, але й те, шо діется у другыхъ царствàхъ та князивствáхъ. И въ свято нимци усе жъ такы жывуть по-божому: ни сваркы, ни бійкы, ни блуда, ни піячества.

Пильно доглядався до всёго того Павлусь Витряченко и, самъ не хотячы того, робывъ поривняння жыття нимцивъ до жыття своихъ селянъ: у цилому сели не знайдется ни жодного такого симейства, и замижлывого, и порядлывого, и непытущого та й такъ освиченого, якъ симейство нимця Нейхвельда. А шо? Може, зъ Нейхвельдомъ поривняется суныцивськый пипъ, або суныцивськи дякы? Эге-жъ! Не про те воны й думають, не про те воны й балакають, та не такъ воны й роблять...

— Знаете, тату, шо я надумавъ?

— Ни, сынашу, не знаю!

— Я хочу занятысь по столярськім часты! Вы, тату, того и не подумаете, якый майстеровый чоловикъ меньчый сынъ старого Нейхвельда, Якубъ?

— Та й не подумавъ такы!

— Эге жъ, а винъ добре столяруе!.. Такъ я оце хочу дечого навчытысь у нёго...

— А шо жъ? Це добра ричъ! Рукомесло за плечыма не носы́ть...

— Такъ я хочу, тату, шобъ у себе и майстерню зробыть и шобъ не я до нёго, до Якуба, а винъ до мене инколы заходывъ.

— А де-жъ ты ту майстерню зробышъ?

— У старій хати,—не де! Треба тилько іи прыбраты задля того, та, шо залышне, вынесты геть.

Отъ и почавъ Павлусь прыбираты стару хату. Спершу всёго вынисъ винъ зъ неи богы и почепывъ ихъ у новій хати.

А дали... а дали винъ и не знайшовъ, шо бильше прыбирать. Постановывъ невелыкый верстакъ та й край...

И почавъ ходыть до Павлуся, бильше всёго надъ вечоры, молодшый сынъ Нейхвельда, Якубъ. Працюють воны тамъ у двохъ и балачку ведуть промижъ собою та все бильше зъ пысьма. Спершу Павлусь обертавсь до Якуба по-украинському, а дали навчывсь балакать и по-нимецькому; спершу, якъ кажуть тамъ, черезъ пьяте—десяте, а потимъ уже такъ, шо й овси добре... Инколы зайде було у майстерню и старый Максымъ Витрякъ; зайде, подывытся на працю Якуба та Павлуся и похвале ихъ обохъ; а воны промижъ собою усе по-нимецькому, усе по-нимецькому цвенькають, та такъ, шо старый слуха-слуха, а дали пиднимется зъ мисця та й пиде соби геть, дывуючысь, якый-то у нёго цикавый сынъ, шо й ремество швыдко перенявъ и мовы нимецькои хутко навчывсь: „Гм., якъ бы я його бувъ у науку мигъ виддать,—зъ нёго бувъ бы чоловикъ... Онъ якъ винъ по-нимецькому! Не то, шо я, гришный чоловикъ, шо ни бе, ни ме, ни кукурику, а винъ онъ якъ"!..

Навчавсь Павлусь и рукомесла, и мовы, и де-чого инчого, а тилько вже одъ свого ридного русько-украинського, де дали, тымъ бильше видхылявсь; и одягатысь почавъ уже не такъ, якъ справжни селяне, и волосся почавъ инакше пидстрыгать, та й ходыты неначе почавъ не такъ, якъ звычайно ходять украинськи парубкы...

Та й не одынъ Павлусь Витряченко переймавъ де-що одъ нимця Якуба. Зразу якъ видкрывъ Павлусь у себе майстерню, то прыйде було до нёго чы одынъ, чы другый парубокъ, подывытся та швыдко й назадъ; а потимъ, де дали—все бильше та бильше, и швыдко почалы ходыты парубкы разъ-по-разъ до майстерни Павлуся и почалы перейматы и соби усе нимецьке. Увійде оце парубокъ у хату, стане на порози, пидниме въ гору руку, шобъ перехреститысь на образы, та заразъ же, не бачучы въ хати ни жодного образа, и руку свою долу опусте. Спершу це дуже подывля новака, а потимъ, що дали, то бильшъ прывыкае винъ до того, и вже у нёго и бажання того нема,

шобъ, увійшовшы въ хату, пидвесты въ гору руку та перехрестыты соби лоба, якъ воно поводытся у православныхъ хрыстіянъ, и тоди вже витаты господаря на „добры-день"... И ци хлопци, яки цикавиши, тежъ швыдко навчаются балакаты по-нимецькому и тежъ швыдко переймають у нимця и одежу и усякы звычаи, а свое ридне хають и забувають.

Такъ усю зиму и протоварышувавъ Павлусь Витряченко зъ Якубомъ Нейхвельдомъ, и уже якъ пройшла зима та наставъ велыкый пистъ, то тутъ уже треба було Павлусеви подуматы про инше шо.

— А шо, сынашу, колы у тебе думка говить?

— Та я, тату, ще й не думавъ про те!

— Эге, ты не думавъ, а я вже давно думаю: я говитыму такъ шо на першимъ тыждни, а ты вже на другимъ.

— Та тамъ, тату, якъ выпаде: чы на першимъ тыждни, чы, може, на третимъ.. А колы, тату, будемъ быты симья на олію?

— А колы? Треба, мабуть, на другимъ тыждни, сынку.

— Такъ якъ же жъ це, тату? Зъ тымъ же си́мьямъ треба буде йихаты ажъ у Лыпци, бо у насъ, у Суныцивци, и олійныци ни въ кого нема?

— Та такъ шо, мабуть, треба буде йихаты ажъ у Лыпци.

— И це жъ, тату, дило таке, шо ёго за день, або за два не вхопышъ у рукы.

— Шо такъ, то такъ!

— Такъ я, знаете, тату, шо зроблю?

— А шо ты зробышъ, сынку?

— Пойиду у Лыпци, тамъ симья зибью, тамъ же, у базари, и залышокъ оліи продамъ, тамъ же, якъ нагодытся хто, и макухы збуду, та тамъ же жъ такы и одговіюсь, бо въ тыхъ Лыпцяхъ, якъ самы, тату, знаете, ажъ тры церквы.

— Ну, шо жъ? говій и въ Лыпцяхъ! Тамъ хочъ у тій церкви, де батюшкою Илья Билякъ,— у него и одговіешся соби зъ Богомъ.

Ото пройшовъ першый тыждень, наступывъ и другый, и Павлусь Витряченко посунувсь у Лыпци зъ симьямъ. Збувъ винъ тамечкы симня, продавъ олію, попродавъ макухы, узявъ за все те добри грошн та й зъ тымъ и до-дому, а про говиння неначе й забувъ...

— Ну, шо? Якъ тамъ тоби, сынашу, трапылось у Лыпцяхъ?

— А, ничого, тату,—усе було добре!

— А говивъ ты?

— Гм!... А якъ же!

— Ну, поздоровляю тебе!

— Спасы... гм!.. спасыби вамъ, таточку!... А шо жъ це не выдко на двори нашого пивня?.. то пакъ: де жъ це наша маты, шо ихъ не выдко?

— Та шось не здужае: якъ лягла на пичъ, та й доси и зъ хаты ніякъ не вышнябае.

— А я имъ ось платокъ чорный купывъ...

— Добре, сынашу, робышъ, шо матери не забуваешъ— Господь и тебе не забуде.

— А вамъ, тату, шапку нову купывъ.

— Э, сынку, мени вже пора свичку про смерть носыть, а не то що шапку нову...

— Богъ зъ вамы, тату, шо це вы говорыте?..

...И впьять Павлусь засивъ у своій майстерни и впьять до нёго почавъ учащать Якубъ, а де-колы, то й Павлусь пиде до Якуба. И якъ прыйде Павлусь до Якуба, то вже винъ тамъ неначе справди свій чоловикъ: и балака по-нимецькому, и чыта зъ нимцямы нимецьку евангѐлію, и йисть зъ нимцямы, те-жъ саме, шо й воны йидять, и такъ усе робыть, неначе винъ и родывсь, и хрестывсь, и зрисъ умисти зъ нимцямы, и неначе винъ овси и не знавъ ни свого уставу, ни своеи дидивськои виры, ни своеи украинськои справы...

XVIII.

Одначе и на сей разъ недовго товарышувалы Павлусь Витряченко та Якубъ Нейхвельдъ; ось незабаромъ прыйшла страстна недиля. Тутъ уже старый Витрякъ та стара Витрячыха що-дня почалы ходыть до церквы, а Павлусеви усе якось выпадало або дома, по хазяйству клопотаты, або до млына швыденько побигты, або до кузни пойихаты. Тилько инколы, у-рядыгоды, винъ зберется та заяве батькови, що нибы-бъ то тамъ идé до плащаныци, а самъ замисть того опынытся у нимцивъ...

Ось наставъ и Велыкдень. Павлусь и тутъ пидвивъ такъ, шобъ ёму зоставатысь дома, а старымъ иты до церквы, бо боронь Боже якои прыгоды, або якои напасты злодіивъ, що пидъ такый день часто крадуть у добрыхъ людей кони, то де жъ тамъ старымъ справыться зъ тымъ?... Стари, запевнени цымъ, такъ и ришылы—самымъ иты до церквы, а Павлусеви зоставатысь дома.

Боже, Боже, якъ-то радисно и якъ-то весело зробылось на души у Максыма Витряка, якъ винъ увійшовъ у церкву та почувъ, що и у вивтари и на крыласахъ заспивалы „*Хрыстосъ воскресъ*!...“ И никóлы-жъ такы, николы, скилько памьятувавъ самъ себе Витрякъ, не почувавъ винъ въ соби такого духовного веселія, якъ у цей самый Велыкдень!.. Стоить винъ у церкви и неначе бъ то винъ не въ церкви, а десь ажъ на самыхъ небесахъ и чуе винъ спивы не людей, а самыхъ божыхъ янголíвъ, що витають увесь земный людъ велыкымъ витаннямъ „*Хрыстосъ воскресъ*!..“ Стоить винъ и не чуе пидъ собою нигъ, не чуе за плечыма своимы старосты, не чуе у кисткàхъ своихъ ныття́ ніякого, а чуе тилько, що у нёго течуть изъ очей скризь, и по щокахъ, и по бороди, радисни слёзы, а самы вуста ёго шепочуть радисни для всёго мыру слова „*Хрыстосъ воскресъ*!..“

Ось божественна служба скинчылась, и тутъ уси люде почалы мижъ собою хрыстосуватысь. У такый велыкый день у церкви було повнисенько народу. Кожный чоловикъ обходывъ

церкву и хрыстосувавсь зъ другымы. Обійшовъ усихъ и старый Витрякъ. Тамъ сей, тамъ той, та кожного витае Витрякъ, зъ кожнымъ трычи цилуется и миняется пысанкамы. Багато побачывъ винъ тутъ и старыхъ дидивъ, и старыхъ бабивъ, и середнихъ литъ дядькивъ; тилько молодыхъ хлопцивъ шось мало запрымитывъ у церкви Витрякъ,—отъ хочъ бы й тыхъ, шо ходылы усю зиму до нёго у майстерню... Мабуть, де-яки на цвынтари, а де-яки стережуть домивку, такъ якъ и ёго сынъ Павлусь...

Радисно старый Максымъ Витрякъ и стара Маруся Витрячыха вернулысь зъ церквы до-дому; радисно силы воны й за стилъ. Уже тутъ, сыдючы за столомъ, якъ згадалы воны про трёхъ старшыхъ сынивъ своихъ та про бидолашну дочку Орысю, зробылось имъ дуже тяжко на серци. Не сказалы воны про це одынъ одному ни словечка, а тилько поглянулы одынъ на одного, и у обохъ нарйнулы слёзы на старечыхъ очахъ... За те жъ ще дорогше здававсь имъ теперъ останній ихъ сынъ Павлусь... Писля розговиння стари звычайно видпочылы трохы, а потимъ сталы прыбыратысь, шобъ зустриты батюшку зъ дякамы, шо ходылы по хатахъ зъ хрестомъ.

Уже батюшкы обійшлы усю ныжчу перею села, уже завернулы воны одъ Жабокрюкивкы и на выщу; ось уже наблыжылысь воны и до хаты Максыма Витряка. Старый Максымъ Витрякъ уже давно выйшовъ за ворота и давно стоить безъ шапкы, дожыдаючы батюшку зъ дякамы. И якъ тилько батюшка выйшовъ изъ двора сусида Витряка, Максымъ Мыкытовычъ уже й назустричъ ёму: пидійшовъ до нёго пидъ благословеніе и мерщій повивъ ёго до господы. Въ хати батюшку стрила стара Маруся Витрячыха и за нею Павлусь. Стара тежъ пидійшла пидъ благословеніе до батюшкы и дала дорогу Павлусеви. А Павлусь стоить середъ хаты и не зъ мисця,—неначе укопаный у землю. Батюшка самъ пидійшовъ до Павлуся и поблагословывъ ёго, а Павлусь, одхыльнувшысь назадъ, зробывсь блидый-блидый, мовъ та крейда. Старый Витрякъ пыльно поглянувъ на свого сына, ніякъ не зрозуміючы, шо таке зробылось зъ нымъ.

— Мабуть, прытомывсь черезъ службу на Велыкдень та й доси кýняе! зауважывъ батюшка, обертаючысь до старого Витряка.

— Та то вже такъ,—выбачайте, батюшечка! Теперъ молбдяжъ уся така хыра.

Батюшка не звернувъ велыкои увагы на вчынокъ Павлуся, та й нíколы такы ёму було звертать, бо тра було ще чымало дворивъ обійты, а тамъ ще й до вечерни иты. Одначе, якъ тилько батюшка выйшовъ за ворота, то старый Витрякъ, вернувшысь у хату, заразъ же и приступывсь до Павлуся.

— Що це зъ тобою сталось, Павлусь?

— А шо таке?

— А те, шо ты не хотивъ до батюшкы пидъ благословення пидійты?

— Не хочу я пидходыть до нёго пидъ благословення!

— Якъ це такъ? Шо це ты? У своимъ ты розуми?

— У своимъ, тату!

— Такъ шо жъ це ты?

— А шо жъ винъ таке, шо до нёго треба прыкладатысь?

— Якъ шо таке? Хиба ты не знаешъ? Винъ же духовный пастыръ нашъ!

— Духовни пастыри не повынни такъ робыты, якъ воны роблять!

— А якъ же винъ робе?

— Такъ робе, шо... Якъ винъ у насъ одивець, то и повыненъ жыты одивцемъ, а винъ... Ну та я не хочу ёго судыты, а тилько такъ не можна робыты. Та хиба вы цёго самы не знаете?

— Э, сынку, сынку, то вже ёго грихъ, и за те винъ самъ дасть видповидь Богови, а наше дило усе-жъ такы чтыть ёго, яко намисныка Хрыстового на земли.

— Ни, тату, ни!.. Я на це незгоденъ, и моя душа не мырытся зъ нымъ!.. Якъ же винъ буде сповидать чоловика зъ такымъ же грихомъ, якый на нёму самому есть? И яке винъ дасть наставленіе чоловикови, колы самъ ще гришнійшъ одъ

ёго?.. Це у насъ не пипъ, а одынъ грихъ тай годи! Чого винъ тилко не выробля на сповиди? Якый чоловикъ не дасть ёму копійкы за сповидь, то винъ схопытся зъ ослинця, пійма чоловика за грудкы та на всю церкву и крычыть; „Давай копійку! Давай мени копійку за сповидь“!.. И хочъ бы вже бувъ чытака, або спивака, якъ слидъ, а то якъ выйде на середъ церквы кныгу чытать, то мовъ каменюку грызе,—нихто ёго й не розбере: двадцять годъ служе, а й доси, якъ слидъ, не наломывсь. Вы ондечкы, тату, казалы ще мени, шобъ я говивъ у Лыпцяхъ у Ильи Биляка, а чи вы жъ знаете, шо той Илья выробля? Э, та шо тамъ и казать.

— Не вси жъ, сынку, таки, якъ Илья Билякъ. А чомъ тоби не пастырь ось хочъ пысаряньскый батюшка Колчановськый, або покровчанськый Ващынськый?

— Такъ на цихъ же двохъ пастыривъ, шо вы кажете, тату, та двисти два инчыхъ, такыхъ шо про ихъ якъ розсказаты тилько половыну того, шо воны выробляють, то нихто й не повире...

— Охъ знаю, сынку, знаю! Знаю бильшъ, нижъ ты знаешъ, а все жъ такы нехай воны будуть ще въ десятеро гришнійшъ, а не намъ ихъ судыть: воны мають власть одъ Бога надъ нашою совистю и надъ нашою душею.

— Хто, тату, мае власть? Та ни одынъ чоловикъ не мае власти надъ нашою совистю и надъ нашою душею, окримъ насъ самыхъ!

— Шо це ты говорышъ, сыну? Цёго я одъ тебе зъ рода́вику не чувъ! А то бъ то ты супроты духовныцтва, чы шо?

— А хочъ бы, тату, и такъ?

— А якъ же жъ то такъ? Уже жъ безъ духовныцтва неможна на свити жыть! Отъ хочъ, напрыкладъ, говиты, то тутъ уже-жъ треба иты до духовныка? Ты жъ якъ бувъ у Лыпцяхъ, то ходывъ же говить?

— Тату, грихъ у мене велыкый передъ вамы на души! Я... я, тату, я... не говивъ... Я обманювавъ васъ... и це страшенно

мучыло мене... Тилько я ніякъ не мигъ насмилытысь, шобъ сказаты вамъ про це... Це мій велыкый, страшный передъ вамы грихъ... Я зъ родà-вику николы и ни въ чому не обманювавъ васъ, а тутечкы... тутъ я передъ вамы согришывъ...

Якъ бы передъ старымъ Максымомъ Витрякомъ вментъ блеснула огняна блыскавыця и вментъ гримнувъ зъ неба велыкый гримъ, або якъ бы передъ нымъ одразу провалылась и загула земля, то винъ, здается, меньче бъ здывувавсь и меньче злякавсь, нижъ теперъ одъ такыхъ словъ Павлуся... Витрякъ ажъ килька хвылынъ простоявъ нерухомо, мовъ скамъянилый... и все дывывсь на Павлуся, шыроко росплющывшы очи... Уже потимъ, черезъ килька хвылынъ зъ-перегодомъ, Максымъ Витрякъ, на сылу та на превелыку сылу поборовшы себе, грізно спытавъ свого сына:

— Такъ шо жъ ты таке есть? Чы ты злодій, чы ты катъ, шо видцуравсь видъ батька, видъ матери та видъ усіеи ридни?

— За шо жъ вы мене, тату, такъ вражаете? Злодіи, тату, не таки бувають! Хиба той, хто не впывается горилкою, не хапà поганого зилля та не паскуде имъ своеи души, хто не краде чужого добра, та не верзе скверныхъ словъ, хиба, тату, той, хто не гришыть проты сёмои заповиди, и овси ще не зна цёго гриха, хто любе и батька и матиръ свою, хто не бажа зла другому чоловику, хиба, тату, той злодій, або катъ?

— Такъ шо жъ ты таке есть?

— Я, тату, я... справжній хрыстіянынъ!

— Якый же ты хрыстіанынъ и яка у тебе вира? Чы не така, якъ у нимцивъ, шо оце коло насъ жывуть?

— А хочъ бы й така?

— А!.. Такъ отъ шо! Це бъ то ты прыставъ до штундыстивъ! Такъ отъ чого ты учащавъ до нимцивъ! Це нимци и прызвелы тутъ усю штунду!..

— Та вы шо-жъ думаете, тату, про штунду? Шо таке, по вашому, есть штундыста? Вы обдерить ёму шкуру, усе чысто, то винъ вамъ ничого не скаже, скаже тилькы: „Богъ зъ тобою“! Отъ то и есть штундыста! Вы думаете, якъ штундыста, то винъ

й уже ледащый чоловикъ? А ни въ кого нема такои сылы празныкивъ, якъ у церковныкивъ: воны и выгадують ихъ за-для того, абы бъ тилькы поменьче робыть. Штундыста тилькы й празныкуе, шо на Риздво та на Велыкдень та въ недилю кожкого тыждня. У церковныкивъ празныкы та посты—та и вся вира. А на вищо ти посты? Це даремна выгадка супроты слова Божого, шо каже: „не входящее въ уста скверныть чоловика, а исходящее изъ устъ". У штундыстивъ и цёго нема. Я жъ вамъ кажу, шо вира штундысты,—то и есть справжняя вира.

— У шо жъ ты вируешъ, колы ты справжній хрыстіянынъ? Яка твоя вира? У Хрыста ты вируешъ, шо винъ есть сынъ Божый, шо винъ родывсь, страждавъ, умеръ и воскресъ на спасеніе людей? У церкву святу православну ты вируешъ?

— У Хрыста я вирую, шо винъ воскресъ божествомъ, а не тиломъ,—тило його таке-жъ тлинне, якъ и тило другыхъ людей. Я вирую, шо Хрыстосъ есть любовъ, шо винъ заповидавъ намъ не грабуваты, жыты прыязно, подилятысь своимъ добромъ, не видомщаты зломъ за зло, прощаты ворогамъ, покирно переносыты усяку уразку, не важытысь на землю бильшъ того, скилькы іи треба за-для насушного жыття, цуратысь роскошивъ та памятаты те, шо багацтво та сыла роблять зъ чоловика раба страстей, а не справжнёго хрыстіянына. Отъ у якого Хрыста я вирую!.. У церкву рукотворну, зроблену рукамы чоловика, я не вирю. Церква—два, тры чоловикы, и Хрыстосъ зъ нымы,—то й церква. „Аще гдѣ двое или трое глаголютъ во имя мое, Азъ тамъ пребываю!.." Церква повынна буть у серци кожного чоловика,—отъ де церква!

— Отъ така твоя вира! А то, шо въ церкви—образы, хоругвы и друге, ты прызнаешъ за святе?

— Тату! Прызнаваты образы за святе, це, по моёму, прямо супроты пысанія и древнёго и нового завиту: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія на земли!.." Шо тымъ образамъ молытысь, якъ воны тижъ дошкы и тыхъ же гришныхъ людей? Якъ воны и глухи и слипи очыма? Якъ воны и не бачуть, и не

чують, и не розуміють ничого? Такъ яку жъ воны можуть помичъ податы чоловикови?

— Такъ онъ яка твоя вира!.. Боже, Боже, шо це я чую! И це мій сынъ таке говоре?... А въ святе хрещеніе вируешъ?

— У хрещеніе, те, якымъ попы малу дытыну хрыстять, не вирую! Пипъ хрыстыть, абы тилько гроши брать,—я й самъ охрестю и меняя дамъ, якъ и винъ. То не есть хрещеніе. Хрещеніе есть то, колы чоловикъ на зрости, якъ и самъ Хрыстосъ, прынародно поминытся щырымъ словомъ жыты та робыты такъ, якъ повеливъ Хрыстосъ. А не хочешъ робыты пры людяхъ, не робы й того, бо то тилько одынъ обрядъ и не въ нёму головна сыла: треба хрестытысь жывою, а не мертвою водою, про яку нагадувавъ Хрыстосъ коло колодезя самарянци. Ото то и есть справжне хрещеніе!

— А якъ же знамено Хрыстово? Жывы до зросту и не клады на себе знамено?

— А на шо жъ ёго, те знамено, на себе класты? Воно есть спомынъ тыхъ мукъ та тіеи шыбеныци, на якій розипьялы Хрыста! Такымъ знаменомъ люде тилько вражають Хрыста у серце, якъ кладуть ёго на себе.

— Господы праведный, шо це я чую?.. А якъ же сповидь? а якъ же прычастя?

— А шо сповидь? У рукотворну церкву я сповидатысь не пиду! Я дамъ сповидь Богу духомъ, мыслямы та зариканнямъ, шо бильшъ не буду творыты злыхъ дилъ, якъ ранійшъ того творывъ. У насъ есть одынъ надъ усимы Отець на небесахъ,— Ёму и сповидай свои грихы, а не попови, бо пипъ такый же гришный чоловикъ, якъ и вси. Тутъ ни церква, ни пипъ ничого не запоможуть, якъ я самъ не окаюсь въ грихахъ... Не запоможе церква и тоди, якъ я пиду прычащатысь до неи. Прычащатысь въ Хрыстомъ можна тилько духомъ, добрымы диламы та праведнымъ жыттямъ. А якъ схочешъ весты бесиду про божи дила, прызвы до себе въ хату, а не въ церкву, двохъ, чы трёхъ чоловикъ, посадовы ихъ за стилъ, розломы хлибъ на шматкы и роздай братіи. Такъ робывъ Хрыстосъ. Робы и ты такъ. А не

хочешъ—и цёго не робы: переломляй духовный хлибъ та имъ и насыщайсь, шобъ у тебе слово не видризнялось видъ дилъ.

— Маты божа! И ты звешся справжнимъ хрыстіяныномъ? И ты думаешъ, шо зъ такымъ чоловикомъ, якъ ты, стане на шлюби чыста та безвынна дивоча душа?

— А на шо мени той шлюбъ? Уподобавъ парубокъ дивку, а дивка парубка,—скажить про те батькови та матери, скажить громади та й жывить; тутъ не треба ни шлюбу, ни того поганства, яке робытся у насъ на весилли. А не схотять жыть—росходьтесь, тилько впьять такы безъ того паскудства, яке поводытся у такимъ дили у церковныкивъ. Головна ричъ—жывы безъ хвалшу, безъ блуда, безъ бійкы та лайкы, та спыняй свою злу волю.

— Шо ты говорышъ? Чы подумавъ ты про свій страшный часъ смерти? Шо ты скажешъ тоди своему духовныку?

— А на шо мени той духовныкъ? Хиба винъ справди чоловикови потрибенъ? Шо винъ, хиба уведе у рай? У рай насъ уведуть тилько наши добри дила, и ни одынъ чоловикъ, якъ бы винъ насъ щыро та вирно ни любывъ, не ляже зъ намы само-хить у домовыну, окримъ нашыхъ праведныхъ дилъ. Хиба ти духовныкы...

— Стій! Пидожды! Ты все уже сказавъ?

— Усе!

— Павлусю! Сыну мій любый! схаменысь, шо це ты кажешъ? Ты помыляешся!

— Тату, помыляется той, хто инакше дума.

— Слухай мене! Чы знаешъ ты, шо предкы твои колысь воювалысь за святу православну, а не за яку другу, виру и за той самый хрестъ, на якый ты не хочешъ молыться? Чы видаешъ це ты?

— Й знаю и видаю.

— Невже жъ твои предкы, невже жъ твои прадиды, твій батько и маты твоя, уси-уси ходылы и ходять у мли и боролысь и борятся не за те, за шо треба бороться?

— То бувъ другый часъ и друга годына; теперъ не те: теперъ другый у людей шляхъ и другый поглядъ на жыття. Часъ на часъ не прыходытся, а то жъ викъ на викъ...

— Якый бы той часъ, якый бы той викъ не бувъ, а вира наша свята православна повсигда, во викы виковъ, зостанется нерухома. Изъ усихъ свитовыхъ виръ—вона тилько и есть певна и правдыва вира. Твоя вира—то не вира. Чымъ ты вируешъ? Розумомъ, а не серцемъ. Горе тоби, пысьменный, але гордый и заблудный розумъ! Чы не ты жъ чытавъ изъ пысьма, шо „серцемъ бо вѣруете въ правду“? Де умишается у виру розумъ, тамъ уже виры не буде. И у тебе вира твоя выйшла изъ серця и вступыла въ голову. Въ голови жъ теперъ у тебе и совисть и соромъ твій, а це все-однаково, шо у тебе ихъ и овси нема: розумъ на всякый вчычокъ знайде выкрутку. Тилько одно серце и скаже тоби, шо оце такъ, а оце не такъ. Нема у тебе виры! Пропащый ты чоловикъ! Тебе й на свити уже нема! Це не ты, а тилько твоя тинь!

— Тату, вы помыляетесь! вы жорстоко помыляетесь!, До сіеи поры я ходывъ у мли и тилько теперъ справди побачывъ свитъ. Я шукавъ виры, я мучывсь, я страждавъ, и теперъ можу сказаты, шо знайшовъ прежній законъ, якъ треба вируваты и якъ треба жыть. Не церковна вира справжня вира, а оця, яку вы звете голою, бо вона чыста, безъ едыного сучка и безъ едынои крывыны. У церковну виру вируе тилько простота, бо тамъ нетреба ни роздумы, ни розуму. У церковныкивъ овси и виры николы не було: яку имъ далы, така вона у ихъ и есть: якъ бы то була нимецька вира, воны бъ зъ нимецькою и жылы, якъ бы то була турецька вира, воны и зъ турецькою бъ викувалы. Церковныкы чытають евангѐлію, а роблять не такъ, якъ у ній пышется; штундысты чытають евангелію, та й жывуть по ній. Мы знайшлы, чуете, певно прежній законъ и ходымо въ свити, а вы блукаете у тьми. Вы нещасни люде, а ваша вира...

— Стій! Пострывай! Не смій такъ казать мени про мою святу виру! Слухай мене, шо я тоби скажу! Ты любышъ мене?

— Люблю, тату, и серцемъ, и душею, и мыслямы люблю!

— Якъ же ты мене будешъ ховаты? Зъ духовныкомъ, чы безъ духовныка?

— Тату!

— Стій, кажу тоби! пострывай! Слухай мене: ты не одступышся одъ своеи виры? Кажы мени!

— Тату!

— Кажы мени, кажы! Не одступышся одъ своеи виры?

— Ни, тату! Ни... не одступлюсь! Це супроты моеи совисты и супроты моёго розуму!.. Не видступлюсь!.. Я не можу видступыть, я укрѐпленый у своій вири! Це не сыла моя. „Аще кто любитъ Мене, оставитъ отца и матерь свою и грядетъ во слѣдъ Мене“...

— Ну, такъ ты жъ не будешъ мене и ховаты: ты повыненъ видъ усёго видступать...

— Тату! Таточку! Любый мій!..

— Видступай! видступай! видъ усёго и видъ усихъ видступай! Плюй на свого батька, плюй на свою матиръ! Видступай, кажу тоби!... А!.. Такъ отъ де моя остання погыбель! Такъ отъ де погыбель нашого краю!.. О, Боже мій, Боже, до чого я тилько дожывсь? Шо чують мои вуха? Шо бачуть мои старечи очи? Мій сынъ, останній сынъ, моя пидпора и моя надія, порушывъ святу православну виру, одступывсь одъ усёго ридного, забувъ усе мынуле своихъ предкивъ и проминявъ усе те на якесь-то безвирья! О Боже правый мій! На що жъ ты давъ мени очи? Чомъ не ослипывъ мене? На шо ты давъ мени вуха? Чомъ не породывъ мене овси глухымъ? О Боже всемылостывый, о Боже всевыдющый! Серце мое, серце бидне мое розрывается на шматкы видъ такого лютого и невымовного горя! Велыкый Боже, Спасытелю мій, просты жъ и помылуй мене за таке ремство мое! Але жъ Ты й самъ, своимы праведными устамы, возопывъ до Господа у своихъ тяжкыхъ мукахъ: „Боже, Боже, да прейдетъ чаша сія мимо Мене“!.. Просты жъ и помылуй мене и визьмы въ праведне и вичне лоно твое!..

XIX.

. . . .

Писля такои болисной та тяжкои розмовы и батько и сынъ, обыдва, урозумилы, що воны тилько тиломъ свои,—серцемъ же и мыслямы на викы-вични чужи чужакы... Старый Витрякъ не гнавъ свого сына зъ двору, бо самъ сынъ швыдко покынувъ батькивськый двиръ и опынывсь десь ажъ на Жабокрюковци. Шобъ заминыты сына, Максымъ Витрякъ прынявъ у свій двиръ безхатнёго голоту, Давыдку—розгамузу, и доручывъ ёму усе свое хазяйство. Але недовго писля того прыйшлось страждаты Максыму Витряку: и похыли лита, и страшенна уразка скоро звалылы ёго зъ нигъ. Лежучы на смертному одри, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ не стогнавъ, не скаржывся на хворобу, не нарикавъ ни на кого, упевнявъ свою стару, щобъ вона не ремствовала на Бога за злу долю, не докоряла и не кляла своего сына, а молыла бъ Бога за ёго гришну душу...

Уже якъ прыйшлы останни часы Максыма Витряка, то винъ, чуючы свою смерть, пиднявсь зъ лижка, одягся и прыбравсь, якъ слидъ справжнёму хрыстіяныву у такый грызный та страшный часъ, потимъ зъ превелыкою сылою та зъ пидмогою старои Маруси, зайшовъ за стилъ и, сившы на покути, звеливъ засвитыты страсну свичку; дали, благословывъ стару Марусю, благословывъ свого наймыта Давыдку, попрощавсь зъ нымы и... схылывшы голову на рукы и не перестаючы чытаты святи молытвы, виддавъ Богови душу...

Ледве-ледве стара Маруся додыбала на кладовыще до свижои могылы... И якъ додыбала та якъ почала кыдаты рукою землю на труну свого Максыма, то трохы не звалылась и сама у яму, якъ бы було не вспивъ пидхопыты іи самый блызькый теперъ ій чоловикъ, голота-наймытъ.

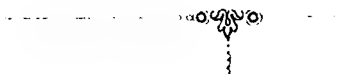
Ничъ, темна-претемна ничъ. Уже давно усе село спыть безпросыпнымъ сномъ. Не спыть тилько у своій хати стара Маруся, гирко оплакуючы свою дружыну, Максыма; та ще не спыть

одынъ чоловикъ, десь геть далеко, ажъ тамъ пидъ горою, де окремно сыдыть кущъ села... Ось чоловикъ той крадькома вый-шовъ изъ хаты; крадькома пройшовъ верхнимы городамы на выгинъ и скоро опынывсь на кладовыщи. Ось винъ иде по-мижъ хрестамы и зупыняется надъ свижою могылою. Упавшы навко-люшкы коло тіеи могылы, винъ обхопывъ іи рукамы и зарыдавъ... зарыдавъ гарячымы, невпынными и нескинченными слёзамы... „Тату! таточку! Простить мене! Простить и помылуйте! Я люблю васъ, люблю и не перестану любыть! Але жъ, тату ридный мій, не можу инако, не сыла моя!...“

Довго обіймавъ Павлусь могылу свого батька, довго винъ облывавъ іи гарячымы слизьмы, а дали, узявшы зъ неи у руку грудку земли, важко пиднявсь на ногы, обернувсь лыцемъ у ту сторону, де була батькова хата и де вылывала свое горе стара Маруся, трычи уклонывсь въ думци матери и потимъ зъ того кладовыща подавсь геть вздовшъ по шляху...

Довго писля того про Павлуся не було ніякои ни звисткы, ни чуткы на сели. Уже навпосли пройшла чутка, що Павлусь Витряченко десь спынывсь ажъ у Херсонщыни, де протикае ричка Бугъ, а повыще неи тече ричка Аджамка: тамъ винъ обійшовъ чымало селъ и хуторивъ и швыдко зробывсь за стар-шого межъ штундыстамы.

Д. Яворницкій. (Д. Эварницкій).



Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

(Продолженіе [1]).

VI.

Мы нѣсколько забѣжали впередъ, говоря о тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, которыя представляли Положенія 19 февраля для чиновниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно снова возвратиться къ первымъ засѣданіямъ Губернскаго Присутствія.

На организацію сельскихъ обществъ и открытіе волостей возлагалось много надеждъ. „Скорѣйшее открытіе этихъ обществъ, говорилъ предсѣдатель Присутствія въ засѣданіи 13 апрѣля—неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ, во многихъ мѣстностяхъ губерніи, умовъ кресіьянъ. Съ другой стороны, при настоящихъ обстоятельствахъ, для обезпеченія интересовъ самихъ г.г. владѣльцевъ, необходимо устройство сельскихъ обществъ и управленій, какъ правильныхъ хозяйственныхъ единицъ, во главѣ которыхъ будутъ поставлены лица, отвѣтственныя предъ правительствомъ и помѣщикомъ". Открытіе сельскихъ обществъ не могло быть отлагаемо еще и потому, что оно предшествовало образованію волостей, а послѣд-

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

нее должно было послѣдовать не позже шести мѣсяцевъ со дня полученія въ губерніи Положеній о крестьянахъ, т. е. не позже 20 сентября [1]).

Открытіе сельскихъ обществъ совершилось повсемѣстно, кажется, безъ всякихъ инцидентовъ. Городницкій предводитель дворянства выразилъ, впрочемъ, опасеніе, что „при только что начинающемъ возстановляться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядкѣ, образованіе сельскихъ обществъ и назначеніе старостъ легко можетъ повести непосредственно къ возобновленію безпорядковъ“. Онъ считалъ, поэтому, полезнымъ привлечь, въ помощь полиціи, „для лучшаго наблюденія за порядкомъ и сохраненіемъ тишины при крестьянскихъ выборахъ“ сельскихъ должностныхъ лицъ министерства государственныхъ имуществъ, но Губернское Присутствіе отвергло это предложеніе. „Такъ какъ въ другихъ уѣздахъ открытіе сельскихъ обществъ и избраніе должностныхъ лицъ совершено безъ содѣйствія лицъ мин. госуд. имущ., то въ отношеніи одного городницкаго уѣзда подобную мѣру нельзя признать необходимою“—говоритъ по этому поводу журналъ Присутствія [2]).

На сколько выборы первыхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія были независимы—трудно сказать. Губернское Присутствіе, по крайней мѣрѣ, настоятельно рекомендовало вниманію уѣздныхъ предводителей дворянства строго въ этомъ случаѣ, а равно и въ дѣлѣ образованія сельскихъ обществъ, сообразоваться съ закономъ и точно разъяснять крестьянамъ и выбраннымъ лицамъ всѣ ихъ права и обязанности, указывая имъ на соотвѣтствующія статьи Положеній [3]).

Распредѣленіе селеній на волости вызывало немало практическихъ затрудненій. Въ основу дѣленія на волости было, какъ мы видѣли, положено количество населенія; но такъ какъ волости были поставлены въ связь съ сельскими обще-

---

1) Журн. № 7, 13 апрѣля.
2) Журн. № 13, 22 мая.
3) Журн. № 7, 13 апрѣля.

ствами [1]), то отношеніе крестьянъ къ землѣ тоже не могло быть оставлено безъ вниманія. Сельское общество составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ *на землѣ* одного помѣщика [2]). Тѣмъ не менѣе Губернскому Присутствію пришлось разъяснить глуховскому уѣздному предводителю дворянства, что дворовыхъ людей нельзя принимать въ расчетъ при распредѣленіи селеній на волости; только тѣ изъ дворовыхъ людей, которые имѣли право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ, при составленіи и повѣркѣ уставныхъ грамотъ, могли быть включаемы въ составъ сельскихъ обществъ и то лишь тогда, когда они сами изъявляли на это согласіе. Объ этомъ ясно говорило Положеніе [3]).

11 мая не было еще возможности, даже приблизительно, опредѣлить число будущихъ волостныхъ управленій [4]). Но уже около этого времени стали поступать отъ особыхъ коммиссій, образованныхъ по уѣздамъ, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства [5]), проэкты раздѣленія уѣздовъ на волости. Работали быстро.

Если не ошибаемся, первые такіе проэкты поступили и были доложены въ засѣданіи 18 мая по уѣздамъ черниговскому и остерскому. По установившемуся въ Присутствіи обычаю, предварительное разсмотрѣніе черниговскаго проэкта взялъ на себя одинъ изъ членовъ А. И. Лизогубъ, остерскаго—Г. П. Галаганъ [6]). Заключенія свои они представили уже въ слѣдующее засѣданіе 22 мая.

А. И. Лизогубъ „сообразивъ положеніе селеній черниговскаго уѣзда по картѣ и зная многія мѣстности этого уѣзда“, нашелъ проэктъ, составленный черниговской комиссіей „вполнѣ

---

1) Общее Положеніе 19 февр. 1861 г., ст. 42.

2) Тамъ же, ст. 40.

3) Журналъ № 8, 17 апрѣля.

4) Журналъ № 9, 11 мая.

5) Тамъ же, № 1 16 марта.

6) Тамъ же № 12, 18 мая.

согласнымъ съ установленными правилами и удовлетворяющимъ потребностямъ и удобствамъ жителей". Черниговскій уѣздъ предполагалось раздѣлить на 18 волостей, изъ которыхъ только двѣ были менѣе 400 душъ, одна въ 400, двѣ болѣе 1000, а остальныя между 600 и 900 душъ населенія. А. И. Лизогубъ смотрѣлъ вообще очень оптимистическми на проэкты уѣздныхъ коммиссій и въ первомъ своемъ заключеніи предрѣшалъ уже вопросъ. „Если, говорилъ онъ, встрѣчаются и по другимъ уѣздамъ встрѣтятся проэктированныя волости, не слишкомъ многолюдныя, то нельзя не предположить достаточныхъ къ тому причинъ, которыми руководствовались коммиссіи".

Дробленіе волостей и малолюдность ихъ А. И. Лизогубъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями. „Въ Черниговской губерніи, даже въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, почти постоянно встрѣчаются села разнопомѣстныя, гдѣ жители другихъ сословій равны и часто превышаютъ значительно численность крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Въ такихъ случаяхъ пространство между волостнымъ селеніемъ и причисленными къ нему вызываетъ установленіе волости менѣе многолюдной. Иногда, если селеніе, довольно значительное по населенію, принадлежитъ одному владѣльцу, естественно выявляется желаніе не только помѣщика, но и самыхъ крестьянъ имѣть свою отдѣльную волость. Это, добавлялъ А. И. Лизогубъ, мнѣ самому случилось испытать въ моемъ имѣніи сосницкаго уѣзда, гдѣ крестьянская громада пришла ко мнѣ съ просьбой ходатайствовать объ учрежденіи для этого селенія отдѣльной волости; а какъ то мое имѣніе причислено приходомъ къ другому селу, то крестьяне вызывались денежнымъ пожертвованіемъ для скорѣйшаго окончанія выстроенной тамъ мною каменной церкви, чтобы возобновить упраздненный приходъ. Такъ высоко цѣнятъ они— состоять въ отдѣльной самостоятельной волости...

Иныя селенія, по разстоянію, можно бы соединить въ одну волость, но тамъ встрѣчаются естественныя къ тому препятствія, каковы рѣки, во время разлитія которыхъ многія села и выселки лишились бы возможности участвовать на волостныхъ

сходахъ, на которыхъ обсуждаются и рѣшаются важные вопросы для всѣхъ большихъ и малыхъ селъ и поселковъ.

Наконецъ, въ настоящее время, въ самомъ началѣ введенія новаго порядка, новаго управленія и новыхъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ между собою и къ другимъ, волостнымъ старшинамъ и судамъ, предстоитъ много трудовъ, и выполненіе ихъ обязанностей можетъ быть осуществлено съ большимъ успѣхомъ и быстротою, если волостей будетъ больше; равно и для г.г. мировыхъ посредниковъ большее число волостныхъ старшинъ и судовъ послужитъ важнымъ облегченіемъ въ исполненіи ихъ многосложныхъ и трудныхъ обязанностей. При открытіи Палатъ Государственныхъ Имуществъ въ нашей губерніи было учреждено много волостныхъ и еще больше сельскихъ управленій; по мѣрѣ же водворенія новаго порядка, уразумѣнія жителями своихъ обязанностей, эти волости постепенно стягивались въ болѣе многолюдныя, и теперь въ нашей губерніи этихъ волостей очень мало, а сельскихъ правленій и вовсе нѣтъ. То-же можетъ произойти и съ волостями временно-обязанныхъ кресгьянъ, но только по истеченіи нѣкотораго времени".

Мнѣнія А. И. Лизогуба о большей дробности волостей осталось, кажется, одинокимъ въ Присутствіи. Противъ него высказался рѣшительно кн. С. П. Голицынъ, затѣмъ Г. П. Галаганъ. Дѣленіе на волости, по мнѣнію кн. Голицына, для помѣщиковъ имѣетъ второстепенное, для крестьянъ же существенное значеніе, такъ какъ оно тѣсно связано съ ихъ ближайшими интересами, съ содержаніемъ волостной администраціи и пр. Относительно большій составъ волостей, какъ административныхъ и отвѣтственныхъ единицъ, вполнѣ совпадаетъ и съ видами самого правительства, такъ какъ гарантируетъ болѣе правильное выполненіе крестьянами общественныхъ обязанностей".

Утверждая, поэтому, проэктъ раздѣленія на волости черниговскаго уѣзда, Присутствіе, согласно предложенію кн. С. П. Голицына, предоставило право крестьянамъ ходатайство-

вать о соединеніи нѣсколькихъ волостей въ одну, и это не по одному только черниговскому, а по всѣмъ уѣздамъ губерніи.

Г. П. Галаганъ въ своихъ заключеніяхъ относительно проэкта раздѣленія на волости остерскаго уѣзеа исходилъ изъ началъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя высказывалъ А. И. Лизогубъ. „Дробныя волости, говорилъ онъ, сколько бы ни представляли удобствъ въ административномъ отношеніи, но эти удобства едва-ли во многихъ случаяхъ не парализуются тяжестью издержекъ, падающихъ, для содержанія должностныхъ лицъ по волости, на крестьянъ, столько уже терпящихъ отъ безденежья и обремененныхъ тяжелыми, въ сравненіи съ ихъ средствами, податьми. Дробить волости нельзя иначе, какъ съ величайшею осмотрительностью и въ крайнихъ случаяхъ“. Поэтому Г. П. Галаганъ сократилъ число волостей въ остерскомъ уѣздѣ съ 7, проэктированныхъ коммиссіей, на 5, причемъ смолинская волость должна была заключать 484 души крестьянъ, олеинская—804, старогородская—1297, семиполковская—1417 душъ, гоголевская—784 души. Губернское Присутствіе согласилось съ докладомъ Г. П. Галагана [1]).

Вслѣдъ за черниговскимъ и остерскимъ проэктами стали поступать проэкты раздѣленія на волости и изъ другихъ уѣздовъ. Въ томъ же засѣданіи 22 мая былъ утвержденъ проэктъ суражскаго уѣзда, Г. П. Галаганъ взялъ разсмотрѣніе проэкта по конотопскому, а П. А. Васильчиковъ по козелецкому уѣздамъ, причемъ для того, чтобы ускорить дѣло, оба они рѣшили отправиться въ соотвѣтствующіе уѣзды и на мѣстѣ убѣдиться въ цѣлесообразности представленныхъ уѣздными коммиссіями проэктовъ [2]). Дальнѣйшее разсмотрѣніе проэктовъ распредѣленія на волости шло приблизительно въ такомъ порядкѣ: 26 мая былъ утвержденъ нѣжинскій проэктъ, 30 мая—кролевецкій [3]);

---

[1]) Журн. № 13, 22 мая.

[2]) Журн. № 15, 26 мая.

[3]) Журн. № 16, 30 мая. По кролевецкому уѣзду было два проэкта, одинъ съ раздѣленіемъ уѣзда на 20 волостей, другой—на 11; былъ утвержденъ послѣдній.

2 іюня—козелецкій, 5 іюня—борзенскій, городницкій, сосницкій, новозыбковскій, стародубскій, мглинской и конотопскій; 9 іюня были утверждены проэкты распредѣленій волостей въ уѣздахъ глуховскомъ и новгородсѣверскомъ, и такимъ образомъ эта важная часть подготовительной работы къ введенію Положеній 19 февраля была закончена.

Къ распредѣленію селеній на волости Губернское Присутствіе отнеслось добросовѣстно, старалось, по возможности, охранять интересы крестьянъ. Проэкты утверждались послѣ основательнаго и детальнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., по сосницкому, стародубскому, новозыбковскому и др. уѣздамъ подвергались довольно существеннымъ измѣненіямъ. При утвержденіи каждаго проэкта указывалось, что крестьяне имѣютъ право ходатайствовать объ измѣненіи волостей. Крестьяне воспользовались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ правомъ при самомъ же осуществленіи утвержденныхъ проэктовъ и этимъ вызывали иногда затрудненія. Въ мглинскомъ уѣздѣ, напр., они ходатайствовали о соединеніи новарминской волости съ романовской. Мировой посредникъ, поэтому, не приводилъ и волостнаго старшину къ присягѣ. Губернское Присутствіе разъяснило, что мировой посредникъ долженъ сначала осуществить на практикѣ уже утвержденный проэктъ, а потомъ только принимать ходатайства, причемъ Присутствію должны быть представлены подробныя свѣдѣнія о согласіи на это волостей, какъ той, которая должна упраздниться, такъ и той, къ которой упраздняемая волость присоединялась; вмѣстѣ съ этимъ необходимо было представить также свѣдѣнія о числѣ душъ преобразовываемыхъ волостей и о разстояніи отъ волостнаго правленія вновь проэктированной волости всѣхъ поселеній, которыя должны войти въ составъ ея. Подобный же случай имѣлъ мѣсто и въ новозыбковскомъ уѣздѣ, гдѣ турстенская волость, при самомъ открытіи своемъ, хотѣла присоединиться къ киваевской или бѣлоколодезской [1]).

---

1) Журн. № 26. 22 іюля.

Ходатайствовали о соединеніи волостей иногда и помѣщики; но Присутствіе всегда обусловливало такое соединеніе согласіемъ крестьянъ. Такъ было, напр., съ ходатайствомъ богатаго глуховскаго помѣщика Н. И. Неплюева, который просилъ присоединить с. Бѣлицы къ ямпольской, а с. Усокъ къ шостенской волости глуховскаго уѣзда [1]).

VII.

Ко времени утвержденія всѣхъ проэктовъ волостей были намѣчены уже и мировые участки, ихъ количество, а также лица, которыя соглашались принять на себя трудную и отвѣтственную роль мировыхъ посредниковъ. Предполагалось первоначально учредить 57 мировыхъ участковъ [2]), и лица, избранныя на должности мировыхъ посредниковъ 19 іюня были представлены губернаторомъ на утвержденіе Сената. 31 іюля послѣдовалъ указъ Сената объ ихъ утвержденіи, доложенный Губернскому Присутствію въ засѣданіи 17 августа. Къ концу года произошли уже нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи мировыхъ участковъ, а также въ самомъ личномъ составѣ мировыхъ посредниковъ, такъ что контингентъ ихъ можно считать окончательно установленнымъ только лишь къ концу 1861 года. [3])

---

[1]) Журн. № 41, 8 сентября.

[2]) Журналъ № 19, 6 іюня.

[3]) Въ *черниговскомъ* уѣздѣ было 4 мировыхъ участка. Мировыми посредниками были утверждены: по бобровицкому участку Ник. Ив. Савинъ; черниговскому—первоначально Алекс. Красовскій, а къ концу года Ив, Ал. Кобеляцкій; жукотскому—Петръ Петр. Исаевичъ, 1-й; задесенскому—Ник. Як. Дуброво. Въ *борзенскомъ* уѣздѣ—3 участка: парафіевскій—Вас. Петр. Ловцовъ; плисковскій—Ник. Гр. Кандиба; комаровскій — Никод. Никод. Карачевскій-Волкъ. Въ *глуховскомъ* уѣздѣ—3 участка: тулиголовскій—Мих. Алек. Фонъ-деръ-Бриггенъ; ямпольскій—Мих. Ник. Карпѣка; есманскій—Дм. Гр. Лазаревичъ. Въ *городницкомъ* уѣздѣ—4 участка: дроздовицкій—Алек. Влад. Лизогубъ;

Положеніе мировыхъ посредниковъ на первыхъ порахъ было довольно таки затруднительнымъ. Имъ приходилось не только примѣнять Положенія 19 февраля, но и разъяснить ихъ темный

петровицкій—Петръ Лавр. Червинскій; алешнянскій—Фед. Фед. Линдфорсъ; любечскій—Ник. Ив. Миклашевскій. Въ *козелецкомъ* уѣздѣ—4 участка: старобасанскій—Серг. Петр. Якубовичъ; мостищскій—Вас. Петр. Брюхачевъ; чемерскій—Алекс. Вас. Шрамченко; новобасанскій—Ник. Аркад. Кочубей. Въ *конотопскомъ* уѣздѣ—3 участка: григоровскій—Конст. Петр. Тарновскій; конотопскій—Леонидъ Ив. Астафьевъ; куриловскій—Алекс. Гр. Кандиба. Въ *кролевецкомъ* уѣздѣ—4 участка: кролевецкій, или быстрицкій Вас. Арк. Кочубей; краснопольскій—Трофимъ Ильичъ Соломка; чеплѣевскій—Мих. Прокоф. Ворощенко; разлетовскій—Пармепъ Андр. Марковичъ. Въ *мглинскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: мглинской—Матвѣй Анаст. Скаржинскій; романовскій—Конст. Мих. Верига; кульневскій—Ив. Вас. Губчицъ; почепскій—Алекс. Мих. Туманскій; ивойтенскій—Мих. Егор. Страшковъ. Въ *новгородсѣверскомъ* уѣздѣ—4 участка: шептаковскій—Гавр. Вас. Короткевичъ; машевскій—кн. Алекс. Вас. Голицынъ; старогутнянскій—Степ. Степ. Псіолъ; очкинскій—Ив. Фед. Маевскій. Въ *новозыбковскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: щербиницкій—Пав. Надѣинъ, къ концу года вакансія; радонежскій—Ив. Фед. Чарнолузскій, киваевскій—Прокоф. Вас. Немировичъ-Данченко, хоромецкій—Петръ Ив. Хоминскій; тимоновскій Алексѣй Гр. Средбольскій. Въ *нѣжинскомъ* уѣздѣ—3 участка: носовскій—Ник. Ник. Волжинъ; талалаевскій—Як. Ник. Почека; веркіевскій—Вас. Як. Макаровъ. Въ *остерскомъ* уѣздѣ—2 участка: старогородскій—Андр. Вас. Солонина и семиполковскій—Мих. Ник. Александровичъ. Въ *сосницкомъ* уѣздѣ—4 участка: александровскій—Ник. Ив. Товстолѣсъ; менскій—Мих. Моис. Бобиръ; погорѣльскій—Николай Вас. Полторацкій; сосницкій—Ив. Матв. Марковичъ. Въ *стародубскомъ* уѣздѣ первоначально 3, къ концу года 4 участка: городищенскій—Сем. Ив. Навзоровъ; пантусовскій—Конст. Вл. Лайкевичъ, пануровскій, первоначально Фед. Хоминскій, а затѣмъ Дм. Андр. Марковичъ, юдиновскій—Ипполъ. Мих. Марковичъ. Въ *суражскомъ* уѣздѣ—4 участка: будянскій—Алекс. Евгр. Чернявскій; гордѣевскій—Вас. Вас. Перекрестовъ; ляличкій—Ник. Гр. Есимонтовскій; медвѣдовскій—первоначально Викторъ Раковичъ, но онъ не вступалъ въ должность, по болѣзни, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Фомою Ив. Беневскимъ (Журн. Присут. № 38, 12 августа и Памятная книжка черниговъ. губ. на 1862 г.).

и подъ часъ запутанный смыслъ крестьянамъ. На этотъ счетъ Губернское Присутствіе совѣтовало „избѣгать разъясненія отдѣльныхъ статей Положенія, такъ какъ, не говоря уже о возможности превратнаго пониманія такихъ разъясненій, въ общемъ отвлеченномъ, такъ сказать, разъясненіи невозможно предвидѣть всѣхъ могущихъ соединяться на практикѣ случайностей; изъясненіе же подлиннаго смысла, какъ отдѣльныхъ статей, такъ и всей ихъ совокупности, можетъ быть дѣлаемо съ большею пользою при примѣненіи законоположеній къ отдѣльнымъ случаямъ".

Обращаясь затѣмъ къ выясненію вопроса о значеніи мировыхъ посредниковъ, Губернское Присутствіе подчеркивало, что „должность мирового посредника не составляетъ собою административно-начальствующей инстанціи". Положеніе мирового посредника, по закону, самостоятельно, независимо отъ административныхъ учрежденій. „Мировой посредникъ есть лицо, дѣйствующее только по призыву одной изъ сторонъ, между которыми возникаютъ недоразумѣнія или несогласія". При своемъ вступленіи въ должность, мировой посредникъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ всѣхъ жителей своего участка и затѣмъ избѣгать всякихъ общихъ распоряженій, не вызываемыхъ требобованіемъ съ чьей-либо стороны. [1])

Для рѣшенія разныхъ споровъ, недоразумѣній и жалобъ, возникавшихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; для разбора жалобъ крестьянъ и обществъ на волостные суды и волостныхъ должностныхъ лицъ, а также для того, чтобы предпринимать разныя распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, которыя выходили изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ—были учреждены мировые съѣзды. [2]) Они состояли, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ,

---

[1]) Журналъ № 13, 22 мая.

[2]) Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежден. ст. 105—108.

а также, изъ особыхъ членовъ отъ правительства, которыхъ полагалось отъ 2 до 4-хъ на губернію, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Избраніе лицъ въ эти должности предоставлялось губернаторамъ. Мировые съѣзды должны были собираться въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ уѣздномъ городѣ или селѣ, смотря по роду дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію. Неприбытіе въ засѣданіе съѣзда члена отъ правительства не останавливало дѣйствій съѣзда, если присутствіе состояло не менѣе, какъ изъ 3 членовъ. [1])

Какое число мировыхъ съѣздовъ необходимо было для черниговской губерніи?

Съѣздъ, по закону, могъ быть учрежденъ въ каждомъ уѣздѣ. Губернатору предоставлялось при этомъ право, по совѣщанію съ дворянствомъ, открывать мировые съѣзды на два и болѣе смежныхъ уѣзда, если онъ находилъ это, по мѣстнымъ условіямъ, полезнымъ. [2])

Губернскій предводитель дворянства Н. П. Бороздна, который взялся въ Губернскомъ Присутствіи разработать этотъ вопросъ, [3]) высказался за соединеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ въ одинъ мировой съѣздъ. [4]) Онъ же предлагалъ назначить для каждаго съѣзда не болѣе семи засѣданій въ году, по пяти лѣтомъ и по два зимою и ограничить засѣданія каждаго съѣзда семью днями. Засѣданія должны были, по этому проэкту, происходить въ дни мѣсяцевъ, напередъ назначеные. [5]) Присутствіе препроводило доклады Н. П. Бороздны уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просило ихъ высказать свои замѣчанія.

Отвѣты предводителей были, получены приблизительно черезъ полтора мѣсяца и обсуждались Присутствіемъ вмѣстѣ съ докла-

---

[1]) Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд. ст. 97—104.

[2]) Тамъ же, примѣчаніе къ 97 ст.

[3]) Журналъ № 3, 27 марта.

[4]) Журналъ № 9, 11 мая.

[5]) Журналъ № 28, 24 іюля.

домъ Бороздны 28 іюля. Сводятся они къ тремъ категоріямъ. Шесть предводителей, а именно: черниговскій, конотопскій, кролевецкій, новозыбковскій, нѣжинскій и стародубскій нашли проэктъ Н. П. Бороздны очень удобнымъ и не требующимъ измѣненій. Предводители пяти уѣздовъ: козелецкаго, мглинскаго, остерскаго, сосницкаго и суражскаго ограничились нѣсколькими несущественными замѣчаніями, въ родѣ распредѣленія засѣданій между лѣтомъ и зимой, мѣстопребыванія соединеннаго съѣзда, продолжительности засѣданій его и т. п. Зато уѣздные предводители борзенскій, глуховской, городницкій и новгородсѣверскій оспаривали проэктъ Н. П. Бороздны въ корнѣ. Наиболѣе полныя и существеннѣйшіе возраженія противъ него представилъ городницкій предводитель дворянства А. П. Бакуринскій.[1]) Такъ какъ возраженія эти, въ значительной своей долѣ, объединяютъ замѣчанія и остальныхъ четырехъ предводителей дворянства, то на нихъ мы преимущественно и остановимся.

Принятые въ проэктѣ Н. П. Бороздны основанія, по мнѣнію А. П. Бакуринскаго, „не соотвѣтствуютъ сущности дѣла и разуму самого учрежденія“. Какъ бы ни были усердны мировые посредники, они не въ состояніи, особенно въ первое время, при новости дѣла, устранить возможность поступленія на ихъ рѣ-

---

1) Уѣзднымъ предводителямъ дворянства была предоставлена первостепенная роль въ крест. реформѣ 19 февр. 1861 г. Сообщаемъ, поэтому, списокъ уѣздныхъ предводителей дворянства черниговской губерніи въ 1861 году: черниговскій—Ив. Ник. Дурново; борзенскій—Конст. Алексѣев. Гамалѣя; глуховской—Влад. Ив. Туманскій; городницкій—Алекс. Петр. Бакуринскій; козелецкій—Ник. Дм. Барановскій; конотопскій—Петръ Гр. Кандиба; кролевецкій—Ник. Мих. Дурново; мглинской—графъ Алекс. Мих. Гудовичъ; новгородсѣверскій—графъ Карлъ Людвиговичъ Шуленбургъ; новозыбковскій—Петръ Никол. Немировичъ-Данченко; нѣжинскій—Яковъ Матв. Почека; остерскій—Мих. Никол. Александровичъ; сосницкій въ 1861 г. Григ. Ильичъ Марковичъ, въ 1862 г. Мих. Иван. Сахновскій, стародубскій—Григ. Сем. Щегловивитовъ; суражскій—кн. Алекс. Григорьевичъ Баратовъ.

шенія жалобъ въ мировые съѣзды. Послѣдніе, „какъ коллегіальный гласный судъ, будутъ представлять для тяжущихся въ дѣлахъ судебно-полицейскаго разбирательства болѣе гарантіи, нежели единоличное мнѣніе мирового посредника". Мировымъ съѣздамъ предстоитъ много вообще работы, если принять во вниманіе количество дѣлъ, которыя не могутъ быть рѣшены единоличною властью мировыхъ посредниковъ или вовсе не входятъ въ кругъ ихъ отдѣльной власти. Засѣданія каждаго съѣзда, безъ сомнѣнія, должны быть, срочныя; но продолжительность ихъ должна зависѣть отъ количества накопившихся дѣлъ, а мѣсто засѣданія должно избираться въ той мѣстности, гдѣ возникли дѣла наибольшей важности. „При томъ, прибавляетъ предводитель, опредѣленіе мѣста и времени собранія съѣздовъ самимъ закономъ [1]) предоставлено взаимному соглашенію членовъ мирового съѣзда, и потому отнюдь не подлежитъ предположеннымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ и предрѣшеніямъ Губернскаго Присутствія. Ни протяженіе нѣкоторыхъ уѣздовъ, при значительномъ числѣ нѣкоторыхъ имѣній и водворенныхъ въ нихъ крестьянъ, ни географическое ихъ положеніе не оправдываютъ соединенія двухъ уѣздовъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда; тогда какъ живость мѣстнаго интереса дѣла для помѣщиковъ и крестьянъ и разнообразіе требуемыхъ для его устройства мѣстныхъ же занятій, и, наконецъ, сложившаяся въ теченіе долгаго времени отдѣльность мѣстнаго уѣзднаго управленія, съ его выборными должностными лицами, по преимуществу довѣрія своихъ избирателей, противорѣчатъ соединенію двухъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда".

Н. П. Борозднa выставлялъ въ своемъ проэктѣ то соображеніе, что при осуществленіи его, члены отъ правительства будутъ имѣть постоянныхъ занятій только по 147 дней въ годъ каждый. А. П. Бакуринскій рѣзко нападаетъ на это: „не полезнѣе ли будетъ, говоритъ онъ, чтобы члены отъ правительства были болѣе или менѣе заняты, положимъ и 200 дней въ годъ,

[1]) Полож. о губ. и уѣздн. учрежден. ст. 98, примѣчаніе.

но мировые съѣзды, оставаясь отдѣльнымъ для каждаго уѣзда учрежденіемъ, могли спѣшнѣе, тверже и разумнѣе вести важное дѣло общественнаго и поземельнаго устройства крестьянъ, тѣмъ болѣе, что самый законъ [1]) предвидѣлъ и установилъ что неприбытіе въ мировой съѣздъ члена отъ правительства не останавливаетъ дѣйствій съѣзда?"

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній городницкій предводитель дворянства полагалъ необходимымъ учредить мировые съѣзды въ каждомъ уѣздѣ. Въ дальнѣшемъ опытъ уже покажетъ, возможно или нѣтъ соединеніе нѣсколькихъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового съѣзда? Отъ правительства должны быть назначены три чиновника. На долю каждаго придется по шести уѣздовъ. На уѣздъ, такимъ образомъ, они будутъ имѣть возможность посвящать по 2 мѣсяца въ году—„время, вполнѣ достаточное для исполненія ихъ обязанностей правительственнаго надзора". Ограниченія въ срокахъ засѣданій и во времени собраній съѣздовъ не должно быть, такъ какъ это противорѣчитъ закону.

Таковы, въ общемъ, были замѣчанія и предложенія городницкаго предводителя дворянства. Борзенскій предводитель дворянства, отстаивая необходимость учрежденія съѣзда въ каждомъ уѣздѣ, указывалъ на то, что, при соединеніи нѣсколькихъ уѣздовъ, дальность разстоянія будетъ препятствовать крестьянамъ обжаловать въ съѣздѣ рѣшенія мировыхъ посредниковъ; глуховской выставлялъ на видъ затрудненія для мировыхъ посредниковъ посѣщать соединенныя засѣданія съѣзда; новгородсѣверскій въ своихъ замѣчаніяхъ соединялъ возраженія борзенскаго и глуховского предводителей. [2])

---

[1]) Полож. о губ. и уѣздн. учрежд. ст. 100.

[2]) Въ журналѣ 28 іюля къ послѣдней категоріи отвѣтовъ уѣздныхъ предводителей отнесенъ и отвѣтъ суражскаго предводителя дворянства кн. Баратова. Мы считаемъ это ошибочнымъ. Кн. Баратовъ, по существу, ничего не возражалъ противъ проекта Н. П. Бороздны. Онъ сдѣлалъ только замѣчанія о невозможности назначать за-

Предсѣдатель Присутствія кн. Голицынъ вполнѣ присоединился къ замѣчаніямъ тѣхъ предводителей дворянства, которые отстаивали необходимость учрежденія мировыхъ съѣздовъ въ каждомъ уѣздѣ. Съ ними согласилось и Губернское Присутствіе. Одинъ остерскій уѣздъ былъ только соединенъ съ козелецкимъ; въ каждомъ же изъ остальныхъ уѣздовъ были учреждены свои особые мировые съѣзды. Сроки засѣданій съѣздовъ и ихъ продолжительность не опредѣлялись заранѣе на цѣлый годъ; устанавливалась только извѣстная очередь въ засѣданіяхъ съѣздовъ по уѣздамъ, въ виду предоставленія возможности принимать въ нихъ участіе членамъ отъ правительства. Для установленія очереди уѣздные предводители дворянства должны были, по совѣщанію съ мировыми посредниками, представить свои соображенія губернатору. Они же должны были входить къ нему съ представленіемъ и о назначеніи каждаго съѣзда [1]). Къ концу 1861 года пришли, впрочемъ, къ заключенію о необходимости установить постоянные сроки для засѣданій съѣздовъ. На 1862 годъ такіе сроки были утверждены въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 30 декабря 1861 г. [2]) Объ этихъ срокахъ было

сѣданія съѣзда въ Суражѣ весной; объ ограниченіи засѣданій съѣзда не 7, а 5 днями и о перечисленіи нѣкоторыхъ волостей изъ вѣдѣнія новозыбковскаго въ вѣдѣніе мглинско-суражскаго съѣзда.

[1]) Журналъ № 28, 28 іюля.

[2]) Журналъ № 77, 30 декабря, стр. 6. Сроки засѣданій съѣздовъ, по отдѣльнымъ уѣздамъ, были установлены такимъ образомъ: по черниговскому—3 февраля, 3 апрѣля, 3 іюня, 3 августа, 3 октября и 3 декабря; по борзенскому—25 числа, чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по глуховскому—2 числа каждаго мѣсяца; по козелецкому и остерскому—22 января, 22 февраля, 22 марта, 18 апрѣля, 22 мая, 8 іюня, 22 августа, 22 сентября, 22 октября, 22 ноября и 19 декабря; по конотопскому—чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ 10 февраля; по кролевецкому—17 числа каждаго мѣсяца, начиная съ февраля; по мглинскому—10 числа каждаго мѣсяца; по новгородсѣверскому—9 числа каждаго мѣсяца; по новозыбковскому—20 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по нѣжинскому—12 числа чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по

затѣмъ сообщено помѣщикамъ и волостнымъ правленіямъ, для всеобщаго свѣдѣнія.

Что касается мѣста засѣданій съѣздовъ, то опредѣленіе его было предоставлено взаимному соглашенію самихъ членовъ. Большею частью съѣзды собирались въ уѣздныхъ городахъ.

Членовъ отъ правительства для участія въ засѣданіяхъ съѣздовъ было назначено не три, какъ предлагалъ А. П. Бакуринскій, а четыре. Кн. С. П. Голицынъ находилъ такое число необходимымъ, „принимая въ соображеніе число уѣздовъ и вообще мѣстныя условія черниговской губерніи". Представленныхъ кн. Голицынымъ кандидатовъ въ члены отъ правительства министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ 4 іюля. То были: Никифоръ Филимоновичъ Лузгановъ, Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, Петръ Григорьевичъ Борсукъ и Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. 15 іюля объ ихъ назначеніи было доложено Губернскому Присутствію. [1])

Губернаторъ распредѣлилъ между ними уѣздные съѣзды такимъ образомъ: Н. Ф. Лузгановъ долженъ былъ присутствовать въ съѣздахъ—новозыбковскомъ, суражскомъ и мглинскомъ; А. В. Марковичъ—въ стародубскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ; А. М. Лазаревскій—въ кролевецкомъ, конотопскомъ, сосницкомъ и борзенскомъ и П. Г. Борсукъ—въ городницкомъ, черниговскомъ, нѣжинскомъ и козелецко-остерскомъ. [2])

сосницкому—2 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по стародубскому—16 числа каждаго мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы засѣданія происходили попеременно въ уѣздномъ городѣ Стародубѣ и въ заштатномъ городѣ Погарѣ. (Первое засѣданіе 16 января имѣло быть въ Стародубѣ); по суражскому—одинъ разъ чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ 15 февраля. По городницкому уѣзду сроки не были установлены, такъ какъ къ 30 декабря не были получены по этому поводу соображенія отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

[1]) Журн. № 24, 15 іюля 1861 г. и № 28, 24 іюля.

[2]) Журн. № 37, 21 августа.

VIII.

Наряду съ организаціей учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи, шла работа Губернскаго Присутствія по разрѣшенію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Среди нихъ введеніе въ предѣлахъ Малороссіи великороссійскаго положенія занимало первое мѣсто.

Великороссійское положеніе, по закону, разрѣшалось вводить въ тѣхъ имѣніяхъ новозыбковскаго, суражскаго, мглинского, стародубскаго, новгородсѣверскаго и глуховского уѣздовъ черниговской губерніи, въ которыхъ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность. [1]) Замѣна малороссійскаго положенія великороссійскимъ въ этихъ уѣздахъ могла послѣдовать не иначе, какъ „по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ“. [2]) Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе отступило отъ этого принципа въ самомъ уже началѣ своей дѣятельности.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Присутствіе поступили представленія уѣздныхъ предводителей дворянства стародубскаго, новозыбковскаго и суражскаго о введеніи въ ихъ уѣздахъ повсемѣстно великороссійскаго положенія. [3])

Губернское Присутствіе вмѣсто того, чтобы осторожно и внимательно отнестись къ этимъ представленіямъ, обсудить ихъ должнымъ образомъ, сразу же рѣшило вопросъ принципіально. Дѣло въ томъ, что въ харьковской губерніи также разрѣшалось вводить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великороссійское положеніе; но тамъ это не было поставлено въ зависимость отъ обо-

---

[1]) Великороссійское Положеніе ст. 1-я, прим. 2-е. Малоросс. Полож. ст. 3.

[2]) Малоросс. Полож. ст. 2.

[3]) Отъ стародубскаго предводителя 16 апрѣля № 315, новозыбковскаго 18 апрѣля № 156, суражскаго 6 мая № 345 (Журналъ № 9, 11 мая).

юднаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ. Харьковскому Губернскому Присутствію было предоставлено право, по своему усмотрѣнію, обьявлять въ той или другой мѣстности господствующимъ великороссійское или малороссійское положеніе, и всѣ должны были безпрекословно подчиняться этому. Согласія на это со стороны помѣщиковъ и крестьянъ, а также утверждения мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ не требовалось. [1]) Черниговское Губернское Присутствіе не имѣло такой власти. Оно могло только частично вводить великороссійское положеніе въ шести поименованныхъ въ Положеніи сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, да и то по обоюдному, какъ мы видѣли, соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. Помѣщики, между тѣмъ, просили сдѣлать великороссійское положеніе обязательнымъ, ввести его повсемѣстно. Ихъ претензіи готово было удовлетворить и Губернское Присутствіе. По точному смыслу закона, говорится по этому поводу въ журналѣ 11 мая 1861 года, „Черниговскому Губернскому Присутствію не присвоено права замѣнять принципъ обоюднаго соглашенія повсемѣстнымъ, обязательнымъ для крестьянъ введеніемъ великороссійскаго положенія. Но съ другой стороны, признавая вполнѣ уважительными причины, приведенныя предводителями означенныхъ трехъ уѣздовъ, Губернское Присутствіе предоставило предсѣдателю войти по объясненному вопросу съ представленіемъ къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ полученія подобнаго ходатайства отъ мглинскаго, новгородсѣверскаго и глуховского уѣздовъ, распространить эту мѣру на эти уѣзды". [2]) На этомъ Присутствіе, впрочемъ, не остановилось. Въ засѣданіи своемъ 17 мая оно постановило ходатайствовать о предоставленіи ему такого же права, какое было у Харьковскаго Присутствія, т. е., по своему усмотрѣнію, вводить повсемѣстно великороссійское или малороссійское положеніе. [3]) По-

[1]) Малоросс. Полож. ст. 2-я.

[2]) Журн. Присутствія № 11, 17 мая.

[3]) Журналъ № 13, 22 мая. «Присутствіе опредѣлило: предоставить предсѣдателю войти къ г. управляющему министерствомъ вну-

добный вопросъ могъ быть рѣшенъ, конечно, только въ законодательномъ порядкѣ; но управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не увидѣлъ въ этомъ „настоятельной необходимости". [1])

Неудача ходатайства Черниговскаго Губернскаго Присутствія въ министерствѣ внутр. дѣлъ мало измѣнила дѣло по существу. Великорусское положеніе было, все-таки, введено помимо соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами повсемѣстно, въ уѣздахъ стародубскомъ, новозыбскомъ, мглинскомъ, и новгородсѣверскомъ. Современникъ говоритъ по этому поводу: „дѣло это (т. е. введеніе великороссійскаго положенія) велъ въ губерніи членъ отъ правительства И. Г. Есимонтовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи разскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великороссійскаго положенія, при чемъ, вѣроятно, окажется, что повсемѣстному (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва-ли было мѣсто." [2])

По оффиціальному источнику, которымъ располагаемъ мы, трудно судить о значеніи того или другого лица въ проведеніи крестьянской реформы на мѣстѣ. Но нѣсколько указаній на роль И. Г. Есимонтовскаго въ вопросѣ о примѣненіи великороссій-

---

тренних дѣлъ съ ходатайствомъ о предоставленіи Присутствію права. согласно п. 2, прим. 1 къ ст. 1 великороссійскаго положенія, признать въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи господствующимъ одно изъ двухъ мѣстныхъ положеній (великороссійское или малороссійское) и въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого права руководствоваться п.п. 2, 3 и 4 ст. 2 мѣст. малоросс. полож.».

[1]) Журналъ № 23, 13 іюля 1861 г.

[2]) Кіев. Стар. 1901 г. т. LXXII, мартъ, стр. 262 *А. Л. Отрывки изъ черниговскихъ воспоминаній.* Эти полные живаго интереса воспоминанія современника и участника крестьянской реформы въ черниговской губерніи, такъ сказать одухотворяютъ сухой перечень оффиціальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ нами, освѣщаютъ ихъ должнымъ образомъ, объясняютъ. Для историка крестьянской реформы въ черниговской губерніи воспоминанія г. А. Л. должны послужить путеводной нитью для выясненія цѣлаго ряда интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянской реформой въ черниговской губ.

скаго положенія въ черниговской губерніи есть и въ журналахъ Губернскаго Присутствія. Онъ напр., взялъ на себя составленіе представленія министру внут. дѣлъ о повсемѣстномъ введеніи этого положенія.[1]) Проектъ представленія былъ имъ прочитанъ въ засѣданіи 17 мая, но окончательная редакція его отложена была до полученія ходатайства отъ мглинскаго предводителя дворянства, такъ какъ И. Г. Есимонтовскій заявилъ, что мглинское дворянство, какъ и новозыбковское, стародубское и суражское, о которыхъ шла рѣчь въ этомъ засѣданіи, рѣшило ходатайствовать о повсемѣстномъ введеніи въ мглинскомъ уѣздѣ великороссійскаго положенія.[2]) Въ засѣданіи 22 мая было прочитано и это ходатайство. Тогда же былъ окончательно принятъ и проектъ представленія управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.[3])

Въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 26 мая участвовали стародубскій предводитель дворянства Г. С. Щегловитовъ и мировой посредникъ тимоновскаго чуастка новозыбковскаго уѣзда А. Г. Сребдольскій. Когда предсѣдатель обратилъ ихъ вниманіе на ходатайство Присутствія, согласно съ представленіемъ мглинскаго дворянства, о повсемѣстномъ введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверныхъ уѣздахъ, они замѣтили, что „хотя между желаніемъ, выраженнымъ дворянствомъ ихъ уѣздовъ и между ходатайствомъ мглинскаго дворянства есть нѣкоторый оттѣнокъ, но они съ своей стороны полагаютъ, что разрѣшеніе вопроса о введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ того или другого положенія въ томъ смыслѣ, въ которомъ предположено Присутствіемъ сдѣлать представленіе высшему правительству, также въ нѣкоторой степени можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній ихъ уѣздовъ.“[4])

---

1) Журн. № 9, 11 мая.

2) Журналъ № 11, 17 мая.

3) Журналъ № 13, 22 мая.

4) Журналъ № 15, 26 мая.

Намъ неизвѣстны подлинныя представленія предводителей дворянства Губернскому Присутствію, и мы, поэтому, не можемъ воспроизвести здѣсь тѣ различные оттѣнки въ ходатайствахъ, о которыхъ говорили и Г. С. Щегловитовъ и А. В. Средбольскій. Изъ журналовъ Присутствія мы только знаемъ, что основаніемъ для введенія великороссійскаго положенія въ четырехъ только что поименованныхъ уѣздовъ у дворянства служили слѣдующія соображенія, принятыя потомъ и Губернскимъ Присутствіемъ:

1) „Въ мглинскомъ, стародубскомъ, суражскомъ и новозыбковскомъ уѣздахъ вовсе не существуетъ раздѣленія рабочихъ на тяглыхъ и пѣшихъ, потому что обработка земли сохою и пріобрѣтеніе крестьянами рабочаго скота (лошадей) не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ что пѣшій работникъ составляетъ случайное исключеніе.

2) Всѣ крестьяне, являясь на работу, пѣшіе или конные, по усмотрѣнію помѣщика, пользуются одинаковымъ поземельнымъ надѣломъ и отбываютъ одинаковыя повинности; подворное же или участковое пользованіе землею, составляющее одно изъ коренныхъ началъ малороссійскаго хозяйственнаго устройства, существуетъ, какъ рѣдкое исключеніе.

3) Поземельный надѣлъ крестьянъ нерѣдко подвергается передѣламъ, по желанію самыхъ крестьянъ, что также несовмѣстно съ хозяйственнымъ устройствомъ малороссійскимъ.

4) При введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи мѣстнаго малороссійскаго положенія, несоотвѣтствующаго условіямъ мѣстнаго хозяйства, должно будетъ послѣдовать коренное измѣненіе въ установившемся обычномъ пользованіи землею.

5) Безземельные крестьяне, если въ означенныхъ выше уѣздахъ будетъ примѣнено мѣстное малороссійское положеніе, будутъ имѣть надежду на одни добавочные участки, состоящіе изъ неудобренной запольной пашни, безъ коноплянниковъ, между тѣмъ какъ, по характеру мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, каждое тягло должно быть надѣлено коноплянникомъ, ближайшею полевою землею, получающею удобреніе, и землею дальнѣйшею.

Отсюда само собой обнаруживается то безвыходное состояніе безземельныхъ крестьянъ, въ которое они будутъ поставлены при полученіи добавочныхъ участковъ". [1])

Кромѣ четырехъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь выше, допускалось введеніе великороссійскаго положенія еще въ уѣздахъ новгородсѣверскомъ и глуховскомъ.

Ходатайство объ этомъ новгородсѣверскаго дворянства разсматривалось въ засѣданіи Присутствія 9 іюня. Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и новгородсѣверскій предводитель дворянства графъ К. Л. Шуленбургъ. Сущность его представленія заключалась въ томъ, чтобы признать великороссійское положеніе господствующимъ въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, съ предоставленіемъ, впрочемъ, свободнаго выбора тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые бы захотѣли устроить свои отношенія съ крестьянами по положенію малороссійскому.

Основанія, выставленныя гр. Шуленбургомъ, въ пользу своего ходатайства, были слѣдующія:

1) „Хотя равномѣрный, собственно тягловой надѣлъ угодій и отбываніе по нему одинаковой повинности въ пользу помѣщика введены въ немногихъ только имѣніяхъ, и то въ позднѣйшее время, гдѣ земли уже правильно разбиты на десятины, но во всѣхъ владѣніяхъ крестьяне, надѣленные покосами, издревле отбывали и отбываютъ издѣльную повинность, хотя и съ душъ, но съ одиночною запряжкою.

2) Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне пользуются не пѣшимъ только усадебнымъ и полевымъ надѣломъ, но и покосами, который (?) и даетъ право на требованіе отъ нихъ подворной повинности.

3) Крестьяне въ случаѣ спѣшенія (т. е. если они дѣлаются пѣшими) какого-либо домохозяина, отбираютъ отъ него пахати, по случаю неспособности его нести конную или воловую повинность и возвращаютъ лишь по пріобрѣтеніи имъ хорошаго скота.

---

[1]) Журналъ № 13, 22 мая.

4) Существующій въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ хозяйственный порядокъ совершенно похожъ на тотъ, какой существуетъ въ сосѣдней съ нимъ орловской губерніи".

Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ доводами гр. Шуленбурга, и его ходатайство было удовлетворено. Новгородсѣверскій уѣздъ былъ поставленъ въ ряду тѣхъ, гдѣ господствующимъ признавалось великороссійское положеніе. [1])

Что касается дворянства глуховского уѣзда, то оно не возбуждало вопроса о введеніи повсемѣстно въ уѣздѣ великороссійскаго положенія. Господствующимъ въ немъ осталось, поэтому, положеніе малороссійское; великороссійское же вводилось въ видѣ исключенія.

8 августа мировой посредникъ есманскаго участка Д. Г. Лазаревичъ сдѣлалъ представленіе о томъ, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ ходатайствуютъ о введеніи въ ихъ имѣніяхъ великороссійскаго положенія. Мировой посредникъ находилъ эти ходатайства основательными, а потому заслуживающими удовлетворенія. Въ отзывахъ своихъ владѣльцы заявили, что въ ихъ имѣніяхъ существуетъ тягловая система, всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность: „Всѣ эти имѣнія составляютъ непрерывную смежность или съ пограничными великороссійскими уѣздами: рыльскимъ, путивльскимъ и сѣвскимъ, или между собой; обработка земли производится въ нихъ легко и повсемѣстно одноконною сохою; вся мѣстность или юго-восточная часть уѣзда, заключая въ себѣ дачи всѣхъ этихъ селеній, составляетъ непрерывное черноземное пространство земли".

На представленіе Д. Г. Лазаревича, Губернское Присутствіе указало, что введеніе великороссійскаго положенія можетъ послѣдовать только по обоюдному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ, а если согласія нѣтъ, то окончательно дѣло рѣшается мировымъ съѣздомъ. [2]) Д. Г. Лазаревичъ почему-то очень

---

[1]) Журналъ № 21, 9 іюня.
[2]) Журн. № 34, 14 августа.

торопился съ разрѣшеніемъ вопроса о введеніи въ его участкѣ великороссійскаго положенія. 23 августа, чрезъ 15, значитъ, дней, не получая отвѣта отъ Губернскаго Присутствія, онъ снова повторилъ свое ходатайство, [1]) хотя въ это время вопросъ, какъ мы знаемъ, былъ уже разрѣшенъ. Получивъ журналъ Присутствія, мировой посредникъ нашелъ въ немъ противорѣчіе съ циркуляромъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что когда Губернское Присутствіе сдѣлало представленіе о повсемѣстномъ введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійскаго положенія, министерство не нашло возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ законодательнымъ путемъ, и управляющій министерствомъ напомнилъ при этомъ порядокъ введенія великороссійскаго положенія, какой былъ уже опредѣленъ закономъ 19 февраля. Въ циркулярѣ своемъ онъ только выразился, что въ случаѣ отсутствія согласія между помѣщиками и крестьянами, великороссійское положеніе вводится по окончательному рѣшенію мирового посредника. [2]) Здѣсь-то Д. Г. Лазаревичъ и увидѣлъ противорѣчіе съ журналомъ Присутствія. Послѣднее, очевидно, боясь рѣшеніе вопроса такой первостепенной важности предоставить усмотрѣнію единоличной власти посредника—говорило вмѣсто мирового посредника о мировомъ съѣздѣ.

По этому поводу Д. Г. Лазаревичъ возбудилъ вопросъ, долженъ ли посредникъ представлять мировому съѣзду всѣ данныя по ходатайствамъ о введеніи великороссійскаго положенія, не дѣлая никакого заключенія, или же постановивъ собственное рѣшеніе и объявивъ его помѣщику и крестьянамъ, предоставить недовольной сторонѣ жаловаться въ мировой съѣздъ въ опредѣленный срокъ?

Интересно опредѣленіе Губернскаго Присутствія въ отвѣтъ на это представленіе. Мы приводимъ его цѣликомъ. „Какъ предписаніе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 27 іюня съ № 2243, такъ и опредѣленіе Губернскаго При-

---

[1]) Журн. № 40, 1 сентября.

[2]) Журн. № 23, 13 іюля.

сутствія, изложенное въ журналѣ № 34, ссылаясь на однѣ и тѣ же статьи, не могутъ оставлять сомнѣнія относительно надлежащаго ихъ смысла. Что касается второго, предложеннаго г. посредникомъ вопроса, то, представляя въ мировой съѣздъ частныя ходатайства о введеніи великороссійскаго положенія, мировой посредникъ, безъ сомнѣнія, долженъ представить всѣ тѣ данныя, которыя необходимы будутъ съѣзду для правильности рѣшенія дѣла; постановлять же по дѣламъ подобнаго рода свое рѣшеніе, а тѣмъ болѣе объявлять его владѣльцу и крестьянамъ съ предоставленіемъ только недовольной сторонѣ права жалобы въ опредѣленный срокъ мировому посреднику не слѣдуетъ".[1]) Губернское Присутствіе осталось, такимъ образомъ, вѣрно своему первоначальному постановленію, предоставивъ окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса коллективному учрежденію.

Кажется, впрочемъ, и это далеко не всегда гарантировало полную осторожность при введеніи великороссійскаго положенія въ Малороссіи.

Въ засѣданіи мирового съѣзда 2 сентября въ г. Глуховѣ мировой посредникъ ямпольскаго участка М. Н. Карпѣка представилъ на разрѣшеніе слѣдующій случай. Въ имѣніи одного помѣщика его участка крестьяне отбывали повинность по тягламъ; но были и такіе, которые имѣли по полтягла. Какое положеніе слѣдовало примѣнить въ такомъ имѣніи, великороссійское или малороссійское? Мировой посредникъ склонялся къ великороссійскому положенію. „Когда повинность отбывается крестьянами отъ тягла и полутягла одинаково (отдѣльно по каждому виду)—говорилъ онъ—и надѣлъ тягла и полутягла тоже одинаковъ, то такое хозяйство слѣдуетъ признавать великороссійскимъ, ибо, сколько ему извѣстно, по имѣніямъ великороссійскимъ тоже существуютъ хозяйства, гдѣ имѣются тягла и полутягла; послѣдніе отбываются пѣшими рабочими."

Мировой съѣздъ согласился съ мнѣніемъ посредника, но, не имѣя яснаго указанія на подобные случаи въ законѣ, рѣ-

---

[1]) Журн. № 43, 19 сентября.

шилъ не приводить своего постановленія въ исполненіе, я представить его предварительно на разрѣшеніе Губернскаго Присутствія. Двое изъ членовъ мирового съѣзда, мировой посредникъ тулиловскаго участка М. А. Фонъ-деръ-Бриггенъ и членъ отъ правительства А. В. Марковичъ, высказали при этомъ такое соображеніе: „было бы, по ихъ мнѣнію, отступленіемъ отъ Положенія—расширять предѣлы права на введеніе въ нѣкоторыя имѣнія глуховского уѣзда великороссійскаго положенія, такъ какъ право это не распространяется на всѣ виды тягольнаго хозяйства, а только на такой его видъ, въ которомъ всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность, какъ это категорически выражено въ ст. 3-й малороссійскаго Положенія".

Губернское Присутствіе нашло, что указанный ямпольскимъ посредникомъ характеръ хозяйственнаго устройства не могъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обязательному для крестьянъ введенію мѣстнаго великороссійскаго положенія. Хотя, какъ говоритъ посредникъ, повинность съ полутягла въ названномъ имѣніи и была равна повинности съ тягла, но это, должно быть, было ничѣмъ инымъ, какъ трехдневной барщиной съ пѣшаго участка, которая отбывалась пѣшимъ работникомъ безъ рабочаго скота. Иначе было бы большой несообразностью, если бы одна и таже конная повинность отбывалась съ тягла и полутягла. Самый способъ отбыванія издѣльной повинности пѣшими рабочими, какъ изображалъ его мировой посредникъ, указываетъ скорѣй на „исключительную особенность мѣстнаго малороссійскаго хозяйства". [1])

Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе не всегда и не вездѣ проявляло такую осторожность.

Въ числѣ уѣздовъ, которые хотя и не имѣли права, по малороссійскому положенію, вводить у себя положеніе великороссійское, тѣмъ не менѣе добивались его—былъ уѣздъ сосницкій. Дворянство этого уѣзда просило о введеніи великороссійскаго поло-

---

[1]) Журналъ № 49, 9 октября.

женія въ сѣверной части уѣзда, выставляя на видъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, большею частью отрубныхъ, „обработка земли производится сохою и заведено великороссійское хозяйственное устройство съ одинаковымъ надѣломъ и одинаковою за него повинностью. Ходатаемъ за сосницкое дворянство въ Губернскомъ Присутствіи явился А. И. Лизогубъ, самъ сосницкій помѣщикъ. Согласно съ заключеніемъ послѣдняго, и состоялось постановленіе о введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверной части сосницкаго уѣзда.[1])

Министерство, впрочемъ, не сразу согласилось на это. Сначала были затребованы свѣдѣнія о томъ, „сколько въ означенномъ уѣздѣ находится имѣній, къ которымъ могло бы быть примѣнено великороссійское положеніе, по точному смыслу закона".[2]) Свѣдѣнія эти были доставлены въ министерство, и высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія отъ 21 сентября разрѣшено было вводить великороссійское положеніе въ тѣхъ имѣніяхъ сѣверной части сосницкаго уѣзда, гдѣ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность.

Предписаніе объ этомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было доложено Губернскому Присутствію въ засѣданіи 18 октября. Тогда же было доложено и другое его предписаніе о признаніи господствующимъ въ уѣздахъ новозыбковскомъ, суражскомъ, мглинскомъ, стародубскомъ и новгородсѣверскомъ великороссійскаго положенія. Малороссійское положеніе разрѣшалось вводить здѣсь только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ исключенія. Журналъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія по этому поводу былъ высочайше утвержденъ 26 сентября.[3])

Великороссійское положеніе было выгодно для помѣщиковъ, потому что опредѣляло меньшій размѣръ душеваго надѣла, но

---

[1]) Журналъ № 11, 17 мая.

[2]) Журналъ № 23, 13 іюля.

[3]) Журналъ № 52, 18 октября.

зато большій оброкъ, чѣмъ это установлено было для соотвѣтствующихъ уѣздовъ положеніемъ малороссійскимъ. [1]) Это и побуждало какъ отдѣльныхъ дворянъ, такъ и дворянства цѣлыхъ уѣздовъ хлопотать о введеніи его у себя. Хлопоталъ, напр., о введеніи великороссійскаго положенія въ своемъ имѣніи въ борзенскомъ уѣздѣ гвардіи капитанъ Александръ Петровичъ Шечковъ. Губернское Присутствіе нашло, что „введеніе великороссійскаго положенія въ одномъ изъ имѣній борзенскаго уѣзда ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ" [2]). Хлопотало и кролевецкое дворянство. Кролевецкій уѣздъ, говорило оно, граничитъ съ курскою губерніею и имѣетъ хозяйственное устройство, сходное съ хозяйственнымъ устройствомъ смежныхъ уѣздовъ этой губерніи. Въ кролевецкомъ уѣздѣ недостатокъ полевой земли. Тамошніе крестьяне обращаютъ главное вниманіе на разведеніе огородныхъ растеній. Усадьбы ихъ, поэтому, состоятъ преимущественно изъ огородовъ. Въ этомъ уѣздѣ помѣщики не содержали своего рабочаго скота, такъ какъ запашки ихъ, по свойству почвы, безъ затрудненія обработывались крестьянскими, одноупряжными сохами, взамѣнъ чего крестьяне преимущественно были надѣлены сѣнокосными угодьями. Губернское Присутствіе все-таки не удовлетворилось этими доводами и рѣшительно отклонило ходатайство кролевецкихъ дворянъ. [3]) Великороссійское положеніе не было, такимъ образомъ, введено въ кролевецкомъ уѣздѣ.

---

[1]) Для уѣздовъ мглинского, суражскаго и новозыбковскаго малорос. полож. высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли былъ установленъ въ $4^1/_2$ дес; высшій размѣръ пѣшаго участка полевой земли въ 7 дес.; рабочихъ дней за десятину полевой земли 12; оброкъ по 1 р. 40 коп. за десятину. Низшій надѣлъ исчислялся въ половину высшаго (Прилож. къ 9 ст. малорос. полож.) Въ сосѣднихъ же мѣстностяхъ смоленской и орловской губерній высшій душевой надѣлъ былъ 4 дес., за которые полагалось 40 мужскихъ барщинскихъ дней и 8 р. оброка. Низшій надѣлъ исчислялся въ $^1/_3$ высшаго (Велик. полож. ст. 190).

[2]) Журналъ № 23, 13 іюня.

[3]) Журналъ № 26, 22 іюня.

Такова оффиціальная исторія введенія великороссійскаго положенія въ Малороссіи, на сколько можно прослѣдить ее по журналамъ Губернскаго Присутствія. Одному можно только удивляться—это тому довѣрію, съ которымъ Губернское Присутствіе относилось въ такомъ важномъ дѣлѣ къ доводамъ, которые приводились въ пользу господства великороссійскаго хозяйства въ той или другой мѣстности предводителями дворянства, т. е. стороной заинтересованной, потому уже не бывшей въ состояніи отнестись къ дѣлу безпристрастно. Изъ журналовъ Присутствія нигдѣ не видно, чтобы оно когда-нибудь примѣнило повѣрку дворянскихъ доводовъ, захотѣло бы убѣдиться, дѣйствительно ли въ той или другой мѣстности существуетъ тягловое великороссійское хозяйство, на сколько оно распространено, выгодно и соотвѣтствуетъ желанію крестьянъ? Вводя въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійское положеніе, Губернское Присутствіе какъ бы совершенно забыло про интересы послѣднихъ. Болѣе того, оно совершенно игнорировало ихъ. Потому то Губернское Присутствіе и шло такъ дѣятельно навстрѣчу отмѣнѣ закона, который былъ, правда, непріятенъ дворянству, но который хотя немного ограждалъ интересы крестьянъ, когда требовалъ и ихъ согласія на введеніе великороссійскаго положенія.

Для того, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе этого факта, мы должны сравнить великороссійское положеніе съ малороссійскимъ и отмѣтить ихъ существенную разницу.

Ник Василенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XIII.

„Первые дни послѣ нашей свадьбы"—писалъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„наполнены были впечатлѣній высокихъ: то читали мы Пушкина, то восхищались пѣснями Шевченка, то радовались письмамъ безцѣннаго Петра Александровича и его домашнихъ. Къ увлеченію нашихъ духовныхъ наслажденій, Петръ Александровичъ прислалъ намъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ пріятелями" (sic) Гоголя, съ наказомъ запереться отъ всѣхъ съ Сашей и заразъ прочитать внимательно всю книгу". „Переписка съ друзьями" была прислана авторомъ Плетневу для напечатанія въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ типографій и съ просьбой о полнѣйшемъ секретѣ, который въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно, свято сохранился Плетневымъ, но для Кулиша было сдѣлано исключеніе, какъ для особенно близкаго человѣка и притомъ горячо интересовавшагося всѣмъ, чтò касалось Гоголя: такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ довѣріи до нѣкоторой степени сказалась степень дружеской довѣрчивости Плетнева къ Кулишу. Сохранились впрочемъ даже

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 3.

извѣстія, что Плетневъ хотѣлъ передать Кулишу свой „Современникъ“, [1]) а предъ выѣздомъ за границу рекомендовалъ Кулиша Жуковскому слѣдующимъ выраженіемъ: „посылаю тебѣ другого себя“.

Кулишъ поѣхалъ съ женою на Кіевъ и Варшаву. Въ Кіевѣ онъ видѣлся съ Юзефовичемъ, Юскевичемъ, библіографомъ Свидзинскимъ, съ княжной Вар. Ник. Репниной и познакомился съ Ригельманомъ, о которомъ даетъ самый лучшій отзывъ какъ въ письмѣ, такъ и въ дневникѣ. Въ Варшавѣ же онъ познакомился съ молодымъ ученымъ полякомъ Микуцкимъ, желавшимъ поступить въ московскій университетъ и уже представившимъ одно филологическое изслѣдованіе въ Академію наукъ, которое удостоилось тамъ одобренія, переданнаго ему черезъ Плетнева. Кулишъ рекомендуетъ его вниманію Бодянскаго. Въ дорогѣ онъ дышитъ полною грудью и наслаждается всѣми фибрами своего существа, раздѣляя восторги съ женою, о которой съ удовольствіемъ замѣчаетъ въ дневникѣ: „Спутница моя—великая охотница до развалинъ, и въ Корцѣ налюбовалась ими вдоволь“. Общее настроеніе самое счастливое: „Благодарю Провидѣніе и чувствую, какъ много долженъ я поработать, чтобъ оправдать его необыкновенную благость ко мнѣ“. [2])

---

[1]) См. Переписку Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 613 и проч.

[2]) Болѣе подробный маршрутъ Кулиша можетъ быть намѣченъ на основаніи его дневника: изъ Кіева онъ поѣхалъ черезъ Волынскую губернію, миновалъ Радомысль и Житоміръ, Новоградъ-Волынскъ, Корецъ, наконецъ прибылъ въ Варшаву. Вездѣ его вниманіе привлекали красоты мѣстностей, остатки древностей, развалины; онъ постоянно ихъ рисовалъ, интересъ археолога и живое чувство эстетика находили себѣ повсюду обильную пищу; на все Кулишъ смотрѣлъ глазами любознательнаго и мыслящаго человѣка, безъ всякаго искусственнаго напряженія и почти незамѣтно для самого себя схватывая въ каждомъ заслуживающемъ вниманія предметѣ черты, часто совершенно ускользающія отъ людей, усердно старающихся осматривать въ путешествіи достопримѣчательное, но не умѣющихъ найти... Кулишъ же былъ и драгоцѣннымъ спутникомъ для менѣе наблюда-

Со временемъ Кулишъ въ весьма поэтическихъ краскахъ выражалъ свои чувства въ письмахъ къ женѣ, напр., говоря о хуторѣ Мотроновкѣ, онъ однажды писалъ: „Здѣсь все оживляетъ въ моей душѣ воспоминанія сладкихъ минутъ любви моей, и ты, будучи наконецъ старушкою, въ этихъ мѣстахъ вѣчно будешь одарена сіяніемъ молодости, которая даровала мнѣ столько счастливыхъ минутъ и поэтическихъ страданій". Въ другомъ письмѣ и въ другое время онъ говорилъ: „Я нашелъ наши вѣнчальныя свѣчи и возьму ихъ съ собою. Священный памятникъ! я не желалъ бы оставить его въ чьихъ-бы то ни было рукахъ послѣ моей смерти; оскорбительна и самая мысль объ этомъ. О Саша, да будетъ благословенъ день нашего знакомства! Много горя испыталъ я отъ своего собственнаго и твоего неблагоразумія, но душа моя удовлетворена сознаніемъ, что меня любила и любитъ такая благородная, прекрасная женщина". Такія чувства онъ сохранилъ къ женѣ до золотой свадьбы, т. е. до послѣднихъ дней жизни.[1])

Веселые и счастливые ѣхали Кулишъ съ женой и В. М. Бѣлозерскій; въ самомъ радостномъ настроеніи были они въ Варшавѣ, гдѣ много бесѣдовали съ своимъ землякомъ, сенаторомъ Стороженкомъ, который привлекалъ къ себѣ Кулиша своими украинскими симпатіями и интересами и хранившимся у него рѣдкими національными документами высокой цѣнности. Стороженко рекомендовалъ Кулиша намѣстнику, извѣстному Паскевичу—также малороссу—какъ козака чистой крови.— „Приводи его ко мнѣ!" съ живостью воскликнулъ Паскевичъ, но въ эту самую минуту получилъ изъ Петербурга приказъ объ

тельныхъ людей, невольно открывая имъ глаза на эти «ускользающія достопримѣчательности».

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Чуйкевичу Кулишъ говоритъ: «Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе: Шевченка наизусть знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иного и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдностямъ человѣчества—однимъ словомъ, достойная самой высокой степени въ обществѣ» («Кіевская Старина», 1893, IX, стр. 357).

арестѣ Кулиша, и Кулишъ съ Бѣлозерскимъ немедленно были отправлены обратно.

XIV.

Трехлѣтнее пребываніе въ Тулѣ было самой безотрадной полосой въ многострадальной жизни Кулиша. [1]) Испытаніе казалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ рѣзче и безпощаднѣе чувствовался переходъ отъ мелькнувшаго свѣтлымъ лучемъ счастья и радужныхъ блестящихъ надеждъ недавняго прошлаго къ мукамъ безпросвѣтнаго горя. Все порвалось сразу, но молодость и избытокъ душевныхъ силъ имѣли спасительное дѣйствіе на Кулиша, облегчая тяжесть наложенныхъ на него веригъ. Благодаря имъ, блѣднѣло сознаніе неожиданно рухнувшей карьеры и бодрѣе переносились тяжелыя матеріальныя невзгоды, хотя ничто не было въ силахъ заглушить въ такой энергичной и дѣятельной натурѣ болѣзненнаго ощущенія невольнаго перерыва дѣятельности. Въ то время какъ другого прежде всего стала бы въ подобномъ положеніи угнетать мрачная неизвѣстность въ будущемъ и невыносимая окружающая обстановка, „горячій“ Кулишъ жестоко страдалъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ человѣкъ, призванный къ дѣятельности и борьбѣ, полный силъ и по самому темпераменту рвущійся въ водоворотъ жизни, но въ это же время обреченный на несвойственное ему бездѣйствіе; его терзала насильная и безплодная задержка на неопредѣленное время на только-что начатомъ пути, тогда какъ жизнь не ждала, и лучшіе годы уходили. Разлученный съ друзьями, оторванный отъ литературнаго міра, онъ былъ поставленъ въ необходимость,

[1]) Первоначально Императоромъ Николаемъ было назначено: «запретить писать и на службу въ Вологоду». («Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 292).

отложивъ лучшія мечты и надежды молодости, сживаться съ несимпатичной и чуждой средой, съ которой мало имѣлъ общаго и въ особенности не былъ связанъ самыми интимными, задушевными стремленіями. Находясь на положеніи ссыльнаго, онъ былъ, наконецъ, обреченъ терпѣть всякія придирки и стѣсненія со всѣхъ сторонъ и считаться съ предубѣжденіями мѣстныхъ обывателей. Дневникъ былъ теперь надолго забытъ Кулишемъ, и только 6 октября 1848 г. онъ записалъ въ немъ слѣдующія строки: „Этотъ большой промежутокъ времени“ (съ начала ссылки) „исполненъ былъ разнаго рода горестями, которыхъ не имѣю духу писать, потому что до сихъ поръ не вышелъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которое попалъ, какъ въ яму. Надѣюсь, что съ перемѣной обстоятельствъ я примусь за описаніе этой эпохи моей жизни съ удовольствіемъ пловца, разсказывающаго о минувшихъ опасностяхъ. Теперь, для ясности дневника, скажу только, что въ Варшавѣ я былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а оттуда послали меня на службу въ Тулу. Здѣсь я нашелъ въ людяхъ, съ которыми я долженъ былъ имѣть сношенія, такую суровость нравовъ, какъ будто я опальный временъ Бориса Годунова. Должности по службѣ мнѣ до сихъ поръ не дали (т. е. не дали такой, которая была бы для меня сносною), и я живу съ женой въ тѣсной квартирѣ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ“.[1]) Въ исходѣ перваго года ссылки онъ въ такихъ выраженіяхъ жаловался на свое житье О. М. Бодянскому: „Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку—не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи“. Въ то же время онъ утѣшалъ Бодянскаго,

---

[1]) «Кіев. Ст.», 1897, X, 43 и „Рус. Арх.“ 1892, XI, 299—300

переведеннаго за напечатаніе извѣстнаго сочиненія Флетчера въ казанскій университетъ изъ московскаго. 24 ноября 1848 г. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Полежимъ на прилавкѣ и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безпечно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились, работа вырвана у насъ изъ рукъ: отчего жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашымъ ворогамъ було тяжко: пускай видитъ свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычества его". [1]) „Къ счастію, тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще въ вывокой степени и невозможно ничѣмъ убить его".

XV.

Внѣшняя обстановка Кулиша была, конечно, также самая печальная. Еще въ самое первое время было немного легче: молодому и полному энергіи идеалисту какъ-то не вѣрилось, чтобы судьба надолго захотѣла забросить его въ Тулу, и онъ, несмотря ни на что, нѣкоторое время не терялъ надежды на скорое избавленіе. Молодые супруги заняли недурную квартиру въ домѣ какого-то кузнеца, стоившую четыреста руб-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1892, XI, 302, и «Кіевск. Стар.», 1897, XI, 242. Впослѣдствіи, когда, по миновании кары, Бодянскій былъ снова возвращенъ на московскую каѳедру, Кулишъ писалъ ему: «Нужно ли увѣрять васъ, что я отъ всей души раздѣляю вашу радость. Я впрочемъ долго досадовалъ на себя, отчего я не радуюсь возвращенію вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ. Но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволку, которая тонкою, но непрерывною

лей въ годъ, что̀ показываетъ въ нихъ недостаточное пока сознаніе всей трудности своего положенія; они старались, насколько возможно, украсить свое изгнанническое жилище согласно съ требованіями развитаго вкуса. Но мѣсяцы тянулись длинной вереницей и рѣшительно не приносили съ собой ничего похожаго на смягченіе участи, а между тѣмъ понемногу проживалось все приданное, такъ что вскорѣ пришлось переселиться уже на маленькую дешевую квартирку, состоявшую всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ мебелью. Здѣсь-то начинались всякія невзгоды и непріятности. Въ противоположность прежнему доброму, хотя и совершенно простому хозяину-кузнецу, котораго Кулишъ въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи безуспѣшно хотѣлъ сколько-нибудь образовать и съ этой цѣлью нерѣдко приглашалъ къ себѣ на чай или на вечеръ, новые хозяева стали обращаться съ своими жильцами, какъ съ людьми отверженными и беззащитными, которыхъ можно было тѣснить сколько душѣ угодно, потому что они, какъ люди опальные и безправные, не могли жаловаться. Рѣшивъ, что съ ссыльными церемониться нечего, эти люди начали мало-по-малу, основываясь на томъ, что для двоихъ не надо много мѣста, постепенно отнимать у жильцовъ то комнату, то сѣни, то сарай для дровъ, и даже начали застанавливать сундуками выходъ изъ квартиры. „Дней десять или болѣе назадъ“, писалъ однажды Кулишъ оному изъ родственниковъ,—„мы испытали отъ своихъ хозяевъ такія непріятности, что должны были перемѣнить квартиру. Къ нимъ изъ Москвы возвратились ихъ прежніе жильцы, и этого было достаточно, чтобъ загородить сундукомъ дверь въ общую переднюю и заставить насъ принимать гостей черезъ кухню и спальню—другого средства выжить насъ въ ихъ головахъ не отыскалось. И послѣ этого еще приходитъ хозинъ прощаться какъ ни въ

нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ». За все время отсутствія Бодянскаго изъ Москвы Кулишъ часто спрашивалъ его, не нуждается ли онъ, и предлагалъ ему деньги.

чемъ не бывало. Мы перенесли эту скверность съ образцовымъ терпѣніемъ". Квартирной платы такіе люди, разумѣется, не хотѣли ждать ни одного лишняго дня, и каждый разъ передъ приближеніемъ срока хозяйка цѣлый день съ утра не уставала напоминать о ней. Но особенно возросла ихъ наглость, когда молодымъ изгнанникамъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ нищетой. Они могли бы, правда, написать о своемъ положеніи въ деревню, къ тещѣ Кулиша, но этому мѣшало то, что послѣдняя, слишкомъ живо принимая къ сердцу всѣ интересы молодой четы, была намѣренно и весьма заботливо оставляема въ невѣдѣніи о томъ, что̀ происходило на самомъ дѣлѣ; если-бы она могла только представить себѣ, какую нужду, какую горькую участь терпѣла съ зятемъ на чужой сторонѣ ея любимая дочь, только что выпорхнувшая изъ теплаго родительскаго гнѣздышка и всегда балованная не только своей семьей, но даже всѣми сосѣдями! Трудно было-бы поручиться, какія послѣдствія могло имѣть не прикрашенное правдивое извѣстіе, способное, можетъ быть, ее, не привыкшую къ самой мысли о ссылки мужа своей дочери, убить въ буквальномъ смыслѣ слова. „Жена уѣхала въ Малороссію"—писалъ Кулишъ Бодянскому въ октябрѣ 1847 г., слѣдовательно уже по прошествіи полугода ихъ ссылки—„чтобы отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща". [1]) Но при свиданіи она не рѣшилась разсказать матери всю истину о ихъ житьѣ-бытьѣ, хотя послѣднее становилось совершенно невыносимымъ, когда даже ихъ собственная крѣпостная прислуга, видя беззащитность господъ, начала имъ заявлять съ презрѣніемъ, что она не привыкла къ ихъ порядкамъ, что у настоящихъ господъ долженъ быть собственный домъ, а не наемная квартира, что они должны держать цѣлый штатъ слугъ и занимать просторные покои. Эти мелочи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, не давали забывать о горькой бесправности,

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 43.

въ особенности когда надо было перебиваться, отказывая себѣ въ необходимомъ, спать на полу и скрывать отъ окружающихъ размѣры своей нужды, во избѣжаніе того смѣшаннаго съ ненавистью презрѣнія, съ какимъ относятся всякаго рода холопы къ обѣднѣвшимъ господамъ". [1]) Жестокое однообразіе ворчанья хозяйки и горничной, не безъ ядовитости любившей напоминать женѣ Кулиша о прежней лучшей порѣ, о колясках и другихъ принадлежностяхъ былого довольства, всякія дрязги въ родѣ совершенно открытаго и наглаго грабежа дровъ въ сараѣ, и т. п.—до того разстраивали и выводили изъ себя, что Кулишъ далъ своимъ гонительницамъ разныя нелестныя для нихъ прозвища въ городѣ: проклятущая баба № 1, проклятущая баба № 2 и т. п. Въ то же время приходилось иногда подвергаться обидному обращенію и со стороны людей, принадлежавшихъ къ такъ называемому образованному классу. Такъ, однажды съ чувствомъ глубокаго возмущенія Кулишъ сообщалъ своей женѣ объ одномъ родственникѣ ихъ общихъ знакомыхъ: „Сегодня онъ присылаетъ мнѣ солдата сказать мнѣ, что у него есть какое-то письмо ко мнѣ изъ Петербурга и что не угодно ли мнѣ съ нимъ повидаться. Я разспросилъ солдата обстоятельно, какъ именно онъ говорилъ, и убѣдился, что дѣйствительно, вмѣсто визита мнѣ, послалъ за мной, какъ за сапожникомъ. Хоть бы записку написалъ и, какъ водится между порядочными людьми, извинился чѣмъ-нибудь, что не можетъ самъ побывать у меня, а проситъ къ себѣ, а то отыскалъ какого-то десятскаго и, для перваго знакомства, прислалъ пригласить къ себѣ въ гостинницу".

Тяжело было все это, но еще несравненно тяжелѣе было невольное отчужденіе отъ общества, происходившее отъ того, что «всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того образованія,

---

[1]) Злосчастная чета должна была даже прибѣгать къ хитростямъ, чтобы скрыть свое истинное положеніе; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду приказывали ставить самоваръ, не пользуясь имъ, частью для вида, частью только для прислуги.

при которомъ знакомство было бы пріятно», такъ что—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: «одинъ только художникъ А. да его сестра у насъ бываютъ». При такихъ условіяхъ осталось только совершенно утонуть въ литературныхъ занятіяхъ, [1]) какъ и дѣлалъ Кулишъ, изучая лѣтописи и „Книгу Большого Чертежа [2]) и работая надъ собственными трудами; но натура подвижного сангвиника требовала болѣе разнообразной дѣятельности и больше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью. Тѣмъ не менѣе свойственная Кулишу бодрость духа и спокойная совѣсть значительно облегчали трудность его положенія. 27 іюня 1840 г. онъ писалъ Бодянскому: „Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Невдалекѣ отъ города на низменномъ холмѣ виднѣется прекрасная церковь съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церкви кладбище съ сельскими непышными крестами; за нею и вокругъ—поля и лѣса.“ [3]) Любовь къ природѣ является прекраснымъ бальзамомъ для душевныхъ мукъ. Позднѣе, 10 мая 1850 года, Кулишъ также писалъ Бодянскому: „Я совершилъ новый переѣздъ на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ сады и пруды, въ которыхъ безъ умолку распѣваютъ воздушные и водяные жители, чтò мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи“. [4])

---

[1]) Кулишъ написалъ въ Тулѣ «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ», историческій романъ «Алексѣй Однорогъ», романъ «Искатели счастья» (потомъ сожженный, но изъ него напечатана часть подъ названіемъ «Потомки Гайдамаковъ».

[2]) «Русскій Архивъ», 1892, XI, 299; «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 42.

[3]) «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 253.

[4]) Тамъ же, стр. 258.

XVI.

Черезъ нѣкоторое время, однако, нашлись въ Тулѣ образованные люди, понимающіе значеніе идей и дѣятельности Кулиша и умѣвшіе цѣнить его какъ талантливаго представителя серьезнаго умственнаго труда. Между такими людьми онъ нашелъ потомъ даже друзей и почитателей, что, безъ сомнѣнія, не могло не ободрить его въ нравственномъ отношеніи, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ „считать себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любитъ". [1]) Впрочемъ, самочувствіе его было все-таки, можетъ быть, лучше, нежели его товарищей по изгнанію; онъ все-таки „благоденствовалъ, поколику это возможно въ Тулѣ", [2]) тогда какъ Н. И. Костомаровъ приблизительно около того же времени жаловался на то, что его въ Саратовѣ „томитъ такая убійственная грусть, которую описать невозможно. Заняться нечѣмъ, читать нечего". [3]) „Горе мнѣ на чужинѣ и только", писалъ онъ, а его мать значительно позднѣе сокрушалась о томъ, что „Николай безъ должности; мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованія, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ", [4]) А между тѣмъ Костомаровъ пользовался несравненно лучшимъ обществомъ, къ которому принадлежали между прочимъ люди, также интересовавшіеся исторіей, какъ напр. сдѣлавшійся впослѣдствіи профессоромъ петербургскаго Александровскаго лицея Е. А. Бѣловъ и другіе. Мы едва ли ошибемся, если эту разницу объяснимъ неодинаковымъ семейнымъ положеніемъ обоихъ друзей; жизнь Костомарова была некрасна, помимо неволи, отъ стеченія цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимала потеря имъ около того времени

---

1) «Кіевская Старина», 1897, X, стр. 43.

2) Тамъ же, стр. 44.

3) Тамъ же, стр. 133.

4) Тамъ же, стр. 139.

восьми слишкомъ тысячъ руб. денегъ и необезпеченная жизнь безъ жалованья, грозившая разореніемъ, и все-таки въ матеріальномъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ почти круглымъ бѣднякомъ Кулишомъ. Но недозволеніе ѣхать въ Кіевъ для женитьбы, безпокойство за жизнь матери, долго оставлявшей его безъ писемъ въ холерный 1848 годъ, хлопоты и заботы по поводу веденной ею тяжбы, а главное—отсутствіе живой нравственной поддержки въ средѣ домашней удручали его до того, что онъ однажды характеризовалъ свое нравственное состояніе въ слѣдующей фразѣ: „цѣпь горестей вяжетъ всю жизнь мою“.[1]) Кулишу, напротивъ, сильно облегчала бремя ссылки его жена, бывшая для него не только вѣрной спутницей, но и главной его нравственной опорой. Это было существо, преданное ему въ высшей степени, энтузіастка любви и преданности, готовая всюду идти за нимъ, подвергаться для него всякимъ испытаніямъ. „Видя передъ собой человѣка съ божественнымъ ореоломъ“,—говорила она,—я молилась его образу, дивилась ему, наглядѣться не могла“. Всѣ планы, большіе и малые, каждый жизненный шагъ обсуждались обоими супругами сообща, безъ разногласій и неудовольствій. Но особенно Кулишъ почерпалъ всегда энергію въ беззавѣтной преданности своей жены, встрѣчая въ тяжелыя минуты ея заботливый, любящій взоръ. По своей практичности имъ случалось иногда обоимъ ради насущнаго хлѣба придумывать совершенно неподходящіе для нихъ предпріятія, напр. нанимать огородъ для обработыванія овощей, но, съ другой стороны, иногда удавалось въ самомъ дѣлѣ пріискать полезный и благодарный трудъ; такъ, по цѣлымъ часамъ работалъ Кулишъ за столярнымъ верстакомъ, трудясь надъ выдѣлкой подставокъ для иконъ, такъ называемыхъ „божниковъ“, чтобы продажей ихъ выручить хоть какія-нибудь деньги. Такая нравственная выдержка и энергія молодой четы, такое умѣнье обегчать другъ другу общее бѣдствіе были высоко оцѣнены тѣми людьми, кото-

[1]) Тамъ же, стр. 136.

рымъ случалось ближе узнать въ то время жизнь Кулишей и которые умѣли уважать нравственныя достоинства, не смущаясь бѣдностью обстановки. И вотъ Тула, а отчасти Москва, даютъ Кулишу нѣсколько новыхъ драгоцѣнныхъ друзей, сохранившихъ къ нему навсегда теплую привязанность. Въ то время прежде всего съ нимъ сблизился жившій въ Москвѣ директоръ Московско-Тульскаго банка Николай Яковлевичъ Макаровъ. Изъ признательности къ его теплой, безкорыстной дружбѣ и изъ уваженія къ его уму и рѣдкой добротѣ, Кулишъ, лишившійся по волѣ императора Николая I права писать и подъ своими произведеніями подписывать собственную фамилію, какъ бы слилъ на время свою литературную личность съ его именемъ, такъ что и до сихъ поръ нѣкоторые его труды не успѣли появиться въ новыхъ изданіяхъ подъ именемъ своего настоящаго автора. Главный же другъ Кулиша въ Тулѣ былъ жандармскій капитанъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, служившій впослѣдствіи комендантомъ динабургской крѣпости. Сближеніе съ нимъ Кулиша было настолько тѣсное, что они даже задумали написать вмѣстѣ романъ, не составивъ, однако, предварительно общаго плана, но поступая такъ: напишетъ одинъ изъ нихъ главу и, не сообщивъ даже товарищу по работѣ содержанія написаннаго, получитъ отъ него продолженіе—и такъ было написано нѣсколько главъ... [1]) Очень оригинальна была первая встрѣча и начало знакомства Кулиша съ Гусевымъ. Однажды въ концѣ іюля, наканунѣ именинъ Кулиша, [2]) его жена, занимаясь убран-

[1]) Объ этомъ романѣ Кулишъ писалъ въ 1865 г. В. В. Тарновскому (см. «Кіевская Старина», 1898, IV, 111 стр.) Копія съ рукописи хранится у одного изъ родственниковъ Кулиша, И. И. Бѣлозерскаго.

[2]) Именины Кулиша всегда праздновались нашей изгнанническою четой по возможности весело, для чего обыкновенно они пользовались квартирой своего пріятеля Гусева. Однажды онъ такъ описывалъ это Бодянскому: „Играли на фортепіано, пѣли, танцовали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиной полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ

ствомъ комнаты и устраивая гирлянду изъ полевыхъ цвѣтовъ для семейнаго праздника, стала на подоконникъ и вдругъ, къ величайшему ужасу своему, видитъ на улицѣ неизвѣстнаго человѣка въ синемъ мундирѣ, направляющагося самымъ несомнѣннымъ образомъ прямехонько къ ихъ калиткѣ. Этого было достаточно, чтобы напуганное воображеніе нервной женщины нарисовало страшную картину, и Александра Михайловна едва могла удержаться на ногахъ. Поспѣшно соскочивъ съ подоконника, она едва успѣла, показавъ въ окно, шепнуть мужу: „Кажется, насъ ждетъ новое несчастіе!". Но вотъ непрошенный гость уже входитъ въ калитку. Пантелеймонъ Александровичъ, только-что вернувшійся съ кладбища, на которое любилъ ходить, любуясь тамъ цвѣтами, выходитъ на встрѣчу посѣтителю, а жена его, оставшись въ комнатахъ, переживаетъ ужасныя минуты. Но что̀ это? отчего они долго не идутъ? что̀ тамъ еще между ними? Выглянувъ въ окно, Александра Михайловна видитъ нѣчто совершенно невѣроятное: мужъ ея спокойнымъ тономъ говоритъ съ человѣкомъ въ синемъ мундирѣ; еще минута—они дружески обнимаются, слышатся привѣтствія и радостныя восклицанія. Наконецъ дѣло разъясняется; незнакомецъ оказывается близкимъ родственникомъ одного изъ братьевъ Нордштремовъ, служившаго въ третьемъ отдѣленіи и просившаго его зайти навѣстить своихъ пріятелей-изгнанниковъ. Говорятъ, что Гусеву Нордштремы на прощанье совѣтовали понравиться Кулишу и заслужить его уваженіе, и вотъ на вопросъ его, чѣмъ онъ можетъ достигнуть этого, Кулишъ съ живостью отвѣчалъ: „только правдою. Судите по совѣсти, защищайте невинныхъ, будьте милостивы къ заключеннымъ, и вы будете имѣть во мнѣ друга, и синій мундиръ не помѣшаетъ моему уваженію къ вамъ".

Вскорѣ послѣ этого Гусевъ сдѣлалъ второй визитъ своимъ новымъ знакомымъ—уже съ женой, и оба семейства быстро подружились. „Прелестные люди во всѣхъ отношеніяхъ!" вспо-

---

струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ этомъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности, пейзажъ».

минаетъ о нихъ Александра Михайловна. „Мы у нихъ очень часто бывали. Онъ пріятно пѣлъ „Бородушку“ и другія народныя пѣсни. Онъ предлагалъ намъ выстроить флигель на своемъ дворѣ“. Потомъ эти близкія отношенія были на короткое время прерваны смертью молодой жены Гусева, что повергло его въ глубочайшее отчаяніе; она скончалась въ Торжкѣ, куда поѣхала погостить у матери. Оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, Гусевъ нанялъ для нихъ нѣмку бонну, но глубоко чувствовалъ свое сиротство. Кулиши тогда приняли его предложеніе и поселились въ его домѣ въ мезонинѣ, избавившись тѣмъ отъ своихъ прежнихъ хозяевъ. [1])

Въ числѣ лицъ, умѣвшихъ съ тактомъ и деликатностью относиться къ Кулишу, слѣдуетъ назвать преемника тульскаго губернатора Крузенштерна, Козодаева, человѣка умнаго и просвѣщеннаго, пріѣхавшаго первымъ къ Кулишу съ визитомъ. Наконецъ, къ тульскому времени жизни Кулиша относится также знакомство его съ будущимъ докторомъ И. Ц. Славницкимъ, любопытное потому, что здѣсь завязались добрыя отношенія между ученымъ и смѣло обратившимся къ нему за совѣтомъ подросткомъ—гимназистомъ, который оказался потомъ горячимъ его почитателемъ. Неожиданное обращеніе къ Кулишу юноши встрѣтило въ немъ, считавшемъ всегда умственный трудъ общимъ дѣломъ и общей задачей развитыхъ людей, теплый отголосокъ. „Милостивый государь“,—отвѣчалъ Кулишъ въ письмѣ: „мнѣ очень пріятно, что вы наугадъ или почему бы то ни было считаете меня человѣкомъ, готовымъ оказать ближнему услугу. Отчасти вы не ошибаетесь; но, какъ человѣкъ прямой, я дол-

[1]) Ко времени жизни въ домѣ Гусева относятся первые уроки рисованія, данные Кулишомъ его женѣ.—Были также и другіе случайные знакомые у Кулиша въ Тулѣ, какъ напр. нѣкто Шимаяскій, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Бодянскому, Чарнецкій, получавшій отъ Кулиша польскія книги и въ благодарность доставлявшій ему книги изъ завѣдываемой имъ казенной библіотеки.

женъ васъ предупредить, что не на всякую услугу станетъ у меня великодушія. Я занятъ своими дѣлами очень сильно и при томъ съ такою (можетъ быть, и ошибочною) мыслью, что этимъ самымъ исполняю и обязанности любви къ ближнему. Вы почтили меня названіемъ „ученаго", слѣдовательно должны предполагать въ моемъ умѣ цѣль, къ которой я стремлюсь, по возможности всѣми моими силами. И такъ вы можете и даже имѣете право ожидать совѣта и даже, можетъ быть, немного болѣе того, если вы нуждаетесь въ немъ для какого-нибудь сочиненія, или для облегченія вашихъ трудовъ въ изученіи какой-нибудь хорошо извѣстной мнѣ отрасли знаній. Вы видите, что я высказываюсь вамъ просто и откровенно, и если эта записка не перемѣнитъ вашего намѣренія лично со мною побесѣдовать, то не угодно ли вамъ завтра пожаловать ко мнѣ въ 10 часовъ утра. Можетъ быть, я буду дома одинъ, а если и не одинъ, то васъ будутъ слушать лучшія уши, какія когда-либо природа помѣщала на женской головѣ: [1]) это значитъ не что иное, какъ то, что ваши, положимъ, юношескія идеи не покажутся имъ непонятными или смѣшными. Вашъ покорный слуга П. К. [2])

Письмо это кажется намъ любопытнымъ какъ потому, что оно дышитъ правдивостью и полной готовностью притти на помощь юношѣ—корреспонденту, такъ и по выраженнымъ въ немъ чувствамъ любви и уваженія, которыми онъ былъ всегда связанъ съ женой. [3])

---

[1]) Т. е. его жены.

[2]) По поводу этого письма г. Славницкій сдѣлалъ на подлинномъ слѣдующую помѣтку: „первое письмо ко мнѣ, лично еще не знакомому. Я былъ тогда гимназистомъ въ предпослѣднемъ классѣ, а Кулишъ жилъ въ ссылкѣ въ Тулѣ».

[3]) О служебной дѣятельности Кулиша въ Тулѣ мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя данныя: „опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 17 сентября 1847 года; назначенъ исполняющимъ должность корректора губернской типографіи октября 24, 1848 года". Болѣе подробныя данныя о службѣ и другихъ занятіяхъ Кулиша находимъ въ его перепискѣ.

XVII.

Въ исходѣ 1847 года Кулишу жилось уже значительно легче и представилось было, благодаря ходатайству тульскихъ знакомыхъ, правда, незначительное мѣсто при городской больницѣ. 16 декабря 1847 года онъ писалъ одному изъ братьевъ жены: „Былъ я сегодня въ первый разъ у Крузенштерна. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто смотрителя больницы; жалованья 400 р. (1500 р. асс.) и квартира. Я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе сдѣлано очень внимательно". О томъ же онъ сообщалъ Бодянскому отъ 27 декабря: „новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы" [1]). Но отъ этого мѣста, однако же, Кулишъ потомъ отказался, отговоренный женой, которая страшилась за него возможности, къ довершенію всѣхъ бѣдъ и страданій, еще заразиться какой-нибудь инфекціонной болѣзнью. О предложеніи губернаторомъ Кулишу должности помощника редактора губернскихъ вѣдомостей за 600 р. въ годъ, мы находимъ въ перепискѣ указаніе, что занятіе это было принято временно, за неимѣніемъ другихъ, по крайней нуждѣ, хотя Кулишъ, сберегая свое время для болѣе производительныхъ и пріятныхъ трудовъ, систематически отказывался отъ многихъ другихъ предложеній, напр. отъ уроковъ: „Недавно къ П. А. являлся какой-то чиновникъ съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ въ домахъ давать уроки, но П. А. отказался, потому что здѣсь самая хорошая цѣна 2 р. с. за урокъ, а тѣмъ болѣе онъ отказался, что ребенокъ десяти только лѣтъ: да за эти деньги, право, не стоитъ изъ нашей улицы выбираться"!

Таковы были условія жизни Кулишей въ Тулѣ. Отмѣтимъ въ заключеніе нашего обзора ихъ тульской жизни еще одно тяжелое приключеніе, хотя и не отразившееся ничѣмъ въ ихъ

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 44.

дальнѣйшей жизни и даже не особенно замѣтно вырисовывающееся на общемъ мрачномъ фонѣ ихъ изгнанническаго существованія, но тѣмъ не менѣе заслуживающее упоминанія. Этимъ происшествіемъ было наводненіе, чрезвычайно рѣдко случающееся въ Тулѣ (послѣднее передъ тѣмъ наводненіе было 30 лѣтъ назадъ). „Однажды"—вспоминаетъ Александра Михайловна Кулишъ—„мы услыхали какой-то необычайный гулъ; потомъ, смотримъ, понемногу появляется вода. Наконецъ, изъ находившихся напротивъ избъ, изъ оконъ плывутъ рѣшета, мычки, нитки и разныя хозяйственныя снадобья. На кровлѣ сидятъ женщины съ люльками, плачутъ дѣти, поютъ пѣтухи, воютъ собаки и иногда вода несетъ ихъ прикованными на цѣпи къ будкѣ, и будка кувыркается и толкаетъ ее во всѣ стороны; потомъ плывутъ люди на доскахъ, на челнокахъ, въ воздухѣ слышится какое-то гудѣнье, а вода все прибываетъ. Встревоженный мужъ мѣряетъ воду каждыя десять минутъ, посматривая на часы, а вода все прибываетъ". Такъ разсказывала намъ объ этомъ происшествіи Ганна Барвинокъ. „Сердце у насъ замираетъ, дѣваться намъ некуда и нѣтъ знакомой души"! прибавляетъ она: „недостаетъ уже трехъ вершковъ, чтобы хлынуть черезъ порогъ въ нашу кухню; вотъ уже и два вершка только... Книги и все погибаетъ, да и намъ то какъ выбраться. Не помню, сколько было часовъ ночи. Ждемъ дальше, что̀ будетъ. Стоитъ вода полчаса, но уже не прибываетъ. Къ свѣту стала упадать, а потомъ все больше уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезла". Вскорѣ послѣ этого супруги наняли квартиру у бѣдныхъ дворянъ, перемѣнивъ свое жилище уже чуть не въ десятый разъ, но и тутъ повторилась прежняя исторія: то подъ благовиднымъ предлогомъ хозяева выпросятъ картину, на томъ основаніи, что братъ де рисуетъ, а назадъ не возвращаютъ, то зачитываютъ книгу...

XVIII.

Въ началѣ декабря 1848 года Александра Михайловна Кулишъ, движимая любовью къ мужу и желаніемъ улучшить ихъ общую участь, рѣшилась ѣхать хлопотать въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ другихъ вліятельныхъ знакомыхъ, она могла разсчитывать особенно на содѣйствіе сенатора Кочубея, благодаря покровительству котораго воспитывались на казенный счетъ ея братья. Здѣсь она снова встрѣтилась и съ братьями, навѣстила по нѣскольку разъ всѣхъ друзей мужа и совершенно перенеслась въ иную, отрадную сферу. Обыкновенно по утрамъ она ѣздила (часто въ сопровожденіи брата Виктора Михайловича, не разъ хлопотавшаго также по дѣламъ Костомарова) хлопотать въ разныя учрежденія и къ разнымъ власть имѣющимъ лицамъ, а свободные часы и вечера проводила въ пріятномъ обществѣ Плетневыхъ и Ишимовыхъ. При наступленіи новаго года она писала мужу: „о Боже, если бы этотъ годъ былъ для насъ отрадой за всѣ наши многія, многія страданія! Неужели судьба наша не перемѣнится?.. Но я надѣюсь на что-то лучшее“. Первую встрѣчу съ П. А. Плетневымъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она описываетъ такимъ образомъ: „Петръ Александровичъ заѣхалъ къ Ишимовой съ Оленькой (дочерью). Петръ Александровичъ входитъ въ гостинную, а я стояла у другихъ дверей, прямо противъ него; онъ улыбнулся, увидѣвши меня, и долго держалъ за руку. Потомъ мы удалились съ нимъ въ другую комнату, и онъ долго разспрашивалъ о тебѣ. Еще до его пріѣзда Оленька очень просила меня пріѣхать къ ней въ среду, но я не могла дать ей слова; она пригласила меня въ воскресенье и потомъ вмѣстѣ въ концертъ, и я обѣщала. Потомъ Петръ Александровичъ ту же самую просьбу повторилъ“. И вотъ снова передъ Александрой Михайловной мелькаютъ симпатичныя лица Плетневыхъ, Нордштремовъ, братьевъ Гротъ и другихъ. Иногда она въ дружескомъ кругу проводитъ вечера, ей играютъ на фортепіано, поютъ, читаютъ, но она ни

на минуту не забываетъ своей заботы, соединенной впрочемъ съ отрадной надеждой на освобожденіе. Въ одной дружеской семьѣ ее просятъ подольше посидѣть, остаться ночевать; возвращается домой—тамъ снова ее ожидаетъ радушная встрѣча знакомыхъ. „Боже, опять ласки, вниманіе! да наградитъ ихъ всѣхъ Господь"! восклицаетъ Александра Михайловна. Но посреди хлопотъ, по разнымъ причинамъ сильно затянувшихся, внезапно начались новыя волненія: оставшійся въ Тулѣ бобылемъ мужъ заждался и наконецъ, захворавъ, дошелъ въ своемъ нетерпѣніи до того, что совершенно въ разрѣзъ съ своими прежними инструкціями, [1]) настойчиво потребовалъ скорѣйшаго возвращенія жены. Главное же было то, что его затворническая жизнь не оживлялась и не скрашивалась теперь постояннымъ присутствіемъ преданнаго существа. Извѣстія изъ Петербурга сильно взволновали его, живо перенося въ счастливое прошедшее [2]), и дразнили своимъ убійственнымъ контрастомъ съ переживаемыми впечатлѣніями, хотя, съ другой стороны, онъ получалъ возможность слѣдить за всѣмъ, касающимся друвей, причемъ иногда до него доходили интересныя и важныя извѣстія. Что было дѣлать? Александра Михайловна стала совѣтоваться съ Плетневымъ, который сказалъ ей: „онъ похожъ на ребенка; напишите ему нѣжное письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и убѣдительное". Такое мнѣніе Плетнева было вызвано, можетъ быть, какимъ-нибудь неожиданно рѣзкимъ отвѣтомъ ему Ку-

---

[1]) Прежде онъ писалъ ей такъ: «Если нужно оставаться въ Петербургѣ для успѣха въ нашемъ дѣлѣ, то оставайся, не порть его выѣздомъ; но если отказъ или рѣшеніе, то не медли ни одного дня, потому что дни мнѣ кажутся годами».

[2]) Съ другой стороны, вспоминались, конечно, и печальные эпизоды изъ прошлой жизни; напр., однажды Александра Михайловна писала мужу: «положеніе мое въ эту минуту похоже на давно прошедшее», (т. е. на то, что происходило съ ней во время его заключенія въ Третьемъ Отдѣленіи, когда она жила у брата Виктора): «лежу на томъ же диванѣ, гляжу на куполъ Исаакіевскаго собора, освѣщенный солнцемъ, испытываю тѣ же мученія, думая о тебѣ».

лиша. Настроеніе послѣдняго въ его письмахъ къ Плетневу являлось иногда слишкомъ перемѣнчивымъ, такъ что случалось, что похвалы Плетнева мужеству и терпѣнію, съ какими Кулишъ переносилъ свое несчастіе, вызывали неожиданно цѣлую бурю неудовольствія со стороны послѣдняго, заставъ его въ минуту отчаянія. Въ маѣ 1849 г. Плетневъ писалъ Кулишу: „Ни съ чѣмъ не сравню я утѣшенія, какое доставили мнѣ письмомъ своимъ отъ 14 мая. Въ немъ я встрѣтилъ все, чѣмъ такъ давно усиливался наполнить сердце ваше, потрясенное бурею и долго смущаемое волнами житейскаго моря. Теперь, сколько я долженъ судить по всему заключающемуся въ письмѣ вашемъ, вы достигнули благополучной пристани“ и проч... Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Вы прекрасно сказали, что высшее награжденіе—въ самомъ трудѣ“ и проч. На это послѣдовалъ очень рѣзкій отвѣтъ: „Сытый голоднаго не разумѣетъ. Восхищались люди и умирающимъ гладіаторомъ“ и проч.

Въ концѣ 1849 года Кулишъ уже началъ отчаяваться и терять терпѣніе. Однажды онъ писалъ: „Если надо просить намъ графа Орлова, то увѣдомьте и дайте наставленіе, какъ. Я право, не знаю, о чемъ просить. Я уже перепробовалъ все, и ничего не хотятъ для меня сдѣлать—такъ не лучше ли дать покой себѣ и другимъ и довольствоваться тѣмъ, чего меня не лишили. Притомъ же не знаю, буду ли я счастливѣе съ перемѣною своего положенія. Я такъ вошелъ въ свою колею, что мнѣ тяжело и подумать о другой. Впрочемъ, какую бы мнѣ ни дали службу, если только она доставитъ мнѣ средства жить, я ее приму съ благодарностью. Но если и ничего не дадутъ, то не стану ни на кого жаловаться: мнѣ хорошо и такъ на свѣтѣ; жаль бѣдной Саши, но все-таки грѣхъ жаловаться на тоску, когда я очень рѣдко даже припоминаю, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Съ утра до вечера я всегда занятъ самымъ пріятнымъ образомъ и желаю одного—чтобъ заниматься такъ вѣчно“.

Черезъ жену доходили до Кулиша извѣстія о другихъ дорогихъ ему людяхъ, хотя и не жившихъ въ Петербургѣ, но находившихся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но всего передать въ письмахъ были невозможно, а часто и неудобно, и потому приходилось многое откладывать до личнаго свиданія: „Сердце мое! мнѣ будетъ нужно много о чемъ разсказать тебѣ при свиданіи“, писала однажды Александра Михайловна мужу. Такъ она рвалась всей душой къ мужу и, въ свою очередь, долго безуспѣшно ждала свиданія съ любимымъ братомъ Василіемъ, который отчасти взялъ на себя потомъ продолженіе хлопотъ и въ началѣ 1850 года такъ извѣщалъ о своихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ: „въ Петербургѣ буду умолять достопочтеннѣйшаго генерала Дуббельта—оказать вамъ свою милость—перевести васъ въ Москву или дать лучшую должность“. Но долго не удавалось, однако, добиться исполненія не только этихъ просьбъ, но и простого свиданія. Зная нетерпѣливое ожиданіе своей сестры, онъ же съ грустью писалъ ей: „и стукъ колесъ, и визжаніе саней—все обманываетъ твое ожиданіе. Я здѣсь и здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ и ни на шагъ не подвигаюсь къ югу“. Наконецъ благодаря отчасти содѣйствію сенатора Кочубея, административная кара была снята съ Кулиша. Но больше здѣсь имѣло вліяніе представленіе Кулиша въ Тулѣ, по желанію губернатора, великимъ князьямъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ. 6 сентября 1850 года Кулишъ писалъ Бодянскому: „Совершилъ путешествіе на Куликово поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому для представленія великимъ князьямъ, во время ихъ проѣзда черезъ Тулу. Сегодня все это представлено, причемъ я удостоенъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ“ [1]). Когда онъ получилъ первое извѣстіе объ осво-

[1]) Есть въ одномъ заграничномъ изданіи, въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ, повидимому, на основаніи сообщеній самого Кулиша, свѣдѣніе о томъ, что Кулишъ, описавъ мѣстную старину во время своего заточенія въ Тулѣ, снабдилъ свой трудъ въ видѣ иллюстраціи археологическими и другими акварелями, и когда императоръ Николай увидѣлъ ихъ, то поинтересовался узнать имя художника. Это обстоятельство будто бы имѣло немалое вліяніе на болѣе раннее прощеніе Кулиша сравнительно съ его товарищами по несчастію.

бождепіи черезъ жандармскаго полковника Шварца, (это было 14 декабря 1850 года), радость совершенно лишила его употребленія слова и онъ едва былъ въ состояніи на клочкѣ бумаги написать своей женѣ священное слово: „свобода"; клочекъ этотъ навсегда получилъ съ тѣхъ поръ для супруговъ драгоцѣнное значеніе и сохраняется до настоящаго времени у его вдовы. Плетневъ и другіе друзья Кулиша сочувствовали его освобожденію отъ всей души [1]). Костомаровъ, узнавъ о радостномъ событіи, писалъ Виктору Михайловичу Бѣловерскому: „Извѣстіе объ освобожденіи Пантелеймона Александровича доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему счастье по кратковременномъ страданіи" [2]).

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Кулишъ былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и переписывался съ нимъ; см.— «Жизнь и труды Погодина», IX, 433—435; также VII, 141—145; VIII, 251—252; тамъ же о катастрофѣ 1847 г. XII, 147—150.

[2]) «Кіевская Старина», 1897, X, 136.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (*Описаніе*). Столѣтній юбилей Энеиды Котляревскаго, помимо нѣкотораго оживленія національнаго чувства, явился счастливымъ и въ другомъ отношеніи. Открылся рядъ рукописныхъ произведеній К—скаго, хотя правда и не оригиналовъ, но являющихся древнѣйшими по сравненію съ печатными экземплярами и потому представляющихъ интересъ прототиповъ или во всякомъ случаѣ варьянтовъ. Таковы—изданный П. Житецкимъ списокъ «Энеиды» и другой, открытый недавно проф. Дашкевичемъ; затѣмъ, найденный, какъ мы слыхали, списокъ «Москаля Ч.» и предлагаемая нами рукопись «Наталки П.». О научномъ значеніи подобныхъ находокъ говорить не приходится: оно—внѣ сомнѣнія, если рукописи представляютъ даже тождественность съ печатными экземплярами, а тѣмъ болѣе при несходствѣ съ ними. Подобныя рукописи утверждаютъ или дополняютъ все напечатанное поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе освѣщаютъ самую личность автора. Къ такого рода спискамъ мы должны отнести и настоящій—«Наталки», представляющій для изслѣдователя, какъ мы постараемся показать, несомнѣнную важность. Рукопись «Наталки»—небольшая книжечка въ 8-ю листа, безъ пагинаціи и, къ сожалѣнію, безъ одного листка; написана она на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, на оборотѣ послѣдняго листка имѣетъ зачеркнутую фамилію «Лукашевича» и, что самое главное, на 2-мъ листкѣ носитъ ясно обозначенную дату «1820» года. Эта послѣдняя сразу дѣлаетъ списокъ «Натялки» заслуживающимъ хотя-бы формаль-

наго вниманія: вѣдь онъ на 18 лѣтъ старше перваго, теперь антикварнаго, изданія нашей оперы и написанъ только на годъ позже появленія ея на сценѣ! Онъ, конечно, одинъ изъ массы подобныхъ же списковъ, ходившихъ въ то время по рукамъ въ Украинѣ, написанъ не авторомъ пьесы, но во всякомъ случаѣ довольно исправно. Исторія этого списка не сложна; по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ находился первоначально въ библіотекѣ извѣстнаго Лукашевича, затѣмъ достался историку Н. Маркевичу, отъ него полтавскому любителю старины Бучневичу, а отъ послѣдняго украинскому поэту г. Жарко, который и представилъ любезно рукопись въ наше распоряженіе. Книжечка переписана лицомъ несомнѣнно украинскаго происхожденія, мало образованнымъ и къ правописанію относившимся довольно вольнолюбиво. На каждомъ шагу у него встрѣчается «и» вмѣсто «ы», и наоборотъ, иногда «ѣ» вмѣсто «и», даже «ы» вмѣсто «и», изрѣдка твердое «р», отдѣленіе предлога отъ глаголовъ и т. п. Словомъ, внѣшность рукописи блескомъ не отличается; но за то внутреннія достоинства искупаютъ недочеты правописанія ея безусловно. Важность ея заключается въ многочисленныхъ варіантахъ, изъ которыхъ немалое число довольно оригинальныхъ.

Вотъ главнѣйшіе изъ такихъ варіантовъ по сравненію съ изданіемъ Срезневскаго.

	У Срезневскаго:	*Въ рукописи:*
Стр. 11	— тилько тоди и полегча, якъ нышкомъ поплачу.	— тилько тогди трошки легче, якъ нишкомъ заплачу.
» Ib.	— по смерть не забуде;	— по викъ не забуду.
» 12	— не вышеупомянутымъ именемъ;	— не выше помьянутымъ имья рекъ;
» 14	— я рѣчи вашои въ толкъ собѣ не возьму;	— я ричи вашои не розумію;
» 16	— якъ же можешъ ты дружыться;	— якъ же тоби дружитися...
» 18	— всему земству урвалася теперъ...	— всему земскому суду увирвалась теперъ...

» 19 — золото—не дивка!	— то-то дивка!
» » — поважа матиръ свою;	— поважа стару матиръ.
» » — яка рукодильныця!	— а рукодильныця!
» 20 — молодець не убогый.	— чоловикъ не убогый.
» 23 — нарицаетъ себе... простою;	— нарицаетъ себе... селянкою.
» 42 — Гоминъ по диброви;	— гоминъ на долыни.

Какъ можно видѣть, всѣ приведенные варіанты не отличаются рѣзкими особенностями и, хотя для будущаго критическаго изданія «Наталки» должны имѣть несомнѣнное значеніе, но почти являются равнозначными. За то въ рукописи имѣется рядъ мѣстъ, проникнутыхъ полной оригинальностью, частью совершенно имѣющихъ смыслъ діалога, а частью придающаго ему извѣстный колоритъ... Для нагляднаго представленія о такой важности рукописи, приведемъ сначала рядъ варіантовъ, измѣняющихъ кардинально текстъ, но пока не вліяющихъ на національную его окраску. Варьянты эти слѣдующіе.

У Срезневскаго:	*Въ рукописи:*
Стр. 13 — и серце все стонетъ, Какъ камень, духъ въ пучину золъ тонетъ.	— и серце все стонетъ, Какъ камень, бухъ!—въ пучину золъ тонетъ.
» 15 — и душа моя ежечасно волаеть тебе и послѣ нышпорной даже годыны.	— и душа моя ежечасно желаеть и послѣ неоспорно даже тужыть.
» 21 — буде сылы и жинку—тее-то якъ ёго—годовати и зодягати	— и жинку буде чымъ—тее-то якъ его—и другого кого годувать.
» 27 — и зненацька Ангелъ зъ неба зъ огненною ризкою злетивъ—	— и изненацька ангелъ зъ огненною рызою застыгъ

» 35 — и на ихъ нихто не гляне.	— на неи нихто и не гляне, якъ на старого грыба.
» 48 — и уже де и чортъ не зможе, то пошлы Макогоненка—заразъ докаже	— и вже де й чортъ не озьме, то пошлы Макогоненка, заразъ дистане.
» 49 — Терпелыха Горпына	— Терпелыха Катря.
» 50 — Де-жъ блукае мій Петрусь, Що и досы не вернувсь?	— Де-жъ блукае мій Петрусь, Що за мене вже забувсь?
» 52 — А у мене не орано И ничого не сіяно.	— А у мене не орано, А ни жыто не сіяно.
» 56 — Хиба есть яка земля, праведнымы Іовамы населена?	— Хиба есть така земля, праведнымы вивцямы населена?
» 57 — О, злая доле, чомъ ты не такая, якъ другыхъ?	— О, злая моя доля, не такая, якъ другыхъ!
» 58 — не успивъ ничого и спытаты.	— не вспивъ ничого сказать.
» 67 — туда запроторымъ, де козамъ рогы правлять...	— туда тебе запроторымо, де козамъ рогы правлять! *Терпел.* Съ слызны маро!

По приведеннымъ здѣсь образцамъ можно судить вполнѣ опредѣленно, насколько существенны измѣненія, которыя могутъ быть сдѣланы въ текстѣ «Наталки» на основаніи «оригинальности» варіантовъ; а что такія измѣненія должны быть сдѣланы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ-же новые варіанты нашего списка, однородные по существу съ выписанными выше, но по формѣ выраженія и потому по значенію далеко оставляющіе ихъ за собою. Это—варіанты, которые мы назвали-бы «путеводительными», и вотъ почему. Въ спискѣ «Наталки» Срезнев-

скаго встрѣчается рядъ мѣстъ, не имѣющихъ часто никакого смысла и обязанныхъ этимъ, вѣроятно, самому издателю. Напрасно мы считали-бы ихъ опечатками и, согласно указанію Срезневскаго, обратились-бы за разъясненіемъ къ приложенному имъ къ пьесѣ Словарю: послѣдній не облегчаетъ дѣла нисколько. Вотъ въ такихъ случаяхъ данный списокъ является драгоцѣннымъ; онъ въ отношеніи печатнаго экземпляра играетъ роль исправителя и для установленія болѣе правильнаго текста становится положительно необходимымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть нижеслѣдующую таблицу.

Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 13 — Позвы и копы страхъ надоѣли...	— Позвы, копіи страхъ надоилы.
» 14 — Уязвленное часто-реченою любовію серце	— Уязвленное чысто-сердечною любовію серце
» 18 — Я иду зъ дому. Выпроважавъ гостя	— Я иду до дому. Выпроважавъ гостя...
» Ib. — не тилько засидателямъ, ни самому комисарови уже не те, якъ давно було...	— не тилько засидателямъ, дай самому комисарови не те уже, що було...
» 22 — Колы другіи облызня піймають.	— колы другіи облызня піймалы.
» Ib. — Наталка пиднесла печеного кабана	— Наталка пиднесла печеного гарбуза
» 38 — колы бачыть ридну свою при старости... и ту-жъ умираючу одъ голодной смерти	— Колы бачыть ридную свою матиръ при старости и..... тужъ-тужъ умыраючы одъ голодной смерти.
и на вси стороны мотається:	
» 48 — Де не посіе, тамъ и уродиться	— де не посій, тамъ и въ родыцця

» 56 — Два плута въ сели, и селу безчестья не роблють, а не тильки..	— два плутяги въ сели и селу безчестя нароблять.
—	—
» 59 — Отъ-же и въ Ворсклу не будешъ	— Отъ-же и въ Ворскли не будешъ.

Такое «исправляющее» значеніе нашего списка не исключаетъ, конечно, возможности присутствія и въ немъ самомъ извѣстнаго количества безсмысленностей, что, напримѣръ, видно изъ нижеслѣдующей таблицы варьянтовъ.

Срезн.	*Рукоп.*
» 17 — Ой по гори, по Паняньци	— Ой на гори на полянци (!).
—	—
» 26 — безъ дани, безъ пошлины.	— безъ даже (!), безъ пошлины...
—	—
» 28 — Тильки велыкымъ гришныкамъ даромъ проходыть.	— Тильки велыкымъ гришныкамъ такого банкету (!). задають...
—	—
» Ib. — Ой доля,... що до иншыхъ дуже гречна...	— Ib. — Ой доля... що до инчихъ прочна (!).
—	—
» 34 — чи не изъ города ты таку прымху прынесла?	— чи не зъ города таку приманку принесла?
—	—
» Ib. — той небогатый, той неметкый.	— той небагатый, той меткый.

Такимъ образомъ, найденная рукопись не можетъ быть названа совершенной; но несовершенство ея—вещь въ данномъ случаѣ и не существенная и исправимая, благодаря тому-же изданію Срезневскаго. Для насъ, наоборотъ, болѣе важно сравнительное *совершенство* рукописи относительно печатнаго списка, и тотъ фактъ, что послѣдній безъ нея обойтись не можетъ: эта рукопись, въ силу обилія варіантовъ указаннаго типа, должна стать исходной точкой для каждаго изслѣдующаго и устанавливающаго текстъ «Наталки». Но иная катего-

рія варіантовъ такое значеніе рукописи усиливаетъ еще болѣе. Мы разумѣемъ варьянты, сообщающіе пьесѣ Котляревскаго особенный украинскій характеръ, который въ редакціи Срезневскаго подвергся нѣкоторой руссификаціи. Этотъ болѣе глубокій національный характеръ изложенія выражается какъ въ общемъ колоритѣ пьесы, такъ и въ ея частностяхъ. Общій болѣе яркій украинскій колоритъ рукописи наблюдается въ слѣдующихъ мѣстахъ.

	Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 14	— знайся кинь зъ конемъ	— знайся кинь зъ кинемъ.
» 16	— безпомощною сиротою	— безпомочною сиротою
» 19	— вовся не той	— вовсе.
» 23	— що вона... одна моя госпожа.	— що вона... одна моя галочка.
» 30	— объ нимъ ни слуху нема, ни послушанія.	— объ іому ни слуху, ни послушання.
» 35	— але яка жызнь ихъ...	— але яке-жъ ихъ жыття!
» 36	— мудрійша—одъ Царя Соломона	— мудрійша одъ царя Салымона.
» Ib	— вашому горю и пособити.	— вашому горю и помогты.
» 39	— Добро имъ посылаеть	— Добро имъ посылае
	И зъ нымы викъ жыветь	— И зъ нымы викъ жыве.
» 42	— бувъ въ городи, шукавъ миста	— бувъ у городи, шукавъ мисця
» 44	— и вовся мени незнакомый	— И зовсимъ мени не звисны.

» 45	— но я, благодареніе Богу, до сего часу	— но я, дяковать Богу, до якого часу
» 60	— до мене опять вернувсь	— тай до мене навернувсь.
» Ib.	— объ любви поговорыте	— объ любови поговорыте.

Таковы образцы особенностей найденнаго списка, сообщающіе тексту пьесы общій украинскій колоритъ; но есть возможныя въ данномъ направленіи и частности. И это именно въ обрисовкѣ типа Вознаго. У Срезневскаго послѣдній до нѣкоторой степени обрушéнъ; виноватъ-ли въ этомъ самъ авторъ или издатель пьесы, неизвѣстно,—но, во всякомъ случаѣ, неполныя украинскія очертанія названнаго типа даютъ себя чувствовать. Вотъ этотъ-то недостатокъ вновь восполняетъ до извѣстной степени найденная рукопись, что можно иллюстрировать такими образцами.

	Срезн.	*Рукоп.*
Стр. 13	— Насталъ мой часъ	— Наставъ мій часъ.
» 12	— Но желаю изъ медовыхъ устъ твоихъ	— но бажаю изъ устъ твоихъ медовыхъ.
» 13	— Не ощущалъ возженія въ крови	— не ощущавъ возженія въ крови.
» Ib	— Какъ райскій кринъ.	— якъ райськый кринъ.
» Ib.	— Когда-бы я имѣлъ— тее то якъ его—столько языковъ, сколько артикуловъ,	— когда-бы я имѣвъ тее-то якъ его... стилько языкивъ, скилько артыкуливъ,
» 15	— открой мнѣ хотя въ терминѣ	— открый мени хотя въ терминѣ.
» 22	— Якъ совитуешъ въ таковомъ моемъ припадци	— якъ ты совитуешъ въ такимъ моимъ прыпадку.
» 98	— розмышлялъ я предоволно,	— розмышлявъ я предоволно,

Вотъ, такимъ образомъ, главнѣйшія особенности найденной рукописи по сравненію ея съ печатнымъ спискомъ. Если мы теперь скажемъ, что число отличительныхъ ея чертъ есть свыше 600, то станетъ яснымъ, насколько рукопись «Наталки» любопытна для изслѣдователя. Для будущаго установителя текста пьесы она должна стать незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ, если-бы отыскана была подлинная рукопись Котляревскаго. При данномъ-же условіи, найденный списокъ почти замѣняетъ утраченный оригиналъ, исправляя существующія печатныя редакціи и, вѣроятно, передавая болѣе или менѣе близко первоначальную редакцію пьесы. Такъ или иначе, но на открытую рукопись «Наталки» мы обращаемъ вниманіе лицъ, имѣющихъ возможность издать ее параллельно съ текстомъ изданія Срезневскаго.

Для изслѣдователей произведеній Котляревскаго она представляетъ безспорный интересъ научный.

И. Стешенко.

Булава гетмана Тетери. Вещественныхъ памятниковъ гетманщины сохранилось, какъ извѣстно, очень мало, да и то, что сохранилось—разбросано по разнымъ мѣстамъ, большею частію безъ печатныхъ свѣдѣній—гдѣ и что́ хранится. А если есть печатныя свѣдѣнія, то они часто находятся въ такихъ книгахъ и книжкахъ, гдѣ никакъ не подозрѣваешь встрѣтить описаніе этихъ памятниковъ. Вотъ напр., свѣдѣніе о булавѣ гетмана Тетери напечатано въ книжкѣ: *Marya Bogorodzica w Nazareti na Jasnej—Gorze Częstochowskiey* (2 томика, изд. въ 1845 г., въ Краковѣ). Здѣсь, (въ главѣ—Skarbiec, pamiątki uchowane и проч., II, 81—88) въ числѣ гетманскихъ булавъ, сохраняющихся въ ризницѣ монастыря, указана «Buława pstro złocona, w jaszczur [1]) bez kamieni, Tetery, hetmana zaporozkiego». Извѣстно, что Тетеря кончилъ жизнь іезуитомъ, чѣмъ и объясняется, что булава его попала въ католическій монастырь. [2])

---

[1]) Булава, древко которой обтянуто змѣиной кожей.

[2]) Въ этой же книжкѣ перечислены (II, 149 и слѣд.) католическія чудотворныя иконы Богородицы, находящіяся въ костелахъ юго-западнаго края: въ Летичевѣ, Коднѣ, Заславлѣ, Клевани, Луцкѣ и друг.

Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 года.

Какъ извѣстно, лѣтомъ 1705 г., Мазепа, по приказу царя, выступилъ въ походъ, въ Польшу. Дѣло шло о поддержаніи короля Августа противъ его соперника Станислава Лещинскаго. Походъ затянулся, и гетману пришлось, съ своимъ войскомъ, зазимовать на Волыни, въ Дубно. Въ этомъ походѣ не разъ случалось, что офицеры великорусскихъ войскъ позволяли себѣ оскорблять малороссійскихъ козаковъ; старшина послѣднихъ жаловалась гетману, но послѣдній рѣдко могъ помогать обиженнымъ.... По свидѣтельству Орлика, въ это время у Мазепы зародилась первая мысль объ измѣнѣ. Никакихъ подробностей объ этомъ походѣ въ малороссійскихъ источникахъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, печатаемыя здѣсь два письма Мазепы, писанныя въ декабрѣ 1705 г., изъ Дубно, къ наказному гадяцкому полковнику Велецкому [1]), и говорящія именно объ этомъ походѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ Мазепа говоритъ о своихъ *«щоденныхъ турбаціяхъ»*, связанныхъ съ этимъ походомъ.

---

1. Мой ласкавый пане полковнику наказный гадяцкий. З листу в. м. вѣдомо намъ о распораженю полку вашого на зимовіи консистенціи товариства, за що, в. м., похваляемъ и пилно жадаемъ и приказуемъ, абысь в. м. всячески оное заохочувалъ, дабы не тискливе зоставали (чтобы не скучали) на той монаршей его царского пресвѣтлого величества службы, до его жъ великого государя указу и нашой волѣ, поневажъ и мы, гетманъ, такъ же мусимъ тутъ въ воеводствѣ волинскомъ найдоватися. А що, в. м., въ томъ же листѣ и о щуплости товариству полку вашого станціи докладаешъ, теды самъ уже, в. м., потрафляй въ тое, жебы, якъ належитъ, моглося товариство полку вашого доволно быти станціями, на которихъ если на назначенихъ вамъ въ воеводствахъ белзцкомъ и волинскомъ мѣстцахъ же можется помѣстити, то хочай руского воеводства и земли лвовской

[1]) Василій Велецкій, съ конца XVII в. по 1709 г., былъ гадяцкимъ полков. судьею, а потомъ, по выходѣ въ отставку (1711—1721 г.), оставался значн. войск. товарищемъ. Отъ Мазепы Велецкій получилъ два села: Синювку, въ гадяцкомъ полку, и Ювковцы, въ Лубенскомъ; а отъ Скоропадскаго, въ 1716 г., получилъ гадяцкое село Броварки. Сынъ этого Велецкаго, Василій же, былъ гадяцкимъ полков. сотникомъ.

часть, къ воеводствамъ белзкому и волинскому прилеглу, займѣте и остатокъ полку своего товариства распоряжайте на станціи, намъ болше о томъ не докучаючи, *кидыжъ и безъ того есть намъ зтолко щодвнне турбацій.* О тое и повторе жадаючи и приказуючи в. м. пилно, ему жъ засылаемъ упреймое наше поздоровлене. З Дубна. 1 декабря, 1705 року. В. м-ти зичливый пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ рукою власною.

—

2. Мой ласкавый пане полковнику наказный гадяцкий. Уже то повторный пресвѣтлѣйшого монархи, его царского пресвѣтлого величества зайшолъ насъ указъ, абисмо войска рейменту нашего, на консистенціяхъ въ воеводствѣ белзкомъ и землѣ хелмской зостаючіе, ординовали, подъ коммендою наказного нашого пана полковника чернѣговского, на службу его монаршую и на зимовіи консистенціи, ку Кракову и Сандомиру в злученяся з енераломъ его королевского величества Сазонскимъ; прето мы, по першомъ монаршомъ указу, засилалисмо в. м-ти таковый нашъ ординансъ, жебысь в., м., з товариствомъ полку гадяцкого, въ борошенвіе всякіе приспособлялся запасы и якъ належитъ до походу военного в поготовости знайдовался. Теперъ зась, по повторномъ монаршомъ указу, повторный в. м., черезъ сей листъ нашъ, засилаемъ ординансъ и пилно приказуемъ, абысь, в. м., заразъ за одобранемъ оного, двигнувши зъ консистенцій все полку гадяцкого товариство, не оставуючи ни единого въ добрахъ королевскихъ и духовныхъ человѣка, яко наискорей зо всѣмъ полкомъ спѣшилъся въ злученяся зъ наказнымъ нашимъ паномъ полковникомъ чернѣговскимъ и енераломъ королевского величества саксонскимъ, трактомъ ку Кракову и Сандомиру лежачимъ, ку Вислѣ. Въ добрахъ зась шляхецкихъ можешъ, в. м., по два, а в силу—по три человѣка товариства тихъ, котріи не способніи до службы войсковой суть, зостановити для того, жебы хто иншій не убѣгъ и не занялъ тихъ консистенцій. А когда военный трафится случай, повиненъ в. м. пану полковникови чернѣговскому належитое отдавати послушенство и, за помощіею Божіею, для чести монаршей и славы войска Запорожского, щире и отважне противно неприятеля ставати. О тое в. м. и повторе пилно приказуемъ и его жъ Богу поручаемъ. Данъ в Дубну. Декабря 21, 1705 року. Вм-ти зичливий Іванъ Мазепа гетманъ, рукою власною. *(Оба письма съ подлинниковъ, полученныхъ отъ Н. И. Янжула).*

Свѣдѣніе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ.

Въ первомъ выпускѣ тома II-го „Трудовъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ.“ (стр. 149—150) графиня П. С. Уварова напечатала списокъ царскихъ грамотъ, выданныхъ: а) Леонтію и сыну его Павлу Полуботкамъ на маетности въ Черниговскомъ полку и б) гадяцкому полковнику Мих. Вас. Самойловичу на маетности въ Лебединскомъ у., Харьковской губерніи. Тутъ же упомянуто и о другихъ документахъ, принадлежавшихъ Полуботкамъ. Всѣ эти документы хранятся въ с. Михайловкѣ, Лебединскаго у., Харьк. г., у тамошнихъ помѣщиковъ гр. Капнистовъ. Какъ попали туда Полуботковскія бумаги, это обьясняется генеалогическими свѣдѣніями. С. Михайловка была основана въ 1678 г. гадяцкимъ полковникомъ, Михайломъ Васильевичемъ Самойловичемъ, на пожалованныхъ ему „помѣстныхъ земляхъ“, въ Лебединскомъ уѣздѣ, «за р. Псломъ, въ урочищѣ Бѣсовщинѣ». Этотъ полковникъ былъ родной племянникъ гетмана Самойловича, который поставилъ его полковникомъ по родству. [1]) Это же родство дало возможность молодому полковнику жениться на дочери стараго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка.—Послѣ низложенія гетмана Самойловича, Мазепа, преслѣдуя родню послѣдняго, напалъ и на гадяцкаго полковника, за какую-то, разумѣется, измѣну. Мих. Самойловича сослали въ Сибирь, а Михайловку Мазепа отдалъ своему племяннику, Обидовскому; а когда измѣнилъ самъ Мазепа, то Михайловку, которою владѣла вдова Обидовскаго, выпросилъ у царя Павелъ Полуботокъ, опираясь на свое свойство съ основателемъ этого села. Отъ Полуботковъ Михайловка переходила, повидимому, къ разнымъ лицамъ; теперь ею владѣютъ гр. Капнисты. Засимъ раждается любопытный вопросъ: какимъ образомъ такія важныя бумаги Полуботковъ, какъ царскія грамоты и другіе семейные документы—попали въ Михайловку въ то время, когда Павелъ Полуботокъ, его сыновья и слѣд. потомки—постоянно были въ Черниговщинѣ?—Изъ сообщенія Д. П. Миллера, недавно посѣтившаго ту же Михайловку,

---

[1]) Мих. Самойловичъ поставленъ былъ гадяцкимъ полковникомъ послѣ смерти полковника Остренка, причемъ гетманъ, оправдываясь противъ нареканій, что онъ въ полковники ставитъ почти исключительно родню и друзей, относительно племянника оправдывался такъ: „а на Гадяцкое полковничество тамошніе полчане, по убіеніи полковника своего, прошеніемъ крѣпкимъ племанника моего допомоглись» .. Дополн. къ актамъ историч., т. XI, стр. 168.

съ археографическою цѣлью въ виду предстоящаго Харьковскаго археологическаго съѣзда, видно (Вѣстн. Всеміри. Истор., 1901 г., № 2, стр. 205), что въ семейномъ архивѣ гр. Каппистовъ хранятся не только оффиціальные документы на маетности Полуботковъ, но и такія рѣдкости, какъ напр., «рукописный сборникъ, составленный Павломъ Полуботкомъ во время его ученія въ кіевской академіи», „постановленіе генеральной канцеляріи (?) объ избраніи П. Полуботка въ наказные гетманы" и проч.—Почему же эти бумаги хранятся въ Михайловкѣ, а не у черниговскихъ наслѣдниковъ Полуботковъ—Милорадовичей, Лашкевичей и друг.? Не потому ли, что они могли быть пересланы изъ Черниговщины въ Михайловку тогда, когда семья Полуботка, узнавъ объ арестѣ послѣдняго въ Петербургѣ, сожгла и его письма въ Черниговскомъ домѣ Полуботка. (Истор. Р., Солов., кн. IV, стр. 836). Конечно, документовъ на маетности жечь не рѣшались, но боясь, что ихъ можетъ забрать царскій слѣдователь Румянцовъ (А. И.), семья Полуботка могла отправить оставшіяся бумаги на храненіе въ далекую маетность...

Будемъ ожидать, что Д. П. Миллеръ сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ остаткахъ Полуботковскаго семейнаго архива. Кстати, этихъ семейныхъ архивовъ въ Малороссіи теперь почти уже не существуетъ: погибли они отъ крайняго небреженія потомковъ тѣхъ лицъ, которыя съ к. XVII в., вмѣстѣ съ маетностями, накопляли и разные „шпаргалы". [1])

Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ. Во время назначенія Разумовскаго гетманомъ, у матери его имѣлось только небольшое село Адамовка, подаренное ей старшимъ сыномъ, Алексѣемъ. Въ хуторѣ около Адамовки, Разумовская устроила себѣ усадьбу, въ которой и жила. Но когда младшій сынъ поставленъ былъ гетманомъ, мать его въ томъ же году (1751 г.) обратилась къ ментору этого сына и про-

[1]) Недавно мы пріобрѣли въ одной изъ подольскихъ книжныхъ лавочекъ (въ Кіевѣ) цѣлый фоліантъ семейныхъ бумагъ Корецкихъ и Кулябко-Корецкихъ. Пріобрѣли мы этотъ сборникъ бумагъ за рубль или за два...

сила походатайствовать у послѣдняго—нельзя ли ей дать, поблизу къ ея хутору, еще какую нибудь маетность, «для вспоможенія къ дому Адамовскому». Тепловъ поспѣшилъ исполнить эту просьбу, результатомъ которой явилась отдача гетманомъ матери своей двухъ богатыхъ мѣстечекъ въ «вѣчное владѣніе», какъ это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ [1]).

1) »Милостивая Государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему, чрезъ г. Пустоту, какъ о дворахъ, такъ и о Івасѣ(?) я его ясневельможности того жъ часа доложилъ, на что и резолюція воспослѣдовала вашему сіятельству угодная. Итакъ я ваше сіятельство всенижайше поздравляю владеніемъ новыхъ маетностей, которыя собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежать, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможнаго гетмана а вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласковостію къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высокую милость, есмь со всегдашнимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства, милостивой государыни, *всенижайшій слуга Григорій Тепловъ.*

Глуховъ. Октября 18 дня, 1751 году».

P. S. Дѣвушку Надежду его сіятельство приказалъ просить прислать, а для взятія брать ея родной посланъ.

2) «Милостивая Государыня матушка! Увѣдомившись чрезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ нѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради, хотя вы на нѣкоторое только время просили, однакожъ я, изъ почтенія къ вамъ сыновняго, опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе, въ полку киевскомъ, мѣстечка Носовку и Кобыжчу, со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми и съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами, угодьями и всѣми принадлежностями, на что вамъ, государиня матушка, и универсалъ при семъ посылаю, желая отъ всего серца оными маетностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ *послушный синъ графъ К. Разумовскій.*

Глуховъ. Октября 18 дня. 1751 году».

---

[1]) Письма получены въ подлинникахъ отъ А. Ф Бадрова.

[1]) Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно.—Выданный Разумовскимъ при томъ универсалъ см. Обозр. Рум. Описи, 142.

Къ этимъ письмамъ можно добавить, что Носовка и Кобыжча были *сотенными городками*, которые до того, всецѣло (разумѣется, безъ козаковъ) почти еще не отдавались въ частное владѣніе, да при томъ еще и въ вѣчное. Однако-жъ Носовка и Кобыжча не остались у Разумовскихъ, такъ какъ, при упраздненіи гетманства, крестьянь этихъ мѣстечекъ обращены были въ «коронныхъ». Позже Носовка и Кобыжча были выпрошены себѣ Безбородкомъ, умѣвшимъ выбирать доходныя маетности.

Къ исторіи Гадяцкаго полка. По свѣдѣніямъ Шафонскаго (Чернпг. пам., 88 и 628), въ его время, въ гадяцкомъ архивѣ (ратушномъ?) хранились «замковыя дневныя записки, гдѣ замку гадяцкаго королевскаго управитель, иногда самъ, иногда обще съ гадяцкимъ войтомъ, всѣ дѣла жителей гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ разбирать. Сія судовая дневная записка, съ выгнаніемъ поляковъ 1654 г., на польскомъ языкѣ кончилась, а за оною, такимъ же образомъ, продолжалась на русскомъ, гдѣ тоже намѣстники замковые, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали».... Отсюда видимъ, что еще въ 1786 г. въ Гадячѣ сохранялись *городскія книги*, начинавшіяся съ 1645 г.; въ этихъ книгахъ заключалось множество драгоцѣннаго матеріала для исторіи юридическаго быта данной мѣстности и полныя свѣдѣнія о персоналѣ тогдашней полковой старшины. Все это погибло, и въ настоящее время приходится дорожить каждымъ листомъ той или другой «выписи» изъ утраченныхъ городскихъ книгъ. Одна изъ такихъ «выписей» и печатается здѣсь, при чемъ въ ней указываются два лица: 1) вовсе неизвѣстный до сихъ поръ гадяцкій полковникъ *Яковъ Тищенко* и 2) *Павелъ Апостолъ*, отецъ гетмана, тоже бывшій въ 1659 г. гадяцкимъ полковникомъ, который продаетъ въ Гадячѣ свою усадьбу, п. ч. въ это время онъ усиленно скупалъ [1]) земли въ Миргородщинѣ, гдѣ, послѣ Гадяча, Апостолъ съ своей семьей основался и гдѣ онъ вывелъ въ люди своего сына Даніила, одного изъ лучшихъ людей въ старой Малороссіи, но до сихъ поръ еще мало вѣдомаго въ печатной литературѣ.

---

[1]) См. Русск Арх. 1875 г., I, 92.

«Выписъ с книгъ полковихъ гадяцкихъ в року 1670, ноемря 3 дня.

Передо мною, Яковомъ Тишенъкомъ, полковникомъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого гадяцкимъ, и при мнѣ будучи Хвеска Донъца, сотника гадяцкого, Кирила Мартиновича, есаула полкового, Стефана Мокрѣевича и иних людий зацнихъ і вѣри годънихъ при томъ било не мало, персоналитеръ постановившись славетъний товаришъ войсковий Павелъ Апостолъ призналъ явне, ясне и доброволне,|ижъ продалъ дворъ свой власний, не пений і в жадномъ долгу не заведенний, стоячий в мѣстѣ Гадячомъ, насупротивъ двора Есифа Давидовича, на рогу, пану Михайлу Кнашце, полковнику миргородскому, за певную готовую суму копъ сто литовской личбы, ему самому, малжонце и потомкомъ его, до вѣчного вживаня и спокойного держаня. Волножъ ему продати, даровати і яко хотя, на свой пожитокъ, оборочати. А еслибы хто мѣлъ одозвати близкостю права дѣдизного, од того вышеписаний продавца всего уволняетъ, если бы где панъ Михайло за мою продажу, а свою куплю, всякого суду и права мѣлъ приложитись осмакомъ (?)......[1]) коною, що обополне просили насъ, абысмо про намять казали до книгъ полковнихъ гадяцкихъ записати, що і одержали. Съ которихъ то книгъ и тотъ випись потребуючой сторонѣ казалисмо видати, при звиклой печати полку гадяцкого и съ подписомъ руки писарской. Писанъ въ Гадячомъ, року и дня звишписаного. Хведор Трушенъко, писаръ сего екстракту». *М. П. (Съ подлинника).*

Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго. 1754 г. «Въ войсковую енералную канцелярію. Нижайшее доношеніе. Въ мѣстечку Конотопѣ житель конотопскій Данило Торянскій доволные года на сотенномъ уряду конотопскомъ билъ: первѣе, сотеннымъ писаремъ, а послѣ сотеннымъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ, по приключившейся ему водной болѣзни, въ которой онъ 16 недѣль болѣлъ, такъ що въ бѣдной болѣзни его, при

[1]) Не разобрано одно слово.

его всекрайнѣйшей скудости, отъ болю его, въ животѣ нему заплодились черви, а после де, какъ по волѣ Божіей, съ настоящою христіанской диспозиціею, принялъ отъ духовнаго отца не единыжды, чрезъ такъ долгую его болѣзнь, исповѣдь христіанскую, а при окончаніи, божественнихъ и тайнъ удостоенъ съ покаяніемъ, сего ноября 13-го умре, то жена его зъ родственниками—приходскому попу пресвитеру церкви Рождеста Богоматере Иякову о его умертіи объявили, то онъ нервѣе, сказалъ де, по обичаю христіанскому, позвонить и яму выкопать; и то чинилось на другій день смерты его. Того же другого дни, по прошенію, оной же его мертвеца жена и кревнихъ, и за обичай козачій, ординована была для опровожения, ко гробу тѣла, сотенная короговъ и вооруженние козаки,—но онъ, попъ Яковъ Костенецкій, по прихотѣ своей, чтобъ за бѣдного мертвеца, по коему ничего по его скудости не оставалось, удрать з имущества, хотя, совсѣмъ приборъ билъ, по тѣло не пошолъ, требуя денегъ на сорокоустъ, и по особливой его претенсіи. Что видя близкіе и козаки къ опровоженію тѣла его прибранние, неоднократно ходили и просили, чтобъ онъ помянутого мерца тѣло принялъ и погребъ, точію онъ по обиклой ненасытности и вимагателству своему, того отнюдь не учинилъ. Увидя же народъ, коихъ било болѣе тисящи, къ тому погребу пришедшихъ, оного попа безчеловѣчество и мерьцово странство, что въ очахъ грѣшное тѣло идить черви; и не могучи того терпѣть, а уже день к вечеру зближался, другой (разъ ?) отъ общества ходили до него попа и зъ виговоромъ, что если не пойдетъ онъ, попъ, по оное тѣло, то и безъ него имѣютъ понести къ церквѣ, но онъ и потому не пошовъ, почему народъ и безъ приходского попа, взяли сами со обикновеннымъ погребовымъ порядкомъ, несли до помянутой церкви. Егда же принесли до близъ церкви, егда стали для зближаючогося тѣла звонить, то предъявленного попа приходского синъ, попъ же Иванъ Костецкій, нападши на людей тихъ, что звонили, билъ и побилъ Савку Кондратенка и другихъ, і оного тѣла до церкви не допустилъ, и въ крайное смятеніе и невпокой весь народъ привелъ. И потомъ видя народъ принужденный въ другой приходъ до священниковъ пойти и упросить, чтобъ принаймнѣй оное тѣло наверсѣ, до погробу, въ церквѣ поставить, которое тѣло хотяй в церквѣ другого приходу, по всенародному упрошенню внесено, однакъ и понинѣ, чему уже патій день, непогребенно и яма викопанная, по приказу оного жъ попа і зарита, хотя отъ протопопи конотопскаго Мойсея Кривецкого

ордеромъ велено ему, попу, чтобъ онъ тое тѣло похоронилъ, точію и по нынѣ не хоронитъ. И яко о семъ ввесь народъ смущенъ и крайне стужаетъ о взнесеніи о томъ, куда надлежитъ, тогодля сотенний конотопскій урядъ въ генералную войсковую концеларію, яко главную команду свою, ко учиненію належащого по сему на всенародное всеусиловное прошеніе, разсмотрѣния взноситъ. Сотникъ конотопскій Федоръ Костенецкій. Атаманъ сотеній Максимъ Вербицкій. Писаръ сотенній Захарій Бибиковъ. Асаулъ сотенній Федоръ Парпура. 1754 году, ноября « » дня.» (Съ *подлинника*) Изъ приложеннаго къ жалобѣ черновика видно, что гетманомъ было сообщено кіевскому митрополиту подробное описаніе случая съ просьбою „накрѣпко запретить попу Костенецкому впредь чинить непотребныхъ здирствъ и таковыхъ народу смятеній и блазнителнихъ непорядковъ." Это было написано 23 ноября, т. е. чрезъ десять дней послѣ смерти Торянскаго, тѣло котораго, повидимому все еще ожидало погребенія...

Стоимость похоронъ прилуцкой обывательки въ 1726 г.

«*Реестръ мнѣ Маріи Стефановой, сколко на поминовеніе небожчицы дщери своей Θедори витрателемъ*». «Отцу протопопѣ прилуцкому чтири рубля.—Викарію протопопскому отцу Сосновскому пять золотыхъ.—Дяконови протопопскому жъ копу.—Дякови спаскому копу.—*На другую церковъ*. Отцу Лѣсяневичу талярей десять.—Вѣкарію отцу Омиону (sic) залотыхъ пять.—Отцу дяконови копу.—Дякови чотири золотіи.—Паламареви два золотихъ.—Подпаламарому гривня.—Іваницкому вѣкарію пять золотыхъ.—Дякови Иваницкому копу.—Паламареви полкопи.—Варвинскому намѣсникови копъ вусѣмъ зовсѣмъ.—До Перeяславля два червоніи онъ, Жураковскій, (мужъ умершей) взявши в мене, не отдалъ.—Голубовскому попови вусѣмъ копъ.—Переволочанскому (священнику) шкапу (лошадь) добрую.—Заизкому (с. Заизда священнику) вола доброго.—Обѣдувъ было сѣмъ и на каждій обѣдъ, кромѣ харчи и напитку, готовихъ грошей виходило по десять золотихъ. На всѣхъ поповъ и с панахидамы, на дяковъ и паламарей сѣмъдесятъ золотыхъ.—На похороны цеховымъ за сѣмъ цеховъ, по гривнѣ.—На подзвонне, по всѣмъ церквамъ, когда небожка померла, на похоронъ попамъ и дякамъ заплатила копъ шесть». (*Съ подлининка*). Этотъ реестръ принадлежитъ вдовѣ Степана Ивановича

Носа (сына полковника) и составленъ ею при спорѣ съ зятемъ Мартыномъ Жураковскимъ, который, по смерти жены своей Федоры Степановны Носъ, спорилъ съ тещею за недополученное приданое.

На 19-е февраля 1861 г. 19-го февраля 1901 года [1]).

Вже сорокъ годочкивъ сёгодня мынуло,
Якъ Мученыкъ—Батько намъ свитъ розвьязавъ;
Людей, що въ неволи послиплы—поснулы,
На волю Винъ вывивъ и любо сказавъ:
„Замучени диткы! Хреститься й тикайте
Изъ темного лёху на волю, на свитъ:
На воли—роздолли вы доли шукайте...
Це вамъ, мои люби, видъ Мене прывитъ."
Неначе изъ неба труба затрубыла,
Мовъ гримъ весняный той усихъ стрепенувъ,—
Такъ „воля" забытыхъ людей розбудыла,
И тыхъ пидвела, хто й на викы заснувъ.
Велыкдень крестянамъ, друге Воскресиння:
Изъ пекла ихъ души попалы у рай—
Зъ неволи у волю; настало спасиння,—
Радіе, ажъ плаче, замученый край.
Хиба ще не въилысь прыгинчи на поли?
Чы диткы маленьки въ стерни не пеклысь?
Чы маты голодна не жаждала воли?
Чы слёзы дивочи въ-ночи не лылысь?
Усе те мынуло... Бодай не верталось,
Бодай нашымъ диткамъ того не дождать,
Що нашымъ сердешнымъ батькамъ доставалось:
Щобъ лютій неволи сынамы не стать.

[1]) Мы получили это стихотвореніе, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно и потому не могли его помѣстить въ мартовскую книжку, посвященную главнымъ образомъ 40—лѣтію со дня „воли" для крестьянъ. Намъ особенно пріятно было получить это стихотвореніе потому, что оно явилось изъ-подъ пера человѣка, принадлежащаго къ крестьянскому сословію и вдохновившагося тѣмъ моментомъ, который въ жизни русскаго крестьянства можетъ быть названъ поистинѣ „великимъ днемъ". *Ред.*

И намъ, сиромахамъ, не слидъ забуваты
На вищо намъ воля святая далась,
Для чого въ неволи не сталы страждаты,
За що неповынная кровъ пролылась:
    На те, щобъ мы, маючы волю шыроку,
    Не спалы пидъ тыномъ, якъ часто бува,
    Щобъ мы, трудовымы, замисто оброку,
    На воли справдылы велыки слова:
„Одъ-ныни на трудъ твій—шырокая воля,
Иды соби зъ Богомъ, бо ты чоловикъ,
Нехай усмихнется щаслывая доля,
Тоби й твоимъ диткамъ, на воли, по-викъ.“
    Такъ вично-жъ въ день „воли“ передъ образамы
    Молиться, крестяне, за душу Царя,—
    Щобъ лыкъ ёго ясный, умытый слёзамы,
    Сіявъ-бы у хати, якъ въ неби зоря.

Крестьянинъ **М. Н-п-в-да.**

1901 года февраля 13 дня.
г. Миргородъ.

Текущія извѣстія.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ 40-ую годовщину его смерти.

Въ Россіи:

Александровскъ (Екатеринославск. губ.). 26-го февраля с. г. Въ Александровскѣ, Екатериносл. губ., въ театрѣ Молчановскаго, былъ устроенъ кружкомъ почитателей украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, въ память сорокалѣтней годовщины его смерти, литературно-вокальный вечеръ въ пользу библіотеки и бѣдныхъ. На вечерѣ П. И. Чижевскимъ была прочитана біографія Т. Г., послѣ чего предъ туманной картиной (портретъ Шевченка) мѣстный поэтъ Т. А. Полищукъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Дальнѣйшая программа вечера, состоявшаго изъ трехъ отдѣленій, была посвящена исключительно исполненію украинскихъ пѣсенъ хоромъ, подъ управленіемъ Н. С. Попова, и чтенію произведеній чествуемаго поэта.

Сборъ отъ вечера достигъ почти 400 рублей. (Южн. Кр. № 15).

26 февраля въ *Екатеринодарѣ*, въ Войсковомъ соборѣ соборнымъ протоіереемъ о. М. Воскресенскимъ въ сослуженіи двухъ священниковъ совершена была панихида по случаю исполнившагося сорокалѣтія со дня кончины великаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. На панихидѣ присутствовало значительное стеченіе молящихся офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ вѣдомствъ частныхъ лицъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 45).

Тамъ же 25 февраля, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, устроенъ былъ членомъ правленія названнаго общества, А. А. Левитскимъ, общедоступный вечеръ въ залѣ Александро-Невскаго религіозно-просвѣтительнаго братства, въ память 19 февраля 1861 года и украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Всѣ билеты были распроданы еще за долго до начала вечера, и многимъ, желавшимъ попасть на него, пришлось отказать за недостаткомъ мѣста. Вечеръ состоялъ изъ двухъ вокально-музыкальныхъ отдѣленій, изъ которыхъ первое было посвящено чествованію 19 февраля 1861 года, а второе—памяти Т. Г. Шевченка.

Первое отдѣленіе открылось чтеніемъ реферата Л. М. Мельникова: «Изъ исторіи крѣпостного права на Кубани», изъ котораго слушатели узнали, что хотя Кубанская область (бывшая Черноморія) заселена бывшими запорожцами—вольными козаками и ихъ потомками,—болѣе чиновные и богатые между ними имѣли крѣпостныхъ-дворовыхъ и не разъ пытались добиться права имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, но терпѣли неудачи. (Куб. Обл. Вѣд. № 46).

Тамъ же обществомъ любителей изящныхъ искусствъ 2 марта былъ устроенъ семейный вечеръ.

Мѣстное общество не осталось равнодушнымъ къ памяти великаго поэта, наполнивъ обширный залъ женской гимназіи.

Вечеръ открылся рефератомъ И. Т. Ротаря «Міросозерцаніе Тараса Григорьевича Шевченка».

Затѣмъ слѣдовали: «Сонъ підъ ничь 26 лютого року 1901 г.» Н. К. Вороного,—полное глубокаго чувства стихотвореніе ad hoc,

прочитанное самимъ авторомъ, молодымъ поэтомъ, уже составившимъ себѣ имя въ малорусской литературѣ.

Послѣ Н. К. Вороного г. Добровольскій пропѣлъ соло: «Огни горять», а затѣмъ, по настоятельной просьбѣ публики,—«Ой, Днипре мій, Днипре»! Затѣмъ слѣдовало «Посланіе къ Шафарику» и отрывки изъ поэмы „Иванъ Гусъ"; какъ то, такъ и другіе мастерски прочитанные М. О. Поночовнымъ, произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

«Ой що жъ то за воронъ», народная пѣсня, традиціонно исполняемая хоромъ на шевченковскихъ вечерахъ, закончила первое отдѣленіе вечера. Хоромъ, состоявшимъ изъ членовъ общества, управлялъ Я. П. Соколовскій.

Второе отдѣленіе вечера открылось знаменитымъ стихотвореніемъ «Думы мои, думы мои», которое съ глубокимъ чувствомъ продекламировалъ Н. К. Вороный, прочитавшій затѣмъ на bis еще одно стихотвореніе Шевченка.

Продолжительные и шумные аплодисменты вызвали также пѣніе г. Флоренскаго, прекрасно исполнившаго чудную, въ поэтическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ, элегію «Гетьманы, гетьманы, якъ бы то вы всталы», которую пришлось повторить по настоятельному требованію слушателей, и затѣмъ изящную піесу «На що мени кари очи».

Послѣ г-жи Пось, прекрасно прочитавшей „Наймычку", А. А. Левитскій продекламировалъ: «Есть на свити доля» и «Мени однаково».

Въ заключеніе вечера хоръ любителей подъ управленіемъ Я. П. Соколовскаго исполнилъ отрывокъ изъ Шевченковой «Хустыны», переложенной на музыку М. Лысенкомъ.

Отчетъ объ этомъ вечерѣ былъ бы не полонъ, еслибы не упомянуть объ одной особенности, имѣвшей мѣсто на этомъ вечерѣ: мы имѣемъ въ виду скромную по размѣрамъ, но нелишенную интереса выставку портретовъ, рисунковъ и книгъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ чествованію поэта.

На двухъ классныхъ доскахъ кнопками и гвоздиками были укрѣплены портреты и рисунки, изображавшіе Т. Г. Шевченка въ разные періоды его жизни, его друзей, виды его могилы—первоначальный и послѣдующій, иллюстраціи къ «Кобзарю». Среди выставленныхъ портретовъ первое мѣсто по значенію своему занялъ небольшой, украшенный вѣнкомъ изъ свѣжаго барвинка, собственноручный портретъ Т. Г. Шевченко, сдѣланный имъ въ ссылкѣ и присланный въ подарокъ Я. Г. Кухаренку, послѣднему наказному атаману войска Черно-

морскаго, бывшему искреннимъ, долголѣтнимъ другомъ великаго поэта. (Куб. Обл. Вѣд. № 52).

Въ Екатеринославѣ 10 марта литературно-музыкальная секція устроила вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, по случаю 40-лѣтія со дня его смерти. Кромѣ хора секціи и лучшихъ силъ изъ мѣстныхъ любителей, въ музыкальномъ отдѣленіи приняла участіе артистка Е. А. Муравьева; въ литературномъ отдѣленіи, кромѣ нѣсколькихъ декламаторовъ, А. Н. Лисовскій прочелъ сообщеніе о малороссійскихъ думахъ, которое было иллюстрировано исполненіемъ ихъ извѣстнымъ бандуристомъ Ходкевичемъ, пріѣхавшимъ спеціально для этой цѣли изъ Харькова, а г-жа Ефименко прочла свою статью, посвященную памяти Шевченка. Въ началѣ вечера хоромъ и оркестромъ секціи была исполнена кантата Лысенко «Бьють пороги», на слова Шевченка. Доходъ съ вечера предназначается въ пользу публичной библіотеки Екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній, на отдѣлъ, посвященный произведеніямъ украинскихъ писателей. (Приднѣпр. Край, № 1120).

Въ Кіевѣ 21-го марта, въ залѣ купеческаго собранія состоялся вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Вечеръ этотъ привлекъ многочисленныхъ почитателей украинскаго поэта. Вокальная часть вечера не оставляла желать ничего лучшаго: огромный хоръ г. Лисенко пользовался обычнымъ успѣхомъ и вынужденъ былъ биссировать почти каждый номеръ своей разнообразной программы, составленной исключительно изъ пѣсенъ на слова Шевченка; съ такимъ же успѣхомъ выступали г-жи Зотова и Ермоленко, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ, спѣвши по настоянію публики два раза дуэтъ «Плыве човенъ». Изъ остальныхъ вокальныхъ номеровъ наибольшее впечатлѣніе произвела чудная музыка извѣстнаго «Спива Яремы» («Гетьманы» ...) Въ литературной части вечера принимали участіе М. М. Старицкая и г. Багровъ. Первая прочитала съ большимъ чувствомъ стихотвореніе въ память Т. Г. Шевченка, оставившее сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Почти такое же впечатлѣніе произвела одна изъ лирическихъ думокъ Шевченка, въ исполненіи г. Багрова.

Въ Москвѣ 25-го февраля, въ день рожденія Т. Г. Шевченка, по иниціативѣ московскаго кружка малороссовъ въ церкви Большаго Вознесенія, что у Никитскихъ Воротъ, была отслужена мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора пѣвчихъ, послѣ литургіи панихида по

покойномъ поэтѣ. За панихидой присутствовали: писатель Н. Н. Златовратскій, украинскіе драматическіе писатели: гг. Кропивницкій и Карпенко-Карый, артисты и артистки находящейся въ Москвѣ малороссійской труппы М. Л. Кропивницкаго, проживающіе въ Москвѣ малороссы и почитатели покойнаго поэта. (Русск. Вѣд. № 56).

Тамъ-же 26-го февраля, въ 40-ю годовщину кончины Т. Г. Шевченка, въ гостинницѣ «Континенталь» состоялся обѣдъ въ память поэта, въ которомъ участвовали нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, малороссійскіе драматическіе писатели М. Л. Кропивницкій и И. К. Карпенко Карый, артисты малороссійской труппы Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій, Н. В. Левитскій и другіе почитатели поэта.

Произнесено было много рѣчей, характеризовавшихъ Шевченка какъ великаго поэта, человѣка и гражданина, и прочитано нѣсколько его произведеній. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Н. Н. Златовратскаго о значеніи Шевченка какъ поэта, олицетворявшаго въ своихъ произведеніяхъ не только душу малороссовъ, но идеалы и стремленія всего русскаго народа и общечеловѣческія чувства. По предложенію Н. Н. Златовратскаго сдѣланъ былъ сборъ въ пользу бѣднѣйшихъ родственниковъ Т. Г. Шевченка. (Рус. Вѣдом. № 57).

Въ Полтавѣ 11 марта, во второмъ общественномъ собраніи, въ память сорокалѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка, устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе: г-жи Онацевичъ, Островская, г.г. Рудченко, Курдиновскій и нѣкоторыя другія лица, а также малорусскій смѣшанный хоръ любителей подъ управленіемъ П. Н. Гордіевскаго и Маркевича и извѣстный украинскій бандуристъ Галайда. Всѣ исполнители довольно не дурно справлялись со своими номерами. Хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсенъ: «Заповитъ», «Туманъ хвылямы лягае» изъ оперы «Майська ничъ», «Маршъ на смерть Шевченка», кантата «Бьють пороги» и «Писня про Софрона», слова Шевченка. Бандуристъ Галайда прекрасно исполнилъ нѣсколько вещицъ на своей бандурѣ. Залъ собранія былъ очень красиво убранъ, особенно эстрада, на которой помѣстили задекорированный портретъ Т. Г. Шевченка. Двери, ведущія на эстраду, и печи были украшены различными предметами ручного производства крестьянъ Полтавской губ., какъ-то: плахтами, скатертями, полотенцами. По стѣнамъ были развѣшаны соотвѣтственно задекорированные медальоны съ надписями на нихъ названій различ-

ныхъ произведеній Шевченка. Половина сбора съ вечера назначена въ пользу благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 54 и 57).

Въ С-Петербургѣ, 26 февраля въ день сорокалѣтней годовщины со дня смерти украинского поэта Т. Г. Щевченка, въ Казанскомъ соборѣ протоіереемъ В. И. Мареянинымъ отслужена была панихида по покойномъ поэтѣ. Соборъ наполненъ былъ многочисленными земляками и почитателями Тараса Григорьевича. На панихидѣ присутствовали также члены общества имени Т. Г. Шевченка, во главѣ съ предсѣдателемъ А. Н. Марковичемъ, И. С. Иващенковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Л. Лесевичъ, профессоръ П. П. Пелехинъ и много представителей печати. 19 марта назначено торжественное собраніе общества имени Т. Г. Шевченко. (С.-Пет. Вѣд. № 56).

Въ Симферополѣ, 26 февраля въ каѳедральномъ соборѣ была отслужена панихида; въ театрѣ состоялось чествованіе поэта; прочтена была его біографія, а затѣмъ данъ парадный спектакль съ апоѳеозомъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 46).

Въ Томскѣ —26 февр. въ театрѣ при безплатной библіотекѣ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій.

Послѣ того какъ оркестръ исполнилъ увертюру соч. Франка, профессоръ томскаго университета М. А. Рейснеръ прочелъ біографію Т. Г. Шевченка. Рѣчь его была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затѣмъ были исполнены, въ музыкально-вокальномъ отдѣленіи—«Гетьманы», «Ой одна я, одна», «Утоптала стежечку», «Бьють пороги», «Ой Днипре мій, Днипре», «Коломыйка», «Колы розлучаются двое», «Закувала та сыза зозуля» и мн. друг. Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ: картина къ «Думы мои, думы». Картина представляла собою поэта, окруженнаго типами его произведеній: „Кобзарь", „Гайдамаки", „Гетьманъ", „Невольники", „Катерына". (Сибирская Жизнь, № 46).

Въ Херсонѣ, 26 фев. въ 12 ч. дня въ Успенскомъ соборѣ протоіереемъ о. В. Ефремовымъ отслужена панихида по случаю сороковой гововщины со дня кончины поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Пѣлъ хоръ подвизающагося на сценѣ городского театра кіевскаго товарищества малороссійскихъ артистовъ. Храмъ былъ полонъ молящимися, въ томъ числѣ дамами, представителями чиновнаго міра,

учащимися мѣстныхъ учебныхъ заведеній и тружениками печатнаго дѣла. (Югъ, № 856).

Въ Галиціи (вообще въ Австро-Венгріи).

Во *Львовѣ.*—28 февраля въ залѣ „Народного Дому“ устроила литературно-музыкальный вечеръ гимназическая молодежь. Программа составлена была преимущественно изъ произведеній Шевченка. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата гимназиста Петраковця «Які вплива слідно в Шевченковій «Тополі».

Тамъ же, 1 марта, въ томъ же помѣщеніи—устроенъ былъ торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ соединенными силами всѣхъ львовскихъ украинскихъ товариществъ (главн. образомъ «Просьвіта» и «Львівський Боян»). На вечеръ собрались почитатели Шевченка изъ Перемышля, Стрыя, Станиславова и мног. другихъ мѣстностей.

Въ *Перемышлѣ*—8 марта устроенъ былъ вечеръ въ залѣ «Руского дівочого Інстітуту».

Въ *Коломыѣ*—11 марта, мѣстная гимназическая молодежь устроила литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Стрыѣ*—13 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Тернополѣ*—13 марта устроенъ былъ вечеръ стараніями «народно-руских товариств» въ залѣ «Сокола».

Въ *Черновцахъ*—12 марта въ черновецкой 1-й гимназіи устроенъ былъ воспитанниками литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Бучачѣ*—устроенъ былъ 12-го марта вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Бережанахъ* (на Буковинѣ)—3 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью.

Въ *Путиловѣ* (на Буковинѣ)—10 марта устроенъ былъ вечеръ путиловской филіей товар. «Руска Школа».

Въ *Новимъ-Сели* (въ Галичинѣ)—11 февраля состоялся вокально-декламаторскій вечеръ, въ простой крестьянской хатѣ. Устроителемъ явился нотаріусъ Герасимовичъ, пояснившій въ краткой, простой рѣчи цѣль даннаго вечера.

Въ *Яворовѣ*—устроенъ былъ 11-го марта вечеръ «Міщанськоюѣ Читальнею».

Въ *Теребовлѣ*—устроенъ былъ 11 марта вечеръ мѣстной «Міщанською Читальнею».

Въ *Вѣнѣ*—26 февраля устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ украинскимъ рабочимъ обществомъ «Поступ», въ Restaurent «zum Weingarten».

Тамъ же, 3 марта устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Січ». („Руслан“, „Буковина“, „Дѣло“).

—

Отказъ въ постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку. Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство «Союза русскихъ писателей» о разрѣшеніи открыть подписку на устройство памятниковъ Шевченку и Бѣлинскому. (Кіев. Газ. № 63).

—

Неизвѣстный портретъ Т. Г. Шевченка. У присяжнаго повѣреннаго П. П. Коренева, въ Москвѣ, хранится портретъ, рисованный медовыми красками на картонѣ и изображающій молодого человѣка въ арестантскомъ халатѣ на фонѣ сѣрой каменной стѣны. Теперешній собственникъ этого портрета получилъ его отъ своего покойнаго дяди, академика петербургской академіи художествъ Николая Назаровича Коренева. Преданіе говоритъ, что портретъ этотъ, полученный покойнымъ Н. Н. Кореневымъ отъ профессора петерб. академіи художествъ Якобія, изображаетъ Т. Г. Шевченка въ заключеніи и писанъ самимъ художникомъ-поэтомъ. Было-бы желательно, чтобы это преданіе было провѣрено компетентными лицами, которыя могли бы опредѣлить значеніе этого интереснаго портрета. (Русск. Вѣдом. № 60).

—

Родственники Т. Г. Шевченка. По словамъ проф. Стороженка, племянники Т. Г. Шевченка—дѣти его брата Никиты и сестры Ирины, живущіе въ Кирилловкѣ, кіевской губ., теперь до извѣстной степени обезпечены: черезъ одну высокопоставленную даму профессору удалось обратить на нихъ милостивое вниманіе Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, и они теперь получаютъ изъ собственныхъ средствъ Ея Величества по 200 руб. ежегодно. (Кіевск. Газ. № 61).

Съ другой стороны, «Русскія Вѣдомости» (№ 50), просятъ обратить вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе семьи О. И. Бойко, родственниковъ Т. Г. Шевченка. Благодаря помощи добрыхъ

людей О. И. удалось помѣстить дѣтей въ учебныя заведенія; въ настоящее время дочь ея находится уже въ старшемъ классѣ епархіальнаго училища, но невзносъ платы за ученье за два послѣдніе года грозитъ ей увольненіемъ передъ самымъ окончаніемъ курса. Пожертвованія можно пересылать въ г. Кременецъ, Волынской губ., Завальная ул., домъ Шипановской, Ольгѣ Ивановнѣ Бойко.

Слѣдуетъ добавить, что сынъ О. И. Бойко, внукъ Т. Г. Шевченка, воспитывался въ той-же кременецкой духов. семинаріи. Онъ писалъ стихи и приводилъ ими въ восторгъ весь городъ. Каждое стихотвореніе онъ подписывалъ: «Л. Бойко, внукъ Тараса Шевченка». Въ своихъ стихахъ онъ, какъ и знаменитый дѣдъ, которому онъ, видимо, подражалъ, увлекается запорожскою Сѣчью, красотами украинской природы, ненавидитъ враговъ Украйны, недоволенъ настоящимъ и стремится къ чему-то болѣе высокому, лучшему, прекрасному. Многообѣщающій молодой человѣкъ, проявлявшій всегда странности, въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Русск. Сл.», сталъ заговариваться, и дѣло кончилось тѣмъ, что его пришлось отправить въ Кирилловскую больницу для умалишенныхъ въ Кіевъ. У Бойко помѣшательство на религіозной почвѣ.

Благоустройство могилы И. П. Котляревскаго. По соглашенію управляющаго Полтавской школой садоводства и огородничества В. П. Альховскаго съ завѣдующимъ Полтавскимъ городскимъ садомъ г. Орловскимъ, нынѣшней весной будутъ произведены посадки декоративныхъ растеній на могилѣ и около могилы творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 57).

Памяти П. И. Нищенскаго. 4 марта истекло ровно пять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго талантливаго украинскаго писателя и композитора Петра Ивановича Нищенскаго.

Помѣщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературно-композиторской дѣятельности его (въ газетѣ «Кіевская Газета»), г. *Р. Л.* заканчиваетъ свою обширную замѣтку слѣдующими словами: «Интеллигентные украинцы, гордящіеся заслугами покойнаго писателя и композитора, не только не нашли возможнымъ до сихъ поръ поставить надъ могилой Петра Ивановича хотя бы самаго скромнаго памятника, но даже до сихъ поръ не поинтересовались тѣмъ богатымъ

литературнымъ наслѣдствомъ, какое осталось послѣ Петра Ивановича. А осталось послѣ покойнаго писателя болѣе десяти пудовъ бумагъ, и въ томъ числѣ неоконченная «Иліада». Чтобы издать все то, что заслуживаетъ общественнаго интереса, нужны люди и средства; а родные П. И. выполнить сами эту трудную задачу не могутъ. Будемъ надѣяться, что хоть къ десятилѣтней годовщинѣ смерти П. И. Нищенскаго украинскіе интеллигенты исполнятъ по отношенію къ выдающемуся работнику на украинской нивѣ то, что составляетъ не только ихъ нравственный долгъ, но и священную обязанность. Пока-же это, къ сожалѣнію, только pia desideria». (Кіевск. Газ. № 63).

—

Чествованіе памяти А Я. Конисскаго. 10 декабря минувшаго года, по полученіи извѣстія о смерти А. Я. Конисскаго, въ Симферополѣ почитатели его таланта собрались на панихиду въ Александро-Невской церкви. Послѣ панихиды небольшой кружокъ знакомыхъ и почитателей покойнаго собрался въ Grand-отелѣ помянуть почившаго добрымъ словомъ. На обѣдѣ однимъ изъ присутствующихъ была произнесена краткая рѣчь. Присутствующіе условились послать женѣ А. Я. слѣдующаго содержанія телеграмму: «Гурток Симферопольских Украінців, вболіваючи о понесеній Вами і всею Украіною утраті, бажае, щоб сумний фактъ смерти Олександра Яковича викликав живійший рух в житті украінства». Того же числа въ мѣстной газетѣ «Крымъ» напечатанъ былъ краткій некрологъ О. Я. Конисскаго. (Літературно-Науковий Вістникъ, кн. Ш).

—

Юбилей Ганны Барвинокъ (А. М. Кулишъ). *(Корреспонденція).* 3 марта 1901 г. праздновался сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности Александры Михайловны Кулишъ, извѣстной подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. На литературное поприще уважаемая писательница выступила въ 1860 г., когда мужъ ея, П. А. Кулишъ, напечаталъ въ альманахѣ «Хата» два ея разсказа: «Въ-осены лито» и «Лыхо не безъ добра». Разсказы эти отличались прекраснымъ образнымъ языкомъ и большимъ умѣньемъ писательницы изъ матеріала, доставляемаго разговорами ея сельскихъ знакомыхъ, творить художественныя картинки народной жизни, простыя, реальныя и поэтическія въ то-же время. Тѣ-же качества проявляются и во многихъ послѣдующихъ разсказахъ А. М. Кулишъ, которые она

печатала въ „Основѣ“ (подъ псевд. Г. Барвинокъ и А. Нечуй-Витеръ), „Правді“, „Кіевской Старинѣ“, „Літературно-Науковому Вістнику“ и др. изданіяхъ. Всего Ганна Барвинокъ написала болѣе тридцати разсказовъ. Наиболѣе удачные изъ нихъ принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ украинской литературы. Къ таковымъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, относятся: „Не було змалку, не буде й до'станку“, „Перемогла“, „Русалка“, „Пьяныця“, „Короливщына».

Темами для своихъ разсказовъ Ганна Барвинокъ избираетъ преимущественно *женскую долю*, съ замѣчательной правдивостью изображая горести жизни нашей сельской женщины, и при крайней простотѣ пріемовъ и неизмѣнномъ уклоненіи отъ всякихъ бьющихъ на эффектъ выраженій производитъ иногда большое впечатлѣніе и достигаетъ созданія истинно поэтическихъ изображеній. Не смотря на преклонныя лѣта (А. М. Кулишъ, урожденная Бѣлозерская, родилась въ 1828 г.), она продолжаетъ работать и въ настоящее время, то создавая новые разсказы (см., напр., въ Ш-й книгѣ «Літетурно-Наукового Вістника» за этотъ годъ ея разсказъ «Гречаники»), то съ замѣчательной энергіей ведя дѣло изданія произведеній своего покойнаго супруга. Ею самою или по ея порученію издано до сихъ поръ 10 его книгъ: «Воспоминанія дѣтства». «Оповиданнія», «Досвиткы», «Драмована Трылогія», «Чорна рада» и переводы драмъ Шекспира: «Гамлет», «Приборкана гоструха», «Макбет», «Коріолан», «Юлій Цезарь».

Собственно, отъ празднованія юбилея уважаемая писательница отказалась, но принимала поздравленія 3 марта у себя въ домѣ, въ своемъ хуторѣ „Мотроновка-Кулишивка“ (подъ Борзною), гдѣ она родилась и прожила большую часть своей жизни и гдѣ покоится прахъ П. А. Кулиша и брата писательницы, В. М. Бѣлозерскаго, бывшаго редактора „Основы“. Кромѣ личныхъ поздравленій, принесенныхъ писательницѣ нарочно прибывшими для того гостями, ею получено было много адресовъ, писемъ и телеграммъ, со множествомъ подписей, изъ различныхъ мѣстностей Россіи и Австріи, а именно: изъ Кіева, Чернигова, Львова, Нѣжина, изъ одного села, Херсона, Одессы, Екатеринослава, Екатеринодара, Бахмута, Звягеля, Умани, Полтавы, Минска, Петербурга и Москвы, при чемъ изъ многихъ городовъ получилось по нѣсколько поздравленій. Между другими поздравленіями изъ Кіева было также поздравленіе и отъ редакціи „Кіевской Старины“, на страницахъ которой Ганна Барвинокъ по-

мѣщала свои разсказы. Въ поздравленіяхъ подчеркивалась талантливая дѣятельность А. М. Кулишъ какъ писательницы и та энергія, съ которою она опубликовываетъ произведенія своего супруга, а также выражались пожеланія болѣе свѣтлыхъ дней для украинскаго слова и болѣе широкаго развитія украинской литературы. Не смотря на то, что произведенія г-жи Кулишъ печатались большею частью или въ старыхъ, сдѣлавшихся уже библіографической рѣдкостью, изданіяхъ, или въ заграничныхъ малорусскихъ журналахъ, оказалось, что дружно привѣтствовавшая ее публика знакома съ ними. Это свидѣтельствуетъ какъ о талантѣ писательницы, такъ и о томъ интересѣ, который украинская литература начинаетъ возбуждать среди болѣе широкихъ круговъ публики (между привѣтствовавшими юбиляршу находились даже простые крестьяне и козаки).

—

Важное ходатайство. Недавно закончившій свои работы первый всероссійскій агрономическій съѣздъ въ Москвѣ, между прочимъ постановилъ возбудить ходатайство и разрѣшеніи издавать въ Малороссіи на малороссійскомъ языкѣ брошюры и органы періодической печати по сельскому хозяйству. (Куб. Вѣд., № 47).

—

Изданіе украинскихъ пѣсенъ. Историко-филологическое общество (харьковское? *Ред.*) приступаетъ къ собиранію украинскихъ пѣсенъ для изданія. (Приднѣпр. Край, № 1112).

—

Награда за солидный литературный трудъ. 14 февраля Коммиссія Харьковскаго университета назначила двѣ преміи за лучшій трудъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. На конкурсъ было прислано много работъ. Лучшей было признано изслѣдованіе А. А. Русова «Описаніе Черниговской губерніи». Автору выдана премія въ 500 рублей, а рецензенту, В. Левицкому—присуждена золотая медаль.

—

Цѣнный даръ. Извѣстнымъ изслѣдователемъ южно-русской старины А. А. Андріевскимъ принесены въ даръ херсонскому археологическому музею 19 документовъ XVIII столѣтія, заключающихъ въ себѣ переписку выдающихся дѣятелей той эпохи. На документахъ встрѣчаемъ надписи: Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ, гетмана Даніила Апостола, архіепископа кіевскаго Рафаила, князя Т. Трубецкого,

сербскаго митрополита Викентія, черногорскаго—Василія Петровича и друг. лицъ. („Югъ“, № 863).

—

„Аѳины Полтавской губерніи“. Лубнамъ, бывшимъ когда-то центромъ Украины и резиденціей гетмана Вишневецкаго, «грозитъ», по словамъ „Южн. Края“, въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться Аѳинами Полтавской губерніи—такъ много здѣсь имѣется работниковъ духа. «Здѣсь живетъ изслѣдователь народнаго быта и народной медицины г-нъ Милорадовичъ, здѣсь живетъ знатокъ украинской старины г-нъ Бочкаревъ, здѣсь обрѣтается начинающая малорусская писательница Л. А. Яновская; здѣсь же объявился недавно композиторъ г-нъ Подгорецкій, который поставилъ на дняхъ отрывки изъ своей оперы «Купальна искра». Музыка этой оперы, несомнѣнно, красива, мелодична и полна народнаго духа. Только авторъ, видимо, по неопытности, недостаточно развилъ и использовалъ пришедшіе ему въ голову счастливыя и красивыя музыкальныя темы. Во всякомъ случаѣ, такое необычное для провинціи явленіе, какъ постановка на сценѣ оперы мѣстнаго композитора, при содѣйствіи мѣстныхъ же силъ, расшевелило обычную лѣнь, домосѣдство и винтофильство даже мѣстныхъ обывателей. Залъ театра, не смотря на очень дорогія цѣны, былъ почти полонъ. Публика единодушно и много аплодировала какъ автору, такъ и исполнителямъ. Любителямъ Украины слѣдовало бъ обратить вниманіе на эту новую оперу“. (Южн. Край, № 6949).

—

Сѣдая старина. Регистраторъ статистическаго отряда, ѣздившій по Полтавской губерніи, нашелъ, какъ сообщаетъ «Хуторянинъ», слѣдующій назидательный образчикъ сѣдой старины.

«Около воротъ сборни (носящей въ Лубенск. уѣздѣ, за одно съ волостью, названіе «полыціи»), у перелаза высится шестъ, на шестѣ привязаны «люлька» и пучокъ розогъ. Это символически изображенный, во всеобщее свѣдѣніе и назиданіе, текстъ мѣстнаго закона: «хто въ сели на вулыци курытыме, той буде бытый»! „Я слышалъ“, разсказываетъ авторъ замѣтки, „что эти символы вывѣшивались прежде у въѣзда въ село, въ воротахъ „царыны“; въ одномъ изъ уѣздовъ, кажется въ Зѣньковскомъ, въ нѣкоторыхъ селахъ они сохранились будто бы на этихъ мѣстахъ и донынѣ».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Украинскія изданія 1900 года.

II.

Украинская литература за предѣлами Россіи (Галичинѣ, Буковинѣ, Угорщинѣ, Американской Руси) развивала по прежнему довольно интенсивную дѣятельность, слѣдствіемъ чего и явилось огромное, сравнительно, количество цѣнныхъ научныхъ и художественныхъ крупныхъ и мелкихъ изданій, могущихъ сдѣлать честь любой европейской литературѣ.

На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить «Наукове Товариство ім. Шевченка» и его солидныя научныя и другія изданія. Изъ періодическихъ изданій, имѣющихъ огромную цѣнность, помимо журнала «*Літературно-Науковий Вістник*», успѣвшаго за три года своего существованія снискать себѣ репутацію солиднаго органа, удовлетворяющаго духовнымъ потребностямъ значительной части культурнаго слоя общества, дорожащаго интересами родной земли въ ея прошломъ и настоящемъ, — въ минувшемъ году «Науковим Товариством» были изданы: XXXIII—XXXVIII т. т. «*Записок Наукового Товариства*» [1]), „Эгнографічний Збірник“ т. VIII и IX; т. т. II

---

[1]) Реценз. на нихъ см. «Кіевск. Старина», кн. X, XI и XII за 1900 г., кн. II за 1901 г., а также „Русская Мысль“, кн. I за 1901 г., Archiv für Slavische Philologie, т. XXII.

в III *«Історія України-Руси.* Проф. М. Грушевського, від XI—XIV (т. III «Збірника історико-фильософічної секциї); *«Часопись Правнича»*, р. X. Розвідки правничі секциї історично-фильософічної Н. Т. ім. Шевченка (2 книжки); *«Збірник математично-природописно-лікарської секциї Наук. Тов. ім. Шевченка.* Т. IV, вип. II. (часть математична); т. V, вип. II. (Часть лікарська); [2]) т. VI вип. I (Часть математично-природописна); *«Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесность і письменство*, т. II. (Збірникъ фільольогичної секциї Наук. Тов. ім. Шевченка); т. III *«Жерела до историї України-Руси»*. Видає Археографічна Комісия Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрациї королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—1565 р. р. Вид. М. Грушевський».

Изъ отдѣльныхъ изданій Н. Товариства, преимущественно оттисковъ изъ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданій, можно отмѣтить слѣдующія: *Володимир Гнатюк.* Словацький опришок Яношік въ народній поэзиї; *В. Охримович.* Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільскім і Долинськім судовім повіті; Словарь российско-украинський. Т. IV (С—V). Зібрали і впорядкували *М. Уманець і А. Спілка*; *Евген Косевич.* Людові університети; Стефан Рудницький. Українські козаки въ 1625—30 р.р.; *Грушевський М.* Розвідки і материяли до історії України-Руси. III. Відбитки з «Записок Н. Т. ім. Шевченка» и «Жерел до історії України-Руси», т. II; *Левицький Володимир.* Причинок до теориї дробів тяглих і групи модулової і кліматичні відносини Тернополя; *Романчук Юліян.* Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка; *Верхратський Іван.* Про говор долівський; *Гнатюк Володимир.* Русини Пряшівської епархиї і їх говори; *Павлик М.* Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р.; *Студинський Кирило.* Хто був автором Ἀντίῤῥησις'а р 1599?»; *Франко Ів.* Апокріфічне евангелие псевдо Матвія і його сліди в укр.-руськім письменстві; *Франко Ів.* Слово о Лазаревѣ воскресеніи». Староруська поема на апокріфічні теми; Хроніка Наукового Товариства ім. Шевченка. Ч. I, II и III; *Коренець Денис.* Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58; *Левицкій Володим.* Класифікация наук математичних; *Левицкій Кость.* Про неважність в новім процесі цивільнім; *Сидоряк Семен.*

---

[2]) Оба эти тома помѣчены еще 1899 годомъ.

Студия анатомична над взаємними відношенями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих; *Франко Ів.* Карпато-руське письменство XVII—XVIII в.; *Осип Маковей.* П. О. Куліш, огляд його діяльности; *Франко Іван.* Перехресні стежки; *В. Б.* Жите на віру у сибірських селян; *Веретельник Андр.* Рубане і виготоване дерева; *Вовк Хв.* Звістки й листи; *Вовк Хв.* Знахідки у могилах між Веремьем і Стретівкою і біля Трипіля; *Гнатюк В.* Ткацтво у східній Галичині; *Гошовскій Андрій.* Про новий напрям в науці приватного права; *Дикарів М.* Програма до збіраня відомостей про громади і збірки сільскої молоді; *Дністрянський С.* Берненська унія і наше відношене до неї; *Зубрицький М.* Народній календар, звичаї і повірки привязані до днів тиждня; *Литвинова-Бартош.* Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глух. пов.; *Рудницкій Стеф.* Про плями сонічні; *Франко Іван.* Історично-економ. студия.

Укажемъ также на почтенную дѣятельность *«Українсько-Руської Видавничої Спілки»*, основавшейся лишь въ концѣ 1898 г. и въ теченіе 1899 г. успѣвшей дать 12 изданій. [1]) Въ минувшемъ году это общество дало также 12 изданій: *«Шекспір Уїлліям.* Приборкана гоструха. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Гергарт Гауптман.* Візник Геншель, драма в 5 актах. Переклав Антін Крушельницький (ч. 13); *Коцюбинський Михайло.* В путах Шайтана і інші оповіданя; *Гуцков Кароль.* Уриель Акоста, трагедия в 5 актах. Переклав Лев Лопатинський; *Енгельс Фр.* Початок родини, приватної власности і держави на підставі Л. Моргана; *Шекспір Уїлліям.* Коріолян. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Яцків Михайло.* В царстві Сатани. Иронично-сентиментальні картини (ч. 21); *Коцюбинський М.* По людському. Оповіданя з бесарабського житя (ч. 24); *Мартович Лесь.* Не-читальник (ч. 23); *Мирний Панас.* Морозенко (ч. 22); *Стефаник Василь.* Дорога. Збірка нарисів.

Давнее Общество «Просвіта», давшее за время своего существованія до начала минувшаго года 235 номеровъ изданій, въ 1900 г. также довольно энергично проявляло свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Имъ были изданы слѣдующія брошюры: „Руський сьпіваник". Зібрав *Кость Федьків* (другий наклад); «Староруські оповіданя. Вибрав и переповів *Іван Франко* (ч. 238); *Добровольский Ст.*

---

[1]) См. обзоръ литературы за 1899 г.—«Кіев Стар.», кн. II, за 1900 г.

«Ярема». Оповідане з запорожського житя. З російського переповів *Алекс. Борковський* (ч. 241); «Кілько рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу» (ч. 242); *Новаковський Михайло.* «Спілки для ощадности і позичок системи Райфайзена» (ч. 240); *Зальцман Хр.* «Книжка приказок про те, як не належиться поводитися з дітьми». Переклав Т. Біленький. З переднім словом І. Франка (ч. 243—244); «Коляди і щедрівки». З додатком тропарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявлене; *Левицький Кость.* «Пропис людности». В додатку „Староруські оповідання", ч. V и VI (д-ра І. Франка, ч. 245); *Федькович.* І. «Фармазони». Повість. II. «Поезиї» (ч. 245—247); *Ілюстрований календар «Просьвіта»* на р. 1901 р.

Довольно энергично развивало свою дѣятельность и львовское „Руске товариство Педагогічне". Всего въ прошломъ году имъ было издано около 15 книжекъ: *«Казки Андерсена»*. Пята часть (ч. 76); *Переклади А. Кримського* (ч. 77); *«Образки з історії України-Руси»* (ч. 78); *«Оповідання для дітей»* (ч. 75); *Мамін-Сибіряк Д. Н.* Дитячі оповідання. Переклав з російського Андрей Вертельник (ч. 79); *Інформаційний календар* «Руского педагогічного Товариства» у Львові на звич. рік 1901 (ч. 85).

Начавшая было въ 1899 г. издаваться серія подъ назв. «Живі струни», давшая 4 изданія, въ минувшемъ году дала лишь одно— *Владислав Оркан.* «Ніч». Драма в 1 акті. Переклав А. Крушельницький. Зато въ минувшемъ году появилось три новыхъ издательства—«Р. У. Р. П.», «Руска Школа», «Народна Бібліотека». Первое дало пока лишь два изданія: *«Самостійна Україна»* и *«Дядько Дмитро»*. Оповідане.

«Руска Школа» (въ Черновцахъ) издала: *Іван Синюк.* «Образки з житя і природи» и «Десять казок для діточок». Збірка з уст народа на Буковині».

«Народна Бібліотека» издала: *Васыль Стефаник.* „Камінний хрест. Студиї і образки" (ч. 1—2); [1]) *Толстой Лев.* „Два старці". З великоруського переповів М. Павлик (ч. 3); *Гоголь Микола.* Тарас Бульба (ч. 4—6). Переклав В. Щурат.

Въ Перемышлѣ изданы двѣ брошюры серіи *«Артистично-Літературних новин":* (ч. 3) *В. Щурат.* «Павло Лінлау. Мелійська Венера», поетична драма в 1 д. (ч. 4); *В. К.* «Образки з Криниці».

---

[1]) Помѣчено еще 1899 годомъ.

Тамъ же открыта новая серія изданій— *«Бібліотека музикальна»*: изданы—ч. 1. Пісні підчас служби Божоі на 3-голосний хор жіночий або мужеський; ч. 2. *Копко М.* Пісні (часть церковна) и ч. 3. *Копко М.* На Різдво Христове (розні пісні).

Наконецъ, въ *Коломыѣ*—давняя серія *«Бібліотека для рускои молодежи»* дала: *Данило Лепкий.* «Селянська. Дитина. Изъ сельскихъ образкивъ» (т.т. 39 и 40); *Мешко.* «Повѣрка». Оповѣданне и др. (т. 38); *Андрей Веретельникъ.* «Два брата». Оповѣдане (т. 42).

Кромѣ изданій различныхъ обществъ или отдѣльныхъ серій, въ минувшемъ году было издано немалое количество книгъ и брошюръ отдѣльными лицами, большая часть которыхъ приходится, конечно, на Львовъ, затѣмъ—Черновцы, Коломыю, Перемышль и др. города.

Во Львовѣ были изданы: *Бачинський Юліян.* Украіна—irredenta. Друге виданне, и (его же)—Моя переписка з Михайлом Драгомановим (додаток до „Украіна-irredenta"); *Бартошевскій Іоан.* Проповѣди недильни для сельского народа. Друге доповнене видане; *Буря.* Драма в 5 діях Островського. З російського переклав і видав М. Павлик; *Кузів Ілько.* Короткий погляд на історию читальни руськоі дух. семинарии; *Левицький Іван.* Гетьман Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повистей подъ редакціею Ивана Белея. Т. LXIV); *Лисенко Микола.* Хор мішаний до слів поэзии І. Франка: „Ой що в полі за димове?»; *Шематизм* всечестного кліра гр.-кат. митроп. архидіецезии львовскои на р. 1900; *Авдикович Орест.* Метелики; его же: Нетлі; *Вернер Сомбарт.* Соціялізм і социяльний рух у XIX ст. Переклав Льонгин Цегельский (Библіотека молодоі Украіни); *Ібзен Генрих.* Як ми мертві воскреснемо. Перек. А. Крушельницький; *Мешко Франц..* Драма на селі. Повість. З словинського переклав Ілько Кузів; *Справоздане дірекціи* Ц. К. академічноі гимназіи у Львові на р. шкільний 1899—1900; *Перебендя,* Острожниця. і *К. Зорян.* Хто винен; *Франко Іван.* Із днів журби. Поезиі; *Р. Ганічак.* Коломийки; *Закшевскький Вікентій.* Всесвітна історня для висших клас середніх шкіл. Т. І. Старинна історня; *Кобринська Наталья.* Про «Нору» Ібзена; *Огоновський Іляріон.* Словар до Гомеровоі Одисеі і Іліяди; *Торонській Ал.* Історня библійна старого завіта для гр.-кат. молодіжі середних шкіл.; *Лепкий Богдан.* Стрічки; *Мох Рудольф.* Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драмат. сцены зъ панщизня-

ныхъ часовъ; *Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена.* Зладив др. Ф. Стефчик; *Самостойна Украина.* Видповѣдь Романя Сембратовича на статью п. з. «Українська держава»; *Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали? Баженський Порф.* Руско-народна музикальна гармонія; *Гумористичний ілюстрований календар «Комара» на р. 1901*; *До виборців з четвертої курії округа*: Тернопіль—Скалат—Збараж; *Лаврівський Володимир.* Тілоправні Гри. Кохана: Lawn Tennis; *Мешко Франц.* Нагуля, сільский образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів; *Рудович І.* Унія въ Львôвской архидіецезіи; *Енцікліка Папи Льва XIII про робітниче питанне*; *Огоновський П.* Учебник аритметики для низших клас.

Въ Черновцахъ.—Псалтир. Видае Іван Созанський; *Домашний писар.* Збірка примірів, як укладати ріжні письма; *Жарти для розривки руского селянина*; *Пігуляк Еротей.* Верховиньскі згадки. Повість; *Попович Омелян.* Із житя цісаря Франца-Йосифа І въ 70 уродини цісарські, для руськоі молодіжи; *Ілюстрований буковинський православний календар на рік 1901*; *Шпойнаровський Сергій.* Руска читанка для першоі кляси середних шкіл.

Въ Перемышлѣ.—Митюкъ Викторъ и Θеофилъ Луцыкъ. Зборныкъ церковно-народныхъ пѣсень. Вып. I.; *Ночь Виѳлеемска.* Ораторія сценічна в 4 актах.; *Смѣхъ и правда.* Вып. I.

Въ Коломыѣ.—Г. А. П(олянскій). Где есть скарбъ закопаный? Наука о томъ, якъ его выдобуты; *Мосора Михаіл.* Народни казки. Часть I; *Каммереръ Вильгельмъ.* Звонок. Переклав Яковъ Зробекъ.

Въ Унгварѣ.—Мѣсяцесловъ на 1901 г. Составилъ отъ имени общества св. Василія Великаго свящ. Юлій Чучка.

Въ *Жовквѣ.*—Християнский календарь Місіонара на 1901 рік.

Въ Винтербергѣ.—Илюстрованый Календар Пр. Дѣвы Маріѣ на р. 1901; Приятель жовніра. Календарь на р. 1901.

Остается упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ Америкѣ, въ Пенсильваніи въ (Олифантѣ), при редакціи газеты «Свобода», а именно: *Стефанъ Макаръ.* Американскій шляхтичъ. Образъ изъ житя рускихъ робитниківъ въ 3-хъ актахъ (ч. 10); *его-же*—Руско-англійскій провідникъ. (ч. 11); *А. Л.* Дорога до свѣдомости. I. Капиталъ и праця (ч. 12); *Календарь для американськихъ Русиновъ* на рикъ 1901; *Покрива Т.* Дорога до свѣдомости. II. Борьба классъ. III. Для чого робітники організуються?

Таковы результаты культурной, научно-просвѣтительной дѣятельности украинскаго общества въ минувшемъ году за границей,—дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, почтенной, свидѣтельствующей о естественной потребности украинскаго народа, постепенно приближаясь, стать на одномъ уровнѣ съ обществами наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ земель. Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи!

Прим. Давая обзоръ украинской литературы за границей за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, февраль, стр. 104–108), мы, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, не упомянули о слѣдующихъ изданіяхъ 1899 года: *Ор. Авдикович.* Поезия і проза. Львів, 1899; *Лепкий Б.* З житя. Збірка оповідань. Наклад. Укр.-руськоі видавничоі спілки" (ч. 12); *Національна Библіотека ч. 2.* Фр. Енгельс. Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом «Укр.-руськоі видавничоі Спілки»; *Бібліотека 3-крайцарова.* Вып. I. Коломыя (3 разсказа); *Ворчин Ю.* Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣдання. Т. П. (Бібліотека для рускои молодежи подъ редакціею Юліяна Носальского. Вып. XXIV. Томъ XXXVIII). Коломыя, 1899; *Будилецъ Евграф.* Студиі богословські. Проповідник на чудодійну тайну каяня. Чернівці, 1899; *Зробек Яков, парох Вертелки.* Мала парохія. Наклад. автора на цѣль будовы церквы въ Вертецѣ. Жовква. 1899.

В. Д.

Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Съ портретомъ.
Кіевъ. 1900 г. 108 стр.

Авторъ воспоминаній, Николай Алексѣевичъ Шрамченко (род. 1813 г. ум. 1888 г.) былъ уроженцемъ мѣстечка Воронежа, Глуховскаго уѣзда; воспитывался сначала въ новгородсѣверскомъ повѣтовомъ училищѣ, потомъ въ новгородсѣверской гимназіи и наконецъ въ Харьковскомъ университетѣ; служилъ непродолжительное время въ канцеляріи Черниговскаго губернатора, потомъ въ военной службѣ, по выходѣ изъ которой поселился въ м. Воронежѣ, гдѣ провелъ весь остатокъ дней своихъ и гдѣ долго онъ дѣйствовалъ въ качествѣ мироваго посредника, почти со времени учрежденія этой должности [1]) и до ея упраздненія въ Черниговской губерніи.

[1]) Замѣнилъ недолго занимавшаго эту должность М. Н. Карпѣку.

Отпечатанныя въ количествѣ всего 50-ти экземляровъ, воспоминанія его были писаны и изданы не для публики. Въ началѣ ихъ авторъ говоритъ, что берется за перо вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ дѣтей изложить для нихъ на бумагѣ событія его жизни и вообще все, что припомнитъ. Приступивъ къ этому на 68-мъ году своей жизни, когда свѣжесть многихъ воспоминаній утратилась, а желаніе окончить начатый трудъ могло побуждать торопиться, не вдаваясь въ такія подробности, изложеніе которыхъ требуетъ много мѣста и времени,—авторъ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Скромная жизнь его, бо́льшая половина которой прожита въ мѣст. Воронежѣ, и ограниченный кругъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ жизни, и не давали ему обильнаго матеріала для такихъ воспоминаній, которыя могутъ представлять общій интересъ.

Притомъ, начало и конецъ труда не одинаковы: въ первой половинѣ воспоминаній авторъ сравнительно болѣе подробенъ; видно, что, когда онъ приступалъ къ своей работѣ, у него было желаніе разсказать въ надлежащемъ порядкѣ всѣ главнѣйшія событія своей жизни, и онъ связно и послѣдовательно ведетъ этотъ разсказъ. Но, можетъ быть, недуги и мысль о приближающейся смерти помѣшали ему окончить трудъ такъ, какъ онъ былъ задуманъ: вторая половина воспоминаній имѣетъ отрывочный характеръ и полна недомолвокъ. Такъ, не смотря на то, что самая продолжительная служба автора была въ должности мироваго посредника, и притомъ обнимала то интересное время, когда вводилось въ дѣйствіе положеніе объ освобожденіи крестьянъ, онъ не только не излагаетъ никакихъ подробностей о своей дѣятельности въ этой должности и о всемъ томъ, что связано было съ этой дѣятельностью, но даже вовсе не упоминаетъ о томъ, что онъ когда—либо былъ мировымъ посредникомъ.

Хотя вслѣдствіе указанныхъ условій воспоминанія Шрамченка, написанныя для того, чтобъ удовлетворить желаніе и любопытство своихъ близкихъ родныхъ, представляютъ незначительный интересъ для читающей публики, но, такъ какъ почти вся жизнь автора прошла въ Малороссіи, есть въ нихъ нѣкоторыя черточки, и для насъ небезъинтересныя.

Начавъ съ изложенія имѣющихъ легендарный характеръ свѣдѣній о происхожденіи фамиліи Шрамченковъ и разсказавъ затѣмъ о своихъ родственникахъ—воронежскомъ сотникѣ Андреѣ Ивановичѣ и его братѣ Моисеѣ Холодовичахъ (на сестрѣ которыхъ былъ женатъ

прадѣдъ Н. А. Щрамченка), авторъ передаетъ сохранившіяся въ семьѣ свѣдѣнія объ извѣстномъ въ Малороссіи разбойникѣ Гаркушѣ и набѣгѣ его въ усадьбу Моисея Холодовича. Потомъ, разсказавъ о проживавшемъ въ Воронежѣ генералъ—лейтенантѣ графѣ Н. В. Гудовичѣ, разжалованномъ въ солдаты, онъ прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о своемъ воспитаніи, останавливается и говоритъ: «Вѣрно, мнѣ не допѣть затянутой пѣсни, такъ какъ я сдѣлалъ перерывъ, болѣе года не заглядывалъ въ мои воспоминанія, а на семидесятомъ году моей жизни плохая надежда впереди»... И послѣ этого перерыва авторъ становится уже гораздо болѣе краткокъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Ученье его началось въ Воронежѣ у какого-то дядьки Некреши и мѣстнаго священника и продолжалось въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Говоря объ этомъ городѣ, авторъ сообщаетъ о немъ одно свѣдѣніе, интересное для лицъ, знающихъ современное положеніе Новгородъ-Сѣверска. Именно, онъ разсказываетъ, что называемая въ настоящее время *«Кляшторомъ»* часть города, на которой расположены Соборная и Воскресенская церкви, была прежде съ трехъ сторонъ почти неприступна по крутизнѣ горъ, изъ которыхъ одна прилегаетъ къ Деснѣ, а съ четвертой стороны, противъ церкви Воскресенія, отдѣлялась отъ остальнаго города глубокимъ рвомъ, черезъ который, какъ помнитъ авторъ, въ 1823 году былъ устроенъ деревянный мостъ, представлявшій единственное средство сообщенія названной части города съ прочими частями. Мостъ этотъ былъ на столько великъ, что по обѣимъ сторонамъ его на сваяхъ были устроены лавки (кажется, по пяти лавокъ съ каждой стороны, говоритъ авторъ и вспоминаетъ, что первая лавка съ лѣвой стороны отъ города была купца Леньковскаго). Впослѣдствіи этотъ мостъ былъ уничтоженъ, ровъ засыпанъ, и тамъ, гдѣ былъ онъ, отъ бывшаго моста влѣво и вправо, расположены улицы, вслѣдствіе чего мѣстность совершенно измѣнила свой видъ. А составляющія съ трехъ прочихъ сторонъ границу упомянутой части города горы, осыпавшись, сдѣлались менѣе неприступными; къ нимъ прилѣпились и по откосамъ ихъ устроились домики. И теперешніе обитатели, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣскольких глубокихъ стариковъ, не подозрѣваютъ того, что когда-то эта часть города, отдѣляясь отъ прочихъ частей глубокимъ рвомъ, была по своему положенію неприступной крѣпостью.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о педогогахъ новгородсѣверскаго повѣтоваго училища И. А. Славатинскомъ и Я. Я. Игнатьевѣ и новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскомъ, И. Ѳ. Тимковскомъ, Г. И. Ивановскомъ, Г. П. Македонскомъ, П. С. Левицкомъ и другихъ, причемъ наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ изображаетъ И. Ѳ. Тимковскаго.

Помѣстивъ въ Кіевской Старинѣ [1]) свою статью объ этомъ педагогѣ, мы позволимъ себѣ, въ дополненіе къ сообщеннымъ въ ней свѣдѣніямъ, выписать подробности, сообщаемыя Н. А. Шрамченкомъ: «этотъ человѣкъ», говоритъ авторъ о Тимковскомъ, «и теперь былъ бы не послѣднимъ передовымъ. Отлично образованный умомъ и сердцемъ, онъ зналъ языки французскій, нѣмецкій и въ особенности латинскій (любимый авторъ былъ у него Горацій), умѣлъ поставить себя такъ, что всѣ ученики и учителя уважали, любили и боялись его, хотя онъ всегда со всѣми обходился ласково. Учителя до того унижались предъ нимъ, что, когда онъ посѣщалъ классы, бросались снимать и подавать ему шинель и даже галоши, но, конечно, онъ не всегда допускалъ ихъ до этого. Бывало, если Тимковскій покажется на гимназическомъ дворѣ, то у учителей всегда было видно какое-то замѣшательство, они обращались къ ученикамъ: «господа, поправьтесь», а сами поправляли галстухи и застегивали сюртуки. Когда приходило время экзаменовъ, Тимковскій обыкновенно въ назначенный заранѣе день лично осматривалъ различныя ученическія принадлежности, свидѣтельствовавшія о годовыхъ занятіяхъ каждаго ученика: книги, тетради, разныя записки, переводы съ языковъ, рисунки и проч. и въ именномъ спискѣ учениковъ отмѣчалъ результаты своего осмотра. Затѣмъ назначались экзамены по росписанію, составленному Тимковскимъ. Ни одинъ экзаменъ не производился безъ его участія. Учителя на экзаменахъ были какъ бы второстепенныя лица. Бывало, Тимковскій, пріѣхавши на экзаменъ, привезетъ съ собою книгъ, подходящихъ къ предмету экзамена, попроситъ учениковъ и учителей садиться, самъ идетъ за столъ, розложитъ передъ собою списокъ учениковъ извѣстнаго класса и начинаетъ по списку вызывать учениковъ и лично экзаменовать, въ особенности по русскому языку. Учитель въ это время сидѣлъ въ отдаленіи отъ стола. При всемъ своемъ личномъ участіи на экзаменахъ Тимковскій

[1]) 1891 г. №№ 8—10.

нерѣдко заставлялъ и учителей экзаменовать. Отвѣты учениковъ Тимковскій самъ лично оцѣнивалъ въ своемъ спискѣ безъ участія учителей. Казалось бы страннымъ, какъ могъ Тимковскій такъ много брать на себя, но оно было такъ.»

Небезъинтересенъ также для характеристики старинныхъ нравовъ слѣдующій разсказъ автора: «Директоръ Тимковскій, какъ человѣкъ либеральный и гуманный, пожелалъ, чтобы въ гимназіи, помимо прочаго, процвѣтали и искусства, именно—музыка и танцы. Для обученія учениковъ музыкѣ онъ пригласилъ изъ Шостенскаго пороховаго завода капельмейстера П. В. Пишпека. Учителемъ танцевъ былъ Кригеръ, глубокій старикъ, преподававшій это искусство не долго. Когда онъ удалился, Тимковскій, вѣроятно по рекомендаціи Кригера, призвалъ меня къ себѣ, сказалъ что-то въ родѣ рѣчи о пользѣ пластическихъ искусствъ и поручилъ мнѣ продолжать обученіе танцамъ, что я и исполнялъ, разумѣется, безвозмездно. Ученики, въ благодарность, купили мнѣ всѣ (человѣкъ 25) по фунту конфектъ, которыми я съ ними же и подѣлился».

Переходя къ Харьковскому университету, въ которомъ авторъ былъ съ 1834 по 1840 годъ [1]), онъ, хотя и называетъ время студенчества лучшимъ временемъ своей жизни, къ сожалѣнію, черезчуръ краткокъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ этому времени. Упоминая о П. П. Артемовскомъ—Гулакѣ (бывшемъ тогда деканомъ этико-филологическаго факультета), Н. И. Костомаровѣ (стоявшемъ на квартирѣ у Артемовскаго—Гулака) и А. Л. Метлинскомъ, онъ не сообщаетъ о нихъ никакихъ фактовъ, опубликованіе которыхъ могло бы представлять интересъ [2]).

Затѣмъ, сообщая въ нѣсколькихъ строчкахъ о службѣ въ канцеляріи черниговскаго губернатора (которымъ былъ тогда В. А. Ше-

---

[1]) Сначала авторъ поступилъ на медицынскій факультетъ, а черезъ два года перешелъ на философскій, переименованный послѣ посѣщенія университета Николаемъ I въ этико-филологическій.

[2]) Только для біографіи Амвросія Л. Метлинскаго, котораго другія воспоминанія (напримѣръ Де-Пуле) рисуютъ какъ симпатичнѣйшаго человѣка, можетъ быть, не безъинтересенъ слѣдующій сообщаемый авторомъ анекдотъ: по поводу смерти извѣстнаго профессора и ректора И. Я. Кронберга Метлинскій говорилъ рѣчь въ стихахъ, начинавшуюся словами: «Пронесется вѣсточка по святой Руси.“ Насмѣшливые и недобрые студенты подхватили эту „*вѣсточку*“ и затѣмъ превратили ее въ прозвище Метлинскаго.

реметевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ Имуществъ), авторъ излагаетъ нѣкоторыя подробности своей военной службы, не имѣющія интереса для нашего журнала, за исключеніемъ одного случая, небезъинтереснаго въ этнографическомъ отношеніи. По поступленіи въ военную службу, авторъ, зачислившись въ гусары и нарядившись въ гусарскую форму, которая состояла тогда изъ краснаго ментика съ опушкой изъ черныхъ барашковъ, красной фуражки съ бѣлымъ околышемъ и голубыхъ панталонъ,—ѣхалъ въ Глуховъ, при приближеніи къ которому есть на дорогѣ глубокій оврагъ. Въ то время пролегающую чрезъ этотъ оврагъ дорогу ровняли множество мужиковъ и бабъ, и здѣсь, по разсказу автора, произошло слѣдующее: „не доѣзжая оврага, я вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ горою, такъ что, опередивъ свой экипажъ, медленно спускавшійся по оврагу, вышелъ на противоположную сторону и началъ подниматься по дорогѣ. Бабы увидѣли меня, бросили свою работу и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, пораженныя, должно быть, диковинною для нихъ формою, и притомъ на человѣкѣ, неизвѣстно откуда взявшемся, такъ какъ экипажа моего онѣ еще не видѣли. Наконецъ, одна изъ нихъ закричала не-своимъ голосомъ: «Се скарбъ, бый ёго!" —„Бый ёго", крикнули другія: „винъ заразъ розсыплется грошыма!" Нѣкоторыя ринулись на меня съ лопатами. Положеніе мое было и смѣшное и досадное. Въ рукахъ у меня ничего не было. Но на мое счастье показался мой экипажъ, я крикнулъ кучеру, чтобъ онъ подъѣзжалъ скорѣе. Экипажъ подъѣхалъ, я спокойно сѣлъ въ него, и такимъ образомъ приключеніе это кончилось ничѣмъ."

Потомъ, проходя какъ сказано уже, совершеннымъ умолчаніемъ свою службу въ должности мироваго посредника, авторъ на послѣднихъ страницахъ своихъ воспоминаній излагаетъ свѣдѣнія о мѣст. Воронежѣ и его обитателяхъ.

Къ воспоминаніямъ приложены стихотворенія Н. А. Шрамченка, числомъ 20, изъ которыхъ одно написано по-русски, а всѣ прочія—по-малорусски. Изъ имѣющихся надъ большею частью ихъ помѣтъ видно, что они были написаны въ 1839—1844 годахъ, а самое раннее изъ нихъ относится къ ноябрю 1839 года. Такимъ образомъ, первые опыты автора въ стихотворствѣ предшествовали первому изданію «Кобзаря» Т. Г. Шевченка (1840 г.) и послѣдовали за выходомъ въ свѣтъ въ Харьковѣ сборника стихотвореній извѣстнаго автору А. Л. Метлинскаго («Думки и писни та ще де-що,»

1839 г.). Самъ авторъ говоритъ объ этихъ стихотвореніяхъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Въ ту пору (т. е. въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ) я написалъ, не давая почти себѣ отчета, нѣсколько малороссійскихъ стихотвореній и, правду сказать, плоховатыхъ, потому что къ тому особеннаго таланта отъ Бога не имѣлъ, да къ тому же еще имѣлъ и плохое воспитаніе. Стихи эти впослѣдствіи я забылъ, и впослѣдствіи (sic), перечитывая ихъ, находилъ ихъ неудовлетворительными, а въ иныхъ даже едва сознавалъ, что они мною написаны. Но поэзія въ души моей осталась на всю жизнь. Любовь моя къ природѣ безгранична: радуюсь я травкѣ, пробивающейся изъ—подъ снѣга, готовъ и заплакать, когда вижу увядающимъ распустившійся цвѣтокъ».

Какъ бы подтвержденіемъ послѣднихъ словъ автора является одно изъ его стихотвореній, въ которомъ онъ изображаетъ печальную судьбу цвѣтка, выросшаго и увядшаго въ глуши, и которое мы приведемъ для образчика:

«Квитка».

Рожева квитка на степу
Зросла якбсь далеко
И красовалася соби,
А ій було не легко.

—

И бидному сёму цвитку
Въ садахъ вже не буваты,
Бо воля зла въ глухомъ кутку
Сказала розцвитаты.

—

Биля неи уже спорышъ
Та ще реньяхъ прывывся,
И стала квитонька ще гиршъ,
Пахучый духъ извився.

—

Засохла квитонька зовсимъ,
И лыстонько опало,
И квитонькы на свити симъ
Якъ будто не бувало.

—

И въ мисти тимъ витрець блука,
И плаче винъ дытыной,
И жалибно гука,
И стогне сыротыной.»

Какъ видитъ читатель, поэтичное по мысли стихотвореніе,— очень блѣдно по выраженію, не отличаясь изяществомъ формы. Вообще стихотворенія Н. А. Шрамченка, не обнаруживая таланта, свидѣтельствуютъ лишь о нѣкоторой долѣ поэтическаго чувства и симпатіяхъ къ малорусскому слову, проявленныхъ авторомъ въ раннюю пору развитія нашей украинской словесности.

Н. Ш—ровъ.

Сочиненія графа П. И. Капниста. *Москва 1901 г. Т. I, CCLVII+231 стр.; Т. II, CXLVIII+578 стр.*

Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ—уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ бывшаго Полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, а потомъ Московскаго губернатора и сенатора Ивана Васильевича Капниста. Родъ Капнистовъ происходитъ съ острова Занте (Закинөа), самаго южнаго изъ острововъ Іоническаго архипелага, и по-гречески фамилія ихъ звучала: Капниссисъ, въ Капнистовъ же передѣлали ихъ въ Малороссіи, куда переселился одинъ изъ Капниссисовъ, Петръ Христофоровичъ, съ сыномъ Василіемъ Петровичемъ въ 1711 г. Въ 1702 г. дѣдъ Петра Христофоровича Стамателло Капниссисъ былъ возведенъ Венеціанскою республикою въ графское достоинство, но осѣвшіеся въ Малороссіи потомки Петра Христофоровича не пользовались графскимъ титуломъ до 1876 года, когда императоръ Александръ II опять утвердилъ за ними родовой титулъ. Василій Петровичъ Капнистъ былъ полковникомъ Миргородскимъ, а потомъ бригадиромъ россійской арміи, и погибъ подъ ударами непріятельскихъ сабель 19 августа 1757 г. въ сраженіи съ пруссаками подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ. Младшій сынъ убитаго, Василій Васильевичъ извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ авторъ комедіи «Ябеда», многихъ лирическихъ пьесъ (одъ, элегій и проч.) и одной сатиры. Петръ Ивановичъ (род. въ 1830 г., скончался въ 1898 г.), внукъ Василія Васильевича, какъ-бы унаслѣдовалъ отъ дѣда литературное призваніе и всю жизнь писалъ, хотя почти никогда ничего не печаталъ. На-

стоящее посмертное изданіе его сочиненій является трогательнымъ памятникомъ горячей любви къ отцу со стороны дочери, графини Ины Петровны. Ему предшествуетъ обширная, составленная Иной Петровной, біографія покойнаго писателя. Живо написанная, проникнутая свѣтлымъ и глубокимъ чувствомъ, возстановляющая въ яркихъ очертаніямъ личность писателя на фонѣ окружающаго его общества, біографія эта читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Воспитанникъ Московскаго университета временъ Грановскаго (окончилъ курсъ въ 1852 г.), П. И. Капнистъ на всю жизнь остался идеалистомъ:

Отзывчивой и пылкою душою
На этотъ міръ печально онъ взиралъ,—
Отъ юныхъ дней, какъ солнце надъ землею,
Надъ нимъ парилъ высокій идеалъ.

Служба его проходила въ Петербургѣ: въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ Цензурномъ Вѣдомствѣ, въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати; съ 1871 по 1874 годъ онъ былъ главнымъ редакторомъ Правительственнаго Вѣстника. Съ 1875 г. и до самой смерти П. И. Капнистъ не занималъ никакой должности и проживалъ по зимамъ—заграницею (въ первые четыре года—въ Монтрё, а потомъ преимущественно во Флоренціи и въ Римѣ), а лѣтомъ—въ Полтавскомъ имѣніи Кременчугскаго уѣзда. Литературное наслѣдіе, оставленное П. И. Капнистомъ, распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ составляютъ лирическія произведенія, въ числѣ коихъ есть нѣсколько поэтическихъ перловъ; во второй отдѣлъ входятъ двѣ историческихъ трагедіи: одна—вполнѣ оконченная: «*Сенъ-Марсъ*» (дѣйствіе происходитъ во Франціи въ 1642 г. при Людовикѣ XIII), другая, изъ русской жизни, «*Стенька Разинъ*»,—осталась не дописанной, и законченный видъ имѣютъ только два первыхъ дѣйствія, которыя и помѣщены въ Собраніи сочиненій; трагедіи «*Сенъ-Марсъ*» предшествуютъ обширныя примѣчанія, представляющія цѣлое историческое изслѣдованіе о Людовикѣ XIII и важнѣйшихъ дѣятеляхъ его государствованія;—наконецъ, содержаніемъ третьяго отдѣла служатъ статьи прозаическія—литературныя и публицистическія: 1) Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно; 2) Краткое обозрѣніе журналистики за 1862 годъ; 3) По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чичерина; 4) Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы; 5) О

женскомъ вопросѣ; 6) Записка о дворянствѣ; 7) Министерство земледѣлія.

Любители поэзіи и исторіи въ сочиненіяхъ графа П. И. Капниста и въ біографіи его, составленной графиней И. П. Капнистъ, найдутъ для себя занимательное и поучительное чтеніе.

А. С.

Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. *Выпускъ IX. Подъ редакціей свящ. Евфимія Сѣцинскаго.* **Приходы и церкви Подольской епархіи.** *Каменецъ-Подольскъ, 1900, стр. I—XXIII, 1—1064, 1—175,* in 4⁰.

Настоящій, солидныхъ размѣровъ, выпускъ «Трудовъ Подольскаго Епарх. Истор.-Статистич. Комитета», содержащій описанія приходовъ и церквей Каменецъ-Подольской епархіи составленъ трудами нѣкоторыхъ членовъ Комитета на основаніи выписокъ изъ современныхъ и старыхъ церковныхъ лѣтописей Подольской епархіи. Въ описанія приходовъ вошли лишь свѣдѣнія историческія, статистическія и археологическія; свѣдѣній же по этнографіи, подобно тому какъ, напримѣръ, въ описаніи Волынской епархіи, трудѣ свящ. Теодоровича, здѣсь не имѣется. Впрочемъ, комитетъ и не имѣлъ въ виду затрагивать иныхъ сторонъ жизни прихода, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, описаніе епархіи, задуманное еще въ 60-хъ г. г., опять грозило бы затянуться на неопредѣленное время: онъ пришелъ къ тому заключенію, что крайне желательно поскорѣе имѣть хотя бы краткія историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквахъ всей епархіи (съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться); но и эти краткія свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, «не уничтожаютъ потребности имѣть полныя историческія свѣдѣнія о каждомъ приходѣ, документально составленныя и критически провѣренныя, почему и послѣ изданія настоящаго выпуска «Трудовъ» работа Комитета все-таки должна быть направлена къ болѣе систематичному, обстоятельному и детальному описанію приходовъ; издаваемыя нынѣ описанія должны быть расширяемы, провѣряемы и издаваемы въ такомъ примѣрно видѣ, какъ это сдѣлано для Каменецкаго уѣзда въ VII выпускѣ „Трудовъ" комитета» (Предисловіе, стр. XXIII).

Впрочемъ, и въ настоящемъ выпускѣ описанія нѣкоторыхъ пунктовъ (какъ напр. г. Каменецъ-Подольскъ, г. Винница, м. Меджибожъ, Ладыжинъ, Могилевъ, м. Шаргородъ, Баръ, м. Сатановъ, с. Бакота) имѣютъ сравнительно значительный объемъ и составлены довольно подробно, со ссылками на источники; но въ большинствѣ случаевъ, въ среднемъ каждому приходу посвящено около одной страницы.

Приходы въ изданномъ выпускѣ расположены по уѣздамъ и благочинническимъ округомъ. Уѣзды расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Къ книгѣ приложенъ указатель названій географическихъ и личныхъ, что весьма облегчаетъ пользованіе ею.

Несомнѣнно, настоящее изданіе, первое цѣльное описаніе, хотя и въ общихъ чертахъ, Подольской епархіи, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ, подобно трудамъ Похилевича (для Кіевской губерніи) и Теодоровича (для Волынской).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Вѣстникъ Европы, № 3; 6) Русская Мысль, № 3; 7) Научное Обозрѣніе, № 3; 8) Книжки Восхода, № 2; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 3; 10) Ateneum, № 3; 11) Biblioteka Warszawska, № 3; 12) Przewodnik naukowy i literacki, № 3; 13) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2; 16) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 2 и 3; 17) Міръ Божій, № 3; 18) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2; 19) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 3; 20) Wisła, т. I; 21) Записки Имп. Харьковскаго Университета, кн. 1; 22) Литературный Вѣстникъ, №№ 1 и 2; 23) Извѣстія Общ. Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 1.

Русская Старина № 3

Къ характеристикѣ В. Н. Каразина. Письмо С.-Петербургскаго митрополита—кіевскому митрополиту (стр. 742).

Рекомендаціонное письмо, въ которомъ Каразинъ аттестуется, какъ человѣкъ „умный, любоученый и благочестивый, особенно пекущійся о пользахъ Харьковскаго университета".

—

Историческій Вѣстникъ № 3.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (Окончаніе) (стр. 978—1012). Попутно отмѣчены игорныя прихоти и увлеченіе кн. Потемкина карточной игрой.

П. А. Тулубъ. Суевѣріе и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи) (стр. 1083—1011). Авторъ, нѣсколько лѣтъ проведшій въ Брацлавскомъ у. Подольской губ., состоя мировымъ судьею, сообщаетъ нѣсколько (4) фактовъ, рѣзкихъ и типическихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько сильно коренятся еще въ народѣ суевѣрія,—вѣра въ вѣдьмъ, чары, наговоры и нашептыванья.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь" (стр. 1229—1245) упоминается о засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, Археологическаго Института (докладъ А. А. Бобринскаго о древностяхъ Поднѣпровья), Географическаго Общества (докладъ Погодина—„О древности евреевъ въ южной Россіи"), С.-Петербургскаго славянскаго благотворит. общества (докладъ И. Драгомирецкаго „О современномъ положеніи Галицкой Руси"), предварительнаго Комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Ив. Тихомировъ О составѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей (стр. 1—36) (Окончаніе слѣдуетъ). Въ настоящей, первой, части изслѣдованія авторъ дѣлаетъ обзоръ состава лѣтописей краткаго свода (лѣтоп. Аврамки, Супрасльская рукопись, Уварова, Красинскаго и Познанская); указываетъ отличія другихъ списковъ того же свода—Даниловича, гр. Красинскаго и Познанской рукописи, и наконецъ даетъ обзоръ состава полнаго свода, дошедшаго до насъ въ изданіи Нарбута.

—

Русская Мысль № 3.

Некрологъ А. Я. Конисскаго, составл. *Л. Ч.* (стр. 154—160), сообщающій нѣкоторыя подробности изъ его жизни.

—

Книжки Восхода № 2.

М. Шорръ. Центральные съѣзды еврейскихъ общинъ въ Польшѣ (Окончаніе) (стр. 36—61). Разсматривается дѣятельность генеральныхъ еврейскихъ съѣздовъ въ XVI ст.—XVIII ст., дѣятельность сеймиковъ, начиная съ XVII вѣка, вліяніе ихъ на общественную жизнь.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 3.

Маруся Богуславка, П. Куліша (конець.) (стр. 238—262).

Гречаники, оповіданнє Ганни Барвінок (стр. 263—283).

Із оповідань Олекси Кузьми: I. На посаді (стр. 284—304).

По закону, оповідане Ів. Федорченка (стр. 305—320).

I. *У море,* недрук. вірш Ю. Федьковича (стр. 321).

II. *До дядька Прохора Коваля,* недрук. вірш Ст. Руданського (стр. 321—323).

Маруся. Оповідане В. Г. Короленка (конець) (стр. 324—351).

Із дрібних нарисів:

I. Пестрий птах, Еріха Гартлебена (стр. 352—354).

II. Палкий роман, Марселя Прево (стр. 354—359).

Із поезий Мікеля Анджельо (стр. 360).

—

Мик. Михайловский і його значінє в российській літературі, проф. Мик. Кареева (стр. 153—160). Публичная лекція, прочитанная во Львовѣ 8 января въ пользу библіотеки „Науков. тов. ім. Шевченка».

О. Антін Петрушевич. Ювилейна сильветка, д-ра Івана Франка (стр. 171—192).

Видання коштом Івана Череватенка і премії його імени Б. Грінченка (стр. 193—200). Отчетъ о черниговскихъ изданіяхъ Б. Д. Гриченка на средства, завѣщанныя Ив. Череватенкомъ. Въ настоящее время деньги эти переданы „товариству Просвіта" во Львовѣ съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ выдавались преміи за научно-популярныя брошюры, написанныя на украинск. языкѣ.

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис, С. Томашівського (Дальше буде) (стр. 201—208).

Хроніка і бібліографія (стр. 209—228). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины-Руси.

—

Ateneum, № 3.

Zigmunt Kramsztyk. Lirnik i Nebaba (стр. 619—626). Отмѣчены главныя дѣйствующія лица въ повѣсти Гощинскаго „Zamek Kaniowski". Въ отдѣлѣ „Rozbiory i prawozdania" (стр. 644—647)—рецензія на книгу „Józef Tretiak. Szkice literackie. Serya II. Kraków, 1901", въ которой, между прочимъ, помѣщенъ разборъ „Dumy ukrainnej" 17 вѣка, возникшей на Украинѣ при Сигизмундѣ III или вскорѣ послѣ его смерти.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 3.

Rawita-Gawrońsky. Nieznane młodzi ńcze utwory poetyckie Seweryna Goszczyńskiego (Urywek z pamiętników Pokrzywnickiego) (стр. 266—274). Воспоминанія воспитанника Уманскаго Базиліанскаго училища первой четверти XIX ст.—Каспера Покривницкаго о состояніи учебнаго дѣла въ этомъ училищѣ во время его обученія; въ воспоминаніяхъ приведены нѣкоторыя данныя для біографіи Северина Гощинскаго, не рѣдко не согласныя съ истиной. Въ концѣ авторъ воспоминаній сообщаетъ неизвѣстное стихотвор. Гощинскаго: « Konstytucya 3-go Maja».

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2.

Въ «Приложеніяхъ» (I—XXX) оглавленіе и указатель къ книгѣ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка» Н. П. Василенка.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. I.

Е. Ѳ. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 385—482). Снимки съ рукописей XI—XV в.в.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Довнаръ-Запольскій Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 225—311) (Продолженіе). Обзоръ доходныхъ статей господарскаго скарба, шедшихъ съ дворовъ и волостей, и мѣропріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ; обзоръ правительственныхъ мѣръ по управленію добрами до введенія волочной уставы.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 2.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII в.в. (продолженіе) (стр. 81—126). Подробно отмѣчены произведенія западно-русской литературы конца XVI в.—перв. пол. XVII в.: богослужебныя книги, книги Св. Писанія, переводовъ твореній отцовъ церкви, сочиненія обще-моральнаго содержанія: духовнаго и нравоучительнаго; учебная литература.

—

Міръ Божій, № 3.

Въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки» (стр. 9—13). г. *А. Б.* отмѣчаетъ «Сорокалѣтіе смерти Шевченка». Упомянувъ вкратцѣ о характернѣйшихъ чертахъ поэзіи Шевченка (гармонія, цѣльность и друг.), авторъ заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами. «Его «Кобзарь»—лучшій памятникъ народной славы малорусскаго народа, но самъ Шевченко до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго себѣ памятника. Сорокъ лѣтъ прошло со дня его смерти, и пора-бы почтить достойно память величайшаго *народнаго пѣвца* не только малорусскаго народа, а всего славянства, какъ одного изъ благороднѣйшихъ его представителей. Мы увѣрены, не только малороссы, но и все лучшее, что есть въ русскомъ обществѣ, живо откликнулось бы на призывъ. Вѣдь и среди русскаго общества творенія Шевченка пользуются не меньшей любовью и распространеніемъ, чѣмъ и среди малороссовъ, такъ какъ мысли и чувства Шевченка равно близки всякому, кто любитъ народъ и человѣчество. Если у малороссовъ при одномъ имени «батька Тараса» живѣе бьется сердце и теплѣе становится на душѣ, то и для насъ, въ лицѣ Шевченка, встаетъ истинный «апостолъ правды и свободы», какимъ въ правѣ гордиться человѣчество».

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іерофей Малицкій (1796—1799 г.г.) (продолженіе) (стр. 212—255). Глава II. Внѣшнее и внутреннее благоустройство новоприсоединенныхъ церквей. Въ этой главѣ авторъ говоритъ о разрѣшеніи отдѣльнымъ приходамъ сборовъ «милостиваго подаянія» въ пользу церквей, о ревизіи митрополіи. Іерофеемъ почти всей епархіи, о заботахъ по очищенію богослуженія новоприсоединенныхъ церквей отъ примѣси уніатскаго бого-

служенія, о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ установленію въ новоприсоединенныхъ церквахъ строгой отчетности.

Н. Петровъ. О новомъ росписаніи стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры (стр. 277—296). Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Акад. 22 января 1901 г., въ которомъ излагается подлинный ходъ дѣла въ Комиссіи, образованной Духовнымъ Соборомъ Кіево-Печерской Лавры для оцѣнки и пріема партіи художественныхъ работъ въ великой лаврской церкви.

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи № 3.

Б. Б. Герценъ и Тургеневъ (продолженіе). На стр. 129 отмѣчены попутно отзывъ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марка-Вовчка (Колоколъ, № 71, отъ 15 мая 1860 г.) и симпатичное отношеніе Тургенева къ малорусской литературѣ (Историч. Вѣстникъ, 1899, кн. 3).

А. Мироновъ. Изъ области археологіи (стр. 196—203). Отмѣченъ докладъ: А. Л. Бобринскаго въ засѣд. Археол. института о бытѣ, обстановкѣ и наружности древнихъ обитателей Малороссіи; проектъ устройства въ Каменцѣ-Подольскомъ музея древностей Подоліи; коллекція В. В. Тарновскаго; послѣднее засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

—

Wisła, № 1.

Przyczynek do historji rozwojn śpichlerza słowiańskiego (streszczenie pracy K. Rhamma) (стр. 60—74). Авторъ пересказываетъ содержаніе изслѣдованія Рамма о складахъ (амбарахъ), которые, по мнѣнію изслѣдователя, въ древнее время въ славянскомъ мірѣ были 3-хъ родовъ: для зерна, сукна и хлѣба (не вымолоченнаго). Зерновой амбаръ первоначально у всѣхъ славянъ назывался «житницей», хотя и не былъ одного типа.

На стр. 60 помѣщенъ фотографическій снимокъ 97-лѣтняго крестьянина с. Загроды, Ново-Александрійскаго у. Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 84—88)—глава XXVI «Mazurzenie» —поставленъ цѣлый рядъ лингвистическихъ вопросовъ, на которые желательно получить отвѣтъ, съ цѣлью полученія достаточныхъ данныхъ о степени «мазуренія» (выговора sz, ż, cz, dż—какъ s, z, c, dz). Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 88—92) дана рецензія на

книгу «S. Dobrzycki. O tak zwanym mazurowaniu w języku polskim. Krakow, 1900 (odbitka z t. XXXII Rozpraw wydz. filologicznego Akademji Kraków.).

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1.

А. А. Пельтиеръ. Англійскія и Шотландскія баллады (стр. 1—85) (Продолженіе). Указаны, какъ и въ первой части, варіанты къ нѣкоторымъ англійскимъ и шотландскимъ балладамъ въ этнографіч. сборникахъ Драгоманова, Головацкаго, въ „Этнографич. обозрѣніи" (стр. 69—73).

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки. 1. Палеографическія наблюденія (стр. 85—92). Авторъ останавливается на вопросахъ о почеркахъ рукописи и надстрочныхъ знакахъ въ этомъ древнѣйшемъ слав. памятникѣ.

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. (Продолженіе) (стр. 1—64). Внутренняя жизнь Харьковскаго университета при попечителяхъ Ю. А. Головкинѣ и А. А. Перовскомъ.

—

Литературный Вѣстникъ. (Изданіе Русскаго Библіографическаго Общества). Томъ I, кн. I—II.

Книга I.

Въ отдѣлѣ «Изъ русской печати» (стр. 113) помѣщена замѣтка, заимствованная изъ газ. «Кіевское Слово» — «Псевдонимы А. Я. Конисскаго».

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 127—133) отмѣчены: «Общество изслѣдованія Волыни», «Музей въ Каменцѣ-Подольскомъ».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 135) помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Книга II.

Въ отдѣлѣ «Новыя Книги» (стр. 199—201) данъ отзывъ о книгѣ: «П. Житецкій. «Энеида» Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Кіевъ, 1900» (оспариваются нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой книги І. Франка въ 38 т. «Запис. Наук. тов. ім. Шевченка»).

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 249—256) отмѣчены: «Воронежскій историко-археологическій церковный комитетъ», „Екатеринославская археологическая коммиссія", „Кіевскій историческій музей".

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 259) помѣщенъ краткій некрологъ М. Т. Симонова (Номиса).

—

Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ вып. I.

Н. М. Петровскій. О старинномъ латинско-русскомъ словарѣ (стр. 42—50). Авторъ приводитъ отрывки изъ словаря «Dictionarium latino-ruthenicum», хранящагося, въ рукописномъ видѣ, въ библіотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ (подъ № 187 въ каталогѣ). Приведенные отрывки словаря представляютъ немалый интересъ для лингвистовъ, свидѣтельствуя о словарномъ богатствѣ XVII—XVIII в., повидимому имѣющемъ отношеніе къ южной Руси.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Поминки Т. Г. Шевченка въ русскихъ газетахъ и журналахъ въ 40-ую годовщину со дня смерти.

Въ *Петербургскихъ*: 1) Новости, 2) еженед. журналъ „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“ (въ № 6) («Т. Г. Шевченко»). Авторъ статьи въ этомъ послѣднемъ, Вл. Кранихфельдъ между прочимъ пишетъ: заслуги Шевченко,—пишетъ онъ,—неизмѣримо громадны не только предъ Малороссіей, современную и историческую жизнь которой онъ воспѣлъ въ своихъ звучныхъ стихахъ, но и предъ всей Россіей вообще, съ самымъ темнымъ пятномъ въ государственномъ тѣлѣ которой онъ неустанно и страстно боролся, въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Сравнивая эти неустанныя обличенія крѣпостного права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ... Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ.

Однако, не только тѣ произведенія Шевченка, гдѣ онъ затрагивалъ крѣпостное право, печатались несвоевременно: очень многія его произведенія вообще должны были годы ходить по рукамъ въ спис-

кахъ, прежде чѣмъ принималъ ихъ печатный станокъ. И теперь, въ то время, какъ въ галицкой Украинѣ произведенія Шевченко старательно изучаются, начиная со скромной сельской школы и кончая университетскими каѳедрами, многія произведенія поэта въ Россіи до сихъ поръ остаются неизвѣстными, а, между тѣмъ, въ числѣ этихъ не напечатанныхъ произведеній есть такія (укажемъ, напримѣръ, на «Марію», «Кавказъ» и др.), которыя въ неувядаемый вѣнецъ поэта вплетаютъ лучшіе цвѣты.

Не правда-ли, наконецъ, снять опалу съ твореній поэта, которымъ по справедливости могутъ гордиться славяне и подобнаго которому не знаетъ славянская литература? Сорокъ лѣтъ—это такая давность, въ теченіе которой сглаживается острота мысли, какъ бы отточена она ни была, и остается лишь одна прелесть ея выраженія,—опасность никому и ничему не угрожающая».

3) Русское Богатство, № 2, статья П. К. *«Новые матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка»*, въ которой авторъ сообщаетъ цѣнныя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка, найденныя при разборкѣ архива бывшаго Александровскаго (въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи) батальона. Сообщаемый матеріалъ даетъ наглядную картину назначенія Шевченка на службу въ Оренбургскій край и послѣдующихъ событій его жизни въ этомъ краѣ. Матеріалъ почти весь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, какъ напр. представленіе Шевченка къ повышенію въ унтеръ-офицерскій чинъ, извѣстенъ уже изъ біографія Т. Г. Шевченка, составленной покойнымъ А. Я. Конисскимъ.

4) Міръ Божій (№ 3) (см. обзоръ журн. въ этой книгѣ), 5) «Дѣтское Чтеніе», № 3 (И. Бѣлоусовъ „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко)", 6) Юный Читатель, 7) еженед. журналъ „Сѣверъ", № 9 (Н. Аншинъ. „Т. Г. Шевченко, какъ художникъ", съ рисункомъ Н. Дмитріева «Т. Г. Шевченко въ гробу»), 8) Нива, № 9 (рисунокъ художника Шарварока „Чумакъ"), 9) Биржевыя Вѣдомости (приложенія) (нѣсколько рисунковъ Шевченка), 10) Дѣтскій Отдыхъ, № 2 (біографія и портретъ 11) Журналъ для всѣхъ, № 2 (статья А. Ефименко—см. Кіев. Стар. № 3).

Въ *Москвѣ*—1) Курьеръ (статья Л. Медвѣдева и стихотвор. В. Гиляровскаго „На могилѣ Шевченка") 2) Русскія Вѣдомости, №№ 56 и 68 (Веденѣевъ „Т. Н. Шевченко"; приведено стихотвореніе Некрасова на смерть Шевченка), 3) Русскій Листокъ, № 55 („Литературная Бесѣда").

Въ *Харьковѣ*—1) Харьковскія Губернскія Вѣдомости, № 54 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Полтавѣ*—„Хуторянинъ", № 8 (статья С. Р.—„Сорокъ лѣтъ назадъ").

Въ *Одессѣ*—1) Южное Обозрѣніе (передовая статья и статья А—ръ „Кобзарь Т. Г. Шевченка"), 2) Одесскій Листокъ № 52 («Перебендя и Т. Г. Шевченко») и передовая статья въ № 53, 3) Одесскія Новости, № 5224 («Шевченко и Мицкевичъ») и № 5223 «Памяти Т. Г. Шевченка»). Авторъ послѣдней вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «пора уже русскому юношеству на школьной скамейкѣ знакомиться съ жизнью (Шевченка) и съ созданнымъ имъ «Кобзаремъ»..... «Пора помянуть этого человѣка не въ тѣсныхъ кружкахъ «почитателей», пора чествовать великаго поэта не утаенно отъ зрѣнія людскаго»... «Еще въ 1876 г. французскій критикъ Е. Дюранъ высказалъ, что «Шевченко заслуживаетъ цѣлаго ряда изслѣдованій для европейской публики». «А для русской»?—спрашиваетъ авторъ. «Что дали за истекшіе сорокъ лѣтъ наши присяжные ученые? что услышало русское учащееся юношество о Шевченкѣ съ каѳедръ славянской филологіи, что издано о немъ нашими историко-филологическими обществами?... Пусть же эта 40-ая годовщина смерти «батька» Тараса внушитъ его «дитямъ» (а дѣтьми, въ концѣ концовъ, должна признать себя прежде всего вся интеллигенція) достойныя формы увѣковѣченія его памяти». Съ своей стороны авторъ предлагаетъ «хоть скромнымъ *дѣломъ* ознаменовать одесскія поминки Шевченку въ настоящую сороковую годовщину: собрать небольшой капиталъ его имени для выдачи изъ процентовъ его премій за лучшія историко-литературныя изслѣдованія о поэзіи Шевченка или вообще о малорусской народности—въ ея языкѣ, исторіи, во всѣхъ особенностяхъ народной психологіи».

Въ Орлѣ—«Орловскій Вѣстникъ» (стихотвореніе Р. Чеботарева и статья М. Лемке).

Въ *Ярославлѣ*—«Сѣверный Курьеръ, (№ 12) Стихотв. «Гдѣ небо сходится съ землею?» и статья Вас. Смирнова.

Въ *Нижн.-Новгородѣ*: 1) Нижегородскій Листокъ, № 55 (статья Ч. Вѣтринскаго «Памяти Т. Г. Шевченка»; 2) Волгарь (фельетонъ г. Оникса).

Въ *Перми*—«Пермскія губ. Вѣдомости».

Въ *Астрахани*—«Астраханскій Листокъ, № 3523.

Въ *Саратовѣ*—1) «Саратовскій дневникъ», № 44 (статья Ан. Герасимова «Многострадальный поэтъ), 2) Саратовскій листокъ № 45 («Памяти пѣвца Украины»).

Въ *Ростовѣ-на-Дону*—«Донская Рѣчь», № 53 (портретъ Т. Г. Шевченка и обширная статья Ф. Зѣнченко).

Въ *Екатеринославѣ*—«Приднѣпровскій Край,» № 1117 (передовая статья).

Въ *Житомірѣ*—«Волынь» № 45 (передовая статья, въ которой призываются читатели оказать посильное содѣйствіе «Обществу имени Т. Г. Шевченка для вспомоществов. нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высш. учебн. заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ» и «Благотворительному обществу общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» и № 46 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Симферополѣ*—«Крымъ», № 45 (воспоминанія Н. И. Балабухи о встрѣчѣ и проводахъ праха поэта въ Кіевѣ), въ №№ 47 и 48 (статья С. В. Преображенскаго „Памяти Шевченка".

Въ *Херсонѣ*—„Югъ", № 855 (фельетонъ В. К—ой „Пѣвецъ Украины Т. Г. Шевченко".

Въ *Екатеринодарѣ*—„Кубанскія Областныя Вѣдомости" №№ 44, 46 и 47 (статья редактора Лук. Мельникова „Гражданскіе мотивы поэзіи Шевченка").

Въ *Ставрополѣ*—„Сѣверный Кавказъ" (статья).

Въ *Батумѣ*—„Черноморскій Вѣстникъ", № 46 (замѣтка).

Въ *Баку*—„Каспій", № 44 (статья Г. Д. „Памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка").

Въ *Иркутскѣ*—„Восточное Обозрѣніе", № 42 (фельет. М. Невскаго „Къ сорокалѣтію кончины Т. Г. Шевченка").

Въ *Томскѣ*—„Сибирская жизнь", № 44 (біографич. очеркъ Z. и замѣтка Ив. Иванова).

Въ № 42 и 43 «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья Лук. Мельникова «Малорусскія народныя пѣсни про «панщину» и «волю».

Отмѣтивъ тотъ странный фактъ, что величайшее событіе русской исторіи XIX ст.—освобожденіе крестьянъ—не отразилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ въ русской поэзіи, авторъ указываетъ, что въ Малороссіи, наоборотъ, поэтическое чувство простого, неграмотнаго народа создало довольно значительное количество пѣсенъ,

содержаніемъ которыхъ является тяжкая доля народа подъ гнетомъ крѣпостного права и затѣмъ то впечатлѣніе, какое произвело на народъ освобожденіе. Въ своей статьѣ авторъ на примѣрахъ показываетъ (главнымъ образомъ изъ «Этнографическихъ матеріаловъ» В. Д. Гринченка, собственныхъ записей въ Подольской губ. и изъ «Кіевск. Стар.»), что думалъ украинскій народъ о своемъ положеніи въ періодъ крѣпостничества, какъ онъ встрѣтилъ про желанную свободу дорогую вѣсть и какъ отнесся онъ къ этой вѣсти.

Въ заключеніи своей статьи авторъ приходитъ къ тому выводу, что «малорусскій народъ и до сихъ поръ еще сохранилъ, хотя, быть можетъ, и въ пониженной уже степени, давнюю способность сознавать ненормальность своого соціально-политическаго положенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовать противъ этой ненормальности».

—

Въ № 50 и 51 газ. «Кубанскихъ областн. Вѣдомостей» г. П. П. Короленко помѣстилъ интересную статью «Козачій монастырь на Аѳонѣ».

Авторъ, на основаніи разсказа стараго черноморскаго войскового атамана Матвѣева, разсказа, занесеннаго въ протоколъ черноморской войсковой канцеляріи въ 1825 г. (подъ № 873), хранящійся въ настоящее время въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, сообщаетъ любопытныя данныя о заботахъ запорожскихъ козаковъ объ основанномъ ими же Ильинскомъ скитѣ, за границей, на Аѳонѣ.

—

Въ № 1135 газ. «Приднѣпровскій Край» г. А. Лисовскій помѣстилъ статью „О малорусскихъ народныхъ думахъ“.

Авторъ задался цѣлью представить генезисъ и дальнѣйшее развитіе „думы“, этой замѣчательной формы народнаго творчества. Свѣдѣнія по поводу этого онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ своего же труда „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“, изданнаго въ 1890 г. Полтавск. губернскимъ статистическимъ комитетомъ.

—

Въ журналѣ „Искусство и худож. промышленность“ № III, стр. 61—75 помѣщена статья *Е. М. Кузьмина* „Т. Г. Шевченко какъ художникъ и граверъ“ (со многими снимками).

—

Въ №№ 47—51 газ. „Руслан“ помѣщена статья Остапа Макарушки «Туземний рай в поетичних творах Тараса Шевченка».

Авторъ, анализируя произведенія Щевченка, указываетъ, въ чемъ Шевченко видѣлъ тотъ рай, къ достиженію котораго мы должны стремиться.

—

Въ № 63 газ. „Русскія Вѣдомости", въ статьѣ В. Якушкина „Изъ исторіи проведенія крестьянской реформы на мѣстахъ", цитируется, между прочимъ, отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ ярыхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ Н. А. Боровкова, который въ 1864 г. успѣлъ открыть, при содѣйствіи со стороны помѣщиковъ, по школѣ во всякой волости своего участка, а въ многолюдныхъ волостяхъ даже по нѣскольку школъ. «Результаты,—вспоминаетъ онъ,—могли быть еще лучше и процентъ грамотныхъ возвысился бы еще болѣе, еслибы мнѣ не запретили снабжать школы книгами на малорусскомъ нарѣчіи въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ хохлы... А жаль! Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, любовью и охотою подростки учили малорусскія пѣсни и стихотворенія... Въ этомъ административномъ запретѣ я и теперь вижу недальновидность слишкомъ ретивыхъ преслѣдователей сепаратизма (въ данномъ случаѣ—хохломаніи) того времени... Вѣдь цензура существовала, стало-быть дозволенные цензурою изданія не могли быть вредными для народныхъ школъ, тѣмъ болѣе постоянно находящихся подъ надзоромъ мироваго посредника, провѣряемаго въ этомъ отношеніи членами-ревизорами училищнаго совѣта".

—

Въ недавно вышедшей изъ печати брошюрѣ профессора И. А. Сикорскаго: „Нравственное значеніе личности Владиміра Соловьева", между прочимъ проводится параллель между жизнью и философскимъ направленіемъ Соловьева, съ одной стороны, и трудами и дѣятельностью другого русскаго философа конца XVIII и начала XIX в., Г. С. Сковороды—съ другой.

«И у Соловьева, какъ и у Сковорды (кстати сказать, его предка) общія заботы—о познаніи себя. Оба стремятся возбудить въ людяхъ высшія чувства, возвышенныя нравственныя стремленія; оба борются съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Но по духу вѣка, Сковорода болѣе останавливается на господствовавшемъ въ его время невѣріи, Соловьевъ болѣе поражается нравственнымъ равнодушіемъ. Сковорода и Соловьевъ одинаково обладали высоко-художественнымъ сильнымъ,

глубокимъ, оригинальнымъ языкомъ. По силѣ, языкъ Сковороды напоминаетъ словесныя стрѣлы Эразма Роттердамскаго; языкъ Соловьева отличается поразительной тонкостью въ анализѣ нашихъ духовныхъ состояній. Сковорода говоритъ о людяхъ дѣтоумныхъ, Соловьевъ—о тѣхъ, которые вводятъ истину, но ненавидятъ ее за то добро, которое въ ней есть. И Сковорода, и Соловьевъ во многомъ имѣли сходную судьбу. Наконецъ, оба философа отличались аскетическимъ образомъ жизни; но аскетизмъ не исключалъ у нихъ жизнерадостнаго настроенія духа, которое они признавали необходимымъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ.

—

Въ № 53 газ. «Волынь» дано сообщеніе о „Народной легендѣ", пріуроченной къ „Покровской" горѣ м. Троянова, Житомірск. уѣзда. Согласно этой легендѣ, церковь, построенная „на оскверненномъ мѣстѣ", въ наказаніе, на первый разъ, перешла на другой берегъ р. Гнилопяти, а когда жители снова начали постройку на старомъ мѣстѣ, церковь «ввійшла въ землю», а на ея мѣстѣ выросла гора, которую и назвали „Покровой". На этой горѣ было, очевидно, когда-то кладбище (несомнѣнно, христіанское).

—

Въ № 5 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda", издающагося въ Варшавѣ, помѣщена цѣнная критическая статья г. А. R. „Antologia małoruska" (Wik—1798—1798).

Признавая, что упомянутая антологія, при всѣхъ внѣшнихъ качествахъ, даетъ читателю общее, но согласное съ правдой представленіе о томъ, какими путями шла народная поэзія въ течені столѣтія, авторъ статьи останавливается, въ частности, на языкѣ антологіи, на отношеніяхъ, въ поэзіи украинской, украинской націи къ польской и еврейской, на характерѣ новѣйшей поэзіи, въ нѣкоторой части своей уже недоступной пониманію простого народа.

Статья написана весьма обстоятельно и вполнѣ безпристрастно.

—

Въ журналѣ „Педагогическій Сборникъ», № 1, (прилож. V, стр. 175—180) помѣщены біографіи еписк. Гавріила Бужинскаго, Гавріила Розанова, еп. херсонскаго (1781—1854) и Георгія Конисскаго.

Въ журналѣ „Странникъ", № 1, помѣщены статьи: А. Лопухинъ. Духовныя свѣтила XIX в. Иннокентій, арх. Херсонскій (стр. 1—15) и 100-лѣтній юбилей арх. Таврич. Иннокентія (стр. 195—197).

—

Въ журналѣ «Kraj» данъ обстоятельный отзывъ объ изданіи ,,Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изд. Кіев. Губ. статистич. комитета. Кіевъ, 1900" и краткій отзывъ о книгѣ „Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западн. Краѣ; ихъ возникновеніе и средства содержанія". Кіевъ, 1900.

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматическою цензурою.

По 1 февраля 1901 г.

Непевни висты. Драма въ 3 д. и 4 одм. Сочиненіе Мыколы Бошно-Бочного.

Сватови—якъ не перша чарка, то перша палка. Сельськи сцены въ 3 д. зъ музыкамы, танцямы та спивамы. С. Е. Зиневича. (Правит. Вѣстн. № 41).

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

5 февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить—въ отношеніи устройства спеціальныхъ командировокъ и собиранія свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина); церковныхъ архивовъ—(проф. А. С. Лебедева), говоровъ населенія Курской губ. и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранію предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. Ѳ. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (пр. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифильева, Н. А. Федоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.).

Проф. Н. А. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлью составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губ. для выставки при археологическомъ съѣздѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по просьбѣ его и харьковскаго комитета,

предоставило 2,000 руб. въ качествѣ субсидіи для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2000 руб., какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацію собиранія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематическій обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проекту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянскій, Изюмскій, Зміевскій, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій или Лебединскій, Волчанскій Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздъ не позволяютъ ни время, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свѣдѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздъ. Считая расходы по экскурсіи (разъѣзды, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздъ въ 350—400 руб., возможно командированіе изслѣдователей въ 4--5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянты, хозяйственныя постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльныхъ орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и праздествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ.

Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарнаго производства, которыхъ желательно представить возможно полныя коллекціи, и древняя одежда. Что

же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ дезидератамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, такъ какъ сохраненіе ихъ въ быту—случайное и заранѣе указано быть не можетъ.

Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой—придти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при съѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: „изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣло восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка". Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительнаго комитета и музея изящныхъ искусствъ университета г-жей В. Н. Свѣтъ...

По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина,—эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія „недреманнаго ока", нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аѳонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка.

Заслушано отношеніе московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссійскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого,—дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: „въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ

народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивеллировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратить вниманіе мѣстныхъ ученыхъ Обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается Императорскимъ русскимъ географическомъ Обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи для собиранія великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и пр., и на основаніи этого пожеланія, просить общества и земства не только принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсенъ и мотивовъ, но и объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію среди народныхъ массъ". При этомъ же прибавляется, что въ этнографическомъ отдѣленіи московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, равно какъ и въ русскомъ географическомъ Обществѣ, лежатъ нѣсколько сборниковъ пѣсенъ, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ.

Комитетъ постановилъ: 1) обратиться къ московскому комитету съ просьбой о предоставленіи вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому Обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсенъ и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московскаго Общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсенъ спеціалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чирикова „Каменныя бабы въ Харьковской губер.", написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній, рѣшено напечатать его въ трудахъ предварительнаго комитета.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ,—о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года,—уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистровано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь

всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ—2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, притомъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть—привезена изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевского уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой.

М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ г. Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются; на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна на Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Солнцева.

Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предварительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому—съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство г.г. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету.

Заслушано предложеніе Ив. П. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе,—издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическія карты. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи топографическаго описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Постановлено—согласно предложенію проф. М. Г. Халанскаго: просить администрацію университета обратиться съ просьбой къ курской епархіальной власти о передачѣ Императорскому харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда, и о предоставленіи университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII в. Маклаковской библіотеки (въ Путивлѣ, Курской губ.)—для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о высылкѣ воронежскому губернскому статистическому комитету 53 р. 40 к. на расходы по напечатанію программъ для собиранія свѣдѣній къ археологическому съѣзду; 2) о предложеніи г. Бабенко услугъ по пріобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки въ сл. Верхнемъ Салтовѣ; 3) о пожертвованіи П. В. Ивановымъ (изъ Купянска) черезъ комитетъ музею изящныхъ искусствъ,—иконы св. Георгія; библіотекѣ историко-филологическаго Общества—двухъ старинныхъ печатныхъ книгъ и четырехъ листковъ рукописей. Постановлено г. Бабенко благодарить и предложить ему вознагражденіе, по соглашенію, за доставленные предметы древности; благодарить П. В. Иванова и г-жу В. Н. Свѣтъ.

—

Другое засѣданіе Комитета состоялось 5-го марта.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губ., какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впередъ продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки, при первомъ въ нашемъ краѣ археологическомъ съѣздѣ, будетъ обезпеченъ.

Предметы древности присланы слѣдующими лицами: 1) о. благочиннымъ города Купянска—монеты XVIII—XIX вѣковъ; 2) священникомъ Грабовскимъ (с. Купьевахи, Богодуховскаго уѣзда)—крестъ XVIII вѣка съ рельефными изображеніями, Требникъ Петра Могилы; 3) священникомъ Кипріановымъ

(с. Русскіе Тишки)—Дѣянія Апостольскія, 1739 г. печати типографіи Сліоски; 4) священникомъ Юшковымъ (с. Селимовки, Изюмскаго уѣзда)—Четвероевангеліе, кіевской печати, 1746 г., въ окладѣ; 5) священникомъ Лобковскимъ (с. Бабаи)—оловянные церковные предметы, икона на полотнѣ Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 6) священникомъ Дикаревымъ (Острогожскъ)—древній вѣнчальный вѣнецъ; 7) Н. Чуднымъ (Харьковъ)—икона Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 8) г. Познанскимъ (Острогожскъ)—мѣдный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа; 9) учителемъ стецковскаго земскаго училища г. Шкорбатовымъ—документы (г. Островерхова) и мѣдныя монеты (крестьянъ); 10) юрьевскимъ реальнымъ училищемъ—предметы, добытые при раскопкахъ г. Яковлевымъ; 11) учителемъ верхне-салтовскаго училища г. Бабенко—рядъ документовъ, иконъ, старопечатныхъ книгъ; 12) учителемъ Т. В. Проскурниковымъ—фотографіи съ различныхъ памятниковъ древности г. Корочи; 13) священникомъ Поповымъ (Сеньково, Купянскаго уѣзда)—фотографія церкви; 14) профессоромъ Н. О. Куплеваскимъ (Харьковъ)—четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и кость скелета (изъ находокъ въ деревнѣ Аксютовкѣ); 15) А. И. Конвисаромъ (Ахтырка)—абшидъ значковаго товарища Марквы (1777 г.), 16) о. І. Филевскимъ—фотографіи церквей.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Ѳомовки (Хомивки): группы кургановъ по двѣ, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Ѳомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядѣ „могилокъ" у той-же Ѳомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки колекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава)—выслать рукописи времени Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II-й, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до 2½ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ

и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, указавъ на то значеніе, какое имѣетъ изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, познакомилъ съ трудомъ *Б. С. Познанскаго*, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ „Трудахъ предварительнаго комитета“.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* прочелъ: 1) сообщеніе г. *Яковлева* о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватого, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменныя плиты изъ краснаго песчанника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ Яковлева о случайныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе—огибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: „Инженеры, дѣлая изысканія новостроющей линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по кототорой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ можно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнять тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могилъ и проч. и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, попало въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?“

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* прочелъ сообщеніе учителя купянскаго духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей харьковскаго университета.

Заслушаны предложенія П. В. Иванова: 1) объ извлеченіи изъ „Межевыхъ журналовъ“ генеральнаго межеванія Харьков-

ской губ. матеріаловъ по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченіи того-же рода матеріала изъ „Дозорныхъ книгъ“; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи.

А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городищѣ.

По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологическаго съѣзда, г. Шаровкина—просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о „межевыхъ журналахъ“, на изданіе же матеріала изъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсію; рѣшено также произвести предварительное обслѣдованіе Донецкаго городища.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ сообщенія, равно пожертвовавшимъ или представившимъ для выставки предметы древности. Въ члены комитета избранъ Б. С. Познанскій.

Е. Р.

деревомъ и въ немъ деревяна голдарея, бумажними шпалерами выбита. При дворѣ хата-мазка, въ коей живетъ дворникъ, винокурня нововистроена, плетеная, колодязь рубленый".

Дворъ Захара Р—ча устроенъ былъ въ другомъ концѣ Галицы, и образовалъ тамъ **„слободку Горбанювку"**; здѣсь былъ „будинокъ нововыстроенный о 9-ти покояхъ, свѣтлиця съ комнатою, напротивъ—другая хата, подъ кровлею соломяною... При томъ дворѣ—дворъ гуменній, ровомъ окопанный; въ оном клуня на 4-хъ сохахъ, при клунѣ хата рубленая, въ ней живетъ подсусѣдковъ два... Лѣсъ болшій, зовемій Лютовка, въ ономъ дерево на будовлю и на разное строеніе годное; другой лѣсъ тамъ же, на о—вѣ рѣчки Галицы, съ разнимъ родючимъ деревомъ... Неподаль двора, послѣ роздѣлки, вновь вистроено подсусѣдческихъ хатъ 14; мелниця на рѣчки, поузъ *городище* текущей, другая—въ с. Галицѣ; поблизу оной мелницѣ вѣтрянихъ млиновъ два; за дворомъ—вновь вистроенный броваръ новой".

С. Петровка, Галка, поселена не позже пол. XVII в.; при разореніи Галицы она уцѣлѣла; при отдачѣ Раковичу, П—ка называлась селомъ, а Галица—слободою, какъ показывали мѣстные старожилы въ пол. XVIII в. Объ отдачѣ П—ки Раковичамъ см. Галицу. **Кр. А.** 53 д. **В.** ? **В.** 84 д. **Пс.** 14 д. **Г.** 32 д. 40 х. **Д.** 76 д. 131 х. 8 бд. х. (влад. Евдокіи Стаховичъ). **Кз. В.** нѣтъ. **Г.** 7 д. 9 х. Пс. 6 бд. х. **Д.** 5 д. 5 х.

С. Сальное поселено „на удольи чистой ровной степи", сказано въ описаніи Пащенка, но тутъ же, въ старину, значилось и уроч. *Дуброва Салная*, отмѣченное въ актѣ 1666 г. [1]). Въ ревизск. книгахъ за 1731 и 1740 гг. показаны двѣ слободки: одна, **Старосалная**, а другая **Новосалная**. Обѣ они поселены Павломъ Раковичемъ, по впослѣдствіи одна изъ нихъ перемѣнила свое названіе, и въ описаніи Пащенка описано только одно *село Салное*, вѣроятно то, которое въ 1740 г. значилось слоб. Старосалною. Слоб. Новосалная едвали не была переименована въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча.

1) Обозр. Румянц. Описи, 187.

Въ слоб. Старосалной въ 1731 г. было—31 д., а въ 1740 г.—21 д. 25 х. При раздѣлѣ сыновей Андрея Р—ча, с. Сальное досталось Павлу, который тутъ и жилъ. Дворъ его въ 1767 г. описанъ такъ: „Въ немъ строеніе—свѣтлицѧ съ комнатою и грубою зеленою; напротивъ пекарня рубленая, при ней сбоку коморка рубленая; другая свѣтлица съ комнатою, въ оной печь зеленая; потолоковъ [1]) два: одинъ, подшалеваній панелями и канизами (карнизами?) подтягненій, другій—обыкновенній, двери снѣсарской (столярной) работы; комната одна шпалерами бумажными выбита. При дверахъ замки, въ двохъ мѣдніе жолтіе, а въ третьихъ—желѣзной, тульскіе; полы въ обоихъ комнатахъ деревяніе; въ сѣняхъ кладовая, двѣ окошка зъ гратами (решетками) желѣзными... Людскихъ хатъ двѣ: одна—рубленая, другая—мазка; баня рубленая; стадня, воромъ окиданная; садъ разного родючего дерева; въ саду—пасѣка; гребля и мелниця, новоустроенніе, ставъ рыболовній болшой“. Кр. 1753 г.—14 д. 14 х. 52 бд. х. 1780 г.—78 д. 101 х. 21 бд. х.

Д **Степановка** „поселеніе имѣетъ на чистой удолистой степи“ (Пащенко), въ полуверстѣ отъ с. Ровчака. Выше приведена догадка, что это поселеніе первоначально называлось *слоб. Новосалною*, переименованною потомъ въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча. При раздѣлѣ сыновей послѣдняго, Ст—ка досталась Ивану, отъ котораго перешла къ дочери его Марьѣ, б. замужемъ за майоромъ Бринкеномъ. Кр. 1753 г.—16 бд. х. 1780 г.—21 д. 22 х. 7 бд. х.

Д. **Татаровка** поселена Андреемъ Р—чемъ, и затѣмъ досталазь внуку его Федору Степановичу Р—чу. Кр 1753 г.—21 д. 21 х. 71 бд. х. 1780 г.—39 д. 57 х. 10 бд. х.

Д. **Шнаковка** поселена зятемъ Павла Р—ча, Ив. Ив. Шнакомъ, который завѣдывалъ сосѣднимъ владѣніемъ Вейзбаха. Шнакъ потомства, повидимому, не оставилъ и Шнаковка перешла къ брату его жены Андрею Р—чу, а отъ послѣдняго до-

---

[1]) Повидимому, идетъ рѣчь о потолкахъ, изъ которыхъ одинъ былъ какой то особенный, какъ будто бы рѣзной...

сталась сыну его Ивану, а затѣмъ перешла къ зятьямъ его—Бринкену (см. Степановку) и об. провіантмейстеру Кобеляцкому, женатому на Варварѣ Р—чъ. Кр. 1753 г.—3 д. 3 х. 17 бд. х. 1780 г.—29 бд. х.

С. **Кривеньки (Вейзбаховка)** поселены на Галицкихъ земляхъ, „на степномъ мѣстѣ, при озерѣ безъ названія". Въ 1727 г. извѣстный генералъ гр. Вейзбахъ купилъ у Галицкаго козака Тимофея Кривенка участокъ земли, около озера Мокреца, за 32 коп., и основалъ тутъ хуторъ. Къ этому хутору Вейзбахъ присоединилъ, въ 1734 г., другой участокъ, вымѣненный у Павла Раковича за два „дворища" въ с. Галицѣ, купленные у того же Кривенка. Такимъ образомъ возникъ хуторъ, названный **Кривеньками**. По смерти бездѣтнаго Вейзбаха, имѣнія его перешли къ женѣ, которая умирая въ 1736 г., Кривеньки завѣщала майору Измайловскаго полка Осипу Гампфу. Послѣдній продолжалъ скупку сосѣднихъ съ Кривеньками земель—у козаковъ сосѣднихъ селъ: Галицы, Мал. Дѣвицы и Толкачовки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ садить въ Кривенькахъ слободу. Къ 1750 г. населеніе послѣдней настолько увеличились, что слобожане стали просить Гампфа о построеніи церкви. Устройство церкви должно было привлечь въ Кривеньки еще бо́льшее населеніе, и одинъ изъ сыновей Гампфа—Иванъ обратился къ Кіевскому митрополиту съ просьбою о разрѣшеніи построить церковь, при чемъ далъ (въ 1750 г.) слѣд. обязательство, которое должно было обезпечить существованіе церкви: „Вѣдомо творю, что когда по желанію родителя моего, въ футорѣ его Кривенковомъ, а по общему того жъ футора обывателей прошенію, начнется строитись коштомъ его, родителя моего, церковь древяная, во имя свят. Христова Николая, и до совершенного окончанія прійдетъ, то ко всегдашнему въ ней священнослуженію потребная, яко то: свѣчи, ладанъ, просфоры—получатиметъ оная церковь отъ дому родителя и отъ доброхотныхъ прихожанъ; такожъ и кругъ книгъ церковныхъ, сосуды церковніе, священнослужительскія и олтарныя одѣянія, иконостасъ, колоколня и колоколы, имѣютъ быть за собственный коштъ его жъ, родителя моего, споряжены. А кто къ оной церкви за парохі-

алного священника будетъ опредѣленъ, то за трудъ служенія его будетъ давано отъ прихожанъ, такъ какъ ихъ подписка явствуетъ, и отъ дому родителя моего, теперь и в предътекущіе времена, все тое, какъ церкви Божьей потребное, такъ священнику, яко и причетникамъ церковнымъ даватимется всенепремѣнно. Годового жалованья повсягодно: священнику—денежнаго, 10 рубл., а хлѣбного: ржи 2 четверти, ячменю—четверть, проса—полчетверти, гречки—полчетверти, гороху—четверикъ, и какъ пахатной земли, такъ и сѣнокосу, сколко ему потреба будетъ, столко отводитимется зъ дому нашего, и домъ жилой устроенъ будетъ; дячку, денежного—4 рубля, пономарю—денежного, 3 рубля и поля пахатного, буде пожелаютъ, отведется имъ на ихъ потребу, для приробленя хлѣба; а отъ прихожанъ дячку и пономарю будутъ даваніе прежніе датки. Для жилля же имъ будутъ устроени избы..." По смерти Осипа Гампфа, въ 1760 г., сыновья его, подпоруч. Густавъ и капит. Иванъ, подѣлились полученными отъ Вейзбаха имѣніями, при чемъ Кривеньки достались Ивану Гампфу, а по смерти его, этимъ селомъ въ 1768 г. владѣла вдова его Анна съ дочерью Марьей [1]). Въ 1783 г. Кривеньки принадлежали женѣ бригадира Ланге, вѣроятно женившагося на Марьѣ Гампфъ. Отъ Ланге Кр—ки перешли къ Корбе. **Кр. Г.** 7 д. 7 х. **Д** 53 д. 82 х. 84 бд. х. **Кв.** нѣтъ.

С. **Заудайка,** лѣв. бер. Удая, противъ Монастырища,—представляетъ собою выселокъ послѣдняго, разбросанный и теперь еще по лѣсамъ, которыми покрыты здѣсь берега Удая. По описи 1740 г., здѣсь показано: „посполит. обывателей двор. 4, козач. и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленныхъ двор. 26". „Свободные посполитскіе дворы" и „угодія" с. З—ки были отданы во владѣніе, вмѣстѣ въ Монастырищескими, въ 1763 г., б. тов. Максиму Сахапскому (с. 202). „Ордеръ" гетмана объ отдачѣ Сохапскому М—ихъ и З—ихъ крестьянъ и „угодій", для исполненія, былъ порученъ в. тов. Вас. Михайловскому, но послѣдній донесъ, что гетманскаго „ордера" исполнить онъ не можетъ, такъ какъ ни въ М—щѣ, ни въ З—кѣ никакихъ „свободныхъ

---

1) Изъ Румянц. Описи.

посполитскихъ дворовъ“—не оказалось, а не оказалось ихъ потому, что всѣ они уже раньше были „скуплены“ Романовичами. [1]) Несомнѣнно, что объ этомъ обстоятельствѣ не могъ не знать самъ Соханскій, конечно предварительно уже забравшій всѣ нужныя справки о томъ, на что̀ получалъ универсалъ; но тѣмъ не менѣе универсалъ на З—скихъ крестьянъ былъ выпрошенъ и „ордеръ“ объ исполненіи его былъ данъ, при чемъ С—ій, слѣдовательно, разсчитывалъ, что скупленные Романовичами дворы онъ отберетъ въ силу незаконности этой скупли. Но какъ видно надежда на на податливость Р—чей не оправдалась, и Михайловскій донесъ въ генер. к—рію, что въ З—кѣ никакихъ посполитскихъ дворовъ не оказалось. Генер. к—ріей тогда заправлялъ только что поставленный вмѣсто Безбородка—генер. писарь Туманскій, который, будучи хорошимъ знатокомъ общественнаго быта гетманщины, [2]) нашелъ возможнымъ предоставить Михайловскому особыя права для исполненія прежде даннаго „ордера“, вслѣдствіе чего гетманомъ былъ подписанъ слѣд. любопытный универсалъ.

„На посланній отъ насъ къ вамъ (в. т. В. Михайловскому) ордеръ объ отдачѣ наданнихъ б. тов. Соханскому въ м. Монастырищахъ и с. Заудайки свободнихъ посполитскихъ дворовъ и угодій, присланнымъ къ намъ, сего ноября 23 д., доношеніемъ представляете, что изъ сотенной Монастириской к—ріи вѣрной выписки изъ ревизіи 745 г., по которой грузинамъ тамо отдача была, не дано; а о похатнихъ и сѣнокоснихъ земляхъ обявленно, яко інніе землѣ во владеніи церковномъ, інніе на сотенную к—рію якобы пренадлежатъ, степъ же обявленъ козачьимъ. Почему опредѣленній отъ полк. Прилуцк. к—ріи къ сей же отдачи значк. товарищъ (?), обявля, что отъ насъ повелѣнія нѣтъ слѣдовать (т. е. производить слѣдстіе) о завладѣннихъ грунтахъ, въ далшую отдачу не вступилъ і отъехалъ

[1]) По вѣдом. 1753 г., въ Монастырищѣ свободн. посполитыхъ была только одна бездворн. хата, а въ Заудакѣ—3 дв. и 1 бдв. х.

[2]) Относительно публичной его дѣятельности см. эпизодъ съ Клищинцами, описанный въ Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтоп., XI, 161 и слѣд.

о чемъ и ви къ нашей резолюціи представили. А отъ б. тов. Соханскаго, особливимъ доношеніемъ, представленно, что при оной отдачи *многіе недопушенія отъ сотника* (*Петра*) *и в. тов.* (*Федора*) *Романовичевъ происходятъ. Судія же абшит—ный Романовичъ* (*Иванъ*) *особо прислалъ къ намъ доношеніе, прося чтобъ купленніе нимъ въ ономъ мѣстечку и селѣ Заудайки грунта оставлены были за нимъ безъ отдачи Соханскому.* Да особливо сотенная Монастириская старшина и козаки Монастирискіе и Заудайскіе прислали къ намъ доношеніе, обявляя, что ви требуете извѣстія и о козачихъ земляхъ, а при м. М—щѣ изъстари имѣется степъ, которимъ они по роздѣлу между собою владѣютъ, и просили къ вамъ предложенія о неотдачѣ Соханскому ихъ козачихъ земель. И мы приказываемъ вамъ... въ м. М—щѣ и с. З—ки, наданное отъ насъ б. тов. Соханскому унѣверсаломъ, *все отдатъ безъ упущенія.* А сверхъ того, *кто въ ономъ м. М—щѣ и З—ки, изъ свободныхъ дворовъ, грунтовъ и угодій, послѣ состоявшагося запретителнаго указу въ 742 г., искупилъ либо неналежно завладѣлъ, тое по вѣрному слѣдствію отобрать.* И сколко изъ за кого, какихъ дворовъ, грунтовъ и проч. угодій *отобрано будетъ,* прислать къ намъ именную вѣдомость *къ разсмотрѣнію и опредѣленію.* Да и о тѣхъ грунтахъ, которіе показаны церковными либо на сотенную к—рію надлежащими, изслѣдовать же; буди на то никакихъ правилнихъ крѣпостей и документовъ нѣтъ, а оніе должни бить свободніе, объ ономъ изслѣдовать же коликимъ числомъ того степу козаки владѣютъ обще, а коликое число кѣмъ завладѣно. А что явится изъ того неналежно кѣмъ завладѣнное, *все отобрать и описавъ именно коликое число пахатного поля и сѣнокоснихъ поль и степу—отобранно будетъ, репортоватъ же къ намъ для имѣючого бытъ о томъ крайнего опредѣленія"...* [1]) Такимъ образомъ, въ силу этого универсала, незначительный Глуховской чиновникъ (в. тов. Михайловскій) получалъ право произвести слѣдствіе—сколько мѣстными сотниками „скуплено"за 20 л. (1742—63) земли, отобрать

---

[1]) Универсалъ подписанъ Разумовскимъ 2 дек. 1763 г. Подлигникъ въ нашей б—кѣ.

у скупщиковъ все то, что ими „скуплено неналежно“ (*незаконно*) и затѣмъ о результатѣ своихъ дѣйствій—донести въ Глуховъ „для крайняго опредѣленія“. Несомнѣнно, что всѣми дѣйствіями Михайловскаго руководилъ самъ Соханскій, потому что универсалъ былъ написанъ точно подъ его диктовку... Романовичи должны были уступить, но не во многомъ: значительная часть „скупли“ осталась за ними, какъ въ М—щѣ (с. 205), такъ еще болѣе въ Заудайкѣ, въ которой Соханскій успѣлъ отбить отъ Романовичей только 4 дв. съ 5-ю хат., причемъ у трехъ братьевъ Романовичей (Петра, Федора и Степана Ивановичей) осталось „скупли“—17 дв. съ 19-ю хат. [1]) **Кр. А.** 19. д. **В.** 10 д. **В.** 38. д. **Пс.** 15 д. **Г.** 5. д. 5 х. **Д.** 25 д. 32 х. **Пс.** 6 д. 7 х. **Кз. В.** 31 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 13 бд. х. **Д.** 22. д. 52 х.

С. Андреевка, „ставокъ Лыска“, образовалась, можетъ быть, изъ Бакаевскаго выселка, [2]) разселившагося среди лѣсовъ, какъ и Заудайка. По описи 1740 г. здѣсь: „поспол. обыват. дворъ еденъ, а козачьихъ и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленныхъ двор. 15“. Скупля была произведена преимущественно Романовичами. **Кр. А.** 7 д. **В.** *нѣтъ*, **В.** 11 д. **Г.** 2 д. 2 х. **Д.** 1 д. 4 х. („коронныхъ“) и 8 д. 9 х. „владѣльческихъ“ **Кз. В.** 40 д. **Г.** 8 д. 8 х. **Пс.** 5 бд. х. **О.** 15 д. 31 х.

С. Хаенки, Иченка, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, въ XVII в. принадлежали къ ратушнымъ селамъ, затѣмъ отданы Мазепою Дм. Горленку, а вѣрнѣе—самимъ имъ захвачены. Послѣ измѣны Мазепы, Х., по универсалу 1710 г., отданы Скоропадскимъ Андрею Горленку (с. 23), у наслѣдниковъ котораго и остались. **Кр. П.** 7 д. **А.** 34 д. **В.** 16 д. **В.** 15 д. **Г.** 5 д. 5 х. **Д.** 26 д. 35 х. (полковника Горленка). **Пс.** 3 х. **Кз. В.** 13 д. **Г.** 13 д. 14 х. **Пс.** 5 д. 5 х. **Д.** 24 д. 32 х.

Д. Вороновка, Иченка, въ XVII в. принадлежала къ ратушнымъ селамъ; Скоропадскимъ отдана охочекомонному полковнику Федяю, а потомъ, въ 1717 г., Михайлу Ягельницкому, въ то время Журавскому сотнику, отъ котораго затѣмъ перешла

---

[1]) Такъ значится въ описаніи Пащенка.

[2]) С. Бакаевка находится на противоположномъ берегу Удая.

къ сыну его Ивану, который, въ чинѣ бунч. тов., владѣлъ В—кою въ 1779 г. **Кр. А.** 28 д. **В.** 10 д. **В.** 17 д. **Г.** 12 д. 12 х. **Д.** 11 д. 15 х. („разныхъ владѣній") **Кз. В.** 3 д. **Г.** 2 д. 2 х. **Пс.** 4 бд. х. **Д.** 5 д. 8 х.

Д. Грабовъ, Иченка, по вѣд. 1718 г. означено такъ: „селце Грабовъ на купленномъ", съ 8-ю дворами посполитыхъ. По ревизіи 1728 г.—подсосѣдковъ 12 х., Андрея Горленка, Павла Карася и „попадѣ Суханской". По ревиз. 1731 г. тѣ же подсосѣдки показаны въ количествѣ 10 х., изъ нихъ 4—„попа Петра Суханского" и 6—значкового" Павла Карася, причемъ добавлено, что подсосѣдки „на купленихъ ихъ земляхъ поселены". Наконецъ, по ревиз. 1740 г. Грабовскіе подсосѣдки (9 х.) показаны въ перечнѣ козаковъ, причемъ 6 х. принадлежали Сохaнскимъ. Тѣ же подсосѣдки значатся и по вѣд. 1780, въ количествѣ 15 д. 34 х. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Грабовъ былъ поселенъ не раньше нач. XVIII в., нѣсколькими сосѣдними владѣльцами.

Иченская сотня занимала мѣстность, ограниченную съ сѣвера—верховьями Удая, а съ юга—верховьями рѣчекъ Нежеревой и Смоши, при чемъ тутъ же находились незначительные притоки этихъ рѣкъ: Иченка, Гужовка, Ржавецъ и др. Мѣстность имѣла характеръ полулѣсной, съ сѣрой и песчанной землей, кромѣ Парафіевскихъ земель, представлявшихъ почти сплошную черноземную степь.

Иченскіе сотники. Семенъ Герасимовъ, 1653. Иванъ Вовченко, 1672. Иванъ Стороженко, 1687. Александра, 1691. [1] **Андрей Ивановичъ Стороженко, 1703—715. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1715—737. Андрей Григорьевичъ Стороженко, 1741—752. Иванъ Новицкій, 1753—767. Иванъ Романовичъ, 1772—778. Петръ Романовичъ, 1780.**

Изъ настоящаго списка сотниковъ видно, что почти полвѣка этою сотнею заправляли Стороженки, документальнымъ ро-

---

[1]) «Передъ нами урядомъ мѣскимъ Ічанскимъ, войтомъ Стефаномъ Погребнимъ а бурмистрами Грицкомъ Семенченкомъ, Фескомъ Бѣлоцерковцемъ, *сотникомъ Александрою*, атаманомъ Лескомъ Дейнекою, ставши очевисте» ... (Изъ *рукописн. купчей, 1691 г., 5 мая*).

доначальникомъ которыхъ былъ Прилуцкій полковникъ Иванъ С—ко (с. 17). Сынъ его Андрей, получившій сотничій урядъ еще при Дм. Горленкѣ, пережилъ на этомъ урядѣ трагическій 1708 г., и уже въ февр. слѣд. года получилъ отъ новаго гетмана и другое с. Томашовку, а передъ смертью, въ 1715 г., село—Ступаковку[1]) По смерти Андрея С., Иченскимъ сотникомъ сталъ сынъ его Григорій. Это былъ человѣкъ настолько замѣтный и образованный, что при выборѣ новой генер. старшины, послѣ поставленія Апостола гетманомъ, Григорій С. былъ назначенъ кандидатомъ въ генер. бунчучнаго и, кромѣ этого, былъ посланъ, въ числѣ четырехъ, „ко двору монаршему съ тѣмъ, что избранъ гетманъ". Въ генер. старшину С. однакожъ не попалъ, такъ какъ ген. бунчучнымъ утвержденъ былъ другой; за то онъ былъ опредѣленъ въ 1734 г. въ число членовъ коммиссіи „для перевода и свода правныхъ книгъ". [2]) Женатъ Григорій С. былъ на дочери Черниг. полк. судьи Василія Томары, Ульянѣ, а послѣ ея смерти, на вдовѣ Якима Кулябки, Евдокіи Андреевнѣ Лизогубъ, которой доставалась четвертая часть отцовскихъ богатствъ. [3]) Въ 1737 г. Григорій С. почему то былъ уволенъ отъ сотничества, съ чиномъ бунч. товарища. [4]) Изъ сыновей Григорія, отъ 1-й ж., извѣстны три: Андрей, унаслѣдовавшій отцовскій урядъ, Степанъ и Петръ. Въ 1756 г. они дѣлились отцовскимъ наслѣдствомъ, при чемъ, судя по части, доставшейся младшему, [5]) видно, что

---

1) Время «надачи» Томашовки указано въ имѣющ. у насъ рукописи—*Списокъ универсаловъ, выданныхъ на маетности* въ к. XVII и нач. XVIII в., а относительно Ступаковки—1715-й годъ указанъ въ ревизск. книгѣ 1740 г. Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 209.

2) Зап. Марк., I, 246, 247, 304, 343.

3) О перв. женѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 18, а о второй—Дневн. Ханенка, 227, 237, 238.

4) К. Старина. 1884 г., февр., 213. Портретъ Григорія С—ка изданъ при Кіевск. Стар. 1890 г.

5) Доставшаяся Петру С. часть заключала въ себѣ: «Сотнѣ Ичанской хуторъ *Василювщина*, въ коемъ дворъ панской, имѣющій такожъ доволное хоромное и проч. строенія, при томъ подданніе и мелницъ двѣ съ винокурнимъ заводомъ.—Сотнѣ Иваницкой дер. *Ступоковка*, со всѣми подданными, сотнѣ Ичанской дер. *Лучковка*, со

наслѣдство было богатое.—Подѣлившись съ братьями отцовскимъ наслѣдствомъ, Петръ въ февралѣ 1748 г. женился на дочери Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, которая принесла ему кромѣ 700 р. деньгами, еще очень богатое приданое въ движимости. Но въ октябрѣ того же 1748 г. Петръ умеръ, при чемъ желая обезпечить молодую вдову, завѣщалъ ей въ „вѣчное владѣніе" все свое движимое имѣніе. [1]) Это завѣщаніе однакожъ не помѣшало старшимъ братьямъ захватить значительную часть движимости, находившейся въ усадьбѣ умершаго въ х. Василювщинѣ. При этомъ особенно обижалъ молодую вдову Степанъ С., „приключая ругательства и употребляя такихъ словъ: мы де едни Стороженки шляхта и за мною жена—зъ дому гетманского имѣется..." [2]) Жалуясь на насилія братьевъ мужа, вдова представила въ генер. к—рію списки своего приданаго и завѣщанной мужемъ движимости, указывающіе на богатство домашней обстановки тогдашней, даже средней, козацкой старшины. [3]) Споръ вдовы Петра

всѣми подданными, дворцемъ, мелницею и половиною лѣсами, полемъ и сѣнокосами всѣми.—Подъ сел. Обѣчевомъ хуторъ.—Въ м—ку Монастырищахъ, на подваркахъ, хуторъ.—Подъ с. Обѣчевомъ, на р. Удаи, половина млиновъ прозиваемихъ Ровові„,—Х. Василювщина находился въ 2-хъ верст. отъ Ични.

[1]) Вотъ начало этого любопытнаго по мотивамъ завѣщанія. «1748 году, сентябра 30 д. Я нижеподписавшійся, чрезъ сей мой доброволній записъ.... чиню извѣстіе, что оставшомусь по умершому отцу моему сотнику Ичанскому Григорію Стороженку наслѣдственное мое движимое имѣніе, яко то: сребро, посуду всю, лошадѣ, такожъ рогатой и нерогатой скотъ, винокурніе казани и протчое все движимое, которое, по умертвіи отца и по роздѣлки зъ братами моими, мнѣ досталось и собственно въ моей власти состоитъ, такожъ и мною нажитое—женѣ моей Меланіи Павловнѣ дочери Минѣцковнѣ, за честное ея въ супружествѣ полученное мною дѣвство, за добродѣтелное и любезное въ житіи моемъ съ нею обхожденіе и, при случаи тяжкой моей болѣзни, за все прилежное мене смотрѣніе и за протчіе добродѣтелніе ея подъятіе труда, дарую и во вѣчное владѣніе уступаю...»

[2]) Объ этомъ Степанѣ Стороженкѣ и его отношеніяхъ къ своей бабкѣ, по матери, см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 19.

[3]) Списокъ приданаго напечатанъ въ апр. кн. Кіевск. Стар. за 1901 г.

С. съ деверями кончился нескоро, хотя Глуховскія власти, повидимому, во многомъ защитили обиженную. Обстоятельства, при которыхъ Андрей С. переcталъ быть Иченскимъ сотникомъ, намъ неизвѣстны. Онъ оставилъ двухъ сыновей Григорія и Александра, которые оба еще были малы, чтобы замѣстить отца. [1]) Преемникомъ Андрея С. былъ Иванъ Новицкій, вѣроятно, внукъ охочеком. полковника Ильи Новицкаго. Новицкій пробылъ на сотничествѣ 14 лѣтъ, и въ 1767 г. самъ отказался отъ этого уряда, можетъ быть, желая посадить на свое мѣсто сына.—Памятникомъ своего сотничества Н—кій оставилъ х. *Жадьковку*, которую онъ

---

[1]) Прилагаемъ здѣсь краткій родословникъ Стороженковъ, наглядно указывающій ихъ общественное положеніе.

		№ отца.
1.	*Иванъ Стороженко*, сотникъ Иченскій, 1687, полковн. Прилуцкій, 1688—692 ж. *Марья.*	
2.	*Андрей*, сотникъ Иченскій, 1703+715. . . . . . . *Ж. Матрона Гнилозубъ.*	1
3.	*Григорій*, сотн. Иваницкій, 1716.	1
4.	*Григорій*, сотн. Иченскій, 1715—737 . . . . . Ж. 1, *Ульяна Васильевна Томара*, 2, *Евдокія Андреевна Лизогубъ, вдова Якима Кулябки.*	2
5.	*Иванъ*, сотн. Иваницкій+1726. (См. Зап. Марк., I, 157).	2
6.	*Степанъ*, сотн. Яблуновскій, 1738—742 . . . . . . Ж. *Марфа Андреевна Горленко.*	4
7.	*Андрей*, сотн. Иченскій, 1741—752. . . . . Ж. *Настасья Ивановна Романовичъ.*	4
8.	*Петръ*, в. тов. +1748. . . . . Ж. *Меланія Павловна Миницкая*, 2-й м. *отст. ес. Григоровичъ.*	4
9.	*Данило*, р. 1741 г., отъ 2-й ж., бунч. тов. Жилъ въ сл. Лисогорѣ. . . . . Ж. *Катерина Федоровна Лысенко.*	4
10.	*Михаилъ*, р. 1741, майоръ 1772. . . . . Ж. *Дочь ген. бунч. Николая Ханенка.*	6
11.	*Григорій*, р. 1745, сотн. Иваницкій, 1770—780. . . *Катерина Николаевна Бороздна.*	7
12.	*Александръ*, войск. тов. 1765. . . . . Ж. *Фекла Ивановна Себастіановичъ*; ея втор. м. кн. *Владиміръ Орбеліани.*	7

(Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 220—221.

поселилъ въ это время. Добровольный уходъ Н—аго съ уряда виденъ изъ того, что послѣ его отставки, временное завѣдываніе сотнею поручено было изъ Глухова—его сыну. Этотъ же сынъ явился и главнымъ кандидатомъ для замѣщенія отца. Но явился и другой—въ лицѣ Григорія Стороженка, сына б. сотника Андрея. Каждый изъ кандидатовъ привлекъ на свою сторону по группѣ выборщиковъ и оба были этими группами выбраны; оба же они и пожаловались въ Глуховъ—на неправильность выбора противника. Стороженко писалъ: „сотника Новицкаго сынъ Иванъ Новицкій, еще ни въ коемъ званіи не состоящій, только означенною сотнею временно управлять опредѣленный, да атаманъ Иванъ Романовичъ и асаулъ Иванъ Булига—избирали сотника непорядочно, ибо онъ, Новицкого сынъ, зъ сотенными старшинами согласясь, сами себе, именно: Новицкого, Романовича да писара Носка—кандидатами поставили, и весма малое число козаковъ зъ селъ сотнѣ Ичанской собравши, велѣли на составленленномъ выборѣ подписатись почти усилно: яко жъ, когда которой атаманъ, съ козаками своими—повелѣннимъ числомъ, для означенного выбору явился, то другихъ ожидать имъ присутствующими не велѣно, но подписавъ, ихъ (козаковъ) заразъ отпущали; и такъ всѣхъ порознь переписали, не давъ имъ времени для общаго совѣту и согласія. А хочай, изъ того собранного числа козаковъ оспориванно, что не по приличію означенныхъ лицъ въ кандидаты поставлено, и на мене нижайшого былъ при томъ—о удостоеніи на сотничой чинъ—голосъ, однакъ все тое присудствующими приглашенно (замолчано) ихъ проэктами и разными обманами, якожъ онъ, Н—кій, козакамъ, отъ коихъ обо мнѣ голосъ былъ, и сіе самъ выговаривалъ, что будто я въ сотничой чинъ не желаю, и въ томъ, яко бы ему, Н—му, далъ подписку..... Мене же нижайшого сотнѣ Ичанской козаки, согласно и безъ всякаго ихъ отъ мене принужденія, въ сотничой чинъ выбрали и какой въ томъ выборъ мнѣ дали, оной представляю...“ При этомъ Стороженко приложилъ какъ „выборъ“, подписанный козаками, такъ и особое отъ послѣднихъ въ Глуховъ „доношеніе“, въ которомъ, его сторонники указываютъ на неправильность выборовъ Н—каго почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ писалъ и самъ С—ко. При этомъ сторонники С—ка приводятъ рядъ обидъ, причиненныхъ имъ

прежнимъ сотникомъ Новицкимъ, и добавляютъ, что они боятся такихъ же обидъ и отъ его сына, а между тѣмъ „за бывшого прежде онаго Новицкаго—умершаго сотника Андрея Стороженка, такожъ и прежде оного Андрея еще предковъ Стороженковыхъ, сотниками Ичанскими бывшихъ, имъ никакихъ обидъ въ управленіи сотнею не происходило...“ [1])

Новицкій, съ своей стороны, обвинялъ С—ка тоже въ „злоумышленіяхъ“: „по полученіи указа о выборѣ на мѣсто отца моего—двухъ или трехъ кандидатовъ, какъ въ сотенномъ Иченскомъ правленіи куренные атаманы съ козаками, такъ и въ полковой Прилуцкой к—ріи, полковіе старшины съ сотниками, бывъ въ собраніи, доброволно и безъ всякаго пристрастія избрали на сотничество Иченское, въ кандидаты, меня и сот. Ич—ихъ—атамана Ив. Романовича и писаря Фед. Носкова, въ чемъ и надлежащіе по указному наставленію, выборы подписавъ, при доношеніи въ Малор. коллегію отправлены.—А между тѣмъ в. тов. Григорій Андреевъ сынъ С—ко, не будучи поставленъ въ кандидаты, но легко и злоумышленно въ обиду мою, пришедъ

---

[1]) Жалуясь на обиды сотника Новицкаго, сторонники С—ка указываютъ большею частью на даровыя сотнику работы, полевыя и домашнія. Напр., козакъ с. Парафіевки Ковбасенко—«въ сотника Новицкого, чрезъ полторы недѣли, оралъ; въ хуторѣ его, Н., 3 дни въ дворѣ свинѣ напоевалъ. Онъ же К. посланъ былъ въ Елисаветъ зъ харчевимъ запасомъ, волами парою и возомъ, а обратно оттоль ему сотнику въ Ичень, на своемъ возѣ и волами своими, привезлъ возъ соли безъ заплаты.» —«Козакъ того же села Омелченко въ сотника Н. работалъ чрезъ 2 недѣлѣ, въ винокурнѣ, а чрезъ 2 недѣлѣ—крупи ему дралъ зъ другимъ козакомъ; онъ же, О—ко, на сотничихъ возахъ, въ подрядомъ овсомъ, въ Елисаветь, ѣздилъ и тамо промедлѣлъ чрезъ 6 недѣль, безъ заплаты. Въ отамана Романовича, онъ, О—ко, чрезъ двѣ недѣлѣ скотъ пасъ.» Несомнѣнно, что жалобщики говорили правду, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, умалчивали, что за эти сотнику ихъ работы, они были тѣмъ же сотникомъ увольняемы отъ походовъ и другихъ «общенародныхъ повинностей.»—Такъ велось въ гетманщинѣ... Судя по приведеннымъ фактамъ, Новицкій во всякомъ случаѣ не былъ тяжелымъ правителемъ.

въ сотенное правленіе, домогался поставить его въ кандидаты, и при томъ въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ высокомонаршихъ указовъ зерцало состоитъ, поступалъ крайне горячо, неучтиво и бранно—на меня, на старшинъ и на бывшихъ притомъ козаковъ; тайно сзывалъ до себя атамановъ и козаковъ, споивая ихъ, ласкательствомъ и устрашеніемъ приводилъ, чтобы его поставили въ кандидаты.—Тѣмъ не будучи доволенъ, когда уже надлежащіе выборы на меня и на предписанныхъ старшинъ подписанны, въ полк. Прил. к—рію отправлены и отъ оной же к—ріи полковіе жъ выборы учинены, тогда онъ, С—ко, взявъ зъ собою, на особенной возокъ, нѣсколько вѣдеръ горѣлки, ѣздилъ по всей сотнѣ селамъ, упоивая оною, перепрошивая и уговоривая на свою сторону курѣнныхъ атамановъ и козаковъ—на подложно составленномъ имъ нѣякомсь писмѣ въ томъ, что якобы его, С—ка, желаютъ въ сотню Ичанскую сотникомъ—подписатись; на которомъ писмѣ не моглъ онъ, С—ко, на свою сторону прочихъ себѣ козаковъ склонить къ подпису, какъ только Гмиранскихъ и Парафѣевскихъ, да и то не всѣхъ... Сверхъ сего, онъ же, С., далъ равніе обманчивіе подписки, которими онъ себя обовязалъ—облегченіе въ нарядахъ тѣмъ козакамъ дѣлать и тѣхъ никогда не наказывать, которіе бы не преступали усиловаться, чтобъ ему, С., быть сотникомъ.—Когда тотъ же С. усилно старался на меня навесть какое нибудь сомнѣніе, предъ козаками, и уговорить ихъ, чтобъ они меня отреклись и не желали болѣе сотникомъ, то начали козаки между собою поговаривать, что меня нѣсколко опасно избѣрать въ сотники, затѣмъ де, что соглашусь легко *на регулярство* и *ихъ де могу къ тому понудить*;[1]) а понеже етая поговорка произносилась толко между козаками Гмиранскими, которыхъ С—ко напоемъ и ласкателствомъ на свою сторону склонилъ, то со всего видно, что онъ жъ, С., единственно причиною тѣхъ козаковъ возмущенія...

Изъ Глухова получено было распоряженіе—произвести слѣдствіе объ Иченскихъ выборахъ, причемъ открылось, между про-

---

[1]) Вотъ чего боялся народъ и чего боязливо ждалъ отъ Румянцова....

чимъ, что Иваницкій козакъ Давыденко, являвшійся въ Глуховъ съ уполномочіемъ отъ Иченскихъ козаковъ поддержать выборъ С—ка, представлялъ „вѣрющій листъ"—на ходатайство отъ Иченскихъ козаковъ—„подписанный безъ ихъ согласія..." Въ Глуховѣ, повидимому, ни тотъ, ни другой изъ претендентовъ утвержденъ не былъ. Слѣдующимъ, послѣ Ив. Новицкаго, сотникомъ въ Ичнѣ былъ Иванъ Романовичъ, поставленный въ 1771 г. изъ „значк. товарищей", какъ сказано въ вѣдом. полковыхъ чиновниковъ за 1774 г.; слѣд., это не былъ Иченскій сот. атаманъ, поставленный при выборахъ Н—аго „вторымъ кандидатомъ". Преемникомъ Ив. Р—ча былъ братъ его, которымъ и закончилось козачье управленіе въ Ичнѣ.

Села Иченской сотни.

М Ичня, рч. Иченка, въ полов. XVII в. была, повидимому, самымъ населеннымъ пунктомъ въ Прилуцкомъ полку. Хотя по списку Пшездѣцкаго въ Ичнѣ было 1494 домохоз., а въ Варвѣ 2037, но по свѣдѣніямъ 1654 г. (о числѣ приведенныхъ къ присягѣ въ Прилуцкомъ полку) жителей въ Ичнѣ оказывается болѣе, чѣмъ въ другихъ сотенныхъ центрахъ: въ Ичнѣ—1798 „челов." [1]), въ Прилукѣ—1423, въ Срѣбномъ—1228 и въ Варвѣ—983 чел. По „реестрамъ" 1649 г., въ Ичнѣ, какъ и въ Варвѣ было по двѣ сотни. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Ичня тогда была поселеніемъ настолько нестарымъ, что въ „тарифахъ" 1628 г. [2]) она вовсе не означена. Какими причинами былъ обусловленъ такой быстрый ростъ населенія въ Ичнѣ—сказать трудно. Ядромъ послѣдней были, видимо, водяныя мельницы, около которыхъ и возникло поселеніе [3]); въ то же время, это поселеніе очутилось на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ: одной—изъ Кіева въ Роменъ, а другой—съ юга, чрезъ Прилуку, на сѣверъ, къ Стародубу (см. ниже). Такія

---

[1]) Полагаемъ, что и здѣсь обозначены тѣ-же домохозяева («господари»).

[2]) См. у Яблоновскаго, Zródła Dz., XX, 1, 65.

[3]) По описн. книгамъ 1666 г. въ Ичнѣ показано *девять водяныхъ мельницъ*, всѣ «на рѣкѣ Ичнѣ». Черезъ 114 лѣтъ, ихъ оставалось еще шесть.

мѣстности обыкновенно представляютъ много выгодъ для населенія, которое поэтому и стремится въ нихъ.

При полякахъ, у Ични было одна особенность, которой не видимъ въ другихъ мѣстахъ „Заднѣпрія": Ичня была центромъ особаго *Иченскаго козачьяго полка*, начальникъ котораго назывался „полковникомъ войска *его корол. мил.* Запорозкого Иченскимъ". Въ январѣ 1648 г. такимъ полковникомъ былъ Петръ Гловацкій, какъ это видно изъ одного его продажнаго акта [1]). По другимъ свѣдѣніямъ, въ 1649 г. былъ и другой Иченскій полковникъ Степанъ Гловацкій, память о которомъ сохранилась въ книгахъ одной изъ Иченскихъ церквей [2]). Извѣстно, что въ числѣ полковниковъ Хмельницкаго, въ самомъ началѣ возстанія, былъ и Гловацкій. Въ латинской хроникѣ Юзефовича онъ называется Петромъ Гловацкимъ (Petrus Glowacki, tribunus). По польскимъ свѣдѣніямъ, Гловацкій (имя не указано) лѣтомъ въ 1649 г. осаждалъ Рѣчицу (Минск. губ.), но былъ самъ тамъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на колъ [3]).

---

[1]) Приводимъ здѣсь выданную имъ купчую запись Лохвицкому жителю Самохвалу, взятую нами изъ Румянцовск. описи. «Я Петръ Кгловацкій, пулковникъ войска его кор. мл. Запорозкого Иченский, вѣдомо чиню и сознаваю тымъ моимъ листомъ доброволнимъ, записомъ вѣчиститъ продажи, кождому, кому о томъ вѣдати належитъ теперъ и напотомъ, завжди, ижъ я, маючи волность з права посполитого своимъ якъ хотѣти шафовати, млинъ при городѣ Лохвицкомъ, на рѣкѣ Сулѣ, мнѣ Божіимъ правомъ и прирожонимъ, яко синови власному и сукцессорови по родичахъ моихъ милыхъ припалий и належачій, учтивому Васкови Самохвалови, исъ подворкомъ до того жъ млина належачимъ, за сумму певную, тоесть двѣстѣ зол. полскихъ, уступилъ и продалъ способомъ вѣчистой продажи», и т. д., «съ подписомъ руки моей власной, при печати притисненой, даю въ Лохвици, 15 дня генваря, 1648 року. Петръ Кгловацкій, пулковникъ войска его кор. мил. Запорозкого Иченскій». (Подлинникъ б. мож. писанъ по-польски; о немъ на копіи сказано: «1769 году февраля, 18 д., такову подлинную крелость принялъ и росписался Роменского повету подкоморского суда возной Андрей Самохвалъ».

[2]) Опис. Черниг. Епарх., VI, 507.

[3]) Сборн. Лѣтопис., изд. Кіевск. Ком. (1888), стр. 147 и Памятники, изд. 2-е, той же коммиссіи, I, 358.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII

1901 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериниговская улица.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . 149—182

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока** . . . . 183—213

III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. *(Продолженіе)*. **И. Лучицкаго** . 214—226

IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧИ. Част. I. Повисть. **В. Гринченка**. 227—281

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). *(Окончаніе)*. **А. Л.** . . . . . 282—300

VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). **М. Старицкаго** . . . . 301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. **В. Доманицкій**, в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки, въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. **Н Бѣляшевскаго**; і) Письмо въ редакцію. **Г. А. Кузьмина** . 73—92

Текущія извѣстія . . . . 93—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. Н. Кранихфельда. **В. Д.**; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. **Н. В.**; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдыве оповидання.— Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). **В Д.**; г) Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. **В. Д.**; д) Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 101—126

Археологическая лѣтопись . . . . 127—137

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малор[illegible] полкъ. **Ал. Лазаревскаго** [illegible] 25—240

Въ книжномъ магазинѣ редакціи

журнала

„Кіевская Старина“

поступили для продажи слѣдующія книги.

Альбомъ 26 укр. писателей, ц. 50 к. и 1 р.

Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV, ц. 1 р. за часть.

Ар—съ. Катерына. Опера в 3-х діях, ц. 3 р. 50 к.

Аркасъ. Я не можу тоби розсказать про любовъ. Романсъ. Ноты. Спб., ц. 50 к.

Антоновичъ Б. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (оттискъ изъ журн. Кіевской Старины). Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Барвинокъ. Молодыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Бигдай. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й и 10-й Екатеринодаръ, 1898 г., ц. за вып. 1 р.

Бѣляшевскій, Археологическая Лѣтопись Южн. Россіи, Т. I-й и II-й. Кіевъ, 1899 г., ц. 2 руб. за томъ.

Болсуновскій. Свинцовыя пластинки (Муз. Скарж.), ц. 1 р.

Верзиловъ. Очерки торговли Южной Руси. Черниговъ 1898 г., ц. 50 коп.

Воронка. Коханци шкодныкы. Водев. 1900 г. ц. 20 к.

Вовчокъ. Выкупъ (на русскомъ языкѣ). Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к.

— Даныло Гурчъ. Кіевъ 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. Грам.

— Максымъ Грымачъ. Выкупъ и др. оповидання. Кіевъ, 1900 г., ц. 4 коп. Изд. Ком. Грам.

— Свекруха, Отець Андрій. 1900 г., Кіевъ ц. 2 к.

Василевскій. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Гринченко. Ганна Барвинокъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 15 к.

Гринченко. Народные спектакли. Черн., 1900 г., ц. 25 коп.

Грабына. Тывуртіевы выгадкы. Жартъ. 1900 г., ц. 20 к.

— Дивоче серце. Кіевъ, 1899 г., ц. 25 к.

— Панъ Халявскій. Комедія фарсъ въ 4-хъ діяхъ. 1900 г., ц. 50 к.

Демченко. Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.

Дашкевичъ. Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.

— Вопросъ о литературномъ источникѣ И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.

— Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1884 г., ц. 40 коп.

— Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 к.

— 25-лѣтіе историческ. общества Нестора Лѣтописца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 к.

— Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г., ц. 40 к.

— Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.

— Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.

— Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.

— Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г., ц. 50 к.

Дикаревъ. Малорусское слово «Паляныця» и греческое «πέλανος». Ц. 10 к.

Ефименко. На Украинѣ, в. І-й ц. 30 к., в. ІІ-й ц. 30 к. и в. ІІІ-й ц. 35 к.

Житецкій. Энеида Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р.

— Описаніе Пересопницкой рукописи. К., 1876 г., ц. 1 р.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 к.

Землякъ. Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствіи. Одесса, 1899 г., ц. 15 к.

М. Загирня и Б. Гринченко. П. И. Глѣбовъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 25 к.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портр.). Кіевъ, 1901 г., ц. 65 к.

Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины и Запорожья. (1814—1861). Спб. 1891 г., ц. 30 к.

Кулишъ. Оповидання. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.
— Чорна рада. Выдання друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.
— Драмована трилогія. Харьковъ, 1900 г., ц. 2 руб.
— Орыся (С.-Пб.) 1900 г., ц. 2 коп.
— Воспоминанія дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.
— Про злодія въ с. Гакивныци. Кіевъ, 1901, Ц. 3 к.
Конопницкая. Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.
Комаровъ. Нова збирка прыказокъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.
— Къ біографіи Стороженка. Кіевъ, 1890 г., ц. 15 коп.
Комарь. Оповидання про Антона Головатаго. Спб. 1901 г., ц. 5 и 10 к.
Кропивницкій. Передъ волею. Драма въ 5 діяхъ. 1901 г., ц. 20 коп.
— По ревизіи. Харьк., ц. 5 к.
Конисскій. Млынъ. Оповид. 1901 г. ц. 3 к.
— Грошолюбка. Черкассы, 1900 г., ц. 5 коп. и на лучшей бумагѣ ц. 10 к.
— Творы, т. Ш-й. Ялта. 1900 г., ц. 1 руб. и на веленевой бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.
Каниевцкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.
Конощенко. Украинськи писни зъ нотамы. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.
Кукулевськый. Оповидання про жыття Кобзаря. Кіевъ, 1901 г., ц. 2 к.
Левицькый. Бабы. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.
Левицкый М. Короста. 1901 г., ц. 1 к.
Лыхо зъ горилкою. Москва, 1901 г., ц. 3 к.
Мачтетъ. Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотности.
— Два «міра». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грамотн.
— Въ святое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотн.
— Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изд. Ком. грамотн.
Макаровськый. Наталя. Черн., 1899 г., ц. 5 коп.
Музыка Янко. Перекладъ. Кіевъ, 1901 г., ц. $1^1/_2$ к.
Немоловськый. Про бжильныцтво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.
Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.
Николаевъ. Гигіена зубовъ. 1900 г., ц. 20 к.
Осадчій. Козацкій батько Палій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 к.
Пихно. Бесѣда сельского хозяина. Кіевъ, 1899 г., ц. 40 к.
Полищукъ. Прочанынъ. Москва, 1901 г., ц. 3 к.
Р. С. Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьк., ц. 4 к.
Степовыкъ. Про городыну. Спб. 1899 г., ц. 5 к.
Станюковичъ. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изданіе Комитета грамотн.

Савченко. Порядокъ и ходъ сельско-хозяйст. работъ. 1900 г., ц. 30 к.
— Сравнительный учетъ доходности въ имѣніяхъ Ю.-Зап. края. 1900 г., ц. 75 к.

Тобилевичъ. По-надъ Днипромъ. Черк., 1900 г., ц. 10 к.
— Бурлака. Драма. 1901 г., ц. 7 к.

Толстой. Воскресеніе. Романъ, ч. I-я и II ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к. Ч. III 25 к.

Угадько. Харьк., 1900 г., ц. 5 к.

Фотографическіе портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.

Франко Иванъ. Лесышына челядь.—Малый Мыринъ.—Грыцёва шкильна наука. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.

Хвыля за хвылею. Збирныкъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.

Чикаленко. Розмова про сельське хазяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Кн. III. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.

Чалый. Любка или сватання въ с. Рихмахъ. 50 к.

Чулай. Оповидання. Москва, 1901 г., ц. 6 к.

Шабленко. Нова хатына. 1900 г. Кіевъ. 20 к.

Щыри слёзы надъ могылою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.

Эварницкій. Ив. Дм. Сирко, славный кош. атаманъ, ц. 1 р. 50 к.

Яновская. Смерть Макарыхы. Кіевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).
— На зеленый клынъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 20 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).
— Идеальный батько. Кіевъ, 1900 г., ц. 15 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

Ясинськый. Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 к.

Якъ оберегаты себе видъ хоробъ. Харьк., 1901 г., ц. 3 коп.

—

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ фотографическіе портреты (кабинетн. и визитн.) слѣдующихъ украинскихъ писателей и дѣятелей: М. Заньковецкой, Н. Садовскаго, Н. Лысенка, М. Кропивницкаго, А. Саксаганскаго, Затыркевичъ, И. Карпенка-Карого, М. Старицкаго, група 9 укр. писателей, П. Кулиша, Т. Г. Шевченка, П. Сагайдачнаго, П. Дорошенка, И. Брюховецкаго, Д. Многогрѣшнаго, П. Тетери, Ханенка, И. Выговскаго, група укр. гетмановъ, Гонты въ двухъ видахъ, Полуботка и Мазепы. Цѣны на кабин. карт. 40 коп., визитн. 25 коп. и групы по 60—80 коп.

Адресъ: Книжная торговля «Кіевской Старины» (Безаковская улица, № 14).

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27 апрѣля 1901 г.

Типографія Императорскаго Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 апрѣля 1901 года.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1].

18. Нехворощанскій сотникъ Ѳедоръ Сухомлинъ.

Двѣсти лѣтъ назадъ въ Нехворощѣ сотниковалъ панъ Ѳедоръ Сухомлинъ, о которомъ мѣстные козаки и мѣщане единодушно отзывались, что такого „благого“ сотника у нихъ и не было еще на урядѣ. Бывало, прійдутъ къ нему люди судиться, а онъ и жалобы до конца не дослушаетъ—и уже постановляетъ декретъ: „кыньте къ нечыстому свары и годьтесь, а то обохъ звелю забыты въ колоду“. Истецъ и отвѣтчикъ потолкуютъ между собою, и смотри—идутъ къ писарю записать условія состоявшейся между ними „згоды“, а сотникъ велитъ еще положить и денежную „заруку на взрушителя угоды и мырного постановеня“. Доброй души человѣкъ былъ панъ сотникъ и не любилъ ни ссоръ, ни позвовъ, а любилъ, чтобъ всѣ вокругъ него были довольны и веселы. Никто не могъ попрекнуть его, чтобы онъ несправедливо присвоилъ чей-либо „грунтикъ“, или лѣсокъ, или „худобу“, какъ поступали тогда сплошь и рядомъ другіе старшины. Правда, Сухомлинъ былъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ: ему принадлежали прекрасныя водяныя мельницы на Орели о шести „колахъ“—четырехъ мукомольныхъ и двухъ „ступныхъ зъ фалюшами“, винокурня съ тремя „казанами“, „броваръ“ (пивоваренный заводъ), „шинковный

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

дворъ и комора (лавка) въ рынку", а вокругъ Нехворощи были разсѣяны его хутора, „левады", лѣса, нивки и „сѣножати"; но всѣ эти „добра" панъ сотникъ купилъ у бывшаго полтавскаго полковника Павла Герцика послѣ того, какъ въ январѣ 1696 года татары дотла опустошили предмѣстья Нехворощи и сожгли новопостроенный монастырь. Герцикъ въ то время сложилъ съ себя, по старости, полковничій урядъ и былъ радъ хоть за дешевую цѣну сбыть опустошенныя „добра". Панъ сотникъ почти заново „рекуперовалъ зруйнованныя" мельницы, и „винницу", и „броваръ" и завелъ на своихъ хуторахъ большое хозяйство, которымъ, однако, больше завѣдывала его „господыня" (жена). Самъ же онъ мало занимался „господарствомъ" и дня не могъ провести безъ общества добрыхъ людей: то самъ у кого-либо въ гостяхъ, то къ себѣ гостей наведетъ. А бывало, гдѣ свадьба или „хрестыны"—тамъ уже панъ сотникъ непремѣнный гость. Смолоду былъ онъ мастеръ выпить, но подъ старость сталъ очень воздерженъ, а только любилъ видѣть, какъ люди веселятся. Да еще любилъ онъ церковныя службы, хорошее „кіевское" пѣніе и бесѣды съ духовными людьми о богословскихъ предметахъ. Бывало, войдетъ въ церковь, станетъ на переднемъ мѣстѣ, передъ намѣстнымъ образомъ, и чуть только собьется дьякъ на клиросѣ—не тотъ прокименъ споетъ или стихиру не на тотъ гласъ затянетъ,—ужъ панъ сотникъ непремѣнно его поправитъ и заставитъ „пекты ракы" передъ всей „парахвіей". А священники какой почетъ ему оказывали! При переносѣ св. даровъ или на ектеніи помянетъ или нѣтъ „панотецъ" ясновельможнаго гетмана, а уже „благородного и боголюбивого пана сотника" такъ отчеканитъ, чтобъ и въ „опасани" каждое слово было слышно, и въ концѣ обѣдни непремѣнно самъ вынесетъ ему просфору.

Глядя на добродушное, всегда привѣтливое и довольное лицо пана сотника, чужой человѣкъ подумалъ бы, что онъ зналъ въ жизни однѣ лишь радости и удачи; а между тѣмъ вся Нехвороща помнила, какъ сотникъ убивался, когда хоронилъ одного за другимъ малыхъ дѣтей, а потомъ и единствен-

наго взрослаго сына, браваго козака, убитаго подъ Казикерменомъ. Подъ старость изъ всей семьи, кромѣ жены, осталась ему въ утѣшеніе лишь дочка-подростокъ, въ которой онъ души не чаялъ. И какъ же няньчился старый сотникъ съ своею „одынычкою"! Чтобы не разставаться съ нею, онъ и отъ походовъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ недуговъ, отъ которыхъ Богъ хранилъ его всю жизнь, и дѣла по уряду запустилъ, а наконецъ сталъ поговаривать и о томъ, чтобы вовсе отказаться отъ сотничества.

— На що мени тіи турботы! твердилъ онъ всякому, кто его отговаривалъ отъ этого шага.—Пославъ бы Господь зятя, доброго чоловика, то я и господарство покыну, усе виддамъ дитимъ, та й буду на печи лежаты та унукивъ гойдаты.

И вотъ судьба, казалось, осуществила его пламенное желаніе. Въ Нехворощѣ проявился захожій козакъ, по имени Данило Дробязка. Кто онъ былъ, откуда и какъ зашелъ сюда—никто не зналъ; но когда въ ближайшій воскресный день онъ появился въ церкви, то своею статною фигурою, молодецкимъ видомъ и богатымъ нарядомъ привлекъ общее вниманіе. Замѣтилъ его и панъ сотникъ и зазвалъ къ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ „значнымъ товарыствомъ", на „бѣсиду". Гость держалъ себя весьма прилично и въ каждомъ словѣ и обращеніи обнаруживалъ черты хорошаго тона и воспитанія. Былъ онъ будто бы шляхтичемъ изъ-за Днѣпра, учился въ Кіевѣ, бывалъ и въ Батуринѣ, при гетманскомъ дворѣ, и въ Сѣчи, а теперь направлялся въ Слободскую Украину, гдѣ у него была какая-то знатная родня. Многое онъ видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку, и его разсказы объ этомъ оказались столь увлекательными, что гости во время обѣда и ложки опустили, и чарки плохо опорожняли; когда же онъ, послѣ „варенухи", снялъ со стѣны бандуру и выказалъ большое мастерство въ игрѣ и въ танцѣ, у молодой сотниковны глазки заискрились какъ звѣздочки и нѣжный румянецъ залилъ и щечки, и шейку. Словомъ сказать, къ концу „ўчты" всѣ присутствовавшіе совершенно были очарованы интереснымъ пришельцемъ, а хлѣбосольный хозяинъ

прямо заявилъ, что не будетъ онъ сотникомъ, если не удержитъ у себя какъ можно дольше такого милаго гостя.

— Отъ, якъ бы мени отакый зять! простодушно высказывался онъ, и подвыпившіе гости въ одинъ голосъ вторили, что „кращого зятя“ не надо и искать пану сотнику.

Съ каждымъ днемъ гость все больше овладѣвалъ довѣріемъ и расположеніемъ хозяевъ и сердцемъ ихъ дочери. Онъ оказался толковымъ и „на все здатнымъ“ человѣкомъ, часто замѣнялъ сотника по хозяйству и даже по должностнымъ его дѣламъ, а черезъ мѣсяцъ-другой вся Нехвороща пировала на свадьбѣ панны сотниковны. Бенкетъ удался на славу и продолжался больше недѣли. Старый сотникъ былъ внѣ себя отъ радости и не могъ нахвалиться передъ гостями своимъ „богоданнымъ“ зятемъ. Послѣ свадьбы онъ немедленно вышелъ въ „абшидъ“ (отставку) и передалъ сотничество выбранному на его мѣсто Василію Ганджѣ. Было рѣшено, что молодые будутъ жить вмѣстѣ съ стариками; имъ было выдѣлено небольшое собственное хозяйство съ тѣмъ, что по смерти тестя и тещи имъ достанется все ихъ состояніе.

Но Данилу Дробязкѣ показалось скучнымъ столь неопредѣленное время ожидать наслѣдства, и онъ сталъ распоряжаться тестевымъ добромъ, какъ личною собственностью. На первыхъ порахъ Сухомлинъ молча сносилъ это, но скоро убѣдился, что его благодушное отношеніе къ поступкамъ зятя лишь поощряетъ жадность и своевольство послѣдняго, и рѣшился дать ему отпоръ. Тутъ Дробязка сразу сбросилъ съ себя маску смиренія и покорности и явилъ себя въ истинномъ свѣтѣ: онъ оказался человѣкомъ грубаго, дерзкаго нрава, упрямымъ, злопамятнымъ и безмѣрно жаднымъ. Съ тѣхъ поръ мирный доселѣ домъ бывшаго сотника сдѣлался адомъ; не проходило дня безъ ссоръ, попрековъ и даже дракъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды зять и тесть схватились за сабли, и послѣдній вышелъ изъ боевой схватки съ перерубленной рукой.

Въ половинѣ сентября 1701 года въ полтавскомъ полковомъ судѣ, въ присутствіи многочисленной мѣстной и пріѣзжей

(по случаю ярмарки) публики, бывшій нехворощанскій сотникъ такъ „плачливе ускаржался“ на своего зятя:

— Не видаю, панове, чого по мени Даныло, зять мій, хочетъ. Я жъ усе тое, що ёму обицявъ, выдаючы дочку мою ёму въ малженство, пры шлюби давъ, именно: камень млыновый на рици Орели, чотыри волы, коровъ дви зъ телятамы, овець десятокъ матокъ, свыней частку и всёго сёголитнёго засивку (посѣва) половыну и пидварокъ (подгородный хуторъ); але винъ, тымъ не будучы благодаренъ, ще въ мене усыловне (насильственно) двое коней взявшы, безпрестанне мя ганытъ и безчестытъ, ста талярей вúна доправляется и зо всеи осидлосты мене гонытъ. А прошлои недили, прыйшовшы я зъ церквы, зъ службы Божои, и еще не зажывъ (не скушалъ) просфоры, скоро прыйшовъ зять мій Даныло зъ миста (изъ города) и не видаю, для якыхъ прычынъ, безъ жаднои увагы порвавъ мене за груды, турмосовавъ и якъ хотивъ вексовавъ (мучилъ) мя. Любо жъ (хотя) тамъ обыдва-сьмо вадылы и я ёго подоливъ (одолѣлъ), але винъ, якъ молодшій, вырручавшыся зъ-пидъ мене, скочывъ у хату и порвавшы шаблю, шырмовавъ (фехтовалъ) коло мене зъ шаблею. А же и я, тежъ добувшы въ прысинкахъ шабли, до нёго оказався, боронячы свого здоровья, тоди винъ, побигшы знову въ хату, выбигъ зъ ручныцею и, килька разивъ наводячы оную, хотивъ мене забыты. Я тоди, одважывшы свое здоровья, кынувся до нёго и ручныцю въ ёго выкрутывъ. Винъ, знову порвавшы шаблю, натиравъ (наступалъ) на мене, а колы я ручныцею на голови закладався, порубавъ и ручныцю, и руку мени, якъ бачыте, обтявъ. Я вже ёму и тіи сто таляривъ даты не стою (не отказываюсь), и двиръ бы ёму купыты не одмовывъ, колы бъ мени хочъ мало належытои почесты выражалося. Але мени тое барзо прыкро есть, що не тилко жаднои почесты не маю, але и на здоровью моимъ одъ ёго, небачного чоловика, шванкую (терплю уронъ), и зъ свита мене похваляется зогнаты. Въ тимъ себе остерегаючы, о справедлывость святую прошу“.

Выслушавъ эту жалобу, судьи спросили обвиняемаго:

— Для якыхъ ты прычынъ такъ неслушныи надъ доброділмъ своимъ чынышъ выкруты и безчестышъ оного неналежне, и бьешъ, и раны задаешъ кривавии?

Но Дробязка „и передъ судомъ оказалъ себе не упокореннымъ" и вмѣсто оправданій продолжалъ „неслушныи похвалки (угрозы) зъ запамяталосты своеи строиты на тестя". Судъ, въ виду небытности въ тотъ день [1]) полковника и судьи, отложилъ окончаніе этой „справы до прыйдучого пятка", а „запамяталого" Дробязку велѣлъ дать „до вязеня туремного".

Когда въ назначенный день, 19 сентября, судъ приступилъ къ окончанію этого дѣла, п. Ѳедоръ Сухомлинъ «жалосне повторную злость зятя своего Данила объявилъ тыми словами":

— Прыихавшы зъ Полтавы до дому, найшовъ саквы, повни натоптаного платтия билоголовского, у одрыни [2]) спрятаного, и плахотъ у жупанъ уверченыхъ и увязаныхъ, а що есть тому прычына—того не видаю, винъ самъ маетъ видаты".

Привели „зъ секвестру" (изъ заключенія) Данила Дробязку и спросили:

— Для якыхъ прычынъ въ саквы платтия поховавъ и у жупанъ плахты?

— Для того я—отвѣчалъ Данило—тое окроме отъ тестевого державъ, що то мое власное есть, бо то мени на весиллю надаровано, а я тестевого ничого не хочу, и въ двиръ ёго не буватыму".

Приступили къ составленію декрета. „Видячи такую Дробязчыну неправость и протывенство неупокоримое протывъ отца своего, который ёго, ни въ чимъ не видаючы якого винъ роду, и видкиль, и що за чоловикъ, а ни тежъ жадныхъ маетностій

---

[1]) Дѣло происходило 14 сент., въ праздникъ Воздвиженія, случившійся тогда въ воскресеніе. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что козацкіе суды функціонировали въ дни воскресные и даже въ большіе праздники.

[2]) *Одрына*—навѣсъ для сѣна. Слово это въ томъ же значеніи встрѣчается еще въ 2-мъ Лит. Статутѣ (розд. 10, арт. 3).

въ ёго не видячы, за сына дому своему и въ дожывотное прыятство прынявъ, поручывшы ёму власную свою дщерь милую въ малженство, а такіи одъ ёго укоризны и збыткы утерпиваетъ, судъ, вглянувшы у право", остановился на 16 арт. 11-го разд. Статута, гдѣ сказано: кто умышленно „зъ гнѣву и зъ запамяталости сердца злого" убьетъ шляхтича, тотъ подлежитъ четвертованію, а если не убьетъ, а только ранитъ, то „будетъ ли шляхтичъ а шляхтичеви тое учинитъ, за шляхтичево ображеня" отсѣченіемъ руки долженъ быть каранъ. „А поневажъ (прибавили судьи) тая карность" назначена за пораненіе „общого (посторонняго) чоловика, а не за кревного, то Дробязка Даныло маетъ и найбарзѣй (тѣмъ болѣе) такъ скаранъ быти".

Когда объявили этотъ суровый декретъ, тутъ только строптивый Дробязка, „змякчывшися", попросилъ пощады, клятвенно увѣряя, что онъ „до жывота своего згодне зъ паномъ тестемъ жыты и вшелякую ему почтывость, яко добродіеви своему, выражаты маетъ". Всѣ ждали, что скажетъ п. Сухомлинъ, стоявшій въ раздумьѣ. Тутъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали уговаривать его оказать отеческое милосердіе надъ провинившимся зятемъ. Сухомлинъ не долго колебался и въ свою очередь сталъ просить судъ о помилованіи его безпутнаго зятя. Судъ, „спустившись на его волю", немедленно отмѣнилъ прежній декретъ и отпустилъ Дробязку „безъ карности", но помиловалъ его, такъ сказать, условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь „важывся до якои невгоды противъ тестя своего прыйты, то не тилько подлугъ нынѣшнего декрету будетъ скаранъ, але и отъ права малженского, яко непрыятель, будетъ отчужденъ".

Для историка обычнаго права послѣднія слова декрета должны представлять большой интересъ. Если это не пустая угроза, въ родѣ тѣхъ, на какія обычно столь щедры родители, когда хотятъ вразумить или остеречь безпутныхъ дѣтей, то надо прійти къ интересному выводу, что свѣтскій судъ въ Малороссіи считалъ себя въ правѣ расторгать законные браки не только въ случаяхъ совершенія однимъ изъ супруговъ позорящаго про-

ступка (о чемъ выше было говорено), но даже и въ такомъ случаѣ, когда зять не хотѣлъ жить мирно съ родителями своей жены.

—

Какъ и слѣдовало ожидать, данныя Дробязкою на судѣ клятвенныя обѣщанія жить съ тестемъ въ доброй „згодѣ“ и оказывать ему должное почтеніе остались не исполненными. Не таковъ былъ этотъ упрямый характеръ, чтобы его могъ сломить страхъ судебной кары. Убѣдившись въ этомъ, Сухомлинъ рѣшилъ, по слову писанія, уклониться отъ зла и навсегда покинуть городъ и край, гдѣ онъ четверть вѣка прожилъ въ довольствѣ и почетѣ, но гдѣ теперь предстояли ему одни огорченія.

Надо помнить, что Нехвороща, какъ и всѣ остальные городки и села Орельскихъ сотенъ, была недавнимъ поселеніемъ въ тогдашней гетманщинѣ. Она возникла всего лишь въ 1674 году, когда населеніе правобережной Украины, разоряемое и истребляемое поляками, турками и татарами и силой сгоняемое полками гетмана Самойловича, принуждено было сняться съ своихъ мѣстъ и разомъ, громадными массами, перейти на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ для него была отведена пустынная степная полоса между рр. Ворсклой и Орелью и гдѣ сразу же возникло пять новыхъ сотенъ: Нехворощанская, Маячская, Царичанская, Китайгородская и Орлицкая. Когда затѣмъ турки разорили въ 1678 году послѣдніе города въ западной Украинѣ: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, и когда вся страна между Днѣпромъ и Днѣстромъ была обращена въ пустыню, уцѣлѣвшее отъ погрома населеніе также двинулось на востокъ и осѣло въ разныхъ полкахъ гетманщины, а преимущественно въ полтавскомъ, въ Орельскихъ сотняхъ. Какъ бы удобно ни устроились здѣсь невольные переселенцы, не могли они забыть своихъ старыхъ мѣстъ, гдѣ природа была богаче, земля плодороднѣе, угодья привольнѣе и гдѣ у нихъ остались прадѣдовскіе сады и пасѣки. Пока продолжалась военная гроза, многіе изъ нихъ лишь тайно, украдкой могли навѣдываться на родныя пепелища, но при первой возможности, при первой гарантіи спокойствія въ разо-

ренномъ краѣ, всѣ они готовы были вернуться на прежнюю родину.

Такой моментъ скоро наступилъ. Въ Польшѣ царствовалъ король-воинъ, знаменитый побѣдитель турокъ подъ стѣнами Вѣны, Янъ Собѣскій. Преданный одной идеѣ—борьбѣ съ мусульманами, этотъ воинственный король задумалъ во что бы то ни стало возстановить въ Украинѣ козацкое войско, боевыя качества котораго онъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ. Но для этого нужно было напередъ привлечь населеніе въ опустошенный край и гарантировать его права. Въ этихъ видахъ Собѣскій издалъ въ 1684 году особый манифестъ, по которому отдавалъ козакамъ для поселенія обширную территорію между Тясьминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья и при этомъ подтверждалъ всѣ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Много явилось и шляхтичей, и простыхъ козаковъ, предложившихъ королю свои услуги и получившихъ отъ него особыя полномочія для формированія козачьихъ полковъ, но скоро между ними выдѣлилась талантливая и обаятельная личность, быстро овладѣвшая народнымъ довѣріемъ и проявившая необыкновенныя колонизаторскія способности: то былъ знаменитый бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Палій, борзенскій выходецъ, а за нимъ стояли ближайшіе его сотрудники, полковники вновь организуемаго козацкаго войска: Искра, Самусь, Семашко и Абазинъ. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи, въ самое короткое время было положено основаніе успѣшной колонизаціи края и организовано пять козачьихъ полковъ: чигиринскій, корсунскій, богуславскій, бѣлоцерковскій и брацлавскій. Подъ ихъ защитой точно по мановенію волшебнаго жезла поднимались изъ развалинъ старые города и села и вновь наполнялись жителями. Непрерывною волною тянулись сюда новые поселенцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ: изъ Волыни, кіевскаго Полѣсья, даже изъ Молдавіи, но больше всего изъ лѣвобережной Малороссіи. Напрасно гетманъ Самойловичъ разсылалъ по всѣмъ полкамъ строгіе запретительные универсалы, разставлялъ даже вдоль Днѣпровскаго берега кордонную стражу съ приказаніемъ не допускать пере-

правы черезъ рѣку: бѣглецы или тайно пробирались черезъ кордонъ, или направлялись въ запорожскія степи, переправлялись черезъ Днѣпръ гдѣ-нибудь южнѣе устья Орели и съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ татарамъ тянулись въ обѣтованный край, къ берегамъ Тясьмина, Роси или Буга.

Какъ и слѣдовало ожидать, это эмиграціонное движеніе съ наибольшею силою сказалось среди жителей Орельскихъ сотенъ. Всего лишь десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они были поселены здѣсь, на самой границѣ гетманщины, гдѣ лучшія угодья уже были заняты козаками Ворсклянскихъ сотенъ и гдѣ имъ ежегодно приходилось принимать у себя злыхъ гостей—татаръ. Безлѣсная при-орельская равнина не могла и сравниться съ роскошными уголками Уманщины и Брацлавщины—ихъ прежней родины, и невольные поселенцы все еще продолжали считать своею собственностью оставшіяся тамъ прадѣдовскія земли, сады и пасѣки и каждое лѣто навѣдывались туда, какъ въ свои хутора. И вотъ теперь они узнали, что польскій король снова вернулъ козакамъ Украину, что „козацкій батько“ Палій созываетъ ея прежнихъ поселенцевъ, что на его кличъ валомъ валитъ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и легко можетъ статься, что чужіе люди займутъ ихъ предковскія займища. Подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей многіе изъ козаковъ Орельскихъ сотенъ стали открыто эмигрировать на родину, забирая семьи и движимость, а мѣстные старшины, въ противность гетманскимъ приказамъ, и не думали удерживать ихъ и сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, минуя кордонъ, толпами проходили черезъ Орельскіе городки, направляясь окольнымъ путемъ туда же, въ Украину. Когда узналъ объ этомъ Самойловичъ, то въ гнѣвѣ за такое „своевольство“ приказалъ смѣнить всѣхъ Орельскихъ сотниковъ и на ихъ мѣста „зъ иншихъ городовъ добрыхъ и справныхъ молодцовъ понасылати“. Эта мѣра не только не успокоила, но еще болѣе раздражила мѣстное козачество: отъ Орельскихъ сотнянъ гетманъ получилъ „суплѣки“ съ предупрежденіемъ, что если присланные сотники не будутъ тотчасъ убраны, то всѣ они вознамѣрились сняться

разомъ и вернуться на прежнюю родину. Гетманъ видимо испугался этой угрозы и въ апрѣлѣ 1686 года приказалъ полтавскому полковнику новыхъ сотниковъ „познимати, а товариству сотень Орельскихъ“ позволить по давнимъ обычаямъ и „вольностямъ“ кого они хотятъ „зъ-межи себе сотниками починити“, только бы впредь они „неподвижно на мѣсцахъ своихъ при вѣрности и статечности мешкали“. Эта уступка успокоила орельчанъ, и они отказались отъ своего намѣренія, хотя частичная эмиграція и послѣ того продолжалась. [1])

Өедоръ Сухомлинъ былъ такимъ же невольнымъ выходцемъ изъ-за Днѣпра, какъ и остальное „товариство“ Нехворощанской сотни. Кажется, онъ былъ родомъ изъ Жаботина, разореннаго турками одновременно съ Чигириномъ и другими приднѣпровскими городами. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ сотниковъ, которые въ 1685 г. подверглись гетманской опалѣ, а потомъ снова выбраны на тѣ же уряды, и ему вполнѣ было понятно чувство, побуждавшее его сотнянъ сниматься съ насиженнаго мѣста и съ рискомъ пробираться на Украину. Пока онъ былъ занятъ службой, хозяйственными и семейными интересами, ему и на мысль не приходило, что и онъ когда-нибудь станетъ томиться тою же тоской по родинѣ; но теперь, оставшись безъ дѣла и окончательно убѣдившись въ томъ, что совмѣстная жизнь съ зятемъ сулитъ ему одни огорченія, Сухомлинъ вдругъ почувствовалъ, что его ничто уже не связываетъ съ Нехворощей, что онъ здѣсь лишній и никому ненужный человѣкъ. И захотѣлось ему дожить вѣкъ на родинѣ, въ Жаботинѣ, гдѣ прошла его молодость и куда, слышно, вернулись теперь изъ разсѣянія многіе изъ его родичей и старыхъ товарищей. Достаточно было незначительнаго повода въ видѣ обычной „суперечки“ съ зятемъ, чтобы это желаніе быстро приняло форму непреклоннаго рѣшенія,—и въ октябрѣ того же 1701 года п. Сухомлинъ продавалъ уже свои маетности.

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 554—557.

За покупщиками дѣло не стало. Жила въ Полтавѣ богатая мѣщанка Павлыха Выдричка, занимавшаяся тѣмъ, что выкармливала большіе гурты рогатаго скота и затѣмъ сбывала ихъ заграницу, въ Польшу и Шленскъ (Силезію). Случилось ей быть въ Нехворощѣ на ярмаркѣ какъ разъ въ ту пору, когда Сухомлинъ искалъ покупателя, и она съ двухъ словъ приторговала всю его „осѣлность", именно: домъ, гдѣ онъ жилъ, дворы шинковые, броваръ, винокурню, солодовню, хутора, поля, лѣса, сѣножати и „греблю" на Орели съ мельницами—и все это за недорогую цѣну, 1200 золотыхъ. Вручивъ ему въ задатокъ десять копъ, Выдричка немедленно согнала на его земли купленный ею на ярмаркѣ скотъ, а сама поѣхала въ Полтаву, чтобы запастись деньгами и тогда уже заключить съ Сухомлиномъ формальный актъ о продажѣ. Все это произошло въ отсутствіи п. Дробязки, куда-то уѣзжавшаго изъ Нехворощи. Когда онъ вернулся и узналъ, что тесть запродалъ свою маетность, и притомъ всю безъ остатка, онъ пришелъ въ неистовство, поносилъ и укорялъ тестя, грозилъ, что не допуститъ этой продажи, наконецъ заявилъ, что онъ самъ желаетъ купить тестеву маетность за ту же цѣну, и предлагалъ въ видѣ задатка пятьсотъ золотыхъ. Сухомлинъ соглашался на послѣднюю сдѣлку, но „доправлялся разомъ" уплаты всей суммы, а такихъ денегъ у Дробязки не было. Тогда Дробязка поѣхалъ въ Полтаву и предложилъ сыну бывшаго полковника Григорію Павловичу Герцику, не хочетъ ли онъ за недорогую цѣну откупить отцевскую маетность. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно сдѣлалъ въ полковомъ урядѣ формальное заявленіе, что онъ намѣренъ воспользоваться принадлежащимъ ему по Статуту преимущественнымъ правомъ на выкупъ отцевскаго имѣнія, затѣмъ пріѣхалъ въ Нехворощу и положилъ передъ Сухомлиномъ наличными 1300 золотыхъ, заявивъ еще при этомъ, что онъ отказывается въ пользу п. Дробязки отъ усадьбы съ домомъ, въ которомъ жилъ Сухомлинъ. Послѣдній ничего не могъ возразить противъ этой сдѣлки, принялъ отъ Герцика деньги, возвратилъ ему подлинную продажную запись его отца и дозволилъ ему немедленно,

не ожидая заключенія формальнаго акта о продажѣ, вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ.

Между тѣмъ прибыла съ деньгами Павлыха Выдричка и попала въ домъ Сухомлина какъ разъ въ ту пору, когда тамъ пили могорычъ по случаю окончанія дѣла съ Герцикомъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она подняла неистовый крикъ, не хотѣла брать отъ Сухомлина своего задатка, грозила ему судомъ за нарушеніе договора, рѣзко упрекала и пана Герцика за то, что онъ тайно перекупилъ запроданное ей имѣніе, и надѣлавъ не мало „галасу", ушла съ угрозами. Сухомлинъ и не радъ уже былъ, что впутался въ такое непріятное дѣло. Послѣ ухода крикливой гостьи, онъ случайно замѣтилъ, что въ его „хоромахъ" насыпаны въ разныхъ мѣстахъ „купкы" чистаго песку. Это удивило его. По розыску среди домашнихъ оказалось, что никто изъ нихъ этого песку не сыпалъ и его не было до прихода Выдрички. Тогда Сухомлину пришло на мысль, что этотъ песокъ посыпанъ съ какимъ-то злымъ умысломъ, и онъ, какъ то требовалось судебными обычаями, тотчасъ формально „обвивъ тое" бывшими у него въ домѣ „добрыми людьми", обративъ при этомъ ихъ вниманіе и на то, что не только въ его дворѣ „и въ иншыхъ дворахъ, але и по всимъ гроди—чорноземля", а чистый песокъ развѣ „при рѣчномъ берегу могъ бы ся где оказати".

— Це жъ вража Выдрычка якіись волшбы мени почыныла"! откровенно высказалъ онъ свое подозрѣніе.

Объ этомъ тотчасъ было донесено Выдричкѣ, и она немедленно отправилась въ мѣстный сотенный урядъ и занесла „протестацію" о томъ, что п. Сухомлинъ „наволикаетъ" на нее безчестье, ложно обвиняя ее въ „волшбѣ", но что она, „хотячи зъ того мниманья (подозрѣнія) вывестися", намѣрена позвать его въ судъ.

На другой день Выдричка, имѣвшая въ Нехворощѣ „господу" (квартиру) въ домѣ монастырскаго шинкаря Алексѣя, послала его въ домъ Сухомлина съ письмомъ къ п. Григорію Герцику, „просячи его, щобъ позволывъ товару (скоту) ей до

якого часу на отавахъ здержатысь". Посланный вернулся и донесъ:

— Грыгорія вже не заставъ, бо одъихавъ до Полтавы, а Сухомлынъ не тилко и малого времени не велыть тамъ статку (скоту) буты, але ще й тебе лярвою и волшебныцею называетъ, не знаты про що.

Этого не могла уже снести покорно не только богатая мѣщанка, но и послѣдняя „наймычка", и потому Павлыха Выдричка, прибывъ въ Полтаву, позвала Сухомлина въ полковый судъ.

На судѣ единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвинительницы былъ упомянутый шинкарь Алексѣй. Онъ упорно стоялъ на своемъ и „у очи" уличалъ Сухомлина: „Звалесь Павлыху лярвою и волшебныцею",—но „болшъ на тое жадного другого на доводъ свидка не поставилъ". А Сухомлинъ, въ виду бездоказательности обвиненія, потребовалъ, чтобы ему позволено было, согласно Статуту, „присягою одвестыся", и когда судъ это дозволилъ, онъ здѣсь же „сумленнемъ своимъ передъ животворящимъ крестомъ Христовымъ одвѣлся", что не называлъ Выдричку никакими поносными словами; хотя же Алексѣй шинкарь утверждаетъ противное, но онъ это дѣлаетъ по злобѣ, имѣя съ нимъ тяжбу, въ доказательство чего Сухомлинъ представилъ суду посвидѣтельствованную копію своей „протестаціи", занесенной въ урядѣ Нехворощанскомъ на Алексѣя, что онъ его поносилъ „передъ людьми злымъ и недобрымъ чоловикомъ".

— Съ того своего ренкору на мене оный запамяталый чоловикъ ще й зъ зацною невистою своимъ ябедныцтвомъ мене звивъ",—заключилъ отвѣтчикъ.

Судьи спросили Алексѣя: правда ли, что онъ поносилъ пана Сухомлина?

— А що жъ, панове—признался онъ—не могу того запритыся (отречься): стоячы я у службы Божій недильного дня на крыласи, говорывъ тое и назвавъ Сухомлына недобрымъ, бо винъ зацную невисту звивъ своею продажею".

При этихъ словахъ Сухомлинъ схватился съ мѣста и волнуясь сказалъ:

— Панове! Яко годный и николы на чести своій ненарушоный чоловикъ, неотступне и жалосне прошу судовои въ тимъ увагы: нехай Олексій мени такои прымовкы доводыть скутечне!

— Якъ же я маю тое доводыты, що есть всимъ видомо? отвѣтилъ равнодушно Алексѣй. Нехай уже я буду вынный".

Судьи признали, что дѣло достаточно выяснено, и приступили къ составленію приговора. Сухомлинъ былъ оправданъ, а шинкарь Алексѣй признанъ виновнымъ въ томъ, что ложно опорочилъ „зацную персону", и согласно Статуту (разд. 3, арт. 28) долженъ былъ „во всемъ перепросити зелженого" имъ п. Сухомлина, заплатить ему „правные наклады и навязку" (плату за безчестье) въ суммѣ сорока копъ грошей, „а тую прымовку заразъ передъ судомъ отмовити тымы словамы: „Що я на тебе говорывъ, якобысь ты бувъ недобрый чоловикъ, то я на тебе брехавъ, якъ песъ". Когда Алексѣй выполнилъ эту позорную церемонію, ему объявили, что онъ, сверхъ того, долженъ еще подвергнуться „туремному вязеню за тое, що такъ годныхъ людей звивъ". А п. Сухомлину „на защитъ" его неопороченной чести постановлено выдать посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета.

Спустя мѣсяцъ Сухомлинъ совершилъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ формальный актъ о продажѣ Герцику своего имѣнія и тотчасъ переселился съ женою за Днѣпръ. Осенью 1705 г. онъ пріѣзжалъ въ Нехворощу, чтобы собрать долги съ своихъ бывшихъ шинкарей, и на одномъ документѣ подписался такъ: „Хведоръ Сухомлинъ, бывшій житель Нехворощанский, а теперешний Жаботинский".

Неизвѣстно, дожилъ ли онъ до той злосчастной поры, когда, согласно условіямъ Прутскаго договора, козачество правобережной Украины было окончательно уничтожено, жители ея насильственно переселены за Днѣпръ, и этотъ роскошный, но многострадальный край былъ снова обреченъ запустѣнію.

---

19. Хозяинъ и работница.

Въ Новомъ-Санжаровѣ проживалъ „славетный“ мѣщанинъ Сенько (Семенъ) Шапочникъ. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго полтавскаго „купца“ Куща, имѣлъ хорошій достатокъ, водилъ компанію съ мѣстною старшиною и духовенствомъ и считался въ своемъ городѣ „вацною персоною“. Можетъ быть, поэтому онъ былъ гордъ, заносчивъ и самонадѣянъ, а такъ какъ въ рынкѣ у него была „комора“ съ продажей пива, меду и горѣлки, то трудно ему было остаться и трезвымъ человѣкомъ. А какъ напьется, бывало, Сенько Шапочникъ, то ему и гетманъ не страшенъ, не то сотникъ, его кумъ и сотрапезникъ. И впалъ Сенько съ пьянства и съ озорства въ превеликій грѣхъ.

Дѣло происходило въ праздникъ, зимою 1687 года. Вернулся Сенько отъ обѣдни не домой, а въ „комору“, гдѣ его жена шинковала, и привелъ съ собой пріятелей изъ числа тѣхъ, которые, какъ и онъ, выстоявъ продолжительную праздничную службу, больше томились жаждою, чѣмъ голодомъ. Утоливъ эту жажду медами да оковитою, пріятели разошлись по домамъ ѣсть пироги. Захотѣлъ ѣсть и Сенько и сталъ звать домой жену; но у той, по случаю праздника, такъ бойко шла торговля, что она не рѣшилась оставить „комору“ на „челядниковъ“ и посовѣтовала мужу одному отправиться домой, гдѣ наймичка Паська [1]) должна его хорошенько накормить. Сенько не сталъ спорить. Добрелъ онъ не совсѣмъ твердыми ногами „до господы“ и засталъ на столѣ горячіе пироги и любимую „запиканку“. Кромѣ Пазьки, въ домѣ никого не было, потому что вся „челядь“ осталась на рынкѣ для помощи „господыни“. Скучно показалось Сеньку одному сидѣть за столомъ, и онъ вздумалъ потчевать прислуживавшую ему Пазьку; но та стыдливо отказывалась пить. Онъ схватилъ ее за руку,—Пазька вырвалась и

---

1) *Паська* или *Пазька*—Пелагея.

убѣжала изъ „свѣтлицы". „Роздратованый" и охмелѣвшій хозяинъ погнался за нею въ „пекарню", и дѣло окончилось грубымъ насиліемъ.

Пазька была простая дѣвушка, сирота, но и ей было вѣдомо требованіе „права посполитаго", что въ такихъ случаяхъ потерпѣвшая была обязана немедленно „оповѣдать свой гвалтъ" постороннимъ людямъ, которые на судѣ удостовѣрили бы справедливость ея жалобы. Но къ кому ей было обратиться, когда усадьба Сенька находилась вдали отъ сосѣдей и ей нельзя было никуда отлучиться? Лишь вечеромъ, когда проспавшійся хозяинъ послалъ ее за пивомъ, она забѣжала къ теткѣ и дѣду и съ плачемъ „оповѣстила" имъ о постигшемъ ее несчастіи, „оказавши и знакъ на кошулѣ" (рубашкѣ). Тѣ немедленно пригласили сосѣда, почтеннаго человѣка, Якима Бирлютенка, и онъ, по ихъ просьбѣ, въ тотъ же вечеръ отправился къ Сеньку и открыто уличилъ его въ гнусномъ преступленіи. Можно представить, что здѣсь произошло, когда жена Сенька узнала эту новость. Но Сенько нимало не смутился: онъ обозвалъ Бирлютенка „дурнемъ", легковѣрно слушающимъ бабскія сплетни, а Пазькѣ пригрозилъ, что она не уйдетъ „катовскихъ" рукъ за то, что осмѣлилась взвести столь позорное обвиненіе на такого „зацного" человѣка, какъ онъ.

И точно, предупреждая жалобу со стороны Пазьки, Сенько на другой же день позвалъ къ себѣ на обѣдъ пана сотника и другую старшину, а равно отца протопопа и всѣхъ мѣстныхъ іереевъ, угостилъ ихъ на славу и тутъ же, съ видомъ угнетенной невинности, пожаловался гостямъ, какое онъ терпитъ безславіе и поношеніе отъ „нависнои наймычки", которую онъ, по долгу человѣколюбія, призрѣлъ, какъ сироту, въ своемъ домѣ, и которая теперь, не иначе какъ по подговору его „ворогивъ", такъ дерзко и безстыдно позоритъ его доброе имя. Гости въ одинъ голосъ отозвались, что нужно быть совершеннымъ „дурнемъ", чтобы дать вѣру оговорамъ глупой наймички, а отецъ протопопъ, въ утѣшеніе хозяину, привелъ на память Іосифа Прекраснаго и другихъ благочестивыхъ мужей, невинно оклеве-

танныхъ. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось, что нельзя же допустить, чтобы безумная Пазька безнаказанно порочила столь почтенную и добродѣтельную особу, иначе, глядя на нее, и другія наймички вздумаютъ „ка-зна що“ взводить на своихъ хозяевъ. Было рѣшено подвергнуть ее сначала духовнымъ увѣщаніямъ, чтобы она „опамятовалась“, вспомнила Бога и созналась, что невинно оклеветала хозяина.

Но Пазька оказалась очень упорной: сколько ни мучились съ нею—сначала приходскій священникъ, а потомъ и самъ протопопъ,—она стояла на своемъ. Тогда она была передана въ распоряженіе сотеннаго уряда. Что ни день, то и собираются бывало сотникъ, старшина и духовные отцы, открываютъ что-то въ родѣ соединеннаго присутствія духовнаго и свѣтскаго суда и принимаются за Пазьку, а Сенько Шапочникъ беретъ на себя заботу о томъ, чтобы судьи были сыты и пьяны. Здѣсь были пущены въ дѣло не одни увѣщанія, но и угрозы, сажаніе въ холодную и даже побои. Но Пазька и здѣсь проявила удивительную для ея лѣтъ непреклонность: сколько ни истязали ее, она твердила неизмѣнно, что „панъ господарь“ точно „збавилъ ее панянства“ путемъ грубаго насилія.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ Пазька какъ-то убѣжала отъ своихъ мучителей въ Полтаву и занесла жалобу на хозяина въ полковый судъ. 7 декабря того же 1687 года назначенъ былъ разборъ ея дѣла и къ этому дню былъ вызванъ въ Полтаву обвиняемый и свидѣтели.

Представляло ли дѣло само по себѣ большой интересъ, или же здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что обвиняемымъ являлся богатый мѣщанинъ, имѣвшій много родни среди знатнаго полтавскаго мѣщанства и купечества,—только къ разбору дѣла прибыло столько народа, что зданіе ратуши далеко не могло вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать. Самый составъ судей былъ полнѣе обыкновеннаго. На председательскомъ мѣстѣ находился полковникъ Ѳедоръ Жученко, рядомъ съ нимъ сидѣлъ присланный въ то время въ Полтаву гетманскій ревизоръ п. Захарій Шійкевичъ, далѣе—полковой судья

Петръ Буцкій и городовой атаманъ Иванъ Красноперичъ; „въ уряду же мѣйского“ присутствовали: войтъ Максимъ Петровичъ Попенко и бурмистры Процыкъ Дмитровичъ и Гаврило Прокоповичъ. Сверхъ того, въ ратушѣ находилось „много зацныхъ персонъ такъ значного товарыства (козаковъ), яко тежъ и пановъ мищанъ полтавскихъ и посполитыхъ людей“.

Слѣдуя обычному процессуальному порядку, судьи прежде всего предложили потерпѣвшей изложить предъ всѣми свою жалобу. Смущаясь и заливаясь слезами, Пазька начала:

— „Панове! Господаръ мій, міючы соби жону,—а я въ нёго служыла-мъ цнотлыво,—Бога не боячысь, зкгвалтывъ мя, панянства позбавывшы, усыловне, по своій воли“.

— Якого жъ часу и на якимъ мистцю Сенько той грихъ пополнывъ?—спросили судьи.

— Теперешнёго фылыпового посту, на день празныка Воведенія, выйшовшы зъ церквы, зъ службы Божои, господаръ подпывавъ на комори горилкою, бо и господыня моя на комори була, горилкою шынкуючы, а за тымъ самъ прыйшовъ до дому, а въ свитлыци никого не було. Винъ, порвавшы мене пидъ пичью, усыловне грихъ той тилесный пополнывъ. Трудно мени було заразъ втикаты або кымъ кгвалтъ мій оповидаты, бо домъ ёго оподаль отъ людей зостаетъ; терпила-мъ черезъ килька годынъ; ажъ колы у вечиръ послалы мене по пыво, тоди заразъ и оповистыла-мъ той мій кгвалтъ титци моій Матвіиси Ткачыси и дидусеви моему и знакъ на кошули имъ оказала“.

Затѣмъ выступили дѣдъ и тетка потерпѣвшей и предъявили суду „*лице*“, то есть вещественную улику преступленія, именно рубашку своей родственницы со знаками „позбулого панянства“, а сами сказали:

— Панове! Готови-сьмо сумленямъ нашымъ пидняты (т. е. присягнуть), що того жъ дня, у вечиръ, прыбигла до насъ Пазька, прыятелька (родственница) наша, и кгвалтъ свій намъ ознаймыла. И заразъ послалы-сьмо до Сенька Шапочныка зацного чоловика Якыма Бирлютенка, абы той грихъ и кгвалтъ въ позбытю панянства передъ очи ёму предложыты. Винъ, те легце

соби поважаючы надъ бидною сыротою, а хотячы грихъ свій покрыты, запобигъ соби духовенства, щобъ ёму помощными булы въ тій справи. А мы у мылостей вашыхъ просымо скутечнои справедлывосты".

Наконецъ судьи обратились къ обвиняемому:

— Якъ то ты, незбожныку, міючы соби жону, важывся, оставывшы боязнь Божую, грихъ той вшетечный пополныты?

Но Семенъ Шапочникъ „того таився", то есть не хотѣлъ сознаться.

Въ это время закончена была судебная экспертиза: „зацныя" женщины, изъ числа, можетъ быть, присутствовавшихъ среди публики, или же нарочито приглашенныя, осмотрѣли внимательно „лице", т. е. рубашку потерпѣвшей, и заявили суду, что имѣющіеся на ней знаки суть точно „знаки позбытя панянства".

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе. Судъ призналъ, что Семенъ Шапочникъ „жадного выводу о соби не давъ, а тилко таився", и потому „ставъ переконаный правомъ"; а его бывшая „служебныця" Пазька и „кгвалтъ" своевременно „оповидала", и „лице" на судъ „презентовала", и въ особенности тѣмъ еще доказала правоту своей жалобы, что ее, „бидную сыроту, въ Новому-Санджарови передъ духовенствомъ и передъ старшыною тамошною нещадно быто, а вона все волала, же (что) паненства позбула кгвалтовне отъ своего господара". Справившись за тѣмъ съ Статутомъ (разд. 11, артыкулъ 12) и съ Правомъ Майдебурскимъ (книга „Порядокъ", листъ 8) и „прихиляючись до рады товарыськои и до суду приналежныхъ персонъ", судъ произнесъ приговоръ: Семенъ Шапочникъ за свой „незбожный" проступокъ долженъ быть „скаранъ на горли".

Но едва это рѣшеніе было объявлено, какъ отовсюду послышался плачъ, стенаніе и мольбы. Прежде всѣхъ разрыдался осужденный и сталъ горячо просить „надъ собою змылованя, чы не могъ бы онъ буты волнымъ отъ смертельнои карности". За нимъ выступили съ тою же просьбою „многіе зацные персоны, мещане и купцѣ полтавские": Леонтій Григоріевичъ, кти-

торъ Пречистскій, Ярема Краснокутскій, купецъ, Грыцько Кущъ, тесть осужденнаго, и многіе другіе. Наконецъ и жена Сенька стала съ плачемъ просить о помилованіи ея безпутнаго мужа. Судъ не могъ остаться безучастнымъ ко всѣмъ этимъ слезнымъ мольбамъ и „уволнилъ“ осужденнаго отъ „смертелнои карности“, но приказалъ ему уплатить Пазькѣ „навязку ведле еи стану“ въ суммѣ 20 копъ грошей и вознаградить ее скотомъ, платьемъ и другими „рупесками“ (мелкими вещами).

—

Такой же точно грѣхъ случился въ іюнѣ 1684 года и съ другимъ новосанжаровскимъ обывателемъ, козакомъ Иваномъ Божкомъ, на котораго такъ жаловалась его „служебница“ Марья Луциковна полковому суду:

— Мои ласкавыи панове! Несподивано позбуламъ панянства отъ господаря мого Божка, который, міючы челядныка Яцка, и мени веливъ за собою иты задля ульевъ двохъ въ пасику. По росказаню ѐго, принесла-мъ тыи ульи въ пасику, за Ворскло, и положывшы въ катрази, пошла-мъ була до дому. Господаръ мій спытавъ: „куды ты йдешъ“? Я-мъ отповидала: „къ дому йду“. На то господаръ сказавъ: „позгоды, обручивъ первій врубаю“. А Яцко, наймытъ, подали рувни рубавъ. Обручивъ же нарубавшы тилко, килко бъ могла-мъ къ дому прынесты, и лыкъ зодравшы и звязавшы тыи обручи, положывъ доли на землю. Заразъ же мени, бидній сыроти, усыльне гвалтъ справывшы, панянства мене позбавывъ. Я тыи обручи, по росказаню его, понесла-мъ до дому и, не міючы, кымъ освидчыты, мусила-мъ терпиты, ажъ напотимъ сказала-мъ господыни моій“.

Судъ немедленно приказалъ „содомчика оного Ивана Божка до вязеня дати“, а дѣло отложилъ до производства слѣдствія, порученнаго мѣстной сотенной старшинѣ. Черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ новосанжаровскій сотникъ донесъ полковому уряду, что онъ посылалъ своего хорунжаго и двухъ человѣкъ изъ „товарыства“ за Ворскло, на Божкову пасѣку, гдѣ они, по указанію потерпѣвшей Марьи, видѣли въ травѣ „пото-

локу" и слѣды, гдѣ Божко обручи рубилъ и липу дралъ, и пришли къ заключенію, что „самая истота въ нецнотливыхъ поступкахъ на Ивану Божку слушне ся показала". Да и самъ обвиняемый не отрицалъ своей вины; онъ молилъ лишь о милосердіи:

— „Панове, змылуйтеся надо мною! Я уже и сповиды святои выслухалемъ. Грихъ то мене споткавъ, що я, міючы жону, того-мъ ся гриху смертелного допустывъ".

Судъ, „вглянувши въ право Майдебурское", именно въ книгу „Порядокъ", призналъ, что „той збродень Иванъ Божко, по сповѣди, мѣетъ на горлѣ скаранъ быти зтятьемъ шыи; а поневажъ (продолжаетъ декретъ) усиловне просилъ насъ Божко надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностью, приказуемъ, абы Марьи нагородилъ слушне за збавенье панянства еи, зъ нагороженемъ вины панскои и намъ, врядови, належнои".

Къ декрету приложенъ точный реестръ „заплаты", какую должна была получить „дивчина Марья" отъ Ивана Божка: „корова една, якую сама сподобаетъ; овець пятеро; курта шиптуховая, барашками подшитая; ложникъ (перина) и подушка; плахта една, сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботи чирвоныи; поясъ штучковый; хлѣба на Божковыхъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, за тое особливо платити повиненъ".

Такъ сравнительно недорого поплатился Божко за свой „смертельный" грѣхъ.

—

Еще болѣе дешевою цѣною „вызволивъ" изъ бѣды козакъ м. Соколки Процыкъ Гончаренко своего сына, впавшаго въ тотъ же грѣхъ „вшетеченства" съ его „служебкою" Вовдотьею Сѣдаковною. Эта бойкая и энергичная, но недостаточно строгихъ правилъ молодая вдовица, ставши въ 1683 г. предъ сотеннымъ Сокольскимъ судомъ, занесла такую „скаргу":

— Мои ласкавіи панове! Мешкала-мъ въ Процыка Гончаренка робою въ дому ёго,—жона ёго взяла мене прясты въ

домъ; мешкала-мъ часъ немалый и робыла-мъ, до чого ся умовыла. Аже чого ткнулось! Процыкъ Гончаренко зъ самою (т. е. съ женою) къ Петру святому до Голтвы на ярмарокъ поихавъ, а насъ зъ Семеномъ и зъ малымы дитьмы на господарстви покынулы. Теды Семенъ, сынъ Процыкивъ, ставъ зо мною гратыся и жартоваты, а далій мене такъ пидвивъ, що и грихъ изо мною, якъ изъ жоною, до прыизду старыхъ строивъ. Уже й стари прыихалы, а винъ того не переставъ: стари ся попьютъ и не чуютъ, а винъ до мене въ ночи прыйдетъ и зо мною, такъ якъ изъ жоною, блудъ чынячы, мешкаетъ,—прави мене южъ за жону полецаетъ. Я ёму во всемъ до сыхъ часъ повольна була, та уже стари постереглы и мене одъ себе отогналы. А я уже и непорожня зостаю: чую, що и дыт́ына зачала, уже и ручкамы и нижкамы ся въ жывоти шамотаетъ; а винъ мене, сыроту, зъ ума звившы, ничымъ одбуваетъ. Я тилько Богу и вамъ оповищаю, а якъ дытыну прыведу, Процыкови въ хату хочъ викномъ вкыну."

Сотенный судъ м. Соколки на первый разъ ограничился лишь тѣмъ, что велѣлъ записать жалобу потерпѣвшей „до снаднѣйшои уваги, нѣмъ (пока) слушный доводъ станетъ." Въ чемъ состоялъ этотъ доводъ—не извѣстно. Въ концѣ концовъ дѣло поступило на рѣшеніе полковника Герцика, о приговорѣ котораго узнаемъ изъ слѣдующей лаконической замѣтки въ актовой книгѣ: „За тое чужеложство самъ Процыкъ Гончаренко, вызволяючы сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору полковничого." О вознагражденіи потерпѣвшей не говорится ни слова. Весьма вѣроятно, что Вовдя и совсѣмъ не была признана потерпѣвшей стороной; но въ такомъ случаѣ она, какъ соучастница въ преступленіи, должна была подвергнуться наказанію наравнѣ съ ея соблазнителемъ.

—

Вообще можно замѣтить, что случаи насильственнаго сожительства „господарей" съ ихъ „челядницами" были въ то время такъ часты, что болѣе корыстолюбивые изъ полковниковъ не находили даже нужнымъ подвергать ихъ формальному разбору

въ полковомъ судѣ, а прямо приказывали составлять опись имуществу виновныхъ и затѣмъ львиную часть изъ этого имущества брали себѣ въ видѣ судебной „вины", а остальную часть распредѣляли между старшиной и дѣтьми виновнаго. Такъ поступалъ чаще другихъ полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ. Въ 1684 г. къ нему было прислано слѣдующее донесеніе изъ Кереберды, отъ тамошняго сотеннаго уряда:

„Мосци пане полковныку, нашъ мылостывый пане и добродію! Прыточылась справа Богу мерзкая въ тій мири: жытель нашъ именемъ Дмытро, невисту (женщину) нанявшы на рикъ, яко своій челядныци изъ собою по пашню казавъ йихаты; въ которій дорози, запомнившы боязни Божои и встыду людского, міючы жону свою, зъ челядныцею въ полю усыловне грихъ тилесный пополнывъ. Тоди тая невиста, ставшы передъ насъ, мовыла, що того жъ часу хотила свою зневагу оповисты, але Дмытро ій мовывъ: „якъ оповистышъ, я худобою одбуду, а ты собою одбудешъ", и такъ не отпускаючы тіеи невисты, три мисяци зъ нею чужоложывъ и такымы словы тую невисту потишавъ: „мила бъ есы въ соби одъ мене зачаты, надарывшы тебе, въ ыншій городъ отвезу, або самъ зъ дому одъиду." Зачымъ мы, чуючы ихъ Богу мерзкое дило, казалысьмо ихъ до вязеня даты, и того чужоложныка перепысавшы всю худобу, реестръ до вашои панскои мылости посылаемъ и о науку вашмости, нашого пана и добродія, просымъ: що міемъ зъ тымъ чужоложныкомъ поступыты?"

Герцикъ далъ такую „науку": „за проступство помененого Дмытра, зъ реестру худобы оного, за вину, маетъ буты прыслано до двору полковничого: воловъ пять, лошакъ и ручныця зъ рогомъ (пороховницей); сотныкови Керебердянскому зо всимъ тамошнимъ врядомъ позволяемъ взяты: быковъ два, овецъ двадцять и дви и жупанъ сыній, а остатокъ худобы оного проступци зоставляемъ ёго дитямъ." О вознагражденіи потерпѣвшей челядницы въ этой резолюціи ничего не упоминается.

—

Изрѣдка случалось, что „наймычки“, изъ корыстныхъ или иныхъ побужденій, взводили на своихъ хозяевъ и ложные извѣты. Тогдашнее законодательство, карая смертью за изнасилованіе дѣвушки или женщины, вмѣняло однако судьямъ въ обязанность точно удостовѣриться въ фактѣ преступленія. По Лит. Статуту, подвергшаяся изнасилованію была обязана непремѣнно „волать“, т. е. громко звать на помощь, и когда бы люди сбѣжались на ея крикъ, она должна была „оказати предъ ними знаки гвалту“ и затѣмъ, на судѣ, въ присутствіи этихъ свидѣтелей присягой удостовѣрить истинность своего обвиненія; если же потерпѣвшая не „волала“, между тѣмъ преступленіе происходило въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди могли бы слышать ея крики, то ея жалоба должна была почитаться голословной [1]). Магдебургское право, повидимому, еще съ большимъ недовѣріемъ относилось къ жалобамъ объ изнасилованіи. Оно также требовало „воланія“ и свидѣтелей преступленія; но хотя бы потерпѣвшая „съ распущенными волосами и въ разорванномъ платьѣ“ пришла на урядъ, жалуясь объ изнасилованіи и обязуясь доказать это показаніями свидѣтелей, слышавшихъ ея „воланіе“, а обвиняемый явился бы на урядъ раньше ея, и притомъ явился добровольно, не связанный и не пойманный, желая доказать свою невинность, то въ виду такого добровольнаго прихода ему предоставлялось преимущественное право „отвестить“ присягою, при шести свидѣтеляхъ, отъ взводимаго на него обвиненія [2]). Козацкіе суды не были столь педантичны въ оцѣнкѣ доказательствъ въ такихъ дѣлахъ, но и они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, точно ли было совершено изнасилованіе, и въ случаѣ какого-либо сомнѣнія признавали жалобу ложной, клеветнической и самихъ клеветницъ нерѣдко подвергали наказанію.

---

1) Лит. Статутъ 1588 г., разд. 11, арт. 12.

2) Jus Municipale, переводъ П. Щербича, арт. 38, глосса. Porządek, изд. 1760 г., стр. 150.

Такой клеветѣ подвергся въ 1700 году нѣкій Кузьма, полтавскій житель, со стороны своей „служебки" Орышки. Явилась она въ судъ въ сопровожденіи своей тетки, предъявила „знаки гвалту на кошулѣ" и занесла жалобу, будто Кузьма ночью перенесъ ее сонную на свою постель и насильно „позбавилъ панянства". На другой день вечеромъ она сообщила объ этомъ своей „господынѣ", но Кузьмиха пообѣщала денежно вознаградить ее, лишь бы она „того никому не ясыла". Прождавши нѣсколько дней обѣщанной „нагорбды" и убѣдившись, что хозяева ее „ничымъ одбуваютъ", Орышка рѣшилась обратиться къ судебной защитѣ.

Противъ этой жалобы обвиняемый Кузьма такъ „вимѣрявся" (оправдывался).

— Панове, невынныи на мене ричи Орышка наносытъ. А то такъ було. Прыйшовшы я зъ поля пизно до господы, не заставъ господыни (жены) въ дому, тылько дивку та хлопцивъ два, и повечерявшы, веливъ Орышци постиль послаты на полу [1]). Орышка зась, пославшы а ходячы по хати, говорыть: „Отъ бида, нигде мени лягты спаты"! Я жъ пишовъ у сины тютюну тягты, а хлопци въ хати, пидъ прывалкомъ къ печи, на земли полягалы спаты. А я, потягшы тютюну, увійшовъ у хату, и лигши на своій постели на полу, мацнувъ къ стини, ажно дивка лежытъ; и я, тилко за жывитъ еи пощупавшы, сказавъ: „Чого ты тутъ лягла? Колы бъ такъ кому молодому пидлизла пидъ бикъ, то не здорова бысь пишла"! и такъ еи зъ полу зигнавъ, и вона, ставшы, пишла и лягла на лави. А щобъ я ій що чынывъ, неправду вона говорытъ. Богъ бы мене скаравъ! Невыненъ я, панове, тому учынку, що вона на мене складаетъ.

Для экспертизы были приглашены „старыи невисты (женщины), добре на томъ знаючіися", которыя, внимательно осмо-

---

[1]) Разумѣется извѣстная настилка изъ досокъ въ малороссійской избѣ, которая и нынѣ называется «поломъ» и служитъ постелью для семьи.

трѣвъ предъявленную жалобщицею „кошулю“, единогласно заявили:

— Не есть то, панове, слушныи знакы гвалту, бо и не на тимъ мистци, де бъ належало, и крови немае.

Послѣ этого судъ объявилъ декретъ: „поневажъ Орышка гвалту не волала, и жадныхъ знаковъ певныхъ не показала, и свидкивъ не поставыла, и передъ людьмы таилась, и вже по трёхъ дняхъ, колы ій нагороды не дано, тогди до суду зъ злосты объявыла за побудкою титкы своеи“, то, руководствуясь 12 арт. 11 разд. Статута, судъ въ данномъ дѣлѣ не призналъ никакого „гвалту“ и за ложное обвиненіе „тую дивку Орышку скарати канчуками“ велѣлъ. „А помовленный (оговоренный) Кузьма отъ гвалту любо (хотя) и воленъ зоставъ, однакъ не згола (не совсѣмъ), але маетъ за тое, якъ самъ прызнався, що тую дивку за животъ пощупавъ, виною звыклою скаранъ буты“, т. е. уплатить обычный судейскій доходъ.

Бѣдному Кузьмѣ оставалось лишь пенять на себя за излишнюю откровенность.

---

20. Легкомысленная Любка.

Козакъ и житель сотеннаго города Кереберды Павло Набоченко отправился въ іюнѣ 1698 г. въ Голтву на ярмарку, а дома осталась молодая его жена Любка съ его сестрой подросткомъ. Долго Павло ярмарковалъ, а когда возвратился домой, то сразу замѣтилъ, что съ Любкой случилось что-то неладное: не встрѣтила она его съ обычнымъ привѣтомъ, не смотритъ ему въ глаза, съ смущеніемъ принимаетъ его ласки и безпричинно плачетъ. Долго Павло безуспѣшно разспрашивалъ жену, не обидѣлъ ли кто ее, не случилось ли съ ней какой бѣды; она плакала и волновалась, но увѣряла, что ничего съ ней не случилось. Наконецъ Павло услышалъ отъ жены такое ужасное признаніе, что лучше бы и не слышать: оказалось, что въ его

отсутствіе злой человѣкъ проникъ къ нему въ домъ и оповорилъ его на вѣки. По словамъ Любки, приходилъ къ ней Алексѣй Яковенко и, воспользовавшись тѣмъ, что она оставалась одна въ домѣ, насильно овладѣлъ ею.

Алексѣй Яковенко былъ извѣстный на всю Кереберду повѣса и «джигунъ», типъ того «вдовыченка», о которомъ и въ пѣснѣ поется:

Нема впыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума дивку сыротыну.

Онъ и въ дѣйствительности былъ сыномъ вдовы «значного» козака, имѣвшей значительный достатокъ и не чаявшей души въ своемъ «одынчикѣ». Ему уже перевалило за тридцать, а онъ все еще «паробкувавъ», не желая разставаться съ привольемъ и беззаботностью молодецкой жизни.

Пошелъ Павло Набоченко къ своему тестю Прокопу Дзыкгавому, разсказалъ о постигшемъ ихъ горѣ и сталъ «радытысь», какъ ему поступить съ обидчикомъ.

— А що жъ, сыну, будемъ позываты вражого сына до права: може жъ такы Богъ намъ поможе довесты, що сей шыбеныкъ побуває и въ кативскыхъ рукахъ.

Несмотря на то, что былъ праздникъ Петра и Павла, сотенный судъ открылъ присутствіе. Изъ урядниковъ въ немъ участвовали только сотникъ и городовой атаманъ, и то оба наказные, за то много было «товарыства» и мѣщанъ, все людей «зацныхъ и вѣры годныхъ». Между ними «згодывся» и мѣщанинъ кіевскій Грыцько Гапоненко, пріѣхавшій за осетрами, которыми и въ то время славилась Кереберда, и приглашенный въ судебное засѣданіе, какъ членъ славнаго магистрата Кіевскаго. Сюда же явился Прокопъ Дзыкгавый съ своимъ зятемъ и занесъ жалобу на Яковенка, «мовячы въ такіи слова»:

— Наши ласкавыи панове вряде! Трапылося буты зятеви моему зъ своею маткою на ярмарку въ Говтви, а Олексій Яковенко дочку мою зкгвалтывъ.

Какъ услышали «урядъ и товарыство» такое «неужытое слово», то и въ ужасъ пришли. Кереберда былъ городокъ малый, и нравы въ немъ были патріархальные. Случалось, что молодежь пошаливала съ «удовыцями» да съ «покрыткамы»; но чтобы кто изъ «молодыковъ» «зкгвалтывъ мужнюю жону»—о такомъ возмутительномъ проступкѣ еще не было слышно.

Немедленно приступили судьи къ производству «инквизиціи». Прежде всего позвали потерпѣвшую Любку Павлыху и спросили:

— Повидай намъ, небого, якъ тое Богу мерзкое дило учынылось?

Любка немного замялась и стала разсказывать:

— А тое було такъ, панове. Трапылося буты мужови моему изъ маткою въ Говтви, на ярмарку, а дивчына, моя вовыця, одійшла по червець [1]), ажъ тутъ Олексій Яковенко рано въ недилю, передъ Божою службою, прыйшовъ зъ Мыкытою Клыменкомъ и запыталы мене, чы есть дома Павло. Я имъ одказала: «нема дома, на ярмарку». А воны, наклавшы люльку, тяглы (курили) обыдва. Клыменко жъ Мыкыта скоро пишовъ исъ хаты, а Яковенко заразъ взявъ мене пидъ плечи, понисъ у хыжу и на кровать кынувъ. Въ той же часъ я изійшла памяты (т. е. впала въ обморочное состояніе), а Олексій Яковенко вчынывъ мени кгвалтомъ грихъ тилесный. Маючы такую жалость, пишла я до свого отця и плакала вельмы. Пыталы мене панотець: «для чого ты плачешъ»? а я для такого встыду не прызнавалася до прыизду мужевого. По обиди прыйшла я додому, тилко подала курятамъ йисты и заразъ выйшла зъ хаты и на двори на колодкахъ лягла спаты, бо вже въ синяхъ боялася, щобъ мене ище тее не нагабало. И заразъ той же Яковенко зъ дякомъ одъ миста, черезъ тынъ перелизшы, прыйшлы

---

[1]) *Червець*—особаго рода насѣкомое (coccus polonicus), изъ котораго добывали кармазиновую краску для окрашиванія матерій. Въ старину сборъ и обработка червеца составляли широко распространенный въ Малороссіи промыселъ.

до хаты,—а я не спала,—и такъ говорытъ дякъ: «Чы справды жъ Павла нема»? а Яковенко каже: «нема, мы нацывшысь, мовытъ, и пидемо заразъ». И війшлы у хату. Клыкавъ Яковенко мене килька разъ по йменю, а я будто и не чую, а потимъ выйшовъ съ хаты, знайшовъ мене на колодкахъ и мовыть такъ: «иды въ сины». А я ёму одмовыла: «Якои ты чортовои матери сюда ходышъ, або то до удовыци»? А винъ мени мовыть: «одже гирше тоби буде, колы я сылою тебе визьму», и пишовъ у сины. Дяка вже справды не було. А я, що постылала мишокъ, покынула и лаючы зъ двору пишла; и винъ незабаромъ пишовъ. Третимъ разомъ того жъ дня, у вечиръ, доила я корову, а Мыкыта Клыменко прыйшовъ до воритъ и пытается дивчыны; «чы ще нема Павла зъ ярмарку»? а вона одказала: «нема». И якъ прысмеркло гараздъ, прызвала я на ничъ дивчыну, сестру Лукъянову, и обляглы спаты. И заразъ почула я, що коло хаты и коло синей и хыжи щось тупае, а далій прыйшовъ до синныхъ дверей, торгавъ вельмы, и що мы булы пидперлы двери лопатою, то винъ поламавъ, и вшедшы въ хату, говорывъ зъ дивчатамы пôночи, мовячы: «добрывечиръ». Одказано ему: «здоровъ». А винъ пытае: «Чы дома Павло»? Одказано: «Нема».—«Я жъ, мовытъ, возьму на люльку вогню и пійду». Ажъ дивчата кажутъ: «Ни, не для вогню ты, але для Любкы ходышъ». А винъ: «Пійду жъ я одъ васъ». И якъ выйшовъ зъ хаты, то не йшовъ зъ двору, але ставъ пидъ синьмы, и пождавшы, нимъ (пока) поснутъ дивчата, продравъ стриху и друкомъ колотывъ у хыжу, а я ёму лаяла. Винъ похвалывся: «Ну постій же! тилько тоби на свити жыты»!—Поты моеи мовы. Прошу васъ, панове вряде, въ тимъ святои справедлывосты».

Спросили и «дивчыну», Лукьянову сестру, ночевавшую у Павлыхи, при чемъ почему-то не позвали ее въ присутствіе, а посылали къ ней «зъ уряду людей зацныхъ»: Ивана Вареныка и Ивана Зозулышыного брата, для допроса на дому. Свидѣтельница показала:

— Перше, завыдна, прыходывъ на вывидкы Мыкыта Клыменко, пытався: чы дома Павло? А мы одказалы: «нема». По-

тимъ прыйшовъ Олексій Яковенко, одбывъ двери и поламавъ пидпоры; а мы, полаявшы ёго, выгналы. Тоди винъ, выйшовшы съ хаты, пидъ хыжою прытаився, и скоро мы поснулы, продравъ стриху и колотывъ въ хыжу друкомъ. И впять одогналы ёго зъ двора ласкою. Цоты мого прызнатя».

Тогда судьи обратились къ обвиняемому Яковенку и сказали ему:

— Скажы, человиче, по истынній самій правди: що тамъ було межъ вамы?

Яковенко отвѣтилъ:

— Що жъ, панове уряде, якъ перше духовному отцеви росказавъ, такъ и вамъ мовлю. Рано, въ недилю, прыйшовъ я зъ Клыменкомъ до Павловои хаты тютюну тягты, и потягнувшы Клыменко выйшовъ съ хаты и стоявъ на воротахъ, а я Любку до того прыводывъ, и вона мени повынылась, вчынывъ ій на постели грихъ тилесный, тилько жъ не кгвалтомъ: сама вона пишла до хыжи. А Клыменко того не видае. По истынній самій правди мовлю. А що въ день и въ ночи прыходывъ, и тому есть правда, бо сама мени прыходыты казала».

Судьи въ недоумѣніи переглянулись и затѣмъ спросили вновь Павлыху:

— Чому жъ ты по тимъ кгвалти людимъ не оповидала?

— Що жъ, панове,—отвѣтила Любка: по истынній самій правди, въ той часъ не стямылася—едно изъ страху, вдруге—що беременна, а втретье за встыдъ; ажъ, за прыиздомъ, мужови своему сказала».

Этимъ и ограничилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ судьи постановили: «Не маючы мы способу такый судыты судъ, тилко испытаніе одъ обохъ сторонъ запысалысьмо и одсылаемъ справу до высокого панского (т. е. полковничьяго) суду».

А въ полковомъ судѣ это дѣло рѣшено было очень быстро. «По вычытаню всимъ въ слухъ инквизиціи, на уряди Керебердянскомъ выведенои», и внимательномъ ея «вырозуминю», судъ не усмотрѣлъ въ дѣлѣ и признаковъ какого-либо «кгвалту», такъ какъ Любка «кгвалтомъ не волала, и сталося ей тое въ

день, а не въ ночи», и притомъ въ городѣ, «межи людьми», которые могли бы слышать ея «воланье»,—а призналъ лишь «самое ихъ обохъ порубство (прелюбодѣяніе) и самоволное призволенеея», а потому постановилъ: «абы оные вшетечники Яковенко и Павлыха булы выною пиняжною (денежною) скарани и вязенямъ долгимъ прынужени,—що ся и стало», прибавляетъ писарь, вписавшій декретъ въ актовую книгу.

Такъ была сравнительно мягко, вѣроятно изъ снисхожденія къ ея молодости, покарана «необачная» Любка, легкомысленно затѣявшая сыграть роль оскорбленной невинности.

---

21. „Нестатечная" жена.

Полтавскій житель Яковъ Семененко женился на молодой вдовѣ съ дѣтьми Ганнѣ Горбаниввѣ, соблазнившись тѣмъ, что у нея было порядочное состояніе: и „грунты", и скотина, и „господарство" немалое. Бракъ оказался весьма неудачнымъ. Вѣроятно, часть вины за это лежала и на мужѣ; по крайней мѣрѣ Ганна имѣла какіе-то поводы неоднократно жаловаться на него полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, и тотъ дважды подвергалъ Якова карѣ—запиралъ его въ „коморку" церковную, куда попадали большею частью чужеложники и прелюбодѣи, если на нихъ жаловались не свѣтскому, а духовному или братскому суду. Но затѣмъ и сама Ганна перестала „статковаты" (вести себя благоразумно), совсѣмъ отбилась отъ рукъ и стала открыто рвать супружескій союзъ съ мужемъ. Она неоднократно бросала семью, подолгу шаталась гдѣ-то „на Водолагахъ," т. е. въ южной части Слободской Украины, и распродавала свою „худобу." Яковъ Семененко, повидимому, примирился уже съ тою мыслью, что Ганна—не жена ему больше; но то обстоятельство, что она легкомысленно растрачивала оставшееся послѣ перваго мужа состояніе, сильно его озабочивало: выростутъ ея дѣти и отъ него же, какъ отъ мужа

ихъ матери и естественнаго ихъ опекуна, потребуютъ отчета, куда дѣвалась ихъ „батькивщына." Чтобы обезпечить себя отъ этой отвѣтственности, Семененко въ октябрѣ 1693 года позвалъ свою жену въ полковый судъ и такъ „скаржился" на нее:

— Панове! Понявъ я соби въ станъ малженскій Ганну Горбанивну Процыху, невистку Сорокового, и що було еи внесення (приданаго), тое въ опатрности мил-емъ. Аже теперъ, зъ якогось наущенія бисовского, подвакротне оная жона моя, уступуючы закону, стану малженского, тулялася одъ мене по Водолагахъ и не вимъ де, а тіи свои добра міючы за внесеня, рознымъ людимъ попродавала, и товару рогатого коровъ двп, и кгрунта розныи, яко то и Пархоменкови Исаеви за пятьдесятъ золотыхъ продала, о чимъ я не видаю. А що билше, терпивъ я, за еи опачнымъ вданямъ (по ложному доносу) отъ ёго мылосты отца протопопа полтавского, отъ отца Лукы Семеновича вязеня подвакротне въ коморци, а то еи власне нерядъ (ея распутство). Прошу въ тимъ, панове, рачте (благоволите) мылость ваша, моихъ скаргъ выслухавшы, абы я не бувъ турбованый одъ потомкивъ жоны моеи Ганны.

Не извѣстно, что говорила въ оправданіе своей „нестатечности" присутствовавшая здѣсь Ганна, но она „не таилася", что „добра свои сама на свій пожытокъ обернула".

Хотя стороны не просили о расторженіи ихъ брачнаго союза, но судьямъ невольно пришло на мысль, что этой парѣ всего приличнѣе было бы разойтись подобру, поздорову. Но именно потому, что просьба о разводѣ ни одной изъ сторонъ не была заявлена, безъ чего свѣтскій судъ не могъ расторгать законныхъ браковъ, судьи постановили декретъ: „Не міючы власти на роспустъ свицкій (т. е. учинить разводъ помимо духовнаго суда), велилысьмо Якову и Ганни статечне въ стани малженскимъ похристіанску жыты; а выдячы, що Яквъ внесенямъ жоны своеи абынамній (нимало) не завладивъ и не стерявъ ничого, тилко сама реченая Ганна Горбанивна на свій пожытокъ обернула и потомкамъ своимъ утратыла, оного Якова отъ внесеня Ганныного въ тимъ вольного чынымо и въ потомные часы, ижъ (что) не міетъ

узнаты отъ потомкивъ Ганнынныхъ, Проценкивъ, жадныхъ турбацій, подъ уложенямъ выны суду духовному таляривъ сорокъ, на пана полковныка полтавского таляривъ сорокъ, а на врядъ миській полтавскій таляривъ двадцать.“

Не совсѣмъ понятно, почему денежная „зарука“ за нарушеніе даннаго декрета была положена, между прочимъ, и въ пользу суда духовнаго. Обыкновенно такъ дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, котораго это могло касаться, или самое дѣло подлежало компетенціи духовнаго суда; но иски о наслѣдствѣ къ компетенціи этого суда не относились.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XIX.

Получивъ снова полныя гражданскія права, Кулишъ немедленно поспѣшилъ, конечно, оставить Тулу и перебраться въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность. При первомъ свиданіи съ родными послѣ Тулы, Кулишъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ; старая бабушка жены Кулиша, нѣкогда при слухѣ объ арестѣ простоявшая весь молебенъ на колѣняхъ, горько рыдая, теперь при радостной встрѣчѣ бросилась цѣловать руки Александры Михайловны. Какъ выздоровленіе послѣ тяжкой болѣзни бываетъ источникомъ величайшихъ наслажденій, такъ точно необычайное счастье охватило Кулиша послѣ освобожденія отъ ссылки, что̀ было вполнѣ естественно при его энергіи, жаждѣ дѣятельности и скромныхъ требованіяхъ отъ жизни. Въ Тулѣ онъ трудился по цѣлымъ днямъ, и если не предавался любимымъ литературнымъ трудамъ, то работалъ на верстакѣ, занимался рисованьемъ и гальванопластикой. И всѣмъ этимъ Кулишъ занимался съ увлеченіемъ, а жена его исполняла домашнія работы, помогала мужу, въ чемъ могла, и

[1]) См. Кіев. Ст. № 4

переписывала его рукописи. При такомъ необычайномъ трудолюбіи и самоограниченіи, а особенно при сознаніи еще богатыхъ „свѣжихъ силъ", оба супруга бодро смотрѣли въ будущее; къ тому же, самыя требованія ихъ отъ жизни были легко осуществимы, при условіи только устраненія внѣшнихъ стѣсненій.

Еще въ концѣ своей жизни въ Тулѣ, лишь-только на горизонтѣ загорѣлась заря близкаго освобожденія, Кулишъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи привлекательныя перспективы, хотя и старался принимать на себя видъ равнодушія: „я теперь сдѣлался великимъ философомъ, такъ что равнодушно ожидаю перемѣны обстоятельствъ", писалъ онъ женѣ: „Они не могутъ не перемѣниться, но когда—это меня мало занимаетъ. Малочисленность нашей семьи заставляетъ меня безпечно думать о будущемъ: много ли надобно двоимъ? Жизнь коротка; надобно въ ней какъ можно больше уловить счастливыхъ ощущеній. Кто умѣлъ наслаждаться въ душѣ чаще и больше другихъ, тотъ и мудрецъ, тотъ понялъ цѣну жизни. Всѣ другіе—жалкіе люди. Мнѣ теперь представляется чудная перспектива въ будущности, потому что я въ уединеніи и въ удаленіи отъ людей успѣлъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предубѣжденій и желаній. Именно: если мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по службѣ, буду служить, но не карьера къ возвышенію, почестямъ и богатству будетъ моею цѣлью. Оставлю всѣ лишніе труды, сброшу съ плечъ всѣ чиновническія обязанности въ отношеніи къ начальству, удалюсь отъ всѣхъ безполезныхъ знакомствъ и все свое время отдамъ однимъ искусствамъ; постараюсь въ живописи сдѣлать шагъ, котораго не достаетъ мнѣ, чтобы быть художникомъ, займусь скульптурою, займусь музыкою; стану читать только такія книги, которыя будутъ услаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя разсудка; стану учиться кротости и умѣнію ни на кого ни за что не сердиться. Право, мнѣ кажется, что я буду съ такимъ порядкомъ жизни и образомъ мысли счастливѣйшимъ изъ смертныхъ". Сколько въ этихъ словахъ юношеской бодрости! сколько волшебной заманчивости въ самой неопредѣленности

судьбы въ молодые годы, когда будущность представляется какой-то несмѣтной сокровищницей и грудь дышитъ вольно и радостно!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Кулишъ какъ бы возродился къ новой жизни; все рисовалось жизнерадостному взору въ самомъ лучезарномъ свѣтѣ, и онъ не могъ нахвалиться ни самой столицей, ни даже нанятой квартирой и всей вновь заведенной обстановкой. Еще въ прежніе годы Пантелеймонъ Александровичъ сильно любилъ Петербургъ, но теперь къ этому присоединилось еще благодатное чувство нравственнаго удовлетворенія, которое окрашивая все въ розовый цвѣтъ, еще болѣе возвышало въ его глазахъ достоинства столицы. „Викторко разскажетъ вамъ"— писалъ Кулишъ тещѣ,—„какая теперь у насъ прекрасная квартира, хотя мы платимъ только 206 рублей серебромъ въ годъ (съ водою, но безъ дровъ); мебель у насъ, могу сказать, такая, что вы не найдете ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ домовъ въ борзенскомъ уѣздѣ; но все это куплено не вдругъ и не по самому старательному выбору. Многое нужно было привести въ надлежащій видъ послѣ покупки, и это мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, но зато мало-по-малу устраиваемъ себѣ комфортъ, какого только можетъ пожелать цивилизованный человѣкъ... Сторы вышли образцовыя. Комнаты хотя меблированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но далеко не доведены еще до того совершенства, въ какомъ они будутъ со временемъ. Такъ, напримѣръ, плющъ обвиваетъ у насъ только одно окно, а надобно, чтобы по всѣмъ стѣнамъ, гдѣ окна, была раскинута кудрявая зелень... Въ Петербургѣ можно достать богатѣйшія вещи, имѣя постоянно запасныя деньги и пользуясь разными представляющимися неожиданно случаями. Этой системы я рѣшился держаться, и увѣренъ, что у насъ со временемъ все, относящееся къ удобству и пріятностямъ жизни, будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ." Въ эту минуту Кулишъ до такой степени былъ счастливо настроенъ, что душевное довольство его ярко отражается почти въ каждомъ письмѣ. Онъ готовъ прославлять не только удобства интеллектуальной жизни въ столицѣ, но

даже погоду и удачныя мелкія покупки. Однажды онъ съ восторгомъ писалъ В. М. Бѣлозерскому: „Мы благоденствуемъ! Какое солнце свѣтитъ въ наши окна и играетъ по полу, по книгамъ и по стѣнамъ тѣнью плющей! Эта осень будетъ достопамятна для Петербурга... Въ книжномъ царствѣ я нашелъ и купилъ нѣсколько очень нужныхъ книгъ и притомъ очень дешево“. Заботы о внѣшнемъ комфортѣ были теперь пріятны уже потому, что дѣло касалось постояннаго устройства на опредѣленномъ мѣстѣ. [1])

Недостатокъ въ книгахъ и въ живой бесѣдѣ съ людьми, интересующимися наукой и особенно прошлымъ Украйны, сильно чуствовался во время пребыванія въ Тулѣ, и это неудобство, разумѣется, также совершенно исчезло въ Петербургѣ, когда Кулишъ снова получилъ доступъ во всѣ архивы и библіотеки. Прежде ему приходилось съ трудомъ выписывать самыя необходимыя книги черезъ В. М. Бѣлозерскаго и Бодянскаго [2]). До какой степени Кулишъ могъ себя чувствовать и въ этомъ отношеніи удовлетвореннымъ по переѣздѣ въ Петербургъ и какъ онъ этимъ воспользовался, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ составленной для насъ записки о знакомствѣ съ нимъ одного изъ близкихъ пріятелей, художника Л. М. Жемчужникова. [3]) Вотъ что́ пишетъ г. Жемчужниковъ: „Познакомился я съ нимъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ и черезъ кого—не помню. Въ то время онъ былъ въ загонѣ у правительства и не имѣлъ права писать статьи, и помѣщалъ свои замѣтки, статьи и повѣсти не подъ своимъ именемъ, но подъ именемъ Николай М.

---

[1]) Уже въ Тулѣ у Кулиша явилась мысль о пріобрѣтеніи домика и фортепіано.

[2]) И даже журналы, издаваемые его друзьями, какъ напр. „Современникъ“ и „Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей“ доставлялись ему неаккуратно; по самому незначительному поводу надо было кого-нибудь просить, давать порученія.

[3]) См. также въ письмахъ И. С. Аксакова. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III, стр. 40 42.

(Это былъ Николай Яковлевичъ Макаровъ, человѣкъ чрезвычайно хорошій, добрый и благородный, принимавшій въ Кулишѣ горячее участіе, а такъ какъ онъ былъ близокъ къ старикамъ Кочубеямъ, Демьяну и Александру Васильевичамъ, [1]) то пользовался ихъ вліяніемъ, чтобы облегчить судьбу Кулиша.) Я познакомился съ Пантелеймономъ Александровичемъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ скромно, и я нашелъ въ немъ то, чего искала моя душа, горячо полюбившая Малороссію со всею ея исторіей, пѣснями, обычаями, одеждой,—словомъ, полюбилъ въ ней все, все безъ исключенія. Кулишъ посѣщалъ меня рѣдко въ моей уединенной, такъ сказать секретной, мастерской, въ саду на Васильевскомъ Острову. Тамъ онъ мнѣ читалъ свои произведенія, думы народныя, и мы вдвоемъ засиживались нерѣдко за полночь. Въ это время онъ подарилъ мнѣ „Исторію Малороссіи" (имъ написанную маленькую книжку), и думы, собранныя имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. То и другое предназначалось пустить въ народъ и публику, но то и другое цензурой не было до этого допущено. Экземпляры же, къ сожалѣнію, у меня сгорѣли въ числѣ многихъ, составляющихъ теперь рѣдкость.

XX.

Изъ предыдущаго видно, насколько Кулишъ былъ удовлетворенъ новой обстановкой и измѣнившимися условіями жизни. Это внутреннее удовлетвореніе оказало самое благотворное вліяніе на его дѣятельность, и въ томъ числѣ служебную; по протекціи А. В. Кочубея и П. А. Плетнева, онъ получилъ вскорѣ должность редактора статистическаго отдѣленія [2]), которой по

---

[1]) Черезъ мать своей жены.

[2]) По оффиціальнымъ даннымъ, Кулишъ былъ перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства 24 іюня 1851 года, а должность редактора статистическаго отдѣленія занималъ съ 1 іюля 1851 года по 22 октября 1852 года и уволенъ отъ службы по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, 11 февраля 1854 года.

своей натурѣ отдавался съ увлеченіемъ. Служба казалась ему нетрудной, но въ Отдѣленіи, при его вступленіи, дѣла оказались сильно запущенными, такъ что явилась необходимость „привести дѣла его въ порядокъ и наблюдать за трудами подвѣдомственныхъ чиновниковъ". Новость эта была не особенно пріятной для его жены, привыкшей постоянно дѣлить съ нимъ все свое время, живя общими съ нимъ интересами. Но здѣсь на помощь явилось искусство: было куплено давно страстно желаемое фортепьяно, и она могла вполнѣ предаваться своей любви къ музыкѣ. И долго не могъ Кулишъ привыкнуть къ выгодамъ своего новаго положенія, восхищаясь имъ. Жажда дѣятельности заговорила въ немъ съ необыкновенной силой: мало того, что онъ занимается службой, совмѣстнымъ съ женой чтеніемъ классическихъ произведеній всемірной литературы, гальванопластикой, живописью,—онъ постоянно находится въ движеніи и не забываетъ мелочей окружающей обстановки, посвящая крохи свободнаго времени улучшенію своего скромнаго домашняго комфорта, устраивая все вокругъ по своему вкусу. Въ каждой строкѣ писемъ чувствуется, что человѣкъ ожилъ и природная энергія вновь забила въ немъ ключемъ, сообщаясь невольно и окружающимъ. Подъ вліяніемъ Кулиша жена его много читаетъ, изучаетъ французскій языкъ, а самъ Кулишъ, уже въ Тулѣ энергично предавшійся изученію итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, находитъ еще время изучать англійскій языкъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ какъ собственному влеченію, такъ и доброжелательнымъ совѣтамъ Костомарова, который также склонялъ его къ изученію древнихъ языковъ. Въ одномъ письмѣ Костомарова къ Виктору Бѣлозерскому еще въ 1848 г. находимъ между прочимъ слѣдующія строки: „Если будете писать Кулишу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулишу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ: Пантелеймонъ Александровичъ, безспорно, созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить вре-

мени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античнаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслуживающихъ справедливое удивленіе народовъ" [1]). Что Костомаровъ хорошо понималъ и цѣнилъ дарованія своего друга и умѣлъ правильно опредѣлить его призваніе, это несомнѣнно, но относительно греческаго языка совѣтъ Костомарова не былъ имъ выполненъ въ той степени, въ какой это представлялось необходимымъ послѣднему. Кулишъ, превосходно изучившій, кромѣ русскаго и малороссійскаго языка, также польскій, нѣмецкій, французскій и знавшій языки латинскій, итальянскій, англійскій, еврейскій и испанскій, значительно меньше былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы видѣли, что Кулишъ вновь нашелъ смыслъ и радость существованія и наслаждался дѣятельной жизнью, какъ необыкновеннымъ райскимъ счастьемъ. Заботясь о покупкѣ фортепіано, выписывая интересующія его книги, штудируя англійскій языкъ, онъ убѣжденъ былъ, что все это дѣла, не терпящія отлагательства, и что „хорошо бы было выиграть даже недѣлю при наступившей чудной погодѣ и при такомъ расположеніи жены къ музыкѣ, а меня къ джонбулизму". Весной слѣдующаго (1852) года, поздравляя тещу съ праздникомъ Пасхи, Кулишъ пишетъ: „у насъ, слава Богу, всегда весело. Погода началась весенняя, и мы помышляемъ о дачѣ. Дача имѣетъ въ Петербургѣ особенную прелесть. Несмотря на сѣверный климатъ, нигдѣ вы въ Малороссіи не увидите, какъ здѣсь, столько цвѣтовъ на дачахъ. Люди здѣсь болѣе умѣютъ дорожить благотворною теплотою солнца и самыми лучшими цвѣтами. Здѣсь стоитъ только заплатить деньги— такъ и принесутъ и приберутъ такъ, какъ самому не придетъ и въ голову. Мы же, слава Богу, въ деньгахъ не нуждаемся и имѣемъ ихъ довольно не только на необходимое, но и на разныя удовольствія". Вскорѣ, однако, Кулишъ долженъ былъ отка-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1897, X, 133.

заться отъ такого безусловнаго прославленія Петербурга: „Благословенный Петербургъ, если-бъ только онъ не стоялъ въ болотѣ!"—говоритъ онъ: „но жалкое мѣсто здѣшнее просто мучительно: невозможно описать томленіе, которое овладѣваетъ моею душою, когда я вижу первые пожелтѣвшіе листья, тогда какъ лѣто только обѣщало наступить, но не наступило. Деревья остаются жидкими до самой осени, какъ у насъ бываетъ раннею весною. Вотъ что всего убійственнѣе для человѣка, который работалъ всю зиму и желаетъ лѣтомъ освѣжить силы въ прохладѣ садовъ и рощъ. Здѣсь есть только сырость, а прохлады нѣтъ".

XXI.

Въ своемъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи Кулишъ съ особеннымъ участіемъ помнилъ о томившихся въ ссылкѣ друзьяхъ и съ обычной теплой отзывчивостью относился къ нуждамъ тѣхъ, кому случалось обратиться къ нему съ какой-нибудь просьбой, въ особенности если дѣло касалось историко-литературныхъ интересовъ или лицъ, имъ служившихъ.—Въ этомъ отношеніи у Кулиша рано выработался принципъ, постоянно высказываемый имъ, когда что-либо подавало къ тому поводъ,—что въ интеллектуальномъ трудѣ эгоистическіе интересы личной выгоды и репутаціи должны уступать мѣсто безкорыстному служенію общему дѣлу, служенію идеѣ.[1]) У него были любимыя изреченія, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ этому принципу, какъ напр. „жатва многа, а дѣлателей мало", „magna est veritas et praevalebit"[2]) и проч. Въ силу этого принципа онъ употребилъ

[1]) Впрочемъ, случалось Кулишу волноваться по поводу недоразумѣнія съ Срезневскимъ, изъ-за украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ первымъ и будто-бы присвоенныхъ послѣднимъ.

[2]) Однажды Кулишъ такъ высказался въ этомъ отношеніи: «будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете разными воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit». См. Кіев. Стар. 1897 г., X, 396, а также XII, 437.

въ продолженіе своей жизни массу времени на труды безъименные, совершенно безкорыстные во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый развитой и не чуждый высшихъ интересовъ начинающій писатель, ученый, интересующійся дѣломъ студентъ—свободно могли найти благосклоннаго и доброжелательнаго брата. Это часто чувствуется въ самомъ тонѣ упоминаній о Кулишѣ разныхъ лицъ.[1])

XXII.

Лѣтомъ 1852 года удалось Кулишу осуществить свое давнее завѣтное желаніе погостить съ женой у тещи въ Малороссіи. Въ это время у него и у жены мелькала даже мысль совершенно оставить Петербургъ и переселиться навсегда въ Малороссію. Въ объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Кулиша къ Петербургу и Малороссіи всегда отличались замѣчательной перемѣнчивостью. Такъ, 9 марта 1853 года онъ извѣщалъ Бодянскаго о своемъ намѣреніи переѣхать навсегда въ Малороссію, а 23 октября того же года *ему же* писалъ, что онъ никогда не будетъ въ состояніи оставить Петербургъ. Точно также и теперь (въ 1852 г.) онъ рѣшилъ покинуть Петербургъ, причемъ сборы его были такъ энергичны и поспѣшны, что жена Кулиша писала: „Половина мебели уже уложена, ожидаемъ погоды. Плетневы завидуютъ намъ,

---

[1]) Такъ, въ письмѣ одного студента петербургскаго университета, Алексѣя Тихменева, напечатанномъ въ «Кіевской Старинѣ», читаемъ слѣдующія строки, мимоходомъ рисующія отношенія Кулиша къ этому юношѣ: «Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пантелеймона Александровича, ободряли меня и заставили рѣшиться написать вамъ это письмо, увѣривъ меня, что вы благосклонно примете его и почтите меня вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Ивановичу и Татьянѣ Петровнѣ Костомаровой». (См. «Кіевскую Старину», 1897, X, 140).

что мы уѣзжаемъ, и удивляются искусству Пантелеймона Александровича укладывать мебель" [1]) и проч. Поѣздка въ Малороссію была для Кулиша источникомъ давно неиспытанныхъ любимыхъ наслажденій, которымъ онъ предавался теперь отъ всей души. Съ необыкновенной живостью и съ поэтическимъ воодушевленіемъ описываетъ онъ прелесть своей горячо любимой родины въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому: „Что́ за чудный климатъ въ этой сторонѣ! Здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то подобное Пушкинскому „ключу забвенія", который... „слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ". Ѣдешь степью, по дорогѣ, ровной какъ столъ, дышешь полной грудью, довѣрчиво дышишь... и ничего не желаешь. Вѣдь это чудное состояніе души—не желать ничего!... Ничего не помнишь, ни о чемъ не жалѣешь, чувствуешь только, что жизнь, т. е. простое ощущеніе бытія—драгоцѣннѣйшій даръ Провидѣнія, источникъ всѣхъ радостей, всѣхъ поэтическихъ движеній сердца. Эго сознаешь постоянно, подъ вліяніемъ живительнаго движенія степного воздуха и полнаго произвола въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, гдѣ люди оспариваютъ другъ у друга каждый шагъ и на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ строятъ тысячи своихъ затѣй, отрекшись отъ простой природы, вытѣснивъ ее совершенно душною цивилизаціей,—человѣкъ никогда не добудетъ этого чувства изъ-подъ груды разныхъ ощущеній, бременящихъ его сердце... Петербургъ опротивѣлъ мнѣ, наконецъ, смертельно. Не умѣю вамъ разсказать, какъ я тосковалъ по своимъ густымъ широкошумнымъ деревьямъ, глядя на жидкія березы и липы, на печальныя ели петербургской природы. Зато теперь я упоенъ до пресыщенія шумомъ украинскихъ дубровъ. И нигдѣ, кажется, онѣ такъ

---

[1]) Въ слѣдующемъ году были такіе же сборы. 13 апрѣля 1853 г. Кулишъ опять писалъ Бодянскому: «Мы собираемся въ путь-дорогу съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую мебель, книги и разныя вещи.» («Кіевск. Стар.», 1897, XI, стр. 270).

не хороши, какъ въ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. Собственно городъ, т. е. главная улица въ Лубнахъ, съ базаромъ, аптекою и проч. имѣетъ пошлую наружность, но лишь своротите въ сторону, въ тѣ улицы или, лучше сказать, захолустья, съ которыми *порядокъ* не въ силахъ справиться, вамъ представляется множество самыхъ романическихъ скатовъ, съ живописными мазанками, съ природными рощами и, кажется, также природными садами, съ разнообразными тропинками, плетнями, перелазами, и все это подѣлено на такіе картинные планы, которыхъ никогда не выдумать воображенію художника. Для меня всего утѣшительнѣе здѣсь этотъ дикій безпорядокъ линіи, эта безпечная неправильная жизнь на распашку, это странное смѣшеніе грязнаго и убогаго съ роскошнымъ и блистающимъ. Кажется, эти мягкіе клены не горѣли бы такъ ярко на солнцѣ вдоль стѣны богатаго дома, какъ надъ ветхимъ корытомъ, у котораго толпятся коровы и босые, въ лохмотьяхъ, пастухи"...

Такъ живо отражается художественная натура Кулиша въ его письмахъ. Читая ихъ, не только живо и ясно представляешь себѣ описываемое, но переживаешь и впечатлѣнія, и чувства автора-художника,—до такой степени прозрачно и отрадно свѣтится въ каждомъ словѣ чистое, счастливое настроеніе его души, такъ все это согрѣто любовью и свѣтлымъ, задушевнымъ сочувствіемъ. И ко многому, что̀, можетъ быть, не обратило бы на себя ни малѣйшаго вниманія зауряднаго и болѣе равнодушнаго наблюдателя, поэтически настроенный Кулишъ относится съ живымъ участіемъ, умѣя мыслящимъ взоромъ находить достопримѣчательное въ предметахъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. По поводу какой-нибудь незначительной встрѣчи съ слѣпцомъ-нищимъ онъ въ частномъ, случайно сохранившемся письмѣ, даетъ цѣлый художественно-этнографическій очеркъ, который мы позволимъ себѣ здѣсь привести. „Устроивъ кое-какія дѣла въ Лубнахъ, пустились мы далѣе въ степи. Первый предметъ, привлекшій къ себѣ мое вниманіе на пути нашемъ, былъ нищій—слѣпецъ, просившій милостыни, сидя надъ дорогой. Здѣсь нищіе поютъ, а не говорятъ свою просьбу, и Лубенскій уѣздъ славится

трогательностью этого рода напѣвовъ. Слѣпецъ сидѣлъ подъ горою, и я, поднимаясь медленно вверхъ, долго слушалъ его стихи, направленные на чувствительность прохожихъ. Будучи горожаниномъ и человѣкомъ, что̀ называется, цивилизованнымъ, я не вдругъ поддался его просьбѣ. Мы, жители Петербурга, нищихъ не терпимъ, и не терпимъ подѣломъ, но напѣвъ лубенскаго старца до того проникнулъ въ мое сердце, что я остановилъ лошадей на горѣ и сбѣжалъ внизъ, чтобы подать ему милостыню. Случилось, что вслѣдъ за нами ѣхали съ ярмарки нѣсколько телѣгъ. Нищій, слыша стукъ колесъ, не переставалъ напѣвать свое воззваніе къ состраданію ближнихъ, и я записалъ его вопль въ своей книжкѣ. Меня плѣнила эта естественная поэзія чувства, не прибѣгающая ни къ какимъ украшеніямъ.[1] Нищій объясняется съ вами здѣсь благородно и убѣждаетъ васъ удѣлить ему отъ своего избытка съ такимъ достоинствомъ, какъ и тѣ люди, которые сдѣлались нищими для спасенія міра отъ пагубнаго эгоизма. По крайней мѣрѣ, я былъ пораженъ человѣчностью его плача".

Наконецъ, Кулишъ съ любовью сына Украйны описываетъ приднѣпровскую равнину: „Кругомъ пустыня и безмолвіе. Здѣсь можно задуматься глубоко—ничто не помѣшаетъ. Ѣдемъ десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ—только небо да земля. Небольшія удолья, могилы, хутора и скирды сѣна въ степи исчезаютъ въ огромныхъ размѣрахъ площади, со всѣхъ сторонъ замкнутой небосклономъ. Наконецъ, на краю горизонта, вырѣзывается разорванная гряда синихъ холмовъ. Это заднѣпровскія горы—отдаленный предѣлъ нашей поѣздки. Онѣ кажутся берегами острова, омываемаго золотисто-зеленымъ океаномъ. Съ минуты ихъ появленія перестаешь вглядываться въ пастушьи хижины, съ двумя-

---

[1]) Ср. съ этимъ впечатлѣніемъ отъ малороссійскихъ нищихъ у И. С. Аксакова («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III стр. 80: «Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непремѣнно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ и довольно пріятное»).

тремя деревьями вокругъ, въ стада овецъ, рогатаго скота и лошадей, которыя кажутся брызгами другихъ красокъ, случайно упавшими на широкіе мазки великанской кисти. Тутъ еще миніатюрнѣе дѣлаются слѣды человѣческой дѣятельности въ этомъ, можно сказать, необитаемомъ краю. Для путника, незнакомаго съ нимъ, синяя кайма горъ, выглядывающихъ изъ-за обрѣза степи, кажется великанскимъ лѣсомъ, поднявшимся внезапно на безлѣсной равнинѣ; а бывалому они напоминаютъ роскошную панораму низменной днѣпровской равнины, извивающейся вдоль огромнаго ряда горныхъ пейзажей, нежели какой существуетъ гдѣ-либо въ картинныхъ галлереяхъ. Днѣпръ для меня здѣсь кажется чѣмъ-то священнымъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство, близкое къ фетишизму".

XXIII.

Красота малороссійской природы снова пробудила въ Кулишѣ стремленіе пріобрѣсти себѣ уютный уголокъ на родинѣ. Въ бытность свою въ Тулѣ, не будучи въ состояніи слѣдить лично за ходомъ дѣлъ въ деревнѣ и опасаясь злоупотребленій, о которыхъ не разъ доносились до него слухи, Кулишъ задумалъ, такъ сказать фиктивно, продать свое имѣніе отцу своего школьнаго товарища Чуйкевича съ тѣмъ, чтобы онъ не отказался перепродать его, когда, наконецъ, будутъ возвращены изгнанникамъ ихъ гражданскія права. Подъ впечатлѣніемъ малороссійской поѣздки Кулишъ, какъ мы видѣли, уже не одобряетъ петербургской весны, похожей развѣ на малороссійскую осень; теперь онъ хвалитъ уже преимущественно тамошнюю зиму. Ему очень понравилось изящное помѣстье на Михайловой горѣ, [1]) но о покупкѣ его нечего было и думать, и пришлось, спрятавъ въ карманъ свои эстетическія увлеченія, помириться на чемъ-нибудь болѣе

---

[1]) Хуторъ М. А. Максимовича на берегу Днѣпра, въ Полт. губ., Золотонош. у.

доступномъ и скромномъ. „Жаль мнѣ Михайловой горы!"—писалъ онъ,—„но она только брала бы съ насъ деньги, а намъ ничего, кромѣ эстетическихъ впечатлѣній, не доставляла. Здѣсь же мы будемъ имѣть независимый кусокъ хлѣба. Такъ-то я, при всей привязанности ко всему изящному и поэтическому, долженъ иногда отдавать преимущество холодной разсчетливости, и хорошій черноземъ съ сѣнокосами и лѣсомъ предпочесть живописнымъ, но голоднымъ мѣстамъ. Будь у меня сто тысячъ въ карманѣ, я бы половину положилъ въ банкъ, а на другую построилъ бы себѣ на Михайловой горѣ итальянскую виллу; но, какъ таковаго количества денегъ, волею судебъ, въ моемъ карманѣ не обрѣтается, то я долженъ спуститься до смиреннаго пахарскаго хутора и радоваться, что могу ѣсть собственные вареники и пить собственныя наливки. Изящное же отъ насъ не уйдетъ: мы его отыщемъ и за тридевять земель и возьмемъ съ него свою взятку, какъ пчела съ цвѣтка".

За покупкой земли послѣдовали заботы о покупкѣ домика и о возможности зимою дѣлать наѣзды въ Мотроновку. Впрочемъ и Мотроновкой Кулишъ былъ уже доволенъ: „оставивъ Мотроновку, я какъ будто оставилъ какой-то рай. Она полна блаженствомъ беззаботности, и окрестности ея не имѣютъ ничего себѣ подобнаго". Здѣсь съ тѣхъ поръ Кулишъ считалъ свою главную осѣдлость, а пока оставались тамъ теща Кулиша и Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, недавно переселившійся туда изъ Петербурга.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кулишъ, «безъ всякихъ контраверсій раздѣлался передъ начальствомъ за свою просрочку» и снова погрузился въ дѣятельную жизнь.

Изъ поѣздки на родину Кулишъ возвратился раньше жены, которая осталась у матери до зимы, и по обыкновенію вскорѣ сильно соскучился по ней, а къ концу своей разлуки съ ней сталъ ждать ее съ такимъ нетерпѣніемъ, что рѣшилъ никогда съ ней больше не разставаться. «Но вотъ»—писалъ онъ тещѣ, „не сегодня—такъ завтра она засіяетъ въ моей квартирѣ, которая безъ нея кажется тюрьмою. А убралъ я наше новое жи-

лице очаровательно. Каждая вещь уже на своемъ мѣстѣ. Разные хозяйственные запасы, какъ-то: сахаръ, рисъ, пряные коренья, а также и дамскія бездѣлушки закуплены, такъ что кажется, будто хозяйка отлучалась только на одинъ часъ изъ дому и вотъ-вотъ позвонитъ на лѣстницѣ въ колокольчикъ. Но проходятъ часы за часами и дни за днями, она до сихъ поръ не звонитъ, моя милая барышня" (такъ любилъ Кулишъ называть свою жену въ воспоминаніе перваго знакомства съ ней). „Я сижу безвыходно дома въ надеждѣ, что съ каждымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ прилетитъ и она на огненной кобылицѣ, а ея нѣтъ и нѣтъ! Сколько экипажей, сколько санокъ проѣзжаетъ мимо моихъ оконъ по Большой Морской, и ни одни глаза не устремляются съ любящимъ нетерпѣніемъ въ домъ Елисеева! Кому какая надобность, что здѣсь человѣкъ по цѣлымъ часамъ смотритъ въ окна и подъ каждою шляпой старается еще узнать черты Мотроновской барышни"!

Кулишъ попрежнему продолжалъ свою службу въ комитетѣ и сверхъ того предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежали разныя компиляціи изъ книгъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и польскихъ, при чемъ самою замѣчательною нельзя не считать его „Исторію Испанской литературы". Испанскимъ языкомъ онъ занимался особенно въ Петербургѣ уже въ 1851 г. и тогда же сталъ изучать испанскую литературу, начавъ съ „Донъ-Кихота", и читать испанскія историческія сочиненія. „Но практическаго приложенія изъ своего язычества",—писалъ онъ въ 1852 г. Бодянскому, „я еще не сдѣлалъ... При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ". [1]) Но не одно это практическое соображеніе руководило здѣсь Кулишемъ, какъ видно изъ того, что непосредственно послѣ этихъ строкъ Кулишъ просилъ Бодянскаго отрекомендовать его въ ученики

[1]) «Кіевск. Стар.» 1897, XI, стр. 263.

по древнимъ языкамъ возвращавшемуся тогда въ Петербургъ изъ временной отлучки профессору Коссовичу и извѣщалъ уже о сдѣланныхъ имъ успѣхахъ въ изученіи классическаго міра.

Кромѣ того, онъ много переводилъ съ тѣхъ же названныхъ иностранныхъ языковъ. Будучи доволенъ своими дѣлами и пріисканіемъ новой удачной квартиры, Кулишъ сообщаетъ одному изъ родственниковъ: „Слава Богу, все идетъ покамѣстъ успѣшно. Чтд касается до кабинетной части, то здѣсь я самъ и ѣздокъ, и станціонный смотритель; остановки у меня не бываетъ, и я пробѣгаю въ сутки такое пространство, какое самъ себѣ предначертаю. Дѣло идетъ у меня живо, и вы скоро будете имѣть вѣсти о моихъ новыхъ трудахъ“. Къ этимъ трудамъ, какъ потомъ оказалось, принадлежали дѣйствительно капитальныя работы Кулиша: „Записки о южной Руси“ и „Опытъ біографіи Гоголя“. „Очаровательный Петербургъ“!—продолжаетъ Кулишъ—„сколько здѣсь для всего находишь времени! какою чудною силою наэлектризованъ здѣсь человѣкъ! Какъ вѣрно исполняются разсчеты на возможное въ нашихъ обстоятельствахъ! Если-бы мнѣ какъ-нибудь поладить съ его климатомъ, то я бы никогда не разстался съ нимъ навѣки. Даже мои сдѣлали слѣдующее весьма справедливое замѣчаніе,—что здѣсь трудишься изо всѣхъ силъ и чувствуешь себя совершенно спокойнымъ и довольнымъ; а въ Малороссіи сидишь сложа руки, лѣнишься, сколько душѣ угодно, не заботишься ни о чемъ, и часто мучишься или досадою, или скукою, или недовольствомъ и собой, и людьми. Мы рѣшились ограничить кругъ своихъ знакомыхъ, но бывать регулярно у нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы не отставать отъ свѣта и его требованій“.

12 марта 1853 года Кулишъ писалъ тещѣ изъ Петербурга, что по пріѣздѣ въ Малороссію онъ непремѣнно отправится на берегъ Днѣпра и устроитъ тамъ себѣ помѣщеніе, а потомъ заѣдетъ за женой и вмѣстѣ будутъ наблюдать за постройкой домика. Для этой цѣли онъ досталъ у знакомыхъ прекрасный планъ дома, но вмѣсто фантастическаго домика на Днѣпрѣ пришлось

строиться въ Баивщинѣ у М. Т. Симонова, гдѣ потомъ онъ нерѣдко проводилъ лѣто. [1])

XXIV.

Въ это время Кулишъ усиленно трудился надъ разыскиваніемъ и собираніемъ писемъ Гоголя для составленія его біографіи. Ему нетрудно было получить ихъ отъ Плетнева, Н. Д. Бѣлозерскаго [2]) и нѣкоторыхъ другихъ своихъ друзей, но затѣмъ предстояло завязывать новыя знакомства и отношенія, добиваться рекомендацій, вступать въ переписку со многими незнакомыми лицами. Здѣсь, разумѣется, его ожидало также немало трудностей и разочарованій: надо было преодолѣть недовѣрчивость или просто нежеланіе дѣлиться драгоцѣнными матеріалами. Между прочимъ Кулишъ употреблялъ для достиженія своей цѣли слѣдующій пріемъ, имѣвшій обыкновенно большой успѣхъ. Заручившись коллекціею въ количествѣ трехъ или четырехъ десятковъ писемъ, онъ охотно сообщалъ ихъ въ копіяхъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ Гоголя, а равно передавалъ и свои разнообразныя, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ данныя и взамѣнъ получалъ подлинники или копіи писемъ Гоголя къ этимъ именно лицамъ. „У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя,“ писалъ онъ Бодянскому,—„которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копіи онаго господамъ Аксаковымъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ моей рукописи дополнятъ и исправятъ“. [3]) Кулишъ ожидалъ при этомъ дружескаго содѣйствія въ сношеніяхъ съ Аксаковыми отъ Бодян-

---

[1]) По словамъ галицкаго журнала «Правда», на эту покупку Кулишу далъ денегъ П. А. Плетневъ (1868, стр. 311).

[2]) Н. Д. Бѣлозерскій зналъ Гоголя, когда послѣдній еще учился въ Нѣжинѣ.

[3]) „Кіевская Старина“, 1897, XII, 450.

скаго. Но Бодянскій, почему-то съ нѣкотораго времени начавшій тяготиться порученіями и просьбами Кулиша, кажется, и на этотъ разъ пробовалъ отговориться, ссылаясь на свое несогласіе съ проектомъ, выраженнымъ въ письмѣ Кулиша. Можетъ быть, онъ потому относился теперь холодно къ желаніямъ Кулиша, что послѣдній, строго сохраняя свое литературное инкогнито, хлопоталъ не за себя лично, а за другое, неизвѣстное Бодянскому, лицо, именно за Николая Як. Макарова.[1]) Кулишъ, однако, слишкомъ большую цѣну придавалъ занимавшему его литературному дѣлу и рѣшился парировать возраженія: „Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ!—буду бесѣдовать съ вами о томъ, что̀ важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ онымъ копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза можетъ быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу у нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви“.[2]) Въ концѣ концовъ, Кулишу удалось устроиться помимо Бодянскаго, и тогда онъ извѣщалъ его объ успѣхѣ своего дѣла.[3]) Въ дѣйствительности, Аксаковы отнеслись къ Кулишу съ самымъ теплымъ доброжелательствомъ и осыпали похвалами его трудъ. Мрачныя предсказанія Бодянскаго оказались не имѣющими ни малѣйшаго основанія. При личномъ свиданіи Кулишъ вынесъ такое отрадное впечатлѣніе отъ личности С. Т.

[1]) Именемъ послѣдняго Кулишъ пользовался для того, чтобы въ случаѣ какихъ-нибудь оффиціальныхъ запросовъ, Макаровъ могъ принять на себя номинальное авторство.

[2]) Тамъ же, стр. 450—451.

[3]) Въ подобныхъ случаяхъ Кулишъ умѣлъ тонко дать почувствовать свое недовольство. Однажды онъ писалъ Бодянскому: „Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже сообразаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается, подобно эѳирному маслу, а съ вашими существенными выгодами“. („Кіевская Старина“, 1897, XII, 449).

Аксакова и его сыновей, что всегда потомъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о немъ и его семействѣ; о первомъ же, въ одномъ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому онъ сказалъ впослѣдствіи, что онъ былъ „чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предпріимчивости". [1]) Кромѣ своей общей симпатичности, С. Т. Аксаковъ привлекъ къ себѣ сердце Кулиша еще особенно тѣмъ, что онъ былъ прекраснымъ знатокомъ украинскихъ пѣсенъ и часто просилъ мадамъ Кулишъ пѣть пѣсни „по дивочому", а потомъ „по старушечьи." Въ большомъ восторгѣ былъ также Кулишъ и отъ сыновей Аксакова, особенно отъ „Консты", т. е. Константина Сергѣевича.

Кулишъ горячо сочувствовалъ литературнымъ успѣхамъ всѣхъ Аксаковыхъ, но особенно наиболѣе любимаго имъ Сергѣя Тимофѣевича. „А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть!"—писалъ Кулишъ о „Семейной Хроникѣ" и „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука": „Это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительнѣе всякихъ диссертацій. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю, но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія". [2]) Впрочемъ, Аксаковъ еще въ рукописи читалъ Кулишу отрывки изъ „Семейной Хроники". Въ одномъ письмѣ Кулишъ такъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ чтеніемъ: „Чытавъ намъ винъ дальше свою хронику. Славно, дуже гарно! Нарошне для мене чытавъ, и зибралось людей чымало: Хомяковъ и вся братія. Тамъ така дытына, що и выдно вже, що буде Богомъ! [3]) Гарно, дуже гарно". Также Галагану Кулишъ писалъ: „Ста-

---

[1]) „Русское Обозрѣніе", 1897, III, стр. 202.

[2]) Кіевская Старина, 1898, IV, стр. 112.

[3]) Въ письмахъ Кулишъ очень часто величаетъ С. Аксакова *богомъ*.

рикъ Аксаковъ читалъ намъ новую свою хронику, почавшы одъ самого малечку. Дуже гарна и проч. [1])

Въ большой дружбѣ былъ также Кулишъ въ началѣ и съ И. С. Аксаковымъ, который, впрочемъ, громилъ его впослѣдствіи въ своей газетѣ не хуже Каткова. Напротивъ, въ болѣе ранніе годы, во времена ихъ взаимнаго расположенія и согласія, они во многомъ сходились и особенно въ общей имъ обоимъ симпатіи къ Малороссіи. „Прыйшовъ Иванъ Аксаковъ"— разсказывалъ однажды Кулишъ—„и розмовлявъ зо мною розумно про Малороссію. Винъ же самъ іи изйиздывъ, то й дывуется теперъ, якъ тамъ, чы панокъ, чы мищанынъ, чы козакъ тамошній чуе себе ривно чоловикомъ. Не выдно такъ, якъ у Россіи, що се купець, а се мищанынъ. Comme il faut прыстало въ насъ до всякои шляхетноурожденнои людыны; и купецькіи комедіи Островського трудно зрозумиты украинцеви; бо нашъ купець не одособывсь такъ одъ нашыхъ панивъ, якъ велыкоруськый. И багато де-чого говорылы мы до своеи любосты про Малороссію. Шкода, що тебе тутъ не було. Иванъ не завсигда розговорытся".

XXV.

„Опытъ біографіи Н. В. Гоголя" вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими работами, какъ напр., повѣстью „Лѣто въ Малороссіи", Кулишъ передалъ въ „Современникъ", [2]) можетъ быть, въ виду своихъ прежнихъ отношеній къ этой редакціи [3]), но потомъ онъ

---

[1]) Кіевск. Стар., 1899, IX, стр. 350.

[2]) Въ пятидесятыхъ годахъ Кулишъ пользовался большимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ; его труды (подъ псевдонимомъ Н. М.) охотно печатались тогда въ журналахъ. О повѣсти «Лѣто въ Малороссіи» въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому см. «Кіевская Старина», 1898, XII, 350.

[3]) Рукопись труда Кулиша о Гоголѣ была потребована имъ для передачи въ «Сынъ Отечества», но его упросили оставить ее въ ре-

рѣзко разошелся съ „Современникомъ“ и питалъ сильное предубѣжденіе къ журналу до самой смерти, какъ это видно изъ напечатанной незадолго до его кончины въ „Русскомъ Обозрѣніи“ повѣсти „Омутъ“, гдѣ въ самомъ нелестномъ свѣтѣ выставлены руководители „Современника“ въ 60-хъ годахъ, Панаевъ и Некрасовъ. Но досада на „Современникъ“ начинается уже съ первой половины пятидесятыхъ годовъ, когда Кулишъ заправилъ редакціей называлъ „повѣсами“—еще до того, какъ прервалъ съ ними сношенія.

Продолжая свои хлопоты по собиранію писемъ Гоголя, Кулишъ нашелъ дорогу къ семейству великаго писателя, съ которымъ потомъ дружески сошелся. „Высоцкій сообщилъ живыя воспоминанія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Кулиша. „Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границей, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи“.[1]) Въ опечатанномъ въ Москвѣ по смерти Гоголя шкапу нашлись клочки изорванной рукописи, оказавшіеся уничтоженнымъ отвѣтнымъ письмомъ Гоголя Бѣлинскому, выдержки аттестацій Гоголя въ школьное время, сдѣланныхъ въ классныхъ журналахъ его наставниками. Мать Гоголя прислала нѣкоторые рукописные отрывки изъ повѣстей Гоголя и познакомила съ комедіями отца писателя. Кромѣ того, имъ была получена масса писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю и „26 большихъ писемъ въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою

дакціи «Современника», предложивъ ему 1000 руб. См. также враждебный отзывъ Кулиша о Некрасовѣ въ «Кіевск. Стар.» 1899, IX, стр. 342 и 1899,—стр. 97.

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ говоритъ: «Я, кажется, просилъ васъ послать копію записокъ Гоголихи къ старику Аксакову». Когда онѣ были получены Аксаковымъ, онѣ привели его въ такой восторгъ, что онъ сказалъ по словамъ Кулиша: «Ни одинъ изъ великихъ писателей не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти простыя, безыскусственныя, даже иногда неправильно написанныя задушевныя записки».

имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца". [1]) Дама эта была А. О. Смирнова.

Послѣ каждаго успѣха значительно облегчались хлопоты по собиранію писемъ Гоголя. Такъ, однажды Кулишъ сообщалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Погодинъ сообщилъ мнѣ часть писемъ къ нему Гоголя, а остальныя, по мѣрѣ переписки, обѣщалъ прислать. Вызывается даже написать записки. Я особенно расположилъ его къ себѣ (но это послѣ сообщенія первыхъ писемъ, чего я не ожидалъ, несмотря на его обѣщанія), подаривъ ему памятникъ плутовства Панаева: „Дѣтство и первые годы юности Вальтеръ-Скота, представленныя по отношенію ихъ къ литературной его дѣятельности".

Надо прибавить, что всѣ эти занятія не исключали также заботъ надъ лѣтописью Грабянки и вообще другими, всегда интересовавшими Кулиша предметами.

XXVI.

Лѣтомъ 1854 года Кулишъ ѣздилъ въ Малороссію, жилъ въ Зарогѣ, Мотроновкѣ, Баивщинѣ, при чемъ много времени провелъ съ своимъ другомъ Ник. Даниловичемъ Бѣлозерскимъ, которому онъ потомъ въ память совмѣстнаго пребыванія въ Малороссіи подарилъ экземпляръ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя", когда онъ вышелъ отдѣльной книгой по отпечатаніи въ „Современникѣ." [2]) Такимъ образомъ, мы имѣемъ ясное доказательство,

---

[1]) «Кіевск. Стар.», 1897, XII, 459.

[2]) Въ этотъ экземпляръ во многихъ мѣстахъ были вклеены исписанныя краснымъ почеркомъ Кулиша листки почтовой бумаги, на которыхъ были новыя замѣтки и выписки изъ новыхъ добытыхъ писемъ. Такъ поступалъ обыкновенно Кулишъ при передѣлкахъ и расширеніи своихъ литературныхъ работъ, и одинъ совершенно сходный экземпляръ, какъ намъ извѣстно, сохраняется въ библіотекѣ Духовной академіи въ Сергіевскомъ посадѣ.

что въ эту пору Кулишъ исправно продолжалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, собиранiе документовъ, относящихся къ жизни Гоголя.

Лѣтомъ въ Малороссiи Кулишъ попробовалъ заняться хозяйствомъ и, несмотря на разносторонность своихъ дарованiй, съ трудомъ справлялся съ непривычными заботами, хотя не только прiостановилъ для нихъ всякую литературную работу, но даже не находилъ времени приняться за корреспонденцiю. „Хуторская жизнь“—жаловался онъ—„своею грубою простотою, своими нестройными явленiями, своими безконечными заботами располагаетъ къ письменному бездѣйствiю. Иногда я отдыхаю лежа отъ ходьбы или физическихъ трудовъ и мечтаю, какъ я сяду за письма, какъ я разложу передъ собой бумагу, какъ открою чернильницу,—самое содержанiе писемъ снуется въ моемъ умѣ; а наступитъ время исполнить мечту на дѣлѣ, такъ и норовишь заняться чѣмъ-нибудь другимъ, лукавишь предъ самимъ собой и съ наслажденiемъ откладываешь письма на неопредѣленный срокъ. „Будетъ еще время! еще успѣю!—напишу послѣ“, это любимыя фразы въ головѣ хуторянина. Не знаю, такъ ли оно будетъ, когда дѣла мои придутъ въ порядокъ и когда у меня будетъ кабинетъ; но теперь я никуда не гожусь по литературной части. Зато какой изъ меня вышелъ хозяинъ—такъ мое почтенiе! Но какъ самому себя хвалить не пристало, то я скажу только одно: мнѣ казалось, что стоитъ только повелѣть—создастся; а на дѣлѣ я вижу, что создать хозяйство съ маленькими средствами есть дѣло однихъ хозяйственныхъ генiевъ. Тутъ, сударь мой, нужны всѣ способности человѣческiя а выше всѣхъ ихъ поставлены терпѣнiе и постоянство.“

Но въ то же самое лѣто Кулишъ прогостилъ нѣкоторое время у родныхъ Гоголя въ Яновщинѣ или Васильевкѣ. [1]) Здѣсь

---

[1]) «Стара Гоголиха»—говоритъ Кулишъ «и iи дочкы—прелюбезни люде» („Кiевск. Стар.“, 1898, II, стр. 307). Въ Васильевкѣ Кулишъ бывалъ и позднѣе и живалъ по нѣскольку мѣсяцевъ; такъ, онъ былъ тамъ въ 1860 г. (см. „Кiевск. Стар.“, 1898, II, 239).

онъ получилъ много новыхъ матеріаловъ, а равно и писемъ отъ разныхъ близкихъ къ Гоголю лицъ изъ обѣихъ столицъ, и въ силу сдѣланной жатвы, ему вновь предстояло много спѣшнаго и напряженнаго труда.[1] „Матеріалы, собранные мною въ Яновщинѣ“—писалъ онъ Л. М. Жемчужникову—„и полученные мною изъ Петербурга и Москвы здѣсь, такъ объемисты, что если я не посижу на мѣстѣ за работой цѣлаго мѣсяца, то у меня не будетъ въ эту зиму сдѣлано дѣло“. А между тѣмъ около того же самаго времени, какъ онъ писалъ Бодянскому, судьба послала ему Новгородсѣверскую лѣтопись, исторію о Варлаамѣ и Іосафѣ, „Мессію“ Галятовскаго, „Дѣянія и посланія Апостоловъ“ и 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣщалъ того же Бодянскаго, что „Николай М. приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей.[2] Чтобы понять такую необыкновенно оживленную и плодотворную дѣятельность, слѣдуетъ имѣть въ виду относительную свободу Кулиша, не обремененнаго, подобно Бодянскому, университетской каѳедрой, по необходимости налагающей множество сложныхъ, многотрудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Между тѣмъ Кулишъ, довольный своимъ успѣхомъ, подшучиваетъ надъ медлительностью Бодянскаго,[3] занятаго своей каѳедрой и редактированіемъ

[1]) Впослѣдствіи всѣ эти матеріалы и состоявшійся на основаніи ихъ біографическій трудъ были Кулишемъ прочитаны какъ Аксаковымъ, такъ и Плетневу.

[2]) „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 462—463.

[3]) Тамъ же, 484. Надо замѣтить при этомъ, что Кулишъ, ободренный достигнутыми имъ въ короткое время успѣшными результатами, возлагалъ, кромѣ того, вообще широкія надежды на будущее. Такъ, „Этнографическія Записки о южной Руси“, переименованныя потомъ просто въ „Записки о южной Руси“, онъ предполагалъ выпустить въ гораздо большемъ числѣ томовъ, при чемъ думалъ помѣстить здѣсь также матеріалы, собранные Костомаровымъ и В. В. Тарновскимъ. (См. Кіевская Стар. 1898, XII, 357).

„Чтеній“. Кулишъ писалъ ему по поводу Николая М, что давно бы слѣдовало ему заняться изданіемъ сборника, „чтобы оживить и расшевелить изслѣдователей Малороссіи; но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуетъ еще одиннадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло, дѣйствительно, на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, чтò было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано,—разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и вы пожалуйста не покивайте головою, что человѣкъ, не подождавши васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ“. А въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: „Напишите, не думаете ли вы соперничать въ быстротѣ своихъ намѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертіе мѣшкотностью. Однимъ словомъ, я хочу знать, чтò вы думаете объ изданіи своихъ писемъ, и есть ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или уже прочитаемъ на томъ“.[1])

Все это было очень неловко въ отношеніи къ Бодянскому и возбудило въ немъ чувство недовольства. Тонъ его писемъ рѣзко и внезапно перемѣнился. Бодянскій не вытерпѣлъ, между прочимъ, чтобы не сказать Кулишу, что ему „везетъ“, на что Кулишъ, въ свою очередь, имѣлъ полное право отвѣтить ему такъ: „*Я* долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“;[2]) и наконецъ Бодянскій самымъ откровеннѣйшимъ образомъ заявилъ Кулишу, что онъ его „задираетъ“, и „осыпалъ его самыми грубыми насмѣшками“.[3]) Кулишъ, въ свою очередь, отвѣтилъ ему: „Если бы безкорыстныя побужденія и показались вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности вы не

---

1) См. «Кіевск. Стар.», 1897, XII, стр. 462—463.

2) См. „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 464.

3) Тамъ же, стр. 465.

должны были так грубо надо мной смѣяться", и далѣе: „вы для меня, во первыхъ, Осипъ Максимовичъ, а во вторыхъ— Бодянскій: видя ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и ваши заслуги литературныя и ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить васъ: я знаю вамъ цѣну, независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у васъ явились такія фразы: „И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо!—сознайтесь хоть передъ самимъ собой". [1])

Но хуже было то, что Бодянскій, раздосадованный Кулишемъ, заслужилъ со стороны послѣдняго слѣдующій упрекъ: „Я подарилъ вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣну; одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и вы имѣете безстыдство отвѣчать мнѣ: „что съ возу упало, то пропало". Покажите эти строки кому угодно изъ нашихъ общихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали, искренно: имѣю ли я право назвать вашъ отвѣтъ безстыднымъ?" Кулишъ предложилъ Бодянскому даже уступить ему свое право на изданіе пѣсенъ, такъ, чтобы его собственное имя стояло только въ числѣ сотрудниковъ и собирателей, ничѣмъ не выдѣляясь, а заканчивался бы списокъ словами: „изданныя О. Бодянскимъ", и даже хотѣлъ достать деньги для этого предпріятія, „но вы"—говорилъ онъ—„не дадите мнѣ и понюхать вашего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть въ рукахъ сперва все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ, и потомъ печатай и пишись издателемъ кто угодно. Деньги для изданія Кулишъ надѣялся получить отъ Галагана, но, на бѣду, Бодянскому сдѣлалось какъ-то извѣстно, что Галаганъ назвалъ его въ письмѣ къ Кулишу „крутенькимъ", [2]) и Кулишъ послѣ даже вынужденъ былъ

---

1) Тамъ же.

2) Съ самимъ Галаганомъ добрыя отношенія потомъ также пошатнулись у Кулиша. (См. Кіевск. Стар. 1899, III, 319).

прислать касавшуюся его выдержку въ письмѣ Галагана, заключавшую въ себѣ буквально лишь слѣдующія слова: „Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете, трошки крутенький, то Богъ знае, чи погодится винъ на яке-небудь дило". Результатъ былъ тотъ, что Бодянскій отказался отъ участія въ изданіи сборника. Кулишъ возражалъ ему: „вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесъ издать книгу, нужную для многихъ! Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для нашего изданія ищутъ другіе, то вы не въ правѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то вы тутъ нисколько не будете мнѣ обязаны". [1]) Въ числѣ предлагавшихъ деньги на изданіе пѣсенъ былъ, кромѣ Галагана, В. В. Тарновскій (бывшій нѣкогда товарищемъ Гоголя и извѣстный своей почтенной дѣятельностью въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ), и нѣкоторые другіе.

XXVII.

Между тѣмъ по дѣлу о сборникѣ украинскихъ пѣсенъ Кулишъ постоянно продолжалъ свои сношенія съ малорусскими этнографами: братомъ своей жены Н. М. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ; съ послѣднимъ онъ даже дѣлилъ трудъ самаго собиранія и записыванія ихъ. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ Кулиша подталкивать и подогрѣвать энергію своихъ сотрудниковъ, было между прочимъ то обстоятельство, что ему хотѣлось выпустить свой сборникъ раньше сборника пѣсенъ давно уже нелюбимаго имъ Срезневскаго, хотя это личное предубѣжденіе вскорѣ уступило мѣсто желанію видѣть пѣсни, не попавшія въ

---

[1]) Тамъ же 1899, XII, стр. 467.

особый сборникъ, напечатанными подъ вѣдѣніемъ хотя бы Срезневскаго въ „Академическихъ извѣстіяхъ", но въ исправномъ и вполнѣ приличномъ видѣ. Впрочемъ, и самое мнѣніе Кулиша о Срезневскомъ, по извѣстнымъ намъ, но во всякомъ случаѣ, надо полагать, въ виду крупныхъ научныхъ заслугъ послѣдняго, не особенно уважительнымъ причинамъ, поколебалось, такъ что уже Кулишъ уговаривалъ Н. М. Бѣлозерскаго не быть опрометчивымъ въ сужденіяхъ: „Надобно узнать сперва всѣ обстоятельства, а потомъ уже судить, да и то оглядываясь. У меня много горестныхъ замѣтокъ въ душѣ по случаю скораго осужденія ближнаго. Я думаю, что онъ [1]) не только правъ, но чуть не святъ. Соберите всѣ факты, и тогда увидите, кто изъ насъ ближе къ истинѣ". Это было именно нетерпѣніе видѣть въ печати пѣсни никакъ не ради личнаго интереса, а ради науки, что̀ доказывается между прочимъ сообщеніемъ Н. М. Бѣлозерскому въ томъ же письѣ, что „думы, напечатанныя у Метлинскаго, были уже доставляемы ему Кулишемъ". Послѣдній былъ нѣсколько недоволенъ передачей ихъ Метлинскому, „но я"—говорилъ онъ—„съ досады, что никто не издаетъ, готовъ былъ отдать ихъ для напечатанія чорту или, что̀ все равно, Срезневскому". Кулишъ лично трудился совмѣстно съ Н. М. Бѣлозерскимъ, но относился къ нему, какъ руководитель, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Указывая на свою страсть къ чтенію и къ ручнымъ механическимъ работамъ, онъ рекомендовалъ тѣ или другія своему пріятелю: онъ совѣтовалъ ему ради его будущности заниматься изученіемъ иностранныхъ языковъ, чему, какъ извѣстно, самъ всегда придавалъ большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ; ему же онъ хотѣлъ, хотя и безуспѣшно, передать оставленную еще въ 1858 г. должность редактора статистическаго комитета, наконецъ поощрялъ его къ составленію записокъ, даже совѣтовалъ для этого ему

---

[1]) Срезневскій. Объ отношеніяхъ Кулиша къ Срезневскому см. также «Кіевск. Стар.», 1899, II, 287, 281, 293; 1897, X, 45 и проч.

извѣстный планъ и пріемы, стараясь вообще пробудить его литературныя наклонности, тогда какъ Н. М. Бѣлозерскій тратилъ свои умственныя силы на неблагодарное дѣло редактированія губернскихъ вѣдомостей. Ему же онъ хвалилъ свои столярныя работы: „Сдѣлалъ я для Саши шкатулку изъ кусковъ краснаго дерева, которое оставалось еще отъ тульскихъ работъ. Жаль, что вы безъ руки: механическіе труды заостряютъ аппетитъ къ умственнымъ, и тотъ еще не вполнѣ человѣкъ, кто годится только для грамотнаго общества. Надобно умѣть что-нибудь такое, что было бы интересно и для самаго темнаго люда. Вообразите, напримѣръ, что вы очутились между такимъ народомъ, которому нѣтъ никакой надобности до вашихъ свѣдѣній. Чѣмъ вы купите у него независимость положенія? Вы поневолѣ будете тунеядцемъ, а я не буду“. Но выхлопотать для Ник. Мих. оставляемое мѣсто ему не удалось, и вотъ по какимъ причинамъ: „Знакомства мои вовсе не таковы, чтобъ могли доставить кому-нибудь мѣсто: со мной знаются люди ученые или артисты, которые на службѣ такъ-же мало значатъ, какъ я и самъ; если же я и принятъ гдѣ-нибудь въ высокопревосходительномъ или сіятельномъ домѣ, то это еще не значитъ, что я могу протежировать другихъ въ этихъ домахъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что мнѣ самому не даютъ до сихъ поръ такое мѣсто, которое бы привязало меня къ Петербургу; ласковое слово и пожатіе руки не приносятъ намъ въ столицѣ никакой пользы и могутъ обманывать надеждою только самыхъ неопытныхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Кулишу давно пришлось убѣдиться, что и собственное его положеніе было крайне непрочно. Когда онъ былъ представленъ къ чину, то, по донесеніямъ Третьяго Отдѣленія, императоръ Николай собственноручно начерталъ: „Не производить“. При тогдашнемъ значеніи чиновъ, Кулишъ не хотѣлъ помириться съ отказомъ и рѣшилъ просить директора статистическаго отдѣленія заступиться за него. „Вамъ навредило Третье Отдѣленіе“—отвѣчалъ директоръ,—„его и просите поправить дѣло“.—Въ Третьемъ отдѣленіи затребовали одобрительнаго

отзыва о службѣ, который и былъ безпрепятственно данъ, но все-таки изъ этого дѣла, конечно, ничего не вышло, кромѣ того, что въ Третьемъ Отдѣленіи начальнику Кулиша сказали: „мы не знали, что онъ вашъ protegé".

Эту независимость Кулиша, какъ человѣка свободной профессіи уже по самой натурѣ, необходимо имѣть въ виду, для того, чтобы понять и его быстрое охлажденіе къ Петербургу, гнѣзду чиновничества, и его практическую неспособность пристраиваться къ теплымъ мѣстечкамъ и административнымъ пирогамъ. Теперь, сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ, онъ стремится въ Кіевъ и снова погружается въ интересы украинскаго міра. До какой степени неудержимо влекло тогда Кулиша въ Малороссію, мы видимъ изъ одного письма его къ И. С. Аксакову, который вмѣстѣ съ остальными членами своей семьи настойчиво приглашалъ его въ свою подмосковную. Несмотря на сильную любовь къ Аксаковымъ, Кулишъ отговаривался самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на то, что „съ того времени, какъ его опредѣлили въ уѣздное училище для вытверживанія учебниковъ, изданныхъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, „а было мнѣ тогда"—продолжаетъ Кулишъ—„лѣтъ яко же седмь"—я не видѣлъ ни одинъ разъ малороссійской весны... О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда что-нибудь мѣшало. Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые разсчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если-бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и земли".

Одно время въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ Кулишъ говорилъ, что онъ предполагалъ чередовать хуторскую жизнь съ столичною. „Зачѣмъ это мнѣ нужно?" спрашивалъ онъ самъ себя: „Мудрено объяснить. Можетъ быть потому, что хочется видѣть свѣтъ послѣ уединенныхъ трудовъ; можетъ быть потому,

что я не могу удовлетвориться скромною деревенскою жизнью и желаю хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ году раздѣлять удовольствія, въ родѣ литературныхъ и ученыхъ новостей; а, можетъ быть, просто потому, что отъ поѣздокъ я ничего не теряю въ денежномъ отношеніи, а пожалуй, еще выигрываю".

Отсутствіе опредѣленныхъ обязательныхъ и служебныхъ занятій даетъ ему эту возможность, а наступленіе новой политической эры съ воцареніемъ императора Александра II, открывъ широкій горизонтъ всѣмъ мыслящимъ людямъ, какъ бы сразу придала крылья тѣмъ, кому природа даровала силы для орлинаго полета.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

(*Продолженіе* [1]).

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Мы разсмотрѣли только одну сторону отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, лишь одни личныя отношенія между ними, выражавшіяся въ платежахъ и повинностяхъ. Намъ остается ознакомиться еще и съ поземельными порядками, какъ они выработались въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, съ отношеніями крестьянъ къ землѣ.

Въ какихъ отношеніяхъ находились крестьяне Буковины къ той землѣ, на которой они сидѣли, существовала ли или нѣтъ какія либо права ихъ на владѣніе этой землей? Вопросы эти, какъ мы видѣли, рѣшались и авторомъ брошюры 1848 г., и затѣмъ Kaindl'емъ въ томъ смыслѣ, что буковинскіе крестьяне

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

не имѣли никакихъ правъ на свои надѣлы, что въ Буковинѣ вовсе и не существовало права крестьянскаго владѣнія, что крестьяне были не болѣе, какъ временными съемщиками, простыми арендаторами владѣльческихъ земель. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такая ихъ точка зрѣнія на земельные буковинскіе порядки вполнѣ справедлива. Она подтверждается, повидимому, нѣкоторыми изъ австрійскихъ коммиссаровъ, посланныхъ въ Буковину въ первое время ея присоединенія къ Австріи, такъ и извѣстнымъ намъ Бальшемъ. Буквально тѣже выраженія, какія приходится читать въ почти современныхъ буковинскимъ донесеніяхъ 1767—1768 гг., представленныхъ генералъ-губернатору Малороссіи, графу Румянцеву, по поводу землевладѣнія козаковъ цѣлаго ряда селеній Переяславскаго полка, повторяются и въ донесеніяхъ австрійскихъ коммиссаровъ. „У козаковъ нѣякой собственной, имъ лично принадлежащей земли не имѣется“,—гласятъ рапорты Румянцеву. И тоже говоритъ и коммиссаръ Сплени въ 1775 г.: „у крестьянина Буковины нѣтъ никакой собственности“. [1]) „Во всей Буковинѣ нѣтъ ни одного крестьянина, который могъ бы считать пядь земли своей собственностью“, повторяетъ вслѣдъ за Сплени Енценбергъ въ 1779 г. [2]) А Бальшъ съ полнымъ апломбомъ завѣряетъ австрійское правительство, что все имущество крестьянина „заключается въ скотѣ и только въ одномъ скотѣ, я хочу сказать, въ одной движимости“.

Но все это и многое другое въ томъ же родѣ является аргументами для теоріи Кайндля только повидимому. Въ тѣхъ же донесеніяхъ, какъ, въ особенности, въ донесеніяхъ австрійскихъ коммиссаровъ и конца XVIII, и начала XIX в., мы наталкиваемся на рядъ такихъ чертъ землевладѣнія буковинскихъ крестьянъ, которыя совершенно противорѣчатъ теоріи временно-арендпаго характера крестьянскихъ держаній въ Буковинѣ. Уже Сплени, напр., въ своемъ донесеніи 1775 года отмѣчаетъ такой

---

[1]) Донесеніе Splêny, у Polek, 65.

[2]) Донесеніе Enzenberg'a, у Zieglauer'a, Bilder, I, 17.

фактъ, какъ тотъ, что „владѣльцы *обязаны отводить крестьянамъ столько земли, сколько то необходимо* и для содержанія крестьянскаго скота, и для нуждъ ихъ земледѣлія“ [1]). А Енценбергъ пишетъ, что въ молдавскій періодъ князья (господари), для поддержки земледѣлія, разрѣшали крестьянамъ владѣть вѣчно „раздробленными“ ими участками земли. [2]) Если мы прибавимъ то, что сообщаютъ намъ нѣкоторые изъ австрійскихъ коммиссаровъ о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, то увидимъ и новыя еще черты. „Обыкновенно,—такъ пишутъ австрійскіе коммиссары, посѣщавшіе Буковину въ періодъ времени съ 1787 и 1830 годъ, землевладѣлецъ отрѣзываетъ всей общинѣ in concreto кусокъ земли, и на немъ крестьяне вправѣ распоряжаться на всей своей волѣ“. [3]) Отсюда, и объясненіе той разбросанности полосокъ то пахати, то луга, которая не была свойственна одной Буковинѣ, но и въ древнія времена и Галичинѣ. [4]) Во многихъ деревняхъ Буковины, той части ея, которая состояла изъ равнинъ и низменностей, „и помѣщикъ, и подданные пользуются угодьями сообща, а на поляхъ подлежащихъ обработкѣ, ежегодно мѣняются участки“. [5]) И ко всему этому

---

1) «Der Herr denen Bauern so viel Gr zuund geben *schuldig* ist, als sie zur Unterhaltung ihres Viehes und etwann zum Ackerbau benötigen». Bericht Splény's 1775, цит. у Grünberg, стр. 268.

2) «Die Fürsten, um den Ackerbau aufleben zu machen, gestattet (haben) jene Gründe, die sie exterpiren und urbar machen, auf immer zu besitzen». Bericht Enzenberg'a 1783, цит. ib. 268—269.

3) «Gemeiniglich der Grundherr der ganzen Gemeinde in concreto ein Stück Feld ausschneidet, in welchem sie nach Belieben, schalten und walten». Отсюда: «allerorten Acker und Wiesen kreuz und quer untereinander (man) findet». Bericht Splény's, ib., 269.

4) См. Acta grodzkie, Lwow, т. 3-ій, 52—53, актъ 1378 г., гдѣ указывается какъ на «consuetudo ruthenorum» на расположеніе полей и полосокъ земли «sparsim et particulatim». Ср. мою статью о формахъ заимочнаго владѣнія, Юридич. Вѣстникъ, Москва, 1891 г.

5) «Der Herr und Unterthan die Gründe gemeinschaftlich benutzen und mit dem Feldbau fast alljährich gewechsslet wird». Bericht Enzenberg's, Grünberg, 269.

коммиссары добавляютъ, что „полученную землю община распредѣляетъ между хозяевами путемъ періодическихъ передѣловъ“ и что, отсюда, „создается и постоянный переходъ участковъ изъ рукъ однихъ въ руки другихъ, и перемѣняемость полосъ“ или то, что коммиссары называютъ словомъ: Wechselwirtschaft.

Очевидно, отсюда, что порядки крестьянскаго землепользованія въ Буковинѣ далеко не исчерпывалась лишь фактами простого аренднаго, временнаго держанія земли у помѣщика, что они были порядками иного рода, выросшими на почвѣ долговременной практики, выработавшихся обычаевъ. А обычаи эти держались до подчиненія Буковины Австріи, да и долгое время и позже, такъ какъ условія и соціальныя, и экономическія оставались почти неизмѣнными. Мало того, что занятія скотоводствомъ преобладали въ Буковинѣ надъ занятіемъ земледѣліемъ, на что постоянно указывали не только первые посланные въ Буковину австрійскіе коммиссары, но и, напр., въ 1810 и послѣд. года окружной начальникъ Платцеръ (Platzer) и др. [1]) и что являлось препятствіемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивной земледѣльческой культуры. Въ средѣ владѣльцевъ, какъ мы видѣли, и до подчиненія Австріи, и долгое время потомъ, сельско-хозяйственная дѣятельность была крайне слабой. Она едва начала развиваться,—да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ,—лишь со второй половины XVIII в. Главнымъ доходомъ помѣщика были оброки. Барщина для сельско-хозяйственныхъ нуждъ едва начала практиковаться, и спросъ на ея увеличеніе сколько-нибудь рѣшительно сталъ проявляться, какъ увидимъ, лишь съ конца XVIII в., уже при австрійскомъ владычествѣ. Между тѣмъ, и цѣнность земли была сравнительно ничтожной въ Буковинѣ, и масса земель лежала впустѣ или служила пастбищемъ, и большого значенія землѣ владѣльцы не

---

[1]) Въ своемъ проектѣ реформы Платцеръ отзывается о крестьянахъ Буковины, какъ все еще отчасти номадахъ, у которыхъ нѣтъ даже сараевъ, ибо скотъ цѣлый годъ, денно и нощно, находится на открытомъ воздухѣ. Докладъ Плацера, цит. у Kaindl'я, стр. 639.

придавали: попытки сноса дворовъ, захвата крестьянской земли почти не существовали въ молдавскій періодъ и развились лишь къ концу XVIII и XIX в. Естественнымъ являлся отсюда и обычай, подтверждаемый не разъ въ законодательныхъ актахъ тогдашнихъ господарей, обычай, по которому считалось обязательнымъ отдавать и отводить данной и цѣлой группѣ крестьянъ то или иное количество земли и для пахати, и для пастбища, количество, въ большей части случаевъ составлявшее около $^3/_4$ всей земли и болѣе земли, принадлежавшей помѣщику. Такой порядокъ только и могъ обезпечить доходность имѣнія. И это было до такой степени укоренившимся въ Буковинѣ порядкомъ крестьянскаго землепользованія, что въ урбаріяхъ конца XVIII ст. обязательность обычая было всецѣло признаваема. Въ урбаріѣ 1790 г., касающемся имѣній Моруцци, то и дѣло рѣчь идетъ не о правѣ крестьянъ требовать отъ владѣльца землю, а исключительно о размѣрахъ этихъ требованій, размѣрахъ обязательно отдаваемой крестьянамъ земли. Владѣлецъ регулируетъ въ урбаріѣ главнымъ образомъ крестьянскія земли, отдаваемыя общинѣ in concreto, резервируя уже для собственныхъ потребностей, собственнаго хозяйства лишь $^1/_3$ всей земли. И это въ то время, когда, какъ увидимъ, австрійское правительство стало усиленно работать надъ примѣненіемъ въ Буковинѣ порядковъ, существовавшихъ въ другихъ австрійскихъ областяхъ, надъ выдѣленіемъ и отграниченіемъ чисто-господскихъ (dominical) отъ крестьянскихъ земель и угодій (rusticalgründe). Не менѣе $^2/_3$ земли, не считая лѣса, должны были находиться въ рукахъ крестьянъ. Моруцци настаивалъ и на принципѣ: не болѣе $^2/_3$, но раньше существовалъ, еще и въ 1790 г., и позже неисчезнувшій, обычай отводить in concreto крестьянамъ около $^3/_4$ всей земли и болѣе, какъ на то указываютъ слова одной австрійской канцелярской бумаги 1812 г., что „въ Молдавіи, какъ обычный порядокъ, является отдача крестьянамъ $^2/_3$ земли, а во многихъ мѣстностяхъ даже и $^3/_4$ ея“. [1])

---

[1]) Kanzleivortrag 9 апр. 1812 г., цит. у Grünberg'a, 271.

Такимъ образомъ и въ молдавскій періодъ, какъ даже и позже, снабженіе крестьянъ землею являлось дѣломъ и обязательнымъ, и обычнымъ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ господствовавшему типу сельскаго хозяйства.

Снабженіе землею было двоякаго рода. Преобладающей формой отдачи была отдача земли въ коллективное владѣніе, второстепенной, шедшей рядомъ съ коллективной отдачей земли,— отдача ея въ наслѣдственное владѣніе, и это, нерѣдко, въ одной и той же общинѣ. Въ большинствѣ случаевъ, отсюда, помѣщикъ имѣлъ дѣло не съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, какъ владѣльцемъ его земли, въ теоріи считавшейся господской, а со всею группою, владѣвшею всею совокупностью отданныхъ земель. [1]) Въ постоянномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семей находились лишь ихъ жилье и прилегающія къ нему левады. [2]) Вся остальная земля находилась въ общемъ и совмѣстномъ пользованіи всѣхъ подданныхъ села и распредѣлялась уже затѣмъ между отдѣльными хозяевами. [3]) Передѣлъ земель и распредѣленіе ихъ между крестьянами производились, обыкновенно, либо сельскимъ судомъ (Gemeindegericht), либо сельскимъ старостой съ соучастіемъ делегатовъ отъ всей общины. [4]) Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже и въ началѣ XIX в., въ распредѣленіе земель помѣщики совершенно не вмѣшивались. [5]) Болѣе того, они не касались совершенно вопроса о допу-

---

[1]) «Auf dem flachen Lande ist der rusticalgrund besitz nur für jede Gemeinde in concreto stabil, zwischen den einzelnen Gemeindeglieder aber wandelbar». Beratungspotokol der vereinigten Hofstellen 7 марта 1820 г., цит. у Grünberg'a, 271.

[2]) Bericht Stutterheim'a 7 дек. 1819 г., ib.

[3]) Общинное поле «gemeinschaflich von allen Unterthanen des ortes benüzet oder unter die einzelnen Unterthanen vertheilt». Bericht Stutterheim'a, ib., 272.

[4]) Передѣлъ совершался и «durch den Gemeindevorstand, manchmal auch unter Zuziehung eines Ausschusses der Gemeinde». Ib.

[5]) Отсюда рядъ дѣлъ, возникшихъ при австрійскомъ владычествѣ, когда изъ политическихъ и фискальныхъ видовъ правительство привлекало въ Буковину нѣмцевъ-колонистовъ. Такъ, въ 1788 г. вы-

щенія къ землепользованію общинной землей новыхъ пришельцевъ. Правами на надѣлъ изъ общинной земли пользовался каждый взрослый крестьянинъ, обладавшій возможностью завести свое хозяйство.[1]) Но надѣлы не были равными для всѣхъ хозяевъ: ихъ величина опредѣлялась душевымъ составомъ данной семьи „количествомъ имѣвшагося у данной семьи скота и т. п.[2]) Надѣлъ отъ надѣла отдѣлялся простой бороздной, почти исчезавшей всякій разъ, когда данное пахатное поле отводилось подъ выпасъ. Повидимому, и теченіемъ времени, въ концѣ XVIII в., какъ то можно заключить изъ урбарія Моруцци, создались уже градаціи между крестьянами и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, градаціи въ размѣрѣ надѣловъ. Урбарій этотъ 1790 г. отмѣчаетъ 4 группы крестьянъ, группы, отличающіяся другъ отъ друга количествомъ скота у каждой семьи. Это fruntasi (фрунташи), mijlocasi (мийлокаши), codasi (кодаши) и четвертый классъ. Первые—владѣльцы 8 воловъ, вторые—6, третьи—4, послѣдніе—2. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и надѣлы первыхъ равнялись 12 фальтшей, вторыхъ—9, третьихъ—7, послѣднихъ—3. Но пользованіе этими надѣлами не было постояннымъ, а временнымъ; участки (коны) „вѣчно“ переходили отъ одного хозяина къ другому.[3]) „Выдѣленной, но не обведенной никакими гранями, зем-

---

званы были колонисты нѣмцы изъ Баната. Хотя и на нихъ возложена была обязанность нести тѣже платежи, и тѣже повинности, которые несли и мѣстные крестьяне, они не могли добиться или съ трудомъ добивались полученія отъ мѣстныхъ общинъ надѣловъ. Отсюда безконечный рядъ жалобъ на общины за ихъ отказъ дать надѣлъ, отвести землю новымъ пришельцамъ: передѣлъ, очевидно, былъ дѣломъ исключительно одной общины. Какъ увидимъ, лишь гораздо позже, до 1835 г., порядки эти были разрушены отчасти австрійскимъ правительствомъ. См. Kaindl, стр. 605—6.

[1]) «Jede erwachsene Mannsperson, welche einer Wirtschaft vorzustehen vermag». Kanzleivortrag, 1822 г. Ib.

[2]) «Nach des Grösse der Familien oder nach dem Bedürfnisse ihres angewachsenen Viehstandes». Stutterheim, 1819. Ib.

[3]) «In dem einzelnen unterthänigen Besitz ein ewiger Wechsel statt (hat)». Stutterheim, ib. 273.

лей (коном) каждый изъ крестьянъ могъ пользоваться либо какъ пахатью, либо какъ лугомъ; въ ближайшіе годы или на второй годъ всѣ нарѣзанные участки превращались въ землю общаго пользованія, и для пахати отводилась новая земля, гдѣ вновь нарѣзывались участки для каждой семьи; ни одинъ изъ крестьянъ не получалъ, такимъ образомъ, вновь того участка, который онъ держалъ раньше, ни одинъ изъ участковъ не подвергался вновь той же культурѣ, какая на немъ велась въ предшествующіе годы". [1]) Даже тогда, когда данная земля находилась подъ обработкой могъ происходить и происходилъ „новый передѣлъ, напр., въ случаѣ смерти хозяина, его выселенія, даже и полнаго разоренія". [2]) Извѣстный кусокъ поля можно было „обрабатывать въ теченіе 3, 4, 5 лѣтъ и даже болѣе, и затѣмъ на столько же лѣтъ онъ отдавался подъ пастбище, и, наоборотъ, поле, находившееся подъ выпасомъ, подвергалось передѣлу, но безъ обязательнаго сѣвооборота, безъ обязанности непремѣнно засѣвать его или озимымъ, или яровымъ хлѣбомъ. „Обязательнаго сѣвооборота, какъ и трехполья не существовало: земли было много; община могла выдѣлять каждый годъ или чрезъ данный промежутокъ времени всякій разъ новую землю, хотя бы и вдали отъ поселка, оставляя послѣдовательно уже эксплоатированные участки полей подъ паромъ. Съ другой стороны, отведенное подъ пахать поле нерѣдко было бóльшимъ, чѣмъ сколько требовалось подъ обработку, и тогда предоставлялось обрабатывать землю захватнымъ способомъ. Отсюда, и отсутствіе принудительности сѣвооборота, и та разбросанность коновъ, о которой мы говорили выше. [3])

---

[1]) Ib.

[2]) Ib.

[3]) Приводимъ въ болѣе подробномъ видѣ отзывы австрійскихъ коммиссаровъ о порядкахъ землепользованія: «Die Hutweiden sind in Bukowina nur an wenigen Orten, nämlich in waldigen, sumpfigen und solchen Orten perpetuirlich, wo der Boden auf keine andere Art benütz werden kann, sonst sind sie allgemein in ganzen Lande wandelbar, indem sowohl Obrigkeiten als Gemeinden einen Theil der Gründe gewönlich mehrere Jahre brach liegen lassen, sie durch diese

Мы имѣемъ, такимъ образомъ передъ собою въ Буковинѣ форму общиннаго землевладѣнія, землевладѣнія, при которомъ не могло и не можетъ возникнуть вопроса о правѣ собственности того или другого крестьянина. У послѣдняго о правѣ собственности на землю въ строгомъ смыслѣ слова не могло быть и рѣчи: онъ былъ съемщикомъ, но съемщикомъ не у помѣщика,

---

Zeit als Waide benützen und so reihenweise von Zeit zu Zeit abwechseln». Bericht des galizischen Landesgubernium 1817, ib. 274.— «Durch die Unbestimmtheit und Wandelbarkeit des Besitzstände s und bei der noch sehr niedrigen Stuffe der Kultur, auf der die Feldwirtschaft in der B. steht, wird auch der Werth des Grnndes von den einzelnn precairen Besitzern nicht geachtet, und der Ertrag desselben bei der dem Bukowiner Bauern angebohrenen Tragheit nur mit dem möglichst geringen Aufwand an Zeit und Kräften gewonnen. Hieraus entspingt nur ein neuer Anlass beständiger Veränderungen. Der Unterthan verlässt seinen durch einige Jahre benützten Grund und greift willkürlich in die zu nächst brach gelegenen Strecken ein, ohne sich mit dem Eigenthümer derselben abgefunden zu haben und ohne von diesem oder sonst jemand hieran gehindert zu werden». Stutterheim, цит. ib., 274. И еще одинъ отзывъ: «die Art und Weise, wie die Unterthanen die obrigkeitlichen Gründe benützet haben und heute noch benützen, hätte eine einzelne Beurbarungweise eines Unterthanes nicht gestattet, weil wenn er hier und dort hätte ackern oder säen wollen, wo die übrigen Dörflinge ihr Vieh huten oder ihren Heuschlag unterhalten wollen seine Saaten und sein Grass von dem Viehe der übrigen Dörflinge wären abgeweidet worden *Es gab also und gibt heute noch keine andere Benützungsart der unterthänigen Gründe in der B. als diese, dass das Erdreich, welches zur Beackerung in einem Jahre bestimmt wird, von der ganzen Gemeinde umzäunet und von jedem Dörflinge soviel beackert wird, als auf ihm auställt oder er zu beackern im Stande ist*». Поле такое отдѣлялось отъ деревни и отъ скота загорожей. Отсюда, извѣстное южанамъ слово *царина*, которая переносилась съ одной стороны деревни на другую. При этомъ, если поле и лугъ находились по одной сторонѣ деревни, то пастбище отводилось на другой противоположной. Kanzleivortrag, 1812, ib., 275. Всѣ эти отзывы ясно рисуютъ предъ нами страну, еще не вышедшую изъ стадіи первобытнаго переложнаго хозяйства.

а у общины, которая одна только, безъ участія помѣщика, распоряжалась отведенной ей землей. Какъ и какимъ образомъ создался такой порядокъ вещей, подвергался ли онъ или нѣтъ въ теченіе молдавскаго періода какимъ либо измѣненіямъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно: изслѣдованіе этого вопроса до сихъ не было никѣмъ предпринято. Но фактъ существовавшихъ общинныхъ порядковъ землепользованія до присоединенія Буковины къ Австріи и долгое время послѣ того,—не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію: съ нимъ, какъ увидимъ, не мало пришлось возиться имперскому австрійскому правительству.

Но рядомъ съ общиннымъ землепользованіемъ стояла и другая форма пользованія землей, обусловленная значительнымъ запасомъ въ Буковинѣ общинной земли, отдаваемой въ распоряженіе общины. „Кромѣ той земли, говоритъ Штуттергеймъ, тщательно изучившій порядки землепользованія въ Буковинѣ, какъ спеціальный для этой цѣли посланный коммиссаръ австрійскаго правительства, кромѣ той земли, которая подлежала періодическому передѣлу, существовали и другія земли, стоявшія внѣ этого порядка и попавшія въ руки тѣхъ или иныхъ семей, которыя владѣли ими вѣчно“. [1]) Это—такъ наз. разробки, лазы, лазури (lazy, lazuri), о которыхъ другой коммиссаръ разсказываетъ, что онъ находилъ „въ довольно значительномъ разстояніи отъ села, въ возвышенныхъ долинахъ, цѣлыя поля, которыя находились во владѣніи 10—12 семей. Изъ допроса ихъ я убѣдился, что поля эти не подвергались періодическимъ передѣламъ и составляли собственность этихъ семей“. [2]) И общины, и помѣщикъ допускали существованіе такихъ разробокъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Разробки эти могли быть даже продаваемы и отчуждаемы, но съ однимъ условіемъ: предварительнаго согласія помѣщика и общины. Лишь въ случаѣ прекращенія семьи земля становилась выморочною и возвращалась владѣльцу ея.

---

[1]) Stutterheim, Bericht, цит. ib., 275.

[2]) Rothkirch, Reiserelation (Роткирхъ былъ землемѣромъ), 1820 г., ibid.

Но всѣ указанные порядки землепользованія являлись господствующими и преобладающими лишь въ равнинахъ или въ болѣе низменныхъ мѣстностяхъ. Въ нагорныхъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ и поселеніяхъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, расположенныхъ въ горахъ, въ сохранившихся всецѣло такъ наз. „республикахъ [1]) Кантеміра, порядки землевладѣія носили противоположный характеръ, общій съ порядками остальной горной Европы и Австріи. Здѣсь преобладалъ типъ инидивидуальнаго, точнѣе подворнаго землевладѣнія (Hofsystem). Крестьянинъ владѣлъ своимъ участкомъ на правахъ наслѣдственныхъ, на правѣ передачи участка потомкамъ, его отчужденія и т. п. [2]) или же являлся уже настоящимъ временнымъ съемщикомъ земли у помѣщика. [3])

Но каковы бы ни были порядки землепользованія и землевладѣнія въ той или иной мѣстности Буковины, во всей странѣ,

---

[1]) Вотъ какъ обрисовываетъ этотъ порядокъ вещей Штуттергеймъ: «Rottgründe, die einzelne Unterthanen in verschiedenen Gegenden der herrschaftlichen Grundbesitzungen zerstreut als Acker oder Wiesen urbar gemacht haben, und die zwar die Eigenschaft eines Dominikalgrundes nicht verlieren, aber dem betreffenden Unterthanen von Erlöschuug seiner Descendenz nicht abgenommen werden können. Sie gehoren zu der bukowiner unterthänigem Besitz, der nebst den einzelnen Hausplätzen und den dabei befindlichen Gärten noch am meisten bestimmt und gesiechert blieb, weil der Unterthan solchen, als selbst geschaffen und durch ehemalge Landesgesetze und Gewonheit und durch Verträge mit der betreffenden Grundobrigkeit für unentreisbar hält. Sie waren auch nicht in jenem Konkretal-Gemeindegründen begriffen, die durch die Ortsvorstände nach Willkur ertheilt werden dürfen». Bericht 1819 г., ib., 276.

[2]) Порядки этого землевладѣнія, къ сожалѣнію, описаны австрійскими коммиссарами въ самыхъ общихъ чертахъ. Они не бросались имъ въ глаза, не вызывали такого же вниманія къ нимъ, какое вызывали исчезнувшіе въ остальной Австріи и совершенно чуждые коммиссарамъ порядки общиннаго землепользованія. Объ нихъ говорятъ коммиссары лишь мимоходомъ.

[3]) «Als bloss Pächter der herrschaftlichen Gründe (war)». См. Kaindl.

во всѣхъ существовавшихъ въ Буковинѣ деревняхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ существовала еще одна, общая всѣмъ имъ форма пользованія землею. Я разумѣю пользованіе лѣсами, еще и въ концѣ XVIII в. покрывавшими не малую часть Буковины.

Пользованіе лѣсомъ и многими угодьями какъ для цѣлей пастьбы и разробокъ, такъ и для надобностей въ топливѣ и въ строевомъ лѣсѣ было вполнѣ свободнымъ и неограниченнымъ въ молдавскій періодъ. Крестьяне не только могли рубить лѣсъ для построекъ и топлива, но и для продажи его, и это послѣднее ихъ право не вызывало ни ограниченій со стороны владѣльца, ни даже и обложенія крестьянъ за такое пользованіе лѣсомъ. [1])

Такимъ образомъ основной чертой, характеризующей порядки землевладѣнія въ Буковинѣ въ XVIII в., была не временная аренда, не Pachtsystem, которая лишь случайно попадалась въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ, а обязательная отдача земли въ вѣчное и постоянное владѣніе общинъ, которыя уже отъ себя отдавали участки отдѣльнымъ крестьянамъ въ пользованіе, правда временное, но совершенно иного типа и характера, а не того, которые лежатъ въ основаніи аренды. Отношенія владѣльца и крестьянъ на почвѣ земельной и земельныхъ порядковъ были отношеніями одинаково обязательными, какъ для владѣльца, который обязанъ былъ въ силу обычая и закона отводить въ вѣчное владѣніе общины достаточное количество земли (большею частью либо всю землю, либо $^3/_4$ ея), такъ и для общины, которая, въ свою очередь, была обязана брать ее и обработывать. Отсюда, отсутствіе съ момента присоединенія къ Австріи того порядка, какой установился въ другихъ австрійскихъ областяхъ, отсутствіе какого бы то ни было разграниченія между тѣмъ, что въ Австріи носило названіе помѣщичьей земли, Dominikalgründe, и тѣмъ, что называли тамъ собственно крестьянской землей,

---

[1]) „Die freye Lignation sei denen Bauern so uneingeschränket, dass er das Holz ausser eigener Nothdurft auch znm Verkauf aus denen Wälderer ohnengeltlich zu nehmen berechtiget wäre“. Bericht Splény's, ib., 278.

Rustikalgründe, а съ другой стороны, для громаднаго большинства крестьянъ и отсутствіе правъ наслѣдственнаго владѣнія передѣляемыми участками, правъ передачи ихъ по наслѣдству, отчужденію ихъ и т. д. Подобнаго рода права существовали болѣе какъ исключеніе (у отдѣльныхъ крестьянъ на ихъ разробки въ отдаленныхъ отъ селенія мѣстахъ или у жителей нагорныхъ мѣстностей).

Прибавимъ еще къ сказанному, и для болѣе полнаго освѣщенія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ въ Буковинѣ въ моментъ присоединенія ея къ Австріи, и то обязательство, что при исполненіи барщины полнотяглыми крестьянами, послѣдніе не имѣли права требовать у помѣщика рабочаго скота: на барщину они должны были являться со своимъ скотомъ. Вся землевладѣльческая культура производилась исключительно съ помощью рогатаго скота. [1]) И тоже въ случаяхъ голода, неурожая, скотнаго падежа и т. п. Буковинскій помѣщикъ не былъ обязанъ приходить къ крестьянамъ на помощь. Это совершенно не входило въ кругъ его дѣятельности и обязанностей. Онъ имѣлъ отношенія не къ тому или другому крестьянину, а къ цѣлой общинѣ. Община устроивала, независимо отъ помѣщика, порядокъ землепользованія, она же въ Буковинѣ вѣдала и дѣло помощи крестьянамъ въ случаяхъ нужды.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ какъ личныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, такъ и поземельные порядки, существовавшіе въ ней въ XVIII в. въ моментъ присоединенія къ Австріи. Посмотримъ теперь, какимъ измѣненіямъ подверглись и тѣ, и другія послѣ присоединенія, въ правленіе Іосифа II, такъ и въ послѣдующее время, вплоть до того момента, когда въ 1848 г. старый порядокъ и личныя, и поземельныя отношенія были окончательно потрясены, отмѣнены и уничтожены.

И. Лучицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Der Unterthan in der Bukowina hatte nie eine Verspannung von den Dominien, sondern hat seine Frohne mit seiner Bespannung verrichtet". Kanzleivortrag, 1812, ib., 278.

СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ.

Повистъ.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

Чуженыця.

I.

У хати въ Пылыпа Сываша за столомъ сыдила бѐседа: братъ Охримъ изъ жинкою, сватъ Манойло зъ свахою Кылынною, кумъ Терешко Тонконоженко, сусида Струкъ изъ своею сердытою Стручыхою, дядько—старый Корній Грабенко та своя симъя. Не того Пылыпъ бѐсиду завивъ до себе, що сёгодни недиля, а того, що вернувся додому зъ салдативъ середульшый сынъ ёго Романъ. Дочôкъ у Сывашивъ не було, але трое сынивъ, якъ соколивъ: найстаршый Денысъ, уже давно жонатый, добрый хазяинъ,—удався въ батька; середульшый—ото-жъ Романъ, а найменшый—Зинько. Романъ знавъ, що ёму йты въ салдаты, и не схотивъ женытыся, щобъ жинкы самои дома не кыдаты, сказавъ, що якъ вернется, то тоди; Зинькови-жъ давно треба було одружытыся, бо и въ салдвты ёму не прыпадало йты та й жеребокъ винъ уже бравъ, дакъ що жъ, колы не хоче? Нема,—говорыть—ёму пары. Батько казавъ, що десь у своихъ кныжкахъ начытавъ мабуть такого. Маты хочъ и гни-

валась, що нема ій помочы, та не дуже, бо працёвыта та тыха Денысова Домаха—онъ та билява молодыця, що теперъ пораеться биля печы—годыла свекруси. А такъ докорыты Зинькови ничи́мъ не можно було: и тыхый, и працёвытый парубокъ, и непытущый... не такый запальный хазяинъ, якъ Денысъ, але жъ такы хазяйновытый. Та найдужче маты любыла оцёго Романа: таке воно змалечку було моторне та цикаве и зъ себе гарне,—то вже було мазунчыкомъ у матери. А дали на службу пишовъ, на чужыни поневирявся,—хыба жъ и не жалко? И стара Параска, забуваючы, що ій треба взяты зъ прыпичка и поставыты на стилъ мыску зъ вареныкамы, спынялася биля печы, дывылася закоханымы матерынымы очыма на сына и думала:

— Боже, яке жъ гарне! Бровы якъ на шнурочку, вусъ чорненькый, ще й угору трохы закрученый. Паночъ та й годи!

И батько радивъ, що сынъ вернувся. Самъ винъ прожывъ уже пивсотни й шисть литъ, але сывына ледви почынала проблыскуваты въ ёго темному волоси. Винъ бувъ ще пры здоровлю, здужавъ усе робыты, а оци тры сыны—таки косари, що й трава передъ нымы горыть. Хазяйство въ ёго добре було, а теперъ ще покращае. За такымы сынамы й забагатиты можно. Пылыпъ уже трохы выпывъ и теперъ, частуючы гостей, радисный та добрый, росказувавъ:

— Выпыйте, люде добри, за здоровле моихъ сынивъ!.. Вовы въ мене якъ золото!.. Хочъ старшыхъ Богъ забравъ, дакъ же сымы щедро надилывъ, спасыби имъ!..

— Що правда, то правда, сусиде,—дай, Боже, щобъ усе було гоже!—твои сыны таки, що въ кожного батька серце росло бъ, на ихъ дывлючысь,—такъ проказувавъ довгый и сухый Струкъ, беручы въ Пылыпа чарку.

Инши госты, потакуючы, кывалы головамы, а сыны сыдилы горди тіею хвалою. Старшый—уже поважный, зъ бородою, здоровый, якъ робочый вилъ; меншый—ще молодый парубокъ зъ невелычкымы чорнымы вусамы й задуманымы яснымы очыма; ти очи дуже нагадувалы батьковы, тилькы що въ батька

воны вже прыгаслы за довги лита клопоту й праци, а въ сына сялы цилымъ сяевомъ молодого вогню. Але найбильше дывылыся люде на Романа. Винъ сыдивъ на покути пышный, у «пиджаку», обстрыженый и росчисаный набикъ, по городяньскому; повне облычче було биле, а гарный вусъ ажъ блыщавъ на ёму. Теперъ сей чепурный выдъ почервонивъ, бо парубокъ выпывъ не одну чарку горилкы; та винъ мигъ пыты по багато и ще не бувъ пьяный, а такъ—тилькы почынавъ хмиль голову розбираты, и Романъ де дали стававъ усе веселишый та хвалькишый на языкъ.

— Чого жъ се ты, небоже,—пытавъ его дядько Охримъ,— не заразъ до дому вернувся, якъ службу видбувъ? Адже за малымъ не годъ ище прогаявсь.

— Такое дѣло случылось,—одказувавъ Романъ.—Какъ ето выйшолъ я зъ службы,—заразъ должность мынѣ предложылы, очынь даже хорошую: трыста рублей жалуваннѧ.

— О, се добра служба,—трыста рублывъ! озвався сватъ Манойло.—А яка жъ то служба?

— А така—швейцаромъ пры палатѣ. Ну, я тамъ началъ служыть, а потомъ затосковался по своему роду. Нывжлы,— думаю,—я въ сваёй родынѣ не могу прылычной для себе должности получыть? Бросывъ усе и прыйшовъ.

— И добре зробывъ, сынку,—казала маты,—бо й насъ извеселывъ.

— Теперъ тилькы одружышъ, свате, дитей та й забувай горе!—казавъ до Пылыпа Манойло.

— Та я зъ дорогою душею,—усмихався Пылыпъ,—абы сыны!

— Пождить, батюшка,—будемо й женыться,—вотъ толькы должность получымъ,—одказавъ Романъ.

— Образованый чоловикъ може завсегда соби дольжность получыть,—озвався Денысивъ кумъ Терешко. Винъ колысь, ще за панського права, бувъ биля панивъ у двори, иноди й самъ любывъ закыдаты «по образованому». Ёму дуже подобалося якъ говорыть Романъ и самому схотилося докынуты сливце,

щобъ знаты було, що и винъ не абы хто. Батько й инши госты думалы: «Ичъ, якъ набрався Романъ наукы! Такъ и риже по панському»! Имъ здавалось, що Романъ дуже добре потрапляе на панську мову. Тилькы сывому мовчазному Корніеви Грабенкови та Зинькови не подобалось, що салдатъ ламае языка.

А Пылыпъ изъ Пылыпыхою все прыпрохувалы та частувалы. Облычча въ гостей почервонилы й спитнилы, языкы почыналы чеплятыся за зубы, хочъ голосы де дали ставалы все гучниши та гучниши. Тилькы Зинько бувъ зовсимъ тверезый, бо винъ не вжывавъ горилкы, та Романъ бадёрывся. Але й ёму вже такъ ударыло въ голову, що ажъ млосно стало, и винъ пишовъ зъ хаты на прохолоду. Зинько й соби выйшовъ мовъ бы за имъ, а просто того, що не любывъ дывытыся на пъяныхъ. Обыдва выйшлы у двиръ.

Була недиля, и на вулыци вешталось чымало народу. Ишлы парубкы въ святковыхъ чумаркахъ и добрыхъ поясахъ, сміялыся й погукувалы на дивчатъ, а ти, хыхыкаючы й щебечучы, проходылы вулыцею, маючы ясноколирнымы стричкамы, вышыванымы рукáвамы, червонымы й сынимы спидныцямы. По-пидъ хатамы, на прызьбахъ та на колодахъ, скризь сыдилы бабы, лузаючы насинне, часомъ и чоловикы зъ люлькамы въ зубахъ, и розмовлялы про всяки новыны та про хазяйськи й хатни справы. И пидъ Сывашевымъ дворомъ лежалы колоды,—добрый хазяинъ Пылыпъ давно вже стягавъ деревню на нову хату сынови,—и чуты було звидтиля гоминъ. Черезъ вызенькый тынъ цикаво зазырало на нового салдата килькы дытячыхъ и дивочыхъ, билыхъ и заквитчаныхъ по святному, голивъ. А въ двори въ сусида Струка стояло биля тыну и дывылося двое дивчатъ: Струкова дочка зъ ёго наймычкою Левантыною.

— А, дивчата!—гукнувъ Романъ.—Нада й имъ празныкъ устроить. Братъ Зиновій! получай рубля и бигай у лавочку! На всёго рубля купуй канхветовъ, пряныковъ, ореховъ,—для наслажденія дѣвушкамъ. А ты, мальчыкъ,—кывнувъ винъ на хлопця, що зазыравъ черезъ тынъ,—получышъ пъятакъ,—катай

до музыкы Матвѣя,—пущай иде сюда. Пусть дивчата знають, кагда вернувся са службы Романъ Пылыповычъ Сивашовъ!

Хлопець метнувся по музыку, а Зинько якось нехотя пишовъ до крамныци.

— Дивчатка! Хадѣть сюда! веселыться будемъ!—заклыкавъ Романъ.

Дивчата соромылыся ввиходыты, хоча Струкова дочка вже выбигла зъ свого двору на вулыцю, вытягшы за собою й Левантыну. Романъ выйшовъ зъ двору. Мижъ дивчатьмы було килькы й парубкивъ. Романъ поклыкавъ и ихъ:

— Хадѣть, шобъ дивчатамъ веселѣй було!

Парубкы не хотилы йты безъ дивчать, а дивчата соромлялысь безъ парубкивъ. Врешти білява Хымка, жвава й моторна, вхопыла подругу за рукавъ и потягла до Сывашивъ у двиръ.

— Колы йты, такъ уже ходимъ! Шо тамъ ище трыхымныхы мняты!

За нею посунулы й инши дивчата й парубкы. Незабаромъ прыйшла музыка—дви скрыпкы й бубонъ, Зинько прынисъ ласощи. Романови хотилося сёгодни показаты себе. Метнувсь у хату, вынисъ пляшку горилкы, почаступавъ музыкъ, хотивъ частуваты й дивчатъ. Воны пышалысь, одверталысь и казалы:

— Оце жъ такы! Хыба жъ такы мы іи пъемо? Таку гирку!..—И не схотилы пыты.

На складкахъ деяки такы ласувалысь на чарку, але тутъ було соромъ.

— Не хочуть горкого,—дамо имъ сладкого!—гукнувъ Романъ, беручы цукеркы, пряныкы та горихы.—Получайте, дивчата!

Дивчата й доси соромылысь, и ни одна не хотила браты перша.

— Эхъ, вы! какіи несмѣли!—посміявсь Романъ. Побачывшы биля себе Левантыну, винъ сыломиць упхувъ ій у рукы торбынку зъ ласощамы й промовывъ:

— Роздавай подругамъ!

Деликатне довгеньке Левантынyне очлычче видразу взялося полумъемъ. Вона держала въ рукахъ ласощи и не знала якъ бы ихъ збутыся. А Романъ стоявъ передъ нею, сміючыся до неи зъ пидъ вусивъ, блыскаючы на неи смилымы очыма. Левантына спустыла свои темни очы, довги віи выразно зачорнилы на рожевому лычку. Романъ зареготався й одійшовъ, а Левантыни зробылося ще дужче ніяково. Дивчата почалы штовхаты іи, шепочучы:

— Ну чого стоишъ? Роздавай!

Та вона мовъ не чула того и все стояла нерухома, а дивчата сміялыся.

— Одя ще! . мóняется!..—скрыкнула Хымка и вхопыла въ неи зъ рукъ ласощи.—Ось я, дивчата, роздамъ!

И почала роздаваты. Кожній хотилося взяты бильше, але вси бралы потроху, бо соромлялысь. Тымъ часомъ озвалася скрыпка, вдарывъ бубонъ. Танцюрыста Хымка кынула й ласощи.

— Отъ же не выдержу!.. Ой танцюваты хочу!

Парубкы вже тымъ часомъ выпылы зъ Романомъ по чарци. Зъ межы ихъ заразъ изнайшовся одынъ до пары Хымци.

— Эхъ, гуляй душа!—скрыкнувъ винъ и вдарывъ ногамы объ землю. Хымка танцювала гарно й легенько, парубокъ сылкувався не податыся передъ нею. Молодижъ оточыла ихъ кóломъ. Де-дали пара танцювала все палкише й палкише, запалюючы до танцю й иншыхъ. Незабаромъ зъ натовпу вырвалася й друга пара. Першый парубокъ, натомленый, скоро кынувъ танець, але Хымка не вгавала. Вона крутнулася, ажъ стричкы высоко замаялы въ повитри, вхопыла Романа и потягла ёго въ швыдкому танци, сміючыся й моргаючы на ёго веселымы очыма. Але Романъ, проходючы прозъ Левантыну, що стояла не танцюючы, вхопывъ іи та й закрутывъ у тому танцюрыстому крýтени. Збентежена зъ такои несподиванкы, дивчына спершу ніякъ не могла потрапыты въ ладъ, але згодомъ якось утрапыла, и сами ногы, слухаючысь музыкы, робылы що треба. А ій чогось було такъ соромъ, и вона не глядила ни на кого и

все думала про те, що Романъ танцюе передъ нею и дывытся на неи своимы смилымы, ажъ незвычайнымы, очыма, и не могла звесты на ёго погляду. Їй ставало все бильше та бильше ніяково, здавалося, що вси іи саму тилькы й пыльнують, дывуючыся, що вона такъ довго танцюе зъ Романомъ. Вона выхопылася зъ танцю й покрылася въ гурти. Не зосталася й зъ дивчатьмы, а заразъ-же нышкомъ подалася черезъ перелазъ у двиръ до свого хазяина.

А музыкы тялы тымъ часомъ зъ усіеи сылы, парубкы й дивчата танцювалы, ажъ подвирре гуло, довги ясноколирни стричкы маялы въ повитри, брязкало намысто на задыханыхъ грудяхъ, а зъ заквитчаныхъ голивъ падалы на землю квиткы, и дивчата й парубкы топталы ихъ ногамы.

Почувшы музыку й танци, вся бéседа давно вже выйшла зъ хаты подывытыся на молодижъ. Старый Сывашъ забурчавъ спершу, що не слидъ було вулыци робыты въ двори, але маты оступылася за Романа:

— И—й, старый! мовчы вже! Тилькы сёгодни дытына прыйшла, повеселыться схотилося, а ты вже й гниваешся! Може винъ соби тутъ пару знаходе. Давай краще сядемо на прыспи та подывымось, якъ молоди веселяться, то може й мы помолодшаемо.

Пылыпъ тилькы рукою махнувъ. Стари гости подывылыся на молодижъ и почалы прощатыся, бо вже вечорило. Молодижъ ище трохы потанцювала та й подалася зъ двору на выгинъ— кинчаты тамъ свято. Дома матиркы й батькы сварылыся, що вже вечиръ, а дочкы й сыны не йдуть коривъ доиты та товаръ напуваты. Але тимъ було не до того: Романъ пославъ ище по горилку, почастувавъ сёго разу вже й дивчатъ, и довго чуты було на выгони музыку й спивы, танци й голосный молодый смихъ.

Але Зинька тамъ не було. Побачывшы, якъ Левантына втекла зъ танцивъ, и знаючы, що въ іи двори никого немае, винъ пишовъ до себе на тикъ, зъ току перескочывъ у свій садокъ, а зъ свого въ Струкивъ,—чы не побачыть тамъ дивчыну.

Маты нападается на ёго, що винъ доси не одружывся. А колы жъ винъ и справди соби пары не може знайты? Е й гарни дивчата, и роботящи... навить е й багати... та все ёму не пидъ мысли. Ёму треба таку жинку, щобъ винъ про все зъ нею мигъ говорыты, щобъ усю свою душу мигъ ій одкрываты... А то винъ тутъ такъ жыве, що нй зъ кымъ и поговорыты по щыросты. Що правда, про хазяйство и про все таке можно и зъ батькомъ, и зъ матирью, и зъ братомъ розмовляты... такъ сёго ёму мало. Ему хочется все знаты, все розибраты: якъ воно и черезъ вищо и нà що робытся. Колысь заманулося ёму вывчытыся чытаты. Такъ схотилося, що не мавъ упокою ажъ покы вывчывся. Школы въ ихъ тоди ще не було, дакъ винъ оддавъ дякови рубливъ изъ десять мабуть, ажъ покы той навчывъ ёго. Теперъ Зинько чытае, да тилькы якось не дуже ще розбира тіи кныжкы. А хотилось-бы ёму розбираты и знаты багато... про все... Отъ хочъ бы й про те—чого такъ люде жывуть? Тутъ тоби такый убогый, що ничого йисты, а тамъ такый багачъ, що грошы миркою миряе. Одынъ кривавымъ потомъ умывается та робыть та дбае, а другый ледащо, линуется... або ще пъе... а то й красты пиде... Невже не можно кращого порядку завесты? Мабудь про се въ кныжкахъ пышуть, да тилькы винъ не знае тыхъ кныжокъ. Де жъ такы, щобъ воны въ таке мале село та подоходылы? Тутъ про ихъ нихто й не чувъ. Хотивъ Зинько про се кого роспытатыся, дакъ кого-жъ? Дякъ самè божественне знае, пысарь—самй волосни дила, крамарь усе на щотахъ кыдае та запысуе грошы... до батюшкы Зинько не посміе питы, а до вчытеля ходывъ, дакъ и вчытель же... хочъ по кныгахъ знае и всяку науку, а якъ Зинько попытався ёго про свое—якъ бы кращый порядокъ завесты,—то винъ тилькы рукою махнувъ: „Це,—каже,—не твоеи головы дило. За порядкомъ начальство доглядае. А ты, колы хочешъ добре жыты,—робы, не піячъ,—отъ и все!“ Се Зинько й самъ знае, да тилькы, що сёго мало...

Де жъ се Левантына? Чы не въ хати заховалась? А винъ хотивъ-бы погомониты зъ нею. Тыха, роботяща, добра дивчына... И зъ себе гарна... Якъ бы ёму таку жинку, да тилькы щобъ не

таку вже... просту... Колысь винъ заговорывъ зъ нею про дощъ, що винъ бувае зъ пары, а вона тилькы засміялася та й утекла... Якъ же винъ розмовлятыме зъ нею про те, що ёму душу займае? А въ тимъ... вона ще молода... сыротою по наймахъ изросла, ніякои науки ій нихто не дававъ... Ще й дывно, що вона такою доброю дивчыною зросла!.. А якъ бы Зинько зъ нею одружывся, то може бъ іи й чытаты можно навчыты... и до своихъ думокъ прыхылыты... Такъ думавъ Зинько про Левантыну и почавъ прыдывлятыся до неи, зачипавъ іи розмовамы. Дивчына червонила, але говорыла зъ имъ залюбкы. Та Зинько бувъ дуже несмилывый зъ дивчатамы и все боявся заняты Левантыну такъ, якъ парубкы займають тыхъ дивчатъ, що люблють.

Теперъ ёму дуже схотилося погомониты зъ нею... Отъ, щобъ хочъ забуты ту пьяну бѐседу!.. Не любыть того Зинько... Але дивчыны нема ниде—ни въ садку, ни въ двори. Може куды пишла... Зинько перескочывъ назадъ черезъ тынъ у свій садокъ.

Незабаромъ маты загукала ёго. Упоравшись по хазяйству, Зинько пишовъ спаты въ садокъ,—беригъ садовыну. Да тилькы заснуты не мигъ: все тіи думы ёго не покыдалы. Може Романъ... винъ чудный якыйсь... не подобалося Зиньковы, що винъ такъ велычается и языкъ ламае... А про те—мабуть винъ багато бачывъ, багато знае. Бо й справди—по велыкыхъ городахъ бувавъ, пысьма́ въ салдатахъ навчывся. Мабуть винъ зможе росказаты Зиньковы про таке, чого Зинько самъ не здоліе розибраты. Треба зъ имъ поговорыты... Не сёгодни, бо сёгодни мабуть винъ ище не скоро зъ вулыци вернется, а колысь...

Небо давно вже сяло надъ землею своимы зорянымы шма̀тамы, а Зинько все не спавъ. Дума за думою снувалася въ голови, ишла одна по одній якъ хвыля за хвылею... По хатахъ давно вже сплять, затыхлы вже й дивчата й парубкы на вулыци... и дерева дрималы, схылывшысь надъ имъ, и дримала зелена трава и въ висни лоскотала ёму облычче, якъ винъ доторкався до неи, ворушучысь... А высоке й глыбоке-глыбоке небо жахтило й тремтило жывымъ свитомъ, и зо̀ри здавалыся велыкымы й розумнымы очыма блыскучымы... Воны дывлються такъ

ясно, мовъ хочуть зазырнуты Зинькови въ душу, подывытыся що тамъ е. Дывлются такымы велыкымы, велыкымы очыма... якъ у Левантыны... тоди, якъ вона спивае сумнои писни... Вона дывытся й спивае... и гарно спивае... и любо, любо стае... и хылются виты... и всмихаются зори...

И Зинько заснувъ пидъ Левантынынъ спивъ, не знаючы, що Левантына справди выйшла въ свій садокъ и спивала, прываблена сяевомъ безкраёго неба, напоена солодкымы пахощамы чаривнои ночы—тыхои, якъ сонъ маленькои дытыны, ласкавои, якъ поглядъ матери...

II.

Другого дня Романъ уставъ пизно. У его болила голова, бо вчора такы добре выпывъ. Винъ почавъ згадуваты мынулый день, лежачы на соломи въ стодоли, и гнивався самъ на себе, що „завивъ кунпанію“ зъ парубкамы й зъ дивчатамы. Зъ дивчатамы воно ще ничого, до дивчатъ Романъ охочый, а отъ на вулыцю не треба було зъ имы ходыты. Ёму не годытся за панибрата зъ имы буты, а винъ учора, хыльнувшы, се й забувъ. Ну, да се ще не бида, винъ заразъ покаже, що винъ не те, що воны, а беры выще.

Романъ уставъ и пишовъ у хату. Батько зъ Денысомъ та зъ Зинькомъ уже поснидалы й пойихалы на поле—останни копы забираты. Маты щось метушылась биля печы.

— Выспався, сынку?—ласкаво озвалася вона.—Сидай-же, та будешъ снидаты.

— А отъ умыюся.

Умывся, росчесався и сивъ за стилъ. Маты подала галушкы зъ саломъ. Романъ ще ничого не робывъ, то й не выголодався, а галушкы булы зъ простого гречаного борошна и здалысь ёму не смашни. Иззивъ галушку, дви та й положывъ ложку.

— А що жъ се ты, сынку, вже й не хочешъ?—здывувалася маты.

— Штось йисты не хочется,—одказавъ Романъ и вставъ изъ-за стôлу.—Треба пойтыть провѣдать старыхъ знакомыхъ,—додавъ.

— Пиды, сыну, пиды, одвидай!

Романъ надивъ пиджака й картуза зъ билымъ верхомъ, тоди глянувъ на чоботы:

— Эхъ, ваксы просють! Ну, нехай другымъ разомъ!—и пишовъ зъ хаты.

Выйшовшы Романъ зъ двору, спынывся, не знаючы, куды йты. У ёго булы колысь товарыши-парубкы,—теперъ уже вси жонати хазяины,—та ёму не хотилося до ихъ иты: що тамъ одъ ихъ винъ цикавого почуе? Хыба питы, щобъ побачылы, якый винъ теперъ ставъ? Дакъ же никôго дома нема,—вси на роботи. Ну, та вже выйшовъ зъ двору, то пройдется селомъ, а тамъ може й надумае куды иты. И винъ подався вулыцею. Ишовъ помалу, мовъ туды-сюды роззыраючысь на село, а справди дывывся, чы хто ёго бачыть, чы ни. Та вси люде пойихалы на поле, тилькы де-яки бабы поралыся по хатахъ. На вулыци бигалы сами диты. Одынъ маленькый хлопець, побачывшы Романивъ пиджакъ и чоботы зъ блыскучымы ривными халявамы, гукнувъ черезъ вулыцю до трохы старшенькои дивчынкы:

— Дывысь! дывысь! панъ иде.

Романъ усмихнувся,—ёму це сподобалося. Але дивчынка глянула на ёго и видказала своёму товарышови:

— Дурный! Со ты казесъ? То не панъ, а салдатъ Сывасенко,—мени маты казалы.

— Эчъ, чортова патяка!—подумавъ Романъ,—слова не вміе сказаты, а ще й пащыкуе.—Винъ сердыто глянувъ на дивчынку, крыкнувъ: „Ну, ты тутъ"! и пишовъ дали, а та, перелякана, спершу мовчала, ажъ покы Романъ одійшовъ геть-геть, а тоди, пидбигшы до хлопця, сказала:

— Людоцкы, якый страсный!..

А „страшный" ишовъ дали. Ёму по дорози була крамнычка, а биля неи стояло двое-трое чоловикивъ и жинка. Романъ знавъ, що треба поздоровкатыся, прозъ ихъ проходючы, але подумавъ

соби: „Отъ ище чортъ-зна кому куражку скыдаты!“ и помынувъ людей такъ, мовъ бы ихъ и не помитывъ.

— Шо це воно пишло?—спытався одынъ дядько.

— Та це Сывашивъ салдатъ.

— Чы ба, яке пышне: иде й не здоровкается!

И дядькы зъ жинкою почалы промижъ себе судыты Романа, що незвычайный, але винъ того не чувъ, а чымчыкувавъ дали и завернувъ на другу вулыцю. Тамъ побачывъ середъ соломъяныхъ покривель securitiesзализный дахъ на невелычкому будынкови. Вгори надъ дверыма прыбыто було дошку зъ напысомъ: „Народное училище“.

— А зайду до вчытеля!—подумавъ Романъ, хочъ зовсимъ учытеля не знавъ.

Ввійшовъ у чымали сины зъ килочкамы й гвиздкамы по стинахъ за-для школярськои одежи. Ставъ, не знаючы въ яки двери йты, бо передъ имъ було ихъ двое. Одни булы трохы видхылени, и кризь ихъ чуты було розмову. Сердытый голосъ, говорючы „по панському“, крычавъ:

— Чомъ ты мени чобитъ не почыстывъ?

— Двиръ чыстывъ,—одповидавъ другый, мужыцькый старечый голосъ.—Хиба я вамъ лакей? Я—сторожъ.

— Нанявся сторожемъ,—повыненъ буты вчытелеви лакеемъ. Що дня чоботы чысть!

— Та що це таке справди? Я громади пожаліюся.

— Плювать мени на твою громаду! Иды заразъ до Сучка и купы дви колоды картъ!

Зъ дверей выйшовъ, бурчачы соби щось, сывый сторожъ.

— Чы дома вчытель?—спытавъ Романъ.

— А онъ!—показавъ сторожъ на двери и пишовъ зъ школы.

— Хто тамъ?—почувся зъ-за дверей голосъ.—Мабуть зновъ хтось прытырывъ хлопця! Ну й ідіоты! Хочъ не кажы имъ, шо ще рано!

Двери видчынылыся видъ штурханця ногою, и на порози ставъ молодый хлопець зъ закрученымы вгору вусыкамы, безъ сурдута й жилета, въ самій сорочци, заложывшы рукы въ кышени штанивъ.

— Тоби чого?—спытався винъ, але побачывшы на Романи не мужыцьку одежу, повернувъ инакше:—Вамъ чого треба?

— Мое поштеніе!—сказавъ Романъ, простягаючы руку.—Сивашовъ.

Учытель давъ ёму й свою руку и поклыкавъ у хату. Въ невелычкій свитлычци, зъ лижкомъ, столомъ и килькома стильцямы, бувъ неладъ, пороскыдувана одежа, недокуркы зъ цыгарокъ, на стини гытара й рушныця, на столи стоявъ недопытый чай и пляшечка зъ напысомъ: „Ромъ“; пидъ столомъ спала собака. Учытель попрохавъ гостя сидаты и надивъ пиджакъ.

Романъ сивъ, закынувъ ногу за ногу, вытягъ коробочку зъ цыгаркамы, видчынывъ и простягъ до вчытеля:

— Не вгодно-ли? Хорошое различеніе.

Учытель узявъ цыгарку, и воны закурылы. Романъ, ламаючы свою мову ще дужче передъ „образованымъ чоловикомъ“, почавъ выясняты, чого винъ прыйшовъ. Вернувся зъ города, ну, а на сели „скучно“, бо скризь сама мужвá, и нема такого чоловика, щобъ изъ имъ можно було про „образовани“ речы розмовытыся,—тилькы й е, що вчытель та врядныкъ та ще пысарь... Дакъ отъ винъ и прыйшовъ...

Учытель почавъ уже розумиты, кого винъ передъ себе мае,—спершу винъ подумавъ, що це щось инше. Самъ учытель бувъ зъ такыхъ, якъ и Романъ: черезъ двохкласову сильську школу потрапывъ до вчытельськои семынаріи. Выйшовшы зъ неи, мавъ одержаты посаду въ своёму ридному сели, але не схотивъ, бо тамъ зъ имъ уси будуть за панибрата. Належавъ до тыхъ учытеливъ, що, вылизшы зъ „мужыкивъ“ у „паны“, сылкуются яко мога дужче видризнытыся видъ мужыка, сахаются, якъ нечыстои сылы, знатыся зъ имъ и выглядають соби якои багатои управытеливны, чы дочкы грошовытого глытая зъ мужыкивъ, чы врешти вдовы якого полупанка, щобъ, оженывшыся, покынуты

нелюбе й нудне вчытелюванне та й перейты зовсимъ „на панську лынію“. Романъ бувъ передъ нымъ уже занадто нызькый, бо вчытель ныжче пысаря, врядныка та крамаря Сучка и не дывыся. Тилькы винъ ище непевный бувъ, чы справди Романъ мужыкъ. Отъ призвыще его.. Сывашовъ... Сывашовъ.. Не чуть у нашому сели Сывашова... Але вразъ изгадавъ:

— Та вы мабуть Пылыпа Сываша сынъ?

Романъ навить трохы почервонивъ и почавъ вывсняты, що хочъ сёму и правда, але вси ёго на служби звалы „Сывашовъ“, бо якъ простый чоловикъ, то буде Сывашъ, а якъ „образованый“, то—Сывашовъ.

Теперъ учытель уже знавъ, що нема чого ёму знатыся зъ Романомъ,—се тилькы пошкодыть ёму, прынызыть ёго передъ ёго „панськымы“ знаёмымы. Надто винъ бувъ сёгодни сердытый: учора звечора винъ мало не до свиту гулявъ у карты у батюшкы и програвъ симъ рублывъ. А въ ёго са́ме не було теперъ грошей, бо влитку на грошы скрутнише: взимку школяри (воны въ ёго муштровани!) разъ-у-разъ носють ёму всякы ковбасы, сало, а то такъ и сахаръ навить, то менше доводытся вытрачаты. А теперъ усе зъ готовенькыхъ грошей! Добре жъ, якъ винъ сёгодни (мае жъ поклыкаты всю компанію до себе) та одиграе, верне свое, а якъ-же ни? Все це гнивало вчытеля, и винъ сердыто сказавъ Романови:

— Ну, мени теперъ ни́колы... У мене дило е...

Романъ почервонивъ и вставъ ображеный.

— Якъ завгодно...

Винъ простягъ бувъ знову руку, але теперъ уже вчытель не давъ ёму своеи. Зовсимъ збентеженый, Романъ швыдче пишовъ зъ хаты и чувъ, якъ слидкомъ за имъ учытель пробубонивъ:

— Усякый хамлюга прется знаёмытысь!

Покы выйшовъ Романъ на вулыцю, ёго збентежинне мынулося, и винъ тилькы бувъ страшенно лютый на вчытеля за образу. До кого жъ бы мени ще пиcты?—думавъ винъ и побачывъ заразъ-же биля школы волость. Повернувъ до неи.

Тутъ уже ёму пощастыло, бо выявылось, що пысарь бувъ ёго колышній товарышъ. Батько ёго ще хлопцемъ оддавъ до школы ажъ у мистечко,—тамъ винъ и вывчывся на пысари. Цей самъ добре вмивъ „по образованому“ и радый бувъ Романови.

— Сидай, брате, сидай! У насъ у волости никого нема: старшына, староста и всяке начальство подалося снопы возыты,— дакъ я самъ тутъ и старшына, и староста, и все.

Романъ сивъ биля стóлу, покрытого зеленымъ, старымъ, скризь чорныломъ заляпанымъ, сукномъ. Пысарь Грыгорій Павловычъ Копаныця бувъ такыхъ литъ, якъ и Романъ, але вже добре видпасся на волосному хлиби, и ёго заллозеный пиджачокъ бувъ вузькый на гладки плечы. Винъ крутывъ свою руденьку боридку и залюбкы росказувавъ Романови, якый ёму велыкый клопитъ у волости, що старшына дурный, винъ самъ усе мусыть робыты, и за себе, и за старшыну справлятыся, а плата мала, а „такъ соби посторонній доходъ тоже не значительно большой“. На домыкъ такъ-сякъ збывся, а бильше й ни зъ чого...

Тоди почавъ росказуваты Романъ, якъ винъ жывъ у гóроди—спершу въ салдатахъ, а тоди на служби въ палати; тилькы винъ уже не казавъ теперъ, що бувъ швейцаромъ, а говорывъ, що бувъ „такымъ служащымъ, што, знаешъ, надзыраетъ за йзданіемъ“.

Тоди збалакалысь за мужыкивъ, и пысарь ихъ лаявъ, що народъ ставъ неслухняный и все хоче, щобъ на дурнычку ёму роблено, мовъ и не тямыть, що хочъ таксы й нема, ну, а всякому звисно, що, опричъ годовои платы, треба пысареви и за кожну роботу—чы за пашпортъ, чы за рóспыску, чы ще за що— окремо заплатыты... а мужыкъ, колы й скаже, що прынесе мирку картопли, то прышле тилькы пивъ миркы... и отакъ усе...

Гомонилы довгенько, ажъ покы пысарь сказавъ:

— Ну, знаешъ що, Романе Пылыповычу? Ходимъ до мене обидаты! Пошаную тебе для нового знакомства.

Романъ тому бувъ дуже радый. Вже выходючы, стрилы на порози врядныка Ивана Иллича, трохы старшого за ихъ обохъ чоловика, непоганого зъ себе, въ пидстрыженою гострымъ клынцемъ боридкою. Пысарь зазнаёмывъ ёго зъ Романомъ та й

тежъ поклыкавъ до себе обидаты. Сей хочъ и пообидавъ, та не мавъ заразъ чого робыты, то пишовъ.

Пысарь жывъ у гарненькому домыку, прыбраному по мищанському, зъ стильцямы, зъ тапчаномъ, зъ комодою та старенькымъ „буфетомъ“, поставлянымъ у найпараднищу хату, зъ ясно-хварбованымы малюнкамы пидъ склом по стинахъ. Выдко було, що добродій Копаныця даремне звавъ „такъ соби посторонній доходъ“ „не значытельно большымъ“. Гостей стрила пысарька — молода, одгодована и свижа молодыця-моргуха.

— Улясю,—сказавъ весело пысарь,—давай намъ обидаты та ще й швыдко! Та ще й доброго!

— Буде й добре, буде й швыдко!—сміючыся прывитно, видказала молодыця и побигла въ пекарню.

Незабаромъ справди сыдилы за столомъ. Пысарь вытягъ зъ кышени пляшку горилкы и поставывъ на стилъ.

— Доброхотное даяніе?—спытавъ, пидморгнувшы, врядныкъ.

— Зъ капосного Омелька,—видказавъ господарь,—треба було бъ бильше, та вже хай буде й стилькы.

— Всяко даяніе благо, а надолужыты можно не теперъ, то въ четверъ,—порадывъ урядныкъ.

Выпылы по чарци, и хазяйка чарочку хыльнула, и тилькы взялысь до борщу, ажъ у синяхъ щось затупотило.

— А чы дома хазяинъ?—почувся звидты товстый голосъ.

— Ге, це Мыхайло Грыгоровычъ!—сказавъ пысарь.— Идить! идить! дома!—и винъ одчынывъ двери.

У свитлыцю ввійшовъ невысокый, але товстый рудый чоловикъ, убраный у гарну чумарку, зъ картузомъ у рукахъ. Сёго Романъ знавъ, се бувъ крамарь Сучокъ. Хазяи почалы садовыты ёго за стилъ. Винъ повагомъ, зъ протягомъ вымовляючы кожне слово, упевнявъ спершу, що вже пообидавъ и зайшовъ за диломъ, але врешти сивъ. Выпылы знову й почалы йисты смашный борщъ. Покы пидйилы, то мало розмовлялы, але потимъ уже, по четвертій выпывшы (и пысарька Уляся що-разу по пивъ чарочкы), зробылыся вси весели й гомивки. Романъ

бачывъ, якъ Уляся все моргала на врядныка та прыпрохувала ёго. Сучка не прыпрохувала, але той и самъ добре йивъ, важко сопучы. Пообидавшы, позакурювалы и пишлы въ садокъ—господарь изъ Сучкомъ попереду, за имы Романъ, а позадъ усихъ урядныкъ зъ пысарькою. Озырнувшысь выпадкомъ, Романъ побачывъ, якъ урядныкъ займае Улясю за станъ, а вона, смiючыся, сварытся на ёго пальцемъ, показуючы, що побачуть передни. И Романови одразу стало заздро й шкода, що не винъ займае червонощоку веселооку пысарьку.

Въ садку полягалы й посидалы на трави и зновъ почалы розмовляты, коженъ здебильшого про свои дила, и вси якось чеплялыся за мужыкивъ: одному мужыкы тымъ не догодылы, другому иншымъ. Сучокъ казавъ, що мужыкъ хытрищый за чорта, а врядныкъ доводывъ, що хочъ винъ и хытрый, але дурный, и росказавъ, щобъ пидперты свою думку, про дурного Хому, якъ винъ мыло пойивъ. Вси страшенно реготалыся, а заохоченый оповидачъ докыдàвъ одну по òднiй ще й инши брехенькы про мужыкивъ: про те, якъ мужыкови переминылы ёго хахлацьку голову на чортову; про те, якъ салдатъ и хохолъ кыпилы въ пекли въ казани: чортъ сказавъ: Салдатъ!—А салдатъ: Ась?—Ну, вылазь!—Тоди до хахла: Хахолъ!—Шшчо-о?—Ну, сиди ищо! Вотъ тибѣ за хахлацкiй языкъ у пекли сыды!

Вси знову реготалыся, а пысарька навить крычала тоненько:

— Ахъ, прелисть! Ахъ, прелисть!

Вона служыла въ панивъ за покоивку и тамъ навчылася такъ крычаты.

Потимъ повернулыся въ хату и пылы чай и знову весело гомонилы...

Сучокъ пишовъ, бо ёму треба було въ крамныцю, але Романъ зъ урядныкомъ досыдилы ажъ до вечора.

Въ хатахъ уже посвитылося, якъ Романъ вертався до-дому. Якъ увiйшовъ у хату,—симья саме вечеряла.

— Бачъ, отъ де й нашъ прыблуда!—озвавсь, ласкаво смiючыся, батько.—Де се ввесь день швендявъ?

Отъ, хыба въ ёго нема тутъ добрыхъ людей, знаёмыхъ!— и Романъ почавъ розсказуваты, що винъ ходывъ до вчытеля и такъ гарно зъ имъ познаёмывся, а тоди бувъ у пысаря, и якъ добре ёго тамъ прыймано... Маты радила, слухаючы, якъ іи сына гарно витають, инши мовчалы.

— Та сидай уже, сынку, блыжче до столу та вечеряй!— прыпрохувала маты.

— Вотъ я такыхъ стравъ наѣвся у пысаря, што вже мынѣ вашои вечери не хочеться.

Матери се трохы не сподобалося, що сынъ поныжае іи стравы, але винъ того не помитывъ и знову почавъ разсказуваты про пысаря: якъ винъ гарно жыве та якъ добре буты пысаремъ.

— Та воно добре,—озвався Зинько,—та тилькы ще краще було бъ, якъ бы пысари бильше по правди робылы, а то... онъ и сей такый, що прымивъ бы,—дви шкуры зъ тебе дравъ бы.

— Ну, се, братуха, пустякъ дѣло,—одказавъ Романъ,— на то щука въ мори, штобъ карась не дрималъ. Каженъ зъ свово ремесла можыть сыбѣ барышъ брать.

— Нехай и барышъ, та не здырство,—озвався батько,—а то сей бувъ такый харпакъ, що на хребти не держався сирякъ, а теперъ уже бачъ у яки достаткы зъ тыхъ барышивъ убывся. Та ще й велычается: мужыкы—дуракы! Ты бъ, Романе, краще не водывся зъ имъ: винъ тебе на добро не напутыть, а люде про тебе погане казатымуть.

— А какое мынѣ вныманіе до людей?—одказавъ Романъ, здвыгнувшы плечыма.—У насъ своя кунпанія. Ну, што тамъ розбалакувать,—времъя спать!

Забравъ одежу и пишовъ спаты въ клуню. Умощуючысь на соломи, згадавъ, яки высоки й мняки подушкы, квитчастою ковдрою застелени, винъ у пысаря бачывъ. И ёму стало завидно и схотилося такои сáме гарнои свитлыци, мнякыхъ подушокъ, добрßи стравы зъ горилкою и червонощокои жинкы... А хата батькова здалася ёму такою негарною й чужою... та й люде въ тій хати... Велыка штука, що воны ёму свои! Колы жъ воны

таки... мужыкы!.. И поправди врядныкъ та пысарь изъ ихъ сміются, бо воны жывуть такъ... зовсимъ „безъ понятія, якъ настоящая необразованая жывотная“. Хыба жъ винъ може такъ жыты? Колы жъ винъ теперъ зовсимъ иншый чоловикъ ставъ!

Винъ усе думавъ про це и не мигъ заснуты. Поручъ изъ тымъ, що винъ бачывъ сёгодни, згадувався ёму гòродъ, вулыци зъ лыхтарямы, свитлыци въ палати, де винъ бувъ за сторожа... циркъ—оттуды що-дня ходывъ бы! А тутъ ся тисна хата зъ лавамы, зъ рогачамы... Сей батько або Денысъ, що якъ скаже слово, то такъ и верне языкомъ „на верлé“... Репана мужва—ажъ смердыть! А тамъ, у гòроди, зовсимъ не таки люде... А дивчата!.. И винъ почавъ прыгадуваты городянськыхъ покоивокъ та куховарёкъ, яки булы до ёго ласкави... Ахъ, чортъ ёго знае! Машка мабуть плаче теперъ!.. (Гляды, що ще дытына буде!..) Та хыба сама Машка? Булы й попередъ неи...

Уставъ, не можучы лежаты, накынувъ пиджака и выйшовъ зъ клуни. Въ кинци садка, що бувъ заразъ же сумежно зъ токомъ, якыйсь чыстый молодый дивочый голосъ выводывъ писню.

— Що воно спива въ нашому садку?—подумавъ Романъ, перескочывъ черезъ тынъ, и пишовъ садкомъ. Спивало не въ ихъ, а въ садку въ сусиды въ Струка. Романъ перелизъ и черезъ Струкивъ тынъ и потыху пишовъ помижъ деревамы унызъ до рички на той голосъ. Незабаромъ винъ побачывъ дивочу постать. Выдно, що прыйшла по воду, бо на земли стоялы видра, але вона забула про ихъ, прычарована сіею тыхою ниччю и нижно зваблывымъ плюскотомъ темныхъ хвыль биля своихъ нигъ... Стояла й спивала...

— Мабуть Струкова наймычка,—подумавъ Романъ, и ёму згадалось іи деликатне облычче зъ довгымы віямы на щокахъ и тоненькый станъ,—такъ винъ тоди въ танци обкрутнувъ іи, обхопывшы за станъ рукою... Вся зачервонилася, задыхани молоди груды высоко здіймаются... выхопылась и втекла...

Романъ тыхо-тыхо пидійшовъ до дивчыны. За спивомъ вона почула ёго тилькы тоди, якъ уже биля неи стоявъ. Жахнулась:

- - Ой Боже! хто се?

Хотила вже тикаты, але винъ прыдержавъ іи за рукавъ.

— Се я... Романъ...

— Чого жъ се ты... вы тутъ?

— Паслишалъ якъ поёшъ та й прыйшовъ.

— Ото жъ! Чого бъ то вы до мене прыйшлы!

— Того, што харошынька!—и винъ хотивъ обняты іи за станъ, але вона выпручалася.—Какъ тыбъя звуть?

— Левантыною.

— Харашо!—и винъ такы обнявъ іи й прытулывъ до себе. Але вона заразъ одипхнула ёго, вырвалась и, покынувшы й видра, якъ коза дыка, втекла, покрывшыся за деревамы.

— Эчъ, яка прудка!—подумавъ Романъ.— Моторна! А ловка дивчынка,—треба бъ заходыться коло неи!

Постоявъ ще трохы, дожыдаючы, чы не вернется по видра. Не верталась. Пишовъ до-дому въ свою клуню.

Туды вже тымъ часомъ прыйшовъ спаты Зинько.

— Я думавъ, що ты вже спышъ, Романе, а ты ще ходышъ.

— Не спытся какось.

— Отъ и мени часомъ не спытся. Усе думкы обнимають, та й спаты не дають.

— Думкы?—сказавъ Романъ, и Зиньковы на мыть вдалося, немовъ сказавъ трохы глузуючы.—Што за думкы?

— Та всяки... Отъ учора я все думавъ: якъ ёго такъ изробыты, щобъ усимъ людямъ добре на свити жылося? А то отъ хочъ бы сказаты про землю... Такого народу намножылося и де дали, то все бильше й бильше людей на свити стае... Людей бильшае, а земли не бильшае... Ну, теперъ скрутно людямъ жыты, а де дали все скрутнише, все скрутнише буде... и такъ колысь изробытся, що не ставатыме людямъ того, що земля

може зародыты... Що жъ тоди робыть людямъ? Хочъ зъ голоду гынь!

— Вотъ штука!—видказавъ Романъ.—Не станыть тутъ чого ѣсты,—прыкажуть переселяться на другое мѣсто та й шабашъ!

— Та я жъ кажу: а якъ на другому мисци такъ буде? По всій земли такъ. Що тоди буде? Може проще въ кныжкахъ, або що, пышется? Тебе добре навчено въ салдатахъ, Романе, то ты се повыненъ знаты.

— Въ какыхъ тамъ кныжкахъ?—одказавъ Романъ.—Вотъ, будуть ищо такіи кныгы печатать! Про ето начальство само знаеть, какъ и што.

— Ни,—не згодывся Зинько,—отъ я чытавъ одну кныгу про чужи краи, такъ у ій...

— А, пустякъ вныманія!—перепынывъ ёго Романъ.—Лучче давай спать!

Винъ одвернувся, мовъ хоче спаты. Винъ бувъ мало пысьменный, кнlжокъ не чытавъ, хыба часомъ анекдоты про Балакырева. Теперь винъ бачывъ, що Зинько за ёго бильше пысьменный и щось знае таке, що Романъ ёго не знае, и ёму стало ніяково. А Зиньковы здалося, що Романъ меньше знае, нижъ спершу винъ, Зинько, думавъ про ёго.

Другого дня вранци батько зайшовъ у клуню, збудывъ Зинька й Романа и звеливъ обомъ иты на тикъ молотыты. Зинько заразъ уставъ и пишовъ, а Романъ довго ще огынався. Ёму зовсимъ не хотилося молотыты, трохы навить соромъ було до чорнои роботы братыся. Що це батько соби дума? Що винъ буде ёму въ гною рыться, воламъ хвосты крутыты? Не питы оце та й годи!

Одначе сёго разу ще не зважывся сперечатыся зъ батькомъ и пишовъ на тикъ. Сонце ледве почынало вызыраты зъ-за обрію, було росяно й холодно, и Романъ ажъ тремтивъ. На току вже булы батько й браты.

— А що, брате, холодно?—озвався Денысъ.—У васъ тамъ по городахъ теперъ ище сплять. Та дарма! Якъ ципомъ помахаешъ, то такъ угріешся, що й потомъ тебе вмые.

Романъ ничого не видказавъ, узявъ ципъ и ставъ блыжче до Зинька. Ударыло чотыри ципы: тры смило й важко, одынъ якось не до ладу. Романъ зовсимъ одвыкъ одъ ціеи роботы. Винъ не потраплявъ у ладъ, замисто щобъ уцилыты бычемъ, бывъ у снипъ кинцемъ ципылна, а бычъ завертався вгору и заскакувавъ назадъ. Винъ росердывся й гупнувъ зъ усіеи сылы. Бычъ одирвався, видскочывъ и вдарывъ Романа по руци дуже боляче. Романъ кынувъ ципылно й лайнувся.

— Эге, сынку,—озвався батько,—та я бачу, що тоби треба довго прывчатыся, щобъ изнову добрымъ молотныкомъ статы.

— На чорта я буду прывчатыся?—вызвирывся сердытый Романъ.—Разли вы думаете, што я буду гупать тутъ изъ вамы по остюкахъ цепомъ?

— А хыба жъ ты думаешъ, що хлибъ самъ буде робытыся, самъ и въ ротъ кластыметься?

— И безъ етаго дурацкаго дѣла сытъ буду!

— А ну, якъ?

— Разли я сыбѣ службы не знайду? Вотъ пойду въ икономію и прыкащыкомъ поступлю.

— А шо жъ, добра штука,—видказавъ спокійно батько.—Абы прыйнялы.

— Ищо-бы! Имъ образованыхъ людей нужно.

— Та... казала й Ганна, що вона рада за пана, дакъ панъ, клятый, не бере!—засміявся Денысъ.

— Этъ, вы зъ вашымы мужыцькымы выгадкамы!—росердывся Романъ, кынувъ ципъ и пишовъ зъ току.

Батько зъ сынамы ззырнулыся, але нихто ничого не сказавъ, и ципы знову загупалы по повноколосыхъ снопахъ, далеко озываючысь у свижому жывущому повитри веселого, сонцемъ осяяного ранку.

Сердытый Романъ, не заходючы въ хату, подався просто на село и опынывся у врядныка. Тамъ винъ потрапывъ на чай, напывся ёго добре, потимъ ще посыдилы та побалакалы. Романови хотилося, щобъ ёго зоставлено й обидаты, дакъ господари

або не догадалысь, або не схотилы того. Довелося йты обидаты до-дому. Прыйшовъ, якъ уже вси пообидалы, и обидавъ самъ. Маты, щобъ ёму догодыты, заризала й зварыла курку. Выголодавшысь Романъ, не зоставывъ зъ неи ничого. Попойившы, заразъ подавсь изнову зъ дому.

Почувъ, що сёгодни тилькы прыйшовъ до Грыценкивъ ихъ салдатъ, дакъ и повіявся туды. Винъ зъ имъ не въ одному полку бувъ, да те дарма: салдатъ, то вже однаково, що й товарышъ.

Грыценкы булы вбоги люде и не заклыкалы бéседы такъ, Сывашы, але и въ ихъ булы гости: двое-трое родычивъ. Билявый поганенькый салдатыкъ сыдивъ за столомъ радый такый, що ажъ сяе, и роспытувавъ про хазяйство, про родычивъ, про товарышивъ, бажаючы знаты все, що сталося на сели, видкóлы ёго не було дома. Романа посадылы за стилъ, шанувалы...

Вернувся Романъ до-дому ажъ у вечори и лигъ заразъ спаты. Другого дни пишовъ зранку, проблукавъ у гаяхъ до обидъ и прыйшовъ до-дому такъ, щобъ изновъ обидаты самому. Вже кинчавъ обидаты,—ввійшовъ батько зъ току:

— А де, Романе, бувъ? Чы не въ економіи?

— Де бувъ, тамъ бувъ! Поспіемо ще зъ економіею!... Совремѐнно все зробытся.—И выйшовъ зъ хаты.

— А що, стара, робытымемо зъ сынкомъ-салдатыкомъ?—запытався Пылыпъ у жинкы, якъ Романъ выйшовъ.

— А що жъ тамъ робыты?—видказала Параска пытаннемъ, мовъ не розуміючы, бо се справа про іи мазунчыка була.

— Де та якъ будемо добуваты, щобъ ёму на пануванне настачыты?

— Оце ще що выгадай! Дытына тилькы прыйихала, натомылася,—и видпочыты не дасть. Оклы́гае, то й до роботы визьмется.

— Ни, каже, що не хоче братыся, а буде въ економію прыкащыкомъ поступаты.

— А може жъ и поступыть! Винъ же въ насъ образованый.

— Треба тамъ такыхъ!

— Ты вже нападешся! Перечасуй, то й побачышъ, що все добре буде. А то ты якъ почнешъ грыматы, то тилькы сварка буде.

— Добре, я перечасую, помовчу трохы,—побачымо, яки въ ёго люде будуть.

И батько справди замовкъ и не казавъ Романови ничого.

III.

Тры дни мынуло тыхо; на четвертый Романъ попрохавъ у батька карбованця.

— На що?—спытавъ батько.

— А што жъ, я безъ капѣйкы жыть буду? Пакуда дашовъ,—вытратился. И папыросъ не за што купыть!

— Ге, хлопче! Якъ мы будемо на панськи цыгаркы грошы переводыты, то скоро въ насъ и хазяйства не стане,—видказавъ батько.—Нема въ мене грошей.

Романъ ляснувъ дверыма та й подався на село. Винъ гнивався на батька й на бративъ страшенно, лаявъ ихъ мужвою нетямущою, що не розуміють, якъ повынни поводытыся зъ образованымъ чоловикомъ. Але винъ те знавъ добре, що якъ батько затнется, то вже зъ имъ ничого не зробышъ. Грошей винъ не дасть.

Треба справди пиiты въ економію: а може пощастыть. Економія була велыка, и людей тамъ служыло багато. Романъ заразъ же й пишовъ до вправытеля и знайшовъ ёго въ контори.

— А що скажешъ?—спытався той.

Романъ почавъ выясняты, що служывъ на службі и хотивъ бы маты якусь прыстойнишу, нижъ проста хлиборобська, роботу.

— Яку жъ то роботу?—попытавъ управытель.

— Хотивъ бы прыкащыкомъ.

— Эге, не треба намъ прыкащыкивъ, бо вси е. Та й хыба жъ ты знаешъ хазяйство? Бувъ у салдатахъ, служывъ десь швайцаромъ, а до хазяйства пнешся!—и вправытель повернувсь бувъ до свого дила, але заразъ же зновъ озвався:— А въ тимъ... мени треба одного чоловика въ контору... Тилькы щобъ добре пысьменного. Пысьменный?

— Такъ тошно.

— Сидай за стилъ, пышы!

Романъ сивъ и взявъ перо у рукы, а вправытель, не дывлючысь на ёго, а запысуючы щось у велыку кныгу, почавъ проказуваты ёму що пысаты. Ни перо, ни пальци ніякъ не слухалыся Романа, и ледве встыгъ винъ вывесты дви перши слови, а вже той наговорывъ ёму ихъ зо два десяткы.

— Позвольте,—я не послишавъ, какъ вы сказалы...—прыпынывъ ёго Романъ.

— Не оставатъ позаду!—управытель проказавъ ёму знову все зъ початку.

Романъ зновъ ухопывъ килькы сливъ, а все инше загубывъ.

— Позвольте,—не вспишусь.

Той глянувъ на пысанне и побачывъ, що зъ усёго проказаного напысано килькы першыхъ сливъ велыкымы недотепнымы крывымы карлючкамы: Романъ ледви вмивъ пысаты.

— Пиды жъ спершу навчысь пысаты, а тоди прыходь. Въ контору не годышся. Колы хочешъ,—ставай до молотылкы.

— Ни, до молотылкы не хочу.

— И добре, бо лінывыхъ мени не треба. Йды соби!

Романъ выйшовъ зажуреный и сердытый.

У ёго ще було въ кышени трохы грошей, винъ зайшовъ въ монополію, купывъ горилкы и выпывъ зъ горя заразъ же пидъ хатою на вулыци...

Другого дня вранци стара Сывашыха полизла въ скрыню довго тамъ щось перекыдала ажъ на дни и врешти вытягла якыйсь вузлыкъ. Звидтиля вывъязала карбованця и, якъ Романъ увійшовъ у хату, виддала ёму.

— На тоби, сыночку, карбованця, бо батько не дасть, а тоби треба.

— Отъ спасыби, мамо, хочъ вы по людському до мене,— не такъ, якъ батько.

— Да тильки ты, сынку, шукай соби роботы, а то буде въ васъ гнивъ та сварка зъ батькомъ та зъ Денысомъ.

— Ходывъ уже въ икономію.

— А що жъ?

— Взялы бъ зъ дорогою душею, дакъ усѣ прыкащыкы есть. Хочъ я й салдатъ, ну—невозможно для мыня человѣка прогнать.

— Правда... Отъ лышенько... А може що де пошукаты.

— Найдёмъ! Не поспишайтесь! Усё будетъ у свою прыпорцію и на неболшомъ разстояніи.

А самъ соби Романъ думавъ: мабуть у матери не одынъ вузлыкъ зъ карбованцямы. Треба такъ пидкрутыты, щобъ воны ёго рукъ не мынулы.

Збигло ще тыжднивъ зъ пивтора. За сей часъ Романъ дужче зазнаёмывся зъ крамаремъ Мыхайломъ Грыгоровычемъ Сучкомъ. Спершу винъ тилькы въ крамныцю до ёго заходывъ, а дали й до-дому,—разъ навить обидаты ёго зоставлено. Йилы добре,— черезъ те мабуть таки й гладки булы и самъ Мыхайло Грыгоровычъ, и ёго жинка Агахвія, и дочка ихъ Горпуша, дивчына рокивъ девъятнадцятёхъ, або й двадцятёхъ. Сучкови Романъ росказувавъ, що винъ покы такъ соби, ничого не робыть, розглядаеться до чого братыся: чы службу браты, чы комерцію заводыты, и натякавъ, що въ ёго е на ту комерцію грошы. Се винъ выгадувавъ на те, щобъ Сучокъ ёго мавъ не за абы-що. А той ёму такъ и вирывъ, и не вирывъ, а про те до себе пускавъ.

Зазнаёмывся ще Романъ и зъ дякомъ та зъ якымысь „служащымы" на зализнычній станціи. Туды Романъ ходывъ розпытатыся, чы не треба на зализнычній лініи жандарма,—хотивъ ще туды податыся, але на ти посады брано тилкы унтеръофицеривъ, а винъ бувъ простый салдатъ. Романъ разъ-у-разъ ходывъ по своихъ знаёмыхъ и радый бувъ, якъ траплялося тамъ напытыся чаю а бо що смашне зйисты, бо дома того не було. Дома винъ такъ такы ничого й не робывъ; тилькы по-

справлявъ соби вудкы и ходывъ на ричку рыбу надыты. Що вловыть,—прыносывъ матери, а вона ёму варыла юшку,—„вухою“ винъ іи звавъ,—або пекла рыбу въ сметани. Винъ пидлещувався до матери, щобъ выдурюваты въ неи грошыкы, и маты справди ёму давала зъ своихъ схованокъ—покы було що даваты. Винъ ій розсказувавъ, що ёго скризь такъ гарно прыймають, и ось-ось уже винъ матыме службу, а заразъ не можно, бо... щось тамъ выгадувавъ!..

Тымъ часомъ по селу пишла чутка про те, якъ Романъ ходывъ найматыся въ прыкащыкы, и якъ управытель дававъ ёму пысаты. Парубкы й дивчата на вулыци почалы глузуваты зъ Романа,—звисно не въ вичы, бо винъ на вулыцю не ходывъ. Але одного разу се почула й Левантына. Вона оступылася за ёго.

— И чого бъ я сміялася? Якъ не пощастыло чоловикови, то хыба вже винъ и поганый? Та може жъ те все ще й брехня!

— А ты се зъ якои речы такъ ёго бороныты заходылася? крыкнулы дивчата й парубкы та й почалы сміятыся вже зъ Левантыны, прыкладаючы до неи Романа. Вона розсердылася:

— Тю на васъ! Чы вы не подурилы? Чого вы мени ёго на шыю чепляете? Подавитьсн вы своимъ Романомъ!

Бачучы, що вона сердытся, облышилы іи.

А Левантына якъ одсердылася та верталася до-дому, то зновъ ій стало жалко Романа. И черезъ що ёго такъ уси на глузы взялы? Такый гарный зъ себе! Чудный трохы зъ своею „образованою“ балачкою, та це вси салдаты таки, якъ прыйдуть, а якъ пожывуть трохы дома, то й знову по людському говорють. Тилькы погано, що винъ рукамъ волю дае. Отъ уже вдруге винъ іи перестрива въ садку. Вперше вона ёго такы добре турнула, то вдруге винъ тыхшый бувъ, хочъ и не зовсимъ. Вдруге вона вже видъ ёго такъ швыдко не втекла, и воны трохы постоялы, погомонилы...

Такъ думала Левантына про Романа и згадувала ёго гарни вусы и чорни бровы и станъ ривный...

А Романъ и соби згадувавъ Левантыну. Вона ёму дуже до вподобы прыпала. Якъ бы іи вбраты въ панську одежу, то зовсимъ-бы якъ панночка була. Куды! Не всяка й панночка зривнялась-бы зъ нею! Та іи й дражнють на сели панночкою. А се того, що маты породыла іи, дивчыною бувшы, якъ служыла въ панивъ за наймычку. Казалы за якогось паныча... Маты вже вмерла, а дочка, якъ и матиръ, ходыть теперъ по наймахъ.

Романъ бувъ не дурный и незабаромъ помитывъ, що дивчыни не подобается ёго занадто смиле поводинне и непроста мова. У городи дивчата до сёго позвыкалы, а тутъ—ни. Романъ надумавъ поводытыся зъ нею такъ, якъ звычайно поводються зъ своими дивчатамы сильськи парубкы. И говорыты зъ нею почавъ тилькы по простому.

Дивчына помитыла, що Романъ до неи вже не такый ставъ, и сама подобрищала трохы до ёго. А що про ёго погане казалы,— вона те за водою пускала. Хыба люде не набрешуть? На неи саму таке разъ-у-разъ наплещуть. А винъ ій такъ усе гарно росказуе про себе. Хочъ винъ теперъ и безъ службы, дакъ що? Прыйде та годына, що й служба въ ёго буде, и жытыме винъ паномъ дило. А що винъ дома ничого не робыть, дакъ разъ, що винъ одвыкъ одъ простои роботы, а вдруге, що винъ хоче краще навчытыся пысаты, дакъ не можно чорнои роботы робыты бо видъ того пальци задубіють, зашкарубнуть, иніякъ не вы выведешъ перомъ. Романъ не дурывъ сымъ Левантыны: винъ и справди разивъ килькы сидавъ учытыся пысаты, та довго не мигъ высыдиты, бо се було такы нудно. Винъ и въ салдатахъ учывся бильше зъ прымусу.

Роспытувався Романъ Левантыну й про іи жытте. Тяжке се було жытте. До семы рокивъ маты тягала іи зъ собою по наймахъ, а писля семы й саму виддала въ наймы. Покы жыва була маты, то тяжко було жыты: все по чужыхъ хатахъ та по чужыхъ людяхъ. Та скризь поштуркують та шматкомъ хлиба дорикають. А вона того шматка хлиба николы дурно не йила: тилькы на ногы зопъялася, то вже й велять хазяи менши диты хазяйськи глядиты або посылають гусы пасты, чы телята. Маты

за грошы жыве, а вона за харчъ своимы малымы рукамы й ногамы видбувала, хочъ матери за те плачено менше, що вона зъ дытыною була. Та якъ умерла маты, то тоди вже й свитъ бидній дивчыни потьмарывся. Маты хочъ и погримае, и попобъе було, та й пожалуе,—Левантыни й сонечко засміется. Тоди було Левантына гнивалася на матирь, якъ та часомъ ударыть, а теперъ бы й рукы тіи цилувала, якъ бы былы. Та важка земля на грудяхъ. У наймахъ, кажуть, и батька не вжаліешъ. А вже сыроту, то й не думавъ нихто жалиты. Ходыла й по снигу боса, йила й такый хлибъ, що собаци треба размочыты въ помыйныци, та й тоди вона не схоче. Що вже на вулыци хлопци та дивчата прыкладкы до неи прыкладають, загадкы: Вгадайте—що на свити найшвыдче бига? Левантына, якъ іи хазяйка потылышныкамы нагодуе. Панночкою та прыплентачкою дражнють...

Де що зъ усёго цёго Левантына розсказувала й Романови. А винъ жаливъ іи, що вона така гарна та молода та поневиряется въ наймахъ. Вона ёму така вдячна була за ёго ласку, бо мало іи бачыла, и казала про те, якъ ій и теперъ важко жыты въ Струкивъ, що дуже зъ неи знущается сердыта й лаюча Стручыха. А одного разу Романъ изнайшовъ іи на левади, якъ вона сыдила й тяжко плакала. Стручыха попобыла іи качалкою ни за що: хтось изъ хазяйськыхъ дитей побывъ лямпадку биля богивъ, а хазяйка звернула на неи. Левантына плакала й нарикала на свою долю, а Романъ розважавъ іи ласкавымы словамы и прыгорнувъ до себе. Вона вже не пручалась и не счулася, якъ винъ ставъ іи цилуваты, и вона ёго цилувала... плакала й цилувала и звала братикомъ и мылымъ, и ридненькымъ... и ій такъ гарно, гарно стало... и вона забула Стручыху зъ качалкою и все забула... сыдила зъ имъ обнявшыся и розмовляла... и ззыралася зъ имъ очыма при мисяшному сяеви...

Зъ того часу Левантына вже вважала Романа за свого парубка, за женыха и поводылася зъ имъ такъ, якъ звычайно дивчата на сели зъ своимы женыхамы поводются. И якъ звычайно на сели бувало, винъ ставъ ходыты до неи ночуваты въ

повитку, и воны такъ любо розмовлялы довгымы ночамы. И ій здавалося, мовъ того Романа, що такъ негарно займавъ іи спершу, вже й не було. Винъ бувъ такый, якъ и вси сильськи парубкы, поводывся зъ нею чесно, по правди. И де-дали, вона ёго все дужче та дужче кохала.

А Романъ, вертаючыся видъ Левантыны зъ повиткы до дому, разъ-пô-разъ думавъ: Докы жъ воно такъ буде? Ёго роспоганеній городянськымъ жыттемъ удачи вже докучало чесне кохание, озывалася ёго звиряча прырода...

А бидна дивчына того ничого не знала, не розумила, виддавала ёму всю свою душу и не помичала, що вона вже надійшла ажъ на край страшнои безодни: ще разъ ступны тіею стежкою дали наперелъ, и вразъ зныкне земля пидъ ногамы, и, скрыкнувшы страшно, якъ птыця пидстрелена, впаде вона туды вглыбъ, хапаючыся рукамы за повитре, обрываючы тило объ гостре каминне... и падатыме довго—ажъ покы вдарыться головою объ останню въ іи жытти скелю и ляже на дно безодни вже бездушнымъ покаличенымъ трупомъ...

Увесь цей часъ батько не займавъ Романа: дожыдався. И сынамъ звеливъ не займаты. Зъ Зинькомъ се лехко було, бо той удався лагиднои вдачы та й самъ такъ думавъ, якъ и батько. Але Денысъ лютувавъ страшенно: винъ такый невсыпущый хазяинъ, працювавъ до кривавого поту, видпочыну николы не знавъ и не знае, а сей дармойидъ, се ледащо буде переводыты добро, надбане ёго, Денысовою, працею, дурно йистыме хлибъ, зароблений ёго рукамы! Та вже хочъ бы йивъ мовчкы, а то ще й величается, ще й несется! Де жъ такы се выдано? Якъ се можна терпиты?!

Денысъ сёго не розумивъ и сперечався зъ батькомъ та зъ матиррю. Винъ бувъ зъ тыхъ селянъ, що по-за господарствомъ ничого не бачуть, а всю свою сылу, вси свои думкы й почування виддають одному—абы прыдбаты бильше, абы статы заможнымъ хазяиномъ. Працюючы тяжко, не жаліючы ни себе, ни своихъ, воны не розуміють ни иншыхъ думокъ, ни иншыхъ

порываннивъ, оприче тыхъ, якымы самы жывуть. Черезъ те Денысови Зинько здавався трохы дурнымъ зъ ёго думкамы про кныжкы и про всяки инши, не хазяйськи, справы. А вже тыхъ, що стають имъ на ихъ тяжкій дорози, перешкожають имъ своимъ недбальствомъ, ледарствомъ досягаты бильшого,—такыхъ людей воны ненавыдють якъ найгиршыхъ злочынцивъ и лыходіивъ. Проты такыхъ людей озывається крыкомъ кожна крапля ихъ трудовныцького поту, кожный рухъ ихъ натомленого важкою працею тила. И въ ихъ немае тоди жалю...

Але батько заборонывъ займаты Романа,—самъ хотивъ зъ имъ, якъ прыйде той часъ, говорыты. Денысъ доси звыкъ слухатыся батька, то скорывся й сёго разу, хочъ серце въ ёго й кыпило, и винъ такъ поглядавъ на Романа, що той и безъ сливъ добре розумивъ, якымъ духомъ на ёго Денысъ дыше. Браты мало розмовлялы, мало бачылысь, але промижъ ихъ уже зростала слипа зненавысть, покы ще нима, але дожыдала тилькы часу, щобъ выявытыся, выбухнуты. И той часъ прыстыгъ.

Одного разу Романъ, проспавшы, писля безсонной ночы зъ Левантыною, трохы не до обидъ, увійшовъ у хату и саме натрапывъ на батька зъ Денысомъ.

— А що, Романе, якъ же твоя служба?—попытавъ батько.

— Прыйде колысь и служба!—видказавъ нехотя Романъ.

— Чы вона прыйде, чы ни, то ще хто ёго зна,—не вдержавъ языка Денысъ,—а покы выходыть такъ, що ты соби паномъ дило жывешъ, а мы на тебе робымо.

— А то жъ! На то я Богу-государю служывъ, шобъ теперъ зъ выламы до гною йты!

— Не кажы дурныць, Романе!—озвався знову батько.—Адже инши салдаты роблють мужычу роботу—онъ и Петро, и Карпенко, и Грыценко,—а тоби жъ чомъ не можно?

— Колы роблють, то й хай соби роблють, а я не можу.

— Эчъ!—не втерпивъ знову Денысъ,—панъ! благородный! Воны не можуть мужыцькои роботы робыты: биленьки ручкы покаляють! Дакъ не жывы зъ мужыкамы, а йды соби до панивъ!

— Денысе, цыть!—сказавъ батько.—Я буду говорыты.

Але було вже пизно.

— Ты мени не указъ!—вызвирывся Романъ на Деныса.— Можешъ ты знать понятіе, необразована ты мужва!

Денысъ зовсимъ скыпивъ. Побиливъ, зирвався зъ лавы, стыснувъ кулакы и сказавъ, задыхаючыся зо зла:

— Тату! выженить ёго зъ хаты, а то я ёго заразъ бытыму!

— Ты сміешъ мене быты?—скрыкнувъ Романъ и кынувся до Деныса.

— Романе! Денысе! Покыньте! Що це вы робыте?—спынявъ ихъ батько. Маты скрыкнула, а билява Денысова Домаха такъ и занимила, стоючы биля полу.

Браты на все те вже не зважалы. Воны стоялы одынъ передъ одным̆ъ били, якъ крейда, постыскавшы кулакы, важко дыхаючы.

— Ты сміешъ мене быты?—казавъ тремтючы Романъ. Ты, негодяй! хамъ!

— Я—негодяй? Ахъ ты падло салдацьке!—скрыкнувъ Денысъ, але въ сю мыть Романивъ кулакъ ударывъ ёго по обличчу и прыпынывъ ёму слова.

Денысъ скрыкнувъ дыко, якъ пораненый звиръ, и кынувся на Романа. Але той здоровый, одгодованый, не знесыленый на праци, въ одынъ ментъ збывъ ёго додолу пидъ себе и прыдавывъ ёму колиномъ груды.

Жинкы заголосылы, диты закрычалы и вчепылысь за матиръ; батько кынувся видтягаты Романа, але ничого не мигъ изробыты: розсатанившы, той ухопывъ брата за горло, а Денысъ сылкувався видирваты ёго руку видъ своеи шыи.

Въ цю мыть увійшовъ у хату Зинько. Побачывшы лыхо, кынувся до Романа и штовхнувъ ёго зъ усеи сылы. Зъ несподиванкы той упавъ набикъ, и Зинько видтягъ ёго дали.

— Романе! що ты робышъ? Чы тоби й Бога не страшно?— скрыкнувъ винъ.

Романъ зирвався на ногы и стоявъ усе ще зъ стыснеными кулаками, ладѐнъ заразъ же знову кынутыся на Деныса.

— Нехай не въязне!..—хрыпко, кризь зубы сказавъ винъ.

Денысъ стогнучы вставъ и сивъ на лави. Домаха прыпала до ёго, голосючы. Романъ плюнувъ и пишовъ зъ хаты.

Ишовъ вулыцею и сердывся самъ на себе, що вернувся зъ города на село. Якъ ёму тамъ добре було на службп! Звисно, винъ службу не по воли кынувъ, хочъ и ховався зъ цымъ на сели. Винъ справди служывъ „пры палати“—хочъ не швайцаромъ, дакъ сторожемъ. Якъ бы швайцаромъ, то ничого бъ и не було. А то надало ёму разъ полаятыся зъ швайцаромъ такы (выпывшы бувъ), а той и пожалився на ёго, ще й выказавъ, якъ винъ одного разу піймавъ Романа, що той продававъ казенни дрова. Тоди ёму Романъ давъ карбованця, дакъ винъ мовчавъ, а теперъ выказавъ. Велыка сторія, якъ продавъ якый оберемокъ дровъ! А самъ швайцаръ хыба того не робывъ?—тилькы, що ховатыся добре вмивъ! Звисно, якъ прогналы Романа, то вже писля цёго важко було въ городи знайты службу, та все жъ лекше, нижъ тутъ. А теперъ онъ якъ тутъ жыты!

Романъ побачывъ передъ себе монополію, зайшовъ туды и купывъ пляшку горилкы. Тоди пишовъ до жыдка. У „лавци“ горилкы не можна було пыты, дакъ заразъ биля „лавкы“ жыдокъ мавъ хатку и пускавъ туды людей,—такъ, нибы своихъ гостей, а за те мавъ одъ кожнои выпытои пляшкы плату. Навить самъ бигавъ по горилку. Романъ прыйшовъ туды и зострився зъ пысаремъ. Сей хочъ уже й выпывъ попереду, а заразъ же прыставъ до Романа, якъ той почавъ ёго частуваты. Добулы закускы, выпылы пляшку, а тоди пысарь пославъ по другу. Романъ жалився на батька й на братывъ.

— Чудный ты, Романе Пылыповычу!—видказавъ ёму пысарь.—Якъ отакъ тоби колотыться зъ имы, то нехай тебе батько виддилыть та й годи. Тоди якъ хотытымешъ, такъ и жытымешъ.

Романови ся думка сподобалася. Боявся тилькы, що батько не послухается. Але пысарь упевнявъ ёго, що се дурныця, що мусыть послухатыся.

Романъ повернувся до дому вже пизно ввечери пъяный и зъ замиромъ заразъ-же вымагаты, щобъ батько ёго виддилывъ. Але, пидійшовшы до хаты, побачывъ, що тамъ уже погашено свитло. Поторгавъ за двери,—засунени. Вылаявся и пишовъ спаты въ повитку.

Другого дни въ-ранци ввійшовъ у хату, якъ тамъ була вся симъя. Ни на кого не глянувшы, сивъ на лави и сыдивъ якый часъ мовчкы, торохтючы пальцямы по столу. Вси мовчалы, а батько, трохы дывуючысь, поглядавъ на ёго, думаючы, що може покаявся та прыйшовъ помырытыся зъ братомъ. Не казавъ ничого,—ждавъ покы самъ озвется.

— Знаете шо, тату?—почавъ Романъ своею звычайною ламаною мовою,—якъ такъ намъ жыть, дакъ вы лучче оддилить мене. Оддайте мою часть, то я самъ соби жытыму, а вы сами соби.

Це все винъ казавъ якось такъ, мовъ бы то батько бувъ вынenъ за те все, що було вчора. Старый Сывашъ помовчавъ, а тоди спытався:

— А що жъ ты зъ своею часткою робытымешъ?

— То вже мое дило,—що схочу, те й зроблю,—одказавъ са́ме такымъ робомъ, якъ и попереду, Романъ.

— Та ще жъ вона покы не твоя, то ты вже мени скажы, щобъ я знавъ, на що даваты.

— Тату!—озвався Денысъ.

— Мовчы!—перепынывъ батько, боячысь учорашнёго.—Я й безъ тебе знаю, що робыты, а колы не вдержышъ языка, то зъ хаты выйды!

— Може хазяйноватымешъ, Романе, на своій частци?—пытався знову батько.

— Не хочу я хазяйнуваты,—кумерцію заведу,—видказавъ Романъ.

— Кумерцію... Яку жъ то кумерцію?

— Яку схочу, таку й заведу, а вы повынни мени мою частку виддаты.

— Повыненъ, кажешъ?—спокійно говорывъ батько.—А якъ не видламъ?

— То пиду въ волость, то васъ и прысылують оддаты.

— Ну, покы тамъ прысылують, а теперъ я тоби ось що скажу: пидожды ще трохы, навчыся поважаты батька й братівъ та не кыдатыся зъ кулакамы; навчыся спершу знову робыты, шануваты зароблене добро та не ходыты въ шынкъ до жыда, то тоди я тоби й дамъ частку, якъ побачу, що зъ тебе хазяинъ ставъ. А покы сёго не буде, то й зъ нашого добра ничого тоби не буде.

По тій мови батько повернувся й пишовъ зъ хаты.

Романъ остався ни въ сыхъ, ни въ тыхъ. Винъ тилькы сказавъ: „Ни, я такъ не дозволю! Це грабижъ“! уставъ и пишовъ, мовъ бы слидкомъ за батькомъ.

Трохы згодомъ батько вернувся.

— А що, вже пишовъ?

— Пишовъ!—одказавъ насмишкувато Денысъ, радіючы, що такъ обійшлося.

— А якъ на мою думку, тату,—сказавъ Зинько,—то вы краще бъ изробылы, якъ бы справди виддилылы Романа.

— Чого жъ то такъ, що краще?—спытавъ знехотя батько.—Оддаты, щобъ винъ узявъ та розмантачывъ працею-кривавыцею зароблене добро?

— Та вже, тату, якъ винъ самъ себе не направыть, то вы ёго не направыте. Воно жъ и ёго частка тутъ е,—и винъ-же робывъ. А може винъ якъ стане самъ хазяиномъ, то визьмется й робыты, шануватыметься.

— А вже жъ! саме такый!—глузуючы промовывъ Денысъ.—Выдно й збоку.

— Та вже жъ и мы ёго луччымъ не зробымо, а тилькы буде сварка та лайка та бійка. А якъ визьме свою частку, то що тамъ уже зъ нею буде, те буде, а хочъ у насъ у симъи стане тыхо, злагода знову буде,—доводывъ свого Зинько.

Маты встряла въ розмову, хотючы пособыты Зинькови.

— А Зинько правду каже, старый. Послухайся ёго! И намъ лучче буде, и Романови.

— Нехай же спершу покорытся та пошануется!—сказавъ батько.—А марнотратови ничого не дамъ, и говорыты бильше про це не хочу.

Зъ тымъ завернувся та й пишовъ зъ хаты до роботы, а сыны слидкомъ за имъ.

Романъ тымъ часомъ сыдивъ уже зновъ у жыдка. И сёгодни знайшлысь товарыши, и якъ Романъ выйшовъ на вулыцю, то въ ёго въ голови вже здорово гуло. Ишовъ и думавъ соби.

— Катъ ёго знае, що ёго робыты! Батько впертый, якъ та скеля. И громада потягне руку за имъ, а не за мною. Эхъ, якъ бы давъ ёму добре такъ, якъ Денысови, то може тоди помнякшавъ-бы!

Романъ бувъ такый лыхый на батька, що ладѐнъ бувъ бы ёго попобыты. Якъ ёго теперъ жыты? Що ёго выгадаты?

Ёго думка навернулася знову на ту стежку, що на ій уже колысь попереду була. Боявся тилькы почынаты, бо мало було надіи, що пощастыть. Але боявся, якъ бувъ тверезый. Теперъ же ёму здавалося, що справа вже не така безнадійна.

Хыба якъ винъ крамарь, то така вже велыка цяця? А Романъ салдатъ! Пышется: Сучковъ. Хе! Такый Сучковъ, якъ Романъ Сывашовъ! Та ще й Горпуша та ёго й прыстаркувата, и зъ себе погана. Ще нехай и дякуе, що посватае. Нехай оддае швыдче, а то зостанется на насинне. А ёго, Романа, за товарыша соби прыйме. Романъ торгуватыме. Ого-го! Винъ тамъ такый порядокъ дасть, що ну! А не схоче товарышемъ прыйматы,—хай грошей дасть. Вже жъ дасть! Одна дочка, та щобъ не давъ. Та ще й за-для такого зятя!

Романъ повернувъ праворучъ и пишовъ у двиръ до Сучка.

Якъ винъ увійшовъ до ёго въ хату, то тамъ никого не було. Романъ голосно кахыкнувъ. Зъ другои свитлыци вызырнула Суччыха Агахвія.

— Мое ныжающее!—поздоровкався Романъ.—Якъ бы мени Мыхайла Грыгоровыча побачыть?

— Винъ у лавци,—пидить туды.

— Невозможно въ лавци: дило секретне,—треба на самоти.

— Що жъ тамъ за дило?—зацикавылася Агахвія и выйшла до Романа.—Кажить и мени!

Романъ усмихнувся.

— Одлычное дило! Будете й вы, Агахвія Ивановна, знать современно, а теперь позвить мени Мыхайла Грыгоровыча.

Агахвіи закоркотило довидаться швыдче, яке тамъ дило, и вона пишла въ крамныцю. Незабаромъ видтиля прыйшовъ Сучокъ.

— А за якымъ-же се вы диломъ?—спытався винъ, якъ поздоровкалысь та посидалы.

— Пречудесне дило! Ось слухайте, Мыхайло Грыгоровычъ, що я вамъ скажу!

— Кажить!

— Есть у васъ кумерція?

— А есть.

— А помошныкъ вамъ у кумерціи есть?

Сучокъ зитхнувъ:

— Нема!.. Не давъ Господь сына.

Винъ завсигды журывся, що въ ёго нема сына.

— А я вамъ найшовъ помошныка та ще й доброго.

— Хто жъ то?—спытавъ Сучокъ, чудуючыся зъ Романовыхъ сливъ.

— А хто жъ? Я!.. А що, хыба не ловкый кунпаніёнъ?

— Та воно, звисно...—якось непевно видказавъ Мыхайло Грыгоровычъ.—Та... тилькы якъ-же це воно буде? Вы якый копыталъ маете, або-що, дакъ хочете, щобъ у кунпаніи?

— На шо тамъ копыталъ? Мы й безъ копыталу такъ ушкварымъ, шо первый сортъ! Оддайте за мене вашу Горпушу, а я буду вамъ помошныкомъ.

Сучокъ вырячывъ на Романа очы. А той, не помичаючы сього дывування, пытався:

— А шо, правда,—хороша выгадка?

— Та воно хороша... та тилькы, бачыте, мы ще не думаемо дочкы виддаваты.

— Отъ, выгадкы! А докы жъ будете держать? Вона жъ и такъ прыстаркувата.

— Найдутся люде!—видказавъ, трохы вже образывшысь, Сучокъ и додавъ:—Знаете шо, Романе Пылыповычу? キньте вы се дило, бо се одынъ пустякъ!

— Пустякъ? Шо вы думаете, шо я не зумію торгувать? Дакъ вы дайте мени за Горпушою грошей, то я самъ заведу торговлю таку, шо тилькы ну! Ого-го!

— Ну, се тоже пустякъ—дило!—зважлыво сказавъ Сучокъ и вставъ.—Прощайте,—треба въ лавку.

— Та постойте, Мыхайло Грыгоровычъ, чы вы не розбираете, чы що, шо я вашу Горпушу сватаю?—спынявъ ёго Романъ.

— Чомъ не розбираю? Дайже очынь хорошо розбираю.

— Ну, дакъ чого жъ вы?

— Нема мого жоланія за васъ іи оддать.

— А чому жъ бы то й ни?—спытався дратуючысь Романъ.—Чоловикъ я образованый, понимающый... А што родытели въ мене мужыкы, то ето ничого: я объ ныхъ тогда буду безъ унυманія.

Сучокъ почынавъ уже лютуваты и де дали дужче сопты. Винъ уже чувъ, якъ поводытся й ледарюе Романъ, знавъ про бійку зъ братомъ, бачывъ, що въ Романа грошей нема, и розумивъ, куды винъ теперъ циляе: перевесты, рострынькаты вси ти грошыкы, що винъ, Сучокъ, надбавъ. Облычче въ крамаря зъ гнивà почервонило, и винъ, самъ того не сподивавшыся, крыкнувъ на всю хату:

— Та що ты соби думаешъ? Ахъ ты, голякъ! Ище й прымазуется до порядошныхъ людей! Ступай, ступай, видкиля прыйшовъ!

Такъ гримнувъ, що Романъ збентежывся вразъ и, ни слова не кажучы, пишовъ зъ хаты. Тилькы вже биля дверей схаменувся.

— Ты тоже не очынь!—крыкнувъ винъ, повернувшысь до Сучка.—Сміешъ ты салдата, который кровъю своею васъ, хамовъ, защыщалъ, такъ оскорблять? Наплювать мени на тебе й на твою дочку.

— Вонъ! Пошовъ во-онъ!—ажъ затупотивъ ногамы крамарь, але Романъ уже бувъ у двори, а дали й на вулыци. Соромъ и злисть мордувалы його, соромъ, що такъ имъ погордовано, злисть за сю зневагу й за те, що ни звидкы винъ не бачывъ помочы. Уси воны однакови: и батько, и Денысъ, и цей Сучокъ! Жыття за имы нема, способу ніякого нема! Такъ бы ихъ усихъ!.. Не знае й самъ, що винъ зробывъ-бы имъ, тилькы виддячывъ бы такъ, щобъ ажъ запекло, щобъ ажъ заскавучалы воны!.. воны—вси, уси ци прокляты мужлаи!.. Яки воны дурни й гыдки теперъ здавалыся Романови!

Винъ не пишовъ ни до-дому, ни до кого, бо на всихъ лютый бувъ. Зновъ довго блукавъ по за селомъ, ходывъ у байраци и вже надъ вечиръ вернувся додому.

Пишовъ просто у-садокъ и стрився тамъ изъ Зинькомъ.

— А я тебе дожыдався, брате,—сказавъ Зинько.

— А на що?—спытавсь нехотя Романъ.

— Хотивъ щось тоби сказаты.

— Кажы!—промовывъ Романъ байдужно, лягаючы на траву пидъ деревомъ.

— Бачъ, Романе, що я думаю,—заговорывъ Зинько й соби сившы биля його.—Почалысь у насъ у симъи сваркы... А де дали, то ще й дужчи будуть. Тоби не добре, та й батькови невесело такъ изъ тобою жыты. Винъ бы тебе й оддилывъ, якъ бы не боявся, що ты все переведешъ. Дакъ ты такъ изробы щобъ не боявся батько.

— А якъ же його зробыть? Зъ такымъ батькомъ хыба що зробышъ?

— А неправда жъ, Романе,—нема чого нарикаты на батька, колы самъ погано робышъ: своимы гордуешъ, кудысь у паны пнешся... Зъ того доброго ничого не буде.

— Понимаешъ ты тамъ!

— Та вже жъ, може, трохы й я тямлю. Отъ ты розберы самъ. Службы тоби ще ніякои нема, може й довго не буде; оддиляты тебе батько не хоче. Доводытся тоби покы въ насъ жыты. А яке жъ воно жытте буде, колы разъ-у-разъ сварка?

— Нехай мене не зачипають!

— Та де жъ воны тебе зачипають? Воно жъ такы правда, що треба жъ щось робыты, не можно дурно хлибъ йисты. И Денысови крывдно: винъ же робыть. Уже отъ вы й былыся, а дали ще гирше буде. Що жъ воно зъ того доброго? Краще ты, Романе, помырыся зъ батькомъ та зъ братомъ та пособляй хочъ трохы въ роботи... покы знайдешъ соби службу. А тамъ батько, бачывшы, що ты шануешся, и оддилыть тебе... Хочъ крутысь тамъ на роботи,—я вже тоби пособлятыму такъ, що воны й не знатымуть,—абы щобъ сваркы не було.

Зинькова прыхыльнисть такы зачепыла за серце Романа. Ходючы сёгодня по байраку, винъ уже багато думавъ про те—якъ винъ дали жытыме въ симъи. Ничого не мигъ выгадаты, хоча й бачывъ, що такъ дали жыты не можна. Винъ оказавъ Зинькови:

— Якъ-же я покорюсь? Зъ мене жъ люде сміяться будуть.

— Чудный ты! А теперъ изъ тебе люде не сміются? Та все село вже тебе взяло на глузы. Чого жъ ты теперъ не боишся того смиху, а тоди ёго тоби страшно? А я тоби такъ искажу: теперъ зъ тебе сміются и дурни́ й розумни, а тоди колы й сміятымутся, дакъ сами́ дурни́.

Романъ подумавъ трохы й видказавъ:

— Ну, гараздъ... Може бъ я й зробывъ... Не за для ихъ, а за для тебе, що ты такый до мене добрый... Та якъ же ёго зробыть? Не пиду жъ я до ихъ кланяться!

— Та й не ходы. А тилькы визьмы та й выйды завтра на роботу та й робы. А тамъ воно вже якось самѐ станется...

— Нехай-же подумаю,—може й выйду...

И справди, другого дни выйшовъ городыты тынъ изъ Зинькомъ. Денысъ глянувъ на ёго зъ-пидъ лоба, батько здывувався, але нихто ничого не сказавъ. Тилькы Зинько дуже зрадивъ, клопотався зъ Романомъ, гомонивъ и все зводывъ, щобъ и зъ батькомъ та зъ Денысомъ у ихъ розмова була. Маты ёму пособляла. Одначе ти мовчалы.

Романъ робывъ увесь день. Въ ёго заболила спына, рукы, ногы. Другого дни винъ выйшовъ бувъ на тикъ, але робывъ тилькы до снидання. Поснидавшы, винъ уже не пишовъ туды и бильшъ уже не брався до роботы. Зинько и вмовлявъ ёго, и прохавъ, та ничого не пособылося. Романови здавалося дуже важко робыты, батько не злаcкавивъ одразу, та й соромъ було передъ селянамы, що винъ высоко литавъ, а теперъ нызько сидае.

Тымъ часомъ чутка про ёго сватанне въ Сучка пишла по селу. Дочулась про се й Левантына. Вона одного разу почала плакаты й казаты Романови, що винъ іи покыдае, бо сватае Сучкивну.

— Тю на тебе!—видказавъ Романъ.—То все дурныця! То я бувъ выпывшы та для штукы й пишовъ, щобъ посміятыся. А воны зъ велыкого розуму думалы, що я й справди на ихъ ступу-Горпушу окомъ накынувъ.

И винъ почавъ іи цилуваты и прыгортаты и казавъ, що винъ іи ни на кого не зминяе и сватытыме скоро—отъ заразъ, тилькы службу знайде... Все це вона вже чула, та й не разъ, але кого любышъ, тому хочется вирыты. И вона вже вирыла ёму и казала:

— Гляды жъ, Романочку, не зрадь мене! Бо якъ ты не пожаліешъ, то хто жъ мене пожаліе? Находь службу швыдче, бо...

Левантына замовкла, а Романъ знову почавъ іи улещаты, и вона забула свій сумъ.

Идучы Романъ одъ неи до-дому, самъ соби думавъ:

— Треба справди службу швыдче знаходыты та тикаты звидсиля. А то, гляды, ще Левантына дытыну знайде, то клопоту повна голова буде.

И другого жъ дни пишовъ у сусидню economію. Сёго разу ёму пощастыло. Въ економіи бувъ лисъ, а въ лиси два сторожи. Одынъ несподивано покынувъ службу й пишовъ до-дому саме въ той день, якъ Романъ туды прыйшовъ. Зважывшы на ёго салдацькый билетъ, управытель узявъ ёго за пидстаршого сторожа до лису. Не вподобалась Романови ся служба, та иншои не було. Жыты доводылося въ лиси, въ одній хати зъ старшымъ сторожемъ. Сей разъ-у-разъ посылавъ Романа на́ ничъ обходыты лисъ и вартуваты тамъ. Спершу Романъ ходывъ, а дали ёму очортило, та й за Левантыною занудывсь. Одніеи ночы, замисто щобъ обходыты лисъ, майнувъ до неи (верстовъ зъ висимъ туды було) и зъ того часу почавъ навидуватыся до неи ночамы частенько. А тымъ часомъ люде зъ того села, де була економія, заходылысь коло Романа. Воны булы дуже вбоги на дерево, то часто кралы ёго въ панському лиси,—часомъ нышкомъ отъ стороживъ, а часомъ, якъ сторожъ бувъ не лыхый, то купувалы въ ёго дерево за дешеву цину: дадуть ёму якого рубля, чы пивъ рубля, та й нарубають чого треба. Лисъ велыкый, то не скоро помитышъ кожне зрубане дерево. А сторожъ нибы того й не знае. Романа воны не довго вмовлялы, и винъ почавъ добуваты соби такымъ робомъ грошы. Винъ зовсимъ не беригся и попускавъ рубаты стилькы, що вже й выдко стало. А тутъ ище одынъ чоловикъ, не поеднавшыся зъ Романомъ за цину, та й выказавъ на ёго. Все выявылось, и Романа прогнано зо службы, ще й грошей не виддано... хочъ винъ не багато й заробывъ, бо не прожывъ тамъ и мисяця. Довелося знову до батька вэртатыся.

IV.

А на сели страшенно сміялыся й глузувалы зъ Романа, лаялы за лежни та за те, що высоко нисся. Ёго прыятели—пы-

сарь, урядныкъ, дякъ та инши—булы до ёго прыхыльни, покы въ ёго бряжчало въ кышени, и винъ частувавъ ихъ горилкою. Та винъ давно вже повытрусювавъ свои кышени, вытрусывъ и матерыну скрыню. На сели скризь почалы зваты Романа голодрабомъ, ледащомъ. Прыятели почалы одвертатыся, стриваючысь на вулыци. Про те, щобъ хто ёго въ гостыну до себе заклыкавъ, Романъ забувъ уже колы се й було.

Дуже се ёму було прыкро. И не черезъ те, що зъ тыхъ прыятеливъ якесь ёму добро було, а такъ, соромъ, що отъ зъ усима въ товарыстви бувъ, а теперъ занехаяно ёго. Винъ незнать що давъ бы, абы хочъ трохы де добуты грошей та знову прывернуты до себе своихъ прыятеливъ зрадлывыхъ... прывернуты, повелычатыся трохы, щобъ усимъ заципыло, та тоди хочъ и зъ села.

Надто, що й обирвався вже. У ёго тилькы й було одежы, що на ёму. А одного разу вночы, черезъ тынъ перелазючы, розидравъ свого „пиджака". Хочъ и полатала маты, та вже не вдержышъ ёго цилымъ, якъ почало дратыся... уже онъ и ликти выдко... Грошей, хочъ крычы, треба, а де ихъ визьмешъ?

Се було черезъ скилькы день писля того, якъ вернувся Романъ до-дому зъ лису. Одного разу, мисяшнои ночы, идучы видъ Левантыны черезъ тикъ до повиткы спаты, винъ побачывъ на току ворохъ пшеныци. У ёго промайнула въ голови думка:

— Якъ бы набраты цієи пшеныци та виднесты до Рябченка!

Чого ёму спавъ на думку сей Рябченко? Отъ, и самъ винъ не знае... Такъ, чогось изгадався...

Рябченко бувъ такый соби чоловикъ у ихъ на сели. Винъ мало хазяйнувавъ, трохы шывъ чоботы, а бильше—подейкувалы люде—накладавъ изъ злодіямы. Певне довесты того нихто не мигъ, але на сели кожне звидкись знало, що хочъ винъ самъ и не краде, дакъ злодійське передержуе. У ёго килькы разивъ и трусъ бувъ, та не моглы ничого знайты.

Ото жъ винъ и згадався Романови. Сей купывъ бы пшеныци, якъ бы однесты. Звисно, воно такъ неначе крадижка... а въ тимъ... яка тамъ и крадижка? Адже тутъ и ёго, Романове, добро. Адже й винъ одынъ зъ трёхъ братывъ, то й ёму жъ належыть частка. Хыба жъ винъ вывенъ, що батько та Денысъ не дають ёму тіеи частки? Колы не дають, то винъ може й самъ узяты.

Таке думавъ Романъ, лежачы въ повитци, а дали вставъ та й пишовъ у клуню шукаты мишка. Знайшовъ, прыйшовъ до вороха та й зупынывся. Чы браты, чы не браты? Этъ, що буде!..

Винъ набравъ зъ вороха мишокъ пшеныци и хотивъ несты до Рябченка. Та ни,—треба спершу попытаты ёго.

Нышкомъ, обережно перелазючы черезъ тыны, пройшовъ гордамы до Рябченковои хаты. Тамъ уже було погашено. У Романа забылося турботно серце, якъ винъ злегенька постукавъ у викно. Нихто не озвався. Винъ заторохтивъ дужче.

— Хто тамъ?—почувся голосъ изъ хаты.

— А выйды, дядьку, сюды!

Трохы згодомъ двери на двирь одчынылыся, и кризь ихъ просунулася кудлата голова.

— Хто се? Се ты, Романе?

— Я.

— А чого?

— Пусты въ сины,—не хочу стояты на выдноци.

Роскудлана голова сховалася, и Романъ увійшовъ у темни сины.

— Кажы, що треба.

— Хочешъ пшеныци?

Рябченко не видразу видказавъ. Винъ зрозумивъ, яка то мае буты пшеныця, але вагався, не знаючы, чы Романъ ёго не пидводыть. Може вмысне, щобъ потимъ урядныка навесты. Темна постать Романова ничого не могла ёму про се сказаты: облычча не выдко було.

— Якои пшеныци?—запытався врешти.

— Зъ дому.

— Не брешешъ?

— Чого бъ я ставъ брехаты?

Рябченко ще подумавъ и згодывся:

— Добре!

— По чому дасы?

Рябченко сказавъ пивъ-цины.

— Дешево.

— Знайды дорожче!

Романъ знавъ, що дорожче не знайдешъ, и сказавъ:

— Добре, заразъ прынесу.

— Трохы згодомъ,—якъ мисяць зовсимъ зайде.

— Та винъ уже заходе.

Покы Романъ вернувся до-дому, то мисяць и справди зайшовъ,

Сіеи ночы Романъ однисъ до Рябченка тры мишкы пшеныци, и въ ёго въ кышени забряжчалы грошы. Тоди зъ упокоемъ заснувъ.

Другого дни Денысови здалося, що пшеныци въ вороси наче поменчало; але потимъ винъ подумавъ, що мабуть помылывся, и никому ничого не сказавъ.

Романъ справывъ соби нову черкасынову жакетку, и въ ёго ничого не зосталося зъ тыхъ грошей, що взявъ за пшеныцю. Мусивъ знову ходыты до Рябченка. Сёго разу на току вже не було ничого, то винъ набравъ зъ комори, зъ засикивъ, добравшы до замка старого ключа. Зъ цымъ ключемъ винъ и потому зазыравъ ще до комори, але робывъ це обережно, щобъ нихто не помичавъ.

Одного разу старый Сывашъ уранци лагодывъ двери въ повитци. Було до схидъ сонця холодно, то вдягъ кожуха. Якъ сонце зійшло, потеплило,—скынувъ ёго та й забувъ у повитци. Тамъ винъ и лежавъ увесь день.

Другого дни Романъ лагодывсь иты ще въ якусь економію шукаты службы. Уставъ рано,—ще вси спалы. Було холодно, а ёго драненьке пальтечко высило въ хати. Спавъ винъ

у повитци и побачывъ доли биля дверей батькового кожуха.. Удягъ ёго.

Въ окономіи ничого не добувся: тамъ уже зналы про те, якъ винъ бувъ сторожемъ у лиси.

— Эхъ, жысть мотузяная!—нарикавъ, вертаючыся до-дому, Сонце вже прыпикало,—мусивъ скынуты кожуха й несты.—И якого я чорта ногы бывъ? Ще кожухъ тягны! Пиду въ гбродъ та хочъ продамъ ёго, щобъ дурно не ходыты! Нихто жъ не бачывъ, якъ я вдягавъ ёго.

Завернувсь и пишовъ у городъ. Видъ окономіи туды було верстовъ чотыри. Швыдко ихъ перейшовъ и подавсь у гбродъ просто на базарь. Тамъ жыдкы торгувалы ношеною одежою, сыдючы коженъ надъ купою свытокъ, кожухивъ, чумарокъ, жакетокъ, штанивъ та иншого старого дрантя, кынутого доли або на брудному рундуци. Покупцивъ не було, сами жыды й жыдивкы завзято шваркотилы промижъ себе. Романъ пидійшовъ до одного.

— Жыде, купы кожухъ!

Жыдъ подывывся на кожуха.

— Скилькы хочешъ?

— Десять рубливъ.

— Виддай ёго своему тателе,—може на онучы здастся,—и винъ кынувъ одъ себе кожухъ.

— А ты жъ скилькы даешъ?

— Два рубли.

— Нехай-же твій тателе имы подавытся!

Романъ пишовъ дали, до другого жыда. Але першый жыдъ щось зацвенькавъ до сёго.

— Ны, се такый козухъ, со одна смусы́на одъ другои смусыны—якъ насъ городъ одъ Одесъ.

— Шо ты брешешъ, жыде? Винъ ище зовсимъ новый, мало й ношеный.

— Якъ бы винъ бувъ новый, то я бъ тоби за ёго давъ десять рубливъ, а якъ винъ такый старый, якъ беззубый собака, то я тоби дамъ за ёго десять злотыхъ.

Ледви продавъ добрячый кожухъ за тры рубли. Гараздъ пообидавъ, выпывъ пыва и пишовъ до-дому.

А дома батько вранци кынувся кожуха и згадавъ, що забувъ ёго въ повитци. Пишовъ туды—нема.

— Мабуть те ледащо вдягло,—подумавъ Сывашъ и не ставъ бильше шукаты.

Але Романъ прыйшовъ увечери безъ кожуха.

— Ты хиба не вдягавъ кожуха?—запытавъ ёго батько.

— Стану я вдягать ваши кожухы! На-чорта винъ мени здався?

Кынулыся тоди вси шукаты, тилькы Романъ—ни. Не знайшовшы старый Сывашъ ничого, почавъ лаяты Романа:

— Колы вже ничого не робыть ледащо, то хочъ бы вже, йдучы, двери въ повитци зачыныло. Мабуть собакы затяглы, а хтось потимъ узявъ.

Романъ ажъ росердывся:

— Шо я, буду за всякымъ доглядать та прыбирать? Самы роскыдають, а я одвичай!

Уси дывувалысь: хто бъ мигъ украсты? Нема, здается, й злодіивъ поблызу, а вкрадено.

Трохы згодомъ Романъ устругнувъ нову штуку. У ихъ у синяхъ высило велыке сало—пудивъ зъ два. Двери зъ синей у двиръ запиралыся засувомъ. Винъ уночы нышкомъ одсунувъ ключемъ засувъ, злизъ по драбыни на горище й знявъ сало. Не гаючысь потягъ ёго до Рябченка. Але той не схотивъ прыняты:

— Буде трусъ, може й мене трусытымуть, то знайдуть. Сёго не хочу, се не пшеныця. Заховай денѐбудь, нехай перележыть,—тоди визьму.

Романъ пишовъ одъ ёго лыхый. Визьме, якъ перележыть! Байдуже ёму тоди! Тоди Романъ и самъ одтаска ёго въ городъ та й продасть дорожче, нижъ тоби. Романъ уже сердытый бувъ на Рябченка, що той дешево платывъ.

Одначе, не несты жъ сало назадъ. Треба десь ёго заховаты. Де бъ же? Хыба въ тому байрачку, що праворучъ одъ дорогы,

якъ иты въ городъ? Тамъ е одна норя... Недавно Романъ іи бачывъ, якъ ходывъ тамъ. И добре буде потимъ узяты, щобъ несты на базарь.

Романъ пишовъ не вулыцею, а горбдамы и выбрався за село. Пивъ версты видъ села до байрачка перейшовъ швыденько. Знайшовъ знаёму печерьку, запхавъ туды сало, закыдавъ хмызомъ, лыстемъ сухымъ. Тоди мерщій вернувся до-дому.

Другого дни Сываши сполошылыся: сало вкрадено! Маты ажъ заголосыла,—такъ ій жалко було: таке сало товсте та гарне! Батько тежъ бидкався и ніякъ не мигъ зрозумиты: де ти злодіи беруться. Тилькы Денысъ не бидкався, але страшенно лютувавъ, не казавъ ни слова и щось соби думавъ. Романъ покы ще любисинько спавъ.

Послалы Зинька поклыкаты старосту. Прыйшовъ староста зъ людьмы. Подывылыся на сины, подывылыся, що въ ихъ нема сала...

— Отутъ и высило?—роспытувавъ староста.

— Отутъ и высило.

— И зáбрано.

— А зáбрано-жъ, забрано, бодай ёму рукы покорчыло!—кляла стара Сывашыха.

— Мабуть же ёго таке забрало, що вже й заховало добре!—сказавъ староста.

— А мабуть!—додавъ хтось изъ людей.

— Шкодá жъ, колы такъ и шукаты!—и староста повернувъ, щобъ уже до-дому йты.

Але Денысъ зазмагався: Якъ же се такъ? Таку шкоду зроблено та й покынуты, та й не шукаты?

— Та де жъ ёго шукаты?—дывувався староста, бо ёму не хотилося клопотатыся.

Денысъ намигся, щобъ потрушено Рябченка. Поклыкалы врядныка, пишлы до Рябченка. Той страшенно росердывся, крычавъ, що воны не сміють ёго „порочыты", не дозволявъ трусыты и вымагавъ, щобъ Денысъ заложывъ десять карбованцивъ, а тоди вже й трусывъ. Денысъ такый бувъ певный

знайты въ ёго сало, що заложывъ грошы: десятёхъ не було, дакъ хочъ тры. Хытрый Рябченко радый бувъ и тому.

Почалы трусыты. Обнышпорылы хату, хливы, горбдъ—скризь. Ничого не було. Денысъ самъ по килькы разивъ перекопавъ уси закапелкы и все жъ не знайшовъ сала.

Рябченко радивъ: тры карбованци зоставалыся ёму—несподиваный барышъ. А Денысъ пишовъ до-дому розлюченый, бо пропало сало, пропалы й тры карбованци. Дома винъ мокрымъ рядномъ напався на батька:

— Якъ соби хочете тату, а я такъ дали жыты не буду! На що вы потураете Романови? Розледащивъ, ничого не робыть, та ще й краде!

— Якъ то—краде?—спытався понуро батько, начуваючыся нового лыха.

— А такъ, що се Романове дило зъ саломъ... та мабуть и зъ кожухомъ.

— Якъ то—Романове? Хыба въ Романа що знайдено?—спытавъ батько ще похмурише, хочъ у самого вже тремтивъ голосъ.

— Хочъ ничого не знайдено, та я знаю, що воно ёго рукъ не мынуло.

— Та якъ же ты сміешъ це казаты?—гримнувъ батько, зирвавшыся зъ лавы.

Денысъ глянувъ на ёго и ажъ перелякався: батько стоявъ передъ имъ блидный, очы палалы якымсь непевнымъ огнемъ, увесь ажъ трусывся, стыснувшы кулакы.

— Якъ ты сміешъ це казаты на свого брата, ничого не знаючы? У нашій симъи николы не було злодіивъ и нема,—чуешъ ты! А ты самъ на свою симъю будешъ неславу пускаты?!

Денысъ схаменувся, побачывшы, якъ роздратувавъ батька.

— Та нехай и по вашому, але зá що жъ мы зъ жинкою будемо робыты на ледацюгу? Або прожените ёго, або нехай робыть, або мене виддилить! Шо це таке справди?! Ледащу такый потуръ даваты! Се треба розуму рішытыся.

— Мовчы ты, блазню!—знову розсердывся батько.—А то я тоби такого дамъ, що въ тебе останній твій дурный розумъ зъ головы выскочыть! Эчъ, розумнишый уже за батька зробывся! И самъ безъ тебе знаю, що треба робыты, и зроблю.

Саме на цю розмову наскочывъ Романъ.

— Слухай, Романе, що я тоби казатыму!—озвався до ёго батько гнивно.—Годи вже панувати! Або берысь до роботы, або йды соби куды знаешъ!

— То що? И пиду!—видказавъ Романъ такъ спокійно, мовъ се ёму байдуже було.—Пиду въ городъ,—тамъ соби швыдче службу знайду. Якъ розвелычалысь! Обійдемось и безъ васъ!

Повернувся та й зъ хаты.

Винъ сёго сподивався, що такы Денысъ колысь пидъюдыть батька выгнаты ёго,—винъ певный бувъ, що батько се говорывъ зъ напрáвы. Ну, та не таке вже воно й лыхо. Пиде въ городъ, продасть тамъ сало... Пожыве трохы, покы службу знайде... А колы й не знайде... ну, тамъ выдно буде, що робыты!..

Але Денысъ на тому не переставъ. Мавъ на Романа велыке пересерде и за сало, и за пропащи тры карбованци. Пишовъ до Струка та до кума Терешка Тонконоженка и розсказавъ имъ усе, що думавъ про Романа. Тоди втрёхъ заходылыся ёго сочыты: куды той ни пиде, то все якыйсь зъ ихъ на ёго окомъ накыдае, пасе. Батько жъ изъ Зинькомъ ничого про це не зналы, бо звеливъ Денысъ не казаты имъ про се.

Днивъ черезъ два Романъ пишовъ у городъ. Такъ зибрався й пишовъ, що симъя й не знала про це, ни зъ кымъ и не попрощався, навить зъ матиррю. У непевныхъ Денысовымъ поглядахъ винъ бачывъ, що Денысъ думае за сало на ёго,—боявся, щобъ не прысочывъ. А теперъ, пишовшы нышкомъ, думавъ, що вже буде и въ городи, покы дома побачуть, що ёго нема.

Але тры ёго ворогы за-малымъ не нàзырци ходылы за имъ си дни. И Струкъ такы прысочывъ ёго, якъ винъ подався зъ дому. Заразъ кынувся до Деныса.

Ще Романъ выходывъ изъ села, а вже воны втрёхъ, пробигшы манивцямы, сыдилы биля дорогы въ кущахъ у байрачку.

Не довго й дожыдалыся: иде Романъ та просто въ байрачокъ. Двое зосталось тамъ, де сыдило, а Струкъ поплазувавъ обережно помижъ кущамы слидкомъ за Романомъ. Винъ бувъ стрилець, то звыкъ по лисахъ до звира пидкрадатыся.

Романъ ишовъ смило, не боячысь ничого, Струкъ рачкувавъ за имъ здалека. Ось Романъ спынывся, озырнувся,—никого не побачывъ. Положывъ доли свою торбу и почавъ одкыдаты хмызъ одъ печерькы. Поодкыдавъ и вытягъ щось велыке. Струкъ догадався, що се сало, и мерщій метнувся до своихъ.

Воны заховалысь на доброму мисци: Романови немынуче треба було прозъ ихъ иты, бо воны сыдилы ажъ на тому краю байрачка, що до ґорода.

Романъ выйшовъ зъ байраку на шляхъ, зновъ озырнувся туды й сюды,—никогисинько нема. Тоди швыдко пишовъ у городъ.

Трое товарышивъ незабаромъ почулы ёго ходу... отъ уже й выдко ёго: иде й щось мугыче соби пидъ нисъ. Сало на плечахъ.

Однымъ скокомъ воны сталы кругъ ёго.

Романъ спынывся враженый и одну мыть, зъ несподиванкы, не знавъ що робыты.

— А куды се ты, Романе, сало несешъ?—спытався глузуючы Денысъ.—Може тоби пособыты?

Здоровенный Романивъ кулакъ ударывъ Деныса по уху, що ажъ каганци тому засвитылыся. Денысъ поточывся, трохы не впавъ, а Романъ тымъ часомъ, кынувшы й сало, побигъ шляхомъ.

Очманившы видъ кулака, Денысъ на мыть спынывся, не розуміючы, що сталося. Але заразъ же побачывъ.

Попереду бигъ Романъ, а за имъ, дуже блызько, Струкъ, а трохы виддаликъ Терешко. Денысъ кынувся за имы.

Але Романъ добре бигавъ и незабаромъ далеко покынувъ позадъ себе и Терешка й Деныса. Тилькы Струкъ гнався за

имъ блызько, зигнувшысь наперед усимъ своимъ довгымъ тиломъ, закыдаючы назадъ швыдки цыбати ногы.

Его опанувавъ мыслывськый палъ. Такъ винъ колысь бигъ за вовкомъ пидстреленымъ: николы було вдруге рушныцю набыты, щобъ стрельнуты, и винъ напружувавъ усю сылу, щобъ наздогнаты закривавленого звира и добыты зъ рукъ, розтрощывшы ёму голову. Такъ винъ бигъ и теперъ, самъ не розуміючы, не думаючы про те—на̂ що ёму ловыты Романа и що ёму той Романъ зробывъ. Бигъ и крычавъ инколы:

— Не втечешъ!.. Задавлю!...

Передъ ёго очыма, не перестаючы, швыдко-швыдко мелькалы пъяты, конвульсійно прытыскалыся до бокивъ высунени назадъ ликти. Си ликти все блыжчи, блыжчи стають... Струкъ выразно чуе, якъ важко дыхае втикачъ... почувае се дыханне.. Напружуется зъ усіеи сылы—отъ-отъ досягне, але й Романъ напружуется... Та не надо̂вго. Однымъ останнимъ стрыбомъ падае Струкъ на спыну Романови, валяе ёго додолу. Але ту-жъ мыть Романъ вывернувся й зирвався на ногы. Струкъ, лежучы на шляху, вхопывъ ёго за ногы обома рукамы. Збувшысь ривновагы, Романъ знову упавъ и воны счепылыся промижъ собою, качаючысь у пылу на шляху.

— Не втечешъ! Не втечешъ!—хрыпивъ Струкъ.—Не попущу!

— Чого тоби видъ мене треба? Що я тоби зробывъ?—Такъ са̂ме хрыпивъ Романъ, пручаючысь.—Пусты!

И вразъ ище двое впало на ёго, вхопыло ёго прытысло.

— А, дакъ ты такъ!—ревивъ розлютованый Денысъ.—Красты!.. бытыся!.. тикаты!.. Злод̂ій!.. Душогубъ!.. Отъ я жъ тоби покажу!..

Романъ вызволывъ праву руку и почавъ быты кого й по чому по̂падя. Его прыгнитылы такъ, що винъ застогнавъ, и скрутылы ёму назадъ рукы поясомъ.

— Теперъ тикай!—знущався Денысъ,—да тилькы не въ городъ, а до волосты!

Пидвелы ёго и стоялы, видпочываючы, вси четверо—задыхани, знеможени, въ подраній одежи, зъ умазанымы облыччамы у кровъ, змишану зъ шляховы́мъ пыломъ. У бійци Денысови розбыто носа, и винъ поплямывъ своею кровъю й иншыхъ.

— Ходимъ!—смыкнувъ Денысъ Романа.

— Не пиду!

— Ходимъ, бо потягнемо, якъ падло!

— То й тягнить!—Романъ упавъ на шляхъ.

Але Денысъ ухопывъ ёго за верёвку й потягъ по шляху, що ажъ рукы тому выверталыся. Романъ ойкнувъ.

— Уставай же, бо ще гирше буде!

Романъ уставъ. Пишлы до села. На дорози забралы покынуте сало. Терешко йшовъ зъ имъ попереду, а дали Романъ, а за имъ Струкъ изъ Денысомъ, държучы ёго за кинець пояса, що звъязувавъ рукы. Мовчалы вси. Такъ увійшлы въ село.

— Куды жъ ты?—спытавъ Струкъ.

— У волость,—одказавъ Денысъ.

— А може бъ до батька ёго? Нехай повчыть!—порадывъ Терешко.

— Такый, що повчыть!—одповивъ Денысъ.—У волость!

Повернулы до волосты. Здывовани люде спынялыся, поглядаючы на сю чудну, незвычайну процессію, и не моглы ничого зрозумиты. Дехто пидходывъ и пытався, але, и ти, поспишаючыся, йшлы дали.

Увесь часъ Романъ мовчавъ. Але якъ уже пидійшлы до волосного рундучка и винъ ступывъ на ёго ногою,—тоди повернувся до Деныса:

— У, Иродъ!—и плюнувъ ёму межы́ очы.

— Денысъ рванувся бувъ до ёго, але заразъ же спынывся.

— Пострывай,—побачымо, що въ холодній заспиваешъ!—утерся, и вси вкупи вступылы до волосты.

Тамъ булы пысарь, старшына, врядныкъ. Воны ажъ не стямылыся зъ того дыва, що побачылы. А Денысъ, не зважаючы на те, почавъ оповидаты, що ось воны піймалы злодія зъ

саломъ, и вымагавъ, щобъ напысано протокола и посажено злодія въ холодну. Говорывъ такъ, мовъ бы се не про брата, а про когось зовсимъ ёму невидомого й чужого.

— Що ты, Денысе? Бога ты не боишся, людей не страмышся? Брата?!—дорикавъ ёму старшына.

— А хочъ и братъ, да колы таке ледащо...

Тоди озвався Романъ: воны на ёго напалы, каличылы, нивечылы ёго!.. Денысъ завсигды пекломъ на ёго дыхавъ... И теперъ хоче занапастыты... Звуть ёго злодіемъ! А почόму воны знають, я́къ у Романа те сало опынылося? Може ёму батько самъ ёго давъ.

Волосни зъ уряднык омъ не зналы, що имъ робыты. Имъ було жалко Романа и гыдко Деныса слухаты, а про те все жъ це було злодійство. Врешти пособывъ пысарь:

— По закону такъ: колы бъ сынъ у батька що и взявъ, а якъ батько простыть, то й суда нема ніякого.

— Се правда, такъ!—додавъ урядныкъ.

— А колы такъ, дакъ що тутъ казаты?—озвався старшына. Це не наше дило, а батькове. Сторожъ! розвъяжы ёго!

Сторожъ у-купи зъ Струкомъ розвъязалы бидолаху. Струкъ теперъ уже зовсимъ прохоловъ и самъ на себе гнивный бувъ, що въ таке встрявъ. И Терешкови було ніяково.

— Мы вси тутъ дило бачылы й чулы: колы що треба буде, то вси будемо свидкамы, а протоколу нема на́ що спысуваты!—ришывъ старшына.—Идить соби зъ Богомъ!

— Спасыби вамъ, господынъ старшына!—подякувавъ Романъ и заразъ выйшовъ зъ волосты.

Понурывшысь, выйшлы за имъ Струкъ и Терешко, а позадъ усихъ Денысъ.

Денысъ гнивавсь на волосныхъ. Голова въ ёго болила, закривавлене облычче роспухло и що-хвылыны нагадувало про Романа.

Якъ винъ увійшовъ у свою хату, то тамъ булы вси дома. Зинько ажъ изъ мисця зирвався, побачывшы Деныса.

— Денысе! що се тоби?

Не видмовляючы ёму, Денысъ промовывъ просто до батька:

— Ото жъ вашъ сыночокъ наробывъ.

— Хто? Романъ?—спытавъ батько.—Знову былыся? Зъ чого жъ це?

— А зъ того, що мы—кумъ Терешко, Струкъ та я—піймалы ёго зъ саломъ у байраци.

У старого Сываша затремтилы рукы.

— И былы ёго?

— Або винъ насъ бывъ, покы ёму рукы назадъ скрутылы.

— На що жъ вы ёму рукы крутылы?

— Щобъ у волость одвесты. Шкода тилькы, що старшына не схотивъ у холодну посадыты.

— И ты вивъ ёго звъязаного... черезъ село въ волость?

— А то жъ бы нисъ, чы визъ на соби?

И видразу вси очы повернулыся до старого батька. Винъ уставъ билый, увесь тремтючы, якъ лыстъ пидъ витромъ, и звивъ у-гору проты Деныса руку.

Въ хати зробылось такъ тыхо, мовъ уси пересталы й дыхаты.

— Бодай же ты до вику бувъ...

Але слово проклёну спынылося на устахъ у безщасного батька, и винъ якъ стоявъ, упавъ на стилъ головою и заплакавъ старымы, тяжкымы якъ каминь, якъ огонь пекучымы слёзамы.

— Такъ мене зганьбывъ!.. Увесь ридъ нашъ чесный такъ зганьбывъ!.. Брата не пожаливъ!.. Хочъ бы мене, старого, пожаливъ!.. Мою стару голову такымъ соромомъ, такою ганьбою покрывъ!..

И ни слова билше. Тилькы чуты було, якъ маты хлыпала, стоючы въ кутку биля дверей. По Зиньковому облыччю котылыся слёзы...

В. Гринченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.[1]

(1861—1863 гг.).

(*Окончаніе*).

IV.

Начну съ Г. П. Галагана. Послѣдній давно уже слылъ между малороссійскими помѣщиками за „либерала". Либерализмъ этотъ, съ ихъ точки зрѣнія, окончательно утвердился за Галаганомъ послѣ его участія въ черниговскомъ „губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Въ этомъ комитетѣ Галаганъ стоялъ почти особнякомъ, и почти всѣ его подписи—въ журналахъ засѣданій этого комитета—являлись съ прибавкою—„при особомъ мнѣніи". Галаганъ былъ воспитанникомъ очень умнаго—сначала профессора, а потомъ желѣзнодорожнаго дѣльца—Чижова, который развилъ въ своемъ ученикѣ начала критическаго отношенія къ общественной жизни его деревенскихъ сосѣдей, особенно по вопросу о *младшей братіи*... Изъ этихъ сѣмянъ выросли у Галагана его симпатіи къ

---

1) Начало см. февраль.

давно ожидавшейся крестьянской реформѣ. При этомъ Галаганъ былъ отчасти славянофилъ, отчасти украинофилъ, каковыми *фильствами* также выдѣлялся изъ круга своихъ сосѣдей, которые и по этому косо смотрѣли на него.—Попавъ въ число членовъ редакціонной коммиссіи, Галаганъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ († 1866 г.)—были составителями того „малороссійскаго положенія“ 19 февраля 1861 г., которое опредѣлило нормы „обезпеченія“ освобожденныхъ крестьянъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Послѣ обнародованія освободительнаго акта, и Галаганъ и Тарновскій назначены были правительственными членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: Галаганъ—черниговскаго, а Тарновскій—полтавскаго. Назначеніе Галагана встрѣчено было на мѣстѣ очень непріязненно; въ немъ видѣли чуть не демагога... Галаганъ любилъ, когда ему говорили объ этомъ къ нему антагонизмѣ, хотя послѣдній очень преувеличивался... Какъ членъ крестьянскаго присутствія, Галаганъ былъ очень полезнымъ дѣятелемъ, потому что систематически и безъ уступокъ проводилъ въ жизнь начала, положенныя въ законъ 19 февраля. Противъ его антагонистовъ—Галагана защищала, отчасти, его видная въ Малороссіи родня: Кочубеи, Гудовичи... Кн. Голицынъ съ Галаганомъ—въ своей дѣятельности по крестьянскому вопросу—были солидарны вполнѣ.

Я жилъ (въ Черниговѣ) съ Галаганомъ въ одномъ дворѣ, и это сосѣдство было поводомъ, что онъ звалъ иногда меня къ себѣ обѣдать. За этими обѣдами, на которыхъ, кромѣ малой его семьи (жены и сына „Павлуся“ [1]) съ его гувернеромъ), почти никого я не встрѣчалъ,—Галаганъ любилъ говорить о своей дѣятельности, какъ члена присутствія, при чемъ нерѣдко разсказывалъ, какъ онъ удачно отклонялъ поползновенія тѣхъ

[1]) «Павлусь», какъ звали Галаганы своего единственнаго сына, въ это время былъ мальчикомъ лѣтъ семи-восьми. Хорошо помню его, когда бывало, послѣ обѣда, онъ, по просьбѣ отца, пѣлъ какую-нибудь малороссійскую бравурную пѣсню, (напр., «ой Морозе, Морозенку...») и энергически при этомъ притоптывалъ ногою...

или другихъ лицъ—обойти законъ. Отклоненія эти являлись въ формѣ „докладовъ" губернскому присутствію по вопросамъ—какъ слѣдуетъ понимать то или другое неясное мѣсто изъ закона 19 февраля. Здѣсь могу замѣтить, что жена Галагана, (недавно умершая Катерина Васильевна) всегда молчаливая, всегда сдержанная, своими рѣдкими, бывало, улыбками—какъ бы одобряла и ободряла мужа за этотъ характеръ его дѣятельности.

Другимъ членомъ отъ правительства крестьянскаго присутствія былъ Ив. Гр. Есимонтовскій, помѣщикъ мглинскаго уѣзда. Это былъ очень умный и сдержанный человѣкъ и потому всегда очень осторожно высказывавшійся по тому или другому вопросу. Въ очень многомъ онъ не сходился съ Галаганомъ, но ихъ пререканія носили всегда форму пріятельскихъ споровъ, въ которыхъ однако-жъ уступокъ, помнится, не бывало...

Изъ членовъ отъ дворянъ губернскаго присутствія ярко выдѣлялся П. А. Васильчиковъ. Попалъ онъ въ губернское присутствіе послѣ того, какъ выбранный передъ тѣмъ на эту должность В. О. Подвысоцкій—выбранъ былъ и предсѣдателемъ черниговской межевой палаты (только что тогда открытой). Васильчиковъ въ это время былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, но по своему образованію и богатству (П. А. В—въ былъ женатъ на гр. Орловой-Давыдовой) онъ уже и тогда былъ очень замѣтенъ среди черниговскихъ помѣщиковъ. Трудно объяснить выборъ Васильчикова взамѣнъ было намѣченнаго его предшественника: такъ они были не схожи между собою... Васильчиковъ не былъ сторонникомъ сословныхъ исключительностей. Въ то-же время это былъ мягкій, деликатный, такъ сказать, человѣкъ и джентльменъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ, напр., казалось (да, вѣроятно, оно такъ и было), что Васильчиковъ, по своей природѣ, *никогда* не могъ бы покривить противъ *правды*, какъ онъ ее понималъ [1]...

[1]) Послѣ черниговскаго знакомства съ Васильчиковымъ (значитъ въ 1861—1863 г.г.), мнѣ нерѣдко случалось встрѣчаться съ нимъ лѣтъ черезъ тридцать послѣ этого—въ вагонахъ курско-кіев-

При этомъ Васильчиковъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и поручаемые ему „доклады“ по губернскому присутствію разработывалъ тщательно и добросовѣстно. Недостатокъ Васильчикова заключался въ рѣшительномъ его неумѣніи защищать свое мнѣніе при словесныхъ преніяхъ, такъ какъ говорилъ онъ безъ надлежащей ясности. Въ числѣ дѣятелей по освободительной реформѣ имя П. А. Васильчикова не должно быть забыто за его честную, нелицепріятную службу этому дѣлу.

Лизогубъ былъ типичнымъ помѣщикомъ половины XIX в., представляя въ себѣ и украинофила и помѣщика—совсѣмъ не сочувствовавшаго освободительной реформѣ. Лизогубъ, повидимому, не имѣлъ высшаго образованія, но былъ большимъ поклонникомъ искусства. Онъ самъ рисовалъ немного и любилъ общество людей интересовавшихся искусствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы прочли (Вѣстн. Евр. 1900 г., № 12) живой разсказъ Л. М. Жемчужникова о посѣщеніи имъ седневской усадьбы А. И. Лизогуба. Личность послѣдняго здѣсь обрисована въ симпатичномъ свѣтѣ. Такою она отчасти и была, особенно если вспомнить дружескія отношенія Лизогуба къ Т. Г. Шевченку, которыя не прекращались и послѣ ссылки послѣдняго. Но Лизогубъ какъ-бы старался закрывать эту сторону своей личности. Помню очень хорошо, что при частыхъ моихъ встрѣчахъ съ Лизогубомъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія (раньше я сказалъ, что кн. Голицынъ постоянно приглашалъ насъ—членовъ мир. съѣздовъ—въ эти засѣданія, такъ сказать, для *науки*), онъ никогда и словомъ не обмолвился со мною о Шевченкѣ, гробъ котораго я передъ тѣмъ сопровождалъ

ской ж. дороги, между Конотопомъ и Бобровицею (В. былъ помѣщикомъ козелецкаго уѣзда),—и я видѣлъ въ Васильчиковѣ, уже старикѣ, того же искренняго и правдиваго человѣка, который въ своихъ отзывахъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ—не стѣснялся по прежнему говорить правду, и правду иногда жестокую... Умеръ Васильчиковъ въ 1899 г., *въ знаменательный день 19-го февраля.*

въ Кіевъ, о чемъ Лизогубъ хорошо зналъ. Зналъ онъ также и о близости Шевченка къ нашей семьѣ. Казалось, что Лизогубъ не находилъ удобнымъ заводить рѣчь о Шевченкѣ съ молодымъ человѣкомъ, который въ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ больше склонялся къ воззрѣніямъ Галагана, чѣмъ къ воззрѣніямъ его, Лизогуба. Во всякомъ случаѣ, Лизогубъ выдѣлялся изъ своей среды—любовью къ родинѣ. Онъ охотно приводилъ въ своихъ разговорахъ слова и фразы родного языка, которымъ, повидимому, вполнѣ владѣлъ. Покойный А. И. Ханенко разсказывалъ мнѣ, что въ седневскомъ домѣ Лизогуба, по стѣнамъ, были развѣшены портреты его дѣтей въ малорусской старинной одеждѣ, рисованные самимъ отцомъ. Было въ этомъ домѣ немало, говорилъ тотъ же А. И. Х—ко, и другихъ интересныхъ вещей, показывавшихъ, что хозяинъ его помнилъ и любилъ родную старину [1]). Какъ членъ губернскаго присутствія Лизогубъ былъ всегдашнимъ антагонистомъ Галагана, но будучи пріятелями съ юности, и Лизогубъ и Галаганъ пререканія свои пересыпали малороссійскимъ юморомъ, указывая оба другъ на друга, что вотъ, молъ, каковъ онъ, этотъ Галаганъ или—этотъ Лизогубъ...

Вообще слѣдуетъ сказать, что не смотря на различіе воззрѣній членовъ губернскаго присутствія въ общественныхъ вопросахъ—пренія и споры между ними велись, если не всегда спокойно, то всегда вполнѣ благоприлично; видно было, что эти люди не старались убѣждать другъ друга въ правильности своего мнѣнія, потому что хорошо знали одинъ другого и вполнѣ вѣрили въ непреклонность своихъ убѣжденій. Тотъ или другой вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ, при чемъ предсѣдатель, т. е. кн. Голицынъ, какой-нибудь ловко сказанной фразой, сглаживалъ непріятное впечатлѣніе меньшинства, какъ будто говоря, что ничего, молъ, не подѣлаешь съ этимъ упрямымъ большинствомъ...

---

[1]) Къ сожалѣнію, все это погибло при пожарѣ седневскаго дома, происшедшаго, какъ гласила молва, неслучайно, во время несчастнаго эпизода съ однимъ изъ сыновей А. И. Л—ба...

Присоединивъ къ этимъ четыремъ членамъ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, получится тотъ персоналъ, которому по закону поручено было руководительство и наблюденіе—за правильностью осуществленія на дѣлѣ того, что было написано въ законѣ.

V.

Непосредственными осуществителями этого закона были мировые посредники. Я уже сказалъ раньше, какъ трудно было кн. Голицыну произвести выборъ этихъ лицъ... Лица эти однако-жъ были выбраны, при чемъ персоналъ ихъ оказался очень разнообразнымъ какъ по возрасту, такъ и по образованію и по степени состоятельности... Тутъ были и старики, и люди только что оставившіе школьныя скамейки, были университетскіе, были и гимназіи неокончившіе, были такіе богачи, какъ напр. Вас. Арк. Кочубей, и были такіе бѣдняки (послѣдніе впрочемъ—въ единицахъ), у которыхъ только что хватало земли на цензъ (150 дес. для лицъ, получившихъ высшее образованіе). Различны были и воззрѣнія этого разнообразнаго персонала на значеніе освободительной реформы... Я хорошо зналъ посредниковъ четырехъ уѣздовъ: сосницкаго, борзенскаго, конотопскаго и кролевецкаго. Этихъ посредниковъ, за два года моей службы въ мировыхъ съѣздахъ, я узналъ настолько, что каждаго изъ нихъ, какъ дѣятеля крестьянской реформы, могу нарисовать довольно вѣрный портретъ. Портреты эти,—можетъ быть, иногда недорисованные,—привожу здѣсь, чтобы дать понятіе о разнообразіи этихъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ ними скажу и о предсѣдателяхъ съѣздовъ, которыми были мѣстные предводители дворянства и которые, несомнѣнно, могли оказывать вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ уѣздѣ. Начну съ сосницкаго уѣзда. Предсѣдателемъ съѣзда здѣсь былъ Гр. Ил. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ, устроившій свое благосостояніе женитьбою на воспитанницѣ богача Воейкова,

отъ котораго получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ д. Турецъ. Марковичъ былъ человѣкъ безъ всякаго вліянія въ уѣздѣ; мало зналъ онъ законъ 19 февраля и какъ-то равнодушно относился къ реформѣ. Посредники не обращали на него никакого вниманія. Въ 1862 г. Марковичъ умеръ, и мѣсто его занялъ Мих. Ив. Сахновскій, бывшій секретарь одного изъ петербургскихъ митрополитовъ, человѣкъ искусный въ канцелярскихъ дѣлахъ, но, какъ предводитель, значившій еще менѣе, чѣмъ Марковичъ. Никакого голоса на съѣздѣ онъ не имѣлъ, будучи предводителемъ случайнымъ.

Посредниковъ въ сосницкомъ уѣздѣ было четыре: Мих. Мойс. Бобырь (изъ Даниловки), Ник. Ив. Товстолѣсъ (изъ Шишки), Н. В. Полторацкій (изъ самой Сосницы) и Ив. М. Марковичъ (изъ Шабалинова).—Бобырь, капитанъ артиллеріи и старый холостякъ, былъ вообще человѣкъ честный, неспособный на сдѣлки съ совѣстью. Уставныя грамоты въ его участкѣ были введены тѣмъ съ большею справедливостью, что почва земли тутъ была довольно однообразна, а помѣщики—почти исключительно мелкопомѣстные—были люди тихіе... Трудно было сказать, насколько Бобырь лично сочувствовалъ крестьянской реформѣ, но служилъ онъ этому дѣлу правдиво, и быть можетъ, былъ грѣшенъ лишь въ томъ, что по непривычкѣ къ бумажной работѣ, давалъ своему письмоводителю много воли...

Товстолѣсъ былъ старикъ лѣтъ подъ 60-тъ, едва-ли когда-либо выѣзжавшій изъ своего полѣсскаго хутора. Это былъ типъ помѣщика глухихъ мѣстъ (медвѣжьихъ угловъ), съ средними достатками, при чемъ образованіе его ограничивалось, вѣроятно, лишь нѣсколькими классами гимназіи. Посредническіе обязанности Товстолѣсу были тяжелы по его малоподвижности и неохотѣ къ бумажной работѣ. Какъ посредникъ, Товстолѣсъ велъ дѣло довольно безобидно для обѣихъ сторонъ, п. ч. былъ человѣкъ аккуратный и кромѣ того побаивавшійся начальства. Пробылъ Товстолѣсъ посредникомъ около года и утомившись непривычною для него дѣятельностью, вышелъ въ

отставку, а участокъ его былъ раздѣленъ между остальными тремя посредниками.

Полторацкій представлялъ собою довольно цѣльный типъ помѣщика средней руки съ нѣжинскимъ образованіемъ, т. е. помѣщика, получившаго высшее образованіе въ нѣжинскомъ лицеѣ. Не смотря на это высшее образованіе, люди этого типа мало чѣмъ интересовались... Какъ посредникъ, Полторацкій дѣйствовалъ не одинаково. Участокъ его состоялъ изъ имѣній большихъ баръ (кн. Урусова, Закревскаго, гр. Толстого, Капниста, Скоропадскаго, Максимовой и друг.). Большинство изъ этихъ помѣщиковъ въ своихъ имѣніяхъ не жило, и посреднику совсѣмъ было неизвѣстно—какъ они смотрѣли на освобожденіе своихъ крестьянъ. Находившіеся въ имѣніяхъ управляющіе нерѣдко предъявляли требованія незаконныя. Отсюда возникали затрудненія. Были въ участкѣ Полторацкаго громадныя имѣнія гр. А. К. Толстого (поэта), въ которыхъ владѣлецъ, по своему характеру, никакихъ затрудненій посреднику представить не могъ, но зато были въ этомъ участкѣ и иные владѣльцы. Изъ нихъ рѣзко выдѣлялась знаменитая Максимова (по мужу, а по рожденію—Ярошевицкая), владѣлица м. Холмовъ, напряженныя отношенія которой къ своимъ крестьянамъ, до изданія закона 19 февраля, имѣли результатомъ своимъ крайне обостренныя отношенія и послѣ изданія этого закона. Въ этомъ имѣніи нѣсколько разъ возникали „бунты“, изъ-за которыхъ въ м. Холмы два раза выѣзжалъ мировой съѣздъ для повѣрки жалобъ Максимовой на посредника за его-де послабленія относительно крестьянскихъ претензій. А между тѣмъ въ отношеніяхъ Максимой къ ея крестьянамъ Полторацкій пасовалъ и терялся.— Правда, типы такихъ владѣльцекъ, какъ Максимова, были единичны, такъ какъ постоянныя ея претензіи и мелкія придирки къ крестьянамъ, задавали посреднику много хлопотъ, но Полторацкій, имѣя въ своихъ рукахъ власть достаточную для противодѣйствія этимъ претензіямъ, властью этою не осмѣливался пользоваться и старался заслоняться съѣздомъ. Какъ я уже сказалъ, съѣздъ два раза выѣзжалъ въ Холмы для улаженія

взаимныхъ—Максимовой и ея крестьянъ—претензій. Помню хорошо эти выѣзды и знакомство съ „обстоятельствами дѣла“ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что владѣлица Холмовъ сама по себѣ была дама жестокая, безъ стѣсненія, напр., присутствовавшая при наказаніи ея крестьянъ (еще до освобожденія) за „бунтъ“, когда это наказаніе производилось полиціей въ присутствіи солдатъ. А затѣмъ, къ этому личному характеру владѣлицы, прибавился такой же немягкій характеръ какого-то грека Теотоки, котораго Максимова содержала у себя въ Холмахъ [1]). Вотъ эта пара и насѣдала на Холменскихъ крестьянъ до того, что послѣднимъ становилось невмоготу. Отсюда и возникали „бунты“.

Разумѣется, не Полторацкому было управляться съ Холменскими конфликтами, но странно было и смотрѣть, какъ онъ боялся ихъ... Въ мелкихъ имѣніяхъ Полторацкій былъ смѣлѣе. Неровность въ дѣйствіяхъ этого посредника возбуждала критику и у его товарищей и, критикѣ этой повидимому, было мѣсто...

Четвертымъ посредникомъ былъ И. М. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой одесскій лицеистъ, сочувственно относившійся къ освобожденію крестьянъ. При составленіи грамотъ онъ нерѣдко выпрашивалъ у помѣщиковъ и то, на что по закону у крестьянъ не было права. Будучи роднымъ племянникомъ М. М. Бобыря, Марковичъ соперничалъ съ дядею—въ безобидномъ составленіи грамотъ и притомъ безъ всякой помощи съѣзда.

Борзенскими посредниками перваго призыва были В. П. Ловцовъ, Н. Н. Волкъ-Карачевскій и Н. Г. Кандыба. Всѣ они ничѣмъ другъ на друга не походили.

---

[1]) Позже говорили, что ту жестокость, которая практиковалась у Максимовой въ отношеніяхъ къ ея крестьянамъ (до освобожденія), Теотоки примѣнялъ впослѣдствіи къ самой Максимовой... Скоро затѣмъ Холмы перешли въ собственность къ Теотоки, а потомъ—его наслѣдниками были проданы евреямъ.

Семья Ловцовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ-стариковъ;[1]) изъ нихъ былъ женатъ только одинъ, а остальные были старыми холостяками, жившими вмѣстѣ, въ нераздѣленномъ имѣніи (с. Крупичполь), которымъ управляли тихо и согласно, безъ какихъ либо недоразумѣній между собою. Всѣ Ловцовы были хорошо воспитаны и отличались въ сношеніяхъ съ сосѣдями—вѣжливостью и мягкостью... За это Ловцовыхъ, въ борзенскомъ уѣздѣ, называли—французскими маркизами, и нужно согласиться, что прозвище это къ нимъ шло. Всѣ Ловцовы, кромѣ того, были добрые и честные люди. Они мало интересовались житейскими „злобами“, поэтому, напр. крупичпольскій ихъ старый, престарый домъ былъ довольно неопрятенъ, но за то видно было, что прислугѣ, на обязанности которой лежала эта опрятность дома, жилось привольно и сыто. Посредникъ изъ Ловцова вышелъ плохой, не потому чтобы онъ не желалъ вести дѣло не „по закону“, а потому, что у него не было никакого характера, и въ дѣлѣ составленія и введенія уставныхъ грамотъ онъ очень много давалъ власти своему письмоводителю. Къ чести Ловцова нужно сказать, что не смотря на то, что посредникомъ онъ сталъ по рекомендаціи Галагана, въ громадномъ Иченскомъ имѣніи послѣдняго—Ловцовъ составлялъ уставную грамоту очень осторожно. Дѣло въ томъ, что въ дачѣ м. Ични почва земли самая разнообразная, причемъ не мало тутъ есть и сыпучихъ песковъ. Главными управляющими галагановскихъ имѣній были люди не мѣстные, которые съ одной стороны очень угодничали (на словахъ) передъ своимъ патрономъ, а съ другой—тѣснили крестьянъ. Одинъ изъ такихъ, составляя уставную грамоту для иченскихъ крестьянъ, составилъ ее такъ, что на долю крестьянъ отдѣлилъ песковъ гораздо больше, чѣмъ это можно было. Ловцовъ представилъ объ этомъ съѣзду, а съѣздъ постановилъ—осмотрѣть проектируемые крестьянскіе надѣлы—на мѣстѣ, что и было исполнено. Увидѣвъ, что расчетъ на до-

---

[1]) Былъ еще и четвертый, генералъ, но онъ въ Крупичпольѣ не жилъ, и я его не зналъ...

бродушіе Ловцова не удался, управляющій Галагана согласился на всѣ уступки, предложенныя съѣздомъ, и Иченская грамота была исправлена къ полному удовлетворенію крестьянъ. Любопытно, что когда я, послѣ этого съѣзда, вернулся въ Черниговъ и разсказалъ Галагану о нашей экскурсіи въ Ичню, то онъ остался недоволенъ нашимъ туда выѣздомъ, за то, что мы, такъ сказать, повѣряли дѣйствія его, Галагана, а слѣдовательно, какъ будто заподозрили его въ желаніи обдѣлить крестьянъ. Въ этомъ недовольствѣ обнаруживался тотъ довѣрчивый Галаганъ, котораго, какъ говорили близкіе къ нему люди, очень много обманывали нѣкоторые его повѣренные. [1])

Посредникъ Волкъ-Карачевскій былъ товарищъ по университету Заики, которымъ и указанъ Голицыну. Какъ посредникъ, В.-Карачевскій, при мягкости и спокойствіи своего характера, былъ однимъ изъ справедливѣйшихъ въ губерніи; онъ успѣлъ заслужить довѣріе даже у крестьянъ, пользуясь которымъ легко улаживалъ отношенія къ помѣщикамъ. Помню, что при одной какой-то сдѣлкѣ крестьянъ съ Кочубеемъ, по Конашевскому имѣнію, крестьяне не рѣшались „дать руки", т. е. подписать сдѣлку. А когда посредникъ спросилъ ихъ—почему же они не рѣшаются подписать сдѣлку, если находятъ ее для себя выгодною, то крестьяне просили посредника—сказать имъ по правдѣ—не попадутъ ли они за это въ бѣду, такъ какъ въ народѣ держится слухъ, что у тѣхъ крестьянъ, „которые будутъ заключать съ панами какія нибудь сдѣлки, попы не будутъ ни дѣтей крестить, ни мертвыхъ погребать"...

Н. Н. В.-Карачевскій пробылъ посредникомъ около году и ушелъ въ реформированный въ то время акцизъ, который своими содержаніями увлекъ тогда и привлекъ къ себѣ—много хорошихъ людей.

---

[1]) Доходило до того, какъ говорили, что одинъ изъ нихъ на требованіе Галагана изъ Спб. прислать деньги за проданный табакъ, попробовалъ было увѣрить патрона, что эти деньги онъ отдалъ ему лично, будучи въ Спбургѣ...

Третьимъ посредникомъ былъ Кандиба, который, будучи собственно конотопскимъ помѣщикомъ, сталъ борзенскимъ посредникомъ, будучи женатъ на дочери тамошняго помѣщика. Грамоты Кандыба составлялъ очень осмотрительно и аккуратно, но пробылъ онъ посредникомъ очень недолго, такъ какъ скоро переѣхалъ изъ борзенскаго уѣзда въ свое конотопское имѣніе.

Очень типичнымъ являлся предсѣдатель борзенскаго мирового съѣзда, К. А. Гамалѣя. Это былъ уже старый человѣкъ, занимавшій предводительскую должность съ 1837 г., послѣ своей военной службы. Военная его служба была примѣчательна тѣмъ, что поступивъ юнкеромъ въ гусарскій полкъ, стоявшій въ борзенскомъ уѣздѣ, Гамалѣя дослужился до штабъ-ротмистра, не покидая своего уѣзда. Послѣ отставки, Гамалѣя сейчасъ же былъ выбранъ предводителемъ; его цѣнили за безконечное добродушіе, которое давало возможность борзенскимъ дворянамъ распоряжаться своими дѣлами, (напр., на дворянскихъ выборахъ) кто какъ хотѣлъ и кто какъ умѣлъ. Никому и никакого противодѣйствія Гамалѣя не оказывалъ, потому что ко всему былъ безразличенъ. Ни друзей, ни враговъ онъ не имѣлъ; по малочисленности дворянъ въ борзенскомъ уѣздѣ—никакихъ партій тутъ не было. Вотъ поэтому Гамалѣя и выбирали предводителемъ до тѣхъ поръ, пока старость не сдѣлала его инвалидомъ. Какъ предсѣдатель съѣзда, Гамалѣя вполнѣ подчинялся большинству и даже охотно присоединялся къ рѣшеніямъ съѣзда въ щекотливыхъ вопросахъ объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, когда приходилось въ такихъ требованіяхъ помѣщикамъ отказывать (по этимъ вопросамъ на съѣздѣ по закону требовалось единогласіе).

Свое усердіе—относительно помощи съѣзду въ веденіи дѣлъ—Гамалѣя простиралъ до того, что разъ, при допросѣ свидѣтеля, видя, что послѣдній явно говоритъ неправду, Гамалѣя подошелъ къ нему и сдѣлалъ такое внушительное движеніе рукою, что свидѣтель покачнулся... Засѣданіе было закрыто и Гамалѣѣ тутъ же было внушено, что если когда-нибудь такой жестъ повторится, то объ этомъ будетъ составленъ „протоколъ"...

Можно впрочемъ сказать, что Гамалѣя, совершая этотъ „криминалъ“, мало вѣдалъ, что творилъ...

Въ Конотопскомъ уѣздѣ было три посредника: К. П. Тарновскій, Л. А. Астафьевъ и Ал. Г. Кандыба,—послѣдніе оба съ университетскимъ образованіемъ.

Тарновскій былъ сынъ небогатаго прилуцкаго помѣщика, по воспитанію инженеръ. Въ конотопскій уѣздъ онъ переселился, получивъ при дѣлежѣ богатаго наслѣдства Г. С. Тарновскаго, въ этомъ уѣздѣ д. Юрьевку. Посредникъ изъ Тарновскаго вышелъ полезный потому главнымъ образомъ, что онъ былъ въ уѣздѣ человѣкомъ чужимъ, не имѣвшимъ, слѣдовательно, тутъ ни друзей, ни враговъ... Бѣда была только въ томъ, что Тарновскій по природѣ былъ очень медлителенъ. Долго иногда приходилось крестьянамъ ожидать у этого посредника рѣшенія своего дѣла, но рѣшалъ онъ эти дѣла не въ обиду крестьянъ... Желая показать себя независимымъ человѣкомъ отъ тѣхъ или другихъ вліяній, Тарновскій требовалъ отъ помѣщиковъ точнаго исполненія закону и порождалъ межъ ними много недовольныхъ.

Такимъ же медлителемъ, если только не большимъ еще, былъ и посредникъ Астафьевъ, тоже человѣкъ въ уѣздѣ чужой. Отецъ его купилъ здѣсь часть разумовщины (извѣстный мазепинскій хуторъ Поросючку, передѣланную потомъ въ Богодаровку) и сталъ конотопскимъ помѣщикомъ. Какъ посредникъ, Астафьевъ велъ дѣла „по закону“, но медлитель онъ былъ чрезвычайный, къ чему присоединялось еще другое качество: неуступчивость въ томъ или другомъ своемъ мнѣніи... Неохотно обращались къ этому посреднику крестьяне, зная, что прійдется потерять много времени, пока посредникомъ данъ будетъ судъ, хотя послѣдній несправедливымъ бывалъ, можетъ быть, и не часто. Насколько Тарновскій и Астафьевъ—были медлительны, настолько быстро работалъ Ал. Г. Кандыба, но за то въ веденіи крестьянскаго дѣла онъ былъ неровенъ и очень субъективенъ... Дѣятельностью его губернское присутствіе, повидимому, не было довольно, такъ такъ „куриловскій мировой участокъ“, въ кото-

ромъ Ал. Г. Кандиба былъ посредникомъ, скоро былъ упраздненъ и раздѣленъ—между Тарновскимъ и Астафьевымъ.

Въ съѣздѣ конотопскомъ дѣла шли плохо, вслѣдствіе постоянныхъ пререканій членовъ его между собою. Тарновскій и Ал. Г. Кандиба *никогда* въ мнѣніяхъ не сходились. Предсѣдатель съѣзда П. Г. Кандыба съ Тарновскимъ тоже не соглашался, а Астафьевъ—при этихъ спорахъ—былъ нѣсколько формаленъ... Главная бѣда конотопскаго съѣзда заключалась въ томъ, что въ немъ невозможно было спокойное обсужденіе дѣла, потому что большею частью бывало такъ, что если одинъ говоритъ *да*, то другой говоритъ *нѣтъ*. Обыкновенно споръ кончался тѣмъ, что Тарновскій вмѣстѣ съ членомъ отъ правительства—оставались въ меньшинствѣ.

Перехожу къ кролевецкому уѣзду. Здѣсь было четыре посредника. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать В. А. Кочубея, [1]) который выдѣлялся между посредниками едва ли не всей губерніи, своимъ богатствомъ. Жилъ онъ прежде большею частью заграницей, жизнь народа зналъ мало, и почему онъ согласился взять на себя посредническія обязанности—хорошо не знаю. Вѣроятно, что тутъ дѣйствовалъ Галаганъ, который по женѣ былъ въ близкомъ родствѣ съ Кочубеями. Галагану пріятно было видѣть въ средѣ посредниковъ—родовитаго „пана“ и при томъ близкаго своего родича. Какъ посредникъ, Кочубей былъ дѣятелемъ малоучастливымъ, но по добротѣ своего характера—былъ полезенъ.

Посредническое дѣло въ его участкѣ лежало почти исключительно на рукахъ его письмоводителя Войцеховича, который и замѣнилъ Кочубея, когда послѣдній въ 1862 г. оставилъ посредничество.

Замѣтнѣйшимъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣздѣ былъ Т. И. Соломка, дѣлецъ изъ маленькихъ коропскихъ „панковъ“, почти поголовно занимавшихся мелкимъ винокуреніемъ и ви-

---

[1]) Братъ его Н. А. Кочубей тоже былъ посредникомъ въ козелецкомъ уѣздѣ.

новодствомъ. [1]) Этою промышленностью тамошніе владѣльцы наживали хорошія средства. Такимъ хозяиномъ былъ и Соломка. Это былъ хорошій знакомый Заики, которымъ и былъ рекомендованъ Голицыну. Соломка обладалъ незауряднымъ умомъ, но въ его дѣятельности слишкомъ проглядывалъ оппортунизмъ... При реформѣ уѣздной полиціи въ 1862 г., Соломка сдѣланъ былъ кролевецкимъ исправникомъ, а кончилъ жизнь онъ членомъ харьковской судебной палаты.

Затѣмъ остальными двумя посредниками были П. А. Марковичъ (тогда жилъ въ с. Крискахъ) и М. П. Ворожченко; первый принадлежалъ къ стариннымъ черниговскимъ панамъ и былъ правнукомъ извѣстнаго автора „Дневныхъ записокъ" Якова Марковича, а второй—изъ военныхъ (бывшій полковой командиръ) былъ зять тоже стариннаго черниговскаго пана—П. И. Забѣлы (изъ Лушниковъ). Несмотря на полное различіе въ характерахъ, и Марковичъ и Ворожченко дѣйствовали одинаково, не „наровя" ни въ ту, ни въ другую сторону. Марковичъ, по природѣ своей, очень добрый человѣкъ, конечно, жалѣлъ тѣхъ, которые лишались даровой рабочей силы, но по своему характеру, активно выражать этого сожалѣнія не могъ. Дѣло развода крестьянъ съ помѣщиками въ участкѣ Марковича шло правильно. Не желая наживать себѣ недруговъ, Марковичъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ съѣзду, предоставляя эти случаи окончательному разрѣшенію послѣдняго. Ворожченко былъ человѣкъ совсѣмъ чужой въ уѣздѣ; это обстоятельство нисколько не связывало его общественной дѣятельности, которую онъ и велъ неуклонно „по закону"; при томъ же, будучи по характеру человѣкомъ очень осторожнымъ, Вороженко старался—не расходиться съ направленіемъ губернскаго присутствія и—попадать ему въ тонъ... Характеръ всѣхъ четырехъ кролевецкихъ посредниковъ давалъ

---

[1]) Это были панки, число крестьянъ у которыхъ простиралось отъ одной до пятнадцати «душъ»... У самого Соломки было только шесть душъ крестьянъ, какъ значится въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ.

возможность рѣшать безобидно для крестьянъ и тѣ дѣла, которыя подлежали разрѣшенію съѣзда, причемъ голосъ предсѣдателя съѣзда всегда присоединялся къ большинству. Предсѣдателемъ, т. е. предводителемъ дворянства, былъ тогда Н. М. Дурновъ, ставшій кролевецкимъ помѣщикомъ по женитьбѣ его на дочери владѣлицы с. Обтова, Х. А. Иваненковой, пользовавшейся громкою извѣстностью въ околоткѣ за свою энергію. По своему характеру Дурново относился къ дѣлу безразлично...

Вотъ ивесь персоналъ дѣятелей, по освободительной реформѣ, въ тѣхъ четырехъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ и я близко стоялъ ко этой реформѣ.

VI.

Оглядываясь теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, назадъ, я вижу, что изъ четырнадцати посредниковъ, мною названныхъ, лишь объ одномъ изъ нихъ я могу сказать, что онъ вполнѣ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и радовался этой реформѣ. Изъ остальныхъ, значительное большинство, конечно, сожалѣло объ утраченномъ крѣпостномъ правѣ уже по одному тому, что воочію видѣло всѣ грядущія для нихъ экономическія затрудненія... И тѣмъ не менѣе—разводъ крестьянъ съ помѣщиками—въ четырехъ *моихъ* уѣздахъ сдѣланъ былъ болѣе или менѣе правомѣрно, и крестьяне при составленіи уставныхъ грамотъ—обижены, намѣренно, не были.—

Главная заслуга такого безобиднаго развода принадлежала губернскому присутствію, а послѣднему тонъ давалъ кн. Голицынъ. Съ самаго открытія губернскаго присутствія, Голицынъ очень удачно установилъ порядокъ его дѣятельности. Всѣ поступавшія въ присутствіе бумаги разрѣшались двоякимъ способомъ: всѣ сложныя и требовавшія кабинетнаго изученія—поручались (по назначенію губернатора) членамъ присут-

ствія, которые затѣмъ представляли письменные „доклады“. Послѣдніе читались въ присутствіи и послѣ преній, принимались или исправлялись, а иногда и отвергались. Менѣе сложныя бумаги читались, обсуждались и рѣшались тутъ же, въ присутствіи, а затѣмъ мотивированную по нимъ резолюцію писалъ секретарь. Всѣ опредѣленія губернскаго присутствіи, въ томъ числѣ и пространные доклады членовъ присутствія, печатались полностью въ *журналахъ* присутствія, которые и разсылались всѣмъ посредникамъ губерніи. Такимъ образомъ *всѣ посредники* вполнѣ были знакомы съ характеромъ и направленіемъ дѣятельности губернскаго присутствія, и волей-неволей подчинялись этому направленію, видя, что присутствіе неуклонно преслѣдуетъ правомѣрное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла.—Кромѣ того, кн. Голицынъ постоянно приглашалъ въ засѣданія присутствія пріѣзжавшихъ въ Черниговъ какъ посредниковъ, такъ и помѣщиковъ, болѣе или менѣе значительныхъ, несмотря на тотъ или другой цвѣтъ послѣднихъ. Приглашенія эти были полезны въ томъ отношеніи, что побывавшіе въ засѣданіяхъ присутствія помѣщики видѣли безполезность протестовъ... Наиболѣе частымъ гостемъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, сколько помню, былъ родной братъ члена присутствія, В. И. Лизогубъ, отставной уланъ, приходившій всегда съ своей трубкой на длинномъ чубукѣ. (Въ засѣданіяхъ присутствія, происходившихъ вечеромъ, куреніе было свободно, при чемъ къ нему добавлялось непрерывное чаепитіе). Этотъ гость, не будучи сторонникомъ освобожденія крестьянъ, сначала очень будировалъ противъ „либеральныхъ“ наклонностей губернатора, но потомъ настолько примирился съ характеромъ веденія дѣлъ въ присутствіи, что посѣщая его засѣданія, свое несочувствіе тому или другому рѣшенію вопроса выражалъ лишь добродушно-ироническими улыбками, какъ бы говорившими: ну, что съ вами дѣлать, продолжайте!.. Ревностнымъ помощникомъ Голицына въ веденіи дѣла былъ Заика, который предварительно просматривалъ всѣ поступавшіе въ присутствіе бумаги

и сортировалъ ихъ для дальнѣйшаго направленія, такимъ образомъ, чтобы какой-нибудь важный вопросъ, требовавшій принципіальнаго разрѣшенія, попадалъ въ докладъ правительственнаго члена... На обязанности Заики лежалъ просмотръ журналовъ мировыхъ съѣздовъ (по распоряженію присутствія, присылались копіи съѣздовыхъ журналовъ послѣ каждаго засѣданія). При этомъ если встрѣчалось неправильное разрѣшеніе того или другого вопроса, то рѣшеніе съѣзда подвергалось пересмотру присутствія (безъ всякой жалобы) и перерѣшенію. Помню, что разъ въ Сосницкомъ съѣздѣ состоялось постановленіе о лишеніи крестьянина права на надѣлъ на томъ основаніи, что онъ пользовался пахатною землею только въ качествѣ живущаго въ лѣсу сторожа. А между тѣмъ видно было, что крестьянинъ жилъ въ лѣсу помѣщика не сторожемъ, а самостоятельнымъ хозяиномъ, который своимъ скотомъ и своимъ „желѣзомъ“ обработывалъ отведенное помѣщикомъ ему поле. Я написалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ подробно изложилъ экономическое положеніе крестьянина, дававшее ему несомнѣнное право на полученіе надѣла. Это было въ первый годъ дѣятельности съѣздовъ, когда порядокъ обжалованія его рѣшеній былъ почти невѣдомъ тѣмъ, кому можно было жаловаться.—Заика, перечитывая журналы сосницкаго съѣзда, замѣтилъ это рѣшеніе и доложилъ о немъ присутствію, а послѣднее рѣшеніе съѣзда отмѣнило, признавъ за крестьяниномъ право на пользованіе на надѣлъ.

Въ заключеніе скажу, что Голицыну несомнѣнно принадлежитъ великая заслуга безобиднаго, болѣе или менѣе, разрѣшенія въ черниговской губерніи крестьянскаго дѣла. Онъ далъ въ губерніи тотъ тонъ, котораго слушали и которому вторили посредники, видя, что тонъ дается настойчивый. Тонъ этотъ, производилъ то, что даже тѣ лица, отъ которыхъ, повидимому, нельзя было ожидать „плодотворной“ дѣятельности, по ихъ прошлому,—сдѣлавшись посредниками, исполняли свои обязанности такъ закономѣрно, что результаты получались наилучшіе.

На этомъ оканчиваю. Быть можетъ, позже когда-нибудь, пополню и продолжу свой разсказъ, если только Богъ продлитъ вѣку. [1])

А. Л.

[1]) *Добавленіе.* Раньше я сказалъ (февр., 361), что отдѣльные факты, указывавшіе (въ 1861 г.) «на такое возбужденіе умовъ», едва ли записаны, разумѣя запись мемуаристовъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ факты эти, конечно, записаны и «дѣла» о нихъ вѣроятно еще существуютъ въ черниговскихъ архивахъ. Указаніе на эти «дѣла» заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1864 г. оффиціальная записка подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣйствій м—ва внутр. дѣлъ по крестьянскому дѣлу съ января 1861 по 19 февр. 1864 г.» (Спб., въ л., 199 стр.). При перечисленіи «безпорядковъ», возникшихъ по имперіи, среди крестьянъ, въ первой половинѣ 1861 г., относительно Черниговской губерніи въ «Обзорѣ» говорится: «Главнымъ пунктомъ бозпорядковъ (въ Ч—ой губ.) долгое время были: въ Нѣжинск. у. селеніе *Безугловка* и въ н.-сѣверск. у. слобода *Каменская*. Въ Безугловку, какъ центръ волненія, введено было 3 батальона войскъ. Въ то же время возникали безпорядки въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: н. сѣверскаго, городницкаго, конотопскаго, кролевецкаго, новозыбковскаго и мглинскаго. Въ н.-сѣверск. у. крестьяне слоб. Каменской не только сами отказывались отъ исполненія барщины, но препятствовали силою производству работъ въ усадьбѣ помѣщика вольнонаемными людьми. Примѣръ каменскихъ крестьянъ увлекъ къ безпорядкамъ 25 селеній съ населеніемъ до 9000 душъ. Безпорядокъ въ слоб. Каменской подавленъ при содѣйствіи военной силы, послѣ наказанія и заключенія въ оковы главныхъ зачинщиковъ».

ЛЫХО.

(*Картынка зъ жыття голодныхъ*).

Въ мистечку Б., на прыкинци, де стоялы задумани, зъ сывымы пасмамы вербы, а за нымы тяглысь по дорози струнки осокоры зъ срибнымъ, тремтячымъ лыстомъ, тамъ, геть на одшыби, ховалась мижъ корявыхъ яблонь и поломаныхъ слывъ горбата хатынка. Кругомъ неи не выдко було ни тыну, ни загороды; хозяйськи забудовання стоялы руиною, порозваляни, порозламани, та и сама хата була мало не зовсимъ безъ покривли, и кризь диркы на ій свитылы ребрамы крокві.

У тій хатци жыла соби удова Марта Супоныха зъ своею едыною донькою Присею, дивчыною литъ девъяты-десяты. За покійного чоловика, якого брусомъ пры будованни церквы убыто, симъя Супони вважалась за заможню и жыла, по теперешнихъ часахъ, навить зъ достаткомъ. Чоловикъ Марты, кримъ свого надила, державъ у посесіи ще два, мавъ пару волівъ, корову и килько овечатъ, та теслярствомъ ще зароблявъ копійчыну. У ти благословенни часы оця хатка вызырала билымъ грыбкомъ середъ кучерявыхъ деревъ; вся садыба була огороджена на дыво плетенымъ тыномъ зъ воротамы, вси хозяйськи забудо́вання булы опоряджени, добре укрыти; середъ ныхъ здіймалась до горы высокою пырамыдою клуня, а округъ

неи у осени́ одбывалы золотомъ стижкы жыта, пшеныци, червонила гречка, зеленило въ добу упоране сино,—и скризь тутъ грало веселе жыття: метушни куры нышпорылы повсюды, поважни качкы ныкалы переваги-ваги то туды, то сюды, мекалы овечата, ревла, вертаючысь зъ пашы, корова и выщала, плыгаючы то до хозяйкы, то до іи маненькои донечкы, кудлата Найда.

И отъ, мынуло чотыри рокы по смерти Супони—и зъ цёго видрадисного куточка сталось ниме кладовыще.

Хозяи, заразъ, за плечемъ старшыны, видибралы у вдовы свои надилы; а на власный надилъ іи чоловика знайшовсь опекунъ, якыйсь родычъ, та й загарбавъ ёго за небезпечнистью нибы оплáтъ. На вси Мáртыны скаргы, старшына тлумачывъ одно: „выходь замижъ, або выдавай свою дочку,—тоди й пошýкуй надила“. Марта любыла свого небижчыка, а ще бильше дочку, то й не захотила побратысь у-друге, а видъ того й лышылася безъ земелькы.

Ото-жъ худобу содѐржуваты вдови було уже годи, то й почала вона іи по-троху збуваты: отымъ, мовлявъ, и жылы, та ще поденщыною, де траплялась. Хутко повіялось за витромъ пóтомъ надбане добро: запанувавъ недородъ, скотúнка пишла за бѐзцинь, а про рукы нихто й не пытався... Довелось продаты на зносъ и комору, и клуню... Повиткы та тыны розвалылы негоды та бури, а решту рознеслы добри люде...

Все спродала уже Марта, навить одежу; одніеи тилько коровы не мала вона сылъ збуты: Бура нибы стала кревною у симъи и прыросла до серця матери й дони... Останнимъ шматкомъ хлиба дилылась зъ нею симъя, и корова въ подяку надиляла іи молокомъ та прыплодкомъ... Але надійшовъ скрутъ, и ни за що було уже биднiй вдови рукъ зачепыты... Недородъ въ останній рикъ змынывсь справжнимъ голодомъ—и теперъ выпадало очевыдячкы имъ усимъ трёмъ загыбаты...

Уже два мисяци зъ голоду пухнуть и симъя, и корова; уже Прися була занепала смертельне, та Господь покы пиднявъ іи, тилько чы нá-довго, бо ледве-ледве хату перейде, ажъ свитытся, мовъ зъ хреста знята...

Думала Марта, думала, чымъ розважыты свое горе велыке, та й думокъ не зибрала: втысся въ іи хату убогу зеленый, зъ запалымы очыма, голодъ и застукотивъ своимы кистками по лавахъ; за нымъ розляглась на доливци зубата, ненатла нужда, а темна, якъ пивничъ, нудьга сила на покути.

Нарешти наважылась Марта своій доньци сказаты, що нема бильше сылы, що треба Буру зà що не зà що, а продать.

Прися заломыла рукы въ слёзахъ и стала свою матирь благаты, щобъ заждала хочъ тыждень, хочъ трохы,—покы ось-ось уже буде травычка...

— Покы здохне корова?—усмихнулась гирко маты и вый-шла на подвирья. Прися кынулась до викна и прыпала лыч-комъ до щыбкы; на іи рясныхъ віяхъ ще бренилы перлыны и росою спадалы на зеленкувате, мутнè шкло. Дивчынка пыльно зорыла, чы не пожене куды мама іи Буркы?

А Марта, насмыкавшы мокрои, трюхлои соломы зъ по-кривли, понесла іи до коровы; але та лызнула у господыни руку, а трюхы не взяла й въ губу; хозяйка набрала ще видро воды и хотила іи напоиты, але Бура й голову одвернула... Ударылась рукамы объ полы вдова, обдывылась кругомъ свою добродійку, погладыла іи по шыи, та й вернулась змертвилою въ хату.

— Не выпаде, дытыно моя, продавать намъ корову,—про-мовыла вона, видчыняючы двери,—прыбере іи, певно, Господь!

— Мамо!—зплеснула лоненькимы, якъ прутыки, ручкамы Прися, вырячывшы зъ жахомъ чорни, якъ теренъ той, оченята.

— Охъ, прогнивалы мы, лыбонь, Бога, и нема видъ Ёго ни ласкы намъ, а ни мылосердя! Хвора наша Бурка зовсимъ слаба: не йисть и не пье, а якось жалибно стогне... Може, видъ голоду... бо чымъ и кормыты?—Всю хату обдерла... та хиба жъ то наша? Ну, й подалась... Марта утерла хвартушы-ною нисъ и заплакани очи.—Уже, якъ я выглядала тіеи весны, сонця красного, якъ сподивалась на зеленый морижокъ,—та не диждалысь мы зъ Бурою ласкы Божои... Отъ ты прохала мене,

щобъ не продавала коровы,—та хиба мени самій не шкода іи, не жаль? Все йидно, що серце вырвать зъ грудей: одже-жъ у тій коривци зныклы вси мои радощи, все мое щастя мынуле! То-жъ покійный мій батько, а твій дидъ, подарувавъ мени на весилли телычку, а зъ телычкы выросла онъ-то яка корова... Якъ-же вона тишыла мене й твого татка, якъ мы упадалы за нею,—и тебе, мою зироньку, вона выгодувала... а колы, зъ воли Божои, я овдовила, то Бура ще въ бильшій прыгоди намъ стала. Якъ-же мени не вболиваты за нею? Остатня-жъ худобына, та ще ридна, та кревна!.. А отъ, не здолала догодуваты іи... сами пухнемо зъ голоду,—и пропаде, згыне...—докинчыла маты, хлыпаючы, свою ка́зань и осила пидъ тяжаромъ безпораднёго горя на лаву.

А дивчына все стояла, устромывшы кудысь свои очи, стояла нерухомо, безмовно, тилько немовъ пропасныця трусыла іи все дужче, та дужче... а це раптомъ якъ заголосыть: „ой, ненечко, ой, лышенько"! та такъ и залылась буйнымъ плачѐмъ, такъ и захлынулась, та й упала на стилъ.

Довго розлягалось по хати дытяче рыдання, и маты спыныть ёго не здолала,—бо й у самои гирки спадалы дрибнымъ дощемъ на полы протертои кохты. Нарешти Марта встала и пидійшла ришуче до Приси.

— Не плачъ, дытыно,—поцилувала вона іи въ голову,—я ось пиду до дядька Охрима: винъ знахарь, винъ порадыть... и вивсянои соломы выпрошу у старшыны... або краще—на одробитокъ у жыда,—той швыдче зглянется... А ты пожды, помолысь Богу, та гляды, не выходь зъ хаты: на двори холодно, а ты ледве на ногахъ стоишъ,—и Марта, хаплыво накынувшы на плечи диряву свытыну, выйшла зъ хаты.

Прися, утершы кулакамы заплакани очи, сила соби пидъ образомъ въ кутку и замыслылась. Невесели, не дытячи думкы окрылы хмарою ій голивку: ясни дни недавнёго дытынства мрилысь ій зъ-по-за хмары якымсь непевнымъ проминнямъ... яснище вырізувавсь вже на очи пожовклый трупъ іи батька, зъ проламаною, кривавою головою... дали—пипъ, дячокъ и тыскъ

люду... А потимъ уже пишлы нудни, самотлывіи дни... нужда та слёзы... а радощивъ та смиху—а ни прѡслидку... отъ тилько пестощи матери; але й ти булы якись порывчасти, болисни, и видбывалась безкрая нудьга. Дытячыхъ забавокъ Прися майже не знала: селяньски диты цуралысь іи, та й вона ихъ боялась; отъ тилько й тишыла іи Бура: йила зъ рукъ іи капустяне лыстя, моркву, гарбузови скыбкы, а то й хлибъ... И знала-жъ якъ, мовъ свое телятко: ледве, бувало, Присю забачыть,—заразъ замука радисно и протягне до дивчыны свои мняки губы; а то й языкомъ лызне по щоци,—такъ уже ото одна одну любылы! И отъ,—колы не дай Боже...,—у дивчатка заворушылысь справжни бажання умерты, а не зостатысь на цимъ нуднимъ, та труднимъ свити безъ останнёи втихы...

— Господы!.. Маты Божа!.. Свята Варваро... Богородыце,—схопылась вона на ногы и стала молытысь збурено, палко, притыскуючы рученята до свого лона.—Рятуйте коривку,—Бога рады, рятуйте!.. Отче нашъ, иже есы... Рятуйте, згляньтесы! А не то, пріймить краще мене!—И вона упала на-вколишкы и стала ревно быты поклоны.

А тымъ часомъ мама іи зъ дядькомъ Охримомъ наблыжалысь до хаты, и маты, кланяючысь знахареви у поясъ, все прохала його:

— Дядечку, голубчыку! Пошануйте, й пожалуйте, та дайте пораду: послидня-жъ худобынка, якъ сорочка на ныщому...

— Що-жъ, це мы можемо, здолаемо,—глыбокодумно видповивъ знахарь, чухаючы потылыцю:—небижчыкъ-то, земля надъ нымъ перомъ,—гордувавъ намы, все було до хвершала въ хутиръ... Гмъ! А ось и прыйшлось! Проте—байдуже: окомъ накыну и зразу все, якъ на долони—чы зъ витру, чы зъ нàшепту, чы видъ порухы... А то, часомъ, скотына зъисть що уредне—паука, або-що... Ну, дакъ іи шыломъ въ бокъ шпортонешъ,—и тильки засвыще: значыть, у дирку тоби хвороба и вылетыть... Такъ-то воно—эге! Все у нашыхъ рукахъ... и колы звычайно за трудъ...

— Подякую, ваплачу, якъ зароблю чы продамъ коривку, щобъ я пъятинкы святои не диждала!.. А теперъ,—отъ Богомъ клянусь,—копійкы нема за душею!—ударыла себе Марта кулакомъ у груды.

— Гмъ!—замугыкавъ знахарь, та й додавъ:—Ну, що-жъ—обицянкы—цяцянкы, а дурневи радисть!

Бильше не зронывъ и слова, а мовчкы, понуро пидійшовъ до коровы, що середъ двору лежала.

Марта стала пыльнувать за выразомъ ёго облычча; не вищувало воно добра: зелене, опухле, воно здавалося ище бильшъ негарнымъ одъ неголенои щытыны; клочковати, объидени вусы пидъ закандзюбленымъ носомъ робылы ёго ще гиршымъ; найбильшъ непрыемне вражиння чынылы мовъ осокою проризани, олывьяного колёру очи,—зпидъ навыслыхъ рудыхъ бривъ воны свитылысь якымсь лыховистнымъ вогнемъ.

— Ге, ге, ге!—протягъ знахарь нарешти, ударывшы двичы кійкомъ корову, щобъ звелася на ногы.—Онъ воно що!—бурчавъ винъ, заглядаючы пыльно ій въ очи.—Хтобъ и подумавъ!—Знахарь ухопывъ корову рукою за ригъ, а кійкомъ сылувавсь роззявыть ій рота и тыкавъ у зубы. Корова крутыла головою и видъ кійка ухылялася.

— Не видкрутышся!—бачу! накынувъ окомъ—и якъ на долони,—доводывъ знахарь корови зъ докоромъ,—а ты не махай пыскомъ!—Ачъ, каторжна, сибирна!

Ни жыва, ни мертва стояла Марта и нарешти наважылась спытать:—Що зъ нею, дядечку, що зъ моею коривкою скоилось?

— Та що,—сказылась,—та й годи! сказылась—и квита!

— Якъ сказылась? Зъ якои прычыны? Іи нихто не вкусывъ, хочъ огляньте!

— Та що тамъ глядить,—накынувъ окомъ—и квита... якъ на долони! Этъ, ляпнула—„не вкусывъ“?.. Та скажена собака колы трычи духомъ дыхне—чы на людыну, чы на скотыну, чы на звиря,—дакъ уже те и сказытся небезпре́минно: колы

двичи—то ще дармá, а колы трычи,—заплющуй вичи! Та що тамъ базикаты? Сказылась твоя корова, та й край!

— Не може буты, брехня!—обурылась Марта.—На нашимъ кутку и скаженои собакы не було!

— Ты мени, бабо, брехни не завдавай! То може твоя маты брехала, якъ на лави лежала, онъ що! А мени зъ тобою не куматыся: мени треба довесты начальству, що корова, не доведы Господы...

— Та Бога бійтесь, хиба скажене такъ тыхо та покирно лежыть?

— А отъ ты побачышъ, якъ вона за яку тамъ годыну тыхо лежатыме? Вона уже проковтнула щенятъ, що пидъ языкомъ ій сыдилы... Ну, такъ отъ незабаромъ и задере хвистъ...

Марта стала була знахаря слизно благаты, щобъ винъ передъ старшыною и урядныкомъ хочъ до завтрёго покрывъ іи горе; але знахарь бувъ невпросымый и видкупне правывъ... Нарешти Марта, розпалывшысь, стала похвалятысь, що побижыть заразъ у хутиръ до хвершала, и той іи захыстыть видъ напасти.

Це ажъ розсатаныло знахаря.

— Иды соби хочъ до чорта пухлого!—сплюнувъ винъ люто.—А я пиду те-жъ, куды треба,—и винъ справди попрямувавъ хаплыво до мистечка. А прыбыта горемъ вдова, не завернувшы й у хату, кынулася у другый бикъ—до хутора, що бувъ верстовъ за дви-за тры видъ іи садыбы.

Прися, почувшы сварлывый гоминъ коло хаты, кынулась переляканa до викна; глянула, ажъ іи маты зъ якымсь дядькомъ кудысь-то пишлы, а коривка лежыть соби безпешно на дворыщи,—глянула й заспокоилась. Теперъ, писля турботъ, іи опанувала тыха знемога, що ни рукы, ни ногы не звесты, и Прися ледве-ледве доплентaлась до полу, де лежало рядно й подушка, на превелыку сылу зипъялась на ёго, упалá и зразу-жъ такы заснула.

А за яку годыну у вдовыну пустошъ ввиходыла юрба селянъ: пѐредъ вивъ знахарь, за нымъ пышно выступавъ стар-

шына зъ „мегдаліею“ на шыи, за старшыною пливсь зъ урядныкомъ пысарь, подали плутались двое соцькыхъ, та двое хозяивъ-понятыхъ, зъ заступамы на плечахъ, а на хвости процесіи замиталы слидъ чотыри бабы.

— Добра садыба була,—завважывъ роздумно старшына, якъ наблызывсь до хаты,—а теперъ пустка та пустошъ... Ачъ, на що перевела ледача баба таке добро!

— Рукъ дасть-би,—обизвався урядныкъ.

— Головы чортма,—додавъ знахарь.

— Н-да, мозоку бракъ,—завершывъ пысарь.

— Мене за покійного Супоню ажъ вздрощи хапалы, якъ гляну було на ёго прыдобы, а теперъ ажъ сумъ огортае,—зитхнувъ старшына.

— У вашыхъ рукахъ, Ныкихвбръ Ивановичъ, и ныньки може оця руина перевернутысь чаривнымъ робомъ, якъ у казци, въ роскбши,—усмихнувсь пысарь вызнáчно.

— Та даймо,—мотнувъ головою старшына и обернувся до знахаря:—а де-жъ та корова?

— Генъ,—показавъ знахарь и застеригъ:—блызько, глядить, не пидходьте, бо вона вже щенятъ зъ-пидъ языка проковтнула.

Обережно, виддаля обступылы прысутни корову и спершысь на высоки ципкы, глыбокодумно замыслылысь; цикави бабы зупынылысь поштыво по-за коломъ старшыхъ.

Корова глянула на гостей нудлывымъ байдужымъ поглядомъ и не звелась навить передъ начальствомъ на ногы...

— Що-жъ... тее... убыть, та й уже!—сказавъ старшына. Поняти повелы плечыма и кывнулы шапкамы, знаты—на певну, безперечну згоду.

— И заразъ-же мени закопать, щобъ часомъ не зидралы ще шкуры,—додавъ старшына, а потимъ—до пысаря:—вы тамъ досвидчыте, що тее... и проче...

— Само собою,—буркнувъ той и поправывъ на голови „картуза“.

— А чы захопывъ хто сокыру?—гукнувъ старшына соцькымъ.

— Эге, есть,—одмовывъ одынъ чоловикъ зъ бляхою, знявшы шапку, и пидійшовъ до коровы.

— Трывай, стій!—зупынывъ знахарь.—Хиба скажену скотыну можна вбываты? Адже-жъ вона, конаючы, скаженый духъ вытхне, а вже колы трычи отымъ скаженымъ духомъ на кого дыхне, то той немынуче сказытся... себт-то мы перши... та и причъ того, скаженый духъ може и на мистечко повіятысь...

— Охъ, моя матинко! Не доведы, Господы!—почулысь мижъ бабамы сполохани выгукы.

Чоловикы переглянулысь.

— Що-жъ ёго тее... чыныты?—запытавъ зтурбованый старшына.

— Що чыныты?—ажъ здывовавсь знахарь,—закопаты жывою, та й край!

— Жывою??

— Жывисенькою! Такъ и слидъ въ такій прыгоди... такъ скризь и водытся... бо земля зразу прыкрые скаженый той духъ—и шабашъ!.. А инакъ немынуче лыхо.

— Такъ, такъ,—пидтрымала несмилыво одна баба:—чула и я, що скажене закопують живымъ.

— Ой, Боженку!—промовыла друга, жалислывиша, стара Сохроныха,—та може коривка ще й не скажена, щось не скыдае...

— Товчы!—зневажно кынувъ ій знахарь.

— А цикаво, якъ вона, ота корова, чы буде ревты пидъ землею?—заохотывся пысарь.

— Та воно якось нибы не тее... жыву, и въ яму... якось моторошно,—розвивъ старшына рукамы,—адже и скотына чуствуе, а на велыкдень дакъ и говорыть у святу ничъ... а тутъ раптомъ на зрячи очи земля... та чы то-жъ и порядокъ? Щобъ бува не тее... и проче,—не зважувавсь винъ, обводючы гуртъ очыма, мовъ шукаючы рады...

— Що-жъ тутъ такого, пане старшыно?—подалась смилывище впередъ ота баба, що згодылась зъ знахаремъ; выйшла,

утерла пальцемъ заиды и вклонылась началству.—Ось у сусиднимъ сели, въ Корбачахъ, та не зъ скотыною, а зъ людыною трапылась прыгода... Отъ, щобъ я луснула, колы не правда, хочъ довидайтесь сами, здорови! Одна молодыця—Ивга Скулыха, колы чувалы, та прывела... уже Господь ёго Святый зна, зъ якои прычыны, а тилько прывела песыголовця... усе въ шерсти, а пысокъ—точнисенько, якъ у собакы, такъ вамъ и скавчыть, якъ щеня... Ну, що ёго було въ свити Божимъ чыныты? Порадылась бабка зъ родомъ, пишла до батюшкы, поблагословылася, та й закопала того песыголовця жывымъ.

— Закопала?—ажъ скрыкнувъ староста.

— Закопала, хрестъ мене вбый—закопала; такъ жывымъ и засыпалы... ще й пидъ землею скавчало. Та инакъ нечыстои сылы и збутысь неможна,—запевныла вона.

Дви молодыци зашепотилы про щось нышкомъ и захихикалы.

— Такъ копай генъ-тамъ яму, блыжче до ричкы,—загадавъ старшына и, геть заспокоившысь, сивъ соби на прызьби и ставъ цыгарку палыты.

Кынулысь понятй зъ соцькымы справлять наказъ старшыны; цикави бабы подалысь те жъ до ричкы, а пысарь зъ урядныкомъ сталы на горбочку пыльнувать за робочымы. Робота йшла споро. Килька день уже стояла одлыга и земля одтала й розмъякла. Почорнилый снигъ хочъ и лежавъ ще десне-де лышаямы, а проте пάводь лелила затокою и зъ веселымъ шумомъ спадала бурчакамы до ричкы; пронызоватый витеръ розгонывъ туманъ, що зрывавсь изъ таловынъ хвылямы. Въ повитри пахло уже весною, хоча й стоявъ ище мокрый холодъ.

За яку тамъ годыну була выкопана край ричкы глыбока яма, и соцьки довелы про те старшыны.

— Визьмить на налыгачъ корову и волочить туды!—заверховодывъ той, пидводючысь зъ прызьбы.

Соцьки кынулысь до коровы, залыгалы ій рогы налыгачемъ и сталы тягты, щобъ звесты на ногы; а корова проте и не важылась уставаты, а уперто лежала. До соцькыхъ пры-

сталы и поняти, та мерщій за кіи, щобъ пидбадёрыть корову; надійшлы и бабы допомогты своимъ верескомъ... Чоловикы заходылысь зъ зáпаломъ молотыты Буру по ребрахъ и нарешти такы гуртомъ прымусылы бидну пидвестыся на ногы: спочатку вона за надмирною натугою зипьялась на передни, а дали, смыкнувшысь кильѣа разивъ, згарячу звелась и на задни; про те, ставшы на вси чотыри, уперлась и стала опынатысь назадъ... Молотьба и гвалтъ подвоилысь, бабы сталы корову ззаду штовхаты...

— Уперта,—зауважывъ старшына,—насылу зрушылы.

— Охъ, выдыма смерть усякому, пане, страшна,—зитхнула Сохроныха, що не брала ўчасти въ гвалти.

Видъ галасу, крыку прокынулась нарешти и Црися; обвела вона кругъ себе зляканымы очыма и не постерегла зъ просоння въ чимъ ричъ, а потимъ уже, розмиркувавшысь, заразъ кынулась до викна и уздрила, що юрба людей кудысь тягне іи корову.

Стерялась вона зъ жахў и якъ стояла у одній сорочци, та спидныччи, босонижъ, такъ и кынулась прожогомъ у двери, такъ и майнула на леваду, розбываючы въ брызкы босымы нижкамы крыжняну воду и безъ памьяты лементуючы:—Ой проби! Хто въ Бога вирує... Корову грабують!

Озырнувся на той дытячый крыкъ старшына и гукнувъ до бабивъ:

— Умкны котора дурну дытыну!

Добра Сохроныха переняла дивчыну и обвела іи тоненькый станыкъ рукамы:—Куды ты, безталанна сыритко? Ничого-жъ не вдієшъ!

— Скажы ій, що за корову казна заплатыть,—пояснывъ старшына,—хай и матери перекаже!

— Отъ, бачъ, яки добри та мылостыви панъ старшына, поклопочуть и вернуть за корову грошн... А ты бижы соби до хаты: ачъ, ажъ посынила... дрижакивъ найилась! И якъ такы у такый холодъ, та на снигъ выходыты босою й голою?—Ходимъ лишень у хату!

— Не пиду, бабусю! Ой, не пиду!.. Я до коривкы, до Буркы! Рятуйте!!—кынулась була вона уперед, такъ баба-жъ не выпустыла іи зъ рукъ, а мицно трымала.

А корову прытяглы ажъ до ямы и сылкувалысь теперъ туды іи впхнуты; але бидна скотына, забачывшы смертельне проваллия, стала жахатыся и видкыдатысь навиженно назадъ; выдыма смерть пиджывыла въ іи знеможени сылы, и чымъ бильшъ гвалтувалы озвирени люде, тымъ дужче вона упыралася. Видъ боротьбы и шалености у коровы занялысь вогнемъ очи и выступыла пина изъ рота.

— Гей, вырвется! налыгачъ увирве!—крычалы соцьки, хапаючысь обиручъ за вирёвку.

— Не подужаете, чы що?—затривожывся старшына.—Ще вырвется и насадыть кого на рогы!

— Ого, ще й якъ насадыть,—пидхопывъ знахарь,—всихъ переколе: а чы жъ я не казавъ, що щенятъ проковтнула, ну й занялысь...

— Та що-жъ вы, ёлопы?—перелякався ще гирше старшына.—Пъять чоловика и тры бабы на одну корову! Страмовыще!

— А ось що!—видизвавсь знахарь, ухопывшы у рукы добрый уломокъ голобли, що валявсь биля ямы,—я іи улагоджу, уконтентую!—И зъ усіеи сылы, на-ðдмашъ ударывъ голоблею корову по заднихъ ногахъ.

Почувся ризкый, ура́злывый хряскъ... Бабы ойкнулы... Одна нога у коровы вышьялась рогомъ, тяжкый тулубъ, ришывшысь пидпоры, згубывъ ривновагу и схылывшись надъ ямою, всею тяжою урвався на дно... Корова забылась переднимы ногамы у ями, а на задни уже звестысь не могла,—певне и друга нога була перебыта.

— Закыдай, засыпай іи швыдче землею!—верховодывъ знахарь.

Пысарь зъ цикавистью ставъ доглядаты, якъ чотыри лопаты проворно кыдалы внызъ вохку землю, якъ грудкы розбывалысь на голови и на спыни у коровы и скочувалысь дрибнымъ грядомъ пидъ ногы; по малу-малу земля покрывала корову,

зростала у-гору: уже й червона скривавлена кистка, и вси чотыри ногы сховалысь пидъ нею, уже грузъ лежавъ зверхъ спыны, а спереду сягавъ ажъ до шыи... Бура перестала уже борикатысь и борсатысь; конвульсійни пдрухы стыхалы, и тилько дрижакы пробигалы часамы по іи нерухомимъ погруддю; навить головок вона перестала ухылятысь одъ грудокъ земли и тилько—помымоволи щулыла віи, колы попадала въ око гостра скалка. Чуючы тяжку хвылыну сконання, корова жалибно, зъ протягомъ заревла, застогнала, немовъ бы хотила отымъ бблиснымъ стогономъ выблагать у байдужыхъ людей мылосердя...

Сохроныха цупко трымала Присю, що былась и рвалася зъ іи рукъ, и старалась прыкрыты полою ій голову, абы не бачыла и не чула, якъ катувалы іи корову. Але ледве розлигсь Бурои стогинъ, якъ Прися зъ несамовытою сылою выпрыснула изъ бабыныхъ рукъ и стримголовъ кынулась на жалибный пдклыкъ своеи коханои. Нихто и не постеригъ дивчынкы, якъ вона бурею прорвалась до ямы и, забачывшы свою Бурку уже по шыю въ земли, порвалась до неи зъ страшнымъ крыкомъ „ратуйте"! Зъ розгону ударылась вона грудыною объ ригъ коровы и непрытомною звалылась пидъ іи голову; але гублячы й стямокъ, вона встыгла ще охопыть рученятамы шыю своеи пытомои Бурочкы... Корова, пизнавшы свою любу годованку, промукала жалибненько до неи, стала лызать іи побилиле, якъ полотно, лыченько.

— Убылась дивчына!—скрыкнулы каты-копачи.

— Отъ тоби й халепа! Новый протыколъ!—почухався пысарь.

— И якъ не догледилы, идолы!—грымнувъ стривоженый старшына.—Чорты бъ убылы вашого батька! Та́ дурна выпустыла зъ рукъ, а ци—проявы прогавылы!.. Гей, жвавишъ мени!—репетувавъ винъ, мовъ одъ завійны.—Въ яму скакай! Вирёвокъ сюды! Добувай дивча проворнишъ, а не то я васъ! Попущеніе Боже та й годи!

Кынулысь соцьки й поняти, навить урядныкъ вскочывъ у яму, и выхопылы на свитъ нечуствённе, похололе тильце див-

чатка. Баба Сохроныха й знахарь прыпалы мерщій ій до лона и объявылы, що серце ще стука и що дивча тилько зомлило.

— Може що й переламане, чы понивечене, а проте покы-що жытыме,—порішывъ знахарь.

— Хочъ-бы покы що,—побажавъ старшына.

— Видтерты-бъ іи снигомъ, та горилкы всыпаты въ ротъ,—дорадыла Сохроныха.

Понеслы дивчынку въ хату и завзялысь видтыраты іи, забувшы навить про корову.

Гуртомъ такы якось видхаялы іи по-малу; але хочъ дыхання ій и стало буйнищымъ, а проте вона не видкрывала очей и тилько часомъ верзла щось непутяще. Гарячка розпаляла іи тильце щедушне и займала полумьямъ мозокъ.

— Ну, годи!—порішывъ накинецъ старшына,—що здолалы—зробылы, а тамъ уже не наше дило, а Боже. Вси мы пидъ Богомъ,—завершывъ винъ поважно.

Вси понурылысь, зитхнулы й занышклы. Але знахарь видразу порвавъ сумный нáстрій:

— А що-жъ корова? такъ-же не можна іи лышыты!

— Ге, и забулы!—похопывся пысарь.—Ходимъ,—цикаво!

Зъ галасомъ, зъ ожвавленымъ почуттямъ рушыла зъ хаты юрба. При слабій лышылась-но жалисльвва бабуся, якій и старшына наказавъ не кыдаты дивчаткы, покы не поверне до-дому хазяйка.

Сила Сохроныха и зажурылася, не зводячы погляду зъ труднои, нещаснои Приси. А та лежала розметано зъ тмяными очыма; груды ій здіймалысь порывчасто, важко; скризь пазуху розирванои сорочкы вбачалась враза, навкругы якои ажъ чорнивъ страшенный сынякъ.

— Не жыть тоби, сыритко, не жыты,—думала, хытаючы головою, стара,—уже и въ горли клекоче, и видъ тила ажъ пашыть, мовъ изъ печи... Де-жъ такы такому худесенькому та слабесенькому подолать таке лыхо?—Видъ голоду ажъ пидвело, высмоктало останни сылы... а тутъ ще снигъ та вода, та ви-

теръ... Выскочыло и босе, й голе, та ще ударылось тяжко,— може й печинкы видбыло.

Тутъ почулася видъ левады якась тупотня, немовъ тамъ выбывалы пары тры, або й чотыри доброго гопака, навить долитавъ мижъ тупання й смихъ; бракувало тилько музыкы. Баба догадалась, що то утоптувалы свижу могылу коровы...

— Зобидылы безпорадну вдову,—промовыла въ голосъ Сохроныха:—корова скаженою й не була, а просто охляла видъ голоду... Напосилы на беззаступну, щобъ пожывытысь останнимъ прытулкомъ... Эхъ, жыройиды, багатыри!—зитхнула вона важко.—Вси вы однымъ мыромъ мазани!

Часъ збигавъ; панувала тыша, яку зридка будывъ ледве чутный стогинъ слабои...

Смеркомъ уже рыпнулы двери, и въ ныхъ тыхо, крадькома ввійшла Марта.

— Бабусю! Це вы, Сохроныхо?—прыдывлялась вона пыльно, зъ пôдывомъ, до старои.

— Я, безталанна, я...

— Отъ, спасыби, що навидалы... А хвершалъ—добра душа,—поквапылась вона подилытысь радистью,—забижыть сюды и сповистыть заразъ земського ликаря...

— Эхъ, не поможуть уже земськи,—перебыла іи стара и переказала хутко про корову и про Присю, якои й не запримитыла за бабою у пôмеркахъ маты.

Спочатку слухала вона бабу зъ якымсь запеклымъ спокоемъ, и тилько тремтила, але якъ дійшла ричъ до Приси, якъ глянула вона на свою почорнилу дытыну, то несамовыто, не людськымъ голосомъ скрыкнула: „вбылы“! и вытяглась правцемъ, занимила, каминемъ стала...

Кынулась бабуся іи рятуваты; але ни рукъ, ни нигъ не можна було у Марты зигнуть: тило ій взялось деревомъ, очи нерухомо, непрытомно стоялы, а выразъ облычча зробывсь страшнымъ, холоднымъ, байдужымъ...

Цилу ничъ упадала Сохроныха; хочъ вона и домоглась такы одигриты и виджыты по-малу тило Марты, та не домоглась повернуты іи до розуму, воскресыты ій душу...

Передъ свитомъ виддала духъ Богови Прися. На сконанни вона страшенно металась и крычала въ гарячци: „рятуйте, рятуйте корову!.. Ой, іи мордують, катують... Ой, стогне вона! Закопайте и мене зъ нею краще“!

Марта байдуже слухала лементъ своеи едынои втихы, едынои дони; тилько останній выкрыкъ немовъ запавъ ій въ душу, и вона шепотомъ переказала: „закопайте,—такъ краще“!

Поховалы Присю на громадськый коштъ. Хату й садыбу за недоимкы продалы зъ молотка... Купывъ усе старшына...

А Марта?—Одійшла трохы... ходыть зъ довгою рукою по мистечку: хто хлиба дасть—зъисть, хто що заставыть—зробыть... але все мовчкы и до людыны не промовыть и слова... Тилько часамы, на самоти, въ глупу ничъ, прошепоче соби, устромывшы у темряву очи: „закопайте,—такъ краще“!..

М. Старыцькый.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Максимовичъ подъ фирмою Кулиша. Открывшаяся въ февралѣ, въ помѣщеніи Кіевскаго музея, и продолжавшаяся до Ѳоминой недѣи выставка старыхъ и новыхъ картинъ изъ частныхъ собраній представила три картины, имѣющія мѣстный интересъ: недурной этюдъ Вл. Г. Маковскаго «Парубокъ», превосходный портретъ Н. И. Костомарова работы И. Н. Крамского и еще одинъ портретъ его же работы, который въ каталогѣ выставки (подъ № 32) былъ названъ: «Портретъ Кулиша» и который, въ дѣйствительности, не имѣя ничего общаго съ Кулишемъ, изображаетъ хорошо извѣстнаго Кіеву Мих. Алекс. Максимовича, какъ это могли замѣтить всѣ тѣ посѣтители выставки, которые или лично знали покойнаго М. А. Максимовича, или когда-нибудь видѣли его портреты. Это допущенное устроившимъ выставку Кіевскимъ Обществомъ Древностей смѣшеніе двухъ писателей наводитъ на грустныя размышленія, такъ какъ оно могло дать посѣтителямъ ея поводъ думать, что не только теперешнему собственнику портрета неизвѣстно, кого въ дѣйствительности онъ изображаетъ, но и Обществу древностей, которое, допустивъ это смѣшеніе, не исправило ошибки въ теченіе всего времени существованія выставки, вводя такимъ образомъ несвѣдущихъ посѣтителей въ заблужденіе. А казалось бы, память обоихъ ихъ слишкомъ свѣжа, чтобъ можно было ихъ забыть, и были они слишкомъ непохожи другъ на друга, чтобъ можно было ихъ смѣшивать, а въ особенности — въ Кіевѣ, въ которомъ оба они жили когда-то и который былъ такъ близокъ имъ по ихъ интересамъ и литературнымъ трудамъ. Sic transit gloria mundi...

Неудачное вѣнчаніе монаха. Въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII ст. въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, случилось изъ ряда вонъ выходящее происшествіе: одинъ изъ безмѣстныхъ священниковъ—«въ чужой церкви воспитанницу свою скоропостижно, безъ собранія народа и всякихъ предрасужденій», обвѣнчалъ съ бродячимъ монахомъ, да еще къ тому, «что всего непростительнѣе—въ 18 день ноября, т. е. въ Филиповъ постъ». Учиня сіе беззаконное дѣяніе, упомянутый безмѣстный священникъ резонно счелъ за наиболѣе благоразумное поскорѣе оставить предѣлы Уманщины и перенесть сферу своей дѣятельности въ другую епархію. Но недремлющее око блюстителя общественныхъ нравовъ не дало ему возможности избѣжать правосудія: священникъ былъ гдѣ-то арестованъ и «къ крайнему для всего священства предосужденію» за карауломъ, какъ арестантъ, доставленъ въ Кіевъ». Здѣсь тогда-то и открылись подробности злополучнаго вѣнчанія, такъ дорого обошедшагося безмѣстному священнику. Оказалось, что въ томъ незаконномъ браковѣнчаніи дѣйствовали два дьячка, изъ коихъ «одинъ тому монаху, хотя въ свѣцкомъ одѣяніи обращающемуся, но имѣющему отращенную бороду, и коего всѣ называли отцемъ Тарасіемъ, держалъ вѣнца, а другой исправлялъ должность старосты и дружка; третій же, священническій сынъ, нынѣшній (въ началѣ 1799 года) уже священникъ, пѣлъ тогда на крыласѣ. Первѣйшій же (виновникъ) такому странному происшествію оказался нѣкоторый благочинный», который, «вѣдая, что тотъ бродяга написанъ въ представленномъ имъ билетѣ бродячимъ монахомъ, не только не представилъ о немъ по командѣ, но принялъ его къ себѣ за письмоводителя», и при отпускѣ отъ сей должности «снабдѣвалъ его въ чужую епархію билетомъ», означивъ въ немъ монахомъ того бродягу, который, «пользуясь занятіемъ себе при томъ благочинномъ письменними дѣлами, имѣли случай извѣсними ему дѣлами, судбами достигнуть, за подписомъ руки того жъ благочинного, свидѣтельство, дозволявшее, подъ именемъ Тимофея Федорова, обвѣнчать его безъ сомнѣнія». На допросѣ однако благочинный всячески отговаривался отъ взводимаго на него обвиненія въ соучастіи въ преступленіи,—онъ увѣрялъ, что «показанній бродяга» уворовалъ у него, благочиннаго, бумагу за его подписью для свидѣтельства и самъ уже сочинилъ подложный документъ. Кіевская дикастерія, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, вынесла соучастникамъ незаконнаго вѣнчанія слѣдующій вердиктъ: 1) Свя-

щенникъ, дезнувшій совершить «вовся неправелнаго браковѣнчанія», и который уже раньше, вмѣсто заслуженнаго имъ „изверженія изъ священства, по единому лишь снисхожденію на немолодые его лѣта, которыхъ ему 55“, въ семъ санѣ былъ оставленъ,—теперь лишенъ навсегда надежды къ полученію гдѣ-либо настоятельскаго мѣста, оставленъ до смерти въ запрещеніи священнослуженія и исправленія всѣхъ требъ, и кромѣ того лишенъ права облачиться въ ризы и епитрахиль и долженъ оставаться въ дьячковскомъ званіи, съ дозволеніемъ впрочемъ пріобщаться Св. Таинъ отъ рукъ служащаго священника; 2) «Бывшіе при бракѣ три церковники» наказаны ссылкой на годъ на «труды монастырскіе»; 3) Благочинный лишается своей должности, обязанъ вернуть инструкцію, и «хотя онъ и протоіерей», долженъ стать въ подчиненіе Духовному Правленію, «наравнѣ съ прочимъ священствомъ»... А бродяга съ своею женою „удержанъ въ другой епархіи отъ сожитія“.

„Для предосторожности“ же священно и церковно-служителямъ „отъ таковыхъ и сему подобныхъ случаевъ“, дабы послѣдніе знали, чему, виновные въ томъ, они себя подвергаютъ, и чтобы всѣ благочинные и священство не дерзали подписывать чистыхъ бумагъ бланкетами называемыхъ, въ явномъ къ должности своей, требующей осмотрителнихъ обратовъ, пренебреженіи, и встыду»—велѣно «распобликовать» объ этомъ по всему Уманскому уѣзду.

Одинъ изъ экземпляровъ этой „публикаціи“, присланный благочиннымъ уманскаго уѣзда іереемъ Александромъ Кошутскимъ (въ с. Вышнопольѣ) въ с. Глубочекъ, хранится въ церковномъ архивѣ этого села.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.

Намъ доставлена небольшая тетрадка, содержащая нѣсколько произведеній П. П. Гулака-Артемовскаго. Эта тетрадка, переданная наслѣдниками бывш. сначала харьковскаго, а затѣмъ казанскаго проф. А. Станиславскаго (ум. въ 1883 году), была прислана ему изъ Харькова, какъ видно изъ помѣтки на рукописи, 2 января 1856 г. Къ тетрадкѣ приложенъ на отдѣльномъ листкѣ, очевидно позже присланный, списокъ стихотворенія „До Любкы“, помѣченный 16 марта 1856 г. Въ

тетрадкѣ заключаются слѣдующія стихотворенія,—всѣ писанныя собственноручно Гулакомъ-Артемовскимъ: 1) Овдовѣвшей матери семейства, В. И. Кичнв—ой (Купчиновой), [1])—2) 4 стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ", въ томъ числѣ одно на французскомъ языкѣ „A ma bien-aimèe Apollinaire, sur l'oubbi de son beau manchon" — всѣ ненапечатанныя [2])—3) переводъ трехъ одъ Горація: XXXIV, кн. I „Отъ и допывсь! и дохмелывсь" [3])—съ неизвѣстнымъ донынѣ польскимъ эпиграфомъ:

Ja uwielbiam dzięwczęta własne, a Pan cudze:
Ma więc każden z nas żyskać ćoś na téy posłudze.
Gdy ma być zysk tak wielki, z tak słodkiej posługi,
Radbym na tej posłudzie wiek przepędzić długi";

XIV ода, изъ кн. II: «Ой часъ бы, Грыцьку, намъ, ой часъ пошановаться!» [4]) и 9 ода II кн. „Невже жъ, якъ зъ лотокивъ, изъ хмаръ, Терешку, лье". [5]) Во всѣхъ одахъ замѣчаются значительныя разночтенія.—Стихотвореніе „До Любкы" (XXIII ода Горація, кн. I), напечатанное въ „Очеркахъ ист. украинск. литерат. XIX ст.", Н. Петрова, стр. 70—71, носитъ на себѣ слѣды значительныхъ передѣлокъ и исправленій.

Приводимъ четыре стихотворенія *„Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ"*, не бывшія еще въ печати.

I.

Колы бъ тебе, Полинашко,
Якъ я, зналы люды,
За тобою, моя пташко,
Литалы бъ усюды.

—

[1]) Напечатано М. Комаромъ въ „Зорі", 1896, стр. 336, подъ загл. „Матері удові, на смерть Н. А. Купчинова". Въ напечатанномъ варіантѣ встрѣчаются мелкія разночтенія.

[2]) Исключеніе составляетъ второе, первые два куплета котораго приведены г. Н. Петровымъ въ его „Очерки исторіи украинск. литературы XIX ст." стр. 71.

[3]) Напеч. впервые А. Потебней въ Кіев. Стар. 1888 г., кн. V ст. „Сочиненія П. П. Гулака-Артемовскаго"

[4]) Напеч. въ „Зорі", 1896 г., стр. 415—416 и Кіев. Стар. 1897 г, мартъ, стр. 488—489.

[5]) Напеч. въ Кіевск. Стар. 1897 г, мартъ, стр. 490.

Колы бъ тебе, якъ я, зналы
Багатіи й бидни,
Воны бъ тебе покохалы—
Якъ братикы ридни.

—

Колы бъ зналы хыстъ и сылы
Розуму й серденька,
На рукахъ тебе бъ носылы—
Якъ тато та ненька.

—

До серденька прыгорталы—
Якъ я прыгортаю,
За тобою бъ пропадалы—
Якъ я пропадаю.

—

Соловейко въ клитци тисній
Писни выспивуе...
А хто жъ тіи дывни писни
На улыци чуе!!

—

23 декабря 1855. Харьковъ.

П. А. Г.

II.

Текла ричка
Невелычка,
Та й понялась моремъ:
Була радисть—
Хочъ на старисть,—
Та й залылась горемъ!

—

Нема пташкы—
Полинашкы,
Нема й справди ридныхъ!
Полетила,
Не схотила
Тишыты насъ бидныхъ!

—

Ой, мы, доню,
Твою долю
Не ганьбымъ, не гудымъ:
Будь щаслыва,—
Добротлыва,—
То й мы въ добри будемъ.

—

Твои смихы—
Намъ утихы,
Покы тебе стане;
Твое сонце—
У виконце
И до насъ загляне.

—

Смійся жъ, серце,
На що-сердце,
Смійся и по страви:
Нехай пташку
Полинашку
Полюблять въ Полтави.

—

27 декабря 1855 года Харьковъ.

П. А. Г.

III.

A ma bien-aimèe Apollinaire, sur l'oubli de son beau manchon [1]).

Tu as bien fait, ma chère fille,
D'avoir oubliè ton manchon:
Le feu de ton esprit pétille
Sans la chaleur d'un vil torchon.

—

[1]) Мать, осмотрѣвшись въ Полтавѣ, что дочь не взяла съ собой своей нарядной муфты, была въ отчаяніи, и давай писать и умолять, чтобъ я поскорѣе выслалъ завѣтную муфту. Муфта не послана,—и дѣло обошлось какъ нельзя лучше.

Les étoffes les plus coûteuses
D'un sot sont un triste ornèment;
L'or et les pierreries précieuses
Pâlissent auprès d'un talent.

—

Lorsque d'un clavier mort tu tires
Des sons vivants et mèlodieux,
I'oublie la terre, et tu aspires,
Dans tes brûlants transports, aux Cieux.

—

Ou, lorsque ta main filiale
Veut caresser mes cheveux gris,
Mon coeur bondit, mon coeur tressaille,
Et jusqu'aux pleurs tu m' attendris.

—

Voilà tes joyaux, ta parure,
Ma chère enfant! soigne les bien,
Et que ta vertu nous assure
Et notre bonheur et le tien.

—

Et quand, par un sort immuable
Mon heure sonnera d'adieux,
Ange de paix! fille adorable
Ta main me fermera les yeux.

—

Le 30 Décembre 1855, à Harkoff.

P. A. G.

IV.

Сыдыть батько на лави,
Насупывсь... сумуе;
Дочка жъ ёго въ Пилтави
Зъ хлопцямы гарцюе.

—

Вылизъ батько въ хатыны—
Дочку выглядаты...
И не чувать дытыны!
Що за вража маты!

—

Вертайсь, дочко, до дому,
Годи гопцюваты,
Годи жъ сёго содому
Въ людяхъ выробляты!

—

Чы се жъ такы не дыво,
Та й не дывовы́на
Що бъ по тыжню медъ, пыво,
Смоктала дивчы́на!

—

Ой я бъ, тату, вернулась,—
Не пускае маты:
Вь шисть ўзлыкивъ стягнулась,— [1])
Хоче танцёваты.

—

Ой я бъ, тату, не дуже
Тыхъ меди́въ бажала,
Колы жъ маты... байдуже!
„Пый, дочко!", сказала.

—

„Та пый" каже—„покы пьется!
Нехай легко тамъ икнется
И батькови, и дытыни,
И въ господи всій родыни!
Хай цыбулю батько лупыть,
А намъ капшукъ зъ скрыни цупыть,
Та въ Пилтаву надсылае,
Покы маты тутъ гуляе!
Скачы жъ, дочко!... маты скаче:
Нехай дома батько плаче!"

—

31 декабря 1855 года. Харьковъ.

П. А. Г.

---

[1]) Un corsage à six noeuds. Прим. Г. Арт.

Народная пѣсня о Шевченкѣ. Въ № 9 «Кіевской Старины» за 1885 г., (отд. II, стр. 187) помѣщена была М. Васильевымъ народная пѣсна о Шевченкѣ, записанная имъ отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губ., чигиринскаго уѣзда. Въ настоящее время намъ доставленъ еще варіантъ народной пѣсни о Шевченкѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сходный съ упомянутымъ варіантомъ г. Васильева, сохранившійся въ болѣе чистомъ видѣ. Этотъ варіантъ, записанный проф. А. Станиславскимъ въ Казани въ 1879 г. отъ старухи Домахи, родомъ изъ с. Товстого, звенигородскаго уѣзда, лично знавшей Шевченка,—по легендарному, несообразному съ дѣйствительностью, разсказу, приписывался самому Шевченку, который будто бы, послѣ назначенія его въ солдаты, *пріѣзжалъ* къ своимъ родственникамъ и между прочимъ посѣтилъ нѣкоего Каракоца, садовника въ м. Ольшаной (имѣн. гр. Владисл. Браницкаго старш.). На пирушкѣ у этого послѣдняго, наканунѣ отъѣзда, Шевченко, немного подвыпившій, въ присутствіи всего собранія, въ томъ числѣ и Домахи (?), пѣлъ, будто бы, сочиненную о самомъ себѣ слѣдующую пѣсню:

Уродывся Шевченко,
Уродывся, вдався,
Тилько ёго дурный розумъ,
Що въ салдаты дався.
    Ой, повезлы Шевченка
    Та й бытымы дорижкамы,—
    За нымъ, за нымъ стороженькы
    Зъ голымы шаблямы.
А де на ничъ прыставалы,
Тамъ виконця забывалы,
А до мене, молодого,
Отця й ненькы не пускалы.
    Ой повезлы Шевченка
    Рано до прыёму,
    Та й крыкнулы на Шевченка:
    Голите лобъ ёму!"
На стильчыку посадылы,
Чорни кудри обголылы,
Чорни кудри обголылы
Та й до полку прыдилылы...

— Ой лягай же, Шевченку,
Лягай, просыпляйся,
А завтра день ранесенько
Та й на муштръ збирайся.
Положывся Шевченко,
Положывсь, проспався,
А по-утру вже ранéнько
Та й на муштръ зибрався.

«Есть еще строфы,—сообщала Домаха,—но она ихъ не помнитъ, да и за достовѣрность тѣхъ, что сообщила, не можетъ ручаться». Не говоря о томъ, что пѣсня эта ничего общаго не можетъ имѣть съ творчествомъ Шевченка, нужно имѣть въ виду, что это есть только пріуроченная къ Шевченку общеизвѣстнаго типа рекрутская пѣсня.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. а) *Изъ эпохи гоненія на усы и бороды.* Кіевскій генералъ-губернаторъ гр. А. Д. Гурьевъ получилъ отъ статсъ-секретаря А. Танѣева приводимое нами письмо: «Милостивый Государь, Графъ Александръ Дмитріевичъ! Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобъ ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру.

Сообщая Вашему Сіятельству о таковой Монаршей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Танѣевъ.

17 марта 1837 г.

—

б) *Заботы Кіевскаю Генераль-Губернатора ір. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ.* 2 іюля 1840 г. Генералъ-Губернаторъ

разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Ю.-Зап. края секретный циркуляръ, въ коемъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи крестьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые сплошь да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпостныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣняемыя въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязанія крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянныя колодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебривались головы...

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ я побуждаюсь довести до свѣдѣнія господъ предводителей, что въ теченіе управленія моего ввѣренными мнѣ губерніями, въ 2 года и пять мѣсяцевъ, было болѣе 500 крестьянъ, посягнувшихъ на жизнь свою [1]».

Предводителямъ предложено не уклоняться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 г. обязанностей по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ; они предупреждаются, что въ упущеніяхъ будетъ усмотрѣно явное уклоненіе отъ исполненія Высочайшаго повелѣнія и невниманіе, сколько къ долгу, возложенному сословіемъ, ихъ избравшимъ въ настоящее званіе, столько же и къ данному Генералъ-Губернаторомъ порученію.

—

в) *О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ.* На имя Генералъ-Губернатора Генерала Бибикова, весною 1838 г., получено слѣдующее письмо: Милостивый Государь Дмитрій Гавриловичъ! Вручитель сего, бывшій питомецъ Императорской Академіи художествъ, нынѣ художникъ XIV класса, Шуруповъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Кіевъ для снятія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ живописи и мозаики. Такъ какъ Государь Императоръ изволитъ съ особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изображающихъ въ точности старинное наше зодчество, и всѣмъ, что можетъ напомнить степень прежнихъ нашихъ успѣховъ въ художествахъ, то я, какъ президентъ Императорской Академіи Художествъ,

---

[1]) Предполагается, что причиною, въ большинствѣ случаевъ—тягость положенія крѣпостныхъ.

которому сіе дѣло поручено въ особенный надзоръ и руководство, долгомъ почитаю просить Ваше Превосходительство о принятіи въ милостивое Ваше покровительство сказаннаго Шурупова и дать ему, какъ человѣку, на котораго возложено Высочайшее порученіе,—небольшую казенную квартиру, гдѣ онъ могъ бы удобно заниматься окончательно своею работою. За тѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. **Алексѣй Оленинъ.**

9 мая 1838 г.

31 мая Шуруповъ прибылъ въ Кіевъ. Къ ноябрю работы его были закончены, а въ декабрѣ онъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

—

г) *«Города Кіева Общей Думы»* орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ Арсеналѣ. 12 Іюля 1838 года командиръ Кіевскаго Арсенала представилъ Инспектору мѣстныхъ арсеналовъ опись хранящимся съ 1831 года орудіямъ: семи пушкамъ, четыремъ единорогамъ мѣднымъ и одной гаубицѣ чугунной, принадлежащихъ Кіевскому городскому Магистрату [1]), «изъ коихъ два раза въ годъ Кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 Января слѣ-

---

[1]) Полковникомъ Меньшовымъ любезно сообщены слѣдующія свѣдѣнія о сихъ орудіяхъ: Чугунная гаубица—ломъ; пушки мѣдныя: 1) вѣсъ 10 п. 9 ф. отливки 1768 г. 2)—9 п 38 ф., лита въ 1768; 3, 4, 5 и 6) годъ изготовленія неизвѣстенъ; вѣсъ 8 п. 16 ф, 13 п 16 ф., 5 п. 6 ф и 5 п 3 ф. и 7) 1757 года—вѣсомъ 4 п. 30 ф. Единороги мѣдные, съ надписью на нихъ «города Кіева Общей Думы», годъ отливки 1790; вѣсъ: 11 п. 8 ф, 10 п. 32 ф., 11 п. 14 ф. и 11 п. 3 ф.

Въ 1836 г. Артиллерійскій Департаментъ разрѣшилъ, для украшенія залъ Склада, выписать въ расходъ два мѣдные единорога «Города Кіева Общей Думы», вѣсомъ 11 п. 8 ф. и 11 п. 14 ф, которые записаны затѣмъ на приходъ, какъ арматура къ Орлу.

Остальныя орудія, можно думать, въ разное время отправлены въ СПБ. въ Кронверкскій Музей.

Въ семъ музеѣ мною разыскана одна изъ двухъ чугунныхъ пушечекъ, поднесенныхъ Императору Николаю I кіевскимъ купцемъ Тереховымъ, якобы отлитая въ 1371 году; лѣвый дельфинъ у нея отбитъ; въ украшающей ее цифрѣ 1371, или ILEI, Управленіе Музея усматриваетъ № или клеймо. Дѣйствительное время отливки—начало XVIII вѣка. Ея пара находится и по сей день въ кіевскомъ артиллерійскомъ складѣ: думная часть, винградъ и дельфины отбиты.

См. Мартъ 1901, Кіев. Ст.

довало за духовною процессіею ко Іорданн, а 1 Августа, на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу».

«Нынѣ», писалъ командиръ арсенала, «согласно Высочайшей волѣ, объявленной Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено, и уповательно оныя (орудія) въ Магистратъ обращены не будутъ, то имѣю честь покорнѣйше просить записать мѣдныя орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ—въ ломъ чугуна».

18 Октября того же года Инспекторъ Арсеналовъ предписалъ: орудія хранить, выдавая таковыя Магистрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычаѣ.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Стоимость похоронъ барышевской обывателки, въ 1756 г.

„Реестръ что імяно денегъ і протчего здержано на помяновение умершой Костомашихи значитъ подз симъ 1756 году, марта 3 д. учиненъ“. За служение і за понахиду Отцу Михайлу Крестовому, протопопѣ барищовскому, дано 50 коп.—отцу Захару пречискому—50 к. отцу Иосифу сулиминскому (с. Сулимовки)—50 к. Диаконамъ двомъ барышовскимъ—40 к. Отцу Ручцѣ Петру—30 к. Дякамъ і паламарамъ разнихъ школъ—18 к. Дано за работу и за готованя обѣда і що нищихъ кормили—20 к. Меду сиченого полдваналцята гарця, всякой гарнецъ по 4 коп.,—46 к. Риби свѣжой разной, великой і малой, куплено за 40 к. Вина до церкви кварту дано 12 к. Ганусовой оковитой горѣлки сѣмъ квартъ, всяка кварта по 12 коп.,—83 к. Сливянки пять квартъ, всяка кварта по 8 к.,—40 к. Перепустъ сивухи простой—1 р. Пива на обѣдъ за 1 р. Риби сотце, за 50 к. Ражу (рису) полфунта, за 4 к. Розинковъ чвертка, за 3 к. Гороху полчвертки, за 5 к. Просолной риби, щуки, куплено за 30 к. Осятрини полдесята фунта, всякой фунтъ по 3 коп. з денежкою,—35 к. Булокъ сорокъ, денежнихъ, куплено за 20 к. Ситницъ пять, всяка ситниця по едной коп.,—5 к. Олѣи пять квартъ—30 к. Цыбулѣ два вѣнки, за 8 к. Оселедцовъ 15, всякой оселедецъ по денежки,—7 к. 3 д. Ікри осятровой чорной 4 фунта, всякой фунтъ по 5 коп.,—20 к. Свѣчокъ восковыхъ денежнихъ 36, куплено за 18 к. Свѣчка една восковая велика, за 5 к. Оливи чвертка, за 3 к. Соли цурки, за 3 к. Соли гусокъ за 2 к. *(Съ подлинника)*

Рѣчь идетъ о цѣнахъ на рынкѣ м. Барышевки, переяславскаго уѣзда.

Для исторіи торговли въ старой Малороссіи. «*Виденіе почему, по прежнему обикновенію и по данной графу Гаврилу Владиславичу (Рагузинскому), въ 1725 году, вѣдомости, съ товаровъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и заграничныхъ индукту собирать.*» [1]) *Съ товару великороссійского.* Отъ тисячи бѣлки—60 коп., отъ бунта лисицъ—50 к., отъ сорока горностаевъ—10 к., отъ бунта корсаковъ—14 к., отъ сорока норокъ—16 к., отъ пари вушекъ лисѣхъ—2 к., отъ косяка лудану—16 к., отъ тюма китайки—16 к., отъ 1000 арш. крашанини—80 к., отъ конца московского полотна—20 к.

Противъ дробязки раховать и отъ ста—два (2%) индукти принимать.

—

Съ товару малороссійского. Отъ воза тютюну—50 к., отъ воза ганусу—60 к., отъ вола, что до Шленска ходятъ—10 к., отъ вола, что на Москву ходятъ—4 к., отъ куфи горѣлки—20 к., отъ воза пенки—20 к.

—

Съ товару грецкого. Отъ кумача красного—2 к., отъ одного киндяка—1 к., отъ кипи красной бумаги—1 р. 60 к., отъ кипи поясовъ румелецкихъ—1 р. 60 к., отъ десятка поясовъ верблюжихъ—6 к., отъ бунта сафяна—10 к., отъ матерій шелковихъ и злотоглавнихъ раховать почему продается, то съ того брать индукти отъ ста—два и отъ прочихъ товаровъ также, которіи на рахубу приходятъ по тому же брать.

—

Съ товару полского. Отъ чвертки тонкого сукна—80 к., отъ штуки каруну—30 к., отъ штуки локтевого сукна—12 к., отъ штуки штамету—30 к., отъ каменя мѣди—14 к., отъ одного рубка—2 к., отъ мажи соли—20 к., отъ прочихъ дробязговъ также раховать и отъ ста—два индукти брать.

---

[1]) Взято изъ сборника *(Silva rerum)*, принадлежавшаго Якову Марковичу.

На оному подпись: секретарь Иванъ Аврамовъ. Подканцеляристъ Василь Леонтіевъ.

Іюня 6 дня 1729 году.

Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII в. *«Реестръ зборамъ, которие в прошломъ 1722 году присланние в малороссійскую Коллегію изъ войсковой генералной канцеляріи зборщики въ вѣдомостяхв своихъ показали, что оние збори при прежнихъ гетманахъ збиривани которие и нынѣ по силѣ присланного из високого сенату указъ в казну его императорского величества надлежитъ. 1727 года.»* *Городъ Переяславъ.* Въ томъ городѣ имѣетъ быть 3 ярмарка: 1) о десятой пятницѣ; 2) сентября 1 числа и 3) генваря 6 дня. И во время тѣхъ ярмарковъ имѣютъ быть сбори: *На полковника.* С прииждихъ людей ярмаркового, од воза по 10 коп. Съ продажи, кто продастъ лошадь и вола—поводного по 2 коп. 3 овецъ по 1 коп. *На ратушу.* 3 привозныхъ и мѣстовихъ продажнихъ куфъ вина, которие в тѣхъ ярмаркахъ продаютъ гуртомъ, з такихъ продавцовъ скатного одъ куфи по 20 коп. 3 шинкарей, которие в тѣхъ ярмаркахъ шинкуютъ на мѣсте, по 2 р. Скатного с куфи по 30 коп. А с переяславскихъ жителей одъ куфи по 20 коп. 3 дехтю з вишникового, какъ во время ярманку, такъ и безъ ярманку, с куфи по 1 р. А хто продастъ гуртомъ, скатного отъ куфи по 10 коп. 3 воскобойнѣ от закладу по 4 коп. 3 важни вагового одъ пуда с продавца по копейки; з купца по томужъ. 3 семи будокъ ратушнихъ, которие при ярманкахъ в годъ отдаются крамарамъ, по 60 и по 40 коп. Одъ коморъ шинковихъ и одъ резницкихъ в годъ по 20 коп. 3 пяныхъ брагъ, кто шинкуетъ по 20 коп., а кто менше шинкуетъ по 10 коп. 3 приезджихъ людей, которие приездятъ в торговие дни для покупки хлѣбу и протчего, мѣстового од воза по 2 коп. Одъ гончаровъ мѣстового в годъ по 10 коп. Одъ колачницъ в годъ по 5 коп. Около города пашенная десятина и с той пашнѣ, кто сѣетъ хлѣбъ, берется десятий снопъ. 3 мелници на реке Трубежѣ, в которой 2 кола мучнихъ, третее ступное, емлется доходу десятая мѣрка, а та мелница построена в 720 году. 3 подданнихъ той ратушѣ селъ а именно: Пристрони, Каратулъ, Великая, Леляки, Дениси, Полѣжан, Плужники, Коморевка, Столпяги—емлется годо-

вого окладу с тихъ селъ, с лошади по 10 коп., з вола по 10 коп. да по полосминѣ овса. Перевозъ на рекѣ Днѣпрѣ, противъ Переяславля подъ селомъ Андрушами, переясловского Вознесенского монастыря, с которого емлется с проѣжихъ изъ переясловскихъ всякихъ чиновъ людей з воза по 8 коп. на оный монастирь. *На старшинъ ратушнихъ.* З приезжихъ людей ярмарково с воза мостового по 2 коп., за квитъ по 2 коп. *Сторожамъ*, которие служатъ при тихъ ярмаркахъ. С возовъ по 1 коп. Да особъ обще на полковника и на ратушу з барилъ двойного и простого вина, которие в ярмаркахъ в ташахъ шинкуютъ, а имѣютъ тіе барили битъ мерою в пари ведерка, по 30 коп. А ежелижъ будеть болший или менший противъ того— по росчету. На ратушъ и на полковника и до шкатули гетманской шинкарь одъ куфи вина 2 р., а буде вино подлое и с такихъ куфъ по 1 р. по 50 коп. и 1 р. *На войта.* Померного отъ продажной пашнѣ четверика—по ковшу. С продажного меду отъ ведерка с купця по 1 коп, с продавца по 1 коп. В ономъ же городѣ и в уѣздѣ з посполитихъ людей и со владѣльцевихъ подданнихъ збирается на дачу компанѣйцомъ, двомъ человѣкомъ месячной дачи по 80 коп. на мѣсяцъ человѣку.

Збиралась на гетмана со пчелъ десятина. *(Арх. генер. канцеляріи, № 3817).*

Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Около пяти лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ „Кіевской Старины" нѣчто въ родѣ обращенія къ фотографамъ-любителямъ. [1]) Тамъ было указано на ту помощь, какую могутъ оказать фотографы-любители дѣлу описанія памятниковъ старины и внѣшней стороны народной жизни; была также вкратцѣ намѣчена и программа, слѣдуя которой можно быть полезнымъ вышеупомянутымъ областямъ знанія.

Въ настоящей замѣткѣ мы снова повторяемъ раньше высказанную просьбу и дѣлаемъ это въ виду слѣдующихъ соображеній.

Въ послѣднее время, благодаря иниціативѣ Московскаго Археологическаго Общества, выступилъ на очередь вопросъ объ описаніи и изданіи памятниковъ украинской старины. Съ этой цѣлью при

---

[1]) Вниманію фотографовъ-любителей, іюнь, 1896 г.

Обществѣ Нестора Лѣтописца образована особая Коммиссія, совершенъ прошлымъ лѣтомъ рядъ экскурсій, и намѣчены новыя. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ фотографія—безъ нея, какъ говорится, нельзя ступить шагу. Но имѣя въ виду небольшой составъ членовъ Коммиссіи, совершающихъ экскурсіи, и обширность раіона (юго-западный край и лѣвобережная Малороссія), трудно надѣяться, чтобы памятники старины были описаны и сняты въ достаточной полнотѣ. Большую услугу могутъ оказать фотографы-любители. Фотографія теперь—очень распространенное занятіе, на каждомъ шагу можно встрѣтить фотографа-любителя, сотни пластинокъ изводятся зачастую совершенно безполезно, превращая это интересное занятіе въ простую забаву, въ скоро пріѣдающійся спортъ. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ всегда найдутся какіе-ниб. памятники старины: старинная церковь или другая постройка, въ церкви—иконостасы, иконы, утварь, въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ—обстановка, предметы домашняго обихода. Если фотографъ-любитель обратитъ на нихъ свое вниманіе, сфотографируетъ, снабдитъ хотя самымъ краткимъ описаніемъ (время, матеріалъ, размѣры), то этимъ самымъ принесетъ несомнѣнную пользу серьезному дѣлу. [1])

Еще больше матеріала для фотографа-любителя, живущаго въ деревнѣ, дастъ народная жизнь, ея внѣшняя сторона. Сколько разнообразныхъ типовъ, костюмовъ, особенностей въ устройствѣ жилища можно встрѣтить въ каждомъ уголкѣ! Если прибавить къ этому характерные виды мѣстности, групповые снимки, напр. во время крестныхъ ходовъ, праздничныхъ игръ деревенской молодежи, то, результатомъ даже одного мѣсяца, проведеннаго въ деревнѣ, можетъ быть очень интересный альбомъ фотографій. Эта область ближе, доступнѣе для фотографа-любителя; намъ не разъ приходилось встрѣчать гдѣ-нибудь въ деревнѣ или въ уѣздномъ городкѣ любителей, имѣвшихъ цѣлыя коллекціи такихъ фотографій. Но бѣда въ томъ, что почти всегда дѣло и оканчивается сниманіемъ, проявленіемъ и печатаніемъ,—съ теченіемъ времени негативы, да и отпечатки, портятся, расходятся по рукамъ, затериваются. Между тѣмъ, такого рода снимки представляютъ цѣнный матеріалъ для этнографіи,—на матеріальную сторону народной жизни все больше и больше начинаютъ обращать

---

[1]) Фотографіи и описанія адресовать въ г. Кіевъ, въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

вниманія, она становится предметомъ серьезнаго изученія. Въ будущемъ году въ Харьковѣ устраивается археологическій съѣздъ, при немъ организуется первая малорусская этнографическая выставка, и снимки вышеупомянутаго характера будутъ цѣннымъ вкладомъ какъ для выставки, такъ и для предполагаемаго къ устройству въ Харьковѣ этнографическаго малорусскаго музея. [1])

Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ коснуться еще одного вопроса, связаннаго съ фотографіей, но болѣе общаго характера. Въ крупныхъ центрахъ Россіи существуютъ фотографическія общества, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ между прочимъ и вышеуказанныя цѣли. Такъ напр., члены Московскаго Русскаго Фотографическаго Общества устраиваютъ ежегодно экскурсіи, дающія въ результатѣ очень интересный матеріалъ. Помимо того что экскурсантами снимаются виды мѣстностей и другіе памятники, ими иногда открываются новые памятники старины. Въ прошломъ году, въ одномъ изъ засѣданій этого Общества, было, напр., доложено, что въ с. Коломенскомъ, подъ церковью Вознесенія, въ подвалѣ, фотографы нашли среди мусора старинныя царскія врата красивой рѣзной работы и старинную икону Божіей Матери,—съ этихъ предметовъ сняты, конечно, фотографіи и о находкѣ сообщено Московскому Археологическому Обществу. Въ томъ-же засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ объ образованіи коммиссіи по собиранію фотографій съ памятниковъ древности. Несомнѣнно, такая дѣятельность вышеназваннаго общества заслуживаетъ подражанія. Имѣемъ въ виду нашъ Кіевъ—центръ области, полной остатковъ прошлаго. Пора и Кіеву начать работать въ этомъ направленіи. Здѣсь существуетъ фотографическій отдѣлъ Кіевскаго отдѣленія Русскаго Техническаго общества, но о работахъ его по фотографированію памятниковъ мѣстностей старины что-то не слышно, а вѣдь одинъ Кіевъ можетъ дать массу матеріала!

Въ 1896 г. возникъ было проекъ образованія общества фотографовъ любителей, подъ названіемъ «Кіевскій Фотоклубъ», съ цѣлью, по примѣру парижскаго «Photocloub», теоретической и практической разработки дѣла свѣтописи по всѣмъ отраслямъ, поощренія возможно большаго и разнообразнаго примѣненія фотографіи въ научныхъ

---

[1]) Адресъ для посылокъ: Харьковъ, Университетъ, въ Предварительный Комитетъ по устройству XII-го Археологическаго Съѣзда. Тамъ-же можно получить и подробныя программы по описанію древностей и по этнографіи.

трудахъ и изслѣдованіяхъ и поддержки и содѣйствія экскурсіямъ фотографовъ-любителей, предпринимаемымъ съ научной и художественной цѣлью для собиранія матеріаловъ по изученію родины. Кромѣ того, новое Общество предполагало заняться систематическимъ фотографированіемъ памятниковъ мѣстной старины, выдающихся архитектурныхъ сооруженій, живописныхъ мѣстностей, видовъ городовъ и вообще всего, имѣющаго значеніе для исторіи мѣстнаго края и характеризующаго его съ художественной, живописной стороны.

Очень жаль, что этотъ симпатичный проектъ до сихъ поръ не получилъ осуществленія,—такое Общество сдѣлало бы многое для той цѣли, для которой и написана настоящая замѣтка. Хорошо было-бы снова подумать объ устройствѣ „Кіевскаго Фотоклуба".

Н. Бѣляшевскій.

Письмо въ редакцію. Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно—значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой ока-

зать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще ненапечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи *всѣхъ* корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для безплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій пчеловодъ *Г. А. Кузьминъ*

Текущія извѣстія.

Объ ознаменованіи въ г. Екатеринодарѣ 40-лѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка. Въ виду истекавшаго 40-лѣтія со дня смерти Т. Г. Щевченка, 26 февраля этого года, почитатели таланта малорусскаго поэта подали въ городскую управу слѣдующее заявленіе.

„Городская Дума, въ засѣданіи своемъ 14-сего февраля, постановила ознаменовать сорокалѣтній юбилей великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости наименованіемъ одного изъ новыхъ училищъ «открытымъ въ память 19 февраля 1861 г.». 26-го февраля настоящаго же года истекаетъ 40 лѣтъ со дня смерти величайшаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, лично испытавшаго ужасы крѣпостного ига и съ такой силой излившаго въ геніальныхъ стихахъ всю скорбь негодующей и возмущенной нехристіанскими отношеніями своей правдивой души".

„Геній великаго пѣвца и печальника народнаго горя признанъ повсемѣстно: произведенія Т. Г. Шевченка выдержали много изданій и переводились на языки: французскій, нѣмецкій, чешскій, польскій,

русскій, итальянскій, сербскій и другіе; два общества: научное въ австрійскомъ университетскомъ городѣ Львовѣ (Лембергъ) и благотворительное въ С.-Петербургѣ названы обществами имени Т. Г. Шевченка; ежегодно 26 февраля повсюду въ Малороссіи, Галиціи и въ крупныхъ центрахъ Россіи устраиваются вечера, посвященные памяти покойнаго Т. Г—ча; могила поэта на вершинѣ горы у з. Канева посѣщается массой почитателей и туристовъ; въ Австріи одна изъ улицъ г. Львова называется «улицей Шевченка». Общество литераторовъ въ С.-Петербургѣ возбудило ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всероссійскую подписку для сооруженія памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ на высокомъ берегу Днѣпра и проч. и проч.

Полагая, что чествованіе великихъ людей имѣетъ воспитательное значеніе; полагая, что Екатеринодаръ, находящійся въ центрѣ малорусскаго населенія, можетъ и долженъ пріобщиться къ выраженію знаковъ уваженія къ величайшему изъ поэтовъ Украйны, мы нижеподписавшіеся граждане г. Екетеринодара, предлагаемъ и покорнѣйше просимъ Городскую Думу почтить память Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти его: во 1-хъ, наименовавъ одно изъ городскихъ училищъ «училищемъ имени Т. Г. Шевченка», во 2-хъ, назвавъ именемъ поэта одну изъ улицъ Екатеринодара или бульваръ у Маріинскаго училища, на каковомъ средствами, собранными по подпискѣ, можно затѣмъ поставить бюстъ поэта».

Заявленіе подписано 45-ю лицами.

Дума единогласно постановила назвать одно училище «Училищемъ имени Т. Г. Шевченка»; но, вмѣсто бульвара противъ Маріинскаго училища, рѣшила переименовать Ростовскій бульваръ въ Шевченковскій. Такимъ образомъ память поэта будетъ надолго увѣковѣчена въ г. Екатеринодарѣ.

Сообщ. **Г. Малышенко.**

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка въ различныхъ пунктахъ Россіи и Галицкой Руси, сообщаемъ свѣдѣніе о чествованіи, происходившемъ 17 марта въ Екатеринославѣ въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Самыми интересными частями программы, по словамъ газеты «Приднѣпровскій край», были чтеніе А. Я. Ефименко «Памяти Т. Г. Шевченка» и исполненіе народныхъ думъ бандуристомъ Гнатомъ Галайдою. А. Я. Ефименко прочла свой очеркъ удивительно хорошо и задушевно. Нарисованная ею картина прошлой жизни Украйны, поскольку она отразилась въ поэзіи Шевченка, прямо захватила слушателей. „Поэзія Шевченка есть пробужденіе народнаго самосознанія, а разъ народъ созналъ себя,—онъ уже выступилъ на путь къ своему возрожденію",—вотъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ.

Гораздо менѣе удовлетворилъ автора замѣтки о вечерѣ бандуристъ. „Онъ,—говоритъ послѣдній—нарядился для чего-то въ театральный козацкій костюмъ, совершенно не шедшій ни къ его фигурѣ, ни къ его лицу, да и поетъ онъ немного театрально, что, при исполненіи народныхъ думъ, неумѣстно".

Изъ остальныхъ исполнителей можно было отмѣтить одушевленную декламацію г. Краницкаго и прекрасное пѣніе г-жи Муравьевой. Особенно хорошо вышла у нея прелестная идиллія на слова Шевченка „Садокъ вишневый коло хаты".

Хоръ очень дружно исполнилъ всѣ свои номера, и руководитель его С. О. Михмель вполнѣ заслужилъ за свой усердный и безкорыстный трудъ ту благодарность, которая была ему выражена тутъ же отъ имени хора въ адресѣ, поднесенномъ ему съ подаркомъ отъ секціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ.

Судьба родственниковъ Т. Г. Шевченка. Тяжелая участь выпала на долю нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ Тараса Григорьевича Шевченка. Его внучкѣ грозитъ исключеніе изъ школы за невзносъ платы. Мать исключаемой, Ольга Бойко, пишетъ объ этомъ слѣдующее въ письмѣ въ редакцію „Кіевской Газеты":

„Внезапно постигшее меня горе заставляетъ обратиться къ вамъ о содѣйствіи. Всѣмъ извѣстно, что дѣти мои—внуки родной сестры украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, Ирины Григорьевны Бойко. Извѣстно также и то, что я воспитывала своихъ дѣтей на средства, жертвуемыя почитателями покойнаго поэта. Какъ ни тяжело мнѣ было воспитывать моихъ дѣтей, но я утѣшала себя надеждой, что сынъ мой скоро окончитъ курсъ семинаріи и будетъ под-

держкой моей старости, такъ какъ онъ всегда утѣшалъ меня, въ чемъ я ничуть не сомнѣвалась, потому что учился онъ очень хорошо и притомъ унаслѣдовалъ талантъ своего дѣдушки Т. Г. Шевченка. Но Господь Всемогущій иначе распорядился, давъ мнѣ крестъ нести новый. И вотъ единственный мой сынъ, единственная моя надежда въ будущемъ и отрада, теперь находится въ кіевскомъ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи душевно-больныхъ. Старшая моя дочь тоже лечится въ клиникѣ, а младшая воспитывается въ кременецкомъ епархіальномъ училищѣ, за право ученія которой я должна 90 рублей. Если я не уплачу слѣдуемый долгъ до Пасхи, то дочь моя будетъ уволена изъ училища. Я слышала,—не знаю, насколько это вѣрно,—что въ Кіевѣ будетъ вечеръ, посвященный памяти Шевченка: я прошу васъ, г. редакторъ, не отказать въ моей просьбѣ—объявить въ редактируемой вами газетѣ о нашемъ положеніи. Можетъ быть, присутствующіе на вечерѣ почитатели памяти покойнаго Шевченка и вообще добрые люди великодушно отнесутся къ положенію внуковъ его родной сестры, а моихъ дѣтей, и окажутъ посильную помощь, хотя-бы на уплату за право ученія моей дочери 90 рублей".

Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ почитателей таланта Т. Г. Шевченка—въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и друг. мѣстахъ откликнулись на этотъ призывъ. Желательно было бы, чтобы извѣстіе о бѣдственномъ положеніи родственниковъ поэта дошло до свѣдѣнія какъ можно большаго числа почитателей кобзаря.

Отчетъ о вечерѣ въ Петербургѣ въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Т. Г. Шевченка. По сообщенію Правленія общества имени Т. Г. Шевченка, 16 марта съ вечера въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченка за проданные билеты поступило 1405 руб. 20 коп., за афиши—20 руб., кромѣ того отъ г-жи Е. А. Муркенъ, безплатно украсившей бюстъ Т. Г. Шевченка, поступило вырученныхъ ею отъ продажи цвѣтовъ 43 руб., а всего 1468 р. 20 к. Расходовъ по устройству вечера было 485 р. Такимъ образомъ чистаго остатка поступило въ кассу общества 983 руб. 20 коп. (С.-Петерб. Вѣдом. № 80).

Животрепещущій вопросъ. Газета «Волынь», говоря о положеніи языковъ инородческихъ въ Россіи, совершенно основательно и резонно указываетъ на ненормальное положеніе цѣлой вѣтви русскаго языка, языка малорусскаго.

«Не смотря на то, что этотъ языкъ отчасти приближается къ русскому, но ребенокъ до поступленія въ школу ни слова не знаетъ по-русски, и учителю, если онъ не малороссъ, приходится чрезвычайно туго при исполненіи своихъ обязанностей. Какъ ни старайся учитель, какой-бы педагогической опытностью онъ ни обладалъ, но совершенно обойтись при обученіи безъ помощи родного дѣтямъ малорусскаго языка ему невозможно. Недопущеніе-же учебниковъ на этомъ языкѣ, хотя бы для низшихъ группъ учащихся, въ концѣ-концовъ, неблагопріятно отражается на знаніяхъ дѣтей. Но вотъ ребенокъ прошелъ уже положенный курсъ въ школѣ грамоты или даже министерской, а все-таки знаніе русскаго языка у него далеко еще недостаточно для того, чтобы продолжать свое умственное развитіе исключительно по русскимъ книгамъ. И здѣсь неограниченное допущеніе переводовъ русскихъ авторовъ на малорусскій языкъ сыгралобы огромную роль. Вѣдь, если имѣть въ виду одну только конечную и единственно важную цѣль внѣшкольнаго образованія—поднятіе культурнаго и умственнаго уровня населенія, то съ этой точки зрѣнія представляется почти безразличнымъ, на какомъ языкѣ оно совершится. И ужъ, во всякомъ случаѣ, это произойдетъ скорѣе, если народный языкъ того или иного окраиннаго населенія будетъ уравненъ въ гражданскихъ правахъ съ общегосударственнымъ».

„Уѣздная консерваторія“. Намъ сообщаютъ о симпатичномъ предпріятіи, начатомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и обязанномъ своимъ существованіемъ исключительно усиліямъ и энергіи одного почтеннаго дѣятеля. Собиратель малорусскихъ пѣсенъ и бывшій профессоръ петербургской консерваторіи, Александръ Ивановичъ Рубецъ, потерявъ зрѣніе, поселился въ Стародубѣ и открылъ въ этомъ городѣ курсы, которые онъ въ шутку называетъ «консерваторіей» и которые, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто въ родѣ уѣздной консерваторіи. Здѣсь безплатно для всѣхъ желающихъ преподается пѣніе, хоровое и сольное, и игра на

разныхъ инструментахъ. Занимаясь съ своими учениками ежедневно отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера, энергичный труженикъ не оставляетъ ихъ своими попеченіями и по прохожденіи ими у него курса, если они отличаются хорошими музыкальными способностями: пользуясь своими связями съ музыкальнымъ міромъ Петербурга, онъ уже помѣстилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ въ хоръ Петербургской оперы, а другихъ, для довершенія музыкальнаго образованія, устроилъ въ Петербургской консерваторіи на благотворительныя суммы. Обращаемъ на эти курсы вниманіе всѣхъ, для кого безвозмездные уроки А. И. Рубца могли бы быть полезны.

Національно-политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 25 марта н. с. въ помѣщеніи «Русской Бесіди», во Львовѣ, открылись засѣданія областного съѣзда галицко-русскихъ націоналъ-демократовъ. Делегатовъ съѣзда явилось свыше 100 человѣкъ, большинство которыхъ—крестьяне. Главнымъ образомъ съѣздъ занимался вопросомъ о предстоящихъ сеймовыхъ выборахъ. Принято рѣшеніе— выступить на выборахъ по возможности общими силами, совмѣстно съ русскими (русинскими) оппозиціонными и польскими партіями. Веденіе переговоровъ съ упомянутыми партіями рѣшено поручить независимымъ русскимъ депутатамъ вѣнскаго рейхсрата. Продолжительные дебаты вызвалъ вопросъ о поведеніи русскихъ депутатовъ въ общеимперскомъ парламентѣ. Докладывалъ депутатъ Романчукъ. Принято съ удовольствіемъ къ свѣдѣнію, что независимые русскіе депутаты образовали русскій клубъ, и что къ этому клубу присоединились также русско-буковинскій депутатъ Василько и, въ качествѣ «гостя», оппозиціонный, а отчасти русскимъ народомъ избранный польскій депутатъ Брайтеръ, и что этотъ клубъ имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ парламентскихъ коммиссіяхъ.

Затѣмъ д-ръ Левицкій докладывалъ предложеніе центральнаго бюро объ основаніи русской популярной газеты. Эта газета должна имѣть своимъ назначеніемъ воспитаніе и политическое образованіе народа, вслѣдствіе чего она должна затрогивать всѣ жизненные вопросы (въ особенности политическіе и экономическіе) и писать при этомъ горячо и остро.

Въ заключеніе засѣданія, съѣздъ выбралъ новый комитетъ народной демократической партіи, въ составъ которой вошли Романчукъ—предсѣдателемъ комитета и Борковскій—товарищемъ предсѣдателя. (С.-Петерб. Вѣд., № 77).

Дѣятельность Наукового Товариства ім. Шевченка" въ 1900 году. Львовское общество имени Шевченка обнародовало интересный отчетъ о дѣятельности своей въ 1900 году, изъ котораго извлекаемъ слѣвующія данныя:

Дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году общество насчитывало 34, которые распредѣлялись на три отдѣла—историко-философскій, филологическій, математическо-естественный, а также по коммиссіямъ: юридической, археологической и этнографической. Состоялось въ общемъ 45 научныхъ засѣданій, въ которыхъ было прочитано и обсуждено 30 болѣе крупныхъ трудовъ, появившихся затѣмъ въ „Записках Товариства" или же въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Если принять во вниманіе, что весь капиталъ общества чрезвычайно малъ и что главнымъ источникомъ его доходовъ являются типографія, членскіе взносы и добровольныя пожертвованія и 14000 кронъ правительственной субсидіи, то изъ приведенныхъ ниже цифръ можно вывести весьма лестныя заключенія о распорядительности лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія. Такъ, изданіе «Записок Товариства» стоило 9,000 кронъ, изданіе вышеупомянутыхъ отдѣловъ 5,200 кронъ, изданія этнографической коммиссіи 6,000 кронъ, археографической 3,200 кронъ, юридической 2,400 кр., исторической библіотеки 1,250 кр., наконецъ изданіе «хроники» общества 1,600. Такимъ образомъ, научныя изданія стоили въ общемъ 28,650 кронъ, т. е. слишкомъ вдвое больше того, что составляетъ субсидія. На эти деньги издано 38 томовъ большихъ сочиненій въ количествѣ 25,300 экземпляровъ и множество мелкихъ книжекъ и брошюръ. Въ научномъ отношеніи изъ этихъ изданій выдѣляются три тома «Історіи Украини - Руси», написанной профессоромъ Грушевскимъ, далѣе VIII и IX томы «Этнографичного збірника» и III томъ «Матеріалів для украінсько-руськоі этнольогиі», редактируемые гг. д-ромъ Иваномъ Франкомъ, д-ромъ Федоромъ Вовкомъ и В. Гнатюкомъ. Кромѣ расходовъ на эти изданія, общество израсходовало на стипендіи и вспомо-

ществованія 2,700 кронъ, на этнографическія экскурсіи 1,000 кронъ и на администрацію 5,300 кронъ. При обществѣ существуютъ богатая библіотека, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, интересный національный музей, а также издается единственный русинскій научно-литературный журналъ «Літературно-Науковий Вістник».

Коммиссія по описанію древностей Украины. Коммиссія по описанію древностей Украины образовалась послѣ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ при историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Предсѣдатель предварительнаго комитета предстоящаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, графиня Уварова, возбудила ходатайство о разрѣшеніи этой коммиссіи разослать, черезъ посредство инспекторовъ народныхъ училищъ кіевскаго учебнаго округа, учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ запросы о нахожденіи въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ городищъ, кургановъ, древнихъ сооруженій, построекъ или развалинъ, съ тѣмъ, чтобы учителя дали на эти запросы соотвѣтствующіе отвѣты. Въ настоящее время въ округѣ уже получено разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія удовлетворить ходатайство графини Уваровой, и запросы разосланы. (Бирж. Вѣд., № 82).

Такіе же запросы разосланы, съ разрѣшенія духовныхъ властей, при посредствѣ кіевской Духовной Консисторіи, и всѣмъ священникамъ Кіевской епархіи. Въ настоящее время въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца начинаютъ уже поступать отвѣты на запросы.

Этнографическая командировка въ Харьковскую губернію. Петербургское этнографическое общество командируетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Харьковскую губернію нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ, для записыванія малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. (Придн. Край, № 1160).

Проектъ выкупа о-ва Хортицы. Письмомъ въ редакцію «Вѣстника Козачьихъ Войскъ» г. Коноваловъ поднимаетъ вопросъ о вы-

купѣ острова Хортицы,—гнѣзда Запорожья,—нынѣ заселеннаго колоніями нѣмцевъ-колонистовъ. По мнѣнію автора, починъ въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя кубанцы, какъ прямые потомки запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что основаніе богатства войскового капитала кубанскаго войска положено, какъ говорятъ, вывезенными изъ Сѣчи денежными суммами, а потому справедливо было бы нынѣ употребить нѣкоторую долю ихъ на это святое дѣло. Главнымъ же образомъ, конечно, надо разсчитывать на средства, которыя соберутся путемъ добровольныхъ пожертвованій какъ во всѣхъ козачьихъ войскахъ, такъ и, быть можетъ, среди бывшихъ малороссійскихъ козаковъ (губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской). Что же касается назначенія, которое должно быть дано выкупленному у колонистовъ острову, то отчего-бы,—спрашиваетъ г. Коноваловъ,—въ память заслугъ Запорожской Сѣчи, сослужившей свою историческую службу для всей Россіи, не устроить на о. Хортицѣ какое-нибудь русское общеполезное образовательное учрежденіе, какъ напримѣръ, высшее сельско-хозяйственное училище, благо по географическому своему положенію и климату, островъ Хортица соотвѣтствуетъ большинству районовъ земель козачьихъ войскъ, съ стипендіями для дѣтей козаковъ и потомковъ запорожцевъ, или другое какое-либо подходящее учрежденіе, а тутъ же одновременно позаботиться о собраніи и охраненіи остатковъ запорожской старины—въ бывшей колыбели Запорожья...

БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. [1814—1861]. Очеркъ В. П. Кранихфельда. *Съ портретомъ и 8 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Петербургъ, стр. 1—64, in 8°. Изданіе «Вѣстника Казачьихъ войскъ».*

До сихъ поръ мы имѣли нѣсколько популярныхъ брошюръ о Шевченкѣ, какъ то: изданіе Павленкова, Вѣтринскаго, Яковенка, А—ра, Кулябки—на русскомъ языкѣ; на днахъ вышло еще двѣ брошюры—на украинскомъ языкѣ—одна въ Петербургѣ, другая въ Кіевѣ. Наконецъ, передъ нами лежитъ еще одна брошюра, изданная въ качествѣ приложенія къ новой еженедѣльной общественной, политической и литературной газетѣ «Вѣстникъ Казачьихъ войскъ», выходящей въ Петербургѣ.

Первое преимущество данной брошюры передъ другими заключается въ томъ, что при составленіи ея авторъ принялъ въ разсчетъ, помимо многихъ другихъ источниковъ, и наиболѣе полную біографію Шевченка, составленную покойнымъ А. Я. Кониссвимъ. Затѣмъ, послѣ довольно обстоятельной передачи фактовъ тяжелой жизни поэта, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и до послѣдней минуты, авторъ удѣляетъ немало мѣста разбору произведеній поэта, что дѣлаютъ далеко не всѣ біографы Шевченка; этому разбору имъ посвящено двѣ самостоятельныхъ главы. Въ первой изъ нихъ, послѣ краткаго отзыва объ общемъ содержаніи произведеній поэта, разсматривается, насколько, и въ какомъ видѣ отразилась украинская исторія въ этихъ

произведеніяхъ:—герои XVI и XVII в.в., состояніе Малороссіи въ срединѣ XVIII в., гайдамаки, итоги гайдамаччины; далѣе, насколько Шевченко сознавалъ практическую потребность въ твердомъ знаніи вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности; какія противорѣчія, замѣчаемыя Шевченкомъ въ современномъ ему общественномъ строѣ, становятся его постоянной темой.

Во второй главѣ авторъ касается вопросовъ о простотѣ и силѣ стиховъ Шевченка, о такъ называемыхъ «декоративныхъ украшеніяхъ» (сыне море, шырокый Днипръ, степъ, могылы, калына, тополя, явиръ, верба, барвинокъ), объ основныхъ мотивахъ у Шевченка (грусть и гнѣвъ, любовь къ родинѣ), о лирическихъ отступленіяхъ въ его крупныхъ произведеніяхъ, наконецъ о томъ, что содержаніе и форма стиховъ Шевченка «слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно».

Въ послѣдней (3-ей второго отдѣла) главѣ, авторъ подводитъ общіе итоги значенія Шевченка для великороссовъ, а въ особенности для культурной жизни Малороссіи.—«Тамъ» (на родинѣ) онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія человѣка образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія, и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ».

Брошюра, написанная, несомнѣнно, человѣкомъ дорожащимъ именемъ поэта и интересами родного поэту народа, даетъ яркое представленіе о жизни и великомъ значеніи поэта для этого послѣдняго; при характеристикѣ произведеній, по возможности, приводятся подлинныя выраженія изъ нихъ. Замѣтимъ только, что, говоря объ основныхъ настроеніяхъ музы Шевченка (стр. 57), авторъ напрасно ссылается на стихотвореніе «До сестры» и беретъ оттуда выдержку: это стихотвореніе, ложно приписываемое Шевченку, въ послѣднемъ изданіи „Кобзаря"—«Кіевск. Старины» (1899)—исключено, какъ не принадлежащее ему.

Къ брошюрѣ приложенъ недурной портретъ Шевченка въ шапкѣ, съ литографіи А. Э. Мюнстера, а въ текстѣ и на нижней половинѣ обложки неизвѣстное донынѣ изображеніе Шевченка въ военномъ костюмѣ, марширующаго, со штыкомъ въ лѣвой(!) рукѣ. Происхожденіе этого портрета приписывается, какъ намъ пришлось слышать, нѣкоему ротному командиру въ Новопетровскомъ укрѣпленіи В. П.

Воронцову, бывшему, будто бы, съ Шевченкомъ въ дружескихъ отношенiяхъ. Но, кажется, не только ротнаго командира, но и вообще никого изъ знакомыхъ Шевченка по Новопетровскому укрѣпленiю —съ такимъ именемъ мы нигдѣ не встрѣчали. По крайней мѣрѣ, въ наиболѣе полной бiографiи Шевченка, А. Конисскаго—такой фамилiи нѣтъ.

Кромѣ того, въ текстѣ помѣщены рисунокъ хаты, гдѣ провелъ дѣтство Шевченко (изъ книги А. Конисскаго), Новопетровское укрѣпленiе (изъ «Кiевск. Старины»), Шевченко по возвращенiи изъ ссылки (изъ книги А. Конисскаго), а также 4 своеобразныхъ, чтобы не сказать больше, рисунка покойнаго Микѣшина къ «Наймычкѣ», «Прычынной», «Катерынѣ» и «Думы мои, думы».

Изданiе брошюры В. П. Краннхфельда можно привѣтствовать, какъ весьма желательное и полезное въ ряду популярныхъ книгъ о Шевченкѣ.

В. Д.

Свящ. Василiй Романовъ. Объ изученiи нашей церковной старины. *Полтава, 1900, 8⁰, 35 стр.*

Вышеназванная брошюра является очень своевременной. Гибель памятниковъ церковной старины, небрежное отношенiе къ нимъ—стали избитымъ мѣстомъ. Въ печати очень часто можно встрѣтить факты огульнаго истребленiя старины, но большинство ихъ совершается въ тиши нашихъ захолустьевъ—свѣдѣнiя о нихъ не доходятъ. Устройство церковно-археологическихъ музеевъ немного подвинуло впередъ дѣло охраны и сохраненiя: музеи (оговариваемся—не всѣ) въ большинствѣ случаевъ играютъ лишь пассивную роль: принимаютъ то, что дарятъ,—такимъ путемъ многаго не соберешь.

О. Василiй Романовъ прекрасно ознакомленъ съ положенiемъ дѣла.—Его брошюра—воззванiе, проникнутое сорьезнымъ желанiемъ помочь дѣлу. Повидимому, мало надѣясь на то, что задачи и цѣли науки тронутъ наше приходское духовенство (послѣднее авторъ и имѣетъ въ виду), авторъ ставитъ вопросъ на утилитарную почву: путемъ знакомства съ прошлымъ данной мѣстности, храма, съ духовной стороной паствы, хранящей много пережитковъ, облегчается служенiе священника.

Брошюра даетъ рядъ указаній, послѣдовательно намѣчаетъ тѣ стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Изложеніе ведется просто, безъ излишняго пафоса, снабжено примѣрами; чувствуется любовь къ дѣлу.

Памятники церковной старины авторъ разбиваетъ на четыре группы: 1) вещественные—храмы, сооруженія при нихъ и церковная утварь; 2) письменные—книги, бумаги, надписи; 3) устные—преданія и разсказы о предметахъ церковнаго вѣдѣнія, передаваемые изъ глубокой старины и 4) жизненные—религіозные обряды, обычаи, отношенія къ религіи и ея предметамъ. Для изученія всего этого, для того, чтобы дать возможность желающему приступить къ дѣлу, намѣчены четыре «ступени». Первая—собственно изученіе. По этому поводу авторъ замѣчаетъ: «приходскимъ пастырямъ, которые въ приходѣ большею частію бываютъ не мѣстными уроженцами, а пришельцами со стороны, было бы очень полезно предварительно знать хоть главнѣйшія черты и особенности своего прихода, чтобы съ перваго вступленія на приходъ цѣлесообразно направлять свою дѣятельность и не впадать въ горькія ошибки, которыя иногда бываютъ непоправимы и приносятъ весьма плачевные результаты. Отсюда и вытекаетъ прямая необходимость изучить въ каждомъ приходѣ церковную старину по матеріаламъ, имѣющимся, какъ въ мѣстной церкви, такъ и внѣ ея, т. е. изучить исторію и черты мѣстной, какъ собственно церковной, такъ и вообще религіозной и духовно-нравственной сферы». Вторая ступень—запись матеріаловъ, третья—взаимный обмѣнъ путемъ печати добытыми матеріалами; послѣдняя стадія—обработка и сводка матеріала въ видѣ приходской лѣтописи. Въ дальнѣйшемъ, авторъ останавливается на каждомъ изъ видовъ намѣченныхъ имъ памятниковъ, классифицируетъ ихъ и даетъ указанія для описанія, не сходя все время съ точки зрѣнія полезности такой работы.

Заканчивается брошюра указаніемъ на нѣкоторыя правительственныя распоряженія, касающіяся охраны старины; такъ напр., приводится указъ Синода еще николаевскихъ временъ: «Подтвердить всѣмъ преосвященнымъ Архіереямъ печатными указами: дабы нигдѣ ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквахъ не дозволять ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода»,—кто слѣдитъ за тѣмъ, какъ у

насъ «реставрируются» церковные памятники даже въ большихъ центрахъ, тотъ, сопоставивъ съ фактами этотъ указъ, можетъ только развесть руками... Указываетъ о. Романовъ также и на одно изъ позднѣйшихъ распоряженій (1890 г.)—о составленіи описей старинныхъ предметовъ,—какъ намъ извѣстно по опыту, почти ни въ одной изъ приходскихъ церквей такихъ описей не ведется...

Если бы настоящій призывъ о. Романова возымѣлъ хотя какое нибудь дѣйствіе, если бы на него отозвались хотя немногіе, то и тогда было бы сохранено *для науки* много новыхъ фактовъ. Говоримъ «для науки», такъ какъ, помимо практическихъ цѣлей, программа о. Романова имѣетъ прямое отношеніе и къ церковной археологіи и къ этнографіи. Но что-то плохо вѣрится въ эту отзывчивость...

Н. В.

---

1) **Лыхо зъ горилкою!** *(Правдыве оповидання.—Пьяныця). Москва, 1901, стр. 1—31. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. Ц. 3 коп.*

2) **М. О. Островскій**. *Вирне средство отъ пьянства и запоя. Разсказъ Малоросса. Житоміръ, 1901, стр. 1—32, in 8⁰. Ц. 20 коп.*

Въ украинской популярной литературѣ, по одному изъ наиболѣе серьезныхъ и тяжелыхъ вопросовъ въ народномъ быту, по вопросу о пьянствѣ и способахъ избавленія отъ него, появилось въ послѣднее время нѣсколько брошюръ. Еще въ 1898 г. въ Бердичевѣ была издана г. Острожинскимъ популярная брошюра «Пый, та дило розумій!», съ указаніемъ, между прочимъ, на всѣ тѣ ужасы, которые предстоитъ испытать „въ пекли" любителямъ «монопольки»; затѣмъ въ Черниговѣ въ 1899 г. вышло въ свѣтъ очень полезное изданіе: «Лыхый ворогъ», гдѣ вполнѣ научно и въ то же время вполнѣ просто и удобопонятно приводятся данныя, иллюстрирующія несомнѣнный вредъ для организма отъ излишняго употребленія алкоголя. Теперь передъ нами лежатъ двѣ брошюры подъ приведенными въ началѣ заголовками. Первая изъ нихъ—«Лыхо зъ горилкою»—заключаетъ въ себѣ два разсказа, оба на тему о томъ, до чего можетъ довести человѣка водка. Первый—«Правдыве оповидання», герой котораго Мыкыта Бурлій, пьянствовавшій смолоду, сначала никакъ не могъ

найти себѣ подруги жизни, а затѣмъ, когда ему удалось жениться, по прежнему продолжалъ пьянствовать, пока на него однажды, въ первый день Рождества, нашло внезапное просвѣтлѣніе: онъ устыдился самого себя и поклялся никогда больше не пить, что и исполнялъ неукоснительно до самой своей смерти. Разсказъ не производитъ впечатлѣнія художественности, но и не заслуживаетъ ни въ чемъ упрековъ, являясь простой записью правдиваго, надо думать, разсказа, не представляющаго однако ничего типичнаго.

Второй разсказъ «Пьяныця», принадлежащій перу извѣстной писательницы Ганны Барвинокъ (Кулишъ), носитъ на себѣ печать художественности, раскрывая передъ читателями тяжелую семейную драму, созданную мужемъ-пьяницею. Въ довершеніе всего, исходъ драмы не столь благопріятенъ, какъ въ первомъ разсказѣ: виновникъ семейнаго горя, Панасъ, возвращаясь въ пьяномъ видѣ изъ шинка, внезапно умираетъ «пидъ тыномъ». Этотъ разсказъ, несомнѣнно, оставляетъ въ душѣ читателя нѣкоторый осадокъ не своей, бьющей по нервамъ, формой, а очевиднымъ тяжелымъ безысходнымъ положеніемъ вещей, обязаннымъ одному лишь злоупотребленію водкой.

Жаль только, что брошюра набрана мелкимъ шрифтомъ, совершенно не пригоднымъ для народнаго чтенія.

Другая брошюра „*Вирне средство отъ пьянства и запоя*" М. О. Островскаго,—содержаніемъ которой служитъ разсказъ испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія отъ запоя, представляетъ довольно оригинальное явленіе. Начинается оно тѣмъ, что авторъ его, нѣкій Иванъ Пьянчевскій, ополчается противъ больницъ для алкоголиковъ въ городахъ на томъ основаніи, что «якъ то може буты, щобъ запій и пьянство—булы слабисть, та ще и наслидованная отъ батькивъ. Не вирю я цёму и никгды не повирю... Не вирте и вы, хлопци, а отъ лучче послухайте, якъ я самъ себе выкуровавъ отъ пьянства и запою», и затѣмъ разсказываетъ, довольно остроумно и живо, какъ вся жизнь крестьянина, при желаніи, можетъ быть обращена въ сплошное выпиваніе; какъ онъ распился и, женившись, продолжалъ пьянствовать; какъ возила его жена къ знахаркѣ, которая, оказалось, и сама не промахъ выпить, какъ онъ дошелъ, наконецъ, до того, что укралъ у сосѣда изъ клуни мѣшокъ пшеницы и сосѣдъ его поймалъ на мѣстѣ преступленія, но по добротѣ сердечной повернулъ это дѣло такъ, будто Иванъ одолжилъ у него эту пшеницу, и какъ Иванъ, съ этого момента, начинаетъ отвыкать отъ водки, пока совершенно не отвыкъ

и не сталъ честнымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ. «Вирне» же средство, къ которому онъ прибѣгалъ для этой цѣли и которое совѣтуетъ всѣмъ, оказывается довольно простымъ: перестать пить.... Разсказъ, какъ уже было упомянуто выше, написанъ очень живо и остроумно, но не безъ утрировки въ самомъ изложеніи и не безъ нѣкоторыхъ неправдоподобностей. Такъ, напримѣръ, по словамъ разсказчика, когда онъ пересталъ пить и уничтожилъ священный, въ нѣкоторомъ родѣ, обычай выпивки при всевозможныхъ «оказіяхъ», люди его села «дывлячысь на мене, та й соби перестали справлять оказіи; перше по-троху пылы горилку, а дали й зовсимъ перестали пыть». Намъ думается, что это—несомнѣнное увлеченіе автора, желавшаго какъ можно рельефнѣе представить благотворные результаты вліянія своей личности на окружающую среду. Затѣмъ, въ самомъ изложеніи, носящемъ на себѣ слѣды особенностей волынскаго говора, нерѣдко попадаются излишнія bons mots, какъ: „легкоголыкы" (алкоголики), «легкогольна больныця», употребленіе «панськыхъ» словъ—«компузія», „слинатычне средство". Неизвѣстно также, почему авторъ считаетъ нужнымъ дѣлать примѣчанія по-русски, равнымъ образомъ и заставляетъ священника говорить на этомъ языкѣ съ крестьянами.

Вообще же брошюра оставляетъ по прочтеніи довольно пріятное впечатлѣніе. Жаль только, что самое «средство» отъ запоя, какъ оказывается—столь незамысловатое, стоитъ такъ дорого—цѣлыхъ 20 коп.!

В. Д.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. *Москва, 1901, стр. I—VII, 1—589 Цѣна 3 р. 50 коп.*

Въ Москвѣ вышло цѣнное изданіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, содержащее 253 краткихъ біографіи и столько же портретовъ русскихъ писателей, отъ Кантеміра и до нашихъ дней. Біографіи, содержащія краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности писателей, снабжены, по возможности, характеристикой, въ которой указывается лишь на то, въ чемъ проявлялась дѣятельность писателей, и какое мѣсто занимаетъ каждый писатель въ рус-

ской литературѣ. Встрѣчаемъ здѣсь и нѣсколько украинскихъ писателей—повидимому тѣхъ, которые писали также и по-русски. Такимъ образомъ, въ данную галлерею вошли Шевченко, Квитка-Основъяненко, Гребенка, Марко-Вовчокъ (Марковичъ), Костомаровъ, Мордовцевъ... да и только. Невольно напрашивается вопросъ: гдѣ же Котляревскій и Кулишъ, если ужъ не упоминать о другихъ? Увы, ихъ нѣтъ, не смотря на то, что, напримѣръ, Кулишъ несомнѣнно больше писалъ по-русски, чѣмъ по-малорусски, а Котляревскій является родоначальникомъ художественной украинской литературы. Правда, редакція сборника въ предисловіи оговариваетъ, что причинъ непомѣщенія нѣкоторыхъ писателей въ „Галерею" четыре: невозможность достать нѣкоторые портреты; поздняя доставка ихъ редакціи; желаніе дать возможно большее количество изображеній современныхъ авторовъ и, наконецъ—необходимость ограничиться опредѣленнымъ числомъ портретовъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, что ни одна изъ вышеупомянутыхъ причинъ неумѣстна по отношенію къ Котляревскому и Кулишу, сыгравшимъ слишкомъ значительную роль въ исторіи литературы.

Обратимся теперь къ портретамъ и біографіямъ тѣхъ шести малорусскихъ писателей, которые внесены редакціей „Галлереи" въ сборникъ. *Шевченко* снабженъ сравнительно большой (болѣе 1 страницы) біографіей и прекраснымъ портретомъ (найденнымъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ); портреты *Основъяненка и Гребенки*—извѣстны,—первый напр., былъ помѣщенъ въ 1893 году въ «Кіевской Старинѣ», а второй заимствованъ изъ сборника „Ластивка"). Біографія *Марка-Вочка* (Маріи Александровны Марковичъ)—не представляетъ ничего новаго, т. к. въ ней нѣтъ почти ничего біографическаго, за то портретъ, изображающій ее еще въ молодости, является совершенной новинкой. *Костомаровъ* изображенъ старикомъ съ сѣдой бородой,—съ портрета, помѣщеннаго въ «Кіев. Стар.» въ 1895 году. Наконецъ, *Мордовцевъ* представленъ сидящимъ въ креслѣ,—очевидно, съ позднѣйшаго снимка.

Вотъ и все, что попало изъ нашей украинской литературы въ «Галлерею русскихъ писателей». Конечно, немного всего этого, но будемъ благодарны и за то, что есть. Даже сравнительно значительная цѣна (3 р. 50 к.), если принять во вниманіе огромныя затраты на воспроизведеніе $2^1/_2$ сотенъ клише, не должна показаться чрезмѣрной.

В. Д.

Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. *Томъ XVI. Вып. 2-й. Кіевъ, 1900 г., 8°, CCXII + съ 241 по 496 стр.*

Отмѣтимъ нѣкоторыя сообщенія и статьи этого тома: 1)*П. Я. Армашевскаго.*—О геологическомъ строеніи окрестностей м. Корсуня; 2) *Его же.*—О Трощинской буровой скважинѣ; 3) *Его-же.*—Къ геологіи Кіева; 4) *К. Жука.*—О градѣ, выпавшемъ $^{10}/_{22}$ сентября 1897 г. въ с. Сальковѣ, Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда; 5) *Г. А. Радкевича.*—О фаунѣ мѣловыхъ песковъ и песчаниковъ Подольской губ.; 6) *А. Г. Ракочи.*—О растительности нѣкоторыхъ болотъ Черниговской губ.; 7) *В. Е. Тарасенко.*—Объ эффузивной горной породѣ изъ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ,; 8) *П. А. Тутковскаго.*—О лессѣ Луцкаго уѣзда; 9) *Его же.*—Микрофауна спондилувой глины изъ Черниговской губ. (буровая скважина на станціи Бобровицѣ); 10) *Его же.*—О нѣкоторыхъ новыхъ колодцахъ въ Кіевѣ; 11) *Его же.*—Фораминиферы изъ буровой скважины въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полт. губ.; 12) *Его же.*—Новое глубокое буреніе въ Кіевской губ.; 13) *Его же.*—Нѣсколько словъ о кіевской спондилувой глинѣ и оматитовыхъ пескахъ; 14) *Н. В. Цингера.*—Весенняя флора южной части Полтавской губ.; 15) *Г. А. Радкевича.*—О нижнетретичныхъ отложеніяхъ окрестностей Канева; 16) *П. А. Тутковскаго.*—Библіографическій указатель литературы по ископаемымъ и нынѣ живущимъ фораминиферамъ (1888—1898).

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Историческій Вѣстникъ, № 4; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 6) Вѣстникъ Европы, № 4; 7)Русская Мысль, № 4; 8) Научное Обозрѣніе, № 4; 9) Книжки Восхода, № 4; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 4; 11) Ateneum, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 3; 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 3; 16) Міръ Божій, № 4; 17) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3; 18) Slovansky přehled, № 7; 19) Kwartalnik Historyczny № 1.

Русскій Архивъ, № 4.

А. П. К. Императоръ Николай Первый въ Южной Бессарабіи (стр. 638—645). Упоминается о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1828 г., во время войны съ Турціей, Императоръ Николай прибылъ въ Измаилъ, „гдѣ находилась главная квартира государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: русской и Запорожскихъ козаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ Турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра своего отечества“. По прибытіи въ Измаилъ, императоръ, 19 мая осмотрѣвъ въ карантинѣ Запорожцевъ, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ кошевому Осипу Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что вы за люди», сказалъ государь кошевому, и затѣмъ повторилъ всему составу Сѣчи.

Въ примѣчаніи (стр. 644—645) упоминается о храмѣ (къ сожалѣнію, не указанъ ясно пунктъ), сооруженномъ Запорожцами въ память выхода ихъ изъ Турецкихъ владѣній. Въ этомъ храмѣ сохранилась и донынѣ надпись: «Въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя императора Николая Павловича всея Россіи, сооруженъ храмъ сей иждивеніемъ всѣхъ обществъ Задунайскихъ переселенцевъ, въ память выхода ихъ изъ Турецкаго владѣнія подъ Россійскую державу, и освященъ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ и кавалеромъ, въ теченіе 15, 16 и 17-го чиселъ мѣсяца Октября 1838».

—

Русская Старина, № 4

П. П. Россія и папскій престолъ (перев. съ французскаго). Глава I—II (стр. 83—118). Это интересное изслѣдованіе о Дмитріи Самозванцѣ въ главѣ 2-й очень живо разсказываетъ о времени появленія Дмитрія на Волыни у Вишневецкаго и о докладѣ послѣдняго королю о судьбѣ спасеннаго царевича, а также о появленіи его еще раньше въ Кіевѣ и въ Гощѣ.

Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ; *сообщ. А. Мёрдеръ.* (стр. 119—121). Въ 1843 году нѣкоторые изъ жителей Бердичева возбудили ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ по этому поводу вошелъ съ представленіемъ не о переименованіи Бердичева изъ *мѣстечка* въ *городъ*, а о перечисленіи

его въ Махновскій уѣздъ, кіевской губерніи, при чемъ имъ сдѣлана была характеристика прежняго и современнаго ему Бердичева. Эта характеристика и составляетъ главное въ замѣткѣ г. Мёрдера.

Измѣна Мазепы; сообщ. М. К. Марченко (стр. 151—152). Сообщается: 1) письмо князя Матвѣя Гагарина къ кн. А. Д. Меншикову (23 февр. 1708 г.); 2) отрывокъ изъ письма Петра Салтыкова къ кн. А. Д. Меншикову.

—

Историческій Вѣстникъ, № 4.

Въ Таврію за волей (воспоминанія очевидца) А. А. Романова (стр. 264—273). Разсказанъ одинъ эпизодъ изъ движенія крестьянъ екатеринославской и херсонской губ. въ 1856 году, когда крестьяне, возбужденные какими-то темными слухами, толпами двинулись въ Крымъ получать волю отъ царя. Разсказанный г. Романовымъ эпизодъ передаетъ случай, какъ кулачное воздѣйствіе нѣкоего Фрола Ивановича Демьяновскаго, письмоводителя станового пристава, пріостановило во многихъ мѣстамъ это движеніе.

Некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля А. И. Добрянскаго, скончавшагося 9 марта 1901 года на 98-мъ году жизни (стр. 416).

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4.

Лже-Павелъ Петровичъ и наша самозванщина. Е. Д. Витте (стр. 105—116). Этотъ небезъинтересный эпизодъ, относящійся къ 1783 году, разсказанъ авторомъ на основаніи документовъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и раскрывающихъ одну страничку яко-бы самозванства нѣкоего Григорія Зайцева, который въ теченіе не полныхъ сутокъ разыгрывалъ роль царевича Павла Петровича въ Коропскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, но затѣмъ, будучи арестованъ, признанъ былъ въ концѣ концовъ виновнымъ только лишь *во враньѣ*, какъ это и выражено въ предложеніи новгородъ-сѣверской палатѣ уголовнаго суда генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

Первый проектъ освобожденія. Всеподданнѣйшая записка Великой Княгини Елены Павловны объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами. Сообщ. П. А. Шафрановъ (стр. 164—201). Записка Вел. Кн. Елены Павловны, приведенная въ этой

статьѣ, представляетъ тотъ интересъ, что многія мысли, высказанныя въ ней въ октябрѣ 1856 года, въ очень скоромъ времени были осуществлены правительственными распоряженіями, какъ напр.: мысль объ учрежденіи по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Интересна эта записка для насъ еще и потому, что Вел. кн. Елена Павловна имѣла въ виду примѣнить эти мѣры, въ случаѣ согласія Императора, въ своихъ имѣніяхъ въ Полтавской губерніи и пригласить къ тому-же нѣкоторыхъ полтавскихъ помѣщиковъ.

Литературная лѣтопись въ этомъ номерѣ открывается нѣсколько непонятными лично для насъ строчками о томъ, что объявленный редакціей журнала „Кіевская Старина" конкурсъ на премію за лучшую популярную Исторію Малороссіи никогда не можетъ состояться, потому-что исторія Малороссіи есть такая исторія, „которую нельзя написать ни на какую премію". Мотивировано это мнѣніе составителя Литературной Лѣтописи тѣмъ, что будто бы „украинская жизнь не оставила почти никакихъ письменныхъ матеріаловъ: прессы не существовало (какъ будто она была въ Россіи?), мемуаровъ вести было некому(?), лѣтописи, дипломатическія ноты, законодательные памятники оказываются до-нельзя скудными количественно" и пр. Мнѣнія, конечно, свободны, а потому мы не будемъ здѣсь дѣлать возраженій. Однако не можемъ отказаться отъ одного объясненія. Составитель „Лѣтописи" утверждаетъ, будто и редакція „Кіевской Старины" признала эту невозможность написанія курса Исторіи Малороссіи и потому рѣшила печатать отдѣльные очерки по исторіи Малороссіи, для начала которыхъ помѣщаетъ съ этого года очерки Ор. Левицкаго (Очерки народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ 17-го стол.). Мы печатно (см. № 1-й) заявили, что закрываемъ конкурсъ и надѣемся достигнуть составленія курса исторіи Малороссіи путемъ заказа; помѣщая-же „Очерки" О. И. Левицкаго, мы совершенно не думали ими замѣнить предположенный редакціей къ изданію курсъ исторіи Малороссіи, т. к. между этими „очерками" и „курсомъ исторіи" видимъ очень мало общаго.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщена маленькая рецензія на книгу *Виталія Эйнгорна* «Очерки изъ исторіи Мало-

россіи въ 17 вѣкѣ. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича». М. 1899 г., стр. XIV+1104.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 4.

Наш альбом: 1) Мерці. 2) Патріотам, Мик. Вороного. 3) Зернятка, XI—XX, Бориса Гринченка. 4) Мрія, Осипа Маковея. 5) Притомленному братови, В. Л. 6) Разочарованя, Х. С. 7) І знов зима, Осипа Шпитка. 8) Паматай дивчино, Ол. Коваленка. 9) Галицьке село, Евг. Мадичевського. 10) В мисячну нич, Одарки Романовоі. 11) Сильськи мотивы, М. И. Вдовиченка. 12) Хмари, Жарка (стр. 1—8).

Генеральна репетиция, етюд у двох діях Наталки-Полтавки (стр. 2—24).

Добре заробив, оповідане Стефана Пятки (стр 25—35).

Нариси В. Кравченка. II. Діти (стр. 36—42).

Із поетичног спадщины: III. Пісні Анатоля Свидницького (I—IV); IV. Із недрукованих поезий О. Я. Кониського (стр. 43—45).

Мінятюри: X Перед відъіздом, Ант. Крушельницького... (стр. 46—50). XI Знайшли. Надіі Кибальчич (стр. 51—54). XII Легка смерть, Василя Загаэвича (стр. 54—58). XIII Сікуция, Гр. Коваленка-Коломацького (стр. 58—60). XIV Осінні хвилі, Леся Гр. (стр. 60—61). XV Шпаки, Дніпровоі Чайки (стр. 61—63).

Із Естонськихъ поетів (Янсена-Михельсона, Івана Якса, Гренцштайна, Михайла Веске, Густава Луйги, Івана Кунцера, Фрідріха Крайцвальда, Якова Томма). Переспіви П. Грабовського (64—68).

Із оповідань Владислава Оркана: I. Підвечірок. II. Недовірок. III. Ясна Поляна. IV. З країни горців (стр. 69—103).

Із оповідань Анатоля Франса: II. Кимейський співак (стр. 104—113).

Із слова о полку Игоревім: Плач Ярославни, М. Вербицького (стр. 116).

Молоді сили: *II Йоанна Амброзіюс*, Е. Дегена. 1—17.

Біографическій очеркъ и оцѣнка степени поэтическаго настроенія нѣмецкаго народнаго поэта—Іоганны Амброзіусъ.

Маруся Богуславка в українській літературі, Ст. Томашівського стр. (18—37).

Авторъ устанавливаетъ, въ какой мѣрѣ отразилась дума «Маруся Богуславка» въ произведеніяхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ П. Кулиша, Евгенія Згарскаго (Львовъ, 1861), Ивана Нечуя—Левицкаго.

Жертвы нашого лихоліття: *М. Т. Симоновъ і С. Д. Ніс*. Сергія Ефремова (стр. 38—55).

Обстоятельные некрологи и критическая оцѣнка дѣятельности двухъ украинскихъ писателей, недавно сошедшихъ въ могилу, съ указаніемъ на нѣкоторыя обстоятельства, не будь которыхъ, украинская литература могла бы ожидать большей продуктивности отъ обоихъ этихъ писателей.

Діяльність Наук. Тов. ім. Шевченка за 1900 рік. (56—60).

Хроніка і бібліографія (стр. 1—20).

По обыкновенію, обстоятельныя и интересныя данныя по исторіи текущей культурной жизни всей Украины.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. II.

Е. Ө. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 433—484) (продолженіе).

Снимки съ рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій и рукописей XV—XVIII вв., между прочимъ Западно-русской грамоты 1516 г., Пересопницкаго евангелія 1561 г., Западно-русской псалтыри XVI в., Рукописи западно-русскаго письма 1562 г., Западно-русской грамоты 1613 г., Документа юго-западно-русскаго письма 1630 г., западно-русской псалтыри XVII в.

Дополненія и поправки къ тексту, помѣщенному въ предыдущихъ №№ «Извѣстій».

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. В. Довнаръ Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе; стр. 313—366). Заканчивается обзоръ господарскихъ повинностей и податей сельскаго населенія, при чемъ, главнымъ образомъ, разсматривается *лѣсное хозяйство.* Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору такихъ же платежей городского класса населенія. Послѣдняя глава въ этой книгѣ раз-

сматриваетъ статистическія данныя о господарскихъ дóбрахъ и о доходахъ ихъ.

—

Міръ Божій, № 4.

Въ отдѣлѣ *«На родинѣ»* помѣщено краткое извѣстіе *о народномъ университетѣ въ Одессѣ*, на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ «Южномъ Обозрѣніи» (стр. 12—14). Встрѣчаемъ здѣсь также и коротенькую замѣтку «Къ біографіи Шевченка», написанную по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» матеріаловъ для біографіи поэта (стр. 38—39).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1136 газ. „Приднѣпровскій Край" Г. Ѳ. Чеботаревъ помѣстилъ весьма интересную статью подъ заглав. „Перелицованный „Кобзарь", по поводу двухъ изданій: *„Думы мои, думы... Стихотворенія русскихъ поэтовъ.* СПбр. 1900" и въ особенности: *„Т. Г. Шевченко". Кобзарь—въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей И. Бѣлоусова, Москва 1900".*

Сличивъ различныя мѣста произведеній и отдѣльныя выраженія переводовъ съ оригиналомъ, авторъ приходитъ въ ужасъ. „Оптимистически настроеннымъ она (книга эта) принесетъ не мало смѣхотворнаго удовольствія",—говоритъ авторъ: оцѣнивая же это явленіе съ болѣе серьезной точки зрѣнія, приходится глубоко возмутиться. 26 февраля сего года минуло сорокъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка, этого великаго борца, великаго страдальца за любовь къ людямъ, за правду и свѣтъ, вся поэзія котораго, по справедливому замѣчанію одного изъ виднѣйшихъ біографовъ покойнаго, „есть и стоны и слезы за людей"! Мы слишкомъ еще въ большомъ, неоплатномъ долгу передъ этимъ великимъ пѣвцомъ неволи, всю убійственную, растлѣвающую тяжесть которой онъ испыталъ на себѣ самомъ, чтобъ къ тому-жъ еще такъ варварски издѣваться надъ тѣмъ, что онъ выплакалъ слезами и кровью своего великаго сердца"!..

Дѣйствительно, достаточно уже отмѣченныхъ Чеботаревымъ въ его небольшой статьѣ перловъ, чтобы возмутиться до глубины души. Напр. „мене бъ не пыталы"—передается въ смыслѣ „пытать" (мучить). „Ты

вже выросла, дивуешъ, съ хлопцямы гуляешъ"—„Не успѣла подрости, съ парнями уже *блудить* пошла" и т. д.

—

Въ № 33 газ. „Буковина" помѣщена статья С. Леоніда „Шевченко в робітничій і в академічній хаті (святковане 40-вих роковин смерти Тараса товариствами „Поступ" і „Січ" у Відні".

Авторъ подробно сообщаетъ о празднованія 40-тней годовщины со дня смерти Шевченка въ Вѣнѣ,—украинскимъ рабочимъ обществомъ „Поступ" и студенческимъ „Січ".

—

Въ № 46 газ. „Сибирская Жизнь", „Сибирскаго Листка„ и „Сибирск. Вѣстника" помѣщены отчеты о вечерѣ 26 февраля въ память Т. Г. Шевченка, въ безплатной библіотекѣ въ Томскѣ.

—

Въ № 14 еженед. журнала „Недѣля" г. *И. А.* помѣстилъ небольшую статью, въ видѣ письма съ Волыни, подъ заглавіемъ *„Древнія* училища", подъ которыми надо разумѣть „фундушевыя", существующія и понынѣ въ различныхъ пунктахъ нашего Ю.-Западнаго края.

Авторъ приводитъ интересный документъ, сохранившійся въ Клеванскомъ приходскомъ училищѣ, свидѣтельствующій о томъ, какъ велика была нужда въ началѣ 40-хъ г.г. прошл. столѣтія среди учителей фундушевыхъ училищъ.

—

Въ № 16 начавшей снова выходить газеты-журнала „Днѣпровская Молва" помѣщены, въ переводѣ А. Егорова, переводы „Изъ скорбныхъ пѣсенъ Перебенди" (Александра Яковл. Конисскаго).

Всѣхъ переводовъ, довольно удачныхъ, представлено девять.

Тамъ же помѣщенъ обстоятельный разборъ изданія „Екатеринославская губернія. Выпускъ II. Памятная книжка и адресъ-календарь на 1901 годъ. Изд. Ек. губ. Статист. Комитета, подъ редакціей Секрет. Комитета Я. Г. Гололобова".

—

Въ №№ 1155, 1156 и 1157 газ. „Приднѣпровскій Край" проф. Д. Эварницкій помѣстилъ статью „Какъ побѣждали Запорожцы мусульманъ".

Авторъ избралъ темой моментъ, относящійся къ 70-мъ г.г. XVII ст., когда при кошевомъ Иванѣ Сиркѣ (1674), турецкій султанъ задумалъ истребить все запорожское войско и уничтожить самый Кошъ, что, какъ извѣстно, окончилось большой неудачей для султана и отвѣтнымъ походомъ Сирка въ Крымъ. Въ заключеніе приведенъ извѣстный отвѣтъ запорожцевъ Султану (въ 1680 г.), художественно запечатлѣнный картиной Рѣпина подъ тѣмъ же названіемъ. Письмо это автору доставлено священникомъ с. Выше-Тарасовки, екатеринославск. у., о. Іоанномъ Курилинымъ, добытое имъ 40 лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовн. Семинаріи.

—

Въ № 63 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщена небольшая статейка «Екатеринодаръ въ началѣ 20-хъ г.г. прошлаго столѣтія», составленная на основаніи нынѣ рѣдкаго уже сочиненія І. Дебу «О Кавказской линіи. СПБ. 1829».

—

Въ № 6968 газ. «Южный Край» помѣщена Н. Н. Балабухой старо-козацкая пасхальная легенда «Козакъ оборотень»,—о томъ, какъ нечистая сила, подъ видомъ козака, долгое время находилась въ рядахъ запорожцевъ, была выдающимся среди нихъ товарищемъ, но въ день Пасхи исчезнувшая,—вспыхнула, какъ огонекъ, и пропала. Сообщаются и другія козацкія повѣрья, связанныя съ праздникомъ Пасхи.

—

Въ ежедн. газетѣ «Хуторянинъ» (№ 15) помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ *Ф. И Немоловскаго. Бжильныцтво.* Изданіе Благотворительнаго общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

—

Въ № 97 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ *М. Комаря «Оповидання про Антона Головатого та про початокъ чорноморського козацького війська.* Зъ малюнками А. Ждахы». Изд. Благотворит. Общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

—

Въ № 8 нѣмецкаго журнала (въ Лейпцигѣ) «Aus fremden Zungen» помѣщены—переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Василя Стефаника «Каманий хрест» (Das steinerne Kreuz) и статья д-ра

Франка «Короткий погляд на україньско-руску літературу» (Die ukrainische [ruthenische] Litteratur).

—

Новое изданіе. Молодой галицкій писатель Романъ Сембратовичъ съ нынѣшняго года началъ изданіе журнала на нѣмецкомъ языкѣ (въ Вѣнѣ) «X—Strahlen» (X—лучи), въ значительной мѣрѣ посвященнаго освѣщенію интересовъ родной ему націи. Въ каждомъ № встрѣчаются статьи Ив. Франка, самого издателя и друг. украинскихъ писателей.

—

Виды Каменца-Подольскаго. Во Львовѣ Михаиломъ Греймомъ изданъ альбомъ, состоящій изъ двадцати съ лишнимъ снимковъ замѣчательныхъ историко-археологическихъ видовъ г. Каменца-Подольскаго. Цѣна альбома 2 короны (около 1 р. 60 к.) Складъ въ книжномъ магазинѣ С. В. Немоевскаго во Львовѣ. Тамъ же появились изящные бланки для открытыхъ писемъ съ видами польскихъ замковъ. (Gazeta Lwovska, № 86).

—

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 марта 1901 года.

1) *Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ній не буває, або «Лисова квитка».* Комедія у 4-хъ діяхъ Л. Яновской.

2) *Купальна Искра.* Опера у 2-хъ діяхъ Л. Яновской. (Прав. Вѣстн., № 61).

По 1 апрѣля 1901 года.

1) *Злыгодни.* Драматычни справы давенъ Украины зъ 3-ои четвертыны XVII вику (року Божого 1866), въ 5 одминахъ. Налагожено за початкомъ (?) П. Кулиша «Чорна Рада».

2) *Козак Байда.* Драматычни справы давенъ Украины 3-ои четвертыны XVI в. Року 1562—1566, въ 4-хъ одминахъ. О. Ц. . . . . батька.

3) *Прыхожа.* Сцена въ 1 діи. Переведено и перероблено зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская". В. Русинова.

4) *Супротывни течіи.* Комедія въ 5 діяхъ и 4 одминахъ. М. Л. Кропивницкого.

5) *Тарасъ Бульба.* Драматычни справы въ 5 одминахъ. Налагожено по Гоголю и другимъ. Прыурочено (!) до другои четвертыны XVII в. (Ровивъ прынайини 1638—1639).

6) *Чорный шляхъ.* Драматычни справы давенъ Украины кенця XV вику. Въ 5 одминахъ. О. Ц. . . . . батька.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Авдикович О. Демон руїни. Львів, 1901. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 59, 8⁰. Ц. 90 сот. Зміст: Метаморфози.—Добрий день!—Елегія зневіри.—Муха.—Чорна рожа.—Гієни.—Сёма пісня руїни.—Чари уяви.—Відголоски.—Псалом відрождення.

Бончевскій Ан. Якъ повставъ свѣтъ. Пôсля В. Туша. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant Pa, 1901. Мал. 8⁰. Ціна 15 цн.

Будзиновский Вячеслав. Хлопска посілість. Друге справлене видане. Львів, 1901. З друкарні народової Ст. Манецкого і Сп. Ст. 194, 8⁰. Ціна 2 кор. Видане «Науковоі Бібліотеки Видавничої Спілки».

Будилецъ Евграф. Студиі богословскі. Провідник на чудодійну тайну Каяня. Чернівці, 1899. З друкарні Тов. „Рускоі Ради". Ст. 524, 16⁰. Ціна 4. 40 кор.

В. Б. Жите на віру у сибірських селян. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Веретельник А. Рубане і виготовлюване дерева. Львів, 1900. З друк. Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 6, 8⁰ (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.).

Веретельникъ Андрей. Для своихъ рôдныхъ. Оповѣдане зъ жития славного чоловѣка. (Бібліотека для рускои молодежи. Т. XLVIII. В XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатнѣ А. І. Мізевича Ст. 96, 16. Ціна 50 сот.

Вовк. Хв. Звістки й листи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р етнол.)

Вовк. Хв. Знахідки у могилах між Веремем і Стретівкою і біля Трипіля. Львів, 1900. Ст. 12, 8⁰. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Гавлічек Боровський Кароль. Вибір поезий. Переклад Ів. Франка. З портретом і житеписом Гавлічка. У Львові, 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевч. Ст. XXVI 404, 8⁰. Ціна 1. 60 кор. Видання «Белетристичної бібліотеки Видавничої Спілки».

Гнатюк В. Ткацтво у східній Галичині. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 14, 8⁰. (Відб. з. Мат. до у.-рук. етнол).

Гоголь Микола. Ревізор, комедия в пяти діях. Переклав Василь Сімович. Видданне «Молодоі Украіни», ч. 1. Чернівці, 1901.

Гошовський Андрій. Про новий напрям в науці приватного права. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 12, 8⁰. (Відб з Часоп. Правничої і Економичої).

Гринченко Б. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). По поводу сороколѣтія ея литературной дѣятельности. Черниговъ, 1901. Земская типографія. Ст. 207, in 8⁰. Ціна 15 коп.

Грушевський Михайло. Хронольогія подій Галицько-Волинськоі літописи. У Львові, 1901, стр. 72. 8⁰. (Одбитк. з XLI т. Записок).

Дикарів М. Програма до збираня відомостей про громади і збірки сільскоі молоді (вулиця, вечерниці, досвітки і складки). З друкарни Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Дністрянський Станіслав. Берненська унія и наше відношене до неи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 56, 8⁰. (Відб. з Часописи Правнич. і Економічноі).

Доманицький Василь. Причинок до історіі повстання Наливайка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 6, 9⁰. (Відбитка із XL т. Записок).

Драгоманов М. Переписка. Зібрав і зладив М. Павлик. Т. І. (Наукова Бібліотека, ч. 7). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Русько-Видавничоі Спілки. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 184+4, 8⁰. Ціна 1. 80 кор.

Журналы Полтавской губернской оцѣночной Коммиссіи. 32 дек. 1900 и 5 февр. 1901 г. съ прилож. Полт. 1901, 1—50.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XL. Кн. II за 1901 р. Львів, 1901. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Причинок до исторііі повстання Наливайка, подав Василь Доманицький, 2) 1848 рік і Львівська руська духовна семінария, подав Юрий Кміт. 3) Знадоби до пізнаня угро-руських говорів. Говори з наголосом недвижимим,— подав Іван Верхратський (далі буде). 4) Miscellanea. Матвій Симонів (Номіс),—некрольогічна згадка М. Грушевського и др.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901. кн. III. Т. XLI. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст. 1) Хронольогія подій

Галицько-волинськоі літописи, розвідка Михайла Грушевського, стр. 1—72; 2) Студиі на полі Карпаторуського письменства XVII—XVIII в. 1. Пін Іван, Половець Іван Смера і відкриттє Тибету, написав др. Іван Франко; стр. 1—50. 3) Miscellanea: а) Нові причинки до істориі вірші на Украіні, І—ІІІ, подав Ів. Франко, а) Сербський опис Ерусалима з XVIII в., подав др. М. Пачовський в) Питомець—агітатор, подав Ю. Кміт; 4) Наукова хроніка: огляд часописей за 1900 р. 5) Бібліографія.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секциі Наукового Товариства ім Шевченка. Т. VI, вип. II. Часть лікарська під редакциею д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Вел. 9⁰. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Др. Евген Озаркевич. Про уробілінну жовтачку; 2) Др. Вячеслав Морачевський. Нові способи досліду білковини. 3) Др. Осип Дакура. Зі шпитальноі казуістики за р. 1899.

Золя Еміль. Напад на млин. (Оповідане з війни 1870 року). Переклад Івана Франка. Видане «Укр. Руськоі Видавничоі Спілки», ч. 10. Львів, 1901, стр. 59, 8⁰. Ціна 20 сот.

Зубрицький Мих. Народній календар, народні звичаі і повірки, привязані до днів въ тиждни і до рокових свят. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Ивакинъ И. М. Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. Ч. I. Поученіе къ дѣтямъ, Письмо къ Олегу и отрывки. Москва, 1901, 1—324. Ц. 2 р. 50 к.

Історична мапа Галичини й Волині XI—XIII віку. Уложив М. Грушевський (Відбитка з III т. «Історпі Украіни-Руси»). Ціна 40 сот.

Календарь для Американскихъ Русинôвъ на 1901 р. Уложивъ Антинъ Левкивъ. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant, 1901. Ст. 60. Ціна 50 сот. I. Часть календарска. II. Часть інформаційна. III. Часть научно-белетристична. Зміст: 1) Прощай вітер,—поезия С. Чарнецького, 2) Як повстав світ—Ант. Бончевського, 3) Аж за море чути—поезия Чалого, 4) Борба за волю—А. Л.,—5) Присвята Стасюкови—поезия Ю. Сиротюка, 6) Чоловік и мула—І. Б—о, 7) One dollar and cost—Ярослав А. 8) Положене Русинів за морем—Ан. Бончевського. 9) Козак пана не зна з віка—а. б. 10) Пяній країні—поезия С. Чарнецького, 11) По христинах в кума Грпця—Чалого, 12) Сьмішне.

Квітка Основьяненко Григорий. Маруся. Повість. Видання «Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки», ч. 12. Львів, 1901, стр. 160, 8°. Ціна 50 сот.

Кміт Юрий. 1848 рік і Львівська руська духовна семінария. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 10 8°. (Відбита із XL т. Записок).

Комаръ М. Оповидаяя про Антона Головатого або про початокъ Чорноморського війська. Изд. Спб. Благот. Общества изд. общеполезн. и дешевыхъ книгъ. № 7. Ц. 5 и 10 коп.

Кониський Олександер. Варианти на декотрі Шевченкові твори. З друк. Науков. Тов. ім. Шевченка, 1901, стр. 38, 8°. (Відбитка з Записок).

Кониський Олександер. Не друковані поезиі Т. Г. Шевченка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товар. ім. Шевченка, in 8°. (Відбитка з Записок). Ціна 10 кр.

Конысьскый О. Я. Млынъ. Оповидання (съ портретомъ автора на обложкѣ). № 18. Кіевъ, 1901, 1—24. Ц. 3 коп.

Кос Андрій. Бесіда про пошисть з Пів-Азии. Відбитка «Дѣла». Накладом В. Будзиновського. Львів, 1901, 18, 8°. Ц. 20 сот.

Корифеи украинской сцены. (Очеркъ исторіи украинскаго театра и біографіи 8 дѣятелей ея съ портретами). Кіевъ, 1901 г., стр. 192. Цѣна 65 коп.

Кранихфельдъ Вл. П. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. Съ портретомъ и 8 иллюстрац. въ текстѣ. С.-Пет. 1901, 1—64 (in. 16°). Изд. «Вѣстника Казачьихъ Войскъ». Ц. 3 коп.

Кукулевський Ол. Оповидання про жыття Кобзаря (съ 3 портретами и видомъ могилы). № 22. Кіевъ, 1901 стр. 1—18. Ц. 2 к.

Куліш П. Орися. Ідилля. Видання „Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки". Ч. 14. Львів, 1901, стр. 17, 8°. Ціна 6 сот.

Кулишъ П. О. Про злодія въ сели Гаквнныци. (Съ портретомъ автора на обложкѣ). № 19. Кіевъ, 1901, стр. 1—24.

Кулишъ П. О. Чорна Рада. Хроника 1663 року. Одесса, 1901 р. (съ рисунками художника Ждахи). Ц. 1 р. 20 к. и 2 руб.

Левитський Мыкола. Спілкова умова для хліборобских спілок. Виданне «Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки«, ч. 13. У Львові, 1901, стр. 47, in 8°. Ціна 20 сот.

Левицькый Иванъ. Баба Параска та баба Палажка. Выдане пяте. № 17 (съ портретомъ автора на обложкѣ) Кіевъ, 1901, стр. 41 Ц. 4 коп.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. 2. Роменскій, Лохвицкій и Прилуцкій у. Ч. I. Роменскій у. Изд. Полт. Губ. Зем. Одесса 1900 г., 8 д. 1+224.

Литвинова-Бартош. Весільні обряди і звичаі у селі Землянці Глухівського повіту у Черниговщині. Львів 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 104 8 д. (Відб. з. Мат. до укр.-рус. етнол.).

Лотоцкій Левъ. Сила молитвы. Образокъ изъ сельского жытя.

Михаилъ Мусора. Сало. Народна казка. (Бібліот. для рускои молодежи. Т. XLIX. В. XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатни А. І. Мизевича Ст. 48, 16⁰. Ціна 30 сот.

Максимовичъ. Днѣпръ и его бассейнъ. 2 кн. съ прилож. 9 карт. и 36 видавн. Кіевъ, 1901 г., ц. 6 руб.

Маковей Осип. Наши знакомі (начерки). Заходом К. Студинського. Львів, 1901 З друк. В. Шийковского. Ст. 139+2, 8 д.

Мандичевский Евген. Новел. З живого і мертвого. Львів, 1901 Накладом власним. З печатні В. А. Шийковского. Ст. 94, 16⁰. Ціна 1 крона. Зміст. 1) Сиритскій сон, 2) Мужицьке жите, 3) Харитина (образець з грецкої давнини), 4) Білили полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 8) Вечер.

Марко-Вовчок. Народні оповіданя. Виданя Руского Тов. педагогичного. У Львові 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 32, 8 д. Ціна 30 сот. Зміст: 1) Козачка, 2) Чарі.

Матвіяс Софрон. Дещо про лучі Бекереля. Ст. 8, 8 д. У Львові, 1900 (Відб. изъ VII т. вып. 1. Збирника секціи мат.-природ. лікарскоі). Ціна 10 сот.

Материяли до українско-руськоі етнольоіії. Выдане Етнографічноі Комисиі, за ред. Хв. Вовка. Т. III. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 182+27+6 вел. 8 д. Ціна 4 кор. Зміст: 1) Знахідки у могилах миж Веремем і Стретівкою і біля Трипіля, Хв. Вовка; 2) Ткацтво у східній Галичині, В. Гнатюка; 3) Рубане і выготовлюване дерева, В. Веретельника; 4) Народній календар (Звичаі і повірки), М. Зубрицького; 5) Жите на віру у сибірських селян, В. См.; 6) Весільні обряди и звичаі у С. Землянці, в Чернигівщині, П. Литвиновоі—Бартош. Додатки: 1) Програма до збіраня відомостей про громади і збірки сільскоі молоді. Посмертный твир М. Дикарева 2) Показчик.

Мѣсяцесловъ на 1901 годъ, имѣющій дней 365. Составилъ отъ имени Общества св. Василія Великаго, священникъ Епарх. Мукачев-

ской Юлій Чучка, проф. церк.-слав. яз. въ духовномъ сѣменищи и редакторъ «Науки». Годъ изд. 33-ій. Въ Унгвари, 1900. Изданіе книгопечатни «Общества св. Василія Великаго». Ц. 80 сот.

Народні думи. Частина І (Видане Руского Товариства педагогичного, 34). Впорядкував та пояснив др. М. Пачовский, ц. к. професор акад. гімназиі. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 68, in 8 д. Ціна 40 сот.

Отчетъ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1900 г. С.-Петерб., 1—36.

Падалка Л. В. Организація экономической дѣятельности въ Галиціи и ея поучительность для Полтавской губерніи. Полтава, 1901. Изд. Полтавскаго Общ. Сельскаго Хозяйства, стр. 1—24.

Подкарпатскій календарь съ типикомъ на 1901 простой годъ, имѣющій 365 дней. Въ пользу и употребленіе подкарпатскаго греко-кат. народа. Въ Унгварѣ, 1901. Печаталъ и издалъ Вареоломей Іегеръ. Цѣна 70 сот.

Руданськый Стефан. Твори. Том V. Впорядкував А. Кримський. Ціна 1 кор. У Львові, 1901. Коштом і з друкарні Наук. Товариства ім Шевченка. Стр. VIII+208, in 16°. Зміст: Цар-Соловей (поема), Старочеські співи з Кральодвірського рукопису і другихъ.

Рудницкий Стефан. Про плями сонічні. Ст. 28, 8°. У Львові, 1900. (Відб. із „Збірн. секц. мат.-природ.-лікарскоі, т. VII, вип. І).

Руські пісні в образах. І Серия. Накладом свящ. Н. Джулинського. В Перемишлі, 1901 (почтовые бланки съ иллюстраціями къ пѣснямъ: «Надъ Прутомъ, у лузи», «Сонце нызенько», «Многая лита», «Ой послала мене маты», «Ой мисяцю, мисяченьку», «Родимый краю», «Ой сипы, дытя»). Десять бланковъ ц. 1 корона.

Сводный Сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 г. Выпускъ І. Полтава, 1901, 1—278. Ц. 2 р.

С—ичъ Г. Музыка Янко (перекладъ). № 21. Кіевъ, 1901. стр. 1—16 in 32°. Ц. $1^1/_2$ к.

Сеньобо Ш. Австрия в XIX ст. З французького переклав і пояснив С. Томашівський (Наукова Бібліотека ч. 4). У Львові, 1901. Коштом С. Бриттапа. Накладом «Укр.-руськоі Видавн. Спілки». З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 106, 8°. Ціна 80 сот.

Стороженко Олекса. Оповіданя І. Не в добрий час. II. Вуси. Вид. «Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки», ч. 16. Львів, 1901, стр. 43, 8⁰. Ціна 20 сот.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів. 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 136, 8⁰. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Козацтво і Гайдамаччина в «Енеіді» Котляревского, 2) Характеристика поезий Петра Гулака-Артемовского.

Studziński Cyryl. Z-za kulis schyzmatyckiej propahandy. Kraków. Nakład Spółki wydawnyczej polskiej 1901.

Толстой Лев Н. Відроджене. Роман у трьох частях. Переклав Василь Сімович. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. І—ст. 316, II—272, III—144+18, in 8⁰. Ціна за 3 тома 3. 60 кор. Виданне «Белетристичноі Бібліотеки Видавничоі Спілки».

Філіппов М. Іван Гус, переповіла М. Кистяковська. Вид. «Україньско-Руськоі Видавничоі Спілки», ч. 15. Львів, 1901, стр. 51, 8⁰. Ціна 20 сот.

Франко Іван. Історично-економічна студия. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 52, 8⁰. (Відб. Часоп. Правничоі і Економічноі).

Франко Іван. Студиі на полі Карпато—руського письменства XVII—XVIII в. І. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкрите Тибету. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 50, 8⁰. (Відбитка із XLI Записок).

Франко Іван. Лесышына челядь. Малый Мыринъ. Грыцева шкильна наука. (Съ портрет. автора). № 20. Кіевъ, 1901, стр, 1—42, in 16⁰. Ц. 4 к.

Хроніка укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка. 1900. ч. 4. За вересень-грудень. 1900 р. У Львові, 1901. З друкар. Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот. Зміст: Засідання Виділу, секций, комисий; справоздання.

То же, ч. 5 (вип. І за 1901 г.) Львів, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 68, 8⁰.

Chronik der ukrainichen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1900. September-December. 1900. № 4. У Львові, Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 36, 8⁰. Ціна 30 сот.

Часопись Правнича і Економічна. Правничі і економічні розвідки історично-фільософічноі секции Наукового Товариства ім. Шевченка. Рік І. Том І. Редактор др. Станіслав Дністряньский. У Львові,

1900. Накладом Наукового Товар. ім. Шевченка. З друкарні Наукового Товариства ім. Шевченка. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Передмова 2) Андрій Гошовський. Про новий напрям в науці приватного права. 3) Др. Станіслав Дністрянський. Берненська унія і наше відношене до неі. 4) Др. Іван Франко. Грималівський ключ в р. 1800. 5) Оцінки і реферати.

Шептицкий Андрей, епископ станиславовский. Лист пастирский до вѣрныхъ Косивского Деканата. Жовква, 1901. Печатня о.о. Василіян. стр. 48, 8⁰. Ціна 15 сот.

Его-же—Христіяньска робота. З I пастирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ Ст. 38, 8⁰. Ціна 15 сот.

Его-же—Христіянська родина. Зъ II пастирского листа. Жовква, 1900. Накладомъ Выдавництва Ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ, ст. 32, 8⁰. Ціна 15 сот.

Его-же—О вѣрѣ. III листъ пастырскій. Жовква, 1901. Накладомъ Выдавництва Чина. Св. Вас. Великаго. Печатня оо. Василіянъ. Ст. 48, 8⁰. Ціна 15 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Изданіе Экономич. Бюро Полт. Губ. Земства. Приложеніе къ журналу «Хуторянинъ» № 1. Полтава, 1901, стр. 1—62.

То-же, № 2. Полтава, 1901, стр. 1—64.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26-го марта состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о сообщеніи комитету секретаремъ статистическаго комитета В. В. Ивановымъ—дополнительныхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ Харьковской губ. и его предложеніе—обратиться ко всѣмъ губернаторамъ въ раіонѣ, подлежащемъ изученію предстоящаго съѣзда, съ просьбой о запросѣ земскихъ начальниковъ ихъ губерній по поводу древностей, коллекцій и т. п. Предложеніе это принято и рѣшено при обращеніи послать въ качествѣ образца тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился харьковскій губернаторъ къ земскимъ начальникамъ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко проф. А. Добіаша о результатахъ дѣятельности состоящей при Обществѣ особой коммиссіи по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности, въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII археологическому съѣзду. Изъ этого доклада видно, что работы коммиссіи со времени перваго отчета еще болѣе расширились, нашли сочувствіе и поддержку и среди общества, администраціи, духовенства и народныхъ учителей и учительницъ.

Благодаря помощи черниговскаго губернатора, коммиссія получаетъ свѣдѣнія о древностяхъ и самыя памятники даже изъ захолустныхъ мѣстъ Черниговской губерніи: пакеты доставляются и черезъ волостныя правленія и черезъ исправниковъ. Рѣшено докладъ напечатать въ „Трудахъ предварителнаго комитета", исходатайствовать коммиссіи 200 руб. на различные расходы у московскаго археологическаго Общества, находящійся въ распоряженіи коммиссіи атласъ малороссійскихъ картъ и плановъ малороссійскихъ городовъ—просить для археологической выставки; равно просить: 1) доставить комитету брошюру П. Н. Тихонова „Черниговскіе старцы" и Б. Д. Гринченки „Каталогъ музея Тарновскаго"; 2) доставить предметы, представленные коммиссіи М. И. Лилеевымъ: образъ Николая Чудотворца, два старинныхъ козацкихъ пояса изъ шелка-сырца, двѣ старинныхъ женскихъ рубашки съ расшитыми шелками по подолу узорами; отрывокъ изъ лѣчебника XVIII вѣка.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ поступившаго отъ И. В. Попова въ распоряженіе комитета рукописнаго сборника подъ заглавіемъ: „Планъ Новороссійской губерніи". Сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ печатныхъ указовъ Екатерины II; рукописные документы—копіи съ разныхъ распоряженій, касающихся устройства Новороссійской губерніи въ 1764 г.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о согласіи г. Поддубнаго издать карты Харьковской губерніи, а также карты г. Харькова.

Проф. А. М. Покровскій сообщилъ свои наблюденія надъ Донецкимъ городищемъ, а г-жа А. Я. Ефименко обратила вниманіе на подвѣску, найденную въ числѣ прочихъ вещей въ городищѣ: ея звѣздистая кайма, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляетъ полную аналогію съ каймой серегъ такъ назыв. „черниговскаго" типа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ о пожертвованіи предварительному комитету его членомъ А. Ѳ. Бантышемъ ста рублей и познакомилъ съ памятниками, поступившими въ полное распоряженіе комитета для археологической выставки.

Въ Комитетъ присланы: Темнымъ (Казачья Лопань)—мѣдныя монеты XVIII в.; свщ. Антоновымъ (Казачья Лопань)—дарохранительница, служебникъ 1754 г., грамота епископа Ѳеоктиста Бѣлгородскаго; свящ. Д. Иваницкимъ (Русская Лозовая)—

Четвероевангеліе 1657 г. и 1717 г., желѣзные вѣнцы, иконы—Вознесеніе Иліи и Явленіе трехъ ангеловъ Аврааму (XVII в.), земельные документы XVIII в.; свящ. Хижняковымъ (сл. Терешновка)—ассигнація десятирублеваго достоинства 1812 г.; учительницей Кобзаревой (Васильевка)—мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; свящ. Краснокутскимъ—книга „Описаніе св. мѣстъ" Іерусалима; г. Шестеренко (Купъеваха)—мѣдныя монеты XVIII в., свящ. Грековымъ (Вабычина)—образъ св. Митрофанія, писанки; свящ. Рождественскимъ (с. Краснянское)—служебникъ 1754 г., кокошникъ, свѣчи, медаль за взятіе Очакова, мѣдныя монеты 1758 и 1759 г., щипцы, памятная тетрадь 1849 г.; г-жей М. Д. Квитковской—картина XVIII в. „Дѣвушка съ голубкою", мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; Фридкинъ—монета 1770 г.; Шкорбатовымъ—восточная монета; И. В. Поповымъ—документы по устройству Новороссійскаго края; свящ. Бородаевскимъ—брачный вѣнецъ, окладъ евангелія (XVIII в.), учительницей с. Брусовки—образцы вышивокъ и мережекъ, модель гончарнаго круга; свящ. Антоновымъ—Библія Кастелліона, лѣтопись Димитрія Ростовскаго; сящ. Давыдовымъ (Котельва)—кипарисовый крестъ 1774 года; свящ. Самойловымъ—оловянная чаша, крестъ, перламутровая икона (XVIII в.); свящ. Ковтуномъ (Угроѣдъ)—актъ 1800 г.; Захарьевымъ (Алексѣевка)—каменная лампада, иконы—Митрофанія, Богоматери, Знаменія Божіей Матери, св. Николая, Распятія, вмч. Варвары (всѣ XVIII в.); ахтырскимъ полицейскимъ управленіемъ—кипарисовый крестъ XVIII в., евангеліе 1654 г.; О. Прусовой—серебрян. монета 1757 г.; И. Л. Шимановымъ—мѣдная стрѣлка; г-жей Орловской—фотографіи съ различныхъ мѣстъ и предметовъ Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губ.; Рудаковымъ (Харьковъ)—двѣ большихъ картины, писанныхъ акварелью и представляющихъ Михайловскую площадь и видъ съ горы Благотворительнаго Общества въ 40-хъ годахъ XIX-го столѣтія; А. Ѳ. Лукьяновой—фотографія съ картины жанроваго характера (поимка контрабандной водки объѣздчиками); В. В. Гюльцгофтъ—снимки съ видовъ гор. Харькова семидесятыхъ годовъ.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность А. Ѳ. Бантышу, всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и, вообще, всѣмъ, до-

ставившимъ ему различныя свѣдѣнія о древностяхъ Харьковской губ.

Е. Р.

Засѣданія обществъ.

15 февраля, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей *Археологическаго института.* Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь съ своими критическими замѣчаніями на существующія классификаціи доисторической культуры. На этотъ разъ онъ коснулся классификацій, основанныхъ на признакахъ антропологическихъ. Доисторическая антропологія, часто смѣшиваемая многими учеными съ доисторическою археологію, немного проливаетъ свѣта въ таинственную область жизни первобытнаго человѣка. Слишкомъ мало, и то въ фрагментахъ, сохранилось череповъ и костей, несомнѣнно принадлежащихъ доисторическому времени. Многіе изъ нихъ и даже знаменитый неандертальскій черепъ референтъ подвергаетъ сомнѣнію въ принадлежности первобытному обитателю земли. Существующія антропологическія классификаціи, касающіяся вопроса о хронологической послѣдовательности расъ, населявшихъ въ доисторическое время Европу, остроумны, но мало доказательны. Большинство ученыхъ признаютъ за древнѣйшимъ населеніемъ Европы одинъ общій признакъ—длинноголовость расы. Длинноголовое населеніе было отодвинуто впослѣдствіи на югъ и сѣверъ материка появившимся изъ Азіи короткоголовымъ племенемъ. Населеніе Россіи принадлежало также къ длинноголовымъ. Референтъ демонстрировалъ во время доклада интересную коллекцію череповъ. Докладъ вызвалъ возраженія князя П. А. Путятина, поддерживавшаго научный выводъ антропологовъ о существованіи неандертальской расы. В. Грюнейзенъ, въ рефератѣ „Стиль, художественная характеристика и оцѣнка произведеній живописи въ исторической ея динамикѣ“, прослѣдилъ постепенное развитіе искусства, выразившагося въ созданіи фресокъ и мозаикъ. Эти формы искусства существовали еще въ отдаленные вѣка въ Египтѣ, Персіи, Греціи и Римѣ. Въ Россіи фрески появляются въ X—XI вѣкахъ.

Вопросъ о византійскомъ искусствѣ вызвалъ разъясненія и возраженія со стороны проф. Н. В. Покровскаго. „Спб. Вѣд.“.

—

28-го февраля состоялось 5-ое годичное общее собраніе членовъ *Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ* подъ председательствомъ вице-прдсѣдателя Общества Б. И. Ханенко. Вице-предсѣдателемъ былъ доложенъ докладъ правленія, въ которомъ представленъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за прошлый 1900 г., и смѣта на 1901 г.; кромѣ того, въ докладѣ изложенъ ходъ работъ по постройкѣ Музея. Зданіе Музея сооружено по проекту архитектора Бойцева, передѣланному затѣмъ академикомъ В. Н. Николаевымъ и окончательно разработанному архит. Городецкимъ. Закладка зданія состоялась 21 сент. 1897 г., къ работамъ приступленно осенью 1898 г. и принято зданіе отъ строителя въ ноябрѣ 1900 г. Общая стоимость зданія—226247 р. 68 к., но предстоятъ еще работы по окончательному устройству мѣстности вокругъ Музея на сумму 8320 руб. Изъ другихъ вопросовъ, касающихся постройки Музея и представленныхъ на утвержденіе общаго собранія, отмѣтимъ проектъ парадной лѣстницы, отсутствовавшей до сихъ поръ въ Музеѣ. Необходимыя на это средства, въ размѣрѣ 20-ти тысячъ руб., пожертвованы Н. А. Терещенко и къ устройству лѣстницы будетъ приступлено настоящимъ лѣтомъ. Въ теченіи прошлаго года правленіемъ были принимаемы мѣры къ образованію въ Музеѣ художественно промышленнаго отдѣла, необходимаго для Кіева, гдѣ уже существуютъ школы рисованія и гдѣ предполагается устройство художественно-промышленнаго училища на средства пожертвованныя въ недавнее время И. Н. Терещенко. Общее собраніе уполномочило, затѣмъ, правленіе ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи средствъ на содержаніе Музея и на пріобрѣтеніе коллекцій по художественному и художественнопромышленному отдѣламъ, а также на принятіе Музея въ вѣдомство Мин. Финансовъ или Императ. Двора. Закончилось собраніе выборомъ новыхъ членовъ правленія (проф. Г. Г. Павлуцкій, С. С. Могилевцевъ, М. В. Суринъ и В. Н. Бутовичъ), почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корресподентовъ Общества (на 1-ое января 1901 г. числилось въ Обществѣ 116 членовъ).

—

Въ засѣданіи исторической секціи *Общества Изслѣдователей Волыни*, 1-го марта, Я. В. Яроцкимъ была произнесена рѣчь —„Доисторическая Волынь“, въ которой сдѣланъ обзоръ имѣющихся памятниковъ и изслѣдованій ихъ, а также, въ связи съ этимъ, намѣчена программа дѣятельности Общества, направленная къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ доисторическаго прошлаго Волыни.

—

По ходатайству *Коммиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ настоящее время разосланы при посредствѣ инспекторовъ народныхъ училищъ и консисторій краткія программы для внесенія учителями народныхъ училищъ и приходскими священниками свѣдѣній объ имѣющихся памятникахъ старины. Такія свѣдѣнія необходимы для предполагаемыхъ настоящимъ лѣтомъ экскурсій членовъ Коммиссіи.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой до-микенскаго типа у с. Колодистаго, Звенигородск. у. Кіевск. г. Прошлымъ лѣтомъ, В. Н. Доманицкимъ былъ произведенъ рядъ раскопокъ у с. Колодистаго. Мѣсто раскопокъ расположено у каменоломень, на краю села. Здѣсь уже были раньше раскопки, веденныя какъ В. Н. Доманицкимъ (въ 1899 г.), [1]) такъ и А. А. Спицинымъ (въ прошломъ году). Поверхность имѣетъ уклонъ къ протекающему здѣсь ручью Колодистому и частью занята крестьянскими усадьбами. На основаніи предварительныхъ развѣдокъ, можно было установить, что остатки жилищъ съ расписными сосудами расположены въ 7 рядовъ, идущихъ параллельно ручью. Раскопки производились въ 1-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ рядахъ—промежуточные ряды очень испорчены каменоломней и отчасти скрыты подъ землей, вынутой изъ каменоломни.

---

[1]) См. «Лѣтопись», 1899 г. ноябрь.

Методъ раскопокъ состоялъ въ томъ, что очищенное отъ верхняго слоя земли мѣсто жилища разбивалось на квадратные сажени и затѣмъ обслѣдовался каждый квадратъ. На этотъ разъ мы помѣщаемъ краткія свѣдѣнія о раскопкѣ 4-хъ площадокъ.

№ 1. Площадка расположена въ 1-мъ ряду, у дороги, ведущей изъ с. Колодистаго въ с. Гуляйполе. Правильности въ очертаніи формъ не установлено, площадь, занятая остатками жилища, занимаетъ около 15-ти кв. саж. Поверхность площадки не равномѣрна: въ одномъ мѣстѣ находился мусоръ, происходящій повидимому отъ обмазки стѣнъ или потолка, обвалившейся на полъ, состоитъ онъ изъ необожженной глины съ отпечатками дерева; въ другихъ мѣстахъ была обнажена лишь нижняя обмазка пола, также съ отпечатками жердей, а то и широкихъ плахъ; отпечатки шли въ направленіи, поперечномъ къ длинѣ площадки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полъ сохранился лучше, имѣлась на лицо верхняя обмазка пола, въ формѣ хорошо обожженныхъ плитокъ, расположенныхъ въ 2 ряда. Въ одномъ случаѣ было обнаружено также и два слоя нижней обмазки, и здѣсь толщина пола доходила до 12-ти стм. Обжигъ пола иногда значительной интенсивности, такъ что глина превратилась въ кирпичный шлакъ. Среди деталей устройства пола нужно отмѣтить остатки двухъ глиняныхъ выступовъ (карнизовъ), шедшихъ поперекъ площадки на разстояніи $4^1/_2$ арш. другъ отъ друга (площадка имѣла приблизительно 3 саж. ширины и 6 длины); затѣмъ, воронкообразную яму, обложенную по краю кусками глины и открытую подъ верхнимъ поломъ (по мнѣнію г. Доманицкаго яма эта представляетъ изъ себя печь), и наконецъ, кругъ, діам. 1 метръ, состоявшій изъ пяти слоевъ пережженной глины и земли. Среди находокъ отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ какъ на поверхности пола, такъ и подъ обмазкой, было много черепковъ посуды, нѣсколькихъ типовъ: 1) архаическаго, украшеннаго вдавленнымъ орнаментомъ, 2) изъ сѣрой, хорошо обожженной глины и 3) расписной; найдены также части двойного сосуда. На площадкѣ и за краями ея найдено затѣмъ нѣсколько крупныхъ камней (гранитъ и песчаникъ) съ одной или двумя сглаженными сторонами. Изъ болѣе мелкихъ предметовъ можно отмѣтить нѣсколько отбивныхъ кремневыхъ ножиковъ и каменное шлифованное орудіе въ формѣ клина, 15

стм. длиной. Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались кости животныхъ, крупныхъ (лошади) и мелкихъ, и раковины Unio pictorum, въ одной изъ послѣднихъ замѣтны слѣды краски—охры.

№ 2. Раскопки площадки дали довольно интересные результаты. Расположена площадка въ 5-мъ ряду, занимаетъ приблизительно 6 кв. саж. Коструктія пола обычная—плитки и обмазка. Въ южной части (площадка направленіемъ съ сѣвера на югъ) обнаружена довольно глубокая воронкообразная яма, діам. отверстія въ 4 арш., и діаметромъ дна 1 ар. 6 вершк. Бока и дно состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ пережженной глины и земли, толщиной до 40 стм. По краю дна шла обмазка въ видѣ карниза и желобка. Въ днѣ ямы, подъ слоями глины, находился слой золы, толщ. въ 45 стм., въ которомъ найденъ большихъ размѣровъ сосудъ, наполненный пережженными костями, въ томъ числѣ и человѣческими, отчасти окрашенными желтой охрой—окраска получилась быть можетъ оттого, что на днѣ сосуда находилась эта краска. Возлѣ большого сосуда найденъ еще небольшой расписной сосудикъ, также со слѣдами краски. Кромѣ этого, въ ямѣ найдено нѣсколько фраментовъ глиняныхъ статуэтокъ. Статуэтки (почти всегда лишь части ихъ) встрѣчались и на поверхности площадки. И здѣсь найдены,—повидимому обычныя принадлежности площадокъ,—камни со сглаженными поверхностями, затѣмъ, сосуды и черепки, кости животныхъ (вола) и человѣка и части кремневыхъ отбивныхъ орудій.

№ 3. Площадка расположена въ 20—30 саж. отъ ручья Колодистаго. Сверху слой наносной земли достигалъ 1 $^1/_2$ арш., на $^1/_2$ арш. подъ сооруженіемъ показалась вода. Изслѣдована только часть площадки, т. к. остальная занята садомъ. Сверху лежалъ мусоръ изъ скипѣвшагося шлака, подъ нимъ полъ и обмазка; характерную особенность послѣдней въ данномъ случаѣ представляетъ то обстоятельство, что съ внутренней стороны обмазка имѣла отпечатки тростника. Отмѣтимъ особенность устройства этой площадки: въ одномъ мѣстѣ, на полу, кромѣ части карниза, обнаруженъ кругъ въ 1$^1/_2$ арш. діаметромъ, такого же состава, какъ и полъ, но съ правильно закругленными боками. Находки отдѣльныхъ предметовъ были тѣ же, что и на двухъ предыдущихъ площадкахъ: черепки и сосуды, части статуэтокъ, камни, кости; найденъ также небольшой камень съ отшлифован-

нымъ концомъ, служившій, быть можетъ, для растиранія зеренъ, и куча грузилъ въ формѣ плоскихъ кружковъ съ отверстіями посрединѣ.

№ 4. Поверхность площадки имѣла разнообразный характеръ: въ одномъ мѣстѣ на лицо была лишь нижняя обмазка пола, въ другихъ—плиточный полъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены части карнизовъ, иногда закругленныхъ, затѣмъ два глиняныхъ круга и наконецъ яма, съ обмазкой на бокахъ и на днѣ, окружностью 4 саж. и окружностью дна въ 2 сажня. Глубина ямы въ среднемъ 1 арш. Въ ямѣ находился сосудецъ, грузила и части статуэтокъ. Сосуды, черепки, камни и статуэтки встрѣчались и въ другихъ частяхъ площадки.

Какъ на новые факты, добытые раскопками этихъ площадокъ и касающіеся конструкціи послѣднихъ, можно указать на круги, устроенные на полахъ, и на ямы, признаваемыя В. Н. Доманицкимъ за печи. Однако, окончательное установленіе этихъ фактовъ требуетъ еще новыхъ раскопокъ.

Директоромъ Артиллерійскаго Музея *Н. Е. Брандербуромъ* въ настоящее время производятся раскопки кургановъ на мѣстѣ обширнаго скифскаго могильника въ Роменскомъ у. Полтавской губ. въ имѣніи кн. Щербатова.

Музеи и собранія древностей.

Работы Полтавскаго земства по переоцѣнкѣ имуществъ представили случай земскому статистику Н. К. Галимскому доставить въ мѣстный *естественно-историческій музей* очень цѣнные предметы чумацкаго и козачьяго обиходовъ. Къ предметамъ чумацкаго обихода относятся: обширнѣйшій чумацкій возъ, который поражаетъ своей массивностью и указываетъ, что для передвиженія его нуженъ былъ болѣе рослый и здоровый скотъ, чѣмъ въ настоящее время; рубаха съ оригинальными узорами; бабка для отбиванія косъ; деревянная ножка съ кольцомъ, которая прикрѣплялась, вѣроятно, къ очкуру посредствомъ ремешка и пряталась за голенищу; люлька съ жигаломъ; деревянная чашка

съ салотовкой, выдѣланная въ тѣхъ видахъ, чтобы, не двигаясь съ мѣста, можно было, „мнять кашу“ и, одновременно, „товкты“ сало; нагайка для „жартивъ“, которая вручается жениху при свадебныхъ обрядностяхъ; сиракъ съ „видлогою“; женская узорчатая рубаха; коллекція плахтъ, совершенно не такихъ яркихъ цвѣтовъ, какъ объ этомъ привыкли думать; передникъ для плахты; серги (гадючки) оригинальной формы, дукачи; коллекція очипковъ,—болѣе старая форма, остроконечная, замѣнена овальной подъ вліяніемъ городской моды; пара запасокъ, намитка, головная стричка; красные сафьяновые черевычки.

Изъ предметовъ козачьяго обихода: козацкій жупанъ съ гаплыками; козачье сѣдло; козачья сабля съ обыкновенной, не защищающей кисть рукоятью; кожаный козачій поясъ съ серебряными украшеніями и патронташемъ; гигантскій козачій поясъ въ нѣсколько саженъ длины, многократно обворачивавшійся вокругъ таліи.

Вещи интересны также и какъ показатель, насколько развитъ художественный вкусъ населенія. Между прочимъ имѣется кофта съ пелериной, какія прежде носили старухи-козачки, ничѣмъ не отличающаяся отъ модной современной кофты губернской барыни. Вещи еще не систематизированы, но и въ такомъ видѣ застявляютъ зрителя перенестись мысленно во времена сравнительно давнія.

Экспедиціи земскихъ статистиковъ въ уѣзды дали возможность возбудить интересъ у деревенскихъ обывателей къ цѣлямъ и задачамъ естественно-историческаго музея, и, нужно надѣяться, дѣло собиранія археологическаго и этнографическаго матеріала можетъ стать на болѣе прочную почву. „Полт. Губ. Вѣд.“

—

Въ г. Николаевѣ, у А. Ф. Фогеля, имѣется прекрасная коллекція предметовъ, происходящихъ изъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній (главн. обр. изъ Ольвіи) и собираемыхъ владѣльцемъ уже около 10-ти лѣтъ. Особенно замѣчателенъ отдѣлъ вазъ: здѣсь имѣется великолѣпная панафинейская чернофигурная амфора, чернофигурные и краснофигурные аттическіе сосуды, „мегарскіе кубки“, сосуды римскаго періода, сосуды въ формѣ людей и звѣрей, терракотовыя фигурки и т. п. Богатъ также

отдѣлъ стекла—есть стеклянные сосуды, замѣчательные по красотѣ и изяществу. Кромѣ этого, коллекція заключаетъ въ себѣ также издѣлія изъ бронзы и слоновой кости.

—

Въ г. Очаковѣ, протоіереемъ Н. Левицкимъ собрана небольшая коллекція классическихъ древностей изъ покупокъ въ с. Парутинѣ (Ольвія) и изъ раскопокъ на о. Березани. Интересны въ коллекціи сосуды, между которыми есть и милетскіе.

—

По ходатайству Херсонской Ученой Архивной Коммиссіи, Имп. Археологическая Коммиссія разрѣшила передавать въ *Херсонскій Археологическій Музей* дублеты предметовъ изъ Керченскаго Музея и изъ раскопокъ въ Херсонесѣ.

Можетъ быть, что было два полковника Гловацкихъ, Петръ и Степанъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ быть полковникомъ уже не *королевскаго*, а того Иченскаго полка, который по извѣстію Самовидца, (изд. 1847 г., 14), въ числѣ прочихъ полковъ, въ 1649 г. „притягнулъ до Хмелницкого".

Засимъ, объ Ичнѣ имѣемъ лишь свѣдѣніе, что въ 1656 г. здѣсь уже былъ „мѣскій урядъ", состоявшій изъ представителей какъ „товариства", такъ и „посполства". Составъ его виденъ изъ одной купчей, которая начинается такъ: „Р. 1656, мѣс. августа 7 дня. Передъ нами, Іваномъ Третякомъ, атаманомъ городовимъ, и Василемъ Герасимовичемъ, войтомъ, Остапомъ Карасѣемъ, Якимомъ Шептухою, бурмистрами Ичанскими. На врядѣ ставши, передъ нами, Климъ Грищенко, созналъ намъ, ижъ продалъ п. Семену Ярмаченку, крамару, сѣножать" и т. д.

Кр. П. 244 д. **А.** 255 д. (12 „зимовчик.") **В.** 215 д. **В.** 391 д. Пс. 51 д. **Г.** 168 д. 182 х. Пс. 11 д. 12 х. и 24 бд. х. **Д.** 332 д. 445 х. Пс. 132 д. 239 х. **Кз. В.** 111 д. **Г.** 218 д. 231 х. Пс. 128 д. 138 х. **Д.** 275 д. 412 х. Пс. 11 д. 15 х.

Между прочимъ, изъ ревизіи 1740 г. видно, что за 4 года (1736—740) изъ Ични ушло крестьянъ—97 хоз. Затѣмъ, въ судьбѣ Иченскихъ крестьянъ произошли такія событія: часть ихъ (20 дворовъ) въ 1748 г. отдана была кн. Николаю Саакадзеву и двумъ *малолѣтнимъ* его сыновьямъ, Егору и Ивану [1]). Но еще болѣе важнымъ событіемъ была отдача Разумовскимъ, въ 1752 г., всего Иченскаго посполитаго населенія, въ „вѣчное владѣніе", Прилуцкому полковнику Григ. Галагану, взамѣнъ Веремѣевки (с. 51).

При отдачѣ крестьянъ Галагану, имъ произведена была опись, при чемъ крестьянъ „безцеховыхъ"—оказалось 132 дв.,

[1]) Кн. Николай Саакадзевъ былъ отцомъ Алексѣя, получившаго крестьянъ въ Монастырищѣ. Отецъ, съ малолѣтними братьями Алексѣя, прибылъ изъ Грузіи позже старшаго сына. Впослѣдствіи, крестьяне отца и братьевъ перешли къ Алексѣю, какъ видно изъ вѣдом. 1780 г.

155 х. и 27 бд. хать, а цеховыхъ, особо, 73 дв. 74 х. и 3 бд. х., всего, значитъ, 205 дв. 229 х. и 30 бд. х. Изъ свѣдѣній объ имущественномъ состояніи крестьянъ первой категоріи, видно, что у 61-го изъ нихъ не было ни скота, ни земли, а у остальныхъ было: скота—по одному и по два вола, а земли большею частью, по 3 „дня", при чемъ у очень многихъ были и „лѣски", указывающіе, что еще и въ пол. XVIII в. Ичня окружена была лѣсами. Домохозяевъ, у которыхъ были винокурни и торговыя лавки („на ринку"), было не болѣе трехъ [1]).

Изъ числа „цеховыхъ", т. е. ремесленниковъ, нѣкоторые имѣли по нѣсколько „дней", земли, но у большинства—ни земли, ни скота не было; и такихъ, которые ничего не имѣли, а „бавились зъ ремества" только, было—болѣе половины (43 изъ 76). Ремесла были: шевское, кравецкое, плотницкое (тесли), гончарское, ткацкое, ковальское. Больше всего было сапожниковъ. Въ той же вѣдомости описаны и „пустые плецы" (усадьбы), которыхъ оказалось 137, при чемъ землею, принадлежавшею къ этимъ запустѣвшимъ „плецамъ", иногда продолжали пользоваться прежніе хозяева [2]); впрочемъ, ихъ было немного, такъ какъ такихъ пустыхъ плецовъ, хозяева которыхъ ихъ бросили совсѣмъ, было—110.

Приведенныя свѣдѣнія указываютъ, что и такіе выгодные въ промышленномъ отношеніи центры, какимъ несомнѣнно была Ичня, не давали возможности населенію богатѣть...

---

1) Но были и такіе дворы, какъ, напр., Ступы — «имѣетъ пашенной земли дній 4, да на томъ же дворѣ винница козака Скибы, въ которой и робится (вино), якобы по куплѣ того двора (Скибою у Ступы, значитъ...)

2) „Пустой плецъ Уласа Дорошенка. Плецемъ, подъ огородомъ, и пашеною землею, двома днями, сынъ его Василь, жіючи въ подсосѣдкахъ у зн. тов. Рудавского, владѣетъ".—„Пуст. плецъ Гаврила Божка. Плецемъ пустымъ и къ оному принадлежащимъ полемъ, 4-мя днями, живучи онъ, Божко, въ подсосѣдкахъ, у б. тов. Григ. Стороженка, владѣетъ".—„Андрей Мисикъ. Плецемъ своимъ дворовимъ, подъ огородомъ, лѣсомъ частью, живучи въ козака Писаренка въ подсосѣдкахъ, владѣетъ". Видно, что хозяева иногда бросали свои дворы изъ за того, чтобы „уклониться отъ общенародныхъ повинностей".

По описанію Пащенка, Ичня въ 1780 г. представляется въ слѣд. видѣ. „Положеніе имѣетъ на ровномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ рч. Ични, на которой плотинъ 5, мельничныхъ амбаровъ 6, о 6-ти колахъ, при столбовыхъ дорогахъ: изъ Стародуба въ Прилуку и изъ Ромна въ Кіевъ.—Церквей деревянныхъ—6, сотенное правленіе, лавокъ торговыхъ—73, въ которомъ числѣ рыбныя, соляныя, мясныя, гончарскія и съ краснымъ товаромъ. Затѣмъ, перечислены дома старшины и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ названы: кол. ас. Галаганъ, подполк. Ив. Новицкій, сек.-майоръ Дан. Ключаревскій, сек. майоръ Вас. Рудавскій, в. тов. Ефимъ Ярошевскій, возный Кир. Довбня, отст. вахмистръ Данило Буличъ, сотникъ Демянъ Лисянскій и т. д. Козаковъ: выборныхъ—55 д. 123 х. и подпом.—220 д. 289 х. Посполитыхъ: к. ас. Ив. Галагана—332 д. 445 х., полковн. Андр. Закревскаго—4 д. 8 х., сек.-м. кн. Алексѣя Саакадзева—7 д. 13•х., разн. чиновъ, церковн. и священ. подсосѣдк.—121 д, 218 х., козач. подсос.—11 д. 15 х. Въ тамошнихъ чиновниковъ, разночинц., священниковъ, козаковъ и посполитыхъ—винокур. котловъ 123.—Въ числѣ козак. и поспол., ремеслен. людей до 78, которые раздѣлены по цехамъ; съ нихъ—портные, кузнецы, ткачи, бондари и гончары работы свои производятъ на обывателей толко тамошнихъ, а сапожники вырабатываемый товаръ отвозятъ на ярмонки въ Кременчугъ, Прилуку, Пирятинъ и м—рь Густынскій. Викуриваемое здѣшними жителями вино, кромѣ продажи въ семъ м—кѣ, отвозятъ въ Прилуку, м—ръ Густинскій и с. Деймановку. Большая часть обывателей упражняются въ хлѣбопашествѣ; нѣкоторые ходятъ въ Кримъ по соль и въ Черкаскъ по рыбу. Торги бываютъ по два раза въ недѣлю, а ярмонки въ годъ по 3 раза; пріѣзжаютъ купцы зъ Нѣжина, Прилуки, Борзны и Конотопа, зъ шолковыми и суконными товарами и друг. разн. вещми. Въ здѣшнихъ лавкахъ продается: сахаръ, платки шолковые и бумажные, холстъ, крашанина, штаметъ, полуритинъ, кримская выбойка и др.“

Х. Романовщина—тѣмъ же Пащ—мъ—описанъ такъ: „сотника Ичанскаго Ивана и войск. тов. Петра Романовичовъ, отъ м. Ични въ 2-хъ верст., при рч. Ичнѣ, на котор. мелница о

2-хъ кол. Въ немъ сотника Романовича домъ жил., дерев., о 4—хъ пок., а другой Петра Р—ча, о 3-хъ пок. Подсосѣдк. Ив. Р—ча—10 дв. 10 х. и П. Р—ча—5 д. 9 х.

Въ числѣ многихъ хуторовъ, окружавшихъ Ичню, показанъ и „х—ръ въ лѣсѣ Нежеровѣ, козаковъ Ичанскихъ Дзюбъ, отъ Ичнѣ въ 7-ми верст., при рч. Нежеровкѣ, на котор. мельница вешняя. Въ х—рѣ 1 дв. 5 х.“ (См. с. 164, прим. 4).

С. **Буромка**, рч. **Буромка.**[1]) Въ 1659 г., Прилуцк. полковн. Терещенко просилъ царя Алексѣя Михайловича отдать Буромку съ Шиловичами—извѣстному Иченскому протопопу Адамовичу, при чемъ добавлялъ, что села эти „нынечи разорены и огнемъ сожжены отъ безбожныхъ агарянъ.“[2]) Просьба эта не была уважена. Б., вмѣстѣ съ Ш—ми, отданы были генер. судьѣ Мих. Вуяхевичу, Мазепою, вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы, такъ какъ подтвердительная царская грамота на эти села выдана была В—чу, въ 1689 г., въ Москвѣ, во время первой поѣздки туда Мазепы.[3]) Вуяхевичъ, какъ извѣстно, избранъ былъ затѣмъ (1690 г.) архимандритомъ Печерской лавры, съ именемъ Мелетія, при чемъ Б—ка и Ш—чи у него отобраны не были, а В—чъ ихъ, тогда же, отдалъ лаврѣ.[4])

---

[1]) Такъ, этотъ незначительный притокъ верхняго Удая, названъ у Пащенка.

[2]) Памятники, изд. Кіевск. Ком., изд. 2-е, III, 393.

[3]) См. у Костомарова, «Мазепа», стр. 41. Собственныя имена здѣсь переиначены и искажены (какъ это часто видимъ у Костомарова) до неузнаваемости; такъ и относительно В—ча сказано, что за нимъ утверждены два села въ «Полтавскомъ повѣтѣ», но слѣдуетъ читать—въ Прилуцкомъ, какъ и въ слѣд. строкѣ вм. Любецкомъ, слѣдуетъ читать—Лохвицкомъ...

[4]) Опис. К. Лавры, м. Евгенія, изд. 1831 г., стр. 148. У Костомарова („Мазепа“) мотивъ Вуяхевичеваго постриженія указалъ тотъ, что „*безсемейный* и *безродный* онъ, В—чъ, чувствуя уже подходящую старость, счелъ за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ св. обители...“ Едва ли это было такъ. Вѣрнѣе, что В—ча манила не сама обитель, а заранѣе условленное въ ней первенствующее положеніе; для лавры же Б.—былъ желателенъ, повидимому, какъ владѣлецъ *четырехъ селъ*, которыя онъ отдавалъ ей при этомъ. Митр. Евгеній говоритъ, впрочемъ, что В—чъ въ это время былъ очень старъ, но лаврою

Кр. А. 100 д. **В.** 70 д. **В.** 84 д. **Г.** 34 д. 40 х. Пс. 1 х. **Д.** 52 д. 79 х. Пс. 4 д. 10 х. **Кз. В.** 25. д. **Г.** 22 д. 24 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д.** 31 д. 81 х. Церк. св. Параскевіи. Свящ. Семенъ Зборовскій. Какъ видно, крест. населеніе уменьшилось за 77 л. на половину. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что за четыре года (736—740) изъ Б. ушло 21 хоз. Не дали возможности монахи появиться здѣсь и подсосѣдкамъ, кромѣ 2-хъ дв. „вдовы Милорадовичевой", какъ означено въ опис. Пащенка.

С. Шиловичи, таже рч., что и въ Буромкѣ и та же исторія села, что у Буромки. **Кр. А.** 26 д. **В** 14 д. **В.** 14 д. **Г.** 6. д. 6 х. **Д.** 9 д. 11 х. Пс. 4 д. 5 х. **Кз.** 24 д. **Г.** 14 д. 20 х. Пс.

онъ правилъ болѣе шести лѣтъ († 1697). В—чъ былъ, повидимому, правобережный шляхтичъ, судя по его женѣ, о которой имѣется свѣдѣніе въ актѣ 1686 г.—„Я, Жданъ Талрина... вѣдомо чиню, ижъ што в небытности его мл. п. Мих. Вуяхевича, судиѣ Войска ихъ ц. пр. велич. Зап. енер., за пріѣздомъ въ Кіевъ, зъ лядской стороны, нѣякогось Страшкевича, съ женою его Марнею Скоковщанкою, первого малженства Жукинского, набылъ былъ, къ своему двору, на килка сажней, чрезъ увесь садъ, плецъ Жукинскій; теды, за прибытемъ его пна Вуяхевича з малженкою его, Екатериною *Жукинщанкою*, дѣдичкою того пляцу.... На замѣну того Жукинского его пляцу, купилемъ церковный пляцъ Тетерковскій на церковь светого пррка Ілии, за отпущеніе грѣховъ....» 1686 г., іюля 27. (*Съ подлинника, въ наш. б—кѣ*). Отсюда видно, что женою В—ча была Жукинщанка, а у жены Страшкевича первымъ мужемъ былъ *Жукинскій*; обѣ онѣ простирали свои права на этотъ пляцъ, причемъ «дѣдичкою» его называла себя жена В—ча, будучи, значитъ, дочерью одного изъ Жукинскихъ. А Остерское село *Жукинъ* принадлежало В—чу, такъ какъ онъ его отдалъ лаврѣ вмѣстѣ съ Буромкою (Оп. К. Л., 148). Слѣдуетъ заключить, поэтому, что В—чъ былъ женатъ на дочери одного изъ *Жукинскихъ*, которымъ принадлежало село Жукинь. (Żr. Dziejowe, XX, II, 192, 354, и «Остерск. уѣздъ», 93). Затѣмъ, относительно *безсемейности* В—ча можно замѣтить, что изъ дѣла о дворянствѣ священниковъ с. Кривоносовки (Н.-Сѣверск. у.) Вуяхевичей (арх. Черниг. двор. собр.), видно, что они свой родъ ведутъ по прямой линіи отъ Мих. В—ча. О послѣднемъ можно еще сказать, что въ молодости онъ былъ писаремъ у Самка, когда послѣдній въ 1662 г. назывался наказн. гетманомъ. (Акты Ю.-З.-Россіи, VII, 354 и друг.).

3 д. 3 х. Д. 22 д. 48 х. И здѣсь видимъ тоже уменьшеніе крест. населенія. Подсосѣдки принадлежатъ „подкоморію“ Григорію Закревскому, значитъ, тоже человѣку важному. Церк. св. Параскевіи. Свщ. Захарій Лѣсницкій.

С. **Томашевка**, лѣв. б. Удая,—противъ Дорогинки,—вѣроятно, выселокъ изъ послѣдней. По универсалу Скоропадскаго 1709 г., Т. отдана Андрею Стороженку, въ то время Иченскому сотнику; затѣмъ перешла къ сыновьямъ его, Григорію и Ивану, а въ 1780 г. принадлежала сыновьямъ послѣдняго, майору Михайлу и б. тов. Данилу Стороженкамъ **Кр. А.** 18 д. **В.** 12 д. **В.** 30 д. **Г.** 9 д. 10 х. Пс. (Миниха) 7 д. 7 х. **Д.** 27 д. 29 х., „разныхъ владѣній“. **Кз.** нѣтъ. Црк. Возвесенія Христова.

С. **Лучковка**, Иченка, поселена Андреемъ Стороженкомъ, который купивъ здѣсь, въ 1706 г., у козака Лучка, участокъ земли, за 200 золот., сталъ селить на немъ слободу.[1]) **Кр. В.** 18 д. **Г.** 10 д. 10 х. **Д.** Пс. 10 д. 10 х. **Кз. Д.** 3 д. 5 х. Црк. св. Михаила. Свщ. Петръ Лемницкій.

С. **Гмирянка**, рч. Городянка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1712 г., отдана гр. Борису Шереметеву, который получивъ отъ гетмана два села, просилъ дать ему еще и богатое мѣстечко Баклань... Скоропадскій рѣзко отвергнулъ эту просьбу, вѣроятно, объяснивъ, что Баклань составляетъ цѣлый ключъ, съ нѣсколькими селами и деревнями. Но, тѣмъ не менѣе, не желая раздражать сильнаго „птенца“, прибавилъ ему, къ двумъ селамъ, еще и третье—Гмирянку. Послѣ этого Шереметевъ писалъ Скоропадскому: „вашей ясн—ти писаніе, отпущенное изъ Глухова отъ 14 с. мѣс. (ноября 1712 г.), съ должнымъ респектомъ воспріялъ, изъ котораго выразумѣвъ, что в. ясн—ть моею докукою не токмо скучилъ, но и *до гнѣву* привелъ, и въ томъ вышнимъ Богомъ себя свидѣтельствую, что я великую отъ того в. письма скорбь получилъ и не токмо-бъ Баклани, но изъ трехъ такихъ мѣстечекъ в. ясн. не хотѣлъ на гнѣвъ подвигнуть... Что жъ по своей милости, изъ любви, жалуешъ село

[1]) Изъ Румянц. описи.

Гмирянку... еще-жъ буде возможно (и не въ малую противность) который къ тому былъ хуторъ, дабы не раздѣлять. А ежели, хотя мало противно будетъ, и о томъ не скучаю, довольствуяся тѣмъ третьимъ селомъ Гмирянскимъ, на которое изволите в. ясн. приказать дать свой полномочный универсалъ“ [1])... О какомъ хуторѣ говоритъ здѣсь Шереметевъ—не извѣстно. **Кр**. **А**. 141 д. **Б**. ? **В**. 169 д. Пс. 5 д. **Г**. 110 д. 122 х. Пс. 1 д. 1 х. **Д**. 152 д. 185 х. Пс. 3 д. 8 х. **Кз**. **В**. 46 д. **Г**. 48 д. 58 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д**. 116 д. 20 х. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Андрей Куросскій. Въ 40-хъ годахъ, Г—ка, отъ Шереметевыхъ, перешла къ Стрѣшенцамъ, Кириллу и Макару.

С. **Гужовка**, рч. Гужовка [2]), въ полов. XVII в. была на столько многолюдна, что, въ 1649 г., значилась центромъ особой сотни [3]). Значится Г—ка и въ переписныхъ книгахъ 1666 г., такъ какъ указываемое здѣсь (стр. 33), вслѣдъ за с. Ржавцемъ, с. **Жюковка**—никакимъ другимъ селомъ, какъ только Гужовкою, быть не можетъ, и названа Жуковкою, великорусскими писцами ошибочно, по сходству звуковъ [4])... Г—ка принадлежала къ числу ратушныхъ селъ и оставалась свободною до 1732 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Приэтомъ, въ вѣд. 1740 г., замѣчено: „въ Г—кѣ посполитыхъ и ихъ подсусѣдк. живущихъ двор. было, когда во владѣніе надано—57, а нынѣ, на лице состоитъ, живущ. двор. 24. Зъ оного, съ самихъ посполит., окладу собирается въ годъ денегъ 12 рубл.“. Затѣмъ Г. находилась въ такомъ же ранговомъ владѣніи г. ес. Жоравки. **Кр**. **А**. 73 д. **Б**. 23 д. **В**. 40 д. Пс. 21 д. **Г**. 29 д. 29 х. **Д**. 34 д. 47 х. Пс. 18 д. 31 х. **Кз**. **В**. 40 д. **Г**. 46 д. 47 х. Пс. 14 д. 17 х. **Д**. 93 д. 167 х. Црк. Преображенія Г—ня. Свщ.

[1]) Матер. для Отеч. Истор., II, 365.

[2]) Такъ названа эта рѣчка у Пащенка; повидимому, это былъ незначительный притокъ Удая.

[3]) Въ «Реестрахъ» 1649 г., на стр. 319, она по ошибкѣ названа Гуровскою вм. Гужовскою.

[4]) Сличая прозвища жителей «Жюковки» 1666 г. съ прозвищами жителей Гужовки 1713—729 гг., мы встрѣчаемъ въ первой—*Новаковъ*, а въ послѣдней *Новаченка*, въ «Жюковкѣ»—«Шутоі», а въ Гужовкѣ Шута...

Иванъ Стефановъ. Показанные по ревизіи 1740 г. (**Г.**) подсосѣдки всѣ состояли изъ „стельмаховъ“ (плотниковъ), изъ которыхъ 7 д. было полковничьихъ (Галагана), 2 д.—сотника Иченскаго и 12 д.—козацкихъ.

С. **Ржавецъ**, рч. Ржавецъ, отданъ Мазепою, въ 1690 г., Ив. Стороженку, который уже прежде скупалъ тутъ „грунта“, будучи еще сотникомъ (с. 17). Въ 1693 г., по смерти Ив. С—ка, Р. Мазепою былъ утвержденъ за его вдовою Марьей и сыномъ Андреемъ; а по универсалу 1712 г., Р. былъ подтвержденъ Андрею С—ку и сыну его Григорію. **Кр.** П. 18 д. **А.** 105 д. **Б.** 73 д. **В.** 124 д. **Г.** 87 д. 95 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д.** 137 д. 163 х. Пс. 16 д. 33 х. **Кз. В.** 18 д. **Г.** 21 д. 21 х. **Д.** 31 д. 60 х. Црк. св. Троицы.[1]) Свщщ. Левъ Полянскій и Иванъ Кушакевичъ. Населеніе Ржавца, по описанію Пащенка: козак.—31 д. 60 х. Крест.: б. тов. Мих. Стороженка—58 д. 70 х., сотника Григорія С—ка—40 д. 45 х. вдовы б. т. Данила С—ка, Катерины—39 д. 48 х., всего крест. 137 д. 163 х. Разночинческихъ подсос.—16 д. 33 х.

С. **Парафіевка**, верховье рч. Смоши, значится въ переписи 1666 г., съ 24-мя двор. „мѣщанъ“, т. е. крестьянъ; до 1700 г. принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, а 1 іюля этого года, отдана, Мазепою, генер. есаулу Ломиковскому, у котораго оставалась до его измѣны. Въ числѣ „измѣнническихъ“ селъ, П. отдана Петромъ В., 27 февраля 1710 г., извѣстному Саввѣ Рагузинскому, при чемъ она тогда же была описана такъ: „*Подданныхъ* пашенныхъ—75 двор., лёзныхъ—29 дв., а всего 104 дв.; а въ тѣхъ дворахъ подцан. муж. п.—293 чел., а женска и дѣвичья полу—269, а всего 562 душъ. У нихъ коней—76, воловъ 70, коровъ—96, овецъ—305, свиней—129. Съ нихъ платы, съ 131 рабоч. съ коня и вола, по 3 алт. и по 2 денги, въ годъ, итого 13 р. 3 а. 2 д. *Козаковъ* нашенныхъ—42 дв., бобылей козач. и ихъ сосѣд.—20 дв., а всего 62 дв.; изъ нихъ въ войско ходитъ толко 8 челов., у нихъ статку: коней 93, во-

[1]) Объ иконѣ Ржавской Божьей Матери, очень чтимой въ южной Малороссіи, см. Кіевск. Стар. 1900 г., іюль—авг., отд. 2, стр. 11.

ловъ 67, мѣлкаго скота 450" [1]). Эти любопытныя свѣдѣнія относительно экономическаго быта селянъ нач. XVIII в.—указываютъ на нѣкоторое ихъ благосостояніе, которое затѣмъ подверглось такому упадку, какъ мы видѣли, напр., относительно Иченскихъ крестьянъ пол. XVIII в. (с. 225). Послѣ смерти Саввы Рагуз—го, имѣнія его, по завѣщанію, достались его племяннику, гр. Гаврилу Владиславичу, а послѣдній, умирая въ 1739 г., завѣщалъ ихъ брату своему Мойсею Владиславичу. По спору—съ послѣднимъ—старшаго брата Ефима Владиславича, половина имѣній Рагузинскаго отсуждена была, въ 1742 г., ему [2]); такимъ образомъ и Парафіевкою, въ пол. XVIII в., владѣли, пополамъ, Ефимъ и Моисей Владиславичи. Отъ нихъ П—ка перешла въ 1778 г. къ гр. П. А. Румянцову, вмѣстѣ съ другими имѣніями Рагузинскихъ [3]). **Кз**. П. 24 д. **А.** ? **В.** ? **В.** 151 д. **Г.** 55 д. 69 х. [4]) **Д** 148 д. 193 х. **Кз** **В.** 17 д. **Г.** 22 д. 33 к. **Д.** 44 д. 102 х. пс. 5 к. Церк. св. Николая. Свщщ. Осипъ Григорьевъ и Александръ Иванишъ. Значительное умаленіе крест. за 11 л. (1729—740), произошло между прочимъ, и отъ ухода ихъ, за четыре года (1736—740), въ количествѣ 40 домов., изъ которыхъ ушло 4—„за Днѣпръ," 2—въ „Черкаске" (на Донъ), 2—въ с. Гмирянку, а остальные 32—„безвѣстно".

Къ Парафіевкѣ, въ полов. XVIII в., принадлежали слѣдующіе хутора.

1. **Западня**, названный лишь по одному имени въ ревизіи 1740 г., принадлежалъ Владиславичамъ, въ 1780 г.—3 х.

2. **Жабокриковка**, Владиславичей, по вѣд. 1753 г., 4 д. 5 х. 7 бд. х., а въ 1780 г.—24 д. 35 х.

---

[1]) Изъ переписныхъ книгъ—пожалованныхъ Рагузинскому имѣній, нынѣ хранящихся въ м. Топалѣ, Новозыбк. у., у кн. М. П. Долгоруковой.

[2]) Записки Черниг. стат. ком., II, 84 и слѣд.

[3]) Опис. Стар. Малороссія, I, 404.

[4]) По ревизіи 1740 г., указаны въ Парафіевкѣ два «владѣльческіе шинка», въ которыхъ тогда сидѣли: въ одномъ—«жидъ Аврамъ», въ другомъ—«жидъ Лейба».

3. **Туркеновка,** Смошъ, Владиславичей, по вѣд. 1753 г.—17 д. 12 х. 2 бд. х., а въ 1780 г.—35 д. 35 х.

4. **Петрушовка,** Смошъ, Степана Стороженка, Яблун. сотника, по вѣд. 1753 г.—11 бд. х., а въ 1780 г.,—10 д. 10 х.

5. **Каченовщина,** Смошъ, майора Михайла Коченовскаго, по вѣд. 1753 г.,—1 д. 1 х. 4 бд. х. О поселеніи этого хутора въ Румянц. описи находились слѣд. свѣдѣнія. „Въ 7-ми верст. отъ Парафіевки, при рч. Смошѣ, находился водяной „млинъ, принадлежавшій одному изъ приказчиковъ Владиславичей Родіонову и Иваницкому козаку Прочаю, которые, затѣмъ, его продали, жившему въ м. Иваницѣ, Нѣжинскому греку Федору Болгарину. Послѣдній сталъ тутъ скупать поля и лѣса и основалъ хуторъ, который въ 1742 г. продалъ „двору ея и. величества пѣвчому Федору Ивановичу“, за 890 рубл. Недалеко отъ мельницы Болгарина, на той же рч. Смошѣ, находился другой хуторъ, принадлежавшій также Нѣжинскому греку Фомѣ Мачемачу; по смерти М—ча, хуторъ перешелъ къ пяти его дочерямъ, которыя въ 1744 г. этотъ хуторъ продали тоже „Федору Ивановичу Коченовскому, дворянину и шляхтичу“, за 1690 р. Этотъ Коченовскій и былъ устроителемъ хутора, получившаго названіе поэтому Качановки. Когда же Коченевскій былъ пожалованъ болѣе богатыми маетностями (см. с. 138), то Качановку онъ продалъ, въ 1749 г., брату своему секундъ-майору Михайлу Коченевскому, обязавъ его при этомъ—десятую часть помола съ водяныхъ мельницъ отдавать: половину на Парафіевскую церковь св. Николая, а другую—на „шпиталь нищимъ“. Отъ Коченевскаго Качановка перешла къ Румянцову [1]).

6. **Власовщина,** „при впаденіи рч. Парафѣевка въ рч. Смошъ, на оной рѣчкѣ плотина объ 1-мъ амбарѣ, 16 дв. 17 х.“ (Пащенко).

---

[1]) При Румянцовѣ, въ Качановкѣ построенъ былъ большой каменный домъ и заведенъ садъ, положившій начало тому великолѣпному парку, которымъ славилась Качановка при Тарновскихъ, во владѣніи которыхъ она, послѣ Румянцова, находилась до 1897 г.

Краснокольдинская сотня, въ к. XVII и нач. XVIII в., занимала оба берега верхняго Ромна и его притоковъ. На этомъ пространствѣ, въ 1649 г., мѣстилось четыре сотни: Краснянская, Крапивянская, Голенская и Корибутовская. („Реестра", 316—320). Въ 1654 г. Крапивянской сотни уже не существовало; но три остальныя значились, какъ это видно изъ списка мѣстечекъ Прилуцкаго полка, населеніе которыхъ было приведено къ присягѣ, при подданствѣ Малороссіи. (Акты Ю. З. Р., X, 295). Къ 1672 г. перестала существовать сотня Голенская, а къ к. XVII в.—поселенія всѣхъ названныхъ четырехъ сотенъ—соединены были въ одну, Краснокольдинскую. Въ такомъ составѣ послѣдняя существовала до 1738 г., когда изъ нея была выдѣлена восточная половина территоріи въ особую сотню, *Корибутовскую* или, вѣрнѣе, *Голенскую*. Обѣ сотни—Краснокольдинская и Корибутовская—описываются раздѣльно, такъ какъ, по характеру административной дѣятельности ихъ сотниковъ, населеніе этихъ сотенъ жило при условіяхъ неодинаковыхъ.

Краснокольдинскіе сотники. **Тишко Гавриленко, 1654.** (Акты Ю. З. Р., X, 97). **Иванъ Самойловичъ, 1665. Данило Печеный, 1672. Павелъ Загурскій, 1672. Тимофей Андреенко, 1681** [1]. **Тимофей Юрьевичъ, 1687. Корнѣй Салогубъ, 1701—708. Леонтій Лащинскій, 1710—717. Маркъ Ангеліовскій, 1717—733. Петръ Семеновичъ Максимовичъ, 1738—761. Иванъ Павловичъ Миницкій, 1764—780.**

Самойловичъ, будущій гетманъ, былъ уроженецъ Сквирскаго м. Ходоркова, сынъ тамошняго священника, переселившагося въ Колядинъ. Тутъ будущій гетманъ получилъ мѣсто сотеннаго писаря: „а нжъ былъ (С—чъ) въ писмѣ козакорусскомъ доволенъ, разуменъ, уроди красной, добръ и ко всѣмъ людемъ склоненъ и прихиленъ, того ради вскорѣ, въ томъ же Кр. Колядинѣ, поставленъ писаромъ сотеннымъ, за Бруховецкого гетманства, занеже и писивалъ красно". Такъ разсказываетъ Величко (II, 305) о первоначальной карьерѣ будущаго гетмана.

---

[1]) Сынъ его, *Иванъ Тимошевскій* «постригся въ попы въ 1712 г.» и въ 1734 г. былъ протопопомъ Иченскимъ.

По его же свѣдѣніямъ, живя въ Колядинѣ, С—чъ чѣмъ то заслужилъ покровительство генер. писаря (при Брюховецкомъ) Степана Гречанаго, „за причиною“ котораго, сначала, поставленъ былъ сотникомъ въ Веприкѣ (Гадяцк. п.), а потомъ—переведенъ на тотъ же сотничій урядъ, въ Колядинъ. Отсюда, по свидѣтельству Величка же, С—чъ, „за причиною тогоже Гречаного, поставленъ отъ Бруховецкого наказнымъ полковникомъ Чернѣговскимъ“. Но прежде, чѣмъ С—чъ получилъ Черниговское полковничество, онъ былъ сначала полковникомъ охочекомоннымъ. Случилось это такъ. Во время еще его сотничества, С—чъ, „по указу государеву“, былъ наряженъ, съ отрядомъ козаковъ, въ какой то походъ къ Смоленску. Объ этомъ писалъ Бруховецкій царю, въ нач. 1665 г.—„а что, в. царское величество, указали было къ Смоленску, еще лѣтомъ, часть войска Запорожского послати и я *сотника Краснянского Ивана Самойленка* послалъ есмь, которой стоитъ въ Стародубщинѣ, указу ожидаючи, о которомъ и я покорно бью челомъ: куды имѣю того сотника, съ тою частью, войска обратити, къ себѣ ль или куды“? [1]) А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Брюховецкій доноситъ царю, что „снесеніе надъ непріятелемъ подъ Кричевомъ и Гомелемъ, стало“ отъ полковниковъ Стародубского—Остренина и „*Запорожского конного—Ивана Самойловича*“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что за эту самую побѣду, надъ поляками, С—чъ и поставленъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ. Во всякомъ случаѣ, карьера С—ча была очень быстрая, благодаря, конечно, тому же Гречаному. Къ этимъ свѣдѣніямъ о С—чѣ, какъ сотникѣ, можно добавить, что живя въ Колядинѣ, онъ тамъ и женился, на дочери „Краснянскаго арендара“ Ивана Богатаго, Марьѣ, братья которой, Захаръ и Константинъ, впослѣдствіи звались Голубами [2]).

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, V, 239, 244, 248.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. Прозвище отца Голубовъ—Богатымъ видно изъ слѣд. акта.—«Яско Воронченко, полковникъ Войска его царского величества Запорозкого Прилуцкій. Пане сотнику Краснянскій ис товариствомъ сотнѣ твоей и войте з месчанама. Пишу ж вамъ о тое, же мнѣ жаловался славетний п. Иванъ Богатий, арендаръ

Загурскій, послѣ сотничества, въ 1687 г. былъ Колядинскимъ сотеннымъ атаманомъ.

Андреенко, послѣ сотничества, въ 1687 г. значился „сотеннымъ товарищемъ".

Салогубъ лишился сотничества, повидимому, въ 1708 г., вслѣдствіе обвиненія въ томъ, что, когда козаки его сотни представили ему, въ декабрѣ 1708 г., двухъ пойманныхъ Кіевскихъ рейтаръ, то сотникъ ихъ „билъ и отославъ къ измѣннику Мазепѣ" [1])...

Лащинскій получилъ сотничій урядъ не позже 1710 г., отъ новопоставленнаго тогда полковника Носа, котораго онъ внуку „держалъ", какъ говорили мѣстные старожилы [2]). Лащинскій по происхожденію былъ, повидимому, Подлипенскій козакъ (первоначальное прозвище—Лащъ), который, обучившись грамотѣ и пользуясь извѣстною ловкостью, женился на одной изъ пяти дочерей Гирявскаго державцы Радича (см. с. Гирявка), б. м.,

---

на тотъ часъ Краснянскій, же своевулне его лѣсъ пустошатъ такъ Дептовъчане, яко и инъшие, который то лѣсъ его власний, купленый давно. Прето росказую вамъ, жебы ему жадноѣ кривди не було у томъ его лѣсѣ, а кого застане в дачы (sic), заплатитъ купъ пять на насъ, полковника, и Войско Запорозкое, и караня не уйдетъ, такъ козакъ, яко и мешчанинъ. Чого ти, сотнику, да й отамане и войте, перестерегать маете, жебы насъ скарга не доходила в томъ, для чого ему даю сее мое писане, жебы и потомкумъ его служило. Писанъ в Прѣлуцѣ, дня 28 июня, 1656 року. Яско Воронченко, полковникъ Войска Запор. Прилуцкий рукою.» (Съ подлинника). Въ другомъ актѣ 1654 г., (см. ниже, *м. Кр—К-нъ*, примѣч.), Иванъ Богатый называется просто Иваномъ Григорьевичемъ.

[1]) Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 637 и 651.

[2]) «Историческіе очерки селъ Конотопск. уѣзда», напечатанные въ Черниг. губ. вѣд. за 1886 и 1887 г.г. Эти *Очерки* представляютъ рядъ, большею частію, сырыхъ матеріаловъ для исторіи южно-конотопскихъ селъ. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти матеріалы, мы будемъ указывать ихъ сокращенно—«Очерки», съ добавленіемъ названія села, подъ титуломъ котораго напечатано то или другое свѣдѣніе. Мы не имѣемъ у себя тѣхъ №№ Черниг. губ. вѣд., гдѣ были напечатаны „Очерки", и пользуемся отдѣльнымъ оттискомъ. Въ настоящей ссылкѣ указывается—м. Кр.-Колядинъ.

потому, что мать этихъ дочерей была дочерью полковника Носа. Вѣроятно, по предстательству того же Носа, Л—ій получилъ въ 1714 г. с. Поноры, „на урядъ". Л—ій правилъ сотнею пока живъ былъ Носъ, а по смерти Носа, сотняне стали жаловаться на Л—аго, и гетманъ его смѣстилъ, какъ видно изъ слѣд. универсала 1717 г.: „вычитавши мы выведенную, (по занесенной отъ сотнянъ Кр.-колядинскихъ на сотника жалобѣ) инквизицію чрезъ п. Якова Лизогуба, бунч. наш. войск. генер., и хотячи, жеби далшій межи ими не чинился заводъ (споръ) и не уростала ненависть, повелѣваемъ ему, нынѣшнему Кр.-к-му сотниковѣ, урядъ тотъ зложити, а на мѣстце его ординуемъ отъ боку нашого, сотникомъ п. Марка Ангеліовского, которій у *двору монаршого, при блаж. памяти царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, знайдовался, и разныхъ высокихъ особъ до насъ были инстанціи* (ходатайства), *жебисмо показали ему мѣстце и кондицію.* Затимъ пишемъ, до его жъ п. бунч. енер., жеби одобравши короговъ отъ помянутого нынѣшн. сотника Кр.-коляд-го Леонтія Л—ого, вручилъ оную п. Ангеліовскому". Изъ этого универсала ясно видно, что для Ангеліовскаго, (вѣроятно, бывшаго придворнаго пѣвчаго), нужно было очистить Кр.-к-ій сотничій урядъ, а потому Л—ій и былъ отставленъ. Отсутствіе какой либо особой вины у Л—го видно изъ того, что, въ томъ же 1717 г., гетманъ утвердилъ за нимъ (и при томъ—несправедливо) „тестевское" с. Гирявку. (См. это село).

Ангеліовскій правилъ сотнею болѣе 15-ти лѣтъ и нажилъ за это время значительное земельное богатство. Изъ оставленнаго имъ списка нажитыхъ разнаго рода грунтовъ, видно, что немало при этомъ сотникъ получилъ земель и въ видѣ подарковъ. Напр., Иванъ Зубъ, житель Кр.-к—ій, „ниву якъ бы на тыждень (т. е. 7 дней или $1^3/_4$ десят.), подъ Дмитровкою лежачую, зъ доброй своей волѣ (сотнику) подаровалъ". Подарки эти сотникъ получалъ большею частью „по любвѣ" дарителей [1])... Дарилъ Ангеліовсккго даже игуменъ Крупицкаго (Батуринскаго) м—ря, владѣнія котораго находились, между прочимъ,

---

[1]) „Очерки", м. Кр.-Колядинъ.

и въ предѣлахъ Колядинской сотни [1]). Всѣ пріобрѣтенныя Анг—мъ земли были утверждены за нимъ по универсалу Апостола, въ январѣ 1733 г. [2]). Послѣ Ангеліовскаго остались двѣ дочери, Наталья, жена в. тов. Вас. Купчинскаго, и Катерина, жена „штабъ-лѣкаря" Саваст. Семенова; къ этимъ дочерямъ и перешли имѣнія Ангеліовскаго.

Максимовичъ былъ назначенъ сотникомъ въ 1738 г., а кто былъ до него, послѣ Ангеліовскаго,—неизвѣстно. М—чъ былъ сынъ Лубенскаго полк. судьи Семена М—ча, началъ службу въ генер. к—ріи, при чемъ „канцеляріискія дѣла" от-

---

1) «Іеромон. Феодосій Хомѣнскій, игум. Батур. м-ря Крупицк., зъ любвѣ своей, подаровалъ мнѣ всю осѣдлость дворовую изъ ліохомъ (погребомъ) и пѣчъ зеленую въ хатѣ стоячую, а всю околичную огорожу того двора, кромѣ самихъ толко хатъ и комори, въ двору томъ стоячой, въ мѣстѣ на ринку"... „Очерки", м. Кр.-Колядинъ.

2) По универсалу Апостола 27 янв. 1733 г., были подтверждены Попоры, „до ласк. войсковой", и затѣмъ: „разграничене б. бунч. енер. Як. Лизогубомъ съ присутствующ., 1719 г. юля 20 дня, между Рябускими и Грицювскими селянами чиненное, на долину сѣнокосную, за дорожкою з села Рябухъ до Талалаевки идучою, недалеко противъ Близницъ могилъ, въ вершину Лисогора, а Лисогоромъ до Княжого колодязя, найдуючуюся, которую долину для вспоможенія тамошней ратуши и его п. Ангеловскаго нового господарства, оніе ровнщпки опредѣлили во владѣніе, да на яръ сѣнокосній, якій *во время роздѣлу степу, опредѣлень людми*(?) умершему Кр.—К. сот. писару Корсуну, якимъ яромъ, по умертвіи оного писара, владѣлъ б. Кр.—К. сотникъ Лащинскій, а по немъ уже и онъ, п. Анг., болше 10 л. владѣетъ. Особенно же купчие объявлялъ на грунта: первую, на греблю въ яру Коренецкомъ, отъ С. Яценка уступленную, гдѣ теперъ онъ, п. Анг., котомъ своимъ устроилъ два млина вешняки, з гаями и полемъ, з которихъ при низшомъ млину, одъ села Коренецкого, и хатокъ нѣсколко для досмотру гребеліокъ, на оной же своей землѣ, поселилъ"... Засимъ слѣдуетъ перечень разныхъ грунтовъ, большею частью, *уступленныхъ* Анг—му, которые были утверждены за нимъ по этому универсалу. Объ упомянутомъ здѣсь раздѣлѣ степи, находившейся къ югу отъ Рябухъ, слѣдуетъ замѣтить, что раздѣлъ этотъ долженъ былъ происходить не позже 70-хъ годовъ XVII в., такъ какъ „Иванъ Кравченко, Корсунецъ", значится Краснянскомъ писаремъ на актѣ 1687 г.

правлялъ при А. И. Румянцовѣ, по „усмотрѣнію" котораго и былъ назначенъ въ К—динъ сотникомъ, имѣя отъ роду всего 21 годъ. [1]) Будучи человѣкомъ пришлымъ, М—чу нужно было въ Колядинѣ наживаться, какъ наживался и Ангеліовскій. А ка́къ наживался М—чъ, видно хотя бы изъ слѣд. жалобы Кол—го козака Приходька, поданной Румянцому въ 1767 г.—„б. сотникъ Петро М—чъ построилъ около двора отца моего—свой домъ и потомъ, по сосѣдству, сталъ тѣснить насъ, по власти своей, будучи сотникомъ; первое, чинилъ намъ разныя вытиски и немилостивые бои и увѣчья, а потомъ, какъ той жилой нашъ дворъ, такъ и чрезъ улицу огородъ съ садомъ, лѣсъ и по́ля пахатного дней на сорокъ (10 дес.)—самоправно завладѣлъ и нынѣ владѣетъ. И хотя умершій отецъ мой, а послѣ его, я съ братьями, имѣли съ М—чемъ искъ въ полк. судѣ, но судъ, чиня ему, М—чу, поноровку, не закончилъ того дѣла и по нынѣшнее время"... [2]) А зять Ангеліовскаго, Семеновъ, жаловался въ 1740 г., что М—чъ, зазвавъ его жену къ себѣ въ гости, хотѣлъ тутъ же, передъ своими окнами, наказывать арестованныхъ передъ тѣмъ ея „подданныхъ",—въ поруганіе жены,—чтобы она на то смотрѣла; и жена моя видя то, съ великимъ ругательствомъ отъ него едва ушла"... За 20-тилѣтнее управленіе сотнею, М—чъ нажилъ болѣе 30-ти дворовъ, въ томъ числѣ въ одномъ Колядинѣ—26 дв.

Миницкій былъ сынъ Иваницкаго сотника Павла М—го, началъ службу въ ген. к—ріи, откуда и назначенъ сотникомъ въ 1764 г., имѣя отъ роду 29 лѣтъ. По вѣд. 1776 г., у него было семь сыновей, изъ которыхъ три, находились по малолѣтству, до́ма, а четыре—въ регулярной службѣ, два—въ компанейскомъ полку—корнетами, а два—въ молдавскомъ гусарскомъ—вахмистрами. Передъ реформой 1781 г., М-ій былъ переименованъ въ чинъ бунч. товарища, но оставался „при мѣстѣ" сотника до упраздненія сотни. Изъ описанія Пащенка видно, что у Миницкаго было въ Рябухахъ—17 х. и въ Дмитровкѣ—5 х.

---

1) „Очерки", м. Кр. Колядинъ.

2) Тамъ же.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮНЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) 317—343

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . 344—382

III. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ. Повисть. *(Частына друга).* **В. Гринченка.** . . . . 383—449

IV. КЪ ИСТОРІИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. **В. Доманицкаго.** . .

V. ЗА КОЛІИВЩЫНЫ. **В. Левицького.** . . . . . . 460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; б) Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани. Сообщ. **В. Доманицкій**; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**. . . . . 139—157

Текущія извѣстія . . . . 157—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духовная семинарія. **В. Храневича**; б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. **В.**; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. **Н. В.**; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowoj i badaniam pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. **В.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—192

Археологическая лѣтопись. . . . . 193—209

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 16-й и 17-й 241—272

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 мая 1901 года.

При настоящемъ номерѣ разсылается подписчикамъ объявленіе Книгоиздательскаго Т—ва „Просвѣщеніе“, при чемъ редакція „Кіевской Старины“ заявляетъ, что въ ней принимается подписка и заказы, на изложенныхъ въ объявленіи условіяхъ, на всѣ изданія Т—ва „Просвѣщеніе“.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 73-го:

апрѣль, май, іюнь, 1901 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. **И. Лучицкаго**. . . . 1—25

II. СОРОКЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ. (Изъ воспоминаній мирового посредника перваго призыва). **Н. Карачевскаго-Волка**. 26—41

III. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ И СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ МИТР. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Проф. **А. Загоровскаго**. . . . . 42—49

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Окончаніе)*. **Д. Яворницкаго** . . . . 50—96

V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка**. . . 97—125

VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока**. . . . . 126—152

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (Описаніе) **И. Стешенка**. б) Булава гетмана Тетери; в) Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 г.; г) Свѣдѣ-

ніе объ остаткахъ семейнаго архива Полубоковъ; д) Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ; е) Къ исторіи Гадяцкаго полка; ж) Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго, 1754 г.; з) Стоимость похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726 . . . . 1—20
Текущія извѣстія . . . . 20—32
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Д.**; б) Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. **Н. Ш—рова**; в) Сочиненія графа П. И. Капниста. **А. С.**; г) Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. Выпускъ IX. Приходы и церкви Подольской епархіи. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 33—63
Археологическая лѣтопись . . . . 64—72
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 14-й . 209—224

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . 149—182
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока** . . . . 183—213
III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. *(Продолженіе)*. **И. Лучицкаго** . . 214—226
IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧИ. Част. I. Повисть. **В. Гринченка.** 227—281
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). *(Окончаніе)*. **А. Л.** . . . . . 282—300
VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). **М. Старицкаго** . . . . 301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. **В. До-**

маницкій; в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; е) Стоимость похороиъ барышевской обывательки въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. **Н. Бѣляшевскаго**; і) Письмо въ редакцію. **Г. А. Кузьмина** . 73—92
Текущія извѣстія . . . . 93—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. П. Кранихфельда. **В. Д.**; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. **Н. В.**; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдыве оповидання.—Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). **В Д.**; г) Галлерея русскихъ писателей Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. **В. Д.**; д) Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 101—126
Археологическая лѣтопись . . . . 127—137

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 15-ый. 225-240

Книга третья—іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) 317—343
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . 344—382
III. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ. Повисть. *(Чистына друга).* **В. Гринченка.** . . . . 383—449
IV. КЪ ИСТОРІИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. **В. Доманицкаго** . . 450—459
V. ЗА КОЛІИВЩЫНЫ. **В. Левицького.** . . . . . 460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; б) При-

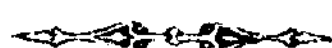
готовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани. Сообщ. **В. Доманицкій**; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**. . . . . 139—157

Текущія извѣстія . . . . 157—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духовная семинарія. **В. Храневича**; б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. **В.**; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. **Н. В.**; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowoj i badaniam pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. **В.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—192

Археологическая лѣтопись. . . . . 193—209

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 16-й и 17-й 241—272



ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 г.г.

Сборникъ извлеченій изъ переписки И. И. Срезневскаго, нынѣ появляющійся на страницахъ Кіевской Старины, долженъ обнять собою 1829—1839 годы. Въ эти годы дѣятельность И. И. Срезневскаго принадлежала почти исключительно Малороссіи и предметомъ своимъ по преимуществу имѣла наблюденія надъ жизнью народа, собираніе памятниковъ народной поэзіи. Интересъ къ такимъ наблюденіямъ видѣнъ въ самомъ старшемъ изъ сохранившихся писемъ И. И. Срезневскаго: „Напиши, какъ провелъ праздники, какъ встрѣтилъ новый годъ, какъ встрѣтили его ваши деревенскіе жители“, писалъ онъ въ 1827 году своему другу, имени котораго письмо не сообщаетъ; „я очень люблю слушать и читать что либо народное о простодушныхъ мужикахъ, о застѣнчивыхъ дивчинахъ, о старушкахъ разсказчицахъ, люблю слушать ихъ разсказы; въ ихъ быту ясно можно видѣть прежнее состояніе, духъ, нравы милыхъ сердцу моему Россіянъ“. Въ этихъ словахъ пятнадцатилѣтняго студента уже сквозитъ обликъ будущаго этнографа; въ дальнѣйшихъ письмахъ какъ самого Измаила Ивановича, такъ и его корреспондентовъ всего періода 1829—1839 годовъ намеки перваго письма получаютъ все большее и большее развитіе: жи-

вая старина Украины, какъ обломокъ старой русской жизни, ея народная поэзія, ея природа, ея жители—вотъ тѣ предметы, вокругъ которыхъ вращаются интересы молодого харьковскаго ученаго. Путешествіе 1839—1842 г.г. по землямъ зарубежныхъ славянъ и близкое ознакомленіе съ славянскимъ міромъ во всей его совокупности расширили прежнія научныя увлеченія Срезневскаго: основой его занятій, и по любви, и по убѣжденію, вмѣсто одной Малороссіи, какъ части Россіи, съ тѣхъ поръ на долгое время стало все славянство, какъ одно цѣлое.

Считаю полезнымъ представить здѣсь краткій очеркъ жизни И. И. Срезневскаго за періодъ, обнимаемый настоящимъ сборникомъ: онъ даетъ возможность читателю легче оріентироваться въ рядѣ отдѣльныхъ переписокъ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился въ Ярославлѣ 1 іюня 1812 года. Отецъ его, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій не задолго до рожденія дитяти долженъ былъ уѣхать изъ Ярославля въ Харьковъ, куда былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1811 г. профессора россійскаго краснорѣчія, Рижскаго. Двухмѣсячнымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Харьковъ и Измаилъ Ивановичъ. Съ 1819 года, когда умеръ Иванъ Евсѣевичъ, мальчикъ остался подъ исключительнымъ надзоромъ своей матери Елены Ивановны Срезневской. Въ университетъ Измаилъ Ивановичъ вступилъ въ 1826 году; Е. И. Срезневская предполагала направить его по медицинскому факультету, но онъ не могъ одолѣть своего отвращенія къ трупному запаху и поступилъ на ѳѳико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Нельзя, впрочемъ, признать этотъ шагъ вполнѣ сознательнымъ; онъ вѣроятно былъ сдѣланъ по увлеченію и не безъ вліянія товарищей. Какъ человѣкъ даровитый и энергичный, Срезневскій сразу отдался университетскимъ занятіямъ и въ 1828 году уже мечталъ о каѳедрѣ, говорилъ, что служить по ученой части его давнее желаніе; онъ включилъ себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку заграницу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью дру-

гими товарищами. Въ то же время съ гораздо бо́льшимъ увлеченіемъ онъ предался работамъ по народной поэзіи, начавъ съ четырнадцати лѣтъ собирать этнографическіе матеріалы.

Въ 1829 году, по представленіи диссертаціи „Объ обидѣ“, онъ блистательно кончилъ курсъ университета и поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе, гдѣ оставался до 1832 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности: онъ выступилъ передъ публикой въ товарищескомъ изданіи „Украинскій альманахъ“; здѣсь были напечатаны его стихотворенія, „Мысли и замѣчанія“ и первыя записи малорусскихъ думъ. Этнографическое направленіе занятій И. И. Срезневскаго, сказавшееся въ первомъ его изданіи, подтвердилось новой его работой,—„Словацкими пѣснями“ (1832), записанными со словъ заходившихъ въ Харьковъ Словаковъ-ходебщиковъ. Но особенное развитіе его труды по народной словесности получили въ 1832—1833 годахъ, когда онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ имѣніи Подольскихъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ; здѣсь онъ предался своимъ работамъ со всею страстностью, записывалъ пѣсни, преданья, знакомился съ бытомъ Запорожья по „живымъ памятникамъ минувшаго“—старымъ козакамъ-бандуристамъ, которые тогда попадались еще кое-гдѣ въ Украинѣ. Результатомъ наблюденій и записей И. И. Срезневскаго, сообщеній его друзей и пособниковъ явилась въ 1833 году первая книга его „Запорожской Старины“.

Въ 1833 году И. И. Срезневскій вновь зачислился на службу сначала въ Харьковскій Совѣстный судъ, затѣмъ, въ 1834 г. въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ онъ занялъ мѣсто библіотекаря харьковской публичной библіотеки. Плодомъ библіотечныхъ занятій И. И. Срезневскаго былъ изданный имъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1“ (1834, безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣстномъ судѣ Измаилъ Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Не прерывая и юриди-

ческихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству и въ сентябрѣ 1835 года сдалъ экзаменъ на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Диссертація на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ" была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16-го іюля 1837 г.; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го августа того-же года, и 9-го сентября И. И. Срезневскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Печатные труды И. И. Срезневскаго за 1834—1837 годы касались главнымъ образомъ исторіи Малороссіи и народной малорусской словесности. Это были, во первыхъ, книжки „Запорожской Старины", далѣе „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ" (1834), „Взглядъ на памятники украинской народной словесности" (1834), „Иванъ Барабашъ" (1835), „Общія основанія Зендавесты" (1835), „Мартынецъ" (1335), „Барсерки" (1836), разсказы „Маіоръ, маіоръ"! (1836), и „Rapsodia sonatina" (1837), рядъ измѣненныхъ извлеченій изъ „Запорожской Старины", напечатанныхъ въ Петербургскихъ и Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, наконецъ „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ" (1837). Рядъ этихъ изданій, съ „Запорожской Стариной" во главѣ, выдвинулъ Измаила Ивановича, какъ изслѣдователя весьма даровитаго, какъ выдающагося историка Украины, какъ наблюдателя народной жизни, какъ энергичнаго труженика, обратилъ въ то-же время на него вниманіе со стороны людей, отъ которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, стала въ зависимость его дальнѣйшая судьба. Когда въ октябрѣ 1837 года въ Харьковскій университетъ пришло первое предложеніе объ избраніи изъ среды профессоровъ лицъ для посылки заграницу съ цѣлью подготовленія къ занятію каѳедръ славяновѣдѣнія, Гулакъ Артемовскій, деканъ философскаго факультета, предложилъ кандидатомъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго.

Рославскій мало былъ склоненъ къ занятію каѳедры славяновѣдѣнія, занимаясь исключительно науками историческими, и поэтому на предложеніе Гулака представилъ такія условія, которыя едва ли можно было бы принять въ другое время, тѣмъ не менѣе Артемовскому они не показались странными, и по его представленію совѣтъ университета ихъ одобрилъ. Попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, не далъ утвержденія проекту Гулака-Артемовскаго и предложилъ съ своей стороны послать заграницу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, „постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго". Предложеніе попечителя было принято совѣтомъ университета, и такимъ образомъ начался поворотъ въ дѣятельности Срезневскаго, какъ профессора; на помощь личнымъ симпатіямъ, связывавшимъ его съ его любимымъ предметомъ, выступило оффиціальное положеніе избранника университета для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Въ 1838 году, пока длилась переписка о новомъ назначеніи, И. И. Срезневскій продолжалъ читать лекціи по статистикѣ въ качествѣ адъюнкта. Въ это же время въ стѣнахъ университета рѣшалось близко затрогивавшее Измаила Ивановича дѣло о его докторской диссертаціи. Написанная на тему „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики", она между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи политической экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣлость воззрѣній автора возбудили противъ него большинство профессоровъ; окончательный приговоръ надъ диссертаціей былъ произнесенъ въ засѣданіи 16-го декабря 1837 г.: работа была отвергнута. Это рѣшеніе нанесло тяжелый ударъ самолюбію молодого профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью. 7-го января 1839 года Измаилъ Ивановичъ сообщилъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться заграницу для

изученія славянскихъ нарѣчій на тѣхъ условіяхъ, которыя были поставлены въ предложеніи совѣта и на которыя онъ съ ноября мѣсяца не давалъ отвѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ Измаилъ Ивановичъ безостановочно продолжалъ учено-литературныя работы. Онъ напечаталъ первую книжку „Украинскаго сборника" (1838), въ которой появилась впервые „Наталка Полтавка" И. П. Котляревскаго, „Мартына Пушкаря" (1838), „Сеймы" (1838), „Изборники" (1838), „Сближеніе религіи Персидской съ Египетскою" (1839), „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины" (1839), „Аѳинскій языкъ въ Россіи" (1839), свою диссертацію „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно" (1839), новый выпускъ „Запорожской Старины", рядъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Малороссіи. Въ то же время онъ готовился къ путешествію, сдѣлалъ небольшую поѣздку по Украинѣ, чтобы, какъ онъ писалъ Снегиреву, въ этомъ маленькомъ путешествіи дать себѣ образчикъ того, что нужно будетъ сдѣлать впослѣдствіи въ большомъ размѣрѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи его заграницу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ"; обычная канцелярская волокита задержала путника на два мѣсяца, и только 17-го сентября Измаилу Ивановичу удалось выѣхать изъ Харькова. Такъ окончился первый періодъ его литературно-научной дѣтельности.

—

Участниками переписки И. И. Срезневскаго за первые годы его дѣятельности сначала были его близкіе родные—Осипъ Евсѣевичъ Срезневскій, К. А. Кускова, Е. И. Срезневская, затѣмъ университетскіе товарищи—братья Евецкіе, Росковшенко и Шпигоцкій. Среди этого пріятельскаго кружка явились на свѣтъ первые литературные опыты И. И. Срезневскаго—стихотворенія, небольшія статейки; среди того же кружка начались и этногра-

фическія его занятія; потому переписка пріятелей носила частью этнографическій, частью литературный характеръ. Затѣмъ, когда начальные шаги дѣятельности И. И. Срезневскаго показали въ печати его украинскія симпатіи, а „Запорожская старина" завоевала вниманіе всей Малороссіи, къ числу этихъ корреспондентовъ прибавились лица, подобно ему интересовавшіяся украинской стариной—этнографы-любители, украинцы-патріоты; таковы были: Лисавицкій, Боровиковскій, Дмитрюковъ, Залѣсскій, Міоновичъ, Гоголь а потомъ И. Мазановъ, Костомаровъ, Метлинскій и др. „Запорожская Старина", а за нею рядъ статей Срезневскаго въ „Сынѣ Отечества", въ „Утренней Звѣздѣ", въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета", въ „Московскомъ Наблюдателѣ", „Телескопѣ", „Сѣверной Пчелѣ"—скоро раздвинули кругъ его знакомствъ и завязали сношенія съ столичными учеными и литераторами; таковы были Снегиревъ, Анастасевичъ, Пассекъ...

Сборникъ писемъ за первый періодъ дѣятельности И. И. Срезневскаго начинается его письмами къ матери, изъ которыхъ первое писано въ 1829 году, во время поѣздки въ Москву, послѣ сдачи кандидатскаго экзамена. Писемъ, относящихся къ болѣе раннему времени, въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось всего три: это—письмо къ И. И. Срезневскому Осипа Евсѣевича Срезневскаго (1825 г.), бывшаго профессора Казанскаго университета, уволеннаго изъ университета при ревизіи Магницкаго, интересное по преимуществу, какъ матеріалъ для біографіи его автора; второе письмо (1827 г.) адресовано И. И. Срезневскимъ къ неизвѣстному лицу,—оно приведено въ отрывкѣ выше; этотъ отрывокъ и составляетъ все его значеніе; наконецъ третье письмо (1828 г.) писано И. И. Срезневскимъ къ его бабушкѣ Е. А. Кусковой,—въ немъ говорится о предположеніи И. И. Срезневскаго посвятить себя профессурѣ. Писемъ къ Е. И. Срезневской сохранилось чрезвычайно много; обильныя мелочами, подробностями жизни, они являются какъ бы отрывками, потому что мать съ сыномъ жили по большей части вмѣстѣ. Первый рядъ писемъ относится къ 1829-му году—

поѣздкѣ И. И. Срезневскаго въ Москву, второй рядъ (1832—1833) описываетъ жизнь И. И. Срезневскаго въ имѣньи Подольскихъ Варваровкѣ на Днѣпрѣ, гдѣ онъ занималъ должность учителя; третій рядъ (1839) писанъ изъ его путешествія по Малороссіи. О Е. И. Срезневской и объ отношеніяхъ къ ней Измаила Ивановича Срезневскаго мнѣ уже случилось говорить въ предисловіи къ Письмамъ И. И. Срезневскаго изъ заграницы 1839—1842. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ И. И. Срезневскаго его единственнымъ наставникомъ и другомъ; И. И. былъ ею подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. „Передъ нею“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ 1870-хъ г.г., „не было у меня ничего затаеннаго“,—она „объятьями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ между нами не было невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы все-таки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждаго изъ насъ вставало свѣтлое солнце“. Эти слова ясно обрисовываютъ отношенія между матерью и сыномъ и даютъ понятіе о томъ, какой характеръ должна имѣть ихъ переписка.

Письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской.

1.

Дражайшая маменька! И такъ пролетѣлъ третій день, какъ я не вижу васъ болѣе; третій день уже тому, какъ нашею должностію сдѣлалась безпрестанная кибиточная тряска.—Уже пространство 250 верстъ разлучаетъ насъ.—Добрая маменька, вы повѣрите тому, что не смотря на всѣ удовольствія путеше-

ствія, воспоминаніе о спокойной жизни харьковской, объ удовольствіяхъ домашнихъ, о тѣхъ заботахъ, кои вы на насъ обращали и кои теперь я живо могу представить, наводятъ на меня уныніе; оно конечно улетаетъ, но не совсѣмъ: оно останется во мнѣ до тѣхъ поръ, пока снова верхи зданій харьковскихъ не представятся моимъ взорамъ. Великую благодарность я долженъ имѣть къ Ивану Николаевичу [1]) за то, что онъ мнѣ доставилъ удовольствіе увидѣть большое количество родныхъ мнѣ по сердцу, по духу, по желаніямъ. Вы знаете, маменька, какъ я любилъ слушать разсказы ваши и Ивана Николаевича о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею.—Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое. Мы уже въ Курскѣ. Вокругъ меня все русское, все меня занимаетъ; при томъ теперь воскресенье; все такъ разнаряжено: богатые кокошники и другіе головные уборы, бѣлыя тонкія рубахи и разноцвѣтныя понявы, юпки и сарафаны безпрестанно попадаются на глаза. Я не въ силахъ выразить вамъ на словахъ всѣхъ чувствъ моихъ. Позвольте мнѣ это оставить до слѣдующихъ писемъ и до пріѣзда...

1829, іюля 7. Курскъ.

—

2.

Тула. Воскресенье 14 іюля.

„Не угодно ли купить какихъ-нибудь стальныхъ вещей? Есть прекрасные ножи перочинные, игольники, перстни, пе-

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ въ семьѣ И. Е. и Е. И. Срезневской и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневскаго, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, нѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измаилу Ивановичу, онъ всегда относился къ нему какъ къ равному, несмотря на значительное превосходство лѣтъ и, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ являлся лучшимъ

чатки, подушечки дамскія, цѣпочки и много, много другихъ прекрасныхъ штучекъ; не угодно ли: и мило и дешево; право слово— останетесь довольны". Вотъ первыя слова, которыми мы были засыпаны со всѣхъ сторонъ, едва только успѣли раздѣлаться съ хозяйкой о цѣнѣ комнаты. *Послѣ, послѣ*—былъ нашъ общій отвѣтъ: ибо мы спѣшили тогда въ церковь къ обѣднѣ; и такъ мы отъ нихъ отвязались, хотя не надолго. Мнѣ очень хотѣлось видѣть служеніе Архіерейское въ Тулѣ, но къ несчастію моему, Архіерей сегодня не служитъ. О соборныхъ пѣвчихъ скажу, что они далеко отстали отъ нашихъ харьковскихъ не только Архіерейскихъ, но и простыхъ соборныхъ.

Сегодня я проводилъ Ивана Николаевича до самой заставы и, простившись, хотя не надолго, съ нимъ, возвратился въ уединенную свою комнату. Давно не видался, скука явилась передо мною и надоѣдала мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не принялся за диссертацію. Такимъ образомъ провелъ я часа два. Пришедшій ко мнѣ хозяинъ прервалъ мои занятія—„Эхъ, баринъ, баринъ, пріѣхалъ въ Тулу, а и поглядѣть на нее не хотите. Она очень даже красива, а ее проѣзжіе называютъ меньшею сестрою Москвы: Ну вотъ, напр., подите въ Англійскій садъ, тамъ на полугорѣ по кіевской дорогѣ справа. Это чудо диковинное, а не садъ,—то то налюбуетесь". И такъ я, какъ бы принужденный, надѣлъ мундиръ и пошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ садикъ ихъ, лучше сказать, бульваръ—очень милой, хотя маленькій. Кого же (спросите вы, можетъ быть) встрѣтилъ ты тамъ?—Нѣсколько кучъ разбѣленныхъ купчихъ въ старопокройныхъ салопахъ и въ новомодныхъ манто, распомаженныхъ купчиковъ и сидѣльцевъ, десятка два долговязыхъ здѣшнихъ философовъ, столько же коротенькихъ м толстенькихъ гарнизонныхъ офицеровъ и двѣ или три дамы. Я скоро вышелъ изъ сада, почитая лучшимъ побродить по городу и позѣвать на прекрасные домы, нежели на несносныя лица. Иванъ Николаевичъ говоритъ, что Тула есть

утѣшителемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны и былъ необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

уголокъ Москвы; а я, не видавъ Москвы, скажу, что Харьковъ есть только уголокъ Тулы. Улицы почти совершенно каменныя, рѣдко встрѣчаются на иныхъ домы деревянные, а если и есть, то по большей части двухъ-этажные. Вотъ кажется все, что могу я написать Вамъ, милая маменька, теперь изъ Тулы.

3.

Дражайшая маменька! И такъ послѣ долгаго странствованія мы прибыли въ субботу, въ праздникъ св. Ильи, въ огромную древнюю столицу нашу. Вы можете, милая маменька, представить мое восхищеніе, когда въ первый разъ я увидѣлъ вдали златыя главы безчисленныхъ церквей московскихъ. Тридцать верстъ, еще остававшіяся до нея, показались мнѣ трехстами. Три раза манила сія величественная башня насъ къ себѣ, и три раза опять скрывалась или за рощами и садами, или за подмосковными дачами; наконецъ, показалась опять и до сихъ поръ еще не скрылась отъ взоровъ моихъ. Третьяго дни мы были на Иванѣ Великомъ. Оттуда я видѣлъ Москву во всемъ ея величіи. Не берусь ее вамъ описывать: это превосходитъ мои силы.

Утромъ въ воскресеніе я поѣхалъ къ почтеннѣйшему Льву Алексѣевичу [1]) Онъ меня принялъ очень ласково, разспрашивалъ о васъ, о мнѣ, о сестрѣ и братѣ, удивлялся тому, что я такъ скоро получилъ степень кандидата, между тѣмъ какъ сыновья его не кончили еще курса; наконецъ приказалъ переходить жить къ себѣ. Такъ я провелъ съ нимъ и его сыновьями нѣсколько часовъ. Скоро послѣ того мы поѣхали съ нимъ и

[1]) Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ—профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ († 1835 г.). Онъ былъ знакомъ съ И. Е. Срезневскимъ по университету, гдѣ учились одновременно (первый кончилъ курсъ въ 1798 г., второй въ 1796 г.), затѣмъ въ 1797 г. Срезневскій былъ принятъ въ университетскій институтъ баккалавромъ; ту же степень Цвѣтаевъ получилъ въ 1798; такимъ образомъ, послѣ года жизни внѣ Москвы они могли возобновить свои сношенія, что и продолжалось до 1801 г., когда Цвѣтаевъ уѣхалъ за-границу.

сыновьями обѣдать къ профессору г-ну Ивашковскому,[1] который знавалъ очень коротко моего папеньку. Въ пять часовъ того же дня я уже совершенно перешелъ жить къ милымъ товарищамъ моимъ и до сихъ поръ провожу время очень весело. Каждый день хожу къ Ивану Николаевичу и почтеннѣйшей тетушѣ его, а вечеромъ возвращаюсь въ милый кругъ семейства Льва Николаевича, гдѣ я принятъ совершено какъ родной...

Москва, 1829, іюль 27.

—

P. S. Сегодня утромъ иду разсматривать кабинеты. Послѣ обѣда поѣду въ земледѣльческій хуторъ къ профессору Павлову,[2] который звалъ меня къ себѣ въ гости.

—

4.

Старыя Водолаги. 45 верстъ отъ Харькова.

Здравствуйте, маменька! здравствуй, братъ! Не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ и скучно и грустно,—больно грустно. Такъ и полетѣлъ бы назадъ въ мой родимый Харьковъ. Жестокость уединенія—вы знаете, что я никогда еще не испытывалъ оной, живучи около васъ, въ кругу добрыхъ пріятелей—и вдругъ тяжкая разлука, тяжелое одиночество! Теперь нѣтъ уже у меня ни маменьки, ни брата, ни Іосифа Афанасьевича. Я одинъ, какъ былина въ полѣ: некому сказать добраго слова, некому излить своихъ чувствъ, а ихъ у меня, безчувственнаго, набралось теперь много, и все такія ядовитыя.

У моего теперешняго хозяина—сынъ миленькій, восьмилѣтнее дитя. Я радъ встрѣчѣ съ этимъ ангеломъ: онъ утѣшаетъ

---

1) Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій, профессоръ греческаго языка и древностей († 1850 г.); онъ былъ сослуживцемъ И. Е. Срезневскаго по Академической гимназіи (съ 1801 по 1804 г.).

2) Знаменитый агрономъ и профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ († 1840 г.).

меня не пошлыми фразами: чего грустить! перестань". Нѣтъ, его утѣшеніе совсѣмъ другого рода: дѣдовская бандура въ его рукахъ, бѣглые пальчики его быстро перебираютъ струны, а онъ самъ невинною улыбкою поетъ мнѣ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны и пр.

„Играй, душенька, а я напишу нѣсколько словъ",—и слеза невольно капнула на этотъ листокъ. Прочтите, непремѣнно прочтите, маменька-голубушка, эту пѣсню: братъ или Іосифъ Афанасьевичъ [1]) укажетъ ее. Что за пѣсня! Молодой козакъ простился уже съ своей матерью, съ сестрою, своей милою,—и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи—и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую,—но пыль не занесетъ звуковъ: козакъ слышитъ прощанье матери, тоску сестры, слезы милой—и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ... Дочтете сами...

—

Константиноградъ, въ 50 верстахъ отъ Водолагъ.

Я никакъ не ожидалъ отъ хохликовъ того, что вижу, т. е. видѣлъ.

Другой примѣръ: одинъ въ Мерефѣ, другой въ Водолагахъ, хуторѣ. Я говорю о любви къ музыкѣ. Тамъ меня забавлялъ Митя, восьмилѣтній мальчикъ—здѣсь восхитилъ гуслями самъ хозяинъ хутора. Вообразите себѣ рослаго мужчину, лѣтъ подъ сорокъ, съ подрѣзанною бородкой, небольшими карими глазами, которые сверкаютъ, какъ могильные огни, какъ *гнилушки*, съ римскимъ носомъ и густыми темнорусыми усами, ловкаго, виднаго—вотъ игрокъ; а игра—не могу судить, ибо не знатокъ въ музыкѣ; скажу только, что я не слышалъ подобной игры.—Въ благодарность я напоилъ его пуншемъ.

---

[1]) І. А. Джунковскій—пенсіонскій товарищъ И. И. Срезневскаго; см. о немъ въ моей замѣткѣ. «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срез—го», с. 6—7.

Теперь я въ Константиноградѣ. Комната прелестна, и болѣе всего потому, что за тоненькой дверью, въ другой комнатѣ— другая пріѣзжая въ каретѣ—изъ Руси,—красавица. И что у нея за голосъ! Пишу, и не могу не слушать, какъ она разговариваетъ съ дѣвкой. Нѣжность, пріятность, и пр. и пр. и пр., какъ написано въ подорожной.

Дорога изъ хутора въ Константиноградъ мнѣ показалась слишкомъ длинна, и потому я заблагоразсудилъ дремать; я бы и заснулъ, если бы не боялся потерять что-нибудь. Однако и дремля, я видѣлъ сонъ: видѣлъ васъ, брата, Жозефа и нѣсколько разъ все то же и одно; наконецъ, до того, что, очнувшись и поговоря слова два три съ Романомъ, я какъ будто ждалъ кого, какъ будто мы всѣ вмѣстѣ и только на время, до того времени, пока я переговорю съ человѣкомъ, что нужно, вы скрываетесь отъ меня. Еще одна странность: и въ Мерефѣ и въ Водолагахъ мнѣ слышится голосъ Ивана Петровича: и я два раза принужденъ былъ выбѣгать опрометью изъ кибитки, дабы удостовѣриться, что это не онъ—хотя бы я желалъ, чтобъ это была неправда. Однако моя незнакомка опять заговорила. Послушайте, Іосифъ Афанасьевичъ—вотъ настоящее московское нарѣчіе.

—

5.

11 часовъ утра. Пятница.

Станція Вшивая, въ 22 верст. отъ Константинограда.

Всю дорогу отъ Константинограда до Вшивыхъ—дождь мочилъ насъ порядкомъ, впрочемъ не всѣмъ досталось; болѣе всего Роману, котораго хоть выжми. Ну, Вшивая! Названіе совершенно сходно съ качествомъ деревни. Такихъ жилищъ я еще не видывалъ, и въ нихъ живутъ малороссіяне! Впрочемъ такому житью виноваты они сами. Дорога столбовая, проѣзжающихъ чрезвычайно много—выгоды можно получать большія, но эта проклятая лѣнь, или, какъ говоритъ Іосифъ Афанасьевичъ, гордость примѣшалась и тутъ,—и людей превратила въ свиней:

иныя свиньи лучше живутъ. Однако, вы не подумайте, маменька, что-бъ я остановился въ землянкѣ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня прекрасная комната, изукрашенная картинками, образомъ, съ преизрядною мебелью. Какъ же это такъ? Откуда такая роскошь среди омерзительной бѣдности? Постоялый дворъ, въ коемъ я остановился, содержится русскимъ, и слѣдовательно смышленымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не проходитъ дня, чтобы онъ не видалъ у себя десятка новыхъ гостей; а иногда и зачастую набирается полный дворъ и полный домъ. Правда, у него гостей было бы меньше, если бы мужики завели постоялые дворы; пока онъ одинъ содержитъ.

12 часовъ.

Ко мнѣ въ гости, т. е. въ мою комнату, вошли гости... два купца, и попиваютъ водку. „Кушайте, братцы, а я закурю трубку". Наскучило читать Гердера. Пора отдохнуть.

Голубовки, въ 36 верстахъ отъ Вшивой.

Дождь гудетъ, словно старая вѣдьма; но я спокоенъ: мы уже у мѣста ночлега. Не знаю, хороша ли, худа деревня, въ которой привелось мнѣ ночевать,—то же скажу и о хозяевахъ, которыхъ еще не видалъ; но не то должно сказать о хатѣ: огромная, чистая; стѣны, потолокъ, полъ, окна—разрисованы желтою глиной, благоуханіе васильковъ, мяты и пр.—словомъ прелесть хата; Полтавскую губернію нельзя сравнивать съ Харьковскою: дичь, глушь, невѣжество, безконечныя степи, по которымъ вмѣсто хуторовъ разставлены стоги сѣна, печальные кустарники, дубовые и лозовые, вѣчные несносные бугры, вѣчные мостики и плотинки—строенные вѣрно для чертиковъ и то бутылочныхъ, согнившіе дорожные столбы, землянки, стада свиней, болота, наконецъ эта несносная грязь—и я не знаю, что можетъ быть незанимательнѣе!.. То ли дѣло наша Харьковская: рай противъ ада.—Въ Перещепинѣ, казенномъ селеніи, я переѣзжаю рѣчку Орель. Окрестности ея почти живописны; но занимательны болѣе всего по историческимъ происшествіямъ, до

сихъ поръ еще памятнымъ народу и самой землѣ, носящей на себѣ свидѣтельство былого—курганы. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, подъ которымъ, по преданію народному, татарскій воевода находится, находится на самой долинѣ, и лѣтъ за десять былъ чрезвычайно высокъ; но съ того времени сталъ примѣтно уменьшаться, ибо землю его употребляютъ на засыпку болотъ по дорогамъ. Можно бы вмѣсто этого употребить и навозъ, но навозъ здѣсь дорогъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Перещепина есть батарея изъ числа бѣлогородскихъ, выстроенныхъ при Федорѣ Алексѣевичѣ отъ набѣговъ татаръ.

Малороссіяне чрезвычайно похожи на нѣмцевъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ четверо чумаковъ изволили пить пиво. Купили только полъ кварты и пили по крайней мѣрѣ $^{1}/_{2}$ часа, съ такимъ вкусомъ, съ такимъ чванствомъ, какъ будто нектаръ. Пріобрѣтенія мои объ Украинѣ слишкомъ скудны: въ Водолажскомъ хуторѣ списалъ три пѣсни и одну думу; во Вшивой пять пѣсенъ—и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе. Романъ меня увѣряетъ, что я наберу много въ Варваровкѣ. Онъ самъ берется мнѣ служить въ семъ случаѣ. Если-бъ да когда бы!—Слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу; слышалъ нѣсколько миѳологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ—вотъ и все.—Однако прощайте, маменька. Пора спать. Завтра рано надобно вставать; при томъ же и ночникъ догораетъ. Прощайте.—Что то подѣлываетъ теперь Іос. Афанасьевичъ! Ужели вы въ Деркачахъ? И ужели и васъ тоже мочилъ дождь, какъ меня грѣшнаго?

—

Новомосковскъ. Суббота, 12-й часъ утра.

Остается только 60 верстъ; однако едва ли можно будетъ поспѣть туда, куда должно, т. е. въ Варваровку. Слава Богу, дождь пересталъ; а помочилъ бѣдныхъ насъ не на шутку.—Новомосковскъ—преизрядненькій городокъ. Комнатка, въ которой

я остановился—чудо, штукатурная, вся въ картинахъ—можете представить, какого рода—прекрасная мебель—именно, чудо.

Какая жалость,—почта въ Харьковъ отошла изъ Новомосковска вчера, и потому вы получите это письмо черезъ недѣлю.

Екатеринославская губернія совсѣмъ не то, что Полтавская. Тѣ же степи, но не то. Жители всѣ почти богатые; табуны лошадей, гурты рогатаго скота, овецъ—встрѣчаются безпрестанно. Сѣнокосы превосходны. Природныя поля усѣяны курганами, особливо долина Самарская, на которой теперь пасутся татарскіе кони, пригнанные на продажу. На Спаса въ Новомосковскѣ ярмарка.

Только что у меня былъ мой хозяинъ. Молодчина.—Лѣтъ 60-ти, статный, величественный, такъ бы гетманскую булаву, да на коня; этакого украинца я еще не видалъ. Но болѣе всего понравился онъ мнѣ своею готовностью служить мнѣ, какъ собирателю всего украинскаго. Во-первыхъ, онъ мнѣ наговорилъ пропасть преданій о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ разсказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про рѣку Самару, наконецъ думу. Обѣщаетъ еще. Я напою его кофіемъ—и, вѣрно, получу, что хочу.

Пишите, сдѣлайте одолженіе, пишите мнѣ по слѣдующей почтѣ. Хоть вѣсточку отъ васъ получить, если приходится не видѣться. Да пишите побольше! Вотъ увидите, какія письма буду писать я къ вамъ, лишь бы распорядиться порядкомъ на мѣстѣ. Теперь простите, что пишу не много: теперь и времени нѣтъ, и мѣста нѣтъ иногда, а всего болѣе не о чемъ. Іосифу Афанасьевичу напишу изъ Варваровки варварское письмо. Пусть только читаетъ да по субботамъ разбираетъ. И теперь бы написалъ, да, право, не хочется. Къ тому же, пообѣдавши, мы поѣдемъ въ путь дороженьку, а потому если-бъ и захотѣлъ, то немного бы успѣлъ. Ожидаю отъ Іосифа Афанасьевича философико-политическаго письма, которое конечно будетъ написано чисто, аккуратно, безъ мараксъ и канцелярскихъ украшеній. Прошу его не мудрить, а просто писать, что на умъ взошло, точно въ такомъ видѣ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ взошло на умъ, иначе вся-

кое письмо Іосифа Афанасьевича стоить будетъ по крайней мѣрѣ четверти дести почтовой бумаги; а вѣдь это не выгодно. Объявляю также Іос. А—у, что его Гердеръ немного подмокъ, хоть и не замарался, и прошу въ этомъ великодушнаго извиненія.

—

6.

Варваровка. Понедѣльникъ. 7 часовъ утра.

Третій разъ здравствуйте, милая маменька! Я уже на мѣстѣ. Комната моя почти прибрана. Книги, тетради, платье—все въ порядкѣ. Остается принять на себя учительскія обязанности—и дѣло будетъ кончено. Пока еще я какъ гость въ домѣ Подольскихъ, хоть и гость коротко знакомый, а слѣдовательно о своихъ хозяевахъ не могу иначе судить, какъ о помѣщикахъ, меня принявшихъ подъ свой кровъ для того, чтобъ вмѣстѣ проводить веселѣе время. Въ семъ отношеніи и онъ и она—люди предобрые, простые, веселые, люди—какихъ не надобно лучше. Что касается до другихъ отношеній, то я не скажу ничего, ибо ничего не знаю: увижу, посмотрю, напишу.

Вчера послѣ обѣда (я пріѣхалъ утромъ, часовъ въ 11-ть) мы съ дѣтьми ѣздили верхомъ по берегу Днѣпра. Мѣста прелестныя, очаровательныя. Днѣпръ разлился на двѣ версты въ этомъ мѣстѣ. Можете себѣ представить, какая бездна воды. Но эти широкія волны не льются, а кипятъ. Ревъ пороговъ подобенъ—право не придумаю, съ чѣмъ сравнить его.—Представьте себѣ отрядъ всадниковъ, пробирающихся сквозь чащу: шелестъ листовъ, цокъ копытъ конскихъ, храпѣнье коней, говоръ всадниковъ, крикъ повелительный начальника—все это вмѣстѣ—и вы будете имѣть небольшое понятіе о порогахъ. Впрочемъ къ нимъ должно присмотрѣться, прислушаться: съ перваго раза они незамѣтны, непоразительны.

Если кто знаетъ Екатеринославскую губернію только по берегамъ Днѣпра, тотъ можетъ подумать, что населеніе оной чрезвычайно. Съ моего балкона видно четыре деревни и два села, одно подлѣ другого. Селеніе Синельниково на другой сторонѣ—лучше другихъ—однихъ господскихъ строеній 17.

Я уже говорилъ Катеринѣ Романовнѣ[1]) о поѣздкѣ, предполагаемой мною, въ Александровскъ. Она согласна, даже болѣе нежели сколько я желалъ. За Александровскомъ есть мысъ Кичкасъ,—очаровательное мѣсто! Днѣпръ течетъ между двумя скалами, одно отъ другой не болѣе какъ на 60 саженъ. Этотъ мысъ находится отъ Варваровки въ 40 верстахъ.

—

5 августа. Четвергъ.

Уже два дня я учу—и не могу сказать, чтобы это было обременительно. Все дѣло состоитъ въ задаванiи и спрашиванiи уроковъ. Дѣти понятливы, хоть и лѣнивы, но я задаю крошечные уроки, и они очень довольны, и я также доволенъ. Мнѣ остается заниматься болѣе 6 часовъ. Предовольно! Вотъ какъ истекаетъ день буднишный: встаю съ восходомъ солнца, выхожу на балконъ, читаю Гердера. Умываюсь, одѣваюсь—иду пить кофе (для меня варится маленькiй кофейникъ и особая кострюлька сливокъ превосходнѣйшихъ), ухожу къ себѣ, опять читаю Гердера. Занимаюсь съ дѣтьми и въ то же время пишу къ вамъ письмо. Отпускаю дѣтей гулять и занимаюсь. Обѣдаю въ 1-мъ часу. Пообѣдавши, иду въ гостинную и болтаю съ Иваномъ Тимофеевичемъ и Катериною Романовной; потомъ отправляюсь на верхъ за ученье на полтора часа. Всякое послѣобѣда ученье состоитъ въ упражненiи въ языкахъ и въ чтенiи. Во время ученья пишу къ вамъ письмо. Отпустивъ дѣтей, занимаюсь. Потомъ верхомъ прогулка верстъ 6, 7 или болѣе. Потомъ чай, болтанье,—наконецъ, иду домой и еще часа два занимаюсь. Наконецъ—bonne nuit.

Я очень радъ, что поѣхалъ въ Варваровку. Не знаю, каково мнѣ будетъ жить; но что я накоплю пропасть, цѣлую пропасть для своей украинской скрыни, то это также вѣрно, какъ 2×2=4. Даже самыя дѣти мнѣ радушно помогаютъ. Я скажу болѣе: Украины нельзя узнать порядочно, не бывши въ этихъ

---

[1]) Е. Р. Подольская.

мѣстахъ; нельзя узнать порядочно запорожцевъ, не бывши на порогахъ.

—

7.

Четвергъ. 5 число августа, 1832. Варваровка.

Только что отдалъ письмо подъ № 3. Еще оно не отъѣхало изъ Варваровки,—можетъ быть даже сегодня и не уѣдетъ, а я уже принимаюсь за новое письмо. Видите, милая маменька, что я не совсѣмъ неаккуратенъ. Я за непремѣнное правило почелъ себѣ каждый день писать къ вамъ хоть по нѣскольку строчекъ. До сего времени все еще исполняю свое правило. Долго ли то это будетъ продолжаться!—Сегодня передъ обѣдомъ въ Варваровку пріѣхалъ офицеръ Путей Сообщенія. Онъ ѣдетъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ. Правительство предполагаетъ прорыть оные. О баркахъ нечего и говорить: за все время моего здѣсь пребыванія я видѣлъ только одну, и то всѣ удивились и разсматривали оную, какъ чудище морское.

Вечеръ.

Пусть Іосифъ Афанасьевичъ судитъ о воспитаніи,—я хотѣлъ сказать, образованіи офицеровъ Путей Сообщенія. Они проходятъ полный курсъ математики, въ томъ числѣ и астрономію, — я же, грѣшный, въ астрономіи знаю столько же, сколько и днѣпровскіе раки;—и я грѣшный побѣдилъ новоприбывшаго офицера въ астрономическомъ преніи о системѣ міра. Не хватъ ли я? По крайней мѣрѣ, я удивляюсь своей смѣлости. И что же я доказывалъ ему? Какъ ты думаешь, братъ? А вотъ что: послушай. Я доказывалъ, что земля, и всѣ планеты, и всѣ спутники имѣютъ форму не круглую, а подобную воздушнымъ шарамъ т. е. ♡ *a*; и что *a* есть сѣверный полюсъ, въ которомъ находится огромный гранитъ, заключающій въ себѣ весь магнитъ земного шара. Одно изъ доказательствъ: обращеніе магнитнаго полож. конца стрѣлки къ сѣверу; другое: неправильность фигуры луны въ началѣ видимости оной, равно, если не болѣе, при ущербѣ; и онъ наконецъ согласился, оставивъ за собою только слово *тяготѣніе*, которое я назвалъ неправильнымъ тер-

миномъ, а вмѣсто онаго въ общемъ смыслѣ представилъ *равновѣсіе,* а въ частномъ—силою самостоятельной движимости. Пришедши въ свой кабинетъ, я не могъ не расхохотаться и запѣлъ, невольно запѣлъ.

„Ой ревнули коровы, край порога стоя".—Пѣсня моя уже кончена. Строка въ письмо ваше вписана. Остается взглянуть на пороги, освѣщенные теперь луною, послушать ихъ грохотъ,—и лечь въ постель за Сѣвер. Пчелу, пожелавши вамъ спокойной ночи и радостныхъ сновидѣній.

Пятница.

Послѣ обѣда уѣхалъ офицеръ, и мы остались одни. Сегодня я занимался съ дѣтьми не болѣе трехъ часовъ въ день; впрочемъ они весь день со мною, хоть и не мѣшаютъ. Одинъ рисуетъ, другой читаетъ. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, и я своимъ, другъ другу не мѣшаемъ, и все идетъ ладно. Если такъ будетъ продолжаться, то мнѣ хорошо. Ахъ, только васъ, одной васъ не достаетъ, маменька. Были бы вы, и я бы совсѣмъ былъ человѣкъ какъ надобно, а теперь, или отъ непривычки, или отъ настоящаго чувства любви къ вамъ, не могу не грустить, особенно когда одинъ. Повѣрите ли, я въ забывчивости нѣсколько разъ выходилъ изъ своей комнаты, думая, что иду въ вашу половину,—но разочарованіе какъ тутъ, и я повѣся голову продолжаю ходить по своей комнатѣ одинъ одинехонекъ.—Гулять сегодня не ѣздилъ, а ходилъ къ Ив. Тим. и Кат. Романовнѣ смотрѣть постройки. Для вновь купленныхъ русопетовъ (?) строются двѣ деревни на берегу Днѣпра.

Воскресенье.

Я забылъ вчера сказать вамъ, что я былъ вчера на *Тягинькѣ,* т. е. въ лѣсу, который принадлежалъ запорожцамъ, что доказываютъ остатки землянокъ, а теперь Синельникову. Видъ съ горы прелестный.—Скоро, скоро на Кичкасъ. Тамъ ли виды! Мы поѣдемъ съ старшимъ сыномъ въ бричкѣ, возьмемъ съ собою три сѣдла. Пріѣхавши въ Александровскъ, лошадей осѣдлаемъ и съ Мих. Иванов. (Криницкимъ) отправимся странствовать.

8.

Варваровка. 14 сентября.

Сегодня Воздвиженье, большой праздникъ. Каково-то вы проводите его? Скучно ли, весело-ли? Я провелъ довольно скучно, исключая вечера. Собравшись въ семейный кружокъ, мы прочли письмо Бестужева „Сибирь и Кавказъ", говорили, смѣялись.—Надобно знать: Иванъ Тимоѳеевичъ большой балагуръ, и умѣетъ прекрасно разсказывать. Между тѣмъ дѣвки на одной, лакеи на другой галлереѣ составили хоры—и поютъ и пляшутъ. Въ деревнѣ хоры раздаются также. Неясытецъ поетъ также свой неумолкаемый хоръ,—и весело и скучно, или лучше сказать грустно: если-бы вы были тутъ же. Это бы и возможно, и очень возможно, но я боюсь, чтобы всѣмъ здѣсь не наскучило, а болѣе не понравилось. Кромѣ того зима и домъ холодный—хозяева мои переберутся во флигель, а я съ дѣтьми въ двѣ небольшихъ комнатки внизъ—эти комнатки немного теплѣе другихъ. И такъ, маменька,—я боюсь за ваше здоровье въ этомъ климатѣ, здоровомъ для здоровыхъ, вредномъ для слабыхъ. Иногда бываетъ такой туманъ, что не разберешь ничего въ двухъ шагахъ отъ себя. По Днѣпру каждое утро ходятъ цѣлыя горы тумана, и роса падаетъ съ крышъ, какъ отъ порядочнаго дождя.

16 сент. Четвергъ.

Простите меня, добрая маменька, что я часто пишу неразборчиво. Постараюсь избавиться отъ сего порока; а причиною сему, право, не недостатокъ уваженія къ вамъ, а глупая вѣтренность, отъ которой я никакъ не отвяжусь. Что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Почему такъ рѣдко удостоиваетъ меня своихъ вѣсточекъ Іосифъ Аф.? Просилъ бы и брата—о томъ же; но боюсь его. Можетъ быть, онъ сердитъ на меня, что я не пишу къ нему отдѣльныхъ писемъ. Хорошо, буду писать къ нему отдѣльно, только пусть онъ не забываетъ брата отшельника. Нѣтъ, когда переѣдемъ весною въ городъ, я буду жить дома. И куда какъ веселѣе! Тутъ, какъ ни просто, а все требуется осторожность; даже самая ласка и готовность сдѣлать все для меня, и

она мнѣ кажется приторною: она чужая—и корыстная. Вы знаете мою любовь спорить—а теперь не съ кѣмъ. То-ли бывало какъ съ Іос. Аф. заведемся!—Отнюдь нѣтъ-съ, я никогда не спорилъ съ Из. Иван!"—Іос. Аф. вѣрно сказалъ это, если онъ слушаетъ это мараніе.

Занимайся, братъ, хорошенько, плотно, какъ говорится. Можетъ быть, случится нѣкоторая перемѣна въ нашемъ состояніи, поважнѣе той, которая случилась со мною по случаю отъѣзда въ Варваровку. Можетъ быть мы переѣдемъ въ Москву. Маменька, вѣрно, не откажется оставить душный Харьковъ. Я увѣдомлю обо всемъ подробно, тогда когда узнаю самъ хорошенько. Занимайся потому хорошо, что надобно перейти въ Москов. университетъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ здѣшняго: иначе не переведутъ въ третій курсъ. Относительно твоего подвига съ Венедиктовымъ—не скажу ничего, ибо не понимаю этого человѣка. Впрочемъ, говорятъ, онъ добрый человѣкъ. Будь остороженъ. Что касается до твоего отвѣта педелю,—то я очень обрадованъ,—и желаю, чтобъ ты былъ всегда таковъ.

—

9.

Варваровка. 1832. Сент. 27.

Здравствуйте, почтеннѣйшая маменька! Мнѣ сегодня скучно,—и я принялся за лучшее свое удовольствіе—писать къ вамъ. Ахъ, маменька вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно! И самъ не знаю: чего! Нѣтъ, знаю: я далеко отъ васъ. Такъ и желалъ бы скорѣе къ вамъ.

Настоящая жизнь моя течетъ тремя колеями: учу—занимаюсь—живу, т. е. *сплю*. Именно во снѣ, т. е. въ мечтахъ, и живу я, какъ-бы желалъ жить, среди родныхъ, безъ горестей, безъ заботъ, безъ этой проклятой скуки, которая наполняетъ табачнымъ чадомъ и комнату, и голову, и кромѣ чаду ничего въ ней не поселяетъ. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ несноснѣе,—не потому, что мнѣ худо. Нѣтъ: хозяева мои люди прекрасные, сердятся, когда я церемонюсь, ловятъ мои желанія—однако все чужіе: некому повѣрить мнѣ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мы-

слей; и мысли и чувства чахнутъ; и между тѣмъ какъ бы мнѣ ни было скучно, я долженъ казаться веселымъ, ибо Иванъ Тимоѳеевичъ скучаетъ безъ меня, и слѣдовательно должность моя, веселить его,—должность иногда очень непріятная; особливо теперь: читать ему нечего; а разсказы наши обыкновенно касаются до 2-хъ предметовъ: христіанской религіи и вѣрности супружеской. Разговоръ о первой всегда одинъ и тотъ же, тотъ же и одинъ, только въ разныхъ формахъ; а о послѣдней любопытно, и то можетъ быть не всегда, разсказывать тѣмъ, кои знаютъ счастіе и несчастіе оной. Иногда я стараюсь разнообразить разговоръ, говорю о сложеніи горъ, а нареченной невѣстѣ моей, княгинѣ Бѣлосельской, и нареченномъ супругѣ оной князѣ Срезневскомъ - Бѣлосельскомъ, о падающихъ звѣздахъ, о подвигахъ запорожцевъ,—и все это такъ скучно и такъ неизбѣжно, какъ и прогулка въ новопостроенную деревню, прогулка, во время которой, завернувшись въ плащъ, повторяю: да, точно, прекрасно, считаю камни по дорогѣ и глазами мѣряю оставшееся разстояніе.

На прошлой недѣлѣ я послалъ въ „Телескопъ" статью свою подъ названіемъ: *Первоначальное образованіе Слободско-Украинскихъ полковъ во время царя Алексѣя Михайловича*, съ подписью: *И. С. Варваровка.* [1]) Если будетъ напечатана, то сдѣлай одолженіе, увѣдомь, братъ, меня, и сколько она заняла мѣста.

Бывши съ Михайломъ Ивановичемъ на Кичкасѣ, мы подходили къ знаменитой пещерѣ, называемой „школой". Видъ ея удивителенъ. Названа потому, что въ ней когда-то нашли книгу. Если вамъ будетъ угодно послушать сказокъ про нее и про другія вещи,—то извольте: въ каждомъ письмѣ найдете по кусочку, и тѣмъ болѣе будетъ кусочекъ, чѣмъ менѣе будетъ предметовъ для письма. Вотъ напр. теперь думаю, думаю, что бы написать: конечно, рѣшительно нечего.

---

[1]) Напечатано не было. Того же вопроса И. И. С—ій касается въ статьѣ «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины» со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію (Харьк. губ. вѣд. 1839).

10.

Октября 19, 1832. Варваровка.

Боже мой, что за сосѣди здѣсь! Неизъяснимые люди! Непостижимые люди! Вотъ одинъ—багровое лицо, сизый носъ, опухшіе глаза, засмаленный фракъ, сшитый по модѣ 1820 года, и лжетъ на каждомъ словѣ; выдаетъ себя за знатнаго барина, за богача—и весь въ долгахъ; выдаетъ за умника, за каламбуриста, и городитъ такую чепуху, что уши вянутъ. Имѣетъ много дѣтей,—два въ корпусѣ, дочь окончила воспитаніе въ Екатер. пансіонѣ, говоритъ по гасконски, играетъ на фортепіано, перелистываетъ французскія книжки, съ отцемъ обращается какъ съ управителемъ,—и уродъ лицемъ. Она ѣздила съ отцемъ въ Екатеринославъ на выборы—сама въ каретѣ, отецъ сзади на дрожкахъ; караванъ довершается волами, кои тянутъ пустую карету для грядущаго жениха. Вотъ другой—статскій служака—получилъ имѣніе за женою. Жена полуумная, бѣсится каждое новолуніе; но онъ равнодушенъ—онъ радъ жениному имѣнью, хотя оно и все въ долгахъ. Онъ думаетъ объ однихъ барышахъ—14-лѣтнюю дочь свою отдалъ за 50-лѣтняго, брюзгу, только потому, что у этого брюзги 40 душъ. Вотъ третій—баба торговка въ три обхвата, пузо не умѣщается на колѣняхъ,—у нея дочь въ два обхвата—по словамъ маменьки—18-ти лѣтъ, но отъ роду не менѣе 25-ти, объявляетъ, что у нея книжка есть: сказка о 7 братьяхъ; щеголяетъ на таратайкѣ въ 150 рублей, солом. шляпѣ, а всего владѣній $2^1/_2$ души. Вотъ 4-й—старикъ лѣтъ шестидесяти, забылъ жену, забылъ дѣтей, завелъ гаремъ,—и съ прелестницами играетъ въ горѣлки—владѣетъ 3000 душъ.—Но къ чему распространять описанія?—По крайней мѣрѣ, вы можете судить о сосѣдствѣ нашемъ и объ удовольствіи, какое можно находить въ подобномъ кругу. Ахъ, еслибъ только скорѣе къ вамъ.—Вотъ ужъ два мѣсяца только осталось! Пройдутъ и они!..

А между тѣмъ уже три недѣли,—и нѣтъ отъ васъ вѣсти! Что бы это значило? Знаете что, маменька,—адресуйте иногда

письма на имя Өедора Степановича Евецкаго, Екатеринославъ, съ передачей мнѣ. Это будетъ вѣрнѣе и скорѣе. Посылки въ Екатеринославъ у насъ часты. Иногда раза два въ недѣлю: а въ Новомосковскъ иногда и въ три недѣли разъ только посылаютъ. Вѣдь это скучно и горько: и есть письмо, да не получаешь.

Спасибо Евецкому, онъ меня снабжаетъ книгами,—и мы теперь съ нимъ ведемъ преаккуратную переписку. Я очень этому радъ.

11.

15 ноября. Варваровка.

Я провожу время уже не такъ скучно, какъ прежде. Ближе и ближе я освоюсь съ милымъ семействомъ моихъ хозяевъ,—и дѣйствительно,—принятъ какъ родной. Это правда, и я долженъ признаться, что это отнимаетъ у меня время, но вы подумайте, маменька, сидѣть вѣчно одному въ своей конурѣ—учить и учиться—мучить и мучиться—ни съ кѣмъ ни одного пріятнаго слова: это горько. Вы знали, какъ я не любилъ романовъ—теперь именно отъ этого одиночества, отъ этой скуки рѣшился читать ихъ—читаю всегда въ слухъ—это бываетъ обыкновенно вечеромъ послѣ чаю. Теперь мы читаемъ Редгонтлета. Сегодня кончили другую часть. Признаюсь, мнѣ очень оно не нравится. Принуждаю себя находить въ немъ хорошее, принуждаю себя смотрѣть сквозь пальцы на его болтовство—и все нѣтъ мочи: поретъ дичь—не болѣе. Недавно читали романъ: *Сенъ-Меранъ*—французское сочиненіе, но прекрасное. Совѣтую брату достать и прочесть вамъ вслухъ. Мы его прочли съ большимъ удовольствіемъ.

Если библіотека покойнаго Гулака [1]) продается, то нельзяли купить для меня изъ оной сочиненія Нѣмцевича подъ име-

---

[1]) Ошибочный слухъ о смерти П. П. Гулака-Артемовскаго.

немъ Dzieje panowanja Zygmunda III, на польскомъ языкѣ. Пожалуйста постарайся черезъ кого-бы то ни было. Три тома рублей 40.

Сейчасъ только ходилъ по льду Днѣпровскому. Прозрачный, какъ стекло, и толстъ четверти на три уже. Видъ съ рѣки на домъ и деревню прекрасный. Относительно пѣсенъ Максимовича,—не пересылайте ихъ до времени, милая маменька: ибо уже не долго остается.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XXVIII.

Наступила эпоха великая и знаменательная, эпоха благородныхъ стремленій и кипучей дѣятельности, лучшая пора жизни Россіи за цѣлое столѣтіе. Эта перемѣна не могла не найти радостнаго отголоска въ такой живой и впечатлительной душѣ, какъ Кулишъ. Съ восхищеніемъ привѣтствуетъ онъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ благородныя начинанія новаго императора, который вступилъ именно на тотъ самый путь, который тогда всего желательнѣе былъ для Россіи.

Кулишъ встрѣтилъ особенно въ Н. Д. Бѣлозерскомъ и въ К. С. Аксаковѣ горячее сочувствіе своимъ восторгамъ по поводу словъ и поступковъ новаго государя. „Радуйтесь, Николай Даниловичъ“,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому: „о новомъ государѣ разсказываютъ чудеса. Петербургъ и Москва отъ него въ восторгѣ. Австрійскаго посланника государь принялъ очень сурово, прусскаго очень ласково. Говорятъ, Бибиковъ отставленъ и на его мѣсто Игнатьевъ. Клейнмихель на третій день пришелъ съ прошеніемъ и получилъ въ отвѣтъ: „Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ, но намъ надобно свести съ вами счеты“. Бибикову сказано: „Васъ не за что благодарить: вы

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 5.

вооружили моего отца противъ дворянства, которое теперъ стоитъ во главѣ всего добраго". Говорятъ, позволено печатать „Мертвыя Души"... [1]) Два квартальные у входа къ тѣлу покойнаго государя обошлись грубо съ молодымъ чиновникомъ, который вышелъ изъ себя и далъ одному пощечину. Его судили, но начальство его довело до свѣдѣнія государя о причинѣ вспыльчивости молодого человѣка, который пришелъ не одинъ, а привелъ двухъ дамъ, и государь написалъ: „за грубое обхожденіе полиціи отставить обоихъ квартальныхъ надзирателей отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не принимать". Словомъ, разсказамъ конца нѣтъ! Никогда еще ни одинъ государь не производилъ такого восторга въ обществѣ.... Прибавлю еще, что когда государь въ первый разъ явился передъ дворянами, то осанка его и манеры были такъ величественны, что всѣ были поражены какъ бы сверхъестественнымъ видѣніемъ. Онъ явился въ полномъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова русскимъ царемъ передъ подданными".

17 Марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра пріѣхалъ въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ своего отца: „Разсказы и воспоминанія охотника". Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и пышетъ теплотою души. Чудесный Конста!..

„По случаю юбилея [2]) налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выраженію Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ".

„Конста цѣлый день прошатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный слухъ

---

[1]) Напомнимъ здѣсь, что Кулишъ тогда еще не былъ издателемъ сочиненій Гоголя, а занимался лишь его біографіей, и разрѣшеніе было дано Трушковскому.

[2]) Московскаго университета (въ 1855 г.)

о какой-то великой побѣдѣ русскихъ, во-вторыхъ, о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлинъ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказалъ государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе".—„Ваше Величество будете спасителемъ Европы", сказалъ Эстергази.—„Всѣ мои интересы", отвѣчалъ государь, „заключены въ Россіи".—„Ваша доброта"—продолжалъ тотъ, „извѣстна всей Европѣ"... Потомъ, спохватившись, прибавилъ: „также, какъ и ваша твердость". Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа".

„Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выраженію, „выгораживаетъ покойнаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію".

„Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Бибиковъ тоже, но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кромѣ сухого обращенія съ ними государя. Ермоловъ принятъ великолѣпно. Говорятъ, ужъ о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищеніи. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи именъ: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старый богатырь; но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Бонапарта вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генералъ двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!".

„Жаль, что я не имѣю времени описа́ть выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется разумнѣе и вѣрнѣе отдѣльныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано нѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ письмомъ къ губернскому предводителю дворянства просилъ не посылать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекрасный: Ермоловъ выбранъ.

„Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею [1]). Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости.

„Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько человѣкъ въ честь юбилея написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12 февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Тарновскому Кулишъ писалъ также: Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать. А между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то ободрилась, да и всѣ шумятъ, точно не русскіе. На юбилеѣ Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ“ [2]).

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1 мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабсъ-капитана. Онъ молодецъ въ національной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получитъ

---

[1]) Разумѣется столѣтній юбилей московскаго университета.

[2]) „Кіевская Старина“, 1898, IV, стр. 114.

право носить ее [1]). Служить ему трудно, но онъ доволенъ успоконіемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества? Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу“.

Когда, въ началѣ царствованія, послѣдовало сильное оживленіе литературы и стали возникать одно за другимъ новыя періодическія изданія [2]), И. С. Аксаковъ задумалъ изданіе „Русской Бесѣды“ и предлагалъ сотрудничество Кулишу. Занятый печатаніемъ южнорусскихъ лѣтописей и приготовленіями къ изданію „Записокъ о южной Руси“ [3]), Кулишъ отклонилъ было предложеніе, но затѣмъ послалъ туда, во вторую книгу журнала, свою повѣсть „Ѳеклуша“ [4]).

XXIX.

У Кулиша продолжались заботы и хлопоты по напечатанію „Черной Рады“. Съ цѣлью облегчить этому сочиненію цен-

---

[1]) Послѣ, когда Кулишъ въ письмѣ къ С. Т—чу осуждалъ выборъ знакомствъ, сдѣланныхъ И. С. во время его пребыванія въ Малороссіи въ 1855 г., недовольный этимъ И. С. нелестно отозвался о Кулишѣ «(И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 217—218).

[2]) Однажды Кулишъ сообщалъ также: «Я читалъ объявленіе о Русскомъ Вѣстникѣ», который будетъ издавать въ Москвѣ Катковъ. Хомяковъ съ братіей тоже намѣренъ издавать журналъ. Императрица, во время пребыванія въ Москвѣ, призвала его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовала. Между прочимъ ему обѣщано, что съ него снимется запрещеніе писать.

[3]) Къ числу этихъ предпріятій относилось также задуманное Меемъ изданіе журнала «Россія», по поводу котораго Кулишъ писалъ: «Кажется, что Мей и журналъ его—явленія вздорныя, а журналъ притомъ еще и не утвержденъ».

[4]) И. С. Аксакову эта повѣсть не особенно понравилась, но «Записки о южной Руси» онъ считалъ весьма интересными («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 287).

зурное разрѣшеніе, авторъ перевелъ его на русскій языкъ, чтобы легче было потомъ провести книгу и на малороссійскомъ языкѣ. „Если мнѣ дадутъ право общей цензуры"—писалъ онъ В. В. Тарновскому,—„то не уѣду изъ Петербурга, не напечатавши „Черной Рады" по малороссійски [1]). Тому же лицу Кулишъ писалъ: „Я думаю, что надо издать эту книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырьмя хромолитографированными типами паробка и дивчины, дѣда и бабы съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсенъ. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердитъ ихъ въ этомъ мнѣніи" [2]). Редакція „Русской Бесѣды" съ своей стороны предлагала провести въ печать „Черную Раду" въ своемъ журналѣ (конечно, въ русскомъ переводѣ). Большую денежную помощь въ этихъ дѣлахъ оказывалъ В. В. Тарновскій, издававшій на свой счетъ всѣ сочиненія Кулиша, которыя не печатались въ журналахъ.

Лучше всего можно понять, до какой степени Кулишу все-таки приходилось круто съ изданіемъ своихъ сочиненій,

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1898, IV, стр. 116. Но много хлопотъ и горя по обыкновенію доставляла Кулишу цензура, хотя въ началѣ новаго царствованія онъ смотрѣлъ на все оптимистически: «Чтобы дать работу вашему воображенію»,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„скажу, что Черная Рада скоро выйдетъ изъ портфеля своего автора и пойдетъ странствовать по палатамъ и дворцамъ, пока не отвергнутъ ее, какъ злотворное произведеніе (вѣдь на свѣтѣ бездна самыхъ дикихъ заблужденій!) или скажутъ: «полно автору слоняться по свѣту перебендею, принять его хоть въ дворники. Съ представленіемъ «Записокъ» въ цензуру совѣтую обождать, потому что есть надежда на смягченіе устава. Теперь я брею и стригу своего «Романа», чтобъ можно было проскользнуть мимо швейцара, а тамъ, внутри палатъ, люди помягче. Сказано: «не такъ панъ, якъ панчата».

[2]) «Кіевская Старина», 1898, IV, стр. 118 и друг.

изъ того, что ему пришлось таки въ почти безнадежныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть вновь къ Юзефовичу и просить его не только объ устраненіи цензурныхъ затрудненій, но и о денежной помощи. Юзефовичъ былъ все-таки свой человѣкъ, въ принципѣ тайно сочувствовавшій дѣятельности и симпатіямъ Кулиша, но на первомъ планѣ ставившій личное благоденствіе и способный на предательство „страха ради іудейска". Юзефовичу можно было и теперь, даже въ письмѣ, сказать, что „нигдѣ не родыться духовного жныва бильшъ, якъ на Украини", что было, конечно, отчаяннымъ патріотическимъ самообольщеніемъ, а также противополагая Украйну Москвѣ, высказывать надежду, что „кроткіе", т. е. малороссы, „наслѣдуютъ землю", и что „сонмы люду украинського сіяють душевнымъ богатствомъ по-надъ уси народы и збагащають Московську Русь" [1]).

Но все искупалось для Кулиша мечтами о будущемъ благотворномъ вліяніи своихъ сочиненій, мечтами, доходившими до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Онъ, напримѣръ, писалъ С. Т. Аксакову: „Записки о южной Руси" печатаю съ наслажденіемъ не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ въ моихъ глазахъ нѣтъ цѣны. Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это Священное Писаніе, и надѣюсь, что по внѣшнему исполненію „Записки" будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ, въ которой видно было бы серьезное изученіе предмета" [2]). Въ другой разъ онъ

---

[1]) »Кіевская Старина», 1898, III, 314—315, также вообще 311—316.

[2]) Этотъ трудъ А. Н. Пыпинъ признаетъ самымъ крупнымъ трудомъ Кулиша въ области этнографіи; разбору его онъ посвящаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ страницъ въ «Исторіи Русской этнографіи» (т. III стр. 194—201). Объ этомъ же трудѣ см. въ «Исторіи украинской литературы» Петрова, (стр. 280—285).

писалъ о „Черной Радѣ“ Аксакову же: „Я знаю, что отдѣльное изданіе „Черной Рады“ на русскомъ языкѣ, черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія, разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: „Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ“, или: „На безрыбьѣ и ракъ рыба“ и „На безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ“. Земляки будутъ носиться съ „Черною Радой“, какъ чортъ съ писанною торбой, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ“. О „Запискахъ южной Руси“ Кулишъ писалъ В. В. Тарновскому, что если-бы у него были деньги, то онъ могъ бы издавать даже по шести книгъ въ годъ, занимаясь только редактированіемъ ихъ, возлагая подготовительную работу на надежныхъ людей.

Такую же увѣренность въ будущемъ успѣхѣ своихъ сочиненій мы часто встрѣчаемъ и послѣ у Кулиша. Въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому онъ прямо говорилъ: „статьи мои въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ должны сдѣлать эффектъ“, и еще: „тупо ли, не тупо пойдутъ книги, имъ слѣдуетъ быть изданными, и онѣ окупятся“ [1]).

Но настоящей оцѣнки своихъ трудовъ Кулишъ ожидалъ отъ такихъ людей, какъ Шевченко, о которомъ онъ говорилъ: „Тарасъ получилъ первый томъ „Записокъ о южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ“. Къ числу этихъ цѣнителей относилъ онъ, кажется, и другихъ украйнофиловъ, напр. Л. М. Жемчужникова, о которомъ онъ писалъ Бодянскому: „Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи художествъ, Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, ѣздилъ по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и опять помышляетъ о новомъ путешествіи весной. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и сло-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898, іюль—августъ, стр. 132.

весности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ же показалъ мнѣ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выйдетъ истинный историческій живописецъ" [1]).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя всякое литературное дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ Кулиша, но почти на каждомъ шагу надо было пробивать стѣну всевозможныхъ препятствій, что отчасти не могло не охлаждать временно его энергіи, или скорѣе у него мы замѣчаемъ поэтому неравномѣрность въ развитіи энергіи какъ въ литературныхъ, такъ и въ другихъ занятіяхъ, и тотъ же самый „горячій" Кулишъ, по его выраженію: „и вчора Кулишъ, и сёгодня Кулишъ", у котораго временами дѣло горѣло такъ, что это возбуждало во многихъ зависть, вдругъ чувствовалъ себя вынужденнымъ бросать его или откладывать и мѣнять на другія занятія, и иногда на такія, къ которымъ онъ былъ менѣе склоненъ.

По прежнему Кулишъ продолжалъ также принимать горячее участіе въ судьбѣ своихъ товарищей и, смотря по ходу обстоятельствъ, радоваться или скорбѣть за нихъ. Онъ сильно ликовалъ по поводу освобожденія Костомарова и Гулака-Артемовскаго и уже въ 1856 г. питалъ надежду на освобожденіе Шевченка [2]). Въ его письмахъ мы нерѣдко находимъ разныя сообщенія, преимущественно о Костомаровѣ, напр., что Костомаровъ хочетъ печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ" „Богдана Хмельницкаго" и собирается писать полную исторію южной Руси.

Самъ Кулишъ, ободренный прекрасными вѣяніями новаго царствованія, почувствовалъ, наконецъ, возможность дышать пол-

---

[1]) Тамъ же, 1897, XII, стр. 453.

[2]) Онъ радовался, напр., что „Тарасъ дождался миру на проживаніе" („К. Ст." 1899, 1, 81).

ной грудью, и въ числѣ другихъ проектовъ увлекается мечтой о заграничномъ путешествіи.

XXX.

Продолжая свою работу надъ „Записками о Южной Руси“, Кулишъ гостилъ у Репниныхъ въ Яготинѣ, у Галагана, у Грабовскаго, у Закревскихъ (но тамъ ему не понравилось, и хотя по его описанію, „у нихъ садъ гарный, будинки хороши строятця, хутко будутъ окончени, хоть бы и царю въ нихъ жить; а жить у нихъ буде скучно“), у де-Бальмена; въ этихъ своихъ поѣздкахъ онъ часто пользовался товариществомъ Л. М. Жемчужникова. Цѣлью этихъ поѣздокъ было изученіе края; между тѣмъ Кулишъ имѣлъ тогда въ виду, при содѣйствіи близкихъ ему и сочувствовавшихъ изученію Украйны лицъ, учредить собственную типографію, но мысль эта была осуществлена нѣсколько позднѣе.

Во всѣхъ названныхъ домахъ Кулишъ встрѣчалъ искреннюю симпатію и почти родственный пріемъ. Плѣняла его и роскошная украинская природа, но сердце его сжималось при видѣ бѣдности крестьянскаго малороссійскаго населенія. „Сонце“—восторгался онъ—„сідало въ Линовиці, мовъ у раю; у воді дерево играло наче шовкй да саети; гуси кричать и плещуть середъ ставу; тыхо, якъ у Бога на неби: а сонце все позолотило, и кожне зъ насъ здалось середъ зеленоі садовини, мовъ на картині. Коли бъ тілько не було на серці туги, то хваливъ би Господа милосердного, дывлячысь на его дива, да й годі“. Но въ то же время его удручало печальное зрѣлище бѣдствующаго народа: „Ранкомъ ходили съ панночкою до церкви, щобъ подивиться на ліновицький народъ. Мизерний народъ. А бувъ бы народъ гарний, коли бъ доля ёму лучче“. Поэтому, тотчасъ послѣ восторженнаго описанія красотъ природы, у Кулиша вырывается грустная нота: „то горе, що душа—наче птиця, безъ крылъ: хоче піднятьця надъ землею, а туга до земли ii при-

гнітае". И все-таки, размышляя о поѣздкѣ въ Качановку и дальше, Кулишъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Линовицей и семействомъ графа Де-Бальмена: „Добрі люди оці Де-бальменці! може й нема вже кращихъ по моему смаку: душа знай чогось бажае и знай кудись жадае, а куди не обернетця—усюди буде гірше, нижъ у Линовиці. Тимъ то я дожидаюсь, поки пришлють за мною коні зъ Качанівки, [1]) а самъ собі думаю: „лучче не буде мини нігде, бо другоі Ліновиці мабуть и на свиті не мае". Но пылкое воображеніе, душа чуткая къ красотамъ природы; легко находитъ новый источникъ наслажденія, и въ помѣстьѣ Галагана, Сокиринцахъ, съ его великолѣпнымъ паркомъ, благодаря прекрасной природѣ, Кулишъ пришелъ въ еще большее восхищеніе и тогда уже онъ говорилъ, что въ сравненіи съ нимъ „Качановка и Линовица должны спрятаться въ кутокъ". Но „все-таки"—продолжаетъ онъ—„не будь здѣсь Жемчужникова, я бы норовилъ поскорѣе уѣхать. Изъ трехъ резиденцій не знаю однако-жъ, которую выбрать: въ Линовицѣ жить не хочется, здѣсь тягостно и скучно, а въ Качановкѣ тоже пустота жизни и скука". [2]) Не нравились Кулишу во всѣхъ этихъ, впрочемъ хорошо устроенныхъ, имѣніяхъ устройство панскихъ усадебъ на аристократическую ногу. Поѣхали однажды Галаганъ, Жемчужниковъ и Вас. Вас. Тарновскій-сынъ въ Лебединецъ, въ 20 верстахъ отъ Сокиринецъ, гдѣ Галаганомъ былъ построенъ будинокъ малороссійкій. „Подъѣхавъ къ нему"—говоритъ Кулишъ—„чувствуешь въ душѣ легкость, какъ будто сбросилъ иго навязанной намъ насильно цивилизаціи. Простота

---

[1]) Имѣніе Тарновскихъ.

[2]) Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, именно у Галагана, Кулишъ встрѣтилъ дѣвицъ Милорадовичъ, изъ которыхъ старшая расположила его къ себѣ знаніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и языка, особено же украинскихъ думъ. Объ этихъ сестрахъ Кулишъ писалъ: «знають ридну мову и спивають ридныхъ писень». Одной изъ нихъ онъ писалъ: «за ваши пѣсни иной человѣкъ отдалъ бы, можетъ быть, и душу».

и богатство давно уже перестали у насъ сочетаться одна съ другимъ. Вкусъ къ иноземному подавилъ все, что свойственно нашей сельской жизни, и панскіе дома между мужичьими хатами—такіе же иностранцы, какъ и сами паны между народомъ". Изо всѣхъ окружающихъ людей больше всѣхъ ему нравились «Тарновскіе, у которыхъ больше простоты и задушевности", и Жемчужниковъ, о которомъ Кулишъ говорилъ: „онъ съ простой своей расположенностью больше всѣхъ меня удовлетворяетъ".

Во время своихъ поѣздокъ въ Малороссію Кулишъ, по обыкновенію, часто съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ украинскія думы въ кругу знакомыхъ или читалъ что-нибудь, напр. „Марусю". При этомъ многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ свою очередь, его приводила въ восторгъ и отзывчивая графиня Марія Де-Бальменъ, которая просила его пѣть „невольныцьки вирши" Тараса Шевченка. Доброжелательство его къ этой обаятельной дѣвушкѣ выразилось въ словахъ: „О Господи! пошли сёму ангелу счастье"!

Жемчужниковъ съ своей стороны такъ вспоминалъ объ этихъ совмѣстныхъ поѣздкахъ: „Судьба Кулиша мало-по-малу облегчалась, и ему дозволено было выѣзжать изъ Петербурга. Вотъ въ это-то время я посѣщалъ Пантелеймона Александровича въ хуторѣ Мотроновкѣ и въ хуторѣ Зарогѣ; ѣздилъ съ нимъ въ Черкассы, проживалъ у него на квартирѣ въ Кіевѣ. Кулишъ всегда мнѣ былъ очень пріятенъ. Сидя съ нимъ въ экипажѣ, я пѣлъ ему пѣсни и изучалъ новые мотивы отъ него и отъ жены его, милой Александры Михайловны, отъ дѣвушекъ, бабъ, стариковъ, парней и бандуристовъ. Ѣздилъ съ нимъ къ М. Грабовскому, въ его имѣніе кіевской губерніи. Ѣздили мы какъ придется: въ жидовскомъ фургонѣ, въ „петычанкѣ" и на перекладной. Дорогой мы много говорили и соболѣзновали о сосланномъ Шевченкѣ, котораго онъ лично зналъ и въ одно время съ нимъ пострадалъ, а я зналъ только его произведенія, которыми упивался. Въ Полтавской губерніи я

познакомилъ Кулиша съ семействомъ Г. П. Галагана, гдѣ въ первый разъ свелъ его съ моимъ пріятелемъ-бандуристомъ Остапомъ Вересаемъ. Кулишъ потомъ былъ съ Остапомъ въ перепискѣ [1]).

Прибавимъ въ дополненіе къ нашей рѣчи о пребываніи Кулиша въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Малороссіи, что въ это время онъ написалъ „Орысю", которая выходитъ на Божій свѣтъ „що дальше, то все краще", и задумывалъ, при содѣйствіи графини Де-Бальменъ, иллюстрировать „Чорну Раду". Кромѣ того, приведемъ небольшую выдержку изъ сообщенія Кулиша женѣ о его знакомствѣ съ Вересаемъ: „Забылъ я разсказать тебѣ"—писалъ онъ женѣ—„объ Остапѣ, сокиринскомъ бандуристѣ, который играетъ роль въ первой части второго тома „Записокъ о южной Руси". Пошли мы къ нему въ хату и долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ очень уменъ и благороденъ чувствами. Напр., онъ ходилъ къ Галагану жаловаться на сосѣдей, которые его обижаютъ: „Якъ тилько почувъ я ёго слово ласкаве да гарне, то наче на свитъ народывся. Стою, и духъ мини заперло. Пытае: „чого ты, Остапе"? а я тилько плачу: що такый та й гарный, а я ему въ вичи буду лизты".—Я прочиталъ ему двѣ малороссійскія проповѣди, и восторгъ его превзошелъ мои ожиданія. „Колы-бъ у мене була така кныжка, то я бъ заплатывъ бы пысьменному грошы да поты слухавъ бы, покы всю вытвердывъ... А, Господы, яка-жъ кныжка! що наче въ мене волосся зъ головы ливе, и все плакавъ бы, и наче зъ мене тило опадае, що, Господы, якъ то мы жывемо гришно". Я обѣщалъ ему прислать экземпляръ проповѣдей и очень его обрадовалъ [2]). На другой день по возвращеніи нашемъ изъ бу-

---

[1]) См. также воспоминанія Л. М. Жемчужникова въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, XI.

[2]) Кулишъ не только самъ много трудился надъ собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и этнографическихъ матеріаловъ, но также руководилъ на этомъ пути и другихъ.

динка Остапъ пришелъ къ намъ, и Жемчужниковъ нарисовалъ его для второго тома съ натуры" [1]).

XXXI.

На изданіе сочиненій Гоголя Кулиша натолкнуло случайное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда онъ былъ безусловно поглощенъ заботами о „Чорной Радѣ" [2]) и объ „Этнографическихъ Запискахъ" и совершенно не думалъ о другихъ литературныхъ трудахъ, ему сначала неожиданно пришлось взять на себя этотъ издательскій трудъ. Первое извѣстіе о томъ, какъ это произошло, мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ женѣ. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Я бувъ у княжны Репниной. Зрадила дуже, мене побачывшы. Завтра ій прочытаю предысловіе до „Чорнои Рады", бо людына розумна й щыра [3]). Потимъ бувъ у Трушковського, которому пораявъ передать изданіе Гоголя Бодянскому, а самому втикаты за гряныцю" [4]). Но дѣло не состоялось, благодаря медлительности Бодянскаго и нетерпѣливости Трушковскаго: „Похопывсь винъ до сёго", продолжаетъ Кулишъ,—„и пойихалы мы до Бодянського; тилько щось винъ не роспочынае речы про изданіе. Я сякъ-такъ поводывъ—ни, не бере! Я й самъ бы роспочавъ, да боюсь розсердыть панычa, бо сей панычъ теперъ на всихъ дывытся такъ, якъ на якыхсь опекунивъ, котори ёго маютъ за

1) Остапа Вересая въ 1854 г. посѣтилъ въ Сокиринцахъ И. С. Аксаковъ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 43—44.)

2) О печатаніи «Черной Рады» см. въ письмѣ къ Галагану («Кіевск. Стар.», 1899, IX, 342—344).

3) Въ другомъ письмѣ Кулишъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на княжну Репнину предисловіемъ къ «Черной Радѣ»: «Плакала слухаючи, а потімъ поклонилась мині такъ, якъ мужики кланяются пану—низенько; здивовавсь я, а далі що робить? и я ій поклонивсь, да " попрощались».

4) Ср. объ этомъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1897, III, стр. 195.

божевильного". Эта подозрительность человѣка больного, уже терявшаго обладаніе умственными способностями, но отъ природы умнаго и еще достаточно наблюдательнаго и смѣтливаго, чтобы уловить каждую неосторожную ноту въ бесѣдахъ съ нимъ людей, недостаточно искусно умѣвшихъ маскировать настоящій характеръ своихъ отношеній къ нему, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ и щекотливымъ пунктомъ дли людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе. Можетъ быть, Бодянскому не совсѣмъ удалось скрыть свое мнѣніе объ истинномъ положеніи Трушковскаго; какъ бы то ни было, мы узнаемъ изъ сохранившихся документовъ, что онъ страшно возстановилъ противъ себя послѣдняго. Трушковскій еще разъ былъ у Бодянскаго для переговоровъ, уже безъ Кулиша, и на вопросъ о причинѣ своего скораго возвращенія, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „А що? каже—я занятъ". Выдно не такъ-то мудро сказана ричъ: про изданіе почалы говорыть, говорыть и договорылысь до того, що я берусь издать, а паныча выправлю зъ Жемчужниковымъ за границю. Труда доволи, да въ чотырехъ типографіяхъ живо напечатаю. За се мини десята часть выручкы. Зароблю бильшъ 1000 рублывъ, а може й двич. А кончу до мая. Огъ и будуть гроши на нимецькій хлибъ" (т. е. для поѣздки за границу). Кажуть Аксаковы, що добре,—що спасу я чоловика одъ погыбели" [1]).

---

[1]) Мы уже говорили, что этому труду много благопріятствовало сближеніе Кулиша съ Аксаковыми, разсказы которыхъ (а также Бодянскаго и Плетнева) чуть ли не натолкнули его раньше на мысль написать біографію Гоголя. По крайней мѣрѣ Кулишъ однажды писалъ И. С. Аксакову, еще говоря о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, въ виду нежеланія пока открыть свой псевдонимъ: «Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. *Проводя въ вашемъ домѣ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ о матеріалахъ для біографіи Гоголя. Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды съ О. М. Бодянскимъ*. Требованіе ваше вполнѣ законно, и если автору статейки, о

Поводомъ къ передачѣ дѣла отъ Бодянскаго Кулишу, несомнѣнно, служило и то обстоятельство, что онъ только-что много работалъ надъ своимъ трудомъ „Записки о жизни Гоголя“. Но, приступая къ работѣ, онъ встрѣтилъ довольно серьезное практическое затрудненіе: надо было до напечатанія писемъ Гоголя, долженствовавшихъ войти въ послѣдніе томы изданія, позаботиться о распродажѣ „Записокъ“, такъ какъ послѣднія должны были съ появленіемъ его отчасти потерять въ своей цѣнности; впрочемъ относительно послѣднихъ онъ уже имѣлъ тогда въ виду покупателя въ лицѣ книгопродавца Базунова. Взявъ на себя изданіе сочиненій Гоголя, Кулишъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять и хлопоты по отправкѣ Трушковскаго за границу; принимая въ немъ участіе, онъ принужденъ былъ ѣздить въ банкъ, чтобы взять оттуда деньги, предназначавшіяся для печатанія, входить въ сношенія съ цензоромъ, извѣстнымъ писателемъ Лажечниковымъ, дѣйствовать на цензурный комитетъ [1]). Но здѣсь ему была большая удача, благодаря самоотверженію цензора. „Добродѣтельный Гиляровъ ночи не доспавъ, а пидпысавъ усякый лысточокъ восьмы томивъ. А письма Гоголя треба прывесты въ порядокъ и прыслать ёму на прочетъ. Обищавъ продержать пивтора дня“. Было условлено, что Кулишъ получитъ десятую долю выручки съ изданія, вслѣдствіе чего, надѣясь продать его сполна Базунову за 25000, онъ разсчитывалъ получить на свою долю двѣ съ половиною тысячи рублей [2]).

которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства».

[1]) Однажды Кулишъ сообщалъ: «сочиненія Гоголя позволены безъ всякихъ сокращеній, но оффиціальной процедуры еще не сдѣлано».—«Князь Вяземскій»—писалъ отъ въ другомъ письмѣ—«дѣйствуетъ сильно противъ цензурныхъ неправдъ».

[2]) Въ львовскомъ журналѣ «Правда» сказано, однако, что Кулишу было предложено за трудъ три тысячи рублей (1868, стр. 312).

Повидимому, Кулишъ постепенно входилъ въ интересъ новаго взятаго на себя труда; сначала же, когда ему приходилось заниматься черновой работой, т. е. добываніемъ, переписываніемъ, а главное—сортировкой писемъ и вообще установленіемъ по возможности строгаго хронологическаго порядка среди хаотическихъ грудъ подлинныхъ писемъ и сниманіемъ съ нихъ копій, когда приходилось тонуть въ грудѣ бумагъ, то и онъ испыталъ на себѣ тяжесть неблагодарной, но совершенно необходимой подготовительной работы [1]). Слѣды этого видны въ нѣкоторыхъ письмахъ. „У меня голова идетъ кругомъ", жаловался онъ, „отъ цензурныхъ смятеній и отъ устройства въ порядокъ безпорядочныхъ писемъ Гоголя, которыхъ болѣе тысячи, и многіе безъ годовъ и чиселъ,—все это надобно опредѣлить, размѣстить, кое-что выключить и проч. и проч.". Особенно же допекла цензура: „цензурныя остановки не мало томятъ меня. Одно чувство у меня есть—бѣжать, но куда—не знаю. Я убѣжалъ бы отъ самого себя, потому что душа моя состоитъ изъ дисгармоніи, которая меня же самого терзаетъ". Но и кромѣ этого у Кулиша стеклось одновременно такое множество самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относившихся къ его литературнымъ трудамъ, что онъ, мучительно торопясь и утопая въ трудахъ, тѣмъ не менѣе со многимъ не успѣвалъ справляться. Такъ онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „О литургіи Гоголя распоряженіе учинено, и вы будете имѣть списокъ. О пропускахъ же отложилъ попеченіе. Писемъ Гоголя гора у Трушковскаго, и нѣтъ силъ сдѣлать всѣ выписки. Онъ напечатаетъ ихъ со временемъ, а при теперешней цензурѣ весьма немногое

---

[1]) Въ одномъ письмѣ Кулишъ особенно жалуется на траты на переписку, пересылку и переѣзды по изданію сочиненій Гоголя («Кіевская Старина», 1898, II, стр. 309). Конечно, онъ заботился также о продажѣ изданныхъ книгъ. Такъ онъ благодаритъ однажды Галагана за то, что онъ внушилъ своему свояку, попечителю кіевскаго округа, Ребиндеру, купить восемьдесятъ экземпляровъ «Записокъ о жизни Гоголя» для гимназій («Кіевск. Стар.», 1899 г., IX, 341).

будетъ зачеркнуто, развѣ то, что̀ шокируетъ живущихъ, а такого слишкомъ много. У Трушковскаго я видѣлъ еще пачку писемъ Смирновой, но уже не дерзнулъ и помыслить списывать: боюсь погрязнуть въ копировкѣ. Мнѣ надобно дѣлать иное дѣло. У Трушковскаго цѣлый чемоданъ наполненъ бумагами Гоголя, хранившимися доселѣ у Шевырева. Такому человѣку, какъ я, слѣдовало бы имѣть при себѣ неотлучную пишущую машину, усердную и довольно грамотную. Мнѣ все и вездѣ открыто, но нѣтъ средствъ черпать". Также В. В. Тарновскому Кулишъ вскорѣ писалъ, что хотя онъ напечаталъ два тома писемъ Гоголя и разныхъ свѣдѣній о немъ (здѣсь разумѣлись „Записки о жизни Гоголя"), но что это лишь небольшая часть всѣхъ матеріаловъ, которые напечатаютъ Трушковскій и другіе [1]). Г-жѣ Милорадовичъ онъ писалъ „Облегли меня труды и хлопоты кругомъ, и не знаю, какъ изъ нихъ выбраться".

Сверхъ того, самое содержаніе большинства писемъ въ ихъ разбросанномъ видѣ и безъ предварительнаго всесторонняго ихъ изученія, въ свою очередь немыслимаго до приведенія ихъ въ строгую систему, которая могла явиться уже конечнымъ результатомъ предпринятой работы, было неясно и работа надъ ними казалась нерѣдко утомительною: „Письма Гоголя первыхъ годовъ"—писалъ Кулишъ женѣ—„очень утомляли меня ребяческою болтовнею, но чѣмъ далѣе, тѣмъ они интереснѣе, и часто изъ редактора я дѣлаюсь читателемъ. Написалъ я тебѣ, какъ утомляетъ меня работа, и раскаиваюсь! ты преувеличиваешь въ воображеніи. То былъ такой часъ унынія, въ который хотѣлось тебѣ пожаловаться" [2]).

Эта торопливость Кулиша, обусловливаемая самой пылкостью его натуры и множествомъ, нетерпящихъ отлагатель-

---

[1]) См. также «Русское Обозрѣніе», 1893, III, 195—200.

[2]) Но это случалось не разъ, и жалобы на избытокъ спѣшныхъ дѣлъ повторялись и въ письмахъ къ постороннимъ, напр. «Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищается». («Кіевск. Стар.», 1898, II, стр. 231).

ства, литературныхъ задачъ и патріотическихъ замысловъ встрѣтило нѣкоторое осужденіе со стороны цензировавшаго сочиненія Гоголя извѣстнаго Н. П. Гилярова-Платонова. Причина несогласій послѣдняго съ Кулишемъ заключалась въ томъ, что Гиляровъ требовалъ отъ перваго исключительнаго посвященія на нѣкоторое время всѣхъ своихъ силъ такому дѣлу, какъ изданіе сочиненій Гоголя, тогда какъ Кулишъ возражалъ ему: „Въ эту пору моей жизни за такое время" (около года, какъ можно понять изъ содержанія всего письма) „купить меня невозможно ничѣмъ. Это говорю относительно нѣкоторыхъ предпріятій, которыя для меня дороже самой жизни" [1]). Но и помимо этого, Кулишу не могло понравиться осужденіе его труда, когда и безъ того онъ успѣлъ уже такъ много сдѣлать, какъ едва ли это удалось бы въ такой промежутокъ времени кому-нибудь другому. Вѣдь въ то же самое время были уже выпущены имъ въ двухъ томахъ „Записки о жизни Гоголя", представлявшія собою, какъ на это смотрѣлъ и самъ авторъ, какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе „Опыта біографіи". Отношеніе „Записокъ" къ „Опыту" справедливо было указано Кулишомъ въ письмѣ къ Н. М. Бѣлозерскому въ выраженіи: „оно будетъ аки генералъ передъ прапорщикомъ, въ разсужденіи богатства и драгоцѣнныхъ матеріаловъ".

XXXII.

Изъ любопытнѣйшаго письма Кулиша къ Гилярову-Платонову, напечатанному недавно въ „Русскомъ Обозрѣніи" [2]), мы узнаемъ отчасти, хотя и въ очень общихъ чертахъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся исторіи изданія, и съ другой стороны предъ нами раскрывается отношеніе Гилярова-Платонова къ цензируемому изданію.

---

[1]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, 194.

[2]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 195—200.

Мы говорили, что племянникъ Гоголя, Трушковскій, приступивъ къ изданію, встрѣтилъ такія трудности во многихъ отношеніяхъ, что долженъ былъ отказаться отъ непривычнаго дѣла, тѣмъ болѣе что здоровье его уже находилось въ разстроенномъ состояніи. Приведеніе въ порядокъ рукописей и писемъ, возня съ цензурой и другія издательскія хлопоты, очевидно, оказались ему не подъ силу, и онъ самъ сталъ искать редактора для предпринимаемыхъ изданій. Аксаковы указали ему на Кулиша, который, въ свою очередь, рекомендовалъ Бодянскаго, какъ издателя, „не имѣющаго соперниковъ", разумѣя, вѣроятно, подъ этими словами всѣмъ извѣстную необычайную добросовѣстность и аккуратность Бодянскаго. Но, Бодянскій, повидимому, оттолкнулъ отъ себя Трушковскаго своей медленностью, назначивъ недѣлю срока только на то, чтобы подумать, можетъ ли онъ объ этомъ начать переговоры и притомъ, кажется, не сумѣлъ обойтись съ больнымъ. Хотя вопросъ былъ настолько серьезенъ, что подобная просьба была вполнѣ естественна, но впечатлѣніе, произведенное просьбой Бодянскаго на болѣзненно-раздражительнаго Трушковскаго, было непріятное, и послѣдній выразилъ желаніе, чтобы за дѣло изданія взялся Кулишъ, и вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что ему одному онъ могъ бы ввѣрить изданіе. Вѣроятно, впрочемъ, прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени раньше этого рѣшенія, когда Бодянскій даже приступилъ было уже къ работѣ, такъ какъ въ бумагахъ его оказались нѣкоторыя копіи и писемъ Гоголя, и въ томъ числѣ съ писемъ, относящихся совершенно къ различнымъ періодамъ, большей частью вошедшихъ въ изданіе Кулиша, но два-три письма по разнымъ соображеніямъ остались невключенными въ него, и они уже значительно позднѣе (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) были напечатаны въ „Русской Старинѣ" А. А. Гатцукомъ [1]). Какъ я слышалъ отъ покойнаго Гатцука, всѣ эти копіи были сдѣланы съ замѣчательной тщательностью и въ величайшемъ порядкѣ, но, вѣроятно, Трушковскому эта-то щепе-

---

1) См. «Русскую Старину», 1888, III.

тильная аккуратность именно и не понравилась, потому что грозила затяжкой дѣла, которое ему желательно было скорѣе окончить. Когда изданіе принялъ на себя Кулишъ, не отвлекаемый оффиціальными служебными занятіями, онъ повелъ дѣло чрезвычайно скоро и энергично, но предварительная черновая работа съ внѣшней стороны все же неизбѣжно должна была отзываться нѣкоторой спѣшностью [1]). Прекрасное исполненіе изданія, давно получившаго справедливо заслуженную высокую оцѣнку, ясно показываетъ, что нѣкоторыя бросившіяся въ глаза цензору Гилярову-Платонову мелочныя неисправности въ этой черновой работѣ, какъ напр.—что попадаются дублеты, что иной разъ нарушена хронологія (въ самомъ изданіи нѣтъ слѣдовъ этой неисправности), были почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сложной работы, и мы должны вѣрить словамъ Кулиша о томъ, что даже для того, чтобы сообщить рукописямъ тотъ ужасающій (съ строгой точки зрѣнія Гилярова-Платонова) видъ, въ какомъ онѣ предъ нимъ предстали, Кулишъ работалъ нѣсколько недѣль сряду такъ, какъ никто изъ извѣстныхъ ему людей работать не въ состояніи. „Вы смотрите на мои рукописи"—продолжаетъ Кулишъ—„какъ на крайнюю небрежность и даже неуваженіе къ публикѣ, а я смотрю на нихъ, какъ на грубо обтесанный мраморъ, въ котораго безобразной грудѣ только глазъ мастера видитъ стройную фигуру" [2]). Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до сихъ поръ копіи Кулиша совершенно подтверждаютъ справедливость его словъ: дѣло было ведено вполнѣ аккуратно и тщательно, за исключеніемъ того, что, быть можетъ, послѣ издателю приходилось нѣсколько измѣнять порядокъ нѣкоторыхъ заготовленныхъ къ печати пачекъ и т. п.

Между тѣмъ Гиляровъ предлагалъ и собственное содѣйствіе въ редактированіи писемъ, на что, повидимому, Кулишъ былъ согласенъ; но Гиляровъ болѣе чѣмъ странно, вѣроятно

---

[1]) Объ этой торопливости см. въ Львовской біографіи Кулиша («Правда», 1868, стр. 312).

[2]) «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 196.

подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, отнесся къ своему собственному дѣлу, отказавшись подписать безусловно все вышедшее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Гоголь. Трудно повѣрить, что Гиляровъ упрекалъ Кулиша въ томъ, что имъ не все (!!) вымарано изъ писемъ, что̀, по его мнѣнію, слѣдовало бы исключить, а равно чрезвычайно страненъ тонъ его наставленій, когда онъ позволилъ себѣ сказать, что „слѣдуетъ, по правиламъ чести, продавать письма особо, а сочиненія особо“: не считаться съ условіями русской книжной торговли имѣлъ бы право только человѣкъ, дѣйствующій безусловно на свой страхъ и взявшій на себя заранѣе всѣ послѣдствія такой постановки дѣла, и странно было ставить въ упрекъ Кулишу, что онъ въ интересахъ русской литературы и наслѣдниковъ Гоголя, исполнилъ, какъ могъ, изданіе писемъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ оно было бы долго неосуществимо.

Помимо Гилярова, Кулишу пришлось обратиться и въ Петербургъ въ главное правленіе цензуры, подавъ чрезъ посредство извѣстнаго друга Гоголя, А. П. Толстого, докладную записку Вяземскому о разрѣшеніи дать всѣмъ шести томамъ одно общее заглавіе. Весьма вѣроятно, что это ходатайство было вызвано именно несочувствіемъ Гилярова мысли соединить изданіе писемъ съ изданіемъ самыхъ сочиненій, и не менѣе вѣроятно, что это обстоятельство было причиной его рѣзкостей въ отношеніи Кулиша, хотя въ то же время любопытно, что Кулишъ признавалъ большія достоинства за тѣмъ планомъ, который рекомендовалъ ему Гиляровъ, и нельзя не пожалѣть, что письма Гилярова къ Кулишу погибли въ 1885 г. во время пожара на хуторѣ послѣдняго. „Въ вашемъ умѣ, какъ вижу изъ вашихъ писемъ“,—писалъ Кулишъ—„строится нѣчто гармоническое, исполненное глубокаго смысла; по вашему плану вы можете сдѣлать величайшую вещь“ [1]. Но въ чемъ именно заключался этотъ планъ, не могъ впослѣдствіи припомнить и самъ Кулишъ, называвшій потомъ Гилярова, можетъ быть, съ чрез-

[1] «Русское Обозрѣніе, 1897, III, 200.

мѣрнымъ энтузіазмомъ „Ильей Муромцемъ духовной дѣятельности“ [1]).

XXXIII.

Въ то время, когда печаталось изданіе, Трушковскій окончательно заболѣлъ и „весь аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія“, какъ взятое имъ на себя изданіе. Тогда Кулишъ „перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать нѣсколько типографій“. При этомъ Аксаковъ и Плетневъ настаивали на строжайшемъ маскированіи въ перепискѣ именъ корреспондентовъ Гоголя, изъ которыхъ большинство тогда было въ живыхъ, но Кулишъ составилъ ключъ къ раскрытію этихъ именъ, со временемъ, къ сожалѣнію, утраченный. [2]) Изданіе сочиненій и писемъ Гоголя, какъ извѣстно, вышло въ свѣтъ въ 1857 г. [3]), а въ предшествующемъ 1856 г. наконецъ снята была предварительная цензура III отдѣленія съ сочиненій Кулиша (извѣщеніе объ этомъ Дуббельтомъ было позднѣе напечатано кн. Шаховскимъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“) [4]), и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ Кулишъ представилъ въ цензуру статью „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссовъ въ XVII в.“, причемъ цензоромъ ея на этотъ разъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій. Можно представить себѣ, сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать Кулишу за все это время, когда онъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ формальностями, недоразумѣніями и претензіями и долженъ былъ тратить на сгла-

---

1) Тамъ же, стр. 203.

2) Эти письма потомъ были раскрыты въ нашемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» (1-ое изд. вышло въ 1886, 2-е—въ 1888).

3) См. о немъ также въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», стр. 95—96.

4) «Русское Обозрѣніе» 1897, III, стр. 207.

живаніе и устраненіе массу времени и душевныхъ силъ. Эта сторона дѣла всего легче можетъ ускользнуть при оцѣнкѣ его дѣятельности, а между тѣмъ вину подобныхъ передрягъ отнюдь нельзя возлагать на человѣка желѣзной энергіи и упорнаго труда, страдавшаго отъ всякихъ случайныхъ неурядицъ. Можно было бы даже съ полнымъ, повидимому, основаніемъ дѣлать Кулишу упреки, какъ дѣлалъ ихъ Гиляровъ, строго судившій нѣкоторыя внѣшнія неисправности въ представленныхъ ему рукописяхъ, но если эти неисправности были только формальныя, какъ было въ данномъ случаѣ, то справедливо было бы, съ другой стороны, принять во вниманіе и самыя условія работы и весь затраченный на дѣло колоссальный трудъ. А черновая работа по изданіямъ и разныя сопряженныя съ нимъ хлопоты и волненія, особенно по милости цензуры, чего-нибудь да стоили! Особенно не слѣдуетъ забывать, что Кулишъ долженъ былъ при тогдашнихъ условіяхъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны приходилось соображаться съ разнообразными претензіями лицъ, ввѣрявшихъ ему документы, касающіеся Гоголя, и ладить съ больнымъ и капризнымъ Трушковскимъ, а съ другой стороны— прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, приспособляться къ требованіямъ цензуры.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго воспроизведенія цензурныхъ мытарствъ, чрезъ которыя пришлось пробиваться Кулишу, но до нѣкоторой степени можемъ судить объ этомъ по письмамъ. Такъ, по одному отвѣтному письму Кулиша мы видимъ, что С. Т. Аксаковъ совѣтовалъ ему, и можетъ быть не разъ, вооружиться терпѣніемъ. „Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости“—отвѣчалъ Кулишъ: „если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите“. Дѣло доходило до доклада Государю, какъ видно изъ одного письма Кулиша Трушковскому. [1])

---

[1]) Тамъ же, стр. 207. См. также «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ» т. III, стр. 113. Объ отношеніяхъ Аксаковыхъ къ этому труду

Любопытны слѣдующія строки въ письмѣ Кулиша къ женѣ: „Былъ я у графа Толстого (оберъ-прокурора). Онъ съ сокрушеніемъ сердца узналъ о колебаніи князя Вяземскаго и обѣщалъ употребить вновь свое вліяніе. Довѣренность его мнѣ или, лучше сказать, увѣренность во мнѣ необыкновенная. Онъ не жалуетъ современной литературы и называетъ себя „гасильникомъ", но говоритъ: „Ужъ если я, гасильникъ между ними (верховными цензорами), желаю видѣть ваше предисловіе (къ „Черной Радѣ") въ печати, то чтó же имъ думать". Все, однакоже, онъ призадумался надъ замѣчаніями Вяземскаго и сказалъ, что видно нельзя его поколебать, если онъ противится. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщался привести дѣло въ ясность, т. е. чтобы сказали „*нельзя*", и тогда я выпущу „Черную Раду" безъ предисловія". Понятно, что Кулиша постоянно преслѣдовало множество заботъ, отъ которыхъ онъ настолько похудѣлъ въ 1856 г., что совершенно измѣнился и даже не могъ нѣкоторое время исполнить данное женѣ обѣщаніе снять съ себя фотографію и оправдывалъ это такъ: „если по возвращеніи отъ Аксаковыхъ увижу, что я не похожъ на привидѣніе, то закажу свой портретъ", а нѣсколькими строками раньше говоритъ и о причинѣ этого: „Чувствую, что мнѣ оправиться не изъ чего, ибо я долженъ быть въ вѣчномъ движеніи и заботахъ, а мысли мои летаютъ по всему свѣту". И только въ благородномъ обществѣ Аксаковыхъ онъ могъ надѣяться настолько отдохнуть душой, чтобы не походить на привидѣніе. „Слава Богу"—говорилъ въ томъ же письмѣ Кулишъ,—„я чувствую себя здоровымъ, и въ этомъ вижу доказательство, что мнѣ еще надобно для чего-то жить. Когда бы только какъ-нибудь добыть спокойствія душевнаго, котораго бы ничто не въ силахъ было поколебать"... „Какъ немного нужно человѣку для спокойствія, но и этого не дается! Потому-то гораздо лучше броситься въ какую-нибудь пучину жизни, въ вѣч-

---

Кулиша см. И. С. Аксаковъ» т. III, 65, 71, 36 и проч., къ его другимъ произведеніямъ—тамъ же, стр. 79.

ное движеніе, въ вѣчное кипѣніе страстей, обезумѣть и вѣчно волноваться".

О цензурныхъ разрѣшеніяхъ Кулишъ всегда съ радостью извѣщалъ жену хотя нѣсколькими строками, и въ этихъ строкахъ чувствовалось получаемое имъ облегченіе. [1]) Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя не разъ обязаннымъ этими облегченіями духу новаго царствованія и съ большой симпатіей говорилъ о дѣйствіяхъ новаго государя, прибавляя: „Государемъ недовольны только закоснѣлые въ старыхъ формахъ правленія придворные, которые говорятъ: „нѣтъ прежняго величія!" Измѣнившееся положеніе дѣлъ не могло не быть особенно пріятно человѣку, который говорилъ: „Немного лѣтъ просилъ бы я у Господа, только бы эти годы исполнены были чувства, мысли и дѣла" [2]).

Кромѣ указанной причины, Кулишъ находилъ для своей души источникъ нравственнаго освѣженія, какъ мы знаемъ, въ восторженныхъ надеждахъ по поводу старыхъ и новыхъ украинскихъ литературныхъ силъ, напр. Квитки [3]), Марка Вовчка и

---

[1]) Иногда, напротивъ, ему случалось горько шутить по поводу цензурныхъ мытарствъ, напр. «Квыжкы мои понапечатувани, да одна безъ хвоста, а друга безъ головы, то й жду: не хочу такъ выпускаты. Хвистъ главное правленіе пропустыло, да щось цензоръ загаявсь у Москви зъ пидпысомъ, а голову ище оглядують, чы не кусатымется. Голова же сія есть предисловіе къ «Чорной Радѣ» (См. также «Кіевская Старина», 1898, XII, 365—375).

[2]) Къ сожалѣнію, Кулишъ ко всѣмъ этимъ, не зависѣвшимъ отъ него, волненіямъ присоединилъ еще волненія, порожденныя нападеніями его на «Тараса Бульбу» Гоголя въ его эпилогѣ къ «Черной Радѣ». (Объ этомъ мы говорили въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. I, стр. 12—13, примѣч. См. также его письмо къ В. В Тарновскому въ «Кіевской Старинѣ» 1898, XII, 356—360. Наиболѣе подробное изложеніе возникшей полемики см. въ «Исторіи русской этнографіи» Пыпина, т. III стр. 203—210).

[3]) Кулишъ очень любилъ Основьяненка и его сочиненія. Онъ писалъ къ г-жѣ Милорадовичъ: «Я до тѣхъ поръ читаю народныя пѣсни, пока онѣ не останутся у меня въ память, и Основьяненка

проч. и въ обществѣ такихъ людей, какъ Плетневъ или Аксаковы, а также въ своихъ поѣздкахъ въ Малороссію. Объ Аксаковыхъ онъ говоритъ. „Лѣтомъ у Аксаковыхъ еще пріятнѣе. Но я провелъ у нихъ однѣ только сутки, спѣша воспользоваться малороссійскимъ климатомъ. Старикъ Аксаковъ пишетъ исторію своихъ литературныхъ знакомствъ, не пропуская ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности. Мы говорили безъ умолку, какъ юноши, вступающіе въ жизнь. Осуждали между прочимъ „Собесѣдниковъ" и привели бѣднаго Консту въ унылие". О Малороссіи же Кулишъ писалъ: „При въѣздѣ въ Малороссію чувствую какой-то восторгъ, котораго давно не испытывалъ, и люблю ее, несмотря на все дурное, что̀ она въ себѣ заключаетъ". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Теперь я привязанъ матеріально и нравственно къ Петербургу, а душа моя стремится въ нѣсколько пунктовъ Малороссіи за поэтической наживою; мнѣ предстоятъ долгія странствованія по свѣту. Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя въ будущемъ, и я знаю, что придетъ время, когда никакая мѣстность и никакіе комфорты и связи не замѣнятъ мнѣ жизни въ мѣстахъ, памятныхъ мнѣ по событіямъ дѣтства и юности. Во что̀ бы ни превратился Борзенскій уѣздъ черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ, онъ останется для меня вѣчно чѣмъ-то роднымъ". Слова эти потомъ были подтверждены самымъ дѣломъ.

XXXIV.

Промежутокъ отъ второй половины пятидесятыхъ до начала семидесятыхъ годовъ былъ для Кулиша временемъ, чрезвычайно богатымъ разнообразіемъ внѣшнихъ событій и внутреннихъ настроеній, временемъ, когда надежды еще не угасли и старость еще не настала, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ

читаю до тѣхъ поръ, пока не останется слова, котораго я бы не зналъ, какъ оно у него сказано».

уже пріобрѣлъ опытность и небезотчетно расходуетъ свои силы. Но мы очень часто видимъ въ Кулишѣ смѣну восторженныхъ надеждъ и временныхъ разочарованій; время для устройства своей будущей судьбы еще не ушло, опредѣленной же колеи не было, и постоянно приходилось отыскивать и пролагать новую дорогу. Такъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, онъ обратилъ вниманіе на много обѣщавшее дарованіе г-жи Марковичъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. [1]) Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ Кулишъ пишетъ своему другу-поэту: „Посылаю тоби, брате Тарасе, „Оповидання" Вовчка. [2]) Бачъ, яки дыва творятся:—уже и каминня почынае вопіяты. Де-жъ, пакъ, не дыво, що, московка преобразылась въ украинку, да таки повисти вдрала, що хочъ бы й тоби, мій друже, то прыйшлось бы въ миру. Якъ-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щыро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину". [3]) Самого Шевченка онъ старался ободрить слѣдую-

---

[1]) Тѣмъ болѣе Кулишъ отъ всей души радовался каждому успѣху его старыхъ друзей, напр. Костомарова, о которомъ онъ съ большой радостью сообщалъ Вас. Вас. Тарновскому (25 окт. 1857): «Костомаровъ въ Саратовѣ. Надѣемся увидѣть его на петербургской (устряловской) каѳедрѣ» («Кіевская Старина», 1898, XII, 365). О Шевченкѣ онъ писалъ В. В. Тарновскому—сыну, что ему хорошо жилось въ Нижнемъ Новгородѣ и что онъ прислалъ семнадцать акварелей, изображающихъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи. Кулишъ выражалъ сожалѣніе, что эти акварели предположено было разыграть въ лотерею, тогда какъ украинскимъ патріотамъ слѣдовало бы въ своихъ рукахъ сохранить эти сокровища.

[2]) Кулишъ писалъ г-жѣ Милорадовичъ про «Народни Оповидання» Марка Вовчка: «Побачыте, що за дыво, що за краса нашои мовы! що за слава нашому сильському люду! Вси повисти напысани такъ, якъ народъ разсказуе. Выдумкы нема». Но Кулишъ находилъ и недостатки въ М. Вовчкѣ. Впослѣдствіи, поощряя свою жену къ занятіямъ литературой, онъ, какъ видно изъ одного письма къ Огоновскому, невольно сравнилъ ее съ Марко Вовчокъ, но видѣлъ въ ней женщину писательницу,—въ противоположность односторонности Марко Вовчокъ,—призванную изображать разные слои общества.

[3]) «Кіевская Старина», 1898, II, 231.

щими словами: „Пышуть до мене зъ Москвы, щобъ у московському журнали що небудь твое напечатать, не кванся на се, мій голубе, до якого часу. Одно, що тоби треба спростувать дорогу до столыци, а друге—зъ велыкою увагою треба теперъ роздывлятысь, що печатать, а що й прыдержать. Слава твоя пысательна теперъ у зеныти, то вже треба оглашаты себе голоснымъ диломъ, а не абы-якымъ. Посли 1847 року ждуть одъ тебе землякы ричей велыкыхъ, а посли вже й малымы до ихъ обизвеся". Кулишъ высказывалъ Шевченку свои мнѣнія о его поэтическихъ трудахъ, а послѣдній чрезвычайно дорожилъ этимъ, говоря: „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судья мнѣ, онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ—тотъ просто благоговѣетъ передъ моимъ стихомъ, Бодянскій—тоже. Нужно будетъ подождать Кулиша. Онъ хотя и жестоко, но иногда скажетъ правду. Зато ему не говори правды"—прибавлялъ онъ, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія" [1]).

Позднѣе Кулишъ сообщалъ нерѣдко въ своихъ письмахъ къ роднымъ разныя извѣстія о Шевченкѣ: „Кажуть, що вже Тараса зроблять хутко старшымъ. Цензура иноди крутытся, не одвыкшы басуваты по-старому. Хто жъ іи дражныть, а моя „Чорна Рада" на соби те переносыть" [2]).

XXXV.

Въ началѣ 1857 г. Кулишъ продалъ „Чорную Раду" (на русскомъ языкѣ) въ „Русску Бесѣду"—по сто рублей за листъ и кромѣ того выговорилъ себѣ 500 оттисковъ, куда онъ предпо-

---

[1]) „Всемірная Иллюстрація", 1897, № 19, стр. 438.

[2]) О себѣ же онъ писалъ въ шутку г-жѣ Милорадовичъ: «Много найдется родителей, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: «Не идите по стопамъ Кулиша, а то его бѣда постигла, что не въ свое дѣло мѣшался. Ужъ умнѣе предсѣдатели палаты да министры, да сенаторы какого-нибудь губернскаго секретаря»!

лагалъ включить иллюстрированныя изображенія и надѣялся, что эти экземпляры должны были разойтись скорѣе, нежели на малороссійскомъ языкѣ, бо землякы—ледачый народъ", и вотъ на этихъ чистыхъ листахъ онъ просилъ Н. М. Бѣлозерскаго дѣлать замѣтки о томъ, какъ жили люди въ старину, какіе были тогда суды и проч., и эти матеріалы предполагалъ потомъ напечатать въ третьемъ томѣ „Записокъ о Южной Руси". Въ то же время онъ занимался печатаніемъ „Исторіи Бориса Годунова". Отъ Н. М. Бѣлозерскаго онъ ожидалъ только выписокъ изъ его бумагъ о хищничествѣ козацкихъ старшинъ и пановъ въ XVIII столѣтіи.

Въ одномъ письмѣ Кулишъ проситъ передать Костомарову дружеское порицаніе за то, что онъ къ нему не пишетъ: «Костомара сыдыть у Саратови та й мовчыть, хырный. Не знаю що зъ имъ и діется». Черезъ нѣкоторое время Кулишъ имѣлъ случай оказать Костомарову немалую услугу, о чемъ онъ сообщаетъ впослѣдствіи въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ": «Окончивъ «Богдана Хмельницкаго», благодаря содѣйствію благороднаго ляха [1]), Костомаровъ прислалъ мнѣ изъ Саратова свою рукопись, прося напечатать ее отдѣльною книгою, но дня черезъ два онъ увѣдомилъ меня о своемъ желаніи помѣстить „Богдана Хмельницкаго" въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ,—и первый гонораръ знаменитаго впослѣдствіи историка былъ 45 рублей съ печатнаго листа въ «Отечественныхъ Запискахъ» [2]).

Еще до окончанія изданія сочиненій Гоголя, Кулишъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть осуществленіе своей мечты послѣднихъ лѣтъ, именно основаніе собственной типографіи, [3]) и въ его ру-

---

[1]) Свидзинскаго.

[2]) Гораздо позднѣе, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, Кулишъ однажды писалъ: «Журнальныя дѣла такъ упали, что Краевскій предлагаетъ Костомарову 40 р. съ печатнаго листа».

[3]) Любопытно, что Кулишемъ при учрежденіи типографіи руководили также заботы объ участіи двухъ его пріятелей, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть компаньонами. „Съ изданіемъ сочиненій Гоголя"—пи-

кахъ было исполненіе другого завѣтнаго плана—заграничной поѣздки. „Я могу продать изданіе Гоголя въ нѣсколько рукъ очень выгодно, съ уступкой только 10 процентовъ, а остальное по силамъ будетъ кому-нибудь съ уступкой 20 %. Итакъ сумма моя значительно подрастаетъ и мнѣ будетъ съ чѣмъ бродить по Европѣ“.

Цѣлью путешествія было самообразованіе: усиленныя спеціальныя занятія нѣсколькихъ лѣтъ, поглощавшія все время Кулиша до послѣдней минуты до такой степени, что у этого человѣка, котораго смѣло, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно называть образцомъ трудолюбія, иногда вырывались стоны сожалѣнія о неимѣніи возможности хоть сколько-нибудь принадлежать себѣ,—эти одностороннія занятія отвлекали его отъ многихъ другихъ, не менѣе важныхъ. Такимъ образомъ чувствовалась потребность какъ въ отдыхѣ, въ обновленіи силъ, такъ и въ расширеніи круга впечатлѣній. [1]) Вотъ какъ онъ передаетъ женѣ объ этой своей душевной потребности: „Типографіи работаютъ, корректуры читаются, приготовленія къ путешествію дѣлаются, а они состоятъ въ многоразличныхъ чтеніяхъ и выпискахъ. Я прихожу въ ужасъ отъ безплодности послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Въ умѣ моемъ водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Душа моя смята и измучена. Читая теперь исто-

---

салъ онъ С. Т. Аксакову—„связана еще судьба двухъ человѣкъ, для которыхъ я завожу типографію. Это люди высокой душевной чистоты, и жаль было бы потерять изъ виду въ мутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общеста ихъ непоколебимую честность“.

[1]) Одной изъ причинъ стремленія заграницу было для Кулиша разочарованіе въ сочувствіи къ себѣ земляковъ. Онъ писалъ Милорадовичу, что ему „тяжело ѣхать, зная, что никто тебя не ожидаетъ“. Здѣсь (въ Швейцаріи) по крайней мѣрѣ разнообразіе человѣческой жизни и природы можетъ сколько-нибудь занять тоскующаго человѣка.

рическія сочиненія и великихъ поэтовъ, я кое-какъ себя возстановляю, пополняю и привожу въ порядокъ. Если бы дѣла шли такъ, какъ до сихъ поръ, я бы съ отчаянія сдѣлался пьяницей или застрѣлился. А теперь я бы желалъ отдать себя въ руки какому-нибудь мудрому человѣку, который бы все во мнѣ пересмотрѣлъ и дополнилъ. Еще чувствую возможность быть человѣкомъ; еще остался во мнѣ юношескій жаръ къ ученію, но знаю, что это послѣдній порывъ; если имъ не воспользуюсь, то лучше мнѣ не существовать, чтобъ не презирать самого себя за пустую, мелкую, вздорную, ни къ чему святому не направленную жизнь. Всѣ мои сочиненія—сущій вздоръ. Они получатъ значеніе только въ такомъ случаѣ, когда я выскажу какую-нибудь великую идею въ болѣе совершенныхъ созданіяхъ. Тогда они окажутся необходимыми ступенями къ какой-то высотѣ, а когда высоты нѣтъ, то къ чему ступени? И такъ, я еще не совсѣмъ падшій человѣкъ. Я еще могу встать, еще могу торжествовать надъ жизнью, которая разбила меня въ прахъ. Одинъ годъ такого торжества—и душа моя совершенно и навѣки исцѣлится, и кромѣ благости ничего изъ нея не изыдетъ, и уже тогда ничто ея не возмутитъ; безсиленъ будетъ весь міръ возмутить ее".

Но это были пока мечты, а дѣйствительность продолжала предъявлять свои требованія и приковывать къ прозаическимъ заботамъ. Для сотрудничества въ типографскомъ дѣлѣ пришлось пригласить двухъ лицъ: Каменецкаго [1]) и Панина, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ же не оправдалъ возложенныхъ на него Кулишомъ ожиданій. Хлопоты продолжались: „Цензурныхъ экземп-

[1]) Съ нимъ Кулишъ велъ въ концѣ 50-хъ годовъ дѣловую переписку, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г., № VII, VIII и XII; тамъ же см. свѣдѣнія о личности Каменецкаго и объ отношеніяхъ къ нему Кулиша». П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здоровый умъ Каменецкаго не могъ раздѣлять увлеченій своего патрона». („Кіевская Старина", 1898, XII, 351).

ляровъ съ билетомъ до сихъ поръ нѣтъ. Наборъ все еще идетъ, потому что „Мертвыя души“ съ примѣчаніями и перебивкою текста—очень затруднительная работа. Моя типографія уже набираетъ „Бориса Годунова“, а графъ Толстой [1]) обѣщалъ черезъ недѣлю возвратить мнѣ „Литургію“, и это будетъ первая книга, которая выйдетъ изъ моей типографіи“. Въ томъ же письмѣ находимъ любопытныя строки и о Шевченкѣ: „Тарасъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ, но неизвѣстно, когда онъ сюда будетъ. Онъ получилъ первый томъ „Записокъ о Южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно только такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ. Онъ говоритъ, „що такои кныжкы ще зъ роду не чытавъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулишъ уже принимался за работу надъ изданіемъ сочиненій Квитки-Основьяненка, а съ другой стороны репутація его, какъ хорошаго, исправнаго издателя, грозила его надолго затянуть въ спеціально-издательскую дѣятельность. „За границу потому неудобно покамѣстъ ѣхать, что сочиненія Гоголя только-что окупятся; а можетъ быть, придется быть издателемъ и Пушкина, ибо Анненкову срокъ до 1 января, и книги вышли почти всѣ у него. Теперь сынъ Пушкина помышляетъ объ изданіи и хочетъ обратиться ко мнѣ“. Отсюда онъ приходилъ къ такому неутѣшительному заключенію, несмотря на перспективу пріятной самой по себѣ работы: „я, бывши недавно вольнымъ козакомъ, очутился опять на привязи. Впрочемъ, здѣсь больше были въ виду собственно хлопоты по продажѣ сочиненій Гоголя, по окончаніи которыхъ—мечталъ опять Кулишъ—„легкая кибитка помчитъ насъ въ тѣ страны, по которымъ ѣздятъ безъ лошадей: поѣдемъ прямо въ Римъ, до весны обнюхаемся съ иностранцами, и будемъ знать, куда и для чего ѣхать весной“.

---

[1]) Александръ Петровичъ, другъ Гоголя.

XXXVI.

Приведемъ теперь небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, относящійся къ жизни ихъ обоихъ въ Петербургѣ 1859—1861 г.: „Начались мои совмѣстныя работы съ Костомаровымъ по изданію Актовъ Южной Россіи чрезъ посредство Археографической Коммиссіи. По его слѣдамъ я изучалъ историческія рукописи Императорской Публичной библіотеки, гдѣ мы видѣлись ежедневно, работая въ уединенномъ кабинетѣ и перемежая работу веселыми шутками. Костомаровъ, несмотря на свои болѣзненные припадки, любилъ смѣяться, и смѣхъ его былъ возбудителенъ для собесѣдника. Мы воображали себя въ Императорской Публичной Библіотекѣ подвижниками; Публичную Библіотеку называли Храминой Спасенія; весьма часто находила на насъ блажь вести бесѣду на древнеславянскомъ языкѣ и даже сочинять стихи въ старинномъ вкусѣ. Другъ друга мы звали не иначе, какъ „отче Николае, „отче Пантелеймоне". Но бесѣда наша пришлась бы по вкусу и пушкинскому отцу Мисаилу съ его товарищемъ, отцомъ Варламомъ. Было что-то дѣтское въ веселости Костомарова, когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ. Никто бы не повѣрилъ, что наша Храмина Спасенія оглашается такими ребяческими разговорами. Однажды сказалъ онъ мнѣ, подражая въ совершенствѣ монашеской интонаціи, „честнѣйшій отче Пантелеймоне! хощу всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душею моею и всѣми помышленіями моими пояти себѣ жену красну, аки кринъ сельный". Я отвѣчалъ ему: „честнѣйшій отче Николае! добре сотвориши, обаче прикуй къ ложу своему цербера трезѣвна". И мой подвижникъ такъ расхохотался, что библіотекарь прибѣжалъ изъ сосѣдняго кабинета. Часто вспоминалъ Костомаровъ совѣтъ мой и всегда съ хохотомъ. Многіе изъ властительныхъ тирановъ позавидовали бы веселости книжныхъ иноковъ, которыхъ жизнь была такъ безпощадно исковеркана". [1]) Позволимъ себѣ при-

[1]) «Новь», 1885, № 13 стр. 69.

вести въ примѣръ ихъ оригинальной переписки на церковнославянскомъ языкѣ начало письма Костомарова къ Кулишу: „Отче, радуйся и паки реку радуйся! Вселюбезное писаніе твое пріяхъ и прочтохъ и радостью возрадовахся. Аще бо возможно сему быти: есть желаніе сердца моего и многыхъ лѣтъ, во еже написати дѣеписаніе народа житія его"... Оканчивается письмо такъ: „Женамъ сущимъ окрестъ о Христѣ благомудрымъ сущимъ земно кланяюсь. Також де возлюбленнаго брата Василія цѣлую любезнѣ. Смиренный инокъ, иже на Невѣ рѣцѣ, худый старецъ, паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій, на благость же неизрѣченную Божіей десницы уповаяй во вѣки, аминь". [1])

Въ 1860 и 1861 гг. Костомаровъ жилъ съ Кулишомъ общими интересами душа въ душу. Вмѣстѣ проводя утро въ Публичной Библіотекѣ, они любили также сходиться по вечерамъ и составляли небольшое, но весьма интимное общество изъ четырехъ-пяти членовъ, т. е. Костомарова, г. Мордовцева, супружеской четы Кулишей и В. М. Бѣлозерскаго. Слѣды этого постояннаго близкаго общенія ихъ сохранились, между прочимъ, въ письмахъ Кулиша къ Юзефовичу, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени ихъ связывали тогда общіе интересы. 7 ноября 1860 г. Кулишъ писалъ: „Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Петербургскій кружокъ земляковъ вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею Украйны во время своихъ вечернихъ сходокъ, и вотъ уже нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Велички, которая Богъ знаетъ почему не появляется въ продажѣ. „Вашимъ Лукомскимъ (лѣтописная компиляція по исторіи Малороссіи) „мы съ Костомаровымъ заинтересовались очень". Часто также мы находимъ въ этихъ письмахъ сообщеніе о статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ Костомарова и объ ихъ общихъ предположеніяхъ. Между прочимъ Кулишъ однажды сообщаетъ, что „Костомаровъ порывается

---

[1]) Нельзя поручиться за безусловную точность приведенныхъ строкъ вслѣдствіе феноменальной неразборчивости почерка Костомарова.

даже оставить каѳедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи“. Изданіе Актовъ Южной и Западной Россіи такъ воодушевляло обоихъ друзей, что они были совершенно околдованы надеждами. „Исторіи до сихъ поръ не было“—пишетъ Кулишъ —„и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Собственные замыслы Кулиша были тогда чрезвычайно широки и самоувѣрены, и Костомаровъ одобрялъ ихъ. „Мнѣ хотѣлось—писалъ Кулишъ о своей повѣсти „Тайна“—„написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною и на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гете или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ“. [1])

XXXVII.

Покончивъ наконецъ съ своими срочными типографскими заботами и имѣя въ своемъ распоряженіи довольно денегъ для задуманнаго путешествія, Кулишъ долженъ былъ передъ отъѣздомъ позаботиться объ устройствѣ дѣлъ по имѣнію. Право на владѣніе хуторомъ Мотроновкой еще не было выяснено, что повело къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Занятый постоянно литературой и разносторонними книжными интересами, Кулишъ постоянно стоялъ въ сторонѣ отъ этихъ пререканій, но ему надо было все-таки выяснитъ свое положеніе въ отношеніи къ имѣнію и стать въ опредѣленныя отношенія, въ качествѣ владѣльца, къ другимъ лицамъ, имѣвшимъ также свои права и виды на Мотроновку. И вотъ, онъ проситъ одного изъ братьевъ жены: „Сдѣлайте милость, устройте между собой какой-нибудь раздѣлъ и объявите намъ, на какихъ условіяхъ Мотроновка могла бы перейти во владѣніе Саши. До сихъ поръ мы даже не знаемъ, какую сумму денегъ должны припасать для того, чтобы получить право быть уже не гостями въ этомъ убѣ-

---

1) «Кіевская Старина», 1899, III, 317—322.

жищѣ. Еслибы вы написали намъ, что и какъ, то мы бы въ февралѣ могли и двинуться для слушанія въ Мотроновкѣ весенняго цвириканья воробьевъ. Ѣхать же наобумъ не рѣшимся. Здѣсь же мы все-таки чувствуемъ себя дома, а тамъ не знаешь, котораго брата величать хозяиномъ. [1])

Наконецъ Кулишъ пустился въ давно желанный путь съ женой. Онъ объѣхалъ большую часть Европы, всюду восхищался плодами западной цивилизаціи, которую онъ всегда цѣнилъ высоко, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ о томъ, что далеко до той степени благосостоянія и культуры его бѣдной, но горячо любимой Украинѣ; еще грустнѣе было ему отъ сознанія, что погруженная въ сонъ невѣжества родная страна такъ мало имѣетъ заступниковъ и покровителей, друзей мирнаго прогресса, и такъ много на ней тяготѣетъ всевозможныхъ условій, стѣсняющихъ даже ея естественное, столь запоздалое развитіе.

По возвращеніи Кулиша изъ заграницы В. М. Бѣлозерскій предпринялъ изданіе Малороссійскаго альманаха „Хата“ [2]) и затѣмъ журнала „Основа“. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, что̀ уже само по себѣ показываетъ предпріимчивость издателей. Осенью 1858 года, ободренный большимъ успѣхомъ „Записокъ о Южной Руси“ и другихъ своихъ трудовъ, Кулишъ рѣшился обратиться къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому съ просьбою о разрѣшеніи издавать журналъ, посвященный южно-русской жизни, подъ названіемъ „Хата“, съ отдѣлами мѣстной словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства, причемъ обѣщалъ, что органъ этотъ „будетъ чуждъ политики“. Министръ снесся по этому вопросу съ начальникомъ 3-го отдѣленія, княземъ Долгоруковымъ. Ходатайство было отклонено вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ „Граматка“ Кулиша была признана, по направленію, неодобренною. Между тѣмъ

---

1) Объ этомъ дѣлѣ см. подробнѣе въ «Кіев. Стар.», 1898, I, въ письмахъ къ Хильчевскому.

2) См. о ней замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1898, іюль-августъ, отдѣлъ второй, стр. 5—6.

Кулишомъ подготовлялись къ обработкѣ девять томовъ Исторіи „Возсоединенія Руси“ [1]).

Получивъ отказъ, Кулишъ одно время останавливался на мысли предпринять съ 1860 года изданіе цѣлаго ряда украинскихъ сборниковъ, причемъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, такъ объяснялъ основанія задуманнаго имъ дѣла: „Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа, отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ, языкахъ... По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу милліонамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ“.

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ составленной для насъ рукописной замѣтки доктора Славницкаго.

Наконецъ наступило время торжества; разрѣшено было изданіе „Хаты“ въ 1860 году (выпущенъ былъ впрочемъ только альманахъ подъ этимъ названіемъ, но не журналъ, какъ добивался Кулишъ); въ 1861 году разрѣшено издавать „Основу“.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ.[1]

Повисть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Середъ нового товарыства.

I.

Выйшовшы Романъ зъ волосты, повернувъ зновъ у гродъ.

Ще николы винъ не бувъ такый лютый на брата й на селянъ, якъ теперъ.

Ёму, бувшы вже не простымъ мужыкомъ, зазнаты такои ганьбы, такого сорома передъ цилымъ селомъ!

И все черезъ ёго, черезъ цёго клятого Деныса! Якъ бы винъ ёго заразъ отутъ, середъ шляху, стривъ,—задавывъ бы ёго, ростоптавъ бы, якъ гадыну!

Та гарни й батько зъ Зинькомъ, потураючы такому хамлетови, якъ Денысъ. Воны моглы бъ оддилыты ёго, Романа, даты ёму що треба,—винъ бы пишовъ одъ ихъ, и ничого бъ тоди не було.

А теперъ!..

Та вси воны, вси ёму за шкуру сала залылы!.. Вси ци мужлаи кляти!..

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 5.

Винъ повернувся до села, що вже порыпало въ долыни, вызыраючы зъ-за горба соломъяными покривельками зъ билымы дымарямы, роскыданымы середъ ясно-зеленыхъ купъ густыхъ вербъ и темного лысту садкивъ. Знявъ кулакъ угору, и кризь затыснени зубы вылетивъ якыйсь пивзвирячый згукъ лютосты й зненавысты. Повернувсь и пишовъ швыдко, швыдко.

Довго йшовъ, покы хочъ трохы втыхомырылося серце и мигъ думаты и про щось инше.

Що са́ме винъ заразъ робытыме въ городи?

Въ кышени въ ёго бряжчало трохы грошей,—решта видъ попереднихъ крадижокъ,—але ихъ не могло статы на̀ довго.

Эт! тамъ выдно буде! Стукатыме скризь,—десь да видчыныться.

Але якъ винъ увійшовъ у городъ и проходывъ вузькою вулыцею, поглядаючы на невелычки одноповерхови будыночкы, пооббывани дошкамы и помазани сирою хварбою, то не знавъ— у яки са́ме двери мае почaты стукаты. Вси булы однаково непрывитни, однаково замкнени видъ кожного чужого.

И такъ ишовъ усе дали та дали, ажъ покы дійшовъ до невелыкого базарю, засмитченого, захаращеного шопамы й рундучкамы, обставляного велыкымы й малымы бакаліямы та крамныцямы.

Си бакаліи й крамныци надыхнулы ёму думку: а що, якъ бы туды въ прыкащыкы?

Не довго думавъ и зайшовъ заразъ же у велыку бакалію. Тамъ було килькы покупцивъ, и крамарчукы метушылысь, поспишаючы все податы, не барывшы покупця. Одынъ пидбигъ и дуже ввичлыво озвався до Романа:

— А вамъ що завгодно?

— Та мени хазяина.

Облычче въ крамарчука заразъ одминылося, скоро выявылось, що се не покупець. Винъ недбало кывнувъ рукою на высокого худого чоловика, що стоявъ за кассою:

— Онъ!

Романъ пидійшовъ до хазяина, поздоровкався.

— А що скажете?

Романъ почавъ бувъ казаты, але ще й не доказавъ усёго, а вже хазяинъ замахавъ рукамы:

— Не треба! не треба! У насъ уси прыкащыкы йе.

Романъ выйшовъ зъ ціи крамныци и подавсь у другу. Въ другій хазяинъ спытавъ:

— А рекомендаціи есть?

Сёго въ Романа не було.

— А по якій части вы служылы?

Романъ одказавъ, що швайцаромъ.

— Та ни, по торговій части... Якъ вы служылы: чы въ бакаліи, чы въ мануфактури?

— Та я по торговій зовсимъ не служывъ.

— Э, дакъ вы намъ не пидходыте,—видказавъ хазяинъ и одвернувсь у другый бикъ.

Романъ выйшовъ знову безъ ничого. Але винъ уже наважывся походыты сёгодни по крамныцяхъ и почавъ заходыты въ кожну пидхожу по черзи. Здебильшого ниде не треба було прыкащыка, а якъ часомъ и не видсылано ёго видразу, то заразъ же выявлялося, що винъ торгивли не знае, и пислят цёго вже годи й говорыты. Обійшовшы такъ десяткивъ трохы не зб два крамныць, Романъ побачывъ, що тутъ ёму нема чого сподиватыся. Треба було се облышыты.

Почувався на втому й голодъ. Купывъ на базари хлиба, тутъ же сивъ на рундучку йисты. Базарь бувъ порожній, бо було вже пизно и день не базарный. Колы-не-колы тилькы перейде засмитченымъ майданомъ якый чоловикъ, але нихто не займавъ Романа. Мигъ йисты якъ хотивъ помалу и думаты скилькы хотивъ.

Думавъ усе про одно. Завтра пиде по палатахъ, то що: чы не треба тамъ сторожа. Не дуже до вподобы Романови було те сторожуванне, та вже лепше це, нижъ ничого. Пишовъ бы й сёгодни, та пизно: зъ усихъ палатъ члены вже поросходылыся. Щобъ такъ-сякъ добуты день до вечора, Романъ походывъ по миськыхъ бульварахъ, почытавъ на стовпахъ афиши

та инши оповисткы та роспытався, де тутъ йе „ночлижный домъ“. Скоро почало вечориты, пишовъ у той „домъ“ ночуваты за тры копійкы.

Не сподобалось ёму тамъ. Велыка свитлыця була така нечыста й темна, що липше було бъ іи темныцею зваты. На стинахъ колысь булы шпалеры, але се було дуже давно, бо теперъ одъ ихъ позоставалыся тилькы де-не-де велыки й мали клапти. Обдерти стины булы таки занехаяни, обплёвани, помазани роздавленымы блощыцямы, що Романови гыдко було на ихъ дывытыся. Чорни, зотоптани грязею помосты, попрогнывалы. У викнахъ найныжчыхъ шыбокъ зовсимъ не було: ихъ такъ часто быто, що хазяинъ позатулювавъ тамъ дощечкы. По всій хати стоялы шыроки ослоны зъ деревъянымы прыголовачамы—и середъ хаты й попидъ стинамы. Котри булы порожни, а на котрыхъ, на якомусь дранти, сыдилы або лежалы люде. Пидъ чорною видъ сажы стелею высила поганенька лампа и ледви освичувала тьмянымъ свитомъ цей прытулокъ людського вбозтва.

Романъ обибравъ соби порожній ослинъ пидъ стиною въ кутку. Скынувъ пальто, послався и мовчкы лигъ. Ще було рано спаты, и винъ, лежачы, почавъ роздывлятыся на товарыство, середъ яке потрапывъ. Булы стари, зовсимъ сыви диды, булы здорови дужи люде и хлопци рокивъ шиснадцяты-симнадцяты. Простои сильськои одежы було мало,—бильше всяке городянське вбранне. Яки сыдилы або лежалы самы соби, а яки купкамы, розмовляючы—певне знаёми. Онъ недалечко трое лагодыться вечеряты: пороскладалы поперед себе на якійсь ганчирци порizаный хлибъ и ковбасу, а одынъ зручно выбывае зъ пляшечкы затычку, вдарывшы дномъ пляшкы объ долоню. Прытуляе пляшку до губивъ, и Романови чуть, якъ булькае горилка. Надпывшы трохы, передае другому... Романови почынае страшно хотиться выпыты чарку горилкы и закусыты отіею ковбасою...

— Ты чого тутъ?—зненацька гримнувъ надъ имъ страшный басюра.

Романъ глянувъ и побачывъ, що биля ёго стоить здоровенный чоловъяга, убраный у шыроке й довге литне пальто, руде, заялозене й обдерте. На голови помъятый чорный брыль. Здорова пыка зъ бородою.

— Ты чого тутъ лигъ?—зновү зыкнувъ новый гисть.

— Того, що тутъ мисто було,—видказавъ Романъ.

— Ахъ ты болванъ неученый, стультусяка халдейськый! Хыба ты не знаешъ, що се мое мисто, га?

— А почому жъ бы я знавъ?—сказавъ Романъ, нехотя встаючы.—Я сёгодни тутъ уперше.

— Уперше?—не вгававъ здоровыло.—Тебе нечыста маты прынесе мабуть сюде ще милйонъ разивъ, то знай, що на се мисто въ мене давность земська, понимаешъ? Я тутъ ночую, я, Патроклъ Хвыгуровськый!

— Чого се тамъ уже бурса розвоювалася?—озвався хтось изъ другого кутка хаты.

— Сердыться!—додавъ другый.

— Цытьте вы, сусы тупорыли! Доси не можете розшелепаты того, де бурса, а де семинарія. Бурса!..

— Ну, ты вже Хвыгура!—одказавъ першый голосъ.

— Да, Хвыгура. А знаешъ ты, азинусъ клапоухый, що значыть хвыгура? Выдъ, образъ, все одно, що образець! Понимаешъ ты: образець, прымиръ для васъ усихъ, сервусы вы червъяковськи!

Регитъ покрывъ слова Патрокла Хвыгуровського. А винъ, не зважаючы на те, почавъ мостытыся на своему ослони, бо Романъ перейшовъ на иншый. Теперъ уже Романъ роздывывся на ёго дужче. Здоровенна голова зъ русявымъ кудлатымъ волоссемъ, зъ роскуйовдженою бородою. Облычче зъ товстымъ носомъ, одутле и червоче видъ выпытои горилкы, але зовсимъ не лыхе. Романъ ище й дали роздывлявся бъ на ёго, але новый гисть хотивъ спаты, бо въ ёго добре гуло въ голови: умостывшыся, лигъ, повернувся до стины и незабаромъ захрипъ такъ, що одынъ сонный ажъ жахнувся.

А Романъ довго не мигъ заснуты,—то видъ думокъ, то видъ усякои пôгани, що за ничъ скусала ёму геть чысто все тило. Заснувшы, спавъ погано и заразъ же прокынувся, скоро ночлижане заворушылыся въ хати. Поспишывся вмытыся и выйты на вулыцю.

Було ще рано куды-нèбудь иты за диломъ. Романъ пишовъ на базарь изнову, купывъ соби снидання й попойивъ. Пробавывшысь годынъ до десятёхъ, пишовъ „по палатахъ“.

Тутъ уже рекомендацій не треба було: досыть, що винъ салдатъ, бо стороживъ же й берутъ найбильше зъ колышнихъ салдативъ. Та нá лыхо, въ маленькому губернському гôроди не багато було тыхъ „палатъ“, а яки й булы, то скрызь уже народу повно й безъ Романа.

Винъ вы́ходывъ увесь день и вернувся ввечери до ночлижного безъ ніякои покы надіи на службу.

Въ ночлижному булы й нови гости, и ти, що ихъ Романъ бачывъ учора; тилькы не було Патрокла Хвыгуровського. Романъ подався на свое вчорашне мисце и заразъ же лигъ, утомленый.

До ёго пидійшовъ парубокъ—высокый, безвусый, у старенькому пиджачку та въ полатаныхъ на колинахъ штаняхъ. Облычче зовсимъ молоде, але якесь невыспане, брезкле, зъ велыкымъ сынцемъ пидъ окомъ.

— А що, земляче, не тутешній?—запытавъ.

— Ни.

— А видкиля?

— Зъ Дыбливъ.

— А! Чы не службы шукаешъ?

— Та службы...

— Н-ну!.. сёго ще попошукаешъ!

— Хыба трудно?

— А то ни? Я самъ уже зъ мисяць шукаю. Вытратывся, обидрався увесь,—отъ якъ бачышъ.

Воны розбалакалыся. Романъ розсказавъ парубкови про свои городянськи прыгоды, а той и соби оповидавъ, що винъ

тамъ та тамъ бувавъ, прохавъ, да ниде роботы нема,—хочъ пропадай зъ голоду! Отъ сёгодни винъ ище й не йивъ ничого.

— Чы нема въ тебе, земляче, хоть грывеныка? Позычъ, спасыби тоби! Зароблю на поденній,—оддамъ. А то якъ же ёго—не йившы?

Романъ и самъ бувъ голодный.

— А де бъ тутъ можна купыты чого попоисты?—спытавъ.

— О, можно! И попоисты й выпыты!—видказавъ парубокъ.—Давай, я збигаю!

Романъ выйнявъ четвертака, щобъ той купывъ на двадцять копіёкъ йижы, а пъятака здачы прынисъ. Парубокъ метнувся швыдко, але довгенько проходывъ. Прынисъ оселедець и булку, але безъ здачы.

— А пъятака,—просты, земляче!—и самъ не знаю якъ—выпустывъ зъ рукъ отутъ у двори. Шукавъ, шукавъ—темно, ничого не на́йдешъ. Нехай уже завтра пошукаю.

— Та вже нехай,—сказавъ Романъ, але ёму чогось здалося, що видъ парубка не пахло попереду горилкою и що ёго пъятакъ лежыть теперъ не на двори, а въ шухляди въ монополіи.

Поризалы на шматкы оселедець, роздилылы на двое булку й почалы йисты.

— О, дыки неукы!—озвався биля ихъ, пидійшовшы несподивано, Патроклъ Хвыгуровськый.—Йидять оселедець, не пывшы попереду! Ще въ древнихъ хвылозопивъ сказано, що рыба любыть воду. И колы не можешъ даты ій воды, то дай ій хочъ водкы.

Ёго здорова лапыще простяглася мижъ два йидци, ухопыла шматокъ оселедця и вкынула ёго въ велычезный ритъ. Простяглася знову, вломыла половыну парубковои булкы и послала іи слидкомъ за оселедцемъ.

— А самы жъ на́ що йисте, колы водкы не пылы?—запротестувавъ невдоволеный зъ такыхъ заходивъ парубокъ.

— Дурень есы!—одказавъ Патроклъ, чвякаючы на всю хату.—Водка вже тамъ есть, и черезъ те нехай ся тварь иде въ мою горлянку.

И знову шматокъ оселедця зныкъ за густою щетыною ёго рудыхъ вусивъ.

— Не гнивайся, земляче,—озвався до Романа,—що такъ, не пытаючыся, беру: довліеть бо пыща алчущому онои. И колы ты сёго сервуса червяковського и неключымого годуешъ такымы смашнымы оселедцямы, то вже мени й Богъ веливъ.

— Сидайте!—сказавъ Романъ.

Патроклъ сивъ на ослинъ и моргнувъ на парубка:

— Моторный хлопець! Уже й напавъ на парубка!

— Якъ тамъ напавъ?—одказавъ сердыто парубокъ.—Се я позычывъ у ёго грошей, пишовъ та й купывъ.

— Ну, ну, знаемъ!—прыпынывъ ёго Патроклъ.—Позычывъ, бо роботы нема, вытратывся... А скилькы загубывъ? Винъ завсигды роботы шукае и губыть чужи грошы—до себе въ кышеню,—сказавъ винъ уже до Романа.—Багато твоихъ загубывъ?

— Пъятака,—видказавъ Романъ.

— Пъятака? Дуракъ, що губывъ такый пустякъ! Тô—такъ винъ и по карбованцю губывъ. Одначе треба поспишатыся, а то сей кáнисъ ненажерлывый самъ усе похапа.—И винъ зновъ укынувъ соби въ ротъ шматокъ оселедця й булкы.—Эхъ, чортъ ёго зна! Все такы треба рыби воды! Лукашъ! маешъ два злоты: пляшечка й закусочка! Загубышъ хочъ одну копійку,—не дамъ ни крыхоткы, ще й шыю набъю!

Лукашъ зныкъ, але вернувся теперъ дуже швыдко, несучы шматокъ ковбасы, хлибъ и горилку. Почалы выпываты й йисты. Розбалакалысь изъ Патрокломъ, и Романъ мусывъ и ёму розсказаты про свои ходинкы й шуканыну.

— Жалію, амикусъ, тебе. Но не рюмсай и возвеселысь: терплять и кращи за тебе. Глянь на мене! Кончывъ два класы семинаріи, грекы й латыны чытавъ и думавъ ученостю превыше всихъ превознестысь и—пропавъ!

— Чого жъ вы пропалы?—спытавъ Романъ.

— Чого? Того, що въ мене имъя геройське.

— Якъ то—имъя геройське?

— Ты сёго понять не можешъ. Герой бувъ такый Патроклъ и Трою воювавъ и багато совершывъ дилъ славныхъ. Такъ и я, именемъ ёго названый, повсегда бувъ прыхыльный до геройськыхъ дилъ.

— И совершалы?

— Стультусъ!.. Зъ Вакхомъ у компаніи побывъ морду езуитови инспекторови и за те поневиряюся й доси. И ушелепкався въ сю бездну гнусносты, де кышать твари, подобни сій, богамъ зневàвысній, мармызи!—И винъ штрыкнувъ пальцемъ просто въ пыку Лукашеви.—Но не росквасюй губы, бо то подла манера. Якъ зазнаешъ усёго и не знайдешъ ничого и схочешъ уже наплювать на сей городъ,—прыходь до мене, и Патроклъ Хвыгуровськый дасть тоби достойную тебе роботу.

Романъ глянувъ неймовирно на обидрану постать Патрокла Хвыгуровського и подумавъ соби, що ледви чы можно чого видъ ёго сподиватыся. Той зрозумивъ ёго поглядъ.

— О, азинусъ клапоухый и Хома невирный! Не вытрищай своихъ слипакивъ на мою костюмировку, а дывысь на мои дила, и будешъ подобенъ мени и не пропадешъ зъ голоду!

Покы, одначе, дила героя зъ поганою костюмировкою обмежылысь на тому, що винъ найбильше за всихъ поравсь коло чаркы й закускы, прыбравъ геть чысто все, що мигъ прыбраты, а потимъ захрипъ по вчорашнёму на своему ослони зъ „земською давностю“.

Тры дни ще ходывъ Романъ та шукавъ соби службы, а на четвертый зоставсь зъ пъятакомъ у кышени. Ще одно можно було ёму зробыты: статы на базари.

Що-дня на одному звычайному мисци на базари стояла купка людей. Вси выглядалы заробитку. Сильськи парубкы й дивчата, попрыходывшы въ городъ шукаты наймивъ, стоялы поручъ зъ городянськымы куховарькамы й покойивкамы, що, покыдавшы старыхъ хазяинивъ, дожыдалыся новыхъ. Килькы

старишыхъ людей зъ сокырамы за поясамы—се булы дроворубы. Тутъ же стоялы й миськи обидранци зъ такыхъ ночлижныхъ доминъ, якъ отой, що въ ёму Романъ ночувавъ. Си такожъ выглядалы, але вже не наймивъ,—хто жъ бы ихъ найнявъ?—тилькы поденного або хочъ на одынъ разъ якого заробитку. Сильськи дивочи вбрання зъ яснымы зеленымы, сынимы, червонымы колирамы, парубочи свыткы, чумаркы, шапкы й брыли мишалыся зъ обдертымы лахманамы нечепурнои загыдженои городянськои одежы. Вся ця купка товклась середъ базаровыхъ ятокъ на засмитченому, закыданому недоидкамы и всякымы покыдькамы майданчыку,—люде стоялы, сыдилы, часомъ лежалы на порожнихъ рундукахъ. Дивчата цокотилы промижъ себе завзято, парубкы поштурхувалы дивчатъ, а ти верещалы голосно й весело. Городянськи куховаркы та покоивкы у „кохтáхъ“ та въ „палитáхъ“ трымалысь трохы ѳсторонь и промижъ себе судылы й лаялы на вси заставкы хазяёкъ та навчалы одна ѳдну (а часомъ и сильськыхъ дивчатъ), якъ треба поводытыся зъ хазяйкамы, щобъ не даваты имъ воли, якъ прыкыдаты бильшу цину до того, що купуешъ на базари... Було голосно й весело: кому й не щастыло, то соромывся передъ людьмы сумъ выявляты. Але все жъ часомъ було чуты смутне нариканне на нещаслыву долю, що й роботы нема й йисты нúчого, и нездужае... Блиди й змарнили облычча траплялыся середъ цёго натовпу часто. Обидранци часомъ и соби встрявалы до гуртовои розмовы, але бильше стоялы самы соби; часомъ воны прыносылы пляшечку „монопольки“ и заразъ же, на якому рундучку, а то й навстоячкы выпывалы іи, закусюючы гнылою ковбасою або смердючымъ оселедцемъ. Иноди пидходыла до дивчатъ и куховарьокъ яка панія, або й панъ,—выбиралы соби пидхожу и почыналы зъ нею вмовлятыся; якъ що едналы, то велы зъ собою. Тоди ти, що позоставалыся, лаялы панію, чы пана, казалы, що воны й слипи й дурни, бо взялы найпоганишу, а не взялы ни ѳднои зъ ихъ. Часóмъ хто прыходывъ нaйматы дроворуба—пыляты й колоты дрова, а то клыкавъ и обидранцивъ—найбильшъ переносыты щось важке. Дроворубы стоялы тутъ що-дня. Обидранци—такожъ що-

дня, хыба що ходылы часомъ по базарю, доглядаючы, щобъ панiи та куховарькы добре ховалы грошы: котора не робыла сёго, тую каралы, бо заразъ ти грошы потраплялы до рукъ обидранцеви, и вже тоди килькы день не выдко було ёго на точкý. Вси инши стоялы—покы хто найме, а зъ сильськымы бувало й такъ, що якъ докучыть стояты ненанятому, то й пиде воно соби знову додому.

Середъ цiеи купкы мусывъ статы й Романъ. Теперъ уже винъ думавъ про те, щобъ покы знайты соби хочъ поденный заробитокъ, бо ёму не було чого йисты. Але доля була до ёго неласкава: винъ простоявъ увесь першый день до вечора и не выстоявъ ничого.

Пъятака пройивъ,—не було зъ чымъ иты й до ночлижного. Романъ думавъ, думавъ и пишовъ у велыкый миськый садъ:

— Засну десь у кущахъ!—гадавъ соби.—Покы ще не холодно.

Вышукуючы въ саду лишого, затышнишого мисця, натрапывъ на чымалу будивлю, що стояла тамъ середъ прочыщеного майданчыка. Зроблена зъ шылёвокъ, въ одному мисци зовсимъ не було стины—сами поручата. Романъ перескочывъ черезъ ихъ и пишовъ у середыни по дощаному помосту. Сылкувався йты тыхо, щобъ не почувъ сторожъ садовый. Ишовъ у темряви и видразу почувъ, що падае внызъ.

Упавъ, але бильше злякався зъ несподиванкы, нижъ забывся. Вставъ, почавъ мацаты рукамы. Бувъ у якомусь дощаному корытари неглыбокому. Вылизъ изъ ёго лехко и пишовъ обережно дали. Дiйшовъ до якыхсь дверей и видчынывъ ихъ. Засвитывъ сирныка: невелычка дощана комирчына, мовъ хыжка, попидъ стинамы лавы.

Зважывся тутъ заночуваты. Лигъ на лаву, положывшы шапку въ головы.

Уночы килькы разивъ прокыдався, не розумiючы, де винъ. Тилькы ставшы вранци, побачывъ по выдному, що се бувъ литнiй театръ, покынутый уже теперъ, порожнiй, старый и об-

дертый. Мусывъ буты ёму прытулкомъ и на дали на той часъ, колы не буде грошей, щобъ ночуваты де-инде.

Сёгодни винъ продавъ за тры рубли свое пальто. Осинь тилькы почалась и була суха й тепла,—можно покы було й безъ його прожыты, а дали... що буде! За карбованця купывъ сокыру и выйшовъ на базарь. Його заразъ же взято колоты дрова. Романъ дуже зрадивъ сій роботи. Але покы винъ наколовъ купу дровъ та заробывъ пивкарбованця, то въ його такъ заболилы крыжы й рукы, що винъ клявъ свою роботу всякымы словамы. Ввечери пишовъ у ночлижный, стривъ тамъ Лукаша и зъ горя пройивъ и пропывъ зъ имъ увесь свій заробитокъ.

Що-дня Романъ стоявъ на точку, та не що-дня його брано. Въ якый день не було заробитку,—Романъ жывъ зъ тыхъ грошей, що зосталыся ёму видъ пальта. Се діялося тыжнивъ зо два,—ажъ покы знову такъ сталося, що въ Романа не було й трёхъ копіёкъ заплатыты за ничъ у ночлижному.

— Доробывся,—гирко нарикавъ на свою долю Романъ, идучы ночуваты знову у той садовый театръ. Теперъ се було не такъ добре, якъ попереду, бо вже пишлы дощи, и зробылолося вразъ дуже холодно. Романъ страшно намерзся, стоючы на базари, и бувъ голодный. Винъ увесь трусывся.

Дотягся до театру, перелизъ черезъ поручата и пишовъ у свій закамарокъ. Идучы темною сценою, винъ спиткнувся на щось и трохы не впавъ.

— Якый тутъ стультусяка собачый ходыть та людей колошкае?—несподивано гримнуло зъ темрявы.

Романъ пизнавъ голосъ Патрокла Хвыгуровського: се винъ на його спиткнувся.

— Се я, Романъ,—одповивъ.

— Якый Романъ, азинусъ?

— Та той, що зъ вамы въ ночлежному бувъ.

Увесь цей часъ имъ не доводылося стриватыся.

— А!... чого жъ ты тутъ?

— Та мабуть того, що нема на ночлижный грошей.

— Резонъ, хочъ ты й болванъ!

— А чого жъ я болванъ?

— А того, що повыненъ тутъ ночуваты.

— Та й вы жъ тутъ ночуете.

— Я—инша ричъ. Я, братику, такъ соби... ще вдень сюды зайшовъ... а бувъ трошкы выпывшы... та якъ лигъ—та й доси!.. Ну, а все такы я се мисто, правда, знаю добре... Дакъ се вже ничъ?

— Ничъ.

— А чого жъ ты зубамы ухналѝ куешъ?

— Бо холодно.

— Холодно? Ну, сидай биля мене та погрійся! Чого стоишъ? Сидай! За се платыты не доведеться.

И винъ у темряви піймавъ ёго за руку и потягъ унызъ. Романъ сивъ биля ёго.

— Эге, да ты, парубче, безъ пальта.

— А то жъ...

— А де жъ воно?

— Загуло.

— Ну, й ты жъ скоро загудешъ.

— Куды жъ я буду густы?

— Къ чортовому батькови въ зубы! Пропадешъ безъ одежы.

— Продавъ, бо треба було купыты сокыру. Що жъ мени було робыты?

— Клапоухый азинусъ! Попытайся мене, то я скажу, що тоби треба робыты.

— Кажить!

— Я тебе поведу до добрыхъ людей.

— Ведить!

— Тамъ покы що матымешъ кватыру и харчъ. Заплатышъ потимъ, якъ будуть грошы.

— Добра штука, спасыби вамъ!

— Не кажы—добра, покы не ззивъ! Якъ будешъ розумный, то матымешъ и роботу.

— Яку?

— Кращу за ту, яку робышъ. Тоди знатымешъ.

— Гараздъ!

— Тильки одно.

— А що?

— Чы зостанешся тамъ, чы ни; чы возьмешъ роботу, чы ни, а що побачышъ—про те мовчы!

— Мовчатыму.

— Запрысягнысь!

— Нехай мене хрестъ побъе и сыра земля не прыйме, колы кому скажу.

— Добре! А колы зламаешъ прысягу, то я тебе и пидъ землею знайду. Цила голова не буде. Це памъятай!

— Памъятатыму.

— Гайда!

II.

Довго йшлы черезъ увесь городъ, ажъ покы прыйшлы до якоись темнои и грязькои вулыци. Перейшлы іи всю. На прыкинци вулыця видразу падала внызъ и завертала въ якыйсь яръ. По обыдва бокы яру, по-пидъ глынянымы кручамы, блымалы маленькымы викнамы невелычки хаткы. Лыхтаривъ не було,—тилькы й свиту на вулыци, що зъ тыхъ виконечокъ. Ногы грузлы въ глыни, розмоченій дощамы. Разъ-у-разъ доводылось потрапляты въ калюжи. Романъ уже набравъ у свои драни чоботы стилькы воды, що вси ногы булы мокри.

— Иды сюды по-пидъ тыномъ,—сказавъ Патроклъ,—бо тутъ така халдейська калюжа.

И справди, всю вулыцю залыла велычезна калюжа. Се було найнызче мисце въ яру, и вода стикала сюды зъ усихъ высокостивъ.

Зъ бидою, чепляючыся за хворостяный тынъ, просунулысь повзъ калюжу.

— Ну й грязюка!—жалився Романъ.

— Ще й лучче: якъ упадешъ, то не забъешся.

— Та куды се мы зайшлы?

— У Ривчакы.

— У яки ривчакы?

— Такъ зветься. Иды за мною!

Винъ завернувъ до двору. Одчынывъ хвиртку, впустывъ Романа и по хазяйському зачынывъ за имъ. Въ двори хата, здаеться, гонтомъ крыта, праворучъ—якись шопы, чы що.

Загарчавъ у темряви собака.

— Цыть, Хамло, цыть! Се я.

Здоровенный песъ, пизнавшы Патрокла, почавъ лащытыся до ёго.

— Що? Хыба давно не бачывъ мене? Нá вже! нá!

Вытягъ щось изъ кышени й давъ Хамлови.

— Добрый канисъ! гарный собацюра!.. Ну тебе къ чорту! Хвостомъ усю пыку заляпавъ.

Пидійшлы до хаты, и Патроклъ загрюкавъ у засунени двери.

Чуты було, якъ хтось выйшовъ зъ хаты, и чоловичый голосъ озвавсь у синяхъ:

— Хто тамъ?

— Одчыняй, то й побачышъ!

— Патроклъ Степановычъ?—запытавъ стыха голосъ.

— А то жъ!

Хазяинъ упустывъ гостей и заразъ же знову засунувъ двери. Ввійшлы въ хату. Се була звычайна мищанська свитлыця: велыке лижко праворучъ пидъ стиною, ливоручъ стилъ, а кругъ ёго прости деревляни, помазани рудою хварбою, стильци; блыжче до дверей—праворучъ пичъ, ливоручъ шахва. Стины облиплено поганенькымы, нечыстымы вже, шпалерамы; на стинахъ тры малюнкы безъ рямцивъ, прыбыти просто гвоздочкамы: копіяшни базарови ляпанци, вси помазани мушынымы слидамы. Якась жинка, мабуть хазяйка, блида й худа, клала спаты дытыну въ колыску, а за столомъ сыдивъ Лукашъ.

Поздоровкалысь и посидалы.

Тымъ часомъ увійшовъ зъ синей хазяинъ. Не такый здоровый, якъ Патроклъ, але кремезный и дужый, зъ велыкою блыскучою чорною бородою, зъ дужымъ закандзюбленымъ носомъ. Блыснувъ на Романа гострымы холоднымы очыма.

— Чого ты такъ на його дывышся?—спытавъ Патроклъ.— Оце тоби прывивъ чоловика. Ходыть безъ роботы. Колы заразъ нема въ насъ дила,—треба даты йому кватырю й харчъ.

— А талалай зъ билыхъ березъ не выпускатыме?

— Каже, що прыпне.

— Добре, хай ночуе.

— Отъ и гараздъ! А теперъ знаешъ що, Яроше? И винъ голодный, та й я, якъ вечиръ побачывъ, то розласувався на вечерю.

— А ну, Варко, давай тамъ, колы що е!—звеливъ Ярошъ господыни.—Мы ще й самы не вечерялы.

Жинка, мовчазна и якась дывна, почала готуваты вечерю. Хазяинъ выйшовъ у сины, а за имъ слидкомъ Патроклъ и довго про щось тамъ балакалы, тоди вернулыся вдвохъ.

— А ну, сидаймо,—поклыкавъ хазяинъ. Гости посидалы за стилъ, а винъ тымъ часомъ вытягъ зъ шахвы пляшку зъ горилкою.

— Отъ чудесна штука, що й оквавыта е!—зрадивъ Патроклъ.—Мабуть ты знавъ, що я змерзъ.

— А мабуть ты й не пывъ бы, якъ бы не змерзъ?—шуткувавъ Ярошъ.

— Та... мене покійный батько завсигды навчавъ: чарка— ворогъ твій! А я ворога де не побачу, тамъ и стребляю: не люблю ворогивъ.

— Варко! а ты жъ чого не сидаешъ?—озвався Ярошъ до жинкы.

— Не хочу.

— Зновъ завередувала? Иды й сидай!

Жинка мовчкы сила за стилъ и почала нехотя йисты, ни на кого не дывлячысь. Чоловикъ позыравъ килькы разивъ на неи зъ-пидъ лоба, але ничого не казавъ.

Романъ мало говорывъ, бильше слухавъ, сылкуючыся зрозумиты, до якыхъ людей винъ потрапывъ. Але ни обстанова въ свитлыци, ни звычайна мищанська одежа хазяивъ, ни розмовы—все про щось невидоме Романови—не казалы ёму ничого.

Повечерявшы, заразъ полягалы спаты: хазяи на лижкови, а трёмъ гостямъ послалы доли рядно, а пидъ головы подушкы.

Другого дни, якъ Романъ прокынувся, то въ хати никого не було: тилькы винъ та Патроклъ спавъ. Але въ синяхъ чуты було розмову. Жиночый голосъ казавъ:

— Зновъ уловылы гришну душу, якъ нечысти въ пекло!

— Мовчы! не твое дило!—видказавъ чоловичый голосъ.

— Бодай бы вамъ стилькы каръ було на тому свити, скилькы вы людей занапастылы!

— Варко, кажу тоби—мовчы! Давно въ тебе ребра трищалы?

— Покаравъ мене Богъ такымъ чоловикомъ!

— Ты такы добалакаешся!

Погроза злякала жинку, и вона змовкла. Въ хату ввийшовъ хазяинъ.

Романъ заплющывъ очы, мовъ спыть.

— Ге! часъ уставаты!—прокынувся Патроклъ.—А ну лышъ, братику, вставай!—штохнувъ винъ Романа въ бикъ.

Повставалы. Жинка внесла зъ синей самоварь. Посидалы пыты чай.

— Ну, дакъ хочешъ до насъ у кунпачію прыстаты?—спытавъ Романа Патроклъ.

— Чому ни,—абы добра кунпанія.

— Добра! Комерчеська,—сказавъ Ярошъ.

— А яка комерція?

— Кинська.

— Якъ то?

— Та такъ,—выяснывъ Ярошъ,—кони дешево купуемъ, а дорого продаемъ.

— И добре заробляете?

— Чому ни? Якъ пощастыть, то й добре.

— А де жъ вы купуете?

— Хыба на селахъ мало коней?

Романъ не розумивъ.

— Ты, Яроше, погано ёму розсказуешъ,—перепынывъ Патроклъ,—бо въ тебе чортма элоквенціи. Слухай, парубче! Знаешъ, якъ кони найдешевше купуваты?

— А якъ?

— Такъ, щобъ за ихъ зовсимъ не платыты.

— Та якъ же то?

— А такъ: якъ стемніе, то зайты въ гости до якого багатого стультуса-мужыка. По твоему—треба поторгуватыся зъ мужыкомъ, а по моему, зовсимъ того не треба, бо винъ дуже дорого буде правыты. А я ныщечкомъ повитку видчынывъ та на коня сивъ та й гайда въ степъ, то такъ найдешевше обійдеться.

Теперъ уже Романъ зрозумивъ.

— А чого, парубоче, замовкъ? Може вовы та хохы боишся?

— Ни, я вовы не боюся, а такъ...

— Дакъ вàвы?

— И вавы не боюсь...

— Дакъ гришкы, чы що?

Романъ мовчавъ.

— Болванъ, белбасъ и стультусъ!—гримнувъ Патроклъ.— Що то грихъ? Якъ хто заповидь ламае Божу. Що заповидь велыть? Подилысь изъ блыжнимъ твоимъ! Дилються багачи? Одвичай! Дилються багачи зъ намы?

— Ни.

— Ото жъ воны роблять грихъ, бо ламають заповидь. А мы, якъ возьмемо въ багача кони, то що зробымо?

— Та шо жъ? Украдемо!

— Азинусь клапоухый! Мы подилымо зъ блыжнимы багачевымы добро ёго,—а сёго хоче заповидь. Значыть, винъ іи ламае, а мы направляемо. Розибравъ?

— Та се я розибравъ, та...

— Ну, що „та“? Ты не такай, а слухай розумныхъ людей! Жывъ ты на сели? Жывъ. Що зъ тобою батько й браты зробылы? Цилувалы-мылувалы тебе? Ни, побылы мордяку та й выпхалы безъ ничого. А де жъ твое добро, що ты въ гурти зъ имы заробывъ? Братикъ риднесенькый укравъ. Що тутъ треба зробыты? Взять ихъ добро та й подилыть такъ, щобъ и тоби зосталося.

— А чого жъ у заповидяхъ напысано: „не укради“?

— Що ты мени заповидямы очы выбываешъ? Игнорантусъ мизеръ, або неукъ малоумный! Я ихъ лучче за тебе знаю. А якъ вовкъ у тебе теля вкраде, то ты не прыйдешъ та не вбъешъ вовка, не виднимешъ у ёго теля? Не украды у чесного, а въ злодія свое одберы! А ты глянь: старшына и староста гарбають обчеськи грошы—злодіи! Мужыкы цуплять панськый лисъ—злодіи! Паны хапають казённи грошы—злодіи! Шынкарь обдурює тебе въ шынку—злодій! Браты замоталы братову частку—злодіи! Уси промышляють, якъ хто втне. Ты онъ теперъ зъ голоду пухнешъ, а воны тамъ соби горилочку попывають, ажъ облызуються, да пундыкы-мундыкы трискають, та зъ Романа сміються,—ажъ черево до горы дметься,—що такого дурня халдейського, таку лемишку гречеську знайшлы, що не вміе свого добра въ ихъ вырваты. Пиды лышъ, позывайся зъ имы! Выпозываешъ?

— Та де тамъ!

— Дакъ не будь же роззявлякою, а пиды та й визьмы самъ.

— Та звисно, то моя частка, ту можно взяты... А такъ хто й зна въ кого, то се вже...—вагався Романъ.

— О, сервусъ малоголовый! Ты хыба жъ не бачышъ, що вси такъ роблють, якъ твои браты, то вси й крадуны. А въ крадуна не грихъ и забраты. Нема правды въ свити, а есть сама хапанына: хто швыдче, хто билше вхопыть! И хто вхопыть—той багачъ, хто не вхопыть,—той харпакъ! Въ старовыну лучче було: прыйшовъ грекъ, розбывъ Трою та й каже: я герой, бо Трою спалывъ, троянцивъ побывъ, а добро ихъ пограбувавъ. А

теперъ коженъ слебезуе: я по правди, я по закону! А одынъ зъ одного по тры шкуры деруть!.. Йивъ ты людей?

— Ни...

— Брешешъ! У старовыну вси люде людей йилы, а теперъ уси брешуть, що ни. Неправда: трискають такъ одынъ одного, що ажъ за ушыма лящыть! Бо homo homini lupus est!

И Патроклъ грюкнувъ зъ усіеи сылы по столу, ажъ дытына жахнулася й заплакала въ колысци, и все на столи задзвенило, а ёго очы спалахнулы злымъ огнемъ.

Помовчавъ трохы, похылывшыся, заспокоився, а тоди зновъ озвався до Романа:

— Ну, та нехай! мы вже тебе на чужыхъ не займатымемъ, а отъ давай подилымо тебе зъ братамы та зъ батькомъ.

— Якъ то?

— Та такъ! Адже самъ казавъ, що въ твого батька трое добрыхъ коней. Дакъ мы подилымо тіи кони такъ, що твою частку зъ ихъ тоби виддамо. Якъ що добри кони, то можно й добри грошы взяты.

Романъ мовчавъ. У ёго въ голови куёвдылыся всяки думкы, але винъ ще й самъ соби боявся ихъ выявляты. Винъ ничого не видказавъ Патроклови и пишовъ зъ хаты. Ёму не сыдилося: треба було кудысь иты, самому лышытыся, подуматы.

Зоставшыся Патроклъ зъ Ярошемъ самы въ хати, спершу дожыдалы Романа, що винъ зновъ увійде, але згодомъ побачылы, що винъ кудысь подався зъ двору.

— Ой,—сказавъ Ярошъ,—чы не наробыть намъ якого лыха цей кавалеръ?

— Ніякогисинького!—видказавъ Патроклъ.—Яке жъ бы?

— Пиде та въ полицію...

— Ну, то й що винъ скаже? Що мы пидмовлялы ёго кони красты? А свидкы де?

— Та такъ.

— Хыба полыція не знае, що ты вміешъ верхы йиздыты? Добре вже це розшелепала, хочъ тебе тоди за Степенковы кони й не осуджено.

— Та се такъ... Да тилькы не буде мабуть зъ ёго людей.

— Отъ побачышъ, що буде! Погуляе, погуляе та вернеться, бо ёму иншого ходу нема.

— Винъ бы намъ такъ стежку показавъ, що ой—ой! Нема краще, якъ изъ такымъ робыты, що добре село знае—промовывъ Ярошъ.

-- Ще бъ пакъ!.. Ты, отамане, звелы хлопцямъ,—нехай хлопци на поготови будуть: днивъ зо тры помыне, то винъ явыться.

А Романъ тымъ часомъ ишовъ куды очы, и голова въ ёго роспадалася видъ думокъ. Все мынуле, все, що винъ прожывъ, одбувъ уже,—такъ мовъ насунуло на ёго, зновъ ожыло.

До салдативъ винъ жывъ дома такъ, якъ и вси парубкы, и робывъ щыро. Тамъ у хазяйстви и ёго праци багато лежыть. Чы винъ же выненъ, що теперъ не може по такому жыты? Коженъ чоловикъ шукае кращого, а жывшы въ городи, винъ добре побачывъ, де те краще. Мужыча робота важка, нечыста, часомъ голодна й холодна. Та коженъ чортъ зъ тебе знущаеться, та нема такого начальныка, щобъ тоби до пыкы зъ кулакомъ не лизъ! А городянське жытте не таке: и робота лекша и менше зъ тебе воду варять, и заробитокъ бильшый. Отъ и винъ шукавъ цёго заробитку, шукавъ того кращого жыття. Колы жъ не щастыть! А ни батько, ни браты не хочуть ёго розумиты, не хочуть пособыты ёму. Якъ бы воны ёму виддалы ёго частку, то може бъ винъ уже давно чоловикомъ бувъ. А то прызвелы до того, що хочъ зъ голоду пропадай. Та ще якъ зганьбылы! Якъ бы не втикъ,—ризкамы выбылы бъ! Ёго—ризкамы!

Романъ зовсимъ не думавъ про те, що й винъ погано зробывъ, а згадувавъ тилькы крывду видъ брата. Гарный братъ! Ну, сказавъ бы батькови,—нехай бы батько, якъ тамъ схотивъ покаравъ, а то заразъ у волость, зъязаного, якъ рештанта.

Романъ згадувавъ, якъ ёго ведено селомъ зъ скрученымы назадъ рукамы, якъ люде показувалы на ёго пальцямы!.. И велыка злисть, лютисть знову ёго обнимала такъ, якъ и тоди, якъ винъ покыдавъ свое село. Тамъ то мабуть було про ёго балачка, уси мабуть казалы: эчъ, думавъ пануваты, а ставъ злодіюваты! Знае винъ цихъ мужыкивъ! Ради въ ложци воды одынъ одного втопыты! Правду казавъ Хвыгуровськый, що самы воны гирше за всякыхъ злодіивъ. Такъ и браты: не виддалы ёго частки,—однаково, що вкралы іи. А якъ злодій украде, дакъ хыба хазяинъ не може справди у ёго свого добра узяты? Оттакъ и винъ у братывъ може...

Романъ, не помичаючы того, самъ соби переказувавъ, що ёму казавъ Патроклъ.

Такъ... Але черезъ що жъ ёму чогось ніяково те зробыты, до чого ёго прыхыляють?

Грихъ воно, звисно, хочъ и свое, але такымъ робомъ браты.

Грихъ... се такъ... А то ще й такъ; воны соби тамъ ласо йидять, тепло вдягаються, на печи зиму лежатымуть, а винъ, Романъ, мерзне, голодуе, поневиряеться тутъ. Якъ бы не оци... злодіи, то може бъ и зъ голоду пропавъ. Хыба жъ се по правди? И хыба нема въ ёго такого права, щобъ сыломиць свое взяты? Тилькы свое, тилькы въ батька та въ братывъ,—ни въ кого иншого винъ не хоче, а въ ихъ самихъ...

Отъ ище тилькы одно страшно. Добре жъ, якъ усе гараздъ обійдеться, а якъ піймають? Острогъ, рештаньськи роты!..

Романови сыпнуло по-за шкурою снигомъ.

И хто ёго ще знае, що воно за люде оцей Патроклъ та Ярошъ. Може воны ще въ таку справу ёго вплутають... Певне за имы й полиція доглядаеться, бо вже мабуть знае ихъ... Що якъ бы питы та выказаты на ихъ? Звисно, винъ запрысягся Патроклови ничого никому не казаты, та хыба жъ винъ тоди знавъ, що се коноводы? Одначе... хочъ бы й пишовъ у полицію, але свидкивъ у ёго нема, то ничого зъ того й не було бъ.

А якъ винъ прыстане до ихъ, то тоди й ёму суда не мынуты... А въ тимъ... не вси жъ и попадаються... Мужыкы въ

такыхъ выпадкахъ страшниши за судъ. Бо якъ піймають коновода, то вже такъ ёго катують, що—бувае—тутъ ёму й каюкъ.

Ни, нехай ёму всячына! Краще винъ перетерпыть якось цей часъ, хочъ на поденну походыть, а тамъ може яка служба такы знайдеться, то буде винъ чоловикомъ жыты. А то...

Романъ пишовъ на базарь и ставъ знову на точку. Тилькы не багато выстоявъ: узялы попереносыты шахвы зъ однiеи кватыри въ другу та й годи,—бильше й не було роботы. Одибравъ злотого та ото й усёго заробитку. Винъ ёго пройивъ, а спаты пишовъ въ садъ, у театръ. Уночи бильше мерзъ, нижъ спавъ.

Другого дни було ще гирше: нихто за ввесь день не попытавъ ёго. На сели вже обробылыся, насунуло въ городъ парубкивъ: робитныкивъ було бильше, нижъ роботы,—не дотовпышся. Романъ бувъ не йившы до вечора. Не йившы пишовъ и ночуваты туды, куды и вчора. Але якъ винъ пидiйшовъ до театровои шопы и побачывъ темну сцену—мовъ велыку роззявлену пащу,—ёго обняло холодомъ. Згадавъ, якъ винъ мерзъ тутъ мынулои ночы. Тоди жъ хочъ не голодный бувъ, а теперъ... Обняла ёго безнадiя.

Оттакъ поневирятыся мучытыся! И черезъ що? Тилькы черезъ те, що браты не схотилы ёму виддаты ёго жъ добро!..

Ну, дакъ винъ самъ ёго визьме! Годи вже!..

Винъ уже и не думавъ бильше ни про грихъ, ни про страхъ. Винъ бувъ голодный.

Повернувся и пишовъ швыдко-швыдко на другый кинець города—туды, въ Ривчакы.

III.

Другого дни вранци Романъ ище спавъ у Ярошевiй хати, якъ рыпнулы двери, и въ хату всунувся Патроклъ Хвыгуровськый. Поважный тезкó грецького героя мавъ сёгодня облычче колоритнише, нижъ звычайно, бо пидъ ливымъ окомъ процвитавъ у ёго велычезный сынякъ.

— А де це?—кывнувъ на сынякъ Ярошъ.

— Атъ!—нехотя видказавъ и махнувъ рукою.

— Мабуть у Левона?

Левонъ—то бувъ таемный шынкарь и помишныкъ усякымъ злодіямъ, що въ ёго збиралыся пыты.

— А то жъ де хыба йе таки скажени?—одповивъ пытаннемъ Патроклъ.

— Мабуть зновъ зъ Левдыкомъ?

— Не зъ якымъ же дыяволомъ!—одказавъ Хвыгуровськый, ходячы по хати туды й сюды.—Сточортове опудало сміе сикатыся. Ну, я жъ ёму й давъ!

Проходячы прозъ Романа спячого, моргнувъ на ёго:

— А що, не казавъ я? Тутъ уже! Ходимъ лышъ у сины! Выйшлы.

— Самъ прыбигъ?

— Самъ учора ввечери.

— Що жъ винъ каже?

— Що надъ братамы хоче помстытыся. Тилькы надъ имы, а бильше ничого не робытыме.

— Та се вже звисно. Коженъ азинусъ думае, що тилькы оцей разъ, а бильше вже й не буде. Ты ёму вчора пиднисъ?

— А вже жъ; сёгодни дамъ похмелытыся.

— Тилькы добре дай!

— Знаю, скилькы. Не гараздъ переборщаты, бо треба, щобъ на вечиръ бувъ готовый. Пры ёму хлопцивъ я не хочу збираты. Покы хай новакомъ буде и не знае всихъ.

— А вже жъ.

— Перекажы Лукашемъ, щобъ надъ вечиръ зибралыся въ шопу. Хай пройдуть провулкомъ та по пидъ кручею,—тоди ёму зъ викна не выдко буде. Я загадаю—кому на яку роботу.

— Гараздъ, отамане.

Покы воны розмовлялы, Романъ усе спавъ, дарма, що Ярошева жинка ходыла прозъ ёго по хати, пораючысь. Знеможеный утомою, голодуваннемъ та горилкою, винъ спавъ ще довго, ажъ

покы вставъ, щобъ знову залыты горилкою останни искоркы сумлиння.

Надъ вечиръ того жъ дня у Яроша въ старій шопи, що була колысь возивнею, зійшлося пъятеро людей. Дожыдаючысь Яроша, посилы на старыхъ недоламаныхъ саняхъ, дижкахъ, дровахъ та иншому мотлоси, що имъ захаращено було возивню. Тутъ булы Патроклъ, Лукашъ и ще трое обидранныхъ добродіивъ. Прыйшовъ Ярошъ.

— А чого це нема Левдыка?

— Хто ёго знае... кудысь завіявся... Мабуть пъе,—сказавъ высокый похмурый чоловикъ.

— Бисова тинь!—вылаявся Ярошъ.—Теперъ ёго са́ме треба бъ. Ну, слухайте хлопци, якый загадъ буде!

Вси змовклы.

— Кучма, Лукашъ, Семенъ та Кулачъ—на сю ничъ у Рижкивку. Ты, Кучмо,—вдався винъ до того похмурого,—знаешъ Рижкивку, дакъ ты будешъ на сю ничъ имъ за отамана... Слухайте ёго замисть мене!.. У Охрима Пивня—багатый чортъ!—пары зо дви добрыхъ коней. Коней узявшы не ведить до Гапона, а заразъ на полтавськый шляхъ... на Полтавщыну... якъ тоди,—знаешъ? (Кучма кывнувъ головою). Та глядить, щобъ бильше двохъ чарокъ на дорогу нихто не пывъ!.. Щобъ не було якъ тоди зъ Лукашемъ... (Лукашъ похнюпывся). Розходьтесь, хлопци, да тилькы тыхо, по одному.

Ярошъ зъ Патрокломъ пишлы въ хату.

— Ну, Романе, треба намъ у дорогу,—щобъ не спизнытыся.

— Чы въ дорогу, то й у дорогу,—сказавъ зважлыво Романъ.—А хто жъ иде?

— Да отъ мы трое.

— А Лукашъ?

— Обійдеться й безъ Лукаша! На що намъ бильше, якъ трьохъ?

Ярошъ вынисъ изъ хыжкы свытку й чумарку.

— А нуте, вдягайтесь, щобъ теплише було! Та щобъ и городомъ одъ насъ не такъ пахло.

Вси трое повдягалыся въ сильську одежу.

— А чы у васъ тамъ коней замыкають?—спытавъ Романа Ярошъ.

— Замыкають.

— Ну, треба взяты й такого, щобъ одимкнуты.

И винъ прынисъ изъ синей велыкый зализный шкворинь.

— А то жъ на що?—спытавъ Романъ.

— А оце жъ прыбои вырваты, якъ що замкнено буде,—выяснявъ Патроклъ.

Незабаромъ усе вже було готове.

— Мы вдвохъ зъ Романомъ пидемо,—сказавъ Хвыгуровськый,—а ты, Яроше, згодомъ самъ выйдешъ—щобъ не такъ помитно.

— Гараздъ. Зійдемося за городомъ биля цегельни.

— Иды жъ ты, Романе попереду,—звеливъ Патроклъ,—та помалу, а я тебе нажену биля церквы. Все люде менше вкупи бачытымуть. Бо воны, яко Аргусы стооки, або Церберы пекельни,—такъ пащу й роззявляють, щобъ неповынну душу вхопыты.

Якъ Романъ зъ Хвыгуровськымъ пидійшлы до цегельни, то Ярошъ бувъ уже тамъ, пройшовшы блыжчымы вулыцямы. На двори зовсимъ смеркалося.

— Ну, гайда,—скомандувавъ отаманъ.

Вси трое пишлы шляхомъ. Ниде никого не выдко було. Разивъ зо два имъ зустрилыся селяне возамы и байдуже помынулы ихъ: зъ погляду трое злодіивъ здавалыся звычайнымы селянамы-хлиборобамы, що булы въ городи и теперъ верталыся до-дому. Патроклъ пидморгнувъ на ихъ:

— Чы се не ти кони, по яки мы йдемо?

— Ни, не ти,—видказавъ Романъ.

— Та я такыхъ и не хочу. Се дуже погани.

Увійшовшы верстовъ зъ висимъ, силы видпочыты пидъ гаемъ.

— А що, половыну ввійшлы?—спытавъ Ярошъ у Романа, якъ посыдилы трохы.

— А буде.

— Ну, гайда знову, щобъ на пивничъ вспиты. Тоди найкраще мужыкови спыться.

Рушылы знову. Була пивничъ, якъ передъ Романомъ зачорнилы хаты ёго ридного села. Щось немовъ торкнуло ёго, немовъ шепнуло ёму стыха-стыха: чы не облышыты це, чы не вернутыся? Але було вже пизно, вороття не було.

Ничъ спріяла имъ. Мисяць давно зайшовъ, по осинньому небу пересувалысь разъ-у-разъ хмары, тьмарючы и той невелычкый свитъ, якымъ блыщалы зъ неба на землю зиркы.

— Я йтыму попереду, а вы за мною,—сказавъ Романъ товарышамъ.

Сылкувався говорыты спокійно, а самого трусыла пропасныця, якъ пидходывъ до крайнёи хаты.

Абы перейты першу довгу вулыцю, щобъ хто не стрився, а дали—тамъ уже скризь можно горбдамы.

Швыдко й обережно перейшлы вулыцю. Стрилы такы й стукача, але винъ любисинько задримавъ на одному пиддашши.

— Черезъ тынъ!—скомандувавъ тыхо Романъ.

Перескочылы такъ, що й не триснуло. Романъ ишовъ попереду знаемымы стежкамы, обмынаючы всяки небезпешни мисця. Ще разъ перелизлы черезъ тынъ и опынылыся на луци.

— Теперъ мы дома,—сказавъ Романъ.—Просто лукою дійдемо до того провулка, що прозъ батькивъ двиръ... У провулокъ—ворота зъ току.

— А на току, въ клуни, нихто въ васъ не спыть?—спытавъ Ярошъ.

— Побачымо.

Дійшлы до Сывашевого току. Романъ одчынывъ ворота и впустывъ товарышывъ.

— Прыхылиться отутъ пидъ тыномъ, а я пиду подывлюсь, чы не спыть справди хто въ клуни.

— Я пиду зъ тобою,—сказавъ Ярошъ. Винъ ще не певный бувъ, що Романъ не врадыть и боявся пустыты ёго самого.

— Не можна,—видказавъ парубокъ,—мене собакы знають, а якъ зъ вамы, то гавкатымуть. Я самъ кони выведу на тикъ.

Доводылося корытыся.

— Визьмы шкворинь,—може прыбои вырваты доведеться.

— Давайте!

Ярошъ зъ Патрокломъ прыхылылыся биля плоту въ затинку. Романъ зъ шкворинемъ у рукахъ тыхо, обережно пидійшовъ до клуни. На ій высивъ замокъ. Се добре. Романъ пидійшовъ до другыхъ воритъ, одчынывъ и ввійшовъ у двиръ. Тамъ було темно й тыхо. Собакы загарчалы булы, але Романъ обизвався до ихъ стыха, кынувъ имъ хлиба. Пизнавшы ёго, воны замовклы и почалы йисты хлибъ. Романъ тымъ часомъ пидійшовъ до киннйци. Замкнено. Заложывъ шкворинь однымъ кинцемъ и здорово смыкнувъ до себе другый. Поганеньки прыбои давно вже поиржавилы и одынъ заразъ одскочывъ. Одчынывъ двери и ввійшовъ. Винъ знавъ, що кони звычайно прывъязувалысь до ясель, бо одынъ бувъ такый, що зъ тымы двома не мырывъ. Романъ налапавъ ихъ морды рукамы,—вси трое дома. На двохъ булы вуздечкы, на третьому оброть. На звыклому мисци на килку знайшовъ вуздечку и надивъ на коня. Обережно вывивъ двохъ коней и передавъ ихъ товарышамъ. По третього, баского жеребця, вернувся знову. Вывившы ёго, зачынывъ киннйцю и прытулывъ прыбой,—мовъ ничого не займано. Тымъ часомъ товарыши вже булы верхы въ провулку. Романъ по хазяйському позачынявъ за собою ворота, думаючы:

— А то якъ одчынени будуть, то ще стукачъ побачыть.

Скочывъ на коня, и вси трое тыхо посунулы провулкомъ. Теперъ уже городамы не проскочышъ,—треба було йихаты вулыцею. То було найгирше. Але сонъ прыгорнувъ усе село. Ниде ни лялечкы, ни що не шелесне. Тилько чуть було, якъ по хливахъ чмыхае товарына. Стукачъ десь стукавъ, та далеко. Гавкнула була разъ-два чыясь собака. Серце въ Романа стыслося, мовъ перестало озыватыся въ грудяхъ. Духъ забыло.

Але собака мала поганый нисъ и не дочулася чужого. Загарчала й замовкла. А вулыця була все довга, безъ миры довга. Такою довгою вона николы Романови не здавалася. Дви перій покривель тяглыся скилькы выдно и зныкалы въ темряви. Здавалося, що имъ и тамъ нема краю. Ось Мыколына хата... Семенова повитка... Якъ далеко ще... Романъ ударывъ бы коня, полетивъ бы зъ усеи силы, але не мигъ сёго зробыты, мусивъ йихаты тыхо слидкомъ за отаманомъ... Замаячыла Костенкова клуня... За нею ще тры дворы... Ось уже й останню хату выдко...

— А хто се? стій!

Высока постать уразъ выявылася середъ темрявы передъ Ярошевымъ конемъ и вхопыла ёго за вуздечку. Романъ побачывъ, якъ Ярошъ, не спыняючысь, знявъ угору руку зъ шкворинемъ и вдарывъ унызъ. Чоловикъ застогнавъ и впавъ биля коня. Знову звелася рука, шкворинь упавъ коневи на бикъ. Кинь рванувся и полетивъ напередъ, за имъ два инши. Романъ прыпавъ до грывы, б'ючы ногамы коня въ бокы. Въ одынъ ментъ опынылыся за селомъ и якъ выхоръ полынулы ривнымъ шляхомъ. Ажъ витеръ у вухахъ свыстивъ.

Добре вгодовани кони гналы зъ усіеи сылы и биглы довго. Перескочылы верстовъ зъ пъять. Ярошъ прыпынывъ свого коня и пустывъ ёго ходою, щобъ даты хвылыну видпочынку. Романъ та Патроклъ пидйихалы до ёго.

— Чортъ ёго знае, — погана штука! — сказавъ Хвыгуровськый.

— Шо?—спытавъ Ярошъ.

— Та оцей стукачъ. По чо́му ты ёго вдарывъ?

— По чо́му!... Чортъ!.. Пото́му, почо́му прыйшлось,—по голови!

И знову погнавъ коня.

Романови стало моторошно. Невже се чоловика вбыто? Тоди ёму здалося, що Ярошъ ударывъ стукача по рукахъ, щобъ вырватыся видъ ёго. Але якъ по голови, и той упавъ...

Звернулы зъ шляху и погналы у ливоручъ. Дорога збигала въ яръ. Куды се воны? Романъ сылкувався вгадаты, пизнаты, що се, и якось не мигъ. Замаячыла купа деревъ, дали хата велыка... Пизнавъ такы: Гапонивъ хутиръ.

Якыйсь Гапонъ тутъ жывъ. Якъ ёго звалы справди,— Романъ не знавъ, а вси называлы Гапономъ. Таке соби: ни панъ, ни мужыкъ. Мавъ свій хуторець, трошкы хазяйнувавъ... Щось про ёго люде гомонилы, та Романъ теперъ не мигъ изгадаты. Чого жъ воны туды йидуть?

Пидъихалы до двору. Ярошъ скочывъ зъ коня, самъ одчынывъ ворота и впустывъ товарышивъ у двиръ. Пидійшовъ до хаты и почавъ стукаты въ викно:

— Одчыны!

Мабуть хазяинъ пизнавъ, чый голосъ, бо заразъ вийшовъ, накынувшы на опашку свыту.

— Ты, Яроше?

— А то жъ.

— А хто жъ зъ тобою?

— Патроклъ Степановычъ та ще одынъ хлопець, новачокъ.

— А що?

— Трое добрыхъ,—одказавъ Ярошъ.

— Звидкы?

— Зъ Дыбливъ одъ Сываша Пылыпа.

— Можно до завтрього?

— Ни, катай заразъ. Твои хлопци дома?

— Дома. А хыба що?

— Нещаслыво трапылось: довелося одбыватыся.

— Погано,—цмокнувъ Гапонъ.—Треба, колы такъ, поспишатыся. Зайдете въ хату?

— Ни, видказавъ Ярошъ,—не рука: намъ треба теперъ дали видсиль буты.

Тымъ часомъ Хвыгуровськый зъ Романомъ завелы кони у хливъ.

— На що се?—пытавъ Романъ у ёго.

— А що жъ, мы самы ихъ будемо весты? Мы гайда додому. А тутъ товарыство и одведе, и продасть, а мы грошыкы получымо. Заразъ якъ чкурнуть, то до свиту верстовъ за шистьдесятъ будуть.

Пидождалы трохы Яроша, покы винъ нышкомъ розмовлявъ изъ Гапономъ, и пишлы швыдко назадъ. Незабаромъ выйшлы на шляхъ до города.

— Чуешъ, наши кони пойихалы,—тыхо промовывъ Патроклъ до Романа.

Романъ прыслухався и почувъ справди тупотъ кинськый внызу, въ яру.

— Добре, що не барятся,—сказавъ Ярошъ.

Уси змовклы, бо всихъ обняла думка про стукача. Найбильше ся думка турбовала Романа. Винъ самъ на себе лыхый бувъ. Зважывся на се дило, и заразъ-же й выдко, яке воно погане. А що, якъ Ярошъ убывъ чоловика? Уже жъ шукатымуть, а якъ найдуть... Не мынешъ каторгы, Сибиру...

А въ тимъ... Не такый страшный чортъ, якъ его малюють. Не кожного жъ и ловлять. Може ще й такъ мынеться.

Тилькы вже не треба товарышуваты зъ Ярошемъ та зъ Патрокломъ. Хай имъ бисъ! Видбере свою частку зъ батьковыхъ коней, та заразъ же й пиде соби геть одъ ихъ...

Шляхомъ прозъ ихъ пройихалы якись селяне, торохтючы возамы,—мабуть у городъ на базарь.

— Отъ, якъ-бы ци клапоухи стультусы зналы, звидкы мы йдемо!—сказавъ Патроклъ.—Ого бъ тоди було! Постраждалы бъ мы за правду!

— За яку правду?—спытавъ Романъ.

— А якъ же—за яку? Якъ бы воны зналы, звидкы мы йдемо, то зналы бъ, що мы забралы коней, и се була бъ правда, и за сю правду воны бъ намъ бебехы повидбывалы. Отъ и страждание за правду!

Романъ та Ярошъ зареготалысь. Вси трое почалы весело базикаты. Романъ зовсимъ забувъ за свои страхы, мовъ ничого й не сталося.

Уже зовсимъ розвыднылося, якъ воны ввиходылы въ городъ. Щобъ ихъ не помичено вкупи, коженъ пишовъ самъ соби иншою вулыцею. Але Романъ прыйшовъ такы до Яроша и вдвохъ изъ имъ спалы довго—ажъ до пивдня.

Уставшы Романъ, пишовъ на точокъ,—не такъ, щобъ заробыты, а бильше, щобъ не дуже бачено його въ Яроша. Винъ почувався якось чудно. Оце й ничого неначе, а тилькы все мовъ щось муляе його и таке негарне якесь, нелюбе... И самъ не знае що, ажъ покы згадае: се жъ тая крадижка... Такъ, мовъ вона на ёму высне. Не сказаты, щобъ ёму було соромъ, чы щобъ винъ на грихъ почувався, а тилькы погано, що мовъ довбню надъ собою чуешъ: отъ-отъ выявытся... отъ-отъ щось погане, важке станется...

Мынувъ день, и вже про ихъ справу пишла поголоска, и на базари росказувано, що коноводы вбылы чоловика. Романъ сказавъ про це Ярошеви.

— Дурныця!—видказавъ той.—Заразъ изъ тыхъ краивъ бувъ знаёмый чоловикъ. Казавъ, що стукачъ жывый. Тилькы паморкы забыло, якъ я вдарывъ. Кажуть, якъ упавъ, то лежавъ довґо, бо такы трохы й голову тее... Та вычухается!..

Романови полекшало: хочъ чоловикъ жывый. А все страшно. И винъ спытавъ Яроша:

— А що, дуже шукають?

— Пиды та спытай у тыхъ, хто шукае. Ты вже й боишся? Ого-го! Теперъ хай шукають. Колы первои ночы не піймалы, то вже чортового батька знайдуть,—пропало на-викы! Теперъ уже кони трычи продано. Незабаромъ и грошыкы получымо.

Писля ціеи розмовы Романивъ страхъ десь подився, и вже нищо ёму не муляло. Стукачъ жывый, ихъ не найдуть,—чого жъ ище? Незабаромъ Ярошъ оддавъ ёму двадцять карбованцивъ. Продано коней рубливъ за висимдесятъ, бо кони булы добри, але частка зъ нихъ прыпадала Гапонови, а Ярошъ одибравъ тилькы пъятдесятъ пять рубливъ. Си грошы треба було подилыты на все товарыство, та Ярошъ давъ самому Ро-

манови двадцять карбованцивъ, щобъ заохотыты ёго до сёго дила.

— Бачышъ, за одну ничъ двадцять карбованцивъ заробывъ! Будешъ розумный, то ще й побильше зароблятымешъ.

Романъ и самъ уже бачывъ, що це и добрый, и легенькый заробитокъ. Такъ ловко багато грошей маты! Романъ купывъ соби пиджакъ, пальто,—прычепурывся трохы. Ну, а теперъ що?

Винъ спершу такъ думавъ, що якъ визьме грошы, то буде зъ чого жыты,—тоди покыне Ярошa и знову службы шукатыме. Колы такъ думавъ, то такъ изробыты треба, хоча теперъ уже винъ чогось трохы байдужый до цёго ставъ. Ну, а въ тимъ,— треба жъ!..

Пишовъ знову туды-сюды... походывъ, попытавъ... Ниде ничого нема й теперъ... Се дратувало Романа. Вси ёго мріи про те, щобъ зробытыся паномъ, выбывшыся зъ мужыцтва, блидлы й зныкалы... Ни зъ чымъ не щастыло! Оце ёго й дошкуляло. А щобъ не такъ було дошкулянне чуты, брався Романъ до чаркы, и скоро брався, то незабаромъ було все добре...

А грошы не довго держалыся въ рукахъ. За малый часъ у Романа стало ихъ саме стилькы, скилькы було тіеи ночы, якъ ишовъ по кони до батькового двору. Заробитку не було, та Романъ уже й не шукавъ ёго. Винъ просто пишовъ до Ярошa и тіеи жъ ночы, вкупи зъ нымъ, знову подався на здобыткы...

Не мынуло й мисяця, а вже коноводы прыня лы Романа до свого злодійського товарыства.

Товарыство се теперъ складалося зъ восьмохъ чоловика, рахуючы й Романа. За отамана бувъ Ярошъ—зручный, смилый и хытрый коноводъ. Винъ умивъ завсигды выкручуваться зъ усякыхъ, навить найважчыхъ, справъ и хоча за свій викъ чымало переводывъ коней, але до рукъ судови потрапывъ тилькы разъ, да й то такъ замотавъ, заплутавъ справу, що выйшовъ зъ суду неосудженый. Самы коноводы дуже ёго береглы. Не одного разу такъ було, що за Ярошеву справу видсыжувавъ хтось иншый и видавъ вынного, але мовчкы прыймавъ и видбувавъ кару, знаючы, що выказуваты ни на кого не треба, а надто

на отамана. Не сказаты, щобъ воны його любылы, але поважалы й боялыся дуже. Поважалы за злодійське завзятте й смилисть—такъ сáме, якъ поважають промижъ себе люде палкого робитныка, чы смилого вояку. Слухалысь ёго невидмовно, и винъ умивъ порядкуваты надъ людьмы, умивъ нагнаты страху и накараты—колы треба. Не вмивъ жалиты, але сёго видъ ёго нихто й не сподивавсь, а навпакы: всякый, знаючы, що винъ ёго не пожаліе, слухався дужче. Черезъ се ни въ одному товарыстви злодійському на всю округу не було такого ладу й послуху, якъ у Ярошa.

Товарыство здебильшого не вкупи ходыло на здобыткы, а такъ, що одна частка йшла зъ Ярошемъ, а друга зъ Патрокломъ або зъ Левдыкомъ. Хвыгуровськый, дякивъ сынъ, справди колысь учывсь у семинаріи, але бувшы вже въ пидстаршому класи, напывся якось укупи зъ товарышамы горилкы и, пъяный, вылаявъ ректора, а инспектора штовхнувъ. Ёго выгналы зъ семинаріи, та ще й зъ „вовчымъ билетомъ“, що бильше вже никуды й не мавъ права питы вчытыся. Та винъ и не мигъ-бы сёго зробыты, бо въ семинаріи вчывся коштомъ духовенства, а въ батька грошей на науку не було. Вернувся винъ додому,—батько такъ на ёго напався, що хлопець утикъ зъ дому въ городъ шукаты якогось заробитку. Але выгнаному семинарови не такъ лехко було ёго знайты, а, надто, ще винъ звыкъ пыты. Черезъ те винъ якъ и знайшовъ роботу (въ якійсь контори пысарчукомъ), то не довго на ій удержався. Почавъ тоди миняты одну службу на другу: бувъ и прыкащыкомъ, и лыстоношою, и кондукторомъ на зализныци, почынавъ бувъ торгуваты дрибною копіяшною бакаліею, але скризь ёму не щастыло: або погрызется зъ хазяиномъ пъяный, або въ рахункахъ наплутае (соби на корысть), або ще щось... а бакалію свою, дакъ винъ здебильшого пропывъ. Нарешти зробывся вже винъ пысаремъ шынковымъ: за килькы десяткивъ копіёкъ, чы за пивкварты пысавъ непысьменнымъ селянамъ усяки „жалобы“ та „прошенія“. Въ одному зъ цихъ шынкивъ доля й звела ёго зъ Ярошемъ.... У товарыстви ёго поважалы, що „вченый“ та що здоровый: винъ мавъ

велыку сылу и своею дужистю не разъ стававъ товарыству въ прыгоди. А що бувъ и смилый, то Ярошъ часто прыручавъ ёму замисто себе отаманувати въ тому гурти товарыства, якый ишовъ на здобыткы окремо.

За се зъ Патрокломъ ворогувавъ Левдыкъ—добрый и хытрый коноводъ, але ще гиршый пъяныця, нижъ Хвыгуровськый. Якъ винъ бувъ тверезый, то Ярошъ завсигды ладенъ бувъ прыручыты отаманування ёму, але якъ напывався, то вже не кому, якъ Патроклови. Це дуже брало за серце Левдыка, и винъ, упывшысь, часто заходывъ у сварку та въ бійку зъ Патрокломъ, а надто, що той ище й дражнывъ ёго разъ-у-разъ та лаявъ не зрозумилымы латынськымы словамы.

Але и Патроклъ, и Левдыкъ булы ривнымы зъ иншымы товарышамы, якъ доводылося дилыты здобути видъ крадижкы гроши. Тилькы отаманъ мавъ бильшу частку.

Оприче товарышывъ, булы ще й такъ соби помишныкы: цихъ не прыймано до товарыства, воны навить не зналы, що йе спилка, але клыкано ихъ, колы треба було на помичъ у якій справи, и за те имъ плачено. Зъ-межы цихъ людей часомъ выбиралы соби годящого и до товарыства прыйняты. Такъ було й зъ Романомъ.

Такыхъ товарыствъ на шырокому простори нашои земли було не одно: воны мовъ ситкою покрылы ввесь край. Кожне мало свого отамана, було самостайне, и кожне мало свою округу, свою частку земли, территоріи, и тилькы на сій частци товарыство й мало право робыты свое дило. Скоро воно переступало межу, захоплювало щось зъ территоріи сусиднього товарыства, то съ цёго заразъ повставала промижъ двома товарыствамы сварка, а часомъ и бійка: колы одно товарыство ловыло людей зъ иншого на вчынку на своій земли, то безъ жалю было ихъ и прогоныло. Подилъ сей краю на часткы бувъ давній, и те чы инше товарыство, обороняючы свои межы, поклыкалося на те, що се ихъ частка „зъ давнихъ давенъ"...

Але було де-що, що й зъязувало промижъ себе товарыства: воны одне одному пособлялы переводыты яко мога дали видъ

крадижкы кони и продаваты ихъ. Крадучы Ярошеве городяньске товарыство кони, не вело ихъ продаваты въ свій городъ, а передавало иншому товарыству, а те часомъ зновъ иншому, и бувалы таки выпадкы, що за одни суткы вкрадена коняка опынытся за якыхъ двисти верстовъ, у третій уже губерніи. Въ цій справи дуже пособлявъ Гапонъ. Самъ винъ коней не бравъ, але мавъ двохъ дорослыхъ сынивъ и въ-купи зъ имы передержувавъ краденыхъ и одводывъ ихъ до иншого товарыства, або й просто на продажъ. И Гапонъ, и кожне инше товарыство, продавшы кони, зоставлялы соби звычаемъ установлену частку грошей за „комиссію", а все инше передавалы тому, видъ кого малы кони. И такъ грошы передавалыся ажъ доты, покы доходылы до того товарыста, яке вкрало кони. Контролю тутъ, звисно, не могло буты, але всимъ коноводамъ дуже залежало на тому, щобъ по змови все було безъ одурювання, и черезъ те ци справы роблено бильшъ-меншъ чесно. Врешти коноводы завсигды зналы, скилькы за яку коняку можна бъ узяты, то вже колы грошей прыходыло менше, часомъ сварылыся, и це прымушувало иншыхъ буты обачнишымы й чеснишымы.

Такымъ ладомъ складена спилка злодійськыхъ товарыствъ була страшнымъ ворогомъ мужыкови. Кинь та вилъ—то булы, писля земли, дви найголовниши пидвалыны въ хысткій, непевній будивли вбогого мужыцького добробуту. Нема ихъ у хазяина,—пропащый чоловикъ, бо въ боротьби за змогу жыты вже ничымъ ёму подужуваты ти перешкоды, яки винъ завсигды мигъ подужаты тилькы зъ своимы стародавнимы помишныкамы—конемъ та воломъ. Тоди вже винъ не хазяинъ, а за малымъ не старець, що ходыть по заможнишыхъ людяхъ та выпрохуе тіеи скотынячкы на день-два... Тяжко прохаты, а ще тяжче люде дають, та й дають не тоди, якъ треба... И хазяйство руйнуется...

А колы й пощастыть, писля того лыха, загорюваты працею-кривавыцею на яку худобыну,—гляды, тилькы почавъ чоловикъ трохы выбыватыся нагору зъ грузького болота вбозтва, а вже набиглы знову лыхи люде, забралы й те, и зновъ неща-

слывый господарь пирне въ тее болото ажъ на дно, та такъ пирне, що иноди тамъ и зостанется на-викы...

Отъ черезъ те коноводы, поручъ зъ паліямы, булы завсигды нашому селянови найлютишымъ ворогомъ. Якъ вовкъ набигае на село, хапае що зможне и зновъ утикае, такъ и тіи коноводы. Якъ до вовка не малы селяне ніякого змылування, ніякого жалю, такъ не малы воны ёго й до коновода. Абы попалы, то вже такъ ёго не пускалы. Що тамъ судъ! Судъ ёго хочъ и засудыть на рикъ, чы тамъ скилькы, въ острогъ, дакъ що зъ того? Выйде злодіяка на волю да й почне мстытыся на людяхъ, то ще гирше имъ буде, нижъ якъ ёго судъ и не каравъ. Хиба жъ мало такого бувало, що коноводъ, одсыдившы въ острози, прыходывъ у те село, де ёго піймано, та й палывъ ёго такъ, що й зовсимъ усёго ришалыся люде? Черезъ те селяне каралы такого злодія самы.

Середъ коноводивъ разъ-у-разъ оповидано страшни й правдыви прыгоды зъ тымы злодіямы, яки потраплялы до рукъ селянамъ. Піймано одного середъ степу, якъ у-ночы хотивъ забраты кони, та заразъ же кыйкамы ёго и вбыто. И такъ люто быто, що всёго на гамузъ потрощено, зъ людського тила зроблено страшну купу кистокъ, мняса й кровы. Найдено сю купу на поли, довго полыція шукала, хто се зробывъ и кого се вбыто, але ничого не могла знайты. Знало хто й кого багато людей: зналы про се коноводы, але мовчалы, щобъ самыхъ себе не выявыты; знало чымало селянъ, та хто жъ бы зъ-промижъ ихъ ставъ выказуваты?

Але все жъ убываты було небезпешно: могла выявыться справа, и тоди вынни йшлы на Сибиръ. Черезъ те коновода карано здебильшого инакше: быто й мордовано такъ, щобъ уже здоровле не могло до ёго вернутыся, и винъ або въ тюрми, або незабаромъ писля неи попрощався зъ цимъ свитомъ и не мигъ уже бильше никому шкодыты. И якъ тилькы не мордовано безщасныхъ! Одному повыкручувано рукы й ногы, другого пеклы сирныкамы, третьому стяглы и зъвязалы до-купы голову зъ ногамы и такъ покынулы лежаты всю ничъ... Выга-

далы ще такъ быты, що прызнàкивъ на тили не було, що быто,—нихто тоди й не прычепытся. Визьмуть, прывъяжуть чоловика спыною до дошкы, а тоди пиднимуть дошку зъ имъ та й кыдають на землю. Пиднимають та й кыдыють,—ажъ покы вдовольнятся. На тили нема ніякои прызнàкы, що вбыто, а въ катованого коновода все въ середыни повидрывается. Мало такыхъ, що выжывалы писля того довго.

Громадянство выкыдало, вырыгало зъ-промижъ себе людей, що не змоглы зъ имъ поладнаты, не змоглы знайты соби „чесного“ шматка хлиба—чы то черезъ нещаслыви обставыны особысти, чы черезъ вызыскуванне иншыхъ, чы черезъ нещасте маты спадщыною видъ батькивъ и дидивъ нахыльнисть ламаты загально додержувани законы власносты. А си выкынути зъ звычайного ладу люде мстылыся тоди на громадянстви, ставалы ёму ворогомъ и завзято боролыся зъ имъ—чымъ моглы. Такъ сàме боролыся за право жыты, истнуваты, якъ и громадянство.

Такымы людьмы булы й коноводы. Воны нападалы на мужыка, а мужыкъ оборонявся. Щобъ маты зъ чого жыты, воны виднималы въ мужыка способы до ёго жыття, а мужыкъ однимавъ у ихъ жытте, чы прынаймни здоровле, волю. Се була повсякчасна боротьба, війна, часто кривава, а гирша за звычайну війну тымъ, що вона николы не кинчалася згодою...

Романъ также прыставъ до ціеи війны и незабаромъ зробывся завзятымъ у ій воякою. Дужый, зручный, смилый и нахабный,—винъ подужувавъ скризь и щаслыво выскакувавъ зъ небезпекы. Въ своему товарыстви винъ бувъ дуже корыстный чоловикъ ще й тымъ, що винъ бувъ зъ Дыбливъ. Ярошеве товарыство такъ добре вычыстыло свою частку повиту, такъ обурыло проты себе мужыкивъ и прымусыло ихъ день и ничъ берегты свои кони, що вже треба було трохы перечасуваты, покы все це затыхне та покы мужыкы розжывутся на нови кони. Сами Дыбли якось зоставалыся доси незаймани. Романъ знавъ тамъ коженъ двиръ, кожного хазяина и черезъ те бувъ чудовымъ проводыремъ товарыству. Незабаромъ писля першои крадижкы воно дуже щаслыво вывело ще четверо коней,

а тоди знову трое... Романъ мавъ добрый заробитокъ, жывъ на окремій квартыри,—у тыхъ же такы Ривчакахъ,—передъ людьмы удававъ, мовъ ходывъ на якусь тамъ роботу, а справди мавъ тилькы одно дило...

Жывъ добре, не сподиваючыся биды, чы то не думаючы, забуваючы за неи.

Але вона за ёго не хотила забуваты.

IV.

А що жъ тымъ часомъ робыла Левантына?

Левантына заразъ же почула про те, що сталося зъ Романомъ: якъ ёго піймано зъ саломъ, якъ изъ ёго знущалыся. Теперъ уси ти, що имы винъ гордувавъ, булы ради виддячыты ему за те гордуванне лайкою чы глузуваннемъ. А найбильше нападався на ёго ридный братъ Денысъ. Той бувъ такый лютый на Романа, що николы про ёго доброго слова не мавъ, а ганьбывъ, ажъ люде дывувалысь, що братъ на брата такъ устае. Звисно,—казалы,—Романъ ледащо, нероба та ще й злодійкуватый, але жъ и Денысови не годылось бы вже такъ на ёго нападатыся. А инши обставалы за Деныса, кажучы, що такого, якъ Романъ, и мылуваты не можна,—де жъ такы!

Усе те мусыла слухаты й Левантына, слухаты й мовчаты. Озватыся словомъ за Романа вона не смила. Уже й такъ про неи та про ёго слава пишла, а то ще гирше буде. Треба мовчаты, нибы згожуется.

А серце не згожувалось, не могло згодыться зъ тымъ. Ёму Романъ здавався иншымъ.

Се погано винъ зробывъ, що сало узявъ у батька, та ще жъ се дило не таке вже й страшне. Та'дже разъ-у-разъ и дочкы й сыны беруть зъ дому нышкомъ на складкы и яйця, и борошно, и сало, и курей—усячыну. Якъ довидаеться батько,—погримае трохы—та й усе. И вси про це знають, и дармà. А тутъ яку бучу збылы: злодія зъ парубка вчынылы, хотилы въ

холодну посадыты, ризкáмы быты! Чы то жъ по правди? Звисно, Романъ не на складку бравъ, а такъ... Але жъ... то жъ изъ дому, тамъ же й ёго, Романова, частка була. Хочъ и погано, та якъ же жъ було ёму не взяты, колы ёму въ дому ничого не давалы? Прохавъ же, щобъ оддилыты, дакъ ни! А якъ бы се гарно було! Романъ казавъ ій, що тоди бъ заразъ почавъ торгуваты бакаліею... и воны побралыся бъ... А теперъ—що сталося? Хто выненъ? Денысъ та батько й выпни... Зинько—ни, бо винъ добрый: тилькы винъ самъ и обороняв Романа, Деныса спынявъ...

Такымы думками сылкувалася выправдаты вкохану людыну бидолашна дивчына. Вона сама почувала, що трохы воно не такъ, що и Романъ гришный у всій цій справи съ симъею... Та на ёго и такъ уси нападаются,—невже жъ и вона ще нападатыметься? Вона, що такъ ёго любыть?!

А любыла вона ёго дуже. Такъ ёго любыла, що все виддала!...

И що жъ теперъ буде? Невже Романъ такъ іи й покынувъ и не вернется бильше? Ни, ни, сього не може буты, вона тому певна. Звисно, не може жъ винъ теперъ знову вернутыся сюды: такъ ёго зганьблено! Винъ пишовъ у городъ, шукае тамъ соби служби. И певне найде: городъ—не село. Хочъ, може, й не видразу, бо кажуть, и тамъ попошукаты ще треба. А якъ найде та влаштуется, то й прыйде по неи... або просто поклыче іи до себе... Тамъ воны звинчаються та й жытымуть соби любо, забувшы про це село и про недобрыхъ у ёму людей.

Тилькы, колы бъ швыдче винъ се зробывъ, щобъ не спизнывся. Бо якъ спизнытся—ой соромà велыкого, соромà зазнае вона тутъ на сели! Де жъ такы: покрытка! Яка маты, скажуть, така й дочка. Уже жъ якъ ій выбывалы очы тіею безщасною матиррю, то мабуть іи души й на тимъ свити нема впокою! А тоди вже й поготивъ. И погане цуценя гавкатыме.

— Ой, Романе, Романочку! якый ты гарный, що я й душу тоби виддала, а якый ты недобрый, що не пожаливъ и виночка дивочого! Якъ бы не се,—дожыдала бъ тебе, выглядала бъ

тебе спиваючы, смило бъ у вичи всимъ дывылася, не боялась бы за тебе словомъ озватыся, видъ лыхыхъ ворогивъ тебе оборо-ныты! А теперъ... Та вже не вернешъ!.. Тилькы жъ пожалій мене, пошануй мене теперъ, бо ты жъ мени теперъ и батько й матинка, и дружына вирная. А я жъ тоби вирю, а я жъ тебе дожыдаюся!

Вирыла й дожыдалася...

А про Романа не було й чуткы. Дыбляне йиздылы на базаръ не до миста, а до блызького велыкого мистечка, то мало що й зналы про той городъ—якъ тамъ и що тамъ. То й про Романа ничого не зналы: якъ пишовъ, то якъ вода вмыла. Левантына вже й прыслухалася й прычувалася, вже й роспытувалася де кого обережно,—ни, ничого не чуть.

Мабуть ёму, бидному, не щастыть тамъ, мабуть винъ шукае, та ничого знайты не може. Се буває. Онъ Стецько Гаврыленко розсказувавъ, що одного разу два мисяци тилькы й жывъ зъ того, що на поденній колы-не колы заробляв... такъ ничого й не добувсь у городи та й вернувся до-дому. Колы бъ сього й Романови не було! Поможы ёму, Маты Божа!

А мисяци мыналы.

Отъ и Риздвяни свята. Яка рада звычайно Левантына Риздвянымъ святамъ бувала! Якъ весело, выпросывшыся, вымолывшыся въ хазяйкы, бигаты зъ дивчатамы по селу, колядуваты, сміятыся, гуляты на воли!.. А сього року й колядуваты не пишла: сказала дивчатамъ, що хазяйка не пустыть. Може бъ и пустыла, та Левантына й не пыталася.

Вона все дожыдала: може Риздвянымы святамы Романъ прыйде. Може доси вже службу добру мае, то й прыйде зъ родычамы помырытыся. Вона позырала черезъ тынъ до Сывашивъ у двиръ и вбиралася въ святный день, думаючы: прычепурюся, щобъ кращою буты, а може...

Та ни, нема... Мынувъ новый рикъ, мынуло Водохрыще... Уже й не буде...

Пишовъ не попрощавшыся... Невже жъ и побачытыся не доведется? А що жъ изъ нею буде?

Сумна та нерадисна збигла зима, не було радиснише й по весни. Сонце зъ неба сміется, а въ Левантыны ряснымъ дощемъ слёзы капають; квиткы радисно витають жытте молоде, а бидолашна свое жытте проклынае... Дивчата надъ ричкою веснянокъ выгукують, и далеко-далеко несуть ихъ голосъ лепетлыви хвыли, а безщасній Левантыни не до спиву, въ неи одна думка—тяжка, пекуча...

Такъ, вона повынна статы матиррю...

Матиррю! Не матиррю, щаслывою своимы дитьмы, не дружыною, радисною зъ свого чоловика, хазяйкою у власній хати!.. Охъ, яке се велыке, велыке щасте!.. Але не такою вона буде.

Не пышатыся вона буде своею дытыною передъ людьмы, а ховатыся зъ нею, очей не сміючы звесты на людей!

Соромъ!.. Ганьба!..

А за вищо? Невже се такый велыкый, непрощенный грихъ? Хиба то не Богъ изробывъ такъ, що дивчына стае жинкою, матиррю? Якъ бы Богъ хотивъ, щобъ у самыхъ тилькы винчаныхъ булы диты, то Винъ бы такъ и зробывъ. А то жъ не зробывъ! За що жъ люде карають, глузують, знущаются?

Левантына не могла зрозумиты, не могла найты видповиди на ти пытання, тилькы мучылась имы тяжко, мучылась уже самымы думкамы про те лыхо, що мало ще прыйты, впасты на неи.

А лыхо йшло по малу, не поспишаючысь, але не перестаючы наблыжатыся, немынуче, невблагане. Бидолашна що-дня оглядала, навить миряла поясомъ свій станъ и плакала, плакала... Скоро вси побачуть!..

Вона того не знала, що цикави давно вже побачылы, давно вже плелы про неи всячыну. Не знала, ажъ покы сама почула одного разу. Розмовляло двое дивчатъ на вулыци и не помитилы, якъ вона наблыжылась, бо темно було. Вона почула, якъ Хымка казала:

— Гляды, щобъ и зъ нею не було такъ, якъ зъ Левантыною?

— А що?—попытала Вустя.

— Ого, дурка! Хиба ты не помитыла?

— Або жъ ни!

— Такъ змарнила зъ облыччя, а станъ якый повный—скоро ходытыме, якъ та копыця.

Тикала видъ ихъ, земли пидъ собою не чуючы, и рыдала тяжко, страшно, забывшыся головою въ солому въ тій самій повитци...

Господы! Невже винъ покынувъ іи? На поталу ворогамъ, на глумъ, на ганьбу! Хочъ бы роспытаты въ кого про ёго, хочъ бы довидатыся—де винъ, що винъ!

Незабаромъ на сели почалы росказуваты, що Романа въ городи нема, що винъ покынувъ свій край зовсимъ, а пойихавъ на службу въ той городъ, де бувъ салдатомъ. Спливъ хтось, якъ звычайно плетутся середъ людей усяки неправдыви звисткы. А Левантына поняла тому виры.

Отъ теперъ вона знае, що покынувъ, забувъ. Колы такъ далеко пишовъ, то не вернется.

А може... Може такъ трапылось, що тутъ ниде не мигъ роботы знайты, мусывъ податыся ажъ туды, де ёго знають и дадуть роботу. Тоди вернется и визьме Левантыну.

Хочъ бы якъ безнадійно все стояло, а людына завсигды сылкуется вдержаты въ себе хочъ крыхтыну маленьку надіи, тыхъ солодкыхъ пахощивъ зрадлывыхъ, що завертають намъ голову, абы мы не такъ гостро почувалы мордування невблаганого, немылосердного жыття.

А часъ мынавъ. Бачылы вже вси Левантынене лыхо. Дивчына ховалася видъ людей, але видъ хазяйкы не могла сховатыся. Уже ій та що-дня вычытувала.

Наблыжалысь жныва. Левантына повынна була въязаты.

Одного разу ввечери вона пишла въ хыжку щось узяты. Вразъ почула гострый страшный биль, що пронызувавъ увесь жывитъ и крыжы. Такъ заболило, що ледве встояла. Але тилькы на мыть, бо заразъ же й перестало.

Левантына зрозумила, що почынается те страшне. Хочъ вона попереду знала, що се немынуче, що воно вже наблызылося, але думка, що се буде ось заразъ, сёго вечора, що воно вже почалося, обняла іи мовъ огнемъ. Не думаючы, не розбираючы

що робыть, Левантына кынулася зъ хыжкы, выскочыла зъ двору и побигла ажъ на другый кинець села.

Бигла, ничого не тямлючы, не бачучы, середъ темрявы. И вразъ почула знову той биль, ще страшнишый, захыталась и впала, не вдержавшыся видъ швыдкого бигу. Упала просто жыботомъ на якусь колоду велыку, що лежала пидъ хатою и мало не зомлила зъ болю.

На щасте нихто іи тамъ не побачывъ. Очўтывшысь, пидвелася и поплентались уже помалу. Сама не думаючы про те, якось забигла вона ажъ на той кутокъ, де жыла стара баба Олійнычка, іи хрещена маты. Пизнавшы іи хату, ввійшла въ сины и не зважувалася йты дали.

— Хто тамъ?—запытала баба зъ хаты и заразъ же видхылыла двери.—Левантыно!.. Чого се ты ховаешся?

Левантына вступыла въ хату и впала баби до нигъ.

— Матиночко-голубочко!..

Новый биль перепынывъ ій слова...

Вночы Левантына породыла кволу дочку...

Стручыха довго дожыдалася зъ хыжы Левантыны и не могла диждатыся.

— А вже мени ся проклятуща дивка! Пиде та й сыдыть,— бодай ты тамъ каменемъ сила! Ой пиду зажену такъ, що ажъ спотыкатыметься!

Пишла, але хыжка стояла видчынена, а Левантыны не було. Стручыха почала гукаты,—не озывается.

— Мабуть побигла на вулыцю! Тилькы й справляе побигуци! Бодай тоби ногы поплутало!

Лягла спаты лютуючы и прысягаючысь одлататы завтра Левантыну такъ, щобъ довго згадувала. Але и вранци Левантыны не було. Сыпала тоди проклонамы, мовъ горохомъ зъ решета.

— А, идолова байстрюча порода! Саме передъ жнывамы кынула, сучого выводу дивка! Бодай ты скрутылася и кругà свиту пишла, якъ ты видъ мене пишла! Щобъ тоби рукы покорчыло та посудомыло, якъ ты мени роботу кынула!

— Кого се такъ вы кленете, кумо?—озвалася зъ вулыци до Стручыхы іи кума Вивдя.

— А кого жъ, якъ не ту свитопоганку Левантыну, бодай бы іи всю болячкамы взяло! Покынула мене сáме въ жныва.

— Эге, вже й не вернется, кумо!—одказала Вивдя.—Кажуть, у бабы Олійнычкы зъ дочкою лежыть.

— Та невже? Отъ я жъ ій дамъ!..

И хочъ робота ажъ крычала, а Стручыха такъ и метнулась изъ двбру.

— Куды ты, дурна? Куды?—крычавъ Струкъ, але не пособляло: распалывшыся баба, бигла вулыцею якъ скажена. Струкъ подывывся ій у слидъ, плюнувъ:—Ну й бисового заводу!... Зъ гадючыхъ спынбкъ изшыта!..

А Стручыха тымъ часомъ уже була далеко. Вбигла до Олійнычкы въ хату така люта, що забула й поздоровкатыся зъ господынею. Левантына лежала на полу, биля неи дытына. Старенька сухорлява бабуся поралась по хати.

— А, ты тутъ, голубочко!—зашыпила Стручыха до Левантыны.—Бачъ, якъ по-панському вылежуются! Людямъ жныва, а воны видпочывають, нажырувавшыся зъ панычемъ, та зъ лялькамы пáнькаются! Шо жъ, паныча, чы панночку—яку цяцю вабигалы? Бодай бы воно тоби попухло!

— Ось слухайте, Секлето!—озвалася до неи поважно бабуся.—Вы не крычить такъ! Се вамъ не своя хата, а чужа. Та й дытыны не займайте, бо воно вамъ ничымъ не вынне. Воно якъ янголятко, а вы до ёго зъ нечыстымъ словомъ. Ось якъ выдужае Левантына, тоди вже зъ нею будете говорыты. А теперъ або сидайте та гомонить по-людському, або йдить соби зъ Богомъ!

— А бодай бы васъ усихъ лыха годына забрала!—крыкнулы Стручыха и прожогомъ вынулася зъ хаты, грукнувшы дверыма такъ, що й шпаруны посыпалысь.

Уже жъ и лаяла вона Левантыну кожному, зъ кымъ стривалася цымы днямы! Бабы похытувалы головамы й казалы:

— Боже мій, якый свитъ наставъ! Таке молоде, а таке непоштыве! Якъ мы булы молоди...

И воны почыналы хвалытыся, яки то вони гарни та звычайни булы за́ молоду, и якъ тоди все добре було, а не такъ, якъ теперъ, що парубокъ изъ дивчыною тилькы моргнулы одне на одного,—вже й дытыну нарядылы.

Судылы Левантыну, глузувалы зъ неи, а такыхъ, що жалилы, було мало. Жаливъ и парубокъ одынъ.

Сей одынъ бувъ Зинько.

Несмилывый зъ дивчатамы, такъ винъ и не зважывся тоди заняты Левантыну. А тамъ занявъ іи Романъ... Ночуючы часомъ изъ имъ удвохъ, винъ помитывъ, що той кудысь уночи ходыть, а одного разу побачывъ ёго зъ Левантыною и зрозумивъ що до неи саме протоптавъ Романъ стежку.

И ёму зробылося жалко й сумно...

А дали почалы про Левантыну та про Романа говорыты всячыну, надто, якъ той пишовъ зъ села. Зинько почувавъ, що сёму може буты й правда, и зновъ ёму стало сумно й жалко дивчыны. Стривши іи одного разу саму, хотивъ поговорыты зъ нею. Та вона засоромылася, щось на-швыдку видказала и втекла. Зъ того часу обмынала ёго.

А теперъ винъ дочувся, що сталося. И самъ не знавъ черезъ вищо, а обнявъ ёго такый жаль, мовъ за сестрою ридною. Пропала дивчына! Загрызуть іи, заклюють. И якъ же не грихъ Романови, що занапастывъ іи? Занапастывъ и кынувъ, бо се уже выдко, що винъ до неи не вернется. За що жъ загыне молоде, ничымъ не вынне жытте дивоче? Ёму бъ красуватыся та пышатыся, якъ квитци пидъ теплымъ сонечкомъ, а отъ-же мусыть гынуты.

И де дали Зинькови все жалчише та жалчише Левантыны було. И немовъ усе кращою та дорожчою вона ёму ставала. Винъ и самъ не знавъ, чого се ёму такъ, що винъ не спыть ночамы и все думае про Левантыну. Думае, якъ бы лыхови запобигты, якъ бы ій пособыты. Але я́къ бы жъ? Колы бъ винъ знавъ!

Питы въ городъ, знайты Романа, розсказаты ёму про все, посоромыты, щобъ винъ вернувся та взявъ іи? Такый Романъ,

що послухается! Ничого зъ того не буде! та кажуть же, що ёго й немае въ цёму городи, що вже подався кудысь.

А безъ ёго—хто теперъ іи визьме? Ще добре, колы знайдется якый старый удивець зъ купою дитей, то хочъ за имъ поневирятыметея. А то й того не буде. Бо хто жъ такыхъ бере?

Але жъ хыба то по правди? Хыба вона така негарна дивчына? Хиба сёго не може буты зъ кожною? А вона жъ ще й сырота: никому було іи доглянуты, напутыты, остерегты. Може вона багато лиnша, нижъ яки дивчата, що чесными замижъ пишлы, тилькы що поняла виры такому... Дакъ чому жъ бы не знайшовся такый чоловикъ, що взявъ бы іи?

Тому, що не вси такъ думають, якъ винъ.

Ну, а винъ думае такъ, якъ треба, то... Чому бъ винъ не мигъ іи взяты?

Винъ почавъ думаты про се, и чого не могло зробыты молоде парубоцьке почуванне, те робывъ теперъ глыбокый людяный жаль...

Але жъ вона любыть Романа! Чы любыть-же? Теперъ, якъ уже побачыла якый винъ есть?

Зинько мигъ бы буты щаслывый зъ нею, та й ій було бъ добре.

А смiятымутся зъ ёго?

Оггакъ! А хиба не смiются зъ того, що винъ горилкы не пъе?

И де-дали винъ думавъ, то все бильше й бильше ёму здавалося, що такъ и треба зробыты.

Довидавшыся, що Левантына вже встала зъ пологивъ, винъ перечасувавъ ще килькы день, а тоди пишовъ до неи.

Бабы Олiйнычкы въ хати не було, якъ Зинько туды прыйшовъ, а Левантына сàме сповывала дытыву. Побачывшы парубка, страшенно збентежылася, почервонила и не знала, що ій робыты й казаты.

— Здорова була, Левантыно!—промовывъ до неи Зинько, але въ неи тильки губы заворушылыся, щобъ одпогисты на прывитанне, а вымовыты ничого не могла.

— А що, бабы нема дома?— пытавъ дали парубокъ.

— Нема...—ледви вымовыла дивчына.

— То й добре, мени іи й нетреба, бо я прыйшовь не до неи, а до тебе, Левантыно.

Левантына почервонила ще дужче, їй чогось стало такъ ніяково писля цыхъ сливъ, що вона ладна́ була бъ кри́зь землю питы.

— Сидайте!..—прошопотила, не дывлючысь на ёго, и не виходыла видъ полу, нахылывшысь надъ дытыною, мовъ усе іи сповывала. А Зинько й соби не знавъ, якъ ёму почати и сыдивъ мовчкы; почувавъ, що такъ же неможна, що мусытьже озва́тьcя, а не знавъ якъ. И врешти несподивано соби самому, вставъ и пидійшовъ до Левантыны.

Вона стояла спыною до ёго и не обернулася, тилькы голова іи схылылася ще нызче.

Зинько ставъ биля неи, и воны вдвохъ нахылылыся надъ малесенькымъ зморщенымъ лычкомъ новои на свити людыны. Вона спала, якось жалибно, болисно скрывывшыся.

— Левантыно, хочешъ, щобъ я бувъ ёму батькомъ?

Вона почула сей трохы тремтячый голосъ, си дывни за для неи слова, але не могла ще ихъ зрозумиты. А винъ казавъ дали:

— Я буду ёму такымъ батькомъ, мовъ бы се моя ридна дытына була. Я николы тоби не згадаю... Я тебе любытыму й шануватыму... Пидешъ за мене?

Вона вже глядила на ёго, все ще не разуміючы того дывовыжного, нечуванного, несподиваного, що винъ казавъ. И видразу зрозумила.

— Ни, ни!—скрыкнула, оступаючысь назадъ,—я не хочу! не хочу!

И простягла поперёдъ себе руку, мовъ обороняючысь одъ ёго. А винъ, здывованый, ураженый цимъ гострымъ и несподи-

ванымъ „ни“, не знавъ що казаты, мовчавъ килькы мыть, ажъ покы знайшовъ слова:

— Левантыно, хыба я тоби такый нелюбый? Хыба я тебе колы покрывдывъ чымъ? Не покрывджу й годи, якъ будешъ мени дружыною. Подумай, Левантыно, яке тоби жытте буде—покынутій дивчыни зъ дытыною! А пидешъ за мене, будешъ мени жинкою,—я слова не дамъ про тебе сказаты. Будешь господынею, якъ и вси.

Голосный плачъ, рыданне озвалося на ти слова. Вона плакала, прыпавшы ёму до плеча, обнявшы ёго, мишаючы слова зъ слизьмы. А винъ прыгорнувъ іи и слухавъ ти безнадійни слова, бильшъ угадуючы, ніжъ чуючы ихъ середъ плачу:

— Зйнечку, братику риднесенькый! Не можу я тобя буты дружыною!.. То въ тебе серце золоте, душа твоя свята... захыстыты мене хочешъ... любымъ своимъ захыстомъ... А де жъ мени тоби дружыною буты? Та зъ тебе люде сміятымуться, просвитку тоби не буде... братову покрытку взявъ...

— Шо мени до людей?.. Хай люде що хочуть говорють, абы мени ты люба була. А крывдыты тебе я не дозволю никому.

— Та людямъ рота не замажешъ... казатымуть, що схочуть, бо на мене теперъ вильно казаты... Не хочу я, щобъ черезъ мене свитъ соби завъязавъ... Визьмы соби дивчыну гарну, чесну,—вона тоби буде дружыною...

— Ты мени мылиша за всихъ.

Перестала плакаты, выпручалася зъ рукъ.

— Сядь, Зиньку, сядь тамъ! Не займай мене!

Сивъ на лави.

— То твое серце добре озывается, такъ каже. Хай тебе Богъ благословыть!.. Щастя зъ любою дружыною дасть!.. А мене, братику, не займай! Мое вже пропало... Дружыною тоби не буду... николы... Тилькы рано й вечиръ молытымусь за тебе...

Стояла якъ биль била, тилькы очы велыки й глыбоки сялы якымсь дывнымъ сяевомъ на схудлому, змарнилому облыччу...

А винъ умовлявъ іи, сылкуючыся добраты сливъ такыхъ, щобъ зайняты ій серце зглыбока. И займавъ, займавъ такъ глыбоко, що може й самъ того не знавъ якъ, але не мигъ іи слова поборогы.

Зъ тымъ пишовъ зъ хаты.

А вона, сама зоставшыся, похылылась на пилъ, прыпала до дытыны та й занимила... тилькы здригалося тило, знеможене хворобою й пекучымъ горемъ, тилькы болила душа такъ, якъ ще николы не болила, мовъ прощалася зъ усимъ, що е красного та ясного въ жытти, зъ усима пахощамы, тепломъ и свитомъ ёго...

Зинько йшовъ и думавъ про те—що ёму робыты. Не любывъ покыдаты того, що почынавъ. Постановывъ перечасуваты, покы Левантына заспокоится та роздумается, побачыть що такъ липше, якъ винъ каже. А тымъ часомъ мавъ порадытыся, поговорыты про це зъ батькомъ.

И незабаромъ, бувшы зъ имъ на самоти, заговорывъ, що хоче свататы Левантыну.

— Якъ то?—спытавъ старый Сывашъ, дывуючыся.

Зинько почавъ росказуваты, якъ и що винъ про це думае. Старый ажъ росердывся:

— Що це ты, сыну, выгадавъ? Хыба жъ такъ годытся? Чы тоби нема отецькои дочкы, що ты якусь хвойду зъ дытыною берешъ?

— То ваша онука, тая дытына, тату.

— Що ты мени выбываешъ очы тіею онучою? Хыба я ій велывъ Романа до себе пускаты? А тоби грихъ велыкый, що ты надумавъ братову покрытку браты.

Увійшла маты, довидалася, про що мова, и ще гирше напалася на Зинька:

— И не выгадуй мени! И слухаты того не хочу! И очы мои на неи не дывлюгся! Покы я въ хати,—вона въ хати не буде.

Зинько почынавъ сердытыся.

— Вамъ хочется багатои соби невисткы, а про те не думаете, що вамъ усимъ треба дбаты, щобъ Романивъ грихъ спокутуваты, занапащену дивчыну обрятуваты.

— Нихто іи не запапащавъ!—оступалася за Романа маты,—сама до ёго бигала. Колы набигала, то нехай зъ тымъ и панькается, а въ моій хати не буде іи!

— Якъ бы іи Романъ бравъ,—озвався батько,—я не то не боронывъ бы ёму, а ще й звеливъ-бы. Може вона мени й не пидъ мысли, та вже колы такъ сталося, то мусывъ бы. А тоби не годытся, грихъ!

— Грихъ?—сказавъ Зинько.—Ніякого, тату, гриха тутъ нема. Грихъ—покынуты покрывджену дивчыну на поталу людямъ; а зробыты ій добро, покрыты тую крывду,—се не грихъ.

— Авже жъ!—розсердывся Сывашъ.—Ты знаешъ! Мудри таки поробылыся, що за батькивъ розумниши. Споконвику грихомъ було, а теперъ уже въ васъ добромъ стало!

— Не все, тату, те правда, що споконвику правдою середъ людей славлено.

— Цыть уже краще! Не дратуй мене! Не за насъ воно сталося такъ, не за насъ и перестане. А ты мени те й зъ думкы выкынь, бо я того николы не попущу.

Зинько побачывъ, що батько вже затнувся, то теперъ не переважышъ ёго. Надумавъ покы мовчаты, а самому своеи думкы не кыдаты.

А тымъ часомъ у Левантыны новый бувъ клопитъ: дытына нездужала. Баба Олійнычка казала, що се мабуть того, що Левантына тоди впала. Воно до того й пидхоже було, бо дытына кволылася й кволылася та, выжывшы тилькы два тыждни, й умерла.

Левантына йшла за маленькою труною и плакала гирко. Бо се вже не дивчына була, що ій дытына свитъ завъязала, а була се въ ту мыть уже маты, що втратыла частку самои себе...

Другого дни ввечери Левантына пишла до Струкивъ. Увійшла въ хату и несмилыво стала биля порогу. Симъя са́ме вечеряла, и за столомъ сыдила нова наймычка. Та Левантына й сама не хотила жыты въ Струкивъ, а за иншымъ прыйшла.

— А, здорова! Чого тоби?—видказала Стручыха непрыхыльно на іи здоровканне.

— Прыйшла вамъ подякувати за службу, титко, та щобъ вы мени грошы мои виддалы.

— Яки грошы?

— А за вамы жъ моихъ заробленыхъ шисть рублывъ.

— Ба, яка швыдка! Покынула сàме въ жныва, я повынна була за дорогу цину дивку найматы, а теперъ ще й грошы правыть! Нема въ мене твоихъ грошей! Яки булы, то вси пишлы на дорогу́ цину оцій дивци.

Се була правда, що Стручыха поедналася зъ новою наймычкою дорожче, нижъ изъ Левантыною, але жъ вона не хотила памъятаты, що на всёму сели нихто такъ дешево не жывъ, якъ у неи Левантына.

— Титко,—озвалася дивчына,—а Богъ-же бачыть!

— Що ты мени тымъ очы выбываешъ? Ичъ, яка языката зробылася, якъ зъ паничамы зазналася! Иды соби, йды видкиля прыйшла!

Струкъ росердывся:

— Що ты справди, стара, вередуешъ? Колы дивчына заробыла, то виддай! Ну, видверны тамъ, що переплатыла Ганци, а то виддай!

Стручыха почала знову верещаты, але Струкъ самъ выйнявъ тры карбованци и виддавъ Левантыни. Тымъ и здобри́ла дивчына замисто шистёхъ.

— Пиду я зъ цёго села!—думала Левантына, вертаючыся до бабы.—Пиду свитъ за очы! Тилькы тутъ и йе добрыхъ людей, що маты хрещена та Зинько, а то хочъ бы воно все й завалылося, оприче церквы божои! Пиду,—де знайду роботу, то тамъ и стану.

Выпрохала соби въ волости билета, заплатывшы за ёго два карбованци зъ своихъ трёхъ, поклонылася въ ногы матери хрещеній, за ласку й помичъ дякуючы, та й пишла.

Выйшла зъ села, стала, озырнулася. А на неби сàме сонце сходыло та й сыпало золотымъ своимъ проминнемъ и на

хатки биленьки, и на вербы кучеряви, и на далекый темный гай, и на шыроке поле... И все що спало або ще сонне було, нерозбуркане, набиралося сылы, жвавосты и озывалося до могучого, безъ краю высокого й безъ краю жывотворчого свитыла тысячмa рухивъ, голосивъ, пахощивъ, колиривъ... Мовъ земля здригнулася и заблыщалы и заплескалы хвыли свитового жыття...

Тилькы въ души въ Левантыны нищо не озвалося радиснымъ голосомъ, нищо не прокынулося, опричъ ще бильшого бблю.

Поглянула на село.

— Не зазнала я въ тоби щастя-доли, тилькы слизонькaмы стежечкы свои зросыла. Нехай ти стежечкы зелена рута покрые, а оця дорога до тебе терномъ заросте, щобъ и нога моя сюды не ступила бильше!

Пишла не озыраючысь.

V.

А тымъ часомъ, покы Левантына боролася зъ своимъ лыхомъ, у Дыбляхъ бувъ розрухъ велыкый и заколотъ. Зродузвику не чуты, щобъ такъ коней крадено! Бувало, звисно, що колы-не-колы и вкрадуть... та й то бувало на степу: хлопци поснуть, не доглянуть, а воно й поведе. А теперъ се лыха годына та нещаслыва настала. Де жъ такы! Просто въ двиръ идуть, беруть кони—за малымъ не зъ передъ очей та й ведуть. И не можна спыныты, страшно: усяке згадуе, що сталося зъ дидомъ-стукачемъ: провалылы голову та й уже. Воно дидъ не вмеръ, та добре жъ, що незручно вдарено. А то й каюкъ дидови бувъ бы. И то зъ мисяць у ликaрни пролежавъ та й теперъ кволытся. А боронытыся якось треба. Бо де жъ такы! Тилькы чоловикъ зибъеться, стягнеться на ту конячку горюшну, а вже іи й нема й нема. Не можна бидолашному въ пера збытыся. Онъ уже въ скильвóхъ зáбрано кóни:

у Сывашивъ трое, у Хоменка двое, у Грыцька, у Оксена... Руйнують та й годи прокляти коноводы! Уже й засидалы на ихъ, и стереглы,—не пособляется. И не знаты хто,—хочъ бы видавъ чоловикъ, де шукаты. А то якъ укралы, то вже й пышы пропало.

Найбильше за всихъ клопотався Денысъ. Та й було чого! Скилькы працювавъ, дбавъ, щобъ збытыся на добри кони, збывся, прыдбавъ и—отъ тоби, маешь! Въ одну ничъ—якъ вода вмыла. Пися крадижкы винъ ажъ плакавъ зъ жалю й зо злосты. И доси якъ згадае, то такъ серце вогнемъ и візьмется. А надто ще... одно... Та сёго винъ никому не казавъ, не прызнавався... самъ соби думавъ до слушного часу.

У голову заходывъ, миркуючы, щò-бъ ёго тутъ изробыты.

Врешти ёму такы пощастыло.

Пислятого, якъ украдено коня въ Оксена, то на якый часъ затыхло було,—ажъ покы люде забулыся трохы та не такъ уже коней берегты сталы. А вже такъ пысля жнывъ украдено знову пару добрыхъ коней у Денысового кума Терешка Тонконоженка. Скоро Денысъ про халепу дочувся,—заразъ пишовъ до ёго. Кумъ такый, якъ хмара. Почавъ ёго Денысъ розважаты, а дали й каже:

— Отъ що, куме! Скилькы люде не шукалы коней,—нихто доси не знаходывъ. А мы давай таке зробымо. Йе въ Чорнбуси знахарь Гостроглядъ. Кажуть, що до ёго багато людей ходыть ворожыты, якъ кони або волы пропадуть, то якъ скаже де, то тамъ и найде чоловикъ.

— Та невже?—зрадивъ Тонконоженко.

— Ій-бо, правда! Угадуе, мовъ тамъ бувъ. Ходимъ до ёго!

— А що жъ ёму треба несты?

— Грошей. Кажуть, що треба положыты скилькысь тамъ рублывъ.

Кумъ Терешко швыденько вбрався, взявъ грошей та й у дорогу вдвохъ изъ Денысомъ. Покы йшлы до Чорноуса, то Деныса брала страшенна нетерплячка, ще бильша нижъ Тонконоженка: що то скаже знахарь?

Увійшовшы въ Чорноусъ,—заразъ чоловикъ волы жене,— воны ёго й пытають за Гостроглядa.

— А на що вамъ? Чы не кони шукаете?

— Авже жъ не що!—и воны почалы ёму розсказуваты про свое лыхо и пытаты, чы може тутъ Гостроглядъ пособыты.

— Такый не пособыть! Якъ скаже, то якъ увъ око влипыть! Такый знахарь, що на всю округу. Спершу винъ тàкъ пособлявъ людямъ—одъ хворобы, то що, а оце взявся и на злодіивъ ворожыты. Народъ до ёго такъ плавомъ и плыве, бо якъ сказавъ, що ни, то вже ни, а якъ сказавъ, що буде, то то вже въ тебе кони дома.

Балакучый дядько залюбкы росказувавъ, якый гарный знахарь Гостроглядъ. Ёму до вподобы було, що въ ихъ у сели та жыве такый велыкый чоловикъ,—отъ цилкомъ такъ, якъ городъ тамъ якыйсь хвалытся иноди своимъ славетнымъ ученымъ, чы що. А наши подорожане залюбкы ёго слухалы и зъ велыкымы надіямы пидійшлы до знахаревои хаты. У хату вступылы не то зъ повагою до неи, а зъ де-якымъ навить страхомъ.

Хазяинъ бувъ дома. Сыдивъ за столомъ и роскладавъ якесь сушене зилле. И по стинахъ, на килочкахъ, скризь высило тее зилле.

Увійшовшы въ хату,—знахарь мовъ и не чуе ихъ и не гляне. Несмилыво поставалы биля порогу й промовылы:

— Здорови булы, дядьку!

Знахарь ни пары зъ устъ, мовъ никого и въ хати нема. Обомъ гостямъ стало якось моторошно. Стоялы и несмилыво поглядалы на дывного хазяина. Чоловикъ ище не старый, зъ невелыкою бородою руденькою, въ чумарчыни. Бере зилле и зъязуе пучечкамы. Позъязувавъ усе, що було на столи, зложывъ до-купы. Тоди глянувъ на ихъ.

Глянувъ,—и Денысъ одразу зрозумивъ, за що Гостроглядомъ ёго прозвано: такый у ёго поглядъ, що якъ зыркне, то такъ тебе й пройме всёго.

— А, здорови, дядькы! Що скажете?

— До вашои мылосты!—Госты вклонылыся.

— Сидайте та кажить!.. Хочъ я,—прыпынывся и такъ пыльно на обохъ поглянувъ,—и знаю, чого вы прыйшлы, та все жъ кажить.

Посидалы. Тонконоженко почавъ росказуваты. Гострогляд слухавъ мовчкы, иноди тилькы покывуючы головою, мовъ потакуючы.

Выслухавъ, подумавъ...

— Посыдьте тутъ, а я пиду подывлюсь.

Пишовъ зъ хаты. Дожыдаются кумы, и кожна хвылына того дожыдання за годыну имъ мабуть здается. А знахарь усе не йде та й не йде. Довго щось дывится. Мабуть нелегенька штука. Гляды, що скаже—пропало.

Рыпнулы двери,—Денысъ изъ кумомъ здригнулыся. Увійшовъ знахарь, сивъ мовчкы за стилъ, подумавъ...

— Такъ-такъ-такъ... Одна коняка була гнида, съ лысынаю на лоби?

— Вона!—скрыкнувъ Тонконоженко.

— На переднихъ ногахъ мычкы били?

— Ій-бо вона!—Терешко ажъ зирвався на ногы, не мигъ высидиты.

А знахарь спокійно та байдужно казавъ дали:

— А другый кинь вороный,—добрый кинь.

— Ой, добрый!—выгукнувъ бидолашный хазяинъ доброго коня.

— Такъ... Знаю, де твои кони. Можно знайты.

— Дядьку! будьте мылосердни! Скажить—де! Я вже вамъ не пожалію!..—прохавъ Тонконоженко, зтурбованый надіею побачыты знову свои кони.

— Та що жъ...—байдужно, не поспишаючысь одказавъ знахарь,—можна й сказаты,—абы було зá що.

— Та я хочъ и заразъ ладéнъ... Кажить—скилькы!—поспишавсь Тонконоженко.

— Двадцять пъять карбованцивъ положы,—матымешъ кони.

— Ой, це жъ наче бъ то й дорого буде!—зажурывся Тонконоженко.

— А кони ще дорожчи. Мабуть за кожного рубливъ по сорокъ давъ.

— За одного сорокъ, а за другого сорокъ и тры.

— Ото жъ бачышъ. А теперъ ще подорожчалы кони, то вже за ихъ не висимдесятъ тры взявъ-бы, а може й сотню. И я жъ не можу дурно робыты: воно й мени стбить. Та про мене—якъ знаешъ.

Уставъ и почавъ знимаaты зъ килочкивъ зилля та роскладаты на столи, мовъ ёму вже й байдуже про Тонконоженковы кони.

Жалко було Терешкови таку сылу грошей даваты. Та бачывъ, що инакъ не пособытся. Спробувавъ ще поторгуватьcя зъ Гостроглядомъ, дакъ той и не озвався. Довелося вытягты грошы. Не було въ собою всихъ, дакъ позычывъ ще въ Деныса. Такъ-сякъ удвохъ наскладалы, положывъ ихъ Тонконоженко на стилъ. Знахарь мовъ и не глянувъ на ихъ.

— Сёгодни въ насъ пъятныця...—почавъ казаты,—такъ... Дакъ отъ-же въ понедилокъ, якъ сонце зійде, пидешъ у Чорный яръ... Знаешъ?—Тамъ будуть твои кони стояты, прывъязани до велыкого дуба, що росте посередъ яру, ажъ на дни.

— А якъ не будуть?—несмилыво спытавъ Тонконоженко, бо ёму стало страшно: а що, якъ грошы пропадуть.

— Кажу, що будуть, то будуть!—сердыто видказавъ знахарь.—А колы не ймешъ виры, то хочъ и назадъ грошы заберы,—мени однаково. Тилькы вже тоди й коней тамъ не побачышъ.

Тонконоженко злякався й змовкъ.

— Та никому й словечкомъ не пробовкныся, ажъ покы до-дому кони прыведешъ. Тоди кому хочъ кажы. А скажешъ ранише, то й коней не побачышъ, и самъ биды не мынешъ. Чуешъ?

И такъ подывывся своимы гострымы пронозуватымы очыма, що Тонконоженкови мовъ по-за спыною снигомъ сыпнуло.

Денысъ спытався:

— А чы не можна бъ, дядьку, такъ, щобъ и про злодія довидатыся—хто винъ такый йе?

— Ге! Чого схотивъ! Буде й того, що кони знайдутся!— одказавъ знахарь.—Того не можна. Воно, сказаты, можна й те, да тилькы тоди вже по-викъ вичный коней не побачышъ, бо воно такъ, що або про те, або про те можна ворожыты,— тилькы про одно.

— Та Богъ зъ имъ! Мени вже хочъ бы кони!—махнувъ рукою Тонконоженко.

Попрощалыся й пишлы. Жалко було грошей Терешкови, та веселыло хочъ те, що кони знайдуться.

Пишлы наши до-дому, а згодомъ, слидкомъ за нимы, подався й Гостроглядъ. Узявшы палыцю, та й пишовъ полямы та гаямы зилля збираты. Збираючы зилля, дійшовъ до Гапоного хутора: винъ же бувъ биля дорогы въ Чорндуса въ Дыбли.

— А що, клюе?—спытавъ Гапонъ, увившы гостя въ хату.

— Тонконоженковы кони... Ось двадцять и пъять...— Винъ розсказавъ про те, якъ прыходылы Терешко зъ Денысомъ.—Двадцятка вамъ, а пъять рубливъ мои. Нехай ваши хлопци выведуть кони у Чорный Яръ,—такъ, щобъ на понедилокъ на схидъ сонця булы тамъ прывъязани до того велыкого дуба.

— Ото жъ то й бида мени, що кони вже не въ мене. Бо я знавъ, що до мене становый мавъ прыйихаты за диломъ, дакъ я, щобъ тыхше було, видиславъ ихъ до Лабзы. Та й зъ хлопцямы клопитъ: одынъ хворый лежыть, а другого далеко пославъ за диломъ.

— Шкода... Якъ бы жъ я знавъ, то я бъ инакъ якось...

— Ну, та дарма! Мени треба пойихаты въ городъ. То переважу Ярошеви, щобъ хто зъ ёго хлопцивъ вывивъ кони.

— Ото й добре!..

Прыятели розійшлысь.

А тымъ часомъ Денысъ усе думавъ про знахаря. Винъ не дывувався, що знахарь и кони яки вгадавъ, и все знае, бо черезъ те жъ винъ и знахарь, що може вгадаты,—а дывувався,

якъ це кони у Чорный яръ потраплють. Де воны тамъ визьмутся? Хто ихъ туды прыведе? Може злодіи тамъ кони ховають? Дакъ ни,—не зручно... Хиба самы прыбижать? Ни, не впада, бо казавъ знахарь, що кони будуть прывъязани,—уже жъ воны самы не прывъяжуться. А хто жъ ихъ прывъяже?

Си думкы не давалы Денысови спокою. А що, якъ бы?... А що якъ бы питы та заховатыся тамъ помижъ кущамы та й допыльнуваты—де кони визьмутся? Може такымъ робомъ выкрывъ-бы винъ и коновода. Ото було-бъ добре!

Тилькы страшно! А що, якъ то нечыста сыла туды кони прыведе? Денысъ боявся нечыстого, хочъ и знавъ, що видъ ёго легко оборонытыся хрестомъ, а хочъ бы й не нечыстый, а самы коноводы, то хиба тыхъ не страшно?

Та хиба вже такъ винъ и попадется? У тому яру можна такъ заховатыся, що й не побачыть нихто. А то можно вдвохъ изъ кумомъ Терешкомъ питы—охитнише буде. Денысъ пишовъ зъ цымъ до кума, але кумъ ніякъ не хотивъ прыстаты до ёго.

— Ни вже,—каже,—якъ знахарь сказавъ, то такъ и зроблю. А то якъ не послухаюсь, то й грошi пропадуть, и кони не вернутся. И ты, куме, не ходы, прошу тебе!

Денысъ сказавъ, що не пиде, а самъ свое думае. Такъ-сякъ суботу перебувъ, а якъ прыйшла недиля, то нема ёму спокою: муляе та й муляе ёго той Чорный яръ. Чы йты, чы не йты?

Чы вже жъ такы винъ маленькый, що боится питы? Що буде, а вже пиде!

Уже колы хто кони прыводытыме, то сіеи ночы,—пидъ понедилокъ. Винъ пиде звечора.

Бильше никому вже винъ не прызнавався. Дома сказавъ, що пиде на̀ ничъ у Чорнбусъ за диломъ,—выгадавъ уже тамъ дило. Узявъ зъ собою добру кыюру и завыдна ще подався зъ дому. Покы дійшовъ до Чорного яру, почало вже трохы смеркатыся. Озырнувся, глянувъ геть навкругы полемъ,—ниде ни лялечкы. Тоди тыхо пишовъ у яръ.

Зъ поля Чорный яръ здавався просто лисомъ, а якъ увійдешь у сей лисъ, то се байракъ глыбокый. Дубы, клены, осыкы,

берестки та всякый чагарныкъ густо порослы й посчиплювалыся гиллемъ. На поли ще було трохы выдко, але тутъ була вже ничъ. Денысъ ишовъ пбмацькы, находючы ногамы знаёму вузеньку стежку, росхыляючы гилле рукамы, заплющывшыся, щобъ хочъ по очахъ не хвыськало витамы.

Винъ знавъ того дуба, де малы кони стояты и простувавъ до ёго. Але покы дійшовъ, то добре увесь выдъ подряпало. Нарешти выйшовъ ажъ на дно яру,—тутъ була невелычка прогайлёвынка, а посередъ неи той дубъ.

Велыке старезне дерево, чорніючы своимъ могучымъ стовбуромъ, роскынувшы чёпурно проты стемнилого неба нерухоме шатро сонного лыстя, стояло якъ и попереду, одыноке, и ніякыхъ коней биля ёго не було.

Де жъ бы ёго заховатыся такъ, щобъ усе побачыты, а самого щобъ не выдко було? Треба недалечко. Почавъ роздывлятыся и незабаромъ изнайшовъ соби добру мисцыну поблызу биля дуба, въ кущахъ. Звидты выдко и дубъ, и всю маленьку прогайлёвынку. Видкиля-бъ що не прыйшо до дуба,—воно Деныcовыхъ очей не мыне.

Положывъ биля себе кіёкъ и лигъ. Хотивъ закурыты, та побоявся: табакъ далеко чуть, то щобъ не сполохаты злодія. Терпитыме вже.

Ну, а що винъ робытыме, якъ побачыть злодія? Бида, що темна ничъ. Якъ бы по-выдному, то пизнавъ бы хто, чы хочъ бы добре роздывывся, колы невидомый. А то якъ на́ лыхо, и мисяця нема, и зиркы за хмарамы не дуже свитють. Уже жъ не спынышъ злодія та не спытаешся—хто. Погано зробывъ Деныcъ, що послухався кума и никому не сказавъ. Треба було зибраты чоловика пьятеро людей та тутъ и заховатыся,—отодибъ воны вже піймалы злодія. А такъ не буде дила.

Чы не вернутыся до-дому?

Подумавъ трохы Деныcъ. Ни, вже буде тутъ! Хочъ побачыть, що буде, а тамъ уже знатыме, що робыты.

Холодне вночишне повитре було въ яру зовсимъ вохке, и Деныcъ ажъ измерзъ одъ ёго. На сели теплише вночы, дакъ

винъ и вдягъ чумарчыну, а треба було добру свыту взяты. Уставъ зъ земли, позастибався гарненько и сивъ, зипершыся спыною на якыйсь пень. Разъ-у-разъ дывывся на прогайлёвыну й на дубъ, але ничого не бачывъ. Почыналы втомлятыся очы.

По тому клаптыку неба, якый выдко було Денысови, сувалыся хмары; зиркы то потопалы въ ихъ, то знову вырыналы, ледви блымаючы.

— Ще дощъ буде,—подумавъ Денысъ.—Це кепсько: змерзнешъ такъ, що й не высыдышъ.

Велыки дерева понавысалы надъ имъ своимъ кудлатымъ чорнымъ гиллемъ. Товсти стовобуры мрилы въ темряви. Здавалося, що якись здоровенни люде, якись велетни похмури й страшни, поставалы навкругы мовчкы и попростягалы надъ Денысомъ свои велычезни лапы, щобъ ёго вхопыты. Отъ саме надъ головою навысла така лапа, шыроко шыроко розипъявшы товстючи мохнати пальци-кихти. Тилькы трохы нyжче—и вхопыла бъ ёго. И вразъ ти пальци почалы ворушытыся, вся лапа схытнулася, мовъ кыдаючыся внызъ ёму на голову. Денысъ хотивъ выскочыты зъ пидъ неи, але ту жъ мыть побачывъ, що вси воны, вси ти страшни чорни лапы ожылы, заколыхалыся и простяглыся до ёго, ворушачы своимы довгымы пальцямы-кихтямы... Холодный важкый страхъ прытысъ до землп Деныса, не дававъ ему поворухнутыся... Зашелестило, зашумило, озвалася навкругы вся темрява... Ще мыть...

Денысъ зирвався на ривни ногы, и вразъ розвіявся ввесь той страхъ. Тилько витеръ тыхо шелестивъ лыстомъ, колышучы виты. Денысъ зитхнувъ глыбоко, мовъ що важке зъ себе скынувъ, плюнувъ, думкою самъ себе вылаявъ, що такъ перелякався зъ дурного розуму, и знову сивъ, перехрестывшыся.

Не дурно сей яръ Чорнымъ звуть: у ёму й дерева страшни.

А давно ще прозвано ёго Чорнымъ. Батько росказувавъ, що колысь, у стародавню давныну ще, тутъ розбійныкы жылы, кышло нхъ у цёму яру було. Бо тоди тутъ не такый лисъ бувъ,—це вже ёго вырубано теперъ. Бувъ такый лисъ, що й не долизе нихто сюды було. А воны мабуть отутъ, саме

биля цёго дуба, й жылы, ти розбійныкы. То вдень у яру сыдять, а вночы на здобыткы йдуть, людей розбываютъ. Переймуть хто йиде, та й пограбують, а то такъ и вбьють. А одного разу, кажуть, дакъ йихавъ панъ багатый, молодый та й зъ молодою паніею... вночы... И са́ме прозъ цей яръ пройиздылы. А розбійныкы й выскочылы на ихъ. Пана жъ убылы, а пани отаманъ розбишацькый, Чорный на призвыще, соби взявъ. Уже вона ёго прохала-благала, щобъ винъ іи не бравъ, казала, що й выкупъ за себе прышле... Дакъ дуже гарна була, закохався въ неи отаманъ пры мисяшному сяеви та й повивъ іи зъ собою въ оцей яръ. Вона спершу пручалася, крычала, а дали й затыхла. Якъ прыведено іи въ яръ, то була ще ничъ, и отаманъ узявъ іи до себе въ шатро. А розбійныкы спаты полягалы, сміючыся та заздрючы отаманови. Поснулы. Попрокыдалыся вдень—не чуть отамана. Зазырнулы въ шатро, ажъ отаманъ лежыть и кынжалъ, стремыть ёму въ грудяхъ, а въ другому кутку пани вродлыва мертва: сама себе зарізала, отамана заколовшы. Поховалы розбійныкы обохъ туть у яру, а соби выбралы нового отамана. Дакъ що жъ? Не моглы выжыты. Якъ ничъ, такъ и ходыть мертва пани, ходыть й плаче и проклынае за свою недолю розбійныкивъ. И такый страхъ ихъ узявъ, що воны покынулы сей яръ та й подалыся кудысь далеко. А пани, кажуть, що-року тіеи саме ночы, якъ зарізалась, выходе зъ ямы та й иде байракомъ. Тыхо, тыхо йде, вся въ чорному, ледви чуты іи...

И йшло тыхо, ледви чуты. Але Денысъ се почувъ. Духъ ёму забыло, полизло догоры волоссе... Тупотыть... Здалека ще чуть, якъ щось тупотыть... Ось блыжче... Ось уже й на прогайлёвыни...

Якась купа велыка чорна наблыжается. Денысъ сылкуется зрозумиты, що се, але темрява не дае ёму роздывытыся. А купа все насувае, все насувае... Ось одно, двое.. Та се чоловикъ зъ двома киньмы!...

Денысови знову забыло духъ, але вже не зъ страху, а зъ думкы: що то заразъ буде, що то винъ довидается?

Пидъивъ чоловикъ до дуба кони и почавъ мацаты—до якои бъ гилкы краще прывъязаты. Прывъязавъ одного, тоди другого. Постоявъ хвылыну, мовъ подумавъ, що ёму дали робыты, и пишовъ стежкою въ той бикъ, де бувъ Денысъ, трохы навкосы видъ ёго.

Втече! Отъ заразъ пиде, покрыется, и Денысъ ничого не знатыме, даремни будуть уси заходы, знову ничого винъ не довидается про те, хто ёго ворогъ. И вразъ мовъ импетомъ що кынуло Деныса назустричъ невидомому чоловикови. Выскочывъ и ставъ передъ имъ, ливою рукою вхопывъ ёго за горло, а правою, держучы кiёкъ посередыни, розмахнувъ и вдаривъ зъ усеи сылы въ груды. Чоловикъ упавъ, и Денысъ опынывся на ёму.

Але даремне на свою сылу важывъ. Далеко дужчый за ёго бувъ чоловикъ. Видразу вывернувся зъ-пидъ ёго, збывъ ёго пидъ себе и прыгнитывъ колиномъ.

— А! ты мене будешъ быты!—захрыпивъ знаёмый Денысови голосъ.

— Романъ!—скрыкнувъ Денысъ.

И змовклы, вдывляючысь одынъ одному въ облычче: той на земли, пидъ колиномъ, а той нахылывшыся надъ имъ, зъ рукою на горли. Дывылыся середъ темрявы хмарнои ночы, сылкуючыся пизнаты знаёми рысы.

И вразъ пизналы...

Денысъ почувъ, якъ Романова рука ще дужче стыснула ёму горло, але тилькы на мыть. Якъ звиръ дыкый, одным скокомъ, Романъ зныкъ у темряви.

Денысъ пидвився, хытаючысь. Груды въ ёго болилы видъ Романового колина. А, проклятый! Якъ прыгнитывъ! Здоровый, якъ бугай!..

Денысъ увесь трусывся—зъ напруження, зо злосты. Теперъ винъ знае, хто кони бере. То догадувався, а теперъ и побачывъ. А, злодiю, коноводе, харцызе проклятый! Не мынешъ ты теперъ Денысовыхъ рукъ!...

Денысъ повидъязувавъ кони и повивъ ихъ зъ яру...

Була ще ничъ, якъ винъ уйихавъ у двиръ до кума Терешка и постукавъ до ёго въ темне виконце.

— А выйды лышъ, куме, сюды!

Пизнавшы Тонконоженко голосъ, заразъ выйшовъ. Передъ дверыма стоявъ Денысъ и державъ пару коней.

— А що се?

— Твои кони.

— Ой! Та ну?

— Дывысь!

Тонконоженко кынувсь до коней и хазяйськымъ окомъ заразъ же пизнавъ ихъ, хочъ и въ темряви.

— Та якъ же се? Ничого не розберу.

— Замкны кони въ повитку та ходимъ у хату, то роскажу.

Дочувшыся Тонконоженко якъ усе сталося, и радивъ поверненымъ конямъ, и трохы боявся: а що, якъ се знахаря розгниває? А якъ Денысъ сказавъ, що винъ хоче направыты врядныка на Романа, то винъ и зовсимъ перелякався.

— Ой, куме, не робы сёго! Хиба жъ ты не знаешъ того Гострогляда? Та'дже вси люде кажуть, що ёго не можна займаты, бо якъ схоче, то таке поробыть чоловикови, що й жыты не дасть. Кажуть, хворобу насылае и на товаръ моровыцю.

Денысъ почавъ сперечатыся. Адже тутъ нема ніякои нечыстои сылы. Певне знахарь у спилци зъ коноводамы. Дило звычайне, людське.

Та кумъ ніякъ того не слухавъ. Нехай тамъ и людське дило, та знахарь мае нелюдську сылу.

Щобъ не сперечатыся бильше, Денысъ замовкъ. Винъ заночувавъ у кума, а вранци вернувсь додому.

Було свято, и Домаха пишла до церквы. Маты поралась биля печы, батько й Зинько булы въ хати.

— Отъ, тату, выкохалы сыночка-коновода!—озвався Денысъ до батька.

Старый мовъ здригнувся.

— Що ты кажешъ, Денысе? Про кого це ты кажешъ?

— Про кого жъ я казатыму, якъ не про того ледащо, злодюгу клятого?—злисно видповивъ Денысъ, роздягаючысь и сердыто кыдаючы чумарку на пилъ.

— Не лютуй, а краще доладу роскажы!—звеливъ батько.

Денысъ почавъ росказуваты. Винъ и попередъ сёго ще думавъ на Романа. Та що-жъ? Не можна було довидатысь. А отъ теперъ уже довидався... И винъ по-ряду оповидавъ усю подію.

А старый Сывашъ слухавъ, похылывшысь кинець столу, про свою ганьбу видъ ридного сына, та й не помичавъ за велыкымъ смуткомъ, що пекучи слёзы котылыся ёму по облыччу, по бороди и падалы велыкымы яснымы краплямы на спрацёвани почорнили рукы. Дожывся! Хиба винъ того сподивався, того дожыдавъ? На старисть ёму сыву голову такымъ соромомъ сынъ покрывъ, передъ усима людьмы й ёго, и ввесь ридъ изганьбывъ, Николы сёго не було, щобъ изъ-помижъ Сывашивъ злодіи булы. А отъ-же!...

Маты стояла биля печы, прыхылывшыся въ кутку до рогачивъ, та й соби втырала слёзы. Зинько сыдивъ такый, якъ передъ смертю. Тяжка хмара налягла на всю симъю.

А Денысъ усе оповидавъ, не помичаючы того ничого, роспаленый своимъ оповиданнемъ, згадкою про видбуту боротьбу. Винъ доказавъ и змовкъ, и вси мовчалы. Тилькы матерыне хлыпанне чуты було середъ тыши. А Денысъ, не зважаючы на те, правывъ свое:

— Сёго не можна такъ попустыты. Се винъ и дали буде все село грабуваты та й насъ. Я пиду заразъ у волость. Хай йидуть у городъ та щобъ тамъ забралы ёго до тюрмы.

— Денысе, чы ты розуму не згубывъ?—понуро спытався батько.

— Чого бъ я розумъ изгубывъ?—А шо жъ я—подарую ёму трое коней, чы якъ?

— Эхъ ты безсоромный, безсоромный!—гирко й докирлыво промовывъ батько тыхымъ голосомъ, шо ще тремтивъ одъ недавнихъ слизъ.—Дакъ ты пидешъ ото самого себе поганыты, людямъ розсказуваты, що Сываши злодіи?

— Та се вы, тату, черезъ те такъ кажете, що вы вже стари, вамъ байдуже про хазяйство, а намъ изъ Зинькомъ треба свое добро берегты.

— А ты, Денысе, на мене не здавайся!—озвався поважно, зъ прытыскомъ Зинько.—Мени честь мылиша за добро. Хочъ бы й трыдцятеро коней пропало, а я на брата не пиду выказуваты, самого себе ганьбыты.

— Хи! Яка жъ то й ганьба! Адже не мы кралы, а винъ. Ну, якъ соби знаете, колы таки добри та багати! А я того не подарую, бо мени ни зъ чого даруваты. Я заразъ до врядныка!— и винъ почавъ удягатыся.

Маты заголосыла на всю хату, кынулась до Деныса и вчепылася за ёго:

— Денысе! Що ты робышъ? Не пущу я тебе! Не ходы!

— Одчепиться, мамо!—сердыто гарыкнувъ Денысъ и вырвавъ у матери свою руку.

— Облышъ ёго, стара!—озвався батько.—Слухай—ты!— загомонивъ винъ до Деныса, и голосъ ёго задзвенивъ такъ гостро, що той у-разъ спынывся.—Я тоби того не дозволяю и велю не робыты того. Покы я жывый, то *я* тутъ хазяинъ у своему добри, а не ты! Пидешъ казаты,—проклену и сёгодни жъ выкыдаю тебе зъ усима твоимы манаткамы зъ хаты, щобъ ты мени іи не ганьбывъ! И ничого не дамъ.

Денысъ знавъ батька. Винъ бувъ звычайно тыхый, але якъ отакымъ голосомъ заговорыть, то вже що скаже, те зробыть. Денысъ сердыто шворгонувъ чумарку знову на пилъ и пишовъ зъ хаты мовчкы, тилькы дверыма грюкнувъ такъ, що ажъ шпаруны посыпалысь.

Винъ справди облышывъ иты до врядныка, але не мигъ утерпиты и росказавъ де-кому про выпадокъ у Чорному яру, лаючы Романа. Незабаромъ поголоска про се пишла по всёму селу. Довидався й урядныкъ и пишовъ спершу до Тонконоженка. Але той, боячыся знахаря, сказавъ, що ничого винъ не знае, а кони самы знайшлыся въ яру. Поклыкавъ урядныкъ Деныса, але й той не сказавъ ёму ничого, бо знавъ, що не мыне

батьковои кары, скоро скаже. Такъ урядныкъ ничого не мигъ и зробыты. Звисно, можна потрусыты и знахаря, и Романа, та хиба въ ихъ що знайдешъ? Все село говорыло про ихъ, але зайняты не можна було, бо ни до чого прычепытыся.

А люде, довидавшыся, що се свій злодій краде, ще бильше почалы турбуватыся. Сей знае вси закуточкы й суточкы, то видъ ёго ниде не заховаешся. Треба добре берегтыся. Стукачивъ ще бильше найнялы. Ночувалы завсигды биля коней, кладучы коло себе колику або кіюру добру, а якъ хто мавъ, то й рушныцю. Вси булы на Романа дуже лыхи; хто й оборонявъ ёго попереду, то той теперъ лаявъ. А вже що ти хазяи, якыхъ винъ коней позбавлявъ, то ти клялы такъ, що й кисточкы въ ёго неклятои не лышылы. Двое черезъ це зовсимъ зубожило, а всимъ иншымъ довелось позычаты грошей на кони. Теперъ Романови страшно було й поблызу Дыбливъ проходыты, колы не хотивъ головою наложыты.

Але писля подіи въ Чорному яру крадижкы прытыхлы: чы то коноводы полякалыся, що ихъ выкрыто, чы то имъ не було ходу за пыльною вартою.

Такъ думалы люде, а Романъ думавъ соби инше.

В. Гринченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи частныхъ пансіоновъ въ Кіевской губ. въ нач. XIX ст.[1]

Среди другихъ немногочисленныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ институцій начала истекшаго столѣтія не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести частнымъ пансіонамъ, содержимымъ иностранцами (преимущественно французами). Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени ихъ появленія на Украинѣ, но во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, со времени основанія Коммиссіи Просвѣщенія (Edukacyjej) они уже существовали. Łukaszewicz въ своей «Historya szkół», t. II, стр. 436—37 говоритъ, что въ „эту эпоху (послѣ 1773 года) слишкомъ намножилось свѣтскихъ пансіоновъ, не только въ самой Варшавѣ, но даже и въ малыхъ городкахъ“. Относительно лѣвобережной Украины мы имѣемъ указаніе на существованіе французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнахъ и Глуховѣ въ 1781 году[2].

Въ первой четверти XIX столѣтія иностранные пансіоны получили значительное распространеніе въ лѣвобережной и право-

---

[1]) Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принесть искреннюю благодарность Н. В. Стороженку, любезно предоставившему въ наше распоряженіе «Дѣла уманскаго повѣтоваго училища» за нѣсколько лѣтъ первой четверти истекшаго столѣтія, на основаніи которыхъ и составлена наша замѣтка. *В. Д.*

[2]) «Кіевская Старина», 1890, сентябрь, отд. II, стр. 495—495.

бережной Украинѣ,—особенно въ послѣдней. Уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія мы знаемъ о существованіи въ Кіевѣ трехъ пансіоновъ, открытыхъ съ разрѣшенія Обществ. Призрѣн.: 1) „Иностранцемъ" Иваномъ Борецкимъ 4 сент. 1801 г., 2) отставн. франц. капитаномъ Карломъ Компаньономъ—въ декабрѣ 1802 г. и 3) вдовой секретаря (?) Каролиной Шгуцъ—20 марта 1803 г. [1])

Затѣмъ извѣстно существованіе женскаго пансіона въ Нѣжинѣ не позже 20-хъ г.г. нѣкоей французской дѣвицы Елисаветы Руссетъ [2]); въ 30-мъ году въ м. Златополѣ (Чигиринскаго уѣзда) извѣстенъ мужскій трехклассный пансіонъ Л. Вильетти, подготовлявшій воспитанниковъ не только въ гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія. [3]) Насколько велика была степень распространенности упомянутыхъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло своимъ долгомъ обратить на нихъ особое вниманіе. Въ маѣ 1811 года Министръ Просвѣщенія Г. Алексѣй Разумовскій издаетъ Высочайше одобренную „записку о предположеніяхъ касательно частныхъ пансіоновъ", въ которой выражаетъ скорбь свою по

---

[1]) Сборн. Матер. для истор. просв. въ Россіи, Спбр. 1893, т. I, стр. 453, II, 570.

[2]) Кіевск. Старина, 1884, январь, отд. II, стр. 173—174. Любопытна программа преподаванія въ этомъ пансіонѣ: 1) Законъ Божій, россійскій языкъ по правиламъ грамматики 3) *мифтологія*, 4) нѣмецкій языкъ по правиламъ гимназіи, 5) *Музыка*, танцы и рисованіе, 7) рукодѣліе 8) чистописаніе. Плата въ годъ *800 руб.* (при чемъ $1/2$ впередъ). Каждая дѣвица, при вступленіи въ пансіонъ, обязана принесть съ собой, кромѣ постели,—1 скатерть, 6 салфетокъ, 1 ложку столовую, чайную чашку, 2 столовыхъ ножа, 1 стаканъ. За исключеніемъ братьевъ, не допускается посѣщеніе молодыхъ не женатыхъ господъ.

[3]) Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтія юбилея въ авг. 1887 г. А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г. Интересныя подробности также см. Кіевск. Старина, 1901, мартъ, отд. II., стр. 151—153.

поводу того, что „въ Отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора Государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ". Далѣе Министръ выражаетъ еще большее недовольство по адресу иностранцевъ-воспитателей. „Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и *гнушаясь* онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца". Но оказывается, что и это еще не все „И для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаются къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по-иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ". [1]) Указавъ такимъ образомъ на пагубныя послѣдствія иноземнаго воспитанія, Министръ объявилъ слѣдующія мѣры къ прекращенію зла:

1. Дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности.

2. Дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знаніе Русскаго языка.

---

[1]) Любопытно, что польское общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ передовыхъ своихъ представителей, неоднократно высказывало недовольство воспитаніемъ въ пансіонахъ иностранцевъ въ томъ же духѣ, что и русскій министръ.

3. За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ. Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

4. Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ.

5. Впрочемъ, во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіонеровъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ.

6. Поелику содержатели не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ Министерство Просвѣщенія ежегодно по 5% съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощенія Государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя заслуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти неимущихъ дворянъ".

Вскорѣ послѣ перваго распоряженія относительно пансіоновъ, Разумовскій издаетъ отъ 6 іюня того же года второе, съ болѣе подробными поясненіями по нѣкоторымъ пунктамъ:

1) Изложенныя въ первомъ распоряженіи требованія, кромѣ 3 и 5 (относительно обязательности преподаванія на русскомъ языкѣ), исполнять неукоснительно и безъ измѣненій; пункты же 3 и 4 въ цѣломъ относятся къ пансіонамъ Русскихъ губерній, но въ губерніяхъ Остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши вводить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, такъ чтобы, кромѣ изученія русскаго языка, преподавался въ пансіонахъ и общежитіяхъ (konwiktach) по крайней мѣрѣ одинъ предметъ на русскомъ языкѣ.

2) Постановленіе это объявить содержателямъ пансіоновъ подъ расписку.

3) Чтобы всегда можно было видѣть, въ какой суммѣ должны поступать процентныя деньги отъ содержателей пансіо-

новъ въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія, приказать имъ завести особую книгу, куда каждую треть должны вносить имена пансіонеровъ и пансіонерокъ, получаемую пансіономъ плату за каждаго изъ нихъ, время ухода кого-нибудь изъ нихъ въ теченіе трети, сумму процентныхъ денегъ, слѣдуемыхъ въ Департаментъ Просвѣщенія за треть, и время, когда и черезъ кого онѣ выданы. Книгу эту обязаны вести съ должной обстоятельностью, начиная съ 1 мая настоящаго 1811 года. Во время ревизіи пансіона Визитаторомъ, Директоромъ и Смотрителемъ (Dozorcom) школъ повѣтовыхъ, послѣдніе обязаны просматривать книги и подписывать, чтобы убѣдиться, что книги находятся въ должномъ порядкѣ. Содержатели пансіоновъ обоего пола, по истеченіи каждой трети, сдѣлавши выпись изъ книги за треть и подписавши, обязаны немедленно прислать таковую съ процентными деньгами Директору гимназіи (давъ о томъ знать префекту повѣтовой школы), а Директоръ означенную сумму отправлять непосредственно въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія при своемъ донесеніи, оплачивая почтовые расходы изъ этихъ же суммъ.

4) Такъ какъ обязательство о взносѣ процентовъ можетъ дать поводъ къ чрезмѣрному повышенію платы за пансіонеровъ, приказать содержателямъ пансіоновъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не производили надбавки безъ разрѣшенія университета, къ которому должны обращаться съ просьбой черезъ Директора, а университетъ, съ своей стороны, долженъ съ величайшей осмотрительностью давать разрѣшенія на повышеніе платы, какъ и на установленіе ея за пансіонеровъ во вновь открываемыхъ пансіонахъ. Наконецъ,

6) если кто будетъ просить разрѣшенія на открытіе новаго пансіона, объявлять таковымъ эти распоряженія подъ расписку, для надлежащаго сообразованія съ ними.

Какъ первое, такъ и второе распоряженія Министра были немедленно разосланы префектамъ повѣтовыхъ училищъ, а эти послѣдніе не замедлили приведеніемъ въ исполненіе новыхъ правилъ по отношенію къ пансіонамъ. Такихъ пансіоновъ въ Кіевской губерніи, насколько намъ извѣстно, въ то время было четыре: въ г. Кіевѣ—отставного французскаго капитана Карла

Compagnion'a, [1]) въ м. Смѣлѣ [2])—неизвѣстно чей, въ г. Звенигородкѣ [3])—женскій—француза Louis de Petit и въ м. Христиновкѣ—француза Germain.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало новое Министерское распоряженіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ частнымъ пансіонамъ, а именно—чтобы „во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ сего и состоящія подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, какъ обучать юношество Закону Божію, такъ и при ежегодныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. При томъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзаменъ, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а въ городахъ, гдѣ существуетъ Архіерейская каѳедра, то и самыхъ епархіальныхъ Архіереевъ".

Трудно сказать, насколько точно исполнялось послѣднее и всѣ вышеупомянутыя распоряженія Министра, за исключеніемъ одного, котораго нельзя было не исполнить,—правильнаго (по третямъ) взноса процентныхъ денегъ съ получаемой за пансіонеровъ суммы. И дѣйствительно, мы видимъ, что къ началу сентября 1811 года всѣ пансіоны, за исключеніемъ Звенигородскаго, аккуратно внесли слѣдуемыя съ нихъ деньги, а monsieur Louis de Petit, послѣ неоднократнымъ напоминаній, лишь 20 ноября отослалъ Директору Кіевской Гимназіи Мышковскому 15 рублей, слѣдуемыхъ съ него за 3 ученицы. Изъ отношенія его Мышковскому явствуетъ, почему онъ медлилъ съ уплатой денегъ. Дѣло въ томъ, что въ полугодовой вѣдомости, которыя должны были представлять непосредственному начальству своему (первоначально Директору школъ), а потомъ префекту повѣтов. училищъ, всѣ парафіальныя школы и пансіоны

---

[1]) Для дѣтей обоего пола,—плата 300 р. въ годъ.

[2]) Подчиненъ былъ Каневскому повѣтовому училищу.

[3]) Подчиненъ Уманскому повѣтовому училищу.

два раза въ годъ (въ іюнѣ и декабрѣ), для свѣдѣнія послѣднихъ о состояніи училищъ,—въ Звенигородскомъ пансіонѣ показано было гораздо большее число учениць и, слѣдовательно, надлежало внести значительно бо̀льшую сумму за нихъ. Но практическій Louis de Petit выждалъ нѣкоторое время, пока однѣ изъ ученицъ окончили курсъ ученія и уѣхали, другихъ же, послѣ долгаго ожиданія, забрали родители домой, вознаградивъ M. de Petit за труды. „Въ настоящее время,—пишетъ M. de Petit Мышковскому,—у меня въ пансіонѣ только 3 панны платныхъ, за которыхъ мнѣ слѣдуетъ въ годъ 450 руб. ассигнаціями; такимъ образомъ процентныхъ денегъ слѣдуетъ въ годъ 22 $1/2$, а за треть 7 $1/2$. Такъ какъ 7 $1/2$ за майскую треть *трудно было переслать почтой* (?), я присоединилъ ихъ къ 7$1/2$ за другую треть, и теперь посылаю 15 рублей, сумму болѣе удобную при посылкѣ“. Подлинное подписалъ Louis de Petit, *Тымолеушъ* и *Сулицкій*—вѣроятно, преподаватели въ пансіонѣ.

Изъ полугодичнаго рапорта того же Louis de Petit Уманской повѣтовой школѣ за второе полугодіе 1711 года мы даже имѣемъ возможность узнать фамиліи его пансіонерокъ; по его сообщенію: Ваноисъ, Орловская и Деческулъ уже окончили курсъ въ этомъ году, а остались только Канецкая и Пдутовецкая.

Съ цѣлью еще болѣе упорядочить дѣло частнаго воспитанія дѣтей, въ январѣ мѣсяцѣ 1712 г. послѣдовало „предложеніе“ Министра Народнаго Просвѣщенія Имп. Виленскому Университету о возобновленіи дѣйствія указа 1757 г. апрѣля 29 о лицахъ, обучающихъ въ домахъ своихъ дѣтей, но не имѣющихъ о способностяхъ и знаніяхъ своихъ отъ учебныхъ заведеній свидѣтельствъ. Таковымъ лицамъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе шести мѣсяцевъ явиться въ ближайшее учебное заведеніе, чтобы подвергнуться испытанію на право преподаванія извѣстныхъ предметовъ. Въ случаѣ же неявки таковыхъ, а наипаче иностранцевъ, не состоящихъ въ россійскомъ подданствѣ, увѣдомлять о нихъ мѣстное начальство: въ городѣ—Городничаго, въ Повѣтѣ—Земскаго Исправника. По истеченіи указаннаго въ „предложеніи“ срока, въ концѣ іюня того же 1812 года помощ-

никъ уманскаго префекта о. Граціанъ Микулинскій, въ отношеніи своемъ Директору Кіевской Гимназіи, извѣщаетъ, что одни изъ занимающихся частнымъ преподаваніемъ дѣйствительно явились въ училище, а другіе не захотѣли, и потому проситъ инструцій, какъ поступить съ тѣми и другими. Между прочимъ, въ числѣ неявившихся, упомянуты: еврей Кунъ, обучающій по французски въ Умани, и въ Кристиновкѣ—Germain, не хотѣвшій сдать экзамена.

Кромѣ упомянутыхъ раньше четырехъ пансіоновъ, существуетъ указаніе на попытку открыть въ 1811 году еще одинъ женскій пансіонъ въ Умани; но былъ ли онъ открытъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности—да. Желаніе заявлено было жительствующей въ г. Умани вдовой Іоанной Thatz, обратившейся по этому поводу къ директору Кіевской гимназіи. Директоръ отнесся вполнѣ благосклонно къ просьбѣ г-жи Thatz, прекрасно понимая, что „въ таковомъ заведеніи въ той мѣстности является надобность". Въ дальнѣйшемъ, онъ предоставляетъ устроить это дѣло префекту уманскаго училища. Главное, по его мнѣнію—чтобы подобныя заведенія отвѣчали желаніямъ родителей и волѣ правительства. Въ виду этого, онъ предписываетъ префекту: 1) снабдить г-жу Thatz книжкой „Общаго школьнаго устава", Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 года, для ознакомленія съ предписаніями, съ которыми она должна сообразовать свои намѣренія, 2) взять у нея планъ пансіона, 3) составить, подъ предсѣдательствомъ префекта, коммиссію изъ учителей, предметы которыхъ будутъ преподаваться въ пансіонѣ, для производства испытанія лицамъ, намѣревающимся преподавать въ пансіонѣ, и если послѣдніе не окажутъ успѣховъ,—отказать; въ случаѣ же будутъ обладать надлежащими познаніями,—выдать аттестаты за подписью всѣхъ экзаменаторовъ и за приложеніемъ казенной печати, 4) собственное заключеніе префекта объ ожидаемой отъ пансіона пользѣ и пригодности г-жи Thatz къ содержанію его,—сообщить директору гимназіи для испрошенія разрѣшенія Правленія Императорскаго (Виленскаго) университета.

Если и удалось г-жѣ Thatz открыть женскій пансіонъ въ Умани, то онъ въ ея завѣдываніи существовалъ, вѣроятно, очень не долго, такъ какъ намъ извѣстно, что въ промежутокъ между 1812 и 1821 г., послѣ существованія предполагаемаго пансіона г-жи Thatz, въ Умани былъ уже женскій пансіонъ нѣкоего Дудкевича, переданный затѣмъ въ январѣ 1822 года французскому уроженцу, бывшему воспитаннику Уманскаго повѣтового училища, Линсу, преподававшему въ то время французскій языкъ въ повѣтовомъ уманскомъ училищѣ. Въ скоромъ времени, вѣроятно въ 1824 году, въ Умани открылся еще одинъ женскій пансіонъ—нѣкоего Темерй, съ двумя другими иностранцами (вѣроятно преподавателями въ его пансіонѣ)—Иваномъ Дута и Александромъ Арнодомъ. Что послѣднее предположеніе справедливо, можетъ быть могло бы послужить подтвержденіемъ распоряженіе Училищнаго Комитета Императ. Харьков. Универсисета, которому Кіевскій учебный округъ подчиненъ былъ съ 1818 года, объ отобраніи у этихъ двухъ иностранцевъ подписки въ томъ, что они не принадлежатъ, не принадлежали и обязываются не принадлежать къ ложѣ братьевъ Масоновъ или какому другому тайному обществу и никакихъ сношеній съ ними не будутъ имѣть.

Около этого времени, въ концѣ 1824 года, послѣдовало симпатичное нововведеніе въ программѣ образовательныхъ предметовъ частныхъ пансіоновъ, а именно—по предложенію попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа (Е. В. Карнѣева), училищный Комитетъ Харьковскаго Университета предписалъ содержателямъ и содержительницамъ „благородныхъ дѣвичьихъ пансіоновъ“, чтобы они старались „вводить по возможности обученіе воспитанницъ сельскому и домашнему хозяйству, *какъ предмету наиболѣе приличному ихъ полу,* соединенное съ обученіемъ естественной исторіи“.

Но вотъ циркулярное предписаніе Министра Нар. Просвѣщенія г. Исправляющему должность Харьковскаго Учебнаго Округа отъ 3 марта 1826 года подорвало въ корнѣ значеніе частныхъ пансіоновъ въ томъ видѣ, какъ они донынѣ существовали, и по всей вѣроятности, послужило началомъ ихъ посте-

пеннаго исчезновенія. Суть въ томъ, что въ 45 статьѣ Высочайше утвержденныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія сказано, что „мѣстныя начальства всѣми образами должны ободрять заведеніе такихъ пансіоновъ, которыхъ бы хозяева имѣли предметомъ *токмо содержаніе и надзоръ* за поведеніемъ юношества, получающаго учебныя наставленія *въ училищахъ*",—притомъ тѣ же начальства обязаны поощрять родителей къ отдачѣ дѣтей въ ихъ руки, въ распоряженіе ихъ же (начальства) или кого-либо изъ учащаго персонала, а затѣмъ уже постороннихъ лицъ, „извѣстныхъ познаніями въ наукахъ и честнымъ поведеніемъ". „Почитая мѣру сію *единственнымъ* способомъ къ распространенію систематическаго образованія въ наукахъ и полезнаго обученія юношества, тѣмъ болѣе, что содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, по большей части, не имѣютъ къ тому достаточныхъ способовъ и вообще отступаютъ отъ *единообразія, желательнаго въ преподаваніи наукъ* по всему вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія", Министръ обращается съ просьбой къ главному начальнику Харьковскаго округа обратить „надлежащее на означенную выше статью вниманіе" и желающимъ заводить на изложенномъ выше основаніи пансіоны оказывать всевозможное содѣйствіе и покровительство.

Надо полагать, что это послѣднее предписаніе сильно отразилось на возможности дальнѣйшаго существованія частныхъ пансіоновъ съ курсомъ преподаванія въ нихъ,—но, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о пансіонахъ прекращаются 1826 годомъ.

В. Доманицкій.

ЗА КОЛІИВЩЫНЫ.

I.

По-надъ Тясмыномъ, недалеко видъ Головятына, лежыть невелычке село Гуляй-городъ. Розкынулось воно на зеленимъ горби, середъ садкивъ та левадъ. Нызькый берегъ Тясмына рясно зарисъ верболозомъ та очеретамы, а дали за ричкою зеленіе лисъ по ярахъ та горахъ. Невелычка церковка биліе пидъ горою, а кругъ неи мостятся били селянськи хаткы зъ садкамы та городамы. Въ Гуляй-городи, тому вже буде литъ бильше ста, жывъ шляхтычъ Янъ Могыльськый. Бувъ винъ землемиръ, оселывся на Украини коло 1750 року, але звидкиль винъ взявся— того нихто не знавъ. Знавъ де-хто, що винъ прыйихавъ у Смилу плохенькымъ визкомъ та парою шкапъ, и прожывавъ якый часъ у Смили безъ роботы. Смилянщына тоди належала до князя Любомырського, багатого польського магната, а управытелемъ у Смили бувъ Добрынськый. Навидуючы свои маетности, князь прыйихавъ у Смилу; по прозьби управытеля винъ прыйнявъ Могыльського на свою службу, давъ ёму дворыкъ, пенсію, видсыпне́ и прыставывъ обмирюваты свои безмежни маетности, що одъ вику не булы ще миряни. Сею роботою Могыльськый займався килькы литъ и увесь той часъ прожывавъ у Смили.

Циле лито винъ блукавъ по степахъ та лисахъ, миряючы княжи земли, а зимою складавъ пляны. Жывъ самитно; людей наче-бъ цурався, та й люде ёго; тому жъ то нихто и не цикавывся, хто винъ, та звидкиль. На ту пору въ Украини не мало селылося захидцивъ зъ рижныхъ мисць Польщы, часто безъ роду и прызвыська, и не лышъ винъ одынъ бувъ тутъ таемною особою. Люде, що бувалы на Волыни, розсказувалы, що чувалы про ридъ Могыльского пидъ Любаромъ, що винъ десь бувъ жонатый, мавъ дитей, але чы вмерла ёго дружына, чы покынула ёго, або може винъ самъ помандрувавъ свитъ за очи—про те нихто не знавъ ничого певного.

Черезъ скилька литъ князь Любомырськый вдруге прыйихавъ до своихъ маеткивъ. Могыльскій подавъ ёму свою працю, и князь, задоволеный нею, вволывъ на прохання Могыльського и виддавъ ёму на чыншъ Гуляй-городъ на неомежный часъ. Сельце се тоди було не бильшъ пъятнадцяты дворивъ, лежало воно середъ гиръ, поля ораного було мало, а шляхы булы погани. Тому-то аренду взявъ Могыльськый за дуже невелыкый чыншъ, навить на тодишню пору: за шисть сотъ злотыхъ у рикъ. Сей чыншъ, одначе, винъ мигъ выбраты вже зъ садкивъ, що рослы у таемныхъ нетряхъ надтясмыньськыхъ лисивъ та зъ млына на тясмыньськый гребли. Млынъ винъ виддававъ въ аренду вже видъ себе Смиляньському пысареви Редчыньському, и греблю съ тои поры селяне прозвалы Пысарською; а самъ, поставывшы соби дворыкъ на тимъ самимъ мисци, де и теперъ стоить паньськый домъ, перебрався у Гуляй-городъ и вже видтоди дуже зридка бачылы ёго у Смили.

Того-жъ року Могыльському, якъ розсказувалы люде, подано звистку про смерть ёго жинкы, и винъ пойихавъ на Волынь, та черезъ скилька тыжнивъ вернувся зъ дивчыною рокивъ десяты, чорнявенькою, гарною, веселою, котра называла ёго таткомъ. Звалася вона Юзя.

Вона бильше боялася, нижъ любыла батька. Та й не дыво: Могыльського не моглы любыты й люде, а тымъ бильше диты. Бувъ винъ чоловяга вже литъ пидъ сорокъ, высокый, худый

жылавый, чорноволосый и чорноокый. Суворе та понуре ёго облычча николы не прояснявъ щырый усмихъ, але гнивъ розпалявъ ёго вмыть. Мабуть, лыха доля выгрызла, вывыщыла зъ ёго серця вси люби почування и затемрыла ёго душу смуткомъ та гиркымъ недовирствомъ. Завжды винъ бувъ сумный, мовчазный та неймовирный, а въ гниви лютый и запеклый. Одягався убого: литомъ въ полотнянимъ жупани, зимою въ кожуси, крытимъ сирячыною.

Господа ёго була тыха и пуста, життя въ іи нудне, а свята, що у людей звычайно проходять у забавахъ та веселощахъ, у ёго навить середъ челяди мыналы мовчкы, въ спочынку.

До такои то осели, въ найпустельнійшій сторони Украины, зъ одного боку обмеженій темнымъ лисомъ, а зъ другого водою, перевизъ Могыльськый веселу, жваву дытыну.

Юзя спершу вдалася въ тугу за гоминомъ та людьмы, але, звычайно, якъ дытына звыкла згодомъ до сеи могыльнои тыши и годынамы просыжувала задумана, гонячы очыма за водою або за хмарамы. Батько навчывъ іи чытаты и пысаты, селянськи дивчата навчылы спиваты чудовыхъ, смутныхъ думокъ та писень Украинськыхъ, бабы оповидалы ій казкы, прядучы зъ нею довгымы зимовымы вечорамы—отсе була вся розвага та забава, що заповнялы іи дытячи лита.

За чотыри рокы передъ прыйиздомъ Юзи Могыльськый прыйнявъ, бувъ господыню для дому. Се була молодыця зо Смилы, на имъя Марьяна, литъ биля трыдцяты, правдыва украинка, чорноока, чорнобрыва, зъ прынаднымъ гнучкымъ станомъ, повнымъ життя и сылы.

Видъ самыхъ молодыхъ дивочыхъ литъ лыха була іи доля. Батько іи служывъ за побережныка въ лисахъ того-жъ самого князя Любомырського; маты померла, якъ Марьяни йшовъ десятый рикъ. Ніякъ и николы було батькови доглядаты свою дочку-одынычю; тому-жъ виддавъ винъ іи до двору княжого управытеля, де за ключныкомъ була Марьянына титка. Марьяну прыставылы до панськыхъ покоивъ. Молоде дивча, що зросло у виковій пущи, середъ таемного шелесту старыхъ дубивъ та осокоривъ, що

звыкло лышъ до пташыныхъ голосивъ у темній диброви, нудыло свитомъ у панськыхъ будынкахъ, въ неволи, якъ вильна пташка у клитци. Чы разъ було стара клюшныця, що заправляла всею панською челяддю, бралася докоряты, вчыты розуму Марьянку, зачыняла іи у темну комору за кару, або становыла на вколюшкы на гречку,—дивча, выплакавшысь, втикало у самый край старого панського саду, або на ставъ, у верболозы та й просыжувало тамъ до пизнёго вечора.

Але мынуло рокивъ тры, чотыри—и трудно було прызнаты колышню дыку, лисову Марьянку въ гожій чорнобровій дивчыни, за котрою пропадалы теперъ вси двирськи парубкы. Якось зимою найихало до Смилянського управытеля багато панивъ на полювання. Цилый тыждень двиръ гомонивъ рогами, трубамы звягою та гавканнямъ псарни, и що-вечора, писля полювання, бенькетамы та музыкамы, якыхъ прывезлы ажъ въ Черкасъ.

Всій дворни настала тяжка робота; треба було догодыты всимъ гостямъ, на кухню прыставылы ще скилька кухаривъ, а до покоивъ набралы найкращыхъ дивчатъ зъ пидданокъ князя. Але середъ ныхъ всихъ Марьяна видзначалась своею красою и вродою и звертала на себе загальну увагу всихъ прыйиздныхъ панивъ та панычивъ. Особлыво одынъ молодый хорунжый, панъ Яцимырськый, дуже соби вподобавъ іи и не дававъ ій просвитку своимъ залыцяннямъ. Марьяна була непрыступна на вси пидхбдци паныча, а іи байдужисть ще гирше розпаляла ёго. Молодому хорунжому вперше доводылося, щобъ „хлопка“ видверталась видъ ёго женыхання та ласкы.

Невидомо якымъ способомъ винъ добувся, що одного разу писля пизнёи вечери, якъ вже вси гости розійшлысь по покояхъ на спочынокъ, клюшныця послала Марьяну занесты пляшку меду до тыхъ покоивъ, де стоялы панычи.

Панъ Яцимырськый прыставъ до дивчыны, щобъ вона выпыла до нёго чарку; дали нахваляючысь, що не выпустыть іи, прымусывъ выпыты й другу, третю... Марьяни свитъ закрутывся, вона хтила выхопытыся сыломиць, але двери булы зачынени на ключъ... Розпачлывый крыкъ дивчыны хорунжый затлумывъ въ

своихъ сыльныхъ обіймахъ.... Марьяна темною зимовою ничью, по сниговыхъ заметахъ, безъ шляху, добигла ледве жыва до батьковои хатыны у пущи, и заходячысь слизьмы, розсказала батькови про свою крывду. Старый кынувся до управытеля шукаты права за зневагу и безчестя своеи одыныци, хтивъ вбыты Яцимырського... але опынывся звъязаный у темнимъ стебныку.

На ту пору не можна було хлопови знайты право на пана

Не довго прожыла Марьяна въ батьковій хати. Старого хочъ и выпустылы скоро зъ двора и полышылы на давній службі, але винъ зъ жалю та крывды почавъ де-колы дуже запываты.

Лышъ мисяць мынувъ писля прыгоды зъ хорунжымъ. Марьяна довго, до пизнёи ночи дожыдалася батька зъ миста, куды винъ пишовъ, щобъ купыты де-чого на пущання; такъ и не диждалася та й сама лягла спаты. Не прыйшовъ батько и вранци; ажъ биля полудня прыскочывъ двирськый козакъ въ звисткою, що старый сеи ночи замерзъ у степу, зблудывшы пьяный зъ шляху.

Никуды було дитыся бидній сыротыни зъ своимъ соромомъ: заздри мійськи та двирськи дивчата не давалы ій просвитку своимы докорамы, глузуваннямъ, а парубкы, до залыцяння котрыхъ вона була байдужа, теперъ нахвалялыся утяты ій косу за те, що хочъ и неволею, стратыла винокъ свій дивочый.

Пишла Марьяна свитъ-за-очи шукаты прытулку у чужыхъ людей. Опынывшысь у Черкасахъ вона стала за няньку въ якогось доброго заможнёго мищанына. Писля Спаса вона породыла хлопця. Такъ, трохы не зъ пъятнадцять литъ вона тынялася зъ дытыною въ наймахъ, чы разъ гирко проклынаючы свое нужденне жыття. Натерпилась голоду, холоду, крывды та зневагы, ажъ забравъ іи Могыльськый за господыню до себе, у Гуляй-городъ.

Тутъ ій здалося, що лыха доля стала до неи наче ласкава. Могыльськый, до усихъ прыкрый и суворый, до Марьяны бувъ прыхыльный: винъ виддавъ ій вси ключи видъ господы, де-колы пытався іи рады въ домовыхъ справахъ и видъизжаючы на свои

землемирськи роботы, де-колы на скилька тыжнивъ, лышавъ іи за старшу надъ усимъ своимъ хазяйствомъ и повирявъ ій доглядаты свою Юзю. Смутку задавало Марьяни лышъ те, що Могыльській видразу не злюбывъ іи сына Нестора. Вона всиляко старалася, щобъ хлопець ни въ чимъ не ставъ проты воли пана, щобъ навить не часто попадався ёму передъ очи, але все-жъ такы панъ ненавыдывъ Нестора безъ прычыны, ни про що, хочъ старався не показуваты того передъ людьмы та Марьяною, бачывшы, що се іи дуже грызе. Юзя, зъ доброго свого серця, завжды обставалася передъ батькомъ за Несторомъ и тымъ дуже прывъязала до себе серце матери и сына. Вона була добрымъ янголомъ и заступныцею для всихъ бидныхъ и покрывжденыхъ. Въ сумній, понурій господи гуляйгородській Юзя була зиркою для всихъ, розганяючы хочъ трохы загальный сумъ и хмуристь своимъ щебетомъ та ласкою.

—

Мынуло пъять литъ такого жыття въ Гуляй-городи.

Несторъ ставъ гарный парубокъ. Облыччямъ винъ вдався у матиръ: такый самый гожый, чорнобрывый, але ёго вроду ще побильшувавъ высокый, гнучкый станъ та незвычайна сыла. На вдачу бувъ добрый, прыхыльный и працёвытый. Бачывшы, що Могыльськый по давнёму не любыть ёго, и що ніякымъ старанням, ни угидлывистью не можна перемогты тои ненавысти, Несторъ давно вже хтивъ подякуваты ёму за хлибъ, за силь та й пійты у свитъ шукаты доли. Але була прычына, що мицнымы кайданамы прыкувала ёго до Гуляй-города. Винъ щыро покохавъ Юзю, и вона взаемно кохала Нестора усіею сылою свого молодого серця.

Зналы обое, що се кохання не дасть имъ щастя, бо батько, хочъ-бы навить и любывъ Нестора, николы бъ не допустывъ и думкы, щобъ ёго дочка выйшла за „хлопа“; винъ раднищый побачывъ-бы свою Юзю у труни, нижъ за Несторомъ. Зналы се добре обое, але ся безнадійнисть не зменшала сылы ихъ кохання, а може ще й побильшувала ёго.

Бачыла й Марьяна, що зкоилося зъ дитьмы—вона любыла Юзю якъ ридну дытыну; прочувала іи душа нещастя; вона пробувала неразъ намовыты дитей выкынуты се кохання зъ серця, а Нестора сама выправляла зъ дому, знаючы, що Могыльськый охоче выпросыть службу у Смилянського управытеля для Нестора, абы лышъ збуты ёго зъ своихъ очей.

Дывнымъ робомъ, Могыльськый, завжды провы́длывый, на кохання Юзи зъ Нестором бувъ слипый,—може тому, що винъ и думкы не прыпустывъ, щобъ такый бурлака, безбатченко осмилывся надіятысь на шляхтянку.

Однои недили у Петривку, колы Могыльськый цилый тыждень вже не бувъ вдома, вся челядь у Гуляй-городи розійшлася хто-куды: парубкы купатысь у ричку, дивчата по ягоды, а старійши поляглы спаты писля обиду. Юзя, своимъ звычаемъ, выйшла на край саду, надъ ричку, де почыналысь берегови верболозы, сила на травыцю въ холодокъ пидъ кущемъ калыны та й загадалась, наче зачарована тыхымъ шелестомъ лыстя та теплымъ, ласкавымъ подыхомъ нызового пивденного витру.

Згадала вона свою дытячу пору, колы не зазнавала ни журбы, ни смутку; матуся добра, лагидна, пестыла свою одыныцю, догожала на вси іи' бажання, на выгадкы. Добра пора була, щаслыва, незабутна!.. Якъ бы жыва була маты, розсказала бъ ій Юзя, якъ іи душу теперъ заповняють чудни, невидоми почування—и радощи, и смутокъ, и щастя, и невымовна журба. Вона любыть Нестора—гарного, доброго, хрошого,—Боже, якъ любыть! Наче сонечко яснійше свитыть, колы винъ зъ нею, наче увесь свитъ кращый, веселійшый... А батько?

И смутокъ обгортавъ молоде дивоче серце, колы вона згадувала суворый, холодный поглядъ батька, ёго ненавысть до іи любого.

Закрывшы лыце долонямы, думала Юзя: чому я не проста селяньска дивка, отъ якъ Меланка Демыдова Рыбалчына. Демыдъ охоче виддавъ бы дочку за Нестора, бо такыхъ гарныхъ, дужыхъ та роботящыхъ парубкивъ не багато. Або чому Нестиръ не панычъ, шляхтычъ? Якый гарный бувъ

бы зъ его вояка! Вона згадала молодого хорунжого, котрого бачыла разъ у Смилянському костели, на видпусти. Зъ Нестора бувъ бы ще кращый хорунжый.

— Чого зажурылась панночка хороша?

Юзя стрепенулася, видкрыла лычко. Биля неи стоявъ Несторъ.

— Злякавъ ты мене.

Несторъ сивъ обичъ дивчыны. Смилывый зъ другымы, зъ Юзею винъ завжды бувъ боязькый, найбильше зъ тои поры, колы вона прызналася ему одного вечора, що любыть его такъ само, якъ винъ іи.

Несторъ добувъ зъ кышени жменю насиння и почавъ лузаты его. Юзя простягла руку, винъ всыпавъ ій насиння. Винъ дывывся на неи, якъ на образъ. Юзя була чудово гарна. У вышытій квиткамы билій сорочци, у намысти зъ кораливъ, зъ образкомъ и хрестыкомъ, у рижнобарвыхъ стричечкахъ, вплетеныхъ въ іи довги косы, вона здавалася гарною украинською дивчыною. Іи чаривни кари очи такъ любо та сумно дывылыся на Нестора, що здалося ему, наче увесь свитъ затуманывся, лышъ ти очи, якъ зиркы, свитылыся ему.

— Панночко, любко хороша! Що зъ намы буде?

Юзя зрозумила его думку, бо се була и іи журба, и іи безнадійный смутокъ.

— Не маю я тутъ доли, не буде тутъ и щастя,—казавъ дали Несторъ.—Треба йты кудысь шукаты доли. А мое щастя тутъ, зъ тобою, покыну, моя зирко ясная...

— Несторе, голубчыку, не кыдай мене! Не хочу я жыты безъ тебе. Може, Богъ змылуется надъ намы, може якось...

— Богъ змылувався бъ може, та твій батько не змылуется,—дарма.

Зитхнулы обое, задумалысь.

— На Нызъ, у Сичъ. Туды шляхъ такымъ сиромамъ, якъ я.

— Добре, йды. А я пиду у Тясмынъ; туды шляхъ для мене,—сказала Юзя.

— Ты панночка, ты знайдешъ соби гарну пару, панычa якого шляхтыча. Забудешъ швыдко бурлаку безридного.

— За що такъ прыкро говорышъ, Несторе? Хиба я тебе на часъ покохала? Хиба, думаешъ, мою душу не роздырае смутокъ, жаль? Ты не добрый, не такъ любышъ мене, якъ я думала.

— Ой, я жъ тебе не люблю?!—простогнавъ Несторъ.

— То не мучъ, не дорикай, колы любышъ,—сказала Юзя.

— А все жъ иты треба,—сказавъ Несторъ.—Батько довидается про наше кохання,—гирше буде.

— Не йды, Несторе. Я безъ тебе одного дня не прожыву.

— Голубко ясна, що жъ мени робыть? Маты выправляе, щобъ лыха не було; та й моя думка така сама.

— Колы такъ,—озвалася Юзя,—беры и мене зъ собою. Краще буду зъ тобою нужду терпиты, нижъ тутъ одна...

— Не можна тоби у Сичъ, ясочко, ніякъ.

— Не йды у Сичъ, тикаймо куды инде.

— На слобидську, на той бикъ можна,—сказавъ Несторъ. А ты не передумаешъ?

— Ни.

— Колы бъ батько не видшукавъ?

— Поберемось, повинчаемся, то може простыть, перепросымъ,—сказала Юзя.

Несторъ обнявъ іи, прыгорнувъ до себе, цилувавъ въ уста, въ очи; вона горнулась до ёго, якъ голубка...

Вмыть скочывъ Несторъ, прыслухався: за кущемъ бузку ёму почувся наче шелестъ. Прожогомъ, якъ хыжый звиръ, винъ кынувся за той кущъ.

Прытаившысь сыдивъ тамъ стаенный парубокъ Могыльського, Макаръ. Про ёго знала вся челядь, що винъ разъ-у-разъ доказуе свому панови про все, що діется та говорытся у двори.

Несторови наче захолонуло серце видъ гниву. Винъ кынувся на Макара, якъ вовкъ на ягня, звалывъ ёго на землю.

Потимъ, ставшы ёму колиномъ на груды, сыльною рукою своею стыснувъ ёму горло и сказавъ:

— Слухай, ты песькый сыну, я тебе задушу!

— За що? За що? схаменысь!—прохарчавъ Макаръ.

— Ты докажешъ на панночку...

Але Макаръ почавъ просытыся, прысягатыся, що не скаже а-ни слова; грызъ землю, плакавъ... Несторъ пустывъ ёго, сказавшы: „памъятай, Макаре: зъ пидъ земли тебе добуду, колы докажешъ, и вбью, якъ гадыну“. Юзи вже не було пидъ калыною.

—

Мынуло тыжнивъ два писля Петра. Могыльськый зновъ пойихавъ на свою роботу, сказавшы, що забарытся днивъ зъ десять.

Несторъ заздалегидь обдумавъ все, якъ слидъ. Колы втикаты зъ Юзею, треба було взяты и матиръ, бо Могыльській на ній окошывъ-бы увесь свій гнивъ та помсгу.

Теперъ найкращый часъ наставъ. За десять день, покиль вернувся-бъ Могыльськый, воны булы бъ далеченько, по той бикъ Днипра. Марына дуже боялася сёго замиру, але Несторъ переконавъ іи. Юзю переконуваты не треба було: вона серцемъ бильшъ була до Марьяны и Нестора, котри щыро любылы іи, нижъ до батька, котрого вона не такъ любыла, якъ боялася.

На другый день писля выйизду Могыльського, Несторъ налагодывъ визокъ, добре нагодувавъ пару кращыхъ коней, а Марьяна зъ Юзею зибралы де-яку одежу та шмаття. Челяди сказалы, що збираются у Смилу до пысаря у гостыну. Де-колы йздылы воны до ёго, бувавъ тамъ и Могыльськый, та й пысаръ чы-разъ зайиздывъ у Гуляй-городъ; тому-то никого не здывувавъ той замиръ.

Несторъ не хотивъ выйиздыты за-дня, щобъ, выпадкомъ, хто не прызнавъ ихъ на иншому шляхови, на Черкасы.

Звечорило. Несторъ, запрягшы кони, зайшовъ у хату сказаты матери, щобъ прыпасла харчивъ на дорогу.

Пбкваномъ заходылась Марьяна накладаты у торбу запасъ. Несторъ, сившы обичъ Юзи на лавци, почавъ ій казаы, якъ

незабаромъ воны подружатся, якъ заведуть свое хазяйство тамъ десь, у слободахъ...

Юзя сыдила сумна, задумана.

— Чого невесела, моя голубко?—спытавъ Несторъ.—Може каешся, що втикаешъ зо мною? Може жалко покыдаты батькову хату?

Ни, Несторе; не каюся я и не жаль мени, а такъ чогось невесело; щось недобре вищуе мое серце, страхъ якыйсь мене бере...

— Не бійся, зирко, не журыся!—сказавъ Несторъ.—Бильшъ копы лыха не буде.

— Та ось вже й готово,—сказала Марьяна, завъязуючы мишокъ.

— Готово?—почувся голосъ позаду Марьяны.

У дверяхъ стоявъ Могыльськый.

Гримъ, колы бъ вдарывъ у хату, не злякавъ бы такъ. Марьяна пополотнила, та й наче застыгла вся, нагнувшысь надъ недовъязанымъ мишкомъ. Юзя неначе зкаменила, шыроко розкрывшы свои кари очи. Несторъ стыснувъ кулакы; духъ ёму заперся у грудяхъ.

Винъ вызырнувъ у сины.

— Гей, хлопци! Сюды!

На голосъ Могыльського у хату увійшло скилько дужыхъ людей. Несторъ, бачывшы, що не ёго сыла, вмыть, кынувся у викно, высадывъ ёго и скочывъ у садъ. Забигшы у глыбъ саду, винъ спынывся, прыслухався: здогони не було. Видъ дому долынувъ до ёго розпáчлывый крыкъ матери.

Несторъ охоловъ: той крыкъ лизъ ёму гадюкою въ вуха. Почало ёго трусыты, мовъ у пропасныци, видъ гниву та лютости. Подумавшы одну мыть, винъ крадькома подався назадъ до двору. Вернувшыся нышкомъ пидъ викно, винъ всунувся у кутъ бузку и зазырнувъ у хату.

Крыку вже не було чуть. Могыльськый, страшный, блидый, ходывъ по хати и клявъ всихъ страшеннымы словамы. Юзя сы-

дила у кутку на доливци, затулывшы лыце рукамы и гирко плакала. Марьяны не було у хати.

— Макаре!—гукнувъ Могыльськый.

Увійшовъ Макаръ и ставъ биля порога.

— Те стерво,—сказавъ Могыльськый,—выведы заразъ на ричку и кынь у плавни.

— Вона, прошу пана, ще жыва,—видказавъ Макаръ.

— Робы, якъ кажу!—гукнувъ Могыльськый, топнувшы ногою.

Юзя кынулась у ногы батькови.

— Татку!—скрыкнула вона,—змылуйтесь! Що вы робыте!?

— Геть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи.—Ты мени не дочка!

Юзя хапала ёго за ногы, плакала, просыла... Але Могыльськый штовхнувъ іи зневажлыво ногою и выйшовъ зъ хаты.

Юзя кынулась за нымъ, благаючы: татку, татку!...

Не разъ хотивъ Несторъ скочыты у викно и задушыты Могыльського, але, згадавшы, що не ёго тутъ сыла, винъ застыгъ.

На столи за викномъ, пидъ котрымъ прытаився Несторъ, стояла свичка.

Якась невидома сыла потягнула ёго руку до свичкы: винъ взявъ іи зъ стола, пиднисъ пидъ стриху и зъ найхолоднишымъ серцемъ пройшовъ зъ нею видъ кута до кута. Потимъ, закынувшы свичку у кущи, винъ перескочывъ садомъ до ричкы, до прыстани, де стоялы човны. Два човны винъ видпихнувъ геть видъ берега на воду, третій лышывъ. Дали, вырвавшы килъ, до котрого прывъязувалы човны, винъ засивъ въ очеретъ.

Трисканця пожежи, шарварокъ людей неначе втихою наповнялы ёго серце. Чорный лисъ по горахъ та ярахъ чудно якось видлыскувавъ полумъямъ, а Тясмынъ свитывъ неначе розсыпанымъ червонымъ золотомъ. Чы довго просыдивъ Несторъ въ очеретахъ—винъ самъ того не памъятавъ. Колы наразъ почувъ винъ ходу двохъ людей, що наблыжалыся до прыстани. Воны неслы у рядни щось дуже важке, поклалы це у

човенъ и мабуть лагодылысь рушаты човномъ. Въ одну мыть Несторъ выскочывъ зъ свого захысту. Въ однимъ зъ людей винъ прызнавъ Макара. Коломъ, що мавъ Несторъ у руци, винъ такъ вдарывъ Макара по голови, що той, мовъ зкошенный будякъ, не подавшы и голосу, звалывся зъ човна у воду. Другый утикъ, подумавшы мабуть, що се нечыстый. Несторъ скочывъ у човенъ, видопхнувся видъ берега и, якъ лыска, помижъ очереты, подався у плавни.

У рядни лежала Марьяна,—безъ памъяты, побыта кыямы видъ шыи до самыхъ пъятъ. Кровъ іи наскризь промочыла все рядно.

Йе на Тясмыни острывъ середъ неприступныхъ очеретивъ. Колысь купывъ ёго Могыльськый у Вергунивськыхъ селянъ, посадывъ тамъ садокъ, поставывъ хатку, выкохавъ пасику. Стежку до неи мало хто й знавъ. Тамъ, бувало, любыла сыдиты Юзя, а Марьяна мала тамъ трохы закопаныхъ грошей та де-яку одежу. Несторъ завернувъ на той острывъ и розсказавъ пасичныкови всю свою прыгоду. Старый пожаливъ ихъ, помигъ Несторови обмыты та позавъязуваты раны побытои матери. Вона не вернулася до памъяты. Пасичныкъ боявся пана, боявся даты захыстъ втикачамъ у своій хати. Винъ помигъ Несторови поставыты куринь зъ очерету у другимъ глухимъ краю острова. Туды й перенеслы Марьяну. Старый прынисъ имъ де-якои стравы.

Цилый день просыдивъ Несторъ надъ матирью, обганяючы гылькою видъ неи комаривъ та мухъ. Марьяни не легчало. О-пивночи вона умерла. Несторъ выкопавъ глечыкъ срибныхъ грошей, перенисъ тило на човенъ и поплывъ до Вергунивъ—оселя, що лежыть навпроты Гуляй-города, по той бикъ ричкы.

Вытягнувшы човенъ на беригъ, винъ взявъ тило на плечи и понисъ до панъ-отця. Склавшы свою ношу на прызьби пидъ хатою, винъ накрывъ іи рядномъ, а самъ, пиднявшы виконце, гукнувъ у хату: „панъ-отче! аговъ, панъ-отче!“

— А хто тамъ?—озвалыся зъ хаты.

— Поховайте се тило, що лежыть у васъ на прызьби, и видправте службу за душу небижкы, а оце вамъ заплата.

Винъ высыпавъ на лутку жменю грошей, а самъ утикъ до Тясмына. Допавшы човна, винъ выплывъ на середыну ричкы та й задумався: куды теперъ подитыся?

Дывнымъ робомъ діется на свити, що не разъ вся наша доля залежыть видъ якоись маленькои прыгоды.

Несторъ надыбавъ у плавняхъ на чаплю и де-якый часъ, блукаючы думкамы далеко, дывывся на неи.

Потимъ винъ зпавъ на чудну думку—завернуты човенъ на чаплю: куды вона полетыть, подумавъ винъ, у ту сторону и я помандрую.

Чапля знялася, покружляла надъ ричкою и потягла за пысарську греблю.

Свитало вже, и на яснимъ небозводи довго, довго ще бачывъ Несторъ, якъ чапля летила надъ ричкою, ажъ помалу розтанула въ очахъ...

Перехрестывшысь, винъ погнавъ свій човенъ на греблю.

Покынувшы човенъ, винъ озырнувся на Гуляй-городъ, важко зитхнувъ за Юзею, за матирью, а потимъ берегомъ Тясмына майнувъ пишкы до Медведивки, а звидтыль до Чыгрына.

Тамъ трапывъ винъ на ярмарокъ, и люде, що прыйихалы зъ Орловои балкы, оповидалы, що тамъ збираются бурлакы и хтять иты на Польщу.

Несторъ купывъ соби на торговыську рушныцю и впросывся до одного чоловика, почастувавшы его горилкою, щобъ пидвизъ его у ту сторону. Цилый день воны йихалы лисамы та байракамы, ажъ до другого дня выбралысь на шырокый степъ, якъ окомъ глянуты.

У-перше Несторъ бачывъ степъ. Зпочатку его наче зачарувавъ безмирный простиръ, а дали нагнавъ ёму тугу.

Спека була нестерпуча, волы на превелыку сылу ступалы по дорози, а Несторъ сыдивъ зморенвй, думка думку гнала, а серце чогось такъ болило, наче бъ его хто бравъ рукою и стыскавъ що-мыть. Одынъ однисенькый, безридный на симъ шыро-

кимъ свити! Нема щырои души, до котрои винъ прыгорнувся бъ душею, розсказавъ бы свою тугу...

Несторъ заснувъ, и дывный, вищый сонъ прыснывся ёму.

Наче бъ зъ незличенымъ військомъ переходывъ винъ черезъ якесь багнысько, грузнучы по поясъ у болоти, а те військо, мовъ тьма гайворонивъ, що въ-осены покрывають поля, йшло, йшло... ажъ дійшлы воны до велыкого миста, наче Смила, але бильше. А на майдани росло жыто, буйне та высоке, и косывъ его Несторъ зъ військомъ, и накосылы багато...

Колы винъ прокынувся, холодный питъ покрывъ ёго чоло, а серце стукотило такъ, наче бъ винъ безъ спыну перебигъ цилый ланъ.

О-полудни воны сталы на попасъ биля степового куриня.

У-перше, зроду Несторови неперєможно забажалося горилкы. Увійшовшы въ куринь, винъ зоставъ тамъ чотырёхъ чоловикивъ, засмаленыхъ, кудлатыхъ, бородатыхъ, у дряныхъ сорочкахъ и штаняхъ. Воны пылы горилку.

Почалы розпытуваты Нестора, звидкиль та куды винъ иде.

Пидхмелывшысь горилкою, Несторъ розсказавъ имъ всю свою прыгоду.

— Поставъ же намъ горилкы,—сказалы люде, а мы тоби заспиваемъ гарну писню.

Несторъ поставывъ. Воны пидсунулы пляшку до себе и почалы частуваты одынъ одного, не вважаючы зовсимъ на Нестора, а спорожнывшы пляшку, одынъ спытавъ.

— Що жъ теперъ думаешъ робыты зъ собою?

— Шукаю людей, що идуть на Польщу,—видповивъ Несторъ.

Одынъ зъ людей зареготався.

— Ну, а якъ прыйдешъ у Польщу, запевне заскочышъ до ляшкы, що бидна тужыть десь за тобою?

— Пиду вбыты іи батька,—видказавъ Несторъ.

— Э, покынь!—сказавъ другый. Невира ляхъ десь запеклый та ще мабуть дужый, бо паны сплять на перынахъ, а годуются кнышамы. То жъ винъ тебе зариже, якъ теля.

— Брешешъ, бисивъ сыну!—скрыкнувъ Несторъ гнивно.

— Гай-гай! И гарячый ты, якъ я бачу, козаче.

— Годи бо!—озвався третій: не дратуйте. Выдко, що парубокъ зазнавъ горя, бидолаха.

Облычче цёго чоловика було худе, засмалене, та дуже сумне. Сорочка груба, вся свитыла дирками; рукы зпрацёвани, жылави та гудзовати, а спына скризь диркы показувалась вся у пругахъ та шрамахъ видъ батогивъ.

А Несторъ бувъ билый, гладкый, сорочка тонка и рукы мнягки, тендытни.

— У насъ братику, жыття! озвався четвертый. А що на Запорожжи—справжный рай! Але, щобъ тебе прынялы до куреня, потрибни дви речи: треба вмиты гуляты у реминь, а друге—треба маты вусы.

Зъ цимъ словомъ винъ добувъ зъ кышени ременець, склавъ ёго у двое, потимъ звернувъ у кильце и поклавшы на столи, сказавъ Несторови влучаты шыломъ у саму середыну.

— Гляды жъ, хлопче, не граемъ на витеръ, Добувай, лышень, гроши, та ставъ ще пляшку горилкы. Почалы граты, а вражы сыны разъ-у-разъ долывалы Несторову чарку. Несторъ програвъ вси свои гроши. Толи одынъ зъ гайдамакъ добувъ зъ комина сажы и намастывъ Несторови вусы. Выпылы ще...

Колы Несторъ прокынувся на другый день вранци, ёго товарышивъ вже не було. Винъ лышывся безъ грошей и безъ шматка хлиба.

Тоди ёго взяла така туга та злисть, що винъ заставывъ шынкареви останню свытыну та почавъ пыты зновъ.

Ще винъ сыдивъ надъ пляшкою, колы зъ надвирря почувся гоминъ, и чоловика зъ двадцять, верхамы, зъ нагаямы, та спысамы, а де-котри зъ рушныцямы опынылыся передъ корчмою.

Першый увійшовъ козакъ среднёго зросту, у сынёму жупани, жылавый, дужый, зъ рудымы вусамы; невелычки очи ёго булы гостри, проныклыви; зброи винъ не мавъ ніякои, кримъ короткои татарськои нагайкы. Уврившы Нестора, винъ спытавъ:

— А звидкиля ця пысанка?

Несторъ розсказавъ ёму все чысто. Козакъ увесь часъ проныклыво дывывся ёму въ вичи, а дали звернувся до своихъ:

— Гей, а чы не ляшськый це шпыгунъ, пидглядныкъ! Кажы мени правду, вражый сыну, бо повишу тебе, якъ пса!

За цымъ словомъ винъ вытягъ Нестора нагаемъ по спыни, ажъ той прысивъ.

— А потрусить ёго, хлопци, трохы!

Въ одну мыть Несторови повывerталы вси кешени, шапку, обмацалы пазуху, розулы.—Не знайшлы ничого.

— А ну, перехрестысь?—сказавъ отаманъ.

Несторъ перехрестывся трычи.

— Скажы отченашъ.

Несторъ выказавъ.

— Добре. Хочешъ, пысанко, зъ намы?—спытавъ отаманъ

— Хочу, батьку!—видповивъ Несторъ.

— Гараздъ! Посады ёго, Паньку, зъ собою, сказавъ отаманъ одному зъ козакивъ. Козакы вышылы по чарци, поснидалы сухарямы, напоилы коней тай рушылы дали у степъ.

Несторъ сивъ на коня по-заду Панька. Дорогою козакъ розсказавъ ёму, що ихъ ватага стоитъ пидъ Орловою балкою, а отаманъ зветcя Максымъ Зализнякъ.

II.

Мынуло тры рокы писля Гуляйгородськои прыгоды.

На Украини настала лыха пора,—зовуть ту пору коліивщына.

Року 1768 народъ Украинськый повставъ на своихъ панивъ за зневагу своихъ людськыхъ правъ та виры. Почалось гайдамацке повстання, а головою ёго бувъ Максымъ Зализнякъ

По всій правобережній Украини народъ стогнавъ у крипацтви: польськи паны, магнаты почыталы мужыка за скотыну, „быдло“, а ксіондзы заводылы скризь унію. Подекуды, невелыч-

кымы громадамы люде бунтувалы, нападалы на поодынoки шляхетськи дворы, палылы ихъ, побывалы панивъ та ксіондзивъ, але польське військо розправлялося зъ такымы дрибными гайдамацькымы загонамы, розбывало ихъ, а захопленныхъ гайдамакивъ вишало, четвертувало або сажало на палю на торговыцяхъ та розстайныхъ шляхахъ, на страхъ другымъ.

За̀ початку повстання у Зализняка було тры гайдамацькыхъ загоны: одынъ стоявъ надъ Лебедыньськымъ монастыремъ, другый у Мотроныньськыхъ лисахъ, третій у Чутивськыхъ, пидъ Сербамы.

Дійшла звистка до Зализняка, що Уманській губернаторъ Младановычъ зъ козацькимъ сотныкомъ Гонтою, що служывъ у надворній козацькій милиціи пана Потоцького въ Умани, побылы де-килько загонивъ, а гайдамакивъ перевишалы та посадылы на пали, а трохы згодомъ побылы увесь чутивській загинъ; зъ того загону добигло до Зализняка тилькы тры чоловика.

Несторъ Пысанка (такъ прозвалы ёго козакы) бувъ у Мотроновському загони.

Другого тыждня велыкого посту сказавъ ёму Зализнякъ йихаты у Смилу, статы тамъ, наче за наймыта у попа, та нышкомъ бунтуваты людей щобъ прыставалы до гайдамакивъ, якъ рушать воны на Смилу.

На другій день Несторъ ставъ вже у Смили, у панъ-отця Андрія.

У-вечери Несторъ пійшовъ у мисто, зазырнувъ у корчму. Тамъ заставъ винъ двирськыхъ козакивъ зъ мылиціи, розбалакався зъ нымы, почастувавъ горилкою та й прогулявъ тамъ ажъ до пивночы.

На другый день тытарь повивъ ёго до своихъ прыятеливъ, заможныхъ мищанъ; ти зновъ у вечери одвидалы Нестора. Не мынуло ще и тыждня, якъ вже зналы ёго вси Смиляне та й полюбылы ёго, бо бувъ добрый, веселый, зъ молодшымы й погуляты гараздъ, а дивчата пропадалы за нымъ, бо спивавъ гарно, гравъ на бандуру, а гопака садывъ такъ добре, ажъ дывувалысь вси.

Одного дня надъ вечиръ Несторъ зайшовъ до двирськыхъ козакивъ. Посидавшы на прызьбы управытельськои пекарни, балакалы про се, про те, покуруючы люлькы. Колы це зъ двору пидйихавъ крытый рыдванъ, у четверо добрыхъ копей; зъ нёго выйшовъ панокъ, литъ пидъ сорокъ, вусатый, у кожушыны, крытій сывою кытайкою, а за нымъ дви паніи: одна пидстаркувата, друга молоденька, чорнява гарна, та гожа.

Несторъ, глянувшы на неи зблидъ, замовкъ, але въ мыть перемигся, та й повивъ дали перебыту розмову.

Видразу винъ пизнавъ Юзю. Вона ще покращала за той часъ, якъ винъ іи бачывъ. Іи чудови кари очи зырнулы на Нестра, але вона не пизнала ёго. Тай не дыво: гайдамацьке жыття дуже переминыло колышнёго гарного хлопця, якого вона полюбыла у Гуляй-городи; степовый витеръ осмалывъ ёго облыччя, а чорни вусы зробылы ёго далеко старшымъ. А до того, чы могла Юзя сподиватысь побачыты Нестора тутъ, у Смили, середъ двирськыхъ козакивъ панськои мылиціи?

Трохы згодомъ, якъ рыдванъ вже видъйизжавъ зъ-пидъ двору, Несторъ спытавъ одного козака:

— Хто се прыйихавъ?

— А ты хиба не знаешъ?--видповивъ козакъ.—Полковныкъ Квасныцькый зъ Мельныкивки.

— А ти паніи?

— Одна—полковныкова жинка, а друга—ляшка зъ Гуляй-городу, Могыльського дочка.

— А чого жъ вона сюды прыйихала?—спытавъ Несторъ.

— До батька. Полковнычка дуже іи любыть, та й часто возыть до себе, у Мельныкивку. А теперъ оце прывезла іи назадъ.

— А батько іи що робыть?

— Та ничого. Сыдыть въ управытеля та й годи.. Зъ тои поры, якъ згоривъ ёго двирокъ у Гуляй-городи, винъ вже бильше прожывае у Смили, нижъ тамъ. Да хочъ и поставывъ винъ соби новый двиръ у Гуляй-городи, та щось ёму тамъ жыты не дае.

Кажуть люде—товчется по ночахъ, ходыть, стогне... Хто ёго зна... Святылы хату чы-разъ—не помагае.

— Чому жъ дочка доси замижъ не выйшла?—спытавъ Несторъ.—Адже жъ гарна?

— Та врагъ іи зна,—видповивъ козакъ.—Дивка гожа, ляхивъ у Смили чы-мало, до всихъ вона зубы щырыть, а замижъ не йде.

Несторъ задумався. И радощи, и смутокъ, и якась непевна надія заповнылы ёго душу. Яка гарна, чудово хороша! Невжежъ вона замижъ не пійшла тому, що доси ёго не забула, що любыть по давнёму?...

Парубкы дуже поважалы и слухалы Нестора, а дивчата юрбою бiглы на вечорныци, колы зналы, що тамъ буде винъ. Але зо всихъ дивчатъ Несторъ, здавалося, найбильше вподобавъ бувъ одну Оксану зъ Гуляй-города. Вона служыла у двори, при панни Могыльськiй. До Оксаны винъ ходывъ вечорамы на розмову, носывъ ій разъ-у разъ гостынци.

Вси дивчата заздрылы Оксани; кожна рада й щаслыва була-бъ, колы-бъ до себе могла прывабыты гарного козака.

Несторъ выпытавъ Оксану про іи панну и довидався, що до Юзи залыцяется багато панкивъ та панычивъ, але вона найбильше мабуть вподобала молодого брата полковнычки Квасныцькои, багатого панка зъ Лысянкы, що разъ-у-разъ дойизжае у Смилу, або до сестры у Мельныкивку: тоди саме и забырае полковнычка панну до себе и Юзя дуже радіе, якъ побачыть ёго.

— Тай моторный лихъ,—казала Оксана; гарный, веселый. до панны саме до пары.

— А чы справди любыть ёго панна? пытавъ Несторъ.

— Да вже жъ. Полковныци разъ прызнавалась, що любыть ёго, та й мени якось сказала: визьму вже й тебе, Оксано, зъ собою, якъ выйду за пана Яна. У ёго богатый двиръ у Лысянци. Бо панна мене дуже любыть.

Вже було зовсимъ смерклося на двори, и не бачыла Оксана, якъ зъ сердешного болю зтыснувъ зубы Несторъ и якымъ вогнемъ запалалы ёго чорни очи.

Наставъ Велыкдень. Пора була тепла, погожа, садкы зазеленилы, весняне запашне повитря лунало дзвономъ, веселымы голосамы людей, спивамы та смихомъ молодижи, щебетомъ пташни́. Высоко, пидъ чыстымъ блакитнымъ не́бомъ цвиркотилы жайворонкы.

Все було чысте, чепурне, веселе: и побилени, якъ снигъ хаткы, зъ жовтымы прызьбамы та сынимы мережкамы кругъ виконецъ, и дивчата у билыхъ вышытыхъ сорочкахъ, у квитчастыхъ стричкахъ та намыстахъ, и прычепурени парубкы у новыхъ свыткахъ та яскравыхъ поясахъ, и дитвора, шо гралась у кытькы пысанка́мы та крашанкамы,—все те сміялося, все радило. Все браталося, цилувалось: Хрыстосъ воскресъ!

А старійши, посидавшы на прызьбахъ, покурюючы люлькы, тыхо балакалы про волю, про гайдамакивъ, Зализняка... Дай-то, Боже! зитхавъ де-хто. Балакалы и про золоту грамоту видъ царыци, що виддавала всю землю людямъ и всихъ повертала на вильныхъ козакивъ, и про благословення, що дававъ Мотронынськый игуменъ на війну зъ ляхамы...

Несторъ, побалакавшы доволи зъ старымы, погулявшы зъ парубкамы и дивчатамы, пишовъ навидаты й своихъ прыятеливъ, двирськыхъ козакивъ. Зустривши на двори Оксану, винъ выпрохавъ іи, щобъ пустыла ёго у вечори у свою комирку, биля покоивъ іи панны. Оксана спершу боялася пускаты ёго, але винъ намовывъ іи, що теперъ, за святковымы гулянкамы, нихто не побачывъ бы цёго, а хочъ бы навить и побачылы паны, то сказала бъ Оксана, мовъ бы братъ прыйшовъ іи видвидаты у свято. Адже це не грихъ. По́тай Несторъ мавъ надію, що побачыть Юзю, и може й побалакае зъ нею.

Комирка Оксаны була поручъ зъ кимнатою Юзи.

Оксана провела козака до себе, наказала ёму сыдиты тыхенько, а сама побигла до панськыхъ покоивъ. Несторъ прытаився за грубкою; серце ёго колотылось такъ, наче бъ хтило выскочыты зъ грудей.

Недовго потимъ винъ почувъ, що у сумежню кимнату увійшло двое; по голосахъ винъ прызнавъ жинокъ, а одна зъ

ныхъ була Юзя: іи голосъ винъ прызнавъ бы и середъ гомину сотни голосивъ.

Несторъ затаивъ духъ.

— Чы довго ты, Юзю, будешъ мени мучыты брата? почувъ винъ. Адже жъ бачышъ, якъ винъ пропадае за тобою?

— Титочко кохана, озвалась Юзя, тожъ винъ мене мучыть, не я ёго. Колы бъ винъ мене любывъ такъ, якъ каже, то не пропадавъ бы цилымы тыжнямы у своій Лысянци. Хто ёго зна, може винъ иншу любыть.

— Чудна ты, якъ я бачу,—озвалась зновъ та друга. Якъ бы ты ёму подала надію, що выйдешъ за ёго, то винъ бы вже й не повернувся у Лысянку, хиба зъ тобою. Чы ты ёго справди любышъ, скажы мени?

— Люблю, титочко, всимъ серцемъ. Колы бъ винъ мене такъ любывъ, то я бъ була щаслыва, якъ нихто...

— А ты жъ николы доси не любыла?

— Никогисенько, титочко,—видповила Юзя.

— Ну, то прызнайся мени, Юзю, якъ матири, ось про що: чула я де-що про якусь тамъ твою прыгоду зъ простымъ парубкомъ, тамъ у Гуляй-городи, якъ ото згоривъ вашъ двиръ. Чы сёму правда?

— По-девуды правда,—сказала Юзя.—Адже жъ вы знаете, мабуть, якъ мене батько выховувавъ змалку? Я жъ росла середъ челяди, мужыкивъ, одягала ихъ селянську, одежу, ходыла боса, спивала ихъ писни, якъ оце моя Оксана. Чы жъ дыво, що мени, дурному, пьятнадцятылитнёму дивчати, збаламутывъ голову парубокъ? Де бъ я теперъ була, та яка була бъ, колы бъ воно й справди такъ сталося? Мене ажъ страхъ бере, якъ подумаю.

— Справди,—видповила титка.—Та й чудный же бувъ твій батько! Выховуваты едыну, гарну дочку, якъ просту наймычку!

— Отъ бачыте, титочко. А я жъ хиба тямыла тоди, що воно й передъ Богомъ грихъ тяжкый покохаты схызматыка, та й передъ людьмы соромъ вязуватыся зъ простымъ мужыкомъ.

— Ну, годи про се,—сказала титка,—пора вже тоби спочыты, бо не рано. Такъ не пиднесешъ гарбуза Янови?

— Ни.

— Ну, добраничъ, моя дытыно,—сказала та, цилуючы Юзю.—Спы спокійно, хай тоби золоти сны ввыжаются.

Всю ту розмову Несторъ чувъ видъ слова до слова. Зтыснувшы розпа́члыво свою голову рукамы, винъ згадувавъ соби колышню Юзю, добру, веселу, просту... Нема іи теперъ! Ту Юзю винъ покохавъ, якъ покохавъ и свою маты.

„Передъ Богомъ грихъ, передъ людьмы соромъ!"

Мовъ у сни винъ чувъ, якъ Юзя клыкнула Оксану, щобъ ишла іи роздягаты до сну. Воны щось балакалы промижъ себе, але це вже ёму було байдуже.

Добре вже згодомъ увійшла Оксана у свою комирку, зачынывшы за собою двери.

— Цыть!—сказала вона нышкомъ—ще не заснула панна.

Посыдилы якый часъ мовчкы.

— Слухай, Оксано,—пошепкы спытавъ Несторъ.—Дуже твоя панна любыть ляха?

— Мабуть дуже,—видповила дивчына,—а що вже винъ за нею пропадае!

— А гарна жъ твоя панна?

— Ой гарна! Хиба ты іи не бачывъ?

— Ни. Ось ты мени покажы іи, якъ засне.

— Чы ты здуривъ, божевильный?—трохы не скрыкнула Оксана.

— Та ну бо, справди,—прохавъ Несторъ.

— Одчепысь, нависный! Та жъ вона прокынется, наробыть репету зъ переляку,—тоди старый чортъ засиче мене на смерть.

— Не бійся,—сказавъ Несторъ.—Я знаю замовляты сонъ, не прокынется.

Довго сперечалась Оксана, але такы іи Несторъ намовывъ.

Крадькома, на-вшпынькахъ пройшовъ винъ у сумежню кимнату.

Юзя спала спокійно, пидмостывшы свою билу руку пидъ голову; чорни, розплетени косы майже зовсимъ закрывалы іи

шыю и плечи. Пры слабому свитли лампадкы, що блымала у кути передъ образкомъ, Юзя вбачалася Несторови ще кращою, нижъ у-день. Винъ наблызывся до лижка и втопывъ въ неи свои очи.—Невже жъ це та сама Юзя, що колысь такъ щыро любыла ёго, що прысягалась втопытысь у Тясмыни, колы винъ іи покыне! Чы справди, чы у сни винъ чувъ оце, якъ вона видрикалась, стыдалася того кохання? Чы може тамъ, у Гуляй-городи бувъ лышъ сонъ?...

Юзя, мовъ-бы чуючы на соби палаючый поглядъ Нестора, ворухнулася.

Оксана схопыла Нестора за руку и сыломицъ потягла ёго назадъ.

— Иды, иды,—просыла вона.—Що ты робышъ? Не губы мене!

Несторъ выйшовъ мовъ несамовытый, похылывшы голову.

—

Паны й шляхта, гуляючы та бенкетуючы святамы, и думкы не малы, що искра невдоволення въ Украинському народи жевріе чымъ разъ бильше и ось-ось готова знятыся у полумъя повстання. Безпечно гулялы воны, покладаючы надію, що двирськыхъ козакивъ та скилько сотень польськыхъ жовнирывъ стане для страху и покоры народу.

Мынулы свята.

Одного вечора юрба парубкивъ похожала, гуляючы, по майдани, та й натрапыла на прыгоду.

Зъ поля, зъ сійбы повертався воламы старый селянынъ; на борони, що лежала на драбынахъ поперекъ воза, сыдивъ ёго хлопець. Вйизжаючы на майданъ, винъ зачепывъ возомъ управытельського сына, що йихавъ до двора натычанкою. Хочъ двирській фурманъ и крычавъ здалеку: звертай! але воламы не такъ-то хутко й звернешъ. Фурманъ вытягъ хлопця батогомъ, а старого облаявъ.

— Тоби жъ легче було звернуть,—видповивъ старый.

— А ты, старый чорте, не мигъ зарани звернуть?—гукнувъ панычъ.

— Воламы не звернешъ швыдко, панычу,—озвався старый.

— Я тебе навчу звертаты й воламы!—крыкнувъ панычъ та, выхопывшы батигъ у фурмана, замахнувся на старого. Але його руку мовъ зализнымы клищамы вхопывъ хтось сыльною рукою та зтыснувъ такъ, що й батигъ выпавъ зъ рукы. Осатанившы зъ болю та гниву, панычъ повернувся: його руку державъ Несторъ.

— Зась тоби здійматы руку на старого!—спокійно сказавъ Несторъ.

— Ты... ты... якъ сміешъ? Хто ты?—белькотавъ панычъ, выпручаючы свою руку.

— Хто-бъ не бувъ—видповивъ Несторъ, а крывдыты безвынного не дамъ. Гей, ты!—гукнувъ винъ дали на фурмана; зтягны назадъ кони!

Фурманъ безперечно послухавъ. Парубкы наддалы воза старого.

— А теперъ рушай,—сказавъ Несторъ, пускаючы руку панычa, та у друге не будь такый гарячый.

— Я тоби покажу, сучый сыну,—крычавъ здалеку панычъ на Нестора,—стривай!

Парубкы гучнымъ реготомъ видповилы на цю похвалку.

Ця прыгода дуже налякала панивъ. Управытель заразъ славъ сотныка зъ двадцятьма двирськымы козакамы, звелившы прывесты того, хто покрывдывъ паныча. Сотныкъ заставъ парубкивъ на майдани и звеливъ козакамъ взяты Нестора. Але козакы стоялы, мовъ нежыви, а парубкы въ очи насміялысь зъ сотныка. Колы винъ самъ кынувся до Нестора, парубкы напалысь, звалылы сотныка та такъ помялы, що выхопывся винъ зъ ихъ рукъ ледве жывый. Тымъ часомъ хтось давъ звистку до двору. Пивъ-сотни польськыхъ жовнирив кынулось на майданъ, въ мыть розигналы юрбу, піймалы Нестора та зъ нымъ ще чоловика трое парубкивъ, повъязалы ихъ и повелы до двору.

Выйшовъ управытель, а за нымъ вси паны та шляхта, яки булы у двори. Челядь свитыла каганцямы та лыхтарямы.

Панычъ, зъ котрымъ була прыгода на майдани, глянувшы на Нестора, скрыкнувъ:

— Оце той самый розбишака!

— Хто ты?—спытавъ управытель.

— Несторъ Пысанка, запорожець.

— Несторъ?—спытавъ одынъ зъ панивъ, та взявшы въ одного зъ челяди лыхтарню, наблызывся до Нестора, пиднисъ у-гору и освитывъ лыце козака.

Се бувъ Могыльськый.

— Звидкиль ты, харцызе?—спытавъ винъ.

— Зъ Гуляй-городу.—Спокійно видповивъ Несторъ.

Могыльськый трохы не выпустывъ зъ рукъ лыхтарню, але перемигся и, звернувшысь до панивъ, сказавъ:

— Бреше винъ, панове! Бувъ тамъ, справди, одынъ поганець Несторъ, але той давно вже втикъ звидтиль и певне теперъ десь высыть на шыбеныци. А цей, мабуть, взявъ соби чуже имя, думаючы, що я боронытыму його. Не диждешъ, волоцюго!

— Ты брешешъ, ляше!—смилыво видповивъ Несторъ.— Знаешъ ты мене добре, а я тебе ще краще. Ты забывъ на смерть мою матиръ, а я спалывъ твій двиръ. Прыгадавъ теперъ? Стривайте жъ, паны, настане нашъ часъ, не такъ будете вы прызнаватысь до насъ!

Могыльськый, блидый, озвиреный, скочывъ до Нестора и на розмашъ вдарывъ його по выду.

Затрищалы шнуры, котрымы бувъ звъязаный Несторъ, але не порвалысь. Несторъ пронявъ Могыльського поглядомъ, повнымъ ненавысты и помсты, але не сказавъ ничого.

— Покынь,—сказавъ управытель Могыльскому;—завтра допытаешъ розбышаку краще.

Нестора и парубкивъ зачынылы на вежи и прыставылы до ныхъ сторожу.

Паны дуже потрывожылысь, бо це вже бувъ выпадокъ незвычайный. Радылысь, що робыть, щобъ не допустыты до справжнього бунту. Управытель заспокоювавъ всихъ.

— На мою думку, панове,—казавъ винъ,—треба добре провчыты тыхъ поганцивъ, що пiймалы, такъ провчыты, щобъ всимъ другымъ пропала охота бунтуваты!

На цю пораду прысталы вси.

Юзя, прочувшы про Нестора, дуже збентежылась. Ій и жалко було його, бо чуло іи серце, що вона та іи батько знивечылы жыття парубка, и соромъ було прызнатыся до Нестора. Щось боляче ворушылося въ іи серци, и не могла вона гараздъ знаты, що воно таке: чы забуткы, залышокъ колышнёго кохання, чы простый жаль, чы докоры сумлиння. Вона рада-бъ просыты батька, управытеля, щобъ помылувалы Нестора, пустылы ёго, але жахалась думкы, що вси довидаются, якъ вона колысь кохалась зъ цымъ гайдамакою. Такъ до пизнёи ночи боролась вона зъ своимы думкамы, та ничого не надумала.

Идучы у свою кимнату на спочынокъ, Юзя побачыла, що іи Оксана плаче.

— Чого ты?—спытала панна.

Оксана зайшлась слизьми ще гирше.

Юзя поволи, ласкавымъ словомъ почала розважаты дивчыну та допытуватысь.

Трохы угамувавшысь, Оксана розсказала своій панни, якъ вона любыть Нестора и якъ ій жалко, що ёго пiймалы, будуть мучыты, а то може й зовсимъ зо свиту згублять.

— А винъ-же тебе любыть?—спытала панна.

— Любыть, панночко, голубко!—видказала Оксана.

Юзи теперъ иначе полегчало на серци. Вона заспокоила дивчыну, обицявшы, що за-для неи зробыть все, що можна; завтра просытыме управытеля, щобъ помылувавъ іи любого, а колы Несторъ покается та покыне гайдамацьке жыття, то може и одружытся зъ нымъ.

Оксана трохы не здурила зъ радощивъ: плакала, сміялась, цилувала свою добру панну у рукы, не знаючы, якъ вже дякуваты за таку іи ласку.

До пизнёи ночи забалакалась Юзя зъ Оксаною, ажъ нарешти полягли спаты. Але не спалось имъ, бо обыдви булы ради, щаслыви.

Въ тимъ почула Юзя мовъ бы якыйсь шелестъ пидъ викномъ.

— Оксано!—клыкнула Юзя.—Чы защепнула ты викно? Встань, подывыся.

Оксана пидійшла до викна. На неи потягнуло холодомъ зъ надвору: викно було зовсимъ розкрыте, а за нымъ стояла высока темна постать. Не встыгла Оксана крыкнуты, якъ стрибнувъ викномъ у кимнату Несторъ, сыльно стыснувъ іи за руку и промовывъ: „цыть, бо вбью!"

Оксана зъ ляку занимила. Тымъ часомъ Несторъ скочывъ до лижка, вхопывъ на рукы зомлилу панну и якъ кишка выскочывъ зъ нею викномъ.

Опамъятавшысь, Оксана заголосыла, зарепетувала и зняла на ногы увесь двиръ. Кынулысь скризь по будынкахъ, по двори— не зловылы никого.

Нестора и засаженныхъ парубкивъ не було, а зъ нымы згынулы й вси козакы двирськои мылиціи. Биля дверей вежи, де сыдилы въязни, знайдено лышъ трое вбытыхъ жовнира. Могыльськый ходывъ мовъ несамовытый: винъ одынъ тямывъ всю справу, якъ слидъ, и знавъ, що це почынается Несторова помста за всю крывду и зневагу, якои винъ зазнавъ.

Молодый нареченый Юзи, панъ Янъ, бигавъ, мовъ божевильный. Винъ падавъ на вколишкы передъ управытелемъ, прохаючы даты ёму жовнирывъ для здогони, але той боявся лышытысь безъ охороны. Нарешти, на превелыку сылу, винъ давъ двадцять чоловика, и панъ Янъ, обицявшы жовнирамъ по сто червинцивъ, колы знайдуть Юзю, самъ пустывся зъ нымы на пошукання.

Другого дня надъ вечиръ зъ Бузукиввы прыскочывъ охляпъ жыдокъ, ледве жывый, и зповистывъ, що весь той гуртокъ жовнирывъ зъ паномъ Яномъ побытый на голову гайдамакамы, а Зализнякъ зъ пьятытысячнымъ військомъ иде на Смилу.

—

Страшна пожежа Колiивщыны палала по правобережнiй Украини.

Палалы мистечка, зàмкы, паньськи дворы и шляхецьки осели. Паны, шляхта, ксёндзы й жыды втикалы видъ помсты народнёи, ховаючысь зъ жинкамы, дитьмы и усимъ добромъ у миста та замчыська, де стояло польське вiйсько. Але й тамъ добувалы ихъ гайдамакы и побывалы до-щенту. Жаботынъ, Смила, Лысянка, а дали й Умань не встоялы проты Зализняка. Народъ скризь радо прыймавъ ёго, заступныка за покрывждени права, и помогавъ, прылучаючысь до гайдамацького вiйська.

Зализнякъ выйшовъ зъ Лебедынськыхъ лисивъ зъ кiлькома сотнямы гайдамакивъ, вже пидъ Жаботыномъ ихъ булы тысячи, а пидъ Уманемъ десяткы тысячъ.

Такъ, бува, на провесни маленьки ривчачкы злываются у стругы, стругы у бурчакы, а ти дали у ричечкы, ажъ ричкы зильются у гризну, велыку рику, що бучно бижыть, ламае та нивечыть все, що пидъ неи попаде.

—

Несторъ, выхопывшысь зъ Смилы зъ сотнею козакивъ та миськихъ парубкивъ, прямувавъ на Лебедынъ.

Юзю, обгорнуту у свытку, винъ державъ поперекъ сидла передъ собою.

Опамъятавшысь черезъ якый часъ видъ ничного холоду та шаленого чвалу на кони, вона почала пручатысь зъ дужыхъ рукъ Нестора.

— Цыть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи:—бо задушу тебе, якъ курча, та выкыну геть.

— И на що тоби було брагы цю погань?—спытавъ одынъ зъ козакивъ.

— Для помсты,—видповивъ Несторъ.—Колы-бъ ты знавъ, пане-брате, щò я вынен̆ъ ще iи батькови, не пытавъ-бы, на що я iи взявъ. Той ыродъ забывъ на смерть мою матиръ, а я ёго дочку зниве чу на мужычку, гайдамачку. Та мы зъ нымъ, мабуть, побачымось ще!

Биля Райгороду у лисовiй пасици жывъ старезный дидъ, колышнiй запорожець Корнiй Грабъ зъ внукою своею, нимою

дивчыною Меланкою. Туды завернувъ Несторъ, поки козакы сталы, щобъ даты спочынокъ конямъ, та й лышывъ дидови свою бранку, прохаючы переховаты іи якый часъ.

— Не гараздъ, сыну, робышъ,—сказавъ суворо дидъ.—Козакы идуть пролываты кровъ за батькивщыну, за волю та за виру, а ты зъ дивкою возышся! Народъ губыть ляхивъ, ворогивъ своихъ та гнобытеливъ, а ты братаешся зъ ными, зъ ляшкою хочешъ жыты? А що скаже панъ отаманъ, що скаже товарыство?

Несторъ слухавъ понуро, зхылывшы голову.

— Просты, батьку,—сказавъ винъ.—Правду кажешъ! Грихъ мій, грихъ тяжкый...

— Грихъ, сыну!

— Заведу іи у лисъ та й вбью! сказавъ Несторъ.

— Ни, сыну, не годытся!—озвався старый.—Не по-козацькому такъ буде. Хай буде вона у мене, колы вже прывизъ. А ты выкынь іи зъ думкы та йды до свого, козацького дила. Колы, Богъ дасть, знищыте ворогивъ, дасте волю народови, тоди прыйды до мене, подумаемо, що робыть. А покы хочъ одынъ ворогъ буде на нашій земли—не годытся тоби й думаты про дивку. Йидь, не гайся.

У полудни того жъ дня Несторъ зо своимы товарышамы встрилы гайдамацьке військо Зализняка.

Отаманъ, довидавшысь, що у Смили війська мало, виддилывъ пьятьсотъ чоловикъ кинныхъ, наставывъ за отамана запорожця Нагны-биду и пославъ ихъ на Смилу, звеливши Несторови весты ихъ найкоротшымъ шляхомъ. А самъ повернувъ на Вильшану та Лысянку, бо тамъ бильше польського війська. Не довго й боронылась Смила. Ще загинъ гайдамацькый не дійшовъ до неи гонивъ на трыдцять, а вже двиръ панськый палавъ зъ двохъ кинцивъ. Такъ челядь двирська виддячыла панамъ за ихъ ласку та опику.

Покы гайдамакы розбывалы та рабувалы панськи маеткы, розпывалы на майдани стари вына та меды зъ двирськыхъ лёхивъ, Несторъ кынувся шукаты Могыльского, але нигде ёго

не знайшовъ. Винъ переглянувъ всихъ побытыхъ ляхивъ, шукавъ по всихъ куткахъ—Могыльського не було.

У двирській пекарни винъ знайшовъ Оксану.

— Де твій ляхъ?—спытавъ винъ переляканy дивчыну. Кажы, бо жыва не будешъ!

— Не знаю. Мабуть у стани, на синныщи,—видповила Оксана.

Несторъ скочывъ туды. И справди, Могыльськый прытаився тамъ у кути, на сини, на горыщи.

— А ну, ляше, ходы побалакаемъ теперъ!—гукнувъ Несторъ.—Злизай лышень сюды, колы не хочешъ, щобъ я тебе зпикъ тамъ жывцемъ!

Могыльськый злизъ,—винъ бувъ страшный, якъ мара.

— Стрывай!—сказавъ винъ Несторови—скажы мени: Юзя жыва?

— Жыва,—видповивъ Несторъ.

Могыльськый впавъ передъ нымъ на-вколишкы и заломавъ рукы.

— Слухай!—сказавъ винъ Несторови тремтячымъ голосомъ. Не вбывай мене, виддай мени Юзю, а я тоби виддамъ вси мои багацтва, и гроши, и землю....

— Виддасы?—спытавъ Несторъ, усмихнувшысь.

— Виддамъ.

Могыльськый склавъ навхрестъ два пальци и поцилувавъ ихъ, на прысягу.

— Добре!—сказавъ Несторъ.

— На Тясьмыни, на острови, де пасика,—казавъ Могыльськый, прошываючы Нестора благаючымъ поглядомъ,—на сорокъ ступнивъ видъ хаты на схидъ сонця, пидъ яблунею я закопавъ глекъ червинцивъ и казанокъ срибла.

— Добре,—сказавъ Несторъ.—Теперъ послухай мене. За твои гроши я добре погуляю зъ твоею дочкою, а колы вона мени надокучыть, я гроши соби заберу, а іи выжену геть, якъ останню паплюгу. Оце тоби буде подяка за мою матиръ. А за себе...

Несторъ не договорывъ: Могыльськый, якъ хыжый звиръ, скочывъ на ёго, вхопывшы за горло.

Почалась страшенна боротьба. Обое булы дужи, велыкои сылы: обое булы люти, запекли и однаково ненавыдилы одынъ одного.

Довго качалысь воны по земли, зрываючы іи своимы ногамы. Ажъ Несторъ такы встыгъ згорнуты Могыльського пидъ себе, пидвився однымъ бокомъ, ставъ ёму колиномъ на груды. Мовъ блыскавка мыгнувъ у Несторовій руци довгый нижъ-колій и затопывся у грудяхъ ёго ворога.

Могыльськый вхопывъ Нестора зубамы за плече и прокусывшы ажъ до кости, такъ и застыгъ, зъ кривавою пиною...

—

Огненною и кривавою хмарою пройшлы гайдамакы надъ Украиною, ажъ впала та хмара кривавою злывою на Умань. Туды збиглысь булы вси, хто боявся помсты народнёи, бо въ Умани стояло чымале польське військо, та й козацькои мылиціи у пана Потоцького було багато. Понадіялысь паны на ту мылицію, неначе бъ забувшы, що вона набрана зъ того самого прыгнобленого украинського народу. Сотныкомъ тіеи мылиціи бувъ Иванъ Гонта. Уманськый губернаторъ Младановычъ дуже покладавъ надію на Гонту и козакивъ мылиціи.

Прочувшы, що Зализнякъ наблызывся до Умани, губернаторъ выславъ на гайдамакивъ Гонту зъ козакамы.

Але, колы встрилысь цыхъ два війська у Грековому лиси, Зализнякъ, выйихавшы наперёдъ, клыкнувъ до себе Гонту на розмову.

— А що, пане брате,—сказавъ Зализнякъ:—невже-жъ ты здіймешъ руку на своихъ братывъ, боронытымешъ ляхивъ, ворогивъ нашого народу, нашои виры? Мы жъ идемо за батькивщыну, за виру та за волю! Прыставай до насъ, пане-брате!

— Не ваша сыла поборoты ляхивъ,—понуро видповивъ Гонта.

— Колы прыстанешъ до насъ зъ козакамы, наша буде сыла,—видказавъ Зализнякъ.—Не встоять ворогы.

Зйдумався Гонта, покручуючы довгого вуса, а потимъ, повернувшы коня, пидйихавъ до своихъ козакивъ.

— Панове—товарыство!—гукнувъ винъ.—Панъ Зализнякъ зъ товарыствомъ иде на ляхивъ за нашу батькивщыну, що воны іи забралы, за нашу виру, що воны хочуть повернуты на унію, та за волю посписльства, що хочуть паны повернуты на своихъ пидданыхъ. А чы згода ваша буде злучытысь зъ нашымы братамы та йты на ляхивъ?

— Згода! Згода!—гукнулы козакы та й рушылы до гайдамакивъ, якъ браты, а не ворогы.

Правду казавъ Зализнякъ,—не встояла Умань проты гайдамакивъ. Одынъ тилько день боронылась вона; другого дня вдерлысь гайдамакы до миста и вырizалы всихъ ляхивъ, ксёндзивъ та жыдивъ до щенту, не мылуючы навить жинокъ та дитей. Зибравшысь потимъ на раду, військо выбрало Зализняка гетьманомъ Украины, а Гонту Уманськымъ полковныкомъ.

Але се, мабуть, була остання подія гайдамакивъ.

Польськый король, бачывшы, що не сыла его побороты гайдамацьке повстання, попросывъ пидмогы у царыци Катерыны. Московське військо рушыло на Зализняка, але взяло ёго не сылою, а хытрощамы. Полковныкъ Гурьевъ, удавшы, буцимъ-то винъ хоче помогты гайдамакамъ проты Польщы, запросывъ до себе на бенкетъ Зализняка и Гонту, але замисць хлиба-соли ихъ ждала тамъ зрада: Гурьевъ повъязавъ ихъ и всю гайдамацьку старшыну та й выдавъ Гонту полякамъ, а Зализняка, що винъ бувъ зъ ливобережнои Украины, забравъ въязнемъ у Кыивъ. Тяжко катувалы ляхы Гонту: здерлы зъ ёго дванадцять пасивъ шкуры, потимъ почвертувалы ёго на шматкы и порозвозылы ти шматкы по рижныхъ мисцяхъ. А Зализняка зъ Кыива заслано у Сибиръ.

Такъ скинчылася Коліивщына.

Гайдамацьке військо розпорошылося по всій Украини.

Несторъ зъ иншымы гайдамакамы попавъ у полонъ до ляхивъ; ихъ загналы у Камянець. Але черезъ якый часъ винъ зъ трома товарышамы выхопывся зъ тюрмы, та й майнувъ на

Запорижжа. Незабаромъ наставъ кинець и славному Запорожжю: царыця Катерына звелила зруйнуваты Сичъ и скасуваты військо. Частына Запорожцивъ, а зъ нымы и Несторъ, утеклы у Турещыну, на Добруджу, и тамъ зновъ заклалы козацькый кишъ.

Ще тикаючы на Запорижжа, Несторъ завернувъ на Райгородъ до дида Граба, навидаты ляшку. Але тамъ іи не було: днивъ черезъ скилька писля того, якъ Несторъ покынувъ іи у дида, вона у-ночи нышкомъ передяглася въ одежу нимои Меланкы та й майнула кудысь.

Дидъ не дуже й квапывся доганяты іи або шукаты.

Чулы потимъ де-яки Смиляне, що Юзя Могыльська опынылась десь на Польщи и пострыглась у черныци.

III.

Багато литъ мынуло писля Коліивщыны.

Колы не колы де-якый старый дидъ прыгадувавъ та розсказувавъ про ти давни страшни подіи.

На Молдавіи, по-надъ Днистромъ мижъ скелямы, середъ лису стоить невелычкый манастыръ Каларашъ. У-литку, на Ивана, бувае тамъ храмъ и зъ усихъ околыць люде ходять туды на видпустъ, на прощу.

Давно вже оселывся въ тому манастыри якыйсь захожый, чужый дидъ. Нихто не знавъ—звидкиль винъ, а колы пыталы ёго, винъ неохоче видповидавъ: безъ роду я, безъ плоду, перебендя; вештався по святыхъ мисцяхъ, покы ногы носылы, теперъ вже не здужаю ходыты, а Господь смерти не дае за грихы мои.....

Прыйшовшы у манастыръ, винъ виддавъ игуменови тры десяткы турецькыхъ червинцивъ, прохаючы прыйняты ёго у манастыръ, покы Богъ ёго не прыйме, та сказавъ, що зовуть ёго Несторъ.

Игуменъ прыставывъ ёго до манастырськои пасикы.

Старый бувъ высокый, сыльнои будовы, якыхъ теперъ мало людей, биле волосся та била довга борода, а очи блыскучи, мовъ у молодого. Все лыце було покарбоване, мовъ пооране шрамамы та пругамы, ажъ страшно глянуты.

Одного разу, передъ Иваномъ, почалы потроху зходытысь прочане у Каларашъ.

Кругъ манастыра, на зеленій галявыни середъ лису, поставалы пидводы, а люде малёвнычымы купкамы посидалы соби на трави та гомонилы про свои справы.

Писля вечирнёи службы старенькый безногый москаль на деревьяній дыбци, що прыплентався на прощу зъ по-за Днистра, прохажаючы лисомъ, забывся до пасикы.

Передъ куринемъ сыдивъ пасичныкъ Несторъ, плетючы зъ луба козубокъ.

— Добры-вечиръ!—сказавъ москаль.

— Здоровъ бувъ!—видповивъ Несторъ.

— Помогай-Бигъ!

Спасыби.

Несторъ озырнувъ ёго зъ пидъ лоба, а дали й промовывъ:

— Сидайте. Натрудывся, мабудь, старый, шкандыбаючы на дыбци.

Посидалы.

— А звидкиль Богъ прынисъ? пытавъ Несторъ.

— Зъ Томашполя, зъ того боку,—видповивъ той.

Побалакалы про те, про се, а дали москаль каже.

— А що, диду, мабудь и тебе латалы ти сами майстри, що мени ногу направылы?

— Латалы мене добре, пане брате,—зитхнувъ Несторъ.— Гай—гай!

— Та й старый же ты, диду, добре!

— Старый та давній. И ты, брате, вже пидтоптався, я бачу, а до мене тоби далеченько! Ты колы вродывся?

— Хто ёго зна,—видповивъ москаль.—Двадцять и два рокы прослужывъ на службі, а оце вже каликою ходю трохы не зъ

двадцять. Казала маты пебижка, що вродывся я за велыкои зимы.

— А я за велыкои зимы, [1])—озвався Несторъ,—бувъ вже козакъ добрый, мавъ вусы та вже бувъ трохы полатаный.

— Ой, старый же ты, диду!—здывувався москаль.—Буде тоби литъ зъ сотню?

— Перейде ще по той бикъ.

— Ще бильше?

— Сто, ще й два.

— Важки лита!—сказавъ москаль, хытаючы головою.

— Ой, важки, важки!—зитхнувъ Несторъ. Потимъ винъ вставъ, пійшовъ у куринь, вынисъ звидтиль паляныцю та козубокъ черешень и поставывши передъ москалемъ, попросывъ:

— Годуйся, брате, чымъ хата багата!—Сивъ Несторъ та й прыйнялысь обое за цю убогу вечерю.

Вечиръ бувъ теплый, тыхый. Зъ-за лису пиднявся повный мисяць. Зъ долыны доносывся шумъ Днистра по скеляхъ та каминняхъ.

— Гарно, тыхо тутъ у васъ, благодать Божа!—сказавъ москаль, вставшы та перехрестывшысь писля вечери.—А въ-тимъ, треба йты кудысь голову прыхылыты на ничъ. Спасыбі за хлибъ та за добре слово!

— Та колы никуды,—сказавъ Несторъ,—то ночуй у мене, небоже; знайдется кутокъ для тебе у курини.

— Спасыби й за це,—сказавъ москаль, сидаючы знову.

Посыдилы якый часъ мовчкы, кожный думаючы свою думу. Ажъ озвався москаль.

— Памъятаешъ мабудь гайдамаччыну?

— Гай—гай! памъятаю я іи добре!

Та й зновъ задумався старый Несторъ, похылывшы голову на груды. Потимъ винъ ставъ поволи говорыты, наче самъ до себе.

— Зализнякъ бувъ козакъ! Гонта бувъ козакъ! залылы вонь кривью Украину, облылы и себе, и насъ!.... А що зъ того?.....

---

[1]) «Велыкою зимою» называлы на Украини 1789 рикъ.

Винъ разпачлыво махнувъ рукою та похытавъ сывою головою.

.... Де теперъ ихъ душы? Пропалы козакы, якъ те бадилля у степу.... Знущалысь ляхы надъ народомъ, знущалысь и надъ гайдамакамы, ой! тяжко знущалысь, бисови диты!.. Я бувъ дужый, я бувъ такый здоровенный, що земли не чувъ пидъ собою!.. Та й теперъ ще, дарма що старый, я бъ десять такыхъ, якъ ты, подужавъ.—И винъ простягъ свои здоровенни жылавы та гудзовати рукы, мовъ бы те кориння столитнёго дуба.—А на що здалася та моя сыла? Тьху!...

Винъ розстибнувъ комиръ своеи сорочкы и скынувъ іи зъ себе.

Ажъ здригнувся москаль, подывывшысь на ёго: вся спына и груды булы рясно поризани сынимы та червонымы пругамы, шрамамы—мовлявъ бы й пальцемъ не ткнувъ бы въ здорове мисце. А кисть була здоровенна, шырока и показувала незвычайну сылу.

— Що, бачывъ колы таку цяцю?—глумлыво спытавъ Несторъ.—А зъ лыця хиба я не гарный?—усмихнувся винъ.—Не дурно прозвалы мене: Пысанка. И шабли, и спысы, и кули ворожи, и батогы, и кіи, и розпечене зализо ката малювалы цю пысанку....

Ось оце—винъ показавъ на чоло та на груды—порубалы татары поганци, порубалы та й кынулы, бо думалы, що нежывый я. А ось тутъ, на плечи—се ляхъ впывся мени зубамы, до самои кости. Здоровый бувъ, невира, дужый, не теперешній... Але вже нежывому я рознявъ заклякли щелепы. А оце—Несторъ повернувся спыною—катувалы насъ, гайдамакивъ, ляхы у Камянци: дерлы пасамы шкуру та шкварылы розпеченымъ securityзализомъ... А глянь сюды—и Несторъ закачавъ штаны: на обохъ ногахъ булы глыбокы шрамы—тутъ кайданы врослы мени въ тило, тутъ гныло тило, мовъ стерво и якъ онучи видпадало шматкамы, ажъ гробакы завелысь....

Винъ зитхнувъ важко и помовчавъ.

— А бувъ я колысь и гарный, и гожій,—казавъ винъ згодомъ.—Не було у Смили кращого парубка.... Пропадалы за мною дивчата... Пропадала и панна шляхтянка.... Та годи згадувать! Мынулося все, земля покрыла.... Одынъ я зажывся на свити, мабудь забувъ про мене Господь Мылосердный!...

И старый, понурывшы голову, затулывъ лыце долонямы.

Мовчавъ и москаль, задумався. Зъ-пидъ рукъ Нестора, по довгій, сывій бороди покотылася слёза.....

М. Левицькый.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Шевченко и Буяльскій домогаются вакансіи учителя рисованія въ Кіевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго.* Въ 1846 году была свободною открытая Павловымъ вакансія учителя рисованія при Университетѣ Св. Владиміра. Должности этой добивались двое: Художникъ Петербургской Академіи Художествъ, воспитанникъ профессора Брюллова—Тарасъ *Шевченко* и помѣщикъ подольской губерніи, обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ—Наполеонъ *Буяльскій.* Послѣдній намѣревался открыть въ Кіевѣ, на Кадетской улицѣ, въ собственномъ домѣ живописную, художественную и мануфактурную рисовальную школу. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ пособій, Буяльскій особенно стремился занять должность при Университетѣ, разсчитывая на его собранія и средства.

15 Марта 1847 года Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Генералъ-Губернатора (Бибикова), что *Буяльскій* назначенъ быть не можетъ, а назначаются *Шевченко* и кандидатами—художникъ Шлейферъ (учитель рисованія въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ) и художникъ Габерцеттель изъ Лондона. Неклассного художника Шевченка предполагалось предварительно допустить къ занятіямъ въ видѣ опыта, на годъ, но таковаго произвести не удалось, за арестованіемъ Шевченка.

Между тѣмъ Академія, разсмотрѣвъ представленный въ 1846 г. Буяльскимъ проектъ «Публичной живописной Школы», и *найдя* въ томъ проектѣ много основательнаго, заслуживающаго вниманія, объ-

щала предоставить школѣ пособія и, по сходнымъ цѣнамъ, какъ образцы для рисованія, такъ равно и гипсовые слѣпки головъ и статуй.

Въ 1849 году Буяльскій ходатайствуетъ о напечатаніи особыхъ о школѣ его объявленій.

Изъ донесенія Губернатора Фундуклея Генералъ-Губернатору узнаемъ, что цѣль содержанія школы «*естъ то, чтобы прославить себя въ своемъ искуствѣ и быть полезнымъ юношесству*», ибо за преподаваніе особой платы ни отъ кого не получается и даже деньги, вырученныя отъ продажи произведеній учениковъ, остаются въ ихъ же пользу. Воспитанниковъ было въ то время 8; изъ нихъ 3 отданы на 5 лѣтъ.

28 Іюня 1852 г. Академія Художествъ одобрила успѣхи, достигнутые школою, и возбудила предъ Генералъ-Губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи Буяльскому открыть заведеніе для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, а равно литографію.

Въ Августѣ указаннаго года въ школѣ обучалось 22 ученика, изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 ученицъ—всѣ платныя. Подъ заведеніе былъ отведенъ нарочито для того выстроенный въ Староkіевской части домъ о пяти комнатахъ. Интерната не существовало: дѣти жили при родителяхъ или при учебныхъ заведеніяхъ. Имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (литографій и гравюръ); 244 медаліоновъ и барельефовъ; 68 гипсовыхъ моделей; 52 картинъ, писанныхъ масляными красками. Затѣмъ имѣлись спеціальныя книги и пособія.

Кіевскій губернаторъ, вполнѣ одобряя личность Буяльскаго и предположенное имъ печатаніе гравюръ собственными средствами, у себя въ мастерской, находилъ однако же, что предоставленіе права имѣть особую литографію не вызывается необходимостью, такъ какъ подобныхъ заведеній въ Кіевѣ и безъ того достаточно. Литографировать можно бъ было и въ губернской типографіи. Но вскорѣ Губернаторъ отказался отъ послѣдняго предложенія, вслѣдствіе чего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 Іюня 1853 года разрѣшено Буяльскому самостоятельное печатаніе гравюръ и литографированіе.

—

2) *Утопающій на Крещатикѣ.* Въ Іюлѣ 1848 года, во время «наводненія, происшедшаго отъ проливныхъ дождей», какъ доносилъ Кіевскій Губернаторъ Фундуклей Генералъ-Губернатору Бибикову,

мѣщанинъ Егоръ Гейдъ, «увидя утопавшаго Кіевскаго мѣщанина Завадовскаго, близь провода, чрезъ который истекаетъ вода въ канаву, бросился спасать его и вдругъ былъ свваленъ водою, но, схватившись опять на ноги, не смотря на угрожавшую опасность, потому что накопившаяся на Крещатицкой улицѣ въ большомъ количествѣ вода свалила З. въ такомъ мѣстѣ, которое было не въ далекомъ разстояніи отъ провода, изъ коего падаетъ вода въ канаву, проведенную подъ землею,—подалъ З. найденный въ ближайшемъ домѣ шестъ и тѣмъ спасъ его».

Гейду за таковыя дѣйствія объявлена благодарность начальства.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ**.

Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани.

Какъ извѣстно, императоръ Александръ I предпринималъ неоднократно путешествія на югъ Россіи. Въ 1816 и 1817, два года подъ рядъ, торжественно его встрѣчалъ Кіевъ, откуда онъ обыкновенно направлялся въ Бѣлую-Церковь, къ Браницкимъ. Три года спустя, въ 1820 году, прошелъ слухъ, что государь снова намѣренъ посѣтить Кіевъ и Кіевскую губернію, и что въ августѣ мѣсяцѣ «соблаговолитъ шествовать черезъ Умань и его повѣтъ». Въ духовномъ вѣдомствѣ по этому поводу начались безпокойства, волненія; измышлялись мѣры къ наипристойнѣйшему способу встрѣчи... Въ концѣ концовъ, высшими духовными властями учинено было «предписаніе» Уманскому Духовному Правленію слѣдующаго содержанія: «Духовенство, сколько онаго при всякой церкви (г. Уманя) находится, всеподданѣйшимъ долгомъ обовязано у самыхъ воротъ, ведущихъ въ церкви, самымъ благопристойнѣйшимъ образомъ встрѣтить Его Императорское Величество въ самыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ: въ ризахъ, епитрахиляхъ и поручахъ, а діаконы—въ стихаряхъ, ораряхъ и поручахъ, со святымъ крестомъ, державымымъ священникомъ въ рукахъ, со святою, съ приличнымъ кропиломъ, водою; діаконы же—съ кадильницами, продолжая при такихъ воздальнѣйшахъ посѣщеніяхъ какъ въ проѣздѣ куда-либо и шествіи во храмы Божіи, такъ и обратно изъ оныхъ, колокольный звонъ,—поступая при сихъ торжественныхъ случаяхъ сколько можно *благопристойнѣйше* и *скромнѣе*, съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, *имѣя на себѣ и собственное свое*

одѣяніе чистое и самое лутшое, и страмясь безпорядочно приступать къ лобзанію руки Его Императорскаго Величества,—развѣ бы особое на то послѣдовало Высочайшее благоволеніе. Наипаче же никому и ни въ чемъ не утруждать Его Величества никакими прозьбами...

По вшествіи въ церкви, пѣть «Достойно есть», потомъ отправлять ектенію о многолѣтномъ Его Императорскаго Величества со всею Высочайшею фамиліею здравіи, какъ въ формахъ изображено, а по возгласѣ и многолѣтствіи—со всякою исправностію, по отшествіи Его Императорскаго Величества изъ церквей, возвращась въ оную—отправить благодарственный Господу Богу молебенъ, съ колокольнымъ послѣ онаго звономъ, исполняя всю сію церемонію начальнѣйшимъ духовенства соборнѣ.

Если же гдѣ Его Императорское Величество соблаговолитъ слушать литургію или другое какое церковное молитвословіе, оное совершать тоже соборнѣ, соотвѣтственно церковному благочинію и порядку, въ наилучшихъ церковныхъ облаченіяхъ, имѣя предварительно зазженныя во всѣхъ предъ святыми иконами лампады и во всѣхъ паникадилахъ, для изъявнѣйшаго благолѣпія, всѣ свѣчи. И хотя бы Его Императорское Величество монастырскіе, соборніе и протчіе церкви не соблагоизволилъ посѣтить всѣхъ, однако же (въ) весь проѣздъ или шествіе черезъ мѣста мимо церквей—продолжать колокольный звонъ и быть, на всякой случай, въ готовности при церквахъ и отъ нихъ не отлучаться духовенству. Да и по городу (духовенству) безъ нужды не ходить и не ѣздить; буди же бы встрѣтилась въ томъ кому необходимая надобность, то обращаться и въ сихъ случаяхъ со всевозможнѣйшею чинностію, *дабы никаковаго ни въ одѣяніи, ни въ чемъ безобразія не было*».

Это предписаніе разослано было для руководства всѣмъ благочиннымъ Уманскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы, «по полученіи сего, тотчасъ подвѣдомственнымъ священникамъ сей указъ, для точнаго по нему исполненія, внушили вразумительно, снабдивъ всякаго изъ оныхъ, дабы не могъ упомнить, какъ въ такомъ разѣ поступаться, точною копіею». По исполненіи сего благочинные должны были рапортовать объ этомъ Правленію, при томъ не упустили бы строжайше подтвердить, «дабы церкви отъ паутины, пила, а погосты отъ всякихъ соровъ были очищены и были бы починены по надлежащему».

Но всѣ хлопоты Уманскаго духовенства, кажется, остались втуне: ожидаемый пріѣздъ государя въ Умань и вообще въ Малороссію въ этомъ году, на сколько намъ извѣстно, не состоялся. Умань имп. Александръ I посѣтилъ въ 1822 г., и въ чудной уманской «Софіевкѣ» владѣлица ея Софія Потоцкая въ одномъ изъ гротовъ—въ «Гротѣ Θетиды»—угощала Августѣйшаго гостя чаемъ [1]).

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманск. у.).

Сообщ. **В. Доманицкій**.

Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 г.г. Печатаемая здѣсь записка А. П. Полетики (отца Григорія Полетики) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія для характеристики той «судебной волокиты», которою славились старые суды.—*«Реестръ сколко именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ нижей сего явствуетъ, 1748 году, ноября 20 д., добиваючись села Аксютинецъ.* Купилъ сахару шесть головъ, за которіе дано 5 рублей. Такожъ на всякіе харчи вытратилъ денегъ два рубли разними часи. Еще пойшло на харчъ рубль. Еще купилъ пять головъ сахару, за которіе далъ 5 рублей. Еще пошло на харчъ рубль; еще два рубли; на сахаръ рубль. Руновскому [2]) два рубли. На харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль. Еще вийшло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу [3]) пятнадцать рублей. Еще на харчъ рубль пойшолъ. Подполковнику Семенову [4]) пятдесятъ рублей. Пану бунчучному далъ тридцать рублей. Далъ протоколѣсту пять рублей. Далъ Петру Прокоповичу (?) два рубли. За квартиру пять рублей. Еще на харчъ вийшло чтири рубли. Далъ Стефану на прогони два рубли. Протоколѣстѣ полтину. Канцеляристѣ Базилевичу полтину. Еще на харчъ рублей два. Войсковому канцеляристѣ Василю Высоцкому далъ готовихъ денегъ сорокъ рублей, а

---

[1]) В. Иващенко Историческій очеркъ къ столѣтію Царицына сада (Софіевки), стр 56.

[2]) Руновскій, бывшій полковой полтавскій писарь, въ 1742 г. назначенъ генер. писаремъ, вмѣсто отстраченнаго Безбородка. Зап. Як. Марк., II, 183.

[3]) Константиновичъ—Канцеляристъ генер. суда.

[4]) Семеновъ—великорусскій членъ генер. суда.

панциръ въ тридцять рублей, кромѣ домашнихъ харчей: водки, вина и вишневки, и протчихъ харчей чрезъ всю пилиповку.—1749 году. Реестръ что вытратилъ в Глуховѣ за другою, февраля 15 д., поиздкою, о селѣ Аксютинцахъ.—Первымъ разомъ, вытратилъ на разніе потреби и на харчи, на себе и на конѣ, чтири рубли съ полтиною. Еще вытратилъ два рубли с полтиною; вытратилъ два рубли, что дѣло перенесенно з суда генералного в верхнюю апиеляцію. Еще на харчъ рубль далъ. За ископиеванне челобитной рубль. Еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, два рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ два рубли. Еще вийшло на харчъ три рубли. Молодикамъ, за двома поиздками, далъ три рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протчего, чрезъ целой постъ великій.

1749 году, априля 10 д. Реестръ что витратилъ за третою поиздкою въ Глуховъ. Первимъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе и в Глуховѣ на всякіе росходи, и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свѣдителнихъ документовъ, шесть рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протъчего. Еще на харчъ витратилъ рубль; еще витратилъ на харчъ два рублѣ, еще на харчъ вийшло два рубли. Вербовскому (?) три рубли. За квартиру далъ рубль, на харчи вийшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 д., вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в иностранную колегію, сто двадцать и семь рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 д. Послалъ въ Москву до сина Григорія Полѣтики, чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ сто ровно.

1750 году, за двома поездками, въ Глуховѣ вытратилъ денегъ сорокъ рублей.

1751 году, ноября 30 д., будучи въ Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ шестнадцать рублей.

В 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова, въ маи, чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ, чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, чрезъ три жъ неделѣ, издержалъ денегъ 32 рубли, кромѣ домашнихъ разнихъ харчей.

В 1758 году, февраля мѣс., чрезъ двѣ неделѣ, ожидаючи вислушанія дѣла, издержалъ 25 рубл.

1767 года, марта д. За полученіемъ указа з Сената, отослалъ Григорію (сыну), что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ, 279 рубл.

Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рубл. Въ судѣ земскомъ канцеляристу Gерgелю далъ рубль». (*Съ подлинника*).

Списокъ приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка. [1]) «*Реестръ сколко якого имѣнія въ дому родителей моихъ, при виданю мене в замужество Стороженку, мнѣ дано и нынѣ по смерти оного мужа моего братами его сотникомъ вакансовимъ Стефаномъ да Ичанскимъ Андрѣемъ Стороженками забрано. 1748 года.* Лошадей ежжалихъ 10, цѣна всякой по 20 р., ц. 200 р.—Полукаретокъ на станку санному, а после до оного полукаретка и станокъ лѣтній данъ, ц. 30 р.—Шоръ бляшнихъ цуgъ, купленъ у Глуховѣ за 44 р.—Палубъ дощатій маліованній, ц. 4 р.—Таралайка пароконная, ц. 8 р.—Хомутовъ добрихъ ремѣннихъ 3, всякій по 1 р.—Уздъ 4, ц. 48 коп.—Саней 2, на которихъ скринѣ (съ приданымъ) были проважены, ц. 40 коп.—Кунтушъ суконній, шафѣровій, съ золот. пузаментомъ, на лисичому завойковому хутрѣ, 43 р. 50 к.—Кунтушъ суконній, оливковій, легкій, з золот. позументомъ, ц. 18 р. 50 к.—Гусарка на сѣбѣркахъ, полутабинкова жолтая, съ маленкою срѣбною сѣткою, ц. 16 р.—Кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, з золотою широкою карункою, ц. 43 г.—Кунтушъ красній штофній, разноцвѣтній, з золот. сѣткою, ц. 39 р. 80 к. Кунтушъ едамашковій, сломястій (палевый) на чорнихъ сѣбѣркахъ, з широкимъ сребранимъ пузаментомъ, ц. 58 р. 70 к.—Кунтушъ блакитній, едамашковій, на шлямахъ, з широк. золот. пузументомъ, ц. 70 р.—Кунтушъ златоглавній, красній, з золотою сѣткою, ц. 71 р.—Кунтушъ срѣблоглавній, на чорнихъ сѣбѣркахъ, з срѣбною сѣткою, ц. 84 р. 80 к.—Сподница красная дуклевая, ц. 5 р. 40 к.—Сподниця красная, грезетовая, з зеленимъ квѣтомъ, ц. 15 р. 30 к.—Сподниця штофная разноцвѣтная, бѣлая, з золотою сѣткою, ц. 15 р. 30 к.—Сподниця голевая, блакитная, ц. 9 р.—Сподниця полутабинковая, красная, з золот. широк. сѣтк.—15 р.—Шнуровка красная, аксамитная, з широк. срѣбнимъ шлякомъ, ц. 5 р. Шнуровка аксамитная, чорная, з срѣбною сѣткою, ц. 1 р. 90 к.—Шнуровка акса-

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., III, 218.

митная, з золот. карункою, ц. 2 руб.—запаска штофная, блакитная, разноцвѣтная, ц. 6 р. 60 к. Запаска штофная, разноцвѣтная, жолтая—8 р.—Зэпаска разноцвѣтная штофная, бѣлая, ц. 5 р. 60 к.—Запаска табиновая, алая, ц. 2 р. 60 к.—Запаска полутабиновая, блакитная, ц. 2 р. 20 к.—Запаска разноцвѣтная полосастая, штофная, ц. 6 р. 60 к.—Запаска златоглавная, бѣлая, ц. 2 р. 40 к.—Запаска красная, златоглавная, ц. 9 р. 60 к. Запаска сутопарчевая золотая, ц. 25 р. 50 к.—Ковдеръ матеріялнихъ дуклевихъ 2, ц. всякой по 7 р. 30 к.—14 р. 60 к. Постѣлъ швабская, шитая золотомъ, в котор. наволочокъ 3, простира и запона голева красная, ц. 20 р. Постѣлъ дуклева красная, в якой наволочокъ 3, простира з широкими срѣбними сѣтками и до оной постѣли запона полутабинкова, ц. 44 р.—Сорочокъ швабскихъ і самодѣлнихъ—Мужескихъ сорочекъ швабскихъ 5, а лнянихъ сорочокъ съ убраннями 10.—Скатертей 33.—Серветъ тонкихъ лнянихъ по 20 пасомъ, три штуки, во всякой штукѣ по 30 локоть.—Ручниковъ, тканихъ заполочнимъ квѣтомъ, 3 штуки.—Ручниковъ на росходъ 6.—Серветъ на росходъ 30.—Пять штукъ полотна лняного, в каждой штукѣ по 30 локоть.—Наволочокъ швабскихъ 3 и простира швабская.—Наволочокъ кужѣлнихъ три, до завязокъ.—Простиръ ш..... сѣтковихъ 2.—Наволочокъ... сѣтковихъ 6.—Коверецъ еденъ пристриганій; коверецъ другій гладкій.—Мотковъ волнянихъ, крашеннихъ, на килими, 23.—Основа нитчаная конопляная на килимы, у 8 пасомъ вдолжъ, локоть 40.— Стакановъ сребраннихъ 6.—Чарокъ сребр. 12.—Ложокъ сребр. 12, въ томъ числѣ позолоченныхъ 4.—Ложокъ сребр. чайнихъ 2.—Денегъ 700 руб.—Цѣнѣ камень (50 фунт.), да после дано два полумиски.—Чайниковъ 2, еденъ цѣновій, а другій файфурній.—Шапокъ 3, една соболевая, зъ золот. вершкомъ, другая златоглавная бѣлая, третяя, шитая золотомъ.—Скринь 3 и бавулъ.—Столикъ.—Ложко.—Мѣдянъ (?) новій, ц. 2 р. Коракъ болшій, мѣдній, побѣлiованній, ц. 1 р. 50 к.—Флашъ хрусталнихъ двѣ, всякая по рублю.—Подушокъ болшихъ три.—Перина една.—Подушечокъ малихъ три, двѣ з наволочками блакитными дуклевими, а третая зъ наволочкою венецкого аксамита, з золотими сѣтками.—Пчолъ десять.—Чепцовъ золотомъ гафтованнихъ два; чепцовъ штофныхъ разноцвѣтныхъ два. Коцъ еденъ.—Овецъ 50.—Пашнѣ ризной 100 четвертей.—Тютюну 3000 (папушъ?), сотня по полтинѣ.—Возовъ дорожнихъ два.—Куховъ горѣлчанихъ новихъ 6.—Черевики суконніе, красніе, гафтованніе.—Черевики зеленіе штоф-

віе, блакитвіе, гафтованние.—Сверхъ вишеписанвихъ пожитковъ, мужемъ моимъ покойнымъ дарованніе вещи: запаска зеленая, златоглавная, на винцѣ данная.—На портище срѣблоглаву блакитного, дарованного мнѣ на весѣллѣ.— Черевиковъ пара гафтованнихъ, дарованнихъ же на весѣллѣ—Акаөистъ влкмуч. Варварѣ, мною въ Кіевѣ купленній. — Полууставъ, мною жъ въ Кіевѣ купленній. — Катихизисъ, дарованный мнѣ отъ эконома катедри Черниговской.— Зеркалъ двѣ. — Къ сему реестру вомѣсто Меланіи, удовствующей Стороженковой, яко неграмотной, братъ ея в. канц. Андрей Миницкій руку приложилъ.

Французское письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцову, 1765 года. «Mon seigneur! Je viens avec un troublement respect de feliciter, vôtre excellence, de l'heureuse arrivée en charge du gubernement de la Petite-Russie. Je suis malheurex n'ayant pas la liberté à present pour servir a vôtre excellence, c'est à dire que je suis en arest dans une petite ville nommé Bohazka (Богачка) [1] à cause des dettes pretendées à mr colonele de Krezanowsky et madame Bazylewska, cousine du mr Koczubey. L'arest m'a faite mr colonele d'Ostrogradsky du regiment de Myrgorod par son propre avis m'ayant importuneé (?) san bon reson, plus que trois mois.

Monseigneur! Je supplie tres humblement, votre excellence d'etre persuadé de m'en donner la liberté par ordonance de votre excellence, afin que j'eusse l'honneur chez votre excellence d'exprimer les veritables objects de ma cause pleine des injuries faites par mr colonell d'Ostrogradsky sans permission monseigneur du archeveque metropolita de Kiov. Par Dieu, par Jésus Christ, faites moi vôtre grâce, afin que je ne meurie, avec ma famille, sans reson de la verite. Je suis avec parfaite devotion, Monseigneur! de vôtre excellence le tres humble et le tres obeissant serviteur. Jean de Bohajewsky, archiprêtre étant été dans les armées russiennes.

Le 14 jan. 1765. Bohazka.

---

[1]) Сотенное мѣстечко Миргородскаго полка.

Je viens très humblement de recommender, a vôtre excellence, mon cousin colonelle de Stefanowicz, qui a la charge dans general chancellerie. [1]) *(Съ подлинника).* [2])

Приведенное здѣсь письмо прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что писано оно *протопопомъ по-французски*. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности автора этого письма; повидимому, онъ не имѣетъ ничего общаго съ глуховскими Богаевскими, изъ числа которыхъ Моисей Богаевскій былъ «войсковымъ капелляномъ» при Скоропадскомъ и позже. [3]) Интересенъ арестъ этого протопопа за долги миргородскимъ полковникомъ. Кредиторами Богаевскаго были: гадяцкій полковникъ Крыжановскій (выкрещенный еврей) и миргородская богачка Базилевская—люди очень извѣстные въ Старой Малороссіи во втор. полов. XVIII в. Можно думать, что Остроградскій, не имѣвшій вообще юридическаго права на арестъ долж-

---

[1]) Ореографія подлинника сохранена.

[2]) М. Г.! Спѣшу принести Вашему Превосходительству свое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго прибытія въ Малороссію на постъ управляющаго краемъ.

Къ несчастію, будучи въ настоящее время лишенъ свободы, я не могу служить Вашему Превосходительству, т. к. нахожусь подъ арестомъ въ маленькомъ городкѣ Богачка за долги, предъявленные полковникомъ Крыжановскимъ и г-жею Базилевской, двоюродной сестрой г-на Кочубея. Арестовалъ меня полковникъ Миргородскаго полка Остроградскій, по своему собственному почину, осаждая меня допросами безъ всякаго основанія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою—приказать вернуть мнѣ свободу, дабы я могъ представить Вашему Превосходительству въ настоящемъ свѣтѣ свое дѣло, а также довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о всѣхъ несправедливостяхъ, учиненныхъ надо мною полковникомъ Остроградскимъ, безъ разрѣшенія митрополита и архіерея кіевскаго.

Именемъ Бога, именемъ Іисуса Христа, сжальтесь надо мною и не допустите меня безвинно погибнуть со всей моей семьей.

Съ истинною преданностію и съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосход. покорнѣйшій слуга Иванъ Богаевскій, бывшій протоіерей русской арміи.

Позвольте мнѣ, Ваше Превосходительство, рекомендовать Вамъ моего двоюроднаго брата полковника Стефановича, который занимаетъ должность въ генеральной канцеляріи.

[3]) Записки Черниг. Стат. Комит., II.

ника (въ это время дѣйствовали уже земскіе суды), превысилъ свою власть, желая угодить вліятельнымъ кредиторамъ.

Написаніе письма на французскомъ языкѣ можно объяснить желаніемъ арестованнаго скрыть содержаніе своего протеста отъ ближайшихъ охранителей его, а знаніе священникомъ этого языка, въ той далеко не сильной степени, какая обнаружена имъ, дѣло не необычное въ то время, когда въ Кіевской Академіи этотъ языкъ былъ предметомъ преподаванія.

Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года.

1. *Указъ Правительствующему Сенату 12 марта 1831 г. о мѣрахъ наказанія по отношенію къ участникамъ мятежа.*

При самомъ началѣ мятежа, возмутившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣрноподданныхъ Нашихъ, жителей тѣхъ губерній, обратились къ дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей, и изъявили оному ожиданія Наши, что оно употребитъ въ сихъ обстоятельствахъ всѣ усилія свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благу общему усердіе.—Таковыя ожиданія Наши совершились почти вездѣ и повсемѣстно.—Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волынской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поспѣшило излить предъ Нами неизмѣнныя чувства вѣрноподданнической преданности своей, а въ слѣдъ за тѣмъ на самомъ опытѣ доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достояніемъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многоразличныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію Дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями.—Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагородныхъ, не достойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще новый обѣтъ вѣрности, дерзнули нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостію рѣшились Мы исполнить надъ ними при-

мѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, Мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги.

Мы повелѣваемъ.

1) Всѣхъ Дворянъ, или Шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противустанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Улѳженію и приговоры Суда исполнять надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія Отдѣльнаго отряднаго Начальника.

2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе Инвалиднаго капитала.

3) О всѣхъ мужеска пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, наказанныхъ, входить къ Намъ съ особымъ представленіемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты.

4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпокойствахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны.

5) Дѣтей мужеска пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты.

6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ же судомъ по Полевому Уголовному Уложенію.

7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика, или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышеизложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить немедленно надлежащее исполненіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ. 22-го Марта 1831 года.

—

2. *О дѣйствіяхъ противу мятежниковъ въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской.*

Мятежникъ Дверницкій съ десятью-тысячнымъ корпусомъ, въ концѣ марта мѣсяца, вторгнулся въ границы Волынской губерніи со стороны Замостья, въ надеждѣ распространить духъ мятежа и пріобрѣсти въ большомъ числѣ сообщниковъ возмутительными воззваніями, тайно разосланными. Онъ старался приклонить къ сообществу своему дворянъ и шляхту, но сіе не имѣло ожидаемаго имъ успѣха, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ поколебалъ онъ вѣрность къ престолу, и по его вліянію составились партіи бунтовщиковъ и соединились съ главными зачинщиками. Въ Подольской губерніи собрали таковыя партіи Вацлавъ Ржевускій, Изидоръ и Александръ Собанскіе, Себастіанъ и другіе, къ которымъ присоединились нѣкоторые помѣщики и Шляхта изъ губерній Кіевской и Волынской, а въ сей послѣдней партіи мятежниковъ—управляли Нарцисъ, Олизаръ, Ворцель и нѣкоторые другіе, которые собрались около мѣстечка Рафаловки въ Ковельскомъ повѣтѣ. Помѣщикъ же мѣстечка Боромля, Чацкій, съ нѣкоторыми сообщниками, присоединились къ Дверницкому. Корпусъ Дверницкаго, встрѣченный войсками Нашими, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ридигера, претерпѣлъ пораженіе 6-го и 7-го апрѣля, при мѣстечкѣ Боромлѣ на рѣкѣ Стырѣ, потомъ будучи преслѣдованъ, отрѣзанъ отъ Замостья, искалъ спасенья въ Галиціи, гдѣ австрійскимъ правительствомъ окруженъ, обезоруженъ, въ числѣ около пяти тысячъ человѣкъ, и отправленъ внутрь Имперіи въ качествѣ нашихъ плѣнныхъ, причемъ взято нами 17-ть пушекъ, все оружіе, военные припасы, и болѣе двухъ тысячъ лошадей.

Мятежники, скрывшіеся около Рафаловки въ лѣсахъ, настигнуты отрядомъ генералъ-маіора Гельвиха, разбиты и разсѣяны.

Главныя партіи мятежниковъ, до пяти тысячъ человѣкъ, изъ Подольской, Волынской и Кіевской губерніи, собравшіяся въ Ольгопольскомъ повѣтѣ и перешедшія потомъ въ Гайсинскій, подъ распоряженіемъ главныхъ зачинщиковъ Ржевускаго и Собанскихъ поступили подъ начальство бывшаго польскаго генерала Колыски. Генералъ отъ инфантеріи Ротъ, настигнувъ ихъ 2-го мая близъ мѣстечка Дашева на границѣ Гайсинскаго и Липовецкаго повѣтовъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ искать спасенія въ лѣсахъ, причемъ они потеряли бывшіе у нихъ 6 пушекъ и

болѣе тысячи человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Часть сихъ мятежниковъ бросилась къ Липовцу, но была встрѣчена и разсѣяна отрядомъ полковника Гулевича, причемъ потеряли они много убитыми, ранеными и плѣнными, а также отбито у нихъ серебромъ до 10000 рублей. Послѣ сего пораженія, мятежники, уходя съ быстротою, скрывались въ лѣсахъ и старались собрать разсѣянныхъ и присоединить новыя партіи, но 11 мая настигнутые авангардомъ генерала Рота, подъ командою генералъ-маіора Шереметьева, въ окресностяхъ Литина при селеніи Майданъ Закревскаго, претерпѣли самое жестокое пораженіе, потеряли весь обозъ, казну до 40 тысячъ рублей серебромъ, до 300 убитыми, ранеными и болѣе ста плѣнными. И хотя остатки, скрывшіеся въ лѣса, усилились до двухъ тысячъ человѣкъ новыми партіями, собравшимися около Бара, подъ командою Нагоричевскаго, маіора Хлопицкаго, Стемиковскаго, Черкаса, и Добко, но генералъ Ротъ не переставалъ быстро тѣснить и преслѣдовать, принудилъ искать единственнаго спасенія въ австрійскихъ владѣніяхъ, куда бѣжали они при Сатановѣ, съ остатками до тысячи человѣкъ, и въ то же время окружены и обезоружены австрійскими войсками, какъ бѣглецы и бунтовщики. Столь удачно совершившееся пораженіе мятежниковъ, возставшихъ противъ законной власти, нарушившихъ присягу и дерзнувшихъ проливать кровь соотечественниковъ своихъ, доказало, что гнѣвъ Божій караетъ ихъ. Жители, сохранившіе вѣрность къ престолу! Объявляется вамъ, что возмутители обманываютъ васъ и обѣщаютъ то, чего никогда не могутъ исполнить, что только сдѣлаютъ васъ участниками ихъ преступленій и обогащаются вашимъ разореніемъ! Не вѣрьте имъ, и тѣхъ, которые будутъ уговаривать и принуждать васъ къ бунту, старайтесь задерживать и представлять Начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти. Сіе предостереженіе вызвано единственно человѣколюбіемъ, ибо правительство имѣетъ силу и довольно способовъ, чтобы прекратить мятежничество (что ежедневно доказывается). Но всѣ тѣ, которые соединятся съ мятежниками, будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій Генералъ-фельдмаршалъ Графъ Сакенъ.

Мая 19 дня 1831 года въ главной квартирѣ 1-й арміи. Г. Кіевъ.

—

3. *О дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ въ Волынской губерніи.*
(23 мая 1831 года).

Объявленіе.

Командиръ пензенскаго пѣхотнаго полка полковникъ Севастьяновъ, командированный изъ Житоміра съ батальономъ пѣхоты, 120 козаками и 2 легкими орудіями, по прибытіи къ городу Овручу 22 числа сего мѣсяца, встрѣченъ былъ 400-ми конными мятежниками, но мгновенно опрокинулъ ихъ въ городъ, откуда мятежники вновь встрѣтили отрядъ ружейными изъ шести небольшихъ пушекъ выстрѣлами. Полковникъ Севастьяновъ, сдѣлавши четыре выстрѣла изъ орудій, аттаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ совершенно штыками и разсѣялъ толпы, собравшіеся при семъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Овручскаго маршалка Головинскаго, при чемъ взято въ плѣнъ четыре помѣщика, въ числѣ коихъ—второй начальникъ послѣ Головинскаго, Байковскій,—пятьдесятъ шляхтичей, девять ксендзовъ съ оружіемъ въ рукахъ и участвовавшихъ въ бунтѣ, и до четырехъ сотъ человѣкъ разнаго званія и лѣтъ, шесть малыхъ пушекъ, шесть значковъ, 90 повозокъ съ провіантомъ и фуражемъ, 180 воловъ, нѣсколько лошадей и рекрутская партія болѣе 300 человѣкъ, захваченная мятежниками. Съ нашей стороны убитъ одинъ козакъ, ранены: два офицера и одинъ козакъ.

Вмѣстѣ съ симъ получено донесеніе, что полковникъ Петеръ, командированный съ дивизіономъ Деритскаго конно-егерскаго полка для преслѣдованія мятежниковъ въ Новгородъ-Волынскомъ повѣтѣ, настигъ многочисленную ихъ партію въ 5 верстахъ за мѣстечкомъ Бердною, стремительно аттаковалъ и, не взирая но самое отчаянное сопротивленіе, разбилъ и разсѣялъ оную, причемъ мятежники потеряли убитыми на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, въ плѣнъ взято 40 человѣкъ, отбито захваченныхъ ими 30 фуръ съ провіантомъ и лошадьми, 36 погонщиковъ и 95 ружей.

Объявляя о сихъ дѣйствіяхъ, доказывающихъ, что злые замыслы мятежниковъ принимаемыми мѣрами уничтожаются съ совершеннымъ успѣхомъ, я надѣюсь, что сіе послужитъ убѣжденіемъ къ приведенію ихъ въ раскаяніе и возвратитъ къ законнымъ обязанностямъ тѣхъ, которые еще не закоснѣли въ вѣроломныхъ поступкахъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

Мая 23 дня, 1831 г. въ главной квартирѣ 1-й арміи въ Кіевѣ.

—

4. *Указъ Правительствующему Сенату.*

Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ Западныхъ Губерній усмотрѣли мы, что вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сообщничества съ мятежниками, явились добровольно къ военнымъ начальникамъ и, объясняя, что они только силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣніе, Мы не могли не обратить особаго на таковые примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпятъ отъ зломыслія нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе и благосостояніе, не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ, повелѣваемъ:

1) Главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе Губернаторы, коменданты и военные уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъясненіемъ раскаянія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднятіемъ оружія, уполномачиваются давать имъ о явкѣ ихъ свидѣтельство и, отбирая отъ нихъ подписку въ непоколебимой вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія ихъ имѣніями; Губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязываются доносить для свѣдѣнія Главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ Губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемлются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о коихъ впрочемъ имѣетъ быть представляемо Намъ для оказанія и имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго, по благоусмотрѣнію Нашему, помилованія.

2) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отважились участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ, или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій, наравнѣ съ зачинщиками.

3) Лицамъ духовнаго званія, которыя на семъ же основаніи получатъ прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними и всѣхъ сопряженныхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщая о дарованіи имъ прощенія Епархіальнымъ ихъ начальствамъ, дабы по сношеніи съ ними, начальствами окончательно утверждать ихъ въ прежнихъ правахъ.

4) Какъ извѣстно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ то: околичная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дворовые люди и крестьяне, въ мятежѣ участвовавшіе, а послѣ желающіе возвратиться въ свои жилища, изъ страха наказанія скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныя скопища; то и таковымъ, когда возвратятся въ свой домъ, сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если они не принадлежатъ къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки Монаршаго Нашего милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ, или отважатся грабить почты, курьеровъ, либо проѣзжающихъ, или посягнутъ на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6) Само собою разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшествовавшихъ Статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ вообще, учинилъ еще особенное уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ таковому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ немедленному распубликованію Сего указа Нашего во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

НИКОЛАЙ.

4-го Іюня 1831-го въ С.-Петербургѣ.

—

5. *Приказъ. Іюня 22 дня 1831-го года. Главная квартира въ гор. Кіевѣ.*

Генералъ отъ артиллеріи Баронъ Левенштернъ донесъ мнѣ, что Брацлавскій дворянскій предводитель Жабоклицкій самовольно

оставилъ въ Брацлавѣ участвовавшихъ въ мятежѣ: помѣщика Александра Городецкаго и другихъ тогда, когда надлежало бы ихъ отправить въ ближайшую слѣдственную Коммиссію для доказательства своей невиновности, и что онъ, Жаболицкій, по видамъ дѣйствій его, подозрѣвается также въ участіи въ мятежѣ, или въ знаніи о намѣреніяхъ мятежниковъ; ибо, не желая открывать виновныхъ, наказывалъ крестьянъ, кои способствовали священнику Песецкому взять подозрительныхъ людей, и допустилъ въ присутствіи своемъ, оффиціалистовъ и ихъ женъ бранить онаго священника и дѣлать неприличныя и обидныя его сану наглости.

Таковые самоправные поступки Жабоклицкаго признавая стремящимися къ явному разрушенію законнаго порядка и къ мстительности крестьянамъ и священнику за преданность ихъ правительству, я предписалъ Подольскому и Волынскому военному Губернатору удалить его, Жабоклицкаго, отъ должности и предать военному суду арестованнымъ, со вмѣненіемъ въ обязанность судной коммиссіи изыскать въ подробности всѣ означенныя дѣйствія его, и затѣмъ учинить объ немъ приговоръ на законномъ основаніи. О чемъ объявляю по арміи и гражданскому вѣдомству подчиненныхъ мнѣ губерній.

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

—

6. *Извѣщеніе жителей г. Кіева о взятіи русскими войсками Варшавы.*

Главнокомандующій 1-ою арміею г-нъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ отъ 30 числа минувшаго августа за № 180-мъ увѣдомляетъ меня о покореніи города Варшавы, которая 26 числа августа могущественнымъ россійскимъ воинствомъ взята штурмомъ.

Послѣ сей важной побѣды до 30-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ положили оружіе, и въ то же время занята Прага. Поспѣшая извѣстить кіевскихъ жителей о семъ радостномъ событіи, я приглашаю ихъ завтрашній день, то-есть 2-го числа сего сентября, въ 10-ть часовъ утра, собраться въ Кіево-Печерскую Лавру для принесенія благодаренія Всевышнему Творцу, увѣнчавшему новою славою россійское воинство.

Подлинное подписалъ Кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ Княжнинъ.

Кіевъ, 1 число Сентября 1831 года.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманскаго уѣзда).

Сообщилъ В. Доманицкій.

Текущія извѣстія.

Автографы Т. Г. Шевченка. У мирового судьи Николая Ивановича Мокрицкаго (м. Кагулъ, Измаильск. у.) есть «Кобзарь», подаренный его матери Т. Г. Шевченкомъ съ собственноручной надписью автора: «Маріи Львовнѣ Мокрицкой на память Т. Шевченко. 4 февраля 1860 года». У того же Мокрицкаго есть письмо Шевченка къ отцу Мокрицкаго, писанное за 2 дня до смерти поэта и полученное уже послѣ его смерти. Содержаніе письма слѣдующее:

«Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ! Поздравляю Васъ съ вожделѣннымъ днемъ Вашего святого ангела. Извините, что не могу лично принести моего искренняго поздравленія. Я боленъ другой мѣсяцъ. Не только на улицу, меня и въ коридоръ не пускаютъ, и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Маріи Львовнѣ и лобызаю Вашихъ дѣточекъ. Отъ души желаю Вамъ повеселиться по-прошлогоднему. До свиданія. Искренный Вашъ Т. Шевченко. 24 февраля 1861 г.».

Мокрицкіе жили въ Полтавской губерніи. Марія Львовна Мокрицкая была близкой родственницей матери Т. Г. Шевченка.

(«Літературно-Науковий Вістникъ», кн. V).

Что читаетъ деревня? Въ «Літературно-Науковомъ Вістникѣ», (кн. V) въ отдѣлѣ хроники и библіографіи встрѣчается интересная замѣтка «Книжка на селі», дающая наглядное представленіе о томъ, какова можетъ быть духовная пища въ нашихъ селахъ. Авторъ, при посредствѣ учениковъ сельской школы, собралъ свѣдѣнія о 143 семьяхъ и получилъ слѣдующіе результаты.

Всего книгъ въ 143 семействахъ оказалось 866, которыя по содержанію распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: библій 3, евангелій 59, молитвенниковъ 74, часослововъ 14, псалтырей 17, различ-

ныхъ богослужебныхъ книгъ 5—итого 173 на церковно-славянскомъ языкѣ. Далѣе идутъ житія святыхъ и религіозные листки и брошюры—всего 177; сюда же слѣдуетъ добавить 54 экз. краткаго школьнаго учебника по Закону Божьему.

Далѣе идетъ литература. На первомъ мѣстѣ стоитъ рядъ книжекъ, изданныхъ Сытинымъ et tutti quanti. Здѣсь же наберется около десятка сказокъ Пушкина, но въ большинствѣ случаевъ—«народная литература»—безъ имени автора и издателя. Далѣе слѣдуетъ 125 перловъ лубочныхъ изданій. Чего только здѣсь нѣтъ! «Бова Королевичъ» и «Сонъ Богородицы», «Волкъ на скамьѣ подсудимыхъ» и «Правдивое сказаніе о томъ, какъ львица царскаго сына выкормила», здѣсь же и «Тарасъ Бульба», ѣдущій по степи и поющій высокимъ баритономъ «Гой ты Днѣпръ, ты мой широкій»!

Затѣмъ школьные учебники различныхъ названій—всего 54 (много задачниковъ). Календарей—почти нѣтъ. Встрѣтилось еще 18 книж. различнаго хлама: «Каталогъ музыкальнаго магазина», «Уставъ общества велосипедистовъ» и пр.

Украинскихъ книжекъ встрѣтилось 72 экземпляра. Болѣе всего посчастливилось «Наймычкѣ» и «Кайдашевой семьѣ», благодаря ихъ удобной цѣнѣ (1 к. и 9 коп.). Украинскія книжки проникали только благодаря книжной торговлѣ земства. По сельскому хозяйству встрѣтилось всего лишь 5 книжекъ, изъ нихъ одна Е. Чикаленка (Черный паръ), а прочія—неподходящія, и попали въ руки крестьянъ случайно.

Вотъ и весь литературный багажъ одного изъ нашихъ селъ. Если принять во вниманіе, что въ упомянутомъ селѣ школа существуетъ болѣе 40 лѣтъ и что въ немъ происходитъ продажа книгъ изъ земскаго склада, то можно прійти къ довольно грустнымъ размышленіямъ относительно множества тѣхъ закоулковъ, куда не достигаютъ лучи просвѣщенія ни отъ школы, ни отъ культурныхъ центровъ.

—

Интересъ къ артельному дѣлу заграницей. Артельное дѣло у насъ вызываетъ живой интересъ заграницей. Н. В. Левитскій получаетъ привѣтствія и выраженія сочувствія изъ различныхъ иностранныхъ городовъ: такъ напр., изъ Фрейбурга (Саксонія) студенты мѣстной горной академіи прислали ему коллективное привѣтственное письмо, такія же письма получены отъ студентовъ берлинскаго

брюссельскаго и др. университетовъ. Недавно въ Австріи (въ Галиціи), переведенъ на малорусскій языкъ «Артельный договоръ» Н. В. Левитскаго. Такимъ образомъ, теперь «Артельный договоръ» имѣется въ переводахъ на языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, сербскомъ и малорусскомъ. «Югъ», № 910.

—

Добрый почипъ. Въ одномъ изъ селъ Херсонской губерніи попечительница школы роздала ученикамъ книги, въ роскошныхъ переплетахъ, съ золотыми надписями: «На память о школѣ» 1901 г. Выборъ книгъ въ этомъ году оказался очень удачнымъ. Въ числѣ другихъ книгъ было роздано немалое количество «Кобзаря» Шевченка—«наилучшей книги для малоросса, какъ написанной на народномъ языкѣ и затрагивающей очень близкіе и вполнѣ понятные вопросы въ его жизни». Надо замѣтить, что такая раздача книгъ «на память о школѣ» происходила и въ прошломъ году, и попечительница намѣрена и впредь дарить дѣтямъ на память книги. «Югъ», № 908.

—

Съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ. Предполагавшійся еще въ прошломъ году областной съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности будетъ происходить въ текущемъ году съ 27 сентября по 7 октября. Съѣздъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіеся кустарными промыслами, попечители, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о развитіи кустарной промышленности.

Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ подаются въ Комитетъ не позже перваго дня съѣзда.

Лица, изъявившія желаніе участвовать въ съѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію областного съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

1) Значеніе кастарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.

2) Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.

3) Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые посредники.

4) Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.

5) Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Техническія улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.

6) Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ раіонѣ.

7) Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.

8) Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго раіона.

9) Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.

10) Значеніе и возможность примѣненія кооперація въ области кустарныхъ производствъ.

—

Ходатайство по вопросу о положеніи малорусской печати въ Россіи. *Въ засѣданіи Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности*, состоявшемся 29-го апрѣля, было постановлено возбудить ходатайства: а) о томъ, чтобы руководства по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и проч. были допущены для печатанія на малорусскомъ языкѣ при обращеніи вниманія на содержаніе книги, а не на языкъ, б) чтобы брошюры эти допускались въ народныя читальни и библіотеки и в) чтобы книги, одобренныя Министерствомъ Земледѣлія, были допущены въ школьныя библіотеки и безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Докладъ дѣлалъ предсѣдатель Общества проф. Д. И. Багалѣй. Упомянувъ о томъ, что комитетомъ за 10 лѣтъ его существованія издано 58 названій (въ томъ числѣ 2 малорусскихъ) въ количествѣ 10565591 экз., что, однако, составляло лишь 34,5% всего разсмо-

трѣннаго литературнаго матеріала, докладчикъ указалъ на то обстоятельство, что главной причиной такого явленія служили цензурныя препятствія.

Еще, пожалуй, относительно брошюръ на «русскомъ языкѣ, цензура была благосклонная». Иначе обстояло дѣло съ рукописями на малорусскомъ языкѣ Относительно ихъ приходится руководиться особыми правилами, мало извѣстными и авторамъ, и читателямъ, и издателямъ.

Главная ихъ сущность состоитъ въ томъ, что они касаются *не содержанія* сочиненія, а языка, на которомъ оно написано; такъ напримѣръ, ими разрѣшаются оригинальныя художественныя произведенія, но запрещаются переводы съ русскаго языка; допускается изданіе памятниковъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ,—и въ то же время не разрѣшается выходъ въ свѣтъ столь необходимыхъ и полезныхъ для народа научно-популярныхъ брошюръ по медицинѣ, сельскому хозяйству и т. п. Комитету въ послѣднее время не была разрѣшена прекрасно написанная и редактированная профессоромъ агрономіи рукопись о болѣзненномъ грибкѣ на картофелѣ, причиняющемъ огромный вредъ сельскому хозяйству. Нѣсколько времени спустя не было разрѣшено 2-ое изданіе одной брошюры о сельскомъ хозяйствѣ, хотя она уже передъ тѣмъ заслужила одобреніе Министерства Земледѣлія и была допущена въ его школы. Въ то самое время новое изданіе этой-же брошюры было разрѣшено одной коммерческой фирмѣ, когда существуетъ правило, что рукопись, разрѣшенная одному лицу, можетъ быть издана другимъ. Въ то время какъ Ананьевск. Земство Херс. губ. издаетъ бесѣды о болѣзняхъ, составленныя съѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ переводѣ на малорусскій языкъ, частный издатель перепечатываетъ ихъ въ Харьковѣ, земства распространяютъ ихъ среди крестьянскаго населенія, а комитетъ не можетъ, по смыслу существующихъ правилъ, перепечатать ихъ, не можетъ дать крестьянскому населенію, говорящему по малорусски, вполнѣ доступной ему по изложенію книги. Это аномалія, но она, однако, является значительнымъ тормазомъ для культурнаго развитія нашего народа. Родной языкъ—это орудіе для распространенія образованія, проводникъ знаній, средство для возбужденія къ нему интереса; наконецъ, въ данномъ случаѣ онъ является разумнымъ педагогическимъ средствомъ для перехода отъ своего родного къ близко родному, но не тождественному, менѣе извѣстному.

Борьба съ трудностями усвоенія русскаго языка дѣлается для простолюдина малоросса особенно чувствительной въ научно популярныхъ брошюрахъ по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и т. п., потому что при стремленіи къ простотѣ изложенія, въ нихъ нельзя избѣжать новыхъ научныхъ понятій, а, слѣдовательно, и терминовъ. Но въ то время, какъ для простолюдина великоросса представляютъ затрудненія только эти новыя понятія, читатель малороссъ долженъ еще усваивать рядъ обыкновенныхъ литературныхъ русскихъ словъ, или вовсе отсутствующихъ въ его разговорной рѣчи, или же выраженныхъ иными звуками. И вотъ, если крестьянинъ великороссъ не охотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству и медицинѣ, то поселянинъ малороссъ почти совсѣмъ отказывается отъ нихъ и, слѣдодовательно, лишается могучаго средства науки для поднятія уровня своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Между тѣмъ, теперь, когда Россія вступила въ такое тѣсное общеніе со всѣмъ міромъ, когда въ этой экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизаціи, ставятся препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застывшаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса, сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи. Пространно развивъ эту мысль, Д. И. Багалѣй сказалъ, что онъ считаетъ разумнымъ, законнымъ и справедливымъ, чтобы къ сочиненіямъ, написаннымъ по малорусски, были примѣнимы тѣ же требованія цензурнаго устава, которымъ подчиняются произведенія, написанныя по русски, т. е. чтобы при разрѣшеніи ихъ для печати принималось во вниманіе только ихъ содержаніе, а не языкъ.

(Южн. Край, №№ 7001 и 7004 и Харьк. Губ. Вѣдом., № 117).

—

Популяризація медицинскихъ свѣдѣній. Для популяризаціи среди народа полезныхъ знаній по гигіенѣ, Полтавскимъ уѣзднымъ земствомъ вскорѣ будетъ приступлено къ безплатному распространенію брошюръ на народномъ малорусскомъ языкѣ. Въ этихъ цѣляхъ уѣздная земская управа пріобрѣтаетъ въ настоящее время массу брошюръ, переведенныхъ на малорусскій языкъ, съ изданія «О—ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова», среди которыхъ находятся

«Якъ оберегты себе видъ васпы», „Про скарлатыну" (красиуха), «Про сифылисъ» (пранци) и нѣкоторыя другія. Всѣ эти брошюры составлены до того популярно, что понятны безъ труда даже для самыхъ малоразвитныхъ крестьянъ. Въ техническомъ отношеніи изданія также вполнѣ удовлетворительны. (Полт. Губ. Вѣд., № 70).

—

Новая украинская опера. До сихъ поръ оперъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ, было всего три: «Різдвяна нічъ», «Майска нічъ або утоплена» извѣстнаго украинскаго композитора Лисенка и «Катерина» муз. Аркаса. „Оперетты" съ пѣніемъ, разговорами и танцами (въ родѣ «Запорожца за Дунаемъ», «Наталки-Полтавки» и друг.), конечно, въ счетъ не идутъ,—это произведенія совсѣмъ особаго рода. Въ самое послѣднее время число украинскихъ оперъ увеличилось еще одной, принадлежащей перу молодого лубенскаго композитора Б. Подгорецкаго, кончившаго курсъ варшавской консерваторіи, бывшаго въ числѣ учениковъ московскаго композитора и профессора г. Ильинскаго. Его опера называется „Купальна искра» и состоитъ изъ двухъ актовъ. Либретто заимствовано изъ народнаго украинскаго сказанія. («Югъ», № 905).

Какъ мы слышали, новая опера въ непродолжительномъ времени будетъ поставлена въ Кіевѣ «Товариществомъ Русскихъ и Малорусскихъ артистовъ подъ управл. Е. П. Ратмировой».

—

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ Милятинѣ Старимъ, въ Каменецкомъ округѣ въ Галиціи состоялось 3 мая чествованіе памяти М. Шашкевича и Т. Г. Шевченка въ «клунѣ» (стодоли) Ивана Війтовича, прекрасно убранной. На чествованіе прибыло болѣе 1000 душъ изъ всевозможныхъ окрестныхъ пунктовъ. Въ вечерѣ принималъ участіе сельскій хоръ изъ 96 душъ. Рѣчь о М. Шашкевичѣ произнесъ 58-лѣтній крастьянинъ изъ Кунча Данило Павлюкъ. Также и остальные номера—декламаціи, пѣніе—исполнены были одними лишь крестьянами.

Вечеръ произвелъ на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. („Дѣло", ч. 105).

Подобныя же чествованія происходили: въ *Миклашевѣ*, возлѣ Львова, 14 мая; въ *Стриганцяхъ*—въ сельской школѣ—13 мая; въ *Коломыѣ*, 17 мая, соединенными усиліями „всѣхъ русскихъ товариствъ", въ Новосилцп Костковой, коло Залищикъ, въ «стодоли» священ-

ника, 6 мая. Вечеръ устроенъ былъ священникомъ Боярскимъ для мѣстныхъ крестьянъ («Дѣло, ч.ч. 102, 104, 107).

Въ *Америкѣ*, въ Шамокинѣ (въ Пенсильваніи) 30 мая состоялось чествованіе памяти Шевченка, гдѣ между прочимъ исполнены слѣдующіе номера:

Вступне слово выголосивъ голова товар. М. Колодѣй.

«Завищане», слова Т. Шевченка, музыка Е. Вербицкого на 8 голосивъ въ супроводи фортепяну, видспивавъ мишаный хоръ.

Видчитъ о Тараси—о. А. Бончевскій.

„У Петривку", слова Д. Млаки, музыка Из. Воробкевича, видспивавъ хоръ.

Декламація «У недиленьку святую» Т. Шевченка, выдекламувавъ Марія Мурдза.

Декламація «Швачка» Т. Шевченка, виддекл. Антоній Лучковець.

Того жъ самого дня видбуло ся въ церкви Богослужене на интенцію тов. им. Шевченка и панихида за душу Тараса о гол. $^1/_2$9 рано. («Свобода» (Американская), № 20).

—

Еще о родственникѣ Т. Г. Шевченка. Читателямъ извѣстна уже сущность судебнаго дѣла по иску кр. Кіевск. губ. Андрея Шевченка (племянникъ извѣстнаго украинскаго поэта) къ С. Б. Фальцъ-Фейну въ суммѣ 4800 р. за увѣчье. Дѣло въ томъ, что сыну Андрея, Митрофану, въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейна оторвало руку и онъ теперь къ труду неспособенъ. По разсчетамъ отца, самымъ минимальнымъ, его сыну нужно имѣть 4800 р., для того чтобы не жить въ тягость другимъ. Процессъ тянется давно. Въ послѣднее время г-жа Фальцъ-Фейнъ чрезъ посредство своего повѣреннаго желаетъ мириться съ Шевченкомъ, и дѣло затягивается только потому, что повѣренный отвѣтчицы никакъ настоящей цѣны человѣческой рукѣ не подберетъ. Было время, онъ ее уже въ 2 т. оцѣнилъ, теперь-же цѣна на руки, видно, упала, т. к. повѣренный предлагаетъ Шевченку только 1000 р. Вѣрнѣе всего, что немаловажную роль въ этомъ пониженіи уже разъ предложенной цѣны играетъ и то обстоятельство, что г. Шевченко въ настоящее время въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, и поэтому долго тянуть судебную волокиту не можетъ. На сколько такого рода торгъ приличенъ—судить предоставляемъ читателямъ. («Югъ», № 920).

—

Магистерскій диспутъ Д. И. Эварницкаго. 29 апрѣля настоящаго года Д. И. Эварницкій защищалъ диссертацію «Исторія запорожскихъ козаковъ» (т. I, 2-е изданіе) на степень магистра Русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Совѣтъ историко-филологическаго факультета призналъ г. Эварницкаго достойнымъ искомой степени, а присутствовавшая публика встрѣтила это извѣстіе горячими и очень продолжительными рукоплесканіями.

—

Почетный выборъ. Императорское Одесское «Общество исторіи и древностей» выбрало проф. М. Грушевскаго своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Волынское церковно-археологическое Общество въ Житомірѣ—почетнымъ членомъ. («Літер.-Наук. Вістникъ», кн. V).

—

Своеобразная оцѣнка „Энеиды" Котляревскаго. «Хуторянинъ» (№ 18) въ передовой статьѣ по вопросу о нѣкоторыхъ ненормальностяхъ положенія сельскихъ учителей, приводитъ нѣсколько характерныхъ фактовъ отношенія къ послѣднимъ непосредственнаго ихъ начальства. Между прочимъ авторъ статьи сообщаетъ и слѣдующее: «Намъ извѣстенъ случай признанія инспекторомъ народныхъ училищъ сочиненія Котляревскаго—«Энеиды»—за *циничное* и *оскорбляющее нравственность*, хотя это сочиненіе и разсылалось Полтавскимъ земствомъ въ ученическія библіотеки», какъ допущенное Мин. Нар. Просв.

—

Марко Мурава (Сильвестръ Лепкій). *Некрологъ.* 22 мая въ Бережанахъ въ Галичинѣ скончался священникъ Сильвестръ Лепкій, украинскій писатель, горячій патріотъ-народникъ. Покойный началъ писать въ 1871 г. въ «Правдѣ», подъ псевдонимомъ *Марко Мурава*, но затѣмъ долгое время не выступалъ въ литературѣ.

Въ послѣднее время, когда на литературное поприще выступилъ талантливый его сынъ Богданъ Лепкій, покойный снова сталъ помѣщать свои произведенія, подъ прежнимъ псевдонимомъ, въ «Дѣлѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ произведеній беллетристическихъ и стихотворныхъ, покойный писалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, написалъ популярную брошюру (изданную «Просвітою») объ огородничествѣ и садоводствѣ. («Дѣло», ч. 113).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Теодоровичъ. Волынская Духовная Семинарія. *Почаевъ 1901 года. Ц. съ перес. 4 руб.*

Настоящая книга составлена и издана пріобрѣвшимъ большую извѣстность въ средѣ волынскаго духовенства неутомимымъ труженикомъ по изданію многотомнаго историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи, бывшимъ преподавателемъ семинаріи, а нынѣ инспекторомъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи Н. И. Теодоровичемъ. Книга имѣетъ нѣсколько заглавій. Первое и основное ея заглавіе, напечатанное самымъ крупнымъ шрифтомъ, такое: «Волынская Духовная Семинарія». Но такъ какъ это заглавіе слишкомъ общее и неопредѣленное, то авторъ, чувствуя необходимость пояснить его, прибавляетъ къ нему второе заглавіе, а именно: «Исторія первоначальнаго устройства ея и подвѣдомственныхъ ей духовныхъ училищъ». Далѣе слѣдуетъ третье заглавіе: „Списки воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ ученія, а также начальниковъ и наставниковъ ея въ періодъ времени съ 1796 по 1900 г.“ Наконецъ, есть еще одно пояснительное замѣчаніе на заглавной страницѣ, именно: «Съ приложеніемъ портрета митрополита Антонія Рафальскаго и его писемъ». Въ сущности, объемистая (болѣе 1000 стр.) книга г. Теодоровича состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся первоначальнаго устройства Волынской семинаріи и духовныхъ училищъ, а во второй—списки воспитанниковъ. Этимъ и объясняется, почему, кромѣ основнаго об-

щаго заглавія, понадобилось еще два подзаглавія, въ которыхъ почтенный составитель и пытался указать на два главные предмета, составляющіе содержаніе его книги.

Поводомъ къ изданію г. Теодоровичемъ настоящаго труда послужилъ праздновавшійся въ 1896 году столѣтній юбилей Волынской Духовной Семинаріи и вслѣдствіе, этого на второй страницѣ книги напечатано: «Вѣнокъ на Волынскую Духовную Семинарію», причемъ дѣйствительно изображенъ вѣнокъ, въ срединѣ котораго стоитъ цифра 100. Недовольствуясь этимъ посвященіемъ, авторъ на 3-ей стран. печатаетъ еще одно посвященіе: «Моимъ дорогимъ ученикамъ посвящаю этотъ мой трудъ». Въ предисловіи къ книгѣ почтенный изслѣдователь заявлаетъ, что этотъ трудъ былъ имъ задуманъ задолго до юбилея. Еще въ 1884 году, т. е. за 12 лѣтъ до этого времени, онъ уже сталъ работать въ семинарскомъ архивѣ и тогда же напечаталъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью по вопросу о перестройкѣ зданій семинаріи. Если принять во вниманіе, что настоящая книга издана въ 1901 году, т. е. почти 5 лѣтъ спустя послѣ юбилея, то выйдетъ, что авторъ работалъ надъ своимъ трудомъ около 17 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ, очевидно, не менѣе того былъ занятъ и другими работами, главнымъ образомъ по изданію вышеупомянутаго историко-статистическаго описанія; изученію же тѣхъ историческихъ превратностей, которыя пережила въ теченіе ста лѣтъ Волынская семинарія, онъ отдавалъ, вѣроятно, лишь свои досуги. По крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ можно объяснить то, что, не смотря на столь продолжительныя занятія исторіей Семинаріи, г. Теодоровичъ даетъ въ своей книгѣ лишь сырой, совершенно необработанный матеріалъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касается. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется небрежность въ выработкѣ плана, которымъ руководствовался авторъ при приведеніи въ порядокъ имѣвшагося у него подъ руками богатаго матеріала. Иначе сказать, въ книгѣ вовсе нѣтъ плана; если же и можно назвать планомъ тотъ порядокъ, въ которомъ расположенъ историческій матеріалъ, то это планъ весьма своеобразный и довольно искусственный.

Послѣ двухъ посвященій и краткаго предисловія начинается изложеніе предмета, которому предшествуетъ заглавіе, но не тожественное съ тѣмъ, которое стоитъ на обложкѣ книги, а нѣсколько видоизмѣненное. Оно представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ прежнихъ

заглавій въ одно, но съ довольно важнымъ пропускомъ. Заглавіе это слѣдующее: «Исторія первоначальнаго устройства Волынской Духовной Семинаріи и списки воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ ней въ теченіе столѣтія ея существованія»; затѣмъ въ скобкахъ стоятъ годы «1796—1896» г. и потомъ курсивомъ добавлено: „Въ память столѣтія Волынской Духовной Семинаріи (14 мая 1896 г.)». Какъ видимъ, въ настоящемъ заглавіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ уже не упоминается, но это не значитъ, чтобы авторъ оставилъ намѣреніе вести рѣчь объ училищахъ; это указываетъ лишь на нѣкоторую неточность этого, четвертаго по счету, заглавія.

Указавъ годъ и день открытія Волынской семинаріи и мѣсто ея первоначальнаго нахожденія, г. Теодоровичъ кратко говоритъ о первыхъ ея учителяхъ, о количествѣ классовъ и учениковъ въ первые годы ея существованія, о предметахъ преподаванія въ первый періодъ ея жизни, т. е. до 1871 года, о такъ называемой русской школѣ, объ устройствѣ при семинаріи бурсы и о продолжительности учебнаго года. Далѣе, подъ особыми заглавіями, описаны «порядокъ учебнаго дня», причемъ приведено составленное еп. Варлаамомъ (Шишацкимъ) росписаніе уроковъ, «одежда учениковъ», и «испытаніе»; здѣсь на 6 страницахъ перепечатаны: 1) „планъ для произведенія въ іюлѣ 1815 года публичнаго испытанія", 2) «показаніе предметовъ для открытаго испытанія 1818 г. м. іюля» и 3) печатный „планъ публичнаго испытанія 14 іюля 1859 года». Затѣмъ подъ особымъ заголовкомъ—„Экономическое состояніе Семинаріи"—указаны жалованье служащимъ и расходы на содержаніе учениковъ. Наконецъ, послѣдній заголовокъ, касающійся семинаріи, гласитъ: «Помѣщеніе семинаріи». Здѣсь рѣчь идетъ о пожарахъ зданій Острожскаго и Преображенскаго монастыря, въ которыхъ помѣщалась Семинарія, о семинарской библіотекѣ, о переводѣ монастыря въ 1825 году въ м. Аннополь; здѣсь же на 12 страницахъ перепечатано составленное б. экономомъ Семинаріи, прот. Г. Рафальскимъ (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій Антоній) описаніе семинарскихъ зданій. Исторія Семинаріи заканчивается указаніемъ на переводъ ея въ 1836 году въ г. Кременецъ и сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о кременецкихъ поіезуитскихъ зданіяхъ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о состоявшемся 29 января 1886 года указѣ Свят. Синода относительно перевода Семинаріи изъ Кременца въ Житоміръ.

Все приведенное изложеніе занимаетъ у автора 44 страницы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что на многихъ страницахъ даны буквальныя выписки изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ семинарскомъ архивѣ. Не стѣсняясь никакимъ опредѣленнымъ планомъ, авторъ свободно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Можно ли, однако, назвать такое изложеніе исторіей? Конечно, нѣтъ, и авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы назвалъ свои замѣтки, основанныя на приводимыхъ въ подлинникѣ документахъ, просто матеріалами для Исторіи Волынской Духовной Семинаріи. И въ самомъ дѣлѣ: опись семинарскихъ зданій—что такое, какъ не матеріалъ? Вотъ, напр., описаніе одной изъ классныхъ комнатъ: въ комнатѣ имѣется дверь и косяки сосновые, фасованной работы, о двухъ желѣзныхъ завѣсахъ, на крючкахъ, съ рукояткою, въ срединѣ комнаты полъ изъ сосновыхъ досокъ новый, сводъ каменный, скамей для сидѣнія учениковъ на подставкахъ изъ сосновыхъ досокъ 10, каѳедра тоже изъ сосновыхъ досокъ,—печки нѣтъ, окошекъ растнорчатыхъ въ дубовыхъ рамахъ 2, при нихъ завѣсокъ на желѣзныхъ крючкахъ 16, нарожниковъ 8, 4 завертки, оба окошка прибиты 8 шпиралями, стекла въ обоихъ окошкахъ 40 тафель, при сихъ окошкахъ имѣется еще 12 прутовъ желѣзныхъ, служащихъ рѣшетками симъ окошкамъ». Такія описанія, съ подробнымъ перечисленіемъ нарожниковъ, крючковъ, тафель и пр. занимаютъ 12 битыхъ страницъ. При чтеніи отъ множества шпиралей и нарожниковъ пестритъ въ глазахъ и начинаетъ кружиться голова. Всякій скажетъ, что, конечно, это не исторія, но какъ матеріалъ можетъ пригодиться. Такъ напр., отцы и дѣды разсказываютъ, что въ старину въ Семинаріи въ классахъ не топили; изъ приводимаго же г. Теодоровичемъ описанія мы узнаемъ, что въ Острожскій періодъ и невозможно было топить, ибо въ классныхъ комнатахъ вовсе не было печей.

Покончивъ съ исторіей первоначальнаго учрежденія Семинаріи, хотя въ дѣйствительности здѣсь говорится не только объ учрежденіи, но и о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ перемѣнахъ, случившихся съ Семинаріей, авторъ крупнымъ шрифтомъ ставитъ заголовокъ: «Гдѣ обучалось Волынское духовенство до открытія Волынской Семинаріи?» Читатель ждетъ встрѣтить длинный разсказъ объ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ на Волыни во времена уніи, но вмѣсто того въ отвѣтъ на поставленный вопросъ находитъ на 2-хъ страницахъ имена священниковъ, учившихся въ духовныхъ и свѣтскихъ учили-

щахъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ юго-и сѣверо-западнаго края. Помѣщаемыя свѣдѣнія взяты авторомъ изъ послужныхъ списковъ, хранящихся какими-то судьбами въ архивѣ Волынской Семинаріи. Далѣе идетъ новый заголовокъ, напечатанный такимъ же крупнымъ шрифтомъ, именно: «Учрежденіе духовныхъ училищъ». Изложеніе этого предмета занимаетъ 145 стран. (47—192), т. е. большую часть текста первой части книги. Здѣсь подробно говорится объ устройствѣ духовныхъ училищъ: острожскаго, кременецкаго, загаецкаго, ковельскаго, клиненкаго, бердичевскаго, дерманскаго, мѣлецкаго, бѣлостокскаго, житомирскаго. Особенно долго авторъ останавливается на несуществующихъ нынѣ училищахъ дерманскомъ, мѣлецкомъ и бѣлостокскомъ. Съ такою же подробностью онъ говоритъ затѣмъ о послѣдовательномъ закрытіи сперва бѣлостокскаго потомъ ковельскаго, бердичевскаго и др. училишъ. Отдѣлъ объ училищахъ заканчивается спискомъ смотрителей, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Много интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ почтенный изслѣдователь въ этомъ второмъ отдѣлѣ. Еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, онъ говоритъ здѣсь подлинными словами первоисточниковъ. Онъ приводитъ подлинные рапорты смотрителей съ описаніемъ торжествъ, при которыхъ состоялось открытіе училищъ. Онъ перечисляетъ даже имена лицъ, сдѣлавшихъ небольшія пожертвованія въ пользу училищъ въ день ихъ открытія. Онъ цѣликомъ печатаетъ рѣчь, сказанную прот. Княжинскимъ при учрежденіи житомірскаго училища. Онъ подробно излагаетъ длинную, утомительную переписку по поводу перестройки зданій бѣлостокскаго училища въ сороковыхъ годахъ. Повторяемъ, все это, какъ матеріалъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Но, позвольте, спроситъ читатель, какое же это имѣетъ отношеніе къ Волынской Семинаріи и ея юбилею? Развѣ празднуется также и столѣтній юбилей духовныхъ училищъ Волынской епархіи? Нѣтъ, училища пока еще не дожили до юбилея, и все это имѣетъ, по правдѣ сказать, косвенное и довольно отдаленное отношеніе къ Семинаріи. Все дѣло лишь въ томъ, что въ старину духовныя училища были подчинены Семинаріи, и потому Семинарія веля переписку по поводу ихъ открытія. Авторъ познакомился съ этой перепиской въ семинарскомъ архивѣ и напечаталъ ее. Конечно, было бы умѣстнѣе издать всю эту переписку въ книжкѣ, посвященной столѣтнему юбилею каждаго изъ духовныхъ училищъ. Тогда не вышло бы такой

странности, какая теперь случилась съ г. Теодоровичемъ, именно: въ первой части книги, посвященной юбилею Семинаріи, исторія Семинаріи излагается на 44 страницахъ, а на остальныхъ 145 стр. напечатаны матеріалы, касающіеся учрежденія духовныхъ училищъ. Не лучше ли было употребить эти 145 стран. для напечатанія на нихъ неизданныхъ матеріаловъ, касающихся Семинаріи же, а не училищъ? Такихъ матеріаловъ, по всей вѣроятности, не мало хранится въ семинарскомъ архивѣ. Напрасно также искалъ бы здѣсь читатель какихъ-либо свѣдѣній о ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла; ни въ отношеніи семинаріи, ни въ отношніи духовныхъ училищъ авторъ не касается этого предмета. Онъ проходитъ также молчаніемъ и многія другія интересныя стороны семинарской жизни. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіи: «Бытовой стороны въ своемъ трудѣ я вовсе не касаюсь. Это и не входитъ въ мою задачу». За то на стр. 192—217 подъ особымъ заглавіемъ «Земельныя угодія Волынской Семинаріи» авторъ печатаетъ подробную опись этихъ угодій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Кременецкой поіезуитской Юридики». Здѣсь описаны не только всѣ земельные участки, принадлежащіе Семинаріи, но и исторія каждаго участка съ подробнымъ переименованіемъ всѣхъ арендаторовъ, которые послѣдовательно въ теченіе вѣка владѣли ими. Печатаемая въ такой подробности опись никакого значенія для читателя не имѣетъ и представляетъ собою балластъ, безъ котораго книга съ полнымъ удобствомъ могла бы обойтись.

Вторая, самая обширная часть, книги, заключающая въ себѣ почти 700 страницъ (съ 217 по 906), содержитъ списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи, а также краткія біографіи ректоровъ ея, инспекторовъ и преподавателей за все истекшее столѣтіе. Перелистывая эти списки, мы находимъ въ промежуткахъ между ними статьи разнаго объема и разнаго содержанія, съ заглавіями и безъ заглавій. Такъ, на стр. 256—258 имѣется замѣтка о томъ, сколько стоило въ 1804—1806 гг. содержаніе казеннокоштнаго ученика Семинаріи; на стр. 312—315 объ отправкѣ лучшихъ воспитанниковъ въ Медико-Хирургическую Академію и объ устроенномъ для развлеченія семинаристовъ театральномъ представленіи въ 1815 г.; на стр. 321—329 фундушовая запись оффиціала Примовича на польскомъ языкѣ; на стр. 346—347 замѣтка касательно учебно-воспитательнаго дѣла; на стр. 355—о принятіи лицъ свѣтскаго званія въ духовныя училища; на стр. 375—381—опись семинарскихъ помѣ-

щеній въ м. Аннополѣ; на стр. 400—401 приведено распоряженіе о высылкѣ воспитанниковъ изъ 3-хъ западныхъ Семинарій въ великороссійскія Семинаріи; на стр. 421—477 длинная статья подъ заглавіемъ: «Переводъ Семинаріи изъ м. Аннополя въ г. Кременецъ». Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя помѣщены во второй части книги, статья о переводѣ Семинаріи въ Кременецъ можетъ быть признана самою интересною. Здѣсь приведена подлинная переписка разныхъ лицъ и учрежденій по вопросу о пріемѣ въ духовно-учебное вѣдомство кременецкихъ полицеальныхъ зданій. Переписка эта съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, какія встрѣчены были духовнымъ вѣдомствомъ на этомъ пути. Она даетъ также прекрасный матеріалъ для характеристики многихъ темныхъ сторонъ тогдашней волынской администраціи. Далѣе, на стр. 498—501 идетъ замѣтка о переустройствѣ бывшаго въ зданіяхъ Семинаріи костела въ церковь; на стр. 526—527 объ устройствѣ теплой церкви и объ отправкѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскую Семинарію; на стр. 555—562 программы преподаванія сельскаго хозяйства и естественной исторіи; на стр. 583—585 объ устройствѣ иконы и портрета для актоваго зала, о стипендіи свящ. Тучапскаго и о ревизіи Волынской Семинаріи въ 1852 г.; на стран. 597—599 о хожденіи на преждеосвященныя литургіи; на стр. 611 объ открытіи въ 1855 году миссіонерскаго отдѣленія, которое существовало 10 лѣтъ; на стр. 624 о ревизіи Семинаріи въ 1857 году архіеп. Арсеніемъ; на стр. 663 о разрѣшеніи воспитанникамъ Семинарій поступать въ университеты. Вотъ и всѣ замѣтки, помѣщенныя въ промежуткахъ между списками.

Изъ обозрѣнія ихъ содержанія яснѣе всего обнаруживается то обстоятельство, что авторъ при составленіи своей книги не имѣлъ надлежаще выработаннаго плана. Потому-то на ряду съ матеріалами, имѣющими важное значеніе какъ для исторіи Семинаріи, такъ и вообще для исторіи духовнаго образованія, въ книгу попали замѣтки или малозначительныя, имѣющія второстепенное значеніе, или совершенно ненужныя, какъ напр. опись аннопольскихъ зданій. Съ другой стороны, для читателя, знакомящагося съ книгой, замѣтки эти оказываются полнѣйшимъ сюрпризомъ. До тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ обнаружены при чтеніи списковъ, читатель и не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи. Не можетъ онъ узнать о нихъ ни изъ оглавленія, ибо таковаго въ книгѣ нѣтъ, ни изъ предисловія, по-

тому что авторъ въ предисловіи ничего о нихъ не говоритъ. Все это можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, для устраненія которыхъ, а равно для удобства пользованія изложенными въ приведенныхъ замѣткахъ свѣдѣніями, гораздо лучше было бы, еслибы авторъ помѣстилъ ихъ въ первой части, т. е. тамъ, гдѣ излагаются историческія данныя о Семинаріи.—Списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи представляютъ собою, такъ сказать, исторію Семинаріи въ лицахъ. Авторъ не просто печатаетъ имена и фамиліи, но сообщаетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ оканчивающемъ. Правда, въ большинствѣ свѣдѣнія эти скудны и довольно однообразны: они заключаютъ въ себѣ возрастъ окончившаго, годъ поступленія въ Семинарію, происхожденіе и учительскую аттестацію; между прочимъ, до 1817 года аттестаціи писались на латинскомъ яз., съ 1817—1872 гг. на русскомъ, съ этого же времени успѣхи начинаютъ отмѣчаться баллами, а потому аттестацій въ спискахъ и нѣтъ. Но въ отношеніи многихъ лицъ, выдвинувшихся на томъ или другомъ поприщѣ, даются болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, при именахъ лицъ, избравшихъ ученую карьеру, указываются ихъ ученые труды; въ отношеніи лицъ, ставшихъ извѣстными на духовномъ поприщѣ, перечисляются ихъ заслуги въ этомъ направленіи и т. д. Безъ сомнѣнія, автору пришла весьма счастливая мысль дать наглядное доказательство того, что сдѣлала семинарія за 100 лѣтъ своего существованія, кого воспитала и какихъ людей подготовила для служенія отечеству. Поэтому списки окончившихъ Волынскую Семинарію имѣютъ нѣкоторое общее значеніе; для бывшихъ же питомцевъ Семинаріи они представляютъ особенный интересъ. Просматривая эти списки, бывшіе питомцы вновь переживаютъ незабвенные годы ученія; изъ этихъ списковъ многіе впервые узнаютъ о судьбѣ своихъ товарищей или близкихъ по курсу лицъ.

Къ сожалѣнію, въ спискахъ допущено не мало ошибокъ, неточностей или неумѣстныхъ вставокъ, которыя портятъ общее хорошее впечатлѣніе. Невольныя ошибки возможны и извинительны во всякомъ трудѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, какъ настоящій. Сообщая біографическія свѣдѣнія о бывшихъ питомцахъ Семинаріи, г. Теодоровичъ лишь отчасти могъ основываться на печатныхъ или вообще письменныхъ данныхъ; въ большинствѣ же случаевъ ему приходилось руководствоваться словеснымъ преданіемъ и слухами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ спискахъ сообщаются невѣрныя

свѣдѣнія. Такъ, на стр. 748 о Н. Новосадскомъ сказано, что онъ поступилъ въ Варшавскій университетъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ поступилъ въ историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ, который и окончилъ, а нынѣ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. Однако не будемъ слѣдить за этими мелкими, хотя иногда и весьма досадными неточностями. Укажемъ на нѣкоторыя странности другого рода. Такъ, на стр. 606 подъ № 13 объ одномъ священникѣ выпуска 1855 г. говорится слѣдующее: въ 1870 году награжденъ набедренникомъ, въ 1876 году—бархатною фіолетовою скуфьею и т. д. Неужели для священника, прослужившаго около 20 лѣтъ въ священническомъ санѣ, награжденіе набедренникомъ и скуфьею является такою рѣдкостью, что объ этомъ слѣдовало сообщать въ назиданіе потомству? Вѣдь почти всякій священникъ, рукоположенный въ 1856 году и дожившій до 1900 года, имѣетъ тѣ награды, которыя перечислены на стр. 606. Между тѣмъ ни о комъ другомъ подобныхъ сообщеній не дѣлается и, конечно, совершенно правильно. Далѣе, при именахъ нѣкоторыхъ окончившихъ попадаются замѣтки такого рода: «примѣрный пастырь, ревностно заботящійся о просвѣщеніи прихожанъ», или на стр. 607: «примѣрнѣйшій пастырь». Едва ли однако такія голословныя характеристики умѣстны въ трудѣ, подобномъ настоящему. Разбираемая часть книги имѣетъ скорѣе справочный, чѣмъ научно-историческій характеръ, и потому здѣсь интересны главнымъ образомъ факты. Одобрительныя же аттестаціи, подобныя вышеприведеннымъ, какъ не подтвержденныя никакими доказательствами, могутъ быть невѣрны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ спискахъ окончившихъ есть много и другихъ лицъ, заслуживающихъ пятерокъ по поведенію, но такъ какъ авторъ писалъ эту часть книги главнымъ образомъ на основаніи «устныхъ разсказовъ современниковъ», то весьма возможно, что ему не приходилось встрѣчаться съ современниками, знающими этихъ лицъ, не случалось ничего слышать о нихъ, а потому онъ и обошелъ ихъ молчаніемъ. Наконецъ, ко всему вышесказанному слѣдуетъ добавить, что лучше было бы опустить находящуюся на стр. 718 приписку: «исключенъ изъ семинаріи за неблагоповеденіе при окончаніи курса».

Списки начальниковъ и наставниковъ Семинаріи помѣщены на стр. 827—906. Здѣсь же имѣются списки помощниковъ инспектора, врачей и экономовъ Семинаріи. Этимъ собственно и оканчивается справочная часть книги. Далѣе, въ особомъ приложеніи, на стр.

907—962, напечатаны 47 писемъ извѣстнаго волынскаго дѣятеля, протоіерея Григорія (въ монашествѣ—Антонія) Рафальскаго. Жизнь его была весьма богата событіями. По окончаніи Духовной Семинаріи въ 1809 году, онъ остался въ ней учителемъ, потомъ принялъ священство, и вотъ этотъ человѣкъ—безъ академическаго образованія—достигъ высшихъ ступеней духовной іерархіи. Поступивъ въ монашество, онъ былъ первымъ настоятелемъ Почаевской лавры по возвращеніи ея изъ уніи въ православіе, первымъ епископомъ, а затѣмъ архіепископомъ Варшавскимъ и наконецъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Естественно ожидать, что письма такого лица должны имѣть выдающійся общественный интересъ. Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ помѣщенными въ книгѣ письмами не оправдываетъ этихъ ожиданій. Какъ въ періодъ своей дѣятельности на Волыни, такъ и во время епископскаго служенія, Антоній Рафальскій слишкомъ скупъ на сообщенія о совершавшихся вокругъ него, а иногда и при его участіи, событіяхъ общественнаго характера. Въ своихъ письмахъ онъ занятъ болѣе дѣлами семейнаго характера; онъ заботится о томъ, чтобы, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстнаго архіерея, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, выгоднѣе пристроить своихъ родственниковъ; во время же пребыванія въ Варшавѣ онъ даетъ своимъ роднымъ разнаго рода порученія по сооруженію на могилѣ своихъ родителей церкви, которая строилась на его средства. Что касается его служенія въ Петербургѣ, то изъ этого періода имѣется только одно письмо также семейнаго характера.

Если къ вышеизложенному добавить, что въ концѣ разбираемой книги помѣщены алфавитные указатели именъ, находящихся какъ въ спискѣ воспитанниковъ, такъ и въ спискѣ наставниковъ и другихъ служившихъ въ семинаріи лицъ, то содержаніе ея будетъ исчерпано.

Подводя итогъ нашимъ замѣчаніямъ, мы приходимъ къ тому выводу, что почтенный трудъ г. Теодоровича былъ бы еще почтеннѣе, если бы онъ носилъ болѣе скромное названіе Матеріаловъ для исторіи Волынской Духовной Семинаріи, еслибы, далѣе, авторъ позаботился лучше разработать планъ своей книги, еслибы наконецъ онъ не испортилъ біографическихъ замѣтокъ нѣкоторыми неумѣстными характеристиками, на которыя указано выше. Тогда его трудъ получилъ бы, быть можетъ, общее значеніе; въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ имѣетъ почти исключительно мѣстный интересъ.

В. Храновичъ.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Выпускъ IV. *Эпоха великаго переселенія народовъ. Кіевъ, 1901 г., 4°, 30 стр.+20 таблицъ.*

Древности эпохи переселенія народовъ въ области Приднѣпровья представляютъ изъ себя матеріалъ, еще почти совсѣмъ незатронутый научными изслѣдованіями. Находки предметовъ этой эпохи до послѣдняго времени встрѣчались здѣсь лишь спорадически, случайно. Въ коллекціи Ханенко ихъ собралось однако достаточно, чтобы наполнить настоящій, 4-ый выпускъ, этого роскошнаго изданія. Правда, въ изданіе включены нѣкоторые предметы, выходящіе за предѣлы собственно эпохи переселенія и относящіеся къ періодамъ до его и послѣ его, но это можетъ служить лишь для пользы дѣла, такъ какъ даетъ возможность связать, хотя бы и предположительно, тѣ разнообразныя культурныя вліянія, черезъ которыя прошло наше Приднѣпровье. Арена, по которой двигались изъ Средней Азіи различныя народности, лежала немного южнѣе того пространства, которому, главнымъ образомъ, посвящено собраніе Ханенко, но несомнѣнно вліянія, путемъ ли захода, или благодаря торговымъ сношеніямъ, простирались и далѣе на сѣверъ, такъ что, какъ объ этомъ мы уже упомянули, владѣльцу собранія при посредствѣ раскопокъ и покупокъ, удалось собрать довольно цѣнную и разнообразную коллекцію предметовъ эпохи, ограниченной II—IX в. по Р. Х. Большія трудности представляетъ классификація предметовъ; въ западно-европейской литературѣ уже сдѣлано достаточно въ этомъ отношеніи, но подраздѣленія западно-европейскихъ древностей, хотя бы и сходныхъ отчасти по типамъ съ нашими, къ этимъ послѣднимъ не вполнѣ приложимы: тамъ различныя культуры свивали относительно прочныя гнѣзда, типы предметовъ совершенствовались, развивались, устанавливались, у насъ же культуры эти могутъ быть констатированы лишь въ видѣ налета.

Предметы, описанные въ данномъ выпускѣ, систематизированы издателемъ слѣдующимъ образомъ: 1) предметы римскаго типа—преимущественно фибулы и пряжки; 2) предметы полей погребенія (изъ раскопокъ Хвойко 1900 г.)—украшенія, пряжки, гребни и очень разнообразная посуда, какъ глиняная, такъ и стеклянная, датируемыя II—VI вв, хотя намъ кажется такое опредѣленіе немного растяну-

тымъ,—его, основываясь на фактахъ, до сихъ поръ добытыхъ, придется сократить на одинъ—два вѣка; 3) предметы готскаго типа—главнымъ образомъ фибулы разныхъ видовъ; 4) предметы сассинидскаго стиля—чаши и блюда, иногда представляющія большой художественный интересъ, затѣмъ зеркала съ рельефными изображеніями и нѣкот. другія издѣлія; 5) предметы средне-азіатскаго типа и дальняго востока—копья, стрѣлы, булавы. Относительно изданнаго оружія (табл. I и II) мы должны замѣтить, что хотя родину большинства его и нужно искать на востокѣ, но обнаруженныя на Приднѣпровьѣ относятся къ гораздо болѣе позднему времени, захватывая уже и эпоху великокняжескую. Къ болѣе позднему періоду, именно къ VII—X вв., относятся также и предметы изъ такъ наз. погребеній кочевниковъ; типъ этихъ погребеній можно считать уже твердо установленнымъ,—предметы, находимые въ могилахъ, имѣютъ прямое отношеніе къ древностямъ, трактуемымъ въ настоящемъ выпускѣ, и можно только пожалѣть, что изданъ всего лишь одинъ образчикъ, правда замѣчательный, вооруженія кочевника (изъ собранія Зноско-Боровскаго).

Изданіе древностей Приднѣпровья эпохи переселенія народовъ, эпохи, представляющей такія трудности для изученія, должно лечь въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Теперь есть уже возможность хотя немного оріентироваться въ сыромъ матеріалѣ, и нужно сказать спасибо издателю за этотъ цѣнный починъ.

В.

Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волыни. *Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-й. 1900 г.*

Книжечка въ 50 страницъ составлена изъ статей, напечатанныхъ раньше въ газетѣ «Волынь». Авторъ, въ небольшомъ вступленіи даетъ такую характеристику этихъ статей, онъ говоритъ: «Я не придаю сколько-нибудь серьезнаго значенія въ научномъ или какомъ бы то ни было иномъ смыслѣ, своимъ очеркамъ по исторіи Волыни. Очерки эти отрывочнаго характера, ни одинъ изъ нихъ не только не охватываетъ цѣликомъ какой-либо исторической эпохи, но даже не обрисовываетъ сколько-нибудь всесторонне того явленія, которое послужило темой для автора, да и возникающіе при изслѣдованіи

вопросы скорѣе только ставятся, чѣмъ разрѣшаются»,—отъ газетныхъ статей большаго и нельзя требовать. Но отдавая должное скромности автора, нужно сказать, что большинство очерковъ имѣютъ и *научное значеніе*. Это всецѣло относится къ помѣщеннымъ въ сборникѣ замѣткамъ историко-археологическаго характера. Статьи, хотя бы и небольшія, въ которыхъ научно-подготовленный авторъ дѣлится своими наблюденіями и впечатлѣніями во время посѣщенія той или другой мѣстности, описываетъ встрѣченные остатки старины, народные обычаи—составляютъ въ нашей литературѣ большую рѣдкость. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что онѣ вполнѣ доступны для «большой» публики, могутъ заинтересовать послѣднюю, съ другой же стороны сохраняютъ для науки немало цѣнныхъ фактовъ.

Первый очеркъ—«Шереметевы валы на Волыни и ихъ историческое значеніе». Очеркъ является отвѣтомъ на запросъ, предложенный проф. В. Б. Антоновичемъ прошлому кіевскому археологическому съѣзду; время—неудачный походъ въ 1660 г. боярина Василія Борисовича Шереметева, мѣсто—м. Котельня, куда прежде всего направился Шереметевъ изъ Кіева, затѣмъ с. Кутыщи и м. Чудновъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранились окопы, осмотрѣнные авторомъ; описанію ихъ, въ связи съ историческими справками, и посвященъ очеркъ. Болѣе всего констатировано «шереметовыхъ валовъ» у Чуднова; здѣсь даже вся мѣстность между Чудновымъ и деревней Дубищемъ носитъ названіе «Шереметихи»,—авторъ подробно ихъ перечисляетъ, хотя мы замѣтили одинъ пропускъ, на который и спѣшимъ указать: кромѣ перечисленныхъ, система шанцевъ находится еще въ паркѣ помѣщичьей усадьбы, на правомъ берегу Тетерева; она состоитъ изъ ряда поднимающихся одинъ надъ другимъ удлиненныхъ окоповъ. [1])

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ очеркахъ—«Парафіальныя школы на Волыни; ихъ возникновеніе и задачи, согласно уставу 1807 года» и «Парафіальныя школы Владиміръ-Волынскаго уѣзда и ихъ закрытіе въ 1832 году»,—на основаніи печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ прослѣжена исторія возникновенія на Волыни приходскихъ училищъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ Тадеушу Чацкому, до закрытія ихъ вслѣдствіе событій 1831-го года.

---

[1]) Снятая нами въ 1898 г. фотографія одного изъ такихъ окоповъ хранится въ Городецкомъ музеѣ, Волынской губерніи, барона Θ. Р. Штейнгель.

Въ очеркѣ «Изъ исторіи одного владѣльческаго города» разсказанъ эпизодъ, относящійся къ началу XIX в., когда новый владѣлецъ г. Острога, кн. Кароль Яблоновскій, возымѣлъ намѣреніе обратить въ своихъ крѣпостныхъ мѣщанъ и евреевъ, заселявшихъ участки, принадлежавшіе приходскому католическому костелу.

Заканчивается сборникъ путевыми замѣтками—«Искорость» и «Изъ Искорости въ Народичи», явившимися результатомъ экскурсіи Городецкаго музея барона Ѳ. Р. Штейнгель, въ которой авторъ принималъ участіе. Кромѣ Искорости, здѣсь описаны различные памятники старины, какъ доисторической, такъ и исторической, въ сс. Ходакахъ, Татарновичахъ и Каменкѣ.

Написаны очерки живо, хорошимъ языкомъ.

Н. В.

Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniam pierwotnej kultury polskiej i sławiańskiej. *Wydawany staraniem Erasma Majewskiego. Tom III. Warszawa, 1901.*

Съ каждымъ томомъ вышеназванное изданіе Э. Маевскаго пріобрѣтаетъ все новыя и новыя достоинства. Благодаря привлеченію новыхъ сотрудниковъ, расширяется содержаніе, улучшается и внѣшняя сторона—говоримъ о рисункахъ и картахъ, составляющихъ существенную принадлежность каждаго археологическаго изданія; въ настоящемъ томѣ послѣдніе доведены до высшей степени совершенства. Нельзя не отдать должной дани уваженія редактору этого ежегодника Э. Маевскому, такъ горячо пропагандирующему дѣло изученія доисторическаго прошлаго его родины.

Что касается состава статей и замѣтокъ, вошедшихъ въ данный томъ, то онѣ почти исключительно трактуютъ древности Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить начатую печатаніемъ образцовую монографію редактора—«Powiat Stopnicki pod względem przedhistorycznym».

На этотъ разъ матеріалъ, помѣщенный въ «Swiatowit'ѣ» и касающійся украинскихъ древностей, очень невеликъ. А. Дуржицкій помѣстилъ замѣтку (стр. 162), гдѣ описываетъ городище, расположенное вблизи с. Дубовца, Брацлавск. у., Подольской губ. Городище овальной формы,

съ ровной поверхностью и крутыми откосами, достигающими 4-хъ саженей высоты. Съ одной стороны городище окружено низиной—остаткомъ става, съ другой—рвомъ, такъ что въ прежнее время городище было со всѣхъ сторонъ окружено водою. По поверхности городища въ одномъ мѣстѣ имѣется углубленіе, вырытое, по всей вѣроятности, кладоискателями, гдѣ встрѣчаются куски камней и старыхъ кирпичей. Никакихъ преданій о городищѣ среди окрестнаго населенія не сохранилось. Попутно г. Дуржицкій сообщаетъ о находкѣ на поляхъ Дубовца двухъ кремневыхъ топориковъ и одного бронзоваго (при замѣткѣ помѣщены планъ городища и рисунки топориковъ). Затѣмъ въ данномъ томѣ мы находимъ переводъ части статьи Ѳ. Волкова—«По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа (стр. 233), напечатанной въ „Кіев. Стар.“ и замѣтку о музеѣ г-жи Сваржинской.

В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Вѣстникъ Европы, № 5; 6) Русская Мысль, № 5; 7) Научное Обозрѣніе, № 5; 8) Літературно-Науковий Вістник, № 5; 9) Ateneum, № 5; 10) Biblioteka Warszawska, № 4 и 5; 11) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 12) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 4; 13) Wisła, № 2; 14) Міръ Божій, № 5; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Этнографическое Обозрѣніе № 4 за 1900 г. и № 1-й за 1901-й годъ; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4; 18) Историческій Вѣстникъ, № 5.

Русскій Архивъ, № 5.

Въ «Приложеніи».

Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 янв. 1782 по 17 сент. 1793 г. (стр. I—XII+1—58). (Продолженіе слѣдуетъ)

Перепечатка дневника Храповицкаго съ изданія 1874 года Н. П. Барсукова, съ прибавленіемъ примѣчаній и переводовъ.

Подъ 1786 г. іюль, 12. „При чтеніи Моск. газетъ объявленіе объ оперѣ „Черевики“; вопросъ о томъ словѣ“.

1787 г. Янв. 27. „Въ Черниговѣ говорено о глупости Өеофила, тамошн. еписк., и о древности соборн. церкви Преобр. Господня, которая начата въ 1002 г. Мстиславомъ, сыномъ Владиміра I".

Янв. 20. Пріѣхали ночевать въ Кіевъ.

Февр. 7. Отзывъ объ игуменьи Дѣвичьяго Монастыря.

Марта 16. О намѣреніяхъ Потемкина создать независимое государство.

Апрѣль 22. Отъѣздъ изъ Кіева на галерахъ.

— 25. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ.

— 30. Въ Кременчугѣ.

Май 3—по 12 іюня. Посѣщенія различныхъ городовъ южн. Россіи, впечатлѣнія и распоряженія Екатерины.

1788 г. апр. 4. Рескрипты обоимъ фельдмаршаламъ, предписано Украинской арміи прикрывать Польшу и дѣйствовать между Днѣстра и Буга, привлекая на себя непріятельскія, а Екатеринославской— оборонять Крымъ и брать Очаковъ.

Русская Старина, № 5.

В. Бильбасовъ. Который Капнистъ? (стр. 276). Авторъ, разсматривая „Сочиненія графа П. И. Капниста", недавно изданныя въ Москвѣ, подвергаетъ сомнѣнію сообщеніе, будто бы Екатерина, переѣзжая въ 1795(?) году черезъ Кіевъ, крестила у Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста (сына автора „Ябеды") новорожденнаго, второго сына (Ивана Васильевича").

А. Мёрдеръ. Еврейскій самосудъ (стр. 348). Циркуляръ кіевск. генер.-губернатора отъ 1838 г. губернаторомъ по поводу смертоубійствъ въ еврейскихъ школахъ и пришколкахъ, совершаемыхъ самими же евреями.

А. Мёрдеръ. Послѣдствія невыученнаго урока музыки (стр. 414). Краткія свѣдѣнія о нѣкоемъ Евстафіи Войцеховскомъ, который, въ 40-хъ годахъ прошл. столѣтія, не выучивъ урока музыки, боясь своего отца, изъ Ломжи ушелъ въ Волынск. губ. и затѣмъ, какъ бродяга, высланъ въ Восточную Сибирь.

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5.

Въ отдѣлѣ „Изъ области археологіи" (стр. 235—236). Отчетъ о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ отдѣлѣ „*Новыя книги*" (стр. 250—252) данъ отзывъ о „Записках Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXI и XXXII". Авторъ рецензіи говоритъ, что эти томы „Записок" представляютъ особенный интересъ потому, что въ нихъ напечатаны тѣ рефераты, которые должны были быть прочитаны на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, но въ виду оппозиціи проф. Флоринскаго, „увидавшаго въ чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ „потрясеніе основъ", рефераты эти прочитаны не были, и теперь желающіе могутъ познакомиться съ ними въ изданіи Общества". „Нечего и говорить,—продолжаетъ рецензентъ,—что въ рефератахъ этихъ самое изощренное око не отыщетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ „сеничкина яда" и лишь полицейское рвеніе можетъ видѣть „сепаратизмъ" въ стремленіи галицко-украинскихъ ученыхъ читать эти рефераты на своемъ родномъ языкѣ, а не на русскомъ, которымъ многіе изъ нихъ не владѣютъ настолько хорошо, чтобы изъясняться на немъ совершенно свободно"... „Не будь нелѣпой оппозиціи со стороны людей, привыкшихъ смѣшивать „два ремесла", науку и сыскъ, рефераты эти были бы прочитаны, вызвали бы соотвѣтственные дебаты, и дѣло кончилось бы, какъ выражается одинъ изъ героевъ Гл. Успенскаго, „тихо, мирно и благородно". Теперь же, люди слѣдящіе за научными славянскими изданіями, могутъ нерѣдко наткнуться на „размышленія" братьевъ славянъ по поводу Кіевскаго съѣзда столь нелестнаго свойства, что невольно начинаютъ слетать „крылатыя слова" по адресу г. Флоринскаго. Хуже всего, что поведеніе одного человѣка окрашиваетъ вообще русскую науку въ совершенно несвойственный ей цвѣтъ".

Далѣе рецензентъ указываетъ, какія чувства долженъ испытывать галичанинъ, прошедшій галицкую гимназію и университетъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на родномъ малорусскомъ языкѣ, и вдругъ на археологическомъ съѣздѣ узнающій, что его языкъ представляетъ „сепаратистское измышленіе". „Какія чувства онъ унесетъ съ этого съѣзда? наконецъ, что подумаютъ другіе „братья славяне"? Но г.г. Флоринскимъ, очевидно, мало дѣла до того, что они таскаютъ русскую науку въ грязи".

Наконецъ авторъ приводитъ прелестные образцы того, въ какое безпомощное и комическое положеніе впадаетъ, галичанинъ, когда онъ хочетъ писать не на родномъ, а на „общерусскомъ" языкѣ. Примѣры заимствованы изъ недавно вышедшей книги: „Сборникъ декламацій, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателей. Собралъ М. Бѣлоусъ, 1900.

Читателей, желающихъ получить истинное наслажденіе отъ чтенія отрывковъ изъ произведеній „первостепенныхъ писателей", отсылаемъ къ самой рецензіи.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5.

И. Тихомировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей. (Продолженіе) (стр. 70—119). Авторъ, сдѣлавши подробное обозрѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, перечисляетъ тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее (народныя сказанія и преданія, заимствованія изъ южно-русскаго свода, отдѣльныя сказанія и записи, погодныя записи), а затѣмъ останавливается на томъ, насколько польскіе хронисты заимствовали извѣстія изъ литовскихъ лѣтописей, какъ то: Длугошъ, Бѣльскій, а болѣе всего—Стрыйковскій. Относительно этого послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что послѣ провѣрки его цитатъ и сличенія съ Литовскими лѣтописями „трудно уже говорить о недобросовѣстности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полубаснословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣстно, насколько позволяли ему его научныя силы, и потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники".

Въ отдѣлѣ „Книжныя Новости" (стр. 269—270) отмѣченъ „Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Обл. Комит., издаваемые подъ редакц. С. В. Руденко. Т. VI и VII. Екатеринодаръ, 1900", куда, между прочимъ, вошли статьи: П. Короленко. „Предки Кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ", его же „Двѣ странички изъ исторіи Запорожцевъ", П. Флицына. „Матеріалы для біографіи кошеваго атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣев. Чепѣги" и др.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 5.

Наш альбом: Із поезий Миколи Чернявського I—XI (стр. 117—121). Із поезий Уляни Кравченко I—II (стр. 122). Із поезий Івана Стешенка I—V (стр. 122—124).

Із недрукованих оповідань О. Я. Кониського: I. Бугай (стр. 125—135). Юмористическій разсказъ о томъ, какъ сельскій сходъ, получивши приказъ отъ начальства „выбрать" сельскаго бугая, поняль этотъ приказъ въ томъ смыслѣ, что надо выбрать кого-ниб. изъ громады на эту „должность", и дѣйствительно выбрали одного парубка.

Із оповіданъ Олександра Катренка: 1. Із записок українського народолюбця (стр. 136—165).

Останній бій, оповіданє М. Дерлиці (стр. 166—174) Мінятюри: XVII Москаль, Я. Жарка (стр. 175—178). XVIII. Яблуко, Ів. Франчука (стр. 178—183).

З посмертних оповіданъ Мопонаса: I. Перший сніг (стр. 184—191). II. Мораль XVIII віка (стр. 191—195). III. Фермер (стр. 195—201).

Із оповідань Петки Тодорова: I. Батьківщина (стр. 202—209). II. На зарінку (стр. 209—212). Запропащенний надзвичайний поізд, оповіданє А. Конен-Дойля (стр. 213—227). Із драми „Торквемада" Віктора Гюго (стр. 228—236).

—

Нові материяли до біографіи Т. Г. Шевченка. Л. Яковлева (стр. 61—65). Пересказъ статьи I. А. въ «Русскомъ Богатствѣ» за февр. 1901 г. «Матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літетатурний нарис С. Томашівського. (Конець буде) (стр. 66—98). Критическій разборъ поэмы Кулиша подъ даннымъ заглавіемъ.

Чому Олекса Стороженко покинув писати по українськи. А. Кримського (стр. 99—102). Авторъ, на основаніи недавно опубликованныхъ М. Комаремъ писемъ Стороженка (Въ Кіевск. Старинѣ, 1899 года), указываетъ на нѣкоторыя субъективныя черты характера Стороженка, которыя побудили его перестать писать по-украински.

Українські оповідання Ол. Стороженка (стр. 103—112). Переводъ рецензіи на „оповидання" Стороженка въ „Современникѣ" 1863 года.

Іван Бойко, племінник Т. Шевченка, Сергія Шелухина (стр. 113—116). Воспоминанія автора о племянникѣ Шевченка, бывшемъ его учителѣ въ дѣтствѣ.

Хроніка і бібліографія (стр. 21—36). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины Руси.

—

Ateneum, № 5.

St. Piotrowsky. Wspólna własność ziemska (стр. 310—342). Попутно приведены статистическія данныя о процентномъ отношеніи крестьянъ-землевладѣльцевъ къ неземлевладѣльцамъ, обладающихъ инвентаремъ—къ неимѣющимъ таковаго въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской, Воронежской, Полтавской, Курской (стр. 315); о средней продуктивности крестьянской земли сравнительно съ помѣщичьей—въ губ. Кіевской, Самарской (стр. 318); наконецъ, о земледѣльческихъ артеляхъ Н. Левитскаго (стр. 329—331).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4.

Въ № 4, въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщенъ «критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. *Т. Флоринскаго* (стр. 1—45). Въ этомъ обзорѣ г. Флоринскій, говоря объ изданіи акад. *Ягича* «Archiv für slavische philologie». Bd. XXII (H. 1—4), останавливается на изданіяхъ «товариства имени Шевченка», которымъ въ «Архивѣ» посвящена статья А. Брикнера, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшагося о широкомъ развитіи дѣятельности этого «Товариства». Какъ и слѣдовало ожидать, г. Флоринскій и тутъ остался вѣренъ тому своему далеко не академическому тону, которымъ онъ не разъ уже говорилъ по этому вопросу.

—

Wisła, № 2

Sikorsky Narcyz. O nazwach rodowych ludu Tarnowskiego z Tarnowa (стр. 243—247). Родовыя прозвища въ Тарновскомъ уѣздѣ, ихъ распредѣленіе (гнѣзда), топографія названій этимологически родственныхъ, древность родовыхъ названій, лингвистичныя формы родовыхъ названій.

Въ отдѣлѣ *«Drobiazgi»* (стр. 251)—«Dla czego deszcz pada?—Легенда, записанная въ Заславскомъ уѣздѣ, Волынск. губ.

На стр. 241 фотографическій снимокъ «Нищіе въ Габровѣ въ день заговѣнъ» въ Ново-Александрійскомъ у., Херс. губ.

—

Міръ Божій, № 5.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена маленькая рецензія о книгѣ *В. П. Краних фельда* «Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья» (стр. 88).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4.

А. Бѣлородскій. Кіевскій митрополитъ Іеровей Малицкій (1796—1799) (Продолженіе) (стр. 491—530). Глава II. Опредѣленіе на священно- и церковно-служительскія мѣста.—Іерофей Малицкій окончательно парализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ-либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальнаго управленія, а также уничтожилъ наслѣдственность священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Къ статьѣ авторъ приложилъ цѣнную статистическую таблицу—числа прихожанъ, церквей и церковно-служителей въ Кіевской епархіи въ 1797—1799 годы.

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 4 (за 1900) и № 1 (1901).

№ 4.

Потанинъ Г. Н. Отголоски сказки объ Еруслан ѣ (окончаніе) (стр. 1—34). Попутныя ссылки на различные малорусскіе этнографич. сборники, гдѣ встрѣчается мотивъ объ Еруслан ѣ.

Александръ Шарко. Малороссійское жилище (съ 8 табл. рисунковъ (стр. 119—131). Авторъ въ первой главѣ своей статьи занялся описаніемъ современнаго малороссійскаго жилища—перечисляетъ жилыя помѣщенія и всѣ хозяйственныя постройки, разсказываетъ объ ихъ устройствѣ и назначеніи. Во второй—останавливается спеціально на описаніи внутренняго устройства хатъ, давая подробный и точный планъ хаты и отдѣльныхъ частей ея.

Въ отдѣлѣ «Вопросы и Отвѣты» (стр. 145—146) помѣщены два народные разсказа изъ сл. Преображенской и Тарасовки, Купянскаго у. о выбрасываніи стариковъ и старухъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 147—151) даны отзывы о книгахъ: В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Ч. 1 и 2.

№ 1.

В. А. Мошковъ. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. V. Свадьба. (Окончаніе) (стр. 98—160). Особенно цѣнны примѣчанія (стр. 131—160), гдѣ приводится много интересныхъ этнографич. данныхъ, пріуроченныхъ къ обряду «весилля». Значительная доля примѣчаній посвящена особенностямъ малороссійскаго «весилля».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Какъ сообщаетъ «Літерат.-Науковий Вістникъ» (кн. V), въ настоящее время дозволены цензурою: «Повисти Шевченка» (на укр. языкѣ), „Люборадськи" Свидницкаго одинъ томъ «Твори Руданського», какъ первые томы предполагаемой „Украинской библіотеки". Самое названіе «Украинская библіотека» недозволено. Приготовляются къ печати произведенія Мирнаго, Марка Вовчка, Бордуляка, Коцюбинскаго, Чайченка, Днипровои Чайки, Левенка, 4-й и 5 томы сочиненій Кониссв каго, 4-ый томъ «Повистей и Оповидань» И. С. Левицкаго [1]) и второе изданіе перваго тома «Викъ» совершенно вышедшаго уже изъ продажи.

Петербургское ,,Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ" предполагаетъ въ непродолжительномъ времени издать брошюру доктора Ваганова: „Про сухоты на худоби", Выноградъ Е. Чикаленка, «Оповидання про Богдана Хмельныцького" Комаря и «Выговщына» Кулиша.

Недозволены цензурой: Бондаренко «Пидземни сылы» (про вулканы), «Оповидання про малыхъ звирывъ» Билоусенка, ,,Прыгода трёхъ свынокъ», Рыльскый «Розмова про сильськи выпасы» и два сборника народныхъ сказокъ „Зъ народного поля".

«Ученымъ Комитетомъ Министр. Нар. Просв.» рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній книга *Виталія Эйн-*

---

[1]) 3-ій томъ («Прычепа» и „Навижена") въ настоящее время печатается въ Кіевѣ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

горна. «Очерки изъ Исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Спб. XIV+1104. Цѣна 5 р.». Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки—книга «Пѣсни и думы Кобзаря". Т. Г. Шевченка.. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к. («Журн. М. Нар. Просв.. кн. V).

Въ № 914 газ. «Югъ» г. Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ отвѣтъ («Справедливо ли?») на статью нѣкоего В. Б. въ «Волыни» подъ заглавіемъ «Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа». Въ своемъ отвѣтѣ авторъ справедливо защищаетъ Петербургское Общество отъ нападковъ В. Б., упрекающаго послѣднее въ томъ, что оно инертно проявляетъ свою дѣятельность, что постановка издательскаго дѣла тамъ плоха; въ частности же, Обществу поставленъ упрекъ (по поводу брошюры «Оповидання про Антона «Головатого», и за то, что оно «не стремится издать полную исторію малорускаго народа въ послѣдовательномъ порякѣ, а ограничивается выхватываніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ нея, обрисовывая мало замѣченныхъ въ исторіи лицъ», и рекомендуетъ между прочимъ, поучиться издательскому дѣлу у нѣмцевъ?

Авторъ отвѣта приходитъ въ недоумѣніе: что собственно руководило авторомъ статьи въ «Волыни»: незнаніе-ли условій, при которыхъ приходится работать петербургскому просвѣтительному обществу, незнаніе-ли условій, при которыхъ находится до сихъ поръ вообще малорусское слово, или же просто что-нибудь иное?

В. Б. рекомендуетъ петербургскому Обществу издать полную исторію малорусскаго народа въ послѣдовательномъ ея развитіи и читаетъ почтенному обществу нотацію за то, что оно не сдѣлало этого за 2 года и 4 мѣсяца своего существованія... Удивительно! Если бы такое предложеніе было сдѣлано человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ даннымъ вопросомъ, то еще куда-бы ни шло, но если это дѣлаетъ человѣкъ, который въ то-же время ведетъ рѣчь и о томъ, что ни одна изъ изданныхъ петербургскимъ просвѣтительнымъ обществомъ брошюръ не имѣетъ доступа въ народныя читальни и школьныя библіотеки, слѣдовательно, человѣкъ, знакомый съ «независящими обстоятельствами», то это болѣе чѣмъ странно... Намъ кажется, что лицу,

знакомому съ даннымъ вопросомъ, слѣдовало-бы не взводить напраслины на людей служащихъ безкорыстно общественному дѣлу первой важности, а указать пути, слѣдуя которымъ можно было-бы устранить тѣ преграды, что встрѣчаются петербургскому просвѣтительному Обществу въ изданіи не только полной исторіи народа на доступномъ для него языкѣ,— что за смѣлая мысль!—а даже Евангелія и прочихъ священныхъ книгъ, имѣющихся въ переводѣ на языкахъ самыхъ некультурныхъ народовъ. Если общество лишено возможности издать популярную брошюрку самаго невиннаго содержанія, какъ напр., о значеніи маяковъ и ихъ постройкѣ, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, то что говорить ужъ объ исторіи! И такъ, мы позволяемъ себѣ спросить уважаемаго читателя, справедливо-ли обвиненіе г. В. Б. на «украинофильствующихъ старцевъ и юнцевъ», какъ онъ позволяетъ себѣ крайне неделикатно выражаться въ своей статьѣ за то, что эти «старцы» и „юнцы„ вынуждены независящими отъ нихъ обстоятельствами вести дѣло такъ, а не иначе? «Справедливо-ли?»

—

Въ № 5 журн. „Журнала для всѣхъ" помѣщена весьма обстоятельная рецензія на сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи „Викъ (1798—1898)".

—

Въ № 903 газ. „Югъ» помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ «Оповидання про Антона Головатого» М. Комара. Изд. С.-Петерб. О—ва изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ (№ 7).

—

Въ № 102 газ. „Волынь» помѣщена обширная статья В. Кравченка „Трофимъ Зиньковскій"—по поводу исполняющагося десятилѣтія (10 іюня с. г.) со дня смерти этого талантливаго украинскаго писателя. Въ статьѣ приведена обстоятельная біографія, дана характеристика личности писателя и помѣщенъ списокъ произведеній его.

—

Въ № 4 и 5 журнала» X—Strahlen», издаваемаго Романомъ Сембратовичемъ въ Вѣнѣ, помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся Галиціи и ея культурной жизни. «Eine proletarier—Nation» Івана Франка, Deutsche Vermittlungsprache--von R. S. (между прочимъ и о государственномъ языкѣ въ Галиціи), Ivan Franko, ein literarisches Charakterbild—von Roman Sembratovicz, и друг.

—

Въ Прагѣ (чешской) вышла книга: „Taras H. Ševčenko. Výbor básni. Přebožila Růžena Jesenskà (Sbornik Akademie pro vedy, slovesnost a umĕni. Svazek 69). Nakladatelstvi.... Alois Wiesner knihtiskarna, стр. 186, in 8°. Цѣна 2 короны.

Книга содержитъ 28 переводовъ, между прочимъ: Тополя, До Основьяненка, Перебендя, Иванъ Пидкова, Тарасова ничъ, Катерына, Утоплена, Розрыта могыла и др. Какъ видно изъ предисловія, это лишь первый выпускъ; второй также въ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ. Что касается перевода, то несомнѣнно, переводчикъ хорошо знаетъ украинскій языкъ, благодаря чему всѣ его переводы не только хорошо исполнены, но и очень близки къ оригиналу. Для образца приведемъ отрывокъ одного изъ переводовъ:

«K čemu jsou mé brvy černé?
K čemu tmavè zraky?
K čemu mladá divči léta
Veselà jsou taky?
Moje divči mlada lèta
Marnĕ zapadajì,
Oči plàčou, černe brvy
Vĕtrem oprachají.
Jako ptàček bez svobody
Srdce samo vadna,
K čemu je mi kràsà moje?
Štĕstì nemàm žadnè!
Težko je mi sirotkovi
Na tom svĕtĕ žiti:
Lide moji jsou ják ciži,
S kym mám hovořiti?...

—

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 мая.

1) *Двисти тысячъ.* Комедія въ 4 діяхъ. С. М. Стеймацкого.

2) *Заглоба-старостою.* Жартъ въ 1 діи Сенкевича. Переклавъ Е. М. Бабецкій.

3) *Марни надіи.* Комедія на 5 дій. А. Ф. Володского.

(«Правит. Вѣстн.», № 100).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бажанськиӣ П. Руско-народна музыкальна опера. Львôвъ, 1900, 100+83, in 8⁰. Цина 3 короны.

Богородицкій В. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ села «Сушки» Золотоношск. у., Полтавск. губ. Стр. 1—11. (Оттискъ изъ «Учен. Зап. Имп. Каз. Университ».).

Драгоманов Михайло. Оповіданя про заздрих богів. Друге видане. Заходом і з переднім слівцем М. Павлика. У Львові, 1901. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 54, 16⁰. Ціна 25 сот.

Заревич Федір. Твори. Т. І. Хлопська дитина. Повість. Виданне «Укр.-Руськоі Видавнич. Спілки», ч. 30. Львів, 1901, стр. 150. Ц. 1.80 сот.

Карачевскій-Волкъ Н. Сорокъ лѣтъ назадъ, Изъ воспоминаній Мирового Посредника перваго призыва. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—16.

Кониськиӣ Олександер. Вибір з поем. З портретом. Видане «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 87. Львів, 1901. Ціна 30 сот., стр. VIII+33. (По житеписи Ол. Кониського, написаній М. Пачовським; подано 26 поезий).

Кулишъ П. О. Хмельнищына. Исторычне оповидання (з 6 малюнкамы). № 23. Кіевъ, 1901, стр. 1—116. Ц. 15 коп.

Кучальска Олена. Покарана лож. Комедийка въ 1 акті. Переклав О. Макарушка. Видане «Руского Педагогічного Товариства», Ч. 88. Львів, 1901, стр. 20. Ц. 20 сот.

Лучицкій И. Изъ недавняго прошлаго. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—25. Цѣна 20 коп.

Недостойный Иванъ, сынъ Николая. Пѣсни рекрутски, любовни и жартовлыви. Собраны въ гусятинскомъ повѣтѣ изъ устъ народа. Коломыя, 1900. Накладомъ М. Бѣлоуса, стр. 96, in 16, Цина 20 сот.

Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа на 1901 г. Часть I. Кіевская Губернія, Ч. II. Подольская губ., Ч. III. Волынская губ., Ч. IV. Черниговская губ., Ч. V. Полтавская губ. (XII+241+71, XII—140, XII+197, XII+253, XII+328). Изданіе управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1901.

Педагогіка. Чернівці, 1901, стр. 98+6, in 8°. Виданне «Руской Школы», ч. 7. Ц. 1 корона.

Святий рік. Жовква, 1901. Зладив еромонах Арсеній Ч. св. В. В. Ціна 25 сот. Содержитъ объясненія юбилея братства и соотвѣтствуюш. молитвы. (Составлена на чисто народ. языкѣ и, съ разрѣшенія митрополита, напечатана фонетическимъ правописаніемъ).

Толстой Л. Казки. Видане «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 86. Львів, 1901, стр. 43. Ц. 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана-дурака, Семена-лицаря, Тараса Череваня і німу сестру Маланю, про старого чортяку та трёх чортенят, 3) Богъ правду видить— та не скоро скаже.

Угро-Рускы Народны Спѣванки. Томъ I. Budapest, 1901, стр. 230. Ц. 2 рубля. Содержитъ около 900 пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ мараморошскихъ Русиновъ.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська казка. Видане «Укр.-Руськоі видавничоі Спілки,» ч. 31. Львів, 1901, стр. 137. Ц 1. 60 сот.

Шекспір Уіллім. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненіями Ів. Франка. Вид. «Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки», ч. 32. Львів, 1901, стр. XIV+180. Ц р. 80 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Доклады экономическому совѣту. № 3. Изд. эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полт. 1901, стр. 1—62 (прилож. къ журн. «Хуторянинъ»).

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав (з великоруськоі мови) Антін Крушельницький. Видане «Молодоі Украіни», ч. 2. Чернівці, 1901, стр. 77. Ціна 50 сот.

Яворницкій (Эварницкій). Наша доля— Божа воля. Повисть. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—164.

Яновська Л. На синожати. Жартъ въ 1 діи (зъ спивамы, танкамы). № 24. Кіевъ, 1901. Тип. П. Барскаго, стр. 1—32. ц. 3 к.

Яновська Л. Повернувся изъ Сибиру. Драма на 5 дій. Кіевъ, 1901, стр. 1—92. Цѣна 10 коп.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія предварительнаго комитета. 1-го мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что, согласно постановленію комитета, 1) посланы обращенія ко всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и коммиссіямъ по подготовкѣ XII археологическаго съѣзда—съ просьбой собирать для выставокъ предметы, вести имъ списокъ, каковой сообщить въ свое время комитету для должнаго выбора предметовъ и приготовленія соотвѣтствующихъ для нихъ помѣщеній, 2) послано обращеніе въ Императорскую археологическую коммиссію съ ходатайствомъ о предоставсеніи комитету для археологической выставки при съѣздѣ вещественныхъ памятниковъ, добытыхъ въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, области войска Донского и Кубанскаго края; 3) напечатано въ газетахъ обращеніе къ о.о. священникамъ и г.г. учителямъ Харьковской губ. о присылкѣ отвѣтовъ на программы комитета къ началу каникулъ, или же послѣ, но не позже 15 сентября 1901 года, равно увѣдомленіе о пріемѣ комитетомъ уже въ настоящее время предметовъ для выставокъ; 4) послано обращеніе въ Императорское московское археологическое Общество съ просьбою о предоставленіи комитету денежныхъ средствъ для различныхъ экскурсій предстоящимъ лѣтомъ; 5) послано обращеніе къ г. харьковскому губернатору съ просьбой о соотвѣтствующемъ распоряженіи всѣмъ г.г. уѣзд-

нымъ исправникамъ, земскимъ начальникамъ, волостнымъ правленіямъ, о принятіи ими пакетовъ и посылокъ отъ о.о. священниковъ и г.г. учителей и другихъ лицъ для безплатной пересылки комитету.

Далѣе доложено, что комитетомъ уже полученъ отвѣтъ на его обращенія: 1) Императорская археологическая коммиссія, при присылкѣ открытыхъ листовъ на право производства раскопокъ членами комитета, сообщаетъ, что „сочтетъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности. доставить въ комитетъ древніе предметы, найденные въ губерніяхъ, входящихъ въ раіонъ дѣятельности предстоящаго XII археологическаго съѣзда"; 2) харьковская губернская земская управа прислала открытые листы на право свободнаго пользованія г.г. экскурсантами почтовыми земскими лошадьми; 3) Общество любителей изученія Кубанской области сообщило отчетъ о произведенныхъ имъ въ 1900 г. и предположенныхъ въ 1901 г. работахъ; имъ, кромѣ изученія архивовъ, церковныхъ запорожскихъ древностей и др., предположено производство раскопокъ кургановъ близь станицъ Нефтяной, Апшеронской, Таманской, если только Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ будутъ отпущены на это необходимыя денежныя средства; 4) таврическій губернаторъ сообщилъ, что г.г. земскіе начальники губерніи будутъ присылать комитету непосредственно свѣдѣнія и предметы въ виду археологическаго съѣзда и выставокъ при немъ; 5) проф. Всев. Миллеръ предложилъ комитету пріобрѣсти графофонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для спеціальной съ этой цѣлью экскурсіи.

Постановлено указанныя учрежденія благодарить,—отъ спеціальной-же экскурсіи для записи малороссійскихъ пѣсенъ—отказаться—въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи—то, что имъ будетъ возможно.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что предварительный комитетъ при Императорскомъ московскомъ археологическомъ Обществѣ одобрилъ проектъ харьковскаго комитета по устройству этнографическихъ экскурсій, и, кромѣ того, ассигновалъ средства на раскопки, изученіе архивовъ и церковныхъ древностей,

равно историко-филологическому Обществу при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ проектъ организаціи выставокъ при археологическомъ съѣздѣ; предполагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей.

П. Ефименко сообщилъ о могильникѣ возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи $1^{1}/_{2}$—2 верстъ: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находятъ здѣсь скелеты лошадей, принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и др.

Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ, первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Гордѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями.

Доложено о предоставленіи комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: Лѣсная Лубенщина, къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ, Снѣтинская старина, и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.“

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ отвѣтовъ на программы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый матеріалъ по этнографіи; учителя Д. Калиеинъ (Радьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище, Изюмскаго уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ.

Проф. М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ „Краснопольянскій „голубецъ“, какъ памятникъ побѣды, одержанный курянами надъ татарами въ 1628 году“, и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекцій А. Томилиной (Курской губ.): медали, монеты, кресты, топоры, документы и др., и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ изслѣдованіями архивныхъ матеріаловъ—г.г. Катаева и Татищева.

Постановлено—просить историко-филологическое Общество о напечатаніи этихъ изслѣдованій въ выпускаемомъ имъ къ археологическому съѣзду спеціальномъ томѣ своего „Сборника".

Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Поступили: отъ свящ. сл. Новоселки—„агнецъ"—деревянная статуя, отъ г. Борисова (Богодуховск. уѣзда)—писанки; отъ свящ. Шостенко—писанки; отъ проф. Н. Ѳ. Сумцова—рисунокъ сволока въ его домѣ въ слоб. Боромлѣ, 1776 г.; отъ г-жи Орловской и проф. Л. В. Рейнгарда—фотографіи; отъ г.г. А. П. Коваленскаго и Е. К. и П. А. Зарвовскихъ, и В. И. Турбиной—различные памятники изъ семейнаго архива; отъ свящ. Грекова—евангеліе 1677 года, серебряный крестъ 1788 года; отъ свящ. Петровскаго—фотографіи съ памятниковъ церкви слоб. Юнаковки; отъ свящ. Будянскаго—требникъ Петра Могилы, кипарисный крестъ XVIII в.; отъ свящ. П. Шишлова—церковныя пѣсни—рукопись XVIII в.; евангеліе 1791 г.; отъ учительницы Софіевской (Борки): писанки, кафли, монеты, и др.; отъ свящ. В. Покровскаго—требникъ П. Могилы; отъ г. Чешко—картина „Марія Магдалина"; отъ свящ. слоб. Хатней, Волчанск. уѣзда, икона на холстѣ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы на орлѣ; Новый Завѣтъ—XVIII вѣка, требникъ; отъ проф. В. П. Бузескула икона „Благое молчаніе"; отъ кондрашовскаго и курешовскаго училищъ Купянскаго уѣзда: кресты, монеты; отъ гусаровскаго и селиновскаго училищъ Изюмскаго уѣзда—очипокъ, медали, кресты, иконы, монеты; отъ учит. Будянской (Староб. уѣзда): монеты, два кинжала, кремень; отъ свящ. Чебанова—Библія 1751 г., картина—дѣвушка съ голубкомъ, XVIII в., серебряныя и мѣдныя монеты; отъ учит. Горбачевскаго (Богодух. уѣзда)—различные этнографическіе предметы; отъ свящ. Ведринскаго (Волчанскаго уѣзда)—чаша, дарохранильница, дискосъ, четвероев. 1711 г., четыре желѣзныхъ брачныхъ вѣнца; отъ свящ. Хорошкова: желѣзные вѣнцы, оловяныя чаша и дарохранильница XVIII вѣка; отъ священника Венгеровскаго: тріодіонъ Лазаря Барановича, литургиконъ 1653 г.; отъ г-жи Лосевой и Н. А. Кирьяковой—фамильные документы; отъ свящ. с. Бѣловцы, Сумскаго уѣзда—псалтирь 1732 г., Новый Завѣтъ;

отъ свящ. Лисенко—оловяная чаша и блюдца; отъ свящ. Антонова—кипарисный крестъ XVIII в. и двѣ иконы; отъ свящ. Василевскаго—картина „Харько—основатель Харькова"; отъ г. Бреславца—мѣдный кинжалъ; отъ г. Милорадовича—тѣневыя фигуры на картонѣ; отъ г-жи Павловой—урна; отъ Власова (Печащанское, Леб. уѣз.)—копья, планъ городищъ, фотографіи; отъ свящ. Зубарева—крестъ съ финифтью XVIII в., новая скрижаль 1803 г., монеты; отъ свящ. Грекова—окладъ Б. М. Руденской; отъ священ. П. Яновскаго: картонные вѣнцы, четыре кипарисныхъ креста, воздухи, четвероевангеліе 1685 г.; отъ г-жи Томилиной—писанки, одѣяло крестьянской работы, лѣсенка для сушки писанокъ; отъ свящ. Т. Павлова: клыкъ мамонта, желѣзный треножникъ, стремена, удила; отъ свящ. Москалева—Минея 1711 г.; отъ г. Шишко—фотографія; отъ В. О. Щербининой—вещи изъ Донецкаго городища: точило, пряслицы, монеты; отъ В. И. Срезневскаго—множество предметовъ священническаго облаченія, церковной оловяной утвари (изъ собранія покойнаго академика И. И. Срезневскаго).

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и доставившимъ различныя свѣдѣнія.

—

15 мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ познакомилъ съ общимъ количествомъ отвѣтовъ, полученныхъ комитетомъ на его программы отъ о.о. священниковъ Харьковской епархіи и народныхъ учителей Харьковской г. Отвѣты эти получены еще далеко не изъ всѣхъ мѣстъ уѣздовъ губерніи; но комитетъ надѣется, что къ 15 сентября ему будетъ доставленъ уже весь матеріалъ. Полученный матеріалъ разбитъ по отдѣламъ и его (равно и тотъ, что еще поступитъ) рѣшено разработать и издать къ археологическому съѣзду.

Далѣе доложено о поступившихъ свѣдѣніяхъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губ., г.г. дворянахъ и землевладѣльцахъ, имѣющихъ фамильные документы, портреты и коллекціи древностей, памятниковъ искусства. Рѣшено обратиться ко всѣмъ имъ съ покорнѣйшей просьбой о доставленіи предметовъ ихъ коллекцій для выставокъ при съѣздѣ. Комитетъ пользуется

случаемъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, у кого имѣются какіе-либо памятники старины, искусства,—доставить ихъ ему для выставокъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что, согласно принятому комитетомъ проекту организаціи выставокъ,—въ видахъ обезпеченія послѣднихъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ—уже посланы обращенія къ столичнымъ и провинціальнымъ древнехранилищамъ, ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—съ покорнѣйшей просьбой о предоставленіи комитету для выставокъ имѣющагося у нихъ матеріала, какъ весьма важнаго и полезнаго для изученія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ раіона, подлежащаго изученію XII археологическаго съѣзда: церковно-археологичаскому музею при кіевской духовной академіи, музею Б. И. Ханенко, кіевскому музею древностей при университетѣ св. Владиміра, музею І. А. Хайновскаго, новочеркасскому музею древностей, кубанскому статистическому комитету, музею г-жи Поль, музею г-жи Е. Н. Скаржинской, одесскому Обществу исторіи и древностей, музею В. В. Тарновскаго (черниговская земская управа), музею полтавскаго земства, московскому главному архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Румянцевскому музею, московскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, московскому архиву Министерства Юстиціи, московскому отдѣленію архива главнаго штаба, историческому музею, музею П. В. Щукина, музею П. Л. Шабельской, Императорской публичной библіотекѣ, военно- учебному архиву главнаго штаба, Императорской академіи художествъ, архиву Святѣйшаго Правительствующаго Синода, с.-петербургскому артиллерійскому музею, Императорской академіи наукъ.

Кромѣ того, рѣшено обратиться съ просьбой къ архіереямъ всѣхъ епархій, входящихъ въ раіонъ дѣятельноси съѣзда, чтобы ими было дано благословеніе и указъ на присылку о.о. священниками памятниковъ церковной старины для церковно-археологической выставки при съѣздѣ.

Рѣшено также обратиться къ Императорскому московскому археологическому Обществу съ просьбой оказать помощь и содѣйствіе по устройству выставокъ при съѣздѣ.

Прочитано письмо Н. А. Федоровскаго по поводу изслѣдованія стоянокъ каменнаго періода въ Изюмскомъ уѣздѣ (с. Райгородокъ). Рѣшено просить мѣстныхъ изслѣдователей принять участіе въ изученіи этихъ стоянокъ.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета.

Прочитано письмо, въ которомъ сообщается, что въ Старомъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, производятся хищническія раскопки, причемъ старинныя серебрянныя монеты и другіе цѣнные предметы перепродаются золотарямъ, а малоцѣнные—уничтожаются.

Рѣшено просить администрацію—запретить хищническія раскопки.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей: отъ проф. М. М. Ковалевскаго (Двурѣчный Кутъ)—коллекція древнихъ памятниковъ изъ Сванетіи, оружія, металлическихъ сосудовъ и друг.; изъ ц. Воскресенія, сл. Ольшанъ—требникъ П. Могилы, Дѣянія свв. апостолъ 1709 г., деревянный крестъ XVIII в.; отъ свящ. Шебатинскаго (Бильбасовка)—иконы Христа Спаса и св. Николая XVIII в. и мѣдный подсвѣчникъ съ армянской надписью; отъ свящ. Линицкаго (сл. Боровая)—Евангеліе 1760 года и Типиконъ 1766 г.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарнокть всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ и г-жѣ Риттеръ за ея содѣйствіе въ полученіи древностей изъ Двурѣчнаго Кута.

Въ члены комитета избраны г.г. Татищевъ и Катаевъ.

Е. Р.

—

Дѣятельность Комиссіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ въ предѣлахъ Черниговской губ. къ XII-му археолог. съѣзду (за время съ 12 октября 1900 по 1 марта 1901 г.). Въ №№ 2484—2489 „Черниговскихъ Губерпск. Вѣдомостей" напечатанъ докладъ предсѣдателя Комиссіи проф. А. Добіаша по данному вопросу. Дѣятельность Комиссіи выразилась въ разсылкѣ программъ, въ разсмотрѣніи печатныхъ изданій и ру-

кописей, присылаемыхъ въ Комиссію (изъ послѣднихъ отмѣтимъ сборникъ южно-русской скорописи XVII в. со статьями духовнаго содержанія) и въ докладахъ членовъ Комиссіи и лицъ, къ которымъ она обращалась, по различнымъ предметамъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ докладъ проф. Бережкова объ атласѣ малороссійскихъ картъ и плановъ, XVIII в., хранящемся въ Черниговской гимназіи и сообщенія Н. Д. Кармазина о преданіяхъ, связанныхъ съ урочищемъ „Кручей" въ Миргородѣ и народнаго учителя С. А. Гатцука, собравшаго интересныя данныя о древностяхъ и бытѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Мглинскаго у. С. А. Гатцукомъ присланы также и предметы старины, вообще послѣднимъ выказано много энергіи въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній. Въ заключеніе въ докладѣ приводятся нѣкоторыя предложенія членовъ Комиссіи: М. И. Лилеевъ предлагаетъ устроить при Обществѣ самостоятельную выставку изъ присылаемыхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы уже изъ нея выдѣлить для Харькова то, что найдетъ нужнымъ Харьковскій предварительный комитетъ; В. К. Пискорскій предлагаетъ собирать, кромѣ рукописнаго и старопечатнаго, также и новопечатный матеріалъ, относящійся къ Черниговщинѣ въ предѣлахъ программы съѣзда; А. Н. Малинка внесъ предложеніе о составленіи для Черниговской губ. фотографическаго альбома по этнографіи; за составленіе альбома и пояснительнаго къ нему текста берется самъ А. Н. Малинка.

Ученыя общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи въ 1900 году. Къ концу отчетнаго года, судя по „Отчету", въ Обществѣ состояло 20 почетныхъ членовъ, 119 дѣйствительныхъ и 38 членовъ-корресподентовъ, всего 178 лицъ. Въ теченіе года было 9 засѣданій Общества, на которыхъ доложено 9 рефератовъ, но изъ послѣднихъ лишь 3 касались церковно-археологическихъ вопросовъ, а изъ этихъ трехъ къ южно-русской старинѣ имѣлъ отношеніе только одинъ—А. П. Булгакова—О серебряномъ чеканномъ блюдѣ Аугсбургскаго ма-

стера Грилля, половины XVII в., изъ Каменецъ-Подольскаго каѳедральнаго собора. Преобладали-же рефераты на темы философско-историческія и церковно-историческія. Это послѣднее обстоятельство вызвало предложеніе предсѣдателя Общества о расширеніи въ уставѣ научныхъ задачъ Общества. Другія занятія членовъ Общества состояли въ образованіи нѣсколькихъ коммиссій: для провѣрки наличности музея, для описанія архива Кіевской духовной консисторіи, для осмотровъ церквей.

Въ 1900 г. въ Церковно-Археологическій Музей Общества поступило: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, утвари и т. п.—51, медалей, жетоновъ, монетъ—63, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—23, актовъ, грамотъ, писемъ—4, рукописей—6, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій—8, періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—91, всего—247. Если изъ этого, въ общемъ небольшого, числа отбросить много предметовъ, имѣющихъ очень и очень незначительный научный интересъ, то поступленія предметовъ старины сведутся всего къ нѣсколькимъ десяткамъ. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующіе: архитектурные остатки изъ урочища „Церковщина", бронзовый складной энколпіонъ, найденный въ усадьбѣ Кіевскаго Реальнаго Училища, свинцовую вислую печать съ именемъ Андрея, найденную въ одной изъ усадьбъ по Софійской ул. въ Кіевѣ,—все это предметы княжеской эпохи. Изъ позднѣйшей южно-русской старины поступили: рѣзныя фигуры архангела Михаила изъ г. Ольвіополя, Херсонск. г. и изъ с. Мироновки, Каневскаго у., рѣзной ставникъ изъ м. Триполья, Кіевск. у., иконы Спасителя и Богородицы изъ иконостаса, устроеннаго митр. Тимофеемъ Щербацкимъ въ с. Веремьѣ, Кіевск. у., шитые шелками подризники и поручи изъ той-же церкви, бархатныя фелонь и епитрахиль XVII в. съ шитыми золотомъ и серебромъ священными изображеніями изъ Кіевской Срѣтенской церкви, гравировальная мѣдная доска кіевскаго гравера Иларіона Мигуры, начала XVIII в. Какъ и въ прежніе годы, поступленія изъ провинціи, изъ уѣздныхъ и сельскихъ церквей, единичны; между тѣмъ тамъ идетъ своей дорогой уничтоженіе предметовъ церковной старины. Неужели такъ трудно Церковно-Археологическому Обществу организовать по-

ѣздки по провинціи съ цѣлью регистраціи и доставленія въ Музей предметовъ? Хорошо было-бы Обществу взять примѣръ хотя-бы съ подобнаго-же Волынскаго Общества, поставленнаго въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ Кіевское. Поѣздки тамъ совершаются ежегодно и, благодаря имъ, пополняется древлехранилище и сохраняются отъ гибели цѣнные образчики иконописи, утвари и т. п.

10-го мая въ засѣданіи *Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, былъ доложенъ запросъ предсѣдателя Имп. Московскаго Археологическаго Общества о предполагаемыхъ на текущее лѣто экскурсіяхъ. Изъявили согласіе совершить экскурсіи: *И. М. Каманинъ*—въ Кіевскій, Радомысльскій, Чигиринскій и Таращанскій уу., *В. И. Щербина*—въ Кіевскую губ., *Н. Ф. Бѣляшевскій*—въ Кіевскую и отчасти Черниговскую губ., *А. М. Лазаревскій*—въ г. Прилуки, *В. Г. Ляскоронскій*—въ Пирятинскій, Лубенскій, Роменскій и Лохвицкій уу., причемъ В. Г. Ляскоронскимъ свѣдѣнія о памятникахъ украинской старины будутъ собираться лишь попутно, при случаѣ, такъ какъ главная цѣль экскурсіи чисто археологическая; наконецъ, о. *Е. Сѣцинскій*—въ тѣ мѣста Подольской губ., которыя не были еще охвачены экскурсіей прошлаго года. Къ сожалѣнію, Волынская губ., гдѣ въ прошломъ году производились съ такимъ успѣхомъ обслѣдованія, останется безъ экскурсіи, т. к. знатокъ волынской церковной старины, О. А. Фотинскій, совершавшій поѣздки по Волыни въ прошлое лѣто, на этотъ разъ не можетъ продолжать изслѣдованій.

Въ этомъ-же засѣданіи доложено отношеніе Полтавской Консисторіи по поводу ремонта церкви Спаса Нерукотворнаго Образа въ Полтавѣ, построенной въ 1705 г., и покрытой, въ видахъ сохраненія, наружнымъ чехломъ въ 1845 г. Церковь дала трещины и осадку, потускнѣлъ иконостасъ и образа; и вслѣдствіе этого ремонтъ ея необходимъ. Комиссія постановила, давъ письменно указанія относительно реставраціи иконостаса и иконъ, просить члена Комиссіи О. И. Левицкаго отправиться въ Полтаву для осмотра церкви на мѣстѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Осмотръ церкви въ с. Глубочкѣ, Уманскаго у., Кіевск. губ. Къ предстоящимъ экскурсіямъ членовъ Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины отъ учителей и священниковъ поступаютъ разосланные Комиссіей вопросны листы съ отвѣтами. Поступаютъ они довольно вяло и отвѣты на вопросы очень лаконичны. Но нѣкоторыя указанія они все-таки даютъ—и за это спасибо. Нѣсколько разъ мы уже поднимали вопросъ о регистраціи всѣхъ вообще памятниковъ старины, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, церковной. На практикѣ, конечно, трудно скоро ожидать выполненія такой работы, такъ какъ повсюду приходится натыкаться на поразительную косность въ этомъ отношеніи какъ со стороны духовенства, такъ, къ большому сожалѣнію, даже и со стороны *ученыхъ* учрежденій, въ задачи которыхъ входитъ изученіе церковной старины. Между тѣмъ, хотя въ видѣ остатковъ, но все-таки церковная старина кое-гдѣ еще сохранилась. Примѣромъ можетъ служить перечень различныхъ предметовъ церкви захолустнаго села Глубочка, обнаруженныхъ В. Н. Доманицкимъ при осмотрѣ церкви въ апрѣлѣ настоящаго года. Церковь деревянная, построенная Нарышкинымъ въ 1764, сохранилась еще въ неприкосновенномъ видѣ. Сохранился и иконостасъ съ выдающимися рѣзными колонками. Возлѣ церкви стоитъ очень любопытная колокольня—каплица, оригинальной, рѣдкой теперь уже формы, въ видѣ усѣченной пирамиды, внутри которой подвѣшены колокола. Въ церкви нѣкоторыя иконы, между прочимъ и стѣнныя, относятся ко времени построенія; изъ болѣе позднихъ (1832 г.) здѣсь имѣется бывшая въ большомъ распротраненіи на Украинѣ икона, изображающая отрока Христа, лежащимъ на „перынѣ", съ крестомъ между тѣломъ и собственно „перыной"; надпись на иконѣ слѣдующая: „Смутный одръ, дивна перина, на которой спитъ сія Богъ-Дытина. Но что реку? Буде спати, за насъ издѣтска учытся страдати". Въ алтарѣ, на престолѣ—прекрасной работы старинная дарохранительница и два евангелія, 1774 и 1785 г. (московской печати), въ настоящее время не употребляемыя, съ записями жертвователей. Ризница въ нѣкоторой части также

восходитъ къ къ концу XVIII и началу XIX ст.; здѣсь есть старинныя парчевыя ризы, шелковые платы, съ шитыми шелками чудными узорами, шитые поручи и т. д. Каждую изъ принадлежностей церковнаго облаченія легко хронологически установить и провѣрить по хранящейся въ церкви описи церковныхъ вещей 1802 г.; очень многія изъ облаченій помѣчены въ этой описи, какъ уже вышедшія изъ употребленія. Въ церковномъ архивѣ, ведущемъ свое начало съ послѣдней четверти XVIII ст., хранится, между прочимъ, небольшая рукописная тетрадка, сильно попорченная, озаглавленная такъ: „Субботныкъ или помяновеніе душъ отъ вѣка усопшихъ и здѣ упысанныхъ. Списанный до храму Воздвиженія честнаго креста веси Глѣбочка священно іерею Іліи Плѣніецкому презвытеру тоей-же церкви. Року Божія ҂афпа мца августа дня кг.“ Какъ заголовокъ, такъ и весь „Субботныкъ“ писаны четкимъ полууставомъ; заглавныя буквы и отдѣльныя слова, имѣющія болѣе важное значеніе, расписаны киноварью, кромѣ того, заголовокъ окруженъ красивой рамкой, въ видѣ арки, украшенной растительнымъ орнаментомъ. Упомянутый „презвытеръ“ Плѣнецкій рукоположенъ во священники въ 1781 г. и тогда-же соорудилъ этотъ „Субботныкъ“, куда вписалъ всѣхъ своихъ сродниковъ. Послѣдующіе священники Глубочка дѣлали также записи, какъ родныхъ, такъ и другихъ прихожанъ, „помощи требующихъ“. На оборотѣ заглавнаго листа той-же рукой помѣщено слѣдующее интересное шестистишіе:

„Попитать паперу нового,
Чи здобный будетъ до дѣла такого:
Щось маемъ за умершыхъ писать,
Бо треба ся и собѣ тамъ сподѣвать,
Же смерть ни вночи ни въ день не замедлитъ
Якъ о старомъ, такъ о молодомъ мислыть“.

Намъ кажется, что такихъ церквей, какъ въ с. Глубочкѣ, найдется еще у насъ не мало, слѣдуетъ только обратить на нихъ вниманіе.

Случайныя находки.

Находки въ г. Кіевѣ. Въ началѣ и весной текущаго года на территоріи Кіева сдѣланы слѣдующія находки:

1. На Нижней Юрковицѣ, въ усадьбѣ Петровой, при копаніи горы, открыта пещера, осмотръ которой не обнаружилъ никакихъ предметовъ древности. Пещеры въ лёссѣ не представляютъ особой рѣдкости въ раіонѣ Кирилловской улицы или, правильнѣе, нагорной ея стороны,—ихъ имѣется здѣсь значительное количество. Начало пещеръ, какъ впервые показали изслѣдованія проф. В. Б. Антоновича, относится къ каменному вѣку, и, несомнѣнно, продолженіе изслѣдованій этихъ пещеръ дало бы цѣнные результаты; но бѣда въ томъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣкій генералъ Баггоутъ производилъ здѣсь обширныя раскопки съ цѣлью найти будто-бы схороненный тутъ Мазепой громадный кладъ. Баггоутомъ, а послѣ его смерти и его женой, была испорчена масса пещеръ, такъ какъ на встрѣчавшіеся при кладоискательскихъ раскопкахъ различные остатки древней культуры не обращалось никакого вниманія. Очень возможно, что и пещера въ усадьбѣ Петровой была уже раньше раскопана кѣмъ-ниб. изъ Баггоутовъ.

2. Въ Александровскомъ паркѣ, благодаря провалу въ одномъ мѣстѣ земли, открытъ подземный ходъ, также не давшій никакихъ находокъ. Такого рода ходы, служившіе скорѣе всего для военныхъ цѣлей и относящіеся къ неособенно давнему времени, были открываемы уже и раньше на Печерскѣ и вблизи его.

3. На Трехсвятительской улицѣ, при выемкѣ земли подъ фундаменты строющихся противъ Трехсвятительской церкви домовъ, можно было наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ слоевъ, показывающихъ, что мѣстность эта была населена съ глубокой древности,—это и не удивительно, такъ какъ этотъ пунктъ входилъ въ черту древнѣйшаго кіевскаго „дѣтинца". Не смотря однако на обиліе „культурныхъ" слоевъ, находокъ, на этотъ разъ, встрѣтилось немного. Почти всѣ онѣ относятся къ княжескому періоду, именно: сосудикъ изъ листовой мѣди, въ формѣ котелка, части изломаннаго мѣднаго подсвѣчника, часть

глинянаго свѣтильника. Былъ найденъ также желѣзный предметъ, напоминающій мечъ, но рабочіе сбыли его какому-то офицеру, и точно сказать, что это было, теперь нельзя.

—

На „Княжей Горѣ“ всю весну продолжались раскопки крестьянъ с. Пекарей. Но, повидимому, почва городища начинаетъ уже истощаться—до послѣдняго времени цѣнныхъ находокъ не встрѣчалось. Лишь на дняхъ, у подошвы горы, на самомъ берегу Днѣпра, крестьянамъ снова удалось добыть интересные предметы, свалившіеся по всей вѣроятности вмѣстѣ съ землей съ вершины горы, гдѣ расположено городище. Вообще нужно замѣтить, что несомнѣнно Днѣпръ поглотилъ въ свои нѣдра не малое число древностей, такъ какъ городище вотъ уже въ теченіе нѣскольких десятковъ лѣтъ постепенно обрушивается и сползаетъ въ рѣку. На этотъ разъ, въ прибрежномъ пескѣ, кромѣ нѣсколькихъ крестовъ, серебряныхъ сережекъ и др. предметовъ, найденъ золотой витой перстень, золотое височное кольцо и въ высшей степени интересная *серебряная* вислая печать, представляющая единственную до сихъ поръ извѣстную находку этого рода. Печать имѣетъ видъ неправильнаго кружка (22 мм. высоты и 25 мм. ширины), составленнаго изъ двухъ, плотно сбитыхъ, серебряныхъ пластинокъ, между которыми проходилъ шнурокъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, въ кружкахъ, помѣщены изображенія святыхъ (на головахъ нимбы), во весь ростъ; у одного съ правой стороны копье. По бокамъ, сверху внизъ, надписи: на одной сторонѣ (тамъ, гдѣ святой съ копьемъ)—**аго | дмт**, причемъ буквы **д** и **т** едва примѣтны, на другой—**аг | всілї**, причемъ буквы выбиты въ обратную сторону. Изображенія и надписи выбиты рельефомъ и выбиты очень грубо. Основываясь на этомъ несовершенствѣ работы и отчасти на мѣстѣ находки, можно предположить, что настоящая печать—русской работы и происхожденія; нахожденіе-же изображеній св. Димитрія и Василія можетъ дать нѣкоторыя указанія и на то лицо, отъ котораго шла грамота съ данной печатью.

—

Въ г. Каневѣ, Кіевск. губ., возлѣ Успенской церкви, заложенной въ 1144 году вел. кн. Всеволодомъ Ольговичемъ, найденъ небольшой каменный крестикъ-тѣльникъ, относящійся ко времени основанія церкви.

—

Въ с. Пархомовкѣ, Сквирск. у. Кіевск. г., при рытьѣ канавы въ полѣ черезъ курганъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, найденъ хорошо сохранившійся человѣческій костякъ, окрашенный въ красный цвѣтъ. По распоряженію управляющаго имѣніемъ, съ цѣлью сохраненія находки, костякъ снова засыпанъ землей. Въ окрестностяхъ с. Пархомовки есть еще нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе своей величиной. „Кіевл.“.

—

Въ с. Гирявкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., при пахaніи поля, найденъ кладъ монетъ. Судя по нѣсколькимъ экземплярамъ, поступившимъ къ А. М. Лазаревскому, кладъ составляли мелкія польскія серебряныя монеты начала XVII вѣка.

—

Въ Керчи, на участкѣ земли Ф. В. Фельдштейна, при земляныхъ работахъ, рабочіе наткнулись на длинный подземный корридоръ, въ концѣ котораго оказалась довольно просторная 4-хъ угольная комната, украшенная различными рисунками. Полъ также испещренъ различными рисунками и сценами изъ миѳическаго міра. На одномъ рисункѣ виднѣется полуистертая надпись, которую, къ сожалѣнію, нельзя разобрать. Есть данныя, указывающія, что постройка возведена лѣтъ 200 до Р. Х. Въ одномъ изъ угловъ комнаты найдена разбитая ваза, необыкновенно искусной лѣпной работы; въ верхней части ваза украшена замѣчательно художественно выполненной виньеткой, сдѣланной изъ золота. Помимо этого, найдено еще нѣсколько дорогихъ колецъ, бусъ и нѣкот. друг. мелкія вещи. Раскопки продолжаются и, по всей вѣроятности, не скоро закончатся. Владѣлецъ сфотографировалъ всѣ найденные предметы, а также и участокъ земли, на которомъ производятся раскопки. „Крым. Вѣстн.“.

—

Находки въ г. Глуховѣ, Черниговск. г., на мѣстѣ древняго Михайловскаго кладбища. Въ „Черниг. Губ. Вѣд.",—1852 г. № 32, 34,—помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора о глуховскихъ древностяхъ. Въ числѣ разныхъ достопамятныхъ предметовъ указывается, между прочимъ, на хранившееся въ Анастасіевской церкви (теперь неизвѣстное) евангеліе съ надписью, что оно пожертвовано полковникомъ Стародубскимъ Михаиломъ Миклашевскимъ въ 1681 г. въ Глуховскую Михайловскую церковь (надпись эта приводится и у Филарета въ его „Описаніи Черн. нам."). Изъ этой даты видно, что Михайловская церковь въ 1681 г. уже существовала въ Глуховѣ.—Въ той же статьѣ „Черн. Губ. Вѣд." есть указаніе на мѣдную доску (теперь также не существующую), на которой вырѣзанъ годъ основанія Михайловской церкви—҂ахчг=1693 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эта церковь была каменная. Между тѣмъ, одинъ изъ глуховскихъ старожиловъ, нѣкто г. Петровскій, составлявшій записки о глуховскихъ достопримѣчательностяхъ (послѣ смерти автора, его записки перешли къ П. Як. Дорошенку), называетъ Михайл. церковь деревянною.—Объясненіе всѣмъ этимъ противорѣчіямъ находимъ въ „Описаніи Ст. Малор." Лазаревскаго, гдѣ авторъ говоритъ о существованіи въ Глуховѣ въ 1654 г. деревянной церкви во имя св. архистратига Михаила, передѣланной въ 1693 г. въ каменную.—Во время страшнаго пожара 7 авг. 1784 г. (объ этомъ пожарѣ всеподданнѣйше доносилъ Румянцевъ) погибла въ числѣ другихъ 5 церквей и Михайловская (кстати, не слѣдуетъ смѣшивать этой церкви съ Михайловскимъ женскимъ монастыремъ, также сгорѣвшимъ въ это время). Мѣсто, гдѣ она стояла, занято теперь усадьбой, принадлежащей причту Св.-Троицкой церкви. Все это мѣсто, на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли, покрыто человѣческими костями, что указываетъ на существованіе здѣсь когда-то кладбища. И, дѣйствительно, упоминаніе объ этомъ кладбищѣ попадается неоднократно въ разныхъ старинныхъ документахъ; г-ну Дорошенку удалось даже собрать (изъ дневника Маркевича и др. источник.) имена нѣкоторыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ; вотъ эти лица: 1) Васил. Як. Жураховскій, генеральный есаулъ, † 1730 г.; 2) жена его—Марія Гри-

горьевна Жураховская, рожд. Максимовичъ, † 1729 г.; 3) жена генеральнаго писаря Семена Савича; 4) дѣвица Ульяна Андр. Полуботокъ († 1723), внучка полковника Черниговскаго и наказного гетмана Павла Леонтьев. Полуботка; 5) бригадиръ Иванъ Кондр. Ильинъ, † 1747 г. (членъ генеральной канцеляріи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при рытьѣ фундамента для дома, въ этомъ мѣстѣ въ землѣ была найдена золотая серьга. Къ сѣверу это кладбище оканчивается теперь крутымъ скатомъ, внизу котораго находится наполовину вросшій въ землю кусокъ дикаго камня, напоминающій собою какъ бы обломокъ могильной плиты. На самомъ скатѣ года три тому назадъ найденъ былъ золотой перстень съ бирюзой (серьга и перстень не сохранились). На этомъ же мѣстѣ въ концѣ марта нынѣшняго года найдены и доставлены мнѣ слѣд. вещи: 1) 2 черепа: одинъ, пробитый въ верхней части, другой—типичный образецъ вырожденія—почти съ полнымъ отсутствіемъ лба; 2) кусокъ чугунной доски и нѣсколько гвоздей отъ гробовъ; 3) мѣдная польская монета 1664 г.; 4) шелковый коричневый поясъ со слѣдами зеленыхъ узоровъ; этотъ поясъ лежалъ въ землѣ дважды обернутымъ (какъ бы вокругъ таліи); въ срединѣ лежала берцовая кость. Поясъ замѣчательно сохранился; съ одной стороны уцѣлѣла даже бахрома.—Всѣ эти предметы, а также серебряная польская монета 16 в., найденная на мѣстѣ построенной Ив. Мазепой церкви во имя ап. Петра и Павла, вблизи м. Янполя, будутъ доставлены въ Нѣжинскую комиссію по собиранію матеріаловъ въ Черниг. губ. для предстоящаго археолог. съѣзда.

А. Малинка.

М. Красный Колядинъ, Роменъ, уже по одному своему мѣстоположенію, указываетъ, что тутъ должно было быть поселеніе и въ великокняжескій періодъ. Полагаютъ (Филар. Черниг.), что здѣсь находился лѣтописный Глѣбль. Въ позднѣйшее время, Кр.—К. въ первый разъ упоминается въ документѣ Пшездѣцкаго (996 госп.). Извѣстно, что при полякахъ, предъ ихъ изгнаніемъ, „державцею ключа Краснянского" былъ „панъ Кондратъ Грекъ" (см. с. Дмитровка). Въ 1649 г. уже существовала Краснянская сотня („Реестра"), а въ 1654 г. здѣсь уже имѣлся „мѣскій урядъ", вѣдавшій общественныя дѣла [1]). Въ

---

[1]) Вотъ наиболѣе ранній актъ, изъ извѣстныхъ намъ, записанный на этомъ урядѣ: «Предо мною, Лазаремъ Волошиненкомъ, атаманомъ городовымъ, при бытности Федора (пропускъ въ подлинникѣ для прозвища), Матвѣя Филоненка, Мартина Коробочки, Миколая Цилюрика, козаковъ, обывателей Краснянскихъ, Феодора Волошина, на тотъ часъ отамана, и Микити Ломаки, обывателей Рабушинскихъ, ставшя очевисто Юско Ивановичъ изъ жоною своею, призналъ на уряди для записаня до книгъ, словы: продали есмо ставокъ на рудъцѣ Березовицѣ, под селомъ Рабухами лежачий, притоманную працу нашу с худаменту, за позволенемъ старшихъ заложенную, коштомъ и накладомъ нашимъ зоруженную... зъ берегами и вершиною синожатми, ажъ до старой дорожки, якъ мнѣ на тотъ часъ урядъ бывший завелъ и показалъ, которая дорожка на Моклякову синожать идетъ... славетному урожонму Оивану (sic) Григоровичу, обывателю Краснянскому, и Вовдотии Еремѣевнѣ, малжонцѣ его, за золотихъ сѣмъдесятъ... що ми, урядъ выслухавши, сторонѣ потребуючой на писмѣ казалисмо, подъ печатми нашими и подписомъ руки писарской, подати для певнѣйшой речи. Писанъ у Красномъ, 23 дня сентеврія, року 1654. Есифъ Анъдреевичъ, писаръ городовый Краснянский рукою своею». *(Съ подлинника).* Отсюда видно, что въ 1654 г. прибавка «Колядинъ» еще не существовала; эта прибавка явилась въ третьей четверти XVII в., для отличія «городка» Краснаго отъ села Краснаго, наход. между Конотопомъ и Батуриномъ. Колядинымъ Красный сталъ прозываться п. ч. здѣсь, при полякахъ, сидѣлъ управитель (вѣроятно Вишневецкаго) по прозвищу *Коляда.* См. „Очерки", *м. Кр. Колядинъ* См. также Чтен. въ Истор. Общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 153. Позднѣйшее преданіе о «ляхѣ» Колядѣ и его замкѣ—см. сборникъ «Изъ устъ народа», Б. Д. Гринченка, (Черниговъ, 1900), стр. 317.

томъ же году, переѣзжалъ черезъ Кр.-К. Іерусалимскій патріархъ Макарій, племянникъ котораго, описывая путешествіе дяди, объ этомъ „городѣ" говоритъ слѣдующее: „Насъ привезли въ городъ, называемый Красный, съ большимъ укрѣпленіемъ и цитаделью, *висящей на краю горы* (больше той, на которой расположенъ городъ). По обычаю, насъ вышли встрѣчать священники, клиръ и прочій народъ, и ввели въ церковь св. Рождества. Здѣсь есть еще двѣ церкви: во имя св. Тройцы и новая—св. Николая. Близъ этого города есть *другой базаръ* (другое поселеніе) съ церковью въ честь Воскресенія". (Перев. Муркоса, II, 93). Нѣкоторымъ поясненіемъ *висящей на краю горы цитадели*—можетъ быть современное описаніе Колядинскаго „замка", указывающее, что защитность послѣдняго опиралась на природномъ расположеніи высокаго берега.[1]) По переписи 1666 г., въ К—нѣ показано 59 домохоз., изъ числа которыхъ мѣщанами перв. статьи показано 42, 12—меньш. и 5—„сапожниковъ".[2]) Засимъ, интересныя свѣдѣнія о движеніи населенія въ Кр. К., за втор. пол. XVII в. приведены въ одной изъ работъ Д. И.

[1]) „Замкомъ въ м. Кр. К-нѣ называется выдающаяся мысомъ въ р. Роменъ—часть горы, которая имѣетъ довольно узкое сообщеніе съ Кр.-К.; за нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обиліи воды въ р. Ромнѣ, замокъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, кромѣ узкаго перешейка; въ замкѣ находится болѣе 90 насыпей, круглой и продолговатой формы". Описаніе это принадлежитъ мѣстному жителю С. Д. Носу († 1900 г.). См. Черниг. губ. вѣд. 1859 г, № 19. Тутъ же находится любопытное описаніе „городка", насыпаннаго на руслѣ рѣки Ромна, противъ Кр. К—аго „замка".—„На болотѣ р. Ромна, ближе къ селу Грицовкѣ и ближе къ прав. бер. рѣки, чѣмъ къ лѣвому, находится *городокъ*, т. е. пространство земли длиною въ 150, а шириною въ 90 арш., обнесенное валомъ, который имѣетъ круглую форму; вышина вала 20 арш. Городокъ устроенъ противъ замка Кр.-Колядинскаго". Этотъ *городокъ* представляетъ собою сооруженіе конечно вел.-княжескаго періода. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, II, 239.

[2]) Въ переп. „мѣщанъ" показаны „войтъ" и „бурмистръ". Войтомъ назывался представитель посполитства, а кого обозначили великорусскіе писцы бурмистромъ,—не знаемъ.

Багалѣя, указывающей, что отсюда—въ одну только Терновую слободу (Пут. у) —съ 1643 по 1674 г., переселилось 54 семьи. [1])

Кр. П. 59 д. **А.** 88 д. **В.** 86 д. **В.** 113 д. **Пс.** 11 д. (въ 1731 г.—99 д.) **Г.** 11 д. 11 х. **Д.** 80 д. 106 х. 5 бд. х. **Пс.** 39 д. 62 х. 15 бд. х. **Кз. В** 73 д. **Г.** 64 д. 76 х. **Пс.** 42 бд. х. **Д.** 82 д. 153 х. Переходъ съ 113 дв. крестьянъ въ 1729 г. на 11-ть въ 1740 г.,—объясняется появленіемъ въ томъ же году, 42-хъ бд. хатъ подсосѣдковъ и уходомъ 29 хов. изъ мѣстечка, за четыре года (1736—740), какъ это обозначено въ рев. книгѣ 1740 г. Въ этой же ревизіи подсосѣдки показаны слѣдующіе: коз.—6, сотника Максимовича—13, нак. сотника Купчинскаго—5, лѣкаря Сев. Семенова—6, „попа" Тиховія Иванова—7, „попа" Петра Салогуба—1, писара сотеннаго Д. Ступачевскаго—2 и город. атамана—1, а всего 42 бд. хаты. Еще лучше эти цифры объясняются повѣркою крестьянскаго населенія, которая была произведена въ 1744 г., по распоряженію *коммиссіи экономіи*, капитаномъ Василіемъ Поляковымъ. [2]) При этой повѣркѣ, берется за основаніе цифра крестьянъ по ревизіи 1729 г. и, затѣмъ, приводится въ извѣстность—убыль и прибыль этого населенія по 1744 г. Для Колядина эти цифры явились въ такомъ видѣ: по ревизіи 1729 г. означено 113 дв., а въ 1744 г. ихъ оказалось только 26 дв., а остальные выбыли: 1) „во владѣніи разныхъ владѣльцевъ и у посполитыхъ („а почему—крѣпостей не прислано")—16 дв.; 2) вписалось въ козаки—4 дв.; 3) въ ревизіи написаны, а своихъ дворовъ не имѣли—12 дв.; 4) живутъ разно, а своими плецами владѣютъ—2 дв. и 5) сойшло и померло, а пляцы впустѣ—53, а всего не оказалось 87 дв., которые, вмѣстѣ съ оказавшимися въ наличности 56-ю дв., и составляютъ показанное въ ревизіи 1729 г.

---

[1]) Матеріалы для истор. колониз. и быта степной окр. Моск. госуд., I, 18.

[2]) Мы не знаемъ, когда была учреждена эта коммиссія, цѣль которой, повидимому, заключалась въ приведеніи въ извѣстность свободныхъ посполитыхъ (а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и «скупли»), но сохранившіеся остатки произведенныхъ ею описей—представляютъ интересный матеріалъ для ознакомленія съ движеніемъ населенія въ Малороссіи за 1729—744 г.г.

число—113 дв. Кромѣ того, Поляковъ отмѣтилъ, что въ К—нѣ оказалось вновь прибывшихъ—посп. дв. 6. Къ означеннымъ цифрамъ присоединено слѣд. примѣчаніе Полякова: „Въ томъ мѣстечку Кр.-К—нѣ, по удостоенію в. генер. к—ріи и по указу минѣстерской к—ріи, въ тридесятное число дворовъ отдано Глинскому сотнику Крыжановскому—21 дв., съ обязательствомъ до резолюціи правит. сената, и потомъ, пока онъ, Кр—ій, по контракту предбудучого 1748 г., генваря до 1 числа, будетъ на откупѣ содержать касающіеся въ скарбъ войсковій збори, и *затѣмъ, оставшие состоятъ въ свободныхъ*". Это примѣчаніе имѣетъ въ виду отдачу Кол—хъ крестьянъ во владѣніе Крыжановскому. Извѣстно, что это былъ выкрещенный еврей, по имени Мошка, который разбогатѣлъ на откупѣ продажи вина, табаку и дегтю, (эта продажа составляла монополію гетманскаго уряда). Откуповъ Кр—ій добился, какъ говорили, подкупомъ тогдашняго генер. писаря Безбородка.[1]) Съ помощью послѣдняго же, Кр—ій получилъ и сотничій урядъ въ Глинскѣ, послѣ чего пожелалось ему имѣть и подданныхъ. Выпросилъ Кр—ій и „подданныхъ", какъ это видно изъ слѣд. универсала генер. к—ріи, 10 дек. 1743 г.—„сотникъ Глинскій Антонъ Кр—ій, первое, чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, надлежащихъ въ скарбъ войсковой.....знатную показалъ казнѣ прибыль до 28 т. р., за которую знатную его прислугу.....просилъ къ полученію *въ вѣчность* въ М. Россіи, изъ свободныхъ войск., до 30 дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то яко онъ при помянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быти не желаетъ. Того ради, по опредѣленію ген.-лейт. И. И. Бибикова, съ присутствующими въ в. ген. к—ріи члены, яко предбудущого 1744 г., съ 1-го ч. генваря, впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ Луб—го и Мирг—го полковъ сборы ему, Кр—му, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, а ассигновано ему, Кр—му, и поручены

[1]) См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. У Крыжановскаго былъ братъ, который тоже выкрестился и въ 1776 г. былъ въ Ромнѣ *протопопомъ*, именуясь Константиномъ Крыжановскимъ.

до указу во владѣніе: м. Кр.—Колядинъ и с. В. Бубны, въ которыхъ: въ К—нѣ, по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24 дв." Въ этомъ универсалѣ условія отдачи Крж-му Колд—хъ крестьянъ указаны не такъ опредѣленно, какъ у Полякова, по свѣдѣнію котораго крестьяне отданы „до резолюціи" сената и только на четыре года...

Свѣдѣнія Полякова собраны, повидимому, въ нач. 1744 г., такъ какъ у насъ имѣется документъ, по которому произведена была Крж-му отдача Колд-хъ крестьянъ, и по этому документу ему отдано 26 дворовъ, [1]) при чемъ добавлено, что остались не отданными 6 дворовъ, домохозяева которыхъ исполняютъ разныя общественныя обязанности.

Временное владѣніе Крж—го Колд—ми крестьянами превратилось въ „вѣчное", при Разумовскомъ. Въ декабрѣ 1751 г., Крж—ій обратился къ новому гетману съ просьбою—„опредѣленные ему отъ генер. к—ріи въ м. Кр.-Колядинѣ и с. В. Бубнахъ дворы—къ вѣчному спокойному владѣнію—утвердить поважнымъ унѣверсаломъ, и, кромѣ того, прибавить ему, въ Луб—мъ полку, с. Мойсеевку. Просьба Крж—го, въ томъ же декабрѣ, была исполнена, при чемъ въ гетманскомъ универсалѣ, послѣ повторенія заслугъ Крж—го по откупнымъ дѣламъ, говорилось: „того ради, мы, гетманъ, респектуя на тѣ реченного сотника Глинского и экзактора войскового..... нелѣностніе труда..... м. Кр.—Колядинъ и с. Бубны симъ нашимъ унѣверсаломъ, къ вѣчному, и спокойному владѣнію, утверждаемъ..." [2]) Были ли отданы при этомъ Кр—му и тѣ свободные дворы, [3]) о которыхъ говоритъ По-

---

[1]) Списокъ отданныхъ дворовъ съ указаніемъ имущественнаго положенія домохозяевъ напечатанъ нами въ „Очеркахъ".

[2]) При этомъ прибавлена была и Мойсеевка. Вообще можно замѣтить, что Крыжановскій пользовался у Разумовскаго большимъ фаворомъ, который во многомъ могъ зависѣть отъ благоволенія Безбородка, передъ тѣмъ возвращеннаго на урядъ ген. писарства. Впрочемъ, Крыжановскій оказывалъ и личныя услуги гетману, покупая «разныя вина» и «цуги лошадей» для гетманскаго «дома». См. Чт. въ общ. Нестора, XI, отд. 2, стр. 124.

[3]) Сохранился слѣд. документъ, указывающій на эти свободные дворы: „Ведомость о отбиваемыхъ м. Кр.-Колядина посполитыми

лаковъ, универсалъ объ этомъ не упоминаетъ, но свободные дворы и въ 1751 г., въ Колядинѣ, должны были еще быть.

Захвативъ почти все Колядинское поспольство въ свое *вѣчное* владѣніе, Крж-ій однако жъ ничѣмъ не могъ предупредить ухода этихъ „подданныхъ" изъ подъ его „державы". Въ этомъ отношеніи очень любопытны тѣ жалобы Крж—го, которыя онъ подавалъ въ Глух. коллегію по поводу ухода его кр—нъ.

Въ 1766 г. Крж—ій жаловался: „представлялъ я въ коллегію о изшедшихъ и друг. способами убылыхъ—подданныхъ моихъ,

---

людми сотнику Глинскому Антону Кр—му работахъ, хто зъ нихъ и коликое число въ оной былъ и за тую роботу противъ обывателскихъ работъ,—а именно: косцу, за мѣсяцъ, по 1 р. 96 коп. и за день по 7 коп., за роботу зъ скотомъ, за мѣс., по 1 р. 68 к., а пѣшимъ за мѣс. же—по 84, а за день по 3 (коп.), тако жъ за пахане землѣ, парою волами, отъ дня по 8, за пряжу мотковъ 50 тидесятныхъ по 5 коп.,—сколко всѣхъ денегъ съ него Крж—го доправить надлежитъ слѣдуетъ подъ симъ. 1748 г. іюня дня". Засимъ слѣдуетъ перечень 36-ти домохозяевъ, которые отбывали въ пользу Крыж—го работы въ 1745—1747 г.г., съ оцѣнкою этихъ работъ въ 409 руб. 32 к. Затѣмъ, подъ вѣдомостью значится: «не были въ работизнахъ: писаръ Степанъ Збаразской, коего нынѣ жена шинкарка, Карпъ терпичникъ. А всѣхъ зъ прежними отобранными 43. Капитанъ Степанъ Немчиновъ» Совершенно затрудняемся объяснить эту вѣдомость. Повидимому, рѣчь идетъ о крестьянахъ, захваченныхъ Крж—мъ въ его владѣніе безправно... Между прочимъ, въ вѣдомости 1748 г. показано нѣсколько домохозяевъ, которые по вѣд. 1744 г. значатся только въ числѣ *сыновей* тогдашнихъ домохозяевъ. Мож. быть къ Крж—му заявлена была претензія тѣми домохозяевами, которые образовали *новые дворы*, представлявшіе излишекъ противъ опредѣленнаго генер. к—ріей числа дворовъ въ Колядинѣ (24-хъ) .Кромѣ того, тутъ интересенъ еще вопросъ: какимъ судомъ удовлетворены были понесенные крестьянами—отъ привлеченія ихъ Крж—мъ въ роботу—убытки? Такое рѣшеніе едва ли могло исходить отъ тогдашняго полкового суда... Не было ли это дѣло поручено тому самому Нѣмчинову, который подписалъ вѣдомость 1748 г.?—Во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя вѣдомость явилась при какихъ то *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*, при чемъ она заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на сельскія работы.

послѣ ревизіи 1764 г., и что за тѣхъ изшедшихъ земскіе комисары, въ число рублеваго окладу, деньги взыскують сполна. Прошу, чрезъ кого постойно, приказать тѣхъ изшедшихъ подданныхъ моихъ отыскать на прежнее ихъ жилище, а кѣмъ они, въ противность указа 1763 г., дек. 10, [1]) передерживаются, тѣхъ безъ штрафа не оставить". Черезъ три года, Крж—ій снова жаловался, что комисары, „не взыскивая съ тѣхъ изшедшихъ людей, гдѣ они неправильно владѣльцами передерживаются, а всю доимку считають на наличныхъ подданныхъ, къ конечному ихъ разоренію. А какъ коллегія о взысканіи доимокъ полагаетъ основаніемъ указъ 1765 г., дек. 21, который хотя состоялся для такихъ помѣстьевъ, гдѣ крестьянамъ переходъ строжайше запрещенъ.....а въ здѣшнихъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ владѣльцы принимають безъ свидѣтельствъ приходящихъ, безъ всякаго опасенія какого либо не только штрафа, но и отвѣта, какая вина можетъ спадывать на тѣхъ, отъ кого люди поисходили? Въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя вышеупомянутый указъ о взысканіи доимокъ состоялся, за пріемъ крестьянъ и за пожилое— взыскиваются немалые денежные штрафы и сами изшедшіе крестьяне отъ нихъ отбираются строго. А здѣсь, напротивъ того, владѣльцы пріемомъ чужихъ подданныхъ, хорошіе имѣютъ выгоды, не только отъ штрафа или отвѣта свободны, но и надлежащаго съ нихъ оклада не платятъ, и изшедшихъ подданныхъ не возвращаютъ, а населяютъ ими, въ свою пользу, великія новыя слободы"... Изъ вѣдом., представленной Крж—мъ въ 1769 г. о числѣ „изшедшихъ" его крестьянъ, по всѣмъ его маетностямъ, видно, что изъ Колядина, за 1764—769 г.г., ушло 24 семьи... Перечисляя „изшедшихъ", Кр—ій тутъ же указываетъ и мѣстожительство большинства изъ нихъ, при чемъ оказывается, что изъ 24 семей, только 4 ушло „безвѣстно", а изъ остальныхъ—14-ть жили въ томъ же Колядинѣ, пріютившись у разныхъ владѣльцевъ: у б. сотника Максимовича, у Салогубовъ, у свящ. Тихоновича и, наконецъ, у разныхъ Колядинскихъ козаковъ—подсосѣдками. Очень можетъ быть, что многія мелкія въ Колядинѣ

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11987.

владѣнія, перечисленныя у Пащенка, образовались именно изъ б. „подданныхъ“ Крж—го. У Пащенка Колядинъ описалъ такъ: „Лежитъ на лѣв. берегу р. Ромны, на скосогорахъ; крѣпость оного м-ка вовсе обветшалая, *равно какъ и все мѣстечко очень въ худомъ состояніи,* съ двумя предмѣстіями: *Чечеліовкою* и *Грицовкою*; послѣднее имѣетъ особое положеніе, разстояніемъ отъ Кр. К—на въ 2 верст., на прав. бер. р. Ромна, полуостровомъ. На оной рѣчки имѣются мельницы о 4-хъ амбарахъ; въ томъ м-кѣ церквей деревяныхъ—3. Изъ „партикул. домовъ“, указаны: полковника Лубенскаго Максимовича, о 9-ти пок., а затѣмъ—священниковъ Салогубовъ и Тихоновичей. Козаковъ: 71 д. 96 х., 5 бд. х. и коз. подс. 3 ад. х.; крестьянъ, полковника Максимовича 26 д. 37 х. 1 бд. х., майора Крыжановскаго (сына) 45 д. 59 х. 4 бд. х.; Крупицк. м—ря, 1 д. 2 х. *Подсосѣдковъ*: полковн. Ильи Лизогуба—1 бд. х., умерш. в. т. Осипа Купчинскаго—7 д. 8 х., зн. тов. Зуба—1 д. 1 х., возного Мих. Карповскаго—4 д. 4 х., лѣкаря Григорія Ступачевскаго—2 д. 5 х., в. тов. Евст. Косяровскаго—1 д. 1 х., свящ-ковъ Салогубовъ—7 д. 23 х., и Тихоновичей—5 д. 6 х., церковныхъ—3 бд. х. Церкви: 1) св. Николая; свщц. Петръ и Діонисій Салогубы. 2) Рождества Б—цы; свщц. Максимъ и Матвѣй Тихоновичи. [1])

Д. Грицовка находилась черезъ рѣчку отъ Колядина, и, повидимому, составляла его выселокъ, образовавшійся въ полов. XVII в., такъ какъ по переписи 1666 г. уже значится *дер. Грицовка,* съ 7-ю двор. По ревизіи 1713 г. Грицовка не значится, но вслѣдъ за Колядиномъ указано село „Слободка“, которое однакожъ трудно принять за Грицовку, такъ какъ сравнивая прозвища крестьянъ „Слободки“ съ прозвищами крестьянъ Грицовки, указанныхъ въ ревизіи 1729 г. („фолварки Грицювка“) *тождественныхъ прозвищъ нѣтъ,* а между тѣмъ, за 16 лѣтъ—не могли же всѣ, показанные въ „Сло-

---

[1]) Родоначальникомъ Тихоновичей былъ писарь сотенный Кр.-Колд—ій Тихонъ Ивановичъ, который, «женившись, постригся попомъ до храму Рождества Богородицы, въ 1709 г.»

бодкѣ“ домохозяева—изчезнутъ. [1]) **Кр. В.** 25 д. **Пс.** 9 д. Въ 1731 г. —22 д. Въ 1780 г. **Кр.** 9 д. 10 х. (Максимовича и Крыжановскаго), **Пс.** 7 д. 9 х. 4 б. д. **Кз.** 29 д. 49 х. **Пс.** 2 д. 2 х. 2 бд. х.

С. Липовое, прав. бер. Ромна, въ 1643 г. называлось *слободою* принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго, [2]) а по „реестрамъ“ 1649 г.—составляло особую часть Прилц—аго полка, подъ названіемъ „липовчанъ“, въ составѣ 60 домохоз., конечно, *козаковъ,* такъ какъ въ „реестрахъ“, посполитое населеніе, повидимому, вовсе не показывается...[3]) Л. находилось въ числѣ ратушныхъ селъ до 1714 г., когда было отдано на рангъ Носу, при назначеніи его ген. судьею (с. 33), а по смерти Носа, отдано тогдашнему ген. бунчучному Як. Лизогубу. Послѣдній тогда же началъ скупать здѣсь грунты, при чемъ, напр. въ 1717 г. совершено было 12 купчихъ жителями Коренецкой и Липоваго—на продажу „гаевъ въ сѣножатьми“ въ „островѣ Ручинцяхъ“. Скупню „грунтовъ“ Як. Л—бъ, въ Липовомъ и въ сосѣднихъ селахъ, продолжалъ до смерти. Послѣ Як. Л—ба, Л. перешло къ сыну его Ильѣ, который былъ женатъ на одной изъ дочерей Якова Якубовича, Катеринѣ; ей Л—бъ и завѣщалъ Л., съ хуторами Березовицкимъ, Бобровицкимъ и Олавскимъ, (на основаніи розд. 3-го, артик. 41 и розд. 7-го, арт. 1). Л—бъ умеръ въ 1781 г. и Л. тогда же перешло къ его вдовѣ, которая въ свою очередь завѣщала Л., въ 1791 г., внуку Ильи Л—ба, кол. асесс. Ивану Яковлевичу Лизогубу; но вслѣдствіе причиненныхъ имъ какихъ-то „огорченій“ вдовѣ Лизогуба, послѣдняя завѣщаніе свое, послѣ

---

[1]) Такимъ образомъ показанное въ 1713 г. «село Слободка» остается поселеніемъ, мѣстонахожденія котораго мы не можемъ опредѣлить, будучи хорошо знакомы и лично съ описываемою мѣстностью.

[2]) Чтен. въ общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 162.

[3]) Сравнивая прозвища Липовскаго населенія, перечисленнаго въ «Реестрахъ» —съ переписью 1666 г. —мы находимъ тождество прозвищъ только въ одномъ случаѣ: въ «Реестрахъ» —*Гришка Злобенко*, а въ переписи 1666 г.—*Пашко Злоба.* Всѣ остальныя прозвища—различны. Въ 1649 г.—60 х., а въ 1666 г.—20 хоз. Это тоже должно значить, что въ «Реестрахъ» посполитое населеніе—не показывалось..

долгихъ хлопотъ по судамъ, уничтожила, и въ 1801 г. Л. завѣщала уже своему племяннику, ротмистру Ивану Александровичу Якубовичу, сыну полковника. **Кр. П.** 24 д. **А.** 58 д. **В.** 46 д. **В.** 40 д. **Пс.** 9 д. **Г.** 32 д. 35 х.[1]) **Д.** 21 д. 27 х. 8 бд. х. **Пс.** 11 д. 19 х., 23 бд. к. **Кз. В.** 46 д. **Г.** 52 д. 57 х. **Д.** 88 д. 212 х. Церк. Преображенія, свящ. Леонтій Еремѣевъ. Въ числѣ подсосѣдковъ, у Пащ—ка показано 8 бд. хатъ— „служительскихъ и конюшенныхъ при дворѣ полковника Лизогуба". Были ли это подсѣдки Л—ба или—его служителей, неизвѣстно.

С Галка, „отъ р. Ромна въ 1-й верстѣ" (Пащ.), принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1732 г., когда была отдана на рангъ генер. обознаго. **Кр. П.** 18 д. **А.** 12 д. **В.** 21 д. **В.** 38 д. **Г.** 17 д. 17 х. **Д.** 19 д. 27 х. **Пс.** 1 д. 4 х. 7 бд. х. **Кз. В.** 62 д. **Г** 63 д. 84 х. **Пс.** 6 бд. х. **Д.** 77 д. 184 х. Церк. вмч. Георгія, свщ. Павелъ Кривошія.—По вѣдом. Полякова, „изъ показ. въ 1729 г 38 д. крест.,—22 домохоз. сошло и померло, 3—записаны по ошибкѣ, 1—запис. въ козаки, да явилось новыхъ—4 дв." Въ 1780 г. Галка принадлежала на рангъ генер. бунчучнаго и поэтому владѣльцемъ ея показывался Як. Тарновскій. По описан. Пащенка, подсосѣдковъ, въ 1780 г., значится 4 хаты въ одномъ дворѣ, принадлежащихъ „вакансовому сотнику Ивану и квартермистру Тимофею Загурскимъ", вѣроятно потомкамъ сотника Павла Загурскаго.

С. Коренецкая, лѣв. бер. Ромна, образовалась изъ поселенія около водяной мельницы, принадлежавшей въ полов. XVII в. одному изъ жителей с. Липоваго и завѣщанной послѣднимъ Крупицкому монастырю, какъ это видно изъ слѣд. универсала Хмельницкаго, 1656 г.—„стосуючися до остатной волѣ Тимоша Василевича, мелника Липовского, который мелникъ зъ волѣ своей, бывши при болѣзни, отдалъ зъ душею и тѣломъ и убозствомъ своимъ Богу и м—ру Батуринскому—млинокъ вешнякъ

---

[1]) Въ ревизск. книгѣ 1740 г., при Липовомъ, показана принадлежащая Лизогубу *слоб. Ясеновка*, съ 10-ю двор., но въ завѣщаніи Кат. Як. Лизогубъ она уже не значится и затѣмъ болѣе не встрѣчается.

на р. Ромнѣ, подъ Липовымъ, островъ противъ *Коренецкой*, вѣчными часы приворочаемъ и стверждаемъ"... [1]) Упомянутая здѣсь Коренецкая составляла—или „урочище" или—вѣрнѣе—небольшой притокъ р. Ромна, но не село Коренецкую, которое въ это время, повидимому, еще не существовало, такъ какъ въ противномъ случаѣ, село это было бы въ универсалѣ названо, какъ названо село Липовое.—Село Коренецкая образовалось позже и получило свое названіе, повидимому, по *рѣчкѣ* Коренецкой, которая упоминается еще и въ актахъ перв. полов. XVIII в. [2]) К—ая оставалась свободной, т. е. принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, чѣмъ воспользовавшись Ангеліовскій и Крупицкій м—рь, скупили здѣсь почти все посполитое населеніе. Остатки его Вейсбахъ присоединилъ было къ Самборскому староству, но и остатки эти не избѣжали общей участи остальныхъ селянъ и были тоже скуплены. **Кр. П**. 21 д. **А**. 8 д. **В**. 13 д. **В**. 14 д. **Пс**. 15 д. **Г**. „описныхъ на ея величество" 5 д. 5 х. и подсосѣдковъ: Крупицк. м—ря 5 д. 5 х., Купчинскаго 7 бд. х. и „поповскихъ" (Кольчевскаго) 3 бд. х. **Д**. 17 д. 26 х **Пс**. 3 д. 7 х. 4 бд. х. **Кз**. **В**. 46 д. **Г**. 42 д. 45 х. **Д**. 21 д. 60 х. Црк. Покрова Богородицы, свщ. Григ. Кольчевскій. Посполитое населеніе въ 1780 г., у Пащ., показано такъ: „подданныхъ Крупицк. м-ря 3 д. 5 х. Подсосѣдки: вдовы в. т. Осипа Купчинскаго—9 д. 15 х. и в. т. Евстафія Косяровскаго—5 д. 6 х., свящ. Григорій Кольчевскаго—3 д. 7 х."

Къ с. Коренецкой принадлежали два хутора, описанные у Пащенка: **Романовщина** (Кз. 6 д. 25 х. и „поддан." Крупицк. м-ря—8 д. 11 х.) и **Саливоновщина** (Кз. 5 д. 11 х. и „поддан." Круп. м-ря—3 д. 6 х.).

С. Понорьі, „лѣв. бер. Ромна, между косогорами, въ боеракѣ, раздѣляемомъ небольшимъ протокомъ". (Пащ.) [3]) Въ полов.

---

[1]) Опис. Черниг. епарх. III, 302.

[2]) Въ актѣ 1727 г., «два браты въ первыхъ, Хвед. Вязовецъ и Павло Приходько объявили, ижъ власного своего млина, зъ еднимъ коломъ коречнимъ, *на рѣчцѣ Коренецкой*, за селомъ Коренецкою стоячого, двѣ части продали честн. отцу Іоану (Кольчевскому) презвит. Коренецкому...»

[3]) Подробное, до мелочей, топографическое описаніе Поноръ сдѣлано въ 1859 г. уроженцемъ этого села, С. Д. Носомъ, и напечат.

XVII в. П. уже существовали и принадлежали затѣмъ къ числу ратушныхъ селъ до 1705 г., когда Мазепою отданы были Дм. Горленку (с. 18), при чемъ однакоже село это возвращено Андрею Г—ку въ 1709 г. не было (с. 24). Затѣмъ, П—ры въ 1714 г. Носомъ были отданы тогдашнему сотнику Лащинскому (с. 238), который выпросилъ у гетмана и подтвердительный универсалъ: „презентовалъ намъ п. Леонтій Лащинскій, сотн. Кр.-Кол., унѣверсалъ отъ бывш. полк. Прилуцкого, а нынѣшнего судіи нашего енер., п. Ив. Яр. Носа, на селце Понори и просилъ, абысмо оный унѣверсаломъ нашимъ ствердили"... Гетманъ позволилъ Л—му владѣть П—рами „до ласки войсковой и належитоє отъ жителей того села послушенство имѣти"... Послѣ отставки Лащ—го, П. у него были отобраны и отданы его преемнику, также „до ласки войсковой". Послѣ смерти Анг—го, во владѣніе П—рами вступилъ его зять Семеновъ, но Максимовичъ пожаловался въ Глуховъ, указывая, что село это—у его предмѣстниковъ—было ранговымъ; тогдашній правитель А. И. Румянцовъ поддержалъ М—ча и П. въ 1740 г. отъ Семенова были отобраны и отданы М—чу „на рангъ". Впослѣдствіи П. были подѣлены между сотниками Кр.-Колядинскимъ и Корибутовскимъ. **Кр. П** 9 д. **А.** 67 д. **В.** 18 д. **В.** 46 д. Пс. 4 д. **Г.** 25 д. 26 х. Пс. 4 бд. х. **Д.** 35 д. 45 х. 8 бд. х. **Кз. В.** 15 д. **Г.** ? (въ 1751 г.—10 д.) **Д.** 15 д. 27 х. Церк. св. ап. и ев. Марка, свщ. Мойсей Стасевичъ.—Замѣтную и непослѣдовательную разницу въ крестьянск. населенія 1713, 1718 и 1729 г.г (скачокъ съ 67 на 18 и затѣмъ съ 18, черезъ 10 л., опять на 46) объяснить затрудняемся...

С. Талалаевка, „на косогорахъ, между двухъ рѣчекъ Руды и Березовицы". (Пащ.) По свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, Т. Мазепою была отдана сотнику Кр.-К—му Тимофею Андреенку, который и владѣлъ ею до смерти; затѣмъ, Т. оставалась свобод

въ Черниг. губ. вѣдом. 1859 г., № 19. Тутъ же помѣщены и отрывки изъ народныхъ преданій о началѣ села, свѣдѣнія о мѣстной церковной старинѣ, объ окрестныхъ хуторахъ и урочищахъ. Статья Носа очень любопытна теперь, какъ историческій уже документъ.

ною до 1711 г., когда отдана была Молчану; отъ послѣдняго Т. перешла къ дѣтямъ его дочери, бывшей замужемъ за Мазаракою. (с. 67). **Кр. П.** 3 д. **А.** 72 д. **Б.** 56 д. **В.** 161 д. Пс. 6 д. **Г.** 20 д. 21 х. Пс. 26 бд. х. **Д.** 29 д. 36 х. 35 бд. х. Пс. 7 д. 10 х. 21 бд. х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д. 20 д. Пс. 1 бд. х. **Д.** 21 д. 55 х. **Церк. Успенія Б—цы**, свщщ. Василій Андріевскій и Кириллъ Александровичъ. Въ цифрахъ населенія мы опять встрѣчаемъ неясности, относительно крестьянъ: въ 1729 г., ихъ значится 161 д., а черезъ 12 лѣтъ—20 д., при чемъ въ ревизіи 1740 г.—ушедшихъ съ 1736 г.—показывается всего 17 домохоз.; значитъ, болѣе 100 домох. ушло за семь лѣтъ (729—35). Владѣльцемъ за всѣ эти годы былъ одинъ и тотъ же Мих. Молчанъ, человѣкъ, повидимому, безобидный; быть можетъ, происходили—массовыя выселенія... Въ 1780 г. крестьяне значились слѣд. владѣній: б. тов. Андрея Мазараки—13 д. 17 х. 13 бд. х., б. тов. Ивана Мазараки 16 д. 19 х. 22 бд. х., умерш. полк. ес. Григорія Мазараки—5 д. 6 х. 1 бд. х. и Луб. полк. Максимовича—1 д. 2 х. 4 бд. х.

С. Ярошовка, „по об. берег. рч. Лисогора", по свѣдѣн. генер. слѣдствія, „здавна находилось подъ вѣдѣніемъ сотни Сребрянской, до которой, по прежнимъ обыкновеніямъ, всякую служителемъ войсковымъ належную отдавало повинность, а за гетманства Мазепиного отдано было тое село въ подданство дворянину гетманскому Роману Высоцкому, который когда въ попы освятился и пошолъ въ Рому(?) на мешкане, въ 1701 г., Мазепа отдалъ Я—ку б. тов. Андрея Горленку". Отобранная, въ 1708 г., Ярошовка снова отдана была тому же Андрею Г—ку, при возвращеніи ему отцовскихъ маетностей (с. 24). У Горленковъ Я. затѣмъ и осталась. **Кр. П.** 23 д. **А.** 110 д. **Б.** 71 д. **В.** 55 д. **Г.** 102 д. 135 х. Пс. 8 бд. х. **Д.** 156 д. 246 х. 4 бд. х. **Кз. В.** 12 д. **Г.** 11 д. 15 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 15 д. 37 х. Къ этимъ цифрамъ слѣд. добавить, что по ревизіи 1740 г., вообще тщательно перечислявшей число „сшедшихъ посполитыхъ", за время съ 1736 г. по 1740 г., при переписи Ярошовки—„сшедшихъ" *вовсе не значится*... Примѣръ—единственный въ этой ревизіи, при чемъ такой фактъ быть мо

жетъ слѣдуетъ объяснить болѣе или менѣе мягкими отношеніями державцы къ своимъ подданнымъ. Владѣльцемъ Ярошовки въ это время былъ Андрей Дмитріевичъ Горленко, сынъ котораго Андрей, будущій полтавскій полковникъ, слылъ, въ своемъ кругу, большимъ добрякомъ; [1]) мож. быть, такимъ добрякомъ былъ и его отецъ... По вѣд. 1780 г., владѣльцами здѣшн. кр—нъ показаны сыновья б. т. Андрея Горленка: полковникъ Андрей—51 д. 91 х., подкоморій Иваницкій Григорій—59 д. 89 х. и наслѣдники умерш. ротмистра Павла—46 д. 66 х.

С. **Крапивная**, рч. Крапивная, [2]) судя по глубокимъ оврагамъ, среди которыхъ расположено село, слѣдуетъ думать, что поселеніе тутъ существовало издревле. Въ документѣ Пшездѣцкаго К. обозначена съ 184 „господ.", а въ „Реестрахъ" 1649 года значится особая *сотня Кропивенская.* Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, Павломъ діакономъ записано слѣд. извѣстіе: „выѣхавъ изъ Иваницы и проѣхавъ $2^1/_2$ мили, проѣхали чрезъ *большое благоустроенное селеніе съ садами, по имени Крапивна*; въ немъ церковь въ честь Успенія Богородицы" (II, 43). По перен. 1666 г. въ К. показано 24 дв. Въ это время особой Кропивянской сотни уже не существовало, изъ чего видно, что населеніе здѣсь сильно уменьшилось; уменьшилось оно въ нач. втор. пол. XVII в., послѣ смерти Б. Хмельницкаго, когда вслѣдствіе гетманскихъ междоусобій, въ Малороссію очень часто призывались татары, при чемъ они не мало разорили тутъ селъ, послѣ чего населеніе послѣднихъ, большею частью, двигалось на востокъ, въ Слободскую Украину, гдѣ и осѣдало новыми слободами. [3]) Въ это самое время сильно умалилась въ своемъ населеніи и К. Первое свѣдѣніе о ней, послѣ 1666 г., относится къ 1688 г., когда К. отдана была Мазепою генер хоружему Ефиму

---

1) См. Русск. Арх. 1875 г., № 7, стр. 257.

2) Такъ она называется въ актѣ 1681 г. См. *с. Дмитровка.* На картѣ Шуберта рѣчка эта называется Дегтяркою.

3) Какое количество народа шло изъ лѣвобережья въ Слоб. Украину, во втор. полов. XVII в., см. *Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степн. окраины Моск. госуд., Д. И. Багалѣя,* 411 и слѣд.

Лизогубу, единственному сыну Черниговскаго полковника Якова Лизогуба, который несомнѣнно помогалъ Мазепѣ, за годъ передъ тѣмъ, въ Коломацкой его авантюрѣ. Послѣ смерти Ефима Л—ба, ок. 1705 г., К. досталась старшему его сыну Андрею. Подтвердительный универсалъ, на К. и другія села, Л—бъ выпросилъ у Скоропадскаго уже 21 ноября 1708 г., а царская грамота на эти маетности подписана 16 декабря того же года, въ *Лебединѣ*. [1]) Эти факты указываютъ, что Л—бъ былъ человѣкъ предусмотрительный и умѣлъ пользоваться обстоятельствами: несомнѣнно, что въ этотъ моментъ онъ доказалъ чѣмъ нибудь свою „вѣрность"... Заботясь такъ ревниво о сохраненіи отцовскаго наслѣдства, Л—бъ еще ревностнѣе заботился объ ихъ увеличеніи и о полученіи съ нихъ наибольшихъ выгодъ. (Оп. Ст. Малор., II, 444). Въ К. Л—бъ началъ хозяйничать не позже 1706 г. и очень измѣнилъ отношенія своего отца къ здѣшнимъ „подданнымъ". Евфимъ Л—бъ послѣднихъ не тѣснилъ, такъ какъ сынъ его засталъ въ К. крестьянъ, повидимому, зажиточныхъ; такъ, напр., крест. Скорикъ имѣлъ собственную „греблю", т. е. мѣсто, на которомъ могъ устроить водяной „млинъ", „жилъ на чиншу", т. е. платилъ державцѣ оброкъ, и затѣмъ былъ уже свободенъ отъ панщины. Новый державца сталъ понемногу отбирать у кр-нъ то, что̀ находилъ у нихъ лишняго. Такъ, у того же Скорика онъ отобралъ его греблю съ лознякомъ около, но такъ какъ эта гребля самому Л—бу была ненужна, то онъ ее продалъ своему старостѣ, Быховцу. Интересно отношеніе С—ка къ такимъ дѣйствіямъ державцы: спорить противъ насилія С—къ не могъ, но когда Быховецъ сталъ рубить лозу въ купленномъ имъ лознякѣ, то С—къ забралъ находившуюся тутъ Быховцову лошадь... Быховецъ немедленно же пошелъ къ Л—бу и положивъ ему 9 зол. „выкладу" (поруки въ справедливости жалобы), пожаловался на самоволіе С—ка; Л—бъ, подтвердивъ, что лознякъ принадлежитъ Быховцу и что С—ку касаться его болѣе нечего, тутъ же прика-

---

[1]) См. Генер. слѣдствіе о маетн. Нѣжинск. полка (Черниговъ,

залъ С-ку возвратить Быховцу его „выкладъ". Затѣмъ, другой староста Л—ба „позычилъ" у С—ка 2 осмачки жита для „пана", но возвращать не хотѣлъ. Въ другой разъ, такой же староста взялъ у С—ка, для „пана" же, возовъ 20 сѣна (потому что зима была бѣдная на кормъ), да еще и пять штукъ панскаго скота пригналъ къ С—ку на „зимнюю годовлю", по недостатку кормовъ у пана. С—ку, стало жаль своего добра и онъ громко протестовалъ противъ насилій державцы, за что Л—бъ пожаловался въ судъ и С—къ былъ наказанъ. Но умеръ Скоропадскій, а вслѣдъ затѣмъ явилась въ Глуховѣ Вельяминовская коллегія, объявившая, что она учреждена царемъ для защиты народа отъ насилій старшины. Слухъ объ этомъ прошелъ по всей гетманщинѣ и многіе изъ обиженныхъ въ прежнее время—стали обращаться въ коллегію съ жалобами. Жалобы отсылались къ Полуботку, въ генер. к—рію, гдѣ онѣ разсматривались—въ эти моменты—очень внимательно. Еще внимательнѣе стали разсматриваться такія жалобы послѣ того, какъ Румянцовъ (А. И.) объѣхалъ въ нач. 1724 г. всю Малороссію [1]) и когда, вмѣсто генер. старшины, были устроены въ Глуховѣ „правители" генер. к—ріи, а вмѣсто генер. судьи, стали вѣдать генер. судомъ „ассесоры судовъ войск. енеральныхъ". Вотъ въ это самое время задумалъ пожаловаться и С-къ—на *старыя насилія* своего державцы; жалобу свою онъ подалъ вмѣстѣ съ другими Крапивянами. Не смотря, что жалобы эти приносились на насилія старыя, „правители" тѣмъ не менѣе послали на мѣсто, въ Крапивную, двухъ в. товарищей для производства разслѣдованія. Удивившійся жалобѣ С-ка, Л—бъ писалъ въ генер. к—рію: „Павелъ С-къ, подданный мой, порочитъ на мене, что якоби я насилне отнялъ въ него греблю, якая гребля его зоставала и теперъ при немъ есть. Въ томъ мене невинне порочилъ и не доказалъ. А до того еще привсенародно, вышедши зъ церкви, матерно мене ганилъ и говорилъ тіе слова, держачи кій въ рукахъ: „еще не зарекаюсь я своего пана отимъ кіемъ оборочати!"—за якое дерзновеніе

[1]) См. въ Русск. Арх. 1880 г., статью—«Павелъ .''

онъ, С., билъ обвиненъ и до туремного вязеня, по суду в. енер. взятъ, и по туремномъ вязеню, наказалъ билъ судъ енер—ній его жъ, С—ка, кіями бити, и чтобъ онъ мене перепросилъ, а же С. кіевого бою не терпѣвши и за безчестя мене не просячи, еще всѣхъ убитковъ своихъ на мнѣ доправляетъ. Теды я прошу, жеби С. мнѣ протори, убитки и безчестя нагородивъ, потому, что за греблю не довѣвъ и бридкими словами мене и матку безчестивъ". На это объясненіе Л—ба не было обращено никакого вниманія, какъ это видно изъ рѣшенія, состоявшагося 24 іюля (1724 г.), по жалобамъ Скорика, при чемъ Л—бъ, находившійся на судѣ „персоналитеръ", ни однимъ словомъ не возражалъ, а только признавалъ заявленія своего противника, кромѣ заявленія о греблѣ, которую, повидимому, вернули Скорику еще раньше.... Тутъ же Л—бъ обѣщалъ всѣ претензіи Ск. удовлетворить. Поэтому, судомъ было постановлено, чтобъ Л—бъ далъ С—ку, „на особливомъ паперѣ, мирную", которая должна была служить обиженному ручательствомъ, что онъ дѣйствительно будетъ удовлетворенъ. Рѣшеніе было написано тогда же, 24 іюля, но судьями осталось неподписано. [1]) Почему?—Рѣшить

---

[1]) Приводимъ здѣсь въ сокращеніи несостоявшееся рѣшеніе генер. суда, какъ заключающее въ себѣ интересныя черты отношеній «державцы» къ своимъ «поданнымъ», удостовѣренныя самимъ державцей.—«Року 1724, м. іюля дня 12. По злѣценю почтенихъ ихъ милостей пановъ правителей в. енер. к—ріи, на войск. судѣ енер., слухана справа Павла Скорика, жителя Кропивянского з державцею того села паномъ Андрѣемъ Лизогубомъ, б. тов., в томъ, что, якоби в его, Скорика, обжалованний, отнявши греблю з лозою его власною, в Кропивной положене имѣючую, старостѣ своему бувшому, Івану Биховцю, продалъ. В якой лозѣ, когда Биховцового коня за зрубъ (лозы) чолобитчикъ заграбилъ, взялъ мененный п. Л—бъ и Ігнатъ, его староста, 9 золот. викладу, отъ Биховця положенихъ, и отказалъ, абы уже Скорикъ не владѣлъ оною лозою, а возвратилъ бы оной викладъ Быховцевѣ.—Кутъ лѣса, в кгрунтѣ Щуцкого прозиваемомъ, якобы отнялъ п. Л—бъ в жалобливого и владѣетъ лѣтъ 16. Жита 2 осмачки, мѣри Конотопской, на его п. Л—бову потребу староста Ковченко в р. 1710-мъ позичилъ в чолобитчика, въ тотъ часъ на

этотъ вопросъ очень трудно. Можетъ быть, Л—бъ отказался отъ выдачи С—ку „мирной“ по совѣту какого-нибудь дѣльца, указавшаго другой для него исходъ... Во всякомъ случаѣ, дѣло Л—ба со С—комъ указываетъ, что Кропивянскіе „подданные“ протестовали противъ насилій Андрея Л—ба и протестовали иногда въ рѣзкой формѣ... Кромѣ заботы о подчиненіи „подданныхъ“, Л—бъ въ Крапивной долго еще судился съ сосѣдями за степь, которая тянулась къ Парафіевкѣ, Рожновкѣ, Мартыновкѣ и Гайворону и которой границы—между этими селами—не были точно опредѣлены. Особенно настойчиво спорили съ А. Л—бомъ Мартыновцы, доказывая, что послѣдній захватилъ большую полосу принадлежащей имъ степи. Споръ трудно было рѣшить, потому что на этой степи Крапивяне, по множеству другихъ у нихъ земель, сами даже и травы не косили, а лишь нанимали эту степь подъ выпасъ воловъ, разнымъ лицамъ, гонявшимъ гурты для продажи въ „Гданскъ“ и „Кро-

---

чиншу сидѣвшого, якого до нынѣшное число не отдаетъ и отдавати не хочетъ.—Тотъ же староста сѣна стирту, воз. в 20, для товару п. Л—бового насилно забралъ и давалъ, тоеи жъ зими, на сѣно оскудной, пятеро панского товару на зимную годовлю Скорику, на чиншу в тотъ часъ живщому.—Зверхъ вишеписанного, жалобливый в чоломбитной выразилъ, что старости его п. Л., въ Кроп. живщіе, первий, Іванъ Быховецъ, гай нимъ вв. Ант. Мещенка купленний, отсудилъ ему, Мещенку, знову, неправедно, что купчой не показалъ, любо самъ продавца при розиску явилъ свою добров. продажу, толко что купчой не далъ Скорику Мещенко, того ради гроши повелѣлъ приняти, а гаю уступити... Ставши въ отвѣтѣ персоналне противъ суплѣкуючого, на судѣ енер., п. А. Л—бъ, по розиску п. п. Захаріемъ Калиновскимъ и Павломъ Романовичемъ, в товв., справленномъ и по свѣдителяхъ, въ ономъ виписанныхъ, Феска Чорного, Матвѣя Сѣрого и Ант. Мещенка, Кропивянскихъ, доброволне кутка гаю, межи кгрунтомъ Щуцкого прозиваемомъ, уступилъ, якъ помѣжчики тамошніе отведутъ, и не мѣетъ нѣкогда о оних упоминатится, а ежели тотъ кутъ рубанемъ дерева спустошенъ, то нагородить, по шацунку людскому, декляровалъ Скорику безъ всякого суду и позвовъ, на що саморучное далъ писмо поступное.—Лозу близъ гребелки чолобитчиковой стоячую, якою сталъ былъ Быховецъ, бывшій староста, по продажи п. Л—бовой владѣти, ему, Скорику, безпрепятно привернулъ, з приговоромъ таковымъ, же ежели дове-

левецъ великій". Пасли тутъ свои гурты, по показанію старожиловъ, разные купцы: Николай Ляхъ (изъ Польши), Семенъ Воротилякъ (изъ Ромна), Томашъ Манджосъ, Савка Нечай, Григорій Воловатый (т. е. Костенецкій, изъ Конотопа) и друг., при чемъ, какъ показали старожилы, „плата за пашу воловъ, съ початку, на церковь Кропивянскую вся ишла, а потомъ—половина толко, а другая половина на полковника Прилуцкого, бывшого Лазара взымалась; а якъ за п. п. Лизогубами тое село К. стало, оная дача за воли ишла на ихъ, п. п. Лизогубовъ". Плата установлена была по 2 коп. отъ вола, при чемъ пастьба продолжалась до Ильина дня.—Только въ 1727 г. кончилъ А. Л—бъ споръ съ сосѣдями за Крапивянскую степь, на которой онъ—и раньше и позже—поселилъ нѣсколько хуторовъ. Послѣ смерти Л—ба, въ 1737 г., имѣніями его подѣлились, послѣ долгихъ споровъ, четыре его дочери. Раздѣлъ замедлялъ главнымъ

дется, что Быховецъ в оную будетъ утручатися, то самъ п. Л—бъ Быховцю восптатити таковогo владѣнія обвязался, хочай бы и в купчой Быховцевѣ даной, тоей лози продажа показалась, и в правѣ з нимъ стоять не отмагался на судѣ, вимовляючи себе, же не давалъ купчои на лозу...... Сѣна возовъ 15, за старосту Кончeнка для п. Л—бового статку дармо взятихъ, позволяетъ онъ безпрепятно тое сѣно на своюй сѣножати одобрати.—Жита двѣ осмачки, хочай взялъ п. Л—бъ въ Скорика, своего подданного, на чиншу в тотъ часъ живщого, якъ в иннихъ подданихъ, панщину отбуваючихъ, однакъ ему толко самому возвращати, заразъ за пріездомъ в домъ, не отмовляетъ, даючи причину, что зо всѣхъ поданихъ его панскую работизну отбуваючихъ, жито збиралъ, упевняючи уменшенемъ панщини, а онъ в ту пору без панщини, на чиншу жилъ. . . . .

Теди судъ в. енер., по мирителномъ его п. Л—ба согласію и доброволной зъ Скорикомъ згодѣ, приговорилъ и децидовалъ, аби помененний п. Л—бъ подданному своему Скорику, за своею рукою, на особливомъ папери, мирную, о уступу кутка лѣса в кгрунтѣ Щуцкого прозываемомъ *и проч.* вручилъ... Старостамъ засъ Івану Биховцю *и друг.* особний указъ видатися мѣетъ (о вознагражденіи Ск—ка). Судъ енер. повелѣваетъ и видаетъ сіе писаніе за руками и печатю судовою потребуючой сторонѣ. Року и дня вишеписаннихъ».

Ассессори судовъ войсковихъ енералнихъ бунчуковое товариство. (Подписей нѣтъ). *(Съ подлинника).*

образомъ зять Л—ба Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Глуховскихъ канцеляріяхъ. На эти замедленія—другіе наслѣдники пожаловались въ сенатъ, откуда, въ к. 1740 г., полученъ былъ указъ „о высылкѣ, въ самой скорости, въ Спб., Валькевича—по дѣлу съ Журавкою о духовной Андрея Лизогуба и посылкѣ туда всего дѣла въ генер. и судовой к—ріяхъ находящагося". (Марк., II, 239). Сенатъ назначилъ особую коммисію для раздѣла Л—бовскаго наслѣдства, которою и было кончено это дѣло въ 1748 г. При этомъ К. съ хуторами досталась дочерямъ Л—ба: Марьѣ (женѣ Валькевича) и Евдокіи (ж. Як. Кулябки). Послѣ Марьи, ея часть унаслѣдовала дочь ея Софья, бывшая замужемъ за племянникомъ гетмана Разумовскаго, Мих. Будлянскимъ. Евдокія—Крапивянское свое имѣніе завѣщала сыну Андрею (1729 † 776) [1] и двумъ дочерямъ, Иринѣ (ж. Вас. Кулаковскаго) и Ульянѣ (ж. Алексѣя Покорскаго). Сыну отъ втор. мужа, малолѣтнему Данилу Стороженку, мать завѣщала деньги. Впослѣдствіи, часть Марьи Андреевны перешла къ ея внуку камергеру Алексѣю Будлянскому, [2]) а часть Евдокіи—къ ея внукамъ: корнету Федору Кулябкѣ (1751 † 1824) и дѣтямъ Ирины: (Кулаковскимъ) Степану, Марфѣ (м. Іоасафъ Костенецкій) и Евдокіи (м. Пироцкій).

Кр. П. 24 д. **А.** 46 д. **В.** 44 д. **В.** 60 д. пс. 11 д. **Г.** 42 д. 45 х. пс. 9 бд. х. **Д.** 50 д. 77 х. 13 бд. х. пс. 19 д. 24 х. 9 бд. х. **Кв.** **В.** 28 д. **Г.** 20 д. 23 х. пс. 5 бд. х. **Д.** 20 д. 45 х. Црк. Успенія Богородицы; свщ. Емельянъ Давыдовскій.—По опис. Пащенка, въ К. значатся домà: пріѣзжій Мих. Вл. Будлянскаго, о 3-хъ пок., „жилой" б. тов. Павла Конисскаго,

---

[1]) Первою женою его была Елена Степановна Тарновская, а второю—Матрена Васильевна Чеснокъ, вдова Василія Кулаковскаго, первою женою котораго была родная сестра Андрея Кулябки.

[2]) Отсюда—и *хуторъ Камергерскій*, около Крапивной. По смерти А. М. Будлянскаго, часть Крапивянскаго имѣнія перешла къ его наслѣдникамъ въ боковыхъ имѣніяхъ, а часть, отъ которой по случаю ея задолженности, отказались наслѣдники, была продана и куплена К. П. Острянскою (479 д. крест. и 1163 дес. земли, за 51 тыс. р.).

о 5-ти п., „жилой" отставн. прапорщиковъ Василія и Федора Кулябокъ, о 3-хъ пок. **Кв.** 20 д. 45 х. 9 бд. х. Кв. пс. 9 бд. х. **Кр.** Будлянскаго, 37 д. 61 х., „пастушьихъ" 13 бд. х., б. т. Конисскаго, 6 д. 7 х., ум. судьи Нѣж. Кулаковскаго, 12 д. 15 х., прапорщиковъ Кулябокъ 13 д. 16 х., ст. сов. Журавки, 1 д. 3 х.

Х. Щучья Гребля поселена, повидимому, Лизогубами и значится уже въ универсалѣ, выданномъ А. Л—бу, въ 1708 г. („гребля зъ млиномъ Щуцкимъ, о дву камняхъ"). Отъ Андрея Л—ба Щ. перешла къ дочерямъ его, а затѣмъ,—къ Кулаковскимъ и Будлянскому. Въ 1780 г., Щ., по опис. Пащ.—„тайн. сов. Будлянскаго, отъ с. Кропивной въ 4-хъ верст., надъ болотомъ Рудою, при коемъ имѣется плотина съ мельницею объ 1-мъ колѣ, въ немъ подсосѣдч. 16 хатъ".

Слоб. Лисогоръ „лежитъ по об. стор. рч. Лисогора, на скосогорахъ, въ чистыхъ поляхъ". (Пащ.). Л—ръ поселенъ, повидимому, Григоріемъ Стороженкомъ, вторымъ мужемъ Евдокіи Андреевны Лизогубъ; отъ этой жены у него остался сынъ Данило, которому и достался Л—ръ. Кромѣ того, по завѣщанію матери († 1745), Данилу были назначены деньги, по стоимости четвертой части ея имѣнія, при чемъ эта сумма опредѣлена была въ 16 т. р. Достигши совершеннолѣтія, Д. С—ко началъ съ братомъ Андр. Кулябкою и наслѣдниками сестры Кулаковской—споръ, доказывая, что назначеніе ему матерью денегъ, вмѣсто земель, было слѣдствіемъ происком ея зятя Вас. Кулаковскаго, подъ вліяніемъ котораго мать его писала свое завѣщаніе. Споръ этотъ былъ выигранъ уже дѣтьми С—ка.

Въ Л—рѣ Данило С. и жилъ. Женатъ онъ былъ на дочери генер. судьи Федора Лысенка, Катеринѣ, объ ужасной жестокости обращенія съ которою мужа сохранилось любопытное письмо сосѣда. [1]) Несмотря однакожъ на такія супружескія

---

[1]) Письмо писано тогдашн. Иваницк. земск. коммиссаромъ И. Конисскимъ (роднымъ братомъ Георгія Конисскаго), къ брату жены Стороженка.— «Високомилостивый государь мой Іосифъ Федоровичъ. На полученное мною отъ васъ, високомилостивого государа моего, писмо, въ отвѣтъ, съ моимъ вѣрнымъ усердиемъ и почтеніемъ, служу: какъ

отношенія, у Д. С—ка было четверо дѣтей, Петръ и Павелъ, Анна и Катерина. Оба сына въ 1797 г. были поручиками. По вѣд. 1753 г., въ Л—рѣ показано Кр. 17 д. 17 х. и 9 бд. х., а въ 1780 г.—51 д. 72 х. и 13 бд. х., принадлежавшихъ наслѣдникамъ, въ то время уже умершаго, Д. С—ка. Жена его пережила, такъ какъ за нею въ то время числились крестьяне въ Ржавцѣ (с 232).

у насъ отъ людей простихъ Лисогоровскихъ слишно, то такъ подлѣнно, что Катерина Федоровна, яко би з самого пріѣзду своего, содержится въ заключеніи такъ, что нихто ея не видитъ; первѣе, якоби была въ спалнѣ заперта и окована, окошко забито было такъ, что и малѣйшей свѣтлости ей не было; а послѣ, якоби била в погребѣ, отколь якоби почти совсѣмъ мертвую винесено и паки в тую жъ темницу положено, дней тому назадъ с пять, и якоби уже в оной темницы окошко отперто, и какъ сказуютъ, будто уже одного и ока нетъ, оглухла и умомъ помешалась. Хотя же кто к нему и приедетъ нарочито, чтобъ можно было Катерину Федоровну повидить, никто не моглъ видѣть; иногда скажетъ, что и его в домѣ нетъ, и не допуститъ в изби. Я просилъ пана сотника Красноколядинского Минѣцкого, чтобъ, едучи в Иваницу, нарочно побивалъ и покуріозовалъ, однакъ, его не допущено, а объявлено, будто онъ отехалъ в Иваницы, а Катерина Федоровна в Іржавецъ. Послѣ, с панею сотковою жена моя нарочито недавно ездила, тотъ же отвѣтъ получили, И вовси подлѣнно, что с нею нынѣ дѣется, знать не можно; однакъ подлѣнно то, что она и понынѣ в заключеніи. И я сіе по усердію моему объявляю, и прежде сисковалъ способу, какъ бы объявитъ, толко подлѣнно ни отъ кого узнать было неможно что с нѐю дѣется. Однакъ нижайше васъ, високомилостивого государя моего, прошу сіе при себѣ содержать, ибо, яко сосѣдъ мой, Данило можетъ великіе мнѣ бѣды дѣлать и пакостить. И ничемъ не можно ея — свободитъ, какъ виемкою отъ главной команды. Она можетъ все о себѣ показать. И затѣмъ предаю себе вашого високоблагородія милости, с моимъ добросердиемъ и преданнистію, ко услугамъ остаюсь таковъ высокоблагородія вашего вскмл. госуд. моего, всегдашний вѣрнії слуга Павелъ Кониский. 1775 г. марта 29. Кропивная. Покорно прошу писмо спалить». (Съ подлинника). Получивъ это извѣстіе, мать заключенной дочери — просила Малорос. коллегію «послать нарочную команду и силою

С. Рябухи, прав. бер. Ромна и рч. Березовица [1]), принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1740 г., когда управляющимъ Батуринской волости, генер. Вейсбахомъ, была присоединена къ Самборскому старосту. **Кр. П.** 8 д. **А.** 14 д. **В.** 11 д. **В.** 28 д. пс. 23 д. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 15 д. 23 х. пс. 21 д. 38 х. 18 бд. х. **Кв. В.** 61 д. **Г.** 45 д. 52 х. пс. 7 д. 7 х. **Д.** 45 д. 98 х. Церк. ап. Петра и Павла. Свщ. Семенъ Григоровичъ. Приведенныя цифры населенія поясняются свѣдѣніями Полякова, изъ которыхъ видно, что въ 1729 г. въ Р. было крест.—28 д. и подсосѣдк.—23 д., а въ 1744 г. оказалось крест. 5 д. и подсос.—4 д.; изъ числа кр—нъ выбыли: 1) во владѣніе старшины и посполитыхъ—7 д., 2) вписался въ козаки—1 д.; 3) въ ревизіи написанъ, а своего двора не имѣлъ—1 д.; 4) въ той же ревизіи дважды написанъ—1 д. и 5) сошло и померло, а пляцы ихъ впустѣ—13 д. Изъ подсосѣдковъ ушло и умерло—19 д. Дальнѣйшее движеніе населенія въ Р. видно изъ описанія Пащенка. Коз.—45 д. 98 х. Подданныхъ: гр. К. Г. Разумовскаго—4 д. 6 х. и сотника Кр.-Кол. Миницкаго—11 д. 17 х. Подсос. плквнка Луб. Максимовича—3 д. 4 х., атам. сот. Кр.-Кол-го Григорія Бѣлецкаго—1 д. 1 х., в. тов. Ант. Федоровича—6 д. 11 х., зн. тов. Дан. Салогуба—1 д. 2 х., хоруж сот. Матвѣя Полторацкаго—1 д. 1 х., бывш. войска Запорожск. полк.

оной, отъ него Стороженка освободить ее въ домъ мой». Изъ коллегіи было написано тогдашнему Прилуцк. полк—ку Якубовичу, который, 7 апр., т. г, доносилъ въ коллегію: «я, съ г. в. тов. и коммиссаромъ Ковицкимъ, с. г., апр. 7 числа, самоперсонално въ домѣ оного Стороженка обретались и ко благопосредственности восписанного дѣла—болѣе увѣщаніями, нежели строгостію моего уряду и г. г. майора Милорадовича и ротм. Скоропадского приглашали, с коими засилу онаго Малор. коллегіи указа, Данила Стороженка жену его Катерину Федоровну истребуя, в домъ к оной матери ея к отправленію, г. б. тов. Осипу Лисенку, брату ея, действително препоручили»... Къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ тиранствѣ мужа надъ женою и о причинахъ его—нѣтъ.

[1]) Въ актѣ 1654 г., «подъ сел. Рабухами» указывается *рудка Березовица* (с. 241).

старшины Онуфрія Латы—2 д. 5 х., попа Рябух. Семена Григоровича—3 д. 6 х., попа с. Дмитровки Ладинскаго—1 д. 1 х., коз. подсосѣдк.—2 д. 4 х. 14 бд. х.

С. Дмитровка, рч. Крапивная, притокъ Ромна, по свѣдѣніямъ Литовск. метрики, въ 1643 г. значится *слободою*, принадлежащею къ „городищу Грайворону", владѣнія Вишневецкаго. Въ актѣ 1681 года упоминается Романъ Дмитренко, „сынъ осадцы с. Дмитровки", откуда видно, что поселеніе это названо по имени своего основателя. Изъ того-же акта 1681 г., видно, что при полякахъ Дмитровка и Рябухи принадлежали къ „ключу Краснянскому", въ которомъ распоряжался „державца п. Кондратъ Грекъ". Въ этомъ же актѣ сохранилось извѣстіе, что Грекъ „своими власными подданными разсказалъ (въ Дмитровкѣ) гребелку на рѣчцѣ Кропивномъ, Дмитровцямъ и Рябушанамъ, уфундовати, которые тую гребелку своему державному п. К. Греку займали и панщинною, яко подданные, засипали и фундовали". [1])

При козацкомъ урядѣ Д. оставалась ратушнымъ селомъ до 1740 г., когда Вейсбахомъ (см. ниже, Самборы) было присоединено къ Самборскому старостству. **Кр. П.** 18 д. **А.** 11 д. **В.** 13 д. **В.** 41 д. **Пс.** 14 д. **Г.** 16 д. 18 х. **Д.** 5 д. 12 х. пс. 11 д.

---

[1]) Три акта о Дмитровскомъ «млинѣ» Грека—получили мы когда то, въ копіяхъ, отъ С. Д. Носа, имѣвшаго хорошую привычку, при посѣщеніи разныхъ пановъ и паяковъ,—разыскивать у нихъ разные старинные «шпаргалы», съ которыхъ тутъ же списывалъ копіи, и —возвращая подлинники—убѣждалъ владѣльцевъ—беречь ихъ... Дмитровскіе акты онъ добылъ, повидимому, въ Дмитровкѣ, у одного изъ потомковъ в. т. Павла Долгаго, которому эта мельница досталась въ 1681 г., по «листу» Л. Горленка («позволилисмо Павлу Довгому, тов. в., греблю панскую (т. е. принадлежавшую польскимъ панамъ) въ с. Дмитровцѣ лежачую, фундовати»). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сыновья мельника, сидѣвшаго въ мельницѣ при Грекѣ, стали присвоивать эту мельницу, вслѣдствіе чего въ 1681 г. было произведено на сельскомъ урядѣ слѣдствіе, по которому и разъяснилось—какъ происхожденіе мельницы, такъ и то, что отецъ претендентовъ, «Гарасимъ мелникъ, зъ Гайворона, толко мелникомъ былъ, а не самъ былъ фундаторомъ»...

38 х. 25 бд. х. **Кз. В.** 42 д. **Г.** 32 д. 37 х. пс. 13 бд. х. **Д.** 40 д. 117 х. Црк. пресв. Троицы; свящ. Иванъ Свѣтильскій. По свѣдѣн. Полякова, изъ показанныхъ въ 1729 г.—къ 1744 г. оставалось: крест.—6 дв. и подсос. 3 дв., а изъ остальныхъ „сошло и померло",—крест. 25 дв. и подсос. 10 дв. По описанію Пащенка, подсосѣдки были слѣд. владѣній: четырехъ Бѣлецкихъ—7 дв. 26 х. 12 бд. х., Долгихъ—2 д. 5 х. 3 бд. х., священ. Ивана Свѣтильскаго и Фед. Золотаренка—3 бд. х., сотника Миницкаго—1 д. 5 х., хоруж. сот. Кричка—7 бд. х.

„Слободка" Рубанка „лежитъ на пространной, чистой степи, по обѣимъ сторонамъ протока Рубанки". (Пащ.). Рубанская дача составляетъ часть степи, нѣкогда принадлежавшей двумъ селамъ, Гайворону и Крапивной. Исторія поселенія Р. разсказана въ жалобѣ Гайворонскихъ козаковъ, поданной на имя императрицы, въ 1747 г.,—„въ прошлыхъ, давнихъ годахъ, имѣющимся при с. Гайворонѣ собственнымъ нашимъ сѣнокоснымъ степомъ и пахотнымъ полемъ, въ смежности съ степомъ умерш. б. т. Андрея Лизогуба, называемымъ Кропивянскимъ, владѣли предки наши и мы... Въ недавнѣхъ же годахъ, бывшій въ М. Россіи, въ надсмотрѣніи описныхъ изъ-за гетмана (т. е. послѣ гетмана) маетностей ген.-м. Девесенбахъ (Вейсбахъ), объѣздя тѣ описныя маетности и разсмотрѣвая оныхъ владѣніе, заѣхалъ, невѣдомо почему, къ вышепоказаннымъ, т. е. гетманскимъ, маетностямъ, издревле владѣемый нами степъ и велѣлъ на ономъ сѣно косить, на конскій заводъ, въ с. В. Самборѣ имѣющійся... Нынѣ же, за отбытіемъ изъ М. Россіи помянутого Девесенбаха, обрѣтающійся въ надсмотрѣніи означенныхъ конскихъ заводовъ, конной гв. поручикъ фонъ-Лоссовъ, на Кропивянской Лизогубовской, такожъ Девес-мъ напрасно завладѣнной землѣ, *поселилъ собою вновь слободу*, и тотъ нашъ степъ, называя оной Гайворонскимъ, напрасно ко владѣнію той же новопоселенной имъ слободки привернулъ... [1]) Поселенная Лоссовымъ слободка и была

---

[1]) «Очерки», с. *Рубанка.* Тутъ же помѣщенъ списокъ 45-ти домохозяевъ, составлявшихъ населеніе Рубанки въ 1767 г., съ показаніемъ—когда и откуда пришелъ каждый изъ нихъ „на слободу". Изъ этого списка видно, что первымъ поселенцемъ тутъ былъ козакъ изъ

Рубанка. По указу 5 іюня 1750 г., Батуринская волость, вмѣстѣ съ другими „описными" маетностями, отдана были новому гетману Разумовскому, при чемъ частицею этой волости была и Р—ка. По Румянц. описи, въ Р.—45 дв., а въ 1780 г.—54 д. 74 х.

Иваницы, Дмитренко, явившійся сюда въ 1740 г.; въ 1742 г. явился еще одинъ, въ 1743 г.—два, въ 1744 г.—еще два и т. д.—При распродажѣ имѣній Разумовскаго, въ Конот. у., Р—ка, въ 1811 г., была продана кол. ас. Георгію Степановичу Кромидѣ (за 13 т. р.). Это былъ «дворянинъ г. Іоаннинъ», выѣхавшій оттуда въ 70-хъ гг. XVIII в., въ г. Нѣжинъ, гдѣ «будучи восхищенъ благополучнѣйшимъ состояніемъ Россійскихъ вѣрноподданныхъ и премудрымъ правительствомъ, оставя отечество, сродниковъ, великолѣпный домъ, недвижимое имѣніе и проч., остался навсегда въ Нѣжинѣ, и женился въ М. Россіи»... (Свидѣтельство «Іоаннинскаго» архіеп. Макарія и друг. 1784 г., съ подлинника, наход. у А. К. Рачинскаго, въ с. Рубанкѣ). Изъ свѣдѣній о службѣ Ю. С. Кромиды, видно, что въ 1784—98 г.г. онъ былъ ассесоромъ казенной палаты Таврич. области, а затѣмъ наход. въ отставкѣ. Женился К—да въ 1781 г., тамъ же, въ Нѣжинѣ, на дочери Григорія Паскевича, Аннѣ, принесшей мужу оч. богатое приданое. Тесть К—ды былъ, повидимому, тотъ самый «бунч. товар. и бурмистръ Нѣжинскій Паскевичъ», который обозначенъ, въ 1780 г., въ числѣ домовладѣльцевъ г. Нѣжина. (Опис. Ст. Малорос., II, 66). Прилагаемъ здѣсь списокъ приданаго, полученнаго К—дою отъ Паскевича, за женою. Составъ его совершенно уже отличается отъ той движимости, въ одеждѣ и вещахъ, которую—еще недавно передъ тѣмъ—давала, въ Малороссіи, богатая старшина въ «вѣно» за своими дочерьми. Тутъ мы видимъ уже *брушлеты*, *реброны*, *мантеліи* и даже *шляпки паризкія*. Совершенная замѣна *стараго новымъ*, въ домашней обстановкѣ, у богатыхъ Нѣжинцевъ,—зависѣла, какъ отъ большаго ихъ общенія съ великорусскимъ обществомъ, такъ и отъ постоянныхъ торговыхъ сношеній Нѣжинскихъ грековъ съ европейскими центрами, при чемъ не трудно было получать оттуда всякія *мантеліи* и *шляпки*.

«Господи благослови. 1781 г., ноября 1 дня. За дочерью моею Анною, далъ я въ приданое Юрію Степановичу Кромидѣ движимаго имѣнія, а сколко чего значитъ ниже сего. Три иконы на благословеніе, сребра вышло на оніе съ позолоткою, на 80 р.—*До галанти-*

С. Григоровка, „надъ небольшимъ протокомъ, на коемъ двѣ плотины, о 2-хъ колахъ" (Пащ.), поселена на земляхъ с. Гайворона, ок. 1700 г., Гайворонскимъ козакомъ Корнѣемъ Салогубомъ, какъ это видно изъ свѣдѣній генер. слѣдствія: „с. Гайворона атаманъ Корнѣй Салогубъ купилъ у Гайвор. жъ козака Германа Чорныша пустую хатку къ своему грунту, а купивши, загативъ греблю и устроилъ млинъ и футорокъ, который со всѣми угодіями, за Мазепы, гетмана, продалъ Григорію канцеляристѣ, и якъ достался тотъ футорецъ по куплѣ Григорію, то нѣсколко хатокъ около хуторца поселилось."

рей принадлежитъ: перстень и серги бриліантовы—810 р.; другой перстень и серги бриліантовы снопками—200 р. Сердечко бриліантовое, на шею, 251 р.—Брушлеты золотые съ красн. каменьями 50 р.—Часы золотые, карманные 115 р.—500 зернатъ жемчугу уріанского, по 1 р. 35 к., всего 675 р. *Серебро.* Пламенажъ, вѣсу бреславского 16 марковъ $12^1/_2$ лот., по тамошней цѣнѣ, по 22 чешскихъ, 184 р. 20 к.—Пули (?) до туалета—20 р. Всего серебра на 1113 р. 40 к.—Сервизъ чайной фарфоровой, красный, съ цвѣтами, 75 р.—*Платье дамское и приборы къ головѣ.* Ребронъ бѣлой, вѣнчальной, 130 р.—Ребронъ съ золотыми зеркальными полосами и накладкою ліонскою, 172 р.—Полинезъ лилевой, 130 р.—Платья: куртка съ суконною палевою юпкою, 30 р.—Ковта съ юпкою, капуциновые, 20 р.—Бекеша съ бѣлого атласу и фракомъ (?) соболнымъ и опушкою фостами соболіовими, 158 р.—Мантелія зъ золотой богатой парчи, обложена соболными фостами и тафтою подшита, 125 р.—Шуба штофная французская, разноцвѣтная, голубая, подшита съ черно-бурой лисицы шлями, 100 р.—Тулубъ голубой, съ гамбурзугазы, подшиты белимъ мекомъ, 55 р.—Галстукъ соболей на шею, 95 р.—Три шляпки паризкихъ, съ разнимо перьями, 75 р. *До постели.* Павилионъ едомашки малиновой, зъ золотою тясмою и золотыми мохрами, 335 р.—Карета 280. Четыре лошади, 350.—Двѣ дѣвки крѣпостныхъ Арина и Евдокія, 200 р.—А всего 8500 р. Григорій Паскевичъ». (Съ подлинника, любезно сообщеннаго намъ А. К. Рачинскимъ).

Къ этому можно добавить, что Нѣжинскій Паскевичъ былъ едва ли не дядя фельдмаршала кн. Паскевича, считавшаго себя близкою роднею недавно умершей Рубанской владѣлицы, А. Е. Дараганъ втор. мужу Фроловой), внуки Ю. С. Кромиды.

Хуторъ этотъ получилъ названіе *Григоровки*. Но канцеляристъ „Григорій Григорьевъ“, за участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ, былъ сосланъ [1]) и оставшійся безъ хозяина хуторъ выпросилъ у Скоропадскаго—Петръ Корецкій, зять полковника Мих. Миклашевскаго; отъ Корецкаго Григоровка перешла къ Ивану Чарнышу; но у послѣдняго отобралъ Г. самъ гетманъ и отдалъ ее, въ 1718 г., своему брату Василію, который, будучи Черниг. обознымъ, жилъ далеко отъ Григоровки, почему, вѣроятно, и передалъ ее въ полное распоряженіе сыну Михайлу. Послѣдній значительно увеличилъ Григоровскія земли, главнымъ образомъ захватывая земли у Гайворонскихъ козаковъ. [2]) Въ 30-хъ г. г., въ Г—кѣ построена была церковь во имя архистр. Михаила, и къ пол. XVIII в. Г. стала настоящимъ селомъ. За цѣлость его Ск—ій впрочемъ очень всполошился, когда,—при производствѣ ревизіи въ 1753 г.,—ревизоры совсѣмъ пропустили, сосѣднюю съ Г—кою, слободку Бѣл. Вежи, недавно передъ тѣмъ поселенную Кочубеемъ. По этому поводу Ск—ій писалъ Прилуцкому полковнику слѣд. интересное письмо: „Сердечный мой добродѣю. Ревизори сотнѣ Кр.-Кол—ой, въ томъ числѣ и селца моего Григоровки, сотникъ Ічанскій и атаманъ Кр.-К-ій, столко по той своей должности—въ сочиненіи полѣценной (порученной) имъ ревизіи—не тщателни, что цѣлую слободу Василія Кочубея, бунч. тов., позадѣ моего селца Г—ки въ 30-ти дв. состоящую и по обрядамъ церковнимъ, до парахвіи Григоровской принадлежачую, поленившися въ оную слободу, (которая отъ Г—ки въ полтори толко верст. положеніе свое имѣетъ), сами поѣхать, въ нынѣшнюю о дворовомъ числѣ всякаго званія людей сочиняемую ревизію написать поупустили... И если и теперь тая слободка отъ ревизіи минована будетъ, несомнѣнно—околичнихъ селъ обивателѣ, смотря на тамошное отъ всѣхъ тяжестей уволненіе, старіе свои мѣста оставивши, перейдутъ въ оную слободу жить, а осталніе люди въ тихъ селахъ въ ревизію написанніе, отъ того разоратимутся“... **Кр. А.** 32 д. **В.** 50 д. **Г.** 34 д. 86 х. **Д.** 102 д. 130 х. 13 бд. х. **Кз. нѣтъ**. Црк. архстр. Михаила. Свящ. Иванъ А.

[1]) Ист. М. Россіи, Б.-Каменск., Ш, 118.

[2]) Діаріушъ Ханенка, 47.

Яновскій. По между двумя Пащенка, „подда... Ивана Ск... скаго — 36 дв. 43 х. ...о, 66 дв. 87 „при дворѣ его (Якова... ...жителскихъ— хатъ. По этому же описані... Ск. показанъ—о покояхъ.

Корибутовская сотня, занимавшая оба берега Ромна, у его верховьевъ, существовала съ 1649 г., на ряду съ Голенскою, но затѣмъ, соединившись съ послѣднею, продолжала свое существованіе до 70-хъ г.г. XVII в., когда, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, присоединена была къ Кр.-Колядинской. Затѣмъ Крб—ая сотня вновь была открыта въ 1738 г. когда, по мысли Безбородка и по распоряженію А. И. Румянцова, учреждено было нѣсколько новыхъ сотенъ, для того, какъ говорили, чтобы ген. к—ріи имѣть возможность распоряжаться большимъ количествомъ вакансій на сотничьи уряды... Однакожъ эти новыя сотни, по сенатскому распоряженію, скоро были и упразднены (1742 г.). Послѣ этого, Крб—ая сотня снова оставалась въ составѣ Колядинской сотни до 1751 г., когда, по ордеру Разумовскаго, „велѣно было сотню Крб—ую отъ сотнѣ Клд—ой паки раздѣлить попрежнему.“ Очень можетъ быть, что это новое отдѣленіе Крб—ой сотни было сдѣлано по представленію того же Безбородка, которому какъ разъ въ это время возвращенъ былъ прежній урядъ ген. писарства (Русск. Арх., 1875 г., кн. I, стр. 314). Послѣ этого Крб—ая сотня существовала до уничтоженія козачьяго управленія. Въ этотъ второй періодъ существованія сотни—центромъ ея была уже Голенка, а не Корибутовъ, который, съ присоединеніемъ его къ Самборскому староству, обратился въ незначительное село. Поэтому, во втор. пол. XVII в., Крб—ая сотня часто называется и Голенскою.

Корибутовскіе сотники. Степанъ Семеновъ, 1654. Яцко Драпика, 1672. Павелъ Ясликовскій, 1739. Самойло Левандовскій, 1740—750. Павелъ Дембовскій, 1752—759. Василій Рудковскій 1760—767. Власъ Жураковскій, 1767—777. Степанъ Воротилякъ 1777—781.

…тую Крб—ую
…ію, канцеляри-
генер. … …е за выборами
к—рія пору… …Сверскому. Выборы
произведены в… …51 г., о чемъ сотняне
доносили гетман… …а отъ в. ясн—ти ордеръ о
…вленіи Корибутов… …отъ Кр.-Кол—ой, по показаннымъ въ томъ ордерѣ обстоятельствамъ, по прежнему, съ равномѣрствомъ въ числѣ козаковъ, по способности, и о виборѣ ко опредѣленію въ ту Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ—изъ заслуженихъ и того чина достойнихъ людей—человѣка, двохъ или трохъ, на онуую сотню кандидатовъ. Ми, оной сотнѣ Крб—ой атамани и товариство, вашей ясн—ти високое о битіи, по прежнему, Крб—ой сотнѣ и настоящому сотнику, повелѣніе, зъ присланного отъ полк. Прил. к—ріи къ намъ, чрезъ сотника Иваницкого Свѣрского, объявленного ордера, и по трократномъ насъ спрашиванію, по общему нашему согласію, желаемъ себѣ имѣть сотникомъ настоящимъ в. канцеляристу Павла Дембовского, а къ нему у кандидаты—нын. Голюнского атамана Сем. Прокопенка. Такъ учинивъ сей выборъ волными голосами на оного канц—сту Дембовского, ко опредѣленію его въ сотничный чинъ, при семъ нашемъ виборѣ представляемъ"…. Прошеніе это подписано 39-ю козаками с.с. Голенки, Дептовки, Гирявки и Липового [1]). Но рядомъ съ этимъ „доношеніемъ", послано было гетману и другое, отъ другой группы выборщиковъ, причемъ послѣдніе писали: „канцеляристъ енер. суда Дембовскій, прибивши въ сотню Кр.-Кол—ую съ ордеромъ в. ясн—ти о виборѣ намъ нижайшимъ, кого обще всѣ бывшей Крб—ой сотнѣ

---

[1]) Здѣсь нѣтъ козаковъ с. Гайворона, вѣроятно потому, что во время выборовъ это село не предполагалось включать въ Крб—ую сотню. Оффиціальное указаніе селъ, изъ которыхъ составилась Крб. сотня, сдѣлано было послѣ утвержденія Д—аго сотникомъ. Слѣдоват. и козаки с. Липоваго участвовали въ выборахъ потому, что это село …редполагалось включить въ новую сотню. Въ выборахъ не участ…вали козаки с. Фесевки, коихъ было всего 4 двора. Въ остальныхъ …ъ новой сотни *козаковъ не было.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингoвская улица.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 іюля 1901 года.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Формы труда у евреевъ въ южной Россіи.[1])

(*Историко-этнографическія замѣтки*).

Въ статьѣ „Евреи въ южной Россіи“ („Кіевск. Стар.

---

[1]) Настоящая статья составляетъ продолженіе статьи «Евреи въ Южной Россіи («Кіевск. Стар. 1901 г. № 1) и непосредственно примыкаетъ къ статьѣ «Смѣна народностей въ Южной Россіи» (Кіевск. Стар. 1883 г. № 5 и 7 и 1884 г. № 9 и 11), а потому въ ней преслѣдуются исключительно этнографическія цѣли. Въ послѣднія два десятилѣтія XIX в. въ Южной Россіи произошли общественно-экономическія явленія громаднаго значенія, какъ напр.—энергическій ростъ заводской (сахарной, каменноугольной, желѣзодѣлательной и пр.) жизни, пересѣченіе края желѣзнодорожною сѣтью, развитіе хлѣбнаго экспорта, введеніе монополіи, переселенческое движеніе и т. п. Несомнѣнно, такія явленія отразились и на занятіяхъ евреевъ, но происшедшія при этомъ измѣненія не успѣли еще вылиться въ устойчивыя формы, которыя только и могутъ служить матерьяломъ для этнографическихъ выводовъ. Вслѣдствіе этого, матерьяломъ для опредѣленія формъ труда евреевъ послужило время, предшествующее отмѣченному періоду, именно время, заканчивающееся семиде-

1901 г. № 1) было выяснено, что въ предѣлахъ южной Россіи

сятыми годами XIX ст., когда виды занятій южно-русскихъ евреевъ можно наблюдать, какъ явленія устойчивыя и потому служащія къ выясненію этнологическихъ особенностей народа.

Источниками служили, кромѣ указанныхъ въ первой статьѣ:

1) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европ. Россіи. 1861—62 г. Волынская, Гродненская, Черниговская, Екатеринославская губ.

2) *Столпянскій.* «Девять губерній западно-русскаго края». 1866 г.

3) *Леонтовичъ.* «Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи» 1861.

4) *Елисѣевъ.* «Производительныя силы Россіи» («Отеч. Зап.» 1868 г. № 12).

5) *Оршанскій.* «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи» («Еврейская библіотека» т. 2, 1872 г.) и «Евреи въ Россіи» 1872 г.

6) «Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи».

7) „Архивъ историческихъ и практич. свѣдѣній о Россіи" Калачова. 1860, кн. 4.

8) *Ив. Шмаковъ.* «О еврейскихъ колоніяхъ» («День» 1869 г. №№ 9—11).

9) *Демидовъ Санъ-Донато.* «Еврейскій вопросъ».

10) *Червинскій.* «Экономическія скитанія» («Отеч. Зап.» 1880, №№ 6, 7).

11) *Кельсіевъ.* «Галичина и Молдавія» СПБ. 1818 (203—224).

12) *Варзеръ.* «Евреи-арендаторы въ Черниг. губ.» („Отеч. Зап." 175—197).

13) *Овсянниковъ.* «Географическіе очерки и картины» т. II. «Очерки и картины Малороссіи» 1880 г.

14) *Деппингъ.* «Бытъ и нравы евреевъ въ средніе вѣка» («Разсвѣтъ»).

15) *Берлинъ.* «Очеркъ этногр. еврейск. народонаселенія въ Россіи». Этногр. сборникъ. 1862 г. вып. V.

16) *Богровъ.* «Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи». «Слово». 1878 г. № 2 (11—20).

17) *Чаславскій.* «Вопросы русскаго аграрнаго устройства. Ст. 2, «Отеч. Зап». 1879 г. № 1 (229—230).

живутъ, главнымъ образомъ, такъ называемые польскіе евреи. [1]) Польскіе евреи—талмудисты, и это обстоятельство имѣло и имѣетъ до послѣдняго времени существенное вліяніе на соціально-бытовыя воззрѣнія евреевъ и ихъ экономическую оригинальность, а въ связи съ этимъ и на занятія ихъ.

Съ паденіемъ государственной самостоятельности евреевъ и съ разселеніемъ ихъ среди племенъ разныхъ религіозныхъ исповѣданій и разнообразныхъ этнографическихъ особенностей, прежній кодексъ религіозныхъ и соціально-бытовыхъ установленій, какой евреи имѣли въ видѣ библейскихъ книгъ, оказался невыполнимымъ при ихъ новыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ

---

18) *Драгомановъ*. «Евреи и поляки въ юго-зап. краѣ». „Вѣст. Евр". 1875, № 7 (134—143).

19) *Костомаровъ* «Объ отношеніяхъ галицкихъ русскихъ къ сосѣдамъ» «Основа» 1862 г. № 5.

20) *Костомаровъ*. „Іудеямъ" „Основа" 1862 г. Январь (42—48).

21) *Шлейснеръ* «Какъ отдаются въ аренду казенныя оброчныя статьи». «Отеч. Зап. 1881 г. № 1 (32—49).

22) Еврейскія колоніи Новороссійскаго края» («Журналъ Мин. Госуд. Имущ.» 1883, № 3).

23) *Волковъ*. «О сельскихъ ярмаркахъ по значенію ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности» (Зап. Юго-Зап. Отдѣла Географ. Общ. т. I).

24) Журналы и газеты за 1881 г., когда по поводу еврейскихъ безпорядковъ повременная литература заполнена была матерьялами о евреяхъ.

[1]) Встрѣчаются еще: *турецкіе* евреи въ южныхъ коммерческихъ портахъ: въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и особенно въ крымскихъ городахъ; *курляндскіе* евреи въ новороссійскихъ колоніяхъ; *кавказскіе* евреи—въ Кубанской области и нѣсколько въ большемъ количествѣ евреи-караимы по всему краю, а особенно въ Крыму и въ Волынской губерніи. Но четыре послѣднія группы евреевъ уже по одной своей малочисленности не оказываютъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ краѣ, особенно сравнительно съ польскими евреями.

сохраненіе іудейской традиціи требовало теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, напряженія силъ и средствъ, иначе націи предстояло затеряться среди другого господствующаго населенія, ассимилироваться съ нимъ, и, такимъ образомъ, утратить свою миссію въ мірѣ. Всякій народъ безъ борьбы пассивной или активной никогда не отказывается отъ самого себя, отъ своего этнологическаго богатства, а тѣмъ болѣе съ подобнымъ положеніемъ невозможно примириться для іудаизма. У народовъ на извѣстной ступени культуры встрѣчается одна общая черта—это строгое разграниченіе между членами одной и той же общины, одной и той же племенной группы—съ одной стороны, и остальнымъ населеніемъ—съ другой. Но между тѣмъ какъ у большинства народовъ съ теченіемъ времени, при возвышеніи культурнаго уровня, указанныя антисоціальныя черты стушевываются, нѣкоторыя націи какъ бы окаменѣваютъ на этой ступени пониманія интернаціональныхъ взаимодѣйствій, развиваютъ ихъ въ подробностяхъ и кодифицируютъ обычно религіознымъ освѣщеніемъ. Послѣднимъ путемъ шло именно развитіе еврейскаго народа. Съ момента появленія іудаизма въ исторической жизни, характеристическую черту ихъ національнаго воззрѣнія представляетъ понятіе о себѣ, какъ о народѣ привилегированномъ, единственно излюбленномъ Іеговой, народѣ, носящемъ въ себѣ самомъ будущую славу человѣчества, а вмѣстѣ и власть надъ міромъ, а рядомъ другое понятіе объ остальномъ человѣчествѣ, какъ о нечестивомъ, неугодномъ Іеговѣ язычествѣ и рабѣ въ будущемъ властныхъ потомковъ Израиля. Такое міровоззрѣніе евреевъ олицетворилось въ ихъ представленіи о Мессіи и его царствѣ, достиженіе котораго связано съ сохраненіемъ національнаго типа. Понятно, какая трудность предстояла для евреевъ въ выполненіи послѣдняго требованія при условіяхъ новой, оазисной жизни среди народностей, отверженныхъ Іеговой, когда отъ смѣшенія съ послѣдними не ограждала ихъ раньше и замкнутая государственная жизнь въ землѣ обѣтованной. Ближайшимъ послѣдствіемъ новыхъ условій жизни было постепенное измѣненіе прежняго соціально-религіознаго

кодекса Библіи съ цѣлью приспособленія его требованій къ новой обстановкѣ. Такое постепенное измѣненіе Библіи къ концу III-го вѣка по Рожд. Хр. выросло въ 18 томовъ талмудическихъ книгъ („Мишне"—6 томовъ и „Гемаре"—12 том.). Въ талмудѣ формулирована еврейскими мудрецами и богословами вся жизнь народа и отдѣльнаго члена его не только въ принципахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ жизни; въ немъ предусмотрѣны: пища, одежда, взаимныя отношенія членовъ іудейскихъ общинъ и таковыя же къ иностранцамъ. Но патріархальная точка воззрѣнія на человѣческій міръ осталась неприкосновенною: подобно библейскому іудею, талмудическій еврей дѣлитъ человѣчество на двѣ неравныя половины: съ одной стороны евреи, потомки богоизбраннаго Израиля, а съ другой—остальное человѣчество—„гои". Религіозная нетерпимость и отсюда національная обособленность, при теологической основѣ міровоззрѣнія, характеризующія вообще семитическіе народы, рѣзко выразились въ талмудическихъ установленіяхъ. Послѣдующая исторія евреевъ въ Западной Европѣ способствовала не ослабленію, а усиленію антисоціальныхъ особенностей талмудистовъ. Еврейское племя, какъ извѣстно [1]), въ Европѣ до XVII в. почти не введено было въ общую жизнь, а представляло собой какъ бы своеобразный наростъ въ жизни чуждыхъ ему народностей и государствъ, которыя постоянно старались, нерѣдко жестокими средствами, освободиться отъ него. При такомъ положеніи новая жизнь не вливалась въ общественный организмъ евреевъ, и послѣдній не преобразовывался подъ разными смѣнявшимися требованіями исторической жизни Европы, а неизбѣжныя и почти всегда печальныя перипетіи въ положеніи евреевъ только отражались поверхностными измѣненіями на структурѣ еврейскаго народа въ смыслѣ разнообразныхъ, нерѣдко уродливыхъ приспособленій къ практическимъ условіямъ. Отсюда произошло то оригинальное явленіе

---

[1]) «Евреи въ южной Россіи» (историч. справка) Кіевск. Ст. № 1.

въ развитіи евреевъ, что этотъ народъ остался въ существѣ своемъ недвижимъ въ своихъ грядущихъ поколѣніяхъ. „Предъ нимъ исчезаютъ племена, говоритъ Костомаровъ, возникаютъ новыя народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перерождаются, а этотъ народъ все тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ. Ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козачества не измѣнили ихъ (евреевъ) ни на одну іоту“ [1]). Еврейское населеніе XIX в. ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того же племени перваго вѣка: „оно, по словамъ д-ра Іеллинека, упорно сохраняетъ всѣ принципы, однажды имъ принятые, формы, имъ самимъ выработанныя, духовныя вспомогательныя средства, которыми оно пользуется, нравы, въ которыхъ оно ужилось, и міровоззрѣніе, которое оно себѣ составило“ [2]). Стволъ, основа талмудическаго іудаизма, остались непоколебимыми, неприкосновенными, а кипѣвшая и бушевавшая бокъ о бокъ, но внѣ еврейства, европейская жизнь, отразилась лишь своего рода поверхностными напластованіями. Между вліяніями и силами, управлявшими наслоеніемъ на поверхности еврейскаго общественнаго организма, доминировалъ всегда гнетъ, подъ которымъ евреи неоднократно стонали въ различныхъ полосахъ Западной Европы. Подъ вліяніемъ такой мрачной силы, внутри еврейства, съ одной стороны, развились превосходныя качества: гнетъ, заставляя евреевъ напрягать свои физическія и духовныя силы, чтобы поддержать свое бытіе и отстоять національную и религіозную самобытность среди враждебно настроенныхъ противъ него народностей, развилъ острый проницательный умъ евреевъ, стойкость, энергію ихъ; гнетъ воспиталъ въ нихъ умѣренность и бережливость, гнетъ укрѣпилъ у евреевъ семейныя добродѣтели; но, съ другой стороны, гнетъ же развилъ и несимпатичныя нравственныя свойства евреевъ: обманъ, лесть, угодничество,

---

1) *Костомаровъ.* «Основа», 1862, № 1.

2) *Д-ръ Адольфъ Іеллинекъ.* «Еврейское племя». Этнограф. этюды. СПБ. стр. 23.

пріучилъ ихъ къ хитрости, изворотливости, способствовалъ еще большей изолированности еврейства отъ остального человѣчества, поддержалъ у нихъ антисоціальныя воззрѣнія талмудическихъ учителей на взаимныя отношенія между еврействомъ и остальнымъ человѣчествомъ, а главное—односторонне направилъ дѣятельныя силы евреевъ въ сферы непроизводительнаго труда. Еврейство, при своихъ племенныхъ семитическихъ задаткахъ, при своихъ одностороннихъ религіозныхъ требованіяхъ, подъ вліяніемъ гнета, отлилось въ своеобразный замкнутый организмъ со свойствами по меньшей мѣрѣ неполезными для тѣхъ народностей, среди которыхъ оно поселилось.

Южная Россія, принявшая евреевъ на свою территорію окончательно въ XV—XVI в., получила ихъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ (талмудическое ученіе, школа Зап. Европы и жизнь въ Литовско-Польскомъ королевствѣ), въ готовой формѣ, и при этомъ самой печальной и непривлекательной окраски еврейства—это германскихъ евреевъ, которые, по сознанію непредубѣжденныхъ противъ еврейства наблюдателей, производятъ „весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе". Четырехвѣковая жизнь евреевъ въ южной Россіи не поворотила развитія ихъ на иной путь, а скорѣе помогла дальнѣйшей формировкѣ еврейства по старому плану. Систематическаго гнета, правда, евреи въ южной Россіи уже не испытывали, но спорадическіе взрывы противъ еврейства (козачество, гайдамачество), практическія условія соціальной жизни страны, а отчасти и законодательныя мѣропріятія помогали евреямъ пребывать въ своей національной обособленности и содѣйствовали развитію особенностей, заложенныхъ западно-европейскою жизнью, особенностей вредныхъ для интересовъ пріютившаго ихъ края.

Внутри себя южно-русское еврейство не вполнѣ одноформенно ни въ соціальномъ, ни въ практическомъ отношеніи. [1])

---

[1]) По соціальному положенію евреи малорусскіе дѣлятся: 1) на богачей («Гвиръ», «Ногидъ»), 2) велико-ученыхъ («Гуонъ», «Годолъ»), 3) торговыхъ евреевъ, 4) ремесленниковъ, 5) бѣдняковъ,

Въ его замкнутомъ міркѣ есть и богачи и бѣдняки, и помѣщики и служащіе, и кулаки и эксплоатируемые, и духовенство обирающее и паства стригомая, и антагонизмъ и вражда, и неравенство, и ненависть, и все это, можетъ быть, даже въ болѣе несимпатичной формѣ, чѣмъ какъ оно встрѣчается въ обществахъ другихъ народностей. Но внутреннее разъединеніе не мѣшаетъ южно-русскому еврейству, въ противоположность дѣйствующему въ раздробь малорусскому населенію, представлять достаточно компактное цѣлое, связанное племенною солидарностью. Солидарность еврейства проявляется повсюду—и въ самыхъ малыхъ повседневныхъ фактахъ, и въ прочныхъ установленіяхъ. „Вездѣ, пишетъ Кельсіевъ о галицкихъ евреяхъ, евреи селятся отдѣльными кварталами, вездѣ занимаютъ отдѣльные рынки и вездѣ крѣпко и ожесточенно стоятъ другъ за друга.

живущихъ личнымъ трудомъ и 6) пролетаріевъ, существующихъ благотворительностью еврейскаго общества. Даже въ религіозномъ отношеніи между евреями можно различить: 1) фанатиковъ ортодоксальныхъ или «хасидовъ», 2) умѣренно-ортодоксальныхъ или «миснагдовъ» и 3) евреевъ прогрессистовъ или религіозныхъ индифферентистовъ. Указанныя группы въ еврейскомъ обществѣ достаточно рѣзко очерчены и держатся своихъ особенныхъ семейныхъ и классовыхъ правилъ, Господствующее вліяніе распредѣлено между великоучеными и богатыми: первые пользуются вліяніемъ у евреевъ, какъ хранители и истолкователи истинъ іудейства; сила же вторыхъ, какъ капиталистовъ, сама по себѣ понятна, особенно при исключительно-коммерческой дѣятельности евреевъ. Классъ богачей сравнительно не великъ, и богатство въ рукахъ этихъ немногихъ растетъ, оставляя массу въ бѣдности, въ нищенствѣ, предоставляя ей добывать жизненныя средства любыми способами. Бѣдствующая еврейская масса представляетъ собой одно изъ орудій для обогащенія «еврейскихъ тузовъ»; бѣднякъ еврей, обирающій позорно крестьянина, нуженъ въ этомъ несчастномъ видѣ для того, чтобы богатый еврей подрядчикъ нанялъ подешевле рабочихъ, а арендаторъ-еврей имѣлъ бы полузакрѣпощенныхъ земледѣльцевъ и т. д.

...Между собой они постоянно въ ссорѣ и презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло касается ихъ національности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ" [1]). Съ тѣми же чертами исключительно національной взаимопомощи являются и учрежденія еврейскаго общества, какъ благотворительнаго, такъ и общественно-экономическаго типа. Бережливые, и даже скупые, лично для себя въ пищѣ, квартирѣ, одеждѣ и пр., евреи жертвуютъ значительными суммами въ помощь единовѣрцамъ въ бѣдѣ: на добровольныя даянія существуетъ громадный классъ евреевъ нищихъ-профессіоналовъ и „развѣ только бѣдный еврей, по словамъ Чубинскаго, когда-нибудь откажетъ такому нищему въ подаяніи; богатые же и зажиточные никогда не откажутъ въ подаяніи даже самому здоровому батраку или молодой женщинѣ въ лохмотьяхъ при самомъ ихъ появленіи на порогѣ дома [2]). Кромѣ личной благотворительности, существуетъ у евреевъ и безчисленное множество учрежденій, содержимыхъ на благотворительныя средства— это разныя еврейскія братства [3]).

Такимъ же нагляднымъ выразителемъ еврейской общественной солидарности, цѣлей и стремленій еврейства, какъ и братства, служитъ и спеціально еврейская организація административнаго типа—„кагалъ". Кагальныя учрежденія появляются въ южной Россіи сравнительно рано, и въ XVI—XVII в. они до-

---

[1]) Кельсіевъ «Галичина и Молдавія». Путевыя письма. СПБ. 1868.

[2]) *Чубинскій* «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русск. край» т. 7 (стр. 75).

[3]) Братство погребателей («ховра-кедима»), братство «хлѣбъ-бѣдныхъ» («лехомъ-эвгокимъ»), братство «посѣщенія больныхъ» («бируръ-холимъ»), братство «талмудъ-тора»—воспитанія сиротъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ или поручительство небогатымъ евреямъ, нуждающимся въ кредитѣ; вспомоществованія невѣстамъ, «честныхъ дѣятелей» для разбора маловажныхъ споровъ между евреями работниками и евреями мастерами и пр.

стигаютъ уже могущественной силы [1]). Въ наше время кагалы упразднены еще въ 1844 г. и вмѣсто нихъ оставлены только должности сборщиковъ податей и сдатчиковъ по воинской повинности, а въ духовномъ отношеніи евреи подчинены правительственнымъ раввинамъ, но въ дѣйствительности, по замѣчанію Чубинскаго, „общественная и частная жизнь руководствуется указаніями и управленіемъ донынѣ существующаго, хотя оффиціально и упраздненнаго правительствомъ,—кагала". „Еврейскій кагалъ, по словамъ Брафмена, „отправляетъ обязанность опекуна надъ всѣми поступками и дѣйствіями каждаго еврея, и, заботясь о матерьяльномъ благосостояніи какъ общества, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его, кагалъ изыскиваетъ всевозможныя мѣры, не пренебрегая никакими средствами [2]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ о кагальной организаціи этого времени проф. Антоновичъ: «городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдѣльный кагалъ; онъ подлежалъ суду и управленію коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ «старшіе жидовскіе кагальные судьи, школьники», подъ предсѣдательствомъ раббина; послѣдняго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая, конечно, за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли «прикагалки», зависѣвшіе отъ главнаго кагала, наконецъ евреи, разсѣянные по селамъ, были также приписаны въ число членовъ ближайшихъ кагаловъ. Кагальные судьи и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіямъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п., депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагальные города, составляли такъ называемые «жидовскіе сеймики», издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лицо—генеральнаго жидовскаго писаря воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронными подскарбіями».

[2]) Силу кагала, по мнѣнію Чубинскаго, относительно единовѣрцевъ составляютъ: а) страшный для каждаго еврея *«херимъ»*, ко-

Съ намѣченными особенностями евреевъ необходимо сообразоваться прежде всего при изученіи формъ труда, усвоенныхъ южно-русскими евреями: иначе многое останется неяснымъ и непонятнымъ.

Западно-европейскій періодъ въ исторіи еврейства—это періодъ ихъ городской жизни; по крайней мѣрѣ, это можно сказать о среднихъ вѣкахъ, когда евреи жили въ Европѣ отдѣльными общинами и занимали улицы или кварталы, отдаленные отъ христіанскаго населенія, и еврейскія общины въ средніе вѣка походили на колоніи, совершенно замкнутыя для внѣшней жизни. Такія колоніи, болѣе или менѣе типичныя, можно было встрѣтить въ Испаніи, Франціи, Италіи, Австріи; слѣды замкнутыхъ еврейскихъ поселеній сохранились во многихъ большихъ городахъ и до нашего времени въ названіяхъ отдѣльныхъ частей города, кварталовъ и улицъ (напр. въ Вѣнѣ и понынѣ одинъ кварталъ называется „Жидовскою Площадью", тоже и въ Варшавѣ). Но исторической извѣстностью, по своей типичности, пользовались „Гето" (Ghetto) въ Римѣ и Еврейскій кварталъ въ Прагѣ. Причины изолированности поселенія и сосредоточенія еврейскаго населенія въ городахъ въ средніе вѣка можно формулировать, кажется, въ три положенія: 1) Нерѣдко евреямъ, какъ напр. въ Южной Франціи, дозволялось жить исключительно въ городахъ, мѣстечкахъ и укрѣпленныхъ замкахъ. 2) Города болѣе ограждали ихъ отъ вражды земледѣльческой, сельской массы, всегда болѣе фанатичной, а также и отъ насилій бароновъ, графовъ и пр., не говоря уже о томъ, что городская жизнь давала имъ болѣе средствъ къ отстаиванію своихъ

торый, гарантируя исполненіе постановленій кагала, придаетъ послѣднимъ силу и неприкосновенность закона, б) право требовать подъ присягой отъ всѣхъ евреевъ показаній о состояніи и успѣхѣ торговли, промышленности и пр.; в) право вмѣшательства въ домашнюю жизнь и даже кухню каждаго еврея.

религіозныхъ и племенныхъ особенностей, и, наконецъ, 3) города по своему характеру представляли болѣе выгодныя условія, чѣмъ села для тѣхъ занятій, какія дозволялись имъ до времени ихъ полной эмансипаціи: раньше всего ростовщичество, позже торговля, и еще позже ремесла. Въ Польскихъ и Литовскихъ земляхъ, во время поселенія евреевъ, да собственно говоря и въ продолженіи всей исторіи Польско-Литовскаго государства, а затѣмъ и Русскаго, не было ни тѣхъ характерныхъ кровавыхъ преслѣдованій, ни тѣхъ налоговъ, которымъ подвергались евреи во всѣхъ другихъ государствахъ Зап. Европы. Однако и здѣсь евреи оказались горожанами. Явившись съ привычками и наклонностями къ такимъ занятіямъ, какъ ростовщичество, торговля и ремесла, они естественно стремились въ города, да кромѣ того къ нимъ прикрѣпляли ихъ постоянно льготы и юридическія установленія: въ Литовско-Польскій періодъ евреи прежде всего допущены были только въ города, какъ классъ промышленно-торговый; потомъ, хотя постепенно и проникали въ села, но или нелегальнымъ, такъ сказать, путемъ, подъ видомъ панскихъ арендаторовъ, агентовъ и пр., или же съ разными ограниченіями; между тѣмъ въ XV в., по крайней мѣрѣ, евреи горожане, пользовались особымъ покровительствомъ законовъ и снабжены были всѣми правами торговли и промышленности, и даже имъ предоставлена была въ польско-литовскихъ городахъ своеобразная національная организація самоуправленія въ формѣ „кагаловъ" съ „подкагалками" и сеймиками. Въ россійскій періодъ малорусской исторіи также издаются постановленія, задерживающія евреевъ въ городахъ. Такъ 5-го мая 1795 года повелѣно евреевъ, кои не только по городамъ, но и по селеніямъ разсѣяны пребываютъ, *„внесть въ городовыя окружныхъ городовъ книги*, на основаніи городоваго положенія, подчиняя магистратамъ, и *стараться переселять ихъ въ уѣздные города"*. Такое значеніе имѣютъ и распоряженія 1804 г., котор. постановлялось, чтобы съ 1-го января 1807 г. въ губерніяхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ, а съ 1-го января 1808 г. и въ другихъ, евреи ни въ какой деревнѣ и ни въ

какомъ случаѣ не содержали бы никакихъ арендъ, кабаковъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, и даже *не жили бы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ*, развѣ только проѣздомъ. И въ то же время имъ дозволялось заниматься этими промыслами въ городахъ. Но самыя коренныя условія, задерживавшія малорусскихъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, это, конечно, условія соціально-экономическія, а именно: низкій уровень массы, ея разрозненность и крѣпостная безправность, воспрепятствовавшія основному населенію путемъ конкурренціи вытѣснить евреевъ изъ торгово-промышленной жизни городовъ въ жизнь болѣе тяжелую, жизнь земледѣльца—въ села. Условія послѣдняго типа, кромѣ юридической крѣпостной безправности, въ такой же силѣ сохраняются и въ наше время до конца разсматриваемаго періода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что евреи остались горожанами, какъ по мѣсту своего жительства, такъ и по занятіямъ. Въ какомъ отношеніи находятся евреи городскіе къ евреямъ сельскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которую вошли губ. изъ всѣхъ почти типическихъ частей Малороссіи: сѣв.-зап. кр., юго-зап. кр., „Малороссіи и Новороссіи“:

		Общее число Евреевъ	Городск. Евреевъ	Сельск. Евреевъ	% Городск.	% Сельск.
1	Малор. часть Гродн. губ. (у.у Кобр., Пруж., Бѣл. и Брестск.)	44149	22518	21631	51,1	48,9
2	Кіевская губ.	247479	91346	156133	36.9	63,1
3	Черниговская	36539	27971	8568	76,6	23,4
4	Херсонская	131000	90000	41000	68 7	31,3
		459167	231835	227332	51,1	48,9

Изъ 48,9% сельскихъ евреевъ едва $^1/_3$ живетъ собственно въ селѣ, $^2/_3$ населяютъ мѣстечки. Между тѣмъ мѣстечки, осо-

бенно по правую сторону Днѣпра, въ большинствѣ разнятся отъ городовъ только въ административномъ смыслѣ, но не въ соціально-экономическомъ, и евреевъ мѣстечекъ правильнѣе всего отнести къ городскимъ. Съ прибавленіемъ же евреевъ мѣстечекъ къ городскимъ жителямъ коэффиціентъ евреевъ падаетъ до поразительной цифры. По Чубинсьому евреи разселены:

	Въ городахъ.	Въ мѣст.	Въ селахъ.	Итого.
Кіевская губ. . .	98032	123909	41518	263459
Подольская . . .	70072	151124	25539	246735
Волынская . . .	69171	105228	36747	211146
	237275	380261	103804	721340

т. е. на село приходится едва 14,5%. Въ сѣв.-зап. краѣ, и въ частности въ Гродненской губ., по мнѣнію Бобровскаго, если къ городамъ прибавить еврейское населеніе мѣстечекъ, „въ коихъ еврейское населеніе является рѣшительно преобладающимъ, тогда на сельское населеніе не получится даже и одного % [1]). Въ Буковинѣ, а равно въ Галиціи и Привисл. краѣ, евреи живутъ преимущественно въ городахъ, а въ деревняхъ находятся, главнымъ образомъ, тѣ, которые занимаются продажею водки. Но если даже евреевъ, живущихъ въ мѣстечкахъ, отнести къ числу сельскихъ жителей, то и въ такомъ случаѣ еврейское населеніе, какъ мы видѣли изъ 1-ой таблицы, въ большей своей половинѣ будетъ принадлежать городамъ, именно 81,1%. Высокій процентъ городскихъ евреевъ отражается и на возвышеніи процента городскихъ жителей въ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Подтвержденіе можно видѣть изъ

---

[1]) Бобровскій, стр. 690.

такой таблицы, составленной на основаніи матерьяловъ „Стат. Врем.“ за 1865 г.:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) жит. город. сост. 9% или 1 горож. на 9 сел.
2. Въ губ. Россіи, не имѣющ. еврейск. осѣдл. „ 9.1% „ 1 „ „ 9 „
3. Въ губ. Россіи съ еврейск. насел. . . . . . „ 11,9% „ 1 „ „ 7 „
4. Въ губ. Малор. съ еврейск. насел. . . . . . „ 12,3% „ 1 „ „ 7 „

Къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и распредѣленіе евреевъ по сословіямъ. Положеніемъ 1804 года евреи раздѣлены на четыре сословія: а) *земледѣльцевъ*, б) *фабрикантовъ*, в) *купечество* и г) *мѣщанство*, и эти сословія существуютъ между ними и до конца разсматриваемаго періода. Кромѣ нѣсколькихъ тысячъ евреевъ колонистовъ, которые составляютъ еврейскій земледѣльческій классъ, да незначительнаго процента еврейскаго духовенства и военно-служащихъ, остальные евреи распредѣляются, главнымъ образомъ, между сословіями купцовъ и мѣщанъ.

Не придавая особенной важности такому или иному распредѣленію евреевъ по сословіямъ, мы ограничиваемся сословной группировкой евреевъ въ 4-хъ губерніяхъ:

	Губерніи.		Всѣхъ	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Землед.	Ремесл.	Внѣ указан. клас.
1	Кіевская	въ 1845 (по Фундуклею)	158283	6383	132718	776	—	18406
2	Херсонская . . .	по 9 ревизіи (Шмидтъ)	42563	6152	21667	14616	126	—
3	Черниговская . .	по 10 ревизіи (Дом)	33214	2692	27584	2584	—	354
4	Гродненская (уѣзды: Бѣльскій, Бѣлост., Кобринск., Пруж.)	по 10 ревизіи (Бобров.)	39880	400	33407	638	—	5425

Распредѣленіе массы евреевъ исключительно между городскими сословіями отражается и на общемъ процентѣ городскихъ сословій въ мѣстахъ, занятыхъ еврейскимъ населеніемъ. Тогда какъ по вычисленіямъ Военно-Стат. Сборника за

1871 г. [1]) въ Россіи на кажд. 1000 жителей приходится 80 человѣкъ городскаго сословія, въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ отношеніе это рѣзко измѣняется:

1. Въ западныхъ губ. (или сѣв.) на 1000 жит. 140—170 городск. сосл.
2. Въ Польшѣ 215
3. Въ Бессар. и Херс. губ. . . . . 235—325

Еще болѣе рельефно выступаетъ сравнительно огромный % городскихъ сословій въ мѣстахъ поселенія евреевъ, когда мы сопоставимъ городское сословіе не съ общимъ населеніемъ, а лишь съ сельскимъ сословіемъ. По даннымъ Стат. Врем. за 1866 г. (ч. I) оказывается слѣдующее отношеніе городскаго сосл. съ сельскимъ:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) город. сосл.	6%	сел.	или	1	гор. на	17	ч. сел.
1. Въ губ. Россіи не имѣющ. евр. нас. . . .	5%	„	„	1	„	20	„
3. Въ 16-ти губ. съ евр. насел. [2])	18%	„	„	1	„	5	„ почти
4. Для 6-ти Малор. губ. съ евр. насел. . . .	17%	„	„	1	„	6	„
5. „ 1-й Малор. г. (Харьковск.) безъ евр. нас.	4%	„	„	1	„	25	„

Въ естественной связи съ мѣстами жительства, а отчасти и съ сословными правами, находятся какъ образъ жизни еврейскаго населенія, такъ и направленіе труда его.

Въ послѣднемъ отношеніи еврейство представляетъ феноменальное однообразіе, внѣ условій мѣста и времени: во Франціи или Пруссіи, въ Баваріи или Малороссіи, въ XIX в. или вѣкъ назадъ—всюду евреи въ подавляющемъ большинствѣ являются для окружающаго ихъ общества населеніемъ непроизводительнымъ, спекулирующимъ посредничествомъ (торговлей, маклерствомъ, арендами и проч.). Вотъ, напримѣръ, какъ группировались евреи по занятію во Франціи, Баваріи, Баденѣ, и Пруссіи въ разные періоды:

---

[1]) Вып. I, стр. 13.

[2]) *Одна*—съ кореннымъ насел. нѣмецк.—Курляндская; 6 губ. бѣлорусскихъ (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенск., Минск., Могилевская) и 8 малорусск. съ Бессар.: Волынская, Екатериносл., Кіевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская.

	Года		Общее количество.	Живущ. земледѣліемъ	%	Жив. рем. поденщ и извозомъ	%	Живущ. отъ профессіон. занятій.	%	Спекулир. посредничествомъ.	%
Во Франціи	1809	Моро де Шамонъ	80000	—	—	5368	2,9	797	0,8	76585	95,9
„ Баваріи	1819		25000	1260	5	1009	3,9	—	—	22732	90,2
„ Баденѣ	1833	Каимъ	12000	206	1,7	1045	8,7	—	—	10749	89,5
„ Пруссіи	1862		253457	—	—	55000	21,7	16660	6,6	181797	71,5

Цифровыя данныя взяты изъ періода эмансипаціи евреевъ въ Западной Европѣ и при томъ такого характера, на который защитники іудаизма указывали, какъ на „блистательный нравственный и промышленный успѣхъ, совершившійся въ еврейской средѣ за послѣднее время“ [1]) и который, во всякомъ случаѣ, нельзя заподозрить въ уменьшеніи количества производительно затрачиваемаго евреями труда. 70—90% евреевъ безъ продуктивныхъ занятій—явленіе такое обыкновенное и общепризнанное въ Западной Европѣ, что, напр. въ 1836 г., въ засѣданіи палатъ въ Вюртембергѣ, указывалось, какъ „на гражданскій прогрессъ“, что между 11000 іудейскаго населенія оказалось 900 ремесленниковъ, фабрикантовъ и ученыхъ, а съ семьями приблизительно 3600, или 32,7%. Въ южной Россіи наблюдаются по данному вопросу тѣ же факты. Въ 1872 г., г. Чубинскій дѣлаетъ такое „приблизительное распредѣленіе“ 750000 евреевъ по занятіямъ въ 3-хъ губ. юго-зап. края. [2])

---

[1]) Каимъ, 63 стр.

[2]) Мы измѣняемъ нѣсколько таблицу г. Чубинскаго, какъ въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія съ предыдущей таблицей, а также потому, что въ самую таблицу Чубинскаго вкралась, очевидно, ошибка, почему она и представляетъ ариѳметическую неточность. (210 стр. «Труды». т. 7).

1. Евреевъ-колонистовъ.	. . . . .	20000= 2,6%
2. Ремеслен., извозч., водовоз.	. .	160000=21,3%
3. Раввин,. меламед. и шк. уч.	. .	60000= 8%
4. Спекулирующихъ классовъ.	. .	510000=68%

Изъ общей цифры евр. населеніе въ Черниг. губ., по свѣдѣніямъ Губ. Стат. Ком. за 1881 г. занято было:

1. Земледѣліемъ и землевлад.	1%
2. Ремеслами	13%
3. Шинкован. и торговлею по докум. . . .	43%
4. Остальные	40%

„заняты такимъ дѣломъ, которое не легко поддается контролю и наблюденію: здѣсь имѣетъ мѣсто торговля безъ документовъ, факторство, коммиссіонерство всякаго рода и другіе совершенно неуловимые и трудно опредѣляемые виды дѣятельности“.[1]) Слѣдовательно, и въ Черниговской губ % евреевъ, не производящихъ продуктовъ, приблизительно тотъ же, какъ и въ юго-зап. краѣ, т. е. около 83%. Въ Полтавской губ. „земледѣльцевъ-евреевъ, въ губерніи исключительно земледѣльческой, нѣтъ ни одного“.[2]) Приблизительно подобное же распредѣленіе евреевъ въ направленіи труда и въ другихъ провинціяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и Россійской имперіи.

Виды дѣятельности и практическія особенности въ приложеніи ихъ, безъ сомнѣнія, основныя и характерныя условія, *опредѣляющія положеніе евреевъ въ краѣ*. Сообразно съ вышеуказанными цифрами и соображеніями, занятія евреевъ распадаются на три категоріи: 1) занятія съ характеромъ спекуляціи: торговля и смежныя съ нею занятія—ростовщичество, факторство, маклерство, крупная промышленность и еврейское землевладѣніе. 2) ремесла, извозъ и поденщина и 3) земледѣліе.

---

1) «Трудъ» 1881 г.

2) Ibid.

Прежде всего остановимся на первой категоріи занятій, которая занимаетъ большинство еврейскаго населенія, и особенно на торговлѣ.

Торговля—главное занятіе евреевъ; съ нею связана вся историческая жизнь евреевъ въ Западн. Европѣ и въ Малороссіи, начиная съ XI в., продолжая чрезъ весь Литовско-Польскій періодъ и до нашего времени. Торговля высоко стоитъ въ религіозномъ воззрѣніи евреевъ и въ ихъ общественномъ мнѣніи, составляя „съ дѣтства и до гробовой доски обожаемое занятіе" каждаго іудейскаго индивидуума. Въ разсматриваемый періодъ вся торговля малорусскихъ областей, кромѣ Харьковской губ., части Курской, Воронежской и земли В. Донск., а также Кубанской области, за небольшими исключеніями, находится во власти евреевъ, при чемъ усиленіе еврейской торговли идетъ пропорціонально густотѣ еврейскаго населенія, стародавности ихъ пребыванія на извѣстныхъ пунктахъ и центральности самыхъ пунктовъ: въ лѣвобережной Украйнѣ и Новороссіи часть торговли принадлежитъ великоруссамъ, грекамъ и даже туземцамъ, въ Буковинѣ—нѣмцамъ и молдаванамъ, въ Венгріи—нѣмцамъ и венграмъ, въ Галиціи—нѣмцамъ; но въ центрѣ еврейскаго населенія—юго-зап. краѣ и въ малорусскихъ частяхъ сѣверо-зап. края и Привислянскаго—торговля безраздѣльно почти зависитъ отъ евреевъ. Убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи доказательствомъ служитъ одно количество еврейскаго торговаго класса. Въ четырехъ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской губ. по 10-ой ревизіи купцовъ-евреевъ 400, а купцовъ-христіанъ 11 д.; еврейск. городск. сословія 22518, а христіанъ городск. сосл. 12279. Въ юго-зап. краѣ, разсчитывая по даннымъ Чубинскаго, еврейскій торговый классъ достигаетъ до 230,000, что составляетъ около 30% всего еврейскаго населенія. Въ Буковинѣ, Галиціи, Угорской Руси, Привисл. и сѣверо-западн. краѣ, процентъ торговаго класса ниже, чѣмъ въ юго-западн. краѣ, такъ какъ при густотѣ еврейскаго населенія экономическая необходимость заставила часть евреевъ смѣнить торговлю на другія занятія; въ лѣвобережной же Украйнѣ, Новороссіи, Харьковск. губ. и другихъ частяхъ,

гдѣ, при отсутствіи сильной конкуренціи со стороны другихъ обитателей, сравнительная рѣдкость еврейства представляетъ просторъ для купли-продажи, этотъ процентъ гораздо выше 30%. Въ 1880 г. въ Черниговской губ. изъ общей суммы еврейскаго населенія 22% занято шинкованьемъ, 23% торговлею по документамъ. Если мы игнорируемъ ту часть евреевъ, которая торгуетъ безъ документовъ, то все-таки это составляетъ уже 45% еврейскаго населенія губерніи. Въ виду этихъ соображеній 30% торговаго еврейства можно признать, не рискуя особенно ошибиться, за среднiй для еврейскаго населенія всѣхъ малорусскихъ областей, и въ такомъ случаѣ торговый еврейскій классъ въ указанномъ районѣ достигаетъ цифры 500,000, т. е. болѣе 2% всего населенія страны, или 1 еврей торговецъ приходится менѣе чѣмъ на 50 душъ населенія.

Евреямъ принадлежатъ всѣ виды торговли: розничная, оптовая торговля лавочными товарами, вывозная торговля, хлѣбная, лѣсная, мясная и питейная. Въ одномъ юго-зап. краѣ въ 70-хъ годахъ XIX ст. евреямъ принадлежало 15156 лавокъ: 6366 съ мануфактурными и колоніальными товарами и 8690 съ товарами необходимыми для крестьянъ.[1]) Но и въ лѣвобережной Украйнѣ особенно мелкою розничной торговлей ворочаютъ евреи; они же самые дѣятельные торговцы мануфактурными русскими издѣліями; кромѣ того, почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми черезъ сухопутную границу, не исключая и оптовой, ведется евреями, и въ этомъ отношеніи торговыми центрами служатъ Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Броды и Дубно, откуда заграничные товары съ евреями расходятся по всей россійской Малороссіи. Вывозъ скота, шерсти, сала, кожи, тмина, лѣса и пр. черезъ таможни—Волочисскую, Радзивиловскую,

[1]) Въ Херсонской губ. въ 1880 г. евреямъ принадлежало: 1) 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній; 2) 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ; 3) 82% всего числа лѣсныхъ складовъ; 4) 78% хлѣбныхъ магазиновъ; 5) 71% торговыхъ лавокъ («Южный Край», 1881 № 311).

Дружнопольскую, Исаковецкую и пр., и вывозъ хлѣба черезъ Одессу производится почти нераздѣльно евреями. Но болѣе всего монополизирована была на всемъ пространствѣ еврейской осѣдлости питейная торговля: въ юго-зап. краѣ число еврейскихъ питейныхъ заведеній близко было къ 20,000; въ Черниговск. губ. изъ винныхъ складовъ евреямъ принадлежало 83 или 87%; изъ 3071 въ рукахъ евреевъ находилось 2386 (568 въ городахъ и 1818 въ селахъ) да еще безпатентныхъ еврейскихъ шинковъ до 1389.

Въ Полтавской губ. по даннымъ „Записки по еврейскому вопросу" изъ 78 дѣйствовавшихъ въ 1881 г. винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48; изъ 146 оптовыхъ складовъ вина 120, или 83%, въ рукахъ евреевъ, которые владѣли и 50% изъ 4870 пит. завед. Въ Херсонской губ., какъ мы видѣли, евреи владѣютъ 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ и 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній.

Проживши торговою жизнью нѣсколько столѣтій, еврейство выработало и особенный типъ торговли, характерный какъ по своимъ внутреннимъ отличіямъ, такъ и по внѣшнимъ пріемамъ. Кромѣ оптовыхъ торговцевъ, купецъ еврей рѣдко занимается какою-нибудь спеціальною торговлей; напротивъ, онъ охотно берется за всякаго рода торговыя дѣла; нѣтъ товара, котораго онъ бы не покупалъ, нѣтъ сдѣлки, сколько-нибудь обѣщающей выгоды, за которую бы онъ не взялся. Еврей, начавши дѣло, отдается весь ему: онъ не пожалѣетъ ни времени, ни труда, проникнетъ всюду, найдетъ подходящихъ пособниковъ, откроетъ болѣе выгодныя склонности и слабости людей и непремѣнно все и всѣхъ попытается обратить въ свою пользу. Смѣлость и рискованность въ предпріятіяхъ и неутомимое попеченіе объ ихъ успѣшности—черты присущія еврейской торговлѣ. Не спать нѣсколько ночей сряду, довольствоваться скудною пищею въ теченіе нѣсколькихъ дней, лишь бы достигнуть желаемаго результата и довести до конца начатое дѣло, никто не способенъ такъ выполнить, какъ еврей. Въ своихъ торговыхъ операціяхъ евреи не мало разсчитываютъ на быстроту оборота рубля и на оптош-

ность покупателя или торговца,—отсюда навязчивость при еврейской куплѣ-продажѣ, запросъ въ три-дорога, обмѣриваніе, обвѣшиваніе, недоброкачественность товаровъ и всякаго рода обманъ—качества почти нераздѣльныя съ еврейской торговлей, и въ этомъ отношеніи евреи свою торговую дѣятельность доводятъ до уродливаго торгашества; большая часть торговыхъ операцій евреевъ совершается при помощи незаконныхъ средствъ; достаточно указать на одну контрабанду, которая почти исключительно идетъ черезъ руки евреевъ, и на тѣ фальсификаціи товаровъ, какія происходили въ подвалахъ Бердичева, какъ описываетъ ихъ Мещерскій. Но силу еврейской торговли составляетъ сплоченность и единство въ дѣйствіи торговаго еврейскаго міра и обширность и организованность кредита. Еврейскіе торговцы имѣютъ доступъ во всѣ общія коммерческія учрежденія страны, но, кромѣ того, они имѣютъ свои особенныя еврейскія кассы, своихъ банкировъ, также, какъ и своихъ подрядчиковъ, коммиссіонеровъ, извозчиковъ и пр. Еврейскіе оптовые торговцы связаны кредитомъ съ евреями торговцами въ раздробь; около каждаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, болѣе бѣдныхъ евреевъ, которые берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его въ раздробь. Это оживленіе розничной торговли, по замѣчанію Аксакова, усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркахъ. Еврейскіе ростовщики доступнѣе для евреевъ-торговцевъ, если не величиною процентовъ, то тѣмъ, что даютъ въ займы безъ залоговъ, а это, при неимовѣрной быстротѣ еврейскихъ оборотовъ, играетъ громадное значеніе въ торговлѣ.

Торговая дѣятельность южно-русскихъ евреевъ не ограничивается русской государственной территоріей, но, напротивъ, она переходитъ за пограничную черту, въ Австрію и Пруссію, такъ что евреи лѣваго берега Днѣпра, Новороссіи, зап. края, Польши и упомянутыхъ государствъ составляютъ какъ бы одно огромное общество, скрѣпленное, кромѣ единства вѣры и языка, еще и единствомъ торговыхъ предпріятій; такая же связь существуетъ между оптовыми торговцами, положимъ, хлѣбомъ и скупщиками по мелочамъ того же предмета—въ деревняхъ шинкарями, ла-

вочниками, арендаторами и пр.; живою связью между ними служатъ всякіе коммиссіонеры, факторы и маклера, такъ что, въ концѣ концовъ, страна, какъ сѣтью, охвачена еврейскою торговою спекуляціей.[1]) Нельзя при характеристикѣ еврейской торговли упустить изъ виду еще одно обстоятельство, которое придаетъ большую важность вопросу о еврейской торговлѣ—это сознательное стремленіе евреевъ стать по своимъ операціямъ ближе всего къ темной массѣ народа: изъ 15156 лавокъ 8690 производили торгъ товарами, необходимыми для крестьянъ; по словамъ Волкова, „всѣ предметы первой настоятельной необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, на наблюдаемыхъ имъ ярмаркахъ въ юго-западномъ краѣ продавались евреями: деревянныя издѣлія, кожевенныя, чугунъ, желѣзо, кожухи, шапки, веревки, рядна, полотна, горшечный товаръ, соль, деготь, наконецъ галантерейные и красные товары; но особенную убѣдительность имѣла въ данномъ случаѣ еврейская питейная торговля: евреи не заводятъ роскошныхъ гостинницъ, ресторановъ, богатыхъ винныхъ погребовъ, но за то они стремятся монополизировать трактиры, корчмы и шинки въ глухихъ загородныхъ улицахъ, въ пригородахъ, мѣстечкахъ и селахъ, и дѣйствительно, этими заведеніями, главнымъ образомъ, владѣли евреи на всемъ пространствѣ Малороссіи. Въ характерѣ еврейскихъ

---

[1]) Кромѣ того, между еврейскими торговцами существуетъ нерѣдко еще болѣе тѣсная связь, съ характеромъ стачки, предварительнаго сговора. Вотъ что читаемъ мы на этотъ счетъ у Мещерскаго: «еврей передъ Харьковскою и Полтавскою ярмаркою отправляется въ Бердичевъ (въ этотъ городъ биржи для ассоціаціи еврейскихъ торговцевъ), и тамъ, въ сообществѣ другихъ торговцевъ и банкировъ, составляетъ и принимаетъ къ руководству извѣстную торговую инструкцію. Здѣсь же онъ заручается кредитомъ, запасается факторами и входитъ душой въ то торговое товарищество, которое на каждой ярмаркѣ должно связывать неразрывной солидарностью еврейскихъ торговцевъ; здѣсь же послѣ ярмарки бердичевская торговая ассоціація выслушиваетъ отчеты произведеннымъ оборотамъ и на ихъ основаніи вырабатываетъ дальнѣйшія правила дѣйствій».

питейныхъ заведеній лежитъ и объясненіе притягательности ихъ для евреевъ. Еврейскій кабакъ, корчма—это негласная банкирская контора и мѣсто всяческихъ сдѣлокъ еврея съ крестьянами и другимъ простымъ людомъ; она услужливо растворяла свои двери для всякаго нуждающагося въ деньгахъ, выдавала послѣднимъ денежныя ссуды подъ залогъ личнаго труда, съ обязательствомъ выплачивать проценты личнымъ же трудомъ или продуктами труда. Нерѣдко еврейскій кабакъ служилъ въ деревнѣ пристанодержательствомъ конокрадовъ, воровъ, притономъ разврата и имущественнаго разоренія бѣдняковъ и всегда—коммиссіонерствомъ по скупкѣ у окольныхъ крестьянъ, чаще по случаю и въ нуждѣ, произведеній: хлѣба, пеньки, куръ, гусей и т. д. [1]).

Указанныя условія, организація и способы еврейской торговли дѣлаютъ изъ евреевъ такую огромную силу, что конкурен-

[1]) Вотъ какъ въ этомъ отношеніи обрисовываетъ шинкаря Янсонъ: „Нищій, оборванный жидъ-шинкарь имѣетъ, однако, огромное значеніе въ торговлѣ, особенно хлѣбной. Гдѣ поселился онъ, тамъ начинается ростовщичество и скупка хлѣба за деньги, а чаще за водку. Всѣ углы еврейскаго жилья наполняются разнымъ крестьянскимъ добромъ, и „клуня“ или амбаръ еврея засыпаются по мелочамъ собраннымъ зерномъ. Мало по малу оборванный жидокъ превращается въ обладателя всѣхъ мужицкихъ скирдъ, и начинается спекуляція, которая многихъ изъ нищихъ превращаетъ въ банкировъ“. Этотъ же жидокъ имѣетъ и другое значеніе въ торговлѣ: ему поручается наблюденіе надъ мѣстными помѣщиками. Зоркій глазъ его видитъ все, что дѣлается въ панскихъ покояхъ. „Къ нему заѣдетъ каждый маклеръ или коммиссіонеръ, чтобы узнать объ обстоятельствахъ продавца помѣщика, заѣдетъ и уѣзжая отъ помѣщика, чтобы поручить „блюсти его интересы“ относительно помѣщика или объявить о наложеніи „херима“ на товаръ. „Помѣщикъ, попавшій подъ такой надзоръ, можетъ быть увѣренъ“, говоритъ тотъ же авторъ, „что каждый приходящій къ нему покупщикъ, только подосланъ первымъ и станетъ давать ему дешевле, чѣмъ сулили ему прежде“. Не продастъ такой помѣщикъ своего хлѣба и въ близкомъ городѣ, потому что и тамъ всѣ еврейскіе скупщики извѣщены уже объ обстоятельствахъ продавца.

ція съ ними мѣстнымъ туземнымъ торговцамъ рѣшительно невозможна. Эта сила тѣмъ больше и неотразимѣе, чѣмъ гуще еврейское населеніе, причемъ въ такихъ мѣстахъ замѣчается явленіе, противное закону конкуренціи, чѣмъ гдѣ больше еврейскихъ торговцевъ при отсутствіи торговцевъ изъ нееврейской среды, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники. На фастовской ярмаркѣ, по словамъ Волкова, всѣ предметы первой необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, продавались евреями и весь внѣшній видъ ярмарки представлялъ собою возмутительную въ экономическомъ отношеніи картину: крестьяне продавали свой трудовой хлѣбъ евреямъ и за вырученныя деньги покупали у евреевъ же ихъ же мужицкими руками добытые и обработанные изъ сырья предметы первой необходимости. На ярмаркахъ же Борисполя и Нѣжина, въ мѣстахъ менѣе густого еврейскаго населенія, почти безъ исключенія всѣ сырые продукты продавались самыми производителями, людьми мѣстнаго происхожденія, козаками и мѣщанами, такъ что больше 25% общей суммы оборота переходило непосредственно изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Результаты совершеннаго подавленія туземнаго элемента въ торговлѣ и черезъ это отсутствіе конкуренціи съ евреями на правомъ берегу и существованія послѣдней въ лѣвобережной Украйнѣ отразилось до очевидности на цѣнахъ продуктовъ, какъ это можно видѣть изъ такой таблицы Волкова:

Товары.	Борисполь.	Фастовъ.	Разница.
Глиняный кувшинъ . .	8 к.	15 к.	7 к.
Сапоги мужскіе	4–5 р.	5–6 р.	1 р.
» женскіе	3 р. 50–4.	4–5.	50 к.–1 р.
«Кожухи».	12–15 р.	16–20 р.	4–5 р.
«Лемеши»	1.30–1.50 к	1 р. 75–2.	45–50 к.

Рушники	1 р. 50—3 р.	75—1 р.	»
Топоры.	75 к.	80—90 к.	5—15 к.
Колесъ станъ	3 р. 25—4	4—5 р.	75—1 р.
Соли пудъ.	90—1 р	1 р. 10.	20—10
Дегтя ведро.	80—1 р	1 р. 20	40—20
Тарани десятокъ. . . .	20 к.	30 к.	10 к.

Нельзя при этомъ упустить изъ виду двухъ еще обстоятельствъ, именно, что дорогіе предметы въ Фастовѣ, по замѣчанію Волкова, кромѣ колесъ, ниже по достоинству борисполь-скихъ, и потомъ еще, что такая разница въ цѣнахъ стоитъ въ двухъ мѣстахъ, сосѣднихъ по уѣздамъ и находящихся на разстояніи 100 верст.; но чѣмъ дальше вглубь еврейскихъ поселеній, тѣмъ печальнѣе результатъ монополіи евреевъ въ торговлѣ края.

Къ торговлѣ примыкаютъ и держатся ею ростовщичество, коммиссіонерство, маклерство и факторство.

Исключительно занимающихся ростовщичествомъ среди евреевъ немного,—въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ имѣется спеціалистовъ ростовщиковъ нѣсколько; но за то рѣдкій не только торговый еврей, но и ремесленникъ и земледѣлецъ рядомъ со своимъ спеціальнымъ занятіемъ не пріобрѣтаетъ средствъ и ростовщичествомъ. Сплошь да рядомъ можно встрѣтить сапожника, портного, книгопродавца, даже ходатая по дѣламъ, которые въ тоже время и ростовщики, понятно, неоффиціально, а частнымъ образомъ, ссужающіе деньги подъ варварскіе проценты".[1]) По богатству еврейскіе ростовщики дѣлятся на нѣсколько градацій, отъ дающихъ тысячи до дающихъ единицы рублей; но общее между ними—это высокіе проценты и различіе, которое ставятъ ростовщики между

---

1) Рус. Кур. № 198, 1881 г.

заемщиками евреями и не евреями: отъ послѣднихъ обязательно требуется или залогъ, или прочный письменный документъ, съ евреями же сдѣлки проще, да и проценты не достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ 200—300% въ годъ. Особенно процентщики обираютъ крестьянъ, берущихъ на подати и въ „случные часы" подъ залогъ будущаго урожая или труда, или же съ уплатою процентовъ капитала урожаемъ и трудомъ. Чубинскій приводитъ примѣръ еврейскихъ процентовъ съ крестьянъ по 30% въ недѣлю, т. е. болѣе 150% въ годъ, но бываютъ проценты и выше. Въ Звенигородскомъ у. Кіевск. губ., по словамъ корреспондента „Труда", еврей Л—нъ бралъ 400% въ годъ будущимъ урожаемъ. [1]) По словамъ корреспондента „Русскаго Курьера" въ юго-зап. краѣ „евреи, давая крестьянамъ взаймы съ платою урожаемъ и трудомъ, вмѣсто процентовъ берутъ въ пользованіе крестьянскіе надѣлы и получаютъ 400—500%". [2]) Евреями же созданъ еще особенный открытый видъ ростовщичества—размѣнъ денегъ на мѣняльныхъ столикахъ, гдѣ еврей отсчитываетъ въ свою пользу съ каждаго размѣненнаго рубля отъ 2—6 коп., что составляетъ не сотни, а тысячи процентовъ. Еврейское ростовщичество очень развито въ странѣ: оно оказываетъ кредитъ и помѣщикамъ, и заводчикамъ, и горожанамъ, и крестьянамъ. Опредѣлить сумму, какая находится у еврейскихъ ростовщиковъ въ оборотѣ, и прибыль, нельзя и приблизительно по негласности и неопредѣленности самого дѣла. Чубинскій, предполагая, что у помѣщиковъ и заводчиковъ еврейскихъ денегъ только до 5000000, а у крестьянъ только до 2000000, получаетъ прибыль 1000000; [3]) но такой выводъ противорѣчитъ прежде всего его собственнымъ словамъ, что въ деревнѣ процентъ евреевъ доходитъ до 156 р. (въ годъ), да и самъ онъ указываетъ, что въ одномъ селѣ N онъ знаетъ трехъ лицъ, которые даютъ деньги на проценты и зарабатываютъ до 1500 руб. въ

[1]) «Трудъ» № 45.

[2]) „Русск. Курьеръ" № 150.

[3]) Чубинскій 206 стр.

годъ. На это же указываетъ и корреспондентъ Звенигородскаго уѣзда, говоря, что въ селѣ К—ѣ еврей А—нъ въ 1881 г. роздалъ „голытьбѣ" на счетъ будущаго урожая около 1500 р. по 400% [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что мы далеко не приблизимся до величины оборотовъ еврейскихъ ростовщиковъ, если удвоимъ цифру Чубинскаго и разсчитаемъ прибыль не по 13%, такъ какъ такіе проценты совершенно не существуютъ въ практикѣ еврейскихъ ростовщиковъ, а хотя только по 25%, то при такомъ разсчетѣ прибыль евреевъ отъ ростовщичества въ предѣлахъ Малороссіи доходитъ до 8000000 р. Но, конечно, нашъ разсчетъ гадательный, и едва ли когда нибудь придется отмѣтить цифрами эту чрезвычайно темную сторону еврейской торговли деньгами. Такъ же темна и факторская профессія евреевъ. Послѣдній видъ труда, кажется, больше, чѣмъ какой-нибудь другой, созданъ у насъ евреями и теперь исключительно ими монополизированъ. Въ районѣ обитанія евреевъ, особенно густого, между потребителями и производителями, между производителями и посредниками-торговцами, между послѣдними и потребителями товара стоитъ цѣлый многочисленный классъ евреевъ, который участвуетъ во всѣхъ могущихъ возникнуть между указанными экономическими группами операціяхъ, осложняетъ до невозможности процессъ всякаго обмѣна цѣнностей, возвышатетъ ихъ стоимость и живетъ на счетъ этого искусственно созданнаго процесса. Этотъ классъ составляетъ факторы, коммиссіонеры и маклера. Еврейскіе факторы предлагаютъ свои услуги пры самыхъ разнообразныхъ сдѣлкахъ; существуютъ факторы при крупныхъ операціяхъ и въ оптовой торговлѣ,—безъ нихъ не обходится ни одинъ торговый домъ; существуютъ факторы и при розничной торговлѣ „въ незначительныхъ торговыхъ операціяхъ и даже внѣ предѣловъ торговли въ собственномъ смыслѣ: есть факторы, чтобы сводить двухъ лицъ для сдѣлки по торговлѣ любымъ предметомъ, есть факторы по найму рабочихъ, подводъ, факторы для доставки товаровъ на домъ; фак-

---

[1]) „Трудъ" № 45.

торы для пассажировъ и пр.; но самый низшій видъ ихъ—это факторы при гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ и трактирахъ, или „мишурясы“. Послѣдніе не даютъ покоя проѣзжему предложеніемъ всякихъ низостей, и главная ихъ доходная статья—сводничество, причемъ происходитъ самая безсовѣстная эксплуатація низменныхъ страстей пріѣзжихъ и безвыходности проститутокъ. Въ самой еврейской средѣ факторы пользуются презрѣніемъ, и факторствомъ занимаются люди, не привыкшіе къ труду, сомнительной честности, берущіе на себя всевозможныя порученія, какъ бы цѣль ихъ гнусна ни была, ради денегъ готовые на всякую низость и подлость“.[1]) Такой взглядъ не распространяется, впрочемъ, на привилегированный сортъ факторовъ, носящихъ названіе *коммиссіонеровъ*. Еврейскіе коммиссіонеры—это факторы для крупныхъ сдѣлокъ, особенно хлѣбныхъ; такими коммиссіонерами переполнена Одесса, Екатеринославъ, Пинскъ и проч.: одни изъ нихъ живутъ тамъ постоянно, другіе наѣзжаютъ туда только по временамъ, всѣ они люди зажиточные, а есть между ними даже и богатые. Безчисленное множество разсыпано по всему краю и разныхъ агентовъ—коммиссіонеровъ богатыхъ оптовыхъ купцовъ. Они являются связующимъ элементомъ между отдаленными рынками и торговыми центрами. Кромѣ коммиссіонеровъ, въ еврейской торговлѣ является лицомъ неизбѣжнымъ еще *маклеръ*, этотъ ходячій прейсъ-курантъ, въ памятно-записной книжкѣ котораго означены цѣны, количество товара, предлагаемаго къ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ, однимъ словомъ все, что можетъ интересовать покупателя. Маклеруетъ множество евреевъ, и весь край, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ еврейство, опутанъ сѣтью маклеровъ, проникающихъ во всѣ самыя затаенныя экономическія стороны.

Всѣ эти виды факторовъ получаютъ на свою долю не мало отъ торговыхъ операцій въ краѣ, такъ какъ безъ нихъ рѣдко совершается какая-нибудь сдѣлка: получаютъ они условленный

---

[1]) Чуб. 95.

процентъ съ обѣихъ сторонъ, вступившихъ въ соглашеніе по какому-нибудь торговому дѣлу; въ значительной части случаевъ факторъ получаетъ вознагражденіе и за то, что „не портитъ дѣла“; но опредѣлить стоимость странѣ еврейскихъ факторовъ едва ли возможно и приблизительно даже. Всѣ указанныя выше разновидности факторовъ имѣютъ дѣло при своихъ операціяхъ съ помѣщиками, купцами и разными городскими обывателями, болѣе или менѣе людьми развитыми, и послѣднимъ обстоятельствомъ вредное значеніе факторовъ въ экономической жизни края ослабляется; но есть еще одинъ видъ факторовъ, на который нельзя не обратить особеннаго вниманія—это *агенты по найму рабочихъ*. При всѣхъ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ и при другихъ заведеніяхъ, какъ еврейскихъ, такъ и не еврейскихъ, а также при сплавѣ лѣса и пр., существуютъ спеціалисты-евреи, обязанность которыхъ—поставлять нужный контингентъ рабочихъ. Прибыль отъ операцій связана съ выгодностью для патрона найма рабочихъ, отсюда понятна энергія этихъ новѣйшихъ торговцевъ свободными невольниками. Съ рѣдкимъ чутьемъ они узнаютъ, въ какой мѣстности или недородъ хлѣба, или иныя крестьянскія невзгоды поставили населеніе въ безвыходное положеніе въ вопросѣ о податяхъ и хлѣбѣ; „съ инстинктомъ хищной птицы, по выраженію Червинскаго, они летятъ на несчастіе, на голодъ и нужду“ и не ошибаются, конечно: при помощи ублаженныхъ волостныхъ заправилъ, закабаляютъ они крестьянъ въ работу на заводы, фабрики или плоты на самыхъ безжалостныхъ условіяхъ для рабочихъ. Закодряживаніемъ занимаются спеціалисты своего дѣла, и потому кабала накладывается полная, по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, съ оформленными контрактами и неустойками, съ круговою порукою, самыми мелочными предвидѣніями интересовъ хозяина, и одного только нѣтъ въ нихъ—какой-нибудь гарантіи интересовъ рабочихъ.

Занятія спеціально торговлею и смежными съ ней—ростовщичествомъ, факторствомъ и маклерствомъ, какъ мы уже говорили, привлекаютъ самый видный процентъ еврейскаго населенія;

сравнительно меньшій процентъ евреевъ отдается крупной фабрично-заводской промышленности.

Въ крупной фабрично-заводской промышленности евреи являются или хозяевами заводовъ и фабрикъ, или же арендаторами. Въ послѣднія два десятилѣтія разсматриваемаго періода съ паденіемъ помѣщичьяго элемента въ странѣ, евреи-заводчики усиливаются все болѣе и болѣе. Въ юго-зап. районѣ евреи участвуютъ почти во всѣхъ видахъ промышленности: имъ принадлежитъ въ собственность 649 промышленныхъ заведеній, которыя представляютъ собой цѣнность въ 1,730,000 р., арендованныхъ—6216, а всего 6865 заведеній. Отъ этихъ заведеній евреи получали чистой пользы:

1. Отъ свеклосахарн. и рафинадн. заводовъ болѣе	1,220,000
2. Винокуренныхъ	700,000
3. Пиво- и медоваренныхъ.	30,000
4. Прочихъ заводовъ	250,000
5. Мельницъ	2,300,000
Итого	4,500,000 [1])

За выключеніемъ развѣ 10%, по мнѣнію Чубинскаго, всѣ мельницы находятся въ рукахъ евреевъ. „Изъ 5730 мельницъ юго-зап. края, находящихся въ рукахъ евреевъ, только 186 составляютъ ихъ собственность, остальныя находятся у нихъ на арендномъ правѣ; при чемъ мельницы большею частью или арендованы вмѣстѣ съ питейными заведеніями и другими арендными статьями, ставящими евреевъ-арендаторовъ въ непосредственное сношеніе съ крестьянствомъ. Явленіе аналогичное съ тѣмъ, которое указано выше. Изъ остальныхъ 2618 заводовъ и фабрикъ въ рукахъ евреевъ находится 1095, т. е. около 41%, въ частности:

1. Сахарныхъ . . .	изъ 117— 27	. . около	24%
2. Винокур.	539—500	. . . .	92%
3. Пиво- и медовар. . .	148—119	. . . .	80%
4. Изъ остальныхъ . .	1375—493	. . . .	32%

[1]) Чуб. 196.

и всѣ почти заведенія въ арендѣ.[1]) Приведенныя цифры указываютъ, что еврейская промышленность спеціализировалась въ это время на производствѣ спиртныхъ напитковъ: водочные, пиво- и медовар. заводы захвачены евреями; этимъ же объясняется и монополія мельницъ, какъ необходимыхъ принадлежностей спиртныхъ напитковъ. Въ свою очередь вся эта отрасль еврейской промышленности есть только продолженіе и дальнѣйшее развитіе торговыхъ операцій спиртными напитками во всякаго рода питейныхъ заведеніяхъ, которыми они опутали, какъ сѣтью, городскую и сельскую Малороссію.

Опредѣлить, какое число евреевъ участвуетъ и кормится отъ крупной промышленности, чрезвычайно трудно, не по недостатку только матерьяловъ, но и по своеобразію самаго еврейскаго производства. Въ каждомъ промышленномъ заведеніи, кромѣ оффиціальнаго хозяина заведенія или арендатора съ семьей, участвуетъ еще вереница разныхъ коммиссіонеровъ, прикащиковъ, поставщиковъ, агентовъ, факторовъ и всегда изъ евреевъ же. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ еврейскихъ промышленныхъ заведеніяхъ евреи занимаютъ всѣ роли, кромѣ ролей съ производительно-мускульнымъ трудомъ—это удѣлъ крестьянъ; евреи, кромѣ хозяина или арендатора—управители и прикащики, поставщики матерьяловъ и топлива, пріемщики продуктовъ, агенты по закупкѣ матерьяловъ и сбыту заводскихъ продуктовъ и, наконецъ, факторы по найму рабочихъ; рабочіе же—исключительно крестьяне. Къ крупной промышленности примыкаетъ и еврейское землевладѣніе: разница въ предметахъ эксплоатаці

---

[1]) Въ Черниг. губ. въ 1881 г. изъ 79 винокур. заводовъ 13 принадлежало евреямъ въ собственность, а 23 арендуются ими; но эти числа, замѣчаетъ корреспондентъ «Труда», по всей вѣроятности, ниже дѣйствительности, такъ какъ многіе заводы евреи арендуютъ по частнымъ условіямъ, о чемъ акцизное вѣдомство не имѣетъ свѣдѣній („Трудъ“ 1-е декабря).

Въ Полтавск. губ. въ 1881 г. изъ 78 дѣйствующихъ винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48 („Земство“).

но не въ характерѣ и способахъ. Еврейское землевладѣніе на территоріи малорусскаго племени явленіе сравнительно новое: если въ малорусскихъ частяхъ Австріи начало его нужно искать въ послѣдней четверти XVIII ст., то въ остальной половинѣ оно, собственно говоря, совпадаетъ съ паденіемъ крѣпостного права. „Съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ объясняетъ г. Чубинскій, слѣдовательно, съ необходимостью вести хозяйство на деньги, евреи, какъ капиталисты края, естественно оказались въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нѣкоторые землевладѣльцы", и потому въ прогрессивной пропорціи помѣщичьи имѣнія стали переходить въ руки землевладѣльцевъ-евреевъ, какъ на правахъ собственниковъ, такъ еще болѣе на арендныхъ основаніяхъ. Польское возстаніе 1863 г. тоже не мало передало земли въ руки евреевъ, благодаря сокращенію польскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ 1871 г. въ юго-зап. краѣ евреями пріобрѣтено въ собственность 12 имѣній или 17,903 десятины стоимостью въ 700,000 руб. и до 1000 имѣній арендовано у помѣщиковъ или болѣе 150,000 дес. съ платою одной аренды болѣе 1,500,000 р. Такъ что на 1872 г. въ руки евреевъ фактически перешло уже до 1/9 части всей помѣщичьей земли въ краѣ. Аналогичный ходъ еврейское землевладѣніе имѣло и въ лѣво-бережной Украйнѣ. Въ Черниг. губ. въ серединѣ 70-хъ годовъ около 200,000 десятинъ (изъ общаго количества 1,193,000 владѣльческой земли [1]) находится въ рукахъ евреевъ, т. е. около 16%. Въ полтавской губ. „изъ двухъ милліоновъ десятинъ земли, не составляющей крестьянской собственности, около 36,000, или до 2% принадлежитъ евреямъ, аредующимъ еще до 172,000 дес. земли, иначе до 9% частной поземельной собственности. Изъ 78,121 дес. земли, потерянныхъ путемъ продажи крупными собственниками-дворянами за восьмилѣтіе 1869—1876 г., на долю евреевъ досталось 25,713 дес. или болѣе 32%, тогда какъ на долю крестьянъ меньше 20,000 [2]), и вообще евреи сдѣлались преимущественно арендаторами и по-

---

[1]) Чуб. 183—184.

[2]) „Земство" 1881 г. № 4—5.

купщиками земель крупныхъ собственниковъ. Авторъ „писемъ изъ деревни" (малороссійской несомнѣнно) говоритъ, что въ одномъ только уѣздѣ изъ 43 имѣній 25 находятся въ арендѣ, или изъ 36122 дес. въ арендѣ болѣе половины... „хотя не болѣе 15-ти лѣтъ, прибавляетъ онъ, какъ евреи допущены въ села" [1]). Какъ быстро въ Малороссіи замлевладѣніе дѣлается еврейскимъ, можно видѣть изъ такого сообщенія корреспондента „Голоса": на всѣхъ публичныхъ торгахъ земли покупаютъ евреи. Такъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Талалаевкѣ, большое имѣніе купилъ еврей; имѣніе Тарновскаго—Комары купилъ еврей; имѣніе Поповку—купилъ еврей. На такое явленіе указываетъ и корреспондентъ „Русск. Курьера" (№ 121) изъ Полтавы, когда говоритъ объ обезземеленіи крестьянскаго хозяйства.

Еврейское землевладѣніе на всѣхъ концахъ Малороссіи составляетъ видный процентъ и все болѣе и болѣе усиливается, но, благодаря нѣкоторымъ ограниченіямъ, поставленнымъ ему закономъ въ юго- и сѣверо-зап. краяхъ, оно свободнѣе и интенсивнѣе развивается въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи. Какъ евреи собственники, такъ и евреи арендаторы одинаково смотрятъ на свое предпріятіе и одинаково ведутъ хозяйство: воздѣлываніе земли у нихъ является не хозяйственнымъ предпріятіемъ, а торговою спекуляціей, и потому здѣсь одна задача—выжать изъ земли и изъ окружающихъ соціально-экономическихъ обстоятельствъ какъ можно больше прибыли. И дѣйствительно, евреи не обманываются въ своихъ разсчетахъ: они кладутъ въ свой карманъ двойныя и тройныя суммы сравнительно съ затраченнымъ капиталомъ. Объясненіе этому находимъ въ специфическомъ веденіи землевладѣльческихъ дѣлъ, въ которомъ получаютъ примѣненіе всѣ таланты, пріемы и махинаціи евреевъ-торговцовъ. Много писалось и въ корреспонденціяхъ, и въ спеціальныхъ трактатахъ, и въ правительственныхъ и земскихъ органахъ о еврейскомъ землевладѣніи, и намъ придется только ограничиться выводами о немъ. Еврей арендуетъ

---

1) „Трудъ" 1881 г. № 32.

у владѣльцевъ или задолжавшихъ, или подъ деньги впередъ, при этомъ въ мѣстахъ, гдѣ знаетъ все насквозь: каждаго мужика, его семью, его нужду, его слабости, или гдѣ есть родственники, или вѣрный товарищъ, или наконецъ входитъ въ сѣть еврейской аренды, охватывающей извѣстную мѣстность. Окруженный цѣлымъ скопищемъ евреевъ (полу-прикащиковъ, полу-компаніоновъ, иногда родственниковъ, иногда наемныхъ лицъ), связанныхъ общей цѣлью наживы на счетъ невѣжественнаго мужика, раскидываетъ онъ вездѣ свою паутину и подстерегаетъ добычу не только изъ арендной усадьбы, но и изъ излюбленныхъ наблюдательныхъ пунктовъ—кабака и деревенской лавочки, гдѣ пріютились его вѣрные союзники. Шинокъ и лавочка, скупка сельскихъ продуктовъ и сельское ростовщичество и всякія другія средства для эксплуатаціи человѣка и человѣческихъ отношеній пускаются въ помощь къ землевладѣнію и составляютъ иногда основной доходъ еврея-арендатора, для котораго самая аренда является лишь предлогомъ, обстановкой. Такой же побочный, но прибыльный доходъ даютъ евреямъ-арендаторамъ имѣній „потравы". Чаще всего еврейскія земли примыкаютъ къ землямъ крестьянъ, отчего для послѣднихъ почти невозможно уберечь скотъ, чтобы онъ не зашелъ на еврейскія земли, и этимъ евреи пользуются самымъ безжалостнымъ образомъ.

Первый результатъ, который получается отъ хозяйствованія по указанному плану—уничтоженіе всякой конкуренціи со стороны арендаторовъ не евреевъ, а второй—закабаливаніе окружного крестьянства и почти даровая обработка земли: вѣчно нуждающійся малорусскій земледѣлецъ въ землѣ и деньгахъ для подати и для домашнихъ крайнихъ потребъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно окажется и должникомъ, и скопщикомъ арендаторомъ у сосѣдняго еврея. Еврей никогда почти не ведетъ хозяйства собственными средствами: онъ не заводитъ ни своего скота, ни своихъ земледѣльческихъ орудій, не дѣлаетъ хозяйственныхъ построекъ, а предпочитаетъ или нанимать крестьянъ съ ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями, платя имъ отъ морга или деся-

тины, какъ это можно встрѣтить чаще всего у евреевъ землевладѣльцевъ въ Юго-Зап. краѣ, или обработывать земли „скопщиной". При скопщинѣ евреи получаютъ въ свою пользу иногда 1/2, но чаще 2/3 и 3/4 урожая отъ жатвы, да съ сѣнокоса до 3/4 всего количества сѣна, помимо всякихъ доплатъ и отработокъ. Такая система хозяйничанья даетъ еврею всѣ выгоды, безъ всякаго хозяйственнаго труда, безъ всякихъ агрономическихъ улучшеній, съ его стороны, за однѣ хлопоты и коммиссіонерство, какъ и въ торговыхъ операціяхъ, а крестьянина съемщика и работника заставляетъ работать нерѣдко не только безъ выгоды, но просто въ убытокъ себѣ. Вотъ примѣрный счетъ г. Варзера о результатахъ скопщины для крестьянина въ Черниг. губ. Доходъ съемщика 30 пуд. ржи; расходъ же, по условію съ евреемъ:

1/2 арендатору	15 пуд.
обсѣмененіе	7 „
Станъ (1/5 урож).	6 „
Обработка (запашка и пр.) . . .	4 „
Доплаты (40 к.)	1 „
Итого . . .	33 пуда.

Слѣдовательно, крестьянинъ работаетъ съ убыткомъ для себя въ 3 пуда, но бываютъ доплаты въ 1 р. и даже больше.

Неизбѣжные и непремѣнные спутники еврейскаго землевладѣнія: разрушенныя помѣщичьи усадьбы, вырубленный лѣсъ, проданный скотъ и покрытая сорными травами земля, а вокругъ— обѣднѣніе крестьянства.

Къ послѣднему типу дѣятельности евреевъ относится аренда казенныхъ оброчныхъ статей: пахати, луговъ, лѣсу, казенныхъ построекъ и пр. Евреи въ этой области между другими кулаками занимаютъ самое видное мѣсто, благодаря своему искусству обходить всякія препятствія. Искусство евреевъ въ этомъ отношеніи неуловимо по своему разнообразію: прежде всего стачка, и въ этомъ „евреи, по выраженію Шлейснера, мастера болѣе другихъ, такъ какъ они кагально солидарны", потомъ

всякіе обходы, въ родѣ слѣдующаго случая, разсказаннаго корреспондентомъ „Южнаго Края“: евреи на торгахъ въ Херсонск. губ. возвысили цѣну до такой цифры (4 р. 50 к.), что нѣмцы-поселяне, конкурировавшіе съ ними, отступились. „Еврей беретъ, уплачиваетъ за землю за полгода впередъ и сейчасъ же сдаетъ ее по участкамъ по цѣнѣ низшей, но уже не на полгода, а на годъ, причемъ беретъ съ крестьянъ всѣ деньги впередъ, самъ же черезъ полгода объявляетъ себя несостоятельнымъ и отступается отъ аренды. Назначаются новые торги, и оброчная статья сдается по низкой цѣнѣ тому же еврею черезъ посредство подставного лица“, такъ какъ никакихъ конкурентовъ на этотъ разъ не явилось [1]).

Оттиснувши тѣмъ или другимъ способомъ конкурентовъ и забравши доходныя статьи въ свои руки, евреи безъ всякаго труда получаютъ одинъ барышъ изъ окружающихъ крестьянъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Дача Херс. у. Дубовая изъ 2060 дес. арендована евреемъ при оцѣнкѣ въ 2 р. 60 к. за десятину: онъ отдаетъ часть земли на выпасъ скота по 2 р. 50 к. за крупную скотину „или съ обязательствомъ убрать у него 2 дес. посѣва, что составляетъ 7 р.“ Сергѣевская дача 2284 дес. находится въ арендѣ у евреевъ съ платою 2184 р., т. е. менѣе 1 р. за десятину“, а аренда въ тѣхъ мѣстахъ не менѣе 2 р. 50 к. „Дача Терновская 1136 дес. арендаторъ купецъ еврей платитъ далеко ниже оцѣнки—2 р. 85 к. за десятину, а отдаетъ подъ посѣвъ по 3 р. 50 к. и за сѣнокосъ отъ 4 до 5 р. за дес. [2]).

Сравнительно съ торговлей и отмѣченными выше занятіями, производство мелкое—кустарное и ремесленное—мало занимаетъ еврейскихъ силъ. Евреи воспитали въ періодъ своей европейской исторіи отвращеніе ко всякому физическому труду, благодаря, можетъ быть, долгому запрещенію этихъ занятій, а также и малой обезпеченности ремесленниковъ въ тотъ крова-

---

[1]) «Южный Край», № 128.

[2]) «Отеч. Зап.» 1881 г. № III, Шлейснеръ, стр. 44—45.

вый періодъ еврейской исторіи, когда только деньги давали имъ сколько-нибудь сносное существованіе. Привычка сдѣлала свое дѣло, и вотъ мы видимъ, что у евреевъ, начиная со среднихъ вѣковъ, ремесленники въ соціальномъ отношеніи считаются самымъ низшимъ классомъ. Лелѣя постоянно мечту о пріобрѣтеніи капитала, еврей, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, хотя бы ему трудно было даже содержать свою семью, попытается пристроить своихъ дѣтей прежде всего къ торговлѣ, хотя бы въ качествѣ мальчиковъ при лавкахъ („клейтъ-мишуресъ"), и только „весьма рѣдкій еврей отецъ, говоритъ г. Чубинскій, рѣшается отдать сына къ портному или сапожнику, или шапочнику" [1]). Отъ этого еврейскій ремесленный классъ пополняется круглыми сиротами да дѣтьми нищенствующаго класса евреевъ. Галиція, Привислянскій край, сѣверо-западный и зап. край считаютъ въ рядахъ ремесленниковъ больше евреевъ, чѣмъ Буковина, лѣвобережная Украина, Новороссія и др. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что въ первыхъ областяхъ Малороссіи, гдѣ торговый еврейскій классъ до того переполнилъ дѣйствительную потребность страны, что многимъ изъ евреевъ рѣшительно не остается мѣста на торговомъ пиру, они то и берутся за ремесло до перваго, впрочемъ, случая, когда имъ удастся смѣнить ремесло на торговлю. Изъ ремесленниковъ, главнымъ образомъ, состоитъ низшій классъ еврейскихъ эмигрантовъ, который, какъ авангардъ еврейства, передвигается больше всего на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ значительная часть изъ нихъ очень скоро обращается въ торговцевъ того или другого вида. Изъ ремеслъ евреи избираютъ болѣе легкія по мускульному напряженію и болѣе близкія къ торговлѣ по своему характеру. Первое мѣсто занимаютъ ремесла—золотыхъ дѣлъ, часовое, граверное и позументное. Эти занятія пользуются большимъ противъ всѣхъ другихъ ремеслъ почетомъ и не считаются унизительными. Потомъ слѣдуютъ мѣдники, портные, шапочники, сапожники, маляры и

---

1) Чуб. 90.

музыканты. Общественное мнѣніе евреевъ не расположено къ этимъ видамъ, считая занимающихся ими членовъ общества людьми религіозно-индиферентными и вообще низшей нравственности противъ другихъ. Такія же ремесла, какъ кузнечное, столярное, плотничье, шорное, ткацкое, ремесла каменщиковъ и вообще ремесла самыя тяжелыя по затратѣ мускульныхъ силъ—находятъ для себя работниковъ среди евреевъ рѣже всего, особенно ничтожно между ними количество каменщиковъ и печниковъ. Ремесленниковъ послѣдняго типа можно найти только по правую сторону Днѣпра, и ихъ совершенно нѣтъ, кромѣ развѣ кузнецовъ, въ лѣвобережной Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. и др. губ. Среди ремесленниковъ евреевъ замѣчается то же самое явленіе, что и между торговцами—отсутствіе спеціальности, и особенно наслѣдственной. Трудно отыскать еврея ремесленника, особенно въ Галиціи, сѣверо- и юго зап. краѣ, который не зналъ бы еще какого-ниб. ремесла сверхъ того, какимъ онъ занимается въ данную минуту. Еврей столяръ въ то же время и слесарь, и сапожникъ, и парикмахеръ, и сверхъ всего этого корчмарь, не говоря уже, что онъ неизбѣжнымъ образомъ факторъ, ростовщикъ и т. д. Понятно, что въ ремеслѣ евреевъ не бываетъ усовершенствованій ни въ прочности работы, ни въ кройкѣ, потому что нельзя же грубое слѣдованіе евреевъ ремесленниковъ за модой относить на ихъ счетъ, но за то никто, какъ евреи, не способенъ такъ экономично обходиться съ матерьяломъ, идущимъ на работы; у евреевъ ремесленниковъ всегда идетъ меньше матерьяла на предметъ, чѣмъ у ремесленниковъ другихъ націй; кромѣ того, чаще всего работы евреевъ отличаются непрочностью, недоброкачественностью въ матерьялахъ. Между ремесленниками евреями не мало встрѣчается и такихъ, которые являются только хозяевами мастерскихъ; рабочіе же у нихъ всѣ, или въ преобладающемъ количествѣ,—мѣстные жители; особенно такого вида ремесленниковъ много въ мѣстахъ съ рѣдкимъ еврейскимъ населеніемъ. Еще меньше въ средѣ евреевъ чернорабочихъ, поденщиковъ, и самый низшій и бѣдный классъ евреевъ предпочи-

таетъ нищенство черной работѣ, между прочимъ и потому, что они находятъ такой видъ работы, какъ чаще всего совмѣстной съ рабочими другихъ вѣроисповѣданій, несогласнымъ съ религіозными воззрѣніями. Чернорабочіе евреи работаютъ только на еврейскихъ фабрикахъ для производства „талисъ“ (шерстяныхъ покрывалъ, носимыхъ евреями во время молитвы); изъ другихъ чернорабочихъ можно встрѣтить сравнительно въ небольшомъ количествѣ водовозовъ, сторожей, „лопатниковъ“, занимающихся въ большихъ складахъ перекидываніемъ хлѣбнаго зерна, и носильщиковъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чернорабочимъ можно отнести еврейскихъ извозчиковъ. Извозчики евреи существуютъ только въ мѣстахъ съ густымъ еврейскимъ населеніемъ и временно появляются въ мѣстахъ скопленія еврейской массы, напр.—на Ильинской ярмаркѣ. Съ извозомъ у евреевъ связываются еще и другіе роды дѣятельности—факторство и нѣчто въ родѣ спеціальныхъ между-еврейскихъ почтовыхъ сношеній. Городскіе евреи извозчики встрѣчаются во всѣхъ городахъ Малороссіи и, кромѣ изнуренности ихъ лошадей, нечистоплотности экипажа и „жидовскаго запроса“ за услугу, ничѣмъ другимъ не разнятся отъ всякихъ извозчиковъ; но еврейскую оригинальность представляютъ „балагульщики“. Этотъ родъ извоза господствовалъ только по правую сторону Днѣпра и служилъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и тяжестей, въ громадныхъ размѣрахъ, неуклюжихъ крытыхъ повозкахъ („баалъаголахъ“), своего рода дилижансахъ. Характерность балагульства—различіе въ пассажирахъ евреяхъ и неевреяхъ, пренебреженіе интересами послѣднихъ пассажировъ, эксплуатація ихъ кармановъ и страшно-нехозяйственное обращеніе съ лошадьми. Во всякомъ случаѣ, извозчики евреи принадлежатъ къ самому бѣдному классу—люди труда полезнаго, и, за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ да нерѣдкой ихъ связи съ конокрадами, представляютъ среди еврейства одинъ изъ наиболѣе терпимыхъ элементовъ.

Еще ниже промышленной дѣятельности стоитъ у евреевъ земледѣльческій трудъ, который вмѣстѣ съ мойкою бѣлья, ноше-

ніемъ воды, смазываніемъ хаты и огородничествомъ считается исключительно удѣломъ мужика-крестьянина. Такое явленіе въ современномъ евреѣ находится въ противорѣчіи не только съ Библіей, но и съ талмудомъ, который ставитъ земледѣліе выше всѣхъ другихъ занятій, и объясняется исключительно исторіей европейскаго еврейства. Во всѣхъ углахъ Европы, гдѣ евреи селились, вся земля находилась въ рукахъ правящаго класса и обрабатывалась подневольными крѣпостными руками. Евреи, понятно, не могли заняться земледѣліемъ, которое приводило бы ихъ въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, а это, кромѣ очевидныхъ невыгодъ соціально-экономическихъ, противорѣчило бы съ кореннымъ міровоззрѣніемъ евреевъ на себя, какъ на народъ избранный, поставленный выше всѣхъ народовъ. Кромѣ того, евреи въ Европѣ жили жизнью полукочевого населенія: сегодня ихъ гнали изъ одной страны—и они переходили въ другую, не будучи увѣрены, что завтра ихъ не погонятъ и изъ этой. Такое положеніе не могло сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ, занятіе которыхъ по своей природѣ требуетъ осѣдлости, твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ своего пребыванія на засѣянномъ полѣ. То же самое застало евреевъ и въ пріютившей ихъ Польшѣ и въ Малороссіи; и здѣсь поселянинъ-земледѣлецъ былъ рабомъ того, чью землю воздѣлывалъ. Исторически атрофировались въ современныхъ евреяхъ инстинкты и привычки древняго азіятскаго земледѣльческаго іудейства, и евреи стали смотрѣть на земледѣліе, какъ на занятіе исключительно принадлежащее крѣпостному населенію.

Чтобы побороть предубѣжденіе евреевъ противъ земледѣлія, русское правительство сдѣлало много усилій для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, но, какъ увидимъ, безрезультатно.

Еврейскія колоніи въ Малороссіи—явленіе сравнительно новое; онѣ впервые появились въ концѣ XVIII в. (около 1799 г.), по почину и при содѣйствіи правительства; особенно энергично дѣйствовало правительство для образованія земледѣльцевъ изъ евреевъ въ періоды 1804—1810 и потомъ съ 1835 г. съ пе-

рерывами по 1856 г. Колоніи заводились на льготныхъ основаніяхъ: онѣ освобождались отъ рекрутской повинности на разные сроки и на 5 лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, а въ Новорос. колоніяхъ на 10 лѣтъ; имъ выдавалась ссуда на обзаведеніе, земли отводилось отъ 20 до 40 десятинъ на семейство, выстроены были дома и хозяйственныя постройки, нерѣдко снабжали ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями и даже позаботились о руководителяхъ ихъ при пріученіи ихъ къ земледѣльческому труду, каковыми были поселены между ними нѣмцы-колонисты. На такія льготныя условія, и то съ неохотою, шли обнищавшіе евреи изъ западныхъ губ. и Курляндіи. Въ настоящее время извѣстны еврейскія колоніи въ Новороссіи, въ юго-зап. краѣ и въ малор. частяхъ Гродн. и въ Черниг. губ. Статистическія данныя о населеніи еврейскихъ колоній являются съ 1860 г. въ такомъ видѣ:

	муж.	женок.	итого.	сверхъ того:
Кіевск. губ.	4019	3961	7980	Въ Гродн. губ. (Бр., Бѣл., Пр. и Кобр. у.у.) . . . . 751 д.
Подольск. .	4825	4586	9411	— Хот. у. Бессар. губ. . . . 395 „
Волынск. .	1632	1642	3274	— Черн. г. (безъ Сур. у.) . . 11699 „
Екатерин. .	6465	5723	12188	
Херсонск. .	11279	10565	21244	
Всего. . .	28220	26477	54697	

У насъ нѣтъ статист. данныхъ, на которыхъ можно было обосновать точный выводъ о ростѣ или убыли еврейскаго населенія въ колоніяхъ; но люди, занимавшіеся изученіемъ ихъ, утверждаютъ, что еврейское населеніе изъ колоній разбѣгается по сосѣднимъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ или временно по паспортамъ, или же и совершенно, приписываясь въ купеческое или мѣщанское званіе, что имъ разрѣшено въ 1868 г. „Въ настоящее время, писалъ Шмаковъ, во всѣхъ городахъ Новорос-

сійскаго края встрѣчаются ремесленники изъ евреевъ-колонистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были побогаче, занялись извозомъ. Въ Херсонѣ и Одессѣ евреи-колонисты, за неимѣніемъ другихъ болѣе выгодныхъ занятій, сдѣлались поневолѣ носильщиками тяжестей, подсѣвальщиками пшеницы, дроворубами и пр. „Изъ евреевъ-колонистовъ, по замѣчанію того же автора, вышли факторы, ростовщики, кабатчики, которые, какъ паразиты, легли на туземное населеніе и дѣйствительно тяжелы для него".[1]) Но и оставшіеся въ колоніяхъ не отдались земледѣльческому труду. По свѣдѣніямъ Шмакова, въ еврейскихъ колоніяхъ „фабрикъ и заводовъ нѣтъ, но ремесленниковъ разнаго рода очень много, и это даетъ имъ возможность поддерживать свои хозяйства... Удовлетворяя потребностямъ колоній, эти мастера заработываютъ весьма порядочныя деньги и въ сосѣднихъ малороссійскихъ селеніяхъ".[2]) Другія средства заработковъ—ростовщичество для сосѣдей крестьянъ и шинкарство: такъ, въ 1868 г. въ колоніяхъ Херсонской губ. находилось кабаковъ 65, а въ Екатер. 19 и продано изъ нихъ водки въ первыхъна 12484 р., а во вторыхъ на 3973 р. Сами евреи мало употребляютъ водки, а главными участниками были сосѣдніе поселяне и проѣзжающіе черезъ колоніи чумаки". Всѣ же земледѣльческія занятія, особенно въ юго-зап. колоніяхъ, гдѣ предложеніе крестьянами рабочихъ рукъ велико, лежатъ на крестьянахъ, которыхъ евреи считаютъ, кажется, созданными для этого. Стоя относительно грамотности и умственнаго развитія выше русскихъ поселянъ (въ Новороссіи 1 учащійся еврей приходится на 8 ревизскихъ еврейскихъ душъ и всѣ грамотны), не говоря уже о религіозномъ предубѣжденіи, евреи-колонисты, какъ и вообще евреи, считаютъ мужика ниже себя и мужикъ имъ представляется „невѣжественною рабочею силою", и потому къ физическому труду они въ теченіе полустолѣтія не только не пріучились, но и не потеряли даже къ нему отвращенія. Не повліяло земледѣліе

---

[1]) Шмаковъ, 163.
[2]) Ib. 165.

на евреевъ и въ другихъ отношеніяхъ, не говоря уже о поднятіи нравственнаго уровня, но и бытовыхъ привычекъ—нечистоплотности и неаккуратности, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ внѣшній видъ колоній, которыя, по выраженію Чубинскаго, представляютъ собою мерзость запустѣнія: „двѣ трети домовъ съ ободранными крышами, причемъ многіе дома совершенно пусты; почти всѣ дома невыбѣлены, глина съ наружныхъ стѣнъ обвалилась. Около многихъ домовъ, какъ говорится, ни кола, ни двора".[1]) Тоже самое и въ колоніяхъ Новороссіи, гдѣ, по словамъ Шмакова, „мало зелени и дома рѣдко содержатся въ порядкѣ. Между жилыми строеніями встрѣчается довольно много домовъ разоренныхъ и заброшенныхъ, также много домовъ съ поврежденными крышами... Поселенцы обѣднѣли и нужда заставила ихъ скучиваться по двѣ-три семьи въ одинъ домъ".[2]) Вообще поселенія евреевъ-колонистовъ въ разсматриваемый періодъ представляютъ видъ, печальнѣе котораго трудно представить... „Эти люди оказались въ высшей степени лѣнивыми и впали въ глубокую нищету. Поражающіе своимъ изнуреннымъ видомъ, покрытые рубищами, ютясь въ полуразвалившихся грязныхъ хижинахъ, они не пріобрѣли ни малѣйшихъ знаній въ земледѣліи и отдаютъ свои поля исполу поселенцамъ другихъ племенъ изъ части урожая". [3])

Остальное еврейское населеніе, которое по своимъ занятіямъ не подходитъ къ описаннымъ выше категоріямъ, принадлежитъ или къ еврейскому духовенству (цадики, раввины и меламеды), или же образуетъ классъ нищихъ, которыхъ между евреями чрезвычайно много: только въ юго-зап. краѣ Чубинскій полагаетъ ихъ до 20000.

Такимъ образомъ, въ распредѣленіи евреевъ по дѣятельности первое мѣсто занимаютъ евреи, торгующіе или приписавшіеся къ торговлѣ, какъ ростовщики, факторы, коммиссіонеры

---

[1]) Чуб. 189.
[2]) Шмаковъ, 137.
[3]) „Южный Край", 112.

и маклера; потомъ слѣдуютъ евреи, имѣющіе дѣло съ крупною промышленностью и земледѣліемъ, далѣе ремесленники и всякаго рода чернорабочіе; за ними можно поставить по количеству еврейское духовенство и нищихъ; наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ евреи-земледѣльцы. Недостатокъ матеріаловъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, лишаетъ насъ возможности выразить отношеніе указанныхъ группъ на территоріи малорусскаго племени. Если мы воспользуемся наличными данными по Россіи, аналогіей съ западной Европой и, наконецъ, примемъ въ соображеніе однородность и односторонность еврейства на всѣхъ пунктахъ Малороссіи, то приблизительно полуторамилліонное еврейское населеніе распадется по своей дѣятельности на такія неравномѣрныя группы:

1) Земледѣльцы	60000
2) Ремесленники, извощики, поденщики и др. чернорабочіе . .	330000
Вмѣстѣ. . . .	390000
3) Лица прочихъ занятій . . .	1184000
Всего. . . .	1574000

Ир. Житецкій.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1]

XXXVIII.

Редакторы „Основы" горячо принялись за дѣло, но, очевидно, не такъ легко было поставить журналъ на ноги. „У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно," писалъ Кулишъ Бодянскому въ концѣ 1860 г.,—„а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ вами. Подписка на журналъ идетъ тихо, въ томъ числѣ и на „Основу", которой первая книжка уже набирается" [2]).

Но не таковъ былъ Кулишъ, чтобы опускать руки отъ первой неудачи и тутъ же онъ сообщалъ Бодянскому, что предпринимаетъ написать малороссійскую исторію на украинскомъ языкѣ: „Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я уже написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только о цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное" [3]). Оглядываясь въ послѣдніе годы на пройденное поприще жизни, Кулишъ обыкновенно съ грустью вспоминалъ о удачно начатомъ,

---

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

2) «Кіевск. Стар.» 1897, XII, стр. 469.

3) Тамъ же.

но вскорѣ испорченномъ и загубленномъ своемъ журнальномъ дѣтищѣ, печальную судьбу котораго онъ объяснялъ неумѣлымъ веденіемъ дѣла своимъ сотрудникомъ. Быть можетъ, въ этомъ обвиненіи была доля правды; но несомнѣнно, что главной причиной неудачи было все же позорное равнодушіе публики, о которомъ мы говорили и при существованіи котораго необходимы были и особенное искусство, и особенное счастіе въ веденіи дѣла. Каждый ошибочный шагъ могъ повлечь за собой для журнала самыя серьезныя послѣдствія. Въ одномъ письмѣ къ львовскому писателю Павлику, уже въ девяностыхъ годахъ, Кулишъ говорилъ: „Завзявшись выробити мову добру, не відкидав я геть нічого, що попадало під мое перо ще й до „Хати" и „Основи". Саме имья сему місячникові нарек аз; программу до него скомпанував аз, и скилькы було моеі власти над его редактором, те все переходило через мою критичню реторту: и проза, й віршуваньне. От вам відповідь и на питаньне про Вовчкови „Оповиданьня". Далѣе слѣдуетъ любопытное указаніе на то, что Кулишъ, въ качествѣ редактора, прилагалъ до нѣкоторой степени руку къ трудамъ Марка Вовчка: „Відділяти попіл и жужелицю від срібла въ горнилі, очищаючи его седмерицею, а се ще трудьніща річ, ніж самому авторувати". Разочарованіе въ ихъ общемъ дѣлѣ съ редакторомъ „Основы" наступило у Кулиша поразительно скоро. Мы можемъ это видѣть уже по его письмамъ къ Бодянскому. Такъ, въ декабрьскихъ письмахъ 1860 г. Кулишъ говорилъ о журналѣ еще съ полной надеждой, безъ которой впрочемъ едва ли могло бы и состояться это предпріятіе, а въ апрѣлѣ онъ уже откровенно жалуется: „Основа" снуется Богъ знаетъ какъ, чему я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себе быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ" [1]). А одно письмо къ Марко-Вовчокъ отъ

---

[1]) «Кіевск. Стар.» 1897, XII, 470; также см. о пререканіяхъ Кулиша съ Бѣлозерскимъ по поводу «Основы» въ «Кіевск. Стар.», 1899. IX, 358.

15 марта 1862 г. заставляетъ думать, что несогласія начались еще задолго до возникновенія журнала. Уже въ этомъ письмѣ Кулишъ сѣтуетъ: „Журналъ Василію Михайловичу разрѣшенъ; но Василій Михайловичъ хочетъ издавать его въ духѣ примиренія съ панами и объявилъ, что хотя цензура и пропустила въ «Хатѣ» начало моей драмы «Коліі», но онъ ее въ журналѣ не напечаталъ бы, и проч. въ этомъ родѣ. Онъ присваиваетъ себѣ право второй цензуры, хочетъ ублажить пановъ и полюбиться имъ своимъ журналомъ, тогда какъ панское негодованіе я считаю заслугою украинской литературы, по преимуществу демократической... Я даю себѣ слово стоять на стражѣ простонародной прямоты и выразительности слова».

Столь же неудачными оказались и дѣла Кулиша по типографіи, но уже по винѣ не неумѣнія вести дѣла, а по совершенной недобросовѣстности сотрудниковъ. Хотя Кулишъ положилъ въ учрежденную имъ типографію почти всѣ свои деньги, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ много успѣлъ заработать удачнымъ и полнымъ энергіи трудомъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ его характерѣ было контролировать малѣйшіе расходы, безъ чего, однако, едва ли можетъ вестись такое сложное и трудное дѣло, какъ типографское, въ которомъ, въ большинствѣ случаевъ, основано все дѣло на довѣріи къ помощникамъ, что, къ сожалѣнію, пока у насъ еще слишкомъ рисковано. Такъ случилось и съ Кулишомъ: выбранный имъ помощникъ вполнѣ оправдывалъ надежды своего довѣрителя въ смыслѣ искуснаго веденія дѣла, но съ нимъ слѣдовало наблюдать осторожность, чтобы вся его дѣятельность не направилась исключительно на собственное обогащеніе. Всѣмъ этотъ человѣкъ былъ обязанъ Кулишу, но, быстро разбогатѣвъ, онъ не задумался съ цинической откровенностью заявить ему въ глаза: „Теперь я вамъ не нуженъ; дѣло и безъ меня пойдетъ, а мнѣ въ другомъ мѣстѣ предлагаютъ вдвое больше денегъ“. Кулишъ не упрекнулъ его ни полсловомъ и отпустилъ отъ себя, но типографія, оставшись безъ опытнаго заправителя дѣлъ, скоро пришла въ полный упадокъ. Но и въ эту тяжелую пору Кулишъ не палъ духомъ и нашелъ утѣшеніе

въ литературномъ трудѣ, взявшись за переводъ „Исторіи Англіи“, „Маколея“ [1]) съ тѣмъ, чтобы издатель печаталъ переводъ въ его типографіи, платя за бумагу и наборъ, а все, что Кулишу приходилось получить за его труды, онъ раздавалъ рабочимъ. Затративъ на основаніе типографіи до трехъ тысячъ рублей, Кулишъ мечталъ «только, чтобы получить обратно хоть двѣ», но и этого ему не удалось.

XXXIX.

Въ 1861 году, послѣ всѣхъ названныхъ неудачъ, Кулишъ снова искалъ нравственнаго отдыха и облегченія тамъ, гдѣ привыкъ находить его въ прежніе годы; онъ снова поѣхалъ заграницу, для купанья въ морѣ, причемъ на этотъ разъ его спутникомъ былъ Костомаровъ, бывшій тогда уже профессоромъ петербургскаго университета. Это было счастливое время ихъ тѣсной, задушевной дружбы. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Костомаровъ часто сходились передъ тѣмъ по вечерамъ въ Петербургѣ и подолгу засиживались другъ у друга, проводя время въ одушевленной бесѣдѣ. Въ письмахъ и небольшихъ отрывочныхъ записочкахъ Кулиша и Бѣлозерскаго мы нерѣдко встрѣчаемъ за это время слѣды ихъ близкихъ отношеній; «корректуру возвращу сегодня у Костомарова», «рукописи принесу съ собой къ Костомарову». Наши путешественники прожили вмѣстѣ около мѣсяца въ Ниццѣ и Монако, побывали въ Генуѣ, но потомъ пути ихъ раздѣлились; [2]) Костомаровъ вернулся въ Петербургъ къ началу лекцій въ университетѣ, которыя, однако,

---

[1]) Надъ этимъ переводомъ, какъ прежде надъ переводомъ «Исторіи испанской литературы Тикнора, по словамъ Ганны Барвинокъ, мужъ ея трудился до обмороковъ.—О журналѣ «Основа» см. въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. Ш., стр. 214—222.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе въ «Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ» въ «Нови», 1895, № 13, стр. 71.

вскорѣ же прекратились вслѣдствіе извѣстной студенческой исторіи, а Кулишъ еще долго странствовалъ по Италіи, проѣхалъ въ Вѣну, оттуда пароходомъ по Дунаю направился въ Турцію; по возвращеніи въ Россію, основался на нѣкоторое время въ Васильевкѣ, у М. И. Гоголь, гдѣ чрезвычайно пріятно провелъ время, и въ серединѣ осени вернулся въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Кулишъ, много думавшій за границей о своей «Украйнѣ», началъ писать свои «Досвітки» и принялся усердно читать біографію и произведенія Данта. Иногда ему встрѣчались затрудненія въ изученіи нѣкоторыхъ тонкостей «Божественной Комедіи» или сонетовъ Данта и тогда онъ упорно размышлялъ и добивался разъясненія. Потомъ онъ написалъ «Великі Проводи» (произведеніе, сильно искаженное ножницами цензуры), и поэму «Настусю».

Очень много грустнаго чувствуется въ этихъ стихахъ Кулиша! И въ самомъ дѣлѣ, весь 1861 годъ былъ для него тяжелъ: кромѣ всего сказаннаго, достаточно только вспомнить, что это былъ годъ смерти Шевченка (26 февраля), надъ гробомъ котораго Кулишъ сказалъ слѣдующія прочувствованныя слова: «ты намъ оставывъ одынъ завитъ, Тарасе, ты говорывъ своій непорочній музи:

«Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы—у насъ нема
Зерна неправды за собою»...

«Велыкый и святый завитъ! Будь же, Тарасе, певенъ, що мы его соблюдемо и николы не звернемо зъ дорогы. Колы жъ не стане въ насъ снагы твоимъ слидомъ простуваты, колы не можна буде намъ такъ, якъ ты, безтрепетно правду глаголаты, то лучче мы мовчатымемо». Когда же «гробъ поэта, поставленный на траурныя дроги, готовъ былъ двинуться къ своему новому погребенію на далекой родинѣ»,—разсказываетъ г. Мордовцевъ,— «тогда всѣ провожавшіе останки пѣвца Украйны стояли подъ гнетомъ сосредоточенной печали, одинъ Кулишъ возвысилъ го-

лосъ: „Що жъ се ты, батьку Тарасе, одъизжаешь на Вкраину безъ червонои китайкы, заслугы козацькои? Чымъ же нызшый ты одъ козацькыхъ лыцарпвъ? Ны одынъ вильный козакъ не сходывъ зъ сёго свиту безъ сіей остатней честы". И гробъ покрылы червоною китайкою" 1). Зашла рѣчь о памятникѣ Шевченку; Кулишъ сказалъ: „Шкода того кошту и заходу, Шевченкови треба спорудыты памъятныкъ нерукотворный". Въ самомъ дѣлѣ, по иниціативѣ Кулиша вскорѣ была сдѣлана подписка на школу имени Шевченка, но проектъ не былъ разрѣшенъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ 2).

Намъ нечего говорить, что, съ потерей Шевченка, для Кулиша тѣмъ дороже стали отношенія его къ Костомарову, за котораго онъ готовъ былъ горой стоять при каждомъ малѣйшемъ выраженіи съ чьей-нибудь стороны хотя бы незначительнаго неудовольствія: за своихъ друзей „горячій Кулишъ" всегда ратовалъ съ жаромъ. Такъ однажды у него чуть не произошла размолвка съ однимъ изъ стариннѣйшихъ и ближайшихъ друзей, уже упомянутымъ выше Чуйкевичемъ: „Костомарова не обвиняй за молчаніе, а взгляни на все имъ напечатанное и сказанное на лекціяхъ, да и сообрази, сколькихъ тысячъ часовъ самаго энергическаго, а иногда и томительнаго труда все это стоило. Еслибы ты полюбилъ какой-нибудь предметъ такъ сильно, какъ Костомаровъ свое дѣло, тогда бы ты узналъ, что honores играли самую послѣднюю роль". Эта отповѣдь была вызвана упрекомъ Чуйкевича за любовь Кулиша и Костомарова къ оваціямъ: „Въ Черниговѣ и Полтавѣ не потому я гостилъ, что тамъ, какъ ты

---

1) «Всемірная Иллюстрація» 1897, № 19, стр. 440.

2) Въ томъ же году скончался и сильно любимый Кулишемъ, хотя, разумѣется, не такъ, какъ Шевченко, К. С. Аксаковъ. Когда Кулишъ узналъ о смерти его, онъ писалъ Бодянскому: «Жаль бѣднаго Консты. Онъ былъ одинъ изъ благородныхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу». («Кіевск. Стар.», 1897, Ш., стр. 469.

говоришь, воздавали мнѣ почести, а потому, что нашелъ хорошихъ людей, а „съ хорошимъ человѣкомъ", говоритъ Селифанъ, „поговорить можно".

XL.

Приведемъ теперь относящіяся къ началу шестидесятыхъ годовъ воспоминанія о Кулишѣ А. Я. Конисскаго:

„Лично съ Кулишомъ я познакомился 4 мая 1860 г. у Дмитрія Павловича Пильчикова, знавшаго его хорошо еще въ Кіевѣ въ 1844—1845 г.

„Когда Кулишъ 3 мая пріѣхалъ въ Полтаву, Пильчиковъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и въ то же время меня и другихъ молодыхъ своихъ товарищей.

„Первое наше впечатлѣніе было не въ пользу Кулиша; намъ казалось, что мы видѣли совсѣмъ не того Кулиша, о которомъ слышали отъ Пильчикова и котораго знали по „Черной Радѣ", „Запискамъ о Южной Руси" и въ особенности по журналу „Хата". Передъ нами былъ человѣкъ типично красивый, умный, хорошо образованный; но всѣ эти качества передъ молодыми энтузіастами-демократами затмѣвала какая-то надменность Кулиша, холодная сдержанность и большое самолюбіе, не допускавшее въ спорѣ даже съ Пильчиковымъ противорѣчій. Но болѣе всего намъ не понравилось то, что Кулишъ бесѣдовалъ съ нами по-русски, несмотря на то, что я и Пильчиковъ нѣсколько разъ начинали разговоръ по-украински. Но, не поддаваясь первому впечатлѣнію, мы, видя въ особѣ Кулиша, во-первыхъ, друга и союзника Шевченка, а во-вторыхъ—представителя нашей литературы, рѣшили въ тотъ же вечеръ устроить въ честь его публичный обѣдъ въ вокзалѣ городского сада. Подписная цѣна для того времени была довольно высокая, не ниже 3 р. съ особы. Подписка продолжалась три дня, и седьмого числа была закрыта, такъ какъ подписалось болѣе двухсотъ человѣкъ, а болѣе этого въ залѣ помѣститься не могло. Конечно,

обѣдъ былъ безсословный (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семьѣ, какъ объ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный носится съ твоимъ „Кобзаремъ", какъ съ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что всѣ твои произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю" и Богу молятся".

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столяра по ремеслу и друга покойнаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря" и „Основы". Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузіасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа" издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидятъ развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украйнѣ изданный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга".

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя".

„Съ тѣхъ поръ между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немного: можно сказать, что $^9/_{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша съѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, такъ называемыя „независящія обстоятельства".

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступитъ Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дунайську думу" и большую поэму „Велыки Проводы". Читалъ онъ просто, хорошо; но читанное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо риѳмованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ".

„По отъѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разъяснилась только къ концу года, когда въ „Основѣ" появились читанныя намъ произведенія „новаго поэта" за подписью Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

было задѣто высказаннымъ мною мнѣніемъ о его поэтическихъ произведеніяхъ". [1])

„Въ третій разъ Кулишъ пріѣзжалъ въ Полтаву, если не ошибаюсь, въ іюнѣ 1862 г., но оставался здѣсь недолго, а прожилъ недѣли двѣ-три въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ (верстъ 25 отъ Полтавы), гдѣ я и другіе его знакомые часто навѣщали его. Разъ насъ отправилось въ Санжары нѣсколько человѣкъ (помню Пильчикова, Кулика, Майкову и Саханскую). Мѣстечко Старыя Санжары, довольно старое, было когда-то сотеннымъ городкомъ, имѣло свое „укрѣпленіе" и представляло для насъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Всѣ мы, вмѣстѣ съ Г. И. Оболенскимъ и Кулишомъ, долго ходили по мѣстечку, осматривали старыя церкви и остатки „крѣпости". Дней черезъ пять къ губернатору Волкову поступилъ отъ помѣщика Д. доносъ о томъ, что Кулишъ съ „злонамѣренною цѣлью" поселился въ Старыхъ-Санжарахъ, собираетъ возлѣ себя неблагонамѣренныхъ людей; возбуждаетъ въ козачьемъ населеніи прежнія козацкія традиціи и, „сѣетъ сѣмена независимости Украйны". Полтавская администрація была напугана тогда петербургскими пожарами, возникавшими кое-гдѣ недоразумѣніями въ крестьянскомъ дѣлѣ, событіями въ Варшавѣ и т. д. и вездѣ видѣла „бунты и революцію". Волковъ же, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ легковѣрный и вѣрилъ всякой сплетнѣ съ политическимъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что онъ поспѣшилъ назначить „строгое секретное дознаніе". Производилъ его тогдашній исправникъ и, конечно, „узналъ" только то, что̀ и безъ секретнаго дознанія всѣмъ было извѣстно, именно что, „губернскій секретарь Пантелеймонъ, Александровъ сынъ, Кулишъ, проживая въ мѣстечкѣ Старыхъ Санжарахъ, произво-

---

[1]) Между тѣмъ Кулишъ сообщалъ Д. С. Каменецкому объ успѣхѣ этого чтенія: «Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта, и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ». (Кіевская Старина, іюль-августъ, 1898, ст. 134, вторая пагинація. Ср. Кіевск. Стар., 1899, IV, примѣч.).

дилъ ежедневно двукратное купаніе въ рѣкѣ Ворсклѣ, но чтобы распространялъ революціонныя украинскія идеи, того никто изъ опрошенныхъ людей не показалъ".

„Тѣмъ не менѣе Кулишъ долженъ былъ ускорить свой отъѣздъ".

„Въ этотъ же пріѣздъ случился и другой забавный эпизодъ. Въ день своего пріѣзда въ Полтаву Кулишъ, придя ко мнѣ вечеромъ, сообщилъ мнѣ и бывшимъ у меня Д. П. Пильчикову и В. Л. Трунову, что въ послѣдніе дни предъ выѣздомъ въ Полтаву онъ случайно встрѣтился въ Кіевѣ зъ замѣчательною личностью: это была, по его словамъ, дочь средняго помѣщика П—аго уѣзда, молоденькая пепиньерка К—аго института, дѣвушка замѣчательной красоты, ума и патріотизма, но, вслѣдствіе молодости и воспитанія, почти не имѣвшая характера; пользуясь слабостью ея воли, родители принуждали ее выйти замужъ за человѣка не любимаго, необразованнаго и деспота. Нужно было, слѣдовательно, „спасти ее", т. е. выкрасть изъ родительскаго дома и привезти въ Полтаву, а тутъ ужъ пристроить ее сперва гдѣ-нибудь въ образованномъ семействѣ, а потомъ классной дамой въ гимназію.."

„На разсвѣтѣ другого дня Труновъ уже уѣхалъ на почтовыхъ въ коляскѣ Кулиша въ П—ій уѣздъ. По данной Кулишомъ инструкціи Труновъ пріѣхалъ въ деревню поздно вечеромъ; разыскалъ указанную ему няню и узналъ, что „барышня уже повѣнчана".

XLI.

Въ 1862 г. Кулишъ уѣхалъ опять въ Украйну, гдѣ могъ пока спокойно проживать на деньги, вырученныя за переводъ Маколея [1]) Но не желая остаться безъ дѣла, онъ воспользовался избраніемъ его въ дѣйствительные члены Географическаго Обще-

---

[1]) „Всемірная Иллюстрація", 1897 г. 3 мая, № 19.

ства по отдѣлу этнографіи и просилъ оффиціальнаго разрѣшенія совершить на собственный счетъ съ научной цѣлью поѣздки по Малороссіи. Разрѣшеніе ему дано не было. Оставшись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ поселился въ Пиддубнѣ и занимался тамъ хозяйствомъ, не только наблюдая за разными постройками, но исполняя самъ черныя работы. Денежныя средства его, всегда ограниченныя, скоро совсѣмъ истощились, когда онъ лишился правильнаго заработка, тѣмъ болѣе что запутанныя дѣла помѣшали его другу и сотруднику, бывшему редактору „Основы", вознаградить его за понесенные труды. Видя его въ затруднительномъ положеніи, Кулишъ самъ отрекся отъ долга въ размѣрѣ 700 рублей: „по нѣкоторымъ соображеніямъ"—писалъ онъ Виктору Мих. Бѣлозерскому:—„я отказался отъ долга, лежавшаго на Василіѣ Михайловичѣ за мои статьи въ „Основѣ" и вознамѣрился заплатить за пиддубенскую землю наличными деньгами".

Между тѣмъ Кулиша, при всемъ стѣснительномъ его положеніи, очень часто считали человѣкомъ обезпеченнымъ, даже въ то самое время, когда онъ самъ топилъ печки, а жена его готовила обѣдъ. Происходило такое недоразумѣніе частью потому, что онъ бодро переносилъ нужду и никогда никому на нее не жаловался, частью-же вслѣдствіе его щедрости и готовности помогать другимъ, [1]) а также благодаря временнымъ приливамъ денегъ въ его карманъ по напечатаніи и продажѣ какого-нибудь литературнаго труда.

Живя въ крайней нуждѣ на хуторѣ, Кулишъ работалъ надъ „Исторіей борьбы козаковъ съ поляками при Павлюкѣ и Остраницѣ" и напечаталъ этотъ трудъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и въ „Библіотекѣ для чтенія" П. Д. Боборыкина. Сношенія Кулиша съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, относились уже къ порѣ, предшествовавшей полному упадку и ликвидаціи дѣлъ журнала, такъ что и съ этой стороны Кулишу не повезло. Весной 1864 г.,

[1]) Примѣры указаны въ „Правдѣ" (См. 1868, стр. 324).

пріѣхавъ по своимъ литературнымъ дѣламъ въ Петербургъ, Кулишъ старался выхлопотать принадлежащія ему деньги [1]) отъ нѣкоего Максимова, а также отъ одного изъ довѣренныхъ лицъ Боборыкина, Акимова.

Какіе же замыслы волновали въ это время Кулиша? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, кажется, можемъ высказать весьма вѣроятное предположеніе, что цѣль поѣздки заключалась въ новыхъ хлопотахъ объ основаніи украинскаго журнала, хотя вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что нѣтъ никакой надежды на разрѣшеніе. Въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову Кулишъ говорилъ: „Кого тормошила жизнь больше нашего? И кто выигралъ въ жизни меньше? Крупные удары судьбы падаютъ на насъ, какъ и на прочихъ людей, но мелкія ежедневныя огорченія отъ многихъ и отъ многаго едва ли не мучительнѣе. Но мы держимся выжиданіемъ лучшаго времени. Всего убійственнѣе дѣйствовало на меня въ эти годы ничтожество нашихъ земляковъ. Оно поразительно въ своихъ фактахъ, которыхъ я не стану сообщать вамъ, какъ человѣку, отчасти съ ними знакомому. Но мысль украинскаго журнала возродилась на пепелищѣ, которое казалось давнымъ давно потухшимъ въ Червоной Руси. Тамъ издается „Мета“ (цѣль), какъ продолженіе того, что̀ начато украинскою литературою. Изданіе „Меты“ оживляетъ меня, а то на душѣ было очень скверно. Въ самомъ дѣлѣ, подъ австрійскою конституціей, которую напрасно такъ унижаютъ наши газетчики, украинскій вопросъ можетъ сдѣлать въ литературѣ великіе успѣхи, которые въ свое время будутъ оцѣнены и нашею ничтожною публикою“. И вотъ уже съ этихъ поръ взоръ и мысль Кулиша начинаютъ постепенно устремляться въ Галицію, на которую въ значительной степени переносится его симпатія.

---

[1]) О денежныхъ и вообще дѣловыхъ сношеніяхъ Кулиша съ «Библіотекой для чтенія» см. также Кіевскую Старину, 1898, іюль-августъ, стр. 136, вторая пагинація.

Денежныя заботы были въ то время для Кулиша также на видномъ планѣ, благодаря извѣстному намъ разстройству его дѣлъ, но, какъ всегда, самое большое значеніе имѣли для него литературные планы. [1]) Прося у Жемчужникова денегъ, онъ собирался „махнуть въ Питеръ и спасать честь родной земли; дѣло вѣдь дошло до потери самой чести".

XLII.

Наконецъ Кулишъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы поискать себѣ мѣсто. Вызванный друзьями и ободренный надеждами, онъ переживалъ тамъ однако тяжелые дни, исполненный треволненій. Однажды онъ писалъ женѣ: „Отъ людей, близкихъ Милютину, извѣстно, что онъ желаетъ принять меня на службу, но теперь онъ очень занятъ и еще не придумалъ для меня должности, т. е. рода занятій. На службу въ Варшаву поѣду охотно. Теперь всѣ мои литературныя занятія таковы, что мнѣ надобно пользоваться архивомъ варшавскимъ и публичною библіотекою". Но въ тоже время въ университетскомъ кругу вновь возникло предположеніе воспользоваться обширными познаніями и дарованіями Кулиша и пригласить его на каѳедру, [2]) что казалось тѣмъ умѣстнѣе, что онъ уже прежде отчасти принадлежалъ нѣкоторое время къ профессорскому сословію въ

---

[1]) Между прочимъ Кулишъ собиралъ матеріалы для «Малороссійскаго Словаря».

[2]) Въ письмахъ Кулиша находимъ иногда разныя, касающіяся этого замѣтки, а равно и его собственныхъ предположеній и предположеній Костомарова о каѳедрѣ: «Вчера я съ Костомаровымъ провелъ вечеръ у Воронова и тамъ обсуждали, какъ поступить съ магистерствомъ»... «Костомаровъ выразилъ Иванишеву готовность переѣхать въ Кіевъ, а потомъ началъ ужасаться и тужить. Въ петербургскомъ же университетѣ Срезневскій повелъ противъ него интригу, внушая недовѣріе къ его ученымъ заслугамъ и опасеніе прогнѣвать правительство выборомъ его на каѳедру».

качествѣ лектора. Затрудненіе было въ томъ, что предварительно надо было сдать кандидатскій экзаменъ. Было, правда, предположеніе освободить Кулиша отъ формальностей, въ виду извѣстныхъ учено-литературныхъ заслугъ его, а также давали понять Кулишу о возможности сдѣлать ему снисхожденіе, но онъ не пожелалъ пользоваться милостью [1]) и рѣшилъ, что честнѣе взять скромную должность инспектора или директора какой-нибудь гимназіи, [2]) какъ вдругъ дѣла его приняли новый и совершенно неожиданный оборотъ [3]). Н. А. Милютинъ также предлагалъ Кулишу занятія по учебной службѣ, но такъ какъ предполагалось дать ему мѣсто младшаго, а не старшаго директора школъ, то гордый Кулишъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе.

Съ другой стороны, Кулишъ хлопоталъ о полученіи службы въ Варшавѣ черезъ Жемчужникова, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ вліятельнымъ лицомъ, именно съ извѣстнымъ сенаторомъ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ. Трудно было Кулишу остановиться на одномъ опредѣленномъ планѣ, такъ какъ ему сразу представлялось нѣсколько разныхъ и въ то же время невѣрныхъ перспективъ, [4]) но всѣ передряги въ значи-

---

[1]) Кулишъ не захотѣлъ воспользоваться обѣщанными ему льготами на экзаменѣ: «На предложеніе сохранить только видъ экзамена кандидатскаго, такъ какъ профессорамъ совѣстно было бы экзаменовать человѣка съ литературною репутаціей, я сперва согласился, но потомъ отказался, потому что все-таки это была-бы со стороны профессоровъ милость, а не уваженіе».

[2]) Впрочемъ на эту дѣятельность у него былъ странный взглядъ: „еслибы“ — говорилъ онъ — «профессорство оказалось для меня тягостнымъ, то, послуживъ немного, мнѣ легко будетъ сдѣлаться директоромъ гимназіи, что будетъ равняться архіерейству на покоѣ.»

[3]) Въ тоже время въ разныхъ университетахъ предлагали каѳедру и Костомарову: «Костомаровъ получилъ отъ Казанскаго университета приглашеніе на каѳедру, но ужасается ѣхать туда въ качествѣ архіерея, отправляющагося на покой. Послалъ телеграмму въ Кіевъ, чтобы отвѣчали ему на предложенныя имъ условія». Но и Кіевъ его пугаетъ.

[4]) Кромѣ указанныхъ, Кулишъ имѣлъ еще иныя. Такъ въ его пользу дѣйствовалъ въ Петербургѣ Н. Я. Макаровъ. Въ одномъ изъ

тельной мѣрѣ искупались возможностью подвигать литературныя работы занятіями въ Публичной библіотекѣ: „Я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала и тогда мои выписки будутъ мнѣ очень полезны.[1]) Не вѣчно будетъ неистовствовать цензура! Жизнь не останавливается и промываетъ всѣ подобныя засоренія. Передъ выѣздомъ въ Петербургъ я готовъ былъ воротиться въ Пиддубень, если соберу рублей 600. Теперь я на жизнь смотрю иначе. Во первыхъ, я шести сотъ рублей не соберу вдругъ, да еслибъ и собралъ, то хуторской бытъ въ такой скудной формѣ представляется мнѣ добровольнымъ самоубійствомъ. Конечно, назначеніе мое въ Варшаву или что-нибудь подобное могло бы дать нашимъ обстоятельствамъ другой видъ, но ни за что нельзя поручиться; сидя здѣсь безъ денегъ, можно хоть надѣяться чего-нибудь дождаться, а сидя въ хуторѣ, только вычеркнешь себя изъ памяти живыхъ людей. Однимъ словомъ, такъ худо, какъ только могли бы желать мои многочисленные враги".

Въ Петербургѣ Кулишу пришлось перенести много матеріальныхъ затрудненій, но онъ рѣшился выдержать все и даже, въ случаѣ крайности, принять на время какую-нибудь незначительную должность: „Политика заставляетъ меня являть видъ

своихъ писемъ онъ сообщалъ: «Относительно опредѣленія васъ ревизоромъ Гротъ (Константинъ Карловичъ) отказалъ мнѣ, потому что вакансій нѣтъ, потому что онѣ рѣдко открываются и потому что у него есть въ виду два или три кандидата, которыхъ считаетъ себя обязаннымъ опредѣлить на первыя имѣющія открыться вакансіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ взялся самъ переговорить съ Н. А. Милютинымъ объ опредѣленіи васъ на службу въ Варшаву; а третьяго дня Гротъ сказалъ мнѣ, что Милютинъ охотно принимаетъ васъ и проситъ васъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ». При этомъ разговорѣ, какъ видно изъ письма Макарова, Гротъ охотно вспоминалъ о встрѣчахъ съ Кулишомъ у Плетнева.

[1]) О мечтахъ Кулиша издавать малороссійскій журналъ см. также «Кіевск. Стар.», 1899, IX, 352.

человѣка, знающаго себѣ цѣну; но когда выскажется посторонняя оцѣнка или возможность сдѣлать для меня что-нибудь при моемъ ничтожномъ чинѣ и испорченномъ гражданскомъ положеніи, тогда я начну конкуррировать съ малыми земли и стану крохоборствовать, отложа въ сторону всякую гордость". Въ Петербургѣ Кулишъ надѣялся также найти защиту отъ полицейскихъ стѣсненій въ болѣе культурной средѣ, тогда какъ въ Малороссіи въ то время тайнымъ способомъ было разрѣшено полиціи разыскиваніе лицъ, присутствіе которыхъ было опасно для общественнаго спокойствія, чѣмъ въ любое время могъ воспользоваться какой угодно врагъ Кулиша.

Желаніе жить въ Варшавѣ, по словамъ Кулиша, явилось у него нѣсколько времени назадъ, еще до возстанія, когда его звалъ туда Грабовскій, и тогда еще—говоритъ Куиишъ—„я началъ тосковать по Варшавѣ и ея главномъ архивѣ царства польскаго". Несмотря на подозрительность отношенія къ Кулишу со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, надежды его держались на довольно прочныхъ основаніяхъ, какъ по его отношеніямъ къ Милютину и Арцимовичу, такъ еще болѣе по его превосходному знанію польскаго языка, тогда какъ въ такихъ людяхъ русскаго происхожденія чувствовалась въ это время самая настоятельная нужда. Въ мартѣ 1864 г. Кулишъ писалъ Жемчужникову: „Видѣлся я съ вашимъ зятемъ Арцимовичемъ и просилъ его доставить мнѣ возможность пожить въ Варшавѣ. Онъ, кажется, благосклонно взглянулъ на мое желаніе, но, какъ видно, еще не можетъ приступить къ составленію своего будущаго штата. Все дѣло покамѣстъ находится въ рукахъ Милютина. Между тѣмъ я хотѣлъ бы служить преимущественно подъ начальствомъ Арцимовича. Кромѣ ближайшихъ моихъ интересовъ—интересовъ науки—мнѣ хочется кой-чему научиться у такихъ людей, какъ вашъ зять, котораго общественная репутація стоитъ такъ высоко". Но вопросъ касался также политическихъ взглядовъ Кулиша, и на этотъ счетъ онъ старался успокоить своего будущаго начальника посредствомъ откровеннаго объясненія съ Жемчужниковымъ: „Что касается до политическихъ убѣжденій,

то каковы бы они ни были (а они, можетъ быть, совпадаютъ съ его убѣжденіями),—при моей молчаливости и изолированной дѣятельности, онъ не можетъ быть мною компроментированъ. Ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ я не сдѣлалъ шагу, который бы противорѣчилъ характеру его службы. Это для меня тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время я посвящаю себя надолго собиранію и изученію матеріаловъ для обширнаго сочиненія о Польшѣ и юго-западной Руси. [1]) Пока я не сознáю себя способнымъ сказать прочное слово объ этомъ запутанномъ и многосложномъ предметѣ, я ничего печатать не стану. По всей вѣроятности, онъ будетъ играть важную и самостоятельную роль въ Царствѣ Польскомъ. Ему нужны будутъ такіе люди, какъ я, и вы, послуживъ моимъ интересамъ въ качествѣ друга, окажете и ему услугу въ качествѣ родственника". Дѣйствительно, дружеская просьба была исполнена, но мѣсто уже было получено Кулишомъ въ учредительномъ комитетѣ; [2]) во всякомъ

[1]) Это было одно изъ важнѣйшихъ побужденій для Кулиша принять службу въ Врашавѣ. Д. С. Каменецкому онъ писалъ: „Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ-же пріятна, какъ заграницею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь разсказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что-нибудь стоющее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ". Кіевская Старина", 1898. іюль-августъ, стр. 139, вторая пагинація: тамъ же: «здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоцѣнными рукописями» (и проч.).

[2]) Противъ назначенія Кулиша, какъ видно изъ писемъ его къ Каменецкому, „сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня"— продолжаетъ онъ—«лично тоже не знаютъ, то великій чинъ и поразилъ малого чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе», („Кіевская Старина", 1898, іюль-августъ, 138, вторая пагинація), но послѣ дѣло все-таки уладилось.

случаѣ ходатайство Жемчужникова оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кулиша, такъ какъ, предложивъ Кулишу жалованье въ три тысячи рублей, Арцимовичъ тѣмъ самымъ невольно косвеннымъ образомъ способствовалъ назначенію въ такихъ же размѣрахъ жалованья Кулишу въ учредительномъ комитетѣ.

XLIII.

Такимъ образомъ, Кулишъ перешелъ Рубиконъ, сдѣлавъ шагъ, имѣвшій огромное значеніе для него и повліявшій на всю его дальнѣйшую судьбу; поступленіе его на службу въ Варшаву повлекло за собой разочарованіе и отчужденіе отъ него прежнихъ единомышленниковъ, что не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія а, съ другой стороны, правительство и оффиціальныя сферы попрежнему продолжали относиться къ нему въ высшей степени подозрительно. По прежней дѣятельности Кулиша ему уже невозможно были занять нейтральное положеніе, котораго онъ теперь жаждалъ отъ всей души, разочаровавшись въ прежнихъ надеждахъ. Колебанія Кулиша начались постепенно и, кажется, незамѣтно для него самого. Прежде всего они обнаружились въ возобновленіи сношеній съ Юзефовичемъ въ 1855 г., когда Кулишъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія, вновь обратился къ послѣднему съ просьбой помочь ему въ цензурныхъ затрудненіяхъ, называя его „почтеннѣйшимъ другомъ юности" и объясняя ужаснымъ заблужденіемъ временное прекращеніе съ нимъ всякихъ отношеній. [1]) Какъ будто совершенно забывъ неблаговидный поступокъ Юзефовича съ нимъ и съ его единомышленниками, Кулишъ снова пріятельски переписывается съ нимъ, даже обмѣнивается мыслями о самыхъ важныхъ для себя предметахъ, приноситъ ему сѣтованіе на ложные шаги В. М. Бѣлозерскаго въ редактированіи „Основы", наконецъ выслушиваетъ мнѣнія и совѣты Юзефовича. Послѣдній

---

[1]) „Кіевская Старина", 1899, III, 311—312

однажды писалъ ему: „Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса“ и далѣе говорилъ объ успокоеніи „горячечныхъ увлеченій“. [1]) Юзефовичъ принимаетъ на себя далѣе какъ бы роль друга-руководителя и авторитетнаго совѣтника, высказывая мнѣнія относительно повѣсти, помѣщенной Кулишемъ въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“ Говорскаго. [2]) Юзефовичъ явно старается дѣйствовать на чувствительную струнку самолюбія, рекомендуя Кулишу выполненіе важной исторической задачи— установленія надлежащей связи между „обѣими племенными личностями“. „Въ области слова“—говоритъ Юзефовичъ—„эта задача принадлежитъ теперь вамъ, и чуть ли не вамъ одному“. [3])

Другимъ неосторожнымъ и уже, несомнѣнно, ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати, какъ „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, въ которомъ онъ еще въ 1859 г. помѣстилъ повѣсть „Майоръ“, и особенно „Вѣстникъ юго-западной Россіи“. Причиной сношенія съ этими изданіями для Кулиша, кажется, былъ его разрывъ съ „Современникомъ“ и недовольство „Основой“. Настоящей ареной своей журнальной дѣятельности Кулишъ хотѣлъ считать собственный малороссійскій журналъ [4]) за неимѣніемъ котораго безъ строгаго разбора обращался въ самыя разнообразныя редакціи, не взвѣсивъ достаточно ихъ роли въ литературѣ и даже возможности самаго продолженія начатыхъ отношеній. До нѣкоторой степени это происходило также отъ слишкомъ высокомѣрнаго и презрительнаго взгляда его на „литературную биржу“, какъ Кулишъ прямо выражается въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому, которому онъ объяснялъ, что „такъ какъ въ книжной торговлѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 323.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. о предложеніяхъ Кулиша относительно этого журнала въ «Кіевской Старинѣ». іюль-августъ, 136—137, вторая пагинація.

важную роль играютъ журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу". „Для этого—продолжаетъ онъ—„послана Маркову статья для помѣщенія въ любомъ (!) журналѣ и еще кое-что помѣщу этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня какъ на могущаго быть его сотрудникомъ". [1]) За такой взглядъ Кулишу скоро пришлось жестоко поплатиться нравственно и матеріально.

До какой степени пришлось ему горько разочароваться въ редакторѣ „юго-западной Россіи", показываютъ слѣдующія строки одного изъ интереснѣйшихъ писемъ къ женѣ въ 1865 году: „Я слышалъ, что кіевскому генералъ-губернатору разрѣшено разыскивать по всей Малороссіи тайнымъ способомъ, нѣтъ ли гдѣ лицъ, которыхъ присутствіе опасно для общественнаго спокойствія. Если эта молва не выдумка, то стоитъ какому-нибудь Говорскому шепнуть одному-другому чиновнику, чтѐ ему вздумается, и меня не призадумаются отправить на край свѣта. А надобно тебѣ знать, что я получилъ, въ отвѣтъ на мое требованіе долга, отъ Говорскаго безстыднѣйшее письмо: теперь ужъ не только онъ не долженъ мнѣ ничего за мои статьи, но еще въ претензіи на меня, что я будто бы уронилъ его журналъ въ глазахъ начальства, а ты знаешь, какъ онъ меня благодарилъ за renommée, которое я доставилъ „Вѣстнику юго-западной Россіи", и какія сулилъ онъ мнѣ благодарности сверхъ условленной платы. [2]) Я не долженъ пренебречь никакимъ кускомъ хлѣба, если мнѣ еще дадутъ его, но до сихъ поръ всѣ мои старанія остаются безуспѣшны. Я согласенъ, что служба въ Варшавѣ имѣетъ важныя для меня неудобства, а пожалуй и опасности со стороны польскихъ фанатиковъ. Но чтѐ лучше: подвергаться ли опасности отъ убійцъ, или, сидя въ хуторѣ, каждый день думать, что завтра тебя могутъ взять, какъ безсловесную овцу, по наговору какого-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898 г. іюль-августъ стр. 132.

[2]) Впослѣдствіи Кулишъ не иначе называлъ этотъ журналъ, какъ «пакостнымъ» и «паскуднымъ» и говорилъ, что онъ хорошъ только тѣмъ, что его никто не читаетъ.

нибудь Говорскаго. Нѣтъ, по моему, ужъ лучше служить въ дѣйствующей арміи и каждый день слышать надъ ухомъ свистъ пули, чѣмъ воображать безпрестанно, что ты обреченъ на жертву самому безмысленному клеветнику“.

Въ другомъ, не менѣе откровенномъ письмѣ (къ Н. Д. Бѣлозерскому) Кулишъ такъ объясняетъ поступленіе на службу въ Варшаву: „Я объявилъ, что въ Варшавѣ мнѣ нужно быть для продолженія моихъ историческихъ изслѣдованій о русскомъ переводѣ польской исторіи, что я, желая поставить себя подъ охрану правительства, предлагая ему свои услуги, какъ знающій польскій языкъ, за свою службу желаю получать приличное вознагражденіе. Земляки либералы смущены моей готовностью ѣхать въ Польшу, но чтò на нихъ смотрѣть! Политика—не наше дѣло: для этого надо быть богатымъ и сильнымъ; а терпѣть нужду и гоненія изъ-за неопредѣленныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ глупо. Двадцать лѣтъ я дѣйствовалъ въ такъ называемыхъ національныхъ интересахъ—и какихъ же результатовъ достигнулъ! Теперь ограничиваюсь просто наукою, простымъ изученіемъ того, чтò было въ старину, а какое примѣненіе сдѣлаетъ новое поколѣніе изъ моихъ литературныхъ трудовъ—это его дѣло. Между тѣмъ, примиряясь съ правительствомъ, я, можетъ быть, получу разрѣшеніе издавать журналъ въ широкихъ размѣрахъ—и спасу себя для литературы, тогда какъ, идя прежнимъ путемъ, погибну подъ гнетомъ одной матеріальной нужды“.

Между тѣмъ шурья Кулиша, Василій и Олимпій Бѣлозерскій, хотѣли во что бы то ни стало отстоять свои любимыя идеи и кромѣ того выразили Милютину „свое разномысліе съ видами правительства относительно Польши“. Осуждая ихъ „браваду“, Кулишъ пишетъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Говорятъ, что общественное мнѣніе строго осуждаетъ людей либеральныхъ, заявляющихъ службою въ Польшѣ свое единомысліе съ правительствомъ. Гдѣ органы этого общественнаго мнѣнія? кто представитель этого общественнаго мнѣнія? Эта боязнь относится къ нѣсколькимъ говорунамъ, созидающимъ въ своемъ воображеніи

украинскую націю, которой я нигдѣ не нахожу отъ Петербурга до Одессы. Мы составляемъ націю въ смыслѣ этнографическомъ, но вовсе не въ политическомъ. Толки о будущей отдѣльности Украйны исходили всегда отъ людей наименѣе работавшихъ надъ языкомъ и исторіею этой проблематической страны. Неизвѣстно, приведутъ ли они общество къ сознанію своей политической задачи, но покамѣстъ несомнѣнно то, что литературно-общественный вопросъ украинскій страдаетъ всего больше отъ этихъ праздныхъ толковъ. Они пугаютъ воображеніе вліятельныхъ людей, не знающихъ Украйны, и вслѣдствіе того вызываютъ противъ насъ силу, противъ которой мы не имѣемъ никакихъ средствъ бороться. Теперь шумятъ въ англійскомъ клубѣ и вездѣ въ аристократическихъ кругахъ о завзятости украинцевъ по поводу бравады Василія и Олимпія". Нѣсколько дальше Кулишъ продолжаетъ: „Чтô касается до Украйны, то, допуская даже распаденіе Россіи (sic!), я не вижу для нея другой участи, какъ сдѣлаться игралищемъ сосѣднихъ націй. Совсѣмъ другое было бы дѣло, когда бы мы едиными устами и единымъ сердцемъ работали надъ пробужденіемъ общественно-національнаго сознанія въ Украйнѣ и уступали бы другъ другу въ томъ, чтô дорого для нашего самолюбія, но вредно для успѣха дѣла. Даже самые пламенные украинцы обвиняютъ Васю въ удержаніи за собою „Основы". Послушать его—такъ онъ чуть не святъ въ этомъ дѣлѣ; но никто его не оправдываетъ. И при такомъ патріотизмѣ мы еще хотимъ достигать какихъ-то великихъ политическихъ цѣлей. Нѣтъ, я радъ уѣхать въ Варшаву отъ нашихъ Катоновъ. Одно изданіе журнала остановило бы меня; но пока я не увижу собранныхъ денегъ, я не вѣрую въ исполненіе великолѣпныхъ обѣщаній".

Такимъ образомъ въ украинофильской партіи произошелъ расколъ и обнаружилось взаимное недовольство. Кулишъ недоволенъ былъ уже не только Бѣлозерскимъ, но и Костомаровымъ, и ихъ будущее охлажденіе уже начинаетъ теперь постепенно обозначаться. „Костомаровъ ветшаетъ", писалъ Кулишъ въ мартѣ 1866 г. Н. Д. Бѣлозерскому: „я про-

велъ съ нимъ наединѣ цѣлый день и не слышалъ отъ него ничего животворнаго. Онъ дѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, и ко всему относится, точно свѣтскій человѣкъ, а не ученый. Въ учебникахъ онъ сбился съ дороги и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Въ ожиданіи чего-то непредѣленнаго онъ не дѣлаетъ ничего. Земляки на него ропщутъ и нѣкоторые совсѣмъ его оставили. Но земляки, въ свою очередь, до того ничтожны въ своихъ дѣлахъ (на словахъ это великіе люди!), что и у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты собирать ихъ въ кружокъ и тратить время на направленіе ихъ къ чему-нибудь путному".

Въ такомъ неутѣшительномъ настроеніи находился Кулишъ наканунѣ перехода своего на службу въ Варшаву. Это была пора временнаго ослабленія его надеждъ, что выразилось также въ одномъ изъ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому въ осмѣяніи не только попытки нѣкоего Климковича перевести на малороссійскій языкъ стихами „Иліаду", но и самой „мысли, носящейся въ галицкорусскомъ воздухѣ, объ усвоеніи украинской словесности великихъ произведеній древнегреческой литературы".

XLIV.

Между тѣмъ происшедшая въ Кулишѣ перемѣна сильно огорчила и разочаровала многихъ его почитателей. „У насъ"— писалъ мнѣ А. Я. Конисскій—„произошла съ Кулишомъ довольно крупная размолвка, когда онъ началъ печататься въ „Вѣстникѣ Западной и Юго-Западной Россіи", который издавалъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ Говорскій, учитель семинаріи, человѣкъ невѣжественный, обскурантъ въ полномъ смыслѣ слова и врагъ тѣхъ украинскихъ національныхъ идей, которымъ служилъ тогда Кулишъ. Журналъ получалъ тогда субсидію отъ мѣстной администраціи. Участіе Кулиша въ этомъ изданіи вызвало среди полтавцевъ изумленіе и негодованіе. Мнѣ поручено было объясниться по этому случаю съ Кулишомъ, и я спросилъ его, правда ли и то, что онъ возобновилъ дружбу съ Юзефовичемъ, который

въ 1847 г. въ дѣлѣ Костомарова, Шевченка и его же Кулиша такъ позорно злоупотребилъ довѣріемъ? Кулишъ отвѣчалъ мнѣ коротко, весьма раздражительнымъ тономъ, что, участвуя въ журналѣ Говорскаго, онъ не зналъ, что̀ такое самъ Говорскій и его изданіе. Когда же я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не могъ не знать, онъ написалъ ко мнѣ въ еще болѣе раздражительномъ тонѣ; о Юзефовичѣ и на этотъ разъ промолчалъ. По порученію товарищей, я передалъ ему наше неодобреніе сотрудничества его въ „Вѣстникѣ" Говорскаго и вновь спросилъ его о Юзефовичѣ. На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало, да и что̀ было отвѣчать, когда отъ родственника Юзефовича, покойнаго В. В. Тарновскаго (отца), мы навѣрное знали, что Кулишъ, бывши въ Кіевѣ, посѣтилъ Юзефовича и давно возобновилъ съ нимъ пріятельскія отношенія и переписку» [1]).

„Въ 1864 г. я узналъ поразившую меня новость—что Кулишъ и Бѣлозерскій... на службѣ въ Варшавѣ"...

„Въ сентябрѣ 1865 г. мнѣ было дано разрѣшеніе на поѣздку за границу; по пути я остановился въ Петербургѣ и при свиданіи съ Н. И. Костомаровымъ узналъ, что Кулишъ занимаетъ видное мѣсто директора департамента народнаго просвѣщенія и настаиваетъ на томъ, чтобы въ народныхъ школахъ тѣхъ деревень, которыя имѣютъ украинское населеніе, преподаваніе шло на русскомъ языкѣ. Разсказывая объ этомъ, Костомаровъ не скрывалъ своего негодованія противъ Кулиша и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ въ Варшавѣ и повліять на него въ смыслѣ перемѣны его мнѣнія по школьному вопросу. Конечно, не мнѣ было вліять на Кулиша и я категорически не принялъ такого порученія, обѣщавъ лишь повидаться съ нимъ и побесѣдовать".

„Въ Варшавѣ мы встрѣтились съ Кулишомъ по пріятельски и на другой день вечеромъ собрались у Бѣлозерскаго. Когда Кулишъ узналъ мое мнѣніе о переходѣ его на службу въ Вар-

---

[1]) Теперь она напечатана въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1899 г.

шаву, онъ началъ говорить, что молодое поколѣніе совсѣмъ не понимаетъ того направленія, по которому онъ идетъ, и потому удивляется его службѣ въ Варшавѣ. Приведя массу историческихъ фактовъ, онъ доказывалъ мнѣ почти совершенно противоположное тому, что̀ я и другіе слышали отъ него въ 1860 г. Болѣе всего меня удивила перемѣна взглядовъ его на значеніе козачества; но она тогда не была такъ рѣзка, какъ высказалась позднѣе въ произведеніяхъ Кулиша, а объ украинской демократіи онъ отозвался, что она „не была насадительницею культуры"..

„Переходъ свой на службу въ Варшаву онъ болѣе всего оправдывалъ стремленіемъ революціонной польской партіи возстановить шляхетскую Польшу въ границахъ 1774 г. „Такая Польша погубила бы навѣки Украйну" [1]).

„Наконецъ, когда рѣчь зашла о народныхъ школахъ въ малорусскихъ населеніяхъ, Кулишъ съ большимъ апломбомъ замѣтилъ, что вопросъ о школьномъ языкѣ князь Черкасскій отдалъ всецѣло на его рѣшеніе и онъ рѣшилъ учить на русскомъ языкѣ съ перваго дня поступленія дѣтей въ школу.

— „Педагогично ли это?" спросилъ я.

— „Если и не педагогично, зато политично", отвѣчалъ Кулишъ: „*мы должны провести сколь можно болѣе глубокую межу между украинцами и поляками*; такою межою и будетъ русскій языкъ" [2]).

Однако Кулишу недоставало твердой увѣренности въ томъ, что новый избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ для Украйны, и онъ отчасти искалъ усыпленія своихъ жгучихъ сомнѣній и сердечныхъ тревогъ въ усиленной дѣятель-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ взглядѣ Кулиша см. въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому въ «Кіевской Старинѣ», іюль—августъ, 138 (вторая пагинація).

[2]) Между тѣмъ въ 1861 г. Кулишъ интересовался судьбой какой-то безплатной школы, несомнѣнно малороссійской, которой былъ заинтересованъ также родственникъ Шевченка. (См. «Кіевскую Старину», 1898, іюль—августъ, стр. 134, (вторая пагинація).

ности. Такъ онъ однажды писалъ Хильчевскому: „Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ... Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему служу я, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами [1]). Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобы умереть по запорожски, т. е. вдали отъ шума“ [2]).

Въ самый разгаръ увлеченія служебной дѣятельностью въ Варшавѣ Кулишъ мечталъ о тихой жизни въ Кіевѣ, вдали отъ служебныхъ и политическихъ волненій, и упрашивалъ Хильчевскаго поискать ему такое желанное убѣжище для своей приближающейся старости...

Вся разгадка секрета—въ томъ, что, при крайнемъ недовольствѣ настоящимъ, впереди Кулишу рисовалась въ самыхъ отрадныхъ краскахъ перспектива изданія журнала, при помощи котораго онъ надѣялся выступить на путь активной дѣятельности; его манила мечта, не осуществившаяся и во многомъ ему повредившая, потому что ради нея онъ пренебрегалъ настоящимъ и шелъ на разные компромиссы. Еще до Варшавы онъ писалъ женѣ: „Украинскій вопросъ въ загонѣ, и потому мы съ Костомаровымъ хотимъ основать журналъ *всероссійскій*, въ который войдетъ и вопросъ *украинскій* [3]). Но по правдѣ скажу,

---

[1]) О долгахъ и вообще денежныхъ дѣлахъ Кулиша въ это время см. въ письмахъ къ Хильчевскому «Кіевская Старина», 1898, I,88,89, также 1898, VII—VIII, 143—144, (вторая пагинація).

[2]) «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 87.

[3]) (Въ другомъ мѣстѣ: «Литература теперь крайне стѣснена, особенно по украинскому вопросу: поневолѣ надо бездѣйствовать. По крайней мѣрѣ хоть заработаю кусокъ хлѣба на старость». «Теперь все оказалось мечтами, которыя только тѣмъ и хороши, что напоминаютъ счастливое время».

Костомаровъ плохой помощникъ въ этомъ дѣлѣ, и я долженъ весьма искусно отдѣлываться отъ его помощи, и соединяюсь съ нимъ единственно ради того, чтобы онъ нигдѣ больше не печаталъ своихъ сочиненій, чего иначе нельзя достигнуть, какъ посредствомъ одного общаго обоимъ намъ журнала". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала, и тогда мои выписки будутъ очень полезны. Не вѣчно же будетъ неистовствовать цензура!"... „Я каждый день въ публичной библіотекѣ... Здѣсь такъ всѣ рады, кого ни встрѣтишь, точно здѣсь моя родина, а не на Украйнѣ! И дѣйствительно, здѣсь у насъ общія понятія и интересы; здѣсь я членъ умственно работающей семьи, а тамъ кому и на что я нуженъ? Всего два-три человѣка найдется, съ которыми можно говорить полюдски! Нескоро, нескоро ворочусь въ Украйну!"... «Сидя здѣсь безъ денегъ и безъ мѣста, при самыхъ скверныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я чувствую, что живу, а тамъ я погибалъ съ каждымъ безпутнымъ днемъ»!

Получивъ мѣсто въ Варшавѣ, Кулишъ опять былъ занятъ все той же мечтой: „Литературное мое дѣло"—писалъ онъ женѣ—„нимало не потерпитъ отъ службы въ Варшавѣ, а напротивъ сдѣлается прочнѣе отъ примиренія съ правительствомъ, которое имѣетъ противъ меня неосновательныя предубѣжденія". Въ другомъ письмѣ онъ такъ жалуется на эти предубѣжденія: „Обо мнѣ говорятъ, какъ о какомъ-то Ринальдо-Ринальдини, тогда какъ нѣтъ человѣка спокойнѣе меня" [1]).

---

[1]) Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ, касающихся Костомарова. «Съ Костомаровымъ живемъ въ большомъ ладу; видаемся каждый день. Часто зоветъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ одинокъ посреди людей и радъ, что есть съ кѣмъ поговорить объ исторіи. Мечтаетъ о снаряженіи экспедиціи ученой въ Галицію и простодушно воображаетъ, что могутъ послать насъ обоихъ на казенный счетъ. Это несбыточно, хотя никто изъ живущихъ въ Россіи не со-

XLV.

Впечатлѣніе отъ своей новой дѣятельности въ Варшавѣ Кулишъ вынесъ тѣмъ не менѣе самое благопріятное, и вообще можно сказать, что для него наступила чуть ли не лучшая пора его жизни, оставившая въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. Живое дѣло подъ начальствомъ просвѣщеннаго сановника и въ сотрудничествѣ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи въ высшей степени вдохновляло Кулиша. „Работы много"—писалъ онъ,—„тружусь безпрестанно въ полномъ смыслѣ слова; но дѣлу я сочувствую, и потому работа для меня пріятна. Притомъ же я освобожденъ отъ хожденія въ канцелярію и имѣю съ нею сношенія только посредствомъ курьеровъ. Больше всего меня радуетъ то, что мой начальникъ, строгій блюститель бюрократическихъ формъ, часто назначаетъ мои бумаги къ перепискѣ набѣло, не измѣнивши ни одного слова, что рѣдко у него случается и заматорѣлымъ въ службѣ чиновникамъ. Но торжество это достается мнѣ недешево: оно требуетъ величайшаго вниманія къ разнообразнымъ условіямъ дѣлопроизводства".

Другу своему Чуйкевичу онъ сообщалъ о своей службѣ: „Тяжело очень, но зато я имѣю дѣло съ умнѣйшимъ человѣкомъ, какого до сихъ поръ встрѣчалъ въ жизни,—кн. Черкасскимъ. Наслажденіе его умомъ заставляетъ меня забывать о featureозиѣ съ утра до вечера и о докладахъ въ часъ ночи. Все это переносится безъ малѣйшаго ропота въ душѣ; только бы хватило физическихъ силъ, а поработаемъ отъ всего сердца во славу русскаго имени! „Хильчевскому онъ пишетъ: „Время мое при-

---

вершилъ бы такого полезнаго путешествія по Червонной Руси, какъ мы вдвоемъ»... «Костомаровъ читалъ мнѣ начало своей исторіи Смутнаго времени и прочтетъ всю рукопись. Очень интересная будетъ книга для многихъ, но крайне досадная для москвофиловъ, потому что правда къ нимъ безпощаднѣе, и чѣмъ вѣрнѣе будутъ изучены источники, тѣмъ для нихъ будетъ досаднѣе».

надлежитъ кн. Черкасскому, а кн. Черкасскій есть не что иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это моя сфера". Ему же Кулишъ прямо говорилъ: „кн. Черкасскій сдѣлалъ премудрое дѣло, пригласивъ меня въ сотрудники" [1]). Впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, вспоминая объ этой живой и радостной порѣ своей служебной дѣятельности, Кулишъ писалъ д-ру Павлику: „Самихъ „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго" выдаю під своєю редакціею (у російскому перекладі) більше 60 томив за недовгий час побуту мого з Варшаві" [2]). Кулишъ признавалъ это время своей дѣятельности не только плодотворнымъ, но и наиболѣе производительнымъ въ смыслѣ необычайнаго напряженія энергіи. Но дѣйствуя столь энергично въ учредительномъ комитетѣ, Кулишъ работалъ и для В. А. Арцимовича, издавшаго тогда матеріалы для устройства мѣстной администраціи и пожелавшаго воспользоваться для этой цѣли литературнымъ талантомъ Кулиша и его основательнымъ знаніемъ польскаго языка. Эта послѣдняя работа, будучи хорошо оплачиваема, снова внушила Кулишу желаніе и надежду совершить путешествіе по Западной Европѣ, возобновлявшуюся при каждомъ удобномъ случаѣ.

XLVI.

Разсказъ о послѣдующихъ затѣмъ фактахъ заимствуемъ изъ слѣдующей собственно-ручной замѣтки Кулиша: „Отдыхая въ Парижѣ отъ служебныхъ трудовъ и противорѣчій, узналъ я

---

1) «Кіевская Старина», 1898, I, 86.

2) См. также «Кіевск. Стар.,» 1898, I, 86; также «Кіевскую Стар.,» 1898, VII—VIII, стр. 141, 143 (вторая пагинація).

изъ газетъ о смерти Н. М. Милютина и вернулся въ Варшаву до срока. Тамъ не засталъ я уже князя Черкасскаго. Зная, что безъ поддержки Милютина не устоять ему въ борьбѣ съ намѣстникомъ, графомъ Бергомъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку".

Затѣмъ разсказываетъ Кулишъ въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову: „Первымъ моимъ дѣломъ было заявить, что служить больше не желаю и прошу дать мнѣ содержаніе, обѣщанное Его Величествомъ чиновникамъ, которые останутся за штатомъ. Вмѣсто исполненія моей просьбы, меня прикомандировали къ Учредительному Комитету съ уменьшеннымъ окладомъ жалованья. Это устроено Соловьевымъ, который давно купилъ Берга самыми подлыми подачками его жадности по увеличенію его майоратныхъ владѣній, а устроено потому, что въ бумагахъ Милютина найдены мои письма, въ которыхъ я, по словесному съ нимъ условію, представлялъ, какъ Соловьевъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дѣло по должности чиновника особыхъ порученій, и вслѣдствіе которыхъ Милютинымъ не разъ были исправляемы высочайшія повелѣнія для направленія порученнаго мнѣ дѣла въ указанную мною сторону. Соловьевъ, увидѣвши, что игралъ между мной и Милютинымъ роль пошлаго бюрократа, рѣшился мстить мнѣ, сколько это возможно для чиновника, и вотъ почему насильно привлекъ меня подъ свое начальство".

„Въ это самое время галицкіе семинаристы прислали мнѣ патріотическій адресъ на украинскомъ языкѣ. Онъ былъ перехваченъ нѣкіимъ—Витте, малымъ крайне ничтожнымъ, и сообщенъ Соловьеву. По докладѣ намѣстнику, Соловьевъ предложилъ мнѣ: или отречься печатно отъ всѣхъ моихъ украинскихъ убѣжденій, какія когда-либо были выражены мною въ литературѣ, или оставить службу. Я отвѣчалъ: что, несмотря на мое бывшее украинофильство, правительство удостоило меня своего довѣрія и довольствуется тѣмъ, что я все свое время отдаю службѣ, соблюдая всѣ его интересы, а требованіе отреченія сочинено имъ самимъ отъ лица правительства. Я прибавилъ, что

даже графъ Бергъ не способенъ предложить мнѣ подобный поступокъ, который опозорилъ бы мое имя, не принеся пользы правительству, и что тогда только повѣрю ему, Соловьеву, что требованіе исходитъ отъ намѣстника, когда намѣстникъ пришлетъ мнѣ его за своею подписью.

Результатомъ этой контраверсіи было увольненіе меня отъ службы безъ прошенія, якобы по болѣзни".

Въ раньше цитированной собственноручной замѣткѣ Кулиша въ болѣе сокращенномъ видѣ изложено то же самое и затѣмъ слѣдуетъ: „Я уѣхалъ за границу. Тамъ напечаталъ я во Львовѣ переводъ на украинскій языкъ Моисеева Пятикнижія, стихотворный переводъ Псалтири, такой же переводъ Пѣсни пѣсней, а въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ галичаниномъ, докторомъ Пулюемъ, перевелъ и напечаталъ по-украински Новый Завѣтъ.

Возвратясь въ Россію, занялся я изученіемъ польско-русской старины и издалъ три тома „Исторіи возсоединенія Руси" да одинъ томъ „Матеріаловъ" къ нимъ".

Такимъ образомъ въ половинѣ 1867 года снова появились тучи на горизонтѣ служебной дѣятельности Кулиша и столь счастливо, повидимому, устроившаяся карьера порвалась, благодаря интригамъ Соловьева. Въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ Чуйкевичу находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи препирательства его съ Соловьевымъ: „Я еще разъ былъ у намѣстника по дѣлу съ Соловьевымъ—для врученія ему письма, которое онъ поручилъ мнѣ написать. Письмомъ онъ остался доволенъ, а когда я поблагодарилъ его за защиту, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь я желалъ, чтобы вы продолжали службу. Вы очень трудолюбивы и способны. Я вѣдь умѣю это цѣнить. Не знаю, какъ устроятся дѣла, но вы понимаете, что мнѣ такіе люди нужны". Всего важнѣе въ этой аудіенціи было то, что о Соловьевѣ не было сказано ни единаго слова, а вѣдь онъ игралъ роль моего начальника. Такимъ образомъ я получилъ полное удовлетвореніе за грубую выходку этого обскуранта... Дѣла служебныя находятся здѣсь въ переходномъ со-

стояніи. Я кое-что работаю, сидя дома, по редакціонной части. Соловьевъ боится присылать ко мнѣ бумаги или пригласить меня къ себѣ домой по дѣламъ, потому что видъ мой для него по истинѣ ужасенъ, какъ для оставшагося въ дурняхъ, и при томъ онъ теперь знаетъ, какимъ тономъ я бы сталъ говорить съ нимъ".

Но Соловьевъ, какъ мы знаемъ, не задумался поразить Кулиша извѣстнымъ намъ безпощадѣнымъ орудіемъ. Ни мало не колеблясь, Кулишъ рѣшилъ предложенный ему выборъ и, подобно Тургеневскому Рудину [1]), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія, предпочелъ котомку нравственному униженію, и снова сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ, частью же скромнымъ обитателемъ глухого малороссійскаго хутора. 30 октября 1867 года онъ получилъ оффиціальное увольненіе по болѣзни отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Приведемъ здѣсь разсказъ объ этой порѣ жизни Кулиша одного изъ его друзей: „Узнавъ, что Кулишъ и Бѣлозерскій состоятъ на службѣ въ Варшавѣ, я отправился въ Варшаву и представилъ Кулишу одно изъ первыхъ моихъ произведеній для просмотра и для передачи въ Галицію, въ редакцію малорусскаго журнала „Правда". Кулишъ въ это время потерялъ мѣсто директора духовныхъ дѣлъ и состоялъ членомъ комиссіи по переводу польскихъ законовъ. Онъ получалъ жалованье въ 1500 р. Я нашелъ его въ небольшой, но очень опрятной квартиркѣ. Ему въ то время было не болѣе 45 лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодъ, съ блестящими острыми глазами, но страдалъ кашлемъ и жаловался на болѣзнь груди. Года черезъ два доктора

---

1) Сравненіе это, быть можетъ, было бы оскорбительно для памяти Кулиша, человѣка не только идеи, но и энергичной и живой дѣятельности, но мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно слова Тургенева: «Хорошо тому, у кого есть теплый уголъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!», — и еще, что Рудинъ при своихъ блестящихъ дарованіяхъ *умѣлъ* остаться нищимъ.

послали его на зимній сезонъ въ Венецію. Двѣ зимы сряду онъ проживалъ въ Венеціи, а лѣто проводилъ въ Вѣнѣ, занимаясь переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго языка на украинскій. На столѣ лежала стопа исписанныхъ листовъ перевода, которымъ онъ, по словамъ его жены, добрѣйшей Александры Михайловны, занимался аккуратно каждый день. Зашла рѣчь о пророчествахъ, о лицѣ Іисуса Христа. Я полюбопытствовалъ прочесть эти мѣста, чтобы убѣдиться, не сдѣлано-ли какого-нибудь искаженія въ пророчествахъ Даніила о седминахъ, въ пророчествахъ Исаіи, Захаріи и проч., тѣмъ болѣе что Кулишъ перевелъ эти мѣста стихами, какъ они написаны стихами въ еврейскомъ оригиналѣ. Я началъ перелистывать рукопись, отыскивая эти мѣста.

— „Навіщо вы шукаете? Я вам і так йіхъ прочитаю", сказавъ Кулишъ и прочиталъ мнѣ на память всѣ пророчества въ стихахъ. Я спросилъ его, какъ онъ перевелъ болѣе важные псалмы. Онъ опять началъ читать мнѣ наизустъ эти псалмы одинъ за другимъ, переведенные стихами, какъ будто онъ выучилъ ихъ предварительно на память отъ слова до слова. Онъ ихъ не училъ; только перевелъ—и затвердилъ до буквы. Память Кулиша поразила меня. Дѣйствительно, память у него была феноменальная, какъ у индусовъ браминовъ, о которыхъ пишутъ, что еслибы по какому-нибудь случаю пропала вся санскритская литература, то ученые индусы возстановили бы ее всю по памяти. Въ Краковѣ на вокзалѣ, по дорогѣ въ Вѣну, у Кулиша украли саквояжъ, въ которомъ находилась рукопись псалтыри, переведенной стихами. Пріѣхавъ въ Вѣну, Кулишъ возстановилъ утраченный переводъ почти по памяти. „Це для ёго було нетрудно", говорилъ мнѣ потомъ Бѣлозерскій: „въ ёго така память, що було въ школи він вчить стихи, заданні на урокъ, передъ приходомъ учителя въ классъ: разъ прочитав, тай налить на память. Въ Відні Кулішъ загаяв якійсь там час тільки на писання псалтирі, та й годи".

О служ ѣ Кулиша въ Царствѣ Польскомъ находимъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія въ выданномъ ему въ 1875 г.

аттестатѣ изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства путей сообщенія: „Опредѣленъ въ учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23; получилъ темно-бронзовую медаль въ память польскаго мятежа 1863-4 г. и въ 1865 г. по всеподаннѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отлично усердной и полезной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ Государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ 10-го іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу, съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора, не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ представленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степени за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу“. Едва прошелъ годъ съ начала службы Кулиша въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, а вскорѣ ему была выдана награда 1200 р., отъ князя Черкасскаго, человѣка также высокочтимаго имъ до послѣднихъ дней (Черкасскаго, благородной памяти котораго, какъ намъ извѣстно, онъ предполагалъ посвятить свой послѣдній крупный историческій трудъ: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“), приглашеніе занять должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ, гдѣ впрочемъ оставался недолго, продолжая въ это же время свою службу при учредительномъ комитетѣ.

XLVII.

Въ 1868 году Кулишъ совершилъ заграничное путешествіе; зиму онъ провелъ въ Италіи, а съ наступленіемъ тепла переселился въ Германію, гдѣ особенное для него значеніе имѣлъ осмотръ Дрезденской галлереи [1]). Онъ продолжалъ въ заграничныхъ архивахъ свои работы по собиранію матеріаловъ для составленія „Малороссійскаго словаря“ (въ Прагѣ, Вѣнѣ, Венеціи); занимался псалтирью. Любопытно, что Кулишъ предавался притомъ тщательному изученію комментаріевъ, полагая, что „для читателей нашей Библіи необходимо имѣть особое изданіе „Пѣсни Пѣсней“ съ комментаріями, чтобы не впадать вмѣсто обыкновеннаго мистицизма въ соблазнъ на счетъ этого драгоцѣннаго произведенія древней еврейской словесности. Замѣчательны слова Нибура, которыя онъ сказалъ молодому пастору, сожалѣвшему, что въ библейскій канонъ приходится включать любовныя пѣсни: „Что касается до меня, то я бы считалъ Библію неполною, еслибы изъ нея исключить выраженіе самыхъ глубокихъ и сильныхъ чувствъ въ человѣчествѣ“.

---

[1]) Любопытенъ взглядъ Кулиша на Сикстинскую Мадонну, въ которомъ живо отразилось его тогдашнее настроеніе. «Такія лица есть у насъ на Украйнѣ. Этотъ типъ очень распространенъ между сельскими маленькими дивчатами. Удивительное выраженіе лица. Ни одна гравюра его не передаетъ, и живописныя копіи также слабы. По крайней мѣрѣ я ни одною не былъ доволенъ. Вмѣстѣ полудѣтское спокойствіе и грусть о много-испытанномъ, какая бываетъ только у человѣка, который много видѣлъ всякаго зла на землѣ. Или это мнѣ такъ кажется. Теперь я особенно полонъ чувствомъ зла, которое мнѣ приходилось видѣть въ разнообразныхъ его проявленіяхъ: «Questa vita noiosa. Non e degna de si gentil cosa!» Въ лицѣ Мадонны нѣтъ увѣренности, что міръ пойдетъ за нею слѣдомъ; она какъ будто оставила міръ въ увѣренности что для него ничего не сдѣлала. Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь для міра вообще? *Можно сдѣлать что-нибудь для немногихъ, но не для міра*».

„Мнѣ надобно жить долго", говорилъ Кулишъ,—„не для одного только того, чтобы выполнить программу моихъ литературныхъ занятій, но гораздо болѣе для того, чтобы подготовить продолжателей моихъ работъ". А „жизненное дѣло" Кулиша принимало все болѣе широкіе размѣры, осложняясь его новыми отношеніями къ русинамъ: „Львовскіе русины, отстаивающіе русскую народность противъ посягательства полонизма, не ожидаютъ прибытія въ Львовъ генеральнаго агента Лондонскаго библейскаго общества по дѣлу о разсмотрѣніи экспертами перевода Моисеева Пятикнижія". Все это было связано съ тогдашнею дѣятельностію Кулиша и показываетъ его возростающій интересъ къ русинамъ подъ вліяніемъ невозможности посвящать свои силы и свои пламенныя идеальныя стремленія горячо любимой Украйнѣ и разочарованія въ друзьяхъ украйнофилахъ.

Въ дорогѣ Кулишъ серьезно заболѣлъ отъ переутомленія вслѣдствіе многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ и ежедневныхъ тревогъ и слегъ въ Прагѣ, гдѣ, находясь подъ страшной угрозой приближающейся смерти, онъ отдалъ въ Пражскій національный Музей многія бывшія съ нимъ цѣнныя бумаги и въ томъ числѣ письма къ Гоголю А. С. Смирновой, за что въ восьмидесятыхъ годахъ онъ заднимъ числомъ не разъ подвергался въ печати суровымъ упрекамъ со стороны дочери послѣдней [1]).

Въ Прагѣ Кулишъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: „Чехи"—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„такъ любезны, что ставятъ иногда въ затрудненіе. Напримѣръ, я выѣзжаю въ Дрезденъ въ 8 часовъ утра и уже меня провожаютъ на желѣзную дорогу, чтобы облегчить мнѣ весьма обыкновенныя хлопоты. Противъ обыкновенія мнѣ предлагаютъ брать сколько угодно книгъ не только на городскую квартиру, но даже и на дачу, еслибы я рѣшился жить за городомъ. Квартиры ищутъ мнѣ гуртомъ и проч. Въ Прагѣ Кулишъ посѣтилъ Палацкаго и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей.

---

1) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, 243 стр., 2 примѣч.

По возвращеніи изъ за-границы Кулишъ былъ въ томъ же 1869 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей города Борзны, но оставался на этой службѣ самое непродолжительное время:[1]) ни его историческія занятія, ни условія матеріальныя не позволяли ему остановиться надолго на такого рода служебномъ поприщѣ. Мы знаемъ, что его всегда страшила перспектива хуторскаго прозябанія, но теперь еще больше, чѣмъ прежде, потому что розовыя мечты молодости остались уже далеко позади; уже нѣсколько лѣтъ раньше Кулишъ добродушно и горько шутилъ надъ своимъ былымъ оптимизмомъ, хотя онъ оставался оптимистомъ, лишь *въ меньшей мѣрѣ*, до конца жизни. Въ числѣ другихъ надеждъ не осуществились (или осуществились, но не надолго) и упованія на лучшія матеріальныя условія, и Кулишъ, задолжавъ еще съ начала 60-хъ годовъ, не могъ расплатиться съ своими долгами. Что̂ касается ученыхъ трудовъ Кулиша, то они мало-по-малу принимаютъ иное направленіе. Въ бытность свою въ Варшавѣ, работая въ архивахъ, Кулишъ мало-по-малу выработалъ себѣ новыя воззрѣнія относительно роли козачества въ малороссійской исторіи. Быть можетъ, онъ слишкомъ увлекся встрѣтившимися ему при изученіи такихъ историческихъ документовъ неблагопріятными для козаковъ данными, но въ душѣ его началась тяжелая борьба между прежними вѣрованіями и позднѣйшими убѣжденіями. Изъ-за измѣнившихся убѣжденій ему предстояло порвать отношенія и съ прежними друзьями. Работая надъ „Исторіей Возсоединенія Руси", Кулишъ все больше отдалялся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Сначала Кулишъ стремился и своихъ друзей склонить къ принятію новыхъ своихъ воззрѣній, но ему не удалось передать имъ свои убѣжденія, слѣдствіемъ чего постепенно явилось охлажденіе къ нему Костомарова, Мордовцева, Жемчужникова, Гатцука и другихъ[2]). Трудно указать въ точности на

---

[1]) См. между прочимъ письма къ Хильчевскому, напр. „Кіевская Старина", 1898, I, стр. 103.

[2]) Впрочемъ эта рознь не отражалась на личныхъ отношеніяхъ и напр. въ 1876 г. Кулишъ часто бывалъ у Костомарова въ Лоскут-

основаніи писемъ, когда началось охлажденіе Кулиша къ Костомарову. Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы еще видимъ ихъ самыми задушевными друзьями. Однажды, напр., Кулишъ писалъ: „Я былъ такъ утомленъ, что былъ въ силахъ только съѣздить утромъ къ Костомарову. Проговорили все утро; потомъ онъ просилъ меня въ четыре часа обѣдать. Мнѣ хотѣлось на покой, но онъ такъ усердно просилъ, что я пошелъ еще разъ къ нему".

Къ этому времени у Кулиша сложилось убѣжденіе въ превосходствѣ великорусскаго элемента надъ малороссійскимъ и началось отрицаніе его прежней идеализаціи козачества. Разойдясь во взглядахъ съ Л. М. Жемчужниковымъ и замѣтивъ съ его стороны охлажденіе послѣ одного своего рѣзкаго отзыва о Шевченкѣ, Кулишъ почувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди передъ своимъ прежнимъ другомъ и въ этой исповѣди такъ объяснилъ происшедшую въ его взглядахъ перемѣну: „Во времена оны я самъ указалъ вамъ на книгу Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ на послѣднее слово русско-украинской исторіографіи,—въ Варшавѣ открылась вся ея несостоятельность. Когда пріѣхалъ туда Костомаровъ, я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія, только выразилъ его въ формѣ указаній на слабыя мѣста, требующія обработки по неизвѣстнымъ ему источникамъ. Источники эти были ему частію вручены, частію указаны какъ нельзя обстоятельнѣе. Онъ былъ очень обрадованъ, и я увѣренъ, что не притворно. Онъ обѣщалъ въ третьемъ изданіи своего „Богдана Хмельницкаго" воспользоваться и печатными книгами, и рукописями, которыя, по моему мнѣнію, должны были привести его къ иному воззрѣнію на козачество. Но онъ не воспользовался ничѣмъ, а выпустилъ 3-е изданіе „Богдана Хмельницкаго" съ прибавкой новыхъ нелѣпостей въ родѣ того, что, „козаки были

ной гостинницѣ въ Москвѣ и они встрѣчались также у Жемчужникова. Съ Гатцукомъ же у Кулиша была ссора вслѣдствіе неисполненія первымъ условій при печатаніи «Исторіи Возсоединенія», о чемъ ниже.

единственными борцами за вѣру православную и народность русскую. Это подлинныя слова, служащія основаніемъ его книги"... Въ Варшавѣ же, по признанію Кулиша, усилились его сношенія съ русинами, на поддержку изданій которыхъ онъ тратилъ тогда большія суммы, пока ему позволяли это дѣлать занимаемыя имъ должности и получаемое большое жалованье. Кулишъ вспомнилъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Жемчужникову о поданной имъ запискѣ Милютину и кн. Черкасскому относительно необходимости перехода Галиціи подъ власть русскаго императора. Когда же все порвалось вслѣдствіе интригъ Соловьева, Кулишъ принялся за переводъ для русиновъ Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта и напечаталъ Моисеево Пятикнижіе и четырехъ евангелистовъ и усиленно поддерживалъ журналъ „Правда".

Итакъ, одной изъ главныхъ причинъ, подававшихъ поводъ Соловьеву къ нападеніямъ на Кулиша, были завязавшіяся тогда отношенія его съ галицкими русинами. Разочаровавшись въ своихъ землякахъ малороссахъ, онъ постепенно перенесъ симпатіи на Галичину и завелъ сношенія съ журналомъ „Правда".

„Уже въ 1865 г.", говоритъ г. Конисскій, „прощаясь, Кулишъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться въ Львовѣ съ его „другомъ", профессоромъ Головацкимъ, къ которому и далъ мнѣ рекомендательное письмо. Когда, по пріѣздѣ въ Львовъ, я познакомился съ Головацкимъ и съ людьми противоположныхъ ему взглядовъ, которые также считали Кулиша своимъ другомъ, я понялъ опасность положенія его. Такъ и случилось: Головацкій—не знаю какимъ образомъ,—досталъ одно изъ писемъ Кулиша въ Львовѣ къ человѣку изъ лагеря, противнаго Головацкому, куда-то представилъ это письмо... и Кулишъ въ 1867 г. былъ уволенъ".

Между тѣмъ въ своихъ письмахъ къ Хильчевскому Кулишъ разсказываетъ объ усиленныхъ занятіяхъ еврейскимъ языкомъ и о томъ, что онъ печатаетъ въ „Правдѣ" псалмы и пѣсни Моисеевы и занимается переводомъ Библіи. „Очень ошибаешься, друже Иване",—говорилъ онъ,—„воображая, что, живи

я на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ; перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобоо предоставить ихъ ничтожной судьбѣ" [1]). „У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ",—говорилъ Кулишъ въ томъ же письмѣ, „что теперь тамъ (т. е. въ Галиціи) вся суть русскаго вопроса, т. е. коренного русскаго" [2]).

О потерѣ Кулишомъ мѣста въ Варшавѣ и его сношеніяхъ съ галичанами г. Левицкій сообщаетъ слѣдующее: „Въ то время національное возрожденіе въ Галиціи входило въ силу: въ Львовѣ издавалась довольно большая газета „Слово" на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ, а не на томъ старомъ галицкомъ языкѣ, на которомъ прежніе піиты бряцали свои напыщенныя оды. Противъ этого національнаго литературнаго движенія въ Галиціи началась агитація изъ Россіи въ пользу русскаго языка. Многіе галичане говорили мнѣ въ Львовѣ, что вся редакція „Слова" была куплена за 15000 р. вмѣстѣ съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ... Въ то же время „Слово" неожиданно измѣнило фронтъ: вмѣсто малорусскаго языка стало выходить на старомъ галицкомъ, такъ называемое теперь „язычіе"—этотъ послѣдній отголосокъ стараго малорусскаго языка кіевскихъ ученыхъ XVII в., выработаннаго изъ церковно-славянскаго съ нижнимъ этажемъ малорусскимъ. Такъ какъ Кантемиръ и Ломоносовъ заимствовали этотъ кіевскій книжный языкъ, „вычистивъ" его, по словамъ Тредьяковскаго, т. е. выбросивъ изъ него малорусскій элементъ и полонизмы,—то естественно, что это „язычіе" все-таки было ближе къ нынѣшнему русскому языку, чѣмъ чистый народный языкъ „Слова", и порядочно таки смахивало на русскій языкъ. Молодые галичане

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898, I, 90—91.

[2]) Изъ писемъ Кулиша къ С. Д. Каменецкому мы видимъ, что еще въ 1864 г. у него были сношенія со Львовомъ («Кіевская Старина», 1898, VII—VIII, 135); подробнѣе см. «Кіевская Старина», 1898, X, стр. 83—117; тамъ же его соборное посланіе галичанамъ.

заявили протестъ противъ „Слова“ и начали сперва издавать журналъ „Мету“, а потомъ „Правду“—опять на чистомъ народномъ языкѣ. Они послали въ Варшаву сочувственный адресъ Кулишу. Адресъ попалъ въ руки не къ Кулишу, а къ графу Бергу. Между ними вышло недоразумѣніе, и Кулишъ оставилъ службу“.

„Бергъ предложилъ Кулишу печатно отказаться отъ украинофильскихъ симпатій, угрожая въ противномъ случаѣ „котомкой“, т. е. отрѣшеніемъ отъ должности. Кулишъ выбралъ „котомку“ [1]).

„Изъ Варшавы“—продолжаетъ г. Левицкій—„Кулишъ выѣхалъ на зиму въ Венецію по совѣту докторовъ. Двѣ зимы онъ провелъ въ Венеціи, а лѣтомъ проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ я его встрѣтилъ черезъ два года. Онъ жилъ на предмѣстьи Вѣны, занималъ одну маленькую чистенькую комнатку съ постелью и молокомъ на завтракъ, съ платою по восьми гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ это-то время Кулишъ съ Пулюемъ занимались переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго на украинскій языкъ“.

XLVIII.

Все это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда, во время своихъ странствованій, Кулишъ уже оставлялъ Чуйкевичу и другимъ друзьямъ свой львовскій адресъ. Чуйкевичъ не могъ скоро стать на новую точку зрѣнія Кулиша и, не понимая теперь его взглядовъ и цѣлей, довольно безцеремонно, по старой дружбѣ, называлъ его поѣздки „праздношатательствомъ“ [2]), но Кулишъ, напро-

---

[1]) Ср. разсказъ о томъ же Кулиша въ статьѣ г. Лободовскаго въ «Кіевской Старинѣ», 1897, IV. 172.

[2]) Это выраженіе совсѣмъ не идетъ къ Кулишу, даже въ шутку, такъ какъ онъ былъ человѣкъ необычайнаго трудолюбія, никогда не терявшій времени даромъ. Въ одномъ письмѣ къ Хиль-

тивъ, хотѣлъ и его втянуть въ это „праздношатательство“, зовя его купаться въ морѣ, совѣтоваться съ знаменитыми заграничными докторами. Соблазнительно рисуя ему дешевизну и удобства заграничной жизни, Кулишъ совѣтовалъ ему направиться первоначально въ Львовъ, притомъ непремѣнно говорить на языкѣ предковъ и вмѣстѣ предостерегалъ, что по системѣ Каткова тамъ развелся „страшный іезуитизмъ“; далѣе онъ звалъ его съ собой въ Прагу и наконецъ въ Венецію.

Отъ послѣдней Кулишъ былъ особенно въ восторгѣ [1]): его поэтическая, чуткая ко всему изящному, душа не могла не оцѣнить обаянія этого единственнаго въ своемъ родѣ и въ цѣломъ мірѣ города; но его описанія Венеціи въ дружескихъ письмахъ такъ увлекательны и полны красокъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ небольшой отрывокъ: „В вас вода замерзае, а ми тут мов въ раю. Солнце сяе, вода коло мармурових берегів не лієтця, вітерець ледве-ледве подихае; у ночі місяць купаетця въ морі серед огників, що поринають або з лихтарів изъ беріжних, або з гондол, що туда и сюда плавають. Ще ж до того з усіх кутків вечорами грають та співають; то на світі жити дуже любо—не так, як у нашій сумній та запакощеній Украіні“. „Тамъ ганяють кіньми мов скажені, а тут ходиш собі скризь якъ по світлиці, ни кизяка не поба-

чевскому онъ говоритъ: «Докторъ, осмотрѣвъ меня весьма тщательно объявилъ, что мнѣ можно работать еще 25 лѣтъ. Работаю я постоянно—это нормальное мое состояніе. Иначе я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—черезъ часъ послѣ праздной бесѣды уже скучаю». («Кіевск. Стар», 1898, I, стр. 96).

[1]) Но карнавалъ произвелъ на него самое непріятоое впечатлѣніе; онъ называетъ его въ письмѣ къ Н. Д Бѣлозерскому „гнусньмъ“, пошлымъ, „богопротивнымъ“, а также замѣчаетъ, „что россейскія балаганныя забавы—родныя чада итальянскимъ карнаваламъ, и удивительно, какая толпа дураковъ на свѣтѣ“! (Ср. отзывъ о карнавалѣ въ письмѣ къ Хильчевскому („Кіевск. Стар.“, 1898, I, 93).

чиш, ні гикання не почуеш. Тут живеш як дома и вже черезъ те одно що ти forestiere, усі тебе раді на рукахъ носити. Так провів би день за днем днів тисяч з десять, чи скількі доля мині судила". „Тамъ далеко въ самомъ разгарѣ идетъ франко-прусская война, тамъ неистовствуютъ темныя силы милитаризма, а здѣсь душа наслаждается тишиной и райскими красотами природы".

Но не смотря на все это, сердце патріота обращалось на сѣверъ, какъ къ магниту, и жаль ему становилось среди блеска Венеціи „бідолашнёго люду" украинскаго, такъ что въ концѣ письма онъ говоритъ уже: „Оттак то в сій Венеціи жити та по Вкраіні тужити! Сонечко любе та море синеньке, тількі од вас і пільга серьцю сумному. Дивисся на ваше игранне вкупі, та й не надивисся, та й хочецця ростопитись таким золотим туманомъ, як ви собі из ранку висновуете. Колиб же то так можно"!

XLIX.

Но всему бываетъ конецъ, и отъ волшебнаго обаянія чудесами итальянскаго неба пришлось вернуться къ петербургскимъ туманамъ и прозѣ монотоннаго будничнаго существованія. Кулишу была обѣщана служба по министерству путей сообщенія, но товарищъ министра долженъ былъ дожидаться возвращенія министра, графа Бобринскаго, и Кулишъ счелъ за лучшее вновь обратиться къ протекціи своего друга Л. М. Жемчужникова, который могъ дѣйствовать въ его пользу черезъ своего старшаго брата Владиміра; при томъ онъ просилъ рекомендаціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите ему, что этотъ человѣкъ" (т. е. самъ Кулишъ) „работаетъ прилежно, прямитъ (sic) интересамъ службы, какъ слѣдуетъ, и что, молъ, такихъ людей слѣдуетъ привлекать къ дѣлу на пользу общества и государства. Виктора Антоновича нѣтъ въ Петербургѣ, а то бы и онъ могъ свидѣтельствовать, что онъ вовсе не ищетъ тот-

часъ жалованья, „имѣя собственные ресурсы для существованія въ Петербургѣ",—„покамѣсть"—говорилъ онъ—„меня узнаютъ на дѣлѣ, стою ли я куска хлѣба". Просьба Кулиша была исполнена, и братъ Л. М. Жемчужникова выхлопоталъ ему у Бобринскаго 3000 годового содержанія.

Но, устроившись въ матеріальномъ отношеніи, Кулишъ страшно страдалъ въ нравственномъ, вслѣдствіе разлада съ Костомаровымъ, о которомъ онъ такъ писалъ тому же Л. М. Жемчужникову: „Я подвергся наибольшему оскорбленію, какое когда-либо испытывалъ. Костомаровъ, котораго я съ такимъ усердіемъ направлялъ на документальную дорогу исторіографіи, сталъ меня третировать съ величайшимъ благоволеніемъ [1]). Не могу иначе выразиться. Когда я посѣщалъ его, онъ обходился со мною благосклонно, отнюдь не вдаваясь въ бесѣду о предметѣ, составляющемъ предметъ обоюдной нашей спеціальности; во все время новаго моего пребыванія въ Петербургѣ онъ ни разу у меня не былъ, ни единаго разу, бывая черезъ день у Кожанчикова (sic) и весьма часто у жившаго напротивъ меня Мордовцева. Я съ своей стороны сталъ бывать у него рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ его оставилъ... Отрѣзанный отъ міра и терпя нелѣпѣйшія притѣсненія по службѣ, я зналъ только Императорскую Публичную библіотеку да свою квартиру". Такимъ образомъ, Кулишъ снова съ разбитымъ сердцемъ—былъ ли онъ правъ или виноватъ—замкнулся и зажилъ анахоретомъ [2]).

---

[1]) Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ о „Крашанкѣ" Кулиша говоритъ: „Въ 1874 году г. Кулишъ *нежданно* для всѣхъ измѣнился. Не показывавшись до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ именемъ, онъ явился съ сочиненіемъ, носившимъ названіе: „Исторія возсоединенія Руси" („Вѣстн. Евр.", 1882, VIII, стр. 129), но *лично* для него перемѣна во взглядахъ Кулиша не была неожиданной.

[2]) О тогдашнемъ состояніи оффиціальной науки въ Россіи Кулишъ былъ невысокаго мнѣнія: „Россійское Общество"—говорилъ онъ—„не скоро станетъ на ноги послѣ пониженія всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи сообразно господствующему нынѣ въ правительственныхъ сферахъ іезуитству. Лучшіе умы нынѣ въ Россіи po za obrubem науки и литературы".

Желая забыться въ работѣ, онъ предпринялъ было трудъ о церковной уніи, „на которую"—говорилъ онъ—„я имѣю взглядъ не костомаровскій", но, такъ какъ та же мысль приходила ему уже раньше, то онъ имѣлъ неосторожность увезти тогда съ собой относящіяся къ этому вопросу свои книги за границу, гдѣ, однако, по собственному сознанію, и не развернулъ ихъ. Поэтому онъ рѣшилъ выписать вновь эти книги и погрузиться въ работу, стараясь отгонять отсюда беллетристическія искушенія на томъ основаніи, что „это сдѣлаютъ многіе, а Несторомъ нашимъ украинскаго вопроса могу быть одинъ я". Въ то же время въ „Вѣстникѣ Европы" печатался его обширный трудъ о колонизаціи, который долженъ былъ служить и началомъ большого историческаго труда, въ который войдетъ и церковная унія". Но, кромѣ того, какъ видно изъ одного письма къ В. В. Тарновскому-сыну, Кулишъ въ началѣ 70-хъ годовъ издалъ въ Львовѣ малороссійскій переводъ книги Іова, а въ Вѣнѣ—четвероевангеліе и былъ занятъ переводомъ Псалтыри и вообще Священнаго Писанія.

L.

Съ 1870 г. Кулишъ постоянно стремился поселиться въ Мотроновкѣ. Онъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: „Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность, да и то все хозяйство предоставилъ я Александрѣ Михайловнѣ, а самъ знаю однѣ книги". [1]) Но въ 1871 г., какъ мы знаемъ, онъ опять былъ заграницей, а по возвращеніи снова началъ думать о жизни на хуторѣ, для чего предпринялъ планъ покупки Мотроновки, а чтобы имѣть возможность исполнить его, снова сталъ думатъ о службѣ. „Мотроновка"—писалъ онъ Хильчевскому въ 1872 г.—„будетъ куплена: для этого я

---

[1]) „Кіевская Старина", 1898, 1—100.

готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему renommée, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библіи, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣстъ я имѣю свои рессурсы въ виду". [1]) Хильчевскій старался охладить пылъ Кулиша, доказывая, что для покупки хутора понадобится столько денегъ, что Кулишъ едва могъ бы покрыть расходы не ранѣе двадцати лѣтъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „если бы я долженъ былъ уплатить и 20 тысячъ государственными ассигнаціями, то и тогда для этого нужно было бы не двадцать, а только пять лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ". Но раньше надо было предпринять новую поѣздку заграницу для печатанія Библіи, рѣшивши, однако, пріостановить дѣло, „еслибы понадобилось вернуться на время домой, для веденія земельныхъ дѣлъ"... „Засяду да примусь работать и надъ Библіей и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами". [2]) Дѣйствительно, скоро пришлось ѣхать обратно вслѣдствіе ссоръ между братьями Бѣлозерскими, которые раздумали продавать Мотроновку.

Въ 1873 г. Кулишъ отправился въ Петербургъ и безъ всякой протекціи явился къ товарищу министра путей сообщенія, „котораго не зналъ и имени не слышалъ". „Онъ же",—говоритъ Кулишъ—„меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать". [3]) Товарищъ министра (г. Селифонтовъ) познакомилъ Кулиша съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, извѣстнымъ авторомъ книги „Десять лѣтъ реформъ",

---

[1]) Тамъ же, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Тамъ же, стр. 117.

„которому графъ Бобринскій поручилъ сформировать личный составъ отдѣла“. Головачевъ прекрасно обошелся съ Кулишомъ и своимъ умомъ и характеромъ произвелъ на него самое благопріятное впечатлѣніе, такъ что Кулишъ потомъ сравнивалъ его во многихъ отношеніяхъ съ Плетневымъ, [1]) но могъ ему предложить только 1500 р. жалованья до утвержденія новыхъ штатотъ, которое должно было послѣдовать съ начала слѣдующаго, 1874, года. Условіе это съ радостью было принято Кулишемъ, которому при томъ было тѣмъ болѣе пріятно, что „графъ благодарилъ Головачева, что вслѣдъ за нимъ въ министерство *идутъ просвѣщенные люди, какъ Кулишъ*“, и еще въ виду того, что, „независимо отъ этой службы, Костомаровъ старался сдѣлать Кулиша членомъ археографической комиссіи, съ полученіемъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды. [2]) Кулишу скоро весьма пригодилось его знаніе иностранныхъ языковъ и ему было поручено изданіе журнала Министерства Путей Сообщенія. Графъ Бобринскій и Головачевъ высоко цѣнили въ немъ человѣка съ головой и ревностнаго и толковаго сотрудника. Казалось бы, для Кулиша должна была наступить снова счастливая эра, но этого не случилось, прежде всего потому, что было отложено учрежденіе новыхъ штатовъ, а главное— вслѣдствіе перемѣны части высшаго служебнаго персонала министерства. Сначала, склонный всегда къ оптимизму, Кулишъ не могъ себѣ представить никакихъ досадныхъ помѣхъ на новомъ, столь счастливо начатомъ поприщѣ, и нѣкоторое время у

---

[1]) Кулишъ о немъ отзывается такъ: «Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена «Плетневскія» (тамъ же, стр. 121). О Плетневѣ же Кулишъ отзывался попрежнему восторженно и въ сочувственномъ отношеніи къ нему вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, который въ своей статьѣ «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» почти во всемъ расходится съ Кулишемъ, но его отзывъ о Плетневѣ находитъ прекраснымъ и вѣрнымъ (См. „Кіевск. Стар“. 1883, I, стр. 225).

[2]) Тамъ же, стр. 118.

него продолжалось шутливое препирательство съ Хильчевскимъ, которому, въ отвѣтъ на его сомнѣнія, Кулишъ отвѣчалъ заявленіемъ самыхъ широкихъ надеждъ, обѣщая выхлопотать и ему черезъ Головачева прекрасное мѣсто на Курско-Кіевской или Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ, а относительно собственныхъ дѣлъ Кулишъ держался полной увѣренности, что все будетъ хорошо и удачно. Но въ іюнѣ 1874 г. въ его перепискѣ слегка промелькнула первая тѣнь опасенія за будущее. „Въ послѣднее время"—писалъ Кулишъ—„вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ служить больше, то и намъ сдѣлалось бы жутко. Перевѣсъ покамѣстъ на нашей сторонѣ, и выразился порадовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться". Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько-нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами". [1]) Еще годъ впрочемъ Кулишъ пробылъ въ Петербургѣ, работая надъ „Исторіей возсоединенія Руси", трудомъ, который, по его словамъ, „былъ проникнутъ идеей слiянія русскаго народа". [2]) Трудъ этотъ былъ задуманъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ (предполагалось девять томовъ). Изданіе его взяло на себя Товарищество Общественной пользы. [3]) Но Кулиша уже вновь тянетъ въ Мотроновку. „Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ"—говорилъ онъ—"и какой цѣной—неизвѣстно, а тутъ зимою вдоволь начитаешься, а лѣтомъ налю-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 131.

[2]) Тамъ-же, стр. 136.

[3]) Сначала Кулишъ сталъ печатать въ типографіи Гатцука, съ которымъ очень сошелся (было даже предположено, что Кулишъ будетъ редактировать «большой календарь» Гатцука), но у послѣдняго произошелъ пожаръ въ типографіи, послѣ котораго онъ сталъ сильно урѣзывать плату своихъ сотрудниковъ.

буешься зеленью, цвѣтами и животными". [1]) Теперь онъ уже окончательно вступилъ на тотъ путь въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, на которомъ оставался до конца жизни, совершенно разошедшись съ Костомаровымъ; его онъ называлъ уже „иноплеменникомъ" (въ смыслѣ: великороссъ) и которому вслѣдствіе того приписывалъ непониманіе исторіи. „Почему истинѣ не быть на моей сторонѣ?"—писалъ онъ. „Не потому-ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ". „Вы хотите", продолжалъ онъ, обращаясь въ лицѣ Хильчевскаго къ сторонникамъ взглядовъ Костомарова,—„чтобы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ" и наконецъ, „лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать передъ публикой, потерявшей чутье къ своему настоящему и прошедшему". Отсюда у Кулиша является желаніе уединиться отъ житейской сутолоки и всецѣло посвятить себя чтенію и историческимъ трудамъ: „Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами". [2]) Въ то же самое время Кулишъ на вопросъ И. И. Бѣлозерскаго по поводу слуховъ о томъ, что онъ „намѣренъ издавать журналъ съ цѣлью противодѣйствовать украинофильству", отвѣчалъ, объясняя недоразумѣніе: „насколько въ украинофильство вошло ложныхъ фактовъ и понятій, настолько я долженъ ему противодѣйствовать. А то какъ же? Люди создали себѣ въ умѣ небывальщину, да такъ ее и проповѣдывать изъ рода въ родъ!"... „Умственная лѣнь малорусской и червонорус-

[1]) «Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 140.

[2]) „Кіевская Старина, 1898, 1, стр. 141—142.

ской молодости рукоплещетъ идеаламъ дикой фантазіи и не хочетъ видѣть иныхъ путей къ возведенію русской народности къ благотворному значенію".

Подъ вліяніемъ такого настроенія Кулишъ и удалился въ свой хуторъ и началъ вести замкнутый образъ жизни: „нечитанныхъ книгъ"—говорилъ онъ—„у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ книгъ, нежели писателемъ для недоумковъ". Свой новый образъ жизни онъ описывалъ такъ: „Я, въ качествѣ туриста, лѣнясь, читаю что-нибудь въ постели, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и нѣсколько часовъ изумляю міръ своимъ глубокомысліемъ, которое, однакожъ, прерываю по временамъ, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Александра Михайловна хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія" [1]).

Это отшельническое пустынножительство и отрѣшенность отъ міра печали и слезъ помогло ему съ стоическимъ хладнокровіемъ перенести неистовыя нападенія Каткова и Аксакова, которыя могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ.

LI.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Кулишъ оставилъ Петербургъ, приготовивъ къ печати третью часть „Исторіи возсоединенія". Онъ окончательно разошелся съ Костомаровымъ, съ которымъ провелъ въ послѣдній разъ время въ Лоскутной гостинницѣ въ Москвѣ въ 1877 г. Въ это время онъ переселился было въ древнюю столицу, приглашенный А. А. Гатцукомъ, которому онъ помогалъ въ изданіи его „Газеты Гатцука" и долженъ былъ, какъ предполагалось, сдѣлаться его сотрудникомъ или даже со-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 143.

редакторомъ по изданію „большого“ календаря (въ отличіе отъ общераспространеннаго и дешеваго, такъ называемаго „Крестнаго календаря). [1]) Гатцукъ, вызвавъ къ себѣ Кулиша, принялъ его съ распростертыми объятіями и мечталъ заключить съ новымъ своимъ компаньономъ самый тѣсный литературный союзъ. Ихъ дѣйствительно связывала общая обоимъ любовь къ Малороссіи, но затѣмъ это были двѣ совершенно несходныя натуры: Кулишъ былъ идеалистъ и—если угодно—мечтатель, конечно, въ благородномъ смыслѣ этого слова; Гатцукъ—практикъ до мозга костей, умный и весьма образованный, но прежде всего дѣлецъ и предприниматель. Гатцукъ видѣлъ или желалъ видѣть въ Кулишѣ талантливаго журнальнаго работника, способнаго придать блескъ его изданію, Кулишъ возлагалъ на Гатцука надежды въ смыслѣ товарищества въ пропагандѣ излюбленныхъ имъ идей. Скоро выяснилось, что они совсѣмъ не подходили другъ къ другу. Понятно, что они скоро разочаровались одинъ въ другомъ и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, страшно поссорились. Кулишъ горько жаловался въ письмахъ на Гатцука, что „при его неправильности онъ истреблялъ мое время безсознательно такъ, что работа, требовавшая двухъ часовъ въ сутки, нерѣдко поглощала цѣлые дни совершенно попусту: то опоздаетъ прислать газеты, то неизвѣстно куда самъ дѣнется, то спитъ, когда надо дѣлать дѣло“. Ко всему этому присоединились и денежныя недоразумѣнія.

И въ эту-то тяжелую для Кулиша пору, когда два историка, онъ и Костомаровъ, снова много и часто бесѣдовали другъ съ другомъ, но когда отношенія ихъ едва удерживала только тѣнь былого единодушія и разногласіе въ историческихъ вопросахъ все сильнѣе давало себя знать, [2])—чувствуя потребность въ

[1]) Въ письмѣ отъ 5 іюля 1874 г. къ Хильчевскому Кулишъ сообщаетъ: «Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его коштъ, мои труды» („Кіевская Старина“, 1898. I, стр. 131).

[2]) Съ „осени“—сообщалъ Кулишъ въ 1877 г. Бестужеву-Рюмину—„мы работали въ архивѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но я отъ

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ трудѣ авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокоталантливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, пославъ ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобренія, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣлъ съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ, высоко при томъ цѣня и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отозвался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первыя сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помогать въ предпринятомъ трудѣ; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

---

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, я во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умозаключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга—и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій". Въ это время Костомаровъ уже приготовлялъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ ненужнымъ для образованныхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ—но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1883, I, статья «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

ная Польза" и предложить въ какой-нибудь журналъ одну главу изъ его монографіи подъ заглавіемъ „Западная наука и православіе въ эпоху Іова Борецкаго", прибавляя при этомъ: „впрочемъ я покорнѣйше прошу васъ объ этомъ только въ такомъ случаѣ, когда бы вы признали полезнымъ такъ распорядиться въ интересахъ идеи, а не въ интересахъ автора. При томъ, если для журнала понадобилось бы сократить ее больше, чѣмъ для отдѣльнаго изданія, то я совершенно отказываюсь отъ выраженнаго мною желанія". Бестужевъ же отвѣчалъ ему: „Прочелъ все вами присланное. Въ цѣломъ картина выходитъ очень рельефная, и неожиданно выходитъ на первый планъ много такого, что затушевалось историками: такъ совершенно иными являются русскіе въ польскихъ кафтанахъ въ родѣ Жолкѣвскаго. Блестящая глава о плѣнныхъ въ Турціи, вѣроятно, обратитъ на себя общее вниманіе историковъ. Вообще, благодаря тому, что всѣ интересы исторіи не сосредоточиваются на однихъ козакахъ, а обращено вниманіе и на другія стороны, исторія Руси Западной выясняется значительнѣе".

Теплый отзывъ Бестужева-Рюмина побудилъ Кулиша вступить съ нимъ въ болѣе интимныя отношенія, поощряемыя благородной готовностью профессора относиться съ полнымъ участіемъ къ дѣламъ и интересамъ собрата по наукѣ. Бестужевъ-Рюминъ старался между прочимъ удержать Кулиша отъ излишней полемики, совѣтуя ему возражать фактами въ самой книгѣ, но не вступать въ пререканія: „Прочитавъ ваши часто вдохновенныя страницы, я думалъ, что здѣсь нерѣдко зерна полнаго пониманія, а потому слѣды полемики очень грустны, тѣмъ болѣе что, при неразвитости нашего общества, на нихъ накинутся прежде, чѣмъ на что-нибудь другое". Въ виду такого расположенія къ нему Бестужева, Кулишъ даже надѣялся при его содѣйствіи вновь устроиться на нѣкоторое время въ Петербургѣ для того, чтобы расплатиться съ главнымъ тогдашнимъ своимъ кредиторомъ А. А. Гатцукомъ, одно время, какъ сказано, чрезвычайно сблизившимся было съ Кулишомъ и перезвавшимъ его въ Москву для совмѣстной дѣятельности въ основанной имъ газетѣ, но по-

томъ скоро разсорившимся съ нимъ и даже подавшимъ на него жалобу въ нѣжинскій окружной судъ. Въ эту пору Кулишъ называлъ Бестужева своимъ „единственнымъ цѣлителемъ“; онъ даже просилъ его пріискать ему какую-нибудь должность, говоря: „Я полагаю, что найти мнѣ должность легче для васъ, чѣмъ увѣрить нашу интеллигенцію, что козаки были добычники“. Черезъ Бестужева-Рюмина Кулишъ вступилъ въ сношенія съ знаменитымъ французскимъ ученымъ Рамбо, который, подъ впечатлѣніемъ лестной рекомендаціи петербургскаго профессора, захотѣлъ было ознакомиться съ историческими трудами Кулиша, что было вполнѣ возможно благодаря его знанію русскаго языка. Рамбо вынесъ съ своей стороны самое выгодное мнѣніе о дарованіяхъ Кулиша и достоинствахъ его ученыхъ трудовъ; въ своей перепискѣ съ нимъ, онъ высказываетъ готовность всесторонне помогать ему въ его начинаніяхъ, но это благое желаніе ему не удалось осуществить, такъ какъ Кулишъ поставилъ его въ нѣкоторое затрудненіе, выразивъ желаніе видѣть, благодаря его содѣйствію въ сношеніяхъ съ переводчиками и типографіями, нѣкоторыя изъ своихъ главныхъ работъ на французскомъ языкѣ. Желаніе это было, конечно, очень непрактично и далеко не согласовалось съ дѣйствительными условіями: въ самомъ дѣлѣ, Рамбо въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, отдавая полную дань уваженія Кулишу, какъ талантливому историку, въ то же время долженъ былъ указать ему на совершенную невѣроятность успѣха среди французскаго общества многотомныхъ и серьезныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, когда такіе труды не пользуются популярностью даже и въ русской читающей публикѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе совершенно не могутъ быть доступны для французовъ, мало знакомыхъ съ исторіей Украйны въ самыхъ общихъ чертахъ. Притомъ для французовъ, страдающихъ недостаткомъ элементарныхъ знаній о Россіи и Малороссіи, естественно должны быть вполнѣ непонятными различія между московской или украинской точкой зрѣнія на данные вопросы, тогда какъ ясное пониманіе этого различія уже предполагается въ самомъ изложеніи въ книгахъ Кулиша. Понятно, что Рамбо былъ

безусловно правъ, съ чѣмъ и долженъ былъ Кулишъ согласиться. Факты и соображенія, имъ приводимые, были слишкомъ убѣдительны; такъ онъ ссылался, напримѣръ, на то, что даже для „Войны и мира“ Толстого, романа въ значительной степени касающагося событій французской исторіи и въ которомъ есть между дѣйствующими лицами французы, хотя нашелся переводчикъ (до того времени), но не нашлось ни одного издателя.

Любопытно при этомъ, что Кулишъ, вооружаясь противъ иллюзій, распространяемыхъ по его мнѣнію, сочиненіями украйнофиловъ относительно значенія и исторической роли козачества, больше всего былъ склоненъ обвинять Шевченка, который, по его словамъ, „долго, дольше самого Костомарова, загораживалъ дорогу къ уразумѣнію международныхъ отношеній Польши, Малороссіи и Россіи“ 1). Планъ собственнаго труда обозначался тогда въ умѣ Кулиша въ слѣдующихъ чертахъ: „Хмельницкій“— говорилъ онъ—является у меня уже въ третьемъ томѣ; въ четвертомъ опредѣляется въ изображеніи его среды, какъ характеръ, а съ пятаго тома начинается уже Хмельнищина, которою возсоединеніе окончится“. Любопытны также соображенія, по которымъ Кулишъ избѣгалъ печатать свой трудъ въ Кіевѣ: „тамошній цензоръ могъ бы уничтожить всѣ тѣни, брошенныя мною на духовенство для возвышенія блеска святыхъ его сторонъ, и живопись превратилась бы въ иконопись“. Но, въ свою очередь, и самъ Кулишъ опасался, отдалившись отъ центровъ культуры, впасть въ какую-либо односторонность, о чемъ весьма довѣрчиво и откровенно говорилъ Бестужеву-Рюмину, выразившему свое задушевное сочувствіе по поводу положенія, въ которомъ онъ находился: „Ваше „грустно!“ я вполнѣ понимаю. Поймите же и вы невозможность въ изолированномъ и отверженномъ положеніи

---

1) Съ Костомаровымъ Кулишъ разошелся тогда до такой степени, что Костомаровъ написалъ противъ него полемическую статью въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавіемъ: «О кацапахъ» (1878, III, стр. 385—402). См. также статью Костомарова въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, т. I, стр. 221—234.

сохранить свое достоинство человѣческой мысли и ея выраженія. Вы знаете, чѣмъ кончаютъ самые талантливые живописцы, подвергнутые долголѣтнему заключенію". Кулишъ горько жаловался на невыгоды своего положенія хуторянина, благодаря которому для него были недоступны библіотеки и бесѣды съ спеціалистами. О своемъ разладѣ съ представителями администраціи Кулишъ говорилъ такъ: „Мнѣ запрещено издавать въ Кіевѣ журналъ, тогда какъ главному управленію по дѣламъ печати слѣдовало бы умолять меня объ этомъ, чтобы излѣчить мѣстную интеллигенцію отъ такого недуга, въ какой впалъ, наконецъ, и Драгомановъ". То же онъ высказывалъ по другому поводу, говоря мимоходомъ, что „за невозможностью пребывать въ центрѣ просвѣщенія, согласенъ жить на окраинѣ, но не въ глуши, гдѣ никому нѣтъ дѣла ни до возсоединенія, ни до сепаратизма".

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ.[1]

Повисть.

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

Левантына.

I.

Левантына не знала, куды саме ій иты. Ишла въ сусидне село,—може знайде тамъ роботу. Теперь жныва, то скризь рукъ треба. До села було тилькы пъятнадцять верстовъ, и вона вступыла въ ёго ще до снидання. Промынула килькы першыхъ дворивъ и спынылася передъ велыкою, на дви половыни, новою хатою, зъ дворомъ, забудованымъ по хозяйському зробленымы повиткою, возивнею й хливамы. Середъ двору стоявъ запряженый кинь.

— Мабуть заможный господарь жыве,—подумала дивчына.—Зайду до ёго.

Несмилыво вступыла у двиръ, и саме въ ту мыть зъ хаты выйшовъ господарь, кремезный, пр́осывый чоловикъ зъ коротко пидстрыженою шпычакуватою бородою, зъ кудлатымы бровамы. Лагодывся сидаты йихаты на поле и вздривъ Левантыну.

— А чого тоби, дивчыно?

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 6.

Вона нызенько вклонылася, здоровкаючыся, и тремтячымъ голосомъ сказала:

— Роботы шукаю... Чы не треба вамъ наймычкы?

— Роботы? А звидкыля жъ ты?—спытавъ господарь, позыраючы на неи неймовирнымы очыма зъ пидъ кудлатыхъ бривъ.

— Зъ Дыбливъ.

— А чыя жъ ты?—и такъ винъ выпытувавъ про все въ Левантыны, роспытався й про те—черезъ що кынула хазяивъ. Вона сказала, що занедужала, а тымъ часомъ хазяи взялы иншу наймычку. Хазяинъ ще подывывся на іи билетъ,—выдымо пысьменный бувъ,—вернувъ ёго, а тоди сказавъ:

— То що, заставайсь хочъ и въ насъ... Роботы теперъ багато... Дамъ тоби тры карбованци на мисяць.

— Дядьку, а теперъ же дорожче роблють,—насмилылась озватыся дивчына.

— Може де й роблють, дакъ пиды ще, пошукай—покы ёго знайдешъ тіеи дорожчои цины! А тутъ робота готова.

Подумала Левантына: и справди,—покы ще ёго знайдешъ! Може довго ще попоходышъ. Згодылась.

— Иды жъ у хату та снидай та пойидемо заразъ на поле!

Пишла Левантына въ хату. Немолода жинка поралась тамъ.

— Оце, стара, несподивано Богъ пославъ наймычку,—озвався до неи хазяинъ.—Давай ій снидаты та визьму іи на поле.

Хазяйка прывитала іи ласкаво, посадовыла снидаты.

Потимъ пойихалы на поле...

И не счулася Левантына, якъ промынувъ мисяць на роботи въ Бовкунивъ (такъ звалыся си люде). Праця була тяжка, якъ звычайно по селахъ у жныва, та Левантына хочъ и була соби утла й тендитна, але не боялася ніякои праци. Хазяи и хазяйськи сыны й дочка, бачучы, що вона добра робитныця, а дивчына звычайна й сором.яжа, булы до неи добри. А що за

працею не геть було колы й думаты про щось инше, оприче роботы, то Левантына такы трохы заспокоилася й на серци,— не такъ неначе сталы іи дошкуляты оти кляти думкы про мынули лыха та зла. Про подію у Чорному Яру и про все, що потимъ у Дыбляхъ сталося, вона ничого не знала—се зробылося вже писля неи. Тутъ сёго ничого не було чуты. Левантына думала, що й довго жытыме въ Бовкунивъ, але помылылась.

Одного разу, якъ уси сыдилы за снидавнемъ, рыпнулы двери, и въ хату ввійшла якась дивчына:

— Здорови булы! Ось и я вернулася.

— Ге! Параска!—зрадилы хазяи.

Выявылося, що тая Параска, се—Бовкунова наймычка. Занедужала въ неи маты, дакъ вона й пишла на якый часъ до-дому, а теперъ маты подужчала, то вона й назадъ.

Левантына зоставалася ни въ сихъ, ни въ тыхъ, бо господари знову бралы Параску. Вона не вдержалась:

— Чомъ же вы, дядьку, не сказалы, що у васъ наймычка е? Може бъ я тоди у васъ и не стала, а де-инде шукала службы.

— Эге, дивчыно! Того жъ я й не казавъ, що ты тоди не стала бъ, а мени,—сама бачышъ,—рукъ було треба, ажъ крычало,—по щыросты визказавъ Бовкунъ.—Та не журысь! Я оце завтра йиду въ городъ, а въ мене тамъ е родычъ, братъ у першыхъ, бакаліею торгуе... Я оце якъ бувъ у ёго, дакъ винъ мени казавъ, що ёму треба наймычкы. Йидьмо завтра въ городъ, то я тебе одвезу до ёго: може винъ не знайшовъ ище дивкы, то тебе визьме. А не визьме винъ, то визьме хто иншый: у городи людей багато.

Чы въ городъ, то й у городъ!—подумала соби Левантына. Вона тамъ зроду не була, дакъ ій трохы страшно було туды йихаты, але жъ тамъ бувъ заробитокъ, а тутъ уже видбулы жныва, то не дуже треба найманыхъ рукъ. Вранци пойихала зъ Бовкуномъ у городъ.

Чомусь той городъ здався ій не такымъ пышнымъ, якъ вона думала. Таки будынкы вона бачыла и въ панивъ у своему

сели, тилькы що тутъ ихъ було дуже багато: деревъяныхъ, камъяныхъ, сирыхъ, билыхъ, жовтыхъ... такъ и мыгають увъ очу́... Та все одынъ до одного попрытулювани—ни горо̀дывъ, ни садкивъ. По вулыцяхъ сновыгають салдаты та паны, лаються якись москали; визъ торохтыть по каминню та пидкыдае по ямкахъ—ажъ не всыдышъ. Не подобалося те все Левантыни.

— Тпру!—прыпынывъ Бовкунъ кони.

Сталы биля невелычкои крамныци.

— А ну злазь, Левантыно, бо оце вже мы й прыйихалы.

Бовкунъ прывъязавъ кони до лыхтарного стовпа и вдвохъ увійшлы въ крамныцю.

Крамныця була пидхожа до тіеи, що Левантына бачыла и въ себе на сели, тилькы бильша. По ій крутывся хазяинъ, Степанъ Ивановычъ Квасюкъ, чы то пакъ—Квасюковъ,—се вже такъ винъ себе теперъ звавъ. Чорнявый, зъ банькатымы очыма, зъ пидстрыженою по городянському боридкою, не дуже гарный зъ себе, та й не поганый.

— Здоровъ бувъ, Степане Ивановычу!—прывитався гисть.

— А, здрастуйте, здрастуйте, Платоне Грыгоровычу! Зайиздить же въ двиръ,—чого вы на вулыци сталы?—запрохувавъ хазяинъ.

— Нема колы, треба на базарь поспишатыся, видказавъ Бовкунъ.—А ось я, колы хочете, дивчыну вамъ прывизъ. Чы може вже нанялы соби?

— Ни, ни, ще.

— Дакъ оця хоче у васъ статы. Служыла въ мене мисяць,—добра робитныця. Я й дали бъ зоставывъ, та не можна,—и винъ почавъ розсказуваты, черезъ вищо мусывъ Левантыну видислаты. А Квасюкъ тымъ часомъ поглядавъ на неи своимы банькатымы очыма, и Левантыни чомусь не подобався той поглядъ.

— А яку цину визьмешъ, дивчыно?—спытавъ винъ.

— Тры съ половыною на мисяць,—несмилыво сказала Левантына.

Въ городи жылы по чотыри та по пъять карбованцивъ, але Квасюкъ побачывъ, що Левантына того не знае, и сказавъ, що бильшъ якъ тры карбованци не дасть, та ще щобъ вона й на своій одежи була. Левантына не довго думала й поедналась. Квасюкъ забравъ у неи пашпортъ и одвивъ іи въ кухню до своеи жинкы.

Квасючка, высока й худа жинка, дуже старша за свого чоловика, глянула такымы сердытымы очыма на Левантыну, такъ до неи озвалась, що въ тіеи ажъ у души похололо.

— Боже мій!—думала вона.—Яки жъ тутъ непрывитни люде! Якъ я тутъ жытыму?

Хазяйка заразъ же поставыла іи за роботу до печы. Килькы разивъ налаяла, що селючка и ничого не тямыть, хочъ Левантына робыла все якъ треба. Левантына ій неподобалася, бо була молода й гарна. Квасюкъ бувъ на десять рокивъ молодшый за жинку и оженывся зъ нею черезъ грошы. Ти грошы винъ давно забравъ соби до рукъ, завивъ на ихъ сю крамныцю, а жинкою почавъ поштуркуваты. Вона ёму вже напрыкрылася, бо була стара й негарна. Якъ винъ наймавъ молоду наймычку, то Квасючка лютувала и сылкувалася вытрышкаты іи геть усякымы прычепкамы та знущаннемъ. Волила бъ старыхъ наймычокъ, бо до тыхъ цей клятый бабій не вьязъ бы. Але Квасюкъ проганявъ старыхъ такъ саме, якъ вона молодыхъ. И черезъ те въ ихъ у хати завсигда кыпило, якъ у казани.

Того жъ вечора вона сказала чоловикови, що Левантына селючка, ничого не тямыть, то вона іи видишле. Але Квасюкъ знавъ уже черезъ що се.

— Не вередуй!—крыкнувъ.—Черезъ тебе наймычкы не вдержышъ. Що мисяця нова. Одишлешъ цю,—зостанешся зовсимъ безъ наймычкы, бо ніякои тоди не найму.

— Про мене краще безъ наймычки, нижъ изъ такою, якъ ся!—крычала розлютована Квасючка, бо въ ихъ ще ни одноп наймычкы не було такои чепурнои, якъ ся.

— Та мени байдуже до тебе,—чортъ тебе беры, хочъ бы й сама все робыла—якъ кобыла здорова! Дакъ же не поробышъ усёго сама, то мени черезъ твои вереды кумерціи *вредъ* буде.

— Кумерціи *вредъ*! Якъ разъ тоби кумерція въ голови! Знаю чого треба! Дакъ я за тобою и въ ночы слидкомъ ходытыму.

Двое дитей—хлопецъ шесты роkивъ и дивчына семы—попрокыдалыся и слухалы сварку, слухалы не вперше. Не зважаючы на ихъ, Квасючка крычала:

— Я тебе въ ночы зъ постели не пущу! Не думай, що тоби пособыться, колы ты іи зоставышъ.

— Тю на тебе, скажену! Я тоби кажу: одправышъ цю дивчыну,—я іи знову,—тоби на злисть—изнайду, а тебе зъ хаты выжену,—иды геть икъ твоему дурному батькови, що пустывъ на свитъ таку прышелепувату дочку!

Квасючка замовкла, памъятаючы, що вже одного разу чоловикъ іи выгнавъ бувъ, а батько не дуже прывитавъ, то їй довелося вертатыся до-дому й корытыся чоловикови. Вона знышкла, але наважылась такъ дошкуляты Левантыну, щобъ та, не вытерпившы, сама втекла.

И справди дошкуляла. Левантыни просвитку не було за роботою, за лайкою, та за штурханцямы. Сердыта Стручыха була така добра проты ціеи худои якъ суха тараня, носатои, рудои крамаркы, роспаленои заздристю й невирою до чоловика. Левантына мусыла вставаты вдосвита, якъ ще темно було, а лягала о пивночы,—и увесь день на роботи. И що ни зробыть, якъ ни ступыть,—усе було не такъ, усе не до ладу, за все гриманне, а то й штурханець межи плечы. Квасюкъ же бувъ до неи добрый и, якъ не було жинкы, то все такъ поглядавъ на неи, якъ китъ на сало. Левантыни видъ того погляду ставало такъ моторошно, що вона тоди бажала, щобъ швыдче повернулася Квасючка зъ своею лайкою. Вона сылкувалася не стриватыся зъ нымъ на самоти, а винъ робывся до неи ласкавишый та ласкавишый и нышкомъ сыломиць пхавъ їй у рукы

килькы разивъ цукеркы зъ крамныци. Левантына любыла ласощи, але си цукеркы було ій чогось гыдко йисты, и вона виддавала ихъ дитямъ, або выкыдала. А одного разу хотивъ подаруваты ій гарну червону стричку. Вона не взяла и втекла видъ ёго.

Промынувъ мисяць. Левантына стомылася такъ, що наважылася кынуты службу и сказала про се хазяинови. Той здывувався:

— Чого? черезъ що?

Вона почала казаты, що дуже важко жыты, що николы спочынку нема, сама лайка, а то й бійка. Але Квасюкъ ніякъ не хотивъ іи пускаты.

— И не выгадуй! и не выдумлюй! Що се ты? Яке жъ ты маешъ право кынуты мене безъ наймычкы? Мусышъ буты, ажъ покы я нову знайду. А що тоби важко, дакъ сёго бильше не буде.

Мусыла Левантына зостатыся, и справди ій покращало: хазяйка вже не годувала іи потылышныкамы и менше лаяла, хочъ позырала на неи ще лютишымы очыма, бо якъ засварывся зъ нею чоловикъ за Левантыну, то ажъ попобывъ іи.

Але самъ Квасюкъ почавъ чеплятыся дужче. Скоро Квасючка одвыхнеться зъ дому,—винъ заразъ посадыть дитей у крамныци, а самъ до неи та й почынае пидлабузнюватыся. Одного разу хотивъ обняты, дакъ вона ёму такого стусана дала, що ажъ поточывся.

— Оце, яка сердыта!—каже, немовъ ласкавенько, а въ самого банькати очы такъ и зайнялыся.

— Не въязнить, дядьку,—закрычала Левантына,—бо ій бо втечу!

— Дурна ты!—видкававъ Квасюкъ, знову пидходючы до неи та заступаючы ій дорогу такъ, що вона опынылася ажъ у кутку биля печы.—Чого тоби тикаты? Не будь така сердыта до мене, то я тебе якъ лялечку водытыму, а жинка не посміе надъ тобою верховодыты. Любытыму тебе такъ, що ажъ!..—И ёго нахабни очы зажеврилы, вныва ючыся въ неи.

— Не займайте мене, бо крычатыму!

— Ого жъ такы! Чы я звиръ якый, чы що, щобъ одъ мене крычаты! Та я й не займатыму тебе, колы ты не схочешъ. Я до тебе добрый, то й ты будь до мене добра.

Левантына почала соваты рогачемъ у печы, а винъ тымъ часомъ ущыпнувъ іи за руку.

— Отъ одійдить, дядьку, бо ій бо оцымъ рогачемъ такъ и дамъ!—скрыкнула вже зовсимъ сердыто Левантына.

— А я рогачъ у тебе видниму, а тоди тебе поцилую.

— У васъ е жинка,—іи й цилуйте, а не мене!

— Стану я таку погану цилуваты!

— А на що жъ бралы?

— Бо дурный тоди бувъ.

— Ну то будьте жъ теперъ розумни та не въязнить до мене.

Въ другій хати почулася Квасюччына хода, и Квасюкъ зныкъ зъ кухни въ дворъ.

Прыйде Левантына въ крамныцю чогось узяты въ хазяйство,—винъ ій зновъ те спивае. Вона вже була рада, що Квасючка не допускала іи до крамныци, а сама туды ходыла. Да те мало пособляло, бо винъ завсигды такъ прырозуміе, щобъ де саму ій застукаты.

— Дядьку,—казала Левантына,—колы вы до мене чепляетесь, то давайте мени рощотъ!

— Не дамъ!

— То я втечу,—хай вамъ и грошы зостаються.

— Не втечешъ, бо въ мене твій пашпортъ, а безъ пашпорту тебе заразъ у полицію визьмуть.

Левантына бачыла, що вона въ неволи, и все думала, якъ бы зъ тіеи неволи вызволытыся, и не могла ничого выгадаты.

II.

Якъ хазяинъ выходывъ чого зъ крамныци, то замисто ёго сыдила хазяйка, а якъ и хазяйкы не було, або було ій николы,

то на другый мисяць службы Левантынои, Квасюкъ ставъ посылаты туды Левантыну. Замкне шухляду зъ гришмы та й посадыть дивчыну, покы самъ увійде. Згодомъ, прывчывшыся, вона було часомъ де що й продасть иноди—таке, що ёму цину знае.

Одного разу вона сыдила отакъ у крамныци, колы ввійшло щось. Бувъ осинній хмарный вечиръ, а скупи Квасюкы шкодувалы рано свитыты,—у крамныци було по-ночы,—и Левантына тилькы й побачыла высоку постать якогось чоловика въ пальти.

— А дайте мени чвертку табаку!—попрохавъ покупець.

Левантына здригнулася вся, всіею своею истотою.

Передъ нею стоявъ Романъ.

И винъ пизнавъ іи и спынывся здывованый, навить ураженый, не знаючы що казаты. Та швыдко схаменувся.

— Левантына! чы ты ба! Якымъ се ты робомъ тутъ опынылася?

Вона стояла передъ нымъ нерухома и щось не давало ій дыхаты, не давало говорыты.

— Служышъ тутъ, чы що?

— Служу...—ледви вымовыла вона и въ сю мыть увійшовъ Квасюкъ.

Романъ заразъ же кынувъ розмовляты зъ Левантыною, и вона пишла зъ крамныци. Але Квасюкъ, увиходючы, дочувся, якъ воны розмовлялы, поклыкавъ згодомъ Левантыну и почавъ іи допытуватыся—хто сей парубокъ и черезъ що вона ёго знае. Вона сказала, що зъ одного зъ нымъ села.

Здавалася зовсимъ спокійною, хочъ уся холодила. Дожыдала ночы якъ Бога, щобъ зостатыся самій. Зосталася, та не полекшало. Не могла заснуты. Все мынуле, все тяжке й болюче встало, ожыло новымъ жыттемъ и пекло іи, мордувало.

Прысягання, божиння и тоди зрада и ганьба, неслава, соромъ!.. А винъ жыве тутъ, никуды не пойихавъ, гарно вбраный... жыве добре мабуть... и покынувъ іи, забувъ, мовъ то не винъ прысягався, не винъ занапастывъ ій жытте!..

На що доля знову имъ вустритыся судыла? Краще бъ вона ёго не бачыла, не чула про ёго ничого,—тоди бъ вона думала; що може винъ умеръ, або жыве десь далеко, у злыднях, у гори, и ничымъ не може ій пособыты. Тоди бъ ій було лекше. А теперъ!..

Пекучый жаль обнимавъ іи за молодымъ занапащеннымъ жыттемъ... жаль на себе й на ёго... зрадныка!..

Самый жаль на ёго. Якъ бы вона могла ёго клясты,—може бъ ій було лекше. Але вона не могла.

Вона казала соби, що не любыть ёго бильше писля того, якъ винъ такъ зъ нею зробывъ, але зла, зненáвысти не було въ неи до ёго.

А си згадкы, си прокляти згадкы мынулого, недовгого и такъ страшно розбытого щастя!.. Це жъ усе мынуло, ёго немае й не буде вже николы... На вищо жъ ій згадуеться, якъ ёго очы зазыралы ій у вичы пры мисяшному сяеви?.. бачыть сей поглядъ... чуе ёго палки уста на своихъ устахъ... и якъ ёго дужи рукы, обнявшы іи, забравшы іи всю, цилкомъ, прыгортають такъ могуче и такъ болюче-солодко!..

Безщасна кыдалася по лижку, сонъ утикъ одъ неи далеко, зляканый палкымы неспокійнымы ðбразамы... ðбразы мынулого щастя мишалыся зъ ðбразамы перебутои ганьбы й соромà... ишлы одынъ за однымъ, якъ хвыли въ ричци, и не було въ неи сылы прыпыныты ихъ, прогнаты видъ себе и хочъ на мыть угамуваты сю муку.

И довго се діялось...

Кризь маленьке виконце вже почынало сириты першымъ уранишнимъ свитомъ. Чуты було, якъ хтось уже пройихавъ улыцею, а Левантына ще не спала, знеможена безъ краю своимы думкамы. Лежала, заплющывшы очы, а ёго очы стоялы передъ нею и дывылысь, дывылысь на неи... пыльно нерухомо... таки велыки... ажъ горять на чорному Романовому облыччи... Яке воно страшне стало!.. А очы все бильшають и все наблыжаються и печуть іи, печуть!.. Хоче скрыкнуты,—не може, хоче ворухнутыся,—не здужае. А воны вже печуть ажъ у

саме серце, ажъ у саму середыну серця, и ёго страшна рука, чорна така, якъ и облычче, бере іи бидне серце и стыскае дуже, дуже и хоче вырваты зъ грудей...

Крыкнувшы, зирвалася на ривни ногы и стала середъ хаты, вся тремтючы.

То бувъ сонъ, що на мыть одну до неи злетивъ, але якый же страшный сонъ!..

Стояла и тремтила.

— Левантыно! чого высыпляешся? На базарь треба!— озвалася зъ другои хаты Квасючка.

Левантына схаменулася. Провела тремтячою рукою по чолу и стала вбыратыся.

Убралася, взяла кошыкъ и выйшла. На двори вже було зовсимъ выдко, скризь ишлы на базарь люде.

Ледви завернула за ригъ своеи вулыци на другу,—передъ нею ставъ Романъ.

Зъ несподиванкы злякалася такъ, що ажъ спынылася, и на мыть чорне облычче зъ мынулого сна промайнуло передъ нею, та заразъ же й зныкло, бо жывый Романъ ни трохы не нагадувавъ тіеи страшнои прымары. Винъ стоявъ передъ нею зъ билымъ выкоханнымъ облыччемъ, ще чепурнишымъ, нижъ воно було на сели, и всмихався:

— Здорова була, Левантыно!

Винъ выдымо дожыдався на неи, стоявъ тутъ покы вона выйде.

— Здоровъ...—одказала вона, не дывлючысь на ёго.

— А що, не сподивалась мене заразъ бачыты?

— Ни...

— Дакъ ты служышъ у городи... Та чого жъ мы сталы? Иды, куды йдешъ, а я трохы пройду зъ тобою... Дакъ давно служышъ?

— Третій мисяць...

Вона видказувала тыхо, спустывшы очы до-долу, йдучы зъ имъ поручъ.

— Сторія! Отъ не сподивався!.. Якымъ-же се ты робомъ потрапыла сюды?

Винъ ще пытаеться!..

Але перемогла себе и видповидала, сылкуючыся говорыты спокійно:

— Якъ умерла... наша дочка... то я й не схотила вже зоставатыся въ своему сели... и пишла по наймахъ...

— Дакъ дочка була... вмерла!..—сказавъ Романъ, трохы помовчавшы.—Ну, царство ій небесне!.. Се вона й добре зробыла.

— На що ты такъ кажешъ, Романе?

— А хыба бъ краще було, якъ бы вона завъязала тоби свитъ?

— Не вона мени завъязала свитъ, а... мій дурный розумъ та... ты, Романе...

— Отъ же й не нападайся на мене! Хыба я про тебе не думавъ? Може бъ я бигцемъ до тебе бигъ, дакъ чого жъ бы я побигъ? Бывся якъ рыба объ лидъ, бувало таке, що й голодный по килькы день сыдивъ... Чы я бъ тебе на голодуванне мавъ клыкаты? У мене хата була така—садъ на ничъ, а на день—базарь та вулыця. Куды бъ же я тебе взявъ? Оце не давненько тилькы пощастыло службу таку-сяку знайты, думавъ: розжывусь трохы, а тоди вже й до тебе звистку подамъ, щобъ прыходыла.

— Невже ты думавъ мене клыкаты?—спыталася Левантына и радіючы, и виры не ймучы.

— Ну, оттакои! А то жъ якъ? Хыба ты думаешъ—я якый?

И винъ почавъ ій розсказуваты, що винъ за нею журывся, та якъ винъ шукавъ роботы та бидувавъ, и скрызь прыбилшувавъ свое лыхо та ростягавъ ёго на довшый часъ.

— А я Боже жъ тебе дожыдала на Риздво!

— Ну й чудна ты! Якъ же бъ я до тебе прыйшовъ, колы мене дома злодіемъ изроблено?

— Дакъ хочъ бы звисточку подавъ—де й що ты, щобъ я хочъ знала.

— Ну й чудна ты! Ну й яку бъ я подавъ тоби звисточку? Що голодный, та холодный? Не стòить того дила! А то ще й такъ сказаты: не хотивъ озыватыся, щобъ на сели Денысъ та волосни не довидалыся де я,—воны бъ же мене тоди заразъ у холодну запакувалы, а то й у тюрягу. Хыба жъ я дурный, щобъ лыхови въ цельку лизты?

Левантыни все, що винъ казавъ, здавалося правдою. Да тилькы гирко, що воно такъ усе зробылося.

— А щожъ ты теперъ робышъ, Романе?—спыталася вона.

Романъ загомонивъ швыдко, мовъ поспишаючыся мерщій промынуты се пытанне:

— Та бачышъ, я тутъ на службі служу... Тутъ, знаешъ есть такый лисный складъ, дакъ я тамъ... за прыкащыка... Не дуже гарно жыты, ну, та ничого соби.

Сю казку винъ усимъ розсказувавъ, хто не знавъ ёго.

— Огутъ недалечко й жыву,—у Ривчакахъ... Прыходь колы нѐбудь!..

Левантына махнула рукою. Мынулося! Буде вже й того, що зазнала.

Винъ почавъ упевняты, що зовсимъ лыха ій не хотивъ, що робывъ зъ нею по щыросты. Говорывъ ласкаво, прыхыльно, и Левантыни здавалося, що передъ нею ожывавъ той давній Романъ, якого вона такъ кохала...

А винъ усе прохавъ прыйты до ёго.

Що винъ выгадуе? Хыба вона яка, щобъ до парубка въ хату йты? Да й колы бъ вона йшла? Ій просвитлои годыны нема за роботою.

Але винъ не покыдавъ свого. Колы до ёго прыйты не хоче, то нехай выпросыться въ хазяйкы въ недилю. Воны пишлы бъ удвохъ на прохидку,—отъ хочъ бы въ городськый садъ... Винъ ій такъ багато мае розсказаты. Вона ёго робыть вынным, а винъ невынепъ,—треба жъ ёму выправдатыся... бо винъ іи любыть и не хоче, щобъ вона такъ про ёго думала.

Вона мовъ того не чула.

— Куды се мы зайшлы? Отъ, я за балачкамы замисто базарю Бо'зна куды пишла.

— Поспіешъ ище на базарь!

— Не можна,—хазяйка лаятыме.

Воны повернулы до базарю, и винъ ще трохы іи провивъ, усе просючы выйты. На пѳы кинци сказавъ, що въ недилю ввечери, годынъ у пъять, дожыдатыметься іи коло воритъ миського саду, и зъ тымъ пишовъ.

Вона не видказала ёму ничого. Але ввесь тыждень думала про се. Питы, чы не питы? Писля того всёго, що винъ ій заподіявъ? И чого? Винъ клыкавъ іи, але ни словомъ не озвався—що теперъ думае робыты! И чого жъ вона пиде?

Чудна вона. Стрилася зъ имъ разъ на вулыци на якусь тамъ часынку и хоче, щобъ уже все зробылося. Може жъ винъ на те й клыче іи, щобъ це все розсказаты да порадытыся, якъ зробыты.

Думкы хылялыся туды й сюды. Не знала на чому статы и рада була, думаючы, що однакъ хазяйка іи не пустыть. Та зовсимъ несподивано сталося инакше. Въ субботу прыйихавъ зъ свого хутора хазяйчынъ батько и забравъ дочку до себе та й надовго: іи маты занедужала.

Въ недилю Левантына не мала за думкамы спокою зъ самисинького ранку. Просытыся, чы не просытыся въ хазяина? Сей певне пустыть. Ни, мабуть не треба. Колы Романъ не зводыть, а справди по щыросты хоче що зробыты, то зробыть, а ій нема чого назустричъ ёму биггы.

Може й такъ, а може й не такъ. Якъ теперъ вона не выйде, винъ подумае, що вона й зовсимъ одкынулася видъ ёго, та й облышыть усе. И впустыть вона зъ рукъ те, що могла бъ маты.

Врешти надумала: выйду, чы не выйду до ёго, а попросюся въ хазяина. И справди попросылася погуляты, подавшы ввечери самуварь. Квасюкъ, бажаючы прыдобрытыся до неи, заразъ же пустывъ, тилькы наказавъ не довго ходыты.

Прынявшы самуварь, Левантына вбралася въ що було краще и пишла зъ дому.

Выйшла на вулыцю, а все зъ тiею думкою, що може выйде до ёго въ миськый садъ, а може й ни.

Помалу йшла вулыцямы, не дуже й дывлючысь куды йде, и опынылась передъ мережчатою брамою велыкого саду.

Видчыныла браму и ввiйшла.

Въ саду никого не було. Почалася вже осинь, накрапалы часомъ дощи, и городяне кынулы ходыты въ цей садъ, що ровриссн ажъ на краю города, а товклыся по посыпаныхъ пискомъ стежкахъ бульвару въ середыни миста. Не було никого й сёгодни, хочъ на двори була й годына.

Передъ Левантыною лежала стежка, що вганялася въ глыбъ гаю гарныхъ велыкыхъ деревъ. Постояла трохы и пишла нею.

И видразу голосъ знаёмый промовывъ надъ ухомъ:

— Спасыби, серденько, що прыйшла!

Винъ уже йшовъ биля неи, выйшовшы зъ маленькои стежечкы збоку. Обвывъ iи станъ рукою, але вона тыхо вызволылася зъ тыхъ обiймивъ, и воны пишлы поручъ пидъ рясн ымъ верховиттемъ старыхъ высокыхъ деревъ. На двори вже смеркалося, и на стежци було темно.

Дiйшлы до якоись будивли.

— Отутъ я ночувавъ, якъ не було грошей на ночлижный,—показавъ на будивлю Романъ.

— Бидне́нькый!—промовыла Левантына и схотила подывытыся въ середыну.

Романъ одигнувъ гвиздокъ той, що имъ забыто було дверци, и воны ввiйшлы въ порожнiй партеръ. Передъ Левантыною ледви мрилы въ темряви стины, а тамъ, у тiй чорнiй пащи, де була сцена, якись стовпы... Воны пидiйшлы блыжче до мисця, де бувъ оркестръ, хода ихъ гучно озывалася по дощаному помосту, котылася луною туды, въ темряву, и щось тамъ затрищало,—мабуть двери зарыпилы...

— Ухъ, якъ страшно!—скрыкнула Левантына и несамохить прытулылася до Романа.

Винъ знову хотивъ іи обняты, але вона заразъ же повернулася й выбигла зъ театру.

— Боже!.. И якъ тоби не страшно було тутъ ночуваты!— промовыла вона, идучы зъ имъ дали стежкою.—Я бъ зроду не пишла сюды,—краще бъ на вулыци!

— На вулыци полиція не дозволыть, то доводыться ховатыся туды, куды вона не зазырае.

И винъ знову почавъ розсказуваты про свое мынуле жытте въ гброди, багато прыбрихуючы, и казавъ, що винъ іи любыть и николы не покыдавъ любыты. Вона слухала те, и ій згадувалося, якъ винъ покынувъ іи на поталу, на глумъ людямъ, але вона заразъ-же проганяла видъ себе ци згадкы, и воны зныкалы, а вона впывалася ёго солодкымы словамы... Винъ малювавъ ій краще жытте. Казавъ, що незабаромъ хазяинъ дасть ёму лишу посаду, винъ одбиратыме ажъ трыста рубливъ на рикъ, и тоди воны могтымуть жыты вкупи.

Левантыни здавалося, що воны моглы бъ жыты вкупи й теперъ, прынаймни теперъ-же звинчатыся, але вона се тилькы подумала, а чомусь не сказала...

Въ саду було таемнычо и тыхо, высоке склепинне зъ витъ схылялося надъ имы такъ захыстно-прыхыльно, и воны булы тилькы вдвохъ, и вона такъ хотила ёму вирыты. И сама не помитыла, якъ ёго рука обняла іи за станъ, и дивчына вже не пручалася. Воны йшлы, блызько-блызько прытулывшысь одне до одного. Якась солодка знемога почынала опановуваты іи всю видъ цёго доторкання, видъ ёго ласкавого голосу... И ёго губы нахылылысь до іи устъ, и, заплющывшы очы, вона видповидала ёму на поцилунокъ.

И видразу розгорнулыся вгори виты, и темне, поважне, высоке небо глянуло на ихъ своимы очыма-зорямы. И сей поглядъ мовъ одразу розигнавъ Левантынины мары. Вона вырвалася видъ Романа, видскочыла и, простягшы попередъ себе рукы, мовъ хотила видъ ёго оборонытыся, скрыкнула:

— Ни, Романе! ни! Не займай мене!.. Не хочу!.. Зроду не хочу!..

Вона вся тремтила. Ще разъ сказала „Не хочу"! и пишла швыдко, мало не побигла, назадъ, мовъ боячысь ёго, мовъ утикаючы видъ ёго. Винъ поспишався слидкомъ за нею, кажучы, що вона дурна, що нема чого боятыся. Але вона йшла хутко, ничого не кажучы, не дывлючысь на ёго.

Незабаромъ выйшлы зъ саду. Левантына мовъ заспокоилася, пишла тыхше. Романъ почавъ говорыты про инше, розсказувавъ дивчыни, що винъ бувъ у театри, и якъ тамъ гарно, и що то театръ. Вона спершу тилькы слухала ёго, потимъ почала й роспытуватыся, зацикавывшыся. Про те, що було въ саду, вже бильше не згадувалы.

Винъ повивъ іи до-дому иншымы вулыцямы, не тудою, кудою вона йшла. Якъ проходылы прозъ одынъ двиръ, винъ показавъ на невелычку хатку:

— Огутъ я жыву.

Левантына ничого не сказала, тилькы швыдче пишла дали, мовъ боялася, щобъ винъ не повивъ іи до себе. Якъ выйшла на свою вулыцю, попрохала ёго не йты вже за нею и швыдко дійшла до-дому.

Вертаючыся Романъ одъ неі, сердывся, що ёму такъ не щастыло. Але це ще бильше роспалювало ёго. Винъ зовсимъ не сподивався, що Левантына буде така вперта. Думавъ, що якъ у городи, сама соби, то ще краще... Беры, каже, та винчайсь... Туды къ чортамъ! Сáме теперъ ёму женытысь та дитей заводыты!

Але нехай не брыкае! Ёго рукъ не мыне.

И винъ почавъ учащаты въ крамныцю—чы не побачыть Левантыны. Але Квасюкъ помитывъ, що сей парубокъ не дурно зробывся охочый у ёго купуваты, и не ставъ зовсимъ покыдаты въ крамныци Левантыны. Романъ почавъ тоди стерегты дивчыну на вулыци въ той часъ, якъ вона мала йты на базаръ. Вона знала це и боялась тыхъ зустричивъ, разомъ и бажала ихъ. Першъ, нижъ выйты зъ хвирткы, страхаючысь, позырала, чы нема де Романа, обходыла иншымы вулыцямы, а не стрившы

ёго, почувалась такъ, мовъ іи надія одурыла... и сама гнивалася на себе за те почуванне...

Але иноди ёму щастыло переняты іи. Тоди винъ проводывъ іи до базарю, сылкуючыся спершу завесты дивчыну на яки инши вулыци, щобъ довше ходыты. И все такъ гарно до неи говорывъ и прохавъ выйты...

Якъ бы вона не бачыла ёго, то ій бы лекше було, вона бъ ёго потроху забувала. Але оци зустричы, оци втикання видъ зустричывъ и жаль за имы, оци розмовы й думкы, думкы, думкы про ёго та про ёго слова—не давалы ій спокою.

Лыхо було Левантыны зъ Романомъ, а ще гирше зъ Квасюкомъ. За имъ не було ій просвитку. Видколы Квасючка пойихала,—въязъ до неи якъ шевська смола, лизъ обниматы й цилуваты іи. Вона звычайно штовхала ёго, втикала зъ хаты й сидала на двори, ажъ покы винъ ийшовъ знову до своеи бакаліи. Добре хочъ те, що не мигъ довго сыдиты въ своій хати.

Вночы вона защипала на защипку двери зъ кухни въ свитлыци. Але одного разу прокынулася, почувшы биля себе когось. Зхопылася зъ просоння якъ божевильна.

— Не лякайсь! не лякайсь! се я...—озвався знаёмый гыдкый ій голосъ, и вона почула на соби ёго руку. Зирвалася зъ лавы та зъ хаты. Перебигла двиръ и заховалась ажъ у другому кинци ёго за сажнямы дровъ.

Була боса, въ самій сорочци та въ лыхенькій спиднычыни.

Вона сыдила тамъ довго, тремтючы зъ страху й холоду, цокотючы зубамы. Сыдила, ажъ покы подубили зъ холоду ногы, и всю іи мовъ трясця трусыла. Тоди догадалася злизты на горыще надъ кивныцею и закопатыся въ сино. Тамъ зогрилася и, дримаючы та прокыдаючысь, пролежала до ранку.

Вранци, тилькы рыпнула дверыма въ кухню, Квасюкъ заразъ же й выйшовъ зъ другои хаты.

— Де се ты валасаешся по ночахъ? Давно треба по хазяйсту поратыся, а вона бигае!

Такъ говорывъ, мовъ бы самъ ничого й не зробывъ, а вона була вынна. Не стала зъ имъ сперечатыся, тилькы сказала:

— Оддайте мени пашпортъ та зароблени грошы, то я пиду видъ васъ.

Винъ зареготався.

— Чы ты ба, яка розумна!.. Хазяйка пойихала зъ дому, а вона буде рощытуваться, безъ робитныци хазяйство покыдаты! Давъ бы я ій грошы й пашпортъ! Ничого не дамъ! Колы хочешъ иты—иды соби така, яка есть, то посыдышъ у полыціи, та по этапу до-дому пошлють.

Левантына боялась полыціи та этапу. Вона згадувала, якъ одну зъ ихъ села дивчыну прыведено до-дому по этапу. Боже, якого сорома було! А скилькы назнущалысь зъ бидолашнои въ полыціи!

— Чого ты, дурна такъ злякалася?—казавъ дали Квасюкъ.—Ну, колы ты така нижна, то я тебе бильше й не займатыму. Жывы соби,—я до тебе й не доторкнуся.

И почавъ божытыся й прысягатыся, що не займатыме. Вона не знала, чы вирыты ёму, чы ни. Якъ бы не той пашпортъ та грошы, то заразъ бы втекла. А такъ—щó вона робытыме?

Зважылася зостатыся, але того жъ дня купыла за свои грошы кильця до дверей и замокъ, бо защипку можна було видкынуты зъ Квасюковои хаты въ щилыну. Прыкрутыла кильця и замыкала на ничъ двери, але не могла спокійно спаты. Разъ-у-разъ прокыдалася, бо ій усе марылося, що хтось увиходыть до неи.

Стрившыся Левантына зъ Романомъ, похвалылася, що ій погано жыты, що хазяинъ до неи въязне.

— Дакъ що? Кыдай тутъ та ставай на иншу службу!—порадывъ той.

— Якъ же я кыну, колы винъ ни пашпорта, ни грошей не виддае?

— Погана сторія: безъ пашпорта нихто не прыйме!.. Ну, а ты такы кидай та й переходь до мене жыты. А тымъ часомъ пожаліемося въ полыцію, що винъ пашпорта не виддае. Покы пашпорта видберешъ та службу знайдешъ, то жытымешъ у мене.

Левантына не прыставала на це и все думала що его робыты. Правда, ось уже килькы день хазяинъ іи не займае, але хто его знае, якъ воно дали буде.

И справди, дали не було ничого гарного. Квасюкъ нышкомъ высмыкнувъ зъ дверей кильце и знову его застромывъ,— абы держалося. Левантына не помитыла цего.

Вночы винъ попхнувъ дверы, кильце выскочыло, и винъ увійшовъ у кухню. Левантына почула це вже тоди, якъ винъ обхопывъ іи рукамы. Вона скрыкнула, прокынувшысь, и схопылася, але винъ заразъ же знову звалывъ іи на лижко. Вона почала видбыватыся зъ усіеи сылы, але тіеи сылы було мало, щобъ подужаты здорового чоловика. Вона вже знемогала въ останній боротьби. Его гыдка пыка лежала на іи облыччи. Сама не знаючы якъ, вхопыла его зубамы за щоку и стыснула зубы такъ дуже, що винъ скрыкнувъ зъ болю и рознявъ рукы. Вона видопхнула его и чула, якъ винъ упавъ до-долу, загрюкотившы. За мыть вона вже була на двори. Страхъ такъ опанувавъ іи, що вона выбигла зъ двору на вулыцю и тилькы тамъ пишла тыхше.

Ишла вулыцею и вся трусылася зъ страху, зъ турботы, зъ холоду. Писля першого выпадку зъ Квасюкомъ вона спала завсигды вбрана, але була боса, и холодъ дошкулявъ ій у ногы. Пишла швыдче вулыцямы безъ ніякои меты, не знаючы що робыты. Було вже не рано. На порожнихъ пивтемныхъ вулыцяхъ догорялы лыхтари, ледви блымаючы. Де-не-де блукалы стукачы, розганялы свій сонъ, калатаючы въ калаташку; а де-яки вже спалы, прыхылывшыся до дверей на якому рундучку.

Левантына йшла, все йшла вулыця за вулыцею, безъ ніякои меты, абы не стояты, абы йты. Ходыла такъ довго, ажъ покы втомылася и сила на ослинчыку пидъ чыимысь воритьмы, пидобгавшы пидъ себе задубили зъ холоду ногы. Не довго посыдила, бо заразъ же стукачъ прогнавъ іи звидты.

— Иды, йды! Багато васъ тутъ такыхъ валасаеться! Не огынайсь, бо свысну, то прыбижыть городовый,—забере въ полыцію.

Левантына пишла дали. Перейшла килькы кварталивъ и знову прытулылась уже на рундучку. Тутъ посыдила трохы довше, бо стукачъ зъ цёго кварталу десь заснувъ. Але врешти такы прогнавъ, ще й вылаявъ погано. Ходыла тоди знову зъ вулыци въ вулыцю, абы якось доблукаты до свиту. Хочъ не знала що вона мусыть робыты й свитомъ.

Вернутыся до Квасюка? Але тилькы подумала про це, то всю іи почало трусыты. Краще зъ голоду вмерты, замерзнуты, нижъ одъ ёго пропасты!.. Иты зранку жъ найматыся, статы на точку? Хто жъ іи тамъ визьме босу й простоволосу, ще й безпашпортну? Вернутыся до-дому въ свое село? Але туды іи такъ само не навертало, якъ и до Квасюка. Та покы вона дійде, то й задубіе на дорози.

Думкы мучылы іи такъ саме, якъ холодъ та втома. Вона вже килькы ничъ спала дуже потроху и теперъ почувала, що сонъ такъ и хыляе іи—отъ-отъ упаде й засне на вулыци. Зъ усіеи сылы бадёрыла сама себе и все йшла, йшла...

Все вулыци, вулыци, вулыци... Мертви вулыци... Таки чужи, якъ и люде... Ни душечкы риднои...

Яка одынока, яка покынута!.. На всёму свити!..

Безъ помочы, безъ надіи... Хочъ бы де куточокъ теплый!.. Хочъ бы людына добра!.. Тилькы вулыци темни, холодни и щось торохтыть-торохтыть-торохтыть...

Спиткнулася и трохы не впала. Вона спала, йдучы. Не спала, а такъ—голова туманіе... Люде йидуть на базаръ—торохтять. Уже почынае свитаты.

Хочъ бы прыхылытыся! Куды вона йде?.. Охъ, якъ тяжко,—все тило болыть!.. И душа... Хочъ бы и вмерты... Хочъ зъ мосту та въ воду—онъ зъ того мосту.

Зійшла на ёго, перехылылася черезъ поручата. Дывылася вныззъ.

Сира нечыста вода плыве лынывo, заспано пидъ уранишнимъ туманомъ... Така холодна, негарна... Дали, дали!..

Зовсимъ уже выдко, по гѓроду метушаться люде. Де се вона? Неначе вона тутъ була, а не пизнае́... Стала й дывылася..

Хаткы й поганеньки общарпани будыночкы тыслыся въ яру по-пидъ глынястою кручею. Згадала: се Ривчакы... Ти, де Романъ... Чы не ёго це й хата?..

Тепло у ёго въ хати... Питы бъ туды, бо тамъ тепло... И заснуты можна...

Хытаючыся перейшла двиръ и пишла въ хату.

III.

Романови зъ товариствомъ останнимы часамы не щастыло. Пишлы воны въ Дыбли и зовсимъ уже налагодылыся вывесты пару добрыхъ коней. Колы тутъ нечыста нагнала гуртъ пъяныхъ перезвянъ, и вся справа ляснула. Ажъ до свиту куёвдылася перезва на тій вулыци, де булы кони, и на блыжчыхъ, а товарышы мусылы сыдиты, прытаившыся въ суточка́хъ. Добре попотрусылыся, боячыся, що ихъ тамъ побачуть, а вже якъ бы побачылы пьяни чоловикы, то певне, що жывымы не пустылы бъ. Ледви пощастыло по-малу-малу выбратыся звидты та вынесты цилу душу.

Писля цёго, трохы згодомъ, Левдыкъ зъ двома хлопцямы подався въ Рипакы, и имъ дуже добре пощастыло вывесты трое коней. Але заразъ же за селомъ норовыста коняка скынула Лукаша и втекла въ поле. Мусывъ винъ плуганытыся въ городъ пишкы, а ти двое пойихалы, щобъ одвесты коней до Гапона. Та имъ на лыхо на двори бувъ туманъ такый густый, що воны зблукатыся, проблукалы всю ничъ, не потрапылы до Гапона, а зайихалы въ Чорноусъ и ажъ тоди схаменулыся, якъ побачылы передъ собою хаты. По вулыци вже вештались люде и заразъ же ихъ прыпынылы. Спершу чорноусци подумалы, що се просто соби зъ якои слободы люде зблукалыся, почалы ихъ роспытуваты видкиля, та куды, та чого йидуть. Ти щось не такъ одказалы, щось наплуталы,—воны ихъ у волость, почалы допытуватыся, а ти ще бильше плуталы, и выявылося, що се коноводы. Быто ихъ дуже, а потимъ одвезено до тюрмы.

Товарыство не боялося, що воны выкажуть на суди иншыхъ: то добри хлопци и цёго не зроблють. Але жъ ихъ замкнуть найменше на рикъ до тюрмы, а то такъ и зашлють, бо воны вже не вперше въ суди, а товарыство тоди втрачае двохъ добрячыхъ робитныкивъ. А друге—здобычъ выскочыла зъ рукъ ще разъ.

Писля цёго отаманъ зъ Романомъ та зъ Лукашемъ знову подалыся въ Дыбли, але й сёго разу нещаслыво: перешкодылы стукачы, бо всю ничъ ходылы по вулыцяхъ, не даючы пидступытыся ни до одного двору. Бо хочъ пъяни перезвяне и не догледылысь тоди коноводивъ, але потимъ у-день люде побачылы, що по горôдахъ походжено, и ходыло щось чуже. Догадалысь, яки то госты булы, и додалы варты.

И се вже такъ два мисяци товарыство сыдило безъ заробитку. Пообйидалыся й пообносювалыся такъ, що вже дали никуды. Тилькы Ярошъ жывъ, якъ попереду, бо винъ завсигды пывъ по троху и не дуже шынкувавъ гришмы, якъ воны ёму потраплялы до рукъ. Черезъ те вси теперъ до ёго прыходылы позычаты грошей, и винъ пособлявъ товарышамъ по-троху. Са̂ме за такою позычкою зайшлы до ёго ввечери Патроклъ Хвыгуровськый та похмурый Кучма. Сыдилы, нарикаючы на лыхи часы, колы почулы, що хтось ище йде, и незабаромъ у хату вскочывъ новый гисть—Лукашъ.

Винъ бувъ ще обидрани́шый, нижъ попереду, а на довгыхъ ногахъ не було чобитъ: винъ уже давно ихъ пропывъ „зъ горя" и теперъ ходывъ такъ, що одна нога була въ резыновій калоши, а друга обгорнена онучкою та увъязана мотузкомъ. Дарма, що такъ, а бувъ веселый, ускочывшы, махавъ рукамы й выгукувавъ:

— Здрастуйте вамъ! Чого пожурылысь? Дила̂—первый сортъ—крычавъ винъ пъянымъ голосомъ и брязнувъ на стилъ килькома̂ срибнымы гроши́намы, що воны ажъ роскотылыся по столу и дви впало додолу. Перелякана дытына заплакала въ колысци, и блида й мовчазна Ярошыха нахылылась надъ нею, щось дытыни шепочучы, голублючы іи. А Лукашъ ставъ посе-

редъ хаты зъ шапкою на потылыци, рукы въ бокы, и всмихався безглуздымъ пъяньімъ усмихомъ.

Ярошъ изъ Кучмою глянулы, дывуючысь на ёго, а Патроклъ Хвыгуровськый пиднявъ ти монеты, що попадалы додолу.

— Чы ты ба!—скрыкнувъ,—гляньте лышъ: карбованецъ и тры четвертакы! Де це ты добувъ, хлопче? Може въ кого „загубывъ"?

— Овва́! Якъ уже я́, то и не можу добуты! Пальто було первый сортъ, а дверы лакей не замкнувъ, а я пальто надивъ та й пишовъ на базарь, якъ панъ.

— Еге! Лукашъ старовынку згадавъ, свое давне ремество.

— А чымъ старе мое ремество погане?—пытавъ задерыкувато Лукашъ.—Отъ вы зъ своимъ новымъ безъ ничого сыдыте, а я зъ заробиткомъ.

— Велычается!—гарыкнувъ похмурый Кучма.—Поцупывъ якесь дранте та й радый. Чортъ вить що!

— Чого жъ воно—чортъ вить що?—пытавъ ображенный Лукашъ.

— А того, що чортъ вить що та й годи! Наше дило старовицьке, вильне... Вывивъ коня, сивъ на ёго—якъ майнувъ полемъ-степомъ... гей!.. А то лазь по викнахъ, та вытягай манаткы! Пху!..

Кучма плюнувъ и сердыто одвернувся. Винъ бувъ старый коноводъ и не любывъ лыгатыся зъ звычайнымы мисько́мы злодіячкамы, що жылы зъ дрибнои крадижкы.

— Та годи вамъ сперечатыся!—перепынывъ Ярошъ.— Колы Лукашеви пощастыло, то й гараздъ.

— Нехай лышъ становыть могорыча!—озвався Патроклъ.

— За первый сортъ!—крыкнувъ Лукашъ. Ухопывъ грошы й метнувся зъ хаты.—Въ одынъ ментъ буде!

— Чуешъ, Лукашу!—гукнувъ ёму навздогинъ Ярошъ.— Поклычъ тамъ по дорови Романа!.. Чуешъ? Отъ же мабуть не почувъ бисивъ хлопець,—побигъ якъ скаженый... Ну, покы нема Лукаша, то розкажы, Патрокле Степановычу про Левдыка!— звеливъ Ярошъ.—Бачывъ ты Лазька̀?

Лазько—то бувъ рештантъ, що ходывъ зъ тюрмы на роботу въ гбродъ, черезъ ёго Левдыкъ подававъ про себе товарышамъ звисткы.

— Бачывъ... Я й забувъ пакъ росказаты... На бульвари винъ робывъ... Пишовъ и я на бульваръ: ципочокъ у рукы та й иду соби—отъ, кавалеръ на прогулянку,—туды-сюды паличкою крутю... А воны ямкы копають, щобъ дерево садыты. Ну, я сивъ на ослони заразъ биля Лазька—одпочываю бъ-то. И винъ мене бачыть, и я ёго бачу, та проклятый салдатъ стырчыть... А, канисъ пекельный! Хочъ бы тебе трычы Тартаръ поглотывъ!.. Одначе дывлюсь—одходыть, одходыть салдатъ геть дали... Тоди вже Лазько й сказавъ..! Чепляються до Левдыка не за сами Рипакы, а ще й за Рижкивку,—памъятаете,—винъ тоди ходывъ? Дакъ каже,—треба, щобъ хто посвидчывъ, що ту ничъ винъ дома бувъ.

— Онъ якъ! Треба свидка... Кого жъ бы то?..—замыслывсь Ярошъ.

— А кого жъ? Хведорченка!—порадывъ Кучма.

— А й справди! Дакъ я завтра зайду до Хведорченка,—звелю ёму, щобъ готовый бувъ до слидствувателя йты, а Патроклъ Степановычъ пиде знову на бульваръ та переказе Левдыкови.

— Гараздъ!—одказавъ Хвыгуровськый.

Се була звычайна справа: коноводамъ, якъ воны потрапляли до тюрмы, треба було такыхъ свидкивъ, щобъ выправлялы ихъ. Здебилшого имъ щастыло переказуваты товарышамъ, чого сáме имъ треба, а ти постачалы свидкивъ зъ своихъ же людей.

Тымъ часомъ прыйшовъ Лукашъ зъ двома пляшкамы й зъ закускою, а за имъ и Романъ. Стилъ заставлялы пляшкамы, чаркамы, тарилкамы, заложылы всякою йижею. Патроклъ, не гаючысь, одиткнувъ поломаною двохзубою выделкою пляшку й налывъ. Почалы пыты й йисты.

Побачывшы, скилькы прынесено горилкы, Ярошева жинка подала мерщій на стилъ усе, що треба, а̑ сама, покы ти пылы

й закусювалы, нышкомъ узяла дытыну, выскочыла зъ хаты та й подалась до сусиды. Вона звычайно такъ робыла, якъ Ярошъ гулявъ. Винъ пывъ не часто, але пидъ часъ велыкои гулянкы бувало, що й добре выпывавъ, и тоди бывъ іи й нивечывъ тяжко за те, що вона завсигды гребувала ёго диломъ и товарыствомъ.

— А чулы, що вже Мыкыта выйшовъ зъ острогу?—попытавъ Романъ.

— Хыба? Ни, не чувъ,—одмовывъ Патроклъ.

— Выйшовъ?—спытавъ злистно Кучма.—Шо жъ, оце ёму й мынеться?

— Ни,—видказавъ Ярошъ,—такъ не мынеться. Треба накараты. Отъ зберемось гуртомъ та порадымось, що зъ имъ робыты.

Мыкыта—се бувъ такожъ коноводъ зъ ихъ товарыства. Ёго піймано, суджено, и винъ выказавъ ще на килькохъ душъ—ти й доси видбувалы кару въ острози. Звычайно коноводы не прощалы такои зрады.

— Треба такъ накараты,—говорывъ Кучма,—щобъ уже бильше не мигъ такого робыты. А то теперъ страху ніякого нема. Въ старовыну не такъ було,—въ старовыну строго було.

— Ну, а якъ же въ старовыну каралы?—спытавъ Лукашъ.

— А такъ!.. Одного разу... давно було... годъ десять... Тоди въ насъ бувъ отаманомъ Хоменко—отъ запальный бувъ!.. А гниздо въ насъ було пидъ Борзною. Дакъ одынъ на суди и прошкодывся такъ, що черезъ ёго двохъ у Сибиръ заслалы. Ну мы пидождалы, покы винъ выйшовъ зъ острогу. Выйшовъ винъ й не подае знаку, а самъ на Черниговъ побрався. А отаманъ каже: Невже жъ оце винъ и втече нашыхъ рукъ? Не попустимо, хлопци! Ну заразъ двое й обизвалось: одынъ та ще другый, молодый бувъ хлопець Грыцько... а здоровый бувъ, якъ туръ!..—Мы ёго, кажуть, прыставымо. И прыставылы!

— Та якъ же воны ёго прыставылы?

— А такъ, що на дорози переннялы. Переняли та назадъ рукы скрутылы та рота ганчиркою заткнулы, та й ведуть... До-

велы до нашого ярка... бувъ тамъ у насъ такый ярокъ, що мы въ ёму збиралыся... Одынъ же побигъ товарыство клыкаты, а Грыцько берегты зостався.

— На що товарыство?

— Щобъ судъ бувъ... Не хотилы сами порядкуваты... Ну, збигавъ... Мало не все товарыство зибралося. Стало кружка̀, а его посередыни... Одиткнулы ёму рота,—кажы, колы хочешъ!.. А винъ стоить проты мисяця—билый, билый та трусыться...

— Ну?

— Ну й прысудылы!..—и Кучма выхылывъ чарку.

— Що жъ ёму зробылы?

— Що зробылы, те зробылы, а тилькы вже бильше никого не паскудывъ!... Якъ закопалы на тому жъ мисти, то такъ и зогнывъ,—нихто й не шукавъ... А хочъ бы й знайшлы, то нихто бъ не выказавъ, бо вси булы хлопци добри та й былы вси... по черзи коженъ бравъ кіёкъ та й бывъ... щобъ усимъ вынным буты...

— И вы тамъ булы?—спытавъ Лукашъ.

— Може и бувъ, а може й ни,—одказавъ Кучма, налываючы нову чарку.—Такъ устаровыну було! А теперъ роспуста пишла, нихто не шануеться, нихто честы не знае: выказавъ на товарыша та й правъ и ходыть соби по воли, мовъ и ничого не зробывъ. Хиба що попобьють иноди, та й то не дуже...

— Ну, не дуже то й теперь простымо!...—стыха, але гостро промовывъ Ярошъ, и его холодни зли очы блыснулы.

— Ни, що не кажы, а въ старовыну не такъ було!—знову правывъ свое Кучма.—Тоди ты знавъ, що ты въ товарыстви воинъ и що вси за тебе якъ одынъ стоять! По правди робылы! А теперъ такого вже нема... И того не було, щобъ коноводъ поганывъ рукы палито̀мъ якымъ, або що. Тоди коженъ знавъ—наше дило степъ! Тамъ ты соби вильный,—шукай витра въ поли! Та й коноводы жъ яки булы! Хоменко, отаманъ, дакъ той разъ за одну ничъ *самъ* вывивъ пъятеро коней!.. Ото люде!.. А теперъ що? Пху!.. Дрибнодухы вси!..

Кучма вже здорово выпывъ, а выпывшы, винъ завсигды выхвалявъ старовыну, що якъ то добре тоди було, и лаявъ молодыхъ...

— Брехня!—гримнувъ кулакомъ по столу Патроклъ, ажъ пляшкы й чаркы задзвенилы.—Брехня! Е й теперъ таки коноводы—орлы!

— А де жъ ты ихъ бачывъ?—спытавъ, глузуючы, Кучма.

— Де? На Кубани!

— А хыба ты тамъ бувъ?

— О, стультусъ малоумный! Да ты спытайся—де я не бувъ!

— А ну жъ, ну, розскажить про Кубань!—попрохавъ Романъ.

— Слухайте! Почну ab ovo, зъ початку. Отъ якъ турнулы мене зъ кондукторивъ, заходывся я торгуваты. Голкы-шпылькы, пундыкы-мундыкы, табачокъ-сирнычокъ—атъ, чортъ зна що! Бачу, що воно не пидходыть ни до мого имены, ни до моеи хвамыліи, ни до мене самого. Бо имъя въ мене геройське, хвамылія—образець, та й самъ я такый, що хочъ заразъ иды троянцивъ воюваты! А тутъ голкы-шпылькы!.. Чортъ зна що! Лыквыдація и аквавита.

— Що, що?—пыталы Романъ та Лукашъ.

— Азинусы й стультусы! Те, що продавъ свою бакалію, а грошы, зъ горя, прогулявъ. Ну, зоставсь у мене въ кышени, якось завалявся, карбованець. Подывывсь я на ёго: Ге-ге, братику, зъ тобою довго не прожывешъ!.. Ни, тисно тутъ жыты!.. Махну на Кубаньськи степы! Хочъ изъ черкесомъ буду быться,—усе лучче, нижъ изъ пъяныцямы въ трахтыри. Ну, иду до знакомого кондуктора: пусты на Кубань! Посадовывъ у кондукторську, а на другый пойиздъ другому кондукторови здавъ... Отъ я вже й на Кубани...—Добра штука Кубань, да тилькы бида, що й останнёго карбованця въ дорози пройивъ. Найнявся до одного багатого пана, а въ ёго табунщыкъ Артемъ Гайда. А вы знаете що воно тамъ табунщыкъ? Чортъ, а не чоловикъ! Якъ вырветься у шырокый степъ зъ орканомъ у рукахъ, дакъ винъ тамъ орелъ! Скаженого коня-неука піймавъ, сивъ на ёго,

стыснувъ колиньмы—эхъ! ажъ степъ гуде! Кинь бъе и передомъ и задомъ, та де ёму скынуты Артема! Зъ скаженого—овечкою стане! А вже ничыя чужа коняка не стривайся зъ Артемомъ у степу—ёго буде. И було въ насъ товарыство добре: шестеро насъ, та таки!.. Одного разу трынадцятеро коней вывелы, за одну ничъ за двисти верстовъ перекынулы, продалы и въ обидъ другого дни дома булы.

— Ну, та невже?—почулыся здывовани голосы.—Та якъ же се вы зробылы?

— Уже зналы якъ!.. Эхъ, отамъ справа! тамъ коноводъ не злодіячка—такый, що передъ полыціею трусыться, якъ отъ мы, клапоухи азинусы. Тамъ винъ никого не боиться, а ёго вси бояться. Выйдемо на ярмарокъ—гуляй душа безъ кунтуша!.. Моремъ коло насъ горилка, танци, музыкы биля яткы на майдани, а люде збираються, а дивчата задывляються!.. Ахъ, сто чортивъ!.. А мы гуляемо, гопака вытынаемо, до дивчатъ залыцяемось, та велычаемось, та хвалымось—якъ коней перемкнулы та яки булы кони...

— Ну, це вже брехня!—перепынывъ Кучма.—То бъ то сталы розсказуваты де кони бралы? Та заразъ бы й васъ самыхъ забралы.

— Суса тупорылого у хвистъ поцилувалы бъ, а насъ не забралы бъ! Тамъ не на насъ, а видъ насъ страхъ бувъ. Тамъ на всю округу звисно—хто такый Артемъ Гайда, а ёго зроду нихто не займе, люде шапкы ёму скыдають, бо бояться. А панъ ажъ просыть: оставайся въ мене, Артеме, жыты! Бо панъ знае, що якъ у ёго свій коноводъ жытыме, дакъ цили будуть кони свои, а до чужыхъ ёму байдуже.

— Оттамъ жытте!—скрыкнувъ Романъ.

— Вильне, веселе жытте!.. Колы, бувало, й нападуть на насъ, дакъ мы зналы, якъ оборонятыся... Разъ якъ застукалы насъ въ очеретахъ!.. Два дни оборонялыся... рушныця добра въ Артема була и пыстоли въ мене... Воны до насъ посунуться, а мы—бахъ! Воны й заховаються, бо кулька не дулька,—якъ уразыть, то заболыть. А на третій день умкнулы видъ ихъ, ще

й зъ киньмы... Го-го-го! Ажъ степъ застогнавъ, якъ у копыта вдарылы!.. Гей, роскишъ-воля!.. Сто чортивъ!..

И винъ знову гримнувъ кулакомъ по столу. Станъ ёму выпроставсь, вся ёго кудлата велыка постать дывно видминылася пидъ уплывомъ згадокъ про мынуле, дыкою степовою сылою справди повіяло видъ неи. И облычче сёго пъяныци й злодія мовъ осяявъ якыйсь свитъ, очы ёму заблыщалы дывнымъ блыскомъ...

Вси глядилы на ёго зчудовани. Романъ увесь часъ слухавъ, втупывшы въ ёго свои палки очы, боячыся словечко згубыты. И якъ ударывъ постолу здоровенный Патрокливъ кулакъ, парубокъ уразъ такъ и кынувся й скрыкнувъ:

— А що жъ справди? Хыба жъ и мы не люде? Хыба жъ уже якъ мы, дакъ и не зуміемо ничого зробыть? Да я вамъ таку штуку вшкварю, що на всю губерню бахну, а въ кышеняхъ грошы забряжчать! Хочете? Завтра въ Дыбли и пъятеро коней визьмемо.

— Ну, ну, ты не дуже зарывайся!—промовывъ Ярошъ непрыхыльно.—Бачылы вже якъ тамъ браты!..

— А я вамъ кажу, що возьмемо! Слухайте! Биля мого батька жыве сусида Струкъ. А въ ёго на шпыли клуня. И такъ вона стоить, що зъ усёго села іи выдко. Ну, я запалю вамъ клуню, народъ побижыть на пожежу, а вы тымъ часомъ выведете кони.

На хвылыну вси стыхлы, а тоди вразъ—Ура!—зарепетувалы Патроклъ, Кучма й Лукашъ.

— Тыхше! Цытьте! Зъ вулыци почують!—прыпынявъ Ярошъ.

— Дарма! чортъ ихъ беры! Нехай чують!—не вгававъ Патроклъ.—Романе! братику! амикусь любезный! дай я тебе поцилую!

И ёго велычезни лапы обхопылы Романа, а щетыняста пыка прытыслася до парубкового облычча.

— Выпыймо жъ!.. Выпыймо жъ ище!..—

И винъ пывъ самъ, налывавъ Романови.

— Отъ такъ молодецъ!.. Це понимаю!..—Щобъ наша слава не пропадала!.. А, прокляти деріи!—репетувавъ уже зовсимъ пъяный Патроклъ.—Вы ради бъ насъ у ложци воды втопыты, бо мы злдіи, а вы чесни! Брешете! Самы вы злодіи, усе по закону крадете. А мы не злодіи!.. Треба йисты,—прыходымо й беремо!.. Такъ, беремо!.. И воюемось зъ вамы!.. Вы насъ убываете, а мы зъ вамы воюемось!.. Хто подужае!.. Я, Патроклъ Хвыгуровськый, кажу вамъ: хто подужае, той и правъ. Homo homini lupus est. А хто воюе, той—герой!.. А вы чортъ зна що, мужлаи!.. А я—Патроклъ Хвыгуровськый... Патроклъ—герой, Хвыгура—образець...

И ёго пъяна голова вже схылялася на стилъ.

IV.

Романъ хочъ и лигъ звечора пъяный, але хазяи, клопочучысь пидъ викномъ, збудылы ёго дуже рано. Ледви прокынувся, згадавъ про вчорашній свій замиръ, и думка про се нове дило вже не дала ёму спаты. Ёму не лежалося. Винъ схопывся, одягся... Въ цю мыть почувъ, що хтось береться за двери и хоче до ёго ввійты. Двери видчынылыся.

— Левантына!..

— Романочку! братику! Не займай мене!.. Дай мени видпочыты!.. Я видъ хазяина втекла. Всю ничъ блукала... Не займай мене!.. Забожысь, що не займешъ!..

— Отъ ій бо й не торкнусь! Та нехай мене хрестъ побъе, колы займу!..—забожывся швыдче Романъ, зрадившы.—Иды, та лягай спаты! Отъ бидолошна!..

Ёго маленька свитлычка перебыта була въ кинци, и за тіею перѐсичкою шылёвошною винъ спавъ. Туды винъ и повивъ Левантыну. Вона впала на лижко и заразъ-же заснула. Винъ постоявъ, подывывся на неи, усмихнувся, тоди зачынывъ за нею двери въ свитлыцю и пишовъ зъ дому, замкнувшы кватырю.

Ишовъ вулыцею такый задовольненый та радый. Сама прыбигла! Ну, нехай выспыться,—однакъ вона ёго рукъ не мыне.

Та теперъ ёму й не до неи. Адже винъ учора забожывся, що сёгодни пидуть у Дыбли. Треба вмовытысь, щобъ хлопци булы готови.

Винъ пишовъ до Яроша, але того не було дома. Не знала й жинка куды пишовъ. Романъ зазырнувъ до „чайнойи",—и тамъ ёго не знайшовъ. И де винъ у чорта подився?

Романъ пишовъ блукаты по гброду по всякыхъ закуткахъ, де мигъ зустриты Яроша. Нихто ниде ёго не бачывъ...

А Левантына тымъ часомъ спала. Спала довго, до пизнёго обиду. Щось іи врешти збудыло. Росплющыла очы, глянула на хату и спершу не могла врозумиты де вона. Чы се не ничъ? У маленькій комирчыни темно. Ни, онъ кризь не зовсимъ прыхылени двери выдко щилыну свиту. Чы се ій сныться? Ба ни, за дверыма щось гомоныть... Романивъ голосъ... Видразу згадала все.

— Я въ тебе двичы бувъ и скризь тебе шукавъ,—казавъ комусь Романъ.

— Ходывъ до Хведорченка, щобъ за свидка бувъ,—одповидавъ хтось невидомый.

— А я пакъ и забувъ за се... Ну, а въ Дыбли хлопци готови?

Дыбли? Левантыныне село?

— А хыба такы ты думаешъ?—пытався незнаёмый голосъ.— А якъ не пощастыть?

— Ще й якъ пощастыть!—одказавъ Романъ и почавъ упевняты свого гостя: росказувавъ усе, якъ треба зробыты, доводывъ...

Спершу Левантына мало що розумила. Але де дали все выразнише й врозумилише выявлялося ій те дило, яке мало статыся...

— Я васъ покыну въ ярку,—сказавъ нарешти Романъ.— Якъ запалю, то вы трохы перечасуйте покы народъ згвалтуеться та побижыть на пожежу. Тоди вже й вы... Найкраще беритъ у третій хати зкраю по ливій перій—се Панасъ Гаманъ,—у ёго дуже добри кони—трое. Оце трёмъ и буде робота. А скилькы всихъ насъ буде?

— Оприче тебе,—пъятеро.

— Отъ и добре. Дакъ тымъ двомъ накажы, щобъ силы ажъ биля млына. Знаешъ? Тамъ саме коло млына у Середенка кони—велыка хата, а биля неи тополя... Уси люде й сторожи будуть на пожежи, то вильно вамъ буде.

— Гляды, самъ не попадысь!—перестерегавъ гисть.—Бо теперъ воны знають хто въ ихъ кони бравъ, то пыльнуватымуть тебе.

— Чортового батька попадуть мене!—видказавъ Романъ.— Я знаю куды тикаты... Атъ, чортъ!—схаменувся винъ.

— Чого ты?

— Та я й забувъ, що мы не сами въ хати.

Винъ пидийшовъ до дверей и зазырнувъ у щилыну.

— Ни, спыть.

— А хто тамъ у тебе?

— Дивка одна.

— Чортова тинь оцей Романъ! Чомъ же ты не сказавъ? Отъ роззява! Усимъ бы ты мастакъ бувъ, якъ бы тилькы не такъ панькався зъ бабамы. Ну що, якъ чула?

— Ни вона такъ спыть, що не почуе.

— Ходимъ у сины, або що!

Воны выйшлы и розмовлялы довгенько ще въ синяхъ. Тоди Романъ вернувся въ хату, мабуть по шапку, и кудысь у двохъ пишлы.

А Левантына чула вже досыть, щобъ зрозумиты все.. Теперъ вона знала чымъ зробывся Романъ и хто бравъ у ихъ на сели кони... Коноводъ!.. Злодій!..

Боже едыный! За що Ты такъ караешъ іи? Покаравъ коханнемъ, покаравъ и коханымъ!..

Злодія покохала!..

Тяжкымъ болемъ проймало ій душу, розрывало серце. Мало вона зазнала, дакъ ще се!..

Зирвалася зъ лижка: тикаты! Тикаты звидсы!

Побигла до дверей, торкнулася до ихъ,—дверы булы замкнени. Кынулася до викна,—воно не видчынялося.

Вона сыдила якъ у тюрми.

Вона жъ мусыть тикаты видсиля швыдче, швыдче! Мусыть бигты въ свое село, перестерегты Струка, перестерегты людей, щобъ береглыся, щобъ запобиглы лыхови. Вона повынна сказаты...

Що сказаты?

Що Романъ злодій, палій? И ёго визьмуть до тюрмы, судытымуть, може й на Сибыръ зашлють... И вона пошле ёго на Сибыръ?

Ця думка видибрала въ неи вразъ усю ту сылу, що була прокынулась. Знеможена видразу, сила и схылылась на стилъ.

Не вважаючы на все, що було, у неи въ серци завсигды жеврила искра кохання до Романа и останнимы днямы ся искра розгорялася все бильше й бильше. Эге, вона теперъ такъ добре, такъ выразно почувала, що вона ёго кохае, що вона николы не покыдала ёго кохаты.

И вона пошле на Сибыръ того, кого кохае!

Того, кого кохае? Ни! Вона кохала Романа, хочъ и гришного проты неи, але чесного парубка, а не коновода, не злодія, не палія! А теперъ вона вже ёго не...

Але жъ ни! Вона ёго любыть, любыть такого, якъ винъ есть, и не може вырваты, выкынуты зъ себе того!

Любыть! А нà що жъ вона ёго любыть, щò зъ тіеи любовы буде? Хыба винъ буде ій дружыною? Хыба вона пиде за злодія, за палія?

Що жъ ій робыты? Що?!..

Ухопылася за голову рукамы. Голова палала, розскакувалась одъ думокъ, але не давала порады.

А може... Булы всяки гришныкы та й каялысь... Чому жъ бы Романъ не мигъ покаятыся и знову чеснымъ зробытыся?

Вона ёго прохатыме, благатыме, вона ёму рукы цилуватыме, абы тильки винъ не робывъ того, не йшовъ туды, покынувъ своихъ товарышивъ!.. Вона благатыме ёго доты, ажъ покы винъ послухаеться іи, покыне все, и тоди вона будуть знову щаслыви...

А якъ же не послухаеться?

И щось почынало ій казаты, що даремна іи надія, що не мае вона такои сылы, щобъ вырваты Романа зъ того багна, въ якому винъ опынывся. Вона сылкувалася задавыты сей голосъ, та не могла...

Чы послухаеться, чы ни, а вона ёго благатыме. Колы не пособыть, то тоди—дійся воля Божа! Вона вже ничого не здоліе тутъ зробыты.

Якъ то? То винъ тоди пиде, пидпалыть село, обкрадатымуть людей? И вона те знатыме и ничымъ не перешкодыть тому, не обороныть людей? Та хыба жъ тоди не впаде й на неи той грихъ? Люде кыдаються въ полумъе, рятуючы людей, а вона не обрятуе ихъ, хочъ ій и въ полумъе не треба кыдатыся, а тилькы побигты въ Дыбли й сказаты...

Грихъ, страшенный, непрощеный грихъ—за для свого кохання попустыты занапащаты людей. И вона хоче зробыты сей грихъ?

Але жъ Боже мій!.. Вона жъ ёго любыть!

Былась головою объ стилъ, не знаючы якъ поеднаты кохание зъ повынністю, зъ тымъ, чого вымагало сумлинне.

Врешти наважылась. Вона благатыме ёго, а колы винъ не послухаеться, побижыть у Дыбли.

Сымъ трохы заспокоилася. Та не надовго. Бо нова думка знову розбыла ввесь той спокій?

Колы вона скаже ёму, що все знае, то винъ же не пустыть іи зъ хаты, зъяже іи, замкне... Якъ же вона тоди побижыть у Дыбли?

И мучылась ціею новою думкою довго...

Врешти зачула, якъ брязкае на дверяхъ замокъ. Утекла въ темну хатчыну и сила на лижко.

Увійшовъ у хату, видхылывъ до неи двери.

— Устала вже?

Сивъ на лижкови биля неи.

— Отъ уже не сподивався, щобъ ты до мене прыйшла сёгодни! И въ голову соби того не клавъ. Якъ же се сталося? Що тамъ зъ хазяиномъ?

Вона почала росказуваты—все, якъ було...

— О, дурненьке, дурненьке! Чого жъ ты просто до мене не прыйшла?

— Та... адже прыйшла...

Винъ обнявъ іи й поцилувавъ. Першый рухъ іи бувъ—выпручатыся. Але заразъ же вона прыпынила сама себе и скорылась ёго поцилункови одному, другому. Винъ радивъ зъ ціеи несподиваной ласкы, вона це бачыла, и нова надія прокынулась у неи: вона *цымъ* не пустыть ёго видъ себе.

— А я тоби йисты прынисъ. Хочешъ? Ходимъ!

Выйшлы вдвохъ. Настоли лежалы пырогы, ковбаса, хлибъ, яблука. Надіючысь Романъ на здобычъ, позычывъ грошей у Яроша.

— Я тутъ въ одного чоловика харчуюсь, да сёгодни хочу зъ тобою обидаты, дакъ оце й прынисъ того-сёго.

— Спасыби, мое серденько,

Посидалы за стилъ. Винъ йивъ добре. Ій шматокъ не йшовъ у горло, та сылувала себе йисты.

Вона тулылася до ёго, зазырала ёму въ вичы, всмихалася, хочъ у неи холодилы й тремтилы рукы. Вона зажывала всихъ хытрощивъ, на яки була здатна, бо се бувъ останній спосибъ затрыматы, вдержаты ёго, зберегты ёго за для себе. И зважылась иты до краю... Сёгодни не пустыть ёго, а тамъ... побачыть що робытыме.

Короткый осинній день уже наблыжався до вечора, якъ воны пообидалы.

— Якъ мени гарно, Романочку, що мы вдвохъ и будемо вдвохъ увесь день сёгодни... Адже не проженешъ мене, колы я зостанусь въ тебе ночуваты?

— Чого бъ то я тебе проганявъ? Та я такый радый!.. Шкода тилькы, що мени не доведеться сёгодни дома ночуваты. Оце скоро треба вже йты.

— Чого? Куды?

— Хазяинъ посылае... На машыну треба...

— На довго?

— Завтра вдень вернуся.

— Ой, Романочку! Якъ же я сама буду? Не йизды!

— Не можна, Левантыно: хазяинъ велыть.

— Отъ, велыке лыхо, що хазяинъ велыть! А ты занедужавъ та й не можешъ йихаты.

— Ни, ніякъ не можно.

— Романочку! голубчыку! братику! Не йиды! Зостанься зо мною! Будь зо мною увесь день сёгодни, всю ничъ!

— Завтра буду ввесь день и всю ничъ и завсегды потимъ.

— Що завтра! Сёгодни я хочу!

Вона обвылась кругъ ёго якъ хмелыночка, зазырала ёму въ вичы, цилувала ёго, обсыпала ёго ласкавымы закохаными словамы чаривнымы, обхоплена непереможнимъ, мало не божевильнымъ бажаннемъ затрымати ёго, не пустыты... Іи роспаленій, знеможеній думкамы голови здавалося чомусь, що въ сій ночи вся сыла, абы тилькы винъ сёгодни зоставсь, абы сёгодни, а тоди вже все, все добре буде!

Николы ще вона зъ имъ не була така,—навить тамъ, на сели. У ёго туманила голова.

— Не можна, серце!.. Прымивъ бы,—все зробывъ, але сёго не можу.

— Якый недобрый!.. Зостанься, Романочку, серденько дороге! Що хочъ зо мною робы, цилуватыму тебе, мылуватыму тебе, тилькы не ходы сю ничъ!

— Та що се тоби ся ничъ така дорога? Чого се такъ?

— Такъ хочу! Хочу, щобъ ты ни зъ кымъ сёгодни не бувъ, тилькы зо мною! Мы таки щаслыви, таки щаслыви будемо, якъ що ты зостанешся зо мною сю ничъ. И теперъ, и потимъ щаслыви будемо!

Винъ прыгортавъ іи, цилувавъ, але вырвався врешти.

— Годи! Треба йты!

Вона такъ и прыпала до ёго.

— Не ходы! Не пущу! Зоставайся зо мною!

И цилувала ёго безъ лику, сылкуючыся тымы поцилункамы спъяныты ёго, прымусыты забуты про все, зостатыся зъ нею.

— Колы зостаешся сю ничъ зо мною,—буду твоею, не пиду видъ тебе. А пидешъ,—утечу заразъ. Сю ничъ! Тилькы сю ничъ!

Въ цихъ, стилькы развивъ уже сказаныхъ, словахъ „сю ничъ" чуты було стилькы благання й натыску, що Романъ почавъ прыслухатыся до ихъ пыльнише. Винъ ще державъ іи въ себе, якъ малу дытыну, на колинахъ, цилувавъ ій очы, губы, шыю, голова ще туманила, а вже якась непевна думка ворушылась тамъ. И видразу винъ повернувъ іи облыче до себе.

— А ну, глянь мени въ вичы!

Вона глянула.

— Левантыно, ты не спала тоди, якъ я прыходывъ уперше!

Вона почервонила вразъ, піймана на гарячому вчынку.

— Дакъ онъ воно що!—Винъ ссадывъ іи зъ колинъ.— Що жъ ты чула?

Все загынуло, все!.. Тилькы одно зостаеться...

Вона кынулася передъ нымъ навколишкы, обхопыла ёго колина рукамы.

— Романе! братику! риднѐнькый! не робы сёго!.. Не ходы зъ имы!.. Не занапащай людей!.. Не занапащай своеи душы!.. Покынь ихъ!.. тыхъ, недобрыхъ!.. Забудь усе те!.. Будемъ чесно жыты!.. По викъ вичный не розлучуся зъ тобою!.. Тилькы не ходы!.. Втечемо видъ ихъ!.. Утечемо заразъ!..

Романъ уставъ, одирвавъ іи рукы видъ своихъ колинъ и видійшовъ.

— Годи чортъ батька зна що потякаты!

— Ни, Романочку, не кажы такъ!—Вона лизла за нымъ навколишкахъ, чепляючысь за ёго.—То жъ грихъ!.. Пидпалыты!.. Красты!.. Боже мій!.. Чы я жъ думала?.. Не пущу тебе!.. Покайся!.. Треба, Романочку, покаятыся, спокутуваты свій грихъ!..

— Геть!

— Не видпыхай мене!.. Мій братику! Мій риднѐнькый!.. Ты жъ мени мылымъ бувъ!.. Я жъ тебе якъ душу любыла!.. Я жъ тебе благаю!.. Та помылуй же ты себе!.. Та помылуй же ты й мене!.. И людей же! Воны жъ не вынни!.. Хыба жъ не

можна зъ иншого жыты?.. Мы будемъ працюваты, заробляты... Я робытыму... нбчы не спатыму... Романочку!.. Романочку!..

И не пускала ёго колинъ зъ рукъ, дывылася на ёго знызу, благаючы словамы, очыма, слёзамы...

— Левантыно! Не дурій! Устань заразъ! Слухай, що я тоби казатыму!

Вона пидвелася.

— Що ты чула, що бачыла,—щобъ тилькы ты сама ёго чула й бачыла. Щобъ нихто бильше! Колы жъ ты хочъ однымъ словомъ кому пробовкнешся, хочъ натякнешъ, то задавлю, оцымы своимы рукамы тебе задавлю и крыкнуты не дамъ!

Стыснувшы кулакы, увесь трусячыся зъ гнивá, винъ стоявъ передъ нею такый страшный, нелюдськый... А іи мовъ гримъ побывалы ти ёго слова, однималы въ неи мову, рухы...

— Чула?

— Чула...

— Гляды жъ! Або мовчы, або на свити не жытымешъ! Памъятай: се не жарты! Я не вмію жартуваты. Зоставайся тутъ и сыды до завтрёго. Тикаты не думай! Я тебе замкну и накажу хазяинови, щобъ доглядавъ... Колы бъ тилькы здумала втекты, то винъ тебе зъяже: у ёго ключъ одъ хаты буде. Розуміешъ?

— Розумію...

— Ото жъ колы хочешъ на свити жыты, то сыды нышкомъ. Не сыдитымешъ,—задавлю и въ ричку вкыну. Ну, маршъ туды въ закамарокъ и не смій видтиля выходыты!

Слухняно пишла. Винъ зачынывъ за нею двери и замкнувъ ихъ на замокъ. Самъ ище щось узявъ и пишовъ зъ хаты. Левантына чула, якъ винъ замкнувъ и други двери.

Прыслухалася до того, якъ пишовъ. Сыдила на лижкови прыгничена, зламана усимъ тымъ, що сталося. Чы могла жъ вона сёго сподиватыся! Винъ, Романъ, похваляется задавыты іи! Винъ—пропащый злодій.

Все, що було въ неи въ души гарного, ясного, кýпчылося въ іи згадкахъ про того давнёго Романа зъ першыхъ днивъ

кохання. И винъ ростоптавъ те все немылосердною и нечыстою ногою!..

Думка знову верталася до подій сіеи ночы. И що жъ се воно буде? Винъ запалыть село, погорять люде, пограбують ихъ. И вона ничымъ не може запобигты лыхови!..

Вона схопылася зъ мисця. Та не можна жъ такъ!.. Вона буде крычаты, стукаты, покы іи выпустють,—тоди побижыть...

Але жъ винъ оддавъ хазяинови ключъ. Хыба жъ іи хазяинъ выпустыть? Ни, не такъ, а треба нышкомъ утекты.

Але жъ іи двичы замкнено!

Вона пидійшла до тоненькыхъ шылёвошныхъ дверей и поторсала ихъ. Зъ того боку биля ныхъ булы кильця, замкнени невелычкымъ замкомъ,—се було выдко, бо двери трохы видхылялыся,—вона могла просунуты въ щилыну палець.

Левантына зъ усіеи сылы натыснула на двери плечемъ разъ, удруге, втрете, сылкуючыся, чы не вырве такымъ робомъ кильця. Двери трищалы, але кильця не вырывалыся. Вона спытувала ще килькы разивъ, напружуючыся що-сылы, але ничого не пособылося. Задыхана, сила знову на лижко.

Якъ бы въ неи тутъ було щось—сокыра, молотокъ,—вона бъ тоди знала що зробыты. Почала нышпорыты по закамарку, мацаючы въ темряви рукамы, але не знаходыла ничого. Врешти пися довгои шуканыны, ажъ у далекому кутку, пидъ лижкомъ, налапала якусь зализну ричъ. Вытягла іи на свитъ до дверей: се булы стари обценькы.

Левантына спробувала просунуты ихъ кризь двери, але воны не пролазылы. Повернула тонкымы кинцямы и змогла заложыты ихъ у кильце. Тоди почала росхытуваты ёго. Робыты було дуже незручно, кильце хыталось вельмы мало, але такы хыталось. Ще трохы такои роботы, и кильце выскочыло зъ дверей. Двери видчынылыся, Левантына була въ другій хати.

Кынулась до другыхъ дверей. Але си вже не на кильцяхъ замыкалыся. Важки, дебели двери зачынени булы щильно и замкнени мабуть на засувъ, або що. Левантына поторсала, але ничого не зрушыла ихъ.

— Буду штовхаты плечемъ,—подумала соби,—а може видхылються хочъ трохы, щобъ просунуты общенькы.

Почала штовхаты, сылкуючысь яко мога тыхше робыты. Спершу натыскала не поспишаючысь, але зъ усіеи сылы. Двери стоялы нерухомо. Почала тоди штовхаты палкише, бъючы объ двери своимы плечмы, оббываючы ихъ до сынякивъ, до кровы пидъ рукавомъ сорочкы. Забула, що іи можуть почуты, и была на одчай плечыма, ликтямы, мало почуваючы въ запали биль, сама розуміючы, що се не пособляе, але не можучы покынуты, бо хочучы вырватыся зъ ціеи тюрмы. Былася объ мицни двери, якъ пташка-невильныця бъется объ невблагани кграты клиткы-тюрмы.

Врешти, знеможена, знесылена, спынылася, похылывшысь на ти двери, важко дыхаючы. Побыти плечы й ликти дуже болилы. Видпочывала такъ килькы часу:

Кризь невелычке викно бачыла, що на двори вже смеркалося. Пидійшла до викна и стала ёго оглядаты.

Шыбкы булы таки маленьки, що якъ бы выдавыты одну, то не можна булобъ пролизты, а зроблено викно було такъ, що не видчынялося. Поламаты ёго?

Чы вона подужае те? А колы бъ и здолила, то почують же хазяй, якъ трищатыме викно, бряжчатымуть побыти шыбкы. Почала роздывлятыся въ викно на двиръ и побачыла передъ собою якусь замкнену шопу, чы возивню. Людей не бачыла щобъ ходылы. Але можуть поблызу ходыты, отутъ заразъ такы, то й почують іи.

А якъ бы все викно выпхаты,—може бъ се тыхше було? Воно було прыбыте знадвору гвиздкамы. Але гвиздкы ти давно вже поиржавилы, и якъ Левантына натыснула на викно зъ одного боку, то воны поламалыся, и викно заразъ-же почало выпиратыся зъ лутокъ.

— И якого тоби чорта треба?—гримнувъ пидъ викномъ просто Левантыны сердытый товстый голосъ.

Дивчына вмыть захылылася за стину и стояла вся похоловшы, тремтючы. Се жъ побачылы вже іи, се жъ хазяинъ!

— Ходы поночы, вышукуй! Чортъ батька зна що!—казавъ той голосъ знову, и Левантына почула, якъ забрязкавъ замокъ биля возивни.

— Та вона тутъ скраю заразъ и лежыть,—одповидавъ жиночый голосъ.

Левантыни полекшало: се не до неи, се мабуть хазяинъ зъ хазяйкою щось изъ возивни беруть. Прыслухалася, якъ воны видимкнулы, ввійшлы въ возивню, сперечаючыся знайшлы якусь ричъ, замкнулы и пишлы геть. Все знову затыхло.

Перечасувавшы Левантына трохы, знову заходылася биля викна. Обережно, помалу натыскаючы, вона выхытала викно зъ лутокъ такъ, що могла въ щилыну просунуты руку спершу зъ одного боку, тоди зъ другого. Выняты викно и поставыты ёго на землю на двори було вже тоди лехко.

Тымъ часомъ на двори вже зовсимъ стемнило. Прыслухалась одну мыть, чы не чуты кого, и лехко й обережно вылизла зъ хаты въ двиръ.

Тремтючы зъ страху, що зустрине заразъ когось, выйшла зъ хаты. Въ двори никого не було и нихто не беригъ іи, бо то Романъ збрехавъ, шо виддасть ключъ хазяинови. Перейшла двиръ хутко й опынылась на вулыци.

Вона биглабъ, та боялась, що іи прыпынють, догадаються, що тикае. Але пишла такъ швыдко, якъ могла, сылкуючысь иты въ темряви вулыць, и незабаромъ була за мистомъ.

Спынылась на хвылыну передыхнуты и побигла по дорози до Дыбливъ. Пробигла верстовъ зъ дви.

И вразъ думка одна прыпынила іи: та й воны жъ цимъ шляхомъ итымуть. Що, якъ наженуть іи? А що якъ воны вже попередъ неи? Що, якъ вона спизнылася?

Вона знала иншу дорогу: черезъ лисъ, тоди черезъ байракъ. Ся дорога була корочча дуже, але туды нихто не йиздывъ, бо не було шляху, тилькы ходылы люде вузенькою стежкою. Левантына тежъ нею ходыла, але вдень, зъ людьмы, а теперъ... Иты вночы лисомъ—се було занадто страшно.

А йты тутъ, то зновъ: або вона спизныться, або іи наженуть, Романъ піймае іи,—и що тоди буде?

Глянула ливоручъ,—тамъ лисъ чорнивъ темною похмурою хмарою на кинци неба. Збочыла зъ шляху и побигла туды.

Покы бигла полемъ,—було ничого. Але якъ пидійшла до сёго, вночы такого понурого, лису, обнявъ іи страхъ. Вона знала куды йты, вона стояла на початку стежкы, але ця стежка втопала въ таку чорну й страшну темряву, що въ бидной Левантыны стыскалося передъ нею серце.

Але вагалася не довго. Перехрестылася и вступыла въ лисъ.

Тутъ уже не бигла, бо разъ, що втомылася, а вдруге, що боялася збигты зъ тропы й зблукатыся. Але йшла швыдко помижъ велычезнымы стовбурамы старого лису. Зридка тилькы розрывалося вгори посплутуване гилле, и тоди выдко було ій клаптыкъ неба зъ двома-трёма зиркамы. Зважылась не дывытыся набикъ, не прыслухатыся, а все йты, йты...

Але очы несамохить зазыралы иноди вбикъ, уха ловылы таемнычый голосъ велыкого лису. А винъ озывався тыхымы шептамы, шелестамы й зитханнямы, и коженъ такый згукъ одбывався голосно, гостро въ напруженому вуси бидолашнои дивчыны.

Вона все йшла. Осинь уже струсыла зъ деревъ частыну ихъ литнёго вбрання и насыпала на землю мнякый кылымъ мертвого лыстя. Левантыни добре було ступаты по стежци, хочъ вона часто боляче была свои боси ногы объ невыдне ій коринне. Та вона на те не зважала и все йшла.

Часомъ передъ очыма мріялысь якись чорни велычезни постати, часомъ ій здавалося, що отъ-отъ засвитються передъ нею дви свичкы вовчыхъ очей... Вона тоди заплющувала свои очы...

Вона часто ходыла въ цей лисъ зъ дивчатамы по ягоды, якъ жыла въ наймахъ у блызькому видъ лису сели, и добре ёго знала. Колы бъ не се, то зблукалась бы давно.

Врешти ій здалося, що вже пидходыть до краю. Тоди, сама не знаючы черезъ що, вразъ кынулася бигты, розбываючы до кровы ногы, обдряпуючы соби гилкамы рукы, облычче. Бигла, бо гнавъ іи велыкый страхъ,—ажъ покы выскочыла на поле. Втомлена впала на землю и трохы полежала, видпочываючы. Але не довго. Зирвалась и пишла знову. Та не пишла вже черезъ байракъ, а збочы́ла праворучъ и вышла знову на шляхъ. Се було трохы дали, але жъ байракъ бувъ ій ще страшнишый за лисъ.

Ногы почыналы дуже болиты, але вона не смила спыныт̆ыся. Кожна хвылына вгайкы могла занапастыты всю справу. Треба йты й хочъ трохы, тыхше. Скилькы ще ій зосталося? Верстовъ чотыри?

Ишла... Щось замрило ливоручъ. Оце-жъ и байракъ пидъ Дыблямы. Ще верства, и вона въ сели.

Що се?

Темне осинне небо зажеврило зкраю, тамъ, надъ селомъ. Се мисяць зиходыть? Эге, мабуть мисяць... Такъ ни жъ бо, мисяць не звидтиля сходыть... Усе бильше й бильше... Вогняни пасма выбываються вгору, стриляють по небу. Пожежа!..

Левантына скрыкнула якъ несамовыта и побигла назустричъ страшному червоному промиттю...

V.

Ярошъ такы трохы боявся тіеи штукы, що выгадавъ Романъ. Дыбляне сталы вже таки зли на коноводивъ и такъ ихъ пыльнувалы, що було небезпешно такъ скоро туды потыкатыся. Але Патроклови Хвыгуровському та й усёму товарыству до вподобы прыпала тая выгадка. Патроклъ, трохы выпывшы зъ вечора, всю дорогу, покы йшлы до Дыбливъ, бувъ страшенно веселый, смишывъ товарышивъ своимы жартамы й лайкамы и все зачипавъ похмурого чогось отамана. Але той мовчавъ на вси ёго выгадкы. Подилылыся воны такъ: Ярошъ зъ Патрок-

ломъ та зъ Лукашемъ въ одному гурти силы въ ярку, чыгаючы на трое коней Панасовыхъ Гамановыхъ, а Кучма зъ однымъ хлопцемъ заховався биля млына, взявшы на свій пай пару Середенковыхъ. Романъ, пидпалывшы, повыненъ бувъ заразъ-же тикаты въ гôродъ.

Трёмъ у яру було дуже добре сыдиты, бо не выдко було ихъ никóму, але воны бачылы той шпыль, де мала буты Струкова клуня и звидкы Романъ повыненъ податы имъ свое вогнёве гасло. Хочъ отаманъ и не дозволявъ розмовляты, але въ голови въ Патрокла ще гуло видъ горилухы, то й языкъ у ёго ніякъ не хотивъ одпочываты, а все шепотивъ щось до Лукаша. Той пырхавъ зо смиху, а розлютованый Ярошъ нарешти не вытрымавъ:

— Отъ якъ дамъ тоби шкворинемъ пó-голови, то ты швыдко змовкнешъ!—прошепотивъ винъ, штовхнувшы тымъ шкворинемъ парубка въ бикъ.

Тоди обыдва замовкли, знаючы добре, що зъ отаманомъ не завсигды можна жартуваты, бо часомъ заробышъ за жарты такого, що й до вику згадуватымешъ.

Вси сыдилы мовчкы, втупывшы очы въ той бикъ, звидкиля дожыдалысь ознакы.

Сыдючы такъ довгенько, помитилы врешти, що имъ стало выдко далеки вербы на почервонилому неби. И незабаромъ жаркѐ полумъе вдарыло вгору, осяваючы купы сонныхъ хатъ и деревъ. Скризь по селу загаласувалы, забигалы люде, загавкалы собакы. Спершу крыкы й тупотняву чуты було й поблызу, але згодомъ усе вщухло тутъ, и тилькы тамъ, де ясно шугало вгору полумъе, чуты було невгавный поплутаный галасъ людського стовпыща. Коноводы зрозумилы, що люде зъ блызькыхъ до краю вулыць уже побиглы на пожежу.

— А ну лышъ!—промовывъ тыхо Ярошъ.—Та швыдко!..

Мало не бижучы, перейшлы невелычкый клапоть выгону видъ яру до першыхъ хатъ. По ливій перій третя хата скраю—Панасъ Гаманъ.

Швыдко й мовчкы ввійшлы въ покынути видчыненымы ворота, вступылы въ двиръ. Велыка повитка зъ киньмы була передъ нымы. Въ двори никого не було, тилькы собака выскочыла зъ пидъ хаты и кынулась, загарчавшы, просто на Яроша. Винъ убывъ іи за однымъ махомъ, розбывшы ій голову шкворинемъ. За одну хвылыну винъ своею дужою рукою, заложывшы за прыбои шкворинь, одирвавъ ихъ и киннйця видчывылася. Лукашъ изъ Патрокломъ убиглы въ серѐдыну и не довго барылыся, вывившы трое коней. Скочылы на ихъ и булы вси вже за воритьмы.

— А ну прыпусты!—сказавъ отаманъ.

Але въ сю мыть сталося несподиване.

Четверо людей вйиздыло верхы зъ поля въ вулыцю. Сеночлижане, побачывшы зъ лукы пожежу, кынулысь у село.

— Хто йиде?—гукнувъ передній.

Ярошъ ударывъ свого коня, и тры злодіи мовчкы проскочылы прозъ ночлижанъ. Ти не видразу розибралы що це, а зрозумившы, погналы за имы слидкомъ, гукаючы:

— Ловы!.. злодіи!.. коноводы!..

Ярошъ бывъ коня безъ жалю шкворинемъ, а Лукашъ та Патроклъ шмагалы своихъ нагаямы. Кони биглы зъ усіеи сылы. Але выдко було, що въ ночлижанъ кони кращи, чы не таки потомлени. Воны насидалы на шыю коноводамъ, ось-ось наздоганялы ихъ. Ярошъ озырнувся й побачывъ, що даремна ричъ утикаты. Треба було иншымъ робомъ ратуватыся.

— Пускай кони!.. самы—въ яръ!—крыкнувъ до товарышивъ.

Саме добигалы до яру. Стрыбнулы на одчай душы додолу. Кони порснулы въ поле, а за нымы й ночлижане.

Трое коноводивъ попадалы на землю трохы не пидъ копыта конямъ, та, на ихъ щасте, тилькы Лукаша зачепывъ кинь заднимъ копытомъ. Попадалы сàме надъ краемъ и, не встаючы, не можучы вдержатысь, покотылыся внызъ у яръ. Та имъ сёго й треба було. Спынылыся ажъ на дни и заразъ же посхоплювалысь на ногы. Не чулы, що й забылыся, хочъ гуп-

нувся коженъ здорово. Але булы цили, ничого не поламалы соби.

— Яромъ дали!—звеливъ Ярошъ.

Побиглы яромъ и думалы бижучы, що кудысь же той яръ выходыть, то туды й воны выйдуть. Пробигшы чымало, почулы, що въ ихъ пидъ ногамы вже не земля, а каминне. Яръ выжчавъ, глыбшавъ и вразъ воны опынылыся въ якійсь камъяній ями, а передъ нымы стримко й высоко, якъ кручы, стоялы камъяни стины глыбокого яру, и ниде не було выходу.

Задыхани втикачы спынылыся.

Воны піймалыся въ пастку, не знаючы сёго проклятого зрадного яру.

— Назадъ! Може ще встыгнемо выхопытыся!—крыкнувъ Ярошъ.

И вси трое повернулы назадъ и побиглы скилькы сылы. Не перебиглы й половыны яру, ажъ передъ нымы зачорнило килькы верхивнихъ и людськыхъ постативъ пишо. Се двое ночлижанъ, побачывшы, що коноводы вскочылы въ яръ, покынулы гнатыся за киньмы, лышаючы ихъ двомъ своимъ товарышамъ, и вернулыся до яру. До ихъ тымъ часомъ набигло килькы чоловика зъ села, почувшы ихъ гуканне, бо увесь часъ воны не покыдалы лементуваты, склыкаючы людей.

Не сподиваючыся того, коноводы такъ и наскочылы на ихъ у темряви.

— Бый! бый! воны!..—загукано вразъ, и килькы кійкивъ гупнуло по плечахъ и по рукахъ коноводамъ. Воны видскочылы назадъ, повернулысь и, якъ захоплени въ суточкàхъ звиры, не знаючы вже зъ одчаю що робыты, побиглы видъ ворогивъ знову туды, въ камъяный кутокъ яру.

Теперъ селяне булы певни, що воны видъ ихъ не втечуть. Въ цёму яру панъ бывъ колысь каминь на свою камъяныцю та й выбывъ оту глыбоку яму зъ кручуватымы стинамы. Звидты вже не выскочышъ.

Галасуючы, побиглы вси слидкомъ за коноводамы.

А ти вскочылы знов у ту яму и посталы нерухомо, щобъ хочъ передыхнуты.

— Отъ колы такъ пропалы!—промовывъ Лукашъ.

— Ну, ты! патякай!..—вызвирывсь на ёго Ярошъ.

Хмары розійшлыся и зъ-за ныхъ вызырнувъ мисяць, осяваючы все навкругы. Втикачы булы середъ набытого дрибного й велыкого каминня. Деяке було поскладане сажнямы, деяке згорнене просто купамы. Въ одному мисци, мало не биля самои стины, каминне було наложене стовпомъ сажнивъ на пивтора. Патроклъ глянувъ на ёго.

— Берить каминне, накыдайте, щобъ можна було злизты на це!—скомандувавъ винъ.

— На що?—спытавъ Лукашъ.

— Стультусяка чортивъ! Беры швыдче!—и винъ загрибъ своимы лапыщамы цилу купу каминня и потягъ до стовпа, муруючы тамъ немовъ схидци. Лукашъ пособлявъ ёму.

Та тилькы почалы робыты, а вже дыбляне набиглы, махаючы кійкамы й ломакамы та гукаючы:

— А, бисовы шкуродеры, попалыся!..

Биглы просто на коноводивъ. Имъ не выдко було за стовпомъ що робылы Патроклъ та Лукашъ, але воны бачылы Яроша. Вытягшы зъ халявы велыкого ножа, винъ державъ ёго въ ливій руци, а въ правій бувъ на поготови зализный шкворинь. И якъ селяне, зъ розгону набигшы, булы видъ ёго за тры-чотыри ступни, винъ скрыкнувъ, стрыбнувъ напередъ и вдарывъ переднёго своею простою, але въ ёго рукахъ страшною зброею. Чоловикъ ойкнувъ, захытався... Ярошъ одскочывъ. Селяне тежъ на мыть подалысь назадъ, одбиглы, але заразъ же схаменулысь.

— Дакъ вы такъ!—загукалы розлютовани.—Бый ихъ! Бый на смерть!..

И воны кынулысь знов съ пиднятымы вгору кійкамы.

— А, падлюкы, псы!—ревнувъ страшный Патроклывъ басъ, и ту-жъ мыть здоровезна постать выскочыла попередъ Яроша, шыроко розмахнулася рукою и пошпурыла важку каминюку.

Одынъ зъ селянъ скрыкнувъ, ухопывшыся рукамы за жывитъ, та такъ и сивъ на землю.

— Разъ!—ревнувъ Патроклъ.—А оце вамъ два!—Нова каминюка прымусыла селянъ одбигты ще дали.

— Назадъ, канисы куцохвосты, бо и ребра й зубы вамъ сокрушу!—гукавъ Патроклъ.—Беры й ты, отамане! Чого стоишъ дурно?

Ярошъ и соби жбурнувъ каминюку, але заразъ-же скрыкнувъ:

— Бережысь!

Ледви встыглы заховатыся за каминне, бо селяне кынулы на ихъ кійкамы й ломакамы. Луснулы й затрищалы объ камъяни купы кійкы, роскыдаючы дрибне каминне, але шкоды коноводамъ не зробылы ніякои.

— Кыдайте! чортъ васъ беры! Вашымъ ломаччемъ вамъ же й головы порозбываемо,—гукавъ на своихъ ворогивъ Патроклъ.

Хмара знову набигла на мисяць. Потемнило вразъ. Селянамъ стало зовсимъ не выдко коноводивъ. Певни булы, що ти не втечуть зъ глыбокои ямы, але не моглы добраты розуму якъ ихъ узяты. Зналы й бачылы, що коноводы, не сподиваючысь мылосердя, боронытымуться до загыну, и двохъ селянъ добре вже було вдарено каминнемъ, а третій бувъ увесь у кровы пислянъ Ярошевого шкворина. Кынутыся на ихъ у темряви, дакъ ще й гиршого добудешъ.

— Побигты въ село по рушныцю та й постриляты ихъ!—радывъ хтось.

— Уцилышъ у темряви!

— А хочъ и вцилышъ, дакъ на Сибиръ пидешъ. Треба жывцемъ узяты та даты такого гарту, щобъ острогъ ихъ жывымы взявъ, та жывымы не выпустывъ.

— Дакъ пидождемо до свиту.

— А тамъ село горыть!

— То не зъ нашого краю.

— А тамъ и до насъ дійде, якъ не погасють.

— Витру нема.

Врешти наважылысь послаты парубка верхы на село, щобъ подывывсь якъ тамъ пожежа, а колы можна, то ще й людей на помичъ поклыкавъ. Певни булы, що пожежа до ихъ хатъ не дійде, и малы вартуваты до ранку: по выдному зручнише буде браты.

Ледви парубокъ побигъ, колы вразъ одна каминюка, друга, третя гупнула поблызу селянъ.

— Чы ты ба! знову кыдають чорты!

— Хай кыдають,—сюды не сягнуть.

А каминне все гупало. Никого, що правда, не зачипало, але все падало...

А це коивъ Патроклъ.

Покы ото мужыкы радылыся, и коноводы не гаялы по дурному часу и насклададалы цили схидци вгору на камъяный стовпъ.

— А ну скочъ, хлопче, на каминне,—звеливъ Лукашеви Патроклъ,—чы сягнешъ рукою ажъ на гору, до берега!

Лукашъ скочывъ.

— Зъ аршынъ не стае.

— Дурныця! На каминня, беры, муруй тамъ!.. Ни, не такъ! Ты, Яроше, подавай ёму каминне, а я шпурлятыму на той плебсъ свынячый, щобъ не помитывъ нашои роботы.

И ото почалася кыданына. Патроклъ зовсимъ не сылкувався влучаючы, та й не мигъ бы сёго зробыты, бо селяне стоялы досыть далеко и було темно. Ёму не того й треба було: винъ кыдавъ, абы ти зналы, що воны въ ями, и думалы, що воны тильки те й роблють, що каминне кыдають. Швыргавъ и до кожного разу додававъ словамы:

— Оце тоби галушка у твій свынячый ротъ! Що? подавывся?—А оце тоби крашанка межы очи въ лобъ,--бодай тоби зъ ёго твои чортови слипакы повылазылы!—Маете ще, азинусы,—ось!..

— Готово!—озвавсь Лукашъ стыха.

— На гору, братця!.. Та ждить мене тамъ,—я заразъ.

И вхопывшы дви здоровенни каминюкы, Патроклъ выскочывъ зъ ямы, надбигъ у темряви блыжче до своихъ ворогивъ и кынувъ одну каминюку за другою. И мабуть когось улучывъ, бо середъ селянъ крыкнуто. Патроклъ засміявся, мурчачы соби стыха:

— Що? до смаку прыпала? Ну, грызить соби на здоровле, цуцыкы слыняви! Не выскалюйте зубивъ, люпусы задрипани, бо не вкусыте!

Мурмотавъ и вылазывъ на гору.

— Огамане?

— Тутъ.

— Гайда!

Але въ сю мыть хмары знову розирвалыся, и зрадлывый мисяць сяйнувъ на втикачивъ. Крыкъ счынывся середъ селянъ:

— Тикають! тикають! Ловы!..

Полемъ затупотило тры пары моторныхъ нигъ, а слидкомъ за втикачамы, выдыраючыся зъ яру на гору, кынувся гуртъ селянъ....

VI.

Стручыси не спалося. То думкы всяки розганялы сонъ, то блохы напосидалыся. Вона крутылася по полу, штовхала чоловика, сердючыся, що винъ такъ спыть, ажъ хропе. Уже вона передумала й те, скилькы въ ихъ хлиба на сей рикъ буде, и скилькы полотна вытчется зъ того прядыва, що натипала, и догадувалася, яке теля прыведе іи влюбленныця Лыска. Уже іи почынала знову дратуваты вчорашня сварка зъ вызоокою Юхымыхою и вона жалила, що не встыгла усёго ій выказаты... Са́ме на цёму на двори загавкала собака.

— Чого се Шарка гавкае?—подумала Стручыха.—Вона по дурному николы не гавкае.

Хочъ Шарка гавкала звычайно по багато разивъ на ничъ, абы зачула, що десь озвалыся собакы, та Стручыси

кортило збудыты чоловика, и вона почала штовхаты ёго въ бикъ.

— Мусію! Мусію! Чы ты чуешъ?

Мусій ничого не чувъ и черезъ те не озывався. Се вже зовсимъ росердыло Стручыху. Вона торсону́ла ёго такъ, що мусывъ почуты.

— Одчепысь, Охриме, не замай мене!—пробубнивъ зъ просоння Струкъ.

— Якый я тоби Охримъ? Уставай, бисова сонюго! Чы не чуешъ хыба, якъ Шарка гавкае?—и вона такъ ёго стусонула въ ребра, що винъ ажъ схопывся.

— Га? Що? що тамъ таке?

— Шарка гавкае.

— Що?

— Шарка гавкае, я тоби кажу.

— Гавкае, кажешъ?

— Ажъ залываеться.

— Добра собака!.. Нехай же гавкае, спасыби ій!..

И впавъ сонный.

— Це мени лыхо, а не чоловикъ! Тилькы бъ спавъ, а нема того, щобъ свого добра доглянуты! Це не хазяинъ, а якась колода, якась сплюга опивнична!.. Та ёго й ломакою не зведешъ, якъ розиспыться!..

А Шарка тымъ часомъ гавкала дужче, и Стручыха вже й справди почынала цикавытыся нею. Не диждавшыся Мусія, вона, якъ була боса й роздягнена, такъ и выскочыла зъ хаты.

Въ двори не було никого. Побачывшы хазяйку, Шарка загавкала ще дужче и побигла до перелазу на тикъ. Стручыха й соби за нею. Шарка зипъялася на перелазъ и гавкала туды. Стручыха зазырнула на тикъ. И тамъ никого. Скырты хлиба чорнилы середъ току якъ и попереду, за имы клуня вытыкалася своимъ верхомъ. И видразу Стручыси здалося, що тамъ зъ-за скыртивъ, коло клуни, чы що, блыснувъ якыйсь огнык... Сирныкъ може хто засвитывъ, або що...

— Злодіи хлибъ крадуть!—подумала жинка и прожогомъ ускочыла въ хату.

— Вставай, проклятый лежню! Злодіи!..

Вона вхопыла чоловика за ногы и въ одынъ ментъ истягла ёго мало не зовсимъ зъ полу. Винъ уразъ прокынувся зъ такои нисподиванкы.

— Тю, дурна! Чого ты?

— Злодіи хлибъ крадуть.

— Ну?!—винъ такъ и похоловъ.

— Чого ставъ? Бижы швыдче!

Воны выскочылы вдвохъ зъ хаты и кынулыся до перелазу.

Замисто злодіивъ воны побачылы на току вогонь. Теперъ уже выдко було, якъ винъ выбывався зъ пидъ стрихы и червоными пасмамы бигъ по соломъяній клуни.

— Ратуйте, люде добри!.. Пожежа!..—крыкнувъ Струкъ и кынувся на тикъ. Але заразъ же заплутався у якыйсь хмызъ и впавъ. Устаючы, винъ чувъ, якъ ёго жынка гукала вже въ Сывашевому двори: „Ратуйте!" и грюкала въ викно, ажъ шыбкы бряжчалы. Потимъ побигла по вулыци, стукаючы въ викна й крычучы:

— Ратуйте!.. Горымо!.. Ратуйте!..

Струкъ тымъ часомъ пидбигъ до клуни. Увесь задній ригъ іи вже горивъ, полахкаючы полумъемъ та дымомъ. Вже ажъ пидбигшы до полумъя, Струкъ зрозумивъ, що не може ничого зробыты, бо прыбигъ зъ порожнимы рукамы. Метнувся назадъ по воду. Вхопывъ у хати видра, збудывъ дочку й наймычку, що спалы въ синяхъ.

Тымъ часомъ Денысъ та Зинько, прокынувшыся видъ Стручышыного грюкоту й крыку, повыскакувалы зъ хаты. Зырнувшы на тикъ, воны побачылы на своіи клуни одсвитъ одъ Струковои пожежы и подумалы спершу, що горыть ихъ власна клуня. Але надбигшы до половыны току, побачылы, що помылылыся: садкы Сывашивъ та Струкивъ, що булы мижъ двома клунямы, выдко було наскризь отъ пожежы на току въ сусиды. Похапавшы видра зъ водою, браты кынулысь до Струка.

Прыбиглы на пожежу разомъ зъ нымъ и выхлюпнулы на вогонь вси трое по видру воды. Бухнуло вгору дымомъ, але за мыть вогонь загравъ ще дужче, ясно осяваючы тикъ, дворы, вулыцю. Провулкомъ, вулыцею й городамы вже скризь збигався народъ, збудывшыся видъ Стручышыного лементу. Бильша частына бигла зъ видрамы, хто зъ сокырою, а хто й зъ порожнимы рукамы. Почався крыкъ, плачъ, метушня. Де хто метнувся по пожарку. Стручыха бигала й голосыла. Струкъ ходывъ одъ чоловика до чоловика й благавъ:

— Люде добри, поратуйте! Тамъ же мій хлибъ!.. И на току хлибъ!.. Мы жъ у старци пидемо!..

Але що моглы зробыты си люде? Бигалы, носылы видрамы воду, хлюпалы на вогонь, а винъ горивъ усе дужче. Суха солома, якъ порохъ, бралася вразъ огнемъ, скоро винъ до неи доторкався. Пожаркы все не було.

Тымъ часомъ Денысъ кынувъ гасыты, бо вже й безъ ёго народу тòвпылось багато, та й сипнувъ свата Манойла за рукавъ:

— Треба паліивъ шукаты. Це немынуче пидпалъ.

Горило такъ ясно, шо скризь було выдко якъ у-день. Воны почалы дывытыся, чы не выдко де слидивъ. Биля самои клуни вже ничого не можна було розибраты, бо скризь позатоптувалы люде. Воны видійшлы трохы дали—Денысъ до горбдивъ на нызъ, а сватъ Манойло до садка—и почалы прыдывлятыся.

— Ось! ось!—крыкнувъ уразъ Манойло.

Денысъ пидбигъ до ёго. На сырій видъ осиньои вахкосты земли выразно вытыскалыся слиды пары городянськыхъ чобитъ на крывый копылъ, зъ высокымы коркамы.

У Деныса й очы засвитылыся, якъ винъ побачывъ ихъ. Винъ побигъ до-дому и прынисъ лыхтарь. Пыльнуючы слиду, пишлы за имъ ажъ до перелазу въ Струкивъ садокъ. Зазырнулы черезъ перелазъ—слидъ и тамъ. Денысъ, поспишаючысь, перескочывъ черезъ перелазъ, воны перешлы увесь Струкивъ садокъ, тоди Сывашивъ и врешти перелизлы на Сывашивъ тикъ. Слидъ йшовъ черезъ тикъ наче до воритъ, що булы зъ току

въ провулокъ, але тоди выразно завертавъ до Сывашевои клуни, обходывъ іи кругомъ и зныкавъ передъ воритьмы въ неи. Въ клуни хлиба вже не було, вона була незамкнена, але Денысъ добре памъятавъ, що винъ замисто замка заложывъ килокъ. Теперъ килочокъ було вытягнено, выдко було що ворота видчынювано.

— Бачыте?—пошыпкы казавъ Денысъ.—Винъ тутъ. Хотивъ утекты воритьмы въ провулокъ, та мабуть або насъ изъ Зинькомъ на току побачывъ, або вже люде провулкомъ биглы, дакъ винъ завернувся та сюды й сховався. Я постою тутъ, а вы бижить людей клычте.

Манойло побигъ, а Денысъ накынувъ знову ворота и заложывъ килкомъ. Винъ бувъ цилкомъ певный, що піймавъ злодія, и боявся, щобъ той, одразу выхопывшыся, не втикъ у ёго зъ рукъ.

Манойло повернувся незабаромъ, ведучи за собою чоловика пъять людей.

— А що? де? якъ?—пыталыся вси.

— Тутъ вовчыкъ! Піймався!—казавъ Денысъ.—Увиходьте обережно, щобъ не выскочывъ.

Не дуже видчыняючы ворота, вси поввиходылы и знову ихъ зачынылы. Тоди почалы обдывлятыся скризь у клуни. Никого не було выдко.

— Шукайте въ соломи!—сказавъ Денысъ.—Свитить лышъ!

Почалы роскыдаты солому, топтатыся по ій,—никого не було.

— Що за знакъ? здывувалыся люде.—Отъ же чы не помылывся ты, Денысе?

Але Денысъ певный бувъ, що не помылывся.

— А отъ ходить туды!—сказавъ винъ и повивъ людей у найдальшый кутокъ, де такожъ лежала купа соломы. Манойло прысвитывъ, а Денысъ одкынувъ верхній шаръ соломы. Передъ шукачàмы зачорнила людська спына й голова. Чоловикъ лежавъ ныць, урывшыся въ солому, сховавшы облычче въ рукы.

— А ну лышъ уставай!—крыкнувъ Денысъ и вдарывъ невидомого чоботомъ у бикъ.

Той здригнувся, але не вставъ.

— Треба ёго звесты,—сказавъ Тонконоженко и вдвохъ изъ Денысомъ ухопывъ чоловика пидъ груды, зводючы ёго на ногы. Невидомый не пручався, але й не встававъ, а бувъ здоровый, и воны вдвохъ ледви здужалы поставыты ёго. Винъ стоявъ, але не видтулявъ видъ облычча рукъ.

— Чы ба! неначе дивка на сватанни,—засоромывся!—сказавъ Денысъ.—А ну бо покажиться паничу, яки вы есть!

И винъ вразъ ирвонувъ ёму рукы видъ облычча.

Тоди видступывъ ураженый: передъ имъ стоявъ Романъ.

— Э-ге-ге! та се Романъ!—скрыкнувъ Манойло, а за имъ и инши люде.—Дакъ онъ хто! Ну, вовчыку-братику, теперъ попався!

— Чого вы до мене прычепылысь?—озвався Романъ хрыпкымъ голосомъ, дывлячыся несамовытымъ поглядомъ.—Що я вамъ изробывъ? Я ничого не знаю... Я прыйшовъ у село и тутъ хотивъ заночуваты...

— Добре! добре! Колы ты не знаешъ, то мы тоби покажемо, що ты зробывъ. Ходимъ лышъ!

Кильки рукъ ухопыло ёго мицно и потягло зъ клуни до пожежы.

Винъ не пручався, йшовъ, перелазывъ черезъ перелазы, але часомъ казавъ:

— Пустить мене до батька... Я прыйшовъ до батька и заночувавъ у клуни...

— Эге!—глузувалы зъ ёго,—бувъ бы жъ у хату йшовъ, а не въ клуню!.. Колы за батька озвався!.. А то такъ не знавъ, чы е въ ёго батько.

Якъ воны пидводылы Романа до пожежы, то вже всю клуню обнимавъ огонь и вона палахкотила до темного неба велычезнымъ огнянымъ стовпомъ. Маленька пожарка брызкала на неи тоненькою течійкою воды, и та вода, ничого не погасывшы, заразъ же бралася парою и зныкала, вкупи зъ дымомъ у по-

витри. Килькы душъ чеплялы двома гакамы за клуню, сылкуючыся іи ростягты, але ничого не пособлялося, бо сухе пересыпане соломою дерево горило, упавшы купою на землю.

— Бережысь! Бережысь!..—роскотылыся середъ стовпыща перелякани голосы.

Пидгорили кроквы затрищалы зъ одного боку, вся покривля вразъ скрывылася нà бикъ, посунулась однымъ прычилкомъ унызъ, спынылася на хвылыну, потимъ страшенно затрищала зъ другыхъ бокивъ и провалылась на ызъ, у середыну, розвалявшы стины стодоли. Бухнувъ дымъ чорною хмарою, покрываючы собою й полумъя; на вси бокы повіяло рясным дощемъ величезныхъ искоръ, шматкивъ горючои соломы, розкыдаючы ихъ на людей и по за людей. Стовпыще опынылося середъ завирюхы дыму й искоръ, залементувало, закрычало й шарахнуло видъ клуни геть. Але полумъе вже знову звылося высоко, жарко лыжучы чорни челюсты вночышнёго темного неба. Дымъ розвіявся, и люде знову насунулы блыжче, галасуючы, клопочучысь и ничого путнёго не роблючы, безсыли щось изробыты. Въ цю мыть по-задъ ихъ загукано:

— Пустить! Пустить!.. Палія ведемо.

И продыскаючыся по мижъ натовпомъ, купка лыдей вытягла Романа ажъ до самого вогню.

— Хто се?.. Хто?.. Романъ!.. Сывашенко Романъ!—почувся крыкъ, и люде, зацикавлени й розлютовани, насувалы блыжче, щобъ подывытыся на злочынця. Тонконоженко зъ Манойломъ поставылы Романа саме передъ огнемъ. Старый, увесь сывый, дидъ Карпо стоявъ передъ Романомъ.

— Романе!—сказавъ винъ, показуючы на пожежу,—чы твій то грихъ?

— Ни.

— А хто жъ бы то зробывъ, колы бъ не ты? Прызнайся, твій то грихъ?

— Ни.

Вразъ, зовсимъ зъ другого боку, почулыся якись крыкы и скудовченый, задыханный чоловикъ выбигъ на передъ, репетуючы:

— Кони поведено!.. Кони!..

— Кони?.. Яки кони? Шо ты кажешъ?—озвалося навкругы.

— Трое коней... У Панаса... Вывелы та й подалысь... Наши побиглы верхы навздогинъ.

Люде на мыть затыхлы. Тоди мовъ буря вдарыла своимъ дужымъ крыломъ по хвыляхъ, и заревлы воны, зашумилы,—такъ у-разъ озвалося, загаласувало, зелементувало, лютуючы, стовпыще:

— Дакъ онъ воно що!.. Одынъ палыть, а други тымъ часомъ кони ведуть!.. Убыть ёго!.. Якъ собаку!..

Розлютована юрма насувала на Романа, а двое здоровенныхъ чоловикивъ мицно держало ёго. Червони видъ полумъя облычча, повырячувани страшни очы, стыснены въ кулакъ рукы... ще мыть—и кынулысь бы вси, щобъ розирваты того, хто теперъ не мавъ уже сылы ни шкодыты, ни боронытыся.

Але дидъ Карпо, махнувъ рукою:

— Стрывайте, стрывайте!—гукнувъ на людей.

На мыть уси спынылыся, а винъ знову почавъ пытаты Романа.

— Романе! Прызнайсь хочъ теперъ! Твое се дило?

Романъ одну мыть мовчавъ... Якъ блыскавка швыдка, промайнула въ ёго въ голови думка: Выявылось!.. Колы прызнаеться,—може не катуватымуть. И винъ промовывъ хрыпкымъ здавленнымъ голосомъ:

— Мое... Выненъ...

И вразъ учынылося щось незрозумиле й несподиване, щось безъ миры не людське.

Натовпъ знову сколыхнувся, залементувавъ, завывъ... Десяткы рукъ простяглыся до Романа, вырвалы ёго въ тыхъ, хто державъ, и штовхнулы, мало не кынулы ёго туды, просто въ полумъе.

Чоловикъ пирнувъ въ огонь, щезъ у ёму, и тилькы страшный крыкъ озвався звидтиля.

Але за мыть винъ уже выскочывъ назадъ, дымлючы, тліючы одежею, волоссемъ.

Але стривъ передъ собою несамовыти по-звирячому люти облычча, и дужи немынучи рукы знову кынулы ёго въ пекло.

Винъ такъ саме выскочывъ удруге. Винъ уже горивъ.

— Скажени! Що вы робыте?—скрыкнувъ Карпо и, вхопывшы видро воды, вылывъ на Романа. Одежа погасла, тилькы дымила.

Безщасный стоявъ и трусывся зъ болю, зъ нелюдського страху.

— И правда,—озвався хось,—на що ёго палыть? Тилькы одвичать будемо.

— А що жъ, помылуваты ёго, чы якъ?—крычалы инши.

— Намъ треба, щобъ винъ свое товарыство выказавъ, щобъ гниздо вовче выдушыты.

— Правда! Правда!

— Ну дакъ чого жъ вы дывытысь? Розуйте паныча гарненько та погрійте ёму панськи нижкы—покы прызнаеться.

Ще порадныкъ не доказавъ до краю, а вже зъ Романа стягнено обгорили чоботы, хтось розгрибъ купу жару. Четверо людей ухопыло недогорилого чоловика и поставыло босымы ногамы на жаръ. Мордованный пручався, одбывався, звывався якъ вужъ у рукахъ у своихъ ворогивъ, але въ натовпу була бильша сыла, нижъ у ёго самого. И въ той часъ, якъ ногы ёму горилы, ёго страшны зъ мукы очы бачылы передъ себе спокійну Денысову постать...

— Прызнавайсь! Ты попереду кравъ кони?

— Я.

— Хто въ тебе товарышы булы?

— Я самъ! Все, що у васъ було попереду крадене, все то я самъ!.. Всё!.. Никого товарышивъ не було!.. Пустить мене!.. Пустить!..

Те страшне „Пустить!“ покотылося далеко, и ёго почувъ Зинько. Такъ трапылося, що винъ саме въ цей часъ бувъ далеко,—то коло хаты, то биля стогивъ, укрываючы ихъ мокрымы ряднамы, и ничого не знавъ про Романа. Почувшы теперъ те

нелюдське „Пустить!“, винъ кынувся крizь натовпъ, роскыдаючы, валяючы людей.

Романъ, босымы ногамы на жару бывся въ рукахъ у своихъ кативъ, а Денысъ стоявъ проты ёго и мовчкы дывывся.

Одным скокомъ Зинько штовхновъ двохъ одъ Романа, а двое другыхъ, зъ несподиванкы, пустылы мордованого зъ рукъ. Винъ выскочывъ зъ жару.

— Каине проклятый!—крыкнувъ Зинько на Деныса,—брата вбываешъ! А вы, душогубы!—повернувся до людей,—катюгы! Що вы робыте? Чы вы забулы Бога й совисть? Геть, звиры люти, бо першого, хто ёго займе, я самого кыну въ полумъе!

Вражене стовпыще на мыть прытыхло. Але тилькы на мыть.

— Що вы ёго слухаете? Такого вовцюгу жалиты? Печить, покы выкаже всихъ!

И знову штовхнулы Романа, и винъ упавъ рукамы просто на жаръ...

И вразъ стовпыще мовъ розбылось на двое, пропускаючы когось, хто бигъ сюды, мовъ ёго гнала якась надмирна сыла. Дивчына задыхана, зъ розмаяным одъ довгого й швыдкого бигу волоссемъ, выскочыла передъ пожежу... Романъ пидводывся зъ огню... Дыки очы, зминене тяжкымъ болемъ облычче, почорнила голова й рукы, си страшни попечени, пошмугляни въ боротьби кривави рукы, а зъ ихъ высила обгорила шкура...

Голосъ вырвався зъ грудей зъ надлюдською сылою, покрываючы и гоминъ стовпыща, и гукотъ пожежы однымъ несамовытымъ, божевильнымъ крыкомъ, и дивчына впала якъ мертва додолу, пидъ ногы стовпыщеви.

ЭПИЛОГЪ.

Трое суддивъ, прокуроръ судовый и секретарь посидалы за довгый стилъ, покрытый червонымъ сукномъ. Ливоручъ одъ ихъ, на двохъ мнякыхъ канапахъ, сыдилы прысяжни. Просто суддивъ, за ба-

ріеромъ, посила пу́блика, кильки панночокъ и паній, що, не вдовольняючыся зъ эротычно-патологичныхъ друкованыхъ повистей, прыйшлы, чы не пощастыть послухаты ще кращыхъ зъ жывыхъ устъ на суди; двое-трое панычивъ, якыйсь репортеръ, кильки мищанъ... Праворучъ стояло зроблене зъ дерева щось пидхоже до клиткы зъ двома загородкамы; въ одній було ще порожнё, а въ другій, зипершысь на пультъ, сыдивъ оборонець одъ суду.

Звелено ввесты обвынованенныхъ.

Первый увійшовъ высокый кремезный чоловикъ у сирій рештанській куцыни, зъ чорною, въ тюрми зрослою, бородою. Увійшовъ и ставъ ривно, выпроставшысь якъ салдатъ на муштри. Сылкувався трыматыся непорушно, але ёго очы турботно перебигалы видъ суддивъ до прысяжныхъ и знову до суддивъ.

За имъ увійшла дивчына. Насунута напередъ била хустка ледви давала бачыты худе змучене облычче; іи очы дывылыся до-долу, и довги віи выразно лягалы на билыхъ якъ биль щокахъ. Нервово закрывала свои схудли груды гыдкою сирою рештанською свытою.

Пытають ихъ про имъя. Ёго звуть Романъ Сывашъ, іи—вона каже: Левантына, судця выправляе—Валентына Тополивна.

Выбрано прысяжныхъ: двое мужыкивъ, чотыри миськи крамари, а то якись панкы-урядовци. Секретарь чытае про обвынованенныхъ—чымъ воны вынни.

Розсказуеться усе поряду, якъ Романа Сываша піймано на пидпали, якъ самъ винъ прызнався въ злочынстви та ще й у тому, що кравъ кони. Мають судыты ёго за пидпалъ и за кони.

Валентына Тополивна пособляла ёму. Се було выдко ось изъ чого. Вона мусыла буты въ гőроди, у хазяина въ наймахъ, а опынылася въ Дыбляхъ, на пожежи. Тамъ іи такъ уразыло мордування надъ Романомъ Сывашемъ, що впала непрытомна и зъ мисяць була писля того хвора. Дослиджуючы справы Сывашевои, слидчый натрапывъ на сю подію и выяснывъ, що Тополивна була коханкою Сывашеви, що іи бачено разъ-у разъ

изъ имъ, що вона жыла въ Струкивъ, була зла на ихъ, бо воны не виддалы ій усихъ заробленныхъ грошей; знаючы все въ двори у ихъ, могла провесты туды Сываша на пидпалъ. Дійшовшы до цёго высновку, слидчый звеливъ забраты Тополивну до тюрмы, скоро вона одужала, и оце теперъ мають іи судыты.

Романъ Сывашъ каже, що винъ выненъ, але самъ винъ, бильше никого зъ имъ не було. Хочъ ёго тоди мордовано такъ, що потимъ два мисяци въ ликарни гбено, але й тоди, и теперъ винъ каже одно: тилькы винъ самъ и вынень, бильше нихто.

Левантына Тополивна каже ледви чутнымъ голосомъ, що вона не вынна.

Прыводють свидкивъ. Середъ ихъ нема ни одного, хто мигъ бы сказаты щось доброго про Романа або про Левантыну. Слидчый дбае про те, щобъ обвыновачено, а не про те, щобъ выявлено невынность тыхъ, кого винъ посылае въ судъ.

Першый свидокъ—Денысъ Сывашъ. Судъ каже, що винъ може не свидчыты, бо винъ братъ обвыноваченому, але Денысъ самъ того хоче. Винъ почынае росказуваты про брата, якъ той ничого не робывъ, обкрадавъ усихъ и врешти пидпалывъ. Оповидае всю подію зъ пожежею, але каже, що Романа нихто пры ёму не мордувавъ, що самъ винъ прызнався въ своихъ злочынствахъ. За имъ идуть инши свидкы, селяне зъ Дыбливъ, и вси воны кажуть те, що й Денысъ. Про Левантыну вси говорють, що вона справди була коханкою Романови, мала видъ ёго дытыну, пишла слидкомъ за имъ у гбродъ и вернулася на село тіеи жъ ночы, що й Романъ.

Писля селянъ — городяне. Се найсампередъ Квасюкъ. Винъ каже, що не одынъ разъ бачывъ, якъ Романъ прыходывъ до Левантыны, бачывъ, якъ воны вдвохъ по гброду ходылы, а за ничъ передъ пожежею Левантына втекла видъ ёго не знаты зъ чого. Квасючка свидчыть, що Левантына була дивчына негарна, гуляща, линыва; що якъ вона покынула ихъ, то чымало де-чого въ хазяйстви не стало.

— Бога бійтесь, хазяйко...—почынае щось Левантына, але найстаршый суддя спыняе іи, кажучы, що вона може пытаты свидкивъ тилькы черезъ его. Левантына не розуміе, змовкае и вже бильше не пытае ничого, а тымъ часомъ свидчыть той хазяинъ, де Романъ на кватери бувъ, що бачывъ Левантыну въ Романа вранци—лыбонь вона въ ёго й ночувала.

Якыйсь прысяжный пытается въ Левантыны—чого вона опынылася тіеи ночы въ Дыбляхъ? Вона каже, що хотила перестерегты про пожежу.—По чому же вона про це знала?—Довидалась видъ Романа.—А чого вона була въ Романа?—Вона червоніе й мовчыть. Прысяжни й судди певни, що вона все бреше.

Почынае говорыты прокуроръ. Ёму лехко обвыновачуваты Романа Сываша, бо выдко ёго провыны. Але якъ на ёго думку, то й Левантына не може буты невынною. Зопсована линыва дивчына покыдае однихъ хазяивъ, покыдае другыхъ, охоча до того, щобъ и чуже заняты, вона знаходыть соби такого жъ коханця, якъ и сама, иде за имъ слидкомъ у городъ и хочъ жыве окремо, але разъ-у-разъ изъ имъ бачытся, а врешти й пособляе ёму въ страшній злочынській подіи—запалыты село, щобъ покрасты кони. Що жъ до іи певнення, мовъ бы то вона прыбигла на село перестерегты про пожежу, то, знаючы все инше, мы можемо тилькы дывуватыся тій безсоромности, яка дозволяе ій такъ нахабно перекручуваты правду. Выдко цилковыто зопсовану душу, и не можна таку небезпечну громадянству людыну лышаты на воли, щобъ вона могла й дали шкодыты людямъ. Не можна виддаваты нашъ безпорадный убогый народъ на хыжацьтво цимъ ворогамъ людського добробуту. Паліи й коноводы, се—найбильши ворогы нашому мужыкови, и кому дороге ёго щасте, кому дорогá мужыцька кривава праця, той мусыть обвыноватыты не самого Романа, а й Левантыну, бо скилькы зъ погляду вона невынна й гарна, стилькы вона злочынныця въ души. Черезъ те винъ сподивается, що прысяжни не дадуть ніякои пильгы имъ обомъ. Винъ говорыть гарно, малёвнычо, зъ запаломъ и сидае вдоволеный зъ себе, рахуючы самъ соби, що колы пры-

сяжни послухаются ёго, то Сывашъ пиде на каторгу, а Левантына на засланне въ Сибиръ.

Встае оборонець. Винъ самъ (думкою) за малымъ не цилкомъ згожувався зъ прокурором що до провынъ обохъ обвынованеныхъ, але мае обороняты ихъ и говорыты проты прокурора, то й говорыть, сылкуючыся зкорыстуватыся зъ усёго, зъ чого можна, щобъ якось выправыты тыхъ, кого бороныть.

Пытають обвынованеныхъ, чы не скажуть ще чого. Романъ мовчыть, Левантына говорыть тилькы:

— Я ничого не знаю... Я ничого не робыла... и змовкае, плачучы.

Говорыть довго найстаршый суддя. Каже, що хоча Романа й помордовано, але за се вынни видбудуть належну кару, а прысяжныхъ се мордуванне не повынно спыняты, колы бъ вони схотилы обвыноватыты Романа: се мордуванне не есть обвыновачоному кара, бо воно беззаконне, черезъ те ёго не можна рахуваты, ёго передъ закономъ нема, а треба Сывашеви накынуты кару законну...

Выходють прысяжни, судъ, зъ половыны й публыка. Романъ та Левантына зостаются тамъ, де й булы, и коло ихъ два салдаты зъ шаблямы.

Левантына сидае знеможена. Вона ничого не зрозумила зъ усіеи ціеи судовои справы. Розумила тилькы, що іи хочуть покараты. Але вона сыдила у тюрми, и тамъ ужъ ій росказано що значыть, колы прысяжни визьмуть паперъ и пидуть у свою хату.

Вона мае ждаты прысуду.

Вона ёго дожыдала вже пъять мисяцивъ у тюрми. Пъять довгыхъ страшныхъ мисяцивъ.

Тяжко видбуваты кару навить за зроблену провыну. Ще тяжче видбуваты іи невынному. А надто тяжко, а страшно якъ загынъ душы—видбуваты іи видъ людей за те, що схотивъ пособыты людямъ.

Левантына видбувала іи за це.

Вона все життє видбувала кару.

Малою—якъ була попыхачемъ-байстрючкою, ображуваною й крывдженою.

Дорослою сыротою,—тыняючыся по наймахъ, зазнаючы тяжкои роботы, бійкы, лайкы и того, що гирше за все це.

Коханкою,—виддавшы все тому, хто занапастывъ іи.

А врешти теперъ, — схотившы обороныты людей видъ ворожого заходу.

Це бувъ кинець и винець іи земныхъ прыгодъ, найвыща болюча нота въ тужлывій писни іи змученного жыття.

Найвыща и остання.

Гостро вдарывъ дзвоныкъ.

Сповнылась свитлыця людьмы.

Ввійшлы прысяжни.

Воны обвыноватылы Романа, а Левантыну... Воны булы добри: вси, опричe одного, булы певни, що вона вынна, не може не буты вынна, але пожалилы іи, помылувалы...

Але що ій зъ того?

Вона вернулася до тюрмы, щобъ скынуты арештаньську одежу, и скоро дійшла до свого мисця, що на ёму промучылась убываючы свое тило й душу, пъять мисяцивъ, упала и не могла встаты. Занедужала тяжко и вже не звелась на ногы николы. Зинько, прыйихавшы по неи зъ села, не побачывъ навить іи могылкы.

Умерла середъ похмурыхъ огыдныхъ стинъ зъ кгратамы.

Ни одынъ соняшный проминь не осяявъ ій облычча въ часъ смертный.

Ни одна ридна щыра рука не стыснула ій рукы.

Надъ нею схылылысь тилькы попсовани неволею й грихомъ облычча.

Се булы облычча такыхъ безщастныхъ, якъ и вона... хочъ и не такыхъ прекрасныхъ и чыстыхъ душею.

Тыхо и тяжко и сумно безъ миры затыхала й затыхла писня покрывдженого людського жыття.

Безъ сонця затыхла, и те, що творыло ту писню, сховалося въ земли пидъ невелычкою могылкою на острожному кладовыщу.

Безъ сонця вмерла дивчина, и тилькы іи могылку цилуе сонце. Воно свитыть ясно и добрымъ, и злымъ; свитыть и на іи могылку, и Романови въ далекому Сибиру, и тымъ, що видбувають кару за ёго мордуванне, и тымъ, кого судють, и тымъ, хто судыть. Сяе однаково и надъ хатамы, и надъ городянськимы будынкамы — скризь, де люде зробылы соби зъ шырокого й ясного свиту тисный свитъ неволи й темрявы, звирячои боротьбы за шматокъ хлиба, за право жыты — тамъ, де щедра рука могучои прыро́ды розлыла багатство жыття и способивъ до жыття, и де люде сылкуются всима можлывымы заходамы завдаты одынъ одному яко мога бильше мукъ, неволи й крывды.

Думкы про се не покыдають и Зинька.

Сумно теперъ у Сывашевій симъи.

Денысa вже тамъ давно нема: не моглы простыты ёму, що не оборонывъ Романа, самъ оддавъ на мордуванне. Жыве Денысъ окремо, багатіе. Старый батько згорбывся, билый якъ молоко зробывся, за малый часъ зовсимъ постарився. Осумнивъ и Зинько и, вкупи зъ батькомъ та зъ матиррю, часто згадуе и Левантыну бидолашну, и безщасного Романа, що блукае въ холодному Сибиру, нудьгуючы за риднымъ краемъ. И думае Зинько про те, чы то Божа воля, чы то люде самы такый ладъ про мижъ себе завелы, що якъ кому такъ и гарно середъ ёго жыты, а якъ кому, дакъ ніякъ не можна. И треба бъ, щобъ краще зробыты, та якъ?

Думае по простому, по мужыцькому, але ёго думкы займають зглыбока те, що не дае спокою всимъ чеснымъ душамъ, всимъ благороднымъ серцямъ, намученымъ загадкою людського жыття, натомленнымъ працею за для здійстнення людського щастя...

В. Гринченко.

У Чернигови, 1900.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

22. Позорное клеймленіе прелюбодѣевъ.

Просматривая протоколы козацкихъ судовъ, легко прійти къ мысли, что изъ всѣхъ заповѣдей Моисеева десятословія въ старой Малороссіи чаще другихъ нарушалась седьмая. Среди тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ едва-ли не самый значительный процентъ составляютъ дѣла о прелюбодѣяніи. Между тѣмъ самая многочисленность такихъ дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ порокъ отнюдь не пользовался привилегіей безнаказанности; напротивъ, и тогдашніе суды, и общественное мнѣніе съ патріархальною строгостью относились ко всякимъ проявленіямъ разврата и распущенности. Строже всего каралось чужеложство: мужчина за это присуждался къ смертной казни, а женщина —къ сѣченію у позорнаго столба на базарной площади и къ расторженію ея брака, если только ничего не имѣлъ противъ этого ея невиновный мужъ [2]). Простое прелюбодѣяніе, т. е. связь между свободными отъ брачнаго союза лицами, также иногда каралось смертью, но чаще—сѣченіемъ на площади, выставленіемъ у позорнаго столба, изгнаніемъ изъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 5.

[2]) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, очерки 12 и 13.

города, и въ рѣдкихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. Въ интересныхъ запискахъ извѣстнаго путешественника Павла Алепскаго, дважды посѣтившаго Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ, упоминается еще объ одномъ родѣ наказанія за прелюбодѣяніе. „Намъ говорили,—пишетъ онъ,—что всякій разъ, какъ поймаютъ въ этой козацкой странѣ въ прелюбодѣяніи мужчину и женщину, тотчасъ собираются около нихъ, обнажаютъ ихъ и садятъ какъ цѣль для пушекъ; это у нихъ неизмѣнный законъ, и никогда никто не увернется отъ этого наказанія". Но такого наказанія, т. е. разстрѣлянія изъ пушки, не существовало, и въ данномъ случаѣ Алепскій впалъ въ невольную ошибку. Очевидно, ему говорили о привязываніи виновныхъ къ позорному столбу или, то же, о приковываніи къ пушкѣ, а онъ могъ переиначить слышанное. Достойно вниманія, что въ концѣ XVII ст. въ Малороссіи жива была еще въ народѣ память о необыкновенно суровой карѣ за чужеложство, очевидно практиковавшейся въ болѣе раннее время, когда населеніе не знало еще другого суда и „права", кромѣ своего, „громадскаго",—именно о закапываніи виновныхъ въ землю заживо. Въ одномъ процессѣ 1693 г. есть упоминаніе о томъ, какъ мать предостерегала любовника своей замужней дочери, чтобы онъ никому не проговорился объ этой связи: „бо якъ дознается про те старшына, то певно черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани (т. е. на перекрестной дорогѣ) укопани". Въ этихъ словахъ звучитъ не только память о быломъ, но и увѣренность, что этотъ стародавній обычай еще можетъ имѣть примѣненіе.

Но судебныя кары, какъ бы ни были суровы, могутъ обуздывать развратъ въ его наружномъ проявленіи, но не въ силахъ преслѣдовать его, когда онъ скрывается подъ покровомъ тайны и потому легко ускользаетъ отъ самаго бдительнаго полицейскаго надзора. Но, какъ мы уже упоминали [1]), въ то патріархальное время правосудіе въ борьбѣ съ преступленіями имѣло дѣятель-

[1]) См. выше, очеркъ 2.

наго союзника въ лицѣ самого общества, вѣрнѣе—всей народной массы, неусыпный контроль которой надъ каждымъ изъ своихъ членовъ служилъ могучимъ средствомъ противъ размноженія всякаго рода преступленій. Для этого всевидящаго и всепроникающаго контроля нѣтъ и не можетъ быть ничего тайнаго, сокровеннаго. Извѣстно, какъ трудно и теперь еще въ условіяхъ сельской жизни укрыться отъ постороннихъ глазъ малѣйшей любовной шашнѣ, самому осторожному роману. Но современная народная масса, долгимъ опытомъ отъученная отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, поневолѣ пассивно относится къ творящимся на ея глазахъ безобразіямъ и ограничивается лишь пересудами по поводу ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и это дѣлать опасается. Не то было въ XVII ст., когда народныя понятія о дозволенномъ и недозволенномъ въ сущности и были правовымъ кодексомъ, обязательнымъ и для суда. А прелюбодѣяніе въ глазахъ народа искони почиталось тяжкимъ грѣхомъ, оскорбляющимъ Бога, навлекающимъ гнѣвъ Его и потому подлежащимъ строгому преслѣдованію. Поэтому всякій, кому было вѣдомо о чьихъ-либо безнравственныхъ поступкахъ, имѣлъ право прійти въ судъ и открыто выступить съ обвиненіемъ, памятуя лишь объ одномъ, что отъ него потребуютъ представленія неопровержимыхъ уликъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ „потварцею", клеветникомъ, и долженъ подвергнуться такому наказанію, какое по закону угрожало оговореннымъ имъ лицамъ. Чтобы запастись такими уликами, обычай дозволялъ обвинителю подстеречь подозрѣваемыхъ въ преступной связи и, пригласивъ свидѣтелей (а еще лучше—предупредивъ мѣстный урядъ), накрыть на мѣстѣ преступленія („застаты на злому учынку") и при этомъ обрѣзать обоимъ полы бѣлья или платья. Пойманные немедленно препровождались на урядъ для заключенія подъ стражу, а отрѣзанные куски платья представлялись въ судъ въ качествѣ „лица", или „признàки", считавшейся непререкаемой уликой въ дѣлахъ этого рода. Кто возбуждалъ обвиненіе, не запасшись такой уликой, тотъ, въ случаѣ запирательства обвиняемыхъ, всегда проигрывалъ дѣло;

наоборотъ,—кому обрѣзали полы, тѣ ничѣмъ уже не могли „отвестись" отъ обвиненія, ибо въ крайнемъ случаѣ обвинитель совмѣстно съ свидѣтелями, „якіе булы при застатьи", могли „присягою довести" справедливость обвиненія и этимъ окончательно „поконати" виновныхъ; но до присяги дѣло рѣдко доходило.

Ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ нѣтъ и помину о такомъ способѣ клеймленія лицъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. Несомнѣнно, это чисто мѣстный, народный обычай, какихъ много было выработано вѣковой практикой народнаго суда, но далеко не всѣ они впослѣдствіи были санкціонированы Статутомъ. Въ этомъ обычаѣ нужно различать двѣ существенныя черты: добываніе „лица" и клеймленіе захваченныхъ на преступленіи. „Лице", т. е. поличное, играетъ весьма важную роль въ южнорусскомъ обычномъ правѣ. Лит. Статутъ трактуетъ о важности „лица" лишь въ дѣлахъ о кражѣ и разбоѣ [1]), но въ практикѣ обычнаго права его примѣненіе можно указать почти во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, убійцу привязывали къ трупу убитаго и оставляли въ такомъ положеніи до суда, что̀ имѣло значеніе „лица". Въ тѣсной связи съ „лицемъ" находился обычай „личкованья"; о немъ нѣтъ и упоминанія въ Статутѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ его именно въ практикѣ статутовыхъ судовъ въ правобережной Малороссіи. Если владѣлецъ отыскивалъ украденныхъ у него или сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ, а тотъ, у кого они оказались, не хотѣлъ выдать ихъ безъ суда, то въ такихъ случаяхъ приглашался возный, и въ присутствіи свидѣтелей животныя подвергались „личкованію", т. е. имъ надрѣзывали уши (лошадямъ) или лапки (птицамъ) и это „личко" (отрѣзанныя части) вручалось возному для храненія „до права", что, очевидно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы животныя, о которыхъ

[1]) Статутъ 1588 г., разд. XIV, арт. 3, 5, 7 и др. и разд. XI, арт. 31 и 32.

шелъ споръ, не были подмѣнены другими [1]). Подвергали „личкованію" и преступниковъ, т. е. отрѣзывали имъ одно или оба уха, но это уже было однимъ изъ видовъ позорнаго наказанія за воровство. Малорусскій народный обычай отрѣзыванія полъ у лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, одновременно совмѣщалъ въ себѣ и признаки „лица", т. е. преступленія, и „личкованія", т. е. клеймленія съ цѣлью лишить преступниковъ возможности замѣнить себя на судѣ другими лицами [2]), и наконецъ—позорнаго наказанія. Послѣдній характеръ этотъ обычай удержалъ до конца своего существованія, т. е. почти до нашихъ дней. Еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ въ глухихъ углахъ Малороссіи нерѣдко водили по селу въ позорной процессіи лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, предварительно обрѣзавъ имъ „пелену", т. е передній подолъ сорочки.

—

Весною 1694 года въ с. Ивончинцахъ, что близъ Полтавы, распространился слухъ, что къ мѣстной козачкѣ-вдовѣ Педорѣ Пилипихѣ „що-вечора" ходитъ козакъ Васыль Кибаленко. Дошелъ этотъ слухъ и до Ивончинецкаго атамана Руденка, и вотъ онъ заходитъ поздно вечеромъ къ мѣстнымъ жителямъ Юрку Коломійченку и Ѳедору Уласенку и говоритъ имъ:

— Пидите и піймайте Пылыпыху зъ Кыбаленкомъ, бо теперъ, якъ люде повидаютъ, певне застанете обохъ на сквернимъ учынку. Я вамъ и третёго осавульця до того прыдамъ.

Пошли они втроемъ на дворъ къ Пилипихѣ, посмотрѣли въ хату—тамъ никого не оказалось. Подошли затѣмъ къ „комбрѣ"—слышно, внутри кто-то шепчется.

— Такъ и есть! рѣшили соглядатаи: Це жъ Педора зъ Васылемъ. А ну, Юрку, свиты лыхтарь (фонарь), та будемо высажуваты двери.

---

[1]) Актовая книга Луцкаго гродскаго суда 1573 г., № 2047, л. 378.

[2]) Весьма возможно, что захваченные прелюбодѣи и на судъ представали съ отрѣзанными полами, хотя прямого указанія на это въ актахъ мы еще не встрѣтили.

Подошли съ фонаремъ—и что же? Дверь оказалась запертой снаружи висячимъ замкомъ. Оторопѣли на минуту соглядатаи. Какъ же такъ? Въ коморѣ какъ-будто есть кто-то, а на дверяхъ виситъ замокъ! Ужъ не почудилось ли имъ, будто тамъ кто-то шептался? И хотѣли было уходить ни съ чѣмъ, но Педора сама себя выдала. Узнавъ по голосамъ пришедшихъ и догадываясь, зачѣмъ они пришли, она начала бранить ихъ:

— Або я якая нецнота, що до дому мого ходыте мене перестеригаты?

Теперъ посланцы уже не сомнѣвались ни въ чемъ: если Педора какимъ-то чудомъ оказалась въ запертой снаружи коморѣ, то навѣрное она тамъ не одна.

— А ну, Юрку, бижы за сокырою та будемо выстановляты двери.

Видя, что дальнѣйшее запирательство приведетъ лишь къ тому, что ей напрасно сломаютъ дверь, Пилипиха перемѣнила тонъ и стала просить:

— Люде добри! Не псуйте дверей, а визьмите въ хати за мысныкомъ ключъ.

Достали ключъ и вошли въ комору. Тамъ оказалась не одна хозяйка, но и Васыль Кибаленко. Имъ обоимъ тотчасъ обрѣзали полы платья.

— Люде добри, змылуйтесь! Нате вамъ пивчварта золотого, тилко не ведить насъ до старшыны.

Тѣ обѣщали отпустить ихъ съ миромъ и никому не говорить о случившемся, но, получивъ деньги, обманули и отвели „до сильского ратушу". А на другой день Пилипиха съ Кибаленкомъ подъ стражей были доставлены въ Полтаву и предстали предъ полковымъ судомъ.

Судьи допросили свидѣтелей „поединцемъ" (отдѣльно каждаго) о томъ, какъ именно были „зъимани" подсудимые, и тѣ согласно разсказали обстоятельства дѣла и при этомъ „презентовали" суду „лице", т. е. отрѣзанныя полы. Были спрошены и подсудимые:

— Для чого бы такъ, на Пана Бога и на карность посполитую не уважаючы, допустылыся злого порубства?

Педора Пилипиха отвѣтила:

— А що-жъ, панове, грихъ мене спиткавъ: хотила-мъ оного Васыля за мужа поняты и для того ёму прыпустылася на грихъ, за которымъ власне зъ тыждень жыла. Вильно вамъ, панове, що хотиты зъ намы чыныты: проступылысьмо Богу и карносты годни есьмо.

Васыль Кибаленко ничего не сказалъ въ свое оправданіе.

Судъ постановилъ декретъ: „запобигаючы, абы впередъ Кибаленко и Пилыпыха булы одъ злого повстягнени (удержаны) и до спросностей злыхъ не удавалысь, наказуемъ оныхъ значною публикою, то есть столповымъ вязенямъ, обохъ скараты, пры заплаченю вины належытои панскои и врядовои".

—

Итакъ, не смотря на суровыя кары закона и всеобщій надзоръ, презирая страхъ ежеминутно грозившаго позора, находились все-таки женщины (о мужчинахъ скажемъ послѣ), отваживавшіяся на крайне опасный въ то время путь любовныхъ увлеченій. Но это не были жрицы свободной любви. Не склонность къ разврату или половая распущенность, а несовершенства тогдашняго семейнаго и общественнаго строя чаще всего толкали ихъ на эту опасную дорогу. Это были на первомъ планѣ—вдовы. Извѣстно, каково безпомощное положеніе вдовы въ теперешнемъ крестьянскомъ быту; не лучше была ея участь и въ старое время. Эта горькая безпомощность и понуждала вдову всѣми мѣрами найти себѣ мужа, и ее не трудно было обольстить, посуливъ ей законный бракъ. Не знаемъ, какихъ именно лѣтъ была Педора Пилипиха, когда затѣяла романъ съ Кибаленкомъ; но вотъ предъ нами вдова—пожилая женщина, однако и она прибѣгла къ тому же опасному средству, чтобъ только залучить себѣ мужа, хотя бы и невѣнчанаго.

23. Вдова, не получившая дозволенія вступить въ четвертый бракъ.

Въ январѣ 1694 г. пришелъ въ ратушу полтавскій житель, козакъ Дорошъ Андрущенко и говоритъ бурмистру:

— Колы бъ послаты до удовы Мартыныхы Крыворотои миськыхъ слугъ, моглы бъ воны зъимаmы еи на чужолозтви, бо видаю певно, що у неи Иванъ Трохыменко, сердюкъ пихотного полку пана Кожуховського, ночуе.

Бурмистръ доложилъ объ этомъ войту, и тотъ далъ дозволеніе послать: Семена, сторожа арматного, Гнылку, „воротного“ замкового, и Леська „асаульця“; это и были „слуги мѣскіе“, состоявшіе въ распоряженіи магистратскаго уряда и нерѣдко исполнявшіе полицейскія обязанности.

Въ полночь эти слуги, вмѣстѣ съ Андрущенкомъ, отправились въ домъ Мартынихи, отбили дверь и нашли сердюка Трохименка на чердакѣ, босого и „въ едній кошули“, а его жупанъ и „чоботы“ оказались „на лижку“ (кровати) Мартынышиномъ. Ему дали одѣться, затѣмъ обрѣзали обоимъ полы платья и отвезли въ ратушу.

На другой день интересная пара предстала на судъ. Мартыныху Криворотую спросили:

— Чому бъ ты такъ, не памятаючы на боязнь Божую и на карность посполытую, важылася пры старости литъ своихъ до такои спросносты удатыся? И одъ которого часу зъ тымъ Сердюкомъ, пополняючы таковый грихъ, ты жыла?

Мартыныха „безъ усякого заприняся“ (запирательства) призналась:

— А що жъ, панове, грихъ мене спиткавъ тяжкый. Просыла я пречестного отца протопопу полтавского, щобъ мене зъ запорожцемъ четвертымъ бракомъ звинчавъ, але ёго мылость отець протопопъ въ тимъ мени пречывъ (отказалъ). Одъ того часу я, не памятаючы на Пана Бога и встыду людского не дбаючы, прыпустылася сёму Иванови, пихотынцеви, до пополненя чужолозтва, и вже тому недиль зъ чотыри есть, якъ

стала жыты зъ нымъ въ спросности, такъ безпечне, якъ бы зъ своимъ мужемъ, чого Господь Богъ мени, неужытій, не терпячы и моимъ злымъ диламъ, рачывъ мене выдаты на тяжкую публи́ку (позоръ). Вольно вамъ, панове, худобою мене карайте, тилько такій публи́ци не давайте, якои я годна.

Но судъ не уважилъ этой просьбы и, слѣдуя „выразному самого добродія его милости пана полковныка (Герцыка) росказаню", постановилъ декретъ: „Мартыныху Крыворотую и Ивана Сердюка публице въ понедилковый торгъ до стовпа даты (т. е. въ базарный день выставить у позорнаго столба), якою карностю обохъ наказавшы, одпустыты", взявъ съ нихъ „вину панскую и врядовую".

—

Слѣдуетъ отмѣтитъ любопытную подробность. Домогаясь вступить въ четвертый бракъ, вопреки церковнымъ правиламъ, Мартыныха имѣла опору своему домогательству въ дѣйствовавшемъ законѣ и обычаѣ. Въ Магдебургскомъ правѣ объ этомъ прямо сказано: „Вольно каждому жениться столько разъ, сколько пожелаетъ, пока безъ жены оставаться не можетъ или не хочетъ, хотя бы ихъ умерло у него три или четыре; такъ точно и женщинѣ, по смерти мужей своихъ, вольно пойти замужъ за иного" [1]). Въ правобережной Малороссіи (именно на Волыни) въ XVI—XVII вв. можно указать нѣсколько примѣровъ четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшихъ никакого протеста со стороны духовенства. Но въ лѣвобережной Малороссіи духовенство, какъ видно, старалось противодѣйствовать этому обычаю, что и порождало грѣховные эксцессы вродѣ того, за какой Мартыныха понесла наказаніе.

—

24. Вдова и компанѣецъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско являлось элементомъ болѣе или менѣе разрушительнымъ по отношенію къ

[1]) Speculum Saxon. albo Prawo Saskie y Magdeburskie, Павла Щербича, подъ словомъ: Małżenstwo.

чистотѣ семейныхъ нравовъ, спокойствію домашняго очага, женскому цѣломудрію. Собственно малороссійское войско, то есть городовое козачество, меньше другихъ виновно въ этомъ, такъ какъ оно состояло изъ людей осѣдлыхъ, семейныхъ, оставлявшихъ свой домашній очагъ лишь изрѣдка, во время походовъ. Но и въ Малороссіи существовали полки, не распускавшіеся и въ мирное время и рекрутировавшіеся преимущественно изъ бездомной и безсемейной голытьбы; это были такъ называемые „охотницкіе" или „компанѣйскіе" полки, конные и пѣшіе, располагавшіеся постоемъ по селамъ и городамъ гетманщины. Эти „компанѣйцы" и являлись по большей части героями сельскихъ романовъ. Оставляя обыкновенно въ покоѣ замужнихъ женщинъ, такъ какъ за нихъ было кому вступиться, они направляли атаку преимущественно на вдовъ, горѣвшихъ желаніемъ выйти замужъ и имѣвшихъ какія-либо матеріальныя средства. Какъ ни престарѣла была Мартыныха Криворотая, но и она, какъ мы видѣли, нашла себѣ обожателя въ лицѣ компанѣйца,—такъ мало разборчивъ, очевидно, былъ этотъ бездомный народъ.

Весною 1697 года одинъ изъ компанѣйскихъ полковъ расположился постоемъ въ полтавскомъ полку. Нѣсколько козаковъ изъ хоругви п. Ростковскаго [1]) было поставлено въ с. Мильцахъ, близъ Полтавы. Одинъ изъ нихъ, Кирикъ Лещенко немедленно свелъ близкое знакомство съ бездѣтной вдовой Параскою „Тубулцевою невисткою". По цѣлымъ днямъ они вмѣстѣ пьянствовали то у нея въ домѣ, то по корчмамъ, благо у Параски были достаточныя средства для пьянственной жизни и не было близкихъ родичей, которые удержали бы ее отъ такого легкомысленнаго поведенія. Но въ домѣ у нея жилъ нѣкто Марко, въ званіи „господаря", завѣдывавшій ея хозяйствомъ и, кажется, имѣвшій виды сдѣлаться со временемъ полнымъ „господаремъ" и мужемъ легкомысленной вдовы. Сближеніе ея съ компанѣйцемъ было ему не по душѣ, и онъ сначала донесъ „о Парас-

---

1) Ив. Ростковскій былъ хорунжимъ въ конномъ охотницкомъ полку Ильи Новицкаго.

чиномъ нестатку и зломъ мешканю" ея деверю, Микитѣ Кривому, чтобы тотъ ее „въ томъ построфовалъ" (сдѣлалъ выговоръ, обличилъ), но Микита отказался это сдѣлать въ томъ убѣжденіи, что она его не послушается. Тогда Марко сталъ разсказывать стороннимъ людямъ о связи Параски съ Кирикомъ компанѣйцемъ, наконецъ отправился къ мѣстному священнику о. Зѣновію и сказалъ:

— Панотче! Подобно, у васъ никого жывого въ сели немашъ, що такымъ нецнотамъ допускается въ спросности (въ непотребствѣ) бродыты. Учора Параска презъ цилый день первій у корчми пыла зъ Кырыкомъ, де оную Кырыкъ нещадно и побывъ, якого бою терплыве зносыла, нибы отъ мужа свого, потимъ прыйшлы до дому и пьючы долягдма, тамъ и заночовавъ Кырыкъ. И теперъ обое пьютъ, певно и ночуватымутъ вкупи. Колы бъ вы, панотче, дозволылы ихъ зловыты на такому учынку, я бъ и часъ показавъ, колы ихъ застаты.

На это о. Зѣновій отвѣтилъ:

— Не моя то ричъ, сыну, до того интересоватыся; тое можуть учыныты тіи, кому прылычно.

Но бывшій при этомъ пономарь Михайло былъ другого мнѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ позвалъ мѣстнаго осавульца, пригласилъ еще двухъ свидѣтелей и убѣдилъ ихъ отправиться „ловыты Параску на злому учинку". Марко ввелъ ихъ тихонько въ домъ, зажегъ свѣчу—и они точно застали хозяйку съ компанѣйцемъ въ одной комнатѣ, но спящими на разныхъ мѣстахъ. Въ виду этого они не рѣшились рѣзать имъ полы, а только связали и привели ихъ въ сельскую ратушу. А на другой день ихъ представили въ полтавскій полковый судъ.

Здѣсь свидѣтелей подвергли „кождого зъособно" допросу: „якъ тую пару пiймалы и якымъ способомъ: на учынку, чы на розныхъ мистяхъ побралы"? и они согласно показали слѣдующее:

— Одъ того часу, панове, якъ компанія въ полку нашому стала и козакивъ чотырёхъ и въ наше село на станцію дано, Кырыкъ Лещенко зъ Парасхою, Тубулцевою невисткою, зчаста

пидпываючы по корчмахъ, взявъ такее зъ нею обознаня, що не пыльнуючы своеи господы, завше ночуетъ у Параскы; о которыхъ повисты носылыся такіи, якобы той Кырыкъ зъ Параскою въ спросности гриховній жыветъ. Теперь зась, колы Марко донисъ о такомъ ихъ мешканю видаты ризнымъ людямъ и священыкови отцю Зиновію, абы ихъ велено було зловыты, за повторнымъ ёго, Марковымъ, даньемъ знаты, прыйшлы-сьмо у ночи до двору Парасчыного, и учувшы Марко нашъ прыходъ, одчынывъ двери синныи и сказавъ, що вкупи ночуютъ обое. Увойшедшы у хату, велилы-сьмо свичку засвитыты, и скоро свичка була засвичена, взялысьмо Кырыка въ едній кошули и босого на земли сыдячого, а вона була на постели. Не встыгнувшы и кибалóкъ [1]) ухватыты, лежачыхъ на лави, ведле Кырыка, купно зъ плахтою и запаскою, Параска умкнулася зъ хаты простоволосая; еднакъ оную тамъ же взявшы, далы-сьмо йій такъ кибалкы́, яко и плахту зъ запаскою, щобъ убралася, и повязавшы обохъ, прывели тамъ же, у Мыльцяхъ, до ратуша, а теперъ ихъ и сюды прыпровадылы-сьмо.

Спросили и Марка, „за чіимъ извищеннямъ тое поимання сталося“, но онъ почему-то сталъ вилять и далъ такой уклончивый отвѣтъ:

— Я про те, панове, досконале не видаю, чы есть межъ ными якый учынокъ злый, або нитъ. Тилко правда, що той Кырыкъ що дня зъ нею такъ у корчмахъ пываетъ, якъ и въ дому гуляючы зчаста ночуетъ, якобы маючы межи собою намиреніе въ станъ малженскій сочетатыся. А щобъ ихъ теперъ побрано на еднимъ мистци и будто за моимъ извищеннямъ,— то неправда: бо винъ, Кырыкъ, въ пекарни зо мною ночувавъ, а Параска въ другій хати була такъ зъ запаскою и плахтою, якъ и зъ кибалкою; также и постели пидъ Кырыкомъ жаднои не було, кримъ курты штаметовои Парасчыной, якую винъ самъ, пьяный, взявшы на столи, постлавъ соби доли. И знаты

---

[1]) *Кибалкы́*, чаще въ единств. ч. *кибалка*—головной уборъ замужнихъ женщинъ.

я о Парасчинимъ мешканю отцю Зиновію а ни Мыкыти Крывому не дававъ.

Но тутъ выступилъ Иванъ Мостовый, въ домѣ котораго проживалъ о. Зиновій, и энергично сталъ уличать Марка, что онъ самъ приходилъ къ священнику и домогался, чтобы велѣно было „зловыты Параску и компанійця на учынку", но о. Зиновій уклонился отъ этого.

Спрошены были наконецъ и сами обвиняемые: грѣшили ли они противъ седьмой заповѣди? Параска съ Кирикомъ „въ томъ прѣлися" (отрицали это), утверждая, что „межи ними жадного не було учынку", но не скрывали того, что имѣли намѣреніе вступить въ законный бракъ; „та и теперъ (прибавили они), поневажъ такъ сталося, що такій попалысьмося публици, едно другого опустыты не хочемо, але циле соедынытыся малженствомъ готови-сьмо".

Судъ, „познавши вину оскаржоныхъ—едно зъ повистій людскыхъ, другое—ижъ и самы пойманыи, хотячы той свій злый учынокъ покрыты, за малженство теперъ вже сягаютъ", тѣмъ не менѣе воздержался пока отъ окончательнаго приговора—вѣроятно, въ виду отсутствія „лица" (поличнаго) и запирательства подсудимыхъ,—и „поступуючы подлугъ права посполитого", велѣлъ четыремъ свидѣтелямъ, схватившимъ обвиняемыхъ, учинить формальную присягу въ томъ, что они „не зъ злости якои, або не зъ ненависти" возбудили это дѣло, и что „на учынку ихъ застали". Присяга была отсрочена на четвертый день.

Въ назначенный срокъ всѣ свидѣтели, согласно обычаю, „положивъ каждый два пальца великихъ на св. крестѣ", не колеблясь выполнили присягу,—и судъ немедленно постановилъ декретъ: „абы Параска зъ Кырыкомъ, яко вшетечники (прелюбодѣи), за такый свій злый учынокъ", были выставлены на рынкѣ у позорнаго столба и затѣмъ съ позоромъ прогнаны изъ города, „а Марко, за фалшивое свое свидоцство, абы отнисъ кіевую карность".

—

Можетъ быть, насъ спросятъ: почему же судъ такъ упорно игнорировалъ заявленіе подсудимыхъ объ ихъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ, тогда какъ современный народный судъ (волостной) въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самъ понуждаетъ провинившихся покрыть честнымъ вѣнцомъ свой грѣхъ?. Отвѣчаемъ: потому что Магдебургское право принципіально не одобряло браковъ между лицами, впавшими въ грѣхъ прелюбодѣянія. Въ Speculum Saxonum прямо говорится: „если бы кто взялъ въ замужество женщину, съ которою раньше явно чужеложилъ или ее изнасиловалъ, тотъ никогда не можетъ имѣть отъ нея дѣтей честнаго ложа", т. е. дѣти, родившіяся отъ такого брака, должны считаться незаконнорожденными [1]). Конечно, это предписаніе не могло имѣть обязательной силы для южнорусскаго населенія, руководившагося въ брачныхъ дѣлахъ церковными правилами и своими обычаями, и судъ не имѣлъ власти воспретить прелюбодѣямъ сочетаться бракомъ, но онъ никогда не покровительствовалъ и не поощрялъ подобные браки. Въ этомъ можно видѣть одинъ изъ фактовъ вліянія чужеземнаго кодекса на правовыя понятія малорусской старшины.

---

25. Обезчещенная вдова.

Обрѣзать кому-либо полы—значило заклеймить это лицо такимъ несмываемымъ позоромъ, что право и обычай дозволяли прибѣгать къ этому средству лишь съ крайнею осмотрительностью, по отношенію къ несомнѣннымъ прелюбодѣямъ, виновность которыхъ должна быть затѣмъ доказана передъ судомъ. Но находились легкомысленные люди, полагавшіе, что разъ женщина ведетъ себя „нестатечно", напримѣръ—напивается до безчувствія, пьяная шатается ночью по корчмамъ, пристаетъ къ мужчинамъ и т. под., то ее уже за одно это можно было клей-

---

1) Speculum Saxon. lib. 1, artic. XXXVII.

мить такъ, какъ обыкновенно клеймили уличенныхъ прелюбодѣевъ. Такъ думали и поступали обыкновенно легкомысленные „молодыки“ (парни), подобно тому, какъ и нынѣшніе сельскіе „парубки“ иногда необдуманно позорятъ ославленную „нечестною“ дѣвушку или вдову, смазывая дегтемъ ворота ея двора, за что и платятся передъ судомъ. Не проходили даромъ такіе проказы и „молодыкамъ“ въ стародавніе годы.

Въ 1689 г. въ сотенномъ городѣ Кобелякѣ, во время ярмарки, одна вдова Марья Климыха такъ много пьянствовала, день и ночь волочась по шинкамъ, что когда утромъ сынъ ея отправился розыскивать пропавшую мать, то нашелъ ее гдѣ-то за городомъ валявшеюся въ безчувственномъ состояніи и съ обрѣзанными полами. Очнувшись, она съ трудомъ могла припомнить, что наканунѣ, ночью, какіе-то „молодыки“ вызвались проводить ее, пьяную, домой, и вѣрно это они такъ грубо и жестоко посмѣялись надъ ней. Тяжело было бѣдному сыну перенести материнскій позоръ, и онъ, разузнавъ, кто именно были эти „молодыки“, и заявивъ о томъ мѣстному уряду, повезъ мать въ Полтаву и заставилъ пожаловаться полковому суду.

При разборѣ дѣла Марья Климыха такъ повѣдала о постигшемъ ее несчастьи:

— Панове! Въ теперешнимъ року, на день св. Параскевеи (14 окт.), о ярмарку Кобеляцкимъ, смеркомъ, пидпылая будучы, ишла я къ дому моему, ажъ тутъ зустрилыся зо мною Грыцько Бурмистренко зъ Сыроватченкомъ и зъ иншымъ товарыствомъ. Я, повирывшы имъ, яко знаемымъ, пишла зъ нымы. Воны жъ взялы мене, повелы за мисто (за городъ), за пидваркы къ Билыкамъ, и затулывшы ротъ, що хотилы справовалы впетечный смертелный грихъ, и семрягъ на мени дви пидризалы и кынулы за мертву. Було жъ ихъ тамъ много, але я тилко отыхъ реченыхъ двохъ памятаю.

Тутъ изъ толпы обвиняемыхъ „молодыковъ“ выступилъ Степанъ Сыроватченко и такъ сказалъ:

— Чому жъ то, Клымыхо, обмыльне говорышъ? Аже жъ ты, барзо пизно пьючы за мистомъ, молодыкивъ цилована; мо-

лодыкы жъ на улыци зосталы, а ты мене сама у яръ повела. Тоди я, варуй (храни) Боже, жадного гриху не строячы,—бодай мене жывого червы иззилы и нехай я гиршои напасты не уйду!—и крви тоби не розлывавъ,—нехай мене Богъ на души и на тили убьетъ! А тилко то моя нестатечность, що я тоби своеволне семрягъ дви пидризавъ, видячы твою нестатечность, що пидъ часъ ярмарковый у ночи по корчмахъ волочышся и молодыкивъ цилуешъ, и тое учынывъ я тоби безъ пополненя вшетечного гриха. А молодыкы, на которыхъ ты безчестя наволикаешъ, яко то на Грыцька Бурмистренка и на иншыхъ, воны зо мною не булы: я самъ обризавъ тоби полы обохъ семрягъ, моя въ тимъ вына, а не чія иншая.

Судъ далъ полную вѣру этому чистосердечному признанію и, устранивъ вовсе обвиненіе въ изнасилованіи, призналъ виновнымъ одного лишь Сыроватченка въ томъ, что онъ „важывся своевольне поступыты, врізуючы полы ночнымъ способомъ", и за это велѣлъ ему „погодыты Клымыху, навязкы йій давшы висимъ копъ", и сверхъ того вернуть ей „правныи наклады" и заплатить судебный доходъ въ пользу полковника.

---

26. Обманутая шинкарка.

Гораздо чаще, нежели вдовы, въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи фигурировали шинкарки. Съ одной изъ представительницъ этой профессіи мы уже встрѣчались въ лицѣ полтавской шинкарки Гапки, кружившей голову женатому человѣку и безпутно погибшей отъ его рукъ [1]). Не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ типомъ, воспѣтымъ и въ козацкомъ эпосѣ въ лицѣ извѣстной „Насти Горовои, шинкарки молодои".

Въ старой Малороссіи, при изобиліи и дешевизнѣ хлѣба и полной свободѣ винокуренія, выкуривалось очень много спирта, а для его распродажи существовало безчисленное количество шин-

---

[1]) См. очеркъ № 7.

ковъ. Старшины и простые „заможные“ козаки, мѣщане и духовенство, цехи и братства, а паче всѣхъ монастыри—другъ передъ другомъ старались заводить какъ можно больше корчемъ и „шинковыхъ дворовъ“ въ городахъ и селахъ, на большихъ дорогахъ и перевозахъ. Попытки гетманскаго правительства ограничить этотъ промыселъ введеніемъ арендъ вызывали общее озлобленіе и при Мазепѣ были оставлены. Благодаря конкуренціи, водка, медъ и пиво продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ; но такъ какъ каждый предприниматель продавалъ въ своихъ шинкахъ лишь напитки собственнаго производства, то и при дешевыхъ продажныхъ цѣнахъ промыселъ этотъ оказывался всетаки очень прибыльнымъ. Та же конкуренція понуждала предпринимателей проявлять особенную заботливость относительно выбора лицъ, которымъ поручалась продажа напитковъ, такъ какъ отъ ихъ ловкости, умѣнья обойтись съ потребителями и даже привлечь ихъ въ большей или меньшей степени зависѣла прибыльность предпріятія. При тогдашней многочисленности шинковъ, на службѣ у питейнаго дѣла состоялъ не менѣе многочисленный классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя этой профессіи; но въ то время, какъ въ Великороссіи этотъ промыселъ создалъ характерный типъ „сидѣльца“, въ Малороссіи женщина оттерла на этомъ поприщѣ мужчину, и „шинокъ“ сдѣлался областью почти исключительнаго господства „шинкарки“. Помимо того, что украинская женщина вообще болѣе способна къ торговому дѣлу, нежели мужчина, это предпочтеніе женскаго труда отчасти обусловливалось еще и специфическими свойствами данной профессіи. Малорусскій шинокъ того времени не былъ лишь винной лавкой, но исполнялъ немало и другихъ функцій. Въ воскресные или праздничные дни сюда, какъ въ народный клубъ, сходились не одни пьяницы, но и степенные люди, мужчины и женщины, повидаться съ пріятелями, узнать новости, поглядѣть на людей; даже духовныя лица, какъ мы видѣли, [1]) не считали зазорнымъ заходить въ шинокъ для прія-

[1]) См. очеркъ 6-й.

тельской бесѣды. Проѣзжіе или прохожіе, нуждавшіеся въ ночлегѣ или въ отдыхѣ, то и другое находили въ шинкѣ, ибо онъ служилъ обыкновенно и постоялымъ дворомъ. У кого не было своего семейнаго угла, кто тяготился одиночествомъ, кого грызла „журьба-печаль", тотъ также шелъ въ шинокъ, чтобы размыкать на людяхъ тоску, затуманить голову хмѣлемъ или же утѣшиться ласковымъ взглядомъ чернобровой шинкарки, какъ поется въ одной чумацкой пѣснѣ:

Журба мене зъ нигъ валяе,
А я зъ туги та зъ печали
Пиду въ корчму загуляю,
Шинкарочку одвидаю.
—Шынкарочко молода,
Усыпъ меду ще й вына,
Усыпъ меду ще й горилкы—
Теперъ въ мене нема жинкы!

Наконецъ, прохожіе козаки, проѣзжіе чумаки, „мандрованые дьяки", „волочащіеся чернецы"—весь этотъ народъ одинаково умѣлъ цѣнить какъ доброкачественность напитковъ, такъ и ласковость шинкарки. Чтобы угодить столь разнообразнымъ гостямъ и посѣтителямъ, требовалось немало ума, женской изворотливости и извѣстная доля беззастѣнчивости. О правилахъ строгой нравственности, обязательныхъ для всякой другой женщины, не могло быть и рѣчи по отношенію къ шинкаркѣ: всѣ считали ее „нецнотою", способною на дурныя дѣла. И точно, судебные акты даютъ немало указаній на то, что шинкарки нерѣдко находились въ связи съ „нетягами", „прибышами" и другимъ темнымъ людомъ, припрятывали у себя „злодійскую" добычу и помогали сбывать краденое; а по свидѣтельству современника, извѣстнаго стихотворца Климентія, многіе корчемные дома „въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ", вдали отъ урядоваго надзора, представляли настоящіе блудные притоны [1]).

[1]) Основа, 1861 г., январь, стр. 193.

Понятно, что за такую профессію, пользовавшуюся въ обществѣ самою дурною репутаціею, не могли браться женщины, сколько-нибудь дорожившія добрымъ именемъ; сюда шли лишь тѣ, кому въ этомъ отношеніи нечего уже было терять: покинутыя мужьями жены, опороченныя вдовы и „покрытки", т. е. незамужнія женщины, прижившія дѣтей. Изъ нихъ лишь самыя легкомысленныя могли болѣе или менѣе продолжительное время находить прелесть въ безшабашной корчемной жизни, съ ея вѣчною сутолокою, пьянымъ весельемъ и грязными амурными приключеніями; большинство же, предаваясь даже всѣмъ излишествамъ и порокамъ, стремилось вырваться изъ этой нездоровой атмосферы и вернуться на путь честнаго, хотя-бы и тяжелаго труда. Лучшимъ и едвали не единственнымъ средствомъ къ этому считалось замужество; только подъ защитою мужа, въ званіи „мужней жоны", бывшая шинкарка могла вернуть утраченныя ею права честной женщины.

Искала для себя мужа и полтавская шинкарка Хвенна и думала, что наконецъ нашла его въ лицѣ нѣкоего Грыцька Бондаренка, безпутнаго забулдыги, котораго Хвенна поила и кормила, жупаны ему справляла, вѣря его обѣщаніямъ взять ее въ замужество. Это легкомысленное довѣріе давно уже перешло должныя границы, а Грыць все откладывалъ „весилья". Убѣдившись наконецъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны безсовѣстнаго пройдохи, Хвенна не побоялась сраму и прибѣжала въ полковый судъ (въ февралѣ 1691 года).

— Панове!—жаловалась она,—любо (хотя) той Грыцько мени кгвалту жадного до чужолозтва не чынывъ, однакъ уже зайшовъ третій мисяць, якъ зійшлысьмося на той грихъ, бо винъ пиднявся бувъ взяты мене за жону. Которымы словами его я упевнывшыся, була ёму поволна, и черезъ немалый часъ мешкавъ винъ, Грыцько, зо мною, не безъ того, щобъ и дытыны мени не прыплодывъ. А теперъ, якъ бачу, смихъ той зъ мене учынывшы, ни на що мене зводытъ. Прошу зъ оного Грыцька, якъ мылость ваша уважыте, святои справедлывосты".

Скоро на судъ былъ „припроважений" и Грыцько Бондаренко. Сначала онъ „тыхъ нестатечныхъ своихъ поступкивъ таився", но когда судьи приказали было его „подъ кіевое карання дати", Грыцько сталъ виниться:

— Правда то есть, панове, гришывъ я зъ тою Хвенною молодыцею одъ того часу, якъ и вона говорытъ,—тыхъ своихъ нестатечныхъ поступкивъ не могу ся затаиты. Есть и тое, що я оную Хвенну пиднимався за жону взяты; а колы такъ сталося, що слово свое одминывъ, воля есть ваша що хотиты чыныты.

Грыцько, повидимому, полагалъ, что судъ обяжетъ его жениться на шинкаркѣ, и съ фаталистическимъ равнодушіемъ рѣшилъ уже подчиниться этой непріятности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда объявленъ былъ слѣдующій декретъ: „повскромляючы тое, абы ся люды спросными и такъ нестатечными поступкамы обходыты не смилы, прыказуемъ декретомъ нашымъ, абы оный Грыцько Бондаренко посередъ миста смертне кіямы бувъ бытый за такее свое значное проступство".

Протоколъ умалчиваетъ о томъ, какъ сама Хвенна отнеслась къ этому суровому вердикту, но безъ сомнѣнія онъ не удовлетворилъ ее. Не гибели своему безпутному Грыцю она пришла сюда добиваться, а лишь того, чтобы его понудили исполнить обѣщаніе. Но мы уже знаемъ, какъ малорусскіе суды, подъ вліяніемъ идей Магдебургскаго права, несочувственно относились къ браку, которому предшествовало прелюбодѣяніе.

Все жъ таки данный приговоръ былъ безмѣрно суровымъ. Такимъ онъ показался и многимъ изъ присутствовавшихъ, и они стали просить, „абы Бондаренко посередъ миста не бувъ караный". Судъ немедленно измѣнилъ приговоръ: „давшы мистце прозби людей зацныхъ, даровалысьмо оного Грыцька тымъ годнымъ (заслуженнымъ) караннямъ, однакъ панская и наша врядовая вына плачена маетъ быти конечне".

Удивительно, что Хвенна оставленна безъ всякаго наказанія. Это едвали не единственный случай, что истица въ подобной „справѣ" ушла изъ суда не наказанной.

27. Мельникъ и шинкарка.

Село Брусія, близъ Полтавы, славилось водяными мельницами на р. Ворсклѣ. Если гдѣ-либо въ предѣлахъ полтавскаго полка возникалъ споръ по поводу неправильнаго устройства водяныхъ мельницъ, задержанія воды и т. под., то судъ чаще всего посылалъ туда, въ качествѣ экспертовъ, Брусійскихъ мельниковъ, какъ спеціалистовъ, „добре на водномъ строеніи знаючихся“. Но за мельниками, или „мырошныками“, вообще въ Малороссіи издавна установилась репутація людей „добре знаючихся“ и въ другомъ искусствѣ—въ ловеласничествѣ, въ умѣніи сводить съ ума молодыхъ вдовъ и легкомысленныхъ „мужнихъ жонъ“. Брусійскій мельникъ Кондратъ своимъ поведеніемъ достаточно оправдывалъ эту репутацію. Все село говорило о его черезчуръ близкихъ отношеніяхъ съ мѣстной шинкаркой Гапкой, молодой—не то вдовой, не то „безмужней женой“, такъ какъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни она сама, ни кто другой не могли съ точностью сказать, гдѣ именно „валасается“ (шатается) ея законный мужъ и существуетъ ли онъ еще на свѣтѣ. Были у Кондрата озлобленные соперники, засаживавшіеся на него по ночамъ и горѣвшіе желаніемъ обрѣзать ему полы и надѣлать сраму; но хитрый мельникъ былъ остороженъ и не давался легко въ руки. Вырвался было сгоряча козакъ Иванъ Забила и сталъ передъ судомъ обвинять Кондрата, что онъ съ Гапкою „вшетеченство пополнялъ“, но судъ потребовалъ отъ обвинителя „слушныхъ доводовъ“, именно—„полъ вризаня показаты“, и такъ какъ Забила не представилъ такихъ „доводовъ“, то его присудили за клевету „еднаты“ Кондрата, и это ему не дешево стоило. Съ тѣхъ поръ Забила поклялся—не давать своимъ очамъ сна, ни вѣждамъ дреманія, пока не урѣжетъ полы Кондрату и не вернетъ съ лихвой понесенные изъ-за него убытки.

Какъ ни береглись Кондратъ съ Гапкою, имъ не удалось таки укрыться отъ мстительнаго ока ихъ преслѣдователя. Какъ-то, въ декабрѣ 1688 года, сошлись они для свиданія въ чу-

жомъ погребѣ и подперли дверь надежнымъ коломъ,—а черезъ нѣсколько минутъ Забила привелъ сюда толпу людей, во главѣ съ мѣстнымъ атаманомъ. Кондрату и Гапкѣ обрѣзали полы и связанными отправили къ сотнику.

На судѣ Забила торжественно „презентовалъ лице": кусокъ Кондратового „кожуха" и полу изъ Гапчиной сорочки, и домогался, чтобы ему были возвращены убытки, „що передъ тымъ утратывъ, еднаючы Кондрата".

Спросили Гапку: „Чы ты мила той грихъ зъ Киндратомъ пополняты?"

— А що жъ, панове—винилась она—любо жъ то и теперъ мію мужа и не видаю, де винъ по ризныхъ мисцяхъ туляется; а що грихъ вшетечный зъ Киндратомъ пополняла, такъ есть и було, бо винъ мивъ мене за жону взяты. Билшъ мене ни о чимъ не пытайте.

Кондратъ также не отрицалъ связи съ Гапкою, но утверждалъ, что въ погребѣ, гдѣ ихъ схвачено, ничего предосудительнаго не происходило. Въ виду этого, судъ велѣлъ на мѣстѣ, въ Брусіи, произвести дознаніе, „хто бъ досконале видавъ о зловеню Кондрата на чужолозстви зъ Гапкою". Тамъ были допрошены свидѣтели, изъ коихъ Лесько мельникъ, пріятель Кондратовъ, показалъ:

— Киндратовыхъ дій не бачывъ, але кгвалтъ чувъ и шынкарку простоволосую бачывъ.

Другой свидѣтель „вызналъ:"

— Киндратъ, пры пойманю въ погреби, въ убраню якъ въ кайданахъ ходывъ по погребу.

Остальные свидѣтели прибавили ко всему этому, что Кондратъ, „пры пойманю, еднавъ Забилу: дававъ ёму десять талярывъ, не допускаючы до уряду".

Судъ справился съ закономъ и въ книгѣ „Порядокъ"(часть IV, листъ 139) нашелъ предписаніе, что уличенные въ данномъ проступкѣ—„которыи убогшіи суть, выгнанемъ зъ поспольства накарани маютъ быти, а богатшіи—виною пѣняжною", и на этомъ основаніи постановили декретъ: „поневажъ Кондратъ мелныкъ

каранемъ смертелнымъ дарованъ, міетъ Ивану Забили утрату его нагородыты, на чимъ бы той шкодовавъ, а особливе выну панскую міетъ платыты, а вшетечныцю Гапку велилы-сьмо зъ миста вынудыты", т. е. подвергнуть позорному изгнанію изъ города.

---

28. Грѣхъ съ кумою.

Въ маѣ 1688 года прибыли изъ села Ивашекъ, близъ Полтавы, мѣстный атаманъ Иванъ Пушкаренко съ „товарыствомъ", жителями Ивашковскими, и подали полковнику Ѳедору Жученку слѣдующую „атестацію":

„Мылостывый добродію нашъ, пане полковныку полтавскій! Подъ сумленемъ душъ нашыхъ повидаемо, що Петро, зять Дмытровъ, содомскій и Богу мерзкій учынокъ черезъ многіе часы зъ Тетяною Павловною, кумою его, пополняючы, строилы, о чимъ давно видомо намъ було; а теперъ Богъ объявывъ ёго, Петра, съ кумою ёго Тетяною грихъ, которыхъ піймано на горищу, и взялы мы прызнакъ зъ Петра кожухъ, а зъ Тетяны плахту, обохъ давшы до вязеня сильского. А теперъ того вшетечныка и вшетечныцю передъ вамы становымо".

Полковникъ передалъ эту „атестацію" въ судъ, гдѣ она при разборѣ дѣла и была въ слухъ всѣмъ прочитана, послѣ чего атаманъ предъявилъ суду „прызнакъ", или „лыце", т. е. кожухъ и плахту. Судьи поинтересовались узнать: какимъ же именно способомъ „Богъ объявывъ" столь тяжкій грѣхъ кума съ кумою? Тутъ выступилъ почтеннаго вида старикъ Мартынъ Кушниръ и сказалъ:

— Панове! Якъ мене бачыте подейшлого въ литахъ моихъ, и готуюся я въ дорогу поклоныты ся мисцямъ святымъ Кіевопечерскымъ, то Боже дай, щобъ я съ тои дорогы не вернувся, колы бъ то на Петра и на куму ёго несправедлыво мавъ повидаты, але самую истыну. Ишовъ я зъ жоною моею, и Кулычыха стара зъ намы йшла, и колы прыходылы мы до тіеи пусткы,

ажъ бачымо—Тетяна, кума Петрова, съ горища скочыла. Тоди моя Кулына мовыла мени: „Стань, Мартыне, на прысьпу и глянь, чы нема тамъ на горищи нашои куркы". Я глянувъ, ажъ тамъ лежытъ Петро на постели и прыкрывся кожухомъ. Тоди Петро почавъ насъ слезне просыты: „Сусиды мои мылыи, покрыйте по мени той грихъ сей разъ". Мы бъ и покрылы, такъ уже на тое позорыще зибралось багато людей, що трудно було того покрыты".

Обстоятельства дѣла были ясны, обвиняемые не отрицали своей вины и лишь молили о милосердіи, поэтому судьи приступили къ составленію декрета. Всѣ они согласны были въ томъ, что къ данному проступку слѣдуетъ отнестись съ особенною строгостью, „не допускаючы плюгавого того вшетеченства въ сродстви плодыты и поскромляючы той содомскій грихъ", поэтому рѣшили примѣнить 73-й артыкулъ Права Цисарскаго и артыкулъ изъ книги „Порядокъ" (часть 4-я, листъ 131), гласящій: „чужоложникъ мечемъ абы былъ каранъ, а чужоложница у пронкга (позорнаго столба) абы быта була и одъ права малженскаго одсужена". Но тутъ подняли громкій плачъ дѣти Петровы, которыхъ было у него много, и между ними находились и совсѣмъ „недорослыи", лѣтъ пяти-шести. Призадумались судьи, услышавъ этотъ горькій плачъ: съ кѣмъ же останутся эти жалкіе сироты, у которыхъ не было матери, а теперь хотятъ отнять у нихъ и отца? И „зглянувшись на плачливіи прозьбы дитей Петровыхъ", судъ „учинилъ его вольнымъ одъ смертнои карносты" и „вынайшовъ другой артыкулъ изъ того же права, гласящій: „убогшіе выгнанемъ зъ посполыства, а богатшіе виною пѣняжною карани быти мѣютъ". Къ послѣднему взысканію и были приговорены „Петро вшетечникъ зъ кумою ёго, вшетечницею".

Любопытно, что съ той поры эта Тетяна Павловна,—очевидно „покрытка", не имѣвшая иного прозвища, кромѣ отчества,—навсегда получила насмѣшливое прозвище Кумы, сдѣлавшееся для нея фамильнымъ. Два года спустя въ актахъ полтавскаго полкового суда записано, что приходила „Тетяна,

по прозвищу Кума" жаловаться на нѣкоего Василія Бута, который обманнымъ увѣреніемъ, будто женится на ней, склонилъ ее къ блудному сожительству, „приплодилъ" ей дитя, а теперь отказывается исполнить обѣщаніе. Слѣдствіемъ былъ удостовѣренъ фактъ сожительства Бута съ жалобщицею, но такъ какъ онъ заявилъ, что не хочетъ „тоеи вшетечници за жону собѣ мѣти", то судъ приговорилъ „оного Бута виною панскою и врядовою скарати, такъ тежъ и тую вшетечницу Татяну Куму, поневажъ первѣй зъ кумомъ грихъ смертелный плодила и поймана була на вшетеченстви, а теперъ зъ Василемъ Бутомъ". Очевидно, у этой Кумы имѣлись достаточныя матеріальныя средства для двукратной уплаты судебныхъ „винъ", иначе ее, какъ неисправимую грѣшницу, подвергли бы позорному наказанію и „выгнаню зъ посполства".

---

29. Кишиньскій Донжуанъ.

Въ сотенномъ городѣ Кишинькѣ должность городового атамана занималъ долгое время „значный" козакъ Степанъ Москаль. Имѣлъ онъ и другую, болѣе шляхетскую фамилію—Раецкій, но въ Кишинькѣ всѣ его именовали „Москаль" или даже „Москалецъ", да и самъ онъ обыкновенно подписывался этою фамиліею, вѣроятно указывающею на великорусское происхожденіе его рода. А нужно знать, что Степанъ Москаль, или Раецкій, былъ не только грамотнымъ (иначе не быть бы ему атаманомъ), но и порядочно таки вышколеннымъ и хорошо начитаннымъ грамотѣемъ, какъ можно судить по его письму. Былъ онъ уже не молодымъ человѣкомъ, имѣлъ взрослыхъ сыновей, нажилъ коекакое добро и пріобрѣлъ такое неограниченное вліяніе на слабаго сотника, что фактически самъ правилъ сотнею, при чемъ позволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыя въ началѣ 1693 г. попалъ подъ судъ, сидѣлъ въ Полтавѣ въ тюрьмѣ и избѣжалъ наказанія лишь тѣмъ, что далъ полковому суду торжественное обѣщаніе пойти въ монастырь. Получивъ свободу,

Москаль не спѣшилъ исполненіемъ невольнаго обѣта, а занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ „господарскихъ“ дѣлъ, изрядно разстроенныхъ послѣднимъ процессомъ. Онъ занялся барышничествомъ, сталъ ѣздить по ярмаркамъ и надѣялся, что, при своемъ умѣ и ловкости, онъ скоро поправитъ свое состояніе. Но недогадливый Москаль позабылъ о томъ, что въ его прошлой жизни накопилось слишкомъ много темныхъ дѣлишекъ, которыя оставались скрытыми лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ силѣ, пользовался значеніемъ и всѣ его боялись, но теперь ничто не мѣшало имъ всплыть наружу. Такъ и случилось.

Въ началѣ іюля того же 1693 года въ Кишиньскій сотенный судъ пришелъ мѣстный козакъ Василь Шабалда, „зять Петращишинъ“, и сталъ жаловаться:

— Панове вряде и вы, пановое товарыство! Сталася въ дому моемъ, безъ бытносты моеи, шкода въ пистъ святого апостола Фылыпа, о святытелю чудотворци Ныколаю, що нема висты де ся подило намысто зъ кимнаты, каралевое, червоное, зъ трёма червонымы золотымы полталярковымы, за якое намысто жона моя матку свою рожоную не разъ и не два укаряла, думаючы, що вона взяла и дитямъ дядьковымъ дала, и дивку Васылышыну крамарчину хотила до права позываты. Я тежъ и самъ, вельмы по тій шкоди жалкуючы, одъ того часу и по сее время терпивъ и державъ на пыльномъ баченю, чы не мигъ бы я де тое намысто пизнаты. А теперъ я перечувъ, якъ пидъ часъ ярмарку, бувшою въ насъ, въ Кишиньци, Грыцько Гречыненко, пьючы съ товарыствомъ, зъ якоись прычыны проговорывся, що „бачывъ я, каже, тое намысто у Степана Москаля, якъ винъ пывъ у братерскимъ дому, на кануни“. Чувшы тую мову одъ Гречыненка, Савка Гороховский прыйшовъ до моёго дому и сказавъ мени. Я, тое одъ Савкы почувшы и вельмы съ того обрадовавшыся, освидчаю тую мою крадижъ, теперъ прослынувшуюся, мылостямъ вашымъ и прошу святои справедлывосты“.

Судъ приступилъ къ слѣдствію. Былъ призванъ Грыцько Гречыненко и спрошенъ: видѣлъ ли онъ пропавшее монисто у

Степана Москаля и когда именно? Грыцько, „Божий на себе взываючи срокгий декретъ“, если скажетъ неправду, показалъ:

— Выдилемъ, панове, тое намысто такымъ способомъ. Бувъ я въ той часъ канунныкомъ [1]) и колы выйшовъ съ погреба, тогди и Степанъ Москаль ишовъ зъ надвирья, а кынувшыся до своеи кишени, вынявъ зъ онои намысто Васылевои господыни (жены жалобщика). Еднакъ, не смивъ я ёму, Москалцеви, говорыты ничого, а давшы товарышови своему медъ зъ конвою, пишовъ до господы. Незабаромъ знову повернулемся въ домъ братерский, а мешкаючая въ томъ же двори старушка сказала мени: „тутъ, прави, показувавъ Москалець намысто Васылышыне; чы ты, прави, не бачывъ?“ Я хочъ и бачывъ, а сказавъ ій: „Ни, не бачывъ“. Потимъ тая старушка сказала: „Москалець, носячы тое намысто, говорыть: „Оттакъ козакъ добувся у Шабалдыхы! Тилько дайте мени ножа: пійду и другіи еще зъ шыи одрижу“. Я, почувшы тыи слова одъ бабы, не отказуючы ій ничого а ни пытаючись еи объ тое, свое орудовавъ, на що бувъ отъ братства прыставленъ“.

Призвана была „старушка“ Евдокія и спрошена: видѣла ли она монисто Василишино у Москаля? Она такъ „посвѣдчила“:

— Панове! Часу того, якъ бувъ канунъ братерскій, едного разу и Москаль пывъ на ономъ кануни дней зъ пять и якось, прыйшовшы у хату, показуетъ намысто и говорытъ: „Добувъ я тое намысто у Шабалдыхы“, и просытъ у Даця Сыдоренка ножа, щобъ пійты до Васылыхы и другее одризаты. Я тежъ, мало не що-дня буваючы у Васыля, познала, що то есть истынное Васылышыне намысто, и говорыла Греченкови Грыцькови, чы не бачывъ и винъ того намыста. На завтришній день, почувшы, що Васылыха матиръ свою за тое намысто ганытъ, а дивку Крамарчыну хочетъ до права прытягнуты, упоминала-мъ (уговаривала) еи, Васылыху, такъ мовячы: „Васылыхо, не гришы на матку и дивкы не турбуй.“ А хочай и знала-мъ про те намысто, що зостаетъ у Степана Москаля, тилько жъ, боячысь ёго, бо

---

[1]) Т. е. распорядителемъ по продажѣ канунныхъ напитковъ.

бувъ винъ въ той часъ атаманомъ городовымъ, видаючы о своимъ убожестви, не сказала про тое.

Тѣмъ и ограничилась первая „инквѣзиція", такъ какъ Степана Москаля не было на ту пору въ Кишинькѣ.

Когда онъ „прыбувъ зъ дорогы", его жена Киліяна, съ которой у него были вѣчные нелады, съ нескрываемымъ злорадствомъ оповѣстила его о томъ, что происходило въ судѣ. Степана какъ громомъ поразило это извѣстіе. Вѣдь Шабалда, его жена Вуцька (Евдокія) и жившая съ ними теща Ганна Петращиха [1])—это были первѣйшіе его пріятели. Правда, съ самимъ Шабалдой у него нерѣдко происходили пререканія: какъ напьется онъ до невмѣняемости, такъ и начнетъ, бывало, приставать къ Степану: „мовятъ люде, що ты зъ моею жоною чужоложышъ", и при этомъ лѣзетъ въ драку; но протрезвившись, первымъ приходитъ мириться. Впрочемъ, Василь Шабалда рѣдко и дома бывалъ: онъ занимался прасольствомъ и почти всегда находился въ отлучкѣ. Но съ Вуцькой Шабалдыхой и ея матерью Степанъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ. Обѣ онѣ были веселаго, беззаботнаго нрава, охотницы пображничать, „зъ ничевя" устроить бенкетъ, созвать „бѣсиду",—такъ для Степана во всей Кишинькѣ не было лучшаго пріюта, какъ въ ихъ домѣ: тамъ онъ, по ядовитому выраженію Киліяны, „и напывся, и наився, и спаты уклався". И вотъ теперь эти милые пріятели хотятъ устроить ему скандалъ, опозорить предъ всей Кишинькой, публично обвинить его—въ чемъ же? въ кражѣ какого-то „намыста"! Вѣдь онѣ же знаютъ, какимъ путемъ оно ему досталось. Глупый Шабалда, точно, невѣдаетъ ничего и, пожалуй, радъ теперь свести съ нимъ счеты по старымъ подозрѣніямъ; но какъ же Вуцька и ея мать допускаютъ его до этого? Неужели онѣ разсчитываютъ на то, что онъ, Степанъ, не осмѣлится на судѣ разсказать по правдѣ, какъ ему это намисто досталось? Или это старая Петращиха мститъ ему за то, что, поссорившись какъ-то съ нею въ пьяномъ видѣ, онъ при

---

[1]) Та самая, о которой идетъ рѣчь въ очеркѣ № 5.

всей честной компаніи сбилъ съ ея головы очипокъ? Старая вѣдьма ужасно тогда разъярилась и поклялась передъ образомъ, что вовѣкъ ему этого не проститъ. Степанъ рѣшилъ, что завтра же отнесетъ ей купленный въ Миргородѣ гостинецъ и напрямикъ объяснится съ нею и съ Вуцькою, чего онѣ хотятъ отъ него; да надо будетъ возвратить Вуцькѣ и это глупое намысто.

Но на утро, не успѣлъ еще Степанъ хорошенько „поснидать“, какъ за нимъ пришли „асаульци“ и стали торопить его:

— Иды, мосьпане, до ратуша: тамъ уже урядъ засивъ для доконченя твоеи справы съ Петращышынымъ зятемъ.

Пришелъ Степанъ въ ратушу, а туда набилось уже столько народа, что и онъ съ трудомъ протиснулся. Видно было, что затѣянный Шабалдою процессъ заинтересовалъ весь городъ. Тутъ было наперечетъ все „значное товарыство“ Кишиньское, „славетное мѣщанство и всечестное духовенство“; каждому хотѣлось послушать, какъ будутъ судить вчерашняго атамана за кражу намиста у своей же пріятельницы. Сколько здѣсь было недавнихъ друзей и „щирыхъ“ пріятелей павшаго атамана, которые, бывало, заискивающими глазами ловили его взглядъ, наперерывъ спѣшили сказать ему „добрыдень“! Теперь же съ нимъ здоровались нехотя, точно стыдились его знакомства.

Началось слѣдствіе. Призваны были прежніе свидѣтели и вторично допрошены въ присутствіи обвиняемаго. Грыцько Гречиненко показалъ:

— Мои ласкавыи панове! Якъ первей говорилемъ, такъ и теперъ, при самомъ Степану, правдыве повидаю, що выдилемъ у Москальця намисто червоное, тилько жъ ёму, Степанови, ничого не говорылемъ. Поты мого свидителства.

— Другой „свидокъ“, Евдокія старушка „такъ ему, Москалеви, у вичи говорыла“:

— Степане! Богъ мене скараетъ, колы я на тебе кламлыве говорыла; але правдыве повидаю, що выдила-мъ тое въ тебе намысто тогди власне, якъ прыйшовъ ты зъ дому Васылевого. Того часу и господыня твоя стояла пидъ викномъ Васылевымъ зъ Игнаткомъ (сыномъ), зазыраючы въ хату.

Теперь судьи обратились и къ Степану:

— А що, мосьпане, на такіи слушне на тебе показуючіися доводы що ты маешъ одвитуваты и чымъ одводытыся?

Степанъ видимо растерялся; не успѣвъ предварительно переговорить съ женою и тещою истца, онъ совсѣмъ не зналъ, какъ ему оправдываться. Сначала онъ „прысягався", что молъ „я того не видаю", но когда свидѣтели стали уличать его, онъ не выдержалъ роли и вдругъ „передъ всимъ товарыствомъ" началъ просить Шабалду прекратить дѣло, „обовязуючысь тое намысто заплатыты". Это было равносильно открытому сознанію въ кражѣ. Такъ это и поняли судьи и присутствовавшая публика. Шабалда ловко воспользовался промахомъ противника и, отказавшись мириться съ нимъ, попросилъ судей занести въ протоколъ выраженное Москалемъ обязательство уплатить ему стоимость пропавшаго мониста. Судьи исполнили его желаніе и, признавая данное дѣло себѣ неподсуднымъ, составили протоколъ, ствердили его „звыклою мѣскою" печатью и вручили „поводовой сторонѣ" (истцу) для представленія „до зверхнѣйшого суду", полкового полтавскаго.

Получивъ эту „атестацію", или „инквѣзицію", Васыль Шабалда тотчасъ же отправился въ Полтаву, а черезъ нѣсколько дней оттуда на имя Кишиньскаго сотника полученъ былъ полковничій приказъ арестовать Степана Москаля и препроводить его въ Полтаву „до туремного вязеня".

Это означало, что въ Полтавѣ не забыли его прежнихъ „злыхъ учинковъ", и не предвѣщало ему ничего добраго. Предварительный арестъ обвиняемаго практиковался обыкновенно въ „горловыхъ справахъ", то есть въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, когда подсудимому могъ угрожать смертный декретъ; но по тогдашнимъ законамъ можно было казнить преступника и за простую кражу. А на милосердіе судей Степанъ не могъ разсчитывать: онъ хорошо помнилъ, какихъ усилій стоило его пріятелямъ—сотникамъ, съѣхавшимся въ Полтаву для обычнаго поздравленія пана полковника съ „великодными святками", выпросить ему прощеніе, и какъ послѣдній неохотно уважилъ ихъ

ходатайство. Теперь и обѣтъ иночества не спасетъ его. Но если ужъ суждено ему не сносить головы, то лучше и достойнѣе испить смертную чашу въ искупленіе дѣйствительныхъ грѣховъ своихъ, которыхъ такъ много на его совѣсти, а не болтаться на „шибеницѣ" въ качествѣ презрѣннаго „злодія", польстившагося на какую-то глупую «цяцьку». Много тяжкихъ грѣховъ совершилъ онъ на вѣку, но отъ воровства все-таки Богъ миловалъ его. И Вуцька Шабалдыха, и ея мать хорошо это знаютъ, и если теперь безсовѣстно взводятъ на него „злодійство", желая погубить его, то дѣйствуютъ такъ лишь въ томъ разсчетѣ, что у него не хватитъ смѣлости откровенно разсказать на судѣ, какъ ему досталось это злополучное „намысто". Правда, ему придется при при этомъ повиниться въ другомъ, болѣе тяжкомъ и позорномъ грѣхѣ, о которомъ никто не знаетъ и за который тоже ожидаетъ его смерть, но зато онъ очиститъ свою совѣсть, чистосердечно покатся предъ Богомъ и предъ людьми въ дѣйствительномъ прегрѣшеніи и оправдается въ томъ позорномъ поступкѣ, который ему безсовѣстно приписываютъ. А можетъ быть панъ полковникъ и остальные судьи, видя его чистосердечное раскаяніе, смилуются надъ нимъ. А ужъ Вуцька и старая Петращиха навѣрное „сказятся" отъ злости и срама, когда онъ разскажетъ всю правду.

Съ такими мыслями Степанъ легче переносилъ и тяжкое «вязеня», а отправляясь въ Полтаву наказалъ женѣ не возвращать Щабалдыхѣ „намыста", а оставить его у себя, какъ свою собственность.

— Хай уже воно тоби на подзвиння! не приминула и въ эту минуту уколоть мужа безсердечная Киліяна.

Она не высказывала нималѣйшаго участія къ его злосчастному положенію и хотя разливалась въ слезахъ и громко причитывала, провожая Степана, но при этомъ кляла его всѣми „проклёнами" за то, что своими „злыми учинками" онъ довелъ семью до позора и разоренія. Сыновья тоже угрюмо простились съ отцемъ.

Сидя въ полтавской „вязныци", Степанъ Москаль задумалъ изложить письменно свою исповѣдь, въ формѣ „супплѣки" на имя полковника Павла Семеновича Герцыка. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ, лишь съ незначительными текстуальными измѣненіями, именно съ устраненіемъ немногихъ слишкомъ книжныхъ словъ и выраженій и съ замѣной тогдашняго безсистемнаго правописанія фонетическимъ.

„Мосци пане полковныку полтавскій, мой велце ласкавый пане и найласкавшій добродію!

„Хочай вже явне гришныкомъ черезъ искони вселукавого и во мыру дійствуючого врага дыявола, якъ выдыте, ставъ я, однакъ, на Бога маючы надію, и вашои мылосты, пана и добродія мого, не отчаиваюся ласкы, а паче Божои, который прыйшовъ въ мыръ не призваты праведныхъ, а гришныхъ на покаяніе. Такъ и я, міючы уфность (увѣренность) въ Бози, велце покорно кланяючысь, прошу слезно вашои, добродія, мылосты, абы и мене, недостойного и паче всихъ окаянного гришныка (выслухавшы мого доводу, якымъ початкомъ стався скутокъ гриха) помыловано. А то, мій мылостывый пане, було такъ. Сёго року прошлои зимы, на день святытеля Христова Ныколая, бувъ я въ дому братерскимъ на меду, видкиль пишовъ до Жадана, кума свого, просыты на медъ. Ажъ тутъ Вуцька Шабалдыха Васылыха невидомо куда иде и просыть мене, абы ій давъ таляра грошей: „куплю, мовытъ, соби полотна на кошулю". Я ій ничого иншого не одказавъ, тилько велывъ себе на тимъ мистцу, де и просыла, пождаты. Прыйшовшы зась до Литовкы шынкаркы, которая въ мене брала медъ, заставъ тамъ и жону мою Кыліяну и пысаря городового, що пылы горилку. Казавъ я Лытовци, щобъ одличыла таляра. Пытае мене жона моя: „на що ты стилькы грошей берешъ?" Я ій одказавъ: „Що тоби до того? Тоби того не потреба пытаты". Однисъ я таляра Васылыси, а вона, взявшы того таляра зъ рукъ моихъ, казала мени изъ собою до своеи хаты пійты, и тамъ заразъ зъ нею, Вуцькою, запамятавшы страхъ Божій, вчынылы спросный (мерзкій) грихъ. Тоди жъ, въ своій господи, Вуцька зняла зъ рукы моеи

сегнитъ (перстень съ именною печатью) щырозлотный, а я зъ неи знявъ намысто, яке того жъ часу и показувавъ Грыцькови Гречыненкови въ братерскимъ канунп и баби тій, якая въ тимъ двори мешкаетъ. Прыйшовшы жъ додому, похвалывся своій жони, мовячы: „Отсе жъ, Киліяно, я и князь, да вже перстня нема—отдавъ Шабалдыси“. На другый день Кыліяна посылала Лытовку до Шабалдыхы, абы вернула перстень, а потимъ, не вдержавшысь, и сама пишла; ажъ іи стритыла Лытовка и показала перстень и два золотыхъ грошій, що Вуцька Шабалдыха дала. Довго жъ вона, Вуцька, терпила, не правлячы въ мене того намыста. Ажъ сымы вже часамы первей Вуцька упомыналася оного намыста у мене,—отказавъ ій, що нема; а вдруге сама Петращыха пидъ своею вже хатою пытала про те намысто; я тежъ отказавъ и старій, що того намыста немае въ мене. Тоди просылы мене обыдви, абы того никому не открывавъ. Видала про те и жона моя; тилько жъ для того те намысто таилы-сьмо, що то есть ричъ не меншая (т. е. цѣнная), и до того господарства свого щадячы. А оце вже недавнёго часу Грыцько Гречыненко и баба тая, которымъ я на кануни намысто показувавъ, пидпывшы, вызналы Гориховському, а Савка Гориховській отказавъ тое слово Гречыненково Васылеви Шабалди, Васыль же Шабалда, чувшы тое одъ Савкы, бигавъ ажъ до Зинькова за Гречыненкомъ пытаты, а прыбувшы зъ Зинькова, презентовавъ тее прызнатя на уряди. У якимъ признатю чувъ я, що просывъ яко бы то я у Дацька Сыдоренка ножа и ходывъ зъ ножемъ до Вуцька за другымъ намыстомъ. А я не чуюся въ тимъ, щобъ мавъ въ кого ножа прохаты и ходыты зъ ножемъ вдруге, и черезъ те повонпывъ я прызнатя Гречыненкове и прытаився того першого разу, що намыста не бравъ. А раните я зъ нымъ не таився; и господыня моя, міючы жаль, що я зъ нею не бытковавъ, сказала мени: „що то есть за намысто?“ и я передъ нею не таився.

„Въ якій мири маючы вышепысаныхъ злостей, вже не чыню себе свободнымъ. А що неправедно на мене клеплютъ и злодійство вернутъ, въ тимъ полецаю (поручаю) себе вашій пан-

скій мылости на выводъ и въ тимъ слезно прошу: якъ маете высокій розумъ и мылость, помылуйте мя по велыкій своій мылости. Бью чоломъ. Слуга и подножокъ Стефанъ Москаль".

Эта „супплика" не произвела на полковую старшину того впечатлѣнія, на какое авторъ разсчитывалъ. Тамъ, видно, давно составили о немъ опредѣленное представленіе, какъ о лживомъ и порочномъ человѣкѣ, и не повѣрили искренности его раскаянія, а признаніе въ новомъ преступленіи еще болѣе повредило его репутаціи. Впрочемъ, самъ полковникъ, на милосердіе котораго почему-то разсчитывалъ Степанъ, былъ занятъ въ это время другими дѣлами и не могъ принять личнаго участія въ судѣ надъ нимъ; свои предсѣдательскія полномочія онъ передалъ полковому обозному Адаму Ненаденку.

Судъ происходилъ 24 и 26 іюля того же 1693 года. Къ этому времени были вызваны изъ Кишиньки истецъ Василь Шабалда съ женою и тещею и свидѣтели. Оттуда же прибыла жена Степана Москаля съ сыновьями и нѣкоторые кишиньскіе обыватели—одни изъ любопытства, другіе же съ особыми цѣлями. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, судьи прежде всего отмѣтили „зелживость" обвиняемаго, усмотрѣнную ими въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ обязался уплатить Шабалдѣ стоимость украденнаго у его жены или инымъ способомъ ему доставшагося мониста, а между тѣмъ доселѣ этого не исполнилъ. Затѣмъ послѣдовала интересная сцена очной ставки Степана съ Вуцькою Шабалдыхою. Первому было предложено, „абы онъ Евдокіи Патрашковни у вичи тое говорывъ, якъ и въ супплици подавъ"—какимъ способомъ добылъ онъ ея монисто. Степанъ смѣло началъ:

— Мои мылостывыи панове! Вольно вамъ за такый мій тяжкый грихъ, що я не еднократне чужоложывъ, и смертелне мене удекретоваты, чого я уже и годенъ, бо обитныцю тую, яку передъ страшнымъ маестатомъ Божымъ духовному моему обищавъ, прыймуючы зъ жоною моею тайну святого малженства, шлюбовавъ пры ній заховаты вшелякую святоблывость, теперъ черезъ чужоложство зламавъ, и мешкаючы въ спросности зъ чу-

жымы впетечными (распутными) жонамы, ложе жоны моеи оскверныв. А теперъ, передъ мылостямы вашымы стоячы, такъ говору: намыста того я не кравъ, але для порубства (прелюбодѣянія) и спросносты гриха, поповнывшагося зъ Петрашкивною, зъ шыи еи знявъ, якъ и вона зъ рукы моеи перстень зняла, доброволне, бо тоди булы-сьмо едно другому, для злои сполычносты (общенія), повольни. А на завтрешній день просыла мене старая Петращыха зъ дочкою своею, щобъ я того намыста никому не объявлявъ, „бо (мовытъ) то меншая ричъ есть намысто, а якъ довидается про те старшына, то певне черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани укопани,[1] та и худоба въ обохъ пропаде". Я такъ и учынывъ на ихъ прозьбу, никому про те намысто не объявлявъ. А колы теперъ воны на мене злодійство звернулы, то, хочъ моя жона, може, й вернула вже черезъ урядъ те намысто, однакъ я до злодійства не знаюся. Богъ мене нехай скараетъ и на души, колы говору неправду!"

Тутъ не сдержалась старая Петращиха. Она схватила зятя за руку, стремительно ринулась къ судейскому столу и заголосила.

— Наши мылостывыи панове! Неправду той смердячый песъ Степанъ Москалець на мою дочку а на жону Васыля, зятя мого, говорытъ. Власный винъ есть тому нашому намысту шкодца, бо те намысто зъ кимнаты въ насъ вкрадено. А щобъ Евдокія таке зъ нымъ чыныла, тому трычи брехня! Це винъ зъ своеи запамяталосты та зъ гниву на насъ говорытъ, щобъ того злодійства позабуты.

То же самое, хотя и безъ материнской запальчивости, подтвердила и Вуцька. Но Степанъ съ бѣшенствомъ перебилъ ее:

— Собако нечыстая! Сама жъ мене пидвела есы на те, що я таився. Мужъ твій Васыль, правда, про те не видае, бо на

[1]) Т. е. заживо закопаны на перекрестной дорогѣ. Любопытное указаніе на существовавшій нѣкогда въ Малороссіи родъ казни для прелюбодѣевъ.

той часъ и дома не бувъ. А я съ тобою мавъ сполкованя першый разъ, якъ жупанъ до васъ прынисъ, а вдруге пополнывъ съ тобою, враже, нечыстый грихъ, колы вже завела есы мене до своеи господы; тоди жъ я и намысто съ твоеи шыи знявъ. Нехай за тобою, поганко, матка твоя прысягнетъ, еслы я не мавъ съ тобою сполкованя. А мужъ твій ничого не видае, бо по дорогахъ завше волочытся.

— А що жъ, и прысягну, колы урядъ звелытъ,—неувѣренно отозвалась Петращиха.

Такъ какъ Литовскій Статутъ допускалъ такой способъ доказательства, при отсутствіи другихъ, болѣе убѣдительныхъ, то судьи объявили Петращихѣ, что она можетъ, если желаетъ, „сумненямъ своимъ за дочку поправыты". Но она видимо смутилась и объявила:

— Я маю прысягнуты въ тимъ, що сама не видаю, чы чынила що моя дочка. Нехай лыпше зять мій прысягае за жону свою.

Но Василь Шабалда замялся еще больше и сказалъ:

— А що жъ, панове, чуючы одногласную ричъ Москалеву, не могу и я прысягнуты за жону свою, бо нихто ничіёго поступку не видаетъ, а звлаща я маю и дома буваю. Нехай вона псу жона, а не мени: я теперъ еи цураюсь!"—и съ этими словами онъ въ гнѣвѣ выбѣжалъ изъ ратуши, а за нимъ побѣжала Петращиха. Этотъ комическій эпизодъ вызвалъ неудержимый смѣхъ среди присутствовавшихъ. Степанъ Москаль злобно торжествовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шабалда, видимо успокоенный, возвратился въ залу и заявилъ, что хочетъ присягнуть за жену; но судьи отказали ему въ этомъ, мотивируя отказъ тѣмъ, вопервыхъ, что онъ „зъ ратуша побигъ съ права, а друге—що мужови непрылычно въ такій справи прысягнуты".

Судъ поспѣшилъ положить этой скандальной „справѣ належытый конецъ" и объявилъ декретъ: „абы за тое намысто и правные наклады було нагорожено Васылеви Шабалди осмъ копъ грошей зъ Москалцевои худобы, котырый чи тое намысто

укравшы, чи тежъ черезъ сполечность зъ Петрашкового гриха мивъ у себе и не вернувъ". Собственно говоря, судъ какъ-бы уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, считая его маловажнымъ или недостаточно выясненнымъ, и перешелъ къ разбору дѣла, героемъ котораго являлся тотъ же Степанъ Москалецъ.

—

Изъ среды публики вышла немолодая женщина, невзрачнаго вида, бѣдно одѣтая. Она оказалась Вивдей (Евдокіей) Дудкивной, „удовыцею зъ Кишинькы", и поклонившись судьямъ, стала излагать свою „скаргу":

— Панове судьи! Нехай я не видаю, чы правду, або ни, говорытъ той Москаль на Петрашкивну, а надо мною, певне мовлю, шыдерства (глумленіе) чынывъ. А то такымъ способомъ. Мешкала я у Кишинци, у Грыцька Бутка у сусидахъ, зъ мужомъ ище Гордіемъ, есть тому рокивъ зъ пять. Едного жъ часу Степанъ Москаль, прыйшовшы до мене, казавъ такъ: „Вивде, ходы до насъ, на щось тебе моя Кыліяна зоветъ". Я, розуміючы, що тому була правда, пишла зъ нымъ до ихъ двору и скоро увійшла у двиръ, винъ, Степанъ, не видаю для чого у стайню мене повивъ и тамъ, не говорячы мени ничого, ставъ усылствоваты до гриху спросного. Хочъ я и одмовлялася не чыныты того, мовячы, що у ёго своя господыня, а у мене мужъ есть, однакъ винъ мене на то зневолывъ. Нарикала жъ я на ёго, плачучы, що мене, сыроту, на тее пидвивъ; а Степанъ мени и каже: „Однакъ, твій мужъ выненъ мени за сино, то менше ёму жъ буде одробляты; а я могу за те па васъ оглянутысь". Я одъ ёго стайни пишла и була и въ хати ихъ, и якъ прыйшла видъ ихъ до-дому, гирко плакала-мъ передъ мужомъ моимъ, нарикаючы на ёго жъ, Степана, и на мужа своего, на що винъ мене зъ нымъ до двору ихъ пустывъ. Тоди мужъ мій сказавъ мени: „Не журыся, небого, однакъ вже въ мене мало сылы; що жъ маешъ чыныты!" Було жъ тое, панове, межи намы посередъ дня, зимою, а хочай на той часъ и людей много плуталось мымо двиръ ихъ, тилко жъ для страху не чыныла-мъ кгвалту и кримъ мужа билшъ никому не оповидала. И одъ того

жъ разу не мала я зъ нымъ, Степаномъ, сполкованя. А колы вже мужъ мій померъ, мешкала-мъ удовою два рокы; а на третій, пройшлои осены, передъ Покровою, якъ около города нашого дворы скыдано, [1]) тоди и Степанъ Москаль, свій двиръ изъ-за миста перенисшы, въ самомъ городи побудовавъ, до якого двору позвавъ мене стайни мазаты и поступывъ мени тры возы дровъ привезты за мою працю. Мазала жъ я увесь день, ажъ до засвиченя свичкы, и за свичкою вже домазувала. Тутъ Степанъ, прыйшовшы до мене у стайню, почавъ мене усыловне валяты и прыводыты до гриха. Я ёму говорыла: „Степане, змылуйся, теперъ мене не займай, бо видаешъ, що теперъ я зостаю удовою, и въ глыну вся умазалася, та й Кыліяна дома знайдуется“. А Степанъ, не даючы мени говорыты, зневолывъ до гриху. Одъ того разу я и на сюю дытыну зайшла. А колы теперъ для тои дытыны, якій вже часъ прыходыть и родытыся, просыла-мъ у ёго безъ суду, щобъ давъ що-небудь, винъ не схотивъ даты и ще й зъ погрозкамы мене отправывъ. Черезъ те, панове, прошу зъ ёго, Степана, справедлывосты; бо винъ въ Кишиньци не тилко зо мною мешкавъ въ прелюбодіяніи, але и зъ тою Лытовкою, що ёго медъ продавала, чужоложывъ“.

Судьи спросили подсудимаго: „чы була бъ тому истына, щобъ винъ съ тою Гордійкою або и съ Лытовкою спросне мешкавъ? Москаль взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, я въ вашыхъ рукахъ зостаю: вильно вамъ якъ хочете мене скараты. Тому есть истына, що я по килькокротне зъ тою Лытовкою чынывъ злую сполечность, та и зъ другою, Петрашкивною Вуцькою; а щобъ я мавъ на сюю плюгавую Дудкивну и помыслыты, не тилько що чыныты зъ нею, або усылствовати, Богъ мя на души нехай скараетъ. Тилько мого отъ такои напрасныци выводу“.

---

[1]) Эта была обычная мѣра военной предосторожности въ виду татаръ, приходившихъ въ августѣ 1692 года, вмѣстѣ съ Петрикомъ, къ южнымъ границамъ Полтавскаго полка.

Но впечатлѣніе этой рѣчи было совершенно испорчено, когда неожиданно выступила жена Степана Киліяна съ сыновьями Семеномъ и Яковомъ и, сильно волнуясь, сказала:

— Не ймите ёму виры, панове, бо винъ есть власный роспутныкъ отъ давныхъ часивъ и прыставъ винъ до мене роспустне и жадной учтывосты въ малженстви святому не заховуючы мешкавъ. Уже колы винъ самъ на себе прызнавъ, що зъ Петрашкивною и зъ Лытовкою злую сполечность мивъ, то певне, що и зъ Дудкивною, и зъ иншымы вшетечнымы жонамы спросность богомерзкую чынывъ. Колы вже Богъ мене вызволыть одъ такого збрудня! Вельмы радила-мъ я, колы мужъ мій, за свои злыи и недобрыи учынкы найдуючысь у вязеню, просывъ панивъ сотныкивъ всихъ о прычыну (о ходатайствѣ) до пана полковныка и давъ Богови обитъ у монастырь пойты, колы ёго учынятъ свободнымъ. Отже злый и незбожный чоловикъ и Бога оманувъ, не ставшы черпцемъ, певне для вшетеченства. Теперъ, мылостывыи панове, и я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна; бо вси его злыи дила отдавна видаючы, не оголошала. А поневажъ мене, пры моій старости, до вичнои ганьбы и неславы прывивъ, та и худобы мене позбавывъ, не хотячы ему далій того терпиты, прошу, абы винъ, яко не заховуючій прыказаня Божого, не бувъ мени одъ сёго часу въ малженстви участныкомъ и мужомъ моимъ, бо не мужомъ моимъ винъ бувъ, але тыраномъ. Прошу васъ, панове, надъ собою змылованя“.

Эта страстная обвинительная рѣчь жены противъ мужа, сказанная въ судѣ въ такую минуту, когда рѣшался, можетъ быть, вопросъ о его жизни, произвела на всѣхъ гнетущее впечатлѣніе. Но Киліяна, безъ сомнѣнія, не была столь жестокосердой, чтобы сознательно и намѣренно отягощать участь мужа. Какъ женщина строгихъ правилъ, она не чувствовала ни жалости, ни состраданія къ безпутному супругу; но отсюда еще далеко до того, чтобы она способна была откровенно домогаться его казни. Ея достоинство добродѣтельной жены было глубоко оскорблено развернувшейся на судѣ яркой картиной безпут-

ства мужа; но еще болѣе, можетъ быть, возмущала ее перспектива тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, какими приходилось эти безпутства окупать, и при томъ изъ состоянія, которое, кажется, принадлежало ей одной. Вотъ и сейчасъ присудили уплатить восемь копъ Шабалдѣ, могутъ присудить вознагражденіе и Дудкивнѣ, а за ней появятся съ претензіями, пожалуй, десятки ей подобныхъ. Какъ бережливая хозяйка и заботливая мать, она не могла перенести, чтобы изъ-за распутства мужа гибло благосостояніе семьи. Дѣтямъ не нуженъ такой негодный отецъ, а ей и подавно онъ не нуженъ, какъ мужъ. Но какъ отъ него избавиться? Киліянѣ не приходило на мысль опасеніе, что мужъ по данному процессу можетъ поплатиться головой: выкрутился же онъ еще недавно изъ большей, какъ ей казалось, бѣды, и теперь она увѣрена была, что дѣло кончится крупнымъ штрафомъ въ пользу полковника и судей, какъ чаще всего такія дѣла оканчивались. А вотъ, если бы судъ подвергъ Степана иному наказанію—расторгъ его бракъ съ нею! Въ тѣ времена расторженіе браковъ, какъ мы знаемъ, входило въ компетенцію и судовъ свѣтскихъ, именно полковыхъ и примѣнялось обычно въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, при томъ непремѣнномъ условіи, если невинный супругъ добивался этого.[1]) О такомъ именно декретѣ и молила слезно Киліяна.

Между тѣмъ ея страстная обвинительная рѣчь противъ мужа, ея негодованіе и живыя улики въ его распуствѣ, помимо ея воли упали тяжелымъ бременемъ на вѣсы правосудія и рѣшительно склонили ихъ въ сторону, роковую для обвиняемаго. Судъ призналъ доказанными слѣдующія „слушные доводы“ виновности Степана Москаля: а) онъ „самъ на себе супплѣковалъ, чинячися явнымъ чужоложникомъ“; б) „Вивди Гордійци дытыну прыжывъ и хочай кривсл того, отводячись, будто не чынывъ зъ нею гриха, еднакъ судъ ему не понявъ виры“; в) „обитъ давшы Господу Богу пойты въ монастырь, а не пойшовъ“, г) „самая жона его одступуетъ и не хочетъ за мужа миты“. Справившись

---

[1]) См. объ этомъ очерки №№ 12, 13 и 14.

съ законами, судьи примѣнили къ данному дѣлу артыкулъ изъ книги „Порядокъ", четвертой части, на листѣ 128, гдѣ сказано: „чужоложникъ мѣетъ быти стятый", т. е. усѣченъ мечемъ, и постановили декретъ: „той же карности и Степанъ Москаль зосталъ подлеглымъ". Претензію Вивди Дудкивны (она же Гордійка) оставили безъ удовлетворенія, а ее самое велѣли „даты до вязеня, нимъ (пока) дытя зродытъ",—съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ особо подвергнуть ее суду и наказанію за прелюбодѣяніе. Относительно Вуцьки Шабалдыхи не было сдѣлано подобное постановленіе очевидно потому, что оговоръ ея Степаномъ въ преступномъ сожительствѣ съ нимъ судъ не призналъ доказаннымъ.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.[1]

1829—1839 г.г.

12.

26 октября [2]) 1832. Екатеринославль.

Почтеннѣйшая маменька! Случай — и вотъ, какъ видите по надписи, я въ Екатеринославлѣ. Отчасти желаніе увидѣть Ѳедора, [3]) отчасти другое желаніе или правильнѣе любопытство узнать амперію нашу въ ея центрѣ;—дрожки запряжены, сѣлъ и поѣхалъ. Вчера въ 1 часъ послѣ обѣда я увидѣлъ Ѳедора; въ три часа поѣхали по Екатеринославлю, выѣздили весь; вечеръ провели такъ весело, что и до сего времени вслѣдствіе хохота головная боль отзывается довольно чувствительно.

Теперь что вамъ сказать о центрѣ амперіи, въ которой имѣю теперь свое жительство? Довольно того, что я не ожидалъ отъ Екатеринославля того, что увидѣлъ. Прекрасная улица, вдвое шире нашей Сумской, составляетъ основу города. Прекрасные домы лентою тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы. Передъ каждымъ домомъ палисадникъ. Домъ Щекутина прелестный. Я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ харьковскихъ, ибо такого дома нѣтъ въ Харьковѣ; въ петербургскомъ вкусѣ въ два этажа съ половиною—великолѣпное зданьице. Фабричныя зда-

---

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

2) Слѣдуетъ читать: 26 ноября.

3) Ѳ. С. Евецкаго.

нія, оканчивающія городъ, огромны и также очень хороши. Улица тянется около полуторы версты, угломъ по изгибу Днѣпра. Церквей только три. Новый соборъ строится на горѣ подлѣ развалинъ потемкинскаго дома; храмъ будетъ превосходный. Мы заходили и въ развалины Потемкинскаго дома. Какое грустное чувство невольно вселяется при взглядѣ на это разрушеніе.— Въ немъ когда-то Екатерина, Іосифъ,—Потемкинъ угощалъ ихъ столомъ и своимъ прожектомъ объ изгнаніи турковъ изъ Европы. Крыши уже разрушены; полы также; но штукатурка еще сохранилась и превосходная лѣпная работа также. Сегодня только что я имѣлъ удовольствіе свидѣтельствовать свое почтеніе добрымъ старикамъ, родителямъ Евецкаго. Прекрасные люди—они приняли меня очень ласково. Послѣ обѣда ѣду обратно. Извините, что письмо будетъ слишкомъ коротко. Фантазировать не хочется, а дѣла писать право нечего; и потому если я скажу вамъ, что я здоровъ, чего и вамъ желаю, то запасъ мой истощенъ, и я долженъ по необходимости окончить письмо...

—

13.

Варваровка. Декабря 1-го 1832 г.

Уже декабрь! Я теперь считаю каждый день, и съ каждымъ днемъ подходитъ ближе радостная минута. Вся цѣль моя теперь—увидѣть васъ, поговорить съ вами. Скоро, скоро! Одно только теперь меня безпокоитъ—Михаилъ Ивановичъ. [1]) Ахъ, еслибъ не было никакого препятствія относительно его отпуска!—Съ этою же почтою вы получите и другое письмо мое: изъ Екатеринославля. Вы вѣрно, милая маменька, не осердитесь на меня за то, что на поѣздку къ Евецкому издержалъ 480 копѣекъ. За то я видѣлъ Евецкаго, провелъ съ нимъ счастливый день, увидѣлъ и обозрѣлъ Екатеринославль, проѣздился, былъ на той сторонѣ Днѣпра, видѣлъ развалины потемкинскаго дома. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Евецкихъ. Добрые, умные старики. Они приняли меня очень ласково. За обѣдомъ я познакомился со старикомъ Цыхомъ. Предобрый старикъ—нѣмчикъ, забавникъ. Я забылъ

[1]) М. И. Кусковъ, дядя И. И. Срезневскаго.

вамъ сказать о пожарахъ Екатеринославскихъ. Уже впродолженіе цѣлой недѣли они продолжаются безпрерывно, каждую ночь. Въ числѣ сгорѣвшихъ строеній и синагога жидовская, большое зданіе. Остались только фундаменты, и на бѣду случилось это въ пятницу ночью, наканунѣ шабаша. Законъ запрещаетъ въ это время жидамъ трудиться. Съ воемъ и визгомъ они кружились около пламени, воздѣвая омытыя руки свои къ небу; русскіе не принимались тушить отъ суевѣрія.—Такая безпрерывная цѣпь пожаровъ, само собою разумѣется, предполагаетъ *поджогу*. Подозрѣваютъ въ этомъ плѣнныхъ поляковъ, живущихъ теперь въ Екатеринославлѣ. Разсказываютъ многіе анекдоты: какъ одному мѣщанину грозилъ полякъ поджечь его домъ, если не дастъ ему денегъ; какъ польскій мальчишка бросилъ въ бочку съ дегтемъ начиненную порохомъ и подожженную сумку, и пр. и пр. Весь Екатеринославль въ страхѣ. Жители учредили изъ себя квартальный обходъ, но ничто не помогаетъ. Пожары бываютъ по большей части рано вечеромъ или часовъ въ 6-ть утромъ. Предъ симъ несчастнымъ временемъ Екатеринославль пировалъ: безпрестанные балы, конская скачка, поднятіе колокола на колокольню вновь строящагося собора, и пр. О семъ послѣднемъ скажу подробнѣе: когда привезенъ былъ колоколъ на баркѣ, искали подрядчика, который бы перевезъ его на гору къ собору. Никто не согласился менѣе пятисотъ рублей взять за такой подрядъ: такова гора! Тогда народъ, поставивши колоколъ на полозья, торжественнымъ шествіемъ повезъ самъ своими руками этотъ колоколъ, духовенство и чиновники сопровождали пятитысячную процессію. Даже дѣти и старухи хватались за стосаженную веревку, будто помогая своимъ отцамъ и сыновьямъ. Въ полчаса колоколъ былъ уже на горѣ. Въ двѣ минуты его встащили на верхъ колокольни.—Братъ писалъ мнѣ когда то, что Гулакъ умеръ. Правда ли это? Я въ Екатеринославлѣ слышалъ противное. Вѣрно братъ повѣрилъ ложному слуху, а потомъ забылъ исправить свою ошибку.—Старикъ Цыхъ разсказывалъ, что сынъ его получилъ адъюнкта и магистра, и радовался. Я не хотѣлъ уничтожать его радости ни даже сомнѣніемъ. Но скажи пожа-

луйста, братъ, ужели Гордѣенко [1]) и Криворотовъ [2]) добились магистерства? Если Цыха сбили, то ихъ обоихъ стоило бы сдѣлать истопниками въ университетѣ: а сдѣлать ихъ магистрами, удаливши Цыха,—срамъ университету. Если сложить цѣлый легіонъ Криворотовыхъ, то и тогда не составится ни одного Цыха, ни по уму, ни по знаніямъ. Я возвращался изъ Екатеринославля вечеромъ. Мятель играла въ воздухѣ. Я закутался—и заснулъ. Кучеръ—чудо, лошади—тоже. Летимъ. Я проснулся, когда съѣзжали съ горы къ Днѣпру. Тпру! Кучеръ соскочилъ искать дороги черезъ Днѣпръ, наконецъ помощью мужика отыскали—и поѣхали по льду. Вода подо льдомъ гудетъ. Ледъ трещитъ, но это вовсе не страшно, провалиться нельзя. Ледъ уже въ аршинъ толщины; а скучно то, что ѣдешь по льду. По Днѣпру ледъ обыкновенно становился *шерегомъ*. Какъ бы это вамъ разсказать? Легкій ледъ въ началѣ зимы ломается волною,—становится другъ къ другу бокомъ и замерзаетъ постепенно, начиная отъ нижняго порога къ верхнему. И такъ ледъ вдругъ становится толстымъ, но чрезвычайно неровнымъ: одинъ кусокъ льдины выдался, другой впалъ. Когда Днѣпръ станетъ, прокладываютъ дорогу, то-есть чистятъ, чтобы удобнѣе было ѣздить; но это не помогаетъ. Ѣдешь, и безпрестанно гнешься то на одну сторону, то на другую. Подъ колею вѣчно попадаетъ льдина,—и такъ тряско надобно ѣхать около двухъ верстъ. Вы не можете себѣ представить, какъ у меня болѣли ноги послѣ такого странствія. Точно будто кто ихъ перещупалъ кіемъ...

—

14.

7 декабря 1832 г. Варваровка.

Лети, лети время, скорѣй, скорѣй! А вы, душенька маменька, ждите колокольчика. Скоро, скоро...

---

[1]) Григорій Степановичъ Гордѣенко, впослѣдствіи проф. законовъ полицейскихъ и уголовныхъ Харьковскаго университета († 1849 г.).

[2]) Александръ Григорьевичъ Криворотовъ, проф. римскаго права въ Харьковскомъ унив. († 1850 г.).

Уже я начинаю приготовляться къ пути. Вчера вечеромъ перебиралъ и приводилъ въ порядокъ тетради. Пересматривая такимъ образомъ свои кипы, я увидѣлъ, что время не совсѣмъ потеряно. Украинская скрыня моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно. Собраніе словацкихъ пѣсенъ тоже увеличилось, ибо и къ намъ въ деревню два раза заходили словаки: разумѣется я не пропускалъ случая. Собственно мои труды также шли не даромъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, я буду просить у васъ кое въ чемъ совѣтовъ, милая маменька. На совѣты чужіе и не могу, и боюсь положиться...

—

15.

16-е дек. Варваровка.

Послѣднее. Слава Богу, слава намъ!

...Какъ увидимся, то я думаю и въ двѣ недѣли я не успѣю пересказать всего,—а какъ писать въ письмѣ, то того не хочется, того не можно, того не ловко, и такимъ образомъ предметы письма уменьшаются въ количествѣ и сходятся къ очень небольшому числу самыхъ глупыхъ мелочей. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ засѣдатель. Это лицо довольно аккуратно выражаетъ мѣсто, имъ занимаемое.

Пріѣхавши въ Харьковъ, я когда-нибудь опишу вамъ формально всѣ лица, коихъ лицезрѣніемъ я наслаждался въ здѣшнихъ мѣстахъ, опишу всю этнографію украинскихъ степей самымъ вѣрнымъ образомъ съ прибавленіемъ безчисленныхъ анекдотовъ. Юмористическій цѣлый романъ въ рукахъ,—стоитъ приняться написать,—только не хочется.

Послѣднее время я занимаюсь собираніемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресеніе ожидаю къ себѣ старика—болтуна, который долженъ разсказать многое. Знаете ли, какъ добръ Иванъ Тимоѳеевичъ: слѣдующею весною я поѣду по Днѣпру, то водою, то сухимъ путемъ, и обозрю всѣ пороги и острова самымъ вѣрнымъ образомъ, а если вы позволите мнѣ издержать 30 рублей, то буду въ состояніи доплыть до самаго Херсона и до Чернаго моря и вернуться назадъ въ Варваровку на почтовыхъ. Туда на баркѣ

почти даромъ. Путешествіе самое веселое. А лѣтомъ непремѣнно поѣдемъ съ вами въ Изюмскій уѣздъ. Я столько наслышался о красотѣ онаго, что грѣхъ не увидѣть его. Но это все зависѣть будетъ отъ вашего позволенія.

А затѣмъ прощайте, милая маменька, *до свиданія.*

Из. Ср. [1])

—

16.

Варваровка. Генв. 17, 1833.

Желаю здравствовать, маменька! Здравствуй, братъ! Уже 4-й день, или 3-и сутки, какъ я въ Варваровкѣ. Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ вчера. Все пошло по прежнему, тихо, медленно. Катерина Романовна и Иванъ Тимоѳеевичъ еще лучше со мною. Дѣти любезны. Всѣ обрадовались мнѣ, какъ родному. Я сказалъ Катеринѣ Романовнѣ, что вы позволили ей не только ставить меня въ уголъ, но и совершенно передали ей право маменьки; а вслѣдствіе сего, я, благодаря, говорю ей: merci, maman! Дней черезъ 10-ть они будутъ въ Харьковѣ проѣздомъ въ Воронежъ. Вотъ нашъ путь: — Первая станція была пребезпокойная. Я болѣе шелъ пѣшкомъ. Потомъ лошадь пала. Потомъ въ Мерефѣ съ кибиткой. Я осмотрѣлъ ее: починять было долго. Мы оставили ее и поѣхали далѣе въ Водолаги... Въ Водолагахъ мы отдохнули. Часу въ 8-мъ утра пріѣхали въ Старовѣровку... Въ Константиноградѣ я пролежалъ больной; выпилъ полбутылки краснаго вина и лучше стало. Утромъ пріѣхали въ Новомосковскъ на другой день, а вечеромъ въ Варваровку. Въ Новомосковскѣ я купилъ экипажъ—дасъ—экипажъ, простите, извините—заплатилъ дорого,—да я купилъ въ надеждѣ, что онъ пригодится,—розвальни за 8 рублей...

—

17.

Варваровка. Генв. 22, 1833.

...Я не отложилъ намѣренія издавать Альманахъ подъ именемъ „Отрывки". Содержаніе: повѣсти, путешествія и исто-

---

[1]) На послѣднемъ листкѣ письма нарисованъ «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI вѣкѣ».

рическіе отрывки. Если увидитесь съ Петровымъ[1]), то именемъ своимъ попросите для меня у него статьи о Сибири; а я ему пришлю обѣщанное по слѣдующей почтѣ[2]). Теперь некогда писать, а то и теперь бы прислалъ.

Извѣстите, маменька, объ этомъ и Ивана Николаевича; да еще вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу напечатать въ альманахѣ своемъ его отрывки изъ писемъ безъ подписи имени, а звѣздочками. Согласится ли? не сердится ли? Еще маленькая просьба, почтеннѣйшая маменька: сдѣлайте милость, попросите Іосифа Афанасьевича, чтобы онъ сократилъ для меня статью изъ Annales des Voyages Мальтебруна о Сѣверныхъ земляхъ, которая поясняетъ карту Зено. Онъ знаетъ. Я думаю, что онъ по добротѣ своей не откажется это сдѣлать, тѣмъ болѣе потому, что эта статья мнѣ очень нужна. Пусть извинитъ, что не пишу къ нему: ей-ей, некогда.

Когда Иванъ Тимофеевичъ будетъ въ Харьковѣ, то сдѣлай милость, братъ, вручи ему мой Телескопъ (2 тома), достань остальное у Рейпольскаго, пожалуйста достань. Вчера мы читали Саламанхскаго студента и хохотали.

У насъ весна. Снѣгу нѣтъ, Днѣпръ таетъ. Я ѣздилъ верхомъ въ одномъ архалукѣ. Стадо въ полѣ. Кое-гдѣ пробивается молоденькая травка...

—

18.

Варваровка. 27 генв. 1833.

...Хотѣлъ бы вамъ написать какую-нибудь новость, та що робыты?—Немае ніякои.—По вечерамъ занимаюсь перепиской

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Петровъ—харьковскій литераторъ.

[2]) Это обѣщанное были «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», напечат. Петровымъ въ его альманахѣ «Утренняя звѣзда» (Москва, 1836) съ подписью И. С. р. з. к. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833, февр. 11. О статьѣ этой есть упоминаніе въ одномъ изъ писемъ Е. И. Срезневской И. И. С—ому; изъ него видно, между прочимъ, что Петровъ просилъ И. И. С—го нарисовать портретъ Сковороды въ свитѣ; вѣроятно, этотъ портретъ и есть тотъ, который былъ напечатанъ въ «Утренней звѣздѣ» и перепечатанъ въ «Библіографѣ» 1894 г. при замѣткѣ моей о письмахъ Сковороды къ Правицкому.

статей альманачныхъ. Недѣли черезъ двѣ пошлю въ Москву рукопись уже переписанную. Вы, можетъ быть, удивляетесь простотѣ названія моего альманаха: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Статьи любопытныя. Не угодно ли прочесть заглавіе приготовленныхъ уже? Вотъ оно:

Повѣсти: Вукъ Абрамъ (Евецкаго), Туфли (арабская пов.), Мой дядя (моя), Фермата (Гофмана, пересказанная мною), Веверянка (преданіе), Блуждающій жидъ (Шуберта).

Путешествія: Чатырдагъ (Филомафитскаго), Черниговъ (Кулжинскаго), Жители западныхъ Пиринеевъ (Фишера изъ Москвы), Разсказъ бывшаго въ плѣну у дикарей Сѣверной Америки, *о* Сербіи; Оссетины (Яновскаго), о Грузіи (Евецкаго).

Смѣсь: О молдавской народной поэзіи, Мысли и замѣчанія; Письма о санскритской литературѣ и языкѣ; о магометанахъ (Ив. Ник. Соколова).

Это еще не все. Если Петрову захочется знать содержаніе, то пусть полюбопытствуетъ. Если можно будетъ, то я постараюсь еще достать повѣстей, дабы сдѣлать альманахъ любопытнѣе... [1])

19.

Варваровка. 1833. Середа, 21 февр.

...Вы пишете мнѣ, маменька, относительно Полторацкаго [2]) Братъ сказалъ, что я не соглашусь,—а я напротивъ радъ случаю, разумѣется, лишь бы на такихъ условіяхъ, кои могли бы мнѣ доставить такое покойное житье, какъ теперь, хоть и хуже немножко, то ничего. Мнѣ теперь—чудо; одно то, что я не таскаюсь по пансіонамъ; лишь-бы вы, маменька, согласились. По немногу, нѣтъ по многу, я занимаюсь—и наконецъ выслужу свое. Служба не уйдетъ; а деньги нужны. Одно, что я не подлѣ васъ. Охъ, тяжко мнѣ иногда отъ этого, да что дѣлать! Я увѣренъ, что вы теперь не грустите о недостаткѣ: съ меня и этого достаточно. Я покоенъ, я счастливъ. Это правда, я не

[1]) Альманахъ этотъ напечатанъ не былъ.

[2]) Полторацкій приглашалъ И. И. С—го на мѣсто домашняго учителя (изъ письма Е. И. Срезневской 10 февр.).

забываю о магистерствѣ, но едва ли въ Харьковѣ. Мнѣ бы хотѣлось такъ распорядиться: поучить нѣсколько лѣтъ, потомъ сыскать компанію за границу, дать въ доктора, да и свиснуть опять въ Русь. Мнѣ еще 20 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Если и еще 4 года погуляю, то много. А между тѣмъ есть много времени для занятій, и больше охоты заниматься по волѣ. Впрочемъ все будетъ, какъ Богу угодно. Будетъ то, что будетъ, а будетъ что Богу угодно, какъ сказалъ Хмѣльницкій. Я положилъ себѣ за правило каждую недѣлю написать какую-нибудь статью,— двѣ недѣли ее поправлять, а на третью отсылать въ журналъ. И это скрѣпляетъ мои занятія, а между тѣмъ главное мое занятіе, любимое—исторія Украины идетъ само собою не въ счетъ. Прошлую недѣлю послалъ въ Телескопъ: О Зендавестѣ. [1]) Нынѣшнюю, если успѣю переписать, перепишу о Вико [2]). Будутъ ли напечатаны, объ этомъ братъ меня увѣдомитъ...

—

20.

Варваровка. 1833, февр. 24.

Не знаю, что и подумать, милая моя маменька, о вашемъ молчаніи на прошлой почтѣ. Такое критическое время какъ теперь невольно наводитъ подозрѣніе. Здоровы ли вы? Не больны ли? Не больны ли отчаянно? Или, можетъ быть, васъ мучитъ боль глазная? Никогда я столько не безпокоился, столько не грустилъ, не призадумывался, не мѣшался въ разговорахъ, не наводилъ скуку на другихъ, какъ теперь, начиная съ прошедшей субботы. Не знаю, что и подумать, какъ и разгадать! Въ другое время я только жалѣю, что отъ васъ ни строчки, но теперь, теперь, когда вы сами увѣдомляете меня о повѣтріяхъ! Маменька, добрая маменька, ради Бога не пропускайте не одной почты, пока въ Харьковѣ не будетъ все спокойно. Хоть по нѣскольку строчекъ руки вашей,—и съ меня довольно.

---

[1]) «Общія основанія Зендавесты» были напечатаны въ Телескопѣ 1835 г. (т. 28, с. 519—526) съ подписью И. С. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833 г. февр. 16.

[2]) Напечатано не было.

Пусть братъ дописываетъ остальное. Ахъ, если бъ вы знали, маменька, какъ теперь тяжело мнѣ; грущу, и какъ будто по какому-то предчувствію. Конечно у васъ есть медики, близка помощь,—но, пожалуйста, душенька маменька, не болѣйте, будьте здоровы, да не забывайте вашего степняка. Для него лучшее удовольствіе, единственная отрада—вѣсть отъ васъ. Теперь только я почувствовалъ, какъ тяжело разставаться съ родными, какъ тяжело сносить горе отдаленія отъ родной. Нѣтъ, мое опредѣленіе жить подлѣ васъ, неразлучно. Тогда только я спокоенъ, счастливъ. Если огорчу васъ невольно,—вы простите меня; а теперь некому огорчить, некому и приласкать. Просто былинка степная. Однако я расквасился. Можетъ быть вы здоровы. Ахъ, если бы!—Вы получили мое послѣднее письмо и въ немъ видъ Днѣпровскій. Теперь каждое утро я брожу по берегамъ Днѣпра и снимаю виды. Есть видъ Ненасытянца; видъ пороговъ Звонецкаго и Волошскаго и пр. Понемногу составлю порядочный портфель. Память со степей. Хочу нарисовать видъ Днѣпра, ночь, горятъ степи, Днѣпръ пылаетъ. Если бъ удалось. Жаль, бумаги нѣтъ хорошей. Завтра воскресенье: ѣду съ Алексѣемъ Ивановичемъ [1]) на Ворону. Тамъ живетъ 97-лѣтній старикъ Гречка. Онъ былъ запорожцемъ, знаетъ много важныхъ неизвѣстныхъ исторій, происшествій. Буду разспрашивать; а Катерина Романовна обѣщала зазвать волошку и списать у нея Молдавскія пѣсни съ переводомъ. Это вмѣсто сюрприза...

—

21.

Варваровка. 1833, февр. 27.

Нѣсколько уже дней я зритель пожара степей. Зрѣлище для меня совершенно новое и поразительное. Я бы желалъ познакомить васъ, милая маменька, съ этимъ пожаромъ; но что дѣлать,—вы не родили меня ни поэтомъ, ни живописцемъ. Если бы я рѣшился описать вамъ этотъ пожаръ въ красивыхъ періодахъ, то только бы насмѣшилъ васъ своимъ кислорѣчіемъ;

1) Сынъ Подольскихъ.

если бы нарисовалъ, то вы бы не поняли. Придется ограничиться однимъ сказаніемъ о томъ, какъ и для чего производятся подобные пожары.

По степямъ днѣпровскимъ растетъ высокая трава, подобная хлѣбу, густая, высокая. Здѣсь называютъ ее *комышемъ*, *ковылою*, *тирсою*, какъ угодно. Когда то, въ прежнее бывалое, старинное время этотъ комышъ бывалъ такъ высокъ, что за нимъ не видно было рогатаго скота,—настоящій лѣсъ. Теперь, когда степи населяются все болѣе и болѣе, комышъ унизился; но и теперь въ иныхъ мѣстахъ онъ выше $1^1/_2$ арш. Въ продолженіе цѣлаго лѣта онъ растетъ, зеленѣетъ; осенью сохнетъ, и во всю зиму стоитъ крѣпко на стебляхъ своихъ. Вѣтеръ только играетъ имъ. Весною, когда снѣгъ спадетъ и солнце пригрѣетъ землю, степняки начинаютъ жечь этотъ высохшій лѣсъ комышу, дабы скорѣе росла молодая трава; берутъ пукъ самаго тонкаго комышу, сгинаютъ въ ложку, кладутъ огню въ оную,—и, когда пукъ запылаетъ, они начинаютъ поджигать степь, приложивши пукъ къ землѣ и бѣжа такимъ образомъ перпендикулярно къ вѣтру, по прямой линіи. Полоса запылала, вѣтеръ погналъ пламя, и вотъ степь покрылась вся огнемъ. Она горитъ до тѣхъ поръ, пока сыщетъ себѣ какую-нибудь препону, хотя небольшую, дорожку. Если желаютъ, чтобы пожаръ пошелъ далѣе черезъ дорогу, перекидываютъ огонь, и пламя бѣжитъ далѣе до новой препоны. На эти пожары любо смотрѣть ночью. Небо играетъ заревомъ, пламя и дымъ вьются клубами, Днѣпръ будто горитъ, и волны, переливающіяся черезъ пороги, сіяютъ мрачною радугою.—И все тихо и все глухо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка вой волка пробудитъ спящихъ собакъ или порывъ вѣтра прерветъ тихій ропотъ пороговъ, и пороги взбурлятъ, и вспѣнятся волны...

Что то дѣется съ Іосифомъ Афанасьевичемъ? Что подѣлываетъ его око всевидящее? Или оно еще ничего доселѣ не видитъ? Жаль! Я представляю себѣ его отчаяніе. Онъ такъ любитъ читать и заниматься, а при глазной боли долженъ ограничиваться одними своими мыслями.—Я хотѣлъ къ нему писать письмо, но поду-

малъ, что равно онъ отложитъ чтеніе его, а потому и рѣшилъ подождать его собственной писульки. Тогда напишу зѣло много.—Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу и собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ *Гречка*, о которомъ я писалъ къ Вамъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ,—жаль, что ему измѣняетъ иногда память, но въ такомъ случаѣ я его надоумливаю, онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру III-му. Происшествія за его память онъ разсказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, *по своему*, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ минувшаго! Скажите, добрая маменька, что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Упоминаетъ ли онъ когда-нибудь обо мнѣ? какъ упоминаетъ? Вотъ уже два письма я написалъ къ нему: одно до Рождества, другое тотчасъ по пріѣздѣ. И ни слова. Ужели онъ сердится на меня? Ужели я виноватъ предъ нимъ? Я по крайней мѣрѣ желалъ бы знать вину свою. Но такъ темно быть виноватымъ, осужденнымъ,—Богъ съ нимъ, съ добрымъ Иваномъ Николаевичемъ! Я вовсе не заслуживаю, кажется, презрѣнія отъ него; но и навязываться, подбѣгать, льстить—не намѣренъ ни предъ кѣмъ, тѣмъ болѣе предъ Иваномъ Николаевичемъ, котораго я душевно почитаю, люблю и обязанъ многимъ: тогда бы только я былъ тѣмъ, чѣмъ угодно, какъ видно, считать меня теперь Ивану Николаевичу. Я уже не смѣю теперь относиться къ Ив. Ник. ни съ просьбою, ни съ совѣтомъ, ни съ чувствами, словомъ: слова мои только увеличиваютъ въ немъ худое обо мнѣ мнѣніе, и наскучаютъ ему. Для чего же терять ихъ? Я знаю, что если Иванъ Николаевичъ любилъ меня, то для меня же, изъ желанія мнѣ добра, пользы, счастія; а я могу любить его только для себя. Разница большая.

Прощайте, добрая маменька!—Не забывайте вашего сына.

И. С.

22.

Варваровка. 1833, мар. 15.

...Въ нынѣшнюю недѣлю у насъ пропѣлось нѣсколько самыхъ жестокихъ бравурныхъ арій. Отчасти у меня голова ходенемъ ходила.

Алексѣю Ивановичу разрѣшили не быть студентомъ. То была первая бравада. Ему наскучило учить большіе уроки; онъ объявилъ нѣсколько разъ досаду свою маменькѣ и папенькѣ. Папенька обрадовался, что сынокъ хочетъ идти по батьку. Маменька вѣроятно сжалилась надъ любимымъ болваномъ, и Алеша вступитъ прямо въ военную службу. То то будетъ настоящій Кабудъ, путешествовавшій въ Мекку! Мнѣ было досадно такое рѣшеніе. Всѣ труды мои пропали. Я представлялъ и то и другое, но, разумѣется, выслушали, да не послушали. Это обыкновенно бываетъ, и я только расхохотался. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, мое дѣло было сказать; а по расположенію ко мнѣ и Катерины Романовны и Ивана Тимофеевича, вѣчно допрашивающихъ и меня, что касается до мыслей,—я не могъ сдѣлать иначе: пересказалъ все откровенно. Теперь Алеша развязанъ и пошелъ ослить, учится прегадко, думаетъ объ одномъ ружьѣ, а объ урокахъ вовсе нѣтъ думки. Я предварилъ родителей о слѣдствіяхъ позволенія. Мое предсказаніе сбывается.

Цѣлое семейство мужиковъ, т. е. отецъ и два сына изъ новокупленныхъ русскихъ, бѣжало изъ деревни, Богъ вѣсть, куда. То была вторая бравурная арія, которая не кончилась и доселѣ. Ив. Тим. посылалъ погоню по всѣмъ дорогамъ, но не отыскали. И причину побѣга трудно отгадать. Снялись да и пошли, оставя женъ и дѣтей, вѣроятно, съ намѣреніемъ при случаѣ взять и ихъ къ себѣ. Были допросы, были арапники,—все тщетно. Удивляюсь стойкости русскаго народа. Хохолъ никогда не будетъ такъ стоекъ. Розыски продолжаются. Угадываютъ мѣсто, куда бѣжали. Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть много панковъ, которые безтрепетно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами, и ничего не платятъ, угрожая судомъ. Но таковъ предразсудокъ: мужику лучше жить

подъ паномъ, нежели *у пана* по крѣпости. Думаютъ, что бѣглые отправились къ одному изъ такихъ панковъ, который имѣетъ хуторъ около Елисаветграда.

Днѣпръ ломаетъ. То третья бравурная арія. Но какова смѣлость народа здѣшняго! Вчера начало ломать ледъ, а третьяго дня и вчера даже утромъ ходили и ѣздили! Впрочемъ эта смѣлость искусственная. Ходятъ въ такое время по льду и ѣздятъ только одни Синельниковцы. Баринъ приказываетъ, стращаетъ арапниками,—бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаетъ синельниковцевъ до 18 душъ. А какъ бы вы думали, кто причиною такого погона бѣдныхъ? Belles maitresses Синельникова, который живетъ съ ними не какъ султанъ или паша, а какъ нижайшій рабъ, не смѣющій ослушаться приказаній своихъ повелительницъ. Синельниковъ покровительствуетъ разврату въ своихъ имѣніяхъ лучше, нежели нашъ государь просвѣщенію.

На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская, старикъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ. Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ. Однако не перестану заниматься. Трудъ мой, почти семилѣтній, не долженъ остаться безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепишу набѣло аккуратно все свое собраніе. Куча будетъ порядочная!

Прощайте, маменька, прощай, братъ! Да, ради Бога, не забывайте вашего степняка...

—

23.

Варваровка, 17 марта 1833 г.

Еще почта, и опять отъ васъ нѣтъ письма. Господи Боже мой! Я настоящій сирота. Неоткуда мнѣ получить вѣсти, нечѣмъ порадоваться... Милая маменька, теперь я знаю, что значитъ любить и какъ я люблю васъ! Можетъ быть я желалъ бы даже быть равнодушнѣе, желалъ бы забыть свое горе,—но нѣтъ, оно слишкомъ близко къ сердцу, имъ все оно занято. Я плакалъ, читая

слова Вернера: „Богъ и мать, вотъ что должно занимать меня" и пр. Нѣтъ, Вернеръ не обманывалъ, говоря это. Я это чувствую по себѣ. Письмо, привезенное мужикомъ русскимъ съ посылкою—было послѣднее. Пять недѣль прошло,—и хотя бы кто строчку. Ни вы, ни братъ, ни Джунковскій. Ужели я недостоинъ строчки? Одна только строчка вашей руки, маменька,—съ меня бы и ее довольно. Наконецъ, я прошу васъ на предбудущее время,—не пропускайте ни одной почты, хоть по нѣскольку строчекъ, пишите ко мнѣ, но пишите. Это не составитъ большого счета. Мнѣ не нужно харьковскихъ новостей и пр. мнѣ нужна вѣсть отъ васъ, о вашемъ здоровьи,—увѣреніе, что вы не забыли, не сердитесь на меня.

На прошлой почтѣ я писалъ письмо къ Евецкому, чтобы онъ увѣдомилъ меня. Можетъ быть у него лежатъ письма ко мнѣ. Но отвѣта черезъ почту ждать долго. Иванъ Тимоѳеевичъ былъ такъ одбръ, что приказалъ снарядить дубъ, и завтра Романъ переправится на ту сторону, и поѣдетъ въ Екатеринославль. Послѣзавтра поутру я получу отвѣтъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ письмами вашими! Нѣтъ, худо, худо на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, отъ родной матери, матери, которой обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже чувствомъ любви къ ней! Это чувство невольно... нѣтъ, не доскажу.

Авось либо я буду счастливъ послѣ завтра. Авось, но если нѣтъ... что я долженъ подумать. Лечу въ Харьковъ. Сейчасъ только былъ у меня Иванъ Тимоѳеевичъ Я ему сказалъ эту мысль свою, онъ согласенъ. Дѣло кончено. Еще почта—и я у васъ.

Прощайте, маменька, не забывайте вашего сына. И. С.

—

24.

Варваровка, 20 марта 1833 г.

Наконецъ, добрая маменька, наконецъ я успокоился. Третьяго дня я получилъ ваше письмо № 5 отъ 28-го февраля. Съ этою почтою надѣюсь получить и еще одно, а можетъ быть и два. Но, ради Бога, не оставляйте меня, маменька, безъ пи-

семъ вашихъ. Катерина Романовна говоритъ, что я былъ похожъ на больного во все время ожиданія,—и былъ какъ сумасшедшій, когда дождался. Я не помню, чтобы когда-нибудь былъ такъ восхищенъ, какъ получивши это письмо. Но я долженъ признаться, не получая такъ долго письма отъ васъ, я думалъ, былъ почти увѣренъ, что уже не увижусь съ вами никогда, что я уже сирота, жалкій, беззащитный сирота безъ родныхъ, безъ покрова, одинъ, какъ степная былинка.

Относительно статьи о Сковородѣ, сдѣлайте одолженіе прочтите ее внимательно, пораскритикуйте,—и только тогда отдайте Петрову, когда найдете ее достойною печати. Вѣдь она написана слишкомъ наскоро, не болѣе какъ въ два вечера.— Хоть и не будетъ извѣстно, кто сочинилъ, ее, но все лучше, если она не хороша, не печатать ее.

Знаете ли что, милая маменька? Мнѣ кажется—Петровъ не будетъ издавать Альманаха. Пусть братъ провѣдаетъ объ этомъ,— и если нѣтъ,—то лучше моей статьи и не отдавать ему, а то у меня черновой рукописи не осталось, а у него запропадетъ. Ее можно будетъ со временемъ исправить, и она будетъ похожа на что-нибудь дѣльное. Это самое меня заставляетъ не приготовлять и другихъ статей, которыя обѣщаны Петрову.....

—

25.

Варваровка. 29 мар. 1833 г.

.....Я еще кажется вамъ написалъ, что уже лакомился осетриной. Чудо рыба, если она свѣжая! Мѣсо бѣлое, жирное, питательное, хрящи какъ желе. Пробовалъ и икру—не понравилась, какъ и харьковская, я не нашелъ даже разницы; та же гадость. Но осетрина—чудо. До сихъ поръ поймано только 3 осетра, изъ коихъ одинъ—*кашница*, т. е. съ икрою. Кашница вѣсомъ 4½ пуда, въ томъ числѣ икры неочищенной 1 пудъ и 6 фун., а когда очистили вышло около 30 фун. Два осетра уже съѣдено (въ пять дней), а третій посоленъ, но и тотъ уже начатъ, ибо теперь по причинѣ холода ловли нѣтъ.

По Днѣпру только 6 помѣщиковъ имѣютъ осетриную ловлю... Когда кашницу рѣзали, Кат. Ром. призвала меня, при мнѣ вынимали икру, при мнѣ икру чистили, при мнѣ разрѣзывали осетра на куски и солили. Я теперь знаю это ремесло; если случится, то и на дѣлѣ покажу свое знаніе...

Такъ вамъ понравилась моя Сковорода, или блинъ, что я спекъ на Сковородѣ! О коллегіумскихъ безпокоиться нечего, ибо моя фамилія не будетъ подписана; а притомъ на все есть цензура. Позволитъ—и дѣло, не позволитъ—и то дѣло. О Featурнетѣ и о дамскомъ башмакѣ тоже думать нечего. Featурнетъ самъ это разсказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть разсказывалъ, ибо теперь онъ безъ просыпу пьетъ въ Водолагахъ у Дуниныхъ.

Петровъ говоритъ, что у него мало стиховъ. Дѣльно. Если успѣю, то перепишу ему, что у меня есть, и по слѣдующей почтѣ пришлю къ вамъ, а вы передадите пану Петрову; потрудитесь, добрая моя мама!—Я что-то теперь веселъ—и самъ не знаю чего. Такъ или потому что съ завтрего гуляю—ажъ-ажъ-ажъ до проводного понедилка. Еге!...

—

26.

Варваровка. 1833, апрѣля 10-е.

Отправивши къ вамъ, милая маменька, прошлое письмо, я поѣхалъ гулять по Днѣпру на дубѣ, и доѣзжалъ до половины, т. е. до острова Голодайки, около версты отъ берега. Что за удовольствіе! Три рыбалки поютъ свои заунывныя пѣсни, весла *шеморятъ* водою, мы летимъ. Я вспомнилъ, какъ мы прошлымъ лѣтомъ ѣздили по Лопани съ Іосифомъ Афанасьевичемъ и братомъ. Что если бы намъ поплавать вмѣстѣ по Днѣпру; мы бы заѣхали на Куной островъ, взошли бы на скалу и полюбовались бы видомъ Ненасытянца: этотъ островъ лежитъ у самаго порога, и съ него порогъ кажется настоящею горою. Увидѣли бы, какъ вода, облеченная мутной пѣной, крутится и переливается по двѣнадцати лавамъ или уступамъ скалъ Ненасытянскихъ... Чудесно!

Но вы вѣрно не поѣхали бы, маменька, вы бы побоялись великаго Днѣпра. Нѣтъ, онъ ничуть не страшенъ. Ѣдешь, какъ по маслу, легче нежели по Лопани. Разумѣется въ тихую погоду.—А въ бурю—это другое дѣло.

Какъ жить, а, если жить умѣючи, то въ здѣшнихъ мѣстахъ превесело. Напр. положимъ, что мы имѣемъ хуторокъ у самаго берега Днѣпровскаго; нашъ маленькій, уютненькій, весѐленькій, чистенькій домикъ стоитъ на склонѣ горы, подъ сѣнью гранитной скалы, окруженный дубровою,—здѣсь вблизи нѣсколько хатъ крестьянскихъ, тутъ мельница, здѣсь токъ, здѣсь садъ,—а тамъ пахатныя поля. Все такъ уютно, мирно. Братъ женатъ—на доброй женѣ,—у него дѣтки, подобныя милой моей *матине* [1]); я ихъ учу,—вы съ невѣсткой занимаетесь хозяйствомъ. Братъ философствуетъ на поляхъ. Подлѣ насъ Иванъ Николаевичъ. Онъ тоже иногда учитъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Тысячъ пятокъ доходу въ годъ,—и все хорошо. Иногда выѣзжаемъ въ Харьковъ, иногда въ Кіевъ,—и пр. и пр. Мы выписываемъ журналы, газеты; вечерами читаемъ; иногда пріѣзжаютъ сосѣди: тѣ для удовольствія, а тѣ для разнообразія. Я занимаюсь садомъ... Право не дурно... Но,—мечта,—и очень дурно.

Впрочемъ мнѣ жить изрядно и такъ. Только нѣтъ васъ, а это хуже всего. На другой годъ ни за что не соглашусь остаться: лучше меньше получать, да жить подлѣ васъ, вмѣстѣ съ вами,—вмѣстѣ и горе и радость. Надобно только добиться въ институтъ, если останемся въ Харьковѣ, ибо брату должно окончить курсъ, а тамъ поглядимъ. Можетъ быть, въ Москву, или куды инше.

До того времени мнѣ хочется приготовить себя какъ слѣдуетъ въ томъ и другомъ: во-первыхъ относительно познаній, а во-вторыхъ относительно литературной извѣстности. Иванъ Васильевичъ [2]) именно пишетъ, что дабы получить хорошее мѣсто въ Питерѣ, необходимо нужна эта извѣстность. Чѣмъ

---

[1]) Маленькая дочь Подольскихъ.

[2]) Росковшенко—университетскій товарищъ И. И. Срезневскаго († 1889).

кто извѣстнѣе, тѣмъ тотъ принимается почетнѣе. Это меня заставляетъ часть трудовъ своихъ удѣлять и на сочиненія и переводы, кои могли бы быть въ печати. Очень немудрено, что и въ Москвѣ такъ точно дѣется.

У насъ рыбная ловля, т. е. осетриная, что-то плоха, до сего времени поймано только 11 осетровъ. Едва ли этимъ и не кончится. Но вы еще не знаете, какъ ловятся осетры здѣсь, и потому я скажу объ этомъ нѣсколько словъ... Все орудіе называется *переметомъ* [1]). Этими переметами застанавливается, какъ стѣнами, весь Днѣпръ. Когда осетры начинаютъ путь свой, то по необходимости должны встрѣтить сіи преграды на ономъ, и, испуганные, мгновенно поворачиваются назадъ, ляскаютъ хвостомъ въ переметъ и попадаются на крючья. Тогда начинаютъ они ёрзать туда и сюда, сомнутъ весь переметъ, т. е. каждый изъ нихъ по одиночкѣ сведетъ *куги* [2]) одну къ другой. Рыбалки, это примѣтивши, бросаются къ тому мѣсту, встаскиваютъ переметъ на дубъ, а вмѣстѣ съ переметомъ и осетра, и т. д...

—

27.

Варваровка. 1833, апр. 17.

При семъ письмѣ прилагается послѣдній отрывокъ второй статьи для Украинскаго альманаха г. Петрова. Думаю, что мои статьи будутъ въ семъ альманахѣ не изъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, по мѣстности. При случаѣ, если вы, милая маменька, увидитесь съ Петровымъ, скажите ему, что если ему угодно попросить у меня, то я могу дать ему нѣсколько отрывковъ стихотворныхъ переводовъ изъ трагедій Кальдерона. Я переводилъ для себя, и только ради скуки вмѣсто прозы стихами. Если онъ меня попроситъ, то могу поправить стихи и прислать къ нему [3]).

---

[1]) Здѣсь представленъ рисунокъ перемета.

[2]) При объясненіи рисунка перемета сказано, что кугами наз. большія палки, плавающія на водѣ, прикрѣпленныя къ концамъ перемета.

[3]) Напечатаны не были.

Мы получили наконецъ Телескопъ и Молву, которую выписали вмѣсто Сѣверной пчелы. Викторъ Гюго—извѣстіе для Іосифа Афанасьевича—издалъ новую трагедію Лукреція Борджія. Не хвалятъ; хотя страшныхъ сценъ много. Въ Телескопѣ помѣщена прекрасная повѣсть Бальзака, въ родѣ Дженевры—*Двѣ встрѣчи*. Вы помните Дженевру, маменька, бѣдную Дженевру!—Елена, героиня сей новой повѣсти, не хуже Дженевры. Достаньте Телескопъ и вѣрно прочтете со слезами. Только Еленѣ достанется навѣрно отъ васъ. Какъ смѣла, какъ рѣшилась? И что за великодушіе? и пр...

—

28.

Варваровка. 1833, апр. 27.

Вчерашній день полонъ происшествіями, ma chère maman; но вы знаете, что значитъ день степной, исполненный происшествіями! Не много болѣе ничего. Вихрь, пріѣздъ засѣдателя и наконецъ разнощика, знаменитаго въ здѣшнемъ краю Купріановича. Такой день долженъ конечно почесться эпохою въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Но какой вихрь! Часа въ два пополудни показалось на противоположномъ берегу Днѣпра сизовато-пыльное облако. Пороги примолкли. Вѣтеръ завылъ,—и облако понеслось съ быстротою молніи поперекъ Днѣпра, будто великанъ Іоптагеймскій; идетъ по вздымающимся волнамъ, и давитъ волны могучей пятой своей, и вотъ ближе, ближе, и разсыпалось въ дребезги, ступивши на нашъ берегъ,—взрываетъ крыши съ хатъ, хлещетъ снопами соломы, свиститъ песчанымъ дождемъ, и рвется, и крутится. Невозможно было выйти надворъ, не жалѣя потерять глазъ. Стулья, стоявшіе на балконѣ моемъ, изволили въ это время танцовать мазурку и потомъ окончили променадомъ вдоль всего балкона. Я хотѣлъ было сначала восхищаться свирѣпой картиной природы, но, когда увидѣлъ пляску стульевъ, столь чудную, столь сходную съ адской пляской духовъ, то не могъ не расхохотаться,—выскочилъ на балконъ, привязалъ паруса къ плясовщикамъ и, вбѣжавши опять въ комнату, долго любовался этимъ неви(да)ннымъ хороводомъ.

Пріѣздъ засѣдателя былъ еще многообразнѣе. Динь, динь, динь! И вотъ показалось два передовыхъ казака,—ждемъ.—Катерина Романовна сидѣла въ это время у меня на балконѣ. Появляется бричка съ колокольчикомъ, запряженная тремя кляченками,—и въ бричкѣ, жидовскаго покроя двѣ жидовскихъ физіономіи, со впалыми, безпрерывно кружащимися глазами, съ усами, съ горбатыми носами, въ халатахъ.

Они пріѣхали производить слѣдствіе по дѣлу арестанта, котораго тому назадъ недѣли двѣ Иванъ Тимоѳеевичъ отправилъ въ судъ, поймавши въ своей деревнѣ. Катерина Романовна приняла засѣдателя; и онъ тотчасъ послалъ *своего писаря* производить слѣдствіе на деревню, и первое дѣло къ отцу этого арестанта, который принадлежитъ Ив. Тим. Послѣ обѣда Ив. Тим. замѣтилъ это засѣдателю. Тотъ убѣжалъ скорѣе къ своему писарю. Надобно знать, что засѣдатель обличенъ уже во взяткахъ: на него поданы жалобы. Передъ вечеромъ я съ Митей пошелъ въ деревню, гдѣ производилось слѣдствіе. Засталъ конецъ присяги, послѣ которой попъ подошелъ ко мнѣ... Между тѣмъ писарь началъ разспросы. Я замѣтилъ, что это не его дѣло, а засѣдателя. Онъ продолжаетъ. Это меня взбѣсило; особенно, когда начались разспросы о доказательствахъ. Я опять замѣтилъ, что у мужиковъ по разспросу доказательствъ не требуютъ, какъ слѣдуетъ по законамъ Николая. При томъ же разспросы не у мѣста. Они должны предшествовать присягѣ. Замѣтилъ ему и довольно дерзко, что все ихъ слѣдствіе не по закону, что, если они желаютъ, докажу въ судѣ. Видно, что оба они получили уже порядочную хабару отъ отца арестанта. Они передрогли, перекраснѣлись и переблѣднѣлись, когда сказалъ имъ, что не хотятъ ли они новаго доноса на себя, давая знать, что, по закону Николая, долгъ каждаго гражданина давать правительству знать о безчинствахъ, столь обыкновенныхъ при слѣдствіяхъ. Засѣдатель замѣтилъ мнѣ, что при разспросахъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться. Я отвѣчаю, что разспросы писаря не суть разспросы, etc. Этимъ кончилась наша перепалка, которая произвела порядочную тревогу въ сердцахъ грѣшниковъ. Но что

болѣе всего ихъ изумило, то это то, что я сказалъ имъ, что они противно законамъ производятъ слѣдствіе, не давши знать помѣщику, не получивши отъ него отзыва. Отзывъ былъ между тѣмъ мною приготовленъ и такой отзывъ... Но что распространяться вдаль? Окончилось тѣмъ, что они передо мной расшаркались при прощаньи, а я du haute de ma grandeur кивнулъ имъ головою. Катерина Романовна—моя защитница: она говоритъ, что и сама тоже самое сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ, Ив. Тим. также. Итакъ, засѣдателю носъ. Хорошо еще, что этимъ кончилось; а если бы меня не уговорилъ Ив. Тим. кончить ничѣмъ, то непремѣнно съ сею же почтою полетѣла бы бумажка къ губернатору на имя Евецкаго. Я бы сдѣлалъ маленькое благодѣяніе всему дворянству Павлоградскаго уѣзда.

Я увѣренъ, что вы не похвалите меня за горячность. Но я защитилъ бѣдныхъ мужиковъ. Ив. Тим. не имѣетъ въ семъ случаѣ права защищать ихъ. И деньги, которыми бы они навѣрно приплатились порядочно за свое незнаніе законовъ, остались въ ихъ карманахъ. Во время нашей перепалки мужики стояли за меня и говорили мнѣ, когда я защищалъ ихъ, какъ адвокатъ съ боку припеку:—„Да, да, батюшка, правда твоя, чѣмъ мы докажемъ? Мы люди неграмотные“...

—

29.

Варваровка. 3 мая 1833.

Новая боязнь, новое безпокойство, новая мука, добрая моя маменька! Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и тогда сознаетесь, что какъ ни хорошо мнѣ жить здѣсь, а все худо. О, если бы я могъ, но не дай, Боже, мнѣ испытывать это, если бъ я могъ жить самъ собою безъ всякой привязанности, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ чувства гнуснаго себялюбія, безъ всякихъ привязанностей, кромѣ одной презрѣнной привязанности къ суетѣ своихъ личныхъ выгодъ,—тогда бы, можетъ быть, я жилъ бы счастливо въ степи Варваровской. Принятъ, какъ родной, какъ семьянинъ, имѣю все нужное, могу удовлетворять даже нѣкото-

рымъ прихотямъ своимъ, не нуждаюсь ни мало во времени для занятій науками. Чего бы болѣе? Но я былъ въ тысячу кратъ счастливѣе, не получавши 3000 руб., живши подъ однимъ кровомъ съ вами. И радость, и горе, все было для меня тогда раздѣлимо, все общее. Не за кого было опасаться, не за кого грустить, не по комъ жалѣть. А деньги, могутъ ли онѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашимъ? Лишь бы довольство: избытокъ портитъ людей. Не такъ ли? Если бы я могъ остаться здѣсь и на другой годъ, то не увѣренъ, такъ ли же остался бы привязанъ къ вамъ, не охладѣлъ ли бы я къ родственному счастію. Нѣтъ, маменька! Выгода остаться, несравненно менѣе выгоды не оставаться. Думаю, что переѣздъ мой въ Харьковъ рѣшителенъ. Хотя пожаръ и не совсѣмъ большое горе, по крайней мѣрѣ не несчастіе, однако за нимъ можетъ послѣдовать ваша болѣзнь. Это уже для меня настоящее горе... Ахъ, дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо ваше меня разувѣрило въ моей боязни! Жду, не дождусь послѣзавтрашняго дня. Въ Троицу поговоримъ, какъ расположиться, и увидимъ.—Здѣсь я окончилъ свои работы. Для самого себя относительно Запорожья узналъ и досталъ все, что можно было. Катерина Романовна вѣрно будетъ довольна мною, ибо дѣти прошли столько, сколько и въ три года въ пансіонѣ не выучили. 1500 руб. останется въ карманѣ у насъ. Я выѣду изъ Варваровки съ познаніемъ порядочнымъ двухъ языковъ: испанскаго и англійскаго, которыми теперь занимаюсь каждодневно, и понемногу успѣваю. Время не потеряно, смѣло скажу. Теперь и въ Харьковъ. Если бы въ Грузію или Москву и съ вами, о, это другое дѣло! Но здѣсь мнѣ незачѣмъ оставаться... Итакъ, у васъ Петровъ бываетъ частенько. Вѣрно, простой человѣкъ. Кстати, надобно въ Троицу познакомиться мнѣ съ Гр. Ѳед. Квиткой. Такъ? Рылся, рылся въ бумагахъ,—такъ нѣтъ. Представьте себѣ, маменька, почти окончилъ снимокъ портрета Сковороды и чрезвычайно удачно, куда то положилъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, недѣли двѣ тому принялся искать и все ищу, и Богъ знаетъ, гдѣ. Такъ совѣстно противу Петрова. Хотѣлось бы услужить доброму человѣку, хоть подлинникъ прислать,—ну на

бѣду рѣшительно не приберу памяти. Цѣлый вечеръ сегодня прорылся, перерылъ и книги, и тетради и нигдѣ нѣтъ. Однако буду рыться. Желалъ бы, чтобы Петровъ не отсылалъ Альманаха въ цензуру до Троицы. Хочется поправить свои статьи хоть въ слогѣ. Писаны слишкомъ наскоро. Для альманаха, конечно, годятся, но, если Петровъ приложитъ портретъ Сковороды, то вѣдь статья моя будетъ на виду,—и потому обратитъ поневолѣ на себя вниманіе. Относительно портрета—можно взять его у Ирины Григорьевны. Она вѣрно не откажетъ.—Къ пріѣзду въ Харьковъ отлагаю исполненіе обѣщанія дать Петрову стиховъ. Онъ вѣрно не поспѣшитъ съ альманахомъ, прочетши въ Сѣверной Пчелѣ, Молвѣ и Телескопѣ критики на Альціону и Комету Белы.

Брату поклонъ. Іосифу Смирянину[1])—тоже.

Прощайте, милая маменька!

—

30.

Варваровка. іюня 14. 1833.

Боже мой, какія у насъ жары—рѣшительно нестерпимыя! Въ продолженіи цѣлаго дня такъ и вянешь,—радуешься, когда приближается вечеръ, надѣешься на одинъ вечеръ. Въ комнатѣ спать ночью душно. Но если бы вся бѣда была только въ этомъ; въ Таганрогѣ платятъ за пудъ муки 4 рубля,—за пудъ сѣна 2 р. 50 к. Какъ покажется это вамъ?... Ив. Тим. получилъ въ Новомосковскѣ рукопись мою изъ цензуры и распечаталъ; и распустилъ слухъ по Новомосковску, что я печатаю Запорожскую старину. Это обрадовало одного протопопа, который рванулся писать къ архіерею, охотнику до этой старины самому страстному. [2]) Мы съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ поѣдемъ въ Екатеринославъ и познакомимся съ нимъ. Ив. Тим. доставитъ мнѣ болѣе 20 подписчиковъ, Кат. Ром. также нѣсколько. Иваненко обѣщаетъ около 50-ти. Я думаю, сыщу помощію архіерея въ Екатеринославлѣ. Все дѣло въ биле-

[1]) І. А. Джунковскій.

[2]) Гавріилъ Розановъ (съ 1828 по 1837 г.), архіепископъ екатеринославскій.

тахъ; вотъ почему и прошу васъ, маменька, попросить Петрова похлопотать о напечатаніи оныхъ по приложенной здѣсь формѣ. Братъ потрудится, перепишетъ эту форму на особомъ полулистикѣ почтовой бумаги, какъ это письмо. На первый разъ достаточно напечатать 100 билетовъ, а для сего нужно купить десть почтовой бумаги Полторацкаго, маленькаго формата въ полулистикъ. Тамъ 96 полулистковъ, слѣдовательно не достаетъ 4-хъ пол. Это хоть и на другой бумагѣ, или прикупить. Десть 2 руб. печат.— рублей 8. Да похлопочетъ Иванъ Матвѣевичъ испросить у полицеймейстера или губернатора позволеніе на напечатаніе и въ типографіи заставитъ напечатать почище и покрасивѣе. На вкусъ его можно положиться. Это все сдѣлаете дня въ три. И потому я васъ прошу, маменька, по слѣдующей почтѣ и прислать мнѣ 50 экземп. билета въ посылкѣ. А 50 останется у васъ. Имя мое подписать подъ мою руку и печать приложить на нихъ можетъ братъ. Можетъ быть, Петровъ и здѣсь что-нибудь сдѣлаетъ, или Григорій Ѳедоровичъ, къ которому прилагаю письмо здѣсь; Иванъ Матвѣевичъ постарается доставить ему. По отпечатаніи билетовъ прошу брата отнести рукопись къ ректору, а потомъ въ типографію—и печатать. А между тѣмъ я буду собирать подписчиковъ. 20 есть вѣрныхъ, слѣдовательно платежъ въ типографію вѣренъ. Если и потребуютъ впередъ рублей до 100, то, маменька, не откажите дать. Каждый корректурный листъ 1-й будетъ, надѣюсь, разсматривать братъ, 2-й—Джунковскій, Петровъ, и если, захочетъ, Квитка, а 3-й прошу васъ, добрая маменька, присылать ко мнѣ по почтѣ... Хочется, чтобы правильно было напечатано. Печатать 300 экземпл. новымъ цицеро, т. е. такими буквами, какъ Цыхова диссертація, въ малую 8-у. Петровъ похлопочетъ сдѣлать изданіе красивѣе. На веленевой печатать 20 экземпляровъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, сдѣлай тетрадку, и веди счетъ издержкамъ всѣмъ до мелочи самый аккуратный. Это изданіе мнѣ, вѣрно, не принесетъ убытку. Прощайте, милая маменька! Поклонъ Іосифу Афанасьевичу.

Изм. Ср.

Не забудь, братъ, что надобно попросить отлить отдѣльную букву *й*, а то смотри вмѣсто *й* употребятъ франц. û; а другую букву ї: такая, кажется, есть. Гдѣ у меня удареніе, смотри, приказывай ставить и въ печати вездѣ. Если хорошо попросишь, то хорошо и сдѣлаютъ.

—

31.

21 іюня 1833 года. Варваровка.

...Ночи у насъ очень прохладны, такъ что я вчера и не рѣшился лечь на дворѣ, а спалъ въ комнатѣ у раствореннаго окна; и тутъ было холодно. А дни, особенно отъ 11 до 6,—ужасно жарки. И между тѣмъ вѣтеръ почти не перестаетъ,—и какой вѣтеръ! Нашъ степной, крикливый... Дни за три былъ такой ураганъ, какого до сихъ поръ не видѣлъ: людей, шедшихъ по улицамъ въ деревнѣ, чуть-чуть не валяло съ ногъ. Днѣпръ почти весь вспѣнился. Не только противнаго берега, но половины рѣки не было вовсе видно, а другая половина изъ-подъ красноватаго дыма урагана едва была замѣтна...

Васъ, маменька, я буду просить, чтобы вы, если будетъ у васъ Петровъ, попросили бы его похлопотать относительно Запорожской старины. Мнѣ бы хотѣлось первую книжку отпечатать къ пріѣзду Уварова. Петровъ сдѣлалъ бы мнѣ великую милость, если бы потрудился объявить, сообразно билету, о семъ изданіи въ Молвѣ и Сѣверной пчелѣ, и написалъ бы, что желающіе выписать могутъ адресовать съ приложеніемъ денегъ на мое имя въ Харьковъ. Самому этого не хочется дѣлать. Можетъ быть также онъ можетъ что-нибудь сдѣлать относительно подписчиковъ въ Харьковѣ. Гр. Ѳед. Кв. буду просить лично по пріѣздѣ.—Если Богъ поможетъ, то это изданіе можетъ принести мнѣ рублей до 1000. Кажется, что оно будетъ принято благосклонно. Теперь занимаюсь приготовленіемъ 2-й книжки. На этой недѣлѣ кончу—и тамъ займусь переписью лѣтописи, которую досталъ въ Новомосковскѣ. Напишу къ оной примѣчанія

и если успѣю, то вручу ее Уварову. По вечерамъ работаю для журнала. [1])

Покорный сынъ и братъ Из. Ср.

—

32.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера я докончилъ перепись второй книжки Запорожской старины, пересмотрю, поправлю, что слѣдуетъ, прибавлю, и по слѣд. почтѣ отправлю въ цензуру. Эта книжка будетъ, кажется, довольно любопытна для многихъ. Всѣ три книжки будутъ стоить мнѣ, по большей мѣрѣ, 600 рублей: за напечатаніе, пересылку и пр. Билеты, кои останутся у васъ, означьте отъ № 51 до 100. Можетъ быть, братъ продастъ нѣсколько билетовъ студентамъ,— Іосифъ Афанасьевичъ раздастъ билета 3, а если постарается то, можетъ быть, и болѣе. Петровъ также. Пріѣхавши въ Харьковъ, буду стараться самъ у Робуша, Рейпольскаго, Борзенка. Если разойдутся всѣ 100 б., то я въ барышахъ 400 руб. ас., а потомъ по подпискѣ и еще можно набрать. Я отправлю 5 билет. къ Росковшенкѣ, 5 къ Венелину, 5 къ Шпигоцкому. Лишь бы положить хорошее начало, а то пойдетъ дѣло на ладъ. Авось либо Богъ поможетъ! Лишь бы вы, маменька, были здоровы, а то все пойдетъ на ладъ. Еще мѣсяцъ, и я къ вамъ въ Харьковъ...

Изм. Ср.

—

33.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера былъ такой жаркій день, что я не зналъ куда дѣваться—я думаю, что градусовъ до 25 доходило, если не болѣе. Ночи, напротивъ, здѣсь холодны. Можетъ быть вы не посовѣтывали бы мнѣ спать на балконѣ, но въ комнатѣ право невозможно:

---

[1]) Затѣяннаго И. М. Петровымъ.

духота нестерпимая. Я сплю на своемъ балконѣ; подо мной спятъ Катерина Романовна и Иванъ Тимоѳеевичъ. Съ вечера мы обыкновенно разговариваемъ то про звѣзды,—и я изъясняю Лапласа, каково?—то про Огненную землю, Америку и пр. до безконечности. Наконецъ мнѣ наскучаетъ болтать, я смолкаю, начинаю дремать,—и сквозь дремоту слышу: послушайте, Измаилъ Ив...—вишь, ужъ спитъ!—И я засыпаю такъ сладко, такъ пріятно, что и вставать бы не хотѣлось.

Сегодня просыпаюсь—день сѣрый, тучи ходятъ по небу, солнце будто пузырь, наполненный газомъ, и вѣтрикъ (это слово у насъ сдѣлалось техническимъ). Къ полудню дождь, проливной—и шумыть и гуде. Продолжался часовъ 5. Громовой ударъ былъ такъ силенъ, что у меня въ ухѣ зазвенѣло и голова покачнулась на бокъ... Мы въ это время сидѣли за столомъ. Къ вечеру все стихло, погода прояснилась, и я съ дѣтьми ходилъ купаться... По берегамъ Днѣпра превращеніе: тамъ появились овраги, тамъ нанесло кучи камней, здѣсь отмели... Рѣка—какъ стекло, и солнце переложило пурпуро-огневую дорогу поперекъ Днѣпра. Вы не видали, маменька, этой картины,—вы бы залюбовались!

Днѣпръ ужасно упалъ, по крайней мѣрѣ аршина на 2, и весь усѣялся камнями, высунувшимися изъ-подъ воды. Это тоже картина оригинальная...

—

34.

Іюля 5-е. Варваровка.

...Мѣсяца два или три Ив. Тим. нанялъ жида лекаря для своей деревни. Вчера пріѣхалъ онъ изъ Чаплей, села гр. Воронцова, и между прочими новостями привезъ слѣдующія.

1. Есть въ Екатеринославлѣ жидовка Мовка, столѣшница, богатая, злая жидовка. Былъ базаръ. 9 часовъ утра. Мовка захворала, Мовка не пошла на базаръ со своими кошельками. По базару долго ходилъ какой-то лакей какого-то помѣщика, разспрашивалъ про Мовку, говоря, что баринъ послалъ его раз-

мѣнять деньги; и Мовки не сыскалъ, и пошелъ къ Мовкѣ въ домъ. „Я теперица хора и не пиду,—отвѣчала жидовка.—Завтрицка по ютру выбизу на базарь и винису деньги. Скилько? 500 руб. треба твоему барину? Добре, винису.—Лакей ушелъ, и на слѣдующее утро вышелъ на базаръ,—явилась и Мовка, и съ Мовкой они пошли къ барину. Къ полудню Мовку нашли подлѣ пристани въ грязи съ перерѣзаннымъ горломъ. Каково? Смертоубійство днемъ.

2. Жила была въ Полтавской губерніи гдѣ-то въ хуторѣ, вѣдьма Тройчиха. Страшная вѣдьма. Всѣ окрестные жители боялись ее болѣе, нежели гнѣва небеснаго. Наконецъ, она умираетъ—мѣсяца четыре тому назадъ. Много народу собралось на ея похороны,—и вотъ было ея завѣщаніе: нынѣшнее лѣто не будетъ дождей. Я подрѣзала по нѣскольку перьевъ у всѣхъ пѣтуховъ Бѣлаго царства.—И умерла страшная Тройчиха. Сыскалась другая вѣдьма Горчиха, вѣроятно изъ добрыхъ: она посовѣтывала народу вырывать у пѣтуховъ обрѣзанные перья и спокойно ожидать дождя.—Глаголютъ, что предсказанія обѣихъ вѣдьмъ исполняются: у всѣхъ пѣтуховъ подрѣзаны въ крыльяхъ перья—и нѣтъ дождя. Помѣщики раздаютъ приказы вырывать эти перья—и начинаются ливные дожди. Тоже и въ Варваровкѣ, вѣроятно, будетъ!!!

Къ сей двойцѣ еще одна. Около острова Токмаковки, на Днѣпрѣ, есть казенное село Токмаковка. Недавно, съ мѣсяцъ, тамъ жило одно бѣдное семейство, въ бѣдной хатѣ,—и въ одну ночь все перемерло. Народъ испугался, подумалъ, что чума, и далъ знать суду. Судъ явился и заложилъ хату. Прошло нѣсколько времени,—начали замѣчать, что по ночамъ въ той хатѣ свѣтится огонь. Странно! И между тѣмъ каждую ночь и всю ночь тоже и одно! Народъ собрался въ громаду и началъ разсуждать. Наконецъ явился нищій, коему сдѣлали предложеніе провести ночь въ той хатѣ. За кусокъ хлѣба нищій согласился и пошелъ въ хату, и легъ подъ лавку, и самымъ спокойнымъ сномъ сытаго человѣка заснулъ подъ лавкой. Ночью крякнулъ, лупнулъ глазами,—глядь:—на столѣ свѣча, за столомъ три старика съ длинными сѣдыми бо-

родами, со страшными взглядами, облокотившись разговариваютъ такъ между собою:—одинъ говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! Пора кару послать!—Другой говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! И халяндра не усмирила. Надобно моръ, чуму!—Третій говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! Надобно голодъ, язву. Пусть пропадетъ весь ихъ скотъ и отары; пусть согніетъ и сгоритъ все ихъ имущество! И потомъ гибель и смерть, ужасная голодная смерть.

— А ты, чего здѣсь?—обратились они къ нищему, лежавшему подъ лавкой.—Ты слушалъ? Хорошо. Ты выслушалъ, иди и повѣдай нечестивцамъ, да смирятся, иначе—кара небесъ, гибель.

— Но мнѣ не повѣрятъ, панове. Меня посадятъ въ тюрьму, все тѣло мое избороздятъ кнутомъ, и безъ голода изморятъ голодомъ, и безъ мора предадутъ поносной смерти.

— Тебѣ не повѣрятъ! Пусть такъ! Надобно сжалиться надъ нечестивцами. Сложи накрестъ руки. Вотъ знакъ нашъ—тебѣ повѣрятъ.

Нищій скрестилъ свои костлявыя руки—и руки приросли къ плечамъ, и онъ вышелъ, самъ не зная какъ, изъ хижины, и ходитъ, и поучаетъ. Къ хатѣ никто не смѣетъ прикоснуться...

—

35.

Среда 11 числа іюля 1833.

...Вотъ и еще одно сказаніе подъ стать къ прежнимъ: Три бабы, три старыхъ дряхлыхъ бабы шли изъ Воронежа, гдѣ поклонялись св. Митрофану, и завернули въ Кіевъ. Св. Митрофанъ не сподобилъ ихъ причаститься св. Таинъ въ храмѣ своемъ, и потому они отправились на поклоненіе старымъ угодникамъ. И вотъ они уже перешли черезъ Днѣпръ, и вотъ приготовляются идти на гору Кіевскую, какъ вдругъ у одной изъ поклонницъ подкосились ноги, и она по колѣна загрузла въ землю. „Часъ смерти моей приближается. Идите, бабушки, къ отцу Илларіону и скажите ему, чтобы меня пришелъ исповѣдать. Я кающаяся грѣшница“.—Отецъ Илларіонъ поспѣшно взялъ св. крестъ и от-

правился подъ гору, прочелъ молитву надъ умирающей и началъ исповѣдывать. „Каюсь“, говорила старуха, „три грѣха, три тяжкихъ грѣха лежитъ на сердцѣ моемъ. Помолись обо мнѣ св. угодникамъ Христовымъ. Я убила своего свекра, заморила голодомъ свекровь, отравила ядомъ мужа. Господи помилуй!“— И, сказавши это, погрузилась въ землю по грудь. „Охъ, отецъ Илларіонъ! Есть еще на душѣ моей и еще одинъ грѣхъ.—Говори какой!—Есть еще грѣхъ.—Что же, кайся!—Есть еще грѣхъ, но я не признаюсь въ немъ ни самому Спасителю“. Страшно захохотала, ее обхватили корчи—и она вся исчезла подъ землей...

—

36.

Варваровка. 17 іюля.

Не знаю, послѣднее ли или предпослѣднее письмо пишу къ вамъ, милая маменька, но, кажется, черезъ двѣ недѣли и много черезъ три, буду у васъ. Дай Богъ скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда васъ увижу. Право, мнѣ ужъ наскучило жить въ степи, и очень радъ, что не останусь на слѣдующій годъ, который, какъ можно заключить по неурожаямъ, будетъ здѣсь ужасенъ. Мѣсяцъ пройдетъ, и у мужиковъ уже ничего не останется хлѣба: весь будетъ съѣденъ; одна надежда остается на гречу и просо. Пока онѣ обѣщаютъ изрядный урожай,—но Богъ вѣсть.

Говорятъ, что гдѣ-то около Кіева или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ явился какой-то пророкъ, который предсказываетъ голодъ и моръ. Конечно, это побасенка; но безъ несчастій не обойдется, особливо здѣсь въ Новороссіи, гдѣ народъ такъ лѣнивъ, безпеченъ.

Сегодня пріѣзжалъ чиновникъ изъ суда съ запросомъ, можетъ ли Ив. Тим. прокормить своихъ крестьянъ,—и съ приглашеніемъ пожаловать на сеймъ уѣздный, на которомъ будутъ совѣтоваться, какія предпринять мѣры для предупрежденія готовящагося бѣдствія. Наши благочестивые помѣщики умѣютъ пользоваться

случаемъ: Синельниковъ продаетъ своимъ мужикамъ хлѣбъ по 25 руб. за четверть; какая милосердная цѣна. Бразель—по 700 руб. стогъ сѣна, а иногда и по 1000...

Ожидая скораго пріѣзда въ Харьковъ, я что-то плохо работаю. Только что читаю. Займусь ужь въ Харьковѣ.

Если братъ рукописи не относилъ къ ректору, то и не нужно. Я самъ, пріѣхавъ, отнесу. Думаю бывать у Кроненберга почаще на всякій случай. Впрочемъ черезъ годъ, если Богъ дастъ, въ Питеръ. Пора служить,—и, кажется, по статской службѣ. Лишь бы получить мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ; съ меня и довольно. Я чиновъ не ищу,—ибо не смогу съ ними управиться. А получивши мѣстечко,—я дойду до чего хочется дойти: вѣрю, что все къ лучшему, вѣрю, что и мое отъ меня не ускользнетъ. Безъ сомнѣнія, не безъ трудовъ,—и не скоро,—да все, Богъ дастъ, дойду—и еще прежде доѣду до Харькова, съ мечтой о чемъ ложусь сію минуту въ постель, желая и вамъ покойной ночи и пріятнаго сна. Недавно я во снѣ былъ въ Парижѣ; какъ тамъ гадко!

Adieu, маменька! Из. Срезневскій.

—

37.

30 іюня 1839. Второго 35 минутъ. Солуницовка.

Вамъ, милая маменька, конечно памятно это имя: не разъ случалось покупать вамъ ягоды у дивчатъ изъ Солуницовки. Въ ней то мы остановились теперь, отъѣхавши уже 12 верстъ отъ Харькова. Что заставило, спросите вы? Погода, маменька, т. е. непогода. Дорога идетъ все песками, ѣхали шагомъ, а между тѣмъ сначала ревѣлъ вѣтеръ, потомъ свиснулъ и дождь; извозчикъ же нашъ, Петро, что-то въ родѣ Байрона; все это вмѣстѣ могло наконецъ заставить насъ обрадоваться возможности остановиться хоть немного отдохнуть. И вотъ мы отдыхаемъ въ домикѣ добраго и ласковаго Кирилла Михайловича Шевченка, который пообѣщалъ мнѣ передать вамъ эту записку. Онъ ѣдетъ

въ Харьковъ. Примите его, маменька, ласково, поблагодарите за гостепріимство... Мнѣ очень радостно, что могу увѣдомить о себѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Харькова, тѣмъ болѣе, что этотъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что я и до сихъ поръ не могу опомниться, не могу вполнѣ вѣрить, во снѣ или наяву пишу я эту записку...

—

38.

Суббота 1-го іюля. Ахтырка.

...Опять здравствуйте, маменька, и простите, что только теперь, въ 11-мъ часу утра принимаюсь за перо. Вы согласитесь, что прежде нельзя было, когда прочтете, какъ прошло наше время послѣ выѣзда изъ Богодухова. Вотъ какъ прошло оно.— Въ половинѣ 4-го часа вчера мы пріхали въ Купѣеваху, и только успѣли отдать прогоны, какъ и опять на телѣгу. Въ половинѣ 6-го мы были уже въ Ахтыркѣ. Въ два часа мы промчались 28 верстъ: нельзя было не устать. Къ счастію, въ Ахтыркѣ насъ ждали и сдѣлали все, чтобы дать намъ покой. Впрочемъ, мы могли имъ воспользоваться уже довольно поздно. Сначала напились чаю, одѣлись и пошли гулять по городу; потомъ, воротившись домой, отправились къ старику Чудновскому, о. Іоанну, знакомиться, говорили, ужинали. О. Іоаннъ и его дочь дѣвица приняли насъ такъ же, какъ и сынъ, радушно, ласково. Въ одиннадцать легли на мягкія постели и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 8 встали, пошли приложиться къ иконѣ Божіей Матери, воротились пить чай,—и за всѣмъ этимъ прошло два часа. Теперь я остался одинъ и принялся писать.

Что же вамъ сказать объ Ахтыркѣ?—Миленькій городъ, украшенный во всю свою длину (семи верстъ) двѣнадцатью церквами, весь въ садахъ. Есть хорошенькіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ и т. д. Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ и икона. Соборъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный: та-

кого храма въ Харьковѣ нѣтъ. Снаружи нельзя не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины, спереди и сзади котораго два фонаря съ такими же главами (такъ что весь онъ похожъ на трехмачтовый корабль). Нельзя не любоваться его колокольнею легкой, изящной архитектуры. Въ одномъ дворѣ съ соборомъ и колокольней и Чернышевская церковь, маленькая, но прекраснаго фасада. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ огромною рѣшеткой.

Все это вновь выбѣлено, выкрашено. Внутри соборъ также великолѣпенъ и есть роскошныя вещи. Иконостасъ бѣлый съ серебромъ и золотомъ. Престолъ въ главномъ алтарѣ литой, серебряный, огромный. Видѣли и евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, длиной съ аршинъ, и столь тяжелое, что любому силачу трудно поднять его, а я могу только приподнять со стороны. Образъ Божіей Матери Ахтырской невеликъ (длиною вершковъ 7, шириною около 6), но чего на немъ нѣтъ! Между сотнями брилліантовъ, есть и такой, который самъ по себѣ стоитъ 10.000 рублей. Я надѣюсь все это видѣть опять и подробно описать вамъ. Видъ съ колокольни изумителенъ по прелести...

—

39.

2-го іюля 1839. Ахтырка.

...Уже двѣнадцать часовъ ночи. Еще день прошелъ въ Ахтыркѣ,—и этотъ день прошелъ такъ, какъ рѣдко, рѣдко проходитъ онъ у меня въ Харьковѣ [1]). Досталось и ѣсть и пить черезъ мѣру. Впрочемъ, надобно вамъ разсказать прежде, какъ провелъ я и вчерашнее послѣ обѣда, а потомъ уже перейти къ нынѣшнему дню. Вчерашнее послѣобѣда прошло то въ ожиданіи, то въ слушаніи всенощной. Въ 5-мъ часу пріѣхалъ Преосвященный Мелетій; въ 8 часовъ началось служеніе и продол-

---

[1]) 2 іюля исполнилось 100 лѣтъ со времени явленія чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери.

жалось до половины одиннадцатаго. Соборъ великолѣпно былъ освѣщенъ, и весь полонъ народомъ, полонъ былъ даже дворъ церковный, даже и за оградой толпами разсѣянъ былъ народъ. Вечеромъ была иллюминація и вокругъ собора. Стеченіе народа удивительное для меня и для Ахтырки, и между тѣмъ до поздней ночи съѣзжались и сходились кучи отовсюду.—Квартиру было такъ трудно достать, что въ лучшихъ мѣстахъ города платили въ сутки по 25 и даже до 100 рублей. Сегодня церемонія началась разомъ въ двухъ церквахъ: въ Покровскомъ соборѣ архіерей облачился и вышелъ на встрѣчу крестнаго хода, между тѣмъ какъ архимандритъ повелъ этотъ крестный ходъ изъ Успенской церкви. На площади неподалеку отъ собора процессіи соединились, и подъ зеленью срубленныхъ деревьевъ происходило водоосвященіе. Потомъ началась обѣдня.—Тѣснота и давка въ соборѣ была страшная. Не только прочему духовенству, но даже и архіерею трудно было найти мѣсто для прохода. Шляпокъ, чепчиковъ разнаго покроя и цвѣта и старинныхъ и модныхъ была цѣлая безконечность. Простого народа и вовсе не пускали въ церковь. Изъ знати надобно вспомнить губернатора и предводителя. Изъ знакомыхъ харьковскихъ я видѣлъ Громова, Филомофицкую, Ромашевыхъ, Абазину и т. д. Обѣдня началась въ 11-ть и кончилась въ три часа—молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Еще прежде обѣдни получилъ билетъ на обѣдъ, который ахтырское дворянство вздумало дать по этому случаю, и ѣздилъ благодарить предводителя Ахтырскаго. Въ обѣдню я получилъ приглашеніе на закуску послѣ обѣдни, даваемую отъ собранія ахтырскаго духовенства и тамъ познакомился съ нѣкоторыми изъ дворянъ, а также и съ архіереемъ. Въ 6 часовъ начался обѣдъ и продолжался до 8-ми. Угощеніе было превосходное. Шампанское лилось... и сынокъ вашъ воротился съ обѣда чуть не пьяный. Кстати скажу, что дворяне ждутъ отъ меня описанія этого праздника и обходились со мною очень хорошо. Завтра надобно съѣздить къ нѣкоторымъ... Теперь сонъ клонитъ. Изъ Ахтырки между тѣмъ уже разъѣзжаются и вѣрно завтра она опустѣетъ.

Прощайте, маменька! Цѣлую ручку вашу. И. Срезневскій.

40.

7-го іюля 1839. Ахтырка.

Ахтырка? Измайлуша все еще въ Ахтыркѣ? спрашиваете вы, милая маменька, самихъ себя и удивляетесь. Да, маменька, я все еще въ Ахтыркѣ. Сегодня уже недѣля минуетъ, какъ я пріѣхалъ въ Ахтырку, и до сихъ поръ еще не все кончилъ, что нужно было сдѣлать. И вы согласитесь маменька, это время не было мною потеряно, если узнаете, какъ я провелъ его. Въ пятницу подъ вечеръ пріѣхалъ я въ Ахтырку и познакомился съ внѣшностью Ахтырки, въ субботу былъ въ соборѣ утромъ, и былъ тамъ же на всенощной архіерейской вечеромъ; въ воскресенье весь день прошелъ за обѣдней, завтракомъ въ домѣ архіерейскомъ, обѣдомъ; въ понедѣльникъ архіерей обѣдалъ у моего гостепріимнаго хозяина, а позднимъ вечеромъ я былъ на дворянскомъ балѣ, во вторникъ послѣ обѣда тотчасъ поѣхалъ въ Каплуновку поклониться тамошней чудотворной иконѣ Божіей Матери и возвратился уже на другой день къ обѣду, вечеромъ въ тотъ же день ѣздилъ въ близъ лежащій монастырь и воротился къ ночи; въ четвергъ занимался списываніемъ нужныхъ бумагъ; сегодня утромъ ѣздилъ въ храмъ Успенія и взялъ подорожную для дальнѣйшаго пути. Свѣдѣній собрано много. Даже и бандуристъ былъ уже у насъ, и мы успѣли воспользоваться его памятью, сколько могли. Что же касается до чудотворныхъ иконъ Ахтырской и Каплуновской, то я имѣю о нихъ такія свѣдѣнія, какія едва ли кому удастся собрать. И всѣмъ этимъ обязанъ я гостепріимному, доброму, умному, ласковому, незабвенному хозяину нашему о. Іоанну Чудновскому. Онъ принялъ насъ, какъ родныхъ, обходится, какъ съ родными. Мало того что у насъ особый флигель и у меня особенная комнатка—даже въ домѣ мы полные хозяева и цѣлый день проводимъ тутъ. Я пишу это письмо въ кабинетѣ о. Іоанна, между тѣмъ какъ Степанъ Семеновичъ [1]) срисовываетъ фасадъ собора въ гостинной залѣ, гдѣ

[1]) С. С. Третьякъ—спутникъ И. И. Срезневскаго.

дочь о. Іоанна, милая молоденькая дѣвушка разыгрываетъ увертюру изъ Фра-Діаволо, а старикъ въ смежной комнатѣ, своей спальнѣ, тоже что-то пишетъ. Мой портфейль близъ меня, а съ нимъ и весь мой письменный приборъ. Что касается до свѣдѣній, собираемыхъ мною объ Ахтыркѣ и ея окрестностяхъ, то безъ о. Іоанна я не могъ бы и половины ихъ имѣть. Завтра полагаю все кончить, и послѣзавтра ѣхать изъ Ахтырки. Путь нашъ въ Лубны черезъ Гадячъ и Роменъ. Надѣюсь, маменька, что вы напишете въ Лубны ко мнѣ хотя маленькое письмецо: оно будетъ единственное, какое только могу я получить отъ васъ по почтѣ. Изъ Лубенъ я поверну на Полтаву и домой. Болѣе не успѣемъ сдѣлать...

—

41.

8-го іюля 1839. Ахтырка.

Опять здравствуйте, милая маменька, и опять все-таки изъ Ахтырки! Но, наконецъ, завтра, кажется, уже непремѣнно въ путь—въ Зеньковъ, Гадячъ, Роменъ, Лохвицу и Лубны; въ Лубнахъ возьмемъ опять подорожную, и въ Харьковъ черезъ Хороль и Полтаву. Хотѣлось бы окончить весь этотъ путь въ 12 дней, но не знаю. На всякій случай просилъ Ивана Львовича Дзюбина, который взялся доставить вамъ это письмо, выхлопотать мнѣ отпускъ еще дней на пять. Попросите и вы его отъ себя.—Дзюбинъ родомъ изъ Ахтырки. Давно собирался я быть у нихъ въ домѣ; сегодня, наконецъ, встрѣтился съ ними на ярмаркѣ (теперь въ Ахтыркѣ ярмарка—нѣчто въ родѣ нашего базара), и оттуда пошелъ къ нимъ. Мать ихъ прекрасная женщина. Весь вечеръ я провелъ у нихъ, до ужина. Воротившись, говорилъ до сихъ поръ съ о. Іоанномъ.

Ахъ, маменька! Какъ прекрасно жить въ Ахтыркѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенькій съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть

со многими—не стоитъ, но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня! Непремѣнно надобно намъ ѣхать въ Ахтырку вмѣстѣ съ вами. О. Іоаннъ все еще жалѣетъ, зачѣмъ я не привезъ васъ—и я увѣренъ, что вы были бы приняты истинно родственно. Сегодня за столомъ мы пили ваше здоровье. Завтра всѣ собираются провожать насъ до монастыря, версты за три, и тамъ пить чай. Какое прекрасное мѣсто этотъ, такъ называемый, монастырь! Большая гора, съ трехъ сторонъ Ворскла въ лѣсахъ и за нею горы, покрытыя лѣсами, а съ четвертой стороны растягивается огромная равнина; на самой горѣ церковь со старинною колокольнею, и всѣ эти горы поросли деревьями. Виды во всѣ стороны растягиваются далеко и восхитительно хороши. Насъ приняли родственно, хотятъ родственно и проводить...

—

42.

11-го іюля 1839. Село Сары, близъ Гадяча.

Впрочемъ, Амвросій Лукьяновичъ,[1]) какъ податель этого письма, объяснитъ лучше всякой подписи, что мы съ нимъ видались и видались у него же въ домѣ. Я перескажу только, какъ это случилось, или лучше перескажу, какъ прошли всѣ вчерашнія сутки: то были прекрасныя сутки.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, маменька, что мы намѣрены были выѣхать изъ Ахтырки 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣда и что насъ собираются провожать. Такъ и было; хотя самъ о. Іоаннъ нечаянно заболѣлъ и остался дома, но это не помѣшало другимъ членамъ добраго семейства его исполнить свое обѣщаніе... Дорогу прохохотали, встрѣтили по дорогѣ бандуриста и велѣли ему идти въ монастырь, а между тѣмъ монастырскій священникъ о. Григорій поѣхалъ впередъ съ частію багажа, не помѣстившагося въ коляскѣ, и съ тѣмъ, чтобы приготовить для насъ пріемную подъ колокольней. Когда мы пріѣхали, самоваръ почти уже поспѣлъ, и мы расположились въ первомъ этажѣ старинной колокольни и около ее такъ: дѣвицы стали приготовлять чай и все, что къ

---

[1]) А. Л. Метлинскій.

чаю, Өедоръ Ивановичъ сѣлъ на землѣ, опершись о стѣну колокольни и сталъ на моемъ портфейлѣ снимать видъ церкви; я пошелъ въ церковь посмотрѣть еще разъ на портретъ отца Товіи Надаржанскаго, бывшаго духовника Петра I, а Степанъ Семеновичъ усѣлся въ колокольнѣ за столомъ писать, что будетъ ему говорить бандуристъ, занявшій мѣсто подлѣ стола на землѣ по-татарски. Это положеніе измѣнилось уже послѣ чаю, когда пошли гулять и любоваться видами. Виды чудесные съ горы, на которой лежитъ монастырь: на востокъ изъ-за рощъ виднѣется Ворскла, пестрѣющая островами, за нею пески, за ними Ахтырка; на югъ та же Ворскла скрывается на равнинѣ, оканчивающейся отдаленными горами; а западъ и сѣверъ—горы, покрытыя лѣсами и садами, и между ними опять Ворскла, то скроется за зелень, то выглянетъ прозрачною полоской. Послѣ гулянья мы воротились въ колокольнѣ, пили тосты за здравіе живыхъ и за покой умершихъ; сошедши съ горы къ дорогѣ, гдѣ ждали экипажи, опять пили; потомъ простились со слезами,—и наши гостепріимные хозяева повернули налѣво, а мы направо. То было въ 9 часовъ вечера. Въ 2 часа ночи мы были уже въ городѣ Зиньковѣ за 46 верстъ. Тутъ мы провели ночь. Утромъ я ходилъ на базаръ, нашелъ бандуриста, зазвалъ, списалъ нѣсколько пѣсенъ и думъ. Напившись кофе, мы отправились въ Гадячъ. Онъ въ 36 верстахъ отъ Зинькова; въ семи верстахъ отъ него село Сары, гдѣ живутъ родители Амвросія Лукіяновича. Кое-какъ уговорилъ ямщика повернуть прямо на Сары, предположивъ уже изъ Саръ ѣхать въ Гадячъ. Въ 12 часовъ мы въѣхали на дворъ къ Амвросію Лукіяновичу. Спрашиваемъ о немъ; получаемъ въ отвѣтъ—въ Гадячѣ.—Спрашиваю о маменькѣ его; говорятъ—дома. Я рѣшаюсь остановиться и ждать Амвросія Лукіановича. Добрая Софія Назарьевна приняла насъ ласково, какъ давно знакомыхъ...Въ 5 часовъ воротился и Амвросій Лукіановичъ; мы гуляли, болтали,—ѣли, пили. Теперь собираемся въ дорогу: Амвросій Лукіановичъ ѣдетъ въ Харьковъ,—мы въ Гадячъ и оттуда въ Роменъ и пр. У монастыря Гадяцкаго мы простимся. Прощайте и вы, маменька! Будьте здоровы, спокойны. Прощайте. Уже скоро, скоро ворочусь къ вамъ...

ГОРОДЯНКА.

(*Повисть.*)

I.

Биля нызенькои, похылои хатыны Мотри Гусаковои зупынылася повозка. Высока, статурна, чорнява дивка стрыбнула зъ повозкы й наче скамъянила.

— Господы! та невже це наша хата?—запытала вона черезъ хвылыну визныцю, свого ридного дядька по батькови.

— А то жъ чія?—запытавъ и соби, замисть видповиди, дядько.

Дивка повела повагомъ очыма видъ сохы до сохы, видъ земли до остришка, по хати, й тяжко зитхнула.

— А чого тамъ зитхаешъ?—запытавъ дядько, сплыгуючы й соби зъ воза.—Звычайно, проста хата—не генеральськи горныци.

Дивка надійшла блыжче до хаты, сипнула зачынени двери й мовчкы повернула до повозкы. На облыччи іи видбылася досада. Вона высмыкнула зъ серцемъ зъ повозкы соломынку и почала іи кусаты.

— А що? Дверей не видчынышъ? Оце лыхо!—засміявсь дядько.... Побижы лышень онъ у ту хату та гукны свого хрещеного батька, бо самъ я скрыни не зтягну...

— Не пиду я никуды,— видповила дивчына й видкынувшы геть соломынку, почала выбываты зъ платка куряву. Дядько добре спостеригъ те вражиння, що зробыла на небогу батькивська хата, добре зрозумивъ, що діялося въ неи на души, але нарошне не подававъ выду.

— Отъ и гараздъ,—промовывъ винъ весело,—хай скрыня ночуе посередъ двору.

— Ни, наче не зналы, що прыйиду, наче не сподивалыся: пишлы вси геть и хату замкнулы,—протягла на-пивъ зъ плачемъ дивка.

— Про хату намъ байдуже—якось видчинымо, а ось зъ скрынею що намъ робыты? Ты не хочешъ иты, а мени тежъ не можно покынуты кобылы, бо ты ій рады не дасы безъ мене..... Диты!—звернувся винъ до табунця босои простоголовои дитворы, що вже встыгла окблыты й дивку, й повозку,—погукайте-но дядька Сыдора—хай зразу йдуть до мене.

Але нихто зъ дитей не ворохнувся: Приська,—такъ прозывалы дивчыну,—стягала саме рядно зъ велыкои блыскучои скрыни, и диты стежылы, не змыгнувшы, за кожнымъ рухомъ ціеи дивкы у такому гарному убранни, у такыхъ дывныхъ черевычкахъ на гудзыкахъ.

-- Оглухлы, чы що? Гей ты, вытрышкуватый Дворныченко, або ты, пузатый, бижить мерщій по дядька Сыдора,— грымнувъ Максымъ на двохъ найбильшенькыхъ хлопчыкивъ.

„Вытрышкуватый“ одвивъ на хвылыну свои велыки сири очи видъ скрыни, глянувъ на дядька й знову вытрищывся на скрыню; „пузатый“ переступывъ зъ ногы на ногу, засопивъ ще дужче, зитхнувъ нарешти, але тежъ не поступывся й на крокъ.

Максымъ плюнувъ на дитей, глянувъ на сонце, що вже высоко пидбылося, кынувъ коняци оберемочокъ сина, оправывъ мотузяни поводкы й, загадавшы Присьци позыраты на кобылу, що напевне не стоятыме спокійно на такій специ, попростувавъ черезъ городъ до Сыдора.

А тымъ часомъ Приська управылася биля скрыни, повытрушувала куряву зъ одежи, зъ червоного лижныка, зъ трехъ

подушокъ у рижнобарвыхъ напирныкахъ, зъ усихъ маленькыхъ и велыкыхъ пакункивъ, та подалася до хаты. Вона сипнула знову разъ, вдруге двери, обійшла навколо хаты й зазырнула у виконце.

Въ хати не було никого:—сама квочка похожала по хати та водыла за собою десяткивъ зо два манесенькыхъ жовтыхъ курчатъ. Приська одійшла геть и зъ серцемъ опустылася на колодку, що лежала посередъ двору. Дитвора мыттю оточыла іи; найсмилывиши выступылы наперёдъ и почалы пошепкы робыть де-яки заувагы, показуваты пальцямы то на кытыци платка Присьчыного, то на іи перстни.—Дыты! А хто зъ васъ знае, де баба Горпына, або Мелашка?—звернулася до ныхъ Приська.

Диты переглянулыся...

— Пидить которе, погукайте хочъ бабу Горпыну, хочъ Мелашку; скажить, що Приська прыйихала!—обернулась до дитей дивка.

— Мои баба Горпына!—обизвалася дивчынка роківъ пъяты.—Воны мени бублыкивъ куплять и макивныкивъ... и сережкы, якъ пойидуть до торгу.

— Де-жъ твоя баба? Чія ты?—запытала Приська.

— Мои баба Горпына. Воны мени бублыкивъ и макивныкивъ прывезуть... защебетала вдруге дытына, хытаючы разъ-по-разъ русявою голивкою...

— Докы товктымешъ ты мени про макивныкы? Я пытаю тебе: чія ты? де твоя баба Горпына?—запытала трохы зъ серцемъ Приська.

— Мои баба... почала було у третте свою писню дытына, але наче засоромывшысь, опустыла оченята додолу й замовкла.

— Хто твоя баба?

— Що отутъ жывуть,—одказавъ замисть дивчыны якыйсь хлопчыкъ зъ гурту.

— Пиды-жъ ты до тіеи бабы та поклычъ ихъ сюды,—звернулася Приська до хлопчыка...—Дамъ пряныка,—додала вона, завважывши, що хлопець и въ думци не мае бигты по бабу...

Бытыму, якъ не пидешъ,—грымнула вона и нахылылася за лозыною, щобъ посварытысь нею на дитей...

Але не встыгла вона й росправытысь, якъ диты вже зныклы вси до едыного, залышывшы за собою тилькы куряву та слидъ босыхъ ноженятъ...

Такый несподиваный выпадокъ роздратувавъ вкрай Приську. Купальне сонце пекло, варыло гарячымъ проминнямъ стомлене тило дивкы; іи нудыло, бо видъ самого города вона не йила ничого; досада на себе, на дядька, на матиръ, сестру, на тыхъ нимыхъ свидкивъ іи горя, що повтикалы и залышылы іи саму, більшала зъ хвылыны на хвылыну. Якъ на те, Максымъ не вертався, а конячка не хотила стояты, заплутувалася у вижкы—треба було нахылятыся, розплутуваты іи, спыняты...

— Ось и прыйихала! Прытаскалася! Чого мене прынесло сюды? Чого я тутъ не бачыла?—докоряла себе дивка, сидаючы изнову на колоду.

Висимъ рокивъ не була вона у ридному сели, не бачыла батькивськои оселі. Висимъ рокивъ пролынуло зъ того часу, якъ батько якось посадывъ іи въ санкы, утушкавъ рядномъ та повизъ у городъ до генеральши. Тоди саме бувъ велыкый недоридъ, симьи ничого було йисты, братъ, сестры понаймалыся по икономіяхъ, за манесеньку плату, батько ходывъ на поденщыну мало не за сами харчи, а ій не було пидхожои праци на сели, и батько одвизъ іи у горныци. Найнявъ винъ іи тилькы на одынъ рикъ: абы перебуты якъ зиму та заробыты хочъ гуртомъ на корову та коня, що винъ повыненъ бувъ продаты пидъ цей рикъ недороду; але скинчывся той рикъ—дивчына зохотылася зиставтысь на другый, потимъ на третій, четвертый и нарешти выбула висимъ рокивъ.

Чымало воды утекло за висимъ рокивъ, чымало зминылося пидъ дахомъ риднои хатыны: батько померъ, старша сестра пишла замижъ, братъ оженывсь, до меньшои сестры, Мелашкы, тежъ почыналы вже навидуватысь старосты, але найбильшъ за всихъ зминылася за ци часы сама Приська. Село, досвиткы, грыща, колышня праця давно зныклы зъ памъяты; сонце, воля,

степы широки обгорнулыся туманомъ. Вона выкреслыла зъ свого жыття дванадцять рокивъ свого дытынства, порвала всякый звязокъ зъ нымы, давно захопылася свитоглядомъ тыхъ веселыхъ, чепурныхъ гладкыхъ лакеивъ та поваривъ, що оточалы іи висимъ останнихъ рокивъ, и давно спостерегла рижныцю мижъ безпечнымъ жыттямъ „горнышныхъ" и неустанными турботамы своихъ кревныхъ.

Тилькы перши часы свого жыття у городи дывовалася вона тымъ байдужымъ до усёго и до усихъ наймытамъ, що зъ легкымъ серцемъ вытрачалы запрацёвани гроши на рижни прымхы, ласощи та зайви речи. Вона памъятала ще тоди родычивъ, сусидывъ, що збиралы довги роки шагъ до шага, якый десятокъ-два карбованця, що видрывалы видъ симьи шматокъ хлиба, абы якъ вызволыты зъ рукъ глытая клапоть застановленои земли, або спромогтыся хочъ на поганеньке тягло; прыгадувала звычайни турботы свого батька про оплаткы, й тоди пытала веселый гуртъ служокъ:

— Що вы робытемете, якъ прогуляете гроши та не буде на хлибъ?

— Якъ-то не буде на хлибъ?—пиднималы дивчыну на смихъ служкы.—Якои мороки й по наймахъ поневирятысь, якъ ще й про хлибъ турбуватысь? За халявою грошей не носытемемъ, выбойчаныхъ шараваривъ не справлятымемъ, якъ твои дядькы. Несы лышень и ты свого карбованця, то прыймемо до гурту: найисыся й канхветивъ й горихивъ до схочу.

Хочъ и заздристно було дивчыни дывытыся, якъ ласують генеральшыны служкы, хочъ и теклы не разъ гиркы, колы іи выгонылы геть зъ гурту, але Приська першій рикъ не зважылася одирваты и шага видъ тыхъ грошей, що батько прызначывъ на господарство, и генеральша доручыла іи матери пры кинци року копійка у копійку десять карбованцивъ. Але на другый рикъ вона вже рострынькала де-килько карбованцивъ, на третій батько не доличывъ бильшъ, а на четвертый виддала Приська вже тилько половыну зароблёныхъ грошей й до того зввважыла батькови, щобъ

не сподивалыся бильшъ на іи допомогу, бо „коженъ служыть и заробляе на себе".

Батько розсердывся, ставъ ій доводыты, що вона повынна пособляты симьи, бо та симья годувала іи манесенькою, колы вона неспособна була робыты, що вона повынна пыльнуваты про господарство, про свою оселю, бо ще невидомо, де й ій доведется прыхылыты на старисть, або пидъ яку нещаслыву прыгоду, голову. Приська заголосыла, побигла до генеральши; генеральша ввійшла, умовыла батька залышыты въ неи дивку ще на рикъ; а черезъ рикъ померъ батько, и Приська выкынула навить думку повернутысь колы-небудь на село.

Чого ій справди бракувало у теплій, просторній господи прыхыльнои до неи пани? Сонечко грило—не палыло, якъ дома на городи або на степу, холодъ не заходывъ запшорамы, не доходывъ до тила черезъ теплу одягу, витерець робывъ тилькы холодокъ, и дивка росла, здоровишала, красывишала на велыку втиху генеральши, що почынала вже натякаты ій на шлюбъ зъ якымъ вродлывымъ лакеемъ.

Приська стала надъ усе пыльнуваты про одягу та шануваты свою вроду. На іи щастя, кревни залышылы іи, не вертались за допомогою и не часто нагадувалы про свое истнування: маты та незамижня сестра забывалыся у городъ тилькы двичи на рикъ—передъ Риздвомъ та Великоднемъ, а дядько Максымъ хочъ и одвидувавъ іи частише, хочъ и сварывся, и радывъ неразъ покынуты горныци та вчытысь хлибъ пекты, тежъ николы не чипавъ пытання про гроши, и колы Приська иноди передавала до-дому видъ ласкы троячку, не дякувавъ, а ховавъ мовчкы у свій гаманець, мовъ та троячка й не цикава никому. Все йшло, якъ хотилося Присьци; все складалося на те, щобъ не вертатыся вже ій на село, та грымнула бида несподивана: померла генеральша. Надйихалы родычи, подилылы худобу, розигналы „дармойидивъ", и Приська опынылася безъ прыстановыща зъ десяткомъ карбованцивъ у кышени, зъ велыкымы потребамы, прымхамы та ще славою „генеральськои покоивкы", то-бъ то дивкы не зученои ни до якои праци. Приська оселы-

лась на кватыри, пройидала прыпасени гроши, а пидхожого мисця не траплялося. Тымъ часомъ чутка про цю новыну дійшла до села. Маты не знала, що ій початы: ій и хотилося, щобъ дочка повернулася, и боялася вона нажыты зъ ціею городянкою клопотивъ; вова думала, передумувала, радылася, але нарешти цилкомъ поклалася на Максыма.

Максымъ запригъ, не гаявшы часу, кобылу та побигъ у городъ. Винъ зумивъ скорыстуватыся скрутнымъ становыщемъ дивчыны, зумивъ упевныты іи, що на сели не сами „репаныи" хлиборобы, що тамъ поводятся и „благородни" люде, що таку дивку, якъ вона, радо посватае самъ пысаръ, и Приська послухалася ёго—прыйихала.

— Ось тоби й прыйихала! Що я робытыму тутъ, у цій пустци? Останняя хата въ городи краща за цей куринь!—Або родына?... Чы вже жъ такы не можно було хочъ Меланци залышытыся дома на сёгодня? Висимъ рокивъ не була у ихъ, а прыйихала—и сыжу, немовъ та собака, на сонци, на куряви,—бубонила сама соби дивка, захыщаючысь и маленькымъ и велыкымъ платкамы видъ палкого проминня петривчаного сонечка.

Але ось нарешти повернувся Максымъ зъ двома чоловикамы.

Чоловикы прывиталыся до Прыськы.

— Овва! а ты й доси хаты не видчыныла?—засміявся Максымъ.

— Якъ я не вмію!—прызналася дивка.

— О! у твоеи матери хата хытро замыкается: не такъ, якъ у генеральши,—пожартувавъ молодшый зъ двохъ чоловикивъ, и повернувъ килочокъ завертки. Двери видчыныныся, и якымъ-сь холодкомъ, якымъ-сь свижымъ пахучымъ повитрямъ повіяло зъ хаты. Доливка манесенькои хатыны зъ пидваженымъ посередыни сволокомъ, зъ розложыстою, трохы похыленною на бикъ пичью, була застеляна свижою осокою, потрушена червонымы васылькамы та чепчыкомъ; по-надъ викнамы, на сволоци высилы велычезни бадилля холодку, де поховалыся вси до одніеи мухы. Вси мыскы, горшкы, глечыкы стоялы поперевер-

тани, попрыкрывани; кочергы, хваткы, лопаты—займалы ни на ступинь бильше прызначеного задля ихъ мисця: рука щырои, порядпои господаркы видзначалася на кожній найдрибнишій речи ціеи похылои хатыны. У Приськы одлягло трохы видъ серця... Сталы вносыты скрыню. Скрыня була важка, неповоротна, и чоловикы добре нагрилы чубы, покы установылы іи на мисце.

— Та й надбала жъ добра! Чы то може у скрыни й не одежа, а каминци на огиркы та капусту?—пожартувавъ изнову молодшый зъ чоловиквъ.

— Я Приську хвалю: згадала бачъ, що ненька вже старенька, та й поспишылася на жныва,—мовывъ старшый.

— Хиба справди на жныва поспишалася, Присько? Чы ты жъ бачыла колы жныва? Мени хвалылася одна городянка, що галушкы на вербахъ ростуть, а пшоно на верболози; може и ты такъ гадаешъ?—не стыхавъ жартуваты молодшый.

— Этъ, годи вже базикаты!—спынывъ ёго Максымъ, завважывшы, що Присьци ти жарты не довподобы.—Ходимъ! А ты, Присько, понышпоры трохы по полыци, зазырны у пичъ—може знайдешъ що пойисты, а ни, то хочъ хлибомъ пообидай. Я бъ тоби прыславъ чого-нѐбудь, такъ и мои бабы на поли,—а самъ не знайду ничого,—мовывъ винъ до дивкы.

Ще бильшый смутокъ обгорнувъ дивчыну, якъ пишлы геть дядькы й залышылы іи саму въ хати. Перше гарне вражиння зныкло: вона прыдывылася краще до хатыны; вона завважыла те, що не кынулося ій у вичи въ першу хвылыну, и биднисть та недостаткы сталы вызначатыся ще дужче, нижъ охайнисть та щыристь господаркы.

На покути, пидъ товстымъ настильныкомъ, лежавъ окраецъ черствои остюковатои паляныци, на полыци—вчорашній пистный борщъ, на жердочци—старенька, полатана одяга. Дидивськи иконы, обквитчани жовтымы гвоздыкамы та васылькамы, потемнилы, злынялы и смутылы головный кутокъ хаты. Клапоть дзеркала, вмазаный въ стинку, обвишаный навколо картынкамы зъ канвертивъ та календаривъ, перекошувавъ выдъ й наче дратувавъ того,

хто зважывся бъ подывытыся на свою вроду. Квочка товклася пидъ ногамы и не давала вильно ступыты й кроку...

Приська прысила на лаву, озырнула разъ, вдруге хату, тяжко зитхнула, а потимъ прослала на полу лижныкъ, пидо. стлала пидъ голову подушку и лягла спочываты.

Важки віи почалы вже заплющуватысь, стомлене тило заспокоюватысь, геть полынулы гирки думкы останнихъ хвылынъ, солодка дримота почала опановуваты дивкою, колы рыпнулы двери, и на порози зъявылася та сама дивчынка, що хвастала сережкамы та макивныкамы... Дытына видчынылa двери, стала на порози и де-килька хвылынъ, наче засоромлена, хытала своею русявою головкою й не поступавшы напередъ. Приська хотила запытаты, чого ій треба, але дивчынка вже подриботила до покуття, зопъялася на лаву, простягла руку пидъ настильныкъ й вытягла зъ пидъ ёго окраець паляныци. Здобувшы паляныцю, дытына поклала іи наверхъ настильныка и почала крехтаты.

— Чого ты крехчешъ?.. запытала іи Приська.

— Папкы хочу,—видповила стыха дытына.

— То й визьмы.

— Папкы хочу,—промовыла вдруге дытына.

— Я-жъ тоби кажу: беры,—не комезуй,—буркнула Приська трохы зъ серцемъ.

— Урижте,—попрохала дивчынка.

— Ламай, або й увесь беры та йды, Бога рады, зъ хаты, не клопочы моеи головы,—одризала Приська, заплющуючы знову віи.

Дытына якось досадлыво скрывылася, засопла, закрехтила зъ вій скотылося де-килькы велыкыхъ крапель...

— Чого ты кыснешъ?—схопылася Приська.

— Папкы хочу,—кризь слёзы протягла дытына...

— На, беры, подавысь нымъ!—скыпила Приська и тыкнула весь окраець дытыни у рукы.

— Урижте: гришка папку ламаты,—видповила дивчына.

„Гришка?“ Оцей чорствый, якъ каминь, чорный, якъ земля, хлибъ гришка ламаты? За кожну крыхту цёго буханця людына

повынна даты видповидь передъ Богомъ! Манисенька дытына боится кары Господнёи за кожну крыхту, що вона ненарокомъ упустыть до-долу. Куды вона прыйихала? Куды іи прытаскало?— ромайнуло у Приськы въ голови.

— Беры, кажу!—крыкнула Приська на дытыну.

Дивчына глянула зъ невымовнымъ жахомъ на скипившу дивку, кынула на стилъ паляныцю и майнула на двиръ, залышывшы синешни двери навстижъ.

Приська подывылася ій у-слидъ, зитхнула й простяглася знову на лави.

II.

Сонечко звернуло вже на полудень, якъ Мелашка та Горпына попрывъязувавшы шапкы на копахъ, сталы убыратысь додому.

Горпына зисталася ще на якый часъ на левади збираты блекоту у аптеку, жалку кропиву, та що захыщае хату видъ русалокъ та видёмъ, дуже шкодлывыхъ у вечиръ пидъ Ивана Купала, а Мелашка майнула навпростець до-дому, бо тамъ, на сели, ій було ще чымало дила: треба було склыкаты товарокъ, нарваты квитокъ, бурьяну, повыты винкы, уготуваты очерету, соломы за-для Купального вогныща. Вона поспишалася, и петривчана писня іи вже лунала по селу; але ось та писня раптомъ увирвалася: дивка завважыла росчынени двери у своій хати, а незабаромъ и замурзану, мокру морду сусидського Рябка биля порога.

Мелашка кынулася въ хату: доли валялося черепъя зъ червонои мыскы, зъ перевернутои макитры текла по всій хати ричка сыривцю, настильныкъ звисывся зъ столу, а по хати бигала сполохана квочка. Серце щырои господаркы забылося, невымовна досада охопыла іи всю, але вона глянула на пилъ, зрозумила, хто вынненъ у цій нещаслывій прыгоди, й забула про новеньку мыску, сыривець, про шкодлывого Рябка.

— Приню, голубонько!.. кынулася вона цилуваты сестру.— Яка жъ я рада, що ты прыйихала!

— Хиба не сподиваласа?—запыталася Приська, зазихаючы на здорову, наче збыту дивку, на іи роспалене облыччя, шыроки плечи, дужи рукы.

— И сподивалыся, и не сподивалыся: разъ думалы—що прыйидешъ, вдруге—що не схочешъ... Маты такы певни вже булы, що не прыйидешъ, а я сподивалася тебе, ажъ до обидъ вызырала, чы не бижыть хто зъ села сповищаты насъ? А писля обидъ облышыла: „не схоче Приська кыдаты города, не схоче йихаты до насъ"—журылася я соби нышкомъ...—А ты ось и прыйихала... Выбачъ, сестрыце, що у насъ таке багно въ хати— це той проклятый Рябко попорався,—цокотила Мелашка, проворно скыдаючы у прыпилъ запаскы черепъя та збираючы ганчиркою сыривець зъ доливкы.

— Я такъ мицно заснула, що й не чула ничого,—сказала Приська, складаючы свою постиль на скрыню та солодко позихаючы.

— Ничого, ничого, не клопочыся: у насъ йе ще дви мысочкы,—поспишылася Мелашка заспокоиты сестру.—Ото хиба сыривцю шкода—недавнечко цилисенькый хлибъ запакувалы... Винъ и паляныцю вхопывъ! А, щобъ тоби! Доведется завтра рано дижу вчыняты, у насъ ще й борошно у млыни...

— Де-жъ маты?—перебыла Приська вкрай заклопочену молоду господарку.

— Маты зразу прыйдуть—на левади блекоту збирають,— видповила Мелашка.

Щось добре знаёме раптомъ прыгадалося Присьци. Це жъ іи маненькою посылалы колысь по ту блекоту на панську леваду, це жъ вона збирала колысь рижне зилля, копала ножемъ якесь кориння, ризала рукы періемъ та радила раденька, що за вторговани въ аптеци гроши маты куплять ій копійчани сережечкы, або поганенькый кисныкъ!

— Невже маты и доси за тымъ зиллямъ побываются?— здывовалася Приська.

— А якъ же! За зилля можна иноди добре вторгуваты: на тому тыжни, напрыкладъ, я семыгрывеныка прынесла зъ аптекы.

— Семыгрывеныка прынесла! Добре вторгувала!—засміялася сама соби нышкомъ Приська.

— Чы довго жъ воны будуть того семыгрывеныка по бурьянахъ та колючкахъ збираты?—запытала вона згодомъ.

— Ни, не довго: воны сёгодни поспишатымутся до-дому, бо мени незабаромъ на Купала треба йты. Ты жъ пидешъ тежъ, сестрычко, зъ намы? У Макарыхы йе гарни гвоздыкы та чорнобрывци—я тоби такый винокъ выплету, що ты всихъ дивокъ нашыхъ закрасышъ, а хлопци, якъ дизнаются про тебе, вси до одного позбигаются на нашъ кутокъ... Охъ, Господы, яка жъ я рада, що ты прыйихала! Отакъ пакъ,—перехопыла Мелашка сама себе,—ты мабудь, сестрыце, голодна?

— Видъ самого города ничого не йила. Шукала, шукала у васъ на полыци та не пожывылася ничымъ.

— Гореньво тяжке! Чымъ-же тебе й прышануваты? Хиба яечню спекты? Десятокъ крашанокъ уготовала до торгу, бо вже другый день немае свитла, а тройко йе зайвыхъ—спечу зразу. Ни, не такъ: побижу на село, здобуду тоби мьякеньку паляныччку та молока, а тоди вже й яечню спечу,—сказала Мелашка и, ухопывшы манесенькый глечычокъ, побигла на село.

— Сестрычкы мои и голубонькы!—хвалылася Мелашка по хатахъ: прыйихала Приська, та така хороша, що й очей ніякъ не одведу: била та повновыда, та така статурна. Не гайтеся, збирайтеся швыдче до нашои хаты, а звидтиль пидемо вже й до ставка".

А покы Мелашка бигала по селу та выхвалялася сестрою, повернулася й Горпына до-дому. За нею вслидъ прыбигла и маненька Санька. Дивчынка почувала себе теперъ смилыво: не боялася биля бабы никого, цвиркотила безъ перестанку, и наче не прымичала суворои городянкы, що нагримала на неи недавнечко.

— Чія це дытына?—запытала Приська, повитавшись зъ матирью.—Непосыдяча дивчына: то въ хату, то зъ хаты,—увирылася мени.

— Ой, ни, вона у насъ, спасыби ій, слухняна, тыхенька, хазяйновыта дытына,—заступылася за внуку Горпына.—Це жъ дочка нашои покійнои Ганны.

— Хиба Ганна вмерла?

— Вже висьмый мисяць, якъ поховалы мы іи. Хотила була сповистыть й тебе, та вже николы було... Померла, двохъ сыритокъ залышыла. Чоловикъ іи оженывся й бильшенького хлопчыка пры соби зоставывъ, а Саньку мени покынувъ,—зитхнула Горпына.

— Така молода, при здоровьи, чого жъ вона померла?—здывовалася Приська.

— Господь іи знае: чы вона застудылася, чы викъ іи вже такый короткый! Я такъ ремствую трохы на неи, що вона не побереглася: на пъятый день писля того, якъ знайшла дытыну, коноплі зъ холодной воды пишла браты, а проте... Господь Мылосердный знае, чого саме вона померла? Казала ій: звернысь до ликаря, або хочъ до фельшара—не схотила: „сміятымутся“, каже, „люды, що така молода, а по ликаряхъ йиздыть“,—оповидала Горпына, ривняючы шкарублою рукою заплутане волосся внучкы, що поклала свою голову ій на колина та пыльно дывылася у вичи любои бабуси.

— И прырозумиты жъ отакъ: зъ-за жмени конопель померты!—видмовыла на матерыне оповидання Приська.

— Де тамъ тоби жменя? Кипъ чы не зъ чотыри самои матиркы було,—та ще жъ и коноплі яки добрячи... Шкода, такъ шкода тіеи сердешнои Ганны, ажъ серце щемыть, якъ згадаю, та що робыть? Мертвыхъ не вернешъ зъ домовыны, плачъ—не плачъ, не пособытся, треба краще думаты та пыльнуваты про цю сыритку... Ходимъ, дытыно моя, я тебе хочъ причепурю трохы: бачъ, яка засушена та чорна,—звернулася Горпына до Санькы и повагомъ пидвелася зъ лавы.

Санька надбигла до помыйныци и нахылыла надъ нею свій замурзаный, полупаный выдокъ. Баба хлюпнула зъ кухля соби у прыгоршню воды та заходылася видшаровуваты й выдъ, й вуха и рукы дивчыны. Потимъ вытягла зъ-за комина здоровый гребинець, розмочыла сплутане волосся, розчесала ёго и заплела у дви манисеньки кискы.

— Кисныка треба бъ дивци, та немае,—пожартувала Горпына.

— На ось тоби кисныкъ,—мовыла Приська, здіймаючы зъ своеи головы чудову, шыроку блакитну стёжку...

— Не треба, не треба—то я пожартувала. Не давай—загубыть, а такои стёжкы й по шисть копіёкъ не визьмешъ,—заклопоталася Горпына.

Але Санька вже пидхватыла стёжку и завъязувала на мокре волосся.

— Понивечышъ!—схопылася Горпына.—Давай сюды—я заховаю, хай буде про свято, у церкву...

Санька слухняно скынула стёжку й подала баби. Горпына пидійшла блыжче до викна та почала ривненько згортаты іи.

Приська мовчкы дывылася на свою стару неньку та іи глыбоки зморшкы на выду, на коряви, наче суковати рукы, на іи латану карсетыну, руду запаску, на ту стёжку, що тремтила у іи рукахъ и такъ не йшла ни до убрання неньчыного, ни до всіеи ціеи хаты, и думала... Невесели булы іи думкы...

А дивчата, за прыводомъ Мелашкы, вже наблыжалыся до Горпынынои хаты. Купальни писни сталы все выразнише та выразнише доносытысь, и незабаромъ Мелашка та восьмеро дивокъ, у винкахъ, у святошнимъ убранни увійшлы въ хату.

Покы Горпына лагодыла дочци вечерю, а Мелашка доплитала ій винокъ, дивчата обступылы Приську та бильше дывылыся на „городянку", нижъ балакалы, бо не зналы навить, якъ до неи и звертатыся.

— Ось тоби винокъ,—бачъ якый ловкисенькый; одягайся швыдче, та ходимъ!—звернулася Мелашка до сестры, колы та скинчыла вечерю.

— Видчепыся видъ моеи души зъ своимъ винкомъ. Чы я тоби коза, щобъ заходылася стрибаты оце зъ доброго дыва?— засміялася Приська, доручаючи сестры назадъ винокъ.

— Чого жъ тамъ, хай Богъ мылуе, „коза"?—вдывувалась Горпына...—Нихто „зъ доброго дыва" й не плыгае:—на те й Купальный вечиръ. Не знаю, якъ челядь у городи бавытся, а по селахъ тилькы й веселощивъ, що зибратысь у гуртъ та одсвяткуваты кожне свято по звычаю.

— Пострыбаты, напрыкладъ,—завважыла зъ ухмилкою Приська...

— Стрыбаты разъ на рикъ: пострыбають сёгодни, та вже ажъ черезъ рикъ, хто жывый дижде, стрыбатыме. На все йе свій часъ, все по черзи: веснянка, петривка, купальни писни, колядкы, щедривкы...—доводыла Горпына.

Приська засміялася.

— А що, колы бъ оце я замисть петривкы та защедрувала? Посадылы бъ мене у холодну, чы ни?

— Чого тамъ, хай Богъ мылуе, у холодну? Тоби бъ самій щедривкы у литку на умъ не прыйшлы: ты бъ іи й на голосъ не звела,—видповила Горпына зъ незвычайною певнистью въ голоси.

— Чого жъ ты доси не вбираеш̌ся?—напалыся дивчата на Мелашку, що наче задубила на мисци зъ винкомъ у руци, та не змыгнувшы, дывылася на чудну городянку, що сміется зъ Купала. Мелашка кынулася у хыжу, убралася и зайшла въ хату запрохаты ще разъ сестру до гурту.

Приська ледве пизнала сестру. Чорна карсетына, облямована червонымъ шнуркомъ, немовъ облыпла коло молодого стану іи; кубова сыня спидныця, трычи пидперезана очковымы окрайкамы клалася ривнымы рясными фалдамы; жовто-гарячый попереднык̌ъ зъ зеленымы квиточкамы по полю, намысто, кисныкы, рясный винокъ,—все незвычайно лычыло простій, молодій вроди дивчыны.

— Пидемо-бо, Присю!—попрохала Мелашка сестру...—Хай на тебе хочъ челядь подывытся...

— И не прохай, и не умовляй, бо не пиду ни за що,—видповила уперто Приська.

Мелашка пишла, а Горпына поклыкала Саньку спаты, прыбрала трохы въ хати, розиклала по всихъ викнахъ жалыву и сила знову на лави.

Розмова съ Приською довго не складалася: маты не знала, що казаты доньци-красуни, а донька литала далеко думкамы та прыгадувала щось.

— Скилькы, мамо, у васъ коровъ теперъ?—запытала, нарешти прыгадавшы щось, Приська.

— Нема, донечко, и поганенькои,—видповила Горпына журлыво.

— А де жъ та корова, що у насъ була? Я думала, що вы за ци висимъ рокивъ череду розвелы, а вы й останнёи позбулыся,—здывовалася дивка...

— Моя дытыно, що бо ты кажешъ?—ажъ сплеснула рукамы Горпына.—Де бъ та череда набралася? Мало хиба мени втратъ було? Ганну виддавала—телычку дала; Евтухъ женывся—пару бычкивъ взявъ; батько померъ—тежъ телычку продала, останню тильну телычку продала та сховала Мелашци на коривку, якъ замижъ, дасть Богъ, йтыме. Ось тоби и череда наша.

— Хиба-жъ вы ничого за цей часъ и не зароблялы?—здывувалася Приська.

— Де бъ мы зароблялы? По чужыхъ людяхъ не ходылы, ниде не наймалыся, бо й биля свого хазяйствечка було дило, а колы Ганна може яку десятку у строку й заробыла, то й те на господарство пишло,—видповила Горпына...

— Яка жъ вамъ була корысть и господарюваты, якъ ось висимъ рокивъ гуртомъ працювалы та ничого й не прыдбалы?—запытала Приська.

— Чуешъ-же: виддала дочку замижъ, оженыла сына, батька поховала—та ниде й шага не позычала.—За Ганною ажъ 15 сорочокъ дала, дви кожушакы, дви ватянкы, тры литнячкы—карсетокъ чотыри, пъять спидныць, запасокъ тры пари, полотна

два сувои,—почала Горпына личыты та прыгадуваты, що постачыла вона дитямъ.

— И що вы мени по пальцяхъ личыте ти сорочкы та литнячкы? Наче я не знаю, скилькы воны коштують? Подывиться колы такъ, скилькы я сама душею прыдбала за ци висимъ рокивъ; прыривняйте мою одягу до вашои, та тоди прызнайтеся краще, що перевелы гуртомъ дурнисенько вси ци висимъ рокивъ,—мовыла ажъ наче зъ серцемъ Приська, видчыняючы скрыню й выкыдаючы звидтиль свое збижжя.

Рижнобарви платкы, платочкы, спидныци, сукни, попередныкы, тонисенькы, якъ павутынка, хусткы, били, якъ снигъ настильныкы, повышывани, повымережувани рушныкы вкрылы стилъ, пилъ, лаву. А Приська ще выкыдала зъ скрыни свое збижжя; де-що падало до-долу, и тоди стара Горпына нахылялася, пидіймала упавшу ричъ, вытрушувала іи, обережно складала и подавала доньци.

Пидслипувати очи іи багацько де-чого не добачалы, але вона спостерегла, що Присьчыне збижжя коштуе чымало, й нышкомъ зитхала, шкодуючы даремно, на іи думку, запакованыхъ грошей на цей тонисенькый та немицный крамъ.

Покы Приська спорожняла глыбоку, якъ колодязь, скрыню, повернулася й Мелашка, весела, щаслыва, цилкомъ задовольнена сёгоднядшнимъ Купаломъ и Мареною. Вона бигла до-дому немовъ за нею хто гнався, и вже роззявыла рота, щобъ переказаты сестри, якъ тамъ хороше було биля ставка, але на порози зупынылася—и ни пары зъ устъ. Ни, николы не доводылося ій бачыты такого чудового краму, такыхъ чаривныхъ, рижнобарвыхъ убрань! Щось неначе обирвалося, перевернулося у серци; воно защемило, забылося, замерло... О, Господы! чы то жъ можна и прыривняты іи найкраще, велыкодне убрання до найостаннишои сукни ціеи городянкы? Ця сама карсетка, той самый жовтогарячый попередныкъ, та сама спидныця, що звернулы сёгодни увагу товарокъ, наче злынялы, загубылы у одну мыть красу. Вперше за іи викъ почуття якоись неправды, образы, чы свого безталання опановало дивчыну. Хиба вона меньшъ за Приську пра-

цювала? Але жъ чы можна було ще бильше за неи, Мелашку, працюваты? Хиба вона меньше за сестру не досыпляла? Чы вона ласише за сестру йила? Може гроши даремно переводыла? Ой, ни! не можна було ранише, нижъ вона, Мелашка, вставаты, не можна було пизнише лягаты. Не ласувала вона изроду; за вси часы шага на витеръ не кынула,—безталанна вона, онъ що!

— Теперъ ты покажы мени, що у тебе въ скрыни,—звернулася Приська до засмученои сестры.

— Ничымъ добрымъ Мелашци й похвалытыся,—видповила за Мелашку Горпына,—та й нема чому дывуватыся: ты, бачъ, дбала весь часъ про себе, а Мелашка, спасыби ій, працювала на гуртъ, на господарство.

— Ото жъ було бъ такъ и вамъ дбаты кожному про себе,—зауважыла Приська, замыкаючы скрыню.

— Хай Богъ мылуе! Якъ-то можна «кожному про себе»? Попереду мы на старшенькыхъ гуртомъ робылы, покы повыддавалы ихъ людямъ, а теперъ, якъ Господь прыбавыть мени вику, то й Мелашци уготуемо, що слидъ: мы не ледачылы, не пропывалы, не пройидалы, не роскыдалы ни грошей, ни праци своеи даремно...—мовыла Горпына...

— И все жъ такы не зрозумію, що вы зберегли, що вы прыдбалы ціею працею?—запытала зъ легенькою ухмылкою Приська у матери.

— Чы я тоби можу по пальцяхъ переличиты, що мы прыдбалы, що загубылы?.. Прожылы, прохарчувалыся всіею симьею, у холоди не сыдилы, голи не ходылы, кутокъ свій не роспустылы, земельку дитямъ и внукамъ прыбереглы,—жылы, одно слово, якъ люде жывуть, й помремо, то буде чымъ заховаты,—видмовыла трохы ображена Присьчыною ухмылкою Горпына.

— Ось,—додала вона згодомъ,—вже й до Мелашкы, хвалючы Бога, старосты кланяются, та я жъ не видмагаюся тымъ, що ни зъ чымъ дивци йты: въ мене й рушныкы, й сорочкы, й рядна и все чысто вже уготовлено... Чы такъ, Мелашко?

Але Мелашка не чула матерыного пытання: вона въ думкахъ ривняла свои порепани ногы до Присьчыныхъ нижокъ, обутыхъ у блескучи черевычкы, свои чорни рукы до билыхъ рукъ городянкы; вона прыгадувала всю ту важку працю, що зазнала мало не зъ пелюшокъ, и почынала зневирятыся у порядкахъ и обставынахъ сильського жыття. Хто зъ селянъ прыдбавъ стилькы, якъ ця городянка? хто зберигъ свое такъ тило, свою вроду? Орышка— перша дивка на сели: чудова жныця, перша щвачка, найкраща пряха, цей молотныкъ и плугатырь пидъ часъ прыгоды, та сама Орышка, що не покладае ни въ день, ни въ ночи своихъ рукъ,— що вона прыдбала, поривняючы зъ Приською, чымъ заповныла свою скрыню?

— Ну, диты,—зирвала маты невесели думкы Мелашкы,— лягайте спаты! Тоби, Мелашко, завтра хлибъ учыняты, и ты, Присько, высыпляйся завтра до схочу—однаково день не робочый.

III.

Приська не встала рано на другый день, не вставала рано й дали. Де-килькы день Горпына не тилькы не докоряла дочки за іи довгый сонъ, а навпакы, певна, що дочка вси висимъ рокивъ не досыпляла, умовляла Приську выспатыся до схочу й берегла іи спокій, якъ умила. Мелашка не меньшъ за матиръ пыльнувала про гостю й не разъ урывала яку годынку видъ коротенькои петривчанои ничкы та вставала ранишъ, щобъ спекты сестри пырижкивъ, перепычку зъ саломъ, або спарыты глечычокъ здобутого на сели молока. Сусиды тежъ ще до которого часу не судылы городянкы, бо „висимъ рокивъ", мовлявъ,—„не висимъ денькивъ—натомышся у наймахъ".

Але ось прыпала недиля. У тому сели, де жыла Горпына, переробляли саме иконостасъ, и въ церкви не правылось. Мелашка умовыла Приську питы зъ нею у сусидне село до службы и збудыла іи зъ пивнямы. Выйшлы воны, тилько на свитъ по-

благословылося. Ранокъ бувъ чудовый, свижый, тыхый; сонечко схопылося рано, кынуло своимъ проминнямъ навколо, и раптомъ засяялы золотомъ важки колоскы жыта, заблестила самоцвитнымъ каминнямъ кожна росынка, всмихнулася, выправылася кожна стеблынка зеленого проса, побадёрнишала та повеселишала видъ того теплого проминня и недоспавша, а черезъ те спочатку похмура, Приська. Вузенька стежка, що вела до сусиднёго села, пролягала мижъ высокымъ жытомъ, вылася по-надъ обмижкамы и, здавалося, кинця-краю не мала. Напевне, иншымъ часомъ Приська, зауважывшы, якъ далеко простягся той степъ, що ій повынно перейты, якъ неясно мріе той осыковый гаёкъ, що вырисъ на пивъ-дорови, повернула бъ, слова не мовывшы, назадъ й зареклася бъ ходыты и вдруге, але у цей чудовый ранокъ у неи такъ гарно, такъ лагидно було на души, стилькы сылы почувала вже у тили, що колы вызырнула зъ-за зеленои гущавыны цвынтаря биленька невелычка церква, Приська не хотила йняты виры, що перебигла бильшъ якъ шисть гонивъ. Коротенька видправа панъ-отця Ардаліона, подорожъ назадъ тежъ не втомылы Приську и вона не тилькы не лягла спочываты писля обидъ, а навить гуляла и зъ вечора довше, нижъ завжды.

Така незвычайна бадёристь Приськы впевныла Мелашку, що сестра вже добре видпочыла писля наймивъ и здатня до праци на поли. А якъ ій хотилося вытягты городянку у поле! Робота тамъ була не погана: добра половына жыта стояла у копахъ, пшеныця тежъ ще не нагоныла, и Мелашка управылася бъ любисенько зъ ненькою безъ допомогы третёго женця, але жъ, не заради своеи корысти й клопоталася дивчына, умовляючы сестру выйты у понедилокъ до жыта. Мелашка зауважыла те враження, що зробыла сестра у церкви на челядь, вона постерегла цикави погляды парубкивъ, заздристни зитхання дивчатъ, що наче ажъ йилы очыма красуню-городянку у зеленій сукни та билому шовковому платочку, але-жъ чула вона, якъ одынъ дядько мовывъ у голосъ: „за такою жинкою хлиба не йисты", а другый додавъ на увесь цвынтарь: „крупчаткою подавышъся"; бачыла вона тежъ, якъ поважный дидъ Якивъ огля-

дивъ поважно Приську, зитхнувъ важко й перехрестывся, довидавшысь, що ця городянка—Горпынына дочка, и ій невымовно шкода стало сестры.

Довго умовляла Мелашка Приську выйты на поле. Приська сміялася, жартувала, видмагалася, упевняла, що й серпа не вдержыть у руци, що не вміе и не хоче жаты; Мелашка доты не одійшла видъ сестры, покы та нарешти не згодылася выйты „хочъ подывытысь", якъ люде жнуть.

Приська захопыла заполочъ, шыткы, запъялася тонисенькою намиткою й певна, що йде тилькы „дывытысь" на чужу працю, послидкувала за матирью та сестрою до жыта. Не такъ миркувала Мелашка: вона прыгадала, якъ крала вона ще манисенькою серпъ, якъ хапалася потай видъ матери та старшои сестры зризаты тымъ серпомъ хочъ де-скилькы буръянынокъ; якый це бувъ щаслывый день у іи жытти, колы нарешти ій доручылы окремій серпъ, повелы у поле, колы вона зайняла постать и нажала мало не пивъ-копы, и думала теперъ, доручаючы сестри блыскучый гострый серпъ: „хай тилькы вона выйде на поле, хай тилькы побачыть, якъ люде жнуть, то не втерпыть—зохотыться жаты". Приська прыйняла зъ веселымъ усмихомъ той серпъ, перехрестылася на схидъ сонця, якъ велила Горпына, зризала де-килькы жмень жыта, перевъязала перевесломъ, обквитчала свій снипъ полёвымъ горошкомъ та васылькамы, увиткнула ёго зъ реготомъ та жартамы у шапку найвыщого полукипка, та й обмотала серпъ ганчиркою.

— Оце й годи?—запытала наче ажъ зъ жахомъ Мелашка.

— Хиба мало нажала?—засміялась Приська, вытягаючы зъ пидъ кипъ свои шыткы.

— Невже навсправжкы бильшъ не жатымешъ?—запытала Мелашка.

— Невже-жъ ты справди думала, що я жатыму?—перепытала ій Приська...

— Зареклася не жаты, чы що?—запытала зъ докоромъ Мелашка.

— Эге-жъ, зареклася...—видмовыла Приська, складаючы у купку снопы, щобъ було де систы.

— Чому жъ то такъ?—обизвалася Горпына. .

— Тому, що не дурна...—белькнула Приська.

— Якъ не дурна, то й не толочъ, якъ той дурень, святого хлиба,—скыпила Мелашка и сипнула купку снопивъ зъ-пидъ Прискы... Приська схопылася, плюнула на Мелашку й кынула ій де-килькы образлывыхъ сливъ.

Мелашка мала тежъ неледачый языкъ до послугъ—завелася суперечка; слово за словомъ, докиръ за докиромъ—и сестры нарешти зрозумилы, яка безодня прырва розризняе ихъ, якъ далеко розійшлысь воны за висимъ рокивъ, и якъ мало надіи на те, що воны, диты одніеи ненькы, порозуміются колынѐбудь.

Горпына цилкомъ спочувала Мелашци, котра, на іи поглядъ, казала городянци дійсну правду; але ій шкода було й Прыськы. Ій прыкро було слухаты суперечку дитей, и вона зважылася перекынуты хочъ легенькый мисточокъ черезъ ту прырву, що розризныла сестеръ.

— Цытьте! Не гукайте на все поле, щобъ бува люде не позбигалыся. Чого вы сперечаетеся? Ты, Мелашко, не служыла въ городи, не знаешъ, якъ тамъ жывется,—Приська тежъ не знае сильського жыття—нема объ чимъ вамъ и змагатыся,—спыныла дитей Горпына.

Мелашка видразу стыхла, а Приська не замовкла: вона вже прыдывылася за цей тыждень до селянъ, вона впевнылася, що воны марно переводять и лита и здоровья свое, вона знае, що найзаможнишому, найроскишнишому зъ селянъ и у сни не увыжаются ти чудови обставыны, ти умовы, котрымы корыстувалася вона, Приська—звычайна наймычка, въ гѝроди.

— Де це поводытся, якый катъ-господарь прыневолывъ бы васъ старистью пектыся на сонци та трудыты поперекъ? Невже вамъ легше выстояты рачкы на отакій специ, нижъ слугуваты панамъ у городи?—скинчыла Приська свою довгу, палку промову.

— Може и йе дуже гарни паны, гарни господари, а намъ, селянамъ, немае кращои господаркы за святу землю, нема кращого господаря—за Господа Бога,—видповила спокійно Горпына.—Пошле Господь литечко, вродыть свята земля—выйдемо мы у поле, знаемо безъ загаду, що намъ робыты, якъ и ій, святій земли, и соби догодыты. Попотрудымо поперевы тыжнивъ зъ висимъ, попоганяемо скотынку, позбираемо те, що давъ Господь намъ за нашу працю, позвозымо до хатъ, та й сыдымо соби нышкомъ по своихъ куткахъ, ажъ покы знову сонечко не поверне на лито.

— А що вы бачыте, що вы чуете, сыдючы по своихъ куткахъ? Чы вы на свитъ билый надывытеся, чы вы людей наслухаетесь за свій викъ?—засміялася Приська.

— Охъ, дытыно моя! Свитъ велыкый—не зйиздыты, не сходыты ёго—та не нашъ. Нашого тилькы и йе, що хатына про жыття, та домовына про смерть—про те тилькы й треба дбаты. Людей есть сыла сылою, та то все люде не наши: намъ байдуже про ихъ, и мы имъ непотрибны, а тилькы й нашыхъ людей—що своя родына та свои селяне,—завважыла Горпына.

Приська засміялася.

— Що вамъ зъ тыхъ селянъ? Що воны вамъ дадуть, на вищо воны вамъ, а вы имъ здалыся?

— Те й дадуть, що мы сами даемо имъ: треба порады—порадять, допомогты—допоможуть, розважыты—розважать, у кумы запрохаемо—пидуть, одно слово—не попустять загынуты; не почуватымешъ себе у своему сели тіею былынкою пры дорози,—видмовыла Горпына.

— Отакъ само радытымуть, пособлятымуть, розважатымуть васъ и городяне, а кумивъ вже й напевне здобудете кращыхъ у городи, нижъ тутъ...—не спынялася жартуваты Приська.

— Радытымуть, дытыно моя, и въ городи,—мовыла Горпына,—та не въ одно: наймычка дасть тоби одну пораду, перекупка—другу, пани—третю...

— Ось порадьте мени теперъ, якъ мени до-дому добытыся, бо прямо не всыжу тутъ: душно, пече... Хотила бъ я

знаты, скилькы копіёкъ заробыте вы за день такои пекельнои праци,—мовыла Приська, пидводячысь зъ земли и утыраючы намиткою крапли поту на выду.

— Хиба мы личымо колы зароблени копійкы? Мы не гроши, а хлибъ заробляемо,—видповыла Горпына.

— Та все жъ цикаво перевесты отой хлибъ, що заробляете такъ гирко, на гроши,—завважила Приська.

— Ото-жъ иды на село та й переводь свои гроши на хлибъ, бо я тоби теперъ й шматка хлиба не дамъ.—Купуй, багатырко, ласуй на чужу працю, а мы, хвалыты Богови, хлиба не купувалы, чужою працею не жывылыся,—скыпила доси мовчазна Мелашка.

Приська спалахнула—почалася изнову суперечка, якъ на те наблызылыся пастухы, поривнялыся зъ Горпыною де-яки женци, що верталыся на обидъ до-дому, и кожне слово ціеи суперечкы облетило незабаромъ все село.

Мелашка дорого дала бъ, щобъ завернуты свои слова назадъ, щобъ впевныты селянъ, що то вона зъ дурного розуму, зъ серця, плескала про сестру нисенитницю, але Приська наче навмысне добывалася худои славы, и зъ кожнымъ днемъ до одного прыкрого прызвыща добавлялы ій друге.

Мелашка пъялася зъ усіеи сылы, нервово хапалася за всяку працю, не дойидала, не досыпляла, зъ ранку до вечора не прысидала, та все терпляче сподивалася, що сестра захопытся такы нарешти жыттемъ ихъ маленькои симьи, що вона зацикавытся ихъ побутомъ, що принаймни хочъ, шкодуючы сестру та стару неньку, додасть своеи допомогы. Горпына тежъ все чогось сподивалася, и колы яка кума почынала допытуваты: „докы Приська святкуватыме“, впевняла іи, що тому святови прыйде незабаромъ кинець, що дочка незабаромъ опамъятается та почне робыты, „якъ и люде“. Тилькы сама Приська розумила добре свое становыще, напевне знала, що не згодытся „марно потрачаты свого здоровья“, „не захопытся тіею працею“, до котрои зохочувалы іи сестра та маты, „не занапастыть свого вику за хлиборобомъ“ и здобуде соби неод-

минно такый шматокъ хлиба, якый-бы мигъ задовольныты іи. Вона не тилькы розумила все це, але й не крылася ни видъ кого зъ своею метою, дарма що слова іи не знаходылы навколо спочуття, а розмова зъ родыною кинчалась суперечкою.

Якось разъ писля такои суперечкы зъ Мелашкою Приська сыдила на лави та нызала намысто. Горпына прысила до неи.

— Ты, дочко, не враждуй на Мелашку,—мовыла вона стыха.—Мелашка—дивка молода, нерозсудлыва; иноди може й зайве що белькне, а ты такы старшенька.

— То що якъ старшенька?—перепынила Приська матерыну ричъ.—Звелыте може зменьшатыся, передкы ій цилуваты? Вы вси за неи заступаетеся, вси проты мене, вси на мене нападомъ.

— Хай Богъ мылуе! Хто-бъ на тебе дурно нападався? Судять тебе люде, нарикаю и я иноди на тебе, такъ то жъ, дочко, не по дурному: Мелашка робыть, якъ не перервется, а ты хиба въ хати прыберешъ, та й годи.

— Не ривняйте мене до Мелашкы!—спалахнула Приська.—Не накыдайте мени тіеи роботы, що я й до самои домовыны не згожуся робыты! Чомъ вы не дывылыся, якъ я робыла у генеральшы, чому вы не пыталы людей, чы дурно я тамъ хлибъ йила? За мною булы й горныци, за мною й генеральшыны сукни, за мною и сорочкы, за мною всячына, та то жъ и догожала висимъ рокивъ,—годувалы, по чотыри карбованци на мисяць платылы, ще й подарункы робылы...

— Царство Небесне тій генеральши, що выгодувала тебе, а все-жъ, дочко, не викъ чужымъ людямъ годыты—треба колысь и самій господарюваты...

— Хай и моимъ ворогамъ таке господарство, якъ оце, не снытся... Давытыся чорнымъ хлибомъ, тягаты на плечахъ тенеткы, докы на шматкы не розпадутся, ни веселощивъ, ни ласощивъ не зазнаты—ото все ваше й господарювання. Колы хочете знаты, то я дывлюся на васъ або на Мелашку, ривняю до тыхъ наймытивъ, що зазнала, та тилькы дывуюся мовчкы:

де ваши очи, що вы не бачите, на вищо вы перевелыся, яке ваше жыття?

— То бъ, на твою думку, и мени слидъ було бъ найнятысь?—здывувалася Горпына.

— А вже жъ, найнятысь,—мовыла Прыська.

Горпына образылася.

— Э, то вже дочко, дурныця, симъ разъ дурныця! То вже, дочко, брешешъ! За таки речи я тоби вже не подякую. Не була твоя маты чужымъ попыхачемъ, та й не буде. Якъ гирко не доводылося, та все не куштувала недойидкивъ видъ панського столу; хочъ и черствый хлибъ—та свій; хочъ и похыла хатына, та свій кутокъ; хочъ и поганенька господарька, та не налаяна, не осужена!—завважыла Горпына.

— Ну й сыдить „господаркы" та „господарськи дочкы" надъ кандёромъ, а я не хочу звыкаты до такого жыття, и не прысылуете, не прыневолыте вы мене до вику,—мовыла Прыська.

— Кого тамъ сылуваты? До чого прыневолюваты?—запытавсь дядько Максымъ, що саме нагодывся на останни Прыськыны слова.

— Не прыневолыте, не прысылуете до чорнои роботы,—зъ серцемъ видказала Прыська.

— А я гадавъ, що тіеи твоеи дурнои писни вже й край забулы, що опамъяталася та дякуешь мени за те, що я вытягъ тебе зъ того болота та показавъ, якъ люде повынни жыты та господарюваты, ажъ ты, бачу, не дуже-то!—мовывъ зъ докоромъ дядько Максымъ.

— „Нате й моихъ пъять, щобъ було десять". Чого ще вамъ видъ моеи душы треба? Посміялыся зъ дуркы, обицянокъ надавалы, симъ мишкивъ гречанои вовны набалакалы, а теперъ ще й докоряете, що не корюся вамъ? Де ти писари, де ти благородни люде, що вы мени заздалегидь высватувалы? На вищо вы мене зъ города взялы? Погыбели моеи захотилы?—заплакала Прыська.

— Чудна ты, дивко! Подумай сама: за кого бъ я тебе и высватавъ? Чы тебе хто на поли бачывъ, чы твою роботу хто колы похвалывъ? Мелашку я высватаю хочъ и сёгодни, дарма що вона менына, а тебе... Кому ты потрибна? Кому й на вищо здалыся твоя врода, твои били рукы, колы ты не здатня до праци?—Була въ мене думка высвататы тебе за Бондаренка,—несхотивъ тебе.

— Ось якихъ молодыхъ тулыте вы мени! Чы я вамъ не казала, що не пиду до вику за простого мужыка-хлибороба? Хиба я не знаю, якъ воны знущаються зъ жинокъ своихъ?

— А подывысь, якъ Бондаренко панькаеться теперъ въ своею молодою жинкою. Наче ти голубкы жывуть. Зазнають и щастя на своему вику, й роскоши—якъ одынъ день викъ прожывуть!—мовывъ Максымъ.

— Прямо—„зазна роскоши“! Не бачыла я, мабуть, яку спидныцю ваша Санька телипае, не куштувала, мабуть, пырогивъ іи!—засміялася Приська.

— Бачу, до чого ведешъ ричъ, та тилькы помыляешся ты, небого. Не у тимъ роскишъ, що сёгодни шорстяне, а завтра рядняне, а у тимъ, що завжды йе те, чого треба; не у тимъ роскишъ, що сёгодни вязка бублыкивъ, а въ тимъ, що не голодный... Ты сёгодни, бачъ, прычепурылася, напъяла шорстяну сукню, поснидала бублыкамы, напылася чаю, спала до обидъ, а я не знаю, у чому ты сыдитемешъ черезъ рикъ, якъ жыви диждемъ, що йистымешъ та чы переспышъ, чы може за голодомъ та досадою й про сонъ забудешъ?.. Никому, причъ Господа Мылосердного, невыдимо, що тебе сподивается, що тоби трапытся та у чіихъ рукахъ опынытся и скрыня твоя важка, й те добре намысто, що теперъ ныжешъ; а за Саньку такъ и объ закладъ можно побытыся, що й черезъ рикъ и черезъ десять будуть и пырогы на столи, и таки сами спидныци, якъ теперъ, колы не кращи. И я тоби поражу...

— Хай воно сказытся таке жыття, якъ Саньчыне! Я-бъ швыдче соби смерть заподіяла, нижъ згодылася отакъ свитомъ нудыты,—не стерпила Приська и перебыла дядькову ричъ.

— Оце лыхо! А якого жъ,—не у гнивъ вамъ буде, що запытаю,—жыття вамъ забажалося?—засміявся дядько.—Хиба ты не така сама мужычка, якъ Санька? Покынь краще вси свои выгадкы та прымхы! Не морочъ людямъ головы, покынь шукаты того незвычайного жыття, визьмыся гарненько до праци, то я тоби высватаю чудового парубка,—хазяйського сына, одынця у батька...

— И не нагадуйте мени про тыхъ хазяйськыхъ сынивъ— не пиду я за ныхъ замижъ. Не мужыкивъ я цураюся, а хлиборобивъ. Не вси мужыкы господарюють—йе таки, що й на готови гроши жывуть; отакого мени знайдить, а ни, то одвезить мене краще у городъ—тамъ я сама соби раду дамъ, якъ мени жыты.

— За городъ, дочко, вже не нагадуй: до вику-вичнёго не буде тоби на те мого благословенія,—обизвалась безъ краю сумна Горпына.

— Въ городъ тебе вже нихто не пустыть: и такъ велыкого ума набралася—постачыть на увесь твій викъ,—додавъ Максымъ...

— Та вже жъ и тутъ нема мени жыття. Кожне пече мене, дорикае, коженъ очи выйидае,—заплакала Приська.

— Присько!—звернувся до неи трохы згодомъ Максымъ.— Не вже ты такы навспрявжкы поклала соби не выходыты замижъ за хлибороба? Може ты такы одумаешся колы-небудь?

— Докы вы мене допытуватымете, докы дратуватымете?— Сказала, що не пиду за хлибороба, то хочъ зависьте, не зминю на цёму слови!—заголосыла ще дужче дивка и выбигла геть зъ хаты.

Л. Яновская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Практика смертной казни въ старой Малороссіи. «1734 году, апрѣля 6 дня. Мнѣніе войскового енералного суда по дѣламъ кримѣналнимъ о колодникахъ батуринскому жителю Матвѣю Сергіенку да жителю переяславскому Ѳедору Иванову учинено въ нижеслѣдующемъ. 1. Помянутій Сергіенко в распросе показалъ, что онъ хозяина своего, батуринского жителя Мартина Кащенка, в дороге, под городомъ Лохвицею, самъ собою ossю спяцаго убилъ, ради имѣвшихся у него Кащенка денегъ, которіе числомъ 8 р. и лошади оного убитого взявъ онъ, Сергіенко, намѣривалъ ехать в Полтаву, чтобъ пристать к кому в службу; и закопалъ былъ оніе денги под Лохвицею, в урочищи подле Креста. А потомъ, когда его Сергіенка лохвицкіе люде в дороги запинивъ, привели в Лохвицю, то онъ, Сергіенко, за прибиrіемъ жены Кащенковой, с посланними отъ старшины лохвицкой людми, означенніе денги подле Креста на нивѣ закопанніе сыскавъ, отдалъ оной женѣ убитого Кащенка. А о томъ смертномъ убійстве онъ, Сергіенко, в суде генералномъ ис питки винился и сказалъ, что онъ того хозяина своего Кащенка подлинно убилъ з своего умислу для того, чтоб его хозяйскіе пожитки забрать и покористоваться оними; а на то убійство его нихто не подговаривалъ и в томъ помощникомъ никто ему не былъ, а прежде того убійствъ другихъ никому не чинилъ. А сего 1734 году, марта 12 д., глуховского Петропавловскаго монастира намѣсникъ іеромонахъ Варлаамъ и новгородского сѣверского Спасского монастыря іеромонахъ Петръ Gерgель с іеромонахи катедры Чернѣговской Зосимою и Тихономъ да глуховскій протопопъ Алексѣй Gаляховскій, с протчіими священ-

н вки, числомъ восемъ человѣкъ, в поданномъ в судъ енералній челобити просили, чтобъ оного колодника Сергіенка, которій де еще будучи младолѣтенъ в тотъ убійства грѣхъ впаде, отъ смертной казни свободить на покаяніе. А в правахъ матороссійскихъ напечатано, а именно: в книге Статутѣ, в раздѣлѣ 11, артикулѣ 9, ежели бы которій слуга взявши предъ себе злій умислъ, господина своего забилъ или ранилъ, таковій имѣетъ жестоко горломъ каранъ быти, яко зрадца четвертованъ; да в томъ же раздѣлѣ, артикулѣ 56— когда бы кто о воровство или о какое злочинство к смерти отъ судей приговоренъ былъ и в томъ отъ смерти откупилъ себе денгами или чрезъ свойственнихъ своихъ или гостей, пословъ, господъ знаменитихъ випрошеній былъ, а за таковій свой злій учинокъ у ката в рукахъ былъ, такій каждій между добрими людми рицерскими не имѣетъ болше того привилею шляхетского уживати, а дѣтемъ его то вредить не имѣетъ. 2. Прошлого 1733 г., ноября 16 д., дѣло по присланному екстракту отъ наказного полковника переясловского Томары з старшиною, о Ѳедору Иванову, которій Леску Косому и женѣ его Еленѣ приказовалъ жену свою Евгенію перво отруить, а послѣ удавить и оній Леско удавилъ, а жена его давала мишаку пить, о чомъ изъ розиску показали, в судѣ енералномъ рѣшено и велено по силѣ правъ малороссійскихъ в книге Статутѣ в раздѣлѣ 11, артикулахъ 6 и 17, да в книгѣ Порядку, артикулахъ 66 и 87, чинить смертную казнь и о томъ того жъ ноября 16, к оной старшинѣ полковой для исполненія посланъ указъ. И того ж году декабря 21, отъ той старшины в судъ енералній репортовано, что онимъ Леску Косому и женѣ его Еленѣ учинена смертная казнь. А сего 1734 году, генваря 11, преосвященній епископъ переясловскій и бориспольскій Арсеній Берло и г. генералъ-майоръ Кейтъ в судъ енералній писали с прошеніемъ, чтоб ради торжественного дня тезоименитства ея высоч. государыни принцессы Анны (аще возможно будетъ) помиловать его, Ѳедора, отъ смертной казни освободить. А по справке в генералномъ войсковомъ суде з дѣлами в прошломъ 1733 году, содержались колодники в ономъ судѣ, а именно смоленской губерніи, города Драгобужія, деревни Тужимовой, помѣщика Гаврила Заблоцкого, Яковъ Савеліевъ сынъ Зайцовъ—в пятократномъ в разнихъ обивателей, в томъ числѣ и церковномъ, воровствахъ, да Ѳилипъ Фоминъ сынъ, житель Короповскій, за растлѣніе дѣвицы Агафіи Ивановой дочери, отъ чего она и умерла, которимъ надлежало было по силѣ правъ

учинить смертную казнь, ибо уже и приговорены были, а по прошенію духовнихъ особъ и по силѣ вышеписанного права в раздѣлѣ 11 артикулѣ 16 напечатанного, смертію не казнены и отданы онымъ просителемъ с роспискою, что оны впредъ такихъ злодѣяній чинить не будутъ. А нынѣ, по мнѣнію суда енералного, показанного Сергіенка за убійство хозяина его Кащенка по силѣ артикуловъ 6 и 17, того жъ роздѣлу, учинить смертную казнь, а показанній артикулъ 56 оного жъ раздѣлу, весьма не пристойній к таковимъ дѣламъ отставить, понеже, ежели смертнихъ убійцовъ по оному артикулу и по прошенію духовнихъ особъ отъ смертной казни свобожать, то многіе на то смотря, возимѣвши безстрашіе, станутъ чинить смертніе убійства въ той надеждѣ, что ихъ духовніе отъ смертной казни отпросятъ. Аѳанасій Радищевъ. Иванъ Сенявинъ. Судіа енералний Михайло Забѣла».

Къ исторіи „войсковаго скарба". «Исторія войсков. скарба», еще ненаписанная, представляетъ немалый интересъ для исторіи экономической жизни старой Малороссіи, указывая какъ гетманщина устраивала свои финансы. Главнымъ источникомъ послѣднихъ, до измѣны Мазепы, служила «аренда»—на «горѣлчаніе, тютюнніе и дегтевіе шинки». Два приводимые здѣсь универсала Мазепы поясняютъ—какъ практиковалась эта аренда въ монастырскихъ селахъ. 1) «Ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуемъ сымъ нашымъ писанемъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ що колвекъ належитъ до скарбу нашого войскового суммы арендовной до маетности архимандріи Новгородской, въ полку Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ будучии, за рокъ 1695 належной, то мы тую всю сумму—двѣстѣ сѣмдесятъ золотихъ грошей—даруемъ висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Михайлу Лежайскому, архимандритѣ Новгородскому, в чомъ даючи его милости сію нашу охорону, варуемъ, абы нихто з старшини и чернѣ не важился правити тыхъ грошей за тіе маетности предречоной архимандріи Новгородской. Данъ в Батуринѣ, октоврія 26 д. 1695 року. Звишъ менованній гетманъ рукою власною».

—

2. «Его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ пустилисмо висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Никону архимандриту Новгородскому, арендовіе, горѣлчаніе, тютюнніе и дегтевие шинки в завѣдоване в селѣ Спаскомъ в сотнѣ сосницкой будучимъ, на наступуючий рокъ 1704-й отъ дня—починаючися, а о томъ же часѣ прийдучого году кончитися 1705-го мѣючие, за которие то шинки висоце в Богу превелебний отецъ архимандритъ яко належитую до скарбу войскового суму уистилъ, такъ позволяемъ оними веллугъ давнего порадку владѣти и якъ хотя оними диспоновати ку лучъшему своему пожиткови; въ якихъ шинкахъ не повиненъ нихто з жителей помененного села Спаского войсковихъ и посполитихъ людей и з посторонныхъ переежджаючихъ жадной найменшой перешкоди чинити потаемнимъ горѣлки шинкованемъ и явнимъ; медомъ зась, пивомъ и брагою волно всякому з козаковъ и посполитихъ людей без жадныхъ дачей шинковати, що все такъ, а не иначей абы было, симъ листомъ нашимъ варуемъ. Данъ в таборѣ іюня 4, року 1704, под Хвастовомъ. Звишъ менованный гетманъ рукою властною» [1]).

Остатки преданія о Гонтѣ. [2]) «Недавно мнѣ случилось быть въ селѣ Сербахъ (могилевскаго уѣзда, подольской губ.). Селеніе это извѣстно тѣмъ, что оно было мѣстомъ казни извѣстнаго предводителя народнаго движенія и дѣятеля такъ называемой «Уманской рѣзни»— Гонты. Казнь Гонты дала с. Сербамъ право на упоминаніе въ южнорусской исторіи. Зачѣмъ именно Гонта былъ завезенъ для казни въ с. Сербы, такъ далеко отъ главнаго мѣста своихъ подвиговъ—окрестностей Умани, и отъ мѣста своего плѣненія—отгадать трудно; но это

---

[1]) Оба документа изъ монастырскихъ актовъ, нынѣ хранящихся въ кіевскомъ центральн. арх.

[2]) Перепечатываемъ эту интересную статью г. Ѳ. Ѳ. (?) изъ стараго „Кіевлянина“ (1871 г. № 45), гдѣ она, какъ и многія подобныя другія, теряется чуть не навсегда. Большую пользу принесла бы редакція „Кіевлянина“ наукѣ, если бы издала выборки подобныхъ статей изъ своего изданія за прежніе годы, въ видѣ отдѣльныхъ *Сборниковъ*. Матеріалъ въ этой газетѣ для такихъ *сборниковъ* имѣется обильный и интересный.

обстоятельство повліяло на то, что количество устныхъ народныхъ преданій о его смерти уменьшилось. Жители окрестностей мѣста его казни не такъ были заинтересованы личностью Гонты, меньше занимали ихъ воспоминанія о ней, чѣмъ жителей той страны, которая полна преданій о событіяхъ, связанныхъ съ именами Гонты и Желѣзняка. Сербы видѣли только казнь,—но не видѣли дѣлъ Гонты.

Разспросы у жителей с. Сербовъ дали немного; сто лѣтъ времени сильно сгладили народное преданіе, и отъ него уцѣлѣли только небольшіе остатки, слабо свидѣтельствующіе о томъ, какъ относилось населеніе къ дѣятелю уманской рѣзни: съ симпатіею или съ отвращеніемъ; что больше запечатлѣлось и уцѣлѣло въ народной памяти: его-ли жестокости, или то, что Гонта все-таки былъ выразителемъ народнаго движенія, народнаго чувства. Правда, почти всѣ жители с. Сербовъ твердо запомнили, что здѣсь именно былъ казненъ Гонта, но личность его представляется имъ недостаточно опредѣленною. Въ отрывочныхъ разсказахъ, Гонта является то предводителемъ народнаго движенія, симпатичнымъ населенію, то простымъ разбойникомъ. Новѣйшее поколѣніе уже смѣшиваетъ его иногда даже съ разбойникомъ Кармелюкомъ, дѣйствовавшимъ въ подольской губерніи въ позднѣйшее время. Подвиги Кармелюка иногда приписываютъ Гонтѣ, хотя крестьяне постарше тутъ же и протестуютъ противъ такого мнѣнія и отдѣляютъ личность Гонты. «Нема теперъ уже такыхъ» —говорятъ они—«щобъ бачылы, якъ Гонту тутъ *стратылы*. Це вже дуже давно діялось: и ти вже стари люде, котри чулы видъ батькивъ и видъ дидивъ». Только старая, разрушающая деревянная церковь села Сербовъ, которой повидимому далеко больше ста лѣтъ—остается безмолвнымъ свидѣтелемъ страшной казни, устроенной польскою лютостью, надъ лютымъ карателемъ поляковъ и жидовъ. Въ селѣ осталась еще также поговорка: «Гонта свитъ пройшовъ, та Сербивъ не перейшовъ»: тутъ его и «стратылы».

Мѣсто казни указываютъ различно: одни говорятъ, что Гонта казненъ у самыхъ воротъ селенія, возлѣ вновь выстроенной церкви, гдѣ будто-бы стоялъ прежде и крестъ, на который встарину указывали, какъ на мѣсто могилы; другіе положительно утверждаютъ, что казнь произведена была возлѣ «мурованной криницы», немного подальше. Какъ признакъ могилы называютъ желѣзный колъ, который будто-бы вбили въ могилу мучители Гонты. Гдѣ этотъ колъ—отыскать едвали удалось бы. Но о существованіи кола повторяютъ всѣ.

Гонту долго мучили—говорятъ старики; его не за одинъ разъ убили: сняли съ него кожу съ головы, потомъ отрубили одну руку, дальше другую, а тамъ и ноги, а послѣ всего голову. И это дѣлалось нѣсколько дней, чтобы дольше мучить; «отрубятъ Гонтѣ одну руку, а онъ акафистъ Іисусу читаетъ; отрубили другую руку,—а онъ все-таки акафистъ читаетъ» —такъ говорилъ одинъ старикъ, разсказъ котораго былъ очень толковъ и согласовался съ извѣстными подробностями событій.

Другіе говорили, что Гонту убили иначе, вытягиваніемъ изъ него кишекъ: вытянули кишки, привязали къ столбу и вертѣли его вокругъ столба, пока не вытянули всѣхъ кишекъ до конца; тогда Гонта засмѣялся и умеръ; а когда его мучили, онъ все молился и акафистъ читалъ. Послѣдній разсказъ очевидно ошибоченъ и расходится съ письменными свидѣтельствами, по которымъ дѣйствительно съ Гонты сняли кожу съ головы, голову посолили, вырѣзали полосы кожи съ другихъ мѣстъ тѣла и четвертовали съ большими промежутками времени. Первое преданіе вѣрнѣе. Но оба разнорѣчащія преданія говорятъ одинаково, что во время казни Гонта громко читалъ акафистъ. Если и теперь еще уцѣлѣло подобное преданіе, то ясно, что въ народной памяти Гонта остался не въ видѣ разбойника, а въ совершенно другой обстановкѣ: представленіе человѣка, умирающаго съ твердостью и читающаго акафистъ во время мучительнѣйшихъ смертныхъ истязаній,—вызываетъ въ народѣ совсѣмъ не то чувство, какое имѣютъ къ разбойнику.

«То правда, що Гонта багато збыткивъ (т. е. вреда, пакостей) наробывъ по свиту», говорятъ сербянскіе и окрестные крестьяне, но иные прибавляютъ, что не для всѣхъ онъ былъ такой лютый человѣкъ; одни говорятъ, что онъ былъ лютъ только до «ляхивъ и жыдивъ»; а другіе,—что онъ былъ такой человѣкъ, что богатого «обибравъ, а бидному надавъ». Въ этомъ послѣднемъ преданіи выступаетъ опять не разбойничій атрибутъ, а что-то другое, хотя мало опредѣленное. Очевидно, что въ населеніи осталось симпатичное чувство къ Гонтѣ: его не считали дурнымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ стариковъ, больше всѣхъ знавшій о Гонтѣ, разсказалъ такъ: Гонта былъ родомъ изъ Росошекъ подъ Уманью; его жъ село было и Кодыма (Подольск. губ.); тутъ (въ Сербахъ) про него никто хорошо не знаетъ; а я помню, что по дорогѣ въ Одессу, какъ бывало идешь, то про него тамъ больше говорятъ.—«Я добре знаю,

что якъ пидешь въ ту сторону, то тамъ було и на-ничъ тебе не примутъ: прійдешь въ село проситься на ничъ, спытаютъ: а звидкиля, чоловиче?—Зъ Сербивъ.—Зъ которыхъ Сербивъ? Бо есть еще и другіе Сербы (дѣйствительно, въ подольской губ. есть и другое село Сербы). Якъ тилько скажешь, що зъ тыхъ Сербивъ, що пидъ Могылевомъ, то уже ни за що не пустять на-ничъ: то вы зъ тыихъ Сербивъ, кажуть, де нашого батька (або дядька) *стратылы.* Идить соби! Такъ и не пустятъ. А мы хиба вынни (виноваты), що въ Сербахъ Гонту стратылы?»

По сербянскимъ разсказамъ выходитъ, что и населеніе изъ окрестностей Умани также относилось сочувственно къ Гонтѣ; видѣвшіе людей изъ-подъ Умани, говорятъ, что и послѣдніе называли Гонту батькомъ или дядькомъ и говорили, что это «добрый былъ панъ» хотя и багато збыткивъ робывъ по свиту жыдамъ и ляхамъ».

Не лишено интереса то обстоятельство, что въ народѣ осталась память, будто и русское правительство, преставители котораго выдали Гонту полякамъ, противилосъ его казни: „якъ тилько стратылы Гонту въ Сербахъ», говоритъ одно изъ преданій, «скоро зъ Петербургу прышло таке пысьмо, щобъ его не убывать, а повезты въ Петербургъ, якій то «лыцарь». То вже письмо то не поспило, не було вже кого везты въ Петербургъ». Не просвѣчиваетъ ли тутъ старое народное мнѣніе, что русское правительство не могло, за одно съ поляками—преслѣдовать народное движеніе русскаго населенія.

Мѣсто подвиговъ Гонты многіе въ окрестностяхъ Сербовъ совершенно спутываютъ; такъ напр. нѣкоторые говорятъ объ убіеніи католическаго духовенства и учащихся «студентивъ», и о томъ, что убитые были брошены въ колодезь,—но вмѣсто Умани называютъ мѣстомъ дѣйствія городъ Баръ. До того стерлось тутъ преданіе, до того забыли его въ сто лѣтъ!

По народному преданію, въ Сербы привезенъ былъ не одинъ только Гонта, но и множество гайдамаковъ; ихъ всѣхъ, кромѣ Гонты, содержавшагося особо, разсадили въ двѣ огромныя и глубокія ямы, не покрытыя отъ непогоды, и держали тамъ довольно долго. Сидѣли тамъ эти «невольники» и кормились тѣмъ, что принесутъ имъ окрестные жители. Ямы, гдѣ мучились «невольники», были такъ глубоки, что ничего туда подать руками было нельзя; есть крестьяне, которые говорятъ, что дѣдъ или бабка такого то изъ нихъ или даже отецъ, будучи въ дѣтскомъ возрастѣ, сами носили пищу гайдамакамъ въ

ямы; возьмутъ «близнята» (т. е. горшки, соединенные между собою по два), привяжутъ къ нимъ веревку и опустятъ такъ на дно ямы. Поѣдятъ «невольники» и отдаютъ назадъ «близнята», но всегда не съѣвши всей пищи; на днѣ этихъ горшковъ приносившіе пищу, находили подъ борщемъ и кашею червонцы и кораллы, которыми «невольники благодарили тѣхъ, кто кормилъ ихъ. Долго стража, охранявшая гайдамаковъ, не знала о томъ, но наконецъ какъ-то обнаружилось, что они передавали деньги жителямъ; тогда ихъ обыскали, и больше денежныхъ гайдамацкихъ даровъ не было. Но какимъ же образомъ плѣнники могли сохранять у себя деньги? Это преданіе объясняется тѣмъ, что ихъ привезли въ Сербы не «обоpанными», и что гайдамаки умѣли прятать у себя деньги. Преданіе о томъ, что жители Сербовъ носили имъ пищу, опуская ее на веревкахъ, и часто получали за то щедрые дары въ борщѣ и кашѣ—принадлежатъ къ числу наиболѣе свѣжихъ и опредѣленныхъ преданій; о томъ говорятъ многіе, совершенно согласно и ссылаясь на слова собственныхъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, видѣвшихъ все это своими глазами.

Этого мало: указываютъ самыя мѣста тѣхъ глубокихъ ямъ, гдѣ содержались «невольники», Такихъ ямъ было двѣ, и отъ обѣихъ остались слѣды, которые я видѣлъ. Одна изъ такихъ ямъ была возлѣ нынѣшняго кладбища, вблизи почтовой дороги; тамъ осталась большая впадина, искусственность происхожденія которой слишкомъ замѣтна; теперь это мѣсто уже вспахано, но если и въ настоящее время впадина еще очень широка и значительна, то какова же она была сто лѣтъ тому назадъ? Сто лѣтъ ямы эти осыпались, запахивались, и все таки слѣды ихъ не могли изгладиться! Преданіе же, передаваемое мѣстными жителями, утверждаетъ, что въ ямахъ содержались сотни гайдамаковъ—«невольниковъ». Признаки ямъ подтверждаютъ наглядно то, что передается жителями—устно, и своимъ видомъ поддерживаютъ самое преданіе.

Вотъ почти все, что мнѣ пришлось собрать изъ устныхъ преданій о Гонтѣ, на томъ мѣстѣ, которое видѣло его казнь. Слабость преданій объясняется тѣмъ отчасти, что Сербы слишковъ удалены отъ окрестностей, уманской рѣзни, а до привоза туда Гонты, о немъ едва только слухи туда доходили. Одинъ только старикъ еще имѣетъ нѣсколько опредѣленное понятіе о Гонтѣ, называетъ также по имени сподвижника его—Шилу, о которомъ говоритъ, что онъ былъ посаженъ

на колъ, „на паль",—но еще въ товарищи обоимъ прибавляетъ какого-то «Мотовилу».

Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ, за порубъ лѣса. 1723 г. *«Реестръ мнѣ Евпросимии Бабичисѣ, жителцѣ конотопской, сколко стратила денегъ, правуючися из Левкомъ Гавриленкомъ, семяновскимъ жителемъ.* Напервей, якъ былемъ у Глуховѣ, дали жовнѣру шагъ. Сторожовѣ алтинъ. Панамъ судіямъ полталяра. За алтинъ калачовъ, за перевозъ 5 коп. Для написання реестру дали алтинъ, полкопи схарчили. Шостакъ в канцеляріи дали молодикамъ. Въ Конотопѣ, пред пана сотник калачовъ за шагъ, а шостакъ положила. Свѣдкамъ ... на себе схарчила шаговъ три. На конѣ схарчили шостакъ. П. Костенецкому [1]) шостакъ; за написанне двохъ супплѣкъ сѣмъ шаговъ. П. Романовичу 7 шаговъ, на папѣръ, а теперъ на себе исхарчили полкопи. На калачи три алтыни стратили, предъ пановъ носячи. За подводу талярь, а на харчъ 7 шаговъ. За перевозъ заплатили полчварта шага, до Глухова едучи. [2]) У турму, якъ посадили, дали копейку. На подводницкого коня стратили на кормъ полчварта шага. За написання двохъ реестровъ, три алтини Когда ми были предъ судомъ войсковимъ енералнимъ и его наказано Левка Гавриленка, чтобъ намъ платилъ девять копъ и ми на томъ згодою (стали?) чтобъ болшей не турбуючи суду войскового енералного. Писанъ сей реестръ року 1721, марта 19". *(Съ подлинника).* Перечисленныя издержки понесены женою крестьянина с. Гутъ Бабича съ сосѣдомъ Гавриленкомъ за порубъ послѣднимъ ея лѣса. Какъ видно, дѣло было начато въ Конотопѣ, у сотника; затѣмъ перенесено въ Глуховъ, въ генеральный судъ, которымъ и разрѣшено. Въ полковомъ судѣ, слѣдовательно, дѣло вовсе не было.

---

[1]) Григорій Костенецкій—тогдашній Конотопскій сотникъ.

[2]) Слѣдовательно за перевозъ чрезъ р. Сеймъ, у с. Мутина, кролевецк. у.

Какъ обѣднѣли Оболонскіе. Исторія обѣднѣнія многихъ потомковъ бывшей козачьей старшины въ гетманщинѣ—также интересна, какъ и исторія обогащенія этой старшины. «Набрались диды биды поки набулы, а внукы—мукы поки збулы». Такую поговорку привела намъ когда то старосвѣтская «пани», разсказывая нѣкоторые эпизоды изъ имущественныхъ крушеній «пановъ».—Вступивъ въ составъ русскаго дворянства въ к. XVIII в., козацкая старшина очень скоро усвоила себѣ внѣшнюю обстановку великорусскихъ помѣщиковъ, обращая особое вниманіе на тѣ ея особенности, которыя во-очію должны были свидѣтельствовать о дѣйствительной ея принадлежности къ высшему сословію. И, разумѣется, чѣмъ *многодушнѣе* были народившіеся на Украинѣ помѣщики, тѣмъ—внѣшнюю свою бстановку—они старались устроить показнѣе. Отсюда началось соревнованіе въ обзаведеніи панскихъ домовъ разными принадлежностями роскоши. Уже въ самомъ началѣ XIX в. новозыбковскій помѣщикъ Ширай (изъ с. Спиридоновой Буды) имѣлъ у себя театръ и оркестръ, въ которыхъ актеры и музыканты были набраны изъ своихъ бывшихъ «подданныхъ», переименованныхъ затѣмъ въ крестьянъ [1]). Шираевскій театръ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что его актрисы должны были служить двумъ богинямъ разомъ, Мельпоменѣ и Венерѣ. Служба ихъ Мельпоменѣ доставляла удовольствіе и развлеченіе гостямъ, а служба Венерѣ, кромѣ того, и доходы хозяину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ширай умѣлъ сочетать пріятное съ полезнымъ и что его роскошная обстановка подчинена была извѣстному разсчету. Такіе примѣры были исключеніемъ. Общее правило заключалось въ томъ, что роскошь вела за собою разореніе. Внукъ генер. обознаго Семена Васильевича Кочубея, полтавскій помѣщикъ Семенъ Михайловичъ Кочубей «промоталъ семь тысячъ душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности», какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его родственниковъ (Записки Арк. Вас. Кочубея. Спб. 1890). Къ сожалѣнію, послѣдній не распространяется о подробностяхъ этого мотовства, а мы только знаемъ, что С.М. Кочубей, занимая должность полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, могъ, при извѣстной та-

---

[1]) До 1782 г. крестьяне жившіе въ маетности того или другого державцы назывались и писались его «подданными», а послѣ изданія закона 3 мая 1782 г. эти подданные стали называться крестьянами, какъ и въ Великороссіи.

роватости, сильно тратиться на пріемъ дворянъ, но все же «промотать» 7000 душъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ благодатной Полтавщины, нужно было умудриться...

А вотъ и другой примѣръ такого мотовства. Во второй полов. XVIII в. однимъ изъ большихъ богачей южной Полтавщины былъ, между прочимъ, генеральный бунчучный Демьянъ Оболонскій. Сынъ сосницкаго сотника, Д. Оболонскій началъ службу въ генер. канцеляріи и добившись вліятельной должности писаря (секретаря) генер. суда, нажилъ на этомъ мѣстѣ порядочную земельную худобу. Но затѣмъ Оболонскій разбогатѣлъ вдругъ: императрица Елисавета, на пути, въ 1744 г., въ Кіевъ останавливалась въ Глуховѣ и здѣсь, встрѣтивъ жену Оболонскаго, нашла въ ней сходство съ своей матерью, и по этому случаю излила свои милости на Оболонскихъ. Главная милость заключалась въ пожалованіи имъ сотеннаго «городка» Горошина съ громаднымъ количествомъ окружныхъ земель.—Пользуясь своимъ значеніемъ и благопріятными условіями мѣстности, Оболонскій основалъ здѣсь нѣсколько *слободъ*, населеніе которыхъ къ к. XVIII в. достигло цифры нѣсколькихъ тысячъ душъ [1]). Резиденцію свою Оболонскій устроилъ въ одной изъ этихъ слободъ, въ селѣ *Оболони*, гдѣ онъ выстроилъ себѣ въ три этажа каменный домъ, въ которомъ зала для баловъ занимала высоту двухъ верхнихъ этажей. Устроившись такъ широко, старый Оболонскій дожилъ здѣсь свой вѣкъ, собирая съ земель капиталы. Преданіе говоритъ, что будто только мѣдными пятаками Оболонскій собралъ 200 тыс. рублей. Всѣ эти богатства, по смерти Д. В. Оболонскаго, унаслѣдовалъ сынъ его Демьянъ же (род. 1743 г.), который всѣ эти богатства затѣмъ промоталъ. Женатъ былъ этотъ Оболонскій на дочери прилуцкаго полковника Александра Якубовича, Надеждѣ, гдѣ то служилъ и дослужился до большого тогда чина—д. ст. совѣтника. Къ мотовству склонны были и мужъ и жена. Преданіе говоритъ, что мотовство ихъ выражалось, напр., въ частыхъ посылкахъ *нарочныхъ* за границу: въ Голландію, гдѣ обыкновенно мылось бѣлье Оболонскихъ, въ Парижъ, откуда жена Обо-

---

[1]) Въ к. XVIII в. у Оболонскихъ здѣсь были слѣд. имѣнія: Горошинъ (1509), Оболонь (1395), Демьянки и Погребняковщина (952), Липняги (645), Степановка (517) и Новоселица (453), т. е. 5471 об. п. крест. Кромѣ того, были имѣнія у Оболонскихъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, особенно ок. Глухова. Всего у Оболонскихъ въ 1798 г. было 7330 об. п. крестьянъ.

лонскаго выписывала модные костюмы... Скакали посланцы Оболонскихъ и по Россіи, напр., въ Одессу—за винами и закусками. Проживая временами въ Оболони, въ тамошнихъ своихъ палатахъ, Оболонскіе задавали въ нихъ пиры, на которыхъ гремѣлъ *свой* оркестръ. По большимъ праздникамъ и въ имянинные дни—въ Оболонскомъ дворѣ угощали и крестьянъ, которымъ при этомъ бросали изъ оконъ собранные старымъ Оболонскимъ *пятаки.* О женѣ Оболонскаго разсказывали, что она какъ то купила въ СПБ. персидскую шаль за 30 тыс. рубл., шаль отъ покупки которой будто бы отказалась даже и императрица, за ея дороговизну... Въ короткое время Оболонскіе прожились и дѣло кончилось тѣмъ, что имѣнія ихъ взяты были въ опеку, въ конецъ разорены опекунами, и затѣмъ за долги распроданы въ разные руки. Оболонь досталась Позенамъ, Горошинъ—Гудимамъ и т. д. Оболонскій домъ, по разсказу стариковъ, стоялъ еще и въ 1840 г., зіяя множествомъ своихъ разбитыхъ оконъ... Окна эти такъ густо были насажены въ домѣ, что у мѣстныхъ крестьянъ сложилась—о кокетливыхъ «мережкахъ» женскихъ сорочекъ—поговорка: «оце, у сіеи дивкы дирочокъ въ ляхивци!—мовъ у Оболонського будынку виконъ»!.. [1]).

Для исторіи „Основы“. (*Отрывокъ изъ письма М. М. Лазаревскаго, 9 января 1863 г.).* «Основа заснетъ, потому что нѣтъ денегъ. Теперь и я убѣдился, что Бѣлоз. (В. М. Бѣлозерскій) не можетъ вести коммерческаго дѣла. Онъ, кромѣ подписки, убилъ на «Основу» 18 тыс. руб.—Кулишъ, весною еще (1862-го года), предлагалъ Бѣлоз. передать «Основу» ему съ 1863 г., но Б. не согласился. Послѣ—Костомаровъ просилъ передать (ему), желая составить компанію, но Б. все еще надѣялся. Онъ подалъ Головину программу новую для «Основы», чтобы издавать ее еженедѣльною газетою, съ политич. отдѣломъ и, сверхъ того, въ годъ книги 3 и 4. Головинъ передалъ это Валуеву, а тотъ въ комитетъ министровъ, гдѣ оно и засѣло. Бѣл. говорилъ мнѣ, что если не будетъ «Основы», то въ

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія о мотовствѣ Оболонскихъ сообщены намъ старожиломъ Лубенщины, недавно умершимъ Матвѣемъ Терентьевичемъ Симоновымъ (Номисомъ).

етомъ году онъ издастъ нѣсколько сборниковъ (въ родѣ «Хаты»), чтобы не прерывать, такъ какъ въ 1864 г. онъ надѣется опять издавать. Но тогда можетъ быть и безъ него найдутся».

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ. Предлагая нижеслѣдующую программу для собиранія игрушекъ и свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ, Полтавская подготовительная коммиссія по устройству этнографической малорусской выставки при Археологическомъ съѣздѣ въ г. Харьковѣ имѣетъ въ виду обратить вниманіе на предстоящіе съѣздъ и выставку лицъ, желающихъ освѣтить новыми данными существенно важную сторону жизни украинскаго народа. Дѣтскія забавы и занятія отражаютъ въ себѣ недостаточно извѣстную намъ дѣтскую душу; они, представляя внѣшнее проявленіе самодѣятельности ума ребенка, даютъ прекрасный матеріалъ для полнаго представленія тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ складывается въ будущемъ нашъ народъ. Такимъ образомъ, эти изслѣдованія, будучи одинаково интересны и для ученаго этнографа и для воспитателя—учителя, покажутъ намъ, какъ вліяетъ на ребенка окружающая природа, условія быта и обстановки и измѣняющіяся условія общественной жизни. Находя этотъ вопросъ крайне интереснымъ, коммиссія предлагаетъ всѣмъ близко стоящимъ къ жизни украинскихъ дѣтей и желающимъ помочь наукѣ своимъ трудомъ заполнить отвѣтами эту программу, надѣясь, что на ея призывъ откликнутся всѣ, для кого это интересное и нехлопотное дѣло имѣетъ вышеуказанное значеніе. Поступая такъ, Полтавская коммиссія мимоходомъ исполняетъ просьбу почтеннаго А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго знатока малорусской старины, который въ письмѣ къ одному изъ членовъ коммиссіи указалъ на постепенное исчезновеніе старинныхъ игрушекъ (глиняныхъ) и на то, что интересно было бы для науки сохранить эту старину, собравши коллекціи для выставки. Кромѣ этого надо замѣтить, что въ то время, какъ заграничными учеными давно уже обращалось вниманіе на жизнь дѣтей и существуетъ многочисленная литература и богатыя коллекціи, въ нашей этнографической литературѣ мы не имѣемъ ни одного труда, всецѣло разбиравшаго жизнь нашихъ украинскихъ дѣтей. Собранный матеріалъ, даже если онъ будетъ относиться къ одной

Полтавской губерніи, дастъ возможность хоть въ общихъ чертахъ представить публикѣ описаніе тѣхъ игръ, забавъ и занятій, которыми наполняютъ свои недолгіе досуги дѣвочки и мальчики нашего села.

Что же касается до самого собиранія коллекцій игрушекъ и дѣтскихъ снарядовъ, то, при его сравнительной легкости, а также дешевизнѣ игрушекъ и доступности опросовъ и наблюденій надъ дѣтьми собираніе это не представляетъ никакихъ затрудненій, и даже наша учащаяся молодежь, проводя каникулы въ селахъ, могла бы съ успѣхомъ помочь коммиссіи къ осени представить въ ея руки богатый матеріалъ; не говоримъ уже объ учителяхъ, учительницахъ и завѣдующихъ яслями, которые много времени удѣляютъ дѣтямъ разнаго возраста. Каждую игрушку надо снабдить билетикомъ, на которомъ должно быть выставлено ея названіе на малорусскомъ языкѣ, а также краткое объясненіе ея употребленія. Если эта игрушка употребляется при общихъ играхъ и забавахъ съ нѣсколькими участвующими, то въ такомъ случаѣ описаніе ея употребленія можно отнести къ описанію самой игры. Игры и забавы тоже заслуживаютъ большого вниманія: въ этихъ играхъ воспитывается будущее поколѣніе, тутъ вырабатываются нѣкоторыя права и обязанности и проявляется товарищескій духъ. Кромѣ того, въ этихъ играхъ отражается часто сѣдая старина, а отъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ приказокъ и пословицъ вѣетъ глубокой древностью. Поэтому коммиссія надѣется, что всѣ заинтересованные лучшимъ изученіемъ родного края отнесутся къ собиранію этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, какъ они того заслуживаютъ. Необходима точность въ записываніи игръ и порядковъ ихъ и вопросы программы даются для того, чтобы записывающій не упустилъ главныхъ вопросовъ. Порядокъ же отвѣтовъ не столько важенъ. Всѣ расходы по покупкѣ игрушекъ и ихъ пересылкѣ коммиссія беретъ на себя и проситъ пересылать наложеннымъ платежомъ по слѣдующему адресу: Полтава, естественно-историческій музей губернскаго земства. Кромѣ того, пріѣзжающихъ въ Полтаву и интересующихся этимъ дѣломъ просятъ обращаться въ тотъ же музей.

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, забавамъ и занятіямъ.

А. Игрушки.

I. 1) Игрушки, служащія для забавы маленькимъ дѣтамъ (груднымъ); 2) предметы, служащіе для забавы дѣтей (палочки, камни,

глина, песокъ, трава и т. д.); 3) игрушки, приготовляемыя самими дѣтьми (морока, змѣи, мячики, куклы). Собрать коллекцію съ объясненіями. II. Собрать различные музыкальные инструменты, на которыхъ играютъ дѣти (сопилки, пищики, трещотки, скрипочки). III. Собрать всѣ снаряды, употребляемые дѣтьми при ловлѣ разныхъ животныхъ (силки, капканы, приманки, удочки); какъ ловятъ змѣй, ежей, тарантуловъ? Описать, какъ они дѣлаются и какъ употребляются. IV. 1) Собрать всякія самодѣльныя дѣтскія сооруженія и постройки (мельницы, вѣтряки, колеса, домики и т. д.); 2) собрать дѣтскія звѣзды для колядокъ, а если нельзя, то описать, чѣмъ онѣ отличаются отъ звѣздъ, носимыхъ взрослыми. V. Собрать всякое дѣтское оружіе: сабли, пики, луки, самострѣлы, пращи, рогатки, духовыя ружья, пукари и дать ихъ названія. VI. Какіе сохранились игрушки и снаряды отъ прежнихъ временъ и какія игрушки вводятся новыя. VII. Какія игрушки чаще всего покупаютъ дѣтямъ и у кого?

В. Забавы и игры.

VIII. Описать распространенныя игры и забавы лѣтомъ и зимою. IX. Въ какія игры играютъ вмѣстѣ дѣвочки и мальчики, а въ какія порознь? X. 1) Какіе снаряды употребляются при общихъ играхъ. Описаніе игры въ мячъ, лапту,стракли и т. д. Описать зимнія игры въ снѣжки, устройство снѣговыхъ бабъ, горъ, сковзанокъ и катковъ; 2) собрать дѣтскіе коньки, мячики, бабки, городки и т. под.; 3) какъ катаютъ крашенки на Пасху? Если можно дать рисунки и фотографіи игръ и забавъ. XI. Дѣтскіе колядки, пѣсни; записать дѣтскія пословицы, приказки, поговорки, счетъ при играхъ общихъ (этотъ отвѣтъ можно дать въ вопросѣ IX и VIII). XII. Сколько надо участниковъ для описываемой игры? XIII. Существуютъ-ли дѣтскія товарищества? Каковыя существуютъ въ нихъ правила? Какъ дѣти разбираютъ ссоры и скверные поступки товарищей? XIV. Какъ отражаются на дѣтскихъ играхъ занятія и ремесла родныхъ и окружающихъ ихъ взрослыхъ? (Полт. Губ. Вѣд., № 124).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Отмѣна магистратскаго мундира въ Кіевѣ.* 1830 года, іюня 1-го, въ г. Кіевѣ,

Государю Императору Николаю Павловичу, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Княжнинымъ были представлены члены кіевскаго магистрата.

По этому случаю Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ: *«костюмъ или мундиръ, издревле членами магистрата сего употребляемый, стараго польскаго покроя, отмѣнить, а употреблять онымъ членамъ мундиръ россійскій»*. О такой Его Величества волѣ войтъ предложилъ магистрату для должнаго исполненія и распоряженія, а магистратъ «почтеннѣйше» о томъ донесъ военному губернатору, подписывая бумагу: «Его Императорскаго Величества прародительской Отчины Богомъ хранима града Кіева Бургомистры: Павелъ Рожнятовскій, Антонъ Лакерда; Ратсгеры: Романъ Барскій и Коробкинъ.

—

2) *Противохолерныя медали 1830 года.* Въ 1837 году въ мѣстечкѣ Клевани (Вол. губ.) задержаны полиціею два луцкіе еврея, именующіе себя «злотниками» и продающіе серебряные, безъ клейма и пробы, на манеръ медалей, образки съ изображеніемъ на нихъ Богоматери и креста, съ датою — 1830.

При продажѣ простолюдинамъ внушалось, что тѣ образки исцѣляютъ отъ холеры. Спрошенные властями продавцы показали, будто образки изготовлены по формѣ, полученной отъ нѣкоего ксендза — кармелита, которому она и возвращена.

Взялись эти евреи за промыселъ безъ злого умысла, лишь вслѣдствіе носящагося слуха, будто господа охотно покупаютъ подобныя медали, о коихъ пропечатано даже въ какихъ-то книгахъ, видѣнныхъ тѣми евреями у одной монахини-шаритки.

На шести отобранныхъ медаляхъ оказались польскія, а на трехъ — французскія надписи (какія именно—полиція въ рапортѣ не объяснила).

—

3) *Вывозъ піявокъ заграницу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губерніи.* Въ іюнѣ 1836 г. гражданскій генералъ-штабъ-докторъ обратился къ губернаторамъ съ запросомъ: полагаютъ ли они возможнымъ дальнѣйшій безпрепятственный и безпошлинный вывозъ піявицъ заграницу (производящійся якобы въ большихъ размѣрахъ), или, быть можетъ, находятъ нужнымъ вовсе оный воспретить, если чрезъ таковой вывозъ у жителей отнимается способъ къ

удобному пріобрѣтенію сего довольно важнаго во врачебномъ отношеніи средства.

Не успѣлъ кіевскій губернаторъ высказаться по сему вопросу, какъ пятью гамбургскими купцами, 4 мая 1837 года, возбуждается предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ повсемѣстно скупать пьявки и вывозить въ Кіевъ на имѣющихся у нихъ повозкахъ.

Запрошенный главнымъ начальникомъ края, губернаторъ высказалъ въ своемъ донесеніи, что въ Кіевской губерніи много болотистыхъ мѣстъ, въ коихъ водятся піявицы, а потому уловъ ихъ, для вывоза заграницу, отнюдь не долженъ быть воспрещаемъ, ибо недостатка мѣстные врачи въ нихъ ощутить не могутъ.

«Напротивъ, помѣщики или крестьяне, узнавъ о возможности извлекать изъ сего нѣкоторую пользу, нарочито будутъ предохранять *тинистыя мѣста отъ осушки*, и займутся ловомъ піявокъ, черезъ что масса заготовленія ихъ, умножаясь, будетъ служить къ пониженію цѣны на оныя»...

Главный начальникъ края распорядился не препятствовать иностранцамъ въ скупкѣ піявокъ.

---

4) *Самоубійство изъ мести.* 18 января 1845 года, въ с. Барсукахъ, Балтскаго уѣзда, въ саду крестьянина Боровскаго, утромъ найдены повѣсившимися Киліанна Черная 48 и дочь ея Агафія, дѣвица, 17-ти лѣтъ.

Путемъ дознанія установлено, что Киліанна, до выхода замужъ, вела жизнь развратную. Будучи отъ природы вспыльчива, она какъ съ первымъ, такъ и со вторымъ мужемъ своимъ постоянно ссорилась. Послѣдній мужъ ея «по глухотѣ, трудолюбію и тихому нраву, не удовлетворялъ плотскихъ ея страстей». [1]) Она вымещала на немъ свое неудовольствіе, не обращаясь къ нему съ рѣчью по нѣсколько дней; заставляла искать у сосѣдей пропитанія и нерѣдко грозила: «постой, я тебѣ удружить постараюсь!».

Съ исключительною будто-бы цѣлью вовлеченія мужа въ уголовное дѣло, она, наконецъ, рѣшилась на самоубійство, склонивъ къ тому и дочь свою, «дабы не оставалась послѣ нея».

---

[1]) Подлинныя слова донесенія генералъ-губернатору.

5) ***Женщина съ твердымъ характеромъ.*** Въ 1850 году въ с. Яхновцахъ, Староконстантиновскаго уѣзда, одна крестьянка подговорила сына своего обокрасть сосѣда, пообѣщавъ на тѣ деньги купить кафтанъ и сапоги. Когда воръ былъ схваченъ, мать, съ ножемъ въ рукахъ бросилась къ нему, пытаясь убить его, а себя зарѣзать. Ее къ тому не допустили и заперли въ рекрутскую, гдѣ она вновь покушалась на самоубійство. Подоспѣвшіе караульные вырвали у нея оружіе, которымъ рѣшительная женщина успѣла, однако, нанести себѣ рану въ грудь.

—

Приворотныя средства. Въ 1844 году мѣстною полиціею дознано, что жена квартировавшаго въ Литинѣ корпуса топографовъ подпоручика В. просила служанку свою отыскать ей такую женщину, которая знала бы *зѣлье*, отъ коего мужъ «или жилъ бы съ нею въ согласіи, или умеръ». За услугу обѣщана награда деньгами и вещами.

Ранѣе того, служившая у той же подпоручицы В. показала, что въ Каменцѣ Подольскомъ барыня посылала ее къ старухѣ нищей, жившей гдѣ то за кладбищемъ, съ которою она прежде совѣтовалась. Послѣ свиданія со старухою, барыня разводила прѣсный медъ, умывала этою сотою свое лицо, лила ее въ людское кушанье, разливала ее изъ бутылочки по дорогѣ и передъ распятіемъ, возлѣ каменецкаго каѳедральнаго р. к. Собора и, наконецъ, посылала ее, служанку, въ нѣкоторые дома поливать пороги... Старуха нищая на допросѣ призналась, что, услыхавъ жалобы госпожи В. на нелюбовь мужа, посовѣтовала умываться „сотою", кропить ею полъ, отчего «по преданьямъ старыхъ людей возвращается къ супругамъ утраченная любовь и привязанность».

Дѣло В. подвергнуто судебному разбирательству.

Въ 1850 году, помѣщика кн. Волконскаго деревни Облитокъ, Радомысльскаго уѣзда, крестьянская жена, Марина Г., негодуя на мужа за жестокое съ нею обращеніе и пріискивая средство склонить мужа къ любви, изъ разговоровъ съ односельцемъ—печникомъ, человѣкомъ бывалымъ, узнала, что онъ берется ей помочь. Печникъ свелъ ее въ лѣсъ и изъ стараго пня досталъ двухъ убитыхъ змѣй, посовѣтовавъ сварить ихъ въ водѣ и затѣмъ запечь въ пшенномъ или гречневомъ тѣстѣ, которое дать мужу съѣсть. Однако Марина не рѣшилась приступить къ опыту тотчасъ, а припрятала змѣй въ хатѣ въ запасномъ платьѣ.

Между тѣмъ, мужъ, заподозривъ жену въ намѣреніи отлучиться, по примѣру прошлаго года, изъ дома къ роднымъ въ рабочую пору, сталъ пересматривать ея добро и на тѣхъ змѣй наткнулся.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія начальства, змѣи изслѣдованы врачемъ, который призналъ ихъ по природѣ не ядовитыми, слѣдовательно жизни крестьянина Г. не угрожавшими, а нынѣ совершенно согнившими.

Дѣло, за недоказанностію злого, со стороны Марины и ея совѣтчика, умысла, дальнѣйшимъ производствомъ прекращено.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

„Парубоцьки громады" въ г. Маякахъ, Херсон. губ.

Маяки представляютъ изъ себя небольшой городокъ, находящійся на берегу Днѣстра недалеко отъ Днѣстровскаго лимана. Прежде Маяки были селомъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ переименовали въ городъ. Съ переименованіемъ въ городъ Маяки мало чѣмъ измѣнились: и по своей внѣшности, и по занятіямъ жителей—это то же село, что и прежде было. Населеніе города складывается изъ трехъ главныхъ элементовъ: малорусскаго, великорусскаго (старообрядцы-поповцы) и еврейскаго. Кромѣ того, живетъ немного здѣсь цыганъ, молдаванъ и нѣмцевъ. Преобладающій элементъ— малорусскій.

Весь городъ дѣлится на нѣсколько «куткивъ». Парубки каждаго кутка составляютъ одну организацію—«атаманство», такъ что сколько «куткивъ», столько и атаманствъ. Парубки каждаго кутка, а въ то же время и каждаго атаманства, имѣютъ свои особыя прозвища: доньськи, куркули, сирнычкы, волови, пидкручныкы... Для того, чтобы быть членомъ атаманства, надо имѣть не меньше 17 лѣтъ. Каждый членъ атаманства облагается обязательнымъ денежнымъ сборомъ—въ нѣкоторыхъ атаманствахъ въ размѣрѣ одного рубля. Деньги эти хранятся у представителя атаманства—атамана, котораго избираютъ изъ своей среды всѣ члены атаманства по большинству голосовъ. Кромѣ атамана, выбираются еще «пидатаманъ и пысарь». «Пидатаманъ» замѣняетъ атамана во время его отлучекъ изъ города, а если послѣдняго возьмутъ въ солдаты, то онъ занимаетъ его мѣсто—становится атаманомъ.

„Пысарь“ завѣдываетъ денежной частью атаманства: онъ ведетъ счетъ деньгамъ, записываетъ, кто и сколько внесъ денегъ и т. п.

Деньги атаманства расходуются частью на украшеніе церкви— покупаютъ кресты, хоругви, а частью идутъ на развлеченія: по праздникамъ на эти деньги нанимаютъ музыку и танцуютъ. Бываетъ это большею частью весною и лѣтомъ и устраивается прямо на улицѣ, преимущественно при перекресткѣ улицъ, на углахъ. Кромѣ этого, бываютъ еще «складки» разъ 5 въ году.

Раньше были здѣсь и «дивочи громады», но въ настоящее время у дѣвушекъ нѣтъ никакихъ организацій, подобныхъ парубочимъ.

П. П.

Поправка. Въ № 5-мъ текущаго года, въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ, вкралась на стр. 82 опечатка, которую считаемъ нужнымъ исправить, а именно: въ предписаніи о запрещеніи гражданскимъ чинамъ носить усы и бороды слѣдуетъ читать «подражая *французскимъ модамъ*», а не «*французскимъ людямъ*», какъ напечатано у насъ.

Текущія извѣстія.

Выходъ русскихъ депутатовъ изъ галицкаго сейма. Въ послѣдней сессіи галицкаго сейма произошелъ крупный скандалъ огромнаго политическаго значенія. По словамъ „Narod. Listy“, этотъ скандалъ—неожиданность какъ для австрійскаго правительства, такъ и для намѣстника Галиціи гр. Пининскаго и польскаго кола. Всѣ русскіе депутаты въ числѣ 17 человѣкъ внесли крайне любопытное заявленіе, которое своимъ неожиданнымъ появленіемъ поразило весь сеймъ, всѣ польскія партіи. Никто не ожидалъ этого „сюрприза“. Сообщаемъ текстъ заявленія, напечатанный въ «Галичанинѣ» и прочитанный въ сеймѣ русскимъ депутатомъ Барвинскимъ.

«Съ 1883 года выступаютъ русскіе депутаты съ требованіемъ относительно удовлетворенія нуждъ русскаго народа, какъ культурно-

національнаго, такъ и экономическаго и политическаго характера. Требованія ихъ всегда были ничтожны и ограничивались только наиболѣе необходимыми и существенными нуждами. И въ нынѣшнемъ сеймѣ требованія русскихъ депутатовъ не перешли такихъ-же границъ. Мы, между прочимъ, просили объ удовлетвореніи самой существенной потребности русскаго народа въ Галиціи, объ открытіи русской гимназіи въ Станиславовѣ, руководствуясь тѣмъ, что 1790 учениковъ руссиновъ не имѣютъ возможности обучаться на родномъ языкѣ. Это ничтожное, но совершенно законное требованіе русскихъ депутатовъ также не было удовлетворено. Кромѣ того, русскіе депутаты внесли цѣлый рядъ вопросовъ по адресу правительства, касающихся самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ дѣлъ и неправдъ, причиняемыхъ русскому народу. Всѣ эти запросы остались безъ отвѣта. Въ виду того, что также и законъ о рентѣ принятъ сеймомъ, а онъ противенъ интересамъ русскаго народа, заявляемъ, что мы, русскіе депутаты, послѣ всего этого не можемъ больше принимать участія въ засѣданіяхъ сейма».

Заявленіе это, по словамъ «Галичанина», было выслушано большинствомъ шляхты съ гробовымъ молчаніемъ. Вслѣдъ за этимъ всѣ русскіе депутаты вышли изъ залы засѣданія. «Nar. Listy» въ телеграммѣ изъ Львова сообщаютъ, что этотъ поступокъ русскихъ депутатовъ слѣдуетъ считать катастрофой не только для гр. Пининскаго, но также и для министра-президента Кербера. Газета утверждаетъ, что теперь придется пріостановить засѣданія сейма и назначить выборы для избранія новыхъ лицъ на мѣсто выбывшихъ депутатовъ. Это повлечетъ за собой цѣлый рѣдъ крупныхъ политическихъ послѣдствій.

—

Предполагавшееся изданіе малорусскаго журнала. Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати недавно возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи *издавать въ Херсонѣ періодическое изданіе на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ «Степъ»*. Иниціаторы новаго журнала, земскіе агрономы Н. С. Гавриленко и В. А. Яблоновскій, предполагали выпускать его каждыя двѣ недѣли по слѣдующей программѣ: беллетристика, публицистика, корреспонденціи, статьи научныя и по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Предварительная цензура изданія предположена въ Одессѣ. Подписная плата съ доставкою въ Херсонѣ 6 руб. въ годъ, для иногородныхъ 7 руб Какъ

извѣщаютъ газеты, ходатайство объ изданіи журнала «Степъ» отклонено въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

—

Выставка картинъ художника Труша во Львовѣ. 5-го іюня открылась во Львовѣ выставка картинъ художника *Труша,* который въ прошломъ году довольно долго прожилъ въ Кіевѣ, выѣзжая и въ окрестности его, и нарисовалъ здѣсь нѣсколько картинъ видовъ Украины, а также и нѣсколько портретовъ мѣстныхъ кіевскихъ дѣятелей: проф. В. Б. Антоновича, П. И. Житецкаго, И. С. Нечуя-Левицкаго, Н. В. Лисенка и Леси-Украинки. Многіе изъ картинъ куплены уже отдѣльными лицами, а «Видъ Шевченковой могилы» пріобрѣло Науковое Товар. имени Шевченка. Портретъ писательницы Леси-Украинки (копію, т. к. оригиналъ составл. собств. Науков. Товариства) пріобрѣлъ намѣстникъ гр. Пининскій, который считается знатокомъ и любителемъ искусства. (Дѣло, № 123 и 128).

—

Музыкальная поѣздка хора г. Лисенка. Въ концѣ текущаго года извѣстный украинскій композиторъ Н. В. Лисенко предпринимаетъ со своимъ хоромъ поѣздку по Россіи. Начавъ съ Варшавы, Н. В. Лисенко посѣтитъ Петербургъ, Москву, Полтаву, Харьковъ и промежуточные болѣе крупные центры. Хоръ, состоящій изъ 50 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ солистовъ, намѣренъ разучить не менѣе 100 хоровыхъ номеровъ.

—

Ученая экскурсія Д. И. Эварницкаго. Профессоръ московскаго университета, Д. И. Эварницкій предпринялъ поѣздку по мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ козаковъ съ научною цѣлью, въ виду будущаго съѣзда археологовъ въ г. Харьковѣ. Г. Эварницкаго сопровождаютъ: его слушатель, студентъ московскаго университета, Морозовскій, художникъ Строменко, воспитанникъ московской гимназіи Ваганенко и землевладѣлецъ Полтавской губерніи П. А. Малинка (изъ Бодаковки). Цѣль поѣздки—осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ мѣстъ—днѣпровскихъ пороговъ, береговыхъ пещеръ, запорожскихъ сѣчей, частныхъ коллекцій козацкихъ древностей и снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. (Приднѣпр. Кр. № 1218).

—

Библія въ переводѣ П. А. Кулиша. Покойнымъ П. Кулишомъ былъ сдѣланъ *переводъ библіи на украинскій языкъ.* Послѣ его смерти эту выдающуюся работу закончилъ и дополнилъ И. Левицкій. Интересно, что переводчики переводили библію съ древне-еврейскаго языка, причемъ тѣ отдѣлы, которые изложены въ оригиналѣ въ стихотворной формѣ, сохранены въ томъ же видѣ и въ переводѣ (книга Іова, пѣснь пѣсней, псалмы и др.). Вдовой переводчика работа ея мужа была представлена въ цензуру, но духовная цензура не нашла возможнымъ разрѣшить выпускъ въ свѣтъ въ настоящее время библіи на украинскомъ языкѣ и въ ходатайствѣ вдовѣ отказала. Тогда г-жа Кулишъ обратилась съ запросомъ въ англійское библейское общество, не найдетъ-ли оно возможнымъ купить у нея переводъ мужа и выпустить его въ свѣтъ. Общество немедленно отвѣтило согласіемъ, и въ настоящее время рукописи уже отправлены библейскому обществу. Такимъ образомъ, украинская литература обогатится роскошнымъ изданіемъ библіи. Редактированіе изданія принялъ на себя другъ и сотрудникъ Кулиша профес. Пулюй.

—

Стипендіи для крестьянскихъ дѣтей въ память 19 февр. 1861 г. Только что закончившееся константиноградское уѣздное земское собраніе 37 очереднаго созыва, по предложенію гласнаго изъ крестьянъ М. К. Бобрицкаго, внесенному имъ отъ имени всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ, постановило учредить въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости двѣ постоянныя стипендіи, въ 300 руб. каждая, для предоставленія возможности одному мальчику и одной дѣвочкѣ изъ крестьянскаго сословія получать на эти стипендіи среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Другое предложеніе гласныхъ отъ крестьянъ—о томъ, чтобы въ день 19 февраля ежегодно во всѣхъ народныхъ школахъ не производились занятія, а вмѣсто нихъ устраивались народныя чтенія,—передано на усмотрѣніе константиноградскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. («Южн. Кр.»).

—

Харьковскія изданія нач. XIX ст. Въ послѣднемъ томѣ (3) Записокъ Харьк. Императорск. Университета, въ статьѣ проф. Багалѣя «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 43 и слѣд.) приведенъ перечень сочиненій, отпечатанныхъ въ университетской

типографіи съ 1815—1835 гг. Выбираемъ оттуда относящееся къ области нашего изслѣдованія.

Въ 1816 1). *Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинымъ*. Х., 1816, 206 стр. 2) *Украинскій Вѣстникъ*.

Въ 1821. Ручная книжка или украинскія записки, изд. на 1821 г. А. В—мъ (Вербицкимъ). Х., 1821.

Въ 1824. Украинскій журналъ.

Въ 1827 1) *Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. Унив. 30 августа 1827 г.* Х., 1827 (рѣчи Книгина и Артемовскаго-Гулака); 2) *Рѣчи, произнесенныя въ залѣ торж. собр. Имп. Харьк. Унив. въ 1 день сентября 1828 г.*, при начатіи новаго курса ученія. Х., 1828 (рѣчь Артемовскаго-Гулака и т. д.).

Въ 1831 1) *Украинскій Альманахъ, Х. 1831*, 136 стр. 2) *Шельменко. Ком. въ 3 д.* Х. 1831.

Въ 1733. Срезневскій Изм. Запорожская Старина. Ч. I. Х. 1833, въ унив. тип.

Въ 1834 1) *Малороссійскія повѣсти и поговорки*. Собр. *В. И. Н. С.* Х., 1834, 34 стр. 2) *Срезневскій И. Украинская лѣтопись* 1640—1657. Х., 1835, 183 стр.

—

Какъ былъ основанъ городъ Сумы. На праздникѣ по случаю своего 250-лѣтія, какъ сообщаютъ «Нов. Дн.», Сумскій полкъ получилъ цѣнный подарокъ, подобный которому едва-ли найдется въ нашей арміи. Приглашенный участвовать въ празднествѣ Е. Д. Кондратьевъ, прямой потомокъ основателя полка, вспомнивъ въ прекрасной рѣчи заслуги своего предка, полковника Кондратьева передъ отечествомъ и сохранившееся въ полку обаяніе его имени, просилъ принять въ даръ святыню, хранившуюся 250 лѣтъ въ его семьѣ— булаву, саблю и золотую сумку Герасима Кондратьева. Съ послѣдней связано преданіе, которое гласитъ, что, потерявъ однажды эту сумку въ лѣсу, Кондратьевъ далъ обѣтъ выстроить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ найдетъ сумку. Эта церковь и положила основаніе возникшему вокругъ нея городу—Сумы. Рѣчь Е. Д. Кондратьева и его даръ были встрѣчены съ неподдѣльнымъ восторгомъ. (Южн. Кр. № 7063).

—

Историческія названія улицъ въ Полтавѣ. Въ іюнѣ опубликованъ въ Полтавѣ списокъ новыхъ улицъ въ новой чертѣ города, прилегающей къ мѣстности, гдѣ расположенъ вокзалъ ст. «Полтава-

городъ» Кіево-Полтавской линіи. Въ спискѣ новыхъ улицъ, выработанномъ спеціально избранной комиссіей, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія названія: Запорожская, Кочубеевская, Шевченковская, улица Искры, Кулиша, Квитки, Костомарова, Петра Могилы, Сковороды, Кобзаревская, Гайдамацкая, Гетманская, Хмѣльницкаго, улица 19 февраля 1861 г., и многихъ русскихъ писателей („Кіевлянинъ", № 168).

—

Прекращеніе изданія журнала «Ateneum». № 6-ой польскаго журнала «Ateneum», издающагося въ Варшавѣ 26-ой годъ, извѣщаетъ читателей, что съ перваго іюля текущаго года изданіе этого журнала прекращается, и что подписчики могутъ получить обратно подписныя деньги за полъ года. Съ сожалѣніемъ приходится встрѣтить это извѣщеніе, такъ какъ почтенный журналъ пользовался широкой извѣстностью и большимъ уваженіемъ среди публики. Будемъ надѣяться, что на смѣну прекратившемуся изданію почтеннаго издателя В. Спасовича явится въ польской журналистикѣ какой-нибудь новый журналъ, по достоинству своему не слабѣе «Ateneum'а».

—

Любопытный документъ. Организаторъ артелей Н. В. Левитскій, 10 мая, с. г., получилъ съ далекаго Кавказа интересное письмо. Оно затрагиваетъ самый больной вопросъ современной народной жизни, а именно—переселенческій. Мы читаемъ про нужду и холодъ сибирскаго переселенца, про его тяжелую, часто непосильную, борьбу съ суровою природою Сибири... Но это письмо раскрываетъ иную сторону тяжелой, на первыхъ порахъ, жизни, нашего переселенца.

Вотъ это письмо въ переводѣ съ малорусскаго языка, на которомъ оно довольно безграмотно написано въ подлинникѣ:

Его Высокоблагородію, господину казенному довѣренному Николаю Васильевичу Левитскому, отъ крестьянъ Ганжумова товарищества Нифодія Дубины, Максима Шамрая и прочихъ въ числѣ 110 домохозяевъ.

П р о ш е н і е.

Мы, крестьяне Кіевской губ., Чигиринскаго уѣзда, Оситняжской волости, селенія Рейментаровки и прочихъ селеній, въ числѣ 110 домохозяевъ, собрались въ одно товарищество, купили землю при

содѣйствія крестьянскаго земельнаго банка въ Терской области, въ первомъ участкѣ, въ Суржинскомъ отдѣлѣ, въ городѣ Моздокѣ, у купца Павла Исаевича Ганжумова, въ числѣ тысячи десятинъ земли, на сказанной землѣ и поселились, а только проживать нельзя ни въ какомъ средствѣ:—нападаютъ мошенники азіяты-инкуши среди бѣлаго дня, забираютъ у насъ, крестьянъ, худобу; какъ мы защищать станемъ, чтобы не дать, то они, вооруженные револьверами, кинжалами, берданками, не допускаютъ до себя,—худобу такъ и отнимутъ. Мы люди новоприбывшіе изъ бѣднаго состоянія не имѣемъ средствъ на что купить себѣ берданокъ. Въ прошломъ году, 20 августа, набѣжали ночью на хуторъ и отняли насильно, чуть-ли не изъ рукъ у насъ, пятеро лошадей: попробовали и въ этомъ году, 17 марта; набѣжали въ четвертомъ часу дня четыре человѣка, взяли съ пастбища 20 штукъ лошадей... Выбѣгалъ весь хуторъ, чтобъ не дать—нельзя приступить: у нихъ берданки! Начали кричать мы, сбѣжались мѣстные жители—козаки и нѣмцы, тоже съ берданками, загнали ихъ въ лѣсъ и всю ночь бились, покуда отбили, наконецъ, лошадей, а двѣ лошади въ дракѣ застрѣлили. Всепокорно просимъ Ваше высокоблагородіе, Николай Васильевичъ, пособите въ нашемъ разорительномъ житьѣ. Мы въ Россіи имущество движимое и недвижимое распродали, въ Россію возвращаться нечего. Жаловались становому приставу, онъ говоритъ, поймай, или убей, а какъ намъ приступить къ нимъ, когда они вооружены, а у насъ не на что купить оружія.

Затѣмъ товарищество хутора Ганжумова подписалось: грамотные (11 человѣкъ) сами за себя, а за всѣхъ остальныхъ неграмотныхъ росписался Мокій Ткачь. Комментаріи, говоритъ «Югъ», кажется, здѣсь излишни.

—

Проекты новаго украинскаго университета и гимназіи въ Галиціи. Одинъ изъ выдающихся представителей украинской партіи въ Галиціи Олесницкій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета. (Kurjier warszawski).

Барвинскій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи въ Станиславовѣ украинской гимназіи. (Kurjier warszawrki).

Оба эти предложенія остались безъ послѣдствій, благодаря чему отчасти и произошелъ выходъ русскихъ депутатовъ изъ сейма.

—

М. П. Боровскій. *(Некрологъ)* 24 іюня въ Николаевской, что въ Ботаническомъ саду, церкви, послѣ литургіи состоялась панихида по умершемъ въ г. Ирбитѣ Михаилѣ Петровичѣ Боровскомъ, бывшемъ въ 1885—1890 гг. директоромъ городского сиротскаго дома.

Уроженецъ Черниговской губерніи, воспитанникъ Полтавской гимназіи, покойный П. М. Боровскій окончилъ курсъ естественнаго отд. физико-математ. фалькутета въ Новороссійскомъ университетѣ и назначенъ былъ учителемъ географіи въ одесскую 2-ю гимназію. Избранный херсонскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры открывавшагося сельско-хозяйств. училища, Боровскій былъ командированъ земствомъ заграницу для ознакомленія съ такого рода училищами. Пробывъ больше года заграницей, онъ отъ службы въ земствѣ отказался и поступилъ секретаремъ одесскаго сельско-хоз. Общества и редакторомъ издаваемыхъ Обществомъ «Записокъ». Въ 1885 г. назначенъ былъ директоромъ городского соротскаго дома, въ каковой должности и состоялъ до 1890 г., усердно подготовляя учрежденіе при сиротскомъ домѣ ремесленнаго училища, для котораго выработалъ особый планъ и программы учебнаго курса.

Оставивъ должность директора, г. Боровскій состоялъ нѣкоторое время при канцеляріи попечителя одесск. уч. округа, преподавалъ географію въ женскихъ гимназіяхъ, а въ 1897 г. былъ назначенъ учителемъ физики и математики въ Болградскую гимназію, но черезъ годъ получилъ, наконецъ, мѣсто, которое такъ давно желалъ имѣть на родинѣ, котораго добивался въ од. уч. окр., но получилъ—въ Оренбургскомъ краѣ,—мѣсто инспектора народныхъ училищъ. Оторванный отъ друзей и знакомыхъ, Боровскій ревностно отдался службѣ на далекой окраинѣ. Тамъ у него умерла жена; тамъ онъ перенесъ нервный ударъ. Человѣкъ 54-хъ лѣтъ, Боровскій годъ тому назадъ пріѣхалъ въ Одессу старикомъ. Мечта перебраться на родину не осуществилась. 17 іюня онъ умеръ въ г. Ирбитѣ на рукахъ своей сестры. Дѣтей у него не было. Искренній и послѣдовательный народникъ, покойный М. П. былъ всегда въ жизни простымъ и добрымъ человѣкомъ, и въ сферѣ оффиціальной не отказывался отъ своихъ украинскихъ симпатій,—съ любовью слѣдилъ за научнымъ изученіемъ родины, природы и людей ея, за литературнымъ развитіемъ ея языка.

Въ практической жизни это былъ одинъ изъ благородныхъ неудачниковъ, идеальныя стремленія которыхъ часто перетолковываются, извращаются. Крайне простой въ своей домашней жизни, Боровскій довольствовался всегда скромнымъ содержаніемъ и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого имущества.

Покойный былъ прекрасный товарищъ и всѣ знавшіе его, какъ сослуживца и сотрудника, добромъ помянутъ его память. (Од. Л., 161).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. *Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900 г. LVI+512+VI. Ц. 3 руб.*

Настоящій 108 т. представляетъ собою III-ій томъ «Бумагъ кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны (1731—1740 г.г.)», собранныхъ и изданныхъ подъ редакціею проф. Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова. Онъ содержитъ въ себѣ, какъ видно изъ предисловія редактора копіи документовъ, извлеченныхъ изъ Государственнаго и Сенатскаго Архивовъ въ Петербургѣ, Архива министерства юстиціи и Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и Общаго Архива министерства императорскаго Двора въ Петербургѣ всего лишь только за одинъ—1734 г.; бумаги кабинета за 1731—33 г. составили содержаніе 104 и 106 т. т., изданныхъ подъ редакціей проф. Филиппова.

Въ предисловіи авторъ сборника указываетъ на внесеніе имъ въ настоящее изданіе въ интересахъ дѣла нѣкоторыхъ измѣненій сравнительно съ предыдущими двумя томами. Сущность измѣненій состоитъ въ томъ, что къ журналамъ Кабинета прибавлены реестры входящихъ въ Кабинетъ бумагъ, и прибавлены по слѣдующимъ соображеніямъ. «Журналы Кабинета за 1731—1733 г.г. на ряду съ указаніемъ на лицъ, присутствовавшихъ въ Кабинетѣ, и на «приказы», отдаваемые министрами изъ Кабинета, содержали также перечисленіе входившихъ и исходившихъ изъ Кабинета бумагъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ свѣдѣній, касавшихся Кабинета и его отношенія къ Императрицѣ, различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ

коими ему приходилось сноситься и т. д. Съ 1734 г. характеръ журналовъ Кабинета рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ, столь разнообразныхъ по содержанію, журналовъ, ведутся, главнымъ образомъ, лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ Кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ выдѣляются въ особыя книги списки или реестры входящихъ и исходящихъ изъ Кабинета бумагъ, а равно и составляются особыя «протокольныя записки» и «протоколы на указы". При помѣщеніи въ Сборникѣ только журналовъ, «будущіе историки Кабинета, говоритъ редакторъ, лишатся возможности опредѣлить, пользуясь только матеріалами этого изданія, предѣлы компетенціи учрежденія, слагавшейся постепенно и не столько de jure, сколько de facto». Воспроизведеніе же самихъ бумагъ является практически невозможнымъ, такъ какъ „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивавшаяся дѣятельность Кабинета уже съ 1734 г. начинаетъ принимать такіе размѣры, что въ приложеніяхъ къ журналамъ могутъ быть напечатаны лишь исходившіе изъ Кабинета акты, именно: именные указы, высочайшія повелѣнія и резолюціи, указы и письма кабинетъ-министровъ и т. п.» Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома вошло 173 №№ журналовъ и списковъ входящихъ Кабинета и около 400 приложеній, представляющихъ собою копіи указовъ, повелѣній и т. п.

Сборникъ снабженъ оглавленіемъ, въ которомъ можно найти краткое содержаніе каждаго документа, вошедшаго въ составъ Сборника подъ названіемъ «приложеній» и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Обращаясь къ содержанію Сборника, нужно сказать, что оно въ высшей степени разнообразно; систематизировать находящійся въ немъ матеріалъ очень трудно. Кругъ вѣдомства и границы компетенціи возникшаго въ октябрѣ 1831 г. Кабинета министровъ, какъ и многихъ другихъ русскихъ государственныхъ учрежденій, возникавшихъ и слагавшихся фактически, а не юридически, были совершенно не установлены. Вотъ почему предметомъ обсужденія Кабинета министровъ были самыя разнообразныя дѣла: политика внѣшняя и внутренняя, административныя распоряженія, мѣропріятія фискальнаго свойства, финансовыя, наконецъ даже иногда частная переписка,—все это проходило чрезъ Кабинетъ министровъ.

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться на подробной передачѣ содержанія многихъ копій бумагъ, имѣю-

щихъ большій или меньшій исторический интересъ, а потому мы, ограничившись самымъ краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ документовъ общаго характера, остановимся только лишь на нѣкоторыхъ документахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи нашего края.

Засѣданія Кабинета министровъ въ 1734 г., какъ это видно изъ журналовъ, перечня входящихъ и приложеній, были больше всего посвящены «польскимъ, малороссійскимъ, шведскимъ и финлядскимъ обращеніемъ». Главное вниманіе Кабинета министровъ сосредоточивается на дѣлахъ Польши, на борьбѣ партій польскаго шляхетства, разбившагося на два враждебныхъ лагеря; одинъ изъ нихъ стоялъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго, другой на сторонѣ Августа III, котораго поддерживало русское правительство. Въ Польшѣ и Литвѣ собирались безпрерывно сеймы и сеймики безпрерывно появлялись организованные отряды противной Россіи польской партіи, дѣйствовавшей при дѣятельной поддержкѣ Швеціи и Финляндіи. Русское правительство должно было безпрестанно мобилизировать свои войска на западныя и сѣверныя границы, зорко слѣдя за дѣйствіями Польши и Швеціи; оно арестовывало и содержало подъ усиленной стражей вожаковъ польской партіи (какъ напр. гр. Сапѣгу), давая въ тоже время гарантію личной имущественной охраны сторонникамъ своей партіи (какъ напр. гр. Завишѣ) и прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы скорѣе взять Данцигъ и изгнать оттуда Лещинскаго и склонить затѣмъ вожаковъ противной партіи къ дачѣ присяги на вѣрность королю Августу. Данцигъ, какъ извѣстно, былъ взятъ; Станиславъ Лещинскій бѣжалъ; на польскій престолъ вступилъ Августъ III, но Польша не была умиротворена...

Едва ли не большее безпокойствіе русскаго правительства вызывало положеніе дѣлъ на югѣ и на юго-западѣ Россіи. Не смотря на то, что со времени присоединенія Украины къ Россіи прошло уже около 70 лѣтъ, Украина все же являлась безпрестанно дымящимся вулканомъ, готовымъ каждую минуту вспыхнуть и причинить не мало хлопотъ Россіи, такъ какъ со сцены еще не сошли единомышленники Мазепы, и дѣятельнѣйшій и энергичнѣйшій изъ нихъ--Орликъ, находившійся въ то время въ Турціи, продолжалъ вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, воспитаннымъ имъ въ чувствѣ непримиримой вражды къ «москалямъ» и московскимъ порядкамъ на Украинѣ. Центромъ протеста, несмотря на всевозможнаго рода мѣропріятія правительства, продолжало быть Запорожье и запорожцы.

1734 г. былъ, какъ извѣстно, годомъ смерти гетмана Даніила Апостола Воспользовавшись смертію Апостола, русское правительство задумало нанести окончательный ударъ самоуправленію Украины, вопреки основнымъ пунктамъ договора Великой Руси съ Малой, посредствомъ уничтоженія гетманства и замѣны гетманскаго управленія Малороссіей «управленіемъ изъ 6-ти персонъ». Планъ замѣны гетманскаго управленія инымъ управленіемъ былъ готовъ еще до смерти Даніила Апостола, такъ какъ лишь только правительство узнало, что „гетманъ Апостолъ состоитъ въ прежней своей болѣзни и нынѣ весьма слабъ, а опредѣленный къ нему министръ, генералъ Нарышкинъ, обрѣтается въ Петербургѣ, оно указомъ отъ 17 января 1734 г. предписало кн. А. И. Шаховскому, находившемуся въ то время въ предѣлахъ Польши, подъ начальствомъ графа Вейсбаха, свой «корпусъ поручить изъ генералитета, кому опредѣлено будетъ отъ графа фонъ-Вейсбаха», а самому немедленно отправляться въ Глуховъ, съ тою цѣлью, „ежели онъ, гетманъ, въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, чтобы въ правленіи войскъ не воспослѣдствовало остановки; того ради Мы запотребно розсудили немедленно ѣхать въ Малороссію и для управленія министерскихъ дѣлъ быть при немъ до Нашего указа вамъ... и ежели онъ, гетманъ въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, то повелѣваемъ вамъ при ономъ случаѣ пристойныя мѣры взять и во всемъ такимъ образомъ поступать, какъ о томъ извѣстное вамъ Наше всемилостивѣйшее намѣреніе состоитъ и Мы на васъ въ томъ надежду имѣемъ, безъ всякаго упущенія и при томъ на обращенія ихъ малороссійскія, а особливо при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, накрѣпко и недреманнымъ окомъ смотрѣть и о томъ Намъ обстоятельно репортовать, съ представленіемъ о учрежденіи мнѣнія своего“.

26 января послѣдовалъ новый именной указъ кн. Шаховскому, вызванный извѣстіемъ о смерти Апостола, послѣдовавшей 17 января. Повторяя буквально содержаніе предыдущаго указа, новый указъ „найкрѣпчайше подтверждаетъ, что по полученіи сего Нашего указа имѣете вы со всякимъ всевозможнымъ поспѣшеніемъ ѣхать въ Глуховъ наскоро и, пріѣхавъ въ управленіе дѣлъ, до дальнѣйшаго Нашего указа, поступать по извѣстному вамъ Нашему намѣренію и по предпосланному указу со всякимъ прилежнымъ вадѣніемъ (sic) и осторожностію, безъ упущенія, присматривая при томъ на поступки тамошняго малороссійскаго народа накрѣпко, и что отъ нихъ проис-

ходить будетъ, о томъ надлежащія и пристойныя мѣры взять»... 29 января въ Кабинетѣ министровъ выработано было всеподданнѣйшее мнѣніе, подписанное Минихомъ, Остерманомъ, кн. Черкасскимъ, Ушаковымъ и Шафировымъ, послужившее затѣмъ содержаніемъ «грамоты малорусскому народу» отъ 31 янв. 1734 г., въ которомъ говорится: «Гетману впредь быть не разсуждается, а быть правленію вмѣсто чина гетманскаго во шти (sic) персонахъ состоящему, а именно: изъ 3-хъ великороссійскихъ, изъ 3-хъ малороссійскихъ и къ тому представляется нынѣ, хотя на время, пока дѣло въ надлежащей порядокъ приведено будетъ, кн. А. Шаховской, а кому при немъ изъ великороссійскихъ и изъ малороссійскихъ быть, тому ниже сего представляются въ кандидаты, которымъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ русскимъ, а лѣвой малороссійскимъ и править дѣла по прежнимъ инструкціямъ и рѣшительнымъ пунктамъ, а генеральному воинскому суду быть по прежнему; тому правленію быть подъ вѣдѣніемъ Сената, во особливой конторѣ. И сіе содержать секретно, а въ указахъ и въ прочихъ письмахъ не показывать, что намѣреніе имѣется гетмана не выбрать... Въ кандидаты представляются: изъ великороссійскихъ—Иванъ Вельяминовъ, Степанъ Колычевъ, Андрей Чернышовъ, Дмитрій Порецкой. Изъ малороссійскихъ: обозный Лизогубъ, изъ подскирбіевъ Марковичъ, изъ генеральныхъ есауловъ Мануйловъ».

На мнѣніе положена резолюція: «Опробуэца».

Сознавая всю важность и небезопасность предпринятаго политическаго шага, дѣлая многократно строгіе наказы о содержаніи въ полномъ секретѣ своихъ настоящихъ намѣреній, правительство, въ тоже самое время, не упускаетъ изъ виду даже такихъ мелочей относительно всего, что касается хотя бы даже престижа его власти, что не забываетъ дать надлежащихъ указаній, кому гдѣ сидѣть, хотя раньше и упоминаетъ о томъ, что „въ засѣданіи (членамъ) быть въ равенствѣ“.

31 января послѣдовалъ на имя кн. Шаховскаго именной указъ объ учрежденіи въ Малороссіи гетманскаго управленія изъ 6-ти лицъ, объ объявленіи посылаемой при семъ грамоты старшинѣ и малороссійскому народу, о выборѣ лицъ для означеннаго правленія, и великороссійскихъ судьяхъ и о назначеніи содержанія вдовѣ Апостола.

Кромѣ «грамоты малороссійскому народу», присланной кн. Шаховскому, было присланно еще десять грамотъ для посылки въ

каждый полкъ, а „для раздачи въ народъ“ были присланы «друкованные листы». Какъ въ „объявленной грамотѣ, друкованныхъ листахъ, такъ даже и въ присланной при нихъ „инструкціи“, изъ опасенія возбудить безпорядки, правительство увѣряло украинскій народъ, что правленіе новое вводится временно, «до впредь будущаго избранія гетмана»; настоящія же намѣренія открывало только въ именномъ указѣ кн. Шахмовскому: «А что въ объявленной Нашей грамотѣ и въ инструкціи писано, что правленіе гетманскаго уряда опредѣлено до впредь будущаго избранія гетмана, и сіе написано для того, чтобы нынѣ, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сумнѣнія и не чинилъ противныхъ толкованій... Вамъ же, по имѣющей прежней секретной инструкціи... предостерегать того, чтобъ какой шатости въ малороссійскомъ народѣ подъ нынѣшній часъ не произошло и смотрѣть того прилежно, и ежели бъ, паче чаянія, что могло противное случиться, то въ томъ поступать по силѣ той инструкціи и отправленныхъ недавно Нашихъ указовъ»... Далѣе, требуя «донесть, какъ опредѣленные въ войсковомъ судѣ великороссійскіе судьи поступаютъ», и давая право Шаховскому замѣнить ихъ новыми по своему усмотрѣнію, «кого онъ за достойныхъ къ тому знаетъ, указъ напоминаетъ, что «надобно въ судѣ такихъ людей имѣть, которые были бъ правдивы и ко взяткамъ не лакомы, и не было бъ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ и дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобыкалъ къ великороссійскому правленію». И какъ рѣшительную мѣру рекомендуетъ «смоленскаго шляхтича, ротмистра Пассека, отрѣшить, понеже ему въ судѣ войсковомъ быть весьма, разсуждаемъ, не запотребно. Умершаго гетмана Апостола женѣ Ульянѣ за вѣрную службу мужа ея, повелѣваемъ на содержаніе дома ея давать, по смерть ея, на годъ по 3000 р., которые выдавать ей изъ сборныхъ денегъ съ бывшихъ гетманскихъ маетностей. И все вышеписанное содержать въ вышшемъ секретѣ».

Обстоятельства дѣла требовали быстроты дѣйствій. И мы видимъ, что сношенія, дѣйствительно, велись съ достаточной для того времени быстротой. Именно, въ числѣ входящихъ бумагъ Кабинета за 6-е февраля значится «доношеніе генерала Нарышкина о погребеніи гетмана», а за 9-е февраля — «репорты генерала, графа Вейсбаха о бытіи генералъ-лейтенанту князю Шаховскому въ Глуховѣ и о порученіи, вмѣсто него, команды другому» (вслѣдствіе перваго указа

отъ 17 января), и за 16 февраля—«репортъ того-же Вейсбаха о полученіи указа и отправленіи къ кн. Шаховскому о немедленномъ его прибытіи въ Глуховъ и о шпіонахъ»; въ числѣ входящихъ за мартъ подъ 2 марта значится «доношеніе кн. Шаховского отъ Бѣлой-Церкви о слѣдствіи (sic) его въ Глуховъ, съ представленіемъ какимъ образомъ правленіе послѣ гетмана зачать; его жъ два письма о томъ же.

Въ отвѣтъ на это доношеніе послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому отъ 4 марта 1734 г., въ которомъ послѣднему выяснялось, «что какимъ образомъ по прибытіи вашемъ въ Глуховъ малороссійское правленіе начинать и какъ поступать, и чего вамъ предостерегать надлежитъ, о томъ уже полная инструкція и особливый къ вамъ съ надлежащимъ наставленіемъ указъ и для публикованія печатныя грамоты, состоявшіяся января 31 дня, отправлены къ вамъ до Глухова съ нарочнымъ курьеромъ»...

Но очевидно, что кн. Шаховской получилъ «инструкцію и особливый съ наставленіемъ указъ» по дорогѣ въ Глуховъ, такъ какъ въ числѣ входящихъ за 5-е марта значится: 1) «доношеніе кн. Шаховского изъ Кіева о полученіи инструкціи и указовъ и на представленіе на то, какимъ образомъ въ Глуховѣ поступать ему надлежитъ; 2) репортъ его-жъ—о полученіи указу перваго отъ 17-го января и 3) письмо его жъ о томъ, что въ доношеніи написано.

Кн. Шаховской до прибытія своего въ Глуховъ, значитъ еще до ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ малорусскаго народа на мѣстѣ, былъ противъ мнѣнія Кабинета министровъ, получившаго уже высочайшую «апробацію» о замѣнѣ гетманскаго управленія управленіемъ «изъ шти персонъ». Хотя въ «Сборникѣ» нѣтъ копій съ доношеній и писемъ кн. Шаховского, а потому нельзя съ точностью воспроизвести того, что писалъ кн. Шаховской, но въ видѣ приложенія отъ 7-го марта въ «Сборникѣ» напечатаны: 1) «Высочайше утвержденное мнѣніе особаго совѣщанія въ Кабинетѣ относительно оставленія въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. А. И. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ 6-ти лицъ и пр., по соображеніямъ, изложеннымъ въ семъ мнѣніи» и 2) «Именной указъ кн. А. И. Шаховскому, въ отвѣтъ на доношеніе его относительно неудобствъ предоставленія правленія Малороссіею 6-ти персонамъ, согласно указу 31 янв. 1734 г., съ подтвержденіемъ дѣйствія впредь этого указа».

Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что кн. Шаховской, не раздѣляя мнѣнія Кабинета о перемѣнѣ управленія Малороссіей, послалъ въ Петербургъ 17 и 22 февраля свои «доношенія», въ которыхъ онъ «представлялъ чтобъ правленію въ Малой Россіи не быть во шти персонахъ и на такомъ основаніи, какъ въ состоявшемся Ея И. В—ва всемилостивѣйшемъ, января 31 дня, къ нему присланномъ указѣ изображено». Вмѣсто же проекта «правленія изъ шти персонъ» кн. Шаховской представилъ свой проектъ правленія Малороссіей «на такомъ основаніи, какъ онъ о томъ образцовый указъ, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть, для всемилостивѣйшей апробаціи, при своемъ доношеніи прислалъ».

Каково было содержаніе присланнаго кн. Шаховскимъ для «апробаціи образцоваго указа, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть» —неизвѣстно, такъ какъ въ «Сборникѣ» онъ не помѣщенъ, но мотивы, по которымъ кн. Шаховской былъ противъ правленія «изъ шти персонъ», могутъ быть отчасти воспроизведены на основаніи приведенныхъ нами двухъ документовъ: 1) что прежде всего гетманы генеральную войсковую канцелярію содержали и резолюціи давали одни, а ежели нынѣ всякимъ дѣламъ, до уряду гетманскаго касаючимся, рѣшеннымъ быть въ учрежденномъ собраніи, то отъ того въ той канцеляріи можетъ произойти великая многотрудность и по отправленію дѣлъ остановка; 2) что старшина уже давно желаніе имѣетъ къ полученію правленія войсковой генеральной канцеляріи, а когда нынѣ уже въ оной присутствіе получатъ, то впредь оныхъ, по его мнѣнію, отрѣшить уже не такъ удобно будетъ, какъ бы они къ тому дѣлу допущены не были»... Вотъ тѣ мотивы, какіе были выставлены кн. Шаховскимъ въ противовѣсъ мнѣнію Кабинета министровъ относительно перемѣны управленія въ Малороссіи. Онъ былъ противникомъ коллегіальнаго управленія Малороссіей, но не изъ боязни «могущей произойти отъ того шатости въ малороссійскомъ народѣ», а совершенно по другимъ соображеніямъ, не только не совпадавшимъ съ намѣреніемъ правительства вести политику «шелковыхъ возжей» съ цѣлью постепеннаго пріученія народа къ тому, чтобы «онъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію», а совершенно противоположнымъ: онъ былъ сторонникомъ политики «ежевыхъ рукавицъ» и желалъ совершенно не допустить участія старшины въ управленіи Малороссіей. Образъ мыслей кн. Шаховского, несомнѣнно, вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительными (тайными)

намѣреніями правительства относительно Малороссіи, но взгляды ихъ на средства осуществленія этихъ намѣреній были не одинаковы.

Для обсужденія «образцоваго указа» кн. Шаховского, немедленно, 7 марта, состоялось «особое совѣщаніе въ Кабинетѣ», высказавшее мнѣніе «объ оставленіи въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ шести лицъ», утвержденное въ тотъ же день Анной Іоанновной. Въ «мнѣніи» говорится, что по довольному разсмотрѣнію о резонахъ отъ него (кн. Шаховского) представленныхъ, всеподданнѣйшее свое мнѣніе приносятъ, что при нынѣшнихъ случаяхъ, къ интересамъ Ея И. В—ва заприличнѣе и полезнѣе разсуждаютъ быть тому правленію до времени на такомъ основаніи, какъ... въ указѣ января 31 дня опредѣлено, и поступать ему, генералъ-лейтенанту (кн. Шаховскому) въ томъ по посланнымъ къ нему указамъ и инструкціи и сочиненный манифестъ о томъ правленіи потому жъ указу въ народъ публиковать»... Что же касается мотивовъ особаго мнѣнія кн. Шаховского, то особое совѣщаніе нашло оба его «резона» несостоятельными: относительно перваго оно высказалось, что «сіе весьма не признается, понеже канцеляріи отъ того вящаго труда быть не можетъ, какъ прежде бывало, но паче, когда съ общаго совѣту того учрежденнаго собранія дѣла рѣшены и отправлены будутъ, то еще лучшаго и основательнѣйшаго порядку и меньшей остановки въ дѣлахъ отъ того уповать надлежитъ»; на счетъ второго мотива особое совѣщаніе сказало: «что нѣкоторые изъ малороссійскихъ въ томъ собраніи присутствовать станутъ, никого (никакого?) предосужденія интересомъ Ея И. В—ва не признавается, но паче еще польза, понеже не вся старшина присутствовать станетъ, но только три персоны, и тѣ три персоны однѣ никакой власти имѣть не будутъ, но должны съ велико-россійскими вмѣстѣ засѣдать и дѣла отправлять... Кн. Шаховской стоялъ за сохраненіе гетманскаго управленія Малороссіей, но съ тѣмъ, чтобы гетманомъ былъ великороссъ, разсчитывая, по всей вѣроятности, въ случаѣ принятія его проекта, самому стать гетманомъ Малороссіи, такъ какъ «особое совѣщаніе» Кабинета, не согласившись съ доводами кн. Шаховского, добавляетъ слѣдующее: «Сверхъ того, ежели съ самаго начала всѣхъ малороссійскихъ отъ правленія вовсе и генерально отрѣшить и одному великороссійскому все правленіе вручить, то-бъ оный малороссійскій народъ отъ того въ какое сумнѣніе приведенъ не былъ, и иногда-бъ

вящія какія затрудненія отъ того не произошли. И для того, нижеподписавшіеся, при прежнемъ своемъ всеподданнѣйшемъ мнѣніи... пребываютъ», хотя, въ зависимости отъ того, какъ «дѣла тамо пойдутъ, всегда въ Ея И. В--ва всемилостивѣйшемъ соизволеніи будетъ состоять—сіе на время учиненное правленіе отмѣнить и другія такія учрежденія учинить, какія по обстоятельствамъ для интересовъ Ея И. В—ва всемилостивѣйше за благо разсуждены будутъ; а покамѣстъ сіе правленіе совсѣмъ основано и въ надлежащій порядокъ приведено не будетъ, то его, генералъ-лейтенанта, оттуда отлучать, видится, невозможно».

Мнѣніе «особаго совѣщанія въ Кабинетѣ», утвержденіе его и изданіе соотвѣтствующаго именного указа, подтверждающаго указъ 31 января, состоялось 7 марта. Между тѣмъ, кн. Шаховской, прибывъ въ Глуховъ, не зналъ, какую форму правленія примѣнять ему на Украинѣ: распоряжаться ли ему на правахъ гетмана Малороссіи, или же управлять согласно съ указомъ отъ 31 января. Потребовавъ отъ старшины отдачи ему гетманскихъ войсковыхъ клейнодовъ, кн. Шаховской 5 марта доноситъ объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «требуетъ указу», какъ ему рѣшить дѣла, «по инструкціи-ль сего 1734 году, или какъ бывало при гетманѣ», а затѣмъ проситъ «о взятіи у генерала Нарышкина прежде данной ему, кн. Шаховскому, въ бытность его при гетманѣ, секретной инструкціи и о присылкѣ къ нему». Кабинетъ министровъ письмомъ отъ 16 марта увѣдомилъ кн. Шаховского, что «оная инструкція, и секретные пункты, и указъ, и цифырная азбука, отправлены... при семъ».

Черезъ два слишкомъ мѣсяца, 27 мая, послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому «о прибытіи ему на нѣкоторое время изъ Малороссіи въ С.-Петербургъ, и о порученіи, въ отсутствіи его, управленія дѣлами временно майору Хрущову и другимъ, по усмотрѣнію его, Шаховского, лицамъ». Вызовъ кн. Шаховского въ Петербургъ очевидно состоялся «по украинскимъ дѣламъ, такъ какъ 18 іюля посланъ былъ изъ Петергофа Кабинетъ-министрамъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Господа Кабинетъ-министры! Разсудили мы за благо послать къ вамъ кн. Шаховского для представленія нужныхъ его украинскихъ дѣлъ; того ради, по полученіи сего, собравъ всѣ его старые и новые доклады и доношенія, разсмотрите и, обще совѣтовавъ, положите обо всемъ надлежащую резолюцію, съ которою для апробаціи быть къ намъ немедленно. Анна».

Какъ ни скрывало правительство настоящихъ своихъ намѣреній относительно Украины, все же и старшина, и народъ, наученные прежнимъ горькимъ опытомъ, ясно видѣли, къ чему клонится политика правительства. Да и не нужно было обладать большой дальновидностью, чтобы не понимать, какія намѣренія скрываются мѣропріятіями правительства, несмотря на то, что оно выставляло ихъ передъ народомъ, какъ временныя. Изъ Украины начали идти челобитныя объ избраніи гетмана. Для осуществленія своихъ плановъ насчетъ Украины правительству нужно было выполнить двѣ задачи: заручиться поддержкой народа и окончательно ослабить и безъ того уже обезсиленную и деморализованную козацкую старшину. Перваго оно старалось достичь путемъ облегченія простого народа отъ бремени всевозможныхъ налоговъ въ пользу старшины, судебной защитой и предоставленіемъ широкихъ правъ челобитья на своихъ обидчиковъ; второго—дарованіемъ высочайшихъ милостей тѣмъ изъ старшинъ, «которые были доброжелательны», въ видѣ производствъ въ чины, записи кандидатами въ Сенатъ и т. п., а во-вторыхъ—путемъ секретныхъ мѣропріятій съ цѣлью внести разлагающее начало въ самую сердцевину національной жизни—семью. Къ числу такихъ мѣропріатій относятся, извѣстный, кажется, уже въ печати, секретный указъ тому-же кн. Шаховскому отъ 31 янв. 1734 г. «о принятіи секретно искусныхъ мѣръ къ побужденію малороссійскаго народа вступать въ свойство съ великороссійскимъ народомъ, а не съ смольянами, поляками и другими зарубежными жителями, что, кажется—говорится въ указѣ—противно нашему интересу». Выполненіе этого секретнаго предписанія оказалось на практикѣ трудно примѣнимымъ; поэтому въ цѣляхъ выполненія указа кн. Шаховской дѣлаетъ представленіе «о недозволеніи выѣзжать изъ Малороссіи въ другіе города безъ паспортовъ, выданныхъ имъ, Шаховскимъ». «...Не соизволите ли, Ваше В—ство всемилостивѣйше указать въ малороссійскіе полки дать Вашего И. В—ва указы, чтобъ какъ старшина сама, такъ и дѣти ихъ, или кто-нибудь ежели бы кто пожелалъ ѣхать изъ Малороссіи въ другіе городы, то бы безъ паспорта моего не ѣздили, при чемъ видно будетъ, кто для какого дѣла ѣдетъ и ежели кто поѣдетъ для женитьбы, то таковыхъ удобно при томъ отъ онаго отвратить. И на оное ожидать буду Вашего И. В—ва всемилостивѣйшаго указа».

Но самую яркую картину всей системы отношеній великорусскаго правительства на Украинѣ даетъ «Высочайше утвержденная секретная инструкція, данная ген.-лейтенанту кн. Шаховскому, по управленію Малой Россіею, по которой, будучи въ Малой Россіи, поступать надлежитъ». Инструкція состоитъ изъ 11 пунктовъ. Наказывая «смотрѣть накрѣпко, чтобъ какъ въ главныхъ (дѣлахъ), такъ и въ прочихъ какой противности не было, и народъ къ тому побуждаемъ отъ кого не былъ, и развѣдывать того накрѣпко всякими способы», инструкція требуетъ «немедленно о томъ доносить», а въ крайнихъ случаяхъ, «буде для описыванія времени не будетъ, чинить, что надлежитъ по своему разсмотрѣнію; и ежели въ такомъ случаѣ явится кто изъ старшины и изъ полковниковъ, и ихъ брать подъ караулъ, и не допускать того зла до расширенія». Съ другой стороны инструкція велитъ «усматривать во всякихъ обхожденіяхъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ Намъ и къ сторонѣ Нашей доброжелательны, и какого уряда достойны, и въ такой случай, когда придетъ гдѣ полковникамъ и старшинѣ перемѣна, усматривать вамъ, что бы въ тѣ чины вѣрные и доброжелательные намъ люди произведены были, и таковыхъ, обще съ генеральною старшиною, въ кандидаты писать въ Сенатъ, въ канцелярію малороссійскихъ дѣлъ, а въ кабинетъ Нашъ, кому изъ тѣхъ кандидатовъ пристойнѣе быть надлежитъ, доносить секретно»... Что же касается простого народа, то инструкція научаетъ «пристойнымъ образомъ внушать малороссійскому народу, а паче козакамъ, что Наше И. В—во содержимъ ихъ въ милости своей при данныхъ имъ отъ Насъ милостивыхъ привилегіяхъ, а ежели имъ отъ генеральной старшины и отъ полковниковъ, такожъ отъ полковой старшины и отъ сотниковъ будутъ тягости, какъ въ накладѣ вина и въ прочихъ питьяхъ, и въ съѣстныхъ припасахъ, и въ сборѣ денегъ, въ работѣ, и въ привращеніи козаковъ въ подданство, то бъ они били челомъ на нихъ въ томъ, какъ о семъ выданными въ 1728 г. указы публиковано». Инструкція предписываетъ «оборонять отъ тягостей и обидъ козаковъ и прочихъ жителей малороссійскаго народа» «хотя отъ козаковъ и челобитья не будетъ».

Въ случаѣ народнаго неудовольствія и ропота по поводу новыхъ налоговъ, инструкція рекомендуетъ объяснять, «для чего тотъ сборъ въ войсковой скарбъ сбирать», а «другимъ наединѣ говорить, ...что какъ тѣ всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ», то... «со-

бранными деньгами сборщики корыствовались и расходъ всѣмъ тѣмъ съ народа сбираемымъ деньгамъ былъ непорядочный, по одной только гетманской волѣ, а въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось; и однимъ словомъ сказать, что все непорядочно было, а народу малороссійскому не только въ томъ полегченія не было, но и еще несносная и немалая обида; ...и объявлять, что многіе съ нихъ поборы, которые сбираны при гетманахъ, къ полегченію всемилостивѣйше сложить... соизволили».

Чтобы больше дискредитировать въ глазахъ народа гетманское правленіе, правительство въ § 7 инструкціи предписываетъ: «надлежитъ всякими удобо-возможными способами внушить малороссійскому народу, что какія въ бытность гетмановъ чинились партикулярнымъ домамъ обиды и разореніе, какъ въ отнятіи маетностей, такъ и въ награжденіи ихъ непорядочно, а нынѣ Мы всемилостивѣйшее свое намѣреніе имѣемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ малороссійскаго народа, за службы и вѣрность ихъ, милостію своею и награжденіемъ деревень не оставить». Въ § 10 говорится: «Ежели тамошняя старшина будутъ намѣренія свои показывать, или просить о выборѣ гетмана, то надлежитъ пристойнымъ образомъ совѣтомъ своимъ ...отъ того отвращать и при томъ провѣдывать и смотрѣть недреманнымъ окомъ, кто изъ старшины въ тѣ гетманы будутъ желательны и не будутъ ли собирать челобитенъ, ...то въ Кабинетъ Нашъ о томъ немедленно доносить».

Производя реформу управленія въ Малороссіи, правительство, несомнѣнно, дѣлало рискованные политическіе шаги, осложняя и безъ того крайне запутанныя политическія отношенія съ Польшей и Швеціей—съ одной стороны, а съ другой—съ Турціей и Крымомъ, бывшихъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго и поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ Августомъ III. И правительство Анны Ивановны это прекрасно понимало, но разсчетъ его былъ безошибоченъ: перемѣна управленія въ Малороссіи не могла грозить серіозными внутренними безпорядками, потому что народъ, истомленный въ тяжелой предшествовавшей борьбѣ за свою политическую и религіозную независимость, не въ состояніи былъ активно реагировать на новыя посягательства со стороны своего сильнаго союзника, направленныя къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ своей независимости, а представителей его, въ лицѣ старшинъ, легко было купить.

Запорожская Сѣчь, служившая раньше очагомъ, гдѣ главнымъ образомъ броженія народной политической мысли получали конкретныя формы, также не представляло особенной опасности. Правда, былъ еще живъ «измѣнникъ» Орликъ, сподвижникъ Мазепы, продолжавшій, несмотря на свой преклонный возрастъ, вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Съ агитаціонной дѣятельностью этого послѣдняго изъ могиканъ правительство, какъ видно изъ документовъ Кабинета, должно было считаться. Такъ, въ именномъ отъ 25 апрѣля 1834 г. указѣ къ кн. Шаховскому «объ отправленіи въ корпусъ гр. Вейсбаха въ Польшу козаковъ, украинскихъ и слободскихъ, о наблюденіи за дѣйствіями крымскаго хана и за измѣнникомъ Орликомъ и проч.», говорится: «О ханѣ крымскомъ имѣемъ мы извѣстіе, что онъ съ татарскимъ войскомъ на самыхъ турецкихъ границахъ, близъ Польши стоитъ, такожъ и измѣнникъ Орликъ получили извѣстіе жъ, что онъ къ нему жъ, хану, прислалъ, почему признавается,—не отважатся ли оные татары, по призыву станиславцовъ (сторонниковъ короля Станислава Лещинскаго) въ Польшу вступить, и не будетъ ли отъ помянутого Орлика на Украйну, для возмущенія къ злому намѣренію, какихъ присылокъ къ кому изъ малороссійскихъ жителей, или письменной съ кѣмъ корреспонденціи, чего вы имѣете накрѣпко и со всякою прилежностью пристойнымъ образомъ и подъ рукою смотрѣть, и въ томъ крѣпкую предосторожность имѣть; и ежели бъ, паче чаянія, такія присылки явились, и въ комъ такая невѣрность и подозрѣніе усмотрѣны будутъ, таковыхъ безъ потерянія времени ловить и поступать съ ними искуснымъ образомъ, по нашимъ указамъ и намъ немедленно доносить, въ чемъ Мы полагаемся на вашу, извѣстную намъ, вѣрность и рѣшительную осторожность».

Въ доношеніяхъ гр. Вейсбаха, какъ видно изъ «входящихъ» (напр. отъ 7 мая, 5-го іюня и т. д.), имя Орлика поминается часто, что подтверждаетъ съ одной стороны «радѣтельность» генерала, а съ другой—также замѣтную дѣятельность. Наблюденія за дѣятельностію Орлика вызвали указъ отъ 31 августа 1734 г. на имя барона Кейзерлинга, полномочнаго министра при польскомъ дворѣ, въ которомъ говорится слѣдующее:... «Перенятое жъ письмо отъ крымскаго хана Мы уже отъ Нашего оберъ-шталмейстера получили и надлежащую потребность онымъ у Порты чинить будемъ. Старый Орликъ не товмо тотъ, который съ измѣнникомъ Мазепою прежде сего къ шведамъ и

туркамъ перешелъ и противу Россіи взбунтовалъ, но и понынѣ у крымскаго хана дѣйствительно обрѣтается, запорожскихъ козаковъ противу Насъ возмутить ищетъ, и того ради многія поносительныя письма въ народъ издаетъ, изъ которыхъ къ Намъ многія оригинальныя отъ запорожскихъ козаковъ присланы. И ежели оный Орликъ, чрезъ котораго сіе крымскаго хана письмо получено, помянутаго, у хана пребывающаго, стараго Орлика, подлинный сынъ есть, то предусмотрѣть невозможно, что благо черезъ него у крымскаго хана причинить невозможно (sic), ибо отецъ его предѣльный бунтовщикъ и по нынѣшнее время ядъ свой и злое намѣреніе по крайнѣйшей возможности повсюду въ дѣйство произвести старается; сверхъ же того у Порты, а особливо у крымскаго хана, въ великомъ кредитѣ имѣется, и слѣдовательно отъ его сына немного добра ожидать надлежитъ, наименьше жъ того онъ въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть. Въ вашей реляціи не упомянуто, сей Орликъ дѣйствительно ли назадъ возвратился или гдѣ дѣвался, и какія о немъ резолюціи могутъ быть учинены, о чемъ мы вашего доношенія въ немедленномъ времени дожидаемъ, а между тѣмъ имѣете вы вышеуказанное въ потребныхъ мѣстахъ надлежаще представить, что, понеже и безъ того, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, у крымскаго хана онъ съ трудностію полезенъ быть можетъ, то бъ его изъ рукъ не упущали, но дотолѣ у себя подъ добрымъ присмотромъ держали, пока онъ надѣянымъ и приличнымъ образомъ Намъ отданъ быти можетъ, и хотя Нашего намѣренія не имѣется съ нимъ, яко съ сыномъ отъ Насъ отпавшаго подданнаго и бунтовщика жестоко поступить, а особливо въ разсужденіи того, что онъ нынѣ учинилъ, однако же, отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры постановить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ нашихъ рукахъ имѣется».

Указъ этотъ, представляя собою выдающійся интересъ для характеристики политики Кабинета и агитаціонной дѣятельности Орлика, интересенъ и съ той стороны, что даетъ нѣсколько довольно опредѣленныхъ намековъ на причины, въ значительной степени ослаблявшіе успѣхъ агитаціонной дѣятельности принципіальнаго, непримиримаго противника русскаго правительства, старика Орлика. Агитація Орлика-отца не только не встрѣчала сочувствія въ Запорожьѣ, а напротивъ—активное противодѣйствіе. Запорожцы, какъ это видно изъ приведеннаго указа, присылали русскому правительству «поноси-

тельныя письма» Орлика въ народъ прямо въ оригиналѣ, очевидно, съ цѣлью противодѣйствовать ихъ распространенію въ народѣ. Наконецъ, даже и сынъ самого «презельнаго бунтовщика», молодой Орликъ, также былъ не на сторонѣ отца, а правительства, хотя последнее, очевидно, относилось къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, будучи убѣждено, что отъ него «немного добра ожидать надлежитъ», и особенно не вѣря въ то, что онъ «въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть». Это крайне недовѣрчивое и подозрительное отношеніе къ молодому Орлику, дѣйствовавшаго въ интересахъ самого же правительства, побуждаетъ правительство къ коварному, а не политичному, основанному на ложномъ пониманіи психологіи человѣческой души, пріему задержанія Орлика, «пока онъ надежнымъ и примѣтнымъ образомъ Намъ отданъ быть можетъ», съ тою цѣлью, что «отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры поставить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ Нашихъ рукахъ имѣется». Если въ этомъ и можно видѣть фактъ заложничества, то... далеко неправомѣрнаго.

Но несмотря на агитаціонную дѣятельность старика-Орлика, успѣхъ дипломатическихъ сношеній Запорожья съ русскимъ правительствомъ относительно переселенія козаковъ въ предѣлы Россіи былъ обезпеченъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ. Запорожцы, покинувшіе предѣлы Россіи послѣ разоренія Сѣчи по приказу Петра I Скоропадскимъ и основавшіе въ 1711 г. свою Сѣчь, съ дозволенія хана Капланъ-Гирея, въ Алешкахъ, не переставали во все это время усиленно хлопотать о дозволеніи имъ возвратиться на старыя мѣста; къ этому ихъ побуждала съ одной стороны—потеря принадлежавшихъ имъ прежде земель, а съ другой—притѣсненія со стороны иновѣрнаго и чуждаго по національности народа. Что же касается другой стороны, т. е. русскаго правительства, то оно едва ли не больше было заинтересовано въ возвращеніи запорожцевъ на старыя мѣста, чѣмъ сами запорожцы. Какъ извѣстно, пользу возвращенія запорожцевъ болѣе другихъ понималъ кіевскій генералъ-губернаторъ фонъ-Вейсбахъ. Онъ-то собственно и убѣдилъ правительство Анны Ивановны удовлетворить просьбу запорожцевъ, и самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ атаманомъ Милашевичемъ.

Этимъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ и объясняется та, удивительная для нашего времени, быстрота переговоровъ, сношеній, сообщеній и реляцій относительно переселенія запорожцевъ: изъ

журналовъ «входящихъ» видно, что съ февраля по ноябрь въ Кабинетъ почти еженедѣльно поступали доношенія относительно запорожцевъ. Вопросъ о переходѣ запорожцевъ былъ рѣшенъ, но осуществленію его препятствовали отношенія къ Турціи. Опасенія правительства, какъ бы не испортить окончательно отношеній къ Портѣ, со всею яркостію обнаруживаются въ очень пространномъ указѣ фонъ-Вейсбаху отъ 4 августа. Порта, узнавъ о намѣреніи запорожцевъ перейти въ границы Россіи и прослышавъ о возведеніи на турецкихъ границахъ, около Базавлука, крѣпости, послала своего чиновника къ бендерскому пашѣ и къ крымскому хану Сатиръ-Али-агѣ для наведенія справокъ о достовѣрности слуха черезъ осмотръ посланцемъ мѣстности у Базавлука. Бендерскій паша черезъ своего посланца обратился къ гр. Вейсбаху съ просьбой командировать представителя и со стороны русскаго правительства къ Базавлуку для совмѣстнаго осмотра съ чиновникомъ Порты мѣстности у Базавлука. Правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе, не зная, какъ изъ него выйти... И нынѣ, говорится въ указѣ Портѣ никакого подлиннаго и прямаго отвѣту дать невозможно, ибо, ежели Портѣ объявить, что мы вовсе въ тѣ дѣла не вступаемся, то тѣ запорожцы, отчаясь, легко къ другой сторонѣ паки преклониться и всѣ потеряны быть могутъ; а ежели явно въ оныя дѣла вступать, и тѣ мѣста своими называть, то явная къ разрыву миру туркамъ причинамъ подается; и для того потребно въ томъ такое средство изыскать, черезъ которое, какъ отъ одной, такъ и отъ другой, вышеупомянутыхъ, опасностей убѣжать возможно».

Дальнѣйшее содержаніе указа и сводится именно къ «изысканію средствъ» пройти между Сциллой и Харибдой. Гр. Вейсбаху предписывается: 1) «по полученіи сего указу послать тотчасъ къ атаману Милашевичу съ требованіемъ, чтобъ онъ безъ всякаго замедленія одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ своихъ старшинъ наскоро прислалъ для словеснаго ему объявленія о нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ, до ихъ интересовъ касающихся дѣлахъ; по пріѣздѣ того (старшины) объявить о пріѣздѣ отъ Порты нарочнаго аги для свидѣтельствованія мѣстности... И понежѣ оному турецкому агѣ отказать и запретить въ томъ неприлично, того ради мы запотребно разсудили напередъ ихъ, запорожцевъ, наставлять, какимъ образомъ имъ съ тѣмъ турецкимъ присланнымъ поступать, и что оному объявить, а именно: чтобы его приняли, по обычаю, со всякою ласкою и оному объявили: 1) что

будучи издревле рожденные россійскіе подданные, по закону своему, и по совѣсти своей, у Ея И. Величества о прежнихъ своихъ противныхъ поступкахъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи просили и въ вѣрное Ея В-ва подданство, по прежнему, возвратились; 2) что оные въ вѣрности Ея И. В-ву непоколебимо пребывать и въ томъ послѣдней капли крови своей не пощадить твердо намѣрены; 3) что они Портѣ Оттоманской, или хану крымскому,... никакой противности не покажутъ, вѣдая, что межчу обѣими имперіями состоитъ вѣчный миръ, и что Ея И. В-ва всеконечне намѣреніе есть оный миръ съ своей высочайшей стороны ненарушимо содержать; 4) но что до того мѣста надлежитъ, гдѣ они селятся, и по своему обыкновенію кошъ свой строятъ, то всѣ тѣ мѣста ихъ собственныя, которыми они черезъ нѣсколько сотъ — безпрекословно отъ всѣхъ сторонъ владѣютъ, и что во оныя мѣста, яко имъ, запорожцамъ, прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни ханъ крымскій и никто вступаться не имѣютъ; 5) что съ россійской стороны крѣпости у нихъ не строится и изъ россійскаго войска при нихъ не обрѣтается, и что они и сами никакой крѣпости не строятъ, а строятъ кошъ свой по своему древнему обыкновенію и то на собственныхъ своихъ земляхъ, а ни на какихъ чужихъ...

... И наставлять вамъ того отъ Милашевича присланнаго повѣреннаго, чтобъ съ нимъ вышеписаннымъ отвѣтомъ того турецкаго агу отправили и ни во что далѣе съ нимъ не вступали и на его иногда чинимыя льстивыя обѣщанія или угрозы не смотрѣли и отнюдь бы не слушали» ... А чтобы не навлечь на себя никакихъ подозрѣній Порты, правительство рекомендуетъ гр. Вейсбаху, въ случаѣ неприбытія отъ Милашевича посланнаго, своего офицера не посылать къ запорожцамъ, „дабы оная присылка въ другой и въ противной образъ истолкована быть не могла“.

По принятіи всѣхъ вышеизложенныхъ предосторожностей и по осмотрѣ агою мѣстности, гр. Вейсбаху предписывается послать отвѣтъ пашѣ бендерскому съ увѣреніями въ намѣреніи правительства сохранять вѣчный миръ и т. д., и какъ на особенное доказательство искренности и несомнѣнности этихъ увѣреній сослаться на то, что «вы для лучшаго увѣренія Портѣ (въ томъ, что никакой крѣпости не строится) не благоразсуждаете отъ себя туда человѣка послать, дабы Портѣ толь вѣрнѣе быть могло, когда ихъ посланный одинъ и самъ о томъ засвидѣтельствовать имѣетъ. Все вышеписанное — говорится въ

указѣ—разумѣется въ томъ случаѣ, когда оные запорожцы ни черезъ какіе способы къ переходу въ нашу границу преклонны быть не могутъ».

Правительство надѣялось на успѣхъ своего «генеральнаго отвѣта». Вышеписанный генеральный отвѣтъ можетъ Портѣ въ удовольствіе служить, понеже Мы объявляемъ, что Мы ни въ какія мѣста вступаться не намѣрены, которыя Портѣ принадлежатъ, въ чемъ и тѣ мѣста, гдѣ нынѣ запорожцы селятся, разумѣтися могутъ; а между тѣмъ получаемъ время, чтобы ихъ, запорожцевъ къ добровольному переходу въ наши границы какимъ ни на есть образомъ склонить, или такія иныя мѣры въ томъ предвоспріять, какъ по коньюнктурамъ и поступкамъ турецкимъ наисходнѣйше будетъ».

Предусматривая тотъ случай, когда бы «оные запорожцы тому отъ Порты присланному что лишнее и ненадобное объявлять стали», правительство, руководясь цѣликомъ принципами макіавелліевской политики, даетъ такую ноту гр. Вейсбаху: «понеже то (лишнее и ненадобное) не въ присутствіи Вашего посланнаго чинится, того ради Мы съ нашей стороны, смотря какъ нужда того востребуетъ, всегда отъ того отговориться въ состояніи будемъ».

Въ доношеніи отъ 13 сентября гр. Вейсбахъ увѣдомлялъ правительство о томъ, что «прибывшій къ нему атаманъ Милашевича съ старшиною, по его, Вейсбаха, совѣту, склонилисъ и письменное обнадеживаніе дали, что ежели необходимая нужда отъ турковъ и къ нарушенію мирнаго трактата позоветъ, то въ такомъ случаѣ они перейти готовы, да и сверхъ того въ вѣрной службѣ и въ бытіи вѣчно въ подданствѣ присягою себя утвердили; за что онъ «и произвелъ имъ дачу денежную». Вполнѣ одобряя дѣйствія гр. Вейсбаха и соглашаясь съ проектомъ переѣзда запорожцевъ на новыя мѣста съ наступленіемъ весны въ видахъ удобства переѣзда при полой водѣ, а также и въ видахъ политическихъ, такъ какъ до весны «дѣла съ Портою откроются, и уже извѣстно будетъ, что отъ турковъ ожидать имѣемъ, а потому тогда и поступать возможно, правительство, въ своемъ указѣ отъ 12 октября, рекомендуетъ «во всемъ запорожцамъ надлежащее вспоможеніе учинить, яко-же и нынѣ; для утвержденія жъ ихъ въ вѣрности, сверхъ того, что уже отъ васъ (гр. Вейсбаха) дано, еще, по своему разсмотрѣнію, и другія дачи имъ производить можете, особливо Милашевичу и прочимъ старшинамъ, въ которыхъ наивящая сила состоитъ».

Ф. Матушевскій.

В. А. Богородицкій. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ села „Сушки", Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. *(Казань, 1901 г.) Стр. 11. in 8°.*

Авторъ названной брошюры, профессоръ Казанскаго университета, принадлежитъ къ школѣ ученыхъ лингвистовъ, требующихъ чрезвычайно точнаго, тонкаго и всесторонняго наблюденія надъ антропофоническимъ (физіологическо-акустическимъ) характеромъ звуковаго состава и строя изучаемой рѣчи, и набросанная имъ вкратцѣ характеристика одного изъ говоровъ, принадлежащихъ «къ украинскому нарѣчію малорусскаго языка», представляетъ тотъ особый интересъ, что она, по словамъ автора, показываетъ, «какъ украинско-малорусская звуковая система была воспринята ухомъ великоросса въ данномъ говорѣ». Затѣмъ, какъ это, повидимому, ни странно, но намъ приходится также отмѣтить, что наблюденія проф. В. А. Богородицкаго надъ малоруской рѣчью имѣютъ еще и ту цѣну, что онѣ преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и совершенно чужды тѣхъ узко-тенденціозныхъ воззрѣній на все малорусское, которыя, къ сожалѣнію, нынѣ такъ часто встрѣчаются уже въ средѣ не одних только польскихъ да мадьярскихъ ученыхъ. [1]) Изъ наблюденныхъ нашимъ почтеннымъ авторомъ звуковыхъ особенностей говора с. Сушковъ, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ восточнымъ говорамъ серединно-украинской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, слѣдующія. Въ области ударяемыхъ гласныхъ отмѣчены явленія слѣдующаго рода. Въ гласномъ *ы (и)*, соотвѣтствующемъ великорусскимъ

---

[1]) Подобными воззрѣніями отличаются у насъ, кромѣ филологовъ, также и спеціалисты по другимъ отраслямъ знанія. Недавно, напр., въ одной изъ большихъ Петербургскихъ газетъ напечатана характерная корреспонденція изъ Чернигова, въ которой авторъ, оффиціально занимающійся статистикой по Черниговской губерніи, смѣло заявляетъ, что онъ-де удивился, какъ черниговскіе хохлы будто-бы уже *„прекрасно* говорятъ по русски", и не нарадуется тому, что одинъ изъ такихъ хохловъ презрительно отозвался о своей родной рѣчи, сказавъ будто-бы, что „то наши дѣды говорили на порченномъ языкѣ (sic), мы же научились хорошо говорить". Здѣсь, кажется, достаточно ясенъ характеръ тѣхъ научныхъ и этическихъ критеріевъ, съ какими упомянутый корреспондентъ принялся опредѣлять явленія мѣстной народной жизни, и легко себѣ представить, какую научную цѣну могутъ имѣть его статистическія работы, касающіяся въ особенности данныхъ языковыхъ и этнографическихъ.

ороографическимъ *и* и *ы*, автору «слышалось узкое и тонкое *ы* съ легкимъ отмѣнкомъ *э*": т*ы*ᵊн, сыд*ы*ᵊть и т. п.[1]) Затѣмъ, малорусскій гласный, соотвѣтствующій великорусскому ороографическому *е* и относящійся, въ отличіе отъ великорусскаго, не къ ряду *і*, но къ ряду *ы*, по замѣчанію автора, «производитъ впечатлѣніе нѣсколько болѣе задняго сравнительно съ великорусскимъ *э*, представляя какъ бы параллель къ *ы*». Это э (*е*) у автора выражено буквой *ä*: ид*ä* (=ідé), сан*ä*й (=санéй) и т. п. Наконецъ, съ гласнымъ *ы*ᵊ, по наблюденію автора, также „гармонируетъ гласный *а*, который по мѣсту артикуляціи является менѣе заднимъ по сравненію съ великорусскимъ, какъ бы относясь къ ряду *ы*ᵊ"). Сверхъ этого, авторъ замѣтилъ, что ударяемый гласный *о* въ говорѣ Сушковъ «имѣетъ открытое произношеніе, т. е. подобно другому среднему гласному *ä*» (=*э*). Въ заключеніе такого рода характеристики ударяемыхъ гласныхъ изслѣдованнаго авторомъ малорусскаго говора, онъ замѣчаетъ, что все это „достаточно обрисовываетъ отличіе вокальной системы великорусской отъ малорусской, а также показываетъ физіологическую цѣльность и такъ сказать внутреннюю связность и гармоничность послѣдней. Очевидно,—говоритъ далѣе авторъ,—что великороссу, который бы пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой системѣ *артикуляціонныхъ укладовъ*". Затѣмъ авторъ прибавляетъ еще, что на него „иногда ударяемые гласные изучаемаго говора производили впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чужыᵊй".

Неударяемый вокализмъ Сушковскаго говора, въ свою очередь по словамъ автора, „не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ южно-великорусскихъ говорахъ: въ изслѣдуемомъ говорѣ встрѣчаемъ лишь рядъ легкихъ различій по степени открытости, въ соединеніи съ нѣкоторыми различіями высоты и силы. Распредѣленіе такихъ различій по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ отличается отъ общерусской рѣчи". По наблюденію автора, формула антропофоническаго строенія словъ въ изу-

---

[1]) Такое *ы* обозначено у автора сложнымъ знакомъ, котораго не приводимъ за неимѣніемъ въ типографіи подходящей буквы, а передаемъ его буквами *ы*ᵊ.

чаемомъ имъ говорѣ можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ, напр. для пятисложнаго слова *пóжэнúлыся*: [1])

V̀ | V̆ | V́ | V̆ | V̄̀

1 $^3/_4$ 2 $^3/_4$ $1^1/_2$

Между тѣмъ какъ относительная сила слоговъ «общерусской» рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ рядомъ

1—2—3—1—1

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то они выступаютъ всего болѣе при гласныхъ *о* и *е* (э) и, по замѣчанію автора, оттѣнки этихъ гласныхъ «модифицируются еще вліяніемъ гармонической ассимиляціи, играющей существенную роль въ малорусскомъ неударяемомъ вокализмѣ». Такъ, авторъ находитъ, что, напр., въ словѣ *боло́то* наиболѣе широкимъ или открытымъ является *ò* ударенный слога *ло́*, затѣмъ слѣдуетъ послѣударенный конечный *о* въ слогѣ *то*, между тѣмъ какъ *о* предударнаго слога *бо* производитъ впечатлѣніе узкаго или закрытаго. Замѣтимъ при этомъ, что узкое предударное *о*, а также *ьо* (*ё*) изъ *е* во многихъ украинскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно передъ небными слогами и слогами съ узкимъ гласнымъ) переходятъ даже въ *у* (и *ю*): п*у*жáр, б*у*дя́к, м*у*гыла, м*у*рдувáты, н*у*чувáты, г*у*лýбка, з*у*зýлька, к*у*мý, ч*у*хрáты, ч*у*мý, ш*у*лудúвый, *ю*мý, *юлу*мóк, Ювхы́м (Евфимій) и т. п. (вм. п*о*жáр, б*о*дя́к, м*о*ги́ла, м*о*рдувáты—изъ м*о*рдовáты, н*о*чувáты—изъ н*о*човàты, г*о*лýбка, з*о*зýлька, к*о*мý, ч*о*мý, ч*о*хрáты, ш*о*лудúвый, ё*м*ý, ё*ло*мóк; Йовхы́м), въ чемъ нельзя не видѣть въ большинствѣ случаевъ дѣйствія регрессивной гармонической ассимиляціи. [2]) Но съ другой

[1]) Въ приводимой формулѣ V обозначаетъ гласный слогъ, ´ передаетъ главное удареніе, ` —побочное удареніе, ˘ — краткость, ¯ — длительность гласнаго, | — дѣленіе слова на слоги, *цифры*—относительную силу слоговъ.

[2]) Впрочемъ *у* изъ *о* возможно также и въ послѣударенныхъ слогахъ, при томъ не только при наличности узкаго ассимилирующаго гласнаго въ сосѣднихъ слогахъ: при бі*лу*му, у нá*шу*му, на сын*ю*му и т. п. (вм. при білому, у нашому, на сынёму), но и при совершенномъ отсутствіи таковаго: зá*лу*б, пá*ру*бок, мá*чу*ха, кá*чу*р и т. п. (вм. зáлоб, пáробок, мáчоха, кáчор.).

стороны, по наблюденію автора, подъ вліяніемъ того же фактора (гармоническаго уподобленія) предударное *о* часто представляетъ также меньшую закрытость, напр. въ случаѣ *лоша́*. [1]) Къ этому можно прибавить случаи, когда въ украинскихъ говорахъ предударное *о* подъ дѣйствіемъ соотвѣтствующей ассимиляціи до такой степени расширяется, что переходитъ даже въ *а*: *бага́тый*, *гара́зд*, *кажа́н* или *хажа́н*, *кара́лі*, *ганча́р*, *халя́ва*, *паламáр*, *помага́ты* и т. п. (вм. *бога́тый*, *гора́зд*, *кожа́н*, *кора́лі*, *горнча́р*, *холя́ва*, *пономáр*, *помога́ты*).

Что касается характера украинскаго неударенваго *э* (е), то и въ немъ отмѣчены авторомъ оттѣнки открытости и закрытости, аналогичные съ оттѣнками *о*. Самый широкій или открытый *э* (*е*), изображаемый буквою *ä*, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ случаѣ ударенности его, особенно въ конечномъ открытомъ слогѣ *санäй*, *идä* и т. п. Неударенный же *э* (*е*) представляетъ слѣдующую за ударенымъ ступень открытости *послѣ ударенія* въ конечномъ открытомъ слогѣ: *ка́жä* (кажэ), а засимъ—въ закрытомъ слогѣ: будэш. Хотя, на нашъ взглядъ, въ послѣднемъ случаѣ *э* (*е*) настолько уже узко или закрыто въ украинскихъ говорахъ, что часто имѣетъ оттѣнокъ *ы* (*и*) или *і* и даже переходитъ въ произношеніи въ эти звуки: бу́дыш, ка́жыш, а также бігайіш, чыта́йіш и т. п. «Далѣе,—по словамъ автора,—идутъ слоги *передъ удареніемъ*, гдѣ гласный принимаетъ уже нѣсколько узкій характеръ, напр. ведä. Но—добавляетъ онъ—въ этомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на сильное вліяніе гармонической ассимиляціи къ слѣдующему слогу», въ силу которой, по наблюденію автора, въ говорѣ с. Сушковъ предударное *э* (*е*) бываетъ шире въ словахъ въ родѣ пэчэ́, прожэнэ́=*пäчä*, *прожäнä*, но у́же въ лэжы́ть, пэсу́ть, при чемъ могутъ даже смѣшиваться впечатлѣнія отъ *э* (*е*) и *ы* (*и*), какъ напр. сыділы и сэділы. Засимъ, по замѣчанію автора, бо́льшей узкости гласнаго *э* (*е*) передъ удареніемъ благопріятствуетъ закрытость слога, при чемъ однако дѣйствіе этого фактора соединено съ вліяніемъ гармонической ассимиляціи, отсюда, напр., вэрству́, но *дäржа́в*. Намъ не приходилось наблюдать говора села Сушковъ и потому мы ничего не можемъ сказать о замѣченныхъ въ немъ авторомъ нюансахъ неудареннаго *э*

---

[1]) Приведенный у автора примѣръ *воша́* (вошь), съ удареніемъ на *а* представляетъ слишкомъ рѣдкую форму: обыкновенно въ этомъ словѣ удареніе бываетъ на *о*: *во́ша*.

(*e*). Но въ другихъ ближайшихъ къ нему украинскихъ говорахъ мы не замѣчали особенно сильнаго вліянія на то или иное произношеніе предударнаго *э* (*е*) какъ закрытости или открытости слога, такъ и гармонической ассимиляціи къ слѣдующимъ широкимъ или узкимъ слогамъ, а вообще предударное *э* (*е*) въ этихъ говорахъ при всякихъ условіяхъ имѣетъ болѣе или менѣе узкій характеръ, склоняющій его не къ *а*, а къ *ы* (*и*) въ разныхъ степеняхъ, такъ что можно даже часто послышать, напр.: пычэ́, прожывэ́, вырству́ и т. п., вм. пэчэ́, прожэвэ́, вэрству́, наравнѣ съ лыжы́ть, нысу́ть, дыржа́в и т. п., вм. лэжы́ть, нэсу́ть, дэржа́в. Что касается произношенія сыділы и сэділы, то надо замѣтить, что въ украинскихъ говорахъ вообще предударное *ы* (*и*), а также и послѣударенное, въ свою очередь, довольно часто склоняется въ произношеніи къ *э* (*е*): бэлы́на, бэндю́г, кэрны́ця и крэны́ця, лэлі́я, лэбо́нь, мэзы́нэць, мэна́ты, пэлы́нка, пэрі́г, Пэлы́п, рэжі́й, рэпі́ты, сэрівэ́ць, сэроты́на, Тэмко́ и Тэмы́ш, тэрлы́ч, цэбу́ля, чэря́к, шэпшы́на, а также вы́лэняты, вы́пэтаты и т. п., вм. и рядомъ съ былы́на, бындю́г, кырны́ця и крыны́ця, лылі́я, лыбо́нь, мызы́нэць, мына́ты, пылы́на, пырі́г, Пылы́п, рыжі́й, рыпі́ты, сырівэ́ць, сыроты́на, Тымко́ и Тымы́ш, тырлы́ч, цыбу́ля, чыря́к, шыпшы́на, вы́лыняты, вы́пытаты. Вообще можно сказать, что украинскіе (и вообще южнорусскіе) неударенные гласные *э* (*е*) и *ы* (*и*) въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносятся почти одинаково, представляя звукъ средній между тѣмъ и другимъ гласнымъ.—«Въ тѣсной физіологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ—по утвержденію автора—находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различіе малорусскаго гласнаго ы^{э} отъ великорусскаго *ы*, таково же различіе и твердаго произношенія согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ». Если, напр., великорусское твердое *т* является съ вокальнымъ призвукомъ *ы* ($т^{ы}$), то соотвѣтствующее ему малорусское *т* будетъ съ призвукомъ $ы^{(и)}$ ($т^{ы(и)}$), то есть съ вокальнымъ элементомъ болѣе узкимъ и тонкимъ, чѣмъ великорусское *ы*. Поэтому

$$влр.\ т : млр.\ т = влр.\ ы : млр.\ ы^{и}.$$

„Такимъ образомъ—говоритъ далѣе авторъ—система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соотвѣтствующихъ великорусскихъ, являясь нѣсколько болѣе средне-язычною„. Изъ част-

ностей авторъ отмѣтилъ существованіе въ малорусскомъ яз. твердыхъ и мягкихъ *ж*, *ш* и *ц* [1]), въ отличіе должно быть отъ великорусскихъ *ж ш* и *ц*, въ подавляющемъ большинствѣ говоровъ имѣющихъ только болѣе или менѣе твердое произношеніе.—При этомъ нашъ почтенный изслѣдователь замѣчаетъ, что и «твердые *ш* и *ж* не совпадаютъ съ соотвѣтствующими твердыми великорусскими согласными, отличаясь отъ послѣднихъ" болѣе небнымъ характеромъ своего вокальнаго аккомпанимента, т. е. „они не столь тверды; напр. *ш*апка, м*ó*ж*у". Къ сожалѣнію, однако, мы не знаемъ, какое отличіе нашелъ бы авторъ между великорусскими и малорусскимъ *ш* и *ж* въ случаяхъ сочетанія ихъ съ *и* а также съ *е*, когда и въ великорусскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ, эти согласные признаются въ произношеніи не мягкими, а твердыми [2]), напр. говорится какъ бы пи*шы́* (вм. пи*ши*), но*жы* (вм. но*жи*), *жы*ла (вм. жила), а также *шэ*пта́ть (вм. *ше*пта́ть), мо́*жэ*тъ (вм. мо̀*же*тъ) и т. п. Намъ кажется, что въ соотвѣтственныхъ случаяхъ малорусскіе *ш* и *ж* гораздо тверже великорусскихъ; ср., напр., малорусскіе пы*шы́*, *жы́*ла, *шэ*пта́ты, мо́*жэ* и т. п. Кромѣ сказаннаго, почтеннымъ ученымъ нашимъ отмѣчена также общеизвѣстная характерная черта малорусскаго консонантизма, что звонкіе согласные сохраняютъ свою звонкость въ концѣ словъ и передъ глухими согласными: ра*д*, мэрэ́*ж*ка и т. п. Изъ частностей охарактеризованъ между прочимъ малорусскій губной *в*, не переходящій въ *ф*, но въ *w* (ў). Въ случаяхъ, однако, какъ проп*ы́в*, ж*о́в*тый, Са*в*ка—*ив*, *ов*, *ав* авторъ не считаетъ дифтонгами (т. е. *ы*ў, *о*ў, *а*ў), но Voc.+Cons. По нашимъ наблюденіямъ, въ подобныхъ случахъ возможно двоякое произношеніе: и *ыв*, *ов*, *ав* и *ы*ў, *о*ў, *а*ў.—

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы нашъ почтенный ученый не ограничился разсматриваемымъ этюдомъ, а продолжалъ и далѣе свои интересныя наблюденія и изслѣдованія въ области малорусской фонетики въ данномъ направленіи. Намъ кажется, что надлежащее изученіе антропофоники современной южнорусской рѣчи въ значительной степени поспособствовало бы уясненію многихъ доселѣ

---

[1]) Напр., въ случаяхъ, каковы *жы*ты и *жі*нка, *шы*ты и *ші*сть, *цы*буля и *ці*лый и т. п.

[2]) См., напр., объ этомъ въ книгѣ нашего автора „Очерки по язы дѣнію и русскому языку". Казань 1901 г. стр. 87, 88.

неворѣшенныхъ вопросовъ ея исторической фонетики, въ родѣ, напр., вопроса о переходѣ, очевидно, издревле открытаго неударенпаго *е* въ *а* (*я*) въ началѣ словъ послѣ j, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ срединѣ словъ въ слогѣ предъ удареніемъ и послѣ ударенія, напр.: ялы́на (ель), Явдо́ха (Евдокія), Яре́ма (Еремія) и т. п., а также чабе́р (вм. чэбэ́р), часны́к (вм. чэсны́к или чосны́к), щабе́ль (вм. щэбэ́ль) и т. п. и хва́ляный (вм. хва́лэный), во́дяный (вм. во́дэный), ве́сяный (вм. ве́сэный). [1]) и т. п.; затѣмъ вопроса о первоначальныхъ переходахъ во вторичныхъ закрытыхъ слогахъ удлинившихся и очевидно сузившихся при этомъ гласныхъ: долгаго *о* или *оо* въ дифтонги *уо*, *уэ*, *уы* и т. д.: Боог, Буог, Буэг, Бýыг—Богу (рѣка Бугъ); долгаго *е—ьо* въ дифтонги *іе—іо, ьоо, юо, юе, юі* и т. д.: ніес, ніос, ньоос, нюос, нюес, нюіс—нэ́сти; долгаго *е—ѣ²* въ дифтонги *ее, іе* и т. д шеесть, шіесть—шэсты́; а также и многихъ другихъ подобнаго рода вопросовъ.

К. Михальчукъ.

3 Мая 1901 г.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т.т. XXXIX, XL и XLI. *Львів, 1901, (I—III томи за 1901 рік).*

Первый изъ упомянутыхъ томовъ посвященъ памяти А. Конисскаго, послѣдняго изъ основателей Товариства ім. Шевченка, его почетнаго и дѣйствительнаго члена. Открывается онъ статьей М. Грушевскаго „*Памяти Олександра Кониського*", авторъ которой ярко характеризуетъ значеніе покойнаго въ исторіи украинской культурной жизни, въ особенности—Галиціи, и въ то же время даетъ оцѣнку личныхъ качествъ его. Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи покойнаго А. Конисскаго. Первая—„*Недруковані поезиї Т. Г. Шевченко*": Подражаніе Іезекиілю (глава 19), „Возстань нророче, сыне Божий! „(помѣч. 6 дек. 1859), N.N. „О думы мои, о слава злая" и часть поемы „Юродивий",—послѣдняя написана собственноручно Шевченкомъ,—по пред-

---

[1]) Впрочемъ на появленіе въ послѣднихъ случаяхъ *я* вм. *е* вліяла несомнѣнно также и аналогія однородныхъ формъ, въ родѣ склад*а*ный, пыс*а*ный, чыт*а*ный и т. п.

положенію Конисскаго, въ Нижнемъ Новгородѣ. Что касается стихотворенія NN „О думы мои, о слава злая!“, то относительно принадлежности его Шевченку можно сомнѣваться,—хотя оно и стоитъ въ тетради между *несомнѣнными* произведеніями Шевченка...

Вторая статья—„*Варіянти на декотрі Шевченкові твори*“,—окончаніе статьи, подъ тѣмъ же заглавіемъ начатой въ XXXIII томѣ. Въ данномъ случаѣ сообщены разночтенія для 60-ти большихъ и меньшихъ произведеній Шевченка, представляющія цѣнный матеріалъ для будущаго критическаго изданія „Кобзаря“.

Въ томъ же томѣ помѣщена еще обширная статья Ол. Колессы „*Погляд на сучасний стан історичних розслідів українсько-руської літератури. Найдавнійший период. Кілька проблем і дезідератів*“, рефератъ, читанный въ литературной секціи съѣзда историковъ въ Краковѣ въ 1900 году.

Коснувшись по порядку всѣхъ произведеній древнерусской письменности съ XI—XIV ст., авторъ приходитъ къ тому выводу, что „литература оригинальна, изъ проблысками высокои поетычнои творчосты, изъ закраскою беллетрыстычною—була въ давнимъ перыоди выключнымъ вытворомъ пивденноруськыхъ племенъ“,—другой литературы въ то время на Руси не было. Потому-то и „общность“ этой литературы на Руси заключалась въ томъ, что сѣверная Русь, не имѣя въ то время собственной литературы, переписывала и передѣлывала произведенія южно-русскія и вообще использовала ихъ настолько, насколько позволяли состояніе ея образованности и духовныя нужды отдѣльныхъ областей.

Въ томѣ XL помѣщены три статьи: небольшая статейка Доманицького „*Причинок до історії повстання Наливайка*“, содержащая вновь открытый документъ, свидѣтельствующій о близкихъ сношеніяхъ Наливайка съ Галицкимъ подчашимъ Тарановскимъ и отчасти объ отношенія къ Калиновскому; статейка Юрія Кміты „*1848 рік і Львівська руська духовна семінария*“, составленная на основаніи корреспонденціи ректора и митрополичьей консисторіи по дѣлу о событіяхъ 1848 года и участіи въ нихъ, теоретически и практически, питомцевъ семинаріи,—между прочимъ и извѣстнаго Наумовича, и наконецъ обширное изслѣдованіе Івана Верхратскаго, „*Знадоби для пізнаня угорскоруских говорів*: *Говори з наголосом сталим* (говоръ западноугорскихъ Лемакивъ). Матеріалъ собранъ авторомъ въ 1897 и 1899 году въ 36 пунктахъ западной Угорщины и расположенъ имъ

въ статьѣ такъ, что даетъ возможность прослѣдить всѣ грамматическія особенности (въ данной части статьи). Статья г. Верхратскаго, какъ и предыдущія его статьи (въ Запискахъ же), представляютъ въ высшей степени цѣнный и интересный для лингвистовъ матеріалъ.

Въ послѣднемъ (XLI) томѣ помѣщено два солидныхъ изслѣдованія. Первое принадлежитъ М. Грушевскому и носитъ заглавіе „*Хронольоґія подій Галицько-волинської літописи.*" Авторъ задался благодарной цѣлью составить, на основаніи матеріала, собраннаго при изученіи Галицко-волынской лѣтописи, пособіе, облегчающее пользованіе упомянутой лѣтописью. Это пособіе онъ составилъ въ формѣ таблицъ съ комментаріями, въ которыхъ каждая дата обстоятельно обоснована. Собственно, въ началѣ приводятся выводы датъ, а затѣмъ таблица, какъ ихъ результатъ. Въ концѣ статьи приведена хронологическая таблица событій, отмѣчаемыхъ галицко-волынской лѣтописью. Конечно, при выводѣ датъ не всегда можно было прійти къ окончательному рѣшенію, поэтому авторъ ограничивается приблизительнымъ выводомъ, съ сомнѣніемъ до одного года. Различныя степени достовѣрности и несомнѣнности датъ обозначены на таблицѣ различнымъ шрифтомъ и знаками.

Несомнѣнно, данный трудъ почтеннаго автора станетъ незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго, кто только будетъ обращаться къ пользованію Галицко-Волынской лѣтописью.

Второе изслѣдованіе, выдающееся въ научномъ отношеніи и принадлежащее д-ру Івану Франку,—носитъ заглавіе: «*Студиї на полі Карпато-руського письменства XVII—XVIII в. I. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкритэ Тибету.* Авторъ, углубившись въ далекое прошлое, въ міръ классическій, и затѣмъ постепенно приближаясь къ нашему времени, массою указаній и ссылокъ на произведенія древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, ссылокъ, свидѣтельствующихъ о глубокихъ познаніяхъ почтеннаго автора въ этой области, довелъ преемственную нить литературныхъ наслѣдованій до XVIII в.—именно къ произведенію, открытому въ сѣверной Угорщинѣ въ 1899 г. подъ заглавіемъ: «**Ѡ Тибетѣ или ѡ новоѕнайденом свѣтѣ въ Азїи, ѕападней части свѣта**". Такъ какъ въ этомъ произведеніи, составленномъ туземцемъ—русиномъ, замѣтны книжныя вліянія, благодаря чему въ немъ фигурируетъ Попъ Иванъ (средневѣковый царь Индійскій), авторъ въ особености подробно останавливается на тѣхъ

литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ упоминается объ этомъ Попѣ, и слѣдитъ за путями распространенія въ Европѣ этого мотива.

Изслѣдованія уважаемаго автора, по поводу малозначительнаго, повидимому, литературнаго памятника, открывающее читателю необычайно широкіе горизонты, заслуживаетъ особаго вниманія не только спеціалистовъ-историковъ литературы, но и всякаго, желающаго почерпнуть новыя интересныя свѣдѣнія въ области исторіи литературы.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» помѣщены 1) «Вірша еп. Й. Шумлянського про надії 1683—1686 рр.»—по поводу побѣды Яна Собѣсскаго подъ Вѣной. Часть этой вирши помѣщена въ II. т. Величка (стр. 536); въ полномъ же видѣ она оказывается у Żegota Pauli, т. I, стр. 148—154. 2) «Сотворенне жінки» (пародія)—о созданіи «жинкы» изъ собачьяго хвоста. 3) „З минувшини м. Мостискѣ»—документъ короля Яна III—фундушъ на церковь въ Мостискахъ 4) „Нові причинки до історії вірші на Вкраїні—двѣ пѣсни XVIII ст.: Розмова Мазура зъ Русиномъ и Пѣснь о св. Михаилѣ"; 5) «Вірша про Каньовскаго», записанная въ Радзивилловѣ Ольгой Франко, приближается по темѣ къ разсказу А. Стороженка «Голка». 6) „Питомець-агітаторъ"—протоколъ, составленный въ 1849 г. по поводу обвиненія воспитанника Семинаріи Івана Липового въ томъ, что онъ агитировалъ среди крестьянъ за то, чтобы послѣдніе не отбывали барщины, т. к. она уже уничтожена. Судъ, въ виду недостаточности уликъ, оправдалъ Липоваго. Въ отдѣлѣ „Наукова Хроніка" по обыкновенію въ высшей степени богатый матеріалъ: обзоръ журналовъ, газетъ,—обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и науки за 1899 г. (средніе и новые вѣка).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 6 и 7; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; Вѣстникъ Европы, № 6; 7) Русская Мысль, № 6; 8) Научное Обозрѣніе, № 6; 9) Міръ Божій, № 6 и 7; 10) Кіевскія Университетскія Извѣстія,

№ 5; 11) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 3 и 4; 12) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 13) Этнографическое Обозрѣніе, № 2; 14) Книжки Восхода, № 5; 15) Ateneum, № 6; 16) Slovansky Přehled, № 9 и 10; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 6;

Русскій Архивъ, № 6 и 7.

Къ исторіи театра въ Юго-Зап. краѣ.

1) *Черниговскія афиши* 1828 г. (перепечатка изъ «Сѣверной Пчелы» 1828 г. афиши любительской русской труппы Клокоцкаго) № 6, стр. 244—245).

2) *Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX ст.* (выписка изъ «Дамскаго журнала»). Описаніе тамошняго театра въ то время (№ 6, стр. 244—245).

С. Кедровъ. Древне-русскія братства. Литература предмета.—Идея братства.—Славяно-германская братчина.—Вліяніе христіанства.—Западно-европейскія гильдіи.—Отличіе отъ нихъ русскихъ братствъ.—Древне-русскій приходъ.—Его вліяніе на воспитаніе личности.—Развитіе западно-русскихъ братствъ.—Ихъ устройство.—Средства религіозно-нравственнаго воспитанія.—Юношескія братства.—Живые примѣры вліянія братскихъ союзовъ.—(№ 7, стр. 305—336).

Русская Старина, № 6 и 7.

Въ № 6-мъ *А. Мёрдеръ* помѣстилъ двѣ маленькія замѣтки. Одна изъ нихъ сообщаетъ фактъ о томъ, какъ въ 1864 году генералъ-губернаторъ юго-западнаго края сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мировые посредники, подъ опасеніемъ удаленія со службы, не являлись къ исполненію обязанностей въ неприсвоенной званію одеждѣ, которая, какъ стало ему извѣстно, состояла изъ красной рубахи, широкихъ шароваръ, длинныхъ сапогъ, а сверхъ рубахи что-то въ родѣ армяка или малороссійской свитки. Объ образѣ мыслей и направленіи подобныхъ чиновниковъ приказано было собирать негласно свѣдѣнія. Другая замѣтка относится въ 1843 году, когда въ Чигиринскомъ уѣздѣ благочинный доносилъ митрополиту о томъ, что въ м. Медвѣдовкѣ, вопреки распоряженію начальства, продолжаетъ существовать «жидовское кладбище между домами жителей христіанъ», и что «тамошніе евреи продолжаютъ на озваченномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и отправлять предъ ними свои молитвы» (стр. 496).

Въ этой же книжкѣ напечатано высочайшее повелѣніе 1817 года о томъ, что въ виду тягостнаго положенія малороссійскихъ козаковъ, поселенныхъ на границѣ Донского войска съ Кавказской губерніей, позволяется изъ всѣхъ станицъ войска донского отдѣлить 300 семействъ и приселить ихъ къ малороссійскимъ козакамъ, чтобы они могли совмѣстно отправлять повинности (стр. 641).

А. Мердеръ. Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ крестьянахъ. (№ 7, стр. 110).

О взысканіи съ помѣщиковъ за наказанія крестьянъ—приказъ генер.-губернатора губернаторамъ 16 ноября 1846 г.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго. Письмо 19. *К. Л. Лохвицкій—А. Х. Чеботареву* (19 янв. 1830 г. Кіевъ).

Біографическія данныя о диллетантѣ—археологѣ Лохвицкомъ, открывшемъ въ 1824 г. въ Кіевѣ Золотыя ворота, остатки Десятинной церкви и проч. (№ 7, стр. 175—178).

—

Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» дается коротенькое сообщеніе о диспутѣ Д. И. Эварницкаго въ Казанскомъ университетѣ, въ который имъ была представлена диссертація на степень магистра русской исторіи подъ заглавіемъ „Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. 1-й, 2-е изд. М. 1900“. Въ сообщеніи этомъ указана кратко сущность возраженій, сдѣланныхъ оппонентами (№ 6, стр. 1212).

К. Кодинецъ. Одна изъ кавказскихъ драмъ (№ 7 стр. 76—103). Разсказывается о драмѣ въ семьѣ бывшаго запорожца Хоменка, павшаго въ первой половинѣ XIX ст. въ борьбѣ съ черкесами.

И. Павловскій. Историческая могила (№ 7 стр. 267—269). Описаніе могилы—кургана, съ крестомъ на ней, близъ с. Пришиба, Полтавской губ., въ которой, будто бы, похоронены воины, павшіе 30 іюня 1709 г. Крестъ сооруженъ крестьянами с. Келеберды.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 314—316) данъ отзывъ о книгѣ проф. П. Жуковича «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 года). Спб. 1901».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (№ 7, стр. 377) помѣщенъ некрологъ Л. Н. Омелянскаго, педагога и писателя, уроженца Волынской и воспитанника Кіевской губерніи.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» помѣщенъ отзывъ *А. Соболевскаго* о книгѣ *В. Перетца* «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I й въ 2-хъ частяхъ». СПБ. 1900 г., въ которой очень много мѣста удѣлено малорусской виршевой и народной поэзіи (стр. 517—524).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

М. Б. Довнарь-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе: стр. 367—411). Въ настоящей, 4-ой, главѣ разсматривается рядъ явленій финансовой исторіи Литовско-Русскаго государства, при чемъ на первой очереди стоитъ вопросъ о *косвенныхъ налогахъ*, которые къ половинѣ 16 вѣка стали усиленно повышаться. Опредѣливъ вначалѣ общую тенденцію въ этомъ отношеніи, авторъ затѣмъ разсматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинахъ.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799). (Продолженіе) (№ 6, стр. 211—243). Въ настоящей 4-ой, главѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ съ воцареніемъ Павла Петровича усилилась пропаганда уніатскаго и католическаго вѣроученія, а въ связи съ этимъ начались притѣсненія православнаго духовенства со стороны польскихъ помѣщиковъ въ южной и западной Руси. Указано также, какія мѣры принималъ митр. Іероѳей противъ этихъ притѣсненій.

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Русскіе буры (стр. 165). Перепечатка изъ «L'indépendance belge» за 1901 г. о русскихъ бурахъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынск. губ. и пограничномъ съ нимъ Брестъ-Литовскомъ, Гродненской губ.

—

Книжки Восхода № 5 и 6.

И. Бродовскій «Еврейская нищета въ Одессѣ». (№ 5-й, стр. 42—70; № 6-й, стр. 73—94). Въ этой интересной статьѣ авторъ знакомитъ насъ съ бѣдственнымъ положеніемъ неимущаго еврейскаго

населенія въ Одессѣ, котораго насчитывается до 50 тысячъ (изъ 150 тысячъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ этомъ городѣ). Матеріалы для статьи заимствованы изъ данныхъ, имѣющихся въ коммиссіи по раздачѣ пособій бѣднымъ евреямъ въ Одессѣ. Коммиссія эта состоитъ изъ нѣсколькихъ почетныхъ еврейскихъ гражданъ, избираемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, и 20 лицъ привлекаемыхъ коммисіей въ качествѣ сборщиковъ пожертвованій, а также изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейской учащейся молодежи, являющихся сотрудниками по сбору пожертвованій и раздачѣ пособій бѣднякамъ. Осмотръ помѣщеній и регистрированіе нищеты этой коммиссіей и составили матеріалъ для данной статьи г. Бродовскаго.

—

Ateneum, № 6.

Въ этой, не въ примѣръ прочимъ, очень объемистой книжкѣ Ateneum'а, заканчивающаго свое служеніе литературѣ, помѣщена статья *А. Брикнера* «Z dziejów literatury i oswiaty w Rossyi» (стр. 911—951). Статья написана по поводу извѣстнаго труда А. Пыпина «Исторія Русской литературы, въ 4-хъ томахъ». Давши въ началѣ хвалебную характеристику всѣхъ трудовъ и личности нашего почтеннаго ученаго, авторъ статьи дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ всего характернаго въ жизни и литературѣ русскаго народа, начиная отъ древнѣйшихъ временъ, при чемъ останавливается, конечно, и на фактахъ культурной жизни Южной Руси.

—

Slovanský Přehled, № 9 и 10.

Сообщеніе о юбилеѣ А. М. Кулишъ (№ 9, стр. 442).

Въ отдѣлѣ «Umĕni vĕda» (№ 10) (стр. 503) данъ отзывъ объ изданіи «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шукевич. Перший том, Львів, 1900».

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Dionisy Zalesky. Korespondencya Bohdana Zaleskiego (стр. 466—467). Въ письмѣ отъ 19 февр. 1859 г. Францишку Духинскому упоминается о встрѣчѣ 25 лѣтъ тому назадъ, Залескаго, Мицкевича и Гоголя. Разсуждали о финскомъ элементѣ въ этнографическомъ типѣ великоросса. Гоголь по этому поводу написалъ и прочелъ имъ статью, въ которой, путемъ сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, серб-

скихъ, украинскихъ съ великорусскими, доказывалъ бьющую въ глаза разницу духа, обычаевъ и характера великороссовъ и другихъ вѣтвей славянскаго племени.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ" помѣщена статья г-жи Русовой по вопросу о народномъ языкѣ въ школѣ.

Заимствуемъ эту статью въ извлеченіи изъ „С.-Пет. Вѣд.": Многія земскія работы, монографіи и доклады давно указывали на печальныя недоразумѣнія, возникающія постоянно въ народныхъ школахъ Малороссіи отъ непониманія первыхъ словъ въ первой книжкѣ для чтенія. Такъ, учителя Полтавской губерніи прямо заявляютъ о трудности усвоенія для учащихся малороссовъ литературнаго русскаго языка; даже для окончившихъ совершенно недоступно чтеніе великорусскихъ писателей. Тоже самое говорятъ учителя Черниговской губерніи. Въ разное время южно-русскія земства возбуждали ходатайства о допущеніи въ мѣстную народную школу мѣстнаго народнаго языка и учебниковъ, лучше принаровленныхъ къ мѣстной жизни и обстановкѣ. Объ этомъ послѣднемъ (т. е. объ учебникахъ) постановило ходатайствовать полтавское губернское земское собраніе послѣдней сессіи, въ декабрѣ 1900 г. Тогда же выступило и черниговское губернское земское собраніе съ докладомъ гл. Шрага о народномъ языкѣ для первоначальнаго преподаванія; докладъ этотъ выражаетъ не единоличное мнѣніе одного гласнаго; онъ повторяетъ заключенія школьной комиссіи, работавшей надъ этимъ же вопросомъ при черниговскомъ губернскомъ земствѣ еще въ 1881 г.; эти заключенія, указывая многія слабыя стороны тогдашней школы, развиваютъ именно ту совершенно правильную мысль, что для пользы народнаго просвѣщенія необходимо, чтобы „при организаціи школъ были приняты во вниманіе какъ этнографическія особенности населенія, при рѣшеніи вопроса, на какомъ языкѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы, при составленіи матеріала для учебныхъ книгъ"; при этомъ комиссія высказалась, что обученіе на такомъ языкѣ, „который не

употребляется въ семьѣ учащихся и не всегда въ подробностяхъ имъ понятенъ, приводитъ къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства, устанавливаетъ извѣстный разладъ между семьей и школой и увеличиваетъ въ мѣстности тотъ вредъ полуобразованія, который отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьѣ и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполнитъ ихъ новымъ содержаніемъ. Устранить этотъ недостатокъ можно только тѣмъ, по мнѣнію комиссіи, чтобы поставить литературный языкъ не какъ средство, а какъ цѣль элементарнаго образованія, такимъ образомъ, чтобы ученики, начиная обученіе на понятномъ во всѣхъ оттѣнкахъ языкѣ, постепенно и сознательно доводились до разумнаго знанія языка литературы и государства". Гл. Шрагъ сводитъ свои пожеланія къ тремъ пунктамъ: 1) ходатайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе Черниговской губ.; 2) о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ и 3) о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя библіотеки. Собраніе большинствомъ голосовъ постановило представить таковое ходатайство въ установленномъ порядкѣ.

Цитируя эту статью „С.-Пет. Вѣд." говорятъ: Дѣйствительно, глубоко страннымъ представляется положеніе дѣла, при которомъ къ малороссамъ не допускается даже Евангеліе на ихъ родномъ языкѣ, не допускаются популярныя брошюры по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи, чѣмъ населеніе лишается могучаго средства—науки для поднятія своего съ каждымъ годомъ падающаго благосостоянія. По этой же причинѣ изданія харьковскаго издательскаго комитета почти не распространяются въ сосѣднихъ малорусскихъ губерніяхъ, а идутъ въ Москву, Петербургъ, Саратовъ и другія отдаленныя мѣстности.

—

Въ № 157 „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" помѣщена обширная статья г. Воскресенскаго, посвященная разбору пьесы И. К. Карпенка-Карого „Сава Чалый". По мнѣнію автора, трагедія эта „отличается такимъ богатствомъ содержанія, глубиною и общечеловѣчностью его, что становится общимъ достояніемъ всеевропейской литературы, можетъ быть съ успѣхомъ переводима на всѣ языки, равно понятна для всѣхъ національностей, а потому и подлежитъ сужденію съ обще-литературной точки зрѣнія".

—

Въ № 10 журнала для дѣтей «Юный читатель» помѣщена статья Э. Пименовой «Малороссія и Малороссы» (Очерки родного края), въ которой сообщаются юнымъ читателямъ самыя общія, и нерѣдко наивныя, свѣдѣнія о Малороссіи и ея представителяхъ въ настоящемъ и прошедшемъ. Здѣсь встрѣчаются строки, изображающія малоросса поэтическимъ народомъ, который «любитъ полежать на зеленой травѣ, подъ вишневымъ или грушевымъ деревомъ, и слѣдить задумчивыми взорами за тѣмъ, какъ вздымается тоненькая струйка дыма изъ трубы его хатки и теряется въ прозрачномъ воздухѣ, или какъ плывутъ бѣлыя облачка по синему небу». Можно узнать, что малороссъ лѣнивъ, да и не удивительно: «ибо все ему достается безъ особаго труда» (!); «онъ живетъ и теперь большею частію такъ, какъ жили его прадѣды; потребности его не велики и хозяйство свое онъ ведетъ такимъ же *первобытнымъ* путемъ, какъ вели его праотцы»... Самое населеніе Украйны въ прошлыя времена, «состояло большею частью изъ безпокойныхъ бѣглыхъ людей, спасавшихся въ степяхъ Украйны отъ гнета и преслѣдованія» (откуда?). Затѣмъ говорится о Сѣчи, гдѣ также собирались бѣглые и недовольные люди... «Огромные огороды, которые въ Малороссіи называются «баштанамы», засаживаются превосходными дынями и арбузами»... Къ статьѣ приложено нѣсколько портретовъ: „Малороссіянка“ (дивчина), „Малороссъ“ (фигура Московскаго купца въ кафтанѣ, съ длинной волнистой бородой и трубкой съ невѣроятно длиннымъ чубукомъ), «Слѣпой Кобзарь» (съ картины Андріолли), Кобзарь передъ малороссійской хатой,— и наконецъ «Чумакъ на привалѣ» —что-то слишкомъ сентиментально-идиллическое, но никакъ не рисунокъ, похожій на дѣйствительность; вмѣсто чумацкаго воза, корыто на четырехъ колесахъ.

—

Въ № 9093 газ. «Новое Время» помѣщена корреспонденція нѣкоего А. Алексѣева „Варшава—Кіевъ“. Изобличивъ какъ въ томъ, такъ и другомъ городахъ еврейско-польскую интригу, акторъ переходитъ затѣмъ и къ «украинофильству»: «успѣшности иноплеменнаго натиска на Юго-Западный край, эту колыбель русской земли, и въ частности на Кіевъ съ его лаврой, Аскольдовой могилой, гробницами древне-русскихъ князей, много помогаетъ расколъ среди русскихъ, вызываемый увлеченіемъ многихъ кіевлянъ украинофильскими мечтаніями. «Батько Шевченко» не долюбливалъ «жида» и „ляха“, но ны-

нѣшніе украинофилы, главнымъ центромъ которыхъ является львовское „товарищество“ имени Шевченка, выставивъ его имя на своемъ знамени, соединились съ «жидомъ» и съ «ляхомъ» противъ «москаля». Во многихъ кіевскихъ интеллигентныхъ семействахъ теперь вошло въ моду говорить по-малорусски. А народъ? Я прислушивался къ народной рѣчи въ Кіевѣ. Бабы изъ деревень, правда, говорятъ преимущественно по-малорусски, но мужчины почти исключительно на общерусскомъ языкѣ, часто совсѣмъ безъ примѣси малорусскихъ словъ».

Всякія бываютъ корреспонденціи!

—

Въ №№ 159—162 „Gazeta Lwowska“ помѣщена статья Мих. Ролле „Pośmiertne peregrynacye pani Wojewodziny Kijowskiej“. На основаніи монастырскихъ документовъ Кристинополя, Тульчина и др. монастырей авторъ сообщаетъ интересный разсказъ о явленіяхъ души Анны Потоцкой, второй жены Францишка Салезія Потоцкаго, воеводы Кіевскаго (матери Станислава Щенснаго—Потоцкаго).

—

Въ № 196 газ. „Kurjer Lwowska“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Русинскій университетъ во Львовѣ“, авторъ которой вполнѣ сочувствуетъ идеѣ основанія во Львовѣ отдѣльнаго университета для русиновъ. „Русинскій университетъ во Львовѣ не грозитъ нашему (польскому) національному развитію, польской культурѣ... Въ интересахъ культурнаго развитія не только русиновъ, но и поляковъ, мы желаемъ русинскихъ культурныхъ институцій рядомъ съ таковыми же польскими“.

—

Въ № 170 и 172 «Харьковск. Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ разборъ пьесъ П. К. Тобилевича (Карпенка-Караго): «Хазяинъ» и „Мартынъ Боруля“.

—

Въ газ. «Югъ» (№ 955) помѣщенъ коротенькій отзывъ о двухъ брошюркахъ, изданныхъ „Петербургск. благотворит. обществ. изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа“—*О. Конысъкый* «Оповидання про Тараса Шевченка» и *Сергій Ваганові* «Розмова про сухоты на рогатій худоби». Похваливъ обѣ эти брошюры, рецензентъ останавливается далѣе на характеристикѣ дѣятельности названнаго общества.

—

Въ галицк. газетѣ «Дѣло» (№ 128 и 129) помѣщена маленькая статейка съ историческими справками о селѣ Наквашѣ, находящемся вблизи русско-австрійской границы. Преданія объ этомъ селѣ восходятъ чуть-ли не ко времени Владиміра Святого.

—

Въ «Полтав. Губерн. Вѣдом.» (№ 141) помѣщена большая замѣтка Л. Падалки подъ заглавіемъ «Древній городокъ близъ м. Старыхъ-Сенжаръ, Полтав. уѣзда». Подробно описана авторомъ вся эта мѣстность, называемая народомъ „Левадки", и самый «городокъ».

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Отъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Успѣхъ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ значительной степени обусловливается живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ къ нему населенія Харьковской губерніи, ибо нѣтъ такого уголка въ нашемъ краѣ, гдѣ бы не оказалось предметовъ, входящихъ въ обширную программу съѣзда. Въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ такого селенія, гдѣ бы не нашлось кургановъ, или памятниковъ церковной старины, или, наконецъ, предметовъ этнографическихъ, т. е. современнаго народнаго быта; разсѣяны также во многихъ мѣстахъ городища и городки, земляные валы и укрѣпленія; попадаются монетные клады и стоянки каменнаго вѣка—послѣднія на сыпучихъ пескахъ или по мѣстному кучугурахъ, откуда вѣтеръ выдуваетъ кремневыя стрѣлки, черепки глиняной посуды и т. п.; у многихъ хранятся случайно добытые предметы старины — древнія орудія, портреты, письменные документы, старопечатныя книги, списки литературныхъ произведеній, монеты, костюмы, утварь, украшенія. Предварительный комитетъ разослалъ свои вопросные пункты всѣмъ сельскимъ священникамъ, народнымъ учителямъ, отчасти волостнымъ правленіямъ, но получилъ отвѣты далеко не отъ всѣхъ. Желательно, чтобы присылка этихъ отвѣтовъ была по возможности ускорена. Но, кромѣ сельскихъ священниковъ и народныхъ учителей, остается

еще масса лицъ, которыя могутъ принести пользу будущему съѣзду своимъ содѣйствіемъ предварительному комитету. Содѣйствіе это можетъ быть самое разнообразное, и о немъ легко составить себѣ надлежащее понятіе, познакомившись съ программами комитета. Программы эти будутъ безплатно высланы всѣмъ, изъявившимъ желаніе ихъ получить и приславшимъ свои адресы. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ пожеланій.

1) Настоящимъ лѣтомъ комитетъ организовалъ нѣсколько экскурсій для раскопокъ: Д. И. Багалѣй, А. М. Покровскій и Е. П. Трефильевъ производили раскопку могильныхъ камеръ у сел. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи и открыли любопытный погребальный ритуалъ въ пещерахъ безъ кургановъ и много бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ при похороненныхъ тамъ костякахъ; раскопки будетъ продолжать А. М. Покровскій при содѣйствіи и на средства одной мѣстной землевладѣлицы. В. А. Городцовъ командированъ въ Изюмскій уѣздъ и изслѣдуетъ все теченіе Донца въ предѣлахъ этого уѣзда. Онъ уже раскопалъ нѣсколько кургановъ подлѣ Славянска, открылъ курганы погребенія кочевниковъ и отправилъ въ Харьковъ цѣлый ладьеобразный гробъ съ погребеннымъ въ немъ воиномъ; онъ будетъ въ теченіе всего лѣта раскапывать группы кургановъ, курганы съ каменными бабами, отдѣльныя могилы, также изслѣдовать стоянки каменнаго вѣка. А. М. Покровскій, по окончаніи Верхне-Салтовскихъ раскопокъ, будетъ производить раскопки далѣе на сѣверъ по Донцу въ Змієвскомъ уѣздѣ (въ томъ числѣ и кургановъ съ каменными бабами), а Е. П. Трефильевъ будетъ дѣлать тоже самое въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда. Такъ какъ настоящее лѣто имѣетъ рѣшающее значеніе для раскопокъ (въ слѣдующее уже состоится съѣздъ), то желательно было бы, чтобы теперь же комитету сдѣланы были указанія о мѣстахъ, гдѣ интересно произвести раскопки, въ особенности по отношенію къ тѣмъ районамъ, куда направляются экскурсанты по указанію комитета; послѣдній, съ своей стороны, можетъ также командировать своихъ членовъ для производства раскопокъ на счетъ тѣхъ лицъ, которыя этого пожелаютъ. (Комитетъ получилъ отъ Император-

ской археологической коммиссіи право производить раскопки на земляхъ казенныхъ и общественныхъ).

2) Такъ какъ съ осени придется уже приступить къ организаціи выставокъ при съѣздѣ по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, этнографическимъ, памятникамъ письменности и старопечатнымъ книгамъ, то комитетъ покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ подобные предметы, высылать ихъ теперь же казенными посылками черезъ волостныя и полицейскія управленія и земскихъ начальниковъ и исправниковъ въ Харьковъ, въ университетъ, въ предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда. Просятъ не стѣсняться присылкой и единичныхъ экземпляровъ, но только сопровождать ихъ объясненіями о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки. Комитету могутъ быть дѣлаемы и предложенія о покупкѣ отдѣльныхъ предметовъ и цѣлыхъ коллекцій. Всякая пожертвованная вещь будетъ принята съ благодарностью и поступитъ на вѣчныя времена, смотря по ея характеру, или въ университетскій музей, или въ нумизматическій кабинетъ, или въ историческій архивъ, или въ мѣстный этнографическій музей (при университетѣ).

3) Въ Харьковской губерніи имѣется теперь еще нѣсколько десятковъ каменныхъ бабъ. Между тѣмъ, прежде было ихъ значительно больше. Изъ этого видно, что эти важные памятники старины погибаютъ. Въ виду этого, необходимо было бы свезти ихъ въ центральный пунктъ губерніи—г. Харьковъ и тамъ сохранить на вѣчныя времена. Поэтому комитетъ покорнѣйше проситъ частныхъ лицъ, владѣющихъ этими памятниками, пожертвовать ихъ предварительному комитету, который расходы по доставкѣ ихъ въ Харьковъ, послѣ предварительныхъ сношеній, возьметъ на себя.

4) Особое мѣсто на выставкѣ займутъ предметы этнографическіе. Здѣсь содѣйствіе общества еще болѣе необходимо. Средства, которыми располагаетъ комитетъ на пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій, весьма скудны, и ограничиться предметами, которые могутъ быть пріобрѣтены на нихъ, невозможно. Да и самый розыскъ болѣе интересныхъ предметовъ безъ указаній мѣстныхъ жителей затруднителенъ. Поэтому комитетъ, во 1-хъ, проситъ оказать всяческое содѣйствіе отправ-

леннымъ имъ экскурсантамъ: проф. А. Н. Краснову (въ Харьковскій уѣздъ), проф. Н. Ѳ. Сумцову (въ Ахтырскій уѣздъ), пр.-доц. А. М. Покровскому (въ Волчанскій и Зміевскій уѣзды) и Б. С. Познанскому (въ Старобѣльскій уѣздъ). Во 2-хъ, присылать всѣ предметы современнаго крестьянскаго быта и обстановки, въ особенности вышедшіе или выходящіе нынѣ изъ моды и употребленія, на выставку при съѣздѣ. Въ 3-хъ, наконецъ, помочь комитету присылкою рисунковъ и фотографій—видовъ селъ, деревень, поселковъ, хуторовъ, слободъ, церквей, отдѣльныхъ хатъ, куреней, кузницъ, землянокъ, частей дома, дворовъ, рѣзьбы на деревѣ, садковъ, пасѣкъ, ярмарокъ, свадебъ, мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ, костюмовъ, мужского и женскаго, головныхъ уборовъ, вышивокъ, писанокъ, караваевъ, украшеній, земледѣльческихъ орудій, земледѣльческихъ работъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, сельскихъ ремеслъ; наконецъ, всевозможныхъ типовъ мѣстныхъ жителей, словомъ, всего того, что характеризуетъ народный бытъ.

Предсѣдатель предварительнаго комитета профессоръ *Дм. Багалѣй.*

Ученыя общества.

Послѣднее засѣданіе *Общества любителей изученія Кубанской области*, состоявшееся въ присутствіи Почетнаго Президента общества Начальника Кубанской области и Наказного Атамана генералъ-лейтенанта Я. Д. Маламы, внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ по тому живому интересу, который возбудилъ докладъ предсѣдателя общества В. М. Сысоева, подъ заглавіемъ: „Рѣка Кубань“. Докладъ и послѣдовавшій за нимъ обмѣнъ мыслей, по его поводу, имѣли своимъ послѣдствіемъ сдѣланное, по предложенію В. В. Скидана, постановленіе—образовать при обществѣ изъ числа желающихъ членовъ особую секцію, которая занялась бы спеціальнымъ изученіемъ рѣки Кубани во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, начиная отъ физико-географическихъ и кончая соціально-экономическими.

Послѣ перерыва предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ собранію отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ теченіе минувшаго 1900 года членами общества частью исполнено, частью начато 9 работъ, а именно:

1) *Е. Д. Фелицынъ* закончилъ археологичечкую карту Кубанской области.

2) *П. П. Короленко* закончилъ историческій очеркъ происхожденія церковныхъ запорожскихъ древностей, находящихся въ предѣлахъ Кубанской области.

3) *П. П. Короленко* и *В. М. Сысоевъ* подготовляютъ подробную опись церковнымъ запорожскимъ древностямъ, находящимся въ екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ и Екатерино-Лебяжской пустыни, а С. И. Борчевскій будетъ снимать фотографіи съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ древностей.

4) *В. М. Сысоевъ* изготовилъ первую часть подробнаго описанія „Археологическія достопримѣчательности Кубанской области и Черноморской губерніи“ (о дольменахъ).

5) *В. М. Сысоевъ* изготовилъ первую часть своей работы „Сводъ историческихъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ“.

6) *П. П. Короленко* обрабатываетъ данныя объ архивахъ Кубанской области.

7) Программы Харьковскаго подготовительнаго комитета были отпечатаны въ „Куб. Обл. Вѣд.“

8) *Н. М. Могилевцевъ* обрабатываетъ свой трудъ „Описаніе войсковыхъ регалій Кубанскаго казачьяго войска“.

9) *А. И. Дьячковъ-Тарасовъ* — Сентинскій храмъ и его фрески.

Въ текущемъ году членами общества В. М. Сысоевымъ, С. И. Борчевскимъ, Е. Д. Фелицынымъ, В. М. Шамраемъ, М. О. Поночевнымъ, С. Ѳ. Мельниковымъ-Разведенковымъ и др. предположено выполнить еще 14 работъ какъ кабинетнаго, такъ и практическаго характера; къ числу послѣднихъ относятся:

1) Составленіе альбома козачьихъ типовъ, построекъ и т. п.

2) Обслѣдованіе наиболѣе замѣчательныхъ церквей области, въ которыхъ могутъ еще быть запорожскія древности.

3) Собраніе старинныхъ картъ Кубанской области.

4) Устройство подготовительной археолого-этнографической выставки.

5) Пространство раскопокъ кургановъ и изслѣдованіе дольменовъ въ разныхъ мѣстностяхъ области и др.

Въ закрытомъ засѣданіи послѣ выборовъ новыхъ членовъ (проф. Д. И. Эварницкаго, И. З. Садило, Н. М. Могилевцева, М. Я. Скворцова, М. Г. Косовича) предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ о состоявшемся ассигнованіи областнымъ правленіемъ субсидіи обществу въ количествѣ 500 р. на предметъ организаціи участія общества въ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Собраніе, по предложенію предсѣдателя, постановило изъ этихъ денегъ 400 р. ассигновать на расходы по изслѣдованію области въ такихъ отношеніяхъ, какія предположено представить на съѣздѣ (изготовленіе фотографій, поѣздки и т. п.) „Куб. Вѣд.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Пещерный могильникъ у слободы Верхній Салтовъ, Волчанскаго у. Харьковск. губ. Открытіемъ своимъ могильникъ обязанъ народному учителю сл. Верхній Салтовъ В. А. Бабенко. Интересуясь вообще мѣстными древностями, В. А. Бабенко обратилъ вниманіе на находимые крестьянами въ оврагахъ различные предметы; ограничиваясь сначала скупкой ихъ, В. А. Бабенко впослѣдствіи прослѣдилъ и источникъ откуда они происходятъ. Это оказались очень интересныя пещерныя могилы, если не ошибаемся впервые обнаруженныя въ Слободской Украинѣ и даже вообще на югѣ Россіи. В. А. Бабенко помѣстилъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ“ (№ 128) небольшую замѣтку объ этомъ могильникѣ, кромѣ того, на мѣстѣ могильника текущимъ лѣтомъ были произведены пробныя раскопки А. М. Покровскимъ, Д. И. Багалѣемъ и Е. П. Трефильевымъ. На основаніи замѣтки В. А. Бабенко и свѣдѣній о раскопкахъ, любезно присланныхъ А. М. Покровскимъ, мы ниже и сообщаемъ то, что до сихъ поръ извѣстно о могильникѣ. Онъ расположенъ въ

гористыхъ урочищахъ „Нетечій" и „Замуловка"; благодаря оврагамъ, ежегодно прорѣзываемымъ водой, можно было констатировать ходы, ведущіе къ могиламъ, на поверхности-же, надъ могилами, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, указывающихъ на присутствіе послѣднихъ, не находится. Ходы эти отличались отъ материка тѣмъ, что земля въ нихъ была рушеная и рыхлая, съ примѣсью чернозема, расположеннаго въ глинѣ гнѣздами; тутъ-же иногда встрѣчался уголь и даже древнія вещицы. По очисткѣ этой наносной земли, открывались узкія траншеи, 50—60 стм. шириной, шедшія вглубь иногда на 5—6 метровъ и затѣмъ упиравшіяся въ нетронутую землю. Здѣсь, на глубинѣ 4—5 метр. отъ поверхности, находились отверстія въ погребальныя камеры; отверстія въ общемъ небольшія, такъ что въ нихъ иногда приходится проползать; нерѣдко отверстіе бываетъ закрыто большимъ камнемъ. Камеры первоначально не засыпались землей; еще и теперь есть такія, гдѣ слой земли, покрывающей ихъ дно, равенъ всего 10—20 стм.; но по большей части вся внутренность камеры наполнена землей,—обрушившейся съ потолка или нанесенной водой. Камеры—почти квадратной формы, въ среднемъ около двухъ метровъ длины и ширины, высотой также до двухъ метр., но чаще 1 м. 50 стм.; потолокъ образованъ или однимъ полуцилиндрическимъ сводомъ, или четырьмя, сходящимися посрединѣ. Выкапывались камеры, какъ объ этомъ можно судить по слѣдамъ, оставшимся на стѣнкахъ, небольшими орудіями—или топорами, или чѣмъ-то вродѣ совочковъ. Стѣны и потолокъ камеръ выбѣливались. Оріентированы камеры на востокъ, съ отклоненіями къ сѣверу и югу. Посрединѣ камеры, прямо на полу, клались трупы перпендикулярно ко входу; обычное число скелетовъ—три. Средній, обыкновенно мужской,—на спинѣ, съ распростертыми руками и вытянутыми ногами, два боковые—или женскіе, или женскій и дѣтскій, лежатъ въ разныхъ положеніяхъ; кромѣ того, можно наблюдать также очень интересное положеніе скелетовъ: два, а то и всѣ три, лежатъ, взявшись за руки. Скелеты бываютъ окружены углемъ; въ головахъ средняго изъ нихъ стоитъ сосудъ съ узкимъ горлышкомъ и широкимъ дномъ, покрытый примитивнымъ орнаментомъ; въ сосудахъ зачастую встрѣчаются мѣдныя бляхи, монисто и др. украшенія; возлѣ

сосудовъ обыкновенно находится бедро быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождаютъ—сабля, боевой топоръ, булава и т. д., возлѣ праваго бока—желѣзный ножъ, у ногъ—серебряныя пряжки отъ ременной обуви. Погребенія отличаются замѣчательнымъ обиліемъ украшеній, главн. обр. бронзовыхъ, которыя особенно многочисленны у женскихъ скелетовъ. Это различнаго вида привѣски, бляшки, бубенчики, кольца, серьги, браслеты, всевозможнаго рода бусы и, наконецъ, бронзовыя зеркала. Въ качествѣ привѣсокъ встрѣчаются также персидскія и арабскія монеты. Въ одномъ случаѣ, при пробныхъ раскопкахъ, найдено погребеніе лошади съ очень богатой уздечкой, украшенной 14-ью бронзовыми бляхами.

По всѣмъ, добытымъ раскопками, даннымъ, могильникъ можно пріурочить какому-ниб. изъ кочевыхъ народовъ.

Какъ можно судить изъ вышеприведенныхъ краткихъ свѣдѣній, могильникъ представляетъ большой интересъ; поэтому, выразивъ благодарность В. А. Бабенко за его открытіе, слѣдуетъ пожелать, что бы онъ былъ возможно подробнѣе обслѣдованъ.

Разныя извѣстія.

Выставка барона де Бая въ Musée Guimet въ Парижѣ. Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ очень извѣстнаго у насъ французскаго путешественника б. де Бая, я имѣлъ случай посѣтить его чуть-ли не шестую уже выставку предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ южно-русская археологія и этнографія были представлены нѣсколько шире, чѣмъ прежде, хотя, разумѣется, въ зависимости отъ способа собиранія, выставленные предметы носили по прежнему въ значительной степени случайный характеръ. Въ области неолитическихъ древностей извѣстныя открытія Ч. В. Хвойки доставили б. де Баю довольно большую и хорошо подобранную коллекцію черепковъ домикенской керамики, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькими таблицами изъ альбома Б. И. Ханенка, даютъ довольно полное представленіе о ней и разумѣется будутъ очень полезны для котораго нибудь

изъ здѣшнихъ музеевъ. Затѣмъ, изъ курганныхъ древностей было выставлено нѣсколько кремневыхъ осколковъ изъ Смілы, остатки посуды и окрашенный охрой черепъ (который зачѣмъ-то покрыли лакомъ, измѣнившимъ первоначальный красный цвѣтъ окраски) изъ „Stawiszè près de Bialacerkiew“ и, наконецъ, нѣсколько сосудовъ и цѣлая коллекція костей изъ кургана въ Красногоровкѣ, Екатеринославской губ., раскопаннаго б. де Баемъ въ имѣніи мѣстнаго предводителя дворянства де-Каменскаго, большая фотографія котораго вмѣстѣ съ г. де Баемъ, обвитая широкой красной лентой съ золотой подписью, красовалась тутъ-же на почетномъ столѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими портретами кавказскихъ генераловъ и духовныхъ особъ. Въ качествѣ любителя старины и француза, б. де-Бай знаетъ, конечно, какъ надо относиться къ находимымъ въ курганахъ костямъ, а потому постарался собрать и привезть съ собой всѣ найденныя при раскопкѣ кургановъ кости, за спасеніе которыхъ, разумѣется, нельзя не принесть ему самой живѣйшей благодарности. Нѣсколько стеклянныхъ колецъ заканчиваютъ эту археологическую серію прошлогодней поѣздки б. де-Бая въ Украину. Изъ этнографическихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько „дукачей“ изъ той же Красногоровки съ фальшивыми, впрочемъ, гл. обр., австрійскими талерами, двѣ украинскія женскія рубахи—одна настоящая и очень интересная, а другая очевидно вышитая, какой-нибудь барышней,—висящія между татарскимъ и черемисскимъ полотенцами и превосходная старинная вышивка крупными цвѣтами, составляющая теперь уже очень большую рѣдкость, очень-бы пригодную и для Кіевскаго Музея и подаренная б. де-Баю г-жей Шереметьевой въ Кіевѣ. Въ качествѣ, вѣроятно, „разныхъ предметовъ“ былъ выставленъ кусокъ лаврскаго ладана, штемпеля для вытискиванія изображеній на просфорахъ, двѣ или три просфоры, павловскій рубль и копія съ извѣстной своей сомнительностью и будто-бы найденной въ Кіевѣ медали съ изображеніемъ Христа и еврейской надписью. Этимъ и исчерпывается весь матеріалъ выставки б. де-Бая, касающійся Украины. Изъ великорусскихъ предметовъ мы замѣтили очень интересныя вышивки (птица Сиринъ) изъ Владимірской губ. нѣсколько вышивокъ изъ Тамбовской, бронзовыя фигурки съ береговъ Двины, древне-мордовскія подвѣски изъ окрестностей

Москвы, двѣ очень интересныя раскольничьи рукописи съ очень оригинальными миніатюрами и висячіе замочки въ видѣ птицъ. Наиболѣе интересные и цѣнные предметы были вывезены б. де-Баемъ съ Кавказа. Пять превосходныхъ бронзовыхъ топоровъ, два кинжала и прекрасно сохранившійся бронзовый же мечъ могли-бы быть украшеніемъ любого изъ нашихъ русскихъ музеевъ. Очень интересны также гигантскія булавки, оканчивающіяся головкой изъ согнутой спиралью и потомъ расплющенной бронзовой проволоки и серьги съ длинными подвѣсками изъ гробницъ въ Комбультѣ, Дигорѣ и Терской области. Этногарфическіе кавказскіе предметы соотвѣтствуютъ какъ по цѣнности, такъ и по красотѣ археологическимъ: это массивные серебряные озарпеши, серьги и подвѣски къ серьгамъ съ удивительно тонкой и художественной эмалью, не говоря уже о нѣсколькихъ кинжалахъ, рогахъ, пороховницахъ, ожерельяхъ, амулетахъ и прочихъ предметахъ съ очень богатой серебряной отдѣлкой.

Всѣ эти предметы будутъ распредѣлены, по словамъ б. де-Бая, по соотвѣтственымъ музеямъ, большая же часть ихъ, главн. обр. бытовые предметы, составятъ, вмѣстѣ съ прежде привезенными, фондъ новаго спеціально *русскаго* отдѣла въ Musée Galliera, назначеннаго для ознакомленія французовъ съ „дружественной имъ націей". Пожелаемъ успѣха этому полезному предпріятію, а также и того, чтобы безкорыстныя усилія б. де-Бая получили, наконецъ, достойную оцѣнку. Къ сожалѣнію, не смотря на настойчивыя напоминанія многочисленныхъ замѣтокъ о своевременности награжденія б. де-Бая красной ленточкой, это отличіе заставляетъ еще себя ждать... Будемъ надѣяться, что „эксплораціонная" поѣздка б. де-Бая въ Россію и въ настоящемъ году доставитъ ему, наконецъ, и это вполнѣ достойное его утѣшеніе.

Ѳ. В.

асаулъ Гр. Федоренко, хоружій Д. Гирманъ, на вѣрность къ присягѣ приведены..."

Дембовскій представлялъ собою типическое лицо изъ тогдашнихъ малаго ранга Глуховскихъ чиновниковъ, которые, просидѣвъ лѣтъ десять въ той или другой канцеляріи, старались добыть себѣ доходный урядъ сотника. Въ спискѣ канцеляристовъ ген. к—ріи за 1739 г., указано, что Д—ій поступилъ въ к—рію въ 1737 г., изъ *мѣщанскихъ дѣтей* [1]), а въ своей сказкѣ о службѣ, самъ Д. говоритъ, что на службу онъ поступилъ въ 1733 г., въ Стародубскую полк. к—рію, а затѣмъ перешелъ въ ген. к—рію, гдѣ исполнялъ разныя коммиссіи, напр., „о продолжавшейся тогда опасной болѣзни" и проч. Начиная съ писцовъ, к—ристы эти повышались въ „протоколисты", „повытчики" и друг. канцелярскіе чины, зарабатывали себѣ хлѣбъ разными услугами „просителямъ", какъ это видно изъ домашнихъ замѣтокъ послѣднихъ, записывавшихъ, послѣ Глуховскихъ „хожденій", въ расходъ: „на поклонъ г.г. канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свидѣтелскихъ документовъ—6 рубл."; „далъ канцеляристамъ судовимъ—2 рубли"; „далъ протоколѣсту 5 рубл." [2]) и проч. Это были мелкіе доходы канцеляристовъ, но случались и крупные. Одинъ „проситель", ходившій по Глуховскимъ к—ріямъ въ 1748 г., по своему дѣлу, записалъ, напр., что „далъ войск. канцеляристѣ Василію Высоцкому готовихъ денегъ 40 рублей" да еще „панциръ" въ 30 рубл., „кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вышпевки". Нажившись такими доходами, наиболѣе расторопные канцеляристы добивались и сотничьихъ урядовъ, при помощи задобренныхъ патроновъ. Этого типа сотники были самыми тяжелыми для сотнянъ: усвоивъ себѣ пріемы канцелярской ябеды, они переносили эти пріемы и въ свою сотничью

---

[1]) Начало пополненія Глуховскихъ к—рій мѣщанскими дѣтьми, а не козачьими, Купчинскій приписывалъ Безбородку, указывая, что до него въ генер. к—рію люди «посполитой породы» не попадали. Зап. Черниг. Ст. Комит., II, 227.

[2]) Изъ рукописн. замѣтокъ Андрея Полетики, отца Григорія.

дѣятельность, главною цѣлью которой ставили вымогательства, съ помощью насилій, у своихъ сотнянъ-простецовъ. Такіе сотники мало боялись жалобъ, потому что имъ хорошо были знакомы тѣ секреты, съ помощью которыхъ власти—Глуховскія и мѣстныя—закрывали глаза на ихъ злоупотребленія. Къ такого рода сотникамъ принадлежалъ и Д—ій, добывшій себѣ сотничій урядъ, видимо, посредствомъ подкуповъ и явившійся засимъ въ сотню съ цѣлью наживы среди тѣхъ „свинарей" и „бражниковъ", протеста которыхъ не боялся. Не прошло и году, какъ два Голенскихъ козака, Гирманъ и Пащенко, жаловались, что сотникъ ихъ, „козаковъ въ приватныя свои услуги употребляетъ, которые по приказу его, сотника, ночью, при дворѣ его, несходимо караулятъ, а днемъ—хлѣбъ ему пашутъ, въ косовичное время—сѣно въ скирды кидаютъ, скотъ пасутъ; а въ зимнее время и на загородахъ (скотъ) кормятъ, при винокурьѣ—свиней поютъ и прочія чорные работы, безъ заплаты и на своихъ харчахъ, ему отбываютъ; на которой работизнѣ онъ, сотникъ, принуждаючи многихъ козаковъ боями, знатно на здоровьи увѣчилъ"... По этой жалобѣ произведено было слѣдствіе, кончившееся ничѣмъ, конечно потому, что Д. умѣлъ находить себѣ защитниковъ. Другая жалоба, козака Марка Коваля, показываетъ, что Д. нѣкоторыхъ изъ сотнянъ обращалъ въ постоянныхъ своихъ прислужниковъ, конечно выбирая при этомъ людей покладистыхъ и смирныхъ [1]). Пользуясь своими сотнянами, какъ рабочею силою, не стѣснялся насиліями и другого рода. У козака Максименка онъ, напр., растлилъ дочь, дѣвочку 12-ти лѣтъ, послѣ чего заковалъ отца въ желѣза и заперъ въ своей банѣ, чтобы лишить такимъ образомъ обиженнаго—возможности жаловаться. Максименку однакожъ удалось бѣжать, и онъ направился въ Глуховъ, гдѣ и пріютился у какого то обывателя. Д—ій поспѣшилъ самъ въ Глуховъ и узнавъ здѣсь, гдѣ живетъ М—ко, подослалъ къ нему своего „кухара", чтобы вызвать его на улицу, обманомъ, какъ будто зовутъ его у „дво-

---

1) Характерную жалобу козака Марка Коваля, котораго Д. обратилъ въ своего работника-мастероваго (Коваль по ремеслу былъ кузнецъ), см. Зап. Черниг. Ст. Комит., П. 232.

рецъ его ясневельможности“. А какъ вышелъ Максименко на улицу, то Д—ій схватилъ его, съ помощью двухъ козаковъ, и неизвѣстно гдѣ дѣвалъ“... Этотъ разсказъ записанъ въ прошеніи того обывателя, у котораго пріютился было Максименко, и которое онъ подалъ въ генер. к—рію, изъ осторожности, чтобы потомъ не отвѣчать, если съ Максименкомъ что случится... По этому прошенію произведено было (в. к—стомъ Кисловичемъ) слѣдствіе, при чемъ оказалось, что Максименко съ семьею жилъ у Д—аго, въ подсосѣдкахъ; что въ Голенкѣ дѣйствительно носились слухи о растлѣніи сотникомъ малолѣтней дочери Максименка и что Д—ій ѣздилъ въ Глуховъ, вслѣдъ за этимъ Максименкомъ, котораго и привезъ оттуда назадъ. А когда слѣдователь сталъ допрашивать Д—аго, то послѣдній ему представилъ „мировую“, въ которой М—ко писалъ, что онъ никакихъ претензій къ Д—ому не имѣетъ, а напротивъ благодаритъ сотника, что онъ простилъ ему, М—ку, какой то долгъ и отпустилъ его съ женою и *дочерью, которая у него, Д—аго, служила,* и съ малыми дѣтьми, изъ подсосѣдковъ, свободно, для жительства, гдѣ М—ко пожелаетъ... Какъ видно, не трудно было удовлетворять такихъ обиженныхъ, какимъ былъ Максименко, считавшій благодѣяніемъ позволеніе сотника—уйти изъ его двора.

Д—ій пробылъ сотникомъ до своей смерти въ 1759 г., какъ видно изъ универсала, которымъ былъ назначенъ ему преемникъ: „извѣстно намъ, что сотнѣ Крб—ой сотникъ П. Д—ій, будучи отправленъ съ командою прошлаго 759 г., къ заграничной арміи, при вибранихъ изъ М. Россіи бикахъ, въ томъ комендированіи умре, и оная сотня Крб—ая осталась нынѣ на вакансѣ. Усмотрѣно-жъ нами, что Василій Рудковскій, будучи употребляемъ къ разнимъ службамъ, исправлялъ оніе добропорядочно, того ради мы опредѣлили его въ оную Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ, для чего ему, сотнику Р—му, команду надъ тою Крб—ою сотнею и корогву сотенную велѣли поручить отъ полк. к—ріи“. Рудковскій правилъ сотнею около семи лѣтъ и затѣмъ, въ 1767 г., почемуто отказался отъ своего уряда. Мѣсто его занялъ Власъ Жураковскій, причемъ тѣ обстоятельства, при которыхъ Ж. получилъ сотничій урядъ, по-

вели за собою коренное измѣненіе въ порядкѣ замѣщенія этихъ урядовъ. На мѣсто Р—аго были выбраны кандидатами: возный Антонъ Федоровичъ и писарь Прокопъ Гирманъ, объ утвержденіи одного изъ которыхъ полковая к—рія и представила въ Глуховъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ три куреня—Дептовскій, Гирявскій и Фесевскій—послали Румянцову подробное описаніе выборовъ, причемъ разсказывали, что они, составляя большинство, выбрали въ кандидаты Дептовскаго жителя, в. канц. Романа Соколовскаго, но сотенная старшина, распоряжаясь двумя куренями—Голенскимъ и Гайворонскимъ—о Соколовскомъ вовсе не упомянула, а написала первымъ кандидатомъ вознаго Федоровича. Разсказывая далѣе, какъ выборщики на квартирѣ Федоровича „могоричъ пили", жалобщики говорятъ: „выборъ въ сотники возного Федорвича, находящагось въ штацкой должности, послѣдовалъ зъ наущенія сотенныхъ старшинъ для того, чтобъ имъ, сотеннымъ старшинамъ, по сотенному управленію всякіе случаючіесь суда и расправы чинитъ, ибо возный, жительствующій болше нежели въ 15 ти верст. отъ Голюнки, а въ Голюнцѣ и малѣйшей осѣдлости не имѣющій, по сотенному правленію присутствія имѣть ежедневно отнюдь не можетъ; да къ тому же и къ канцелярскимъ дѣламъ не заобыклъ и по его единственной грубости корпуса, къ понесенею таковой войсковой службы отнюдь не надеженъ. За бывшого жъ Корибутовского сотника Рудковскаго, какія было мы не представляемъ жалобы о отягощеніи насъ сотенными старшинами, разными комендиріціями, противъ куреней Гайворонскаго и Голенскаго, гдѣ жительство имѣютъ старшинскіе браты и другіе родственники, то оный сотникъ по нашимъ жалобамъ, никому, никогда и малѣйшей справедливости не учинилъ, но все полагалъ на сотенные старшины, почему всегда въ нашу обиду всякіе дѣла дѣлались, чего и нынѣ оные старшины хотячи, показанного возного и вибрали съ тѣми куренями, зная по его натурѣ плохой, чтобъ родственниковъ своихъ и его возного такожъ и прочихъ друзей отъ службы защищать"... Засимъ жалобщики просили Румянцова, чтобы „возному отказать, а пожаловать намъ въ сотню Крб—ую сотникомъ в. канц. Романа Соколовскаго... отъ Галюнки въ четыре версты жительствующаго и *доволнию своѣ*

оспдлость импющого, которой всегда въ присутствіи быть въ сотенномъ правленіи и всякихъ дѣлъ до мала смотрѣть, не полагаясь на старшину, дѣйствительно можетъ". Послѣдствіемъ этой жалобы было слѣдующее замѣчательное распоряженіе Румянцова, сдѣланное въ видѣ „предложенія" Глуховской коллегіи.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія—излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потерянія всякого чувства, собирающихся при томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являться толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобы я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ состояніи ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря я на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству; но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи, поданы мнѣ уже и формальные о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ однимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны в. к. Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе; и словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина. Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лутчихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть производженія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командира имѣть себѣ подобнаго.—Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай, поводомъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко унослѣжденію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ, кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства. Предлагаю потому изъ полученія сего не до-

зволять нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось,—понеже они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе,—но при случающихся вакансіяхъ, полковникамъ, съ полковими старшинами и сотниками, удостоевать въ чины изъ людей доброй славы, съ общаго согласія, на основаніи указа 1715 году, и отъ нихъ представить ко мнѣ, напомянувъ при томъ сотенныхъ командировъ, дабы они, всякъ въ своей сотнѣ, взяли первое попеченіе при случающихся собраніяхъ, истреблять въ козакахъ привычку пьянствовать, и штрафовать, невоздержаныхъ въ томъ [1])". Такимъ образомъ выборы сотниковъ—самими сотнянами—были уничтожены и назначеніе ихъ предоставлено канцеляріямъ. Трудно рѣшить, какой порядокъ былъ лучше при томъ состояніи общественности, которое установилось въ гетманщинѣ послѣ смерти Апостола и укрѣпилось при Разумовскомъ, когда народъ былъ обезличенъ силою полковыхъ и Глуховскихъ канцелярій...

Преемникомъ Рудковскаго явился бывшій голштинецъ Власъ Жураковскій, который послѣ рядовой службы въ лейбъ-гусарскомъ голштинскомъ полку, получилъ урядъ атаманства въ Роменской сотнѣ, а отсюда назначенъ сотникомъ Крб—имъ. Такимъ образомъ и Жрк—ій опять былъ человѣкомъ чужимъ. О дѣятельности этого сотника намъ ничего неизвѣстно, хотя сотничій урядъ онъ занималъ десять лѣтъ. Послѣднимъ Крб—имъ сотникомъ былъ Воротилякъ, родомъ Роменецъ, а слѣдовательно тоже человѣкъ не мѣстный...

Села Корибутовской сотни.

С. Голенка, рч. Голенка, [2]) поселена въ нач. XVII в., какъ это видно изъ слѣдствія, производившагося въ 1727 г. объ одной

---

[1]) Зап. Черниг. Стат. Комит., II, 246.

[2]) Такъ эта рѣчка называется въ актѣ 1780 г. («воды чистой, текущей вблизости, кромѣ *рѣчки Голюнкы*, въ томъ мѣстечкѣ Голюнкѣ нѣтъ»); это былъ притокъ Ромна; теперь онъ называется и Зарукавною, и Голубовкою.—*Голинка*—старое малорос. слово, обозначающее голень. Мож. быть, что рѣчка получила свое названіе по сходству ея фигуры съ голенью, а по рѣчкѣ названо уже было и поселеніе.

Голенской „греблѣ", при чемъ старинный Голенскій козакъ Остапъ Луценко показывалъ, что эту „греблю" *„еще за пановъ* (т. е. за поляковъ), *якъ только поселилось село Голюнка*, занималъ (устроивалъ) Василій Лысый и слилась гать (слыла гатью) Лысого".[1]) Другой Голенскій старожилъ показалъ при этомъ, что онъ, прійдя въ Голенку изъ Станислава, жилъ въ сосѣдяхъ у Вас. Лысого.[2]) Голенка принадлежала къ числу имѣній Вишневецкаго, какъ на это указываетъ документъ Пшездѣцкаго, обозначающій здѣсь 334 „господаря"; въ 1666 г., въ Г—кѣ было „посполитыхъ" только 34 домохозяина, и если столько же было и козаковъ то, значитъ, за нѣсколько лѣтъ, населеніе Г—ки чрезвычайно умалилось, вѣроятно отъ того же движенія на востокъ, о которомъ сказано раньше (с. 254). Крестьянское населеніе Г—ки оставалось свободнымъ до 1740 г., когда оно было присоединено Вейсбахомъ къ Самборскому староству, съ которымъ вмѣстѣ поступило, въ 1750 г., во владѣніе гетмана Разумовскаго. **Кр. П**. 34 хоз. **А**. 62 д. **Б**. ? **В**. 38 д. пс. 8 д. **Г**. 20 д. 29 х. пс. 6 бд. х. **Д**. 34 д. 78 х. пс. 38 д. 50 х. 2 бд. х. **Кз. В**. 121 д. **Г**. 101 д. 153 х. пс. 23 бд. х. **Д**. 113 д. 290 х. „почталіоновъ" 8 бд. х. и пс. 29 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что и послѣ присоединенія Г—скихъ крестьянъ къ Самбору, экономическое ихъ положеніе не ухудшилось, на что указываетъ, кромѣ того и достаточное количество крестьянскихъ подсосѣдковъ. По описанію Пащенка, „с. Г—ка лежитъ на ровномъ мѣстѣ, при столбовой изъ кр. Колядина въ Батуринъ дорогѣ, по об. стор. рч. Зарукавной, отъ пр. бер. р. Ромна въ верстѣ. Церкв. дер.—2, сотенное правленіе. **Коз**. тоже колич., что и выше **Д**. **Кр**. гр. К. Разумовскаго, 23 д. 34 х., ум. полк. Ив. Скоропадскаго 2 д. 2 х., маіора Як. Скоропадскаго, 11 д. 44 х. Подсос. ум. сотника Журавского, 8 д. 9 х., ум. сотн. Руд-

---

[1]) Народное преданіе о поселеніи Голенки см. въ описаніи этого села въ Черниг. губ. вѣдом. 1860 г. (№№ 43, 44 и 46), Мих. Исаенка.

[2]) Значитъ, при колонизаціи лѣвобережной Украины, въ первой пол. XVII в., сюда приходили поселенцы и изъ Галиціи...

ковского 1 д. 2 х., возного Гирмана, 1 д. 4 х., атам. сот. Чернишева, 6 д. 8 х., атам. сот. Прокопенка 1д. 2 х., зн. тов. Недбайла, 1 бд. х., значк. тов. Федоренка, 1 д. 2 х., хорунж. сот. Ковалева, 1 д. 3 х., попа Боровского, 17 д. 19 х. и попа Ярославскаго, 1 бд. х." Цркк.—архистр. Михаила и Преображенія Г—ня. Свящщ. Александръ Боровскій и Онисифоръ Ярославскій.

С. Гайворонъ, рч. Гайворонка (позже Басакова), извѣстенъ былъ въ перв. полов. XVII в. подъ именемъ „городища Грайворона" пожалованнаго Сигизмундомъ III Городельскому старостѣ Криштофу Харлезскому. У послѣдняго Г—нъ былъ отнятъ Вишневецкимъ (ок. 1640 г.), вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему слободками Дмитровкою, Липовымъ и Почепковымъ (?).[1]) Обновилъ поселеніемъ Г. конечно Вишневецкій. По переписи 1666 г. въ Г. значится 12 хоз. Здѣсь въ 1668 году происходила стычка отряда кн. Ромодановскаго съ татарами, при описаніи которой около Г—на, указывается большое топкое болото; [2]) подъ защитою его, вѣроятно, и возникло то первоначальное поселеніе, которое потомъ обратилось въ *городище*. Въ нач. XVIII в. Г. былъ селомъ еще не большимъ (71 дв.), но къ нему прилегала значительная степь и „весь тотъ степъ былъ Гайворонскій". [3]) Вѣроятно, что это богатство земель и обратило на Г. вниманіе ген. судьи Чарныша, который будучи близкимъ свойственникомъ Скоропадскаго и пользуясь своимъ вліяніемъ, обнаружилъ стремленіе завладѣть этимъ селомъ. Для этого нужно было сначала завести тутъ хозяйство, хотя въ видѣ небольшого хутора, чтобы потомъ, указывая на послѣдній, просить у гетмана и крестьянъ. Первое пріобрѣтеніе Чарныша здѣсь (въ 1718 г.) заключалось въ „гаѣ", между с. Г—номъ и рч. Зарукавною, „въ островѣ", при чемъ „гай" этотъ былъ данъ Чарнышу въ видѣ взятки, однимъ мѣстнымъ козакомъ (Вас. Салогубомъ), котораго Чарнышъ судилъ „за нечаянное убійство человѣка". Черезъ годъ послѣ этого пріобрѣтенія, въ 1719 г., четыре Гайворонца, Бор-

1) Чтенія въ общ. Нестора, XIV, отд. III, стр. 162.

2) Акты Ю. З. Р., VII, 94.

3) „Очеркп", *с. Гайворонъ*.

доносъ, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали ему же, Чарнышу, „дѣдизныя сѣножати“, находившіяся на Бѣловѣжской степи, у вершины р. Остра, за 40 талеровъ.—На этихъ земляхъ Чарнышъ поселилъ, какъ видно будетъ ниже, хуторокъ и началъ было расширять его границы, посредствомъ самовольныхъ захватовъ. Насилія, которыя позволялъ себѣ при этомъ Чарнышъ, были такъ значительны, что уже въ 1720 г. Скоропадскій по жалобамъ Гайворонцевъ, выдалъ въ защиту послѣднихъ— слѣд. универсалъ: „По занесенной отъ Гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ, о починенихъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора п. судіи нашого в. енер., утискахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома розами, показалося, же п. судія ен—ій мало щось тамъ купивши грунту, *болшъ насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степъ*, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ Гайворонскимъ людямъ, сталося утѣсненіе. Теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши п. судіи ен—му, оттоль зъ Гайворона, новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у Гайворонцовъ насилно отнято, все бы тое непремѣнно кождому воспять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого Гайворонцамъ приверненними ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ к—ріи войсковой сей нашъ выдать унѣверсалъ, которымъ всѣмъ обще Гайворонскимъ жителемъ, пахатніе и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаеміи степъ и лѣсъ также давній, мірскій, въ безперепонное онимъ стверждаемъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе п. судія нашъ в. ен—ій, знесшися одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже Гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу—чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско впоминаемъ и приказуемъ“... (Изъ Глухова, 1 окт. 1720 г.).

Выраженное въ этомъ универсалѣ строгое безпристрастіе Скоропадскаго къ мужу своей падчерицы было явленіемъ совершенно случайнымъ, причины котораго объяснены въ жалобѣ одного Гайворонца Юрченка, поданной въ 1731 г., гетману

Апостолу: „Въ прошломъ 1720 року, покойній судія ен—й Чарнышъ, къ хутору своему, тогда вновь на Бѣлыхъ Вѣжахъ занятому, къ селу нашему Г—ну грунта належніе,—позанималъ былъ самоволно, и о томъ я, въ то время атаманомъ Г—скимъ будучи, суплѣковалъ покойному гетману п. Скоропадскому, которая суплѣка, когда послана къ мененному судіи, въ то время онъ (т. е. Чарнышъ) билъ мене за тое кіями нещадно, о *чомъ я билъ чоломъ бывшему князю Меншикову*[1]) и по тому (челобитью) выданъ былъ мнѣ, да Кондрату Пархоменку, за рукою княжою, приказъ, абы намъ разореній и обидъ нихто не чинивъ, по которымъ (приказамъ) черезъ нѣсколько лѣтъ (насъ) не займано. Да за тіежъ грунта, Чарнышомъ отнятые, билъ я челомъ отъ всѣхъ козаковъ и отъ громады Гайворонской, въ Москвѣ, *по которомъ моемъ челобитю и стараню, грунта, помянутымъ судіею занятые, весь къ селу тогда привернено*"...

Изъ этого прошенія Юрченка и видно, что распоряженіе Скоропадскаго о выселеніи Чарныша изъ Гайворона, сдѣлано было по настоянію изъ Москвы, вѣроятно самого Меншикова, хорошо знавшаго о насиліяхъ Чарныша. Но, кажется, что послѣдній окончательно разстался съ Гайворономъ только послѣ смерти Скоропадскаго, когда въ гетманщинѣ стала распоряжаться Вельяминовская коллегія. Такъ можно думать на основаніи документа, выданнаго Чарнышу тѣмъ самымъ Салогубомъ, который уступилъ ему въ 1718 г., свой „гай", въ Гайворонѣ, за освобожденіе отъ суда (с. 280).[2])

---

[1]) Меншиковъ, будучи въ это время въ Малороссіи, проѣзжалъ изъ Нѣжина въ Гадячъ, и такимъ образомъ былъ гдѣ нибудь около Гайворона, при чемъ на дорогѣ, вѣроятно, Гайворонцы и успѣли подать ему жалобу на Черныша. См. Записки Як. Марковича, 1, 5.

[2]) Вотъ этотъ любопытный документъ. «Року 1722, мѣс. сентеврія дня 4. Я, Василь Салогубъ, житель Краснокол—ій, чиню вѣдомо симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ, ижъ я, будучи виступнимъ за свое нечаянное убійство человѣка, яко и декретъ опѣваетъ и свѣдчитъ, которій и нынѣ въ рукахъ своихъ имѣю, получилъ теперъ, по своему прошенію негодному, милость, у его мил. велможного пана судіи енералного, пана Іоанна Чарныша, таковую, ижъ

Послѣ попытокъ Чарныша оселиться въ Гайворонѣ, крестьяне этого села оставались свободными до 1735 г., когда отданы были кн. Шаховскимъ во временное „послушаніе“, одному изъ членовъ генер. к—ріи, полковнику Гурьеву. Послѣдній владѣлъ Г—номъ лѣтъ шесть, пока оставался въ Глуховѣ. Засимъ, Г—нъ оставался свободнымъ, пока не выпросилъ его у Разумовскаго владѣлецъ сосѣдней Григоровки, генер. подскарбій Скоропадскій, которому въ декабрѣ 1751 г., былъ выданъ слѣд. универсалъ. „Войск. ген. подскарбій Мих. Скоропадскій доношеніемъ намъ представилъ: въ прошломъ де 1715 г., началъ онъ служить при войскѣ Малороссійскомъ бунч. товарищемъ...

которой я билъ гай ему, за свой поступокъ, подъ Гайворономъ лежачій, далъ изъ записомъ ратушнимъ, нынѣ мнѣ знову привернѣнъ есть паномъ судіею, и котори́й хуторецъ въ самомъ Гайворонѣ стоячій, братъ мой двоюродный Іванъ Салогубъ заставилъ былъ его жъ велможности панской во вѣчность, за сто золотыхъ, аще би не уистился до назначоного термѣну, и тотъ мнѣ хуторецъ зо всѣмъ полемъ, *по великой своей милости панской*, *даровалъ*, да еще 50 золотыхъ далъ, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права и суду ни его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благородныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годнимп и честними людми—*добримъ словомъ всегда споминати и за его велм. панскую и весь домъ его панскій—непрестанно Бога прохати*, что для лѣпшой вѣри и певности, даю его велм. панской, сіе мое доброволнее писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, которихъ я самъ устне просилемъ покорне, на сей же картѣ моей о поднисъ рукъ ихъ власнихъ. Я Василь Салогубъ сей карти доброволной датель, яко неумѣетний будучи писанія святого, рукою своею власною крестъ святой пишу—┼». Происхожденіе этого документа можно такъ объяснить: универсалъ Скоропадскаго 1720 г. вѣроятно не былъ Чарнышомъ вточности исполненъ, почему должно быть Василій Салогубъ, по смерти Скоропадскаго, и погрозилъ Чарнышу, что пожалуется Вельяминову, если имъ не будутъ возвращены всѣ земли, которыя такъ или иначе ген. судья позанималъ въ Гайворонѣ. Бояться такой жалобы Чарнышъ долженъ былъ тѣмъ болѣе, что «гай» отъ этого Салогуба имъ былъ полученъ въ видѣ взятки...

слѣдуетъ перечень службъ), а къ препитанію дому своего имѣетъ въ деревняхъ скудость, для чего просилъ онъ, Ск—ій, о награжденіи его за 37-лѣтнюю службу, во вѣчное владѣніе, для препитанія дому его, въ п. Прилуцкомъ, деревнями свободными, Гайворономъ и Блотницею, нашего разсмотрѣнія..... Того, ради села Гайворонъ и Блотница, въ которихъ по послѣдней 1751 г. ревизіи, до 50—ти посполитскихъ свободнихъ дворовъ показано, съ принадлежащими къ тѣмъ селамъ грунтами и угодіями, ему, подск. ген. Ск—му опредѣляемъ и во вѣчное и ненарушимое ему владѣніе утверждая, повелѣваемъ" и проч.

Черезъ 25 лѣтъ, послѣ отдачи Г—на Ск—му, тамошніе козаки, Пархоменко, Горлачъ и другіе, въ жалобѣ своей Румянцову, писали слѣд.—„съ прошлого 1751 г., бывшимъ гетманомъ Разумовскимъ умершому Михайлу Ск—му жаловано вѣчно, одному ему, безъ потомства (въ универсалѣ о потомствѣ не было упомянуто...) село Гайворонъ, оставляя козаковъ при своихъ козачихъ волностяхъ ненарушимо... Оной же Ск—ій за вступленіемъ во владѣніе, по власти своей, началъ намъ разныя утѣсненія дѣлать и недоволствуясь отданными ему по унѣверсалу, свободными посполитскими грунтами и землями, гдѣ бы помежество имѣлъ коей посполитой зѣмли или злобясь на козака, обявилъ, что за кимъ съ насъ состоитъ яко бы посполитская земля, то безъ всякого иску и слѣдованія по законамъ, самоправно поотбиралъ, чѣмъ привелъ до того, что съ насъ многіе увѣдавъ, что токмо ему пожелается какая земля и начнетъ наводъ чинить посполитскою, договариваясь чрезъ своихъ приказчиковъ, что ежели не продастъ, то безденежно отберутъ, многіе съ насъ подъ видомъ доброй волѣ, въ продажу, а нѣкоторіе въ заставу, позаводили, что дѣлалось зъ уступленія оного Ск—го (во владѣніе) мало не по вѣкъ его. А напослѣдокъ, теперъ сынъ оного Ск—го, пр.-маіоръ Яковъ Ск—ій, примѣромъ отца, тоже поотнималъ во многихъ съ насъ самоправно земли; а какъ узналъ, что мы намѣреваемся жаловаться за самоуправство въ судъ, то оной Ск—ій на многихъ съ насъ порознь за разніе земли, а за состоящій подъ владѣніемъ нинѣ е. с—ва гр. Разумовского, состоящой прежде во владѣніи Гайворонского общества волній степъ, вообще на всѣхъ насъ и разночинцовъ въ с. Г-нѣ жи-

тельствующихъ, прошлого 1771 г., въ судъ земскій повѣту Иваницкого, взнесъ иски, уже въ 24-й годъ съ пожалованя, для одной несвободы. И хотя мы прошлого маія 25 дня, являсь въ оній судъ земскій, извиняя себе о волномъ степу прописанними обстоятелствы, а при томъ, что съ написанних по позву—многіе козаки и разночинцы состоятъ въ заграничной службѣ, безъ коихъ въ судъ и по другимъ законнимъ обстоятелствамъ намъ вступать не слѣдовало, просили уволненія; однакъ оной судъ земскій, не принявъ отъ насъ никакихъ розоновъ, опредѣленіе учинилъ судъ производить.... Имѣя на судъ зазрѣніе, что по всѣмъ оного Ск—го на насъ искамъ, неотмѣнніе пригоќвори слѣдовать могутъ къ явной нашой волокитѣ и о изнеможеніи во всемъ, в. в. графск. с—ва нижайше просимъ, чтобы внесенніе на насъ, въ земскій судъ повѣта Иваницкого, отъ стороны Ск—го иски въ томъ судѣ наипорядочнѣйше были произведени и рѣшенни, в. милостивое повелѣніе учинитъ объ опредѣленіи за насъ депутата зъ прокураторомъ или о перенесеніи зъ земского Иваницкого суда, по зазрѣніи нами на присудствующихъ, какія ни имѣются на насъ и на всѣхъ Гайворонскихъ разночинцовъ отъ прописанного Ск—го, теперъ и впредъ могли бъ имѣтся иски, въ судъ земскій повѣта Роменского" (1775—г., іюня 6) [1]). Мы не знаемъ результатовъ этого прошенія, но оно хорошо показываетъ—какою тяжелою рукою ложилось даже и на свободное козачье сословіе, „владѣніе" такихъ вліятельныхъ державцевъ, какими были ген. подск. Скоропадскій и его сынъ Яковъ... **Кр**. **П**. 12 х. **А**. 13 д. **В**. 22 д. **В**. 69 д. пс. 10 д. **Г**. ? [2]) **Д**. 51 д. 63 х. 8 бд. х. пс. 25 д. 68 х. 28 бд. х. **Кз**. **В**. 49 д. **Г**. ? **Д**. 53 д. 100 х. пс. 15 д. 30 х. Црк. Покровъ Б—цы; свщщ. Максимъ Левитскій и Несторъ Яновскій.

---

1) «Очерки», с. Гайворонъ.

2) По вѣд. 1753 г. крест. въ Г—нѣ показано: 23 д. 23 х. 18 бд. х. (Скоропадскаго) и мелк. влад. (подсосѣдковъ?) 2 д. 22 бд. х. (Изъ нихъ 1 х. «шинкара» Гайворонскаго Ильи Коломійца, и 11 х. у шести Се[illegible].) Коз. въ Г—нѣ въ 1753 г., было—20 д. 38 х.

С. с. **Великій и Малый Самборы**, рч. Самборъ. Мы не умѣемъ опредѣлить значеніе слова *Самборъ*, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые—на нашъ вопросъ о происхожденіи этого слова,—говорятъ о его быть можетъ румынскомъ происхожденіи... Какъ извѣстно, слово *Самборъ* встрѣчается въ названіи одного изъ старинныхъ городовъ Галиціи, который въ XIII в. былъ разоренъ татарами и взамѣнъ его, тогда же, возникъ Самборъ „новый". Устроителемъ этого новаго Самбора былъ воевода Краковскій Шпитко изъ Мельштина, получившій отъ Владислава Ягеллы въ свое владѣніе весь Самборскій „обводъ". Присоединивъ къ Самборщинѣ часть сосѣдняго Подолья, Шпитко сталъ значительнымъ владѣльцемъ, при чемъ располагая значительною военною силою, былъ однимъ изъ замѣтныхъ участниковъ въ извѣстномъ походѣ Витовта противъ татаръ, въ 1399 г. Извѣстно, что многочисленное войско Литовскаго князя было татарами разбито на берегахъ Ворсклы и почти уничтожено. Тутъ же погибъ и Шпитко. [1]) Изъ этого свѣдѣнія видно, что жители Галицкой Самборщины несомнѣнно приходили на лѣвый берегъ Днѣпра, участвовали въ битвѣ на Ворсклѣ и были здѣсь частью уничтожены, а частью разсѣяны. Изъ числа этихъ разсѣянныхъ воиновъ Галицкой Самборщины, часть могла остаться на лѣвомъ берегу, найдя здѣсь лучшія условія для жизни, чѣмъ у себя на родинѣ. Такимъ образомъ, лѣвобережный Самборъ, быть можетъ, есть остатокъ кучки случайно попавшихъ сюда Галицкихъ Самборцевъ, перенесшихъ сюда и названіе родного своего города. По времени возникновенія лѣвобережнаго Самбора, основаніе ему могло быть положено Шпитковыми воинами: нашъ Самборъ извѣстенъ уже съ самаго нач. XVI в., если не съ конца XV в. При спорѣ русскихъ съ поляками „за Путивлскій рубежъ", въ 1638 г., „украинные державцы показывали грамоты короля Александра († 1506 г.) на волость Торговицу и *на рѣку Самборъ*". [2]) Если здѣсь не называется Самборъ, какъ поселеніе,

---

[1]) См. монографію о Шпиткѣ (Spytko z Melstyna i ród jego) въ книгѣ Studia Historyczne, M. Balińskiego (Wilno, 1856), стр. 189—229

[2]) Дворцов. Разряды, II, 899.

а только, какъ рѣка, то это потому лишь, полагаемъ, что поселеніе Самборъ составляло часть той Торговицкой волости, которая указывается въ собирательномъ видѣ, а *рѣка* Самборъ —потому, что она вѣроятно составляла границу этой волости. [1])

Вотъ наша догадка о происхожденіи лѣвобережнаго Самбора, названіе котораго несомнѣнно сюда занесено и занесено издалека... [2]) Послѣ упоминанія лѣвобережнаго Самбора въ грамотѣ короля Александра, объ этомъ поселеніи не встрѣчается затѣмъ извѣстій до полов. XVII в. Можно думать, что Самборъ былъ разоренъ Менгли-Гиреемъ въ к. XV в. и оставался „впустѣ“ пока не былъ обновленъ Вишневецкимъ, въ к. перв. полов. XVII в. По документу Пшездѣцкаго, въ Самборѣ показано 198 господ. [3]) По описи 1654 г. значится с. *Самбурцово* и с. *Самбова*; конечно, это одинъ и тотъ же Самборъ, при чемъ во второмъ названіи видна лишь описка или опечатка. Опись 1654 г. даетъ о Самборѣ такое поясненіе: „село Самборъ на рѣкѣ Борзнѣ, въ верховьѣ; въ томъ селѣ поставлена церковь древняя во имя влмуч. Григорія (т. е. Георгія“.) [4]) Это былъ теперешній „Малый“ Самборъ, какъ слѣдуетъ полагать изъ нижеслѣдующаго. Въ переписныхъ книгахъ 1666 года показаны два Самбора, Большой и Малый, а затѣмъ преданіе мѣстныхъ жителей, записанное въ 1721 году, говоритъ, что „еще за поляковъ, въ Маломъ Самборѣ жилъ державца панъ Силичъ (вѣроятно одинъ изъ управляющихъ Вишневецкаго) и

---

[1]) О Торговицкой волости, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ (6—7) отъ теперешнихъ Конотопскихъ селъ Самборовъ, см. Опис. Ст. Малор., II, 238.

[2]) Существовалъ еще какой то Самборъ въ Кіевщинѣ. Въ книгѣ Похилевича—*Сказ. о насел. мѣстн. Кіевск. губ.*—записано преданіе, что с. Лѣсовичи, Таращ. у., поселено «на мѣстѣ древняго города Самбора, разореннаго непріятелемъ». Если лѣвобережный Самборъ поселенъ задержавшеюся здѣсь кучкою Галицкихъ Самборцевъ, изъ остатка Шпиткового войска, то такимъ же образомъ могъ возникнуть и Кіевскій Самборъ, будучи поселенъ другою кучкою тѣхъ же Галицкихъ Самборцевъ...

[3]) Акты Ю. З. Р., X, 811—812.

[4]) Ни въ Б., ни въ М. Самборахъ этого «храма» теперь нѣтъ. См. ниже.

тогда уже Самборецъ имѣлъ свои особыя земли". Послѣ войнъ Хмельницкаго, Самборцы продолжали владѣть тѣми же землями, при чемъ это село тогда было настолько многолюдно, что „и тое доводится, же сотня Самборская прежде въ Маломъ Самборцѣ бывала; а якъ настали Чигиринскія войны, то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей, подъ Чигиринъ, а другое, за оскудѣніемъ дровъ,—(много жителей) зъ того села, на трактѣ великомъ лежачого,[1]) розишлося и только семнадцать хатъ осталось». [2]) Отсюда можно заключать, что теперешній Мал. Самборъ сталъ называться *малымъ*, послѣ того, какъ онъ запустѣлъ послѣ гетманскихъ междоусобицъ, послѣдовавшихъ послѣ смерти Б. Хмельницкаго, (преданіе указываетъ на Чигиринскіе походы, которые свѣжѣе были въ народной памяти въ 1721 г., чѣмъ блужданіе татаръ по Украинѣ въ 1658—663 гг.") причемъ покинувшее Мал. Самборъ (вѣрнѣе—*старый* Самборъ) населеніе тутъ-же, невдалекѣ отъ „великого тракта", въ глухомъ мѣстѣ, основало другой Самборъ, который, имѣя въ 1666 г. 32 двора (крестьянъ), назывался уже *великимъ*, въ отличіе отъ стараго, въ то же время имѣвшаго только 13 двор. (крестьянъ) и потому названнаго *малымъ*.

Самойловичемъ Мал. С—ръ былъ отданъ Мазепѣ, бывшему тогда гетманскимъ „дворяниномъ", а когда Мазепа самъ сталъ гетманомъ, то присоединивъ къ М. С—ру два села,—Вел. Самборъ и Корибутовъ, онъ образовалъ особое Самборское староство, вошедшее въ составъ Батуринской волости. Главною статьею дохода съ этого староства, повидимому, было сѣно, которое накашивалось на Самборскихъ степяхъ для гетманской конюшни. Послѣ смерти Скоропадскаго, Самборское ст—во поступило въ распоряженіе Вельяминовской коллегіи, пока въ 1726 г. Батуринская волость не была выпрошена Меншико-

---

[1]) Этотъ «великій трактъ» соединялъ тогда сѣверную Малороссію съ южною и—въ XVIII в. былъ обращенъ въ почтовую дорогу, по которой ѣздили изъ Стародуба и Глухова въ Переяславъ (См. Кратк. Геогр.), полит. и историч. изв. о М. Россіи, В. Рубана (Спб., 1773) стр. 45.

[2]) «Очерки», Села Вел. и Мал. Самборы.

вымъ у Екатерины I. Новый владѣлецъ нашелъ хозяйство въ этой волости, повидимому, сильно запущеннымъ, потому что немедленно назначилъ сюда управляющимъ самаго расторопнаго изъ своихъ прислужниковъ, Андрея Гудовича. [1]) Новый управляющій прежде всего поперемѣнялъ во всей волости старостъ, при чемъ въ Самборѣ поставилъ старостою Кальницкаго. Заводя новые порядки, Гудовичъ первый наложилъ руку и на Самборскихъ козаковъ, которыхъ до того гетманскіе приказчики не трогали. Но Гудовичъ не долго распоряжался новымъ владѣніемъ своего патрона; въ 1727 г. Меншиковъ палъ и Батур. вол. взята была въ казну. Въ слѣд. 1728-мъ году Самборскіе козаки, *„до дворца Самборского належніе"*, жаловались Апостолу: „въ прошломъ 1726 г., когда отписано село наше Самборъ на кн. Меншикова, въ то время п. А. Гудовичъ поставилъ въ ономъ селѣ старостою Сем. Калницкого, который намъ превеликія обиды и нещадные побои чинитъ"... Засимъ самборцы перечисляли рядъ обидъ, заключавшихся въ отнятіи „грунтовъ" и разнаго рода насиліяхъ надъ козаками, при ихъ работахъ около „дворца".[2]) Называя себя „козаками належными до дворца" (Самборскаго), жалобщики тѣмъ же самымъ указывали, что они уже въ то время находились въ положеніи близкомъ къ крестьянству. Окончательное превращеніе козаковъ Самборскаго староства въ крестьянъ совершилось мало-по-малу, подъ давленіемъ самовластія тамошнихъ старостъ, изъ которыхъ Кальницкій и его преемники, Илейко и Пучковскій, пользовались почти безграничною властью, заручившись благорасположеніемъ членовъ „министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ", для которыхъ изъ Самборовъ удѣлялась немалая часть разного рода сельскихъ продуктовъ.

Экономическій упадокъ Батуринской волости достигъ наконецъ такой степени, что Глуховское „министерское правленіе" вынуждено было представить объ этомъ въ Петербургъ. Оттуда былъ присланъ новый управляющій въ лицѣ ген.-майора Юрія Вейсбаха,

---

[1]) См. о немъ Опис. Стар Малор., I, 279 и слѣд.

[2]) „Очерки", с.с. В. и М. Самборы.

который энергически принялся за Батуринское хозяйство, причемъ въ Самборскомъ ст—вѣ открылъ большія злоупотребленія старостъ.[1]) Изъ произведенной по распоряженію Вейсбаха описи этого ст—ва видно, что въ 1740 г. въ В. Самборѣ было крестьянъ—57 дв. и „придворныхъ описныхъ подданныхъ козачьихъ“—59 д., а въ М. Самборѣ: крест.—20 дв. и „поддан. козачьихъ“—39 дв. Крестьяне платили денежный налогъ отъ головы рабоч. скота, по 20 к. и, кромѣ того, по $1^1/_2$ четверти овса (при чемъ за этотъ овесъ можно было платить деньгами по 21 к.); да кромѣ того, каждый дворъ долженъ былъ поставлять разную птицу, которая тоже могла быть замѣняема деньгами: гусь и каплунъ по 6 к., а утка по $3^1/_2$ к. „Пѣшіе“ платили отъ двора по 10 к. и за овесъ по $15^2/_3$ к. Всѣ эти платежи полагались сверхъ личныхъ работъ. „Козачьи подданные“ несли повинности особаго рода: „всякія услуги исполняли до дворца В. Самборского,“ а въ Батуринской к—ріи „употреблялись для разсылки писемъ“.

Ознакомившись съ Самборскимъ ст—вомъ, Вейсбахъ устроилъ здѣсь конный заводъ, назначенный для ремонта конной гвардіи, причемъ управляющимъ завода былъ назначенъ поручикъ этой гвардіи ф. Лоссовъ. Для расширенія завода, къ Самборскому староству присоединены были свободныя земли сосѣднихъ селъ, а съ ними вмѣстѣ и крестьяне этихъ селъ, остававшіеся еще свободными отъ частнаго владѣнія. Такимъ обра-

---

[1]) Свои злоупотребленія старосты прикрывали разными „обсылками“ Глуховскихъ властей. Самборской войтъ напр. разсказывалъ Вейсбаху, что староста Пучковскій раза по-два и по-три въ годъ собиралъ у Самборскихъ „подданныхъ“ молодыхъ „баранцовъ“, которыхъ затѣмъ и отсылалъ въ Глуховъ, а кому—онъ не знаетъ. Пучковскій пояснилъ, что овецъ онъ посылалъ въ Глуховъ—тамошнимъ „министрамъ“, по ихъ требованію: кн. А. И. Шаховскому и князю Н. Ф. Барятинскому, да отсылалъ еще ягнятъ въ Кіевъ къ „генеральшѣ“ А. И. Румянцова. Овчары казенныхъ овецъ показали, что изъ тѣхъ овецъ они отогнали въ маетность Миниха—200, да генерала А. И. Румянцова присланному изъ с. Кучеровки (ок. Глухова), отдали 170 овецъ... Оказалось также, что на Самборскихъ степяхъ выпасывались лошади и скотъ кн. Барятинскаго и А. И. Румянцова...

зомъ къ Смб—му ст—ву были присоединены: с.с. Дептовка, Голенка, Дмитровка, Рябухи и друг. Послѣ отдачи Батуринской волости во владѣніе пов. гетмана Разумовскаго, Смб—кіе козаки пробовали было возвратиться въ прежнее состояніе, но безуспѣшно [1]).

В. Самборъ. **Кр. П.** 32 х. **А.** 106 д. **В.** ? **В.** 67 д. Пс. 4 д. **Г.** 50 д. 62 х. Пс. 5 бд. х. **Д.** вмѣстѣ съ бывш. козак., 158 д. 266 х. 2 бд. х. **Кз.** по вѣд. 1740 г. не показаны, а по вѣд. 1753 г. („придворныхъ козаковъ, т. е. бояръ, которіе къ дворцу В. Самборскому служатъ и повинности отбуваютъ") ихъ было 49 д. 49 х. 46 бд. х. Цркв. свят. Николая. Свщц. Федоръ Тимошевскій и Антонъ Андріевскій.

М. Самборъ. **Кр. П.** 13 х. **А.** 42 д. **В.** ? **В.** 49 д. пс. 4 д. **Г.** 23 д. 34 х. **Д.** вмѣстѣ съ бывш. козак. 104 д. 178 х. **Кз.** по вѣд. 1740 г., также нѣтъ, а по вѣд. 1753 г. (подъ тѣмъ-же названіемъ „придворныхъ)—8 д. 8 х. 51 бд. х. Цркв. Покрова Б—цы. Свщц. „настоятель" Михаилъ Фотинскій и „викарный" Иванъ Андріевскій.

---

[1]) Изъ предложенія гр. Румянцова Млрск. коллегіи, 1779 г., видно, что „по искательству" этихъ козаковъ „изъ подъ владѣнія гр. К. Г. Разумовскаго, производимы были слѣдствія въ судѣ генер. и въ 1765 г. *рѣшено о бытіи имъ и инымъ попрежнему козаками* и о выключеніи изъ подданства, и что на оное рѣшеніе отъ стороны економіи его с—ва (т. е. Разумовскаго) апелляціи не подано; а (но) они (б. козаки) употребляются ею (экономіей) въ подданическіе повинности и разнообразно угнетаются, о чемъ хотя и подано отъ нихъ въ Млрск. коллегію доношеніе, но г.г. члены отказываются отъ присутствія по сему дѣлу, то свойствомъ, то иными предлогами". Указывая эти обстоятельства, Румянцовъ „рекомендовалъ коллегіи—доношеніе бывш. козаковъ разсмотрѣть и учинить опредѣленіе согласное съ законами", добавляя, что члены могутъ отводить себя только по законнымъ причинамъ, а не по своему желанію. Знаемъ, что исканія бывш. козаковъ кончились ничѣмъ, хотя намъ и не извѣстно рѣшеніе коллегіи по предложенію Румянцова. См. „Очерки", Самборы.

С. Корибутовъ, „между двухъ рѣкъ, Торговицы и Ромна“, поселенъ, какъ видно и изъ названія, однимъ изъ Вишневецкихъ, вѣроятно Константиномъ, который во время своего опекунства надъ Іереміей В—имъ, заселялъ и укрѣплялъ восточную границу имѣній послѣдняго отъ Московскаго государства. По документу Пшездѣцкаго въ К. было 600 „господ.“, а по „Реестрамъ“ 1649 г. К. показанъ центромъ особой сотни. При переѣздѣ чрезъ К. патр. Макарія, племянникъ его отмѣтилъ, что „маленькій базаръ (поселеніе) Карабута окруженъ двумя большими болотистыми озерами“; въ видѣ послѣднихъ представлялись путешественнику конечно рѣчки Торговица и Роменъ, какъ видно заболоченные уже и тогда. Упоминаетъ Павелъ Алеппскій и о Крб—ой церкви: „насъ ввели въ благолѣпную, большую, высокую церковь, вновь построенную, еще не освященную“, причемъ церковь была, по просьбѣ жителей, освящена Макаріемъ, въ честь св. Николая. (Прв. Муркоса, II, 93). Любопытно указаніе Павла Ал—аго, что К. составлялъ послѣдній предѣлъ земли козаковъ, а за нимъ—уже не было (до Путивля) поселеній: «однѣ покинутыя земли, развалины и необработанныя земли“.

Переписывая въ 1666 г. населеніе К. и двухъ сосѣднихъ селъ, Фесевки и Гирявки, московскіе переписчики добавляютъ: а „угодей въ мѣстѣчкѣ въ К—вѣ и въ селахъ—рѣкъ и озеръ, и мелницъ и руда (?), и пасекъ и иныхъ никакихъ угодій и заводовъ, ничего нѣтъ, *потому что разорено отъ воинскихъ людей*“. Упоминаемое разореніе происходило конечно при Выговскомъ и Ю. Хмельницкомъ.—Послѣдующая судьба К. была во всемъ одинакова съ исторію обоихъ Самборовъ, т. к. К. вошелъ въ составъ Самборского староства, при чемъ Корб—скіе козаки обращены были въ крестьянъ и поступили во владѣніе К. Разумовскаго, въ составѣ Батуринской волости. **Кр. П.** 18 х. **А.** 36 д. **В.** ?. **В.** 38 д. пс. 1 д. **Г.** 29 д. 33 х. пс. 2 д. 2 х. **Д.** 59 д. 89 х. пс. 2 бд. х. (вмѣстѣ съ б. козаками). **Кз. В.** ?. **Г.** 23 д. 30 х. **Црк.** свят. Николая. Свящ. Захарій Стефановъ.

С. Гирявка, „руда“ Торговица, [1]) поселена, повидимому, въ пол. XVII в., такъ какъ раньше этого времени она не упоминается.[2]) Поселена Г. На земляхъ Корибутовскихъ и, какъ кажется,— Корибутовцами *Гиренками*, которые еще и въ 1691 г. продавали находившіяся тутъ свои земли заднѣпровцу Юрію Харевичу, оселившемуся около Г—ки хуторомъ. [3]) Г. оставалась свободнымъ селомъ до 1689 г., когда была отдана Мазепою какому то Радичу: „респектомъ чирствыхъ и рейментови нашему зичливихъ у Войску услугъ п. Тимофѣя Радича, тов. войск., надалисмо ему и тимъ унѣверсаломъ нашимъ надаемо, до ласки нашое войсковое, селце Гирявку, въ ключу Краснянскомъ лежачое. А такъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, жебы ему Радичу въ владѣнью селца оного Г., нихто зъ старшини и чернѣ не чинилъ перешкоды, а войтъ зъ посполитими людми, абы ему въ кошеню сѣна и во всякихъ ко вспартю его господарскому потребныхъ дѣлехъ належитое отдавалъ послушенство и повинность обиклую; козаки однако въ томъ селцѣ мешкаючіе и услуги войсковіе отправуючіе, маютъ быти ховани при належнихъ своихъ войсковыхъ волностехъ, тое варуемъ пилно...“

Радичъ по происхожденію былъ, кажется, сербъ, судя по фамиліи. Прибывъ въ гетманщину, онъ оселился въ с. Старой (Конотопск. сотни) и сталъ тутъ скупать земли. [4]) Въ актѣ 1681 г. онъ называется „славетнымъ паномъ“, слѣд. человѣкомъ, имѣвшимъ уже извѣстное положеніе; не занимая никакого уряда, онъ писался войск. товарищемъ и состоялъ „при боку“ гетмана, для исполненія разныхъ порученій. [5]) Какъ видно, Р—чъ умѣлъ угодить Мазепѣ и не смотря на свою незначительную роль, успѣлъ получить населенную маетность. Передъ переселеніемъ въ Г—ку, Р. женился на дочери будущаго Прилуцк. полковника Носа, Ме-

---

[1]) Въ Румянц. оп.—«с. Г. при руцѣ, называемой Торговицѣ, на мѣстѣ низкомъ, при небольшой отъ полуденной стороны горѣ».

[2]) См. упоминаніе о Гирявкѣ Опис. Стар. Малор., II, 392.

[3]) Записки Черниг. Ст. Комит., II, 296.

[4]) См. Обозр. Румянц. Описи, стр. 230 и 257.

[5]) Записки Черниг. Стат. Комит., II, 297.

ланьѣ, которая въ это время была вдовою послѣ смерти перваго своего мужа, какого-то панка Быстрановскаго, оставившаго послѣ себя въ Старой значительное количество грунтовъ, которые вѣроятно и привлекли вниманіе Р. къ его вдовѣ.—Ставъ Гирявскимъ державцею, Р. прежде всего началъ скупать здѣсь разнаго рода земли („сѣножати, перелѣски, поля робочіе"), которыхъ, какъ видно, въ его маетности на долю державцы приходилось мало. При разслѣдованіи, послѣ смерти Радича, количества купленной имъ земли, оказалось, что послѣдней „вынайшлося волокъ сто" [2]) Интересно, что Р. покупалъ земли не только у козаковъ, но и у крестьянъ, т. е. у своихъ „подданныхъ", изъ чего хорошо видны тогдашнія отношенія къ послѣднимъ ихъ державцевъ. [3]) Послѣ измѣны Мазепы, Р., какъ и всѣ тогдашніе державцы, оставшіеся „вѣрными, въ тотъ же годъ (1708 г.) выхлопоталъ себѣ у новаго гетмана подтвердительный универсалъ на Г—ку; кромѣ того Р. умѣлъ выпросить у него же,

---

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) Въ «уволокѣ» обыкновенно считалось 12 десятинъ.

[3]) Приводимъ здѣсь одну изъ купчихъ на *лѣсъ* въ с. Г—кѣ, купленный Р—чемъ несомнѣнно у одного изъ своихъ «подданныхъ», такъ какъ продажа была заявлена не *атаману*, а *войту*, т. е. представителю крестьянъ. «Року 1694, мця априля дня 22. Передо мною Хвескомъ Петренкомъ, на тотъ часъ бывшимъ войтомъ Гиравскимъ, и при мнѣ сидячихъ людей зацнихъ и вѣри годнихъ, жителей Гиравскихъ на имя: Грицка Цѣнка, Сидора Саенка, Матвѣя Логвиненка, Ивана Болдѣя, Гаврила Ничипоренка, Левка Шила и иныхъ било не мало и того прислухаючихся, ижъ ставши очевисте зправа трѣзвий, не подпилий, на имя Назаръ, сестренецъ небожчика Микити Палчика, оповидался намъ, ижъ продалъ хату с плецемъ и с полемъ небожчика Микити Палчика, ему присуженую предъ судомъ войск. енералнимъ, за суму певную копъ 10, а особливе лѣсъ и сѣножатъ Палчиковскую за 40 золотихъ и за клячъ з лошамъ, славетне урожоному его млти пну Тымофѣю Радичу, державци Гиравскому, на вѣчные часы... Дѣялося в селѣ Гиравци, року и дня вишей писаного». «Писаръ того декрета Антонъ Косинскій, дякъ Гировскій». (*Съ подлинника*). Лѣсъ называемый Пальчиковскій—находится и нынѣ во владѣніи наслѣдниковъ Радича.

въ добавокъ еще и „селце Старое, где и хуторъ его найдуется". Въ слѣд. году (1709 г.) Р—чъ умеръ, оставивъ пять дочерей и внуку, отъ шестой дочери, умершей. Всѣ дочери выданы были замужъ еще при жизни отца: Марья—за Кр.-Колд. сотника Лащинскаго (с. 237), Ульяна—за б. тов. Максима Антоновича, Анна—за Кр.-Колд. козака Зуба, Настасья—за Конотопск. мѣщанина Тищенка и Марина—за Гирявскаго дьяка Фому. Персоналъ этихъ зятей показываетъ, что „державный панъ Гирявки", какъ подписывался Р—чъ, долженъ былъ породниться съ людьми, ниже его стоявшими, вслѣдствіе своей малоимущественности, которая, конечно, не привлекала жениховъ болѣе видныхъ.—По смерти Р—ча всѣмъ имѣніемъ стала распоряжаться его вдова, при помощи зятя Лащинскаго. Послѣдній въ 1717 г. лишился сотничества (с. 238), а вмѣстѣ съ нимъ и урядоваго села Попаръ. Послѣ этого Л—ій обратился къ гетману съ просьбою—утвердить за нимъ Г—ку, какъ „тестевское село" и получилъ тогда же (1717 г.) универсалъ, по которому Скоропадскій отдалъ это село Л—му „въ зуполное владѣніе", „респектуючи на войсковое услуги" его. Не смотря на наличность другого у Радича зятя, также несшаго войсковую службу, Антоновича, Г. оставалась въ исключительномъ владѣніи Лащинскаго до его смерти, а послѣ смерти Л-аго въ 1719 г., вдова его выпросила у гетмана слѣд. универсалъ: „мы, гетманъ, прошенію еи, п. Маріи Леонтьвой Л—ой, давши у себе мѣстце, а мѣючи въ свѣжой памяти войсковые покойного п. Л—ого услуги... велѣлисмо сей нашъ унѣверсалъ выдати, позволяючи еи, п. Л—ой, помянутою Г—кою владѣти". Но послѣ выдачи этого универсала, заявили свои претензіи на „тестевское" село и другіе зятья Р—ча. Въ 1721 г., между наслѣдниками послѣдняго состоялось слѣдующее соглашеніе: Лащинской уступлена была вся *жалованная* Гирявка, въ виду издержекъ понесенныхъ ея мужемъ при судебныхъ процессахъ съ пасынкомъ Р—ча Быстрановскимъ, за Радичевскія имѣнія, а всѣ земли, купленныя Р—чемъ—раздѣлены были на шесть частей, для пяти дочерей и шестой внучки Р—ча. Противъ этого раздѣла наслѣдники Р—ча не спорили пока живъ былъ Скоропадскій, который видимо покровительствовалъ Лащинскимъ, но затѣмъ зять Антоновичъ первый началъ въ

судѣ споръ, доказывая, что Г., какъ утвержденная за Р—чемъ царскою грамотою, должна быть раздѣлена между всѣми его наслѣдниками поровну. Хотя генер. судъ и отказалъ Антоновичу въ его домогательствѣ, но въ 1740 г. это рѣшеніе было генер. к—ріей отмѣнено и велѣно было с. Г—ку „съ полями пахатными, раздѣлить на пять персонъ, дочерамъ Т. Р—ча". Но такъ какъ двѣ изъ этихъ дочерей, Настасья и Марина, выйдя замужъ за „простыхъ людей", не имѣли права владѣть „шляхетскими добрами", то ихъ части были раздѣлены между остальными тремя сестрами, а Марина и Настасья получили деньги. [1]) Но и послѣ этого Антоновичъ долго еще спорилъ съ Лащинскими (вдовою Леонтія и ея сыномъ Петромъ), а когда умерли старики, то споръ продолжался между Петромъ Л—мъ и сыномъ Антоновича, Павломъ. Споръ усложнился тѣмъ, что мачеха послѣдняго (вышедшая замужъ за Григорія Костенецкаго) уговорила пасынка выдать ей какую-то „бумажку" на принадлежавшую ему часть Гирявки. Не давая никакого значенія этой „бумажкѣ", Лащинскіе по смерти Павла Ант—ча, завладѣли его частью Г—ки, изъ-за чего возникъ многолѣтній процессъ между Лащинскими и Костенецкими, кончившійся чуть не полнымъ разореніемъ первыхъ. Между прочимъ, Лащинскіе, желая спасти отъ Костенецкихъ свое Гирявское имѣніе, "умышленно" распродали его разнымъ своимъ сосѣдямъ-пріятелямъ, чѣмъ и объясняется появленіе въ к. XVIII в. въ Гирявкѣ новыхъ владѣльцевъ. **Кр. П.** 17 д. **А.** 27 д. **Б.** 26 д. **В.** 48 д. пс. 2 д. **Г.** 40 д. 47 х. пс. 5 бд. х. **Д.** 70 д. 96 х. пс. 1 бд. х. **Кз. В.** 17 д. **Г.** 18 д. 23 х. Црв. Покрова Б—цы. Свящ. Никита Чернышевъ. Въ опис. Г—ки 1780 г. значится: „лежитъ при болотѣ"; **коз.** 18 д. 56 х.; кр., ст. сов. Жоравки, 3 д. 4 х.; б. тов. Петра Лащинскаго, 14 д. 21 х., судьи Петра Базилевича, [2]) 25 д. 37 х.; в. тов. Якова Соколовскаго, 18 д. 21 х.; козака

---

[1]) Подробности см. въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 309.

[2]) Подробности процесса Лащинскихъ съ Костенецкими, см. тамъ же.

[3]) Впослѣдствіи Конотопскій городничій.

Шкитка Радича, [1]) 10 д. 13 х.; свящ. сына Ант. Голубицкаго, 1 х. подс.

С. Куриловка, рч. Торговица, въ перв. пол. XVII в. не упоминается; слѣдуетъ поэтому думать, что К. возникла только во втор. пол. этого вѣка,—вѣроятнѣе всего—во время правобережной „руины", такъ какъ и по описи 1666 г. она еще не значится. Очень мож. б., что К. поселена выходцами изъ правобережной Куриловки (Каневск. у.), перенесшими сюда названіе прежняго своего поселенія. Въ 1688 г. К. была отдана Мазепою правобережному выходцу, бывшему Корсунскому полковнику Федору Кандибѣ, за которымъ утверждена была и царскою грамотою, въ 1690 г. [2]) **Кр. А.** 37 д. **В.** 23 д. **В.** 47 д. **Г.** 45 д. 52 х. **Д.** 64 д. 82 х. **Пс.** 5 бд. х. **Кз. В** 4 д., а затѣмъ ихъ нѣтъ, потому, конечно, что земли ихъ были Кандибами „скуплены". Црк. Рождества Б—цы. Свящ. Лука Рудаковъ. По опис. Пащенка, въ К. показано „подданныхъ" б. т. Данила Кандибы, 64 д. 84 х. и Курил. свящ. подсос.—5 х.

Д. Шпотовка, болото р. Ромна, образовалась изъ Куриловскаго выселка и получило названіе по прозвищу крестьянъ Шпотъ, первыхъ ея насельниковъ.

Д. Капитановка, бол. р. Ромна, поселена однимъ изъ Кандибъ (Василіемъ) во втор. пол. XVIII в. и названа такъ по капитанскому чину ея основателя.

С. Пекари, р. Роменъ, въ перв. полов. XVII в. не упоминаются; вѣроятно, что П. поселены вмѣстѣ съ Куриловкою,—того же времени же выходцами изъ *сосѣдняго съ правобережною Куриловкою села Пекарей* [3]). Первымъ державцею Пекарей былъ такой же правобережный выходецъ какъ и Кандиба—Ива[illegible] Ли

---

[1]) Что это былъ за Шкитко Радичъ, видимо связывавшій себя съ первымъ Горявскимъ державцаю, мы не нашли объясненій.

[2]) О Кандибахъ и ихъ переселеніи съ прав. берега на лѣвый см. Опис. Ст. Малорос., II, 184 и слѣд. О вѣроятности основанія Куриловки выходцамъ изъ Каневской Куриловки см. ниже, с. *Пекари*.

[3]) Село это находится верстахъ въ 10-ти отъ Канева, но принадлежитъ къ уѣзду Черкасскому.

сица, бывшій передъ тѣмъ Брацлавскимъ полковникомъ. На лѣв. берегу Лисица получилъ отъ Самойловича охочепѣхотное полковничество и с. Пекари. Въ 1685 г. Лисица былъ посылаемъ гетманомъ въ Константинополь для переговоровъ съ тамошнимъ патріархомъ о подчиненіи Кіевск. митрополіи Московскому патріарху. (Солов., кн. Ш, 1000). При Мазепѣ Лисица также пользовался значеніемъ. Онъ оставилъ двѣ дочери, изъ которыхъ одна, Марья, была замужемъ за Городницкимъ сотникомъ Андреемъ Стаховичемъ, а друга—за бунч. тов. Вас. Дорошенкомъ. Между этими двумя дочерьми и были раздѣлены П. Часть П., доставшаяся Стаховичамъ, была раздѣлена вдовою Андрея Стаховича, въ 1731 г., между двумя ея сыновьями, Андреемъ и Григоріемъ, по духовному завѣщанію, такъ: „Половину грамотного[1]) села Пекаровъ з дворцемъ моимъ владѣльческимъ, мнѣ по родителяхъ моихъ в наслѣдіе доставшуюся, всю сполна въ мужикахъ, въ степу и во всѣхъ угодіяхъ, безъ остатка, старшому синовѣ моему Андрею ледую по смерти, а по жизнь мою оная половина П—въ при мнѣ, зъ синомъ меншимъ Григоріемъ, быть повинна въ владѣніи. Также въ с. П—хъ млинокъ вешнякъ, коштомъ его Андрея устроенний, отъ нынѣшняго времени на вѣчное ему поручаю владѣніе“.[2]) Другая половина П—рей принадлежала Василію Андреевичу Дорошенку. **Кр. А.** 20 д. **В.** 42 д. **В.** 22 д. **Г.** 27 д. 27 х. (Андр. и Григ. Стаховичей и Вас. Дорошенка). **Д.** 84 д. 105 х., б. тов. Ивана и Петра Стаховичей и пс. 3 бд. х. Пекар. свящ. Степана Рублевского.

Въ опис. 1780 г. „с. П. Лежитъ на лѣв. бер. рч. Ромна и особо сего имѣется тамъ притокъ, на коемъ плотинъ 3 и на нихъ 4 амбара“. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Степанъ Никитинъ (Рублевскій?),

„Слободка“ Савинцы, рч. Роменъ, поселена ок. 1730 г. Марьей Стаховичъ, какъ объ этомъ значится въ ея завѣщаніи;

---

[1]) Т. е. укрѣпленнаго царскою грамотою. Такія маетности назывались иначе—«грамотальными».

[2]) Духовное завѣщаніе Маріи Стаховичъ, въ подлинникѣ, въ нап. б—кѣ.

сказавъ о П—ряхъ, она говоритъ, что тамъ же „на грамотномъ степѣ Пекаровскомъ, надъ рудкою Ромномъ, осаженная мною слободка, прозваніемъ Савинки", послѣ ея смерти должна перейти къ сыну ея Григорію. Къ к. XVIII в. С—цы перешли къ Дорошенкамъ, вѣроятно взамѣнъ принадлежавшей имъ части въ Пекаряхъ, которые въ то время уже всецѣло принадлежали Стаховичамъ. Въ 1780 г. въ С. показано крест. б. т. Дорошенка 12 д. 17 х. 3 бд. х.

„Слободка" Базиловка, рч. Роменъ, поселена одновременно съ Савинцами, на другомъ берегу, Вас. Дорошенкомъ, по имени котораго и названа. О поселеніи Б. тамошній крестьянинъ въ 1731 г. такъ разсказывалъ: „жилъ я прежде въ Смѣломъ (Ром. у.), а потомъ слышачи, что п. Вас. Дорошенко зазываетъ на слободу, на три года, въ слободку свою Базиловку, и я перешелъ туда въ готовый домъ, понеже тамъ много было дворовъ пустыхъ." [1]) Поселяя Б., Дорошенко прихватилъ къ ней немало земли, которую Кандибы считали Куриловскою. Споръ за эту землю между Кандибами и Дорошенками длился чуть не до конца XVIII в. Кандибы жаловались на угрозы Дорошенка, что „пока де онъ у К—бъ степу не отниметъ, до тѣхъ поръ „валчиты" (спорить, тягаться) съ ними не перестанетъ;" а Д—ко, въ свою очередь, жаловался, что Вас. К—ба деревню его Базиловку въ конецъ разорилъ тѣмъ, что многихъ мужиковъ изъ той д. Б—ки въ Куриловку „свободно жить перезываетъ".[2]) Въ 1780 г. въ Б—кѣ показано 19 д. 21 х. 1 бд. х.

„Слободка" Вороновка. По вѣд. 1753 г. въ ней показано: 8 д. 8 х. 16 бд. х., а по вѣд. 1780 г.—16 д. 18 х. 2 бд. х., при чемъ владѣльцемъ показанъ б. тов. Стороженко.[3])

---

[1]) «Очерки», *д.д. Савинцы и Базиловка.*—При поселеніи слободъ, «державцы» почти всегда предварительно заготовляли для пришельцевъ хаты.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Другихъ свѣдѣній объ этой слб—кѣ мы не нашли и потому не можемъ объяснить какъ попало сюда владѣніе Стороженка и котораго изъ нихъ.

„**Слободка**“ **Юровка**, „притокъ безыменный“, поселена въ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣд. жалобы Роменск. протопопа Евстафія Стефановича, 1748 г.,—„имѣется у меня въ полку Прилуцкомъ, въ сотнѣ Кр.—Коляд., въ поляхъ с. Корибутова, на яру зовомомъ Глубокомъ, отческій мой футоръ, съ полемъ, прудомъ, млиномъ и двома въ немъ колесами; онимъ футоромъ владѣлъ отецъ мой пресвитеръ Крб—ій Стефанъ Ивановичъ, а по смерти его, братъ мой, попъ же Крб—ій Іоаннъ Стефановъ, спокойно по 1740 г. владѣлъ; а въ 1740 г., по смерти Іоанна Стефанова, который бездѣтенъ умре, когда бывшій г.-м. Юрій Вейсбахъ имѣлъ въ дирекціи—волости описныя, то оный футоръ мой по единой тому причинѣ, что онъ смеженъ съ описными волостми, насилно и нападочно отнялъ отъ меня, и нѣсколько дворовъ вблизости того моего футора, *на свое имя назвавъ Юревкою*, слободою населилъ“.[1]) Присоединенная къ Самборскому староству, Юровка затѣмъ поступила во владѣніе Разумовскаго. Въ 1780 г. въ ней показано крест. 47 д. 71 х.

С. **Фесевка**, „на лѣв. стор. рч. Ромна, въ чистыхъ поляхъ“, возникла не позже полов. XVII в., вѣроятно изъ какого-нибудь Корибутовскаго выселка. Ф. была свободна до 1713 г., когда отдана была Скоропадскимъ „на вспарте господарства“, Конотопскому стн—ку Костенецкому, въ родѣ котораго затѣмъ и остались.[2]) **Кр. П.** 5 д. **А.** 26 д. **В.** 51 д. **В.** 69 д. **Г.** 26 д. 60 х. **Д.** 45 д. 58 х. пс. 3 д. 5 х. 1 бд. х. **Кз. В.** 13 д. **Г.** 10 д. 14 х. пс. 3 бд. х. **Д.** 5 д. 9 х. По опс. 1780 г. показаны слѣд. владѣльцы крестьянъ: б. т. Григорій Костенецкій, 12 д. 15 х.; в. тов. Алексѣй Кст—ій, 13 д. 16 х.; в. тов. Іоасафъ Кст—ій, 4 д. 5 х.; дѣти умерш. Конотопск. сотн. Федора Кст—аго, 11 д. 16 х.; дѣти ум. в. тов. Мойсея Кст—аго, 5 д. 6 х. Пс. свящ. Фесевк. Федора Андреева 2 д. 4 х. Црк. пресв. Тройцы. Свщщ. Федоръ и Петръ Андріевскіе.

Слоб. Кошары, „въ прав. стор. отъ рч. Ромна, у протока, неимѣющаго названія“ (1780 г.), возникли около овечьихъ сара-

---

[1]) Тамъ же, *д. Юрьевка.*

[2]) Тамъ же, *д. Фесевка.*

евъ, наз. по-малорос. *кошарами*. Овечьи стада были здѣсь заведены при Меншиковѣ, для чего и была отдѣлена значительная часть степи, принадлежавшей къ с. Дептовкѣ. При Вейсбахѣ овцеводство было замѣнено коневодствомъ, причемъ для выпаса табуновъ захватъ Дептовской степи былъ увеличенъ; въ 1740 г. вся захваченная степь простиралась въ длину до 14-ти верстъ, а въ ширину—до 3-хъ. Послѣ уничтоженія конскаго завода (с. 290), около хутора остался обширный пустырь, привлекшій къ себѣ населеніе, при чемъ и образовалась слобода, получившая названіе *Кошаръ*. Во время Румянцовской описи, здѣсь было 41 хата, изъ которыхъ только у половины были дворы, а остальныя хаты были—бездворныя, слѣд. занятыя бѣдняками, не имѣвшими никакого скота. Изъ переписи 1780 г. видно, что первымъ поселенцемъ въ К. былъ Дептовскій козакъ Василій Сайно, пришедшій сюда въ 1730 г. [1]) По опис. 1780 г.—„подданыхъ" гр. Разумовскаго, 61 д. 84 х., 3 „конюшенныхъ хатъ", 17 „конюховъ изъ подданныхъ—хатъ".

С. Дептовка, лѣв. бер. рч. Ромна, возникла ок. половины XVII в., вѣроятно изъ выселка В. Самбора. находящагося напротивъ, чрезъ рѣку. Д. оставалась свободною до 1708 г., когда выпрошена была, вслѣдъ за измѣною Мазепы, тогдашнимъ Конотопскимъ сотникомъ Костенецкимъ, который при этомъ получилъ слѣд. любопытный универсалъ Скоропадскаго: „Суплѣковалъ до насъ п. Григорій *Воловатый*, сотникъ Конотопскій, просячи, обысмо надали ему село въ сотнѣ Краснянской Дептовку... Респектуючы, якъ на его мененного сотника Кнтпск—го зруйноване добръ чрезъ проходъ непріятельскій войскъ шведскихъ, такъ и на заслуги... надаемъ ему с. Д. Данъ въ *Лебединѣ, дек. 11 дня, року 1708.*" Затѣмъ слѣдуетъ подпись: „въ Подлипномъ. Звышменованний гетманъ рукою власною". Такимъ образомъ изъ этого универсала видно, что онъ „данъ" въ Лебединѣ, Харьк. губ., а подписанъ около Конотопа, въ с. Подлипномъ. Какъ извѣстно, въ декабрѣ, 1708 г., Петръ В. I, при участіи Меншикова, чинилъ въ Лебединѣ судъ надъ

---

[1]) «Очерки», *д. Кошары.*

согласниками Мазепы. Но тутъ же многіе изъ гетманцевъ, пользуясь случаемъ, сумѣли выпросить себѣ разныя милости въ видѣ урядовъ и маетностей, за показанную де ими въ Мазепиномъ дѣлѣ „вѣрность“. Распоряжался этими милостями, главнымъ образомъ, Меншиковъ, повидимому, даже безъ участія гетмана. Кажется, что этимъ случаемъ воспользовался и Григорій Костенецкій и выпросилъ себѣ у Меншикова Дептовку, помимо Скоропадскаго. Такъ можно думать какъ потому, что универсалъ „данъ“ въ Лебединѣ, а подписанъ въ с. Подлипномъ, около Конотопа, такъ и потому, что Костенецкій въ этомъ универсалѣ названъ не родовымъ своимъ прозвищемъ, а „уличнымъ“—Волёватымъ; [1]) названъ онъ такъ, слѣдуетъ думать, потому, что универсалъ писался не въ гетманской канцеляріи, въ которой не допустили бы такой невѣжливой ошибки относительно сотника оч. близкой къ Батурину сотни, а какимъ нибудь Меншиковскимъ писаремъ-гетманцемъ, который зналъ Костенецкаго только подъ его „уличнымъ“ прозвищемъ. Поэтому вѣроятно, что универсалъ К—му на Дептовку далъ Меншиковъ въ Лебединѣ, а подписалъ универсалъ Скоропадскій тамъ, гдѣ его настигъ К—ій, съ этимъ универсаломъ въ рукахъ. Впрочемъ, Д. не осталась у Костенецкаго, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ она является попрежнему свободнымъ селомъ; можетъ быть это произошло оттого, что гетману неудобно было отдавать Д. по ея нахожденію среди Самборскаго староства. Другая попытка на захватъ Д—ки сдѣлана была „господаремъ“ Скоропадскаго, Иваномъ Даровскимъ, который сталъ было усиленно здѣсь скупать земли и садить, на общественномъ выгонѣ, своихъ подсосѣдковъ. Смерть помѣшала Даровскому закрѣпить за собою намѣченную маетность. А когда по смерти его, Дептовцы пожаловались Полуботку (слѣд. во время Вельяминовской коллегіи) на захватъ Даровскимъ ихъ общественнаго выгона, то изъ Глухова было приказано послѣдній очистить отъ построенныхъ на немъ хатъ. Но рѣшеніе Полуботка не было приведено въ исполненіе, такъ какъ вдова Да-

---

[1]) Объ этомъ прозвищѣ Костенецкаго см. «Очерки», с. *Дептовка*, стр. 13, и Опис. Стар. Малорос., II, 200.

ровскаго (дочь полк. сотника Петра Носенка) почти въ тоже время вышла замужъ за сына Андрея Гудовича, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ прислужниковъ Меншикова. Вотъ этотъ второй мужъ Даровской, Василій Гудовичъ, обратился въ генер. к—рію съ просьбою—отмѣнить распоряженіе о сносѣ хатъ его жены. Ходатайство такого лица „правители" не посмѣли не уважить и „скупля" Даровскаго была возвращена его вдовѣ и дѣтямъ. Но такъ какъ Дептовское хозяйство было не съ руки Гудовичу, имѣнія котораго находились въ Стародубщинѣ, то онъ Дептовскую „скуплю" тогда же продалъ Хмеловскому сотнику Шкляревичу. Коренные крестьяне Д—ки и при Гудовичѣ оставались впрочемъ свободными, пока Вейсбахъ не присоединилъ ихъ въ 1740 г. къ Самборскому староству. Впрочемъ, свободныхъ крестьянъ въ это время въ Д. оставалось всего 13 двор.. такъ какъ въ „ратушныхъ" селахъ крестьяне незамѣтно переписывались въ козачество, которое поэтому въ такихъ селахъ и преобладало. Но и у Шкл—ча Д—ая скупля оставалась недолго; онъ ее продалъ ген. подск. Скоропадскому, въ купчей котораго (1744 г.) значилось, что онъ купилъ у Шкл—ча „хуторъ при с. Дептовкѣ, дворъ надъ р. Ромномъ, при которомъ (находится) левада съ поселившимися на ней подсосѣдками, пять лѣсовъ, пôля въ трехъ рукахъ 84 дня, ставокъ въ степу, близъ Кошаръ" и проч., за 161 р. [1]) **Кр. П.** 24 х. **А.** 62 д. **В.** ? **В.** 26 д. пс. 9 д. **Г.** 25 д. 35 х. [1]) **Д.** 26 д. 41 х. (гр. Разумовскаго). **Кз. В.** 84 д. **Г.** 90 д. 119 х. **Д.** 144 д. 367 х. По опис. 1780 года, козаковъ показано тоже количество, а крест.: а) Батур. волости, 26 д. 41 х., майора Як. Скоропадскаго, 10 д. 12 х., войск. купца Романа Соколовскаго, подсосѣдк. 10 х., Голенск. сот. писаря Павленка, 2 д. 6 х. и друг. подс. 4 д. 5 х. **Црк.** Рождества Б—цы. Свщ. Иванъ Стефановичъ.

---

[1]) «Очерки», с. *Дептовка.*

[1]) Всѣ эти крестьяне по ревизіи 1740 г. названы «описными», т. е. присоединенными къ Самборскому староству, но это невѣрно, такъ какъ въ это количество видимо вошли и крестьяне Шкляревича, что̂ видно изъ вѣд. 1753 г., въ которой Дептовскіе кр—не

Иваницкая сотня, заключая въ себѣ всего шесть селъ, занимала незначительное пространство береговъ Смоши и двухъ ея притоковъ (с. 75). Иваницкая сотня существовала съ 1649 г.

Иваницкіе сотники. Степанъ Степаненко, 1653 (Акты Ю. З. Р., X. 196). **Савва Мищенко**, 1672. **Григорій Ивановичъ Волошинъ (Григорашъ)**, 1710—721. **Иванъ Андреевичъ Стороженко**, 1721—727. **Павелъ Миницкій**, 1727—737. **Федоръ Свирскій**, 1738—764. **Григорій Андреевичъ Стороженко**, 1770—781.

Волошинъ, судя по прозвищу, былъ по происхожденію *волохъ*, т. е. одинъ изъ тѣхъ молдаванъ, которыхъ, съ легкой руки Апостоловъ, немало пробралось въ гетманщину, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ успѣли получить болѣе или менѣе значительные уряды. [1]) На ряду съ ними и Волошинъ получилъ сотничій урядъ въ Иваницѣ. Можетъ быть, что В. былъ сыномъ, или какимъ-нибудь родичемъ, Брацлавскаго полковника Ивана Григораша, (который въ Мазепину измѣну чѣмъ-то заслужилъ особое вниманіе царя [2]) и въ такомъ случаѣ В. могъ получить сотничій урядъ по предстательству этого полковника. Впрочемъ, В. находился въ какомъ то свойствѣ и съ Скоропадскимъ (см. с. Бережовка). Вмѣстѣ съ урядомъ В. получилъ и урядовую сотничью маетность с. Бережовку. Просотниковавъ ок. 10-ти лѣтъ, В. по какимъ-то обвиненіямъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его судили и осудили, чтобы ему „впредь никогда ни въ какихъ чинахъ не быть“.[3]) Судили В., по всѣмъ вѣроятіямъ, за насилія надъ сотнями, судя по сохранившемуся указанію на от-

---

показаны такъ: а) принадлежащихъ къ В. Самборскому дворцу—5 д. 5 х. 12 бд. х. и б) ген. подск. Скоропадскаго—2 д. 2 х. 16 бд. х. Пс. 3 д. 3 х. 3 бд. х.

[1]) Эти выходцы очень часто усваивали себѣ фамилію Волошиныхъ, показывая себя, въ к. XVIII в., выходцами «изъ Молдавіи, изъ тамошняго шляхетства». См. въ арх. Полтавск. двор. собранія, дѣла №№ 166, 167, 146, 41, 110 и друг.

[2]) См. Матеріалы военно-учен. арх. главн. штаба (Спб. 1871), т. I, стр. 658, 732, 844.

[3]) Слѣдствіе о маетности Прилуцк. полка, с. *Бережовка*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА. **А. А.** . . . . 277—303

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока** . . . . 304—330

III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе).* **Л. Яновской.** . 331—362

IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). **Гр. Коваленка.** . . . . . 363—400

V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . 401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судьенка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ;** е) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій;** ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. **И. Каманина**. . . . . . 77—95

Текущія извѣстія . . . . 96—104

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. **Н. Шугурова;** б) В. Радичъ. Запорожская старина. **В. Д.;** в) «Материяли до украïнсько-руськоі етнольогіі». **А. Малинка;** г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библіотека. **В. Д.;** д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 105—138

Археологическая лѣтопись. . . . . 139—149

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 20 и 21. . . . . . 305—336

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 іюля 1901 года.

Изданie Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ

12
УКРАИНСЬКЫХЪ ПИСЕНЬ

для мишаного хору

(Сопрано, Альтъ, Теноръ, Васъ)

зъ проводомъ фортепьяна

уложывъ

ЯНЪ ГАЛЛЬ

Директоръ спивачого Товариства „Эхо“ у Львови.

1) Ой на гори та женци жнуть. 2) Оддала мене моя матинка. 3) А я люблю Петруся. 4) Часъ до дому часъ. 5) Та не люблю я ни Стецька ни Грыцька. 6) Чайка. 7) Йихавъ козакъ за Дунай. 8) Чыя прычына ростання мого. 9) Дивка въ синяхъ стояла. 10) Не ходы Грыцю на вечерныци 11) У сусида хата била. 12) Ой Морозе Морозеньку, ты славный козаче. Дума.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Адресъ: Леону Идзиковскому въ г. Кіевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 74-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1901 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. Формы труда у евреевъ въ южной Россіи. (Историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** . . . . 1—45

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока**. . . . . 46—102

III. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧЫ. Повисть. *(Окончаніе)*. **Б. Гринченка**. . . . . 103—168

IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . 159—209

V. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) *(Продолженіе)*. . . . . 210—248

VI. ГОРОДЯНКА. Повисть. ***Л. Яновской***. . . . . 249—276

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Практика смертной казни въ Старой Малороссіи; б) Къ исторіи „войсковаго скарба“; в) Остатки преданія о Гонтѣ. **Ѳ. Ѳ.**; г) Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубъ лѣса. 1723 г.; д) Какъ обѣднѣли Оболонскіе; е) Для

исторіи «Основы»; ж) Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; и) «Парубоцьки громады» въ г. Маякахъ, Херсонск. губ. **П. П.**; і) Поправка . . . . 1—20
Текущія извѣстія . . . . 20—28
I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 108-й. **Ф. Матушевскій** б) В. Б. Богородицкій. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ села Сушки, Золотоношскаго у., Полт. губ. **К. М.**; в) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. Т. XXXIX, XL и XLI. **В. Д.**; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 29—66
Археологическая лѣтопись . . . . 67—76
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 18-й и 19-й 273—304

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА. **А. А.** . . . . 277—303
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока** . . . . 304—330
III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе)*. **Л. Яновской**. . 331—362
IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). **Гр. Коваленка**. . . . . 363—400
V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . 401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судь-

енка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; е) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій**; ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. **И. Каманина** . . . . . . 77—95

Текущія извѣстія . . . . 96—104

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. **Н. Шугурова**; б) В. Радичъ. Запорожская старина. **В. Д.**; в) «Материяли до украінсько-руськоі етнольогіі». **А. Малинка**; г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библіотека. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 105—138

Археологическая лѣтопись . . . . 139—149

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 20 и 21. . . . . . 305—336

Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава. [1])

Положеніе представителей мѣщанскаго сословія въ полковыхъ городахъ Малороссіи, городскихъ войтовъ, въ прошломъ вѣкѣ было весьма жалкое. Въ то время, какъ полковая козацкая старшина, старательно обособляясь въ привилегированное сословіе, усиленно и спѣшно захватывала разнаго рода ранговыя угодья въ личную собственность, стараясь всѣми правдами и неправдами закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, урядники городскіе, войты и бурмистры, безсильные передъ „командой" полковою, подбирали крохи общественнаго пирога, пользуясь немногими прерогативами своей власти ради личныхъ

---

1) Въ 8-ой кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г. напечатана была мною „Страничка изъ прошлаго г. Переяслава", составленная на основаніи имѣвшихся тогда у меня подъ руками архивныхъ «дѣлъ». Въ IV-й гл. этой статейки представлены уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ полкового начальства къ городскому магистрату. Мнѣ тогда же хотѣлось собрать возможно болѣе полныя свѣдѣнія хотя бы объ одномъ изъ войтовъ, упоминаемыхъ въ названныхъ «дѣлахъ», чтобы въ біографическомъ очеркѣ возможно живѣе представлялось положеніе представителя мѣщанства; но, къ сожалѣнію, давно разставшись съ архивомъ и потерявъ надежду вернуться къ нему, я не могу уже исполнить своего желанія; настоящую же статейку рѣшаюсь напечатать просто затѣмъ, чтобы не пропали сохранившіяся у меня замѣтки, которыя, быть можетъ, пригодятся болѣе счастливому и умѣлому изслѣдователю Переяславской старины.

своихъ интересовъ. Мелкою борьбой изъ-за этихъ крохъ наполнена дѣятельность и Переяславскихъ войтовъ, фигурирующихъ въ томъ множествѣ „дѣлъ" Переяславской Полковой Канцеляріи, какія довелось мнѣ въ свое время пересмотрѣть. Оставшіяся у меня отъ этого пересмотра замѣтки и выписки и послужили матеріаломъ для настоящаго сообщенія о двухъ Переяславскихъ войтахъ.

I.

Кирилло Савоновъ, избранный переяславскимъ войтомъ въ 1740 г., занимался купеческимъ чумацкимъ промысломъ, а потому часто отлучался по торговымъ дѣламъ изъ города, ѣздилъ заграницу, т. е. въ Заднѣпровскую Украину и въ Волынщину возилъ туда деготь, рыбу, привозилъ оттуда волоскіе орѣхи, вино. Человѣкъ малограмотный, Савоновъ однакоже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ власть, писаря магистратскаго держалъ въ строгомъ подчиненіи, всячески сокращая письменное „дѣлопроизводство", и другихъ городскихъ урядниковъ подбиралъ по своему вкусу, по отношенію къ полковымъ властямъ старался держаться по возможности самостоятельно.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, Савоновъ возбудилъ вопросъ о незаконномъ завладѣніи полковникомъ Сулимою городскимъ предмѣстьемъ Подварками, чѣмъ сразу и вооружилъ противъ себя и полковника, и всю полковую старшину. Дѣло это тянулось около 12 лѣтъ и окончилось въ пользу города: въ 1762 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, утвердившій права магистрата на владѣніе Подварками. [1]) Съ этого то вре-

[1]) Хотя это дѣло и было окончено, такъ сказать, въ существенной своей части въ 1752 г., но ни полковникъ Семенъ Сулима, ни его наслѣдники не хотѣли примириться съ состоявшимся рѣшеніемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ любопытной «жалобы ротмистра Евстафія Семеновича Сулимы въ Малорос. Коллегію на рѣшеніе слѣдственной комиссіи о магистратскихъ въ г. Переяславѣ имѣніяхъ»

мени особенно энергично начинаютъ донимать Савонова „дѣлами“, привлекая его къ отвѣту то въ Полковую Переяславскую, то въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

Въ 1750 г. канцеляристъ Переяславской Полковой Канцеляріи Никифоръ Зубковскій донесъ, будто войтъ Савоновъ присвоилъ себѣ около 250 р. магистратскихъ денегъ, оставшихся послѣ бывшаго въ г. Переяславѣ въ 1748 г. большого пожара, когда сгорѣла и магистратская изба. Назначено было слѣдствіе, но дѣла оно надлежащимъ образомъ не выяснило, войту же Савонову причинило хлопотъ не мало: пришлось и въ Глуховъ самому не разъ съѣздить, и въ Переяславскую Полковую Канцелярію явиться въ качествѣ обвиняемаго.

Самъ Савоновъ во время пожара въ городѣ не былъ, а магистратскія деньги спасали бурмистръ Романенко и райца Іосифовъ, при чемъ у этого послѣдняго деньги серебряныя, разсыпавшіяся было изъ боченка, побывали „за пазухой“ и, собранныя въ особый мѣшечекъ, были нѣсколько дней спустя, вмѣстѣ съ мѣдными деньгами въ боченкѣ, доставлены въ домъ войта и, запечатанныя тремя печатьми, поставлены въ погребъ. По пріѣздѣ войта деньги были сосчитаны и ихъ оказалось всего 86 р. 39 к., а было ихъ до пожара 322 р. 97 к. Объ этомъ своевременно магистратъ донесъ въ В. Г. К., ходатайствуя о разрѣшеніи употребить оставшіяся деньги на постройку магистрата. Но

1770 г., помѣщенной въ «Мотыжинскомъ Архивѣ» изд. Савицкихъ по № 90 на стр. 190. Этотъ Архивъ, рядомъ съ «Сулимовскимъ Архивомъ», заключаетъ вообще богатый матеріалъ для иллюстраціи того процесса, какимъ наростали земельныя богатства не одного полковника Сулимы, но и всей полковой старшины. Но пріобрѣтательскіе таланты Семена Сулимы особенно ярко живописуются этими документами. Полная безпомощность массы предъ такими пріобрѣтателями особенно наглядно представляется въ любопытнѣйшихъ документахъ, помѣщенныхъ въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 41, «Бумаги по доносу Переяславской полковой старшины на своего полковника Семена Сулиму за злоупотребленія въ полковыхъ дѣлахъ 1746—1752 г».

райца Іосифовъ, враждовавшій съ Савоновымъ, при счетѣ денегъ въ домѣ войта обратилъ вниманіе на то, что одна изъ печатей была испорчена и что деньги были не всѣ. Объ этомъ онъ просилъ писаря Кондратова написать доносъ, когда они втроемъ (т. е. Іосифовъ, войтъ и писарь) были по магистратскимъ дѣламъ въ Москвѣ, но Кондратовъ будто-бы отъ этого уклонился. Доносъ этотъ, на основаніи словъ того-же Іосифова, и написалъ канцеляристъ Зубковскій отъ себя, надѣясь за это получить извѣстное вознагражденіе.

Слѣдственная Коммиссія, собравши массу показаній, въ значительной части совершенно не относящихся къ дѣлу, пришла къ совсѣмъ таки необоснованному заключенію въ виновности Савонова, съ котораго де и слѣдуетъ „похищенную имъ сумму 236 р. 58 к. удвое доправить“, а его самого, „лишивъ чина, наказать вязеньемъ“.

Недовольный тѣмъ, что въ заключеніи Коммиссіи не упомянуто о награжденіи доносителя, Зубковскій подалъ въ В. Г. К. новый доносъ на войта, якобы употреблявшаго „подданныхъ магистрата въ партикулярныя свои работизны“, отчего де эти подданные и уходятъ къ частнымъ владѣльцамъ, а въ заключеніе просилъ о „надлежащемъ его, доносителя, награжденіи за вѣрный доносъ“. Въ свою очередь и Савоновъ подалъ въ В. Г. К. челобитную на Высоч. имя, жалуясь на пристрастіе слѣдователей и на интриги Зубковскаго, который является орудіемъ полковой старшины, издавна не благоволящей къ магистрату. [1])

Для далекихъ отлучекъ своихъ изъ города, Савонову приходилось брать паспортъ изъ Полковой Канцеляріи, которая при

---

[1]) Никифоръ Зубковскій скоро изъ полковыхъ канцеляристовъ попалъ въ городовые атаманы; но, видно, не козацкая служба его привлекала: въ качествѣ мѣстнаго обывателя, хорошо знакомаго съ существовавшими канцелярскими порядками, онъ стремился прибрать въ свои руки дѣла магистратскія и энергически добивался должности войта, какъ это видно изъ любопытнаго доношенія магистрата отъ 15 іюля 1765 г. (см. Приложеніе № 1).

этомъ не упускала, конечно, случая представлять „вышней командѣ“ о малѣйшей неисправности войта въ соблюденіи сроковъ. Такъ, въ ноябрѣ 1753 г. полковникъ Сулима донесъ В. Г. К., что войтъ Савоновъ поѣхавши заграницу, для взысканія долговъ, на срокъ не явился, что уже и двойной срокъ прошелъ, а его все нѣтъ, и гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Прибывъ только въ январѣ 1754 г., Савоновъ объяснилъ, что ему долго пришлось разыскивать должника своего, немировскаго жителя, Григорія Перехриста, ѣздить за нимъ и въ Волощину въ г. Гуши, больше мѣсяца проболѣть въ дорогѣ, а потому онъ, Савоновъ, и явиться къ сроку не могъ. Во время отлучекъ войта, дѣлами магистратскими управляли очередные бурмистры. Дѣла эти, конечно, были несложны, но все же требовали хозяйскаго глаза. Глазъ этотъ устремлялся главнымъ образомъ на исправное собираніе разныхъ въ пользу города поступленій. Собираніе это, очевидно, представляло трудъ немалый, въ виду общаго уклоненія отъ магистратскихъ сборовъ. Уклоненію этому не мало содѣйствовала Полтавская Канцелярія, потворствуя переходу обывателей подъ ея „команду“ изъ подъ вѣдомства магистрата. На этой почвѣ то и дѣло происходили пререканія между магистратомъ и Полковой Канцеляріей. Въ ноябрѣ 1752 г. войтъ Савоновъ вынужденъ былъ по поводу одного частнаго случая жаловаться гетману на такія отношенія полковой „команды“ къ магистрату. Мѣщанинъ Сизонъ Давидовъ, выстроившій на принадлежащемъ городу мѣстѣ „шинковую избу и избу зъ ліодовнею“, съ 1745 г. пересталъ платить годовой окладъ, опредѣленный въ доходъ магистрата за эти строенія, ссылаясь на то, что сынъ его, Сергій Сизоновичъ, поступилъ на службу въ Полковую Канцелярію канцеляристомъ, а потому де и „тое мѣсто магистратовое уже заслужилъ и позволеніе имѣетъ отъ Полковой Канцеляріи“. Возобновивши послѣ пожара 1748 г. свои постройки въ болѣе обширномъ видѣ, Сизоновичъ заявилъ магистрату, что онъ будетъ платить за нихъ по одному рублю въ годъ, а между тѣмъ по магистратскому окладу онъ долженъ былъ платить по десяти рублей. Жалуясь на происходящую отъ столь продолжительнаго неплатежа оклад-

ныхъ денегъ „знатную обиду", войтъ жаловался главнымъ образомъ на потворство такому „самовольству и протчимъ наставленію и образцу" со стороны Полковой Канцеляріи. Принимая подъ свою защиту обывателей, уклонявшихся отъ магистратскихъ сборовъ, Полковая Канцелярія была строга въ своихъ требованіяхъ относительно исполненія магистратомъ обязательныхъ для него повинностей (почтовая, квартирная, дорожная и др.). Одно содержаніе въ исправности городской „гати" то и дѣло вызывало строгія внушенія со стороны Полковой Канцеляріи. На этой греблѣ находилось нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ Переяславскому монастырю и частнымъ владѣльцамъ козацкаго званія. Было одно „мельничное мѣсто" и во владѣніи магистрата, но оно ежегодно во время половодья „прорвами" сносилось, а за „тщетнымъ избѣгомъ воды" причинялся вредъ и другимъ мельницамъ. Все это приписывалось „крайнему нерадѣнію о добромъ угаченіи" войта Савонова, которому и не переставала строго выговаривать Полковая Канцелярія, но никакого дѣйствія выговоры эти не имѣли. Весною 1754 г. Полковая канцелярія вынуждена была, помимо магистрата, своими усиліями ту „прорву загатить", такъ какъ по упомянутой гати, представлявшей главную дорогу въ городъ, не только проѣздъ, но и проходъ былъ невозможенъ. [1])

---

[1]) Этой плотинѣ долго пришлось, представляя изъ себя крупнѣйшее изъ городскихъ неблагоустройствъ, фигурировать въ оффиціальной перепискѣ, вызывать нескончаемый рядъ предписаній, внушеній, «подтвержденій» со стороны разныхъ властей. Такъ, въ дѣлахъ Кіев. Намѣстническаго Правленія я встрѣтилъ слѣдующее предложеніе гр. Румянцева-Задунайскаго отъ 30-го іюня 1785 г.:

«Отправляющій въ Переяславѣ должность городничаго капитанъ Червинскій рапортуетъ меня, что плотина, около Переяслава и на главномъ тракту лежащая, владѣльцами, по многимъ его притвержденіямъ, не починяется и проѣзду черезъ ее нѣтъ; да и въ самомъ городѣ Переяславѣ улицы также не отдѣланы, и чего сдѣлать, помѣщиковъ по упрямости, а обывателей того города по скудости, не можно.

О неисправномъ содержаніи этой гати жаловался непосредственно въ В. Г. К. и намѣстникъ катедры Переяславской іером. Сильвестръ, прося „найкрѣпчайше притвердить“ и т. д. Что приходилось терпѣть низшимъ магистратскимъ урядникамъ при исполненіи, напр., почтовой повинности, это можно видѣть хотя бы изъ одного „доношенія бурмистра Щирого, который писалъ, что отецъ его, служившій бурмистромъ 30 лѣтъ, „въ оной службѣ будучи во время военное, проѣзжаючими курьерами и ѣздоками съ указными пакеты прибитъ, отчего и умре“.

При маломъ числѣ подвѣдомыхъ магистрату, исполненіе общественныхъ повинностей представляло, конечно, не малое бремя; но отягчалось оно еще болѣе тѣми „партикулярными работами“, къ которымъ привлекалъ войтъ подвѣдомыхъ магистрату людей. Были поэтому жалобы и со стороны людей, ѣздившихъ съ войтомъ по его торговымъ дѣламъ. Такъ, въ 1753 г. мѣщанинъ Романъ Терещенко, проѣздившій съ войтомъ 28 недѣль, жаловался, что тотъ не удовлетворилъ его по уговору. Договорилъ его Савоновъ отвезти только въ м. Лысянку рыбу на парѣ лошадей съ платою по 60 к. отъ тысячи. Но рыба не была продана въ Лысянкѣ и пришлось возить ее въ Бѣлую Церковь и Володарку. Затѣмъ уже, вопреки желанію Терещенка, Савоновъ заставилъ его ѣхать съ нимъ въ Бендеры, везти туда бочку дегтю. Здѣсь Терещенко лишился лошадей и вынужденъ былъ идти при воловыхъ возахъ до Дуная въ г. Стойловъ, оттуда въ г. Килію, а тамъ за Прутъ въ г. Уши, гдѣ накупили „орѣховъ, саквъ, резинковъ и вина“. Купилъ Терещенко и на свою долю орѣховъ, но, по пріѣздѣ въ Переяславъ, войтъ отнялъ ихъ у него, а за всю дорогу и за взятую имъ себѣ

Я препоручаю Намѣстническому Правленію принять надлежащія мѣры, чтобы, не упуская теперь способствующаго еще къ тому времени, мосты и дороги найлучше обдѣланы были, владѣльцамъ, а также и гражданамъ предложить, что сіе дѣло сопряжено съ добромъ ихъ и есть общественное въ разсужденіи ожидаемаго сюда Е. И. В. шествія».

одну лошадь заплатилъ всего 7 р., тогда какъ одна лошадь съ возомъ и упряжью стоили по крайней мѣрѣ 10 р.

Съ появленіемъ въ магистратѣ въ должности писаря Григорія Гуртовича, посыпались на войта жалобы за употребленіе имъ въ партикулярныя работы подчиненныхъ магистрату людей.

Уже въ январѣ 1754 г., по наущенію Гуртовича, въ отсутствіе войта, магистратъ послалъ въ Ген. Войск. Канц. жалобу на то, что „городовыхъ мѣщанъ и разныхъ цеховыхъ людей“ войтъ Савоновъ „время отъ времени началъ несносными тягостми по своимъ собственнымъ нуждамъ отягощать и въ работу разную и дороги чумацкія съ промислами своими употреблять“.

Предвидя какъ бы естественный со стороны „вышней команды“ вопросъ,—почему до сихъ поръ ничего подобнаго ей не сообщалось о войтѣ Савоновѣ, занимавшемъ свою должность уже 14-й годъ, магистратъ писалъ, что онъ умалчивалъ объ этомъ до сихъ поръ потому, что жалобъ въ магистратъ отъ отдѣльныхъ лицъ не поступало, а теперь де стали таковыя поступать. Такъ, сего-де 20-го Января „подданный магистратовый“ Иванъ Дудченко подалъ жалобу на войта, заявивъ, что тотъ его избилъ по щекамъ за то, что онъ не захотѣлъ поѣхать на ту сторону Днѣпра по дѣламъ войта, а потомъ де „положа велѣлъ плетью бить, да послѣ самъ палицею билъ немилостиво“. Описавъ знаки побоевъ у Дудченка, магистратъ просилъ В. Г. К. обязать Савонова подпискою, *помимо Полк. Переясл. Канц.*, чтобы онъ впредь не употреблялъ подвѣдомыхъ магистрату людей въ свои партикулярныя работы.

Отвѣтъ по этой жалобѣ пришлось Савонову давать, передъ „Полковой переяславской счетной комиссіей“. Конечно, онъ отрицалъ всякое злоупотребленіе своею властью, но заявилъ, что когда нужно ему куда ѣхать, то „человѣка одного или двохъ по командѣ своей, для чести и обереженія здоровья своего, взималъ“; Дудченка же наказалъ плетью потому, что тотъ „ослушенъ учинился магистратовому приказу и не схотѣлъ поѣхать по магистратскому дѣлу съ писаремъ въ г. Глуховъ и

посланныхъ слугъ съ бранью изъ дому своего выгонилъ, ослушаясь команды".

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія войтъ поѣхалъ въ Глуховъ, а вслѣдъ за нимъ писарь Гуртовичъ послалъ на него доносъ въ В. Г. К., заявляя, что-де войтъ, взявши съ собой нѣсколько мужиковъ съ подводами, отправилъ сына своего „съ купеческими промыслы на ярмарки" съ тремя магистратскими мужиками, которые „принуждены хотя тайно урядникамъ магистратскимъ о той своей обидѣ и нуждѣ жаловатись, объявляя, что они отъ такихъ нуждъ разойдутся съ подъ магистрата прочь въ другія мѣста". Когда Савонову, по пріѣздѣ его въ Глуховъ въ В. Г. К., предъявленъ былъ этотъ доносъ, то онъ объяснилъ, что съ сыномъ его поѣхали мужики по добровольному найму „по полтинѣ за съѣздъ", для себя же онъ взялъ двоихъ съ ихъ лошадьми „по примѣру прежде бывшихъ въ магистратѣ Переясловскомъ войтовъ, которіе, егда было куда по майстратскимъ дѣламъ ѣдутъ, то имъ майстротовихъ подданныхъ не токмо по два, по пяти и по шести человѣкъ для послуги взять невозбранно было".

Тѣмъ не менѣе въ В. Г. К. взята была съ Савонова подписка въ томъ, что для личныхъ своихъ частныхъ надобностей онъ подданныхъ магистратскихъ употреблять не будетъ.

Что Савоновъ пользовался своимъ положеніемъ войта и для личныхъ своихъ выгодъ, это, конечно, несомнѣнно, но жалобы на это появляются лишь тогда, когда, по неосторожности самого же Савонова, на должность магистратскаго писаря опредѣленъ былъ въ Январѣ 1754 г. войсковой канцеляристъ Григорій Гуртовичъ, большой, какъ видно, любитель „писательства", изучившій канцелярское производство въ самомъ Глуховѣ. Объ этомъ писарѣ имѣлись у меня два любопытныя „дополненія" войта Савонова въ В. Г. К.

Въ первомъ, отъ 15-го Янв. 1754 г., войтъ писалъ, что де въ г. Переяславѣ изъ мѣстныхъ людей, не воинскаго званія, рѣшительно некого избрать въ должность писаря; изъ постороннихъ же людей, въ виду „гонительства Пер. Полк. Канце-

ляріи, на магистратъ чинимаго, никто не отваживается", а потому всѣ бурмистры и райцы, въ отсутствіи его, войта, пригласили къ исправленію должности магистратскаго писаря проживающаго въ г. Переяславѣ войсковаго канцеляриста Гуртовича, объ утвержденіи котораго въ должности теперь онъ, войтъ, и проситъ В. Г. К—ію. Но уже черезъ два мѣсяца Савоновъ просилъ объ удаленіи Гуртовича, заявляя, что прежнее свое представленіе онъ сдѣлалъ необдуманно, по настоянію другихъ магистратскихъ урядниковъ, которые, въ его отсутствіе, устранили прежняго писаря Симона Кондратова и представили ему, войту, Гуртовича, какъ человѣка, который можетъ добывать для магистрата „полезнѣйшіе резолюціи". Но Гуртовичъ, еще и не принявши дѣлъ, началъ строить противъ войта разные „ябедническіе проэкты къ развращенію чести моей, яко бы въ употребленіи мною магистратскихъ людей въ партикулярную работу, и, забирая надо мною первенство, запретилъ никому никакихъ моихъ приказовъ мене не слушаться". Кромѣ того, Гуртовичъ потребовалъ себѣ въ жалованье 50 р. въ годъ деньгами, да 20 четвертей борошна и протчаго, „чего при магистратѣ и издревле никогда не водилось", и всегда писаря служили за 10 р. въ годъ.

Удалить однако Гуртовича Савонову не удалось. Искусившійся въ производствѣ бумажныхъ дѣлъ писарь успѣлъ въ нѣскольких „доношеніяхъ" въ В. Г. К. изобразить „дѣла" Переяславскаго магистрата въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, хотя и жаловался при этомъ, что войтъ не передаетъ ему никакихъ „дѣлъ", хранящихся въ собственной его „коморѣ". Все „письмоводство" Переяславскаго магистрата представляется войсковому канцеляристу „едному смѣху подобное": „и протоколы, и приходо-расходныя книги на тетрадкахъ вчернѣ безъ всякихъ обстоятельствъ пишутся весьма гнусно". Всѣ заведенные войтомъ порядки, по словамъ Гуртовича, таковы, что „и въ самого послѣдняго войта сельского могутъ сыскаться лучшіе, чѣмъ въ здѣшнемъ магистратѣ", гдѣ царитъ войтово „простолюдственное похотѣніе".

Въ отвѣтъ на эти заявленія Гуртовича послѣдовалъ весьма нелюбезный ордеръ В. Г. К. войту Савонову: „предлагается *тебѣ* всѣ, какія только касаются магистратскому правленію, дѣла отдать въ магистратъ“. Но и этого ордера Савоновъ сразу не послушался, а лично отправился въ Глуховъ и тамъ заявилъ, что такъ какъ никакихъ дѣлъ, производившихся уже при Гуртовичѣ, онъ домой къ себѣ не бралъ, то и передавать ему нечего; старыя же дѣла онъ держитъ въ своемъ „каменномъ ліоху для безопасности отъ пожарнаго случая“. Тѣмъ не менѣе его заставили дать подписку, что онъ „конечно всѣ магистрата Переяславскаго дѣла, какія въ дому его ни содержутся, отдастъ въ магистратъ по реестру“ писарю Гуртовичу. Но и подписка эта не помогла: войтъ не передавалъ хранившихся въ его „ліоху“ дѣлъ, пока не былъ, наконецъ, отрѣшенъ отъ должности. Но и послѣ отрѣшенія, Савоновъ не пожелалъ сдать дѣлъ Гуртовичу, а препроводилъ ихъ въ Полтавскую Канцелярію. Когда урядники магистратскіе послѣ продолжительныхъ пререканій, явились въ Полтавскую Канцелярію за полученіемъ дѣлъ, то усмотрѣли, что въ представленныхъ Савоновымъ книгахъ „не малая порчь состоитъ и ни единой книги нѣтъ цѣлой, но съ онихъ многочисленно листовъ съ переплеты вырвано, а иніе вырѣзано“, а потому и книгъ этихъ не приняли. Полковая Канцелярія приняла теперь Савонова подъ свое покровительство и, недовольная интригами Гуртовича, объяснила, что Савоновъ „какія послѣ пожара книги спасъ, такія и сдалъ“.

Со вступленіемъ въ магистратъ Гуртовича начались вообще нелады и между магистратскими урядниками, до сихъ поръ жившими согласно и подчинявшимися войту Савонову. Первымъ сталъ „тягаться“ съ войтомъ бурмистръ Данило Щирый, избранный въ эту должность въ 1751 г. на мѣсто умершаго отца его Евстафія Щирого, прослужившаго въ этой должности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ Мартѣ 1754 г. онъ подалъ въ В. Г. К. на Савонова жалобу, въ которой заявилъ, что уже по своемъ вступленіи въ

должность онъ замѣтилъ, что войтъ Савоновъ „обижаетъ магистратскихъ подданныхъ своими партикулярными работами и беретъ съ собою въ чумацтво“, а когда онъ, Щирый, посовѣтовалъ имъ сбѣжать, то войтъ „возымѣлъ гонительство и злобу, отъ бурмистерства отдалилъ и многажды безчестилъ“, а на его мѣсто опредѣлилъ своего племянника. Въ заключеніе Щирый просилъ выдать ему на бурмистерство указъ. По жалобѣ того же Щираго и Полковая Канцелярія доносила въ В. Г. К., что де войтъ Савоновъ, „презирая главную свою команду, по прихоти своей продерзости и издѣвку надъ урядовыми магистрата оказываетъ“.

Бурмистръ Тимофѣевъ объяснилъ, что Савоновъ дѣйствительно устранилъ Щираго за то, что тотъ, собравши во время ярмарки за „магистратовыя коморы“ деньги съ торговцевъ не вручилъ ихъ войту, какъ это обыкновенно дѣлалось раньше, а хотѣлъ, ради увеличенія магистратскихъ доходовъ, устроить „комору при колодезѣ и въ ней поставить магистратовую баню“, какая имѣется лично у войта, „для двоенія разнымъ обывателямъ простого хлѣбнаго вина“. Очевидно, Савоновъ не желалъ допустить такой конкуренціи, а потому, разсердившись на Щираго, „первѣе штрафовалъ его держаніемъ подъ карауломъ, а потомъ лишилъ и бурмистрскаго званія“.

Когда Щирый принесъ въ магистратъ добытый имъ изъ В. Г. К. ордеръ, Савоновъ вырвалъ его изъ рукъ и „заховалъ въ пазуху, а Щирого зъ магистрату выслалъ вонъ“. На мѣсто Щирого съ 1754 г. былъ избранъ уже Романенко, но и его войтъ Савоновъ черезъ полгода удалилъ, самовольно опредѣливши на его мѣсто бывшаго бурмистра Павла Кунишевскаго—Шкурку, который затѣмъ и избранъ былъ законнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Савоновъ неугодного себѣ бурмистра не потерпѣлъ. Не безъ его настойчивости, уже послѣ отрѣшенія его отъ должности, осенью 1754 г., произошло и удаленіе отъ должности писаря Гуртовича, на котораго жаловались всѣ

магистратскіе урядники: 28-го Ноября 1755 г. послѣдовалъ ордеръ В. Г. К. объ его отрѣшеніи [1]).

Оставивши войтовство, Савоновъ продолжалъ свой купеческій промыселъ, требовавшій, какъ видно, постоянныхъ сношеній съ правобережною Украиной, продолжительныхъ отлучекъ изъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ въ 1757 г. пришлось ему испытать и продолжительное тюремное заключеніе въ г. Каневѣ, причемъ пришлось искать защиты и отъ Переяславской Полковой Канцеляріи.

Дѣло было такъ. Купилъ Савоновъ у какого то еврея „арендаря“ въ Каневѣ „20 садовъ камѣня по 6 руб. всякой садъ“, но слѣдуемыхъ денегъ 120 р. своевременно не уплатилъ. Староста Каневскій Потоцкій, по жалобѣ еврея, написалъ въ Пер. Полк. Канц. о взысканіи съ Савонова этихъ денегъ или о высылкѣ его самого въ Каневъ. Савоновъ поѣхалъ въ Каневъ и 11-го Февраля написалъ оттуда, что упомянутый еврей, подстерегши его, напалъ на него съ шестью мужиками, ограбилъ имущество и бросилъ его „въ буздигарню за вспомоществованіемъ уряду Каневскаго, паче же каневскаго писаря Николая Дѣдушицкаго“. Утверждая, что по суду онъ оправдался, что долгъ, котораго еврей не искалъ въ теченіе 20 лѣтъ, судомъ не признанъ, Савоновъ просилъ Полк. Пер.

---

[1]) Должно быть въ качествѣ знатока городскихъ дѣлъ, Гуртовичъ впослѣдствіи попалъ въ учрежденную въ г. Переяславѣ, по указу Малорос. Коллегіи, «коммиссію о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ», и, въ этой роли своей, явился противникомъ полковой старшины, на которую и подавалъ въ Мал. Кол. жалобу 9-го Марта 1766 г., заявляя, что эта старшина, «имѣя къ нему, Гуртовичу, недоброхотство и крайное посягательство», пристрастно отводитъ квартиры въ его домѣ. Малорос. Коллегія уважила его жалобу и предписала Полковой Канцеляріи—его дома, «въ разсужденіи продолжаемой имъ службы, пока онъ въ учрежденной по магистратскимъ жалобамъ коммиссіи будетъ находиться, въ постой никому не занимать и не отводить».

Канцелярію избавить его „отъ жидовской напасти и нестерпимой неволи“. Пер. Полк. Канцелярія написала Потоцкому, что-де Савоновъ отпущенъ на „пароль“ его, Потоцкаго, а потому и отвѣчать долженъ предъ нимъ самимъ, а не предъ писаремъ, и просила объ освобожденіи Савонова. Потоцкій отвѣчалъ на это, что на урядѣ Каневскомъ, по претензіи еврея, приговорено, чтобы этотъ еврей принесъ присягу и буде присягнетъ, взыскать съ Савонова 127 р. Но прошелъ послѣ этого цѣлый мѣсяцъ, а Савоновъ изъ „вязенья“ освобожденъ не былъ и вновь взывалъ въ Пер. Полк. Канц. о заступничествѣ, при чемъ прислалъ и реестръ ограбленнаго у него имущества на 199 р., что „тое грабительство жидовскую претенсію уже превосходитъ“.

II.

Послѣ отрѣшенія Кирилла Савонова, въ исправленіе должности войта Войсковая Генеральная Канцелярія предписала вступить значковому товарищу Переяславскаго полка Стефану Драгоманову, а 3-го Января 1756 г. состоялся и формальный его выборъ „всѣмъ обществомъ магистрата Переяславскаго“, послѣ чего и отправлена была просьба магистрата объ его утвержденіи въ должности войта [1]).

Стефанъ Драгомановъ былъ родомъ грекъ и служилъ въ 40-выхъ годахъ управителемъ владѣній генерала Вишневскаго [2]),

---

[1]) «Доношеніе» это см. въ Приложеніи № 2.

[2]) О родѣ Вишневскихъ см. „Кіев. Стар.“ 1887 г. т. XVIII. Въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 46 на стр. 84, напечатано любопытное письмо 1755 г. Григорія Теплова къ Переясл. полк. Семену Сулимѣ съ просьбой оказать вниманіе вдовѣ полковника Вишневскаго. Письмо отчасти характеризуетъ не только самого Сулиму, но глав. обр. отношенія полковой старшины къ нему и къ своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на царившую

затѣмъ въ 50-тыхъ годахъ состоялъ откупщикомъ „статейныхъ сборовъ“ въ Переяславскомъ полку. Женившись, какъ видно, въ г. Переяславѣ, проживалъ въ полученномъ въ приданное домѣ, но матеріальнымъ достаткомъ не пользовался. По какому случаю былъ назначенъ В. Г. К—іей на должность войта—неизвѣстно. Судя по его подписи латинскими печатными буквами, русскою грамотою не владѣлъ. Ставши войтомъ, устроилъ собственную небольшую „винничку“, а одинъ домъ свой продалъ находившемуся при Пограничной Переяславской таможнѣ лѣкарю Товію Товичу Гундесбургу. Этотъ фактъ продажи своего дома иноземцу былъ поставленъ въ вину Драгоманову полковникомъ Сулимою, который въ Октябрѣ 1756 г. жаловался въ Войск. Ген. Канц. на незаконную покупку грунтовъ разными „великороссійскими персонами“ и иноземцами, каковая покупка, какъ заявлялъ полковникъ, противна была „пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго“, Высоч. указами подтвержденными при гетманѣ Скоропадскомъ [1]).

Какъ видно, въ этомъ вопросѣ магистратъ мало былъ заинтересованъ, и скорѣе надо думать, что покупка въ городѣ усадебныхъ мѣстъ разночинцами интересовъ городскаго мѣщанства не нарушала. Старшина же полковая, конечно, не желала имѣть при своихъ покупкахъ лишнихъ конкурентовъ. Но странно же, что одновременно съ этимъ та же Полковая Канцелярія

въ полку безурядицу. Дѣло идетъ, конечно, о грунтахъ, захватомъ которыхъ гл. обр. и занималась полковая старшина. „Да и казаки Капустянскіе собою ничего бы не дерзнули учинить, тѣмъ меньше грабить съ поля, ежели бы не видѣли къ тому повода отъ полковой канцеляріи; ибо сіе уже здѣсь *по многимъ дѣламъ* извѣстно, что полковая ваша старшина, *паче прочихъ*, многимъ обиды дѣлаютъ; да и сіе здѣсь извѣстно, что ваше высокоблагородіе, ихъ полковникъ, не въ великомъ у ихъ почтеніи“... „вѣдая довольно сколь и вамъ самимъ трудно иногда отъ своихъ безпутныхъ, а особливо высокомѣрныхъ подчиненныхъ бываетъ, не хочу“... и т. д.

[1]) См. Приложеніе № 3.

возбуждаетъ и тотъ вопросъ, который возбуждался, между прочимъ, и Кіевскимъ магистратомъ и который, повидимому, долженъ бы больше заботить и въ Переяславѣ городской магистратъ, а не Полковую Канцелярію: это вопросъ о правѣ „великороссійскихъ“ людей жить въ нижнемъ городѣ и производить „купеческій промыселъ“. Въ февралѣ 1757 г. полковая канцелярія доносила, что де, вопреки грамотѣ Императора Петра I, „разные гарнизона Переяславскаго великороссійскіе командиры и ихъ подчиненные въ обывателей нижняго города Переяслава сами собою занимаютъ квартери и многіе дѣлаютъ купечества, чѣмъ онимъ нижняго города обивателямъ въ промислѣ ихъ воспященіе и въ прожитіе утѣсненіе явновидно приключаютъ“. Такое нарушеніе упомянутой грамоты, опредѣлявшей для жительства великороссіянъ исключительно „вишній городъ“ производило, по заявленію Полковой Канцеляріи, къ тому, что „ежечасніе ссоры и драки между здѣшними обивателями происходятъ“.

Но и въ данномъ случаѣ Полковая Канцелярія хлопотала не о городскихъ интересахъ вообще, а о своихъ сословныхъ, главнымъ образомъ объ интересахъ полковой старшины, которая занималась скуплею грунтовъ и „купеческимъ промысломъ“ т. е. главнымъ образомъ шинкарствомъ. Всѣ эти „бунчуковые, значковые товарищи“ и вообще войтовые чины, становясь обывателями города, желали стать въ привилегированное положеніе относительно отбыванія городскихъ повинностей. Покупая мѣщанскія усадьбы, они привлекали мѣщанъ въ званіе козачее, а нерѣдко обращали ихъ въ „подданныхъ“.

Уже въ первый годъ своего войтовства Драгомановъ вынужденъ былъ жаловаться въ В. Г. К. на полковника Сулиму и на полковую старшину, заявляя, что „за отнятіемъ ими всѣхъ цеховъ мѣщанъ и посполитыхъ людей и магистратскихъ многихъ грунтовъ и земель, магистратъ Переясловскій во всекрайнѣйшомъ разореніи состоитъ и подлежащихъ городовыхъ магистратскихъ нуждъ исправлять вовся з чего не имѣетъ“.

Послѣ бывшаго въ 1748 г. пожара, уничтожившаго всѣ магистратскія строенія, магистратъ помѣщался въ принадлежавшей войту Савонову избѣ, а по отрѣшеніи Савонова отъ должности перенесенъ былъ въ построенный магистратомъ шинокъ. Съ вступленіемъ въ должность Драгоманова выстроена была на одномъ съ этимъ шинкомъ дворѣ особая изба, въ которую и былъ переведенъ магистратъ, а шинокъ отданъ въ наймы, „дабы хотя й мало что могло въ приходѣ магистратскомъ быть“. Но полковникъ Сулима потребовалъ, чтобы въ этотъ шинокъ была переведена пограничная таможня. Не смотря на протесты магистрата, это было исполнено [1]) и послужило первымъ поводомъ къ жалобѣ Драгоманова на полковую старшину, которая вообще не церемонилась съ магистратскими урядниками

[1]) Существовавшая въ Переяславѣ таможня, какъ видно, представляла изъ себя тоже начальственную инстанцію, съ которой Полковой Канцеляріи невыгодно было ссориться, хотя ссоры эти, какъ ни избѣгали ихъ, бывали нерѣдки. Обращеніе этой таможни съ попадавшими въ ея руки людьми было крайне безцеремонно. Одно, напр., дѣло 1759 г. достаточно характеризуетъ и это обращеніе, и ту «волокиту», какая возникала, когда «дѣло» не могло окончиться взятками.

Въ февралѣ м—цѣ 1759 г. два козака, проѣзжавшіе изъ заграницы съ «барильцемъ» хлѣбнаго вина «мимо указную дорогу», пойманы были ландмилицкихъ полковъ солдатами и представлены въ пограничную Переяславскую таможню. Такъ какъ козаки не могли дать потребованной отъ нихъ взятки въ 20 руб., то ихъ заключили подъ крѣпкій караулъ и «боемъ батожнимъ мучили». Козаки послали въ Полковую Канцелярію жалобу, что они тѣмъ «мученіемъ такъ изнеможены, что и въ жизни своей сумлительны, и къ службѣ крайне уже не годятся», и просили защиты. Полковая Канцелярія послала въ таможню нарочныхъ спросить, за что козаки арестованы, и освидѣтельствовать «имѣющіесь на нихъ боевіе знаки». Но таможенный канцеляристъ Ѳеоктистъ Чаплинъ и къ освидѣтельствованію не допустилъ, и о причинѣ ареста ничего не отвѣтилъ. Объ этомъ самоуправствѣ таможни, не имѣвшей права у себя арестовывать, а обя-

и допускала при всякомъ удобномъ случаѣ грубое насиліе и издѣвательство. Такіе случаи представлялъ, между прочимъ, отводъ квартиръ россійскимъ воинскимъ командамъ и пріѣзжавшимъ въ городъ по разнымъ дѣламъ офицерамъ. При Савоновѣ магистратъ то и дѣло жаловался на произволъ Полковой Канцеляріи въ дѣлѣ отвода квартиръ и на насилія служащихъ въ ней и добивался по крайней мѣрѣ письменныхъ выговоровъ со стороны Войск. Ген. Канц. полковымъ старшинамъ, которымъ неоднократно „притверждалось", чтобы помимо магистрата квартиръ не отводили; но при Драгомановѣ это „самовольство" полковой канцеляріи, какъ видно, ничѣмъ уже не сдерживалось. Вопреки всякому закону, полковой писарь Каневскій и городовой атаманъ Зубковскій отводили квартиры офицерамъ не только въ домахъ магистратскихъ урядниковъ, но и въ домѣ самого войта, выгоняя, въ его отсутствіе, изъ дому его жену и дѣтей. Драгомановъ со всѣмъ магистратомъ жаловался на это въ іюнѣ 1757 г. гетману Разумовскому, а въ октябрѣ того же года тотъ же Зубковскій, „по приказу Полковой Канцеляріи", вновь учинилъ „гвалтовное нападеніе на послѣднюю комору войта,

---

занной представить пойманныхъ «по ихъ командѣ», Полковая Канцелярія сообщила въ Ген. Войск. Канцелярію, заявляя, что «нынѣшніе Переяславской таможни правители, не отсылая козаковъ по ихъ командѣ, держатъ ихъ подъ карауломъ и розискуя витягаютъ деньги подъ указы Е. И. В.». Но, вмѣсто того, чтобъ «истребовать сатисфакціи» отъ пограничной таможни, Войск. Ген. Канц. ограничилась такою «повелительною резолюціей» полковнику: «еще до кого надлежитъ писать съ Полковой канцеляріи» объ освобожденіи арестованныхъ козаковъ. Такимъ образомъ высшая малороссійская «команда» уклонилась отъ сношеній съ «командой» пограничной таможни, т. е. Кіево-Губернской Канцеляріей, предоставляя эту безнадежную переписку самой Полковой Канцеляріи. Въ виду то такой беззащитности, Полковая Канцелярія и избѣгала столкновеній съ пограничною таможнею: указанія на «таможенный уставъ» и на какія бы то ни было «права» были, какъ видно, безполезны.

гдѣ замкнени были его всѣ господарскіе потребности, отбивъ замокъ, съ оной повыкидали".

Принялся было Драгомановъ за отыскиваніе отъ полковой старшины захваченныхъ ими „разныхъ магистратскихъ и цеховыхъ людей и земель", но этимъ сейчасъ же возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны старшины, съ которою „тягаться" было вообще трудно, особенно же человѣку маломочному, который при томъ самъ хотѣлъ „кормиться" отъ своей должности.

Достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы привлечь войта къ отвѣтственности и „тягать" его въ Полковую Канцелярію. Такой поводъ скоро и представился.

Въ 1762 г. бунч. тов. Денисъ Стременцовъ и вдова брата его предъявила въ В. Г. К. къ Драгоманову искъ въ суммѣ 148 р., которые онъ задолжалъ имъ по „обликамъ" въ 1760 г. Полковая Канцелярія получила предписаніе провѣрить имѣющіеся у истцовъ документы и, „призвавъ войта Драгоманова, не смотря ни на какія отговорки, взыскавъ съ него или зъ имѣнія его таковы деньги зъ подлежащимъ процентомъ, отдать просителямъ зъ роспискою". Войтъ призналъ этотъ долгъ, но заявилъ, что на уплату его у него въ данное время нѣтъ наличныхъ денегъ, а есть недвижимое имущество, доставшееся ему, какъ приданное за женой: жилой дворъ въ городѣ, земля на базарѣ, пустое млиновое мѣсто на р. Трубежѣ, да пахатнаго поля во 2-й сотнѣ дней до ста. Прося объ отсрочкѣ ему платежа, Драгомановъ находилъ самое направленіе этого дѣла по взысканію съ него чрезъ Полковую Канцелярію неправильнымъ. По донесенію полк. Сулимы, войтъ, во время объясненій своихъ въ Полковой Канцеляріи, „кричалъ предъ присутствующими старшинами: Войсковая-де Генер. Канцелярія въ томъ погрѣшила, что таковый ордеръ не по силу Правъ наслала, за что-де онъ въ Гарнизонную Переяславскую и Кіево-Губернскую Канцелярію протестовать имѣетъ,—каковы его рѣчи и въ протоколъ запысано". А рѣчи эти были, очевидно, особенно непріятны мѣстному полковому начальству, которое всячески избѣгало сношеній съ Гарнизонною Канцеляріей, мнившею себя высшимъ

начальствомъ. Подъ защиту этой Гарнизонной Канцеляріи, т. е. коменданта крѣпости, россійскаго офицера, прибѣгали мѣстные обыватели въ исключительныхъ случаяхъ, когда хотѣли насолить мѣстному полковому начальству.

Скоро послѣ перваго денежнаго иска предъявленъ былъ къ Драгоманову и другой: генеральный войсковой асаулъ Журавка взыскивалъ съ него чрезъ Пер. Полк. Канц. 66 р. А вслѣдъ затѣмъ и магистратскіе урядники подали на него жалобу, будто „оной войтъ по вступленіи своемъ въ званіе войтовства разными часы приходныхъ магистратскихъ 133 р. 70 к. захватилъ".

Полковая Канцелярія, признавъ Драгоманова несостоятельнымъ должникомъ, арестовала его, и, продержавши нѣкоторое время, выпустила на поруки жены. Между тѣмъ послѣдовалъ ордеръ изъ В. Г. К. о немедленной присылкѣ Драгоманова въ Глуховъ. Въ это время онъ отлучился по своимъ дѣламъ изъ города, и Полковая Канцелярія, въ явное посрамленіе войта, разослала во всѣ сотни предписаніе „оного войта сыскивать и за сыскомъ въ П. К. подъ карауломъ прислать". И по прибытіи въ городъ войтъ былъ немедленно взятъ въ Полк. Канц. и препровожденъ въ Глуховъ „за надлежащимъ конвоемъ".

Въ Глуховѣ его продержали болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой надобности, такъ какъ дѣло о взысканіи съ него частныхъ долговъ вновь было поручено той же Полк. Канц. „какъ надлежитъ дослѣдовать при бытности его войта". Согласно просьбѣ магистратскихъ урядниковъ, предписано было также не продавать его имущества для удовлетворенія частныхъ долговъ впредь до окончанія слѣдствія. А слѣдствіе, по обыкновенію, затянулось, да поступили и новыя претензіи, такъ что въ 1763 г. Драгомановъ уже былъ отрѣшенъ отъ должности, исправлять которую назначенъ былъ, по ордеру В. Г. К., Петръ Стрѣшенцовъ.

Самая давняя претензія, по которой до самой смерти таскали Драгоманова по разнымъ инстанціямъ, предъявлена была особою „полковою счетною коммиссіей", которая требовала съ него 64 р. коммисарскаго сбора еще въ 1748 г., въ бытность

его управителемъ у генерала Вишневскаго. Требованіе это предъявлено было къ нему уже послѣ отрѣшенія его отъ должности въ 1765 г. по адресу Генеральной Малороссійской Счетной Коммиссіи. Но магистратъ нѣсколько раньше добылъ указъ малороссійской Коллегіи о продажѣ съ публичнаго торга двора Драгоманова по претензіямъ магистрата въ суммѣ двухсотъ рублей, да кромѣ того магистратъ предъявилъ искъ и въ особой учрежденной тогда въ Переяславѣ „коммиссіи о обидахъ" въ суммѣ ста рублей за долги нѣкоторымъ урядникамъ и мѣщанамъ. Оцѣненный въ 200 р. дворъ Драгоманова, отлучившагося въ это время въ г. Кременчугъ, проданъ былъ съ публичнаго торга за 211 руб. жителю Переяславскому Прохору Амвроскову. Больше никакого имущества у Драгоманова не было, а потому всѣ другія предъявленныя къ нему претензіи, сверхъ магистратской, остались неудовлетворенными.

Но Генеральная Малороссійская Счетная Коммиссія не могла сложить числившейся на Драгомановѣ казенной недоимки и, года полтора спустя, вновь предписала мѣстнымъ властямъ взыскать съ него эту недоимку. Въ это время, въ маѣ 1767 г., онъ проживалъ во владѣніи полковника Николая Ивановича Меера, который, получивши требованіе выслать Драгоманова къ отвѣту въ Счетную Коммиссію, отвѣчалъ, что де „оной грекъ отъ меня со всею фамиліею поѣхалъ въ м. Гелмязовъ". Сотникъ же Гелмязовскій на такое требованіе отвѣчалъ, что Драгомановъ въ немалой болѣзни находится и ѣхать въ оную коммиссію крайне не можетъ". Но въ концѣ концовъ онъ явился въ Коммиссію въ августѣ мѣсяцѣ и здѣсь объяснилъ, что онъ рѣшительно никакихъ средствъ не имѣетъ, чтобъ уплатить требуемую съ него сумму: „и по старости и крайней дряхлости своей не точію заработать, либо выслужить то число денегъ, но снабдить и препитать себе чимъ не могу, а получаю то все отъ доброхотнихъ дателей съ милости".

Не смотря на засвидѣтельствованную всѣми „урядами" несостоятельность старика Драгоманова, Переяславск. Счетн. Коммиссія продолжала писать указы о взысканіи съ него недоимокъ.

На „третичный“ указъ ея отъ 8-го января 1772 г. Гелмязовское управленіе увѣдомило ее, что Драгомановъ, жительствовавшій у сотеннаго писаря Панкевича, умеръ еще въ 1768 г., а вдова его тогда же отправилась къ дочери въ Полтаву. Сынъ же его Григорій въ 1772 г. служилъ въ Глуховѣ въ земскомъ судѣ.

Въ этой неупорядоченной кучѣ „дѣлъ“ Полковой Переясл. Канцеляріи, которую пришлось мнѣ въ свое время пересмотрѣть, около 60-ти номеровъ отдѣльныхъ „дѣлъ“ касалось Переяславскаго магистрата за время войтовства Драгоманова, и большая часть этихъ „дѣлъ“ представляетъ изъ себя безсодержательную переписку по чисто личнымъ дѣламъ самого войта, касаясь главнымъ образомъ взысканій съ него разнаго рода долговъ. Меньшая же часть этихъ „дѣлъ“, касаясь весьма мелкихъ международныхъ интересовъ, рѣшительно ничего не даетъ для характеристики общественной дѣятельности войта. Надо думать, что, подавленный своими личными дѣлами, онъ мало принималъ участія даже въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, такъ какъ большинство бумагъ, встрѣчающихся въ упомянутыхъ „дѣлахъ“, подписываются лишь рочными бурмистрами и писаремъ. Почтовая гоньба и отводъ квартиръ—вотъ главные интересы болѣе или менѣе общественнаго характера, возбуждавшіе эти „дѣла“. Единственное дѣло, возникшее въ первые годы войтовства Драгоманова, о перенесеніи ярмарокъ съ одного мѣста на другое, дѣло, какъ видно, живо интересовавшее значительную часть населенія, велось безъ всякаго участія войта, такъ какъ во всемъ обширномъ дѣлопроизводствѣ не имѣется ни одной бумаги за его подписью.

За Илтицкою брамою на Подваркахъ, надъ рѣчкою Илтицкою, близъ р. Трубежа, споконъ вѣка собирались два раза въ годъ ярмарки: одна въ Петровъ постъ, а другая 1-го сентября (Симеоновская). Обыватели той мѣстности устраивали на ярмарочное время заѣзжіе дома и „лёдовни“, „содерживая разной напитокъ, по малороссійской вольности, продавали свободно“. Но въ 1756 г. полковая канцелярія всѣхъ съѣхавшихся на ярмарку „нагло и усиловно“ перевела за Гайтинскую браму на

„пустое близъ болота состоящое и тѣмъ опасное, точію для единаго устроенія ковальскихъ и котлярскихъ кузень способное, а для ярманковъ неприличное мѣсто“. Сдѣлано это по настоянію полкового судьи переяславского Лисаневича и асаула полкового Михаила Лукашевича, которые „по ихъ могуществу старшинскому“, занявшись „ярманковскимъ промысломъ“, присвоивъ себѣ „пустые плецы“, построили на нихъ „шинковіе и уѣздніе домы“, разсчитывая на денежные съ пріѣзжающихъ на ярмарку сборы. Жительствовавшіе же на Подваркахъ мѣщане и разночинцы, не надѣясь на защиту своихъ интересовъ со стороны магистрата, обратились съ жалобою на упомянутыхъ старшинъ прямо въ Ген. Войск. Канцелярію. Челобитную по этому дѣлу для шести козаковъ писалъ священникъ Борисоглѣбской церкви Кирилло Савичъ. По этому дѣлу магистратъ свидѣтельствовалъ лишь то, что ярмарки дѣйствительно раньше собирались на указанномъ просителями мѣстѣ. Изъ „дѣла“ не видно, чѣмъ этотъ вопросъ разрѣшился, но видно, что магистратъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, хотя онъ и не переставалъ жаловаться по другимъ поводамъ на захватъ магистратскихъ „плецовъ“ полковою старшиною.

Очевидно, магистратское правленіе было совершенно безсильно для защиты интересовъ мѣщанства и принадлежащаго городу имущества. Послѣ войта Савонова должности войта ищутъ все лица не мѣщанскаго званія и, очевидно, исключительно ради личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Послѣ отрѣшенія Драгоманова мѣщанству не дали избрать войта, по обыкновенію, „вольными голосами“: магистратъ выбралъ было Зубковскаго, прежняго доносителя на войта Савонова, выбралъ, какъ самъ же впослѣдствіи заявилъ: „по незнанію сего, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оные старшины вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ“; но, не ожидая этого выбора, Войсковая Генер. Канцелярія сама опредѣлила на должность войта въ Переяславскій магистратъ Петра Стрѣшенцова, человѣка чуждаго мѣстному мѣщанству. Но не прошло и года, какъ онъ попалъ подъ

судъ, и въ іюлѣ 1765 г., по произведенному особою коммиссіей слѣдствію, признанъ виновнымъ по всѣмъ поступившимъ на него жалобамъ и устраненъ отъ должности. Магистратъ просилъ уже Малороссійскую Коллегію разрѣшить ему произвести выборы войта, но болѣе трехъ мѣсяцевъ никакой резолюціи не было, и въ октябрѣ прибылъ въ Переяславъ „для сочиненія въ полку Переяславскомъ генеральной ревизіи“ маіоръ Александръ Якубовичъ и, призвавъ къ себѣ магистратскихъ урядниковъ, „приказалъ выбрать кого ни есть войтомъ“, заявивъ, что ему поручено отъ Малороссійской Коллегіи такого избраннаго съ одобреніемъ отправить въ Коллегію. Очевидно, для урядниковъ такой пріемъ показался сомнительнымъ, и они, уклонившись отъ производства такихъ выборовъ, послали въ Малорос. Кол. просьбу о письменномъ разрѣшеніи вопроса, какъ имъ быть: „такова выбору на войтовство сами собою учинить не дерзостны“. Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ—неизвѣстно. Возможно, что и этотъ запросъ такъ же оставленъ „безъ резолюціи“, какъ просьба о неназначеніи на должность войта „согласника старшинамъ полковымъ“ Никифора Зубковскаго. Высшее Малороссійское Начальство, какъ видно, никакого значенія „уряду“ войсковому не придавало и, готовое предоставить его любому случайно подвернувшему искателю, совсѣмъ не торопилось съ этимъ дѣломъ.

А. А.

Приложеніе № 1.

Доношеніе Переяславскаго магистрата отъ 15 іюля 1775 г. въ Малорос. Коллегію.

„Извѣстилисъ мы, что атаманъ городовый Переясловскій—Никифоръ Зубковскій отъѣхалъ въ Глуховъ въ Малорос. Коллегію съ точного поводу и проэкту полк. переясл. старшинъ, вѣстимихъ уже довольно оной М. К. обидчиковъ и нападчиковъ на магистратъ и на насъ, для испрошенія Переяславскаго войтовства, на мѣсто нахо-

дящагося нынѣ подъ судомъ безъ выборовъ нашихъ определенного въ маг—тъ войтомъ Петра Стрѣшенцева. А понеже оной атаманъ Зубковскій помянутымъ старшинамъ полк. согласникъ и таковъ же какъ и старшина полковая обидчикъ, ибо, многократно уже набѣгая въ магистратъ, не одному, но многимъ зъ бурмистровъ и другихъ урядниковъ побоями, такожъ нахалними и гвалтовними на домы наши насилками козаковъ немалые причинилъ и причиняетъ озлобленія и въ единственное поруганіе и крайное посмѣяніе насылаетъ въ магистратъ, какъ въ какое партикулярное мѣсто и ему подчиненное, весьма укорительные и досадительные по наставленіямъ своихъ командировъ, непринадлежащіе до магистрата требованія, и однимъ словомъ сказать приказы; яко же онъ Зубковскій самовольно, смотря на оныхъ своихъ командировъ, и грунтами магистратовыми знатными завладѣлъ, за что мы въ учрежденной въ г. Переясловѣ коммиссіи состоимъ на него челобитчиками, и такъ по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ его Зубковскаго войтомъ въ маг—ть Пер. вовсе не желаемъ. Хотя же въ прошломъ 1763 г., по отрѣшеніи бывшаго войта С. Драгоманова, на прошеніе его З—го мы выбрали были войтомъ, но то учинено отъ насъ по незнанію его, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оные старшины прикровенно вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ и оставшихся бѣдныхъ мѣщанъ и посполитыхъ, что все нынѣ наружно оказалось". Въ заключеніе просятъ, чтобъ З—го ни въ какомъ случаѣ М. К. войтомъ не утверждали.

На доношеніи этомъ канцелярская помѣтка такая: „докладывано Августа 12, оставить велѣно безъ резолюціи".

Приложеніе № 2.

Доношеніе магистрата Переяславскаго въ Войск. Генер. Канцелярію отъ 8-го генваря 1756 г. объ определеніи войтомъ избраннаго уже въ эту должность Стефана Драгоманова.

«Будучи при магистратѣ Переясловскомъ за войта Кирило Савоновъ такъ магистрату удержаніемъ воровски казенныхъ денегъ, употребленіемъ партикулярно на привати свои магистратовихъ доходовъ, яко и насъ всѣхъ нижайшихъ, магистратовихъ чиновниковъ и

поспольство, изобиждая чрезъ многіе годы насильствомъ и боями привелъ ко всекрайнѣйшему разоренію, о которихъ непорядкахъ его Савонова, а особливе за похищеніе казенныхъ денегъ и писменніе дѣла по суду Генеральному и В. Ген. Кан. довольно явствуютъ, по которимъ дѣламъ, рѣшеніемъ Суда Ген., а именно за утайку казеннихъ денегъ, и чина былъ лишенъ, точію за силу вис. всемилост. указовъ въ той его винѣ прощено; которихъ претерпѣнныхъ отъ его Савонова непорядковъ и обидъ всѣ обще магистрата Переяславскаго урядники и мѣщане предубѣгая, дабы въ случаѣ помилованія по высоч. указамъ въ слѣдуючихъ ему винахъ и препорученіи ему Савонову чина правленіемъ войтовства Переяславскаго въ конецъ магистрату Переяславскаго и насъ нижайшихъ по злобѣ своей онъ Савоновъ разорить не моглъ, ибо отъ него Савонова не чего иного чаять можно, какъ точію, когда при прежнемъ своемъ званіи и правленіи въ магистратѣ будетъ, всекрайнѣйшого магистрату разоренія и намъ нижайшимъ послѣдней гибели, все общество магистрата Переяславскаго его Савонова за войта болѣе нынѣ и впредъ не желаемъ, а желаемъ и избираемъ на мѣсто его Савонова въ тотъ войтовства чинъ достойнаго человѣка значковаго полку Переяславского товарища Стефана Драгоманова, опредѣленного по ордеру Ген. Войск. Канц. въ магистратъ за войта къ правленію дѣлъ магистратскихъ, которого добропорядочными нынѣ при правленіи въ магистратѣ Переясловскомъ поступками всѣ обще состоимъ доволни, и что когда онъ Драгомановъ настоящее того войтовства Переясловского чинъ получитъ, то въ магистратѣ дѣйствительно порядки и принадлежитости магистратскіе держать и не запускать долженъ будетъ; того ради В. Г. К. въ глубочайшей покорности нашей просимъ о удостоеніи оного Стефана Драгоманова въ чинъ настоящого магистрата Переясловского войтовства учиненній нами виборъ милостиво разсмотря въ томъ подъ високую конфѣрмацію Его Ясневельможности (полный титулъ) поднесть не оставитъ.

Подписали собственноручно: бурмистры Михайло Тимофѣевъ, Алексѣй Романовъ, Павелъ Куношевскій, Данило Щарий, писарь Симонъ Ловецкій и райцы Алексѣй Марковъ, Дмитро Гребенникъ, Яковъ Оробіовскій и Гаврило Забора.

При этомъ доношеніи приложенъ и самый выборъ, произведенный 3-го генваря 1756 г. и подписанный тѣми же лицами.

Приложеніе № 3.

Полковника Семена Сулимы доношеніе въ Генер. Войск. Канц. отъ 17 октября 1756 г.

Отъ свато усопшихъ блаженнія вѣчно достойнія памяти Ея И. В. высоч. предковъ всемилостивѣйше жаловано: малороссійскому народу при своихъ волностяхъ и правахъ быть, что къ неотмѣнному содержанію и отъ Е. И. В. всемилост. Нашей Государиня всевисочайше подтверждено и при пожалованіи високимъ достоинствомъ Е. Я. высокоповелителного Г. Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетмана (полный титулъ) К. Г. Разумовскаго повелѣно быть тому высокому достоинству по пунктамъ Г. Гетмана Богдана Хмелницкого, на основаніи г. Гетмана Скоропадскаго, по пунктамъ же гетмана Хмелницкого, и въ гетманство Скоропадского, чтобъ великороссійскимъ персонамъ, паче жъ иноземцамъ, въ Малой Россіи купля козачіихъ и протчіихъ грунтовъ свободни ни были, того не показано, а сего году въ недавномъ времени кирасирского полку ротмистръ Аврамъ Полянскій у бунч. тов. Тарасевича полку Переясл. въ сотнѣ Золотоноской хуторъ, да при пограничной Переясл. таможнѣ обрѣтающійся лѣкаръ иноземецъ Товій Товичъ Гундесбургъ въ городѣ Переясловлѣ дворъ жилой у войта Степана Драгоманова купили и впредь къ большой куплѣ грунтовъ, какъ оніе ротмистръ Полянскій и лѣкарь разніе средства сискують и наихъ смотря и другіе къ покупки здѣсь грунтовъ причину свободную имѣтимуть. Того ради о томъ въ Г. В. К. подъ разсмотреніе нижайше представляю, и какъ о семъ повелѣно будетъ, должность имѣю дожидаться въ резолюцію з Г. В. К. ордера, а до полученія оного на ту куплю и продажу грунтовъ видачи купчихъ крѣпостей—имѣетъ быть пріостановится".

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

LII.

Сношенія Кулиша съ русинами въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ждутъ своего историка. Мы съ своей стороны, за недостаткомъ данныхъ, ограничимся передачей свѣдѣній, сообщенныхъ намъ А. Я. Конисскимъ, и выскажемъ наше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Въ 1876 году—говоритъ г. Конисскій—Кулишъ задумалъ издавать „Журналъ П. А. Кулиша". Получить разрѣшеніе онъ надѣялся при содѣйствіи Юзефовича[2]), а привлечь сотрудниковъ и подписчиковъ думалъ печатаніемъ статей на малорусскомъ нарѣчіи; съ этой цѣлью онъ разсчитывалъ объявить въ программѣ журнала, что „какъ беллетристика, такъ и статьи по всѣмъ прочимъ отдѣламъ будутъ печататься на томъ языкѣ, на которомъ будутъ написаны авторами".

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 7—8.

[2]) За Юзефовича Кулишъ всегда хватался, какъ за послѣднюю надежду, какъ утопающій за соломинку.

„Прочитавши программу предположеннаго изданія, онъ спросилъ меня, какъ, по моему мнѣнію, отнесутся къ этому дѣлу мои кіевскіе знакомые. Я отклонился отъ отвѣта за другихъ; отъ себя же сказалъ, что если бы онъ и достигъ разрѣшенія на изданіе, въ чемъ я сомнѣваюсь, то я не принялъ бы никакого участія..

„Кулишъ не усидѣлъ на мѣстѣ и, схватившись руками за голову, началъ увѣрять меня въ невозможности имѣть съ Галичанами какое бы то ни было дѣло. Онъ вспомнилъ о Головацкомъ, Дѣдицкомъ и о какомъ-то предателѣ Коснѣрскомъ Потомъ разсказалъ мнѣ, что въ 1870 г. онъ былъ заграницей, старался основать тамъ, во Львовѣ, періодическое изданіе, но ничего не могъ достигнуть; попалъ съ русинами (нѣкоторыхъ онъ назвалъ по имени) въ такое болото, что едва выскочилъ. Вообще онъ высказывалъ тогда о галицкихъ русинахъ крайне невыгодное для нихъ мнѣніе. Искренности ихъ по отношенію къ Украинѣ и украинцамъ онъ совсѣмъ не довѣрялъ; по отношенію къ Украинѣ онъ видѣлъ въ нихъ сепаратистовъ, желавшихъ эксплоатировать украинцевъ; по его мнѣнію, русины-галичане глубоко ополячены и восприняли весьма многія отрицательныя стороны польской шляхты. Въ произведеніяхъ ихъ онъ справедливо не видѣлъ не только *поэзіи*, но и простого поэтическаго чутья... Вообще онъ старался отклонить меня какъ можно дальше отъ галицкихъ русиновъ. Журналъ его не осуществился. Юзефовичъ принялъ его крайне холодно и отказалъ въ какомъ бы то ни было содѣйствіи".

„Въ 1881 году я получилъ изъ за-границы неизвѣстно кѣмъ высланные въ закрытыхъ конвертахъ листы изданной Кулишемъ въ Львовѣ „Хуторной поэзіи". Я пришелъ въ изумленіе, прочитавши въ ней „историчне оповіданне" [1]) и „зазивний листъ до украинскои интеллигенціи".

---

[1]) Въ этомъ трудѣ своемъ Кулишъ въ сущности опровергаетъ сказанное имъ въ «Повѣсти объ украинскомъ народѣ» (Ср. «Исторія украинской литературы», Петрова, стр. 270—271).

Далѣе г. Конисскій сообщаетъ слѣдующее: „До 1884 года я не зналъ, что́ было причиною возвращенія Кулиша ко взглядамъ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ Кіевѣ на этотъ счетъ ходили слухи, русская же пресса, не только та, которая называется „Московскими Вѣдомостями", но даже кіевская „Заря" начала клеймить Кулиша эпитетами вродѣ: „измѣнникъ", „отступникъ" и т. п. Въ дѣйствительности же Кулишемъ руководило не отступничество, а болѣзненно развитое самолюбіе и желаніе первенствовать. Когда онъ увидѣлъ, что „Исторія возрожденія" не привела къ желанной цѣли, то отправился въ Галичину и задумалъ издавать здѣсь газету въ духѣ примиренія поляковъ и украинцевъ. Но для этого нужны были средства и австрійское подданство. Мѣстное правительство не прочь было субсидировать изданіе, а Кулишъ готовъ былъ перейти въ австрійское подданство, конечно испросивъ согласіе русскаго правительства (кажется, Кулишъ подалъ объ этомъ просьбу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьеву и получилъ разрѣшеніе). Но изданіе не осуществилось... Достовѣрно то, что онъ выѣхалъ изъ Австріи въ 1882 г., раздраженный и противъ правительства, и противъ поляковъ, и русиновъ. Послѣднихъ въ своей „Крашанкѣ" онъ просто называетъ „телятами".

Ходили слухи, что, когда Кулишъ возвратился въ Россію, возникла переписка въ административныхъ сферахъ о ссылкѣ его; но восторжествовало мнѣніе кіевскаго генералъ-губернатора, чтобы ему было предоставлено спокойно и свободно жить, гдѣ онъ захочетъ".

Самъ Кулишъ передавалъ дѣло г. Лободовскому иначе: „Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи". Дальше, разсказавъ о замѣченной имъ взаимной адской злобѣ поляковъ и галичанъ и о своемъ обращеніи къ знаменитому Крашевскому съ просьбой помочь его желанію дѣйствовать на поляковъ въ

примирительномъ духѣ и полученіи отъ него отказа подъ предлогомъ старости, Кулишъ сообщалъ объ интригѣ поляковъ противъ него. „Одинъ полякъ"—говорилъ онъ—„отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ". „Зная любовь поляковъ къ культурѣ и щедрыя ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей",—продолжаетъ Кулишъ—„зная рыцарскія качества характера нѣкоторыхъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію". Кулишъ согласился на предложеніе, предполагая издавать малороссійскій журналъ и газету, вести ихъ въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и основать съ патріотичискими цѣлями женскую гимназію во Львовѣ „съ интернатомъ для галичанокъ—матерей будущихъ патріотовъ" [1]). Дальнѣйшая исторія понятна: когда Кулишъ увидалъ, что у его новыхъ друзей и покровителей былъ свой особый умыселъ и что они хотѣли только воспользо-

---

[1]) Также Кулишъ старался убѣждать своихъ знакомыхъ дѣвушекъ-малороссіянокъ серьезно заниматься исторіей Малороссіи, выписывая имена и года, «какъ студенты передъ экзаменомъ», чтобы хорошо знать исторію родного края, «какъ всякая образованная полька знаетъ свою исторію». «Не было бы для меня большей радости на Украинѣ—говорилъ онъ—«какъ видѣть горячихъ сердцемъ людей, которые жили бы не одними земными интересами, какъ мотылекъ, который сегодня красуется на солнцѣ, а завтра умеръ, не заботясь, что было до него и будетъ послѣ. Глаголы Божіи мы читаемъ въ жизни царства и народовъ, всякій народъ горемъ и счастьемъ готовится на свое дѣло въ общемъ дѣлѣ человѣчества» и проч.

ваться его дарованіями и энергіей для собственныхъ цѣлей, употребивъ его за деньги (какъ имъ хотѣлось) въ качествѣ орудія, уже тогда, когда для него возвращеніе въ Россію будетъ отрѣзано,—онъ, разумѣется уклонился отъ ихъ предложенія, но прошеніе о разрѣшеніи принять австрійское подданство уже было подано [1]).

Итакъ Кулишъ оставался все время вѣренъ своей завѣтной мечтѣ—дѣйствовать для національнаго возрожденія Украйны посредствомъ періодическаго изданія, но осуществить ее ему не удавалось, а между тѣмъ на этой струнѣ и на склонности его увлекаться излюбленной идеей до забвенія осторожности задумали играть по-своему представители иной народности и иныхъ интересовъ, лукаво поставивъ ему такую сѣть, изъ которой онъ могъ выйти лишь сильно (хотя и несправедливо) скомпрометтированнымъ одновременно и передъ правительствомъ, и передъ украйнофилами галицкими и русскими. Между тѣмъ перенести свою дѣятельность въ Галицію Кулишъ хотѣлъ вѣдь потому, что она была рѣшительно невозможна въ Россіи. Да и средства для созданія новаго, и притомъ малороссійскаго, органа, еслибы предположить даже, что послѣдній былъ бы разрѣшенъ, ему никто и никогда не предлагалъ. „Малороссійскій органъ"—писалъ Кулишъ И. И. Бѣлозерскому — „покамѣстъ невозможенъ по недостатку фонда. Поэтому не лучше ли избрать почву нейтральную? Австрія, правда, паршивое государство, но тамъ нѣмцы, ляхи и жиды заѣдаютъ русиновъ, однакожъ, русины имѣютъ множество періодическихъ изданій и книгъ". Всѣ его неудачи и недоразумѣнія, по нашему мнѣнію, объясняются въ значительной

---

[1]) См. «Кіевскую Стар.», 1897, IV, 166—170. Кажется, Кулишъ былъ постепенно вовлеченъ въ сѣть, такъ какъ изъ одного письма его къ И. И. Бѣлозерскому видно, что онъ былъ сначала увѣренъ въ возможности основать собственную типографію и получить «концессію», не принимая австрійскаго подданства.

степени тѣмъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать на чужой почвѣ, за полной невозможностью дѣйствовать на своей, а среди чужихъ онъ естественно встрѣчалъ не совсѣмъ тѣ или даже совсѣмъ не тѣ стремленія, какія были у него; компромиссы, конечно, только портили дѣло и создавали недоразумѣнія. Чтб же касается польской партіи, то она, очевидно, привлекая Кулиша для своихъ интересовъ, дорожила авторитетомъ его имени среди украинцевъ и вмѣстѣ благопріятнымъ для поляковъ отрицательнымъ отношеніемъ его къ козачеству. Отсюда вполнѣ естественно возникала надежда воспользоваться его идеей возсоединенія совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Кулишъ [1]), высказавшій свой взглядъ на польско-украинскія отношенія въ „Крашанкѣ“ (какъ бы онъ ни увлекался въ остальномъ) такимъ образомъ: „Съ обѣихъ сторонъ (съ украинской и съ польской) столько было кроваваго зла, что нѣтъ суда на землѣ, который могъ бы насъ разсудить, а мы вмѣсто того, чтобы все предать забвенію, хотимъ по прежнему, по варварски, по звѣриному враждовать между собой“. Но этой прекрасной и истинно-гуманной идеѣ ему не удавалось служить безъ компромиссовъ то въ одну, то въ другую сторону, въ значительной степени объясняемыхъ трудностью балансировать среди историческихъ, вѣковыхъ народныхъ несогласій, и это—несомнѣнный источникъ почти не-

---

[1]) По словамъ «Галицкой Руси», указывающей на планъ поляковъ найти редактора русинскаго журнала съ громкимъ именемъ и притомъ украинца, «найденъ былъ украинецъ и не какой-нибудь, а самъ авторъ «Черной Рады», поэтъ и историкъ, изобрѣтатель фонетическаго правописанія, названнаго въ Галичинѣ въ его честь «кулишевкой», «идеалъ галицкихъ украйнофиловъ». (1892 г., № 226 фельетонъ). «Галицкая Русь» взводитъ на Кулиша тяжелое и позорное обвиненіе въ продажности, но весьма наивно объясняетъ быстрый, для всѣхъ неожиданный отъѣздъ Кулиша изъ Львова тѣмъ, что у него не достало терпѣнія ждать (sic) осуществленія задуманнаго журнала.

избѣжныхъ промаховъ и ошибокъ Кулиша. Да и трудно было иначе, потому что и самъ Кулишъ, въ свою очередь, желая быть миротворцемъ, имѣлъ всегда въ виду то такъ, то иначе понимаемыя выгоды своей родной и дорогой *Украйны*: отсюда, мнѣ кажется, можно понять и его быстрое увлеченіе поляками во Львовѣ, и быстрое же въ нихъ разочарованіе. Еслибы Кулишъ могъ дѣйствовать на этой вулканической почвѣ прямо и подъ опредѣленнымъ знаменемъ, не примыкая къ постороннимъ партіямъ, то, безъ сомнѣнія, несмотря на то, что послѣ въ своемъ разочарованіи онъ обманывалъ себя, говоря, что онъ не политикъ, а историкъ [1]), онъ могъ бы быть крупной силой, что̀ отлично понимали какъ искавшіе его союза, такъ и тѣ, кто, видя въ немъ противника, опыпали его страстными проклятіями [2]).

LIII.

Послѣднее десятилѣтіе было опять тяжелой порой въ жизни Кулиша. Продолжая на склонѣ лѣтъ съ неутомимой энергіей и горячимъ, почти юношескимъ увлеченіемъ служить избранному „дѣлу жизни", какъ бы не чувствуя тяжести вереницы пережитыхъ, нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ, годовъ, онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ тѣснимъ неблагопріятными условіями, почти ниоткуда не встрѣчая поддержки и нравственнаго одобренія. Уединившись въ своемъ хуторѣ, отрѣзанный

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, IV, 170.

[2]) Н. И. Костомаровъ упрекалъ Кулиша за «Крашанку», въ которой авторъ изложилъ взгляды, противные обѣимъ прежнимъ направленіямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ 70-хъ годахъ явился въ Петербургѣ и Москвѣ». («Вѣстн. Евр.», 1882, VIII, стр. 731).

силой неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, Кулишъ былъ тогда богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими планами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житейскомъ смыслѣ. Въ это время его измѣнившіеся взгляды на роль, которую играли козаки въ исторіи Украйны XV—XVII вѣковъ, навлекли на него сильнѣйшее нерасположеніе украинской партіи, да и въ Галиціи было не мало недовольныхъ имъ, хотя по другимъ причинамъ. Цензура съ своей стороны продолжала относиться къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Тяжело было переносить это общее равнодушіе, а иногда и ожесточеніе.

Кулишъ уже отрекся отъ всякихъ надеждъ на славу даже въ потомствѣ, говоря (въ письмѣ къ Волкъ-Карачевской), что онъ будетъ только неустанно дѣло дѣлать, а дѣла столько, что некогда и съ добрыми людьми поговорить; воспользуется ли кто этимъ трудомъ, этого никто не знаетъ, но такъ или иначе правда восторжествуетъ, а пока надо подождать лѣтъ сто, когда „жизнь вызоветъ на Божій свѣтъ правду слова и дѣла". Также В. Н. Волкъ-Карачевскому онъ писалъ: „За мою правду Богъ далъ мнѣ такое здоровье, какое никому изъ моихъ знакомыхъ". „Если бы я зналъ, что я не правъ, я бы тотчасъ сжегъ свои бумаги и сломалъ перо, а такъ какъ правыхъ людей не вижу, то лучше одинъ останусь съ своей правдой, нежели примкну къ „стоустому недоразумѣнію".

И вотъ въ это-то и безъ того нерадостное время судьба послала ему одинъ за другимъ рядъ жестокихъ невзгодъ чисто житейскаго характера: то пожаръ наноситъ безпощадный ударъ его крайне скуднымъ матеріальнымъ средствамъ и лишаетъ его самаго дорогого сокровища и самой высокой отрады—многолѣтними жертвами собранной библіотеки, то недобросовѣстный арендаторъ - полякъ всевозможными злоупотребленіями вовлекаетъ въ мелкія дрязги повседневной жизни всѣми забытаго труженика мысли и пера и вынуждаетъ его наконецъ начать съ собой тяжбу. По разнымъ мелочнымъ причинамъ человѣку

живого, общительнаго темперамента, дѣятелю, рожденному для широкой арены и съ призваніемъ къ трибунѣ, приходилось все тѣснѣе замыкаться съ горькимъ чувствомъ въ своемъ хуторскомъ уединеніи, и такое отчужденное положеніе, хотя и въ годы приближающейся старости, но когда, не смотря на то, въ жилахъ все еще кипѣла кровь, было тяжелымъ и незаслуженнымъ испытаніемъ. Но все это не сломило Кулиша и не лишило его бодрости [1]): онъ продолжалъ заниматься домашними работами, причемъ даже самъ пахалъ землю по принципу, хотя и не былъ послѣдователемъ Л. Н. Толстого, и въ это же время его литературная дѣятельность нисколько не ослабѣвала, не смотря на то, что его труды оставались подолгу въ рукописяхъ и не находили живого отголоска.

Отрицая эпоху козачества, какъ вредное исчадіе польской культуры и ложный историческій наростъ, Кулишъ хотѣлъ теперь видѣть возрожденіе Украйны на почвѣ до-монгольской „старорусчины". Въ письмахъ къ Волкъ-Карачевской въ 90-хъ годахъ онъ подробно развиваетъ этотъ взглядъ; сходясь съ нею въ украинскомъ патріотизмѣ, онъ указываетъ и существенное разногласіе: „в тебе козащина—корінь и цвіт нашоі національности, а мене вона допомогла нашому культурному ходу ще меньше, ніж у середніх віках нашим західнім сусідам допомогли рицарі". Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвой. Онъ сильно вооружается противъ республики шляхетской и козацкой, но начатки украинской культуры, по его мнѣнію, не заглушили ни кіевскій апостолъ Петръ Могила, ни Лазарь Барановичъ. Козачество онъ прямо называетъ „ляхо-татарскимъ выродкомъ". Пушкинская „Новорусчина" воскресила

---

[1]) Еще въ 1857 г. Кулишъ замѣчательно мѣтко охарактеризовалъ свою натуру: «Природа создала меня удивительно: какъ бы ни разстроили меня внѣшнія вліянія, изъ души моей поднимается сила, которая опять все приводитъ въ гармонію».

старый баяновскій духъ и потому не враждебна по своей русской природѣ Украинѣ, которая, однако, должна сохранить и развить свою культуру, на два вѣка задержанную казачествомъ. Этой-то культуры, въ противоположность „Костомаро-Тарасовщинѣ“, Кулишъ называетъ себя „босоногимъ апостоломъ“.

Въ концѣ 1884 г. вышелъ въ свѣтъ „Байда“ и былъ быстро раскупленъ любителями малороссійской литературы, но это была сравнительно скудная дань таланту Кулиша, и въ то же самое время другія его произведенія и статьи, печатаемыя въ „Южномъ Краѣ“ и другихъ мало распространенныхъ изданіяхъ, иногда оставались неизвѣстными даже знатокамъ и любителямъ прошлаго Малороссіи. Болѣе крупной работой Кулиша въ это время была его статья „Предшественникъ козацкаго батька“, и, кромѣ того, тогда онъ съ удвоенной энергіей занимался послѣднимъ своимъ обширнымъ историческимъ трудомъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“,—съ *удвоенной* между прочимъ потому, что по нынѣшнимъ взглядамъ Кулиша, дѣятельность Хмельницкаго заслуживала совершенно не той оцѣнки, какая установилась въ нашей исторической литературѣ и рисовалась автору изслѣдованія въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ; необходимо было, съ его точки зрѣнія, поспѣшить съ окончаніемъ и обнародованіемъ его труда, чтобы предупредить уже предполагавшееся тогда открытіе памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Выступая на эту дорогу, Кулишъ окончательно расходился во взглядахъ съ прежнимъ задушевнымъ другомъ Костомаровымъ, отъ котораго его уже давно отдалило несходство въ убѣжденіяхъ.

Но вдругъ Кулишъ получилъ телеграмму отъ г. Мордовцева о смерти незабвеннаго историка, товарища его лучшихъ юношескихъ трудовъ, надеждъ и увлеченій. Прошлое живо воскресло въ его памяти, и явилась потребность отложить на нѣкоторое время начатые труды и взяться за перо, чтобы въ воспоминаніяхъ изобразить привлекательную личность усопшаго

прежняго друга. Эти воспоминанія были потомъ напечатаны въ Вольфовской „Нови“.

LIV.

Между тѣмъ Кулиша ожидали новыя теплыя дружескія отношенія съ людьми, уважавшими его дѣятельность и умѣвшими оцѣнить его личныя достоинства. Въ числѣ такихъ людей назовемъ юнаго любителя украинской словесности Н. В. Стороженка и уже много потрудившагося на скромномъ поприщѣ провинціальной пресы П. И. Зуйченка. Первый вступилъ въ сношенія съ Кулишомъ по поводу нѣкоторыхъ интересовавшихъ его свѣдѣній относительно „Основы“ и дѣятельности въ ней его дяди А. П. Стороженка, и, въ свою очередь, былъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ Кулиша съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ. Однажды до Кулиша дошли какія-то сплетни, въ которыхъ былъ представленъ отзывъ о немъ въ одной изъ статей „Кіевской Старины“, но это оказалось несправедливымъ. „Пересмотрѣвши нарочно повнимательнѣе „Кіевскую Старину“—писалъ Н. В. Стороженко—„я не нашелъ ни въ одной статьѣ, посвященной разбору вашей дѣятельности, ни въ одной рецензіи вашихъ трудовъ, ни въ одномъ изъ многократныхъ упоминаній вашего имени, не нашелъ ничего подобнаго тому, что̀ вамъ передали. Лебединцевъ, если и имѣетъ какія-нибудь несимпатичныя черты въ своемъ характерѣ, никогда бы не допустилъ, чтобы его изданіе было замарано гнусными измышленіями“ и проч. Стороженко сообщалъ въ своихъ письмахъ къ Кулишу о разныхъ литературныхъ новостяхъ, спеціально касающихся Украйны, указывалъ на труды молодого харьковскаго профессора Сумцова и первый указалъ ему на сочиненія о Малороссіи доктора Ролле, которыя вскорѣ обратили на себя сочувственное вниманіе Кулиша, на труды г. Горленка и проч. Въ

перепискѣ съ Стороженкомъ Кулишъ затрагивалъ вопросы, касающіеся назначенія и отличительныхъ свойствъ малорусской народности, и рекомендовалъ своему молодому корреспонденту тотъ энтузіазмъ къ родной старинѣ, какимъ отличаются особенно поляки. Въ своемъ другомъ новомъ корреспондентѣ, Зуйченкѣ, Кулишъ былъ пріятно удивленъ соединеніемъ искренности, прямодушія съ теплотой сердечной и большимъ доброжелательствомъ,—качествами, которыя онъ всегда цѣнилъ особенно высоко.

Зуйченко, уже давно слѣдившій за дѣятельностью Кулиша и возмущавшійся отношеніями къ нему галицкихъ русиновъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ чуть не вмѣшался въ эти отношенія, возмущенный вчужѣ тѣмъ, какъ его „обирали во Львовѣ". Теперь, вступивъ съ нимъ въ переписку, онъ не вытерпѣлъ, чтобы на первыхъ же порахъ не выразить ему чистосердечно своего негодованія по этому поводу, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, прямо сказалъ: „Такого чоловіка, якъ ви, мій друже, я вперше зроду бачу: сами жъ ви жалуетесь на те, які вамъ капости робили львовскіе братчики, а тутъ же заразъ за іхъ руку тягнете". Кулишъ былъ очень заинтересованъ этимъ откровеннымъ мнѣніемъ Зуйченка и потребовалъ объясненія причины высказаннаго взгляда, на что получилъ слѣдующій не менѣе откровенный отвѣтъ: „Якъ колись довелось мені проживати у Відні, то за ваше львовске життя чувъ я не відъ единаго покойника Раевскаго, а ще казали мені де які Русини про вашу прихильность, та про те, якъ іхъ братчики вивертали вашу кишеню на свою погребу". Несмотря на черезчуръ свободную искренность этихъ строкъ, въ нихъ дышала преданность, объясняемая тѣмъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ автору ихъ приходилось часто слышать о Кулишѣ отъ знакомыхъ отца, и уже тогда въ его душу запало глубокое почтеніе къ нему, какъ къ надеждѣ и гордости всей Украйны. Изъ этихъ знакомыхъ особенно поразилъ его, еще ребенка, своимъ восторженнымъ отзывомъ родственникъ Пушкина, Николай Ивановичъ Павли-

щевъ, глубокій знатокъ и любитель малороссійскихъ пѣсенъ и языка.[1])

Зуйченко былъ очень радъ случаю завязать съ Кулишомъ переписку и жаждалъ личнаго знакомства съ нимъ, для чего настойчиво и съ какой-то задушевной сердечностью звалъ его къ себѣ, стыдя его между прочимъ за то, что онъ, горячій украинскій патріотъ, не видалъ никогда днѣпровскихъ пороговъ и мѣста пребыванія прежней запорожской сѣчи; въ ожиданіи личнаго знакомства онъ просилъ Кулиша прислать его портретъ.

LV.

Вскорѣ вѣрный и преданный Зуйченко становится однимъ изъ повѣренныхъ думъ Кулиша и начинаетъ даже входить въ его домашніе интересы, отговаривая его затягивать пререканія

---

[1]) Зуйченко сохранилъ въ своей памяти нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности о томъ, какъ на partie de plaisir къ отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ Екатеринослава разрушенной польской крѣпости, Павлищевъ—любившій съ артистическимъ увлеченіемъ декламировать: «Бьютъ пороги, місяць сходыть», и отличаясь необыкновенной памятью,—на разспросы Зуйченка, гдѣ можно найти данныя для описанія процедуры вступленія обветшалаго запорожца въ «ченци», которое было нужно ему для описанія запорожскаго самарскаго монастыря, отвѣтилъ:—«Конечно, у Кулиша въ «Черной Радѣ!» и немедленно проговорилъ на память слово въ слово описанія козацкаго вступленія въ монахи.

Такъ, многими несправедливо забываемый Кулишъ совершенно случайно узнавалъ иногда о своихъ искреннихъ и горячихъ почитателяхъ, симпатіи которыхъ къ нему подготовлялись еще съ раннихъ лѣтъ и которые слишкомъ поздно встрѣчались иногда съ нимъ на жизненномъ пути.

съ арендаторомъ, отъ которыхъ не ждалъ ничего добраго. Кулишъ, въ свою очередь, осыпаетъ его дружескими порученіями; къ нему онъ обращается въ числѣ другихъ и съ просьбой о портретѣ украинскаго философа Сковороды, свято чтимаго именно той фракціей украинофиловъ, къ которой принадлежалъ и его корреспондентъ. (Любопытно, что для этого потребовалось Зуйченку вступить въ сношеніе съ сыномъ одного молокана, который долженъ былъ снять копію съ портрета тайно отъ отца, потому что у этой секты Сковорода почитается святымъ и копіи съ его портрета снимаются и отдаются весьма неохотно). Кромѣ того, они дѣлились другъ съ другомъ неизвѣстными прежде украинскими думами и, наконецъ, по желанію Зуйченка, Кулишъ прислалъ ему однажды автографы Гоголя и Шевченка.

Главной связью между обоими корреспондентами служили ихъ общіе историко-литературные украинскіе интересы и литературные замыслы каждаго изъ нихъ. Кулишъ, окончивъ „Байду" и ободренный успѣхомъ этой пьесы, задумывалъ новую драму „Царь Наливай", при чемъ въ отысканіи данныхъ помогалъ ему и Зуйченко, находившій избираемые сюжеты весьма драматическими: „За „Байду" я вамъ скажу, що се дуже важка тема для драматичности: „Байда" зложивъ свою голову не за лыцарьску, або за народну користь, а за честолюбивий помиселъ молдавськаго господарства. „Царь же Налывай"—друге дило—тутъ высота драматизма безъ кинця, якъ у шекспировскаго Ю. Цезаря або Лира". И вотъ онъ съ живымъ участіемъ начинаетъ разыскивать для Кулиша въ разныхъ концахъ Южной Руси, какія только можно раздобыть, думы о Наливайкѣ, а потомъ тревожится за участь уже написаннаго произведенія со стороны цензурныхъ мытарствъ и урѣзокъ. Отыскиваніе рукописей Сковороды и стараніе отдѣлить его подлинные труды отъ подложныхъ, отыскиваніе его портрета и другія дѣла вовлекли обоихъ корреспондентовъ съ сношенія съ редакторомъ „Кіевской Старины" Лебединцевымъ, посредникомъ въ которыхъ явился для нихъ Н. В. Стороженко. Лебединцеву было предложено напечатать пьесу

„Царь Наливай“, и онъ съ радостью ухватился за эту мысль, но переданныя ему Стороженкомъ условія Кулиша оказались непосильными для спеціальнаго журнала съ ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, и дѣло разстроилось. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Кулиша. Одинъ изъ его корреспондентовъ справедливо возражалъ на его сѣтованіе: „Мнѣ кажется, что вы черезчуръ пессимистически смотрите на современность; издателей найти трудно, съ цензорами имѣть дѣло еще труднѣе, но читатели нашлись бы: за прошлое царствованіе народъ нашъ подвинулся значительно впередъ въ умственномъ развитіи и чувствуетъ потребность въ духовной пищѣ; только давайте хорошіе, написанные въ національномъ духѣ труды,— такъ и проглатываетъ“. Но, во всякомъ случаѣ, обойти издательскія и цензурныя передряги было невозможно, и то и дѣло встрѣчались недоразумѣнія изъ-за правописанія и разныхъ паерковъ. „Вы пишете такъ легко и хорошо, что всѣ ваши произведенія читаются съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорили съ разныхъ сторонъ Кулишу, но дѣла не подвигались отъ этого скорѣе и затрудненія продолжали его волновать все сильнѣе и мучительнѣе. Въ одномъ письмѣ къ Огоновскому Кулишъ горько жаловался на то, что его одинаково стѣсняютъ русская и заграничная польская цензура, русскіе попы и польскіе ксендзы, русскіе и галицкіе козакоманы и пр. Въ тоже время къ Кулишу нерѣдко обращались съ предложеніемъ сотрудничества. Черезъ г. Стороженка ему было предложено г-мъ Горленкомъ принять участіе въ какомъ то предполагаемомъ сборникѣ чисто этнографически-беллетристическаго характера, который бы являлся продолженіемъ „Записокъ о Южной Руси“ и „Хаты“, причемъ „было желательно, чтобы имя виновника появленія на свѣтъ этихъ двухъ трудовъ украсило страницы изданія“, и съ такими же предложеніями охотно обращались къ Ганнѣ Барвинокъ, но цензурныя стѣсненія и здѣсь постоянно стояли на дорогѣ; такъ напр., „Кіевская Старина“ должна была просить по настояніямъ цензуры передѣлать одинъ разсказъ, написанный

на малороссійскомъ языкѣ, потому что можно было допустить только смѣшанную рѣчь—разговоры по-малорусски, а описаніе и все остальное на литературномъ языкѣ.[1]) Въ числѣ лицъ, обращавшихся къ Кулишу съ литературными предложеніями въ серединѣ 80 годовъ, слѣдуетъ назвать, между прочимъ, его стараго знакомаго Сердюкова,[2]) задумавшаго составить „Словарь", который заключалъ бы въ себѣ „сводъ всей малороссійской литературы". Кулишъ, съ своей стороны, указалъ ему въ качествѣ образца для такого труда словарь Желиховскаго (которымъ, однако, Сердюковъ остался не вполнѣ доволенъ), и, въ свою очередь, получилъ приглашеніе участвовать въ предположенномъ предпріятіи и даже переѣхать для этой цѣли въ одну изъ сто-

---

1) Въ письмахъ Н. В. Стороженка къ Кулишу мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующіе два курьеза: во-первыхъ, разсказъ о томъ, какъ уже выжившій изъ ума старикъ Платонъ Лукашевичъ, всегда впрочемъ отличавшійся странностями, предложилъ В. Б. Антоновичу и другимъ лицамъ въ завѣщаніи свою библіотеку и архивъ, но съ тѣмъ условіемъ, что душеприкащики обязуются перевести на французскій языкъ (sic) всѣ шестнадцать томовъ его «Чаромутія»; во-вторыхъ, любопытное сообщеніе о заявленіи въ Обществѣ исторіи и древностей казначея Карпова, послѣ смерти Н. И. Костомарова, что, отдавая должное трудолюбію и таланту покойнаго, не должно забывать, что онъ всюду старался унизить все русское, развѣнчивая народныхъ героевъ. Послѣ окончанія его рѣчи, профессоръ Тихонравовъ замѣтилъ, что все это такъ любопытно, что заявленіе Карпова слѣдуетъ напечатать съ рѣчью его предшественника по слову, Забѣлина. Карповъ понялъ, что его поймали, и началъ увертываться, говоря, что онъ собственно ничего не имѣетъ противъ Костомарова, но что онъ какъ русскій и т. д.; затѣмъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и сѣлъ. Общество постановило напечатать только рѣчь Забѣлина въ «Чтеніяхъ».

2) См. о немъ «Кіевск. Стар.», 1897, X, 32—37, XI, 243—244 и XII, 468.

лицъ или въ Кіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя совмѣстное съ Сердюковымъ изданіе сочиненій Костомарова. [1])

Наконецъ и Зуйченко задумалъ цѣлый рядъ собственныхъ изданій, изъ числа которыхъ вскорѣ былъ осуществленъ на дѣлѣ „Екатеринославскій листокъ объявленій"; онъ часто совѣтовался съ Кулишомъ и желалъ его сотрудничества. Онъ предполагалъ также выпускать «Календарь-Рекламу», который по его мысли долженъ былъ заключать въ себѣ не только русскія, но также общеевропейскія объявленія. Замышлялъ онъ наконецъ издавать газету «Основа», самое названіе которой должно было служить напоминаніемъ о прежнемъ журналѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцомъ для нея, по собственному признанію Зуйченка, былъ одинъ издававшійся въ Львовѣ журналъ. Когда же изъ всѣхъ этихъ изданій былъ разрѣшенъ только «Листокъ Объявленій», то Зуйченко просилъ Кулиша заготовить публикаціи на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Между пріятелями было условлено свиданіе для личнаго знакомства и дѣловыхъ объясненій, но вскорѣ Зуйченко въ одномъ изъ писемъ упомянулъ о начавшемся недомоганіи, которому онъ не придалъ сначала особаго значенія, но которое окончилось вскорѣ его смертью.

LVI.

Въ 1886 году началось мое также заочное знакомство съ П. А. Кулишомъ, поводомъ къ которому послужило мое обра-

---

[1]) Сердюковъ даже писалъ Кулишу: „бросьте всѣ ваши историческія занятія а займитесь редакціей словаря, который по мѣрѣ перебѣливанія, буду вамъ присылать», и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ Кулишу весьма выгодныя въ матеріальномъ отношеніи условія, имѣя въ виду критическое положеніе Кулиша и завлекая его, между прочимъ, возможностью пріобрѣтенія на льготныхъ условіяхъ помѣстья въ западномъ краѣ. Кулишъ не пошелъ на это.

щеніе къ нему по составленію «Указателя къ письмамъ Гоголя» съ просьбой указать могущія быть неточности и ошибки. Занимаясь изученіемъ жизни великаго писателя, я встрѣчалъ вначалѣ значительныя затрудненія на каждомъ шагу вслѣдствіе тщательнаго маскированія собственныхъ именъ, сдѣланнаго П. А. Кулишомъ въ его изданіи въ пятидесятыхъ годахъ по требованію С. И. Аксакова и П. А. Плетнева. Долго меня затрудняли самыя справки о мѣстѣ жительства Кулиша, о чемъ никто не могъ доставить вѣрныхъ свѣдѣній, пока, по совѣту А. Н. Пыпина, я не рѣшился обратиться въ редакцію «Кіевской Старины» съ просьбою переслать мое письмо Кулишу. Вскорѣ же былъ полученъ самый дружелюбный и любезный отвѣтъ съ пожеланіемъ, чтобы наше новое знакомство сдѣлалось со временемъ старымъ и многолѣтнимъ (здѣсь былъ намекъ на извиненіе, что я сразу позволилъ себѣ обратиться къ Кулишу, «какъ къ старому знакомому»), но въ слѣдующемъ же письмѣ онъ невольно разочаровалъ меня относительно моихъ надеждъ на исправленіе вкравшихся ошибокъ: «Очень хотѣлось бы вамъ услужить, но на свою память касательно собственныхъ именъ, обозначенныхъ иностранными буквами, не полагаюсь“—отвѣчалъ онъ мнѣ... «Послѣ столькихъ лѣтъ иного рода работъ я сталъ чужимъ въ области вашего изученія“. Въ то же время П. А. Кулишъ, желая помочь Н. А. Бѣлозерской въ ея трудѣ при составленіи для «Русской Старины» біографіи М. И. Гоголь, просилъ меня разыскать автобіографію «этой прекрасной женщины» въ библіотекѣ наслѣдниковъ графа Александра Петровича Толстого и спрашивалъ у меня нѣкоторыя подробности, касающіяся М. И. Гоголь, которыя мнѣ легко было узнать по моимъ отношеніямъ къ покойной сестрѣ нашего знаменитаго писателя, Аннѣ Васильевнѣ. Эту просьбу исполнить ничего не стоило, но проникнуть къ 90-лѣтней графинѣ Толстой, жившей уединенно и замкнуто въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой улицѣ, оказалось совершенно невозможнымъ, и Кулишъ напрасно совѣтовалъ мнѣ «сыскать въ Москвѣ просвѣщеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго въ аристократической средѣ архимандрита или архіерея». «Изъ

любви къ литературѣ»—прибавлялъ онъ—«подобный авторитетъ могъ бы обрѣсти въ домѣ графини ключъ отъ грѣшнаго въ ея глазахъ книгохранилища. Никакими другими средствами съ нею не совладаете». По этому поводу Кулишъ выразилъ свой задушевный, часто имъ высказываемый взглядъ на то, что жизнь отъ насъ требуетъ безотлагательнаго дѣла жизни. «Послѣ насъ и послѣ всего, что мы съ вами и подобными вамъ трудолюбцами сдѣлаемъ, жатва по старому будетъ многа, дѣлателей же будетъ мало».

Вскорѣ П. А. Кулишъ просилъ меня похлопотать объ изданіи его послѣдняго крупнаго труда «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». «Въ Москвѣ»—говорилъ онъ—«эта книга должна больше нравиться, нежели гдѣ-либо, такъ какъ изъ трехъ элементовъ: польскаго, малороссійскаго и московскаго, сей послѣдній, на основаніи моихъ изученій, представленъ въ своемъ оправданномъ исторіей превосходствѣ». При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбой объ изданіи книги къ г. Солдатенкову, а судьею своего труда для рекомендаціи послѣдняго желалъ имѣть Д. Ѳ. Самарина. [1]) Но дѣло оказалось далеко не такимъ легкимъ, какъ оно представлялось Кулишу. Достоинства живого, изящнаго литературнаго изложенія и яркихъ историческихъ характеристикъ, заключающихся въ этомъ трудѣ, мало могли помочь уже потому, что тѣ лица, къ которымъ Кулишъ думалъ обратиться черезъ меня, не поинтересовались даже ознакомиться съ книгой. Тогда явился новый планъ—представить рукопись всего этого обширнаго трехтомнаго сочиненія въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ». Но тутъ начался рядъ новыхъ мытарствъ.

Главные члены Общества Исторіи и Древностей, тогдашній предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ и профессоръ В. О. Ключевскій,—

---

1) „Я думалъ“—писалъ намъ Кулишъ, „что Самаринъ и Солдатенковъ обрадуются случаю заявить публикѣ о такихъ хулахъ на «духа премудрости, духа разума, духа страха Божія», какія указаны мною въ воспоминаніяхъ о Гермогенѣ, Филаретѣ Никитичѣ и проч.“

нынѣшній предсѣдатель Общества, въ то же время лишь болѣе вліятельный членъ,—въ общихъ чертахъ ознакомившись съ трудомъ Кулиша, отнеслись къ нему сочувственно и рѣшили внести въ Общество предложеніе о напечатаніи книги, причемъ Кулишъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ три тома были отпечатаны въ продолженіе года, на что и послѣдовало согласіе Общества. Но книги „Чтеній“ въ то время отчаянно запаздывали выходомъ, такъ что Общество, не отступая отъ своего обѣщанія и дѣйствительно помѣстивъ трудъ Кулиша въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Чтеній» за 1888 г., однако растянуло печатаніе приблизительно на полтора года. [1]) Но медленность была въ данномъ случаѣ еще наименьшимъ зломъ, тогда какъ автору пришлось вынести много мелочныхъ непріятностей, начиная съ заявленія казначея Общества Карпова о томъ, что, сходясь съ нимъ во многихъ взглядахъ и якобы даже заимствовавъ оные изъ книги послѣдняго о «Богданѣ Хмельницкомъ», Кулишъ счелъ нужнымъ скрыть о своемъ знакомствѣ съ его трудомъ и нигдѣ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Претензія эта была очень забавна въ виду того, что о существованіи сочиненія Карпова Кулишъ даже не зналъ, да и о самомъ Карповѣ впервые также узналъ однажды случайно отъ Костомарова, смѣявшагося надъ его обвиненіемъ Кулиша и Костомарова въ подборѣ актовъ Южной и Юго-Западной Руси въ третьемъ томѣ соотвѣтственно украинскимъ видамъ. Съ другой стороны оказалось, что Карповъ, который принялъ за присвоеніе у него Кулишомъ высказываемые послѣднимъ взгляды на темныя стороны козачества, радикально расходился съ Кулишомъ въ оцѣнкѣ значенія самого Хмельницкаго и находилъ необходимымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его труда. Уже по отпечатаніи перваго тома, которое тянулось необыкновенно долго, до того, что однажды разсерженный авторъ иронически писалъ намъ по адресу Общества: «Я думаю, что вы ошиблись въ надписи и, вмѣсто

---

[1]) Кулишъ тужилъ по этому поводу: „Моя рукопись всѣхъ, какъ пишутъ, обрадовавшая, дремлетъ подъ шумъ общей радости“.

Общества исторіи, попали въ какое-нибудь чиновное вѣдомство съ прочными и покойными мѣстами»,—вдругъ посыпались одно за другимъ энергическія заявленія и протесты Карпова, который извѣщаетъ самого Кулиша «о своемъ намѣреніи напечатать при второмъ томѣ его труда возраженіе противъ перваго», когда уже нельзя было прекратить начатое дѣло, да и второй томъ былъ уже давно въ наборѣ. Кулишъ такъ отвѣчалъ ему: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не могло издать моего радикально противоположнаго принятому воззрѣнію труда безъ такой оговорки, какая набросана въ вашемъ письмѣ. Но и для Общества и для меня будетъ лучше, когда оно выпуститъ разомъ всѣ три тома, составляющіе нераздѣлимое цѣлое. Позвольте надѣяться, что вы это сдѣлаете для товарища по профессіи». Карповъ исполнилъ свое намѣреніе и прислалъ Кулишу оттискъ, не смотря на ироническій отвѣтъ послѣдняго на предложеніе прислать ему на просмотръ его примѣчанія: «Хоть бы вы и прислали, я не выразилъ бы желанія, чтобы въ этомъ примѣчаніи коечто было сказано иначе, а не такъ, какъ оно сложилось въ вашемъ умѣ». [1])

Наконецъ, книга была напечатана и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, продана владѣльцу одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ.

Но несомнѣнно, что медленность печатанія при такихъ условіяхъ была для Кулиша тяжелой нравственной пыткой, а между тѣмъ у него грудами въ рукописяхъ лежали и другіе крупные труды, какъ напр. «Украинскіе козаки и паны», и проч. и, кромѣ того, въ его портфелѣ хранилось нѣсколько беллетристическихъ произведеній: послѣ „Дѣдушкина Завѣта“, «Байды» и проч., онъ написалъ также «Владимірію» или «Искру Любви»,

---

[1]) Начавъ съ утвержденія, что Кулишъ заимствовалъ у него свои основные выводы, Карповъ пришелъ потомъ къ заключенію, что онъ совсѣмъ не читалъ его книги и проч. См. объ этой полемикѣ въ «Исторіи Русской Этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 212—214.

предложенную редакціи Вольфа, но не напечатанную тамъ вслѣдствіе цензурнаго запрещенія, хотя за рукопись уже былъ выданъ автору авансомъ гонораръ. Также продолжали лежать въ рукописи «Взаимныя Ошибки», напечатанныя впослѣдствіи въ «Русскомъ Обозрѣніи» подъ названіемъ «Омутъ». (1897, III). Здѣсь были уже затрудненія другого рода. Кулишъ изобразилъ по личнымъ воспоминаніямъ, но въ весьма невыгодномъ освѣщеніи, дѣятелей редакціи „Современникъ" 60-хъ годовъ, вслѣдствіе чего многіе журналы не безъ основанія затруднялись печатать эту повѣсть.

LVII.

Среди постоянныхъ передрягъ и волненій, подобныхъ вышеописаннымъ, Кулишъ попрежнему находилъ великую нравственную поддержку въ неизмѣнной преданности и горячемъ сочувствіи Ганны Барвинокъ, литературными успѣхами которой, въ свою очередь, онъ отъ души гордился. [1]) „Мы хлопочемъ о такихъ пустякахъ, какъ четверка лошадей и карета, а Сашуня— черкъ, черкъ и описала «Молотниковъ». [2]) «Прибѣжитъ изъ клуни, черкъ-черкъ Александра Михайловна»—сообщалъ намъ однажды Кулишъ,—„получила гонораръ за второй этнографическій этюдъ свой, который появится въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины", подъ заглавіемъ „Половинщикъ" (такъ называются у насъ пахари, обрабатывающіе поля исполу). Здѣсь она коснулась брачнаго вопроса въ нашемъ простонародьѣ. Третій этюдъ будетъ напечатанъ только въ апрѣльской книжкѣ, подъ

---

[1]) Онъ даже говорилъ: «Одна Ганна открыла неистощимый родникъ поэзіи».

[2]) Напротивъ, А. М. Кулишъ писала своей родственницѣ: «Какъ погорѣли, лишились хозяйства,—дѣлать нечего: я *была свободна отъ всѣхъ дѣлъ* и въ это время нѣсколько вещей написала».

заглавіемъ „Русалка". [1]) Героиня повѣсти (въ которой нѣтъ ничего вымышленнаго, какъ и въ первыхъ двухъ) относится такъ запросто къ Господу Богу, что редакторъ опасается, какъ бы цензура не вмѣшалась въ библейскій характеръ отношеній.

Редакторъ „Кіевской Старины" просилъ продолженія сотрудничества. Но вмѣстѣ съ лаврами неразлучны и шипы, и въ другой разъ Кулишъ сообщалъ мнѣ: „Александра Михайловна любитъ бесѣдовать съ простолюдинами и записывать ихъ разсказы. Нѣсколько такихъ этнографическихъ этюдовъ напечатано по-малорусски, но „Кіевская Старина" просила ее заворачивать малороссчину въ великорусскую обертку, ради цензуры, которая, по программѣ, не дозволяетъ чисто малороссійскихъ пьесъ". Объ отношеніяхъ же своей жены къ его собственнымъ трудамъ онъ категорически заявлялъ, „что безъ Александры Михайловны книга моя не была бы написана. Всѣ житейскія попеченія брала она на себя, охраняя мое спокойствіе, время и здоровье всячески. Ни одна женщина не могла бы сдѣлать больше для писателя; и она еще находитъ время писать малорусскіи оповідання съ народнихъ устъ". Въ другой разъ, въ письмѣ къ одной особенно любимой родственницѣ, Кулишъ, упрекая ее за то, что она привыкла не щадить себя и, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ своей женой, примѣнилъ къ нимъ любимое итальянское двустишіе: „questa vita noyosa non e degna di si gentil cosa".

Между тѣмъ, на короткое время возобновились дружескія отношенія Кулиша къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Навѣстивъ послѣднюю въ Полтавѣ лѣтомъ и осенью 1877 года, мы имѣли случай многое разсказать ей о старинномъ пріятелѣ ея семьи, и этотъ разговоръ возбудилъ въ Аннѣ Васильевнѣ живѣйшее

---

[1]) За «Русалкой» послѣдовала «Правнучка бабы Борца», о которой Кулишъ говорилъ: «или привезутъ повѣстку о деньгахъ за «Русалку»,—въ такомъ случаѣ Ганна ѣдетъ въ Борзну для полученія и отправленія; въ противномъ случаѣ хранитъ новую рукопись у себя».

желанiе хотя бы вступить съ нимъ вновь въ переписку; узнавъ отъ меня объ этомъ ея желанiи, Кулишъ поспѣшилъ предупредить ее письмомъ, и переписка завязалась. Анна Васильевна всегда съ удовольствiемъ припоминала о добромъ старомъ времени, когда Кулиши жили въ ихъ имѣнiи, и не разъ высказывала желанiе вновь увидѣться съ ними, хотя въ то-же время сомнѣвалась въ возможности осуществить свою мечту, жалуясь на свою лѣнь и немолодыя лѣта. Получивъ письмо отъ Кулиша, она тотчасъ же охотно отозвалась и начала такъ: „Мнѣ очень было прiятно получить ваше письмо. Вы отгадали мое желанiе. Я только что говорила В. И. Ш—ку, что недавно перечитывала ваши письма къ одной моей знакомой, и она совѣтовала мнѣ написать вамъ, чтобы имѣть удовольствiе получить такiя прекрасныя письма, которыя можно отдать въ печать. Никто не пишетъ такихъ интересныхъ писемъ. У меня, напр., все дѣловыя письма отъ многихъ писателей“. Нельзя не согласиться, что дѣйствительно Кулишъ въ высокой степени обладалъ даромъ изящнаго литературнаго изложенiя, которое у него невольно обнаруживалось въ каждомъ дѣловомъ, спѣшномъ и незначительномъ письмѣ. Также восхищалась А. В. Гоголь энергiи Кулиша и, узнавъ о томъ, что онъ самъ пашетъ землю, но не зная объ его отрицательномъ отношенiи къ гр. Толстому, писала ему: „Вы теперь увлекаетесь работой, какъ гр. Толстой: воображаю, съ какой горячностью вы работаете! вы все дѣлаете съ увлеченiемъ!“ Наконецъ, она говорила: „Я всегда съ удовольствiемъ вспоминаю васъ и Александру Михайловну, и мнѣ прiятно смотрѣть на ваши портреты“. Съ Кулишомъ Анна Васильевна совѣтовалась о раздражавшей ее статьѣ Н. А. Бѣлозерской о ея матери; [1]) сильно возмущаясь общимъ освѣщенiемъ въ ней фактовъ, крайне невыгоднымъ образомъ истолкованныхъ для нашего великаго писателя, Анна Васильевна очень волновалась, защищала брата и даже осуждала мать, которая, при всей безграничной добротѣ, причиняла своимъ—сыну, дочерямъ и окру-

---

[1]) Въ Русской Старинѣ (1887, III.).

жающимъ много непріятностей своей подозрительностью и невозможными фантазіями, часто приходившими ей въ голову, и говорила: „Она была очень добра, много помогала бѣднымъ, была привѣтлива къ гостямъ, всѣмъ очень нравилась, но живущимъ съ нею было тяжело. Мы всѣ три очень страдали и не такъ терпѣливо выносили, какъ братъ". Она просила Кулиша, хорошо знавшаго характеръ ея матери, разъяснить недоразумѣніе и написать возраженіе на статью г-жи Бѣлозерской, но потомъ оставила эту просьбу, когда узнала, что г. Трохимовскій въ своей статьѣ объ М. И. Гоголь разъяснилъ именно все то, что̀ она считала необходимымъ. Переписка Кулиша съ А. В. Гоголь, однако, скоро прекратилась вслѣдствіе какого-то незначительнаго недоразумѣнія. Вообще въ это время Кулишу какъ-то все больше приходилось отдаляться отъ прежнихъ друзей, причемъ онъ особенно сожалѣлъ о прекращеніи переписки съ Л. М. Жемчужниковымъ. Безъ ссоръ и безъ серьезнаго охлажденія часто порывались у него старыя дружескія связи въ силу того обычнаго явленія, что теченіе жизни съ обѣихъ сторонъ постоянно уносило, хотя и небезслѣдно, много общихъ интересовъ; такъ, онъ писалъ одной изъ родственницъ, что „Жемчужниковъ не отвѣчалъ на письмо о нашихъ портретахъ, и съ того времени переписка наша прервалась. Года два тому назадъ Надежда Александровна (Бѣлозерская) писала, что денежныя дѣла его не въ завидномъ положеніи. Теперь и съ Надеждой Александровной мы не имѣемъ повода переписываться". Неудивительно поэтому, что одинъ изъ давнихъ знакомыхъ Кулиша, докторъ Славницкій, замѣтилъ въ Кулишѣ сравнительно съ былымъ временемъ, нѣкоторый упадокъ духа: „Въ 1870 и позднѣе", пишетъ онъ, „проживая въ Глуховѣ, я посѣщалъ его въ хуторѣ и замѣтилъ въ немъ раздраженіе и признаки мизантропическаго настроенія. Скорбью вѣяло во время нашей бесѣды о пережитомъ". Но въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, непосредственно предъ приведенными строками читаемъ: „Увлекался онъ и талантомъ Марка Вовчка, а досужая сплетня воспользовалась перенести его увлеченіе и на обладательницу таланта, но вѣдь одновременно ею увлекался и

И. С. Тургеневъ". Жить въ глухомъ хуторѣ, быть предметомъ недовѣрія для однихъ и нелѣпыхъ сплетенъ для другихъ, чувствовать себя отдѣленнымъ потокомъ жизни отъ лучшихъ друзей и выносить матеріальныя и всякія другія невзгоды и при всемъ томъ не носить ни малѣйшаго отпечатка, никакихъ слѣдовъ неудачно сложившейся жизни—едва-ли могло бы быть по силамъ кому бы то ни было; скорѣе слѣдуетъ удивляться необычайной бодрости и энергіи духа Кулиша, не ослабѣвавшей даже тогда, когда рѣшительно все складывалось неблагопріятнымъ для него образомъ, когда любящей женѣ его приходилось съ горькой ироніей сообщать одной близкой особѣ, что они къ праздику пасхи „уже получили и подарокъ, да и не малый, но съ тобой дѣлиться не хочу: окладной листъ и числится за нами 40 р... [1]) Словомъ, также и тутъ со всѣхъ сторонъ не даютъ намъ оправиться".

Въ сущности же Кулишъ не только не падалъ духомъ, но умѣлъ вдохнуть бодрость и въ другихъ нуждающихся и воодушевить людей, утомленныхъ борьбой съ неприглядными сторонами жизни. Онъ не переставалъ исповѣдывать необходимость и важность безропотнаго перенесенія несчастій и умѣнья смотрѣть въ глаза всякимъ испытаніямъ и невзгодамъ, и это убѣжденіе высказывалось имъ въ самыя тяжелыя минуты: „За доброту жестоко люди платятся. Теперь о чемъ же мечтать? О тихой жизни среди жестокихъ безобразій! „Царствіе Божіе внутрь васъ есть". Кто не запасся убѣжденіемъ, что внѣ человѣка нѣтъ счастья, тому напрасно искать его. Нравственное и умственное самоудовлетвореніе—вотъ счастье! Никакого другого нѣтъ, а есть мечтаніе о славѣ". Такова была нравственная философія человѣка, много перенесшаго въ жизни, во многомъ разочаровавшагося, но сохранившаго въ груди искру Божію и еще способнаго зажигать ее и въ другихъ. Объ энергіи Кулиша въ качествѣ переводчика можно судить по слѣдующимъ строкамъ: „Оце заходивсь я пере-

---

[1]) Эти окладные листы были присланы Кулишу, какъ наслѣднику прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

кладуваты по нашому виршамы Байронового „Чайльдъ Гарольда“, и такъ мени ся робота вподобалась, що цилыхъ два мисяци не одирвавсь видъ неи. Теперъ маемо по нашому вси чотыри писни“. В. М. Бѣлозерскому онъ писалъ въ 1893 г., что онъ занятъ переводомъ Іова, псалтыри и пророковъ въ стихотворной формѣ и для этихъ трудовъ старался отыскать Оксфордскую Библію. Возвращаясь къ нравственному вліянію Кулиша на близкихъ ему людей, мы, впрочемъ, должны сказать, что встрѣчаемъ иногда въ отвѣтныхъ письмахъ ему, при всемъ высокомъ уваженіи къ его личности, ропотъ недовольства на проповѣдуемую имъ мораль, на самое доброе намѣреніе его поддержать въ корресподентѣ его несомнѣнно лучшія стремленія. „Я вполнѣ понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, чтó вы говорили относительно высшихъ благъ жизни и стремленія къ нимъ“, писалъ ему одинъ изъ любимыхъ родственниковъ: „но то, что голодный будетъ думать и стараться прежде всего объ утоленіи голода, есть, полагаю, неоспоримая, безусловная аксіома“...

В. Шенрокъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повисть.*)

IV.

Дядько Максымъ належавъ до тыхъ людей, що хочъ и поважають чужый розумъ, але не забувають, що й своя голова йе на въязахъ; хочъ и кермуются у житти загальными поглядамы свого села, та мають иноди де-що зауважыты и видъ себе громади. Тымъ то недобра слава про „ледачу нетямуху“ небогу не дуже турбувала спершу Максыма, и колы якось жинка ёго, дуже проворна та гостра на языкъ молодыця, стала навить прысягатысь, що зъ городянкы „не буде вже толку й до вику“, що вона „пропаща людына“, Максымъ покынувъ гострыты косу и замовывъ iй зъ докоромъ:

— Добрый кравець симъ разъ одмиряе—разъ одриже, а дурна баба не мирявшы риже. Дивка ще й поригъ не переступыла, а ты вже й судышъ iи.

— Адже жъ вси люде въ одно кажуть!—зауважыла жинка.

---

[1]) См. «Кiевск. Стар.» № 7—8.

— „Людей слухай, а свій розумъ май!“ Люде на неи кажуть: „ледача“, а я кажу: не держала бъ іи генеральша пры соби висимъ рокивъ, колы бъ вона справди була ледача,—видказавъ Максымъ.

— А чого жъ вона не хоче дома робыты?—запытала жинка.

— Тымъ, що норовыста,—видповивъ Максымъ.

Теперъ, писля останнёи розмовы зъ Приською, Максымъ ще дужче впевныся, що нехай бы мавъ винъ десять головъ на плечихъ, то не прырозумивъ бы кращого прозвыща небози, якъ «норовыста». «Норовыста», думавъ самъ соби Максымъ, вертаючыся до-дому, у сусидне село,—„точнисенько, якъ ось буває кобыла норовыста: ты іи тягны на шляхъ, а вона тоби у калюжу верне... Набралася норовивъ у городянокъ, а тутъ хочъ тюкай на неи... Але жъ тому лыхови ще можно запобигты. Хай жинка не бреше: не пропаде вона. Не калика, не знесылена людына,—молода дивка почынае жыты; хай ворогы на свои головы гавкають, що вона вже пропаща людына! Добрый господарь зуміе выстёбаты норовы зъ коня: не басуватыме у повозци,—буде й Приська шовкова, якъ попаде іи жыття у свои пазури. Тутъ абы справыты іи на шляхъ, абы штовхнуты разочокъ та гараздъ, а тамъ покотытся вона по прызначеній ій коліи, забуде й думаты про той нависный городъ... Колы-бъ тилькы трапывся намъ де смилывый парубокъ, колы бъ тилькы полюбывсь городянци—мы бъ зналы, що робыты. Колы-бъ, мовлявъ, знайты! А де ёго знайты у лыхои годыны такого, щобъ Приська за нымъ не полола, не жала, не топыла, не прала. Де воно того дурныка шукаты, щобъ згодывся готови грошы постачать? Максымъ перебравъ у памьяты всихъ парубкивъ, всихъ вдовцивъ, що знавъ по околышнихъ селахъ, и нарешти плюнувъ: „ни, немае такыхъ дурнивъ—хочъ плачъ!“

А тымъ часомъ, покы Максымъ, замысленный та роздосадованый небогою, плентавъ до-дому, до хаты ёго надйихавъ цикавый та бажаный гисть—кумъ Трохымъ. Винъ жывъ верстивъ за двадцять видъ Максыма и одвидувавъ ёго дуже ридко, проте

кумы не забувалы парубоцького товарышування и поважалы одынъ одного, якъ гарни побратымы.

— Бачъ, хто мене одвидавъ! А я увійшовъ у двиръ, побачывъ коня, та й думаю: кого це Господь прынисъ до моеи господы? Це вы на нового коня забагатилы?—мовывъ зрадилый Максымъ, почоломкавшысь зъ кумомъ.

— Э-жъ, новый кинь: вже й паску йивъ зъ тіеи пшеныци, що винъ мени наоравъ,—засміявся Трохымъ.

— Тобъ то мы такый довгый часъ зъ вамы не бачылысь, куме?—здывувався Максымъ...

— Може бъ и теперъ ще не забывся до васъ, якъ бы не клопитъ той собачый. Ниволы, такъ ниволы, що прямо и дыхаты не мае часу, а довелося запрягаты шкапыну та йихаты сюды...—мовывъ Трохымъ.

— Що жъ тамъ таке?—запытавъ Максымъ, запрохуючы гостя до столу, де вже господарька понастановлювала и мысокъ, и тарилочокъ зъ усякою стравою.

— А таке, що прямо хочъ до-дому не вертайся,—видповивъ Трохымъ.

— Чому?

— А тому, що за неоплаткы грабують.

— Овва! Уплатить, та й кинець клопоту.

— Хыба то мои неоплаткы? Я все до останнёго шага виддавъ. Це мени за мого найменьшого братуху люде очи выйидають. Отъ горе зъ нымъ! Ажъ голова обертомъ иде, та ніякъ самъ соби рады не дамъ, що зъ нымъ робыты. Тры десятынкы земли, хата черезъ сины зъ моею, огороду добрый упругъ—можна бъ, здается, оплатытыся, такъ ни, не подума й не згада про ти оплаткы. Виддавъ землю людямъ задурно, взявъ вси грошы внередъ, розтрынькавъ половыну на канхветы та горихы дивчатамъ, половыну позычывъ якомусь пройдысвиту тутъ у вашому сели, до ёго оце я и забывся, а я платы за ёго!—скаржывся Трохымъ.

— Де жъ винъ, вашъ братуха, теперъ?

— У нашому жъ сели. Прызвело мене виддаты ёго до церковнои школы: попоходывъ чотыры зимы, навчывсь чы ни чому путнёму, а у грамотіи пошывся: у помишныкы до пысаря поступывъ. Пысарь и день и ничъ пье, а той за ёго артыкулы выводе...

— Мытець пысаты?

— Мытець такый, що инколы якъ наплута, то й самъ не розбере, де кинець, де початокъ,—зъ серцемъ видмовывъ Трохымъ.

— И що ёму полагается за ти артыкулы?—запытавъ Максымъ.

— Пысарь ёму тры карбованци на мисяць дае, а то ще перепадае ёму яка копійка и такъ видъ людей—карбованцивъ зъ пять не бильше всёго одержуе; а самыхъ локтивъ на десять прорве... Умовляю бисового хлопця, прозьбою прохаю покынуты оти паперы—не вдію ничого: прыйде, каже, мій часъ, то й я ныву оратыму, а до того часу гулятыму на воли.

— Та й гуляе?—запытавъ Максымъ.

— Та й гуляе жъ. Винъ, сказать, не якъ и гуляе: горилкы не пье, хвалыты Бога, ни до якого роспутства себе не допускае, а такъ, прыберется мовъ на Велыкдень, накладе пряныкивъ, горихивъ, ажъ кышени трищать, та й мандруе колы не на ти, то на инши досвиткы.

— Тры десятыны, кажете, земли?—запытавъ трохы згодомъ Максымъ.

— Тры десятыны 273 сажень та ще скилькысь аршынъ,—видповивъ Трохымъ.

— А якый винъ зъ себе?—запытавъ тежъ перегодя, наче миркуючы про вищось, Максымъ:—я ёго вже рокивъ зъ пъять, якъ бачывъ.

— Про вроду й не пытай: выбехкався зъ ёго такый парубокъ, що куды тоби! И ривни ёму навколо немае... Бувъ бы такый москаль, що онъ-куды, та взявъ далекій жеребокъ—не дійшла черга до ёго. Всимъ парубокъ, якъ парубокъ, та вдачы ледачои—хочъ ты ёго у ступи товчы, не хоче робыты.

— Вы бъ ёго оженылы,—порадывъ Максымъ.

— Чому жъ не оженыты, якъ бы хто пишовъ за ёго? Це мы добре знаемо, що шлюбъ та симья — найкращый порадныкъ у такому дили, та горе наше—дивчата, а не такъ дивчата, якъ ихъ батьки, не охочы виддаты свою дочку за ёго, колы винъ теперъ ни косарь, ни плугатырь, ни швець, ни кравець, ни якый майстеръ! А до того й винъ самъ не дурный: на погану дивку не схоче й дывытысь.

— Сватайте небогу мою,—пораявъ Максымъ.

— Оту городянку?—запытавъ здывовано Трохымъ.

— Іи жъ, іи.

— Сміетеся, чы що? вона не схоче и дывытысь на ёго. Тамъ же, каже дочка,—така панна, що ажъ курява встае, якъ поволоче своею спидныцею.

— Дочка ваша разъ іи бачыла, а я іи знаю, якъ облуплену. Навсправжкы кажу вамъ: сватайте нашу Приську. Вамъ, бачыте, клопитъ зъ Даныломъ, що не хоче господаруваты, а намъ турботы зъ Приською, що не хоче за господаря замижъ йты; злыгаймо ихъ до купы, чы не дойдуть воны тоди до розуму и безъ нашои допомогы?..—доводывъ Максымъ.

— Не пиде вона за Данила,—зитхнувъ Трохымъ.

— Авже жъ не пиде, якъ у насъ зъ вамы не постачыть толку та охоты справыты це дило на ладъ; а якъ що дійсно схочемо та визьмемося гарненько, то й погуляемо на весилли. Ій абы на готови гроши жыты, а ёму—абы дивка до вподобы—отъ тоби якъ разъ и до пары.

— А маты?—нагадавъ Трохымъ.

— Це вы, куме, до дила сказалы: про нее намъ найбильше й треба пыльнуваты; але жъ и тутъ намъ легко лыхови запобигты. Тры десятынкы земли, прыкладный огородъ, хата—добра ричъ, а колы до того ще й на загороди телятко-друге обизвется, колы у хати буде на чому систы, а на жердочци яка путяща одежына телипатыметься, то маты зъ дорогою душею згодытся.

— А де жъ тыхъ телятъ та всякои всячыны взяты, якъ винъ же все чысто, що прыпало ёму писля батька перевивъ?—запытавъ Трохымъ.

— Овва, куме! Люде добри за одынъ часъ наставлять господаремъ—абы охота,—засміявся Максымъ. Де-що можна на той часъ переволокты черезъ сины и зъ вашои господы, де-що й черезъ ривець видъ сусида: той тее, той инше,—й заповнятся кутки порожнёи хаты... Адже памъятаете, якъ мы Спырыдона женылы? Сорочкы путящои не було, а взявъ такы дивку до любови, та ще й багатырку.

— Тобъ-то це вы на розглядыны натякаете?—догадався Трохымъ.

— Эге-жъ, про розглядыны тилькы й хлопочуся.

— Розглядыны—то дурныця: можна легко улаштуваты,—видмовывъ, значно повеселившый видъ зайвои чаркы та видъ доброи порады кума, Трохымъ.

— Тобъ-то зъ Солохою теперъ вся наша справа?—запытавъ Максымъ.

— Звычайно: безъ Солохы розглядынъ до дила не видбудемо.

— А вона теперъ саме у нашому сели: до сына прыйихала—обизвалася Максымова жинка.

— Та невже?—зрадивъ Трохымъ.

— Оце вже й знакъ, що пиде наше дило на ладъ. Кыдай все та кличъ іи зразу сюды. Скажы, що добрячый могорычъ чекае іи у нашій господы. На ось грошей и забижы у монопольку,—мыттю давъ порядокъ Максымъ.

V.

Пособляють люде дружка дружци чымъ снага, рятують одно одне чымъ хто може: чы порадою, чы грошыма, чы шматкомъ хлиба; Солоха жъ знала тилькы одынъ засобъ пособляты рятувала тилькы зъ одніеи прыгоды, за те радо, охоче и добре. Безъ любыстку, заговоривъ—сылою тилькы власного языка вона не разъ и не два зводыла до купы разъеднани серденька, становыла на рушныку навить дитей кревныхъ ворогивъ и за свою пыльну працю не вымагала велыкои нагороды. Ій було байдуже до

того, хто звертается до неи за допомогсю та порадою: негожыхъ та нездатныхъ до шлюбу людей, на іи поглядъ, не було и на свити. Чы паганый на вроду, чы красунь, чы бидный, чы багатый—коженъ мавъ для себе уготовлену та прызначену ёму Господомъ пару, бо и найменьша комашечка, найпоганиша тварына мае соби дружыну.

Парубкови, або дивци—абы выбраты соби помижъ людей ту пару, абы зупынытыся на кому-небудь, а дали, якъ Господь допоможе, то справа цилкомъ залежыть видъ тыхъ тенетъ, що роскыне сваха, бо немае на свити такои косы, щобъ не можно було сховаты пидъ очипокъ, немае такои кропывы, що не боится морозу, немае и такыхъ людей, щобъ не можно було злыгаты до пары. Якъ вже той очипокъ сыдитыме на голови: чы мицно прылыпне, чы спадатыме; якъ жытыме та пара: чы вкупи, чы наризно—то вже у воли Божій. Бувае, що густи косы вылизуть и очипокъ, спочатку малый, на брови насунется; трапляется, що и парку закоханныхъ голубкивъ розлучае шулика, або лыхая прыгодонька—всякого бувае на билому свити, и дурна та сваха, що миркуе про весильный понедилокъ! „Моеи допомогы—покы рушныкъ пидъ ногы“, „Мого клубочка—до понедилочка“, „Прохай у доли лёли, а у свахы молодои“—казала було часто Солоха.

Максымъ та Трохымъ тежъ не прогаялы зъ Солохою даремно часу. Вона зрозумила зъ першого-жъ слова, на вищо іи поклыкано, якои допомогы вымагають видъ неи кумы, наскилькы цей разъ справа іи, якъ свахы, буде важча, нижъ завжди, и нарешти згодылася пособляты. Правда, ничого певного не сказала вона, ни у чимъ не забезпечала, ни за вищо не ручылася, памьятаючы та разъ-у-разъ нагадуючы, що все у воли Господа Мылосердного та Ёго святыхъ угодныкивъ. Вона обицялася тилькы „спробуваты“ та „поклопотатыся“... Але чоловикы добре зналы, що у добрый часъ сказать, а у лыхый промовчать. Солошыны клопоты доси, спасыби Богови, николы не пропадалы, и воны, певни, що й на цей разъ не увирвется іи нытка, запылы могорыча.

Добре пересвидчена у справи свахы, Солоха завжды знала, зъ чого треба почынать, кого поклыкать у пособныкы, видъ якыхъ ворогивъ захыщатыся та кому годыты. Звычайно, вона почынала здалека: зъ двохъ-трехъ балакучыхъ жиночокъ, що, здавалося, не малы ніякыхъ видносынъ до молодого та молодои и меньше за другыхъ селянъ ихъ зналы.

Черезъ де-килько день добра слава про молодыхъ, немовъ та на дрижжахъ та циду опара, пиднималась все выще та выще и незабаромъ доходыла до кого слидъ. Тоди Солоха прыступала до батькивъ та матерей, а звидтиль простувала утоптаною та гладкою стежкою до самои дивчыны, до іи серденька. Найчастійшъ те серденько не зазнавало ще кохання, але бажало ёго, бажало щастя, було слухняне, и Солоси легко було кермуваты имъ.

Одже на цей разъ Солоха бачыла, що треба було почынаты дило зъ протылежного кинця: видъ самои молодои. Зъ Приською Солоха ни разочку не балакала, николы не чула іи голосу, разъ-разочкомъ тилькы бачыла, тай то назыркомъ, у церкви; проте вона іи знала, а зъ тіеи чуткы, що рознеслася про неи по околышнымъ селамъ, та зъ речей Максымовыхъ добре зрозумила, що „городянка"—сама соби господыня, що хай не то маты, дядько, а все село визьмется биля неи, вона не поступытся й на крокъ видъ своихъ замиривъ, и що Максымъ дуже помыляется, гадаючы, що небожчыны норовй можно сыломиць повыбываты. «Годыты ій треба, якъ якій болячци: щобъ и не прыпекты й не захолодыты"—поклала сама соби Солоха и зъ такымъ намиромъ пишла до Прыськи. Прыська, похнюплена та роздосадована недавнею суперечкою зъ Мелашкою, сама сыдила у садочку. Солоха надійшла до неи, любенько прывиталася, прысила поручъ на травыци й защебетала соловейкомъ. Чы вона, Солоха, та свиту не бачыла, чы вона людей не знае, чы то-жъ вона не розуміе, яке жыття Присьци помижъ такыхъ темныхъ людей, якъ оти селяне, або й, хай Богъ простыть, и іи родына? Хочъ и далеко вона жыве, хочъ и гора, и ричка й велыки гоны видризняють іи видъ Присьчиной

хаты, та доходыть чутка й до неи, та болыть серце и въ неи за той молодый викъ дивоцькый, що хотять свои кревни тай занапастыты. Чы то-жъ прыйдется людына до людыны, чы то-жъ вси люде у Бога пидъ одынъ шнуръ пидведени, чы то-жъ одынъ шляхъ, одна стежечка про всихъ? Охъ! оце подывылася вона на Приську, побачыла, яка то вона смутна та невесела, тай прыгадала одного парубійка... Дала бъ вона имъ обомъ пораду и на добре напутыла, видъ щырого серця та зъ доброго помыслу на шляхъ справыла, та боится... Не такъ боится самои Приськи та іи родыны, якъ недобрыхъ людей та ихъ лыхыхъ речей... Людямъ не вгодышъ, на людей не потрапышъ. Ось хочъ и той парубокъ... Що на вроду и на здоровья и на розумъ и кращого, здается, навкругы немае, а проте осудылы ёго люде не згирше, нижъ оце и іи, Приську: ледащыною зробылы, на смихъ та на глумъ пиднялы, а ёго тилькы й провыны, за нымъ тилькы й опороку, що не схотивъ господарюваты та жыве на готови грошы. Гыне бидный хлопъяга, свитомъ нудыть, мисця соби не знайде, а все черезъ те, що хочъ и помижъ людей вештается, та все самотный та одынокый; немовъ та сыротына. «Йе»—оце хвалывся винъ мени—«въ мене и достаткы и хата, йе у чимъ походыты, йе шматокъ ласый, и праця по сыли—жыты-бъ жыты та Бога хвалыты, такъ не дае Господь мени пары, не знайду соби дивчыны по души, не спиткаю нигде дружыны до любовы. «Заглядивъ», каже, „разъ-разочкомъ одну гарну дивку якось у церкви, накынувъ бувъ окомъ та не знаю, чыя вона, де іи шукаты?"

— А колы це винъ іи бачывъ?—запытала Приська.

— Не знаю, не допытувалася, серденько. Чула що то дивчына не тутешня: прыйихала звидкилясь на одынъ день тай пойихала извнову. Городянка якась чы що, бо у шовкому, кажуть, платочку була та шорстяній сукни.

Приська почервонила...

— Якъ-же того парубка прозываютъ?—запытала вона трохы згодомъ.

— Не скажу, голубонько, не хочу,—видмовыла Солоха.

— Чому?

— Я тоби, бачъ, скажу, хто винъ и якъ ёго прозывають, ты похвалышся кому небудь, а люды и почнуть мене гудыты, що я старистью та такого „нехозяйнувытого" парубка ухвалыла та за таке „ледащо" заступылася! Богъ зъ нымы! Краще буде, якъ не прызнаюся."

И Солоха такъ и не сказала, якъ того парубка звуть. За те на вси инши пытання дивкы: що робыть винъ, якъ одягается, що думае, яки мае достаткы,—видповидала такъ радо та докладно, що Приська немовъ на долони побачыла того невидомого ій парубка, ёго безпешне та роскишне жыття и мымоволи зитхнула: за такого-бъ и вона пишла!

Зъ цёго часу Солоха стала частенькымъ гостемъ у Горпыныній хаты. Стара догадувалася, що сваха не сплоха оселылась у ихнёму сели ажъ на два тыжни, що не сплоха учащае до іи господы; вона догадувалася, що десь, у якомусь куточку іи хаты закынути й тенета, але надогадъ якихъ бурякивъ каже Солоха про капусту, у чый огородъ—чы старшои, чы меньшои дочкы—закыдае, колы почне балакаты про дивоцькій викъ, що, якъ той макивъ цвитъ, у ранци росцвитае, а до вечора опадае, про тыхъ людей, що й ридного брата осудять, про те господарствечко, що на готови грошы, немовъ зъ земли йде, а безъ грошей за водою плыве,—Горпына довгый часъ не могла зрозумиты.

Нарешти разъ якось, никого кримъ Приськи не було у хати, Солоха прывела Данила. Посыдившы де-килько хвылынъ та погомонивши про се та те, Солоха выклыкала Приську у сины и прызналася, що це той самый парубокъ, Данило, про котрого вона ій не разъ казала.

Присьци винъ уподобався, прынаймни винъ ій здався далеко кращымъ за всихъ тихъ парубкивъ, що довелося ій цимъ литомъ бачыты. Другого дни Данило „ненарокомъ", „выпадково", йдучи зъ доручениямъ видъ пысаря до волосты, забигъ до Приськи, черезъ де-килькось день изнову зайшовъ; згодомъ навидалыся и старосты.

Теперъ не то Горпына, а вси сусиды спостереглы Солошыны тенета, та спизнылыся: Приська не хотила слухаты никого, не давалась навить на мову. Вона не кохала Данила, але цей парубокъ такъ значно видризнявся видъ усихъ селянъ, бувъ такый веселый, а Солоха стилькы наказала про ёго грошы, про ёго жыття, про напевне уготовлену ёму десь посаду „найстаршого" пысаря, що мало дотепна у дійсному жыттю дивка стала уявляты ёго соби такымъ-же городяныномъ, якъ вона сама, и прымусыла матирь пойихаты на розглядыны.

VI.

Розглядыны прызначылы на недилю, а Солоха вже видъ самого четверга ниѓъ пидъ собою не чула. Данылова хата—черезъ сины видъ Трохымовои—пустувала весь часъ писля смерты батька, не мазалась, не прыбиралася бильше року, а тутъ-же Домаха, жинка Трохымова, якъ уперлася: „не хочу пособляты у такыхъ розглядынахъ,—не хочу гриха на душу браты",—та хочъ ты іи зализомъ печы, не хоче ничого робыты. Повынна була Солоха сама и шпаруваты, и билыты хату. Глына на стинкахъ нетопленои хаты не держалася, осувалася пидъ щиткою, сыпалася, немовъ порохнына зъ трухлявого дерева; по-пидъ лавамы та поломъ свитылыся крысячи ходы ажъ наскризь; пичку треба було наново набываты... Солоха сердылася, лаялася, божылася, що покыне, але такы не покынула и за три дни все упорядкувала, всёму дала ладъ, а у недилю ще до схидъ сонця почала готовытыся до розглядынъ. Вси Трохымовы кутяне, якъ одынъ чоловикъ, давно вже пообицялы ій свою допомогу: Трохыма поважалы, Даныло тежъ никому ничого лыхого не заподіявъ, до того за циле лито на сели не було ни одного весилля, не довелося ниде погуляты...

Бабы ще спозаранку почалы зносыты рядна, мишкы та одягу. Чоловикы тежъ прыгналы хто овечокъ, хто выпусткивъ, а хто и коривку. Велычезни круглі ясла, позычени за-для розглядынъ

у дукаря сусида, стоялы на початкови—повни свижого, пахущого сина ще видъ суботы, и сусиды, певни, що скотына пожывытся добре, охоче прывьязалы до ныхъ корову та пару сирыхъ бычкивъ. Трохы осторинь стоялы други меньшеньки ясельця, а биля ныхъ Трохымова корова та конячка; хтось прывьязавъ туды ще й стрыгуна. У кругленькои повиточци стернувалося бильше десятка овечокъ, а крывый Опанасъ, племинныкъ Солошынъ, прыволикъ на урывку ажъ зъ другого кинця села чорного пидсвынка та прыпьявъ его поручъ зъ Трохымовымъ поросямъ. Солоси треба було-бъ выйты до людей, подякуваты, погомониты трохы, бо Трохымъ пойихавъ по горилку, а Даныло, чы то зъ сорому, чы зъ жаху, весь часъ ховався поза ожередомъ, але ій не було часу и вызырнуты зъ хаты. Зъ усихъ бокивъ обступылы іи жиночкы, вси тыкалы ій до рукъ то се, то те, всёму треба було знайты мисце, все прыстасуваты. Вона скынула давно вже юпку, карсетку, и тонкый станъ іи, мицно обтягнутый запаскамы, то зныкавъ пидъ поломъ або пичкою, де треба було выместы ще яку смитыну, то вытягався мало не до стели, колы треба було змахнуты зъ сволоку опадавшу глыну. „Положить, голубонько, ряденце на пилъ та прыбыйте, серденько, шпалеры"; „прыбыйте того Бога у куточку, а Угодныка на стинку", „повисьте того кытаянця у тому мисци, де ось глына порепалася"—порядкувала вона, а тымъ часомъ іи довги, кистляви рукы жваво хапалы то мыскы, то ложкы, чарочкы, та розставлялы по полыци та судныку.

Тилькы тоди, якъ люде вже перестали зносыты, а хата доведена була до найкращого стану, Солоха утерла питъ, оправыла на голови очипокъ и прысила на лави.

— Управылася: прычепурыла, прыбрала—хай теперъ иде Горпына та дывытся,—мовыла вона, озыраючы наслидкы своеи праци.

— Наздывуется стара, якъ прыйиде. Де-жъ! зъ одніеи коровкы та конячкы стилькы худобы за одынъ день розвелы!—засміялася Катря.

— А може мы ій ще не вгодымо?—запытала Мотря.

— Якои морокы ій ще треба? И Богы, й картыны, и дзеркальце, и ось два стульци, чыстенько скризь—господарська хата, одно слово; ничымъ ій й вередуваты,—видповила Катерына, але зъ такою ехыдною ухмилкою, що Хрыстю немовъ ажъ у серце шпыгнуло.

— Одже, жиночкы, якъ соби знаете, а мени ажъ наче страшно, що мы оце таке зробылы; враждуватыме Горпына на насъ, побачыте!—мовыла вона сумно.

— И чого-бъ вона враждувала и що мы таке, хай Богъ мылуе, зробылы? Хыба це вперше таки розглядыны видбуваемо? Забулася хиба про Опанаса? Точнисинько отакъ все зволикалы, а проте якый теперъ зъ ёго господарь! А Горпына ще й подякуе, що пособылы дочкы здыхатыся. Мало клопоту прыйняла вона, сердешна, за нею, мало поплакала?—видмовыла Солоха.

— А я вамъ такъ скажу,—звернулася Лепестына до Хрысти:—колы-бъ вы тилькы хочъ разочокъ побачылы оту Прыську, то не побоялыся-бъ гриха хочъ и у саме пекло іи запровадыты. Що пышава, що протывна, такъ и кинця краю нема. Я-жъ ій поганенькою родычкою довожусь, и вона-жъ мене двичи бачыла, а позавчора зустрила мене та й не уклонылася. Йиде на повозци зъ Максымомъ, напьяла такый платокъ, що ажъ у вичи мыгтыть, якъ глянешъ, задрала свою кырпу и не поворухнется... Ій-же Богу, трохы межи очи не плюнула, та тилькы соромыты Максыма не схотила.

Мени никого, якъ того Данылa, шкода: занапастыть ота городянка ёму викъ—помьянете мое слово—обизвалася поважна и литня вже жинка, Явдоха. Вже вы іи не переробыте, не прымусыте жыты на свій зразокъ, а Даныло, дарма що гультяй, парубокъ плохый, слухняный и напевне взявся-бъ за розумъ, колы-бъ ёму трапылася пидхожа дружына та напутыла якъ слидъ.

Явдоху пидтрымала Хрыстя: вона хочъ и не знае и не бачыла зроду тіеи Прыськи, але ось и ій чогось стало шкода Данылa. Мотря тежъ зитхнула. Солоха скыпила.

— Чы вамъ яке навожденіе, чы потуманилы? Кымъ воны клопочутся, та за кымъ побываются? Наче нихто Данила не знае, наче вперше побачылы. Бога рады! Гарна Приська, не кращый и вашъ Данылө! Нихто никому свита не завьяже, нихто ничіёго вику не занапастыть.—Жытымуть любисенько у пари, господаруватымуть, робытымуть, якъ и мы вси...

— Робытымуть, якъ прокляти, якъ покуштують лыха,— додала Катерына:—роскошни та ледачи, що йе кому робыты, йе кому клопотатыся, а якъ оселятся у своій хати та не буде кымъ замышляты, то вси прымхы та выгадкы де й подинутся... Бачылы мы такыхъ: ось, недалеко ходыть, прыгадаймо хочъ Оныську Коржеву; чы то не роскишна була, чы то не вередлыва? А подывиться, якый теперъ зъ неи и жнець и молотныкъ, яка зъ неи и швачка, и пряха!

Ричъ Катерыны поклала видразу кинець всимъ змаганнямъ: що тутъ думаты, гадаты та заздалегидь клопотатыся, колы, мовлявъ, Оныська Коржева вже довела, яки зъ посмиху люде бувають, яки зъ вередлывыхъ дивчатъ господаркы вдаются. Незабаромъ повернувся Трохымъ и запрохавъ жинокъ до своеи господы: тамъ имъ уготовлене було снидання. За чаркою та ще у веселій розмови годына за хвылыну лыне, жиночкы не стямылыся, якъ вже череду прыгналы на обидъ. Тилькы Домаси годына тяглася за голодне лито та кожне веселе слово сусидокъ немовъ ажъ у саме серце шпыгало: жыття черезъ сины зъ пышавою ятривкою-городянкою, а до того и оци розглядыны „мошеньски“, якъ вона казала, прямо лякалы іи.

А тымъ часомъ наблыжалыся уже до села и Максымъ та Горпына. Стара сыдила на повозци замысляна, та мовчазна: невеселі думкы обгорталы іи, вищувалы щось недобре. Вона довго змагалася та не хотила йихаты, довго умовляла дочку не слухатыся Солохы та роспытатыся людей про Данила, адже не по іи сталося: Максымъ ставъ сердытысь, Приська—плакаты, и вона повынна була пойихаты.

Що до Максыма, то винъ бувъ спокійный: за розглядыны не турбувався, бо знавъ напевне, що Солоха упорядкуе ихъ до дила, а про те, що-то буде писля шлюбу: чы згодытся Приська жыты у тыхъ умовахъ, яки винъ та Трохымъ уготовлять ій, ще меньше клопотався, бо здатенъ бувъ и пидъ прысягу пійты, що кращыхъ засобивъ видъ норовивъ іи, якъ шлюбъ зъ закоханымъ у неи Даныломъ, не прырозумиты й Соломону.

Нихто не прымитывъ, якъ сваты пидйихалы до хаты та злизлы зъ повозкы, и Трохымъ прывитавъ вже ихъ на порози.

Вси жинкы, причъ Солохы, розійшлыся зразу, простяглася була и Домаха тикаты „одъ гриха подали", та Солоха не попустыла до того. Сваты увійшлы у хату. Горпына трычи перехрестылася и сила на покути. Солоха зиркнула у викна и мыттю выбигла зъ хаты: Даныло простувавъ саме до порогу, а ёго-жъ то та ёго занадто „правдывыхъ та нерозумныхъ" речей найдужче всёго и боялася сваха.

— Нейды, нейды, Данылыку, не наблыжайся й до хаты, покы розглядыны обдумаемо, бо ты нещастлывои вдачы,—налякала вона ёго и тоди вже, цилкомъ заспокоена, повернулася у хату. Розмова вже завелась и йшла про се, та те, про сёгоришній доридъ, про оплаткы, ярмарокъ та торгы—нихто не зважувався завесты ричъ про головну справу.

Нарешти Горпына запытала: де Даныло?

Домаха вже хотила биггы за нымъ, але Солоха попередыла іи.

— У волости, матинко, Даныло:—саме судъ иде, а винъ вже всёму голова, безъ ёго не можна и обійтыся,—збрехала Солоха.

Горпына завдовольнылася такою звисткою про майбутнёго зятя и звела ричъ на хазяйство: чы йе коноплп? чы гарна картопля родыть, чы прыкладни грядкы на капусту? чы йе уготовлене млыво? чы добре браты жывуть, та скилькы чого кому упаде, якъ воны зовсимъ подилятся? Солоха все знала, за всихъ видповидала. Вона личыла по пальцяхъ сорочкы, рядна, дижкы, овець; вона знала, скилькы кипъ конопель становытся на лану, скилькы десятынъ земли, скилькы упругивъ огороду. Капуста—

за Иванову голову родыть; гарбузы—за пидрешитокъ; картопли—хочъ греблю гаты. Трохымъ—хай ось сусиды скажуть—никому накрыво не скаже. Домаха—не то у вичи, а й за очы скажу—така подилчыва жинка, що й останнёго рубця не пошкодіе виддаты. Про Данила ничого вже и згадуваты, бо нема мабуть й на всёму свити плохишого та розумнишого парубка, хай Господь тилькы ощастыть ёго гарною дружыною та укрепыть ёго на довгый викъ, на здоровья.

Довго слухала Горпына сваху-щебетуху, довго не перебарончала и нарешти тяжко зитхнула: щось невесело слухалыся ій ти речи солодки.

Максымъ спостеригъ це.

— А хата Данылова просторна?—запытавъ винъ, неначе зроду не бачывъ.

— Подывиться сами,—видмовывъ Трохымъ, радый що йе нагода хочъ на хвылыну перепеныты Солошыны брéхни.

Чепурненько прыбрана, повна всякого добра, Данылова хата зробыла гарне враження на Горпыну. Вона, правда, спостерегла де-килькы рощелынъ у кутку, свиже замазани диркы пидъ лавамы, зауважыла, що въ хати душыть пусткою, але звычайно, хату можна по весни перемазаты, або и наново перекыдаты, а на таке хазяйствечко, якъ оце, спасыби Богови, у Данила, не спроможешся сплоха, безъ велыкои втраты.

— Все, слава Богу йе, всёго, хвалыть Бога, досыть: и въ хати йе, що слидъ, и биля хаты не пусто—скотынка, овечкы, конячка, стригунча—може подывытеся?—запытала Солоха.

Сваты выйшлы на двиръ.

Оглядилы коривокъ, конячку, переличылы овечокъ, поверталыся, силы обидаты.

Страву подалы добру, ложкы, мыскы чыстенько повытырани, диткы повмывани, розчисани, тыхеньки, Домаха уважлыва та прыемна—Горпына значно повеселила, розбалакалася и стала вже оповидаты, що у Прыськы у скрыни йе... Колы ось вона раптомъ замовкла.

— Опеклыся, чы прыгадалы що цикаве?—запыталася любенько Солоха.

— Оце мени спалося на думку: куды вы кизячкы диваете? Оттилькы худобы, слава Богу, а на загороди чысто?—звернулася Горпына, мынуючы Солоху, прямо до Трохыма.

Трохымъ оторопивъ.

Максымъ глянувъ на ёго скоса та й почухавъ потылыцю: пытання Горпыны доторкалося до найголовнишои справы; видъ видповиди Трохыма залежало все сватання, а винъ, замистъ видповиди, закашлявся, немовъ подавывся та побигъ до дижкы пыть воду. Глянувъ Максымъ на Домаху—вона видъ сорому та жаху сховалася ажъ зъ головою пидъ прыпичокъ та товкла рогачемъ якыйсь чавунъ въ печи. Солоси тежъ стало николы: сполохала кота, що кунявъ соби пидъ столомъ та почала зъ доброго дыва ганяты ёго по хати...

Пробигла хвылына—друга. Трохымъ вже выпывъ кухоль до дна. Домаха управылася забраты всю сажу зъ прыпичка соби на очипокъ. Солоха утомылася, бигаючы за котомъ, а Горпына все сподивалася видповиди. Вси розумилы, що видъ тіеи видповиди, видъ одного може слова залежыть вся справа, а лукаве слово не йшло, якъ на те, никому на думку.

— Дви коровкы, двое бычкивъ, двое телятокъ, конячка, лошятко, а на загороди чысто?—почала була Горпына изнову своеи.

— А тоби ото и не до-вподобы, що на завгороди чысто? Тоби—щобъ товарюка по колино грузла?—напавсь на неи Максымъ зъ досады. Горпына мовчкы головою похытала та ще разъ вызырнула у викно: чы не нагледыть де тыхъ кизячкивъ? Трохымови стало ніяково. Винъ здатенъ бувъ вже видсахнутыся и видъ того сватання, и видъ тыхъ розглядынъ, що загналы ёго на слызьке—але, на превелыке щастя всихъ, Солоха саме піймала кота.

— Кизячкы де диваете? Про кизячкы, свашечко, пытаете? Я за цымъ проклятымъ котомъ й не вчула гараздъ... Управытель

на тютюнъ купуе. Невже не чулы? Прямо и не надасы—хочъ нарочыто заводь худобу за для цёго. Добри грошы платыть: у мене самои оце недавнечко ажъ на тры карбованци купывъ. Вычыстывъ загороду до самои святои земли, забравъ усе до соломынкы, та ще й замивъ, ій-же Богу! Домашко! — на скилькы це вы карбованцивъ продалы? Щось здается на пъятнадцять въ одынъ разъ вывезлы. Винъ же зъ нимцивъ—той управытель, а у тыхъ нимцивъ, сказано, все до дила та до ладу—зацокотила вона.

— Хиба що такъ,—повирыла и заспокоилася изнову Горпына. Неначе велычезный каминь спавъ зъ плечей—вси загомонилы, забалакалы вразъ.

— Чы звелышъ засылаты хлибъ сватамъ, чы запыняешъ?—нарешти запытавъ Максымъ сестру.

— Ще треба бъ зъ дивкою погомоныты,—мовыла обережно Горпына, и изнову чогось засмутылася.

— Колы вамъ, спасыби Богови, мы не осоружни, то й дивоньци вашій догодымо,—мовыла Солоха.

— Мени однаково: абы за годыны, бо далеко...—зитхнула Горпына.

— Колы якъ що воно наше дило на стежку зійшло та до краю докотылоси, то я здатенъ и у суботу хлибъ заминяты,—мовывъ Трохымъ.

— Про мене,—видмовыла Горпына и стала прощатыся зъ усима.

VII.

Горпына такъ и умылася гиркымы, якъ прыйихала у весильный понедилокъ до дочкы, та дизналася правды про розглядыны. Але даремно побывалася вона такъ, даремно нарикала на Солоху та недобрыхъ людей, що запакувалы викъ дочци. Приська сміялася зъ матерыныхъ слизъ за отыма „копійчанымы“ горщечкамы та мысочкамы, що порозбиралы люде

назадъ, и ій жылося зъ мисяць, якъ у Бога за пазухою. Передъ весиллямъ Данысло застановывъ Махтейчукови десятыну земли за пъятьдесятъ карбованцивъ, одержавъ видъ брата девять карбованцивъ платы за коня покійного батька, продавъ за тры карбованци останню овечку и, видбувшы за 30 карбованцивъ бучне весилля, доручывъ жинци решту. Винъ не сказавъ ій, яки-то грошы, якъ воны ёму дійшлыся, а вона тежъ не спыталася, навищо воны прызначаются, и прожывала зъ легкымъ серцемъ „готову копійку", певна, що чоловикъ постачатыме ій тыхъ „копіёкъ" и дали. Нихто не вымагавъ видъ неи ничого, нихто не пытався ніякои праци. Обихидлыва та щыра Домаха не перечыла Присьци прыставыты горщечокъ борщу зъ курятыною, спрягты молока або спекты ячню у своій печи. Попратыхъ ще у матеры сорочокъ було тежъ досыть.—Присци не треба було й пидпалюваты своеи печи, праты тежъ ще не було чого. Даныло бильшу частыну дня сыдивъ у волости, щобъ задовольныты жинку, а повернувшысь не зважувався іи тежъ ничымъ турбоваты, и колы бъ не шырока мережка на тонкому полотни, то молодыця занудылася-бъ безъ дила. Сусидкы покы що тилькы прыдывлялыся до новои селянкы, вывирялы іи та нышкомъ дывувалыся ій: нихто не сподивався, нихто не думавъ, що пышава „городянка" завдовольнытся цією пусткою, Даныловымы злыднямы, и не нарикатыме на ныхъ та на Солоху, але сусидкы не зналы тыхъ мрій та надій, що пестыла у соби молодыця, не чулы и тыхъ ричей, що наслухалася вона колысь видъ Солохы та переказувала теперъ нышкомъ Данылови:

— Якъ дистанешъ ты посаду „найстаршого пысаря", то мы не вытрачатымемъ спершъ всёго твого „жалування", а збиратымемъ та докладатымемъ до твоихъ грошей, а потимъ купымо десь гарненькый грунтыкъ та й збудуемо соби хату у дви кимнаты,—казала вона иноди.

— А може и Трохымъ згодытся продаты частыну грунту, то можна на цёму самому мисци и выстроитысь. Огородъ увесь пиде пидъ садокъ, а на двори можно поставыты коморю та повитку за-для коня, бо, якъ соби хочъ, а я безъ коня не обій-

дуся: хочъ разъ у тыждень треба побигты у городъ,—казала вона другымъ разомъ.

Даныло тилькы очыма лупавъ, слухаючы таки смилыви та несуразни речы, дывувався, якымъ витромъ нанесло ихъ у ёго хату, та зитхавъ нищечкомъ.

— Плеще, плеще щось недоладне, а тилькы почны суперечыть, зразу скыпыть,—дывувався самъ соби чоловикъ и радый, що жинка хочъ не допытуется видъ ёго ничого та миркуе сама й за себе й за ёго, не перечывъ „плескаты" що на думку збреде.

День лынувъ за днемъ спокійно, безпешно та весело у надіяхъ, мріяхъ та сподиванкахъ на майбутни достаткы, и жылося бъ молодыци такъ и весь викъ іи, якъ бы сонечко однаково грило, якъ бы людына йисты не хотила, або якъ бы у Даныла було тыхъ десятынокъ безъ лику, безъ чысла, щобъ кожного мисяця було що застановляты... Жылося бъ молодыци безпешно та весело, выспивувала бъ вона „канарейкы" ще може якыхъ мисяцивъ пъять-шисть, пороскошувала бъ вона хочъ до лита—покы Даныло управывся бъ виддаты останній упругъ земли пидъ застанову, та не попустывъ до того Трохымъ.

Разъ якось гулялы молоди на воротяхъ, и Прыська почала плескаты Данылови про хату на помости, а Трохымъ и пидслухавъ ненарокомъ. Засміявся винъ соби, почухавъ потылыцю, та й пишовъ рятуваты брата. Сивъ винъ биля ихъ на колоди, побалакавъ трохы про се та про те, а дали и завивъ ричъ про господарство.

— Скинчывъ я, спасыби Богови, сёгодня оранку,—мовывъ винъ,—а на завтра ты, Данылo, выходь: я дамъ тоби свою коривку та коня, а Якивъ обищавъ спрягтыся зъ тобою. Може тоби завтра не буде часу? Може яке нагайнише дило маешъ?

Данылови вже й самому спадало на думку, що часъ бы уготовыть риллю на ярыну, але теперъ винъ спостеригъ по ухмильци брата, по останнёму пытанню ёго, куды винъ закыдае, и злякався.

— Не знаю, яки у тебе думкы та яки замиры,—мовывъ дали Трохымъ, не диждавшысь видъ Данила видповиди,—а по мени—часъ бы тоби вже оти артыкулы покынуты, та сыдиты дома.

— Що жъ винъ робытыме дома?—запыталася Приська.

— Ого! дома, голубонько, всёго дила и не переробышъ сплоха. Оце жъ зима йде, а хата не обставлена: треба десь бурьяну шукаты, бо конопелёкъ вы ще не прысіялы. Я пиду оце днивъ на тры заробляты бурьяну,—хай и Данило попомагае денькивъ зо тры косою.

— А купыть?—нагадала Приська.

— Якъ що у кышени густо, то й купыты можна, а якъ що пусто... Данило!—скилькы у тебе грошей? Чы посгачыть на бурьянъ, чы ни?—запытався зъ жартомъ Трохымъ.

— Хиба я личывъ?—мургнувъ Данило.

— А хиба ты вже грошей и не личышъ? Хочешъ я тоби мыттю ихъ перекыдаю?—засміявся Трохымъ.

— Я твоихъ грошей не личу—не личытымешъ и ты моихъ,—видризавъ Данило.

— Охъ! и ты бъ, брате, мои иоличывъ, и я бъ не забарывся твои перекыдаты, якъ бы то тилькы воны у насъ поводылыся, а то..., горе наше..., не люблять воны насъ: цураются. Якъ продамо що-небудь, або застановымо, то й забрящыть трохы, а тамъ згодомъ, дывысь, изнову хочъ вывертай калытку,—мовывъ Трохымъ.

— Яке вамъ дило до Даныловыхъ грошей? Чого вы напалыся на ёго?—заступылася за Данила жинка.

— А таке дило, галочко, що я ёму братъ старшый и бачу, до якого кинця оти яешни, та курчата ёго прызведуть. Ты чы личыла Данылови грошы, чы ни, а я самъ на весилля ёму по людяхъ позычавъ, самъ и земельку застановлявъ—знаю, що у ёго теперъ тилько тыхъ и пъятакивъ, що у тебе въ скрыни завалялыся.

Приська ажъ пидскочыла:

— А жалованне?

— Яке тамъ жалуванне? де бъ воно взялося и за вищо-бъ ёму давалы те жалуванне? Тыкне колы пысаръ по ласци якого грывеныка на конхветы—ото тоби и весь заробитокъ. Я такы думавъ, що винъ хочъ карбованцивъ пъять заробляе, колы, якъ роспытався...

— Даныло, хиба це такъ? Що це Трохымъ каже?—переякалася Триська.

— Вольному воля—хай плеще, що на языкъ набреде!—мурквувъ Даныло и, щобъ скинчыты цю непрыемну розмову, пидвився зъ колодкы, на якій вси сыдилы.

— Та ты, хлопче, не тикай,—спынывъ ёго братъ. Ты не сова—сонце тоби очей не коле—не заплющай ихъ, колы опынывся надъ прирвою. Того не бійся, що Присьци мои речи не до вподобы,—однаково колысь не мынется ихъ чуты. Дякуй мени, що клопочуся про тебе та пособляю доброю порадою... Упады краще оце въ ногы своій жинци, зменьшыся передъ нею, прызнайся, яки у тебе достаткы, на вищо надіи... Покажы іи свои непотружени, молоди рукы, скажы ій: „отакъ, отакъ, жинко, праци своеи тоби не шкодію, не будешъ ты у мене ни голодна, ни холодна, не будешъ до вику и быта, а за гроши выбачай: не поводылыся воны у батькивъ нашыхъ, не заведемо и мы ихъ“... Вона у тебе, хвалыты Бога, молода, пры здоровью, розумна; не схоче вона твоеи та й своеи погыбели: дасть ще тоби допомогу. Чы такъ, Присько?

— Чы вы сміетеся зъ мене, чы дратуете? Даныло! чого-бо ты мовчышъ, чого ничого не кажешъ?—запыталася Приська, и голосъ іи затремтивъ.

— Не сердься, Присько! Я тоби не ворогъ, я тоби дійсну правду кажу,—ставъ заспокоюваты Приську Трохымъ.

— Яку правду?—скыпила ще дужче Приська.

— Не сердься, не крычы, щобъ бува села не сполохаты,—видповивъ ій спокійно Трохымъ.

— Яку правду?—запытала вдруге Приська.

— Поспытайся у Данила, хай винъ тоби, якъ на сповиди, прызнается,—мовывъ Трохымъ.

— Яку правду?—звернулася молодыця до Даныла.

— Ходимъ у хату!—одризавъ Даныло и побигъ у двиръ, немовъ за нымъ гналася нечыста сыла.

—

— Що це сёгодни Трохымъ плескавъ? Чого винъ напався?—запытала занеспокоена Приська Даныла въ хати.

— А хыба я знаю, чого винъ напався?—видмигся Даныло.

— Прысикався... прысикався...—дывувалася молодыця.

— Неначе я самъ не знаю, що хата не обставлена, що часъ вже ораты. Пиду днивъ на чотыри и выорю,—мовывъ Даныло, абы перепыныты розмову и думкы Присьчыны про грошы.

— Самъ?—ажъ злякалася Приська.

— Якъ-то самъ? Коривъ та коней запряжу,—хотивъ пожартуваты Даныло.

— Соби землю оратымешъ?—запытала Приська, не звернувшы й увагы на той жартъ.

— Соби-жъ,—прызнався несмилыво Даныло.

— Господарюватымешъ?—сплеснула рукамы молодыця.

— Та ни... поспишывся заспокоить іи Даныло.—Яке тамъ господарство? То такъ...

— А я вже злякалася,—ажъ перевела духъ Приська.—Думала, що Трохымъ тоби чисто паморокы забывъ... Та й вредныйже винъ! Колы-бъ Господь вже швыдче помигъ намъ видризнытыся! Скилькы у тебе всёго грошей? Може можно було-бъ и зразу поставыты де хату, щобъ подали видъ ёго?

— Стелысь, Присько,—позихнувъ Даныло замисть видповиди.

— Солоха казала: сотъ на шисть назбиравъ. Назбиравъ?..—допытувалася Приська.

— Треба попрохаты, щобъ збудылы завтра раненько, бо спизнюся у волость,—схопывся Даныло та утикъ зъ хаты.

Перестоявъ винъ у синяхъ трохы, повернувся...

— Якъ що сотъ на шисть йе...—почала изнову рахуватысь Приська, якъ тилькы побачыла чоловика на порози.

— Стелы, Присько... прямо й очей не росплющу,—поспишывся Даныло перепыныты іи рахунокъ и мыттю, нашвыдку

роздягнувшысь, сховався видъ жинчыныхъ допытувань пидъ рядно.

Приська погасыла незабаромъ свитло и мицно заснула. Даныло-жъ довго ще не спавъ. Ще ни разочку не доводылося ёму буты у такому становыщи, ни разочку не доводылося брехаты та видбрихуватысь,—адже Приська прызвела ёго до того; вона налякала ёго выразомъ очей своихъ, тымы плямамы, що повыступалы у неи на выду, пидъ вплывомъ сёгодняшнёи розмовы зъ Трохымомъ, голосомъ, речамы, и винъ повыненъ бувъ колы не брехаты самому, то у всякимъ рази пидтримуваты Солошыны брехни... Голова ёго не звыкла ни до якыхъ клопотивъ не звыкла гараздъ и думаты, а теперъ ось думкы несподивано-негадано налетилы звидкилься и посилы іи, немовъ та чорна галичъ вербу на негоду. Що робыты? Що прырозумиты? Братъ правду казавъ: грошей, причъ тыхъ, що зисталося може у Прыськы, не було; зима наблыжалася, а ни хлиба, ни топлыва прыпасеного тежъ не було. Можна було-бъ, правда, перебуты цю зиму, щобъ дешевше, у Трохымовій хати, такъ Приська не схоче; мигъ-бы Трохымъ позычыты ёму и хлиба—не схоче Приська того хлиба йисты, а може не схоче й Трохымъ позычыты, якъ-що Даныло не послухае ёго та не визьмется до господарства: нарошне не позычыть, щобъ показаты Присьци, не гаявшы часу, яке-то дійсне горе на масть. Але якъ-же ёму слухатыся Трохыма, якъ господарюваты, колы жинци й натякнуты про те не можна? Нарешти, можна було-бъ найнятыся ще въ экономію, и Даныло охоче зробывъ-бы це зразу, такъ якъ-же ёго прызнатыся Присьци, що ёму тамъ платытымуть не бильше пъяты карбованцивъ? Багацько де-чого мигъ-бы ще Даныло прырозумиты, бо чымало засобивъ мае молода та робоча людына перебуты зиму, але вси ти засобы здавалыся ёму не пидхожымы, не здатнымы. Йедыною втихою Данылови зоставалася думка, що бида хочъ и йде десь, хочъ и наблыжается, та не постукалася ще—ничого ій заздалегидь видчыняты ворота; йедыною надією було,—що саме жыття перемеле, якъ добри жорна, той кукиль, що вырисъ на ёго ныви помижъ пшеныци, а Трохымъ та люде

навчать, якъ изъ такого борошна смашный хлибъ пекты,—якъ жыты.

Одже на свитанку и та втиха та надія зныклы: бида наблызылася швыдче, нижъ мигъ сподиватысь Даныло.

Домаха ничого не знала про суперечку помижъ братамы и свитомъ стала будыты Приську.

— Вставай, Присько: я вже затопыла,—погукала вона на ятривку.

— Не варытыму ничого,—видповила Приська.

Домаха пересыдила трохы та постукалася йзнову.

— Вставай, Присько, бо швыдко вытоплю,—погукала вона.

— Не варытыму ничого,—видповила вдруге Приська, про те Домаха не заспокоилася и ще втретте погукала на неи.

Приська накынула спидныцю и выбигла у сины.

— Чого ты прысикалася до мене? Я-жъ тоби вже двичи казала, що не варытыму ничого.

— Я думала, що то ты зъ просонку такъ кажешъ,—засміялася Домаха.—Якъ-же ты будешъ весь день безъ йижы?

— Бога рады! не сыдитыму голодна черезъ те, що у вашій печи не топытыму. Хай Трохымъ не дума, що мы безъ ёго допомогы пропадемо, хай не командуе, не замышля намы,—не дурниши мы за ёго! Спасыби и такъ за ласку—повикъ не забуду, що тры тыжни топыла у вашій хати,—мовыла Приська.

— Та що це тоби сталося? Сонъ прыснывся паганый, чы не выспалася?—засміялася Домаха.

— Поспытайсь свого чоловика, що винъ намъ вчора казавъ, якъ Даныла проты мене направлявъ.

— И до вику не повирю, щобъ Трохымъ Даныла проты тебе направлявъ. Може завважывъ що-небудь?—мовыла Домаха.

— Ото-жъ хай бильшъ не завважае, хай до насъ не мишается, хай краще до своеи хаты доглядается, за своею симьею назырае, свое смиття вымитае.

Домаха образылася.

— Трохымови нема чого до своеи хаты доглядатысь:—у ёго жинка не ледача городянка,—мовыла вона.

Приська образылася й соби.

Слово за словомъ, докиръ за докоромъ, и почалася суперечка. Трохыма не було дома. Даныло побоявся потыкатыся до молодыць, и ятривкы посварылыся навсправжкы.

— Иды зразу, та купуй мени топлыва, тилько не соломы,— звелила Приська Данылови, повернувшись зъ синей.—Заразомъ купышъ мени ще де-чого, бо я сама вашого села не знаю, а Домашыныхъ дитей не хочу посылаты...

— Добре!—видповивъ Даныло, але такымъ голосомъ, немовъ тры дни не йивъ.

— Зайдешъ ще й у крамныцю та купышъ мени сахарю,— додала Приська.

— Зайду,—протягъ изнову Даныло.

— Поспишайся-жъ, бо спизнышся у волость!—нагадала Приська.

Одначе Даныло не дуже поспишався: на топлыво, сахаръ та те „де-що", що загадала купыты Приська, треба було грошей, а якъ ихъ добуты у Прыськы, якъ прызнатыся, що у його й шага немае?

— Дай мени грошей!—нарешти зважывся винъ вымовыты.—Пры мени немае, а до волосты далеко,—додавъ винъ немовъ и байдуже; але молодыця видразу спостерегла щось непевне у його словахъ.

— Нема-жъ и у мене грошей,—збрехала вона и пыльно подывылася у вичи Данылови.

Даныло почервонивъ.

— Чого ты такъ почервонивъ? Мабуть Трохымъ вчора правду сказавъ? Мабуть у тебе ніякыхъ грошей немае?—напалася Приська на його.

— Якъ-то немае? На вищо-бъ я брехавъ? Тамъ мени одынъ чоловикъ вынenъ,—видмовывъ Даныло, та ухопывшы шапку, мерщій побигъ зъ хаты.

— Хто винъ такый той чоловикъ? скилькы позычавъ?—запыталася Приська його навздогинъ.

кольно-анекдотическихъ произведеній, при желаніи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутиковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукціи за послѣднее время,—можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть нѣкто Галай («Лесышына челядь»), который вамъ «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильнои, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ... и *абы вамъ одну спиванку вмивъ скинчыты»*. Если бы намъ предложили однимъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутниковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состояніи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмысленности своихъ поступковъ пѣвецъ, до самозабвенія отдающійся процессу пѣнія, не ищущій въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенія всей лоскутной части нашей литературы: это—лучшее отраженіе того хаотическаго состоянія литературы, которое произведено обиліемъ неумѣлыхъ, протокольно-анекдотическихъ миніатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма большою разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхностнаго изображенія чисто внѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ занимательнаго сюжета. Какъ и у Галая, у нихъ нѣтъ общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнія цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія и служилъ Аріадниной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій, не продуманныхъ, а принятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающій такой руководящею нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ псавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также специалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тянетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «коломыйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «чесный до фанатызму, по выраженію г. Хоткевича, оборонець и захыстныкъ красы» способенъ унизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протокольно-анекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмысленности и пониманія пѣніе Галая, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сейчасъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей новѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобныя недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миніатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Безпомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивные, явно тенденціозные пріемы съ цѣлью замаскировать свою безпомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и внѣшнихъ пріемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцкôвъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; имя третьяго—г. Пидении мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Украинськи за̀пыси Порфирія Мартиновича.

—

Кырыло Сайко́.

(Продолженіе [1]).

Подаруничá.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
        Та горобець;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобець прылетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувсь,—
Горобець испугнувсь.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякавсь?

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататьця».
„Такъ я-жъ, хочъ и побратаемось,—
Такъ не могу ничого ро́быть".
„Такъ я навчу.
Ты горобець,
Добрый молодець,
По велыкыхъ хазяинахъ по токахъ литаешъ
И вси стижкы въ багачивъ знаешъ;
Я могу накротыть велыкый ланъ,
А ты можешъ у хазяинивъ жыта достать,
Та будемъ соби хлибъ на зиму пахать".—
Поедналысь.
Критъ вырывъ ланъ превелыкый!
Такый, якъ одъ мене та до васъ,
А одъ васъ та до мене.
Горобець, добрый молодець, натягавъ жыта колоскивъ
Одъ току зъ багачивъ.
Навымыналы воны соби зерна
Й посіялы жыто.
И зародывъ имъ Богъ жыта,—
Одъ кореня до верха колосья!!
Шо нигде такый и не родыть,
Якъ имъ Богъ зародывъ!
— „Ану, горобче-молодче!
Треба намъ ёго зибрать",
— „Такъ я не вмію!"
«А я навчу!
Я буду зъ кореня пидкусювать,
А ты крыламы беры,
Та въ скырты клады!
Критъ изжавъ, —
Горобець, добрый молодець, у скырту склавъ.
А ну, горобче-молодче!
Треба намъ ёго змолотыть!"
— «Такъ я не вмію!"
— «А я навчу!»
Ты горобець, добрый молодець,
У тебе й крыла е!

А въ мене нисъ добрый!
Я могу зчыщать ривненько,
А ты можешъ крыламы змитать гарненько.
А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
Ты, горобець-молодець, зъ кры́ламы?
Леты на скырту
И тягны первый колосокъ.
И несы ёго на тикъ.
Буду я вылущувать и въ ворохъ класты,
А ты солому беры,
Та въ скырты клады".
Давъ имъ Богъ: прыбралы хлибъ.
Ве-лы-кый ворохъ жыта прыбралы!
— «А шо горобче-молодче?»
— «А шо, кротику-братику?»
«А давай дилытьця!
Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
Буде на всю зиму».
— «Тай давай!»
Зачавъ критъ дилыть:
Тому зерно
Й тому зерно:
Тому зерно
Й тому зерно:
Тому зерно
Й тому зерно!..
Роздилылысь пополамъ.
Одна зернына лышня.
Завелы между собою споръ:
Кому та зернына?!
Горобець каже: „мени,—
Я бильше трудывся,
То мени!"
А критъ каже: «я тебе вчывъ!
Я бильше трудывсь!
Нехай мени!»
— «А-а, ни-ни, кротику-братику!
Ты безъ мене ничого не зробывъ-бы,

Хочъ ты мене й учывъ!
Земля безъ кореня не родыть,—
А якъ я насиньня доставъ,
То й земля народыла».
Зачалы между собою споръ впьять
И зачалы бытьця!
Горобець крота подужае.
Скубне, тай полетыть у гору,
А той скаче,
Тай не достане.
«Ну, постой, горобче-молодче!
По-жа-луй!
Въ тебе крыла е,
То ты можешъ скубты!..
Не такъ, горобче-молодче!
А ззывай ты свое царство летюче,
А я свое пише,
Которе слидуе!»
Созвавъ критъ свое царство:
Зай-ци!..
Лы-сы-ци!..
Вов-кы!..
Вед-ме-ди!..
Ов-ра-хы!..
Мы-ши!..
Й тхо-ри!..
И все пише, которе слидуе.
Созвавъ горобець,
Добрый молодець
Усе царство летюче:
Гу-сы!..
Й ку-ры!..
Кач-кы!..
Й ын-ды-кы!..
Кга-вы!..
Й со-ро-кы!..
Шуль-пи-кы!..
Й кибь-ци!..

Яс-тру-бы!..
Й ор-лы!..
И все летюче,
Що слидуе
Усе царство!
И зачалы воны быться!
Й воюватьця!
И воскрыкнувъ горобець,
Добрый молодець!
„Этъ, стой, кротику-братику!
Не все мое царство!"
— «А кого жъ у тебе немае?»
«Ще немае въ мене попугайла летючого!»
— Ступай, горобець,
Добрый молодець,
Шукай попугайла летючого».
Якъ полетивъ горобець,
Добрый молодець,
На ынше царство,
На девъяте государство,—
И найшовъ попугайла!
— «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
— А здоровъ, здоровъ, горобче,
Добрый молодче!
А що мени скажешъ, горобче?!»
Э-эй, брате попугайле!
Пропало наше летюче царство!»
— «Черезъ що?»
«А черезъ те пропало,
Що я зъ кротомъ побратавсь,
И побратавшысь робылы хлибъ у купи.
И вродывъ намъ Богъ хлибъ велыкый,—
Одъ кореня до верха́ колосья,
Що нигде такый и не родыть,
Якъ намъ Богъ давъ.
И его вбралы.
До роздилкы дило, —
И завелысь за 'дно зерно дратьця!
И критъ свое нише царство собравъ,

А я свое летюче;
И винъ побиждае!»
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
Попугайло за нымъ!
— «Веды, горобче-молодче!»
Горобець, добрый молодець, указавъ попугайлу:
«Дывыся, попугайле!
Яка сыла коло хлиба лежыть кругомъ!»
Летыть горобець,—
Попугайло вгору береться!
Летыть горобець,
Добрый молодець,
Попугайло вгору береться!
Прылетивъ горобець.
«А ну, кротику,
Братику!
Бере-жыся», говóрыть,
«Попугайло летыть».
Якъ розигнавсь зъ горы попугайло,
Якъ ударывъ нише царство грудьмы,
Зробывъ вулыцю!
Выбывъ.
Пидьнявсь у гору вньять.
Якъ ударывъ навхресть,—
И другу вулыцю зробывъ!
Розбиглося все нише царство:
Зайци въ степъ...
Лысыци въ яры...
Вовкы въ лисъ...
Ведмеди тожъ!..
Тхоры,
Оврахы
Й мыши
Заточылысь у землю...
Критъ тоже й соби закротывсь...
Горобець,
Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
«Пожыть мои труда!»
Росхваталы хлибъ по зерныни.
Зоставсь попугайло безъ крылъ на току.
Выйшовъ попугайло на стовповый шляхъ
И сивъ на могыли.
Йиде багачъ одъ чумакивъ:[1])
— «Здоровъ, попугайло!»
— «Здоровъ, багачу!»
«А чого ты, брате, сыдышъ тутъ?»
— «Э-э-эй, брате!..
Крылъ нема!..
Якъ бы мене хто взявъ,
Та выгодувавъ,
Покы въ мене крыла поростуть,
Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ»!
Багачъ и подумавъ:
«У мене стада;
У мене й гурта;
У мене двадьцять ынбаривъ хлиба;
Сто двадьцять скыртъ у степу стоить немолоченого;
У мене сумы много;
У мене й чумака сорокъ визъ;
Невже я не выгодую ёго,
Покы крыла поростуть?
Сидай, попугайло»!
Сивъ попугайло.
Везе багачъ.
Прывизъ до дому,
Уклыкавъ ёго въ горныци;
Посадывъ за стилъ.
Прыказавъ пару скота вбыть
И зварыть
Та попугайла накормыть.
Перепамнувъ попугайло
И багачеви дякуе.
«Копай же, багачу, погрибъ на мене
Посередъ двору велыкый;

---

[1]) Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И защыты мене.
Тилько викно пусты;
И годуй мене,
Ажъ покы крыла поростуть;
Тоди я тоби у велыкій прыгоди стану.»
Заставывъ багачъ робочыхъ.
Вырылы ёму погрибъ.
И посадывъ ёго въ погрибъ
И защытывъ,
Тилько викно пустывъ.
Почалы ёго годувать.
Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
А два витряныхъ;
Зачавъ безперестанно молоть и пекты,
Попугайла годувать.
Выгодувавъ дванадьцять ынбаривъ хлиба!
Пытаетьця:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ ёго сумы много;
Почавъ хлибъ купувать
И молотныкивъ наймать.
Вымолотывъ сто двадьцять скыртъ
И выгодувавъ.
Ставъ ёго вньять пытать:
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ гурта быть
И варыть,—
Попугайлу носыть.
Выгодувавъ гурта.
— «Нема крылъ»?
«Нема».
Зачавъ отары ризать.
Выризавъ,
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Зачавъ стада продавать,—
Выпродавъ.
Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Прыйшлы чумакы зъ дорогы.
Попродавъ силь,
Купывъ хлиба,—
Выгодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема!»
Повбывавъ волы;
Поварывъ
И погодувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Було въ його земли много,—
Выпродавъ,
Та все хлибъ купувавъ.
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Попродавъ ынбары,—
Накупывъ хлиба,
Та все попугайла годувавъ...
«Нема крылъ»?
«Нема».
Попродавъ дываны,
Сьтильци,
Шахвы...
Попродавъ горныци,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Узявъ жинку за руку,
Повивъ у слободу.
Нанима ии до мужыка обременну.
Мужыкъ опасуетьця нанимать:
«Шожъ»,—каже, я ии найму;
Шо вона буде робыть?
Наймимъ, диты!
Хоть буде ложкы мыть,

Та хату вымете.
Шожъ тоби дать за неи?»
«У годъ телыця и корова».
«Иды въ загонъ: беры».
Налыгавъ й повивъ.
Убывъ телыцю;
Зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема.»
Убывъ и корову
Половыну зжарывъ и понисъ.
«Нема крылъ?»
«Нема».
Понисъ и посьлидьню половыну.
«Оце жь ижъ, та вже й нема».
«А нема?»
„Нема“, —говорыть.
„Ну, а въ мене крыла е“.
„Ну, й слава Богу!
Шо хочъ, у мене ничого нема,
Абы въ тебе хочъ крыла булы!“
„Беры жъ ты, багачу, заступъ,
Та 'дкопуй погрибъ.“
Багачъ одрывъ погрибъ.
Ажъ земля кругомъ порепалась!
Такый гладкый!
Утушкувавъ ёго!
Попугайло вылизъ зъ погреба,
Якъ стрепенувсь!..
Якъ полетивъ!..
Ажъ пидъ хмары!..
Зоставсь багачъ;
Дывывсь, дывывсь,—
Ажъ покы не выдно стало!
Сыдыть багачъ:
Слуха—колы шумыть!
Колы сида коло багача въ двори!
„А що ты, каже, багачу зажурывся?
„Та вже жъ, каже, попугайле!
И не веселывсь
И не смутывсь!“

„А йды жъ ты, каже, багачу въ слободу;
Та не йды жъ ты до багатого мужыка,
А йды до бидного:
У ёго була парка коровокъ,
Та одна згынула;
Та выробывъ винъ іи на ремнинь
И высыть вона въ ёго пидъ повиткою,
А на посьлидьню корову робыть буркунець,
Буде одныею издыть.
То ты въ ёго попросы ту шкуру,
То винъ позычыть,
Бо винъ горе зна“.
Пишовъ багачъ.
Напавъ на того мужыка бидного.
Прыйшовъ пидъ повитку:
Глядь! шкура высыть вычынена.
„Эй, брате!
Позычъ мени цю шкуру!
Я колысь, якъ розжывусь,
То я тоби вдвое оддамъ!“
„Тай визьмы!
Оддасы,—спасыби,
А не 'ддасы,—Богъ зъ тобою!“
Изьнявъ ту шкуру.
Каже попугайло:
«Перепусты іи на двое;
Въ тебе булы стада й гурта,—
Ты можешъ вузды робыть;
Робы на мене вузду зъ одныи половынкы».
Зробывъ вузду.
«А плеты малахай зъ другои половынкы!
Та до-о-брый малахай!
Шобъ и пужално ремінне було!
Беры-жъ ту вузду,
Та йды на край села;
Та не йды до цыгана,
А иды до нашого коваля,
То винъ тоби повирыть наборъ зробыть удыла».
Прыходе 'дъ коваля.
«Надивай вузду й зануздуй.
А беры малахай!...

А сидай», говорыть, «на мене»!..
Сивъ винъ на ёго.
«А якъ теперъ тебе несты?
Чы по-пидъ небесамы?
Чы поверхъ древа?
Чы поверхъ травы»?
Багачъ подумавъ:
«Понесе по-пидъ небесамы, —
Перелякаюсь, упаду, — вбьюсь!..
Понесе поверхъ травы, —
Объ дерево вбьюсь!
Несы поверхъ древа».
Якъ стре-пе-нувсь!..
Якъ знявсь!
Якъ полетивъ на ынше царство,
На девъяте государство! —
Тай спустывсь.
«Оце-жъ», каже, «моя первая сестра жыве.
Веды мене въ двиръ
И бый мене!.. И мучъ! И печы!..
Стилькы сылы маешъ, —
Стилькы й бый!
А я стилькы сылы маю, —
Буду крычать.
И зачуе сестра гласъ мій
И буде бигты, крычать,
Рукы ламать!
И буде тебе просыть,
Даватыме тоби й панство,
Й царство!
И даватыме тоби дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!
То ты не беры,
А просы въ неи срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ» [1]).
Веде багачъ попугайла въ двиръ

[1]) Замочокъ.

Бье ёго!
Пече!..
Стилькы сылы може́ть—бье!..
А той крычыть стилькы сылы може́ть.
Послужанка зачула гласъ попугайливъ.
«Пани»—говорыть:
«Послушайте!
Братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ», говорыть, «узявся!?
Его й на сьвити жывого нема»!
«Послушайте, пани!
Скоро въ двори буде»!
Побачыла пани, шо вже въ двиръ укынувъ черезъ ворота.
Бижыть!..
Крычыть!
Рукы ломыть!
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця!?
Булы въ мене стада,
Й гурта,
Й отары,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба
И сто двадьцять скыртъ у поли!
Було въ мене сумы много!
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ.
Шо схочу, те й зроблю!
Хоть убью,—
Хоть повисю!
«Нажъ тоби панство
Й царство!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Тилькы пусты мого брата попугайла».
— «Не хочу панства
И царства
Ни срибра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,—
Такъ пущу!
«Хочь ты его й повись, то не 'ддамъ».
Пишла въ хату.
Выйшлы зъ двору.
«Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ!
Шо ты мене жаліешъ?
Я-жъ тебе не жаливъ,
Якъ усе твое добро переивъ!
Не жалій и ты мене!
Такъ бьешь, шо й сестра не ожалилась!..
Ты мене бый стикы сылы маешъ,
Стикы мочи маешъ!
Не паскудь!
А я стикы сылы маю
Стикы мочи
Буду крычать.
Давай иты до середульшои».
Прыйшлы до середульшои.
«Бый-же, та не погань!
Шобъ сестра ожалилась на мене».
Зачавъ винъ его быть,
Стикы сылы мае,
А той крычыть!..
Почула послужанка
«Пани»,—говорыть:
«Послушайте!
Вашъ братъ попугайло жывый е»!
— «Де винъ узявся?!
Его й на свити нема»!
«Ни, послухайте!
Скоро въ двори буде»!
Перекынувъ багачъ попугайла черезъ ворота,
Топче ногамы...
Пече его,
Бье его,
Стикы сыла мае,

Стикы мочи мае,—
Стикы й поре!..
А той стикы мочи мае,
Стикы й крычыть!..
Выскочыла пани.
Крычыть...
Рукы ломыть!..
«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата попугайла
знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада
Й гурта,
Дванадьцять ынбаривъ хлиба,
Сто двадьцять скыртъ у степу хлиба!
Було въ мене сумы много,—
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!
Шо схочу,—те й зроблю зъ нымъ!
Хочъ убью,—хоть повисю»!
— «Ná тоби й панство,
Й царство!
Дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,—
Тилькы пусты мого брата попугайла».
«Не хочу я панства
Й царства,
Ни срибра, ни злата!
Дай мини срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Такъ пустю»!
«Хочъ ты ёго й повись»!
Пишла й не оглядаетьця.
Выйшлы за ворота.
И каже ёму попугайло:
«Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:
«Пропало наше дило!
Шо ты мене жаліешъ?!
Ты бый мене лучче!
Изробы ты отъ що:

Якъ пидемъ мы до меньшои,
То ты вже бый мене
Та не погань!
Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
Та якъ даватыме вона тоби панство
Й царство,
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата,
Не беры!
А просы срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
И одно те робы, що бый мене.
И буде вона тебе просыть у хату
Покушать и 'дпочыть
И речи поговорыть,—
Ты йды.
И буде вона тоби пыткы й наидкы давать
И буде тебе шпиртомъ напувать.
Ну ты гляды-ы!
Шобъ ты іи прысылувавъ выпыть до себе!
Та вже й я прысылую,—
И одъ мене выпъе.
То мы по чарци выпьемъ,
А вона значыть дьви.
Буде вона и вдруге частувать;
Та все-жъ такы, шобъ прысылувавъ.
Частуватыме мене,
Прысылую й я.
Буде вона й втрете частувать,—
То шо-бъ ты прысылувавъ выпыть;
Да вже й я прысылую.
Мы выпьемъ по тры,
А вона значить шисьть.
Тоди посидаемъ обидать.
Ты ижъ,—покы наисысь.
И я тебе штовхну,
А ты шобъ догадавсь:
Прыкыньсь пьянымъ;
Перекынь мене черезъ стилъ,

Топчы мене ногамы!..
Бый мыскы,
Й полумыскы,
Чаркы,
Й пляшкы.
На голови мени!..
То вона тоди змылуетьця.
Буде тебе цилувать
И за рукы хватать!
И отдасьть тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ;
Надине тоби ёго на шыю
И запхне за пазуху».
Дійшлы до ворить.
Перекынувъ ёго черезъ ворота.
По-о-ре!
Послужанка зачула гласъ:
«Послухайте, пани!
Вашъ братъ попугайло жывый есть»!
«Де винъ у свити взявся?!
Его й жывого на свити нема»!.
Винъ ёго топче ногамы!.
Бье пужалномъ по голови.
Углядила пани.
Бижыть!..
Крычыть!..
Рукы ломыть!...
«За що ты, зла лычыно, зъ мого брата попугайла
так знущаесься»?
— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?!
Булы въ мене стада,
Й гурта!
Булы въ мене й отары!
Було въ мене дванадьцять ынбаривъ хлиба;
Було въ мене сто двадьцять скыртъ хлиба въ степу,
Було въ мене сумы много,
Та я все позбувавъ,
Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу,—те и зроблю!
Хочъ убью,
Хочъ повисю»!
Зачавъ ёго бы-ы-ты!..
Ногамы мисыть!..
Той, стикы сылы мае, крычыть!
Просыть вона ихъ у хатку.
Закрычыть пани на послужанку:
«Заразъ стилъ наповныть пыткамы
Й наидкамы»!
Посажала ихъ за стилъ,
Зачала частувать;
Зачала багачеви шпирту давать.
«Прошу-жъ покорно, выпыть соби;
Якъ ты своему братови рада,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Выпывъ и багачъ.
Дае брату.
Братъ одвищае:
«Якъ ты рада братови,
То выпьешъ до дна».
Могла вона выпыть.
Каже: «просю-жъ покорно;
За 'дныю не закусюють,
А выпыйте й по другій».
Одвища багачъ:
«Из-воль-те»!
Стала багача частувать.
«Якъ ты рада братови,
То выпъешъ до дна!»
Могла вона выпыть.
Выпывъ и братъ.
Выпылы такымъ родомъ и по третій.
«Прошу-жъ покорно обидать».
Обидавъ багачъ,—покы наивсь.
Штовхнувъ попугайло багача;
Той прыкынувсь пьянымъ!

Штовхнувъ попугайла въ потылыцю,
Хватнувъ за волосья!...
Перекынувъ черезъ стилъ!..
Ногамы то-о-пче!..
Зачавъ ему на голови быть полумыскы,
Пляш-кы
Й чаркы!
Сестри жалко стало.
Стала вона багача цилувать.
За рукы хватае.
«На тоби срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
Тилькы не знущайся зъ мого брата попугайла»!
Надила вона ёму на шыю
И запхнула за пазуху.
«Иды ты, багачу, на ынше царство
На десяте государство!
Де ты соби вподобаешъ,—
У якимъ прысадьдя хороше
И степъ шобъ добрый.
Скажы соби:
Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь,—
Стане тоби велыке багатство».
Зійшовъ багачъ на одного царя царство.
Степъ добрый,
Сады хороши;
Ставы добри.
Выйшовъ вінъ на кряжъ.
Сивъ коло саду надъ ставомъ.
Знявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы.
«Срибный ключыкъ, поверныся,
Золотый верчыкъ одимкныся»!
Срибный ключыкъ повернувсь,
Золотый верчыкъ одимкнувсь.
Якъ зашумлять дома-а!..
Пидъ самымъ золотомъ:

Дванадьцять ынбаривъ изъ срибромъ и златомъ!
Якъ зашумилы гурта
Й ста-да-а!
Й черидкы свыне-е-й!..
Люды розсыпнулысь по царстви косыть
И жать
И весь хлибъ прыбирать!.
Уставшы зъ верчыкомъ,
Пишовъ у золоти дома,
У ныжнихъ домахъ печеться й варыться,
Въ середнихъ домахъ—ныткамы й наидкамы стилъ
наповняеться!
Въ самыхъ выщихъ тилько прогуляеть [1]).
Дывыться въ викно скилькы стада й гурта степу засяглы.
Прыиздыть нарошный одъ царя зъ пакетомъ.
Розпечатавъ пакетъ. Прочытавъ.
Пыше царь:
«Що ты таке?!
Де ты взялось?!
По моимъ царстви росполенывсь зъ стадамы,
Зъ гуртамы,
Зъ косарямы,
Зъ женьцямы!?!
Якъ ты не зійдешъ по добрій воли,
Такъ я те все выбью
Й въ ставахъ вытоплю».
Одпысуе багачъ царю,
Що: «я радъ-бы зійты,—
Не могу зибрать!
Царь, роздывывшысь у пакетъ ёго, одпысуе:
«Подаруй мени те,
Що въ твоеи жинкы е,—

---

[1]) Ото значыть у ныжнёму этажи, у середьнёму этажи и у верхнёму.

Я тоби найду таку бабку, шо збере».
А багачъ того й не знавъ,
Шо якъ одвивъ винъ свою жинку наймать до чоловика обременну,
Такъ вона, у наймахъ бувшы,
Родыла сына Ивася,
Такого, шо ни здумать, ни згадать,
А хиба тилькы въ казьци сказать:
По поясъ у срибли
А по поясъ у злати;
На грудяхъ звизда,
А на потылыци мисяць.
И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
Не по часамъ, а по мынутамъ!
Багачъ, роздывывшысь у пакетъ,
«Шо-жъ у моеи жинкы е?!
Всёго-жъ я ришывся!...
Хиба тилькы шуба дорога осталась
Ну, хай соби бере шубу!
Абы тилькы жинка моя зосталась»!
Одпысуе царю:
«Нехай тоби те,
Шо въ моеи жинкы е,
Ну тилькы шобъ жинка моя».
Прыиздыть царь;
Прывозе бабку.
Стае бабка зъ колясы:
«А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
А сида-а-й, багачу»!
Поставыла мижъ колиньмы верчыкъ.
Якъ крыкне!..
Якъ свысне!..
Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
Якъ було въ верчыку все,
Такъ и вныять стало на мисти!
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ замкнысь»!
Надила ёму на шыю

Й запхнула за пазуху.
Иды-жъ, багачу!
Де ты вподобаешъ соби,
Сядешъ,
Упьять буде тоби те,
Шо й тутъ було!
Пишовъ багачъ.
Стикы не йшовъ,
Прыйшовъ у свое царство
И сивъ на своему дворыщи.
Изьнявъ верчыкъ,
Поставывъ мижъ колиньмы:
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ одимкнысь».
Якъ зашуми-и-ло!...
Шо тамъ було; те й тутъ е!
Осидлавъ коня
Й поихавъ по царстви своему оглядать стада й гурта.
«Чыи стада?»
— «Ивана багача».
«Чыи гурта»?
— «Ивана багача».
«Чыи отары»?
— «Ивана багача».
«Чыи косари»?
— «Ивана багача».
«Чыи женьци»?
— «Ивана багача».
«Це все мое», говорыть.
Иде назадъ до греблёвого млына.
Зостривае того чоловика,
Котрому жинку свою нанявъ.
Той чоловикъ пада на колина,
И здыймае шапку.
Багачъ здоровкаетьця:
«А шо?» каже:
«Моя жинка й доси у тебе служыть?«
«У мене: та вже дви недили наверхъ году;

Куды-жъ вона пидеть?!»
«Поганяй-же до дому,
Та одсылай жинку въ мои дома».
Той чоловикъ уподовишъ кони!.. (бье)
Прыбигъ до двора!
Уихавшы въ двиръ, заразъ засыла жинку!
«Ступай! Ото твого чоловика дома!»
Бере маты сына за руку,
Йдуть до горныць.
Сынъ и каже:
«Мамо», говорыть,
«Я вже теперъ не вашъ,
Я вже подарованый царю».
— «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешъ?»
«Такъ мени, мамо, Богъ давъ».
«Ну, що-жъ, сынокъ», говорыть,
«Не вже то твого отця дома?!»
Увійшлы въ ныжни дома—
Печетьця й варытьця.
Увійшлы въ середни—
Пыткамы й наидкамы столы наповняютьця.
У вышнихъ домахъ прохоложаютьця.
Дывлятьця въ викно:
Побачылы батька...
Сынъ и каже:
«Сховайте-жъ мене, мамо,
Якъ увійде батько, то будете пытать:
«Шо царю подарувавъ?»
Зачынила сына въ кимнату.
Прыходыть батько.
«Оттеперъ я, жено, бага-а-тъ!!
Не такый, якъ тоди бувъ!!
Панство й царство я маю!!
И дванадьцять ынбаривъ срибра й злата!!»
— «Не рада я твоему панствови
Й царствови!..
Шо ты подарувавъ царю?!»
«Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

Я тебе, жено, не подарувавъ.
— «Ось, шо ты, старый, подарувавъ!»
Одчынила кимнату: выходыть сынъ—
И горныци осяялы!!
Якъ ухватылысь за сына,
Та въ плачъ обое!
«Сыну-жъ мій, сыну!
Я-жъ подарувавъ, та й самъ не знавъ що!»
Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матиръ.
Сочынылы трехдневне гуляньня!
Пьють-гуляють,
Пыръ пыдіймають
До трёхъ сутокъ!
Трети суткы кинчають,
Говорыть Ивась:
«Готовте мени, тату, одиваньня».
— «Яке-жъ тоби одиваньня, сыну?»
«Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
Скуйте мени семеро хлиба зализныхъ;
Скуйте мени симъ паръципкивъ зализныхъ,
Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
Пиду до царя на службу».
Прыказавъ багачъ ковалямъ,
Шобъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
Батько й маты въ плачъ!
Винъ, – сюды-туды, – 'бцилувавъ ихъ, розважа:
«Я хочъ и пиду, а таки не покыну васъ;
Прослужу, тай прыйду!
Попрощався сынъ;
Пишовъ служыть царю.
Пишовъ на ынше царство,
На десяте государство,
Черезъ трыдевьять земель!
Зійшовъ на перве царство:
Такый гадъ та черепахы лизуть!
Такый гадъ та черепахы,
Шо не можна й ногою ступыть!..
Симъ паръ ципкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.
Зійшовъ на друге царство:
Таки гвиздкы та голкы!
Гвиздкы та голкы!
Убувъ зализни черевыкы.
Симъ паръ черевыкивъ вытоптавъ,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на трете царство:
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Таке сонлыве!..
Та дримлыве!
Симъ паръ голокъ выломавъ, пидпыраючы очи,
А такы перейшовъ.
Зійшовъ на четверте царство!
Такый холодъ
Та голодъ!..
Такый холодъ
Та голодъ!
Семеро хлиба зъивъ зализныхъ,
А такы перейшовъ
Зійшовъ на царя царство.
Доходыть до хаткы.
Сыдыть послужанка на кганкахъ.
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли,
Чы по неволи?!»
-- Ни, добрый молодець николы не ходыть по неволи,
А все по воли!»
— «Идить-же въ хату покушать,
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила вона его, накормыла.
Роскынула перыны,
Спать положыла.
Злигъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя на дворци
бувaете,
Вси ти порядкы знаете,—
Повыньни-бъ и мени сказать».
— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю
И тыхъ порядкивъ не знаю;
Не могу и вамъ сказать;
А есть у мене сестра старша:
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси обряды знае,
Мусыть и вамъ сказать».
Подякувавъ и пишовъ.
Диходыть до другои хаткы.
Выбигае послужанка на кганкы;
Впъять такъ-же:
«Слыхомъ слыхаты!
Подарунча въ вичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, добрый молодець николы не ходе по неволи,
А все по воли».
«Идить-же у хату,—покушать.
Перепратьця,
Перебратьця,
Одпочыть
И речи поговорыть».
Роскынула перыны: положыла ёго спать.
Злигъ винъ на ликоть:
«Вы по всякъ часъ у мого батюшкы царя буваете,
Вси порядкы знаете,—
Моглы-бъ и мени розсказать».
— «Шо-жъ, мій голубочокъ!
Не по всякъ часъ я въ батюшкы на дворци буваю
И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,
Не могу й вамъ сказать,
А е въ насъ бабушка старушка;
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси ти порядкы знае,

О́тта може́ть вамъ исказать».
Подякувавъ винъ и пишовъ.
Доходыть до третеи хаткы.
Выходыть бабушка старушка на кганкы:
«Шлыхомъ шлыхаты!
Подарунча ввичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, бабусю,
Добрый молодець николы не ходе по неволи,
А ще все по воли!»
Пожалуйте, дытя, въ хатку,
Перепратьця
Й перебратьця,
Покушать, одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила ёго, накормыла.
Перыну роскынула
И подарунча положыла.
Лигъ винъ на ликоть.
«Шо-жъ, бабусю!
Якъ тутъ діетьця-ведетьця у мого батюшкы царя?
Вы по всякъ часъ на дворци буваете,
Повыньни й мени сказать».
— «Такъ, шыночку!
По всякъ часъ на дворци буваю
И вси обряды знаю
И тоби, моя дытыно скажу.
У твого батюшкы царя
Есть дочерей симдесятъ симъ
Ище й одна.
Иды-жъ ты, сыночку, на жовту косу коло моря,
А на тій коси шелюгъ велыкый,
Та ты въ шелюзи й сядь.
Сыдитымешъ часъ,
Сыдитымешъ другый;
На третій часъ поверне,
Прылетять симдесятъ симъ дочерей

И таки вродлыви,
Такъ берегъ и осяють!
Поскыдають воны вбраньнячка,
Побредуть у море на жовту косу
И попырнають по трычи,
Уберутьця й полетять.
Ну, шобъ ты, дытыно, сыдивъ;
Не кынувсь до ихъ.
Сыдитымешъ ты часъ
Сыдитымешъ и другый
И выкопаешъ ямку пидъ кущемъ,
На третій часъ стане повертать,—
Прылетыть одна.
Не тилькы косу,
Й берегъ осяе!
И ты, сыночку, терпы.
Вона розберетьця
И побреде на жовту косу въ море.
И гляды-жъ, сынокъ:
Не пропусты.
Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
Шобъ ты усьпивъ ухватыть іи вбраньнячко;
Сховай въ ямку,
Тай насядь.
То вона обмыетьця
Й выбредетьця!
Побачыть, шо нема вбраньня,
То вона й закрычыть:
«Якъ хто зъ старыкивъ пошутывь,
Такъ отець ридный!—
Тилко не шутить,
Вернить!»
Побижыть другый разъ.
Пирне; обмыетьця, выбреде,
Нема вбраньнячка.
«Якъ хто зъ жонатыхъ пошутывъ.
Такъ братикъ ридный! --
Вернить,

Не шутить!
Побреде и третій разъ:
Выбреде.
«Ахъ! Якъ хто зъ холостыхъ,
Такъ вирна моя дружына,
Тилько вернить,
Не шутить!»
Ты й отдай вбраньнячко.
Вона уберетьця
И тоди вже після того скаже,
Шо тоби треба робыть».
Пишовъ винъ на жовту косу.
Вже тамъ такъ и було,
Якъ ему сказано.
Выйшовъ Подарунча зъ-за куща:
«Панночко!
Возьмить озьде ваше вбраньня».
Вона прыбигла,
«Обернитьця, другъ, покы я уберусь».
Убралася,
Забигла до ёго спереду;
Поцилувала;
И вродлыва така вона,
Що іи кращои и въ свити нема!
Взяла вона ёго за руку;
Сила на березі:
«Сыды-жъ ты тутъ, другъ мій,
А я полечу,
Та прышлю тоби срибный човныкъ,
Золоте веселечко.
Сядешъ ты у човнычокъ:
И хочъ яка буде погода
И валы котыть,
И нестыме винъ тебе у море;
Не бійсь!
Прыплыве човныкъ до зализныхъ воритъ.
И вдарыть нискомъ у зализни ворота.
Ворота одчынятьця,

Ланцюгы стрепенутьця,
Уси дзвоны заревуть
И царя батюшку пробудять.
Прыплыве човнычокъ до берега,
И злизешъ ты зъ човныка.
Буде стежка.
Будеть ясно и тыхо,
Шо нигде й витрець не дмухне.
Затопытьця въ симдесятъ симъ хатъ
Въ усихъ разомъ;
Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметьця по всій деревни
И такъ туманомъ на море и покотыть.
И перестане курить у всихъ хаткахъ,
Такъ, якъ сокырою одруба.
Де визьметьця хмарка,
Заступыть сонце
И схопытьця сылна буря,
Ажъ дерева затрищать.
Оттоди въ моій хати затопытьця.
И ты замичай,
Шобъ та на мои покои попавъ!
У мене буде дымъ стовпомъ;
Шо хочъ яка буря,
По никуды въ бикъ не зибье,
Стоятыме, не схыбнетьця;
Шобъ ты на ти покои йшовъ».
Прыходыть винъ до кганкивъ.
Выскакуе вона зъ хаты;
Бере ёго пидъ руку;
Веде въ хату.
Напоила,
Накормыла;
Роскынула перыны,
Положыла ёго на спочывокъ.
«Гляды-жъ ты, каже», «Иване!
Бо скоро одъ батюшкы й слугы по тебе прыбижать
Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табакы понюхать
То тоди погублять!» [1])
Тутъ пидъ викно бижать симдесятъ симъ слугъ.
„Иваня!
Ступай до батюшкы!“
Убравсь; выйшовъ винъ.
„Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты“.
— „Вонъ, свыни!
У васъ не стане й ниґъ по мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Слугы самы между собою й кажуть:
„Тай цуръ ёму;
Нехай самъ иде;
Намъ ще й лучче“.
Идеть у батюшчынъ двиръ.
Стоить батюшка на ґанкахъ.
„Заразъ мое Подарунча на рукахъ у покои несты!“
Кынулысь до ёго на рукы брать,
Винъ до ихъ зъ кулакамы:
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,
А тутъ я й самъ до батюшкы дійду!“
Входыть въ покои;
Цилуютьця,
Мылуютьця,
Гуляють цилый день до вечера!
У вечери крыкнувъ батюшка:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
До которои люблю на рукахъ однесты!“
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ныхъ!
„Вонъ, свыни!
Я стикы царствъ перейшовъ,
Та нихто мене на рукахъ не носывъ,

[1]) Царь—винъ бувъ не хрещеный, а вона була хрыщена водою и духомъ.

А тутъ я вже на стару кватырю й такъ дійду!
Въ васъ не стане нигъ и ходыть по мене,
Не тилько на рукахъ носыть!"
Выйшлы слугы за двиръ:
„Одь сучый сынъ!
Де винъ узявсь!?
Якъ бы ёго пидговорыть!?
А въ насъ батюшка строгый!
Шобъ ёму голову батюшка знявъ".
Прыйшлы до царя:
„Отъ, батюшка!
Подарунча зъ вамы пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
— „Якъ", говорыть, „слугы?"
„Та такъ!
Якъ выйшовъ за двиръ,
Тай каже намъ:
Я якъ-бы схотивъ добро батюсьци зробыть,
Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыныцю выкопавъ
до свита,
Шо луччои-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
Одна-бъ цямрына була-бъ золотá,
А 'дна срибна
И срибный звидъ,
Золоте цеберечко
— „Завернуть ёго заразъ сюды!"
Догналы.
„Иваня!
Вернысь до батюшкы!"
„Зачимъ, батюшка, требуете?"
„Якъ-же мени тебе не требувать?!
Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!
Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
То таку крыныцю выкопавъ-бы,
Шо й у царстви луччои воды не було-бъ;
Одна цямрына срибна,

Друга золота:
Срибный звидъ,
И золоте цеберечко“.
— „Якъ-же можна, тату,
Шо-бъ за 'одну ничъ отаке мигъ-бы одынъ чоловикъ зробыть!?“
„Ну, гляды, сынку!
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ!“
Пишовъ одъ царя.
Иде й плаче.
„Отъ колы вже пропавъ“!..
Якъ угледила у викно вона,
Шо винъ плаче,
Бижыть, цилуе!
„Зачимъ ты, серденько, плачешъ?“
— „Якъ-же мини не плакать,
Шо мени тилько до завтрёго й жыть!“
„А, Боже мій!...
Та кажы скорій,
Не мучъ мене,
Шо тамъ тоби батюшка казавъ?“
Хватыла ёго пидъ плече,
Увела въ хату.
Посадыла въ кинци столу:
„Кажы серденько, шо тамъ таке?“
„Пидговорылы слугы,
Шо я могу за 'дну ничъ до свита выкопать таку крыныцю,
Шо й у всимъ царстви нема такои!
Шо-бъ срибна и золота цямрына,
Срибный звидъ, золоте цеберечко!“
„Це мени, серденько, й за вухомъ не свербыть!
Шо тоби батюшка не загадае,—не журыся!
Иды до мене,—я тоби все зроблю!
А то ты мене якъ ножемъ пробываешъ!
Сидай—вечеряй, та лигай спаты“.
Силы, повечерялы; роскынула перыну: положыла— прыспала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничъ;
Хватыла кныгу: выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же!
Шобъ була у двори крыныця выкопана,
Шобъ луччои и въ царстви не було!
Шобъ була одна цямрына золота, одна срибна,
Срибный звидъ и золоте цеберечко!"
Якъ налынулы!
Той копа,
Той джерела пуска,
Той серебрыть!
Той золотыть,
Другый тоже кладе цямрыну,
Третій звидъ становыть
И цеберечко виша.
Такъ якъ переказавъ,—
Такъ воны й зробылы!
Вона раненько встала,
Снидать зготовыла;
Позбудыла;
Напоила,
Накормыла;
На свитаньни дала ёму топорець
И чотыри гвоздыкы.
„Иды-жъ ты до крыныци,
Тай ходы кругомъ,
Тай стукай обухомъ,
Нибы майструешъ.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
Забый гвозьдь на схидъ соньця на зрубови,
Й другый на захидъ,
А ти на тыхъ вуглахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положеный,—
Бо й тоби достанетьця воды тын пыть".
Выйшовъ батюшка на кганкы;
Той бье гвозьди навхрестъ.
Крычыть батюшка!
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!"
Слугы кынулысь до ёго:
Винъ до ихъ зъ сокирою
„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть!
Я й самъ до батюшкы зійду!"
Любуе батюшка въ сынови,
Що винъ сповнывъ свое дило.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають.
Бере ёго батюшка за руку,
Веде до крыныци;
Любуе въ крыныци,
Любуе въ зрубови.
И въ своди
И въ цебри.
Пьють гуляють до вечора.
У вечери крыкнувъ батюшка на слугы:
„Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесить на рукахъ до которои любля!"
„Тату! я ще младъ, зеленъ до дивокъ:
Мени треба вчытьця робыть.
Я онъ стикы царствивъ перейшовъ,
Та не оддыхавъ и доси.
Пиду на стару кватырю,—хочь оддыхну".
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
Тилькы слугы до ёго,
А винъ зъ сокырою до ихъ!

„Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
Выйшлы слугы за двиръ,
„А, та й бида“, кажуть „изъ цимъ подарунчамъ!
Улыкае, шо не стане нигъ ходыть!
Давай ёго пидскаржымъ ще не такъ;
А въ насъ батюшка строгый!
Оцёго винъ не може зробыть,
Шо мы ёго пидскаржымъ!“
Ускочылы до батюшкы слугы:
„Зъ вамы, батюшка, подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А намъ казавъ отъ що,
Якъ выйшовъ за двиръ:
Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,
То поставывъ-бы за 'дну ничъ ограду золоту;
У тій огради посадывъ-бы садъ
И всяку овощъ, шо въ свити е!
И до свита зацвите и одцвитетьця!
А якъ сонце зійде, усяка овощъ поспіе!
И на снидання самои первои овощи понисъ-бы батюсьци въ кошыку“.
— „Заразъ завернить ёго до мене“!
Завернулы.
„Зачимъ, батюшка?“
— „Шо-жъ, сынку!
Ты пывъ зо мною й гулявъ
Та мени й правды не сказавъ!?
А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,
Шо, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци.
То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до горныцъ!
А въ тій огради садъ насадывъ: що е въ свити разна овощъ;
До свита зацвите й отцвитетьця,
А якъ сонце зійде,—поспіе
И ты мени внесешъ у кошыку на сьниданьня“.

— „Не можно, батюшка, цёго зробыть!
Одно дерево росте годъ пьять,
Та й то не розцвитае!..
Шобъ за одну ничъ усяка овощъ прынялась и зацвила!?!“

„Ну, гляды, сынку!
Тоби день, мени ничъ,—
Тоби голова зъ пличъ.
Ты казавъ, шо крыныци не могу зробыть,
А про те зробывъ!?!
Ступай!“
Иде винъ и плаче.
Углядила ёго вона у викно,
Шо винъ гирко плаче,—
Бижыть,
Крычыть:
Зачимъ ты, серденько, такъ побываесься!?
— „Якъ-же мени не побыватьця?!
Тилько до свита й жыть мени!“..
„Не журысь!“
Хватыла ёго пидъ плече;
Ввела въ хату.
Посадыла на дзыклыку.
Кажы, серденько, шо тамъ таке?!
Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!
— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробыть ажъ до горныць...
У тій огради понасажать ризнои всякои овощи, яка въ свити есть...
Шобъ цвила вона до свита.
А якъ сонце зійде,
Шобъ самои первои прынесты въ кошыку батюсьци на сьниданьня».
«Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттутъ не свербыть.

Сидай,—нумъ вечерять»!
Повечерялы.
Роскынула перыну;
Положыла й прыспала.
Встала потыхесенько глупои ночи;
Взяла кныгу и выйшла на кганкы

Розгорнула кныгу.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!
«Станьте слугы передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить!
Шобъ вы зробылы батюсьци ограду
Ажъ до самыхъ ворить!
А въ тій огради садъ насадыть,
Разнои овощи, що въ свити е,
Шо-бъ той садъ до свита одцвивсь,
И якъ сонце зійде—шобъ овощъ постала».
Воны якъ заходылысь!...
Той кона,
Той золотыть,
А той кладе ограду,
А той садъ садыть,
А ти цьвитъ чипляють,
Други отрусюють,
Та разну овощъ навишують,
Що е въ свити!
Якъ я це переказавъ,
Такъ це дило зробылы.
Избудыла ёго раненько!
Напоила, накормыла;
Дала ему кошыкъ:
«Иды-жъ ты у садъ,
Вырвы овощи,
Та котори червыви,
Выкыдай за ограду».
Сонечко зійшло.
Выйшовъ батюшка на кганкы,
Якъ крыкне на свои слугы!
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Заразъ мени подарунча зъ овощу на рукахъ у горныци внесты!
Кынулысь до ёго: «вонъ свыни!
Въ васъ не стане и нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Нарвавъ первои овощи и несе батюсьци на снидання.

Любуетьця батюшка въ сыну.
Любуетьця въ саду и въ ёго овощи,
Любуетьця въ ёго крыныци, и въ зводи и въ цебри.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають до вечера:
Ввечери крыкнувъ батько:
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Однесты ёго на рукахъ до которои любля».
«Тату! Я младъ зеленъ по дивкамъ!
Треба вчытьця робыть!
Я скилькы царствивъ перейшовъ,
Тай доси не 'ддыхавъ!
Тай у васъ ставъ,
То мени, тато, покою не дававъ!
Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
«Слугы мои мыли, слугы мои люби!
Однесить мое подарунча на рукахъ на стару кватырю».
Кынулысь слугы до ёго,
А винъ до ихъ съ кулакомъ;
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
Не тилько мене на рукахъ носыть»!
Выйшлы слугы.
«Ну, бида съ цымъ подарунчамъ!
Прыйдетьця пропадать!
Шо не пидговорымъ, то все й зробе!
А ходимъ ще пидговорымо,—
Цёго вже не зробе.
Ввійшлы до царя:
«Батюшка!
Отъ у васъ подарунча пыло-гуляло,
Та вамъ и правды не сказало,
А выйшовъ за двиръ, то намъ говорывъ:
Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
Такъ поставывъ-бы у тій огради монастырь такый,
Шо ниде такого нема!
Поставывъ-бы й дзвиныцю!
Шо буде само въ монастыри правытьця
Й чытатьця,
Шо слидуе,

А на дзвиныци само буде дзвонытьця!
Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
И сонце зійде,
Увесь садъ зацвите
И ризни птахы защебечуть,
А йтыметь батюшка до монастыря,
Сами дзвоны ревтымуть».
«Завернуть его сюды!
Шо-жъ ты, сыну, пывъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ,
Та, абы кому,—слугамъ!
Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
То въ огради-бъ поставывъ монастырь и дзвиныцю,
А 'дъ манастыря помистъ ажъ до горныць!
Ну, гляды, сыну!
Тоби день,—мени ничъ!
Тоби голова зъ пличъ!
Ты говорывъ, шо крыныци не зробышъ,
А проте зробывъ!
Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
А проте насадывъ,—
То зробышъ и манастырь»!
Иде винъ и плаче.
Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
Бижыть,
Крычыть,
Рукы ломыть!
«Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!
«Якъ-же мени не журытьця,
Якъ мени тилькы до свита жыть»!
Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
«Нумъ сидать вечерять;
Це мени й за вухомъ не свербыть».
Повечерялы. Ляглы спать.
Встала въ пивничъ;
Взяла кныгу;
Выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свысне!

«Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить:
Шобъ-бъ вы зробылы у батюшкы въ огради мана-
стырь
И дзвиныцю;
Шобъ у манастыри само правылось
И чыталось;
На дзвиныци шобъ сами дзвоны дзвоныли.
И 'дъ дзвиныци шобъ бувъ помистъ изробленый
Ажъ до батюшчыныхъ покоивъ.
Якъ до манастыря йты, —
Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ
И шобъ ризни птахы въ саду щебеталы».
Якъ заходылысь!
Той ставе!
Той верхы зводыть!
Той дзвиныцю зачынае!
Другый уже дзвоны чипляе!
Ти тоже птахы наганяють!
Други тоже цвиты чипляють!
А ти помистъ кинчають!
Дило зроблено!
Избудыла вона подарунча раненько;
Дала ёму топорець и два гвозьди:
«Иды-жъ ты до манастыря
И ходы по помосту съ кинця въ кинець.
Якъ выйде батюшка на кганкы,
То забый гвоздь на схидъ соньця
И на западъ соньця».
Выйшовъ батюшка на кганкы:
Якъ крыкне на слугы!
«Слугы мои люби, слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ»!
Слугы кынулысь до ёго:
«Во-о-нъ, свыни!

У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
Любуетьця царь усимъ:
Любуетьця въ ёго крыныци
И въ зводи й цебру;
Любуетьця въ сади
И въ огради;
Любуетьця въ манастыри и дзвиныци;
Любуетьця въ цьвитови и въ птыци.
Пьють, гуляють,
Пыръ пидіймають
До вечера.
«Есть у мене дочерей симдесятъ симъ;
До которои любля однесить подарунча на рукахъ».
«Батюшка! Я ще молодъ-зеленъ до дивокъ!
Треба вчытьця робыть!
Я стикы царствивъ пройшовъ, та ниде не 'ддыхавъ
И до васъ прыйшовъ, — нема покою!
Дайте мени покой, —пиду хочъ на стару кватырю».
«На рукахъ однесты подарунча».
Кынулысь до ёго.
«Вонъ, свыни!
Въ васъ не стане нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!
— «Ну, бида намъ зъ цымъ подарунчамъ!..
Прыйдетьця пропадать!..
Не дай Богъ стикы ёго на рукахъ носыть,
Якъ ще до ёго й ходыть»!
Выйшлы за двиръ:
«Дайте ище разъ пидговорымъ!
Цёго вже не може зробыть»!
Та назадъ до царя!
«Отъ батюшка!
Зъ вамы подарунча пыло та гуляло,
Та вамъ и правды не сказало!
А намъ выйшло за двиръ, тай хвалытьця:
Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,
То е въ батюшкы лисъ

Сорокъ верстъ довжыни,
А сорокъ верстъ шырыни!
То я могу той лисъ выполоть
И засіять конопли;
Уродять конопли,—
Я ихъ могу выбрать
И помолотыть,
И помочыть,
И вытягать,
И помнять,
И потипать,
И попрясты,
И невидъ выплесты,
И кутъ моря закынуть,
И батюсьци рыбкы на сниданьня враньци прынесты!
«Заразъ завернуть мени ёго»!
Догналы слугы Ивася.
«Вернысь до батюшкы».
«Шо-жъ ты, сыну»?!
Пывъ—гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!?
Та абы-кому,—слугамъ?!
Ты казавъ, шо я могу добро батюсьци зробыть.
Есть у батюшкы лисъ
Сорокъ верстъ довжыни
Й шырыни,
То я ёго выполю
Й складу,
Й насію конопель,
Й выберу конопли,
Й помочу,
Й вытягаю,
Й потипаю,
Й помну,
Попряду,
Й невидъ выплету,
Й кутъ моря закыну.
Батюшсьци рыбкы на сниданьня вытягну".

— „Score"

— „Неможна, батюшка, цёго зробыть!
Одного дуба буде до свита зъ корнемъ тягты,
А не ввесь лисъ сполоты!!“
„Ну, гляды, сыну!
Тоби день, мени ничъ;
Тоби голова зъ пличъ!“
Пишовъ винъ плачучы:
„Отъ колы я пропавъ!
Отцёго вже й вона не може отгадать“!..
Углядила, що йде винъ плачучы,—
Бижыть,
Цилуе,
Мылуе.
„Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешъ?“
— „Якъ же мени, серце, не плакать,
Шо мени тилькы до свита й жыть!“
„Кажы скорише,
Що тамъ таке?
Чимъ тебе обидылы?!“
„Та якъ-же, каже,
„Пидскаржылы слугы,
Шо я могу сорокъ верстъ шырыни,
Сорокъ верстъ довжыни
Лису выполоть!..
Выполовшы, посіять конопель!
Шобъ выбрать
И помолотыть...
Потипать
И попрясты...
Сплесты невидъ
И кутъ моря закынуть,
Батюсьци рыбкы на сниданьня піймать!“
„Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыть!
Нумъ вечерять, та лигать спать“.
Встала вночи потыхесеньку.
Взяла кныгу,
Выйшла,
Розгорнула,

Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Стать передо мною
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить-же,
Шобъ вы выпололы въ батюшкы лисъ.
Сорокъ верстъ довжыни
И шырыни!
И насіять конопель!
Выбрать
И помолотыть!
Помочыть
И вытягты!
Потипать
И помнять!
Попрясты
И невидъ выплесты!
И кутъ моря закынуть,
Батюсьци рыбкы на сниданьня піймать!"
Якъ налынулы!..
Якъ тьма!!...
Имъ и по дубку не стало!..
Спололы й склалы въ купы!
Той заходе,—конопли типа!..
А зъ другого краю заходе,—вытяга!
Той симъя обмына!
А зъ другого краю заходыть,—мочыть!..
А той бере вытяга!..
А той бере, типа!
А ти беруть, мнуть;
А ти прядуть!
А ти невидъ плетуть!
А ти вже затягають кутъ моря!
Повный невидъ рыбы нагналы.
Збудыла ёго раненько.
Дала ёму найстаршый цыганьськый молотъ

И два па́колы зализныхъ:
„Иды-жъ;
Та не злякайсь нечыстои сылы,
Бо й ты тоже лыцарь.
Якъ тягтымуть невидъ
То ты визьмысь за 'дно крыло,
Та пидтягнешъ.
Па́киль забьешъ,
Тай обмотаешъ (невидъ);
Та пидешъ и до другого крыла;
Бо пивни якъ заспиваютъ,
То воны втечуть,
Те крыло й самъ вытягнешъ потроху,
Покы розвыднытьця".
Вытягъ невидъ на сухе;
Узявъ соби рыбкы стикы треба ёму,
А ту вывернувъ у воду;
А невидъ роскынувъ на березі.
Прыйшовъ до неи.
Бижать слугы:
Несы, Иваня, батюсьци рыбкы на блюдьци"!
Понисъ.
Изжарылы й поилы.
Пьють, гуляють,
Пыръ пыдіймають
До вечера.
У вечери скрыкнувъ царь:
„Слугы мои мыли!
Слугы мои люби!
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ!
Возьмить однесить подарунча
До которои любля!"
— Батюшка!
Дайте-жъ мени оддыхнуть хоть одну ничъ.
Отколы я прыйшовъ, то мени й покою не було!"
— „Ну, пожалуй!
Ступай оддыхать.
Есть у мене дочерей симдесятъ симъ
И ище й одна!"

(Отъ ажъ колы сказавъ, що симдесятъ симъ
Ище й одна!)
„Готовся завтра къ винцю.
Годи тоби вчытьця робыть“.
Иде винъ и сьміетьця.
Якъ здума,—то й засміетьця.
Вглядила вона въ викно, що винъ веселый:
Бижыть ёму назустричъ,
„Шо тоби, серце, такъ прыйшлось,
Шо ты веселый?“
— „Казавъ батюшка,—„завтра до винця готовытысь“.—
„Кого-жъ винъ тоби назначывъ брать?“
— „Та я никого не хочу, окримъ тебе.—
„Э ни, серце!
Винъ такъ зробе,
Що ты мене не пизнаешъ“.
Каже: „ни, пизнаю“.
И заспорылыся воны за те саме
Що: „не пизнаешъ“.
— „Обчимъ-же я тебе не пизнаю?“
„Обтымъ не пизнаешъ,
Що намъ батько дасть мазкы усимъ однакови“,
На одынъ выдъ уси.
Потимъ ты мене й не пизнаешъ.
Прыбравшы такъ,
Винъ насъ поведе въ манастырь,
Поставыть у кругъ,
И тебе впхне въ середыну,
А самъ стане зъ боку
И буде дывытьця.
И ты будешъ пизнавать де твоя.
И шобъ тры раза на одну вказавъ,
А не вгадаешъ,
Тоби день,—ему ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
— „Такъ ты-жъ скажы, серденько,
Шобъ я вгадавъ
„Якъ буде первый разъ весты
И впхне тебе въ середыну,
То ты будешъ по головамъ дывытьця:
Голова до головы перепускатымешъ (очыма),

То якъ прыйдешь противъ мене,
То въ мене муха злетыть посередъ головы;
Облетыть тричы вкругъ головы
И сяде впьять на голову.
А въ друге винъ дасть уньять друге лыце
И друге вбраньня.
И впьять ты мене не познаешъ.
Якъ унхне тебе въ середыну,
То ты дывыся по ногахъ:
Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
Якъ прыйдешъ противъ мене,
То въ мене съ черевычка выбижыть мышка
И оббижыть тричы вкругъ черевыка;
Нихто того не побаче,
Тилькы ты побачышъ.
То впьять же поведе до дому
И дасть намъ трете лице
И трете вбраньня.
Впьять-же ты не пизнаешъ.
Якъ унхне тебе въ середыну,
То ты будешъ плече черезъ плече перепускать,
Плече черезъ плече;
То я зъ пидъ правого плеча выпустю сокола,
Нихто не вглядыть
А ты вглядышъ.
Отеперъ нумъ лигать спать,
Та не забувай, шо я тоби розсказала".
Всталы раненько.
Зготовыла вона страву,—
Поснидалы.
Бижять слугы:
„Ступай, Иваня; батюшка клыче".
Прыйшовъ Иваня.
Зывае батюшка симдесятъ симъ дочерей
Ище й одну;
Бере ихъ у горныцю,
Дае имъ усимъ однакове лыце
И однакове гарне вбраньня на всихъ.
Веде въ манастырь,
Становыть у кругъ,
Утягае въ середыну Йваню,

Стае самъ збоку:
„Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
Стоять уси,
Якъ одна маты народыла.
Иваня перепускае голову черезъ голову,
Голову черезъ голову,
Голову черезъ голову;
Прыйшовъ проты неи:
Взлетила муха середъ головы
И облетила кругъ головы трычи.
„Оце, батюшка, моя“.
— „Беры; веды ін въ домъ“.
Прыйшлы въ домъ,
Давъ имъ друге лыце
И друге вбраньня зелене.
Повивъ у манастырь,
Поставывъ у кружокъ:
„Пизнавай сыну: де твоя?
Угадаешъ,—твоя буде,
Не вгадаешъ,—
Тоби день, мени ничь,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ перепускае нога черезъ ногу,
Нога черезъ ногу;
Прыйшовъ проты неи;
Выбигла мышка зъ черевыка,
Нихто й не вглядивъ, —тилькы винъ
„Оце, батюшка, моя“.
„Ну, беры,—веды въ домъ“.
Прыйшлы вси въ домъ.
Дае царь трете лыце
И червоне вбраньня на всихъ.
Увивъ у манастырь;
Поставывъ у кружокъ;
Упхнувъ ёго въ середыну,
„Угадай, де твоя?
Угадаешъ,—твоя,
Не вгадаешъ,
Тоби день,—мени ничъ,
Тоби голова зъ пличъ“.
Винъ якъ узявъ перепускать плече черезъ плече!

Обійшовъ кругомъ
Не пустыла сокола спидъ плеча.
„А де, сынку, твоя“?
— „Та постой“, каже;
„Ше не пизнавъ“.—
„Ну, пизнавай“.
Обійшовъ и другый разъ:
Перепуска плече черезъ плече;
Такъ уже перепуска!
Обыйшовъ до краю,—
Не пустила сокола.
Ставъ—дума.
«А де, сынокъ, твоя»?
— «Не пизнавъ ще».—
«Пизнавай»!
Винъ перепуска плече черезъ плече, —
Трусытьця!
«Отъ пропавъ»!
Обыйшовъ одъ краю до краю,—
Не пускае сокола.
Стоить, побиливъ якъ стина.
«А що, сынокъ! Де твоя»?
— «Нехай идуть съ кружка до дому!
Я скажу на ходу де моя».
Пустылысь иты въ дверы.
Вона все огынае, все огынае!..
З-заду, да з-заду!
Доходыть до дверей;
Пустыла зъ пидъ правого плеча сокола.
Винъ доганяе,—хватае,
«Оце, тату, буде моя».
— «Ну, бéры, тай веды, якъ твоя».
Прыйшлы до дому
Розибравъ;
Тоди упизнавъ, що вона.
Заразъ прызвавъ священыка зъ другои слободы;
Перевинчавъ ихъ священыкъ у манастыри;
Отгулялы весилья.

Зоставля царь ихъ у себе на жытельство.
Жывуть воны соби недилю:
Жывуть и другу.
Вона ему й каже:
«Просыся у батька на Жовту косу
На куть моря;
Хай поставыть тоби хатку,
То мы будемъ тамъ мешкать.
И поминяйся ему неводомъ рыбу ловыть,
Жадного ранку на сниданьня носыть».
Любуётьця царь у сыну
И въ ёго крыныци
И въ цебру, и въ зводу:
Радуетьця въ ёго огради, и въ саду,
И въ манастыри, и въ дзвиныци
Просытьця сынъ на Жовту косу
На куть моря
Поставыть хатку,—тамъ мешкать,
Неводомъ рыбку ловыть
И царю на сниданьня доставлять.
Царь зъ радистю згодывся.
Якъ узявъ ту хатку ставыть,
То пъять мисяцивъ ставывъ!
«Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оцю хатку становыть!?
Ты-бъ іи за 'дну ничъ поставывъ:
Ну якъ я—такъ пьять мисяцивъ ставлю»!
Выславъ ихъ туды мешкать;
Прыручывъ ёму два косякы коней глядить
И шобъ ловывъ неводомъ рыбку для жадного ранку.
Жывуть воны й стараютьця:
На жаденъ ранокъ завжде рыба е.
Що ранку слугы прыбигають
И Йваню звищають,
Шобъ нисъ батюсьци рыбкы на сьниданьня.
Ходе разъ Иваня по двору
Й гирько заплака́въ!
Жинка въ викно вглядила:
Вхватыла пидъ плече:

Ввела въ хату,
Зачала пытать:
«Прызнайся, другъ Иваню,
Чого ты такъ гирко заплакавъ»?
Ивась не прызнаетьця.
Вона ще дужче за ёго беретьця.
Винъ и прызнавсь:
Есть у мене отець и маты;
Та тилько далеко!
Видсиль не выдаты»!
— «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
То вже треба одъ злыхъ духивъ утикаты!
Прыжены, Иваню, коней,
Та зажены въ загинъ;
Та беры стару кобылыцю,
Та веды ихъ до конюшни,
Та дай имъ корму,
Та поготовъ на ихъ зброю, —
Будемо у вечери втикаты».
Прыготовыла харчи,
А винъ посидлавъ кобылыци.
Увъязалы харчъ въ торокы.
Клыкнула ёго въ хату:
„Плюй у табатырьку".
Наплювалы винъ и вона.
Поставылы табатырку на викно.
Замкнулы двери;
Силы й поихалы.
Йидуть цилу ничъ.
Уже й сонце сходе.
Прыбигають слугы —
Двери заперти.
Озываютьця пидъ викно:
„Ива-ня!
Несы батюсьци рыбкы на блюдце".
— „Заразъ-заразъ" [1]!

[1]) Отвѣтъ изъ табатырькы разсказчикъ выговаривалъ такимъ тоненькимъ и писклявымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слугы.
Ждуть ждуть,—нема!
Крычыть царь:
«Якъ вы будылы?!
Винъ цилу ничъ бовтавсь у води,
То спыть дуже!
Чомъ вы ёго не збудылы»!?
Прыбигають слугы втрете:
«Ива-ня»!
— «Чо-го-о»?
«Несы батюсьци ры-бкы на блюдце»!
«Заразъ-заразъ»!
Ждуть-ждуть,—не 'дчыня.
Давай быть двери!
Увійшлы въ хату;
Шукають, нема!
Шукають на печи!..
Шукають по пидъ кроватью!
Шукають у комени!
Шукають скризь!—Нема!
Сталы середъ хаты:
„Ива-ня"!
А воно въ табатырци:
„Чо-го-о"?
„Несы батюсьци рыбкы на блюдьци"!
— «Заразъ-заразъ»!
Ажъ табатырка ходоромъ ходыть!
Вглядилы та табатырку схватылы,
Тай побиглы до царя.
„Нема Йвася, нема й жинкы, втеклы!
А озываетьця тилькы табатырка на викни"!
— „Летить же, —доганяйте ихъ"!
А Ивась зъ женою далеко вже булы!
Сонце спидъ обидъ,—

ворятъ вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще болѣе тоненькимъ и миніатюрнымъ голосомъ, если можно такъ выразиться, и притомъ выговаривалъ скоро.

Глядь!—летять!..
Перекынула вона кони полынемъ,
А сама пшеныцею,
А Йвася зробыла женцемъ
И дала ёму серпъ у рукы:
„Ходы-жъ ты кругъ пшеныци;
Та не рижъ,
А все нибы прымиряесься жать“.
Добигають симдесять симъ:
„А здоровъ тоби, женче!
Чы ты не бачывъ:
Не ихалы чоловикъ та жинка“?
— „Ни“, каже, „бачывъ“.
Каже „тоди якъ оцю пшеныцю сіявъ“.
„Ге-ге! Куды намъ ихъ догнать!?
Колы сіявъ,
А теперъ ўже треба жать“!
Вернулысь.
Полынь ставъ конемъ,
Пшеныця молодыцею,
А женець ставъ молодець—
Силы й поихалы.
Прыбигають слугы до царя
„Гонылысь-гонылысь,—не догналы!
Тилькы й найшлы женьця,—
Почынавъ жать пшеныцю.
Такъ мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловикъ та жинка парою киньмы?
Каже—бачывъ, поихалы.
Давно?
Винъ сказавъ:
Якъ пшеныцю сіявъ.
Куды-жъ намъ ихъ догнать
Якъ уже почына жать“?!
— „А-ай, дурни вы, слугы!
Було-бъ женьця звъязать,
А пшеныцю вырвать

Ото сами воны й булы!
Бижить же!
Якъ застанете,—ёго звъяжить.
А пшеныци вырвить".
Прыбиглы.
Женця теперъ и пшеныци не стало.
Летять у погонь ще.
А Ивась зъ жинкою далеко вже въихалы
Оглянутся,—бижать!
Зробылась вона крыныцею,
А кони вербамы:
Ёго зробыла ченцемъ
И дала ёму копаныцю,
Шобъ винъ вкругъ крыныци обкопувавъ.
Прыбигають слугы:
„Здоровъ тоби, ченче!
Шо ты робышъ"?
„Та хочу крыныцю пидчыныть;
Зрубъ погнывъ".
„Чы ты не бачывъ,
Не ихалы чоловикъ та жинка"?
— „Ни", каже, „бачывъ"?
— „А давно-жъ ты ихъ бачывъ"?
— „Якъ цю крыныцю робывъ изнову,
То ихалы чоловикъ та жинка".
— „Э-э—ге-е!..
Годи намъ ихъ доганять!
Колы цю крыныцю робывъ,
А теперъ уже и зрубъ погнывъ"!
Вернулысь.
Прыихалы до царя.
„Не найшлы мы женьця,
Нема й пшеныци,
А гналыся въ погонь,
Та найшлы тилькы ченьця
Коло крыныци:
Мы ёго спыталы:
Чы не бачывъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ - бачывъ.
А давно?
Тоди якъ крыныцю робывъ уновъ.
Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты"!
Царь сказавъ:
А-хъ, дуракы вы, слугы!
Годи вже васъ посылаты!
Треба самому политаты!
Було-бъ вамъ ченьця звьязаты,
Та 'дну зрубыну зорваты;
Та вербы по гылочци зломаты!
О-то саме вонывй булы"!
Якъ зьнявсь!
Якъ полетивъ самъ!..
Ивась зъ жоною добираютьця вже до моря.
Оглянутьця,—летыть самъ!
Воны пошвыдче къ морю,
Пошвыдче къ морю!
Добиглы.
Сталы кони землею,
А вона вуткою,
А винъ селезнемъ
Й поплывъ у море.
Царь роспалывсь!
Угнавсь!
Хотивъ ихъ на води похвататы;
Воны сталы у воду пирьнаты.
Якъ ухватыла вона ёго за ногы!
Винъ уже до того,
Шо стáвъ потопаты!
Якъ вырвався на берегъ!
Зачавъ землю рубаты
И зачавъ ихъ кони пожыраты!
„А-ай щаслыви жъ вы,
Шо я въ другый разъ не полетивъ!
Я-бъ васъ не солячы поивъ"!
Переплывшы черезъ море,
Винъ ставъ молодцемъ,—

Вона молодыцею,
И пишлы по сухопутьтю.
Зійшлы на батькове царство.
Углядилы батькови дома пидъ самымъ золотомъ.
„Дывысь, жéно:
То мого батька дома.
Чы ты бачышъ“?
— „Бачу“.
„Слава Тоби Господы,
Шо мы вырвалысь зъ нечыстого царствá.
Мижъ хрещеный мыръ“!
Идуть дальше.
Находять гурта
„Чыи гурта“?
„Ивана багача“.
Находять отары.
„Чыи отары“?
— „Ивана багача“.
Находять косаривъ.
„Чыи косари“?
— „Ивана багача“.
Находять женьцивъ.
„Чыи женьци“?
— „Ивана багача“.
„Оце, жинко, все мого отця“.
„Слава Тоби, Господы!
Ну шо-жъ, чоловиче.
Якъ прыйдемъ до твого батька,
То ты мене й забудешъ“.
— «Ни, не забуду».
— «Ни, забудешь».
— «Ни, не забуду».
«Ни, забудешъ».
— «Ни, не забуду».
Дійшлы до двора.
Коло двора на горби велыкый молочáкъ.
Посидалы въ молочаци.
«А нарядю я тебе салдатомъ,
Пидешъ ты до свого отця:
Чы тебе пизнають отакъ»?
Нарядыла ёго.

Винъ прыходыть у домъ.
«Здрастуйте, старычокъ поштенный»!
— «Здрастуй, служывый».—
«Дайте воды напытьця».
— «А встань лышъ, стара,
Та дай салдатови попоисты;
Винъ може исты хоче,
Та пыть просе».
Стара встала,
Найшла варенычкивъ,
Найшла й сметанкы.
Посадыла ёго вкинци столу.
Сама лягла на полу.
Старый сыдыть, пыше вконци столу.
Салдатъ нагривсь;
Розстебнувсь и нахылывсь,—
Исть соби;
Пазуха розгорнулася.
Стара й вглядила звизду на грудяхъ;
Схопылася.
Ходе по хати;
Рукы ломе:
«Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
О-о-хъ! О-о-о-хъ!
Ста-рый!.
Ста-ры-й!
Ста-ры-ы-й!..
Иды лышъ у сины» [1])...
— «Та чого ты тамъ розстогналася»?
Выйшовъ у сины.
«Ста-рень-кый, ды-высь!...
Оце наша ды-тына прыйшла,
А ты й не ба-чышъ!
Ось иды, лышень, по-ды-вы-ся!
Я й звизду на грудяхъ вглядила»!
Старый пидходе до столу.
Якъ ухопытьця за голову!..
Якъ закрычять обое!..
Сынъ якъ прыскочыть до ихъ!..

---

[1]) Слова старои разсказчикъ выговаривалъ тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Обцилувавъ ихъ!..
Облобызувавъ!
И розбакавъ!
Розибралы ёго.
Найшлы на ёго вбраньня дороге,—
Перебралы.
Засыла багачъ лысты:
По панахъ,
По князяхъ,
По попахъ—
Прыихать на пыръ!
Прыйшовъ гость дорогый,
Сынъ явывся!
Зачалы тры дни пыть и гулять.
Зачалы Йвася сватать.
Найшлы ёму паночку,
Посваталы.
Зачалы свадьбу гулять.
Найшлы стару бабку,—
Такъ внспа морду й зрыла!—
Сами ямкы!
Та проты неи «штряпухы» не було,—
Панськои стравы заготовыты.
Зачалы поратьця:
Та борошно сіе,
Та дижу мисыть!—
Вона тилькы порядокъ дае.
Досталось главній «штряпуси»
Побигты воды прынесты.
Повенъ двиръ!
Музыка грае!
Стала вона за дворомъ воду брать,
Гляне въ колодязь на тинь,—
Ажъ нема кращои й у сьвити людыны,
Якъ та тинь у колодязи!
То була тинь Ивасевои жинкы.
Вона сыдила въ молочаци, сыдила.—
Пишла подывытьця на весильля.
Дійшла до двору;
Ничого невыдко за стиною!
Такъ вона взяла,

Тай злизла на вербу,
Шо надъ колодяземъ росла,
Тай дывытьця зъ тои вербы въ двиръ.
«Штряпуха» углядившы гарну тинь въ колодязи,
Подумала, що то іи.
Набрала воды въ видра;
Якъ прыбижыть передъ музыкы,
Якъ хряпне видра объ землю!
Якъ пиде танцюваты!
«Отъ, чорты ёго батька зна,
Яка я красавыця,—
Тилькы-бъ мене за молодого замижъ и браты»!
Повыбигалы паны—
Регочуть!
«Што ты, бабусю, робышъ?!
Образумся!
Иды въ свое дило!
Годи вже тоби дурить».
Насылу отакувалы бабу!
Пишла въ свое дило.
Молоди сыдять,
Княжіють за столомъ.
А Ивасева жинка звыла два голубы на верби,
Тай послала въ хату.
Улетилы въ хату голубы,
Тай литають поверхъ головъ;
То на шахви,
То на груби сядуть,
Та все буркотять:
«Казавъ не забуду,
Тай забувъ!
Казавъ не забуду
Тай забувъ [1])!
А Ивась сыдивъ-сыдивъ,
Тай задумавсь.
«Що це я роблю?!
У мене-жъ жинка не така, якъ це»!
Якъ здумавъ свою жену.—

---

[1]) Эти слова разсказчикъ выговаривалъ глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голуби гудуть.

(Прыйшлось по мысли),
Якъ скочывъ черезъ стилъ!
Та зъ хаты!
Выбигъ за двиръ!
Тамъ уже жинка ёго піймала
Та въ молочаци й отакувала.
Паны й князи зъ двора розбигаютьця!
Батько й маты тужять!
«Розбылось весильля
Й потерялы свое сокровыще»!
А Ивась зъ женою идуть,
За ручкы побравшысь;
Ввійшлы въ двиръ,
А зъ двора въ домъ:
«Здрастуйте, тато и мамо!
Ось де моя жена»!
Батько и маты зрадилы,
Панивъ завертають.
И вишьять початый пыръ продовжають.
Съ того часу сталы жыть пожывать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

Такъ недавно, 16-го апрѣля, провели мы до могилы дорогого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней тяжкой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ припадкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца; но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ природы организмъ снова,—какъ это много разъ бывало,—поборетъ жестокіе приступы болѣзни; наступившая, наконецъ, весна, дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П—ча,—но это оживленіе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей лампады... Послѣ нѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудшеніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апрѣля Михаилъ Петровичъ скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его образъ и живо все то, что онъ сдѣлалъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надъ свѣжей могилой произносить судъ всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполнѣ оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ извѣстны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, *товарищеской* дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знавшихъ М. П—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и впродолженіе всего указаннаго времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснымъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интересовъ, которые одинаково занимали, волновали наши души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбѣжно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало извѣстно имя М. П., какъ своеобразнаго поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназіи. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся на память, было юмористическаго характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и пріобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезныя,

пробы М. П—ча сочинялись на русскомъ языкѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ память и воображеніе тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинскаго періода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны откликнулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ [1]) знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языкѣ;—и этому желанію, этому страстному влеченію поэтическая муза Мих. Петровича осталась вѣрною уже навсегда, до конца его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся періодъ его украинскаго авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпослѣдняго класса, кіевскаго «Образцоваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ» [2]), и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и былъ даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такіе отпуски къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищей брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но радушную квартиру, на тогдашней Жандармской улицѣ [3]), и М. П.

---

[1]) М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотоношскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

[2]) Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

[3]) Теперешняя Маріинско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріѣзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффектная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскошно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаилъ Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченная необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала,—конечно, молча, сидя въ сторонкѣ.—А вамъ нравятся эти стихи?—спросилъ меня М. П. Старицкій.—Да, отвѣтила я,—они такіе необыкновенные.—Оба Михаилы Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона—*по украински*, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня:—«хотите послушать „необыкновенные“ стихи»?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцовомъ пансіонѣ»—и осталась для меня «Соней Лисенко» [1]).

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму—1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было постоянное,—иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ,—того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ,—жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгомано-

[1]) Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепьяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепьяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепьяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутливая «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Кіевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Кіевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористическаго текста (на русскомъ языкѣ), но въ Кіевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго; «опера» была очень остроумна и пріобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волыни) отъ пріѣзжаго изъ Кіева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзефовича.

Фортепьяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ перваго своего сборника «Украинськыхъ писень». На столѣ въ гостинной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепьяно пробовалъ, дополнялъ свою работу. М. П. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепьяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ нравившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣлъ у насъ «Не отходи отъ меня»; нѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романса навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой идейности, меньше украинско-лирической экспансивности; въ семьѣ М. П. С. былъ въ бóльшемъ ходу народный языкъ, бóльше соблюдался, такъ сказать, внѣшній украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жупаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меньше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченнаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заполоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украинщины», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В--чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣлъ большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоялъ, чтобы сборникъ «Украинськыхъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъѣздѣ его заграницу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣннаго изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинскаго земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематическіе сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсенъ.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена—и по поводу ихъ втянулъ въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученье; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семьѣ брата, дополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыя тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ Revue des deux Mondes братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ «Петерб. Вѣдом.». Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи «П. В.» гонораръ! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣрялъ, что вѣдь укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплетѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенныя мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волынь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождество ѣхала «въ гости» изъ волынскаго Звягеля въ Кіевъ и везла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на шоссе подъ Кіевомъ, подъ самыми «Тріумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь ѣхать на лошадяхъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенькія илюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаилъ же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Кіева, купивши имѣніе въ Подоліи, но выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Кіевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами, и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкомъ крупнаго работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными облаять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искренни въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы, какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, брать, *тогда*

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественныя сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говоритъ «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какіе то неологизмы, «скованные» нарочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобреніе... Мнѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно опредѣленное неодобреніе и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературныя новаторства *вредны* для нашей литературы. такъ какъ открываютъ ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбѣженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творчествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лирниковъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстныя общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соотвѣтственно такому взгляду, долженъ былъ отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы поддѣлываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсеннаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавши

значительную дань творчеству пѣсеннаго типа (включительно до сочиненія думъ,—какъ можно думать, лишь выданныхъ за народныя, кобзарскія). Кулишъ, чѣмъ дальше, все больше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать—поэзіи интеллигентной, вводя также и неологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іова́).

Старицкій пошелъ по новому пути гораздо рѣшительнѣе—и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болѣе давнихъ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зиронько,
Та вечирняя?
Охъ, и де ты, дивчыно,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперъ
Ясни оченькы
У садочку пышному
Середъ ноченькы?
Чы кому всмихаются
Пышни вустонькы?
Чы гаптують рученькы
Били рученькы? и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михаилъ Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣряю васъ, что этотъ родъ даже гораздо легче»,—не разъ говорилъ онъ); но Михаилъ Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болѣе широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ переводовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соотвѣтственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ былъ,—сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ,—получить новыя особенности и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлаясь именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,—какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,—явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,—странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень странной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашей* литературы! Совершено забывалось положеніе, что всякій народный языкъ не есть нѣчто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, что вездѣ онъ *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературнаго языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выраженій съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго* русскаго языка, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ украинской отъ народнаго языка украинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народного языка представляли собою слова, вводившіяся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго періода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка народнаго, напр. прилагательныя отъ

употребляемыхъ нашимъ народомъ существительныхъ, произведенныя совершенно по тому же типу, какъ производитъ ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже шелъ споръ,—теперь малопонятный...

Вечеръ.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
На спочывъ сонце порына,
Темніе сыня пелена,
Туманомъ крые оболони
И вечиръ землю обнима;
За нимъ ось лыне ничъ сама
И сіе скризь чудови зори
На неомирянимъ простори...
О пышно-дывна! Лынь хутчій,
Зъ своимъ дыханнямъ пестовлывымъ,
Зъ своимъ утомомъ чаривлывымъ
И тыху лагоду навій
Нужденнымъ душамъ сыротлывымъ,
Та серце стомлене у-край
Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмовъ представляетъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «пестощи», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовлывый», «чаривлывый», съ флексіями, совершенно естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь; а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковальство», «невозможное ковальство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осужденія было достаточно, чтобы стихотвореніе потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведенія, какимъ оно могло быть съ удовольствіемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щыро-народній» стиль, «щыро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо шелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ поръ занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматическій репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которыя можно было перечесть по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Кіевѣ молодежь,—что́ можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Чорноморськії побытъ».... (Пьесы Квитки[1]) не были популярны въ Кіевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаилъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчыной) взята была имъ изъ близкаго ему панскаго круга. Кромѣ того, также еще въ 60-тые годы, Михаилъ Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

---

[1]) Шельменко-деньщикъ, Щыра любовъ.

сенка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большимъ предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старицкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморци». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Стар—го явился текстъ «музыкальной комедіи» «Риздвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Риздвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представленіемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь нашъ украинскій литературно-артистическій кругъ И музыканты, и не музыканты ходили посмотрѣть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Риздвяной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представленію «Риздвяной ночи» явилось много пріѣзжихъ приверженцевъ изъ «провинціи»; пріѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насъ красотою мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацюкомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идейнаго патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» [1]). Мнѣ

---

[1]) Названіе это вполнѣ соотвѣтствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдѣльными номерами; въ остальномъ это была бытовая піеса.

приходилось видѣть потомъ «Риздвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной трупой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что́ дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Риздвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музыкальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какою, дѣйствительно, была Ольга Алэксандовна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана плѣняла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соотвѣтственно роли, то граціозно-кокетливой, то нѣжно-грустной манерой. *Такой* Оксаны я больше не видала!.. Вакула, А. А. Русовъ, пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были безподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенныя лица, «найкращый парубокъ» Грыцько (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣрности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесѣ-*комедіи* (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесъ оперными труппами!)..

Я не была на репетиціяхъ «Риздвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Риздвяной ночи» было обязано ревностному режисёрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Риздвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдъ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыя представленія «Ризд. ночи», заставлявшія залу опернаго театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія упованія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ былъ явиться «Сорочынськый ярмарокъ»; но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издалъ въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаетъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Между тѣмъ, приближалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ возстаніемъ, возбудившимъ симпатію и посильную поддержку кіевскихъ украинцевъ. Отчасти подъ вліяніемъ этого движенія, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербськихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на корысть братівъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсенъ были сдѣланы М. П—чемъ давно—еще въ 60-тыхъ годахъ; мнѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе извѣстнаго «славянскаго братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организаціи, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ; участіе ихъ въ кіевскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, но идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаютъ Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавшій дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д—ву уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоющими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательнаго просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,—были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ былъ увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;—поэтому Михаилъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьёзныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомысліемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріёмовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое пріобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ нарѣчіи лѣвобережномъ, такъ какъ и Михаилъ Павловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко сжились также и съ нарѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольщинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Кордешивкѣ), а я—на Волыни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережьи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторыя мелкія діалектическія отличія, старыя формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже правились

намъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михаила Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михаилу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михаилъ Петровичъ охотно принималъ такіе «волынизмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорятъ и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литературнаго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,— у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ относительно формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербськыхъ думъ» въ переводѣ Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щырому другови и товарышови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербськыхъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадается въ симъ слови
Зъ-давенъ прыхыльный вамъ піитъ,
Не зрадывъ винъ святій любови
И порываннямъ давнихъ литъ.
Колысь байдужымы перстамы
Перегортаючы лысткы,
Вы спогадаете и самы
Свои колышніи гадкы,
Давно промучени хвылыны
Рожевыхъ образивъ и мрій....
Такъ часомъ писни гукъ едыный
Зрывае згадокъ цилый рій!..,

«Сербськи думы» были, по моему мнѣнію, замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изданіе это давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчына Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчына Косовка,
Раннимъ ранкомъ у святу недилю,
У недилю до схидъ сонця встала;
Засукала рукава биленьки,
Засукала ажъ до билыхъ локтивъ;
Билый хлибъ несе вона на плечахъ,
А въ рукахъ дви золоти коновкы:
У однiй—холодная водыця,
У другiй—выно червоне, добре.
Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
Боёвыщемъ молоденька бродыть,
Боёвыщемъ пречесно́го князя,
Розглядае по крови юна́кивъ;
Де надыба юнака жывого,
Умыва холодною водою,
Напува ёго выномъ червонымъ,
Нагодуе по́тимъ хлибомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное. .).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербськыхъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Звягель. Пріѣздъ такого гостя былъ большою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края[1]), была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести её по украински. Михаилъ Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ нѣсколько дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,—являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участь: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійской прокураторіей, воздвигшей гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакціи, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, подвернувшійся подъ руку переводъ Чиншевиковъ! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти....

Талантливый авторъ «Чиншевиковъ», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдѣльно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевиковъ» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыя частью были напечатаны въ Галиціи, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

---

[1]) Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ мѣстную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнёго зшытку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевиль «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что́, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «ненужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библіографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святи небесни сылы!
Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
Чи пахучи повивання зъ неба
Ты несешъ, чи бури чадни зъ пекла,
Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
Твоя постать такъ прывабно-дывна,
Що зъ тобою говорыты мушу.—
Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
И королю найяснишый данськый!
Озовыся до мене́, благаю!
О, не дай въ слипо́ти погыбаты! и т. д.

Казало́сь бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета [1]), который читается по рус-

---

[1]) „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовець печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?
Ось въ чимъ ричъ. Бо щó йе благороднишъ,—
Чи прыйматы и каминня й стрилы
Одъ лыхои-нависнои доли,
Чи повстаты на те море тугы
Й тымъ повстаннямъ покинчыть все разомъ?
Вмерты—сномъ заснуты й бильшъ ничого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже оттѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витіеватыхъ, сообразно подлиннику, оттѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полнаго признанія. Вмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя» [1]) и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

---

[1]) Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучше «оставить въ покоѣ», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадливый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, при чемъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которыя *для критиковъ* были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и установилось, что насъ бранили вмѣстѣ: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальствѣ» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же бранили Пчилку, то ужъ непремѣнно приводилось имя наибольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики--окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова оживала вѣра въ дѣло украинской литературы, оживала неубиваемая любовь къ ней...

Да, одинаковость направленія и одинаковость нашей злой участи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимою 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Кіевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе переѣхали на зиму изъ Подольщины въ Кіевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско*-украинскимъ словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большого» словаря, *украинско*-русскаго, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, нѣсколькихъ десятилѣтій. Словарь же русско-малорусскій, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости изданія отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣсномъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществленіе М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и насъ всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ матеріаломъ, при помощи котораго долженъ былъ возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ насъ, главныхъ участниковъ—Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще нѣкоторыя лица (Лукьяновъ, Сукачевъ,—не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарювать» (какъ мы шутя говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у насъ бывали и ожесточенные споры, точно въ иной академической коммиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г, мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ *журналъ* «Раду», но получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же *альманаха* были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаилъ Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинающихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ нѣкоторыми пеизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадёжныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвило мое серце сынимъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, пожалуй, не особенно искусныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жыва душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаилъ Петровичъ, давая имъ нѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими номерами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія» Мирного и драма Старицкаго «Не судылось» [1]).

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Панське болото» и которой планъ и отдѣльныя сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь онъ непремѣнно хотѣлъ совсѣмъ отдѣлать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осенью 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» этотъ много лѣтъ лелѣянный трудъ, Михаилъ Петровичъ читалъ её отдѣльно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Конисскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ намъ очень нравилась.

Въ это время пріѣхала въ Кіевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкаренка, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удальця Гаркушу, и Стецька, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Конисскій, знавшій Кропивницкаго еще раньше, когда онъ изъ посредственнаго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали пріѣхавшую труппу Ашкаренка. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатіи публики. Спектакли посѣщались очень усердно. Михаилъ Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще свелъ съ нимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившіе вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепріимство.

Видаясь постоянно съ артистами, Михаилъ Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

[1]) Для сцены эта драма впослѣдствіи была разрѣшена подъ заглавіемъ—„Не такъ склалось, якъ жадалось“.

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На лѣто 82-го года артисты уѣхали. Нашá Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ матерьяла, разрѣшеннаго цензурой, было очень много и управиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Кіевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружествено своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привёзъ пьесу подъ названіемъ «Докы сонце зійде, роса очи выисть», что онъ читалъ её нѣкоторымъ, и что пьеса имѣетъ такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. П. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Докы Старыцькый надрукуе, Кропывныцькый поставыть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась *на сценѣ* раньше выхода «Рады» изъ типографіи[1]).

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставитъ... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжавшая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимою 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

[1]) Рада съ драмою „Не судылось“ вышла изъ типографіи въ свѣтъ весною 83 года, а драма Кроп. „Докы сонце“ была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратымами,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, идейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренёромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаніи зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продавши имѣніе въ Подольщинѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одессѣ театръ, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренёровъ Ашкаренка, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій извѣстность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Заньковецкая. Всѣ они составили отдѣльную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще бóльшіе убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большимъ трудомъ замѣщены были амплуа оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычная, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренёровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякія случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невзгодахъ и хлопотахъ, «антрепренёру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было всё таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъ ставилъ ихъ «у себя». Значитъ, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матическою цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиваніе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ нѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не видавшія сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разъ-другой... Разнообразіе всё-же занимало публику нѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: онѣ бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то періоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не игранныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобъ написать оригинальную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, но на самомъ дѣлѣ Михаилъ Петровичъ работалъ надъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композиціи оставалось очень немного,—лишь имя прежняго автора, да общій мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Однако Михаилъ Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцями»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Круты та не перекручуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Потапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была неблагодарною: написавши пьесу на общій мотивъ, напр. на извѣстный пѣсенный мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничъ пидъ Ив. Купала), Михаилъ Петровичъ навлекалъ на себя непріятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общій сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были недовольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререканія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у котораго Михаилъ Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая бо́льшаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакціи,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу [1]) сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбѣжно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкого съ чисто литературной карьеры (имѣвшей свои непріятности, но всё же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, припоравливаясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ отъ Кіева. Съ Михаиломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

[1]) Также разрѣшенную къ представленію и въ передѣлкѣ.

валъ въ Кіевѣ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканный», куда-то спѣшащій, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безпокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаилъ Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антрепризы и поселился снова въ Кіевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ [1]), но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Кіевѣ, который Михаилъ Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ кіевскій!), скоро подѣйствовала на него благопріятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней сутолоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивой къ инымъ антрепренёрамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось всё-же думать о заработкѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большею частью въ московской, а иногда кіевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаилъ Петровичъ придавалъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всё же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Украины. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козаччины, гайдамаччины; дѣйствующими лицами были всё тѣ же герои «козацькыхъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаилъ Петровичъ какъ будто не хо-

[1]) Онъ пріѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣлъ помнить, что пишетъ для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михаилъ Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михаилъ Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было большое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михаилъ Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматическій этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайло Обачный, Самійленко, Славинскій, Стешенко, Тимченко, Леся Украинка и другіе. Устраивались маленькія литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Конисскій, я и нѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они насъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Не смотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, молъ, насъ «пидвернуть пидъ ко[illegible]о», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,—что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, jalousie de métier (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ),—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дямъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михаилъ Петровичъ! Каждому,—старому, или начинающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ былъ всячески придти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михаилъ Петровичъ отнёсся съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онъ восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михаилъ Петровичъ справедливо говорилъ (безъ горечи, напротивъ, съ отраднымъ чувствомъ):—Отжежъ такы, дожылы мы, що есть у насъ наслидныкы,—справа наша не пропала!—Пожалуй, Михаилъ Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терній и «ганьбы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такіе авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный пѣсенный складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: гекзаметръ, сонетъ, rondo, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михаилъ Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія*, *темрява*, *сутинь*, *прывабный*, *знадлывый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то проклятые, «кованые»... Да, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію нѣкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же нельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужисть»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужисть» всё равно что говорить по-русски—«всёниипочемность»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрёковъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «гапебныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтній юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ [1]). Я не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтію литературной дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаическій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же непріятномъ положеніи, очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и пріѣхала въ Кіевъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

[1]) Гостьями были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно разсказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останняя ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевскаго литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера [1]),—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

---

[1]) Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,— Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрѣпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыкы» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью полученія неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Кіевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знавшія близко писательскую деятельность М. П—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. П. Старицкаго «Не судылось» (по сценѣ—«Не такъ склалось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была извѣстна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго [1]).

Дѣло это, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, который нашелъ всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умышленными навѣтами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ рѣшенія Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ замѣтки *отказался* отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыя въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, наброшенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было,

---

[1]) Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна; самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. *Ред.*

пожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ выигрышъ дѣла еще въ одной судебной инстанціи. Замѣчательно, что послѣ мировой—у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думалъ теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоившее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебіенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе—совсѣмъ одолѣвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбѣжное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы перестаъ выступать передъ публикой на вечерахъ литер.-артистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой разсказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе; впрочемъ, могло быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих Петровичъ приносилъ нѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «пошановать» стараго товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдній разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго. Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товарыствомъ», царя Латина) и нѣсколько своихъ прекрасныхъ, идейныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженно.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ»!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ последніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лёжа, карандашемъ, но все-таки писалъ,—при чемъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлыя сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написанъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казаччины: написанъ текстъ либретто для полной *оперы* «Утоплена» и переведена пьеса Роза Берндтъ (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составилась большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріялы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ кіевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣшалась уже отъ міра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное *послѣднимъ* лѣтомъ, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Якъ урочысто тутъ, замовкъ велычный биръ,
Неначе храмъ по молытовнимъ спиви;
Въ вечирню млу понявсь ёго сумный убиръ,
У померкы таемно-полохлыви...

И тыхо, тыхо скризь... Задумани стоять,
Мовъ велетни часивъ баечныхъ, хвои,
У лавы ривно скризь вшыкована ихъ рать,
Готова стать до боротьбы лыхои.—
Такъ, ременту не чуть, кативъ людськыхъ нема,
А лагода ласкаво віе всюды...
Смолыстыхъ пахощивъ кадыло тутъ пройма
Знеможени, натруженіи груды...
И впала смерть— не смерть, безчулый сонъ—не сонъ,
А забуття злетило до истоты;
Але у тыши тій не згукы похоронъ,
Не стогоны безрадпои скорботы,—
А чуется яснишъ велыка таина...
Якыйсь чудовый спивъ у безвисти луна...
Бажается збагнуть, обнять неосяжне́,
Проглянуты въ конечне счастя мыра...
И щось могутнее охоплюе мене,
И на души у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣяніе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненнаго дыханія Михаила Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поѣздку въ Полтаву, на открытіе памятника Котляревскому.

Дочь Михаила Петровича, Людмила, хотя очень желала «повезты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поѣздка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣли и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михаила Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣпили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михаилъ Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными пріятелями и товарищами, пріѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ: онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитріева,—ѣздилъ хлопотать, по поводу извѣстнаго «чтенія привѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самаго помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батька», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило пріѣхать... Михаилъ Петровичъ сіялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ: ѣздилъ, ходилъ по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими,—къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой погостить въ миргородскій уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось нѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима—снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять; «отпустивши» на время, давши прожить «просвитлу годыну», она какъ бы съ тѣмъ большею силою вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича; онъ очень тревожился, огорчался—и разболѣлся въ конецъ. На другомъ праздникѣ нашемъ, юбилеѣ Лысенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать,—онъ лежалъ тяжко боль-

ной; на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представленія «Риздв. ночи», мы заочно пили за здоровье автора ея текста!..

Къ веснѣ стало совсѣмъ худо. Михаилъ Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, безсонныя ночи одолѣвали его. А сознаніе было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ далъ переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грёзами... Ему видятся умершія—мать и др.

Не спытся... Зновъ чорніи думы
Обсилы, мовъ галычъ, мене;
Зновъ постать блида середъ стумы
Сонъ зъ вій моихъ млявыхъ жене...
Та постать немовъ-бы знаёма,
Зрынае изъ мрійнои млы:
Въ облыччи и смутокъ, и втома
Тяжкымы знакамы ляглы...
Я чую поржавлени струны
Щось давне, забуте бренять.
Стари одчыняются труны
И мертвыхъ здіймается рать.
Ихъ образы віются коломъ
Надъ лижкомъ, надъ темнымъ столомъ...
И чуется въ тыши покволомъ
Немовъ похоронный псаломъ:
«Безчасне жытейськее море,
Негодъ воно повне та бурь,
Якъ мыра незважене горе...
Не журь ёго, нене, не журь!
Багато довидавсь винъ мукы,
Напывся докирлывыхъ слизъ...
Пора-жъ и зложыть ёму рукы:
Свій тягаръ уже винъ довизъ...
Поглянь—ёго серце холоне,
Спынытыся може що-мыть...
Прыймы-жъ свого сына на лоно

И будемъ Владыку молыть:
Пробачъ, Хрысте-Боже, рабови
И вильни й невильни выны,
Та зъ ласкы, зъ святои любови,
Прыймы у осели ясни;
Впокій ёго душу у счасти
Нового зъ святымы буття,
Де нѣсть ни страждань, ни напасти,
А есть безконечне жыття!»
Знову тыша, и стума, и мука...
Заснуты—ніякъ не засну...
А серце такъ болисно стука,
Немовъ забываютъ труну...

Скорбнымъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заставилъ себя встать. Когда на самый Велыкдень, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ съ нами, много говорилъ о событіяхъ войны, которыя его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутилъ. Дочь Людмила разливала чай; Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказалъ—«славна дытына!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Прощаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня удѣлить на праздникахъ время и придти прочитать съ нимъ его переводъ пьесы Гауптмана (Роза Берндъ), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

Но читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искусственнымъ продолженіемъ жи-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ женѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отсрочка... Впрыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошло!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Печальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на панихиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и навѣки сомкнувшіяся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлённой улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смертное ложе,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близь церкви. Съ могильнаго мѣста видѣнъ Кіевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавые. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигался катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и друговп», «Одъ украинськыхъ пысателивъ», «отъ Литерат. Общества», «одъ Кіевскои Старины», «одъ студентивъ-украинцивъ», «одъ артистивъ» и т. д. и т. д. нѣсколько десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не поспѣли (изъ заграницы, изъ Черноморіи),—они будутъ положены, когда будетъ вполнѣ устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскрытой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплыя рѣчи.

Мнѣ кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отпѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви,—они исчерпывали все: отецъ Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго:—«Исторія дастъ судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истинный. Онъ любилъ родину, любилъ родное слово, страдалъ за это, но любилъ; этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ ближнихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. П. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью—отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющей рукой, продолжалъ чертить слова всё той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящій моментъ подходящимъ для подробнаго критическаго разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наилучшія сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея: для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины: формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влеченію выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. П—ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣстъ изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣстъ, монологовъ

и пр.,—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностію хотя одно стихотвореніе, блещущее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ героини-патріотки, блещущее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гефая.

Якъ що доля велыть полягты за свій край
Въ несподивану ранню могылу,
Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
Смерть моя дасть одвагу и сылу!
Въ нетремтячій руци поведы мене самъ
На майданъ, до катывъ, до сокыры,
И безъ жалю, безъ слизъ, похылюся я тамъ
Зъ серцемъ повнымъ надіи та виры:
Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
И розправыть натружени груды,
Що на риднiй земли зныкне, щезне ныть тьма,
Сонце правды засяе повсюды:
И на вильныхъ поляхъ, въ ныву власну ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы напасныку мыта.
Васъ, дибровы, гаи, у одежи ряснiй
Не побачу я въ счасну годыну,
Але кревный народъ, въ своiй думци яснiй,
Помьяне и мою домовыну...
Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь,—я самá, зневажывшы страхъ,
Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и героини, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича; изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буши, какъ бы и написанныя соб-

ственно для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и беззавѣтнаго служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ я упоминала вскользь, что и въ передѣлкѣ полу-фантастическаго, полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Риздвничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма, легендарно-комической фигуры характерника Пацюка (по Гоголевскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣжденнаго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность прежнимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности разъ воспринятой высокой идеѣ послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго стихотворенія:

Потайни ученыкы.

„Всякая вина простится, вина-же противъ Духа Свята не простится во вѣки".

Мы тамъ булы... Ёго розпьялы,
А мы дывылыся здали.
Та обережно, знай, мовчалы
И въ глыбыни души ховалы
Свои незважени жалі́.
  До насъ прысикалысь словамы:
  «Повынно, й вы тіи-жъ рукы,—
  Адже-жъ булы ёго друззямы?»
  Мы выдцуралыся клятьбамы,—
  И пивень крыкнувъ здалекі́.
Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ винъ ворогамъ:
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустрытысь давъ надію...
Та чи простывъ-же винъ друззямъ?

Идея народничества,—любви къ родному темному люду.—одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она-же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ народныхъ Старицкій выводитъ въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданскаго служенія той средѣ, которой они принадлежатъ (таковы, наприм., рѣзко очерченый Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношенія къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (Чорноморци), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка [1]) герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ её за другую, моложе и красивѣе ея,—у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милой, изъ-за проснувшагося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводитъ въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судылось" („Не такъ склалось") открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, на ряду съ типами народными,—тоже съ новыми, своеобразными ихъ оттѣнками,—выведены были типы „панскаго гнѣзда", съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями; переплетеніе отношеній всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Таланъ", „Крестъ жизни" написаны уже исключительно изъ жизни интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея,—артистическаго, дѣлового, свѣтскаго и т. д.

[1]) Чорноморськый побытъ.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была рѣшительно выведена изъ стараго, тѣснаго круга этнографическаго, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построенія драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразіемъ сценъ, а также большой живостью діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хорошимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ техникѣ слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературнаго украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было-бы „оправдывать" Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинскіе писатели, говорившіе надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опередилъ свое время и за расширеніе вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда не одобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное названіе—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ. Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человѣкъ сдѣлавшій такъ много—не

умираетъ совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насъ!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай" для вѣчной разлуки, а живое „спасыби" за всё сдѣланное впродолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за всё то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчилка.

Кіевъ, 25 апрѣля 1904 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо митрополита кіевскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Тройцѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Росіи разоренное и запустѣлое епископство Переяславское, нынѣ за благополучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополіи Кіевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чемъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитвеннымъ моимъ дерзахъ стужати челобитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственно я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотнѣ благословительномъ отъ святыя и блаженныя памяти архипастыря нашего великаго господина Киръ Адріана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха; при многоиждивительномъ богоугодномъ попеченіи и ктиторствѣ вашего царского пресвѣтлого величества, войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставленъ есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инъ кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыклый мнѣ

помоществовати, якȯ же и могій обновленіе того переяславскаго престола тщаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игуменъ монастыря Святомихайловскаго Золотоверховаго Кіевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зимнимъ шествовати къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за толикое благодѣяніе и моленія ради о утверженіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополіи Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царского пресвѣтлаго величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйшій монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлаго величества указъ; новопоставленному сему епископу переяславскому Захарію, якожъ и отъ Черниговскія епархіи новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житіи святыхъ книгъ церкви святой благопотребныхъ, еще недоконченыхъ, пріѣзжати ко Москвѣ ради избранія въ Сибирскія митрополиты. Сицевому многочестному вашего царского величества монаршескому указу, всесмиренно повинуяся, отпущано ко престолу благодати вашего царского пресвѣтлаго величества съ препокорственнѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленнаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріяти монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помощь; а въ помощь двойственную и ко обновленію того Переяславского епископства по многостолѣтномъ запустеніи и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будетъ вспять по милосердномъ вашего царского пресвѣтлаго величества призрѣнію для той двогубой зѣло нужной потребы и обновленія ради епископства и обветшалой ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челомъ бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житіи святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитріи, яко и того здѣ возвращеніе на доканчаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благопотребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царского пресвѣтлаго величества стопы препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыя Софіи Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царского пресвѣтлаго величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богомолецъ нижайшій рабъ и подножіе недостойный митрополитъ кіевскій Варлаамъ старецъ“ [1]).

Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговкѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнный бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ мѣсто, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознало пользу оспопрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи оспопрививанія — объясненіе пользы его съ церковной каѳедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи оспы Комитетъ слушалъ присланные въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожъ Маія къ господину губернатору послѣдовавшее, въ которомъ между протчимъ предположено: 1-е, поелику поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ неизлишне и вновъ повторить, вменя въ особую обязанность пастирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ вираженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія впе-

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повытья, кн. 39, лл. 83 - 84.

ряли бы имъ мисль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значить отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ человѣкоубійствомъ.—Къ вящему же достиженію въ оиомъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезъполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особлово по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковъ для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ привыванія коровьей осны, обявлялъ имена виздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, со свойственнымъ пастирю духовному увѣщаниемъ, и отѣхъ кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли понебреженію своему семеннаго человѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильнаго щета, попечение, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятия коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею оспенною матернею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставление отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научится основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предоставя благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о успѣхѣ всеобщаго привыванія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернские Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу,...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила **П. Я. Литвинова.**

—— ——

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкоему бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описаніе всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описаній, Соймоновъ обратился за содѣйствіемъ къ генералъ-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Миславскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященный Господинъ-Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архипастыръ! Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описаніе каждаго намѣстничества порознь, всемилостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, изтребовать оное отъ генералъ-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщилъ съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ полученіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя увѣдомленіе о прочихъ на предыдущее время. Я потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, ученіемъ или упражненіемъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе пріобрѣтшихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городовымъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ паствѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копію плана сего топографическаго описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланнаго при семъ сообщаю [1]). Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишеньки [2]).

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому доброму начинанію, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ его *отвѣтъ Румянцеву:* «Высокосіятельнѣйшій графъ, генералъ-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографическаго описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторіи указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшествовали.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочитаніемъ, искреннѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмъ вашего сіятельства"... [3])

1784 года, апрѣля 15 дня. Кіевъ.

В. Д—скій.

О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генералъ А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашеніи чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинскаго правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначея мѣста бухгалтера и столоначальниковъ, проситъ содѣйствія моего на счетъ приглашенія ихъ изъ россійскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, всѣ они были или совершенно неспособные къ

---

[1]) Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти

[2]) Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.

[3]) ibid (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сіе обстоятельство вынуждаетъ меня безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное мнѣ одолженіе приказать склонить къ отъѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныхъ палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, но при похвальномъ поведеніи обѣщающихъ хорошіе успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за треть годовое жалованье. Сіе послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а со временемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считаю присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будутъ они также имѣть никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ россійскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а асигнаціями, которыя въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякій чиновникъ, служащій здѣсь, имѣетъ по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно правила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семъ живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявитъ желаніе ѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значитъ выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и объ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репнинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человѣка, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ всѣмъ увольненнымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъ ѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, единовременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чемъ и послѣдовалъ указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Угличскаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаетъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаянія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепріимствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзненномъ одрѣ, умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣетъ маленькіе долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Ѳеодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почиваютъ. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе безпомощной женщины, я не стану уже утруждать просьбами за ея, увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдетъ наилучшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помѣта: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.) [1]. Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Кіево-Печерскія Лавры Священно-Архимандриту Академическаго Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Кіевской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленнаго въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утвержденіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчіи учителя не имѣется; ибо по утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года іюня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчіе до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторики учителю Никитѣ Соко-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6-13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географическій и историческій, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить оный обременительно; равно и ариѳметическій классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учители ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя притомъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣетъ надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чемъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотнаго пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пишнячевскому и Даніилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакинѳу. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и россійской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Иванишеву. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пишнячевскому. 7) Высшаго грамматическаго класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и перваго географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Хранканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовальнаго искусства—Тимоѳею Максимовскому. 13) Польскаго языка и третьяго класса географіи и высшаго ариѳметики—Игнату Главацкому. 14) Нижняго французскаго и четвертаго географическаго—Даніилу Домантову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, которое время прежде было назначено ради Академическаго собранія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходящіе учительскія должности, а паче по ординарнымъ классамъ, непремѣнно должны изучиться и священной богословіи, о чемъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ университетъ студентовъ для ученія Даніилъ Домонтовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домонтову и вступить въ классъ Богословія, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьѣ учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Ѳеофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Ириней. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семъ докладѣ резолюція митрополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть посему. Причемъ утверждаетъ здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и опредѣленное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждаго дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторіею и математическихъ классахъ чему именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учинено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждаго дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариѳметикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчію, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—нотному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе жъ часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторіею классахъ чему именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ, или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе россійскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ пространномъ землеописаніи россійскаго государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ россійская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаніями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи, вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логариѳмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгиометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смѣшенной математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и идростатику.

. Второго года аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, идрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ сосѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариѳметикѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматическаго класса ученикамъ продолжать польскій языкъ, ариѳметику, географію и исторію.

Высшаго грамматическаго класса ученикамъ продолжать ариѳметику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзіи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философіи обучаться смѣшенной математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенную математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословія; симъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономіи.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковнослужительскую должность.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесятъ рублей, префекту и философіи учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и россійской риторики двѣсти руб., латинской и россійской поэзіи сто восемьдесятъ рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесятъ руб., средняго класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ. Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а впредь будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса —100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р., еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшенной математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р., нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., средняго класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., втораго класса—30 р., перваго класса —30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Академіи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Ѳеофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священной богословіи учитель Ириней Фальковскій. Академіи префектъ философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Академіи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кіевскому митрополиту Гавріилу (Банулеско) о разрѣшеніи преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго пріобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классѣ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французскаго языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первоначальныхъ правилъ врачебной науки" и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорнаго французскаго языка предназначался природный французъ Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки"—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандритъ Θеоѳилактъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандритъ и богословія учительИриней; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѳъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. **Петръ Орловскій.**

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистическаго Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзовенко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяцъ поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похороны М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Кіевѣ извѣстный украинскій писатель Михаилъ Петровичъ Старицкій, памяти котораго мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ журнала особую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олены Пчилкы. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ газетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы покойнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патріота и щираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ бижайшую церковь, а затѣмъ, послѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почитателей покойнаго, такъ-что по улицѣ былъ очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за спеціальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ спеціальнаго церковнаго хора, пѣлъ еще хоръ земляковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое надгробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно отмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шелъ своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточой степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самаго кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благородныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхожденіе, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая *слово* органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь. -Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Степенкомъ. „Дорогый батьку, незабутный вчытелю!—такъ началъ ораторъ. Въ останній разъ прыйшлы мы до тебе зложыты поклинъ; въ останній разъ прыйшлы мы сказаты тоби прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортае насъ пры думци, що за хвылыну въ отсій темній и холодній домовыни навикы заховани будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и порывання. Та не мы одни плачемо теперъ за тобою,—плаче вся наша матиръ Украина и луна іи тяжкый стогинъ по степахъ нашои краины, по вильныхъ Карпатахъ Галычыны, и шумлывыхъ гаяхъ зеленои Буковыны. Плаче наша матиръ, бо згубыла свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовъ до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратыть и хвылыны, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тратывъ марно часу, доказомъ чого служыть вся его литературна діяльнисть. За тую працю ему прынесла вже свою подяку Украина и своимы творамы винъ зложывъ уже соби нерукотворный памьятныкъ“. —Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который былъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогый брате и друже Мыхайле! Важко мени стояты надъ твоею домовыною и бачыты, що мы заразъ навикы розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслугы твои невмырущи. Те дило, якому ты честно служывъ, росте, и ты не мало втишывся-бъ, колы-бъ побачывъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодь, що виддала шану твоимъ думкамъ и твоій праци и що понесе и въ жыття виру въ те дило, якому служывъ и виддавъ сылы й ты, брате Мыхайле“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихствореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; послышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

насъ милый, симпатичный обликъ покойнаго, почтеннаго работника на нивѣ родной намъ литературы, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической коммиссіи, посвященное украинской музыкѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи и этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и географіи, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь коммиссіи Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздкой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсенъ. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, ей приходилось слышать довольно пессимистическія мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: онѣ, будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ селъ Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсенъ въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творчествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсенъ по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставитъ въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ національнымъ складомъ и характеромъ малорусскаго и великорусскаго народа. Находя вполнѣ вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсенъ, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло нѣкоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвцы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу немного вверхъ. Съ особенной симпатіей отзывается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, объ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ пѣсенъ изъ записи г-жи Линевой, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Янчукомъ; пѣлъ женскій хоръ подъ управленіемъ г-жи Линевой. Кромѣ того Н. Г. Филянскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпаниментомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился обѣщавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпаниментомъ бандуры и кромѣ того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянскаго Охматовскаго хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управленіемъ П. Д. Демуцкаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, прогостилъ 4 дня, помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народнаго дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Кіевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ онъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концертѣ публики было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Порфирій Даниловичъ Демуцкій, помѣщикъ

Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовалъ въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человѣкъ, состоящій изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содержанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. П. Д. Демуцкій смотритъ на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идейной точки зрѣнія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытѣсняемыя солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викъ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Викъ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тисвои бабы» Ол. Кониськаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицькый т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викъ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викъ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викъ» широко разовьетъ свою дѣятельность и дастъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ ощущается у насъ насущная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшія книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говоритъ въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоитъ домъ, нѣкогда принадлежавшій «батькови украинськои литератури», т. е. тамъ, гдѣ проектировался «Ивановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управленіе командировало для изслѣдованія его своихъ спеціалистовъ—инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рисковано. Съ окончательнымъ выводомъ они предпочли воздержаться до болѣе тщательнаго изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія котораго остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревскаго, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревскаго на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительнаго матеріала.

Къ съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченныя къ приглашенію участвовать въ съѣздѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее оффиціальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съѣзду, Отдѣленіе проситъ Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовскій*. Предсѣдатель Организаціонной Коммиссіи *А. Пыпинъ*.

Предполагаемый съѣздъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ большаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предположено созвать въ Харьковѣ съѣздъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университетѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій поступаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, устроители выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщалъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіеся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣетъ громадное значеніе для удачнаго выполненія выставочной коммиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музеевъ историко-филологическаго факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщеніе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствіе большихъ расходовъ казны на военныя нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означеннаго зданія до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собраніе „Наукового Товарыства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собраніе (загальни сборы) „Наукового Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собраніе представляло особенный интересъ, въ виду обсужденія проектовъ измѣненія существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Днистрянскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненія существующаго устава, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданія особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванія ходомъ научныхъ работъ „Товарыства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцій и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ и въ распредѣленіи фондовъ «Товарыства», предназначаемыхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдываетъ «выдилъ», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающіе на полѣ науки, а потому, по мнѣнію проекта, не могущіе какъ слѣдуетъ дѣлать распредѣленія фондовъ на научныя предпріятія Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдилъ» долженъ находиться въ зависимости, будетъ вполнѣ отвѣчать этимъ условіямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненій старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкія дополненія. Единственно крупнымъ измѣненіемъ въ этомъ проектѣ является предложеніе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Наукового Товарыства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта, въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ извѣстно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гелмеръ и К°». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Дилп“, зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przegląd» отзывается о немъ такъ: «зданіе выдержано въ строгомъ бароковомъ стилѣ и стоитъ на возвышеніи нѣсколькихъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производитъ впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ“. Мы сообщили уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на пріобрѣтенномъ подъ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдъ за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбиралъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимаціи на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее оффиціальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрѣнія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства защищалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимація и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной", а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

Библіографія.

М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. *Одесса, 1903, ст. 140+4 ненум.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старины» [1]) мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили посильныя замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ поръ въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много новаго матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналѣ—«Записках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Библіогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Ивана Франка, содержащая много указаній на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашей публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводѣ рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собиранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ библіографіи произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведенія Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подъ

[1]) Февраль, текущаго года.

даннымъ № будетъ стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны данныя произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько пьесъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурируютъ подъ однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нераціонально составлены въ томъ самомъ отдѣлѣ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (опять 2 отдѣльныя изданія подъ однимъ №!), 44, 45 (два изданія подъ однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подъ № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ далъ намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нераціонально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая спеціально отдѣлъ за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторыя дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ матеріалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ библіографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгъ описалъ, имѣя ихъ въ рукахъ,—и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которыя являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ библіографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось работать надъ своей библіографіей среди такихъ неблагопріятныхъ условій, но фактъ фактомъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьи польскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. Ш, 38 содержитъ двѣ ошибки: Ijsusowa вм. Isusowa i Schewchenka вм. Szewczenka; кромѣ того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwahamy M. Drahomanowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ż» вм. Żenewa. Отд. IV, 16 «Sioło» названо неправильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. Studium przez L. Sowiński—вм. Sowińskiego; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 Z małorusskiego spolzyl вм. spolszczył; № 54,—z małorusskiego... Naemnica; № 55 не сообщено, чтó и гдѣ переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій; № 55—не говорится, чтó и въ какихъ №№ Gazety Naddniestrzańskiej перевелъ Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробицкая» вм. «Дрогобычская». Еще больше ошибокъ въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech źivota и Kvetach за 1866 г. нѣсколько піесъ Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно Ohlasech? Да и эти Ohlasy żivota—не одно и то же, что Kvèty. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61 - Śevcenky вм. Sevčenky. přeležil вм. přeložil; № 62, 64 chaljuna (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 Schaftshenko вм. Schafftschenko; № 77 Shewczenko вм. Schewtschenko; № 78 Leipziger Theater und intelligene blalt вм. Theater—und Intelligenz—Blatt; № 82 Gustav Karpelesa вм. Karpeles, Geschihte вм. Geschichte; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлаютъ желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ специальнымъ замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣлъ III (отд. I—предисловіе, а II—біографія Ш—ка, также нумерація несоотвѣтствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохальнаго перваго изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говоритъ такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VIII, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,—свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщаю здѣсь точное описаніе этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko, а далѣе русскій: Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографіи Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говоритъ г. Комаровъ, а 43, но далѣе идутъ еще 2 ненумерованныхъ, гдѣ помѣщены два стихотворенія Пушкина. и послѣдняя, гдѣ обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34: а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розрыта могыла», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавіемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Украйнѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергѣевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка—не описанъ ни форматъ, ни число страницъ: № 20. Не дается ни описанія, ни обстоятельнаго заглавія литографированнаго факсимиле посланія Шевченка къ Шафарику; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусъ», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описаніе подъ № 34, первая часть маленькаго женевскаго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади". Видали Кузьма і „Сірко". На второй страницѣ посвященіе. Нашим земльакам на Украјіні на роковини Шевченка 26 льутого 1878 року Кузьма і Сірко". На стр. III—V напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VIII—XXI популярная библіографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С— о. Льутого 26, 1878 року". Подъ этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовкъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Мені однаково" (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон" (25—58), „Як би то ти Богдане пяний" (59), „Могила Богданова" (60—62), „Бували войни" (63—64), „І виріс я на чужині" (65—68), „Чигирин" (68—73), „Кавказ" (74—84), „Ляхам" (85—87), „Якось то йду я у ночі" (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихо!" (89), „Світе ясний" (90), „У Вильні городі преславнім" (91—95), „Гимн черничий" (97—98), „Зацвіла в долині" (98—100), „Ликері" (101—102), „Як би ви знали паничі" (103—107), „До мертвих і живих і т. д." (108—124), „Заповіт" (125—126). Добавлена еще страница (I II) „Заголовки". Подъ № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровымъ упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря": не указано, что онъ былъ изданъ въ такомъ же точно миніатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подъ руками.

Добавлю еще описаніе изданія „Маріі", у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе изданія слѣдующее: Marija maty Isusowa, wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa 1882. На стр. 3—7 находится предисловіе Wid Wydawcia съ подписью M. Drahomanow. Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу доданы языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ Uwahy тоже подписанныя M. Drahomanow съ датой: Pysano w misti Żenewi w wilnij storoni Szwajcaryji. Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женевскаго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. Siolo (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельныя данныя имѣются въ библіографіи Левицкаго, и оттуда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антольогії (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковщины"; не указанъ ни годъ, ни мѣсяцъ изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены псалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицький, № 3159). Подъ № 41 некстати собраны во-едино „Батьківщина" 1889 г. и „Бібліотека для молодежи" 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна", которая напечатана была сначала въ журналѣ „Маякъ" подъ заглавіемъ „Безталанный", а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Тризна"; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ".

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Т—овъ" „Кіевс. Стар." 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залѣскому" въ „Кіев. Старинѣ" *нѣтъ.* Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину", значитъ ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библіографич. указателѣ, то опять при aditio princeps отмѣчаетъ: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравн. № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі". Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю" за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣсскому подъ загл. „До біографіи Шевченка" (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія", напечатанный въ „Правді" 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариші" (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правді" 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорскаго, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ безполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ", 1861 г.". Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ" и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣетъ цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря" Т. Ш.). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзію Славянъ" Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевелъ изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ" 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г." (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 періодическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библіографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходитъ къ этому отдѣлу

№ 20 „Въ ночь на Рождество". Передѣлка и переводъ съ малороссійскаго („Назаръ Стодоля" Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Галя и Назаръ" или „Добромъ за зло". Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля"), такъ какъ это не переводъ Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка".

Библіографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминалъ. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie světova, сдѣлана ошибка въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятеленъ № 63. Не лучше обстоитъ съ библіографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ" 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ" – какихъ? № 73 совсѣмъ загадоченъ: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ", гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библіографіи Шевченка—не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сачинения на Любена Каравеловъ томъ първый. Стихотворения. Подъ редакцията на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои" (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Защо ми са черни вѣжди" (стр. 16) и „Родила е мене мама" (стр. 21), 1871 г. „Иванъ Хусъ" (стр 22), „Тече вода въ синйо море" (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; вслѣдствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на дѣлѣ нѣтъ. О переводѣ „Катерыны" въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгомановъ, „Листочки до вінка на могилу Шевченка". Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи— „Die Dioskuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtenvereins". Хорошій переводъ „Кавказа" на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводитъ г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Кавергу.

Почему отд. IX носитъ заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій“—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawdą i pracą (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ библіографіи Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. XII „Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка“. Почему лишь драматическія? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ“, кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдѣльную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно необстоятельны № 106 (Голосъ № 42—а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63). 143—Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи E. Durand; необстоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громаді“ имѣетъ заглавіе „Шевченко, украјінофіли і соціјалізм“ и помѣщена въ „Громаді“ т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Сьвіті“ (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи“—изъ пяти различныхъ изданій въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка“ о статьяхъ въ 7 различныхъ изданіяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Бѣлозерскаго, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ“ особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но ничуть не научная библіографія.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣлъ, хотя наиболѣе богатый, имѣетъ и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не велика:

Шевченко имѣетъ уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣютъ доступъ въ обширныя библіотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная библіографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дітий, ціна 20 кр. Накладом Руського тов. педагогічного. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16° стор. 64". За заглавной страницей помѣщенъ портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней ненумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вишневый коло хаты" перепечаталъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію Mogiła Tarasowa (B. Zaleski, Pisma tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (loc. cit.), что „od Bronisława i od śp. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drükowanych". Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skonem przysłał mi także miły upominek po Szewczence: originalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic olówkiem godów kozackich". Къ отд. VIII добавить переводъ „Маріи" на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poëme de Chevtchenko, traduction russe". Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады", 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣетъ на 3-хъ стриницахъ обложки „Отъ издателя", зат. на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марія", на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавить портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журналѣ для дѣтей Dzwonek 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщенъ польскій переводъ „Катерыны"—польскаго поэта П. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавить статью „Z Ukrainy", напечатанную въ „Wiadomościach Polskich" въ Парижѣ, гдѣ приведенъ извѣстный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія І. Совиньскаго и перевода „Гайдамакивъ“. Со статьей „Dzienn. Liter“ связана полемика Будеволи 1862 г. (у Ком, № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Ruch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брюссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдѣльной брюшюрой статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Спѣвацка добранôчь на скôнъ Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъ полномъ изданіи его сочиненій (Львів, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, гдѣ упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинскій народъ. Что-то объ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюркѣ „М. В. Р. Сонное видѣнье або разговоръ духôвъ о польскôй и русскôй справѣ, оповѣдь въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, гдѣ въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдещо про оукраинського спѣвака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Кониссказо на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надо добавить статейку „О поезіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Перемышлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важный трудъ: Bronisław Zaleski, Wygnańcy polścy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu, rok 1866, стр. 75—107), гдѣ упомянутъ и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебендї», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великих», а заглавіе подъ № 89—«Пяті роковини Т. Шевченка у Відни». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, а Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

i Bronisław Zaleski" дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Przeglądu powszechnego" въ Краковѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собиралъ матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библіографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ обьемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полнаго собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Літерат.-Науковом Вістнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кіев. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—ръ), въ «Журналѣ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Лотоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. Д.

Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ, 1 кныга. *Стор. IV+123. Кременчукъ, 1903. Цина 40 коп.*

А. З.—Молоди порывання. *Стор. 32. Кыивъ. 1904.*

Ѳедь Подолякъ.—Осинни квиткы. *Стор. 32. Одесса, 1903. Цина 20 коп.*

Великій грѣхъ лежитъ на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событіе въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулиды... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирныка творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилѣтіе своей литературной дѣятельности, и что это послѣднее обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своихъ произведеній. Эти и другія не менѣе интересныя свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно геніальнаго человѣка сообщаетъ въ предисловіи «до *першого* выдання Збирныка творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяцъ 1891 г., послужившій начальнымъ пунктомъ литературной дѣятельности г. Кулиды, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальную забывчивость по отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнитъ и даже преисполненъ сознаніемъ нѣкотораго долга. «Вже пора,—говоритъ онъ въ предисловіи,—пидвесты пидсумокъ и *прыставыты (sic) громади рахунокъ* въ моій десятолитній литературній діяльности, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ *первому* изданію своихъ произведеній, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлятъ послѣдовать и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилѣтней литературной дѣятельности, какъ узнаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кіевской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказаты»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназваннаго авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдующей книжки г. Кулиды. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и отплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напутствуя свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говоритъ:

Та васъ стрилы *зліи люды,*
Сталы доприкаты,
Що вы, нибы, не пысьменни,
Сталы намовляты,
Що вы нибы-то безглузди,
Боси и не вмыти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

И тимъ *заздрисныкамъ гыдкымъ*
Соромно всимъ стане,
Що *дурне ихъ доприкання*,
Якъ бурьянъ, завьяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкивъ гыдкыхъ», дѣйствительно ни мало не повредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядюче (sic) на «надрукованy крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои кныжкы въ 1-мъ выданни довго не лежалы: «Вирши» булы роспродани за годъ, а «Козаче слово»—за тры мисяця» (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣетъ основаніе не обращать равно никакого вниманія... Съ сожалѣніемъ отмѣтимъ еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полнаго «счета» предъявленнаго читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить -«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,—що воны не до ладу напысани,—не до ладу напысаныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тилькы не находыться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що воны мени не понаравылысь» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онѣ не «понаравылысь» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ», удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обозрѣнію счета, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравывся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большею частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонные пріемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это бѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрить и отпраздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литера-

турной дѣятельности; не повѣритъ, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупитъ лежащій предъ нами «Збирныкъ творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнутъ, то и тогда мы бы ему не позавидовали....

Если г. Кулида имѣетъ позади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порывань», скромно укрывшійся подъ иниціалами А. З.,—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніальнаго пошиба. Когда по истеченіи перваго десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявитъ обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытіе, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову человѣчество. Г-нъ А. З. блистательно разрѣшилъ вопросъ о perpetuum mobile и, какъ всѣ геніальныя открытія, рѣшеніе это въ высшей степени просто: perpetuum mobile есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу! .. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитать стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порывань». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытіемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить правилъ версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ риомами онъ не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадригалами. Доминирующій мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражающаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣетъ лишь «не любыть, а давыть» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытіе perpetuum mobile указанные маленькіе недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будетъ удостоенъ, какъ выражался Щедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему навѣрное не заростетъ народная тропа....

Г. Өедь Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе - въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытіе, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоотвѣтствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вража баба—
Якъ вона фиглюе:
Чуе де чаркамы дзвонять.

А дзвонивъ не чуе!?
До церкви йде,—„най Богъ прыйме",—
Тильки на Велыкдень,
А до корпимы—и частенько:
Скилькы разъ на тыждень.
До церквы йде—шкандыбае,
А до корчмы просто.
Ото бъ взяты гарапныка
Та всыпаты зб-сто!

Больше о г-нѣ Ѳедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насъ зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образованіе, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложенія, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун, 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв., 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, H. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 u 1904, t. 37; 15) Mittheilnugen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, H. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, H. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, H. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, H. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Коліївщини. Подъ этимъ заглавіемъ опубликованы: вводная статья проф. М. Грушевського и записка кс. Кор-

нелія Срочинськаго «Ocrucieństwo w Umaniu na Ukraine». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базиліанскаго архива въ Кристинополѣ; она даетъ нѣкоторыя интересныя данныя для исторіи разгрома Умани Гонтой.

І. Франко. „Король балагулів". Антін Шашкевич і його українські вірші. Указавъ условія и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную біографію послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время разсматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественнаго быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чемъ особенно интересна характеристика «балагульства», приведшаго, какъ извѣстно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Перемиськой епархіи) на отобраніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *Н. Е. Бранденбургъ.* Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *А. А. Спицынъ.* Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т.т. VIII—XI); 4) *А. А. Спицынъ.* Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *М. Г. Халанскій.* Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзд., т. I); 8) *M. Sadawa.* Obszar dawnego powiatu Kamionieckiego (Wisła, 1902); 9) *М. Ясинскій.* Счисленіе суточнаго времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологическій сборникъ документовъ, отно-

сящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій.* Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ.* Первый періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. Д. Ак., 1902 г.. XII); 13) *Г. Мандельштамъ.* О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *А. Н. Пыпинъ.* Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ.* Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) Swiatłomir. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская.* Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. В. I. М. 1899; 19) *В. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, H II, № 14 u H. III, № 15.

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и коммиссій въ настоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антона Бонцевського (№ 14) и объявленіе о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая коммиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. спеціально для собиранія матеріаловъ по украинской этнографіи. Эта сумма была распредѣлена между нѣсколькими лицами, которыя и совершили экскурсіи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнные матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ мѣстная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевській записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значеніе имѣетъ экскурсія В. Шухевича въ Коссивськомъ повѣтѣ: онъ закрѣпилъ на пластинкахъ фонографа различныя народныя мелодіи и изучилъ обычаи, соблюдаемые на Святкахъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ собираніи этнографическихъ матеріаловъ приняли участіе также многіе любители изъ молодежи.

Образованіе, №№ 1—3.

І. Гессенъ. Юридическая помощь населенію (№ 1, стр. 95- 116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даетъ свѣдѣнія о состояніи этого вопроса въ Россіи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенія его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Останавливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденій по оказанію юридической помощи населенію, авторъ касается также Южной Россіи.

А. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружнаго посланія преосв. Антонія, еп. волынскаго, къ епархіальному духовенству». Это посланіе было написано преосвящ. Антоніемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что вліяніе духовенства на населеніе сильно пало и указываетъ различные недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антоній не указываетъ мѣръ къ исправленію этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовнаго вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможныя мѣры къ устраненію ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

Л. Клейнбортъ. Новые отчеты фабричной инспекціи (№ 1, стр. 14- -32). Говоря о положеніи рабочихъ и состоянія рабочаго вопроса въ Россіи по поводу отчетовъ фабричной инспекціи за 1901 г., авторъ при случаѣ касается также Южной Россіи.

Въ *«Хроникѣ мѣстной жизни»* помѣщены, между прочимъ, сообщенія о земскихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданіяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о безпорядкахъ въ Кіевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходской въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* данъ отзывъ о Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang» (№ 1, стр. 168 -169).

Нива. Ежем. литер. и популярно-научн. приложенія, № 1—3.

I. А. Литинскій. Отчего мрутъ деревенскія дѣти (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

Вл. Чумицкій. Зогадки у русскаго народа (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводитъ также украинскія загадки.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскихъ поэтовъ: 1) «Епиникіонъ» 1709, Θеофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ припискахъ 1743—1761 г.: 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псальму Г. С. Сковороды.

И. И. Срезневскій. Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ IV—VII (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ чтеній И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія чтенія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности (кн. I, стр. 212—232 и кн. II, стр. 52—75)—имѣются также матеріалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе печер. архимандрита Досиθея и слово похвальное Григорія, архіеп. Кіевскаго и всея Руси.

А. А. Шахматовъ. Къ исторіи звуковъ русскаго языка (кн. I, стр. 297—356 и кн. II, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Извѣстій“ за 1902 г.; авторъ разматриваетъ въ общей связи также звуки малорусскаго языка.

П. И. Житецкій. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II. стр. 1—51)—говотся о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о. Игнатія Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣняло интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольскаго „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902", а III глава—по поводу рецензіи В. М. Истрина на книгу Н. В. Владимірова" „Древняя русская литература кіевскаго періода".

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которыя представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ средины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

Ѳ. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языкѣ слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованія на ту-же тему П. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ полемизируетъ съ П. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдовъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „*Библіографія*" даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензіи, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщенныя въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр, 390—397, его-же); 3) Польскіе період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улашина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присужденіи премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ.* Русская мысль и рѣчь; 2) *В. Н. Перетцъ.* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ.* О поученіи Владимира Мономаха.

-

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73.

П. Г. Васенко. „Книга Степенная царскаго родословія“ и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Степенной книгѣ“, первыя слова которой, какъ извѣстно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнѣйшей русской исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новый нѣмецкій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюрка въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkos ausgewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланный проф. С. Шпойнаровскимъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумываетъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюрки 50 сот.

- -

На дняхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территоріальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоитъ 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-й годовщины смерти Шевченка. Рѣчь эта, озаглавленная «Кобзареви Украины», главнымъ содержаніемъ своимъ имѣетъ очень образное развитіе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскій народъ, заговоривъ чуднымъ, жывимъ словомъ. «Когда въ древности—говоритъ проф. К. Студиньскій—персидскій царь Дарій послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненія, земли и воды,—то въ Аѳинахъ, по совѣту Ѳемистокла, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣлился унизить греческій языкъ переводомъ этого варварскаго приказанія. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчь не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской,—но потому, что она *наша, родная;* потому что народъ, не уважающій и не любящій своего языка, не заботящійся и его развитіи, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

— — — —

Въ Краковѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскій альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобыляньской, подъ названіемъ—„За красою".

Сюда войдутъ новыя произведенія многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманіе имена И. Франка, О. Маковея, В. Щурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянськой принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высылаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрія. Kraków, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстіе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «Pamiętnik literacki, czasopismo kwartalne poświęcone historyi i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarystwo literackie imienia Adama Mickiewicza», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ. А. Брикнера «Z dziejów dawnego teatru polskiego» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году киѳаристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrek) получилъ золотой за пѣніе *руской* (украинской) *думы»*.

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начатъ печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяця въ Черновцахъ (Буковина) начала выходить два раза въ мѣсяцъ газета «Хлібороб», издаваемая «Краевой Радой культури» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стоцкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива", являющійся продолженіемъ „Богословскаго Вістника"; отличіе заключается въ томъ, что кромѣ церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественные. Цѣна 6 коронъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. *И. П. Хрущова.* Спб. 1903. Ц. 30 к.

Карскій М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. І. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантюховъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. К. 1904.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. *А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго.* Спб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8°, ст. 53. Ц. 35 коп.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки у м. Ильинецъ, Липовецк. у. Кіевск. г. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ Н. Е. Бранденбурга и главноуправляющаго Ильинецкимъ имѣніемъ А. И. Шелюжко, мы принимали посильное участіе въ раскопкахъ, производившихся Н. Е. Бранденбургомъ въ окрестностяхъ мѣстечка. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о результатахъ той части раскопокъ, которую намъ пришлось наблюдать.

Въ пяти верстахъ отъ м. Ильинецъ, у с. Паріевки, на покатомъ берегу р. Соба, расположенъ небольшой могильникъ, заключающій въ настоящее время около десяти могильныхъ насыпей. Большая часть ихъ сравнительно незначительной высоты—1,5—3,5 метра, двѣ-же, стоящія поодаль, гораздо большихъ размѣровъ. Одинъ изъ послѣднихъ кургановъ лежитъ въ нижней части береговой покатости, другой—на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ тракта, ведущаго въ мѣстечко. Остальные курганы занимаютъ какъ-бы среднее между ними положеніе. Для раскопокъ было выбрано три кургана изъ этой средней группы, т. е. съ небольшими насыпями. О первоначальной высотѣ кургановъ и объ ихъ формѣ теперь трудно судить, такъ какъ курганы этой группы много лѣтъ какъ распахиваются. Но, основываясь на формѣ большихъ кургановъ, имѣющихся поблизости и еще не тронутыхъ плугомъ, можно думать, что и эти курганы были куполообразные; въ на-

стоящее-же время они носятъ характеръ отлогихъ возвышеній, съ одной стороной болѣе высокой, а другой менѣе, что зависитъ отъ площади, на которой они расположены, имѣющей уклонъ къ рѣкѣ. Очень возможно, что нѣкоторыя насыпи разнесены плугами до основанія и теперь незамѣтны на поверхности; на это есть между прочимъ указаніе въ „Археологической картѣ Кіевской губ." проф. Антоновича, гдѣ сказано, что на поляхъ с. Паріевки, около почтовой дороги, есть 3 группы, въ нихъ 27 кургановъ.

Высота раскопанныхъ кургановъ—1) 1,23—1,5 м., 2) 1,55—2 м. и 3) 3,1—3,5 м.; соотвѣтственныя окружности—66, 85 и 115 м. Раскопки производились колодцами, діаметромъ 6—7 саж., причемъ діаметръ этотъ постепенно съужался до 4-хъ саж.

Первый курганъ не далъ буквально никакихъ результатовъ. Почти то-же самое можно сказать и о третьемъ. Въ первомъ въ сѣв.-вост. части насыпи, почва оказалась состоящей изъ замѣчательно плотной, слежавшейся глины; на глубинѣ 2,85 м. это пятно глины приняло правильныя формы могильной ямы, длиной 3,8 м. и шириной 2,15 м., направленіе ямы на з.-з. с.; углы ея закруглены. Яма шла на глубину 40 стм.; въ разныхъ мѣстахъ ея и на разной глубинѣ встрѣчались куски человѣческихъ костей; въ одномъ мѣстѣ части костей (отъ нижнихъ конечностей) лежали кучкой. Кромѣ костей, встрѣтились, также въ разныхъ частяхъ ямы, угольки и остатки истлѣвшаго дерева; у сѣверной стороны ямы слой истлѣвшаго дерева (дуба) имѣлъ видъ небольшого бруска, длиной до 20-ти стм. Вотъ и все содержимое могильной ямы, по всей вѣроятности ограбленной еще въ древности. Въ насыпи кургана встрѣтилось нѣсколько конскихъ зубовъ, кусокъ угля и довольно значительное количество черепковъ грубой посуды, выдѣланной безъ круга, съ кварцемъ.

Въ насыпяхъ другихъ кургановъ также довольно часто попадались такіе-же черепки; разбросаны они и по полю въ бороздахъ и рытвинахъ, вымытыхъ водой. А. И. Шелюжко найденъ здѣсь, наряду съ черепками, и кусочекъ отбивного кремневаго ножика; все это указываетъ на то, что площадь, занятая курганами, и прилегающая къ ней мѣстность, раньше, до насыпки кургановъ, были заняты стоянкой каменнаго вѣка.

Курганъ № 2 заключалъ въ себѣ могилу, также совершенно ограбленную. Уцѣлѣло лишь боковое погребеніе, давшее очень интересныя находки. Устройство центральной могилы можно возстановить довольно точно. Въ материкѣ ямы не копалось, былъ расчищенъ лишь верхній слой земли и на образовавшейся площадкѣ воздвигнута изъ дубовыхъ брусьевъ (15—20 стм. діам.) постройка, имѣвшая одну прямую сторону, а остальныя закругленныя. Столбы въ нѣкоторыхъ частяхъ вбивались настолько часто, что образовался какъ-бы частоколъ, въ другихъ-же частяхъ (особенно въ прямой) столбы закладывались брусьями. Сооруженіе это было покрыто шатрообразной деревянной крышей, шедшей наклонно внизъ отъ прямой стѣнки; у этой послѣдней, сейчасъ-же за ней, внутри могилы, стояли два столба, поддерживавшіе крышу. Сооруженіе имѣло немного вытянутую форму по линіи прямой стѣнки, именно, въ этомъ направленіи, посрединѣ, оно имѣло 6,2 м., въ поперечномъ-же—5,7 м. Какъ уже сказано, внутри могилы ничего не оказалось, даже обломковъ костей,—могила была ограблена и слѣдомъ ограбленія остался подкопъ, ведшій въ могилу съ з.-з.-с. стороны. Подкопъ имѣетъ видъ траншеи, шириной 80 стм., устроенъ онъ тогда, когда крыша еще была цѣла, она впослѣдствіи завалилась надъ подкопомъ и образовала въ разрѣзѣ кривую линію истлѣвшаго дерева, опущенную внизъ и снова поднимающуюся. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что у в.-в.-ю. угла склепа, внѣ его, обнаруженъ кругъ обоженной земли, діам. приблизительно 1 м., съ остатками золы, углей и костей животныхъ—повидимому слѣдъ небольшого костра.

На глубинѣ 1,1 м. отъ вершины кургана, въ насыпи его, обнаружено боковое погребеніе. Находилось оно съ ю.-ю.-з. стороны склепа, непосредственно за прямой его стѣной. Скелетъ лежалъ въ гробу или былъ прикрытъ досками—пока сказать трудно, во всякомъ случаѣ сверху сохранились части досокъ. Направленіе скелета на з.-з.-с., хотя головы и верхней части туловища и не открыто. Ясно обозначались берцовыя кости съ немного раздвинутыми нижними концами; продолженіемъ ихъ служили двѣ бронзовыя античныя кнемиды, быть можетъ скрывающія кости голеней. Кнемиды находились въ положеніи, указывавшемъ на то, что колѣни покойника были

раскинуты. Возлѣ правой кнемиды, въ наклонномъ положеніи стоялъ бронзовый тонкій кругъ, приблиз. 20 стм. діам., украшенный по ободку рядомъ штампованныхъ точекъ. Тутъ-же и немного поодаль найдено нѣсколько круглыхъ, выпуклыхъ бляшекъ съ отверстіями посрединѣ, затѣмъ цѣлый рядъ бронзовыхъ узкихъ пластинокъ, покрывавшихъ въ видѣ чешуи б. м. поясъ, трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы и, немного ниже,—часть желѣзнаго предмета, б. м. меча. Относительно положенія предметовъ, количества ихъ и величины пока можно говорить лишь предположительно, такъ какъ это погребеніе едва только начато отчисткой. Въ виду его интереса, Н. Е. Бранденбургъ въ данномъ случаѣ прибѣгнулъ къ пріему, уже не разъ имъ употреблявшемуся и давшему такіе блестящіе результаты. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что все пространство, заключающее цѣлое погребеніе или какую ниб. интересную часть его, только слегка отчищается, затѣмъ заключается въ крѣпкую раму, снова присыпается смоченной землей и плотно заколачивается крышкой, Дальнѣйшая, самая трудная работа состоитъ въ подбивкѣ земли подъ рамой и въ пропусканіи туда досокъ, въ свою очередь прикрѣпляющихся къ рамѣ. Когда подъ всей рамой подбиты доски, она переворачивается, временно подбитыя доски снимаются, земля выравнивается, слегка утрамбовывается и тогда-уже доски плотно и наглухо заколачиваются. Такимъ образомъ получается ящикъ, который для большей крѣпости можно еще стянуть желѣзными обручами, заключающій слой земли съ предметами. Разборка его уже производится на мѣстѣ и конечно производится гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ гдѣ-ниб. на днѣ могильной ямы; тутъ можно уберечь предметы отъ ломки, что нерѣдко случается и при отчисткѣ и при перевозкѣ, а главное, можно сохранить взаимное расположеніе предметовъ и, такимъ образомъ, дать наглядную картину погребенія. Прекраснымъ доказательствомъ раціональности этого пріема служатъ цѣлыя погребенія кочевниковъ, хранящіяся въ Артиллерійскомъ Музеѣ и перевезенныя туда Н. Е. Бранденбургомъ изъ Кіевской губ. Если такое препарированіе цѣлыхъ могилъ требуетъ большихъ хлопотъ и издержекъ и примѣнимо лишъ по отношенію къ выдающимся находкамъ, то его удобно можно примѣнять къ частямъ погребеній

или къ отдѣльнымъ предметамъ, вынуть которые на мѣстѣ представляется затруднительнымъ.

Какъ уже упомянуто, такой пріемъ былъ примѣненъ и къ данному погребенію; оно заключено въ ящикъ, довольно внушительныхъ размѣровъ и вѣса, и къ разборкѣ его будетъ приступлено уже на мѣстѣ, въ Артиллерійскомъ Музеѣ,—о результатахъ этой разборки мы сообщимъ своевременно. Добавимъ еще, что съ з.-з.-с. стороны скелета, сейчасъ-же за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должна была приходиться голова, лежала на боку, отверстіемъ къ скелету, большая амфора, фазосскаго типа, раздавленная тяжестью земли.

Что дастъ содержимое этого погребенія—пока неизвѣстно, изъ того-же, что можно было видѣть, большую рѣдкость представляютъ кнемиды. Въ Кіевской губ. (да и вообще въ раіонѣ Приднѣпровья) извѣстны всего двѣ находки: одна въ Каневскомъ у. (изданная Фундуклеемъ), другая въ Чигиринскомъ—(въ собраніи Б. И. Ханенко).

Что касается опредѣленія эпохи и народности этого погребенія, то слѣдовало бы подождать выясненія полнаго комплекта его инвентеря, хотя и теперь, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ (бронзовая стрѣла и амфора) можно почти утвердительно сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ скифскаго типа. Находка античныхъ кнемидъ нисколько этому не противорѣчитъ: при тѣхъ взаимоотношеніяхъ, которыя существовали между скифами и греческими колонистами, легко можно объяснить позаимствованіе и этого вида защитнаго вооруженія, совершенно такъ-же, какъ и признанный фактъ употребленія скифами греческихъ бронзовыхъ шлемовъ. Къ той-же эпохѣ нужно отнесть и ограбленныя центральныя погребенія какъ этого, такъ и другихъ кургановъ. Въ 1891 г. проф. Антоновичемъ было раскопано 3 кургана у лежащаго недалеко отъ Паріевки с. Кальника (также въ бассейнѣ р. Соба). Въ курганахъ обнаружены большія деревянныя постройки въ видѣ шатра, основанныя на рядахъ толстыхъ дубовыхъ свай,—постройки, повидимому, однородныя съ открытой въ курганѣ № 2. Подъ этими постройками лежали скелеты и при нихъ желѣзные кинжалы, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, большія

амфоры, обломки терракотовыхъ сосудовъ, удила—инвантарь несомнѣнно скифскаго погребенія.

Кромѣ вышеописанной группы кургановъ, Н. Е. Бранденбургомъ начатъ пробной раскопкой громадный курганъ, находящійся у самого м. Ильинецъ, на поляхъ Барбаровской экономіи. Намъ, къ сожалѣнію, не пришлось присутствовать до конца раскопокъ, а потому и свѣдѣнія о нихъ откладываемъ до слѣдующаго раза.

Помимо раскопокъ кургановъ, было осмотрѣно также городище, расположенное на крутой горѣ, у с. Борисовки, въ лѣсу, принадлежащемъ владѣлицѣ Ильинецъ Е. П. Демидовой княгинѣ Санъ-Донато. Городище прекрасно сохранилось, круглой формы, съ поперечнымъ внутреннимъ валомъ, раздѣляющимъ его на двѣ неравныя части. Кое-гдѣ на площади его замѣтны свѣжія кладоискательскія ямы. При изслѣдованіи стѣнокъ одной изъ нихъ, А. И. Шелюжко было добыто много черепковъ посуды, костей, кусковъ обожженной земли съ одной гладкой поверхностью и шлифованный топорикъ изъ кремнистаго сланца. Характеръ черепковъ (м. п. соединительная ручка двойного сосуда) и присутствіе обожженной земли даютъ указанія на до-микенскую культуру. Очень возможно, что площадь поселенія этой эпохи была занята въ болѣе позднее, славянское время, городищемъ. Если фактъ этотъ подтвердится, то для Липовецкаго у. это будетъ первая находка подобнаго рода. Очень желательно, что-бы было произведено систематическое изслѣдованіе городища и прилегающихъ къ нему мѣстностей.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. I. До сихъ поръ, на страницахъ «Лѣтописи», не было еще почти ничего сказано объ этомъ музеѣ. Между тѣмъ музей Е. Н. Скаржинской заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по общей постановкѣ дѣла, такъ и по тѣмъ матеріаламъ, которые въ немъ сосредоточены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго посѣщенія музея, мы постараемся дать краткій очеркъ его, выразивъ при этомъ глу-

бокую признательность секретарю музея С. К. Кулжинскому, съ полной готовностью дававшему намъ объясненія и справки.

Характеръ музея—преимущественно мѣстный, въ этомъ его интересъ и значеніе. Началось дѣло собиранія коллекцій, если не ошибаемся, лѣтъ двадцать тому назадъ; понемногу коллекціи расширялись, прибавлялись новые отдѣлы и, благодаря энергіи владѣлицы и ея широкимъ взглядамъ на подобнаго рода дѣло, въ настоящее время образовался настоящій музей, съ музейной обстановкой, съ точной регистраціей предметовъ (послѣднее, къ сожалѣнію, не всегда практикуется и въ нѣкоторыхъ общественныхъ музеяхъ). Помѣщается музей въ усадьбѣ х. Круглика (версты три отъ станціи Кіево-Полтавской ж. д. Лубны), занимаетъ двѣ большихъ залы и нѣсколько другихъ помѣщеній, но количество предметовъ за послѣднее время такъ возросло, что приходится тѣсниться—нѣтъ возможности выставить все болѣе или менѣе интересное. Просвѣщенные взгляды владѣлицы на такого рода учрежденія выражаются, прежде всего, въ томъ, что ея музей уже и теперь сталъ общественнымъ учрежденіемъ: доступъ въ него открытъ для каждаго, хранителемъ музея даются объясненія, витрины снабжены пояснительными надписями. Посѣтителями явтяются главнымъ образомъ мѣстные жители, и насколько дѣло привилось—можно судить по числу посѣщеній: въ среднемъ, въ мѣсяцъ, ихъ бываетъ до ста, въ нѣкоторые-же мѣсяцы число это поднимается до трехсотъ. Такимъ образомъ, просвѣтительное значеніе музея для мѣстнаго края несомнѣнно. Затѣмъ, имѣя въ виду именно эту цѣль, владѣлица рѣшила оставить навсегда музей въ краѣ и никогда не имѣла намѣренія, какъ о томъ сообщали досужія корреспонденціи, передать его одному изъ столичныхъ музеевъ. Во всякомъ случаѣ, будущность музея можно считать обезпеченной: онъ останется областнымъ музеемъ, т. е., такимъ, въ какихъ давно чувствуется недостатокъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

По составу, музей можно раздѣлить на три главныя части, составляющія отдѣлы: естественно-историческій, историко-археологическій и этнографическій. Первый не входитъ въ нашу область, будемъ говорить о двухъ послѣднихъ и на этотъ разъ остановимся лишь на чисто археологическомъ отдѣлѣ. Но

прежде нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ какомъ ведется комплектованіе всего историко-археологическаго отдѣла. Нужно признать, что большинство частныхъ коллекцій и даже цѣлыхъ музеевъ, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ и непониманія ими научныхъ цѣлей такихъ собраній, состоитъ изъ предметовъ, характеризующихъ какой-ниб. одинъ слой общества, преимущественно слой верхній, низшій-же, масса и все то, что относится къ ея быту, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ ничего такого, что можетъ „украсить" коллекцію. Въ музеѣ Е. Н. Скаржинской дѣло обстоитъ иначе: здѣсь собирается все, что можетъ послужить къ характеристикѣ быта общества, всѣхъ слоевъ его, въ ту или другую эпоху. Поэтому, рядомъ съ цѣнными, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи предметами, мы видимъ въ витринахъ и самые незатѣйливые предметы домашняго обихода простого люда: на нихъ обращено такое-же серьезное вниманіе, они тщательно собираются, если не встрѣчаются цѣлые, то подбираются и обломки. Это особенно важно по отношенію къ древностямъ историческимъ, ко времени не столь отдаленному, но отъ котораго осталось такъ немного. Для науки нѣтъ ничего не важнаго, не интереснаго и мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что принципъ этотъ нашелъ себѣ прочное мѣсто въ музеѣ Е. Н. Скаржинской.

Одна изъ большихъ залъ почти исключительно занята памятниками доисторической старины. На ней мы и остановимся. Происходятъ предметы преимущественно изъ Полтавской губ., главнымъ образомъ, изъ Лубенскаго у. Но есть также изъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Области Войска Донского, съ Кавказа и даже изъ Люблинской, Радомской, Виленской, Витебской, Смоленской и Тверской губ. Въ большинствѣ случаевъ каждая губернія, изъ вышеприведеннаго длиннаго списка ихъ, представлена очень незначительнымъ числомъ предметовъ, среди-же этихъ послѣднихъ немногіе представляютъ изъ себя характерные образцы [1]). На нашъ взглядъ,

---

[1]) Здѣсь можно упомянуть о рядѣ сосудовъ изъ раскопокъ кургановъ въ Старобѣльскомъ у. Харьковской г., о нѣсколькихъ брон-

помѣщеніе въ музей, носящій мѣстный, областной характеръ, предметовъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ представляется невполнѣ раціональнымъ. Въ виду просвѣтительныхъ и общеобразовательныхъ цѣлей музея, конечно, необходимо дать понятіе и о томъ, въ чемъ выразилась культура прежнихъ эпохъ другихъ областей и даже странъ, чѣмъ она разнится отъ мѣстной. Но для этого нужны болѣе или менѣе образцовые предметы, а за отсутствіемъ оригиналовъ, можно помѣстить копіи или рисунки [1]), собираніе-же всего можетъ повести лишь къ загроможденію музея. Вышеуказанное обстоятельство не составляетъ однако недостатка музея,—благодаря ему все-же сохраняются памятники старины, повсюду у насъ уничтожаемой, да и въ общемъ числѣ, какъ уже сказано, значительно преобладающей является старина Полтавской губ.—къ ней мы и переходимъ.

Нѣсколько витринъ занято различными культурными остатками изъ палеолитической стоянки у с. Гонцовъ, Лубенскаго у.; это крупныя отбивныя орудія изъ порфира и гнейсо-гранита и мелкія изъ кремня—острія, ножики, скребки, затѣмъ масса костей мамонтовъ и отчасти сѣвернаго оленя; нѣкоторыя изъ костей обуглены. Стоянка эта открыта въ лессѣ праваго берега р. Удая бывшимъ владѣльцемъ Гонцовъ Г. С. Кирьяковымъ, описана въ трудахъ Ш-го съѣзда Ѳ. И. Каминскимъ; первоначальная коллекція изъ стоянки поступила въ Лубенскую гимназію. Впослѣдствіи Гонцы перешли къ г-жѣ Скаржинской и предметы, найденные между 1874—80 г.г., поступили уже въ ея музей. Подборъ ихъ значительно пополненъ въ 1891 г., когда, при рытьѣ ямы для погреба, на днѣ ея, на глубинѣ 3½ арш., былъ обнаруженъ слой, состоявшій изъ золы, углей, массы костей, частью пережженныхъ, мамонта и другихъ животныхъ, а также изъ кремневыхъ орудій и ядрищъ.

Неолитическій періодъ также имѣетъ въ музеѣ многочисленныхъ представителей. Поражаетъ разнообразіемъ коллекція

зовыхъ топорахъ (кельтахъ) и о бронзовомъ идольчикѣ—все изъ Харьковской-же губ. Есть также бронзовый топоръ изъ Херсонской губ.

[1]) Для нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ такіе типичные предметы сведены и изображены на таблицахъ.

орнаментированныхъ черепковъ съ „Лысой Горы“ (окрестности Лубенъ), затѣмъ идутъ находки у с. Исачекъ, въ окрестностяхъ с. Клепачей, у с. Песковъ (все Лубенск. у.) и т. д. Есть предметы и изъ погребеній каменнаго вѣка, м. п. на той-же „Лысой Горѣ“ [1]).

Представителей бронзоваго вѣка, какъ и слѣдовало ожидать,—немного,—есть изящной формы бронзовый топорикъ, найденный между с. Клепачами и х. Александровкой, другой бронзовый топорикъ (кельтъ) изъ Хорольск. у., форма для отливки бронзоваго серпа изъ Кременчугск. у. и нѣкот. другіе.

Довольно многочисленны предметы скифской эпохи. Происходятъ они главнымъ образомъ изъ раскопокъ кургановъ (на „Лысой Горѣ“, на „Старомъ Замкѣ“—возлѣ Лубенъ), а также и изъ случайныхъ находокъ.

Къ эпохѣ переселенія народовъ относится прекрасный, ажурный бронзовый браслетъ, съ гнѣздами для эмали, найденный въ Лубнахъ; сюда-же могутъ быть отнесены и два другихъ бронзовыхъ браслета, гладкихъ, съ утолщеніями на концахъ; найдены также въ Лубнахъ.

Изъ раскопокъ кургановъ и изъ случайныхъ находокъ происходятъ и предметы славянской эпохи какъ болѣе ранней, такъ и великокняжеской; къ послѣдней относятся и нѣкоторыя находки въ г. Лубнахъ. Вообще нужно замѣтить, что все находимое въ Лубнахъ, при рытьѣ земли или даже случайно, находитъ пріютъ въ витринахъ музея; за этимъ слѣдитъ мѣстный житель—А. А. Лавренко, спасающій такимъ образомъ отъ гибели много цѣнныхъ остатковъ старины.

Мы лишь бѣгло коснулись содержанія археологическаго отдѣла музея,—надѣемся, что интересующіеся дѣломъ скоро будутъ имѣть возможность ознакомиться съ нимъ цѣликомъ, такъ какъ въ настоящее время совсѣмъ готово подробное его описаніе, а иллюстрирующіе это послѣднее многочисленныя таблицы рисунковъ уже и отпечатаны. Такое описаніе будетъ цѣннымъ экспонатомъ на предстоящемъ Харьковскомъ съѣздѣ и

---

[1]) О раскопкахъ здѣсь кургановъ см. статью Ляскоронскаго, Кіевск. Стар. 1892 г.

отчасти замѣнитъ оригиналы, такъ какъ, не смотря на всю желательность, снять съ мѣста музей и выставить его на съѣздѣ, дѣйствительно представляется затруднительнымъ.

—

По ходатайству предсѣдателя херсонской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскаго, Императорская археологическая комиссія распорядилась о пополненіи *Херсонскаго археологическаго музея* древностями, найденными въ послѣдніе годы при систематическихъ раскопкахъ развалинъ Херсонесса (у нынѣшняго Севастополя) и Пантикапеи (нынѣ Керчь). Присланная въ Херсонскій музей коллекція пантикапейскихъ древностей состоитъ изъ 110 предметовъ. Между прочимъ въ ней обращаютъ на себя вниманіе золотыя вещи: перстень съ рѣзнымъ гранатомъ, круглыя бляшки, украшавшія одежду; бронзовыя зеркала, браслеты, пряжки, кольца; стеклянная посуда: бальзамаріи, стаканы, ожерелья, амулеты, пуговки; глиняная посуда; терракотовыя статуэтки; лампочки, грузила. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе плохой укупорки, многія вещи пришли въ Херсонъ разбитыми, изломанными, особенно пострадала стеклянная и глиняная посуда и статуэтки. („Югъ“).

ношенія В. къ его Бережовскимъ „подданнымъ". [1]) Послѣ В. остался сынъ Яковъ, который по смерти отца настоятельно до-

---

[1]) Приводимъ здѣсь любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полковаго суда по жалобѣ Бережовскаго жителя Верескуненка на зятя сотника Волошина, „п. Матвѣя Федоровича", который, по взятіи тестя въ Сибургъ, властно распоряжался урядовою его маетностью — „Року 1719, мѣс. авг. 20 числа. На урадѣ нашомъ такъ полков., яко и городов. Прилуцкомъ, предъ нами Іваномъ Марковичемъ, судіею полк. Прилуцк., Григоріемъ Николаевичемъ, атам. город., Евстафѣемъ Мойсѣев., войтомъ, Яким. Иван. и Михайломъ Балабою, бурмистрами, жаловался Каленикъ Верескуненко, житель Бережувскій, на п. Матвѣя Федоровича, державцу своего, же якобы онъ не тилко взялъ у его корову за стравлене гарбуза свинею его, в городѣ оного п. Матвѣя, лечъ еще велѣлъ его старостѣ своему, что за той гарбузъ не поступилъ ему часть огорода, обухомъ, ведучи до двора, при Тимошу Карлу, бити; а другое, якоби за тое, что рикуня (коровница) оного жъ п. Матвѣя дала ему грудку сира а зложку масла, взялъ у его огородъ с хатою и садомъ, за которій давано талярей 20, поля на шесть недѣль (т. е. $3^1/_2$ десят.) и другую корову, а до того жита копъ полдесяти, гречки $1^1/_2$ копи, овса $1^1/_2$ копи, голого жита полчетверика, гороху полчетверика, не взирая на тое, что теща оного велѣла его палицею, а жинку оного нагайкою бити по подошвахъ и в холодѣ, за тотъ же сиръ и масло, два днѣ держати его. В чомъ просилъ оній Верескуненко з помянутого п. Матв. Федор. святой справедливости. На таковую тели жалобу его, зыскавши предъ себе п. Матв., питалисмо его если взялъ онъ у помянутого Верескуненка за стравлене гарбуза корову или нѣтъ? и чи велѣлъ его старостѣ своему бити обухомъ, а знову, чи забралъ онъ в его за грудку сиру и ложку масла огородъ с хатою и садомъ, поля на 6 недѣль, корову другую и пашню, яко више виразилося. Тели оній, на питане наше, отвѣтовалъ тое, что корову єдну взялъ онъ не за гарбузъ, але за випасене капусти и прочей огороднини; а що оній Верескуненко повѣдаетъ, же якобы велѣлъ оного обухомъ бити, то тое не есть правда; знову, що тотъ же Верескуненко мовитъ, же якобы онъ огородъ з хатою и з садомъ, за которій будто давано таляр. 20, поля на 6 недѣль, корову другую *(проч., какъ сказано Верескуненкомъ выше)* забралъ, то и тому неправда дѣется, кгдыжъ того мовитъ онъ не бралъ, але еще тесть его Григорій Ивановичъ, бывшій сотникъ Иваницкій, будучи в дому, забралъ именно: огородъ з хатою и садомъ, поля на килка недѣль, корову та молоченого жита всего тилко $1^1/_2$

бивался Бережовки, находя, что село это должно принадлежать ему „за службы“ его отца.

Стороженко былъ однимъ изъ сыновей Иченскаго сотника Андрея С—ка. О немъ сохранитось только слѣд. интересное свѣдѣніе, записанное въ Дневникѣ Я. Марковича, въ апрѣлѣ 1726 г.—„Иваницкій сотникъ Ив. Стороженко первую жену

четверика, а болшъ пашнѣ не бралъ, и то не за грудку сира и ложку масла, але що мѣлъ переводню з рикунею ихъ, якая дойво поташловавшы и в оное онучъ и землѣ наклавши, утекла, тое забрато. А поневажъ предреченный Верескуненко здавался на Тимоша Карла, жителя Бережувского, же якобы свѣдомъ онъ, якъ бивъ староста его обухомъ, а на Михаила Менка, жителя тамошнего жъ изсилался, что свѣдомъ, и зсилалисмо на п. Романа Березинского (с. 181), знатн. тов. в., до с. Бережувки дла роспитаня людей о томъ побои свѣдомихъ и розисканя о томъ, кто в оного Верескуненка забралъ кгрунта и пашню и за якую вину. Где п. Берез., по самой слушности розискавши, привезлъ до насъ на паперѣ розискъ и в ономъ не явилося того, чтобы по приказу п. Матвѣя,—обухомъ, а по повелѣнію тещи его—налицею по подошвахъ, а жунку его нагайкою тожъ по подошвахъ бито, але лживо тое онъ змислилъ. Такожъ и того на п. Матвѣя не показалося, ижъ бы мѣлъ онъ забрати в его кргунта, *але тесть оного тіе забралъ кгрунта*, за тое что з рикунею ихъ в дуйвѣ мѣлъ переводню. Судъ прето нашъ полк. Прлц. видячи, что помянутій В—ко неслушне на п. Матвѣя Ф—ча оболгалъ, зганылъ ему В—ку тое, однакъ поневажъ помянутіе кгрунта у оного В—ка взятіе, в завѣдоване помянутому п. Матвѣю досталися, теди судъ нашъ, респектуючи на убозство мененого В—ка, велѣлъ п. Матвѣю, ижъ бы ему привернулъ поле, тако жъ корови обидвѣ и пашню сколко забрато отдалъ усю. А за тую вину, что оній В—ко мѣлъ з рикунею ихъ переводню, удержалъ при соби оній п. М. огородъ из садкомъ, которимъ волно ему и тестеви его за прибутемъ, якъ хотѣти владѣти и жебы вже вишепомянутий В—ко не важился такъ зъ его п. М., яко и тестя его и потомковъ ихъ, за тое, що вишше виразилося, турбовати, *вини положивши талярей 20 и кіевихъ ударовъ 50*, декретъ сей при подписаніи руки судейской и при печатехъ такъ судейской, яко и городовой Прлцк. сторонѣ потребуючой до рукъ видалисмо. В ратушу Прлцк. року и дня вышевыраженнихъ. *Звишменованний судя полковой з вишменеим урядомъ рукою власною».* (М. П.) (М. П.) (Съ подлинника).

по причинѣ болѣзни ея постригши въ монахини, женился на другой, но недѣли черезъ самъ умеръ и постриженная тоже".

Миницкій началъ службу въ генер. к—ріи съ 1714 г. и оставался тутъ до смерти Скоропадскаго, когда въ 1722 г. назначенъ былъ Полуботкомъ на урядъ Нѣжинскаго полк. писарства. Назначеніе это было сдѣлано противъ желанія тогдашняго Нѣжинск. плкн—ка Толстого, по интригѣ котораго М. былъ Румянцовымъ въ 1723 г. арестованъ, конечно, какъ сторонникъ Полуботка. Объ этомъ арестѣ самъ М. разсказываетъ такъ: „въ 1723 г., декамврія, за бытности г. Румянцова въ М. Россіи, при арестованіи зъ разныхъ полковъ старшины, *преданъ* и я отъ Толстого въ Глуховъ за арестъ, и тамъ 16 мѣс. утѣсненіе претерпѣвши, по наведенной на мене не въ чомъ винѣ, освобоженъ въ мартѣ 1725 г., зъ коллежскимъ пашпортомъ зъ подъ аресту—честно быть въ чину попрежнему". Но Толстой не желалъ имѣть М. писаремъ въ своемъ полку, п. ч. въ январѣ 1726 г. М. оставилъ „по крайней нуждѣ" Нѣжинъ и переселился въ Прилуцкій полкъ, такъ какъ „писменнымъ ордеромъ" плкн—ка Галагана онъ былъ опредѣленъ „на вакансъ въ м. Иваницу править сотнею до указу". Но Толстой, повидимому, продолжалъ преслѣдовать М., какъ это видно изъ разсказа послѣдняго о дальнѣйшей его судьбѣ—въ жалобѣ поданной Апостолу, въ октябрѣ 1728 г. Сказавъ о полученіи сотничества отъ Галагана, М. продолжаетъ: но Млрс. коллегія „навожденіемъ п—ка Толстого, устремившагося на мене злобою, безвинно изгнала мене отъ сотничества. И я тогда устрашенъ (будучи) коллегіей и злобою Толстого, дабы знову не попасти напрасно въ неволю, заразъ уѣхалъ въ С.-Пбурхъ и тамо чрезъ 9 мѣсяцей живучи, зъ немалымъ коштомъ, убыткомъ и волокитою, получилъ монаршій указъ о опредѣленіи мене попрежнему Іваницкимъ сотникомъ, и сверхъ того указу иностр. дѣлъ коллегія, чрезъ совѣтн. г. П. В. Курбатова, вручила мене 30 юля 1727 г. и приказала г. Наумову, дабы за прибытіемъ его въ Украину, опредѣлено мене сотникомъ въ Іваницю безволокитно... По якому монаршему указу и по писмахъ причинних (т. е. ходатайственныхъ), данъ былъ мнѣ прошл. 1727 г., дек. 20 д., отъ ясн—ти в. до п. плк—ка При-

луцкого указъ о бытіи мнѣ сотникомъ по прежнему, а Григорію Волошину, который былъ козакамъ на тое сотничество подмогоричился, вовся отказать... Но г. Наумовъ, за повиданемся въ В. Волочку (по дорогѣ изъ СПБ. въ Глуховъ) зъ г. Вельяминовымъ, а зъ означеннымъ Толстымъ нарочно обачившися, при подмосковной его деревнѣ, гдѣ нынѣ живетъ, пакостить мнѣ напрошенный и *поступленною въ Глуховѣ каретою* скорумпованный (подкупленный), по тому монаршему и ясн—ти в. указу сотникомъ быть мнѣ не допустилъ"... Случилось это такимъ образомъ: выпросивъ въ нач. 1727 г. въ СПБ. „монаршій указъ" на сотничество, М. отправленъ былъ въ Иваницу съ универсаломъ уже новопоставленнаго гетмана, предписывавшаго полковнику „вручить" М. и „короговъ". Но не успѣлъ М. еще и водвориться на сотничествѣ, какъ Наумовъ извѣстилъ Апостола, что онъ не находитъ возможнымъ допустить М. къ сотничеству. Апостолъ не могъ не подчиниться Наумову [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось Апостолу и показывать публично свою зависимость отъ „министра"; поэтому гетманъ написалъ Галагану, чтобы тотъ негласно отобралъ у М—го гетманскій универсалъ на сотничество, послѣ чего М. разумѣется переставалъ быть сотникомъ. Распоряженіе это сейчасъ же стало извѣстно въ Иваницѣ и М., видя бѣду, бросился добывать „инстанціальныя" къ гетману письма отъ разныхъ вліятельныхъ лицъ. Главнымъ изъ нихъ бытъ Вейсбахъ, который и просилъ (въ янв. 1728 г.) гетмана—помочь М-му, такъ какъ это „человѣкъ состоянія доброго и того сотническаго чина быти достоинъ". Такую же „инстанцію" М. представилъ и отъ гетманича Павла, писавшаго 15 янв. 1728 г. отцу: „нарочне сегодня прибылъ ко мнѣ, въ Сорочинцѣ, п. Павелъ М. и плачливе ускаржался въ несносной своей обидѣ (о которой вашей ясн—ти извѣстно уже есть и онъ самъ устне или литерално маетъ предъявити) а зверхъ того еще и нынѣ по виданному отъ в.

---

[1]) См. данную Наумову, при отправленіи его въ Малороссію, инструкцію. Исторія Россіи, Соловьева, IV, 1108.

ясн—ти указу, п. плк—къ Прилуцкій, *невѣдомо чего ради,* оному М—му вряду *сотничества Іваницкого и корогви вручене—на отдаляцію пустилъ,* чрезъ что онъ вовся разорился зъ домомъ своимъ, въ томъ просилъ до в. ясн—ти моей за собою инстанціи... Теди я, вѣдаючи зпрежде его п. Минѣцкого зичливую и безподозрителную ку домови нашему добросклонность, *якъ въ часъ аресту надъ нами бывшого* явившую, такъ и нынѣ за бытности его въ Сибурсѣ, отъ п. Петра брата листовне описанную, зъ прошеніемъ на оного респекту послѣдователнѣй и я прошу в. родит. милости, абы въ претенсіи своей онъ, п. М., милостію в. ясн—ти не былъ занехаеный"... Изъ этого письма не видно, чтобы молодой Апостолъ зналъ, что сотничество М—аго „пущено было на отдаляцію" не Галаганомъ, а тѣмъ самимъ отцомъ, у котораго онъ за него предстательствовалъ... Въ той же жалобѣ, поданной Апостолу въ октябрѣ 1728 г., М. писалъ, что „нѣкоторіе Иваничане", „видя гнѣвъ его ясн—ти на него М. чрезъ отставку отъ сотничества положенный, разсверѣпили и великія пакости ему чинятъ". Описавъ всѣ свои бѣды, М. просилъ гетнана „високоповажнымъ панскимъ унѣверсаломъ утвердить его, зъ врученемъ сотенной корогвы, на томъ Иваницкомъ сотничествѣ". Но гетманъ долженъ былъ слушать Наумова... Въ тоже время городовой Иваницкій атаманъ Компанецъ, будучи личнымъ врагомъ М—го, подбивалъ сотнянъ просить гетмана о назначеніи къ нимъ сотникомъ вновь Волошина, который и былъ въ 1728 г. представленъ отъ сотнянъ для утвержденія, вмѣстѣ съ двумя „кандидатами", козаками Иценкомъ и Зоцемъ. Но гетманъ никого изъ нихъ не утвердилъ: Волошина—п. ч. ему было запрещено быть сотникомъ, Иценка—„за пьянство и неспособность", а Зоця—„за глупство и калѣцство". Сотня оставалась безъ сотника до мая 1729 г., когда повидимому Наумовъ смилостивился надъ М—мъ и Апостолъ получилъ возможность утвердить его на сотничьемъ урядѣ. Но для этого нужно было исполнить еще процедуру „выборовъ" М—аго Иваницкими сотнянами. Представляя въ маѣ 1729 г. эти выборы, въ Глуховъ, Галаганъ писалъ: „прошу, чтобъ на тотъ урядъ сотницства Іваницкого, на мѣсто умершого тамошнего сотника Івана Стороженка, повелѣти одного изъ кандида-

товъ (другимъ „кандидатомъ“ былъ указанъ сотенный хоружій Кудра) а именно помянутого М—го определить, ибо за нимъ до мене отъ сотнянъ подано на писмѣ прошеніе“. Сотняне съ своей стороны предстательствовали за М—аго: „понеже мы теперь, безъ совершенного въ мѣстечку нашомъ сотника, въ крайнее приходимъ разореніе за непорядками въ правленіи дѣлъ, и за тымъ что нѣкому въ нуждахъ нашихъ спомоществовать и за нами обстоювать, того ради единогласно всѣ обще, товариство и посполство, цѣлою сотнею, просимъ ясн—ти вашой да повелитъ, ваша панская в—ть, его, п. М—го, *домъ свой и ґрунта въ Іваници имѣючого,* (отъ которого мы жадной нѣ въ чомъ не узнавали и не узнаемъ обиди, овшемъ всякое въ нуждахъ нашихъ имѣемъ способствованіе и въ росправѣ доволствованіе), [1]) совершеннымъ въ оную сотню или Петра Кудру, хоружого сотенного, утвердить сотникомъ и отдать зъ нихъ едному короговъ, ижъ бы мы бѣдніи и убогіи люде на неусипномъ шляху мешкаючіи, болшъ безъ настоящого сотника не приходили въ нищету крайнюю и не терпѣли бъ обидъ отъ переездихъ особъ и протчіихъ, якихъ сустентуемо“... Сочинителемъ этого представительства могъ быть самъ М., конечно искусившійся въ такого рода писаніяхъ.—Получивъ представленіе Галагана 10 мая, гетманъ черезъ два дня уже подписалъ универсалъ, утверждавшій М—го на сотничьемъ урядѣ, указывая, что „атаманя зъ товариствомъ и войты зъ посполствомъ сотнѣ Іваницкой—суплѣковали до насъ, просячи дабысмо прежде опредѣленного ихъ Іваницкого сотника п. П. М. *по прежнему* на томъ же сотницкомъ урядѣ утвердили, понеже о опредѣленіи его п. М. на томъ Іваницкомъ сотницствѣ и изъ висок. сената въ 1727 г. въ бившую Млрск. коллегію указъ былъ присланъ“.—М. оставался сотникомъ до смерти. Въ мартѣ 1736 г. М. доносилъ генер. к—ріи, что онъ не можетъ идти въ назначенный тогда походъ вслѣдствіе „приключившейся ему, по прибытіи съ первого полского походу, по-

---

[1]) Сотняне говорятъ, повидимому, о дѣятельности М—аго за время завѣдыванія имъ сотнею въ 1727 г. Собственные «грунта» у М. въ Иваницкой сотнѣ должны указывать, что онъ отсюда былъ и

перечной и на сухій костоломъ (ревматизмъ?) болѣзни, за которою не толко на конѣ, но и возкомъ ехать не можетъ“, почему и просилъ отпуска. Умеръ М. не раньше к. 1737 г., такъ какъ въ это время онъ еще судился съ сыномъ Волошина, кажется, за Бережовскія земли. Послѣ П. М—го осталось два сына и двѣ дочери; старшій сынъ Андрей (р. 1724 г.) въ 1772 г. былъ писаремъ Ив—цкаго земск. суда, а младшій Иванъ—Кр.-Клд. сотникомъ (с. 240); старшая дочь Марья (р. 1725 г.) была замужемъ за Иченскимъ протопопомъ Петромъ Полянскимъ, а младшая Меланія—была замужемъ сначала за П. Стороженкомъ (с. 218), а потомъ за отст. Нѣж. полк. есауломъ Григоровичемъ. По смерти П. М—го вдова его сама распоряжалась хозяйствомъ и настолько самостоятельно, что даже „скупала“ Иваницкихъ крестьянъ. Она потомъ вышла снова замужъ за подполковн. Петра Ивкова и имѣла отъ него одну дочь, тоже Меланію (р. 1742 г.), бывшую замужемъ за Дем. Якубовичемъ. Вдова П. М—го жила въ х. Ковтуновщинѣ, въ которомъ въ 1772 г. было 29 хатъ, а въ нихъ 90 душъ крест. м. пола. Этотъ хуторъ, повидимому, былъ единственною нажитою М—мъ на сотничествѣ маетностью. Слѣдовавшею на сотничій урядъ Бережовкою М. не владѣлъ, не успѣвъ ее отнять у сына Волошина. Но вообще М. нажилъ на сотничествѣ немалое богатство, что видно хотя бы изъ того приданого, которое было дано за дочерью Меланьей, при выдачѣ ея замужъ (с. 218); кромѣ богатой одежды (напр., одинъ изъ кунтушей „молодой“ стоялъ 85 р.), въ приданое было дано деньгами 700 р. [1]).

Свирскій. Въ „доказательствѣ“ о своемъ дворянствѣ Свирскіе писали, что „предки ихъ во время польскаго владѣнія были шляхта и послѣ подданства Б. Хмельницкаго,—остались въ с. Салогубовкѣ, Роменск. у.“ Такъ писалъ въ 1784 г. Григорій Свирскій, значившійся по списку 1739 г. въ числѣ канцеляристовъ ген. к—ріи. Но это показаніе едва ли было согласно съ истиною, такъ какъ въ томъ же спискѣ этотъ Григорій

---

[1]) См. списокъ этого приданаго въ Кіевск. Стар. 1901 г., іюнь.

Свирскій показанъ „священническимъ“ сыномъ. Въ этомъ же спискѣ значится и другой к—стъ Иванъ Свирскій, съ поясненіемъ что онъ—„посполитого званія человѣкъ“. Одновременно съ первыми двумя, служилъ въ генер. к—ріи и третій к—стъ Свирскій, Федоръ; былъ ли онъ ихъ родичемъ—неизвѣстно. Этотъ С—ій началъ службу въ генер. к—ріи въ 1733 г. Иваницкое сотничество ему дано по универсалу 24 дек. 1738 г., по чьей-нибудь протекціи, такъ какъ для И—цы это былъ человѣкъ совсѣмъ чужой. На этомъ урядѣ Св. оставался до 1764 г., когда выбранъ былъ на мѣсто Иваницкаго земскаго судьи. Какъ человѣкъ „неосѣдлый“ въ И—цѣ, С. очень обижалъ согнянъ, наживая себѣ „грунта“.

Какъ наживалъ С. эти „грунта“ объ этомъ разсказывали позже жители с. Ступаковки. Во время составленія наказовъ, въ 1767 г., куренный атаманъ с. Ступаковки, отъ имени своихъ селянъ, писалъ Румянцову: „Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Ив—ій земскимъ судьею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Ив—ой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Ив—ой жилище, многихъ козаковъ поскуплявъ грунта знатные, мельницы почти всиловне (насильно) поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатныя поля, гаи и лѣсные угодья, а кромѣ того и многихъ въ подданство, подъ видомъ скупли, поприглекалъ. А когда онъ б. сотникъ Св—ій козачими грунтами... удоволился, то дозволилъ тестю своему б. сотнику Монастырскому Ив. Романовичу въ той же сотнѣ Ив—ой, при с. Ступаковкѣ, грунта искуплять, первѣе, почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля а иные пахатные поля и всиловно, подбергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ [1]) и себѣ оные поля позавдаривалъ (sic). И хотя козаки сотни Ив—ой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таска-

[1]) Когда казакъ не хотѣлъ продавать той земли, которую сотникъ или другое начальство хотѣло у него купить, то покупщики бросали назначенную самими ими плату—въ дворъ невольнаго продавца и считали, что сдѣлка совершилась...

ясь за оными съ нимъ, Ромнвч—мъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ М. Россіи земскихъ судовъ, полк. Прлцкой к—ріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ, по суду з. Ив-нцкомъ и по генер. суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генер. въ судъ з. Ив-нцкій указъ выправляли, за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести не въ состояніи, и пропитать себе заледво чимъ могутъ. И ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели в. графск. с—ву на моемъ одномъ показаніи увѣрится не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сот. Ив-нцкое правленіе и на прошлогодніе ревизіи—которыми именно, какъ онъ б. сотникъ Св—ій, такъ и тесть его Р—чъ, козаками завладѣли и нынѣ они во владѣніи находятся“ [1])...

По вѣдом. 1778 г. за Сврск. значится 66 хатъ въ м. Иваницѣ, х. Загонѣ и „при мельницахъ, въ собственныхъ его хатахъ“. Св. былъ женатъ на дочери полк. судьи Ив. Романовича и имѣлъ сыновей Петра (въ 1778 г., полк. адъютантъ „новосформированнаго“ компанейского полка), Василія (того же полка „кадетъ“), Алексѣя и Ивана (оба тогда же, „ученіе продолжаютъ“) дочерей: Настасью (м.—б. тов. Фед. Раковичъ) и Ульяну (м. Андрей Горленко).

Села Иваницкой сотни.

М. Иваница, сліяніе рр. Смоши и Иваницы („около м. Ив—цѣ двѣ рѣки чистіе имѣются: зъ одного боку—Смошъ, а зъ другого—Иваниця, подъ самимъ м—комъ идуть“, 1740 г. [2]).

---

[1]) Наказы малор. депутатамъ, 1767 г. Изд. Кіевск. Стар., (Кіевъ, 1889), стр. 243.

[2]) На тогдашнее обиліе въ Ив—цѣ воды указываетъ количество мельницъ, означ. по вѣд. 1740 г. 1) на р. Смоши, поспол. обыв.—3 и коз. 4, 2) на р. Иваницѣ, коз. и владѣльч.—6, 3) на об. рр. Смоши и Иваницѣ, на устѣ и нижше устя, гдѣ совокупились обѣ рѣчки въ едно мѣсто, коз. и влад.—5 и 4) на перекопѣ, на тѣхъ же ррчк., коз—1.

Такое мѣстоположеніе, по его защитности, указываетъ, что поселеніе здѣсь должно было существовать издревле. Послѣ запустѣнія древняго поселенія, новое здѣсь основалось только во втор. четв. XVII в., такъ какъ раньше документа Пшездѣцкаго Ив—ца не встрѣчается, а по этому документу („Jwania") въ ней значится 336 госпд. Съ 1649 г. И—ца была центромъ особой сотни и поэтому слыла „городкомъ", въ которомъ, какъ въ центрѣ извѣстной группы поселеній, явились ремесленники, изготовлявшіе необходимые предметы одежды и домашняго обиходы (портные, сапожники, ткачи и т. д.). Въ опис. 1740 г. значится: „съ оного городка (Ив—цы) въ самихъ посполитихъ окладу, такъ денежного, яко и провіантоваго, нѣкогда нѣкимъ не собирано и нѣкуда не отдавано и нынѣ нѣчего, кромѣ консистенской дачи и другихъ общенародныхъ повинностей, не собирается и нѣкуда не отдается". Тутъ же показано въ Ив—цѣ винокуренъ: козачьихъ—4 (казан. 6 и поспол.—4 (казан. 7). Крест. населеніе Ив—цы оставалось свободнымъ до 1743 г., когда оно было отдано (въ количествѣ 120 двор.) б. тов. Андрею Андр—чу Горленку, „за безвинное разореніе и отнятіе имѣній и претерпѣніе со отцомъ его въ тайной к—ріи ареста". (См. Русск. Арх. 1875 г., кн. II, „Горленки"). **Кр. П.** 131 д. **А.** 148 д. **В.** 246 д. **В.** 262 д. и „урядниковъ" 26 д. [1]) Пс. 27 д. **Г.** 166 д. 173 х. (въ числѣ ихъ мастеровыхъ 30 д. 33 х.) и „скупли" 17 д. 17 х. (изъ нихъ скуплено „сотничкою" Миницкою 10 д. 10 х.) **Д.** Корон. 1 д. 4 х. и Горленка 178 д. 238 х. Пс. 92 д. 136 х. **Кз. В.** 51 д. **Г.** 86 д. 93 х. Пс. 32 бд. х. **Д.** 93 д. 146 х., „почталіоновъ" 2 д. 5 х.

С. Бережовка, рч. Иваница, существовала уже въ полов. XVII в. и съ XVII же в. вѣроятно уже принадлежала на урядъ Ив—цкихъ сотниковъ, такъ какъ Скоропадскимъ была отдана тоже на урядъ сотнику Волошину. По смерти В—на,

---

[1]) Урядники показаны слѣд.: «войтъ, коммисаръ, городничій, бурмистръ, сербскій коммисаръ, писаръ, цехмистры (два), десятникъ, завѣдовцы, ктиторѣ, паламарѣ».

Б. утверждена была Апостоломъ за сыномъ его—Яковомъ (с. 304) и Миницкій напрасно добивался этого села, какъ урядовой маетности. Добился возвращенія Б. на урядъ только Свирскій, которому она была отдана по универсалу генер. к—ріи, въ 1739 г. Въ 1776 г. Б. пожалована была Ив. Александровичу (с. 62). **Кр. П.** 14 д. **А.** 67 д. **В.** 27 д. **В.** 64 д. („здавна сотникамъ належное"), Пс. 13 д. (изъ нихъ два „нищетніе, въ погребцяхъ (землянкахъ?) живучіе") **Г.** 35 д. 36 х. **Д.** 51 д. 89 х. (Александровича) Пс. 4 д. 18 х. 8 бд. х. **Кз. В.** 5 д. **Г.** 10 д. 11 х. **Д.** 23 д. 47 х.

Х. Верескуны поселены Андр. Горленкомъ въ 1701 г., при верш. рч. Иваницы, между двумя „гребельками", одной—ок. „Дубняка, надъ яр. Гайдуковымъ", а другой—Верескуновской, устроенной Иваницкими жителями Верескунами. У Пащ. замѣчено, что хуторъ этотъ иначе называется **Дубовый Гай**; тогда въ немъ показано крест. 10 д. 10 х. и 22 бд. х.

С. Ступаковка, ррч. Иржавецъ и Черномазовщина, поселена въ к. XVII в., такъ какъ въ переп. книгахъ 1666 г. не значится. По универсалу 1715 г. отдана Иченскому стн—ку Андрею Стороженку (с. 217), въ родѣ котораго и осталась. Скупалъ здѣсь земли и козаковъ и сотникъ Свирскій (с. 312), но слѣдовъ этой скупли не осталось. **Кр. А.** 46 д. **В.** 20 д. **В.** 59 д. Пс. 6 д. **Г.** 38 д. 40 х. (сотника Григорія и б. тов. Михаила Стороженковъ) **Д.** 41 д. 46 х. (Стороженковъ) Пс. 4 д. 7 х. **Кз** **В.** 3 д. **Г.** 4 д. 5 х. **Д.** 10 д. 22 х.

С. Городня, рч. **Городянка**, возникла въ к. перв. пол. XVII в. на мѣстѣ какого то древняго поселенія, слѣды котораго и донынѣ остаются въ кирпичныхъ фундаментахъ, недавно мѣстною полиціею описанныхъ, въ отвѣтъ на вопросы Московскаго археологическаго общества [1]) Г. уже значится по документу Пшездѣц-

---

[1]) Въ 1888 г. Московск. Археолог. Общ. обращалось къ губ. администраціи многихъ губерній съ просьбою дать отвѣтъ на предложенные вопросы—о существующихъ въ данной мѣстности курганахъ и городищахъ. Относительно городищъ около с. Городни отвѣтъ

каго, причемъ въ ней показано 312 госп. и 12 мельничныхъ колесъ. Г. оставалась свободною до 1730 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Въ вѣдом. 1740 г. значится: „въ Г. посполитыхъ и ихъ подсусѣдковъ живущихъ двор. было, когда во владѣніе отдано, 33, а нынѣ на лице состоитъ живущ. двор.—25, а козачихъ и ихъ подсусѣдковъ и владѣлцами скупленныхъ—33. Зъ оного села, зъ самихъ посполитыхъ, складу собирается вгодъ денегъ 11 рубл. и 6 коп., и оной отдавался ас. генер. покойному Мануйловичу, а нынѣ отдается—въ надсмотрѣніи оного села по указу обрѣтаючомусь б. тов. Як. Карпѣцѣ.“ Водяныхъ мельницъ козачьихъ показано: па р. Городнѣ 6 и на рч. Безводовкѣ—одна. **Кр. П.** 33 д. **А.** 119 д. **Б**.? **В.** 45. д. („принадлежать до Иваницы“), пс. 14 д. **Г.** 16 д. 16 х., ранговъ. ген. ес. Мануйловича **Д.** (ранговыхъ) 7 д. 9 х. пс. 12 д. 26 х. **Кз. В.** 54 д. **Г.** 66 д. **Д.** 97 д. 191 х.

С. Щуровка, р. Смошь, отдана, въ 1692 г., полковникомъ Дм. Горленкомъ, И. Носу, (с. 31), а въ 1695 г. **Щ.** ему-же была подтверждена и гетманскимъ универсаломъ. По смерти Носа, сынъ

былъ полученъ слѣд.—„Въ разстояніи отъ с. Г. $1^1/_2$ версты, при х. Кулевщинѣ, находится въ лѣсу площадь мѣрою приблизительно ок. 40 десят., а въ окружности ок. $2^1/_2$ верстъ, почти круглая; вокругъ городища глубокіе валы и канавы; городище имѣетъ два выѣзда съ южной стороны, т. е. отъ ровной полевой мѣстности; вся эта площадь будетъ ширины примѣрно съ $^1/_2$ версты; съ южной стороны, отъ ровной мѣстности, ширина канавы или рва—до 5 саж., а вала—до 10 саж.; глубина рва до 3-хъ, а высота вала до 5 саж. Съ другихъ сторонъ высоту вала и рва опредѣлить трудно, такъ какъ они заросли лѣсомъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ былъ городъ, а вокругъ его крѣпость, и какъ со стороны сѣв.-вост. имѣются глубокіе овраги и обрывы, то съ этой стороны насыпанная валомъ крѣпость (говорятъ) была разрушена порохомъ при взятіи города. Нѣкоторые владѣльцы, имѣющіе въ этомъ городищѣ участки, закопали оные канавами и вс подѣ (т. е. внизу) канавы оказался въ большихъ грудахъ кирпичъ въ видѣ фундамента, что и теперъ видно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала находили человѣческія кости и древесный уголь.“ Это поверхностное описаніе городища, во всякомъ случаѣ очень интереснаго, требуетъ мѣстнаго научнаго изслѣдованія

его пасынка, Петръ Бѣлецкій (с. 127), пользуясь малолѣтствомъ внуки полковника, „обманно выправилъ" у гетмана Скоропадскаго, въ 1720 г., универсалъ на Щ., а когда умеръ П. Бѣлецкій, то такой же универсалъ на Щ. тоже „обманно" выпросили въ 1734 г. сыновья его. Выпрашивая эти универсалы, Бѣлецкіе, отецъ и сыновья, называли себя кровными наслѣдник ми полковника Носа и въ этомъ заключался ихъ обманъ. Обманъ этотъ открыла невѣстка полковника, вдова его сына Степана, начавъ противъ Бѣлецкихъ въ судѣ дѣло для защиты наслѣдственныхъ правъ своей дочери (с. 34). Судебный споръ вдовы Ст. Носа съ Бѣлецкими за Щ.—тянулся четыре года (1743—47) и кончился въ пользу истицы: Щ. присуждена была внукѣ полковника Носа, бывшей замужемъ за Троцкимъ (с. 35), въ родъ которыхъ Щ. затѣмъ и перешла.[1] **Кр. А.** 69 д. **В.** 29 д. **В.** 36 д. пс. 11 д. **Г.** 25 д. 29 х. **Д.** (разн. владѣній) 37 д. 49 х. пс. 2 д. 4 х. **Кз. В.** 10 д. **Г.** 16 д. 16 х., „мельники" б. тов. Троцкаго—3 д. 3 х. **Д.** 35 д. 61 х.

С. Ряски, рч. Смошь, существовали уже въ пол. XVII в.; затѣмъ отданы были (Самкомъ?) на урядъ полковнику Чернявскому, послѣ котораго, какъ урядовою маетностью, Р-ми владѣли послѣдовательно Горленки, Лаз. и Дм., Носъ и Галаганъ, пока это село не выпросилъ у Скоропадскаго извѣстный генералъ Вейзбахъ. Послѣдній ревностно занялся здѣшнимъ хозяйствомъ, причемъ скупалъ земли и у своихъ „подданныхъ"[2]).

---

[1]) Въ этомъ процессѣ Бѣлецкіе о полковникѣ Носѣ говорятъ, что когда онъ «прійшолъ зъ Сѣчи запорожской, то по знаемости съ нимъ—бывшій полков. писарь Прилуцкій Семенъ Раковичъ, по своему усмотрѣнію, оного Носа, бывшого рядовымъ козакомъ, на Анастасіи Раковичевнѣ, своей сестрѣ Бѣлецкой, 1665 г. женилъ, и по женитбѣ,—на всѣхъ добрахъ природного ихъ прадѣда Івана Бѣлецкого—онъ, Носъ, отъ оного года чрезъ 44 года жилъ и всѣми добрами користувался"... Бѣлецкіе старались доказать, что Носъ разжился на имѣніи перваго мужа своей жены—Бѣлецкаго, почему де и Щ. должна принадлежать правнукамъ этого Бѣлецкаго...

[2]) „Я, Андрей Нестеренко, чиню вѣдомо: понеже имѣючи свои лозы з мѣстцемъ обаполъ рову Богунового, помежъ панскихъ лозъ,

Вмѣстѣ съ тѣмъ В-хъ подчинилъ себѣ, кромѣ крестьянъ, и Рясковскихъ козаковъ, находя, что они должны считаться приписанными къ „дворцу“ его, для „посылокъ“ [1]). Для извлеченія больших доходовъ изъ украинскихъ своихъ маетностей, В-хъ устроилъ здѣсь суконную фабрику.—Послѣ смерти В-ха, Р. отданы были Миниху, который, желая расширить заведенную уже здѣсь фабрику, хотѣлъ было присоединить къ Ряскамъ, путемъ обмѣна, нѣсколько сосѣднихъ селъ, и по этому случаю подавалъ на имя императрицы въ 1740 г. слѣд. прошеніе: „Въ пожалованныхъ мнѣ отъ вашего и. величества на Украинѣ маетностяхъ, *по высочайшему в. величества повелѣнію*, заведены суконныя фабрики, и такъ оные чрезъ прилѣжное мое стараніе, на армію в. величества отданы, а впредъ съ наивящшею ползою

продалемъ графу фонъ Вейзбаху, всемилостивѣйшему *моему державцу*, за сумму денегъ рублей одного копѣекъ сорокъ, якіе денги отъ п. господара Домнѣка Судника принялъ. Писано въ Раскахъ“.

[1]) Когда Прилуцкій полквнкъ хотѣлъ было въ 1726 г. взыскать съ Рясковскихъ козаковъ, наряду съ другими, штрафъ за уклоненіе отъ похода „до крѣпости св. креста“, то Вейзбахъ писалъ Галагану: «извѣстно в. благородію, что за отдачею села Расковъ мнѣ во владѣніе и тамошніе казаки, якихъ человѣкъ полдесятокъ, въ томъ числѣ съ половину пѣшихъ будетъ, къ дворцевѣ моему для посылки и приватныхъ толко дѣлъ, но и государственныхъ приключаючихся, приписани, которіе, якъ за прежнихъ державцовъ, едну державскую услугу, нѣчего болшъ, отбувалы, подъ сотню не належалы, въ походахъ не бувалы, такъ и нынѣ на тую жъ самую повинность, а часомъ и государственную, опредѣлены. Къ томужъ весма зубожаліе, отнюдь не имѣютъ с чего денги дать; а когда денгы такіе отъ реченныхъ Расковскихъ козаковы требоватимутся, и дворцевую повинность отбувать будутъ, то въ послѣдное пріидутъ разореніе, а денегъ не выстатчатъ, потому з оныхъ, яко подъ сотню неналежныхъ, нѣкогда войсковой услуги неотбуваючихъ, такихъ денегъ слушне собирать не подлежитъ... И по сему слушному моему мнѣнію пѣшіе и конніе Раскувскіе козаки къ той податѣ денежной причислятись не имѣютъ, объявляю и остаюсь в. б-дію доброжелателный и ко услуженію готовій. Іоанъ Бернарнтъ Вейзбахъ. З Полтавы. Генвар. 2, 1727 году“.

для арміи оные быть могутъ; токмо, всемилостивѣйшая государыня, тѣ мои маетности лежатъ въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, яко-то: въ Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Полтавскомъ, Кіевскомъ и Нѣжинскомъ, и одна отъ другой въ немаломъ разстояніи. Помянутые жъ фабрики имѣются въ с. Рашкахъ, въ полку Прилуцкомъ находящемся, которое не весьма многолюдно и для употребленія на помянутые фабрики того села подданныхъ недостаточно, въ чомъ обстоитъ немалая нужда; а ежелибъ зъ другихъ далнихъ маетностей обывателей брать и на оное употреблять, то будетъ имъ немалое отъ того отягощеніе, чего ради имѣлъ я прилѣжное стараніе о присовокупленіи къ тому селу Рашкамъ другихъ лежачихъ вблизости владѣльческихъ маетностей, на промѣнъ—изъ пожалованныхъ мнѣ, имѣющихся оттуда по отдаленіи деревень, хотя оные числомъ дворовъ и душъ и земель—болѣе тѣхъ владѣльческихъ; по которому моему старанію и учиненъ мною договоръ по добровольному согласію съ в. генер. есауломъ Лисенкомъ въ такой силѣ, чтобъ мнѣ взять отъ него, Л—ка, лежащіе по способности къ с. Рашкамъ деревни его, именуемые Смошу, Боршну и Веркіевку, въ Прилуцк. п. имѣющіеся, а ему, Л—ку, вмѣсто того, отдать маетность мою въ Нѣжинск. п., способную къ маетностямъ его Л—ка, с. Дремайловку. Токмо помянутые его, Л—ка, маетности отъ в. имп. величества пожалованы ему на его ген. есаула чинъ и для того оныя совершенно укрѣпить я за собою безъ в. величества соизволенія не смѣю". Поэтому Минихъ просилъ высшее правительство разрѣшить ему произвести указанный промѣнъ. Въ Спбургѣ согласились съ доводами Миниха и изъ „кабинета" было поручено тогдашнему правителю Малороссіи Кейту—собрать подробныя свѣдѣнія о названныхъ Минихомъ маетностяхъ и „взять у нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ письменное извѣстіе—довольны ли они тою мѣною будутъ". Но эти экономическіе планы Миниха не сбылись, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, М-хъ былъ сосланъ, причемъ лишился всѣхъ своихъ украинскихъ маетностей... Отобранная при этомъ въ 1742 г. Рясковская суконная фабрика отдана была въ вѣдомство мануфактуръ коллегіи. Но фабрика эта видимо представляла собою очень выгодное имущество, потому что вслѣдъ за-

тѣмъ (въ 1744 г.) Ряски были выпрошены кн. Бор. Гр Юсуповымъ, причемъ послѣднему „для размноженія тамошней фабрики дано заимообразно изъ казны денегъ, на 10 лѣтъ, 10/т. рубл.“ [1]). По ревизіи 1795 г. къ Рясковской ф—кѣ было приписано 1495 д. крест.; въ Ряскахъ—1283, въ д. Оникѣевой—107, х.х. Котелевскомъ—26, Тарамсовскомъ (?)—25, Лященковскомъ Кутѣ—13, Н. Греблѣ—3, Солошскомъ—5, Бѣличевскомъ—2 и Мецевскомъ—1. По сенатскому указу, въ 1791 г., Р-ой фабрикѣ было опредѣлено „выставить разныхъ цвѣтовъ суконъ 63840 арш., которые на той фабрикѣ вырабатывались и въ коммиссаріатское вѣдомство въ отдачу производились, а на 1797 г.,—предписано отъ мануфактуръ коллегіи—заготовлять, соображаясь противъ 1796 г., поставки, отчисляя отъ сукна десятую долю, вмѣсто того въ $1^1/_2$ болѣе готовить каразею“. **Кр. П.** 41 д. **А.** 212 д. **В** 210 д. **В.** 214 д., урядниковъ (Вейзбаха) 7 д. **Г.** 210 д. 220 х. пс. 5 бд. х. **Д.** (кн. Юсуповой) 373 д. 485 х. пс. 3 д. 10 х. **Кз. В.** 20 д. **Г.** 13 д. 14 х. („во владѣніи фельдмарш. гр. ф. Миниха“). **Д.** 19 д. 50 х.

Д Оникѣевка, рч. Смошъ, выселокъ изъ Рясокъ, нач. XVIII в.; по вѣд. 1729 г.,—„селце О—ка къ Ряскамъ прилеглая, на войсковой, а не на купленной землѣ осаженная“. **Кр. В.** 9 д. **В.** 8 д. **Г.** ? **Д.** (кн. Юсуповой), 18 д. 24 х. **Кз. В.** нѣтъ. **Д.** 1 д. 2 х.

Сребрянская сотня занимала побережья средняго Лисогора и его притоковъ: Галки, Березовицы и Тростянца. Въ округѣ сотни находился и незначительный притокъ Удая—Утка. Въ 1763 г. составъ Сребр. сотни измѣнился вслѣдстіе отдѣленія отъ нея нѣсколькихъ селъ при образованіи Второй Варвинской сотни.

Сребрянскіе сотники. Данило Тимченко, 1672. Иванъ Бовченскій, 1672. Иванъ Бѣлецкій, ок. 1680. Трофимъ Васильевичъ Троцина, 1688—1707. Антонъ Трофимовичъ Троцина, 1710—729.

---

[1]) Изъ рукописн. свѣд. о суконныхъ фабрикахъ въ Малороссійск. губ., въ 1797 г.

Николай Антоновичъ Троцина, 1739—755. Осипъ Масло, 1755—773. Александръ Чеснокъ, 1773. Андрей Яковлевичъ Кисель, 1779—781.

Бѣлецкій былъ сынъ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, женившагося на Настасьѣ Раковичевнѣ, сестрѣ полк. писаря Семена Раковича (с. 29). По смерти этого Бѣлецкаго, на вдовѣ его женился будущій полковникъ Носъ. Мы уже видѣли (с. 30), что это былъ человѣкъ умѣвшій годить власнымъ людямъ, за что и получалъ отъ нихъ разныя милости. Вѣроятно, что Носъ съумѣлъ пристроить этого своего пасынка на Сребрянское сотничество. Близкое свойство Бѣлецкаго съ Носомъ было причиною, что послѣдній сталъ называться *Носенкомъ*. Внуки этого сотника, при судебномъ спорѣ съ невѣсткою Носа за Щуровку (с. 316), разсказывали, что Носъ, женившись на ихъ прабабкѣ Раковичевнѣ, „присталъ ко всему имѣнію" прадѣда ихъ, Бѣлецкаго, и поселился въ домѣ ихъ „прадѣдизномъ", и дѣдъ ихъ съ малолѣтства своего въ Носовой опеки обрѣтался, и по женитбѣ своей, неотдѣленно съ нимъ, Носомъ, въ отческомъ своемъ домѣ, до произвсжденія въ чинъ полковничества Носа, жилъ; а въ службѣ войсковой дѣдъ ихъ, первѣе, въ числѣ значковаго товариства, потомъ въ чину *сотничества Сребрянского* былъ. И Носъ видя его, дѣда, постоянна, приказалъ называться (ему) *Носенкомъ.*" Когда именно Б. былъ сотникомъ—неизвѣстно, но вѣроятно еще при Самойловичѣ, такъ какъ съ 1688 г. сотниками здѣсь были уже Троцины. Б. оставилъ одного сына Петра, бывшаго полк. сотникомъ, который уже иначе и не писался какъ *Носенкомъ* (с. 127).

Троцины происходятъ изъ Прилуцкаго м. Переволочны. Въ пол. XVII в. здѣсь жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына: Трофимъ и Степанъ. Старшій, Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который послѣдняго взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По предстательству сына-пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ и, кромѣ того, право заселить слободою *селище* Охоньки. Сотникомъ Трофимъ оставался до 1707 г., когда повышенъ

былъ на урядъ полк. судьи. Трофимъ и братъ его Степанъ, повидимому, не имѣли особаго прозвища, такъ какъ въ актахъ писались по имени отца—Васильевичами. Такъ братья названы, только по имени отца, въ „декретѣ“ Прилуцк. п. суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ ихъ за отцовскую мельницу въ м. Переволочной. Въ народѣ Трофимъ слылъ подъ именемъ *Троця* (малорос. форма имени Трофимъ). Въ Мазепину измѣну этотъ Троць не пошелъ за своимъ полковникомъ и, казалось, былъ обезпеченъ отъ навѣтовъ на „измѣну“, тѣмъ болѣе, что онъ вскорѣ затѣмъ оставилъ и службу, по старости. Но кто-то донесъ на Троця, что и онъ не чуждъ былъ „измѣны“. Старика вытребовали въ СПБ., какъ объ этомъ говоритъ сынъ его, въ одномъ прошеніи 1718 г.,—„отецъ мой неправеднымъ уданьемъ (доносомъ) ненавистныхъ людей взятъ былъ по указу въ СПБ., гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорозѣ будучи, скончилъ животъ свой...“ Въ этомъ прошеніи сынъ Троця Антонъ подписался уже *Троцинною* и прозвище это было засимъ усвоено потомками „Трофима Васильева“. Антонъ Тр. оставилъ Москву—или по случаю потери голоса или по другой причинѣ. Возвратившись на родину, онъ поступилъ канцеляристомъ въ генер. к—рію и здѣсь такъ попаторѣлъ въ письменныхъ дѣлахъ, что вскорѣ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣльцовъ въ гетманщинѣ. Изъ ген. к—ріи Тр. безъ труда получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ. Вскорѣ послѣ этого—Прилуцк. полковникомъ назначенъ былъ Галаганъ, пожелавшій сразу подчинить себѣ старшину полка и поставить ее въ полную свою зависимость. При этомъ Тр. явился однимъ изъ первыхъ протестантовъ противъ Галагановскаго самоволія, за что и подвергался преслѣдованіямъ отъ новаго полковника (с. 39). Апостолъ пользовался этими отношеніями Тр. съ Галаганомъ и поручалъ первому нѣкоторый надзоръ надъ дѣйствіями полковника, когда тотъ старался, помимо гетмана, добыть себѣ царскую грамоту на захваченныя маетности (с. 42). Сотниковалъ Тр. до 1739 г., когда за старостью былъ уволенъ, при чемъ вмѣсто его Сребрянскимъ сотникомъ былъ назначенъ его сынъ. Получивъ отъ отца Охоньки, Тр. самъ поселилъ Карпиловку, тоже на старомъ *селищѣ*. Кромѣ того,

Тр. нажилъ немало разнаго рода грунтовъ и водяныхъ мельницъ. Но эти достатки были причиною только бо́льшихъ несогласій Ант. Тр. съ сыномъ его Николаемъ, начавшихся изъ за второй женитьбы отца: овдовѣвъ послѣ первой жены, отъ которой остался одинъ сынъ и нѣсколько дочерей, Тр. женился въ другой разъ (на женщинѣ „простого стану"), уже будучи повидимому глубокимъ старикомъ. Женитьба эта сыну, конечно, была непріятна, а когда у старика-отца родились новые дѣти, то Николай, боясь потерять богатое наслѣдство, сталъ понемногу его захватывать самовольно и тѣмъ вызвалъ со стороны отца крутую мѣру—„отчужденія" сына отъ наслѣдства. Объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ сыну Тр. подробно говоритъ въ своемъ любопытномъ завѣщаніи, (написанномъ въ 1741 г.), отрывки котораго мы здѣсь приводимъ.—„Разсмотря отверстима очима доволное продолженіе по волѣ Божіей въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую глубокую мою старость... и понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе, что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ за поосталіе отческіе движиміе и недвижиміе добра въ великіе позви и ростирки входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ... Къ тому же, тѣ же чада, слѣдуя непостоянству вѣка сего... безъ благословенія родительскіе до́бра движиміе забираютъ а недвижиміе разоряютъ, и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сина моего Николы, сотника Сребрянского, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забивши синовную должность, великіе мнѣ противности и укоризни дѣлаетъ насилнимъ забратемъ въ обиду мою собственного имѣнія, которое я не зъ дѣдизни, не зъ отчизни имѣю, но властнимъ моимъ трудомъ набитие; а иние—отца моего, а его Николи дѣда, въ разнихъ владѣлцовъ—пооткуповане [1])... О якихъ сина моего Николы противностяхъ не единожди въ Прилуцк. п. к—рію билъ я челомъ. Я же, по своей отческой милости, покамисть

[1]) Откупленные вѣроятно изъ подъ залога, сдѣланнаго для займа денегъ.

онъ, Никола, билъ послушенъ, по должности моей отческой, определилъ ему на доволствие слѣдующие речи: напродъ, якъ его оженилъ, далъ ему Николѣ 200 рублей битихъ, далъ ему воловъ 10, коровъ 10 зъ телятами и изъ бугаемъ сивимъ, кобилъ 10, зъ лошатами и изъ дригантомъ, овецъ 200, барановъ 20, козъ 20. *Уручивши ему урядъ сотничества Сребр—го*, далъ ему своихъ верховихъ коней 4, якие били куповани по 200 золотихъ и по 150, зъ кулбаками кримскимы и зо всѣмъ порадкомъ, якъ на коня сѣсти; шаблю оправную, турецкое желѣзко доброе, за которую далемъ 30 рубл., а паски (перевязь) до той шаблѣ срѣбние самъ уже дѣламъ; рондовъ два пуклястихъ, а третий рондъ штучками отливанними срѣбними насажованний, суто злоцѣстий, межи штучками—пуклями срѣбними бѣлими пересажований. Самъ онъ Никола, потай мене, взялъ кулбаку: ввесь ленкъ сафьяномъ покритий суто срѣбромъ зъ ташками гафтованними, а по древцю бляшками срѣбними сутозлоцѣстими оббитий; до тоей же кулбаки платъ кармазиновий, срѣбромъ гафтованний, якую онъ, Микола, совсѣмъ потай мене взялъ: Флинтъ двѣ тулской роботи, добрихъ, за которие далемъ 10 рубл.; паръ двѣ пѣстолетовъ добрихъ, шленской роботи, ему далемъ, а паръ двѣ пѣстолетовъ шведскихъ; самъ потай мене взялъ: ручницю и мушкетъ сѣчевой, давной роботи. Далемъ млинъ зъ ступниковъ на рч. Сребранци, въ Загайкахъ (хуторъ) стоячій, зъ винницею и изъ хуторомъ и изъ двома садами, за которой 100 р., ему жъ Николѣ, далемъ"... Засимъ слѣдуетъ перечень другихъ хуторовъ, „грунтовъ" и мельницъ, отданныхъ старымъ Тр. сыну.—Затѣмъ завѣщатель продолжаетъ: „Хотя же я, по своему отеческому милосердию, не токмо то, якъ зъ вещей показанних далъ ему, но и еще, усугубляя дачей, зъ моихъ недвижимостей хотѣлъ дати, да и то, что я при старости лѣтъ моихъ труждаюсь и удобвозможними образи набиваю, некому иному якъ, по смерти моей, Миколи хотѣлъ леговать, но понеже онъ, Микола, забивъ страхъ Божий и должность синовскую и не отдаючи мнѣ послушенства належитого, добра мои пустошитъ и что толко ему понадобится и женѣ его, не прося мене, сами собою берутъ; людей моихъ (съ которихъ немалая мнѣ полза) разгонитъ и разоряетъ и до полусмерти бьетъ...

Для чего сина моего Миколу отъ дачи всѣхъ моихъ добръ, за силу права малороссійского въ кн. Статути, розд. 8, артик. 7 напечатанно, *отчуждаю*, а доволствоватся бъ ему, Миколѣ, вишепоказанною отъ мене дачею. А чтобъ по смерти моей Никола, синъ мой, и дочери мои, которие всѣ уже отъ мене такъ грошми, яко конми, товаромъ (скотомъ), овцами и пчелми отдѣлени и отвѣнени... теперъ, зъ нинѣшнею моею женою и испложенними зъ нею моими дѣтми, раздору и помѣшателства не имѣли и не чинили, зъ доброй моей памяти и совершенного розума моего тако чиню... Напродъ, душу мою грѣшную Господу Богу вручаю, тѣло жъ мое грѣшное землѣ по христіанску предати, а въ которой церкви положенъ буду, на тую церковъ 100 золот. дати, а особно на три сорокоуста священниковѣ тоей церкви по 3 р. дати; млинъ Переволочанскій и лугъ прозиваемий отческій—туда жъ прилучити и гай прозиваемый Прилуцкій—продать, и всѣ тие гроши за мою душу на помяновенне, до монастирей Киевскихъ: на обитель св. Софийскую—60 р., на обит. св. Печерскую—60 р., на Видубицкій м—рь — 20 р., на св. Пустинский Николский м—рь 20 р... на Густинскій м—рь 20 р., на Деймановский м—рь 10 р., на всѣ три церкви Сребранские по 40 золот. дати, жебы по два сорокоуста отправили. Дворъ мой въ мѣстѣ Срѣбномъ, въ которомъ я живу, и огороди около его покупленіе и сади и луги... такожъ броваръ и воскобойня (слѣдуетъ перечень разныхъ угодій) все тое женѣ моей зъ дѣтми моими, зъ нею спложенними, ей вовся вручаю. Такожъ маетности мои *Охонки* и *Карпиловку* женѣ моей зъ дѣтми моими" [1])... Такимъ образомъ, главныя свои имѣнія Тр. отдавалъ второбрачной женѣ и малолѣтнимъ своимъ отъ нея рожденнымъ дѣтямъ. Николай Тр. видѣлъ, что богат-

---

[1]) Подпись: «Сей тестаментъ остатной волѣ моей сочиненъ 1741 года, апр. 26 д., писанъ моею власною рукою, який своею жъ рукою и закрепляю. Антонъ Троцина, абшитованний сотникъ Сребранский». Тестаментъ этотъ у насъ имѣется въ копіи, писанной съ ошибками. Ошибкою же объясняемъ и названіе отца Ант. Тр-ны—Прокопіемъ, а не Трофимомъ, какъ онъ называется въ другихъ актахъ.

ства отца отъ него ускользаютъ и это обстоятельство еще болѣе обострило его отношенія къ отцу. А старый Тр. хорошо понималъ, что—какъ только онъ умретъ, то вдовѣ его не сдобровать и поэтому рѣшилъ найти ей съ дѣтьми—какого нибудь надежнаго защитника, который, послѣ его смерти, сталъ бы въ роль опекуна этой семьи. Такого защитника онъ нашелъ въ лицѣ одного изъ дядей тогдашняго фаворита Ал. Разумовскаго, Стрешенца, который хотя жилъ въ Лемешкахъ (Козел. у.), но владѣлъ сосѣдними съ Охоньками с. Смошью. Это былъ одинъ изъ братьевъ старухи Разумовской, писавшійся Денисомъ Демьяновичемъ, а прозывавшійся—и *Лемешкомъ*, и *Стрешенцомъ*. Выбралъ Тр. этого Стрешенца, въ опекуны, за годъ до смерти, а умеръ онъ 6 мая 1749 г., имѣя отъ роду ок. 85 лѣтъ. Въ этотъ моментъ у него—отъ второй жены—былъ только трехлѣтній сынъ, да жена оставалась еще беременною... Стрешенецъ жилъ около Козельца и, повидимому, мало зналъ что дѣлается въ Прилуччинѣ. А между тѣмъ у Троцинъ вотъ что дѣлалось. Со дня смерти стараго Тр., сынъ его Николай проявилъ ужасную жестокость—прежде всего—по отношенію къ роднымъ своей мачихи, ея матери и сестрѣ, желая чрезъ нихъ добиться—гдѣ вдова спрятала мужнины деньги. Подробную картину этихъ насилій, представляющую любопытный матеріалъ для исторіи тогдашнихъ нравовъ и общественности, нарисовалъ, со словъ потерпѣвшихъ, самъ Стрешенецъ—въ своемъ обращеніи къ мѣстной старшинѣ за защитой семьи старика Тр-ны отъ ужасныхъ насилій его старшаго сына. Вотъ что писалъ по этому случаю Стрешенецъ: „Какъ только умеръ Антонъ Тр., то того же часу сынъ его Николай, не ожидая погребенія отца, наѣхалъ въ дворъ покойнаго и приказалъ в. тов. Вязловецкому взять мать вдовы умершаго и сестру ея родную и—забивши „въ ручныя и ножныя скрипицы"—отвести въ свой хуторъ Загайки. А вдову покойнаго, свою мачиху, не допустивъ ее и проводить тѣло мужа умершаго, велѣлъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ. Исполняя приказъ, Вязловецкій „содралъ" съ первыхъ двухъ—матери и сестры—одежду и въ такомъ видѣ погналъ ихъ, рядомъ съ своей лошадью, пѣшихъ, погоняя палкою, чтобъ не отставали... А пригнавши мать

и сестру вдовы—въ хуторъ, и послѣднюю съ нихъ одежду снялъ, отыскивая въ ней деньги, причемъ нашелъ всего 2 коп., а одежду себѣ забралъ „за труда“. А потомъ пріѣзжалъ въ Загайки и самъ Николай Тр., и здѣсь—вмѣстѣ съ Вязловскимъ—нещадно били этихъ женщинъ плетьми по голому тѣлу и „по бруху“, допрашивая о вещахъ и деньгахъ покойнаго Ант. Тр. Послѣ этихъ пытокъ надъ несчастными, Николай велѣлъ вмѣсто „скрыпицъ“. „залить ихъ въ желѣзныя кандалы“, отъ которыхъ вскорѣ „въ ногахъ черви у нихъ уплодились“. Когда же эти двѣ женщины просили сотника, чтобъ онъ помилосердствовалъ и приказалъ хотя бы немного ослабить кандалы, то онъ отвѣчалъ: „до тѣхъ поръ буду васъ мучить, пока васъ живыхъ черви не съѣдятъ“... Не довольствуясь же и этими мученіями, сотникъ велѣлъ обѣихъ женщинъ привести въ сот. к—рію и здѣсь приказывалъ согласнику своему, городовому атаману Осипу Маслу (который уже много людей „всмерть поубивалъ“)—въ базарные дни—публично привязывать обѣихъ женщинъ голыми „къ драбинѣ“, а потомъ—бить ихъ по спинѣ и по брюху, отъ самыхъ ногъ до шеи, пока не укажутъ—гдѣ спрятано имущество умершаго отца. А сотникъ, находясь тутъ же, при этомъ грозилъ: „хотя, говоритъ, и замучу васъ до смерти, то у меня будетъ чѣмъ заплатить поголовщину“. Отъ такого бою—случалось—отливали ихъ водою... Послѣ этихъ мученій посадили бѣдныхъ въ тюрьму, и не позволялъ сотникъ подавать имъ и милостыни, которую приносили добрые люди колодникамъ. Кромѣ того, сотникъ взялъ изъ Карпиловки и родную тетку мачихи, которую тоже забили въ ручныя и ножныя „скрыпицы“ и допрашивали потомъ о скрытомъ имуществѣ отца. А мачиху содержалъ сотникъ подъ карауломъ и морилъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ ея сыномъ—нестерпимымъ голодомъ; грозилъ онъ расправиться и съ мачихою также какъ и съ ея родными, отъ чего пока удерживался, зная, что мачиха „осталась отъ мужа ея непраздною“. А какъ та родила дитя, то сотникъ началъ измышлять средства—какъ бы мачиху замучить въ смерть... И служителей умершаго отца сотникъ также нещадно разными пытками мучилъ, допрашивая объ отцовскихъ деньгахъ, а другимъ людямъ немалыя награды обѣщаетъ, чтобы показывали на мачиху—что не отъ отца его рожала она дѣтей... чтобы тѣмъ

вдову и дѣтей ея наслѣдства лишить. Видимо, что сотникъ желаетъ замучить всѣхъ родныхъ своей мачихи, „чтобы некому было искать за убійство ея съ дѣтьми, когда ихъ не станетъ“... Разсказавъ объ этихъ мученіяхъ вдовы стараго Тр—ны и ея родныхъ, Стрешенецъ говоритъ, что такъ какъ умершій Тр. просилъ его, Стр—ца, быть опекуномъ надъ второю семьею, то онъ боясь, чтобы ему „за силу правъ малороссійскихъ, яко опекуну, не быть въ отвѣтѣ“, проситъ полк. к-рію—освободить вдову съ ея дѣтьми и родными—изъ „подъ-секвестру“, привести ихъ въ полк. к—рію и какое имъ чинено было мученіе,—вчинить тѣмъ боямъ обдукцію („осмотръ“), ибо и по криминалнымъ дѣламъ такихъ пытокъ не бываетъ! Притомъ же ему, сотнику, допрашивать вдову и ея родныхъ—за отческія добра—не точію не слѣдовало, но и дѣла до оставшихся послѣ умершаго отца добръ, ему, сотнику, нѣтъ, потому что покойникъ тестаментальнымъ своимъ завѣщаніемъ, за многія его, сотника Николая, отцу противности, отъ движиммхъ и недвижимихъ своихъ имѣній—отдалилъ и леговалъ ихъ женѣ своей Аннѣ Андреевнѣ и „дѣтемъ зъ нею споженнымъ“... Прося полков. старшину взять подъ свою защиту вдову стараго, заслуженнаго сотника и ея родню, Стр—цъ добавлялъ, что самъ онъ въ это время „отъѣзжаетъ“ въ Москву и потому поручаетъ „ходить“ по этому дѣлу сыну своему Григорію. Просьба эта подана была Стр—цемъ 26 августа, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого, передъ тою же старшиною, предстательствовала сестра Стретенца—Наталья Рязумовская, но уже за Николая Тр., причемъ писала слѣдующее: „сего числа (25 сент. 1749 г.) просилъ меня сотникъ Сребранскій Николай Тр., яко по смерти отца его Антона остались движиміе и недвижиміе имущества, которыми владѣть ему по наслѣдству должно; а нынѣ де мачиха его Николая, яко чрезъ письмо брата моего Дениса взята въ опеку в. тов. Иваномъ Шнуркомъ, гдѣ и понынѣ содержится въ домѣ его в. тов—ща, *и уповательно, что захочетъ* (мачиха) *оного сотника отъ всего имѣнія отдалить напрасно.* Того ради, благородій вашихъ, прилѣжне прошу, ежели помянутого сотника Тр—ны будетъ по тому писанному отъ брата моего писму реченой Шнурокъ брать въ опеку имущества, *то тому пожаловать не вѣрить* и учинить въ силу в. генер. к—ріи

указу, въ чемъ я на васъ, моихъ благодѣтелей, надежна". [1]) Отсюда видно, что по письму Стрешенца старшина, для защиты семьи стараго Тр—ны, назначила ей особаго опекуна въ лицѣ очень бойкаго человѣка, Ивана Шнурка, будущаго полк. писаря (с. 65). Этотъ опекунъ дѣйствительно защитилъ вдову стараго Тр—ны, п. ч. молодой Тр—на вслѣдъ за назначеніемъ Шнурка поѣхалъ въ Глуховъ и, выхлопотавъ тамъ какой-то „указъ", нашелъ ходъ еще и къ матери Разумовскаго, чтобы выпросить у нее приведенное письмо къ той же старшинѣ, къ которой за мѣсяцъ передъ тѣмъ писалъ Стрешенецъ противъ молодого Тр—ны. Повидимому, Тр.-сынъ не придавалъ особаго значенія завѣщанію отца, почему и просилъ ген. к—рію выдѣлить ему часть изъ отцовскихъ имѣній въ собственность, а другую, назначивъ для малолѣтнихъ дѣтей умершаго, отдать ему—вмѣстѣ съ этими дѣтьми—въ опеку. Чтó было сдѣлано ген. к—ріей по этому прошенію—не знаемъ, но вопросъ скоро очень упростился смертью второбрачныхъ дѣтей стараго Тр—ны, причемъ вдова—по рѣшеніямъ полк. и генер. судовъ—получила только вдовью часть въ пожизненное владѣніе, какъ то слѣдовало по Литовск. статуту. Такимъ образомъ, духовное завѣщаніе стараго Тр—ны объ отдачѣ Охонекъ и Карпиловки его второй женѣ и объ „отчужденіи" сына Николая отъ наслѣдства вообще—не было исполнено... Но и вдовья часть мачихи скоро перешла къ сыну умершаго Тр. потому, что мачиха и послѣ смерти мужа стала рожать дѣтей... Сначала, черезъ годъ послѣ смерти мужа, она родила дитя, которое однакожъ успѣла скрыть, а въ 1754 г. вдова снова родила—двухъ близнецовъ, рожденіе которыхъ Н. Тр. выслѣдилъ такъ тщательно, что не только мачихѣ пришлось сознаться въ своемъ грѣхѣ, но и отецъ этихъ близнецовъ былъ обнаруженъ. Отцомъ ихъ оказался Охоньковскій „подданный" Авраменко, разсказавшій, что, во время бытности его служителемъ у вдовы Тр—ны, случилось разъ, что пріѣхалъ къ послѣдней ея дядя; причемъ, угощаясь съ племянницею „го-

---

[1]) Подпись: «благородій вашихъ, моихъ благодѣтелей, доброжелателная Наталія Разумовская. Съ Адамовки, сент. 25 д., 1749».

рѣлкою", гость позвалъ и Авраменка въ хату, чтобъ угостить и его; а когда всѣ трое напились пьяными, то, погасивъ „свѣчу", положились спать, причемъ дядя велѣлъ и ему Авраменку тутъ же лечь; а ночью—„сотничка Ганна принудила его учинить съ нею скверное похотѣніе"... Доказанный „грѣхъ" мачихи лишилъ ее и полученной было вдовьей части, послѣ чего все наслѣдство Ант. Тр. уже безпрепятственно перешло къ тому его сыну, котораго онъ такъ сильно желалъ лишить этого наслѣдства.—Николай Тр. оставался сотникомъ до 1755 г., когда былъ уволенъ въ отставку. Причинъ отставки мы не знаемъ, но очень можетъ быть, что одною изъ нихъ было то противодѣйствіе, которое онъ оказывалъ гетманской сестрѣ и ея мужу (Будлянскимъ) при приведеніи въ извѣстность всего того что̀ принадлежало къ отданному имъ м. Сребному (см. ниже). Н. Тр. еще и въ 1772 г. жилъ на покоѣ въ своихъ Охонькахъ. По ревизіи 1764 г., за нимъ было записано слѣд. количество посполитскихъ „хатъ" (дворовъ): въ с. Карпиловкѣ—150, Охонькахъ—92, х. Загайкахъ—13, Юрковцахъ—16, Никоновкѣ—8, Алексинцахъ—2 и Грицовкѣ—7, итого всѣхъ хатъ 288; считая въ дворѣ по 3 души, всѣхъ крест. въ этихъ маетностяхъ было до 900 душъ. У Н. Тр. было три сына: Фаддей (р. 1742), Якимъ (р. 1743) и Григорій. Послѣдній умеръ раньше отца. Фаддей былъ сотникомъ Второварвинскимъ, а Якимъ служилъ въ армейскихъ полкахъ и въ 1772 г. жилъ отставнымъ корнетомъ въ с. Карпиловкѣ; онъ женатъ былъ на Аннѣ Афанасьевнѣ Костенецкой, за которою дано было въ приданное въ г. Кролевцѣ—4, въ с. Фесевкѣ—21 и въ с. Веревкѣ—18 хатъ.

Масло назначенъ былъ сотникомъ въ 1755 г., изъ городовыхъ атамановъ, и пробылъ на сотничествѣ до 1774 г., когда назначенъ былъ сначала исправлять должность подсудка Иваницкаго земскаго суда, а въ 1778 г. „произведенъ настоящимъ подсудкомъ". По ревизіи 1764 г., за нимъ числилось 34 хаты „подсосѣдковъ и служителей". (См. ниже х. *Касяновъ*). Характеристику Масла представилъ Стрешенецъ въ своемъ прошеніи о защитѣ вдовы Ант. Тр. (с. 327), говоря, что этотъ сотникъ, будучи еще городовымъ атаманомъ, *много людей въ смертъ поубивалъ*... Женатъ М. былъ на дочери б. т. Василія Мартоса, Ксе-

ніи и имѣлъ одного сына Матвѣя, который въ 1778 г. „въ регулярной службѣ поручикомъ находился“.

Чеснокъ получилъ сотничество послѣ службы въ компанейскомъ полку.

Села Сребрянской сотни.

„Городокъ“ Сребное, ррч. Лисогоръ и Сребрянка, возникъ повидимому на *селищѣ* древнерусскаго городка *Серебряного*, упомянутаго лѣтописью въ 1174 г. Нахожденіе Ср. при сліяніи двухъ рѣчекъ и *на горѣ*—служитъ указаніемъ, что поселеніе здѣсь могло существовать и въ XII в. Отновлено Ср. въ перв. пол. XVII в., и по документу Пшездѣцкаго въ немъ числилось уже 1830 „господар.“, при чемъ тутъ же показано 11 вод. мельн. По свѣдѣн. 1654 г. въ Ср. было—1228 домохоз., но по описи 1666 г. поспол. дворовъ въ Ср. показано только 113; если здѣсь было и козаковъ столько же, то слѣд. Среб-ское населеніе уже въ нач. втор. пол. XVII в. сильно умалилось и разумѣется прежде всего отъ выселеній, при движеніи въ это время цѣлыхъ массъ на востокъ, въ *слободы*. Но козаковъ въ Ср., повидимому, вообще было гораздо меньше, чѣмъ посполитыхъ; такъ слѣдуетъ думать потому, что въ 1718 г. ихъ было здѣсь всего 25 двор., а посполитыхъ—322 дв., т. е. послѣднихъ—въ 13-ть разъ больше. Такое количественное отношеніе „товариства“ къ „посполиству„—обращаетъ на себя вниманіе п., ч. въ другихъ „сотенныхъ городкахъ“, хотя бы того же Прилуцк. полка, такого явленія не встрѣчается. [1]) Полагаемъ, что преобладаніе въ Ср. посполитаго населенія зависѣло отъ выгодности тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ оно находилось, такъ какъ никакихъ внѣшнихъ препятствій къ переходу его въ козачество тутъ не было: посполство было вполнѣ свободно, а слѣдовательно безъ особыхъ затрудненій могло переписываться въ козачество, если бы при этомъ была какая-нибудь выгода, но этой выгоды не было п., ч. посполитые, пользуясь одинаковыми съ козаками экономическими выгодами жительства въ Сребномъ, въ то-же время были свободны отъ *походовъ*. Экономическія же выгоды

---

[1]) Ср. цифры населенія въ 1718 г. въ Монастырищѣ, Ичнѣ, Колядинѣ, Иваницѣ, Журавкѣ и Варвѣ.

Сребрянскаго обывателя, повидимому, заключались въ особомъ развитіи въ мѣстечкѣ ремесленной промышленности, на что указываетъ существованіе здѣсь еще и въ 1731 г. *пяти цеховъ*: ткацкаго, кравецкаго, ковальскаго, шаповальскаго и рѣзницкаго [1]). Видно, что Ср. было настоящимъ «мѣстомъ», т. е. торговымъ центромъ.—Черезъ девять лѣтъ населеніе Сребнаго значительно уменьшается и уменьшается конечно отъ выселеній, такъ какъ въ ревизской книгѣ за 1740 г. показано, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Ср. «сошло» 57 домохозяевъ. По этой-же книгѣ въ Ср. показано: школъ—3 и шпиталей—2, (въ нихъ «старцовъ з милостини жіючихъ» 7 челов.) и шинковъ—8, въ которыхъ шинковали мѣстные крестьяне, кромѣ шинкарки «Ганны перехристки». Въ это время Ср—ское посполъство, кромѣ обычныхъ повинностей въ пользу ратуши, обложено было, по распоряженію Апостола, наравнѣ съ другими поселеніями, денежною „дачею", какъ замѣчено при ревизіи 1740 г.—„съ оныхъ посполитыхъ собирается ежегодно съ 1732 г., для заплаты полков. чиновникамъ и сотеннымъ служителямъ и на канц—кіе расходы, 65 р. 90¼ коп., которіе денги отдаются въ полк. к—рію нарочно для того опредѣл. зн. тов. Матвѣю Федорову". При раздачѣ грузинамъ въ 40-хъ г. г. крестьянъ въ гетманщинѣ, въ Сребномъ ихъ было роздано до 200

---

[1]) Эти цехи указаны въ рев. книгѣ 1731 г., при перечнѣ *цехмистровъ*, въ ряду «старшины и служителей посполитаго чина, вольныхъ отъ дачи» (т. е. отъ всякаго рода повинностей). Вотъ эти — старшина и служители: «войтъ мѣскій, бурмистръ, завѣдовцы (два), ктиторъ мѣскій, ктиторъ другій мѣскій, ктиторъ спаскій, ктиторъ подгурскій, другій подгурскій, ктиторъ подолскій, ктиторъ другій подолскій, надсмотрщикъ овчарныхъ заводовъ, десятники: мѣскій, побочіевскій, долгоулицкій, крижній, загайковскіе (2), полулскіе (6), коммисаръ, сторожъ плецовий, чередники (восемь), овчари (3), почтарскій атаманъ, почтари (2), дѣдъ ратушній, дякъ мѣскій, паламарь мѣскій, школникъ одинъ, городничій, дякъ подолскій, паламаръ подолскій». Названія ктиторовъ указываютъ, что въ Ср. было три церкви: мѣская, т. е. центральная, подгорная и подольская, а названія «десятниковъ» вѣроятно указываютъ тогдашніе «кутки» въ мѣстечкѣ.

дворовъ. Тогда явились здѣсь Чолокаевы, Жеваховы, Эристовы, Орбеліани, Жержадзіевы, Ларадзіевы, Тумановы, Бедауровы... [1]) Всѣ эти лица, за рѣдкими лишь исключеніями, титулуясь *князьями*, представляли изъ себя бѣдняковъ, улучшавшихъ свое положеніе между прочимъ и браками съ дочерьми козацкой старшины. Послѣ этой роздачи, въ Ср. оставалось еще посполитыхъ свободныхъ около 150 двор., которые и были выпрошены у новаго гетмана сестрою его Агафьей, бывшей замужемъ за Власомъ Климовичемъ (позже—Будлянскимъ). Отданы были эти крестьяне Будлянскимъ въ „вѣчное владѣніе" и „со всѣми угодьями", причемъ разумѣлись какъ угодья еще незанятыя, такъ и находившіяся во владѣніи Сребрянскаго посполъства. Точно опредѣлить отданныя Б—имъ „угодья" было тѣмъ труднѣе, что подъ ихъ именемъ новые владѣльцы разумѣли всѣ тѣ земли, которыми *неправильно* владѣли козаки, разумѣя тутъ и старшину, и рядовое козачество. Видя трудность разрѣшенія вопроса—какія именно земли *неправильно захвачены* козаками, Б—іе обратились къ гетману, чтобы онъ своимъ властнымъ словомъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Разумовскій не нашелъ однакоже возможнымъ рѣшать этотъ вопросъ административнымъ путемъ, а предложилъ Б—имъ съ просьбою своею обратиться въ судъ. Кромѣ розысканія земель, Б—имъ предстояло произвести розысканіе еще и тѣхъ крестьянъ, которые въ послѣднее время переписались въ козаки. Желая помочь сестрѣ въ этихъ розыскахъ, гетманъ предложилъ Прл-цкому

---

[1]) По вѣд. 1753 г. въ Сребномъ показаны слѣд. владѣнія грузинъ: князя Жердана Жержавцова—25 дв., 1 бд. х.; кн. Мирвела Туманова—15 дв., 3 бд. х.; дворянина Сехнія Ларадзева—11 дв.; малолѣтнихъ княз. Ивана и Стефана Эристовыхъ—9 дв.; дворян. Павла Гогобедова—8 дв.; двор. Герасима Аввакова—6 дв.; кн. Семена Чалакаева—16 дв., 5 бд. х.; двор. Камгрелидзева—9 дв.; кн. Эриста Джевахова—8 дв.; кн. Андрея Арбеліянова—9 дв.; кн. Петра Чалакаева—15 дв., 4 бд. х.; кн. Христины Чалакаевой и сина еи Филипа Чалакаева—21 дв., 2 бд. х.; дв. Івана Бедаурова—1 дв.; кн. Іосифа Эристова—21 дв., 3 бд. х. Всѣ эти «дворы» даны были по указу 1743 г.

плк-ку слѣд.: „Сестра наша, б. тов. Вл. Климовича жена Агафія Григорьевна, доношеніемъ намъ представляя о завладѣніи въ новонаданной отъ насъ ей Агафіи зъ онимъ мужемъ ея—во вѣчное владѣніе—маетности въ мѣст. Сребномъ, разного званія владѣльцами и родовыми козаками, скуплею и безъ скупли, посполитихъ дворовъ и принадлежащихъ издревле къ оному мѣстечку Сребному многихъ угодій, такожъ о вписавшихся съ посполитихъ въ козаки, которіе донынѣ на свободной посполитской землѣ живутъ и посполитскими владѣютъ грунтами, просила нашего разсмотрѣнія. А по справкѣ нашей генер. к—ріи явилось: яко по данному отъ насъ оной сестрѣ нашей Агафіи съ мужемъ еи... унѣверсалу,—опредѣлено имъ въ вѣчное владѣніе означ. мѣст. Срѣбное (въ которомъ по ревиз. 1751 г., за роздачею грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, посполитскихъ свободныхъ дворовъ, съ бездворними хатами 137 показано) съ принадлежащими къ нимъ грунтами, пустовскими и посполитскими плецами и угодіями и всѣми принадлежностями. Того ради предлагаемъ вамъ оной сестрѣ нашей... объявить, что *она до кого именно зъ вишеписанныхъ владѣлцовъ и козаковъ—о завладѣніи въ объявленномъ м. Срѣбномъ посполитскихъ дворовъ и принадлежностей—имѣетъ претенсію, подала бы въ полк. к—рію зъ имени на всякого показаннемъ исковое прошеніе,* а за подачею учинитъ по онимъ отъ оной полк. к—ріи надлежащие слѣдствия безпродолжително, и по слѣдствіямъ буде явится—что хто чѣмъ изъ тамо имѣющихся бившихъ свободнихъ посполитскихъ дворовъ грунтовъ либо какихъ другихъ угодій, куплею послѣ апретителяого о нескуплѣ мужичихъ дворовъ 1742 г. указа, и другимъ образомъ неправилно завладѣлъ, тѣмъ въ таковы владѣния онихъ грунтовъ и угодій посполитскихъ по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ отказать и отдать, засилу предписанного нашего унѣверсала, сестрѣ нашей Агафии зъ мужемъ еи, въ безпрепятственное ихъ владѣніе. А что принадлежитъ до имѣющихся тамо козаковъ, кои и до дачи оного м—ка оному Власу К—чу въ козачомъ званіи состояли, тѣ безспорно козаковать должни". (30 окт. 1752 г.). Но для того, чтобы обратиться въ судъ, Б—имъ нужно было путемъ разспросовъ сначала розыскать, какъ посполитыхъ, переписавшихся въ козаки

или „скупленныхъ“, такъ и всѣ тѣ „грунта“, которые не принадлежали козакамъ. Производить эти розыски было тѣмъ труднѣе, что тогдашній Ср—ій сотникъ самъ захватилъ достаточно посполитскихъ земель и потому Б—имъ помогать не могъ. Какія приходилось встрѣчать новымъ владѣльцамъ при этихъ розыскахъ препятствія—показываетъ слѣдующее обращеніе Будлянскаго въ полк. Прилуцк. судъ. „Августа 1 сего года отправленъ былъ отъ мене повѣренный мой, *бывшій полк. Прилуцк. суда писарь*, Денисъ Тихоновичъ въ жалованную мнѣ отъ е. ясн—ти маетность м. Срѣбное... ради разбору принадлежащихъ мнѣ дачахъ къ той маетности, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, то въ томъ случаи тамошніе Сребранскіе посполитие жители (*кои именують себе козаками*) Леско да Иванъ Лященки, зъ шестьми человѣки, *подсусѣдками своими*, въ царинѣ тамошней Сребр., зовемой Подолской, дабы съ оной не пропустить, приуготовивъ себе нарочито къ разбою, зъ дручемъ, на оного моего повѣренного Тихоновича, зъ будучими съ нимъ приказчикомъ моимъ Сребр. Вас. Петровымъ да Яремою Андреевскимъ служителемъ, да шафаремъ Ив. Горѣздрою, безъ всякой ихъ винности, напавъ гвалтомъ, первѣе, Горѣздру одинъ съ нихъ разбойниковъ—болшимъ друкомъ какъ вдарилъ по шеи, то отъ оного удару тотъ Г—ра впалъ на землю. И въ томъ разѣ будучіе всѣ тѣ гвалтовники оного Г—ру на землѣ лежачого нещадно дручьемъ уже безчувственного били чрезъ многое время, и ростягши на тѣ друки—руки и ноги его, кости ламали и по немъ ногами скакали, намѣревая вовсе умертвить, какъ при томъ и согласовали его Г—ру всмерть убить; отъ такого тиранского бою тотъ шафаръ едва живъ остался. Наконецъ же, чая, что онъ уже неживъ, снявши съ него свиту, въ ровъ затягли. Показанного жъ Андрѣевского тоже били дручьемъ и вгнали въ болото, кой всилу утеклъ. А приказчикъ—въ стоячую въ царинѣ будку скрился, которого и тамъ дручьемъ сторчъ били и виволокши оттудова, велѣли ему, дабы оной присяглъ предъ ними, ибо де ежели не присягнетъ, то всмерть имѣютъ убить, *чтобъ уже болѣе по полямъ и по подворкамъ Сребрянскимъ не ѣздилъ*, и велѣли ему, въ достовѣріе той присяги, предъ ними землю исти, руки ихъ, ноги и груди—цѣловать, кой

приказчикъ по ихъ повелѣнію то и чинилъ. Егда же Андр—ій отъ тѣхъ разбойниковъ убѣжалъ, а приказчикъ присягою отъ смертного убійства себе спаслъ, то повѣренного моего Тихоновича такъ убито, что привезено уже безъ рѣчи, нечувствителного: голова вся побитая, кровь ротомъ и носомъ ліющаяся, которого уже высповѣдать ни засакрементовать было невозможно, кой на другой день и умре. О якихъ розбойническихъ забойствахъ тогда жъ отъ приказчика моего Сребрянского въ сотенной Сребр. к—ріи протестовано, по которому и обдукція съ немалою понаровкою надъ однимъ только Горѣздрою учинена; и яко о смертномъ убійствѣ—она, Сребр. к—рія, дѣйствовать должна была безъ упущенія, но по злобѣ на мене отъ Срерб. сотника и сотенной старшины, имѣя споръ за неналежное ими завладѣніе жалованныхъ тамо земель и друг. грунтовъ, о которыхъ и слѣдствіе (производится?) въ силѣ... гетм. гр. К. Г. Разумовского... ордера, повѣренному моему Тихоновичу, и обдукціи не учинено; тѣхъ же убійцовъ хотя и взято было на томъ горячомъ учинку въ секвестръ, но оныхъ прежде учиненія слѣдствія, отпущено"... За симъ-Б—ій проситъ полк. судъ, чтобы слѣдствіе надъ „разбойниками" произведено было, помимо сотника Сребр. и тамошней старшины, какъ лицъ заинтересованныхъ въ спорѣ его за Сребр. земли [1]).

Изъ описаннаго здѣсь случая видно, что розыски посполитыхъ, вписавшихся въ козаки и „скупленныхъ", а также— „грунтовъ", принадлежавшихъ всѣмъ этимъ посполитымъ, вызывали кровавыя столкновенія, кончившіяся, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, побѣдою гетманскаго зятя...

Устраивая въ Ср. хозяйство, Б—іе основали тутъ, между прочимъ, и небольшую суконную фабрику, но исключительно для собственныхъ нуждъ. Когда въ 1797 г. мануфактуръ коллегія запросила владѣльцевъ—сколько ихъ Ср—ая фабрика можетъ поставить сукна на армію, то управляющій фабрикою отвѣчалъ,

---

[1]) Прошеніе писано 1 окт. 1755 г. и подписано: «Бунч. тов. Власъ Будлянскій. По повелѣнію его п. моего Вл. Б -аго дому его писаръ Иванъ Кучеровъ руку приложилъ».

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 сентября 1901 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также біографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель **К. М. Гамалѣй.**

Редакторъ **В. П. Науменко.**

Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, извѣстный своимъ паломничествомъ въ святую землю, знакомъ и Кіеву, какъ ктиторъ Андреевской церкви и предсѣдатель Кіево-Владимірскаго Братства. Рьяный онъ былъ поборникъ церковной старины и буквы церковныхъ каноновъ; вотъ почему, отъ нечего дѣлать въ Кіевѣ, исправно посѣщалъ церкви и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было какихъ пропусковъ въ богослуженіи, а чуть что не такъ, писалъ длинныя посланія митрополиту или, за отсутствіемъ его, викарію. Держась такого направленія даже въ болѣзненномъ состояніи, послѣ совершенія надъ нимъ елеосвященія, за два дня до смерти, онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать: „правильно совершено елеосвященіе". Эта приверженность его къ буквѣ проглядываетъ и въ одномъ изъ писемъ къ Петру Гавриловичу Лебединцеву по вопросу о церковномъ судѣ, которымъ послѣдній всецѣло былъ поглощенъ, будучи глубокимъ знатокомъ сущности церковныхъ каноновъ. Въ разговорѣ съ протоіереемъ Андреевской церкви П. Ѳ. Подвысоцкимъ, Андрей Николаевичъ однажды высказалъ тревогу, что эти два лица—Петръ Гавриловичъ и Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ—своимъ умомъ и лоскомъ повліяютъ на весь комитетъ по реформѣ церковнаго суда, не исключая и самого предсѣдателя, преосвященнаго Макарія, архіепископа Литовскаго.

Интересныя свѣдѣнія о Муравьевѣ имѣются въ одной черновой Петра Гавриловича, текстъ которой дословно приведу. Въ Историческомъ Вѣстникѣ г. Лѣсковъ, воспроизводя нѣкоторыя черты изъ жизни извѣстнаго духовнаго писателя, покойнаго А. Н. Муравьева, обвинилъ покойнаго митрополита Арсенія въ мщеніи Муравьеву даже надъ его гробомъ, который яко-бы, по капризу митрополита, оставался непреданнымъ землѣ нѣсколько дней. Стоявъ близко къ этому дѣлу, считаю нужнымъ снять тяжкое обвиненіе съ памяти м. Арсенія. Ослабѣвъ окончательно по возвращеніи изъ путешествія на Аѳонъ, А. Н., не смотря на трудность болѣзненнаго своего состоянія и намеки близкихъ о приближающейся кончинѣ, не дѣлалъ никакого распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о собранной святынѣ, ни о погребеніи. Совершеніе елеосвященія надъ нимъ исполнено преосвященнымъ Филаретомъ, при моемъ участіи, не по вызову больного, а по убѣжденію протоіерея П. Ѳ. Подвысоцкаго и его супруги. Больной все питалъ надежду выздоровѣть и жить, а потому никакого гроба въ подвалѣ Андреевской церкви онъ самъ себѣ не приготовлялъ и даже желанія быть погребеннымъ не высказывалъ. Послѣ кончины А. Н., послѣдовавшей 18 августа, въ 5 часовъ пополудни, въ тотъ же вечеръ явились въ его домъ, въ числѣ друзей покойнаго, и высшія мѣстныя власти, и въ это время, послѣ панихиды, князь Дундуковъ-Корсаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы могила для погребенія А. Н. была приготовлена въ подвальномъ этажѣ Андреевской церкви, о благоустройствѣ и благолѣпіи которой покойникъ такъ много заботился и въ которой онъ постоянно молился, будучи ближайшимъ ея сосѣдомъ. Настоятелю церкви предоставлено было отъ имени друзей и племянницы покойнаго только пригласить высокопреосвященнаго митрополита Арсенія для участія въ его отпѣваніи, которое назначено было на 3-ій день. Владыка охотно изъявилъ согласіе служить заупокойную литургію въ Андреевской церкви и совершить чинъ погребенія, но затѣмъ, узнавъ отъ о. протоіерея, что могила для покойника приготовляется подъ Андреевской

церковью, отмѣнилъ распоряженіе о приготовленіи могилы для покойника въ избранномъ высшею гражданскою властію мѣстѣ и послалъ его же, протоіерея, доложить кому слѣдуетъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ дозволить погребеніе тамъ А. Н. Муравьева безъ Высочайшаго соизволенія, такъ какъ эта церковь сооружена императрицею Елисаветою Петровной и состоитъ въ особомъ вниманіи Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи Кіева. Цѣлый день былъ употребленъ на обмѣнъ писемъ по сему предмету, въ которыхъ высшая свѣтская власть считала излишнимъ испрашивать Высочайшее соизволеніе, принимая на себя отвѣтственность, а митрополитъ отказывалъ, признавая и себя отвѣтственнымъ въ семъ дѣлѣ, и только вечеромъ второго дня была послана телеграмма министру Двора Адлербергу. Въ виду встрѣченнаго затрудненія было предлагаемо—похоронить тѣло А. Н. М. при Десятинной церкви, тоже сосѣдней съ домомъ покойника, а протоіерей сей церкви съ готовностію изъявилъ согласіе даже уступить ему приготовленную здѣсь для себя съ разрѣшенія Св. Синода могилу, но это предложеніе не было принято. Между тѣмъ выносъ тѣла въ Андреевскую церковь былъ сдѣланъ въ тотъ же вечеръ преосвященнымъ Филаретомъ соборнѣ. Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня прибылъ въ Андреевскую церковь для совершенія литургіи и самъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, но объявилъ, что по окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ покойника будетъ оставаться непогребеннымъ въ церкви до полученія ожидавшагося Высочайшаго разрѣшенія. Литургія и отпѣваніе совершены съ подобающимъ благолѣпіемъ, какого могъ только желать покойникъ, произнесены надъ гробомъ болѣе или менѣе соотвѣтственныя заслугамъ покойнаго рѣчи и возглашена ему вѣчная память, и по отдачѣ послѣдняго цѣлованія гробъ закрытъ, но оставленъ здѣсь же впредь до распоряженія о погребеніи, подъ отвѣтственностію настоятеля церкви.

Спустя сутки послѣ отпѣванія, получено Высочайшее разрѣшеніе, и тогда 22 августа совершилось перенесеніе гроба А. Н. Муравьева изъ верхней Андреевской церкви въ подваль-

ный этажъ, гдѣ тѣло предано землѣ, послѣ панихиды, совершенной преосвященнымъ Филаретомъ, въ присутствіи высшихъ свѣтскихъ властей и другихъ друзей покойнаго. Это-то замедленіе въ преданіи тѣла А. Н. М. землѣ, возникшее вслѣдствіе сомнѣнія митрополита, что отвѣтственность его за нарушеніе закона не можетъ покрываться распоряженіемъ высшей свѣтской власти, г. Лѣсковъ считаетъ мщеніемъ мертвому со стороны м. Арсенія. Такое тяжкое обвиненіе не слѣдовало бросать легко, не справившись точно тамъ, гдѣ слѣдовало. Еще менѣе правды въ томъ, будто митрополитъ Арсеній въ проѣздъ по епархіи, обѣдая у помѣщика Молодецкаго съ ксендзами, заставилъ духовенство ждать себя у воротъ вмѣстѣ съ жидами. Ничего подобнаго не было, а напротивъ извѣстно, что почти никто изъ предмѣстниковъ м. Арсенія не былъ доступнѣе его для всѣхъ, въ особенности для духовенства. Лѣсковъ затрудненія въ преданіи землѣ тѣла Муравьева ставитъ въ связь съ обѣдомъ, но между обстоятельствами погребенія А. Н. Муравьева и обѣдомъ митрополита Арсенія у помѣщика Молодецкаго не могло быть связи и по самой отдаленности этихъ случаевъ: митрополитъ былъ у Молодецкаго въ 1861 г., а погребеніе А. Н. М. происходило въ 1874 г. Въ эти 14 лѣтъ много и много еще разъ приходилось Андрею Николаевичу быть гостемъ у митрополита Арсенія, а митрополиту дѣлать для него всякихъ одолженій, не исключая и денежныхъ.

За оберъ-прокурорскій столъ въ Св. Синодѣ А. Н. Муравьевъ назначенъ въ чинѣ не кол. совѣтника, а кол. ассесора,—чиномъ кол. совѣтника онъ пожалованъ только въ 1838 г., чрезъ два года по выбытіи изъ Св. Синода. Состоя въ такомъ невысокомъ чинѣ, едва-ли А. Н. могъ мечтать о томъ, чтобы быть преемникомъ оберъ-прокурора Св. Синода Нечаева; тѣмъ не менѣе, онъ не разъ высказывалъ, что графъ Протасовъ мѣстомъ оберъ-прокурорскимъ въ Св. Синодѣ обязанъ его содѣйствію, но отплатилъ ему неблагодарностью, удаливъ его потомъ отъ службы въ Св. Синодѣ, причемъ для большей наглядности дѣлалъ движеніе колѣномъ впередъ. Когда собственно оказано

было содѣйствіе А. Н. М. графу Протасову—при порученіи-ли исправленія оберъ-прокурорской должности за отсутствіемъ Нечаева, или при утвержденіи его въ этой должности, разъясненій не было. Не менѣе, если не болѣе, считалъ А. М. Муравьевъ и московскаго митрополита Иннокентія обязаннымъ личному своему участію въ доставленіи ему московской каѳедры и также не признавалъ его особенно благодарнымъ за сію великую услугу. Услуга эта будто состояла въ томъ, что А. Н. по смерти московскаго митрополита Филарета, чрезъ одну изъ статсъ-дамъ довелъ до свѣдѣнія покойной Императрицы Маріи Александровны о желаніи покойнаго митрополита, чтобы преемникомъ его былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій, послѣдствіемъ чего яко-бы было появленіе архіепископа Иннокентія въ числѣ 3-хъ кандидатовъ на московскую митрополію, вторымъ же оказался бывшій первымъ—преосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій. Такъ ли это было, точно не извѣстно. Но что преосвященный Иннокентій и не помышлялъ о занятіи московской митрополичьей каѳедры, сидя въ Николаевскѣ на Амурѣ, и что А. Н. Муравьеву извѣстно было о желаніи митрополита Филарета видѣть своимъ преемникомъ преосвященнаго московскаго Иннокентія, это намъ было извѣстно почти за полгода до кончины преосвященнаго Филарета отъ самаго А. Н. М. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ московскаго владыки, съ 1842 г. Андрей Николаевичъ занималъ его квартиру на С.-Петербургскомъ Троицкомъ Подворьѣ, что на Фонтанкѣ у Аничкина моста, куда многіе ѣздили на всенощныя и на вечернюю духовную бесѣду. Такъ продолжалось около 15 лѣтъ, во все время по удаленіи обоихъ Филаретовъ—Московскаго и Кіевскаго отъ присутствія въ Св. Синодѣ, устроенномъ графомъ Протасовымъ. Проводя въ Петербургѣ зимніе сезоны, Андрей Николаевичъ на лѣто пріѣзжалъ въ Кіевъ на свою нагорную усадьбу, близь Андреевской церкви, гдѣ, кромѣ дома, отдававшагося въ наймы, выстроена была сохраняющаяся и нынѣ русская изба съ богатымъ видомъ на кіевскія окрестности. Въ этой 2-хъ-этажной избѣ, съ галлереею вокругъ, проводилъ А. Н. лѣто среди бла-

гоуханія окружающаго ее сада; въ ней принималъ посѣтителей; ее удостоили посѣщеніемъ своимъ въ числѣ Высочайшихъ Особъ Августѣйшаго Дома и нынѣ царствующій Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругой. [1]) Въ 1857 г., послѣ весенняго прибытія Андрея Николаевича изъ Петербурга, случилось и мнѣ быть въ этой избѣ. Посѣтителей было не болѣе 3—4-хъ лицъ духовнаго чина, и притомъ такихъ, съ которыми хозяинъ могъ быть откровеннымъ въ бесѣдѣ о церковныхъ дѣлахъ. Разговоръ начался съ разспросовъ о здоровьѣ московскаго первосвятителя, съ которымъ обыкновенно А. Н. видѣлся при проѣздѣ чрезъ Москву. Сообщивъ, что въ здоровьѣ его не замѣтно особеннаго ослабленія, А. Н. высказалъ сожалѣніе свое о также близкомъ ему преосвященномъ камчатскомъ Иннокентіѣ, намѣревающемся оставить свое мѣсто по болѣзни. Въ поясненіе сего онъ прочелъ намъ только-что полученное отъ него письмо изъ Николаевска, въ которомъ преосвященный Иннокентій писалъ: „Зрѣніе мое ослабѣваетъ, и я думаю проситься на покой въ Москву". Одинъ изъ насъ, болѣе любопытный и болѣе близкій къ А. Н., спросилъ при этомъ: правда ли, что московскій владыка готовитъ въ преемники себѣ преосвященнаго Филоѳея, тверскаго архіепископа, бывшаго своего викарія? На вопросъ этотъ А. Н. не затруднился отвѣтить, что онъ самъ спрашивалъ преосвященнаго митрополита Филарета, бывши у него недавно теперь, но владыка сказалъ на это: „и не думалъ никогда объ этомъ, а вотъ ужъ если-бы потребовалось когда мое мнѣніе о моемъ преемникѣ, то я скорѣе указалъ бы на преосвященнаго камчатскаго". Въ концѣ октября А. Н. уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и почти чрезъ мѣсяцъ послѣ сего стало извѣстно о кончинѣ московскаго первосвятителя, послѣдовавшей 19 ноября. Когда получено было затѣмъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія преемникомъ м. Филарета, никого изъ насъ не удивило это назначеніе. Близкія къ Муравьеву лица

---

[1]) Импер. Александръ II.

полагали даже, что митрополитъ Иннокентій по слабости зрѣнія откажется отъ присутствія въ Св. Синодѣ, такъ что А. Н. М. останется по прежнему жительствовать въ его покояхъ на подворьѣ, но еще А. Н. не успѣлъ собраться къ выѣзду изъ Петербурга на лѣтній сезонъ въ Кіевъ, какъ на подворьи было получено отъ м. Иннокентія на пути изъ Иркутска распоряженіе очистить для него митрополичьи покои. Вслѣдствіе этого распоряженія А. Н. М. долженъ былъ переселиться въ Кіевъ со всѣмъ своимъ багажемъ и распроститься окончательно съ Петербургомъ, въ которомъ онъ, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, не могъ имѣть комфорта большой квартиры. Съ грустью совершилъ онъ этотъ переѣздъ, простившись навсегда съ Петербургомъ. Въ проѣздъ чрезъ Москву не могъ видѣться съ м. Иннокентіемъ, который еще и къ половинѣ мая не достигъ Москвы. А. Н. утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію повліять на церковныя дѣла чрезъ м. Иннокентія, но этого не случилось, такъ какъ новый московскій владыка оставилъ безъ отвѣта посланнные ему совѣты—тѣмъ болѣе, что по слабости зрѣнія не могъ уже ни писать, ни читать. Не успѣвши въ этомъ, А. Н. утѣшенъ былъ однако тѣмъ, что митрополитъ Иннокентій оказалъ изъ суммъ московской каѳедры пособіе на изданіе писемъ митрополита Филарета. Скучно было А. Н. доживать свой вѣкъ въ Кіевѣ, среди немногочисленнаго здѣшняго общества, безъ особенныхъ занятій. Еще болѣе отяготѣла надъ нимъ эта скука, когда оскудѣли средства къ жизни привычной. Оставалось продать усадьбу барскую и домъ съ избой, содержать которыхъ не могъ. Но не смотря на выгодныя предложенія со стороны разныхъ лицъ, онъ не могъ ни на чемъ остановиться окончательно, въ особенности онъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы домъ его достался не графу и не князю. Скуку свою А. Н. развлекалъ повременнымъ инспектированіемъ церквей и монастырей г. Кіева и рѣзкими посланіями кіевскимъ духовнымъ властямъ, не такъ уже внимательнымъ къ нѣкогда сильному его слову. Путешествіе на Аѳонъ весной 1874 г. нѣсколько оживило знаменитаго паломника, но затѣмъ послѣдо-

валъ постепенный упадокъ силъ, который привелъ его къ смерти въ наступившее лѣто“.

Въ письмѣ къ Петру Гавриловичу генеральша Исакова жаловалась на запустѣніе могилы Муравьева. По этому поводу протоіерей Андреевской церкви Павелъ Θедоровичъ Подвысоцкій отъ 19 сентября 1892 г. въ отвѣтномъ письмѣ на имя Петра Гавриловича сообщаетъ весьма интересныя подробности, съ которыми слѣдуетъ познакомиться по тексту самаго отвѣта. „На присланное Вами письмо Ея Превосходительства г. Исаковой долгомъ считаю отвѣчать. Вашему Высоко-Преподобію извѣстно, что могила, въ которой покоится въ Бозѣ почившій Андрей Николаевичъ Муравьевъ, устроена въ притворѣ подземнаго Сергіевскаго храма; извѣстны также и всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось такое устроеніе. Андреевская церковь достойнымъ образомъ почтила память своего многозаботливаго ктитора, открывши праху его мѣсто покоя подъ сводами своего святилища,—такой чести удостаиваются рѣдкіе изъ мірянъ. Кромѣ того, на церковныя средства притворъ тотъ оштукатуренъ, выбѣленъ и полъ въ немъ устланъ чугунными плитами: все, такимъ образомъ, приведено въ благообразный видъ. Не лишнимъ считаю присовокупить, что расходы при погребеніи А. Н. приняла на себя всецѣло племянница покойнаго Александра Николаевна Демидова, урожденная Муравьева, племянникъ же—Владиміръ Сергѣевъ Муравьевъ, унаслѣдовавшій потомъ все достояніе его—движимое и недвижимое—прислалъ съ своей стороны только небольшую плиту чернаго мрамора, съ подобающею надписью, которая вдѣлана въ стѣну при могилѣ. Бѣлаго мрамора плита, покрывающая могилу, заказана капитаномъ Семеновымъ на средства, собранныя имъ по подпискѣ между знакомыми покойника въ Петербургѣ. Двѣ иконы—Покрова Божіей Матери и преподобнаго Сергія Радонежскаго, поставленныя въ усыпальницѣ, пожертвованы Св. Владимірскимъ братствомъ,—лампады къ нимъ даны отъ церкви, масло же для освѣщенія, по мѣрѣ возможности, выдается изъ церкви. Никакихъ фондовъ или вкладовъ на такъ называемую „неугасимую

лампаду“ ни отъ кого и никогда не было. Въ минувшій періодъ времени съ 1874 г., усыпальницу разновременно посѣтили друзья Андрея Николаевича, нынѣ почившіе: начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ- адъютантъ Исаковъ и Помпей Николаевичъ Батюшковъ съ супругой. Сказанные высокіе посѣтители входили въ усыпальницу съ молитвой и оставляли ее съ благодарностію, не заявляя претензій и упрековъ за то, что тамъ хранились нѣкоторые хозяйственные предметы, напримѣръ—метлы, щетки, песокъ, которымъ нѣтъ мѣста, при крайне тѣсномъ устройствѣ церковнаго зданія. Не оскорбляя доброй памяти почившаго, воздавая должную справедливость заботамъ Андрея Николаевича о благоустройствѣ Андреевскаго храма, сохраняя объ немъ неизмѣнную молитвенную память и въ церкви, и дома,—я долженъ, сказать по іерейской совѣсти и то, что покойникъ остался въ долгу у церкви 1200 р. По его усиленному ходатайству, при содѣйствіи Помпея Николаевича Батюшкова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было ассигновано 37 тысячъ на укрѣпленіе горы, на которой высится храмъ, и на обновленіе самаго храма къ предстоящему столѣтнему юбилею его въ 1867 г. Какъ предсѣдатель церковно-строительнаго комитета, А. Н. взялъ изъ строительной суммы означенныя деньги. По смерти его, капитанъ Семеновъ вручилъ мнѣ собственноручную росписку А. Н. съ обозначеніемъ на ней числа, мѣсяца, года и количества взятой, въ три пріема, суммы, съ такою же собственно-ручною надписью: „обязуюсь возвратить“. И, конечно, возвратилъ бы. Росписку эту я предъявилъ наслѣднику; онъ просилъ меня дать ему этотъ документъ для предъявленія сонаслѣдникамъ и съ обѣщаніемъ—отдать слѣдуемое церкви, но, къ сожалѣнію, такое обѣщаніе сказалось только на словахъ... Послѣ двукратнаго напоминанія и просьбы—возвратить по крайней мѣрѣ росписку „на память“, отвѣта не послѣдовало. По смерти наслѣдника, съ такою же просьбою я обратился къ его супругѣ, но въ отвѣтъ на справедливую и самую вѣжливую просьбу получилъ дерзкое и укоризненное посланіе.

Извините Ваше Высокопреподобіе, что я обезпокоилъ Васъ подробностями дѣла, касающагося заслугъ и достоинствъ упоминаемаго лица и моихъ личныхъ къ нему отношеній, изъ-за которыхъ я считаю себя нравственно-обязаннымъ—хранить молитвенную память о почившемъ и надлежащимъ образомъ оберегать мѣсто его покоя. Послѣ моей смерти, незнающими Муравьева, усыпальница его можетъ быть обращена въ складъ дровъ, или найдется ей подобное, хозяйственное приложеніе. Этимъ я предупреждалъ и наслѣдниковъ, убѣждая ихъ гарантировать неприкосновенность усыпальницы хотя бы возвращеніемъ въ церковь сказаннаго долга. Благоусмотрѣнію Вашего Высокопреподобія предоставляю—письмо это отослать г. Исаковой, для убѣжденія Ея Превосходительства въ несправедливости тѣхъ укоръ, претензій и проч., коими она, по моему адресу, осыпала могилу своего друга, А. Н. Муравьева".

Петръ Гавриловичъ письма о. протоіерея не отправилъ г-жѣ Исаковой, а, по всей вѣроятности, отъ себя написалъ ей что слѣдуетъ.

Очень мало сохранилось писемъ А. Н. Муравьева къ П. Г. Лебединцеву; иныя писалъ кто-то другой, а онъ только подписывалъ, другія—онъ самъ, но въ высшей степени неразборчивымъ, чисто женскимъ почеркомъ.

1.

Посылаю Вашему Высокопреподобію одинъ экземпляръ изданныхъ мною писемъ митрополита Филарета для Софійской Библіотеки и прошу Васъ напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о появленіи въ свѣтъ этой книги, которую можно пріобрѣсть въ моемъ домѣ. Цѣна за экземпляръ 2 р. 50 к.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

А. Муравьевъ.

1869 г., 4 августа.

---

2. [1]).

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините, что безпокою Васъ просьбою: сдѣлайте милость—доставьте прилагаемое письмо Сушкову, котораго я потерялъ изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ изъ духовнаго вѣдомства. Въ канцеляріи оберъ-прокурора должны знать, гдѣ онъ служитъ и обрѣтается. Вы этимъ очень обяжете искренно уважающаго Васъ.

А. Муравьевъ.

1870 г. 18 сентября. Кіевъ.

3.

Милостивый Государь, Петръ Гавриловичъ!

Приношу Вамъ благодарность за обрѣтеніе Сушкова и доставленіе ему моего письма. Я совершенно согласенъ съ Вами, что его предположенія объ устройствѣ церковномъ совершенно несбыточны, о чемъ я къ нему и написалъ. Но признаюсь, я нахожу еще болѣе несбыточнымъ въ смыслѣ православія, а не протестантства, новыя предположенія о судопроизводствѣ церковномъ, по примѣру гражданскаго, мимо мѣстныхъ властей, т. е. мимо Епископа, которому, по всѣмъ древнимъ канонамъ, принадлежитъ ближайшій судъ надъ пресвитерами и даже мимо Синода. Что же это будетъ за управленіе церковное, гдѣ архіереи обратятся только въ рукополагательныя машины? Даже у лютеранъ больше имѣютъ вліянія ихъ суперъ-интенденты. Вы говорите, что когда оторвана одна половина зданія, неудобно оставлять другую въ прежнемъ видѣ, закрывши брешь рогожею.

---

[1]) Это второе письмо, какъ и нѣкоторыя другія, адресовано въ Петербургъ, по случаю пребыванія тамъ П. Г., въ качествѣ члена комитета по реформѣ дух. суда.

Это однако случилось на дняхъ на дворѣ Софійскомъ съ пристройкою теплаго собора, коей часть—сажени въ три—обрушилась въ погребъ, о чемъ я и прежде предостерегалъ, что тутъ опасно строить. Однако теперь хотятъ дополнить эту пустоту и не подкопать для сего основаніе храма,—что теперь хотятъ сдѣлать при новомъ судопроизводствѣ, опрокинувъ все древнее Апостольское основаніе церкви. На сихъ дняхъ мы объ этомъ бесѣдовали съ Владыкою, такъ какъ я, будучи теперь избранъ предсѣдателемъ братства, бываю у него часто по дѣламъ. Весьма благоразумно онъ мнѣ сказалъ: „Билюстинъ поднялъ вопросъ о духовномъ образованіи, и обрадовалось бѣлое духовенство. Что же вышло изъ улучшенія ихъ быта по образованію? Половина ихъ дѣтей остаются безъ духовнаго образованія и съ нихъ же требуютъ безпрестанно деньги для параллельныхъ школъ, а если суды будутъ мимо епископовъ, то могутъ повторяться такія же случаи, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ одинъ заслуженный протоіерей былъ посаженъ мировымъ судьею въ тюрьму за отлучку, и тогда можетъ быть пожалѣютъ и о судѣ архіереевъ“. А знаете ли, что мнѣ и самому очень грустно! До насъ доходятъ слухи, что наши кіевскіе депутаты болѣе другихъ хлопочутъ объ устраненіи Епархіальнаго суда. Не дай Богъ, чтобы это была правда, а меня извините за искреннее слово, которое долгомъ почелъ Вамъ сказать для очищенія моей совѣсти и по тому уваженію, которое къ Вамъ имѣю и съ которымъ остаюсь.

Вашъ покорный слуга А. Муравьевъ.

1870 г. 29 окт., Кіевъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Благодарю за привѣтъ въ день моего Ангела! У насъ служеніе было торжественное и праздникъ какъ праздникъ. У Васъ же въ Софійскомъ холодно, потому что нижнюю церковь все укрѣпляютъ, но горящихъ углей на главу Вашу не сып-

лютъ, потому что никто Васъ не обвиняетъ въ осадкѣ угла. Прочтите мою записку объ обновленіи собора въ древнемъ его видѣ, которую здѣсь я подалъ Императрицѣ и на дняхъ посылаю Владыкѣ,—прочтите ее и поддержите. Не сѣтуйте и за сказанное о судахъ церковныхъ: лучше предупредить о молвѣ, чтобы взять предосторожность. Говорятъ, что преосвященный Макарій отстаиваетъ судъ Епископскій—и, слава Богу, чтобы у насъ не было сперва лютеранской поповщины, а потомъ раскольничьей безпоповщины, которая заставитъ бѣжать православныхъ изъ мнимаго православія. Князь С. Н. Урусовъ, бывшій оберъ-прокуроръ, сказалъ однажды своему камердинеру: „слышалъ-ли ты, что у насъ архіереи будутъ женатые"?—а тотъ съ ужасомъ возразилъ: „что Вы это, князь? да я подъ благословеніе къ нимъ не подойду". Въ этомъ случаѣ и я раздѣляю мнѣніе княжескаго камердинера. Простите, не хочу многоглагольствовать и съ чувствомъ уваженія остаюсь душевно Вамъ преданный.

А. Муравьевъ.

1870 г. 5 декабря. Кіевъ.

5.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, за Вашъ праздничный привѣтъ съ новолѣтіемъ, которое мы здѣсь справляемъ весьма смиренно и провинціально, не такъ, какъ Вы—столичные жители. Нѣтъ у насъ великихъ новостей, подобно Вашимъ, а такъ кое-чѣмъ перебиваемся. Вотъ напримѣръ, весь Бахчисарайскій дворецъ перенесенъ на упокои въ Михайловскій, и въ мавританскомъ весьма нелѣпомъ вкусѣ раззолочены потолки трехъ пріемныхъ залъ, а по стѣнамъ тщедушныя, также раззолоченныя пилястры,—однимъ словомъ смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ. Потѣха сія обошлась въ 2500 цѣлкачей, а контроль консисторіи могъ бы спросить: изъ какихъ доходовъ такая нелѣпость, когда всѣ церкви совершенно грязныя? Нашъ

братъ провинціалъ, однако православный, не могъ также не изумиться при погребеніи Голубцевой, [1]) когда во время отпѣванія въ самой церкви тотчасъ по евангеліи, когда ожидаемъ разрѣшительной молитвы усопшему, вошелъ промежду черныхъ ризъ инспекторъ классовъ въ мундирѣ и произнесъ похвальное слово, хотя и краснорѣчивое, но вовсе неумѣстное въ присутствіи двухъ архіереевъ. Мнѣ показалось, что я въ нѣмецкой кирхѣ и потому вышелъ... Еще у насъ печальная новость: В. И. Бутовичъ совсѣмъ умираетъ отъ водяной; сегодня соборовали, и это было очень умилительно по его христіанскому расположенію. О Братствѣ скажу, что Демидовъ соглашается наконецъ устроить пріютъ для евреевъ, коихъ много къ намъ прибываетъ, а протоколы наши можете читать въ Вашихъ Вѣдомостяхъ. Кто будетъ головой, не знаемъ, лишь бы съ головой, а я покамѣсть гласный—безгласный. Вотъ Вамъ и все. О Софійскомъ скажу, что до половины обновлять невозможно, и если Вы не двинете изъ Питера, то здѣсь ничего и не будетъ; иниціатива должна быть отъ Владыки, а не свыше. Маевскій же замолкъ съ моимъ описаніемъ дворца и не печатаетъ; спросите его. Пути у насъ непроходимы отъ снѣжныхъ ухабовъ. Простите, заболтался,—вѣрно, отъ ухабовъ. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Владыкѣ и не забывайте искренно Васъ уважающаго.

А. Муравьевъ.

1871 г. 15 генваря. Кіевъ.

6.

Ваше Высокопреподобіе.

Еврей, присланный Вами, принятъ, и надобно стараться окрестить его въ будущую субботу, чтобы спасти его отъ гоненій, а между тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ можно бы окрестить и проживающаго у насъ еврейскаго мальчика Лейбу Аріева, ибо оказывается, что мой кучеръ, служившій у помѣщика с. Заво-

---

[1]) Начальница Института благородн. дѣвицъ.

ричъ, Козелецкаго уѣзда, лично зналъ и сего мальчика, и его родителей, которые тамъ давно живутъ, и свидѣтельствуетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія о его личности, а при нашихъ разспросахъ въ этомъ селѣ у мѣстнаго священника можетъ быть огласка, и родители будутъ его требовать. Итакъ рѣшите милостиво обоихъ крестить.

Многоуважающій Васъ А. Муравьевъ.

Годъ не обозначенъ. 16 марта.

7.

Я писалъ прокурору о штундистахъ, но отвѣта не имѣю,— вѣроятно лукавитъ. Но вотъ что и меня возмутило: вчера наконецъ окрестили нашего еврея и уже приготовлено было ему метрическое свидѣтельство, какъ вдругъ остановились его выдать на томъ основаніи, что онъ не умѣлъ отвѣчать, сколько церквей въ Шполѣ. Я и самъ стоялъ тамъ съ полкомъ, но не знаю ихъ числа, а между тѣмъ есть о немъ свидѣтельство отъ мѣстнаго священника. Но вотъ что еще возмутительнѣй: не знаю, на какомъ основаніи діаконъ Крыжановскій пришелъ къ нашему смотрителю и потребовалъ отъ него три рубля братскихъ денегъ за крещеніе: 1 р. священнику, 1 р. за воду и 1 р. за свѣчи. Кажется, онъ не имѣетъ права назначать сумму, да и смотритель не казначей, слѣдовало ко мнѣ обратиться. Пожалуйста замѣтьте ему это, чтобы впредь не позволялъ себѣ такихъ вольностей. Вчера я былъ у Васъ и очень сожалѣю, что не засталъ. Простите, остаюсь преданный Вамъ.

А. Муравьевъ.

1873 г. 31 мая.

8.

Ваше Высокопреподобіе!

Весьма намъ грустно было вчера быть на экзаменѣ въ нашемъ пріютѣ, однимъ лишь мірянамъ, ибо ни одинъ изъ ду-

ховныхъ не явился къ испытанію, хотя это было условлено прежде и даже опредѣлено протоколомъ. Можетъ ли быть успѣхъ и поощреніе мальчикамъ при такомъ равнодушіи духовномъ? Не мудрено, что митрополитъ хочетъ закрыть школу и посадить въ ней штундистовъ. Всѣ вдругъ разсѣялись: кто въ Голосѣевъ, кто въ Лавру, кто село купилъ, какъ ключарь,—даже и приходскій протоіерей жену поялъ на базаръ, однимъ словомъ священникъ и левитъ мимо иде, и остались одни лишь смиренные самаряне—міряне. Вотъ и дѣлайте дѣла! Я гнѣвный, притомъ и въ душѣ не прощаю такое равнодушіе и лѣнь. Душевно уважающій и горько ропщущій.

А. Муравьевъ.

9.

Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ сегодня утромъ всѣ номера за генварь м. „Современныхъ Извѣстій", ибо отъ И. И. Красовскаго получилъ письмо, чтобы я ему въ нихъ открылъ всѣ его добродѣтели и къ обѣду непремѣнно ему доставилъ оныя,—у него онѣ пропали.

А. Муравьевъ.

10.

Благоволите сходить на всенощную въ четыре съ половиною часа въ Академію, гдѣ я вчера насладился впервые пасхальнымъ напѣвомъ, безъ нотъ и безъ пропусковъ,—а пѣло всего шесть человѣкъ на хорахъ и пять на клиросахъ. Итакъ дѣло не въ числѣ и не въ средствахъ, а въ порядкѣ и усердіи. Пусть ваши соборяне-пѣвчіе даже безъ мальчиковъ сему поучатся пѣнію. Будь въ Академіи Ѳеоктистъ (ректоръ семинаріи) вмѣсто Филарета, то было-бъ то же, что у другихъ. Аще бы сами себе судихомъ, не были міромъ осуждены быхомъ.

А. Муравьевъ.

11.

Нельзя ли, Ваше Высокопреподобіе, оказать милость и принять въ духовное училище сироту дѣвицу [1]), о коей проситъ княгиня Витгенштейнъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ ея бумаги еще у Васъ. Много тѣмъ сдѣлаете и ей, и мнѣ.

А. Муравьевъ.

Сообщ. I. Г.

[1]) Людмила Левитская, дочь сельскаго священника с. Старостинецъ, Волынской губерніи.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

LVIII.

Въ своей домашней жизни Кулишъ былъ образцомъ необычайнаго трудолюбія во всѣхъ отношеніяхъ: «въ свободное время отъ литературнаго занятія онъ ради гимнастики работаетъ пилкой, топоромъ, садовничьимъ ножомъ», писала одной родственницѣ Ганна Барвинокъ—„а прежде онъ и самъ пахалъ, и сосѣди и родственники бывало пріѣзжаютъ смотрѣть на его посѣвы и учиться работать“, а между тѣмъ въ припискѣ къ одному письму онъ сообщалъ: „у меня столько на рукахъ всякаго дѣла книжнаго, что мнѣ не до переписки, а бѣдная Сашуня изнемогаетъ подъ своимъ бременемъ жизни. Я ей не помощникъ: и не умѣю, и силъ не хватаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „если бы не то да другое, то мы бы съ Сашей и теперь были бы еще студентами, дѣлающими забаву изъ нашей богатой поэзіей нищеты“. Въ одномъ письмѣ къ галицкому писателю Павлику онъ говоритъ: „Отъ бы то зробывъ хороше дило и той, хто позби-

---

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 9.

равъ бы мои лысты не рады мого я, а за-для того, про що се жъ пысано"; и дальше: „хочбы люде про мою память говорылы ще гиршъ, нижъ тепереньky се роблять,—Живый на небесѣхъ посмѣется имъ и поругается имъ".

Какъ ни тяжело было Кулишу въ настоящую минуту, какъ ни были сгущены тучи на его горизонтѣ, но онъ не переставалъ мечтать о продажѣ хутора, о поѣздкѣ въ столицу и даже за границу; однако на него находили также сомнѣнія: „Здѣсь мы живемъ роскошно, какъ царь и царица„—шутилъ онъ,—„а чтобы быть нищими работниками въ Варшавѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда мнѣ ѣхать необходимо, намъ нужно не менѣе двухъ тысячъ рублей". Вообще переноситься мыслями въ будущее и думать о пользѣ и благѣ грядущихъ поколѣній—было въ натурѣ Кулиша, и это выражалось у него подчасъ въ очень самоувѣренной формѣ: „А я пишу и думаю, что послѣ меня люди настолько поумнѣютъ, чтобы этимъ воспользоваться". Онъ впрочемъ не особенно заботился о скоромъ появленіи въ печати своихъ произведеній, говоря: „Не въ томъ дѣло, чтобы напечатать, а въ томъ, чтобы написать. Высказавшись, я торжествую, какъ священнослужитель правды".

Отсюда мы чаще всего встрѣчаемъ у Кулиша крайне оптимистическій взглядъ на жизнь, который всегда бралъ у него верхъ надъ временными приступами пессимизма: „Жизнь"—говорилъ онъ—„сама по себѣ счастье, въ какой бы формѣ ни ощущать ее. Сашуня все охаетъ, что я много на себя взялъ, а я только здоровѣе и веселѣе прежняго. О здоровьѣ впрочемъ думайте, т. е. о сопротивленіи всему, что́ вліяетъ на продолженіе нашей жизни". Взглядъ на свое собственное положеніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ ко мнѣ въ слѣдующихъ строкахъ: „Судьба сыграла со мной жестокосердую шутку завистливаго рока. Вѣрнѣе сказать, сыграли ее безсердечные люди, имя которымъ легіонъ. Они выдержали меня на островѣ Патмосѣ такъ долго, что меня начало пугать забвеніе иностранныхъ языковъ. Но я не сидѣлъ безъ работы: плугъ, топоръ, пила, всѣ столярные инструменты и перо были моими вѣрными товарищами. Только

краски да кисть измѣнили мнѣ, или я измѣнилъ имъ въ этой неблагопріятной для извящныхъ искусствъ пустынѣ... Переработавъ на островѣ Патмосѣ три уже давно непечатанные тома „Исторіи возсоединенія Руси", я заготовилъ, такъ сказать, живописныя картины для остальныхъ шести томовъ этой книги, и теперь жду болѣе сноснаго сезона, чтобы совершить рабочее странствованіе по архивнымъ и библіотечнымъ городамъ—Варшавѣ, Петербургу и Москвѣ. Эти благословенные всячески культурою города научили меня на трехъ томахъ искусству облекать мои картоны въ доконченныя картины для остальныхъ шести томовъ. Надѣюсь, что благосклонныя доселѣ ко мнѣ Парки не перерѣжутъ нити жизни моей слишкомъ торопливо". По прежнему, девизомъ Кулиша было: „жить пока живется, учиться и учить тому, что дается",—„въ этомъ"—прибавлялъ онъ—„и все наше утѣшеніе". Одной изъ своихъ родственницъ Кулишъ, передавая свои планы, писалъ: „Сашуня тоскуетъ уже, что мало осталось для нихъ (плановъ) времени, а я даю ей слово ждать, пока насытится око зрѣти и ухо слышати. Но такъ какъ они не насытятся никогда, а дни моей дѣятельности, можно сказать, сочтены, то вы всѣ помилосердуйте надъ затворникомъ, дайте ему дохнуть широкою жизнью, и не для кого какъ для вашихъ милыхъ чадъ поработать въ охотку на поприщѣ науки и литературы".

Чрезвычайно любопытно, что потребность дѣятельности Кулиша и его свѣтлыя надежды на осуществленіе завѣтныхъ желаній и плановъ какъ будто совершенно не находились ни въ малѣйшей зависимости отъ окружающихъ его внѣшнихъ обстоятельствъ и даже отъ условій возможности—черта, заслуживающая особеннаго вниманія. Годъ проходитъ за годомъ, дѣйствительность безжалостно разрушаетъ всѣ мечты, старость даетъ себя знать ослабленіемъ организма (хотя Кулишъ сравнительно мало тяготился бременемъ, утѣшая себя отзывами врачей, находившихъ его силы физическія и душевныя замѣчательно сохранившимися для столь преклоннаго возраста), наконецъ безчисленныя и разностороннія неудачи положительно преслѣдуютъ

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то нескончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Библіи, потребовавшій многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самымъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энергіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ признаніи колоссальнаго трудолюбія и самаго чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ оттѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззавѣтный любитель родного слова. „Что̀ касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудрено было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наилучшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармоніи. Сверхъ переведенныхъ уже порусски (или какъ говорятъ одни, по украински, а другіе—по малороссійски) тринадцати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавіемъ „Позичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характерѣ и настро-

еніи. «Въ іюлѣ 1890 г.,»—говоритъ г. Конисскій—«по просьбѣ одного нашего общаго знакомаго галицкаго русина, я вмѣстѣ съ В. Н. Волкъ-Карачевскимъ и съ взрослыми дѣтьми его навѣстилъ Кулиша въ его хуторѣ. Кулишъ встрѣтилъ насъ очень любезно; о прежнемъ, конечно, каждый изъ насъ старался ни словомъ не вспоминать... Увы! передо мною уже не было прежняго Кулиша! Это былъ худой, согбенный старикъ!.. Весьма тщательно старался онъ скрыть свое недовольство жизненными неудачами и людьми, но оно прорывалось цѣлой струей, когда зашла рѣчь о галичанахъ, о полякѣ-аренцаторѣ и о сосѣдяхъ-крестьянахъ, затѣявшихъ съ нимъ процессъ въ судѣ. Кромѣ перемѣны физической, я замѣтилъ тогда въ Кулишѣ и значительную духовно-нравственную: упадокъ памяти, недовѣріе къ людямъ и удрученность.

Я имѣлъ порученіе пригласить его къ участію, во-первыхъ, въ издаваемомъ Барвинскимъ журналѣ „Правда" и въ предстоявшемъ тогда изданіи „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка". Послѣ нѣкотораго колебанія и высказаннаго имъ еще разъ недовѣрія къ галичанамъ, онъ согласился на просьбу о сотрудничествѣ". Но послѣ были недоразумѣнія: Кулишъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ „Правдѣ" перевода „Донъ Жуана". Впрочемъ, это уже мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важно здѣсь то, что лицамъ, ранѣе знавшимъ Кулиша, были замѣтны слѣды совершавшихся въ немъ перемѣнъ.

Замѣчательно также, что, несмотря на все разнообразіе своей литературной дѣятельности, перо Кулиша служило всегда одной идеѣ—благу родной Украйны.

LIX.

Между тѣмъ пререканія съ Обществомъ Исторіи и Древностей продолжались, хотя и въ самой деликатной формѣ: Ку-

лишъ хотѣлъ возвратить присланный ему пакетъ съ возраженіями, но былъ удержанъ мыслью о томъ, что такой поступокъ, заслуженный однимъ членомъ Общества, могъ бы несправедливо оскорбить другихъ членовъ, имѣвшихъ, съ своей стороны, полныя права на уваженіе. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что „между знатоками польско-русскаго былого найдется человѣка два-три такихъ, которые „уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ Карповщины". „Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ"— продолжалъ Кулишъ,—„то пересталъ бы и трудиться надъ исторіей русскаго возсоединенія". Зато онъ включилъ своего новаго противника Карпова въ написанную еще раньше поэму „Кулишъ у Пекли", напечатаніе которой отдѣльной брошюрой встрѣтило величайшія затрудненія со стороны обѣихъ столичныхъ цензуръ. На этотъ разъ затрудненія касались впрочемъ отнюдь не содержанія поэмы, но исключительно правописанія, такъ какъ настаивая на такъ называемой „кулишевкѣ", Кулишъ рѣшительно не соглашался ни на какіе компромиссы. Препирательства шли о разныхъ способахъ начертанія буквъ *е* и *і* въ малороссійскомъ текстѣ, и мнѣ, какъ посреднику, со стороны, признаюсь, казались очень незначительными и даже микроскопическими. [1]) Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны оказались неуступчивыми до-нельзя, и дѣло не уладилось. Такія же затрудненія потомъ возникли вновь по поводу стихотворнаго сборника „Дзвôнъ" и его продолженія подъ заглавіемъ „Сокровище благихъ". Послѣ неудачи въ столичныхъ цензурахъ съ „Царемъ Наливаемъ" и „Кулишомъ у Пекли", Кулишъ представилъ „Дзвôнъ" [2]) въ кіевскую цензуру, гдѣ по-

---

[1]) Вотъ любопытное поясненіе Кулиша. «Для незнакомыхъ съ языкомъ малорусскимъ, такъ называемымъ украинскимъ» послѣ согласныхъ буквъ—*и*, *і*, *й* произносятся нѣсколько мягче великорусскаго *ы*; буква *е* какъ оборотное *э*; буквы *ê*, *û*, *î*, *ô* — какъ *і*; буква *ѣ* и послѣ согласныхъ—*ї* и послѣ гласныхъ и въ началѣ слова произносится, какъ *и* и *ї*; буква же *є*—какъ общерусское *ѣ* или *е*.»

[2]) Эти произведенія казались Кулишу лучшими созданіями его пера, какъ видно изъ одного письма къ В. Н. Волкъ-Карачевскому, но онъ какъ будто и самъ сознавалъ свое увлеченіе, прибавляя, что, мо-

вторилась, однако, прежняя исторія: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня"—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработаннаго мною воззрѣнія на Малорусчину, *долженъ* ради чести родного мнѣ старорусскаго элемента, испорченнаго Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, что́ творятъ", думая тѣмъ службу приносить Богу". Такъ же трудно было напечатать „Дзвônъ" и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Женевѣ, о чемъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски", но изданіе не состоялось за смертію предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавіемъ „Позичена Кобза",—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуюсь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и поляко-руссовъ, alias [1])—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками". Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэму „Кулишъ у пекли" и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ перваго тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ", также недозволеннаго нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозволенію"? спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недовѣрія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанному съ его именемъ". Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ," какъ назвалъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Іисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ"—писалъ Кулишъ,—„не

жетъ быть, онъ потому ихъ ставитъ такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей".

[1]) Т. е. иначе.

потому, что онъ мой, а потому, что нашъ малороссійскій языкъ имѣетъ больше грамматическихъ формъ и способенъ къ ковкѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ" окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Ганниной пустынѣ не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспировыхъ Обществъ".

Между тѣмъ цензура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія" или „Искра Любви", за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови",—обстоятельство, поставившее въ немалое затрудненіе Кулиша, какъ намъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы матеріальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ" кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и затеряна, какъ о томъ уже разсказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обозрѣніи", [1]) о чемъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянныя денежныя обстоятельства Кулиша. „Наши денежныя обстоятельства таковы"—писалъ онъ,—„что послѣ продолжительнаго алканія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фоліантовъ Карла XII, открытыхъ въ Стокгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому міру".

---

[1]) См. «Русское Обозрѣніе», 1891, III, стр. 222—223.

LX.

Несмотря на недовольство Кулиша галичанами, онъ продолжалъ дѣятельныя сношенія съ уважаемыми представителями этой націи. Въ числѣ послѣднихъ особеннымъ расположеніемъ его пользовался М. И. Павликъ (редакторъ журнала „Народъ"), заслужившій его симпатію статьей объ отношеніяхъ Кулиша къ великому польскому поэту Крашевскому. Въ первомъ письмѣ Кулишъ привѣтствовалъ своего новаго корреспондента: „Вельми втишаюсь правдою, що выявляется мижъ Русинами, ще й за мого життя,— не такъ самою правдою, якъ добрымъ розумомъ, котрого не знаходывъ я мижъ галицькымы письменниками". Ему онъ выразилъ готовность дополнить и провѣрить сообщаемыя имъ въ статьѣ свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ къ Крашевскому и спѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими историческими убѣжденіями: „Одирвавшы Русиновъ одъ насъ у козако-татарське лыхолиття", писалъ онъ,—„Ляхы поперероблювалы ихъ такъ, що велыкый руськый свитъ ваши пысьменныкы вважають за якусь Кытайщыну и выроблюють изъ ёго соби на забавку клаптыкъ пидъ польскою назвою Ukraina. Хто на Русь позыра зъ выщого погляду, цинуючы перевагу руського духу надъ антирущыною, той у ныхъ москаль (зновъ назва польска!..) Тымъ и ворогують противъ мене дома такъ само, якъ и въ Львови. За те, що я шукаю правды въ исторіи такъ, якъ прыродолюбци шукалы іи въ науци прыродознання, мене оглашають мало не чорнокнычныкомъ. Сміюсь я съ сёго". „Мене перше вважалы за майстра ридного слова, а теперъ и въ Львови и въ Кыиви пропечаталы, що я тилько псую ридну мову"... „Москва поборола татаръ, Новгородъ, Псковъ, Польшу съ Лытвою, шведа и козацство,— чымъ? Перевагою руського духу надъ антируськымъ, а не лукавствомъ, якъ насъ вчывъ Костомара! Не выдержала бъ вона тысячолитнёи боротьбы зъ вичамы, республыкамы, королямы, императорамы".

Павликъ съ большимъ интересомъ освѣдомлялся о судьбѣ книги „Шекспировы Творы", которая, какъ видно изъ отвѣта

ему Кулиша, могла быть въ складѣ или въ типографіи имени Шевченка, или у нѣкоего Алоизія Юркевича, жившаго въ Ульмѣ, такъ что Кулишъ самъ не могъ опредѣлить, находилась ли она въ этомъ послѣднемъ городѣ, или во Львовѣ. Также неизвѣстно было самому автору мѣстонахожденіе экземпляровъ другихъ его сочиненій, напр. „Магомета и Хадиджи"... На всѣ эти книги Кулишъ далъ полную довѣренность Павлику. Ему же было поручено печатаніе „Дзвона" и „Товитовыхъ Словесъ", но относительно печатанія перваго труда, какъ мы знаемъ, встрѣтились затрудненія и въ Львовѣ: „Колы-бъ не проклятущи іезуиты, мы бы „Дзвона" печатали въ „Славній Коломыи!" Павликъ, однако, расходился съ Кулишемъ по вопросу о роли образованнаго класса въ облегченіи тягостей, ложащихся на долю простого народа. Съ своей строго демократической точки зрѣнія онъ обвинилъ пановъ, т. е. высшія сословія населенія, въ непростительномъ жестокосердіи: Кулишъ, напротивъ, заявляя себя противникомъ бюрократіи, скептически относился, съ другой стороны, и къ симпатичной утопіи добровольнаго служенія интересамъ народа со стороны образованнаго класса въ томъ видѣ, какъ это считалъ необходимымъ Павликъ. Но во всякомъ случаѣ эти теоретическія разногласія не мѣшали взаимной пріязни обоихъ корреспондентовъ, а Кулишъ тѣмъ болѣе цѣнилъ дружбу Павлика, что, кромѣ его и профессора Огоновскаго и Златоверхаго, у него не осталось истинно преданныхъ людей въ Галиціи, тогда какъ ему часто приходилось волноваться изъ-за того, что одинъ изъ его знакомыхъ безъ разрѣшенія автора напечаталъ въ „Правдѣ" переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана", а нѣкто г. Барвинскій даже прислалъ ему по уговору два экземпляра „Чорной Рады", напечатанной имъ вторымъ изданіемъ въ Галиціи; у него же оставались переводы „Псалтыри" и „Іова".

О газетѣ, издаваемой Павликомъ, Кулишъ былъ самаго хорошаго мнѣнія и отзывался о ней съ восторгомъ, говоря: „мы тутъ и не знали, що въ Галичини е така розумна газета". Сочувствуя этому, Кулишъ готовъ былъ всячески оказывать ей поддержку и назначилъ для этой цѣли выручку со всѣхъ своихъ

трудовъ, печатавшихся заграницей. Въ своемъ горячемъ сочувствіи къ редактору Кулишъ доходилъ до братскаго участія во всѣхъ его дѣлахъ и нуждахъ и отъ души жалѣлъ о болѣзни, постигшей какъ его, такъ и другого своего лучшаго друга въ Галиціи, Михаила Златоверхаго. Съ трогательнымъ выраженіемъ задушевной преданности онъ уговариваетъ своего друга (Павлика) воздержаться отъ ночной работы и больше заботиться о здоровьѣ. „Дуже сумую: намъ николы нездужаты". Зато собственнымъ здоровьемъ Кулишъ не можетъ нахвалиться; предостерегая своего пріятеля, онъ говоритъ: „Такъ погубывъ себе не одынъ уже зъ моихъ пріятеливъ-здоровякивъ, а я, хвалыты Бога мылосердного, частенько й забуваю свои старощи, и колыбъ иноди прыпала нужда, высыдивъ бы за розумовою працею 18 годынъ у суткы такъ, якъ и зъ-молоду". На основаніи этихъ соображеній, находясь самъ чуть не въ нищетѣ, Кулишъ умолялъ Павлика не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ для лѣченія и даже предлагалъ было ему для этой цѣли воспользоваться выручкой отъ продажи его собственныхъ сочиненій: „Оце жъ надрукованши, що продасте прымирныкивъ, такъ и купуйте соби найздоровшого мятва и найздоровшого вина, стомаха рады и гиркого мени вашого занепаду".

Если такъ горячо принималъ къ сердцу Кулишъ недуги и нужды сравнительно мало знакомаго ему Павлика, то легко понять, какимъ горемъ для него было несчастіе, постигшее его давняго друга и шурина В. М. Бѣлозерскаго, котораго въ томъ же 1893 г. разбилъ параличъ. Это событіе, прискорбное само по себѣ, огорчало Кулиша еще и тѣмъ, что оно помѣшало Бѣлозерскому осуществить только-что задуманный имъ, особенно симпатичный Кулишу, планъ написать воспоминанія о прошломъ и, главнымъ образомъ о временахъ изданія „Основы".

Но не одинъ Павликъ интересовался воспоминаніями Кулиша и Бѣлозерскаго; нельзя не упомянуть здѣсь, что интересъ къ дѣятелямъ новѣйшей малорусской литературы, столь незначительный въ нашемъ обществѣ, буквально почти не подозрѣвающемъ существованія многихъ позднѣйшихъ малороссійскихъ писателей,

стоитъ несравненно выше въ Галиціи. Нагляднымъ доказательствомъ могли бы служить письма къ Кулишу профессора русской литературы во Львовѣ Омельяна Огоновскаго, который, составляя свою исторію русской литературы, подробно останавливался и на позднѣйшихъ дѣятеляхъ малорусской литературы, для чего множество свѣдѣній получилъ отъ Кулиша, и это въ то время, когда профессора русской литературы въ русскихъ университетахъ въ большинствѣ случаевъ считаютъ для себя эту область чуждою и необязательною. Понятно поэтому, что представителямъ науки въ Галиціи въ большинствѣ случаевъ, благодаря большей близости интересовъ, гораздо яснѣе значеніе дѣятельности Кулиша, нежели нашимъ ученымъ и литераторамъ, для которыхъ часто по всѣмъ условіямъ внѣшнимъ, т. е. оффиціальнымъ, и внутреннимъ, т. е. племеннымъ, невольно этотъ отдѣлъ малорусской литературы остается за чертой ихъ изученій, и это даже независимо отъ несходства во взглядахъ съ Кулишомъ, котораго Огоновскій называетъ „провидныкомъ патріотивъ—пысьменныкивъ украинськыхъ въ 60 рокахъ“, о немъ же онъ говоритъ дальше: „а теперъ молодшому поколинію помагае не разъ радою и умнымъ своимъ словомъ“. Онъ же сообщалъ однажды Кулишу: „про васъ згадуе редакція „Правды“, яко про свиточа, що вказавъ тому авторови Даніилу Медовнику стежку до правдывои освиты“. „Хуторная поэзія“ и другіе стихотворные сборники и историческіе труды Кулиша встрѣтили, несомнѣнно, гораздо больше участія и интереса въ Галиціи, нежели у насъ. Тотъ же Огоновскій писалъ Кулишу. „Я справди дывуюся вашій непрестанній и хосенній праци на нывi нашои литературы: де-яки ваши стыхотворы суть мини справди понутру. Вашъ духъ все еще свижый и молодый; дай Боже, щобъ вы ще много литъ булы свиточемъ въ нашій словесній святыни!“.

LXI.

Въ концѣ 1893 г. Кулишъ больше чѣмъ когда-либо считалъ близкою къ осуществленію свою поѣздку въ обѣ столицы и въ

Варшаву и соединялъ съ этой мечтой обширныя научныя упованія, причемъ, повидимому, средства для задуманнаго предпріятія дали ему присланный авансомъ гонораръ за его статьи и повѣсти, напечатанныя въ „Русскомъ Обозрѣніи". Онъ писалъ тогда Павлику, что ему предлагаютъ переработать всѣ девять томовъ „Исторіи Возсоединенія Руси".

Поѣздка, однако, снова не состоялась. Послѣдующіе годы жизни Кулиша были опять поглощены переводомъ Библіи, для чего ему приходилось съ большими трудностями разыскивать и выписывать такія дорогія изданія, какъ Оксфордская Библія. Составляя планы печатанія этихъ трудовъ, Кулишъ просилъ обыкновенно Павлика назначить цѣну подороже, на томъ основаніи, что имущихъ не удержатъ лишніе десятки крейцеровъ, а бѣднымъ онъ поручалъ раздавать свои труды даромъ, какъ это предполагалось и потомъ дѣлалось съ книгой „Товитовы Словеса". По окончаніи перевода первой книги Библіи, Кулишъ предполагалъ послать ее на просмотръ Златоверхому, но все-таки долженъ былъ признаться: „тутъ бы и 16 Золотоверхихъ не булы въ мене безъ дила, та не дорослы мы до Оксфордянъ". Поэтому Кулишъ принялъ намѣреніе съ особеннымъ тщаніемъ заботиться о здоровьѣ и остерегаться малѣйшей простуды: „Доростемо и мы до такого апостольства, коли того дослужымо въ щербатои доли, чы въ Господа Бога. Та бережимо свое здоровье. Я й съ хаты не выходжу, якъ закашляю, саджаючы новый гаёкъ. Писля насъ и будуть люды, такъ не мы. Тягаръ же нашои жызни треба буде комусь несты". Эти идеи онъ часто высказывалъ Павлику: „Пріятелю Михайлу Ивановичу, не сумуйте, а радуйтесь, що вамъ дано натуру не ослячу, не собачу, не вовчу й не лысычу, якъ пребагатёмъ вашымъ пысьмакамъ... На долю я николы не нарикавъ. Журбою поля не перейдемо, а перейдемо веселымъ духомъ, яка бъ гыдота не куёвдылась навкругы насъ". О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ: „За мене говорытыме мое компонуванне, а за ныхъ—ихъ крытыкуванне, таке, якъ того Огоновського, що Золотоверхый документово зробывъ неукомъ".

Одновременно съ сближеніемъ Кулиша съ Павликомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ органахъ являлись волновавшія его нападки, особенно въ „Зорѣ"; [1]) съ другой стороны расположеннымъ къ нему органомъ былъ польскій „Kraj". Все это происходило въ 1893 г., когда началось первое знакомство и вскорѣ заочное дружеское сближеніе Кулиша съ кн. Н. Вл. Шаховскимъ, разсказавшимъ о своихъ отношеніяхъ къ нашему писателю въ „Русскомъ Обозрѣніи", въ статьѣ, появившейся тотчасъ послѣ его смерти. Кн. Шаховской первоначально обратился къ Кулишу съ просьбой сообщить воспоминанія о Гиляровѣ-Платоновѣ, и хотя не только переписки, но даже воспоминаній у Кулиша не оказалось (письма сгорѣли во время пожара), но кн. Шаховской заинтересовалъ маститаго писателя и своей симпатіей къ его дѣятельности и собственными литературными работами. Черезъ князя Шаховскаго Кулишъ дѣлалъ попытки выручить извѣстную намъ рукопись „Владимірію" у кн. Мещерскаго; ему же онъ подарилъ потомъ этотъ трудъ въ полное распоряженіе, назвавъ его „крестнымъ отцомъ Владимірiи".

LXII.

Въ 1894 г. Кулиша посѣтила тяжелая форма инфлюэнцы, отъ которой, по его словамъ, онъ спасся лишь благодаря неусыпнымъ попеченіемъ и самоотверженному уходу своей жены. Въ этомъ году скончался одинъ изъ лучшихъ галицкихъ пріятелей Кулиша, Золотоверхій. Но ни огорченіе, ни болѣзнь не могли надолго прервать кипучей дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Павлику онъ постоянно извѣщаетъ то о томъ, что онъ дошелъ въ переводѣ Библіи до Исаіи пророка, то до премудрости сына Сирахова, и во всѣ эти переводы одинокій, почти не признан-

---

[1]) Кулишъ просилъ насъ вступить за него въ полемику съ «Зорей», но для этого необходима была полная увѣренность въ правотѣ его дѣла.

ный труженникъ умѣлъ влагать всю душу, добиваясь возможнаго совершенства въ своей работѣ. Переводя пророковъ, онъ въ это время постоянно исправлялъ и совершенствовалъ уже оконченные переводы Моисеева пятикнижія. „Вже сежду на стыси 20 XXXIII главы „Чисел", и не знаю, колы перестану сам себе поправляты въ пидлажуванню нашои мовы пидъ велычезну поэму". Понятно, что Кулишъ, благодаря такому отношенію къ своимъ трудамъ, все больше зарывался въ нихъ и, не рѣдко нуждаясь въ дружескомъ сотрудничествѣ нѣкоторыхъ своихъ корресподентовъ, обращался къ нимъ свободно съ разными просьбами и порученіями, принявъ въ послѣднее время нѣсколько оригинальную привычку посылать коротенькія письма, написанныя карандашемъ съ помѣткой сверху: „телеграмма". Работа кипѣла, перспектива массы еще неисполненныхъ и казавшихся необходимыми и неотложными трудовъ побуждала дорожить всякой минутой, а тутъ еще совѣстливое отношеніе къ каждому принятому на себя дѣлу, въ свою очередь, какъ мы говорили, заставляло возвращаться вновь уже къ тому, что̀ было кончено: „Вже готови три глави четвертои книги Моисеевои, та не важусь печатати, докиль не дійду до Апокалипсоваго аминя". Мало того: вслѣдствіе потери кн. Мещерскимъ обширнаго труда „Владимірія (или „Искра Любви") приходилось возстановлять утраченное по сохранившейся черновой рукописи, причемъ многое нельзя было иначе дополнить, какъ по памяти, такъ какъ черновыя при перепискѣ всегда подвергались у Кулиша тщательной и капитальной переработкѣ (онъ особенно жалѣлъ о потерѣ наиболѣе удачно изложеннаго въ утраченной редакціи обращенія іезуита въ отечественное православіе).

Въ концѣ 1894 г. Кулишъ былъ обрадованъ назначеніемъ цензоромъ въ Москвѣ кн. Ник. Вл. Шаховскаго. [1]) „Я вижу хорошее

---

[1]) Въ князѣ Шаховскомъ Кулишъ надѣялся и желалъ видѣть самостоятельнаго и просвѣщеннаго дѣятеля цензуры; ему онъ писалъ: «Будьте на своемъ посту силою, а не орудіемъ силъ... Это вамъ завѣщаетъ человѣкъ, который, при всемъ ничтожествѣ происхожденія, своего имущества и первоначальнаго образованія, *былъ* силою». («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 227).

предзнаменованіе"—писалъ намъ онъ по этому поводу—„въ назначеніи такихъ личностей на мѣста деспотовъ мысли и слова, которые присвоили себѣ право швырять намъ въ глаза наши рукописи, даже не взглянувъ на нихъ". Но зато на „кункаторскую процедуру" не только русскихъ издателей и содержателей типографій, но и заграничныхъ Кулишу случалось нерѣдко жаловаться, при чемъ особенно сердило его то, что небольшую брошюру „Дзвінъ" печатали въ Женевѣ цѣлыхъ полтора года. [1])

Съ другой стороны онъ самъ является по неволѣ кунктаторомъ относительно задуманной поѣздки въ Варшаву. „Я съ трудомъ существую и среди своихъ рощъ"—откровенно сознался онъ въ письмѣ къ одной родственницѣ, „которыя довожу до возможнаго совершенства, а что со мной будетъ въ дорогѣ? Да и ѣхать куда бы то ни было не хочется страшно! [2])

LXIII.

Признаки старости начали наконецъ сказываться во многомъ, „Онъ усиленно работаетъ", писала о мужѣ Александра Михайловна: „Исторіи уже шесть томовъ, но нервы слабы! Онъ часто уединяется и сильный запахъ папиросъ съ усиліемъ выноситъ".

---

[1]) Изъ исторіи нашихъ личныхъ отношеній къ Кулишу мы должны здѣсь отмѣтить, что Кулишъ, принимая всегда участіе въ моихъ литературныхъ работахъ, писалъ намъ по поводу напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» нашей статьи: „Одна изъ женъ декабристовъ": „вступительныя строки къ декабристкѣ насъ растрогали: и мы такіе же мученики, особенно моя Александра Михайловна".

[2]) О предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву Кулишъ писалъ въ концѣ 1893 г.. „Рано весною мы должны ѣхать въ Варшаву, гдѣ я доведу до возможной документальности „Исторію Возсоединенія Руси". Это значитъ, что три печатные тома книги явятся вновь обработанными, а шесть рукописныхъ, далеко не доконченныхъ въ смыслѣ исторической живописи и только подмалёванныхъ, получатъ полноту и доконченность при посредствѣ архивовъ и библіотекъ".

Послѣдніе два года нашего писателя прошли въ такой же бодрой и энергической работѣ, какъ и вся его жизнь. Онъ весь былъ погруженъ въ переводъ Библіи, для чего выписывалъ дорогія заграничныя изданія. Совершенно углубившись въ этотъ трудъ, онъ шутилъ, говоря, что проводитъ время въ самомъ высокомъ и избранномъ обществѣ: съ Моисеемъ, Исаіей, Іереміей, которыхъ, прибавлялъ онъ, *«мушу* учить по нашому глаголати».

О переводческой дѣятельности Кулиша и о его личномъ характерѣ одно изъ коротко знавшихъ его лицъ сообщаетъ слѣдующее.

„Занимаясь переводомъ Библіи, Кулишъ въ то же время изучалъ еврейскій языкъ, чтобы заняться переводомъ Ветхаго Завѣта прямо съ еврейскаго подлинника. Первый свой переводъ Кулишъ сдѣлалъ не съ еврейскаго текста, а съ разныхъ европейскихъ переводовъ, но придерживался, главнымъ образомъ, англійскаго перевода, какъ самаго близкаго къ еврейскому тексту. Этотъ первый опытъ перевода Библіи Кулиша сгорѣлъ во время пожара въ его домѣ на хуторѣ Мотроновкѣ. Только одно „Пятикнижіе“ Моисея было напечатано во Львовѣ, какъ приложеніе или „додатокъ“ къ журналу „Правда“. Проживая въ своемъ хуторѣ, Кулишъ вторично переводилъ Библію уже прямо съ еврейскаго текста, но не успѣлъ окончить его. Переводъ Новаго Завѣта Кулиша и Пулюя давно уже напечатанъ въ Галиціи“.

„Натура Кулиша была слишкомъ нервная и въ высшей степени сложная, а поэтому склонная къ энтузіазму и крайнимъ увлеченіямъ въ ту или въ другую сторону. Однажды въ разговорѣ со мною онъ началъ проводить ту мысль, что только „культура и культурность“ должны быть мѣриломъ всего: и исторіи, и поэзіи, и жизни. Съ этимъ, конечно, мнѣ нельзя было не согласиться, такъ какъ разговоръ шелъ о культурѣ и культурности въ общемъ смыслѣ. Много, много лѣтъ спустя, изъ послѣдующихъ произведеній Кулиша я только понялъ, къ чему клонился тогдашній разговоръ. Кулишъ пустилъ въ ходъ это мѣрило и принялся „ѣсть этою лопатою“ и поэзію Шевченка, и исторію

Украины, Польши и т. д. Но дѣло въ томъ, что культуру и культурность всякій понимаетъ по своему: демократъ мѣряетъ ее на свой аршинъ, аристократъ мѣряетъ на совсѣмъ иную мѣрку, а клерикалъ понимаетъ ее еще иначе. Культура оказывается понятіемъ растяжимымъ, и Кулишъ растянулъ это „мѣрило" по своему. Какъ человѣкъ съ высокимъ врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ отвернулся отъ простацкой демократической козацкой Украйны, прежде имъ опоэтизированной, и направилъ свои симпатіи къ аристократіи, началъ выхвалять польскихъ магнатовъ, заимствовавшихъ изъ Европы больше внѣшнія черты культуры, чѣмъ ея содержаніе; началъ даже выхвалять московскихъ бояръ, которые никогда никакой культуры не внесли и сами туго заимствовали ее отъ другихъ. Проживая въ своемъ хуторѣ, въ глуши, Кулишъ могъ и не знать, что по „Румянцевской Описи" теперь оказалось, что въ Старой Малороссіи, въ области наприм. черниговскаго полка, было школъ больше, чѣмъ въ той же чертѣ въ теперешней Украйнѣ, что при церкви были „шпитали" и лазареты, учреждаемые приходами, и что все это: и школы, и шпитали, и лазареты, учрежденные приходами, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ культуры на некультурную, по мнѣнію Кулиша, Украйну, куда-то исчезли, словно сквозь землю провалились, и тамъ надолго воцарилась пустота и полная некультурность".

„Кулишъ могъ въ своей Мотроновкѣ и не знать и „Разсказовъ иностранца" („Записки Юста Юля, датскаго посла, бывшаго въ Россіи отъ 1709 г. до 1711 г. „Вѣстникъ Европы", 1893 г. мартъ). Датскій посланникъ Юстъ Юль, пробывъ два года и при дворѣ Петра Великаго, возвращался чрезъ Украйну и Польшу на родину и описываетъ тогдашнюю козацкую Украйну совсѣмъ не въ такомъ некультурномъ видѣ, въ какомъ ее представлялъ себѣ Кулишъ, называя козаковъ разбойниками, хищниками и т. п. некультурными эпитетами. Юстъ Юль нашелъ, что „жители козацкой Украйны благоденствуютъ и живутъ припѣваючи... Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и чѣмъ хотятъ—промышляютъ... Козаки

ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ... тогда какъ московиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... Королевецъ городъ большой и красивый. Улицы въ нихъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасные, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома и т. д. [1]) Кажется, Кулиша, какъ эстетика, слишкомъ соблазнялъ внѣшній блескъ, внѣшняя культурность старыхъ польскихъ пановъ. Эту культуру дѣйствительно несли паны на Украйну обѣими руками и распространяли ее среди украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ".

LXIV.

2 февраля 1897 года Кулиша не стало. [2]) О его послѣдней болѣзни его вдова сообщила намъ слѣдующее: „Мѣсяца за три до золотой свадьбы было получено письмо отъ В. В. Тарновскаго, въ которомъ онъ усиленно просилъ пріѣхать къ нему въ Качановку и отдохнуть. Онъ предлагалъ прислать карету, разставить лошадей по дорогѣ, чтобы не было задержекъ, и пожить вмѣстѣ на условіи полной свободы, т. е. чтобы мы ни въ чемъ не были стѣснены относительно своихъ занятій и привычекъ, обѣда, чая" и т. п. Говоря объ этомъ съ женой, Пантелеймонъ Александровичъ фантазировалъ, что попроситъ двѣ кареты, чтобы ѣхать въ Зарогъ, заберетъ тамъ сестру жены съ ея дочерьми и тогда они вмѣстѣ двинутся въ Качановку. Это было для него большое путешествіе, потому что послѣдніе два года,

---

[1]) Такое же свидѣтельство о культурѣ старой Малороссіи XVII в. можно найти въ путевыхъ запискахъ Павла Алеппскаго.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь, что всего за недѣлю до смерти Кулишъ имѣлъ утѣшеніе отпраздновать свою золотую свадьбу.

занявшись Библіей, онъ отказался даже отъ посѣщенія находившагося всего въ восьми верстахъ отъ хутора брата жены, Олимпія Михайловича, и даже шуткой называлъ этотъ хуторъ Америкой. Въ день золотой свадьбы всѣ предположенія также остались безъ исполненія. Онъ ограничился только письмомъ къ В. В. Тарновскому и остался праздновать свой юбилей дома. Къ этому дню потребовались покупки въ городѣ. Александра Михайловна, все не расположенная оставлять его одного, рѣшилась выѣхать на самое короткое время, тѣмъ болѣе, что онъ обыкновенно ждалъ ее нетерпѣливо и часто выходилъ къ ней на встрѣчу, иногда встрѣчая ее еще въ городѣ (за 5 верстъ отъ ихъ хутора). Но въ этотъ разъ она возвратилась: онъ встрѣтилъ ее, очень обрадованный, у порога, но черезъ нѣсколько минутъ сталъ жаловаться на ощущеніе холода въ конечностяхъ и при этомъ вложилъ руки въ печурку, чего прежде никогда не дѣлалъ, и хотя продолжалъ заниматься, но часто подходилъ къ камину грѣться. Жена укрывала его ноги и плечи пледомъ и платкомъ, потому что въ эту зиму было очень холодно. Она уже прежде просила его перейти въ болѣе теплую комнату, но онъ не согласился, говоря, что тамъ тѣсно и негдѣ разложить книгъ, и продолжалъ усиленно работать въ перчаткахъ.

Они пообѣдали весело, причемъ Александра Михайловна, поздравляя его, вспомнила о началѣ ихъ знакомства и сказала: „Какая я была умная, что въ 15 лѣтъ умѣла оцѣнить и отличить тебя отъ всѣхъ другихъ!“... Послѣ обѣда онъ продолжалъ чувствовать холодъ и часовъ въ восемь легъ въ постель. Жена была при немъ неотлучно. Онъ припоминалъ нѣкоторые мѣста изъ Библіи и говорилъ громко и отчетливо; А. М-на съ радостью, прислушиваясь, думала: „вотъ недалеко весна, и онъ опять будетъ крѣпокъ и веселъ“. Онъ просилъ раньше ложиться и самъ заснулъ.

Иногда, еще задолго до болѣзни, говоря о своемъ желаніи окончить переводъ Библіи, онъ прибавлялъ; „Тогда скажу: „Господи, нынѣ отпущаеши раба своего съ миромъ!“ Когда онъ начиналъ говорить о смерти, жена его убѣгала, и онъ потомъ

ей говорилъ: „Ты хочешь, чтобы я прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ!“ [1])

Ночь прошла покойно; лишь по временамъ онъ вздрагивалъ, какъ будто желая что-то сказать во снѣ. Тутъ А. М-на не могла выдержать и послала за докторомъ въ городъ, но его не застали дома, и онъ пріѣхалъ на хуторъ только на другой день. Между тѣмъ П. А. былъ все время въ ознобѣ. Докторъ подвергъ самому внимательному изслѣдованію и, наконецъ, сообщилъ женѣ объ упадкѣ дѣятельности сердца и велѣлъ перевести его въ болѣе теплую комнату, находя кабинетъ холоднымъ. П. А. продолжалъ заниматься, сидя въ креслѣ, несмотря на то, что былъ уже четвертый день болѣзни. На слѣдующій день докторъ пріѣхалъ опять и констатировалъ воспаленіе легкихъ, успокаивая А. М—ну тѣмъ, что болѣзнь излѣчимая. Въ этотъ день П. А. еще держалъ корректуру, присланную изъ-за границы, но на шестой день болѣзни онъ уже не вставалъ съ постели. На седьмой день, чувствуя себя лучше, хотѣлъ встать, но жена уговорила его не рисковать. Потомъ онъ показалъ глазами на грифельную доску, висѣвшую напротивъ на стѣнѣ; на этой доскѣ онъ часто писалъ ночью, но такъ какъ доска тяжела, то жена подала ему листъ бумаги и карандашъ; хотѣлъ писать и не могъ... Онъ поднялъ руку и писалъ нѣкоторое время въ воздухѣ, но вдругъ рука упала—и многотрудная жизнь кончилась (2 февраля 1897 г. въ 8 ч. вечера). Вдова его была въ такомъ отчаяніи, что не надѣялась его пережить; ее едва могли привести въ себя сочувственныя телеграммы, изъ которыхъ одна (на малороссійскомъ языкѣ за двадцатью подписями) особенно тронула ее: „Поминая незабвеннаго земляка, привѣтствуемъ Ганну Барвинокъ за то, что она всю жизнь отдала тому, кто навѣки останется въ памяти всѣхъ сыновъ въ родной

---

[1]) Онъ назначалъ себѣ мѣсто, гдѣ его должны были похоронить: это былъ кругъ въ саду, обставленный кленами и другими деревьями. Черезъ два года тамъ нашелъ себѣ мѣсто упокоенія и другой патріотъ В. М. Бѣлозерскій.

Украйнѣ. Да будетъ, какъ перо, легка земля надъ дорогимъ покойникомъ!" [1])

Хоронили Кулиша по козацкому обычаю. Везли гробъ двѣ пары воловъ цугомъ, въ траурныхъ попонахъ; на каждой „излучинѣ" (по двѣ версты) до церкви читали Евангеліе сопровождавшіе прахъ два священника поочередно. Въ гробъ положили смушевую шапку, бумаги съ карандашемъ. На гробъ положили вѣнокъ изъ барвинокъ. [2])

LXIII.

Оканчивая нашъ обзоръ жизни Кулиша, мы еще разъ должны напомнить, что мы отнюдь не имѣли въ виду дать полный обзоръ общественнаго и литературнаго значенія его дѣятельности. Но, можетъ быть, спросятъ, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ—труда самоотверженнаго, неустаннаго и не ослабѣвавшаго буквально до самаго дня смерти.

Жизнь Кулиша продолжалась восемьдесятъ лѣтъ, но никогда не была для него праздникомъ, да и не могла быть имъ по той простой причинѣ, что онъ болѣлъ сердцемъ за другихъ, а такіе люди, ёсли ихъ даже представить себѣ баловнями судьбы,—

---

[1]) Въ годъ смерти Кулиша въ Женевѣ вышла стихотворная брошюра, посвященная его памяти: „Щирі слези".

[2]) „Русское Обозрѣніе", 1897, III, стр, 192.

счастливцами въ обыденномъ, опошленномъ значеніи слова никогда быть не могутъ.

Вся литературная дѣятельность Кулиша,—котораго, конечно, не безъ основанія упрекали за неоднократную перемѣну направленій,—была строго послѣдовательной и безусловно выдержанной въ томъ смыслѣ, что всѣ предпринимаемые имъ труды неуклонно преслѣдовали одну цѣль—изученіе прошлаго родины и благо земляковъ. Если при этомъ нѣкоторые взгляды его съ теченіемъ времени мѣнялись, то искренность была несомнѣнна, и даже враги признаютъ, что онъ ничего не говорилъ несогласнаго съ убѣжденіемъ.

Люди, лично знавшіе Кулиша, прозвали его „горячимъ", и въ этомъ словѣ дѣйствительно заключается сжатая, но чрезвычайно мѣткая его характеристика.

При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой. Въ силу этого Кулишъ, независимый и увѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи, преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украйны, несомнѣнныя данныя, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не оффиціальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и въ обществѣ любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ помысловъ даже о томъ, чтобы поправить свои матеріальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще, въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной натуры, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленныя рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Натура эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся внѣшнему режиму, что̀, конечно, признаетъ каждый, кто такъ или иначе

сколько-нибудь знакомъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь спеціальная нарицательная кличка, но онъ непремѣнно будетъ признанъ патріотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполнѣ оригинальной и ему только принадлежащей физіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о немъ ясное представленіе и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Кулишъ прежде всего была личность въ высшей степени самобытная, яркая историческая фигура, ни для чего шаблоннаго не созданная, и слѣдовательно не способная къ шаблонному устройству своей жизни. Природа, щедро одарившая его вообще, особенно надѣлила его способностью горячо и сильно чувствовать и всѣмъ сердцемъ отзываться на нужды ближняго. Отсюда вытекаютъ всѣ главныя свойства его характера. Это была натура всесторонне художественная, начиная отъ страстной любви къ природѣ, преимущественно украинской, и къ искусствамъ, и кончая удивительной способностью ко всякому, какъ умственному, такъ и физическому труду. Достаточно сказать, что этотъ человѣкъ, получившій почетную извѣстность какъ литераторъ и общественный дѣятель, также превосходно рисовалъ масляными красками, сепіей, тушью и карандашомъ, и въ молодости даже мечталъ посвятить себя живописи. Кромѣ того, онъ занимался гальванопластикой, переплетнымъ мастерствомъ, работалъ на столярномъ верстакѣ, дѣлалъ складные шкафы и кресла, любилъ и основательно зналъ сельское хозяйство, всегда былъ въ работѣ и при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ умѣлъ не только сохранять бодрость, но даже быть или хотя бы казаться всегда веселымъ. Образъ жизни велъ строго умѣренный и правильный. Бесѣда его, благодаря природному краснорѣчію и никогда не оставлявшему его внутреннему воодушевленію, при живомъ разностороннемъ интересѣ ко всему въ мірѣ отвлеченной мысли и искусства, говорятъ, была чрезвычайно увлекательна.

Но главное все-таки было то, что Кулишъ „горячъ" былъ сердцемъ: онъ любилъ людей, но не однихъ, впрочемъ, людей, а также всевозможныхъ животныхъ (собакъ, лошадей, коровъ, кошекъ, всякихъ птицъ), растенія (цвѣты) и проч. Самая его неутомимая любознательность была не только потребностью ума, но еще больше сердца, постоянно побуждавшаго его безъ колебанья и раздумья всѣ свои силы нести на алтарь любви къ вѣчно дорогой Украйнѣ, а въ послѣдніе годы также и къ Галиціи. Въ обхожденіи Кулиша, говорятъ, было столько задушевной простоты и сердечности, что за ними въ непринужденной бесѣдѣ забывался извѣстный писатель и общественный дѣятель, память котораго вскорѣ послѣ его кончины сочувственно чествовалась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ памятью другихъ незабвенныхъ украинскихъ патріотовъ, друзей Кулиша—Костомарова и Шевченка. Съ простыми хуторскими крестьянами Кулишъ обходился въ высшей степени гуманно и привѣтливо, а дѣти крестьянскія свободно прибѣгали къ нему ласкаться, называя его просто „дидусь". Когда же послѣ его смерти вдова его была, можно сказать, засыпана множествомъ сочувственныхъ писемъ и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, хуторскіе крестьяне были не мало смущены тѣмъ, что они позволяли себѣ запросто обращаться съ добрымъ „паномъ", совсѣмъ не подозрѣвая того, что этотъ панъ такой важный человѣкъ. Но трогательнѣе всего было прощаніе съ умершимъ „паномъ" хуторскихъ дѣтей, которыя неутѣшно рыдали по немъ, какъ по самомъ добромъ и близкомъ человѣкѣ.

Наконецъ знаменательно и то, что послѣ похоронъ Кулиша сложилась даже легенда между окрестными крестьянами, будто онъ похороненъ былъ въ золотой трунѣ.

Дѣтей Кулишъ всегда любилъ особенно, но собственныхъ дѣтей у него не было. Зато онъ всю жизнь въ полномъ смыслѣ слова шелъ объ руку съ своимъ другомъ-женой, его вѣрной спутницей, товарищемъ во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ. Не красна была ихъ жизнь, вся сплошь состоявшая изъ борьбы съ нуждой и лишеніями, простиравшимися до того, что, какъ мы

знаемъ, въ послѣдніе годы, уже въ преклонномъ возрастѣ,— отнюдь не по увлеченію идеями графа Толстого, котораго, къ слову сказать, онъ почему-то не любилъ и мало читалъ,—онъ долженъ былъ самъ пахать на волахъ и исполнять другія полевыя работы, при чемъ и здѣсь, какъ во всемъ, былъ мастеромъ дѣла. Ничего отраднаго не сулило Кулишу будущее; но въ своей чистой совѣсти, въ своемъ любящемъ сердцѣ и неустанной одушевленной дѣятельности, благодаря также преданной подругѣ жизни, онъ умѣлъ находить чистое и отрадное удовлетвореніе, которое прочнѣе и выше счастья многихъ обезпеченныхъ людей. И какъ жилъ Кулишъ, до послѣднихъ дней создавая себѣ все новые планы и работая для исполненія ихъ, какъ говорится, „не покладая рукъ“, какъ будто бы ему суждена была вѣчная дѣятельность,—такъ точно ужъ на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ до рокового конца, онъ долго что-то оживленно говорилъ и, когда языкъ уже совершенно отказался ему повиноваться, онъ все еще не могъ разстаться съ привычной работой мысли и что-то писалъ рукой въ воздухѣ, какъ ратникъ, умирающій на полѣ битвы.

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе библіи (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ *непремѣнно* хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, *найлучшее* изданіе, готовъ былъ скорѣе *отказаться* отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели *отступиться на іоту* отъ „кулишовки“ и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, что по его убѣжденію, должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ, видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь

гласной малороссійскаго языка, къ немалому удивленію и отчасти досадѣ цензурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Общественная и литературная дѣятельность Кулиша, въ силу объясненныхъ нами особенностей его натуры, отличалась странностью, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ съ одной стороны преданныхъ друзей и почитателей, съ другой—ожесточенныхъ враговъ, которые готовы были метать на него громы. Подвести итогъ этой богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни и всесторонне освѣтить ее съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ—задача будущаго. Найдутся, вѣроятно, и теперь, когда смерть должна была бы все примирить, такіе суровые критики, которые станутъ, быть можетъ, упрекать его въ излишнихъ увлеченіяхъ; но нѣтъ настоящей жизни безъ увлеченій, а того, что это была личность замѣчательно живая, яркая и благородная, оригинальная въ лучшемъ значеніи слова—этого, конечно, никто отрицать не станетъ, а также и того, что это былъ человѣкъ идеи и даже фанатикъ украинской народности, если отдѣлить отъ этого слова его невыгодный оттѣнокъ, удерживая лишь обозначаемую имъ высшую степень преданности идеѣ. Кулишъ былъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ яркій обликъ и даютъ окраску всему, съ чѣмъ соприкасаются; самая слабая память ни съ кѣмъ другимъ его смѣшать не можетъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ удивленіе и заслуживаютъ благодарной памяти въ потомствѣ.

Вл. Шенрокъ.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

36. Бѣлорусскіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ.

День 14 сентября былъ когда-то для Полтавы не только храмовымъ праздникомъ въ мѣстномъ монастырѣ, но и временемъ значительной ярмарки, на которую съѣзжались купцы со всей Украины, и кромѣ того привозились товары изъ окрестныхъ странъ: изъ Великороссіи, Литвы, Польши и Крыма. Такъ было и въ 1690 году. Пріѣхали съ товарами изъ далекаго Глуска, [2]) „изъ панства Литовского", два молодыхъ купца, Иванъ Дещенко и Севастіанъ Вовчковичъ и остановились „на госпôди" въ домѣ мѣщанина Мартына Бражника. Цѣлый день они „бавылыся торговымъ диломъ", а вечеромъ вернулись домой, сосчитали выручку, заперли ее въ „скрыньку", которая хранилась на одномъ изъ возовъ, прикованная „ланцухомъ" (цѣпью), сдѣлали обычный нарядъ между своею „челядью" на счетъ ночной охраны возовъ съ товарами, а потомъ сѣли на „прысьпу" и стали бесѣдовать съ „госпôдаремъ". Сначала они „бесидовалы словесно", а потомъ Мартынъ вынесъ „пляшку зъ горилкою" и предложилъ купцамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ. Купцы слегка подкрѣпились, а затѣмъ съ своей стороны сочли долгомъ учтивости пригласить любезнаго и гостепріимнаго „господаря" „до двору братского святовоскресенского на учту".

---

1) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 9.

2) Глускъ—нынѣ мѣстечко Бобруйскаго у. Минской губ.

Братскіе дома, имѣвшіеся при каждомъ приходскомъ братствѣ, въ обыкновенное время имѣли совсѣмъ другое назначеніе: здѣсь происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, здѣсь хранилось братское имущество, въ братскихъ домахъ обыкновенно совершался братскій и духовный судъ, наконецъ здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія полковаго суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство. Но въ дни великихъ праздниковъ, когда братчики совершали „канунъ" и варили медъ, братскіе дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступные рестораны, куда и самыя почтенныя лица не считали зазорнымъ и самимъ зайти, и пріятелей пригласить „на учту", такъ какъ выручка отъ продажи канунныхъ напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ котораго братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали" и творили другія дѣла милосердія. Такимъ канунньмъ днемъ былъ и праздникъ Воздвиженія, и вотъ почему литовскіе купцы пригласили Мартына Бражника „на учту" не въ корчму или шинокъ, а на „братерскій" воскресенскій дворъ, находившійся въ предмѣстьи города, неподалеку отъ дома Бражника.

Долго они тамъ „забавлялись" за пивомъ да медами, но купеческой осторожности не забывали, и вотъ одинъ изъ купцовъ, Иванъ Дещенко отлучился на минуту „до господы", чтобы навѣдаться, исправно ли „челядь" оберегаетъ возы съ товарами, а другой остался съ Мартыномъ „на зазванной учтѣ". Пришелъ Иванъ на дворъ и „засталъ челядь свою зъ Мартыныхою Бражничкою бесидуючыхъ у хати надъ горилкою": оказалось, что когда хозяева ушли со двора, сердобольная „господарка" зазвала къ себѣ „челядь купецкую" тоже „на учту",—нужно же было и бѣднымъ челядникамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ, да еще въ такое „свято", чтобы они бодрѣе стерегли хозяйское добро. Купецъ слегка пожурилъ челядниковъ за то, что всѣ забрались въ хату и никого не оставили на дворѣ, и пошелъ самъ осмотрѣть возы. Тамъ онъ засталъ „тулючогося межи возамы" хозяйскаго сына Ивана, молодого парубка, и спросилъ его: „А для чого ты межи возами подъ часъ смеркȃня туляешься?" Тотъ почти шепотомъ отвѣтилъ:

— „Та це я передъ отцемъ своимъ Мартыномъ крыюся, щобъ мене не бывъ, бо винъ на мене теперъ гнивлывый, не видаю за що".

Купецъ успокоилъ Ивана Бражниченка, что его отецъ теперь съ ними „на учтѣ въ дому братерскимъ" и нескоро домой вернется, да и воротится навѣрное въ такомъ состояніи, что не будетъ въ силахъ драться. Поговоривъ еще съ Иваномъ и найдя свои возы, повидимому, въ цѣлости, купецъ снова отправился „на бесиду тую", на братскій дворъ. Но едва онъ вышелъ на улицу, какъ его будто толкнуло что-то: онъ вспомнилъ, что не осмотрѣлъ денежной „скрыньки". Онъ поспѣшно вернулся, подошелъ къ возу—и ахнулъ: „скрынька", въ которой хранилось полтораста таляровъ битыхъ и чеховъ, „скупныхъ (общихъ) съ товарыствомъ", оказалась „открученною отъ ланцуха" и безслѣдно исчезнувшей.

Не помня себя отъ волненія, купецъ „вчинилъ окрикъ и галасъ на всю улицу", на который опрометью выбѣжала челядь изъ хаты, сбѣжались сосѣди и многіе ярмарковые люди, ночевавшіе въ сосѣднихъ дворахъ. Пошли разспросы, толки и оханья. Прибѣжалъ и другой купецъ съ братскаго двора, перепуганный и взволнованный не меньше своего товарища. Онъ, однако, тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случаяхъ: по его предложенію, всѣ присутствовавшіе „сталы заразъ шукаты въ двори Мартыновимъ и коло двора слиду, куда бъ тая украденная скрынька могла буты вынесенною зъ воза", и когда вошли съ огнемъ „у стайню" Мартынову, то увидѣли тамъ „на затылку вынятую тыныну" (часть плетня), а за нею нашли разбитую „порожнюю скрыньку". Это былъ важный слѣдъ, и его немедленно слѣдовало предъявить уряду. И хотя было уже близко къ полуночи, оба купца, „не бавячыся", отправились въ ратушу, велѣли разбудить войта и бурмистровъ, предъявили имъ разбитую „скрыньку" и занесли „мѣйскому" уряду жалобу на Ивана Бражниченка и на его мать Мартыныху „за тое, що Мартыныха челядь въ хату заклыкала горилкы пыты, а сынъ еи межи возамы тулявся и на ёго слиду тая скрынька украдена зъ гришмы". Магистратская старшина „справу отложыла до утра, нѣмъ (пока) розсвинется", но купцамъ не терпѣлось, и какъ только „ихъ Богъ освитывъ" (настало утро), они уже были

у полковника, „оповидали ему шкоду свою“ и „скаржились“ на Мартына Бражника, его жену и сына, обвиняя ихъ въ покражѣ. „Зглянувшись на ихъ скаргу и плачливый скорбъ“, полковникъ приказалъ „даты до вязеня“ Ивана Бражниченка „до слушного доводу и до далшои резолюціи“.

Когда узналъ объ этомъ старый Мартынъ, онъ прибѣжалъ къ полковнику и со слезами сталъ умолять „сохранить домъ его чистымъ отъ публики злодійской“; въ крайнемъ случаѣ онъ просилъ отдать ему сына на поруки; но купцы „на поруку сына Мартынового не пустили“ и домогались скораго суда надъ нимъ и „скутечнои справедливости“. Ивана отвели таки въ тюрьму. Тогда Мартынъ позвалъ къ себѣ купцовъ, „частувавъ“ ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, наконецъ вмѣстѣ съ женою упалъ къ ихъ ногамъ и со слезами началъ умолять прекратить дѣло и не позорить сѣдой головы его,—„а я вамъ (божился онъ) тіи крадены гроши пивтораста таляривъ верну, бо то зъ безумія сына нашого такъ сталося, що винъ ихъ укравъ,“—и тутъ же далъ имъ своихъ три таляра, „абы тое злодійство утаилося передъ старшыною“. Купцы согласны были на такую сдѣлку, но требовали, чтобы предварительно имъ были возвращены украденныя деньги, а Мартынъ Бражникъ настаивалъ на томъ, чтобы купцы немедленно сдѣлали передъ старшиной заявленіе о прекращеніи дѣла, и тогда уже получатъ свои деньги. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на томъ, что Мартынъ снялъ со стѣны образъ, и купцы передъ нимъ „прысягу такую учинили, що милы ихъ затаиты злодійство пры соби, никому не оповидаючы.“ Послѣ этого Мартынъ отправился съ ними на свой хуторъ, на урочище Сорокового Яръ, близъ города, и тамъ „указалъ ихъ гроши, у чотырохъ мистцяхъ похованыи у терну, у левади своій“. Вся украденная сумма оказалась сполна налицо. Купцы взяли свои деньги и изъявили готовность, согласно условію, немедленно вмѣстѣ съ Мартыномъ отправиться къ полковнику и заявить, что пропавшія деньги случайно отыскались, и они никого не обвиняютъ въ кражѣ.

Пришли къ полковнику, а у него, по случаю ярмарки, домъ полонъ гостей; была здѣсь вся полковая и городовая стар-

шина, много было и „значного войскового товарыства“, какъ мѣстнаго, такъ и пріѣзжаго. Всѣмъ уже была извѣстна новость дня—исторія о томъ, какъ „литовскіе“ купцы дерзко обокрадены на Мартыновомъ дворѣ, поэтому, когда эти купцы съ сіяющими лицами вошли въ полковничью свѣтлицу, ихъ окружили съ любопытствомъ. А они, отвѣсивъ передъ полковникомъ по низкому поклону и положивъ на столъ мѣшочекъ съ деньгами, сказали:

— Вельможный добродію и вы панове уряде! Презентуемъ передъ вами тое лице злодѣйское—власные наши гроши, якіе у насъ Мартыновъ сынъ покралъ, а онъ, Мартынъ, поховавши на своемъ хутори, теперъ указалъ намъ и вернулъ. Просимъ зъ оного Мартына Бражника, его жоны и сына святои справедливости“.

Это вѣроломство купцовъ такъ ошеломило несчастнаго Мартына, что онъ едва не свалился съ ногъ и долго не могъ промолвить ни слова. Да и было отъ чего потерять голову: вѣдь онъ, довѣрившись купеческой присягѣ, окончательно погубилъ не только сына, но и жену и себя самого. До сихъ поръ было лишь одно подозрѣніе противъ Ивана; но теперь своими признаніями и главное—указаніемъ мѣста, гдѣ были спрятаны украденныя деньги, онъ самъ же вооружилъ противниковъ могущественнымъ орудіемъ—„злодійскимъ лицемъ“, которое одно могло повести прямо на „шибеницу“ и вора, и его сообщниковъ. И когда полковникъ спросилъ Мартына, точно ли это тѣ самыя деньги, которыя сынъ его укралъ и спряталъ на его хуторѣ, а „онъ и жона его, видаючи о томъ схованю, самы ихъ вказалы и до рукъ купцамъ отдалы“, — то ни самъ Мартынъ, ни приведенный сюда же изъ тюрьмы сынъ его „одъ того лица злодійского не таились“. Тогда полковникъ, „по тому ихъ лицу злодійскому видячы неробочое дило“, приказалъ, чтобы они къ той суммѣ „краденой“ доложили еще полтораста таляровъ „и во всемъ погодили шкодуючую (потерпѣвшую) сторону безъ откладу“ (немедленно), а судъ объ этомъ „злодійствѣ“ былъ отложенъ до другого времени („до увагы нашои“).

Судъ этотъ состоялся черезъ двѣ недѣли. Подъ предсѣдательствомъ полковника, въ немъ участвовали оба полковые асаулы Дорошъ Дмитровичъ и Стефанъ Фиринченко, полковый судья, атаманъ городовой, войтъ и два бурмистра. Суду былъ преданъ не одинъ Иванъ Бражниченко, но и его родители. Потерпѣвшіе купцы все еще оставались въ Полтавѣ и лично обвиняли подсудимыхъ. Послѣдніе въ своей винѣ не „таились", и потому въ производствѣ полнаго слѣдствія не было надобности. Судъ призналъ Ивана Бражниченка виновнымъ въ кражѣ, а обоихъ родителей въ соучастіи въ ней, выразившемся въ томъ, что они оказывали содѣйствіе преступленію сына „и сами тые украденые гроши сховали". Опредѣляя затѣмъ мѣру наказанія, судьи приняли, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что этотъ самый Иванъ Бражниченко всего лишь два мѣсяца передъ тѣмъ былъ приговоренъ полковымъ судомъ къ смертной казни за изнасилованіе служанки, сироты Васьки, и только во вниманіе къ слезной просьбѣ его родителей эта кара была замѣнена крупнымъ денежнымъ взысканіемъ; поэтому къ нему примѣнили 7-й артикулъ 14 розд. Статута, трактующій „о важности лица, за що злодій горло тратитъ", а къ его родителямъ—статью изъ права Магдебургскаго (на 129 л. книги „Порядокъ") и приговорили: Ивана Бражниченка къ „шибеницѣ" (висѣлицѣ), а его отца и мать къ „назначенію члонковъ" [1]). Тутъ осужденные и ихъ родственники подняли неистовый плачъ и рыданіе, и судьи безъ долгаго колебанія, „за слезнымъ упрошенямъ Мартыновымъ и жоны его, даровали сына ихъ смертелною карностю и ихъ самыхъ назначенямъ члонковъ", обязавъ ихъ, „абы они, упросывшы речеными купцовъ, нагородили имъ вси правные выклады (судебныя издержки), на чимъ бы шкодовалы, отъ мала до велика". Сверхъ того, „поневажъ немалая шкода" въ интересахъ правосудія „сталася въ той крадежи отъ реченого Мартына, жоны и отъ потомка его", то въ удовлетвореніе за это „міетъ Мартынъ

[1]) Т. е. къ отсѣченію ушей или носа, или же одной руки и одной ноги—въ декретѣ не обозначенъ точно этотъ родъ наказанія.

съ худобы своеи выну панскую и врядовую платыты, якъ явный и приличный злодій" (т. е. уличенный „злодійскимъ лицемъ").

Къ декрету приложенъ „реестрикъ, що взято въ Мартына Бражника за проступство его"; изъ него можно видѣть, во что обошлось ему судейское милосердіе. „Напродъ его милости пану полковнику Өеодору Ивановичу Жученку за тую вину панскую достался хуторъ, стоячій на Сорокового Яру, съ хатою, зъ вынщею (винокурнею) изо всими угодями и съ трома казанами, кромъ збожа (кромѣ хлѣба) въ стогахъ будучого и молоченого, а до того взято хату, стоячую за мистомъ (городомъ), зъ дворомъ, и бчолъ трыдцятеро и четверо, и дви пари воловъ. Зъ которои отобранои злодійскои выны его милость панъ полковникъ старшыни полковій отдаетъ дворъ за мистомъ стоячій зъ хатою, а на врядъ городовый полтавскій (т. е. на долю войта съ бурмистрами) бчолъ двадцятеро и четверо и дви пари воловъ. А зверхъ того ясневелможному милостивому добродіеви пану гетманови бчолъ тыхъ же пнювъ (пней) десятеро до пасикы панскои отставлено".

Это была не взятка, а законный судейскій доходъ, открыто взымаемый на основаніи одной статьи Магдебургскаго права (книга „Порядокъ", часть IV, листъ 139), которой малороссійскіе суды давали распространительное толкованіе: „убогшіе выгнаньемъ зъ панства, а богатшіе виною пѣняжною карани маютъ быти". Вотъ почему и гетманъ, какъ верховный судья, иногда получалъ принадлежавшую ему часть судейскаго дохода.

---

37. Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ.

На тотъ же „честнохрестскій ярмарокъ" полтавскій прибылъ въ 1701 г. изъ Курска съ галантерейнымъ товаромъ посадскій человѣкъ Фока Лукьяновъ и сталъ „господою" во дворѣ значнаго козака Броилка. Не успѣлъ онъ еще и „расташоваться" съ товаромъ, какъ въ ночь на 12 сентября кто-то укралъ съ воза

35 фунтовъ желтаго шелку, кафтанъ и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. На разсвѣтѣ купецъ съ своими „молодцами" принялся за розыскъ. „Господыня" сосѣдняго двора, выйдя на поднятый ими „галасъ", нашла среди своего двора три фунта шелку и оповѣстила объ этомъ Фоку; тотъ призналъ шелкъ своимъ. Другой сосѣдъ сообщилъ, что, выйдя ночью на лай собаки, замѣтилъ какого-то „москаля" (солдата), пробѣжавшаго черезъ его дворъ. Тутъ и Фока вспомнилъ, что видѣлъ наканунѣ великорусскихъ стрѣльцовъ, безъ дѣла шатавшихся по городу; на разспросы о нихъ ему отвѣтили, что въ Полтаву нѣсколько дней назадъ пришелъ откуда-то цѣлый „гуртъ москаливъ", и теперь хозяйки плохо спятъ по ночамъ, дрожа за цѣлость своего „господарства". Лукьянову лучше было извѣстно, что стрѣльцы были и не на то способны.

— „Гдѣ же они стоятъ „госпдою?" допытывался онъ.

Ему объяснили, что добрый человѣкъ не пуститъ стрѣльца къ себѣ въ „господу", развѣ мѣщанамъ бурмистры такую бѣду накинутъ и то—въ военное время, а эти стрѣльцы пришли сами, безъ своей старшины, и должно быть ночуютъ въ братскомъ „шпиталѣ"; тамъ никому нѣтъ отказа: заплати шелягъ, и ночуй спокойно. А днемъ на что имъ „господа?" Ходятъ себѣ по городу, а иные и на работу нанимаются.

Лукьяновъ рѣшился поскорѣе разыскать этихъ стрѣльцовъ. Прежде всего онъ обратился въ „шпиталь". Тамъ, оказалось, точно ночевалъ какой-то „москаль", которому нечѣмъ было и за ночлегъ заплатить, но съ утра ушелъ къ своимъ товарищамъ, имѣвшимъ „господу" гдѣ-то на предмѣстьи. Лукьяновъ забѣжалъ въ ратушу, выпросилъ себѣ въ подмогу „миськихъ слугъ" [1]) и разыскалъ своихъ земляковъ: тамъ какъ-разъ шла распродажа краденнаго шелку, только что принесеннаго однимъ изъ ихъ товарищей, Васькой стрѣльцомъ. Ваську арестовали, привели въ полковой судъ и, по просьбѣ Лукьянова, подвергли допросу:

---

[1]) «Мѣйскіе слуги»—тогдашніе полицейскіе служители при магистратахъ и ратушахъ.

— Видкиль ты есть, чоловиче? зъ кымъ кравъ той шовкъ и де его подивавъ?

Васька показалъ:

— Отпущено меня изъ Тавани [1]) самъ-другъ съ Филькою товарищемъ моимъ, стрѣльцы мы оба полка стольника и полковника Данилы Никитича Юдина, жильцы сѣвскіе. Пришли мы въ Полтаву и, за вѣдомостью Федора, старосты шпитальнаго, двѣ ночи ночевали въ шпиталѣ, а въ день по людямъ работали. Нынѣшней ночью товарищъ мой не знаю куда и зачѣмъ ходилъ и лишь на разсвѣтѣ вернулся; а днемъ, когда мы пошли съ нимъ по городу, Филька, товарищъ мой, сказалъ мнѣ: „на томъ мѣстѣ, говоритъ, подъ валомъ, въ крапивѣ, лежитъ шелкъ; возьми его себѣ“. И онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а я тотъ шелкъ взялъ,—пять вязокъ всего тамъ было,—пришелъ въ шпиталь и далъ одну вязку Федору, старостѣ, за ночлегъ, а четыре вязки понесъ продавать своимъ землякамъ, пріѣхавшимъ изъ Сѣвска; тамъ меня и взято. Только я этого шелку самъ не воровалъ, развѣ товарищъ укралъ гдѣ“.

Послали за Федоромъ, старостою шпитальнымъ, съ которымъ вмѣстѣ „слуги миськіи“ принесли три пачки шелку, завернутаго въ бумагу. Это былъ возвращенный Федоромъ тотъ самый шелкъ, который далъ ему Васька стрѣлецъ въ уплату за ночлегъ; но обертка на немъ была перепачкана, а въ самомъ шелку оказалось много зеренъ гречихи: „знаты, що у гречци хованый бувъ“. На допросѣ Федоръ такъ оправдывался:

— Не бувъ я, панове, дома: у воскобойни братерскій дило було, тамъ бавывся. А колы прыйшовъ до господы, заразъ жона моя мени сказала: „Давъ, мовытъ, мени москаль шовку сёго фунтъ, та безмаль (едвали) винъ не краденый; треба бъ ёго до ратуши обвистыты“. Я веливъ той шовкъ задѐржаты, покиль

---

[1]) *Тавань*—прежній турецкій городъ и крѣпость, потомъ русское укрѣпленіе, въ которомъ съ 1697 г. находился постоянный великорусскій и козацкій гарнизонъ. Нынѣ на мѣстѣ бывшей Тавани лежитъ м. Каховка, Днѣпровскаго у. Таврич. губ.

той москаль зъявытся, щобъ ёго разомъ съ тымъ шовкомъ до уряду повесты, и ждавъ чымало, тилько ёго не було. А по недовгимъ часи того москаля, не знаю де взявшы, купци прыпровадылы до двору братерського, до господы моеи, и я, того не таячы, отдавъ слугамъ та и самъ теперъ передъ сушовку домъ станувъ. А Богъ мени свидокъ, що той москаль, злодюга, безъ мене жони моїй шовкъ той оддавъ".

Судъ не повѣрилъ этому объясненію и приказалъ Федора „дати до секвестру" (подъ арестъ взять), а отобранный у него шелкъ, „що въ гречци десь въ спряту лежавъ", оставить на урядѣ въ качествѣ „лица".

Тутъ „слуги миськіе" пришли сказать, что видѣли, какъ, послѣ Федороваго ухода, „дивка въ тимъ же двори братерськимъ мчала жмутъ шовку у афедронъ" (отхожее мѣсто). Судъ немедленно отрядилъ изъ своей среды бурмистра вмѣстѣ съ слугами, и послѣдніе точно отыскали пачку шелку, „въ сопль афедроновъ вкыненого", и принесли на урядъ.

На другой день судъ принялся за продолженіе вчерашнихъ розысковъ. Былъ призванъ снова стрѣлецъ Васька и спрошенъ: „Де бильшъ шовку подивавъ?" Васька „прівся" (запирался): „Больше, говоритъ, ничего не знаю, потому не я воровалъ, а товарищъ мой Филька". Но когда позвали „мистра" и велѣли „буты ёму готовому" для производства пытки, а пока что Ваську „дано въ допросъ пидъ канчукы", онъ сталъ откровеннѣе:

— Того шелку, признался онъ, продалъ я въ лавкахъ вчерашняго дня одной жонкѣ два фунта, по 19 шаговъ, и другой дѣвчинѣ одинъ фунтъ, и еще кому-то четвертый фунтъ, по той же цѣнѣ. Могу я ихъ всѣхъ познать".

Ваську подъ конвоемъ отвели „до лавокъ", и онъ точно указалъ Матвіиху „крамарьку, якая купыла пидъ тапою своею у его два фунты", и другую „дивчыну, Яхнову дочку", а третьяго покупателя Васька не могъ „познать". Обѣихъ „крамарекъ" повели „до уряду", вмѣстѣ съ оказавшимся у нихъ „лицемъ", краденнымъ шелкомъ. Матвѣиха такъ „вымирялась" (оправдывалась):

— Я, панове, ёго пытала: „що то за шовкъ въ тебе, москалю? Чы не краденый? А москаль: „ни, мовытъ, мій есть власный, я ёго въ Тавани набравъ за борошно".

„Пры такому лыци" (уликѣ) Ваську „знову дано пидъ канчукы и повторе пытано: де бильшъ шовку подивавъ?" Онъ сказалъ:

— Далъ я того шолку жонѣ Федоровой, старостихѣ шпитальной, восемь фунтовъ до спряту. Федоръ самъ былъ въ свѣтлицѣ, а жена его тотъ шелкъ въ сѣняхъ шпитальныхъ съ другими какими-то жонками перебирала. Да еще товарищъ мой сказывалъ мнѣ: „на пустой башнѣ (замковой), въ кулькѣ рогожаномъ, есть что-то шелку".

Ваську перестали бить и въ сопровожденіи бурмистра, слугъ и потерпѣвшаго Лукьянова, отпустили въ замокъ. Онъ пришелъ „до Глухои хвиртки миськои" и сказалъ: „здѣсь ищите". Стали искать, и точно нашли въ „башти" сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами, который Фока Лукьяновъ призналъ своимъ, но шелку не нашли.

Привели Ваську въ судъ—и въ третій разъ положили „пидъ кіи и не щадячы оного пытано: де шолкъ подивавъ и каптанъ кому отдавъ?" Васька подъ кіями твердилъ:

— Я того шелку не воровалъ; Филька, товарищъ мой, о всемъ знаетъ, на немъ и кафтанъ чужой былъ. А я, какъ сперва говорилъ, кому что далъ и сколько продалъ, то же и теперь говорю. Да и Федоровой женѣ больше одного фунта этого шелку не давалъ; а что послѣ на нее наговаривалъ, того и самъ съ бѣды своей не вспомню ничего".

Услышавъ это, Федоръ староста, „тутъ же стоячы зъ жоною своею", тоже привлеченною къ суду, оживленно заговорилъ:

— Ни, панове, и мало винъ, москаль, а ни мени, а ни тежъ жони моій шовку не дававъ до рукъ, а хочъ и бувъ винъ зъ тымъ шовкомъ у шпытали, лечъ (но) колы сказалы, що дадутъ до ратуша знаты, винъ, москаль (якъ жона моя повидае), покынувшы шовку вязку въ синяхъ передъ жоною моею, втикъ

заразъ зъ синей; а вона, взявшы той шовкъ въ хату, оказала оный передъ людей, яки на той часъ въ домивци моій булы: кыевскій кныжныкъ и нижынскій [1]); воны мени, пры одъизди своимъ, и свидителство, пидъ дзвиныцею воскресенскою напысавшы, на оказаня моеи невынносты далы, которое свидителство и ныни у паніи полковныковои найдуется".

Судьи заинтересовались послѣднимъ указаніемъ и послали къ женѣ полковника просить о сообщеніи этого документа, если онъ точно у нея имѣется. Но когда документъ былъ доставленъ, судьи съ перваго взгляда убѣдились, „що то пысьмо власнои рукы пысання сына Федорого, школяра, а информація самого Федора, оже не рука купцивъ тыхъ". На это Федоръ далъ такое неправдоподобное объясненіе:

— „Зъ купецького свидоцтва росказавъ я сынови своему перепысаты, а купци, що самы пысалы, зъ собою взялы и завезлы".

Но судьи „не допустылы далій ричей неподобныхъ Федорови шырыты" и стали „радытысь" между собою о томъ, какой постановить приговоръ. „Вглянувшы до „Порядку," правъ Майдебурскыхъ", они нашли артыкулъ: „хто бы въ себе крадені ричи албо лупы (добытое грабежемъ) передержувавъ, а того уряду не оповидавъ, такою жъ смертію маетъ умерты, якою и самый принципалъ". Такъ какъ Федоръ Шкляръ „въ себе ричи крадені—шовкъ отъ москаля прынятый—безотповидне державъ", то и его слѣдовало бы подвергнуть той же „карности", но „понеже въ первый разъ тое на немъ показалося", то судъ, освобождая его отъ наказанія, постановилъ: Федоръ и Матвіиха, крамарька, обязаны „шкодуючую сторону за дви части шкоды поеднаты", то есть уплатить купцу Лукьянову стоимость двухъ третей похищеннаго и не разысканнаго товара, и „правныи наклады ему нагородыты". „Дивчыну, Яхнову дочку", тоже ку-

---

[1]) Т. е. книгопродавцы изъ Кіева и Нѣжина, пріѣзжавшіе въ Полтаву на ярмарку. Любопытное указаніе на книжную торговлю того времени.

ившую фунтъ краденаго шелку, отъ всякой отвѣтственности освободить въ виду ея юности и „несовершеного еще розуму". Что же касается „того принципала Васькы", то хотя право посполитое „велыть его, яко злодія прылычного, скараты на шыбеныци", но такъ какъ „не подъ нашымъ правомъ сей чоловикъ, а подъ тымъ же, що и акторская сторона", поэтому судьи предоставили на волю потерпѣвшему: искать ли ему „въ належномъ судѣ" на томъ Васькѣ „остатку своеи шкоды", или „на волю ёго пустыты".

Фока Лукьяновъ заявилъ, что онъ намѣренъ предать своего „шкодцу" еще суду сѣвскаго воеводы, и по его требованію Васька снова былъ „данъ до вязеня". Но купцу скоро пришлось раскаяться въ своемъ жестокосердіи: „третего дня (какъ значится въ писарской припискѣ къ протоколу) оный Васька въ томъ вязеню животъ свой скончилъ",—вѣроятно отъ тѣхъ „кіевъ" и „канчуковъ", которыми въ большомъ количествѣ угощали его при допросахъ,—„и отъ тоей же акторской стороны своей зосталъ и погребенъ при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, у Полтави".

Почему безвѣстному арестанту выпала такая честь—быть похороненнымъ при соборной церкви—объясняется тѣмъ, что въ то время въ Малороссіи особыхъ кладбищъ вовсе не было и покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей.

---

38. Служанка воровка.

У пана Леонтія Черняка, бывшаго полковника полтавскаго, а теперь „значного товарыша войскового", въ 1689 г. случилась въ домѣ „шкода": украдено денегъ болѣе ста золотыхъ, серебряныя чарки, перстень „щырозлотный", „баволныця" (бумажная матерія) и много другихъ вещей. Долго не могли напасть на слѣдъ вора, наконецъ обратили вниманіе на поведеніе бывшей „служебныци, дивкы" Каськи (Катерины), которая, оставивъ службу въ домѣ Черняка, поселилась у бѣднаго полтавскаго обывателя Лукьяна и видимо сорила деньгами, по-

купая себѣ разные ненужные предметы. По заявленному Черняком подозрѣнію, въ домѣ Лукьяна сдѣлали обыскъ (его „трусылы") и нашли чересъ съ серебряными копейками на сумму около ста золотыхъ и разные „рупески" (мелкія вещи); то и другое оказалось принадлежащимъ Каськѣ. Ее тотчасъ взяли для допроса, но она убѣжала изъ ратуши; ее поймали и немилосердно били кіями, стараясь добиться отъ нея признанія въ кражѣ; но „запамяталая" Каська стоически переносила истязанія и упорно отрицала взводимое на нее подозрѣніе, не умѣя, однако же, объяснить, откуда взялись у нея такія большія деньги.

Въ такомъ недостаточно выясненномъ предварительнымъ дознаніемъ положеніи дѣло это поступило на рѣшеніе полковаго суда. Въ качествѣ „лица" судьямъ „презентованы" были отобранныя у Каськи вещи и чересъ съ деньгами. Панъ Чернякъ въ короткихъ словахъ изложилъ свою жалобу и тѣ основанія, по которымъ онъ подозрѣваетъ въ кражѣ бывшую свою „служебныцю". Каська попрежнему отрицала свою виновность. Судьи спросили ее:

— Повидай, необачная голово, якымъ бы ты способомъ могла набуты тыхъ копіёкъ срибныхъ?

Каська, попрежнему „плетучы", отвѣтила:

— Достала я тыхъ грошей въ Дмытрашка грека, якъ ёго рабовано въ Зинькови.

Каська намекала на тотъ общеизвѣстный фактъ, случившійся двумя годами раньше, когда, послѣ низложенія Самойловича, въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ мятежъ и чернь бросилась грабить богатыхъ и значныхъ. Это смутное время долго потомъ слыло въ народной памяти подъ именемъ „рабованя", или „рабунковъ".

Но едва Каська произнесла свое объясненіе, какъ „тутъ іи заразъ стритывъ словомъ" панъ Андрей Яковлевичъ, войтъ, участвовавшій въ составѣ суда:

— Обмыльне то мовышъ, то не есть правда, знаю о тимъ доскональе: Дмытрашко грекъ рокомъ выйшовъ изъ Зинькова передъ рабованемъ".

Каська на минуту смутилась, но затѣмъ, тотчасъ оправившись и „повторне плетучы“, повѣдала:

— Самую вамъ правду повидаю, панове: я тыхъ грошей добула въ Зиньковы въ Мартына Нестулія, якъ ёго рабовано, бо я въ ёго тоди служыла, а про шкоды пана Леонтія Черняка не видаю, якъ на мене наволикають крадижъ грошей, чарокъ срибныхъ и иншыхъ ричей. А копійкы тыи срибныи—то власне Мартыновы Нестуліевы, що я въ ёго пры рабованю добула. О которыхъ копійкахъ казала я и Лукъяныси, що ихъ добула въ Нестулія, пана мого, и Москалеви Андріяшеви поминяла ихъ на чехы, и давъ мени Москаль наддачи золотыхъ пять, а на прозьбы мои личывъ тіи грошы Максымъ Лукъяненко. И дала я ти чехы сто золотыхъ до схованя самій Лукъяныси зъ мишечкомъ, чы то пакъ зъ чересомъ, который тутъ презентовано. Якъ мене бачыте, панове, дуже збытую, бильше вамъ ничого не скажу: тіи грошы копійкы я въ Нестулія достала“.

Судъ рѣшилъ провѣрить это показаніе „запамяталои“ Каськи, не откроется ли новое за нею преступленіе, и приказалъ послать „до старшины Зѣньковской, абы Мартынови Нестуліеви звистылы въ той ему шкодѣ“ и о томъ, что откроется, прислали въ судъ „атестацію“. Черезъ три дня такая атестація была прислана на имя полковаго судьи Петра Буцкаго и гласила такъ:

„Мосци пане судя полку Полтавского, зычлывій нашъ прыятелю! За донесеня видомосты ведлугъ (касательно) тыхъ грошей, которыи найдены въ тои дивкы Каськы, бувшои служебныци Мартыновои Нестуліевои, вашмосци пану покорне дякуемо и въ далшій часъ такымъ же способомъ отслуговаты субмитуемся. Дивка тая Каська, бувшы въ Мартына Нестулія пидъ часъ рабункивъ, вкрала полотна тонкого сувій билше, мовытъ, пятыдесятъ локотъ. А о грошы пыталысьмо Мартына Нестулія, чы булы пидъ той часъ въ ёго грошы копійкы, тоди винъ мовытъ: „въ той часъ побрано въ мене грошы таляры бытыи та чехы, а иншыхъ грошей, мовытъ, не було“. О тимъ вашмосци пану покорне предложывшы и доброго одъ Господа

Бога зычачы здоровя, зостаемъ вашмосци пану во всемъ зычлывыи: Ѳома Грыгориевичъ и Иляшъ Павловычъ, сотныкы Зиньковскіи, Павелъ Ващенко, атаманъ городовый, Сахно Перепаденко, войтъ зъ бурмистрамы. Зъ Зинькова, іюля 6, року 1689".

Слѣдовало бы уличить и снова допросить запамяталую Каську, но она была такъ слаба послѣ „кіевого караня", что судьи рѣшили оставить ее въ покоѣ, пока она хоть немного „одужаетъ", а отобранныя у нея деньги признали похищенными у истца и возвратили ему „до рукъ, якъ его власныи". Панъ Леонтій Чернякъ поблагодарилъ судъ и при этомъ „вырекъ":

— Уже то, панове, на Бога спустывшы, естемъ контентый тымъ правомъ и тіи сто золотыхъ даю церкви божественній Спасскій полтавскій на роботу сницарскую (рѣзную). Але еще мени барзо жалосно на домъ Лукъянивъ и на жону ёго, що воны, видаючы про ти гроши, никому не оповищалы, такъ врядови и никому иншому. А въ мене шкоды много въ кимнати подіялося черезъ властную запамяталую бувшую служебныцю Каську, о чимъ могла бъ видаты и жона Лукъянова и домыслытыся, що стилько грошей Касци не можно бъ миты и ризно шафоваты, ризныи рупескы соби купуючы, и допускаты жыты ій въ своимъ дому. Прошу и въ тимъ скутечнои справедливосты".

Судъ призналъ основательной претензію пана Черняка и „выдячы его утрату и неопатрность (неосмотрительность) жоны Лукъяновои, якая допустыла тій зрайци въ дому своимъ жыты и гроши, тіи копійкы, въ себе держаты, а никымъ не оповистыла", примѣнилъ къ данному случаю 13 артыкулъ 14 разд. Статута и присудилъ, чтобы Лукьянъ съ женою удовлетворилъ пана Леонтія за понесенные имъ убытки: „на чимъ ёго упросятъ, на тимъ и станетъ". Сверхъ того, Лукьянъ долженъ былъ возвратить истцу стоимость представленныхъ въ судъ въ качествѣ „лица" „рупесковъ", такъ какъ предполагалось, что они пріобрѣтены Каськой за деньги, похищенныя у Черняка. Наконецъ, Лукьянъ же былъ обязанъ заплатить и „вину панскую", т. е. денежный штрафъ въ пользу полковника.

Между тѣмъ Каськѣ становилось все хуже. Вотъ уже она потребовала духовника и приняла предсмертное напутствіе. Видя, что относительно ея не придется уже постановлять декрета, судьи сдѣлали попытку, нельзя ли добиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, какого-либо признанія, и послали „до тоеи зрайци“ своего сочлена, бурмистра Петра Юревича, „пытаючы, що бъ мила еще знаты“. Каська оказалась почти при смерти и была въ силахъ лишь прошептать: „Якъ утикала я зъ ратуша, тоди мымо бигучы, дала Степаныси Шапочныси намысто кораліовое доброе, а на сповиди велила тое намысто взяты отцу протопопи, та и не знаю, чы взявъ ёго отець протопопа, чы не взявъ“.

Судъ велѣлъ записать это признаніе, какъ улику противъ Степаныхи.

Къ ночи бѣдной Каськи не стало.

---

39. Неблагодарная „сусида“.

Лѣтомъ 1691 года пришелъ въ полковый судъ „панъ“ Стефанъ Козельскій, „купець и мищанынъ“ полтавскій, и такъ жаловался на Мотрю Шкурнычку, „въ дому єго у сусидехъ мешкаючую“:

— Панове! Тая запамяталая Мотря, сусидою въ моимъ дому будучы, вкрала зъ скрыни шисть штукъ полотна быцького [1]) и полумысокъ, а и передъ-часы (раньше) худобу мою ліотровала, розоносячы розно тютюнъ, рыбу вялую и грыбы, для прызыску (прибыли) моего купецкого поскупованыи, а невидомо, где тое все, покравшы, подивала. Прошу мылостей вашыхъ, роскажитъ (прикажите) тую Шкурнычку передъ себе зыйскаты, нехай передъ мылостямы вашымы росповисть, чы видаютъ обое зъ мужемъ своимъ Логвыномъ Шкурныкомъ о тій крадежи, чы нитъ.

---

[1]) Особый сортъ полотна, можетъ быть, фабриковавшагося въ г. Бѣчѣ или Бичѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Привели Мотрю, и она тотчасъ повинилась:

— Воля есть ваша, панове, проступыла-мъ пану Козельскому, украла не шисть шкукъ полотна быцького, але тилко дви и полумысокъ, и первей одну штуку зъ пулмыскомъ прынесла въ домъ Вуцькы Крысьчыхы и самій же Крысьчыси до рукъ оддала, которую вона взявшы, въ кимнату понесла, а выйшовшы зъ кимнаты, всыпала дви кварты горилкы на стилъ, и пылы-сьмо вси тры насъ туюу горилку: Вуцька Крысьчыха, Настя попадя и я. Пидпывшы зась тои горилкы, Настя попадя стала мени мовыты: „пійды, Шкурнычко, и ще мени другую такую штуку полотна прынесы видтиль, где есы сее взяла". Я, заразъ пійшовшы, зъ тои жъ скрыни пана Стефановои другую штуку полотна быцького вкрала и прынесла и отдала Васылыси баби, которій попадя велила оное до рукъ взяты.

Позвали Вуцьку Крысьчыху и спросили: правда ли, что Мотря приносила къ ней въ домъ краденое полотно и отдала ей одну штуку и полумисокъ, а другую сестрѣ ея, Настѣ попадьѣ?

Вуцька энергично это отрицала:

— Неправда есть то, жадныхъ я полотенъ въ дому моимъ не бачыла.

Но Мотря „злодійка у очи ей мовыла":

— Чого ся, Крысьчыхо, таишъ? Въ тебе штука полотна и полмысокъ, а другая въ подилъ сестри твоій досталася. Я, покравшы зъ скрыни пана Козельского, подавала вамъ, за которое все полотно тилко прыходячы тыждень пыла у тебе, и далы-сте мени грошей симнадцять шагивъ. Не тайся, Крысьчыхо, взялы-сьте зъ своею сестрою у мене тое полотно и полумысокъ.

Крысьчыха упорно стояла на своемъ.

Тогда судьи велѣли Мотрю Шкурнычку „на мисти (на рынкѣ) передъ ратушомъ канчукамы добре пробыты, роспытуючысь того, чы не зъ злосты якои оную Крысьчыху взятьемъ того полотна и полумыска вона потворяетъ" (клевещетъ). Но Мотря и подъ канчуками одно твердила:

— Хочъ мя до смерты роскажитъ караты, а я одно повидаю, що полотно и полумысокъ въ Крысьчыхы.

Тутъ Вувдя (Вуцька тожъ) Крысьчыха, видя, „що вже проступку свого втаитысь трудно“, повинилась:

— Що жъ, панове, такъ ся тое стало, поступыла-мъ значне, взяла краденое тое полотно и полмысокъ у Шкурнычкы. Пійду до дому и заразъ усе вамъ попрыносю.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ полотномъ и полумискомъ. Полотно было „пожатое (измятое), плямы рудыи на немъ мокрыи, подобно въ гнои було“.

Судьи спросили Мотрю Шкурнычку: куда она дѣвала остальное полотно, укравши его не двѣ, а четыре штуки, и кому „тютюнъ, рыбу вялую и грибы, тако жъ крадучы, ношувала“? Но Мотря отвѣтила:

— Воля вамъ, панове, що хотиты надо мною чыныты, тилко, кроме тыхъ двохъ штукъ полотна быцького и полумыска, билше ничого не крала-мъ, по самій правди вамъ повидаю.

Судъ постановилъ декретъ: хотя Вуцька Крысьчыха „за свое проступство годна бъ була до значного вязеня отдана буты, однакъ мы, на вдовство еи респектуючы по части (отчасти), приказалысьмо декретомъ нашымъ“, чтобы она, согласно Статуту (розд. 14, арт. 23), пану Козельскому „покраденое полотно нагородыла и во всемъ перепросыла за свою нестатечность, зъ нагороженямъ вины панскои и нашои врядовои“.

Мотря „злодійка“ оставлена безъ всякой кары; ей, очевидно, вмѣнили въ наказаніе битье на площади, какое она претерпѣла при допросѣ. Настю попадью почему-то вовсе не привлекли къ отвѣту.

---

40. Переволочанскій „крамарь.“

Въ сотенномъ городкѣ Переволочнѣ проживалъ „крамарь“ Янъ Грекъ. Людей греческой націи было немало въ тогдашней Малороссіи, и въ Нѣжинѣ, какъ извѣстно, существовала много-

численная греческая колонія. Потомки Перикла и Эпаминонда занимались у насъ преимущественно торговлей, а иные, роднясь со старшиной, сами проскакивали въ значное козачество и становились родоначальниками извѣстныхъ впослѣдствіи дворянскихъ малороссійскихъ фамилій. Переволочанскій Янъ Грекъ имѣлъ на рынкѣ „крамную комору" и торговалъ полотномъ. Случилось, что лѣтомъ въ 1691 году какіе-то „запамяталыи и Бога не боячіися" люди отбили ночью комору и выкрали много полотенъ и другихъ «крамныхъ ричей». Виновныхъ не нашли; было лишь подозрѣніе, что это дѣло рукъ какихъ-то „компанійцевъ", то есть казаковъ охотницкаго полка, которые ушли затѣмъ въ Полтаву. Отправился туда и Янъ Грекъ и сталъ „чыныты опытъ (розыскъ) зъ стороны о своихъ шкодахъ". Одинъ полтавскій житель Максимъ Костенко какъ-то и говоритъ ему:

— Есть въ городи нашому шинкарькы, въ якыхъ щось за полотно крамное бачывъ я очыма своима.

Грекъ передалъ эти слова уряду. Урядъ допросилъ Максима и, по его указанію, послалъ «осавульцивъ миськыхъ» произвести обыскъ у Вуцьки шинкарки. У нея нашли „крамное полотно, покраяное на кошули". Вуцьку съ этимъ полотномъ, какъ „злодійскимъ лицемъ", арестовали. Она оправдывалась, что получила его отъ Насти шинкарки. Арестовали и Настю и допросили, откуда взялось у нея это полотно. Настя „вчинила такую отповидь":

— «Маю отъ Грыцька Кухара килька штукъ крамного полотна въ себе, якее полотно будто винъ купывъ на свою потребу».

Стали разыскивать Грыцька Кухара, но долго его не находили. Тѣмъ временемъ Вуцьку и Настю держали „у вязеню", а потерпѣвшій Янъ Грекъ не захотѣлъ ожидать конца своей „справы" и уѣхалъ домой.

Наконецъ „зиськалы" какъ-то и Грыцька. Онъ точно оказался „компанѣйцемъ" охотнаго пѣхотнаго полка пана Петра Кожуховскаго, поэтому при разборѣ его дѣла въ составъ суда былъ приглашенъ находившійся въ Полтавѣ писарь того же

полка Григорій Стефановичъ. На предварительномъ слѣдствіи, какъ впослѣдствіи и на судѣ, Грыцько такъ винился въ своемъ „проступствѣ“:

— Якъ бувъ я у Переволочній, то едного разу, пидпывшы въ корчми зъ товарышемъ моимъ Павломъ, ночнои поры пишлысьмо на рынокъ и комору Янову Грекову одбылы. Въ тую комору влившы, Павло, товарышъ мій, выдававъ мени полотна и иншіи ричи крамныи, и готовыхъ грошей осьмаковъ чтыри таляры побралысьмо.

Другого „компанійца“ Павла не удалось допросить, такъ какъ онъ, заслышавъ объ арестѣ товарища, „утикъ“ и не былъ разысканъ.

Дѣло пришлось отложить до вызова потерпѣвшаго, а тѣмъ временемъ дано было знать Переволочанскому сотнику, „абы той Янъ Грекъ, яко власный всеи справы инстигаторъ, до суду въ Полтаву становывся“. Но отъ сотника получено было увѣдомленіе, что „оный Янъ не хочетъ на справу йіхаты въ Полтаву, шкоду свою полецившы въ забвеніе, хочъ то немалая есть его шкода“. Это извѣстіе поставило судъ въ немалое затрудненіе. Какъ же быть теперь? Трое подсудимыхъ томится въ тюрьмѣ, а „акторская сторона“ не хочетъ „справы своеи попыраты и шкодъ своихъ доходыты!“ И хоть бы дѣло было пустое, а то серьезная „горловая справа“, легко могущая окончиться смертнымъ декретомъ. Полагая, что Янъ Грекъ намѣренъ искать суда на своего „злочинцу“ Грыцька Кухара у его непосредственнаго начальника по „компанѣйской“ службѣ, снеслись съ полковникомъ Кожуховскимъ; но отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что настоящее дѣло онъ признаетъ подсуднымъ полковому полтавскому суду и что онъ съ своей стороны послалъ Греку объ этомъ увѣдомленіе. Но упрямый Грекъ и послѣ того продолжалъ отказываться. Вотъ что писали Кожуховскому по этому поводу сотникъ и атаманъ переволочанскіе:

„Мосци пане полковныку охотный, намъ велце найласкавшій добродію! Уже повторне прызывалы-сьмо передъ себе Яна Грека, которому въ покраденю ричей крамныхъ одъ товарыства полку

вашмосци вчынылася шкода, показовалы-сьмо поважное пысьмо, прысланое одъ вашмосци, абы въ Полтаву на конечную справу, для позысканя права на злочынцивъ, прыслухатысь йихавъ; лечъ (но) Янъ Грекъ якъ въ первомъ лысту отвитъ до маестрату полтавского вчынывъ, такъ въ едно слово и теперъ повторне мовыть: „уже худоба моя потратылася, якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськаты, то и пры доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты",—и на волю вашмосци даетъ, якъ хотя зъ нымы поступыты: уважайте любъ (либо) караты по розуму и респекту вашому, любъ и безъ карносты пустыты, „а я, мовыть, тои втраченои худобы ни по кому не буду доходыты". О такій его помови, роспытавшы, выпысуемо въ лысту нашому, даючы себе на завжды въ поволяныи услугы. Зъ Переволочнои, іюля 28, 1691 року. Вашмосци нашому мылостывому пану, найласкавшому добродіеви, найподлійши слугы: Семенъ Безкровный, наказный сотныкъ переволочанскій: Васыль Селегедъ, атаманъ городовый".

Панъ Кожуховскій передалъ это письмо въ полковой судъ, и тотъ на другой же день приступилъ къ „доконченю справы."

При разборѣ дѣла подсудимые ничего новаго не прибавили къ тому, что было извѣстно уже на предварительномъ слѣдствіи, и судъ приступилъ къ составленію декрета. Весьма любопытно, что уклоненіе потерпѣвшей стороны отъ судебнаго преслѣдованія своего обидчика существеннымъ образомъ измѣняло степень уголовной отвѣтственности подсудимаго, хотя бы виновность его была внѣ сомнѣнія. По Статуту, истецъ въ такихъ случаяхъ терялъ свое исковое право и отвѣтчикъ освобождался отъ суда и наказанія. Малороссійскіе суды, въ общемъ раздѣлявшіе эту частно-уголовную точку зрѣнія на многія изъ преступленій, не признавали однако возможнымъ оставлять явныхъ воровъ безъ наказанія; они лишь не примѣняли къ нимъ тѣхъ суровыхъ каръ, какія предписывались закономъ, не присуждали въ возмѣщенію убытковъ потерпѣвшей сторонѣ, а наказывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ судьи постановили приговоръ: „Поневажъ взглядомъ (относительно) тои шкоды инстигатора немае, щобъ того Грыцька Кухара наветъ (даже)

назначенемъ члонка было карано, однакъ велилы-сьмо его публице посередъ рынку добре кіямы быты; тако жъ Вуцьку и Настю шынкарокъ, прытомныхъ (прикосновенныхъ) до проступства, канчукамы казалысьмо скараты".

Въ заключеніе судъ возстановилъ опороченную честь случайно замѣшаннаго въ дѣло бывшаго полтавскаго подасаула Леська, котораго Грыцько Кухаръ оговорилъ на слѣдствіи, что далъ ему „баволныцю" (бумажную ткань, простыню) изъ числа вещей, похищенныхъ у Яна Грека. Леська тотчасъ взяли къ допросу, отобравъ у него „баволныцю" какъ «лыце злодійское». Но Лесько объяснилъ, что онъ, по просьбѣ Грыцька, взялся учить его ружейной стрѣльбѣ, и въ вознагражденіе за эту науку Грицько обѣщалъ уплатить ему полталяра и сверхъ того подарилъ „баволныцю", но вовсе не новую, а даже изорванную, такъ что не было и повода заподозрить, что она краденая. Судьи признали Леська ни въ чемъ невиновнымъ, „понеже винъ тую баволныцю не такъ, якъ зъ краму выходыть, прынявъ до своихъ рукъ, але хожалую (бывшую въ употребленіи) и вже вдовжъ була передраная", а потому „и за лыце злодійское не належытъ еи повернуты".

---

41. Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ.

Переволочанскій „крамарь" Янъ Грекъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ своихъ „шкодцевъ" только до тѣхъ поръ, пока у него оставалась надежда возвратить похищенное или взыскать съ виновныхъ понесенные убытки; но какъ только эта надежда была потеряна, онъ рѣшительно отказался участвовать далѣе въ судебномъ процессѣ и откровенно высказалъ суду мотивъ своего отказа: „Уже худоба моя потратылася (т. е. погибла невозвратно), якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськаты, то и при доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты". Таково было въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе потерпѣвшихъ къ похитителямъ

ихъ собственности. Когда оказывалось, что воръ успѣлъ безслѣдно сбыть краденое, а съ него самого взыскать было нечего, потерпѣвшему оставалось лишь домогаться нравственнаго удовлетворенія, настаивая, чтобы виновный понесъ положенную въ законѣ кару, то есть подвергся повѣшенію, или отсѣченію уха, руки или ноги, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ—сѣченію на площади у позорнаго столба и изгнанію изъ города. Чрезмѣрная ли суровость этихъ наказаній сдерживала естественный порывъ мстительности, или же здѣсь проявлялось природное добродушіе людей того времени, но только въ тогдашнихъ судебныхъ актахъ мы не нашли ни одного случая, когда бы потерпѣвшая сторона домогалась на судѣ, чтобы воръ понесъ заслуженное наказаніе. Лит. Статутъ разрѣшалъ выдавать вора, не имѣвшаго чѣмъ вознаградить потерпѣвшаго, „на выробъ" послѣднему, оцѣнивая годовой отработокъ мужчины въ копу грошей, а женщины въ 50 грошей; но мы не можемъ указать ни одного случая, когда бы потерпѣвшіе домогались на судѣ примѣненія и этого закона. Обыкновенно они упорно уклонялись отъ предоставленной имъ закономъ обвинительной роли въ судебномъ процессѣ, если только убѣждались, что съ вора взятки гладки, и такое уклоненіе нерѣдко ставило судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Характерный случай въ этомъ родѣ, между прочимъ, произошелъ въ Бориспол́ѣ въ 1686 году.

Поймали на кражѣ трехъ мѣстныхъ „молодыковъ": Оныська Голинку, Михайла Збиглаго и Ивана Коротенка и посадили подъ стражу при ратушѣ. Это была бездомная голь, корчемные завсегдатаи, отъ бездѣлья и пьянства занимавшіеся мелкими кражами. Они не таились въ своей винѣ и откровенно разсказывали, у кого изъ мѣстныхъ обывателей что украли и на какихъ базарахъ и ярмаркахъ сбывали краденое; а между тѣмъ никто изъ потерпѣвшихъ не являлся требовать на нихъ суда и расправы. Это обстоятельство стало наконецъ серьезно озабочивать „мѣйскій" урядъ. Настоящихъ тюремъ въ то время не было, а имѣлись при ратушахъ небольшія арест-

ныя помѣщенія, разсчитанныя на кратковременное заключеніе подсудимыхъ, при чемъ отопленіе и освѣщеніе этихъ „вязныцьˮ лежали на обязанности мѣщанъ; они же должны были, по наряду, и стеречь арестантовъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ бориспольскіе мѣщане были крайне недовольны продолжительнымъ заключеніемъ названныхъ „злодіивъˮ, тѣмъ болѣе, что ему не предвидѣлось конца. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстнаго уряда, которое правильнѣе было бы назвать вѣчевою сходкою, потому что здѣсь присутствовала не только вся сотенная старшина, съ войтомъ, бурмистрами и лавниками, но и всѣ почти „зацныи и славетныи персоныˮ изъ мѣстныхъ горожанъ, мѣщанъ и козаковъ,—зашла рѣчь о томъ, „яковымъ кшталтомъ (способомъ) тымъ проступнымъ а явнымъ злочынцямъ вчыныты каруˮ. Тутъ „вси едынокупно, такъ товарыство (козаки), якъ и мищане изговорылы, мовячы до врядуˮ:

— Пόкы тыхъ злочынцивъ держаты сыдячымы, бавыты мищанъ ихъ сторожею и прыклады свичкамы, на кождую ничъ свитячы, тратыты миськи грощи, на которыхъ вже коштовало золотыхъ билшъ десятка?

Урядъ объяснилъ собранію, что медленность въ рѣшеніи участи арестантовъ происходитъ единственно оттого, что никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ выступить ихъ обвинителемъ, и что урядъ не разъ уже вызывалъ, „абы одозвалысь тіи, въ которыхъ шкоду и крадецство почынылы оныи злочынциˮ, однако „а ни едынъ зъ ныхъ на судъ скаргы не уносылыˮ.

Собраніе долго „радылось еднокупноˮ, какъ выйти изъ этого затрудненія, и дало такую „пораду еднополнуюˮ, чтобы въ ближайшій пятничный „торгъˮ (базаръ), когда въ Борисполь съѣдутся люди со всего „въизду нашогоˮ, вывести „злочинцевъˮ на площадь, выставить у позорнаго столба и велѣть имъ публично виниться въ своихъ преступленіяхъ, авось кто-либо, услышавъ о своей пропажѣ, станетъ просить на виновныхъ суда и наказанія.

Такъ и было сдѣлано. Въ назначенный день „миськи слугыˮ привязали подсудимыхъ къ „пренгелюˮ и, въ виду сбѣ-

жавшейся на зрѣлище толпы, подвергли допросу: „въ кого зломыслнымъ злодійскымъ способомъ що покралы и кому якіи шкоды почынылы“? Арестанты откровенно винились:

— Вкралы мы у Яцуты кобылу и продалы въ Фастови за висимъ золотыхъ; и знову въ Ковбасенка вкралы кожухивъ два и ярмулокъ (шапку), въ викно вытягшы, и продалы барзо за малыи гроши на прыстани Кыивскій. Воливъ тры вкралы, Явтуховыхъ два и Пятаковаго одного,—въ Кыиви продалы. Въ Гордія свыту вкралы и пырогы исъ погреба“...

И долго еще перечисляли они разныя „пакости“, какія чинили людямъ. А толпа слушала ихъ признанія, выражала негодованіе, осыпала ихъ бранью, а все-таки никто изъ потерпѣвшихъ не вызывался выступить противъ нихъ съ формальнымъ обвиненіемъ. Тогда судьи велѣли „миському слузи волаты по мисту (глашать по городу), абы кождый, кому крывда сталась, впомыналысь (заявляли свои претензіи) и инстыкговалы на тыхъ злочынцивъ“, но и эта крайняя мѣра не имѣла успѣха: „а ни едынъ на тыхъ не инстикговалъ и на смерть ихъ и на душу не вотовалы“, только раздавались изъ толпы голоса, что слѣдовало бы ихъ „впродъ добре выбыты и одъ честы людскои отлучыты“.

Когда преступниковъ снова привели въ ратушу, гдѣ происходило судебное засѣданіе, сюда съ базара и со всего города подошла многочисленная толпа, заинтересованная рѣшеніемъ ихъ участи. Урядъ снова обратился ко всему собранію съ вопросомъ: какъ же поступить съ этими явными „злодіями“, на которыхъ однако никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ „инстиговать“? „Тутъ увесь народъ, такъ станы старып и середніи, яко жъ и меншіи, на оныхъ молодыхъ злочынцивъ сталы говорыты, абы булы пущени на покаяніе, мовячы: „колы и посли сёго не покаются, на своихъ головахъ однесутъ изгыбель“; однако всѣ были того мнѣнія, что отпустить ихъ безъ всякой кары все-таки не приходится.

Согласно этому народному приговору, судъ постановилъ: подвергнуть виновныхъ публичному сѣченію и затѣмъ изгнать

ихъ съ позоромъ изъ города, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, „абы и еденъ не тилко изъ прыятеливъ и кревныхъ ихъ не держалы и не прыймовалы въ домы, але и кождому прыказалы, абы сусидъ сусида перестерегавъ такыхъ зломыслныхъ надъ-звычай преступцивъ и злодіивъ не держаты, але циле (совсѣмъ) и въ уѣзду нашимъ и по селахъ не мыты и не прыймоваты". А для памяти на будущее время судъ велѣлъ „тое ихъ злодіяніе до кныгъ миськыхъ чорныхъ выписаты" [1]).

---

42. Пойманный пчелокрадъ.

Съ незапамятныхъ временъ пчеловодство было любимымъ промысломъ въ Малороссіи. Еще въ половинѣ XVI ст., когда вся нынѣшняя полтавская губернія была незаселенной пустыней, сюда ежегодно, съ наступленіемъ весны, изъ разныхъ мѣстъ стекались тысячи народа главнымъ образомъ ради пчелинаго и охотничьяго промысловъ и оставались здѣсь до глубокой осени. Капевскіе и чаркасскіе мѣщане, считавшіе эти пустыни своими извѣчными „уходами" и имѣвшіе здѣсь многочисленныя пасѣки, жаловались въ 1552 году, что большая „переќаза" чинится имъ въ тѣхъ „уходахъ" не столько отъ татаръ, „але большъ отъ своихъ козаковъ, которыи уставичне тамъ живутъ на мяси, на рыби, на меду, зъ пасикъ, зъ свепетовъ (бортей), и сытятъ тамъ соби медъ якъ дома" [2]). Въ концѣ XVII ст., когда край уже былъ довольно густо заселенъ, бортное пчеловодство должно было отойти въ область преданія, но лѣсовъ, луговъ, степныхъ

---

[1]) По Лит. Статуту (разд. XIV, арт. 12), каждый урядъ долженъ былъ вести особыя «чорныя» книги, куда исключительно вписывались жалобы и суд. рѣшенія по дѣламъ о воровствѣ. Въ малор. судахъ «чорными книгами» именовались вообще книги уголовныхъ дѣлъ, которыя велись отдѣльно для дѣлъ гражданскихъ.

[2]) Архивъ юго-зап. Россія, часть VII, т. I, 103.

пространствъ все еще оставалось много, цѣнность продуктовъ пчеловодства по прежнему, какъ и въ былые вѣка, превосходила цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, поэтому въ рѣдкомъ хозяйствѣ не было своей пасѣки. Въ мѣстахъ особенно пригодныхъ для пчеловодства находились пасѣки „съ гетманскою пчелою“; ихъ было немало, въ разныхъ полкахъ, и онѣ, кромѣ естественнаго прироста, пополнялись еще тѣми пчелами, какія нерѣдко въ качествѣ судебной „вины“ взыскивались съ провинившихся въ разныхъ уголовныхъ проступкахъ и, за удовлетвореніемъ мѣстной старшины, поступали также и въ пользу гетмана. Тѣмъ же способомъ увеличивали свои пасѣки до весьма значительныхъ размѣровъ полковники и другія старшины. Но самыя многочисленныя пасѣки принадлежали монастырямъ. Помимо того, что монастыри владѣли найболѣе крупною земельною собственностью, они то и дѣло получали въ даръ отъ разныхъ лицъ именно пасѣки; такъ, напримѣръ, въ 1682 году бывшій полтавскій полковникъ Прокопъ Левенецъ „съ побожности своеи“ записалъ въ даръ Скельскому монастырю свою пасѣку на рч. Орчику. Это было продолженіемъ обычая благочестивыхъ людей XV—XVI вв. жертвовать въ пользу монастырей „медовую дань“ изъ своихъ имѣній.

При такомъ широкомъ распространеніи пасѣчнаго промысла въ краѣ, пчелокрадство являлось однимъ изъ найболѣе обычныхъ преступленій. Въ рѣдкихъ случаяхъ крали медъ или воскъ, а чаще всего сами же пасѣчники воровали одинъ у другого пчелы съ ульями и переносили въ свои пасѣки, а чтобы скрыть слѣды преступленія, перегоняли пчелъ въ свои ульи, а краденые ульи сожигали или же уничтожали на нихъ чужія клейма и вырѣзывали свое. Трудно было хозяевамъ уберечься отъ этого воровства, потому что пасѣки въ то время содержались не при усадьбахъ, какъ теперь, а вдали отъ селеній, въ дикихъ лѣсныхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи рѣчекъ. Тамъ, подъ защитою земляныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ подобіе маленькихъ крѣпостей, пасѣчники безвыходно проводили весну, лѣто и часть осени; тамъ же имѣлись спеціальные погреба,

куда прятали пчелъ на зиму,—и въ это время, когда пасѣки оставались безъ должной охраны, онѣ всего чаще и подвергались обкрадыванію.

Такую пасѣку имѣла на р. Голтвѣ козачка-вдова Игнатыха Емчиха, изъ Диканьки, и въ декабрѣ 1690 г. послала сына Олексу навѣдаться, все-ли тамъ благополучно. Пріѣзжаетъ Олекса въ свою пасѣку и видитъ: дверь въ пчелиный погребъ открыта, и тамъ кто то хозяйничаетъ. Вмѣсто того, чтобы запереть вора въ погребѣ, растерявшійся Олекса сталъ кричать, хотя и зналъ, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ крикъ его не привлечетъ ничьего вниманія. Тогда изъ погреба вылѣзъ воръ, оказавшійся диканскимъ же козакомъ Ѳедоромъ Гриненкомъ, имѣвшимъ по сосѣдству собственную пасѣку. Онъ схватилъ Олексу за горло, повалилъ на землю, вынулъ ножъ изъ ноженъ и, угрожая его заколоть, грозно потребовалъ:

— Прысягайся, вражій сыну, чы не будешъ сёго никому повидаты?

Олекса, конечно, далъ требуемую присягу, но возвратившись домой, разсказалъ обо всемъ матери, а та сейчасъ же побѣжала къ атаману и сотнику и съ плачемъ пожаловалась, что Гриненко кралъ ея пчелы и хотѣлъ зарѣзать ея сына.

Въ тотъ же день Гриненко былъ схваченъ и представленъ въ сотенный урядъ, гдѣ уже собралось немало „товарыства". Его подвергли допросу, и онъ „доброволне прызнався, повидаючи":

— А що жъ, панове, правда то: такъ було, якъ Олекса говорытъ, и ще-сьмо мовывъ Олекси: „колы, Олексо, могъ бы есы сказаты, що заставъ мене въ погреби надъ пчолою, то я не теперъ—иншого часу зглажу за тое тебе зъ свита".

Несмотря на это признаніе, урядъ, „не доймуючи Олекси виры", послалъ трехъ значныхъ козаковъ на Голтву „тыхъ мистъ глядиты", гдѣ совершилось преступленіе. Тѣ, возвратившись, донесли, что точно на снѣгу „свижая патолочъ есть, де Федоръ Олексу мордовавъ".

Судъ сотенный протоколировалъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла и вмѣстѣ съ копіей этого протокола отправилъ под-

судимаго въ Полтаву; туда же поѣхала и Емчиха съ сыномъ. Допрошенный полковымъ судомъ, Гриненко повторилъ прежнее сознаніе:

— Воля есть ваша, панове, зо мною що хотиты чыныты. Правда то: заставъ мене Олекса въ погреби пщолянимъ на злодійскимъ дили, где милемъ тіи пщолы выкравшы, на свою корысть обернуты. А якъ я зъ нымъ тамъ нестатечне поступовалемъ, хвалячыся ёго сколоты, зъ того жъ пысьма дыканьского есть мылостямъ вашымъ видомо. Тилко прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя: горломъ мя даруйте, покаюся впередъ такыхъ своихъ злыхъ поступкивъ.

Справившись съ Лит. Статутомъ (разд. XIV, арт. 16), судъ призналъ, что Федоръ Гриненко за свое „злодійство" долженъ подлежать смертной казни. „Мы, однакъ (продолжаетъ декретъ), того проступцу не тилко горломъ, але и назначенямъ члонка даровалы-сьмо, тилко за проступство ёго значное злодійское вына панская маетъ быти плачена имъ конечне".

Интересно, что въ этомъ приговорѣ рѣчь идетъ только о покушеніи Гриненка на кражу пчелъ, а объ угрозѣ его лишить Олексу жизни нѣтъ и помину.

---

43. Воровство, приведшее къ убійству.

Пчелокрадъ Гриненко, какъ мы видѣли, грозилъ лишь заколоть Олексу, застигшаго его на кражѣ; но вотъ предъ нами случай, когда пойманные въ лѣсу дровокрады, желая избѣгнуть отвѣтственности за воровство, убили хозяина.

Жила въ Полтавѣ вдова козачка Настя Лесиха Чамариха, имѣвшая молодого сына Степана. Въ февралѣ 1700 года этотъ Степанъ Лесенко вздумалъ навѣдаться въ отцовскій хуторъ, находившійся на рч. Ольшаной, близъ Супруновки. Ждали его къ вечеру домой, а онъ и на другой и на третій день не возвратился. Встревоженная мать послала справиться о немъ въ хуторѣ, но его тамъ не оказалось. Стали искать повсюду, и на-

шли въ лѣсу присыпанный снѣгомъ его трупъ съ разрубленной головой. Предстояла трудная задача разыскать убійцъ. За это дѣло взялся житель с. Супруновки, значный козакъ Романъ Гояринъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ супруновскихъ жителей, не владѣвшихъ лѣсными участками, имѣются однако во дворахъ рубленыя дрова. Взявъ съ собою сельскаго атамана, онъ прежде всего отправился къ двумъ обывателямъ, пользовавшимся въ селѣ дурною репутаціею и еще недавно предъ тѣмъ судившимся за кражу вола, Герасиму Цюцюперденку и Олексѣ Твердохлибенку. Пришли на дворъ къ Герасиму и стали его спрашивать: гдѣ онъ дрова рубилъ?

— Рубавъ, де трапытся,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— А чи бувъ съ тобою при томъ рубаню и товарышъ твій Олекса?

— Бувъ и Олекса,—признался Герасимъ.

Пришли на дворъ къ Олексѣ и предложили ему вопросъ: въ чьемъ лѣсу рубилъ онъ дрова вмѣстѣ съ Герасимомъ? Но Олекса угрюмо отвѣтилъ:

— Я не знаю и не бувъ зъ нымъ.

Тогда потребовалъ панъ Гояринъ, чтобы Олекса шелъ съ нимъ для очной ставки съ Герасимомъ. Олекса сказалъ, что ему нужно зайти въ хату одѣть кожухъ, но пока его ожидали на дворѣ, онъ выскочилъ въ огородъ и скрылся. За нимъ гонялись по всему селу и едва поймали. Послѣ этого Олексу и Герасима связанными отправили въ Полтаву и предали полковому суду, какъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Степана Лесенка. Обвинительницей ихъ выступила мать убитаго, Настя Лесиха. „По выслуханю“ ея жалобы, судьи спросили обвиняемыхъ:

— Що тому за прычына, и чы есть вы прытомныи тому учынку?

Несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, оба обвиняемые добровольно признались и такъ повѣдали:

— А що жъ, панове, якъ маемо неподобныхъ ричей говорыты, прызнаемся по правди: вже намъ треба умираты. Такъ насъ грихъ потквавъ, наша прычына, що мы, два насъ, прыи-

халы до ёго грунта по дрова безотповидне, и винъ, небожчыкъ Степанъ, заставшы насъ, взявъ бувъ кобылу; въ которого мы просылы, абы вернувъ еи, и не вернувъ, хотивъ до господы взяты зъ собою. Потимъ мы, варуючись, щобъ насъ до права не удавъ, намовывшися межи собою, еденъ за груды взявъ, то есть Гарасымъ, а другій, Олекса, взявшы сокыру, обухомъ вдарывъ пидъ ухо; а якъ зспавъ зъ нигъ, такъ тогди разивъ зкилко въ голову обухомъ Гарасымъ затявъ. И взявшы кобылу, одійшлы-сьмо, а ёго на тимъ мистцу покынулы, розуміючы, що умеръ. И не забарывшысь, знову оглядилы трупу, щобъ, закрывшы снигомъ, одъихаты; ажъ винъ, небожчыкъ, звився и сыдивъ, на колоду спершысь. И тамъ вже остріемъ сокырою повыще потылыци затялы, и на тимъ мистцу зъ свитомъ попрощався, и одъихалы-сьмо ку домамъ, где насъ Богъ въ рукы сёму чоловику (т. е. пану Гоярину) за невынную кровъ выдаты рачывъ, въ чимъ будетъ воля, панове, ваша. Пôты нашои повисты.

Мать убитаго требовала, „абы забойци декретомъ конечнымъ булы сужени на смерть“.

Такъ какъ убитый Лесенко былъ козакъ, а убійцы принадлежали къ посполитому сословію, то судьи примѣнили къ данному дѣлу 39-й арт. 11-го разд. Лит. Статута, трактующій „о каранню людей простого стану за забытя шляхтича“, и приговорили обоихъ обвиненныхъ къ смертной казни, „поручаючи души ихъ суду праведному Божію“.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повистъ.*)

IX.

— Ось пожды трохы, потерпы! Се оци, хай Богъ простыть, кочегуры снигу смутять село, а якъ прыйде весна, якъ потане снигъ та зазеленіе скризь по степахъ, той твій смутокъ розійдется, немовъ той туманъ видъ сонця.—Такъ казала часто Домаха, запрымитывши, що ятривка почынае вдаватыся все у бильшу тугу. И Приська справди немовъ веселишала: видъ самои весны, видъ того сонечка та тепла молодыця, звычайно, не сподивалася ніякои соби допомогы; зате по весни повыненъ бувъ повернутысь Даныло до-дому, а заразомъ и зминытыся іи жыття. Що саме робытыме винъ дали, що прырозумивъ винъ за довгу зиму, куды прыстасуе себе, якои праци шукатыме,— сёго молодыця не знала, бо Даныло ни разочку не натякнувъ іи про те; одже ій весь часъ здавалося, що Даныло почувае

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 9.

себе не меньше за неи нещастлывымъ и тилькы терпыть у надіи на краще жыття.

И ось нарешти прыйшла та весела, тепла, а до того и незвычайно рання весна. Одпарувала земля, и заклопоталыся, заворушылыся люде. Домаха по цилыхъ дняхъ не прысидала, хапаючысь то зъ полотномъ, то зъ сорочкамы, поспишаючысь и зъ мазкою и горðдомъ. Вона здатня була-бъ не йисты, не спаты, абы швыдче все переробыты та за годыны упораты, и Приська тилькы дывувадася, де у тому сухому та маленькому тили ятривкы набралося стилькы сылы по весни, де берутся ти весели надіи, що пидтрымують охоту до такои нецикавои та некорыстнои праци.

На Благовистныка повернувся Данило.

— Одпикъ зиму? Дався у знакы нимець? Спробувавъ экономіи?—хотила подратуваты Приська чоловика.

— Чого обрыдло? А ни краплі:—я звыкъ, а нимець мене полюбывъ,—похвастався Данило, не розибравшы, куды жинка закыдае.

— Не обрыдло?—ажъ жахнулася Приська.—Такъ може у тебе думка й викуваты по загородамъ, може ты изнову пидешъ до нимця?

— Боже упасы! Зъ якои речи?—злякався видразу Данило жинки.—Я не пиду бильшъ до нимця.

— А яка-жъ у тебе думка? Що маешъ робыты?—запытала его Приська.

— Яка думка? Хто ёго зна яка... всяка спадае.

— Може у волости служытымешь?

— Та й у волости можно бъ,—видповивъ знехотя Данило.

— А може за прыводомъ Трохыма хазяйнуватымешъ?—вывиряла Приська ума.

— Э, Трохымъ—дуже гарный хазяинъ; его, якъ слухатысь...

— Чому-жъ ты мени доси не прызнався, що думаешъ хазяйнуваты? Чого я тутъ зиму высыдила, чого я марно споди-

валася?—видразу скыпила Приська и не дала Данылови и вымовытысь.

— Та хиба я кажу тоби, що хазяйнуватыму?—злякався изнову Даныло.

— Такъ скажы-жъ хочъ, яки у тебе думкы, щобъ и я знала,—допытувалася Приська.

— Кажу тоби: всяки думкы спадають; иноди те прыйде въ голову, другымъ разомъ инше...

— Пойидьмо у городъ: я тоби тамъ гарне мисце знайду—служытымешъ, зароблятымешъ.

— Звисно, въ городи можно заробыты,—згодывся Даныло.

— Въ городи й платять краще, и робота легша,—умовляла Приська.

— Звисно, въ городи робота не та що тутъ,—згодывся ще разъ Даныло.

— Такъ пойидьмо!—пидмовляла Приська.

— Оце-жъ незабаромъ тамъ ярмарокъ, можно и пойихаты,—мовывъ Даныло и позихнувъ.

— Можно и пойихаты!—передражныла ёго Приська:—я знаю, що можно пойихаты; я тебе пытаюся, чы пойидешъ ты?

— А чому жъ не пойихаты?—заспокоювавъ Даныло жинку.

— Чы добьюся я видъ тебе правды, чы прызнаешся ты мени колы небудь, що маешъ на думци. Чого ты таишся видъ мене, чого ховаешся зъ очей моихъ, якъ стану допытуваты? Невже ты за цилу зиму ничого не прырозумивъ?—напалася Приська.

— Чому й не прырозумивъ?—немовъ ажъ образывся Даныло.

— Однаково, зъ тебе путящого господаря не буде!—мовыла Приська.

— Якый зъ мене господарь, якъ я ще ничого не тямлю,—згодывся Даныло.

— И охоты ніякои не маешъ,—додала Приська.

— Та й охота-жъ така...—и видповивъ, и не видповивъ Даныло.

— Такъ ты таки надумавъ що небудь?—

— А якъ-же?—Мало я поподумавъ цю зиму? Иноди цилисеньку було ничъ очей не зведу все думаю, якъ-бы краще... у людей порады пытавсь,—видповивъ Даныло.

Приська бильшъ не допытувалася. „Надумавъ щось та не хоче загодя хвалытысь"—подумала вона сама соби и трохы заспокоилась.

Другого дни, тилькы на свитъ заблагословылося, Трохымъ збудывъ Данила горо̂дъ ораты. Приська гадала, що Даныло пиде неохоче до плуга, то сердытымется на брата, що той ёго збудывъ, адже винъ, на дыво, весело схопывся, росправывъ нашвыдку волосся, ополоснувся водою и такъ радо побигъ на двиръ, немовъ тамъ сподивалося ёго саме щастя, а не плугъ.

Домаха загадала чоловикамъ выораты насамперед грядкы на ныву на цыбулю та розсаду, и поки Домаха выйшла зъ хаты, воны булы выорати, перекопани, выскорожени и подилени на дви ривни частыны.

Домаха поклыкала Приську, высыпала передъ нею всю свою цыбулю и подилыла на тры ривни частыны.

— Беры одну купку—мовыла вона Присьци,—та не враждуй на мене, що я тоби мало даю: васъ тилькы двойко, а насъ пятирко.

— Та я й ціеи не садытыму! Цуръ ій! Навищо вона мени здалася?—мовыла Приська и хотила вже одгортаты свою купку назадъ до Домашыпои.

— Дурненька! Що-бо ты робышъ?—спынила іи Домаха.— Побачышъ, якъ ця цыбуля тоби знадобытся.

— Сто карбованцивъ уторгую!

— Тоби зразу карбованци! Пойисте сами молоденькою на снидание або полудень. Беры-жъ свою цыбулю та ходимъ мерщій,—я тебе навчу, якъ іи и садыты.

Приська пишла всылу за Домахою. Наука, звычайно, була не хытра, и Приська видразу розибрала, якымъ краемъ вты-

каты цыбулю у землю; але та цыбуля чогось все выпрысала зъ рукъ, рядки выходылы неривно, ноги грузлы мало не до кисточокъ у пухкій земли, и Присьчыни грядкы засажувалысь не швыдко.

— Поспишайся, поспишайся, Присько! пидгоныла іи разъ-у-разъ Домаха, але Приська немовъ и не чула.

— Присько! поспишайся! дывысь, яка хмара находыть!— погукала на неи Домаха.

Приська розправылась, глянула и немовъ скамъянила; але не на чорну, темну та гризну хмару, що пидводылася зъ краевыду и посувалася повагомъ напередъ, задывылася молодыця,— щось бильшъ цикаве, незвычайне, нижъ та хмара, вразыло іи: вона вперше побачыла чоловика свого на роботи. Браты скинчылы оранку по той бикъ садочка и тилькы-що перейшлы сюды. Трохымъ йшовъ за плугомъ, Данило погонывъ пару сирыхъ воливъ та коривъ. Сыта, добре выгодувана, тилькы-що напоена скотына йшла повагомъ, рымыгаючи, а ливоручъ, тежъ повагомъ, выступавъ Даныло. Накынута поверхъ чумарка ледве трималася на плечахъ; ливу руку заложивъ винъ за спыну попидъ чумаркою, а правою разъ-у-разъ махавъ мотузянымъ батижкомъ. Чорну смушеву шапку видсунувъ винъ ажъ на потылыцю, и густа чупрына русявого волосся выбылася зъ-пидъ неи,спустылася мало не до бривъ и незвычайно красыла ёго облыччя.

Винъ не запрымитывъ зразу Приськи, бо вона стояла за терновымъ кущемъ; за те ій добре выдко було ёго. И якый-же винъ веселый сёгодни! Напевне ніяка думка не турбуе ёго: винъ поганяе радо, охоче. Винъ почувае себе вильнымъ, щастлывымъ... Та ось винъ вже й писни якоись завивъ... Трохымъ подавъ и свій гласъ... Немовъ и скотына пишла бадёрнише... Радіють на вербахъ гракы; у садочку щебечуть птахы; спивають дивчата на сели; спивають и Трохымъ та Даныло. Та невже имъ всимъ справди такъ весело?.. Невже Данылови, іи дружыни, може буты весело, за плугомъ йдучы? И чого воны спивають, чому воны радіютъ? Що прыйшла весна? що треба ора-

ты, копаты, сіяты, садыты... цыбулю? Прыйде лито—воны спиватымуть, облываючысь потомъ, на жнывахъ. Прыйде осинь—радитымуть, выбираючы остачу недойиденои цыбули! Необачни, дурни люде! Чы то-жъ жыття?

А Данылo? Чы сподивалася вона ёго колы побачыты такымъ? Ось йде винъ горбдомъ, и здается, наче винъ увесь викъ тилькы й робывъ, що мирявъ ступинямы цей клаптыкъ земли, наче винъ прырисъ до того плуга, до тыхъ круторогыхъ воливъ, половыхъ коривокъ, наче винъ злывся до купы зъ тымъ горбдомъ, воламы, тіею хатою, що биліе позаду ёго, зъ тіею хмарою, що напевне веселыть ёго господарське серце... Чы такои-жъ то дружыны бажала вона соби, чы такымъ прыходывъ до неи Даныло женыхатыся? Одирвало було ёго щось на якый часъ видъ батьковськои оселi, кынуло у инши обставыны, и винъ здавався неначе кращимъ за другыхъ, розумнишымъ та самостійнишымъ, але повернуло жыття до ридного кгрунту, и ось винъ вже пустывъ глыбоке кориння... Одынъ, два добрыхъ дождя, сонечко та витеръ ридного степу—видразу обмылы, высушылы ту блескучу полуду, що тилькы и красыла ёго, и теперъ винъ ничимъ не видризняется видъ тыхъ репаныкивъ-хлиборобивъ, селянъ.

Плугъ спустывся на нызъ, и Даныло угледивъ жинку.

— Боже поможы тоби, жиночко!—гукнувъ винъ до неи. — Садовы, садовы побильше цыбули, щобъ було що до хлиба на жныва браты!—мовывъ винъ весело.

— Взялася таки за розумъ, спасыби Богови, молодыця! Гарно й дывытыся, що ты на грядкахъ,—додавъ Трохымъ.—А чы немае у васъ часомъ воды напытыся?—запытавъ винъ жинокъ.

— Не взяла, забулася,—видмовыла Домаха.

— Може у тебе, Присько, йе?—запытавъ Даныло.

Приська не видповила ничого.

— Присько, говъ! Прокынься! Заснула, чы що?—гукнувъ Даныло й пошпурывъ, жартуючы, у жинку чумаркою, що скынувъ зъ плечей.

Приська видскочыла, немовъ до неи доторкнулося щось гидке та холодне, кынула на землю ту цыбулю, що держала у рукахъ и зъ проклёномъ та слёзамы побигла, скилькы духу черезъ горбдъ до хаты.

Ни Трохымъ, ни Домаха ничого не зрозумилы. Трохымъ здвыгнувъ плечыма, та сплюнувъ. Домаха подывылася ятривци у слидъ, похытала головою, та загадала дитямъ позбираты поросвыдану цыбулю, и тилькы Даныло тяжко зитхнувъ: серце ёго спостерегло гирку правду. Винъ вперше зважывся высловытысь по правди, вперше прызнався, що мае на думци жныва, и вона зненавыдила ёго...

Приська вбигла у хату, сила край столу, обхопыла голову обома рукамы и тяжко замыслылася. Що робыты? Невже покорытыся нещаслывій доли, переробыты себе, перемогты у соби давни порывання до того вильнишого, веселишого, свитлишого жыття, яке вона вже зазнала, забуты про свои лита молоди, про свою вроду, видчахнутыся свого щастя, навики зостатыся на сели? Зарады чого? Зарады родыны, Данылa, селянъ? Хай воны не диждуть! Вона покыне цей куринь, покыне це пекло, наплюе на ту славу доброи господаркы та покирлывои жинкы, що купуется циною всёго жыття; вона покыне того дурня, що не хоче слухаты іи доброи порады, вона покыне село,—пиде шукаты и знайде таке жыття, яке марытся ій...

А тымъ часомъ хмара насунула блыжче, въ хати стемнило, десь тарахнувъ гримъ. Приська пидвела голову и озырнула хату. Николы не здавалася вона ій такою сумною, якъ теперъ. Крывый сволокъ, маненьки, немовъ пидслипувати виконця, стара пичка, крывый стилъ, пилъ, засланый неривнимы дошкамы,—все наче соромлыво прохало выбачення за свое истнування на билому свити... Рижнобарве Присьчыне убрання, розвишане по цвяшкахъ та килочкахъ, такъ и прохалося геть-геть зъ ціеи хатыны на мурованi стины мійськихъ будынкивъ, и тилькы подрана свытына чоловика спокійно лежала, немовъ прыкыпила до куточка, та терпляче сподивалася того часу, колы и вона стане у прыгоди.

Приська схопылася зъ лавы, зирвала зъ першого килка спидныцю, кынула іи на пилъ, побигла до другои стинкы, поздіймала и тіи сукни, одимкнула скрыню и почала складаты туды свое збижжя. Очи іи блыщалы, краска розлылася по всёму выду. Вона поверталася жваво, моторно, зъ певнистью людыны, що потрапыла писля довгого блукання по заплутаныхъ обмижкахъ на ривный, бытый шляхъ и наблыжается до бажанои меты.

Хмара насунула ще блыжче, полывъ дощъ. Орачи та Домаха повынни булы покынуты городъ та тикаты до-дому.

Домаха забигла спочатку до Приськи.

— Присько! Що це ты прырозумила?—запытала вона ятривку, показуючы рукою на опустили стинкы хаты. Чы не надумала ты, сестро, кыдаты насъ?—Охъ! гляды, голубонько: неправдою свитъ пройдешъ та назадъ не вернешся. Мы до тебе зъ щырымъ серцемъ, мы до тебе зъ прыемнымъ словомъ, а ты, бачъ, зъ такою неправдою! Осоромыты насъ хочешъ? Данылови жыття занапастыты? Схаменыся, молодыце, одумайся! Це-жъ и видъ Бога грихъ и видъ людей соромъ!—

— Не вьязнить, не умовляйте! не хочу я бильше жыты зъ вамы — тай край. Геть-те, одійдить видъ гриха, дайте мени хочъ спокійно вырядытысь у дорогу!—видмовыла Приська.

— У яку дорогу? Куды-жъ та дорога лежыть зъ чоловиковои хаты? До прирвы, чы що? Одумайся; благаю тебе, Присько, схаменыся!—умовляла такы іи Домаха.—Може ты на мене чого розсердылася, може я тоби якъ не догодыла?

— Ни на кого я не сержуся, одвьяжиться видъ моеи души!—гримнула на неи Приська.

— Та вже-жъ такы зъ доброго дыва закону не ламають, чоловика та родыны не соромлять. Може тоби що Трохымъ накрыво сказавъ? може Данылo?—допытувала Домаха.

— Нихто мени ничого не заподіявъ,—осточортилы мени ваши злыдни собачи! Одпекла зиму, бо на Данила все надіялася, а теперъ я вже бачу, чого мени сподиватыся, не хочу дали терпиты!—видказала Приська.

Увійшовъ Даныло... Глянувъ винъ на жинку, на скрыню, на Домаху, постоявъ мовчкы хвылыну биля порогу и метнувся геть зъ хаты.

— А куды ты? Я вже воламъ заложывъ—спынывъ его у синяхъ Трохымъ.

— Тамъ... Приська... промымрывъ Даныло и побигъ на двиръ.

Трохымъ увійшовъ до Приськи. Молодыця вже упакувала свою скрыню и полизла на пичъ збираты останне збижжя.

— А де це наша пани-господарка?—запытався Трохымъ.

Домаха показала на пичъ.

— А куды це ты, Приськo, убираешся, чы не до торгу?—запытавсь Трохымъ, зазыраючы за пичъ.—Кажы, якыхъ коней запрягаты та у яку скрыню чоловика пакуваты?

— Не дратуй!—сипнула ёго за рукавъ Домаха.

— Та я и не дратую; навсправжкы кажу: колы надумала тикаты, то хай за собою и весь свій скарбъ забирае, а якого ще й дорогшого скарбу, якъ дружына?—мовывъ Трохымъ.

— Кому може й скарбъ, а мени урывокъ на шыю ота дружына,—обизвалася зъ печи Приська.

— Воно тоби туды и дорога: зъ урывкомъ на шыи та на осычыну!—розсердывся ображеный за брата Трохымъ.—Якого биса ты почала изнову комызытыся? Якои болячкы тоби ще треба? Чимъ тоби тутъ незгода? Бье тебе хто, лае, роботы надъ-сылу пытае? Злазь мени зразу зъ печи, розпаковуй свое оте... хай-бы воно тоби и погорило... та лагодь чоловикови обидаты! Злазь, бо якъ поклычу Даныла, то за ногы стягне!

— Хай лышень спробуе!—обизвалася Приська.

— Що тамъ пробуваты? Даныло!—погукавъ Трохымъ.

Засмученый, билый, якъ крейда, Даныло ступывъ де-килькы крокивъ по хати и прытулывся до пичкы.

— Тягны жинку зъ печи!—гримнувъ на ёго Трохымъ.

Але Приська вже сама скочыла зъ печи.

— Чы пускаешь ты, Даныло, свою жинку у мандры? Чы пыталася вона у тебе дозволу?—запытавъ Трохымъ брата.

— Ни,—видповивъ стыха Даныло.

— Я ёго й пытатысь не стану. Колы хоче, щобъ я ёму корылася, то хай про мое щастя та мій спокій дбае, а ни, то хай на себє й жаліе...

— Що-жъ мени робыты, щобъ тоби догодыты? Я-жъ, здается, вже й роблю якъ слидъ; прослужывъ зиму—копійкы на себе не потратывъ; лита диждемо—свій хлибъ буде,—мовывъ Даныло.

— Не хочу, не хочу я того хлиба!—скыпила изнову Приська.—Не нагадуй мени про той хлибъ: бачыла я, знаю, якъ ёго заробляты! Одпусты мене... одпусты зъ твоеи хаты!

— Не пустыть винъ тебе свитъ-за-очи. Винъ у церкви прысягався доглядать тебе—не зламае винъ прысягы, не попустыть и тебе до того!—видповивъ за брата Трохымъ.

— Я смерть соби заподію! Я тутъ на вашыхъ очахъ загыну! Я утоплюся, повишуся... Я зарижуся!!—крыкнула Приська и кынулася, мовъ несамовыта, до ножа, що лежавъ край столу.

Трохымъ одипхнувъ зъ усіеи сылы молодыцю видъ столу, и вона опынылася биля Данила... Даныло ухопывъ іи за руку и прытягъ до себе.

— Приню... голубонько... не сердься!—прошопотивъ винъ кризь слёзы.

Приська глянула на ёго и гирко заплакала й сама.

Трохымъ взявъ нижъ и выйшовъ зъ Домахою зъ хаты.

До самого смерку не видчынялыся Данылови двери. Вже стемнило, якъ нарешти Даныло выйшовъ у сины воды напытыся.

— А що? перешло хочъ трохы? заспокоилася?—запытала ёго Домаха.

— Ни!—видповивъ понуро Даныло:—не слухае, хоче йихаты.—

— И ты, звычайно, пустышъ іи; хай иде—гуляе?—запытавъ Трохымъ.

— Якъ-же я іи не пущу, якъ вона страща, що й смерть соби заподіе?—видмовывъ Данyло.

— Вона така...—завважыла Домаха.

— Вона така, та не такого-бъ на неи чоловика треба було, якъ Данило!—мовывъ Трохымъ.

— Ну що-жъ я їй робытыму? Ты гримавъ на неи, Домаха умовляла, я—кланявся, прохавъ.

— Куды-жъ вона мандруе?—запытавъ Трохымъ.

— Проби, каже, на Городець пойиду,—видповивъ Данило.

— А ты-жъ якъ? пойидешъ за нею?

— Чого-бъ я туды потаскався?—Що мени у городи робыты?

— То жъ-то и йе! Хай вже одна голова пропадае, колы така шалена вдалася, а тоби ничого въ городъ таскатысь: розледачіешъ, розпустышся, на ка-зна-що переведешся...

— Може вона ще й покаится та повернется?—зитхнула Домаха.

— Покаится, якъ пидъ тыномъ опынытся! Я-бъ зъ такои жывцемъ шкуру здеръ, а не потуравъ іи прымхамъ... Чого їй не згода? Гультяйства та своволи забажалося! А! проклятe насиння!.. Попалася-бъ вона мени до рукъ!

— И щобъ ты їй зробывъ?—перепынила Домаха запальну ричъ чоловика.—Адже пры тоби була ухопыла нижъ,—чы довго до гриха?

— Хто-жъ іи потарабанить до того Городця? Хыба ты на своихъ плечахъ потурышъ іи цяцьковану скрыню, бо селяне не схотять...

— Не нападайся хочъ на Данила: винъ за всихъ найменьше выненъ: це винъ, сердешный, твій та Солошынъ грихъ спокутуе,—нагадала Домаха про сватання.

Трохымъ не видмовывъ ничого, закурывъ люльку и прысивъ на порози. Дощъ все дужчавъ. Хмары заволоклы все небо; недавнечко маненьки калюжкы злылыся вже до купы и затопылы все дворыще мало не до порогу. Трохымъ згадавъ, що у повитци негараздъ прычынени дверы и пишовъ довидатыся,

чы не вылизла корова... Въ той саме часъ щось въйиздыло у ворота...

— А кого Богъ несе до нашои господы?—запытавсь Трохымъ.

— Пустить, люде добры, переночуваты!—обизвалася якась жинка.

— Пройизжаючи, чы що?—запытавъ Трохымъ.

— Еге, еге... на городъ йидемо... Пустить, будь ласка, обсушытыся!

— Зайиздить!—запрохавъ Трохымъ и самъ завернувъ коня за повидъ до свого порогу.

Незабаромъ вкотылася у сины якась нызенька, кругленька, немовъ та горгопка, жинка, а за нею увійшовъ высокый та тонкый, якъ та очеретына, визныця зъ велычезною макитрою у рукахъ.

Домаха вынесла каганець у сины.

— Добрый вечиръ вамъ, люде добри! Спасыби, що пустылы до своеи господы!—прывиталася вона прыемно, та звычайненько, скыдаючы зъ себе безличъ и манесенькыхъ, и велыкыхъ платкивъ, та розвишуючы ихъ по синяхъ. Я—Сохвія Трохымовна Загубынкова; зъ ярмарку повертаюся; масло купувала, ось макитерку назбирала... А куды мени іи поставыты?—запытала вона Домахы.

Домаха хотила спочатку запрохаты іи до себе, але передумала и пидморгнула Даньілови, щобъ нисъ макитру у свою хату.

Приська скочыла зразу зъ лавы, утерла слёзы и заклопоталася биля самовару. Гостя була балакуча жинка. Покы настыгъ самоваръ, покы Приська наготовыла те, що мала даты попойисты, вона встыгла розсказать, хто вона така, й де жыве, и скилькы дочокъ мае.

— А чы не пидвезлы-бъ вы й мене зъ собою?—зважылаca запытаты іи Приська.

— Можно, можно,—згодылася Сохвія Трохымовна.—А чы на довго?

— Навикы—видповила Приська и гирко заплакала.

— Чого-жъ бо ты? Чого плачешъ, молодычко?—затурбувалася дуже мягкосердна Сохвія Трохымовна.

Приська стала ще дужче плакаты.

— Оце горенько, оце лышенько!—заклопоталася перекупка.—Чого-бо ты такъ побываешся.

— Озирниться сами, гляньте на оцю пустку, на оци злыдни, та й сами догадаетеся, яке мое життя тутъ,—видповила кривь слёзы Приська...

— Нанятыся хочешъ у мисти, чы що?—догадалася перекупка.

— Хочу служыты.

— А чоловикъ-же пускае тебе?—запытала перекупка.

— Пустыть.

— Чого-жъ тоби и плакаты! Хай Господь помогае. Добре господарюваты, якъ йе за чымъ, а якъ немае, то служыты треба. Сама я, спасыби Богови, николы не служыла, и дочокъ не наймала, а знаю, що доброму наймытови скризь гарно. Багацько йе панивъ у нашому городи, йе дуже багати:—у пани Куракынои и хаты окреми за-для покоянокъ... Поваръ у неи вже двадцять пьять рокивъ служыть, лакей одынъ тежъ зъ давнихъ часивъ тамъ... Якъ не балуватымешся, та слухатымешся, то тамъ тоби буде, якъ у Бога за пазухою,—мовыла Сохвія Трохымовна, дуже задовольнена, що може пособыты нещастлывій людыни.

— Такъ вы мене визьмете зъ собою?—зрадила Приська.

— А чому-жъ? Кинь добрый—сорокъ верстовъ якось перейидемо,—згодылася перекупка.

Приська кынулася іи цилуваты.

— Низавищо, низавищо, голубочко! Абы тоби пощастыло, бо не всякому у городи легко доходытся: йе таки наймычкы, що на мисяць трычи панивъ миняють, йе й паны вередлыви... Я сама не служыла, не знаю, якъ чужымъ людямъ годыты, та вже якъ тоби и тутъ життя не мае, то запытайся у наймахъ щастя.

— Даныло! погукала Приська на чоловика.—Я йиду зъ нымы; воны мени й мисце знайдуть,—мовыла вона, якъ тилькы Даныло увійшовъ у хату.

— Не пойидешъ ты никуды, — видповивъ несподивано Трохымъ за брата.

— Сказала, що пойиду—и пойиду!—крыкнула Приська.

— А я сказавъ, що не пойидешъ—и не пойидешъ,—видповивъ Трохымъ.—И вамъ, титко, грихъ замижнихъ молодыць зъ селъ въ городъ зволикаты. Якъ-бы я знавъ, що вы хвахторуете...

— Господь зъ тобою? Господь зъ тобою, чоловиче добрый!— замахала на Трохыма перекупка рукамы.—Зроду-вику не хвахторувала... Я перекупка... у мене хата своя—йе у мене за чимъ жыты... Господь зъ нею, зъ вашою молодыцею!..

— Вона, бачьте, у насъ не пры своёму уми—немовъ потерялася на весни. Жыла, жыла зиму, а це якыйсь гедзь укусывъ: „проби, покыну чоловика"!—мовывъ Трохымъ.

— И покыну. Не схоче нихто везты, то пишкы пиду... утечу середъ ночи, а не буду тутъ!—обизвалася Приська.

— Не покынешъ и не пидешъ, якъ чоловикъ не пустыть,— стоявъ на своёму Трохымъ.

— У тебе маты, сестра, дядько йе—поспытайся хочъ у ихъ порады,—мовыла Домаха.

— Не треба мени ни батька, ни матери—ни якои родыны!.. Порадылы вже воны мени—утопылы мою голову! Покы й вику мого, не хочу слухаты ничіеи порады... Оце тоби, Даныло, останне мое слово: або пусты мене... пообищай дать былетъ, або... на твоихъ очахъ смерть соби заподію... Ось хрестъ кладу... Прысягаюся... не жытыму я тутъ... не жытыму и одного дни!— И вона, кынувшысь навколюшкы передъ иконамы, почала складаты страшну прысягу.

— Йидь, йидь! Йидь куды хочешъ!—спынывъ іи безъ краю стурбованый Даныло. Йидь, иды, робы що знаешъ,—я тоби не перечу!—додавъ винъ, сылкуючысь перемогты ти слёзы, що душылы ёго видъ самого ранку.

— Пфу!—сплюнувъ Трохымъ, переляканый прысягою.

— Не знаю я теперъ, чы брать мени зъ собою молодыцю, чы ни? Щобъ бува вы не жалилы на мене?—запытала тежъ перелякана Сохвія Трохымовна.

— Берить іи... берить іи, ледацюгу!.. Хай вона... хай ій!..—не домовывъ Трохымъ.

X.

Приська та Сохвія Трохымовна выйихалы ще до схидъ-сонця, але добылыся до города тилькы о-пивночы. У манесенькому будынку перекупкы давно вже вси спалы, и господарка мало не повыбывала шыбокъ, покы доклыкалася, та добудылася свого чоловика, Петра Купрыяновыча. У господи було чепурненько, але дуже тисно и душно. Мало не третю частыну кимнаты займало велычезне, шыроке лижко, застлане ватянымъ одіяломъ; другу третыну—два поручъ поставленыхъ стола, де вычахалы уготовлени до торгу прянькы, а останню частыну—деревьянни стульци, суднькъ та скрыня. У куточку, биля самыхъ дверей, на розистланому ряденци спавъ хлопчыкъ—рокивъ чотырнадцяты, помичнькъ-наймытъ Петра Купрыяновыча. Господарь не сподивався, звычайно, Прыськы и выбигъ видчыняты двери неодягнутымъ, але, зоглядившы молодыцю, зразу побигъ назадъ, прычепурывся и тоди запрохавъ до господы. Така звычайнисть дуже подобалася молодыци, за те самъ господарь зробывъ на неи непрыемне враження: ій чогось и шкода стало ёго, сухого, якъ сухарь, жовтого та немовъ заскубленого, и досадно було слухаты, колы винъ почавъ грыматы на жинку за те, що забарылася у городи, та прогавыла добрый заробитокъ у недилю на торгу.

Прысьци постлалы на пуховому лижку; далы ажъ дви здоровыхъ подушкы у головы, але вона за всю ничъ и на хвылыну не звела очей.

Не спалося и Сохвіи Трохымовни. Мягкосердна та безъ краю ймовирна перекупка вже не разъ каялася за свою по-

гану вдачу та охоту пособляты людямъ пидъ вплывомъ першого враживня. Доставалося ій за те и видъ чоловика, доставалося и видъ товарокъ, не разъ платылася вона й кышенею своею, проте не навчылася ще гараздъ кермуваты своимъ серцемъ и потакала ёму. Приська своимы слёзамы, прысягою вразыла іи, и тоди вона справди радо хотила ій пособыты, але теперъ думкы іи змины свій напрямъ: ій стало здаватысь, що вона помылылася у молодыци.

— Не спытся?—запытала вона Приську.

— Не спытся—видповила Приська.

— Може ты вже одумалася та жалкуешъ, що пойихала, то я тоби знайду пидводу,—мовыла перекупка.

— Що це вы тётю?—ажъ схопылася Приська.—Я зъ радощивъ, що нарешти такы добылася города, не можу й заснуты.

— А чоловика хыба не шкода? Винъ же, здается, жаліе тебе? кохае дуже?

— Що мени зъ того, що винъ жаливъ мене? Яка мени корысть зъ того, що кохае мене? Колы-бъ вы зналы, якъ я цю зиму прожыла, колы-бъ бачылы, якъ я мучылася!—почала скаржытысь Приська.

Сохвіи Трохымовни изнову шкода стало іи.

— Та вже добылася свого—прыйихала въ городъ, а теперъ, гляды, не ледачій, не балуйся, якъ тамъ инши, то може й заспокоишся. Завтра раненько я перекажу Лейби, то винъ тоби зразу мисце знайде. Може навить и до пани Куракынои заступышъ, бо въ неи нема покоянкы,—заспокоила Приську Сохвія Трохымовна.

И справди, у десять годынъ ранку прыбигъ запыханый заклопотаный Лейба и сповистывъ Приську, що мисьце вже про неи йе, що винъ бигавъ цилый ранокъ, покы знайшовъ ій таке мисьце, и теперъ хай вона иде туды зъ нымъ „безпешно наймается“ и „служыть соби зъ Богомъ“.

Приська мыттю одяглася у найкраще убрання и пишла за Лейбою.

Серце іи дуже былося, сама вона зблидла и довгый часъ не зважувалася навить забалакаты до Лейбы, щобъ бува винъ не спостеригъ, якъ страшно ій иты до невидомои пани и якъ боится вона, що не погодыться ій.

— Хто-жъ вона така, ота пани?—нарешти звернулася вона до Лейбы.

— Хто вона така? Охъ! Колы-бъ ты тилькы знала, що то за пани! Сто тысячъ мае! Тры маетка, будынокъ якый... срибла, злата скилькы! Це—перша пани у нашому городи—нема надъ неи панивъ! А яка добра! Ой-ой! Навить еврейчыкамъ пособляе... Охъ! що-то за пани!.. Викъ дякуватымешъ мени. Абы тилькы ты подобалася имъ, абы ты тилькы зумила догодыты, то будешъ щастлыва—побачышъ!—казавъ Лейба, все набавляючы та набавляючы ходы́.

— А може воны ще й не схотять мене; може я й не вгожу? Мало хыба тутъ кращыхъ за мене наймычокъ йе?—запытала Прыська.

— Йе тутъ тихъ наймычокъ, йе, слава Богу... але хыба ты, молодычко, не знаешъ тыхъ городянокъ? Пфу на ихъ, тай годи! Грубіянкы, балувани, роспутни... Якъ що тамъ трохы не такъ, пани розсердятся, скажуть тамъ що-небудь... налають трохы, або-що...—такъ зразу кыдаты... Велыке дило, якъ така именыта пани, якъ ось ця пани Куракына, та налае трохы наймычку? Пфу! велыке цабе наймычка! Абы корыто...

— Э, ни,—перепыныла Прыська Лейбу,—я тежъ неохоча та й нездатна слухаты лайку. Колы справди та пани така сердыта, то Господь зъ нею, зъ іи гришмы!—завважыла Прыська.

— Хто тоби сказавъ, що вона сердыта? Боже храны! Хыба така пани стане лаятысь?—поспишывся Лейба заспокоиты Прыську.—Ось мы вже й дийшлы до самого будынку. Дзвоны!

Прыська подзвоныла. Дворныкъ видчынывъ хвирточку у воротяхъ и провивъ Лейбу та наймычку до дверей будынка.

Воны пиднялыся по высокыхъ заливныхъ схидцяхъ и увійшлы у простору, свитлу передъ-кимнату, де сыдило трое якыхъ-сь жинокъ. Одна зъ ныхъ, дуже старенька та немична, у панськои сукни, сыдила осторонь видъ двохъ останнихъ жинокъ и не прыймала ніякои участи у ихній розмови.

Лейба та Прыська силы тежъ окроме.

Незабаромъ выйшла до ныхъ молоденька панночка.

Вона наблызылася до старенькои пани, подала ій якыйсь пакунокъ и пьять карбованцивъ грошей.

Пани подякувала, сховала гроши у платочокъ и пишла геть. Тоди панночка подала двомъ останнимъ жинкамъ по два карбованця. Жинкы нызенько уклонылыся...

— Колы бъ намъ хочъ у щилочку побачыты нашого янгола-заступныка та подякуваты за іи ласку!—мовыла одна зъ жинокъ, вдруге уклоняючысь паночци.—Вже тры рокы пособляють воны намъ—пошлы имъ Боже щастя, здоровья, пидкрепы, захысты ихъ Царыця небесна!—та то ни разочку не доведося ій подякуваты. Попрохайте ихъ, панночко наша мылостыва, выйты хочъ на хвылыну до насъ.

— Я передамъ пани вашу подяку, але вона не выйде до васъ,—мовыла панночка.

Жинкы зитхнулы, ще разъ уклонылыся и пишлы соби геть.

— А ты, молодыце, погоды трохы: до тебе пани выйде, бо вона завжды сама выбирае покоянокъ,—мовыла панночка Прысьци. Ты, гадаю, Лейба, на цей разъ догодышъ пани: молодычка дуже гарненька,—додала вона прыемно усмихаючысь.

Такъ якъ черезъ пивгодыны выйшла и пани. Се була высока, струнка жинка рокивъ пьятыдесяты. На неи була темна шовкова сукня, поверхъ неи накынута прозора намитка. На грудяхъ, на руци на пальцяхъ—блыщало самоцвитне каминня. Пани надійшла до молодыци и пыльно зазырнула ій у вичи.

Прыська густо почервонила пидъ тымъ суворымъ поглядомъ и мымоволи опустыла очи.

— Я тебе найму,—мовыла трохы згодомъ пани.—Ось мои умовы: висимъ карбованцивъ на мисяць, особлыва кимната; чорнои роботы не пытаю. (За для цёго маю иншыхъ наймытивъ), за те по двичи роботы не загадую: наймычка у мене повынна знаты свои обовязкы безъ загаду.

Приська не зрозумила пани и подывылася на Лейбу.

— Хыба треба велыкои наукы, щобъ знаты, колы вашои мылости воды податы, або лижко уготуваты? О! будьте певни—я знаю, кого до васъ прыводыты. Се не ривня нашимъ городянкамъ; ця молодычка знае свои обовязкы!—поспишывсь вкынуть и свое слово Лейба.

— Я не до тебе балакаю,—спынила ёго строго пани.—Якъ що ты здатня на таки умовы, то прыходь сёгодни,—звернулася пани до Приськи.

— Я прыйду,—видповила стыха та несмилыво Приська..

— Бачыла ты колы таку пани? Бачыла таки кимнаты? Ой—ой! Ты зазырала у дверы? Бачыла якы дзеркала? Що то за пани, що то за пани!! А добра яка! Сёгодни тилькы тры жинкы було, а иноди тамъ бильше десятка наберется, а всимъ вона пособляе, всимъ надиляе,—не стыхавъ Лейба выхваляты пани, идучы зъ Приською до Сохвіи Трохымовны, видъ котрои винъ мавъ получыты за Приську карбованця.

Приська бачыла и кимнаты, и дзеркала и саму пани, але все це зробыло на неи далеко не таке вражиння, якъ на Лейбу. Холодомъ, на іи поглядъ, віяло и видъ того велычезного будынку, и видъ кимнатъ, и видъ пани, и видъ того обережно заверченого у билый папиръ пакунка, що подала панна старенькій пани, и видъ тыхъ грошей... Молоденька панночка тилькы и подобалася ій.

У вечери молодыця перейихала до пани и оселылася у маленькій хатыни поручъ зъ кимнатою самои пани.

Почалося якесь чудне жыття: вставала пани у обидню пору, лягала передъ свитомъ, и вси наймыты, не вважаючы на те, що дила було небагацько, не зналы ни въ день, ни въ ночи спокою.

По камьяныхъ схидцяхъ, убраныхъ квиткамы та аксамытовымы кылымамы, не спынялысь бигаты взадъ и впередъ похмури, сердыти, та потомлени люде. Дзвонкы не стыхалы... Здавалося, що у цёму велычезному будынку жыве безличъ людей, котрымъ за-для ихъ велыкыхъ та нагайныхъ справъ потребна безличъ служокъ та помичныкивъ... Сами наймыты добре розумилы, що до послугъ одынокои, литнёи вже пани досыть було-бъ однiеи, двохъ жинокъ, и ци безперестанни дзвоныкы, ця зайва биганына навыпередкы иноди сердыла, навить ображала ихъ, проте гарни харчы, добра платня робылы свое дило: люде звыкалы до становыща попыхачивъ и потроху навчалыся догождаты прымхамъ вередлывои господаркы. Помижъ служкамы було де-скилькы такыхъ, що жылы у пани вже багато рокивъ и встыглы прыняты и ходу и мову пани до вподобы, бильшисть же заступыла сюды недавнечко и почувала себе, немовъ на чужыни. Приська тежъ довгый часъ не могла звыкнуты. Нова посада цилкомъ видповидала бажаннямъ молодыци: и харчъ, и платня, и робота задовольнялы iи; сама пани видносылась тежъ дуже мылостыво до новои покоянкы, проте Приська все чогось остерегалася, що хвылыны сподивалася якоись непрыемности, лякалася кожного дзвоныка и увиходыла несмилыво у кимнату пани.

Мынувъ мисяць и другый благополучно. Пани за весь цей часъ зминыла тилькы одного наймыта—дворныка, справди гиркого пьяныцю. Приська почала вже трохы звыкаты, але... не лехко вгадаты, зъ якои стороны насунуть хмары та заснують ясне небо, а ще труднише видгадаты, яки думкы обсядуть вередлыву господыню, та яки перемины скоятся пидъ вплывомъ тыхъ думокъ.

Разъ якось прокынулася пани ранише, нижъ завжды, и згадала ще лежучы у постели, що вона вже два мисяци гараздъ не порядкувала у своiй господи, покладаючысь на нову свою хазяйку молоденьку, панночку Марусю, и що черезъ те панна немовъ занадто запышалася. Вчора вона, напрыкладъ увiйшла, не поспытавшысь дозволу, у iи кимнату, позавчора

завела першу ричъ про театръ, а у той понедилокъ одважылася пораять и такы прымусыла прочытаты якусь кныжку, у якій пидкреслыла червонымъ олывцемъ найцикавиши, на іи, панночкы, поглядъ, мисця...

— Треба ій трохы утерты носа, треба показаты, що дыпломъ шостого класа гымназыи не дае ще права буты у моій господи чымсь значнишымъ, нижъ звычайна наймычка,—поклала соби пани и почала одягатыся.

О першій годыни подалы снидання. Пани напылася чаю и пишла по хазяйству. Се траплялося дуже ридко и ще ридше кинчалося благополучно: по більшій части пани, оглядаючы кухню, мыскы, горшкы, кимнаты, квиткы—знаходыла яки-небудь хыбы и прогоныла вынуватого. На цей же разъ пани не знайшла ниде ни одніеи смитыны и не мала, на велыку іи досаду, ничого зауважыты панночци Маруси, котра, не думаючы не гадаючы про ту гризну хмару, що вже наблыжалась, йшла соби байдуже за своею господаркою, та выхвалялася тымы квиткамы, що такъ пышно зацвилы зъ іи легкои рукы.

Такъ вернулыся воны изнову до обиденного столу.

— Снидання холодне!—мовыла пани, видпыхаючы видъ себе тарилку зъ яешнею.

— Прохололо, покы вы ходылы,—нагадала панна.—Може звелыте свижои уготовыты?

— Не треба!—одризала пани.—Пидтянить оти гардыны надъ викнами. Вы, здается, знарошне залышуете мене сонця,— мовыла вона черезъ хвылыну.

— Вчора вы сами звелилы ихъ попустыты,—мовыла панна.

— Николы я цёго не казала. Вамъ завжды щось учувается... Прыслухайтеся, прохаю васъ, краще до моихъ ричей... Я вамъ въ останній разъ *велю* (пани пидкреслыла це слово) пидняты ци гардыны и не попускаты ихъ безъ мого дозволу. Муруся поставыла стульчыкъ, вскочыла на ёго и почала пидтягаты шнуръ; одначе у тому, якъ панночка взяла стулець, якъ

скочыла на ёго, якъ розмотала шнуръ,—господыни уявылася зневага. Чоло іи нахмурылося ще дужче, тонки губы склепылыся щильнише.

— Не здатни вы и до такои дрибныци, панно Маріе: вы пидтяглы мало не до самои стели! попустить, будьте ласкави,—процидыла вона кризь зубы.

Маруся попустыла такъ, якъ на палець.

— Ныжче!—мовыла нетерпляче пани.

Маруся попустыла ще ныжче.

— Ныжче, кажу вамъ, ныжче!—мовыла, ледве стрымуючы себе пани.—Ныжче!—вже крыкнула вона й кывнула рукою на Приську, що саме увиходыла у кимнату.

— Присько! попусты шнуръ, бо панночка не розуміе ничого; у неи то театръ, то кныжкы въ голови, а не іи обовязкы,—звернулася пани до покоянкы.

Панночка стрыбнула зъ стульця, всмихнулася до Прыськы и передала ій шнуръ; але молодыця ненарокомъ выпустыла ёго зъ рукъ, и гардына спустылася до краю.

— Дурна, божевильна! Сыдоре, Трохыме, Марто, Мыкыто! йдить сюды, пособить гардыну пидняты, бо ци дви дуркы ничого ій вдвохъ не вдіють,—гукнула, вкрай распалывшысь пани.

Маруся зачервонилася, на очахъ выступылы слёзы.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовыла вона трымтячымъ голосомъ.

Пани зыркнула звысока на панну, усмихнулася и одійшла до викна, биля котрого поралася мало не вся двирня.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовыла вдруге панна—а, ни..., то... то... я тежъ вылаю и васъ прылюдно.

— Выведить геть звидсиль цю божевильну!—звернулася пани до наймытивъ, показуючы на стурбованну панну.—Я дарую ти гроши, що вона забрала у мене впередъ,—додала вона пышаво.

Цей спогадъ про грошы, що Маруся взяла на ликы хворому батькови и не мала спроможности оддаты пани назадъ,

шпыгнувъ ій у серце, немовъ гострымъ ножемъ: вона залылася гиркымы слёзамы и выбигла геть.

Зъ цёго часу Приська ще дужче стала остерегатыся пани, ще дужче боятыся за себе, дарма що обовязкы покоянкы выконувала вона завжды безъ загаду и добре.

Пролынуло ще тыжднивъ зъ двое; наступывъ день именынъ пани. Пани ридко кого одвидувала и сама не любыла прыйматы до себе гостей, але за-для именынъ не шкодила ни грошей, ни клопотивъ и вже кожного року справляла ихъ на славу. Прыйиздыло до неи у цей день завжды безличъ панивъ, одержувала вона безличъ картокъ, лыстивъ та телеграмъ, але дійсно святкувавъ сей день тилькы невелычкый гуртокъ именытыхъ гостей. Баронъ, баронесса, старый полковныкъ, яка-сь глухенька пани зъ дорослою дочкою, велыкый, всимъ у повити видомый панъ Таранецькій, та неридный племинныкъ пани Куракынои, Сергій, складалы собою те маленьке коло, що тилькы и пидтрымувало трохы у городцяхъ значно злынявшу та прывъявшу квитку арыстократызма и захыщалы іи скилькы мога видъ соковытого плебейського бурьяну, що посидавъ кгрунтъ, та роскоринявся останнимы часамы все дужче та дужче...

Першою прыйихала баронесса; за нею іи чоловикъ, а трохы згодомъ и останніи гости.

Пани Куракына радо прывитала дорогыхъ гостей и запрохала ихъ по звычаю до голубои кимнаты, прызначенои за-для блызькыхъ гостей. Баронесса сила на канапи и, стягаючы рукавычкы, зъ першого-жъ слова, почала скаржытысь на духоту, на сонце, на городъ, театръ, наймытивъ та лытературу. Вси, причъ племинныка пани, котрый тилькы и марывъ про те, якъ-бы швыдче утекты видъ титкы-дукаркы, та глухенькои пани, що нышкомъ личыла, скилькы саме коштуе убрання именынныци, прыйнялы звычайно участь у розмови и цилкомъ погожувалыся зъ баронессою. Балачка йшла тыхо, ривно, неначе десь у куточку сыдивъ капельмейстеръ та выстукувавъ ломачкою, щобъ бува хто не поспишывся зъ своимъ словомъ напередъ, або не забарывся зъ видповидью.

Але ось на порози въявывся новый, несподиваный гисть.

Се бувъ высокый, литній вже панъ. Ривне сыве волосся, гладенько зачисане назадъ, падало довгымы пасмамы ажъ на комиръ старенького, але чыстого сюртука.

Въ одній руци державъ винъ складеный цылындръ, а у другій ципокъ, на котрый йдучы опырався. Услидъ за нымъ йшла русява панночка, роквъ пьятнадцяты. На неи була коротенька, била муслынова сукня, перетягнута на тонкому стани голубымъ поясомъ; роспущене по плечахъ волосся було перевьязано тежъ голубою стёжкою, а на головци прышпылена била квитка. Въ рукахъ вона держала десяткивъ зо-два перевьязаныхъ билою стёжкою трояндъ.

Старый панъ поступывся напередъ, уклонывся до всихъ гостей и пошкандыбавъ, разъ-у-разъ налягаючы на ципокъ, до господаркы. Панночка уклонылася тежъ усимъ и подала ій троянды.

— Витаю васъ, шановно добродійко, зъ днемъ именынъ и прохаю выбачення, що спизнывся трохы, але,—сами видаете,— посада, прызначени годыны за-для праци... Я, жинка моя, диты— вси мы щыро дякуемо вамъ и вамъ, шановныи добродійкы (гисть уклонывся до баронессы та глухенькои пани) за ту допомогу, що подалы моій симьи за часы моеи хворобы. Запевняю васъ що...

— Дуже дякую, пане, за ваше... за вашы троянды, панно!— перепынила раптомъ пани Куракына ричъ гистя и поступылася до дверей, що велы у другу кимнату. Гисть та панночка послидкувалы за господаркою, и черезъ хвылыну баронесса бачыла своимы очима, якъ лакей провивъ ихъ до передвёи. Проте це іи не заспокоило:

— Зъ якои речы? Хто давъ ёму право? Увійты у цю кимнату! Втеребенытысь у гуртокъ незнаёмыхъ и зовсимъ неривныхъ соби людей. Ни, ни, наша поважана господарка не вміе зовсимъ муштруваты наймытивъ! Мій Мыхайло не впустывъ бы и до вику такого гостя у мою кимнату.

Але жъ це той самый вчытель, про котрого вы такъ клопоталыся та котрому збиралы грошы,—завважывъ племинныкъ пани Куракынои.

— Велыка рижныця: пособыты людыни, чы прыйняты ии до свого гурту!—мовыла баронесса.

— Та вже жъ мабудь це дуже поважна людына, колы вы прынялы стилькы турботъ за-для неи,—не подавався Сергій.

— Якъ-то поважный? Зъ якои речи? Звидкиль це вы взялы? Вы завжды дратуете мене, Сергій, але мени теперъ зовсимъ не до жартивъ. Сёго вчытеля я не знаю, але винъ колысь заведужавъ, симья ёго бидувала, и я назбирала за-для ёго сто карбованцивъ...

— И винъ прыйшовъ теперъ подякуваты вамъ,—додавъ Сергій.

— У цю кимнату!!! Зрозумійте, Бога рады, що се зъ ёго боку нахабно, неввичлыво, незвычайно!—роспалылася навсправжкы баронесса.

А тымъ часомъ сама господарка мало не плакала: вона не чула баронессыныхъ ричей, але серце вищувало ій безличъ непрыемныхъ наслидкивъ видъ цёго несподиваного выпадку зъ вчытелемъ.

— Хто впустывъ ёго? Хто зважывся провесты ёго до тіеи кимнаты?—допытувалася розлютована пани своихъ наймытивъ.

— Я!—обизвалася нарешти Приська. Лакей одлучывся на хвылыну, а винъ саме увійшовъ, я й провела ёго до васъ.

— Божевильна! прышелепувата! Не бачыла хыба, кого ты проводышъ? Зъ глузду зъйихала, ошалила?—накынулася на неи пани.

— Чого вы лаетеся? Хыба я знала?—образылася молодыця.

— А! такъ ты ще балакаты, змагатыся? Геть! геть зъ моеи господы! Щобъ твого и духу не було у моёму двори!—гримнула на неи пани и побигла заспокоюваты баронессу, котра доводыла Сергіеви, що не всякому прыемно сыдиты поручъ зъ якымсь вчытелемъ, котрого недавнечко вырятувано видъ голодноп смерты.

XI.

Приська побигла шукаты пидводы, щобъ перевезты свою скрыню до Сохвіи Трохымовны.

— Эй! Чуешъ? Слухай сюды! Гапко! Марье! Степанидо! Молодычко, якъ тамъ тебе прозывають? Постій трохы, пожды!— гукнувъ хтось биля крамныць.

Приська обернулася: за нею бигъ Лейба.

— Це жъ, здается, тая молодычка, що я до Куракыноі водывъ! Ну, що? Якъ тоби? Якъ жывется? Може обрыдло вже? Куды ты йдешъ?—запытавъ іи Лейба.

— Пидводы шукаты, щобъ перевизъ мою скрыню до Сохвіи Трохымовны; я вже тамъ розсчыталася...

— Навищо тоби та Сохвія Трохымовна, навищо тоби на той белебень забыватыся? ходимъ—я тебе зразу найму.

— До кого?—запытала Приська.

— До кого? Побачышъ до кого: поганоі посады тоби не дамъ. Ходимъ! Це таки паны... що дай Боже тоби и повикъ у такыхъ служыты... Це тоби не тая горда та пышава пани Куракына...

— А вы жъ іи выхвалялы!—нагадала Приська.

— Чому жъ мени не выхваляты, якъ твоя родычка схотила тебе туды наняты?—мовывъ Лейба.

— Яка родычка?—запыталася Приська.

— Сохвія Трохымовна.

— Вона мени не родычка.

— Не родычка?—здывувався и немовъ ажъ зрадивъ Лейба.— А скилькы воны взялы зъ тебе за те, що ты наняласи до тіеи пани?—запытавъ винъ.

— Ничого. Вернула ій того карбованця, що вона дала вамъ, та за пидводу заплатыла...

— Теперъ не взяла, то визьме,—мовывъ зъ певнистью Лейба. Ты, не вирь Сохвіи Трохымовни... Ты молода, мисця не знаешъ, а тутъ всяки паны бувають.—Ты, якъ тоби чого треба, до мене звертайся—я тебе повсякъ часъ найму. Ходимъ!

— Яка жъ у тыхъ панивъ плата?—запыталася Приська.

— Почуешъ сама. Може воны й бильше тоби дадуть, нижъ всимъ платять, може и ти сами грошы, але ты на ту плату не звертай увагы: схочешъ, то матымешъ тамъ заробитокъ добрый.

— Звидкиля?—здывувалася Приська.

— Розумна будешъ, то побачышъ!—видмовывъ Лейба.— Ходимъ!

— Що жъ воно за паны?—допытувалася зацикавлена ричамы Лейбы молодыця.—Може я ще й не погожуся туды?

— Не погодышся?—перепытавъ Лейба... Хыба я не знаю, якымъ панамъ якыхъ наймычокъ постачаты? Овва! Ты мене спытай, що у тому будынку сёгодни на обидъ варять, я й те знаю!

— А може й я не схочу?—сказала молодыця.

— Ты не схочешъ до панивъ Боголюбовыхъ? Таки речы я вперше на своёму вику видъ наймычкы чую. Ой—ой! Хотивъ бы я побачыть ту покоянку, що не схотила бъ тамъ служыты!— засміявся Лейба.

Приська пишла. Пани була не дома: вона выйихала зъ дитьмы на все лито, и наймавъ покоянку самъ панъ.

Це бувъ огрядный, трохы сывый вже панъ. Винъ зробывъ досыть гарне враження на молодыцю и тыхымъ голосомъ, и ричамы, и обихидлывистью..

На плату та де-яки обставыны жыття у господи панивъ Боголюбовыхъ було, звычайно, гирше, нижъ у пани Куракынои, за те наймыты почувалы себе далеко вильнише, нижъ тамъ, и працювалы до схочу.

Покоянци окремои хатыны туть не давалы, але Присьци вже обрыдло сыдючы насамоти у закапелку пани Куракынои, и вона охоче оселылася у просторій, свитлій кухни зъ гладкою куховаркою Тытьяною, жинкою рокивъ пьятыдесяты, та безкраю балакучымъ дворныкомъ—москалемъ Степаномъ.

Наймытамъ мало було роботы. Приська прыбырала вранци горныци, чыстыла одягу та чоботы и, вырядывшы пана до суду, де винъ займавъ якусь посаду, йшла пособляты куховарци. По

обиди Тытьяна лягала спочываты, Степанъ ходывъ зъ доученнямы пана, або за покупкамы, а Приська гуляла за воритьмы, або вытягала свои шыткы.

Такъ проходывъ довгый та нудный день; за те у-вечери почыналося дійсне жыття.

Тытьяна надъ усе любыла гостей. Не вважаючы на те, що ридко якый ранокъ верталася вона зъ торгу, не посварывшысь зъ кимъ-небудь, мала вона прыятеливъ безличъ и помижъ служкамы, и помижъ прыкащыкамы та перекупкамы. Стравы тежъ николы за-для гостей не бракувало, бо Тытьяна наготовляла іи утрое бильше, нижъ потрибно було панамъ та ихъ двирни; здачы вона тежъ зрода̀-вику не мала звычаю виддаваты и про коштъ мяса та масла никому не казала. Пры такыхъ умовахъ що-денни беньketы доходылыся ій, звычайно, на дыво легко.

Що вечора збиралыся до неи гости. Иноди хто прыносывъ зъ собою и пляшку горилкы, але Тытьяна того не любыла, бо боялася, щобъ Степанъ не напывся та не побывъ іи, и прыймала до складчыны тилькы ласощы та церковне выно.

Найбильшои цикавости за-для Приськы додавалы цимъ бенкетамъ не такъ ти дешеви та немицни вына, не такъ ти ласощи, якъ незвычайно гострі, весели оповидання Степана та самои Тытьяны.

Степанъ за пъять рокивъ свого слугованя у Варшави за денщыка поручыкови Петрову набачывся и людей, и свиту, наслухався и правды, и брехни и мавъ що оповидаты. Тытьяна не выходыла у своихъ оповиданняхъ за межы мійского торгу, алежъ и ій не бракувало николы цикавыхъ новынъ. Вона все знала, все чула и вмила добре розсказаты про жыття миськыхъ панивъ.

Сама Приська не прыймала участи у тыхъ бе́сидахъ: вона не мала чого ни додаты, ни зауважыты до певныхъ ричей Тытьяны, Степана та ихъ гостей. Вона тилькы слухала, але слухала пыльно, бо розмова доторкалася цикавыхъ ричей. И яке то справди цикаве жыття було у городи, поривняючы до хлиборобського! Никому не спадало и на думку гудыты його. Тытьяна

судыла то ту, то иншу наймычку, то одну, то другу господыню, але жъ чы осудыла вона хочъ разъ саме жыття наймычкы, чы помъянувъ хто добрымъ словомъ становыще сильскои господаркы? Иноди бесиды ци робылыся занадто бучнымы: часто почыналы жартуваты, пустуваты и разъ якось молоденька перекупка, Галька, зважылася заспиваты...

— Не такъ бо голосно—панъ гниватымутся!—спынила іи Приська, щильно прычыняючы двери зъ кухни.

— Панъ? здывувалася Тытьяна.—Якь разъ! Панъ оце бъ и самъ прыбигъ сюды, якъ бы знавъ, що у насъ така вродлыва гостя. Ось пиды-бо навмысне, Галько, за чымъ-небудь до пана.

— Ще що выгадають?—зареготалася Галька.—Пидить сами.

— Шкодà! Панъ такыхъ гладкыхъ, якъ Тытьяна, не любыть. Ёму щобъ и зростомъ высоченька и станомъ тонесенька, щобъ и губы повни, и очи голуби,—обизвавсь Степанъ.

— И неправда!—залылася на всю хату Галька; у Санькы очи булы кари.

— Кари, кари,—пидтрымала іи Тытьяна. Отъ зъ кымъ пороскошувала я: николы було у кухни не прыбыраю. Загадаю Саньци—вона вразъ и перемые и вымете... Ажъ шкòда дивчыны... Вона вже мала и замижъ йты.

Ой горе, лыхо, лыхо:
Полюбывъ я ковалыху,
Мавъ за себе іи браты
Та прыйшлося кумивъ зваты—

заспивала Галька.

— Цытьте-бо!—спынила іи вдруге Приська:—панъ щось пышуть.

— Яка намъ корысть зъ того,—що панъ пыше? Спыше, та намъ не прочыта, а мы ось якъ заспиваемъ, то й винъ послуха.

Ой горе, лыхо, лыхо,
Полюбывъ я ковалыху...

заспивавъ и соби Степанъ, прысуваючысь блыжче до Приськи. Тытьяни здалося, нибы навить винъ пидморгнувъ молодыци...

— Навидайся лышень до пана! Може вже часъ и лижко перестылаты, а ты тутъ вытрышкы справляешъ!—несподивано накынулася Тытьяна на Приську.

Приська глянула здывовано на куховарку, хотила нагадаты ій, що панъ самъ дзвоныть, якъ чого треба, але роздумала и пишла до пана.

Панъ сыдивъ за велыкымъ столомъ и выводывъ щось перомъ по билому блескучому паперу. Якъ тилькы увійшла молодыця, винъ знявъ окуляры, одкынувся на спынку стульця и ставъ прыдывлятыся до неи. Приська переслала лижко, прыставыла кругленькый столыкъ до ёго, наготовыла воду и надійшла блыжче до пана, щобъ взяты на велыкому столи свичку; панъ прытягнувъ іи до себе и мицно поцилувавъ въ губы.

Молодыця спалахнула, якъ жаръ, хотила було щось ёму сказаты, але панъ, немовь то и не винъ, немовъ ничого й не було, вже складавъ кныжкы на полыци.

Якъ виднестыся до того поцилунка?—думала сама соби молодыця.—Жартъ це?—звычка безкраю ласкавого пана? Пожаливъ винъ іи, якъ батько дочку, чы....?—Але Приська не хотила навить и думаты щось погане про свого пана. Вона швыдко выйшла зъ покоивъ и повернулася до кухни. Гостей вже тамъ не було, и Тытьяна лаялася зъ Степаномъ.

— Чого це ты такъ розчервонилася? Улучывъ хто по пыци?—покынула вона Степана, та напалася на Приську.

— Хто бъ мене бывъ?—запыталася Приська, мымоволи опускаючы до долу очи.

— Чого ты вовкомъ дывышся? Чого одвертаешся?—не стыхала Тытьяна...

— Чого вы прычепылыся? Вынна я, що краска на выду заграла?—обизвалася Приська.

— Вже я даремно не прычеплюся! Я тебе наскризь бачу! Знаю я тыхъ молодыць, що чоловикивъ кыдаютъ! Трывай, трывай: пани прыйидуть,—все розскажу.

— Що я заподіяла? Що вы розскажете?—запыталася молодыця мало не зъ плачемъ.—Чого воны напалыся?

— Плюньте на оту гладку тетерю. Знаю я, чого вона лютуе, та не поможется!—обизвався Степанъ.

Сихъ сливъ було досыть, щобъ вкрай роздратуваты куховарку. Вона вже не разъ прымичала, що Степанъ накыдае окомъ на Приську, але тилькы теперъ впевнылася, що парубокъ не жартуе.

— Знаю я й не пытаючысь тебе, чого ты така червона! Не дурно такъ довго лижко панови перестылала.—Знаю я ёго норовы!—Пожды, волоцюго никчемный, розскажу я й про тебе, якъ ты и сино и овесъ у шынку переводышъ! Не довго справлятымешъ вытришкы зъ ціею банькатою совою,—обохъ выжену! Я тутъ дванадцять рокивъ служу,—мени пани швыдче виры поймуть, мое право буде!—лютовала Тытьяна.

Приська спочатку видповидала ій, змагалася, але згодомъ, впевнывшысь, що куховарка й не слухае іи, замовкла и заснула.

На другый день прыйихала пани. Се була вродлыва, але дуже пышава жинка рокивъ трыдцяты пъяты. Панъ зустрівъ іи и дитей на порози, розцилувавъ, роспытавъ про дорогу, здоровья и все це тыхенько та ласкаво. Пани видповидала нервово, въ голоси іи почувалася досада: вона пидставыла знехотя свою щоку панови до поцилунка и подалася зразу до своеи кимнаты. Бонна одвела дитей у прызначену имъ кимнату; панъ пишовъ до себе, и симья зразу розчалылася на тры зовсимъ окреми, самостійни частыны. Пани прыймала своихъ гостей, панъ, повернувшысь зъ суду, йшовъ до своихъ знаёмыхъ, або зачынявся у своёму кабинети; диты бачылы вчытеливъ та бонну, и нихто никому не завважавъ, нихто никому не перечывъ жыты по своій охоти. Въ кухенни порядкы тежъ не мишався нихто, и Тытьяна знала, що казала, якъ обищалася выгнаты Приську зъ двору. Не выгнала вона та не допекла до краю тилькы зарады тіеи прыхыльности пана до молодыци, що зъ кожнымъ днемъ побильшувалася. Тытьяна николы не перечыла панови и не змагалася зъ ёго полюбовныцямы: за це ій перепадало не мало; на

сей же разъ вона здатня була и сама заплатыты Присьци, абы вона видносылася прыемнише до пана и тымъ одвернула видъ себе серце Степана. Але молодыця не подавалася ни на улестлыви слова пана, ни на умовляння Тытьяны „буты веселенькою“ та „не дывытыся на пана вовкомъ“.

Такъ пролынувъ мисяць. Разъ якось зибралася пани пойихаты до знаёмыхъ. Панъ провивъ жинку ажъ до брычкы, помигъ ій систы, обгорнувъ ногы теплымъ платкомъ, поцилувавъ затягнуту у рукавычку руку и повернувся у сины.

Тамъ стояла Приська. Панъ обнявъ и прошопотивъ ій щось.

Приська почервонила, одипхнула видъ себе пана и выбигла на двиръ. Тытьяны не було дома, а Степанъ гулявъ на воротяхъ зъ сусидськымъ кучеромъ. Приська надійшла до ныхъ. Черезъ яку хвылыну сусидського кучера поклыкалы, и Приська та Степанъ зосталыся вдвохъ. На двори було тыхо, зоряно, людей вешталося по вулыци багацько. Приська задывылася, забалакалася и не прымитыла, якъ повзъ ихъ пройшла Тытьяна.

— Гей, ты, Присько! Чого ты швендяешъ тамъ, по вулыци? Пыталася ты дозволу гуляты?—гримнувъ несподивано у видчынене викно панъ.

Приська схопылася, метнулася у кухню, але тамъ іи сподивалася вже Тытьяна.

Чого вона ій тилькы не наказала, якыхъ прызвыщъ не надавала? Обурена ревнистю та пересердьямъ куховарка не памъятала гараздъ, що каже, и Приська зрозумила тилькы, що вже ій тутъ жыття не буде, що треба добуваты другого мисця та тикаты звидциль.

Одже Присьци не довелося дотягты тутъ останнёго тыждня. Панъ зважывся пожартуваты зъ молодыцею ще разъ.

Приська не стерпила.

— Якъ же вамъ пане, не грихъ, та не соромъ мене чыпаты? У васъ и жинка и диты йе,—мовыла вона. Панъ засміявся и хотивъ іи ущипнуты.

— Не вьязнить!—гримнула на ёго молодыця.

Панъ погодывъ трохы, покы молодыця пересердытся, и въ ту хвылыну, колы вона найменьше цёго сподивалася, ущипнувъ іи.

Ображена, безъ краю роздосадована Приська, штовхнула пана у груды.

— Пфу!—плюнувъ панъ зъ такою огыдою, немовъ то передъ нымъ стояла не Приська, не вродлыва молодыця, а якась потороча...

— А що? диждалася? Заплювалы очи?—почала дратуваты Тытьяна молодыцю.—Думаешъ—я не бачыла? Я весь часъ пидъ дверыма простояла, все чула.

— Колы чулы, то й не брешить, бо я и вамъ очи заплюю!—скыпила Приська.

— А ну, а ну, спробуй!—взялася у бокы Тытьяна!—Наблызься лышень!

— Що це за галасъ! Хто тутъ крычыть!—убигла пани въ кухню.

— Розсчытайте мене, пани! спасыби вамъ за хлибъ-за силь! прослужыла дванадцять рокивъ та мабуть вже обрыдла, що вы мене на поталу останній волоцюзи виддаете. Служыла я у васъ дванадцять рокивъ, служыла-бъ и покы вику мого, та...—заголосыла на всю хату Тытьяна.

— Ахъ, Боже мій! Що таке? У чимъ ричъ? Чого вы плачете?—схопылася пани за голову.—Не мучьте мене,—у мене голова болыть. Що тутъ скоилося?

— Розсчытайте мене, панійко, безъ гнива безъ клопоту, шукайте соби иншои куховаркы. Не можу я дали терпиты, не можу дали зносыты!—заголосыла изнову Тытьяна.

Пани здавыла ще дужче голову рукамы. И де та правда на Божому свити? Вона и такъ сёгодни нещасна: стилькы перемучылася, стилькы попоплакала, покы вырядыла за-кордонъ молоденького ликаря, що такъ добре вмивъ пользуваты іи видъ якоись незвычайнои хворобы, а тутъ ще ци кухнянськи турботы...

— Розсчытуйтесь, що хочете робить, тилькы не гвалтуйте, не турбуйте мене!—ажъ попрохала пани.

— Це-жъ вона, це-жъ все черезъ неи. Покы не було іи, то й все благополучно було, а теперъ жыття никому немае... Роботы зъ неи не пытай, сама за неи все робы, а вона тебе ще й лае—поскаржылася Тытьяна на Приську.

— Я свое дило роблю, ще й вамъ пособляю,—обизвалася Приська.

— Ся Приська,—справди нездатня никуды покоянка,—обизвався на дверяхъ панъ.

Молодыця, наче ужалена, круто повернулася всимъ станомъ до пана и глянула на ёго: винъ бувъ спокійный, якъ и завжды.

— Ничогисенько не хоче робыты!—пидтрымала пана Тытьяна.

— Чого-жъ вы мовчалы доси? Хто васъ прыневолювавъ терпиты нездатню наймычку? Чому вы мени доси не сказалы, що вона не хоче робыты?—запытала зъ видчаемъ пани Тытьяну.—Чого вы сами не прогналы іи доси, колы вона вамъ не довподобы?—звернулася вона до пана, все дужче та дужче стыскуючы свою голову.—Скилькы вамъ слидъ грошей?—запытала вона Приську.

— Тры карбованци,—видповила Приська.

Пани кынула ій тры карбованця на стилъ, и незабаромъ молодыця мусыла податысь зновъ до Сохвіи Трохымовны.

XII.

Сохвія Трохымовна ажъ рукамы сплеснула, якъ побачыла Приську та іи хвурмана на своёму подвиррю.

— И тамъ не выбула?—запыталася вона докирлыво.

— Снагы не постачыло дотягнуты и сёго тыждня до мисяця. У тіеи пани наймычокъ за собакъ мають, а у цихъ и того гирше,—поскаржылася молодыця.

— Вередлыва-бо ты, якъ бачу, та балувана дуже. Теперъ не знаю, що зъ тобою робыты, куды тебе и диты. Ту хату,

що черезъ сины, займають кватырантки, а у моїй кимнати, сама бачышъ, тисно. Не можу я тебе пустыты, нема у мене кутка про тебе,—мовыла Сохвія Трохымовна, и не дывлячысь на Приську.

Молодыця не знала, що робыты: куды вона подинется, до кого звернется, де перебуде той часъ, покы Степанъ знайде ій яке прыстановыще? Лейба перестривавъ іи на дорози, радывъ йихаты до панычa якогось, обицявъ по симъ карбованцивъ на мисяць,—але вона побоялася, не схотила. Чы то-жъ ій ночуваты середъ вулыци, чы стукатыся у двери до незнаёмыхъ людей?

— Перебуду-бо я у васъ хочъ одынъ день,—попрохала вона несмилыво.

— Тисно у мене, сама бачышъ, а чоловикови сёгодни ще й пряныкы пекты...

— Мени абы хочъ переночуваты,—попрохала Приська.

Сохвіи Трохымовни стало шкода молодыци.

— Внось скрыню—ничого робыты, тилькы памъятай, що це въ остатній разъ.

— Я задурно не схочу..., я заплачу вамъ, скилькы звелыте... у мене йе грошы,—поспишылася заспокоиты Сохвію Трохымовну видразу повеселивша Приська.

— Звычайно: даровани шматкы тилькы старцямъ не вадять. Та я-бъ не схотила ни грошей твоихъ, ни платы, абы ты тилькы не зайиздыла до мене,—мовыла перекупка, все скоса та непрывитно поглядаючы на молодыцю.

— Ой, чогось-то вы мене, титусе, та й не злюбылы!—зитхнула Приська.—Може вамъ що набалакано про мене?

— Ничого я не чула про тебе, а сама бачу, що не буде добра зъ тебе, по правди тоби кажу. Побачыла було я, якъ ты на сели жывешъ, пожалила, зглянулася на твои слёзы, прывезла въ городъ, а теперъ же и каюся,—мовыла Сохвія Трохымовна, скыдаючы верхню спидныцю.

— Чому?—здывувалася Приська.—Хыба я що погане заподіяла? Вы гниваетесь на мене, що я оце Боголюбовыхъ по-

кынула, а колы-бъ вы тилькы зналы черезъ вищо, то ще-бъ и похвалылы мене.

— Ничого я, молодычко, прыкрого про тыхъ панивъ не чула, а знаю, що выбувають тамъ наймычкы и рокы, не то тыждни. Тытьяна вже тамъ, гляды, чы не дванадцять рокивъ прожыла; Санька бильше року була и служыла-бъ тамъ и доси, якъ-бы не іи грихъ.

— То-жъ то й горе! Я вамъ розскажу про Саньку,—мовыла Прыська.

— Добре, добре, розскажешъ колысь, а теперъ мени николы: треба бигты у лёхъ та пособыты доньци сыръ покрышкамы перемиряты; накупыла вчора пивъ-пуда та не продала й половыны. Не дай Господы, якъ ще й завтра не продамъ!— заклопоталася перекупка.

Прыська залышылася сама у хати. Довго просыдила вона самитня биля виконця, встыгла вже чымало передуматы и прыгадаты, вже й смеркаты почало, вже-бъ вона выпыла охоче й склянку чаю, а хазяивъ все не було.

Нарешти, якъ смеркло вже чысто, прыйшовъ Петро Купрыяновычъ зъ своимъ наймытомъ. Винъ у питьми не спостеригъ Прыськы и, гадаючы, що самъ зъ хлопцемъ въ хати, почавъ грыматы, та лаяты, та проклынаты всихъ, почынаючы зъ жинкы, що чорты десь розносылы у таку пору, колы треба свитло свитыть, та хлопця, що не зумивъ роспродаты пряныкивъ, и кинчаючы спасеннычкамы, що, говіючы, шкодылы шага на его макивныкы выкынуты. Колы-жъ винъ чыркнувъ сирныка, та угледивъ молодыцю, то ще дужче посатанивъ и хочъ прывитався до гости, але такъ вызвирывся на неи та іи скрыню, що молодыця мала вже тикаты зъ хаты.

— И самоварю доси нема! Прокляте жыття! Цилый день выстоишъ на тій куряви, або на морози, а прыйдешъ до-дому, никому й нагодуваты. Бижы мени зразу по Сохвію, де вона сыдыть? Скажы, щобъ чаю мени дала—я й не обидавъ доси!— звернувся хазяинъ до хлопця.

— Воны у лёху сыръ миряють. Дайте мени самоварь, я сама настановлю,—обизвалася Приська.

Петро Купрыяновычъ видразу помьягчавъ.

— Хай хлопець настановыть,—мовывъ винъ.—Гей, ты!—моторнише!—гримнувъ винъ на наймыта и сивъ крутыты цыгарку.

Незабаромъ прыйшла и Сохвія Трохымовна зъ донькою. Вона була сердыта не меньше за чоловика, бо сыръ почавъ снядиты, одначе не давала соби воли, не лаялася, а навпакы бильше мовчала та нышкомъ зитхала.

Донька—высока, голубоока, струнка та проворна, якъ въюнъ дивчынка рокивъ пьятнадцаты—жваво налагодыла що слидъ до чаю, вытягла зъ скрыни вязку бублыкивъ, достала зъ судныка десятокъ чорствыхъ пряныкивъ, подала самоварь, набыла сахарю и, доручывшы все господарство матери, накынула платокъ.

— Куды ты?—запытавсь строго батько.

— Пиде до Катри—пособыть сестри ракивъ перебираты, бо вона не роспродала вчора.

— Хай имъ чортъ, тымъ самымъ ракамъ! Блызькый свитъ ажъ на Олійныци бигты! Хай сыдыть дома!—мовывъ Петро Купрыяновычъ.

— Катерына сама не управытся,—обизвалася Дунька.

— Управытся!—не подавався хазяинъ.

— Якъ то можно сказаты „управытся“? Накынулы-бъ оце тоби четверо дитей манесенькыхъ та звелилы за ничъ визъ ракивъ перебраты—чы управывся-бъ ты? Колы Дуньку не пускаешъ, то я сама пиду, а ты, якъ хочъ, такъ и управляйся безъ мене,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— И управлюся,—одризавъ Петро Купрыяновычъ.

Сохвія Трохымовна вырвала зъ Дуньчыныхъ рукъ платокъ и, не допывшы и блюдця чаю, побигла. Приська выпыла одну склянку и подякувала. Петро Купрыяновычъ выпывъ зо тры, тоди поклыкавъ наймыта, звеливъ ёму швыдче пыты чай та вносыть дрова. О десятои годыны затопылы пичъ. Петро Ку-

прыяновычъ, слабый на ногы та на груды, дуже стомленый, ледве ходывъ. Безъ Сохвіи Трохымовны ёму прыйшлося скрутно; коныкы, куколкы та пивныкы, що выроблявъ винъ, выходылы чогось неривнымы та крывобокымы, маковныкы занадто велыкымы.

— Кыдай все у помыйныцю! Хай вона задавытся! У пекли краще, на каторзи легше, нижъ отутъ!—крыкнувъ винъ, вырываючы зъ рукъ хлопця вже выроблени прянықы.

— Таточку, таточку!—спынила его переляхана Дунька.— Погодить краще, не печить сёгодни, хай маты завтра.

— Маты завтра? А йистымешъ ты що завтра? А подинешся ты куды завтра, якъ оцю хатыну банкъ продасть? Що ты скажешъ, якъ опынышся безъ прыстановыща? Батько, скажешъ, ледачывъ? Про те забудешся, що батько пьятнадцять рокивъ въ клуби за поваря одпикъ, здоровья тамъ загубывъ, пряныкы пьять рокивъ тыривъ на торгъ, покы васъ выгодувавъ та грунтъ прыдбавъ? Те все забудется, а памьятатымете тилькы мою лайку!—казавъ Петро Купрыяновычъ, выбываючы зъ усіеи сылы важке тисто объ стилъ.

Дунька знала добре вдачу свого батька и мовчала. Швыдко-не швыдко, але нарешти попеклыся пряныкы. Петро Купрыяновычъ повыймавъ ихъ зъ печи и пишовъ у сины спаты.

Дунька хотила помостыты Присьци и на сей разъ на лижку, але молодыця не схотила и лягла поручъ зъ Дунькою доли.

Натомлени дивчына та наймытъ жыво заснулы. Петро Купрыяновычъ довго ще кашлявъ та зитхавъ, а Приська ворочалася до самого свиту зъ боку на бикъ: розмова Петра Купрыяновыча, его речи не йшлы у неи зъ думкы. Чы то справди жыття сіеи симьи таке сутужне, чы то тилькы Петро Купрыяновычъ зъ пересердя скаржытся на ёго? Якъ подывытыся на цю кимнату, на обставыны, на одягу, на зйижу, та прыривняты до сильского жыття, то и въ голову не прыйде никому спытатыся: чы Трохымови, Данылови, Максымови, чы оцёму бидолашнёму Петру Купрыяновычу легше та краще на свити жы-

вется? А адже не солодко й ёму хлибъ доходытся, не дуже мицно стоить та господа, збудована на пряныкахъ та макивныкахъ! Хыба може винъ бреше, або Сохвія Трохымовна переводыть грошы марно?

Мынавъ день, другый, а Степанъ все не сповищавъ молодыцю про мисце, и Приська жыла у Сохвіи Трохымовны. Перекупка, довидавшысь зъ певныхъ джерелъ, що про Приську ще не ходыть худои славы, видразу зминыла свои видносыны до неи и стала поводытысь краще, але вона и доси не роспыталася іи, черезъ вищо вона покынула и Куракыну, и Боголюбовыхъ, що їй тамъ було не до вподобы, бо не мала на балачкы вильного часу. Приська іи бачыла тилькы на хвылынуна дви, за обидомъ, або у вечори. Сохвія Трохымовна вставала у-досвита, вытопляла пичъ пры свитли и потимъ мало не до пивъ-дни сыдила биля рундучкивъ. По обиди вона перемывала масло, перебирала крашанки, солыла сыръ, важыла, миряла, бигала на пораду до иншыхъ перекупокъ, йиздыла по селахъ, купувала щось, продавала и не сыдила николы дома. Дунька пособляла то матери, то замижній сестри, перекупци рыбы та ракивъ, перебирала, прала, шыла, доглядала господарства, навидувалася до кватырантокъ—одно слово крутылася тежъ увесь день, якъ муха у окропи. Приська сыдила за шыткамы та прыдывлялася до всёго, и зауважыла вона немало цикавого. Насамперъдъ кынулося їй у вичи те, що тутъ дуже велыке значиння додавалы грошамъ-копійкамъ. На тыхъ копійкахъ, що прыносыла Сохвія Трохымовна та Петро Купрыяновычъ зъ торгу, будовалося все жыття всіеи симьи, але-жъ... то не булы ти „готови копійкы“, про котри марыла молодыця—ци копійкы доходылыся перекупкамъ ще тяжче, нижъ хлибъ селянынови, прынаймни вымагалы видъ ныхъ далеко бильше турботъ, клопотивъ та пыльнування, колы не праци, и Приська побожылася сама соби, що й до вику не буде перекупкою.

— Недобрый борщъ сёгодни,—мовывъ якъ-то Петро Купрыяновычъ.

— Недобрый торгъ бувъ,—видповила Сохвія Трохымовна.— Уторгувала всёго двадцять копiёкъ, купыла хлиба та до хлиба, а мняса тилькы хвунтъ взяла.

— Отъ сёгодни я пообидавъ усмакъ,—мовывъ другымъ разомъ Петро Купрыяновычъ.

— Бо добре масло продала,—видмовыла Сохвія Трохымовна.

Ни, така непевнисть, така залежнисть людыны видъ тіеи щоденнои копійкы, була не до вподобы Присьци—становыще жинкы мійского наймыта або хочъ и самои наймычкы здавалося далеко кращымъ.

—

У пьятныцю раненько прыбигъ Степанъ до Приськи. Винъ сповистывъ іи, що вже найшовъ гарну посаду и звеливъ ій, щобъ вона выходыла сёгодни у обидню пору до крамныць, звидкиль вже винъ поведе іи до панивъ Рыбалкиныхъ. Тилькыщо молодыця хотила похвалытыся Сохвіи Трохымовни та простяглася до лёху, колы видчынылыся ворота и вйихавъ якыйсь возокъ. Приська глянула и ажъ злякалась: то прыйихавъ дядько Максымъ.

— Хвалыты Бога, такы утрапывъ! Здорово, Присько, чы прызнала?—звернувся винъ до небогы.

— А якъ-же! Ще-бъ не прызнала?—мовыла молодыця и, чы то зъ переляку, чы зъ несподиванкы, цмокнула ёго въ руку.

Скучыла, мабуть; обрыдлы чужи люде, зрадила родычови!—промайнуло у голови дядька.

— Се ты въ гости прыйшла, чы може тутъ служышъ?—запытався Максымъ, сидаючы на стульци.

— Ни... такъ...,—вагалася молодыця.

— Мабуть мисце утеряла?—догадався дядько.

— Оце четвертый день безъ мисця,—мовыла, увиходячы та витаючысь до Максыма, Сохвія Трохымовна.

— Гм...—мовывъ про себе Максымъ. Робыты мабуть не схотила? Годыты роботою не вмила?

— За роботу мене нихто не лаявъ,—видповила молодыця.

— Такъ чого-жъ ты розсчыталася?

— Трохы ти паны булы не до вподобы, а трохы и я на ныхъ не потрапыла.

— Хыба воно въ городи наймытъ до панивъ прыстановляется, а не до роботы? Вже колы-бъ робыла гараздъ та знала свое дило, то и катови догодыла-бъ. Ледачила мабуть и тутъ у холодочку такъ само, якъ и на сонци?—допытувався Максымъ.

— Ни, такы це правда, за роботу іи нихто не осудыть: гарна зъ неи покоянка,—заступылася за молодыцю Сохвія Трохымовна.

— Вона вамъ бреше, а вы ій виру ймете. До гарного робитныка ніякый господарь не прысикается,—мовывъ зъ певнистью дядько.

— Балакайте!—скынила молодыця. Спробувалы-бъ у пани Куракынои або у того Боголюбова, хай винъ сказытся, выбуты!

— Що-жъ тоби тамъ за лыхо було? Хай вже на сели тебе жныва, харчы, та недостаткы зайидалы, а тутъ-же и кумедіи, и театры, и музыкы, и мьяса, и все, чого такъ твоя ненажерлыва душа бажала. Чого ты, напрыкладъ, оту першу пани покынула.

— Я не кыдала,—вона мене сама прогнала,—видповила Приська.

— Завищо?

— Якъ я вамъ розскажу завищо? Розсердылася, тай прогнала.

— То-бъ то дала у потылыцю та дрючкомъ зъ двору, якъ собаку? Розумна пани: бачыть, що собака покынула свій двиръ та блукае по чужыхъ закуткахъ, та й прышанувала, якъ слидъ.

— Се вы и въ городъ за тымъ прыйихалы, щобъ дратуваты мене?—розсердылася Приська.

— Про те, чого я въ городъ забывся, я тоби розскажу потимъ, а теперъ ты мени скажы ще, черезъ вищо ты у другыхъ панивъ не схотила служыты?—запытався Максымъ.

— Черезъ те, що панъ хотивъ мене зробыты своею полюбовныцею!—одризала Приська и одвернулася до викна.

— И панъ той не дурный: бачыть, що молодыця покынула свого чоловика, законъ поламала...

— Тётю!—заступиться хочъ вы за мене; чого воны нападаются на мене?—заплакала Приська.

— Ты не плачъ, а скажы мени краще: що ты думала, якъ тикала въ городъ, яки у тебе думкы булы? Вже-жъ ты намирылася служыты; а служыты—треба годыты, а кожному якъ годыты, то треба и душу и тило занапастыты. На сели ты-бъ жыла, якъ Богъ, та вси люде велять, а тутъ „плыгатымешъ, враже, якъ панъ скаже", бо у городи скилькы будынкивъ—стилькы и звычаивъ, скилькы панивъ—стилькы й обычаивъ. Пойидьмо, дочко, до-дому, то краще буде! Маты за тобою побывается, сестра тежъ... немовъ іи хто зъ помыйныци умывъ: соромно ій передъ сусидамы за тебе; Трохымъ—сердытся та лае тебе. Зайихавъ до Данила—винъ и хату обмазавъ, и хлибець звизъ, кабана купывъ,—все тебе сподивается.

— Хай не сподивается!—перепынила дядькову ричъ Приська.—Хай краще самъ иде въ городъ та служыть...

— Хай-же ты того й не диждешъ!—розгнивався Максымъ.—Чоловикъ тилькы що за розумъ взявся; до роботы кынувся, на господарську стежку выйшовъ, а вона его у мандры тягне... Збирайся краще ты та пойидьмо безъ сваркы.

— Я не пойиду.

— А може-бъ ты й справди йихала до-дому?—обизвалася Сохвія Трохымовна.—Тоби, серденько, щось нещастыть: который день вже сыдышъ, та й доси не знайдешъ мисця.

— Вже йе!—мовыла Приська.

— Хто-жъ тоби знайшовъ?—здывувалася перекупка.

— Степанъ.

— Ось бачъ! Вже якыйсь и порадныкъ Степанъ знайшовся,—пидхопывъ Максымъ.

— Знаёмый дворныкъ—бильше ничого,—мовыла Приська.

— Та воно такъ завжды бувае: спочатку познаёмлятся, потимъ служать вкупи, а потимъ и злыгаются. Гляды, Присько! не було у нашому роду непутящыхъ молодыць, не попустымо

и тебе волочытыся: прочую—то не подарую!—погрозывся Максымъ.

Приська образылася.

— Покы ще я ничого такого не заподіяла, то й не дорикайте,—мовыла вона.

— И тикай до-дому, покы нечыста сыла до гриха не прызвела. Шкодію, що не потягъ хочъ сыломиць Данила до тебе. Казавъ ёму: „йидьмо, тебе жинка повынна послухаты". Не схотивъ: „своею волею пишла", каже, „то своею хай и вертается", а самъ сердешный тилькы що не плаче. Йидьмо, Приськo! Скилькы тутъ не служытымешъ—чужымъ попыхачемъ помрешъ, а на сели будешъ сама соби господынею,—пораявъ ще разъ Максымъ.

— Не буду я и тутъ попыхачемъ. Не умовляйте мене, бо не пойиду; скажить и Данылови, щобъ не сподивався,—видповила молодыця, накыдаючы на голову платокъ.

— Куды-жъ ты?—запыталыся у одынъ голосъ Максымъ та Сохвія Трохымовна.

— Свитъ-за-очи,—буркнула Приська въ синяхъ.

— Не вернется?—запытавъ трохы згодомъ Максымъ перекупкы.

— Повынна-бъ повернутыся: ось-же и скрыня іи и одежа,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— Не повернется; ажъ покы я не пойиду звидциль. Ховатыметься видъ мене, якъ вивця видъ вовка, а не прыйде и попрощатыся... Пропаща молодыця на викы... Я такы гадавъ, що вона вже опамьяталася та покаялася, та й прыйихавъ за нею, колы-жъ воно не тее... Ну, хай-же бильше не сподивается мене, хай пропадае черезъ свою дурну голову!—мовывъ Максымъ и пишовъ напуваты коня.

Черезъ часъ мисця винъ выйихавъ зъ двору, а Сохвія Трохымовна побигла изнову до лёху важиты масло.

Л. Яновская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣчательный кладъ велико-княжеской эпохи.

Въ „Археологической Лѣтописи“ за январь н. г., перечисляя случайныя находки прошлаго года, мы вскользь упомянули о замѣчательномъ кладѣ княжеской эпохи и дали обѣщаніе познакомить читателей съ его содержаніемъ впослѣдствіи. Теперь исполняемъ данное обѣщаніе, благодаря любезности Б. И Ханенко, владѣльца этого художественнаго сокровища, предоставившаго намъ возможность подробно ознакомится съ кладомъ. Найденъ кладъ, по всей вѣроятности, осенью прошлаго года; гдѣ найденъ и при какихъ обстоятельствахъ—прежній владѣлецъ клада отказался указать; но, судя по характеру предметовъ и по ихъ богатству, скорѣе всего можно думать, что онъ найденъ въ Кіевѣ.[1]) Почва Кіева дала уже очень много цѣнныхъ находокъ княжеской эпохи, [2]) казалось-бы, что трудно ожидать новаго, но кладъ, о которомъ рѣчь, затмилъ собой всѣ предыдущіе: никогда еще въ одномъ мѣстѣ не было найдено такой массы предметовъ, представляющихъ верхъ техники того періода. Матеріалъ предметовъ—главнымъ образомъ золото и притомъ золото въ художественной обработкѣ; лишь незначительная часть предметовъ

---

[1]) Есть однако факты, указывающіе на городище «Дѣвицу», возлѣ с. Сахновки, Каневск. у., какъ на мѣсто находки клада.

[2]) Находки эти послужили главнымъ матеріаломъ для капитальной работы проф. Кондакова—„Русскіе клады“ (т. I, Спб. 1896 г.), хотя почтенный ученый использовалъ и не весь имѣвшійся матеріалъ.

сдѣлана изъ серебра. Но, несомнѣнно, главную цѣнность клада составляетъ цѣлый рядъ предметовъ, украшенныхъ изображеніями, исполненными перегородчатой эмалью: въ кладѣ оказались почти всѣ типы извѣстныхъ до сихъ поръ предметовъ подобнаго рода.

Составляютъ кладъ почти исключительно предметы личнаго убора и затѣмъ монетные знаки. Среди послѣднихъ есть и византійская монета, опредѣляющая болѣе или менѣе точно эпоху клада, [1]) именно:

1) Золотая византійская монета императора Мануила I Комнена (1143—1180), въ видѣ чашечки съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя по грудь, а на другой—Богоматери, вѣнчающей императора (фигуры въ ростъ).

Такимъ образомъ, кладъ можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XII ст. или даже скорѣе къ концу его,—къ той эпохѣ, когда мѣстное ювелирное искусство достигло высокой степени совершенства, давая чудные образцы сканного дѣла и, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—перегородчатыхъ эмалей. Не опасаясь впасть въ ошибку, можно утверждать, что и весь настоящій кладъ—работа южно-русскихъ мастеровъ.

Остальные монетные знаки—мѣстные:

2) Золотой брусочекъ, которому сплющиваніемъ придана четырехгранная форма, одинъ конецъ его закругленъ, другой обрубленъ; длина 3 стм., ширин. 0,8 стм., толщ. 0,6. стм., вѣсъ 20 граммовъ. Очень возможно, что это часть золотой монетной гривны; въ 1899 г., въ усадьбѣ Л. И. Бродского, по Екатерининской ул., было найдено два подобныхъ-же предмета, но имѣвшихъ видъ цилиндрическихъ палочекъ; [2]) вѣсъ одной изъ нихъ (меньшей), сохранившейся цѣлой,—95 грам., вѣсъ другой, съ обрубленнымъ концомъ,—141 грам. Повидимому въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ небольшой частью гривны—остальная заразъ или по частямъ отрублена.

---

[1]) По словамъ первоначальнаго владѣльца клада въ немъ находилась и другая византійская монета, къ сожалѣнію затерявшаяся.

[2]) См. Кіевск. Стар., октябрь 1899 г.

3) Восемь серебряныхъ шестиугольныхъ монетныхъ гривенъ, вѣсомъ: 1) 160½ грам., 2) 159 гр., 3) 158½ гр., 4) 157 гр., 5) 156½ гр., 6) 154 гр., 7) 149½ гр. и 8) 147 гр.; сравнительно небольшой вѣсъ послѣдней гривны объясняется тѣмъ, что одинъ изъ концовъ ея немного обрубленъ; никакихъ нацарапанныхъ или нарѣзанныхъ знаковъ на нижнихъ поверхностяхъ гривенъ не замѣтно.

Всѣ остальные предметы, какъ уже сказано, представляютъ изъ себя различнаго рода украшенія и, какъ можно судить, украшенія преимущественно женскія. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ:

4) Золотая княжеская діадема, состоящая изъ 9 пластинокъ. Изъ нихъ, семь имѣютъ видъ кіотцевъ, длиной: 6 боковыхъ—5,4 стм., и средній—5,7 стм., шириной 4 стм.; по краямъ кіотцевъ помѣщены 2 трапецовидныя пластинки высотой 2,7 стм. и шириной 1,5—2,9 стм. Въ вершинахъ кіотцевъ и въ углахъ, образуемыхъ вырѣзами верхнихъ частей, припаяны крючечки, на которыхъ укрѣплялся жемчугъ. У основанія каждаго кіотца имѣется по двѣ петельки, служившія для подвѣшиванія жемчужныхъ пронизей или какихъ-ниб. другихъ привѣсокъ, спускавшихся на лобъ. Къ краямъ пластинокъ придѣланы узкіе ободки съ отверстіями, въ которыя пропускались нитки, соединявшія отдѣльныя пластинки діадемы въ одно цѣлое, но исподней подпайки нѣтъ, такъ что діадема помѣщалась на головѣ, прикрѣпленной къ какой-ниб. матеріи, скорѣе всего, къ парчевому головному убору.

Каждая пластинка украшена разноцвѣтной перегородчатой эмалью. Цвѣта эмали: бѣлый, синій, зеленый, бирюзовый, желтый и кирпично-красный. Сохранность эсмали не на всѣхъ пластинкахъ одинакова: на однихъ она нисколько не пострадала отъ времени, сохранила цвѣтъ и блескъ, на другихъ-же сильно потускнѣла, иногда совершенно измѣнивъ первоначальную окраску.

Центральный кіотецъ занятъ поясным изображеніемъ мужской фигуры, одѣтой въ синее платье, съ оплечьемъ и лоромъ, украшенными разноцвѣтной эмалью, изображающей цвѣтные камни; на головѣ высокая корона желтаго цвѣта; руки

разставлены въ стороны и въ каждой изъ нихъ по скипетру или знамени, состоящему изъ ручки и укрѣпленнаго на концѣ ея четыреугольника; на четыреугольникахъ по крещатой лиліи, ручки богато орнаментированы разноцвѣтной эмалью. Фигура помѣщена на шарѣ, по бокамъ котораго, какъ-бы поддерживая его, очень пестрой эмалью изображены два грифона, занимающіе и всю нижнюю часть пластинки; фигуры грифоновъ очень неуклюжи—длинныя, на короткихъ ногахъ. Композиція эта должна изображать Александра Македонскаго, поднимающагося на небо на колесницѣ, влекомой двумя грифонами, согласно средневѣковой легендѣ.

Извѣстно нѣсколько подобныхъ композицій. Укажемъ напр. на барельефъ, вставленный въ стѣну собора св. Марка въ Венеціи,—здѣсь еще ясно виденъ раковинообразный передокъ колесницы и два колеса ея; барельефъ этотъ, имѣющій аналогіи со скульптурными произведеніями Персіи, а также съ греческими сюжетами, нужно отнести къ произведеніямъ византійскаго искусства. Затѣмъ, тотъ-же сюжетъ повторяетъ одинъ рельефъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (построенъ въ концѣ XII ст.); композиція изображенія здѣсь очень близко подходитъ къ нашей, съ той лишь разницей, что фигура Александра помѣщена не на кругѣ, а на четыреугольникѣ, въ которомъ сплелись хвосты грифоновъ, и въ рукахъ у него, на палкахъ, согласно первоначальной композиціи, помѣщено по животному (въ барельефѣ собора св. Марка—зайцы).

Остальные шесть кіотцевъ украшены одинаковымъ орнаментомъ: посрединѣ кругъ съ орнаментальнымъ крестомъ двухъ рисунковъ, по четыремъ сторонамъ круга—четыреугольники, причемъ, верхніе снабжены еще исходящими отъ нихъ тремя стилизованными вѣтками, а нижніе—такими-же двумя.

Трапецовидныя боковыя пластинки украшены такими-же какъ и на кіотцахъ кругами, немного лишь большихъ размѣровъ, и 5-ью треугольничками: четырьмя по угламъ и по одному съ боковъ.

Среди кладовъ княжеской эпохи подобнаго рода діадема встрѣтилась второй разъ. Первая находилась въ кладѣ, открытомъ въ 1889 году въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ Гребеновскаго (хранится въ Эрмитажѣ). Состоитъ она изъ такихъ-же семи кіотцевъ и двухъ придатковъ по бокамъ; но на кіотцахъ, перегородчатой эмалью, изображенъ Деисусъ (Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, архангелы Гавріилъ и Михаилъ и апостолы Петръ и Павелъ). [1])

Другой видъ украшенія собственно головы, украшенія, довольно распространеннаго и извѣстнаго по прежнимъ находкамъ, составляетъ:

5) Золотая головная повязка, состоящая изъ 18-ти дужекъ или лоточковъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 2,8 стм. Каждая изъ нихъ снабжена съ одной стороны двумя петельками, ширина каждаго 0,95 стм. Два лоточка, помѣщавшіеся въ повязкѣ по краямъ, имѣютъ сплошные полукруглые щитки съ овальными камнями по срединѣ и съ петельками, въ которыя продѣвались низки жемчуга вокругъ камней.

Спускаясь ниже, мы имѣемъ въ кладѣ:

6) Четыре золотыхъ проволочныхъ височныхъ кольца, не представляющихъ никакого интереса въ художественномъ отношеніи.

Но за то для ушей есть цѣлая серія роскошныхъ украшеній, въ видѣ серегъ продѣвавшихся въ ухо и въ видѣ ушныхъ подвѣсокъ, именно:

7) Одиннадцать золотыхъ серегъ кіевскаго типа (на проволокѣ по 3 шарика). Изъ нихъ, шарики двухъ сплошь усѣяны мелкой зернью, у одной зернь обведено кружечками, у 3-хъ—шарики покрыты только кружечками, у 3-хъ шарики украшены разводами, исполненными сканью и образующими концентрическіе кружки и кресты, у одной--шарики полуажурные и у одной—ажурные.

---

[1]) Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VIII.

8) Золотая серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца съ надѣтой на него круглой гладкой бусиной.

9) Двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты), украшенныя перегородчатой эмалью. Подвѣски, полыя внутри, состоятъ изъ двухъ, немного выгнутыхъ, почти круглыхъ, пластинокъ, припаянныхъ къ круговому ободку. Края пластинокъ немного выдаются надъ ободкомъ; такимъ образомъ, получились кругомъ подвѣсокъ желобки, въ которыхъ помѣщены петельки; въ эти петельки продѣвались нити или проволочки съ нанизаннымъ жемчугомъ и кораллами. Въ верхней части подвѣски имѣютъ полукруглые вырѣзы, надъ которыми на шарнирахъ укрѣплены проволочныя дужки, служившія для подвѣшиванія. Высота подвѣсокъ—5,2 стм., ширина 6,2 стм., толщина посрединѣ 1,4; вѣсъ $41^1/_2$ и 43 грамма.

Эмалевыя изображенія, покрывающія обѣ стороны подвѣсокъ, совершенно тождественны какъ на одной, такъ и на другой подвѣскѣ. Лицевые щитки заняты двумя птицами сиринами, онѣ въ круглыхъ сарацинскикъ шапочкахъ, головы окружены нимбами; посрединѣ птицъ—круглая розетка. Середину оборотныхъ щитковъ занимаетъ кружокъ съ вписаннымъ въ него орнаментальнымъ крестомъ; по сторонамъ круга—два сегмента съ вѣтками аканфа; внизу, подъ кругомъ, городчатый треугольникъ.

Эмаль въ общемъ сохранилась превосходно, не потерявъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже блеска, за то въ другихъ краски немного выцвѣли. Лица сириновъ блѣдно - тѣлеснаго цвѣта; шапочки—бѣлыя, орнаментированныя кружкомъ посрединѣ и сегментами по бокамъ—кирпично - краснаго цвѣта; нимбы—зеленые съ краснымъ обводомъ; такой-же красной линіей обведены и всѣ контуры, за исключеніемъ крыльевъ: опереніе—пестрое. Орнаменты оборотныхъ сторонъ также обведены кирпично - краснымъ ободкомъ; въ кружкахъ по зеленому фону, вписанъ синій крестикъ, въ него—бѣлый, затѣмъ идетъ красный, фонъ, на немъ центальный бѣлый крестикъ изъ крещатыхъ лилій (криновъ), концы (цвѣтки) лилій зеленые, въ срединѣ крестика—зеленый кружокъ. Въ сегментахъ, по синему фону,—бѣлыя

вѣтки съ красными цвѣтами у завитковъ. Треугольный отрѣзокъ состоитъ изъ городковъ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣта.

Точно такія-же подвѣски, лишь съ разницей въ цвѣтахъ эмали, находились въ кладѣ, найденномъ въ 1887 г., въ Михайловскомъ монастырѣ (теперь въ Эрмитажѣ). [1])

10) Двѣ серебряныя ушныя подвѣски. Состоятъ изъ двухъ спаянныхъ выпуклыхъ кружковъ; по ободку припаяно по 13-ти полыхъ шариковъ (сохранилось по 12-ти). Верхнія части срѣзаны и здѣсь на шарнирахъ прикрѣплены проволочныя дужки. Поперечникъ серегъ—5 стм., поперечникъ среднихъ щитковъ, безъ шариковъ—3,5 стм., толщина посрединѣ 1,5 стм. Щитки украшены одинаковымъ рисункомъ: посредствомъ штампа на каждомъ помѣщено по двѣ птицы съ обернутыми другъ къ другу головами; между головами спускается внизъ крещатая лилія. Птицы и лиліи воспроизведены выпуклымъ штампомъ, углубленія между и вокругъ нихъ, составляющія фонъ, заполнены чернью.

Аналогичныя серьги, съ тѣмъ-же мотивомъ рисунка, были найдены въ 1887—8 г. при раскопкахъ городища Старой Рязани; отличаются онѣ лишь болѣе крупными размѣрами и еще тѣмъ, что тамъ шарики не припаяны, а нанизаны на проволоку, которая прикрѣплена къ ободку серегъ петельками. Очевидно, что этотъ типъ серегъ образовался изъ первоначальной замкообразной подвѣски, ободокъ которой былъ украшенъ ниткой жемчуга. Жемчугъ былъ затѣмъ замѣненъ нанизанными серебряными бусами (какъ на рязанскихъ экземплярахъ), впослѣдствіи-же бусы прямо припаивались къ ободку.

По своей грубости, данныя подвѣски рѣзко отличаются отъ остальнаго состава клада (кромѣ браслетовъ, о которыхъ ниже).

Затѣмъ слѣдуютъ украшенія шеи:

11) Золотая шейная подвязка, состоящая изъ 50-ти штампованныхъ полуцилиндриковъ съ припаянными донышками. По-

---

[1]) Изданы Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VI.

лущилиндрики украшены тремя рядами штампованныхъ рубчиковъ; длина 2,2 стм., шир. 0,6 стм. Каждый изъ полуцилиндриковъ снабженъ 4-мя отверстіями, въ которыя пропускались нитки.—У двухъ изъ нихъ сбоку придѣланы плетеныя изъ тонкой проволоки цѣпочки, дл. 4,5 стм., у одной изъ цѣпочекъ на концѣ небольшое колечко, у двухъ другихъ,—также сбоку,—петельки, въ которыя продѣвались колечки, и такимъ образомъ соединялись концы повязки. Въ виду того, что цѣпочекъ съ колечками и петелекъ имѣется по парѣ, повязка по всей вѣроятности, раздѣлялась на двѣ части, по 25 полуцилиндриковъ на каждой.

12) Электроновая шейная гривна изъ пластинки, скрученной продольной частой спиралью; концы сходятъ въ круглую проволоку, кончики которой расплющены и завернуты трубочками; длина въ развернутомъ видѣ 44 стм., вѣсъ 135 граммовъ.

13) Такая же шейная гривна, но золотая; здѣсь скрученъ продольной рѣдкой спиралью золотой четырехгранный прутъ; длина $42^1/_2$ стм., вѣсъ 177 грам.

14) Золотая шейная гривна, состоящая изъ пластинки, толщиной въ 1 мм., шириной посрединѣ 1,5 стм. и къ концамъ постепенно съуживающейся; пластинка свернута густой спиралью такимъ образомъ, что образуетъ трубку, діаметромъ посрединѣ 1,7 стм., къ концамъ съуживающуюся и заканчивающуюся сплошной проволокой; длина 52,3 стм., вѣсъ $207^1/_2$ грам. Этотъ типъ гривны встрѣчается впервые.

Особенно богаты и разнообразны украшенія для груди. Выдающійся интересъ представляютъ четыре образка—Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи и архангела, составляющіе Деисусъ:

15) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя. Образокъ круглый, раздѣленъ припаянными золотыми проволочками, иммитирующими скань, на 4 концентрическихъ круга. Первый, крайній, кругъ имѣетъ видъ узкаго лоточка съ петельками—предназначался для низки мелкаго жемчуга; слѣдующій, болѣе широкій, заполненъ крупной зернью и въ промежуткахъ

мелкой; эти два круга раздѣлены на 8 частей восемью шестигранными щитками, съ гнѣздами, въ которыхъ помѣщены зеленыя и красныя овальныя стекла; щитки эти немного выдаются за края образка. Третій кругъ—такого-же рода какъ и первый и также служилъ для помѣщенія жемчуга, но уже въ формѣ сплошной круговой низки. По краю четвертаго круга идетъ небольшой ободокъ, немного загнутый; загибъ придерживаетъ вставленный центральный кружокъ, на которомъ и помѣщено изображеніе Спасителя. Вверху, на шарнирахъ, укрѣплено четыреугольное ушко, лицевая часть котораго представляетъ изъ себя гнѣздо съ почти круглымъ камнемъ или стекломъ. Діаметръ образка—6 стм., края щитковъ выдаются еще на 3 мм.; діаметръ центральнаго кружка съ изображеніемъ—3,5 стм. Вѣсъ—36 грам.

Изображеніе Спасителя почти поясное, лицо очень широкое, съ небольшой раздвоенной бородой, голова въ нимбѣ; по бокамъ шеи—і҃с.—х҃с. Правая рука—благословляющая, лѣвая скрыта подъ гиматіемъ и поддерживаетъ помѣщенное сверху евангеліе. Эмаль сохранилась въ общемъ хорошо, у шеи немного выкрошилась. Цвѣта ея также неособенно потускнѣли. Лицо—густо-розоваго цвѣта, нимбъ—зеленый, раздѣленный тремя бѣлыми полосками съ синими ромбиками посрединѣ каждой; нимбъ и раздѣленія его обведены кирпично-красной полоской. Нижняя одежда (хитонъ)—зеленаго цвѣта, съ красными поручами и красной наплечной полосой, верхняя (гиматій), закрывающая лѣвую часть тѣла,—синяя; евангеліе бѣлое, съ краснымъ крестикомъ посрединѣ и съ зелеными кружками по угламъ, обрѣзъ евангелія, обращенный внутрь,—краснаго цвѣта.

16) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Іоанна Предтечи. Величина и конструкція совершенно такая-же какъ и у предыдущаго.

Изображеніе Іоанна также почти поясное; голова въ нимбѣ, лицо съ длинной бородой, оно обращено немного вправо, туда-же направлена и приподнятая правая рука—по направленію къ Спасителю; лѣвая рука покоится на груди; съ правой стороны головы надпись і҃ѡ. Вѣсъ 36 граммовъ. Эмаль сильно окислилась,

такъ что, напр., нимбъ, бывшій первоначально зеленаго цвѣта, принялъ грязно-желтый оттѣнокъ, онъ также обведенъ кирпично-красными ободками; нижняя одежда зеленая, верхняя—синяя.

17) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Богоматери. Образокъ такого-же устройства, какъ и предыдущіе, но немного меньше—діаметръ его 5,3 стм., кромѣ того, два крайніе кружка раздѣлены не 8-ью щитками съ камнями, а всего лишь 6-ью.

Вся фигура Богоматери имѣетъ направленіе въ лѣвую сторону: сюда немного наклонена голова, сюда-же направлена и приподнятая лѣвая рука; правая на груди; по бокамъ головы—мр—өү. Вѣсъ 26½ граммовъ.

Эмаль потускнѣла, нимбъ и одежды повидимому такихъ-же цвѣтовъ, какъ и на образкѣ Іоанна Предтечи; у нижней одежды поручи кирпично-краснаго цвѣта.

18) Золотой образокъ съ изображеніемъ архангела. Величина и конструкція такія-же какъ и образка Богоматери.

Голова архангела въ нимбѣ, лицо круглое, молодое, обрамленное длинными вьющимися волосами; глаза обращены вправо, въ лѣвой рукѣ архангелъ держитъ скипетръ, въ правой—державу. Вѣсъ 28½ граммовъ.

Эмаль—очень хорошей сохранности; нимбъ—бирюзово-зеленый, обведенъ красной линіей; одежда синяя, оплечье и лоронъ—бѣлые, украшенные синими и красными ромбиками и зелеными треугольниками; держава бѣлая, въ красномъ кружкѣ, посрединѣ ея синій крестикъ.

При помѣщеніи на груди, образки раздѣлялись бусами. Въ кладѣ ихъ найдено нѣсколько видовъ; къ данному назначенію болѣе всего подходятъ нижеслѣдующіе два:

19) Восемь золотыхъ боченкообразныхъ бусъ, дл. 2,6 стм., толщ. 1,5 стм. Бусы гладкія, но имѣютъ 4 продольныхъ желобка и одинъ поперечный вокругъ бусы, посрединѣ ея; желобки образованы припайкой тонкихъ золотыхъ нитей и предназначены для низокъ мелкаго жемчуга, для этой-же цѣли въ нихъ

помѣщены петельки. Украшенныя жемчугомъ, эти бусы имѣютъ очень изящный видъ.

20) Четыре золотыхъ круглыхъ бусы, діам. 2 смт. Бусы ажурные, исполнены сканью, иммитирующей зернь. На трехъ изъ нихъ, въ четырехъ кружкахъ—кресты, съ полушариками въ углахъ, кружки и кресты—изъ крупной зерни; пространство между ними занято четырьмя парами птицъ съ распущенными крыльями, птицы помѣщены одна подъ другой и соприкасаются головами; птицы исполнены мелкой зернью. На одной, въ кружкахъ,—четыре пары животныхъ съ головами, повернутыми назадъ—мелкая зернь; пространство между кружками раздѣлено линіями изъ крупной зерни, образующими кресты. Бусы этого рода встрѣтились среди кладовъ княжеской эпохи впервые. Своей массивностью они выдаются среди другихъ типовъ бусъ и отчасти напоминаютъ капители византійскихъ построекъ.

Роскошью отличается и другое нагрудное украшеніе:

21) Золотая цѣпь, состоящая изъ 20-ти звеньевъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью. Звенья имѣютъ видъ крестовидныхъ пластинокъ, 2,75 стм. шириной и длиной. Пластинки немного выгнуты и снизу подпаяны гладкими золотыми пластинками, такъ что общая толщина ихъ равна 3 мм. Каждое звено соединено съ другимъ шарнирами, въ которыя продѣвалась проволока, снабженная по концамъ жемчужинами. Цѣпь по всей вѣроятности была раздѣлена по двѣ части, по 10-ти звеньевъ въ каждой, которыя соединялись посредствомъ сохранившихся двухъ цѣпочекъ и двухъ колечекъ,—совершенно такъже, какъ и въ шейной цѣпи или повязкѣ (№ 11). Каждая пластинка занята эмалевымъ изображеніемъ или орнаментальнаго креста (16 звеньевъ), кресты четырехъ видовъ, или птицы (голубя). Цвѣта эмали: бѣлый, зеленый, синій и кирпично-красный. Сохранилась эмаль въ общемъ хорошо, хотя цвѣта ея потускнѣли.

Прошлой зимой, въ собраніе М. П. Боткина въ Петербургѣ, поступилъ другой экземпляръ такой цѣпи—есть полное основаніе предполагать что и онъ происходитъ изъ настоящаго

клада. Совершенно такая-же цѣпь найдена въ Кіевѣ, въ 1827 г., въ усадьбѣ Авѓустиновича по Львовской ул. [1])

Еще одно нагрудное украшеніе, имѣвшее видъ ожерелья и предназначавшееся для верхней части груди, составляли, какъ можно предполагать, слѣдующіе предметы:

22) Шесть золотыхъ крещатыхъ лилій съ ушками для привѣшиванія. Лиліи исполнены штампомъ, снизу подпаяны пластинками; длина 4,2 стм. Подобныя украшенія встрѣчены уже нѣсколько разъ, напр. въ кладѣ въ усадьбѣ Лѣскова, на углу Десятинной ул., на Княжей Горѣ, и т. д.

23) Золотой медальонъ, состоящій изъ круглой пластинки, діам. 3,9 стм., обведенной рубчатымъ жгутикомъ; середину медальона занимаетъ большой овальный граненый горный хрусталь въ гнѣздѣ изъ такого-же жгутика; по четыремъ сторонамъ его, въ гнѣздахъ, два треугольныхъ и два круглыхъ камня. Медальонъ этотъ—пока единичная находка.

24) Десять золотыхъ рубчатыхъ боченкообразныхъ бусъ; длина 2,2—2,5 стм., толщина посрединѣ 1,2—1,9 стм.

Кромѣ золотыхъ, въ кладѣ имѣется еще:

25) Шестнадцать круглыхъ сердоликовыхъ бусъ, діам. 0,7—1 стм.; онѣ, по всей вѣроятности, также входили въ составъ 1-го или 3-го нагруднаго украшенія.

Особнякомъ отъ другихъ предметовъ клада, отличающихся тонкостью и изяществомъ работы, стоятъ два браслета, массивныхъ, грубой, такъ сказать, кузнечной работы:

26) Серебряный браслетъ изъ сплющенной толстой проволоки; концы утоньшены и заложены одинъ за другой; толщина проволоки посрединѣ 0,8 стм., діам. отверстія 6,5 стм.

27) Серебряный браслетъ, витой изъ двухъ проволокъ и также сплющенный; концы не сходятся и заканчиваются львиными головками; толщина браслета 0,8 стм., діам. отверстія 6,3 стм.

---

[1]) Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. X.

Кромѣ перечисленнаго, въ кладѣ имѣются еще кусочки тонкаго листового золота, четыреугольныя маленькія стеклянныя пластинки, круглая тонкая перламутровая бусина, четыре перламутровыхъ рѣзныхъ крестика (велич. 1,9—2,1—2,3 стм.), вѣроятно прикрѣплявшихся въ концѣ жемчужныхъ пронизей, и, наконецъ, много жемчуга и отчасти коралловъ, осыпавшихся отъ украшеній.

Присутствіе въ кладѣ діадемы, значительное количество предметовъ, украшенныхъ эмалью, и вообще богатство клада, даютъ основаніе сдѣлать предположеніе, что настоящій кладъ принадлежалъ кому-нибудь изъ княжеской семьи.

Н. Бѣляшевскій.

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Князь Романъ Четвертынськый,—старый, немощный дидъ, володарь замку „Княжа Крыныця".

Ядвыга,—ёго дочка.

Тереза,—покоёва панна.

Крыштофъ Корецькый,—ротмыстръ татарськои корогвы гетмана Калыновського.

Панъ Вацлавъ,—маршалокъ . . .
Панъ Юліанъ,—пидчашій . . .
Панъ Казимиръ,—пидскарбій
} князя Четвертынського.

Янъ Дембинськый,—капитанъ затяжного нимецького регименту Крейца.

Дитрыхъ,—сержантъ у ёго компаніи.

Данылo Татарчукъ,—запорожець, сотныкъ надвирнои сотни князя Четвертынського.

Марко Метелыця,—побратымъ ёго, обыдва емиссары Хмельныцького.

Щербаченко,—осаулъ Данила.

Онысымъ
Павло . .
} Дыгтяренкы,—браты, диды-селяне.

1
2 } парубкы.
3

1
2 } запорожци, немолоди люде.

Грыцько,—коваль

Селянынъ.

Надвирный козакъ.

Селяне, надвирни козакы, 2 нимци, пахолкы.

Діется у замку Княжа Крыныця и у околыци його у квитню 1648 року, въ Брацлавщыни.

ДІЯ І.

(Недиля. Поляна у лиску, у глыбыни выдко лисъ, поле, яры. Ядвыга сыдыть пидъ деревомъ).

Ява І.

Ядвыга и Даныло.

Ядвыга. Ой втомылась... та й биглы-жъ! ну добре хочъ усихъ козакивъ покынулы и Терезу... а Яна не мае ще, хочъ вже мабуть йе пивдня (*крычыть по-за кинъ*) Даныло!—а ты доси зъ киньмы водышся! чомъ не вьяжешъ?

Даныло (*зправа зъ-за сцены*). Заразъ, панночко. Не можно було доси, бо дуже гналы, та знову гнидый укачався-бъ и сидло поломывъ, якъ ото, що безъ мене йиздылы.

Ядвыга. Та вьяжы отутъ на горбочку до сухого береста (*вказуе направо*).

Даныло. Щобъ муха била, чы що?

Ядвыга. То звидцы буде выдко, якъ урвутся.

Даныло. Съ чумбуривъ щобъ урвалысь! Хыба дыки кони?

Ядвыга. Балакай, робы що кажу (*на бикъ*). Бида зъ дурнымъ хлопомъ! Янъ и не побачыть, де я (*поглядае направо*).

Добре, що хочь послухавъ (*зправа Даныло зупыняется пидъ деревомъ осторонь видъ Ядвыгы*).

Ява II.

Ядвыга. А козакивъ твоихъ усихъ розгубылы?

Даныло. Та въ насъ у усій сотни и жадного козака не мае, щобъ за ясною панною вгнався, якъ панна Соколомъ пойиде.

Ядвыга. А ты жъ того Змійчукомъ перейнявъ.

Даныло (*згорда*). То то Змійчукъ!

Ядвыга. Тоби, здается, чымало дававъ за ёго небижчыкъ панъ ловчый; чому не продавъ?

Даныло. Бо не продажный.

Ядвыга. Чому такъ?

Даныло (*усмихается*). Бо краденый.

Ядвыга. Молодый ще? Видколы винъ въ тебе и де ты ёго взявъ? Щось ты брехавъ, та я вже й забула (*сміется*).

Даныло (*усмихается*). Чого-жъ я маю брехаты? Собака нехай бреше. Якъ ще змалку мене пидъ Переяславомъ узято Крымцямы, то усе бувъ у неволи въ Ахметъ-бея коло табуна, а якъ побылы торикъ орду козакы на Тавани, то я на ёму-жъ такы й утикъ зъ табуна. Добрый кинь! И нащо мени ёго продаваты? Зъ ласкы пана й ясной панны, досыть маю, що служу.

Ядвыга. Служышъ добре, колы роззява. Отъ на тымъ тыжни піймавъ коваля, що пана ловчого вбывъ, та такъ добре пыльнувавъ, що й самъ на тимъ хутори впывся, и козакы повпывалысь, и той утикъ (*сміется*). Добри вартови! Якъ розгнивався панъ князь, казавъ, що тебе замисть коваля повисе, та вже я почала просыты за тебе, що ты мене порятувавъ, якъ Сокилъ мене носывъ, але хтивъ панъ князь хочъ зо сто батогивъ тоби даты, та я такы впрохала.

Даныло (*уклоняется*). Спасыби, панночко ясна, добре серце панна мае (*дывытся у-право, выймае пистоля зъ-за пояса, оглядае панивку*).

Ядвыга. А чого се ты на пистоли дывышся?

Даныло (*поглядае у право*). Бижыть щось сюды... конемъ бижыть... хутко... и не зъ нашыхъ козакивъ, бо Чорнымъ Яромъ... Може, панночко, на коней сядемо?

Ядвыга. Де, де бижыть? Не бачу (*устае, пидходыть до Даныла*).

Даныло. Чорнымъ Яромъ (*вказуе пистолемъ*).

Ядвыга (*сміется*). Якъ то ты бачышь? кризь лисъ?

Даныло. Гавы переполошылысь, онде выдко... а онъ теперъ тамъ (*вказуе пистолемъ*) ось и зъ лису выбигъ (*ховае пистоль*); одынъ тилькы... и не татарынъ... на сирому кони, мабуть чы не панъ Янъ зъ Оративки... Добрый кинь... просто до насъ подався... Ото жене, тежъ коня не жалуе.

Ядвыга (*жваво*). А добрый йиздець справди?

Даныло. Бачылы мы й кращыхъ.

Ядвыга. Брешешъ, де воны кращи?

Даныло. У Сичи-бъ на ёго й не дывылысь.

Ядвыга (*незадоволена*). Колы-жъ ты тамъ бувъ, що кажешъ?

Даныло (*понуро*). Хочь и не бувъ, то видъ такыхъ чувъ, що бувалы.

Ядвыга (*на бикъ*). Цёго дурня й не переслухаешъ (*голосно*). Але й спека яка... у лощыни вода бижыть,—хутко прынесы, козаче (*вказуе у ливо, Даныло видходытъ у-право*).

Ява III.

Ядвыга (*ходытъ по сцени зворушена*). Янъ, Янъ йиде... чы добру-жъ звистку несе? Ой Маты Божа! И любыть мене тато, и керую нымъ якъ схочу, але боюсь... Якъ не добувъ ничого видъ князя Яремы, то що тоди... що тато скаже? До Четвертынськои свататысь? бидный шляхтычъ! худопа̀холокъ!

Голосъ Яна (*зъ правого боку по за кономъ*). Визьмы коня, хлопче!

Голосъ Даныла. Немае часу, пане.

Голосъ Яна. Коня визьмы заразъ, та выводы, вражый сыну, бо шаблею якъ потягну!

Голосъ Даныла. Овва! злякавъ! Гляды щобъ самому...

Голосъ Яна. Тривай, пся кревъ! (*бренькитъ шабель по-за кономъ*).

Ядвыга. Маты Божа! Янъ! Назадъ, проклятый! (*бижыть у-право, черезъ хвылыну ворочается*).

Ява IV.

(*Ядвыга зправа держыть за руку Яна, у его въ руци вломана шабля, черезъ хвылыну зправа Даныло, шабля въ пыхви, у руци порожня кабакова пляшка, осторонь йде у-ливо*).

Ядвыга. Не поранывъ тебе, Ясю? (*до Даныла*). Здуривъ, проклятый лугарь, чы що? Киньмы тебе звелю розирваты. (*Даныло зупыняется*).

Даныло (*понуро*). Хыба я крипакъ усякому пидпанку коней водыты?

Янъ (*кыдается до нёго*). Але й зухвальство въ хлопа!

Ядвыга (*удержуе ёго*). Ясю, тыхо! (*до Даныла*). Геть звидцы, гайдамако! Де козакивъ розгубывъ? Заразъ знайды и панну Терезу знайды, щобъ сюды йихалы!

Даныло. Та воны й сами слидомъ прыйидуть, а то якъ же воно панна сама зостанется?..

Ядвыга (*пидходыть до ёго, тупае*). То сыды жъ тутъ и чекай, а якъ прыйидуть, веды на пана пидчашого пасику—розумієшъ? (*выбывае зъ рукы пляшку*). Панъ Янъ зо мною пойиде, коня панського онъ-де ловы. Чекай, скажу князеви, буде тоби, ватажко! (*Даныло понуро видходыть у-право*).

Ява V.

Ядвыга и Янъ.

Янъ (*вкладае шаблю у пыхву*). Де це узявся такый татарынъ? Одынъ зъ панною?

Ядвыга. То сотныкъ новый въ пана князя. Выйихалы мы сёгодни зъ замку: панна Тереза зо мною и надвирныхъ десять; та я якъ пустыла Сокола у ходъ, то вси ззаду позоставалысь... А панъ Сокола одразу пизнавъ?..—Тильки видъ цёго вже не втечешъ, справди що татарынъ, Татарчукомъ ёго й дражнють... Ой, та й переляканась я! Ледве стою.

Янъ. Зовсимъ нызовець. Небезпешно зъ нымъ панни.

Ядвыга. Ни, пане, слухняный хлопъ и смырный; якъ сказаты що, мыттю зробыть... Сокола мени такъ выйиздывъ, що голосу слухае. Чы не впывся сёгодни зранку, що такый скаженый, бо николы зъ нымъ того не було, щобъ навить гнивалась я на ёго.

Янъ. Звидкы-жъ винъ узявся?

Ядвыга. Та оціеи весны... на полюванни було, якъ зъ соколамы пойихалы. Чувъ и панъ навить, що Сокилъ мене носывъ, мало не вбывъ у лиси, десь винъ тоди узявся на воронимъ, перейнявъ, спынывъ коня, то князь ёго сотныкомъ узявъ.

Янъ. То заразъ замисть Демка?—памьятаю.

Ядвыга (*сумно*). Не згадуй краще про того бидного хлопа. Винъ мене того самого ранку просывъ, щобъ не йихала я Соколомъ: ще винъ неукъ, казавъ, панночко, не сыла буде держаты, то-жъ полювання! А я нымъ вже килькы разъ йиздыла. Ще тутъ панъ Грохоцькый бувъ молодый, почавъ зъ мене сміятысь, а я розсердылась, пойихала такы, а другого дни каже мени Тереза, що звеливъ тато доты старого нагаямы быты, докы жывый буде... Вирышъ, Ясю, що я два дни плакала! А тато злякався, та вже щобъ мене перепросыты, самъ прыйшовъ, каже: нехай, доню, того вже на тимъ свити Господь помылуе, а той, що тебе вызволывъ, нехай тоби служыть; винъ, каже, й самъ просытся: зъ неволи, каже, утикъ, тамъ и вырисъ.

Янъ. У неволи, каже, бувъ змалку... а шаблею такъ бьется! Шкода, що пистоли зосталысь у ольстри.

Ядвыга. А ну ёго, ще тато довидався бъ, що мы тутъ бачылысь. Та щожъ панъ мени доси не розскаже, що у Лубняхъ?

Янъ. Якъ Бога кохамъ! то черезъ того божевильного хлопа. Панно Ядвыго, полковныкъ я!

Ядвыга (*радисно*). Невже!?

Янъ (*поважно*). Переяславського козацького полку! (*Жваво*) Дуже прывитавъ мене князь воевода: власнои, казавъ, корогвы отакому блазневи не дамъ, але ось покы що лыстъ пану до пана комисара Зацвилиховського: якъ побудешъ кильки часу, побачу, чы по батькови пишовъ.

Ядвыга. Мабуть, чувъ князь Ярема, якъ панъ торикъ зъ татарвою воювався.

Янъ. Може й такъ (*сміется*). А може й те воно, що казавъ и князь воевода и панъ Мыколай, що не буде у тимъ полку багато морокы полковныкуваты, бо якъ прыйде Хмель, то уси козакы до ёго пидуть.

Ядвыга. А панъ такы полковныкъ?

Янъ. Ниде правды диты (*обое сміются*).

Ядвыга (*протягае руку для поцилунку*). Оце-жъ пану полковныкови (*Янъ стае на колино, цилуе руку; Ядвыга раптомъ нахыляется, цилуе его*). А оце Ясю Дембинському (*уныкае, бижыть у право; Янъ за нею*). На коней, на коней, пане полковныку! (*обое видходять у-право*).

Ява VI.

Черезъ хвылыну зправа Даныло обертается, дывытся у слидъ понуро.

Даныло. Пойихалы на пасику... И той разъ, казавъ осаулъ, на тій пасици до вечера іи чекалы... (*тупае*). И князь ничого не знае (*усмихается*). Що жъ, Даныло, пиды уклонысь князеви та й скажы... або за ными бижы слидомъ... за тымъ тебе й выправывъ Хмель зъ Сичи, щобъ ты добре доглядавъ, до кого панна Четвертынська у лисокъ выйизжае... Ну, колыбъ я зустривъ десь того вражого ляха... у ночи! (*замысленый*). Панночка не скаже, добра вона... и ляхъ мовчатыме, а якъ ни... разъ маты родыла! (*Стоить понуро, зправа зъ глыбыны*

сцены зъ-за деревъ Марко вдаряе рукою по плечу. Розмова— Даныло понуро, Марко весело).

Ява VII.

Даныло и Марко.

Марко. А оглядайсь, козаче, бо на аркани будешъ... Здоровъ!

Даныло. Здоровъ, брате.

Марко. Чого се биглы такъ зъ панною неначе видъ татарвы? Добре, що хочъ не далеко бувъ я отутъ. А чый то сирый, що ты ловывъ?

Даныло (*неохоче*). Дембинського, що зъ Оративкы.

Марко. То зъ нымъ вона й пойихала, а сюды не повернутся?

Даныло. Мабуть, що ни.

Марко. Гараздъ, бо маю тоби щось казаты. А ничого у замку не чуты?

Даныло. А на сели мабуть бильше.

Марко. Эге-жъ.

Даныло. А вже-жъ.

Марко. А чого се я до тебе прыбигъ?

Даныло. Скажешъ.

Марко. Тютюнъ йе? Давай (*набывае люльку*). Оце бида, брате, й тютюну вже нема и меду вже не дае жыдъ набиргъ, каже: самому нема за що купуваты.

Даныло. Дурный винъ нызовцямъ набиргъ даваты, колы вже Хмель зъ Сичи пиднявся.

Марко. Та якъ бы то тилькы пиднявся, а то вже й ляхивъ побывъ.

Даныло (*жваво*). Гетьманивъ.

Марко. Ну, цыхъ то може ще колысь побье, а молодого Потоцького.

Даныло. А побывъ и зъ гусарамы?

Марко. Побывъ геть, до ногы выризалы.

Данило. То добре! А на сели та по хуторахъ якъ воно?

Марко. Та де-яки хочъ и заразъ: йе тутъ такыхъ, що вже лучалось имъ спысамы ораты. Сотъ изъ пьять вже й спысы мають, бо якъ застукавъ отой вражый ловчый Грыцька коваля, та винъ теперъ у лиси кузню постановывъ, нихто й не знае де, та й куе тамъ. Якъ бы пиднятысь, то, кажуть, и килькы тысячъ може бъ знайшлось парубкивъ по хуторахъ, такъ треба початы.

Данило. Не можна теперъ. Козакы вже мои, але нимцивъ у замку региментъ, то не здержымо.

Марко. Щось ты, брате, смутный неначе... Ну ёго къ бисовому батькови изъ замкомъ, треба почынаты! Не визьмешъ, то загономъ пидемъ по селахъ, або до Хмеля. Вже правда, що й мени остогыдло у сиряку велычатысь та по городахъ ховатысь. Збирай надвирныхъ, та товарыства тутъ йе вже чоловика зъ десять, та може ще яка сотня охочекомонныхъ буде, та й гайда! А хто пишый, то нехай Хмеля чекае.

Данило. Якъ сюды насъ Хмель выправывъ, то треба сыдиты.

Марко. Про мене, Семене, абы я Иванъ (*дывытся у-ливо*). А чого се Дигтяренкы сюды йдуть? Уси зибралысь зъ хлопцямы.

Данило. То бувай... (*хоче йты*).

Марко. Тривай, нема чого тикаты; нехай побачышъ старого Оныська. Певне, що винъ тутъ полковныкуваты буде завзятый старый и поважають ёго у околыци дуже. А що, папиръ добувъ?

Данило (*выймае велыкый папиръ, дае*). А ось вже зъ тыждень тягаю. Якъ пылы зъ нимецькымъ копытаномъ, то вкравъ у ёго. Гляды тилькы, якъ прыйде колы панъ-отець на раду... бо Богъ его святый знае, що тамъ напысано.

Марко (*розкрывае папиръ, дывытся*). Не прыйде, боится старый, и людямъ переказуе, щобъ мене не слухалы... Бачъ, ще й добре якъ напысано, и печать йе (*ховае*); а якъ треба буде прочытаты, то вже й я буду пысьменный.

Ява III.

(*Тижъ, злива увиходять Онысымъ, Павло и килькы парубкивъ*).

Марко. Добрыдень, панове громадо, зъ недилею васъ!

Голосъ. Спасыби... будьте й вы здорови, добрыдень... поздоровъ Боже!

Марко. А добра, я бачу, озымына цёго року!

Онысымъ. А ничого, хвалыты Бога.

Марко. Буде коло чого працюваты, та чы буде кому?

Онысымъ. Абы було коло чого, то буде й кому.

Марко. То добре; а якъ йе кому робыты, нема чого часу гаяты.

Онысымъ. Якъ дасы добру раду, козаче, то може хто й послухае.

Марко. Не треба, диду, рады даваты, а треба рады збираты.

Онысымъ. А то хто зъ тобою, козаче?

Марко. Козакъ щырый.

Онысымъ. Що козакивъ на аркани на панськый двиръ тягае?

Марко. Годи, диду! винъ Грыцька піймавъ, та винъ ёго й пустывъ а то высивъ бы й теперъ Грыцько на майдани. (*До усихъ*). Отаманы—товарыство! не есть це сотныкъ надвирный, а есть це побратымъ мій вирный Даныло Татарчукъ, стебліевського куриня товарышъ, и того винъ теперъ у замку ляхамъ служыть, що якъ прыйде часъ, то й надвирни козакы до насъ прыйдуть, та зъ намы будуть.

Голосъ. Спасыби добродію... щырый козакъ!.. запорожецъ!.. Ото добре!

Онысымъ (*до Даныла*). Просты, голубе! (*До всихъ*). Та що жъ, браття, довго ще намъ чекаты? Оце йдемо до церквы, помолымось та й гайда!

Даныло. До церквы йдете? Хыба Беркови хто грошы виддавъ?

Павло. Ба ни; казалы, прыбигъ Берко сёгодни до пан-отця у ранци та й виддавъ ключы, каже, що грихъ ёму церкву Божу на оранди держаты, тымъ-то й служба сёгодни йе.

Марко (*голосно*). Панове козацьство, чы сказаты вамъ, що таке у свити Божому робытся, що вже й жыды про Бога згадалы?

Голосъ. Кажить... кажить, дядьку...

Марко. А те робытся, що вже высыпався Хмель зъ мишка, наробывъ ляхамъ шкоды, вже лежать ляхы выщи-рывшы зубы, жовтои водыци напывшысь, и йидять ихъ со-бакы и сири вовкы (*пидыймае у-гору папиръ*). А оце вамъ, панове громадо, видъ пана гетмана славного війська запорозь-кого нызового уныверсалъ!

Голосъ. Щасты Боже... Невже?... Довго чекалы! Знову вильнымы козакамы будемъ... Нехай жыве Богданъ Хмельныць-кый, гетманъ запорожськый, на погыбель ляхамъ!

Марко. Якъ зъ церквы выйдемо, то въ старого Макогона у клуни оце вамъ и прочытаю.

Голосъ. Господы!.. Ще й пысьменный! Слава тоби Боже!

Онысымъ (*выходыть напередъ уклоняется запорожцямъ*). Велыке вамъ спасыби, паны браття, за добру звистку; не гайте теперъ часу, щобъ довелось и мени старому хочъ доты дожыты, колы князеви и кодлу ёго виддячу.

Павло. Гляды, брате, не квапся!

Онысымъ (*зъ гнивомъ*). Що кажешъ, схаменысь! Добре тоби обережно ходыты, що твоихъ сынивъ на поли не повбы-вано, та зъ дочкою того не було, що зъ моею Олесею (*видвер-тается*). Ну, гараздъ: нема сына въ князя, але дочка йе... то вже моя буде (*Даныло здрыгается*).

Марко (*сміется*). А на що вона тоби старому?—подаруй молодшымъ.

Онысымъ. Э, ни, моя буде... Кажуть, татары зъ Хме-лемъ йдуть. Щобъ тилькы давъ Господь старого собаку жыв-цемъ узяты, щобъ и винъ побачывъ, якъ дочку ёго на аркани поведуть, та побусурманять, щобъ и на цимъ и тимъ свити

спасення ій не було, а тоди вже... тоди можно буде й на ясного пана мылостывця червону сорочку надиты.

Голосъ. Добре, диду! що такъ, то такъ... треба швыдче братысь. Та вже скоро, мабуть!

Даныло (*гостро*). Ну годи! Якъ до церквы йты, то йдить, бо надйидуть сюды надвирни... не уси воны безпешни. Прощавайте!.. онъ чы не йидуть... щаслыво! (*уси помалу вклоняются Данылови и видходять у-право; Марко и Онысымъ попереду усихъ*).

Ява IX.

Даныло (*дывытся у слидъ*). Боже жъ мій, Боже! Панно, зоре моя!

Ява X.

Даныло и Марко. (Зправа Марко, у руци видломаный кинець шабли).

Марко (*крычыть направо по-за сцену*). Идить самы, въ мене туть кинь йе у лиси прывьязаный. (*До Даныла, показуючы шаблю*). А що воно за знакъ, брате?

Даныло. Шабля—не що.

Марко. Се й я, скажемъ, бачу, що не коса, але може скажешъ, якъ іи вломано?

Даныло. Дембинського се шабля.

Марко. Що не твоя, и те бачу, але не того мени треба. Вже будь ласкавъ, скажы, якъ ото іи перебыто? (*водыть рукою по лезу*). Дрова, може скажешъ, рубалы?

Даныло. Бывся винъ зо мною тутъ.

Марко. И це добре знаты: онде якъ траву вытолочылы! Та не того я до тебе повернувся.

Даныло. То якого-жъ дидька?

Марко. Оце вже спасыби, брате ридный, за щыру правду! Выдно, давно те було, явъ на Тавани шаблямы минялысь,

братамы сталы, поручъ рубалысь, усяке лыхо й усе добре бачылы, а теперъ навить важко тоби й слово щыре до побратыма промовыты (*сердыто*). Що тутъ наробывъ? Що то, жарты тоби, що на шляхтыча шаблю выйнявъ? Пизналы тебе, може? То на що пустывъ жывого?

Даныло. Панна була отутъ та оборонила, промижъ шабель такъ и кынулась.

Марко. То обохъ було зарубаты.

Даныло. Кого!? сказывся!? за що жъ іи бидну, чымъ вона вынна?

Марко (*пауза, поглядае на его по воли*). Чымъ, кажешъ вынна?.. Такъ... Чуешъ, брате Даныло, чудный ты сёгодни, ляхивъ жалуешъ... Але не забувай, голубе, що якъ пизналы, хто ты такый, то не твоя тилькы голова ляже, а й товарыства чымало; та й люде тіи, що оце до церквы пишлы, то може ще сёгодни ихъ нимци на майдани вырижуть. Теперъ або тоби тикаты, або заразъ за спысы братысь... а мовчышъ, то бувай здоровъ! (*хоче йты*).

Даныло. Тривай, брате... Усе йиднаково, мавъ тоби сказаты... Просты мене! Мабуть гришныкъ я велыкый, чы може батько въ мене такый, бо й не знаю, хто винъ бувъ, що покаравъ мене такъ Господь... Не пизнають мене! Хочъ бы й жылы тягнулы, не буде того, щобъ я тоби зрадывъ и товарыству. Але покохавъ я панну и не можу теперъ звидцы йты.

Марко. Ото божевильный! То оце, може, й бывся за неи?! То мерщій тикай до обозу. Чы хочешъ подывытысь, чы высока шыбеныця въ князя?

Даныло. Не бійсь, мовчатымуть, бо сами воны, мабуть, видъ князя ховаются, а якъ ни—байдуже: не можу я іи Дигтяренкови покынуты!

Марко. Добре, добре... дуже цикаво, а що зъ того дали буде? Кажы!

Даныло. Багато говорыты, та нема чого слухаты.

Марко. Мабуть, скоро старостивъ будешъ до князя засылаты? Мене попросышъ?

Даныло. А скоро вже, мабуть, пидемъ зъ старостамы, и чымало ихъ буде, и весилля зробымо гучне, щобъ багато такъ впылысь, щобъ не повставалы... Не смійся тилькы, брате, зъ мого лыха.

Марко (*поважно*). Ни, це вже, бачу, не жарты тоби. Але що жъ дали робытымешъ?

Даныло. Поможешъ мени—у зымивныкъ завезу до старого Кажана.

Марко. Такъ, и вже й самъ оселю заведешъ, вивчаремъ зробышся, а товарыство славне и Сичъ-маты то нехай и такъ будуть, а за Марка то й гадкы немае!

Даныло. Не гнивайся, брате! Богъ ёго святый знае, яке ще пыво буде зъ того хмелю. Але не на те я іи бидну рятувавъ, щобъ Оныськови на помсту, а татарви на ганьбу виддаты. Теперъ тебе маю просыты: якъ щырый ты мени побратымъ, перекажы братчыкамъ, що якъ будемъ замку добуваты, щобъ за мною йшлы; вже буду знаты, кудою весты, щобъ я іи узявъ, а не хто другый.

Марко. Та чомъ не сказаты, стари товарышы—не зрадять... Ой, Даныло, Даныло!—тебе жъ за куринного мало не обралы, тилькы що до Крыму зъ Хмелемъ тебе понесло, якъ вмеръ Покотыло... Та що тоби казаты! Не поможе... бачывъ я вже, чымало козакивъ добрыхъ (*махае рукою*)... Мабуть ще мало лыха у свити, то Господь ще бабу сотворывъ... Ну, гараздъ... Усе зроблю, якъ хочешъ... Якъ бы не ты, сыдивъ-бы я доси у Лубнахъ на пали, та выглядавъ, звидкы витеръ віе... Не бійсь вже, визьме облызня Оныськo.

Даныло. Спасыби, брате... Отъ и надвирни и ляшка зъ ными... Велыке тоби спасыби... Ну, бувай (*видходыть у-право*).

Марко. Бувай! (*поглядае у слидъ*). Гей, и казавъ я тоби Даныло, якъ ще зъ Сичы выйизжалы та Змійчукъ спиткнувся,—вернысь брате! Не послухавъ! (*Махае рукою, видходыть у глыбыну сцены за дерева*).

Зависа.

ДІЯ II.

Одмина перша.

Понедилокъ. Замкове подвирья. Наливо чоло палацу; велыки двери. Передъ дверыма ганокъ, на ёму лавы, вкрыти кылымамы. Сходци на сцену. Зправа въ глыбыни вежа; коло дверей деревяный ослинъ. Въ глыбыни сцены высокый шанець, по котрому колы-не-колы проходыть вартовый нимець, зъ-за палацу видходыть за вежу и знову назадъ. На авансцени зъ правого боку садокъ.

На ослони, коло вежи, Рамберъ и Даныло зъ кубкамы у рукахъ; промижъ нымы на ослони джбанъ. Розмовляючы пьють, палять люлькы, изъ дверей палацу колы-не-колы выбигають пахолкы и бижать або у-право, промижъ садкомъ и вежою, або у-ливо по-за палацъ.

Ява I.

Даныло и Рамберъ.

Рамберъ. А ну бо, пане сотныку, пьешъ, та не веселый. Медъ добрый, пыймо. Чы до пана каштеляна у обозъ хочется? Тамъ теперъ наша гусарыя, мабуть, добру венгжыну тягне!

Даныло. Отакъ бы я тои венгжыны напывся, якъ и ты, пане Жылю.

Рамберъ. А кажешъ ни? То тилькы отутъ у замку панцерныкы кирпу деруть, а якъ табору запорозського добуваты треба, то й мени нызько вклонятся, а якъ языка треба, або йисты нема чого у обози, то не бійсь, воны тоди й сотныка Даныла братомъ назовуть. Бувъ я зъ нымы пидъ Кумейкамы, та й де я не бувъ!

Даныло. А вписля?

Рамберъ (*сміется*). Ну, то вже друга ричъ... Кречовського полковныка чыгырынського знаешъ?

Даныло. Чувъ.

Рамберъ. То вже два рокы, якъ ото Мустафа-ага до Тясмыну прыходывъ, то винъ зъ походу повернувся, дуже сміявся: „закимъ, повидае, на татарву йшлы, то ще добре було, а якъ до-дому повертались, то такъ закурылы попереду панцерни товарыши, що й продыхнуты не можно було (*сміются*). Ще за це слово зъ паномъ Оджывольськымъ шаблямы былысь.

Даныло. Ну, не такъ воно й легко проты гусарыи у поли.

Рамберъ (*усмихается*). А ты звидкы знаешъ?

Даныло. А хыба я не чувъ? (*пье*).

Рамберъ. А я то й самъ такы бачывъ и тилькы те тоби скажу, що якъ здуріе Хмель та скаже гетманамъ, що ось вамъ поле и на цимъ поли завтра у-ранци васъ чекатыму, то погана буде ёго справа; але на війни не такъ робытся; ты, мабуть, того не чувъ, пане Даныло, бидный невольныку, тилькы й знаешь, що за панною пахоломъ йиздыты... Пыймо! (*сміется; пьють*).

Даныло. Але-жъ не може того буты, щобъ не побылы гетьманы Хмеля.

Рамберъ. Хто те може знаты! Отъ якъ-бы гетьманомъ короннымъ, та не панъ Мыколай Потоцькый, а панъ Жыль Рамберъ, то було-бъ запорозцямъ, що до новыхъ вwinыкивъ памьяталы бъ.

Даныло (*усмихается*). Якый ты, бачу, хытрый на голову.

Рамберъ. А такый, що немае у свити а ни замку такого высокого, а ни панны такои гордои, щобъ не узявъ, колы схочу!

Даныло (*неймовирно*). То вже теревени!

Рамберъ (*поважно, крутыть вуса*). Не вирышъ? Молодый ще ты, козаче. Може колы трапытся тоби у Кагори буваты, то спытай, хто такый Жыль Рамберъ, то й мала дытына тоби скаже, що бувъ тамъ такый аркебузьеръ, що уси кули видъ ёго видвертало, а усихъ дивчатъ прывертало!

Даныло. То ты й характерныкъ?

Рамберъ. Характерныкъ?.. а вже-жъ; ось бачышь (*выймае ладанку*): якъ оце носыты, усяка дивка тебе покохае, тилькы схочешъ.

Даныло (*хутко бере, дывытся*). Усяка, кажешъ... и шляхтянка?

Рамберъ. Хочъ королева.

Даныло. А що... пане Жылю... якъ бы за ци чары... га?

Рамберъ. То ты бъ що давъ, чы що?

Даныло (*выймае зъ-за халявы кинджалъ увесь у самоцвитахъ, дае Рамберови*). А ось хочъ бы й цёго запоясныка.

Рамберъ. Sacrebleu! та чы видаешъ, пане Даныло, щобъ за ци каминня далы жыды у Амстердами?

Даныло. Це, скажемъ, що не знаю, бо тамъ не бувъ, але такъ миркую, що не носывъ бы Ора-бей перекопськый чортъ-зна чого за поясомъ; ще подывысь, якъ загартованый. А якъ скажешъ, що не вартъ минятысь, то ще пистоли въ мене йе турецькы у срибли и бьють добре.

Рамберъ. Ma foi! та й бравый ты кавалеръ, пане сотныку! (*поглядае на ёго*)... Беры соби за кинджалъ... Пыймо! (*налывае кубкы*). Отъ меду вже немае... Здровье пана!

Даныло. Здровье пана! (*пьють*).

Рамберъ. Добрый ты жовниръ, козаче (*здіймае зъ шыи другу ладанку*). Чекай лыщень, буде ще тоби видъ мене добра памьятка, оце ще носы (*дае Данылови*).

Даныло. А що се?

Рамберъ. А се не грихъ и носыты. Бернардынъ святый колысь напысавъ мени у Рыми и чытавъ, що напысано: hoc est meum corpus. Не розуміешъ?

Даныло. Ни. (*Зправа чуты сурму*).

Рамберъ. Значыть „оце мое тило“, и якъ це носыты, усяка куля мынае; вже литъ мало не трыдцять, якъ не здіймавъ, и ось якъ бачышъ спысомъ тилькы добре у бикъ загородылы, ще у Ла-Рошели, та ото якъ Байранъ-Казы до замку пидступавъ, то вже рокивъ изъ пьять, то стрилою (*вказуе плече*).

Ну, бувало часомъ, що де-не-де шкуру латалы, то то жарты; а щобъ кулею, то николы.

Данылo (*дывытся на ладанку*). Не помога, выходыть, проты зализа?

Рамберъ. А проте беры, кажу, тоби згодытся (*сміется*). Добрый ты кавалеръ и молодшый за мене, то згодятся тоби обыдва.

Ява II.

(*Зправа Дитрыхъ*).

Дитрыхъ. Пане копытане, ротмыстръ до пана князя видъ гетьмана.

Рамберъ. Diable! Може на ганку прыйматы буде? (*до Дитрыха*). Бижы до пана Вацлава. (*Дитрыхъ бижыть у палацъ, пахолъ входыть зправа*).

Рамберъ (*до пахола*). А ну швыдко, хлопче, забирай кубкы, та у ту башту, що коло брамы. (*Пахолъ бере кубкы и джбанъ, бижыть у-право; до Данылa*). Прыходь незабаромъ до брамы, та ще выпьемо; Гильфельдъ повыненъ скоро буты. (*Бижыть у-право, Данылo выходыть на авансцену, надивае обыдви ладанкы*

Ява III.

Данылo (*одынъ*). Ну, може й грихъ воно, що бернардынъ вражый пысавъ, але нехай Богъ простыть (*здіймае шапку пидносыть руку, опускае*). Ни, не треба... ще пропадуть чары... Нехай!

Ява IV.

(*На ганокъ выходыть зъ палацу князь Романъ, Ядвыга пиддержуе ёго, за нымы Янъ и маршалокъ, позаду два пахолы. Князь сидае на лаву. Ядвыга стае коло ёго, други позаду, пахолы коло одвиркивъ*).

Князь. Гей, Даныло, поставъ тамъ кого за баштою, щобъ сюдою не вешталысь (*Даныло уклоняется, видходыть у-право*). Оце, пане Яне, прыйихавъ до мене ротмыстръ зъ лыстомъ видъ гетьмана, панъ Крыштофъ Корецькый, та я казавъ, щобъ сюды велы просто. Може, сёгодни й побенькетуемъ, панове, бо я просывъ пана каштеляна, щобъ мени давъ звистку заразъ, якъ буде выкторыя, а вже якъ буде вертатысь, то щобъ Княжои Крыныци не мынавъ. (*Входыть зправа Корецькый, за нымъ Рамберъ, стае коло сходцивъ; князь махае Рамберови, той видходыть у-право; Корецькый входыть на ганокъ, виддае лыста*).

Корецькый. Видъ пана воеводы черныговського лыстъ (*видступае*).

Князь. Памьятаю добре пана Крыштофа (*сидае, розпечатуе лыста*). Видъ пана Мартына лыстъ, а панъ гетьманъ коронный ничого мене й не пыше?

Корецькый. Велыке нещастя зъ паномъ гетманомъ коронным.

Князь. Що-жъ тамъ, Маты Божа? (*тре очи*). Отъ не бачу, старый; чытай Ясю!

Янъ (*бере лыста, чытае*). Мосци князю, мій пане й брате! Видъ начала temporum лучается, що середъ пшеныци бувае кукиль, и мылосердіе Боже попущае нещастю людському. И теперъ попустывъ Господь, що хлопське лукавство й зухвальство ще доси не есть покарано, а навить може теперъ надъ rei publicae гоноромъ згнущатысь, бо видомо намъ учынылось, що лыцарсьтву Речи Посполытои пидъ Жовтымы Водамы видъ татаръ и харцызивъ запорозськыхъ прыйшлося буты повоёвану...

Князь. Маты Пресвята!

Ядвыга. Ой Боже!

Янъ (*чытае дали*) ...и навить самъ панъ Потоцькый junior або вбытый есть, або captivus, бо ніякои звисткы доси не маемо. И за-для того по старому прыятельству и знаючы добре, що вашмосць завжды бувъ de re publica meritus, и теперъ уси панцерни корогвы и драгонію до пана гетьмана ко-

роннаго у обозъ прыславъ, то й я зъ супльыкаціею до пана обертаюсь, що хоча й numero et virtute лыцарства Речи Посполытій дуже contentus, але памьятаючы, що Mars duplex бувае, просю якъ нийскорійще до васъ у обозъ регыментъ Крейца прыслаты, у якимъ регыменти вашои мосци, мабуть, потребы не мае. И якъ буде вашои мосци ласка, то прыслаты ёго зъ особлывымъ вашои мосци лыстомъ, щобъ отой регыментъ до власного мого полку мавъ прыстаты, бо якъ сами вашмосць повынни добре знаты, велыки нелады въ мене завжды зъ паномъ гетьманомъ коронныымъ бувають. Чоломъ бью вашій княжескій мосци. Зъ обозу пидъ Черкасамы, сёго року Божого тысяча шистьсотъ сорокъ восьмого, квитня 23-го. Вашои мосци слуга Мартынъ Калыновськый, воевода черныговськый, гетьманъ польный (*уклоняется, виддае лыстъ князеви*).

Князь (*устае*). То за грихы нашы кара Божа! Пане Вацлаве, панъ Крейцъ у замку?

Маршалокъ. На передзамчу, вашмосць. Сёгодни пана Рамбера компанія у замку.

Князь. Якъ буде пана ласка, треба, щобъ хто заразъ по пана Крейца побигъ. Нехай бере Майделя, Костку, Гильфельда и Валля, щобъ заразъ у походъ збиралысь; чого буде треба, нехай панъ зробыть и до пана пидскарбія обернется. Рамберова компанія у замку буде, а козакы на передзамчу; (*маха рукою, маршалокъ уклоняется, видходыть у палацъ до Корецького*). А пана Крыштофа маю просыты, щобъ лыстъ видъ мене узявъ до пана воеводы (*Корецькый уклоняется*). Пиду до покою... Велыке нещастя!.. Ядвыго, панъ ротмыстръ чоловикъ подорожній, то вже прыймай! Нехай выбачыть бидну шляхецьку хату (*Корецькый уклоняется*); хлиба-соли нехай не цурается; може й панъ Янъ буде ласкавый, та тоби поможе (*уклоны; князь видходыть у палацъ, спыраючысь на пахола, другый пахолъ ззаду*).

Ява VI.

Тижъ, безъ князя й пахоливъ.

Янъ. И що то ёго мосць выгадавъ! Одынъ регыментъ зостався, та й той посылае?

Ядвыга. А ще жъ йидна компанія зостается и козакы.

Янъ. Бійся Бога, панно! нехай пожалуе панъ князь себе и панну: яка жъ на тихъ хлопивъ надія?—ще й сотныкомъ той, що...

Ядвыга (*показуе на мыгахъ, щобъ мовчавъ; весело*). Але й лыцарь панъ молодый полковныкъ! Колы пану такъ небезпешно у Княжій Крыныци, то нехай у Оративку йиде, або у Переяславъ. Чы уси таки и у війску, пане Крыштофъ?

Янъ (*зъ запаломъ*). Панъ Крыштофъ старый жовниръ, ёму не соромъ буде правду казаты.

Корецькый. А панъ де полковныкомъ?

Янъ. У Переяславськимъ полку.

Корецькый (*уклоняется*). Не знаю, якъ воно на Задниировьи, бо князь Ярема велыкый воинъ, але що въ насъ робытся, то якъ бы мене спытавъ ёго мосць, то те бъ саме повидавъ, що й панъ полковныкъ.

Ядвыга (*весело*). Маешъ пане помичъ у пани Крыштофови, але може якъ пана ротмыстра почастую зъ дорогы, то панъ повеселишае. Прыходьте, панове, згодомъ до покою (*выдходыть у палацъ; Янъ и Корецькый уклоняются*).

Ява VII.

Янъ и Корецькый.

Янъ. А якый, пане ротмыстру, humor у війську?

Корецькый. А то якъ у кого: йе, що бенькетують вже недили зо дви у Черкасахъ та похваляются, що запорожцивъ нагаямы поженуть, а шабли у табори покынуть... а йе й инши.

Янъ. А за Хмельныцького що чуты?

Корецькый (*понуро*). А якъ панъ хоче те знаты, то нехай по усихъ усюдахъ пытае, тилькы не у нашому обози. Вирышъ, пане, що ничого не знаемо? Хочъ бы йидного доброго шпыга послаты, такъ ни! Жалуе, бачъ, панъ гетьманъ дукатамы, усе по языка посылае, кони тилькы помучылы й людей, та усе гусарыю, бо якъ пиде легка корогва, то вростичъ идуть до Хмеля кляти хлопы. А якъ спіймаешъ языка—та ще спіймай ёго запорожця панцернымы—то отакъ, якъ на тимъ тыжни, усю шкуру зъ харцыза злупылы, а винъ свое бреше, що двадцять тысячъ козакивъ у Хмеля, и Тугай-бей перекопськый, и билгородци сорокъ тысячъ орды, и хана самого отъ-отъ чекають. Та якъ почулы це въ насъ, то зъ каневського й чыгырынського полку вже й йидного козака у обози не мае... А прыбигъ бувъ до гетьмана війтъ зъ Кленовои, та просывъ, щобъ заступывся, плакавъ, що татаре ёго жинку узялы и хату спалылы, та цилый день ходывъ по обози, а у-ночи счезъ. Колы на другый день звидты жъ саме жыдъ прыйихавъ; ёго пытаты—а винъ божытся, що татаръ и не було, а за того войта казавъ, що не було ёго на сели вже зъ тыждень; чы не до Хмеля йиздывъ. Послалы туды заразъ корогву панцерну, та якъ оточылы іи хлопы саме на гребли, то зъ тои корогвы повернулысь позавчора у обозъ тры товарыши та пьятнадцять шереговыхъ... Отъ що, пане, у війську робытся.

Янъ. Якъ бы на мене, то пійшовъ бы заразъ зъ панцернымы на запорожцивъ! Не сыдивъ бы у Черкасахъ, докы уси хлопы пидіймутся!

Корецькый (*понуро*). Такъ и хоче панъ Мартынъ, та що зробышъ? Якъ що скаже, то заразъ панъ гетманъ коронный: „колы ксёндзъ, каже, у парафіи, то викарый мовчы!"—а самъ бенькетуе, вже ажъ опухъ. (*Стыха*). А у середу опивночы волоськои корогвы вартови огненный мечъ бачылы на неби и одрубани головы.

Янъ (*тежъ зтыха*). А у якій сторони?

Корецькый (*маха рукою*). Надъ обозомъ просто.

Янъ (*хыта головою*). Ходимъ! панна до покою просыла. (*видходять у палацъ*).

Ява VIII.

(*Зправа входять Рамберъ и Даныло*).

Рамберъ. Нема чого журытысь, пане Даныло. Така наша доля жовнирська, що не вгадаешъ, де лучче. Перве дило, що венгжыну у обози вже мабуть усю выпылы, то будуть нашы молодци може ще й водычку пыты; а що здобутысь, то зъ запорожця хыба якъ зъ святого турецького; а що на печи лежаты докучыло, то ще побачышъ, що може й намъ не прыйдется... Пивтораста чоловика зъ твоимы пьяныцямы, та сей замокъ и предзамковья бороныты!.. Чекай, якъ зберуть хлопы добрый загинъ, то буде й намъ чубъ мокрый. То поставъ заразъ вартовыхъ по валахъ, та нехай добре гарматъ пыльнують, щобъ не поворожывъ коло ихъ якый чортяка. А я вже у замку буду (*йде у башту, на порози обертается*). Теперъ, пане сотныку, якый медъ тутъ у замку йе та плахты, то тилькы намъ зъ тобою! (*сміется, иде у башту. Колы почынае говорыты, здалека чуты, якъ на предзамчу бьють у тулумбасъ, потимъ у другый, тыхше, у третій ще тыхше*).

Ява IX.

Даныло (*иденъ, потимъ осаулъ*). Радіе нимець, биды не чуе... Радивъ бы й я, ще й не такъ... та покаравъ мене Господь за грихы (*зправа осаулъ*).

Осаулъ. А що, нимци сёгодни йдуть?

Даныло. Може й сёгодни.

Осаулъ. Тилькы шкода, пане отамане, що не мы будемъ у замку. Переказувавъ Марко, що якъ будуть за спысы братысь, то комусь треба коло замку гасло даты, щобъ зъ насъ тутъ кого не застукалы. Бильше за тебе боится.

Даныло. А гасло яке?

Осаулъ. Гукнуты треба, що въ Макогона на гармани горыть.

Даныло. Добре. Казавъ усимъ?

Осаулъ. Казавъ.

Даныло. То йды заразъ, вартовыхъ розведы, та щобъ добре брамы пыльнувалы и по валахъ, щобъ не подався якый дидько у обозъ, якъ замокъ отočымо.

Осаулъ. Гараздъ! Добре це знаемо (*видходять обыдва управо*).

Ява X.

(*Зъ палацу выходыть Ядвыга, за нею Янъ*).

Ядвыга. Якъ мае панъ Янъ отакъ коло мене сумуваты, то нехай хочъ и заразъ до Переяславу йиде, а не то що у-завтра.

Янъ. Не хоче панна вирыты, що серце болыть отакъ іи покынуты: ще пидіймутся хлопы, то що буде?

Ядвыга (*замыслена*). Не бійсь за мене, Ясю! Ничого хлопы замку не вдіють; пойидешъ до князя Яремы, лыцарськои славы добудешъ, тоди вже й татови можно буде вклонытысь.

Янъ (*вдаряе по шабли*). Ну, нехай же стережутся козакы и хлопы, буде имъ!

Ядвыга. Жаль мени ихъ дуже, Ясю; не на таку бъ війну я тебе выправыла. Хочъ и не диводе це дило, але дай мени, Ясю, слово лыцарське, що не будешъ ты зъ хлопамы того выробляты, що я бачыла, якъ ще малою була... Не дай Боже, щобъ прыйшлося ще разъ побачыты! (*здрыгается*).

Янъ. Дуже добре серце въ панны и не знае вона, що то за народъ клятый!

Ядвыга (*незадоволена*). Отакъ уси кажуть, а чого воны косы беруть, чого йдуть на погыбель свою, чого имъ треба? Нихто того сказаты не може, а скилькы пытала! Нызовци, оти гультяи, мабуть и имъ спокою не дають. Хочъ бы у Крымъ ихъ вагналы чы що, то й тыхо було бъ!

Янъ. Але тоди не бувъ бы я полковныкомъ!

Я д в ы г а (*смiется*). Справди! то чого жъ, пане, смутный ходышъ? Подывывся бъ хочъ па пана Рамбера, ото кавалеръ! Походъ—то добре ёму, нема походу—ще краще; хочъ бы ёго сёгодни побачыты, може бъ посмiялась.

Я н ъ (*поглядае на Ядвыгу*). Не кохае никого панъ Рамберъ, то ёму й легко.

Я д в ы г а. Ото такъ! Ще мабуть бильше видъ пана!

Я н ъ. Кого жъ то такъ?

Я д в ы г а Я й пытала ёго колысь, то казавъ, що завжды зъ якою панною размовляе, то у неи й закоханый (*обое смiются*).

Я н ъ. Бувъ бы й я веселый, щобъ хочъ заразъ мени зъ паномъ Рамберомъ долею поминятысь.

Я д в ы г а. Що бъ вже бувъ вусъ сывый у пана, та нимцивъ компанiя, та палашъ пры боци и бильшъ ничого у свити?

Я н ъ. (*зъ запаломъ*). Що бъ зъ тобою, панно моя, зостатысь, тебе бороныты, голову зложыты.

Я д в ы г а (*незадоволена видступае*). Та що то справди? Ще наврочыть панъ!.. Неначе безъ пана и вiйська тутъ немае?.. А що панъ Крыштофъ ничого пану не казавъ за нашу гусарыю, якъ имъ у обози?

Я н ъ. Ничого, не объ тимъ ричъ була.

Я д в ы г а. Тереза усе по покояхъ якъ на варти ходыть, мабуть, хоче ротмистра побачыты, щобъ пану Станыславу яку звистку даты.

Я н ъ. Щаслывый панъ Станыславъ, а я якъ пойиду, то чы буде хто за мною журытысь?

Я д в ы г а. Не знаю.

Я н ъ. А я такы знаю йидну пану у замку, що може хочъ трохы посумуе.

Я д в ы г а. Хто жъ то?... Нiякъ не вгадаю..

Я н ъ (*пидступае стыха*). А сказаты панни?

Я д в ы г а (*видступае*). Тато йдуть! (*На ганокъ выходыть князь, спыраючысь на пахола, сидае на лаву; пахолъ стае коло одвирка*).

Ява XI.

Тижъ и князь.

Князь. А що панъ Крыштофъ?

Янъ. Втомывся дуже, заразъ пійшовъ видпочыты, просывъ що якъ буде вашмосци ласка, щобъ сёгодни у вечери рушаты дозволылы холодкомъ, бо пихоти легше.

Князь. Добрый жовниръ, себе не жалуе. Якъ бы не лита та не подагра, то й я бъ...

Ядвыга (*сміется*). Та куды вже вамъ, татуню! Огъ выгадалы на старисть!

Князь (*поглядае на Яна*). Не зъ мене бъ треба сміятысь, доню, а зъ иншыхъ кавалеривъ, що зъ соколамы гасаты та зъ паннамы спиваты добре знають, а якъ треба у поле выйты, то тоди тилькы на коня сидають, якъ посполыте рушення мылостывый панъ король объявыть и вже безъ инфаміи вдома сыдиты не можна.

Янъ (*ступае крокъ упередъ*). Дозволь мосци князю слово сказаты (*князь кывае*). Сёгодни мавъ вашмосци сказаты, що позавчора повернувся я зъ Лубенъ, що дуже мене тамъ прывитавъ князь воевода й давъ мени лыстъ до пана комысара війська запорожського, а панъ Мыколай полкъ мени давъ козацькый и взавтра мени треба до Переяславу йихаты.

Князь (*устае, обіймае Яна*). Просты мене, Ясю, старого! то мене пана Мартына лыстъ вразывъ; просты (*усмихается*), мосци полковныку! я жъ тебе завжды якъ сына любывъ и щыро за тебе радый (*весело*). Теперъ треба венгжыны выпыты до пана полковныка за выкторію надъ ворогамы и за ту панну, що винъ мабуть скоро у Оративку прыведе (*плеще у долони, пахолъ стае передъ нымъ*). До пидчашого, щобъ венгжыны столитнёи заразъ! (*пахолъ бижыть у палацъ*).

Янъ (*зворушеный*). Панъ князь мени завжды бувъ мылостывець, то маю надію, що й якъ свататысь буду, то допоможе.

Князь. Зъ дорогою душею; самъ сватомъ пойиду.

Янъ. По смерть буду вдячный пану добродію и слово даю, що не соромъ буде вашмосци за мене сватомъ буты, бо хочъ бидный я шляхтычъ, але ось війна почалась—або старостою буду, або зъ війська не повернусь.

Ядвыга. Бійся Бога, пане Яне, що выгадуешъ!

Князь. Ничого, доню, не вдіешъ; такый и батько пана бувъ, завзятый старый... Колысь мы зъ нымъ... э, чого згадуваты! не вернется... А за тебе хочъ у Варшаву пойиду до сенаторськои дочкы.

Янъ. Недалечко мосци князю й йихаты прыйдется.

Князь (*сміется*). Добре, що зухъ такый молодый полковныкъ часу не гаявъ; мени старому то ще краще (*зъ палацу пахолъ несе кубокъ на блюди, за нымъ пидчашій зъ пляшкою, на ґанку налывае кубокъ, пахолъ пидносыть до князя, князь устае, пидіймае кубокъ*). Здоровье пана полковныка! (*Янъ уклоняется*).

Зависа.

ДІЯ II.

Одмина друга.

(Вивторокъ уранци. Лаштункы ти жъ сами. Даныло сыдыть на ослони коло башты зправа, входыть осаулъ).

Ява I.

Даныло. Не выходывъ ще князь. Нехай хлопци коней коло брамы на поводи тримають,—може скоро пойидемъ.

Осаулъ. На пидйиздъ, мабуть, посылае?

Даныло. Мабуть (*усмихается*). Багато довидается. Хыба Дембинськый схоче пойихаты, то той може що побачыть.

Осаулъ. Якъ козамъ рогы правлять... Та й зъ цимы чого чекаты? Хочъ заразъ до гарматъ: вже нимци не почують.

Даныло. Якъ Марко скаже та Онысько,—винъ тутъ полковныкомъ. Гайда до брамы! (*осаулъ виходыть направо*). Ой скоро вже почнется... и що зъ того буде!? Що ёго робыты!? (*замыслывся*).

Ява II.

(*Ядвыга выходыть на кганокъ, обертается, говорыть у сины; Даныло устае, здіймае шапку*).

Ядвыга. А панъ Янъ ще спыть?

Голосъ (*зъ синей*). Ни, сыдять зъ паномъ князем у дальнимъ покои.

Ядвыга (*на бикъ*). Ото добре, пане Яне: обицявся зрання на кганку чекаты, у садокъ питы. (*Голосно*). Не треба ничого казаты, а нехай панна Тереза у садокъ прыйде, тилькы не сюдою (*обертается, Даныло уклоняется*). Добрыдень, пане сотныку, а йдить лышень вашець сюды... блыжче, блыжче (*Даныло пидходыть до схидцивъ*). Ядвига (*жартовлыво суворо*). Я ще й не бачыла вацпана зъ позавчорашнёго, може й сёгодни сердытый, може й на мене заразъ шаблю выймешъ?... кажы, чого мовчышъ?... Ну!

Даныло. Грихъ, ясна панно, такъ казаты... Щыро я служу.. и служывъ бы панни докы свита сонця.

Ядвыга. Отакъ щыро панамъ служышъ, що зъ шаблею выдаешся?

Даныло. Адже сама ясна панна казала мени по воду бигты... Зустривея той панъ... вылаявъ мене, зъ шаблею кынувся... Я жъ панни слуга, а не пана Дембинського.

Ядвыга. Ачъ гоноровытый якый! Гляды, козаче, якъ не будешъ шыю гнуты, то зломаешъ хутко! (*не жартуючы*). Щаслывый ты дуже, що гниватысь довго не можу, а якъ бы хочъ заразъ пишла, та пану князеви за тебе сказала, що бъ тоби було?... кажы!...

Даныло (*мовчыть, усе дывытся на неи*).

Ядвыга (*тупае*). Чомъ языка не розвъяжешъ!? Кажы заразъ, отъ упартый!

Даныло (*спокiйно*). Повисылы бъ мабуть, чы що.

Ядвыга (*сплеснувшы рукамы*). Чы ты такы божевильный, чы вже зранку пъяный! Повисылы бъ, каже, и байдуже ёму! (*поважно*). Тоби воно дурному може й байдуже, а мени шкода було бъ тебе, бо вирный слуга и добрый, и ще за те тебе люблю, що видъ смерти мене порятувавъ.

Даныло (*берется за ладанку*). Що? що кажешъ, панно моя?!... Що порятувавъ, то...

Ядвыга. Не розумieшъ? люблю тебе, що служышъ добре...

Даныло (*хапае за рукы хутко*). Панно, ясочко моя, люблю тебе, згыну за тебе... покохай мене... увесь свитъ и Сичъ...

Ядвыга (*сылкуется вырватыся*). Що? що? Збожеволивъ хлопъ мерзеный, цыганъ, прыблуда!

Даныло. Не хлопъ... не цыганъ... козакъ запорозькый...

Ядвыга. Бунтаръ, гайдамака! Рятуйте! (*Даныло пускае iи, вона бижыть у палацъ*).

Даныло (*мовчыть, дали скажено*). Збрехавъ нимець проклятый, зрадывъ!.. Що жъ теперъ?!.. (*видскакуе на середъ сцены, гука*). Въ Макогона горыть! (*бижыть направо, за кономъ ёго голосъ*). На коней! (*Килько голосивъ за кономъ*). Въ Макогона горыть! (*Тупотять кони, свыстять и гукають на коней*).

Ява III.

(*Зъ башты выбига Рамберъ; зъ палацу, зъ-за палацу и зправа, зъ-за саду выбигають пахолы и килькы нимцивъ*).

Рамберъ (*хапае пахола за комиръ*). Halt! (*уси зупыняются*). Sacrebleu! ты гукавъ? Де горыть?

Пахолъ (*переляканый*). Не знаю, пане!

Рамберъ (*трусыть ёго*). Чого жъ гвалтуешъ? mille diables!

Пахолъ. То козакы гукалы.

Рамберъ. Яки козакы, canaille!?

Пахолъ. Пана сотныка козакы; булы отутъ коло брамы, падалы на коней тай подалысь на передзамча.

Рамберъ (*пускае пахола, бижыть на шанець, пахолы зтыха гомонять промижъ себе по куткахъ, нимци видходять управо*). Ну, ще якъ тамъ, то ничого (*на шанци*)... Де жъ воно горыть?... Скачуть черезъ майданъ... сотныкъ шаблею маха... Пойихалы за схызмацьку церкву, сховалысь... Ничого не бачу... Що воно таке?.. (*здвыгае плечыма*). Якъ повернется сотныкъ, то будемъ знаты... а про те покы що (*гука*). Гей Дитрыхъ?

Дитрыхъ (*выходыть зъ башты*). Hier!

Рамберъ. Браму зачыныты и десять чоловика зъ мушкетамы (*зходыть зъ шанця, гука до вартового, що на шанци*). Макъ-Найль!

Нимець (*выходыть зъ-за палацу на шанци*). Hier!

Рамберъ (*на подвирьи*). Якъ що побачышъ, що горыть, чы що, то гукны заразъ (*йде до башты, сидае на ослонци*). Щось сёгодни спозарання гвалтують, чы не буде чого.

Ява VI.

Тижъ, Янъ, дали Ядвыга.

Янъ (*выбигае зъ палацу безъ шапкы, зъ шаблею у руци, поглянувшы навкругъ, гука скажено*). Де Даныло? сотныкъ де?

Пахолъ. Ось заразъ побигъ зъ брамы и козакы зъ нымъ, пане.

Янъ. Коня! (*тупае*). Мыттю! (*пахолъ бижыть управо*). Пистоли заразъ мени!... у покою! (*маха рукою на другого пахола, той бижыть у палацъ, зъ палацу выбигае Ядвыга*).

Ядвыга. Ясю, куды!? Ясю! (*пидбигае, хапае за руку*). Куды побигъ!?

Янъ (*зворушеный*). Панна ще пытае!? Та за тымъ гультяемъ, хлопомъ зухвалымъ.

Ядвыга (*хутко*). Не треба, не треба, покынь!

Янъ (*видступае, Ядвыга усе держыть за руку*). Якъ то!? Щобъ отакъ ёго пустыты!?

Ядвыга (*хутко*). Боюсь, боюсь... нехай хто другый... козакы... та ни, не треба... Побигъ и не вернется... Нехай соби... Тилькы ты, Ясю... ну на що тоби!?

Янъ (*скажено*) Ни, я не послухаю (*гука*). Коня!

Пахолъ (*выбигае зправа, вказуе рукою направо*). Заразъ сидлають, пане, тилькы браму нимци зачынылы й вартують.

Ядвыга (*до Рамбера*). Пане Рамберъ!

Рамберъ (*зъ того часу, якъ выбигла Ядвыга, стоить, трыма капелюхъ у руци; на іи слово уклоняется*). Слуга панны.

Ядвыга (*хутко*). Зъ брамы никого не пускаты, а надто пана Яна, чуе панъ?

Рамберъ (*уклоняется, ввичлыво*). Якъ ясна панна скаже, то й самого князя навить не выпустю.

Янъ (*хоче йты до Рамбера*). То панъ копытанъ...

Ядвыга (*держыть за руку, перепынае*). То я прыказала и моя воля, а панъ Янъ мене заразъ мае до покою проводыты.

Рамберъ. Пане, то соромъ дали пручатысь, не по кавалерськи.

Ядвыга. И справди що такъ... пане Яне?

Янъ (*сердыто*). Панно, вже я разъ того зухвала проклятого выпустывъ, а теперъ мени панна зновъ прыказуе ёго пустыты!? Та що-жъ я, не шляхтычъ—чы що!? Колы у мене передъ очима отакъ надъ панною згнущаются!

Ядвыга (*ласкаво*). Ясю, не прыказую тоби, а попросыты можно? можно пана Яна просыты? Першый разъ тилькы (*кладе рукы на плечи ёму, дывытся у очи*).

Янъ (*понуро*). Панна добре видае, що усима може верховодыты.

Пахолъ (*выбигае зъ палацу, гука на другого*). Панъ князь хоче на кганокъ выйты—пытается, що то за гвалтъ (*бижыть назадъ у палацъ, другый пахолъ зъ подвиръя за нымъ*).

Ядвыга. Иды, Ясю, до тата. Хутко, та не турбуй ихъ: воны теперъ нездужають, не можно имъ казаты за того хлопа

поганого, не вартъ винъ того, щобъ зъ-за ёго тато гнивалысь, та знову-бъ захорувалы... Иды, Ясю, я тебе тутъ почекаю (*Янъ понуро йде у палацъ, ховае шаблю у пыхву*). Иды хутко (*на бикъ*). Слава Богу, заспокоила Яна, бояласъ дуже, щобъ винъ на того гайдамаку самъ не кынувся... Така звирюка!... Козакъ запорозькый, каже. (*Голосно*). Пане Рамберъ! (*зворушена, ходыть по сцени*; *Рамберъ пидходыть, уклоняется, ходыть поручъ*).

Рамберъ. Слуга яснои панны.

Ядвыга (*усмихается*). А видае, панъ, хто ёго прыятель велыкый, панъ сотныкъ? Запорожецъ—отъ що!

Рамберъ. Я ще якъ уздривъ, то одразу побачывъ, що жовниръ.

Ядвыга (*дывуется*). То то пану й байдуже?!

Рамберъ. А що жъ? Бывся я зъ запорожцямы не разъ—добри жовниры и до бытвы, и до усёго.

Ядвыга. А я то ще не бачыла запорожцивъ, але той Даныло... Ни, не можу, скажу такы пану, що то за зухвальство... Повирышъ, пане, щобъ у мене козакъ закохався и декляраціыю навить зробывъ?

Рамберъ. То не слипый, выходыть, запорожецъ.

Ядвыга. Панъ навить жартуе! (*сердыто*). Щобъ отакъ мени хлопъ смилыво въ вичи прызнався!

Рамберъ. Панно, то не козакъ бидный вынненъ, а краса панны (*на бикъ*). Diable! ото встругнувъ сотныкъ!

Ядвыга. Бо-зна-що панъ розсказуе!... Пану абы жартуваты! (*сміется*).

Вартовый (*на шанци*). Горыть!

Рамберъ Горыть такы! (*бижыть на шанецъ*).

Ядвыга. А де горыть?

Рамберъ (*на шанци*). Шынкарева хата!... та то ничого витру немае и людей йе коло шынку (*на ганокъ выходыть князь, спыраючысь на Яна*; *позаду пахолъ*).

V.

Князь. Чого тутъ гвалтувалы? Горыть десь, чы що?

Рамберъ. Въ шынкаря горыть... а ось и въ Берка... и школа жыдивська... и гарманъ пана ловчого... Tonnerre de Dieu! (*тупае*).

Янъ (*бижыть на шанець*). Справди... усюды горыть... що жъ воно?

Рамберъ. А панъ не чуе ничого? (*павза*) Стриляють коло будынку пана ловчого.

Князь. Що каже панъ копытанъ?

Рамберъ. Хлопы пиднялысь, пане князю.

Князь (*хытается, Ядвыга пидтримуе ёго*). Не може буть!.. А надвирни?!..

Рамберъ. Мабуть зрадылы... бо помижъ хлопствомъ выдно коло шынку червони жупаны.

Князь (*берется за голову*). Ще сёго треба!

Ядвыга. Татуню заспокойтесь! (*до Рамбера*). Пане Жылю... се ничого? Обороныте замокъ? справди?

Рамберъ (*уклоняется*). Ясна панно, брама зачынена, компанія у замку, хочъ и зубасти хлопы, а стинъ не вгрызуть.

Князь. Нещастя, нещастя!... Ой, тяжко мени. (*Хытается. Ядвыга и пахолъ пидтримують его, Янъ бижыть зъ шанця*).

Рамберъ. Идить до покою, мосци князю! вже усе буде, якъ слидъ (*Янъ и Ядвыга ведуть князя у палацъ, пахолъ позаду*).

Ява VI.

Рамберъ (*идень на шанци*). Мабуть уся сотня зрадыла... Погане дило!... Дитрыхъ!

Дитрыхъ (*выходыть зъ вежи*). Hier!

Рамберъ. Люде не обидалы?

Дитрыхъ. Ще ни, пане копытане.

Рамберъ. Нехай швыдче пойидять... роздай порохъ и кули... поклычъ покы що тихъ, що на брами,—ще не часъ. (*Дитрыхъ видходыть управо, зъ палацу выходыть пидскарбій, стае на ґанку*).

Пидскарбій. Пане Жылю! а що, пидуть хлопци на замокъ?

Рамберъ. Якъ захтять, то пидуть.

Пидскарбій. А воно намъ безпешно? Якъ наше дило? (*на ганокъ выходыть Янъ*).

Рамберъ. А ничого. Днивъ зо-тры ще будемъ жыви... Diable!

Янъ (*гостро*). То жартуе панъ комендантъ!

Рамберъ. Добри жарты!

Янъ (*зъ гнивомъ*). Та що жъ панъ заразъ отутъ казавъ, колы панна Ядвыга пытала?

Рамберъ (*спокійно*). А на що квапытысь? хыба то що поможе; я такъ миркую, що усимъ колысь треба вмыраты, але не треба напередъ знаты, колы воно буде. На що жъ було ясновельможну панну лякаты, колы ще тры дни, кажу, маемо.

Янъ. Чого-жъ то тры дни!? а дали!?.

Рамберъ. А йды, пане, сюды на часъ (*Янъ бижыть на валъ*). Бачышъ, пане, якъ захтять хлопы заразъ замку добуваты, то прыймемо ихъ добре—у друге не полизуть; але бачыть панъ добре отого щовба, що выще шынку?

Янъ. Ну, дали!?..

Рамберъ. А дали отъ-що. Сёгодни хлопы розибьють шынкы и выпьють усю горилку. Взавтра, або взавтра у-ночи, на тымъ щовби вже будуть покопани шанци и гарматы туды повытягають; писля того, у четвергъ, розибьють башту, що на кутку, и замкову браму, а у пьятныцю що тутъ буде робытысь, то вже мени байдуже буде, тай тоби, мабуть, пане. Розумієшъ?

Янъ. А у замку немае гарматъ?!

Рамберъ. Йе гакивныци маненьки, по дви у башти, а велыки гарматы уси по валахъ на передзамчу, але то вже не Жыль Рамберъ такъ добре выгадавъ. Якъ-бы учора, колы пійшовъ регыментъ, та зробывъ мене князь комендантомъ, якъ панъ каже, то булы-бъ отутъ ци гарматы, або въ кожнои хочъ по доброму цвяху сыдило-бъ; то була-бъ друга ричъ.

Пидскарбій (*тымъ часомъ стоявъ на подвирьи, слухаючы, йде у палацъ на бикъ*). Чекайте-жъ отутъ, панове, до пьят-

ныци, кому те до вподобы, а я сёгодни у-ночы до Кыива, вже добре знаю, кудою звидцы выбратысь (*видходыть у палацъ*).

Янъ (*сумно*). Що-жъ робыты теперъ?

Рамберъ. Що робыты? Венгжыны выпыты, и моимъ овечкамъ по гарцю доброму даты—менче хлопамъ зостанется; тильки не треба имъ лёху видчыняты, бо перепьются, тай дурно ихъ хлопы порижуть, а такъ ще на останне добре пограемось. Жовнирська доля—не до вподобы, молодый пане полковныку?

Янъ (*зворушеный*). Пане Жылю! не боюсь я смерти, бо шляхтычъ... але не знае панъ и нихто не знае, що кохаю я щыро панну Ядвыгу, що позавчора тильки я зъ нею заручывся.

Рамберъ. Sacrebleu!.. Шкода панны, та що-жъ... бува й такъ! (*павза*) Ma vie, е способъ, тильки це пана дило!

Янъ. Кажы, хочъ у вогонь заразъ!!

Рамберъ. Сёгодни не пiйдуть хлопы на замокъ, бо имъ дила багато: жыдивъ ризаты, раду збыраты, та горилку пыты. Якъ у-ночи не уси вартови пьяни будуть, то може зъ хуторянъ хто буде на варти, що пана николы навить и не бачылы. Одягнется панъ у хлопську одежу, тай у-ночи може якось зъ замку проберется, а тамъ просто до обозу.

Янъ (*кыдается, обiймае Рамбера*).

Рамберъ. Тилькы панъ це може зробыты, другыхъ заразъ пизнають, а пахолы—то зрадять, сучи сыны. Панъ визьме кинджалъ и пистоли; якъ добуде коня, то до Черкасъ не такъ воно й далеко.

Янъ. А вже-жъ недалеко!... Йидно, що боюсь: отакъ панну у замку покынуты; панъ князь щось заслабъ.

Рамберъ. Ma foi! Объ тимъ не турбуйся, пане: слово жовнирське пану за тры дни.... не бильше, бо тоди мени за мого камарада пана Данила соромъ буде, якъ винъ до пьятныци замку не визьме.

Янъ. Хлопъ мерзеный! Колы-бъ винъ мени у рукы тилькы попався!

Рамберъ. Э, пане, чого доброго жовнира лаяты!... Ну, нехай, це вже ваше дило... Але якъ зустринетесь може сёгодни

у ночи, то не забувай, пане, шапку изняты, та ще й чуба треба буде по козацькы выголыты (*сміется*).

Я нъ. Ну, годи... Пиду вклонюся панни и ёго мосци (*хоче йты*).

Рамберъ (*зупыняе его*). Якъ хоче панъ мене послухаты, то ничого панни казаты не треба, бо якъ не схоче пана пустыты, и мени прыкаже, то й я тоди пану не дамъ утекты, хочъ-бы й звязаты мусывъ. А сёгодни ще до пивночи хочъ звидцы на аркани пана спустымо; а якъ вбьють, то хыба не одынъ чортъ сёгодни, чы у четвергъ? Жывцемъ тилькы не треба даватысь.

Я нъ. То маю-жъ слово пана копытана (*стыскае руку*).

Зависа.

Ѳ. Пильченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи.* Городской голова Архангельска, Поповъ, внесъ въ 1805 г. въ думу предложеніе о назначеніи мѣстному городскому духовенству опредѣленнаго жалованья, освободивъ его отъ обычныхъ хожденій по домамъ съ крестомъ и молитвою передъ праздниками Рождества и Пасхи. Дума признала, что обычай такого хожденія противорѣчитъ указу 1724 г. и, кромѣ того, «отнимаетъ къ духовнымъ уваженіе, ибо многіе дома иногда святыни съ подобающимъ благоговѣніемъ не пріемлютъ и священниковъ съ должною честію не пускаютъ подъ разными предлогами»; поэтому дума согласилась съ предложеніемъ головы и ассигновала: соборному причту 500 рублей въ годъ жалованья, а причтамъ остальныхъ городскихъ церквей отъ 250 до 100 руб. По донесеніи объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ и по докладѣ послѣдняго императору Александру I, архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Форстеномъ былъ полученъ, въ сентябрѣ 1805 г., слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Объявите градской думѣ и всѣмъ, участвовавшимъ въ семъ положеніи гражданамъ, что, пріемля съ искреннимъ участіемъ каждый опытъ общественнаго къ церкви уваженія и взирая съ удовольствіемъ на всѣ тѣ случаи, гдѣ духовенству оказывается достодолжное вниманіе и преграждаются поводы, могущіе подвергнуть его какому-либо и самомалѣйшему въ народѣ нареканію, я по всѣмъ симъ отношеніямъ признаю поступокъ архангельскаго градского общества весьма похвальнымъ и заслуживающимъ особенную мою при-

знательность и благоволеніе». Такимъ образомъ мѣра, принятая городской думой Архангельска, была Высочайше одобрена и поощрена, какъ образецъ, достойный всеобщаго подражанія; поэтому со стороны министерства внутр. дѣлъ, а равно и св. Синода, были повсемѣстно разосланы указы относительно предложенія городскимъ обществамъ послѣдовать примѣру Архангельска и назначить духовенству постоянное жалованье взамѣнъ предпраздничнаго хожденія его по домамъ прихожанъ.

Получивъ такой указъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ немедленно оповѣстилъ о томъ всѣ городскія думы ввѣренныхъ ему полтавской и черниговской губерній и предложилъ обсудить данный вопросъ и донести ему, какое послѣдуетъ о немъ постановленіе.

Результаты этого предложенія по полтавской губерніи были таковы. Въ восьми городахъ (въ Переяславѣ, Прилукѣ, Золотоношѣ, Лохвицѣ, Пирятинѣ, Глинскѣ, Кобелякѣ и Константиноградѣ) думы не признали нужнымъ назначить своему духовенству постоянное жалованье, находя существующій обычай хожденія по домамъ съ крестомъ и молитвою вполнѣ умѣстнымъ и удержаніе его на будущее время весьма желательнымъ. Такъ, обыватели Кобеляка въ собраніи, созванномъ городничимъ, высказались, что они «очень довольны благонравіемъ и добрымъ поведеніемъ духовенства и считаютъ для себя пріятнымъ временемъ посѣщеніе ихъ въ домахъ по праздникамъ приходскими священниками, которые съ подобающимъ благоговѣніемъ, имѣя при себѣ крестъ, обходятъ своихъ прихожанъ. Самобѣднѣйшій хозяинъ вмѣняетъ себѣ въ немалую обиду, если приходскій священникъ въ опредѣленное праздникомъ время не посѣтитъ со святынею его дома». Прилуцкіе граждане также находили существующій обычай хожденія съ молитвою и крестомъ весьма хорошимъ, особенно въ праздникъ Богоявленія, «ибо вода (читаемъ въ ихъ постановленіи) освящается, по положенію церковному, не только къ одному только ея въ питье употребленію, но и для освященія домовъ». Пирятинцы отозвались, что они «за удовольствіе считаютъ» посѣщеніе ихъ домовъ духовными. Такъ же мотивировали свой отказъ и другія городскія думы. Роменская дума сначала отклонила отъ себя созваніе гражданъ для обсужденія предложеннаго вопроса и предложила это сдѣлать полиціи, но послѣдняя не рѣшилась на это, не имѣя предписанія начальства. Завязалась переписка. Князь Куракинъ пред-

писалъ думѣ созвать собраніе, находя, что «положеніе сіе (т. е. назначеніе жалованья) должно быть основано на добровольномъ согласіи общества, а потому полиціи не нужно». Послѣ этого вопросъ о жалованьѣ духовенству рѣшенъ думой въ утвердительномъ смыслѣ, для чего постановлено обложить городскихъ жителей небольшимъ налогомъ (по 23—24 коп. съ души, различно по приходамъ) и деньги эти вносить «ктиторамъ» (церковнымъ старостамъ). Подобное же постановленіе состоялось и въ Хоролѣ, гдѣ прихожане были обложены налогомъ по 20 коп. съ двора. Какъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ остальныхъ шести уѣздныхъ городахъ—неизвѣстно, такъ какъ донесеній отъ нихъ не получено, или же они не сохранились въ дѣлѣ. Подобную же участь имѣло правительственное предложеніе и въ черниговской губ. Пять городовъ (Черниговъ, Козелецъ, Глуховъ, Конотопъ и Городня) совершенно его отвергли по тѣмъ же соображеніямъ, что и въ полтавской губ. Лишь въ двухъ городахъ [1]) состоялись постановленія о сборѣ въ жалованье духовенству—въ одномъ по 20 к., въ другомъ по 40 коп. съ души. Жители Стародуба также постановили сдѣлать сборъ въ пользу городского духовенства, но не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ видѣ добровольныхъ приношеній, чтобы каждый домохозяинъ вносилъ ту именно сумму, какую онъ платилъ духовенству при посѣщеніяхъ его дома, и собранныя такимъ способомъ деньги были распредѣлены между причтами. Достойно замѣчанія, что въ Стародубѣ въ то время было 16 церквей. Остальныя городскія думы не сообщили своихъ рѣшеній. [2])

Вообще можно сказать, что предложенная мѣра замѣнить доброхотныя подаянія духовенству опредѣленнымъ жалованьемъ не встрѣтила сочувствія въ Малороссіи и потому не имѣла никакого успѣха; даже и въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ состоялись постановленія о налогахъ въ пользу духовенства, эти постановленія остались мертвой буквой. Въ то время приходское духовенство въ Малороссіи было еще выборнымъ, а матеріальное его обезпеченіе, равно какъ и вообще правовыя отношенія причта и прихожанъ опредѣлялись путемъ свободнаго договора. Этими отношеніями, выработанными исторіей и общимъ строемъ жизни страны, обѣ стороны были

---

[1]) Въ какихъ именно—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

[2]) Извлечено изъ архива Полт. Губ. Правленія; дѣло по описи № 273.

еще и въ началѣ XIX в. совершенно довольны и не видѣли нужды въ чемъ-либо измѣнять ихъ.

—

2. *Объ открытіи ртутной руды.* Помѣщикъ Константиноградскаго повѣта, маіоръ Бѣлуха-Кохановскій, увѣдомилъ въ 1805 году полтавскаго губернатора Муханова о находкѣ въ его имѣніи мальчиками-пастухами ртути. Не повѣривъ сначала мальчикамъ, самъ Бѣлуха пошелъ осматривать эти мѣста и дѣйствительно добылъ ртуть, которую и представилъ губернатору. Губернаторъ Мухановъ донесъ объ этомъ князю Куракину, которому и представилъ этотъ кусокъ ртути, „сіе новоизобрѣтенное ископаемое", какъ выразился въ своемъ рапортѣ губернаторъ. Кн. Куракинъ послалъ эту ртуть, съ донесеніемъ, министру внутреннихъ дѣлъ, который поручилъ изслѣдованіе ея одному „изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ" (фамилія въ дѣлѣ не упоминается). О результатѣ этого изслѣдованія министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ кн. Куракина.

Сообщаемъ въ подлинникѣ результаты изслѣдованія, какъ это помѣщено въ бумагѣ министра. „По разслѣдованіи, читаемъ въ ней, оказалось: 1) что ртуть по всѣмъ пробамъ оказалась чистою и ни съ какимъ другимъ металломъ не смѣшанная; 2) что земля по наружному виду показываетъ находящуюся въ ней ртуть, какъ въ природномъ ея видѣ, такъ и въ соединеніи съ сѣрною и соляною кислотами; она нерѣдко также въ ртутной рудѣ бываетъ соединена съ сѣрою, которой, однакоже въ семъ случаѣ не было примѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ; на раскаленныхъ угольяхъ показывало ртутный паръ, но по причинѣ слишкомъ малаго количества ртутной руды, нельзя, было ни посредствомъ огня, ни посредствомъ раствора, опредѣлить количества ртути, содержащей въ оной."

Этимъ исчерпывается все дѣло объ этой находкѣ. Судя по этому увѣдомленію министра, необходимы были дальнѣйшія изслѣдованія, но производились-ли они на мѣстѣ, изъ дѣла не видно. Имѣніе Бѣлухи-Кохановскаго давно перешло въ другія руки и обработки въ ней руды не было никогда. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, дѣло по описи № 260).

—

3. *О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ.* Въ 1804 году въ имѣніи жены капитана С. Н. Ковалевской, въ селеніи Надеждовкѣ (Константиноградскаго уѣзда) вода въ нѣсколь-

кихъ колодцахъ оказалась негодною для питья, изъ чего помѣщица заключила, что эта вода—минеральная, очень полезная при излѣченіи скорбута, о чемъ и донесла полтавскому губернатору. Помимо этого, въ томъ же донесеніи Ковалевская сообщаетъ, что въ имѣніи ея есть и глина, очень удобная для валянья суконъ, вполнѣ замѣняющая мыло. Губернаторъ сообщилъ объ этомъ кн. Куракину, который сейчасъ предписалъ доставить эту воду въ Полтаву, во врачебную управу для изслѣдованія. Химическій анализъ, за отказомъ завѣдывавшаго въ то время большой Лубенской казенной аптекой и ботаническимъ садомъ, Штаубе, порученъ былъ завѣдывавшему только что открытой, по иниціативѣ того же Куракина, первой аптекой въ Полтавѣ, провизору Ивану Сессу. Сессъ произвелъ химическій анализъ присланной воды, ѣздилъ въ имѣніе Ковалевской и нашелъ въ составѣ воды примѣси глауберовой соли, сѣрнокислой извести, углекислой магнезіи, горькой соли и проч. Но кн. Куракинъ не удовольствовался этимъ и отправилъ нѣсколько бутылокъ воды для изслѣдованія въ Харьковскій университетъ, гдѣ оно было поручено адъюнкту Гизе. Послѣдній счелъ необходимымъ побывать на мѣстѣ, куда и направился, пробывъ въ Надеждовкѣ довольно долго. Изслѣдованіе его сошлось съ анализомъ Сесса; онъ нашелъ тѣже примѣси, сообщивъ, что вода эта полезна при лѣченіи желудка и головныхъ болей. Заинтересованный этимъ кн. Куракинъ счелъ нужнымъ лично отправиться въ имѣніе Ковалевской и въ имѣніе С. М. Кочубея (по р. Орели), гдѣ открылась такая же минеральная вода. Вслѣдъ за открытіемъ воды въ имѣніи Кочубея, открылась вода съ тѣми же свойствами и у сосѣда Ковалевской, въ имѣніи отставного маіора Кулина. Наплывъ больныхъ въ Надеждовку, владѣлица которой продавала уже воду на сторону, по 2 к. за кварту и позволяла даже вывозить ее бочками, видимо, смутилъ маіора Кулина, который, не желая нарушить своего покоя, велѣлъ засыпать колодезь. Лѣченіе же у Ковалевской больныхъ продолжалось и количество ихъ все увеличивалось. Пользованіе этой водой, отъ которой многіе якобы излѣчивались, сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами Полтавщины. Одесскій вольнопрактикующій врачъ, нѣкто Новакъ, нарочно прибылъ въ имѣніе Ковалевской, производилъ изслѣдованія и донесъ генералъ-губернатору о десяти случаяхъ исцѣленія этой водой отъ болѣзней. Характерно, что этотъ врачъ Новакъ никогда не былъ въ Одессѣ врачемъ, какъ онъ подписался на своемъ донесеніи. Кн. Куракинъ, желая сдѣлать его врачомъ

въ Надеждинскомъ курортѣ, обратился съ запросомъ о немъ въ Одессу, откуда увѣдомили, что такого врача въ Одессѣ нѣтъ и не было.

Наплывъ больныхъ и успѣшность ихъ лѣченія обратила вниманіе константиноградскаго маршала (уѣзд. предводителя), видимо, слѣдившаго за ходомъ этого дѣла, и онъ донесъ кн. Куракину, что вода эта производитъ „чудныя дѣйствія." Дѣйствительно, въ дѣлѣ находимъ многочисленный списокъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе отъ пользованія этой водой, главнымъ образомъ, больныхъ желудкомъ, ревматизмомъ, головными болями, одышкой и проч. Эти свѣдѣнія заставили кн. Куракина отправить донесеніе обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Послана была для изслѣдованія и вода. Изслѣдованіе въ Петербургѣ затянулось и результаты его сдѣлались извѣстны только въ 1808 г., о чемъ кн. Куракинъ, бывшій тогда уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, и увѣдомилъ своего преемника по управленію Малороссійской губерніей, кн. Лобанова-Ростовскаго. Воду эту Медицинскій совѣтъ нашелъ полезною, похожею по свойствамъ своимъ, на Зейдшицкія воды въ Богеміи. Министръ вн. дѣлъ поэтому разрѣшилъ устроить въ Надеждовкѣ курортъ для лѣченія этой водой и приступить къ необходимымъ постройкамъ. (Кочубей уже, какъ видно изъ бумаги министра, приступилъ къ нимъ); кромѣ того, разрѣшено было назначить особаго доктора при этихъ водахъ, съ правами коронной службы. Продавать же воду на сторону, какъ это дѣлала Ковалевская, было запрещено. Долго ли просуществовалъ этотъ курортъ—неизвѣстно. Одно лишь можемъ сказать, что въ настоящее время никакого курорта въ константиногр. у. нѣтъ, не сохранилось и преданія о томъ, что онъ когда-то былъ.

Въ этомъ же дѣлѣ есть замѣтка Пиленка, служившаго въ то время на Луганскомъ заводѣ. Этотъ Пиленко, обозрѣвая горы по правой сторонѣ р. Орели, замѣтилъ такую же глину, какая была найдена въ имѣніи Ковалевской, для чего и рылъ небольшія копанки, которыя, какъ онъ доносилъ объ этомъ, скоро наполнялись соленовато-горькою водою, похожею на воду, открытую у Ковалевской и Кочубея. Изъ этихъ данныхъ (а рылъ онъ эти копанки въ разныхъ мѣстахъ) Пиленко и дѣлаетъ выводъ, что такую воду можно найти во многихъ мѣстахъ. Эта замѣтка Пиленка заставляетъ предположить, что вода въ имѣніяхъ Ковалевской и Кочубея едва ли была вполнѣ цѣлебной; на нее въ первое время набросились больные, а затѣмъ

наплывъ мало-по-малу сокращался, пока совсѣмъ перестали ею пользоваться. Что касается глины, то Пиленко, сообщившій, что такой глины много въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, былъ правъ; это былъ мергель, т. е. глина съ примѣсью извести. (Арх. Полт. Губ. Правл. дѣло № 233).

И. Фр. Павловскій.

Одинъ изъ колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря. *(Къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи).* Исторія колокола видна изъ слѣдующихъ на немъ надписей. *На одной сторонѣ*: «Сей звонъ дѣлалъ в Новгородку Сѣверскомъ Иванъ Андриевичъ, людвисаръ (литейщикъ) новгородски». Подъ этою подписью гербъ Мазепы съ иниціалами: І. М. Г. В. Е. Ц. П. В. З. и стихи:

Иоанъ, гетманъ славный на Бжию хвалу,
Полагаетъ надежду и всю свою славу,
Возгласитъ и сей еще звунъ о его славѣ,
А придатокъ немалый будетъ к вѣчной хвалѣ.

На другой сторонѣ: Гербъ архимандрита Михаила Лежайского, съ иниціалами: М. Л. А. М. В. С. Н. С., и стихи:

Вѣртъ (?) от Симеона гетъманича данимъ
Колоколъ Спсу зосталъ зепсованимъ,
В звонѣхъ же Спсу хвалу добре быти
Новопотщался звонъ тожъ переробити.

Вверху этихъ надписей, изображеніе Спасителя и кругомъ слова: «краснѣйши добротою паче сыновъ человѣческихъ царь славы Гдь».

Кругомъ всего колокола надпись: «Року ҂ахчн (1698), мца октотоврія дня ӑ, за державу благочестивого нашего гдра цра и велико'о кнзя Петра Алексеевича, Великія и Малыя Россіи Самодержца, и при счастливымъ владѣніи ясневелможного его милости пана Иоана Стефановича Мазепы, гетмана войска его црского пресвѣтлого величества запорозкого. Изрядну же обители свтой всемлстиваго Спса новгородзкого строителю архимандриту сущу тогда Михаилу Лежайскому».

Кромѣ колоколовъ, въ старой Малороссіи лили и пушки. Въ артиллерійск. музеѣ, въ С.-Петербургѣ, хранится пищаль (вѣсъ 23

пуда 30 фунт.) съ такою надписью на казенной части: «За счастливого регимента ясновелможной (sic) милости пана Ивана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества запорозского, вылита сія армата въ Глуховѣ до города Кенетопа (т. е. Конотопа), року 1697. Карпъ Иосифовичъ дѣлатель». Въ Брянскомъ арсеналѣ имѣется мортира, вѣсомъ въ 50 пуд., съ слѣд. надписью на дульной части орудія: «За царства пресвѣтлѣйшого и велikодержавнѣйшого государя царя, великого князя Петра Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, стараніемъ же и коштомъ ясневелможного его милости пана Иоана Мазепы, гетмана съ войскомъ запорозкимъ». На казенной части: «лилъ сей можчеръ [1]) Карпъ Иосифовичъ, людвисаръ глуховски, року 1698». (См. *«Обзоръ коллекцій артиллерійскаго отдѣла Московск. политехнич. выставки 1872 года»*. Спб. 1872, 16⁰, стр. 29, 44).

Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ. «Милостивый государь Василій Григорьевичъ! Вы имѣете здравомысла. Поздравляю васъ, себя и благомыслящихъ соотечественниковъ нашихъ. Кто не порадуется, видя такого молодого человѣка, подающаго великіе о себѣ надежды?—О ежели бы у насъ было побольше здравомысловъ!

Возвращаю вамъ его труды. Благодарю вамъ за пріятные минуты, доставленные мнѣ чтеніемъ оныхъ. Простите мнѣ, что я умедлилъ возвращеніемъ. Я не моглъ лишить моихъ пріятелей удовольствія, чтобы не сообщить имъ сего сочиненія для прочтенія.

Уже двѣ части маія прошло, а я не собрался выѣхать въ мой хуторъ въ роменскомъ повѣтѣ. По пріѣздѣ моемъ туда, надѣюсь найти (въ) Роменской почтовой конторѣ, у г. Палажченкова, ваше писаніе ко мнѣ и еще какіе-нибудь изъ книгъ и изъ бумагъ вашихъ.

Честь имѣю быть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепа.

Мая 19 д., 1810 года. Чепурковка». *(Съ подлинника)*.

Кого разумѣетъ здѣсь Чепа подъ именемъ *здравомысла*—не догадываемся.—Въ это время Чепа жилъ, повидимому, въ отставкѣ въ пиря-

---

[1]) См. у Линде: „Moździerz—rodzay działa krótkiego, ale śrzednicy obszerney do rzucania bomb i różnych kul ognistych».

тинской деревнѣ своего тестя, мичмана Плевковскаго, Чепурковкѣ. [1])— Здѣсь же, для біографіи Чепы, сообщаемъ два свѣдѣнія. *Первое.* Подъ конецъ своей службы у Румянцова, Чепа занимался и частными дѣлами послѣдняго; онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта по имѣніямъ Румянцова и давалъ свое заключеніе, напр., по вопросамъ о возбужденіи судебныхъ процессовъ изъ-за имѣній Румянцова. Положеніе Чепы, среди персонала разныхъ управляющихъ Румянцова—видно изъ слѣд. письма одного изъ послѣднихъ (Подлузскаго), писаннаго къ Чепѣ въ іюлѣ 1792 г.—«Какъ я вамъ, любезный другъ мой, усердно преданъ, такъ и скажу правду, что въ Топалѣ и во Внуковичахъ не нашолъ (ничего?) къ лучшей пользѣ господской. Потщимся хотя мало чемъ отслужить нашему великому хлебодару. А что вы просили отлучится въ вашъ домъ, въ семъ васъ я не оправдаю. Я будучи при сущей моей семьѣ, желаю толко случая приказаніе его с—ва вездѣ исполнять волю его, а вы другова со мною расположенія...» *(Орфографія подлинника).*

Второе. Въ бумагахъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ Университетъ св. Владиміра, находится, между прочимъ, такая замѣтка о Чепѣ: «Ст. сов. Чепа, служившій въ канцеляріи Румянцова по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій—посредствомъ упражненія—искусства писать превосходно и даже опередившій свое время. Человѣкъ тяжелый и вялый, отъ которого трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываемъ малороссійскимъ генер.-губернаторомъ (кн. Репнинымъ) въ правители канцеляріи, но безъ успѣха».

Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Макарову. «Государь мой Гаврила Яковлевичъ! Получа сіе, пришлите сюда въ скоромъ времени находящихся въ Дѣвицѣ (село прилуцк. у.) моихъ музыкантовъ съ ихъ инструментами, гузаровъ двухъ, на ихъ лошадяхъ, съ уборомъ, птичника, егеря, поварскаго мальчика Петра Пискарева и два цука лошадей чалыхъ и разношерстыхъ, съ надлежащимъ числомъ кучеровъ и форейторовъ.

[1]) См. „Извѣст. Таврич. Учен. Архивн. Коммиссіи“, № 22, *Ордера кн. Пл. Ал. Зубова.*

Евграфа Украинцова пошлите въ Парафѣевку, приказавъ ему осмотрѣть тамъ всѣ мои вещи и уборы, также разные припасы и протчее, и ко мнѣ прислать всему тому реестръ съ прописаніемъ, въ какомъ состояніи что онъ найдетъ и причинъ, отъ чего что испортилось и не годится.

Изъ письма вашего вижу я, что вы не выдали жалованья и по сіе время моимъ людямъ въ Дѣвицѣ находящимся, и какъ у васъ мои деньги есть, то вы и можете употребить ихъ на то, и мнѣ послѣ дать знать, что кому выдано будетъ. Все прописанное въ семъ прошу васъ неукоснительно исполнить. Вашъ охотный слуга *Г. Румянцевъ-Задунайскій.*

10 декабря, 1783 года. Вишеньки». *(Съ подлинника. Собственноручная только подпись)*.

Г. Я. Макаровъ завѣдывалъ борзенскими и прилуцкими имѣніями гр. Румянцова. Женатъ онъ былъ на дочери Н. Н. Матониса (владѣльца нѣжинскаго села Липова-Рога) Натальѣ Николаевнѣ. Позже Г. Я. М—въ былъ прилуцкимъ предводителемъ дворянства. Сынъ Г. Я. Макарова—Яковъ Гавриловичъ въ полов. XIX в. былъ предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда. [1])

Что значитъ слово „гомель?" При описи батуринскихъ дворовъ ген. обознаго Ивана Ломиковскаго (послѣ его измѣны), замѣчено: «въ городѣ, въ замку, бывалъ третій дворъ Ломиковского, на которомъ былъ *гомель* каменной, а нынѣ разобранъ, а по сказкѣ дворника—съ погреба каменнова а в замку—з гомеля, кирпичъ сломали и свозили—госпожа Кочубѣиха къ себѣ на дворъ, и строила себѣ будинки, да мѣщанинъ Клименко, краморникъ, избудовалъ себѣ изъ того кирпича свѣтлицу». (Опись относится къ 1726 г.).

Для исторіи компанейскихъ полковъ. Компанейскими, иначе сердюцкими и охотницкими, полками въ гетманщинѣ назывались полки, набиравшіеся изъ охотниковъ, за плату; они были конные и

---

[1]) См. о немъ *„Ежегодникъ коллегіи П. Галагана на 1901 годъ"*, стр 98.

пѣхотные. Начало ихъ относится ко времени Дорошенка и Многогрѣшнаго. Нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія за перв. половину XVIII в. приводимъ здѣсь.

Въ 1722 г., генеральная старшина въ отвѣтъ на запросъ малороссійской коллегіи объ этихъ полкахъ, писала: «сердюковъ за бывшихъ гетмановъ, для службы государевой, было пять полковъ; компанѣйцевъ—такожъ пять полковъ; а были оные полки одинъ противъ другого комплектомъ неравны; однакъ ниже шестисотного числа козаковъ въ оныхъ полкахъ не было; которымъ давано окладу денежного, съ арендовыхъ войсковыхъ грошей, въ годъ, компанѣйцамъ: одному рядовому человѣку по 4 рубля; а кто съ молодикомъ служитъ, такимъ по 6 рублей, опрочь мѣсячного оброку; а мѣсячного оброку въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, давалось имъ каждому, по 8 гривенъ, а въ зимнихъ, сверхъ того, придавано на овесъ для ихъ же коней, по 2 гривны и поболшъ, смотря по продажѣ овса; якое мѣсячное давалось имъ съ людей посполитыхъ, на которыхъ были имъ квартиры определены. А сердюкамъ на всѣ зимніе и лѣтніе мѣсяцы, равно по 8 гривенъ, а въ годъ по 2 рубля и по кунтушу суконному. Старшинѣ тоже ихъ компанейской и сердюцкой былъ окладъ денежный, каждому по ихъ чинамъ, погодно и помѣсячно; да имъ же были вездѣ по полкахъ, въ Малой Россіи, для довольствіа самыхъ и коней определены квартиры».

Назначеніе этихъ полковъ гетманъ Апостолъ, въ 1728 г., такъ опредѣлилъ: «охочекомонные и охочепѣхотные полки содержались въ Малой Россіи, для употребленія во всякихъ войсковыхъ оказіяхъ; ибо, покамѣстъ козаки городовые и реестровые съ полковъ выберутся отъ домовъ своихъ въ походъ, они, охотницкіе, всегда готовы на скорые поѣздки, ради добытія языка, для первой стражи и, въ часъ баталіи, первый фронтъ противъ непріятеля, выдержуютъ. Сверхъ того, сердюки всегда ходили при генералной артиллеріи и при гетманахъ, а компанѣйцы, когда походу нѣтъ, посылались въ мѣста пограничныя далные или форпосты».

Начало компанейскимъ полкамъ положено было козацкою вольницею вслѣдъ за Андрусовскимъ заговоромъ, когда заднѣпровская Малороссія отдана была Польшѣ: въ это время такіе удальцы, какъ Палій, Самусь и друг. собирали около себя «компанію», рядъ искателей приключеній, съ которою отбивали татарскіе набѣги или грабили польскую шляхту. Уже при Самойловичѣ были охотницкіе

полки, изъ которыхъ надъ однимъ начальствовалъ извѣстный Новицкій.[1]) При Мазепѣ компанейскіе полки были въ особенной чести и, по свидѣтельству современника, состояли изъ одныхъ поляковъ.[2]) Мазепа, уходя къ Карлу XII, защиту Батурина поручилъ сердюцкому полковнику Чечелю и есаулу нѣмцу Кёнигсеку; сопротивленіе ихъ Меншикову—извѣстно. Послѣ Мазепы, на компанейскіе полки русское правительство смотрѣло подозрительно и указомъ 14 іюля 1726 года было повелѣно: «компанейскихъ трехъ полковъ наличныхъ людей скасовать въ два полка и быть нынѣ по 600 человѣкъ въ полку, а впредь, смотря по нуждѣ, учинить по 1000 человѣкъ... А сердюцкому полку, кои служили во время походовъ, при гетманѣ—не быть, понеже за ними нынѣ въ Малой Россіи никакой службы нѣтъ». [3])

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство кіевскихъ граждань о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830 г.).* Его Высокопревосходительству, господину генералъ-лейтенанту, сенатору, кіевскому военному губернатору, управляющему гражданской частью и кавалеру, Борису Яковлевичу Княжнину 2-му. Кіевскихъ жителей гражданъ, купцовъ и мѣщанъ ниже-подписанныхъ прошеніе:

Волею Всемилостивѣйшаго Государя Императора послѣдовало благоволеніе переселить постоянное жительство евреевъ изъ сей древней столицы, какъ противное правамъ и привелегіямъ въ разные времена городу Кіеву дарованнымъ. Каковую волю Монархъ благоволилъ имяннымъ указомъ предмѣстнику Вашего Превосходительства, господину кіевскому военному губернатору и кавалеру Желтухину, исполнить, постановляя въономъ, «что евреямъ неминуемо воспретить жительство въ Кіевѣ, яко вредное не только для города, но и для самой казны». Въ исполненіи онаго Высочайшаго постановленія, военный губернаторъ предписалъ губернскому правленію 1827 года декабря 2 дня. «1-е) Безослабно евреевъ иногородныхъ, имѣющихъ жительство по пашпортамъ, совершенно черезъ 6 м-цей

---

[1]) Акты Зап. Рос., V, 134 и друг.

[2]) Соловьевъ, XIV, 317.

[3]) Арх. генер. к—ріи, по черниг. оп. № 3817.

вывесть изъ Кіева со дня полученія указа. 2-е) Записанныхъ въ Кіевѣ купцовъ и мѣщанъ, неимѣющихъ въ городѣ Кіевѣ недвижимости, обовязавъ ихъ подписями о немедленной переискѣ въ мѣста имъ дозволенные, вывесть чрезъ одинъ годъ. 3-е) Имѣющимъ домы чрезъ 1 годъ, воспретивъ имъ всякую промышленность, дозволя прожитіе единственно для продажи оныхъ, удалить чрезъ два года, за непродажею же недвижимости чрезъ три м-цы (каковой срокъ уже и окончился) продать съ авкціона и вырученные деньги обратить въ пользу хозяевъ».

Но какъ, за отсутствіемъ г. предмѣстника В. В., Высочайшая Монаршая воля оставалась не во всей силѣ соблюдена, и евреи своимъ непостоянствомъ въ нарушеніи всероссійскихъ купеческихъ постановленій, непрестанно вредя, удручаютъ христіянъ, лишая всѣхъ средствъ и способа разноскою товаровъ и прочимъ, постоянному промыслу съ ущербомъ казнѣ; о чемъ мы прибѣгали подъ защиту господина кіевскаго гражданскаго губернатора и кавалера, и г. губернскаго прокурора, съ прошеніями еще въ ноябрѣ м-цѣ истекшаго 1829 года, прося не лишить насъ Монаршей милости, повелѣть исполнить точность Высочайшаго указа. Но неудостоившись получить на то никакой резолюціи, и притомъ, видя не только ни воспрещеніе жительства евреевъ въ Кіевѣ, ни прекращеніе торговли, ниже самой продажи имѣнія; но изъ за того еще и въ ново открываемые лавки и пріезды цѣлыми симействами на жительство; а во время бывшихъ прошедшаго генваря сего 1830 года въ Кіевѣ контрактовъ, въ противность волѣ Монаршей, и въ отмѣну силы указа, допущена торговля, не только вѣрителямъ купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но даже и самимъ иногороднымъ 3-й гильдіи евреямъ купцамъ и мѣщанамъ въ открытыхъ лавкахъ и разноска товаровъ.

Отягченные неповинными обстоятельствами, вынужденными заставленны при самихъ первыхъ порахъ утруждать Вашего Высокопревосходительства, покорно прося прынять угнѣтенныхъ подъ Ваше покровительство, дать мѣсто ослабляемой справедливости и повелѣть исполненіемъ указа оправдать сущее желаніе монаршей воли». (Слѣдуютъ подписи бургомистра Михайла Гоцаенка, именитаго гражданина Климента Терновскаго и др. (41) купцовъ, гражданъ, мѣщанъ).

Просителямъ чрезъ полицiймейстера объявлено, что надлежащія по сему дѣлу распоряженія сдѣланы прежде подачи ими прошенія.

—

2) *Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь.* Въ 1837 году Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ поселеніе евреевъ въ Сибири рѣшительно и навсегда прекратить; впредь поселеніе производить въ новороссійскихъ и, буде можно, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, и въ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено имѣть постоянную осѣдлость. Партіи евреевъ, направившихся въ Тобольскую губернію, или Омскую область, находящихся въ пути, или распродавшихъ имущество,—обратить въ Херсонскую губернію для водворенія въ тамошнихъ еврейскихъ колоніяхъ, съ дарованіемъ всѣхъ льготъ, ожидавшихъ ихъ въ Сибири, согласно правиламъ 20 ноября 1836 г. Изъ дѣла видно, что въ юго-западномъ краѣ не оказалось ни одного еврея, собиравшагося переселиться въ Сибирь, а потому Высочайшее повелѣніе не могло быть исполнено мѣстными губернаторами.

—

3) *Мѣры къ упорядоченію торговли и разсчетовъ евреевъ съ христіанами.* По требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, осенью 1845 г. городничимъ, обще съ исправниками и стряпчими Кіевской губерніи, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ предписано всемѣрно наблюдать: *а*) дабы евреи, при разсчетахъ съ сельскими обывателями по торговлѣ, или какимъ-либо обязательствамъ, не производили платежей съ начисленіемъ на каждый рубль серебромъ по 50 коп. ассигнаціями лажа, считая рубль серебромъ въ 4 р. ассигн., а 25 коп. серебромъ въ 1 рубль ассигн.; между тѣмъ какъ сами принимаютъ монету не иначе какъ по установленному курсу, т. е. 1 р. сербр. за 3 р. 50 к. ассигн.

б) Чтобъ въ городахъ и мѣстечкахъ не употреблялись въ торговлѣ неузаконенные вѣсы и не допускались перекупы, коими преимущественно занимаются евреи, между тѣмъ какъ мѣстная полиція не обращаетъ на это должнаго вниманія.

—

4) *Овруцкій археологъ 1840 г.* Въ январѣ 1840 года адвокатъ овручскаго уѣзднаго суда Иванъ Загоровскій, освѣдомившись, что предводители и мѣстныя полиціи, по требованію генералъ-губернатора, озабочены собраніемъ описаній памятниковъ стариннаго зодчества на Волыни, сообщилъ предводителю дворянства, что братъ его, адвоката Загоровскаго, приводя въ устройство архивъ овручскаго Базиліанскаго монастыря, между прочими документами отыскалъ лос-

кутокъ бумаги начала XV столѣтія, на коемъ польскими буквами было изображено:

«Обручи, мисто велике, оборонное, опалисадованы, отъ непамятныхъ литъ непріятелями зруйноване, осажене на около рогатынами, шарпетынами, гаковницами и другою бронью. Въ немъ княжечихъ и паньскихъ домовъ 400. Въ томъ мисти находится Васильевская золотоверхая церковь».

Баснословятъ, прибавляетъ отъ себя Загоровскій, «что предъ дверьми этой церкви была пещера, имѣющая комуникацію съ кіевскими пещерами, въ коихъ почиваютъ мощи святыхъ богоугодниковъ»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни. Волын. Епарх. Вѣдомости 1901 года въ статьѣ «Высокопреосв. Модестъ, архіеп. волынскій и житомірскій (по поводу 50-тилѣтняго юбилея, 1849—1899)» сообщаютъ нѣсколько резолюцій Высокопреосвященнаго по поводу мѣстныхъ обычаевъ. Резолюціи эти относятся къ 1890—1891 годамъ.

Одинъ священникъ просилъ о перемѣщеніи на другой приходъ въ виду того, что крестьянинъ Д. съ своей женой не допускалъ его съ погребальною процессіей въ новоустроенную церковь, а просилъ раньше совершить бракъ. На этого крестьянина священникъ подалъ жалобу въ судъ. Высокопр. Модестъ писалъ: «Священникъ затѣялъ нехорошее дѣло. Будучи образованнымъ, онъ не нашелъ нужнымъ снизойти къ немощи необразованныхъ, напередъ не объяснилъ имъ, въ чемъ тутъ дѣло... И развѣ дѣло хорошее, чтобы священникъ судилъ своихъ прихожанъ за такое желаніе, чтобы прежде было въ церкви радостное молитвословіе, а потомъ печальное? Откуда штунда, откуда ненависть къ духовному пастырю, какъ не отсюда,—отъ неумѣнія священника поставить себя предъ прихожанами на духовной высотѣ мудрости, снисхожденія и даже защиты. Нужно поправить дѣло. По моему желанію и желанію самаго священника, выраженному лично мнѣ, Духовная Консисторія снесется съ судебнымъ слѣдователемъ о прекращеніи дѣла».

Нѣкоторые изъ молодыхъ священниковъ, по неопытности своей, не слѣдовали давно установившимся обычаямъ въ приходѣ, и даже

старались (безъ всякихъ резонныхъ основаній) искоренить ихъ, чѣмъ вызывали недовольство, а иногда и безпорядки со стороны прихожанъ. Въ этихъ случаяхъ Владыка требовалъ обстоятельнаго распроса и провѣрки этихъ обычаевъ. По поводу доклада священника «объ упраздненіи заведенныхъ крестьянами разныхъ праздниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковностью», было поручено благочинному разслѣдовать путемъ распроса прихожанъ: «1) Когда и по какому случаю завелись обычаи праздновать не въ одни храмовые праздники, но и въ дни, избранные прихожанами? 2) правда ли, что будто только по желанію помѣщиковъ, неужели поляковъ? не эти ли помѣщики, наоборотъ, истребляли праздники? 3) не дѣйствительными ли причинами праздниковъ—бывшія въ этомъ приходѣ старыя церкви съ бывшими другими храмовыми праздниками, чѣмъ теперь? 4) не служатъ ли основаніемъ для праздниковъ чудотворныя или хвалебныя иконы, или лица святыхъ, которымъ по древнему преданію прихожане оказываютъ уваженіе?... Указываемые дни праздновались во всей Руси изъ древности. Зачѣмъ же уничтожать вѣру и усердіе къ храму при нынѣшнемъ вообще оскудѣніи благочестія? Бѣда только, что будто пьянствуетъ народъ. Но, во 1-хъ, проповѣдь постоянная рано или поздно возъимѣетъ свою силу; во 2-хъ, развѣ у священниковъ въ храмовые дни не бываетъ гостей и угощеній; а главное,—священникъ, желающій уменьшить пьянство, пусть вмѣсто корчмы дастъ народу что-либо другое, напр., пусть послѣ обѣда соберетъ въ какой-либо домъ прихожанъ и показываетъ имъ священныя изображенія и объясняетъ священную исторію, догматы символа вѣры, заповѣди и проч. Взять у народа праздникъ подъ видомъ упраздненія пьянства и не дать ему взамѣнъ этого ничего, этимъ не только не уменьшится пьянство, но быть можетъ заведется штунда... Въ народѣ часто лучше сохраняется преданіе о древнихъ обычаяхъ православной церкви на Волыни, чѣмъ у священниковъ, переселяющихся съ мѣста на мѣсто. Волынское православіе содержится тысячу лѣтъ, и народъ его сохранилъ,—нужно это помнить, чтобы поправкою не испортить чего».

Такое же внушеніе дѣлаетъ высокопр. Модестъ и другому священнику «за то, что онъ, будучи неопытнымъ, и недавно состоя на приходѣ, безъ совѣта благочиннаго самовольно измѣняетъ древніе обычаи братчиковъ приносить и дѣлать свѣчи изъ желтаго воска.. Священникъ долженъ подробно описать обычай братства. Если что у него худо, то можно исправить безъ нарушенія общаго обычая

и нужно выработать правила. Священникъ требуетъ поддержать его авторитетъ предъ прихожанами. Какъ же поддержать, если онъ неправильно дѣлаетъ, раздражаетъ прихожанъ, уничтожаетъ обычаи и требуетъ, чтобы братчиковъ было не столько, сколько хотятъ прихожане, а сколько священникъ безъ основанія хочетъ назначить. Братчиками должны быть всѣ прихожане».

Съ осторожностью относился Владыка къ ходатайствамъ о запрещеніи нѣкоторыхъ обычаевъ (свадебныхъ) и разныхъ пѣсенъ. «Истреблять посредствомъ полиціи мѣстные обычаи, писалъ онъ, неудобно; иначе можетъ зародиться какая либо секта. Духовенство обязано въ поученіяхъ изъ слова Божія и постепенно безъ насилія увѣщевать оставить грубые обычаи и вводить вмѣстѣ съ тѣмъ святые. Если допустить полицію въ среду внутренней жизни крестьянъ, то сельскія власти и полиція могутъ вмѣшаться въ обычаи и жизнь духовенства и выставить на видъ всѣ недостатки и непригладные обычаи духовенства. А кто поручится, что этого нѣтъ!».

Въ числѣ неблаговидныхъ поступковъ прихожанами и даже священниками отмѣчалось пѣніе колядъ, а иной разъ просили и совершенно воспретить колядовать во время Рождественскихъ праздниковъ въ виду возникающихъ безпорядковъ. По этому поводу давались слѣдующія разъясненія: «По изданному въ Холмѣ Богогласнику не воспрещается, а дозволяется пѣть въ домахъ (но не въ церкви) коляды по древнему обычаю. Запретить колядовать невозможно, такъ какъ это вкоренилось въ народѣ,—а что безпорядки есть, въ этомъ виновато само духовенство, что выпускало изъ рукъ управленіе колядками... А потому: 1) поручить младшему священнику (собора) Г., чтобы онъ созвалъ въ церковь прихожанъ и сказалъ отъ моего имени, чтобы они вмѣстѣ съ священникомъ избрали колядниковъ, извѣстныхъ трезвостью и честностью, и чтобы начальникомъ надъ колядками назначенъ былъ по общему согласію, одобренному священникомъ Г., такой человѣкъ, который бы, отличаясь трезвостью, честностью и вліяніемъ на прихожанъ, могъ сдерживать ихъ буйства. 2) Объявить прихожанамъ, что по давнему обычаю колядованіе есть свидѣтельство, что колядующіе есть православные русскіе люди, а не поляки,—поэтому всякія польскія коляды воспрещаются рѣшительно. Если кто будетъ колядовать по-польски, то гражданское начальство подвергнетъ взысканію, и священникъ Г. пусть за этимъ слѣдитъ, а отвѣчаетъ за это предводитель колядниковъ. 3) Кромѣ того, объявить прихожа-

намъ, что колядовать взято отъ дьячковъ. Только дьяки имѣли право колядовать. Это по-русски значитъ Христа славить. А для облегченія поручить братчикамъ помочь въ этомъ ему (дьячку) съ тѣмъ, чтобы половина дохода непремѣнно была отдаваема въ церковь. Вообще священнику Г. поручается разъяснить прихожанамъ и колядникамъ и наставить ихъ, чтобы они не вели себя худо».

На рапортѣ священника Н. объ уничтоженіи, при посредствѣ гражданской власти, существующихъ въ народѣ разныхъ суевѣрій и обычаевъ послѣдовала такая резолюція: «Всякіе обычаи, существующіе въ Малороссіи, религіозные или домашніе, возникли не случайно, а на почвѣ исторической. Эти обычаи въ народѣ существуютъ и въ Великороссіи. Уничтожать обычаи зря и безъ разбору опасно, а необходимо исторически разслѣдовать сперва ихъ начальное происхожденіе и значеніе вообще и въ частяхъ. А потому, прежде разсмотрѣнія этого рапорта, предписать чрезъ благочиннаго священнику Н., чтобы онъ, прочитавши всѣ ученыя сочиненія, въ которыхъ описываются обычаи, пѣсни и обряды религіозные и домашніе на Волыни и въ Малороссіи, объяснилъ бы: 1) откуда произошли обычаи, о которыхъ говоритъ въ рапортѣ, въ его приходѣ; 2) имѣютъ ли эти обычаи связь съ обычаями прочихъ приходовъ Волыни и съ древнею народною жизнью; 3) кто изъ его предшественниковъ по настоятельству въ приходѣ, или изъ прежнихъ малорусскихъ ученыхъ хвалилъ или осуждалъ эти обычаи, или заботился объ ихъ перемѣнѣ; 4) кто и по какому случаю выдумалъ колядь; 5) не имѣютъ ли колядьі какого либо отношенія ко времени борьбы народа за православіе и къ состоянію духовнаго образованія въ то время, когда онѣ составлялись; 6) какъ смотрятъ ученые на обычай колядъ въ Малороссіи,—пусть приведетъ свидѣтельства ученыхъ; 7) пусть узнаетъ, есть ли теперь обычай колядовать въ Холмской православной епархіи, и если есть, то почему допущены и какой взглядъ имѣли издатели колядъ въ наше время съ разрѣшенія духовной цензуры въ Холмѣ? По представленіи обстоятельныхъ отвѣтовъ на указанные пункты, будетъ разсмотрѣнъ и его рапортъ». (Волын. Епарх. Вѣд. за 1901 г., №№ 3, 4 и 9).

По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка „Литература украинскаго фольклора“. *(Письмо въ редакцію).* Въ IX книгѣ «Кіев-

ской Старины» за н. г. помѣщена рецензія г. Шугурова на мою книгу «Литература украинскаго фольклора». Прошу позволенія у многоуважаемой редакціи сдѣлать два-три замѣчанія въ видахъ возстановленія истины.

Указывая мои промахи, рецензентъ обвиняетъ меня въ сокрытіи точнаго заголовка одной книги (№ 635 указателя) и въ измѣненіи его у другой (№ 653) и говоритъ что, въ библіографическихъ указателяхъ нужно приводить заглавія точно. Смѣю увѣрить многоуважаемаго рецензента, что я не рѣшился-бы взяться за составленіе хотя-бы и «Опыта библіографическаго указателя», не будучи знакомъ съ столь элементарной для каждаго библіографа истиной, какъ необходимость точнаго приведенія заглавій. Если въ отмѣченныхъ случаяхъ и является неточность, то это произошло помимо моего желанія и независимо отъ меня: я, какъ это иногда приходится дѣлать библіографамъ, выписалъ эти заголовки изъ чужихъ библіографическихъ списковъ, такъ какъ самихъ книгъ не видѣлъ. Совершенно устранить всякое пользованіе чужими библіографическими отмѣтками и вносить въ списокъ только тѣ изданія, которыя удастся видѣть своими глазами, не возможно а потому приходится мириться съ возможностью въ такихъ случаяхъ и нѣкоторыхъ неточностей.

Насколько вообще трудно избѣгать ошибокъ при библіографической работѣ, показываетъ примѣръ приведеннаго въ рецензіи списка тѣхъ сочиненій, которыхъ рецензентъ у меня не нашелъ. При сравненіи его съ моимъ указателемъ выходитъ, что № 21 (Шишацкій), 23 (Замѣтки о пов.), 31 (Млр. чумаки), 36 (Суев. об.), 40 (Сч. Соломонъ), 41 (Дешко) 55 (Rawita)—значатся у меня (послѣднее, правда, не вполнѣ) подъ №№ 234, 300, 304, 417, 435, 478, 1179, при чемъ «Этнографическій Сборникъ», выпускъ шестой, вышелъ не въ 1863 г. какъ указано въ рецензіи, а въ 1864, какъ значится на самой книгѣ

Еще два слова по поводу писанокъ. Народный орнаментъ, конечно, не входитъ въ область фольклора,—вотъ почему мною совершенно сознательно не включены въ указатель всѣ перечисленные г. рецензентомъ сборники снимковъ съ писанокъ. Я вводилъ въ свою книгу только такія статьи о писанкахъ, въ которыхъ находится что-либо касающееся фольклора (празднованія, обычаи, обряды, легенды и пр.). А такъ какъ въ указатель включались и программы фольклора, то мною внесены въ него и тѣ двѣ программы для собиранія писанокъ, о которыхъ упоминаетъ г. рецензентъ: въ нихъ

говорится о собираніи относящагося къ писанкамъ фольклорнаго матеріала (напр., въ программѣ Музея г-жи Скаржинской на стр. 5—6 объ обычаяхъ, обрядахъ, преданіяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и пр.).

Въ заключеніе приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому рецензенту зе его цѣнныя дополненія и указанія моихъ ошибокъ.

В. Гринченко.

Текущія извѣстія.

Памятникъ на могилѣ Е. П. Гребенки. Въ настоящее время выполнено уже постановленіе Пирятинскаго земскаго собранія отъ 30 сентября 1900 г. относительно постановки памятника на могилѣ Е. П. Гребенки. Поставленъ красивый ажурный чугунный крестъ на высокомъ пьедесталѣ. Весь памятникъ имѣетъ пять аршинъ высоты. Могила огорожена желѣзной рѣшеткой. На пьедесталѣ сдѣланы слѣдующія надписи: „Евгеній Павловичъ Гребенка, род. въ х. Убѣжищѣ 21 января 1812 г., ум. въ г. С.-Петербургѣ 3 декабря 1848 г." и „Незабвенному земляку Пирятинское земство 30 сентября 1900 г." Въ засѣданіи Пирятинскаго земскаго собранія 10 сентября 1901 г., по предложенію гласнаго Н. В. Стороженка, сдѣлано постановленіе о наименованіи Убѣжищенскаго начальнаго народнаго училища, находящагося всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ могилы покойнаго писателя, «Училищемъ въ память Е. П. Гребенки» и о постановкѣ въ классной комнатѣ училища его портрета, каковой и переданъ для этой цѣли родственниками Е .П. Портретъ этотъ—копія съ извѣстнаго портрета кисти талантливаго портретиста Аполлона Мокрицкаго.

—

Могила Г. А. Мачтета. Со дня смерти Мачтета, каждый день на Аутское кладбище приходятъ многія лица осмотрѣть могилу покойнаго писателя. Надъ могилой Г. А. Мачтета возвышается (на аршинъ отъ земли) удлинненный четыреугольникъ,

со всѣхъ сторонъ обложенный камнями. На этомъ земляномъ возвышеніи лежатъ вѣнки изъ зелени и изъ живыхъ цвѣтовъ, принесенные сюда почитателями покойнаго писателя. Предъ могилой стоитъ деревянный крестъ, выкрашенный бѣлой краской. На крестѣ—желѣзная табличка, на которой написано: «Григорій Александровичъ Мачтетъ родился въ ноябрѣ 1850 года, скончался 13 августа 1901 г.». Крестъ на могилѣ Мачтета украшенъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ. (Од. Л. № 232).

—

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. 1-го сентября приступлено къ устройству каменной ограды вокругъ памятника надъ могилою извѣстнаго малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ; послѣ того будетъ поставленъ крестъ на самомъ памятникѣ, изготовленный въ земскомъ ремесленномъ (бывшемъ Дегтяревскомъ) училищѣ по проекту художника А. К. Малова. На устройство этого памятника еще въ 1894 году губернскимъ земствомъ ассигновано 1000 р. и вчернѣ онъ былъ поставленъ на могилѣ осенью 1896 г., затѣмъ, вслѣдствіе неудовлетворительности постановки на кирпичномъ фундаментѣ, осенью 1898 г. этотъ послѣдній замѣненъ гранитомъ. Самый памятникъ, изъ чернаго мрамора, изготовлялся въ Табурищенской мастерской (Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ.) г. Певнаго, по проекту мѣстнаго художника В. А. Волкова; бронзовый барельефъ для этого памятника изготовленъ въ мастерской земскаго ремесленнаго училища по оригиналу художника-скульптора Л. В. Позена. На устройство этого памятника до сего времени израсходовано 1136 руб. 19 коп. На немъ находятся слѣдующія надписи:

На лицевой сторонѣ:

«Будешъ, батьку, пануваты,
Покы жывуть люде;
Покы сонце зъ неба сяе
Тебе не забудуть».

На боковой:

«Іван Котляревський, перший украинський народній поэт».

На другой боковой:

«Родився року Божого 1769, почвив 1838».
«Коштомъ Полтавського губернського земства».

Высота всего памятника отъ основанія до 3-хъ саженъ.

Примыкающая къ могилѣ поэта часть упраздненнаго кладбища распланирована осенью 1899 г. и тогда-же обнесена деревянной оградой. Древесныя насажденія предположено здѣсь произвести ближайшей весной.

Это уже третій по времени сооруженія памятникъ И. П. Котляревскому: первый былъ сооруженъ въ 1839 г. другомъ покойнаго поэта П. С. Стеблинъ-Каминскимъ († въ 1856 г.) на собственный его счетъ, а второй, взамѣнъ предыдущаго, пришедшаго въ ветхость, въ 1869 г. бывшими друзьями и почитателями поэта, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный всей Полтавѣ (уже умершій) педагогъ С. П. Стеблинъ-Каминскій.

—

Чествованіе памяти М. В. Остроградскаго. 12 сентября въ Полтавѣ торжественно было отпраздновано столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго талантливаго математика, нашего земляка, М. В. Остроградскаго. Родился онъ въ Кобелякс. у. Полт. губ.

Сочувственную критико-біографич. статью Остроградскому посвятилъ П. Быковъ въ № 248 «Биржевыхъ Вѣдомостей».

—

Коллекція В. В. Тарновскаго. Обширная коллекція украинско-козацкихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанная имъ Черниговскому земству, до сихъ поръ хранилась въ зданіи Кіевскаго музея древностей и искусствъ, въ виду того, что устройство помѣщенія для земскаго музея въ Черниговѣ не было еще закончено. Въ настоящее время названное помѣщеніе готово, при чемъ земскій музей будетъ находиться въ бывшемъ зданіи сиротскаго суда, которое для этой цѣли соотвѣтственнымъ образомъ приспособлено. Мысль объ устройствѣ музея въ Мазепинскомъ домѣ не осуществилась, такъ какъ земству не удалось пріобрѣсти этого дома. Устроивъ помѣщеніе для музея, Черниговское земство рѣшило безотлагательно перевезти въ Черниговъ изъ Кіева богатую коллекцію покойнаго В. В. Тарновскаго (обширный архивъ послѣдняго еще раньше перевезенъ въ Черниговъ). Въ настоящее время коллекція по описи сдана правленіемъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ уполномоченному Черниговскаго губернскаго земства г. Артюху, который спеціально для этого пріѣзжалъ въ Кіевъ. (Кіевл. № 265).

—

Портреты малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ. Отъ художника С. А. Мазараки уже поступили въ Кіевскій музей древностей и искусствъ 30 портретовъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ, исполненныхъ имъ для музея по заказу Н. А. Терещенко. Портреты исполнены по лучшимъ современнымъ портретамъ и гравюрамъ. Всѣ они будутъ заключены въ изящныя рамы, заказанныя также на средства Н. А. Терещенко. (Кіевлянинъ, № 236).

—

Фонетическая Коммиссія. При петербургскомъ университетѣ образованна особая фонетическая коммиссія для изученія звуковыхъ особенностей русскихъ нарѣчій. (Югъ, № 1018).

—

Новое художественное изданіе. Въ январѣ будущаго (1902) г. выйдетъ въ свѣтъ первый томъ предпринятаго редакціей журн. «Міръ Искусствъ» иллюстрированнаго изданія «Русская живопись въ XVIII в.». Весь этотъ трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый—посвящается произведеніямъ Д. Г. Левицкаго, второй—портретистамъ 2-ой половины XVIII стлѣтія (Рокотову, Антропову, Дрожжину, Щебанову, Аргуновымъ, Щукину и др.) и третій—В. Л. Боровиковскому

Въ виду того, что произведенія всѣхъ названныхъ живописцевъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ частную собственность, редакція обращается ко всѣмъ владѣльцамъ картинъ и портретовъ упомянутыхъ мастеровъ съ просьбою сообщить редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка 11) объ имѣющихся у нихъ произведеніяхъ. Статьи о художникахъ будутъ написаны В. П. Горленко и А. Н. Бенуа. Цѣль изданія—собрать разрозненный и столь мало изслѣдованный матеріалъ о замѣчательныхъ русскихъ художникахъ, а также дать хорошіе снимки съ ихъ произведеній. (С.-Петербург. Вѣдомости).

—

Чествованіе А. А. Русова. 30 августа въ Полтавѣ торжественно чествовался 25-лѣтній юбилей статистической дѣятельности заслуженнаго общественнаго дѣятеля Александра Александровича Русова. Чествованіе происходило слѣдующимъ образомъ. 30 августа, въ часъ дня, депутація статистиковъ, во главѣ съ членомъ управы В. Я. Головней, отправились на квартиру юбиляра и, принеся ему хлѣбъ-соль, пригласила его въ помѣщеніе управы, гдѣ онъ былъ встрѣченъ при входѣ представителемъ губернской управы—заступающимъ

мѣсто предсѣдателя А. П. Волковымъ, который привѣтствовалъ юбиляра и поднесъ супругѣ его—С. Ф. Русовой букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Прослѣдовавъ въ залъ губернскихъ земскихъ собраній, юбиляръ занялъ мѣсто за столомъ, живописно декорированнымъ цвѣтами и задрапированнымъ малорусскими рушниками, а многочисленные сослуживцы, друзья и почитатели чествуемаго заняли мѣста на стульяхъ. Первымъ произнесъ привѣтствіе заступающій мѣсто предсѣдателя губернской управы А. П. Волковъ отъ имени губернской земской управы. Затѣмъ слѣдовали: адресъ отъ сослуживцевъ-статистиковъ, адресъ отъ полтавцевъ на малорусскомъ языкѣ, прочитанный небезызвѣстнымъ въ малорусской литературѣ писателемъ Панасомъ Мирнымъ, поднесшимъ также юбиляру роскошный альбомъ видовъ и портретовъ дѣятелей Малороссіи. Отъ полтавскаго сельско-хозяйственнаго Общества привѣтствіе произнесъ президентъ этого Общества Д. К. Квитка. Уполномоченный по сельско-хозяйстенной части въ Полтавской губ. Н. М. Дубровскій передалъ юбиляру, какъ члену редакціи газета „Хуторянинъ",привѣтствіе отъ имени редакціи и вручилъ ему номеръ газеты отъ 30 августа, посвященный юбилею. По прочтеніи адреса отъ статистической комиссіи при петербургскомъ Императорскомъ вольно-экономическомъ Обществѣ и привѣтственной телеграммы отъ юридическаго факультета Императорскаго харьковскаго университета, заступающимъ мѣсто полтавскаго городского головы М. И. Сосновскимъ произнесено было привѣтствіе отъ имени полтавской городской управы. Далѣе слѣдовали адресы отъ иногороднихъ статистическихъ учрежденій, отъ статистиковъ херсонскихъ, черниговскихъ, харьковскихъ, московскихъ, самарскихъ, саратовскихъ, олонецкихъ, кишиневскихъ. Послѣ привѣтствія, произнесеннаго извѣстнымъ писателемъ Вл. Г. Короленко отъ имени редакціи „Русскаго Богатства", прочитаны были привѣтственныя телеграммы и письма отъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ: отъ херсонской губ. зем. управы, отъ елисаветградской уѣзд. зем. управы, отъ правленія харьковской общественной библіотеки, отъ Общества изданія дешевыхъ книгъ, отъ профессоровъ: А. Фортунатова, Горбъ-Ромашкевича и В. Левитскаго, отъ извѣстнаго писателя Д. Мордовцева, отъ малорусскихъ артистовъ: Кропивницкаго, Заньковецкой, Карпенко-Караго, Садовскаго и Саксаганскаго и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, за ихъ многочисленностью, было прервано въ $3^1/_2$ ч. дня и окончаніе отложено до вечера.

Вечеромъ состоялся въ честь А. А. Русова вокально-музыкальный вечеръ, въ которомъ принялъ, между прочимъ, участіе малорусскій поэтъ Галайда, превосходно исполняющій на бандурѣ старыя малорусскія думы и пѣсни. Послѣ концерта состоялся, длившійся до 4 часовъ утра, ужинъ, на которомъ было не менѣе 200 лицъ, и за которымъ произнесено много рѣчей и тостовъ, въ прозѣ и стихахъ, на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Многіе ораторы говорили, между прочимъ, что это не статистическій праздникъ, а праздникъ русской интеллигенціи.

Сочувственныя статьи, посвященныя А. А. Русову, помѣстили газеты: «Одесскій Листокъ» № 229, «Южный Край» № 7126, «Югъ» №№ 1003 и 1010, «Хуторянинъ» №№ 35 и 37, «Харьк. Губ. Вѣд.» № 228.

—

Словарь къ произведеніямъ Шевченка. На засѣданіи «Язикової Комисиї Товариства ім. Шевченка» во Львовѣ, 18 мая постановлено составить словари къ произведеніямъ Т. Г. Шевченка и Маркіана Шашкевича. Предложили свои услуги для этой работы др. Коцовскій и др. Студинскій. Подобный словарь къ произведеніямъ Котляревскаго въ настоящее время уже приготовляется.

—

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 13 іюля во Львовѣ, въ залѣ гостинницы «Belle vue», устроенъ былъ львовской украинской молодежью вечеръ въ память М. П. Драгоманова, съ участіемъ хора, на которомъ, послѣ реферата, говорились рѣчи, декламировали. Вечеръ открылся народнымъ гимномъ, а закончился пѣніемъ «Не пора, не пора». Наиболѣе интересной частью вечера былъ рефератъ г. Павлика о Драгомановѣ, въ которомъ референтъ сравнивалъ послѣдняго съ Шевченкомъ, указывалъ причины, почему культъ Драгоманова не привился у насъ такъ, какъ культъ Шевченка; отмѣтилъ, чему русины могутъ научиться у Драгоманова. (Літ.-Наук. Вістник, кн. VIII).

—

Гоголевскій альбомъ. Къ предстоящей въ февралѣ 1902 года пятидесятилѣтней годовщинѣ со дня смерти Николая Васильевича Гоголя (1808—1852) полтавскій фотографъ-художникъ І. Ц. Хмѣлевскій готовитъ художественный т. н. «Гоголевскій альбомъ». Въ этотъ роскошный сборникъ геліогравюръ войдетъ все, представляющее извѣст-

ный интересъ и относящееся къ жизни и личности великаго писателя; такъ напр., въ альбомѣ будутъ помѣщены портреты Гоголя въ разныхъ возрастахъ. Затѣмъ въ альбомъ войдутъ копіи собственноручныхъ акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ и набросковъ перомъ Н. В. Гоголя, портреты его матери, сестеръ, нѣкоторыхъ друзей и группы родственниковъ; виды родового имѣнія Гоголя, Яновщины, гдѣ есть уголки, какъ напр., аллея и прудъ, которые сохранились со времени Ник. Вас. почти безъ измѣненія, снимки нѣкоторыхъ предметовъ, принадлежавшихъ Н. В. Гоголю, и т. п. Хотя коллекція снимковъ, сдѣланныхъ г. Хмѣлевскимъ въ Яновщинѣ и окрестностяхъ, довольно значительна, но для пополненія ея онъ намѣренъ предпринять поѣздку, совмѣстно съ сотрудникомъ «Новаго времени» В. П. Горленко, въ Миргородъ, Сорочинцы, Яреськи, Кибенцы и Нѣжинъ.

—

Защита церкви. Интересный эпизодъ сообщаетъ кременчугскій интеллигентъ въ VI кн. Литерат.-Наукового Вистника. Въ большомъ м. Власовкѣ, на берегу Днѣпра, съ незапамятныхъ временъ стояла церковь, сооруженная, какъ говорятъ, еще запорожцами, фундаторами и первыми поселенцами м. Власовки. Парафіане очень любили свою церковь и еще 10 лѣтъ тому назадъ издержали не малую сумму на ея обновленіе и «благолѣпіе». Но въ послѣднее время сосѣдніе хуторяне повели агитацію противъ этого памятника славной старины и добивались, чтобы Консисторія перенесла церковь на другое мѣсто, п. ч. имъ далеко ходить въ Власовку. Подавъ тайно отъ Власовцевъ прошеніе, они своего добились—и церковь была назначена къ сносу. Сколько ни просили, сколько ни молили Власовцы (подавали даже прошеніе объ этомъ), ничего не вышло. Тогда всѣ прихожане постановили не отдавать никому и никогда своей святыни, и въ день, назначенный для разборки церкви, всѣ собрались возлѣ нея. Бабы, дивчата и дѣти заполнили погостъ («цвынтарь») и заперли изнутри «браму»; мужчины окружили погостъ плотной стѣной, и полиція ничего не могла сдѣлать. Администрація пошла на уступки и дала Власовцамъ еще двѣ недѣли срока.

Тѣмъ временемъ Власовцы выбрали одного уважаемаго всѣми козака и отправили его въ Москву и Петербургъ, въ Синодъ. Делегатъ взялъ съ собой прошеніе, въ которомъ Власовцы умоляютъ оставить имъ церковь, въ которую ходили еще ихъ отцы и дѣды, и гдѣ

сохранилось много вещей, цѣнныхъ для археологіи и исторіи мѣстности, какъ кресты, евангелія, иконы и т. п. Говорятъ, что делегату удалось въ Москвѣ видѣть графиню Уварову—предсѣдателя Императ. Москов. Археолог. Общества—и послѣдняя дала отъ Коммиссіи «по сохраненію старинныхъ памятниковъ» письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода. Добрался посолъ и въ Петербургъ, побывалъ и у оберъ-прокурора, подробно все разсказалъ и получилъ обѣщаніе, что церкви не будутъ разрушать до рѣшенія дѣла въ Синодѣ. Веселый и счастливый возвращается депутатъ на родину!.. А тѣмъ временемъ двухнедѣльный срокъ истекъ, и администрація приступила къ исполненію прежняго распоряженія. Но какъ только явилось начальство въ село, во всѣхъ церквахъ раздался набатъ, и народъ сталъ собираться къ церкви. Опять повторилась та же сцена, что и двѣ недѣли тому назадъ. Интересно, что на помощь Власовцамъ понашло много народа изъ Кіевщины и Херсонщины и общими силами стали защищать козацкую церковь. Ничего не могла подѣлать ни мѣстная полиція, ни уговоры благочиннаго, пристава и писаря. «Не дамо руйноваты церкви, ажъ покы не прыйде зъ Петербурга нашъ ходокъ»!—кричала толпа. И вотъ именно въ этотъ моментъ является посолъ изъ Петербурга съ радостной вѣстью. Какое, однако, послѣдуетъ рѣшеніе Синода, еще неизвѣстно, но тѣмъ временемъ Власовцы отстояли дорогую для себя святыню.

—

Выборы галицкихъ пословъ въ сеймъ. На состоявшихся въ концѣ августа выборахъ въ Галиціи галицкіе русины, сравнительно съ прежнимъ числомъ, понесли уронъ: избрано всего лишь 13. Изъ прежнихъ вновь избраны: Останчукъ, др. Олесницкій, Барвинскій, Мандычевскій и Охримовичъ; новые: свящ. Богачевскій, др. Король, Ант. Старухъ, др. Могильницкій, Гурикъ, Глиджукъ, Барабашъ и свящ. Мазикѐвичъ. Но и это незначительное число пословъ фактически еще меньше, т. к. Мандычевскій и Охримовичъ врядъ-ли будутъ отстаивать интересы русиновъ. (Дѣло, ч. 190).

—

Къ кустарному съѣзду въ Полтавѣ. На предстоящемъ въ Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности между прочими будутъ представлены доклады: А. М. Киселя—«На что должно быть обращено главное вниманіе при мѣропріятіяхъ для развитія и

совершенствованія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ», секретаря Кіевскаго сельско-хозяйственнаго Общества г. Осадчаго—«Кустарные промыслы въ области развитія капиталистическаго земледѣлія», секретаря Зѣньковской уѣздной земской управы г. Ярошевича—«Важнѣйшія нужды кустарныхъ промысловъ Зѣньковскаго уѣзда» и «Соціальное положеніе кустарей» (жилищная обстановка, питаніе, продолжительность рабочаго времени, высота заработной платы, чувство солидарности—артели, спилки и т. д.), и І. А. Чурила—«О состояніи кустарныхъ промысловъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ 1898 году».

Такимъ образомъ, число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ постепенно растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ интересъ и значеніе самаго съѣзда. Кромѣ этого, большой интересъ будетъ представлять собою выставка купленныхъ издѣлій, на которой, между прочимъ, будутъ экспонироваться земледѣльческія орудія и машины,—издѣлія кустарей Прилукскаго уѣзда, коллекція глиняной посуды изъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, сапожныя издѣлія изъ Смѣлы, и изъ Полѣсья—модели подвозныхъ матеріаловъ изъ дерева.

Для привлеченія къ участію въ съѣздѣ кустарей-крестьянъ организаціоннымъ комитетомъ приняты должныя мѣры, при чемъ, какъ было уже сообщено, ассигнована денежная сумма для того, чтобы каждому кустарю, прибывшему на съѣздъ, было обезпечено безплатное помѣщеніе на одномъ изъ мѣстныхъ постоялыхъ дворовъ и ежедневное содержаніе въ размѣрѣ 25—30 к. въ день на человѣка.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). *С. Пономарева. Черниговъ. 1898.*

Болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ намъ пришлось слышать, что извѣстный своими многими библіографическими трудами С. И. Пономаревъ занимается составленіемъ библіографическаго словаря замѣчательныхъ уроженцевъ Малороссіи, послѣ чего мы не имѣли вѣстей о томъ, какъ именно въ теченіе истекшихъ вслѣдъ затѣмъ лѣтъ подвигалась эта работа. Краткія свѣдѣнія объ этомъ даетъ маленькая брошюрка, названіе которой мы выписали и о которой, придерживаясь поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда", мы нашли нужнымъ дать хоть запоздалое извѣстіе, такъ какъ, представляя собою оттискъ изъ мало распространеннаго изданія „Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" и будучи отпечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не поступавшихъ въ продажу, она остается неизвѣстною нашимъ библіографамъ.

Брошюрка эта составляетъ относящееся къ Черниговской губерніи сжатое извлеченіе изъ упомянутаго словаря, который въ цѣломъ составѣ обнимаетъ уроженцевъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской губерній и въ которомъ, какъ говоритъ авторъ, онъ старался помѣстить всѣхъ тѣхъ уроженцевъ этого края, „въ комъ горѣла Божія искра, кто подвигомъ добрымъ подвизался и о комъ осталась въ обществѣ въ какомъ-нибудь отношеніи выдающаяся память". Въ этомъ словарѣ, какъ объясняетъ онъ далѣе, онъ заботился узнать мѣсто рожденія, сословіе, родъ занятій,

время смерти и тѣ источники, откуда можно получить подробныя свѣдѣнія о данномъ лицѣ.

Опубликованное извлеченіе изъ словаря состоитъ изъ перечня фамилій достопамятныхъ уроженцевъ Черниговской губерніи, раздѣленнаго на двѣ части. Въ первой части эти уроженцы перечислены по сану и званію и расположены въ такомъ порядкѣ: прежде всѣхъ указанъ основатель монашества св. Антоній Печерскій, затѣмъ—первые иноки изъ князей (Никола Святоша и Игорь), мученики (кн. Михаилъ и бояринъ Θеодоръ), одна инокиня—игуменья (преп. Евфросинія, княжна Суздальская); дальше слѣдуютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты—настоятели Кіево-Печерской Лавры, придворные духовники и проповѣдники, ректоры, протопресвитеры и каθедральные протоіереи, гетманы, полковники малороссійскихъ полковъ, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, генералы, адмиралы, попечители учебныхъ округовъ, профессоры, писатели и журналисты, композиторы, артисты, художники, паломники и путешественники, общественные дѣятели на различныхъ поприщахъ, издатели, пчеловоды, наконецъ—козаки (которыхъ указано два: Мойсей Осьмакъ и Андрей Шутъ).—Во второй части перечня тѣ же самыя лица распредѣлены по уѣздамъ, по мѣсту рожденія, а въ концѣ перечислены тѣ, точное мѣсто рожденія которыхъ (городъ или уѣздъ) автору неизвѣстно. Особую группу въ спискѣ составляютъ лица, происходящія изъ Черниговскихъ дворянъ, но родившіяся въ другихъ губерніяхъ, причемъ не совсѣмъ понятно, почему именно это сдѣлано только по отношенію дворянъ, а если жена священника, или купчиха, мѣщанка, крестьянка Черниговской губерніи, для разрѣшенія отъ бремени, отправится въ Кіевъ или Москву, чтобъ пользоваться пособіемъ лучшихъ акушеровъ, или по какой бы то ни было причинѣ во время рожденія ребенка будетъ находиться внѣ своей губерніи, то рожденные ею дѣти, по системѣ автора, уже не будутъ пренадлежать Черниговской губерніи.

Означенный двойной списокъ фамилій опубликованъ, повидимому, съ той цѣлью, чтобъ вызвать появленіе поправокъ и дополненій, какъ объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ автора: «Съ любовью къ родинѣ, пишущій эти строки кланяется читателямъ на всѣ четыре стороны и проситъ поправокъ и дополненій къ настоящему труду».

Находя очень симпатичную мысль составить біографическій словарь замѣчательныхъ малороссовъ, мы сожалѣемъ, что авторъ въ своемъ трудѣ не охватилъ весь южно-русскій край, а ограничился пятью названными губерніями, исключивъ губерніи Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Черноморскую. Затѣмъ, если уже составлять біографическій словарь, то, кромѣ указанія мѣста и года рожденія, сословія, рода занятій и времени смерти лицъ, вносимыхъ въ словарь, было бы желательно въ этомъ словарѣ имѣть и какія нибудь свѣдѣнія о томъ, какъ именно каждое изъ этихъ лицъ, по выраженію автора, „подвигомъ добрымъ подвизался", какія дѣла творилъ, разумѣется—въ объемѣ, соотвѣтствующемъ значенію каждаго; указаній только же на *родъ* занятій въ этомъ отношеніи слишкомъ недостаточно.

Что касается до желательныхъ автору поправокъ и дополненій къ его труду, то ихъ очень трудно дѣлать вслѣдствіе чрезвычайной краткости опубликованнаго авторомъ извлеченія, представляющаго собою перечень фамилій безъ обозначенія не только именъ, но даже инициаловъ именъ (за немногими исключеніями), почему относительно многихъ помѣщенныхъ въ этомъ перечнѣ фамилій нельзя съ увѣренностью сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

Не находя поэтому возможнымъ сдѣлать обстоятельныя поправки и дополненія, ограничимся немногими замѣчаніями.

Достопамятные *Лашкевичи* у автора значатся только въ одномъ Мглинскомъ уѣздѣ; въ другой же части списка („по сану и званію") Лашкевичи указаны въ числѣ писателей и журналистовъ, а одинъ Лашкевичъ—въ числѣ общественныхъ дѣятелей. Какихъ именно Лашкевичей Мглинскаго уѣзда разумѣлъ авторъ, представляется неизвѣстнымъ. Изъ уроженцевъ этого уѣзда мы знали только одного Лашкевича, которому принадлежитъ два или три стихотворенія, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Рѣчь", и который занималъ скромную должность акцизнаго надзирателя. Но едва-ли этого Лашкевича могъ имѣть въ виду авторъ. Гораздо больше соотвѣтствовало указаннымъ имъ условіямъ и по нашему мнѣнію необходимо подлежалъ внесенію въ словарь бывшій редакторъ-издатель Кіевской Старины Александръ Степановичъ Лашкевичъ, который принадлежалъ къ дворянамъ Новозыбковскаго уѣзда и былъ уроженцемъ села Брахлова, названнаго уѣзда, гдѣ и довольно долго служилъ, какъ это

было въ свое время разсказано въ Кіевской Старинѣ. [1]) Весьма вѣроятно, что въ числѣ упомянутыхъ писателей и журналистовъ авторъ разумѣлъ и А. С. Лашкевича, но, не имѣя въ виду свѣдѣній, опубликованныхъ въ Кіевской Старинѣ, неправильно, считалъ его уроженцемъ Мглинскаго уѣзда, съ которымъ у покойнаго Александра Степановича не было ничего общаго.

Въ числѣ уроженцевъ г. Нѣжина и его уѣзда авторомъ указанъ только одинъ *Конисскій*, и такъ какъ въ другой части перечня никакого Конисскаго между писателями не значится, а указанъ Конисскій только въ спискѣ архіепископовъ и епископовъ, то представляется несомнѣннымъ, что подъ упомянутымъ уроженцемъ г. Нѣжина авторъ разумѣлъ архіепископа могилевскаго Георгія Конисскаго и слѣдовательно пропустилъ въ своемъ словарѣ недавно умершаго писателя Александра Яковлевича Конисскаго, который, также какъ и Георгій Конисскій, былъ уроженцемъ г. Нѣжина, какъ это видно изъ помѣщеннаго въ Кіевской Старинѣ [2]) некролога его.

Кромѣ того, мы замѣтили въ трудѣ С. И. Пономарева слѣдующіе пропуски. Изъ бывшихъ министровъ не указанъ извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ *Трощинскій*, который былъ уроженцемъ Глухова. [3]) Кромѣ Трощинскаго, приведенный авторомъ списокъ высшихъ сановниковъ и генераловъ, военныхъ и статскихъ, изъ уроженцевъ Черниговской губерніи, можно было дополнить еще очень многими лицами. Но не будучи увѣрены въ томъ, считалъ ли авторъ высокое положеніе по сану или чину само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для внесенія извѣстнаго лица въ свой словарь (хотя помѣщеніе нѣкоторыхъ фамилій дѣлаетъ такое предположеніе болѣе чѣмъ вѣроятнымъ) не станемъ перечислять всѣхъ этихъ лицъ.

Изъ профессоровъ и писателей авторомъ не указаны слѣдующіе: бывшій профессоръ университета св. Владиміра, докторъ ботаники Илья Григорьевичъ *Борщовъ*, который происходилъ изъ дворянъ

---

[1]) 1889 г. № 12.

[2]) 1901 г. № 1.

[3]) См. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ Бантышъ-Каменскаго, ч. V, стр. 150—156,—„Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи“ Иванова, стр. 127—136, и предисловіе Попова къ запискѣ Трощинскаго объ учрежденіи министровъ, въ Сборникѣ Русскаго Историч. Общества, т. III, стр. 1—162.

Черниговской губерніи, хотя родился внѣ ея; [1]) бывшій профессоръ Нѣжинскаго лицея, магистръ государственнаго права Михаилъ Дмитріевичъ *Затыркевичъ*, уроженецъ Сосницкаго уѣзда; [2])—бывшій профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Иванъ Гавриловичъ *Карпинскій*, уроженецъ Новгородсѣверскаго уѣзда;—магистръ политической экономіи, доцентъ Московскаго университета Владиміръ Александровичъ *Косинскій*, уроженецъ Глуховскаго уѣзда; магистръ русской исторіи, авторъ «Исторіи Тверскаго княжества», удостоенной Уваровской преміи, Владиміръ Степановичъ *Борзаковскій*, изъ дворянъ Черниговской губерніи; [3])—авторъ сочиненія «Міръ реальный и міръ идеальный» Иванъ Яковлевичъ *Быковъ*, уроженецъ Стародубскаго уѣзда;—авторъ разныхъ педагогическихъ статей Николай Ѳеодосьевичъ *Левицкій*, сынъ священника Черниговской губерніи, [4])—и авторъ разныхъ сочиненій для дѣтскаго чтенія, одно изъ которыхъ было премировано фребелевскимъ обществомъ, Ананій Гавриловичъ Лакида или Лякидэ, [5]) уроженецемъ г. Новгородсѣверска. Наконецъ. въ число Конотопскихъ уроженцевъ нужно было бы помѣстить и почтеннаго автора труда, о которомъ мы говоримъ, чего по своей скромности онъ не сдѣлалъ, указавъ только одного Пономарева—пчеловода.

Приведенный авторомъ списокъ художниковъ мы можемъ дополнить указаніемъ на слѣдующихъ лицъ: уроженца м. Ични, Борзенскаго уѣзда, Виктора Михайловича *Резанова*, написавшаго много

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра, стр. 63—70.

[2]) См. біографическій очеркъ его, написанный А. Сребницкимъ, въ изданіи Гербеля „Лицей кн. Безбородко", 2-ое изданіе стр. 259—260, и некрологъ его въ газетѣ „Жизнь и Искусство" 1894 г. № 213.

[3]) Краткія біографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ „Словарѣ русскихъ писателей" Венгерова, томъ V, стр. 172—176.

[4]) См. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей" Д. Языкова, выпускъ 5, стр. 98—99, и статью И. Каманина: „Памяти одного Кіевскаго педагога", въ Кіевской Старинѣ 1885 г., № 6, стр. 357—363.

[5]) Подъ своими сочиненіями онъ подписывался „Лякидэ", какъ называли его и въ некрологахъ (умеръ въ 1895 г.), но въ спискахъ Новгродсѣверской гимназіи, въ которой онъ воспитывался, какъ онъ самъ, такъ и воспитавшіеся тамъ же братья его, а равно отецъ ихъ, служившій надзирателемъ той же гимназіи,—писались всегда «Лакида»

малороссійскихъ видовъ, [1]) уроженцевъ г. Нѣжина Николая Семеновича *Самокиша* и Филиппа Антоновича *Чирку* [2]) и уроженца г. Чернигова Ивана Григорьевича *Рашевскаго*.

Изъ музыкальныхъ дѣятелей, по нашему мнѣнію, заслуживали быть упомянутыми не указанные авторомъ Гавріилъ Андреевичъ *Рачинскій*, скрипачъ и отчасти композиторъ, уроженецъ г. Новгородсѣверска, [3])—Александръ Ивановичъ *Рубецъ*, бывшій профессоръ петербургской консерваторіи и устроитель музыкальной школы въ г. Стародубѣ, собиратель и издатель мотивовъ малорусскихъ пѣсенъ, композиторъ и авторъ разныхъ сочиненій, касающихся музыки, происходящій изъ дворянъ Стародубскаго уѣзда, но родившійся въ г. Чугуевѣ, Харьковской губерніи, гдѣ въ это время находился его отецъ, служившій въ военной службѣ, [4])—и бывшій оперный дирижеръ въ Кіевѣ и Одессѣ *Велинскій* (имени и отчества не помнимъ), сынъ Велинскаго, который въ спискѣ г. Пономарева значится въ числѣ высшихъ сановниковъ.

Съ другой стороны, относительно нѣкоторыхъ внесенныхъ въ списокъ фамилій намъ кажется сомнительнымъ, чтобъ они были уроженцами Черниговской губ. Но, не имѣя возможности, за необозначеніемъ именъ, утверждать, что авторъ дѣйствительно разумѣлъ тѣхъ, а не иныхъ лицъ, и не зная, чѣмъ именно онъ установливаетъ ихъ мѣсто рожденія, не рѣшаемся возражать, а упомянемъ только объ одномъ случаѣ, о которомъ мы можемъ говорить съ увѣренностью. Въ числѣ достопамятныхъ уроженцевъ Суражскаго уѣзда имъ указанъ *Листовскій*, который въ спискѣ по сану и званію, значится писателемъ. Очевидно, рѣчь идетъ о бывшемъ Суражскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Иванѣ Степановичѣ Листовскомъ, которому принадлежатъ разные литературные труды. Но этотъ И. С. Листовскій былъ уроженцемъ не Суражскаго уѣзда, а Оренбургской губерніи и,

---

[1]) О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы говорили въ Кіевской Старинѣ 1893 г. № 2, стр. 375.

[2]) Краткія біографическія свѣдѣнія о всѣхъ трехъ названныхъ художникахъ можно найти въ изданіи Булгакова «Наши художники»

[3]) См. некрологъ его въ Москвитянинѣ 1843 г., № 11, и статью „Г. А. Рачинскій, знаменитый скрипачъ, біографическій очеркъ“ Ѳ. Ситченка въ Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. №№ 47 и 48.

[4]) Въ спискѣ г. Пономарева указанъ одинъ Рубецъ, который значится профессоромъ университета; такого лица мы не знаемъ.

если не ошибаемся, происходитъ отъ польской фамиліи; обитателемъ же Суражскаго уѣзда и мѣстнымъ предводителемъ дворянства онъ сдѣлался только потому, что женился на правнучкѣ графа Завадовскаго, имѣвшей большое имѣніе въ Суражскомъ уѣздѣ. Уроженцами этого уѣзда были только дѣти И. С. Листовскаго, но изъ нихъ никто не подходитъ подъ тѣ условія, при которыхъ авторъ считалъ нужнымъ вносить тѣхъ или иныхъ лицъ въ свой словарь, а другихъ Листовскихъ не только въ Суражскомъ уѣздѣ, но и вообще въ Черниговской губерніи не бывало.

Въ заключеніе, отвѣчая желанію автора, укажемъ неизвѣстныя ему мѣста рожденія нѣкоторыхъ лицъ. Въ послѣдней части списка по мѣсту рожденія, подъ рубрикой: «неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ» у него значатся между прочимъ *Андреевскій* и *Чалый*, а въ спискѣ по сану и званію Андреевскій (съ обозначеніемъ, въ видѣ исключенія, иниціаловъ имени: «Ст. С.») указанъ подъ той рубрикой, гдѣ перечислены губернаторы, а Чалый значится въ числѣ писателей. Очевидно, въ первомъ случаѣ надо разумѣть Степана Семеновича Андреевскаго, который былъ первымъ директоромъ петербургской медико-хирургической академіи, а затѣмъ занималъ должность астраханскаго губернатора и который былъ уроженцемъ Нѣжинскаго уѣзда, [1]) а во второмъ—Михаила Корнѣевича Чалаго, который самъ указалъ мѣсто своего рожденія (г. Новгородсѣверскъ) въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ [2]), а раньше того оно было указано въ краткой біографіи его, написанной А. Сребницкимъ и напечатанной въ книгѣ Гербеля «Лицей кн. Безбородко». [3]) Кромѣ того, авторомъ не указано мѣсто рожденія недавно скончавшагося Степана Даниловича *Носа*, который былъ уроженцемъ Конотопскаго уѣзда. [4])

Усматриваемая изъ изложеннаго неосвѣдомленность почтеннаго автора относительно свѣдѣній, давно опубликованныхъ въ такихъ

---

[1]) См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи Чистовича, стр. 181 и Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. I стр. 757.

[2]) См. Кіевскую Старину 1889 г. № 1.

[3]) Изданіе 2-ое, стр. 223—225.

[4]) См. „Очеркъ жизни и дѣятельности С. Д. Носа“ Г. Коваленко въ Кіевской Старинѣ 1901 г., № 9.

изданіяхъ, какъ Кіевская Старина (объ А. С. Лашкевичѣ и М. К. Чаломъ), Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона (о С. С. Андреевскомъ), Словарь русскихъ писателей Венгерова (о В. С. Борзаковскомъ) и вышедшее подъ заглавіемъ «Лицей кн. Безбородко» собраніе жизнеописаній директоровъ, профессоровъ и замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ единственнаго въ Черниговской губерніи высшаго учебнаго заведенія (о томъ-же М. К. Чаломъ и М. Д. Затыркевичѣ),—даетъ возможность заключать, что, составляя свой біографическій словарь, авторъ не пользовался самыми необходимыми для его труда пособіями. Казалось бы, вмѣсто того, чтобъ сбращаться къ читающей публикѣ съ просьбою о поправкахъ и дополненіяхъ къ одной части труда, касающейся Черниговской губерніи, естественнѣе было заглянуть въ означенныя изданія для необходимыхъ и многихъ исправленій и дополненій по всѣмъ частямъ этого труда. Но авторъ занимается своей работой въ уѣздномъ городѣ, не имѣющемъ библіотекъ, пользуясь для нея только своей собственной библіотекой, въ которой могутъ отсутствовать многія изданія, чѣмъ, повидимому, и нужно объяснить незнакомство его съ упомянутыми свѣдѣніями. Если это такъ, объ этомъ нельзя сожалѣть, особенно по отношеніямъ къ Кіевской Старинѣ, ибо въ настоящее время невозможно указать другое изданіе, которое заключало бы въ себѣ, такъ много біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ малороссахъ, какъ Кіевская Старина, почему біографическій словарь, составленный безъ ознакомленія съ содержаніемъ этого журнала, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полнымъ.

Пожелаемъ однако автору, не смотря на указанныя неблагопріятныя условія, на сколько возможно успѣшно окончить свой трудъ.

Н. Шугуровъ.

Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. *Томъ третій. Дневники аскопокъ 1889—1897 г.г. Спб. 1901, in 4°, XII+174 стр.+ XXI табл. + 2 карты.*

Настоящимъ томомъ гр. Бобринскій заканчиваетъ свое цѣнное изданіе. Матеріалъ, помѣщенный въ немъ, въ большинствѣ случаевъ является продолженіемъ и дополненіемъ содержанія двухъ предыду-

щихъ томовъ, въ зависимости отъ продолженія раскопокъ и поступленія въ Смѣлянское собраніе новыхъ находокъ. Наряду съ дневниками своихъ личныхъ раскопокъ, гр. Бобринскій счелъ умѣстнымъ присоединить и дневники раскопокъ другихъ лицъ. Мотивомъ для этого послужило или поступленіе предметовъ изъ такихъ раскопокъ въ собраніе графа, или близость районовъ, гдѣ производились раскопки. Помѣщеніе такихъ дневниковъ можно только привѣтствовать, они представляютъ самый цѣнный результатъ каждой раскопки—не всегда, однако, это принимается во вниманіе и мы вполнѣ присоединяемся къ сожалѣнію, высказанному графомъ (стр. 62), по поводу того, что, напр., часть коллекціи г. Мазараки, происходящая изъ его раскопокъ въ Роменскомъ у. и поступившая въ Смѣлянское собраніе, была представлена *«безъ описанія раскопокъ и безъ обѣщанныхъ изслѣдователемъ дневниковъ»*,—такія раскопки превращаются въ погоню за предметами и здѣсь научныя цѣли отходятъ на задній планъ...

Дневникамъ раскопокъ предшествуетъ вступленіе, гдѣ гр. Бобринскій распредѣляетъ на эпохи древности средняго Приднѣпровья; давая краткія характеристики каждой и высказывая desiderata по отношенію къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ той или другой изъ нихъ.

Древнѣйшій періодъ раздѣляется графомъ на каменный вѣкъ—палеолитическая эпоха и на каменно-бронзовую эпоху—енеолитическую по западно-европейской терминологіи. Мы не можемъ согласиться съ такой группировкой, такъ какъ не видимъ здѣсь еще одной эпохи, богатой по оставленнымъ ею памятникамъ, тянувшейся несомнѣнно очень продолжительное время и прошедшей черезъ нѣсколько фазъ своего развитія,—говоримъ о неолитической эпохѣ, долженствующей занять среднее мѣсто среди двухъ предыдущихъ.

Совершенно умѣстно для слѣдующей за неолитомъ эпохи взято гр. Бобринскимъ названіе енеолитической эпохи, когда въ каменную индустрію, продолжающую еще жить и занимать преобладающее положеніе, начинаетъ проникать металлъ. Эпоха эта, благодоря раскопкамъ и открытіямъ послѣдняго времени, начинаетъ мало-по-малу очерчиваться яснѣе, пріобрѣтая право на самостоятельное положеніе. Гр. Бобринскій опредѣляетъ ее какъ эпоху «каменно-бронзовую»,—не будетъ-ли правильнѣе для древвостей средняго Приднѣпровья, назвать ее каменно-мѣдной? Къ этой эпохѣ относятся курганы со скорченными и окрашенными костяками. А. А. Спицынъ, давшій подробную характеристику этихъ кургановъ, совершенно справедливо

указываетъ на то пренебреженіе, въ какомъ они находились и отчасти находятся и теперь у нашихъ археологовъ—раскопки ихъ велись и ведутся съ непозволительной небрежностью, нѣтъ подробнаго изученія инвентаря могилъ, не сдѣлано анализа встрѣчающихся металлическихъ издѣлій—и очень возможно, что большинство послѣднихъ окажется не бронзовыми, какъ ихъ обыкновенно опредѣляютъ, а мѣдными; по крайней мѣрѣ форма нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указываетъ на мѣдь. Сюда же гр. Бобринскимъ относится и недавно открытая у насъ до-микенская культура; а, какъ извѣстно, всѣ найденные здѣсь металлическіе предметы изготовлены исключительно изъ мѣди.

Мы намѣренно остановились на вопросѣ о названіяхъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ переходу къ слѣдующей доисторической эпохѣ, какой, по аналогіи, должна быть бронзовая. Гр. Бобринскій, вслѣдъ за проф. Антоновичемъ, отрицаетъ присутствіе ея у насъ. Не вѣрнѣе-ли будетъ, если не признавать, то занять, такъ сказать, выжидательное положеніе въ данномъ вопросѣ? Самъ авторъ не отрицаетъ, что находки бронзовыхъ орудій довольно многочисленны, извѣстно нѣсколько кладовъ ихъ, встрѣчаются и литейныя формы и даже, благодаря раскопкамъ автора, мы имѣемъ, повидимому, погребеніе бронзового вѣка (у с. Теклино, возлѣ Смѣлы). Все это указываетъ скорѣе на существованіе, хотя-бы и непродолжительное бронзоваго періода, чѣмъ на отсутствіе его.

Конецъ енеолитической эпохи датируется VII—VI в. до Р. X. Слѣдующій затѣмъ довольно длинный періодъ—VI—II до Р. X. и даже позже—періодъ скифо-сарматскій, подраздѣляемый на староскифскій и ново-скифскій. Главная характеристическая черта его, по мнѣнію гр. Бобринскаго, вліяніе греческой культуры и отсутствіе предметовъ, которые можно было бы отнести къ римскому времени. Приводимыя основанія вполнѣ убѣдительны, а потому и принимаемое нѣкоторыми подраздѣленіе этой эпохи на скифскую—съ греческимъ вліяніемъ, и сарматскую—съ римскимъ, должно быть оставлено.

Послѣ значительнаго перерыва, съ III по VI в. по Р. X. слѣдуетъ эпоха переселенія народовъ, характеризуемая предметами т. н. готскаго типа,—эпоха мало еще у насъ изученная.

Благодаря послѣднимъ открытіямъ кургановъ и полей погребенія съ предметами, носящими признаки римскаго вліянія и съ римскими монетами, отчасти можетъ быть заполненъ и тотъ перерывъ,

о которомъ только-что упомянуто,—объ этомъ говоритъ вскользь и самъ авторъ (сюда можетъ быть отнесенъ разрытый графомъ курганъ № CCCXLV у с. Ковалихи на лѣвомъ берегу р. Ташлыка). Переходомъ отъ доисторическаго времени къ историческому служитъ славянская эпоха—VI—IX в., съ славянскими могилами и могилами кочевниковъ. Эти послѣднія частью входятъ уже въ историческое—княжеское время, представителями котораго являются главнымъ образомъ предметы съ городищъ и случайныя находки, зачастую въ видѣ цѣнныхъ кладовъ.

Переходя къ «Дневникамъ», нужно отмѣтить ихъ тщательность. Здѣсь опредѣляется положеніе могильника или кургана, даются размѣры послѣднихъ, отмѣчаются всѣ открытія и въ концѣ дневниковъ раскопокъ каждой группы приводятся «соображенія», гдѣ сводятся всѣ наблюденія, оттѣняются болѣе интересные факты и дается опрдѣленіе эпохи. Эти «соображенія» очень оживляютъ по необходимости сухое изложеніе дневниковъ и освѣщаютъ даваемый послѣдними сырой матеріалъ.

Какъ можно будетъ видѣть изъ слѣдующаго краткаго резюме этой части труда гр. Бобринскаго, преобладающіе типы погребеній въ данной части Кіевской губ. (гл. обр. бассейнъ р. Тясмина) относятся къ енеолитической и скифо-сарматской эпохамъ.

Первая глава заключаетъ дневники раскопокъ кургановъ между р. Серебрянкою и Ирдынемъ, которыя или являются продолженіемъ прежнихъ раскопокъ, или обнимаютъ собой новыя группы. Раскопки производились въ 6-ти группахъ и вскрыто болѣе 50-ти насыпей. Преобладаютъ погребенія неоскифской эпохи, хотя встрѣчены и енеолитическія. При описаніи инвентаря этихъ послѣднихъ, авторъ почти постоянно употребляетъ выраженіе «отточенные кремни», такъ что можно думать, что это шлифованныя орудія; на самомъ-же дѣлѣ, судя по описаніямъ орудій, ихъ можно скорѣе отнесть къ отбивнымъ. Большинство скифскихъ кургановъ оказалось уже ограбленнымъ въ древности, такъ напр. въ Староселецкомъ могильникѣ, изъ 39-ти изслѣдованныхъ кургановъ, нетронутаго не оказалось ни одного.

Что ограбленія производились спустя непродолжительное время послѣ погребенія, на это указываетъ фактъ, констатированный въ одномъ изъ кургановъ этой группы: здѣсь трупъ былъ вынутъ изъ могилы, ограбленъ и снова брошенъ въ могилу въ то время, когда кости были еще связаны мышцами. Въ группѣ у с. Теклино,

кромѣ скифскихъ могилъ, обнаружено еще, какъ о томъ мы уже упомянули, погребеніе, которое по всѣмъ даннымъ относится къ бронзовому вѣку. Здѣсь, подъ небольшой могильной насыпью (курганъ снесенъ для постройки хаты), на уровнѣ грунта, оказался остовъ повидимому молодой женщины. Кости потревожены, скелетъ головой на югъ. При костяхъ находилась глиняная посуда, большой шейный бронзовый обручъ, съ прекрасной патиной, концы его свернуты въ большіе спиралевидные щитки, два бронзовыхъ щитка такой-же конструкціи, глиняная пряслица и небольшой кусокъ гранита, одна сторона котораго сглажена. Подобные этому обручи, но меньшихъ размѣровъ, въ формѣ браслетовъ, встрѣчены въ Венгріи и Богеміи, а также и въ Симбирской губ. Кромѣ кургановъ, было обслѣдовано у с. Староселье̃чка и большое городище, давшее предметы различныхъ эпохъ, начиная отъ древнѣйшихъ и кончая IX—XII в. христіанской эры.

Во второй главѣ—дневники раскопокъ 4-хъ кургановъ на правомъ берегу р. Серебрянки; всѣ встрѣченныя погребенія—енеолитическія, но въ насыпахъ кургановъ обнаружены погребенія и позднѣйшія, относящіяся даже къ римскому времени, судя по находкѣ части бронзовой фибулы. Попутно гр. Бобринскій перечисляетъ здѣсь всѣ фибулы, имѣющіяся въ его собраніи и происходящія почти исключительно изъ случайныхъ находокъ; фибулы относятся ко времени отъ I в. до р. X. и до V в. по Р. X., болѣе древнихъ фибулъ, такъ частыхъ въ Зап. Европѣ, въ Европ. Россіи, по словамъ автора, до до сихъ поръ не встрѣчалось.

Далѣе идутъ курганы на лѣвомъ берегу р. Тясмина; разрыто ихъ до 30-ти. Погребенія енеолитическія, неоскифскія и, въ одномъ случаѣ—съ римскимъ вліяніемъ. Обнаружены здѣсь (на лѣвомъ берегу р. Ташлыка, у с. Ковалихи) и слѣды древняго поселенія, просуществовавшаго начиная съ енеолитической эпохи до конца скифской и даже позже. Въ концѣ главы помѣщена вводная статья о свастикѣ. Въ вопросѣ о свастикѣ гр. Бобринскій останавливается на теоріи проф. Steinen'a, которую повидимому раздѣляетъ; по ней, «основнымъ мотивомъ орнаментики первобытныхъ племенъ индогерманской расы служитъ картина наступающей весны, въ смыслѣ общаго воскресенія силъ природы, борьбы свѣта съ мракомъ», и т. д. Вѣстниками весны являются птицы, особенно аисты, которые и ведутъ борьбу съ пресмыкающимися, главнымъ образомъ со змѣями. По теоріи ученаго профессора первобытный человѣкъ взялъ для мотивовъ своей орна-

ментаціи этихъ добрыхъ и злыхъ животныхъ и путемъ схематизаціи превратилъ ихъ въ разные виды геометрическаго орнамента. Проф. Steinen и даетъ рядъ такихъ послѣдовательныхъ превращеній: стоящая или сидящая птица обращается въ зигзагъ, летящій аистъ—въ свастику, гнѣздо—въ четыреугольникъ (есть еще гнѣздо съ маткою и гнѣздо съ яйцами), ползущая змѣя—въ зигзагообразную линію. Теорія эта представляется намъ совсѣмъ не серьезной, если не сказать больше. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что первобытный художникъ былъ въ высокой степени реалистомъ,—схематизація и стилизація являются уже продуктомъ дальнѣйшаго и продолжительнаго развитія изобразительнаго искусства, геометрическій-же орноментъ, которымъ преимущественно украшены издѣлія первобытнаго человѣка, возникъ конечно не изъ аистовъ, гнѣздъ и змѣй, а имѣетъ свое основаніе въ ритмѣ—основѣ всѣхъ вообще искусствъ.

Курганы близъ Гуляй-Города занимаютъ четвертую главу; раскопки здѣсь производились въ трехъ могильникахъ и въ городкѣ надъ берегомъ Тясмина; раскопано около 40 кургановъ. Погребенія относятся къ скифской и болѣе поздней эпохѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ даются свѣдѣнія о продолженіи изслѣдованія стоянки каменнаго вѣка подъ Юрьевой горой, подробно описанной въ І-мъ томѣ труда автора, о раскопкахъ кургановъ на правомъ берегу р. Тясмина (въ курганъ съ енеолетическомъ погребеніемъ вѣроятно по ошибкѣ проникли древніе грабители и оставили тамъ деревянный ломъ и лубочное ведро), о раскопкахъ кургановъ въ окрестностяхъ Шполы (раскопки Ю. Ф. Абаза—посуда до—микенской культуры) и о раскопкахъ близъ г. Звенигородки (раскопки Самоквасова у с. Рыжановки).

Двѣ предпослѣднія обширныя главы посвящены: одна—курганамъ Роменскаго у., другая—дневникамъ Е. А. Зноско-Боровскаго.

Нагорный берегъ Сулы, съ массой расположенныхъ тамъ некрополей, давно уже привлекалъ изслѣдователей. Курганы заключаютъ погребенія скифскаго типа; большинство могилъ разграбленно въ древности, рѣдкія-же, оставшіяся нетронутыми, вознаграждаютъ труды изслѣдователей цѣнными находками. Гр. Бобринскій собралъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь раскопкахъ (напр. Самоквасова и Кибальчича), но главное мѣсто удѣлилъ раскопкамъ С. А. Мазараки, приводя его дневники, а въ случаяхъ, гдѣ таковые не были представлены,—описывая предметы.

Дневники Е. А. Зноско-Боровскаго обнимаетъ преимущественно курганы Каневскаго у. (103 кургана). Они указываютъ на ту любовь, съ какой Е. А. Зноско-Боровскій (нынѣ покойный) относился къ дѣлу; въ нихъ отмѣчена каждая мелочь (особенно въ дневникахъ болѣе поздняго времени)—все это говоритъ за то, что при раскопкахъ имѣлись въ виду лишь научныя, а не меркантильныя цѣли. Покойный до конца былъ послѣдовательнымъ и все свое богатое собраніе завѣщалъ Кіевскому музею древностей и искусствъ, куда оно уже и поступило. Опубликованіе дневниковъ является лучшимъ почтеніемъ памяти покойнаго. Открытыя Е. А. Зноско-Боровскимъ погребенія относятся къ енеолитической и скифской (преимуществено) эпохамъ; онѣ дали много интересныхъ наблюденій и находокъ; встрѣтились также и погребенія качевниковъ, особенно цѣнно одно изъ нихъ (у с. Ковалей), сохранившее полное вооруженіе воина—кочевника. Кромѣ Каневскаго у., Зноско-Боровскимъ вскрыто два кургана въ Золотоношскомъ у. Полтавской губ., оба оказались очень интересными, относясь одинъ къ енеолетической эпохѣ, другой—къ скифской.

Конецъ труда гр. Бобринскаго занимаютъ перечни предметовъ изъ случайныхъ находокъ. Особаго вниманія заслуживаетъ кладъ, найденный въ 1893 г. у с. Хацки. Почти всѣ предметы сдѣланы изъ низкопробнаго серебра и состоятъ изъ пряжекъ, бляхъ, привѣсокъ и т. п., относящихся къ разряду т. н. готскихъ издѣлій (IV—VII в. по Р. Х.).

Таково вкратцѣ содержаніе этого тома раскопокъ близъ м. Смѣлы. Содержаніе довольно разнообразное, но составленное съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ отъ научнаго труда. Не довольствуясь изложеніемъ фактовъ, гр. Бобринскій въ нужныхъ случаяхъ ихъ объединяетъ, проводитъ параллели, особенно цѣнныя въ такого рода изслѣдованіяхъ. Обширное знакомство автора, помимо русской, съ западно-европейской литературой предмета, еще болѣе увеличиваетъ цѣнность работы и лишь остается пожалѣть, что настоящій томъ является послѣднимъ.

Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго; помѣщенные въ текстѣ многочисленные рисунки, а также таблицы въ концѣ книги, исполнены, за немногими исключеніями, вполнѣ удовлетворительно, нѣкоторые-же изъ нихъ даже иллюминованы красками и золотомъ.

Н. В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 9; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9; 6) Вѣстникъ Европы, № 9; 7) Русская Мысль, № 9; 8) Научное Обозрѣніе, № 9; 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8 и 9; 10) Przewodnik naukowy i literacki, № 9; 11) Bibliot. Warszaw. № 9; 12) Літер.-Науков. Вістник, № 9; 13) Кіевск. Универс. Изв., № 6—8; 14) Книжки Восхода, № 8 и 15) Міръ Божій, №№ 8 и 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева (Укрощеніе Еврейскаго погрома въ городѣ Борзнѣ) (стр. 44—48).

Сообщаются подробности еврейскаго погрома въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черниговской губ., въ томъ числѣ и въ Борзнѣ, очевидцемъ котораго былъ авторъ.

Замѣчательная надгробная надпись (стр. 127—128).

Приведена надпись на латинск. языкѣ, находящаяся въ «придворной» церкви Скоропадскихъ въ с. Дунайцѣ, Глуховск. у. Надпись эта—эпитафія гласитъ о томъ, что здѣсь покоится Анна Михайловна Скоропадская, внучатая племянница гетмана Скоропадскаго, бывшая замужемъ за генер.-аншефомъ Юріемъ Григорьевичемъ Ливеномъ (р. 1695, ум. 1763), скончавшаяся въ 1840 г. на первомъ году брачной жизни.

—

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Записки Н. И. Мамаева (Продолженіе). Часть вторая. Гл. XXV—XXVIII (стр. 784—827).

Авторъ „Записокъ" разсказываетъ о своемъ прибытіи въ 1838 г. въ Кіевъ въ качествѣ адъютанта волынскаго губернатора Маслова; объ отъѣздѣ, послѣ осмотра лаврскихъ пещеръ, къ мѣсту назначенія; о житомірскихъ впечатлѣніяхъ, въ особенности рѣзкихъ для автора, благодаря великорусскому происхожденію его и полному незнакомству съ малорусскимъ и польскимъ народомъ и его обычаями; сообщаетъ о дѣятельности администраціи и своей лично въ разыски-

ваніи и арестѣ наиболѣе опасныхъ дѣятелей польской партіи; описываетъ отдѣльные пункты, какъ-то Овручъ, съ его достопримѣчательностями, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Почаевскую Лавру.

Н. А. Крыловъ. Кадеты сороковыхъ годовъ. (Личныя воспоминанія) (стр. 943—967).

Авторъ, товарищъ по корпусу братьевъ Жемчужниковыхъ, сообщаетъ любопытныя біографич. данныя о нихъ.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (стр. 13—24).

Небольшая статья (вступительная лекція, читанная въ С.-Петерб. университетѣ), въ которой авторъ въ общихъ чертахъ говоритъ о смѣшеніи всевозможныхъ группъ языковъ, въ томъ числѣ и славянскихъ. Въ настоящее время замѣчается, по словамъ автора, взаимное вліяніе польской языковой области и области малорусской; русскаго литературнаго языка и разныхъ говоровъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, равно какъ и языка польскаго во всемъ его разнообразіи. Отраженія иноплеменныхъ особенностей на основномъ фонѣ языковаго строя и состава (лингвистически смѣшанныя области) можно видѣть, между прочимъ, въ областяхъ великорусской, малорусской, болгарской и др.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 222—223) данъ весьма сочувственный отзывъ о книгѣ «К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань 1898».

—

Русская Мысль, № 9.

Павелъ Матвѣевъ. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого края (стр. 46—75). Статья эта, начатая въ № 8-мъ, освѣщаетъ личность Артамона Матвѣева, какъ очень популярнаго человѣка въ Малороссіи въ качествѣ «неотступнаго защитника и усерднаго ходатая за Украйну», когда онъ былъ начальникомъ приказа Малой Россіи (съ 1669 года). Особенно характерно въ этомъ случаѣ его поведеніе въ дѣлѣ, затѣянномъ Ординъ-Нащокинымъ, о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Насколько Ординъ-Нащокинъ являлся упорнымъ преслѣдователемъ этой мысли, настолько Артамонъ Матвѣевъ при-

держивался политики умиротворяющей и умѣлъ ублажать представителей малороссiйскаго духовенства, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Въ библiографическомъ отдѣлѣ помѣщены краткiе отзывы о книгахъ: 1) *Яворскiй «Очерки по исторiи русской народной словесности» т. I. Львовъ, 1901 г.*; 2) *Тупиковъ «Страсти Христовы въ западно-русскомъ спискѣ XVII в.». Спб. 1901 г.*

Научное Обозрѣнiе. № 9.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскiй (Историко-литературный очеркъ) (стр. 81—105).

Въ настоящей части своего очерка авторъ задался цѣлью выяснить соцiальный смыслъ произведенiй И. П. Котляревскаго съ опредѣленiемъ ихъ общественнаго значенiя. По опредѣленiю автора, нашъ поэтъ является феодальнымъ мелкимъ землевладѣльцемъ-дворяниномъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостничества и мирившимся съ послѣднимъ, но не мирившимся съ угнетенiемъ козаковъ, личная свобода которыхъ, соединенная съ землевладѣнiемъ, освящалась при томъ феодализмомъ. Вообще же классовой характеръ личности К—го: «идеологъ мелкаго землевладѣнiя», а объективность содержанiя Энеиды можно прямо толковать «въ смыслѣ идеализацiи козачества и порицанiя враждебныхъ ему группъ общества... Нужно сказать, что эти мысли автора слишкомъ темны, а доказательства не убѣдительны.

Труды Кiевской Духовной Академiи, № 8.

А. Бѣлгородскiй. Кiевскiй митрополитъ Iероѳей Малицкiй (1796—1799 гг.) (Окончанiе.) (стр. 470—528).

Въ послѣдней, пятой, главѣ своего труда авторъ разсматриваетъ дѣятельность митр. Iероѳея по отношенiю къ Кiевской духовной Академiи. Въ качествѣ прибавленiя къ этой главѣ авторъ присоединилъ еще нѣсколько страницъ возстановленiя Кiево-Братскаго монастыря, упраздненнаго, какъ извѣстно, Высочайшимъ указомъ 1786 года.

Лiтературно-Науковий Вiстник, № 9.

Наш альбом. Ритми, I—VI, Лесi Украинки.—Буркутськi станси, I—IV, I. Франка.—Iз вiршiв Якима Супиги, I—IV (стр. 233—240).

Із оповідань Ол. Гавриша. I. Дядько Яким. II. Верба (стр. 241—255).

Первое — слабый психологическій набросокъ, второе—сказка (тема заимствована) о происхожденіи вербы изъ „вередлывои“ бабы.

З давнього мынулого. Про Олександра Яковлевича Кониського, Дмитра Марковича (стр. 256—260).

Воспоминанія о покойномъ, относящіяся къ 1862 году,—ко времени пребыванія А. Я. Конисскаго въ Вологдѣ.

Вирід. Оповідання Осипа Шпитка (далі) (стр. 261—286).

Художественное произведеніе на чисто психологической основѣ: выясненіе духовнаго міра субъекта, именуемаго, съ общественной точки зрѣнія, „выродомъ“, а на самомъ дѣлѣ обладающаго не малымъ духовнымъ богатствомъ.

Арсен Яворенко, драма Б. Гринченка (конець буде) (стр. 287—305).

Современная драма, отражающая общественныя явленія нашего времени. Главный герой—инженеръ Арсенъ Яворенко, посвятившій себя на служеніе общественному благу—въ частности поднятію матеріальнаго и духовнаго быта крестьянъ своего и окрестныхъ селъ.

Образки. I. Хочу докучити тобі, Марти *** (стр. 306—308).
II. Смутна пісня, Надіі Кибальчич (308—312).

Послѣднее—картинка изъ сельской жизни: грустная судьба сельской учительницы, не имѣющей ни откуда поддержки и не видящей когда-бы то ни было выхода изъ своего положенія.

Трицять від ста, опов. Матільди Серао (кинець буде) (стр. 313—351).

Із оповидань Анатоля Франса: III Король пъе (352—357).

Із переспівів Павла Грабовського. Ілля Муромець (великоруська билина) (далі буде) (стр. 358—360).

Прекрасный переводъ былины объ Ильѣ Муромцѣ съ сохраненіемъ ритма подлинника.

—

З остатніх десятиліть XIX в., Івана Франка (кинець) (стр. 112—132).

Прекрасная, интересная, обстоятельная статья, представляющая критико-историческій очеркъ культурнаго развитія украинско-русскаго народа въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Авторъ

указываетъ на наиболѣе выдающіеся моменты въ этомъ развитіи; на наиболѣе крупныя силы, способствовавшія послѣднему.

Будучність гімназий, уваги проф. д-ра Фрідріха Паульзена (стр. 133—160) (конець буде).

Авторъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что современный типъ германскихъ и другихъ классическихъ гимназій необходимо долженъ претвориться въ гуманитарную школу безъ древнихъ языковъ.

Хроніка и бібліографія (стр. 30—40).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 6—8.

№ 6. *А. С. Грушевскій*. Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества X—XIII вв. (съ генеалогич. табл. и картою). Сочиненіе, удостоенное ист.-филологич. факультетомъ золотой медали (стр. 1—78).

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части. Въ первой говоритъ о территоріи и населеніи Турово-Пинской области; во второй—даетъ очеркъ исторіи этого княжества и, наконецъ, въ послѣдней касается нѣкоторыхъ фактовъ внутренней исторіи, какъ то: сильно развитое общественное самосознаніе въ Турово-Пинскомъ княжествѣ (походы на Туровъ 1157 г. и 1160), взаимныя отношенія Турова и Пинска, а также сообщаетъ свѣдѣнія относительно Туровской епископіи.

Означенный трудъ, свидѣтельствующій о немалой эрудиціи и усидчивости автора, явится полезнымъ дополненіемъ къ цѣлой серіи областныхъ монографій, разсматривающихъ судьбы отдѣльныхъ русскихъ земель и княжествъ.

№№ 7 и 8. *В. А. Чаговецъ*. Жизнь и сочиненія преподобнаго Θеодосія. Сочиненіе, удостоенное ист.-филол. факультет. золотой медали (стр. 1—70, 71—121).

Авторъ въ данномъ трудѣ талантливо и живо разсматриваетъ и разрѣшаетъ вопросы о жизни и литературной дѣятельности преп. Θеодосія. Къ труду привлечены списки произведеній, вновь открытыхъ авторомъ.

№ 7. *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. (Продолженіе) (стр. 413—485).

Продолженіе 4-й главы—о косвенныхъ налогахъ. Въ данной части авторъ разсматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и

торговыхъ пошлинахъ съ мельницъ (мельничное право), заводовъ для производства спиртныхъ напитковъ; скарбовые доходы отъ акцизовъ и монополій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка. Вышло изъ печати второе изданіе III и IV томовъ сочиненій украинскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Первое изданіе разошлось безъ остатка. Въ сравнительно большомъ количествѣ сочиненія выписываются въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ, вообще же спросъ на произведенія Квитки идетъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ только пребываютъ малороссы. Складъ изданія находится въ харьковской уѣздной земской управѣ, которая выручаемыя отъ продажи сочиненій деньги обращаетъ въ капиталъ, предназначаемый на нужды училища имени писателя въ с. Основѣ. Училище это лучшее въ Харьковскомъ уѣздѣ. (X. Губ. Вѣд. № 226)

Въ № 5159 газ. „Одесскія Новости“ помѣщена была статья, посвященная 70-лѣтію со дня рожденія извѣстнаго писателя Д. Л. Мордовцева, въ которой характеризуется его литературная дѣятельность. Газета напоминаетъ о его огромной популярности, называетъ его горячимъ и искреннимъ „украинофиломъ“, защитникомъ украинской народности отъ нападокъ шовинистовъ, честнымъ просвѣщеннымъ писателемъ.

Предполагаемое періодическое изданіе. Проживающій въ Петербургѣ г. Короненко обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, еженедѣльникъ для народа, въ религіозно-общественномъ направленіи на малороссійскомъ языкѣ. (Kurjer Warszawski).

Въ т. XIV (Serya II) „Rozprawy Akademii Umiejętności Wydział Historyczno-filozoficzny (39 т. общаго собранія) помѣщены два важныхъ изслѣдованія.

1) *F. Piekosiński.* Statut litewski. Część I (стр. 61—130), въ которомъ авторъ въ хронологическомъ порядкѣ даетъ обзоръ всѣхъ привилеевъ королевскихъ, начиная съ 1387 г., легшихъ затѣмъ въ основу т. наз. Литовскаго статута; послѣдній имѣлъ три редакціи: 1529, 1564 и 1588 (напечат. на русск. яз. въ Вильнѣ въ томъ же году у Мамонича). Кромѣ того, для земли Волынской и княжества Кіевскаго оказалась потребность издать особую редакцію (собственно вторая редакція, съ опущеніемъ отдѣла о военныхъ дѣлахъ и различными поправками, признанными сеймиками); но эта редакція такъ никогда и не была напечатана. Въ дальнѣйшей части своего труда авторъ обѣщаетъ произвести сравненіе содержанія отдѣльныхъ редакцій статута для опредѣленія развитія и измѣненій различныхъ правовыхъ институцій.

2) Того же автора—„Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich“ (стр. 171—251).

Приводя, въ хронологическомъ порядкѣ, данныя о вѣчахъ, сеймахъ и сеймикахъ, авторъ иногда даетъ указаніе на участіе въ послѣднихъ и русскаго элемента, т. напр., въ 1436 г. на съѣздѣ между Вищней и Рогатычами утверждена конфедерація земель русскихъ, а именно: львовской, подольской, перемышльской, саноцкой, галицкой, холмской и белзской; въ 1438 (и въ 1453 привилей) на вольномъ сеймѣ король (Владисл. III Ягеллончикъ) издалъ привилей, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что не допуститъ, чтобы какая нибудь изъ земель—Литва, Русь, Подолія и Молдавщина—были отняты отъ Короны Польской; въ 1452 г. было четыре съѣзда—3 земскихъ и сенаторскій (вольный), на которыхъ рѣшался вопросъ объ отобраніи Луцка и всей Подоліи отъ Литвы,—назначено было даже „рушеніе“ земель сандомірской, любельской и русской на Луцкъ; въ 1456 г. на генеральномъ сеймѣ въ Корчинѣ подтверждены: привилей слободъ для русскихъ земянъ и земскій привилей для земель краковской, сандомірской, любельской, львовской, перемышльской и русской; въ 1465 г.—во Львовѣ сеймъ земель русскихъ (Руси и Подоліи) по частному дѣлу; такой же—въ 1477 въ Красноставѣ, наконецъ въ 1496 г. на піотрковскомъ вольномъ сеймѣ, при участіи духовенства, земянъ и депутатовъ отъ земянъ установлены были пункты для земскихъ (повѣтовыхъ) сеймиковъ, какъ то: холмскій—въ Грубешовѣ, белзскій—въ Буску, перемышльскій—въ Мосцисквѣ,

подольскій—въ Каменцѣ, саноцкій—въ Санокѣ, львовскій—въ Вишнѣ, галицкій—въ Теребовлѣ.

—

Въ т. VI, кн. 1. „Извѣстій Отдѣл. Русск. яз. и Словесности Императ. Акад. Наукъ“ за 1901 г. помѣщена статья А. И. Соболевскаго „Чудо св. Климента, папы Римскаго“. Древне-русское „слово“ (домонгольскаго періода) стр. 1—8.

Судя по тексту, видно, что святой близокъ автору кіевлянину; по его словамъ—самъ Господь привелъ святого въ „нашу русскую страну“, къ своимъ „врагамъ и отступникамъ“. Слово, какъ видно, было произнесено или прочитано надъ мощами Климента.

—

Въ №№ 204 и 205 газ. „Дѣло“ помѣщена статья о. Іосифа Ганкевича „За руски старинности и згадка за історію нашихъ сторôнъ“, въ которой авторъ даетъ рядъ фактовъ, историко-бытового характера, интересныхъ для исторіи древн. Звенигорода (галицкаго), Саратова и др. смежныхъ пунктовъ.

—

Въ № 249 газ. „Кіевская Газета“ помѣщена интересная замѣтка, которую и заимствуемъ оттуда. „Въ серединѣ прошлаго (1900) года вышелъ (въ Кіевѣ) сборникъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ „Викъ“. Въ этотъ сборникъ, имѣвшій задачею представить образцы украинской поэзіи за истекшее (въ 1898 г.) столѣтіе существованія художественной украинской литературы, вошли произведенія лучшихъ украинскихъ писателей отъ Котляревскаго до нашихъ дней. Очень добросовѣстно и талантливо составленный, въ полномъ смыслѣ слова художественно изданный и сравнительно недорогой, сборникъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ въ публикѣ, что въ настоящее время ужъ совершенно разошелся (отпечатанъ онъ былъ въ 1600 экз.). Необычайный успѣхъ стихотворнаго сборника „Викъ“, показавшій, что въ нашемъ обществѣ существуетъ большой спросъ на серьезно составленную, изящно изданную, хоть и дорогую украинскую книгу, побудилъ редакцію названнаго сборника продолжить свою въ высшей степени интересную и полезную работу.

Въ настоящее время, какъ мы знаемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, вполнѣ готовы къ печати дозволенные цензурою два слѣдующихъ тома сборника „Викъ“. Эти два тома „Вика“, каж-

дый въ 25—30 листовъ печати, будутъ содержать въ себѣ лучшіе образцы украинской прозаической литературы, начиная отъ Г. Квитки-Основьяненка до нашихъ дней. Въ первый томъ войдутъ произведенія украинскихъ авторовъ отъ Квитки до Франка (включительно), а второй отъ Гринченка до нашихъ дней. Произведеніямъ каждаго писателя предпосылается біографія съ характеристикою литературной физіономіи автора. Настоящіе два тома „Вика" имѣютъ быть исполнены столь же изящно, какъ и первый томъ. Нужно надѣяться, что публика, встрѣтившая такъ благосклонно первый томъ „Вика", столь же сочувственно отнесется и къ дальнѣйшей работѣ симпатичной редакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что большинство публики, открывшей много очень интереснаго и новаго для себя въ первомъ томѣ „Вика", найдетъ не менѣе интереснаго и въ дальнѣйшихъ томахъ этого изданія. Отъ души желаемъ самаго широкаго успѣха этому новому изданію.

Идя на встрѣчу все возрастающему спросу на совершенно разошедшійся первый томъ „Вика", редакція этого сборника приготовила уже второе изданіе его. Въ этомъ новомъ изданіи содержаніе настоящаго сборника будетъ значительно переработано и дополнено, будутъ также расширены біографіи писателей и приложена руководящая вступительная статья".

—

Въ № 1002 газ. „Югъ" священникомъ Антономъ Гриневичемъ данъ весьма сочувственный отзывъ о брошюрѣ „Думы кобзарськи. Видано подъ доглядомъ Б. Гринченка у Чернигови, 1897". По сообщенію рецензента, книжка эта очень нравится народу.

—

Въ № 1301 нѣкто Н. Г. помѣстилъ интересную статью подъ заглавіемъ „Современная Галиція", составленную на основаніи книги Л. Василевскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Статья даетъ наглядное представленіе о постепенномъ культурномъ ростѣ нашихъ заграничныхъ собратьевъ.

—

Въ № 182 вѣнской газеты „Arbeiter Zeitung" помѣщенъ переводъ разсказа В. Стефаника „Сыня кныжечка".

—

Американскій журналъ „The literary Digest", vol. XXIII, № 9 помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Cooperative industry legalized in

Russia", въ которой знакомитъ американскихъ читателей съ земледѣльческими артелями Н. В. Левитскаго. Статья страдаетъ крупнымъ недостаткомъ: она ложно освѣщаетъ самую суть—значеніе артелей въ Россіи.

—

Англійская писательница Дорота Джирардъ (Dorothea Gerard) издала въ настоящемъ году въ Нью-Іоркѣ повѣсть «The suprem Crime» (Величайшее злодѣяніе), интересную тѣмъ, что тема взята изъ жизни малорусскаго духовенства въ Галиціи.

—

Книга „Дешевая библіотека". № 321. Е. П. Гребенка. Записки студента. Повѣсть. Путевыя записки зайца. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900",—допущена въ ученич. библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Книга К. Харламповичъ. „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898",—рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности находящихся въ западномъ краѣ.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи. Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало: у многихъ вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. И однако дѣйствительность теперь уже опровергла эти скептическія предположенія и оправдала наоборотъ надежды глубокаго знатока русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича, который настойчиво рекомендовалъ устроить археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона.

Раскопки Верхнесалтовскаго могильнила въ Волчанскомъ уѣздѣ, открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища В. А. Бабенкомъ, съ успѣхомъ и послѣ отъѣзда коммиссіи нродолжалъ членъ ея А. М. Покровскій.

Замѣчу только, что Верхнесалтовскому могильнику, какъ мнѣ кажется, придется сыграть видную роль въ русской археологіи. Это, повидимому, обширный некрополь, надъ которымъ придется еще поработать и впослѣдствіи.

Закончивъ свои изысканія въ сѣверномъ теченіи р. Донца, въ Волчанскомъ уѣздѣ, А. М. Покровскій переѣхалъ, согласно общему плану экскурсіи, въ Зміевской уѣздъ, чтобы излѣдовать болѣе южное теченіе того же Донца—въ особенности курга-

ны съ каменными бабами. Тамъ онъ раскопалъ 4 кургана въ дачахъ сел. Раздольнаго, изъ нихъ 2 съ каменными бабами и 2 безъ бабъ. Большой курганъ съ каменною бабою оказался наиболѣе интереснымъ. Въ немъ, на разныхъ уровняхъ, было найдено 7 погребеній, изъ коихъ самыя глубокія были съ окрашенными костяками (одно изъ нихъ находилось даже ниже уровня желтой глины). Одно изъ погребеній—по всей вѣроятности скиѳское—дало бронзовое золоченое зеркало, пару золотыхъ массивныхъ колецъ, золотыя бляшки и спирали (послѣдними вѣроятно, была обшита одежда), ожерелье изъ сердоликовыхъ бусъ и два глиняныхъ сосуда. 2 другіе кургана дали 6 погребеній съ окрашенными костяками и въ скорченномъ положеніи; они бѣдны предметами и относятся къ концу каменнаго вѣка. Другой курганъ съ каменною бабою оказался совершенно пустымъ. Каменная баба была пожертвована комитету мѣстными землевладѣльцами М. П. и А. В. Багговутъ, за что приносимъ имъ искреннюю благодарность.

Е. П. Трефильевъ производилъ раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ. Въ сл. Нижней Дуванкѣ онъ раскопалъ 13 кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались принадлежащими къ каменному вѣку и въ нихъ найдены были грубые сосуды и черепа; въ другихъ заключались бронзовые предметы и украшенія, янтарныя, кораловыя и сердоликовыя бусы; погребеніе здѣсь совершалось въ мѣловой почвѣ, а одно было отыскано въ ладьѣ. Въ с. Сватовой Лучкѣ было разрыто 9 кургановъ, изъ коихъ два кочевническихъ, остальные—каменнаго вѣка, а одинъ съ золотыми предметами, украшенными жемчугомъ и каменьями, съ каменной плитой и сосудами.

В. А. Городцовъ со своимъ помощникомъ студентомъ г. Большаковымъ производилъ обширные раскопки въ Изюмскомъ уѣздѣ, на нижнемъ теченіи Донца въ предѣлахъ харьковской губерніи. Первый опытъ раскопокъ былъ произведенъ имъ въ сел. Николаевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Славянска, гдѣ разрыто 4 кургана съ 9-ю погребеніями. Изъ послѣднихъ, 3 принадлежали кочевникамъ и сопровождались похоронами цѣлаго коня или его частей. Вещей въ нихъ было немного—2 цѣльныхъ глиняныхъ горшечка, 1 бронзовое ведерко, двое желѣзныхъ удилъ, нѣсколько мелкихъ желѣзныхъ, бронзовыхъ и се-

ребряныхъ вещицъ и костяныхъ орнаментированныхъ пластинокъ, служившихъ оправой сѣдла или колчана. Самое богатое изъ этихъ погребеній вмѣстѣ съ деревяннымъ ладьевиднымъ гробомъ доставлено въ музей Императорскаго харьковскаго университета и разобрано уже на мѣстѣ. При костяхъ найденъ желѣзный мечъ, кольчуга, остатки одежды и обуви и т. п. Эта находка представляетъ большой интересъ въ силу, такъ сказать, ея наглядности. Въ настоящее время музеи не останавливаются передъ огромными затратами для пріобрѣтенія подобныхъ предметовъ и если найденный въ Изюмскомъ уѣздѣ гробъ съ воиномъ останется въ Харьковѣ (что крайне желательно), то онъ безъ сомнѣнія составитъ одну изъ достопримѣчательностей харьковскаго университета. Другія погребенія относятся частію къ скиѳскому, частію къ неолитическому періоду.

Слѣдующимъ пунктомъ изысканій В. А. Городцова была Селимовка—тамъ имъ было раскопано 9 кургановъ съ 41 погребеніемъ, изъ коихъ 38 оказались неолитическими и скиѳскими и 3 кочевническими. Среди этихъ кургановъ былъ одинъ съ каменною бабою (подлѣ д. Черногоровки). Въ немъ найдено было 7 погребеній очень ранняго времени, такъ какъ костяки имѣли скорченное положеніе, а 2 изъ нихъ находились въ особыхъ пещерахъ, выкопанныхъ въ бокахъ ямъ. Одно изъ кочевническихъ погребеній было повидимому очень богато, но къ сожалѣнію разграблено: оно сопровождалось похоронами коня и аттрибутами начальнической власти (навершьемъ каменной булавы), а также обильными остатками желѣза и мѣдной окиси на костяхъ коня. Очень богатымъ оказалось также одно изъ скиѳскихъ погребеній, въ которомъ найдены мѣдный литой котелъ на тонкой высокой ножкѣ, вѣсомъ около 20 ф., и 322 золотыя вещицы (мелкія бляшки и т. п). Оригинальны могилы въ формѣ пещеръ. Оригинальна и керамика. Отправлены были съ этихъ раскопокъ въ Харьковъ и 2 каменныхъ бабы. Горячее содѣйствіе въ раскопкахъ оказывалъ земскій начальникъ 5-го участка Изюмскаго уѣзда Вл. Митр. Купчиновъ, за что отъ имени комитета приношу ему глубокую благодарность.

Далѣе В. А. Городцовъ изслѣдовалъ районъ къ востоку отъ г. Славянска до устья р. Бахмутки. Раскопано было здѣсь 24 кургана и открыто въ нихъ 70 погребеній; два изъ этихъ

кургановъ были съ каменными бабами. Первый курганъ съ каменною бабою у сел. Закотнаго далъ 2 скиѳскихъ погребенія; такія же погребенія найдены и въ двухъ смежныхъ съ нимъ курганахъ меньшихъ размѣровъ, тогда какъ второй курганъ съ каменною бабою у с. Ямполя содержалъ 2 скиѳскихъ и одно кочевническое погребеніе. Три кургана были раскопаны у сел. Райгородка, гдѣ священникомъ состоитъ о. Василій Снѣсивцевъ, открывшій и изслѣдовавшій стоянки каменнаго вѣка на песчаныхъ буграхъ подлѣ Райгородка и оказавшій серьезныя услуги мѣстной археологіи. Въ настоящее время онъ намѣренъ изслѣдовать такія же стоянки между Райгородкомъ, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ.

Изслѣдованіемъ стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка по р. Донцу въ окрестностяхъ с. Кочетка, въ Зміевскомъ уѣздѣ, заняты были пишущій эти строки, а также В. Е. Данилевичъ и П. П. Ефименко. Послѣднему удалось собрать довольно значительную коллекцію разнообразныхъ предметовъ—кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлокъ, кремневыхъ ножей, пряслицы и т. п. Коллекція эта будетъ демонстрироваться на выставкѣ.

Не можемъ не высказать по этому поводу своего пожеланія, чтобы возможно большее число лицъ занялось розысками кремневыхъ стрѣлъ и орудій на песчаныхъ бурграхъ, расположенныхъ по р. Днѣпру и Донцу съ ихъ притоками. Здѣсь не нужны никакія затраты—а только внимательные поиски, въ особенности послѣ вѣтра, который выдуваетъ эти предметы на поверхность почвы.

Проф. Дм. Ив. Багалѣй.

—

Отъ Комиссіи при Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ для собиранія, въ предѣлахъ Черниговской губерніи, археологическаго и этнографическаго матеріаловъ къ XII археологическому съѣзду. Комиссія съ благодарностью приняла предложеніе одного изъ своихъ членовъ, преподавателя Глуховской гимназіи А. Н. Малинки,—составить этнографическій альбомъ Черниговщины, т. е. собраніе фотографическихъ снимковъ, рисунковъ и плановъ, изображающихъ бытовую сторону народонаселенія Черниговской губерніи. Въ виду того значенія, какое долженъ получить на съѣздѣ проектируемый А. Н. Ма-

линкою альбомъ, вышеозначенная комиссія постановила: кромѣ общихъ программъ, по которымъ Нѣжинское Историко-Филологическое Общество собираетъ свѣдѣнія для съѣзда и которыя въ настоящее время имѣются на рукахъ у сотрудниковъ Общества по принятой на себя послѣднимъ задачѣ, опубликовать и подробную программу проектируемаго А. Н. Малинкою альбома. Программа эта слѣдующая:

А. Жилье. Видъ села, хутора (лѣтомъ, зимою). Улица. Дворъ зажиточнаго и бѣднаго селянина. Хата снаружи и внутри; планъ ея. Надворныя постройки (наружный и внутренній видъ): эмбаръ, клуня, сарай, хлѣвъ, омшаникъ... Шпитали, лавочки, шинки, чайныя... Изгородь: заборъ, частоколъ, плетень и его узоры; ворота, калитка, перелазъ; засовъ, завертка...

Б. Типы малоросса. (въ одиночку и группами): дѣвочка, мальчикъ; паробокъ, дивка; чоловикъ, жинка, дидъ, баба. Типъ старшины, писаря, приказчика, помѣщика, псаломщика, священника. Типъ пастуха, сторожа, дурачка, нищаго, лирника, кобзаря. Цыганъ и его семья; евреи, „кацапы“, „лытвыны“...

В. Религіозная сторона. Сельская церковь; погостъ. Процессіи (водосвятіе, маккавей, окропленіе скота, освященіе плодовъ, пасхи, дома...). Уничтоженіе священникомъ „закрутокъ“. Родины и крестбины; вѣнчаніе, свадьба и ритуальные въ ней предметы (коровай, вильце...); смерть, похороны, кладбище. „На богомолье“, „на постройку церкви“... и т. п.

Г. Отдыхъ: игры и забавы. Праздникъ въ деревнѣ. „На колодкахъ“, возлѣ шинка; хороводы, плясы, вечерницы, музыка, качели. Игры: въ карты, въ мячъ, паци, кремъяхи, катанье яицъ.... Дѣтскія игрушки (куклы, коники-свистушки, дудка...). Купанье. „Коза“, вертепъ, звѣзда, колядники. Ив. Купало (кукла, скаканіе черезъ огонь, крапиву) и т. д.

Д. Трудъ. Разные виды его и орудія, напр. 1) *Земледѣліе*: пахотьба, посѣвъ, жнива, коповозъ, молотьба; мельница—„жорна“, ступа, олійница, витрякъ, водяная; приготовленіе хлѣба, продажа его на базарѣ. 2) *Сѣнокосъ* (характерныя сцены). 3) *Скотоводство*: стадо въ полѣ, возвращеніе его домой, на скотномъ дворѣ, доеніе коровъ; приготовленіе молочаыхъ продуктовъ; стрижка овецъ (ихъ мойка); выдѣлка шерсти и кожи. 4) *Огородничество*: баштаны, арбузы на базарѣ; работы на план-

таціяхъ; пенька, ленъ и ихъ выдѣлка... 5) *Садоводство*: прививка, снимка фруктовъ, продажа ихъ... 6) *Ткачество.* 7) *Пчеловодство*: пасѣка, роеніе, добыча меду... 8) *Лѣсоводство*: рубка дерева, ручное приготовленіе бревенъ, дровъ, досокъ; дерев. издѣлія (лубки, кошели, коновки...); постройка избы, продажа дерева (склады)... 9) *Приготовленія изъ глины*: добыча ея, выдѣлка кирпича, обжигъ горшковъ и др. глиняныхъ издѣлій; горшечникъ въ селѣ; продажа глиняной посуды на базарѣ. 10) *Грабарство.* 11) *Мойка бѣлья.* 12) *Носка воды*: коромысло, бовкунъ, ведра, колодецъ, криница. 13) *Рыболовство.* 14) *Кузнечество* (ковка лошади, видъ кузницы). 15) *Школа*: занятія, перемѣна, экзаменъ. 16) *Волостное правленіе*: сходка, судъ, пріѣздъ начальства. 17) *Лѣченіе:* ворожка надъ больнымъ, больница въ селѣ; пріемъ больныхъ. 18) *Торговля*: ярмарка, базаръ (характерн. сцены), лавочка, бродячіе торговцы (тряпичники, щетинники...). 19) *Способы передвиженія*: по сушѣ (на лошадяхъ верхомъ, въ повозкѣ, на саняхъ), по водѣ (лодка, паромъ...)

Е. Пища, питье, куреніе и ихъ принадлежности.

Ж. Одежда, обувь. Одежда будничн. и праздничн., спереди и сзади; старинная и теперешняя, стариковъ и молодежи, лѣтняя и зимняя; ея названія; украшенія, вышивки, рисунки плахтъ. Сапоги, лапти, черевики...

Комиссія проситъ о содѣйствіи въ выполненіи намѣченнаго альбома, присовокупляя, что:

1) На фотографическихъ снимкахъ не требуется ретушевки, точно также какъ не нужно наклеивать ихъ на картонъ.

2) Фотографическіе снимки, особенно снимки группъ или сценъ, не должны быть слишкомъ мелки.

3) Требуется обозначить при каждомъ снимкѣ, рисункѣ или планѣ: а) мѣстность, гдѣ находится предметъ или происходитъ сцена; б) мѣстное названіе предмета или сцены; в) время, когда предметъ былъ снятъ, срисованъ или спланированъ.

4) Фотографическіе снимки, рисунки и планы желательно имѣть въ двухъ экземплярахъ, такъ какъ и альбомовъ проектируется составить два,—одинъ для Харьковскаго съѣзда, а другой для Историческаго Музея при Черниговской Губернской Архивной Комиссіи.

5) Не мѣшаетъ иногда подробно описать ту или иную характерную сторону снимаемаго или срисовываемаго предмета, поскольку она имѣетъ этнографическое значеніе.

6) Общество проситъ доставлять ему фотографическіе снимки, рисунки и планы исподволь, начиная со времени полученія сей публикаціи; послѣдній срокъ доставленія матеріала для альбома— 1-ое мая 1902 года.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества проф. **А. Добіашъ**.

Эта программа этнографическаго альбома Черниговской губерніи, проектируемаго Нѣжинскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, нынѣ отчасти разослана, отчасти продолжаетъ разсылаться по Черниговской губерніи. Г.г. фотографовъ-спеціалистовъ, фотографовъ-любителей и рисовальщиковъ, которые пожелали бы оказать содѣйствіе Обществу по составленію альбома и не получили еще программъ, просятъ вытребовать таковыя отъ Предсѣдателя Общества. Не нужно особенно останавливаться надъ выборомъ подлежащихъ фотографированію предметовъ, руководясь, быть можетъ, тѣмъ, что, пожалуй, другой сотрудникъ займется фотографированіемъ того же предмета: если и окажутся въ альбомѣ повторенія, то это не въ ущербъ основательности альбома. Всякую хотя бы и единичную помощь въ дѣлѣ доставленія матеріала для альбома Общество приметъ съ благодарностью. Тѣхъ же лицъ, которыя пожелали бы заняться этимъ дѣломъ болѣе систематически, просятъ увѣдомить о таковомъ ихъ желаніи Предсѣдателя Общества, дабы самое Общество имѣло возможность выдать имъ необходимыя въ иныхъ случаяхъ удостовѣренія въ ихъ сотрудничествѣ по составленію альбома.

Ученыя общества.

Въ послѣднемъ засѣданіи *Общества Изслѣдователей Волыни*, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ волынскаго губернатора Дунина-Борковскаго, разсмотрѣнъ былъ вопросъ о печатаніи „Трудовъ“ общества. Изъ заявленій предсѣдателей отдѣльныхъ секцій общества выяснилось, что къ напечатанію

готовы: по этнографической секціи—рѣчь О. А. Фотинскаго о значеніи сохраненія памятниковъ поэтическаго творчества народа и другихъ бытовыхъ особенностей его и программа для собиранія свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, выроботанная членами секціи; по экономической секціи—докладъ Бердычевскаго о пчеловодствѣ въ Волынской губерніи, программа для собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи въ той же губерніи, затѣмъ рѣчь и открытое письмо предсѣдателя секціи къ волынскимъ землевладѣльцамъ съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ работѣ общества по ознакомленію съ роднымъ краемъ. Наконецъ, по исторической секціи предполагается напечатать рефераты Я. В. Яроцкаго: „Доисторическіе памятники Волыни, ихъ изученіе и desiderata въ этомъ отношеніи". Н. П. Авенаріуса: „Башня великаго князя Владиміра Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ". Совѣтъ общества постановилъ приступить къ печатанію этого матеріала, предпославъ первому тому „Трудовъ" статью о возникновеніи и задачахъ общества. („Кіевл.").

Изслѣдованія и раскопки.

Предсѣдателемъ исторической секціи Общества Изслѣдователей Волыни *Я. В. Яроцкимъ* въ концѣ іюля и началѣ августа была совершена экскурсія въ г. Овручъ и Овручскій уѣздъ. Наблюденія касались замковой горы въ г. Овручѣ и ряда песчаныхъ бугровъ или выдмъ, полоса которыхъ тянется на сѣв. и вост. отъ Овруча до с. Бондарей и Збранокъ. Бугры эти уже давно извѣстны, какъ бывшія мѣста стоянокъ человѣка каменнаго вѣка. Хорошій подборъ орудій былъ собранъ тамъ К. А. Ставровскимъ и хранится теперь главнымъ образомъ въ Музеѣ университета св. Владиміра, частью въ Городецкомъ Музеѣ Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгель, а также и въ другихъ частныхъ собраніяхъ.

Я. В. Яроцкимъ были произведены раскопки бугра у с. Толкачей, позволившія убѣдиться, что и здѣсь была стоянка; бугоръ этотъ носитъ названіе „Цыганской горы".

У с. Рѣчичей, на востокъ отъ нихъ, Я. В. Яроцкій раскопалъ также 24 кургана изъ находящагося тамъ могильника. Погребенія оказались древлянскаго типа, имѣютъ много аналогичнаго съ житомірскимъ могильникомъ, хотя также и нѣкоторыя особенности. При костякахъ найдены слѣды гробовъ, затѣмъ, бусы, желѣзные ножи и обручи, височныя кольца.

—

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года *въ г. Каменецъ-Подольскѣ*, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела образовался *провалъ*. Желая изслѣдовать этотъ провалъ, Городская Управа поручила Члену-Секретарю Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета Священнику Евфимію Сѣцинскому произвести изслѣдованіе провала.

О. Е. Сѣцинскій, по окончаніи изысканій, представилъ управѣ докладъ слѣдующаго содержанія.

По порученію Управы я наблюдалъ за раскопкой на мѣстѣ провала на Губернаторской улицѣ противъ Армянскаго Костела, при чемъ оказалось слѣдующее: на мѣстѣ провала со стороны Губернаторскаго сада обнаружилась широкая стѣна, возлѣ которой земля и глина со стороны Армянскаго костела унесена куда то водою въ глубь. Такъ какъ по изслѣдованіи стѣны со стороны провала оказалось, что на глубинѣ около сажня стѣна оканчивалась и подъ ней были скважины, то было сдѣлано предположеніе, что земля унесена подъ стѣну и что, слѣдовательно по другую сторону стѣны должны быть какіе нибудь подвалы и ходы, куда вода забирала землю. Развѣдочная раскопка за стѣнкой показала, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ и отъ него уцѣлѣлъ фундаментъ въ видѣ вышеуказанной стѣны и кромѣ того обнаружилась поперечная стѣнка, идущая перпендикулярно первоначально найденной стѣнкѣ. На стѣнкахъ найдена штукатурка,—это показало, что тамъ было подвальное жилое помѣщеніе. Какой то еврей старикъ говорилъ при посѣщеніи мѣста провала, что онъ еще помнитъ, что тамъ, гдѣ оказалась стѣнка, была каменная ограда усадьбы, примыкавшая къ теперешней усадьбѣ г-жи Камышанской, такъ что улица въ томъ мѣстѣ раньше была болѣе узкой. Такъ какъ во время раскопки на мѣстѣ бывшаго дома пошелъ дождь и набѣжавшая въ провалъ вода чрезъ нѣкоторое время ушла, продѣлавъ небольшое

отверстіе въ землѣ съ противоположной раскопкамъ стороны, т. е. со стороны Армянскаго костела, то раскопку стали производить по слѣду продѣланной водою дыры. Здѣсь, на глубинѣ около 2 саж. отъ поверхности того мѣста, найденъ былъ провалившійся сводъ какого то хода или подвала; дальнѣйшая раскопка того мѣста открыла ходъ подъ сводомъ по направленію къ костелу, черезъ дорогу. Сводъ, оказалось, идетъ недалеко, не болѣе $1^1/_2$ саж. отъ мѣста провала, далѣе на протяженіи $2^3/_4$ саж. шла выемка въ глинѣ безъ свода и какихъ бы то ни было подпоръ. Выемка эта представляетъ видъ куполообразной комнаты въ $2^3/_4$ саж. длины и въ $1^1/_3$ саж. ширины. Высота камеры посрединѣ 1 саж., впрочемъ, высота раньше была несомнѣнно, большая, но теперь, при осмотрѣ, комната эта оказалась занесенною землей при помощи воды. Никакихъ вещей или чего другого, указывавшаго на время производства этой подземной камеры и каменнаго свода, не найдено. Видно только, что этотъ ходъ выкопанъ не сверху (такъ какъ надъ нимъ оказалась цѣлина глины), а съ боку, именно со стороны Губернаторскаго сада. Такъ какъ подземный ходъ съ этой стороны, т. е. со стороны сада, загроможденъ обваломъ, при чемъ раскопку подъ стѣной нельзя было сдѣлать, такъ какъ она давала трещины, и при томъ не предвидѣлось археологическаго интереса, то раскопка на этомъ и прекратилась.

Случайныя находки.

На Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ, въ усадьбѣ Б. А. Орлова, 10-го сентября найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Подробное описаніе его откладываемъ до слѣдующаго нумера.

—

Въ верстѣ отъ с. Лепесовки, ямпольской волости, кременецкаго уѣзда, на лѣвомъ побережьи р. Горыни, крестьянинъ Рудичъ, 16-го августа, при вспашкѣ поля подъ озимь, наткнулся на погребеніе въ каменной кистѣ, сложенной изъ плитъ известняка. Тонкими плитами были обложены бока и дно, болѣе-же толстая служила крышкой. Въ кистѣ, надъ которой была нава-

лена куча камней, находились части двухъ скелетовъ взрослыхъ людей и одного ребенка и черепки трехъ сосудовъ. Киста была устроена на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Крестьянинъ ограничился лишь тѣмъ, что забралъ къ себѣ домой камни, наваленные поверхъ кисты, и сравнялъ поле. Мѣстное сельское начальство, узнавъ о находкѣ, немедленно довело объ этомъ до свѣдѣнія пристава 3-го стана кременецкаго уѣзда А. К. Мимохода, который сейчасъ-же отправился на мѣсто нахожденія кисты, произвелъ осторожно раскопку, нашелъ, кромѣ указанныхъ выше предметовъ, еще два кремневыхъ шлифованныхъ клина, кусокъ топора и кремневаго ножа, и весьма обстоятельно описалъ результаты произведенной имъ раскопки въ донесеніи мѣстному статистическому комитету. Благодаря внимательному отношенію къ дѣлу со стороны г. Мимохода, интересное въ научномъ смыслѣ погребеніе каменнаго вѣка не изчезло безслѣдно, подобно многимъ другимъ остаткамъ погребенія въ каменныхъ ящикахъ, вѣроятно, весьма часто разрушаемыхъ крестьянскимъ плугомъ. Предметы, найденные въ кистѣ, поступили въ мѣстный статистическій комитетъ. Черепки сосудовъ темно-сѣраго цвѣта, снабжены чешуйчатымъ вдавленнымъ орнаментомъ, преимущественно возлѣ шейки. Дно и горлышко сосудовъ—небольшихъ размѣровъ, при значительной ширинѣ средней части. Судя по сообщенію, поступившему въ комитетъ, одинъ изъ череповъ лежалъ въ южной, другой въ сѣверной части кисты.

—

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о случайныхъ находкахъ, помѣщеннымъ въ „Лѣтописи“ за мартъ, приводимъ нѣкоторыя новыя, касающіяся Волынской губ. и любезно сообщенныя намъ Я. В. Яроцкимъ.

Въ Старой Котельнѣ, Житомірск. у., по дорогѣ въ м. Ивницу, крестьянинъ, работая въ полѣ, нашелъ глиняный горшокъ съ польскими серебрянными монетами; часть ихъ была расхищена, удалось-же собрать 521 шт.

Въ с. Велицкѣ, Ковельск. у., въ саду помѣщика Лады-Лобаржевскаго, выкопанъ кладъ изъ ста серебряныхъ монетъ.

Въ г. Острогѣ, въ предмѣстьи Видеръ-Нидеръ, въ усадьбѣ Кващевской, былъ отрытъ скелетъ и при немъ найдены, между прочимъ, два кремневыхъ топорика.

Въ текущемъ году, въ мѣстный музей поступило еще нѣсколько предметовъ изъ случайныхъ находокъ:

1) Найденный въ м. Искорости, въ углубленіи скалы, на берегу Уши, желѣзнодорожными рабочими небольшой горшечекъ, сдѣланный безъ гончарнаго круга изъ глины съ значительной примѣсью зеренъ кварца и украшенный вдавленнымъ орнаментомъ около шейки черточками въ видѣ запятыхъ.

2) Небольшое кремневое долото, найденное въ окрестностяхъ Житоміра.

3) Нѣсколько каменныхъ орудій изъ разныхъ мѣстъ Овручскаго уѣзда (большое кремневое долото, молотъ-топоръ съ просверленнымъ отверстіемъ, нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и т. п.).

4) Серебряный аграфъ съ двумя ушками съ противоположныхъ сторонъ, въ оправу котораго вставлена полу-чечевица толстаго стекла. Стекло удерживается каймой довольно крупныхъ зубцовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такой же формы и величины вырѣзками. Вдоль края, кругомъ оправы, тянется шнуровой орнаментъ; основаніе каждаго ушка имѣетъ шаровидную форму. На задней плоской сторонѣ оправы нацарапанъ четырехугольный, почти равносторонній крестъ, возлѣ котораго лѣстница и два копья, а на верху дощечка съ обычной надписью. Найденъ этотъ предметъ на городищѣ возлѣ с. Несолонь, Новоградволынскаго уѣзда.

что у нихъ „вырабатывается фабричнаго сукна простого 500 арш., кое употребляется на дворовыхъ служителей и по экономіямъ Б—ихъ“.

Кр. П. 113 д. **А. В.** 332. **В.** 373 д. **Г.** 201 д. 204 х. „мастеровыхъ“ 18 д. 18 х. пс. 11 бд. х. **Д.** 411 д. 539 х. [1]). пс. 22 д. 37 х. **Кз. В.** 25 д. **Г.** 21 д. 27 х. **Д.** 32 д. 60 х.

С. Побочеевка, по переписн. книгамъ 1666 г., показана отдѣльнымъ поселеніемъ (14 хоз.), но затѣмъ въ вѣдомостяхъ XVIII в. вовсе не показывается, вѣроятно потому, что П. причислялась къ Сребному, какъ одинъ изъ его „фольварковъ“. Въ *Спискахъ насел. мѣстъ Полт. губ.*, *Побочѣевка* показана отдѣльнымъ поселеніемъ, но такимъ же отд. поселеніемъ показанъ тамъ и *Подолъ,* составляющій одно изъ Сребрянскихъ предмѣстій („фольварковъ“).

С. Грицовка, р. Лисогоръ, возникла во втор. полов. XVII в. и сначава „прислушала“ Сребр. ратушѣ; Мазепою отдана была Афанасію Мокіевскому, „яко своему племяннику“ [2]), который въ это время былъ городовымъ атаманомъ въ Сребномъ. По отобраніи отъ Мокіевскаго, Гр. въ 1710 г. отдана Андрею Себастіановичу, въ то время полк. писарю; а послѣ его смерти, Гр. перешла къ тремъ его сыновьямъ, Ивану, Василію и Матвѣю. По малолѣтству двухъ послѣднихъ, старшій, Иванъ, захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Гр., и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Приэтомъ Ив. С—чъ былъ настолько суровымъ державцею, что сама

[1]) Означ. кр—не были слѣд. владѣльцевъ: Мих. Будлянскаго, 295 д., 380 х., кн. Баранова, 15—20, сек.-м. Туманова, 29—38, майора Шульгина, 15—20, плквн. Жевахова, 3—6, сек.-м. Ченцова, 4—4, капит. Гогибѣдова, 7—7, груз. княгини Саакадзевой, 12—20, подноруч. Кирилова, 6—8, кн. Орбеліани, 11—20, прап. Ник. Бажанова, 3—3, гв. серж. Сем. Дубровскаго, 6—7 и в. т. Никиты Скоробогатаго, 5—6 (*Перв. цифра указыв. дворы, а вторая хаты*).

[2]) Слѣдств. о маетн. Прилуцк. полка. Родство Мазепы съ Мокіевскимъ тѣмъ вѣроятнѣе, что мать Мазепы родомъ была Мокіевская.

мать его писала, что онъ „бивалъ своихъ подданныхъ кіями безъ всякой пощады“. Вслѣдъ за учрежденіемъ Млрск. коллегіи, нѣсколько Гриц—хъ крестьянъ. происходившихъ изъ козаковъ, обратились туда съ просьбою—вернуть ихъ въ козачество. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, Степанъ Быховецъ, писалъ въ 1727 г. въ ген. к—рію: „будетъ тому нѣсколко годъ, якъ я въ с. Гр., маетности б. т. Ив. С—ча, сталъ жить и всякіе подданническія повинности отбывалъ даже до сего времени; а нынѣ, когда я пожелалъ отбывать козацкую повинность съ своего грунта козацкого для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ „компутахъ“ (козацкіе списки) полк. Прлцкихъ записаны, то жена С—ча, извѣстясь о томъ, (мужъ ея отсутствовалъ въ Гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову разбили; да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота: товару рогатаго—9, овецъ—24 и коня одного“. Взаключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій компутъ“. Ген. к—рія наведя справку по ревизіи 1723 г., что Быховецъ записанъ въ числѣ посполитыхъ, въ этой просьбѣ ему отказала. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что ген. к—рія отказала ему въ козачествѣ, не справившись со старыми компутами. По справкѣ съ послѣдними, дѣйствительно оказалось, что отецъ Степана Быховца, Иванъ, значился *атаманомъ* въ с. Молькахъ, а братъ его, Петръ, рядовымъ козакомъ. Въ силу этой справки, коллегія, признавъ за Быховцомъ право на козачество, послала Прлцк. плк—ку указъ о выключеніи его изъ подданства съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ „впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался“. Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него женою С—ча скота. Добившись этого указа, Быховецъ отъ всякаго „послушенства“, разумѣется, отказался. По этому случаю младшій Себастіановичъ, Матвѣй, (служившій въ это время въ ген. к—ріи) жаловался только что поставленному гетману: „изъ посполитыхъ селянъ с. Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ-то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ

крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего жъ году, того жъ сельца Гр—ки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовольниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генер. к—рію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, въ ту же г. к—рію подалъ мировое челобитье, выразивши именно, что онъ останется попрежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ изъ Глухова въ домъ свой, и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и, мимо ген. к—ріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякого розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки“... Поэтому С—чъ просилъ произвести слѣдствіе, какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ С—чей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку полк. ес. Панкевичъ и б. т. Прокоповичъ, при чемъ изъ произведеннаго ими слѣдствія оказалось, что Б—цъ считаетъ себя козакомъ потому, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ с. Молькахъ, да и братъ его меньшій Петръ записанъ въ компутѣ; а онъ, Степ. Б—цъ, передъ дорогимъ годомъ, женившись въ Харитоновкѣ, „прислушалъ до ратуши Ср—ой“ п., ч. Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда Б—ца перезвалъ въ Гр—ку бывшій тамошній державца Мокіевскій, и поставилъ его надъ своею маетностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Б—цъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. Живя же въ Гр—кѣ, Б—цъ купилъ себѣ грунтъ у тамошнихъ посполитыхъ Дробковъ“... Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій его лѣтъ около ста назадъ. Распрошены были слѣдователями и тѣ люди, которыхъ побилъ Б—цъ.—Войтъ Грицовскій Василенко объ этомъ разсказалъ такъ: получивъ приказъ „панеи“ о высылкѣ на панщину шести подводъ, пошелъ я и до Б—ца, чтобъ и его подвода была, но Б—цъ отвѣчалъ: „не пойду я на панщину, бо я те-

перь босый, чоботъ нема"!—А когда я донесъ объ этомъ панеи, то она велѣла взять за то у Б—ца двое коней; а когда привели тѣхъ коней во дворъ, то пани приказала для коней взять у Б—ца еще и сѣна. За сѣномъ послали старосту, верхомъ на Быховцовомъ конѣ, но какъ только тотъ пріѣхалъ къ Б—цу, то послѣдній своего коня отнялъ, а самого старосту, взявъ за волосы, ударилъ о-земь и билъ его кулаками, сколько хотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешъ насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ"!—Тогда пани приказала старостѣ, идти къ Б—цу уже съ людьми, чтобъ позвать его самого во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли снова къ Б—цу, но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ посланныхъ цѣпами... И избили Б—цы послѣднихъ такъ, что старостѣ и еще одному—разбили головы, третьему—перебили руку, да и остальнымъ досталось... Хотѣли было слѣдователи спросить и самого Б—ца, но тотъ только крикнулъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливого вѣтру"!—На другой день снова былъ позванъ Б—цъ и на этотъ разъ разсказалъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы „пограбить" [1]), то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу". Къ этому Б—цъ добавилъ, что во время этой драки у него еще не было указа коллегіи о козачествѣ.—А потомъ была и другая драка, послѣ полученія уже указа о козачествѣ, когда присы-

---

[1]) Слово «грабить» употреблено здѣсь въ смыслѣ насильно взять—въ подлежащемъ «грабежу» дворѣ—какую нибудь вещь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая «гонителей» (нѣчто вродѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, «пограбить» недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую-нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

лалъ уже самъ Иванъ С—чъ, вернувшійся изъ Гилянскаго похода, звать его, Б—ца, во дворъ. Показавъ указъ о козачествѣ, онъ, Б—цъ, посланному отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю"!— За такой отвѣтъ С—чъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду" (стадо)—„пограбить" пару Быховцовыхъ воловъ. Услыхавъ объ этомъ, Б—цъ побѣжалъ, съ однимъ изъ сосѣдей, къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного потому, что отпросила войта дочь Б—ца говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ нами ничѣмъ невиненъ"!—Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Б—ца, слѣдуетъ въ козачествѣ отказать; Б—ца же, признавъ козакомъ, наказать за то, чтоересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа изъ коллегіи. Это заключеніе слѣдователей гетманъ утвердилъ.—Но только что кончили С—чи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ другое дѣло: на этотъ разъ уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское поспольство, надѣявшееся было, наряду со всѣми, что Глуховская коллегія облегчитъ панскія „работизны" и не дождавшись этихъ облегченій, рѣшило обратиться за послѣдними къ новому гетману. Въ октябрѣ 1728 г. Грицовская „громада" писала въ своемъ прошеніи къ Апостолу слѣдующее: „мы, Грицовскіе подданные п. Ив. С—ча, доносимъ в. ясн—ти о причиняемыхъ намъ отъ него такихъ обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь, и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ п., ч. панскіе дозорцы домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнива" накидаетъ панъ на каждую семью сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дали хоть малость времени накосить сѣна и нажать хлѣбъ на своемъ полѣ, то дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано"! А староста панскій грозитъ, что если онъ хоть годъ проживетъ у пана, то всѣхъ насъ поровняетъ—и богатыхъ, и бѣдныхъ"... Каж-

дый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю, и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаетъ панъ для „годовли" на дворъ—по коню или—по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину—или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса; такъ, у Прохоренка онъ срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго въ шинокъ, къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году, въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у Србр—кой жительки Калинки—сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій двотъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану, который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привозли то (краденое) сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ, и разсказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей"... Во всѣхъ этихъ фактахъ, болѣе или менѣе удостовѣренныхъ слѣдователями, гетманъ не нашелъ вины С—ча, почему и распорядился, чтобы Прлцк. плк-къ вызвавъ Грицовскихъ „возмутителей" въ Прилуку, сначала бы ихъ „по приличію" наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать С—чей. Посланному за „возмутителями"—сот. хоружему—Грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и не поѣхали. Тогда плк-къ послалъ въ Гр-ку, въ другой разъ, зн. тов. Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ Грицовцами гетманскій приказъ, не требуя ихъ въ Прилуку. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у С—чей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ

шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа, но крестьяне не пошли, а собравшись „громадою“ и вооружившись цѣпами, стали ждать что дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ громадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе.—„Не будемъ слушать С—ча“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана“! Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ войту, чтобы тотъ распорядился дать его козакамъ харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго съ вилами въ рукахъ. Донецъ приказалъ—этого крестьянина „забить въ колодки“; но только что успѣли его взять, какъ громада подошла къ панскому двору и потребовала освобожденія арестованнаго, а когда Донецъ въ томъ отказалъ, то громада направилась къ священнику за позволеніемъ—ударить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) сталъ было людей успокоевать, но народъ ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Услыхавъ набатъ, Грицовскій атаманъ прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобъ тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Послѣ этого, толпа сама подошла къ панскому двору и требуя освобожденія забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять арестованнаго изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки... Свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончился протестъ Грицовскихъ крестьянъ—въ архивныхъ бумагахъ мы не нашли, но конечно гетманскій приказъ былъ исполненъ, и Грицовцы стали по прежнему отдавать С—чамъ „надлежащее послушаніе“...

Кр. А. 65 д. В. 42 д. В. 69 д. пс. 1 д. Г. 41 д. 51 х. Д. 91 д. 157 х. (б. т. Лысенка и Матв. и Ив. Себастіановичей) пс. 3 д. 8 х. Кз. В. 31 д. Г. 22 д. 29 х. (въ составѣ коз. насел. показаны „старцы з милостыни живучіе“—9 женщ.) Д. 17 д. 38 х.

С. Березовка (**Березовица**), р. Лисогоръ, оставалась свободною до нач. XVIII в.; затѣмъ, отдана была во владѣніе Прилуцкому протопопу Михаилу Трифоновскому такимъ порядкомъ: въ 1710 г., Тр., будучи тогда Сребрянскимъ „намѣстникомъ", выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ на десять человѣкъ, посаженныхъ имъ здѣсь подсосѣдковъ, и на трехъ человѣкъ, „на своихъ мужичихъ грунтахъ, жіючихъ"; затѣмъ, въ 1716 г., Тр. выпросилъ у гетмана другой универсалъ—*на половину* Березовки. Наконецъ, въ 1725 г., будучи въ Москвѣ, Тр. выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, „по инстанціи" (по ходатайству) Меншикова, на все село и на всѣ грунта". Тогда же Меншиковъ помогъ Тр—му получить на Б. и царскую грамоту. Отъ Тр. Б. перешла къ его сыновьямъ [1]). **Кр. П.** 54 д. **А.** 129 д. **В.** 103 д. **Г.** 47 д. 50 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло" 22 дв.) **Д.** 60 д. 100 х. пс. 19 д. 31 х. **Кз. В.** 68 д. **Г.** 112 д. 139 х. пс. 3 бд. х. **Д.** 110 д. 232 х.

Х. Березовицкій, „законниковъ Густынскихъ", возникъ на землѣ подаренной, въ 1697 г., Густынск. м—рю Ив. В. Себастіановичемъ, который потомъ и самъ постригся въ этомъ м—рѣ (с. 63). По ревиз. 1729 г., здѣсь показано 18 хатъ, а по ревиз. 1731 г.—19 х., причемъ видно, что х. Б. находился въ вѣдѣніи „намѣстника" *Деймановскаго скитка*.

---

[1]) Въ бумагахъ Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквахъ Полтавск. губ., относительно Березовки имѣется свѣдѣніе, записанное въ 1887 г., что настоящая здѣшняя церковь построена въ 1754 г. и, по преданію старожиловъ, первоначально имѣла *три главы въ рядъ, отъ востока къ западу*, и что въ 1838 г., при починкѣ церкви, двѣ крайнія главы были сняты, а на середней—верхъ измѣненъ. Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что значитъ и въ лѣвобережной Малороссіи, въ XVIII и нач. XIX в.в., церкви были съ тремя главами въ рядъ, т. е. имѣли ту же архитектуру что и на правомъ берегу Днѣпра. Рисунки старинныхъ правобережныхъ церквей, *съ тремя главами въ рядъ,* сохранены Де-ля-Флизомъ, въ его альбомахъ изображеній тѣхъ селъ Кіевск. губ., которыя населены были государственными крестьянами. (Деля-Флизъ былъ врачемъ Кіевск. палаты госуд. имуществъ). Одинъ изъ такихъ альбомовъ Де-ля-Флиза имѣется въ наш. б—кѣ.

С. Алексинцы, р. Лисогоръ, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр—ой сотни"(генер. слѣдств.) до 1730 г., когда отданы на рангъ генер. обозн. Лизогубу; по смерти Л—ба, оставались свободными до 1752 г, когда, вмѣстѣ съ Скибенцами и Яцинами, отданы гетм. Разумовскимъ, въ 1752 г., генер. ес. Якубовичу, „во вѣчное и спокойное владѣніе, за отправленныя службы" Послѣ Я—ча, Я—цами владѣла его вдова, которая распредѣляя въ 1763 г. между сыновьями мужнины имѣнія, А. отдала старшему сыну, Александру, Прлцк. плк—ку. **Кз. П.** 38 д. **А.** 83 д. **В.** 52 д. **В.** 87 д. **Г.** 18 д. 20 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло" 26 д.). **Д.** 48 д. 69 х. пс. 2 д. 6 х. **Кр. В.** 28 д. **Г.** 26 д. 27 х. **Д.** 36 д. 60 х.

С. Довгалевка, р. Лисогоръ, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни" (генер. слѣдств.) до 1738 г., когда А. Румянцовымъ отдана на рангъ плк-ку Семену Полозову, правившему тогда въ Глуховѣ должность генер. подскарбія, а затѣмъ—Разумовскимъ, по универсалу 1751 г., отдана вдовѣ б. тов. Ивана Савича, Настасьѣ Степановнѣ, рожд. Забѣла. По ревизіи 1729 г., *вмѣстѣ* съ Довгалевкою (безъ раздѣленія населенія), показана и *„деревня Касяновка"*. По ревиз. 1731 г. Касяновки уже нѣтъ, а по ревиз. 1740 г. она значится отдѣльнымъ поселеніемъ. **Кр. П.** 17 х. **А.** 26 д. **В.** 21 д. **В.** 35 д. пс. коз. 4 д. **Г.** 16 д. 17 х. **Д.** 27 д. 40 х. (Будлянск.—5 д., в. тов. Заруднаго—15 д. и Ос. Масла—7 д.) пс. 1 д. 2 х. **Кз.** 38 д. **Г.** 41 д. 47 х. **Д.** 60 д. 106 х., „пушкарей" 1 д. 2 х.

Д. Касяновка, р. Лисогоръ, возникла, повидимому, изъ Довгалевскаго выселка (см. выше). По ревиз. 1740 г. здѣсь показано крест. Осипа Масла—6 д. 7 х., Трофима Масла—4 д. 9 х., в. тов. Заруднаго—9 д. 14 х. пс. 1 д. 3 х., а по вѣд. 1780 г.—10 д. 16 х. 1 бд. х. (подсудка земск. Иваницк. Осипа и Сребр. сотеннаго атамана Трофима—Масловъ). Кромѣ крест., въ 1780 г. показанъ и 1 дв. коз. съ 3-мя хат.

С. Юрковцы, р. Галка, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни" (*генер. слѣдств.*) до

1751 г., когда Разумовскимъ были отданы плк-ку второго компанейскаго полка Василію Чесноку, отъ котораго перешли къ сыну его Степану. Кр. А. 28 д. В. 11 д. В. 49 д. пс. коз. 4 д. Г. 10 д. 10 х. пс. 1 д. 1 х. Д. корон. 5 д. 9 х. влад. 23 д. 24 х. (б. тов. Затыркевича, б. тов. Чеснока и Ос. Масла) Пс. 5 д. 12 х. Кз. В. 38 д. Г. 63 д. 69 х. пс. 2 д. 2 бд. х. Д. 80 д. 137 х. Значительное умаленіе крестьянъ за время 1729—1740 г.г., какъ видно, произошло не столько отъ ухода ихъ, сколько отъ переписки въ козаки, что видно изъ количества послѣднихъ въ 1740 г.

С. Блотница, рчч. Лисогоръ, Евтушокъ, Лобачовщина и Перемишня, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни" (*генер. слѣдств.*) до 1738 г., когда отдана была вмѣстѣ съ Довгалевкою, Сем. Полозову. Затѣмъ, Разумовскимъ, въ 1751 г., отдано ген. подск. Мих. Скоропадскому, послѣ котораго перешла къ сыну его Петру (см. ниже—*Васьковцы*). Кр. П. 15 д. А. 54 д. В. 20 д. В. 60 д. пс. коз. 16 д. Г. 14 д. 14 х. („шинкъ, въ немъ живетъ жидъ"). Д. 36 д. 51 х. пс. 23 д. 31 х. 36 бд. х. (У Пащ. показаны слѣд. владѣльцы: наслѣдники ум. ротм. Петра Скоропадскаго—36 д. 51 х., в. тов. Ив. Затыркевичъ—8 д. 12 х., б. товар. Андрей и Иванъ Мазараки—14 д. 18 х., а большинство бд. хатъ (29) принадлежали четыремъ значк. тов. Кондратенкамъ). Кз. В. 39 д. Г. 74 д. 88 х. пс. 22 бд. х. Д. 65 д. 133 х. Въ Б., какъ и въ Довгалевкѣ, замѣтно тоже сильное уменьшеніе крестьянъ въ пол. XVIII в. и увеличеніе козачьяго населенія.

С. Васьковцы, рч. Тростянецъ, извѣстны съ полов. XVII в.; Мазепою отданы, ок. 1700 г., кн. Юрію Четвертинскому [1]), на одной изъ дочерей котораго женился М. В. Скоропадскій (племянникъ гетмана); въ приданое онъ получилъ, между прочимъ, и В—цы, которыя затѣмъ достались сыну его Петру. Послѣ Петра Ск. В—цы унаслѣдовала единственная его дочь Прасковья (мужъ

---

1) См. Истор. Вѣстн. 1880 г., августъ, 721.

ген.-лейт. Ив. Неплюевъ). Вслѣдствіе бездѣтства, Пр. Н—ва В. и Блотницу заложила мужу и продала майору Чоглокову. Послѣ ея смерти, въ мартѣ 1796 г., двоюродные ея братья, Михаилъ и Петръ Яковлевичи Скоропадскіе, просили мѣстный судъ—В. и Б—цу отдать имъ, какъ наслѣдникамъ умершей, что̀ судомъ и было исполнено. Послѣ этого противъ Скоропадскихъ начали судебный споръ: Неплюевъ, какъ залогодержатель, и Чоглоковъ, какъ покупщикъ. Дѣло рѣшено было въ пользу Скоропадскихъ, причемъ Чоглоковъ потерялъ свои права, пропустивъ „трегодичную давность, узаконенную 52-мъ арт. розд. 11". **Кр. П.** 38 д. **А.** 85 д. **В.** 44 д. **В.** 53 д. **Г.** 46 д. 69 х. **Д.** 117 д. 160 х. Пс. 5 д. 12 х. **Кз. В.** 33 д. **Г.** 57 д. 64 х. пс. 2 бд. х. **Д.** 46 д. 82 х.

С. Никоновка, „небольшой протокъ" (Пащ.), извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни" (генер. слѣдствіе) до к. XVIII в. [1]). Такимъ образомъ Н. принадлежитъ къ числу тѣхъ *рѣдкихъ* селъ, которыя избѣжали частнаго владѣнія. Вѣроятно были какія-нибудь экономическія условія мѣстности, не представлявшія выгодъ для искателей маетностей. **Кр. П.** 24 д. **А.** 59 д. **В.** 22 д. **В.** 34 д. Пс. 1 д. **Г.** 13 д. 13 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло" 11 двор.) **Д.** „коронныхъ" 3 д. 4 х. [2]) и владѣльч. 14 д. 17 х. Пс. 1 бд. х. Кр—не принадлежали Будлянскому, Маслу (Осипу?) и М. Шкляревичу. **Кз. В.** 31 д. **Г.** 41 д. 43 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 59 д. 109 х. [3]).

---

[1]) Въ свѣдѣн. Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквахъ Полт. губ., относительно Никоновки замѣчено, что *первая церковь* здѣсь построена въ 1723 г., и затѣмъ она перестраивалась въ 1794 и 1823 г.г., и что при передѣлкѣ церкви въ 1823 г., двѣ крайнія главы сняты, такъ какъ дотого церковь имѣла *три главы въ рядъ*, съ востока на западъ. См. выше с. Березовку.

[2]) «Коронными» были записаны тѣ изъ первоначальныхъ крестьянъ, которые и въ это время оставались еще свободными.

[3]) Рядомъ съ Никоновкою, по описямъ 1666 г., значится *село Брехуновка* съ 29-ю дворами. Село это затѣмъ ни въ XVII, ни въ XVIII в.в.—не встрѣчается, почему можно думать, что оно изчезло

С. Сокиренцы, р. Утка, извѣстны съ перв. пол. XVII в., причемъ по документу Пшездѣцкаго въ этомъ селѣ (Siekierzyna) считалось 128 хоз. и 12 мельницъ. До 1716 г. С. находились въ „послушаніи“ Сребр. ратуши, а затѣмъ Скоропадскимъ отданы Галагану, конечно, по выбору послѣдняго, такъ какъ С. представляли собою богатую маетность, имѣя до 150 крест. двор. Получивъ универсалъ на С., Галаганъ немедленно принялся за устройство тамошняго своего хозяйства, причемъ, не довольствуясь Сокиринскими землями, сталъ захватывать и сосѣднія, Васьковчанскія и Калюжинскія. Владѣльцы послѣднихъ пожаловались гетману, который послалъ на мѣсто, для разслѣдованія этихъ жалобъ, одного изъ довѣренныхъ своихъ канцеляристовъ. Послѣдній въ любопытномъ своемъ донесеніи нарисовалъ любопытную картину экономическихъ отношеній Галагана къ своимъ сосѣдямъ. [1])

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь полностью это любопытное донесеніе одного изъ самыхъ способныхъ канцеляристовъ гетманской к-ріи, Степ. Максимовича, бывшаго впослѣдствіи Стародубскимъ полк. писаремъ.—«Ясневелможный, всемилостивѣйшій мой пане единый и добродѣю. Любо исправленний двоякого заводу между Васкувцями, подданными освіецоного его м. князя Четвертенского, и Сокѣрѣнцями, маетности его м. п. полк-ка Прилуцк., и между п. Гавр. Милорадовича и мененнимъ п. полк-комъ—розискъ, черезъ нарочного, Іванпцкого сторожа, подъ високое велможности вашой разсужденіе посилаю, и хочай з документалного вѣри годнихъ стариковъ признатя ясно показуется, же п. полк-къ Прилуцк., по одержаню села Сокѣринецъ, теперь на сѣнокосномъ яру, на державцю Калюжинского (Милорадовича) належномъ, вновъ небувалую засипалъ греблю, и на горѣ в давномъ Степановомъ дубняку—поставилъ едну толко хату, и замисливъ, отнявши тотъ дубнякъ, завести себѣ хуторъ, гдѣ уже и теперъ пригнано болше тисячи полковничихъ овечокъ и болше ста волувъ; и для годувлѣ того немалого числа статку (скота), не тилко жителей Іваницкихъ и подданныхъ своихъ Сокиринцовъ—ихъ здавна владѣемий степъ—велѣвъ до своего хутора новостроячогося покосить, але и чужихъ людей, Васкувчанъ, на тую жъ полковничую потребу, отъ продковъ ихъ заживаемие поля, покошено. Однакъ и я видячи в серцу утаенний на п. полк-ка жаль людзкий, же за осроженемся (осторожностью?) и пострахомъ своимъ на нихъ (?) хоцъ (sic) яке бѣднимъ людямъ насилство чинится, то при тяжкомъ своемъ стенаніи, терпятъ, и не смѣютъ ему доносити, бо если хто з якимъ жалемъ до п. полк-ка о обидѣ своей,

Главнымъ исполнителемъ тѣхъ насилій, которыя сразу проявилъ Г—нъ при веденіи Сокиринскаго своего хозяйства, былъ Сокиринскій староста Матвѣй Пятакъ, который самовласно расправлялся въ этой маетности не только съ „подданными", но даже и козаками, причемъ жалобъ Пятакъ, повидимому, не боялся, пользуясь силою своего патрона. [1]) С. старый Галаганъ выбралъ—изъ мно-

отъ него учиненной, и появится, теди, безъ помилованія, заразъ з очей велитъ вонъ вигнати и *в награжденіе*—в шію албо кіями бѣдного человѣка бити. Доношу в. панск. в-ти, кгдижъ мнѣ и сами убѣденніе (sic) люде на документъ дѣючихся в полку Прилуцк. кривди и віоленціи, публѣчне, при коммисарахъ зо мною будучихъ, доносили, которіе для вѣроятія велм. в. на особливомъ папѣру вираженніе, а о святую справедливость ревне (рыдая) до велм. в. волаючіе, посилаю. Такъ же, подъ часъ тоей коммиссіи, стисненніе люде доносили да и самъ отчасти поразумѣваю, что, велм. ваша, когда п. полк-ови того недостроячогося хутора—не прикажетъ знести, то не толко з п. Милорад. за сѣножать не буде покою и Стефанъ—отнятемъ дубняка—будетъ обидимъ, лечъ и околичнихъ людей давніе сѣнокоси велитъ насилно косити и в свою область принимати. Кгди жъ не з чого иншого изъ Васкувчанами заводъ стался, поневажъ отъ килка десять лѣтъ владѣеміе (якъ его ж подданніе и полчане з розиску признали) поля сего времени покосивъ, где прежніе полковники тамъ не мало не кошували (прочъ займъ на власть полковничую належнихъ), и до того Васкувского степу Сокѣринцѣ згола не интересуются, лечъ цѣле всѣ желаютъ, по давнему сумѣжю своихъ пуль (полей), безъ предѣлу граничного, заживати, для якого и впредь крѣпости слушне мнѣ здается чтобы на помянутій нашъ розискъ сторонамъ, Васкувцамъ и Сокѣринцямъ, приказалъ, в-ть ваша, поважний свой видати унѣверсалъ, чтобы они, за поводомъ полковничимъ (поки будетъ держати Сокѣринцѣ) не дерзали зъ Васкувчанами жадного вщинати заводу, якого они не желали и не желаютъ; а на очищеніе сѣножати п. Милрд-ча и дубаны Степановой, жебы тамъ гребля была роскидана и хата разобрана, якъ будетъ увага в-ти в., чи указомъ своимъ панскимъ п. плк-ву Прлцк. будетъ пригрожено, чили—нарочний хто для роскидання греблѣ и хати пришлется. О томъ всемъ в. пнск. в-ти по должности моей донесши, всемилостивому мя навсегда вручаю респектови. Ваш. пнск. в-ти должний и найнижшій слуга и подножокъ Стефанъ Максимовичъ. З Іваницѣ, сентевр. 9, року 1717». *(Съ подлинника).*

[1]) Приводимъ здѣсь документъ, указывающій, что на Пятака нельзя было получить «належитой управы» въ мѣстномъ судѣ, а нужно

гихъ своихъ маетностей—для резиденціи. Тутъ онъ построилъ церковь, въ которой вѣроятно былъ и похороненъ, а надъ гро-

---

было обращаться въ генер. судъ, рѣшеніе котораго Пятакъ тоже не спѣшилъ исполнять... «Року 1721, мѣс. юля 13 д. Любо былъ указъ ясн-го добродѣя его мил. п. гетм. и. судіи полковому Прилуцкому, абы Михайла Оноприенка, т-ша сотнѣ Срб—й, жит. Сокиринского, зъ Матвіемъ Пятакомъ, старостою Сокир., котрій Михаила самоволно, не маючи надъ нимъ, якъ надъ козакомъ, власти, важился тиранско вязати, бити, на остатокъ, взявши между двома конми (?), зъ Сокиринецъ до Срѣбного вести,—въ Прилуцѣ, при певныхъ свѣдителяхъ того всего заводу свѣдомихъ, росправилъ, и по тому всему и по слушному свѣдителству, приказалъ всю Михайлову утрату, которую онъ такъ въ Прилуцѣ, яко и тутъ, въ Глуховѣ, доходячи права, мѣетъ, Матвій Пятакъ ему нагородилъ и за такое дерзновеніе, же самъ себѣ смѣлъ справедливость чинить, былъ скаранъ. Однакъ Михайло, *не получивши въ суду полковомъ належитой управи* и въ утратѣ своего здоровья и имѣнія—уконтентованя, мусѣлъ знову зъ суплѣкою удатися до ясн-го е. м. п. гетмана, просячи себѣ зъ Пятака святой справедливости, котрій, когда указомъ рейм—имъ призванъ былъ въ Глуховъ и питанъ былъ передъ судомъ в. енералнымъ, если онъ Михайла билъ и вязалъ, якъ жалобливый доноситъ, чого онъ, Пятакъ, не таячися, повинился тому, якъ и въ декретѣ полковомъ Прилуцкомъ виражено, же по доношеню певныхъ свѣдителей, учинилъ себе быти виннимъ, почому судъ в. енералний вѣдаючи Матвія быти винного, за такое его дерзновеніе, же козака, ему не подвласного, важился вязати до дуба, бити и мордовати, тутъ въ Глуховѣ арматнимъ скаралъ вязенемъ, и приказалъ, абы всю—Михайла перепросивши—утрату пополнилъ, якую Михайло, въ Прилукѣ и въ Глуховѣ чрезъ килка, разъ правуючись, маетъ, такъ же и за увѣчче, отъ Матвія понесенное, нагородилъ, и впредъ, абы такъ Матвій надъ Михайломъ за нагороду не мстился, и Михайло Матвіеви за свои побои не домовлялъ, и жадного бъ заводу между собою не вщинали. Повагою суду в. енералного варуетъ и караннямъ непоблажнимъ и подъ зарукою ста зол. на заводъ вщинающого, грозно приказуетъ и упоминаетъ, на томъ при притисненю печати, власною рукою надписался Его ц. пресв. величества Войска Запор. бунчучний енералний Яковъ Лизогубъ».—Потомъ, «року 1722 февр. 20, суплѣковалъ до е. мил. п. полковника Чернѣговского, на тотъ часъ наказного гетмана, Михайла Оноприенко, козакъ сотнѣ Срб—ой, житель Сокиринскій, на Матвія Пятака, господара двору е. мил. п. полковника Прилуцкого, прекладаючи жалобу свою за побите одъ оного Пятака понесенное и за неотдание ему

бомъ его сына Григорія, похороненнаго въ этой церквѣ, и теперь сохраняется сочиненный сосѣдомъ „эпитафіонъ“ [1]).

Кр. П. 32 д. **А.** 141 д. **В.** 150 д. **В.** 139 д. **Г.** 100 д. 104 х. (Въ числѣ владѣльческихъ служителей названы: войтъ, комисаръ, тесля (Павло Грамастика), колесникъ, бондарь, лѣсничій, шкляръ и др.) Обозначены: школа, шпиталь („старци з милостини живучіе“—2 м. и 1 ж.) и шинокъ владѣлческій, въ немъ живетъ Павло Короленко“). **Д.** 166 д. 238 х. пс. 3 д. 5 х. **Кз. В.** 59 д. **Г.** 48 д. 50 х. **Д.** 79 д. 131 х.

С. Охоньки, рч. Утка, поселены на старомъ *селищѣ*, въ к. XVII в., Сребр. сотникомъ Трофимомъ Васильевымъ (Троциною), какъ говоритъ объ этомъ сынъ его Антонъ въ своемъ завѣщаніи, при перечисленіи своихъ маетностей: „Охонки, которія я еще служачи вел. государ. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, просилъ ея величества (sic) позволити покойному отцу моему Прокопію (sic) Васильевичу, сотникомъ Сребранскимъ будучому, *впустѣ лежачое селище* Охонки осадити людми и владѣти ими, на якое село отецъ мой и грамоту монаршую получилъ“ [2])... О дальнѣйшей судьбѣ Охонекъ сказано выше (с. 325—330). **Кр. А.** 113 д. **В.** 63 д. **В.** 70 д. **Г.** 44 д. 47 х. **Д.** 80 д. 100 х. **Кз. В.** *нѣтъ*. **Г.** *нѣтъ*. **Д.** 1 д. 3 х.

---

20 тал. грошей, по которой супплѣйцѣ писалъ е. мил. п. полковникъ Чернѣговскій до мене, о учинене между ними справедливости. А кгды за прибутьемъ Пятака предъ мене, вичитавъ ему тотъ листъ, теды оній не хотячи входити въ турбацѣю, отдалъ Михайлу, на урадѣ нашомъ, грошей талярей двадцять и за побите зъ нимъ погодившися, дали на томъ между собою слово, же южъ въ предніе часи неповинны еденъ другого турбовати, подъ винною вишше описанною тое обваровали. Якую ихъ згоду велѣлемъ про далшую память записати. Року и дня нижей положенного. Михайло Григориевичъ, обозний полковий Прилуцкий». *(Съ подлинника)*.

[1]) К. Стар., 1883 г., ноябрь, 462.

[2]) Ср. Генер. слѣдствіе о маетн. Прилуцк. полка, откуда видно, что Охоньки Троцина выпросилъ «въ первыхъ годахъ» гетманства Мазепы. Въ ревизіи 1740 г. сказано, что грамота на О—ки Тр—нѣ дана въ 1696 г.

С. **Деймановка**, р. Лисогоръ, извѣстна съ пол. XVII в. По универсалу 1665 г., Брюховецкій отдалъ Густынск. м—рю войсковыя „мѣрочки“ съ здѣшней водяной мельницы: „З побожности всего Войска Запор., млинъ въ с. Д—цѣ, на рецѣ Лисогорцѣ, з двома колами мучними, а третимъ коломъ ступнимъ, прозываемыхъ мелниковъ Хвеска а другого мелника Костѣ, коло конецъ греблѣ, обывателей с. Д—ки, въ одной клѣтце будучихъ и виставленныхъ ихъ коштомъ, велебн. о. Авксентію из братиею...надалемъ, абы з того млина припадаючихъ двохъ мѣрочекъ на Войско, опрочъ мелниковъ трете, спокойне собѣ одбирали и заживали“. А по универсалу 1670 г., Многогрѣшный отдалъ м—рю и все село: „монастиреви Густ—му, на сустаментъ, с. Д—ку конферовалисмо, абы теды вшелякое належитое з того села помененного послушенство отдавали“... Получивъ Д—ку, монахи сейчасъ же начали, всякими средствами, подчинять себя и Д—скихъ козаковъ. Мѣстный полковникъ мирволилъ въ этомъ отношеніи м—рю, какъ это видно изъ „листа“ Лаз. Горленка, 1680-го года; сказавъ объ универсалѣ 1670 г., полковникъ пишетъ: „еднакъ мы запобѣгаючи того, же нашого сколко у томъ селѣ знайдуется товариства козаковъ, Войску служачихъ, и абы онымъ якая не дѣялася кривда, из отцемъ игуменоаъ розговорили, а *которые з доброй волѣ своей за Третякова полковництва откинувшися з реестра нашего, сами доброволне м—реви оповидалися служити, тихъ теды мы южъ оставивши отъ своего послушенства и из реестру витерши, под монастирское начало подали*, що южъ теперъ жаденъ таковый болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуетъ послушанія“ [1])... **Кр. П.** 21 д. **А.** 63 д. **В.** 44 д. **В.** 51 д. **Г.** 33 д. 34 х. **Д.** 55 д. 70 х. **Кз. В.** 22 д. **Г.** 17 д. 17 х. **Д.** 23 д. 32 х.

Въ Д—кѣ находился „*Деймановскій скитокъ*“, хотя и принадлежавшій къ Густынскому м—рю, но имѣвшій особаго своего „намѣстника“. При этомъ скиткѣ существовали двѣ довольно значительныя ярмарки (въ *десятую пятницу* и 2-го іюля).

[1]) Всѣ три документа, въ подлинникахъ, въ Кіевск. центр. арх., въ бум. Густынск. м—ря.

С. Харитоновка, рч. Галка, извѣстна съ пол. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (Генер. слѣдств.) [1]) до 1730 г., когда отдана была на рангъ ген. обозн. Лизогубу. Въ к. XVIII в. Х. принадлежала Андрею Милорадовичу, но какъ она ему досталась—намъ неизвѣстно. Кр. 36 д. А. 75 д. В. 58 д. В. 104 д. пс. 1 х. Г. 56 д. 68 х. („школа, въ ней живетъ дякъ“, „шинкъ владѣльч., въ немъ живетъ жидъ“, „шинкъ тожъ владѣлч., въ немъ живетъ Самойло Мартиненко“. „Шпиталя“ нѣтъ, но есть три „старца, з милостини жиючіе“). Д. 48 д. 98 х. (влад. майора Андр. Милорадовича) пс. 3 д. 10 х. Кз. В. 29 д. Г. 29 д. 33 х. Д. 41 д. 71 х. Разительная убыль—за время съ 1729 г. по 1740 г.—объясняется тѣмъ, что съ 1729 г. по 1745 г., „сошло и померло“—49 двор., какъ замѣчено при повѣркѣ крестьянскаго населенія агентами „коммиссіи экономіи“, въ 1745 г.

С. Карпиловка, рч. Галка, основана ок. 1710 г., на старомъ *селищѣ*, какъ разсказываетъ Антонъ Троцина, въ своемъ завѣщаніи; сказавъ какъ возникли Охоньки (с. 351), Тр. говоритъ: „а Карпиловку, то жъ *пустое селище*, въ покойного Іоана Носа, плк—ка Прлцк., осадить позволенія упросилъ, на що и унѣверсалъ его полковничій у мене имѣется; а когда вже люде стали въ томъ селѣ збиратися, то уже потомъ и пок. гетм. Ив. Скр—ій тое село К., за мои службы и многіе походи, унѣверсаломъ мнѣ во владѣніе, зо всѣми землями, ствердилъ; а потомъ пок. гетм. Д. П. Ап—лъ, смотря на мои вѣрние и многолѣтние войскові службы, тое же с. К. своимъ унѣверсаломъ мнѣ зволилъ подтвердити; якое, *же тѣмъ людемъ не било отъ мене тяжести*, доволними людми било и осѣло“, но сынъ его Николай, добавляетъ завѣщатель, „чрезъ немилостивие свои побои—людей разогналъ“... Послѣ смерти Ант. Тр., К. перешла къ его наслѣдникамъ.

---

[1]) Находимъ не лишнимъ замѣтить вообще, что обозначенія:—«подъ вѣдѣніемъ сотни» и «ратушныя»—тождественны.

Кр А. 80 д. **В**. 46 д. **В**. 80 д. **Г**. 77 д. 80 х. **Д**. 125 д. 180 х. **Кв**. нѣтъ.

С. Слободка Новицкаго, рч. Березовица (Пащ.), „на собственныхъ Новицкаго грунтахъ осаженная", какъ замѣчено въ ревизск. книгѣ 1740 г. Поселеніе Слб—ки должно быть отнесено къ нач. XVIII в. **Кр. А.** *не показана.* **В**. 40 д. **В**. 56 д. **Г**. 26 д. 28 х. **Д**. 58 д. 86 х. 5 бд. х. (влад. б. тов. Григорія Новицкаго). **Кв**. *нѣтъ.* Црк. Покрова Богородицы. Свщ. Григорій Андреевскій.

Варвинская сотня была расположена отъ Удая на востокъ, причемъ нѣсколько ея селъ находилось на этой рѣкѣ и ея притокѣ Лисогорѣ, а остальныя—возникли въ ярахъ, при незначительныхъ ручьяхъ, изъ чего видно, что эти поселенія явились позже другихъ, когда берегà рѣкъ и рѣчекъ здѣсь были уже заняты. Варвинская сотня ок. 1760 г. была раздѣлена на двѣ, причемъ въ *первую Варвинскую* сотню попали села: Иваковцы, Озеряны, Дегтяри, Брагинцы, Леляки, Гнѣдинцы, Остаповка, Богданы и Свѣтличное, а во *вторую Варвинскую*: Васьковцы, Гурбинцы, Олексинцы, Грицовка, Харитоновка, Никоновка, Деймановка, Оробьи, Савинцы и Игнатовка. Отсюда видно, что при образованіи двухъ В—хъ сотенъ, къ нимъ присоединена была и часть Сребрянской.

Варвинскіе сотники. Михаилъ Раковичъ, 1672. Иванъ Андреевъ, 1672. Ярема Моренецъ, ок. 1680. Федоръ Ивановичъ Ляшко-Тарновскій, 1689—1693. Петръ (Григорій?) Патока, 1710. Михаилъ Федоровичъ Тарновскій, 1714—1729. Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ, 1731—1735. Дмитрій Конисскій. 1736—1753. Андрей Барановскій, 1757—1763. Послѣ раздѣленія Варвинской сотни на двѣ, въ *первой* сотнѣ сотникомъ былъ **Осипъ Жила, 1763—1781,** а во *второй* сотнѣ: **Иванъ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1763. Фаддей Николаевичъ Троцина, 1772, и Яковъ Магеровскій, 1773—1781 г.**

Тарновскіе желаютъ вести свой родъ отъ извѣстнаго вел. гетмана Литовскаго Яна Тарновскаго, но *никакихъ данныхъ для этого нѣтъ.* Вѣрнѣе, что Т—скіе были такими же правобережными выходцами, какъ и множество другихъ, причемъ на

правобережное ихъ происхожденіе можетъ указывать и прозваніе *Ляшковъ*, которое носили первые изъ извѣстныхъ намъ Тарновскихъ. Въ „листѣ“ Прлцк. плк—ка Лаз. Горленка читаемъ: „респектуючи на разныя заслуги п. *Ивана Ляшка*, тов. наш. войск., теды въ награду оныхъ позволилисмо ему изъ уряду нашего владѣти сѣножатью панскою (т. е. оставшеюся послѣ поляковъ) окопаною, прозываемою Жидовскою, подъ с. Гнѣдинцами“. Упоминаемый здѣсь Иванъ былъ отцомъ Василія и Федора, которые тоже прозывались *Ляшками*, какъ видно изъ слѣд. постановленія Прлцк. полк. суда 1700 г.—„Передъ нами, Дм. Горл., плк. Прлцк., Григ. Чернявск., обознымъ, и проч. ставши очевисто панѣ Татіана Дмитріевая, сотничка Батуринская, съ п. Федоровою Ляшковою, обыватлк. Варвинскою, ятровкою своею (первого мужа своего небожчика Василія Ляшка, братовою), чинила оповѣдь, ижъ мѣючи дорослого сынка свого Степана, съ небожчик. Вас. Ляшкомъ спложенного, мѣла росправу предъ судомъ войск. енер. въ Батуринѣ, зъ п. Федоровою Ляшковою, ятровкою своею, доходячи (отыскивая) у нея на предреченного сына своего добръ отцовскихъ: такъ полов. каменя мучного въ млинѣ на р. Удаѣ, на греблѣ мѣской Варвинской стоячомъ, спадаючого, чрезъ самую себе, вже по смерти мужа Радьковѣ Оробіовскому, полчанину нашему, за 40 талярей заставленного (заложенного), а небожчикомъ Федоромъ Ляшкомъ, дѣверомъ еи, а дядкомъ Степановымъ, одплаченного... Гдѣ судъ енер. повагою своею судовою, взглядомъ сына дорослого п. сотниковой, спложеннымъ зъ небожч. В. Лшк., позволивши одплатити оные добра отцевскіе, наказалъ (постановилъ), абы п. Федоровая Лшк—ая 40 тал., данныхъ Радьковѣ небожчик. Федоромъ, мужемъ еи, отъ неи сотниковой принявши, уступила половину каменя сыновѣ еи въ млинѣ своемъ, будучого на него отцевѣ дѣдизнымъ правомъ спадаючого... За прибутемъ теди зъ Прилуки, обѣдвѣ сторони, п. Дмитріева, сотн. Бат., и п. Федоровая Лшк., по такому судовому наказанію, вѣчную и святобливую приняли себѣ згоду“... Изъ этого акта видно, что у Ивана Ляшка было два сына Василій и Федоръ. О первомъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери Прилуцк. мѣщ. Леонтія Бугаенка и умеръ молодымъ, оставивъ

ринск. Дм. Нестеренка. Младшій братъ Василія, Федоръ получилъ Варвинское сотничество при Дм. Горленкѣ, и съ этого времени сталъ писаться Тарновскимъ, какъ видно изъ слѣд. универс. Мазепы, 1691 г.—„п. *Федоръ Тарновскій,* сотникъ Варв—ій, мѣючи свой отчистый млинъ на р. Удаю, просилъ насъ на тотъ млинъ потверждателного нашего унѣверсалу, за которымъ бы моглъ всѣ приходячіе пожитки (яко то и часть войсковую) спокойне заживати. Теды мы ласкою нашею оного окриваючи, стверждаемъ тотъ млинъ его отчистій, и позволяемъ съ того млина его всѣ розмѣровіе пожитки отбирати"... Однакожъ новое прозвище Федоръ не сразу усвоилъ п., ч. вдова его, какъ выше видно, продолжала называться „Ляшковою".—У Федора Т. былъ одинъ сынъ *Михаилъ,* которому Носъ, ставъ полковникомъ, отдалъ въ 1709 г. с. Гнѣдинцы, гдѣ Т—скіе, повидимому, впервые поселились, выйдя изъ-за Днѣпра. Въ 1714 г. Михаилъ Т. назначенъ Варвинскимъ сотникомъ, причемъ Скоропадскій подтвердилъ ему Гнѣдинцы. По смерти Михайла Т., имѣнія его были утверждены въ 1731 г., Апостоломъ за его вдовою Софьей Даниловной, вѣроятно по несовершеннолѣтію сыновей ея, Данила и Андрея. Послѣдній должно быть скоро умеръ т.-к. о немъ никакихъ извѣстій но осталось, а Данило—не занималъ никакого особаго уряда, а только состоялъ въ ряду бунч. товарищей. Умеръ онъ рано, оставивъ двухъ сыновей Петра (р. 1736) и Ивана (р. 1738) и дочь Марью, бывшую замужемъ за б. тов. Петромъ Войцеховичемъ. Оба эти сына служили сотниками: Петръ—Журавскимъ, а Иванъ—Второварвинскимъ. Иванъ Т. отличился въ турецкой войнѣ и за это былъ назначенъ Гадяцкимъ полковникомъ, послѣ Крыжановскаго. У этого Ивана Т. было три сына: Иванъ (р. 1765), Михаилъ и Петръ (а. 1776). Первые два изъ нихъ уже въ 1776 г., т. е. въ дѣтскомъ еще возрастѣ, имѣли чины капитановъ „польскихъ королевскихъ войскъ". Чины эти разумѣется были куплены и куплены съ цѣлію обезпечить себѣ будущее русское дворянство [1])... Тарновскіе не разжились на урядахъ; у нихъ было въ

---

[1]) Этотъ способъ «нобилитаціи» у малороссійской старшины—сталъ практиковаться во втор. пол. XVIII в. въ предвѣдѣніи «дворянства»... См. Кіевск. Стар., 1895 г., май, 241.

Гнѣдинцахъ по нѣсколько десятковъ „хатъ" да въ Варвѣ хатъ по четыре, по пять. Варвинскіе „подданные" составляли конечно „скуплю", но, какъ видимъ, оч. незначительную.

Себастіановичъ Матвѣй былъ однимъ изъ сыновей Андрея С. (с. 64), по смерти котораго старшій сынъ Иванъ былъ уже бунч. тов., а младшіе, Матвѣй и Василій, были еще «недорослыми». Пользуясь такимъ положеніемъ семьи, старшій братъ захватилъ главную отцовскую маетность Грицовку въ свое исключительное владѣніе, причемъ суровымъ своимъ обращеніемъ съ тамошними «подданными» возбудилъ послѣднихъ къ «бунтамъ» (с. 341). На захватъ Гр—ки мать пожаловалась въ Глуховъ, гдѣ въ это время средній сынъ Матвѣй былъ уже канцеляристомъ въ генер. к—ріи; поэтому онъ могъ помогать матери, какъ писаніемъ жалобъ, такъ и личными ходатайствами у Глуховскихъ властей. Высланные изъ Глухова чиновники, провѣривъ жалобы вдовы и присоединившихся къ ней младшихъ сыновей, удостовѣрили правильность этихъ жалобъ, вслѣдствіе чего Иванъ С. долженъ былъ дать (въ окт. 1728 г.) слѣд. подписку: «ассекуруюсь въ томъ, же що я противъ матки своей и братовъ обидливого прежними часи показавъ, въ томъ милости и помилованія одъ оной матки, яко синъ, просить повиненъ есмъ, и що заборовъ надъ волю родителки моей на мнѣ, зъ добръ нашихъ отческихъ, является, тое въ волю и разсмотрвніе панеи родителки моей полагаю, и якъ матка наша въ добрахъ нашихъ распорадитъ насъ и роздѣлитъ, при людяхъ достойныхъ, то тою часткою въ добрахъ, одъ матки моей удѣленною, долженъ доволствоватися»... Но черезъ полгода послѣ этого, мать снова жаловалась гетману, что сынъ ея Иванъ, «зъ многихъ лѣтъ своихъ зоставши непокоривимъ, исполненія по писму своему не чинитъ, но еще повернувшись зъ Глухова, другимъ селцемъ прадѣдизнымъ, Игнатовкою, завладѣлъ и нынѣ владѣетъ, да къ тому въ слободцѣ Брагинцяхъ, по смерти мужа моего другимъ разомъ купленной (см. ниже *с. Брагинцы*), килканадцять человѣка и болшую часть грунту того купленного Брагинского—до хутора Мормизовского, самовластне собою завладѣнного, принялъ во владѣніе, а за хуторъ Мормизовскій, зъ прилеглими до него грунтами, часть половинную денегъ, зъ ре-

чонымъ сыномъ моимъ, я положила»... Младшіе братья поддерживали эти жалобы, особенно когда Матвѣй былъ назначенъ изъ генер. к—ріи сотникомъ въ Варву. Но Иванъ не уступалъ и—семейная распря продолжалась безъ конца. Еще и въ 1734 г. Матвѣй и Василій С—чи жаловались Шаховскому, что братъ ихъ Иванъ —Брагинскія земли присоединяетъ до хутора своего Мармизовскаго, а между тѣмъ, какъ изъ Брагинскихъ земель ему слѣдуетъ только четвертая часть, почему младшіе братья просили Шаховскаго приказать—раздѣлить Брагинцы между ними на четыре части, при чемъ четвертая часть назначалась матери, „для препитанія до смерти"... Для довершенія путаницы въ семейной распрѣ С—чей, въ это время мать перешла на сторону старшаго сына и уже стала жаловаться, что младшіе ея сыновья, Матвѣй и Василій, завладѣвъ почти всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, обижаютъ какъ ее, мать, такъ и старшаго своего брата Ивана... Глуховскія власти поручили, въ маѣ 1735 г., полк. судьѣ Ягельницкому „съ товарищи",—раздѣлить „дѣдизные и прадѣдизные грунта С—чей, между ними на четыре части", при чемъ четвертая часть должна была быть отдѣлена для матери. Чтò было сдѣлано по этому распоряженію—не знаемъ, но въ 1736 г. вдова Василія С—ча (Агафья „Горленковна") жаловалась въ Глуховъ, что Иванъ С. отнялъ у нея завѣщанную ей мужемъ часть Брагинцовъ, изъ чего можно заключить, что раздѣлъ былъ произведенъ. Вслѣдъ за Василіемъ, умеръ и Матвѣй С—чъ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Матвѣемъ. Вдова Матвѣя Андр—ча вышла потомъ вторично замужъ, за «грузина» Орбеліана, отъ котораго имѣла сына Владиміра (р. 1748). Послѣ смерти Матвѣя С., имѣнія братьевъ С—чей показываются въ ревизіяхъ за Иваномъ и вдовою Матвѣя, а потомъ—за сыновьями послѣдняго; но мать послѣднихъ часть этого имѣнія успѣла передать сыну своему отъ втораго брака (см. ниже *сл. Мармизовка*).

Барановскій Андрей былъ отрѣшенъ отъ Бахмацкаго сотничества за пьянство и насилія (Оп. Ст. Млрс., II, 172), но это не помѣшало ему получить Варвинское сотничество, куда онъ былъ назначенъ въ 1757 г. Характеръ его дѣятельности и здѣсь не измѣнился, какъ видно изъ слѣд. любопытнаго при-

мѣра. Вдова шинкаря прежняго Варвинскаго сотника Конисскаго—жаловалась, лѣтомъ 1758 г., въ полк. к—рію, что ея мужъ Никита Кравченко, по подозрѣнію въ пріобрѣтеніи завѣдомокраденыхъ вещей, былъ арестованъ, но затѣмъ взятъ на поруки вдовою сотника Конисскаго, до рѣшенія дѣла; а какъ пріѣхалъ новый сотникъ Барановскій, то немедленно приказалъ снова арестовать Кравченка, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, у котораго Кр—ко покупалъ краденыя вещи. А потомъ Б. приказалъ обоихъ ихъ «распрашивать въ сотенномъ правленіи, не отправляя, какъ должно, въ полковой судъ». Засимъ жалобщица продолжаетъ: «и по приказу сотника Б., два асаульца привязали мужа моего къ драбинѣ, обнаженного, при чемъ находились: самъ сотникъ, есаулъ сотенный Нагнуйный, писецъ Ив. Рубанъ и еще два козака—стойчика; и стали бить два асаульца мужа моего по голому тѣлу, въ двѣ плети, безъ всякаго пощадѣнія... Били такъ безчеловѣчно и съ такимъ сотника немилосердіемъ, что онъ асаульчиковъ къ тому принуждалъ угрозами, потому что послѣдніе, видя безъ мѣри текущую кровь и тѣло весьма израненное, устрашились было продолжать истязаніе... И просилъ мой мужъ, при томъ немилосердномъ бою, помиловать его хотя малымъ облегченіемъ и позволить ему поисповѣдываться у священника... Но и того онъ, сотникъ, не приказалъ учинить. И уже, егда подъ тѣмъ боемъ мужъ мой омертвѣлъ и при кончинѣ найдовался, то въ ту пору сотникъ приказалъ перестать его бить; и тогда только его отвязали, но сняли съ драбины почти уже мертваго. Послѣ этого отвели его въ холодную хату, чтобы онъ претерпѣлъ еще большее страданіе. И хотѣла я пойти тогда къ мужу, но караулніи, за приказъ сотника, меня не допустили. И тако мой мужъ съ того безмѣрного бою, съ приказу и мщенія его сотника учиненного, будучи вовся зраненъ, такъ что и черви въ ранахъ были и весма билъ тѣломъ опухлой, пятого дни безъ исповѣди и умре, надъ которимъ и обдукціи («осмотра») должной никимъ не учинено, по единой той страсти, что онъ, сотникъ, въ томъ убійствѣ причиною»... Къ этому жена замученнаго добавляла, что Б. вымещалъ на ея мужѣ свою ссору съ сотничкою Конисскою, у которой Кравченко былъ шинкаремъ.—По этой жалобѣ Б. пред-

ставилъ полк. суду любопытное объясненіе. Не отвергая послѣдствій причиненнаго имъ Кравченку истязанія, Б. отвѣчалъ: 1) что «онъ не своеволенствомъ тѣхъ воровъ, Кравченка и его товарища, въ сотенной Варвинской к—ріи допрашивалъ, но по учиненному отъ сотенной старшины, атамана Безчѣпчого и хоружого Кваса, определѣнію (якое онъ, сотникъ, своимъ опредѣленіемъ только дополнилъ); 2) что не отправлены же тѣ воры въ судъ полковой затѣмъ, что, какъ объяснено выше, сотенная старшина опредѣленіе учинила—допросить ихъ на мѣстѣ, причемъ онъ, сотникъ, не знаетъ такого ордера, чтобы въ сотенномъ правленіи нельзя было воровъ допрашивать, и 3) что же касается того, что при допросѣ—Кравченка привязывали къ драбинѣ, то онъ, сотникъ, вины въ томъ не ощущаетъ потому, что онъ предварительно освѣдомлялся у асаула сотенного и у асаульцовъ—ка́къ у нихъ напредъ того дѣлалось, и ему объявили, что всегда чинятъ де было допросы на драбинахъ, чему и онъ, Б., не прекословилъ»... Затѣмъ относительно истязаній, Б. говоритъ, что въ жалобѣ вдовы много неправды, такъ какъ Кравченко «самъ совершенно зъ драбины злѣзъ и—надѣлъ рубашку; а после, къ вечору уже, приходилъ стойческій атаманъ, докладая, что воръ Никита проситъ де, чтобъ онъ сыскалъ ему попа, но онъ де не пошолъ затѣмъ, что онъ, Никита, передъ тѣмъ пилъ горѣлку, почему и отказалъ... А онъ воръ, упросясь (изъ холодной) въ другую хату, парился на печкѣ, и отъ горячести черви его напали, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ плетми шкура была збита. Егда же воровка Гапка (жена Кравченка), а паче панѣ сотникова Кониская—начали просить объ отпускѣ его, вора, въ господу, къ лучшему его присмотру, то я его и отдалъ на паліоръ (пароль?) панѣ сотниковой; и тамъ жена его, воровка Гапка, егда его вора Никиту вложила въ горячой купель (въ ванну), то онъ, шинкарь, въ томъ купелѣ умлѣвши, окончалъ жизнь свою»... Далѣе Б. говоритъ, что по этимъ причинамъ онъ не признаетъ за собою никакой вины, и заключаетъ свое объясненіе просьбою: «вышеписанную мою невинность милостиво разсмотрѣвъ, мене отъ волокити и народного убійствомъ поношенія—освободить. Объ истици же воровкѣ Гапкѣ—чтобъ оная задержана была подъ секвестромъ—учинить опредѣленіе, ибо

мнѣ съ оною, дондеже она себе не виправитъ отъ воровства, стать къ суду зазрително и не приходится». Въ этомъ объясненіи сотника важнѣе всего вопросъ—имѣлъ ли онъ право производить допросъ обвиняемаго въ сотенномъ правленіи или же—это право принадлежало только полк. суду?—Практика судебная, насколько извѣстно, указывала, что «распросъ» обвиняемыхъ—равнявшійся пыткѣ—производился тѣмъ судомъ, который рѣшалъ дѣло, а слѣд. сотникъ не имѣлъ права пытать подсудимаго. Но произволу урядниковъ въ старой Малороссіи было такое широкое поле, что сотники, подобные Б—му, на практикѣ могли замучивать людей почти безнаказанно, особенно если имѣли какую нибудь поддержку выше. Мы уже видѣли, что Б. замучивалъ людей до смерти, будучи передъ тѣмъ сотникомъ въ Бахмачѣ, причемъ былъ отрѣшенъ отъ сотничества однакоже не за это, а главнымъ образомъ—за пьянство, и что это отрѣшеніе не помѣшало Б—му черезъ пять лѣтъ снова получить другую сотню въ управленіе... Случай съ Кравченкомъ тоже не имѣлъ особыхъ для Б. послѣдствій, такъ такъ онъ и послѣ этого оставался сотникомъ въ Варвѣ еще пять лѣтъ...

Села Варвинской сотни.

М. Варва, сліяніе Удая и Варвицы, въ тарифахъ 1628 г. названа „новооселымъ“ поселеніемъ, въ которомъ тогда было „дымовъ“—10 и „огородниковъ“—20,[1]) а при спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“ (въ 1638 г.), было выяснено, что Варва, Журавка и друг. сосѣдніе „городки“ были „поставлены“ польскими и литовскими людьми до „перемирныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г. [2]). Изъ этихъ фактовъ видно, что В. поселена въ нач. XVП в. Мѣсто для поселенія было выбрано удобное п., ч. по документу Пшездѣцкаго въ В. значится 2037 господар., т. е. немногимъ меньше, чѣмъ было въ главномъ

---

[1]) Zródła Dziejowe, XX, 86. Въ 1624 г. Проскура спорилъ съ Ірем. Вишневецкимъ за своихъ кр—нъ, бѣжавшихъ изъ его села Мохнача (Сквирск. у.) въ Варву. Т. ж., XXI, 336.

[2]) Дворц. Разряды, П, 883 Переписка между Россіею и Польшею, Б. Каменск., изд. Моск. О. Ист. и Др., Ш, 303.

городѣ Вишневеччины, Лубнахъ (2646 госп.). По этому же документу, тамъ же значится болѣе 20-ти водян. мельницъ, удобство устройства которыхъ здѣсь вѣроятно и привлекло первыхъ насельниковъ Варвы.—По реестрамъ 1649 г.—показано двѣ Варвинскихъ сотни, а по описи 1654 г. (А. Ю. З. Р., X, 294) въ В. означено 978 коз. и „мѣщ.". По переписн. книг. 1666 г., въ В. показано „мѣщанъ" 77 двор., причемъ въ числѣ ихъ находилось: сапожниковъ—5, кушнеровъ—2, кузнецовъ—3 мельниковъ—10 дв.

До 1743 г. посполитое населеніе В. оставалось свободнымъ, а въ этомъ году 22 двора отданы были грузинамъ; затѣмъ, въ 1745 г. В—ское посполитство было повѣрено сравнительно съ ревизіей 1729 г., и оказалось, что изъ записанныхъ въ этомъ послѣднемъ году 124-хъ дв. посполитыхъ, въ 1745 г. осталось только 27 дв. [1]) да прибыло новыхъ—18 дв., а за отдачею изъ числа послѣднихъ грузинамъ 6-ти дв., всего въ 1745 г. явилось свободныхъ 39 д., которые и были отданы Разумовскимъ, въ 1762 г., одному изъ своихъ дядей, Федору Демешку.

Кр. П. 77 р. **А.** 165 д. **В.** 79 д. [2]) **В.** 124 д **Г.** 38 д. 38 х. (въ этомъ числѣ ремесленниковъ 14 дв.) и „скупли" 9 д. 10 х. **Д.** 45 д. 60 х. пс. 45 д. 78 х., „коронныхъ" 2 д. 7 х. **Кз. В.** 85 д. **Г.** 90 д. 99 х. пс. 29 д. 30 х. **Д.** 144 д. 264 х. пс. 3 д. 5 х.

Отдача В—вы Демешку показываетъ, что эта маетность считалась выгодною. Универсалъ данъ былъ слѣд.: „б. т. Федоръ

---

[1]) Убыль показана слѣд.: скуплено по купчимъ—3 дв., безъ купчихъ—11 дв., неправильно записано—2 дв., вписалось въ козаки—10 дв., «сошло, померло и опустѣло»—48 дв., грузинамъ отдано—16.—(Грузинамъ всего отдано 22 дв., такъ какъ кромѣ 16-ти старыхъ двор., имъ отданы еще 6-ть дв. изъ новоприбылыхъ).

[2]) Эта цифра слагается изъ слѣдующихъ: 1) «Городъ В. з передмѣстемъ»—51 дв.; 2) «волные сотницкіе» (подсосѣдки или «скупля») —5 дв.; 3) «волные поповскіе з протчіими»—13 дв. и 4) «*Слободка Сага* з атаманскими людми»—10 дв. Слободка принадлежала Петру Носенку.

Демяновичъ, поданымъ намъ доношеніемъ, представляя предковъ своихъ, дѣда и отца, и его самого, многіе значала 1712 года... ронячие, войсковые службы, и что де за оніе, хотя и жаловано ему, Д—чу, половину селца, т. е. 18 двориковъ п. Нѣж., въ сотнѣ Прохорской, точію де зъ тихъ 18 двор. не толко, по его характеру, себе содержать, но и службы войсковой отправлять, противъ прочихъ своей братѣ, бунч. товарищей, онъ, Федоръ Д—чъ, не въ состояніи находится, просилъ о награжденіи его... изъ свободныхъ войск. поспол. дворовъ нашего разсмотренія. И мы, респектуя на оніе... войсковіе служби, опредѣляемъ ему б. т. Ф. Д—чу, для лутшого дому его снабдѣнія и себе съ наслѣдниками исправленія къ войсковой службѣ, въ полку Прлцк. мѣст. Варву, въ которомъ, по ревизіи 1751 г., 40 дв. свободныхъ посп. числилось, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и другими посполитскими угодіи, въ вѣчное и потомственное ему и наслѣдникамъ его владѣніе, кромѣ живущихъ въ томъ м. Варвѣ козаковъ и ихъ козачихъ грунтовъ и угодій"... [1]) Въ этомъ универсалѣ неупомянуты кр—скіе дворы, отданные по указу 1743 г., „грузинамъ", но эта отдача универсаломъ Демешку не была отмѣнена: изъ грузинъ въ В. получили крестьянъ Орбеліаны, которые тамъ и позже находились.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи В. даетъ ревизія 1740 г., изъ которой видно, что здѣсь, кромѣ указаннаго количества дворовъ козаковъ и крестьянъ, было еще 39 двор. „свободно жіючихъ", принадлежавшихъ старшинѣ, духовенству и разнаго рода „служителямъ." [2]) Въ В. было двѣ школы (конечно,

---

[1]) Федоръ Демьяновичъ, иначе—*Демешко*, или *Стрешенецъ*, былъ родной братъ матери гетмана; этихъ братьевъ было четыре: Федоръ, Герасимъ, Денисъ и Андрей; первые три—въ 1742 г.—были «награждены» чинами бунчук. товарищей, а Федоръ еще въ 1746 г. получилъ половину с. Мал. Загоровки, о которой и говорится въ приведенномъ универсалѣ Разумовскаго.

[2]) Такіе «свободно жіючіе» находились въ каждомъ селѣ, но число ихъ не всегда показывается точно. Въ числѣ «свободныхъ» въ Варвѣ между прочими показанъ: «бандуриста кн. Никиты Юр. Трубецкого, Ив. Афанасенко». Въ ревизіи м. Варвы 1731 г., въ числѣ «старшины и служителей мужичого званія волныхъ» названы между

по числу двухъ церквей, изъ которыхъ одна называлась „рынковою"; былъ тутъ одинъ „шпиталь", а въ немъ—11 „старцовъ". Въ В. было 4 шинка, изъ которыхъ 2 принадлежали сотнику Дм. Конисскому, а 2—зн. тов. Степ. Кисловичу; въ нихъ торговали виномъ мѣстные кр—не.—В. окружена была „фольварками" и хуторами. Изъ первыхъ названы: 1) б. тов. Данила Тарновскаго, надъ рч. Варвицею; 2) зн. тов. Григорія Васильева; 3) намѣстника Варвинскаго Семиона Галабудскаго; 4) „попа рынковаго" Мойсея Иванова; „попа рынковаго" Григорія Иванова и зн. тов. Степ. Кисловича. Во всѣхъ этихъ „фольваркахъ" жило большею частью по одному „наемному". Изъ хуторовъ, значительнѣйшимъ былъ—б. тов. Дан. Тарновскаго, „*на долинѣ Калиновицѣ*," гдѣ была и мельница, на рч. Варвицѣ; по описи 1780 г. этотъ хуторъ является уже *дер. Калиновицею*, съ 15 дв. и 31 х.

Д. Леляки, Удай, по универсалу 1716 г. отданы, за какое то отличіе, „при шведскомъ наступленіи," значк. тов. Матвѣю Кисловичу, послѣ смерти котораго Л. перешли во владѣніе его вдовы и сыновей, Степана, Осипа и Павла. Но по универсалу 1713 г., гетманъ Апостолъ отобралъ у Кисловичей 10 двор. для вдовы Варвинск. сотника Михайла Тарновскаго. [1]) **Кр. А.** 8 д. **В.** 28 д. **В.** 18 д. **Г.** 5 д. 5 х. **Д.** 15 д. 23 х. пс. 2 бд. х. **Кз. В.** 25 д. **Г.** 25 д. 27 д. **Д.** 36 д. 76 х.

С. Дегтяри, Удайскій заливъ, возникли въ пол. XVII в. и принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. Ставъ полковникомъ, Галаганъ облюбовалъ себѣ въ числѣ прочихъ маетностей и Дехтяри, причемъ для присвоенія этого села, сталъ скупать тутъ грунта и садить на нихъ—*какъ будто особую слободу*, которая

прочимъ два «ковшика» (напр., «ковшикъ» Матвій Кракъ). Не были ли это тѣ «служители», на обязанности которыхъ лежалъ сборъ на вод. мельницахъ той части помола, которая «шла на Войско»? (Помолъ отбирался «*ковшемъ*»).

[1]) Дворы эти по ревиз. 1740 за Тарновскими не показаны, но значатся за ними («за вдовою Дан. Тарновскаго») по вѣдом. 1753 г. А между тѣмъ за Кисловичами по ревиз. 1740 г. значится всего *пять* дворовъ. Дворы Тарн—хъ пропущены видимо по ошибкѣ.

уже въ 1729 г. заключала въ себѣ 48 дв.; въ ревизіи этого года кр-ское населеніе Д—ей записано такъ: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ" и—„*въ томъ же селѣ, слободка* п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ". Въ дѣйствительности никакой особой „слободки" тутъ не было, а были скупленные кр—скіе и козачьи дворы съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ" въ Д. Галаганъ началъ уже съ 1716 г. и скупалъ здѣсь, какъ козачьи, такъ и кр—скіе дворы, безразлично. Для образца „скупли", приводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писаннемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Д—хъ, п. полковнику Прилуцкому, за гроши, за полчварта золотыхъ ($3^1/_2$ золот.=70 коп.), а тотъ гай, она, Ковалиха, имѣетъ съ того еще времени, какъ были вольные гаи; и дала она мировѣ за той гай—сало и десять квартъ горѣлки; и волно обладать его мил. п. плк—ку тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ". (1733 г.) Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижейименование, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаннемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однако жъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игн. Г—ну, плк—ку Прлцк., дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито, а не козацко*, и всякія повинности отбывать, и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. плк—ка Прлцк. выдаемъ". [1]) При ревизіи 1740 г.—относительно Д—рей—прямо было указано, что здѣшніе посполитые свободные дворы (ихъ было всего четыре) „скуплены" плк—комъ Галаганомъ въ 1736 г., а „*слободка Дегтяровка*" и здѣсь показана отдѣльно, но въ вѣд. 1753 г. ни о какой уже „слободѣ" не упоминается, а значится

---

[1]) Подписано: „Манджуренко, Кирикъ Гриценко, житали Дехтяревскіе". Обѣ купчія изъ Румянц. описи.

Галагановское село Д—ри. **Кр.** **П.** 2 д. **А.** 12 д. **В.** 20 д. **В.** 5 д. и въ „слободкѣ“ Г—на, 48 д. **Г.** „скупленныхъ“ Г—номъ 4 д. 4 х. и въ „слободѣ Дехтяровской“—39 д. 39 х. **Д.** 53 д. 73 х. (кол. ас. Галагана). **Кз.** **В.** 26 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 47 д. 58 х. пс. 2 д. 2 х.

С. Иванковцы, Удай, извѣстны съ пол. XVII в.; принадлежали къ числу ратушныхъ селъ, но затѣмъ кр—не были скуплены Галаганомъ, какъ это видно изъ слѣд. замѣтки агентовъ комиссіи экономіи (1745 г.) „оное село по перечневой вѣдомости показано въ свободныхъ, а по свидѣтельству явилось во владѣніи Прлцк. плк—ка Галагана, а почему—крѣпостей и отвѣту не прислано“.

Кр. **П.** 18 д. **А.** 28 д. **В.** 7 д. **В.** 13 д. („до ратуши належныхъ“). **Г.** 2 д. 2 х. [1]) „скупли“ 1 д. 1 х. **Д.** 21 д. 25 х. **Кз.** **В.** 58 д. **Г.** 51 д. 53 х. пс. Галагана 7 д. 7 х. **Д.** 80 д. 148 х.

С. Гурбинцы, Лисогоръ, извѣстны съ пол. XVII в.; Самойловичемъ отданы, въ 1674 г., тогдашнему полк. обозн. Вас. Себастіановичу (с. 57), отъ котораго перешли къ его наслѣдникамъ; сначала Г. владѣлъ сынъ Василія—Григорій, а потомъ сынъ Григорія—Иванъ, своеручно подписавшій вѣд. о Г—цахъ въ 1731 г. У сыновей Андрея—въ Г. были только подсосѣдки. Во втор. пол. XVIII в. главнымъ владѣльцемъ Г. является кол. ас. Богданъ Брежинскій, женатый на Ёвдокіи Ивановнѣ Себастіановичъ; повидимому, это была дочь Ивана Григорьевича. **Кр.** **П.** 10 д. **А.** 96 д. **В.** 56 д. **В.?** 2 пс. 2 д. **Г.** 20 д. 20 х. (за 1737—740 г. г.

---

[1]) Въ цифрахъ нѣтъ ошибки, а между тѣмъ и по ревиз. 1731 г. значится кр—нъ 14 двор. Развѣ—разошлись было, не желая подчиняться Галагану...

[2]) Въ спискѣ „козачого званія служителей, свободно жіючихъ,“ приложенномъ къ ревизіи 1740 г., показаны между прочимъ, вслѣдъ за компанейцами (квартировавшими по селахъ) „отставные сербы,“ числомъ 6; такіе же сербы показываются и въ другихъ селахъ Прлцк. полка, иногда съ добавленіемъ—«изъ гусаровъ». Это были сербы, изъ числа вызванныхъ въ Россію при Аннѣ Іоанновнѣ. См. Вѣстн. Евр. 1870 г., іюнь, статья Нила Попова, 603.

„сошло“—23 хоз.) пс. 8 д. 8 х. Д. 97 д. 131 х; изъ нихъ 89 д. 118 х.—Брежинскаго, а 8 д. 13 х.—Мойсея (Матвѣя Матвѣевича?) Себастіановича. Кз. В. 28 д. Г. 24 д. 25 х. и „скупленныхъ“ Ив. Андр. С—чемъ до 1740 г.—5 д. 8 х.[1]) Д. 37 д. 73 х.[2])

Д. Игнатовка, Лисогоръ, отдана Самойловичемъ, вмѣстѣ съ Гурбинцами, Вас. С—чу, отъ котораго перешла къ сыну его Андрею, а потомъ къ дѣтямъ послѣдняго, долго между собою споровшимъ за отцовское наслѣдство (с. 357). Кр. П. 3 д. А. 29 д. В. 21 д. В. 19 д. (б. т. Ив. Андр. С—ча). Г. 7 д. 7 х. (его же); въ 1739 г. „сошло“ 6 д. Д. 12 д. 13 х.; изъ нихъ 6 д.—б. т. Лысенка[3]) и 6 д. „полк. судьи“ Мойсея (Матвѣя?) С—ча. Кз. В. 16 д. Г. 12 д. 13 х. Д. 22 д. 38 х.

С. Оробьевка (**Воробьи**), „ключъ Довжикъ Грувскій“ (1740 г.)[4]), извѣстна съ полов. XVII в.; до 1732 г. „прислушала“ Варв. ратушѣ, а въ этомъ году отдана на рангъ ген.

---

[1]) Объ этой «скуплѣ» въ ревиз. 1740 г. находятся такія отмѣтки: 1) «Никита, Останъ и Федоръ Омелченки, на едномъ дворѣ, порознь хатами живутъ, козаки зъ дѣда и отца, были въ походахъ, а сего 1740 г. продавши дворъ къ хатами, живутъ подъ б. т. Ив. С—чемъ». 2) «Ив Подгорній з дѣда и отца козакъ и былъ въ походахъ..., а въ 1739 г. продавши дворъ съ хатами б. т. Ив. С—чу, сталъ *за нимъ* жить и нынѣ живетъ» и т. д.

[2]) Въ Полтавск. губ. есть и друг. село Гурбинцы—на р. Удаѣ.

[3]) Повидимому, это былъ зять Ив. Андр. С—ча. Въ «Спискахъ Черниг. двор.» 1783 г. (Черниговъ, 1890) означена вдова б. т. Осипа Лысенка, Марфа (стр. 167), за которою въ числѣ ея „родовитыхъ“ имѣній показаны с.с. Грицовка (600 д. м. и ж.) и Игнатовка (33 д. м. и ж). Отсюда можно заключать, что имѣнія Ив. Андр. С—го унаслѣдованы его дочерью Марфою, бывшей замужемъ за б. т. Осип. Федор. Лысенкомъ (с. 261).

[4]) У Пащенка—*«рѣчка Точеная»*. Повидимому, это послѣднее названіе присвоено рѣчкѣ по прозвищу мѣстныхъ жителей *Точеныхъ*, которымъ въ 1780 г. принадлежалъ сосѣдній съ Воробьями—*«Хуторъ Точеный»*. Прозвище *Точеныхъ* въ Воробьевкѣ—значится и по перепис. книгамъ 1666 г.

судьѣ Лысенку, всего съ 3-мя крест. двор. Во втор. полов. XVIII в. часть кр—нъ была скуплена, а остальные, повидимому, были записаны на гетмана. **Кр. П.** 10 д. **А** 5 д. **В.** 6 д. **В.** 7 д. пс. 1 д. **Г.** 3 д. 3 х. **Д.** 8 д. 14 х. (гр. А. Разумовск.—2 д. 4 х., кол. ас. Брежинскаго—3 д. 4 х., „плк—цы" Тарновской—1 д. 1 х.; „сотнички" Конисской—1 д. 3 х., кол. ас. Галагана—1 д. 2 х.) пс. 2 д. 4 х. („поповскихъ"). **Кз. В.** 44 д. **Г.** 51 д. 56 х. **Д.** 55 д. 140 х.

С. **Савинцы**, „въ ярахъ и на скосогорахъ, по об. стор. рч. „Руды" (Пащ.), извѣстны съ пол. XVII в.; сначала кр—не были «ратушными», при чемъ „по силѣ присланной въ 1733 г. изъ коллегіи ностранной грамоты", они б. опредѣлены „для возки къ Батуринской маетности овцамъ сѣна". По ревиз. 1740 г. С. значатся „описнымъ на ея величество", что не помѣшало „скуплѣ" здѣшнихъ кр—нъ во втор. пол. XVIII в. **Кр. П.** 21 д. **А.** 59 д. **В.** 17 д. **В.** 30 д. пс. 1 д. **Г.** 14 д. 14 х. („описныхъ на ея величество") пс. 3 д. 3 х. **Д.** 22 д. 35 х. пс. 8 д. 12 х. (гр. К. Разум.—5 д. 11 х., плк—цы Тарновской—8 д. 14 х., сотника Магеровскаго—4 д. 6 х. и друг. 4 д. 5 х. подсосѣдки—„поповскіе и разночинческіе"). **Кз. В.** 41 д. **Г.** 58 д. 67 х. **Д.** 95 д. 162 х.

С. **Врагинцы (Врагинецъ)**, „на раздольи и въ ярахъ, чрезъ оное село протекаетъ неболш. рч. Козинка" (Пащ.), возникли на старомъ „селищѣ", которое три брата Брагинца, Игнатъ, Максимъ и Илья, купили у Іер. Вишневецкаго, за 7 тыс. („золотыхъ?") Когда, послѣ изгнанія поляковъ, купленныя Брагинцами земли позахватывали сосѣди, то дѣти покупщиковъ обратились—съ жалобою на захватъ—въ генер. судъ, который рѣшеніемъ 1671 г., отцовское „селище"—возвратилъ имъ. Но землй, повидимому, было много, почему оно подверглось новымъ захватамъ со стороны сосѣднихъ жителей с. с. Озерянъ, Воробьевъ и друг. У послѣднихъ зéмли эти покуплены были Андреемъ С—чемъ, который посадилъ тутъ „слободку" названную—по имени первыхъ владѣльцевъ—*Брагинцемъ*. Въ этой слободкѣ въ 1718 г. было уже 25 дворовъ и церковь. Послѣ смерти Андрея С., Бр—ми владѣла его вдова съ сыновьями, пока не явилась въ Глуховѣ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 169—199

II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка** *(Окончаніе)* 200—232

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго.** . 233—255

IV. ГОРОДЯНКА. Повисть *(Продолженіе)*. **Л. Яновской.** . 256—302

V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). *(Окончаніе)*. **Ник. Василенка** . . . . 303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи переяславской буреы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго прихода . . . . 65—83

Текущія извѣстія . . . . 83—94

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. **Ор. Левицкаго**; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. **Ш.**; в) Корифеи украинской сцены. **В. Д.**; г) Михновскій. Сатанынська пописта. Драма въ 4 діяхъ. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 95—135

Археологическая лѣтопись . . . . 138—152

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 24-й и 25-й . . . . 369—400

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 октября 1901 года.

„Кіевская Старина"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Письма профессора Университета св. Владиміра протоіерея Назарія Антоновича Θаворова къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Многія изъ печатаемыхъ ниже писемъ Н. А. Θаворова интересны, какъ говорящія о комитетѣ по реформѣ церковнаго суда, созванномъ въ Петербургѣ, куда по разнымъ обстоятельствамъ не могъ онъ, въ качествѣ члена его, такъ исправно ѣздить, какъ П. Г. Лебединцевъ, и посѣщать засѣданія, число которыхъ было 74. Считаю нужнымъ сказать объ этомъ комитетѣ нѣсколько словъ.

Отъ 14 генваря 1870 г. объявлено извѣстіе о Высочайше утвержденномъ комитетѣ по реформѣ духовнаго суда и о назначеніи членовъ. Обыкновенно въ разные комитеты при Синодѣ назначаются лица изъ столичнаго духовенства. Д. Г. Лебединцевъ [1]) посовѣтовалъ предложить графу Толстому, чтобы назначить также двухъ московскихъ и двухъ кіевскихъ представителей духовенства, причемъ указалъ на Петра Гавриловича Лебединцева, какъ практика, и Назарія Антоновича Θаворова, какъ теоретика. Съ нимъ согласились, но сказали, что за кіевскихъ вся нравственная отвѣтственность падаетъ на него.

---

[1]) Старшій братъ П. Г. Лебединцева, занимавшій очень видный постъ въ Петербургѣ.

Кіевскіе депутаты вполнѣ оправдали оказанное имъ высокое доовѣріе. Въ началѣ февраля 1870 г. Петръ Гавриловичъ послалъ Даніилу Гавриловичу свою брошюру о церковномъ судѣ въ 17 вѣкѣ. Тотъ тотчасъ отослалъ ее юрисконсульту при оберъ-прокурорѣ св. Синода Василію Аѳанасіевичу Степанову, а отъ сего послѣдняго она была препровождена къ оберъ-прокурору Д. А. Толстому. Графъ Толстой возвратилъ ее чрезъ два дня при слѣдующей запискѣ: „Возвращаемая у сего брошюра протоіерея Лебединцева обѣщаетъ въ немъ полезнаго сотрудника нашего комитета". Отъ 2 сентября 1870 г. юрисконсультъ послалъ Петру Гавриловичу слѣдующее приглашеніе: „По порученію Его Преосвященства, господина предсѣдателя комитета, Высочайше учрежденнаго для преобразованія духовно-судебной части, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію пожаловать въ С.-Петербургъ для засѣданій въ означенномъ комитетѣ". Такое самое приглашеніе, очевидно, получилъ и Н. А. Ѳаворовъ. Когда именно выѣхали они изъ Кіева, не знаю. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комитетѣ былъ не архіепископъ Макарій, а П. Г. Лебединцевъ; противникомъ же его былъ профессоръ московской д. Академіи А. Ѳ. Лавровъ, получившій отъ своихъ сотоварищей по комитету прозваніе „обскурантиссимуса" и пріобрѣвшій не совсѣмъ завидную извѣстность книгою „Предполагаемая реформа духовнаго суда", изданной Н. Елагинымъ и имѣвшей значеніе призыва къ возстанію противъ предпринятой реформы, а также своими московскими апологіями, помѣщенными въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Эти апологіи несостоятельны и испещрены неделикатными, грубыми выраженіями по адресу противниковъ. Онъ представлялъ принятое въ свѣтскомъ судѣ начало отдѣленія судебной власти отъ административной—непримѣнимымъ къ суду духовному, основываясь на такихъ мѣстахъ священнаго писанія, смыслъ которыхъ ясенъ для всякаго, только не для Лаврова. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о поражающей массѣ злоупотребленій, какія допускаются въ духовныхъ слѣдствіяхъ, дознаніяхъ и благочинническихъ отзывахъ.

А между тѣмъ удивительныя вещи, въ видѣ дифирамбовъ, писались въ Москвѣ (іюньская книжка „Русскаго Обозрѣнія“ за 1896 г.) про Лаврова—о его дѣятельности въ комитетѣ, которою онъ будто оказалъ великую услугу православной церкви. Въ апрѣлѣ м. 1874 г., по случаю представленія всеподданнѣйшаго доклада о закрытіи комитета, графъ Толстой потребовалъ къ себѣ отзывы архіереевъ на проектъ, почему-либо особенно замѣчательные. Посылая эти отзывы, В. А. Степановъ въ запискѣ написалъ, что кіевскимъ протоіереемъ Лебединцевымъ написана основательная статья, еще ненапечатанная, въ которой выставляется вся нелѣпость сочиненій Лаврова. Статья эта оставлена графомъ у себя. Что сдѣлано съ нею, не знаю; знаю только, что въ 60 и 62 номерахъ „Голоса“ за 1872 г. помѣщена статья Петра Гавриловича безъ подписи—о степени судебной власти епископа, передѣланная, впрочемъ, Барсовымъ, по порученію В. А. Степанова. Въ первой книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1872 г. помѣщена статья противъ мудрованій Лаврова подъ иниціалами Л. Б. Кажется мнѣ, что эти буквы означаютъ—Лебединцевъ-Барсовъ. Архіерейскіе отзывы, по словамъ „Голоса“, написаны не только въ тенденціозномъ духѣ книги Елагина, но и ея мыслями, и ея языкомъ. Предполагавшаяся реформа церковнаго суда, клонившаяся не къ умаленію до крайней степени судебныхъ правъ архіерейской власти, а къ возстановленію праваго суда, какимъ пользуются всѣ прочія сословія Русскаго государства, отложена.

Н. А. Ѳаворовъ предчувствовалъ, что изъ этой реформы ничего не выйдетъ, но П. Г. Лебединцевъ до послѣдняго времени своей жизни не терялъ надежды: „пройдутъ годы, а все-таки будетъ такъ, какъ мы рѣшили“—говорилъ онъ.

Свящ. **Іоаннъ Гордіевскій.**

1.

Любезнѣйшій Петръ Гавриловичъ! [1]).

Вчера вечеромъ, въ 6 часовъ, я хотѣлъ было зайти къ Вамъ, но такъ усталъ послѣ служенія, что долженъ былъ отложить визитъ свой до другого времени. Здоровы еще Вы? Что-то Васъ не видно было въ прошлое воскресенье. Не совсѣмъ здоровилось и мнѣ во всѣ послѣдніе дни; съ субботы я не былъ и у Маріи Николаевны [2]). Каково ей живется въ новомъ положеніи? Если увидитесь съ нею на этихъ дняхъ до воскресенія, то пожалуйста передайте отъ меня ей поклонъ, съ извиненіемъ, что я никакъ не могъ навѣстить ее, частію по нездоровью, частію и по крайнему недосугу. Посылаю Вамъ слово при погребеніи общаго нашего друга [3]). Я самъ не совсѣмъ доволенъ этимъ словомъ: некогда было написать что-нибудь подѣльнѣе; да какъ то и состояніе души было у меня въ то время нехорошее. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось много говорить о покойномъ: образъ его стоялъ предо мною и слова какъ-то замирали на устахъ моихъ. Ну, что есть, то пусть и останется въ память его! Въ уваженіе желанія М. Николаевны, напечатайте написанное. Я хотѣлъ было назвать это рѣчью, да названіе это нейдетъ къ содержанію; не совсѣмъ идетъ и „слово", но ужъ такъ и быть, пусть будетъ „слово". До свиданія.

Вашъ преданный Н. Ѳаворовъ.

3 марта 1867 г.

2.

Сейчасъ получилъ я письмо ваше, мой добрый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Чтобъ отвѣчать на него сколько-

---

[1]) Письма печатаются съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ чисто личнаго характера.

[2]) Ключарева.

[3]) Тайный совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ.

нибудь посолиднѣе, нужно нѣсколько подумать и всмотрѣться въ дѣло. Въ концѣ этой же недѣли, или, по крайней мѣрѣ, не позже 1 декабря, я снова буду писать къ Вамъ и надѣюсь поговорить съ Вами подробнѣе и обстоятельнѣе, а теперь тороплюсь, главнымъ образомъ, поблагодарить Васъ за сообщенія ваши, а еще больше и даже несравненно больше за тонъ и духъ, въ какихъ они сдѣланы, ограничиваясь затѣмъ коекакими увѣдомленіями о вещахъ изъ обыденнаго быта нашего. О соборѣ мнѣ наговорили сначала много ужастей, но, кажется, ужасти эти созданы воображеніемъ. Я не былъ еще въ Софійскомъ, но меня завѣрялъ Михаилъ Михайловичъ [1]), что шумъ поднятъ совершенно изъ пустяковъ. Онъ говоритъ по этому поводу почти тоже, что и Вы пишете, и даже просилъ меня передать Вамъ его завѣреніе, въ предупрежденіе всякихъ смущеній съ Вашей стороны. На дняхъ я обѣщалъ, однако-жъ, быть въ Софіи, повидѣть пресловутую трещину, повидѣться съ г. Иконниковымъ [2]) и съ соборянами, для того, чтобы точнѣе передать Вамъ все дѣло. Митрополитъ, при первомъ слухѣ, можетъ быть и вспылилъ, какъ это бываетъ съ нимъ, но потомъ, какъ видно, успокоился. Когда при мнѣ зашла у него съ кѣмъ-то рѣчь объ этомъ, то я не замѣтилъ въ немъ и тѣни какого-нибудь неудовольствія на Васъ. О комиссіи я еще хорошенько не знаю, но теперь поразвѣдаю, хоть напередъ увѣренъ, что серьезнаго во всемъ дѣлѣ ничего не окажется. Завтра, т. е. 24 ноября, Кіевъ ожидаетъ къ себѣ Государыню Императрицу, въ 10 часовъ утра. Дворецъ для нея отдѣланъ и уже освященъ, но жить въ немъ едва-ли еще можно: холодновато и сыро. Зданіе вышло очень пригожее, внутренность расположена и отдѣлана безъ петербургской роскоши, но красиво и, можно сказать, мило. Мнѣ думалось и чувствовалось въ немъ гораздо свѣтлѣе, пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ, помните, въ московскомъ дворцѣ. Высокая Гостья пробудетъ у насъ, говорятъ,

---

[1]) Хижняковъ, секретарь консисторіи.

[2]) Губернскій архитекторъ.

до четверга. Вслѣдъ за Государыней и митрополитъ собирается отправиться въ Петербургъ. Вѣроятно, Вы увидитесь съ нимъ 1 или 2 декабря. При новыхъ разговорахъ съ нимъ касательно дѣлъ нашего комитета, я, въ виду несообразныхъ предположеній о главныхъ пунктахъ судоустройства, выразился отъ лица насъ обоихъ такъ: ужъ лучше, по нашему мнѣнію, оставить дѣло statu quo, чѣмъ улучшать его такимъ образомъ. Оказывается, что и Вы, хотя и по иному нѣсколько поводу, высказались буквально такъ-же. Митрополитъ взялъ у меня записку Лаврова о судоустройствѣ: я ее передалъ ему съ моими примѣчаніями на поляхъ, не измѣнивъ въ нихъ ровно ничего. Не знаю, смотрѣли-ли Вы мои замѣчанія. Впрочемъ Вы и такъ знаете мнѣнія мои. На всякій случай я повторяю одно изъ нихъ касательно предсѣдательства архіерея въ судѣ. Буквально не помню своего примѣчанія, но мысль выражена такая: „Говорятъ все объ „участіи“ архіерея въ судѣ: это слово двусмысленно. По духу и ученію церкви, полнота правъ принадлежитъ въ частной церкви епископу; и такъ говорить объ его „участіи“ въ судѣ значитъ заранѣе низводить его на степень низшую. Отсюда-то и всѣ споры... Дѣло не въ томъ, принадлежитъ ли епископу право суда въ его церкви (это внѣ спора), а—какъ устроить судъ такъ, чтобы, не нарушая правъ епископа, создать достаточно самостоятельный судъ безъ непосредственнаго участія архіерея“... Не ясно что-то выходитъ, но Вы знаете, въ чемъ дѣло. Митрополитъ же не возвратилъ мнѣ записки, но—возвратитъ непремѣнно до отъѣзда. Съ Михаиломъ Александровичемъ [1]) я думалъ видѣться у Николая Дмитріевича [2]), къ которому онъ обѣщалъ придти 15-го числа обѣдать, но его не было. Не заболѣлъ-ли? Я буду у него, какъ по собственному желанію, такъ и по Вашему совѣту, что̀ и передалъ ему. Рукопись, о которой упоминаете, не тождественна съ софійскою рукописью

---

[1]) Максимовичъ М. А., первый ректоръ Кіевск. Университета, проживавшій тогда зимою въ Кіевѣ.

[2]) Иванишевъ.

о вольностяхъ малороссійскихъ. У меня остался перечень статей, составляющихъ содержаніе послѣдней; можетъ быть, я пришлю его Вамъ. О. Августинъ неохотно принимаетъ назначеніе въ Вильну и даже готовъ, кажется, и отказываться. По крайней мѣрѣ, такъ онъ говоритъ. Да, кажется, дѣйствительно назначаемое ему мѣсто не по немъ, не по его характеру. Преосвященный Макарій лучше бы сдѣлалъ, если-бы постарался предоставить это мѣсто о. Іустину. Тотъ хотя и недавно на службѣ, но уже не молодъ и, главное, человѣкъ практическій. Въ свое время я совершенно упустилъ изъ виду Іустина, не то высказалъ бы мнѣніе въ его пользу. Къ этому письму я намѣренъ приложить письмо къ Сашѣ [1]), если успѣю написать такое. Пожалуйста, потрудитесь передать ему. Онъ перемѣнилъ квартиру, но не написалъ мнѣ, гдѣ и у кого нанялъ новую, такъ что я не могу адресовать письмо прямо на его имя. Спасибо, сто разъ спасибо Вамъ за дорогое для меня участіе Ваше въ его положеніи. Хотя я немножко легче вздохнулъ послѣ того, какъ объяснилось дѣло, столько встревожившее меня, но все-таки мнѣ тяжело. Недавно я получилъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Саши, письмо и отъ г-жи Головинской. Пишетъ и умно, и хорошо, въ собственномъ значеніи этого слова, такъ что разумнѣе и искреннѣе не написала-бы мнѣ дочь моя. Говорю безъ всякаго пристрастія. Но тѣмъ не менѣе, что-жъ изъ этого, или что за тѣмъ? Я отвѣчаю и прошу прямо рѣшить мои недоумѣнія. Что касается Вашихъ совѣтовъ Сашѣ, то они совершенно справедливы и практичны. Пожалуйста, не оставляйте и на будущее время внушать ему здравыя понятія о практической жизни, особенно касательно училища и приготовленія къ нему. Повѣрьте, и одно участіе, когда оно такъ просто и искренне, какъ Ваше, весьма много значитъ для молодого человѣка. Получилъ ли Саша билетъ? Сію минуту вспомнилъ о фотографическомъ снимкѣ моей физіономіи. Что она? Вѣрно

---

[1]) Сынъ Н. А. Ѳаворова.

плоха, хуже даже оригинала. Профессоръ Славатинскій убѣдительно проситъ, нельзя-ли узнать, почему на представленіе къ ординатурѣ доселѣ не отвѣчаютъ. Разумѣется, наводить справки объ этомъ въ министерствѣ было бы уже черезчуръ. Но нѣтъ-ли какихъ слуховъ, особенно по поводу его сочиненія. Напишите хоть да, хоть нѣтъ, только не промолчите. Прошу кланяться, первѣе всего Даніилу Гавриловичу (дай Богъ ему всего добраго), потомъ доброму о. протоіерею Прохору Карповичу, затѣмъ Василію Аѳанасіевичу и наконецъ—кому знаете. Ваши поклоны раздамъ аккуратно по принадлежности. Анна Степановна усердно благодаритъ за память и проситъ къ моему поклону Вамъ приложить и ея. А мой поклонъ—до земли.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Ноября 23, 1870 г.

3.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

На этотъ разъ я намѣренъ поговорить съ Вами прежде всего о дѣлахъ комитетскихъ. Комитетъ постановилъ: „не учреждать прокурорскаго надзора въ судахъ духовныхъ“. Было ли собраніе голосовъ по этому предмету, или рѣшили огуломъ, такъ что не осталось мѣста для меньшинства? Вы не написали ничего объ этомъ. Но какъ бы ни было,—очевидно, что Вы и нѣкоторые другіе не согласны на такое опредѣленіе. Съ своей стороны, и я противъ него. Что бы ни говорили, а прокуратура—существенный элементъ въ нашемъ судопроизводствѣ. Если указываютъ на примѣръ англійскаго судоустройства безъ прокуроровъ, то или забываютъ при этомъ, что въ Англіи общины всегда имѣютъ у себя опытнаго юриста (на собственномъ, конечно, содержаніи), съ которымъ совѣтуются во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ требуются особыя юридическія свѣдѣнія. Такой адвокатъ вполнѣ замѣняетъ прокурора, хотя

онъ и не отъ правительства. Подробнѣе объ этомъ я наведу справки чрезъ Николая Дмитріевича, у котораго должны быть подъ рукою источники относящихся сюда свѣдѣній. Дальше, что и у насъ будто-бы прокуратура—только временное учрежденіе, въ этомъ я позволяю себѣ усомниться, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ въ противоположномъ духѣ говорится на счетъ этого въ общихъ соображеніяхъ о судоустройствѣ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ въ общихъ судахъ нашихъ учрежденій это признано было не необходимымъ, то и затѣмъ въ судахъ духовныхъ оно существенно нужно, потому что здѣсь въ судьи избираются не юристы. Епископъ не можетъ замѣнять прокурора съ одной стороны потому, что епископъ не есть непремѣнный юристъ (а сущность прокурорства и состоитъ въ спеціальности юридическихъ свѣдѣній и опытности), съ другой—по самому отношенію, въ которомъ онъ поставляется къ суду, протесты его должны имѣть совсѣмъ не то значеніе, какое имѣютъ прокурорскіе. Напротивъ, это-то отношеніе и предполагаетъ въ судахъ нашихъ (какъ они проектируются комитетомъ), болѣе чѣмъ гдѣ либо, прокурорскій институтъ, какъ необходимый средній терминъ. Наконецъ, главный мотивъ, который ясно, кажется, не высказанъ членами, оспаривающими прокуратуру, но пойманъ Вами, такъ сказать, на-лету,—главный мотивъ отрицанія прокуратуры въ духовныхъ судахъ крайне несостоятеленъ и даже не совсѣмъ мораленъ. Не изъ-за чего, говорятъ, учреждать судъ духовный въ полной организаціи, потому-де, что дѣлъ въ этомъ судѣ, требующихъ серьезнаго разбирательства, очень мало. Но если-бы и одно лицо въ годъ потребовало для себя суда вполнѣ праваго, то развѣ можно отказать ему въ полномъ удовлетвореніи такого требованія! Нѣтъ, если судъ духовный долженъ быть особенный, то онъ долженъ имѣть и всѣ гарантіи суда правильнаго и безошибочнаго, не говорю уже—безпристрастнаго. Да о чемъ же иначе и хлопотать бы нашему комитету? Если разсуждать въ такомъ духѣ о судебной части въ духовенствѣ, то гораздо лучше оставить все въ прежнемъ порядкѣ, потому что всѣ перемѣны въ этомъ судѣ, безъ введе-

нія въ него прочныхъ гарантій справедливости, могутъ остаться совершенно безполезными, какъ бы онѣ ни оказались благоразумными и отвѣчающими современнымъ потребностямъ судебнаго благоустройства. Читая о дружномъ отрицаніи прокуратуры, я думалъ, что когда дойдетъ дѣло до опредѣленія положенія и обязанностей секретаря, то ему придадутъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, значеніе прокурорское, хотя не по правамъ, но, по крайней мѣрѣ, по роду и свойствамъ наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Хотя и это было-бы нѣчто неестественное и ненормальное, но, въ видахъ какого-нибудь контроля судебныхъ дѣлъ нашихъ, слѣдовало ожидать подобнаго установленія. Однако жъ читаю дальше совсѣмъ не то: „Опредѣленіе секретаря зависитъ отъ предсѣдателя суда". Если бы секретарь имѣлъ значеніе только дѣлопроизводителя, то съ такимъ постановленіемъ легко было-бы согласиться; но безъ прокурора секретарь въ новомъ духовномъ судѣ останется прежнимъ секретаремъ, съ тѣмъ еще преимуществомъ для него и вредомъ для духовной юстиціи, что онъ можетъ сообща съ предсѣдателемъ задерживать и дѣлать по своимъ разсчетамъ гораздо больше того, что дѣлалось такимъ образомъ прежде. Не такъ ли? По крайней мѣрѣ, трудно видѣть въ проектированной комитетомъ комбинаціи какое-нибудь улучшеніе суда духовнаго. Итакъ я положительно на сторонѣ Вашей, и если Вы не образовали особаго мнѣнія меньшинства, то я желалъ-бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ протоколѣ не было сказано, будто комитетъ единогласно призналъ прокуратуру ненужною. Вы написали, что мнѣ высланъ будетъ протоколъ; таковаго я не получалъ еще, а если получу, то, вѣроятно, выскажу на поляхъ его свое мнѣніе. Касательно дѣлъ бракоразводныхъ, я, пожалуй, тоже не прочь былъ-бы подвергнуть этотъ вопросъ новому обсужденію, но, мнѣ кажется, заявлять теперь, безъ достаточнаго къ тому повода, мнѣніе, противоположное прежде высказанному, не совсѣмъ удобно. Сдѣлать это не иначе можно, какъ подвергнувъ сомнѣнію заявленное въ комитетѣ полномочіе наше—пересматривать все судопроизводство и судоустройство,

не стѣсняясь никакими предварительными постановленіями. Помните, мы и прежде слегка выразили недоумѣніе по этому предмету, но тогда намъ сказали, что такое недоумѣніе неумѣстно. Теперь, когда оказывается, что при составленіи военнаго суднаго устава заранѣе признаны были тѣ границы военной подсудности, которыя опредѣлены общими судебными уставами 1867 г., то недоумѣніе наше является не совсѣмъ неумѣстнымъ, и его можно будетъ снова заявить, когда представится къ тому случай, именно—при пересмотрѣ всѣхъ комитетскихъ опредѣленій, какой предполагается комитетомъ въ концѣ своихъ засѣданій. Но если разсматривать дѣло не съ этой точки зрѣнія, а такъ, какъ оно представляется по самому существу дѣла, то я не нахожу пока основанія и побужденій къ измѣненію прежняго мнѣнія своего о немъ. Записки Александра Ѳеодоровича я еще не читалъ, времени не достаетъ; можетъ быть, когда прочту и углублюсь въ суть вещи, то приду къ другимъ мыслямъ, которыя въ такомъ случаѣ немедленно и сообщу Вамъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что, говоря о недостаткѣ времени, я употребляю только обыкновенную отговорку. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ у меня теперь очень мало досуга. Посудите сами: въ понедѣльникъ двѣ лекціи, во вторникъ двѣ, въ среду—двѣ, въ четвергъ—одна, въ пятницу—двѣ; прибавьте къ этому совѣты и экзамены, потомъ кое-какія посѣщенія, а еще важнѣе—и гораздо важнѣе—разныя домашнія дѣла, и Вы согласитесь, что не одна лѣнь или нерасположеніе (хотя не отрицаюсь и отъ ихъ вліянія) не позволяютъ мнѣ быть во всемъ аккуратнымъ. Вотъ и теперь думалъ исписать цѣлые листы къ Вамъ, а выходитъ, что необходимо ограничиться четвертушками. Сѣлъ я за письмо въ 6 часовъ, но только успѣлъ написать странички двѣ, какъ потребовали на экзаменъ. Возвратился въ 9-ть часовъ. Теперь уже 10-ть, а надобно подготовиться къ завтрашнимъ лекціямъ. Впрочемъ, хочется еще поговорить съ Вами, и буду говорить, пока говорится. Сегодня, послѣ лекцій, я былъ у Павла Ѳеодоровича [1]),

[1]) Протоіерей Подвысоцкій.

гдѣ первовозлежащимъ былъ преосвященный Александръ. Тамъ встрѣтился съ о. Филаретомъ, которому передалъ Вашъ поклонъ и отъ котораго принялъ порученіе передать Вамъ взаимное почтеніе. Тамъ же завелъ рѣчь съ Дмитріемъ Аѳанасіевичемъ [1]) о трещинахъ соборныхъ. Новаго отъ него ничего не узналъ; трещины есть, потому что были, и тѣ-же есть, какія были, и архитекторы то-же свидѣтельствуютъ; все это, какъ видите, по старому. Но новымъ мнѣ показалось то, какъ говорилъ Д. А. объ этомъ. Онъ просто назвалъ заявленіе о мнимой опасности интригою, и это безъ всякаго съ моей стороны вызова на подобную откровенность. Тутъ же былъ ключарь, конечно, не слышавшій нашего разговора. Я кончилъ его тѣмъ, что выразилъ желаніе поближе ознакомиться съ цѣлымъ происшествіемъ при первомъ посѣщеніи въ слѣдующіе дни консисторіи. Николай Яковлевичъ [2]) что-то выглядываетъ серьезнѣе прежняго. Я ему передалъ, что смоленскій каѳедральный протоіерей просится въ монашество и можетъ поступить на ректорство, но ему самому предоставилъ подумать о смоленской вакансіи. По просьбѣ Степана Ивановича [3]), я, при прощаніи съ митрополитомъ, попросилъ у него позволенія для редакціи напечатать каталогъ рукописей Софійской библіотеки, но не получилъ рѣшительнаго отвѣта, чтó и предвидѣлъ и предсказывалъ Степану Ивановичу. Если найдете нужнымъ, поговорите объ этомъ сами. Вѣроятно, митрополитъ теперь уже въ Петербургѣ или около Петербурга; говорятъ, впрочемъ, что въ прошлую субботу метель помѣшала поѣзду прибыть въ Курскъ въ свое время, и потому немудрено, если путешествіе митрополита нѣсколько замедлится. Онъ вызвался передать мой поклонъ Вамъ: если не исполнитъ произвольнаго обѣщанія, поручаю Вамъ потребовать должнаго. Надѣюсь, Вы не преминете сообщить мнѣ, если при свиданіи и разговорахъ съ нимъ услышите что-нибудь, что не

---

[1]) Протоіерей Ждановъ.

[2]) Ключарь протоіерей Оглоблинъ.

[3]) Пономаревъ.

мѣшаетъ знать и мнѣ, хотя особеннаго чего-нибудь, конечно, не предвидится. Просилъ кланяться Вамъ Николай Дмитріевичъ [1]) и поблагодарить за Вашъ поклонъ. А знаете ли, его обокрали, да порядочно, по меньшей мѣрѣ на 800 р. Утащили знаменитую ильковую шубу, шинели, столовое серебро и нѣсколько денегъ. Смастерилъ это собственный его лакей, оставшись одинъ въ комнатахъ въ ту пору, когда баринъ пошелъ внизъ чай пить. Поднявшись на верхъ послѣ чаю, Н. Д. засталъ лакея въ комнатахъ и, потомъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ его на покой, а тотъ поспѣшилъ убраться изъ дому и уже, конечно, не возвратился. Бумаги его остались. Полицейскій чинъ разыскиваетъ похитителя и похищенное; но кіевская полиція на многое находчива, только меньше всего на то, чтобы находить уворованное. Вчера я обѣдалъ у Николая Дмитріевича; съ отчаянія обѣдъ былъ отличный, лучше обыкновеннаго, но за то, увы, 6-го декабря именины не будутъ праздноваться, развѣ отыщется украденное. Но ждать обѣда подъ такимъ условіемъ—чуть ли не то-же, что остаться безъ обѣда навсегда. У Михаила Александровича еще не былъ, все собираюсь. Случайно нигдѣ не приходилось его видѣть. Возвратилась въ Кіевъ М. Н. Ключарева. Сегодня была у меня, но не застала дома. Остановилась на нашей улицѣ, въ новооткрытой гостинницѣ „Одесса", кажется, въ домѣ Фрейганга, и думаетъ пробыть здѣсь зиму. Завтра надѣюсь побывать у ней. Г. П. Галаганъ хочетъ снова поселиться въ Кіевѣ и покупаетъ домъ. Я встрѣтился съ нимъ на публичной лекціи Ренненкампфа (читаетъ по субботамъ о городовомъ новомъ устройствѣ, всѣхъ 3 лекціи). Кажется, онъ уже уѣхалъ, но съ тѣмъ, чтобы къ 15 дек. совсѣмъ переселиться въ Кіевъ. Въ Липкахъ я ни у кого не былъ. Ригельмана въ Кіевѣ нѣтъ; проживаетъ, говорятъ, въ Москвѣ. У Михаила Владиміровича [2]) я какъ то стѣсняюсь бывать. Онъ теперь тоже домовладѣлецъ, ибо купилъ собственный домъ на улицѣ (не помню, какъ Вы ее прозвали, Екатери-

---

[1]) Иванишевъ.

[2]) Юзефовичъ.

невскою, или Елисаветскою) Липской,—чей былъ онъ, не помню. Говоритъ, заплатилъ 10 тысячъ, и очень доволенъ. На дняхъ онъ былъ у меня. Соберусь ли къ нему въ пятницу, не знаю. Я писалъ Вамъ о порученіи Славатинскаго: беру назадъ мою просьбу. Онъ узналъ, что ему нужно. У насъ нѣсколько дней уже хорошая санная дорога, погода хорошая, средняя температура 2. А недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда сюда стояла чуть не лѣтняя погода. Не будь ненастья въ душѣ моей, я былъ бы отъ нея, послѣ петербургскихъ прелестей погоды, въ восторгѣ. Къ прискорбію, въ городѣ много дѣтей болѣютъ скарлатиною. Болѣзнь эта забралась и въ Институтъ, и первая больная оказалась въ тотъ самый день, когда тамъ была Государыня. Ея Величество осталась очень довольна Институтомъ и хотѣла навѣстить больную Голубцову, но ее удержали, изъ опасеній потрясенія больной. Вообще и всѣмъ Кіевомъ Государыня осталась, говорятъ, довольна и, вѣрно, на слѣдующій годъ пріѣдетъ во дворецъ, который Ей тоже понравился, а садъ съ видами изъ него—особенно.

Преискренній поклонъ мой—Даніилу Гавриловичу. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Василію Аѳанасьевичу; Прохору Карповичу, какъ увидитесь, поклонитесь. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Кіевъ, ноября 30, 1870 г.

4.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Такъ какъ скоро 17-е и затѣмъ 21 декабря, то я спѣшу поздравить дорогихъ имянинниковъ и пожелать имъ отъ всей души здоровья и счастія. Письмо мое, по разсчету почтоваго времени, должно прійти по назначенію своему какъ разъ къ 17-му, а можетъ быть, по случаю нерѣдкихъ теперь замедленій поѣздовъ, и самаго 17-го, и такъ прошу Даніила Гавриловича

считать меня въ числѣ личныхъ поздравителей его и налить за обѣдомъ лишнюю рюмочку, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы она стояла нетронутою, а чтобы выпита была имянинникомъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы я ее выпилъ. До 21-го еще далеконько, но что такое время для духовныхъ дѣйствій нашихъ? Для тѣлесныхъ оно много значитъ; вотъ, напримѣръ, написать другое письмо къ Илинскому—это, полагаю, едва-ли окажется удобнымъ, а заранѣе перенестись въ него мыслію и потомъ, когда оно наступитъ, душею быть тамъ, гдѣ хочешь, это столько-же легко, сколько выпить за здоровье добраго и уважаемаго друга. И такъ, не забудьте и Вы, любезный Петръ Гавриловичъ, въ оный понедѣльникъ, въ положенное время, совершить тотъ же знаменательный обрядъ, объ исполненіи котораго прошу прежде Даніила Гавриловича. Затѣмъ паки и паки, будьте здоровы, спокойны и счастливы на многія лѣта! Сейчасъ я намѣренъ пойти къ Павлу Ѳеодоровичу и принесть ему два поздравленія, одно отъ себя, а другое отъ васъ; потому что въ вашей записной книжкѣ, которую вы забыли въ Кіевѣ, значится, между прочимъ: 12 декабря П. Ѳ. имянинникъ. Анну Степановну не поздравлялъ отъ васъ 9 декабря, а поздравлю, если буду живъ и останусь въ Кіевѣ, 3-го февраля. О. Филарету, не бывшему дома 1 декаб., передалъ ваши благожеланія 3-го, вечеркомъ, когда мы вдвоемъ отпраздновали, вмѣсто праздника, скромное, но пріятное попразднество. Что касается Николая Дмитріевича то слышали ли вы, что съ нимъ случилось еще послѣ того приключенія, о которомъ я писалъ вамъ? 3-го декабря утромъ нашли брата его, добраго Александра Дмитріевича (царство ему небесное) задушеннымъ въ собственныхъ его комнатахъ и, притомъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ. На шеѣ него затянутъ былъ шнурокъ отъ его же халата. Потомъ усмотрѣно, что ему, безъ сомнѣнія, предварительно нанесенъ былъ сильный ударъ въ затылокъ. Можно догадываться, что злодѣяніе сдѣлано тѣмъ же мошенникомъ—лакемъ, который прежде обокралъ Н. Д., но доселѣ не отысканъ. Можетъ быть и вѣроятно, участвовали въ этомъ и другіе. У покойнаго заграбили немногое, потому что

многаго и не было; похищено 45 р. деньгами да кое-какое платье. Николай Д. сильно поражен этим несчастіем, так что когда я пріѣхал к нему на другой день утром, то он долго ничего говорить не мог. Потом, впрочем, мало по малу начал оживляться и входить в свой обычный тон, но только по наружности. В субботу, 5-го, я погребал покойнаго с о. о. Дашкевичем и Смирновым. Завтра поѣду к Н. Д., чтобы не нарушать заведеннаго порядка. Признаюсь, и на меня произвело страшное впечатлѣніе это событіе, ужасное и само по себѣ, а—тѣм болѣе—при близости ко мнѣ лиц, над которыми оно разразилось. Извѣстіе ваше о Палисадовѣ меня удивило. Неужели в самом дѣлѣ он не утвержден из-за того обстоятельства, о котором вы пишете? если так, то нельзя не опасаться за всякія мелочи. Порученія ваши всѣ исполню на слѣдующих днях, и хотя на будущей недѣлѣ едва ли успѣю написать что нибудь к вам, но во всяком случаѣ не замедлю новым письмом моим. Комитет наш или, лучше, предсѣдатель его надѣется кончить все к великому посту? Это было-бы не худо; но мнѣ что-то представляется это не совсѣм вѣроятным. Развѣ поможет дѣлу то, что Вы собираетесь не один, а два раза в недѣлю. На этот раз я не вхожу ни в какія разсужденія о предметах комитетских, потому что спѣшу окончить письмо мое к сроку, чтобы не опоздать отправкою его. Помогай Вам Бог стоять за правое, по крайнему разумѣнію нашему. Митрополит пред отъѣздом возвратил мнѣ записку Лаврова, которую я давал ему, и сдѣлал нѣкоторыя замѣтки против моих замѣчаній. Одна из этих замѣток такова: „А такое лукавство в священникѣ неизвинительно". К несчастію или, может быть, и к счастію я недавно только прочитал эти замѣтки, потому что записка долго пролежала у о. Филарета, которому она отдана была (запечатанною) для передачи мнѣ. Странно, пред кѣм бы я лукавил; пред самим собою? Вѣдь замѣтки писаны были для себя. Там же в одном мѣстѣ замѣчено митрополитом, что я недовольно знаю людей. Это справедливо, особенно послѣ того,

какъ я рѣшился дать Владыкѣ, по его просьбѣ, записку съ домашними замѣтками моими. Прощайте пока. Желаю Вамъ всего наилучшаго. Пишите пожалуйста по прежнему.

Искренно преданный Вамъ Н. Өаворовъ.

12 декабря 1870 г.

5.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня день вашего Ангела. Еще разъ поздравляю Васъ съ вашимъ праздникомъ. Надѣюсь, что Вы проводите его отлично. Дай Богъ, чтобы праздникъ этотъ повторился для Васъ еще столько же, сколько повторялся онъ въ вашей жизни до настоящаго дня. Вѣроятно, Вы будете читать эти строки 25-го или около этого числа декабря; такъ примите же вмѣстѣ съ Даніиломъ Г. поздравленіе мое и съ праздникомъ Рождества Христова, да за одно уже и съ приближающимся новымъ годомъ. Кажется, теперь у комитета нашего вакація.. Отдохните отъ трудовъ. Судя по послѣднимъ сообщеніямъ вашимъ, вамъ приходится, по нѣкоторымъ вопросамъ, оставаться не только въ меньшинствѣ, но и въ одиночествѣ. Значитъ, Вы прали противу рожна, и хотя, конечно, не сокрушили его, но по крайней мѣрѣ и не отступили. Запасайтесь теперь новыми силами. Что до моего мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, то, по одному изъ нихъ, я рѣшительно—съ Вами, а по другому—рѣшительно противъ Васъ, если только я правильно понялъ самый этотъ вопросъ. То есть, о проступкахъ по должностямъ, хотя бы и не административнымъ, судитъ естественно начальство, если оно само не предастъ суду отвѣтчика, или обвиняемый, въ болѣе важныхъ случаяхъ, не потребуетъ для себя суда. Я удивляюсь, какимъ образомъ Вы оказались одинокимъ при защитѣ такого положенія. Но не меньше удивляюсь и вашему утвержденію по другому вопросу. Вы какъ будто признаете необходимымъ, чтобы всякая жалоба на духовное лицо поступала сначала къ духовному

начальству, а потомъ уже начальство, по усмотрѣнію, препровождало-бы жалобу въ подлежащій судъ. Такъ ли я понимаю предложенный на голосованіе вопросъ: необходимо ли по каждому проступку духовнаго лица возбужденіе судебнаго дѣла духовнымъ начальствомъ? Если такъ, то, повторяю, я противъ положительнаго отвѣта на него. Сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы вопросъ имѣлъ означенный смыслъ; но съ другой стороны не могу пріискать для него и другого смысла. Безъ протокола трудно угадывать настоящее значеніе разныхъ дебатовъ. Не объясните ли мнѣ подробнѣе, въ чемъ дѣло? Писчаго матеріала у Васъ теперь, какъ говорите сами, много; во времени недостатка также не должно быть теперь; а лѣность, думаю, родилась гораздо позже Васъ. Потрудитесь же написать мнѣ на полный листъ. Кстати, прошу Васъ оказать снисхожденіе къ моимъ бѣднымъ глазамъ. У Васъ шрифтъ микроскопическій, а у меня нѣтъ микроскопа. Прибавилъ увеличительное стекло,—не помогаетъ. Нельзя ли писать покрупнѣе... Николаю Д. я передалъ вашъ поклонъ съ сочувстіемъ его несчастію. Онъ просилъ меня благодарить Васъ искренно. Передалъ я ему также о предположеніи графа Уварова объ учрежденіи въ Кіевѣ археологическаго общества: мысль эта очень понравилась Н. Дмитріевичу, и онъ съ своей стороны готовъ принять живое участіе въ дѣлѣ; порывается даже написать Вамъ объ этомъ, хотя такой подвигъ съ его стороны нѣсколько сомнителенъ. Жаль, что съ Михаиломъ Александровичемъ я еще не говорилъ объ этомъ. Хилѣетъ бѣдный. Отъ описанія Кіева, по собственнымъ словамъ его, онъ рѣшительно отказывается. Но занятія по археологической части, какъ не срочныя и не требующія систематическаго изложенія, будутъ для него, думаю, гораздо сподручнѣе. На праздникахъ увижусь съ нимъ и побесѣдую. Идея о возстановленіи Софійскаго Собора въ первоначальномъ видѣ принадлежитъ самому Владыкѣ и вызвана въ немъ опасеніемъ за прочность построекъ. Комитетъ по собору имѣетъ порученіе составить въ этомъ смыслѣ записку. Не лучше ли повременить, по крайней мѣрѣ, съ такою запискою? Вы можете лично склонить къ этому митрополита.

Когда возвратитесь, увидите все сами, и тогда распорядитесь по усмотрѣнію. Анна Степановна проситъ передать Вамъ усердный поклонъ ея и поздравленіе съ Ангеломъ и праздниками. Даніилу Гавриловичу усерднѣйше кланяюсь.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ

21 декабря 1870 года.

6.

Что это Вы замолчали, любезный Петръ Гавриловичъ! Последнее письмо Ваше было отъ 12 декабря, а сегодня 29-ое; и такъ третью недѣлю я не имѣю отъ Васъ ни слова. Надѣюсь, впрочемъ, что это какая нибудь случайность и что Вы, во первыхъ, здоровы, во вторыхъ—не залѣнились продолжать корреспонденцію нашу. Вы писали, что преосвященный Макарій разсчитываетъ кончить комитетскія занятія къ великому посту: чтоже, насколько этотъ разсчетъ оказывается вѣрнымъ? Вамъ понятно, почему мнѣ нужно знать это. Вѣдь я обѣщалъ къ концу засѣданій комитета явиться въ Петербургъ, а теперь начинаю уже подумывать объ исполненіи своего обѣщанія. Удобнѣе всего для меня было-бы сдѣлать это предъ масляницею, но не будетъ-ли это или уже поздно, или, пожалуй, еще рано. Подъ часъ и то приходитъ мнѣ въ голову, нужна ли собственная моя явка въ комитетъ; это, кажется, грѣшная мысль. Надобно исполнить то, что требуетъ порядокъ дѣла, хотя-бы такое требованіе касалось только соблюденія одной формы. И такъ, я не хочу произвольно отказываться отъ поѣздки, но желалъ бы поѣхать на срокъ возможно короткій. Увѣдомьте меня пожалуйста, когда, по Вашему мнѣнію, благовременнѣе было-бы отправиться къ Вамъ. У насъ такая зима, какихъ я не помню въ Кіевѣ. Съ последнихъ чиселъ ноября начались мятели и порядочные морозы. Теперь на улицахъ столько снѣгу, что по дорогѣ образовались почти сплошные ухабы, чуть не по аршину глубины. Предъ праздникомъ заходилъ ко мнѣ Димитрій Аѳанасіевичъ и принесъ

мнѣ отъ Вашего имени 25 р. Какое назначеніе этихъ денегъ, онъ объяснить мнѣ не могъ. И я не могу догадаться, по какому случаю и съ какою цѣлію эти деньги вручены мнѣ Вами. Буду хранить ихъ, пока не скажете, какое дать имъ употребленіе. О. Августинъ, кажется, отправился уже къ своему посту; по крайней мѣрѣ, онъ собирался выѣхать еще вчера. Не знаю, откажется ли онъ на новомъ мѣстѣ службы отъ нѣкоторыхъ оригинальностей въ манерахъ; если нѣтъ, то можно опасаться, что его слишкомъ скоро сдѣлаютъ архіереемъ. Что у Васъ слышно объ адресѣ извѣстнаго Московскаго кружка? Дѣло—относительно уже давнее, но все таки интересное. Недавно я прочиталъ объ немъ въ одной нѣмецкой Zeitung, а въ русскихъ цейтунгахъ доселѣ ни полслова. Сущность адреса, кажется, я знаю, равно и лицъ, подписавшихъ его; но—судьба этихъ лицъ? Удивительно, что такіе серьезные люди прорвались такъ неблагоразумно. Но, вѣрно, дѣло было не такое легкомысленное, какъ толкуютъ его. Еще—съ новымъ годомъ Васъ, Даніила Гавриловича, нераздѣльно, хотя и несліянно. Мой сердечный Вамъ привѣтъ, по выраженію извѣстныхъ Вамъ особъ, но только не по ихъ смыслу, а по буквальному значенію самыхъ словъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

29 декабря 1870 года.

7.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ

Вы рѣшили одно мое недоумѣніе, но возбудили другое. Какъ? Вы безусловно отвергаете умѣстность и нужду учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ низшей судебной инстанціи? Кажется, Вы не были прежде противъ этого учрежденія, даже, наоборотъ, одинъ изъ первыхъ заявили потребность ближайшаго и простѣйшаго суда для духовенства; а теперь учрежденіе такого рода называете нелѣпостію. Положимъ, мнѣнія, по долгомъ и

внимательномъ обсужденіи дѣла, могутъ измѣниться, и что сначала казалось правильнымъ и нужнымъ, то потомъ можетъ оказаться и неправильнымъ и даже нелѣпымъ; но я не вижу основанія для перемѣны вашего мнѣнія въ настоящемъ случаѣ. Трудно заочно спорить, однако-жъ поспорю съ Вами немножко. Вы опираетесь на то, что всѣ проступки духовныхъ лицъ, подвѣдомые духовному суду, суть проступки должности, слѣдовательно, по общему положенію, не подлежатъ мировому суду. Но если проводить строго этотъ взглядъ, то мы должны отказаться отъ всякаго суда и остаться при одной администраціи, то есть, при прежнемъ порядкѣ дѣлъ, который въ сущности былъ весь административный, хотя въ немъ и производился судъ. При такомъ взглядѣ нечего и говорить объ отдѣленіи судебной власти отъ административной въ духовномъ вѣдомствѣ. Вѣдомство это состоитъ изъ должностныхъ лицъ, а такъ какъ особаго суда для должностныхъ лицъ не полагается, то не требуется такой и для духовенства. Если же это не такъ—вообще, то почему же такъ по отношенію къ одному низшему суду, мировому или немировому, какъ угодно назовите его? Сейчасъ я прочиталъ журналъ 19-го засѣданія и нашелъ въ немъ раскрытіе только что высказанной мною въ общихъ чертахъ мысли (стр. 9—11). Поэтому не хочу распространяться о томъ же. Прибавлю одно, что напрасно совершенно сливаютъ проступки противъ благоповеденія съ проступками противъ званія, а званіе не то-же—что должность. Напримѣръ, дворянинъ поступаетъ противъ требованій своего званія. Значитъ ли это, что онъ поступаетъ противъ должности? Точно также и духовный можетъ поступать противъ своего званія (противъ „сана", какъ выражаются, но, думаю, не совсѣмъ правильно), не нарушая еще тѣмъ самымъ прямыхъ обязанностей по своей должности. Правда, въ другихъ званіяхъ подобные проступки не подлежатъ никакимъ взысканіямъ и судятся только нравственно, а въ духовномъ подвергаются оффиціальному суду и наказаніямъ; но потому-то, между прочимъ, и требуется особый судъ для духовенства, похожій на сословный. Итакъ, я признаю различіе между

проступками противъ должности и другими въ духовныхъ лицахъ, и думаю, что это различіе должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи подсудности духовному суду, т. е. низшей инстанціи духовнаго суда. Проступками противъ должности я почитаю проступки противъ административныхъ и священно-церковно-служительскихъ должностей, а проступки противъ благоповеденія составляютъ особую категорію. При этомъ нахожу вполнѣ основательнымъ обвиненіе или взысканіе по первымъ предоставить административной власти, а по послѣднимъ вчинаніе дѣла—истцу и судьѣ, а рѣшеніе его (до извѣстныхъ степеней наказанія) низшей судебной инстанціи. Кажется, нигилизма тутъ нѣтъ никакого и нелѣпости тоже не видится, хотя Вы implicite приписываете, конечно, и мнѣ вмѣстѣ съ другими извѣстную долю перваго, а въ послѣдней обзываете меня прямо. Вотъ если-бы уже существовалъ духовный низшій судъ, я бы и привлекъ Васъ сейчасъ же къ этому суду; а теперь приходится проглотить обиду, потому-что Благочинному жаловаться на Васъ не приходится, а выше подниматься тяжело. Видите ли, Вы фактически доказываете, что у насъ долженъ быть мировой судъ. Пусть этотъ третейскій судъ, въ лицѣ Даніила Гавриловича, рѣшитъ, кто изъ насъ долженъ вкусить грязи. Вы готовите особое мнѣніе... и надѣетесь на успѣхъ. Не знаю, право, желать ли Вамъ исполненія Вашего желанія. По совѣсти, я немножко боюсь такого успѣха. Дѣло въ томъ, что начала, изъ которыхъ Вы выходите, отзываются ультра-консерватизмомъ и, если не ошибаюсь, способны породить реакціонное движеніе, котораго мнѣ не хочется. Конечно, я могу заблуждаться касательно Вашихъ тенденцій и представлять себѣ цѣль Вашего противодѣйствія учрежденію духовныхъ судей неправильно; но пока не увижу, что предположенія Ваши нисколько не солидарны съ намѣреніемъ удержать все въ statu quo, до тѣхъ поръ не могу успокоиться. Я недавно писалъ къ Вамъ, именно 29 декабря, и, признаюсь, не думалъ посылать новаго письма въ догонку за прежнимъ; но Вы раздразнили меня. За то прошу Васъ поскорѣе отвѣчать мнѣ, хоть-бы однимъ письмомъ на два. За Вами

и такъ есть маленькая недоимка по корреспонденціи нашей, но ужъ Богъ Васъ проститъ за этотъ грѣшокъ; впредь не грѣшите. Николай Яковлевичъ приготовилъ уже мнѣ какое-то порученіе къ Вамъ, кажется—мѣрку для ризъ или иконъ,—я не разспросилъ его, потому что вовсе еще не собираюсь въ дорогу. Все это побуждаетъ меня еще разъ просить Васъ о скорѣйшемъ увѣдомленіи. Алексѣй Михайловичъ [1]) въ Кіевѣ: свѣжъ и бодръ и даже порядочно толстъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, а я еще не былъ у него. Безъ сомнѣнія, онъ кланялся-бы, еслибы зналъ, что я пишу. Пусть же... кланяется. Даніилу Гавриловичу—обычный дружескій поклонъ мой съ приложеніемъ благодарности за поздравленіе. Анна Степановна благодаритъ Васъ и проситъ кланяться. А я, хотя и не преклоняюсь предъ вашимъ мнѣніемъ, низенько кланяюсь Вамъ лично и есмь

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

2 генваря 1871 г.

8.

Вчера, т. е. 14 генваря, получилъ я послѣднее письмо ваше, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, и чтобъ не замедлить по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отвѣтомъ на него, спѣшу хоть коротенько отвѣтить Вамъ сегодня же. Совѣтъ вашъ касательно моей поѣздки въ Питеръ принимаю вполнѣ. Думаю и я, что не поздно будетъ отправиться къ Вамъ на 2-й недѣлѣ поста; боюсь даже, не будетъ ли и это еще рано. Къ тому времени, можетъ быть, и дороги нѣсколько поправятся, а теперь и про Кіево-Курскую дорогу разсказываютъ и пишутъ довольно неутѣшительнаго. При томъ же, мнѣ что-то все нездоровится; а какъ потеплѣетъ, можетъ быть, и оживу немножко. Въ случаѣ неожиданнаго замедленія или,

[1]) Протоіерей Колосовъ.

пожалуй, и ускоренія хода дѣлъ комитетскихъ, пожалуйста потрудитесь снова увѣдомить меня на счетъ благовременности моей поѣздки. У Васъ пошло уже дѣло на комиссіи: можетъ быть, это и къ лучшему. Такъ какъ Вы принадлежите къ кругу лицъ, которыя должны обсудить вопросъ о подсудности церковной, то я вздумалъ препроводить къ Вамъ и мое мнѣніе по этому вопросу. Прилагаю его на особомъ листкѣ при этомъ письмѣ. Сдѣлайте изъ него какое хотите употребленіе, кромѣ того, какое нѣкогда П. Д. Юркевичъ призналъ полезнымъ сдѣлать изъ записокъ, адресованныхъ къ нему по случаю публичныхъ его лекцій. Я сдѣлалъ прилагаемыя замѣтки на праздникахъ, когда удосужился прочитать и протоколы, и записку А. Θеодоровича. Кажется, это мое окончательное мнѣніе по вопросу о подсудности. Конечно, я могу согласиться и съ другимъ мнѣніемъ по тому же предмету, но только уступая соображеніямъ практическимъ, а не измѣняя убѣжденію своему по существу дѣла. Что до преній о прокурорскомъ институтѣ, то трудно предвидѣть удовлетворительный исходъ ихъ. Я на сторонѣ настоящей, подлинной прокуратуры; только одно затрудненіе вижу, именно—финансовое. Полное судоустройство наше потребуетъ большихъ расходовъ, едва-ли возможныхъ теперь у насъ.... Въ Кіевѣ теперь городскіе выборы. Гласные отъ всѣхъ трехъ разрядовъ уже выбраны. И я—гласный, хотя и не былъ на выборахъ. Согласился принять это званіе потому, что хочется содѣйствовать, по возможности, выбору въ головы Г. П. Галагана, который, по моему мнѣнію, единственное лицо, способное теперь занять этотъ постъ и принесть пользу городу. Выборъ головы будетъ, кажется, дней чрезъ 7 или 8-мъ. Я только случайно видѣлся съ Григоріемъ Павловичемъ и сказалъ ему то, что Вы мнѣ передали; но на дняхъ обѣщалъ быть и буду у него, и исполню—что слѣдуетъ. 13-го числа мы похоронили начальницу Института. Похороны были торжественны и не безъ умилительности. Съ Высочайшаго разрѣшенія, отпѣвали въ Институтской церкви, а похоронили покойную въ Лаврѣ, около дальнихъ пещеръ. Неизвѣстно еще, кто займетъ ея мѣсто. Князь

говорилъ, что Государыня имѣетъ въ виду достойную для этого особу, при чемъ съ грустнымъ неудовольствіемъ замѣтила, что еще при жизни покойницы уже сотни стали домогаться ея мѣста. Кажется, больше не о чемъ на этотъ разъ писать Вамъ. Развѣ прибавить, что насъ совершенно завалило снѣгомъ. Удивительный годъ! Что будетъ съ нашимъ Подоломъ, если начнетъ таять дружно? Не только повторится 1845 годъ, но, пожалуй, и съ удвоеннымъ количествомъ воды. Надобно желать, чтобы весна наступила помаленьку, а не вдругъ. Что у Васъ въ Петербургѣ? Даніилу Гавриловичу преусердный поклонъ, съ благодарностію за правый третейскій судъ. При случаѣ поклонитесь Василію Леонтьевичу и поблагодарите отъ меня за присылку протоколовъ. До свиданія!

Искренно преданный протоіерей Н. Ѳаворовъ.

15 генваря 1871 г.

9.

Я предполагалъ, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, выѣхать къ Вамъ въ воскресеніе, 14 февраля, но, кажется, долженъ буду измѣнить это предположеніе. Настоящая недѣля порядочно утомила меня, такъ что потребуется день-другой для отдыха. И такъ, по всей вѣроятности я выѣду 16 февраля. Поэтому и пишу Вамъ до отъѣзда, хотя прежде и не думалъ писать къ Вамъ, въ надеждѣ лично бесѣдовать съ Вами въ то время, въ какое, по разсчету, дойдетъ до Васъ письмо это. Чтобы не ограничиться однимъ этимъ увѣдомленіемъ, передамъ Вамъ кое-какія новости наши, хотя и не зѣло интересныя. Городскимъ головою, какъ я уже, кажется, сообщалъ Вамъ, выбранъ у насъ не Галаганъ, а Демидовъ. Предъ выборами Николай Яковлевичъ [1]) вздумалъ произнесть рѣчь, въ которой склонялъ избира-

---

[1]) Прот. Оглоблинъ.

телей къ выбору человѣка богатаго, кого именно, разумѣлось уже само собою. Признаюсь, мнѣ непріятно было слушать такое увѣщаніе. Во первыхъ, съ какой стати было говорить Н. Я? Если бы онъ служилъ молебенъ, то могъ-бы, конечно, сказать что нибудь въ качествѣ пастыря,—это не было бы неумѣстнымъ; но онъ не служилъ, а говорилъ—какъ гласный... Съ другой стороны, благоразумно ли было говорить публично въ пользу мнѣнія и желанія одной партіи, прикрывая партійскія стремленія авторитетомъ священническаго слова? Думаю, что онъ не вѣдалъ, что творилъ, но все-таки и досадно, и больно. Конечно, и безъ этой рѣчи выборъ былъ-бы тотъ же, потому что на сторонѣ Демидова составилась превозмогающая по числу партія, но вмѣшиваться въ такое дѣло и показывать открыто свое сочувствіе ему—недостойно благоразумнаго и честнаго человѣка, особенно священника. Шульгинъ отдѣлалъ оратора въ „Кіевлянинѣ", но потомъ, по требованію его, напечаталъ самую рѣчь, съ примѣчаніемъ... Въ печати кое-что, кажется, повыпущено и смягчено, но все-таки тенденція оратора очевидна. На завтра новый голова объявилъ собраніе, въ 11-ть часовъ, для избранія членовъ управы; а завтра, извѣстно, день пріобщенія, и вотъ нѣкоторые просятъ уранить Богослуженіе, чтобы не опоздать на выборы, а того и смекнуть не могли, что не время для пріобщенія св. таинъ должно быть сообразовано съ произвольно назначеннымъ временемъ выборовъ, а—наоборотъ. Начало—не слишкомъ много обѣщающее и благоразумія и солидности... Записка Ваша, вѣроятно, уже не будетъ ко мнѣ послана. Прочитаю ее у Васъ и съ Вами. Даніилу Гавриловичу усерднѣйшій поклонъ мой. Заранѣе прошу извиненія, что снова долженъ пасть на его шею. Пусть духовникъ избавитъ его за это отъ всякой епитиміи... довольно и одной этой за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія его. Затѣмъ—спасайтесь!

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

12 февраля 1871 года.

10.

Христосъ Воскресе!

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Каково Вы встрѣтили и проводили свѣтлый праздникъ въ вѣчно празднующемъ по плоти и разучившемся праздновать по духу Питерѣ? Вѣрно, до-сыта наѣздились въ каретѣ и на ванькахъ въ первые дни праздника. А мы, по обычаю, тихо и, слава Богу, благополучно праздновали и еще продолжаемъ праздновать Пасху красную. Погода у насъ стояла большею частію хорошая; оффиціальныя поздравленія не тяготили, потому что ихъ немного, а частые визиты, разумѣется, въ волѣ каждаго. Жаль, что такъ быстро пролетѣли эти прекрасные дни. Теперь подступаетъ другого рода время: скоро—сезонъ экзаменовъ, тяжелый для меня сезонъ, впрочемъ не тяжелѣе времени комитетовъ, въ которое и Вы снова вступаете. Чѣмъ-то разрѣшится, наконецъ, комитетъ нашъ? Надѣюсь, что Вы, по прежнему, не оставите извѣщать меня о ходѣ родовъ комитетскихъ до послѣдняго процесса ихъ. Съ своей стороны желаю прилежно слѣдить за комитетскимъ дѣломъ и буду неопустительно писать къ Вамъ. На слѣдующей недѣлѣ, можетъ быть, набросаю отвѣтъ на записанные вами вопросы. А теперь пока позвольте поговорить съ Вами кое-о-чемъ другомъ. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо отъ князя Ширинскаго-Шихматова слѣдующаго содержанія. У него въ Соловьевкѣ есть лицо, которое, какъ видно, порядочно насаливаетъ ему: это тамошній діаконъ. Онъ былъ прежде сельскимъ писаремъ и, вѣрно, усвоилъ себѣ писарскія замашки. Теперь же, хотя и оставилъ тотъ постъ, однако-же пребываетъ большею частію въ волостномъ правленіи и тамъ мутитъ и сбиваетъ съ толку крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику, такъ что крестьяне, арендующіе у князя землю, оказываются постоянно не въ ладу съ управляющимъ князя. О подробностяхъ не знаю, князь не пишетъ объ

нихъ, но говоритъ, что уже не первый управляющій отказывается завѣдывать его дѣлами единственно изъ-за смутъ, возбуждаемыхъ діакономъ. Въ такомъ положеніи князь обращается ко мнѣ съ горячею просьбою дать ему совѣтъ, что дѣлать. На дняхъ я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ написалъ о дѣлѣ къ митрополиту, а съ своей стороны обѣщалъ, что напишу къ Вамъ и попрошу Васъ лично переговорить о томъ же съ митрополитомъ. Я не предполагаю преувеличеній въ жалобѣ князя, тѣмъ болѣе, что онъ ссылается на мѣстнаго священника, на благочиннаго и другихъ священниковъ, которые могутъ конфиденціально засвидѣтельствовать, что за личность такая соловьевскій діаконъ. Поэтому не благоволите ли въ самомъ дѣлѣ переговорить съ митрополитомъ о мѣрахъ къ улаженію непріятностей? Можетъ быть, митрополиту достаточно будетъ неоффиціально сдѣлать чрезъ благочиннаго внушеніе діакону, или что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ я желалъ бы, чтобы не оставлена была безъ вниманія совершенно справедливая, какъ полагаю, жалоба князя. Вѣроятно, и Вы будете того же мнѣнія и не откажетесь сдѣлать, что можно, для общаго добраго знакомаго нашего. Рядомъ съ этою серьезною просьбою примите отъ меня другую, которую хотя нельзя назвать серьезною, но, можетъ быть, несправедливо было-бы счесть и пустою. Дѣло въ томъ, что отъ меня не оказалось поздравленія Владыкѣ съ свѣтлымъ праздникомъ. Телеграмма отъ Университета была послана по обычаю въ субботу, но за подписью одного ректора. И отвѣтъ, разумѣется, полученъ на имя одного ректора. Не знаю, что подумалъ Владыка о моемъ безмолвіи: не почелъ ли онъ это грубостію или чѣмъ нибудь въ родѣ этого? А между тѣмъ дѣло было такъ. Въ субботу, въ 8 часовъ, я составилъ телеграмму и послалъ секретарю, съ тѣмъ, чтобы она подписана была, кромѣ меня, ректоромъ и отправлена по адресу. Мнѣ отвѣчали, что телеграмма уже отправлена. Полагая, что ректоръ на этотъ разъ поспѣшилъ самъ составить депешу, такъ какъ я немножко запоздалъ, и что подъ поздравленіемъ, по обычаю, подписано и мое имя, я успокоился. Но не дальше

какъ вчера ректоръ передалъ мнѣ, что до 1-го дня Пасхи онъ не зналъ о моемъ возвращеніи и потому-то отъ своего имени только и послалъ поздравленіе. Вотъ какая вышла штука. Право, мнѣ какъ-то совѣстно и неловко. Если-бы я раньше узналъ объ этомъ, я написалъ бы самъ митрополиту, но до вчерашняго дня намъ не случилось съ ректоромъ лично поговорить, и я оставался въ невѣдѣніи, а теперь писать къ Владыкѣ уже поздно. Съ Михаиломъ Александровичемъ видѣлся: болѣетъ бѣдняга крѣпко ногою. О юбилеѣ говорили; на дняхъ предложу декану историко-филологическаго факультета принять на себя починъ дѣла. О результатахъ увѣдомлю. Теперь-же пока—будьте здоровы и счастливы. Даніилу Гавриловичу, вмѣсто всякихъ поклоновъ и благожеланій, братски-христіанское Христосъ Воскресе!

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

2 апр. 1871 года.

11.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Въ ожиданіи отвѣта на первое письмо мое, я положилъ было отсрочить и свое второе письмо до времени исполненія ожиданія моего. Но потомъ раздумалъ, припомнивши изреченіе, которое въ древнія времена не разъ служило темою риторическихъ сочиненій нашихъ: мщеніе есть страсть низкая и вредная. Впрочемъ, я намѣренъ на этотъ разъ больше спрашивать Васъ, чѣмъ сообщать Вамъ свое. Если Вы получили письмо мое отъ субботы пасхальной недѣли, то могли-ли Вы что-нибудь сдѣлать по нему? Видѣлись-ли Вы съ Владыкою и имѣли-ли возможность поговорить съ нимъ, о чемъ я просилъ Васъ? Не писалъ-ли къ Вамъ Ширинскій-Шихматовъ, какъ онъ намѣревался сдѣлать это еще прежде, чѣмъ написалъ ко мнѣ? Я продолжаю любить это семейство и потому желалъ-бы оказать ему

хоть маленькую услугу, лишь-бы не въ обиду справедливости. Сколько засѣданій комитета было на Ѳоминой недѣлѣ и о чемъ теперь идутъ дебаты? Есть ли надежда на окончаніе комитетской работы къ концу мая? О Кіевѣ, о кіевскихъ дѣлахъ говорить почти нечего. У насъ въ Университетѣ недавно были выборы ректора. Шары клались скупо: высшее число было 22 изъ 41, затѣмъ одному 20, двумъ 18, тремъ 17, потомъ двумъ 14, остальнымъ ниже. 14 досталось и на мою долю. Высшее число получилъ Бунге, который, впрочемъ, сначала просилъ позволенія подумать и потомъ согласился принять ректуру. Было нѣсколько засѣданій и въ Думѣ; на послѣднемъ изъ нихъ былъ и я. Рѣчь шла, между прочимъ, о застройкѣ бо́льшей части университетской площади. Большинствомъ вопросъ рѣшенъ положительно. Между отрицательными наиболѣе жалкимъ оказался А. Н. Муравьевъ. Къ концу засѣданія не обошлось безъ маленькаго скандала, состоявшаго изъ столкновенія А. Н. Муравьева съ головою, при чемъ правда была на сторонѣ перваго. Вчера прибылъ къ намъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а сегодня выѣзжаетъ, если уже не выѣхалъ. Съ новою начальницею Института я познакомился, но—сойдемся-ли, это пока неизвѣстно. Оригинальнаго въ ней довольно, но мнѣ кажется, у ней не достаетъ только такта, а умъ, свѣдѣнія и усердіе есть. Къ числу выбывающихъ изъ Института прибавляется и Шульгинъ, подавшій прошеніе объ увольненіи.

Прилагаю свое мнѣніе объ устройствѣ низшей судебной инстанціи въ д. вѣдомствѣ. Большая часть записанныхъ Вами для меня вопросовъ сведены у меня въ одно. Не отвѣчаю только на вопросы о прокуратурѣ и окружномъ судѣ. На послѣдній, признаюсь, не знаю, что сказать. Боюсь ошибиться. О прокуратурѣ можно-бы высказаться положительно, но лѣнь больше писать. Что сказано мною о мировомъ духовномъ судѣ, сказано искренно. Я не хотѣлъ распространяться, хотя нѣкоторые пункты можно-бы выяснить обстоятельно. Нѣтъ побужденій къ расширенію слова. Дѣло, кажется, само по себѣ ясно. Притомъ, я только заявляю свое мнѣніе, но не препираюсь съ

другими. Доводы Барсова и заявленія Сабурова, по моему мнѣнію, или недоразумѣнія, или натяжки. Барсовъ, кажется, недоразумѣваетъ, а Сабуровъ натягиваетъ. Пишите же, пожалуйста, что у Васъ оказывается дальше. Я загроможденъ разными дѣлами и, право, не много имѣю свободнаго времени. Сверхъ чаянія, лекціи идутъ правильно во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прибавьте къ этому разносортныя засѣданія и, что гораздо важнѣе, домашнія хлопоты. Въ Петербургѣ я по цѣлымъ днямъ домосѣдовалъ, а здѣсь постоянно бѣгаю или ѣзжу. Къ счастію, конь мой еще не подалъ въ отставку. Отъ чего умеръ о. Серафимовичъ? Даніилу Гавриловичу братскій поклонъ. Будьте здоровы.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

11 апр. 1871 года.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. [1])

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЯ III.

Одмина перша.

(Середа уранци. Покой у палаци; въ глыбыни сцены по середыни двери у каплыцю; зъ обохъ бокивъ дверей два велыкихъ портрета лыцаривъ у стародавній зброи. Наливо—двери, кудою йты до покоивъ Ядвыгы, на право—у сины, на кганокъ и до воритъ. Злива коло муру велыке кресло князя).

Ява I.

(*Зъ каплыци выходятъ Ядвыга и Тереза*).

Ядвыга. Скажы пану Рамберу, що не хочу прыйматы, не хочу й слухаты и нехай мене не турбуе. И безъ ёго тяжко (*Тереза видходытъ управо*). Маты Божа! напосилысь уси на мене: и маршалокъ, и Рамберъ... Що панна скаже, якъ панна звелытъ! А що я бидна зроблю!... Тато вмырае, Яна немае (*втырае очи*). Теперъ ще козакъ отой: самъ-на-самъ, каже, зъ панною маю говорыты. Щей Рамберъ каже: треба прыйняты. Неначе вси умовылысь не даваты мени спокою.

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 10.

Тереза (*зправа*). Панно, пытае Рамберъ, чы можно ёму сюды зъявытысь.

Ядвыга. Нехай иде. (*Сидае на кресло. Тереза видчыняе двери направо, Рамберъ входыть, уклоняется, выходыть на середыну сцены, Тереза стае поручъ зъ кресломъ*).

Ява II.

Ядвыга, Тереза, Рамберъ.

Ядвыга. Чого пану?

Рамберъ. Ясна панна не хоче дозволыты, щобъ сотныка передъ іи очи прывелы?

Ядвыга. Панъ Жыль добре бачыть, яке въ мене горе й несчастя, и не хоче мени навить спокою даты. Щобъ я зъ тымъ нызовцемъ, харцызомъ говорыла—та николы въ свити!... И боюсь, и соромъ...

Рамберъ. То воля яснои панны, але повыненъ я панни сказаты, що не було-бъ тутъ биды ніякои. Знаю я пана Даныла, то добрый лыцаръ, тилькы що не шляхтычъ, якъ скажемъ, и я.

Ядвыга (*насмихается*). Я й забула, що то пана Жыля товарышъ и прыятель (*гостро*). Кращe-бы панъ отакъ прыйшовъ спытаты мене перше, нижъ пана Яна зъ замку на смерть выправляты (*вытырае очи*).

Рамберъ. Ma vie!.. Выбачайте, ясна панно... Але якъ-же панна мени доси виры не йме! Кажу-жъ пани, що якъ-бы узялы хлопы пана Яна, то вже доси-бъ ёго голову вартовымъ показалы.

Ядвыга (*здрыгается*). Панъ жалю не мае, що отакъ прыходыть мене катуваты.

Рамберъ. Яснои панны воля на мене гниватысь, але я панни не тилькы палашемъ повыненъ служыты, але, якъ треба, то й порадою доброю. Хочъ и велыке панни горе, але найгиршого панна не знае: ще тилькы сёгодни и взавтра замку держатысь.

Ядвыга. Що панъ каже!?

Рамберъ. Взавтра хлопы зъ гарматъ браму розибьють. Докы зможемо, будемъ у проломахъ бытысь, але не багато насъ,—до вечора тилькы стане. Не пустывъ-бы я пана Яна зъ замку, колы-бъ не треба було помочи. (*Ядвыга схыляе голову на руку*). Тымъ то й казавъ я ясвій панни, хочъ и гниваетcя панна на мене, що таки треба іи Данила прыйняты; перве, що може козакы выкупъ визьмуть,—налякаты можно, що увесь скарбець зъ малои башты у Рось покыдаемо; друге, ще хто ёго знае, объ чимъ ричъ буде,—може хочъ якый день отакъ протягнемо, а на війни часомъ и те дуже добре. Панъ Янъ, може, доскаче.

Ядвыга (*гирко*). Доскаче! чы жывый винъ!?

Рамберъ. И объ тимъ ясна панна навить може у Татарчука довидатысь, а зо мною не хоче винъ говорыты.

Ядвыга (*павза*). Нехай уведуть! (*Рамберъ уклоняется, видходыть управо*)... Тяжко мени, Терезо! Якъ-бы не тато, не люде уси, що у замку, краще-бъ мени смерть у вичи побачыты, нижъ того козака. (*Зправа Даныло безъ зброи, за поясомъ маненькый перначъ; поручъ Рамберъ, позаду Дитрыхъ и два нимци. Рамберъ и Даныло выходять на середыну сцены, други стають коло дверей. Даныло уклоняется, говорыть съ павзамы*).

Ява III.

Ядвыга. Що скаже панъ сотныкъ... чы отаманъ... чы гетьманъ?

Даныло (*понуро*). Щырый слуга панны до вику.

Ядвыга. Зъ чымъ прыйшовъ слуга щырый?

Даныло (*пидіймае голову*). То йидній панни маю казаты.

Ядвыга. Пане Жылю!?

Рамберъ (*уклоняется*). Воля ясной панны.

Ядвыга (*махае рукою*). Нехай выйдуть уси! (*Рамберъ махае рукою Дитрыху, той зъ нимцямы йде у прави двери, Тереза за нею, Рамберъ у ливи*).

Ява IV.

Ядвыга и Данылo.

Ядвыга. Що-жъ скаже панъ слуга щырый?

Данылo (*ступае на крокъ блыжче*). Панночко, просты мене, не гнивайся на мене, слухай мене, слухай, що-бъ нещастя велыкого не було: рятуваты тебе прыйшовъ....

Ядвыга. Може до Рамбера у компанію просытысь хочешъ, зрадныку, щобъ и нимци пишлы за тобою, якъ надвирни?

Данылo. Панно, бидна моя, не гнивайся! Не ймешъ мени виры, насчасному, але нехай мене гримъ побье, нехай мене товарыство проклене, нехай мене на галери турецькій у кайданы закують, колы я до тебе зъ нещырымъ серцемъ прыйшовъ.

Ядвыга (*устае*). Козаче, зрадывъ ты мени и князю... та нехай тебе Господь помылуе; скажы тилькы правду, колы тебе спытаю.

Данылo. Панно, зоре моя, славу и счастя виддамъ за тебе! Чого хочешъ?

Ядвыга. Зъ шляхты хто бувъ на передзамчу... кого узялы... що зробылы?

Данылo (*сумно*). Панно... усихъ учора... Воны-жъ сами вынни,—то війна, панночко.

Ядвыга. А сёгодни... у ночи... никого не узялы?

Данылo. Та ще йидного.

Ядвыга (*скрыкуе*). Вбылы!?

Данылo (*усмихається*). Ни, жывый ще панъ пидскарбій, здается въ Онысыма старого у курени сыдыть (*Ядвыга хапается за кресло, опускается на ёго, мовчыть, дывытся на Данылa*).

Данылo (*дали*). Вирь мени, панно, нема чого мени брехаты. Та якъ-бы й не узялы ёго, якъ-бы й до обозу прыбигъ, то не поспіе вже помичъ. Ще й не знайшлы у замку кого кращого выправыты! Не до Черкасъ побигъ панъ Казымыръ,—на Кыйивськимъ шляху ёго Дигтяренкови хлопци спіймалы за рич-

кою... Панно, тилькы я тебе вызволыты можу; слухай мене, панночко!

Ядвыга (*тыхымъ голосомъ*). Спасыби тоби, козаче, за щыру правду, колы й теперъ мени не зрадывъ. Кажы чого хочешъ?

Даныло (*ступае на крокъ, пада навколишкы*). Панно, счастя мое! выйды до брамы сёгодни у-ночи, тикай зо мною (*порушення Ядвыгы*) серце мое! Слухай мене... Рятую тебе, бо смерть тоби, гирше смерти... Визьмуть замокъ взавтра у-вечори... и безъ мене визьмуть... Старый Дигтяренко полковныкомъ... на ради плакавъ, просывъ, щобъ тебе ёму виддалы за сынивъ ёго и дочку: татарви хоче виддаты, щобъ побусурманылы, душу твою згубылы... Панно, зоре моя, глянь на Бога, на мене несчасного глянь! (*устае хутко, Ядвыга тежъ*). Щыро тебе кохаю!!... Не хлопъ я бидный, лыцарь я славный по усёму Ызу, скарбы въ мене скризь по степахъ позакопувани, коня кращого и въ Тугайбея немае. Панно, зглянься на мене!...

Ядвыга (*стыха*). Спасыби тоби, козаче, за усе добре: що не давъ мени зъ коня вбытысь, що служывъ мени вирно, що зрадывъ мени и тату (*усмихается*), що кохаешъ мене такъ щыро, що турбуешся, щобъ татары мене не узялы. Але не бійсь, козаче... не визьме мене твій Дигтяренко... (*йде до ливыхъ дверей, обертается*). Якъ будешъ взавтра зъ гарматъ браму розбываты, то я на брами стану (*видходыть уливо*).

Ява IV.

Даныло, потимъ Рамберъ.

Даныло. Що-жъ теперъ?... безъ мене визьмуть замокъ (*взявшысь за голову*) Самому до обозу лядського бигты, козакамъ зрадыты!? И часу немае!... Господы, хочъ-бы гримъ твій побывъ мене! (*злива Рамберъ*).

Рамберъ. Ходимъ, пане парламентеръ.

Даныло (*мовчыть, поглядае на ёго*).

Рамберъ. Ходимъ.

Даныло. Чекай Жылю... и нимци твои, и ты за гроши служать?

Рамберъ. А то-бъ дурно?

Даныло. Жылю, чуешъ... Я богатый... сичовыкъ я... та гукну тилькы у курени, то чымало вытрусять зъ чересивъ товарыши... Усе твое буде—здай замокъ... тилькы панну мени жыву виддай, та въ мене служы.

Рамберъ (*видступае*). Diable!

Даныло (*пидходыть*). Жылю, самъ розумiешъ,—довго замку держатысь неможно... Шкода тебе, Жылю!

Рамберъ (*здвыгае плечыма*). Воно-бъ и ничого, тилькы шкода, що строку регыменту не выйшло. Хыба пиды та спытай пана полковныка Крейца у гетьманскимъ обози; винъ князеви служыть, а я у ёго у регыменти.

Даныло (*зъ гнивомъ*). Жартуешъ?

Рамберъ (*усмихается*). Ба ни; а то ще князя спытай, може не схоче мене у замку держаты,—тоди гараздъ.

Даныло (*гризно*). Взавтра штурмъ буде!

Рамберъ. Чомъ не заразъ?

Даныло. Якъ бралы Кодакъ зъ Сулымою, я самъ бачывъ, якъ Марiона на спысы пиднялы!

Рамберъ. Товарыши зъ нымъ булы, добрый бувъ жовниръ небижчыкъ.

Даныло. Добрый бувъ жовниръ и пропавъ ни-за цапову душу!

Рамберъ. Pardieu! може хто й за Жыля Рамбера колысь отакъ казатыме. Ходимъ, пане парламентеръ (*иде у-право Даныло за нымъ*.

Зависа.

ДІЯ III.

Одмина друга.

(Середа у-вечори. Лаштункы тижъ сами. На сцени не мае свитла; двери у каплыцю видчынени; звидты дуже свитытся. Чуты подзвинъ. По сцени ходыть маршалокъ, зправа входыть пидчашій.

Пидчашій. Що, вже усе зробылы, пане Вацлаве?

Маршалокъ. А вже... однеслы князя у каплыцю и чытають.

Пидчашій. Заразъ и панахыда?

Маршалокъ. По капелана вже я пославъ, и панна Ядвыга заразъ прыйде.

Пидчашій. Казалы, що довидалась ясновельможна панна въ сотныка за пана Казимира.

Маршалокъ. Чувъ и я, що спіймалы, а пана Яна ни.

Пидчашій. А панъ Жыль дуже лается?

Маршалокъ. Та тому абы лаятысь, а якъ на мене, то добре що спіймалы псяюху. Чы то жъ не соромъ, пане Юліане? Що жъ тоди справди нимцямъ та пахоламъ вирыты, колы старый шляхтычъ попередъ усихъ зъ замку тикае!? Нехай провитрють хлопы вражого сына на дуби—та й гараздъ!

Пидчашій. Не дуже й гараздъ, пане Вацлаве. Якъ пишовъ сёгодни звидцы Татарчукъ, якъ кынулысь, що й справди немае пана Казимира, якъ Рамберови сказалы, то на вси заставкы почавъ лаятысь. Я, каже, цеи ночи усихъ вартовыхъ килька разъ обходывъ, нихто не спавъ, и воно-жъ мисячно: черезъ валы ніякый собака не перелизе, щобъ не побачылы. А якъ йе тутъ яки бисови потайныкы, то мени ихъ треба знаты, а не якому дидькови, колы я у замку комендантъ. Якъ насыплють, каже, козакы чортовому сыну жару въ халявы, то кудою пишовъ, тудою й ихъ прыведе, матери ёго стонадцять... У каплыцю й не прыйде,—нехай, каже, выбачыть ясна панна;

усе ходыть та стукае у замку та по баштахъ, по пидъ валамы дывытся. Вже цилый день отакъ.

Маршалокъ. И справди що не гараздъ. Йиденъ, може, йе ще у замку, що того потайныку знае, та пиды спытайся ёго (*вказуе на двери каплыци*).

Пидчашій. Сёгодни зъ нимцивъ нихто й лягаты не буде, до самого ранку уси по валахъ стоятымуть. Мало тилькы людей до стобиса.

Маршалокъ. Э, ничого, пане Юліане, може й мы ще зъ паномъ не забулы якымъ кинцемъ мушкета до себе трыматы (*усмихается*). Якось може взавтра до вечора продержымось. (*Злива Ядвыга и Тереза*; *маршалокъ и пидчашій уклоняются*).

Ява II.

Ядвыга. Зробылы все, якъ я просыла, пане Вацлаве?

Маршалокъ. Усе зроблено, панно Ядвыго, тилькы ще отця Антоныя немае.

Ядвыга (*пидходыть до кресла*; *пада на кресло*). Пане Вацлаве! пане Юліане! вы жъ мене змалку зналы, на рукахъ носылы! Кажить же мени, кажить, за що мени доля така, за що мене Господь покаравъ!.. Тато померлы... Хлопы на замокъ йдуть... и йидна я, йидна зосталась у свити Божому!.. (*плаче*).

Маршалокъ. Панно Ядвыго, то грихъ панни передъ Богомъ; Ёго то воля, що поклыкавъ до себе князя Романа; може того, що дуже вже тяжко було ёму на старисть дывытысь, що теперъ робытся; а мени зъ паномъ Юліаномъ то ще тяжче, що плаче панна, а объ тимъ не думае, що йе ще въ неи вирни слугы стари.

Ядвыга (*устае, кыдается на груды маршалку*). Пане Вацлаве, то не я, то горе мое плакало (*плаче, прыпавшы до плеча*).

Маршалокъ (*пиддержуе іи*). Панно Ядвыго! Вирь старому: прыведе помичъ Дембинськый, будемъ жыви!

Ядвыга (*плаче*). Ой, Боже жъ мій, хочъ бы знала я, де винъ теперъ.

Маршалокъ. Якъ не у обози, то скоро дойиде... Не дастся такый хлопамъ у рукы; помолытысь тилькы треба Матери Божій и святому Яну.

Ядвыга (*пидходыть до Терезы, спырается на плече, втырае очи*). Ходимъ, Терезо, до тата... (*пидходять до дверей, обертаются*)... До капелана, щобъ заразъ тилькы... йдить хочъ сами (*видходыть зъ Терезою у каплыцю; та зачыняе двери; на сцени темно, маршалокъ и пидчашій видходять хутко у-право*).

Ява III.

(*Лива стинка видсуваеться на бикъ; тамъ пидскарбій звязаный, безъ жупана; за нымъ Онысымъ, Павло и килька селянъ зъ косамы и спысамы. По одному выходять на сцену. Купа проты дверей каплыци*).

Пидскарбій. Полковныку, ты жъ прысягався?!

Онысымъ. Не забувъ, не бійсь, ляше, ничого... (*входыть тымъ часомъ Даныло, за нымъ 1 и 2 запорозьци*).

Даныло (*стыха до запорозьцивъ*). За мною, браття! (*видходыть у-ливо*).

Пидскарбій. Дывысь, полковныку, правду тоби казавъ: варты немае, нихто не знае ходу; (*вказуе у-право*) до брамы тудою треба йты (*зъ хода показуется осаулъ, за нымъ по одному надвирни, товпляться на сцени*).

Онысымъ. Андрію, Петро! у кутокъ цёго ляха: я ёму прысягався, що винъ жывый буде (*два парубкы ведуть пидскарбія въ кутокъ, стають передъ нымъ*). А де жъ Даныло? (*поглядае навкругы*). Винъ тутъ повыненъ ходы знаты (*Тереза видчыняе двери*).

Тереза. Маты Божа!? (*бижыть назадъ*). Панно Ядвыго! (*Онысымъ, Павло, килько селянъ кыдаются за нею*).

Осаулъ (*раптомъ зачыняе двери, чуты прыглушеный галасъ*). Не туды, хлопци, за мною! И на подвирья не выходьте, докы вси у синяхъ не зберемось (*безъ шуму бижыть у-право, за нымъ надвирни; до кинця діи надвирни по одному перебигають зъ хода у-право*).

Ява IV.

(*Зъ каплыци Онысымъ и Павло выводять Ядвыгу за рукы, за нымы парубкы*).

Ядвыга (*бьется*). Рятуйте, хто въ Бога вируе! Рамберъ!, люде! рятуйте мене!

Онысымъ (*веде до потайныку*). Хлопци, якъ я казавъ, до куриня! Глядить же мени!

Ядвыга. Маты Божа, то вбыйте жъ мене, не мучте мене!

Онысымъ. Не просы дарма! (*передае Ядвыгу козакамъ у потайныкъ, ти уводять, и зъ потайныку знову перебигають черезъ сцену надвирни; пидходыть до дверей каплыци, дывытся туды, стае на порози, вытырае очи*). Пане мій мылый, пане мій любый! Не давъ мени Господь старому счастя, щобъ ты свого хлопа вирного въ вичи побачывъ! Спы жъ, пане, спокійненько колы мене чуешъ! Догляне твій хлопъ твою дочку едыную ще краще, якъ ты моихъ дитей доглядавъ!

Вартовый нимець (*зправа зъ-за сцены, здалека*. Wer da? (*стриляе*).

Голосъ осаула. Гайда! на браму! (*стриляють, тупотять, галасъ за сценою, Онысымъ зъ другымы бижыть у-право*).

Зависа.

ДІЯ IV.

Одмина перша.

(Середа, за пивничъ. Майданъ у козацькимъ обози передъ Онысымовымъ куринемъ. Зъ правого боку велыкый куринь, вхидъ завишаный рядномъ. Ливоручъ берегъ рички. Въ глыбыни сцены таборъ, возы, коло ихъ саморобни наметы зъ рядна, курени зъ очерету и гилля. Напереду сцены догорае огныще, злива сцена освитлена пожежею).

Ява I.

Коло огныща 2 запорозьци и 3 парубкы.

1 парубокъ. А горыть замокъ! Якъ у день выдно.

1 запорожець. Горитыме до ранку.

2 запорожець. Бодай бы ти бисови хлопци згорилы, що пидналылы!

2 парубокъ. Хыба воно ваше горыть, дядьку, чы що?

2 запорожець. Ото дурень! Було бъ тамъ чымало нашого, якъ бы не таки розумни, якъ ты... Тильки що имъ браму видбылы, якъ ускочылы зъ Маркомъ до замку, такъ заразъ и палыты по усихъ усюдахъ, вражи сыны... Мало що й повыносылы... А якъ бы пошукаты по покояхъ, та у стини добре постукаты... (*махае рукою*). Отакъ зъ дурнямы звяжысь!

3 парубокъ (*до 1-го запорожця*). А куды звидцы, дядьку?

1 запорожець. А тоби що?

3 парубокъ. Та цикаво.

1 запорожець. Вже полюбылось замкивъ добуваты?

3 парубокъ. А вже-жъ! (*сміется*).

1 запорожець (*насмихается*). Ого велыковоинъ! Чекай, ще побачышъ, почимъ ківшъ лыха (*пауза*).

1 парубокъ (*прыслухается зправа*). Ото, якъ вовкъ вые!

1 запорожець (*тежъ*). Ни... це не вовкъ.

1 парубокъ (*пауза*). Та й не собака, здается.

1 запорожець. Вовкулака.

3 парубокъ. Святый Боже! я николы не чувъ!

1 запорожець. Не прыходылось.

1 парубокъ. Чого жъ се винъ?

1 запорожець. Чого?.. Адже былыся сёгодни... ляхивъ, нимцивъ выризалы... та й зъ нашыхъ, хто вже дуже гришный.

3 парубокъ. Не дай Боже теперъ у лиси! (*поглядае у-право*).

1 запорожець. Що ще тутъ? Отъ якъ-бы у Волощыни!

2 парубокъ. А що жъ тамъ дядьку? тежъ вовкулакы?

1 запорожець (*стыха*). Упыри, отъ що!

2 парубокъ. А вы сами, дядьку, бачылы?

1 запорожець. Цуръ дурня! Бодай ты колы побачывъ, хочъ отакъ якъ Чупрына.

2 запорожець. Ото бъ довидався!

3 парубокъ. А розскажить, дядьку.

1 запорожець. Та не годытся... проты ночи.

1 парубокъ. А ну бо, дядьку Мыколо!

1 запорожець. Ну нехай... (*оглядается*). Вогонь горыть и люде хрещени... Ото ще, якъ Сагайдакъ старый пидъ Тягинь ходывъ у Волощыну, то бувъ нашого жъ такы куриня тытаревського козакъ Иванъ Чупрына, що теперъ осауломъ, якъ що на тимъ тыжню ёго не вбыто... Та мабуть побачымось, бо якъ ёго й вбьешъ? Такый козарлюга, куды хочъ его.

2 запорожець. Эге жъ!

1 запорожець. То ото було разъ за Сочавою, каже ему куринный чогось до обозу побигты, а воно у ночи, отъ хочъ якъ й теперъ.

2 запорожець. Ни, не такъ було.

1 запорожець. Справди що не такъ, бо таке робылось, що страхъ... нахмарыло, гримъ и блыскавка, а дощу немае... А сталы мы саме у лиси... у кинци... ще Сафаръ-агу выглядалы, що потимъ пидъ Хотыномъ вбытый.

2 запорожець. Це такъ було.

1 запорожецъ. Сталы ото, сховалысь у лиси, у поле выглядаемъ, вогню палыты не можно... А витеръ ажъ гилля ламае... у лиси щось гуде, та стогне, та часомъ плаче (*стыха*)... неначе та панна, що сюды сёгодни прывелы (*вказує на куринь*).

1 парубокъ. Сердешна!—просыла, щобъ вбылы.

2 парубокъ. Эге, вбывъ бы; старый Дигтяренко казавъ, щобъ іи якъ ока стереглы.

1 запорожецъ. Такъ треба було ото Иванови до обозу. Сидае на коня, але пидходыть до ёго старый волохъ, що въ насъ за калауза бувъ, та й пытае: „Ты самъ, козаче, пойидешъ?“ А той: „И безъ тебе, каже, втраплю“. Той соби й пишовъ, а винъ пойихавъ... колы ранкомъ вертается, каже, що ему було.

3 парубокъ. Побачывъ!?

1 запорожецъ. Йиду, каже, лощыною, що разъ то блыскавка, выдно якъ у день... И прыйшлося зъ лощыны саме выйизжаты, де тры шляхы лисомъ розходятся... и хреста немае,—звисно бусурмены!

2 запорожецъ. Ще, здается, у тій лощыни того-жъ саме ранку васюрынци чамбулъ ногайськый побылы?

1 запорожецъ. Ни, то зъ билогородськои орды татары булы... такы жъ Сафаръ-ага мабуть ихъ тоди напередъ выправывъ. То йиду, каже, а кинь якъ жахнется... бо воно часомъ и кони ту нечысть бачуть... те бувае. Винъ якъ подывывся, а воно зъ земли й вылазыть... и пидіймается.

1 парубокъ. Що жъ воно? яке?

1 запорожецъ (*стыха*). Голе, казавъ, сыне, очи горять, губы червони... и кровъ зъ губивъ бижыть!.. ажъ на грудяхъ запеклась. Якъ не завые: ала-ла! той у ходъ; та ще ёго счастя, що кинь у ёго тоди добрый бувъ, буланый. Якъ подався, каже, по дорози, а воно верхомъ по деревахъ, та навперейми бижыть, ажъ гилля ламае! Мало, каже, не спіймавъ, тилькы шапку ухопывъ; такы втикъ видъ ёго.

3 парубокъ. Господы!—ото жъ бува!

1 запорожецъ. Та й лаявъ того волоха Чупрына, якъ прыбигъ у-ранци. Чомъ ты мени, каже, такый сякый сыну не

казавъ, що таке мисце? А той: „эге, каже, отакъ скажы: то що воно мени потимъ зробыть?

3 парубокъ. Боявся выходыть самъ?

2 запорожецъ. Отакый-бы вражый сынъ боявся! Не хтивъ сказаты, та й годи. Тымъ-то й багато тои нечысти у Волощыни, що усякый волохъ якъ номре, то заразъ упыремъ робытся.

1 запорожецъ. Якъ усяка кыивська жинка видьмою.

3 паробокъ. Невже?

1 запорожецъ. А чого жъ ихъ тамъ такъ багато, хочъ и таке святе мисто и печеры?

3 паробокъ. А вы дядьку и у Кыиви бувалы?

1 запорожецъ. Ще й не разъ.

2 запорожецъ. Бреше, не слухай.

1 запорожецъ. Брехалы твого батька сыны.

2 запорожецъ. Колы жъ ты бувъ: тоди саме якъ и я, якъ старого Сагайдака ховалы?

1 запорожецъ. А забувъ, якъ пидъ Кумейкамы лейстровыкы чортови зъ лису выхопылысь, що нашому куриню у обозъ не можно було вернутысь, а гусарыя якъ поперла, то куды мы пишлы?

2 запорожецъ. Та хто куды вростичъ.. тымъ то й жывыхъ найбильше у нашому курини зосталось.

1 запорожецъ. Эге, хто куды, а я такы у Кыиви опынывся; цилый рикъ бувъ за рыбалку у Межыгорськимъ, годувалы святи ченци и переховалы и грихы замолывъ... може хочъ зъ половыну.

2 запорожецъ. На церкву було бъ даты... тоди чымало зъ того гусарына здобувся.

1 запорожецъ. А вже жъ було бъ даты, то й добре булобъ... Колы бачъ, якъ прыйшовъ, то закопавъ усе пидъ дубомъ надъ Десною, а якъ у манастыри бувъ, то й забувся якось... И шкода, бо уси ти грошы такъ по шинкахъ и позоставалысь у Кыиви, якъ пишовъ зъ манастыря (*зправа Даныло и Марко*).

Ява II.

Даныло. Добра ничъ, панове товарыство!

Вартови (*устають, парубкы здіймають брыли й шапкы*). Добра ничъ, пане отамане!

Даныло. Годи вже вартуваты, втомылысь мабуть сёгодни, гайда лягаты, вже други будуть на варти (*запорозьци, 1 и 3-ій парубкы беруть зброю и помалу видходять у-право по-за куринь).*

2 парубокъ. Не можно, пане отамане; казавъ панъ полковныкъ, щобъ до ранку видъ цёго куриня не рыпалысь, покиль воны съ цвынтаря повернутся.

Даныло (*пидходыть до ёго, гризно*). Трясця твоій матери и зъ полковныкомъ твоимъ. Я видъ Хмеля тутъ, никому чуты не можно, объ чимъ мени треба у бранкы довидатысь! Геть звидцы, гайда!

2 паробокъ (*видходыть у-право, на бикъ*). Ого лыха годына, хыба заразъ до старого бигты?

Даныло (*до Марка*). Зъ товарыства хто жывый?

Марко. Шпакъ та Потебенька, та ще оцихъ двое *(вказуе направо)*; хочъ и не нашого куриня, а добри козакы; ще й ихъ беры, якъ хочешъ, я вже казавъ имъ; та воны за-для того й на варти тутъ булы... гляды тилькы, брате, щобъ кіямы тебе не быто.

Даныло. Годи объ тимъ... а ти двое вже зибралысь?

Марко. Шпакъ кони сидлае, а Потебенька зъ твоимъ перначемъ побигъ до обозу, щобъ панни того гнидого узяты. Божывся, що на горилку й дывытысь не буде... А Хмеля якъ побачу, то що казаты?

Даныло. Замокъ, скажешъ, узялы, загинъ добрый прыведешъ... та й я незабаромъ... кажу жъ тоби, тилькы у той зимивныкъ, що за Самарою, та й до війська.

Марко. Ну, ще туды будешъ, може, квапытысь, а звидты? (*регоче; Даныло пидходыть да куриня, пидіймае рядно*).

Даныло. Панночко!.. чортякы ще й звьязалы! (*выймае кынджалъ, кыдается въ куринь*).

Марко. Щобъ такого лыцаря, та баба... (*маха рукою*). Хочъ и гарна жъ, иродова дочка! (*виходыть у-право*).

Ява III.

Даныло выводыть зъ куриня Ядвыгу, зрывае зъ рукъ вирёвку.

Даныло. Панно, серце мое, не бійсь ничого... заразъ пойидемъ зъ сичовыкамы у степъ шырокый... ни ляхъ не знайде, ни татарынъ. Служывъ я тоби вирно, якъ собака теперъ буду служыты, у очи дывытысь (*Ядвыга мовчыть, поглядае на ёго*). (*Пауза*). Панночко, счастя мое, не гнивайся, промовъ хочъ слово... Рятую тебе. Заразъ тикаты треба, бо зъ ясыремъ до Крыму поведуть... не помылуе Онысько; у неволи бусурменськый пропадешъ и душу занапастышъ.

Ядвыга (*видступае стыха*). Даныло! йидна я тутъ, кого мени просыты!.. Кохаешъ мене, кажешъ... Може, добре въ тебе серце, то порятуй мене.

Даныло (*ступае до неи*). Панночко, заразъ на коней!

Ядвыга (*видступае, протягае руку*). Козаче, не ты хыба вынenъ, що я теперъ у неволи? На що прыйшовъ ты сюды, на що порятувавъ мене, на що зрадывъ мене? Що я тоби зробыла? що я Оныськови зробыла? чимъ я кого скрывдыла?—якъ маешъ серце и совисть, то вбый мене (*пада навколишкы*).

Даныло. Панно! Господы! (*хоче пидняты*).

Ядвыга (*вырывае руку, видступае знову на колинахъ*). Убый мене, козаче, на цимъ мисти убый, бо у Крымъ жыва не пиду и зъ тобою не пиду... Або крыныцю глыбоку знайду, або скелю высоку, то сама себе занапащу... Убый мене заразъ, козаче, змылуйся, то за все тебе прощу... и за зраду твою, и за батька мертвого, и за смерть свою; душу мою порятуй, козаче добрый, то на тимъ свити за тебе мотытысь буду... Ой Боже, Боже, несчасна я! (*закрывае лыце рукамы*).

Даныло (*сумно*). Серденько мое, що робышъ зо мною? Жыття й душу виддавъ бы за тебе!

Ядвыга (*протягае рукы*). Якъ маешъ трохы жалю, козаче, дай ножа, дай заразъ!

Даныло (*усмѝхается*). То такъ... бильше мене боишся, якъ гриха?

Ядвыга (*схылывшы голову*). Простыть Господь мылосердный...

Даныло (*дывытся на огныще*). Панно ясна... не плачъ, не гнивайся, и Бога не гнивы: не пидешъ зо мною, а ни до Крыму—пидешъ, куды схочешъ.

Ядвыга (*поглядае на ёго*).

Даныло (*дывытся на огныще*). До Лубенъ хочешъ... чы до обозу коронного?

Ядвыга (*хоче устаты*). Що кажешъ, що? Даныло!?

Даныло (*дывытся на огныще*). До Лубенъ, кажу, чы до обозу коронного хочешъ? Не гай часу.

Ядвыга. Маты Божа! (*хытается, пада*).

Даныло (*кыдается, пиддержуе, ставшы на колино*) Зомлила бидна! (*дывытся, цилуе, гука по-за кинъ*). Марку!

Ява IV.

Зправа Марко и 2 запорозьци.

Марко. Хыба це довго? вже й Потебенька прыбигъ (*виддае Даныловы перначъ*).

Даныло (*до запорозьцивъ*). Берить панну браття (*козакы несуть Ядвыгу у-право у слидъ*). Не дуже гнидого затягайте, бо быты буде (*до Марка*). По-надъ ричкою надвирни вартують, тудою зъ обозу й выбырайся; ось перначъ (*виддае перначъ*).

Марко. А ты жъ що?

Даныло. До лядського обозу бижы... перву корогву якъ зустринешъ, виддай панну, вона вже тебе оборонытъ... Чекай, може ще не послухають іи вражи ляхы... Змійчука беры, та

якъ побачышъ, що тоби лыхо, промовъ тилькы ёму на вушко: орда!—то й куля не дожене.

Марко. Отакои!.. Ну гараздъ, якъ на мене, ще воно й краще... Тилькы я бъ казавъ, що треба й тоби йихаты, бо якъ прыйде у ранци Онысько, то гвалту наробыть.

Даныло. Боюсь я его, що винъ Онысько!.. А йихаты не можно мени... Не зрадь тилькы, щобъ панну довизъ.

Марко (*сердыто*). Оце бачу, що таки божевильный, колы побратымови не вирышъ.

Даныло. Просты брате... Не гай часу... гнатысь не будуть, бо я тутъ на варти... Гайда! (*маха рукою, Марко видходыть у-право, у слидъ*); везы обережно!

Ява V.

Даныло, потимъ Онысымъ.

Даныло (*ходыть по сцени*). Тяжко... Йе тоби, Даныло, и слава, и воля, та немае щастя... (*выймае ладанкы, дывытся*). Одуривъ нимець проклятый... Ни, може й не все брехавъ... Кулею ёго сегодни вбыто... Може це, Даныло, доля твоя щербатая... Оце Маркови виддамъ, нехай здоровъ носыть, а цей.. ни, не кыну... нехай буде... Тилькы вже годи по замкахъ бавытысь, взавтра до товарыства, та у перву лаву... може дасть Господь мылосердный смерть козацьку (*зправа зъ глыбыны сцены вбигае Онысымъ, Даныло стае коло входу у куринь*).

Онысымъ (*неспокійно*). Отамане, що се ты, на що вартовыхъ прогнавъ?

Даныло. Чого, диду, турбуешся, я самъ на варти.

Онысымъ (*тупае*). На що прогнавъ, пытаю!?

Даныло. Диду, не твого полку я козакъ, щобъ мавъ тебе слухаты.

Онысымъ (*зъ гнивомъ*). Геть звидцы!

Даныло. Чого сердышся старый? Сидай, та будемъ вартуваты.

Онысымъ. Геть звидцы!—пусты у куринь!

Даныло. Не йды, диду... спыть ляшка... на що тоби?

Онысымъ. Геть, кажу тоби, вражый сыну, бо звьязаты звелю!

Даныло (*стрымуючысь*). Чого гвалтуешъ диду?.. Иды, тоби кажу, не треба.

Онысымъ (*скажено*). То не пустышъ!?

Даныло (*пауза, дывытся на ёго, нескоро*). Та йды, про мене (*дае дорогу, Онысымъ кыдается у куринь, Даныло, выхопывшы кинджалъ за нымъ*).

Онысымъ (*зъ куриня*). Зрада! (*чуты якъ пада Онысько, потимъ тыхо*).

Зависа.

ДІЯ IV.

Одмина друга.

(Четвергъ у-ранци. Лаштункы тижъ сами. Ливоручъ товпа селянъ, праворучъ невелычка купа надвирнихъ козакивъ. Миж нымы коваль зъ спысомъ. Въ глыбыни сцены Павло безъ шапкы зъ пернaчемъ пидъ бунчукомъ. Передъ нымъ на авансцени звьязаный Даныло. Коло его 2 парубкы. Кинець рады. Галасъ).

Ява I.

Коваль. Люде хрещени! козацтво! хыба можно такъ?

Голосы (*злива*). Годи, годи! Постановылы... за що старого бидного вбывъ?.. Зрадныкъ... закопаты... ще й мовчыть!.. Выкупъ, мабуть, узявъ за ляшку... пошукаты отутъ треба... Гаспыдъ... закопаты, закопаты!.. Старого й диты за насъ голову зложылы!

Коваль (*сылуется перекрычаты*). Панове громадо! Нехай нызове військо судыть.

Селянын (*злива крычыть*). Панове громадо, ото Грыцько репетуе, що винъ ёго зъ аркану пустывъ!

Коваль (*крычыть*). Не вирьте, козацтво, иродови! Це винъ такъ, що его Данылo нагаемъ бывъ на гребли, ще на Велыкдень, та то жъ ёму князь звеливъ.

Селянын (*крычыть*). А хочь бы й такъ! Наймытъ панськый, та вильныхъ козакивъ быты! Де винъ узявся на нашу голову!?

Надвирный козакъ (*зправа*). Закозакувався, вражый сыну! Якъ бы не панъ отаманъ, то й доси бъ уси вы гречкосіи... (*галасъ злива*).

Павло (*надиває шапку, пидіймае перначъ*). Ради кинець!

Граминъ (*злива*). Ради кинець! закопаты зъ Онысымомъ! (*зправа вбигають Марко и 4 запорозьци, кыдаются до Даныла, видпыхають парубкивъ. Марко выхопывшы кынджалъ риже вирёвку*).

Ява II.

Тижъ, Марко и запорозьци.

Марко. Панове громадо! товарыство! що се!?

Галасъ (*злива*). Де цей узявся!? Ачъ якый!.. Чого прыбигъ!? Геть звидцы!

Павло (*выступае напередъ и пидіймае пернячъ*). Тыхо! (*уси мовчать*). Геть звидцы, козаче! У-ночи сёгодни побратымъ твій полковныка вбывъ, и оце на ради вильнымы голосамы его судылы, и сёгодни, по старому звычаю, его жывого зъ полковныкомъ закопають... Иды соби.

Марко (*выхопывшы шаблю*). Товарыство, рятуйте! Хто въ Бога вируе, за шабли! (*Запорозьци, надвирни и Грыцько отточають Даныла, де-котри берутся за шабли й рушныци; гвалтъ и галасъ злива*).

Данылo (*хапае за рукы Марка*). Брате! збожеволивъ! (*до товпы*). Тыхо! (*пидходыть до селянъ, трымаючы Марка за

праву руку). Отаманы-товарыство, грішнык я велыкый, и слидъ мене караты! Позвольте тилькы панове зъ побратымомъ попрощатысь.

Павло. Добре.

Гоминъ (*злива*). Гараздъ... нехай.

Данылo (*рукою дае знакъ козакамъ видступыты у-право*). Идить хлопци! (*выводыть Марка на авансцену, увесь часъ тыхый гоминъ на сцени*).

Марко. Брате, що то...

Данылo (*перепыняе*). Мовчы! Зъ панною що зробывъ, що вже повернувся? кажы заразъ!

Марко. Та зъ тобою що тутъ?

Данылo (*тупае*). Що зробывъ? кажы, не катуй!

Марко. Та ничого, Боже жъ мій! Мыли зо тры тилькы пробиглы, у-ранци ляхивъ зустрилы на Корсунськимъ шляху... Корецькый ротмыстръ и Дембинськый панъ. Виддалы та й сюды.

Данылo (*хутко*). Сюды йдуть?—то гукны заразъ на козакивъ.

Марко (*перепыняе*). Та ни бо! Бачывъ я добре... Кинныхъ ихъ килька сотъ; жаднои цилои короговы нема. Зъ легкыхъ де-хто, та гусарыи трохы, та рейтаривъ. Кони потомлени, стрилами покаличени, пораненыхъ багато, до сиделъ ихъ вьязано... десь ихъ добре побылы... Ротмыстръ спытавъ мене тилькы за замокъ та за князя, та рукою махнувъ, та й подалысь на Кыивськый шляхъ... Мы сюды, а тутъ у брамы Щербаченко... бижыть зъ майдану, плаче та лается... Убывъ, каже, собаку старого... судылы на ради.

Данылo. Спасыби, брате, за послидню службу.

Марко (*стыха*). Трывай брате, не можно такъ; ще шисть насъ товарыства и надвирни за тобою...

Данылo. Грихъ тоби, брате: доволи, що вже на мени кривъ хрыстыянська. Та подывысь, що зъ сотни лышылось: Рамберъ добре бывся (*усмихается*); та й байдуже мени!..

Марко. То тоби байдуже... а мени?.. Брате, не кыдавъ я тебе ни въ степу, ни въ мори,—памьятаешъ?..

Даныло (*усмихается*). А то жъ?

Марко. Брате Даныло! (*вытырае чоло, глухо*). Погана тоби смерть... не козацька... Якъ хочешъ, вызволю (*трохы видступае, килька разъ тыхо вдаряе кинцемъ шабли по земли*).

Даныло. Спасыби, брате ридный, оце гараздъ. Не такъ тилькы, щобъ ще тебе отутъ у пень не зарубалы... Трывай! (*выймае 2 ладанкы, видчеплюе йидну*). Оце тоби: це видъ кули носы (*виддае, дывытся на другу*), а це... нехай вже зо мною у землю пиде (*усмихается*),—не помага воно... Слухай брате, сидай на Змійчука; нехай твій буде, бережы. Заразъ мене въ майдану поведуть, мабуть, до церквы; янчарка въ тебе добра, та й стрилець ты не абы якый, а на мене вже теперъ срибнои кули не треба. Гляды, щобъ добре влучывъ, бо вылаю (*усмихается*).

Марко (*ховае шаблю, обіймае Даныла*). Брате мій ридный!

Даныло (*обіймае его, дали видводыть рукамы*) Не плачъ, Марку брате! разъ маты родыла. На тимъ свити побачымось, розскажешъ мени тамъ, чы йе ще Ляхы на Вкраини, чы стоить славне Запорожжя... Бижы хутко, беры коня. (*Марко бижыть у-право*).

Даныло (*уклоняется запорозьцямъ*). Панове товарыство! Простить мене, якъ скрывдывъ кого... Якъ повернется хто зъ васъ до Сичи—зброя въ мене дорога, въ осавула: визьмить, та на церкву Божу виддайте, щобъ за мене гришного молылысь.

1 запорожецъ (*до селянъ*). Панове громадо, треба намъ теперъ до Хмеля вертатысь. Здорови бувайте! Скажемо товарыству, що добре насъ прыймалы, хлибомъ силлю прывиталы и найкращого лыцаря у сыру землю закопалы (*видходыть у-право, за нымъ други запорозьци и килька надвирныхъ*).

2 запорожецъ (*одвертается*). Щобъ вамъ и дитямъ вашымъ!.. Ярема на васъ! (*видходыть за другымы*).

Павло. Ведить до церквы! (*килька селянъ пидходять до Даныла*).

Даныло. Не треба вьязаты, пиду й такъ! (*Ступае килька крокивъ у-право, селяне за нымъ; дывытся пыльно за сцену, кывае; звидты выстрилъ,—Даныло пада*).

Голосы. Ловы, ловы! (*де хто бижыть у-право, де-хто до Даныла.*

Θ. Пильченко.

Зависа.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

44. Кража въ чумацкой дорогѣ.

Среди необозримыхъ Запорожскихъ степей, по извѣчному Муравскому «шляху», въ августѣ 1690 года медленно двигалась чумацкая валка, возвращавшаяся съ солью изъ Перекопа. То были козаки изъ Сокологорской сотни, [2]) полтавскаго полка, въ свободное отъ походовъ время занимавшіеся чумацкимъ промысломъ. У передней „мажи" шелъ „ватàгъ", или отаманъ, а за нимъ безконечною линіею тянулись воловьи и конные возы „товарыства". Всѣ чумаки были вооружены, потому что въ безлюдной степи имъ на каждомъ шагу грозила опасность со стороны шнырявшихъ здѣсь ногайцевъ. Впрочемъ, пока путь шелъ че-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 10.

[2]) *Сокологорка*, бывшій сотенный городокъ—нынѣ м. *Соколка*, кобел. у., на р. Ворсклѣ.

резъ запорожскія паланки, чумацкая валка могла себя чувствовать сравнительно безопасной: въ каждомъ зимовникѣ, расположенномъ обыкновенно на берегу рѣки, въ уединенной балкѣ, или у вырытаго колодца, она находила защиту и пристанище, а если было нужно, то и провожатыхъ. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; безопасность „ватагъ" чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется по всей Украинѣ. Но перешагнувъ у Конскихъ-Водъ границу запорожскихъ владѣній, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ изъ предосторожности отъ „чумы и гадины", заряжалъ „рушныцю", добывалъ изъ воза „спыса", а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ „гаманъ", въ которомъ хранился „ярлыкъ". Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской „башты" не увидятъ уже чумаки ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, такими же дикими, какъ и ихъ лошади. Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого, и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько прижимокъ и вымогательствъ въ „баштѣ" отъ всякаго рода дыздарей, имановъ, каймакановъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ! [1])

Но наша „ватага" соколигорцевъ благополучно миновала уже всѣ эти мытарства. „Повернувши" отъ Молочныхъ-Водъ, [2]) она „простовала ку домивкамъ" и уже вступила снова на территорію Коша Запорожскаго. Но нерадостный видъ имѣлъ теперь

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой сѣчи, т. 6, стр. 133—134.

[2]) *Молочная*, или *Молочныя-Воды*, рч. въ Таврич. губ., течетъ на границѣ Мелитоп. и Бердянскаго уѣздовъ.

этотъ «степъ шырокій, край веселый». Въ томъ году лѣто выпало дождливое, и когда наши чумаки шли въ Крымъ, ихъ круторогіе волы буквально тонули въ буйной степной травѣ; но въ іюлѣ прилетѣла отъ Азовскаго моря саранча и въ двѣ недѣли превратила цвѣтущую степь въ безотрадную пустыню. А новыя полчища все еще продолжали нестись съ юга, закрывая солнце и наводя ужасъ на все живущее. Отъ ихъ гніющихъ труповъ появился моръ—сначала на скотѣ, а потомъ и на людяхъ, и когда наши чумаки стали приближаться къ р. Самари, встрѣчные запорожцы сообщали имъ тревожныя вѣсти, что Самарскій монастырь, а равно и оба новопостроенные московскіе городки на Самари, Новобогородицкъ и Сергіевъ, на половину или и совсѣмъ опустѣли отъ мора, и воевода тамошній князь Ржевскій „тіеи жъ смертнои не уйшовъ плягы". Слыша эти нерадостныя вѣсти, чумаки обильнѣе смазывали дегтемъ свои сорочки и усерднѣе подгоняли круторогихъ, поспѣшая къ недалекимъ уже предѣламъ родного края. Вдали уже синѣла гора Калитва, надъ Орелью, а тамъ рукой подать и до Сокологорки.

Но тутъ встрѣтилась неожиданная задержка. Одинъ изъ „товарыства", сокологорскій козакъ Васыль Башлаенко заявилъ всей „ватазѣ и старшому", что у него случилась пропажа: украдено изъ воза „убранье (платье) синее и грошей талярей девять". Что тутъ было дѣлать? Не помочь товарищу въ бѣдѣ считалось у чумаковъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ; съ другой стороны, нельзя было оставить безъ разслѣдованія происшедшую кражу, иначе—подозрѣніе могло падать на каждаго изъ «товарыства». И вотъ „ватагъ, по звычаю, товарыство зъ ватагою спынывъ и у всихъ возахъ струсывъ", т. е. сдѣлалъ обыскъ, причемъ у молодого козака Кирика Дмытренка „вытрусили" въ возу поличное,—„штаны тилько Васылеви, що зъ вагришмы булы", а остального платья и денегъ не нашли. „Ватагъ" немедленно подвергъ Кирика допросу, и тотъ „при товарыству при всемъ, у ватази, заразъ ся прызнавъ":

— А що жъ, мои ласкавіи панове, зъ убраня гроши я вынявъ и въ прыкмети (въ замѣченномъ мѣстѣ), подле шляху, на Кильчени [1]) въ бурьянъ кынувъ.

„Ватагъ“ призналъ необходимымъ провѣрить это показаніе и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ „товарыства“, отправился на Кильчень и велѣлъ Кирику указать „тую прыкмету“; но послѣдній такъ былъ взволнованъ страхомъ ожидавшей его кары, что никакъ не могъ указать мѣста, куда онъ припряталъ украденное, и сколько ни искали всѣ по бурьянамъ, ничего не нашли. Случись подобное дѣло въ глубокой степи, вдали отъ поселенныхъ мѣстъ, ватагъ, пользовавшійся въ пути почти диктаторскою властью, обязанъ былъ произнести формальный приговоръ и подвергнуть провинившагося должному наказанію; но завтра вся валка должна вступить въ предѣлы своего полка, и всѣ полномочія атамана должны окончиться; ктому же провинившійся и потерпѣвшій были односельцами. Поэтому ватагъ „не прикрылъ ихъ декретомъ“, а ограничился тѣмъ, что отобралъ у Кирика Дмитренка коня съ возомъ и солью „и зъ рушныцею“ въ качествѣ „вины“, предоставивъ Башлаенку судиться съ нимъ дома, передъ сотеннымъ урядомъ, а „лице“, т. е. отысканное у Кирика платье, обязался самъ представить сотнику.

Спустя нѣсколько дней по возращеніи домой, Василь Башлаенко предъявилъ сокологорскому сотенному уряду жалобу на Башлаенка о кражѣ. Онъ не добивался наказанія для провинившагося и впередъ заявилъ, что если Башлаенко „вси мои утраты нагородитъ, то отъ мене вольнымъ станетъ, а вины панскои не заступую, и овшемъ (напротивъ) повиненъ будетъ Кирикъ платити за свое проступство, якъ явный злодій“. Дѣло было настолько безспорное, что присутствующій на судѣ отецъ Кирика, „старый Дмитро, не вдаючися въ жадную контроверсію“, немедленно изъявилъ готовность удовлетворить истца и тутъ же, на урядѣ, „во всемъ его погодилъ“. На судѣ предсѣдательствовалъ

---

[1]) *Кильчень*—рѣчка въ теперешнемъ новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

въ это время бурмистръ полтавскій Олекса Рымарь, присланный отъ полковника въ Сокологорку для какой-то судебной ревизіи. Онъ согласился на мировую потерпѣвшаго съ Кирикомъ и здѣсь же отобралъ отъ Дмитра „вину панскую за тотъ крадижъ его сына при явномъ лицу“: воловъ три, яловицъ двѣ и „яловка“ (молодого бычка). Протоколъ по данному дѣло былъ вписанъ „до книгъ мѣскихъ сокологорскихъ“, а засвидѣтельствованная копія его была взята Олексой Рымаремъ для предъявленія полковому суду, которому принадлежало право окончательнаго рѣшенія настоящаго дѣла. Послѣдній, принявъ во вниманіе молодость Кирика Дмитренка, „даровалъ его назначенямъ члонку, якъ явного злодія“, а велѣлъ его „скарати виною панскою и врядовою“, которая впередъ была взыскана.

---

45. Попытка утаить деньги, взятыя на храненіе.

Осенью 1698 года супруновскій шинкарь Петро Максименко ходилъ по селу Гуджуламъ, что близъ Полтавы, и правилъ долги, „за напой урослыи“, такъ какъ въ то время шинковые напитки рѣдко продавались на наличныя деньги, а больше въ долгъ („наборгъ“), и лучшимъ временемъ для сбора этихъ долговъ была осень. Обошелъ Максименко много дворовъ и собралъ немало денегъ, но это стоило ему большого труда, такъ какъ въ рѣдкомъ дворѣ ему не приходилось браниться съ хозяевами, отказывавшимися платить или оспаривавшими сумму долга, записанную углемъ на стѣнкѣ его шинковаго дома. Желая отдохнуть и подкрѣпить силы, зашелъ онъ къ мѣстному шинкарю Ничипору Юрченку, потребовалъ конву меду и сѣлъ пить съ хозяиномъ. Вскорѣ „въ той же компаніи згодывся“ давній пріятель Максименка, мѣстный козакъ Иванъ Безсусидненко, любившій ежедневно навѣщать шинковый домъ въ видахъ неожиданной встрѣчи съ друзьями. По этому поводу была потребована другая конва, за нею и третья. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и хотя до Супруновки было рукой подать, но

Максименко чувствовалъ себя охмелѣвшимъ и не рѣшился ѣхать домой „пóночи“, а согласился принять радушное приглашеніе хозяина переночевать у него. Послѣ этого пріятели пили еще немалое время, а затѣмъ окончательно охмелѣвшій Максименко вынулъ изъ-за пазухи „тхорыкъ“ (родъ кошелька) съ деньгами и, отдавая его Безсусидненку, сказалъ:

— Брате Иване! Чомусь на мене люде ропотятъ. Прыймы ты въ мене, пидпылого, тіи гроши и заховай, щобъ въ мене ихъ хто не выдравъ пóночи.

Безсусидненко и Юрченко взяли эти деньги и тотчасъ уложили гостя спать на лавѣ, и хотя къ комнатѣ долго еще продолжался шумъ и гамъ пьянствовавшихъ здѣсь посѣтителей, но Максименко былъ привыченъ къ подобному шуму и спалъ какъ убитый.

Проснувшись поутру, онъ обратился къ хозяину съ просьбой возвратить взятыя на сохраненіе деньги,—тотъ притворился, что не понимаетъ даже, о какихъ онъ деньгахъ говоритъ. Побѣжалъ къ Безсусидненку—тотъ такъ же „ротился и клялся“, будто не бралъ отъ него никакихъ денегъ. Тутъ несчастный Максименко взвылъ благимъ матомъ: пропала немалая сумма, сорокъ золотыхъ, а главное—это были деньги чужія, такъ какъ онъ состоялъ лишь наемнымъ шинкаремъ у значнаго козака Романа Гоярина, въ Супруновкѣ, и въ его пользу собиралъ долги въ Гуджулахъ. Явился сельскій атаманъ, собрались старые козаки изъ числа мѣстныхъ жителей, судили-рядили, а дѣла рѣшить не могли, такъ какъ Юрченко и Безсусидненко упорно стояли на своемъ и клятвенно утверждали, что не брали отъ Максименка на храненіе никакихъ денегъ и вовсе не видѣли у него таковыхъ. Наконецъ имъ удалось отвести отъ себя подозрѣніе и свалить его на нѣкоего Процыка, извѣстнаго пьяницу, наканунѣ дольше всѣхъ остававшагося въ шинкѣ Юрченка и даже заночевавшаго подъ столомъ, въ одной хатѣ съ потерпѣвшимъ. Несчастный Процыкъ съ похмелья рѣшительно ничего не помнилъ, что происходило наканунѣ, тѣмъ не менѣе на него „зложили злодійство“, посадили въ колоду, боемъ хотѣли выму-

чить отъ него сознаніе въ кражѣ, наконецъ взяли его веревкой за шею и хотѣли вести въ Полтаву, на судъ къ полковнику. Но въ эту минуту пріѣхалъ въ Гуджулы „самъ акторъ тои шкоды“, панъ Романъ Гояринъ,—и дѣло приняло другое теченіе.

Этотъ „панъ“ Гояринъ представляетъ собою интересную, хотя и загадочную личность. Онъ не занималъ никакого уряда, и мы ничего не знаемъ ни о его происхожденіи, ни объ уровнѣ его образованія; но изъ всего видно, что это былъ очень умный человѣкъ, вѣроятно не лишенный и школьнаго образованія, а главное—одаренный выдающимися судебно-слѣдовательскими способностями. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ онъ, дѣйствуя безъ всякаго оффиціальнаго полномочія, проявилъ эти способности въ постороннемъ для него дѣлѣ—объ убійствѣ Степана Лесенка [1]).

Такую же слѣдовательскую опытность обнаружилъ Гояринъ и въ настоящемъ случаѣ, близко касавшемся его личныхъ интересовъ. Онъ сразу же разгадалъ, что пьяный Процыкъ непричастенъ воровству, и тотчасъ настоялъ на его освобожденіи. Затѣмъ онъ разслѣдовалъ, кто именно изъ жителей с. Гуджуловъ находился въ шинкѣ Юрченка въ тотъ вечеръ, когда тамъ пьянствовалъ Максименко,—и ему удалось отыскать между ними троихъ важныхъ свидѣтелей, которые почему-то не рѣшались уличить Юрченка и Безсусидненка при разслѣдованіи дѣла, произведенномъ атаманомъ и громадою. Заручившись этими данными, Гояринъ обратился за судомъ къ владѣльцу с. Гуджуловъ, полтавскому полковому судьѣ Петру Буцкому, находившемуся въ то время въ своей „маетности“. И Буцкій не отправилъ истца въ Полтаву, въ полковой судъ, а немедленно открылъ судебное засѣданіе въ своемъ домѣ, допустивъ къ участію въ немъ „многихъ особъ“, очевидно изъ числа мѣстныхъ жителей. Это— единственный извѣстный намъ случай, что полковой судья су-

---

[1]) См. выше очеркъ подъ № 43.

дитъ безъ участія полковой и магистратской старшины и, притомъ, не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій полковаго суда, а у себя въ имѣніи.

Гояринъ, въ качествѣ главнаго истца, выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ Юрченка и Безсусидненка въ утайкѣ взятыхъ ими „до спряту“ денегъ у Максименка и „на доводъ своеи справы“ ставилъ трехъ свидѣтелей. Первымъ изъ нихъ допрошенъ былъ житель с. Гуджуловъ Сидоръ Зинычъ. Онъ такъ показалъ:

— Бачывъ я, панове, тое, що Максыменко, вынявшы грошы зъ пазухы своеи у тхорыку, давъ Ивану Безсусидному до спряту. Безсусидный и Нычыпоръ Юрченко заразъ пишлы у сины и личылы оныи грошы.

— Неправда то есть, панове,—возражали обвиняемые: прысягою и клятвою себе заслоняемъ, що не знаемъ и не видаемъ о тыхъ грошихъ; а колы бъ тое на насъ мило перевестыся, то мы самы на себе мылосты не просымъ и горло свое ставымъ.

Тогда истецъ, „на досконалый доводъ тои жъ справы“, поставилъ еще двухъ „свидковъ“, Ивана Петренка и Дыныса Сергіенка, которые „у очи“ стали говорить обвиняемымъ:

— Шкодà билшъ и людей добрыхъ турбоваты! Не тайтеся: у васъ грошы—верните, бо Максыменко, пидпылый будучы, давъ вамъ зъ тхорыкомъ грошы до спряту, якіи взявшы, и личылы-сте въ синяхъ.

Послѣ этого судъ, „уважаючы тое“, что хотя обвиняемые и продолжали упорно отрицать приписываемое имъ преступленіе, „але же (такъ какъ) при трёхъ или двохъ свѣдителяхъ всякъ глаголъ станетъ“, признал Юрченка и Безсусидненка виновными въ утайкѣ денегъ и, „давши ихъ до вязеня, велѣлъ ихъ домы и худобу арештовати“.

Приговоръ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что истецъ, вмѣстѣ съ атаманомъ и понятыми, прямо изъ суда отправился описывать имущество обвиняемыхъ. И когда пришли въ домъ Безсусидненка, то его жена, убѣдившись, что

запирательство мужа не привело ни къ чему, и желая выгородить себя, призналась предъ всѣми:

— А що жъ, панове, въ мене тыи гроши не булы: въ Ивана воны и теперъ за пазухою вси есть.

Гояринъ тотчасъ вернулся къ судьѣ и потребовалъ, чтобы Иванъ Безсусидненко былъ подвергнутъ допросу и обыску. Когда послѣднему предложили добровольно возвратить полученныя отъ Максименка деньги, онъ продолжалъ увѣрять:

— Немашъ у мене жадныхъ грошій, кромъ пяты золотыхъ.

Но когда его „велено струснути“ (обыскать), за пазухою у него нашли въ цѣлости сорокъ золотыхъ, только не въ „тхорику“, а въ калытци“. Тутъ только Безсусидненко, „будучи поконаный лицемъ“, пересталъ запираться и сказалъ:

— Гроши твои, пане Романе; а тхорыка я тогди жъ покынувъ на улыци, щобъ хто взявъ, а гришмы милы-сьмо зъ Нычыпоромъ подилытыся,—въ тимъ наша вына.

Послѣ этого судъ приступилъ къ составленію окончательнаго декрета. Въ законѣ не оказалось параграфа, прямо относящагося къ случаямъ, подобнымъ настоящему, поэтому пришлось по аналогіи примѣнить 7-й арт. 14-го разд. Статута, предписывающій казнить смертью „приличного злодія“, укравшаго на сумму болѣе четырехъ копъ [1]). Хотя въ данномъ случаѣ не было прямой кражи, а была лишь попытка утаить чужія деньги, но (продолжаетъ декретъ) „поневажъ оныи злочынци взывали имя Божое надаремно и сталыся крывопрысяжцямы, бо за свидоцтвомъ трёхъ особъ мусилы тыи гроши лыцемъ шкодуючому вернуты“,—то судъ, увольняя ихъ „отъ горловои карности“, объявилъ ихъ „безецными“, т. е. лишенными чести, въ силу чего они, согласно праву Магдебургскому [2]), „до кождого такъ достоинства, яко жъ и свидоцтва не маютъ быти припу-

---

[1]) Литовская копа равнялась двумъ золотымъ и 15-ти грошамъ; слѣдовательно, сорокъ золотыхъ составляло 16 копъ.

[2]) Jus Municipale, изд. Щербича, 1581 г., артык. IV, п. 7 и 8.

щоны". Сверхъ того, они обязаны были уплатить суду „звыклую вину" и „вси утраты шкодуючому нагородити".

---

46. Раскаявшійся воръ-утайщикъ.

У полтавскаго мѣщанина Стефана Бутка, зятя извѣстнаго въ то время богатаго „купца" Стефана Козельскаго, лѣтомъ 1699 года случилась покража: изъ его „коморы" (лавки), стоявшей на рынку, кѣмъ-то была похищена значительная сумма 596 золотыхъ. Огорченный этой потерей, Бутко просилъ и родныхъ, и пріятелей, и всѣхъ „добрыхъ людей" помочь ему въ розыскѣ украденныхъ денегъ, но и самые энергичные розыски не привели ни къ чему: ни вора, ни денегъ не отыскивалось. Такъ прошло около мѣсяца. Бутко никакъ не могъ примириться съ постигшимъ его несчастьемъ и продолжалъ „журиться". Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, вышла его жена въ сѣни и увидѣла на полу какой-то свертокъ; развязала—тамъ оказались деньги 92 таляра [1]), очевидно кѣмъ-то врошенные въ оконце. Скоро послѣ этого объявился и похититель.

Былъ у Бутка въ Полтавѣ шинокъ, куда часто заходилъ „на пидпытокъ" его сосѣдъ Якимъ, „Пороховниковъ зять". Это былъ бѣдный ремесленникъ, какъ и его тесть, занимавшійся выдѣлкой пороха. Однажды онъ засидѣлся въ шинкѣ дольше обыкновеннаго и, увидя зашедшаго сюда хозяина, сталъ униженно просить его выпить съ нимъ меду, обѣщая за то сообщить ему нѣчто очень важное. Заинтересованный этимъ обѣщаніемъ, Бутко присѣлъ къ подвыпившему гостю и велѣлъ подать конву съ медомъ. Якимъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, былъ необыкновенно говорливъ, безъ всякаго повода пустился увѣрять Бутка въ своей необыкновенной якобы преданности и расположеніи къ нему, и всѣ эти изліянія неожиданно закончилъ слѣдующимъ признаніемъ:

---

[1]) Таляръ равнялся тремъ золотымъ.

— Знай, брате, що твоимъ грошимъ, за якіи журышся, я есть прытомнымъ. Бо въ той часъ, якъ ты, маючы утрату, спрошувавъ людей для розыску шкоды, и я на прошеніе твое пишовъ и тіи гроши у сини на комори знайшовъ и въ пазуху зъ мишкомъ вложывъ, а прынисшы, въ госпо́ди своій сховавъ у землю и накрывъ бочкою. А не за довгымъ часомъ моя сестра и сусидка Марья товклы порохъ, и метучы сины, знайшлы пидъ бочкою тіи гроши. Сестра жъ взяла соби золотыхъ десять, а сусида пивсорока золотыхъ. Я, узнавшы про тое, поотбиравъ отъ ныхъ тіи гроши, хочай не вси, и вже по розныхъ мистцяхъ хова̀въ. И стало мени нудно вельмы, и не знавъ, где ся зъ нымы подиты,—вкынувъ въ сины тоби оконцемъ, где двери отчыняютъ.

Разумѣется, Бутко не замедлилъ на другой же день представить откровеннаго Якима въ полковый судъ и „просить на него святои справедливости“. На допросѣ судебномъ Якимъ не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ прежнее „самохотное“ признаніе:

— Гроши подъ синомъ въ комори я взявши, въ дому своимъ сховавъ и доброволне прызнаю, що Степанови прытомніи гроши, мною не краденыи, тилко найденыи и схованыи въ дому моимъ, подкынувъ я у Степанови сины, до которыхъ и теперъ, якъ насамоти, вынным ставаю себе Степанови, чого недостаетъ ёго суммы, отплачоватыся, покы мого здоровья и худобы станетъ.

Судъ, вмѣсто декрета, велѣлъ прочесть въ слухъ 7-й арт. 14-го разд. Статута, гласящій: „кождый злодій, зъ лицемъ приведеный и правомъ переконаный при лыци его, которое бы сто́яло вышей чотырохъ копъ грошій, маетъ быти горломъ каранъ“, и затѣмъ выдалъ обвиняемаго „на волю шкодуючой сторонѣ“, предоставляя ей „якъ хотиты зъ злодіемъ поступыты“. Степанъ Бутко заявилъ, что онъ „не инстигуетъ шкодцу своего на смерть“, а желаетъ, чтобы Якимъ выплачивалъ ему недостающіе 320 золотыхъ, истраченные имъ изъ общей суммы 596 золотыхъ. Судъ объявилъ Якима „вольнымъ отъ смерти“

и обязалъ его „во всемъ погодити“ истца. Здѣсь же, на судѣ, сдѣлана была разцѣнка убогаго имущества отвѣтчика, которое должно было поступить на пополненіе „утраты“ Бутковой: хата съ дворомъ была оцѣнена въ 8 копъ, конь въ 10 таляровъ, двадцать смушковъ въ 10 золотыхъ, полкаменя пороху въ 10 копъ, три плахты съ полотномъ въ 5 золотыхъ, поясъ шелковый въ ту же цѣну. Недоставало еще около 200 золотыхъ, но Бутко согласился, чтобы Якимъ выплачивалъ ему эту сумму по мѣрѣ своего заработка.

---

47. Возстановленіе опороченной чести.

Одну изъ многочисленныхъ категорій судебныхъ дѣлъ въ старой Малороссіи составляли дѣла „о заданю ущипливыхъ словъ“, „о зелженю въ доткливости чести“, т. е. о поношеніи, клеветѣ и диффамаціи. Здѣсь, на ряду съ серьезными обвиненіями, встрѣчается много и мелочныхъ претензій, нерѣдко возникавшихъ изъ-за такихъ же маловажныхъ обидъ, какъ и та, изъ-за которой поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Но какъ въ повѣсти Гоголя неправильно было бы видѣть лишь забавный фарсъ, комическое изображеніе чрезмѣрной обидчивости или страсти къ тяжбамъ, такъ и въ старинныхъ тяжбахъ о безчестьи ясно сказывается вовсе не мелкое сутяжничество, а сознательная заботливость людей того вѣка—безъ различія ихъ званія и общественнаго положенія—объ охранѣ чести, объ огражденіи добраго имени отъ малѣйшаго нареканія. Такая заботливость вообще свойственна характеру малоросса, который какъ огня боится худой о себѣ славы, „людскои поговирки“. Ему совершенно чужда и непонятна мысль пословицы: брань на воротѣ не виснетъ,—напротивъ, его больно задѣваетъ малѣйшее оскорбительное слово, пустая сплетня, и онъ готовъ отважиться на крайнія средства, чтобы очиститься отъ несправедливаго нареканія и возстановить опороченную честь. Въ XVI—XVII вв. среди южно-русскаго дворянства

правобережной Малороссіи, знакомаго съ рыцарскими понятіями о чести, дѣла объ оскорбленіи весьма часто разрѣшались формальными поединками, запрещенными (и то не безусловно) лишь третьей редакціей Лит. Статута. Въ козацкой Малороссіи дуэль не практиковалась, но общественное мнѣніе требовало, чтобы всякій, кто считалъ себя невинно обезчещеннымъ или опороченнымъ, непремѣнно обращался въ судъ, приговоръ котораго одинъ имѣлъ силу возстановить его доброе имя. Кто этого не дѣлалъ, тотъ создавалъ для себя крайне опасный прецедентъ, которымъ могъ безнаказанно воспользоваться любой изъ его недруговъ. Предполагалось, что только тотъ терпѣливо сносилъ безчестье, чья репутація была не совсѣмъ безупречна. Поэтому, едва заводилась въ шинкѣ, на „бѐседи“ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ ссора и кто-либо „публиковалъ“ другого воромъ, прелюбодѣемъ или „наволикавъ“ на него иной безчестный поступокъ, обиженный тотчасъ обращался въ судъ съ жалобой за клевету и съ требованіемъ, чтобы клеветникъ доказалъ свои слова. Часто обидчикъ, одумавшись или протрезвившись, спѣшилъ примириться съ обиженнымъ и просилъ у него прощенія при свидѣтеляхъ; но потерпѣвшій не могъ удовлетвориться этимъ: соглашаясь на мировую, онъ все-таки требовалъ, чтобы „угода“ и „помиркованье“ непремѣнно были заявлены передъ урядомъ и записаны въ судебныя книги. И судъ въ такихъ случаяхъ, по просьбѣ невинно опороченнаго, постановлялъ декретъ, въ которомъ „приписовалъ ему зацность (честь), якъ и передъ тымъ цнотливымъ зоставалъ“, и выдавалъ ему форменную копію этого декрета; а чтобы кто иной не посмѣлъ вновь взводить на него ту же напраслину, ссылаясь на то, что первый клеветникъ остался безнаказаннымъ, судъ въ томъ же декретѣ налагалъ денежную „заруку“ (штрафъ) на всякаго, „хто мѣлъ бы тое поновити“. Если же обидчикъ не успѣвалъ до суда примириться съ обиженнымъ или же упорно стоялъ на своемъ, судъ требовалъ отъ него доказательствъ, выслушивалъ его свидѣтелей, и когда его обвиненія не подтверждались, объявлялъ его „потварцею“ (клеветникомъ), присуждалъ къ вы-

полненію позорнаго обряда „ревокаціи", взыскивалъ „вину" и „навязку" въ пользу потерпѣвшаго, съ возвратомъ понесенныхъ имъ по веденію дѣла издержекъ, а иногда подвергалъ виновнаго и тюремному заключенію. Въ дѣлахъ о поношеніи женской чести, сверхъ всего этого, практиковался еще (какъ мы не разъ упоминали) обычай, въ силу котораго невинно оклеветанная имѣла право, въ судебномъ присутствіи, бить по щекамъ своего клеветника.

Была, однако, категорія лицъ, которыхъ можно было безнаказанно поносить и злословить всякому, а они не имѣли права обращаться къ судебной защитѣ. Это были, прежде всего, неисправимые воры, которыхъ судъ съ позоромъ изгонялъ изъ мѣста ихъ жительства и „одъ чести людскои отлучалъ" [1]), а равно и тѣ, кого онъ за мошенничество и ложную клятву, увольняя „одъ горловои карности", объявлялъ „безецными", т. е. лишенными чести [2]); во-вторыхъ, приговоренные къ смертной казни, но помилованные судомъ по просьбѣ потерпѣвшихъ или по ходатайству „зацныхъ людей"; въ-третьихъ, потерпѣвшіе наказаніе у позорнаго столба, „цехованные на тѣлѣ", т. е. подвергшіеся отсѣченію руки, ноги, уха, подвергшіеся пыткѣ и вообще побывавшіе „въ катовскихъ рукахъ"; захваченные на „мерзкомъ учинкѣ" и подвергшіеся обрѣзанію полъ платья; уличенные въ воровствѣ, хотя бы они успѣли примириться съ потерпѣвшимъ и тѣмъ избѣгли положеннаго въ законѣ наказанія; уличенные въ лжесвидѣтельствѣ, ложной присягѣ и т. под. [3]). Всѣ такія лица, по выраженію Магдеб. права, „терпятъ змазу на славѣ и почтивости и право свое втратили", именно—они

---

1) Для примѣра укажемъ на такой приговоръ въ очеркѣ № 41.

2) Такой приговоръ см. въ очеркѣ № 45.

3) Магдеб. право къ этой же категоріи „безецныхъ" причисляетъ, сверхъ того, незаконнорожденныхъ („бенкартовъ"), ростовщиковъ („лыхварей"), шулеровъ („костыровъ"), опекуновъ-расточителей и др.; но въ практикѣ козацкихъ судовъ мы не нашли указаній на то, чтобы такія лица почитались лишенными чести.

не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не имѣли права занимать общественныхъ должностей, лишались права „довести присягою своей невинности" въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволялось закономъ; „таковымъ жаденъ отповѣдати не повиненъ" (въ судѣ), но они „всякому обязаны справляться", кто бы ихъ въ чемъ-либо обвинялъ [1]). Какъ видимъ, положеніе подобныхъ лицъ было въ высшей степени тяжелое. Это нужно принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того безпримѣрнаго милосердія, съ какимъ малороссійскіе суды сплошь и рядомъ освобождали приговоренныхъ отъ смертной казни и другихъ суровыхъ наказаній. Очевидно, потому и освобождали, что помилованный преступникъ все равно не оставался безнаказаннымъ: надъ нимъ до конца его жизни тяготѣлъ позоръ лишенія чести, тѣмъ болѣе ужасный, что онъ передавался по наслѣдству и его потомкамъ, ибо, по смыслу Магдеб. права, „срамота предковъ простирается до третьяго поколѣнія" [2]). О степени тяжести этого позора краснорѣчиво говорятъ такіе факты, какъ домогательства невиновныхъ супруговъ относительно расторженія ихъ брачнаго союза съ мужьями или женами, опозорившими себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. Вспомнимъ, напримѣръ, съ какою страстною мольбою обратилась къ суду жена бывшаго кишиньскаго атамана Раецкаго: „Мылостывіи панове! И я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна, бо винъ мене, при моій старости, до вичнои ганьбы и неславы прывивъ" [3]). Или припомнимъ отвѣтъ бориспольскаго козака Лукьяна Лихолапа на вопросъ судей: согласенъ ли онъ продолжать брачный союзъ съ женою, хотя и обвиненною въ незначительной кражѣ, но получившей прощеніе отъ потерпѣвшей стороны и потому „дарованной жадною карностью"?—„Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, колы вона съ тыхъ злыхъ речий выводу не дасть (не

---

[1]) Jus Municipale, изд. Щербича 1581 г., арт. IV.
[2]) Тамъ же, арт. IV, п. 5,
[3]) См. выше, очеркъ № 29.

оправдается): болше неславы не хочу на собѣ носыты" [1]). И судъ, вопреки всякому писанному закону, расторгалъ браки въ такихъ случаяхъ, а чтобы преступленіе виновной стороны не падало и малѣйшею тѣнью на репутацію невиннаго мужа или жены, выдавалъ имъ особое письменное удостовѣреніе, въ родѣ того, какое истребовалъ себѣ Лихолапъ: „Якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона; якъ зацнымъ передъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ". Очевидно, даже разводъ не вполнѣ гарантировалъ невиновнаго супруга отъ возможныхъ нареканій, и требовался особый документъ для огражденія его чести. Тѣмъ болѣе необходимъ былъ такой документъ лицамъ, привлекавшимся къ суду хотя бы по самымъ маловажнымъ дѣламъ. Мнѣніе толпы не могло точно разбирать, за какія именно преступленія законъ каралъ лишеніемъ чести, и готово было предавать позору чуть не всякаго, кто вообще подвергался суду, хотя бы и не былъ осужденъ. „Ты—нецнота: тебе въ чорныхъ кныгахъ напысано"!—это была найболѣе обычная форма диффамаціи. „Чорными книгами", по Статуту (разд. XIV, арт. 12), именовались особыя актовыя книги въ судахъ, куда для памяти вносились спеціально „справы злодійскія", т. е. дѣла о воровствѣ. Въ актахъ малороссійскихъ судовъ такія „справы" не выдѣлялись изъ числа другихъ уголовныхъ дѣлъ и на ряду съ ними вносились въ однѣ книги. Отсюда, вѣроятно, возникло ошибочное представленіе, будто всякая судимость сопровождалась внесеніемъ въ „чорныя книги" и, слѣдовательно, влекла за собою лишеніе чести.

Въ предыдущихъ очеркахъ разсѣяны многочисленныя фактическія подтвержденія высказаннымъ здѣсь положеніямъ; въ дополненіе приведемъ еще нѣсколько характерныхъ процессовъ.

—

[1]) Очеркъ № 14.

Нѣкій Павло Жукъ, полтавскій „швець" (сапожникъ), имѣлъ за что-то злобу на хорунжаго Кузьму Воскобойниченка и, „не шануючи" нимало его старшинскаго званія, поносилъ его всенародно въ іюлѣ 1689 г. среди базарной площади, „подъ часъ торгу", обзывалъ „злодіемъ", а когда вели на казнь осужденнаго вора, то Павло Жукъ, завидѣвъ среди старшины пана хорунжаго, кричалъ ему: „И ты такый же розбойныкъ!" Хотя всѣ видѣли, что „швець" былъ въ это время пьянъ, но Воскобойниченко не могъ простить публично нанесеннаго ему поруганія и позвалъ Жука въ судъ.

— Мылостывыи панове! жаловался онъ при разборѣ дѣла: великое зелженя одержавъ я на слави моій. Прошу васъ, нехай оный Жукъ того злодійства мени доводыть, а я о своимъ цнотливомъ мешканю дамъ слушный выводъ.

Судьи приказали „шевцеви на тую зелживость отповидаты"; но что онъ могъ отвѣтить, когда у него болѣла голова съ похмелья и онъ плохо понималъ событія вчерашняго дня?

— А що жъ, панове,— винился онъ,—пьяный то я бувшы, пащековавъ на цнотлывого чоловика. Моя въ тимъ вына.

Судъ, „прыхыляючися до рады товарыскои", примѣнилъ къ данному случаю 28-й артыкулъ 3-го разд. Статута, относящійся собственно къ опороченію женской чести и чьей-либо законнорожденности, и приговорилъ Жука къ уплатѣ пану хорунжему „навязки" сорока копъ грошей и къ „ревокаціи". Обрядъ ревокаціи состоялъ въ томъ, что клеветникъ былъ обязанъ здѣсь же, въ судебномъ присутствіи „тую примовку очистити и тыми словами отмовити: „що я на тебе менывъ, яко бы ты бувъ злодій, то на тебе я брехавъ якъ песъ". Когда Павло Жукъ выполнилъ этотъ обрядъ, судъ обязалъ его еще разъ „перепросити пана хорунжого и нагородити ему вси правные выклады (судебныя издержки)", уплативъ сверхъ того „вину панскую".

Такъ не дешево обошлась Жуку „примовка на зацную персону".

—

Впрочемъ, тогдашній судъ одинаково оберегалъ честь и доброе имя всякаго.

Въ ноябрѣ того же 1689 года жаловался въ полтавскомъ полковомъ судѣ обыватель села Мачохъ, Остапъ Кгуліянъ:

— Панове, мію неменшое зелженя (не малое безчестье) отъ Васыля Слынченка въ доткливости чести моеи: задаетъ мени злодійство, одъ чого рачъ мя Пане Боже вароваты!

Судьи спросили Слынченка:

— Якъ бы ты могъ злодійство Остапови прыректы?

Слынченко не растерялся и смѣло отвѣтилъ:

— Не тилько я скажу злодійство Остапови, але мію людей зацныхъ старынныхъ: Грыцуна Росошенка, зъ Мачохъ, Петра Золоченка,—тыи могутъ посвидчыты, що Остапъ есть злодій.

Названные свидѣтели оказались на лице,—ихъ очевидно привезъ съ собою отвѣтчикъ,—и судъ, „обязавши впередъ ихъ сумненямъ и боязню Божою, абы по самій истыни сказалы о злостехъ Остаповыхъ", подвергъ допросу. Но каково было негодованіе Слынченка, когда первый изъ нихъ, Грыцунъ, „зацная персона", показалъ такъ:

— Варуй Боже, панове, не знаю я о найменшихъ злостехъ Остаповыхъ. А то вамъ правдыве повидаю: Слынченко Васыль дававъ мени таляра, абы я на Остапа злодійство наволикавъ, то я того таляра, варуй Боже, не бравъ. Очне (въ глаза) тое Васылеви мовлю.

Позвали другого „свидка", Петра Золоченка, но и онъ показалъ то же:

— Варуй того Боже, на Остапа я ничого не знаю, а тое одъ тебе, Васылю, чувъ, що ты Грыцунови дававъ таляра, щобъ винъ на Остапа злодійство наволикавъ.

Слынченко все еще не сдавался и, обращаясь къ истцу, сказалъ:

— Уже ты, Остапе, въ чорныхъ кныгахъ злодіемъ напысанъ.

Судъ велѣлъ „въ чорныхъ кныгахъ шукаты, и не знайдено тои справы, бо и немашъ". Тогда судъ призналъ Василя Слын-

ченка „за власного потварцу“ (настоящимъ клеветникомъ) и примѣнилъ къ нему 109 арт. 4-го разд. Статута, гдѣ сказано, что „потварца“ за первымъ, вторымъ и третьимъ разомъ обязанъ заплатить невинно оклеветанному вины шесть копъ грошей, а за четвертымъ разомъ ему должны быть вырваны ноздри, и онъ, какъ безчестный человѣкъ, не можетъ впредь свидѣтельствовать на судѣ. Такъ какъ Слынченко впервые былъ изобличенъ въ клеветѣ, то его присудили только къ тому, чтобы онъ испросилъ прощеніе у Остапа, вознаградилъ его за судебныя издержки и заплатилъ „панскую вину“.

Конечно, теперь Остапъ (и всякій другой) могъ съ полнымъ правомъ колоть глаза Слынченку, что онъ „въ чорныхъ книгахъ потварцею написанъ“.

—

А вотъ интересный процессъ о безчестьи, возникшій изъ гражданскаго иска.

Кобеляцкій житель Романъ Петличный продалъ Герасиму Пивовару часть своего лѣса надъ р. Ворсклой. На границѣ обоихъ участковъ росъ дубъ, который былъ затѣмъ срубленъ Петличнымъ, а Пивоваръ предъявилъ къ нему искъ, обвиняя, что онъ „того клейненого и проданого дуба, потаемне зрубавшы, ку своему пожыткови прывлащилъ“. Это крайне оскорбило Романа Петличнаго, „старинную и зацную персону“. Явившись въ сотенный судъ, онъ „прекладалъ жаль немалый“, что „при старости своей“ терпитъ столь тяжкое безславіе, и просилъ произвести тщательное разслѣдованіе относительно того, кому именно принадлежало срубленное дерево. Сотникъ Андрей Хилецкій и прочая старшина, близко принимая къ сердцу огорченіе почтеннаго старца, немедленно отрядили четырехъ „вѣры годныхъ“ людей, мѣстныхъ козаковъ, „и при нихъ, за-для лѣпшои певности, чужостороннного человѣка“ Дмитра запорожца, козака куреня Каневскаго. Посланные осмотрѣли пень срубленнаго дуба и пришли къ рѣшительному заключенію, что онъ стоялъ на части, принадлежащей Петличному. Основываясь на этомъ, сотенный судъ призналъ Романа Петличнаго правымъ и приказалъ Пиво-

вару „во всемъ его погодити, правные наклады нагородити и честь оного удостоити“. Герасимъ Пивоваръ, убѣдившись, что онъ легкомысленно опорочилъ невиннаго человѣка, испросилъ у Петличнаго прощеніе, отдалъ ему, въ удовлетвореніе за убытки, у него же купленный лѣсъ и въ видахъ полнаго возстановленія его чести выдалъ ему такую запись: „Я Герасимъ Пивоваръ, житель кобеляцкій, чиню вѣдомо: которую шкоду мѣлъ Романъ Петличный въ зрубаню въ своемъ лѣсѣ дерева, теды о томъ изъ нимъ вѣчне примирье взявши, и сіе мое письмо даю, варуючы того, ижбы (чтобы) жаденъ якъ зъ товариства, такъ и зъ посполыства не мѣлъ нихто ему, Романови Петличному, нѣчого зректи, або тежъ домовити и на честь наганити. А мѣлъ бы хто неуважне що прыкре ему въ томъ домовити, таковый подпадаетъ срокгой карности на здоровью, яко тежъ и заруки выполнитъ: на пана полковника полтавского талярей двадцать, а на врядъ нашъ мѣскій кобеляцкій девять таляровъ; залля чого тежъ и сіе мое письмо ему, Петличному, даю, съ подписомъ руки писарскои и съ притисненемъ печати городовои. Року 1691, декабря 17 дня.

Послѣдняя угроза была бы умѣстна въ судебномъ декретѣ, а не въ частной записи; но такъ какъ самая запись была составлена въ судебномъ присутствіи и утверждена урядомъ, то заключающуюся въ ней угрозу нужно было понимать, какъ исходившую отъ сотеннаго уряда.

—

Еще одно характерное дѣло о безчестьи, происходившее въ томъ же Кобелякѣ, въ октябрѣ 1682 года.

Священникъ никольской церкви о. Михайло обозвалъ своего ктитора Ивана Хведчуна „злодіемъ“. А надо знать, что въ ктиторы избирались люди безусловно честные, пользовавшіеся общимъ почетомъ и уваженіемъ. Опорочить такое лице—значило нанести ему смертельную обиду. Такъ какъ духовную особу нельзя было позвать въ свѣтскій судъ, то Хведчуну, если онъ не хотѣлъ сносить безчестье, оставалось ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту и у него просить суда. Хведчунъ такъ и поступилъ. Въ то время, за отсутствіемъ митрополита, администраторомъ

кіевской митрополіи былъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, по распоряженію котораго былъ присланъ въ Кобелякъ іеромонахъ Амвросій „на инквѣзицію“ по жалобѣ Хведчуна. Онъ открылъ формальное засѣданіе „духовного суда“ при участіи мѣстнаго протопопа Павла Заславскаго и священниковъ—спасскаго Демяна Филиповича и покровскаго Іосифа Василевича. А кобеляцкій сотенный урядъ, „для прислухання тои справы суду духовного“, назначилъ 16 человѣкъ „своихъ товариства, людей зацныхъ“, въ томъ числѣ ктиторовъ: пречистскаго, михайловскаго, пятницкаго и церкви Рождества Богородицы. Священникъ о. Михайло брался доказать, что Иванъ—„злодій“, но не доказалъ. Духовный судъ призналъ, что „самъ отецъ Михайло во всей винѣ зостаетъ, якую на Ивана зринулъ“, а „за такое ущипливое слово, ижъ онъ Ивана злодіемъ называлъ, повиненъ о. Михайло ктитора своего во всемъ, якъ пристоитъ, погодити и годнымъ учинити, вернувши ему вси правныи выклады“. Со словъ присутствовавшихъ на судѣ свѣтскихъ делегатовъ это рѣшеніе немедленно было записано въ сотенномъ урядѣ, скрѣплено подписями и приложеніемъ городовой печати и выдано Ивану Хведчуну въ удостовѣреніе его полной реабилитаціи. Впослѣдствіи онъ внесъ эту запись „задля певнои виры и правного попертя“ (судебнаго доказательства) въ актовыя книги полтавскаго полковаго суда.

---

48. Запорожецъ съ откушеннымъ ухомъ.

Если Хведчунъ и ему подобные были готовы искать суда у самого гетмана, истратить на это хотя бы все состояніе, лишь бы добиться возстановленія опороченной чести, то каково было положеніе козака славнаго войска Запорожскаго, котораго опорочили не на словахъ, „задавши ему злодійство“ или другой „злый учинокъ“, а запятнали на тѣлѣ, какъ обычно клеймили въ то время воровъ и разбойниковъ,—отняли ухо! Такое несчастье постигло въ февралѣ 1683 года запорожца Якова Гу-

сака, товарища сотни Иванининой. Въ ту пору сотня эта зимовала въ полтавскомъ полку. Якову Гусаку пришлось квартировать въ Диканькѣ, гдѣ онъ часто пьянствовалъ и однажды затѣялъ въ шинкѣ ссору съ мѣстнымъ жителемъ Василіемъ Вовкомъ, который въ дракѣ откусилъ ему ухо. На судѣ Вовкъ чистосердечно каялся въ томъ, что „за наущеніемъ бисовскимъ", будучи пьянымъ, „зъ запальчивости гниву", причинилъ Гусаку такой непоправимый изъянъ. Судъ присудилъ ему „еднати" потерпѣвшаго, и Вовкъ не отказывался предложить ему какую угодно „нагороду". Но чѣмъ можно вознаградить человѣка за отнятое ухо? Дѣло было не въ томъ, что потеря такого виднаго члена безобразила козака или что ему не за что было завернуть своего „оселедця", а въ томъ: какъ онъ покажется безухимъ на славномъ Запорожьи? Тамъ все „товарыство" навѣрное заподозритъ, что онъ „збувся" уха за дурныя дѣла, и потребуетъ его удаленія изъ Сѣчи, чтобы онъ не чинилъ безславія всему войску. И всюду, куда бы онъ ни удалился, его ждетъ позоръ и отчужденіе, ибо преступники съ тою цѣлью и карались „назначеньемъ члонковъ", чтобы всѣ ихъ остерегались, какъ людей явно безчестныхъ, способныхъ на все дурное. Какъ же ему оградить себя отъ этого ужаснаго подозрѣнія? Какъ доказать добрымъ людямъ, что не отъ руки палача лишился онъ уха, а потерялъ его въ пьяной ссорѣ? И вотъ Гусакъ потребовалъ, чтобы виновникъ его злосчастія выхлопоталъ для него такое урядовое „письмо", которое онъ могъ бы предъявить въ Сѣчи и вездѣ въ удостовѣреніе своей неопороченной чести и для огражденія отъ несправедливаго подозрѣнія. Исполняя это требованіе, Василь Вовкъ явился въ засѣданіе полковаго суда съ такою просьбою:

— Панове маистрате полтавскій! Поневажъ то я, за наущеніемъ бисовскимъ, выкрочывъ бувъ (провинился) Яковови Гусакови, товарышови сотни Иванынынои козаковъ запорожскихъ, а то въ подпилости, зъ наважденія бисовского, а до того зъ запалчивости гниву, оному ухо зубами откусывъ, що зъ суду вашого декретомъ прыкрыто и велено мени Гусака една-

ты, я того, варуй Боже и не одмовляюся: повыненъ буду, якъ змогу, еднаты. А що бôлшая ричъ, абы Яковъ одъ товарыства войска Запорозского безчестя и наругання и въ потомныи часы не поносывъ, прошу—рачте мылость ваша ему, Якову, пысьмо врядовне даты".

Судъ призналъ просьбу Вовка заслуживающей уваженія и постановилъ: „Выдячы мы склонность (покорность, раскаяніе) Васылеву Вовкову и помиркованя межи обома сторонамы, выдаемъ сие пысьмо врядовне Яковови Гусакови для имовирности, ижъ (что) онъ той члонокъ втерявъ презъ выступокъ Васыливъ, за нестатокъ и злость не отъ кого иншого, тилко одъ власного Васыля Вовка, и тое шкодыты Якову не міетъ на слави его такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко тежъ на поляхъ и где-колвекъ (гдѣ бы то ни было) въ станахъ козацкихъ и при войскахъ, везде, абы оному наганы на честь не роблено и добрій слави его не нарикано, але и овшемъ при стародавній братерскій любви яко зацного товарыша хозано, на що для лиишои виры и певности и задля увиреня кождому, хотячому о томъ видаты, сие наше пысьмо выдаемъ и тутъ въ книги мѣскіе полтавскіе велилысьмо вписаты. Діялось въ Полтави, въ дому судовомъ, 1683 року, февраля 28 дня".

Кромѣ полковой старшины и войта, удостовѣреніе это скрѣпили своими подписями участвовавшіе въ составѣ суда представители Запорожья, въ то время находившіеся въ Полтавѣ: Иванына, „сотникъ товарыства войска Запорожского", непосредственный начальникъ Якова Гусака; Матій, писарь куреня Щербинина, и рядовые запорожцы: Миско Брижаха, Грицко Мсвчаненко, Иванъ Шульга и Петрикъ изъ куреня Васюрина [1]).

---

[1]) Текстъ этого документа напечатанъ въ апрѣльской книгѣ «Кіев. Старины» 1890 г. изъ полт. актовой книги, находящейся въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, но мы нашли этотъ же документъ въ болѣе исправной редакціи въ другой актовой книгѣ, принадлежащей А. М. Лазаревскому.

49. Сынъ, ложно опорочившій отца и брата.

Не диво, когда чужіе люди, ссорясь между собою, по злобѣ взводили одинъ на другого небывалыя преступленія. А вотъ предъ нами случай, что сынъ „задалъ злодійство" родному отцу, брату и зятю, и самъ вызвался быть на судѣ ихъ уличителемъ.

Такимъ „опачнымъ удавцею" (ложнымъ обвинителемъ) оказался старосанжаровскій обыватель Стецько Мосуренко—человѣкъ, по отзыву мѣстнаго сотника, нрава крайне дерзкаго и задорнаго. Поссорившись за что-то съ родней, онъ сталъ разглашать, что его отецъ Антонъ Мосуръ, братъ Миско и зять Василь „много шкодятъ людемъ въ крадежахъ": у такого-то они украли „лемишъ", у иного „чересло" и тому подобныя хозяйственныя мелочи. Нашлись потерпѣвшіе, которые, основываясь на показаніяхъ Стецька, привлекли его родичей къ суду, и послѣдніе были приговорены къ вознагражденію жалобщиковъ и къ уплатѣ судебной „вины". Считая себя невинно опозоренными, Антонъ Мосуръ, его сынъ Миско и зять пришли въ полковый судъ и „плачливе просили святои справедливости":

— Милостывіи панове! Опачне (ложно) той Стецько наволикъ на насъ безчестя, яко бы мы милы бути шкодцамы людемъ въ крадежахъ. Але мы дамо слушный выводъ о своимъ мешканю; тилко, презъ ласку вашу панскую, нехай бы зослана була въ Старый-Санжаровъ якая зацная персона для прислуханя тоеи справы.

Судъ „изволилъ на ихъ жаданя" и послалъ своего делегата козака Миска, а полковникъ полтавскій Ѳедоръ Жученко, сверхъ того, велѣлъ написать старосанжаровскому сотнику, чтобы онъ принялъ особое участіе въ этомъ явно несправедливомъ дѣлѣ и побудилъ Стецька Мосуренка взять назадъ свое обвиненіе, испросить у отца, брата и зятя прощеніе и „честь онымъ нагородити".

Но Стецько пренебрегъ внушеніемъ сотника, и слѣдствіе было произведено. О результатахъ его козакъ Миско такъ доложилъ полковому суду:

— Панове! За опачнымъ вданямъ Степановымъ, неслушне обвинено було Антона старого и сына его и зятя.

При этомъ онъ представилъ „атестацію одъ старшины старосанжаровской“ въ формѣ нижеслѣдующаго письма сотника къ полковнику:

„Мосци пане полковнику полтавскій, мій милостывій добродію! На росказаня ваше панское, заразъ Степана Мосуренка прызвавши передъ себе, вычытали вашъ поважный листъ, ижбы (чтобы) погодывъ отца и брата и зятя, наклады правныи поворочавши, и честь онымъ нагородывъ, который Мосуренко, не слухаючи важного вашого письма, еще идеть молестовати (утруждать) вашу мудрую голову. Змылуйся, добродію, такому плутови не повирай, бо винъ якыйсь характерныкъ: много нашымъ жителемъ пакости почынывъ черезъ свою неуважную губу. Вси люде ёго якъ недоброго оббигаютъ: хочъ за малную (малую) справу, то заразъ до суду енералного вдается. О которомъ вашій панскій милости ознаймывшы, зостаю вашмости пану найподлійшымъ слугою Никифоръ Мазанъ, сотныкъ наказный старосанжаровскій. Року 1690, мая 8 дня“.

Въ письмо была вложена особая „цедулка“, въ которой собственно и заключалось донесеніе о результатахъ разлѣдованія дѣла. Здѣсь стояло: „Милостывій добродію! У першомъ ихъ заводи передъ намы Стецько подвоивъ соби мову: перше казавъ—„у Цопенка лемишъ потай узялы“, а Цопенко мовытъ: „въ мене чересло, а не лемишъ пропавъ“; ажно наопосли вже ставъ мовыты: „у Васька Бовы лемишъ узялы“. То першое его обмылное слово. Цопенко казавъ (обѣщалъ) Мосуру передъ правомъ ревиковаты“ (взять назадъ обвиненіе).

Судъ призналъ Стецька Мосуренка виновнымъ въ томъ, что онъ „на отца своего, на зятя и на рожоного брата наволикъ велыкое безчестя и прывивъ ихъ до утраты“, а потому декретомъ постановилъ, „абы оный опачный вдавца“ выполнилъ

обрядъ „ревокаціи“, „упросилъ и во всемъ погодилъ“ невинно опороченныхъ родственниковъ, возвратилъ понесенные ими „правные выклады“ и заплатилъ „вину панскую и врядовую“.

---

50. Ссора между родственниками.

Въ октябрѣ 1694 года богатая полтавская мѣщанка Цыганчучка выдавала замужъ дочь. Свадьба была пышная и „бучная“ и продолжалась цѣлую недѣлю. Въ числѣ ежедневныхъ гостей бывалъ тамъ родственникъ невѣсты, сынъ бывшаго полтавскаго войта Лукьянъ Максимовичъ и его „швагеръ“ (братъ жены) Андрей Ваценко. Несмотря на близкое родство, оба они были въ давней ссорѣ другъ съ другомъ, и сколько ни старались родственники примирить ихъ, ничего изъ этого не выходило. Лишь на третій день свадьбы, среди ночного пира, сильно охмелѣвшій Ваценко неожиданно загорѣлся желаніемъ выпить мировую съ „швагромъ“, но его уже не было среди гостей: незадолго передъ тѣмъ Лукьянъ, тоже изрядно пьяный, незамѣтно удалился. Тогда Ваценко изъявилъ намѣреніе отправиться къ Лукьяну въ домъ. Напрасно его отговаривали отъ этого, указывая на позднюю ночную пору; Ваценко не послушался и, пригласивъ себѣ въ спутники двухъ тоже не вполнѣ тверезыхъ пріятелей, отправился мириться къ Лукьяну.

Результатомъ этого несвоевременнаго визита было то, что Лукьянъ на другой день пришелъ въ полковый судъ и заявилъ такую жалобу:

— Мылостывый пане уряде! Будучи мени вчорашнёго вечера у Цыганчучкы на весилю, одколь южъ пизно прышедши до господы моеи, положылемся спаты. Ажъ опивночи Андрій Ваценко, швагеръ мій, знаты зъ непрыязни и особлывого гниву, якый винъ на мене здавна маетъ, прыйшовъ зъ Щербаченкомъ и зъ Иваномъ Дрыжджєнкомъ до господы моеи, и жаднымъ одозвомъ а ни словомъ мене не звистывшы, якая була ёму до мене потреба, почавъ першъ мене Дрыжджєнко клыкаты: „вставай,

мовытъ, Лукьяне, одчиняй намъ"! Я жъ, панове, самъ не одмовлявся до ныхъ, бо бувъ пидпылый, а господыня (т. е. жена) моя одказала имъ: „Для чого, мовытъ, вставаты? И Лукьяна самого дома не маешъ; не намагайтеся"! Потимъ зачувъ я, що и Щербаченко тамъ же бувъ, бо виконыцею кимнатною трусячы такъ, що мало онои изъ зависокъ не позрывавъ, тежъ будывъ мене. Про те я и до ёго не обзывався, а господыня моя знову нарикала имъ, що такъ неслушно середъ ночи чынятъ галасы; правди, и не ганыла имъ. Ажъ въ той часъ заразъ не видаю хто зъ ныхъ, знаты, обухомъ по тому викну кимна̂тному почавъ быты, що ажъ оконныци шматъ зъ середыны вылупылося и въ оболони и една шыба не осталася, кримъ самыхъ рямъ; а потимъ и до остатку тую жъ оконныцю хтось побывъ, де и мене, лежачого на постели, скризь тое жъ викно кимна̂тное мало не обезвичывъ. Того вже я не могучы билшъ терпиты, а обизвавшыся до ныхъ, ставъ пытаты: „для якои миры и одъ кого неслушная такъ надъ домомъ моимъ вщынается руина середъ ночи"? Ажъ Ваценко тогди обизвався противъ мене яростно: „Отъ пизна́ешъ, одъ кого, бо ще достанется и тоби"! Выдячи ёго, Ваценка, що не въ добрій мысли противъ мене, и не маючы общого (стороннаго) чоловика, кымъ бы можно мени освидчытыся, тилко самымъ Богомъ и ёго жъ, Ваценковымъ, товарыствомъ свидчывся я, що такая негидность и розореня домивци моій одъ Ваценка строится. А до того Ваценко и на здоровя мое чынывъ похвалкы, повидаючы: „маю тебе самого и жону твою обухамы трепаты, не тилко твои викна быты". Що мылостямъ вашымъ освидчаючы, прошу зъ ёго, Ваценка, въ тій мири святои справедлывосты".

Спросили свидѣтеля или, точнѣе, участника этого происшествія, Ивана Дрыжадженка, какъ происходило дѣло. Онъ далъ показаніе:

— Правда, панове, булы-сьмо вкупи зъ Ваценкомъ на весилю у Цыганчучкы, тилко вкупи зъ Лукъяномъ не сыдилы, одкиль вже й надто пизно одишедшы, прыйшлы-сьмо зъ нымъ же, Ваценкомъ, и до двору Лукъянового. Я, правди, тилко що

клыкавъ Лукъяна, щобъ вставъ; также и Щербаченко хочъ трусывъ оконныцею, але не учынывъ жаднои шкоды. А Ваценко—чого, не видаю: чы зъ жарту, або зъ гниву,—взявшы у выростка школного (подростка—школяра) обухъ, почавъ быты по оконныци, въ якои за первымъ ударомъ и шматъ середыны одлетивъ, а потимъ и оболону (раму) всю на дризкы побывъ. Лукъянъ зась тогди, обизвавшыся зъ кимнаты, мовывъ: „для чого вы такъ домови моему чыныте збытки, и хто власный злый сынъ тому есть дійця“? и свидчывся намы. А Ваценко на Лукъяна зъ фуріею одказувавъ: „не тилко, мовытъ, оболону твою одну выбывъ, и вси ще повыбываю, а самого тебе, овакый сыне, забью“. А такъ, по тимъ ростырку, розійшлысьмося по домахъ. Тое, панове, що знаю и видаю, по истыній правди, пидъ прысягою Божою, и мылостямъ вашымъ повидаю“.

Спросили и „сторону прыпозваную“, т. е. отвѣтчика: „Для якои прычыны такъ важывся на чужый домъ ночною порою найты и кгвалтъ строиты“? Ваценко отвѣтилъ:

— Панове! Жадного на Лукъяна ренкору (злопамятства) не милемъ, тилко за любовъ прыйшолемъ бувъ зъ людьмы до ёго дому; а поневажъ такъ ся стало, що, за жартъ того не прыймуючы, теперъ мене позываетъ и хочетъ худобы позбавыты, гребай вже ёго песъ, сякого овакого сына! Нехай позываетъ: скоро выдхнетъ тое, що батько ёго, бувшы войтомъ, надравъ зъ миста! А я ёго за тое перепрошу: вына моя въ тимъ.

Судьи поспѣшили унять забывшагося отвѣтчика. „Знаты“, замѣтили они, „що на те и походытъ, якъ Дрыжджeнкове объявыло свидоцтво, колы ты и передъ судомъ Лукъяна ганышъ, яко ся не годытъ и слухаючымъ брыдко“.

Затѣмъ судъ призналъ нужнымъ послать изъ своей среды бурмистровъ Семена Иляшенка и Олексу Рымаря для осмотра поврежденій, причиненныхъ Ваценкомъ дому жалобщика. По возвращеніи посланные доложили суду:

— Такъ есть, панове: викно кимнатное зъ улыци выбыто и виконыця на прахъ побыта, а въ оболони и еднои шыбы (стекла) немашъ, тилко сами ряма“.

Въ это время Лукьянъ Максимовичъ, въ опровержeніе оскорбительныхъ для памяти его отца словъ, произнесенныхъ на судѣ „запамяталымъ" Ваценкомъ, „презентовалъ" суду документъ съ просьбою о прочтеніи его вслухъ всѣмъ присутствующимъ. Это была „квитанція", выданная „мѣйскимъ" урядомъ его отцу въ 1688 г., когда онъ оставилъ войтовскую должность. Мѣщане удостовѣряли, что бывшій войтъ Максимъ Попенко представилъ имъ „слушный рахунокъ" (правильный отчетъ) по своей должности. Квитанція была посвидѣтельствована бывшимъ тогда полковникомъ Ѳедоромъ Жученкомъ, снабжена двумя печатями, полковою и „мѣйскою", и внесена въ актовыя книги.

Судьи признали Ваценка подлежащимъ наказанію „за найстя домовое (нападеніе на домъ), за кгвалтъ поры ночнои и за безчестя на Лукъяна" и выписали изъ Статута 1-й артыкулъ 11-го раздѣла, по которому виновный въ первыхъ двухъ проступкахъ долженъ подвергнуться штрафу въ 12 рублей грошей и сверхъ того „седѣня утерпѣти дванадцять недѣль у вязеню". Но принимая во вниманіе родственныя отношенія тяжущихся и то обстоятельство, что Ваценко совершилъ проступокъ въ пьяномъ состояніи, судъ освободилъ его отъ положеннаго въ законѣ наказанія, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ „пана Лукъяна, яко ображеного, во всемъ поедналъ, шкоду оправилъ и правные наклады (судебныя издержки) отъ мала до велика поворочалъ и конечне нагородилъ, при заплаченю вины панскои и врядовои". А если бы Ваценко или, по его подговору, кто-либо иной впредь „важился" Лукьяну „якый кгвалтъ або безчестя задавати", въ такомъ случаѣ виновный долженъ уплатить „вину"—пану полковнику полтавскому 100 таляровъ и на урядъ мѣйскій 50 таляровъ.

---

51. Споръ изъ-за наслѣдства.

Старосанжаровскій козакъ Гаврило Саранда, умирая (въ 1693 г.), завѣщалъ замужней дочери своей Параскѣ Гонтарихѣ

почти все свое состояніе—и млынки, и гаи, и сады, и нивы, и проч., а единственному сыну Максиму и зятю, старосанжаровскому священнику о. Григорію, оставилъ очень мало. Считая себя обиженными, оба они явились въ полтавскій полковый судъ и занесли жалобу:

— Ласкавыи панове! Небожчыкъ отець нашъ Гаврыло Саранда, передъ кончиною живота своего роспоряжаючи тестаментомъ набытые (пріобрѣтенныя) добра свои, мало що на нашу сторону зъ тыхъ добръ лекговавъ (завѣщалъ), а все Парасци, сестри нашій старшій а дочци своій, отказавъ, въ чомъ намъ діется немалая крывда одъ сестры. Просымо въ томъ у мылостей вашыхъ слушнои справедливости.

Позванная Параска явилась въ судъ со свидѣтелями, присутствовавшими при составленіи отцемъ ея „духовныци“ (завѣщанія), и такъ показала:

— Мои ласкавыи панове! Небожчыкъ славнои памяты отець нашъ Саранда, споряжаючы тестаментъ, уразывся на мого брата а свого сына Максыма за лотерство (негодяйство), що винъ есть немирный (безмѣрный) пьяныця и зъ запалчивости гниву духовныцю отцевскую подравъ, и подравшы, у пичъ вкынувъ и спалывъ. А отцу Григорію, зятеви своему, небожчыкъ зъ тыхъ миръ ничого зъ добръ своихъ не лекговавъ, що отець Григорій зъ небожчыкомъ черезъ тры рокы, ажъ до кончыны ёго, гнивъ міючы, колы небожчыкъ и кончався, и въ той часъ на очи не явывся и прощення, подлугъ заховалости (обычая, долга) хрыстіянскои, не учынывъ зъ родычомъ.

Свидѣтели подтвердили, что Максимъ Саранденко, узнавши, что отецъ тестаментомъ завѣщалъ ему меньше, чѣмъ старшей сестрѣ, въ ярости „тую отцевскую духовныцю подравъ и спалывъ“, а о. Григорій до смерти тестя оставался съ нимъ въ ссорѣ.

Судъ постановилъ: „поневажъ Максымъ Саранденко, такъ малоумный, зъ пьянства, легце поважывшы родителское роспоряженя, шарпаты и палыты отцевскій тестаментъ важывся, наказуемъ декретомъ, абы въ потомныи часы якъ оный Максымъ,

такъ и отецъ Григорій, сестры своеи Параскы за выпнысаны добра не важылыся турбоваты, подъ зарукою ста таляровъ, що вѣчне варуемъ и для твердости сторони позваной сей нашъ декретъ, зъ подпысомъ руки нашои полковнычои и зъ прытисненіемъ печати полковои, выдати росказуемъ".

Помимо исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, рѣшеніе полковаго суда вообще не противорѣчило существовавшему въ Малороссіи обычаю, въ силу котораго родители были въ правѣ распорядиться остающимся послѣ нихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь предписаніями Лит. Статута или Магдебурскаго права.

---

52. Мировая при участіи суда.

Въ числѣ многихъ патріархальныхъ обычаевъ старой Малороссіи слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „угоду", „помиркованье" или „добровольное прощеніе". Это не была теперешняя мировая, когда тяжущіяся стороны по взаимному соглашенію прекращаютъ тяжбу на извѣстныхъ, точно выговоренныхъ условіяхъ. „Угода" состояла въ томъ, что примирившіеся шли въ судъ и заявляли о своемъ намѣреніи больше не ссориться и жить въ прежней любви и согласіи. Судъ принималъ это къ свѣдѣнію, налагалъ денежную „заруку" на того, кто первый нарушитъ „угоду", и все это для памяти записывалъ въ актовыя книги. Иногда „угодѣ" предшествовала судебная тяжба, но часто ея вовсе не было, а просто люди враждовали между собою и потомъ приходили въ судъ и заявляли о состоявшемся примиреніи.

Вотъ для примѣра—„угода и прощеніе добровольное промежъ" двумя полтавскими „паніями". Пани Пелагея Яковыха Тандитнычка и невѣстка пана Андрея Будянскаго Педка (Өеодора) Грицыха жили въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорились изъ-за разныхъ пустяковъ. Въ іюлѣ 1688 года пришли онѣ обѣ въ полковый судъ и заявили:

— Панове! По неуважныхъ пбсварахъ нашыхъ сусидскыхъ, прыйшлысьмо теперъ зобополне до вичыстои угоды, хотячы въ першій любви сусидскій жыты и пбсваровъ промежъ собою понехавшы одъ сёго часу. Просымо, панове, нехай то буде видомо милостямъ вашымъ и задля стверженя можетъ буты вписано въ кныгы мискіи полтавскіи.

Судъ сдѣлалъ постановленіе: „Слышачи тую доброволную угоду, варуемъ и твердою зарукою стверяжаемъ: колы бъ отъ сёго часу найменшіи ущыплывіи слова мила узнаты пани Яковыха отъ паніи Грицыхы, такъ тежъ и пани Грицыха отъ паніи Яковыхы, повынна будетъ сторона, протывная сій угоди доброволной, вины войсковои платыты до скарбу войскового тысячу золотыхъ, а особлыве пану полковныкови полтавскому сто таляровъ, на що для памяти и въ потомныи часы велилысьмо угоду сію въ книги мѣскіи впысаты“.

Послѣ этого обѣ паніи должны были всѣми мѣрами сдерживать свои языки, такъ какъ малѣйшее „ущипливое слово“ обошлось бы для нихъ слишкомъ дорого.

—

А вотъ „згода и поедналя честного отца Григорія Горуновича, пресвитера переволочанского, съ паномъ сотникомъ переволочанскимъ Иваномъ Ковальчукомъ за посваръ“, состоявшаяся въ іюлѣ 1699 года. Этой „згодѣ“ предшествовала продолжительная „контроверсія“ между обоими почтенными лицами, „въ якій контроверсіи вчынылося побытья и головы пробытья и волосовъ вырваня, а тое побытья и турбація сталася за дориканя и оболженя отцемъ Горуновичемъ Ивану Ковальчуку“. Теперь обѣ стороны заявили полтавскому полковому суду, что „взялы межи собою прощеніе вѣчное“, и просили судъ, „абы тое было на врядѣ запысомъ обваровано, щобъ одъ сего часу едынъ другому не чынывъ перехвалокъ якъ въ словахъ безчестныхъ, такъ и въ дили на здоровя, а не тилко черезъ себе, але и черезъ иншыхъ людей. А мила бъ одъ якои рукы початкомъ статы вражда и посваръ, або побытья, любо похвалка

(угроза), таковая сторона будетъ повынна платыты—честный отецъ Горуновичъ на преосвященного его милость отца архыпастыря (митрополита) талярей сто, а Ковальчукъ на пана полковныка талярей сто вины".

Судъ „ствердилъ помиркованя сеи згоды" и для памяти велѣлъ все это записать въ книги.

Ор. Левицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повисть.*)

XIII.

По пьятныцяхъ у панивъ Рыбалкыныхъ не варылы николы обидаты. Диты нышпорылы цилый день по закуткахъ, шукаючы по полыцяхъ та судныкахъ якои зйижы, але даремно, бо, причъ жытнёго хлиба та вчорашнёи картопли, не знаходылы ничого. Самъ панъ Рыбалкынъ не мавъ тежъ у ци дни свого снидання и не прыходывъ зъ суду ажъ до вечирнёго чаю.

Кожна копійка, кожна краплына масла, булкы—все сберегалося для тихъ бенкетивъ, що завелыся зъ того часу, якъ старша дочка, Катруся, скинчыла гымназію.

Легко сказаты: доросла дочка! Шо зъ нею робыты, куды подиты, якымъ чыномъ збутыся іи, покы не змарнила? Видома ричъ, що безъ порады та допомогы добрыхъ людей, ничого самъ не вдіешъ. „А де найкраще зибраты тихъ людей та запобигты ихъ ласкы, якъ не у себе за зеленымъ столыкомъ, або доброю

---

[1] См. «Кіевск. Стар.» № 10.

вечерею?“—доводыла пани Рыбалкына своёму чоловикови, колы винъ иноди було зважытся запытаты своеи жинкы: „навищо збуватыся такъ швыдко своеи дытыны та неволыты іи замижъ, и чы не краще було-бъ, якъ-бы іи подержаты рикъ-другый дома, абы вона встыгла прыдывытыся до людей, до жыття, та выробыла самостійни погляды?“

— Ни, ни! Не згадуй мени, не кажы про ту самостійнисть!—сыдыть вона вже й такъ мени у печинкахъ. Хыба, думаешъ, Катруся дивувала-бъ доси, колы-бъ не ота проклята самостійнисть іи? Мало я мукы та горя прыйму, покы вытягну іи куды-небудь въ гости, або умовлю выйты до людей? Або оци кныжкы! Навищо воны здалыся, на якый кинець та безличъ кныжокъ?—пытала зъ одчаемъ пани свого чоловика.

— Кныжкы, певна ричъ, пидуть ій на корысть,—заспокоювавъ панъ жинку.

— На яку корысть? Що ій дадуть ти кныжкы, причъ тыхъ идей, що тилькы голову забываютъ та молоде чоло зморшкамы нивечать? Скинчыла гымназію—и досыть наукы: ніяка освита не дасть щастя. Я сама жинка и краще за тебе розумію, що дійсно потрибно за-для щастя жиночого. Едынымъ бажаннемъ, едыною метою панночкы йе и буде—думка збудуваты, яко мога швыдче, свое гниздечко.

— Не легка ричъ збудуваты те гниздечко!—завважавъ панъ.—Спочатку треба ще навчытыся, якъ будуваты его, потимъ якъ пидтримуваты ёго, якъ захыщаты видъ недобрыхъ вплывивъ, якъ прыстасуваты ёго до умовъ сучасного жыття,—це цила наука...

— Наука? Яка тамъ наука?—дывувалася пани.—Господь надилывъ кожну жинку особшымъ инстынктомъ, и того инстынкту завжды досыть за-для будивли свого гнизда. Ніяка наука, ніякы кныжкы не заминять жинци того Божого дару...

Колы доходыло до инстынкту, панъ Рыбалкынъ завжды пассувавъ. Того особлывого инстынкту, що заминяе жинци на протязи всёго жыття и досвидъ, и науку, и принципы—того инстынкту панъ Рыбалкынъ віякымъ чыномъ не мигъ зро-

зумиты, але винъ бувавъ не разъ свидкомъ, якъ жинка ёго, колы обступалы ихъ злыгодни, покладалася на голосъ того инстинкту, якъ выпростовувалась, дякуючы ёму, зъ мицныхъ тенетъ,—и вже не суперечывъ.

— Робы якъ знаешъ: може ты й справди краще за мене розумієшъ у цихъ жиночыхъ справахъ? Колы справди ци пьятныци неодминно потрибны за-для щастя нашои доньки, то я не перечу: хай збираются люде. Тилькы чы не можна було-бъ у ци дни не залышаты насъ безъ обиду?—пытався несмилыво панъ.

Робыты у одынъ день и обидъ и вечерю—ричъ, звычайно, неможлыва пры тихъ достаткахъ, яки мала пани Рыбалкына. Диты та чоловикъ повынни булы поступытыся однымъ обидомъ на тыждень, и пьятныци справлялыся що-разу.

Приська нагодылася саме у пьятныцю. Вже була обидня пора, колы молодыця увійшла у кухню, але пичъ ще не топылася. Пани розхрыстана, нечисана, въ якыхъ-сь патынкахъ на босу ногу, прыймала рахунокъ видъ куховаркы.

У кухни стоявъ гармыдеръ; видъ повнои, мало не черезъ верхъ, помыйныци йшовъ негарный духъ; неповымывани горшкы, сковороды та мыскы валялыся пидъ лавою. У велыкому кошыку лежалы прынесени зъ торгу покупкы, и пани, вытягнувшы звидтиль шматокъ яловычыны, накынула ёго на безминъ.

— Скилькы хвунтовъ купыла?—запыталася вона, прыдывляючысь до безмина.

— Пьятнадцять—видмовыла куховарка, прыдывляючысь и соби до безмина.

— Брешешъ! тутъ тилькы чотырнадцять: хыба я не бачу? Злодійко! Що-дня крадешъ! Вчора за крашанкы грывеныкъ показала, а воны висимъ копіёкъ коштувалы, сёгодни хотила за хвунтъ мьяса украсты.

— Спытайтеся Ганны,—вона бачыла, якъ я вчора й крашанкы купувала, скилькы сёгодни й ризныкови заплатыла,—мовыла куховарка.

— Що мени до тіеи Ганны? Твоя Ганна така-жъ сама злодійка, якъ и ты! Вси вы однакови!—закрычала пани.—А за рыбу скилькы дала?—звернулася вона изнову до куховаркы.

— Пьятдесятъ копіёкъ.

— Пьятдесятъ копіёкъ? Ахъ, ты-жъ, калико остогыдла! Ця рыба и трыдцяты копіёкъ не коштуе. Такъ це панъ служытыме за-для того, щобъ я ёго заробитокъ, злодійко, на поталу виддавала? Шкода́, не надійся! не подарую я тоби ціеи крадижкы!—запышу десять копіёкъ за мьясо, двадцять за рыбу, та дви за крашанкы. Про мене хочъ зразу и розсчотъ беры, а грошей пановыхъ я даруваты не стану.

Куховарха опустыла очи до-долу. Весь іи скаличеный станъ зигнувся ще дужче, немовъ хтось несподивано кынувъ на плечы ій пьятыпудовый лантухъ. Легко сказаты: беры розсчотъ! А що потимъ робыты? Куды подитыся горбатій накрытци зъ малою дытыною на рукахъ?

Господь зъ вамы! Запысуйте, колы гриха не боитеся,—видповила куховарка, утыраючы слёзыну на щоци.

А рыночку хто розбывъ?—накынулася изнову на неи пани.

Дытына... якось упустыла... ненарокомъ,—мовыла куховарка стуляючы, не знать для чого, черепья до купы.

— Такъ я годую твою дытыну для того, щобъ вона мени шкоду робыла? Маты краде, дытына бье... Ни, якъ хочъ соби, а я прыпышу ще шисть копіёкъ...

— Рыночка, панійко, коштуе чотыры копійкы. Вы самы іи й купувалы,—несмилыво нагадала куховарка.

— На ярмарку чотыры, а теперъ шисть,—одризала пани и чоркнула у своій кныжечци ще шисть копіёкъ.

Прыська стояла не въ тыхъ не въ сыхъ. Де-килькы разивъ перебигала думка утекты заздалегидь зъ цёго пекла, алежъ... не дурно Степанъ шукавъ ій такъ довго мисця та выбиравъ найкраще. Винъ-бы не порадывъ ій цихъ панивъ, колыбъ не певенъ бувъ, що тутъ ій буде гарно. Лейби—абы кудынебудь наймычку вперты хочъ на одынъ день та выдурыты кар-

бованця за свои клопоты, а Степанови яка корысть обманюваты іи? Въ кухни, правда, нечепурно та неохайно; сама пани... якась чудна та недобра,—але може справди и куховарка лукава, може вона краде, якъ и Тытьяна, та не доглядае панського добра? До того: куды мае вона теперъ и тикаты? До Сохвіи Трохымовны вона не вернется, покы ажъ не пойиде звидтиль дядько Максымъ, а бильше нема ій прыстановыща.

— Ты хочешъ нанятысь?—звернулася нарешти пани до Приськи. Покоянка повынна у мене прыбираты горныци, шыты, праты—одно слово робыты все, що загадаю. Плата—чотыры карбованци на мисяць.

— А чай та сахаръ?—запытала молодыця.

— О! чай та сахаръ—зайви прымхы за-для наймычкы,—видповила пани.—Колы ты справди така роскишна та ласа до чаю, то купуй за свій коштъ.

— Плата мала, до того безъ сахарю та чаю... Скризь покоянкы беруть не меньше пьяты карбованцивъ.

— Ну и служы „скризь". Чого-жъ ты до мене прытёпалася, я тебе не знаю и не клыкала. Зпоконъ вику платыла я по чотыры карбованця, чаю та сахарю николы не давала и рады тебе своихъ порядкивъ не змиию!—розсердылася пани.

Молодыця повагалася трохы, подумала-подумала, але згадала дядька Максыма, Сохвію Трохымовну и ришуче скынула платокъ та заходылася прыбираты горныци. Горныци здывувалы молодыцю ще дужче, нижъ кухня. Корридоръ роздилявъ вподовжъ увесь будынокъ на дви половыны, и здавалося, що у кожній половыни жывуть люде зовсимъ несхожи ни звычаямы, ни потребамы, а ни достаткамы. На схидній половыни, де була гостынна та столова, убрання горныць було пышне, навитъ роскишне: цинни лампы, дзеркало, аксамытови канапы та стульци господаривъ; на захидній-же, де жыла симья Рыбалкыныхъ, навить у кабинети пана, бракувало стульцивъ, подушокъ, покривли на лижкахъ и другыхъ найголовнишыхъ за-для кожнои людыны ричей. Що пьятныци захидни кимнаты замыкалыся на замокъ, и пани мала багато турботъ черезъ ныхъ зъ Катрусею,

що наче навмысне що хвылыны видчыняла двери то въ дитську, то въ спальну кимнату и божылася, що поклыче туды гостей.

На цей разъ у тыхъ кимнатахъ було ще неохайнише, нижъ завжды, бо горнышнои не було, и все було запущене та непомыте.

Самій пани було не меньше клопоту за Приську. Вона выймала посудъ, бигала то у лёхъ, то у лёдовню, лагодыла одягу, важыла та одмиряла куховарци—одно слово бигала не прысидаючы; проте ци клопоты та биганына не пособылы ій розважытысь видъ одніеи думкы, що засила ій у голову, немовъ той гострый цвяшокъ у дубову дошку, и не давало весь часъ спокою. Наймычкы верталыся до неи то за тымъ, то за иншымъ, диты тежъ разъ-у-разъ лизлы у вичи; вона давала всимъ порядокъ, гримала на дитей, але думка: якымъ чиномъ та якымъ робомъ здобуты соби такый кылымъ, якъ у пани Лыстовськои, не покыдала іи ни на хвылыну.

Кылымъ коштуе не меньше видъ двадцяты карбованцивъ, а у кышени зисталося всёго симъ, и на ныхъ треба прожыты ще десять день!

— Не дасть, не дасть, проклятый крамарь у набиръ,— клопоталася сама соби пани.—Не дасть, не повирыть, бо вже набрала чымало,—зитхала вона, пораючысь биля судака. Лышалася ій едыная надія—надія на той самый жиночый инстинктъ, що вызволявъ іи стилькы разивъ зъ лыхои прыгоды. Питы хыба, спробуваты?

Пани накынула ротонду и майнула въ городъ. Не дали, якъ черезъ пивъ-годыны вона повернулася, а за нею прынеслы зъ крамныци кылымъ, ще кращый, нижъ навить той, що бажала соби пани здобуты.

— Мамо! що ты робышъ? Опомьятуйся! Де ты визьмешъ грошей, щобъ оплатытыся по крамныцяхъ? Мыколи чобітъ бракуе, ни въ чимъ ходыты у гимназію; батько ходыть у драному пальти, у мене сорочкы путящои немае, сама ты босиссенька!—навищо тоби той кылымъ? Чы то-жъ не соромно було тоби прохаты крамаривъ, уклонятыся, божытыся та прысяга-

тыся имъ, що завтра-пислязавтра прынесешъ грошы, колы сама знаешъ, що то неправда?—напалася на матирь Катруся.

— Грубіянко невдячна! геть зъ очей моихъ!—крыкнула не своимъ голосомъ пани.—За-для кого пнуся я, якъ не за-для тебе, божевильна! Хыба я можу запрохаты Мыколу Мыхайловыча, або Васыля Мыколаевыча на злынялый кылымъ? Чы зважуся я показаты тебе людямъ у полатаній сукни? Хыба хто зверне увагу на тебе, задрипанку? Хыба ты не будешъ тоди останнёю помижъ панночкамы?—Але Катруся вже не чула останнихъ ричей,—вона побигла до своеи кимнаты и тамъ дала волю слёзамъ. О! якъ боляче щемило ій серце, якъ тяжко було на души!

Цей кылымъ, ци сукни шовкови, куплени коштомъ брехни, ци пляшкы дорогого, неоплаченого ще зъ тамъ-того року, вына,—въ кожній склянци того вына, въ кожному шматочку ласои зйижы гости ковтають краплыны крови, здоровья, навить доброи славы іи безталанного батька.

Невже все жыття, все счастя іи залежыть видъ цихъ выпроханыхъ кылымивъ, видъ цёго выдуреного оксамыту, видъ цёго вына, за-для чого доводытся старенькому та недужому батькови такъ гирко працюваты, залышуваты меньшихъ братывъ та сестеръ безъ найголовнійшыхъ потребъ?

— Изнову плачешъ? Подывысь на себе въ дзеркало! Навищо ты походышъ? Черезъ яку годыну прыйдуть гости, и якъ ты выйдешъ до ныхъ? якъ покажешся на очи людямъ?—мовыла стурбовано пани, увиходячы у кимнату своеи доньки.—Ты изнову розпустыла карсетъ?—додала вона въ жахомъ угледивши на стульци розпоротый по всихъ зшыткахъ карсетъ.

— Вы такъ зашылы ёго, що мени никуды було и дыхаты,—видмовыла утыраючы слёзы панночка.—Я не хочу шнуроватыся.

— Изнову сваволъство!—скыпила пани.—Изнову перечышъ мени! Я не можу бачыты твого стану, колы ты не зашнуруешся, якъ слидъ. Я не хочу, щобъ мою дочку перекупкою прозывалы!

Пани ухопыла голку та нытку и знову зашыла карсеть.

А тымъ часомъ почало вже смеркаты. Зъ хвылыны на хвылыну можно було сподиватысь гостей. Пани кынулася до другыхъ дитей: треба було ихъ ще порозчисуваты, поумываты, и Приська надывувалася вволю, дывлючысь, якъ пани спокійно, зъ легкымъ серцемъ, натягала на чорни сорочкы своихъ дитокъ новомодни сукни, на боси ноженята—дороги полусапожкы. „Колы немае спроможности одягтыся гараздъ видъ самои сорочкы,—чому не початы зъ верхнёи одягы? Колы немая снагы задовольныты и себе й людей заразомъ,—чому не запобигты попередъ людськои хвалы“?—завжды казала було пани Рыбалкына Катри. Катруся николы не погожувалася зъ тымы доводамы, а Присьци немовъ ажъ шкода стало дитей. Мымоволи прыгадалася ій теперъ ненька, сестра, ятривка—вси селяне, що пидъ заплатаною свытыною малы завжды билу, якъ снигъ, тенетку, що дбалы насампередъ про шматокъ хлиба, що потрачалы свои лита та здоровья за-для справы найпотрибнишыхъ у жытти ричей,—и вперше запытала себе: за-для чого побываются та гирко такъ працюють таки недужи паны, якъ оцей панъ Рыбалкинъ, напрыкладъ, колы диты та симья можуть ходыты и голодни и голи?

О девьятій годыни почалы зйиздытыся гости, а черезъ пивъ-годыны вже зибралысь уси.

Чоловикы понудылыся трохы, але ось вынеслы карты, и воны оточылы зелени столыки, незабаромъ одирвалыся одъ землли и полынулы вкупи зъ дымомъ цыгарокъ, полынулы думкамы... полынулы... выбачайте, далеби не знаю, у яки земли, у яки страны, чы на яки зирки лынуть думкамы освичени люде, за картамы сыдючи!.. Хай я краще поведу васъ до жинокъ—до круглого столыка, навколо якого розмистылыся по канапи та стульцяхъ паніи та дви панночкы. У ныхъ вже почалася жвава розмова про боляче, пекуче пытанне—про наймычокъ. На превелыке счастя мое мени не доведется спысуваты тіеи розмовы, бо це пытання, хочъ и не легке, тутъ розришалось по-простому: вси погожувалыся, що наймычкы останнимы часамы по-

гиршалы, що потребы ихъ ширшàють, що працю свою воны цинять дуже высоко, и тилькы одна частына того пытання—чы слидъ наймычку вчыты грамоти, чы не слидъ?—счынила маленьку незгоду, бо панны обурылыся проты пани Рыбалкыной и сталы въ одынъ голосъ доводыты, що наймычокъ повынно вчыты грамоти. Пани Рыбалкына, звычайно, мала що имъ видказаты, бо ни у кого напевне не перебувало стилькы наймычокъ, якъ у неи, ни у кого не було стилькы досвиду у цій справи, нихто не мавъ такого велыкого жиноцького инстинкту, якымъ надилывъ іи Господь,—але на цей разъ вона спересчалася неохоче и все поглядала занеспокоена чимъ-сь у бикъ...

По хати ходывъ взадъ та впередъ вже годыну Мыкола Мыхайловычъ—молодый парубокъ и завжды прыемный гисть у господаривъ, де йе доросла донька. Винъ очевыдячкы страшенно нудывся та сумувавъ, але-жъ чы вгадаты кому, що діется у серци ёго? Може кучеряву голивоньку ёго посилы думкы про гирку недолю робитныка на цукроварни, може серденько его нетерпляче трипается видъ щырого бажання пособыты тому сиромаси? Але хто ручатымется, що того смутку, того жалю не навіяла непрыемна звистка, що облюбована посада, зарады котрои зменьшався та уклонявся винъ не разъ, зарады котрои встыгъ поступытыся и де-якымы принципамы, дисталася не ёму, а комусь иншому? А може то винъ досадуе, що Катруся доси не выходыть до гостей? Якъ знать? Може винъ въ ци сами хвылыны складае въ мысли свою промову про кохання и здатенъ теперъ виддаты Катруси свое закохане серце? Може винъ хоче попрохаты теперъ саме у неи соби доли? А вона наче навмысне гае часъ у своій кимнати? Необачна, нерозумна та невдячна дытына! Погукаты на неи—нарочыто барытыметься; то-бъ то терпиты та сподиватыся іи мовчкы? А що якъ Мыкола Мыхайловычъ розсердытся, пойиде и николы вже не навернется до ныхъ? Вона, Катруся, зневажае, дратуе ёго, вона такы дочекается, що вси паныч одвернутся видъ неи. О! будь вона проклята та самостійнисть жиноча!!. Слава Богу—ось нарешти й Катруся йде! Але пани глянула на доньку, и весела

ухмилка рантомъ зчезла зъ іи облыччя; пани закусыла губу и нервово посунулася до бильця канапы: Катруся напьяла на себе чорну сукню, що такъ не лычыла іи худенькому стану, зачисала гладесенько свое роскишне волосся и замисть того, щобъ розважаты Мыколу Мыхайловыча, протыскалася ажъ у самый куточокъ и сила побиля панночокъ. Треба було маты незвычайну миць, незвычайни нервы, щобъ знесты мовчкы ту пекучу досаду, що обурыла Рыбалкыну, якъ побачыла вона свою доньку,—але пани вытрымала себе до кинця вечера. Вона жартувала, сміялася, безперестанно зверталася то до панночокъ, то до паній, видбула вечерю, и нихто, причъ Катруси, не спостеригъ, що діялося у серци господаркы.

— Подобався тоби, Приська, нашъ сёгодняшній бенкетъ?— запытала панночка покоянку, колы розйихалыся гости.

— А якъ же!—видповила молодыця.—Такъ весело було! А надто вже наша пани булы балакучи та весели.

— Не ймы виры, молодыця, тому смиху: ти ухмилкы не зъ веселощивъ, а зъ досады, той смихъ не для своеи души, а за-для чужыхъ людей. Кылымы, шовкы, оксамыты, веселощи, ухмилкы—все про людей, а про себе—чорный хлибъ, чорна тенетка та чорни, якъ осинни хмары, думкы,—мовыла панночка, пидкреслюючы кожне слово.

Приська гараздъ не зрозумила цихъ сумныхъ речей, але запамьятала ихъ мымоволи добре. Може колысь и спадутся на думку воны ій!

XIV.

Гасъ догорявъ, и маленька кухнянська лампа почала мыготиты. Приська що хвылыны пидтягала гнитъ и проклынала ни у чимъ неповынну лампу. Насупроты неи сыдивъ Степанъ.

— Ну якъ його служыты тутъ?—поскаржылася молодыця Степанови, пидтягаючы зъ серцемъ трохы не весь гнитъ у маленькій лампи.

— Це гирше за село! Гасу у дю мыгалку шкода отій поторочи! И де ваша совисть, Степане Павловычу, що вы мене у таке пекло вперлы?

— Не докоряйте мени: ій-же Богу, я шукавъ вамъ скризь мисця, и оце, на мій поглядъ, було найкраще зъ тыхъ, що траплялыся: тутъ прынаймни хочъ яка-небудь воля йе. Вчора, напрыкладъ, пани выйшла, побачыла мене и ни словечка не сказала, а инша-бъ зразу поригъ показала.

— Онъ яка воля!—засміялася молодыця.—Хай ій всячына! На такій воли швыдко захлянешъ. Я-бъ здатня краще васъ николы не бачыты, абы голодній та у темряви не сыдиты.

— Цёму горю пособыты легко; зъ-за такои дрибныци не варто и клопотатыся: дайте мени пляшку—я заразъ прынесу гасу,—мовывъ Степанъ и, ухопывшы зъ викна якусь пляшку, метнувся зъ хаты.

Приська обиперлася объ стилъ и почала лузаты насиння. Въ кухни стало тыхо та сумно...

Пани пойихала зъ усіею симьею до кого-сь въ гости и замкнула горныци; куховарка хропла вже видъ самого смерку на печи... Чорни тараканы повылазылы зъ усихъ закуткивъ и пишлы гуляты на простори. Каганець ледве блыкавъ.

Приська кыдала въ ротъ насиння и такъ хутко розлузувала ихъ, такъ якось нетерпляче видкыдала лушпыння геть, що здавалося, нибы-то молодыця не йисть того насиння, а все шукае тіеи насинины, де повынна лежаты замисть зернынкы видповидь на пытання, що вже не разъ спадало ій на думку и непокоило іи. Часъ вже зрозумиты свои видносыны до Степана. Парубокъ кохае іи, разъ-у-разъ стежыть за нею, нанявся у якого-сь поганенького полупанка, абы буты поблызу, биля неи. А вона?—вона не кохае ёго. Серце іи ще ни разочку не тёхнуло, не обизвалося на ёго ласкави речи; щоденна розмова зъ нымъ тилькы розважае іи. Але вона чуе, що вже якась нытка заснувалася мижъ ными, що вона вже звязала, зъеднала ихъ до купы, що вона перша не схоче перерваты іи и що ій навить шкода буде, якъ та нытка увирвется, або перегорыть.

Ось вона вже третій мисяць товчется у цёму пекли, що-ранку, що-вечора збирается покынуты, а прыйде Степанъ, умовыть іи, пообища незабаромъ знайты иншу посаду—и вона терпыть, не зважуется зробыты ёму наперекиръ. Що воно за знакъ? Приська долузала останню насиныну, пидвелася зъ досадою зъ лавы и струсыла у помыйныцю лушпыння зъ попередныка: певнои видповиди на свое пытання вона не знайшла. Степанъ прынисъ, кримъ гасу, пляшечку горилкы, булку та оселедця. Приська налыла въ каганець гасу, очистыла оселедця, наризала булку, стала вечеряты, и сумный настрій почавъ потроху зныкаты.

— Вы не вынуватьте мене за це мисце: я шукавъ вамъ саме-найкращыхъ панивъ, та кращыхъ за Рыбалкыныхъ не знайшовъ ниде,—казавъ Степанъ, зайидаючы оселедцемъ чарку горилкы.—Самъ я теперъ у такому пекли, що, повирыте, иноди и пообидаты николы... Зрӧду-вику не бувъ водовозомъ, а теперъ довелось и воду возыты.

— Яка-жъ вамъ неволя?—здывувалася Приська.—Кыдайте—тай край!

— Охота гиршъ неволи, якъ-то кажуть. Неволи немае, та охота велыка буты побиля васъ. У мене и думкы немае кыдаты хазяина, и колы-бъ винъ, гаспидській, догадався мени ще яку спокуту накынуты, то й тобѣ я перенисъ зарады васъ, а вы ось тилькы й думаете про те, якъ-бы видъ мене дали.

— Правда,—згодылася Приська.

— Отъ бачыте!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ.—Хыба вамъ мое обчество недовподобы?

— Чому? Причъ васъ у мене немае ни одной знаёмои душы въ городи; про те, колы-бъ лучылося гарне мисце за сто верстовъ видъ васъ, то я не вагаючысь пойихала-бъ туды,—засміялась молодыця.

Степанъ тяжко зитхнувъ и налывъ чарку.

— За ваше здоровья! Хай Господь посыла вамъ и счастя, и здоровье, и кращыхъ за мене сусидивъ!—мовывъ винъ, пере-

хыляючы соби у ротъ чарку.—А соби я вже ничого у Бога не прохаю, причъ смерти,—додавъ винъ налываючы другу чарку.

— Хай Господь васъ пидкрепыть у вашому гори!—ехыдно усмихнулася молодыця, прыгублюючы чарку.

— Наврядъ: моему горю вже й Господь не пособыть. Пропаща я людына, на вики пропаща! Ни сна, ни спокою, ни счастя, ни надіи... За ваше здоровья!

— Чы не багацько часомъ буде?—спынила Приська и одставыла пляшку зъ горилкою дали.

— Ни, не багато! Щобъ залыть мое горе, не постачыть горилкы и у всёму городи. Нищо вже не зличыть цёго горя, хыба тилькы одно, едыне слово зъ вашыхъ устъ...

— Яке-жъ то слово?—запытала Приська.

— Вы сами добре знаете,—зитхнувъ Степанъ.

— Ни, не знаю.

— Ни, знаете.

— Ни, не знаю.

— Объ закладъ, що знаете!—мовывъ Степанъ, протягаючы свою руку.

— Добре, объ закладъ!—ударыла Приська его по руци.

— Объ закладъ на вашъ поцилунокъ!

— Добре, бо я не знаю.

Не встыгла молодыця и вымовыты своеи згоды, якъ цупки рукы Степана вже обвылыся кругъ іи стану, палки поцилункы покрылы и губы и щокы молодыци.

— Вы не выгралы, не сміете цилуваты!—крычала Приська, бигаючы по хати та затуляючы свій выдъ то попередныкомъ, то долонямы.

— Выгравъ, выгравъ: вы давно знаете те слово, вы давно знаете, що я васъ кохаю,—шопотивъ Степанъ, одрываючы Присьчыны рукы одъ выду й покрываючы ёго ще палкишымы поцилункамы.

— Не выгралы, не сміете,—крычала молодыця.

— Выгравъ, выгравъ,—уперто казавъ парубокъ, мицно прыгортаючы до свого серця молодыцю.

Горбата куховарка прокынулася и звела голову. Степанъ одскочывъ видъ Прыськы и сивъ на свое мисце. Прыська червона, важко дыхаючы, стояла биля печи та вытырала попередныкомъ выдъ пысля немовъ непрыемныхъ та образлывыхъ поцилункивъ.

— Вы, колы хочете, вдруге не сикайтеся зъ поцилункамы вашымы, бо я або очи заплюю, або по морди дамъ,—мовыла Прыська суворо.

— Выбачьте на цей разъ!—попрохавъ пошепкы Степанъ.— Колы бъ вы зналы тилькы, якъ я васъ кохаю... колы-бъ вы булы на моёму мисци!.. Ій-Богу я—якъ дурный... Ну, дайте мени и по морди, колы я заробывъ, а тилькы не гнивайтеся на мене... Ударьте нарочыто!

— Балакайте! Що вы ще не куштувалы! У мене рука замашна: разъ, ще у генеральшы, одынъ паничъ добре опикся.

— И якъ вамъ не грихъ ривняты мене до панича якогось? Я васъ видъ щырого серця, а той паничъ... Эхъ! що вже и казаты? Закохався я въ васъ такъ, що хочъ у Сибиръ за васъ здатенъ питы...

— Велыка мени корысть зъ вашого Сибиру? Пошукайте краще мени мисця...

— Далеби не знайду кращого,—видмовлявся Степанъ.

— Годи, годи брехаты. На цій самій вулыци, у пани Штейнмильхъ бракуе покоянкы.

— У пани Штейнмильхъ? Хай вона лусне та сàма пани! У неи и собака не вдержытся! Хыба я іи не знаю.

— Годи, годи! Я знаю, чого вона вамъ недовподобы: немае за-для васъ мисця поблызу?—зареготалася Прыська.

— Правда, я не таюся: не хочу я розризнятыся зъ вамы, не хочу кыдаты васъ помижъ чужыхъ людей. Хыба я не знаю, якъ тяжко жыты на самоти одынокій, безъ порады та допомогы добрыхъ людей?

— Въ городи та самотній? Оце выгадалы! Мало тутъ людей!

— Ось вы въ городи вже бильшѣ пивроку, а чы багацько траплялося вамъ такыхъ щырыхъ та прыхильныхъ людей до васъ, якъ я?—запытавъ Степанъ.

— Де-бъ я тыхъ людей и знаходыла, якъ все по такыхъ недолюдкахъ служу? У пани Штейнмильхъ, вси кажуть, дуже добре. Оця куховарка служыла тамъ колысь,—такъ не нахвалытся. „Колы-бъ, каже, мени не оця дытына, то я бъ у неи до смерти була".

— А вы вирыте їй?

— Не тилькы вона це каже; я чула и видъ другыхъ,— мовыла Приська.

— Брешуть воны вси. Я тыхъ панивъ знаю якъ облупленыхъ. Не вирьте никому!—скыпивъ Степанъ.

— Може колы тамъ кочергы покоштувалы? Ха—ха—ха! Щось похоже на те!—засміялася молодыця.—Не дуже-то надійтеся й на оцю Рыбалкыну: прышануе и вона васъ колысь, бо вчора вже щось натакала, що „хлибъ дуже сходыть черезъ зайвыхъ гостей". Тобъ-то я вамъ окрайци їи хлиба прыберигаю...

— Мени вона ничого не скаже,—побачыте!—мовывъ Степанъ.

— Буде колысь и вамъ и мени. Я вже розибрала добре, яка вона на масть.

— Николы у свити не скаже вона ни вамъ, ни мени ничого: якъ-бы хотила вылаяты, то вже-бъ вылаяла доси. Вона до мене прыхильна...

Такъ похвалывся Степанъ, та не въ добрый часъ: розчынылися двери, и на порози несподивано, негадано зъявылася пани Рыбалкына, а за нею слидкувала мовчазна, понура, немовъ у чымъ-сь вынувата, симья. Пани програла у цей вечиръ тры карбованця, стратыла сорокъ копіёкъ на звощыка черезъ дощъ, и жиночый инстинктъ видразу показавъ їй, що найбильше вынуватымъ бувъ у цій прыгоди нихто инший, якъ Степанъ, що прыходывъ що-вечера обийдаты та зныщуваты їи.

— Ось якъ ты хаты стережешъ!—накынулася вона на Приську.—Москаливъ навела, краденымы булкамы шануешъ... А гасу де взяла?

— Мамо!—сипнула Катруся неньку за рукавъ.

— Чого „мамо“? Чого „мамо“? Батько працюе, а якась волоцюга москаливъ ёго хлибомъ годуе?

— Це не ваша булка—я купыла іи за свои грошы. И горилку, и оселедець и гасъ—все я купыла!—скыпила Приська.

— За свои грошы? А грошы де взяла? Зъ куховаркою злыгалася? И ты така сама злодійка, якъ вси; и тебе треба на шыбеныцю!

— Давайте мени розсчотъ! Вы не сміете мене злодійкою называты!—вы не спостереглы, не бачылы! Тягнить вже шкуру зъ отіеи несчаснои каликы, а зъ мене не пожывытеся,—не хочу я у васъ служыты!

— Мыхайло Семеновычъ! Катерыно Мыхайловно! Де вы? Куды вы поховалыся? Чого вы покынулы мене саму зъ цією волоцюгою та москалемъ!—погукала пани на чоловика та доньку, котри теперъ, якъ и завжды, поховалыся по своихъ куткахъ, абы не бачыты, не чуты, якъ пани знущается зъ наймычкы.

— Розсчотъ мени давайте!—мовыла вдруге молодыця.

— Погодить-бо трохы!—прошопотивъ надъ самымъ іи вухомъ Степанъ.

Приська глянула здывована на парубка. Винъ прохавъ іи знесты мовчкы образу, змовчаты та стерпиты цій паскудній паніи! Ій стало ще досаднише.

— Зразу дайте мени розсчотъ!—мовыла вона втрете.

— Якый тобя розсчотъ? Що я тоби вынна? Може ты мене обикрала? Може доведется ще тягатысь зъ тобою по судахъ?—мовыла пани.

— Трусить мою скрыню, передывиться все—я ничого вашого не займала. А мени дайте розсчотъ!—мовыла Приська, одчыняючы свою скрыню.

— Годи! не клопочить себе и не турбуйте пани! хай завтра помиркуете,—ставъ изнову умовляты Степанъ молодыцю.— А васъ, пани, прохаю выбачыты за те, що зайшовъ безъ дозволу. Будьте певни, що Приська за ци два мисяци, що прослужыла у васъ, и крыхты вашого хлиба мени не дала. Навпакы, ось куховарка не дасть збрехаты, де-килько разивъ я прыносывъ вечеряты. Мы бачьте, зъ молодыцею трохы сваты, трохы родычы,— звернувся Степанъ до пани.

Але ця промова Степана ни до чого не довела: пани домагалася, щобъ роздратована наймычка не стерпила, покынула іи середъ ночи и тымъ залышылася права шукаты зъ неи запрацёваныхъ симъ карбованцивъ, а Приська, ще дужче роздратована ёго улестлывымы речамы, мало не вылаяла ёго.

— Розсчотъ мени давайте!—уперто казала вона, хутко складаючы свое збижжя въ скрыню.—Хай вамъ инши дурни служать, а я злодійкою николы не була и не хочу слухаты такыхъ образлывыхъ ричей!

— Розсчота тоби ніякого не дамъ, бо ты служышъ помисячно, и ще не скинчывся третій мисяць. Хочешъ—кыдай, та тилькы не сподивайся грошей!—видповила пани и подалася у горныци.

— Ось заспокойтеся!—ій-же Богу, воно це все перейде,— ставъ изнову казаты Степанъ.

— А вы замисть того, щобъ заступытыся за мене, ще умовляете мене терпиты таку образу? Хиба вы не чулы, що вона мени казала, якъ вона лаяла?—мовыла докирлыво Приська.

— Чого иноди не трапляется у наймахъ? И насварятся, и палають...

— И попобьють! А ты терпы та знось мовчкы, бо ты наймычка?—передразныла Приська Степана.—Шкода, не на таку наскочылы! Идить соби зъ Богомъ! Колы-бъ я знала вашу телячу вдачу, то я-бъ васъ и до свого порогу не допустыла.— Идить! я зачынятыму двери та лягатыму спать.

Степанъ взявъ мовчкы шапку и ставъ прощатыся.

— Прощайте, прощайте! Идить соби зъ Богомъ до тыхъ плохенькыхъ городянокъ, що здатни и бійку и лайку зносыты. А мене завтра, що витру у поли, не знайдете!—мовыла Приська зачыняючы двери.

XV.

Добре тому рыбалци, що самъ зробыть соби човныкъ, забье паклею щилочкы, залье ихъ смолою, прыробыть легеньки весельця! Добре ёму плысты по морю, бо винъ знае по зоряхъ, куды швыдче прямуваты, якъ здіймется хвыля! Горе-жъ тому бидоласи, що сивъ у чужый човенъ: ще й одъ берега не одбывся, а вже винъ воды повенъ. Выйихавъ винъ насередъ моря, на простиръ... скризь вильно... Винъ прямуе все дали и певенъ, що знае дорогу. Але ось... почався витеръ, захвылювало море, крутнуло човныкомъ его разъ, вдруге—и винъ вже не знае, де винъ, що зъ нымъ буде?

Отакъ само и Приська: сила вона у хысткый та латаный човныкъ миськои наймычкы тай поплыла... Здалеку, зъ села ій здавалося, що городъ весь сяе и вона не заблудытся тамъ; але ось вже далеко бильшъ пивъ-року, а вона ніякъ не прыстане туды, куды рвалася душею. Вона покынула пани Рыбалкыну, а нанялася до Штейнмильхъ, але хыба це нове мисце заспокоить іи! Якый десятокъ грунтивъ видризнявъ панивъ Рыбалкыныхъ видъ Штейнмильхъ, а здавалося, нибы-то безодня, цила прирва лежала помижъ цимы двома будынкамы. Зъ першого-жъ погляду на кухню, на молоду червоновыду пани, Приська впевнылася, що ій доведется на цей разъ служыты въ зовсимъ новыхъ умовахъ. Все, почынаючы зъ кухни, лёху, коморы—до останнихъ закапелочкивъ въ горныцяхъ, було вымыте, выскребане, блещало, сяло... Семеро дитокъ, дуже схожыхъ мижъ собою, булы тежъ одягнены чыстенько, порозчисувани гладенько, поумывани, вышаровани.

Пани держала одну тильки наймычку, и Приська спочатку думала, що не управытся, але незабаромъ побачыла, що, дякуючы заведенымъ порядкамъ, ій тутъ ще легше, нижъ навить у пани Куракыной. Зразу все йшло гарно: всяка праця, всяка дрибныця мала свій часъ, свое мисце; кожна копійка йшла на прызначене дило; кожне слово—до речи.

Панъ Штейнмильхъ—ще зовсимъ молодый, пры здоровью, чоловикъ —ходывъ що-дня на службу, и поки винъ повернется, вся справа повынна була буты скинчена. Скыдаючы у передній свое пальто, панъ знавъ, що, поки винъ дійде до столовои, ёму вже насыплють у полумысокъ смачного борщу. Прокыдаючысь писля спочывку, винъ такъ само певенъ бувъ, що самоваръ вже кыпыть на столи. Напывшись чаю та погомонивши трохы зъ дитьмы, винъ простувавъ въ кабинетъ, де вже лежала уготовлена ёму одяга та била сорочка за-для клуба. Прыйде винъ зъ клуба—его зустрине жинка у капоти и теплыхъ черевыкахъ. Вона вже спала, але винъ збудывъ іи дзвоныкомъ; вона не хоче полохаты наймычку середъ ночи и йде видчыняты двери сама, але ніякыхъ докоривъ, ніякого серця не выдко на іи спокійному облыччю.

Въ мисти вси зналы добре пани Штейнмильхъ. Крамари виталы ій охотнише, нижъ другыхъ паній, а давалы ій крамъ завжды гарный, бо вона николы не брала у набиръ; старци тежъ смилыво протягалы до неи руку, бо зналы, що пани завжды дасть копійку. Ніякыхъ непорозуминь, ніякихъ сварокъ ни зъ знаёмымы, ни зъ наймычкамы не выходыло у неи николы, и панъ Штейнмильхъ мигъ справди хвалытыся у клуби, що жыття ёго—наче та течія прозорои рички у крутыхъ берегахъ. Ричка така не розлывается по весни, не затоплюе несподивано сусидськихъ хатъ, не заносыть бурлывымы хвылямы чужыхъ достаткивъ, не потопляе у безодній приврви необачныхъ пловцивъ. Такъ и жыття ёго никому не вадыть, а до того винъ спокійный за свое добре имья, за свій спокій.

Тепло, свитло та безпешно жылося Присьци зъ ціею паніею, але-жъ... нудно..., рятуй Маты Божа, якъ нудно!! Молодыця

довгый часъ не йняла виры, що люде можуть такъ жыты въ городи, та все сподивалася якоись змины. Даремна надія! Пани Штеймильхъ надъ усе боялася тыхъ зминъ. Мыналы годыны, дни, тыжни; скризь навкругы, тилькы черезъ тынъ, ворушылося жыття—але той тынъ обсадыла невсыпуща господарка колючымъ терномъ, зашпарувала у ёму кожну розщилынку, и жадна хвыля загального жыття не переходыла черезъ ёго, жаденъ смихъ, чы стогинъ не полохавъ спокою іи гнизда. Жыты у такому городи, де стилькы людей, веселощивъ, де стилькы цикавыхъ ричей, маты достаткы и замуруватыся у крихотному будынку, задовольнытыся обовьязкамы до самои симьи, не вызырнуты николы зъ свого гнизда, не згадаты николы, що йе ще на свити люде, причъ чоловика та дитей! Ни, цёго Прыська, не розумила. Вона бачыла гирке жыття селянъ, бачыла, що иноди люде за своимъ горемъ та за слёзамы не добачалы выразокъ на чужому тили, бачыла и матерей и господарокъ такыхъ, що й спалы та бачылы, якъ бы завдовольныты свою симью, нагодуваты дитей,—але такыхъ людей, такыхъ господарокъ, якъ ця пани, вона не бачыла ще николы. Кому вона потрибна ця пани, причъ своихъ дитей, и хто ій причъ ныхъ? Одынока, зайва, непотрибна ни для кого людына... Чы прожыла-бъ вона такъ на сели? Охъ, ни! Не попустылы-бъ сусиды іи до жыття такого. Постукавсь-бы до неи сусида у лыху прыгоду, запрохавъ-бы иншимъ разомъ до себе на весилля, вытяглы-бъ іи на яку пораду, що хвылыны нагадувалы-бъ ій, що вона людына, а не тилькы матирь, що вона сусида, а не тилькы жинка свого чоловика, и вона зрозумила-бъ, що мае громадськи обовьязкы и видповидна за счастя другыхъ. Якъ настане девьята годына вечера, такъ пани посылае Прыську зачынять ворота, а въ девьять зъ половыною прыходыть гасыты въ кухни свитло. Молодыця повынна була лягаты зразу, якъ звелыть пани, и це іи коженъ разъ страшенно сёрдыло. Вона лягала, але довго ще поверталася зъ боку на бикъ, довго не зможувала очей: зануда, страшенна зануда, немовъ та гадюка, выласся биля серця и не давала ій спаты. Поки дни булы довши, поки сонечко трохы ранише схоплювалося, молодыця мала пры-

наймни яку вильну хвылыну, щобъ одвесты душу на торгу зъ перекупкамы та наймычкамы; поки сонечко довше стояло на краевыди, поки була годына та прыходывъ до воритъ Степанъ— и молодыця хочъ трохы задовольняла у коротенькій розмови зъ нымъ свою потребу побачытысь зъ прыхыльною людыною, переказаты ёму що-небудь, поскаржытысь, або похвалытысь; а якъ заволиклося, похмурылося небо, якъ пишлы дощи та замисылася грязюка,—то задрипани та попидтыкувани перекупкы пересталы цикавытысь миськымы новынамы, Степанъ не схотивъ мокнуты на дощи, вечоры немовъ загубыты край,—и молодыця почала ще дужче нудытыся.

Писля Семена пани накынула Присьци нову працю: шыты рушныкы та сорочкы. Сыдыть сама соби молодыця за шыткамы; у горныцяхъ тыхо; мыготыть свитло маленькои лампы. Скребется десь за скрынею мыша, а у неи на серци ще дужче скребется досада. Досадно ій на себе, досадно и на ридъ свій. Вона рада, що воны вже не досаждають ій, вона рада, що не одвидують іи, але-жъ ій и образлыво и досадно, що вси забулы іи, прокляли, а може ще й радіють, думаючы, що вона доси загынула тутъ. Осинній витеръ выводе сумну писню у комини, торохтять у шыбкы велыкы краплыны холодного дощу, добрый хазяинъ не выгнавъ-бы и собакы зъ двору, а вона побигла-бъ оце, побигла-бъ звидциль... Куды? Куды небудь, до кого-небудь, абы розважытысь, абы побалакаты, розсказаты, що діется на серци, абы почуты хочъ едыне слово спочуття.

Разъ якось, у субботу, Приська погасыла свитло ще раныше и зъ досады хотила заснуть. Але сонъ іи не бравъ: вперше за весь часъ жыття по наймахъ, зъявылося ій выразно пытання: що вона знайшла у городи?

„Замисть того, щобъ корытыся неньци та дядькови—мушу корытысь чужымъ людямъ. Замисть сильськыхъ звычаивъ—повынна догождаты прымхамъ господынь. Я дывувалася зъ селянъ, що воны, такъ гирко працюючы, дывлятся на коженъ шматокъ хлиба, якъ на велыку мылость Божу, але чы не такъ само и я дывлюся теперъ на той ласый шматокъ, що удиляе мени госпо-

дарка по ласци видъ своихъ достаткивъ? Чы не голодувала я у пани Рыбалкыной и чы не повынна я дякуваты пани Штейнмильхъ, що вона мене добре годуе? Чы хотила я жыты колы келейныцею и чы думала, що буду одынока въ велыкому городи, що не матыму гуртӧчка ривныхъ соби людей?—И невже воно и завжды буде такъ? Ни, то я не вмію счастя шукаты: хыба я не бачу що-дня веселыхъ, задовольненыхъ пӧдругъ—горнышныхъ та куховарокъ? Ни, можно знайты инше життя, можно здобуты и счастя, и волю,—треба тилькы вмиты шукаты якъ слидъ. Годи нудытыся у пани Штейнмильхъ! Шукатыму соби мисця по всёму городу, сподиватымуся мисяць и другый, а поки що поверну и тутешне жыття на веселишу стежку. Що, напрыкладъ, завадыть цій пани, якъ прыйде Степанъ колы-небудь. Вона добре вже знае, що й у наймычокъ йе знаёми, або родычы, що наймычка бильше, нижъ хто иншый, бажае одвесты душу. Черезъ вищо-жъ вона забороняе жывій людыни наблызытысь до кухни? Вона знае напевне, що я та Степанъ не обикрадемо іи, що мы не заведемо гвалту, або бійкы, що-жъ ій до того, колы у мене посыдыть зъ вечора гисть? Хай-же не выгадуе! „Пиду поклычу ёго до себе, тай край!“—надумала молодыця, и ця смилыва думка такъ опанувала іи, а бажання побачыты биля себе блызьку людыну такъ охопыла іи, що вона опамьяталася вже биля Степановои кухни.

— Увійты, чы ни?—запытала себе Приська.—Увійду!.. зважылася и видчыныла трохы двери. Зъ кухни понисся регить та гоминъ. Приська застыдылася, скочыла зъ рундука и мерщій сховалася за рижокъ, бо видъ конюшни йшовъ хтось зъ лыхтаремъ. На превелыку радисть Приськи то бувъ Степанъ.

— Степане!—обизвалася нышкомъ Приська.

— Присько?—запытавъ здывованный Степанъ.—Це ты? Що трапылося?

Приська не знала що видповидати: ій и соромно було и досадно на себе за свій вчынокъ.

Степанъ погасывъ лыхтарь и обережно, манивцямы, повивъ молодыцю до конюшни. Въ конюшни пидъ стинкою, зроблена була лава, на якій у литку спавъ кучеръ; теперъ тамъ

лежалы хомуты. Степанъ поскыдавъ ихъ до-долу и посадывъ туды Приську.

— Я прыйшла до тебе, Степане, (Степанъ умовывъ іи якось недавно казаты ёму „ты“), щобъ ты мени десь инше мисце знайшовъ. Не постачае вже снагы моеи терпиты. Повирышь!—рада мыши, колы де засвребется, собаци, якъ обизвется... Така туга обняла та така досада... Думала я, думала, тай надумала оце питы до тебе... Не сподивався?

— Не думавъ, не сподивався такого счастя. Якый я радый, колы-бъ ты знала! Сыдивъ я оце въ кухни, сыдивъ... слухаю однымъ вухомъ, що Дунька плеще, а думкы все биля тебе... Вчора я стоявъ на дощи, стоявъ, вызиравъ тебе—не йдешъ. Пиду, думаю, въ кухню. Вже намирывся бувъ плыгнуты черезъ тынъ, та проклятый Бровко такый галасъ счынывъ, що я ледве зъ душею втикъ, и чумарку порвавъ.

— Я чула, якъ Бровко гвалтувався,—засміялася Приська.

— Та-то й не вышла провесты!

— Хыба-жъ я знала, що то ты шматуешъ по тынахъ чумарку?—засміялася изнову Приська.

— Щей глузуе! Небись, колы-бъ хто до любовы прыйшовъ, то серцемъ почула-бъ та выбигла-бъ на зустричъ. Правда?

— Про те вже не знаю: чы вищувало-бъ мени серце, хто собакъ гвалтуе?

— Ты жъ кохала кого-небудь. Кохала?—запытався Степанъ, прысовуючысь блыжче до молодыци.

— Ни, не кохала,—видмовыла Приська и зареготалася.

— Брешешъ!—не йнявъ виры Степанъ.

— Не знаю, що-то и за кохання?

— Брешешъ, ій-же Богу, брешешъ! Ты мабудь и теперъ кого-сь кохаешъ.

— Може,—видповила лукаво Приська.

— Ни такы, безъ жартивъ, Приською, прызнайся мени по правди!—попрохавъ Степанъ.

— Ій-Богу, никого не кохала. И самъ подумай: въ кого-бъ я мала закохатыся? Та й на лыхои годыны те кохання зда-

лося? Любисенько можно и безъ ёго на свити прожыты. Безъ людей не можно обійтыся: оце сёгодни, напрыкладъ, якъ задосадувала я самитня, то й карбованця не пошкодила-бъ, абы побалакаты зъ кымъ. А кохання... навищо воно мени здалося? Онъ у мене десь на сели и чоловикъ йе...,—додала вона и тяжко зитхнула.

— Годи плескаты нисенитныцю!—однаково не повирю. Безъ кохання не прожыве жадна людына, а тымъ паче нашъ братъ—наймытъ. Яки веселощи, яки радощи йе у ёго? Одне—заборонене, на друге—грошей не постачае, на третте—часу не мае, на четверте—розуму не хвата; тилькы кохання и не заборонено, не вымагае ни велыкыхъ грошей, ни велыкого розуму. Я ось по соби знаю: якъ гирко не доводытся мени иноди, а колы-бъ ты мене хочь крихотку кохала, то я бъ на гору й каминь покотывъ... Ты, бачъ, мовчышъ, наче и не про тебе ричъ моя, наче и не чуешъ? Такъ скажы-жъ мени: чымъ я тоби не до мысли? Старый я, поганый, чы дурный?—запытався стурбовано Степанъ.

— Хыба я колы казала, що ты старый, поганый, або дурный?—видповила пошепкы молодыця.—Отъ-же, бачышъ, сама прыйшла до тебе.

— Прыйшла, бо никуды було бильше йты,—зитхнувъ Степанъ.—А колы-бъ мала кого иншого, то й не згадала-бъ про мене; чы такъ?

— Авже-жъ такъ,—засміялася Приська,—але смихъ іи, якъ здалося Степанови, вже не бувъ такый байдужый та веселый, якъ завжды.

— Недобра ты! Навищо ты дратуешъ мене, чому николы правды не скажешъ? Жартуешъ, кепкуешъ зъ мене, а колы-бъ ты тилькы знала, що діется зъ моимъ серцемъ, якъ облывается воно кривью видъ тыхъ жартивъ!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ и похылывъ свою голову.

Въ конюшни стало тыхо та сумно. Приська хотила почату розмову, та не знала, що казаты. Степанъ сыдивъ замысленый та зажуреный,—треба було заспокоиты та розважыты ёго. Ій

невыразно шкода стало ёго, іи серце тежъ защемило, забылося пидъ впливомъ Степановыхъ ричей; ій гарно, ій любо було сыдиты биля ёго, слухаты ёго речи про кохання, дывытысь на ёго... Може то и вона вже кохае ёго?

— Пиду я до-дому, бо пани доси кынулася мене,—пидвелася молодыця. Степанъ ухопывъ іи за руку.

— Посыдь ще трохы,—попрохавъ винъ Приську такъ чуло, що Присьци и въ думку не сталося змагатыся зъ нымъ. Вона сила изнову.

— Сыдю я оце та й думаю: чымъ я Бога прогнивывъ, що такый нещасный?—почавъ трохы згодомъ Степанъ.—Тилькы и прохаю у Ёго, тилькы и молюсь Ёму Мылосердному, щобъ... Та що тоби казаты?—перебывъ винъ самъ себе... Навищо тоби це казаты? Щобъ сміялася потимъ зъ мене, щобъ знущалася зъ кохання мого? Колы-бъ я хочъ знавъ, що ты мене не ненавыдышъ...

— Хыба я тебе ненавыдю?—обизвалася Приська.

— Колы-бъ я знавъ, що я тоби не осоружный, не брыдкый!—мовывъ палко Степанъ.

— Николы не бувъ ты мени осоружнымъ, а останнимы часамы ты...

— Що? що? останнимы часамы?—перехопывъ Степанъ ричъ молодыци, стыскуючы іи рукы у своихъ рукахъ.—Ну! Домовляй! Що ты хотила казаты?

— Ты мени подобаешся,—видповила стыха Приська.

Степанъ кынувся, якъ несамовытый, цилуваты іи рукы, іи выдъ.

— Коханко, любко моя!—шопотивъ винъ, все палкише, все мицнише прыгортаючы молодыцю до своихъ грудей.

И Приська не видбывалася видъ нёго. Щось незвычайне робылося теперъ зъ нею. Вона чула, якъ кожне слово парубка досягае теплою хвылею до самого серця, якъ умливае воно, якъ замирае, якъ сподиваеться пестощивъ Степана. На хвылынку промайнуло, немовъ зъ-за темнои хмары выпурнуло, облыччя

Данылове... Якымъ блидымъ, невыразнымъ та поганымъ здався Присьци чоловикъ іи, якъ що порившяты ёго зъ Степаномъ!

— Степане!—погукавъ хтось зъ кухни.

Приська выбигла зъ конюшни и нышкомъ по-пидъ тыномъ пробралася до воритъ, а Степанъ пишовъ у кухню.

XVI.

Зъ цёго вечора Степанъ ставъ ходыты що-дня до Приськы. Спочатку молодыця прырозумила выйматы коженъ разъ зимню ряму у викни и впускала парубка зъ вулыци. Одначе пани незабаромъ прымитыла, що папиръ на викни занадто довго не высыхае, и прыбыла ряму добрымы гвоздкамы. Довелося запобигты ласкы Бровка. Не одынъ хвунтъ яловычыны та хлиба перетаскавъ Степанъ, покы такы прывчывъ до себе сердытого Бровка. За те Приська наче на свитъ народылася. Куды подилыся той сумъ та занудa? Неначе и кухня посвитлишала, немовъ и сама пани покращала! Цилый день працювала молодыця жваво, моторно, а ничку коротала зъ коханцемъ. Чы глыбоко закохалася вона—объ тимъ не пытала себе молодыця. Тяжка самитнисть, потреба маты блызьку людыну кынулы іи сперше у обіймы парубка; трохы згодомъ зворушылося у серци справжне спочуття, а ще згодомъ затлилася й искорка кохання.

Перейшла осинь зъ іи негодамы та туманамы. Насталы Риздвяни Святкы. Пани Штейнмильхъ йиздыла визитуваты знаёмыхъ. Биля господы іи тежъ разъ-у-разъ спынялыся сани. Приська радила, що нарешти хочъ Святкы розворушать трохы нудне жыття господыни, та даремно: пышни пани у оксамытовыхъ шубахъ вылазылы зъ саней зъ такымы проклёнамы, а чепурни, ажъ вылощени паны такъ хутко надивалы калошы у передній, що Приська тилькы дывувалася.

— Ну що це за гости?—розсказувала вона Степанови:— прыйде, посыдыть на кинци дзыглыка пивъ-хвылыны, покор-

чытся, поверещыть, нибы-то щось цикаве оповидае, та й тикае наче зъ пекла, зъ проклёномъ та досадою на всихъ тыхъ, кого доводытся зъ Святкамы здоровыты.

Невелыкый гуртокъ Присьчыныхъ знаёмыхъ—одна покоянка, та одна замижня пара (кучеръ Спырыдонъ, та жинка ёго Настя) почувалы себе тежъ у гостяхъ не такъ весело, якъ хотилося Присьци, и хочъ молодыця не шкодила грошей, шануючы гостей, але-жъ святошный настрій не прыходывъ.

— Веселише, далеко веселише на сели Святкамы, нижъ у городи!—казала Приська гостямъ.

— Куды и ривняты!—пидтрымавъ іи Спырыдонъ:—Мы ось бильшъ пьятнадцяты рокивъ якъ зъ села, а доси не забулысь колядуваты та щедруваты.—А ну, Насте, прыгадай: „Що на нашимъ двори",—почавъ Спырыдонъ.

— Этъ! выгадавъ!—спыныла его Настя.

— Я вже до города звыкъ, якъ рыба до воды, а Святкамы душею лыну на село; ій-Богу, правда!—сказавъ Спырыдонъ.—Ходыть и въ городи по вулыци молодь, вештается и тутъ багацько народу, та все не те, все не такъ, якъ на сели: тутъ молодь ходыть окроме, або у пари, и дывытся тоби такъ на всихъ, немовъ то Святкы тилькы про ёго самого, немовъ та друга парка, що йде поодаль, вже й виры иншои, и звычаи мае не ти. А на сели—куды выйшовъ одынъ, тамъ вже и вси; що выгадавъ одынъ—пидтрымалы вси. На вулыци; на выгони, пидъ млыномъ—скризь гурты та гурточкы одноликтивъ... Куды не глянь, куды не зайды, хочъ у найбиднишу хату, скризь—Святкы на уми, Святкы—на языци.

— Не вміють въ городи святкуваты! Сами пьяныци тилькы и веселять городянъ. Ось гляньте у викно—яку нызку полыцейськи назбиралы? Матинко! ажъ симъ душъ!—зареготалася Приська, показуючы гостямъ на пьяныць, що заганялы полыцейськи до полыціи.

— Безличъ клопотивъ, велыка втрата, а веселощивъ ніякыхъ,—зитхнула Настя.

Не меньше за Настю зитхалы та скаржылыся на Святкы и паны. Занудa жывцемъ йила, якъ иржа точыла мало не всихъ, а пайпаче тыхъ, що звычайно тишылыся картамы. Партнёривъ пана Штейнмильхъ тежъ кудысь понесла лыхая годына. Днивъ зо тры винъ повыненъ бувъ граты зъ мало знаёмымы людьмы, а на другый день—Водохрещи—и ти не прыйшлы. Пишовъ панъ у клубъ, посыдивъ до одынядцятои годыны, продывывся газеты и мусывъ до-дому вертатысь.

Ничъ була чудова, тыха, зоряна! Панъ йшовъ поваго мъ, не поспишаючысь, глыбоко замысленый, опанованый нагайнымъ пытаннемъ: куды подитыся, чимъ заповныты цей довгый ще вечиръ, або ничъ? Пани напевне й на крокъ не видступытся видъ заведеныхъ порядкивъ: вона поклала вже дитей спаты, лягла сама и не схоче сыдиты зъ нымъ... Чытаты? Осточортило ще въ университети чытаты, тай, здается, цикавыхъ кныжокъ немае... „Доведется пронудытыся годынъ зъ чотыры, поки прыпаде охота лягты спаты. Хыба погуляты ще?" Панъ пройшовъ поввзъ рундукъ свого помешкання и завернувъ за вуголъ. У ту-жъ саму хвылыну хтось пробигъ повзъ ёго и плыгнувъ на тынъ. Панъ набавывъ ходу, дигнавъ того чоловика и ухопывъ за чумарку въ ту хвылыну, колы той мавъ вже плыгаты у двиръ. Степанъ рванувся, вырвався, кынувся скилькы духу тикаты, и покы збиглыся городови, зныкъ зъ очей пана.

Ця прыгода не пройшла безъ наслидкивъ: пани стала навидуватысь въ кухню, и Степанъ ставъ обережнишымъ. Иноди проходывъ цилый тыждень, и Прыська не могла поставыты каганця на викни и тымъ споவистыты парубка, що пани вже спыть и можно йты безпечно. Нарешти, трапылося якось, що пани занедужала на пропасныцю. Прыська зрадила, що пани не встае зъ лижка, и першого-жъ вечора подала знакъ Степанови. Але марно просыдила вона до другыхъ пивнивъ,—Степанъ не прыйшовъ.—Прыська поставыла каганець и на другый, и на третій день, але Степанъ все не прыходывъ. Нарешти, на пьятый день, просыдившы до першыхъ пивнивъ,

молодыця не вытримала, накынула на голову легенькый платочокъ и побигла въ самій сукни до Степана, щобъ збудыты ёго, якъ що винъ спыть, або хочъ довидатысь, черезъ вищо винъ не ходыть до неи? Двери въ кухни Степановій булы не защепнути, на столи горило свитло, але тамъ спала сама куховарка: ни Степана, ни горнышнои—Дуньки въ хати не було. Приська видразу прыгадала вчорашне пытання крамаркы: якою родычкою доводытся Дунька Степанови, що винъ ій конхветы купуе?— и зрозумила все..

Невыразна, пекуча рвія обурыла серце іи. Не памьятаючы гараздъ себе, кынулася вона шукаты зрадныкивъ по чужому подвирью: вона то пидбигала до конюшни и сипала важкый замокъ, то забигала по килькы разъ въ сарай и нышпорыла у питьми по всихъ закуточкахъ, то верталася изнову до кухни,—проклятого зрадныка и ёго коханки ниде не було. Знесылена, зморена, зъ проклёномъ на вустахъ, зъ мукою у серци, зъ твердымъ намиромъ помстытыся обоимъ злодіямъ, що вкралы й пошматувалы іи серце, подалася вона до-дому; але тутъ сподивалася іи нова прыгода: двери кухенни булы замкнени зъ середыны. Приська догадалася, що це пани простежыла іи и замкнула двери своеи господы вже навикы за-для неи; проте все-жъ такы зважылася злегенька постукаты. Нихто не обизвався—пани поклала соби залышыты непорядну наймычку середъ ночи на вулыци. Куды подитыся, що робыты? Поблызу—ни однiеи знаёмои людыны, та й якъ ёго прызнатыся людямъ, що передъ нею замкнулы двери, що іи не пускають у хату, якъ останню злодійку? А що вона зробыла кому-небудь, вчынила зле? Хыба вона не выконала тыхъ обовьязкивъ, за яки ій платылы, хыба вона не скинчыла свого дила? Вона негараздъ робыла, що пôгай зъ хаты выйшла, але-жъ хыба не сама пани прымусыла іи таитысь?

Приська прысила на рундуку и гирко заплакала. Вся вона тремтила видъ холоду, голову здавыло, немовъ у тыскахъ, серце невыразно болило.

— Куды йты? що робыты?—пытала у-десяте сама себе молодыця, схопывшы обома рукамы свою поныклу голову. Ставъ зрыватысь дрибный снигъ, подыхнувъ холодный витеръ,—Приська затремтила ще дужче, схопылася зъ рундука и зъ видчаемъ людыны, що вже немае зъ чого выбираты, постукалася скилькы сылы, въ двери. Загвалтувалыся собакы; сторожъ сусиднёи крамныци забывъ у клепало. Приська злякалася, прытаилася на рундуку, обгорнулася мицнише платочкомъ и, зкорчывшысь яко мога бильше, наче задубла на мисьци. На свитанку витеръ повернувъ зъ теплого краю, видразу потеплишало, и пишло на одлыгу. Весь городъ поняло густымъ туманомъ, и сумно выглядалы зъ ёго сири миськи будынкы. Щильно позачынени виконныци та двери, зализни дахы, перемишаный зъ грязюкою навкругы снигъ—все це нагадало молодыци самыхъ господаривъ тыхъ будынкивъ: камьяни серця—якъ оти муровани стины; холодный розумъ—якъ оти зализни дахы зимнёю добою; таки-жъ нечысти думкы, прыкрыти гарнымы словамы—якъ ота глыбока грязюка, прыпорошена билымъ, непорочнымъ снигомъ. Никому, никому зъ тыхъ людей, що отамъ мицно сплять теперъ, немае дила до одынокои жинкы, що мерзне всю ничъ на рундуку, и колы-бъ вона зважылася достукатыся до кого-небудь, розсказаты по-правди про свою прыгоду, колы-бъ, облываючысь кривавымы слёзамы, роскраяла свои груды и показала наболиле серце, то й тоди не знайшла-бъ спочуття. На вищо справди мала и скаржытысь вона? На зраду? О! це звычайна занадто ричъ! Чы може на те, що іи выгналы зъ двору, що середъ ночи залышылы прыстановыща? Вильно-жъ було ій кыдаты хату зарады такои недозволенои за-для наймычкы прымхы, якъ кохання?.. Сама, кругомъ сама вынна...

Ось сонечко пробылося першымъ, несмилывымъ проминнямъ. Десь недалечко хтось ноокнувъ на коня,—селяне зйиздятся вже до торгу. По городу пронисся неясный гоминъ. Ворота сусиднёго дворыща рыпнулы,—дворныкъ выйихавъ по воду. Приська скочыла зъ рундука и сховалася за крамныцею.

Небагацько часу вже зисталося пидождаты, покы пани Штейнмильхъ прокынется та видимкне двери, але теперъ кожна хвылына додае Присьци пекельнои мукы. Незабаромъ повыходять знаёми куховаркы, стануть пытаты, допытуватысь іи... Що вона имъ скаже?

А по вулыци сталы все частише та частише проходыты люде. Вже й Устя побигла,—вона зарани кыда лижко, щобъ першій зибраты новыны. О! Приська стала-бъ ій доброю здобыччю, якъ-бы попалась на очи! Вона задовольныла-бъ своею прыгодою всихъ перекупокъ, всихъ куховарокъ, додала-бъ смаку на цилый день городянкамъ, имья іи стало-бъ видоме всимъ, навить де-якымъ господаркамъ. Приська знала все це и ховалася, немовъ те немичне ягнятко видъ хыжыхъ очей лютого вовка. Але ось выплыла, наче той корабль зъ туману, куховарка Тытьяна; зъ усихъ дворивъ высыпалы дворныкы счыщаты пишоходы, наблыжается и господарка тіеи крамнычкы, де прытаилася Приська,—краще кризь землю провалытыся, нижъ терпиты цю муку. „Господы! напуты мене! Царыце небесна, крый мене своимъ покровомъ!"—шопотила молодыця, посуваючысь тыхесенько по-пидъ тыномъ геть видъ крамныци.

Нарешти видчынылыся двери, и пани Штейнмильхъ, свижа, бадёрна, якъ и завжды, выйшла на вулыцю. Якъ ридній матери зрадила ій молодыця и кынулася до дверей, щобъ проскочыть у хату.

— Погуляй трохы: я прыведу наймычку и тоди дамъ тоби розсчотъ,—мовыла спокійно, безъ гнива, безъ серця, пани и повернула не поспишаючысь ключъ у дверяхъ.

Приська побигла до крамныци.

— Де мени кватырю знайты?—запытала вона у крамаркы.

— Хыба розсчыталася?—здывувалася крамарка.

— Розсчыталася,—видповила молодыця, не попадаючы зубомъ на зубъ.

— Ай-ай-ай! Така хороша пани, а ты розсчыталася! У тебе пропасныця, нездужаешъ, вся тремтышъ? И у самій сукни?—здывувалася изнову крамарка.

— Дайте мени Бога рады яку ганчирку на плечы: пани пишла до торгу та замкнула кухню,—попрохала Приська.

Крамарка подала ій платокъ.

— Найохотнише наймають кватырю вси служкы у Палагеи Тыхоновны, але ты зовсимъ слаба, тамъ тоби буде неспокійво. Може у тебе хто знаёмый йе, то краще перебудь тамъ, покы одужаешъ,—порадыла крамарка.

Приська перебрала въ памьяты всихъ своихъ знаёмыхъ. Ни, нема такыхъ людей. До Сохвіи Трохымовны вона вже не звернется, бо знае, якъ вона судыла іи за Степана, до другои знаёмои перекупкы не варто, бо тамъ и сынъ пьяныця, и зять непутящый.

— До тебе-жъ часто Настя прыходыла,—нагадала крамарка.

Приська замыслылася: не хотилося ій клопотаты чужыхъ людей.

— Ни, мовыла вона, мени якъ-бы на кватырю.

— Идить, тетю, до Палагеи Тыхоновны!—обизвалася якась шустра, гостроноса дивчына у велычезныхъ калошахъ на босу ногу.—Весь городъ обійдить, то кращои кватыри не знайдете. Моя сестра тамъ завжды сыдыть.

— И Палагея Тыхоновна не дорого бере,—мовыла крамарка обережно.

Приська подякувала за пораду и побигла до-дому, бо пани Штейнмильхъ саме повернулася зъ торгу.

XVII.

Палагея Тыхоновна мала тилькы маленькый грунтыкъ на шпыли, проте жыття іи було цилкомъ забезпечене. Маленьки дви хатыны черезъ сины николы не пуступалы. Въ одній вона сама жыла и прыймала до себеи ноди „благородныхъ“ кватыранокъ, а вси куточкы другои булы завжды позастановлювани скрынькамы наймычокъ, що перебувалы тутъ той часъ, поки

трапытся мисце. Невелычка плата — пьятдесятъ копіёкъ на мисяць за кутокъ, обихидлыва, прыемна та балакуча Палагея Тыхоновна, а найдужче та безмежна воля, що давала господарка своимъ кватыранкамъ, прынажувалы наймычокъ до цихъ разъ-у-разъ мокрыхъ та цвилыхъ куткивъ дужче, нижъ сухи та простори хаты другыхъ мищанокъ.

— Хвалыты Бога, хаты мои николы не пустують: одна выходыть, а на іи мисце дви увиходыть. А черезъ вищо? Черезъ те, що я ихъ не спыняю, не грызу имъ головы, якъ тамъ инпши. „Гуляйте", кажу имъ, „дивчата та молодычкы, поки гуляется! Не шкодійте грошей—однаково усихъ дирокъ не полатаете, а на старисть ничимъ буде спогадаты молоди лита. Навищо те каяття, якъ нема вороття? Сама я була колысь молодою—сама знаю тіи дивоцькіи прыгоды"!—казала було Палагея Тыхоновна пидъ чаркою.

— Чого похнюпылася?—Чого нисъ повисыла?—нападется було иноди на яку кватыранку, що сыдыть замыслена.

— Грошы вытратыла!—несмилыво обизвется кватыранка.

— А видчыняй скрыню. Та у тебе тутъ ще добра на мисяць. Оце-жъ платокъ такый, що за ёго и карбованця можно взяты, а це сукня... За оцей настильныкъ я тоби сама пьятдесятъ копіёкъ дамъ. Дать?

Дивка радо виддавала у пивъ-цины свій настильныкъ, абы не йты до торгу, де іи напевне высміють товаркы, и зъ подякою прыймала видъ Палагеи Тыхоновны полтынныка. Колы-жъ у тій скрынци не було вже ничого цикавого, Палагея Тыхоновна и тоди тежъ ставала у прыгоди, бо знала завжды, у якыхъ панивъ бракуе наймычкы, и посылала „голодранку" служыты.

— Якымъ це витромъ занесло тебе до мене?—здывувалася Палагея Тыхоновна, зустричаючы Прiську на дверяхъ.—Ты-жъ, здается, завжды кватырювала у Сохвіи? Посварылася зъ нею, чы вона тебе не схотила?

Не сварылася я зъ нею, и не запытувала іи, чы схоче вона мене взяты, а пораялы мени люде до васъ, я и прыйи-

хала,—видповила Приська, не дывлючысь у вичи новои господаркы.

Палагея Тыхоновна пыльно подывылась на молодыцю: вона ій не няла виры.

— Не хочешъ правды казаты—я й не допытуюся. Чы люде пораялы, чы сама схотила—мени однаково. А скилькы-жъ у тебе грошей?—запыталася вона, озыраючы іи невелыку скрыню.

— Симнадцять карбованцивъ,—видповила Приська, высыпаючы на долоню тры золотыхъ та срибла трохы.

— На першый часъ буде зъ тебе; видпочынешъ спокійно,—мовыла значно прывитнише хазяйка.—Сидай, выпьешъ чаю, бо ты щось зблидла дуже. Не спала, чы змерзла?

— Не спала: зубы болилы,—збрехала Приська.

— Попарь ихъ чаемъ та полизь на пичъ, то воны й пройдуть. А я побижу на часыну до кумы...,—мовыла Палагея Тыхоновна.

Приська напылася чаю усмакъ и, якъ тилькы хазяйка выйшла зъ хаты, полизла на пичъ.

Незабаромъ попрокыдалыся и кватыранкы. Повставалы воны хмури та невесели. Машка прыгадала учорашню суперечку зъ булошныкомъ Яковомъ и напалася зъ просоння на Варку за те, що вона прытягла вчора пьяного Якова на кватырю. Варка видповила ій ще гостришою лайкою и стала доводыты, що сама Машка упылася дужче за Якова. Машка спорылася, здавалася на Гашку; Гашка умовляла Варку мовчаты, Варка гримала на Гашку... Тилькы Санька не прыймала ніякои участи у цій суперечци и лежала соби нышкомъ, укрыта зъ головою, та все думала одну думу: якъ уберегты свое имья дивоцьке видъ виковишнёи плямы, якъ збутыся того сорому, що ось-ось незабаромъ покрые іи голову. Вже висимъ мисяцивъ и вранци и увечери, и лягаючы спать и прокыдаючысь, клала ця симнадцятылитня дивчына на терезы грихъ та соромъ дивоцькый и доси не могла спостерегты, на якый бикъ коромысло дужче нахыляется. Кого бильше остерегатыся? Кого бильше боятыся? Хто дужче покарае: Богъ, чы люде?

— Прыберы къ бису свое манаття!—крыкнула Варка, шпурляючы ногою Гашкынъ платокъ.

— Не шпурляйся!—обизвалася Гашка, обережно згортаючы платокъ,

— Не шпурляйся!—передражныла Варка.—Я-бъ тебе доси трычы пошпурыла зъ хаты, якъ-бы моя воля! обирванко, голодранко!

— Хочъ и голодранка та не злодійка: значкивъ зъ панськихъ напирныкивъ не выплутую,—видмовыла Гашка.

— Ты бачыла, що я выплутую? Ты докажешъ? Прысягнешъ?—накынулася на неи Варка.

— Бачыла, докажу, прысягну,—мовыла спокійно Гашка,— ось и теперъ на твоему напирныку А. В.

— Попалася!—зареготалася Машка.

— У чимъ попалася? Чого ты сикаешся, божевильна, патлата?—кынулася до неи Варка.

— Хай и божевильна, хай и патлата, та все не така, якъ ты,—показала языкъ Машка.

— Яка? яка я?—наступыла Варка.

Машка тильки й сподивала цёго пытаныя: вона майнула до дверей, ухопылася за клямку, щобъ швыдче утекты якъ розсатаніе Варка, и почала по пальцяхъ личыты вси ти прызвыща, що поскладалы про Варку куховаркы. Очи іи блестилы, чорни пасмы курчавого волосся розпатлалыся, посплутувалыся и пиднялыся высокою копыцею на голови... Вона стояла на порози у однiй сорочци, трымтила вся́ видъ холоду, але не спынялася ни на хвылыну реготатысь та сыпаты образлывымы прызвыщамы на свою товарку.

Варка крыкнула на неи разъ, вдруге, и ухопыла качалку. Машка видчыныла двери и мало не стукнулася лобомъ зъ Приською, що прыбигла довидатысь, що-то за галасъ зчынывся помижъ кватыранкамы.

Подругы-ворогы видразу стыхлы и кынулысь оправляты себе та свои лижка. Вси ци дивчата булы видоми добре Присьци, але вона насылу прызнала ихъ теперъ. Чы це-жъ та

сама Санька, що, якъ казала Тытьяна, набрала видъ пана Боголюбова „копыцю“ грошей? Що прыневолыло іи оселытыся тутъ? Де іи грошы? Невже це та сама Гашка, що на Покрову купыла пальто за пьятнадцять карбованцивъ, а зимою йиздыла зъ паніею Рыбалкыною по крамныцяхъ? Чы то-жъ та пышава Варка, що „трехрублёвыхъ“ наймычокъ не прызнае й за подругъ? Або ця Машка! Що трапылося имъ, що звело ихъ сюды до купы, зривняло й достаткы и становыще ихъ? Приська дывылася на обирвану Гашку, на люту Варку, на розпатлану Машку и не знала, якъ забалакаты до ныхъ.

Дивчата тежъ не розумилы, яке лыхо прытаскало молодыцю до ихъ гурту, и поглядалы скоса на неи.

Тымъ часомъ Варка внесла самоваръ, выняла зъ скрыни сахаръ, бублыкы, заварыла чай и запрохала Приську до чаю. Санька налыла соби чайныкъ и поклыкала Машку. Тилькы Гашка не рушыла зъ своеи маненькои скрынькы та сумно поглядала на подругъ: у неи не було ни сахарю, ни чаю... Напылыся вси. Санька поклала на свій чайныкъ грудочку сахару и передала ёго Гашци. Голодна дивка допалася до чаю и хотила окропомъ залыты свій голодъ. Вона налывала склянку за склянкою и пыла ёго мало не зовсимъ безъ сахарю. У Прыськы заболило серце, дывлячысь, зъ якою заздристью Гашка позырае на бублыкы.

— Ты-бъ зъ булкою чай пыла, а то тилькы утрунокъ попечешъ,—мовыла Приська у надіи, що Варка, у котрои тилькы й зосталыся бублыкы та булкы, подасть хочъ шматочокъ голодній Гашци.

— Де-бъ у неи взялася та булка? Вона вже й такъ ось третій день чужымы недойидкамы харчуется,—мовыла Варка зъ огыдою.

— На̀ тоби, Гашко, пьять копіекъ та купы соби булку,— мовыла Приська, подаючы Гашци грошы.

Гашка застыдалася и не хотила брать.

— Ты-жъ мени ихъ виддасы, якъ забагатіешъ; це я тоби у позыку даю,—умовляла Приська.

Гашка повагалася ще трохы, але нарешти взяла грошы и незабаромъ прынесла просту паляныцю.

— Чы не хоче хто гаряченькои палянычкы?—запытала вона подругъ, одризуючы соби окраець.

Нихто не схотивъ. Тоди вона завернула обережно остачу паляныци у платочокъ, поклала іи у скрыню, замкнула и почала йисты одризаный шматокъ. И якъ-же смачно йила вона! якъ обережно збирала крыхты зъ спидныци! Приська тилькы дывылася... Чы не видъ такыхъ самыхъ паляныць утекла вона зъ села? Чы не таки сами паляныци загналы може и Гашку въ городъ?

— Чужымъ хлибомъ, немовъ той старець, животіешъ!—обизвалася изнову Варка, скинчывшы пидводыты свои бровы.

— Мовчы вже! Бо й у тебе не дуже-то брящыть: прыйде Дмытро, то ничимъ буде й прышануваты,—мовыла Машка.

— А це що?—ткнула Варка пидъ самый нисъ Машци срибнымъ карбованцемъ.

— Людыкы! Рятуйте! Це-жъ вона, ій-же Богу, изнову...

Велычезна подушка, що перелетила черезъ всю хату и улучыла Машци у самый выдъ, не дала ій домовыты.

Машка ухопыла подушку и пошпурыла нею у Варку, але Варка видскочыла, и подушка геппула до-долу.

— Гараздъ, що не улучыла, а тобѣ я додала тоби сынякивъ до тыхъ, що Якивъ вчора наробывъ. Тягны до торгу останню сорочку, бо якъ прыйде Якивъ, а не буде горилкы, то винъ изнову накладе,—мовыла Варка.

— Хыба-то винъ мене за горилку вчора бывъ?—здывувалася Машка.

— А то-жъ за вищо?—запытала Варка.

— То винъ мене прыревнувавъ.

— Прыревнувавъ?! — зареготалася Варка. — Подывысь у воду на свою вроду, та тоди й скажы, чы варто тебе ревнуваты?—додала вона, хутко натыраючы щокы червонымъ папиромъ зъ конхветы.

— Та вже-жъ у Машкы Якивъ гороху не молотывъ,—натякнула на Варчыне ряботынне значно повеселивша писля спидання Гашка.

— Ось цытьте!—спынила Санька,—наче у шынку! И якъ вамъ не соромно?—

— Сховай лышень ты свій соромъ дивоцькый, поважана пани Боголюбова,—белькнула Варка.

— Образа улучыла іи у саме серце. Санька зблидла, якъ крейда, и упала на лижко, залываючысь слёзамы.

Варка сама побачыла, що переборщыла, образывшы завжды тыху, звычайну та прыемну подругу, але не схотила попрохаты выбачення, а хутко одяглася и подалася въ городъ. Машка та Гашка заспокоилыся, почалы розчисуватысь, а тымъ часомъ розпытуватысь Приську про іи жыття, та розсказуваты про себе, Воны розбалакалыся, забулы про Варку та недавню суперечку, и тилькы Санька ще довго не стыхала плакаты.

Бидна дивчына гадала, що ще нихто не дизнався про іи соромъ, про іи грихъ, що вона поворозкамы та попереднывомъ добре захыстылася видъ людськыхъ наговоривъ, а теперъ годи вже думаты про терезы, годи молыты Бога, щобъ Винъ не попустывъ іи дытынци народытыся жывою: Варка едынымъ словомъ пхнула іи у ту безодню прирву, звидкиль ій не буде вже никoлы вороття. Приська дывылася, якъ Санька убывалася, якъ облывала гиркымы подушку, и трохы не заплакала й сама. Горе ціеи дивчыны нагадало ій іи власне горе, мукы цеи останнёи ничкы... Чы не сподивается и іи така сама доля? Чы далеко ще той часъ, колы и ій, якъ оце теперъ Санци, яка небудь Варка кыне у вичи гирке, образлыве, але правдыве, слово? „Ни“, заспокоила вона сама себе: сама вона вынна у своій прыгоди, а я не попущу себе до того. Не грала-бъ музыка, не гулялы-бъ люде, не було-бъ отыхъ крамныць, отыхъ роскишныхъ будивлывъ, якъ-бы вси булы у городи таки безталанни, якъ Санька...

XVIII.

Приська не знала вдачы та звычаивъ кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и дуже здывувалася, колы побачыла у вечери, якъ воны спильно та весело клопочутся биля застланого билымъ настильныкомъ столу. Наготовлялыся чаркы, пляшкы, склянки та тарилкы. Варка зъ завирченымъ у папиръ чубомъ, намащена якоюсь мазью, прыймала видъ Палагеи Тыхоновны ножы та вылкы, що та одличувала кватырантткамъ у позыку; червона, запыхана одъ биганыны Машка ризала булкы; Санька поралася биля оселедцивъ; Гашка вытырала помистъ. Ніякои згадкы, ніякого натяку про ранишню сварку,—неначе то поралося чотыры ридни сестры, сподиваючысь якогось всимъ однаково любьязного гостя.

— Кого вы сподиваетеся?—запытала Приська Варкы.

— Особлыво никого: такъ, де-яки знаёми прыйдуть,—видповила Варка такымъ самымъ голосомъ, якымъ колысь пани Рыбалкына де-кому зъ знаёмыхъ казала, сподиваючысь именытого гостя.

— Може й у тебе йе гарни знаёмы, то запросы на вечиръ,—порадыла Палагея Тыхоновна Присьцы.

— Ни, у мене нема такыхъ знаёмыхъ,—видказала Приська.

— У монашкы пошылася, чы що? Не выгадуй не знать чого—однаково нихто тоби не повирыть. Не соромся та поклычъ, кого знаешъ. Подывысь на Машку—якъ прытанцёвуе! Неначе оти оселедци та булкы зъ неба упалы! Чы ба, якъ радіе, а вона-жъ сёгодни останню спиднычыну понесла до торгу. Машко! годи танцюваты: закаблукы побьешъ,—зареготалася Палагея Тыхоновна.

— Беры ихъ морока!—гуркнула Машка и загупотила босымы ногамы...

Палагея Тыхоновна не втерпила: надійшла до Машкы и вщыпнула іи.

— Люблю я такыхъ дивчатъ! Отъ зъ кымъ жыты весело! А все-жъ такы завтра потягну тебе до Рейтаркы,—часъ вже й нанятысь. Тилькы чы выбудешъ тамъ?

— Ого! ще якъ! Въ якому пекли не доводылося служыты—скризь выбувала,—заспокоила Машка Палагею Тыхоновну.

— Мисяця...,—додала Варка...

— Ни, у тіеи... якъ іи... забулася, ажъ два мисяци выбула,—похвасталася Машка.

— Ото-жъ й у Рейтаркы треба выбуть не меньше двохъ мисяцивъ,—звелила Палагея Тыхоновна.

— Выбуду!—мовыла Машка и побигла до Гашкынои мыскы мыть ногы... Тилькы объ одынадцятій годыни вечера сталы збиратыся гости. Першымъ прыйшовъ прыкащыкъ зализнои крамныци, Дмытро. Це бувъ молодый, огрядный парубокъ. Зь першого погляду винъ робывъ на всихъ прыемне вражиння, але досыть було мовыты ёму одно словечко, досыть зробыты одынъ крокъ по хати—и вражиння те пропадало. Винъ ступавъ такъ обережно, повертався такъ нешвыдко, робывъ таки маленьки ступни, що робылося нудно, дывлячысь на ёго, и такъ и хотилося гукнуты: „проворнишъ!“ Балакавъ винъ тыхесенько, тонисенько, незвычайно швыдко й ковтавъ слова. Ривный голосокъ ёго прыохочувавъ и дитей и дорослыхъ до сну, а оповидання ёго не малы николы ни початку, ни кинця. Винъ увійшовъ у хату, поздоровкався до знаёмыхъ дивчать, поклавъ на столи пакунокъ горихивъ и надійшовъ знаёмытысь до Прыськы.

— Мы почасти знаёми—вы булы якось у крамныци.—

— Була разъ,—мовыла Прыська.

— Дмытро повернувся обережно, щобъ бува не зачепыть якого стульця, або не наступыть на вищо небудь, пройшовъ хату и сивъ у куточку, биля столу. Варка сила поручъ, хотила щось любенько запытаты свого кавалера, але замисть того несподивано смачно позихнула.

Машка глянула на неи и зареготалася на всю хату. Варка хотила спыныты подругу, але не вытрымала сама и тежъ засміялася. Дмытро, не зрозумивши, що то винъ самъ прызвивъ до смиху, усмихнувся и соби.—Цёго було досыть, щобъ довесты Машку до краю... Вона почала такъ сміятыся, що вже ни Гашка, ни Санька, ни Прыська не малы снагы переборота и

себе... У Машкы вже лылыся слёзы, вона качалася на лижку, ойкала, хапалася за бокы и, глянувшы на Варку, почынала ще дужче сміятысь.

На счастя іи, щось протупотило повзъ викно. Машка серцемъ почула, що то йде іи коханець, булочныкъ Якивъ, стыхла, утерла слёзы и выбигла ёму назустричъ. Це була людына зовсимъ иншои вдачы, нижъ Дмытро. На ёму була проста чумарка, трохы де-не-де прыпорошена борошномъ, велыки прости чоботы, чорный картузъ. Самъ винъ бувъ зросту невелычкого, на облыччя трохы блидый, але незвычайно веселый. Винъ увалывъ въ хату, гараздъ не обтрусывшы снигу, и мицно стыснувшы всимъ дамамъ, навить незнаемій ему Присьцци, руку, звеливъ Машци подавать самоварь.

Видразу вси заворушылыся, стульця прысунулыся до столу, всимъ стало весело, любо та гарно.

Самъ Якивъ не любывъ ничого оповидаты, а ще дужче не любывъ слухаты... Винъ любывъ, щобъ вси балакалы, пыталы, роспытувалысь, але коротенько, весело та жваво, и радый бувъ завжды, колы мавъ що особо цикаве але прыемне переказаты.

— Олександро Мартыновно!—звернувся винъ до Санькы:— прынисъ вамъ прыемну новыну: сёгодни прыбуде до васъ Сергій.

— Санько! чуешъ?—зрадила Машка.—Сергій твій прыйде!

Санька густо почервонила.

— Чы прыйде—хай прыходыть,—мовыла вона стыха.

— Хыба то вамъ справди такъ равнодушно?—протягъ тонисенько Дмытро, звертаючысь до Санькы.

— А тоби, яке дило „равнодушно“, чы „неравнодушно“ Саньци? Радій, що Варвара Памхвыловна до тебе сёгодни „неравнодушна“,—одризавъ ёму Якивъ.—Та яки вы сёгодни, Варваро Памхвыловна, антересни! Машка! щобъ ты мени завжды такъ чубъ завывала.

Ха—ха—ха!—зареготалася Машка.—И выгада!

— Ій не до лыця чубъ,—обизвалася Варка.

— Колы ій чубъ не до лыця, то намъ горилка до лыця. Пидставляй, Дмытро, свою чарку!—мовывъ Якивъ, налываючы у свою чарку горилку, настоену на померанцовыхъ шкуркахъ.

— Самоварь закыпивъ,—сповистыла Гашка.

— Подавай!—скомандувала Варка.

Гашка побигла.

Становыще попыхача у такыхъ самыхъ наймытивъ, якъ и вона, ни крапли не турбовало и не ображало Гашку. Слухняна, гарнои та тыхои вдачы дивчына радо пособляла кожному и николы не видмовлялась подилытыся и гришмы, колы мала ихъ. „Гашка—вивця", „Гашка—дурна",—казалы товаркы, про те ридко яка не корыстувалася чимъ-небудь видъ тіеи вивци. Немало горя прыйняла вже дивчына черезъ те ймовирне та жалистлыве серце, черезъ ту памьять, що пропускала, якъ решето воду, всяке лыхо, що чынылы ій недобри люде, и затрымувала тилькы золотый писокъ ихъ гарныхъ вчынкивъ.

Дійшла вона до сучасного становыща „голоднои обирванкы" черезъ пани Рыбалкыну. Колы Гашка наняласця до цихъ панивъ, у неи було трыдцять карбованцивъ запрацёваныхъ за чотыры рокы грошей. Пани довидалася, що у дивчыны поводятся грошы, и прырозумила, якъ скорыстуватысь нымы. Вона умовыла Гашку купыты новомодне пальто, шовковый платокъ, полусапожкы на пуговкахъ, и колы дурна дивка послухалася тіеи порады та одяглася якъ павычъ, пани стала возыть іи по городу, по крамныцяхъ, та выхвалятыся предъ знаёмымы убраннямъ своеи покоянкы. Але, звычайно, не надовго постачыло пани цієи забавкы:—вона розсчытала за вищо-сь Гашку и, буцимъ-то забувшысь про умовы, заплатыла ій тилькы по тры карбованця на мисяць, замисть чотырёхъ. А тымъ часомъ склалася вже про Гашку недобра слава. До заможнихъ панивъ вона була нездатня, а бидниши остерегалыся найматы покоянку, що носыть новомоднё пальто та спидныци „колоколомъ". Гашка оселылася на кватыри у Палагеи Тыхоновны, пройидала сперше грошы пани Рыбалкыной, потимъ одягу и теперъ сподивалася, голодна, обидрана, родычей зъ села, що обищалы взяты іи до дому.

— Будемо зразу чай пыть, а потимъ закусымо!—мовыла Машка, запарюючы чай.—Гашко! попрохай у Палагеи Тыхоновны блюдцивъ! Варко, нарижъ ще кранзолій!.. Гашка побигла, а Варка не рушыла зъ мисця. Машка налыла всимъ чай и, впевнывшысь, що Варка хоче сёгодни буты „барыней", заходылася сама порядкуваты биля столу. Ій було незвычайно весело: Якивъ прыйшовъ тверезымъ, не лаявъ, не гримавъ на неи, и цёго було досыть, щобъ осчастыты Машку на весь вечиръ. Вона стала незабаромъ „душею обчества", „царыцею бала"; до неи звертались, до неи балакалы вси, и навить Дмытро, на превелыку досаду Варкы, „разъ одпустывъ ій комплымента".

— Машко! спивай!—звеливъ Якивъ.

Машка одкынулася на спынку стульця и ту-жъ мыть завела „выхожу одынъ я на дорогу".

— Весь самоварь вытече—покы ты свою писню доведешъ до краю,—спынила іи Варка.

Справди вода залыла вже всю пидставку пидъ самоваромъ.

— Отака голова!—зареготалася Машка.

— Молодисть!—зауважывъ тонисенько Дмытро.

— Хто-бъ казавъ: „молодисть"! Вамъ мабудь и самымъ ще двадцяты рокивъ немае,—мовыла Машка.

— Торикъ перейшовъ прызовъ,—не канхвузьте!

— Такъ мы зъ вамы однолиткы!—зрадила Машка.

— Дуже прыемно це зъ вашыхъ устъ чуты: у одному роци родытыся—це все одно, що поридныться,—мовывъ Дмытро зъ незвычайно прыемною ухмилкою.

— Ахъ! якъ це гарно! Скилькы-жъ це у мене родычивъ! Теперъ завжды пытатымусь кавалеривъ: скилькы вамъ рокивъ?—пидхопыла Машка.

— А я иншыхъ родычивъ и не бажаю: я задоволенный такою родычкою, якъ вы,—протягъ Дмытро.

— Комплыментъ, комплыментъ!—забыла Машка у долони:— Чуешъ, Варко?

— Варка давно вже чула, бачыла все и кусала нервово губы. На іи погляды Машка трымала себе гыдко, а зъ боку

Дмытра було досыть „неделикатно„ розкыдаты свои комплыменты навколо.

— Чого ты такъ крычышъ? Наче вси поглухлы,—мовыла зъ серцемъ Варка.

Машка прытыхла.

— Сергій прыйшовъ!—оповистыла Гашка.

Санька, що сыдила весь часъ мовчкы за своею склянкою чаю, пидвелася була и знову зразу сила.—Чого винъ прыйшовъ?—запытала сама себе Санька. Невже винъ выбачывъ ій все те, що вона наробыла, и прыйшовъ, щобъ скинчыты давно початый романъ весиллямъ? Чы то може бажання помстытыся за зраду іи прывело Сергія сюды? Якъ зустриты, якъ витаты ёго: за прыхыльну людыну, чы може за клятого ворога?

А Сергій, якъ на те, щось дуже довго обтрушувавъ у синяхъ снигъ зъ чобитъ. Ёму, сыну поряднои семьи, було и боляче и страшно заходыты сюды, шукаты Саньку, свою кохану, заручену дивчыну, помижъ пьяныхъ людей. Вже все колысь було на поготови, щобъ одружытыся зъ нею; батько—бондаръ и маты—перекупка здатни булы прыняты Саньку до себе за невистку, Сергій безъ миры кохавъ іи, и треба було-жъ ёму одлучытыся зъ города на мисяць, а ій нанятыся до Боголюбовыхъ? Сергій, довидавшысь видъ Тытьяны про свое лыхо, трохы не наложывъ бувъ на себе рукъ, и батько поспишывсь одвезты ёго до свого брата ажъ за трыста верстъ. Недавнечко винъ повернувся, и хто-сь белькнувъ ёму, що Саньку оговорено, оббрихано. Винъ ухватывся за ту звистку и прыбигъ теперъ до Санькы зъ надією порозумитыся зъ марно опороченою дивчыною та выпрохаты у неи выбачення за те, що винъ, не довидавшысь видъ неи самои правды, покынувъ бувъ іи колысь.

Але обставыны за-для такои розмовы булы непидхожи.

— Охота вамъ сыдиты у такій духоти? На двори така чудова годына, зоряно... Я нарочыто зайшовъ до васъ, Олександро Марковна; чы не погуляете вы трохы?—звернувся винъ несмилыво до Санькы.

Санька змины лася на выду: „чы не надумавъ винъ мене вбыты?—промайнуло у неи въ голови.

— Я щось нездужаю,—видмовыла вона стыха.

— Мы недалечко... разивъ зо-два пройдемося по цій вулыци... Ничъ така гарна, зоряна... Одягнится гарно,—попрохавъ Сергій.

Санька глянула ёму у вичи. Ни, очи душогуба не можуть такъ дывытысь: скилькы ласкы, прохання и щырого кохання видбываеться у очахъ Сергія!—Санька накынула платокъ и смилыво попростувала за Сергіемъ.

— Ось и я до васъ. Чы прыймете до гурту?—запытала Палагея Тыхоновна.

Машка схопылася зъ свого стульця и пидставыла ёго хазяйци.

Гашка метнулася у сины розогриваты самоварь.

— Вси до пары, якъ голубочкы, тилькы Прыська одынока,—мовыла Палагея Тыхоновна, здоровкаючысь до гостей.

— Значыть, не охота паруватыся, бо за парою не бувае остановкы: де одынъ—тамъ може буты и двое,—мовывъ Якивъ.

— Або и трое...—додавъ тыхесенько Дмытро, усмихаючысь.

— Э, то вже ка-зна що, якъ трое. Спробувавъ я бувъ колысь кохаты вдвохъ зъ однымъ парубкомъ молодыцю тай навики зарикся.

— Зъ кымъ це такъ?—кого,—зацикавылася Машка.

— Багацько будешъ знать — постаріешся, — засміявся Якивъ.

— Голубчыку, Якове, розскажы-бо. Ось нà чарочку ще, та тилькы розскажы!—попрохала безъ краю зацикавлена Машка.

— Та розскажы вже!—пидтрымала іи и Палагея Тыхоновна.

— А хто твоимъ кумпаніономъ у сердешнихъ дилахъ бувъ?—запытався Дмытро.

— Хыба не знаешъ хто? Степанъ Гуля,—мовывъ Якивъ.

Прыська раптомъ почервонила и почала чого-сь шукаты пидъ столомъ.

— Степанъ Гуля. Зъ нымъ мы вдвохъ Боголюбову куховарку, Тытьяну, кохалы: одынъ вечиръ винъ йде до неи на

бенкетъ, а другый—я. Вона насъ шанує и поить й годує... И такъ ходылы мы до неи мало не два мисяци, покы якось не упылыся та не завелы при ій суперечкы за чергу...

— Ха-ха-ха!—засміялася видъ усёго серця Машка:—отъ мабудь досталося вамъ?

— Було намъ. Степанъ такы якось вырвався зъ іи рукъ та втикъ, а мени чысто чуба обирвала...

— Ха—ха—ха! Отъ була кумедія. Шкода, що мене тамъ не було... Тымъ-то у тебе и чубъ ридкый, що Тытьяна переполовынила,—сміялася Машка.

Приська наче у смоли кыпила. Серце іи розрывалося видъ оповиди Якова, слёзы душылы іи; ій хотилося крыкнуты Машци: чого ты смієшся, навижена?—хыба тоби не прыкро, не досадно слухаты Якова? Хыба въ тебе не болыть серце, не шкода того кохання, що ты виддаешъ цёму зрадныкови? Вона прыгадала Дуньку, Степана—и спогады, одынъ сумнишый, образлывишый другого, опанувалы нею и все яскравише доводылы, що Степанъ вже не разъ дурывъ іи. А Яkивъ все не стыхавъ и, пидбадёреный Машкою та Палагеею Тыхоновною, оповидавъ про свого „компаніона у сердешныхъ дилахъ", додаючы, звычайно, до дійснои правды добру частыну властныхъ выгадокъ.

— Не дуже-то, Якове Семеновычу, розпускайте свого языка,—обизвалася Варка. Де-кому дуже непрыемно слухаты ваши речи,—додала вона, ехыдно позыраючы на Приську.

— Такъ, такъ!—зрадила Машка:—я бачыла колысь Приську зъ Степаномъ. Поздорвляемо, поздоровляемо!—забыла вона у долони.

— Нема зъ чимъ: мало зъ кымъ я не ходыла?—видповила Приська, наче зовсимъ байдуже.

— Неудачный выборъ вашого серця,—протягъ Дмытро.

— И чого тамъ неудачный? Я бачыла Степана: гарный парубокъ,—обизвалася Палагея Тыхоновна...

— Молодець парубокъ! Не вирьте Дмытрови, це винъ зъ заздрощивъ каже. Степанъ—парубокъ надъ парубкамы, и завтра, не буду Яковомъ Перепелыцею, колы не прытягну ёго сюды,—звернувся зовсимъ вже осоловилый Яkивъ до Приськи.

— Безпреминно прыведы,—пораяла Палагея Тыхоновна...

— Чого вы до мене прысикалыся зъ Степаномъ?—розсердылася Приська.

— Сердытся, сердытся,—выдно що правда! Поздоровляемо, поздоровляемо! Теперъ вже мы знаемо, кого ты кохаешъ!—зацокотила Машка и хотила зъ радощивъ поцилуваты Приську.

— Неправда, неправда! — видипхнула іи Приська видъ себе:—николы я його... „не кохала"!—хотила крыкнуты Приська, але запнулася на цёму слови: языкъ не повернувся на таку неправду. Вона выбигла у сины и прыпала головою до стинкы, ледве стрымуючы себе, щобъ не заголосыты.

— Делыкатна—зауважывъ Дмытро.

— Кумедіянтка!—кынула зъ огыдою Варка.

— Дурна та плакса!—мовыла Машка, прысуваючысь блыжче до Якова.

— А ты, гляды мени, Машко, николы не плачъ!—погрозывсь Яковъ на Машку.

— Я?—зареготалася дивка, мовъ не знать яке чудне щось мовывъ ій кавалеръ.

Л. Яновская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

(Окончаніе [1]).

IX.

Какъ по великороссійскому, такъ и по малороссійскому положенію, земля, назначенная „для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками“ отводилась въ постоянное пользованіе каждаго сельскаго общества [2]). Послѣднее составляли, за небольшими исключеніями, строго опредѣленными въ законѣ, всѣ крестьяне, записанные за помѣщикомъ въ одномъ селеніи по послѣдней 10-й ревизіи [3]).

---

1) См. Кіев. Ст., мартъ, апрѣль.

2) Великороссійское Положеніе ст. 5. Малороссійское Положеніе ст. 5.

3) Великор. Полож. ст. 6—8. Малор. Полож. ст. 6—7.

Размѣръ надѣла крестьянъ опредѣлялся не вездѣ одинаково, а по мѣстностямъ. Въ этомъ отношеніи полтавская губернія была раздѣлена на двѣ мѣстности, черниговская на три, харьковская на четыре [1]). Въ каждой мѣстности полагалось два надѣла—высшій и низшій, въ предѣлахъ которыхъ и могло колебаться добровольное соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками. Этимъ добровольнымъ соглашеніемъ преимущественно и долженъ былъ опредѣляться размѣръ надѣла [2]). Низшій надѣлъ составлялъ половину высшаго [3]).

Высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли для 1-ой мѣстности черниговской губ., заключавшей въ себѣ конотопскій уѣздъ, части борзенскаго и нѣжинскаго и часть уѣзда козелецкаго былъ опредѣленъ въ $2^3/_4$ дес.; для второй мѣстности—части уѣздовъ борзенскаго и нѣжинскаго, части козелецкаго уѣзда, уѣздовъ глуховскаго, кролевецкаго, городнянскаго, сосницкаго, новгородсѣверскаго, стародубскаго, черниговскаго и остерскаго—въ 4 десятины и, наконецъ, для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго—въ $4^1/_2$ десятины [4]). Если бы оказалось, что количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ до введенія въ дѣйствіе Положеній, превышало высшій размѣръ надѣла, то помѣщикъ имѣлъ право отобрать у крестьянъ излишекъ земли въ свое пользованіе [5]); но если-бы количество земли у крестьянъ было менѣе положеннаго для данной мѣстности низшаго надѣла, то, по великороссійскому положенію, помѣщикъ долженъ былъ или прирѣзать часть земли до нормы, или же, не прирѣзая ея, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уменьшить соотвѣтственно платежи и повинности [6]); по

---

[1]) Великор. Полож. ст. 9—15. Малор. Полож. ст. 8—9.

[2]) Великор. Полож. ст. 9. Малор. Полож. ст. 8.

[3]) Великор. Полож. ст. 16. Малор. Полож. ст. 10.

[4]) Приложеніе къ 9 ст. Мѣстнаго Полож. для губерній малороссійскихъ.

[5]) Великор. Полож. ст. 18. Малор. Пол. ст. 12.

[6]) Великор. Полож. ст. 19.

малороссійскому положенію, онъ обязанъ былъ прирѣзать землю во всякомъ случаѣ [1]). Прирѣзка это отмѣнялась, впрочемъ, если во владѣніи помѣщика оставалось не болѣе одной трети всѣхъ удобныхъ земель [2]).

Земля, поступавшая во владѣніе общества, носила названіе мірской, въ Малороссіи—громадской земли [3]). Право на пользованія ею имѣли только крестьяне, принадлежавшіе къ извѣстному обществу; разъ крестьянинъ выходилъ изъ общества, онъ терялъ право на пользованіе мірской землей [4]).

По великороссійскому положенію, только усадебная земля находилась въ постоянномъ пользованіи семейства и переходила по наслѣдству, согласно обычному праву наслѣдованія [5]). Мірская же полевая земля оставалась въ общинномъ пользованіи крестьянъ и подвергалась передѣламъ [6]). Впрочемъ, крестьянскому обществу не запрещалось перейти отъ общиннаго пользованія землей къ подворному, раздѣливъ разъ на всегда землю на участки между наличными домохозяевами, съ правами перехода этихъ участковъ по наслѣдству [7]). Выморочные участки поступали въ такомъ случаѣ въ распоряженіе общества [8]).

Нѣсколько иной порядокъ былъ въ Малороссіи. Здѣсь общиннаго пользованія, по положенію 1861 г., не существовало. Хотя мірская земля была предоставлена въ пользованіе цѣлаго общества, но она не передѣлялась. Каждое крестьянское семейство сохраняло въ своемъ потомственномъ владѣніи усадьбу, полевые, сѣнокосные и лѣсные участки, которыми оно

---

[1]) Малор. Полож. ст. 13.

[2]) Великор. Полож. ст. 20, 22 Малор. Полож. ст. 13.

[3]) Великорос. Полож. ст. 98. Малор. Полож. ст. 92.

[4]) Великор. Полож. ст. 99. Малор. Полож. ст. 99.

[5]) Великор. Полож. ст. 110.

[6]) Тамъ-же ст. 113.

[7]) Тамъ-же ст. 115.

[8]) Тамъ-же ст. 117.

владѣло до изданія Положенія 1861 г. [1]). Участки эти переходили по наслѣдству [2]). Мало того: домохозяинъ, какъ остающійся въ обществѣ, такъ и выходящій изъ него, имѣлъ право, при жизни своей, передать свой участокъ ближайшему наслѣднику [3]) или лицу усыновленному изъ родственниковъ или постороннихъ [4]), и только выморочные участки поступали въ распоряженіе общества [5]). Впрочемъ, семейные участки не поглощали всей мірской земли. Часть ея, не входившая въ составъ семейныхъ участковъ, оставалась въ пользованіи общества, и на нее распространялись всѣ правила пользованія мірской землей: она оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, распоряженіе его принадлежало сельскому обществу; крестьянинъ, выходившій изъ состава его, терялъ право на пользованіе этой мірскою землей [6]).

Семейные участки не были безграничными. Для каждой мѣстности былъ установленъ высшій размѣръ *пѣшаго* полеваго участка [7]),—для первой мѣстности—въ 4 десятины, для второй—въ 6 дес. и для третьей—въ 7 десятинъ [8]). Земля, превышавшая высшій размѣръ пѣшаго участка, считалась добавочнымъ участкомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали и крестьянскія левады, находившіяся внѣ селеній [9]).

Понятіе пѣшаго участка на первыхъ порахъ вызывало недоразумѣніе, и предводитель дворянства нѣжинскаго уѣзда обратился въ Черниговское Губернское Присутствіе съ просьбой разъяснить: „что значитъ выраженіе: пѣшій полевой участокъ,

---

[1]) Малорос. Полож. ст. 36 и слѣд.

[2]) Малор. Полож. ст. 93 и слѣд.

[3]) Малорос. Полож. ст. 94.

[4]) Тамъ-же ст. 95.

[5]) Тамъ-же ст. 97.

[6]) Тамъ-же ст. 98—99.

[7]) Тамъ же ст. 38 Приложеніе къ ст. 9-й.

[8]) Приложеніе къ ст. 9 Малорос. Положенія.

[9]) Малорос. Полож. ст. 39.

и что разумѣть подъ словомъ дворъ, хозяйство, семейство?“ Словами Г. П. Галагана Присутствіе отвѣтило на этотъ вопросъ такимъ образомъ: „По силѣ статьи 36 мѣстнаго Положенія, оставляются въ пользованіи каждаго крестьянскаго семейства всѣхъ родовъ угодія, въ томъ числѣ, въ какомъ каждое семейство ими пользовалось; слѣдовательно, пѣшимъ участкомъ считается, за исключеніемъ усадебъ, всякое количество земли, хотя бы самое малое и въ настоящее время въ пользованіи крестьянина находящееся, если оно не превышаетъ опредѣленнаго высшаго размѣра пѣшаго участка. Земля, превышающая эту опредѣленную высшую пропорцію, отчисляется по силѣ 39 ст., къ участку добавочному, предоставленному въ пользованіе крестьянъ совершенно на особыхъ правилахъ. Для большаго уразумѣнія этихъ статей, можно привесть примѣръ: для нѣжинскаго уѣзда высшій размѣръ пѣшаго участка есть 4 десятины; слѣдовательно, крестьянинъ, имѣющій $1^1/_2$ или 2 десятины полевой земли, имѣетъ въ пользованіи пѣшій участокъ, а другой крестьянинъ, имѣющій $5^1/_2$ десятинъ полевой земли, пользуется пѣшимъ участкомъ высшаго размѣра и полутора десятинами добавочнаго. При отмѣнѣ тяглой барщины за добавочные участки, взыманіе повинности опредѣляется въ ст. 236 мѣстнаго Положенія.

Дворъ, хозяйство или семейство, по отношенію надѣла или повинности, есть отвѣтственнная хозяйственная единица. Дворъ или хозяйство, заключающіе въ себѣ двѣ и болѣе избъ, но своего семейства, находятся нераздѣльными въ отношеніи ихъ хозяйства и не должны быть раздѣлены и въ отношеніи повинности и надѣла. Также точно и наоборотъ: два женатыхъ сына при отцѣ, хотя бы жили въ одной избѣ, но имѣя отдѣльныя хозяйства, должны, по надѣлу и повинностямъ, считаться двумя отдѣльными дворами“ [1]).

За пользованіе отведенною въ надѣлъ землею крестьяне обязаны были отбывать повинности, которыя раздѣлялись на

[1]) Журналъ Губернскаго Присутствія № 7, 13 апрѣля 1861 г.

денежныя (оброкъ) и издѣльныя (барщина) [1]). Повинности эти разнились по мѣстностямъ. Въ губерніяхъ малороссійскихъ за усадьбу полагалась ежегодная плата по 5 р. 10 к. съ десятины; оброкъ въ черниговской губерніи платили—въ первой мѣстности 2 р. 50 к., во второй—1 р. 60 коп., въ третьей—1 р. 40 коп. съ десятины [2]). Издѣльная повинность (барщина) отбывалась только мужскимъ населеніемъ [3]). Этимъ малороссійскія губерніи отличались отъ великороссійскихъ, гдѣ къ отбыванію барщины привлекалось и женское населеніе [4]). Размѣръ издѣльной повинности въ черниговской губерніи опредѣлялись такъ: за десятину пѣшаго и добавочнаго полеваго участка въ первой мѣстности мужское населеніе должно было работать 21 день въ году; во второй мѣстности—14, въ третьей—12 дней [5]). Три пятыхъ рабочихъ дней крестьяне обязаны были отбывать лѣтомъ, а двѣ пятыхъ—зимой [6]).

Въ отношеніи обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей крестьянами мы встрѣчаемъ существенную разницу между малороссійскимъ и великороссійскимъ положеніемъ, и можетъ быть это именно, на ряду съ величиной оброка и барщины, и побуждало малорусскихъ помѣщиковъ стремиться къ введенію въ своихъ имѣніяхъ великороссійскаго положенія.

Разница эта обусловливалась преобладающими формами крестьянскаго землевладѣнія, введенными Положеніями 19 февраля, общинной—въ Великороссіи, и подворной—въ Малороссіи. При общинномъ землевладѣніи, гдѣ земля считалась собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всего общества, и отвѣтственность за отбываніе съ земли платежей и повинностей въ пользу помѣщика и государства падала на все общество, кото-

---

1) Малорос. Полож. ст. 165.

2) Тамъ-же ст. 177.

3) Малорос. Положеніе ст. 195.

4) Великорос. Полож. ст. 189 и др.

5) Малорос. Полож. ст. 195.

6) Тамъ-же ст. 197—198.

рое обязывалось при этомъ круговою порукой [1]). Въ Малороссіи, при преобладаніи подворнаго землевладѣнія, „каждый домохозяинъ отвѣчалъ порознь за исправное отбываніе тѣхъ повинностей, въ пользу помѣщика уставленныхъ, которыя причитались съ состоящаго въ его пользованіи участка" [2]). Отвѣтственность всего общества, обязаннаго круговой порукой, распространялась только на такъ наз. упразднившіеся участки, т. е. тѣ, отъ которыхъ крестьяне отказывались или которыя оставались выморочными и поступали, такимъ образомъ, во владѣніе всего общества [3]).

Само собой разумѣется, что если смотрѣть съ точки зрѣнія выгодъ помѣщика, то великороссійское положеніе съ его обязательной круговой порукой казалось удобнѣе положенія малороссійскаго. Послѣднее узаконяло владѣніе подворное и создавало, такимъ образомъ, при недовѣріи помѣщика къ крестьянамъ и ихъ способностямъ вести самостоятельное хозяйство— довольно невыгодную для помѣщика перспективу вѣчныхъ недоимокъ и необходимости, при ихъ взысканіи, имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Да и сами „мѣры обезпеченія исправнаго отбыванія" платежей и повинностей въ Великороссіи были суровѣй, казались энергичнѣй, чѣмъ въ Малороссіи—что также въ нѣкоторой степени не могло не имѣть своей привлекательной стороны для помѣщиковъ.

Въ случаѣ неисправнаго отбыванія платежей и повинностей крестьянами сельское начальство въ Малороссіи, могло, по требованію помѣщика, обратить доходъ съ недвижимаго имущества недоимщика на пополненіе недоимки; отдать недоимщика или кого-нибудь изъ его семьи въ заработки въ сосѣдніе или, при соблюденіи извѣстныхъ условій, даже въ отдаленныя селенія, причемъ отдача крестьянина въ заработки своему по-

---

[1]) Велик. Полож. ст. 245.
[2]) Малор. Полож. ст. 240.
[3]) Малор. Полож. ст. 241.

мѣщику, противъ воли крестьянъ и согласія помѣщиковъ, не допускалась. Затѣмъ сельское общество могло опредѣлить недоимщику опекуна; въ самыхъ же крайнихъ случряхъ продать на пополненіе недоимки часть недвижимости и часть движимаго имущества, принадлежавшаго крестьянину [1]). Если всѣ эти мѣры были исчерпаны, то помѣщику предоставлялось право, съ подлежащаго на то разрѣшенія, отобрать у недоимщика его участокъ, передать его другимъ крестьянамъ, а если желающихъ принять участокъ не находилось, то оставить его и въ своемъ пользованіи [2]).

Великороссійское положеніе повторяло въ общемъ тѣ-же мѣры обезпеченія правильнаго отбыванія платежей и повинностей, которыя мы находимъ и въ малороссійскомъ положеніи, значительно расширяло только вліяніе при этомъ помѣщика, по требованію котораго мировой посредникъ долженъ былъ съ своей стороны, помимо общества, принять цѣлый рядъ указанныхъ въ Положеніи мѣръ для взысканія съ крестьянъ недоимокъ [3]). Прибавимъ къ этому, что изъ великор. положенія совершенно была исключена статья, запрещавшая отдавать крестьянъ въ заработки помѣщику, должниками котораго оно состояли.

X.

Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ раздѣлялись на денежную—оброкъ, и затѣмъ издѣльную—барщину.

Денежная повинность не вызывала особыхъ недоразумѣній. Она была точно опредѣлена въ законѣ, который установлялъ различіе ея по мѣстностямъ. Какъ уже сказано было выше, черниговская губернія дѣлилась въ этомъ отношеніи на три мѣст-

---

[1]) Малор. Полож. ст. 253.

[2]) Тамъ-же стр. 254—258.

[3]) Великор. Полож. ст. 261—263.

ности. Въ законѣ эти мѣстности были точно указаны [1]), за исключеніемъ борзенскаго, нѣжинскаго и козелецкаго уѣздовъ, гдѣ „точное разграниченіе первой и второй мѣстности черниговской губерніи возлагалось на Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которое обязано было немедленно же сообщить о сдѣланномъ имъ разграниченіи министерству внутреннихъ дѣлъ“ [2]).

Уже въ первомъ засѣданіи Присутствія 16 марта 1861 г. А. И. Лизогубъ возбудилъ вопросъ о необходимости собрать нѣкоторыя положительныя данныя для проведенія черты, которая раздѣлила бы названные выше три уѣзда на двѣ мѣстности. Въ то время предстояли уѣздныя дворянскія собранія, и Присутствіе постановило, поэтому, обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, чтобы они „о заключеніяхъ, которыя имъ можно будетъ вывести изъ частныхъ мнѣній означенныхъ собраній, сообщили начальнику губерніи, для руководства при соображеніяхъ объ этомъ предметѣ въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи“ [3]).

Въ засѣданіи Присутствія 11 мая были прочитаны представленія предводителей о проведеніи черты [4]), при чемъ предводитель козелецкаго уѣзда представилъ въ подлинникѣ постановленіе дворянскаго собранія по этому поводу, предводители же нѣжинскій и борзенскій сообщили только описаніе разграничительной черты, намѣченной дворянскимъ собраніемъ [5]). Обстоятельный докладъ по этому поводу сдѣлалъ въ засѣданіи 14 мая Г. П. Галаганъ, который подвергъ основательной критикѣ всѣ предположенія уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ проэктомъ раз-

---

[1]) Приложеніе къ 9-й ст. Малорос. Положенія.

[2]) Малорос. Полож. ст. 9.

[3]) Журналъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія № 1, 16 марта 1861 г.

[4]) Журналъ № 9, 11 мая.

[5]) Журналъ № 14, 14 мая.

дѣленія на мѣстности, предложеннымъ Галаганомъ для уѣздовъ козелецкаго и нѣжинскаго. Что же касается уѣзда борзенскаго, то вслѣдствіе заявленій борзенскаго помѣщика В. О. Подвысоцкаго, проведеніе черты чрезъ этотъ уѣздъ было возложено на мировой съѣздъ, который для этой цѣли созывался изъ мировыхъ посредниковъ борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ, съ участіемъ въ немъ одного члена отъ правительства. Въ козелецкомъ уѣздѣ рѣшено было Присутствіемъ строго придерживаться черты, назначенной въ Положеніи, причемъ село Мостище отнесли ко 2-й мѣстности, потому что большая часть полей его находилась во 2-й мѣстности. Въ нѣжинскомъ уѣздѣ разграничительная черта шла отъ границы козелецкаго уѣзда по р. Остру до впаденія въ нее р. Смолянки, потомъ вверхъ по этой рѣчкѣ до границъ дачъ нѣжинской и веркіевской; далѣе, оставляя село Малую Кошелевку въ 1-й мѣстности, черта шла къ хутору Комашинскому и границѣ борзенскаго уѣзда [1]. Въ засѣданіи 18 августа было заслушано постановленіе борзенскаго мироваго съѣзда относительно проведенія чертъ въ этомъ уѣздѣ, и тогда же всѣ постановленія Присутствія въ этомъ отношеніи были представлены въ министерство [2].

Вмѣстѣ съ этимъ было представлено ходатайство Присутствія о введеніи въ черниговской губерніи четвертой мѣстности, которая была бы среднею между первою и второю, оброкъ въ которыхъ разнился на 99 коп., между 2 р. 50 коп. для первой и 1 р. 60 коп.—для второй мѣстности. Вопросъ о введеніи четвертой четвертой мѣстности былъ возбужденъ козелецкимъ дворянствомъ и поддержанъ въ Присутствіи П. А. Васильчиковымъ, согласно докладу котораго оброкъ для четвертой полосы устанавливался въ 2 р., высшій же надѣлъ въ $3^1/_4$ дес. на душу. Въ четвертую мѣстность должны были входить сѣверныя части уѣздовъ нѣжинскаго, борзенскаго и козелецкаго и южная часть остерскаго уѣзда по лѣвую сторону р. Десны [3].

---

1) Журналъ № 14, 14 мая.

2) Журналъ № 36, 18 августа.

3) Журналъ № 30, 2 августа 1861 г.

Больше затрудненій представляла собой издѣльная повинность, или барщина. Она опредѣлялась рабочими днями съ пѣшаго семейнаго участка [1]) и разнилась также по мѣстностямъ. Въ первой мѣстности черниговской губерніи за десятину пѣшаго и добавочнаго участка полагался 21 день, во второй—14, въ третьей—12 [2]). Дни эти раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, причемъ $^3/_5$ этихъ дней должно было приходиться на лѣтнее полугодіе, а $^2/_5$—на зимнее. Ближайшее опредѣленіе сроковъ лѣтняго и зимняго полугодій возлагалось на Губернское Присутствіе [3]). На Губернское Присутствіе возлагалось также и составленіе *урочнаго положенія* [4]).

Подъ именемъ урочнаго положенія разумѣлись правила, которыя вырабатывались Губернскимъ Присутствіемъ и опредѣляли количество работы, которое въ теченіе дня должно было быть исполнено, въ счетъ повинности, работникомъ [5]).

Урочное положеніе утверждалось губернаторомъ и вводилось въ губерніи, въ виды опыта, на три года, примѣнялось оно не обязательно, но только тогда, когда этого требовали помѣщикъ или крестьяне [6]).

Въ урочное положеніе вносились только такія работы, которыя, по своему свойству, могли быть точно опредѣлены и требовали почти всегда одного и того же труда, какъ напр. роскидка вывезеннаго въ поле навоза, посѣвъ и уборка хлѣбовъ, уборка сѣна, табаку, молотьба хлѣба, стрижка овецъ и др. Количество работы, принимаемой за отдѣльный урокъ, опредѣлялось на основаніи существующаго въ мѣстномъ хозяйства обычая [7]).

---

[1]) Малор. Полож. ст. 193.
[2]) Тамъ-же ст. 195.
[3]) Тамъ-же ст. 197, 198.
[4]) Тамъ-же ст. 212.
[5]) Тамъ-же ст. 212.
[6]) Малор. Полож. ст. 213.
[7]) Приложеніе къ 212 ст. Малор. Полож.

Всѣ работы, не поименованныя въ урочномъ положеніи, производились безъ уроковъ, при чемъ рабочій день, безъ отдыха, полагался лѣтомъ въ 12 ч., зимой въ 9 часовъ [1]). Если бы помѣщикъ удержалъ крестьянина на работѣ лишній день противъ положеннаго, то онъ долженъ былъ заплатить крестьинину двойную стоимость рабочаго дня, причемъ оцѣнка рабочихъ днеи возлагалась также на Губернское Присутствіе [2]).

Губернскому Присутствію предстояло такимъ образомъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ лѣтнее и зимнее полугодія, выработать урочное положеніе и произвести оцѣнку рабочаго дня въ разныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи.

Вопросы эти были подняты уже въ третьемъ засѣданіи Присутствія, 27 марта. Составленіе урочныхъ положеній было отложено до тѣхъ поръ, пока Присутствіе будетъ въ полномъ составѣ, и съѣдутся всѣ члены. Чтобы облегчить и ускорить оцѣнку зимнихъ и лѣтнихъ дней было рѣшено немедленно-же обратиться за указаніями къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просить ихъ доставить свои соображенія, между прочимъ, и о томъ, „съ какихъ дней въ году можно въ каждомъ уѣздѣ считать начало лѣтняго полугодія?“ [3]). Оцѣнку рабочихъ дней предположено было включить въ урочное положеніе [4]).

Къ 24 мая въ Присутствіе поступили отзывы всѣхъ уже предводителей дворянства по этимъ вопросамъ. Разработку и составленіе по нимъ доклада взялъ на себя П. А. Васильчиковъ [5]).

Въ засѣданіи 13 іюня составленіе проэкта урочнаго положенія было поручено П. А. Васильчикову, И. Г. Есимонтовскому и А. И. Лизогубу [6]). Вѣроятно, при составленіи этой коммиссіи имѣлось въ виду, что первый былъ хорошо знакомъ съ южными уѣздами черниговской губ., И. Г. Есимонтовскій—съ сѣверными, а А. И. Лизогубъ—съ средними.

---

1) Малор. Полож. 214—215.

2) Тамъ-же ст. 218.

3) Журналъ № 3, 27 марта 1861 г.

4) Тамъ-же № 4, 31 марта.

5) Тамъ-же № 14, 24 мая.

6) Тамъ-же № 22, 13 іюня.

15 іюля П. А. Васильчиковъ прочелъ уже въ Присутствіи составленные имъ доклады объ оцѣнкѣ рабочихъ дней, о срокѣ лѣтняго полугодія для крестьянскихъ работъ и объ урочномъ положеніи [1]). 19 іюля, въ присутствіи архіепископа черниговскаго Филарета, былъ составленъ списокъ праздничныхъ дней, въ которыя крестьяне не могли быть требуемы на работы [2]), а въ засѣданіи 2 августа обсуждались подробно доклады П. А. Васильчикова о срокахъ лѣтняго полугодія и объ оцѣнкѣ рабочаго дня въ черниговской губерніи [3]).

Согласно циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ именемъ полугодія разумѣлось не время, въ которое производились полевыя работы, а въ буквальномъ смыслѣ 6 мѣсяцевъ: лѣтнее и зимнее полугодія были, такимъ образомъ, равны.

Установить однообразный срокъ начала полугодій для всей черниговской губерніи, по мнѣнію П. А. Васильчикова, было невозможно. Этому мѣшала обширность губерніи и ея значительное протяженіе съ сѣвера на югъ, вслѣдствіе чего въ южныхъ уѣздахъ полевыя работы начинаются раньше, нежели въ сѣверныхъ. Въ отзывахъ предводителей дворянства также не было единства въ отношеніи начала лѣтняго полугодія, предлагались самые разнообразные сроки, колебавшіеся между 25 марта и 1 мая; особенно много разнообразныхъ сроковъ предлагалось предводителями среднихъ уѣздовъ черниговской губерніи.

П. А. Васильчиковъ предложилъ, и Губернское Присутствіе съ нимъ согласилось установить 4 срока начала лѣтняго полугодія: 1-е апрѣля для уѣздовъ конотопскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, козелецкаго и остерскаго; 10-е апрѣля—для уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, сосницкаго, кролевецкаго, глуховскаго и новгородсѣверскаго; 15 апрѣля—для новозыбковскаго и стародубскаго; 13 апрѣля—для мглинскаго и суражскаго [4]).

---

[1]) Тамъ-же № 24, 15 іюля.

[2]) Тамъ-же № 25, 19 іюля.

[3]) Тамъ-же № 30, 2 августа.

[4]) Тамъ-же № 30, 2 августа.

Труднѣе было произвести оцѣнку рабочаго дня.

Предводители дворянства сообщили Присутствію самыя гадательныя свѣдѣнія, какъ и они сами откровенно въ этомъ признавались. Ихъ оцѣнка рабочаго дня, по замѣчанію П. А. Васильчикова, была ниже дѣйствительности. Большинство предводителей оцѣнивало лѣтній пѣшій мужской рабочій день въ 25 коп.

Оцѣнку рабочаго дня, произведенную предводителями дворянства отдѣльныхъ уѣздовъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

№№ по порядку.	УѢЗДЫ.	Лѣтніе дни.			Зимніе дни.			Продовольствіе.
		Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	
		коп.	коп.	коп.	коп	коп.	коп.	
1	Стародубскій. . .	35—55	20—25 40 сѣнокосъ	—[1])	—	10—12	—	—
2	Новозыбковскій. .	—	30—40	15—25	—	15—20	10—12	Собств.
3	Суражскій	25—35	20—30	10—15	20—30	15—20	6—10	—
4	Мглинскій	50—60	25—40	15—20	30—40	15—20	12—15	Собств.
5	Городницкій . . .	—	25—75[2])	—	—	15—50	—	—
6	Сосницкій	—	20—25	—	—	15—18	—	—
7	Новгородсѣверскій.	—	20—30 40 сѣнокосъ	—	—	17—25	—	—
8	Глуховскій. . . .	—	20—25	—	—	15—20	—	Собств.
9	Кролевецкій . . .	—	20—25	—	—	15—20	—	—
10	Черниговскій [3]) .	—	25	—	—	$12^1/_2$	—	Собств.
11	Козелецкій . . .	—	20—25	—	—	10—15	—	Собств.
12	Остерскій [4]) . . .	—	15—25	—	—	15—20	—	—
13	Нѣжинскій . . .	—	20—30	—	—	12—17	—	—
14	Борзенскій . . .	—	25—30	—	—	10—15	—	—
15	Конотопскій [5]) . .	—	25	—	—	15	—	—

1) См. стр. 317.

„Правильной наемной цѣны, говорилъ въ своемъ докладѣ П. А. Васильчиковъ, при повсемѣстномъ господствѣ издѣльной повинности, не могло сложиться въ черниговской губерніи. Наемка рабочихъ была скорѣе случайностью, чѣмъ постояннымъ явленіемъ, получившимъ у насъ право гражданства. Конечно, могли быть отдѣльныя мѣстности, въ которыхъ при большомъ развитіи

---

[1]) Тире, стоящее въ отдѣльныхъ графахъ, означаетъ, что свѣдѣній предводителями дворянства не сообщено.

[2]) Такую, повидимому, высокую оцѣнку рабочаго дня предводитель дворянства объяснялъ «общимъ распространеніемъ между крестьянами обычая издѣльнаго арендованія земли (или, вѣрнѣе, издѣльной уборки полей и сѣнокосовъ), которое они вообще предпочитаютъ наемкѣ за деньги, промышленнымъ значеніемъ части городницкаго уѣзда, выгодными заработками, кои сосѣдство Днѣпра доставляетъ судорабочимъ и, наконецъ, настоящимъ уменьшеніемъ крестьянской повинности, влекущимъ за собою повышеніе заработной платы».

[3]) 7 іюля черниговскій предводитель дворянства прислалъ новое отношеніе, въ которомъ указывалъ, что цифры 25 коп. для лѣтняго и 12½ коп. для зимняго полугодія показаны имъ гадательно. «Теперь же, когда владѣльцы поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ найму рабочихъ, вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности крестьянской повинности, цифры заработной платы оказались гораздо выше предполагаемой, а именно: въ лѣтній періодъ: съ 10 апрѣля по 1 іюля—45 коп., съ 1 іюля по 1 августа—50 коп., съ 1 августа по 10 октября—40 коп., а въ зимній періодъ работы—30 коп.».

[4]) Остерскій предводитель дворянства показалъ собственно такую оцѣнку рабочаго дня: косарю—25 к., жнецу—20—25 коп., гребцу—15 коп., молотнику—15—20 коп., городильнику 15 коп.. При распредѣленіи оцѣнки по полугодіямъ мы взяли крайнія цифры платы (15—25 к.) для лѣтняго полугодія, плату-же молотильщику отнесли къ зимнему полугодію.

[5]) Кромѣ лѣтнихъ и зимнихъ дней конотопскій предводитель оцѣнилъ весенніе и осенніе дни въ 20 копѣекъ.

промышленности заводской, случаи наемки могли встрѣчаться чаще, чѣмъ въ другихъ, и гдѣ, поэтому, можно, основываясь на большинствѣ фактовъ, опредѣлить и приблизительную среднюю стоимость рабочаго дня; но и тутъ стоимость опредѣляется, сколько мнѣ извѣстно, или большимъ или меньшимъ малоземеліемъ сосѣднихъ селеній козаковъ или государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего въ селеніяхъ, весьма близко отстоящихъ другъ отъ друга, уровень наемной цѣны можетъ быть далеко неодинаковый; или сосѣдствомъ съ болѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи великороссійскимъ народонаселеніемъ. Между тѣмъ при настоящей реформѣ, опредѣленіе наемнаго труда должно необходимо подвергнуться вліянію совершенно новыхъ условій, которыя должны необходимо вести въ результатѣ къ совершенному измѣненію существовавшихъ доселѣ наемныхъ цѣнъ. Вліяніе это уже и теперь проявляется въ замѣтномъ повышеніи цѣны [1]) на наемную работу, обусловливаемымъ стремленіемъ помѣщиковъ замѣнить наймомъ ту часть повинности которой они лишились, или которая неохотно и нерадиво исполняется крестьянами. Конечно, со временемъ, особенно при переходѣ крестьянъ на оброкъ, требованіе наемной платы помѣщиками будетъ, вѣроятно, встрѣчено предложеніемъ оной крестьянами; тогда водворится повсемѣстно вольнонаемный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложится опредѣленная нормальная цѣна рабочему дню; нужно также предполагать, что цѣна эта будетъ умѣренная, и что во всякомъ случаѣ она болѣе чѣмъ окупится превосходствомъ вольнонаемной работы предъ повинностной. Такого результата нельзя не желать, но едва-ли можно надѣяться, что мы скоро его достигнемъ, при непривычкѣ крестьянъ нашихъ съ производительному употребленію своего времени, они едва-ли въ первые дни употребятъ съ пользой для себя то количество времени, которое остается у нихъ теперь свободнымъ, между тѣмъ

---

[1]) Такъ въ настоящее время (1861 г.) въ южной части козелецкаго уѣзда поденная плата косарю обходится вмѣстѣ съ продовольствіемъ до 40 и болѣе коп. сер.

запросъ на рабочихъ со стороны помѣщиковъ и теперь (1861 г.), уже значительный, вѣроятно, послѣ введенія уставныхъ грамотъ еще болѣе увеличится. И то и другое явленіе, т. е. нерасположеніе крестьянъ итти въ заработки и требованіе на рабочихъ со стороны помѣщиковъ, объясняются весьма легко: помѣщики, вслѣдствіе новаго положенія, лишась, по крайней мѣрѣ, половины своихъ рабочихъ средствъ, должны естественно прибѣгать къ вольному найму для поддержки своихъ хозяйствъ; хозяйственныя же условія быта крестьянъ остаются неизмѣнными; они продолжаютъ и будутъ продолжать пользоваться тѣми-же источниками сравнительнаго благосостоянія, какъ и прежде, и потому потребность итти въ заработки можетъ развиться въ нихъ только тогда, когда ихъ побудитъ къ этому или нужда (вслѣдствіе напр., неурожая) или когда возвысится общій уровень ихъ жизненныхъ потребностей. Изъ этого слѣдуетъ, что если и было возможно до сихъ поръ опредѣлить, съ приблизительною точностью, установившуюся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оцѣнку рабочаго дня, то эта оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята какъ указаніе для будущаго, въ которомъ цѣна рабочаго дня должна будетъ опредѣлиться совершенно новыми условіями, и непремѣнно въ теченіе первыхъ лѣтъ значительно возвыситься".

Разсматривая свѣдѣнія объ оцѣнкѣ рабочаго дня, доставленныя уѣздными предводителями дворянства, П. А. Васильчиковъ находилъ эту оцѣнку значительно ниже дѣйствительности. „Очень можетъ быть, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, что многимъ помѣщикамъ южныхъ уѣздовъ удавалось нанять рабочихъ въ лѣтнее время за 25 и даже за 20 коп. серебромъ, но едва ли можно при оцѣнкѣ рабочаго дня основываться единственно на такихъ примѣрахъ денежнаго найма". Для своихъ соображеній П. А. Васильчиковъ принялъ во вниманіе дневной заработокъ крестьянина, если онъ берется жать съ извѣстнаго снопа. Послѣднее было очень распространено въ южныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Оказалось, что заработокъ крестьянина въ этомъ случаѣ значительно выше указаннаго предводителями дворянства

П. А. Васильчиковъ предложилъ установить для черниговской губерніи нѣсколько видовъ оцѣнки рабочаго дня.

Въ первую группу вошли уѣзды: остерскій, козелецкій, нѣжинскій, борзенскій и конотопскій.

Для лѣтнихъ періодовъ здѣсь была установлена такая оцѣнка рабочаго дня:

съ 1-го апрѣля по 15 іюля	25	коп.
„ 15 іюня по 1 іюля	40	„
„ 1 іюля по 15 августа	60	„
„ 15 августа по 1 октября	30	„

Для зимняго полугодія съ 1 октября по 1 апрѣля—17 коп.

Во вторую группу вошли уѣзды глуховской, кролевецкій, новгородсѣверскій, сосницкій, черниговскій и городницкій.

Для нихъ лѣтнее полугодіе было оцѣнено такимъ образомъ:

съ 10 апрѣля по 29 іюня	25	коп.
„ 29 іюня по 10 іюля	40	„
„ 10 іюля по 25 августа	50	„
„ 25 августа по 10 октября	30	„

Въ зимнее полугодіе съ 10 октября по 10 апрѣля рабочій день оцѣнивался въ 20 коп.

Для уѣздовъ стародубскаго и новозыбковскаго—въ лѣтній періодъ.

съ 15 апрѣля по 29 іюля	30	коп.
„ 29 іюня по 15 іюля	40	„
„ 15 іюля по 25 августа	50	„
„ 25 августа по 15 октября	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 15 октября по 15 апрѣля—20 коп.

Наконецъ, въ лѣтній періодъ для уѣздовъ суражскаго и мглинскаго рабочій день оцѣнивался:

съ 23 апрѣля по 29 іюня	30	коп.
„ 29 іюня по 20 іюля	40	„
„ 20 іюля по 25 августа	50	„
„ 25 августа по 23 октября	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 23 октября по 23 апрѣля—20 коп.

Губернское Присутствіе цѣликомъ приняло оцѣнку рабочаго дня предложенную П. А. Васильчиковымъ, хотя она значительно превышала оцѣнку произведенную уѣздными предводителями дворянства. [1])

Оцѣнку эту рѣшили внести въ урочное положеніе.

Къ сожалѣнію, къ журналамъ Губернскаго Присутствія не приложено урочное положеніе. Изъ журналовъ мы знаемъ только, что 4 августа въ Губернскомъ Присутствіи читанъ былъ проэктъ урочнаго положенія, предпочтительно для южныхъ уѣздовъ (остерскаго, козелецкаго, нѣжинскаго, борзенскаго, и конотопскаго), составленный П. А. Васильчиковымъ". Присутствіе постановило, въ виду важности предмета, проэктъ этотъ подвергнутъ обсужденію въ слѣдующемъ засѣданіи. [2])

8 августа былъ читанъ проэктъ урочнаго положенія, должно быть, уже въ цѣломъ видѣ, такъ какъ въ журналахъ говорится, что онъ составленъ П. А. Васильчиковымъ, А. И. Лизогубомъ и И. Г. Есимонтовскимъ. Проэктъ рѣшили отпечатать, раздать членамъ и обсудить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданіи. [3]) 16 августа былъ прочитанъ проэктъ урочнаго положеніе для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вводилось великороссійское положеніе. Рѣшено обсудить его вторично въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. [4]) 29 августа, наконецъ, проэктъ, былъ утвержденъ, [5]) отпечатанъ и разосланъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, мировымъ посредникамъ, земскимъ полиціямъ и волостямъ правленіямъ. [6])

---

[1]) Журналъ № 30, 2 августа. 1861 г.

[2]) Журналъ № 31, 4 августа.

[3]) Тамъ-же 32; 8 августа

[4]) Тамъ-же № 35, 16 августа.

[5]) Журналъ № 39, 29 августа.

[6]) Тамъ-же № 41, 8 августа.

XI.

До сихъ поръ рѣчь шла объ имѣніяхъ великопомѣстныхъ. Владѣльцы же тѣхъ имѣній за которыми по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души мужескаго пола, и которые при этомъ или вовсе не имѣли въ своемъ владѣніи удобной земли или имѣли ее менѣе опредѣленнаго количества, [1]) назывались мелкомѣстными. [2]) Для ихъ имѣній были изданы особыя „Дополнительныя правила", которыя нѣсколько видоизмѣняли Положеніе, изданное вообще для крестьянъ различныхъ мѣстностей. Такъ, напр., крестьяне, не надѣленные землей до изданія Положенія 1861 г., не получали надѣла [3]); помѣщики не обязаны были увеличивать крестьянскаго надѣла; [4]) отмѣнялась вовсе круговая порука для мелкопомѣстныхъ владѣній; [5]) крестьянамъ, не надѣленнымъ землею, разрѣшалось переселяться на казенныя земли, при чемъ имъ давался цѣлый рядъ льготъ [6]); по желанію помѣщика, при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, крестьяне, жившіе на его землѣ, могли быть обращены въ государственные поселяне [7]); въ извѣстныхъ случаяхъ помѣщикамъ, которые были признаны особо нуждающимися, выдавалось денежное пособіе отъ казны. [8])

---

[1]) «Въ губерніяхъ малороссійскихъ менѣе количества, равняющагося 60 душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, для каждой мѣстности установленнаго». (Дополнит. правила объ устройствѣ въ мелкоп имѣніяхъ, ст. 1-я).

[2]) Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и о пособіи симъ владѣльцамъ, ст. 1.

[3]) Тамъ-же ст. 3.

[4]) Тамъ-же ст. 4.

[5]) Тамъ-же ст. 7.

[6]) Тамъ-же ст. 8.

[7]) Тамъ-же ст. 10.

[8]) Тамъ-же ст. 13 и слѣд.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, въ особенности же при опредѣленіи льготъ и денежныхъ пособій, Губернскому Присутствію была предоставлена широкая свобода и, поэтому, дѣла объ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго Присутствія за первое время.

Въ маѣ 1861 г. помѣщица нѣжинскаго уѣзда Анна Мехедина обратилась въ Присутствіе съ прошеніемъ о признаніи ея имѣнія мелкопомѣстнымъ. Случай этотъ интересенъ для характеристики домогательства помѣщиковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Губернскому Присутствію. У Мехединой было въ нѣжинскомъ уѣздѣ 112 десятинъ земли, при которой по 10 ревизіи значилось 26 дворовыхъ и 24 крестьянина. Изъ этихъ 24 душъ двѣ души „изъ вниманія къ малоземелью" были переписаны казенной палатой въ чужое владѣніе; осталось, такимъ образомъ, 22 души. Если бы этого количества душъ оказалось много для того, чтобы признать имѣніе малоземельнымъ, то г-жа Мехедина выражала желаніе „четырехъ душъ крестьянъ, ею самою поименованныхъ, обратить въ государственные поселяне".

Присутствіе, конечно, отказало Мехединой въ ея домогательствѣ, на томъ основаніи, что „ея имѣніе, по числу душъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть сочтено мелкопомѣстнымъ; уменьшать же число душъ обращеніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ въ государственные поселяне просительница не властна такъ какъ вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, отмѣнено также право, помѣщикамъ принадлежавшее, располагать личностями крестьянъ [1]).

Помѣщица глуховскаго уѣзда Е. М. Косенкова изъявила желаніе передать семь душъ принадлежавшихъ ей крестьянъ въ вѣдомство министерства государств. имуществъ, съ цѣлью получить за это опредѣленное вознагражденіе. Губернское Присутствіе нашло, что она имѣетъ на это всѣ права, но затруд-

[1]) Журналъ № 14, 24 мая.

нилось исполнить просьбу г-жи Косенковой, такъ какъ не былъ указанъ порядокъ, какимъ образомъ бывшіе крѣпостные могли переходить въ казенное вѣдомство. Присутствіе рѣшило обратиться предварительно въ министерство за соотвѣтствующими указаніями [1]). Министерство нашло, что на Губернскомъ Присутствіи лежитъ „разсмотрѣніе ходатайствъ о пріемѣ въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній, повѣрка свѣдѣній о количествѣ земли и числѣ душъ въ таковыхъ имѣніяхъ и составленіе разсчета о размѣрѣ слѣдуемаго владѣльцамъ вознагражденія". Дальнѣйшее же направленіе дѣла должно было зависѣть отъ министерства [2]).

Мелкопомѣстныхъ имѣній въ черниговской губерніи было очень много, и они доставляли не мало дѣла Губернскому Присутствію, особенно въ виду тѣхъ недомолвокъ, которыя на каждомъ шагу, какъ мы говорили выше, попадались въ Положеніи 19 февраля. Губернское Присутствіе прежде всего занялось собраніемъ свѣдѣній о числѣ мелкопомѣстныхъ имѣній [3]) и запросило объ этомъ предводителей дворянства [4]), занялось затѣмъ составленіемъ особаго образца уставныхъ грамотъ для этихъ имѣній [5]); ему приходилось также рѣшать цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ, возникавшихъ при примѣненіи Положенія въ различныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи. Нѣкоторые изъ подобныхъ практическихъ вопросовъ мы видѣли выше. Особенно часто возникали они на почвѣ признанія отдѣльныхъ имѣній мелкопомѣстными.

Положеніе мелкопомѣстныхъ имѣній было дѣйствительно очень незавиднымъ, разъ приходилось крестьянъ надѣлять землею, и помѣщики всѣми силами стремились воспользоваться тѣми льготами, которыя сулило имъ Положеніе 19 февраля. Для признанія имѣнія мелкопомѣстнымъ требовалось, помимо всякихъ

1) Журналъ, № 13, 22 мая.

2) Журналы № 23, 13 іюля.

3) Тамъ же № 1, 16 марта.

4) Тамъ же № 5 и 6, 11 и 12 апрѣля.

5) Тамъ же № 7, 13 апрѣля.

другихъ условій, и то, чтобы въ имѣніи было не болѣе 21 души крестьянъ, а тутъ случалось, что было 22, 23, 24 крестьянина. Владѣльцы подобныхъ имѣній обращались въ Губернское Присутствіе и употребляли всѣ ухищренія, чтобы побудить его признать ихъ имѣнія мелкопомѣстными. Присутствіе первоначально рѣшительно отклоняло подобныя ходатайства, но затѣмъ, пользуясь разъясненіемъ министерства по дѣлу Косенковой, о которомъ мы говорили выше, разъясненіемъ, предоставившимъ Губернскому Присутствію значительную свободу дѣйствій, стало принимать ходатайства, разсматривать ихъ и нѣкоторыя даже изрѣдка удовлетворять. Вдова войскового товарища П. М. Малахова ходатайствовала о причисленіи имѣнія ея, состоящаго изъ 24 душъ, къ числу мелкопомѣстныхъ. П. М. Малахова заявляла, что 4 души крестьянъ принадлежатъ собственно не ей, а ея сыну, доказывала, что она имѣетъ въ виду не собственныя выгоды, такъ какъ не проситъ у казны вознагражденія, а интересъ собственно крестьянъ, которые получатъ больше выгодъ, если имѣніе ея будетъ причислено къ разряду мелкопомѣстныхъ. Присутствіе попросило заключенія мирового посредника по поводу просьбы П. М. Малаховой [1]).

Ходатайствовала о признаніи своего имѣнія мелкопомѣстнымъ и помѣщица новгородсѣверскаго уѣзда Е. П. Сидоренко на томъ основаніи, что дворовые люди, безъ которыхъ по ревизіи числилось бы за нею менѣе 21 души, отпущены ею на волю до обнародованія Положенія 1861 г. Присутствіе отказало Е. П. Сидоренко въ ея просьбѣ, такъ какъ, по Положенію, мелкопомѣстнымъ признавался тотъ, за кѣмъ по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души, при чемъ дворовые изъ числа ихъ не исключались [2]).

Изъ того-же источника исходило и ходатайство дворянки глуховскаго уѣзда г-жи Нарбутъ.

---

[1]) Журналъ № 31, 4 августа 1861 г.

[2]) Тамъ-же, № 31, 4 августа 1861 г.

По 10 ревизіи, за отсутствіемъ сыновей изъ дому, г-жа Нарбутъ, по ея словамъ, записала за собою 8 душъ крестьянъ и 11 душъ дворовыхъ умершаго мужа своего при х. Ловрѣ; кромѣ того у нея при томъ же хуторѣ имѣлось 10 собственныхъ крестьянъ изъ села Княжичъ для отбыванія рекрутской повинности, такимъ образомъ, у г-жи Нарбутъ образовалось 29 душъ. Она ходатайствовала теперь о раздѣленіи крестьянъ на двѣ части между ею и ея сыновьями и о признаніи ея имѣніи поэтому, мелкопомѣстнымъ. Губернское Присутствіе, отказало въ подобномъ ходатайствѣ, такъ какъ оно „не можетъ входить въ разбирательство бывшихъ правъ владѣнія крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости“ [1]).

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Мы не только не исчерпали этой дѣятельности,—мы коснулись только маленькой частицы ея въ 1861 г., оставивъ въ сторонѣ устройство судьбы дворовыхъ людей и ихъ отношеній къ помѣщикамъ, вопросъ о выкупѣ и много другихъ вопросовъ, по которымъ приходилось высказываться Присутствію, при примѣненіи на мѣстѣ Положенія 19 февраля 1861 г. Познакомившись съ журналами Присутствія за одинъ только 1861 г., мы прямо скажемъ, что безъ изученія дѣятельности Губернскихъ Присутствій реформа 1861 г. и ея дальнѣйшія практическія послѣдствія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ не можетъ быть въ достаточной степени понята и объяснена. Желательно, поэтому, чтобы кто-нибудь подробнѣе занялся изученіемъ не только журналовъ, но и архива Черниговскаго Губернскаго Присутствія [2]) и познакомилъ бы насъ болѣе осно-

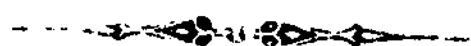
---

[1]) Журналъ № 35, 1 августа.

[2]) Въ 1892 году бывшій тогда черниговскимъ губернаторомъ А. К. Анастасьевъ предоставлялъ мнѣ полную возможность и даже совѣтовалъ ознакомиться съ архивомъ Губернскаго Присутствія для исторіи крестьянской реформы въ черниговской губерніи.

вательно съ исторіей реформы 1861 г. въ черниговской губерніи. Мы не преслѣдовали этой цѣли. Намъ только хотѣлось, по поводу исполнившагося 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, помянуть добрымъ словомъ учрежденіе, на долю котораго досталось тяжелое, но великое дѣло--осуществлять на практикѣ Положенія 19 февраля 1861 г.

Ник. Василенко.



Онъ изъявлялъ готовность открыть двери архивовъ, гдѣ хранятся дѣла, относящіяся къ этой реформѣ, каждому, желающему серьезно заняться ими. Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе мое въ Черниговѣ для занятій въ архивахъ съ другими цѣлями, не позволили мнѣ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Архивъ Губернскаго Присутствія остался мнѣ неизвѣстнымъ. Не встрѣтилось бы, думаю, и теперь, послѣ отъѣзда изъ Чернигова и смерти А. К. Анастасьева, препятствій къ осмотру этого архива и къ занятіямъ въ немъ для всякаго, кто пожелалъ бы тамъ работать.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Проектъ учрежденія „Транспортныхъ воловыхъ почтъ“.* Въ январѣ 1841 года „помѣщикъ Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Фадѣй Каѣтановъ сынъ Янишовскій и дворянинъ Осипъ Николаевъ сынъ Криницкій, помѣщикъ Бессарабской области, Аккерманскаго уѣзда“, подали Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, сенатору и кавалеру Дмитрію Гавриловичу Бибикову прошеніе:

«Испытывая, подобно всѣмъ, всѣхъ возможныхъ неудобствъ въ перевозѣ тяжелыхъ произведеній по сельскимъ или торговымъ занятіямъ, мы устремили вниманіе наше на этотъ важный недостатокъ торговыхъ сношеній и, проходя чрезъ всѣ возможныя соображенія, успѣли открыть въ учрежденіи тяжелыхъ, транспортныхъ, *воловыхъ почтъ* въ цѣлой Имперіи средство легкое и простое къ отвращенію этого недостатка.

Углубляясь въ эту систему тяжелыхъ сообщеній, мы убѣдились въ ея чрезвычайной важности и потому, изложивъ ее въ особомъ проектѣ, который пріемлемъ смѣлость подвергнуть вниманію Вашего Высокопревосходительства, мы ввѣряемъ ее попеченію Вашему, какъ кладъ, принадлежащій отечеству.

Но, съ другой стороны, полагая весьма справедливымъ, чтобы хотя милліонная частица ея общенародной пользы упала на долю изобрѣтателей, мы покорнѣйше просимъ В. В. принять на себя трудъ исходатайствовать для насъ исключительное дозволеніе заводить и содержать такія почты въ предѣлахъ цѣлой Имперіи въ те-

ченіе 20 лѣтъ, изъ коихъ первыя десять лѣтъ мы посвятимъ безчисленнымъ трудамъ обзаведенія этого исполинскаго проекта, а въ послѣднія десять лѣтъ надѣемся собрать плоды нашихъ неусыпныхъ стараній и наслаждаться ими съ благодарностью.

Послѣ полученія привиллегіи мы займемся тотчасъ написаніемъ условій для акціонеровъ и съ того уже времени посвятимъ себя исключительно долгу ускорить исполненіемъ предположеніе наше".

ПРОЕКТЪ

учрежденія тяжелыхъ сообщеній въ Россійской имперіи посредствомъ тяжелыхъ транспортныхъ почтъ.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы, на подобіе легкихъ почтъ, устроить тяжелыя транспортныя почты, станціями, по большимъ дорогамъ и ихъ отраслямъ.

Цѣль есть та, чтобы доставить торговлѣ и промышленникамъ самые вѣрные способы перевозить свои произведенія во всѣ концы пространнаго Россійскаго государства дешево, безопасно и въ опредѣленное время.

Соображая эту цѣль съ безчисленными затрудненіями, коимъ подвержена теперь отправка товаровъ и казенныхъ тяжестей посредствомъ извощиковъ и чумаковъ, которые не представляютъ никогда никакой вѣрности, невозможно не признать ей чрезвычайной важности.

Для движенія тяжелыхъ транспортовъ предпочитаемъ воловую силу всѣмъ прочимъ потому, что движеніе вола вѣрно и ровно, какъ судоходное движеніе по рѣкамъ и каналамъ; сверхъ того волъ есть дешевле лошади; содержаніе его и упряжь проще, складъ крѣпче, вещество во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе; въ старости его—за говядину, сало, кожу, роги, ноги—выручаются большія деньги. Онъ есть драгоцѣннымъ животнымъ нашего государства; умножать его значитъ споспѣшествовать умноженію всеобщаго богатства. По этимъ причинамъ мы преимущественно и почти исключительно избираемъ воловъ для движенія нашихъ почтъ; но, чтобы не разорвать протяженія (continuité) системы и не нарушить безостановочнаго ея хода, мы употреблять будемъ силу лошадиную, верблюжую, водяныя коммуникаціи и тому подобное, тамъ, гдѣ представится необходимость.

Новый этотъ способъ сообщеній есть такъ простъ, что онъ кажется вовсе не новый, однако-жъ подобнаго заведенія въ мірѣ не бывало и теперь нѣтъ. Это есть настоящее яйцо Колумба, которое мы въ нашу очередь поставили на остромъ его концѣ.—Онъ простъ тѣмъ лучше. Каждая система тѣмъ лучше, чѣмъ проще и легче къ исполненію. Наше предположеніе, представляя безчисленныя пользы и выгоды на предбудущее время, теперь не останавливаетъ никого невѣрностію умственныхъ исчисленій или заключеній, и не ужасаетъ непреоборимыми препятствіями въ приведеніи его въ исполненіе. Онъ не заключаетъ въ себѣ никакой гипотезы, а представляетъ просто убѣдительную истину.

Устройство этой системы будетъ такъ-же просто, какъ ея изобрѣтеніе: начиная отъ главнаго какого либо торговаго мѣста, учредятся по главнымъ направленіямъ торговли почтовыя станціи въ разстояніи 15 до 30 верстъ, болѣе или менѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. На каждой станціи содержаться будетъ нужное количество воловъ или лошадей, возовъ, саней, которые, смотря по успѣху, будутъ прибавляться. При возахъ будетъ нужное число почталіоновъ, а транспорты сопровождаться верховыми приставами отъ станціи до станціи безъотступно. Станціи будутъ состоять подъ распоряженіемъ смотрителей, которые подчинятся управленію удѣльныхъ и главныхъ конторъ, установленныхъ въ приличномъ разстояніи по главнымъ пунктамъ почтовыхъ сообщеній. Удѣльныя и главныя конторы, а даже и самыя станціи, если надобность окажется, будутъ имѣть право тяжести принимать и отпускать. Движеніе почтъ взадъ и впередъ будетъ безпрерывное; слѣдственно и ихъ отправленія—такія-же. Пріемъ и отпускъ тяжестей и товаровъ производиться будетъ на общихъ правилахъ, присвоенныхъ транспортнымъ экспедиціямъ, съ тою разительною разницею, что товары и тяжести отправляться будутъ ежечасно, безостановочно, и достигать будутъ своего назначенія въ опредѣленные сроки. Платежъ же за извозъ взиматься будетъ не прежде, а послѣ доставки при отпускѣ тяжестей или товаровъ. Такихъ выгодъ не представляетъ ни одно изъ существующихъ экспедиціонныхъ заведеній.

Этотъ платежъ за извозъ опредѣлится самъ собою; общимъ правиломъ будутъ существующія мѣстныя цѣны, которыя постараемся понизить, сколько возможность позволитъ.

Вотъ главная черта устройства нашихъ почтъ; подробности его соберутся въ особомъ уставѣ, который составится тогда, когда въ немъ встрѣтится надобность.

Большая часть безчисленныхъ богатствъ пространной Россійской Имперіи лежитъ еще неприкосновенна торговлѣ и промышленности въ нѣдрѣ ея земель, или въ неопредѣленной отдаленности. Одна только хорошая система сообщеній можетъ ихъ открыть, добыть и отдать въ руки народнаго промысла.

Желѣзныя дороги на необозримомъ пространствѣ нашего государства—есть мечта. Водяныя комуникаціи, которыя создаются вѣками, стоютъ огромныхъ издержекъ, а въ суровомъ нашемъ климатѣ лежатъ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ омертвѣлыя подъ льдомъ, зависятъ отъ положенія мѣстъ количества и направленія водъ и другихъ обстоятельствъ. Напротивъ того, систему, которую мы предлагаемъ, можно легко, безъ затрудненія, устроить такъ по цѣлой Россіи, что она будетъ протекать по ней во всѣхъ направленіяхъ и дастъ ея торговлѣ движеніе ровное и постоянное во всѣ ея концы. Система эта есть всеобщая, легкая, вѣрная, простая; устройство ея не будетъ стоить ничего государству, ибо издержкою для него есть то только, что оно принуждено заплатить чужимъ краямъ. Оно имѣетъ и ту отличительную черту совершенства, что вмѣсто истощенія силы, приводящей ее въ дѣйствіе, оно будетъ ее умножать съ чрезвычайною выгодою для поселянъ и для цѣлаго государства, т. е. чѣмъ болѣе волы требоваться будутъ, тѣмъ болѣе количество ихъ умножаться, а порода ихъ улучшаться будетъ: важное условіе всеобщаго благосостоянія.

Наша система сообщеній можетъ съ удивительною быстротою распространиться по цѣлой Имперіи и поставитъ ее наравнѣ съ улучшенными средствами сообщеній прочихъ европейскихъ государствъ: дабы Россія и въ этомъ отношеніи не оставалась назади. Кромѣ того, она тотчасъ дастъ нѣкоторую защиту торговлѣ нашей противъ подрыва на востокѣ и противъ австрійскому (?) пароходному плаванію на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Внутри государства она, на подобіе артерій, которыя отъ сердца сообщаютъ жизнь и силу всѣмъ членамъ тѣла человѣческаго, протекать и оживлять будетъ всѣ его части. Тогда крестьянинъ не будетъ изнуряться доставкою господскихъ продуктовъ въ отдаленныя мѣста и не будетъ лишаться того сокровища, которое у него есть драгоцѣннѣе всего—т. е. времени. Тогда купецъ, фабрикантъ и промышленникъ, отправляя свои товары и произведенія безопасно, вѣрно, ежечасно, разсчитывать будутъ пространства и срокъ съ математическою вѣрностію. Тогда капиталы получатъ го-

раздо скорѣйшій оборотъ; дѣйствіе ихъ умножится многократно; товары и другія произведенія переходить будутъ шибко съ рукъ въ руки; а теперь, напротивъ, извощикъ или чумакъ, обманывая всѣ ращеты промышленника, охлаждаетъ его рвеніе, пріостанавливаетъ успѣхи кредита и уменьшаетъ обороты капиталовъ. Тогда внутренняя русская торговля, отъ которой зависятъ сила и благосостояніе государства, гордо подниметъ главу свою и, укрѣпляя младенческія свои силы неусыпными трудами, получитъ твердую самостоятельность, независимую отъ внѣшнихъ переворотовъ. Система наша можетъ сдѣлаться всеобщею для цѣлаго государства, а будучи соотвѣтственною естественнымъ его способамъ и силамъ, заключитъ въ себѣ прочность, вѣрность и долгоденствіе.

И, наконецъ, чтобы возложить на ее вѣнецъ, прибавимъ то, что правительство найдетъ въ ней средство перевозить дешево и шибко свои заготовленія амуницій, провіантъ, орудія, а на случай надобности даже войска, съ одного конца государства въ другой, за извѣстную цѣну и въ опредѣленное время*.

Генералъ-губернаторъ призналъ проектъ недостаточно обстоятельнымъ, почему таковой подшитъ «къ дѣлу».

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *I. Первое дворянское собраніе.* Полтавская губернія открыта въ 1802 г. 28 февраля, когда повелѣно изъ бывшей Малороссійской губерніи составить двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ кн. А. Б. Куракинъ. Это былъ богатый и знатный вельможа, весьма ласковый въ обращеніи, доступный и, надо сказать, очень много сдѣлавшій для Полтавы и для губерніи вообще. При немъ было созвано 27 іюня 1802 г. первое собраніе дворянъ Полтавской губерніи. Въ Архивѣ Губернскаго правленія намъ удалось найти инструкцію, или, какъ она названа въ дѣлѣ: «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состоящій изъ 9-ти параграфовъ, регламентируетъ довольно подробно всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить губернатору списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 часовъ

утра всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генералъ-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ (имъ былъ тайный совѣтникъ Солнцевъ) вручаетъ губернскому маршалу (т. е. предводителю) вѣдомость о селеніяхъ по новому расчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ». Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ былъ помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенныя мѣста, то губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія для почести его отъ каждаго повѣта по одному молодому дворянину, составлявшихъ уже съ этого момента свиту свѣтлѣйшаго князя. Указавъ причину ихъ созыва, генералъ-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ Соборъ, благовѣстъ въ которомъ начался въ 8 ч. утра. Въ соборѣ опять разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Литургія оканчивается и по приказанію князя губернскій прокуроръ всходитъ на первую ступень амвона и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской губерніи. Затѣмъ—молебенъ, по окончаніи котораго губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, приличныя къ выбору—64, 66 и 67, по окончаніи чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 часовъ утра, въ залу собранія для назначенныхъ выборовъ, а приглашенные къ столу, отправятся въ домъ генералъ-губернатора». Надо сказать, что кн. Куракинъ жилъ необыкновенно роскошно и очень часто давалъ роскошные обѣды.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. По возвращеніи изъ церкви, «губернскій маршалъ съ двума повѣтовыми маршалами и двумя депутатами предстанутъ къ господину генералъ-губернатору съ испрошеніемъ позволенія назначить отъ нихъ депутатовъ для принесенія всеподданнической благодарности Его Императорскому Величеству за высоко-монаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ; по чему—читаетъ далѣе,—генералъ-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оста-

вить донести Государю. Но желаніе дворянъ не исполнилось. 28 іюля того же года кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра. «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ тоже время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія ихъ я считаю для нихъ отяготительнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Собраніе дворянъ было открыто рѣчью генералъ-губернатора. Избирали въ этомъ первомъ собраніи только уѣздныхъ предводителей и на другія должности, а губернскимъ остался тотъ же Чарнышъ, избранный незадолго до открытія губерніи; не избирали и членовъ въ Генеральный Судъ, незадолго предъ тѣмъ избранныхъ, хотя этого и желалъ В. В. Капнистъ, но кн. Куракинъ не согласился на переизбраніе ихъ, и эта мѣра была одобрена Государемъ. Губ. маршалъ Чарнышъ, по ходатайству князя, за особые труды, понесенные при созывѣ дворянства, былъ награжденъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Помимо избранія предводителей, въ кругъ занятій дворянства входило избраніе и на другія должности,—подкоморія, подкоморія вознаго, хорунжаго, земскаго вознаго, депутатовъ въ нижніе земскіе суды, и въ засѣдатели (числомъ 3). Первое собраніе дворянъ продолжалось довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ до разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому маршалу, разрѣшающую дворянамъ разъѣзжаться по домамъ. (Архивъ Полт. Губ. Правл. Дѣло № 128).

—

II. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800—1805 г. Въ 1800 году, а быть можетъ нѣсколько ранѣе, Высочайшею властью было одобрено разведеніе на югѣ Россіи винограда и шелковичныхъ червей для выработки шелка. Рѣшено было все это устроить въ Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ. Въ составъ послѣдней входилъ тогда и Константиноградскій уѣздъ. Но это было поручено, видимо, итальянцу графу де-Парма, носившему по должности званіе «инспектора надъ шелководствомъ въ

Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ». Необходимыя для шелка тутовыя деревья разводились въ казенномъ саду въ Константиноградѣ, а заводъ былъ устроенъ въ селѣ Новыя-Водолаги. Въ 1802 г. князь Куракинъ, бывши въ Константиноградѣ при открытіи присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ этотъ казенный садъ, найденный имъ въ большомъ безпорядкѣ. Графа де-Парма въ это время не было въ Константиноградѣ. Узнавъ объ осмотрѣ кн. Куракинымъ казеннаго сада, графъ пишетъ ему письмо (9 Авг. 1802 г.), въ которомъ спѣшитъ оправдаться предъ княземъ относительно дурного состоянія сада. «По новому штату, пишетъ онъ, третій годъ назадъ все приняло другой видъ во всемъ шелководствѣ и отдается на пользу жителямъ; я дожидаю со дня на день сего повелѣнія, но третій же тому годъ, какъ все посему остается въ томъ садѣ безъ всякой должной помощи; къ тому и я не могу на сіе употреблять ни одного человѣка въ умноженіи всего къ должному обработыванію его;—гдѣ 16 тысячъ прекрасныхъ шелковицъ, изъ коего числа не усыпнымъ собственнымъ моимъ бдѣніемъ насажено 8600 деревьевъ, изъ коего жъ сада я получалъ самой лучшій итальянскій шелкъ, прекрасный виноградъ, собственно жъ моимъ трудомъ въ изобиліи насажденный;—но теперь напослѣдокъ, по изъясненнымъ причинамъ, безъ должной помощи къ тому,—сарай въ прошломъ году сгорѣлъ, виноградъ погибъ, фруктовыя также и тутовыя деревья погибаютъ». При этомъ письмѣ графъ представилъ князю два сорта шелка, выработаннаго на заводѣ.

Князь Куракинъ, очень заботливо относившійся къ нуждамъ губерніи, написалъ письмо графу, гдѣ благодаритъ его за вниманіе къ нему (начало письма графа наполнено многими любезностями по адресу Куракина) и проситъ его представить соображенія относительно улучшенія казеннаго сада и шелководства. Графъ де-Парма не замедлилъ исполнить предписанія кн. Куракина и въ длинномъ письмѣ отъ 25 октября 1802 г. указалъ на необходимость увеличить число рабочихъ въ саду, огородить этотъ садъ, устроить сарай, пригласить пять садовниковъ, двухъ сторожей. Всѣ соображенія графа были одобрены генералъ-губернаторомъ, предписавшимъ губернскому правленію выдать ему денежное пособіе.

Въ этомъ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія о количествѣ деревьевъ за 1804 и 1805 годы.

Въ 1804 году было старыхъ шелковичныхъ деревьевъ 5657, вновь посажено 145, осталось неразсаженными 1360 дер.; въ продолженіе 1804 г. посажено прежнихъ лѣтъ сѣянцовъ 1800, изъ которыхъ взошло 730.

Въ 1805 году было старыхъ деревьевъ 5107, вновь разсажено 1800, неразсаженныхъ сѣянцовъ 2869. Въ теченіе же этого года разсажено отводковъ 60. Изъ сѣмянъ же взошло 5805 д.

Этимъ заканчивается дѣло о шелководствѣ въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правленія. Дѣло № 140).

—

III. Актъ въ полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803 г. При первомъ Малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Куракинѣ впервые стали чествовать въ Полтавѣ день годовщины Полтавской викторіи. Наканунѣ отправлялась панихида на Шведской могилѣ, а въ самый день торжества—праздничное богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ и молебствіе, что совершается и нынѣ. Князь Куракинъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы запечатлѣть въ памяти мѣстнаго общества день полтавскаго боя. Такъ, первое дворянское собраніе созвано имъ на 27 іюня 1802 г.; черезъ два года въ тотъ же день былъ заложенъ памятникъ полтавской битвы (Петровская колонна); 27-го іюня были открыты въ Полтавѣ: богоугодное заведеніе, домъ для воспитанія дворянъ и т. под. Этотъ же день былъ избранъ въ 1803 г. и для торжественнаго акта въ полтавскомъ народномъ училищѣ, учрежденномъ въ 1799 г. Это былъ первый выпускъ училища, нарочито обставленный особенною торжественностью. Въ присутствіи всѣхъ властей и высшаго мѣстнаго общества, ученикамъ произведенъ былъ публичный экзаменъ, затѣмъ имъ раздавали награды—книги и похвальные листы. Лучшіе изъ учениковъ читали рѣчи, а учитель Павелъ Тиссаревскій прочелъ собственнаго сочиненія стихотвореніе, посвященное историческому событію, годовщина котораго въ тотъ день праздновалась. По счастью, въ канцелярскомъ дѣлѣ Полт. Губ. Правленія сохранился подлинный текстъ этого произведенія мѣстной патріотической музы, который здѣсь и приводимъ.

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей,
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой тлѣетъ прахъ мужей,

Что градъ Полтаву защищали,
И Карловъ мечъ пренебрегали,
Сражаясь, проливали кровь,
Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
Отечеству явить любовь.
Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
И издаетъ то стонъ, то ревъ.
Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
Орломъ разодранъ шведскій левъ.
Межъ лаврами на небосклонѣ
Великій Петръ съ мечомъ, въ коронѣ;
Стоя торжественно, онъ зритъ,
Что благодарная Россія
Его труды, дѣла златыя,
Не забывая, вѣчно чтитъ.

Сообщ. **И. Фр. Павловскій**.

Къ исторіи Котельвы. Котельва была однимъ изъ сотенныхъ «городковъ» гадяцкаго полка, но во время нашествія шведовъ на Полтавщину, ахтырскій полковникъ Федоръ Осиповъ, согласившись съ котельвинскимъ атаманомъ, „выправилъ ордеръ у Меншикова" о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку. „Ордеръ" Меншикова былъ закрѣпленъ „царскимъ указомъ". Послѣ изгнанія шведовъ, Скоропадскій просилъ царя (въ іюлѣ 1709 г.) о возвращеніи Котельвы къ гадяцкому полку, но получилъ отвѣтъ, что „царского указу" о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку „отмѣнить уже невозможно". Несмотря на такой отвѣтъ, гадяцкій полковникъ Чарнышъ хотѣлъ было силою вернуть Котельву, но гетманъ получилъ новый указъ царя, „чтобъ тотъ полковникъ гадяцкой въ то мѣстечко вступаться впредь не дерзалъ". [1]) Несмотря однакожъ на эти указы, преемникъ Чарныша, Мих. Милорадовичъ, пригласивъ себѣ въ помощь полтавскаго полковника Черняка, пробовалъ было

---

[1]) См. Опис. Харьковск. Епархіи, архіеп. Филарета, III, 93, и Матеріалы военно-учен. арх. гл. штаба, I, 679.

еще разъ *силою* же вернуть Котельву. Несомнѣнно, что населеніе послѣдней было при этомъ на его сторонѣ. Любопытную картину этой попытки описываетъ ахтырскій полковникъ Осиповъ, въ своемъ, приводимомъ ниже, донесеніи кіевскому губернатору кн. Голицыну.

«Доношеніе г. сенатору і киевской губерніи губернатору князю Петру Алексѣевичу Голицыну. В прошломъ августе месяце, нынешнего 1720 году, господа полковники полтавскій Іванъ Чернякъ (и) гадяцкій Михайло Милорадовичъ, з старшиною и с полчани своими, в многолюдствіи будучи у розиску при господину столнику Щербачеву в полку моемъ, между Ахтырки и Котелви, для розиску спорнихъ земель, чого я подлинно не свѣдомъ, токмо о семъ извѣстенъ, что ездили оніе полковники по шляхахъ и по степахъ (съ?) чанбулами и знаменами, с бубнами и с тренбами, болше не иного чего, токмо завдаючи людемъ страхи и приводя в сумнѣвіе, провозглашая, якобы о отнятіи Котелвы и прочая, по киселевой границѣ. [1]) Тутъ же писалъ ко мнѣ полку моего котелевскій сотникъ Василій Смаковскій, что г. полковникъ гадяцкій, ис старшиною своею при немъ будучою и с козаками, сего августа подъ 25 число, мѣючи ночную квартеру в котелевскихъ подваркахъ, и назавтрѣе вехавши триумфалне в городъ, и заехалъ к нему сотнику на дворъ, а козаки полку его по по всему городу розехавшись, гласили публичне, дабы мещане до него гадяцкого полковника іішли и приносили жалобы на старшинъ своихъ. В тое число, з тамошних жителей Ярема Коротий, Луцикъ Бакуменко (и) Иванъ Лола, пришедши у дворъ сотницкій, от легкомислия своего, учали на сотника ускаржатись, и онъ сотникъ хотя нхъ упинить, изсилалъ из двора, и за то помянутій гадяцкій полковникъ его сотника всячески ругалъ, бранилъ и порывался бить, и то повидимому, знать нарочне, того ради в городъ заездилъ, прибираючи в полученіи своего желания всякихъ способовъ, ибо слишачи отъ него полковника такие похвалки и обнадежене, в тую надѣю и другіе с котелевцовъ, такие ж легкомислинки, Василь Субота, под тотже шумъ, на рынку, публичне старшинъ учали ругать, и яко то народъ простий, легко о себѣ тое вмѣнивши, чуть не учинили бунту до забойства. С тихъ заводчиковъ зимани два человѣкъ Ярема Коротий да

---

[1]) Разумѣется граница, проведенная въ 1638 г, между Московскимъ государствомъ и Польшею, кіевск. воеводою Адамомъ Киселемъ.

Василь Субота, сидять за карауломъ, а два человѣкъ, Луцик Бакуменко (и) Иванъ Лола, к гадяцкому полковнику было ушли, а ныне явились, да тутъ же посажени за караулъ, а вышеписанний Субота из караулу ушолъ. Также оние господа полковники полтавскій і гадяцкій, з многими старшинами и полчани, у мелницы моей купленой Синолицовской ставши, невѣдомо з якого умислу, заочно ругая мене всячески і людей моихъ тамъ мешкаючихъ стращая убійствомъ и спаленемъ, и набѣгши на дворецъ многолюдно ґвалтомъ з великими галасами, порвали бит Ивана Василенка, которий тамъ билъ для допросу в продаже, з маткою своею, тѣхъ тамъ в Синолицовце мнѣ млиновъ, и бивъ еле жива, потащили до полтавского полковника, забивъ у колодки, держали за карауломъ. В моемъ же и в жителей тамошнихъ гумнахъ, в кого что было звезено сѣна и прочего збожя, и по лукахъ сѣна, много потравили, а болше конми побили, і рощу якая где тамъ була лучшая, въ пенъ велѣли рубать и палить, и пустошить унѣвецъ. Свиней, гусей и прочиего много побили, а на вгородахъ жадной огороднини нѣчого нѣгде нё оставили, зовсѣмъ все повиривали і спустошили, и в покупленихъ моихъ лѣсахъ понасѣкали грани сами собою, невѣдомо для чего, с которою жалобою дозѣратель мой тамошній ходилъ до г. полковника гадяцкого, просячи дабы приказалъ козаковъ унятн отъ таковихъ шкодъ, но оний полковникъ не слухавъ того, учалъ его жалобника бранить, ругать и порвался до шаблѣ, хотѣлъ рубать, заледво оний ушолъ. А полтавскій полковникъ явственно похвалялся тамошнихъ моихъ людей разогнать и жиле випалить, и зовсѣмъ мене в тамошней житі разорить, невѣдомо якимъ умисломъ, о якомъ ихъ разорении прошу у царского величества милостивой оборони. Брегадиръ Осиповъ».

Для исторіи переяславской бурсы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.). Четыре сына бубновскаго священника Росинскаго—обратились, въ 1771 г., къ тогдашнему епископу переяславскому Іову съ такою просбою: „Мы всѣ четыре родные братія, епархіи в. преосвященства, протопопіи золотоноской, м. Бубнова, преображ. священника Іоанна Росинскаго сыны, трое, совершенно обучаемся въ семинаріи в. пр-ва латинского языка, первой—школы риторики, другой синтаксимы, третой інфимы, а четвертой къ вступленію въ училище

себе толко еще исготовляетъ, и для толикаго числа насъ обучающихся, исключая малолетнихъ муж. и ж. пола имѣющихся дѣтей въ домѣ, едваль отецъ снабдитъ въ ученіи нужнымъ спомоществованіемъ и прокормить можетъ, а чтобъ къ прожитію намъ и квартиру здѣсь нанять, за которую неминуемо надобно, за четирехъ, заплатить двенадцать рублей, слѣдоватиметъ ему прійти въ крайное разореніе и скудость, что напредки и нужнымъ насъ снабдивать явится не въ состояніи. Для того в. пр-ва нижайше просимъ, взглядомъ толикого насъ числа, *жить точію намъ въ бурсѣ, а на отческихъ харчахъ*, повелѣть и о томъ учинить опредѣленіе". (Подпись: Григорій, Феодоръ, Василь, Стефанъ Росѣнскіи).

На этомъ прошеніи «положена» такая собственноручная резолюція: «*Учинить префекту справку с каталогами и с учителями, какова прописанныи ученики понятія и надежды, и подъ симъ подписавъ, представить. Октября 25 дня, 1771 года. Іовъ епископъ переяславскій.*

Засимъ слѣдуютъ отвѣты „учителей":

1) «Преосвященнѣйшій владико! Прописанный в доношеніи ученикъ школы риторики Григорій Росѣнскій в ученіи успѣха не совсѣмъ надежнаго. Префектъ Петръ Базилевичъ».

2) «Ученикъ грамматики Ѳеодоръ Росѣнскій, по причинѣ тупости, успѣха малонадежнаго. Учитель грамматики Василь Росинскій».

3) «Ученикъ школы аналогіи Василь Росѣнскій успѣха хорошаго. Григорій Шишацкій».

„*Представить сихъ учениковъ намъ. Окт. 26 дня, 1771 года. Іовъ Е. П.*"

Засимъ, должно быть по „представленіи учениковъ, сдѣлана другая резолюція епископомъ: «*По прошенію, жить в бурсахъ до разсмотренія дозволяется, толко отъ себе кормитись. Октября 26 дня, 1771 года. Іовъ епископъ переяславскій*".

Въ *два дня* епископъ разрѣшилъ просьбу бѣдняковъ и, какъ видно, разрѣшилъ благосердно, такъ какъ отзывы о двухъ просителяхъ даны неблагопріятные.—Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, былъ уроженецъ харьковской слободы Боромли, и учился въ харьковскомъ коллеггіумѣ, въ которомъ былъ потомъ и ректоромъ. Переяславскимъ епископомъ онъ назначенъ въ окт. 1770 г., и оставался на этомъ епископствѣ до смерти, въ маѣ 1776 г. Послѣ умер-

шаго денегъ осталось *«всего пять денегъ»*.. Отсюда характеръ епископа *Іова*—какъ будто—еще виднѣе. При этомъ еп. Іовъ, повидимому, былъ человѣкъ любознательный, слѣдившій за общественною жизнью. Поздравляя своего сосѣда Акима Сулиму, съ пріѣздомъ изъ Спб. въ Переяславщину, Іовъ, въ маѣ, 1773 г., ему пишетъ: „за *доставленіе* на сей годъ петербургскихъ и лейпцигскихъ вѣдомостей, покорно благодарю. Я теперь на вѣдомости богатъ и другимъ служить могу, ибо и г. Бантышъ-Каменскій оные жъ доставилъ". («Сулим. Арх.», 114).

Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства. *Письмо М. А. Имшенецкаго къ Гр. П. Галагану. 1864 г.* Авторъ приводимаго здѣсь письма занималъ должность борзенскаго уѣзднаго предводителя дворянства трехлѣтіе—1866—869 г. г., послѣ хорошо памятнаго и теперь борзенцамъ Константина Алексѣевича Гамалѣя, бывшаго у нихъ предводителемъ *девять трехлѣтій*. М. А. И—цкій былъ человѣкъ съ небольшими средствами, но пользовался большою извѣстностью за свое радушіе и готовность прійти на помощь каждому ближнему. Старые „паны", впрочемъ, на него немного косились за разныя его „новшества, къ числу которыхъ относилось и зародавшееся было у М. А. И. желаніе заняться книжною торговлею.—„М. г. Григорій Павловичъ. Обращаюсь къ вамъ съ полною увѣренностью, что вы удостоите мое письмо отвѣтомъ, узнавъ о моемъ дѣлѣ, которое, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ вашему просвѣщенному уму и знанію потребностей края (гдѣ вамъ предстоитъ такая важная и полезная дѣятельность [1]). Мое дѣло заключается вотъ въ чемъ. Кіевъ, а вмѣстѣ и весь южный край, весьма нуждается въ честной книжной торговлѣ. Вамъ должно быть хорошо извѣстно—какъ мало соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ образованія такой книгопродавецъ, какъ Литовъ и К°. Проживъ два года на своемъ хозяйствѣ, я пожелалъ попытать себя въ другой общеполезной дѣятельности, и напалъ на мысль устроить въ Кіевѣ книжный магазинъ, съ кабине-

---

[1]) Г. П. Галаганъ въ это время былъ вице-предсѣдателемъ временной кіевской комиссіи, учреждетной для приведенія въ порядокъ крестьянскаго дѣла въ юго-западн. краѣ. См. статью г Воропонова: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ", Вѣстн. Евр. 1901 г., іюль.

томъ для чтенія, поставивъ себѣ цѣлію—содѣйствовать русскому образованію продажей хорошихъ и полезныхъ книгъ по петербургскимъ цѣнамъ, съ самой развѣ небольшой надбавкой, въ исключительныхъ случаяхъ, и доставленіемъ чтенія за самую умѣренную плату въ магазинѣ.

Капиталъ у меня небольшой, и потому мнѣ необходимо покровительство и содѣйствіе людей просвѣщенныхъ и вліятельныхъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы, многоуважаемый Г. П., не прогнѣваетесь, если я обращусь къ Вамъ съ просьбой, быть можетъ неумѣстной, но къ которой я былъ приведенъ случайно. Книгопродавецъ Кожанчиковъ, отсовѣтывая мнѣ начинать книжную торговлю въ Кіевѣ, между прочимъ, сказалъ, что вы предлагали ему *даровое* помѣщеніе въ своемъ домѣ, но что онъ отказался.—Я же, съ своей стороны, считалъ бы дѣло свое упроченнымъ, если бы такое предложеніе было мнѣ сдѣлано, хоть на первое время, т. е. на годъ или на два: тогда я увѣренъ, честная торговля моя внушила бы довѣріе обществу, пріобрѣла бы постоянныхъ покупателей и, вѣроятно, привлекла бы ко мнѣ въ компанію небольшіе капиталы другихъ. Усерднѣйше прошу васъ, Г. П., не отказать мнѣ въ скоромъ отвѣтѣ, личномъ или черезъ кого либо изъ моихъ знакомыхъ: я останусь душевно вамъ благодаренъ.

Во всякомъ случаѣ, я, входя здѣсь въ условія съ книгопродавцами и издателями, вмѣстѣ съ этимъ посылаю прошеніе къ кіевскому гражд. губернатору о дозоленіи мнѣ открыть книжный магазинъ и кабинетъ для чтенія: не откажите въ возможномъ, съ Вашей стороны, содѣйствіи предъ властями, которыя будучи въ настоящее время отвлечены болѣе важными дѣлами, могутъ забыть о моемъ.

Зная Васъ по образу Вашей общественной дѣятельности и Вашимъ мнѣніямъ, которыя мнѣ удавалось слышать, я былъ бы также весьма вамъ признателенъ за всякій совѣтъ, какой было бы угодно Вамъ подать мнѣ при начатіи дѣла новаго, но тѣмъ не менѣе необходимо нужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и несомнѣнно полезнаго въ краѣ, находящемся подъ вліяніемъ враждебной общественной силы (?). Еще разъ выражая надежду на Ваше доброе вниманіе, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашъ, м. г., покорный слуга Михаилъ Имшенецкій. С.-Петербургъ. 4 января, 1864 года». (*Съ подлинника*).

Какой отвѣтъ былъ полученъ на это письмо М. А. И—цкимъ, мы не знаемъ, но книжной торговли онъ не открывалъ.—Считаемъ не лишнимъ здѣсь добавить, что М. А. И. воспитаніе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Умеръ онъ въ 70-хъ годахъ, отъ чахотки. Жилъ М. А. И. въ глухомъ своемъ хуторѣ Майорщинѣ, между с. Ядутами и Десною.

Для исторіи церковнаго прихода. *Налоги въ пользу кіевскаго митрополита съ церквей его епархіи.* Приводимыя здѣсь свѣдѣнія о денежныхъ налогахъ: 1) за назначеніе священниковъ и діаконовъ на приходы, 2) за грамоты на заложеніе и освященіе церквей и 3) за антиминсы, сообщаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя данныя какъ о времени постройки церквей въ нѣкоторыхъ лѣвобережныхъ городахъ и селахъ, такъ и о дѣлежѣ приходскихъ доходовъ между наличными священниками.

«Великому господину ясне въ Богу преосвященнѣйшему киръ Арсенію Могилянскому, Божіею милостію православному архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи. Доношеніе.

Въ каѳедралной вашего ясне въ Богу преосвященства конторѣ, декабря отъ 19 минувшаго 1769 года по нижеписанное число февраля 1770 года, собрано денегъ.

I. *Отъ новорукоположенныхъ іереевъ и діаконовъ.*

766 года, сентября 20. Діакона Максима Павловскаго протопопіи Зѣнковской, мѣстечка Куземина, къ церкви Троицкой, при коей дворовъ 109, во іерея, на половинные доходы, за викарія. Съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп., и того 10 р. 90 к.

769 года декабря 20. Михайла Шкляревскаго къ церкви кіевобогословского дѣвичего монастыря, во іерея, нынѣ въ помощь тестю, а по смерти, за настоятеля, за состоящіе подъ тѣмъ монастыремъ приходскіе дворы 14, отъ двора по 20 коп., и того 2 р. 80 к.

Того жъ. Іакова Левѣцкаго протопопія верхнокіевской, къ верхнокіевской Троицкой церкви, при коей дворовъ 32, во діакона, отъ двора по 5 коп., итого 1 р. 60 к.

770 года, генваря 6. Іоанна Гриновецкаго протопопіи кіевоподолской, къ церкви кіевоподолской Вcovеденской, при коей дворовъ

222, во іерея, нынѣ въ помощь тестю его Іоанну Камѣнскому, а по выбытіи его Камѣнскаго съ прихода, на половинную его часть парохія за настоятеля; съ оныхъ дворовъ за половину слѣдовало взять 22 р. 20 к., но по резолюціи вашего ясне въ Богу преосвященства оставлено.

Того же. Михайла Яновского, протопопіи Кобеляцкой, села Лучокъ, къ церквѣ Крестовоздвиженской, при коей дворовъ 31, во діакона, на третью часть доходовъ съ оныхъ, за третью часть дворовъ, отъ двора по 20 к., итого 2 р. $6^2/_4$ к.

12 генваря. Нестора Яновскаго, протопопіи Ичанской, села Гайворона, къ церкви Покровской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину 66, отъ двора по 20 коп., итого 3 р. 20 к.

18 генваря. Никита Зорича, протопопіи Нѣжинской, села Лукашовки, къ церкви Рождества Христова, при коей дворовъ 44, во іерея, за настоятеля, отъ двора по 20 к., итого 8 р. 80 к.

22 генваря. Василя Пѣрского, протопопіи Полтавской, села Диканки, къ церкви Златоустовской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп. итого 13 р. 20 к.

24.—Антона Андрѣевскаго, протопопіи Ичанской, села Великаго Самбора, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 104, во іерея, въ помощь отцу, за викарія, за половинную часть дворовъ, 52, отъ двора по 20 коп., итого 10 р. 40 к.

25. Іоакима Лукяновича протопопіи Пирятинской, села Кохновки, къ церквы Николаевской, при коей дворовъ 74, во іерея, въ помощь тестю его, на половинные доходы, съ оних дворовъ за половину 37 отъ двора по 20 коп., итого 7 р. 40 к.

II. *За выданные на заложеніе и освященіе церквей граммaты.*

1769 г., декабря 21. На освященіе протопопіи прилуцкой, села Березовки новоустроенной, на урочищѣ Комаровки, Николаевской церкви, при коей дворовъ 100, отъ двора по 5 коп., итого 5 р.

22. На освященіе протопопіи Миргородской въ селѣ Аврамовки новоустроенной Вознесенской церкви, при коей дворовъ 86, отъ двора по 5 к., итого 4 р. 30 к.

1770 г. генваря 8. На освященіе протопопіи Казелецкой, въ гор. Козельцѣ, каменной Рождества Богородицы церкви, съ тремя предѣлами, при коей церквѣ дворовъ 195, отъ двора по 5 к., итого 9 р. 75 к.

20. На заложеніе протопопіи Зѣнковской въ селѣ Пѣркахъ, на мѣсто обветшалой, вновь Николаевской церкви, при коей дворовъ 165, отъ двора по 5 коп. итого 8 р. 25 к.

23. На освященіе протопопіи Гадяцкой, въ селѣ Липовки, новоздѣланной Михайловской церкви, при коей дворовъ 111, отъ двора по 5 коп., итого 5 р. 55 к. Того жъ. На освященіе протопопіи Лубенской, въ деревнѣ Галицѣ новоустроенной Рождества Христова, при коей дворовъ 71, отъ двора по 5 к., итого 3 р. 55 к.

Февраля 4. На заложеніе протопопіи Нѣжинской, въ селѣ Малой Кашеліовки, Успенской церкви, при коей дворовъ 23, отъ двора ио по 5 к., итого 1 р. 15 к.

III. *За выданные святые антиминсы.*

1769 года, декабря 21. Протопопіи Прилуцкой, села Березовки, въ новоустроенную на урочищѣ Комаровки Николаевскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

22. Протопопіи Миргородской, села Аврамовки, въ новоустроенную Вознесенскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к. — По резолюціи в. ясне въ Богу преосвященства оставлено.

1770 г., генваря 8. Протопопіи Козелецкой, г. Козелця, въ церковь Рождества Богородицы и въ предѣлные два храмы, три, матеріальные, 12 рубл.

23. Протопопіи Лубенской, дер. Галицы, въ новоустроенную Рождества Христова церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

Всѣхъ вышепрописаныхъ въ собраніи въ казнѣ, в. ясне въ Богу преосвященства, имѣется денегъ 126 р. 91$^3/_4$ к.

О якихъ денгахъ, понеже резолюціею в. ясне въ Богу преосвященства ноября 8 д. 758 года состоявшеюсь, велѣно представлять в. ясне въ Богу пр—ву помѣсячно или понеделно, а безъ того и резолюціи в. я. въ е. пр—ва такихъ денегъ въ приходъ не записывать, того ради в. я. въ Б. пр—ва, просимъ о принятіи въ казну в. я. въ Б. пр—ва оныхъ денегъ резолюціи. Вашего я. въ Б. пр—ва всенижай-

шія послушники каѳедралный писарь іеромонахъ Іеремія. Архидіаконъ Іларіонъ. Крестовый іеромонахъ Орестъ.

1770 года. февраля „ " д.

Резолюція митрополита. „1770 года, феврал. 6 д. № 16. Записать в приходъ". (Съ *подлинника*).

Текущія извѣстія.

30-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ник. Ильича Стороженка. Вь октябрѣ исполнилось 30 лѣтъ служенія наукѣ и университетской жизни извѣстнаго ученаго, профессора Московскаго университета *Николая Ильича Стороженка.* Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала мы считаемъ себя обязанными болѣе подробно сказать объ этомъ ученомъ, посвящавшемъ свои труды для разработки вопросовъ, входящихъ въ кругъ задачъ нашего изданія, и принимавшемъ постоянное участіе въ судьбахъ „Кіевской Старины", внося въ нее свое цѣнное сотрудничество. Теперь-же отмѣтимъ только, что Н. И. Стороженку посвящена маленькая, но очень прочувствованная замѣтка въ газетѣ „Восходъ", вспоминающей по поводу его юбилея лекцію о Паркерѣ, статью о Донъ-Кихотѣ, помѣщенную въ сборникѣ въ пользу голодающихъ евреевъ (Помощь), гдѣ такъ ярко высказались его гуманные взгляды по вопросамъ о національной терпимости.

—

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Заказанный П. М. Певному постаментъ для памятника малорусскому поэту И. П. Котляревскому въ большей его части уже готовъ и предстоящей зимой въ составленномъ видѣ будетъ перевезенъ изъ Кременчуга, гдѣ онъ изготовляется, въ Полтаву. Будущей весной предполагается совершить закладку памятника на Протопоповской улицѣ, а къ осени того же года памятникъ будетъ совершенно установленъ и открытъ. Постаментъ, состоящій изъ четырехъ частей, будетъ сработанъ изъ гранита по утвержденному думой проекту, по условію съ г. Певнымъ, за 8000 руб. (Полт. Г. В.).

—

Интересная лекція о Гоголѣ. Въ годовомъ засѣданіи воронежскаго медицинскаго общества 13 октября предсѣдатель д-ръ Баженовъ прочелъ докладъ о болѣзни и смерти Гоголя съ медицинской точки зрѣнія. Изъ наслѣдственныхъ прецедентовъ болѣзни отмѣченъ молодой возрастъ (14 лѣтъ) матери Гоголя, его неврастенизмъ въ дѣтствѣ и др. Докладчикъ опредѣлилъ болѣзнь Гоголя, какъ форму періодическаго психоза,—какъ періодическую меланхолію, подтвердивъ это цитатами изъ руководства по психіатріи Корсакова и параллельными цитатами изъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ передаетъ свои болѣзненныя ощущенія. Однимъ изъ симптомовъ болѣзни Гоголя, на-ряду съ мистицизмомъ, было и воздержаніе отъ пищи. Обезсиленнаго отъ голоданія Гоголя врачи начали ошибочно лѣчить тѣмъ, что стали ставить ему піявки и вызывать кровотеченіе. Это и было) причиною смерти писателя.

—

Гоголевская выставка. Студенты академіи художествъ, оканчивающіе курсъ въ 50-лѣтнюю годовщину со дня смерти Н. В. Гоголя, рѣшили ознаменовать свой «Гоголевскій» выпускъ устройствомъ художественной выставки картинъ, исключительно относящихся къ жизни покойнаго писателя. На выставкѣ будутъ въ большомъ количествѣ собраны фотографическіе виды тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и работалъ Гоголь; будутъ выставлены также фотографіи «Диканьки». (Южанинъ № 246).

—

Домъ Квитки въ Основѣ. Попечительство о народной трезвости Харьковскаго уѣзда существующій домъ Квитки на Основѣ предполагаетъ приспособить для театра и давать въ немъ любительскіе спектакли, при чемъ имѣется въ виду привести его въ болѣе или менѣе приличное состояніе для означенной цѣли. (Южный Край, № 7169).

—

50-лѣтіе смерти К. Т. Соленика. 7-го октября исполнилась 50-тая годовщина смерти „знаменитѣйшаго“, какъ значится на могильномъ крестѣ, украинскаго актера Соленика. Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, украинскій Мартыновъ, умеръ отъ чахотки 7-го октября 1851 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Игралъ онъ на сценѣ роли Мартынова, игралъ со Щепкинымъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Его приглашали на петербургскую сцену, но онъ нигдѣ, кромѣ Харькова, не хотѣлъ играть. Въ Харьковѣ онъ и умеръ. Похороненъ на городскомъ кладбищѣ рядомъ съ актеромъ Драныше и актрисой Микульской. На могильномъ крестѣ, на одной сторонѣ, имя того, кто подъ нимъ покоится, а на другой—слѣдующіе стихи:

Дывыся зъ неба Соленыче
Якъ крыво серце чоловиче:
Якъ ты колысь на свити жывъ
Та щыро публыци служивъ.
Такъ публыка тоби жывому
Квиткы кыдала, якъ солому;
А вмеръ, артысте—небораче,
То и байдуже!—нихто не баче,
Що прахъ лежыть твiй безъ хреста...
Пора, бачъ, гулькнула не та:
Теперъ вже стала Украина
Холодна буцимъ домовына.

(Южный край, № 7164).

Желательно было бы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи могилы этого несправедливо забытаго, для своего времени выдающагося актера, о которомъ Гоголь отзывался, какъ о замѣчательномъ комическомъ талантѣ.

—

Самый несчастный народъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ «Галичанинѣ» обширное письмо, за подписью Угроруссъ. Это письмо рисуетъ мрачными красками тяжелое, положеніе русскаго народа въ Венгріи, находящагося въ прямой зависимости отъ мадъяръ.

Угрорусскій народъ,—по словамъ автора письма,—самый забитый, самый темный и самый бѣдный народъ во всей Венгріи. Онъ не имѣетъ своей интеллигенціи и своихъ представителей. Какъ духовенство, такъ и народные учителя назначаются правительствомъ, вслѣдствіе чего они совершенно лишены самостоятельности. Но главное зло,—по мнѣнію автора,—заключается въ томъ, что угроруссы не имѣютъ своихъ національныхъ вождей, отчего у нихъ и отсутствуетъ какая бы то ни было организація въ народномъ дѣлѣ.

Далѣе, авторъ говоритъ, что угроруссы вовсе не имѣютъ своихъ національныхъ школъ, такъ какъ даже сельскія народныя школы

подвержены мадьяризаціи. Священники въ селахъ говорятъ не «по-простацки» (т. е. по-русски), а „по-пански“ (т. е. по-мадьярски).

Русскія епархіальныя власти въ сношеніяхъ съ духовенствомъ пользуются мадьярскимъ языкомъ. Мадьяризація проводится не только посредствомъ школы, но также и посредствомъ церкви. Хотя изъ Рима уже нѣсколько разъ приходило запрещеніе относительно службы въ русскихъ церквахъ на мадьярскомъ языкѣ, но опубликовать это запрещеніе не позволяется.

Русскія дѣти мадьяризируются въ школахъ насильственно: училищный инспекторъ ничего не требуетъ отъ учителей, кромѣ того, чтобы они хорошо преподавали мадьярскій языкъ; если же инспекторъ замѣтитъ, что какой нибудь учитель преподаетъ по-русски, то на послѣдняго взводится какое бы то ни было обвиненіе,—хотя бы даже въ выдуманномъ преступленіи,—и учитель, а вмѣстѣ съ нимъ и священникъ, въ приходѣ котораго совершилось такое «преступленіе», подвергаются преслѣдованіямъ.

Всякое культурное начинаніе угроороссовъ встрѣчается мадьярскимъ правительствомъ съ такою же враждебностью, какъ и русскій языкъ. У угророссовъ существуетъ только одно русское общество, занимающееся просвѣщеніемъ русскаго народа въ русско-народномъ духѣ, и этому обществу мадьярское правительство и мадьярская печать на каждомъ шагу поставляютъ всевозможныя препятствія. Мадьярская печать нападаетъ на это общество, какъ на ненавистническое, сепаратистическое, и, такимъ образомъ, запугиваетъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы записаться въ члены общества.

«Вотъ какъ печально наше положеніе,—заканчиваетъ Угроруссъ свое письмо,—и главная причина такого положенія заключается въ томъ, что народъ нашъ—теменъ и необразованъ, и что у насъ нѣтъ самостоятельнаго мѣщанства, а интеллигенція наша, состоящая изъ учителей, священниковъ и чиновниковъ, всецѣло зависитъ отъ правительства. Будь у насъ русское купечество, русскіе врачи, адвокаты, помѣщики и промышленники,—наша угро-русская народность не была бы такъ притѣсняема и съ ними считались бы и правительство, и мадьяризаторы».

Авторъ въ заключеніе взываетъ къ русскимъ патріотамъ, убѣждая ихъ позаботиться о матеріальномъ улучшеніи положенія угро-русскаго народа, вслѣдъ за которымъ должно наступить и культурно-политическое улучшеніе.

—

„Вѣче“ студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ. Давно уже русины въ Галиціи добиваются основанія отдѣльнаго университета для русиновъ, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ возбуждался неоднократно русинскими послами и въ рейхсратѣ, и въ мѣстномъ сеймѣ; въ 1899 г. миттингомъ русинской учащейся молодежи рѣшено было представить въ министерство народнаго просвѣщенія петицію объ основаніи русинскаго университета; подробно мотивированныя петиціи о томъ же посланы были въ министерство и научно-просвѣтительными украинскими обществами—«Товариством імени Шевченка», «Просьвитою» и «Народною Радою». Новымъ шагомъ въ этомъ направленіи является «вѣче» (миттингъ) студентовъ-русиновъ, состоявшееся въ первый разъ въ стѣнахъ Львовскаго университета 25 сентября (8 октября) настоящаго года при участіи почти всѣхъ студентовъ-русиновъ (въ томъ числѣ было также и нѣсколько студентокъ) и профессоровъ г.г. Грушевскаго, Днѣстрянскаго и Студинскаго.

Студенты Косевичъ и Комаринскій, изложивъ въ своихъ рефератахъ, исторію вопроса объ отдѣльномъ русинскомъ университетѣ, особенное вниманіе обратили на юридическую и фактическую мотивировку своихъ требованій, подтверждая ее ссылками на австрійскіе законы и выясняя, что дѣйствительное положеніе дѣлъ не соотвѣтствуетъ юридическому. По закону преподаваніе во Львовскомъ университетѣ должно производиться на обоихъ мѣстныхъ языкахъ—польскомъ и украинско-русскомъ, но на дѣлѣ утраквизмъ существуетъ почти только номинально. Русинамъ едва удалось, да и то съ невѣроятными усиліями, добиться нѣсколькихъ каѳедръ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Между тѣмъ число русиновъ въ Львовскомъ университетѣ доходитъ до 600, т. е., почти вдвое превышаетъ число студентовъ Черновецкаго университета; русины состоятъ профессорами въ другихъ университетахъ Австріи; научное движеніе выработало уже пріемы и терминологію. Эти мотивы побуждаютъ референтовъ придти къ заключенію, что русины въ правѣ требовать для себя отдѣльнаго университета, а пока стремиться къ возможно полному проведенію утраквистической системы въ существующемъ уже Львовскомъ университетѣ. Послѣ обсужденія рефератовъ, во время котораго особенно настойчиво повторялась и подчеркивалась мысль, что русины въ послѣдній разъ добиваются осуществленія своихъ національныхъ правъ мирными способами, единогласно принята была

слѣдующая резолюція: «Принимая во вниманіе 1) количество украинско-русскаго народа въ Галиціи, 2) число студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ, 3) артикулъ XIX основныхъ законовъ Австрійской имперіи, обезпечивающій каждому народу просвѣщеніе на родномъ языкѣ, и 4) утраквистическій въ силу закона характеръ Львовскаго университета,—вѣче украинско-русской учащейся молодежи требуетъ основанія всѣхъ каѳедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ». Резолюція представлена въ совѣтъ университета и министру народнаго просвѣщенія. («Дѣло», №№ 216 и 221).

—

Ходатайство о малорусскихъ народныхъ изданіяхъ. Въ общемъ собраніи Харьковскаго Общества Грамотности, состоявшемся 7-го октября, правленіе доложило о томъ, что, обсудивъ въ своихъ засѣданіяхъ вопросы, переданные ему общимъ собраніемъ 29 апрѣля, оно постановило: 1) возбудить ходатайство о допущеніи всѣхъ изданій харьковскаго издательскаго комитета при О-вѣ грам. въ школьныя и народныя библіотеки всѣхъ вѣдомствъ и о примѣненіи къ рукописямъ на малорусскомъ языкѣ общецензурныхъ правилъ безъ тѣхъ ограниченій, которыя существуютъ въ настоящее время. Соотвѣтствующая бумага уже составлена и будетъ вскорѣ отправлена по назначенію; 2) что касается допущенія въ школахъ извѣстнаго раіона учебниковъ на малорусскомъ языкѣ, то правленіе большинствомъ (13 голосовъ противъ 3) высказалось за несвоевременность такого ходатайства и отклонило его.

—

Брошюры на народномъ языкѣ по вопросу кооперацiи. Недавно закончившій свои занятія полтавскій кустарный съѣздъ, по почину извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго, призналъ желательнымъ придти на помощь кооперативному движенію въ народѣ посредствомъ изданія популярныхъ брошюръ на мѣстномъ народномъ языкѣ по вопросу коопераціи, для ознакомленія съ ними мѣстнаго населенія.

—

Опера „Галька“ на малорусской сценѣ. Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Ярошенка ставило въ Николаевѣ извѣстную оперу Монюшко «Галька» въ переводѣ на украинскій языкъ. („Южанинъ“, № 250).

—

Чтенія для народа въ Коломыѣ. Въ Коломыѣ (въ Галиціи), благодаря дѣятельности мѣстной украинской интеллигенціи, въ настоящемъ году ведутся постоянныя популярныя чтенія для народа. Состоялись уже чтенія: 1) проф. Макарушки «Про Тараса Шевченка», 2) Л. Посацького «Про великого київського князя Ярослава Мудрого», 3) проф. Маслака „Про давних греків і римлян" (рядъ лекцій изъ древней исторіи) и 4) проф. Білика „Вода і ии складові части"). „Дѣло", №№ 224 и 233).

—

Предполагаемый журналъ «Рилля». Статистикъ черниговскаго губернскаго земства М. В. Яворскій вошелъ съ ходатайствомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Черниговѣ сельско-хозяйственный журналъ на малорусскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Рілля». (Русск. Вѣдом., № 271).

—

Лекціи Д. Эварницкаго по археологіи. Д. И. Эварницкій намѣренъ прочесть въ Петербургѣ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ курганнымъ раскопкамъ на югѣ Россіи. (Южан., № 252).

—

Народный спектакль подъ руководствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ «Полтав. Губ. Вѣд.» (№ 227) напечатана корреспонденція А. Влахопулова, которую мы, въ виду ея интереса, перепечатываемъ цѣликомъ. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ недавно произошло знаменательное артистическое событіе: 7 октября нашъ извѣстный артистъ М. Л. Кропивницкій выступилъ руководителемъ спектакля, устроеннаго крестьянскою молодежью въ с. Позникахъ на домашнемъ театрѣ г. г. Русиновыхъ. Шла драма Кропивницкаго „Невольныкъ» и «Прихожа» (лакейская) Гоголя, въ переводѣ на малороссійскій языкъ В. Ф. Русинова. Послѣ спектакля М. Л. Кропивницкій, по требованію публики, вышелъ на сцену и прочелъ разсказъ Стороженка и нѣсколько стихотвореній Шевченка. Удивительное чтеніе Кропивницкаго глубоко растрогало его непосредственныхъ слушателей, устроившихъ ему шумную овацію. На репетиціи „Невольныка» крестьянская молодежь и народные учителя, принимавшіе участіе въ пьесѣ, жадно слѣдили за указаніями, даваемыми Кропивницкимъ. И съ какимъ мастерствомъ онъ ихъ давалъ! Видя знаменитаго малорусскаго артиста, окруженнаго крестьянами, въ деревенскомъ театрѣ, намъ невольно пришло

въ голову, что обширной и плодотворной артистической дѣятельности нашего народнаго актера раскрылась здѣсь новая арена, столь его достойная,—воспитателя и руководителя нарождающихся народныхъ труппъ въ деревнѣ.

То тутъ, то тамъ эти труппы возникаютъ, имѣя единственною цѣлью разумныя развлеченія; въ городахъ и селахъ строятся народные дома. Казалось бы, кому, какъ не М. Л. Кропивницкому должно принадлежать артистическое руководство въ народныхъ домахъ народными спектаклями и художественнымъ чтеніемъ прозы и стиховъ. Средства для этого могутъ быть созданы на соединенныя ассигнованія комитетовъ трезвости и земства. Кропивницкій, руководя народными домами въ нашей мѣстности, самъ игралъ бы на народныхъ сценахъ и, несомнѣнно, создалъ бы въ народѣ цѣлую школу театральной игры и чтенія. Кропивницкій захватываетъ создаваемые имъ типы такъ глубоко, налагаетъ на нихъ такую массу красокъ, что видѣвшимъ его актерамъ рѣшительно невозможно не подражать ему. Какъ бы ни былъ талантливъ артистъ, какъ бы самостоятельно ни трактовалъ свою роль, но въ исполненіи у него непремѣнно окажется хоть частичка Кропивницкаго. О непосредственныхъ исполнителяхъ—крестьянахъ и говорить нечего: тутъ вліяніе чудной игры Кропивницкаго совсѣмъ неоцѣненно.

Если народному театру дѣйствительно принадлежитъ серьезная роль, не только какъ разумнаго развлеченія, но и воспитывающая и облагораживающая, то пора подумать о правильной и художественной постановкѣ дѣла. Задачу эту должны взять на себя наши народные дома, особенно въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, и руководство ими должно принадлежать никому иному, какъ нашему несравненному народному артисту М. Л. Кропивницкому.

Дѣло по поводу увѣчья М. Шевченка. Въ свое время мы сообщали о печальномъ случаѣ съ внучатымъ племянникомъ Т. Г. Шевченка, М. Шевченкомъ, который во время работъ въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейнъ потерялъ руку. Дѣло это, какъ сообщаетъ «Югъ», недавно разбиралось въ окружномъ судѣ, и С. Б. Фальцъ-Фейнъ признана виновной въ томъ, что въ мастерской не было необходимаго досмотра за учениками, а потому судъ приговорилъ Фальцъ-Фейнъ къ ежегодной уплатѣ М. Шевченку 225 рублей пожизненно.

Картина А. Н. Волкова „Петръ Великій въ темницѣ у Полуботка" воспроизведена фототипіей въ октябрьскомъ № «Журнала для всѣхъ» текущаго года. Рисунокъ снабженъ обстоятельной замѣткой В. Строева, который, на основаніи изслѣдованія А. М. Лазаревскаго (Рус. Арх. 1880 г.), излагаетъ истинную біографію Полуботка и характеръ его политической дѣятельности.

—

Къ 300-лѣтнему юбилею Кіевской Духовной Академіи. Въ 1915 г. исполняется 300 лѣтъ съ того времени, когда была основана Богоявленская братская школа, которая впослѣдствіи была переименована сначала въ коллегію, потомъ въ академію, наконецъ, въ духовную академію. Ректоръ академіи, преосвященный Димитрій, озабоченный достойнымъ празднованіемъ рѣдкаго юбилея almae matris, вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующими предложеніями: 1) Кіевская духовная академія доселѣ еще не имѣетъ надлежащей полной исторіи за истекшее время ея существованія. Труды по исторіи академіи преосвященнаго Макарія и В. Аскоченскаго, какъ вышедшіе около 50 лѣтъ тому назадъ, устарѣли, а работы послѣдняго времени, при всѣхъ достоинствахъ ихъ, ни каждая въ отдѣльности, ни даже въ своей совокупности, не обнимаютъ исторіи академіи во все время ея существованія и не изображаютъ жизни ея во всѣхъ отношеніяхъ. Въ виду предстоящаго юбилея, настоитъ потребность составить надлежащую полную исторію академіи. Для успѣха въ этой работѣ необходимо сперва издать акты по исторіи академіи, при томъ всѣ, напечатать неизданные еще матеріалы, переиздать, по провѣркѣ, напечатанныя уже рукописи. 2) Кіевская духовная академія ежегодно 31 декабря, въ день кончины фундатора братской школы, митрополита кіевскаго Петра Могилы, совершаетъ молитвенное поминовеніе основателей и благотворителей академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, имена которыхъ записаны въ хранящемся при церкви синодикѣ. Въ виду несовершенства этого синодика (въ немъ стоятъ только одни имена безъ указанія, кому принадлежатъ они), преосвященный Димитрій предложилъ составить новый, болѣе совершенный синодикъ, и именно въ двухъ видахъ: подробный, въ видѣ біографическаго словаря, въ которомъ были бы помѣщены краткія жизнеописанія вѣчно памятныхъ академіи и поминаемыхъ ею лицъ, и въ которомъ могли бы находить нѣкоторое удовлетвореніе, пока будетъ составлена полная исторія академіи, интересующіеся ея трехсотлѣт-

нимъ прошлымъ, а краткій, въ которомъ стояли бы только имена умершихъ, а въ особыхъ графахъ фамиліи ихъ и время кончины, и который употреблялся бы при церковномъ богослуженіи. Первый представлялъ бы собой синодикъ ученый, академическій, а второй—синодикъ церковный, богослужебный. На проектируемыя изданія преосвященный Димитрій пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 3,000 р. Совѣтъ академіи отнесся къ проекту преосвященнаго Димитрія вполнѣ сочувственно и, по его же предложенію, для осуществленія его проекта, назначилъ коммиссію изъ профессоровъ академіи Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и свящ. Ѳ. И. Титова, уже давно работающихъ въ области западно-русской исторіи. (С.-Петерб. Вѣд. 271).

—

Цѣнный даръ библіотекѣ Кіевскаго университета. Библіотека университета св. Владиміра обогатилась новымъ цѣннымъ даромъ. Извѣстный изслѣдователь исторіи Малороссіи, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области, А. М. Лазаревскій, изъявилъ желаніе подарить университету свою библіотеку. Собраніе А. М. Лазаревскаго представляетъ особенный интересъ для Кіева, такъ какъ главную часть его составляютъ сочиненія, имѣющія отношеніе къ прошлому Малороссіи. Особенно цѣнны составленные А. М. Лазаревскимъ «сборники», въ которыхъ собраны многочисленныя статьи по исторіи Малороссіи, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ А. М. Лазаревскій, съ рѣдкой настойчивостью и трудомъ, собиралъ подобнаго рода статьи, вырѣзывалъ ихъ изъ журналовъ и другихъ изданій, переплетая въ отдѣльные томы. Большая часть этихъ «сборниковъ» переплетены въ своеобразные переплеты, представляющіе старинные узорчатые ситцы и ткани. Такихъ «сборниковъ» въ собраніи А. М. Лазаревскаго имѣется болѣе ста. Жертвуемая А. М. Лазаревскимъ библіотека не будетъ слита съ остальными книгами университетской библіотеки, а будетъ храниться въ особыхъ шкафахъ. Пользованіе книгами изъ этого рѣдкаго и цѣннаго собранія будетъ ограничено тѣмъ, что книги не будутъ выдаваться на домъ, а будетъ предоставлено ими пользоваться желающимъ исключительно въ помѣщеніи библіотеки университета. Этимъ устраняется возможность случайной утраты статей, представляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. (С.-Петербургск. Вѣд. № 282).

—

Почетный отзывъ. 19 октября въ торжественномъ собраніи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ былъ прочитанъ ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина.

На премію представлялось между прочимъ сочиненіе И. Стешенка: „Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ столѣтнему юбилею его «Энеиды»: 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ, 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики". Рецензія этого труда поручена была проф. А. Е. Крымскому. Указавъ на достоинства и недостатки книги г. Стешенка, рецензентъ ходатайствовалъ предъ отдѣленіемъ о награжденіи его труда половинной преміей.

По постановленію соединеннаго собранія отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, трудъ г. Стешенка награжденъ *почетнымъ отзывомъ*, а рецензенту его труда г. А. Е. Крымскому выдана установленная пушкинская золотая медаль.

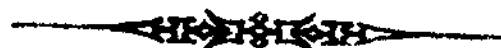
—

А. В. Старчевскій. (*Некрологъ*). 7-го октября скончался старѣйшій представитель современной русской журналистики Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, на 84 году отъ роду.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, переселившихся туда въ половинѣ XVIII вѣка изъ Польскаго королевства. Родился онъ 29-го апрѣля 1818 года въ деревнѣ Ивкахъ, близъ Богуславля, Кіевской губерніи. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія А. В. учился въ кошеватской парафіальной школѣ, у уніатскаго священника, въ каневскомъ повѣтовомъ училищѣ отцовъ базиліанъ и въ первой кіевской гимназіи. Нигдѣ курса онъ не окончилъ но настолько былъ пріученъ къ работѣ, что самостоятельно подготовился къ поступленію на юридическій факультетъ университета св. Владиміра. Оттуда перешелъ въ с.-петербургскій университетъ.

Русской журналистикой покойный сталъ заниматься въ 1843 г., сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и филологіи. Покойный редактировалъ „Сынъ Отечества" 1856—1877 г.г., съ 1879 г. по 1881 г. редактировалъ газету Современность», осенью 1881 года—«Улей», съ 1882 г. по 1883 г.—„Эхо", съ 1883 г. по 1885 г.—«Родину», преобразовавъ ее въ еженедѣльную газету.

Въ 1891 г. имъ предпринятъ «Русскій объяснительный словарь, заключавшій въ себѣ непонятныя слова русскаго книжнаго, общественнаго и народнаго языка и областныхъ его говоровъ, а также малорусскаго, южно-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій».



Библіографія.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. *Выпускъ второй. Изданіе Распорядительнаго Комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. Житомірь, 1900. in 8⁰ стр. 287.*

Пять лѣтъ назадъ, въ 1896 г., вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго Сборника, и нашъ журналъ сочувственно привѣтствовалъ это изданіе, посвященное исторіи и археологіи Волыни, отмѣтилъ цѣнныя научныя статьи и матеріалы, вошедшіе въ его составъ, но при этомъ выразилъ неодобреніе по поводу того, что среди нихъ нашли мѣсто и пресловутые «Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря», критикѣ которыхъ были посвящены особыя статьи въ нашемъ журналѣ. Вновь вышедшій выпускъ Сборника мы привѣтствуемъ тѣмъ охотнѣе, что научный характеръ выдержанъ въ немъ строже, а по своему содержанію онъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ богаче, разнообразнѣе и интереснѣе перваго выпуска.

Главными работниками при составленіи настоящаго выпуска были тѣ же лица, которыя участвовали и въ редакціи прежняго, именно: протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій; къ нимъ присоединился еще кіевскій ученый М. П. Истоминъ.

О. Трипольскому принадлежитъ подробное описаніе въ высшей степени цѣнной рукописи—Евангелія 1571 года въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Еще въ 1876 г. П. И. Житецкій, оканчивая печатаніе знаменитой Пересопницкой рукописи, получилъ изъ Житомира отъ о. Николая Трипольскаго краткое сообщеніе объ имѣю-

щемся у него рукописномъ Евангеліи 1571 г. на малорусскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ выпискою изъ него небольшого отрывка. Основываясь на этой выпискѣ, г. Житецкій высказалъ предположеніе, что это—копія Пересопницкаго Евангелія, но при этомъ выразилъ пожеланіе, чтобы о. Трипольскій не замедлилъ подробно описать хранящуюся у него рукопись, и тогда получится возможность высказать о ней болѣе опредѣленное заключеніе. [1]) Это пожеланіе владѣлецъ рукописи привелъ въ исполненіе лишь въ настоящее время. Въ очень обстоятельной статьѣ онъ сообщилъ исторію рукописи, насколько можно ее возстановить по имѣющимся въ ней надписямъ и замѣткамъ, представилъ подробное ея описаніе и помѣстилъ обширныя (на 52 страницахъ) выписки ея текста. Оказывается, что переводчикомъ (или переписчикомъ) этого замѣчательнаго Евангелія былъ нѣкто „Петръ, многогрѣшный рабъ Божій", предпринявшій въ 1571 г. этотъ благочестивый трудъ «Богу ку чти, а посполитому люду къ доброму вырозумѣванію», или (какъ онъ выразился въ другомъ мѣстѣ) „к доброй науце". Мѣсто, гдѣ трудился переводчикъ, въ рукописи не обозначено, но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что во второй половинѣ XVIII ст. Евангеліе это принадлежало Владиміро-Волынской Ильинской церкви, почему авторъ и даетъ ему наименованіе «Волынскаго Евангелія». Конечно, отсюда нельзя еще выводить категорическаго утвержденія, что оно написано именно въ г. Владимирѣ, а не въ другомъ мѣстѣ Волыни, но почтенный авторъ усиливается доказать, что «многогрѣшный Петръ» былъ не кто иной, какъ тотъ безыменный «дьякъ» Ильинской церкви, которому извѣстный брацлавскій каштелянъ Василій Загоровскій, [2]) въ своемъ завѣщаніи 1577 года, вмѣняетъ въ обязанность, «абы онъ книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ доброго зводу уставичне писалъ». Отсюда, конечно, нельзя еще заключать, что ильинскій дьякъ именно и былъ переводчикомъ „Волынскаго" Евангелія. Но прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этой драгоцѣнной рукописи. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX ст. ею владѣлъ владиміро-волынскій соборный протоіерей Севастіанъ Коссовичъ, вѣроятно отыскавшій ее въ одномъ изъ церковныхъ архивовъ; отъ него она досталась его сыну, бывшему въ 1860-хъ годахъ

[1]) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в., стр. 78.

[2]) О. Трипольскій ошибочно титулуетъ его „княземъ"; фамилія Загоровскихъ искони принадлежала къ числу земянскихъ, а не княжескихъ родовъ.

учителемъ Житомирской гимназіи, а послѣ смерти послѣдняго попала въ руки евреевъ-старьевщиковъ, отъ которыхъ совершенно случайно и была пріобрѣтена настоящимъ ея владѣльцемъ, протоіереемъ Н. Трипольскимъ, въ 1875 г.

По своему составу, Волынское Евангеліе представляетъ обычное четвероевангеліе (тетръ), съ раздѣленіемъ на главы и зачала и указаніемъ церковныхъ чтеній, пріуроченныхъ къ тому или другому празднику или воскреснымъ днямъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что оно, какъ и однородное съ нимъ Пересопницкое Евангеліе, предназначалось не только для домашняго чтенія, но и для употребленія въ церкви, во время богослуженій.

Выше мы замѣтили, что ученый изслѣдователь Пересопницкаго Евангелія, основываясь на сообщенномъ ему краткомъ отрывкѣ изъ Волынскаго Евангелія, призналъ его не болѣе какъ копіей Пересопницкаго. Теперь о. Трипольскій, подвергнувъ тексты обоихъ Евангелій подробному сличенію, пришелъ къ другому выводу, именно—что при значительной близости этихъ текстовъ въ отношеніи языка, между ними замѣчается извѣстная разница, дающая основаніе утверждать, что текстъ Волынскаго Евангелія представляетъ во многихъ отношеніяхъ оригинальную редакцію. Съ этимъ заключеніемъ, вѣроятно, согласится всякій, кто внимательно прочитаетъ параллельно напечатанныя о. Трипольскимъ цѣлыя главы изъ обоихъ Евангелій. Во всякомъ случаѣ теперь, съ обнародованіемъ текста Волынскаго Евангелія, возможно всестороннее научное его изслѣдованіе, чѣмъ, конечно, и не преминутъ воспользоваться ученые спеціалисты. А за почтеннымъ о. протоіереемъ Трипольскимъ навсегда останется заслуга перваго открытія ученому міру этой драгоцѣнной рукописи, сохраненія ея отъ угрожавшей ей гибели въ рукахъ невѣжественныхъ людей и, наконецъ, перваго научнаго ея описанія. Остается выразить пожеланіе, чтобы поскорѣе дождалась такого описанія и еще одна волынская рукопись того же рода, именно—южно-русскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. волынскимъ дворяниномъ Валентиномъ Негалевскимъ. Рукопись эта хранится въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, и еще недавно, во-время послѣдняго Археологическаго Съѣзда, ее можно было видѣть на археологической выставкѣ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется и другая статья о. Трипольскаго: «Историческія свѣдѣнія о городѣ Житомирѣ, Волынской губерніи». Къ сожалѣнію, мы лишены возможности высказать объ этой работѣ

столь же благопріятный отзывъ, какъ о первомъ трудѣ того же автора. Мы хорошо понимаемъ, что составить мало-мальски полную и обстоятельную исторію столь древняго города, какъ Житомиръ,—задача величайшей трудности, требующая обширной эрудицій и массы кропотливыхъ изысканій, невсегда и возможныхъ въ провинціальномъ городѣ; поэтому заранѣе оговариваемся, что къ разбираемой статьѣ не станемъ предъявлять строгихъ требованій. Ктому же авторъ самъ предупреждаетъ, что онъ «не задавался цѣлью писать подробную, обстоятельную исторію города Житомира», а желалъ только сгруппировать и въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ изложить то, что относительно этой исторіи имѣлось у него подъ руками въ видѣ разбросанномъ». Пусть и такъ. Авторъ имѣетъ право отмежевать себѣ тѣ или другія границы, представить не полную исторію города, а лишь извѣстную сторону его прошедшей жизни, въ ту или другую эпоху, ограничиться лишь извѣстнаго рода матеріалами. Но какъ бы онъ ни съуживалъ свою задачу, онъ не можетъ не знать или намѣренно игнорировать установившіееся уже въ наукѣ факты и положенія, касающіеся избраннаго имъ предмета; ему нельзя обойтись безъ предварительнаго ознакомленія съ лучшими, т. е. наиболѣе полными и достовѣрными источниками,—въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ на каждомъ шагу впадать въ грубыя ошибки, повторять давно опровергнутыя басни и напрасно ломать голову надъ тѣмъ, что давно уже открыто и съ точностью выяснено. Нѣчто подобное случилось и съ нашимъ почтеннымъ авторомъ. Сколько можно судить по его ссылкамъ и цитатамъ, авторъ сдѣлалъ выписки изъ давно забытыхъ статей польскихъ историковъ: Прусиновскаго Żytomierz pod względem historycznym, напечатанной въ Gazet—ѣ Polsk—ой за 1864 годъ, Крашевскаго Wieczory Wołyńskie, изд. 1859 г., изъ книги Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska, изд. 1844 г., да къ нимъ присоединилъ: «Волынскія записки» Степана Руссова, изд. 1809 г. (чистый хламъ) и «Историч. очерки Волыни» Крушинскаго,—и на основаніи этихъ скудныхъ и больно уже устарѣвшихъ матеріаловъ задумалъ составить очеркъ исторіи Житомира ab ovo и до нашихъ дней. Ни одинъ изъ болѣе новыхъ русскихъ или польскихъ историковъ, ни одно изъ капитальныхъ изданій историческихъ актовъ, во множествѣ появившихся съ 1860-хъ годовъ, не цитируются авторомъ, за исключеніемъ единственной (и то, видимо, случайной) цитаты изъ Zródła dziejowe и двухъ-трехъ Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр.

Архива. Не удивительно, что, руководствуясь такими устарѣлыми и малоцѣнными источниками, авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи. Такъ, въ первыхъ же строкахъ своей статьи онъ съ полною вѣрою повторяетъ старую сказку о походѣ Гедимина на Кіевъ въ 1320—21 гг. и завоеваніи Житомира, совсѣмъ игнорируя изысканія объ этомъ проф. Антоновича, Дашкевича и др. историковъ. Зато, съ другой стороны, авторъ умалчиваетъ о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи Житомира, какъ полное его разореніе Менглигиреемъ въ 1481 г., послѣ чего городъ долго не могъ оправиться. Перечень первыхъ намѣстниковъ и старостъ Житомирскихъ неполный и невѣрный. Вообще историч. свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о Житомирѣ за XVI в., крайне блѣдны и сбивчивы. Это происходитъ оттого, что онъ съ чужого голоса повторяетъ отрывочныя извѣстія, почерпнутыя изъ скудныхъ источниковъ. А если бы онъ обратился къ первоисточникамъ и просмотрѣлъ хотя бы подлинныя люстраціи Житомира 1471, 1545, 1552 и др. годовъ, давно изданныя въ Архивѣ Юго-зап. Россіи ч. VII т. 1 и 2, или у г. Яблоновскаго, онъ нашелъ бы тамъ живыя и крайне интересныя подробности о Житомирѣ тѣхъ временъ, съ подробнымъ описаніемъ замка и его вооруженія, числовымъ перечнемъ жителей —земянъ, бояръ и мѣщанъ, съ яркимъ изображеніемъ ихъ бѣдственной жизни подъ вѣчнымъ страхомъ татарскаго вторженія и т. под. Тогда автору не нужно было бы ломиться въ открытую дверь и гипотетически рѣшать такія задачи, для рѣшенія коихъ люстраціи дали бы ему точныя указанія, Такъ, напримѣръ, его очень интересуетъ вопросъ: были ли въ Житомирѣ въ XVI в. православныя церкви и монастыри? Скудные и тощіе источники, какими авторъ располагаетъ, не даютъ на это отвѣта, и ему не остается ничего другого, какъ строить гипотезы: „Трудно предположить, чтобы такой благоустроенный и многолюдный городъ, какимъ былъ Житомиръ въ XV и XVI вѣкахъ, не имѣлъ въ себѣ храма, въ которомъ бы могло совершаться богослуженіе—одно изъ важныхъ условій, удовлетворяющихъ высшей потребности человѣческаго духа"... и проч. Чувствуя однако крайнюю нужду подкрѣпить это благочестивое соображеніе хоть какимъ-нибудь подобіемъ историческаго свидѣтельства, авторъ, какъ утопающій за бритву, хватается за такой подозрительный документъ, на который въ другихъ случаяхъ онъ и самъ совѣстится ссылаться. „На основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ документовъ XVII—XVIII вв. „во градѣ Жити-мирно", т. е. въ Житомирѣ, уже

въ XIII и XIV в. существовали монастыри женскій и два мужескихъ и изъ этихъ послѣднихъ одинъ—„греческимъ обрадіемъ целемъ“ (?!)— не только православный, но собственно греческій монастырь“. Читатель, конечно, въ недоумѣніи: что это за «нѣкоторые рукописные документы XVII—XVIII вв.», повѣствующіе о событіяхъ XIII—XIV вв. такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Поможемъ ему догадаться: это пресловутая „Почадѣвская Лѣтопись“, о которой въ свое время въ нашемъ журналѣ даны были отзывы, какъ о грубомъ и невѣжественномъ фальсификатѣ. [1]) Вспомнивъ объ этомъ, о. Трипольскій скромно оговаривается далѣе: «Достовѣрность этихъ документовъ и сообщаемыхъ ими историческихъ извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ на Волыни *пока* не признана нашей литературной критикой, а потому мы и замалчиваемъ ихъ *до поры до времени*; но тѣмъ не менѣе остаемся при глубокомъ убѣжденіи, что въ г. Житомирѣ съ древнѣйшихъ временъ существовали православные монастыри и храмы». Подчеркнутыя нами въ въ этой цитатѣ выраженія какъ-будто указываютъ на то, что почтенный протоіерей еще не потерялъ надежды доказать достовѣрность Почадѣвской лѣтописи... Суетная эта нужда! Суетна и ссылка въ данномъ случаѣ на эту лѣтопись, ибо мы безъ того достовѣрно знаемъ, что православныя церкви и монастырь точно существовали въ Житомирѣ въ половинѣ XVI в., а можетъ быть и раньше, и свидѣтельство объ этомъ почерпаемъ изъ тѣхъ же люстрацій 1545 и 1552 гг.: тамъ имѣются прямыя указанія на то, что въ Житомирѣ въ то время былъ монастырь Успенскій и церкви: св. Николая, св. Спаса и Рождества Богородицы. Есть тамъ упоминанія и о католическихъ костелахъ, относительно которыхъ нашъ авторъ категорически утверждаетъ, будто ихъ вовсе не было въ Житомирѣ раньше XVIII вѣка: названныя люстраціи, напротивъ, упоминаютъ о костелахъ Матки Божои и св. Миколая, но поясняютъ, что оба они „запустѣли отъ 80 лѣтъ“, т. е. со времени Менглигиреева разоренія. Нашъ авторъ, правда, кое-что черпаетъ и изъ этихъ люстрацій, но не прямо, а изъ третьихъ рукъ, и потому иные факты приводятся имъ въ изуродованномъ видѣ. Такъ онъ говоритъ, будто люстрація Житом. замка въ 1545 г. была произведена *«епископомъ* Луцкимъ

---

[1]) См. двѣ статьи г. Волынца. въ „Кіев. Старинѣ“ 1896 г. октябрь и 1898 г. апрѣль.

Григоріемъ Фальчевскимъ и дворяниномъ королевскимъ *Леономъ Потоцкимъ»*, на самомъ же дѣлѣ ее производили *Юрій* Фальчевскій, *бискупъ* Луцкій и Берестейскій, и *Левъ Потѣй* «дьякъ его королевской милости». — „Изъ этой переписи или такъ называемой *метрики* (пишетъ о. Трипольскій) прежде всего мы узнаемъ, что житомирскіе мѣщане *всѣ подати платили Кіево-печерскому монастырю*". А въ подлинной люстраціи сказано: «семь слугъ замковыхъ,... которые земли господарскія подъ собою маютъ, зъ тыхъ дей земель дани даютъ на монастырь Пречистои Печерскои до Кіева»; да и люстраціи никогда не назывались «метриками»: онѣ лишь вносились люстраторами всякій разъ въ *метрики* литовскую, а впослѣдствіи въ коронную.

Встрѣчаются въ статьѣ о. Трипольскаго и нѣкоторыя странности, въ родѣ слѣдующей. Разсказываетъ онъ, что въ 1766 г. въ Житомирѣ былъ учрежденъ римско-католическій монастырь и при немъ община сестеръ милосердія, такъ называемыхъ шаритокъ, на обязанности которыхъ было призрѣніе и воспитаніе подкидышей, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. «По видимому (замѣчаетъ авторъ), житомирскія сестры милосердія стояли на высотѣ своего призванія и исполняли свое дѣло безукоризненно и съ самоотверженіемъ, *въ духѣ православія и русской народности»* (?!), но потомъ оказалось, что онѣ воспитывали дѣтей въ католическомъ духѣ и крестили подкидышей по латинскому обряду. Да какъ же иначе, когда шаритки сами были католичками и община ихъ состояла при католич. монастырѣ? Какимъ же образомъ онѣ могли бы воспитывать призрѣваемыхъ ими дѣтей „въ духѣ православія и русской народности?"

Въ концѣ статьи своей о. Трипольскій приводитъ подробное описаніе г. Житомира въ половинѣ XIX ст., заимствованное изъ книги Крашевскаго Wieczory Wołyńskie, изд. 1859 г. Это наиболѣе интересная часть статьи, и если бы авторъ выбралъ изъ польскихъ изданій побольше такихъ мемуаровъ о Житомирѣ, предпославъ имъ краткій историческій очеркъ въ родѣ, напримѣръ, того, какой помѣщенъ въ XIV томѣ Słownika Geograficznego, то его трудъ имѣлъ бы бо́льшую цѣну.

—

Другимъ ближайшимъ сотрудникомъ при составленіи 2-го выпуска «Волынскаго Историко-Археологическаго Сборника» является О. А. Фотинскій. Этотъ безкорыстный труженикъ, занимающій скромное положеніе преподавателя въ епархіальномъ женскомъ училищѣ

въ Житомирѣ, своими учеными изслѣдованіями, археологическими экскурсіями и работами по описанію предметовъ, хранящихся въ Вол. Епарх. Древлехранилищѣ, давно уже пріобрѣлъ почетную извѣстность, какъ даровитый, усердный и крайне полезный дѣятель на поприщѣ научной разработки родной ему Волынской старины. Всѣ его работы отличаются вполнѣ научнымъ характеромъ, основательнымъ изученіемъ предмета и значительнымъ литературнымъ дарованіемъ. Тѣми же достоинствами запечатлѣны и двѣ новыя его статьи, помѣщенныя въ Сборникѣ.

Первая изъ нихъ: «Побратимство и чинъ братотворенія». Если не ошибаемся, эта самая работа была доложена авторомъ въ качествѣ реферата на послѣднемъ Археолог. Съѣздѣ. Главныя положенія ея таковы. Обрядъ братотворенія явился лишь церковною санкціею народнаго обычая, свойственнаго всѣмъ народамъ древности. Впервые чинъ братотворенія составленъ въ греческой церкви, вѣроятно, въ VII—VIII вв. Перенесенный въ русскую церковь, этотъ чинъ, первоначально очень краткій, постепенно видоизмѣнялся и пополнялся какъ въ содержаніи молитвословій, такъ и въ обрядности, все болѣе приближаясь по формѣ къ таинству брака. Такъ, побратимовъ ставили въ церкви предъ налоемъ, давали имъ зажженныя свѣчи, іерей связывалъ имъ руки поясомъ, водилъ вокругъ налоя при пѣніи церковныхъ пѣсней, пріобщалъ св. дарами, заставлялъ ихъ цѣловать другъ друга и вкушать вина изъ одной чаши. Это сходство въ обрядности чиновъ братотворенія и таинства брака обусловливалось тождествомъ лежавшей въ основѣ того и другого акта идеи—полнаго духовнаго единенія. Въ одномъ изъ волынскихъ рукописныхъ требниковъ (1403 г.) есть указаніе и на то, что побратимы мѣнялись крестами, какъ то практиковалось въ обычной формѣ побратимства запорожцевъ. Несмотря на то, что восточною церковью побратимство было окончательно запрещено еще въ XIII ст. («ибо оно нерѣдко приводило къ тяжкимъ грѣхамъ»..), на Руси широко распространившійся обычай оказался сильнѣе закона, и чинъ братотворенія продолжалъ переписываться и въ позднѣйшіе вѣка, а въ XVII ст. не рѣдко включался и въ печатные требники (наприм., въ Кіевскій требникъ 1652 г.) Очевидно, мѣстная духовная власть сама находилась въ колебаніи, какъ ей относиться къ глубоко укоренившемуся народному обычаю. Въ библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца хранится рукописный чинъ братотворенія, писанный въ XVIII ст. гдѣ-то въ Кіевщинѣ или Черниговщинѣ, а въ Помянникѣ церкви с. Смедыня, Ковельскаго у., встрѣчаемъ любопытное прошеніе: «помяны, Господи, кумы и побра-

тымы». До настоящаго времени обычай побратимства, съ церковнымъ освященіемъ, сохранился по мѣстамъ въ юго-славянскихъ земляхъ, въ Малороссіи же отголоски этого обычая удержались кое-гдѣ въ видѣ такъ называемаго «еднанья». Авторъ приводитъ не вполнѣ опредѣленныя указанія и на то, что побратимство считалось духовнымъ родствомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ служило препятствіемъ къ браку; быть можетъ, оно сопровождалось извѣстными юридическими правоотношеніями между побратимами и ихъ родственниками. Южно-русскія церковныя братства возникали изъ иныхъ побужденій и потому требовали иного церковнаго чина, отличавшагося крайнею простотою и бѣдностью ритуала; но въ началѣ XIX ст. вступленіе въ братство (у уніатовъ) сопровождалось чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія.

Къ этому интересному изслѣдованію мы можемъ лишь добавить, что въ Луцкой актовой книгѣ 1572 г. намъ встрѣтился документъ, какъ будто подтверждающій догадку почтеннаго автора о томъ, что побратимство, освященное церковнымъ обрядомъ, ставило побратимовъ въ извѣстныя юридическія правоотношенія. Земянинъ Станиславъ Хрустицкій жаловался въ луцкомъ судѣ 27 янв. 1572 г., что его «*церковный братъ*» п. Янъ Незнавскій, не задолго предъ тѣмъ умершій, завѣщалъ ему разныя вещи въ уплату слѣдуемаго долга, но земянинъ Дмитро Яловицкій (очевидно, блзкій родственникъ умершаго) отказался ему показать завѣщаніе и выдать завѣщанное.[1]) Этотъ же самый терминъ «церковный братъ» встрѣтился намъ и въ одной актовой книгѣ полтавскаго полкового суда конца XVII в. Въ апрѣлѣ 1683 г. полтавскій козакъ Гапонъ Карповичъ заявилъ предъ урядомъ, что умершій въ Сѣчи козакъ Леско Бутъ, приходившійся ему «*братомъ церковнымъ названнымъ*», передъ смертью передалъ ему свою волю относительно распоряженія оставшимся въ Полтавѣ домомъ и имуществомъ, и урядъ утвердилъ это распоряженіе такъ, какъ бы оно было выражено въ формѣ письменнаго завѣщанія. Наконецъ напомнимъ, что въ нашемъ журналѣ (1887 г., № 10) былъ напечатанъ формальный актъ побратимства 1801 года, внесенный въ метрическую книгу с. Протопоповки, александрійскаго у., херс. губ., изъ чего можно заключить, что древній обычай братотворенія не исчезъ совершенно еще въ началѣ XIX ст.

Не менѣе интересенъ и другой очеркъ г. Фотинскаго въ нововышедшемъ Сборникѣ: «Обыкновенные люди старой Волыни. Изъ се-

---

[1]) Актовая книга № 2046, л. 55.

мейной хроники двухъ поколѣній дворянъ Загоровскихъ, во второй половинѣ XVI в.». По нашему глубокому убѣжденію, подобные бытовые очерки, умѣло и сколько-нибудь талантливо составленные, должны быть цѣнимы выше иныхъ историческихъ дисертацій, снабженныхъ огромнымъ ученымъ арсеналомъ, но сухо и безжизненно трактующихъ о предметахъ хотя бы и первостепенной важности. Ничто такъ не вводитъ читателя непосредственно въ жизнь отдаленнаго прошлаго, какъ живое изображеніе тогдашнихъ людей, съ ихъ повседневнымъ бытомъ, мелочными житейскими заботами и интересами. Нужды нѣтъ, что это были обыкновенные, заурядные люди, не возвышавшіеся надъ среднимъ уровнемъ своихъ современниковъ, что въ ихъ жизни не было ни громкихъ дѣяній, ни особенно интересныхъ приключеній; но нужно помнить, что такіе обыкновенные люди являются типическими представителями своей эпохи и что они въ своей совокупности и дѣлали собственно исторію своей родины, независимо отъ талантовъ и энергіи отдѣльныхъ руководителей и отъ задавленной, обезличенной народной массы. Но чтобы съ успѣхомъ писать такіе очерки, для этого, кромѣ природнаго таланта, требуется обширное, всестороннее знакомство съ историческою эпохою и предварительное необыкновенно кропотливое изученіе мелкихъ архивныхъ документовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не представляетъ интереса, но въ общей совокупности, подъ рукою мастера, они, подобно мозаическимъ камешкамъ, даютъ живыя, рельефныя изображенія. У г. Фотинскаго имѣются всѣ данныя, чтобы быть такимъ историческимъ живописцемъ: и талантъ, и основательное знаніе исторіи родной ему Волыни, и необыкновенное трудолюбіе. Чтобы составить понятіе о томъ, какой громадный матеріалъ нужно было ему переработать, прежде чѣмъ написать настоящій очеркъ, достаточно одного бѣглаго взгляда на его подстрочныя цитаты: это все ссылки на безчисленные акты и документы самой мелкой цѣны и содержанія, въ родѣ купчихъ, продажныхъ, заставныхъ записей, дѣльчихъ, вѣновныхъ листовъ, жалобъ, декретовъ и т. д. Часть этихъ матеріаловъ г. Фотинскій нашелъ у себя подъ руками, въ библіотекѣ Вол. епарх. Древлехранилища, но огромное большинство ихъ хранится въ актовыхъ книгахъ Кіев. Центр. Архива, и такъ какъ авторъ былъ лишенъ возможности работать въ самомъ Архивѣ, то ему оставалось главнымъ образомъ пользоваться печатными Описями актовыхъ книгъ, гдѣ обозначено лишь вкратцѣ содержаніе актовъ, но не

приводятся подробности, нерѣдко весьма характерныя. Сверхъ того, интересовавшіе автора матеріалы о Загоровскихъ имѣются не въ однихъ Луцкихъ актовыхъ книгахъ, Описи которыхъ отчасти изданы, но и въ книгахъ Владимирскихъ, Кременецкихъ и др., коихъ описи еще не опубликованы. Мы лично давно заинтересованы исторіей рода Загоровскихъ и въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ Кіев. Центр. Архивѣ успѣли скопить огромный матеріалъ, сличая который съ очеркомъ г. Фотинскаго, приходимъ къ заключенію, что многіе факты и подробности изъ жизни его героевъ остаются ему еще неизвѣстными. Говоримъ объ этомъ отнюдь не въ осужденіе работы симпатичнаго намъ автора, и безъ того полной и прекрасной, а съ цѣлью лишь показать читателямъ, какое безпредѣльное богатство для бытовой исторіи заключается въ актовыхъ книгахъ, и вмѣстѣ поскорбѣть о томъ, что такъ мало работниковъ, которые желали бы трудиться надъ этимъ богатымъ матеріаломъ. Что же касается г. Фотинскаго, то, повторяемъ, ему дѣлаетъ еще бо́льшую честь то обстоятельство, что онъ лишенный возможности пользоваться сполна имѣющимся налицо матеріаломъ, съумѣлъ однако нарисовать въ высшей степени живые и рельефные портреты волынскихъ земянъ XVI в. Лично мы не согласились бы съ нимъ въ одномъ лишь пунктѣ: почему онъ полагаетъ, что епископъ Ѳеодосій Лозовскій изрекъ извѣстный декретъ по дѣлу между двумя женами Вас. Загоровскаго, будучи подкупленъ княжною Чорторыйскою? Вѣдь та „таинственная цедула", которую ея повѣренный вручилъ суду открыто, на глазахъ у противной стороны и многочисленныхъ свидѣтелей, навѣрное заключала въ себѣ, какъ и заявлялось при этомъ, какія-то выписки изъ церковныхъ каноновъ, а отнюдь не взятку или посулу, какъ склоненъ подозрѣвать авторъ. Мы согласны съ нимъ, что епископъ Лозовскій былъ такой человѣкъ, котораго не трудно было подкупить, но умный повѣренный ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы такого промаха, что бы открыто, на судѣ, поднести взятку председателю, а не вручить ему ее келейно. Да и приговоръ духовнаго суда былъ такого рода, что любой епископъ того времени могъ произнести его безъ всякаго подкупа, по искреннему убѣжденію. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что декретъ Лозовскаго хотя и былъ противной стороною опротестованъ, но никакимъ судомъ впослѣдствіи не былъ отмѣненъ, и обѣ жены Загоровскаго такъ и жизнь свою

окончили, нося его фамилію и пользуясь сопряженными съ этимъ правами.

Еще одно мелкое замѣчаніе: зачѣмъ почтенный авторъ фамиліи князей Чорторыйскихъ и Потѣя пишетъ въ позднѣйшей ополяченной формѣ: «Чарторыйскіе», «Ипатій Поцѣй?» Имѣя дѣло съ подлинными историческими актами, онъ вѣдь хорошо знаетъ, какъ эти фамиліи писались въ XVI—XVII ст. Нѣтъ нужды и намъ измѣнять на польскій ладъ эти (и другія) фамиліи, разъ мы ведемъ рѣчь о людяхъ тѣхъ вѣковъ, а не объ ихъ ополяченныхъ потомкахъ.

—

Въ томъ же Сборникѣ имѣется статья М. П. Истомина: «Наброски по иконографіи Волынскаго Древлехранилища въ г. Житомирѣ». Это тоже извлеченіе изъ реферата, читаннаго авторомъ на XI Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, только тамъ была рѣчь вообще о Волынской иконографіи, а въ настоящей статьѣ—исключительно о тѣхъ старинныхъ иконахъ, которыя собраны въ Древлехранилищѣ. Среди нихъ изслѣдователь различаетъ два типа: 1) сравнительно очень небольшой отдѣлъ, представляющій композиціи, сдѣланныя по византійскимъ образцамъ, и 2) значительно большій, съ яснымъ оттѣнкомъ западнаго вліянія композицій, въ духѣ мастеровъ отчасти итальянскихъ, но главнымъ образомъ нѣмецкихъ и даже фламандскихъ школъ живописи. Наряду съ этимъ встрѣчаются нерѣдко изображенія переходного типа, композиція которыхъ въ своей основѣ византійская, но техническое исполненіе носитъ уже на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ заключеніе изслѣдователь указываетъ на крупный иконографическій пробѣлъ Древлехранилища—бѣдность изображеній съ ясно выраженнымъ народнымъ колоритомъ. Только двѣ иконы Богоматери—одна съ изображеніемъ строителя иконы, «ткача Яна Вербскаго» съ женою и дочерью, и другая, съ изображеніемъ колѣнопреклоненнаго пана, даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи народнаго костюма. Сюда же можетъ быть отнесена серебряная привѣска (изъ г. Ковля) съ изображеніемъ вола и надписью: «Року 1711 былло барзо здыхало. Пріими офѣру, Чистая Дѣво Мати, вола срибного, ратуй остатокъ былла у людей и у мене бидного». И это все. Между тѣмъ, судя по личнымъ наблюденіямъ автора при обозрѣніи церквей на Волыни, народная струя здѣсь весьма сильно и рельефно пробивается въ трактовкѣ многихъ иконографическихъ сюжетовъ, напр. въ изображеніяхъ св. великомученицы Варвары и особенно въ картинахъ

Страшнаго суда.—Въ виду спеціальнаго сюжета статьи, касающагося такой сравнительно мало еще изслѣдованной области, какъ иконографія, мы воздерживаемся отъ оцѣнки наблюденій г. Истомина, но признаемъ справедливымъ отдать ему должную честь, какъ первому изслѣдователю въ области западно-русской иконографіи. Къ сожалѣнію, у насъ такъ еще велика область предметовъ, научно пока неизслѣдованныхъ, что мы должны съ благодарностью привѣтствовать каждое начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Многое ли намъ извѣстно, напримѣръ, о томъ, что въ сущности представляетъ собою старинная малороссійская архитектура нашихъ храмовъ, со дня на день исчезающая и повсемѣстно замѣняемая до тошноты однообразнымъ казеннымъ фасономъ? Что это за стиль, подъ какимъ онъ вліяніемъ образовался? Есть у насъ на Волыни и въ Подоліи древніе замки и другіе памятники старинной архитектуры: но кто научно занимается ихъ изученіемъ? А наша дивная церковная музыка, такъ сильно захватывающая насъ въ хоровыхъ переложеніяхъ Турчанинова и Бортнянскаго и въ безыскусственномъ исполненіи кіево-печерскихъ монаховъ! Она ещ лѣтъ 30 назадъ была жива и въ нашихъ селахъ, въ устахъ старинныхъ дьячковъ, но съ учрежденіемъ псаломщичества умолкли навѣки ихъ оригинальные напѣвы и смѣнились невѣжественнымъ козлогласіемъ. Къ счастью, древность передала намъ богатый запасъ старопечатныхъ и болѣе древнихъ рукописныхъ ирмологіевъ, гдѣ южнорусскіе напѣвы увѣковѣчены нотными знаками. Кто же у насъ занимается изученіемъ всего этого? Кто въ состояніи объяснить: откуда пришли къ намъ эти чудные, якобы греческіе и болгарскіе распѣвы, когда ни въ современной Греціи и Болгаріи, ни на христіанскомъ востокѣ, ни въ какомъ иномъ мѣстѣ христіанскаго міра нѣтъ ничего сколько нибудь похожаго на наши чудныя церковныя мелодіи? А если эти напѣвы сложились у насъ же дома, то какъ велико было участіе въ ихъ образованіи народной музыки сравнительно съ иноземнымъ вліяніемъ, и какимъ именно? Всѣ эти интересныя задачи, столь важныя въ дѣлѣ историческаго изученія нашей культуры, еще ждутъ рѣшенія.

Въ заключительномъ отдѣлѣ Сборника, названномъ Miscelanea, помѣщены документы и другіе матеріалы, относящіеся къ исторіи монастырей: Загоровскаго, Дерманскаго, Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и одинъ документъ (по забывчивости издателей не датированный), относящійся къ исторіи церкви с. Подборецъ, дуб. у.,

и бывшаго здѣсь уніатскаго женскаго монастыря. Историческій интересъ этихъ матеріаловъ различной цѣнности, но худо то, что всѣ они напечатаны съ такимъ обиліемъ грубыхъ опечатокъ, что для исправленія ихъ пришлось прибавить четыре съ лишнимъ страницы поправокъ.

Оканчивая оцѣнку Волынскаго Сборника, мы по справедливости должны признать это изданіе цѣннымъ, полезнымъ, вносящимъ немалую лепту въ сокровищницу научнаго изученія исторіи Волыни. Отмѣченные нами кое-какіе недочеты и промахи не ослабляютъ этого приговора ,ибо не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А духовенству Волынской, какъ и Подольской, губ. надо отдать полную справедливость, что оно стремится дѣлать и, что можетъ, дѣлаетъ для изученія края. И въ Житомирѣ, и въ Каменцѣ давно учреждены епархіальныя древлехранилища, куда постоянно стекаются всякаго рода остатки старины, которые безъ этого были бы обречены на гибель. Вокругъ этихъ хранилищъ естественно группируются лица, съ усердіемъ и любовью работающія на пользу родной исторіи, учреждаются изданія, гдѣ печатаются не одни матеріалы, но и по временамъ очень цѣнныя изслѣдованія и даже капитальные труды, въ родѣ недавно вышедшаго Историческаго описанія приходовъ и церквей Подольской губ. И съ любовью оглядываясь съ высоты Кіевскихъ горъ на эти пока еще немноголюдные кружки усердныхъ работниковъ, невольно переводишь взоръ на востокъ и сѣверъ, въ даль степного Заднѣпровья, и спрашиваешь: а что же дѣлается тамъ, въ предѣлахъ древняго Черниговскаго княжества и Сѣверской земли, а равно и тамъ, на берегахъ Ворсклы, „де Шведъ полигъ головою“? Учреждаются ли и тамъ епархіальныя древлехранилища, собираются ли и изучаются памятники старины? Организуются ли церковно-археологическія общества, какъ на Волыни, или историко статистическіе комитеты, какъ въ Каменцѣ? Увы! Нѣтъ тамъ ни древлехранилищъ, ни обществъ, ни комитетовъ, и кромѣ жиденькихъ Епарх. Вѣдомостей, ничего другого не издается. А казалось бы, и образованныхъ людей въ Полтавѣ и Черниговѣ ни чуть не меньше, чѣмъ въ Каменцѣ или Житомирѣ, и собирать и изучать имъ было бы что. За чѣмъ же остановка? За иниціативой: нѣтъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу людей, а то бы дѣло сразу закипѣло... Признаемся, грустно и стыдно намъ становится за нашихъ лѣвобережныхъ земляковъ, и ѣмъ съ болѣе горячимъ сочувствіемъ мы привѣтствуемъ правобереж-

ныхъ тружениковъ на поприщѣ разработки дорогой намъ всѣмъ исторіи родного края.

Ор. Левицкій.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. *Съ 1 октября 1900 г. по 1 октября 1901 г. подъ редакціей директора коллегіи А. I. Степовича, годъ 6-й.*

1901-й годъ для Коллегіи юбилейный (Коллегія прожила 30 лѣтъ), а потому и матеріаловъ въ Ежегодникѣ этого года значительно больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Изъ такихъ матеріаловъ особенно любопытенъ разсказъ о зарожденіи Ежегодника. Мысль такого изданія, съ оплачиваемою полистною платою авторамъ, принадлежитъ нынѣшнему директору Коллегіи, который предполагалъ еще, кромѣ Ежегодника, «выпускать ученыя и литературныя работы преподавателей отдѣльными книгами». Мысль эта была одобрена почетною попечительницею, которая скоро скончалась и не успѣла назначить особой суммы для выполненія этой задачи. Изъ Ежегодника не видно, какъ относится теперь правленіе и совѣтъ Коллегіи къ этому изданію; составитель же записки разсказываетъ, что хотя арендаторъ одного изъ имѣній Коллегіи Н. А. Степунинъ «внесъ на этотъ предметъ 1000 р. (въ качествѣ дара?), но «рѣшеніе вопроса въ указанномъ смыслѣ»» можетъ быть только тогда, «когда сама Коллегія найдетъ для этого средства». Цитатами изъ «Русской Школы», «Русскаго Богатства», «Ж. М. Нр. Просвѣщенія», «Новаго Времени» доказывается необходимость существованія «Ежегодника», занявшаго въ литературѣ опредѣленное мѣсто.

Неоффиціальная часть въ отчетномъ году состоитъ: 1) изъ статей гг. Александровскаго, Альдингера и Степовича, 2) матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ «Матеріалы» напечатано: 1) Свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ курсъ въ Коллегіи за время 1875—1900 г.. Свѣдѣнія эти довольно скудны и—что хуже всего—не лишены ошибокъ; для примѣра хотя бы взять бывшаго воспитанника Коллегіи, а теперь члена ея совѣта А. С. Турчанинова, который въ одномъ мѣстѣ названъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (стр. 34), а въ другомъ — совѣтникомъ губернскаго правленія (стр. 134).

2) Два списка — одинъ окончившихъ Коллегію по выпускамъ, а другой — всѣхъ учившихся въ прошедшій 30-лѣтній періодъ. Первый списокъ составленъ правильно, потому что въ канцеляріи Коллегіи есть за каждый годъ «Дѣло» о выпускныхъ воспитанникахъ; второй же страдаетъ погрѣшностями. 3) Списокъ всѣхъ служившихъ въ Коллегіи за время 1871—1901 г., а также свѣдѣнія о директорахъ и воспитателяхъ; въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего новаго не приведено—все уже было печатаемо въ прежнихъ Ежегодникахъ. Единственная новинка—это подробная, и на этотъ разъ спокойная, біографія бывшаго директора Коллегіи Н. С. Шафранова. 4) За то совершенною новинкою, хотя и мало понятною, является «Опись книгъ и другихъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ Коллегіи Павла Галагана». Что это за музей, когда онъ возникъ, каково его назначеніе, мы никакъ не могли уловить ни изъ «описи книгъ», ни изъ перечня «предметовъ по ручному труду» (напр.: совокъ, пестикъ, топорище и др.).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) письмо Г. П. Галагана къ дядѣ его о дворянскихъ выборахъ въ 1848 г. въ Черниговѣ, съ примѣчаніями А. М. Лазаревскаго; 2) двѣ записки 1869 г. по вопросу объ устройствѣ Коллегіи, и 3) Изъ первыхъ лѣтъ жизни Коллегіи.

Въ своемъ письмѣ Г. П. Галаганъ разсказываетъ о выборахъ въ губернскіе предводители Н. П. Бороздны, вмѣсто бывшаго Я. И. Борковскаго, на котораго были недовольны дворяне за то, что онъ сдалъ подряды на проводимое шоссе не имъ, а жидамъ. Записки по вопросу объ устройствѣ Коллегіи наполнены предположеніями, какова должна быть Коллегія—среднее или высшее учебное заведеніе, съ *тюторами* или безъ нихъ. Третья замѣтка пытается объяснить нѣкоторыя измѣненія въ Коллегіи послѣ смѣны перваго учебно-воспитательнаго персонала; но написана она безъ особенной колоритности, а потому слабо выясняетъ существо дѣла.

Что касается денежныхъ ресурсовъ Коллегіи, то она въ этомъ отношеніи находится въ блестательномъ положеніи, имѣя въ 1900 г. доходу 143,966 р., а расходу 72,585 р., при чемъ одни имѣнія дали въ 1900 г. 59,140 р., при расходѣ въ 21,058 р. Имѣетъ Коллегія и свою дачу въ г. Козельцѣ—Покорщину, содержаніе которой обошлось въ 1356 р. Дачею владѣетъ въ учебномъ округѣ единственная Коллегія, а потому очень бы интересно было знать, сколько тамъ прожи-

ваетъ лѣтомъ воспитанниковъ, какъ обставлена ихъ жизнь, занятія. Къ сожалѣнію, Ежегодникъ ни словомъ не обмолвился по этому вопросу.

Ежегодникъ снабженъ фотографическими снимками видовъ имѣній Коллегіи, а на первой страницѣ приведенъ краткій некрологъ безвременно сошедшаго въ могилу воспитателя В. С. Рыбинскаго.

III.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портретами). *Кіевъ, 1901 г., стр. 1—191, in 16⁰. Цѣна 65 коп.*

Исторія украинскаго театра, какъ извѣстно, очень слабо пока разработана. Въ то время какъ область исторіи, этнографіи, изящной литературы, археологіи въ послѣднія 2—3 десятилѣтія обогатилась огромнымъ количествомъ матеріала, въ значительномъ большинствѣ еще не обработаннаго научно, исторія украинскаго театра, первыя основы котораго относятся еще къ XVII столѣтію, не имѣетъ и донынѣ ни одного болѣе или менѣе солиднаго историческаго очерка, не обладаетъ никакими готовыми матеріалами, вслѣдствіе чего и не удивительно, что всякому, у кого явилась-бы счастливая мысль заняться этимъ вопросомъ, пришлось-бы утонуть въ необозримомъ морѣ журнальной, газетной и книжной литературы за весь періодъ существованія украинскаго театра. Если и являются попытки коснуться данной области, то онѣ ограничиваются опредѣленной, небольшой темой (напр. „О малорусской драмѣ“ Катранова, Одесса 1898 г.), или касаются совершенно частныхъ случаевъ изъ театральной жизни. Донынѣ, какъ наиболѣе полный, сравнительно съ широкими задачами, очеркъ, можно указать на недавно вышедшую въ Черниговѣ (въ 1900 г.) книжку Б. Д. Гринченка „Народный театръ“, въ которой авторъ, руководствуясь сообщеніями, устными и письменными, различныхъ лицъ, а также нѣкоторыми извѣстіями объ украинскихъ спектакляхъ изъ газетъ и журналовъ, даетъ рядъ интересныхъ картинъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи народа къ спектаклямъ, и въ заключеніе предлагаетъ читателю рядъ пьесъ, какія, по мнѣнію автора, наиболѣе удобны для народной сцены, а какія нѣтъ.

Но и въ очеркѣ г. Гринченка темой взята узкая область—интересъ зрителей изъ народа къ извѣстнымъ пьесамъ и затѣмъ достоинства или недостатки пьесъ въ примѣненіи къ народному театру...

Разсматриваемая нами книга выгодно отличается отъ упомянутыхъ выше тѣмъ, что въ ней впервые данъ, хотя и краткій, но цѣльный историческій очеркъ судебъ украинскаго театра отъ первыхъ шаговъ его развитія въ XVII ст. до 1901 г.,—судебъ, нерѣдко поучительныхъ и достойныхъ удивленія. Авторъ очерка, въ зависимости отъ матеріала, естественно болѣе подробно и ярко освѣщаетъ исторію театра въ послѣднія три десятилѣтія, какъ возрожденнаго и поставленнаго на прочную основу нынѣ дѣйствующими на томъ же поприщѣ «корифеями»: М. П. Старицкимъ, М. Л. Кропивницкимъ, Н. В. Лисенкомъ, М. К. Заньковецкой, И. К., Н. К. и А. К. Тобилевичами (Карпенко-Карый, Садовскій, Саксаганскій). Очеркъ имѣетъ еще бо́льшую цѣну благодаря тому, что, помимо данныхъ литературы, авторъ, какъ мы слышали, обращался за болѣе точными свѣдѣніями лично къ главнымъ дѣятелямъ, и этимъ путемъ достигъ въ своей статьѣ возможной полноты, сообщая нерѣдко любопытные эпизоды, о которыхъ люди новаго поколѣнія, пожалуй, могутъ сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

За исторической статьей слѣдуютъ 8 критико-біографическихъ очерковъ, посвященныхъ упомянутымъ выше «корифеямъ», съ добавленіемъ еще г-жи Затыркевичъ-Карпинской. Всѣ очерки написаны тепло, задушевно. Очерки эти, повидимому, составлены не однимъ лицомъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ разница стиля, способа изложенія и т. п. Біографическій очеркъ, посвященный Н. В. Лисенку, написанъ несомнѣнно лицомъ, хорошо знающимъ украинскую музыку и искреннимъ любителемъ ея.

Вообще же книга издана изящно, на хорошей бумагѣ. Портреты 8 дѣятелей-«корифеевъ» исполнены художественно.

В. Д.

Сатаныньська помста. *Драма въ 4 діяхъ.* (З нотами для спививъ). Соч. Г. И. Михновскаго. Муз. І. Т. Бѣлавина и др. У Черкассахъ, 1898. Друкарня В. В. Колодочкы, стр. 56+19.

Три года тому назадъ нѣкій Г. Михновскій напечаталъ отдѣльной книжечкой, очень мало распространенной, драму—жестокую

драму!... По крайней мѣрѣ все то, что должно сопровождать драму, находится на-лицо въ огромномъ изобиліи: три убійства (четвертое не удалось), измѣна, ядъ, кинжалъ, злобная ревность и проч. Однако изъ драмы г. Михновскаго можно бы состряпать веселый водевиль, озаглавивъ, напримѣръ: «Кумедни полтавци», або «Чи буває такее на свити?». Есть забавный водевиль г. Самійленка: «Драма безъ горилки», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, старый украинскій литераторъ, патріотъ Гавкунъ, поучаетъ молодыхъ, какъ надо писать истинную драму. «Не можна пидняты завису й зразу спиваты, а треба напрыкладъ такъ: зависа пидіймается; якыйсь часъ на сцени мовчать. Дали одынъ каже: «А чы не заспиваты намъ, Иване, бо на души неначе чорты горохъ молотять?» А другый ёму видказуе: «Справди, треба заспиваты, Петре, бо й у мене на серци не мовъ собакы загрызлысь». «То й заспиваймо,—каже Петро: тоди нашу тугу наче лызень злыже». Отъ и втнуть веселои писни... Танци тежъ зручно треба вводыты и мотывуваты кожный разъ. Напрыкладъ такъ: маты сыдыть пряде, а дочка сыдыть плаче, бо вырядыла мылого въ далеку дорогу. Маты каже: «Зажурылась ты, доню, рвется твое серденько зъ тугы. Ось ударь лышень гопака—заразъ на души полегшае». Отъ дочка и потанцюе, и т. д..

По г. Михновскій превзошелъ даже Гавкуна. Прежде всего, у него поднимаютъ занавѣсъ и сразу поютъ «засвысталы козаченькы». Но паробку Мыкитѣ она не нравится: «Катъ батька зна, що вы робыте! И затяглы якусь похоронну! Невже жъ мы кого хоронымо, чы въ походъ збираемось? Отъ ну-те лучче вжарьте такои, щобъ ажъ жыжкы затрусылысь!» Но козаки, по совѣту дѣда Охрима, поютъ все же «Закувала та сыза зозуля». Тутъ появляется на сцену парубокъ Панасъ; онъ изнываетъ отъ злобной ревности къ Марусѣ, которая промѣняла его на Грицька, и тяжко клянетъ своего соперника. Этотъ монологъ, конечно, подслушалъ Омелько, дидъ-знахарь—не простой знахарь, а чортовъ братъ, который не можетъ даже слышать имени Божьяго: оно для него «страшне, та й чортяка цёго не любыть». Панасъ обращается къ дѣду за помощью. Дѣдъ весьма охотно берется оказать одолженіе, совѣтуетъ Панасу не бояться чорта—«чортяка зла тому не робыть, хто его самъ хоче зробыть», и тутъ же приходитъ въ восторгъ отъ своего успѣха: «ище одного затягъ у пекло!». На другой день Панасъ является къ знахарю въ хату. Въ хатѣ послѣдняго «по стинамъ порозвишувани пучкы сухого зилля. На прыпичку

китъ. Посередъ—каминь, на йому черепъ и мертва гадюка. Темно. Гримъ и *молнія*» Дальше слѣдуетъ такая восхитительная картина, которую можно достаточно оцѣнить только въ оригиналѣ.

Картына перва.

Омелько. (Торжественно). Ну, цыть! Прыготовся. Зразу явытся той... той, кого вси боятся.

Панасъ. Дидусю, мени страшно!

Омелько. Не бійся, я казавъ тоби, що сатана зла тому не робе, хто ёго хоче самъ зробыть. Ну, цыть... я чую... чую, що винъ ось блызько... чую, чую—ось винъ йде.

(Спива) О ты, круторогый,
Явысь передъ намы,
Явысь, покажыся,
Отъ зла не верныся.

Картына втора.

(Чуты страшный гримъ. Блыщыть (!) молнія. Задня стина хаты рушытся. Выдни горы. На скели стоить сатана. Все небо красне). Появляется сатана. Онъ оказывается особой съ высшими вкусами, и иначе какъ по-русски не говоритъ:

Сатана (*спива*). Зачѣмъ зовешь меня народъ?
Народъ бо грѣшный суетливый.
Зачѣмъ я нуженъ вамъ—скажи,
Открой всю правду, разскажи!»

Слѣдуетъ объясненіе Панаса съ сатаной; но прежде чѣмъ рѣшиться на послѣднее, Панасъ долженъ былъ проговорить «въ бикъ» получасовой монологъ о своемъ великомъ грѣхѣ—продать чорту душу. Что въ теченіе этого времени долженъ дѣлать сатана—авторъ не указываетъ. Наконецъ, сатана бросаетъ Панасу ножъ, со словами, свидѣтельствующими о весьма плохомъ поэтическомъ его талантѣ:

«Вотъ на тебѣ ножъ!
Ты имъ врага поразишъ.
Смотри же, душа моя
Твоя душа—моя: ха-ха-ха-ха!

Съ громомъ и молніей проваливается).

Далѣе, дѣло совершенно ясно: Панасъ беретъ сатанинскій ножъ, подкарауливаетъ на свиданіи влюбленныхъ и закалываетъ, самъ же принимаетъ ядъ и умираетъ. Была попытка заколоть еще и знахаря, да его, какъ брата сатаны, не беретъ ножъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что volens-nolens—надо назвать содержаніемъ «драмы» г. Михновскаго. Есть еще много перловъ и помимо главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ дьяка Стратилата, но сколько бы мы еще ни открывали новыхъ достоинствъ пьесы, того, что было до сихъ поръ отмѣчено, достаточно вполнѣ для созданія безсмертной славы и нашему автору и его драмѣ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 10; 2) Русская старина № 10; 3) Историческій Вѣстникъ № 10; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10; 6) Вѣстникъ Европы № 10: 7) Русская Мысль № 10; 8) Научное Обозрѣніе № 10; 9) Труды Кіевск. Духовн. Академіи № 10; 10) Міръ Божій № 10; 11) Книжки Восхода № 9; 12) Кіевск. Универс. Извѣстія № 9 и 10; 13) Ученыя Записки Императ. Казан. Универс. № 9; 14) Варшавскія Универс. Извѣстія № 5; 15) Русск. Филолог. Вѣстн, № 3—4; 16) Земскій Сборникъ Черниг. губ. № 9; 17) Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этнографіи при Императ. Казан. Универс. Т. XVII, вып. 4; 18) Литерат. Науковый Вистныкъ № 10; 19) Biblioteka Warszaw. № 10; 20) Wisła № 5; 21) Kwartalnik Historyczny № 2—3; 22) Przewodnik naukowy i literacki, № 10; 23) Slovansky Přehled, № 1.

Русскій Архивъ № 10.

Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 254—256). На поляхъ книги «Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. (Муравьеву) 1832—1867 г. Кіевъ 1869 г.» сдѣлано княземъ П. А. Вяземскимъ нѣсколько замѣтокъ подтверждающихъ ту характеристику А. Н. Муравьева, которая видна изъ статьи о немъ, помѣщенной у насъ въ № 10 текущаго

года. Вотъ для образчика одно такое замѣчаніе князя П. А. Вяземскаго: «Муравьевъ такъ и просится въ церковные оберъ-полицій-мейстеры».

Въ «Указатель къ дневнику Храповицкаго» (стр. 287), по поводу плаванія по Днѣпру Екатерины 2-ой, есть примѣчаніе о томъ, какъ, по свидѣтельству М. А. Максимовича, воспоминаніе объ этомъ плаваніи долго сохранялось въ народной памяти, послуживъ даже къ созданію народной поговорки: «якъ царыця Днипромъ ишла да гришмы сыпала». «Съ другой стороны—прибавлено въ примѣчаніи—озлобленный Шевченко писалъ:

Якъ тая царыця
Злая вовчыця,
Лютый *воронъ* (sic) Украины».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что намъ извѣстны тѣ мѣста въ стихотвореніяхъ Шевченка, гдѣ онъ говоритъ объ Императрицѣ Екатеринѣ 2-ой, но такихъ строчекъ мы тамъ не встрѣчали.

—

Русская Старина № 10.

На стр. 206-ой напечатано *«Высочайшее повелѣніе министру финансовъ 4-го мая 1816 года»*, касающееся улучшенія быта крестьянъ въ Новороссіи. «Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣнивають ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ пріумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обработывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или разселить крестьянъ по удобности земель. Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ черезъ комитетъ министровъ".

—

Историческій Вѣстникъ № 10.

Въ *«Запискахъ Н. И. Мамаева»* (стр. 46—72) разсказывается о времени его служенія въ качествѣ адъютанта при Волынскомъ гу-

бернаторѣ Лашкаревѣ въ 1839 году, при чемъ встрѣчаются интересныя страницы: объ арестѣ Прушанскаго, одного изъ сообщниковъ Конарскаго, о правителѣ канцеляріи генералъ-губернатора Писаревѣ, о секретныхъ суммахъ, а также объ обвиненіи самого Мамаева въ участіи въ тайномъ обществѣ Конарскаго.

Памяти академиковъ М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова, статья *В. Е. Рудакова* (стр. 195—208), сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія и библіографическія указанія объ ученыхъ трудахъ недавно скончавшихся нашихъ академиковъ.

Въ столицѣ Галицкой Руси, статья *Г. А. Воробьева* (стр. 283—313), больше обѣщаетъ стоящими въ скобкахъ словами: «историко-археологическіе очерки Львова», чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. Это есть передача бѣглыхъ впечатлѣній при осмотрѣ города, съ крохотными справками изъ исторіи того или другого храма или зданія.

—

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. № 10.

Въ отдѣлѣ *Критики и библіографіи* напечатана обширная статья *М. Довнаръ-Запольскаго* по поводу книги *Матвѣя Любавскаго*: „Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма" Москв. 1901 г. (стр. 454—498).

В. Латышевъ. «Къ церковной археологіи Херсониса» (стр. 15—22). Въ статьѣ этой идетъ рѣчь объ интересномъ памятникѣ византійской эпохи (обломокъ мраморной плиты съ изображеніемъ хожденія Спасителя по водамъ), найденномъ въ 1896 году въ Херсонисѣ и первоначально описанномъ В. Латышевымъ въ 23 выпускѣ «Матеріаловъ по археологіи Россіи». Теперь авторъ, пользуясь извѣстіями о другомъ аналогичномъ памятникѣ, описанномъ французскимъ археологомъ E. Michon'омъ, исправляетъ нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ его первоначальное описаніе.

—

Русская Мысль № 10.

Н. И. Стороженко. „По поводу тридцатилѣтія его научно-литературной дѣятельности"—статья *П. Когана.* Авторъ указываетъ на заслуги Н. И. Стороженка, какъ ученаго, который всегда являются поборникомъ прекраснѣйшихъ идеаловъ нашего времени, который всегда оказывается отзывчивымъ на все служащее добрымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Главная заслуга Н. И. Стороженка, какъ уче-

наго, состоитъ въ томъ, что онъ всѣ свои изслѣдованія въ области изучаемаго художественнаго творенія умѣетъ сочетать съ живой вѣрой въ прогрессъ. Болѣе всего останавливается авторъ статьи на значеніи работъ Н. И. Стороженка по изученію Шекспира и предшествовавшей ему драмы. (стр. 105—118).

Въ *Библіографич. отдѣлѣ* данъ коротенькій отзывъ о книгѣ *Гринченка*: «Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. I. Черниговъ 1900 г.».

Научное Обозрѣніе № 10.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (стр. 93—114). Окончаніе.

На основаніи разбора произведеній Котляревскаго, авторъ характеризуетъ его какъ идеолога козачества и частной козацкой собственности, открыто высказывавшаго симпатіи къ угнетенной крѣпостной массѣ лишь въ первый періодъ своей дѣятельности. Выводы г. Стешенка о значеніи дѣятельности Котляревскаго выражаются въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ его труда: «Съ своими типическими воззрѣніями К—скій стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ исторіи Украйны: онъ заканчиваетъ козацкій періодъ послѣдней, имъ же и идеализированный, и открываетъ собою идеализацію крѣпостного населенія, которой начинается другой періодъ развитія нашего общества. Въ этомъ смыслѣ роль его въ упомянутый періодъ ровно такова, какъ и роль Шевченка, закончившаго собою крѣпостной періодъ: оба они отражаютъ въ своей поэзіи основныя теченія эпохи въ самомъ высокомъ смыслѣ и, если не по таланту, то по общественному своему значенію являются почти одинаково великими» (стр. 110). Къ сожалѣнію положенія, доказательства и выводы г. Стешенка страдаютъ искусственностью и натянутостью, а «классовая психика» Котляревскаго не достаточно выяснена.

Въ приложеніи напечатаны документы, относящіеся къ Котляревскому, извлеченные г. Стешенкомъ изъ архива Полтавскаго губернскаго земства: 1) дѣло объ опредѣленіи надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ капитана Котляревскаго; 2) дѣло о удостоеніи къ награжденію орденскимъ знакомъ надзирателя Котляревскаго и попечителя Сементовскаго, и 3) дѣло о смерти попечителя Полтавскаго богоугоднаго заведенія Левицкаго и объ опредѣленіи на

мѣсто его попечителемъ маіора Котляревскаго. Всѣ три «дѣла» содержатъ 28 документовъ о служебной дѣятельности Котляревскаго.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—10.

М. Владимірскій-Будановъ. Рецензія на сочиненіе *М. Н. Ясинскаго*: «Главный Литовскій Трибуналъ» (вып. I. Происхожденіе Главн. Литовскаго Трибунала). Сочиненіе М. Ясинскаго въ этой статьѣ рецензируется, какъ представленное для полученія степени магистра уголовнаго права (№ 9, стр. 1—26).

М. Довнаръ-Запольскій. «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ» (продолженіе: № 9, стр. 487—582; № 10, стр. 583—665). Въ № 9 заканчивается 4-ая глава—о косвенныхъ налогахъ. Здѣсь авторъ сначала разсматриваетъ скарбовые доходы отъ монополій (воскъ, соль и лѣсные товары), а затѣмъ обращается къ внѣшнимъ таможеннымъ пошлинамъ—тарифы на разные товары, къ льготамъ и привилеямъ населенія по платежу мытъ, къ устройству и управленію таможенъ, и, наконецъ, опредѣляетъ таможенные доходы. Въ № 10-мъ помѣщена 5-ая глава—о монетныхъ регаліяхъ, 6-ая глава—о земскихъ податяхъ и повинностяхъ. Такъ какъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ и податяхъ очень сложный и разбивается на много отдѣльныхъ разновидностей, то авторъ прежде всего разсматриваетъ происхожденіе и развитіе земскаго обложенія, въ связи съ отличіями въ дѣлѣ повинностнаго обложенія разныхъ сословій. Для этого разсматриваются авторомъ сначала формы служилаго землевладѣнія, а затѣмъ уже отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.

В. Чаговецъ. Жизнь и сочиненія преподобнаго Ѳеодосія (продолженіе, № 10, стр. 123—149). Разсмотрѣвъ въ первой части своего труда (№ 7 и 8) извѣстное поученіе о казняхъ Божіихъ, приписываемое Ѳеодосію, и выяснивъ тѣ источники, на основаніи которыхъ составлено это поученіе, авторъ устанавливаетъ теперь свое окончательное сужденіе по вопросу о принадлежности поученія Ѳеодосію. Оказывается, что это поученіе, состоящее изъ трехъ частей, не представляетъ самостоятельнаго изложенія ни въ одной изъ нихъ, а только кѣмъ-то сведены три эти части въ одно *слово*. Г. Чаговецъ, на основаніи многихъ, очень вѣскихъ, доводовъ, приходитъ къ заключенію, высказывавшемуся раньше съ колебаніями, что съ такъ назы-

ваемымъ поученіемъ о казняхъ Божіихъ имя преп. Θеодосія не можетъ быть связываемо. Равнымъ образомъ, отрицается г. Чаговцомъ и авторство Θеодосія въ другомъ приписываемомъ ему словѣ: «поученіе о чашахъ тропарныхъ».

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» въ № 9-омъ напечатанъ «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. Т. Флоринскаго. Въ этой части «Обзора» даются отзывы: 1) о «Научно-литературномъ сборникѣ. Періодическ. издан. Галицко-русской матицы, подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго. 1901 г. Т. I. кн. 1-ая. Львовъ». 2) «Славянскій вѣкъ. Редакт. д—ръ Д. Н. Вергунъ, 2-ой годъ изданія, 1900—1901, № 1—24. Вѣна» (стр. 47—000).

—

Ученыя Записки Императорск. Казанск. Университета, № 9.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ въ кон. XV—XVII в.в. (Продолженіе, стр. 79—126). Статья посвящена обзору трудовъ Памвы Берынды, и особенно его *Лексикона*, а также разсмотрѣнію полемической литературы съ католиками—въ общемъ очеркѣ—и съ болѣе подробнымъ указаніемъ содержанія *Апокризиса* Христофора Филалета.

—

Русскій Филологическ. Вѣстн. № 3—4.

А. Ветуховъ «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли». (Продолженіе, стр. 169—234). Авторъ иллюстрируетъ свои положенія и украинскими матеріалами по этнографіи, обнародованными въ печатныхъ трудахъ.

В. Д. Заловецкій «О Боянѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія о Словѣ). Статья эта, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ очень обстоятельно изучилъ текстъ «Слова о полку Игоревѣ» въ связи съ лѣтописью, однако-же служитъ доказательствомъ и того, что въ области изученія нашего знаменитаго памятника старины не окончился еще періодъ мудрствованія. Автору хочется объяснить извѣстное мѣсто въ словѣ, начинающееся словами: «Рекъ Боянъ....», при чемъ онъ останавливается на толкованіи того, о какомъ Боянѣ тутъ идетъ рѣчь. Правду говоря, изъ всѣхъ разсужденій автора мы вынесли такое впечатлѣніе,

что бывшее до сихъ поръ яснымъ въ этомъ отрывкѣ осталось для насъ яснымъ и послѣ прочтенія данной статьи, а въ одномъ пунктѣ даже затемнилось (не видимъ никакихъ основаній считать, что слова *рекъ Боянъ* подразумѣваютъ самого пѣвца «Слова»)., а что было темно—то и остается таковымъ. Поэтому, когда мы читаемъ въ началѣ статьи В. Залозецкаго, что «авторъ (Слова) позволилъ себѣ сдѣлать въ словахъ: *рекъ Боянъ* такую эволюцію мысли, о которой толкователямъ не могло и присниться»,—то послѣ прочтенія всей статьи приходимъ къ убѣжденію, что, вѣроятно, вашему автору его толкованія *только приснились*. Надо отмѣтить еще, что В. Залозецкій—священникъ въ Галичинѣ—пишетъ по русски такимъ вычурнымъ языкомъ и съ такими неправильностями, что въ современной намъ русской журналистикѣ какъ-то странно встрѣчать подобный стиль. Но что кажется намъ совсѣмъ уже страннымъ,—такъ это заключительныя строки въ статьѣ. Дѣло въ томъ, что онъ старается, по его собственному выраженію, «развѣять туманы, висѣвшіе надъ этимъ темнѣйшимъ мѣстомъ», и въ то-же время, въ концѣ концовъ, говоритъ: «какъ малороссъ, галичанинъ, изъ той австрійской планеты, гдѣ не живутъ настоящимъ (?), а дышутъ только прошедшимъ (?), я не могу скрыть тайнаго желанія, чтобы какъ не объяснился еще вполнѣ этотъ нашъ словесный Китай (авторъ разумѣетъ «Слово о полку Игоревѣ») въ продолженіе цѣлаго вѣка, такъ-же бы онъ и не объяснялся и дальше и служилъ долго *миражемъ для фантазіи, ристалищемъ для русскаго духа* (?).—Странное желаніе для ученаго—скажемъ мы отъ себя—и не менѣе странная политика звучитъ въ этихъ словахъ современнаго Галичанина! (стр. 250—274).

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщенъ отзывъ о книгѣ *В. И. Перетца*: «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы» (стр. 296—299).

-

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 9.

Въ приложеніи: *Н. П. Василенко*. Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій. (Продолженіе, стр. 129—160).

—

Літературно-Науковий Вістнык, кн. 10 (октябрь).

Содержаніе:

Наш альбом: Із поезиі Сергія Цавленка, Сильвестра Яричевського, С. Грушенка.

Чужа жінка, оповіданнє Петра Шелеста.

Вирід, оповіданнє Осипа Шпитка (далі).

Арсен Яворенко, драма Бориса Грінченка (кінець).

Тридцять від ста, оповіданнє Матільди Серао (кінець).

Із оповідань Мультатулі (Про притчу, Галапаси, Налисники з салом, Провидіннє, Матвія глава XIX, Із ідей).

Із пересніпів Павла Грабовського: «Илля Муромець» (великоруська билина).

Сервітути и розмежованнє грунтів на правобережній Україні—Ф. І. Немоловського (кінець буде).

Будучність гимназий—уваги проф. Фрідріха Паульзена.

Уваги на сучасні теми: І. Заборона «Л. Н. Вістныка» в Росиі. Ів. Франка. II. Про нашу літературну мову—А. Кримського. Ш. Московська ластівка на Галицькій Руси—Ів. Франка.

Хроніка і бібліографія.

„Biblioteka Warszawska", № 10.

A. Brückner. Bogurodzica Rozwiąazanie zagadki (стр. 80—106). Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи польской религіозной пѣсни въ честь Богородицы, авторъ касается семейныхъ отношеній между венгерскимъ королевскимъ домомъ и галицкими князьями въ XIII в. и отмѣчаетъ заслуги д-ра Франка по изученію старинной письменности.

St. Zdsiarski (154—166) даетъ хронологію юношескихъ произведеній Богдана Залѣскаго (до 1829 г.). Въ 1824 г. Залѣскій началъ писать поэму о Косинскомъ, но уничтожилъ рукопись въ 1825 г. Такая же судьба постигла начатые въ это время поэмы о „Даміанѣ, кн. Вишневецкомъ" и „Сирыкъ, или походъ въ чайкахъ на Стамбулъ". Сохранился лишь отрывокъ этой послѣдней поэмы („Чайки"), напечатанный въ 1826 г.. Въ 1826 г. задумалъ Залѣскій историческую повѣсть о гетманѣ Дорошенкѣ; въ слѣдующемъ году—очеркъ исторіи Украины, но за недостаткомъ источниковъ дѣло ограничилось только приступомъ къ работѣ. Въ 1829 г.—новый планъ поэмы о „Великомъ Конашевичѣ, славномъ Даниловичѣ и отуреченномъ Б. Хмельницкомъ" постигла та же участь.

Wisła, № 5.

Stan. Zdsiarski. Skarby tatrzańskie. Авторъ приводитъ выдержки изъ стариннаго сборника (ягеллонской библіотеки въ Краковѣ)

заклинаній, употребляемыхъ карпатскими горалами для отысканія кладовъ и металловъ.

Изъ „Курьера Варш." (№ 216) перепечатано описаніе посвященнаго Татрамъ музея имени Халубинскаго въ Закопаномъ. По словамъ З. Вейберга, музей находится въ жалкомъ видѣ по недостатку средствъ и отсутствію интереса къ дѣлу.

Библіографическія замѣтки: Въ ст. Е. Изопольскего Pojecia astronomiczne (Atheneum I. I. Kraszewskiego 1843 г. IV, 77—83) приведены собранныя въ Украинѣ свѣдѣнія о народныхъ понятіяхъ по астрономіи, космогоніи и метеорологіи.

Вышла въ свѣтъ книга Henr. Wiercieński ego: Opis statystyczny gubernii Lubelskiej (до 500 стр., съ картами и таблицами).

—

Kwartalnik historiczny. Вып. II и III.

Д-ръ Генр. Улашинъ въ вып. II далъ отчетъ о работахъ д-ра Я. Талько-Гринцевича: „Къ изученію курганнаго міра Украины" и статьяхъ д-ра Вл. Деметрыхевича „бронзовыя доисторическія короны" и Археологическія изысканія въ теребовельскомъ округѣ восточ. Галичины" (статьи напечатаны въ IV т. издаваемыхъ Крак. акад. наукъ Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, 1900 г.).

Д-ръ Ант. Прохаска въ очеркѣ изъ исторіи Владислава Варнскаго (W obronie społeczeństwa, вып. III) даетъ живую картину положенія партій въ Галичинѣ въ 1439—1440 гг., борьбы съ гусситствомъ и рокоша Спитка изъ Мельштына.

A. Brückner далъ отчетъ о новѣйшихъ изданіяхъ общества Шевченка во Львовѣ, а г. Сигма—о мемуарахъ Өад. Бобровскаго (2-й томъ почти исключительно посвященъ исторіи крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ).

—

Przewodnik naukowy i literacki № 10.

Dyonizy Zaleski. Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (продолженіе, отъ 20 мая 1862 г. по 19 февр. 1863 г.).

D-r Bronisław Łoziński. Z teki Maur. Kraińskiego (окончаніе)—матеріалы для исторія выкупной операціи и отмѣны сервитутовъ въ Галичинѣ въ 1648 и 1649 гг.

Wł. Lenkiewicz—начало интересной статьи: „Участіе Россіи въ Карловицкомъ трактатѣ".

Slowanski Přehled № 1 (4-й годъ изданія; начало года считается съ октябрьскаго номера). На стр. 51 сообщаются краткія извѣстія о выходѣ галицкихъ пословъ изъ сейма и о причинахъ ихъ выхода, а также о ходатайствѣ въ Россіи издавать два малорусскихъ журнала—„Проминь", подъ редакціей И. Левицкаго, и „Днипръ", подъ редакціей Рябошапки. Тутъ же дается извѣстіе и о томъ, что малорусскій переводъ Библіи, сдѣланный П. Кулишомъ не до конца, а завершенный И. Нечуемъ-Левицкимъ, вслѣдствіе неразрѣшенія издавать его въ Россіи, переданъ, для изданія Лондонскому Библейскому Обществу.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 259) помѣщена небольшая статья П. Гросулъ-Толстого подъ заглавіемъ: «Запорожцы въ с. Слободзеѣ», въ которой разсказана очень кратко исторія Антона Головатого и устройство временнаго коша запорожцевъ въ с. Слободзеѣ, откуда они въ 1792 году двинулись на жительство въ Черноморію. Считаемъ нужнымъ сдѣлать маленькую поправку въ статьѣ автора: мѣстная церковь въ с. Слободзеѣ названа имъ Іоанно-Богословской, между тѣмъ какъ она именуется Архангело-Михайловской.

—

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» (Вечернее приложеніе, № 5426) данъ отзывъ, не вполнѣ одобрительный, о брошюрѣ «Выговщына. Историчне оповиданя. Напысавъ П. О. Кулишъ. Зъ портретомъ Выговського. Ц. 2 к.». Брошюра эта издана въ 1901 г. Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ.

—

Въ «Полт. Губерн. Вѣдом.» (№ 219) помѣщена интересная статья Л. П.: «Современные бандуристы и лирники въ Полтавской губерніи». Составлена она на основаніи сообщеній корреспондентовъ Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета.

—

Въ газ. «Волынь» (№ 224) помѣщена статья, знакомящая русскую публику съ ученымъ обществомъ имени Шевченка во Львовѣ. Разсказавъ кратко исторію возникновенія Общества, авторъ сооб-

щаетъ далѣе свѣдѣнія о преобразованіи «Общества» на новыхъ началахъ въ 1892 году и о томъ положеніи, въ которомъ оно теперь находится.

—

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ піесъ для пѣнія А. Д. Бигдая—«Лысты з Кубани», вмѣщающій въ себѣ 9 слѣдующихъ малорусскихъ піесъ: для альта, меццо-сопрано, баритона, тенора и баса: «Ой, пишла я у яръ за водой», «На стриванни», «На вищо, Боже, очи чорни?», «Ой, чому ты не литаеш?», «На чоли твоемъ высокомъ», «На улыци не весело», «Туманъ, туманъ долыною», «Ой, у луг, у луг потягну я», «Ой, чи е що в свити краще?». Цѣна сборника 1 р. 50 к. (Кубан. Вѣд. № 226).

—

«Русскія Вѣдомости» въ № 285 помѣстили сочувственный отзывъ о послѣднихъ изданіяхъ Петербургскаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ.

—

Въ № 229 той же газеты помѣщена рецензія на недавно вышедшую книжку г. Гринченка «Литература украинскаго фольклора».

—

Въ № 1340 «Приднѣпровскаго Края» напечатана рецензія на извѣстную книгу галицко-украинскаго писателя Ивана Франка: «Въ поті чола», появившуюся въ настоящее время въ русскомъ переводѣ.

—

Въ газетѣ «La Fronde», издаваемой женщинами въ Парижѣ, помѣщенъ очень интересный фельетонъ подъ заглавіемъ: «La poésie populaire des Petits Russiens» какого-то H. Z. Ariel'я. Сначала авторъ указываетъ географическое положеніе Украйны, Польши и Подоліи, которое способствовало ея несчастіямъ. Теперь—эта страна «soumise à toutes les miseres, que lui impose le système gouvernemental, est appelée souvent Ruthénie». Затѣмъ онъ переходитъ къ свидѣтельствамъ древнихъ, Прокопа и Теофилакта, которые называютъ славянъ «танцующими и поющими». Описываетъ онъ далѣе, какъ малороссъ любитъ пѣть и какъ ни одну минуту онъ не молчитъ и поетъ свои пѣсни. По фразѣ—«сколько разъ мнѣ приходилось встрѣчать этихъ ночныхъ пастуховъ въ своихъ chemises flottantes»—можно заключить, что авторъ былъ въ Украйнѣ лично, что, впрочемъ, не мѣшаетъ говорить, что раса эта теперь «presque éteinte», и назы-

вать насъ въ 18 в. «c'étaient des barbares, ils ne sont plus». Говоря о народныхъ пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: «Подолія, Волынь, Украйна, и въ особенности Украйна,—это колыбель сказокъ и пѣсенъ народныхъ, которыя рождаются, вращаются, часто варьируются, переходя изъ устъ въ уста, однако почти не утрачивая своего первобытнаго характера». Говоря о языкѣ, авторъ замѣчаетъ: «Малорусскій языкъ, можетъ быть самый нѣжный среди всѣхъ славянскихъ языковъ, есть языкъ лирики по преимуществу. Эта черта отразилась не только въ пѣсняхъ, но и въ обиходномъ языкѣ украинцевъ. Народъ говоритъ часто, какъ поэтъ, не зная этого, не ища поэтическихъ фразъ. Пораженные этой оригинальной красотой, вы скажете себѣ: но вѣдь это словно строфы изъ восточной поэмы, или—это словно мѣсто, взятое изъ Библіи».

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько извѣстныхъ малорусскихъ изреченій, ругательствъ, поговорокъ, благословеній и нѣсколько пѣсенъ народныхъ, при чемъ описываетъ ритуалъ свадьбы, впрочемъ очень поверхностно, и передаетъ содержаніе пѣсенъ: «Les adieux», «Le fleur de cerisier», «Dans la steppe» «Au bord du Yatringue» (?) и «Bayda». Въ концѣ концовъ авторъ говоритъ: не смотря на то, что украинецъ имѣетъ много пѣсенъ юмористическихъ и характеръ имѣетъ веселый,—поэзія его проникнута печалью, отсюда происходитъ эта монотонность, почти всегда минорная».

—

Въ № 7152 и 7158 газеты «Южный Край» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ продолженіе своихъ «Этнографическихъ экскурсій». Въ № 7152 онъ сообщаетъ свѣдѣнія о большой слободѣ Котельвѣ, ахтырскаго уѣзда. Статья исключительно передаетъ впечатлѣнія автора отъ внѣшняго вида селенія и его жителей, но о главномъ, т. е. о матеріалахъ этнографическаго и бытового характера, добытыхъ тамъ, совсѣмъ ничего не сказано. Въ № 7158 идетъ рѣчь объ упадкѣ традиціоннаго нравственнаго порядка среди малорусскаго населенія, на основаніи наблюденій автора надъ фактами въ жизни населенія ахтырскаго уѣзда. Причины такого упадка авторъ видитъ въ измѣнившихся въ послѣднія десятилѣтія условіяхъ экономическихъ, повлекшихъ за собою исчезновеніе нѣкоторыхъ промысловъ, оказывавшихъ вліяніе на нравственную дисциплину въ массѣ. Къ таковымъ промысламъ онъ относитъ: чумачество, пчеловодство, выдѣлка плахтъ и ковровъ (коцарство), кустарное производство восковыхъ свѣчей.

—

*Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Арсеній еромонахъ. Святий рокъ. Книжочка ювилейна, мѣстить въ собѣ поясненe ювилею и потрѣбни молитвы. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, ст. 96, 32⁰. Ціна 15 коп.

Бажаньскій Порфирій. Руско-народна музыкальна опера. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарнѣ Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 106+84 нотъ, 8⁰.

Барановский Мечислав. Педагогіка для семинарий учительских і учителів шкіл народних. Видане 4-е, значно розширене і доповнене. (Видане Тов. «Руска Школа» в Чернівцях, ч. 7). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 102, 8⁰. Ціна 1 кор.

Вибір з поем Олександра Кониського. З портретом. (Видане Руского Товириства Педагогічного, ч. 87). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, ст. 36. Ціна 30 сот. (Помѣщено 26 стихотвореній).

Врабель Михаилъ. Угро-русски народни спѣванки. Томъ I. Спѣванки Мараморошски. Будапештъ, 1901. Печатня Общества «Франклинъ», ст. 320, 8⁰. Ц. 45 кор.

Гартманъ, В. Г. Польскія и литовскія старинныя монеты 1506—1795. Ихъ цѣна и степень рѣдкости. Сызрань, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Гнатюк Владимир. Словаки чи Русини? (Відбитка з XLII т. Записок). З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, Львів, 1901, 82 стр. Ц. 80 сот.

Gudź Mychaił. Pisń o złobi anarchisty Lucheniego dokonanij na Austrijskij Cisarewi Jełysaweti w Genewi dnia 10 Weréśnia 1898 r. Lwiw, 1900. 12, 8⁰.

Евсѣенко С. С. Подъ яснымъ небомъ Малороссіи. Путевыя замѣтки и наблюденія. Москва, 1901, in 8⁰, стр. 49.

Эремійчук Денис, свящ. Жите, муки, смерть і історія перенесеня мощів св. Івана Сучавского. (Народна бібліотека для духовноі освіти, ч. I). Чернівці, 1901. Накладом Товариства «Руска Бесіда». З друкарні Тов. «Руска Рада», ст. 32, 8⁰. Ціна 40 сот.

Загірня М. Абрагам Лінкольн. Оповідане про його жите (Виданне Товариства «Просвіта», ч. 250). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 50. Ц. 30 сот.

Задера Гр. Петро кравець. Виршоване оповидання. (Посвята любій сестри). Ростовъ на Дону, 1901. Товарищ. «Печатня С. Яковлева», стр. 1—16. Цина 10 коп.

Заклинський Роман. Спомини про Федьковича. У Львові, 1901. (Відбитки з II—III кн. «Літерат.-Наук. Вістника»). Ст. 32.

Zakopane i Fatry. Kalendarz tatrzański, rocznik I. Krótki przewodnik po Zakopanem i Tatrach. 2 k. 40 h.

Закшевській В. Всесвітна історня для висших кляс середних віків. З 2-го польского видання переложив з дозволу автора Олександер Барвинскій. У Львові, 1901 Ціна 2 к. 40 г.

Zaleski D. Korespondencya Bohdana Zaleskiego. T II. 4 k.

Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Критична аналіза т. зван. Тукидидовоі Археологіі,—І. Колача; 2) Причинки до історіи рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст.—М. Зубрицького; 3) Словаки чи русини. В. Гнатюка; 4) Miscellanea; 5) Наук. Хроника.

Записки Научового Товариства ім. Шевченка, т. XLIII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) О. П. Стороженко, причинки до характерістики його творів, нарис Ів. Стешенко; 2) З кореспонденциі Дениса Зубрицького (р.р. 1840—1853) подав. др. Кирило Студинський; 3) Miscellanea a) привилеі М. Миколаева над Дністром—подав. М. Мочульскний, b) Хлопська комісия—подав І. Кобилецкий; 4) Наукова хроніка; 5) Бібліогр., рецензіи.

Заревич Федір. Твори. Т. І. Хлопська дитина. (Белетристична Бібліотека, ч. 30). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Руськоі Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 150, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Звіт Дірекциі ц. к. гімназиі в Перемишли за рік шкільний 1900—1901. Наклад. Наукового Фонду. В Перемишли, 1901. З печатни Н. Джулинського, стр. 1—33, 1—44.

Звіт Дірекциі ц. к. гімназиі в Коломиі за рік 1900—1901. Наклад. Науков. Фонду. В Коломиі, 1901. З друк. Мих. Бѣлоуса, стр. 87.

Звіт Дирекциі ц. к. академічноі гімназиі у Львові за рік шкільний 1900—1901. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. 8⁰. Стр. 48+60.

Зиневичъ С. Е. За кровь(?), добро и крывду людску... Драма въ пяти актахъ. Каменецъ-Подольскъ, 1901. Типо-литогр. Л. Ландвигера, стр. 1—64. Ц. 75 коп.

Зробекъ Яковъ, свящ. Исторія руско-католицкои церкви на Руси вôдъ первѣстныхъ апостольскихъ часôвъ до 1104 року. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, стр. 58, 8⁰.

Зубрицький Михайло. Причинки до історіі рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст. Матеріяли і замітки. Львів, 1901. З друкарні Н. Т. ім Шевченка, ст. 18, Ц. 20 сот. (Відбитки з XLII т. Записок).

Катренко Олександер. Пан Природа і іньші нариси. (Белетристична Бібліотека, ч. 34). Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. Львів, 1901, стр. 104, 8⁰. Ціна 1. 40 к. Зміст: 1) Пан Природа, 2) Завірюха, 3) Мандрівник, 4) Дві сестри, 5) Мати й син, 6) Петро Кислий, 7) Лісовий дід.

Klaczko I. Aneksya w dawnej Polsce (Unia Polski z Litwą), tłómaczył za zezwoleniem autora K. Scipio z przedmową K. Tarnowskiego 1 k. 50 hal.

Копач Іван. Критична аналіза т. зв. Тукидидовоі Археольогіі. Львів 1901. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. (Відбитка з XLII т. Записок). Ст. 20. Ціна 20 сот.

Копко. Бібліотека музикальна. Ч. 4 и 5. Часть шкільна. Школа народна. Ч. I и II. Перемишль, 1901 (2 книги). Друкарня М. Джулинського, стр. 18 и 18⁰.

Короленко П. П. Предки кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ. Подъ редакц. дѣйствит. члена С. В. Руденко. Изданіе Кубанскаго Областного Статистич. Комитета. Екатеринодаръ, 1901, Типогр. И. Ф. Бойко, стр. 1—70+1—203.

Косичъ А. И. Г. Бердичевъ и Бердичевскій уѣздъ. (По поводу Бердичевской сельско-хоз. и промышл. выставки 15 авг. 1901 г.). Статистическій очеркъ въ сельско-хозяйственномъ, бытовомъ и другихъ отношеніяхъ. Кіевъ, 1901, стр. 1—43. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»).

Крушельницкий Антін. Семчишин. Чернівці, 1901. З друкарні тов. „Руска Рада", стр. 76, 8⁰.

Крушельницкий Антін. Серце. (Видавництво акад. товариства „Молода Україна“, ч. 5). Чернівці, 1901. З друк. тов. «Руска Рада». Ст. 160, 8⁰. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Серце, 2) Передъ відйіздом, 3) Останній раз, 4) Грішниця, 5) Слюбна жінка, 6) Слухай свойого пана, 7) У переддень, 8) На порозі житя, 9) У родичів, 10) Перший день, 11) На авдиенцыі, 12) У пітьмі ночи, 13) Нерви.

Кулишъ П. О. Выговщына (зъ портретомъ Выговського). Историчне оповидання. Изд. Благотворит. Общ. Изданія Общеполезн. и дешевыхъ книгъ. № 11. СПБ., 1901, стр. 1—26. Ц. 2 к. (велен. 5 к.)

Левицкый Ив. Повисти й оповидання. Т. III. Нахаба. Навижена. (Съ портретомъ). Стр. 470. Кіевъ, 1901. Цѣна 1 р. 50 к., на велен. бум. 2 р.

Левицкий Ярослав. Львівска духовна семинария в літах 1897—1901. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друк. В. Шайховского, стр. 58, 8⁰. Ц. 19 сот. (Одбитка з «Руслана»).

Лепкий Богдан. Щаслива година. (Заходом К. Студинського). Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийховского. Ст. 48. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Щаслива година, 2) Звичайна история, 3) Месть, 4) Глум, 5) Барометр, 6) В лісі, 7) На сокивскім, 8) В коршмі.

Лернеръ О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки по даннымъ изъ архива бывшаго новороссійскаго ген.-губернатора. Стр. 238. Одесса.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицкаго до вѣрныхъ Архіепархіи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 36⁰. Ц. 15 с.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митрополита галицкаго до всечесного священства Архіеп. Львовськои. Жовква 1901. Печатня оо. Василіянъ, 30⁰, Ц. 15 сот.

Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицк. до рускои интелигенціи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, ст. 48. Ц. 15 сот.

Марко Вовчокъ. Оповидання. II. Інститутка. (Вид «Руского Педагогічного Товариства», ч. 81). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, 58, Ц. 50 сот.

Методика науки в школі народній. Часть II. Наука наглядна. Написав Микола Гаврищук. (Видание тов. «Руска Школа» в Чернівцях, ч. 6). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 116 8⁰.

Михайловский Мик. і його значіне в російській літературі. Відчит. М. Кареева (Відб. з III кн. «Літ.-Наук. Вістн.»). Ст. 18.

*Млака Данило (*Ізидор Воробкевич). Над Прутом. Збірник поезий. (Белетристична Бібліотека, ч. 37). У Львові, 1901. Накладом. укр.-руськоі Видавничоі Спілки. З друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 132, 8⁰. Ціна 1. 60 кор.

Молебенъ ко Пресвятѣй Богородици. Перемишль, 1901. Зъ печатнѣ Н. Джулинського, ст. 20, 32⁰. Ціна 6 сот.

Мурава Марко. Горить. Оповідане. (Видавництво Товариства «Просвіта», ч. 254) Коштом і заходом Товар. «Просвіта». Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, ст. 64, 8⁰. Ціна 40 сот.

О любвѣ. I. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ епархіи Станиславовскои. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 56⁰. Ц. 20 сот.

О покаянію. VII. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ своихъ епархій. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 52. Ц. 20 сот.

Перелыгинъ, Н. И. Черевички. Повѣсть изъ малороссійскаго быта для дѣтей (съ 21 рис.). М. 1901. Ц. 20 к.

Покарана лож. Комедийка в I акті Олени Кучальскоі. Перевів О. Макарушка. (Видане Руского Педагогічного Товариства, ч. 88). У Львові, 1901. З друкарни Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 20. Ціна 20 сот.

Русиновъ В. Прыхожа. Сцена в 1 діи. Переклавъ и переробывъ зъ сочыненія Н. В. Гоголя: «Лакейская». Къ представленію дозволено 23 марта 1901 г. Полтава, тип. Л. Фришберга, 1901, стр. 1—14. Цина 5 коп.

Руська історична бібліотека. Видае Наукове Товариство ім. Шевченка. Т. XXI. Розвідки про селяньство на Украіні Руси в XV—XVIII в. Частина I. У Львові, 1901. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. IV+174, 8⁰. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Вступне слово редакціи, 2) Начерк історыі селянськоі верстви в правобічній Украіні XV—XVIII в. Івана Новицького, 3) Про правне та економічне становище селян XVIII в.—Володиміра Антоновича. 4) Показчик імен особових і географічних.

Рутковскій Ѳ. В. Нечыста сыла. Малорусскій фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ. К.-Подольскъ, 1901. Т.-лит. Ландвигѐра, 1901, 1—67. Ц. 50 коп.

Савенко А. И. Великая церковь Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1901, стр. 1—41. (Оттискъ изъ газ. «Кіевлянинъ»).

Семанюк Йван (Марко Черемшина). Карби. Новелі із гуцульского житя. (Видавництво акад. Товар. «Молода Украіна). Чернівці, 1901. З друкарні Товар. «Руска Рада», стр. 142, 8⁰. Ціна 80 сот. Зміст: 1) Карби, 2) Дід, 3) Раз мати родила, 4) Св. Николай в гарті, 5) Хиба даруймо воду, 6) Грушка, 7) Лік, 8) Злодія зловили, 9) Бабин хід, 10) Зведениця, 11) Основина, 12) Більмо, 13) Горнець, 14) Чічка, 15) На боже.

Слободівна Марія. (Видавництво акад. Товар. «Молода Украіна», ч. 4). 1) І хто ж вона була? 2) Прощане, 3) Хвилі туги, 4) Поезия ii молодих літ, 5) Щгука. Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ціна 1 кор.

Smoleńsky Wladysław. Piśma. T. III. (Z dziejów wewnętrznych Polski za panowania Stanisława Augusta.—Sprawa włościańska w Polsce wieku XVIII.—Szkoly historyczne w Polsce (glówne kierunki w poglądach na przeszlość i insze). Krakow, 1901.

Старосольський В. Реформа пахотноі торговлі в австрийскім законодавстві. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 1—29, ц. 30 сот. (Відбитка з часописи правничоі і экономічноі, т. II).

Стехъ Володимиръ. Вѣнецъ набожныхъ пѣсней. Накладомъ церкви оо. Василіанъ въ Улашковцахъ. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіанъ, стр. 80, 16⁰, ціна 50 сот.

Стешенко И. Степови мотивы. Кіевъ, 1901, стр. 1—65, ц. 30 коп.

Стешенко Іванъ Ол. П. Стороженко. Причинки до характеристики його творчости. Львів, 1901. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, стр. 1—46, ціна 40 сот. (Відбитки CXLIII т. Записок).

Студинський Кирило. З кореспонденціі Дениса Зубрицького, (Р.р. 1840—1853.) У Львові, 1901. Наклад. Н. Товар. ім. Шевченка стр. 66, ц. 55 сот. (Видбитка XLII т. Записок).

Тавариш. Ілюстрований календарь на 1902 рік. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Толстой Л. Гр. Казки. (Видане Руского педагогічн. Товариществa, ч. 86). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 44, ціна 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана—дурака, Семена лицаря, Тараса Черевана і німу сестру Ма-

ланю, про старого чортяку та трьох чортенят; 3) Бог правду видить—та не скоро скаже.

Томашівський С. Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис. Наклад. ред. „Литературно-Науков. Вістника». У Львові, 1901. З друкарні науков. Товар. ім. Шевченка, стр. 76, 8⁰, ціна 80 сот.

Флямаріон Каміль. Небо. Переклад З. Мірноі. (Наукова бібліотека, ч. 6). У Львові, 1901. Накл. Укр-Руськоі Видавничоі спілки. З друкарни Н. Т. ім. Шевченка, стр. 136, 8+6 таблиць рисунков, ціна 2. 00 к.

Франко Іван. „Про житє і діяльність Олександра Кониського. (Видавництво Тов. «Просвіта», ч. 253). У Львові, 1901, стр. 36, ц. 25.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська белетристична бібліотека, 31). Львів, 1901. Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. З друкарні Ставропигійськ. Інститута. Ст. 4+140, 8⁰. Ціна 1.60 кор.

Франко Ив. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Перев. О. Рувимовой и Р. Ольгина съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Стр. VIII+374. Спб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Франциевъ В. Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. Варшава, 1901.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1901. Вип. II, ч. 6. Січень-квітень.

Цегельский Лонгин. Русь-Украіна і Московщина. Історична розвідка. (Видання Товариства «Просьвіта», ч. 251—2). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 96, ц. 60 сот.

Часопись правнична і економічна. Т. II. Правничі і економічні розвідки іст.-фільософичноі секціі Н. Т. ім. Шевченка. У Львові, 1901. Накладом Наук. Т. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Станіслав Дністрянський. Австрійське право облігаційне, стр. 1—92. 2) Володимір Старовольский. Реформа пахотноі торговлі в австр. законодавстві. 3) Ярхлов Олесницкий. Свобода волі в науці карного права.

Чорний день для галицькоі шляхти. Промова посла Гн. Дашинського в раді державній ¹³/v 1901. Львов, 1901. З друкарні «Уділовоі». Стр. 32, 16⁰, ц. 10 сот.

Шевченко Т. Г. Де-що зъ Кобзаря. Изд. Издательск. Комитета Харьковск. Общества распростран. въ народѣ грамотности. № 59. Харьковъ, 1901, стр. 1—135, ц. 8 коп.

Шекспір Уілям. Багацько галасу знечевля. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненями др. Ів. Франка. Белетристична бібліотека ч. 35). У Львові, 1901. Наклад. Укр.-руськ. Вадавничої Спілки. Ст. XII+106, 8⁰. Ціна 1. 60 к.

Шекспір Уілям. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненями д-ра Ів. Франка. (Белетристична бібліотека ч. 32). У Львові, 1901. Накладом укр-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка. Ст. XIV+180, 8⁰. Ціна 1. 80 кор.

Шематизмъ, всеч. клира гр.-котолич. епархіи на рокъ Божій 1901. Рочникъ XVI. Станиславовъ, 1901. Накладомъ клира епархіального. Печатня оо. Василіянъ въ Жовквѣ стр. XXVII+280, 8⁰.

Шематизмъ, всеч. клира греко-котолич. епархій соединенныхъ Перемыскои, Самборскои и Сяноцкои на рокъ вогъ Рожд. Хр. 1901. Перемышль, 1901. Зъ печатни Николая Джулинського, стр. LIV +438, 8⁰.

Шематизмъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальнои архидіецесіи Львовскои на рокъ 1901. Львовъ 1901. Изъ типографіи Ставропигійского Института, стр. XX+278, 8⁰.

Шоробура Стеф. Наши дѣти. Повѣсть зъ народного житя. (Бібліот. для рускои молодежи. Вып. XXX. т. LI. Коломыя, 1901. Зъ печатни Л. Мизевича ст. 168, ціна 80 сот.

Щурат В. Вибрані оди Горация. Погляд на житє зі становища поета. Перемишль, 1901. З печатні Н. Джулинського, стр. 34.

Щипавка Гриць. Новомодний сьпіваник. Накладом редакції «Комара» у Львові. Львів, 1901. Друкарня Уділова, стр. 48, 8⁰, ціна 40 сот.

Щипавка Гриць. Хруніяда. Інтерпеляция д ра Коса і тов. в справі конфіскати „Новомодного співаника". У Львові, 1901. Наклад. ред. «Свободи». З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 32, 16⁰, ціна 16 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго земства. Докладъ экономическому совѣту. № 3. (Приложеніе къ журн. „Хуторянинъ"). Изд. Эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полтава, 1901. стр. 1–61.

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав Антін Крушельницький. (Видавництво ак-д. тов. «Молода Україна», ч. 2. Чернівці, 1901. З друкарні Товариства «Руска рода». Стр. 78, 8⁰. Ціна 50 сот.

Явдоха. Оповідане цікаве для всіх. (Відаве «Руської Бесіди», в Чернівцях, ч. 161). Чернівці, 1901. З друкарні Товариство «Руска Рада», стр. 44, 8⁰, ц. 24 сот.

Яворский Андрій. Малий сьпіваник. (Видана «Руского педогагічн. Товариства» ч. 32). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 26, ціна 20 сот.

Ярошинська Евгенія. Перша китичка для малих дівчат. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. стр. 22. Ц. 20 сот.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

8-го октября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу, съ которой комитетъ обратился къ харьковской городской думѣ. „Харьковское городское управленіе, говорится въ этой просьбѣ, пригласившее въ Харьковъ на съѣздъ и его почетнаго предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича, конечно, съ своей стороны придетъ на помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи и приметъ на себя, по примѣру тѣхъ городскихъ управленій, гдѣ раньше были съѣзды, по крайней мѣрѣ заботу о достойномъ пріемѣ членовъ съѣзда". Помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи необходима для устройства витринъ для выставокъ: значительная часть археологическихъ и этнографическихъ коллекцій сдѣлается потомъ какъ бы общественной собственностью г. Харькова.

Доложенъ былъ проектъ просьбы, съ которой обратится московскій предварительный комитетъ къ правленію Харьковскаго университета—о предоставленіи помѣщеній въ зданіи университета для засѣданій съѣзда и для выставокъ при немъ.

Постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться для помѣщенія иногороднихъ членовъ съѣзда кромѣ студенческаго общежитія и пансіонами при 1-й и 2-й мужской гимназіи.

Намѣчены предположительно во время съѣзда археологическія экскурсіи—въ Салтово, въ Янковку и на Донецкое городище. Поручено проф. Д. И. Багалѣю войти отъ имени комитета въ предварительные переговоры по этому поводу съ полезными для даннаго дѣла лицами и учрежденіями.

Подготовка каталоговъ выставокъ при съѣздѣ поручена членамъ комитета, принимающимъ участіе въ собираніи предметовъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ отвѣты тѣхъ учрежденій и лицъ, къ которымъ обращался комитетъ съ просьбой о присылкѣ памятниковъ старины, документовъ, картъ и т. п. для выставокъ при съѣздѣ. Просьбу комитета обѣщали исполнить Императорская публичная библіотека, С.-Петербургскій артиллерійскій музей, Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, Военно-ученый архивъ главнаго штаба, Архивъ святѣйшаго правительствующаго синода, Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г-жа Поль, Ю. В. Поповъ, П. В. Гладкій.

Доложена опись проф. Р. И. Шерцля тѣхъ монетъ и предметовъ, хранящихся въ мюнцъ-кабинетѣ Харьковскаго университета, которые могутъ поступить на археологическую выставку при съѣздѣ.

Доложено о пожертвованіи комитету и музею университета: свящ. Д. Поповымъ—восьми бронзовыхъ стрѣлокъ, найденныхъ вблизи Хухры въ песчаныхъ наносахъ; волостнымъ старшиной В. М. Мезинымъ—желѣзнаго кинжала въ мѣдной оправѣ, найденнаго въ с. Минковкѣ, Валковскаго уѣзда.

О множествѣ другихъ пожертвованій и присылокъ, поступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы будетъ доложено въ ближайшихъ засѣданіяхъ. За всѣ пожертвованія и присылки комитетъ выражаетъ глубокую благодарность. Ко времени XII археологическаго съѣзда правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора г. Ярыгинымъ подготовляется трудъ „Черниговская губернія въ ея легендахъ и преданіяхъ въ связи съ историко-археологическимъ описаніемъ мѣстностей губерніи“.

Ученыя общества.

Въ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца,* 7 октября, В. И. Щербина сообщилъ о результатахъ экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды, совершенной имъ совмѣстно съ А. П. Добровольскимъ, для описанія памятниковъ украинской старины. Всего осмотрѣно 35 пунктовъ. Особенное вниманіе обращено было на старинныя деревянныя церкви,[1]) которыхъ сохранилось довольно много; нѣкоторыя изъ нихъ относятся еще къ XVII ст. (двѣ церкви въ с. Синявѣ, Васильк. у., ц. въ с. Погребы, тамъ же, и м. б. ц. с. Красовки, Бердич. у.), другія—къ XVIII в. По формѣ церкви можно раздѣлить на два типа: въ формѣ корабля и крестообразныя; по объему очень невелики: въ среднемъ 9 $\times$ 18 аршинъ, но есть и меньшихъ размѣровъ (напр. 7 $\times$ 17); куполовъ б. ч. три, но встрѣчаются—однокупольныя и пятикупольныя. Характерную особенность старыхъ церквей составляютъ узкія и низкія входныя двери; иногда на косякѣ вырѣзана надпись, указывающая время построенія церкви и имя строителя (село Вуйна, Бердич. у., и с. Росошки, Уманск. у.). Въ одной церкви (св. Николая, въ Бердичевѣ) имѣется „опасаніе“ (крытая галлерея вокругъ церкви).

Во многихъ церквяхъ сохранились старинные иконостасы и древнія иконы. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, реставрированы, обыкновенно очень неумѣло; напр., въ с. Насташкѣ (Васильк. у.) есть икона Покрова съ изображеніемъ какого-то гетмана, который при реставраціи обращенъ въ архіерея. Многія иконы носятъ слѣды католическаго вліянія; встрѣчаются даже скульптурныя изображенія (статуя арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы). Изрѣдка на иконахъ встрѣчаются малорусскіе костюмы (с. Синява, Бердич. у.). Въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранились старыя плащаницы (XVIII в.),

---

[1]) Каменная церковь XVIII в. встрѣтилась только въ г. Васильковѣ; это соборъ, по преданію, построенный по плану Растрелли и представляющій большое сходство съ соборною церковью г. Козельца.

старинныя ткани и вышивки (особенно интересенъ шитый серебромъ воздухъ въ Бѣлоцерковскомъ соборѣ). Церковная утварь (чаши, кресты) носитъ также отпечатокъ уніи. Но въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранилась бѣдная православная утварь—оловянныя чаши и даже деревянныя (с. Чехи, Бердич. у.) и оловянные брачные вѣнцы.

Во многихъ церквяхъ имѣются старинныя книги XVII и XVIII ст. Большинство ихъ составляютъ изданія Кіево-Печерской лавры, второе мѣсто занимаютъ изданія львовскія и почаевскія; рѣже встрѣчаются изданія черниговскія, уневскія и виленскія. Рукописная книга встрѣтилась всего одна—Минея и часословъ XVIII в. въ с. Чехахъ.

Кромѣ старинныхъ церквей осмотрѣны были и нѣкоторые другіе памятники старины. Въ м. Погребище (Бердичев. у.) осмотрѣна синагога, въ которой хранятся двѣ рукописныя пергаментныя книги; на одной изъ нихъ есть какая-то запись о возстаніи Хмельницкаго; за синагогой—могила убитыхъ во время возстанія. Въ Фастовѣ осмотрѣнъ деревянный костелъ XVIII в. съ иконою XVII ст., съ которою связана легенда, пріуроченная къ эпохѣ возстанія Хмельницкаго; за костеломъ, на возвышенномъ мѣстѣ, господствующемъ надъ долиною р. Унавы, сохранились окопы Палія. Въ Бѣлой-Церкви, во дворѣ Преображенскаго собора, осмотрѣна церковь св. Николая, заключающая въ себѣ остатки начатой Мазепою, но оставшейся недоконченною, каменной церкви. Наконецъ, осмотрѣна была замѣчательная церковь въ с. Росошкахъ, Уманскаго у. Церковь эта построена въ 1763 г. Гонтою, какъ видно изъ надписи на косякѣ входной двери: „Сія церковь сооружена року ҂аѱѯг за колятора мципана Іоанна К(г)онты, храму св. мученицы Параскевіи за фундаторовъ Іоанна Дѣденка и Антонія Дѣлекатнего и всей громады“ (извѣстно, что Росошки—родина Гонты). Въ церкви сохранились старинныя книги (первой половины XVIII в.) и образа; между прочимъ, образъ очень сложной композиціи съ надписью на раскрытой книгѣ: Fuit homo missus a Deo cui nomen erat Joannes.

Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ плановъ церквей, фотографическихъ снимковъ съ церквей и иконъ, а также оригинальной иконы XVIII в. изъ с. Синявы, нарисо-

ванной на камбалѣ, пожертвованной въ Музей Общества Нестора Лѣтописца.

—

Въ засѣданіи *Московскаго Археологическаго Общества* Ю. В. Готье сдѣлалъ сообщеніе о призведенныхъ имъ лѣтомъ текущаго года въ окрестностяхъ села Каменки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раскопкахъ. Докладчикомъ было произведено изслѣдованіе 4-хъ группъ кургановъ или, по мѣстному названію, могилъ, лежащихъ къ югу отъ города Изюма. Первая группа расположена на плоской возвышенности, ограниченной съ трехъ сторонъ лощинами съ текущими въ нихъ ручьями. Изъ 12 кургановъ этой группы изслѣдовано 8. Вторая группа находится верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ предыдущей и расположена ниже, не въ далекомъ разстояніи отъ ручья Каменки, почти у подошвы отлогаго склона возвышенности, отдѣляющей ручей Каменку отъ Донца. Изъ 13 кургановъ этой группы изслѣдовано 5. Третья группа—самая интересная по своему положенію. Могильникъ расположенъ на землѣ города Изюма, верстахъ въ 2-хъ отъ него къ югу, на мѣловой возвышенности, господствующей надъ городомъ и носящей у мѣстныхъ жителей названіе *Кременца*. Возвышаясь саженъ на 30—35 надъ рѣкою Донцомъ, эта возвышенность составляетъ какъ бы полуостровъ, огибаемый теченіемъ рѣки. Такое положеніе *Кременца* должно было издавна собощить ему стратегическое значеніе. Дѣйствительно, уже въ 1571 году мы находимъ здѣсь сторожевой пикетъ, извѣстный подъ именемъ Изюмскаго или Изюмъ-Курганскаго. Расположенная въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ *Кременца*, четвертая изслѣдованная группа находится на возвышенной плоскости. Наименѣе характерная по мѣстоположенію, она оказалась наиболѣе богатою по находкамъ, вслѣдствіе чего были раскопаны всѣ 6, входившихъ въ ея составъ, кургановъ.

Погребенія, найденныя въ курганахъ, можно прежде всего раздѣлить на погребенія въ курганной насыпи и на погребенія подъ курганной насыпью. Самымъ характернымъ случаемъ является погребеніе всадника съ лошадью и нѣсколькими желѣзными предметами. Въ погребеніяхъ, находившихся въ курган-

ныхъ насыпяхъ, костяки лежатъ въ очень различныхъ положеніяхъ. Чаще всего встрѣчается скорченное положеніе (15 случаевъ), въ 4 случаяхъ—вытянутое и въ 1 случаѣ—сидячее. Въ 2—3 случаяхъ встрѣчались слѣды обугливанія костей; окраска костяка замѣчена только 1 разъ. Наконецъ, очень часто замѣчались слѣды колодъ, въ которыхъ погребались трупы.

При погребеніи въ материковой почвѣ наблюдается двоякая форма: погребеніе въ ямахъ и въ катакомбахъ. Въ большинствѣ случаевъ, при погребеніяхъ подъ могильною насыпью, находили остатки пищи, которую клали покойникамъ у лица или затылка.

Въ подземныхъ погребеніяхъ окраска костяковъ обнаруживалась очень часто; окраска эта была розоваго цвѣта, за исключеніемъ одного костяка, окрашеннаго въ сѣро-синій цвѣтъ.

Наиболѣе характернымъ явленіемъ представляется способъ погребенія большихъ костяковъ съ головой и рукой, отдѣленными отъ туловища и положенными въ ногахъ. Тѣ же аналогіи можно найти и въ положеніи дѣтскихъ костяковъ. Два дѣтскіе костяка найдены рядомъ съ остатками очень обильной трапезы, поставленной покойнику.

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ значительнаго разграбленія могилъ; тѣмъ не менѣе, найдено много глиняныхъ сосудовъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ и рисунковъ; найдены также бронзовые и костяные предметы: бусы и привѣски хорошей работы, стремена, мечи и пр. Найденное желѣзное снаряженіе и вооруженіе при погребеніи съ конемъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, позднѣйшему времени.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Н. Е. Брандебурга лѣтомъ 1901 г. Н. Е. Брандебургъ со всегдашней любезной готовностью сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о произведенныхъ имъ раскопкахъ минувшимъ лѣтомъ.

1) *Въ Роменскомъ у. Полтавской губ.* раскопки производились совмѣстно съ В. В. Хвойкой; нѣкоторые изъ кургановъ раска-

пывались сообща, другіе—отдѣльно; для удобства мы даемъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще раскопкахъ въ данной мѣстности.

Въ с. Великихъ Будкахъ, въ извѣстной группѣ Аксютинцы-Волковцы, на козачьихъ земляхъ разрыто около 10-ти кургановъ. Всѣ, какъ водится, оказались ограбленными, но въ двухъ удалось вновь найти тѣ загадочные скифскіе бунчуки или булавы, назначеніе которыхъ до сихъ поръ не выяснено и которые обыкновенно находятся по 4 вмѣстѣ. То-же повторилось и въ данномъ случаѣ. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ (хотя и разграбленномъ), при четырехъ лежавшихъ вмѣстѣ булавахъ, оказались еще два бронзовыя навершья, очень оригинальной формы: вершины ихъ представляютъ изъ себя птичью голову съ большимъ клювомъ, вокругъ которой въ затѣйливомъ сплетеніи размѣщены 2 змѣи, пожирающія животныхъ и голова животнаго; экземпляры эти весьма рѣдки. Кромѣ того, въ этомъ-же курганѣ найдены: 4 костяныя псаліи, золотое ожерелье изъ шариковъ, образующихъ пирамидки, сердоликовыя бусы въ золотой оправѣ, янтарныя бусы, cyprea moneta и бронзовое зеркало.

Въ другомъ курганѣ также найдены какъ-бы сложенныя кучей 4 желѣзныхъ булавы, на которыхъ сверху лежало 5 большихъ бронзовыхъ колокольчиковъ, а сбоку остатки конской уздечки (желѣзныя удила съ костяными усиками и нѣсколько бронзовыхъ наборныхъ бляшекъ). Эта находка вмѣстѣ съ землей перевезена въ Артиллерійскій Музей, гдѣ и будеть храниться не разъединенною.

Въ одномъ изъ остальныхъ кургановъ, до-чиста разграбленномъ, у сѣверной стѣны склепа найдена греческая амфора, а возлѣ нея сосудъ съ пережженными человѣческими костями.

Въ этой же группѣ было разрыто 3—4 небольшихъ кургана, заключавшихъ погребенія съ однимъ или нѣсколькими скелетами, у которыхъ обыкновенно находились сосудикъ, пряслица, костяной или бронзовый наконечникъ стрѣлы, сѣра.

Кромѣ кургановъ съ погребеніями, раскопано нѣсколько съ сожженіями, также скифской эпохи.

На крестьянскихъ земляхъ с. Басовки разрыто нѣсколько кургановъ; ихъ здѣсь довольно много, но всѣ они, повидимому, ограблены; раскопанные не избѣгли той-же участи и въ нихъ,

кромѣ мелкихъ предметовъ, ничего не обнаружено. Среди этой мелочи любопытны большіе бронзовые браслеты, украшенные на концахъ стилизованными головками животныхъ, бусы съ разноцвѣтными вставками, одна серебряная массивная буса въ формѣ шарика, длинная (около 1 фута) бронзовая булавка и привѣски, выпиленныя изъ челюсти свиньи (?) съ зубами.

Около с. Плавинищы раскопанъ большой нагорный курганъ (недалеко отъ города Роменъ); и онъ оказался разграбленнымъ. Въ большой могильной ямѣ нашлось лишь немного обломковъ чешуйчатаго панцыря, удила и кое-какая мелочь. Курганъ ограбленъ подкопомъ.

У того-же села, на лугу, В. Хвойкой раскопано 7 кургановъ, заключавшихъ въ насыпи славянскія погребенія (покойники лежали головами на западъ), а подъ ними, въ грунтѣ,—скифскія.

На поляхъ с. Чебераки расположена группа изъ 40-ка кургановъ, большихъ и меньшихъ. Большіе уже всѣ раскопаны, вскрытые (В. Хвойкой) 4 меньшихъ дали бѣдныя скифскія погребенія. Въ верхнихъ частяхъ нѣкоторыхъ кургановъ и въ этой группѣ оказались позднѣйшія славянскія могилы.

У зашт. г. Глинска, на островѣ, изъ группы въ 20 кургановъ раскопано (В. Хвойкой) 2, гдѣ обнаружены сожженія скифской эпохи; въ одномъ изъ кургановъ найденъ сосудъ; покойники сжигались на мѣстѣ.

Въ Глинскѣ, подъ городищемъ, имѣется еще большой славянскій могильникъ, при прежнихъ раскопкахъ котораго на головахъ покойниковъ были находимы серебряные обручи. При настоящихъ раскопкахъ (В. Хвойки) въ разрытыхъ 2—3 курганахъ при скелетахъ ничего не обнаружено.

2) *Въ Чигиринскомъ у. Кіеской губ.* Н. Е. Бранденбургомъ раскопки производились у с. Мокіевки. Здѣсь, частью на крестьянскихъ, частью на владѣльческихъ земляхъ, вскрыты курганы, оказавшіеся какъ скифскими, такъ и со скорченными костяками. Къ сожалѣнію, изъ числа первыхъ, почти всѣ оказались разграбленными; уцѣлѣвшіе же были съ весьма бѣднымъ содержаніемъ, при чемъ скелеты лежали въ большихъ гробовищахъ изъ толстыхъ плахъ, въ видѣ продолговатыхъ срубовъ. Болѣе богатые, разграбленные, курганы заключали слѣды склеповъ. Въ разрытыхъ

курганахъ послѣдней категоріи найдено довольно много остатковъ, брошенныхъ грабителями: копій, удилъ, съ бронзовыми и желѣзными усиками, бронзовыхъ стрѣлъ съ обломками древковъ, бронзовыхъ наборныхъ уздечекъ, остатковъ нѣсколькихъ панцырей (чешуйчатыхъ и птастинчатыхъ), бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, желѣзный ножъ съ костяной рукояткой и т. п., а также кое-какая посуда, каменное овальное блюдо и немного терракоты. Интересна терракотовая вазочка (въ черепкахъ) съ изображеніями Аріадны, Діониса и Сатировъ. Выдающуюся находку представляютъ остатки скифскаго скелета съ надѣтымъ на него желѣзнымъ чешуйчатымъ панцыремъ,—обстоятельство, дающее возможность ближе ознакомиться съ конструкціей или формой этого вооруженія, которое встрѣчается обыкновенно совершенно разсыпавшимся. Въ виду этого находка была перевезена съ землей и теперь окончательно очищается въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Къ сожалѣнію, панцырь оказался сильно поврежденнымъ грабителями (повидимому, новѣйшими), ограбившими находившуюся рядомъ со скелетомъ женскую могилу, равно какъ и упоминаемую мужскую, причемъ скелетъ въ панцырѣ частью оказался раскиданнымъ, вслѣдствіе чего сильно пострадало и самое вооруженіе, сохранившееся лишь отчасти въ нетронутомъ видѣ.

3) Послѣдній пунктъ раскопокъ Н. Е. Браденбурга—*м. Ильинцы, Липовецкаго у. Кіевск. г.* Къ тому, что было уже сообщено объ этихъ раскопкахъ (см. „Лѣтопись" за сентябрь), пока прибавить нечего.

—

Раскопки В. В. Хвойки лѣтомъ 1901 г. Кромѣ раскопокъ въ Роменскомъ у., о которыхъ говорено выше, В. В. Хвойка, по обыкновенію, произвелъ и въ этомъ году много раскопокъ; сообщаемъ о нихъ, со словъ неутомимаго изслѣдователя, краткія свѣдѣнія.

На этотъ разъ раскопки коснулись и цѣлаго ряда городищъ, правда, раскопки не особенно обширныя, но все-таки давшія возможность опрѣдилить ту или другую культуру городищъ.

1) *На городищѣ „Жарище" у с. Пастерскаго, Чигиринск. у. Кіевск. г.* раскопки продолжались въ юго-западной (меньшей) части этого грандіознаго сооруженія. Здѣсь обнаружены остат-

ки жилищъ и различные предметы скифскаго періода, масса черепковъ отъ сосудовъ полей погребенія (II—IV в. по Р. Х.) и предметы готскаго типа эпохи переселенія народовъ. Среди послѣднихъ, снова найдены интересныя фибулы съ звѣринымъ орнаментомъ, браслеты, ушныя привѣски, серебряныя пуговицы, бусы изъ композиціи и различные предметы и инструменты изъ желѣза. Найденъ также опрокинутый глиняный столбъ, пока неопредѣленнаго назначенія, съ вершиной, представляющей изъ себя гладкій кругъ, около $1^1/_2$ метра діам., на поверхности котораго проведено 7 концентрическихъ бороздокъ; высота столба $1\,^1/_4$ метра. Подобнаго рода столбъ былъ уже открытъ раньше на городищѣ у Мотронинскаго монастыря, и, какъ увидимъ ниже, на городищѣ у с. Конончи.

2) *Городище у с. Конончи, Черкасск. у. Кіевск. губ.*, входитъ въ цѣпь городищъ, расположенныхъ на берегу Днѣпра и поворачивающихъ затѣмъ по берегу р. Роси. Городище относится къ княжескому періоду, въ чемъ можно было убѣдиться какъ по случайнымъ и не случайнымъ находкамъ крестьянъ, такъ и при нашихъ личныхъ развѣдкахъ.

При раскопкахъ г. Хвойки обнаружены остатки жилищъ —землянокъ, съ разрушившимися печами, причемъ большой интересъ представляетъ двойная печь, имѣющая два устья. Найденные предметы—обычнаго типа XI—XIII ст., ихъ массу дала уже Княжа Гора; здѣсь можно отмѣтить желѣзный ножикъ съ прекрасно орнаментированной костяной ручкой и жерновъ, имѣющій ободокъ—новый типъ.

Какъ уже упомянуто, и здѣсь найденъ глиняный столбикъ, 0, 45 м. высотой и $1^1/_2$ м. въ діаметрѣ; особенность его состоитъ въ томъ, что вершина имѣетъ глиняный ободокъ, частью разрушившійся. Къ княжескому періоду относится и открытое тутъ-же кладбище, частью испорченное крестьянами-кладоискателями. Особенность его составляетъ, какъ это повидимому можно установить, обычай класть надъ могилой, или правильнѣе, надъ гробомъ по нѣсколько камней—кругляковъ.

Культура княжеской эпохи является на городищѣ послѣднимъ наслоеніемъ. Но и до нея на данномъ мѣстѣ шла жизнь. Такъ, здѣсь-же открыты остатки жилищъ неолитическаго періода съ керамикой до-микенскаго типа, давшіе различные пищевые

остатки, а также найдены по близости и части двухъ типичныхъ для этой культуры глиняныхъ сооруженій [1]).

Возлѣ городища, на возвышенномъ плато, расположено нѣсколько кургановъ. Изъ нихъ было раскопано два, и въ одномъ найдено 3 крашеныхъ скелета. Очень любопытенъ фактъ, что въ насыпи этого кургана встрѣчены черепки до-микенскаго типа и раковины—т. е. содержимое т. н. площадокъ и жилищъ до-микенской культуры. Насъ всегда занималъ вопросъ опредѣленія отношенія культуръ съ окрашенными костяками и съ посудой до-микенскаго типа, культуръ, близкихъ по времени. Дѣйствительно, представляется очень интереснымъ установить или связь между ними, или опредѣлить послѣдовательность, въ какомъ слѣдовала одна изъ нихъ за другой. Фактовъ до сихъ поръ было очень немного. Судя-же по характеру культурныхъ остатковъ, можно было предположить бо́льшую древность за культурой крашеныхъ скелетовъ. Но данная раскопка кургана какъ-бы говоритъ немного иначе и ставитъ вопросъ въ обратное положеніе. Во всякомъ случаѣ, для окончательнаго рѣшенія, придется подождать еще новыхъ фактовъ. [2])

3) Продолжались раскопки и на громадномъ городищѣ *у с. Шарки, Васильковск. у. Кіевск. губ.* Кромѣ различныхъ предметовъ княжеской эпохи (много желѣза, остатки стеклянныхъ сосудовъ, ценинныя плитки, различныя украшенія, серебряная шестиугольная гривна), здѣсь открыты остатки жилищъ и цѣлый некрополь. Некрополь заключалъ въ себѣ какъ сожженія, такъ и погребенія. У послѣднихъ нѣкоторые изъ покойниковъ были обложены по бокамъ пластинами, у другихъ находились кострища, какъ сбоку, такъ и подъ покойниками. Изъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, можно отмѣтить парчевыя ленты, которыя клались на лобъ.

---

[1]) Присутствіе послѣднихъ у Конончи было констатировано года два назадъ во время нашихъ развѣдокъ совмѣстно съ В. Н. Доманицкимъ.

[2]) В. В. Хвойка сообщилъ намъ въ дополненіе къ вышеизложенному, что аналогичное явленіе ему пришлось наблюдать года четыре назадъ при раскопкахъ кургановъ у с. Халепья, Кіевск. у.

У сс. Шарки и Ромашки обнаружены кромѣ того еще и поля погребенія.

4) Небольшія раскопки производились также и на городищѣ у лѣтописнаго *с. Витачева, Кіевск. у.*; особенно цѣннаго эти раскопки, какъ и раньше тутъ-же производившіяся, не дали, но городище обѣщаетъ быть очень интереснымъ и потому В. В. Хвойка намѣревается въ слѣдующемъ году приступить здѣсь къ болѣе обширнымъ раскопкамъ.

Вблизи с. Витачева, у с. Черняхова, В. В. Хвойкой закончено изслѣдованіе громаднаго поля погребенія, давшее такіе блестящіе результаты. На этотъ разъ было вскрыто всего нѣсколько погребеній.

5) *Раскопки у с. Чучинки, Кіевскаго у.*, вблизи м. Ржижева, нужно признать одними изъ весьма удачныхъ.

Здѣсь, прежде всего, на покатой возвышенности, обнаружены слѣды обширнаго поселенія съ посудой до-микенскаго типа. Найдены остатки до 25-ти жилищъ (не площадокъ), иногда довольно оригинальнаго устройства: жилища имѣли видъ землянокъ, прокопанныхъ въ два уступа; въ одной изъ нихъ были устроены 3 овальныя печи. Жилища дали массу пищевыхъ остатковъ и цѣлую коллекцію чудныхъ издѣлій изъ рога (м. п. лося): топоровъ съ круглыми отверстіями, долотъ, шилъ и 2 рыболовныхъ крючка. Не менѣе, если не болѣе, интересны найденные тутъ-же многочисленные черепки отъ крашеныхъ сосудовъ, покрытые замѣчательными орнаментами; среди орнаментовъ встрѣтилось и изображеніе человѣческой фигуры.

Въ этой-же мѣстности раскопаны и 2 кургана (2 другихъ были раскопаны крестьянами). Курганы оказались скифскими и не разграбленными. Въ каждомъ изъ нихъ найдено по скелету, головой почти на югъ.

Въ первомъ, при скелетѣ найдены: желѣзный чешуйчатый панцырь и, повидимому, принадлежность его, встрѣченная впервые и состоящая изъ желѣзной чешуи и продолговатыхъ пластинокъ, наложенныхъ одна на другую,—все это лежало свернутымъ въ нѣсколько оборотовъ; затѣмъ, желѣзныя копье и и остріе, два жел. ножа—типа бронзовыхъ, жел. молотокъ, 2 жел. удилъ, около 40 бронзовыхъ стрѣлъ, 2 бронз. шпильки и золотая серьга. Въ ногахъ покойника находилось 2 сосуда.

Во второмъ курганѣ, въ ногахъ—4 сосудика, съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, затѣмъ копье, пара жел. удилъ и нѣсколько костяныхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

При всѣхъ раскопкахъ В. В. Хвойкой велись подробные дневники, снабженные массой рисунковъ. Этотъ сырой матеріалъ въ настоящее время тщательно обрабатывается для отчета Императорской Археологической Комиссіи.

Случайныя находки.

Кладъ въ усадьбѣ Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ. Какъ мы уже сообщали, 10-го сентября, въ глубинѣ усадьбы г. Орлова найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Усадьба г. Орлова находится въ юго-западномъ углу древнѣйшаго кіевскаго „дѣтинца", приблизительно въ 50-ти саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви. Въ этомъ году здѣсь воздвигнутъ большой 4-хъ этажный домъ. Выемка земли подъ его фундаментъ не дала никакихъ интересныхъ находокъ, хотя почва и состояла изъ ряда культурныхъ напластованій. Но при копаніи ямы для ледника наткнулись на остатки стараго погреба, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ на значительную глубину оказалась рушеной; въ ней встрѣчались булыжники въ видѣ пращей, куски шифера и шиферныхъ плитъ, черепки отъ сосудовъ, куски кирпича, человѣческія кости и кости животныхъ, а внизу ямы—уголь и зола. На глубинѣ $4^1/_2$ арш. рабочіе дошли до глинисто-песчанаго материка; когда дно ямы было очищено, то въ немъ была обнаружена небольшая ямка, шедшая еще глубже. Въ этой ямѣ и былъ найденъ сосудъ, заключавшій кладъ. Къ сожалѣнію, сосудъ былъ разбитъ, но, однако, по сохранившимся частямъ можно возстановить его форму. Онъ имѣетъ видъ горшка, приготовленнаго на гончарномъ кругѣ, съ широкимъ отверстіемъ; вышина его 21 стм., ширина посрединѣ 20 стм., діам. дна 8 стм. Съ одной стороны имѣется ушко; верхняя часть орнаментирована; орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ бороздокъ

(около 12) и ряда насѣчекъ пониже. Совершенно въ такомъже сосудѣ былъ найденъ извѣстный кладъ въ усадьбѣ Есикорскаго. Предметы, составлявшіе кладъ, были положены въ горшокъ завернутыми въ парчевую матерію—остатки ея рабочіе выбросили. Кромѣ того, часть мелкихъ хрупкихъ предметовъ была изломана и поступила къ владѣльцу въ видѣ обломковъ.

Не смотря на то, что Кіевъ далъ уже большое число находокъ княжескаго періода и настоящій кладъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ нѣсколько новыхъ типовъ предметовъ, еще разъ говорящихъ за то, что въ данную эпоху мѣстное ювелирное дѣло достигло высокой степени развитія, отличаясь какъ совершенствомъизготовляемыхъ предметовъ, такъ и ихъ разнообразіемъ.

Всѣ предметы клада, какъ и большинство ранѣе найденныхъ кладовъ, представляютъ изъ себя различныя золотыя и серебряныя украшенія.

На первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты). Лицевыя ихъ стороны украшены изображеніями птицъ и растительнымъ орнаментомъ, исполненными замѣчательно художественной, тонкой гравировкой, заполненной чернью. Такого типа подвѣски обыкновенно изготовлялись полыми внутри (для помѣщенія тамъ хлопка, пропитаннаго благовонными маслами), и настоящіе колты также полые и, благодаря этому, найдены довольно сильно помятыми.

Большой интересъ, а также отчасти и новинку, представляетъ ожерелье, въ составъ котораго, по всей вѣроятности, входили слѣдующія находящіеся въ кладѣ предметы: 1) 8 серебряныхъ позолоченныхъ круглыхъ медальоновъ, среднія части которыхъ заняты накладными кружками, украшенными растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ чернью,—такихъ орнаментированныхъ кружковъ сохранилось 4; кружки окружены желобками, въ которые помѣщался жемчугъ; такого рода медальоны встрѣчаются впервые; 2) 9 серебряныхъ позолоченныхъ подвѣсокъ въ формѣ лилій—обычный типъ, и 3) 9 продолговатыхъ серебряныхъ позолоченныхъ бусъ. Остальную часть клада составляли:

Четыре золотыя серьги кіевскаго типа съ ажурными шариками.

Часть головного убора, состоящая изъ 9-ти золотыхъ скобочекъ.

Часть шейной повязки, состоящая изъ 4-хъ серебряныхъ полуцилиндриковъ (всѣхъ должно было быть до 20-ти).

Обломки, находившіеся въ кладѣ, составляли въ цѣломъ видѣ различной формы серебряныя вызолоченныя нашивки на матерію—т. н. „дробницы". Изъ обломковъ удалось сложить одну изъ нихъ, имѣющую видъ креста съ лиліевидными концами.

Рабочій, нашедшій кладъ, передалъ его владѣльцу усадьбы, послѣднимъ-же кладъ въ цѣломъ составѣ пожертвованъ Кіевскому Музею Древностей и Искусствъ, гдѣ онъ въ настоящее время и хранится.

—

Въ Кіевѣ-же, на Старомъ Городѣ, осенью настоящаго года найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ той-же эпохѣ. Очень возможно, что предметы эти составляютъ лишь часть исчезнувшаго клада.

Это, прежде всего, очень изящной работы серебряная серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца, на которомъ висятъ двѣ пронизки, иммитирующіе нанизанныя на проволоку бусы; каждая изъ пронизей состоитъ изъ двухъ боковыхъ гладкихъ шариковъ и средняго ажурного.

Затѣмъ, пять дробницъ, въ видѣ золотыхъ розетокъ; три изъ нихъ побольше (діам. 2,3 стм.), двѣ поменьше (діам. 1,8 стм.). Большія имѣютъ среднее гнѣздо для камня и кругомъ 8 меньшихъ гнѣздъ. У меньшихъ, кругомъ центральнаго, только по 6-ти гнѣздъ; здѣсь, какъ гнѣзда, такъ и фонъ украшены зѣрнью. Дробницы эти по краямъ снабжены дырочками для прикрѣпленія къ матеріи.

Серьга и дробницы поступили въ собраніе Б. И. Ханенко.

—

Городище Княжа Гора за послѣднее время почти совсѣмъ иссякло. Встрѣчается еще довольно часто желѣзо, изъ болѣе-же цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ можно указать лишь на недавно найденную привѣску изъ горнаго хрусталя, овальной формы, въ серебряной оправѣ—новый видъ привѣсокъ.

—

Вблизи Ананьева, въ долинѣ Тилигула, на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ, рабочіе наткнулись на человѣческій скелетъ, лежавшій головой на востокъ, ногами на западъ. Судя по длинѣ скелета, покойникъ былъ ростомъ въ 2 аршина, но въ то же время это былъ вполнѣ сформировавшійся человѣкъ; въ каждой челюсти у него по 16 зубовъ. Широкій тазъ показываетъ, что это была женщина. На обѣихъ рукахъ скелета, немного ниже локтей, надѣто было по браслету, каждый изъ нихъ сдѣланъ изъ бронзовой проволоки нѣсколько тоньше гусинаго пера; браслеты не спаяны: концы проволоки расплющены и украшены точечнымъ орнаментомъ. Обращаетъ на себя вниманіе малый размѣръ браслетовъ—всего 5 сантиметровъ въ діаметрѣ; такой браслетъ едва найдетъ на дѣтскую руку. Кромѣ браслетовъ, покойница была украшена двумя мѣдными серьгами; какое-то мѣдное украшеніе было у нея и на шеѣ, но вещи эти по невѣжеству рабочихъ потеряны; одинъ изъ браслетовъ они изломали въ куски. Узнавъ о находкѣ, ананьевскій городской голова А. А. Коняхинъ немедленно выѣхалъ и тщательно изслѣдовалъ мѣсто находки. Скелетъ, уцѣлѣвшій браслетъ и обломки другого г. Коняхинъ принесъ въ даръ Херсонскому археологическому музею. („Югъ").

—

На поляхъ *д. Самбросовки, Александрійск. у. Херсон. губ.* выоранъ кладъ, состоящій изъ 170 пятаковъ чекана 1761—1787 г.г. Мѣстность эта давно притягивала къ себѣ различныхъ искателей кладовъ, которые ежегодно въ теченіе уже 30—35 лѣтъ ищутъ ихъ въ скалахъ, находящихся на землѣ дер. Самбросовки по теченію р. Ирклея. Въ прежнее время зачастую появлялись разные дряхлые „дѣды", указывавшіе то въ одномъ, то въ другимъ мѣстѣ скалу, гдѣ долженъ былъ находиться кладъ. Находились охотники взрывать скалы, подкапывать ихъ, но всѣ эти поиски до сихъ поръ были безуспѣшны. Послѣ этой находки одинъ изъ крестьянъ ближайшаго хутора разсказалъ, что онъ помнитъ, какъ во времена его дѣтства являлся какой-то дѣдъ разыскивать въ лѣсу криничку, которой тогда уже не существовало, такъ какъ въ нее, по словамъ того дѣда, была опущена запорожцами „паровица" мѣдныхъ денегъ (Югъ).

———

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ повсѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III· **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

+

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь). заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Prehled“ въ Прягѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Simàcek, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

коллегія, наполнившая надеждами обиженныхъ всей гетманщины... Въ числѣ ихъ оказалась и Татьяна „Павлиха", вдова одного изъ тѣхъ Брагинцовъ, которымъ судъ возвратилъ ихъ „селище", въ 1671 г. Вдова „Павлиха пожаловалась въ Глуховъ, что С—чи завладѣли уже разъ присужденными имъ землями и—глуховскія власти поспѣшили (такое было время) удовлетворить обиженную... Брагинскія земли присудили „Павлихѣ", а между тѣмъ на этихъ земляхъ сидѣло цѣлое село... Вдова Андрея С. постаралась уладить дѣло миромъ, при чемъ ей пришлось заплатить 2500 золотыхъ. [1]) Но процессъ съ „Павлихою" сильно отразился

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь разсказъ самой вдовы Андрея С., какъ о началѣ с. Брагинцовъ, такъ и о процессѣ за нихъ въ 1723 г., съ «Павлихою». «Покойный мужъ мой Андрей С., по изшествіи з М. Россіи непріятеля шведа, одержавши уряди писарства, а потомъ судейства, полковіе Прилуцкіе, для вспартя своего господарства покупилъ былъ в многихъ селянъ сотнѣ Варвинской, а именно въ Озерянцовъ, Оробювцовъ, Савинцовъ и в другихъ, разные грунты, на которихъ за позволенемъ пок. плк-ка Прлцк. Носа, поселилъ хуторъ и слободку Брагинецъ осадилъ, которая потомъ универсаломъ пок. п. гетм. Скор. зостала мнѣ в спокойное владѣніе ствержена, и владѣла я оною до смерти мужа моего безъ жадной перепони; когда жъ мужъ мой волею Божею умре, помянутою слободкою владѣла я по 1723 г., безперепонно. А въ томъ году Тетяна Павлиха, жителка Бѣлогорѣлская, била челомъ въ енер. в. к—рію, доносячи, что мужъ мой Андрей С. неслушне якобы покупилъ у тихъ Озерянцовъ и другихъ селянъ—грунта, гди жъ они суть не ихъ, але мужа ей умершого Брагинця, и презентовала декретъ з суду в. енералного, за подписомъ рукъ Ив. Домонтовича и Ив. Самойловича, судей енер—хъ, въ року 1671, мѣс. окт. 9 дня, ей, Павлихи, мужу виданный. И по той ей занесенной на мене жалобѣ, велено з оной енер. к-ріи представить мнѣ—одъ кого достались тіе грунта заводцовъ; и я оныхъ Озерянцовъ да и другихъ селянъ, предъ судомъ войск. енер. представляла, и купчіе мнѣ одъ ихъ данные обявляла; но они одъ кого себѣ ґрунта тие прежде имѣли— слушного доводу не показали, и за тое арматнимъ вязенемъ были карани; а повелено зъ оного жъ суду ен., абы я (рука руку знаючи) своихъ заводцовъ смотрила, а грунтовъ оной Тетянѣ Павлисѣ усту-

на Брагинцахъ, такъ какъ послѣдніе засимъ вовсе не показываются въ ревизіи 1729 г. Мы видѣли уже (с. 357), что вдова Андрея С. въ это самое время (лѣто 1729 г.) жаловались, что старшій сынъ ея „*въ слободѣ Брагинцахъ килканадцять человѣка* и болшую часть Брагинского грунту *до хутора Мормизовского*, самовласне собою завладѣнного, *принялъ во владѣніе*", изъ чего можно думать, что Брагинское населеніе чуть не все—на время—расходилось... Но критическій моментъ прошелъ и—по ревизіи 1731 г.—въ „слободкѣ Брагинцѣ" значится 68 хоз. „весьма убогихъ и безгрунтовыхъ", и кромѣ того—„при дворцѣ (усадьбѣ) С—чей—девять человѣкъ „зъ нагороди (за жалованье) живучихъ хатами порознь" (войтъ, стадникъ, конюшій, шинкарь, кравець, десятникъ, овчаръ, швецъ и коровникъ). Видно, что потревоженное поселеніе не трудно было вновь собрать, при чемъ у вдовы Андрея С—ча [1]) явились „безгрунтовые" кр—не, т. е. не имѣвшіе полевыхъ земель, а слѣдовательно, всецѣло подчиненные державцѣ... По смерти вдовы Андрея и сына ея Матвѣя, половина Бр—цевъ была захвачена Иваномъ С. и это обстоятельство, какъ видно ниже, оказало замѣтное вліяніе на уменьшеніе здѣшняго населенія. Кр. А. 34 д. В. 25 д. В. не показаны. Г. 35 д. 35 х. (Ивана С—ча и вдовы брата его Матвѣя. За 1737—1740 г.г. „сошло" 22 двора). Д. 79 д. 124 х. Изъ нихъ 47 дв. б. товв. Ивана и Матвѣя Матвѣевичей С—чей, и 22 дв. „княг. капитанши Ор-

---

пила. Тилко же, жебы мнѣ чрезъ тое не прийти было въ крайнее зоразореніе, мусѣла вновъ у Тетяни Павлихи за полтретѣ тисячи золотихъ суммы готовои грошей, кромѣ другихъ рѣчей, тие грунти купити, якіе прошлого 1723 году, августа 1, декретомъ зъ суду в. ен. въ спокойное мнѣ, зъ синами, владѣніе ствержени. А въ декретѣ томъ повелѣно, дабы они Озеранцѣ зъ другими селянами, безъ отреченія и болшой себѣ турбаціи, всѣхъ своихъ грунтовъ, подлугъ ограниченя въ декретѣ Домонтовича и Самойловича, судей ен., виряженного, уступили, а сами своихъ заводцовъ глядѣли, любъ если заводци въ кого нѣтъ, уживанемъ прежнимъ своего грунту контентовались».

[1]) Брагинская вѣдомость въ ревизіи 1731 г. подписана вдовою: «къ сему вѣдѣнію вмѣсто матки моей Феодори С—чевой, по ея велѣнію, синъ ея, сотникъ наказный Варвинскій Матфій С—чъ».

беліановой" (должно быть вдовы единокровнаго ихъ брата Владиміра Орбеліана). Козаковъ въ Б. не было.

Слоб. Мормизовка, „рѣки нѣтъ никакой" (Пащ.), поселена Андреемъ С—чемъ на Брагинскихъ земляхъ (см. выше), при чемъ въ 1718 г. здѣсь было уже 10 дв. Затѣмъ М—ка была отсуждена отъ С—чей вмѣстѣ съ Брагинцами, и наслѣдникамъ Андрея С—ча пришлось въ другой разъ покупать Мормизовскія земли (см. Брагинцы). Деньги за эти земли уплатила вдова Андрея С. вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, что̀ и дало поводъ последнему присвоивать себѣ эту слободку, при чемъ онъ перевелъ сюда „килканадцать" Брагинскихъ жителей, какъ жаловалась его мать. Но видно, что къ Ивану С. слобожане шли неохотно, п. ч. М—ка въ ревизіяхъ 1729 и 1731 гг. вовсе не показывается, а по ревизіи 1740 г. значится только „футоръ Мормизовскій", принадлежащій *Ивану* С—чу, съ 5-ю хатами подсосѣдковъ. Отсюда видно, что Ив. С—чъ не смогъ возстановить прежней слободки.[1]) Послѣ смерти Ив. С—ча, М—ка

---

[1]) Мы уже видѣли, что сама мать Ив. С—ча свидѣтельствовала о его суровомъ обращеніи съ своими «подданными» (с. 341). Къ этому можно прибавить, что не за одну суровость Ив. С—ча, чуждался его сельскій людъ. Сохранились факты, что «подданные» этого державцы терпѣли еще и отъ развратныхъ его похожденій. Мы уже не разъ упоминали, какъ много «отновлено» было жалобъ вслѣдъ за учрежденіемъ Глуховской коллегіи. Въ числѣ этихъ жалобъ Галаганъ представилъ Полуботку, въ 1723 г., двѣ «суплѣки», одну—«отъ Параски Райкувны, дѣвки, а другую—отъ Вивди Демяновны, молодицы, на п. Івана С—ча, т. войск., что онъ, С—чъ, будто зъ едною зъ нихъ, Параскою, вшетечній грѣхъ пополняючи, дитя прижилъ, а другой, на имя Вювдѣ, паненства позбавилъ". Вѣроятно, что эти жалобы возбуждены были самимъ Галаганомъ, постоянно спорившимъ съ С—чами за Озерянскія земли; но это обстоятельство должно было обратить на нихъ тѣмъ большее вниманіе Глуховскихъ властей. Поэтому, для разслѣдованія жалобъ на С—ча, Полуботокъ послалъ на мѣсто *четырехъ* своихъ чиновниковъ. Главная жалобщица «Вюцка Демяновна» дала слѣд. показаніе слѣдователямъ: «Дѣется тому третій годъ, едного часу Іванова Себастіановичева жена была въ Гурбинцахъ, а самъ С—чъ пріѣхалъ на Брагинецъ, противъ праздника

перешла во владѣніе наслѣдниковъ Матвѣя С—ча, вдова котораго—какимъ то образомъ—передала эту слободку, сыну своему отъ второго брака, Владиміру Орбеліану, за которымъ она показана по вѣд. 1780 г. Кр. В. 10 д. В. нѣтъ. Г. 5 д. 5 х. Д. 35 д. 53 х. (капитана кн. Владиміра Орбеліана).

Обрѣзанія Господня, и надвечоръ того дня пришолъ до еи, Вюцки, дворовій же С—човъ овчаръ и сказавъ: ходи до двора, платя прати, старостиха велѣла.—Вюцка по указу и пошла; куда пришовши, сказано ей старостиха (хою?) С—чъ (ча?), мовячи: уже, небого, платя не пратимешъ; поможи скубти курупята да старостисѣ коло печи поратись.—Она задосить тому чинячи, любо припоравшись, хотѣла пойти додому, тилко жъ старостиха не пустила, повѣдаючи, что панъ тебе не велѣвъ пускати.—Того жъ часу, уже позно, вийшла она, Вюцка, в сѣни, води брати, ложки мити, а С—чъ вхопивши еи за руку, скоро повѣвъ в хату пустую, чрезъ сѣни жъ стоячую, где кури, гуси и другая дробина найдовалася, въ которой того жъ часу хтось дверѣ з сѣней завернувъ; и ставъ насиловати до пополненя грѣха, которому хоцяй з плачемъ просячися, далъ би покой, виговорувала, же еще нѣ с кимъ грѣха не мѣла, однакъ С—чъ едно, властю, якъ державца, другое, упевнивши еи замужъ своимъ коштомъ оддати, силою згвалтовалъ. А одпустивши одъ себе, приказалъ старостисѣ, щобъ исти оной Вютцѣ дала. И якъ скоро хотѣла исти, заразъ Василь Макарукъ, на той часъ бувши села его С—вичового Брагинця десятникъ, викликалъ еи жъ Вюцку з хати, и в сѣняхъ, заразъ С—чъ взявши до себе, за дверми сѣнечними, другій разъ пополнилъ грѣхъ, и приказалъ старостѣ своему Хведору Лозицкому до дому Вювдѣ не пускати, але у коморѣ зачинити. Якъ же такъ и було, бо з старостихою в коморѣ жъ и ночовала... Переночовавши жъ, на другій день, когда Вювдя увійшла у хату грѣтися, застала в хатѣ С—ча, которій тожъ похотѣлъ пополнити грѣхъ, тилко жъ чоловѣкъ села того, Головатій, в хату нагодился, и намѣренному его дѣлу перешкодилъ»... Этотъ допросъ производили въ маѣ 1723 г.,—Павелъ Раковичъ, Якимъ Горленко, Григорій Галенковскій и Илья Александровичъ. Они же произвели дознаніе и по жалобѣ Параски Райковны, тоже подробно разсказавшей о своихъ сношеніяхъ съ Ив. С—чемъ, при чемъ впрочемъ „паненство“ у Райкувны было „позбавлено“—другимъ... Тутъ же „сусѣда“ С—ча, Тацка Прокопиха, „которая будто

Х. Макушиха „протокъ Балабанка“ (Пащ.), поселена во втор. пол. XVIII в., вѣроятно, зятемъ Ив. Себастіановича, Ос. Лысенкомъ, за которымъ въ 1780 г. здѣсь показано 10 дв. съ 19-ю хатами.

С. Озеряне, „въ ярахъ и на косогорахъ, чрезъ село протекаетъ небольш. рч. Озерянка, на которой мельница“ (Пащ.), возникли не позже полов. XVII в., хотя первая здѣсь церковь строилась только въ 1703 г.—Самойловичемъ О. отданы были тогдашнему Варвинскому сотнику Яремѣ Моренцу, по смерти котораго принадлежали къ числу ратушныхъ селъ, но Галаганъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ садить тутъ *своихъ* „подданныхъ“. Случилось это такъ, какъ разсказывали мѣстные люди, въ 1724 г.—„Лѣтъ 20 тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ (с. 63) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Оз—хъ только „аренду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до аренды“, сталъ просить, чтобъ позволили ему тутъ же, въ селѣ, „занять вольную леваду“, надъ Мамотовымъ ставомъ, для постройки хуторка. При этомъ С—чъ обѣщалъ дать намъ за то, на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Оз—хъ была тогда еще не достроена. Получивъ это позволеніе, С. денегъ на церковь не давалъ, да и леваду не долго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай

в зводадъ бувала“, разсказала слѣдователямъ, что она давно уже живетъ въ дворѣ у С—чей, „и едного часу, пришовъ С—чъ до еи, Пронопихи, в хату и сказавъ: пойди, мовитъ, до Ганни, дѣвки швачки, на той часъ в дому его жъ С—човомъ служачой, и скажи, если она позволится зо мною учинити грѣхъ,—по якого веленію, когда той дѣвцѣ Тацка донесла, що панъ требуетъ до пополнения грѣха, одказала: хоцяй мовитъ и службу оставлю и з двора пойду, а грѣха чинити з паномъ не хочу. Що якъ донесла ему, С—чу, давъ ей покой“. Интересно, что когда „Параска“ послѣ рожденія дитяти, должна была уйти отъ С—чей, то въ Гурбинцахъ, гдѣ жили С—чи, она услыхала отъ одной бабы такое предостереженіе: „Лихо тобѣ, Параско, буде!—чула я одъ самой панеи (т. е. отъ жены Ив. С—ча) що если где трафится тебе знайти, велѣла бъ до смерти убити!“...

его позвалъ“, и, кромѣ того, онъ въ это же время, по сосѣдству въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запустѣла та левада, пока не насталъ плк-комъ п. Галаганъ. А какъ сталъ Г—нъ плк-комъ, и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Оз—хъ, въ 1718 г., съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полк. судьею. И когда пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ п. плк-къ просилъ п. судію—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Оз—хъ. Судья согласился, говоря, что хоть Озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: „за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я вашецѣ, добродію, дарую!“. И тогда же п. плк-къ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ“, оповѣстили намъ, Оз—мъ обывателямъ.—Получивъ леваду, Г—нъ года за три, за четыре, поселилъ тутъ нѣсколько подсосѣдковъ, а потомъ попытался подчинить себѣ и остальныхъ Оз—хъ крестьянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностр. дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности, которыми Галаганъ владѣлъ по универсалу гетмана, Г—нъ включилъ въ число этихъ маетностей и Оз—не. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—дѣйствительно ли принадлежатъ Галагану указанныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Оз—хъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ—не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣетъ“. Поэтому въ грамотѣ на Оз. Г—ну было отказано. Въ то же время и вдова Андрея С—ча, пользуясь благопріятными обстоятельствами, по случаю учрежденія въ Глуховѣ коллегіи, въ февралѣ 1724 г., подала правителямъ ген. к—ріи такую жалобу: „въ прошломъ 1719 г., п. Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Оз—ми, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою пок. гетм. Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа, но онъ, плк-къ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣетъ ею съ того времени самъ“... Спрошенный по этой жалобѣ, Г—нъ отвѣчалъ: „леваду въ Оз—хъ, а не слободку, покойный судья С—чъ подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ Оз—скихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же при-

лагаю, *а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ Оз—скимъ, не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*". Въ такомъ объясненіи и заключался весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться... Тутъ Г—нъ—какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все село.—Затѣмъ, когда въ 1727 г. Г—нъ попросилъ было—у новопоставленнаго Апостола—дать ему одно изъ Прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ, указавъ при этомъ и 154 двора въ Оз—хъ. Такимъ образомъ, незамѣтно въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ себѣ все крестьянское населеніе Оз—нъ, состоявшее изъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ универсала на Оз. и отъ Апостола, хотя послѣдній, повидимому, уже признавалъ фактъ принадлежности ему этого села. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностр. дѣлъ за царской грамотою на самовольно захваченныя маетности, при чемъ Оз. назвалъ *хуторомъ*; но и на этотъ разъ гетманъ помѣшалъ ему закрѣпить за собою это село. Только въ 1737 г. успѣлъ наконецъ Г—нъ выпросить себѣ на Оз. универсалъ, отъ тогдашняго правителя А. И. Румянцова.

Кр. П. 8 д. А. 8 д. Б. 9 д. и „людей п. полковника" 19 д. В. 135 д. („маетность плк-ка Прлцк. Игн. Г—на") Г. 99 д. 103 х. Д. 150 д. 252 х. пс. 3 д. 5 х. Кз. Б. 16 д. Г. 8 д. Д. 37 д. 109 х. [1])

---

[1]) Сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ Галаганъ-сынъ относился къ жалобамъ Озерянскихъ подданныхъ на жестокость обращенія «старостъ». Свѣдѣнія эти очень любопытны, указывая, что по такимъ жалобамъ могъ быть и *судъ*. Свѣдѣнія эти касаются жалобъ Озерянскихъ кр—нъ (1757 г.) на временнаго своего старосту Корицкаго. При разслѣдованіи этихъ жалобъ, Корицкій разсказалъ, между прочимъ, и свою прежнюю жизнь, указывающую, что это былъ

С. Гнѣдинцы, „на мѣстѣ низкомъ, при протокѣ Рудѣ" (Пащ.), возникли во второй пол. XVII в. и „подъ вѣдѣніемъ

одинъ изъ т. наз. *мандрованныхъ дяковъ*. О себѣ К. разсказалъ, что «родился онъ въ м. Яреськах, отъ отца Мартына Коваля, козака, и изучившися грамоти, будетъ тому годовъ до 15-ти, отъ отца отлучась, мандровалъ по разнымъ школамъ; между тѣмъ, въ 1748 г. примандровалъ онъ въ с. Озеряне, гдѣ живши въ тамошней школѣ за поддячого, того жъ году, на дочери посполитого Озерянского женился, а на другой годъ тамо, въ Озерянахъ, былъ поставленъ дякомъ. Посля, не пожелавши тамо дяковать, отлучившись, зъ женою свою, зъ оного села Оз—нъ, по разнимъ селамъ дяковалъ же. А прошлого 1753 г. онъ, К—ій, пака въ тое село Оз—не на жителство возвратился, и жилъ до 1757 г., въ должности дяковской; при томъ, по требованію старосты Оз—ского, подлежащіе по экономіи дѣла писалъ. Изшедшого же юня 19 д. (1757 г.), отъ г. полковника (Галагана), чрезъ писменній приказъ, велено ему, К—му, за отлучкою помянутого старости, поколь онъ возвратится, тамошную экономию въ надсмотреніе принять; такожъ, въ мимошедшое лѣто, сѣна укосить и пашню знять съ поля»... По этому распоряженію К—ій хозяиничалъ въ Оз—хъ до 2 сентября, пока туда не пріѣхалъ Галаганъ, которому по его пріѣздѣ, и разсказано было—какъ убыточно для него хозяйничалъ Корицкій. Разсказали «пану», что К. много сѣнокосовъ поотдавалъ, чужимъ людямъ, за деньги, въ свою пользу, плохо и несвоевременно убиралъ хлѣбъ и черезчуръ жестоко наказывалъ крестьянъ, за мнимыя ихъ провинности. «Демка Брагунця, будучи весма пяній, билъ нещадно плѣтю и кулаками, такожъ и за волоса тасҡалъ, при войту Шепетенку да шинкарю Семевенку; винности жъ его, Брагинця, толко и било, что, состоя онъ смотрителемъ для обережена отъ воровства трави господской на Лебединцяхъ, едного времени, тамъ былъ и оную траву объѣздилъ, где и его, К—го, якожъ онъ хотѣлъ туда жъ ради осмотру быть, хотя долго ждалъ, но что онъ тогда запился въ шинку, не дождался, а онъ К., не бувши самъ тамо, сказалъ будто и онъ, Брагунецъ, не булъ, и за то далъ къ побою причину. За якой побой, по иску на его нимъ, Брагунцемъ, у господина, уже предъ нимъ самъ и винился, и за увѣтче, данною отъ себе ему, Брагунцю, саморучною роспискою, обовязался заплатить денегъ рубля и 20 коп.—Федора Кавуна, стадника мирского, винности не мало предъ нимъ, К—мъ, не было, ибо онъ стадо въ под-

сотнѣ Варвинской" находились (*Генер. слѣдствіе*) до 1709 г., когда были отданы новымъ плк-комъ Носомъ, Михаилу Тарнов-

---

лежащое время, и за вѣдомомъ людскимъ, на пастбу, въ стернь яринную, гонилъ; а что безъ Корицкого вѣдома, то и дѣла ему до того не било, занапрасно, з едного самоволства и фастаючи, яко би всему онъ началникъ в селѣ, нещадно билъ плетю и въ колодѣ не токмо его самого, но купно съ нимъ и жену его, чрезъ цѣлый день, держалъ.—Петро Богушенко, самъ не идучи на панщину, просилъ его К—го, дѣвку его, Б—ка, на панщину въ гребцѣ принять; токмо онъ, К., дѣвки не принявши, двома нападами плетю немилостиво, какъ бы скотину, Б. билъ,—да и скотини разсудителний человѣкъ занапрасно такъ увѣтчить не будетъ; и за два рази—поболше 50 разовъ ударилъ, такожъ и за волоса доволно волочилъ, отъ которого увѣтча оной Петро Б. и болѣзновалъ недель болшъ трохъ; а сверхъ того и похвалки онъ, К., чинилъ—гонить его и на домашнихъ его, потоль пока из-свѣта или з-села—зженетъ, якие похвалки онъ, К., и исполнилъ, и з села вигналъ, ибо точію, чрезъ его, К—го, за страхъ онъ, Петро, изъ Оз—нъ перейшолъ и живетъ въ Гурбинцахъ, и тѣмъ онъ, К., господину въ подданствѣ ущербъ издѣлалъ»... Разсказаны были и другіе случаи жестокаго обращенія К—го съ подданными. Какъ только эти жалобы принесены были Галагану, Корицкій немедленно бѣжалъ изъ Оз—нъ и, желая избавиться отъ преслѣдованія плк-ка, «записался въ службу компанѣйскую», когда «команда новонабираючаясь перво-охочекомонного компанѣйского полку близъ с. Безсалъ (Лохвицк. у.) лагеремъ стояла», причемъ при посредствѣ «полковника того компанейского полку, г. Антона Крижановскаго», получилъ отъ генер. к—ріи «ордеръ» къ плк-ку Галагану, — объ освобожденіи отъ ареста жены и имущества его, К—го; но когда К. съ этимъ ордеромъ пріѣхалъ въ Оз—не, «то тамошнимъ старостою плк-ка Галагана взятъ подъ караулъ» и затѣмъ былъ судимъ въ полк. судѣ. Галаганъ искалъ съ К. возмѣщенія убытковъ въ хозяйствѣ, но при этомъ К. судили и за его жестокое обращеніе съ «подданными». Полк. судъ разсуждая объ этихъ К—го дѣйствіяхъ, замѣтилъ: «хотя бы жъ чія с тихъ людей била предъ нимъ К—мъ ослушность, то за овую подлежало ему, *по давному обичаю, наказать на то учрежденною самою только колодою*, а не боемъ, понеже такой чтобъ людей господскихъ бить, власти ему ни отъ кого не давано. Въ концѣ концовъ, судъ присудилъ, чтобы К.

скому, а когда послѣдній въ 1714 г. былъ поставленъ Варвинскимъ сотникомъ, то Скоропадскій подтвердилъ ему Г. на урядъ. Однакожъ и по смерти Михайла Т. Г—цы остались во владѣніи его наслѣдниковъ. Кр. А. 21 д. Б. 57 д. В. 65 д. Г. 26 д. 26 х. (Данила и Андрея Михайловичей Т—хъ. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 18 двор.) Д. 50 д. 92 х. пс. 11 д. 24 х. (б. тов. Петра Дан. Т.—32 д. 57 х. и вдовы Ив. Дан. Т.—18 д. 35 х.) в. тов. Бѣлоцерковца—5 д. 9 х.) Кз. Б. 37 д. Г. 50 д. 55 х. пс. 3 д. 3 х. Д. 68 д. 158 х.

С. **Свѣтличное**, „родники“, образовалось изъ хуторовъ, возникшихъ здѣсь въ к. XVII в., при чемъ значительнѣйшимъ былъ тутъ Варвинск. хуторъ козака *Свѣтличнаго.* Затѣмъ Св. было отдано плк-комъ Стороженкомъ полков. писарю Патокѣ, который и владѣлъ имъ до смерти (*Генер. слѣдствіе*). Въ 1719 г. Св. отдано Скоропадскимъ „маршалку“ своего двора, Андрею Кондверовскому, при чемъ въ универсалѣ сказано: „мѣючи взглядъ на его, п. К—го, которій при боку нашому отъ начала гетманства нашого жъ вѣрніе и радителніе свои ронилъ услуги и потомъ домовѣ нашему присвоився“... Послѣднее выраженіе значитъ, что К—ій женился на одной изъ сестеръ гетманши Скоропадской. Послѣ Андр. К—го, Св. перешло къ двумъ его сыновьямъ, в. товарищщ. Якову и Петру К—имъ, которые и владѣли этою маетностью вмѣстѣ. Петръ К—ій женатъ былъ на дочери Дан. Мих. Тарновскаго, Марьѣ, и оставилъ четырехъ сыновей и пять дочерей. Кр. А. 21 д. Б. 29 д. В. 25 д. Г. 3 д. 3 х. [1]) (за три года „сошло“ 9 дв.) Д. 50 д. 66 х. (Як. и Петра Кондзеровскихъ) пс. 13 д. 24 х. Кз. Б. 38 д. Г. 32 д. 37 х. Д. 43 д. 78 х. Показанные въ Св., въ 1780 г., подсосѣдки принадлежали Ладинскому м-рю, за которымъ уже въ 1729 г. показана „*подъ с. Свѣтличнымъ*

всѣхъ обиженныхъ вознаградилъ согласно статуту. Какъ приведено было это рѣшеніе въ исполненіе относительно крестьянъ—не видно.

[1]) Эта цифра представляется ошибочною (что нибудь пропущено) п. ч. по вѣд. 1753 г. въ Св. показано 25 д. и 30 х.

слободка монастира дњвичого Ладинскаго", съ 12 дв. По ревиз. 1740 г. слободка эта не показывается, а по вѣд. 1780 г. она сливается уже съ селомъ.

С. Остаповка, рч. Варвица, возникла во втор. пол. XVII в., и до 1740 г. значилась ратушнымъ, а затѣмъ показывается селомъ просто „свободнымъ".

Кр. А. 11 д. Б. 10 д. В. ? Г. 4 д. 4 х. ратушныхъ. Д. 10 д. 17 х. (кол. ас. Галагана), пс. 35 д. 47 х. 19 бд. х. Кз. Б. 30 д. Г. 28 д. 29 х. Д. 28 д. 72 х. У Пащенка показаны слѣд. владѣльцы: кол. ас. Галаганъ—10 дв. 17 х., писарь генер. суда (Василій Высоцкій)—19 бд. х., сотникъ Жила—1 д. 3 х. и пдс. 7 д. 14 х. Владѣльцы эти явились, полагать должно, вслѣдствіе безхозяйнаго положенія О—ки, почему Галаганъ (Григорій?) имѣлъ возможность скупить всѣхъ *крестьянъ*, а Высоцкій могъ накупить здѣсь „грунтовъ" и заселить ихъ подсосѣдками, которыхъ въ О—кѣ, по свѣд. 1779 г., за нимъ считалось 149 „малороссійскихъ душъ". У Высоцкаго тутъ, поблизу была ранговая маетность, м. Куренка, посѣщая которую онъ, конечно, и могъ высмотрѣть удобства Остаповки для поселенія въ ней своихъ подсосѣдковъ. [1])

Журавская сотня заключала въ себѣ только пять селъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Удая, за исключеніемъ с. Ладина, земли котораго находились на правомъ берегу Удая.

Журавскіе сотники. Федоръ Вульба, 1689. Матвѣй Выченко, 1672. Степанъ Левченко, 1683. Демьянъ Якубовичъ, 1711—1712. Михаилъ Ягельницкій, 1717—1728. Федоръ Тарасовичъ, 1729—1753. Петръ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1760. Иванъ Яновскій, 1763. Иванъ Степановичъ Лукомскій, 1770—1781.

Якубовичъ Демьянъ. Якубовичи производятъ свой родъ отъ Федора Якубовича, бывшаго при Хмельницкомъ Чигирин-

---

[1]) Занимая урядъ писаря ген. суда, Высоцкій былъ очень влiятельнымъ лицомъ въ Глуховѣ. Онъ былъ женатъ на дочери Сосницк. протопопа Федора Полторацкаго, Марьѣ, и имѣлъ четырехъ сыновей и шесть дочерей. По свѣд. 1779 г., за В. числилось крестьянъ: въ Куренкѣ—115, х. Матюшовкѣ—38, с. Уздицѣ—48 и Остаповкѣ—149 «душъ».

скимъ полковникомъ, но въ доказательство этого происхожденія не представляютъ ни документовъ, ни другихъ какихъ либо свѣдѣній о томъ, что сотникъ Журавскій Демьянъ Я. былъ сыномъ этого полковника; дѣлается только ссылка на Рубановъ лѣтописецъ М. Россіи, гдѣ указанъ Федоръ Я. [1]). Вѣрнѣе, что Дем. Я. былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, вышедшій въ люди только благодаря своей женитьбѣ на одной изъ сестеръ жены Скоропадскаго, которая ставъ гетманшею, помогла зятьямъ своимъ получить войсковые уряды и маетности. При этомъ и Д. Я. получилъ Журавское сотничество, а затѣмъ, въ 1712 г.— двѣ маетности, Мокіевку и Кулешовку. Сотничество Я—ча продолжалось очень не долго; весьма вѣроятно, что Я. не по своей волѣ оставилъ этотъ завидный для людей его положенія урядъ; можно догадываться, что Я., пользуясь своимъ свойствомъ съ гетманомъ, злоупотреблялъ своею властью; на это злоупотребленіе указываетъ напр., тотъ фактъ, что черезъ два года послѣ назначенія Я. сотникомъ, онъ 65 дв. козаковъ с. Антоновки фактически обратилъ въ своихъ крестьянъ (см. ниже с. Антоновку.) Оставивъ сотничество, Д. Я. умеръ въ безличномъ чинѣ бунч. товар. Единственный сынъ его, Яковъ, начиналъ службу тоже въ этомъ чинѣ, но затѣмъ, по какой-то протекціи, былъ поставленъ прямо на урядъ генер. есаульства. Женатъ онъ былъ на дочери *бригадира* Дунина, бракъ съ которою для того времени былъ явленіемъ малообычнымъ. Службы Я—ча перечислены въ слѣд. универсалѣ Разумовскаго: „Объявляемъ... асаулъ в. генер. г. Як—чъ подалъ намъ доношеніе, представляя о службахъ своихъ, которіе де онъ первѣе, въ рангѣ бунч. товарищей обрѣтаясь, по указу... ...Петра Первого императора... ...съ протчіими бунч. тов—ми, въ низовомъ корпусѣ, тако жъ и въ Полскомъ, Кримскомъ, Днѣстровскомъ и Хотѣнскомъ походахъ, а потомъ пожалованъ будучи въ чинъ асаулства генер., внутрь государства по разнимъ коммисіямъ... А за овіе никакого себѣ не имѣетъ награждзнія, и просилъ о награжденіи... ...деревнями изъ свободныхъ войсковыхъ дворовъ, нашего разсмотрѣнія. И мы, гетманъ, призирая на его, ас. ген. г. Я—ча, вѣрно отправле-

---

[1]) Дѣло Полтавск. двор. собр. о дворянствѣ Якубовичей, № 41.

ніе служби, по данной намъ отъ ея и. величества власти, опредѣляемъ ему а. г. г. Я., исъ чего бъ онъ и напередъ къ отправленію, по своему характеру, вѣрнихъ службъ къ снабдѣнію билъ въ состояніи, въ вѣчное владѣніе... ...село Алексинцѣ... село Яцини... и село Скибинцѣ, въ коихъ по ревизіи 1751 г. посполитихъ свободнихъ дворовъ и зъ бездворными хатами 44 показано, со всѣми принадлежащими къ онимъ селалъ грунтами и угодіями"... Универсалъ этотъ подписанъ 2 мая 1752 г., какъ разъ въ то время, когда новый гетманъ собирался начать объѣздъ „малороссійскихъ полковъ", при чемъ изъ генер. старшины бралъ съ собою: С. Кочубея, Безбородка и Якубовича (Марк., II, 304). Можно поэтому думать, что Я. выпросилъ себѣ приведенный универсалъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ.—Умеръ Я., повидимому, ок. 1758 г. (Марк. II, 354), оставивъ пять сыновей, Александра, Демьяна, Григорія, Андрея и Александра 2-го, и дочерей Анну и Катерину. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ крестникомъ императрицы Елисаветы [1]); очень можетъ быть, что это обстоятельство было причиною, что старшій изъ сыновей, Александръ, попалъ въ *пажи.* (Дневн. Ханенка, 327 и 454). Почти всѣ Я—чи служили сначала въ великорусскихъ полкахъ: Демьянъ—прапорщикомъ, Андрей—гв. капраломъ и Александръ 2-й—подпоручикомъ. Григорій сначала оставался дома и числился войск. товар., но потомъ тоже поступилъ въ великорусскій полкъ, и въ 1784 г. дослужился до чина подпортчика. Позже, старшіе его братья Демьянъ и Андрей—перемѣнили великорусскіе чины на мѣстные: Демьянъ сначала получилъ урядъ полк. хоружаго, а потомъ, въ 1781 г., произведенъ былъ въ отставку бунч. товар., а Андрей въ 1774 г. получилъ бунч. товар., а въ 1776 г. былъ выбранъ, въ Прилуку, земскимъ судьею. Дочери Як. Як—ча были замужемъ: Анна за гусарск. капитаномъ Вас. Терлецкимъ, а Катерина—за полк-комъ Ильею Яковл. Лизогубомъ (съ 1767 г. [2]). Яковъ Як—чъ оставилъ наслѣдство небольшое,

---

[1]) Повидимому, Андрей былъ крестникомъ императрицы, крестившей его въ 1744 г. (См. Зап. Марк., II, 214).

[2]) Выходъ замужъ Катер. Яковл. Як—чъ за Илью Лизогуба, въ 1761 г., отмѣченъ у Марк. (II, 373), причемъ у него записано, что

причемъ, умирая, предоставилъ его въ полное распоряженіе женѣ своей, желая конечно поставить сыновей въ зависимость отъ матери; но послѣдняя уже въ 1763 г. подѣлила это наслѣдство между сыновьями, назначивъ: Александру старшему—Мокіевку и Кулешовку, Григорію—Яцины, Скибинцы и Антоновку, Андрею—х. Артополотскій и Александру меньшему—слоб. Артополотскую (при уроч. Росоховатомъ). Къ составу Якубовичевскаго наслѣдства принадлежало также и село Богданы, въ раздѣлѣ матери неуказанное, конечно, потому, что она оставляла его себѣ въ досмертное пользованіе. Тутъ же не указаны и крестьяне, „скупленные“ въ Жоравкѣ. Богданское и Жоравское имѣніе было подѣлено сыновьями Якова по смерти ихъ матери. Хотя въ наслѣдствѣ Як. Як—ча указано нѣсколько селъ, но крестьянское населеніе въ нихъ было очень невелико и богатыми людьми Якубовичи не были.

Ягельницкій Михаилъ—человѣкъ совсѣмъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ потомства не оставилъ, а потому и некому о немъ было говорить. Я. назначенъ былъ сотникомъ вѣроятно послѣ Якубовича и оставался на этомъ урядѣ, пока небылъ поставленъ полк. судьею, при Апостолѣ, въ 1728 г. На открывшійся послѣ Я. сотничій урядъ явилось нѣсколько кандидатовъ, какъ писалъ объ этомъ Носенко, въ Москву, къ Галагану (с. 130), въ декабрѣ 1728 г.,—„въ сотнѣ Журавской, слава Богу, чтирохъ сотниковъ уже имѣемъ: еденъ Горкуша, другій Левенецъ, третій Федоръ Тарасенко, а четвертый Марко Антоновскій (т. е. изъ с. Антоновки); и дѣло сотенное еще Горкуша правитъ, а Левенецъ, зъ суплѣкою Журавчанъ, хочай и ездилъ до Глухова, толко жъ оному отказано, а Тарасенко—по святахъ,—з суплѣкою Журавчанъ, хочетъ еще в Глуховъ ехати“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, какъ видно, успѣлъ въ своихъ исканіяхъ Тарасенко, происходившій изъ людей мелкихъ, но умѣвшій продержаться на урядѣ болѣе 20-ти лѣтъ.

Села Журавской сотни.

М. Журавка, сліяніе Удая и Журавки, существовала уже въ 1618 г., какъ это видно изъ спора одного изъ за-днѣпров-

---

эта самая К. Як., семь лѣтъ передъ тѣмъ (1754 г.), была уже разъ сговорена за Александра Лысенка. (П. 321). О ней см. выше, стр. 249.

скихъ владѣльцевъ съ Іер. Вишневецкимъ, за бѣжавшихъ изъ с. Козловки въ Журавку крестьянъ (Zrðdła Dz., XXI, 233). При спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ", оказалось, что Журавка, какъ и Варва (с. 361), „поставлены были Польскими и Литовскими людьми до перемирныхъ лѣтъ", т. е. до 1618 г. Такимъ образомъ, Ж. поселена въ самомъ началѣ XVII в. По документу Пшездѣцкаго, въ Ж. показано 474 госп. и мельницъ. Въ пол. XVII в. Ж.—въ числѣ сотенныхъ центровъ—не показывается, но по описи 1666 г. значится мѣстечкомъ съ 44 дв. мѣщанъ, изъ которыхъ 10 хозяевъ были настолько зажиточны, что для полевыхъ работъ имѣли по три пары быковъ.[1]) Въ началѣ XVIII в. Журавсвіе кр-не „прислухали до ратуши", причемъ Демьянъ Якубовичъ, повидимому, не трогалъ ихъ; сталъ ихъ „скупать" сынъ Демьяна—Яковъ Як—чъ, который за три года (1736—38 гг.) скупилъ здѣсь 25 двор. изъ общаго количества 62-хъ, какъ объ этомъ точно говоритъ ревизія 1740 г. Черезъ 13 лѣтъ, въ 1753 г., у Якова Якубовича въ Ж. было 62 двора и 8 бд. хатъ, а свободныхъ посполитыхъ здѣсь оставалось только 11 дв. и 2 бд. х. Кромѣ

---

[1]) Нѣкоторыя черты изъ юридическаго быта Ж—ки, во втор. полов. XVII в., даетъ слѣдующій актъ 1683 г.. «Передо мною Стефаномъ Левченкомъ, сотникомъ Жоравскимъ, Матвѣемъ Тараномъ, атаманомъ городовымъ, Васкомъ Вдодомъ, войтомъ на тотъ часъ бывшимъ, и при бытности Яна Жабровского, сотника пѣхотного, (т. е. компанейскаго), зъ мѣщанъ, Гапона Кочерженка и иныхъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ при томъ было не мало. Ставши предъ насъ Кондратъ Марченко, ктиторъ церкви Жоравской, и мовитъ тими слови: пане вряде и вся лаво засѣлая, ижъ зознаю явне и доброволне, щомъ продалъ славетне урожоному пану Иану, арендару Жоравскому, лѣсъ свой власный, стоячий въ Сокулліомъ, подле Киселева лѣса, за суму певную сполна за 40 золотихъ. Тутъ тежъ и я, Григорій Матвѣевичъ, упрохалемъ враду вишъ писанного, на тотъ часъ зостаючого, жеби то было въ семъ же записѣ записано, щомъ продалъ пану Иану лози на ставу Жоравскомъ, за два таляра, на що подаемъ пану Иану сей нашъ записъ, ижъ не повиннисмо сами въ тотъ лѣсъ, яко тежъ и лози, втручатся, грошми откладать, яко тежъ потомки наши, жадний съ кревнихъ нашихъ, вѣчними часи».

того, по вѣд. 1753 г. въ Ж. оказывается и много другихъ владѣльцевъ, у которыхъ было по одному, по два—двора, разумѣется, подсосѣдковъ; крупнѣйшій изъ этихъ владѣльцевъ былъ Журавскій сотникъ Тарасовичъ (17 дв. и 2 бд. х.). Тутъ же записаны и два грузина: Данило Агіяновъ и Михайло Бедауровъ, за которыми значится *по одному двору*, полученныхъ ими значитъ въ 1743 г.

Кр. П. 44 д. А. 153 д. Б. 110 д. В. 103 д. (пс. 12 козачьихъ) Г. 37 д. 37 х. свободн. и 25 д. 29 х. „скупли" Якова Якубовича—Д. 25 д. 30 х. 4 бд. х. (сыновей Якова Якубовича) пс. 43 д. 57 х. и 18 бд. х. Кз. Б. 89 д. Г. 115 д. 131 х. пс. 21 д. 21 х. [1]) Д. 144 д. 279 х. 11 бд. х. пс. 2 д. 2 х. По Рум. описи, Ж. „лежитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ земляной городокъ, коего валъ отъ неподчинки осыпался; изъ города двое воротъ: Прилуцкіе и Лохвицкіе".

С. Ладинъ, Удай, упоминается уже въ 1619 г., когда былъ отданъ Раиною Вишневецкою Ладинскому м—рю (Густ. лѣт., 56). За этимъ м—ремъ Л. и остался. Кр. А. 191 д. Б. 131 д. В. 96 д. Г. 68 д. 71 х. Д. 123 д. 152 х. пс. 1 д. 1 х. Кз. Б. 6 д. Г. 6 д. 7 х. Д. 6 д. 10 х.

С.с. Мокіевка и Кулешовка, Удай, оба села возникли въ полов. XVII в. и оба затѣмъ имѣли одинаковую судьбу. М. и К. принадлежали сначала къ числу ратушныхъ селъ, а затѣмъ, въ 1712 г., отданы Скоропадскимъ Демьяну Якубовичу, вслѣдъ за назначеніемъ его Журавскимъ сотникомъ. При отдачѣ этихъ селъ Я—чу, въ М. было: 32 дв. и въ К. 24 дв. крест. Черезъ пять лѣтъ населеніе это умалилось болѣе чѣмъ *вдвое*. По случаю этого умаленія вдова Дем. Я—ча жаловалась, въ 1726 г. въ ген. к—рію, на излишній постой, причемъ, указавъ на прежнее населеніе М. и К., вдова продолжаетъ: „и тогда положено было имъ давать порцію компанейцамъ—на полтора человѣка; теперешнихъ же

---

[1]) Изъ этихъ подсосѣдковъ 5 дв. принадлежали отставн. серж. Черниговск. пѣхотн. полка Якову Передѣлову, который значитъ тоже могъ производить «скуплю» и притомъ *козаковъ*.

временъ, есть только въ М. и въ К. *всего 15 человѣкъ*, и то совсѣмъ обнищалыхъ, не имѣющихъ ни грунтовъ, ни тяголъ („ни тежъ жаднаго тягля"), и этимъ 15-ти человѣкамъ положено теперь давать, на пять компанейцовъ,—30 копъ... Поэтому, мизерные люди готовятся разойтись, не имѣя возможности вынести такой налогъ по малолюдству и великому своему убожеству"... Для провѣрки жалобы на трудность положенія кр-нъ, ген. к—рія послала на мѣсто своего к—риста, Ладинскаго, который донесъ, что въ М. оказалось 12 хозяевъ, а въ К. осталось всего 5 хозяевъ, изъ прежнихъ 18-ти, и что остальное населеніе этихъ маетностей, „за трудностью податей, разошлось по разнымъ селамъ". Донося объ этомъ, Ладинскій добавлялъ: „за такимъ малолюдствомъ въ тѣхъ селахъ, въ вистаченю компанейскихъ порцій и другихъ повинностей, великая трудность узнается... Къ тому жъ и отъ компанейцовъ—осталніе люде въ онихъ селахъ не малую поносятъ трудность, же набѣгши въ село, біютъ ихъ и увѣчатъ напрасно; и отъ многихъ трудностей—и всѣ хотятъ позосталіе жилци прочъ розійтися"... Изъ этого донесенія можно видѣть, что умаленіе населенія въ М. и К. произошло еще до увеличенія компанейскихъ порцій, и явилось значитъ слѣдствіемъ не постоевъ компанейцевъ, а отъ тяжести налоговъ самаго державцы Дем. Я—ча, который несомнѣнно былъ тяжелымъ державцею.

Мокіевка. Кр. П.[1]) 16 д. А. 32 д. Б. 10 д. В. 13 д. (подданства б. т. Як. Якубовича") пс. коз. 6 д. Г. 12. д. 12 х. Д. подсосѣдк. 20 д. 32 х. (тяглыхъ кр-нъ вовсе не показано), Кз. Б. *нѣтъ* Г. 18 д. 22 х. пс. 6 д. 6 х. Д. 12 д. 37 х.

Кулешовка. Кр. П. 7 д. А. 24. Б. 14 д. В. 6 д. („подданство б. т. Якова Яснополского") Коз. пс. 1 д. Г. 9 д. 9 х.

---

[1]) Хотя въ переписн. книгахъ 1666 г., село, слѣдующее за Антоновкою и предшествующее Кулешовкѣ, названо *Мойсеевкою*, но нѣтъ сомнѣнія, что это ошибка переписчика и что при этомъ разумѣлась сосѣдняя съ Кулешовкою—*Мокіевка*.

(Якубовича). Д. 14 д. 19 х. Кз. Б. *нѣтъ* Г. 19 д. 18 х. и „скупленныхъ" Якубовичемъ 5 д. 5 х. Д. 24 д. 41 х. 1 бд. х.

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе козаковъ—въ *старыхъ селахъ*—въ 1718 г. и затѣмъ появленіе ихъ въ 1740 г., и притомъ въ такомъ числѣ, которое никакъ не можетъ указывать, что это были *новопришельцы*... Поэтому можно полагать, что Д. Я—чъ, ставъ сотникомъ и получивъ въ свое владѣніе М и К., сразу подчинилъ своей власти козачье населеніе этихъ селъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ с. Антоновкѣ, и что послѣ отставки Я—ча отъ сотеннаго уряда, здѣшніе козаки возстановили свои права при помощи Глуховской коллегіи... Отмѣтка въ ревизіи 1729 г. о принадлежности Кулешовскихъ крестьянъ б. т. Якову Яснопольскому является простою опискою вм. б. т. *Якова* Якубовича, который показалъ Кулешовскимъ державцею какъ въ ревизіи 1731 г., такъ и въ ревизіи 1740 г.

С. Антоновка, Удай, извѣстна съ пол. XVII в., и уже въ 1666 г. заключала въ себѣ однихъ крестьянъ—55 дв.; сначала, принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, а при Мазепѣ—перешла во владѣніе Свѣчекъ. Въ ревизск. книгѣ 1740 г., отмѣчено, что А., по царской грамотѣ 1694 г., укрѣплена за старшимъ сыномъ Лубенскаго плк-ка Лук. Свѣчки—Василіемъ, но въ тоже время по завѣщанію Лук. Свѣчки, умершаго въ 1699 г., А. назначена сыну его Василію (К. Стар. 1882 г., № 7, стр. 255). По ревизіи 1729 г. значится въ „подданствѣ" б. тов. Ильи Александровича, (женатаго на дочери Василія Свѣчки, Домникіи), но черезъ два года, въ 1731 г., А. находилась во владѣніи сына Василія—Ивана, а отъ Ивана перешла къ сыну его Алексѣю, за которымъ Антоновскіе кр—не показаны по ревизіи 1740 г. Въ исторіи А—ки обращаетъ на себя вниманіе судьба тамошнихъ козаковъ, которыхъ въ 1713 г. здѣсь было 63 дв. и о которыхъ въ ревизіи 1713 г. замѣчено: „козаки, которіи нѣgди не бували у войску и не буваютъ, толко робятъ панщину сотникови своему". Сотникомъ въ это время былъ какъ извѣстно (с. 379) Д. Якубовичъ, который, значитъ, за два года своего сотничества успѣлъ подчинить себѣ всѣхъ козаковъ цѣлаго села. Это примѣръ исключительный, указывающій какъ на энергію Я—ча, такъ и на благопріятныя для него усло-

вія, заключавшіяся въ его свойствѣ съ гетманомъ. Но Я—чъ пробылъ сотникомъ не долго, и съ уходомъ его—Антоновскіе козаки освободились отъ „панщины". Но вслѣдъ затѣмъ, тѣ же козаки попали еще въ худшія условія, когда державцею сталъ Иванъ Свѣчка. Это видно изъ слѣд. письма гетмана Апостола, писаннаго въ 1732 г. къ ген. хоружему Горленку: „Мой ласкавій пріятелю, пане хор. енер. Пишешь, вмть, въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацствѣ Антоновцовъ, которыхъ бунч. тов. Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство неналежне и не малые имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (разный скотъ). И по разсмотрѣніи вмть довелось (оказалось), дабы означенные козаки, по силѣ указа, были козаками и впредъ п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ имъ не чинилъ обидъ, и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вмть ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу противнымъ явился, въ чемъ требуешъ, вмть, отъ насъ резолюціи, якъ би съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ в. милости: понеже п. Свѣчка, неслушне *тѣхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ* и статки у нихъ неналежне позабиравши, не возвращаетъ и, *надъ указъ нашъ*, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради, *пошли, вмть, отъ себе кого исправного, абы столко жъ, сколко би моглъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него, Свѣчки, и тотъ грабежъ поотдавай, вмть, напрасно отъ него пограбленный, козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколѣ власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ*... [1]) Это странное распоряженіе гетмана, указывающее на полное безсиліе его власти, едва ли могло быть исполнено, потому что требовало насилія, противъ котораго Свѣчка несомнѣнно отвѣчалъ бы тѣмъ же... Кр. П. 55 д. А. 91 д. Б 56 д. В. 37 д. пс. коз. 14 д. Г. 16 д. 16. х. Д. 34 д. 42 х. бд. 2 х. (Лубенск. плк-ка Степана Максимовича) Кз. Б. 128 д. Г. 164 д. 218 х. пс. 32 д. 32 х. Д. 122 д. 281 х. Какимъ образомъ А. перешла отъ Свѣчекъ къ Максимовичу—не знаемъ.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., августъ, 256.

Прилуцкіе монастыри.

Густынскій Троицкій монастырь основанъ былъ по „желанію“ ревнителя православія кн. Михайла Михайловича Вишневецкаго, [1]), который въ 1612 г. писалъ намѣстникамъ своихъ украинскихъ маетностей: „отецъ Аѳанасій, игуменъ монастыря Межигорского, зъ отцемъ Исаиею Печерскимъ, имѣя тое намѣреніе, *ведлугъ желанія моего,* дабы тамъ монастырѣ строили въ маетностяхъ моихъ, где бы имъ пожелалось, обѣщая имъ подлугъ приличности подать и устроити, а такъ не отмѣнно по васъ(?) желаю и приказую, чтобъ по должности христіанской онимъ во всемъ помощни были, инако не чиня“. (Року 1612, іюня 2 д. [2]). Затѣмъ, изъ письма кн. М. В—аго къ одному изъ своихъ намѣстниковъ, кн. Лыко, отъ 2 марта 1614 г. [3]), видно, что въ это время Густынскій монастырь уже существовалъ, и что кн. В. просилъ кн. Лыко „ограничить“ тѣ земли, которыя будутъ отведены м—рю. Исполняя этотъ приказъ, кн. Лыко актомъ 5 мая 1615 г. „ограничилъ“ монастырскія земли, при чемъ говоритъ, что „*островъ Густыня, на которомъ церковъ св. Троицы заложена и монастырь фундуется,* увесь—монастыреви быти и належати маетъ“.— Устроился Г. м—рь при вдовѣ кн. М. В—аго, Раинѣ, которая, повидимому, отличалась особою религіозностью и очень покровительствовала „своимъ монастырямъ, которые суть на Украинѣ, за Днѣпромъ, подъ Прилукою, еденъ Густынскій, а

---

1) «Густынская лѣтопись» основаніе м—ря относитъ къ 1600 г., приписывая это событіе какимъ-то Афонскимъ выходцамъ. Но это *преданіе* никакими другими данными не подтверждается и, повидимому, родилось изъ одного желанія связать исторію м—ря съ Афономъ...

2) Изъ Румянц. описи. Этотъ документъ, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ напечатанъ не былъ.

3) Въ копіи этого акта, приложенной къ Рум. описи, *дата* другая, именно—1 мая. Въ этой копіи текстъ письма сообщается съ поновленіемъ языка, сравнит. съ напечатаннымъ при *Лѣтоп. Густ. м—ря.* (Напр., вм. «жебы они своимъ ся контентуючы, в чужое не не вчеповали»—«чтобъ они своимъ доволствуясь, въ чужое не вступали».

другій—Подгорскій". Объ этомъ свидѣтельствуетъ актъ Раины 1619 г.—Въ этотъ моментъ игуменомъ обоихъ монастырей былъ Исаія Копинскій, который собственно былъ и устроителемъ ихъ („которые и передъ тымъ во владзѣ и опецѣ своей мѣлъ (и) которымъ онъ (Исаія) и початкомъ былъ"). По смерти Раины В., обстоятельства нѣсколько измѣнились, такъ какъ хозяиномъ за-Днѣпровской Украины сталъ ея несовершеннолѣтній сынъ Іеремія, въ это время уже принявшій католичество.—Впрочемъ, опекуны его, дядья Юрій и Константинъ, вновь устроеннымъ здѣсь м—рямъ покровительствовали. Вступивъ въ самостоятельное распоряженіе своею за-Днѣпровскою Вишневеччиною, Іеремія относился къ Г—му м—рю довольно благосклонно, какъ это видно изъ двухъ его „привиліевъ" 1636 г. (см. ниже, *лѣтопись*). Измѣнились отношенія В. къ этимъ м—рямъ послѣ того, какъ во время возстанія Остряницы и Гуни, Мгарскіе монахи заподозрѣны были въ единомысліи съ козаками. Суровое разслѣдованіе со стороны Іереміи заподозрѣннаго преступленія Мгарскихъ монаховъ—сильно напугало и Густынскихъ монаховъ, которые еще болѣе встревожились, когда послѣ усмиренія возстанія Остряницы и Гуни и послѣ жестокаго наказанія ихъ соратниковъ, на Украинѣ распространились слухи о томъ, что „король Польскій и паны радные, и ляцкіе арцибискупы приговорили на соймѣ, чтобъ въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть, и христіанскія церкви превратить въ костелы ляцкіе, и книги русскія и *монастыри вывести*"... Объ этихъ слухахъ сообщалъ Г—му игумену не кто иной, какъ самъ Исаія Копинскій [1]). Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, Г—ій игуменъ обратился къ Іереміи В. съ просьбою—подтвердить м—рю его имѣнія, полученныя отъ отца и матери Іереміи. На эту просьбу В. отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ впрочемъ: „а мнѣ цо о васъ,—жійте до ласки моей!" Съ одной стороны, этотъ отвѣтъ, а съ другой—насиліе поляковъ надъ Мгарскими монахами, за заподозрѣнное сношеніе съ козаками, до того растревожили Г—скихъ монаховъ, что они

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, III, 5.

рѣшили совсѣмъ покинуть свой монастырь и—вмѣстѣ съ игуменомъ своимъ Василіемъ—бѣжали въ Путивль, подъ защиту Московскаго царя. По прибытіи ихъ въ Путивль, Г—скіе монахи были тамъ приняты очень милостиво, причемъ изъ Москвы сдѣлано было распоряженіе помѣстить ихъ въ Бѣлевскомъ преображ. м—рѣ. Но это мѣсто почему то Густынцамъ не понравилось, и они, чрезъ строителя своего Иринарха (игум. Василій умеръ вслѣдъ за прибытіемъ въ Путивль), выхлопотали себѣ другое—Нижегородскій Дудинъ монастырь, куда и были тогда же отправлены [1]). Отсюда Густынцы на родину, повидимому, не возвращались, и Г—скій м—рь, послѣ своего запустѣнія въ 1638 г., вособновленъ былъ уже другими. „Густынская лѣтопись" говоритъ, что послѣ ухода игум. Василія съ братіей, этимъ м—ремъ хотѣли было завладѣть Лубенскіе „барнадины", но Мгарскій игуменъ—отправилъ въ Густыню трехъ своихъ монаховъ съ послушниками, которые и не позволили „барнадинамъ" завладѣть „спустошалымъ мѣстцемъ". Къ этимъ монахамъ присоединился какой то старецъ Сильвестръ Губаревичъ, „спасавшійся" поблизу „на послушаніи", и всѣ они вмѣстѣ—рѣшили возстановить Густыню. Петръ Могила, къ которому ново-Густынцы обратились за игуменомъ, назначилъ имъ Илію Торскаго, которому Г—скій м—рь и обязанъ своимъ возстановленіемъ, послѣ годичнаго запустѣнія.

Рядъ **Густынскихъ игуменовъ**, по монаст. лѣтописи, открывается Іоасафомъ, который считается первымъ игуменомъ. Лѣтопись говоритъ, что по указанію этого игумена былъ приглашенъ

---

[1]) Архивныя свѣдѣнія объ уходѣ Г—скихъ монаховъ въ Московскіе предѣлы приведены К. Невоструевымъ въ его статьѣ „О началѣ Алатырскаго Кіево-Николаевск. м—ря", Вѣстн. Зап. Россіи, Говорскаго, 1865—66 г., кн. 8, отд. 2, стр. 129—142. Изъ этихъ свѣдѣній и видно, что для Густынскихъ монаховъ былъ назначенъ Московскимъ правительствомъ Нижегородск. Дудинъ м—рь, «куда всѣ они, со своимъ имуществомъ, и были отправлены, на казенный счетъ, до Калуги сухимъ путемъ, а отселѣ (16 сент.) водою до мѣста». (Стр. 133). Всѣхъ монаховъ ушло изъ Густыни «66 челов. и 11 челов. крест. съ жен. и дѣтьми». (Т. ж., стр. 132).

братіею изъ Кіева Исаія Копинскій... Извѣстіе объ игуменствѣ Іоасафа основано, повидимому, на одномъ преданіи, хотя могло случиться, что онъ и жилъ въ Густынѣ до основанія здѣсь м—ря, „спасаясь въ пустынѣ", какъ это нерѣдко случалось во времена запустѣнія лѣвобережной Украины, при чемъ бывало, что монастыри возникали на такихъ мѣстахъ, уже раньше облюбованныхъ подобными „пустынниками". Но во всякомъ случаѣ первымъ устроителемъ Густыни былъ Исаія, который затѣмъ, по устройствѣ м—ря, въ немъ постоянно не жилъ, а лишь по временамъ наѣзжалъ. Въ его отсутствіе монастыремъ завѣдывали намѣстники, имена которыхъ монастырская память сохраняетъ до сихъ поръ [1]). Послѣ Копинскаго, болѣе извѣстнымъ игуменомъ былъ Василій, бѣжавшій съ своими монахами въ Московское государство. (См. выше). Послѣ Василія игуменствовалъ, какъ видно выше, Илія Торскій, которымъ и начинается нижеслѣдующій, уже достовѣрный, рядъ игуменовъ.

Илія Торскій, 1639—1644. Евфимій Войниловичъ, 1645—1652. Іона Воршенскій, 1652—1655. Іосифъ Федоровичъ Товстушичъ, 1655—1665. Авксентій Якимовичъ, 1665—1695. Прокопій Каличанскій, 1696—1697. Яковъ Адамовичъ Ждановичъ, 1698—1701. Іовъ Мартыновичъ, 1703—1710. Іоаникій Теодоровичъ, 1710—1715. Варлаамъ Леницкій, 1716. Іосифъ Гугуревичъ, 1717—1721. Діонисій Мартыновичъ, 1722. Леонтій Злотницкій, 1723—1725. Клеопа Сѣлачъ, 1725—1727. Гавріилъ Леопольскій, 1727—1739. Мельхиседекъ Богдановичъ, 1748. Пахомій Витвицкій, 1751—1756. Митрофанъ Горленко, 1757—1758. Іосифъ Митковичъ, 1761—1763. Кириллъ, 1763—1781 [2]).

---

1) См. книжку архимандр. Нектарія—«Святотроицкій Густынскій монастырь». (Лубны, 1892).

2) Списокъ этотъ составленъ нами на основаніи брошюры архм. Нектарія и архивныхъ свѣдѣній. Интересно, что м—рь не знаетъ своихъ позднѣйшихъ игуменовъ: Мельхиседека Богдановича и Митрофана Горленка, которыхъ въ спискѣ архм. Нектарія—нѣтъ. Помѣщая на основаніи этого списка, въ числѣ игуменовъ, *Іосифа „Дудуревича"*, мы его называемъ *Гугуревичемъ*, какъ и слѣдуетъ (см. с. 399). (Это прозвище встарину писалось съ помощію *лат.* g, которую затѣмъ, позже, неправильно читаютъ, какъ *русск.* д).

Дальнѣйшую исторію м—ря мы сообщаемъ въ формѣ отдѣльныхъ фактовъ, которые выбраны были Г—скими монахами изъ своего оффиціальнаго архива, при составленіи описи м—ря, въ 1765 г., для Румянцовскихъ чиновниковъ. Упомянувъ о преданіи по которому основаніе м—ря относится къ 1600 г., эта *актовая лѣтопись* сообщаетъ засимъ содержаніе извѣстныхъ уже печатно документовъ кн. Михаила и Раины В—хъ и намѣстника ихъ кн. Лыко, 1612—1619 г.г., а затѣмъ продолжаетъ, начиная съ 1629 г., слѣдующій перечень, который располагаемъ здѣсь хронологически. (У монаховъ хронологія не соблюдена. См. Полт. Еп. Вѣд., 1886 г., №№ 6—7).

— 1629 г., октовр. 22 д. Выпись зъ замку Прилуцкого видана чрезъ игумена о. Феодосія, в которой запрещено Прилучанамъ в грунта монастирскіе втручатись.

— 1636 г., мая 16 д. Виданъ привилей чрезъ игм. о. Іринарха, отъ благочест. кн. Іеремѣя Корибута Вишневецкого, позволяючій монастирю всипати греблю на Удаю (где нынѣ зовется сага), на которомъ уже и млинъ былъ поставленъ, о 2-хъ колахъ.

— 1636 г., дек. 13 д. Виданъ привилей чрезъ о. игм. Иринарха, отъ кн. Іерем. Кор. Вишн—го, при томъ млинѣ ступи побудовати.

— 1636 г. Первозбудованній мнстръ Густынскій, со всею покрасою и лѣпотою, погорѣлъ, на первомъ мѣстцу, где нынѣ садъ називается Николскій.

— Въ томъ же 1636 г., игм. Иринархъ на семъ другомъ мѣстцу, где нынѣ Густынскій м—рь стоитъ, первый сдѣлалъ ограду ровомъ, и церковъ теплую Успенія Богоматере, и при ней трапезу з келарнею и протчіими потребностями, также и келіи,—по обоимъ сторонамъ м—ря, и колоколню незгорѣвшую з первого м—ря, перенеслъ и поставилъ.

— Въ 1638 году, наставшей междуусобной брани ляховъ зъ козаками, игм. Иринархъ зъ братіей послишавши, что ігумена Мгарского Каллистрата з братіею взяли было ляхи на страченіе, имѣя подозрѣніе будто они козакамъ порохъ подаютъ, забравъ все имѣніе церковное и монастирское, бежали въ Московщину, до Путивля, отъ которихъ на пути все имѣніе впалось

в лядскіе и жидовскіе руки, и сами инніе пострадали отъ ляховъ, а инніе разбежались, оставя впустѣ м—ръ, в которомъ болѣе года никтоже живяше отъ человѣкъ, и уже римстіи законницы барнадины, с многолюдствомъ и колесницами, пришли было разграбовати до основанія все зданіе въ ономъ м—рѣ, аще бы Мгарскій игуменъ предреченный не прислалъ братіи и послушниковъ в защищеніе.

— Также ставшойся руини м-рю Густинскому, никто бѣ помагаяй, но граждане Прилуцкіе и окрестніе жители устремившися к разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, и кромѣ движимыхъ имѣній, дуброву монастирскую в границѣ монастирской, состоящую отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребелки, зрубали безъ остатка, сплошъ, и тую землю пахатную и сѣнокосную завладѣли, и первіе село Половая, потомъ деревня Левки—селились.

— После же предпомянутой руины ставшойся монастирю Густинскому, въ 1639 г., іюня 8-го, преосвщ. мтр—тъ Кіевскій Петръ Могила грамотою повелѣлъ поставленному отъ себя игумену блгч—му Иліи Торскому расточенную собирати братію.

— Въ томъ же 1639 году, самъ преосвщ. мтр—тъ Петръ Могила въ Густинскомъ м—рѣ крестъ водрузилъ и благословилъ дѣлать церковъ болшую во имя св. жвнч. Троицы, и отиде. Умножающейся братіи, начаша разомъ ограду дѣлати болшую въ защищеніе: устрашиша бо ихъ тогда варвари.

— В томъ же 1639 г., іюля 22 д., блжн. о. игум. Ілія Торскій отъ висланнихъ княжихъ испросилъ оборонній листъ.

— 1639 г., сент. 17 д., привилей отъ кн. Іерем. Кориб. В—ого, запрещающій мѣщанамъ Прлцкимъ и протчіимъ его подданнымъ—жадныхъ би обидъ в пустошенню лѣса и ловляхъ рибнихъ, м—ревѣ не дѣлали, и о протчемъ, въ защищеніе м—ревѣ блж. о. игм. Ілія Торскій виправилъ.

— В 1641 г., блжн. о. игум. Ілія Торскій посилалъ моленіе до г—ря Молдавского Іω Василіе, прося ялмужной (милостини) на сооруженіе церкви болшой, иже даде неточію денгами, но аппаратами и ина вся потребная, и грамоту 1641 г., мая 13 д., в три года приходить инокомъ з Г—го м—ря, по 400 золотихъ.

— Въ 1642 г., іюля 21 д., блж. о. Ілія Торскій поддавшись подъ високо монаршую милость блгч. государя и в. кн. Михаила Феодоровича, получилъ жалованіе и грамоту жалованную—в Москву приездить за жалованіемъ, пятого или шестого года. По изшествіи же о. игумена въ 1645 г., авг. мѣс., бывшіе игумены іермн. Ефимій Войнѣловичъ, іерсхмн. Іона Івановичъ Боршенскій, іермн. Іосифъ Феодоровичъ и іермн. Авксентій Якимовичъ, по той грамотѣ, ѣздили въ Москву и получали жалованье.

— И в жизни своей блж. о. игм. Илія Торскій, з предявленного жалованя, сооружилъ церковъ деревяную, болшую, прекрасную, во имя св. Жвнч. Тройци (которая стояла 30 лѣтъ) и полать для общого всѣхъ приходовъ спряту, собираемого з м—скихъ угодій и подаемого отъ христолюбцовъ, и прочая благолѣпная зданія устроилъ.

— 1643 г., окт. 29 д., видано право отъ кн. Іер. В—ого, на млинъ на великой греблѣ стоячій, Івану Шкуратовичу, (а) синъ его Тимошъ Шк—чъ, при продажѣ оного млина м—рю, вручилъ.

— В 1644 г., дек. 5 д., господарь Молдавскій писалъ до о. игум. Іліи Т—го, о посилки ялмужной.

— 1647 г., мая 1 д. Привилей отъ кн. Іер. Крб. В—ого, подтвердителній, в млинѣ Максима мелника, на Удаю стоячомъ, подъ м—ремъ, на велик. греблѣ, на двѣ колы, едно мучное, другое ступпое, блж. о. игм. Еѵфимій Войниловичъ виправилъ [1]).

---

[1]) Этотъ актъ, сохранившійся въ Рум. оп., приводимъ здѣсь— «Іеремѣя Михаилъ Корибутъ князь на Вышневцу.—Імѣя призрѣніе на чернцовъ монастира Густынского, а хотя и тож имѣти, дабы тамъ барзѣй хвала Божія за предковъ святыя памяти, тутъ же и княжатъ ихъ мціовъ р. р. (т. е. п. п.) родителей моихъ, отправляема была, почему пред тимъ былъ далъ тимъ чернцамъ Густинскимъ, в млинахъ на рѣцѣ Удаю, под митиремъ ихъ будучимъ, которій Максимъ мелникъ держитъ колъ двѣ, одно мучное, другое ступное, коихъ они уже заживали, такъ и нпѣ потвержаю тотъ листъ мой прежный и даю имъ в посессію тѣ кола вѣчними часи, однакъ

— 1648 г., іюня 17 д. Унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм., приказуючій сотнику и атаману Прлцк.—поймали бы своеволцовъ и покарали, которіи м—ръ разграбовали и черицовъ окрутне мордовавши, били, а иныхъ в смерть побили, тотъ же игм. виправилъ.

— 1648 г., іюня 17 д. Унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм.,—нихто бы в добрахъ м—скихъ жаднихъ кривдъ не чинилъ, тотъ же игм. Ефимій виправилъ.

— 1648 г. іюля 2 д. Унѣверсаломъ гетм. Б. Хмелницкій запретилъ, дабы подданныхъ монастирскихъ в козаки непринимано, лѣсовъ сѣножатей и пасѣкъ непустошено.

— 1649 г. 8 окт. Унѣверсалъ отъ гетмана Богд. Хмелницкого, приказуючій плквнику Прлцк., чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣевскихъ смирилъ, которіе непослушни м—рю, игум. Ефимій виправилъ.

— 1655 г., мая 15 д., ун. отъ г. Б. Хм., приказуючій селянамъ Боршенскимъ, Валковскимъ и Половянскимъ греблю м—скую гатити, безъ отмови и спору, виправ. о. игум. Іосифъ.

— 1655 г., 15 д., ун. отъ. гтм. Б. Хм., позволяючій зъ млина Шкуратишеного мѣрочку на арендаровъ належащую, м—рю отбѣрать, випр. тотъ-же игум. Іосифъ.

— 1655 г., мая 16, село Половую монастирю надалъ гтм. Б. Хм. въ подданство и унѣверсаломъ ствердилъ.

— 1655 г., іюля 15 д., унѣверсалъ отъ гтм. Б. Хм.—нѣхто би въ грунтахъ м—скихъ отъ княжатъ Вишневецкихъ поданныхъ, утѣсненій и обидъ не дѣлалъ, виправилъ о. игм. Іосифъ Феодоровичъ.

— 1655 г., іюля 22 д., унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмелницкой Анни, приказуючій обывателемъ Прилуцкимъ въ грунта би до м—ря отъ княжатъ В—хъ наданніе и унѣверсаломъ молжонка его гетмана Хм—аго конфѣрмованніе, не втруча-

тѣ обои кола по отбытіи аренди пана подсудка Кіевского, охранить и пожитковъ за (зъ?) ихъ заживать имѣютъ, а для болшей уваги и певности, даю сей листъ мой з подписомъ руки моей и притисненемъ печати. Данъ в Прилуцѣ, 1 мая 1647. (Видимо—переводъ съ польскаго).

лись и жадних бы перешкодъ нечинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войск. и подъ суровимъ каранемъ, тотъ же игм. Іосифъ виправилъ.

— 1657 г., апр. 16. О деревнѣ Левкахъ гтм. Хм. велѣлъ зслѣдовать и висланніе изслѣдовавъ, отдали оную деревню Левки въ монастирское владѣніе, и писменно ствердили.

— 1659 г., сент. 13 д., унѣверсалъ отъ гтм. Івана Безпалого, оборонній, чтобъ м—ревѣ отъ войск. людей кривдъ не било нанесенныхъ, иг. Іосифъ виправилъ.

— 1659 г., дек. 17 д. Хвеско Терешенко, плк—къ Прлцк., надалъ изъ риболовній на р. Удаи, Демковскій, з села Високого.

— 1660 г., февраля 25. Селцомъ Половою зъ Левками, да мелницею Скурашевою (Скуратовою?), да деревнею Мацѣевкою, з двома мелницямы, блчстивѣйшій государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ, Густинскаго м—ря игумена Іосифа з братіею жаловалъ, и жалованную видалъ грамоту.

— 1660 г., сент. 11., писаніе отъ ближн. бояр. Алексѣя Никитича Трубецкого, намѣстн. Каз., оберегателное м—рю, нихто би з военнихъ людей жаднихъ обидъ м—ревѣ не дерзалъ наносити, игм. Іосифъ виправилъ.

— 1671 г., іюля 1 д., унѣверс. отъ гт. Дем. Игнатовича, позволяючій м—ревѣ на своей греблѣ, зовомой Великой, на Удаи, имѣющійся млинъ побудовати и з оного мѣрочки, на войско належащіе, до м—ря отбирать, игм. Авксентій виправилъ.

1671 г., іюля 1 д. ун. отъ гтм. Дем. Игнат. до плк—ка Прилуцк. писанній, абы приказалъ селамъ Боршной, Дѣдовцямъ, Деймаиовцѣ, Харитоновцямъ, Валковцямъ и Сокиринцямъ м—скіе греблѣ, якъ прійде время, гатити, о. игм. Авксентій Як—чъ виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк-ка Прилуцокго Семена Третяка на купленній млинъ в Процка Капустенка, (которій млинъ достался ему Процку Капустенку отъ отчима его бездѣтного Максима мелника, в котор. млинѣ кн. Іер. Корибутъ В—ій подалъ м—рю еще въ 1647 г., мая 1 д., двѣ колѣ, одно мучное, другое ступное), на Удаи, стоячомъ на Велик. Греблѣ м—ской, з двома колами мучними и з двома ступными и фалюшами, тотъ-же игм. Авксентій виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк—ка Прлцк. Семена Третяка, на купленній млинъ в Тимоша Шкуратовича, на Удаи, на греблѣ Великой стоячій, з двома колами мучними и третимъ ступнимъ и фалюшами, въ которомъ часть войск. м—рю отъ гетм. Б. Хм. в 1655 г., мая 15 д. надана, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1671 г., ноября мѣс., построенная игм. Торскимъ церковь деревяная во имя Живонач. Тройцы и полать, и половина всего зданія монастирского—погорѣло, за игумена Авксентія Якимовича, которій игуменомъ былъ 30 л.

— 1673 г., 5 марта. Въ Дмитра Хвиленка, зъ с. Високого, и синовъ его, купилъ о. игм. Авксентій изъ риболовній на р. Удаи, противъ Демченка, узъ липу Демченкову.

— 1674 г., 10 іюня. Росписка данная отъ священник. Васковскихъ Даніила и Алексѣя Острицкихъ, взамѣну ґрунтика ихъ, состоящого за Велик. гребл. надъ Удаемъ, подъ горою, за ниву м—скую на поляхъ Валковскихъ обрѣтающуюся, на урочищѣ Гавриловой горѣ.

— 1674—1676 г. Блжн. о. игм. Авксентій, зъ соборными старцами, умолилъ г. гетм. Іоанна Самойловича—каменную церковъ во имя св. Живнч. Тройцы уфундовати, которій началъ здати 1674 г., іюня 8 д., а довершилъ въ 1676 г. августа 1. („*По лѣтописцу*").

— 1676 г., 19 апр. Унѣв. от гт. Ів. Самойловича—належитое послушенство попрежнему м—рю отдавали би подданніе жители Мацѣевскіе и впредь не бунтовались бы, тотъ же игм. Авксентій виправилъ.

— 1680 г., 10 марта. Листъ отъ нак. полк. Лаз. Горленка, приказуючій атаману Борщенскому, чтобъ по унѣверсаламъ гетманскимъ неотмѣнно гатилъ греблѣ м—скіе, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1681 г., 29 іюля. Унѣверс. отъ гетм. Ів. Самойловича, запрещающій, подъ часъ ярмарку при м—рѣ, горѣлками привозними шинковать, тотъ же Авксентій выправилъ.

— 1683 г., 12 марта. Подтвердительная грамота на грамоту 1642 г., іюля 21 д., пожалована отъ блчст. государей ца-

рей и вв. кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей, игмну Авксентію Якимовичу.

— 1686 году, 20 февраля. Боршенскіе и Валковскіе жители стали было въ м—скую границу вдиратися, о чемъ плк-къ Прилуцкій Лазаръ Горленко, зъ старшиною полковою, вчинилъ розискъ и декретомъ своимъ на томъ спорѣ границю м—рю попрежнему утвердилъ.

— 1687 г., 10 окт. Ун. отъ гетм. Ів. Мазепы, повелѣваючій селянамъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокиринецъ греблѣ м—скіе гатити попрежнему, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1688 г., 24 мая. Унѣверсалъ отъ гтм. Ів. Мазепы непозволяючій навозныхъ горѣлокъ шинковати во время ярмарковъ при м—рѣ бываючихъ, тотъ же игм. Авксентій выправилъ.

— 1689 г., 29 марта. По челобитію Г—го м—ря игм. Авксентія зъ братіею, отъ блчст. государей царей и в.в. кн. Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и в. госуд. благов. царевни и в. к—ны Софіи Алексѣевны, грамотою повелѣно было гетману Мазепѣ—объ отнятой землѣ козаками и мѣщанами Прилуцкими, наданой м—рю отъ княжатъ Вишневецкихъ, и о прочемъ розискать, но какъ гетманъ Мазепа недоброхотъ м—рю явился, потомъ зменникъ, для того при монастирѣ тая грамота осталась.

— Другую церковъ каменную во имя Усп. Богоматере и при ней трапезу, келарню и другую трапезу малую, зъ сѣнми, каменніе жъ, и ліохъ и поварню, и хлѣбню, каменніе жъ, для содержанія варива огородного и хлѣба, соорудилъ гетманъ Мазепа.

— Двѣ брами каменніе и на едной церковъ во имя св. ап. Петра и Павла, на другой церк. свят. Х—ва Николая и ограду каменную, покритую черепицею, и ліохъ полатническій, каменній, соорудилъ плк-къ Прилуцк. Дим. Горленко.

— 1709 г., 23 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ оборонній м—рю.

— 1710 г. 3 іюля. Унѣверсаломъ гтм. Іоаннъ Скоропадскій запретилъ такожъ подданныхъ монастирскихъ, дабы въ козацство не пріймовано и кто въ козаки вписался, всѣхъ тѣхъ выключить.

— 1710 г., 9 окт. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ, уволняючій млини м—скіе отъ провентовой дачи.

— 1715 г., 12 мая. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., запрещаючій шинкарамъ подъ часъ ярмарковъ при м—рѣ биваемихъ, навознихъ горѣлокъ шинковати, виправилъ о. игм. Іоаникій Өеодоровичъ.

— 1716 г., 25 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., повелѣваючій по прежнему жителямъ селъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокирѣнецъ, греблѣ м—скіе гатити, виправ. игум. Варлаамъ Ленѣцкій.

— 1719 г. Колоколню каменную з церквою во имя в. муч. Варвары, коштомъ монастирскимъ, за игум. о. Іосифа Ѕугуревича заложено и олтаръ было довершено, а колоколня розвалилась в 1724 г., и поднесь стоитъ розвалена колоколня, а олтаръ вцѣлости, з крайне обетшалою кришкою.

— 1734 г. На мѣстце обетшалой прежней поварнѣ каменной и розвалившейся, вновъ построена поварня и отъ води ограда, каменніе, монастирскимъ коштомъ, за игумена Гавріила Ліеполского.

— 1741 г. Келій всѣхъ въ м—рѣ прежними игуменами было построено 31, но в 1741 г. (?) игм. о. Леонтій Злотнѣцкій келій 14 розломалъ, а на тое мѣсто точію 4 кел. поставилъ.

— 1754 г. Ограду каменную на валу (где прежняя Горденкомъ устроена была и въ обетшалости розвалилась) о. архм. Пахомій Вѣтвицкій вновъ здѣлалъ, и записалъ въ поминникъ, что оной ограды вкругъ здѣлалъ саженей троаршинныхъ 262, своимъ коштомъ, которую дѣлать началъ 1754 г., апр. 11 д., а окончилъ 1756 г., сент. 7 д.

— 1754 г. Каменную ограду подвышилъ о. архимандритъ Пахомій Вѣтвицкій.

— 1763 г., 12 ноября. Унѣв. отъ гетм. гр. Кирилла Разумовскаго, потвердителвій выданъ на прежніе унѣверсали гетманскіе, запрещающій во время ярмарковъ бываемыхъ при м—рѣ Густ. и скитку Деймановскомъ, на м—скихъ землякъ, никому никакихъ шинковъ заводить и не имѣть.

Изъ приведенной *лѣтописи* видна вполнѣ общественная дѣятельность Г—скихъ игуменовъ, заботившихся, главнымъ обра-

зомъ, о матеріальномъ преуспѣяніи своего монастыря. Интересныя черты той же общественной дѣятельности двухъ замѣтнѣйшихъ игуменовъ—Торскаго и Якимовича—сохранились въ ихъ духовныхъ завѣщаніяхъ [1]). Изъ завѣщанія Торскаго видно, что онъ принадлежалъ еще къ старому типу монаховъ, „спасавшихся“ по внутреннему влеченію къ этому „спасенію“. Говоря о томъ, что всѣ свои средства онъ употребилъ на м—рь, который засталъ въ полномъ запустѣніи, („гроша скарбу, што было, з худости моей, тутъ все расточилемъ, на сырий корень заставши“), Торскій указываетъ, что все его имущество заключается въ книгахъ („такъ словенскихъ, яко и полскихъ“) и отчасти въ одеждѣ („сукнѣ“); и то и другое Т. завѣщаетъ монастырю, а затѣмъ обращается къ братіи съ практическими завѣтами: прежде всего, онъ совѣтуетъ братіи, избрать по смерти его, „старшого“ непремѣнно изъ *своихъ* („не избираючи зъ иншихъ оградъ старшого“), чтобы „мѣстце святое въ запустѣніе не пришло“. Другой совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы братія выпросила у митрополита „благословенный листъ“ „въ сохраненіе св. мѣстца отъ сопротивныхъ“, и, наконецъ, игуменъ завѣщаетъ своимъ инокамъ—елико возможно домогаться отъ „князя“ (т. е. Іереміи В.) „абы моглъ въ напотомные часы привилеемъ своимъ тое св. мѣстце и живущихъ на немъ—обваровати отъ вшелякого преслѣдованя и утиску, противенства“, причемъ проситъ, чтобы князь и потомкамъ своимъ рекомендовалъ исполнять ту его волю. Потомъ, хорошо зная слабыя стороны монашескаго житья, Торскій завѣщаетъ, чтобы братія „зрадъ и збѣговъ своволныхъ“ не творила, и чтобы „гомоновъ и раздоровъ не чинила“, а также, чтобы противъ игумена своего,—„любо въ очи, а барзей заочи,—турбацій покутныхъ (т. е. требующихъ покаянія) не дерзала чинить“. Отсюда, между прочимъ, видно, что уже и при Торскомъ монахи, скучая утомительнымъ однообразіемъ своей жизни, разнообразили послѣднюю разными дрязгами, интригами противъ игумена, и, наконецъ,—бѣгствомъ („збѣгами“) изъ монастыря... Въ заключеніе Торскій заповѣдаетъ

[1]) Напечатаны въ прилож. къ «Густынск. лѣтописи».

При настоящемъ номерѣ разсылается „Каталогъ малорусскихъ книгъ и нотъ книжнаго и музыкальнаго магазина Леона Идзиковскаго“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6
1901

Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 ноября 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Лишковскаго . . . . 329—345
II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ . . . . 346—374
III. ГОРОДЯНКА. Повисть. (*Окончаніе*). Л. Яновской . . 375—423
IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (*Окончаніе*) Ор. Левицкаго . . . . 424—471
V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАПЪ» Н. М. . . . 472—477
VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО . . . . 477—484
VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ . . . . 485—490

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Л.; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ" (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. П. П. П.; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мердеръ; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. И. Фр. Павловскаго; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій; е) Куда исчезъ доминъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Н. В. . . . . 153—172
Текущія извѣстія . . . . 172—178
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Н. В.; б) В. Русиновъ: 1) Прыхожа Опера въ I діи и 2) Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. В. Д.; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 179—192
Археологическая лѣтопись. . . . . 193—214
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й. . . . . 401—426

Дѣло о суевѣріи священника (1805 г.)

Это „дѣло“, заимствованное нами изъ архива бывшаго липовецкаго духовнаго правленія, интересно не столько по своему существу, сколько потому, что въ немъ отчасти раскрывается исторія одной изъ знаменитыхъ нѣкогда мѣстно чтимыхъ иконъ въ бывшемъ мѣстечкѣ Босовкѣ, липовецкаго уѣзда.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія жилъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, липовецкаго уѣзда, нѣкій шляхтичъ по имени Стефанъ Бошковскій. Онъ здѣсь имѣлъ свой домъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ служилъ сначала при мѣстной экономіи. Но между своими односельцами онъ отличался большою по тому времени образованностью и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою прикосновенностью къ „духовной породѣ“, такъ какъ обучался въ уманскихъ училищахъ „по классъ реторики“ и женатъ былъ на дочери священнической. Вѣроятно, онъ также былъ усерденъ къ храму Божію и знакомъ съ церковнымъ уставомъ. Однимъ словомъ, когда помѣщикъ и крестьяне с. Панскаго-Моста устроили, наконецъ, у себя въ 1784 году церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и озаботились пріисканіемъ для нея „побожнёго ксенза“, то выборъ ихъ палъ на Стефана Бошковскаго, который и рукоположенъ былъ къ этой церкви во священники въ 1788 году уніатскимъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ. Но не посчастливилось новорукоположенному іерею на своей „парафіи“. Въ 1792 г. до тла сгорѣла Панско-мостянская церковь, а прихожане

по своей бѣдности не могли сразу стянуться на постройку новой церкви. Отецъ Стефанъ остался, такимъ образомъ, іереемъ безъ церкви и только иногда совершалъ богослуженіе въ панской каплицѣ[1]). Но вотъ въ 1794 году совершилось возсоединеніе уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшняго липовецкаго уѣзда, и о. Стефанъ Бошковскій, уступая общему теченію, тоже подалъ прошеніе о присоединеніи его „на благочестіе". Сдѣлавшись православнымъ священникомъ, онъ уже не могъ, конечно, служить въ католической панской каплицѣ и остался священникомъ не только совсѣмъ безъ церкви, но и безъ средствъ для существованія, такъ какъ помѣщикъ с. Панскаго-Моста Карлъ Сарнецкій отобралъ у Бошковскаго и уничтожилъ документъ на большую половину церковной земли съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы современемъ упразднить самостоятельный приходъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, а церковную землю присоединить къ своимъ „добрамъ", что ему впослѣдствіи и удалось. Пятигорское духовное правленіе, въ вѣдѣніе котораго перешла почти половина нынѣшняго липовецкаго уѣзда послѣ уничтоженія уніи, присоединило с. Панскій-Мостъ къ ближайшему приходу мѣстечка Босовки и вмѣстѣ съ тѣмъ назначило священника Бошковскаго, какъ безприходнаго (безъ церкви), десятоначальникомъ на Босовскій округъ.

Въ новомъ своемъ чинѣ и положеніи Бошковскій нашелъ полное вознагражденіе за свои приходскія невзгоды. Во первыхъ, десятоначальничество, тогда только что учрежденное въ нашихъ краяхъ (переименованное вскорѣ въ благочинничество), кромѣ почета, давало и немалыя матеріальныя выгоды. Затѣмъ, приходъ въ м. Босовкѣ въ то время былъ однимъ изъ очень завид-

---

1) Почти всѣ болѣе или менѣе «вельможные» паны того времени устраивали при своихъ домахъ каплицы, въ родѣ домовыхъ церквей, въ которыхъ католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ совершалось иногда «набоженство», вѣроятно, на подвижныхъ антиминсахъ. Нѣкоторые же паны при своихъ каплицахъ содержали и отдѣльныхъ ксензовъ или уніатскихъ священниковъ.

ныхъ: кромѣ другихъ выгодъ, тамъ была знаменитая новоявленная чудотворная икона—Спаситель плачущій, которая привлекала къ себѣ множество богомольцевъ, особенно въ лѣтнее время. Настоятель же босовскій, іерей Романъ Тышевичъ, былъ человѣкъ очень немощный, сильно преданный „пьянственной страсти", такъ что даже въ такіе праздники, какъ Новый годъ, Крещеніе, не въ состояніи былъ иногда совершать богослуженіе.[1]) При такомъ настоятелѣ Бошковскій былъ, конечно, полноправнымъ распорядителемъ въ Босовскомъ приходѣ и пожиналъ въ немъ обильную жатву.

Наконецъ, въ другомъ ближайшемъ къ Панскому-Мосту селѣ Купіеватой настоятельствовалъ въ то время также очень сподручный для Бошковскаго іерей Никита Швабичъ. Онъ очень мало интересовался приходомъ, а велъ въ обширныхъ размѣрахъ чумачку, часто по полгода и болѣе отлучался отъ своего прихода, ѣздилъ, вѣроятно, по своимъ чумацкимъ дѣламъ не только въ Кіевъ, но и въ Харьковъ и даже въ Петербургъ, а приходскія требы у него исполнялъ Бошковскій, какъ ближайшій сосѣдъ. Однимъ словомъ, Бошковскій подъ крыломъ пятигорскаго духовнаго Правленія благодушествовалъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но вотъ въ 1797 году пятигорское духовное правленіе было упразднено и весь Босовскій округъ перечисленъ былъ въ вѣдѣніе липовецкаго духовнаго правленія, которымъ тогда правилъ большой формалистъ, протоіерей Никифоръ Топольскій. Подъ карающую руку его скоро попалъ и босовскій десятоначальникъ Стефанъ Бошковскій. Въ началѣ 1798 года Бошковскій до того увлекся своимъ чиномъ, что самовольно удалилъ отъ прихода престарѣлаго священника с. Охримовой Іоанна Даровскаго за его будто-бы пьянство и нерадѣніе о церкви, а на его мѣсто назначилъ безмѣстнаго молдавскаго рукоположенца Даніила Левицкаго, который по приглашенію Романа Тышевича служилъ „при чудовной иконѣ Босовской", и былъ, конечно,

[1]) Все это обнаружилось въ произведенномъ надъ нимъ слѣдствіи въ 1800 г.

большой помѣхой для Бошковскаго. Когда Даровскій занесъ жалобу на это протоіерею Топольскому, то онъ нарядилъ строгое слѣдствіе надъ Бошковскимъ, результатомъ чего было то, что Бошковскій не только удаленъ былъ отъ десятоначальнической должности за превышеніе власти, но даже совсѣмъ выселенъ изъ Босовскаго округа и перемѣщенъ на священническое мѣсто въ Дашевскій округъ въ м. Кальникъ. Но родныя хлѣбныя мѣста—Панскій-Мостъ, Купіевата, Босовка—все-таки сильно тянули его къ себѣ, и онъ часто ради нихъ оставлялъ свой пустынный въ то время Кальникъ и отлучался въ Панскій-Мостъ, гдѣ у него былъ собственный домъ, а оттуда уже оказывалъ услуги въ исполненіи требъ своимъ бывшимъ сосѣдямъ о. Роману Тышевичу и Никитѣ Швабичу. Бошковскій, естественно, не могъ простить „президенту" липовецкаго духовнаго правленія, протоіерею Никифору Топольскому своего уничиженія, и въ 1803 г. вмѣстѣ съ бывшими своими подчиненными—цыбулевскимъ священникомъ Іоанномъ Шумовскимъ и попуднянскимъ Өеодосіемъ Вороновичемъ—возбудилъ противъ Топольскаго громкое дѣло „о взяточничествѣ и притѣсненіи имъ повѣтоваго духовенства и протчемъ", разбиравшееся сначала уманскимъ, а потомъ сквирскимъ протоіереями. [1])

Естественно, что и липовецкое духовное правленіе зорко слѣдило черезъ своихъ клевретовъ за своимъ противникомъ Бошковскимъ и искало только удобнаго случая, чтобы и его подвести „подъ криминалъ". Отвѣтомъ, конечно, на это желаніе духовнаго правленія былъ слѣдующій рапортъ части Дашевской благочиннаго іерея Өеодора Левицкаго отъ 3 января 1805 года: „Указомъ Е. И. В. изъ онаго Духовнаго Правленія, отъ 14 мѣсяца ноября истекшаго 1804 года подъ № 1035-мъ составлявшимся, строжайше предписано, чтобъ священно- и церковно-служители не отлучались ни подъ какимъ видомъ отъ своихъ приходовъ предъ наступающими высокоторжественными и высокопразди-

---

[1]) По разслѣдованіи дѣло это оказалось дутымъ, и всѣ обвиненія противъ Топольскаго бездоказательными.

ственными днями и не оставляли священнослуженія, съ взятою отъ нихъ на двѣ руки подпискою. Сверхъ того, и пунктъ благочиннической инструкціи 36-й статьи запрещаетъ, чтобъ всѣ священно- и церковно-служители безъ вѣдома начальническаго болѣе пятнадцати верстъ, и то на краткое время, не отлучались-бы и церквей своихъ не оставляли. А священникъ с. Кальника Стефанъ Бошковскій, съ котораго и подписка на двѣ руки взята, и знать благочиннической инструкціи не примѣчающій, съ прошедшаго 1804 года декабря мѣсяца послѣднихъ числъ, какъ-бы по болѣзни нѣкакой, къ лѣкарю выѣхалъ въ с. Купіевату, а мнѣ донесено, что въ тамошнемъ селеніи умеръ порядоченъ богатой хозяинъ; по этой затѣмъ причинѣ оставилъ въ новый-годъ богослуженія и молебствіе въ приходской церкви, а единственно спѣшилъ для своего корыстолюбія, объ чемъ за таковой проступокъ первѣйшимъ моимъ долгомъ оному Духовному правленію благопочтенно рапортую".

Священникъ Бошковскій, вызванный въ присутствіе Духовнаго правленія 23 января 1805 года, „противу рапорта благочиннаго іерея Ѳеодора Левицкаго спрашиванъ и въ отвѣтъ показалъ: истекшаго 1804 года 31 декабря подлинно онъ отлучался въ м. Босовку, по причинѣ болѣзни своей, на поклоненіе святымъ чудотворнымъ иконамъ, гдѣ и должное богослуженіе по причинѣ тяжкой тамошняго священника Тышевича болѣзни отправлялъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ тамошніе священно-церковно-служители. А отголь въ Монастырище къ лѣкарю и въ Панскій-Мостъ для осмотрѣнія оставшагося тамо его дома ѣздилъ. Въ Копіеватой же онъ, священникъ Бошковскій, при погребеніи Копіеватскаго жителя богатыря не былъ и за корыстолюбіемъ онъ туда не ѣздилъ. Въ разсужденіи каковой своей отлучки онъ, священникъ Бошковскій, дабы церковь Кальнинская не оставалась безъ должнаго въ ней священно-служенія, приглашалъ м. Дашева священника на діаконскомъ мѣстѣ состоящаго Іосифа Новоборскаго, который и отправлялъ довлѣемое богослуженіе". Священникъ Новоборскій показалъ, что онъ дѣйствительно, по просьбѣ священника Бошковскаго, отправлялъ въ Кальникской

церкви богослуженіе и молебствіе на новый 1805 годъ. Съ другой стороны, причтъ м. Босовки удостовѣрилъ, что въ этотъ-же день священникъ Бошковскій отправлялъ богослуженіе въ Босовской церкви по случаю болѣзни священника Тышевича. Съ Бошковскаго, поэтому, въ правленіи взяли лишь подписку въ томъ, что онъ „обязывается впредь быть къ своему начальству послушенъ и почтителенъ; а ежели бы после сего оказался въ томъ или другомъ какомъ порокѣ изобличеннымъ, то подвергаетъ себя строжайшему законному сужденію". Этимъ инцидентъ съ Бошковскимъ былъ бы и исчерпанъ—но къ дѣлу примѣшалось... суевѣріе священника Бошковскаго: поклоненіе его непризнанной оффиціально чудотворной иконѣ.

Въ то время въ Россіи были еще въ силѣ правила Духовнаго Регламента, и правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, строго преслѣдовало суевѣрія, къ которымъ относилось все выходящее изъ рамокъ обыденной церковной жизни. Первый пунктъ инструкціи благочиннымъ 1797 г. гласилъ: „какъ въ своемъ приходѣ и по всѣмъ вѣдомства вашего церквамъ прилежно вамъ смотрѣть, не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія, а имянно: 1-е, не проявляется ли, и то для самаго пребиточества, каковыхъ при иконахъ святыхъ, при кладязяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ; 2-е, не является ли несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашается ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ; 3-е, не являются ли гдѣ кликуши и притворно-юродцы и босые, такожъ и съ колдунами и прочая каковыя бы не были церквѣ святой и высочайшимъ указамъ противныя суевѣрія". Въ силу этой инструкціи благочинные обязательно каждое полугодіе „репортовали" духовному правленію, что въ ихъ благочиніи „при иконахъ, кладязяхъ и источникахъ никакихъ чудесъ не было, кликушъ, притворно-юродцевъ, босыхъ и колдуновъ не проявлялось". Этою же инструкціею всѣмъ священникамъ наистрожайше подтверждалось, что „ежели гдѣ усмотрѣно будетъ ими суевѣріе, немедленно доносить благочинному". А тутъ вдругъ самъ священникъ ѣдетъ на поклоненіе иконѣ, начальству (будто-бы) совершенно неизвѣстной, надѣется получить чудесное исцѣленіе

отъ иконы, которая оффиціально еще не признана чудотворною, слѣдовательно и не можетъ творить истинныхъ чудесъ. Значитъ, такой священникъ поддерживаетъ суевѣріе—обвиненіе по тому времени очень серьезное. Посему духовное правленіе, „слушавъ отвѣтъ священника с. Кальника Стефана Бошковскаго... опредѣлили: хотя священникъ Бошковкій и учинилъ признаніе, что онъ безъ вѣдома своего благочиннаго отлучался въ м. Босовку, Панскій-Мостъ и Монастырище и противу сего обовязанъ подпискою, но поелику изъ онаго его отвѣта открывается, что въ Босовкѣ существуютъ каковыя-то чудотворныя иконы, къ коимъ онъ для поклоненія яко-бы по болѣзни ѣздилъ, о чемъ Правленіе сіе свѣдѣнія не имѣетъ, для того учинить слѣдующее: 1-е, поелику прибавленія обѣщанія архіерейскаго, 22 января 1716 года изданнаго, въ 6-мъ и Духовнаго Регламента части 2-й въ 8-мъ пунктахъ повелѣно: „смотрѣть, дабы никто святыхъ иконъ не боготворилъ нимъ ложнымъ чудесъ не вымышлялъ", на основаніи благочиннической инструкціи 2-й статьи предписать части Босовской благочинному іерею Корнилію Леоновичу указомъ, чтобы онъ, съѣхавъ безъ замедленія въ м. Босовку и достовѣрно выправясь отъ тамошнихъ священно и церковно-служителей и почтеннѣйшихъ старожилыхъ прихожанъ, какая въ ихъ церквѣ имѣется чудотворная икона, или оною только Бошковскій считаетъ, и если точно и они считаютъ ее таковою, то какое н ней изображеніе, какъ давно оная проявилась, какимъ образомъ свидѣтельствована ли духовнымъ начальствомъ, имѣется-ль на то какой письменной видъ" и проч. Благочинный Леоновичъ, который также аккуратно по полугодіямъ доносилъ правленію, что въ его округѣ никакихъ чудесъ не происходитъ и все обстоитъ благополучно, получивъ столь грозное предписаніе духовнаго правленія, смутился. Долго онъ не отвѣчалъ на это предписаніе и думалъ, повидимому, совсѣмъ отмолчаться; наконецъ, на третичный „наистрожайшій открытый указъ" отъ 5 августа 1805 г. онъ донесъ правленію, что „о показанной Бошковскимъ иконѣ онъ допрашивалъ тамошній причтъ и почтеннѣйшихъ прихожанъ, отъ коихъ явилось слѣдующее: что прошло тому назадъ годовъ

съ 14 или и болѣе, какъ въ домѣ босовскаго жителя Ивана Хоменка въ воскресный день, во время пѣнія литургіи, на иконѣ Спасителя будто-бы какимъ-то чудовнымъ образомъ явились бѣліи смугы (полосы), съ которыхъ спадали капли даже на лаву (скамью), о чемъ увѣдомився бывшій тамошній священникъ и представившійся уже Алексѣй Тышевичъ, съ бывшимъ священникомъ с. Панскаго-Мосту Стефаномъ Бошковскимъ и босовскими прихожанами оную икону торжественно проводили въ церковь Босовскую. А какъ сіе произшествіе случилось во время бывшаго въ тотъ день въ Босовкѣ ярмарка, то и народъ вдругъ началъ притекать въ Босовскую церковь, и нѣкоторіи изъ больныхъ получили исцѣленіе, о чемъ по представленію кѣмъ слѣдовало въ уніатскую въ ту пору существующую консисторію было изъ оной изслѣдованіе, и поелику оная Консисторія вышепрописанную икону не признала за чудотворную и почитать ее таковою не почитаютъ". При этомъ благочинный Леоновичъ препроводилъ въ правленіе слѣдующій, относящійся къ этой иконѣ, актъ уніатской комиссіи на польскомъ языкѣ. „1793 года, сентября 8 дня. По порученію превелебнаго Кирилла Сѣроцинскаго, пробоща Тетіевскаго, комиссія изъ Яна Кучоровскаго, дзекана Голованевскаго, и ксенза Симеона Квятковскаго, пароха Соколовскаго, чинили инквизицію о проявившемся въ м. Босовкѣ образѣ Іисуса, на которомъ появились капли, какъ бы слезы падавшіе на землю, который образъ нынѣ находится въ церкви Босовской, при лѣвой сторонѣ въ кіотѣ (въ олтаржику) Матери Божіей. По приводѣ къ присягѣ явившихся свидѣтелей узнали: еще около 1758 года икона эта находилась въ домѣ Ивана Бурмистра и была написана иначе: кромѣ лика Спасителя было на ней еще двѣ персоны Матери Божіей и св. Николая. Иногда, по показанію свидѣтелей, съ очей Спасителя такъ обильно текли слезы, что падали даже на лаву, что видѣли многіе въ домѣ Бурмистра. По смерти его, когда жена его Катерина обѣднѣла, около 1768 г. продала эту икону Павлу Сычу. А когда у Павла Сыча случился пожаръ и сгорѣла хата, то икона эта хотя осталась, но такъ была закурена и закопчена дымомъ, что едва

можно было на ней разобрать ликъ Спасителя. Въ 1782 году маляръ Михаилъ Словачевскій въ м. Босовкѣ дѣлалъ для Босовской церкви кіотъ (олтаржикъ) св. Варвары. Этотъ маляръ, по просьбѣ Павла Сыча, очистилъ только икону до старыхъ фарбъ (красокъ) и грунту безъ всякихъ другихъ измѣненій, оставивъ на ней только ликъ Спасителя, и въ такомъ видѣ возвратилъ ее опять Павлу Сычу, который образъ и освященъ былъ парохомъ Алексѣемъ Тышевичемъ. Наконецъ, въ 1793 году, 29 мая, въ недѣлю предъ Вознесеніемъ Господнимъ, въ домѣ Ивана Хоменка, въ которомъ жилъ (коморовалъ) тогда Павелъ Сычъ, утромъ икона была совсѣмъ сухая, какою видѣлъ ее одинъ изъ свидѣтелей, идучи въ церковь; передъ херувимской пѣсней съ глазъ Спасителя полились капли черезъ все лицо, столь обильныя, что падали на лаву и даже на землю. Когда объ этомъ сообщили въ церковь, гдѣ въ то время еще шло служеніе, то священники Бошковскій и Тышевичъ и множество народа пошли къ хатѣ Ивана Хоменка и, взявши тотъ образъ при пѣніи догматика „Кто тебе не ублажитъ“ проводили его въ Босовскую церковь и поставили въ кіотѣ Божіей Матери, и кромѣ акафистовъ и молебновъ никакого набоженства при немъ не отправляли. Тымко Бурлака житель цыбулевскій, 30 лѣтъ, за присягой показалъ, что лѣтъ 10 страдалъ „злою хоробой“, а пришедши въ Босовку, въ хату Ивана Хоменка, тотчасъ выздоровѣлъ. Меланка, Нечыпора Чекаленка, босовскаго жителя, жена, 48 лѣтъ, за присягой показала, что имѣла сына Өеодора, лѣтъ 12 болѣвшаго на ноги. Сначала онъ на новые мѣсяцы страдалъ, а потомъ стоналъ и кричалъ и жаловался, что ему совсѣмъ ноги корчитъ. За приведеніемъ же его въ Босовкую церковь и отправленіемъ предъ тѣмъ образомъ Спасителя акафиста и водосвятія ея сынъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Ярина, Гаврила Воровитаго, изъ с. Верхнячки, жена, 38 лѣтъ, за присягой показала, что болѣла на ноги 16 недѣль и такъ жилы подъ колѣнами стянуло, что не могла ходить, а съ помощью мужа поднималась. Будучи же приведена въ Босовку, по отправленіи службы Божіей и акафиста предъ новоявленнымъ обра-

зомъ, выздоровѣла. Евфимія, Петра Гныды, изъ с. Верхнячки, жена 27 лѣтъ, за присягой донесла, что терпя болѣзнь (нудность) сердца, впала въ тяжкую хоробу, такъ что едва выносила мучительные пароксизмы; а привезенная въ церковь Босовскую, по отправленіи акафиста предъ тѣмъ образомъ Спасителя, тотчасъ выздоровѣла. Постановили: образовавшіеся на образѣ Спасителя, по поновленіи его малярем Михаиломъ Словачевскимъ съ закоптѣлаго, бѣлые слѣды отъ капель спадавшихъ до земли въ домѣ Ивана Хоменка отъ короны или діадемы, а за тѣмъ отъ главы, считать натуральными и на кровавые (?) не похожими. А что касается „ласкъ" (чудесъ) въ болѣзняхъ, то „Право Сар. 3 Сап. 33 д. 5" признаетъ кобитъ (женщинъ) къ свидѣтельству не правоспособными, и только одинъ остается свидѣтель Тымко Бурлака; свидѣтельство же одного non constat. И какъ владѣлецъ иконы Павло Сычъ подарилъ эту икону на вѣчность Босовской церкви, то онъ долженъ тотчасъ нанять маляра и задѣлать бѣлые смуги на иконѣ. А въ церкви поставить ее подальше при стѣнѣ, никакихъ служеній предъ нею не отправлять и за чудовную ее не считать".

Нельзя не сказать, что постановленіе уніатской духовной комиссіи отличается благоразумною осторожностью. Быть можетъ, здѣсь имѣло мѣсто соображеніе, что данная икона «хлопская», появившаяся въ хатѣ мужика и обновленная православнымъ иконописцемъ,[1]) а вѣрнѣе то, что и уніатскіе дзеканы находились подъ давленіемъ правительственнаго распоряженія объ искорененіи суевѣрій; какъ бы то ни было, они предпочли поставить дѣло такъ, чтобы въ ихъ районѣ никакихъ чудесъ не было, и чтобы все обстояло благополучно. Но, несмотря на строгое запрещеніе уніатской духовной комиссіи, Босовская „чудовная икона" продолжала привлекать къ себѣ многихъ богомольцевъ,

---

[1]) Родъ священника Словачевскаго, изъ котораго происходилъ вѣроятно и этотъ маляръ Мих. Словачевскій, славился въ прошломъ вѣкѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ при господствѣ уніи сильною приверженностью къ православію.

и ей предстояло еще предстать на судъ православнаго духовнаго начальства.

Неизвѣстно, задѣлывалъ-ли малярѣ Михаилъ Словачевскій, по приказанію уніатской духовной комиссіи, „бѣлыи смуги" на чудотворной босовской иконѣ Спасителя, или нѣтъ, но эти смуги были на иконѣ и во время производства слѣдствія надъ священникомъ Бошковскимъ по поводу его „суевѣрія": Липовецкое духовное правленіе, сдѣлавъ строгій выговоръ босовской части благочинному Корнилію Леоновичу за то, что онъ, во первыхъ, такъ долго не отвѣчалъ на запросъ правленія объ иконѣ; во вторыхъ, „въ противность узаконеніямъ и инструкціи благочиннической, не доносилъ въ духовную команду о чинимыхъ въ м. Босовкѣ суевѣріяхъ и стеченіи народа, чего ему, яко вблизи Босовки, въ м. Охрѣмовой живущему, нельзя было не знать", предписало ему немедленно „съѣхать на грунтъ въ м. Босовку" и отереть „бѣлыи смугы" на иконѣ Спасителя, а также отвѣтить „по присяжной должности и христіанской совѣсти": стекается-ли народъ къ этой иконѣ и когда? Отправляются-ли нарочитыя служенія предъ этой иконой и какія? На первый пунктъ правленскаго предписанія благочинный Леоновичъ, въ рапортѣ отъ 26 октября, 1805 года, отвѣтилъ: „Омовеніе оной иконы и отертіе нижеподписавшимся благочиннымъ бывало неоднократно, то во исполненіе предписанія липовецкаго протоіерея г-на Топольскаго, то въ любопытство, что это за матерьялъ, которымъ она облита но оный съ нея не стирается; ибо измывалъ икону чистою водою и истиралъ чистымъ платкомъ, да и неоднократно; но какъ жадною мѣрою ее водою измыть не можно, ибо по измовеніи окажется чистою, а когда высохнетъ опять станутъ бѣліи смугы, то и по сѣ поры оніи на иконѣ имѣются. Но сіе (дѣлалось) безъ удивленія благочиннаго и безъ объявленія народу того за чудо, ибо онъ, благочинный, совершенно вѣдалъ и признаетъ, что таковіи на оной иконѣ смугы учинены натуральнымъ способомъ, почему благочинный прихожанамъ и священнику во время чинимыхъ посѣщеній оной церкви, въ числѣ прочихъ полущенныхъ (потрескавшихся) иконъ, и оную, признанную однимъ кальницкимъ священникомъ Стефаномъ Бош-

ковскимъ единственно для оправданія себя въ преступленіи за чудотворную, починить словесно предлагалъ, но за неимѣніемъ искуснаго живописца по сѣ поры не починены". Касательно же стеченія народа въ Босовскую церковь и отправленія служеній предъ чудотворной иконой Спасителя благочинный Леоновичъ уклончиво отвѣтилъ, что ему „по просьбѣ босовскаго священника Романа Тышевича, довелось служить въ Босовской церкви два раза: одинъ разъ въ воскресный день, но не во время ярмарку, на коемъ служеніи былъ г. Пряжевскій, бывшій липовецкимъ земскимъ исправникомъ, а другой разъ во время чинимаго имъ, священникомъ Тышевичемъ, за умершихъ обѣда; но въ тѣ времена благочиннымъ не усмотрѣно ни людей стороннихъ, ни молебствій какихъ нибудь предъ оной иконой отправляемыхъ".

Хотя въ этомъ своемъ отвѣтѣ благочинный Леоновичъ, повидимому, старается попасть въ тонъ липовецкаго духовнаго правленія и явно осуждаетъ священника Бошковскаго, но правленіе не только не удовлетворилось отвѣтомъ благочиннаго, но даже заподозрило и его въ недобросовѣстности и въ стремленіи замаскировать и скрыть случившееся въ его округѣ „суевѣріе". По крайней мѣрѣ, помимо сообщеній благочиннаго Леоновича, правленіе предписало благочиннымъ—части Лукашевской Ѳалалею Крыжановскому и части оратовской Стефану Яремовскому „безъ всякаго продолженія времени, съѣхавъ на грунтъ въ м. Босовку, учинить обстоятельное, по самой справедливости и присяжной должности изслѣдованіе: 1-е, стекается ли народъ на поклоненіе славимой чудотворною иконѣ? Изъ какихъ мѣстъ, то есть изъ смежныхъ ли только селеній и мѣстечекъ, или и изъ другихъ уѣздовъ и губерній? 2-е, таковое стеканіе народа когда именно бываетъ и сколько разъ въ годъ? И тѣ люди притекающіе какого суть исповѣданія: одного ли православнаго, или и иновѣрнаго? 3-е, приходятъ ли для того жители с. Охрѣмовой? 4-е, бываетъ ли отправляемо во времена прихожденія народа богослуженіе и другія церемоніи и какія именно, и кѣмъ оныя отправляются? 5-е, ежели все сіе отправляется, то благочинный іерей Леоновичъ свѣдущъ ли о томъ, и что онъ

при посѣщеніи церкви по сему случаю дѣлалъ,—не чинилъ ли запрещеній тому? 6-е, въ какомъ разстояніи с. Охрѣмово отъ Босовки, и часто ли благочинный Леоновичъ бываетъ въ Босовкѣ?—и въ прочихъ обстоятельствахъ, сіе дѣло въ ясность привести могущихъ, наблюдая при томъ, чтобы ничего таковаго изъ виду не упустить, и чтобы при таковомъ изслѣдованіи показывали сущую правду, и таковое изслѣдованіе съ поминаемою иконою прислать съ нарочнымъ къ разсмотрѣнію въ сіе правленіе." Но и на такое грозное предписаніе правленія благочинные Ѳалалей Крыжановскій и Стефанъ Яремовскій, рапортомъ отъ 31 октября 1805 года, отвѣтили кратко и также довольно уклончиво: „Во исполненіе указовъ онаго правленія, мы съѣхали въ м. Босовку и за присягою взяли показанія отъ тамошнихъ жителей объ иконѣ Спасителевой, славимой въ церквѣ Михайловской, при чемъ свидѣтели спрашиваны показали: 1-е, что стекается въ м. Босовку въ воскресные дни народъ найболѣе на ярмарку и въ нѣкоторые праздники лѣтнею порою изъ смежныхъ селеній липовецкаго и уманскаго уѣздовъ и Подольской губерніи; 2-е, стекается народъ только православнаго исповѣданія; 3-е, жители с. Охрѣмовой, какъ въ близкомъ разстояніи, частѣе бываютъ; 4-е, во время воскресныхъ и праздничныхъ дней богослуженіе бывало отправляемо въ церкви по чиноположенію предъ намѣстными и славимою иконою приходскими и пріѣзжими священниками; 5-е, благочинный Леоновичъ хотя и свѣдущъ о стеченіи народа, однако при посѣщеніяхъ церкви не чинилъ запрещеній. При семъ и славимую икону черезъ нарочнаго въ липовецкое духовное правленіе благопочтеннѣйше препровождаемъ". Очевидно, и этимъ рапортомъ стороннихъ благочинныхъ духовное правленіе не могло удовлетвориться и вызвало наконецъ въ свое присутствіе для допроса самого босовскаго настоятеля Романа Тышевича, который 1805 года, 22 ноября, „о находящейся въ босовской церквѣ иконѣ, объявленной за чудотворную, показалъ: что оная икона Спасителя, будучи прежде босовскаго жителя Павла Сыча, уже умершаго, собственная, стояла въ избѣ на приличномъ мѣстѣ, а отъ кого ему доста-

лась—неизвѣстно. И въ 1793 году, лѣтняго времени, когда увидѣли домашніе его, Сыча, на той иконѣ смугы, съ головы якобы текшіе, то, давъ о томъ знать прежде сосѣдамъ своимъ, а послѣ и ему, Тышевичу, объявили оную икону за чудотворную, какова мнѣнія и всѣ зрители были.[1]) По сему, за донесеніемъ о таковомъ признаніи бывшему уніатскому дзекану Кириллу Сѣроцинскому, по повелѣнію онаго Сѣроцинскаго, взята оная икона, бывъ препровождена съ процессіею церковнымъ клиромъ въ Босовскую церковь, гдѣ она находилась, будучи поставлена на стѣнѣ, близъ намѣстной св. Николая иконы до сего времени. Какія-жъ затѣмъ послѣдствія были объ оной иконѣ, хотя онъ Тышевичъ совершенно помнить не можетъ, однако о всемъ томъ пространно объяснено въ декретѣ бывшаго уніатскаго духовнаго начальства, который благочиннымъ іереемъ Леоновичемъ представленъ въ духовное правленіе, и оная икона есть та самая, которую протоіерей Топольскій велѣлъ отереть. Благочинный же іерей Леоновичъ съ священникомъ с. Попудней Θеодосіемъ Вороновичемъ съѣздилъ для того предъ прибытіемъ слѣдователей (благочинныхъ Крыжановскаго и Яремовскаго) за нѣсколько недѣль, и въ то время оная икона съ прочими таковыми и цѣлымъ иконостасомъ находилась на хорахъ церковныхъ, куда все то снесено лѣтняго сего года времени въ разсужденіи производимой церквѣ починки. Въ теченіи-жъ времени, по перенесеніи этой иконы въ церковь, люди нѣкоторые, а паче непросвѣщенные хотя почитали оную икону за чудотворную, однако нарочитыхъ какихъ либо моленій въ честь тоя иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало. Просимые же приходящими людьми разнаго званія во время ярмарковъ,—коихъ въ Босовкѣ черезъ годъ бываетъ не болѣе двадцати,—какъ молебны, такъ водосвященія и акафисты отправлялъ онъ, Тышевичъ, всегда среди церкви, а не передъ

---

[1]) Романъ Тышевичъ былъ въ то время при отцѣ своемъ Алексѣѣ Тышевичѣ пономаремъ въ м. Босовкѣ.

иконою какою-либо. Наконецъ, хотя нельзя, чтобы благочинный іерей Леоновичъ не слышалъ отъ людей о произношеніи помянутой иконы чудотворною, однако никогда о томъ даже не спрашивалъ. Почему же м. Кальника священникъ Стефанъ Бошковскій назвалъ оную икону прямо чудотворною и еще во множественномъ числѣ, онъ, Тышевичъ, не знаетъ, и болѣе въ Босовской церкви иконъ, коимъ бы особливая святость хотя-бъ отъ простолюдиновъ была причитаема, нѣтъ, а развѣ онъ, Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ, сіе объявилъ".

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы далѣе это дѣло, но какъ разъ въ это время (въ концѣ ноября 1805 года) священникъ Стефанъ Бошковскій умеръ, и духовному правленію уже не было интереса продолжать дѣло о его суевѣріи. Суевѣріе священника Бошковскаго предано было суду Божію, а священникъ Романъ Тышевичъ, получивъ изъ духовнаго правленія чудовную икону Спасителя, благополучно возвратился съ нею въ свой приходъ и недѣли черезъ двѣ послѣ этого также отошелъ въ вѣчность.

Грустное впечатлѣніе производитъ на читателя это дѣло, начатое по личнымъ счетамъ и веденное съ удивительной изворотливостью. Съ одной стороны, благочинный Леоновичъ и сторонніе благочинные, какъ только дойдетъ дѣло до почитанія народомъ босовской иконы, стараются скрыть, затушевать дѣйствительность отъ грознаго начальственнаго взора своей „духовной команды", а босовскій настоятель Тышевичъ, въ угоду, конечно, этой командѣ, прямо показалъ въ присутствіи духовнаго правленія, „что нарочитыхъ моленій въ честь тоя иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало".. и что „только священникъ Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ сіе объявилъ". Съ другой стороны, духовное правленіе усердно, хотя и тщетно, старается узнать „сущую правду" о чтимой иконѣ, чтобы нагляднѣе доказать суевѣріе священника Бошковскаго и покрывательство благочиннаго Леоновича. Но такъ это было только на бу-

магѣ, въ перепискѣ по „духовной командѣ“; дѣйствительность же текла своимъ особымъ русломъ. Уже и въ самомъ „дѣлѣ“ проскальзываютъ ясныя указанія, что эта плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ большое стеченіе народа, и ею интересовались очень многіе, не изъ однихъ только „непросвѣщенныхъ простолюдиновъ“. Такъ, кромѣ уніатской комиссіи, пятигорское духовное правленіе свидѣтельствовало эту икону и велѣло поставить ее въ церкви на прежнемъ мѣстѣ. Благочинный Леоновичъ, какъ самъ сознается, неоднократно старался обмыть „бѣлыи смугы“ на ней „въ любопытство“, какъ онъ выражается, „но безъ удивленія и безъ объявленія народу то за чудо“. Наконецъ, самъ протоіерей Топольскій имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія объ этой иконѣ, ибо еще въ 1799 году, какъ напоминаетъ ему въ своемъ обьясненіи благочинный Леоновичъ, онъ, протоіерей, проѣзжая черезъ Босовку, „ревизовалъ оную церковь, и распрашиваясь объ иконѣ тамошнихъ прихожанъ, самъ отиралъ ее перстомъ своимъ, омоченнымъ водою, при чемъ были и засвидѣтельствуютъ босовскіи прихожане“. Безъ сомнѣнія, протоіерей зналъ и о многолюдномъ стеченіи богомольцевъ на поклоненіе этой иконѣ, и о томъ благоговѣніи, какимъ она пользовалась, и даже онъ самъ, конечно, изъ уваженія къ чудотворной иконѣ босовской, не разъ совершалъ богослуженіе въ босовской церкви, хотя Босовка отъ Липовца находится въ 80 верстахъ. Босовскіе же прихожане всѣ показывали слѣдователямъ, что стеченія народа къ чудотворной босовской иконѣ бывали круглый годъ по восреснымъ и праздничнымъ днямъ, особенно въ праздники Рождества Іоанна Предтечи и Петра и Павла.[1] Что эти стеченія народа были очень многолюдны, видно уже изъ того, что при босовской церкви, кромѣ постояннаго причта, всегда проживали и безмѣстные священники. Такъ, въ дѣлѣ о молдавскихъ рукоположенцахъ за 1797 годъ, одинъ изъ нихъ,

---

[1]) Замѣчательно, что и сторонніе благочинные въ донесеніи духовному правленію старались замаскировать причину стеченія въ Босовку народа и писали, что народъ собирается только на ярмарку.

Даніилъ Левицкій, показанъ состоящимъ при „чудовной иконѣ босовской"; и по свидѣтельству босовскихъ прихожанъ, служеніе въ ихъ церкви совершалось не только приходскими, но и пріѣзжими священниками. Очевидно, стеченіе народа въ босовскую церковь было очень большое не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ.

О чемъ же плакала эта икона? Отчего на ней слѣды слезъ такъ прочно держались, что ни время, ни нарочитыя обмыванія не могли ихъ уничтожить? Тайна этихъ слезъ босовской святыни не замедлила открыться тою безпримѣрною участью, какая постигла м. Босовку въ 1842 году. Польскій мятежъ 1831 года былъ для м. Босовки роковымъ. По усмиреніи мятежа, Босовка была конфискована и отдана въ распоряженіе военнаго вѣдомства, для устройства военнаго поселенія. За сопротивленіе же, оказанное военнымъ властямъ при заведеніи военныхъ поселеній, мѣстечко Босовка въ 1842 году обречена была на совершенное уничтоженіе съ лица земли. Всѣ евреи этого мѣстечка переселены были частію въ м. Сарны, частію въ м. Соколовку. Всѣ крестьяне переселены были въ м. Соколовку. Церковь босовская была разобрана, все ея имущество тоже отдано было въ соколовскую церковь, и по тому мѣсту, гдѣ было цвѣтущее мѣстечко, знаменитое своими ярмарками и своею святынею, прошелъ плугъ земледѣльца... Только въ 1860-хъ годахъ аборигенамъ м. Босовки позволено было вернуться на свое старое пепелище. Они образовали уже не мѣстечко, а скромную деревню—Босовку, устроили въ ней церковь, приписанную къ с. Угловатой, и только года три тому назадъ въ Босовкѣ открытъ самостоятельный приходъ. А бывшая святыня босовской церкви—плачущая икона Спасителя—вмѣстѣ съ другимъ церковнымъ имуществомъ навсегда осталась въ церкви м. Соколовки, гдѣ она находится и по сіе время. Но на новомъ мѣстѣ она уже утратила свое прежнее обаяніе, и къ ней давно уже заросла народная тропа...

Протоіерей **В. Липковскій**.

Письма профессора Университета св. Владиміра протоіерея Назарія Антоновича Ѳаворова къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(Окончаніе [1]).

12.

Вчера, то есть 3 мая, получилъ я отъ Васъ третье послѣ Пасхи письмо; стало быть Вы перегнали меня однимъ письмомъ. Но тѣмъ не менѣе я считаю за Вами небольшой должокъ: до сихъ поръ Вы ни однимъ словомъ не отвѣтили мнѣ на двѣ просьбы, изложенныя въ первомъ письмѣ моемъ къ Вамъ. Позвольте напомнить, по крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ, именно по дѣлу князя Ширинскаго. Потрудитесь пожалуйста сказать слова два по этому предмету, чтобы я зналъ, что отвѣчать князю, въ случаѣ, если бы онъ снова написалъ мнѣ что-нибудь по тому же дѣлу своему. Судя по числу засѣданій комитета, можно думать, что Вы рѣшились покончить дѣло къ іюню. Дай Богъ! Только не вѣрится какъ-то въ подобный успѣхъ: слишкомъ недалеко еще уѣхали Вы отъ начала, а, вѣрнѣе сказать, почти еще и не подвинулись съ мѣста, хотя, конечно, начинается уже

[1]) См. Кіев. Ст., № 11.

и пришпориванье. Не ожидалъ я вмѣшательства свыше, хотя дѣло, по которому вмѣшиваются, весьма неважно, и я, съ своей стороны, какъ прежде не стоялъ, такъ и теперь не вижу побужденія стоять за него,—тѣмъ не меньше чувствовать давленіе совнѣ непріятно. Кто этотъ одинъ на котораго особенно... ...Думаю, что Вы употребили третье лицо вмѣсто перваго. Но-кто-бы ни былъ это, во всякомъ случаѣ особенно непріятно слышать именно о гнѣвѣ на одного, ибо это значитъ дѣйствовать въ разбивку. Впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, по всей вѣроятности, не будетъ изъ этого: разумѣю слѣдствія въ сферѣ комитетской дѣятельности, а о другихъ и думать не хочу.

Я прошлую недѣлю почти всю провелъ въ экзаменахъ, съ викаріемъ и безъ онаго. Безъ непріятностей, по обыкновенію, не обошлось, но писать объ нихъ не хочется, хотя кое-что изъ нашихъ соотношеній (не приберу другого термина) сдѣлалось предметомъ городской молвы. Въ Институтѣ петербургскій ревизоръ, тайный совѣтникъ Колесовъ. Что выйдетъ изъ этой ревизіи, угадать еще трудно. Начальница—довольно странное лицо. Говорятъ, она умна и очень хорошо образована; но дѣйствуетъ совершенно безтактно. Изъ Института разбѣгаются. Можетъ быть, со временемъ все поуляжется. Перваго мая былъ пирогъ у ключаря, отъ котораго (т. е. пирога, а не ключаря) и я вкушалъ. Погода была не великолѣпная. И вообще весна у насъ не роскошная; нѣсколько дней уже стоятъ порядочные холода съ дождями. Вчера въ особенности много дождя выпало. Воображаю, что у васъ тамъ дѣлается. Кончайте пожалуйста все, чтобы осенью не пришлось, по крайней мѣрѣ, отказываться отъ новой прогулки въ Питеръ. Холера у васъ, кажется, затихла, а оспа не появлялась. Послѣдней боятся и у насъ. Прививаніе въ ходу. И моимъ дѣтямъ привита оспа недавно. Но мнѣ кажется, больше бояться нужно холеры. Дай Богъ чтобы не было ни того, ни другого. Ист.-фил. факультетъ проголосовалъ представленіе въ совѣтъ о юбилеѣ М. А.; [1]) но прошлый разъ совѣтъ не со-

---

[1]) М. А. Максимовичъ.

стоялся; авось состоится на нынѣшней недѣлѣ. Что послѣдуетъ, увѣдомлю. Даніилу Гавриловичу усердно челомъ бью.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

4 мая 1871 года.

13.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше я получилъ 25 сентября. Въ него вложено было письмо Ваше къ сестрѣ, которое я долженъ былъ передать тотчасъ-же, но, по непростительной забывчивости, до настоящаго часа не передалъ. Поэтому прежде всего умоляю Васъ извинить меня за такую разсѣянность. Впередъ надѣюсь быть совершенно исправнымъ, если буду имѣть какія-бы то ни было порученія отъ Васъ. Между тѣмъ сейчасъ же отправляю письмо по назначенію и съ откровеннымъ объясненіемъ въ своей оплошности. Засѣданія комитета, безъ сомнѣнія, уже начались и, я надѣюсь, Вы не оставите меня безъ извѣстій объ ихъ ходѣ. Какъ видно, въ мнѣніяхъ своихъ не очень тверды и постоянны многіе изъ членовъ комитета. Да это и понятно. Вѣдь правду сказать, едва ли кто изъ насъ говорилъ и говоритъ со всею искренностью и по одному сознанію того, что и какъ лучше бы сдѣлать. Нѣкоторые, я полагаю, имѣютъ опредѣленный взглядъ на дѣло, но не выговариваютъ всего, что думаютъ. Другіе переходятъ отъ одного мнѣнія къ другому, повидимому, въ силу большаго и большаго уясненія себѣ предмета, а на самомъ дѣлѣ, просто, по неимѣнію опредѣленнаго взгляда на цѣлое дѣло. Иные, наконецъ, привязанность къ рутинѣ считаютъ за убѣжденіе и ратуютъ не за то, что дѣйствительно сознаютъ вѣрнымъ и правымъ, а за то, къ чему привыкли. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Право, я прихожу къ мысли, какъ-бы не вышло что нибудь похуже прежняго. Починивать старое вообще не совсѣмъ безопасная работа; а комитету приходится заняться именно такою работою. Компро-

миссы являются какою-то неизбѣжностью; а изъ нихъ рѣдко когда выходитъ что-нибудь доброе, и то развѣ на время. Извините меня за такой скептицизмъ, если, впрочемъ, Вы сами не раздѣляете его въ душѣ. За всѣмъ тѣмъ, однако-жъ, повторяю мою просьбу извѣщать мнѣ по прежнему обо всемъ, что у Васъ дѣлается и будетъ дѣлаться. Вызовъ преосвященнаго Димитрія меня радуетъ: дай Богъ ему каѳедру московскую. Что бы ни говорили, а эта личность едва ли не наиболѣе свѣтлая въ нашей духовной сферѣ. Увижусь ли я съ нимъ въ Кіевѣ, не знаю; но во всякомъ случаѣ спутникомъ его въ столицу, по всей вѣроятности, не буду. Это, впрочемъ, еще далеко впереди. Завтра, т. е. 29 сентября, у насъ будетъ освященіе церкви въ Галагановской коллегіи; освящать будетъ митрополитъ; участвовать буду, между прочимъ, и я. Открытіе Коллегіи будетъ 1 октября, о чемъ, впрочемъ, Вы вѣроятно узнаете раньше прочтенія этого письма изъ газетъ. Коллегія отдѣлана очень хорошо, я осматривалъ ее. Особенно мнѣ понравилась библіотека, не по содержанію ея, котораго я не знаю, а по отдѣлкѣ и размѣщенію шкаповъ и другихъ принадлежностей. Да и вообще все наружное въ заведеніи очень хорошо: свѣтло, чисто, комфортабельно и отчасти даже роскошно. Дай Богъ, что-бы внутреннее оказалось соотвѣтственно хорошимъ. Мой усерднѣйшій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Поѣздка за границу, очевидно, принесла ему пользу и—слава Богу. Надѣюсь, что съ уменьшеніемъ его по объему, онъ не сократится въ добрыхъ чувствахъ и расположеніи къ старымъ товарищамъ и, между другими, ко мнѣ. Я весьма радъ былъ бы снова увидѣться съ нимъ и пожить вмѣстѣ; но будетъ ли это, Богъ вѣсть. Кто-то недавно спрашивалъ меня, кто теперь профессоромъ богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Я и самъ желалъ бы знать объ этомъ. Не забудьте сообщить, когда будете писать. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 сент. 1871 года.

14.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ.

Прочитавши письмо Ваше отъ 30 сентября, я задалъ себѣ вопросъ: кончитъ ли когда-нибудь комитетъ нашъ свою работу? Одно только представляется основаніе для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, именно, что все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, слѣдовательно и проч. Но при этомъ остается еще недоумѣніе, въ чемъ будетъ состоять окончаніе нашего дѣла. Можетъ быть, мы, не наполнивши бочки Данаидъ, закупоримъ ее, какъ наполненную, и сдадимъ съ рукъ. Я думаю, что такъ случится. Да, въ нашей бочкѣ дырки со всѣхъ сторонъ. Вотъ кажется, налили по меньшей мѣрѣ до половины или даже чуть не до верха, но на другой день хвать—въ бочкѣ ни капли: все вытекло. Такова неизбѣжная участь всего, что дѣлается безъ твердыхъ основныхъ началъ. Въ „Голосѣ“ полагаютъ, что если-бы въ комитетъ пригласили такихъ профессоровъ, какъ Сергіевскій и Горчаковъ, то „музыка пошла-бъ не та“. Можетъ быть не та, да только едва ли для ушей было бы легче. Не лица виноваты, и не дѣло само по себѣ трудно: обстоятельства—вотъ самое главное, какъ объясняла старая барыня, вышедшая за лакея замужъ, приговаривая: обстоятельства всего сильнѣе на свѣтѣ. Какъ бы не случилось и съ нашимъ дѣломъ того же, что со старою барынею. Кромѣ шутокъ, я не предвижу сколько нибудь счастливаго исхода комитетскихъ работъ. Приходится утѣшаться однимъ русскимъ „авось“. Пока имъ и буду утѣшаться: авось будетъ лучше! О преосвященномъ Димитріи я никому ничего не говорилъ, и, оказалось, хорошо сдѣлалъ. Изъ сего можно видѣть, между прочимъ, что мнѣ довольно безопасно передавать слухи, хотя бы они были и не совсѣмъ вѣрны. Кто же будетъ профессоромъ богословія въ С.-П. университетѣ? Горчаковъ требуетъ доктора для богословской каѳедры, вѣроятно потому, что онъ самъ сдѣлается докторомъ. Предложеніе его, само по себѣ, резонно, но въ его устахъ оно показалось мнѣ какъ-то недели-

катно. Назначеніе о. Александра въ Ташкентъ снимаетъ титулъ ташкентскаго съ о. Филарета, которому я уже передалъ Вашъ поклонъ. Въ нашей Академіи недавно, именно 3 числа, былъ актъ. Рѣчь читалъ Вороновъ. Кажется, дѣльная; только ораторъ спѣшилъ и говорилъ тихо: многаго—нельзя было разслушать. Отчетъ читалъ Терновскій. Послѣ длинной рѣчи—длинный отчетъ и, какъ всѣ отчеты, сухой, оказался публикѣ не подъ силу: попросили окончить поскорѣе. Публики было немного. Вообще, какъ-то шло все довольно вяло. Веселѣе стало за завтракомъ у о. Филарета, гдѣ какъ будто больше явилось и публики. Въ числѣ публики былъ и М. П. Погодинъ. Онъ и теперь здѣсь и самъ недавно, именно 4-го числа, собиралъ около себя публику. Въ залѣ первой гимназіи, отъ 7-ми до 10-ти вечера собравшіеся по приглашенію слушали его драму: „Петръ Великій“, написанную имъ, по его собственному заявленію, сорокъ лѣтъ назадъ, читанную нѣкогда Пушкину и Жуковскому и благословленную ими, но цензурою не допущенную въ свѣтъ. Драма умная (я также былъ въ числѣ приглашенныхъ): въ этомъ ея достоинство, но въ томъ же, можетъ быть, и ея недостатокъ. Во всякомъ случаѣ—вещь довольно замѣчательная. Но—довольно. Глубокій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Прошу кланяться и Василію Аѳанасіевичу.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

6 октября 1871 года.

15.

Любезный другъ, Петръ Гавриловичъ!

Послѣднее письмо Ваше я получилъ въ то самое время, какъ отправилъ свое письмо къ Вамъ. Я хотѣлъ было возвратить посланнаго на почту, чтобы пополнить написанное, сообразно съ содержаніемъ Вашего письма, но такъ-какъ ничего существеннаго не могъ прибавить къ тому, что говорилось въ отправленномъ письмѣ, то и не сдѣлалъ этого. И теперь я не имѣю

сказать ничего новаго относительно извѣстнаго предмета. Вѣроятно, такъ уже суждено, чтобы мнѣ остаться за штатомъ комитета. Все сложилось у меня противъ поѣздки въ Петербургъ: и занятія по должности, и состояніе моего здоровья, и домашнія обстоятельства. Думаю, что теперь моя поѣздка была-бы лишнею, если бы для меня и открылась возможность ѣхать. И такъ, я посижу дома, а Вы пожалуйста не оставляйте меня безъ свѣдѣній о комитетскихъ новостяхъ. Кланяется Вамъ Николай Дмитріевичъ и поручаетъ мнѣ попросить Васъ о маленькомъ одолженіи для него. Имъ подано еще отъ 15 іюля текущаго года прошеніе въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о высылкѣ ему новаго аттестата о службѣ, такъ какъ аттестатъ былъ украденъ у него вмѣстѣ съ другими вещами; но до сихъ поръ прошеніе его остается безъ удовлетворенія. Нельзя ли какъ нибудь, хоть черезъ А. Е. Ильинскаго, разузнать, отъ чего это происходитъ, и вмѣстѣ напомнить о высылкѣ аттестата. Хотя дѣло это, говоритъ Н. Д., не срочное, но все-таки нужное, въ особенности потому, что пожалуй безъ аттестата не захотятъ съ новаго года выдавать пенсіи. Въ Кіевѣ новаго ничего, кажется, нѣтъ. Государь Императоръ былъ у насъ 25-го на самое короткое время. Государыню ожидаютъ въ ноябрѣ.

Кто-то напечаталъ въ газетахъ, что въ Кіевской Академіи готовится цѣлый рядъ диспутовъ на докторскую степень и что докторанты, изъ уваженія къ своему ректору, представляютъ ему первому, хотя это и противъ очереди, защищать докторскую свою диссертацію. Не знаю, сколько явится докторантовъ здѣсь впослѣдствіи, а теперь есть пока одинъ Скворцовъ. Что-же касается до уважительнаго предоставленія ректору защищать первому свою диссертацію, то ужъ не злая ли это выдумка? По крайней мѣрѣ, для него самого это оказалось такою же новостію, какъ и для другихъ. Усердный поклонъ Даніилу Гавриловичу. Всего лучшаго желаю Вамъ.

Преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 октября 1871 года.

16.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня я отправилъ письмо къ Вамъ, сегодня же пишу и другое, чтобы отправить его завтра. Дѣло въ томъ, что мнѣ представляется не невозможнымъ побывать и въ Петербургѣ, если еще не совсѣмъ ушло время пополнить моимъ голосомъ мнѣніе правой, по моему мнѣнію, стороны и если дѣйствительно къ Рождеству можетъ окончиться все комитетское дѣло. Объ этомъ я и спѣшу заявить Вамъ: Не могу сказать рѣшительно, что непремѣнно пріѣду въ половинѣ ноября, но условно обѣщаю сдѣлать это. Здоровье мое дѣйствительно, а не въ шутку, какъ можетъ представляться Вамъ, скверно; кромѣ того, много обстоятельствъ, которыхъ, при всей моей откровенности съ Вами, я не въ состояніи сообщить Вамъ, мѣшаютъ мнѣ распоряжаться собою свободно. Итакъ, если подобныя препятствія—не то что исчезнутъ, но, по крайней мѣрѣ, не будутъ очень сильны, я могу около 15-го ноября сняться съ якоря и поплыть къ норду. Впрочемъ, я не замедлю еще писать къ Вамъ до того времени. Надѣюсь и отъ Васъ получить извѣстіе, которое можетъ или побудить меня къ рѣшимости, или отклонить отъ ней. Отчего это письмо Ваше, помѣченное 23 октября, получено мною только 29-го? Не па долгихъ же оно тянулось отъ Питера до Кіева. Или Вы, написавъ, даете время просохнуть и высвѣжиться написанному, пока не отправите на почту? Заключая письмо Ваше, Вы сказали съ вопросительнымъ знакомъ: *до свиданія*. Я желалъ бы окончить мое письмо тѣмъ же словомъ безъ вопросительнаго знака, но боюсь, чтобы другой кто или другое что не поставили этого знака. Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ-ли, въ Кіевѣ-ли, желаю видѣть Васъ въ совершенномъ здоровьи, въ мирѣ, благодушіи и радости. Какъ поживаетъ Даніилъ Гавриловичъ? На долго ли помогли ему заграничныя воды? Обычный

мой дружескій поклонъ ему, съ желаніемъ всякаго добра. Прошу покорно кланяться и В. Аѳанасьевичу.

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

29 окт. 1871 года.

17.

Что мнѣ отвѣчать Вамъ, мой добрый другъ Петръ Гаврилович! Мнѣ такъ тяжело, что и выразить это трудно. Ѣхать нужно, Вы говорите; а я едва могу двигаться отъ тоски и горя [1]). Какъ желалось бы мнѣ теперь лично поговорить съ Вами? Но въ состояніи ли я буду ѣхать въ Петербургъ, не знаю. Не знаю также, что отвѣчать Василію Аѳанасьевичу. Благодарю Васъ отъ всего сердца за ваше сочувствіе и прошу не оставлять меня дружескими совѣтами и помощію въ моемъ несчастномъ положеніи. Прежде я хоть по временамъ забывался и способенъ былъ интересоваться другимъ, а теперь одно чувство давитъ и душитъ меня. Ничто нейдетъ въ голову. Боже мой! прояснится ли когда нибудь жизнь моя! Не видя никакого средства поворотить обстоятельствъ къ лучшему я принужденъ предоставить все ходу самого дѣла. Если найду въ себѣ силы ѣхать, то поѣду въ половинѣ мѣсяца, а если нѣтъ, то увѣдомлю Васъ. Прощайте пока, любезный другъ мой. И голова и руки плохо служатъ. Даніилу Гавриловичу мой искренній поклонъ. Отъ него, конечно, не скроется мое горе, и я надѣюсь, что и онъ сочувствуетъ несчастію свего стараго товарища. Будьте здоровы, и не дай Богъ Вамъ испытать и похожаго чего нибудь на мое горе.

Всею душою преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

9 ноября 1871 года.

---

[1]) Горе это—чисто семейнаго характера, почему эти строки мы опускаемъ.

18.

Съ новымъ годомъ,

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Дай Богъ, чтобы хорошее старое продолжалось для Васъ и въ новомъ году, а все новое въ немъ было не только не хуже, но и лучше стараго. Къ числу благожеланій моихъ Вамъ позвольте пріобщить и то, чтобы комитетъ нашъ разрѣшился, наконецъ, отъ своего бремени и чтобы плодъ его не оказался ни мертво-рожденнымъ, ни какимъ нибудь калѣкою отъ чрева матерняго. За исключеніемъ этого послѣдняго благожеланія, всѣ другія обращаю также и въ такой же мѣрѣ къ Даніилу Гавриловичу, какъ и къ Вамъ самимъ. Я возвратился домой въ день Вашихъ имянинъ, которыя, надѣюсь, Вы провели и отпраздновали такъ-же хорошо, какъ отпразднованы были имянины Даніила Гавриловича. Соборъ вашъ не освященъ. Преосвященный викарій не захотѣлъ освящать по неполности иконостаса, т. е. за недостаткомъ извѣстныхъ иконъ. Кажется, это—одинъ предлогъ, подъ которымъ ему можно было служить въ праздникъ у себя въ теплой домовой церкви. О дѣлахъ комитетскихъ не переставайте сообщать мнѣ, прошу Васъ, все, что сколько нибудь серьезно. Касательно письма москвичей, по которому Вы лоскомъ хотѣли положить (кого или что, не припомню), я еще не собралъ свѣдѣній. Да пусть ихъ пишутъ, что хотятъ; лишь дѣло бы шло своимъ законнымъ порядкомъ. Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня Василію Аѳанасьевичу. Затѣмъ, желая Вамъ, купно съ Даніиломъ Гавриловичемъ, благоденственнаго и мирнаго житія, во всемъ благопоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія, прошу не забывать

душевно преданнаго Вамъ Н. Ѳаворова.

29 декабря 1871 года.

19.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Радуюсь, что комитетъ нашъ vivit. А я проболѣлъ около трехъ недѣль, и хотя въ постели не лежалъ, но не могъ выходить изъ своего кабинета до 6 февраля. И теперь еще не вполнѣ valeo. Вѣроятно морозы наши, продержавшіеся съ конца генваря до настоящаго времени, имѣли на меня неблагопріятное вліяніе. У Васъ, по крайней мѣрѣ въ комитетѣ, вѣроятно не холодно, а по обыкновенію жарко. Чья статья помѣщена была въ Голосѣ (№ 29) о проектахъ комитета? Писалъ, очевидно, знающій дѣло и писалъ въ пользу нашей секціи. Можно думать, что она принадлежитъ кому нибудь изъ нашихъ, или составлена по свѣдѣніямъ изъ первыхъ рукъ. Но „Голосъ" подвергся карѣ: какъ-бы не послѣдовало, откуда слѣдуетъ или не слѣдуетъ, предостереженій и нашему большинству! Что сказать Вамъ о Кіевѣ? 6 февр. у насъ были три торжества разнородныя: освящали теплый соборъ, открывали памятникъ Бобринскому и служили въ университетской церкви панихиду по Милютинѣ. Я былъ только на послѣдней, т. е. я служилъ ее, вышедши въ первый разъ изъ своего заточенія. Другихъ торжествъ не видѣлъ, потому что долженъ былъ скорѣе возвратиться домой. Свѣдѣнія о нихъ вы, безъ сомнѣнія, имѣете изъ другихъ писемъ и газетъ. Теперь у насъ продолжаются еще контракты, отсроченные до 20 февраля. Говорятъ, даютъ концерты, маскарады и т. д. Значитъ, кое-кто веселится. Собираются дать обѣдъ генералъ-губернатору; вчера приносили ко мнѣ листъ для подписки, но не застали меня дома; принесутъ ли въ другой разъ, не знаю; не буду жалѣть, если и не придется вынуть изъ кармана рублей 12 или 14, тѣмъ больше, что въ карманы теперь простираютъ руки безпрерывно то съ той, то съ другой благодѣющей или признательнолюбивой стороны. Чтобъ исполнить Ваше порученіе по предмету сборовъ острожскаго братства, надобно повидаться съ Галаганомъ и Ригельманомъ. Съ первымъ я недавно

видѣлся, а о второмъ не знаю, въ Кіевѣ ли онъ. Постараюсь побывать у нихъ, когда окрѣпну побольше. Вчера былъ, послѣ долгаго небыванія, у Н. Д. Иванишева. Онъ просилъ кланяться Вамъ. Аттестата своего не получилъ онъ доселѣ. Что бы это значило? Не освѣдомитесь ли еще разъ? Прошу передать мой обычный дружескій поклонъ доброму Даніилу Гавриловичу. Какъ мнѣ ни тяжело бывало ѣздить въ Петербургъ, но о пребываніи тамъ въ дружеской средѣ нашей я всегда вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

14 февр. 1872 года.

20.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Я такъ замолчался, что даже не помню, когда въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ. Извините. На это были причины, о которыхъ теперь говорить не время и не кстати. Обстоятельства, кажется, поворачиваютъ къ лучшему, и во мнѣ воскресаетъ участіе къ тому, что совсѣмъ перестало было интересовать меня. Благоволите сообщать мнѣ по прежнему о движеніи комитетскаго дѣла, если оно не перестало еще двигаться. А, можетъ быть, Вы уже у цѣли? Тѣмъ любопытнѣе знать, чѣмъ все разрѣшилось. Какой это „разумнѣйшій изъ членовъ“ С. сказалъ, что двойни комитета пригодятся? Значитъ, все къ лучшему. Такой оптимизмъ въ людяхъ, qui sedent in puppi et lavem tenent, сколько неожиданъ, столько же и успокоителенъ; по крайней мѣрѣ, онъ лучше московскаго пессимизма. Статьи о духовно-судебной реформѣ въ „Православномъ Обозрѣніи“ я не читалъ доселѣ, а писать что-нибудь для печати не только по этому, но и по какому бы-то ни было предмету, въ настоящее время для меня вещь невозможная. У насъ въ Кіевѣ къ числу найболѣе интересныхъ новостей принадлежатъ, конечно, академическія защиты доктор-

скихъ диссертацій. Одна таковая уже была, другая предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На послѣдней надѣюсь быть; на первой я не былъ и, кажется, къ лучшему. Не обошлось безъ кое-какихъ скандаловъ. Непріятнѣе всего, что и въ небольшой академической семьѣ существуютъ не маленькія интриги. Кажется, и о. Филаретъ готовится къ подвигу докторства, но не говоритъ объ этомъ ни слова. Да я, впрочемъ, и не распрашивалъ его объ этихъ вещахъ. Видѣлся недавно съ Н. Дмитріевичемъ и передаю Вамъ поклонъ его; а объ его аттестатѣ не будете ли имѣть случая напомнить снова? Любезнѣйшему Даніилу Гавриловичу, при дружескомъ поклонѣ, всевозможныя благожеланія, прежде же и паче всего желаніе здоровья. А Вамъ самимъ—здравія, долгоденствія, во всемъ благопоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

16 марта 1872 года.

21.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше отъ 30 марта я получилъ 4 апрѣля; а сегодня, т. е. 8 апр., получилъ и пакетъ съ „проектомъ девяти“. Кажется, дѣло подходитъ къ концу. Развѣ исторія съ объяснительными записками затянетъ его? За апологіею Лаврова я еще не посылалъ, потому что опять проболѣлъ сряду двѣ недѣли и завтра только, если Богъ дастъ, выгляну на свѣтъ Божій послѣ 14-дневнаго заключенія своего въ кабинетѣ. То, что Вы разсказываете о маневрахъ Лаврова, мнѣ вполнѣ понятно. Можно уважать чужія убѣжденія, самыя противныя нашимъ собственнымъ, но едва ли по убѣжденію только дѣйствуетъ тотъ, кто хитритъ и лицемѣритъ для проведенія своихъ мыслей. Но Богъ съ ними—съ подобными мужами науки. Можетъ быть, дѣло сдѣлается не такъ, какъ хочется тому или другому, въ виду

любимыхъ идеаловъ, а какъ слѣдуетъ ему сдѣлаться, въ силу закона усовершимости. По крайней мѣрѣ, у меня есть такая надежда. Проектъ нашъ я прочиталъ тотчасъ же по полученіи его и тотчасъ же его и подписалъ. Измѣненій въ немъ противъ прежняго я не замѣтилъ, кромѣ исключенія изъ вѣдѣнія духовныхъ судей такого рода дѣлъ, за которыя виновные подвергаются наказанію со внесеніемъ этого въ послужной списокъ. Но какимъ образомъ изъ проекта восьми онъ сдѣлался проектомъ девяти? Кто присоединился къ нашему толку? Кажется, вы не писали мнѣ ничего объ этомъ. Девять—число знаменательное: можетъ быть, оно значитъ что нибудь и въ нашемъ дѣлѣ. Возвращеніе проекта по необходимости отлагаю до 10-го числа, т. е. до страстного понедѣльника. У насъ въ Кіевѣ ничего новаго, кажется, нѣтъ. Погода въ послѣднихъ числахъ марта стояла великолѣпная. Н. Дмитріевичъ получилъ, наконецъ, свой аттестатъ и просилъ меня благодарить Васъ за содѣйствіе высылкѣ его, т. е. аттестата. Возвращайтесь поскорѣе въ Кіевъ. Если засѣданія комитета продлятся еще нѣсколько недѣль послѣ Пасхи, то вы дѣйствительно приготовите проектъ какъ разъ къ политехнической выставкѣ московской. Тамъ онъ могъ бы привлечь къ себѣ вниманіе очень многихъ, если бы экспоненты присоединили къ произведенію своему правдивую исторію его выработки. Прощайте однако-жъ,—боюсь заболтаться. Мой обычный искренній поклонъ Д. Гавриловичу. Можетъ быть,—въ другой разъ до праздника я не соберусь написать къ Вамъ, въ такомъ случаѣ примите заранѣе мое душевное поздравленіе и самыя искреннія благожеланія. Василію Аѳанасьевичу также мой почтительный поклонъ. При свиданіи съ о. Прохоромъ и дѣтьми его, свидѣтельствуйте имъ отъ меня всегдашнее почтеніе и память.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

8 апр. 1872 года.

22.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Долго не получая письма отъ Васъ, я началъ было уже подумывать, не получу ли, вмѣсто письменнаго, личнаго привѣта Вашего; впрочемъ долго не останавливался на этой мысли, возвращаясь къ моему прежнему убѣжденію, что всему на свѣтѣ есть конецъ, кромѣ комитетовъ. Теперь, вопреки даже Вашему собственному чаянію, я полагаю, что не видать Вамъ Кіева не только въ маѣ, но, можетъ быть, и іюлѣ текущаго года. А май нашъ хорошъ, только уже черезчуръ зноенъ. Будущность нашего проекта, кажется, не очень свѣтла. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, какъ взглянутъ на его положенія, но какъ посмотрятъ, или уже и смотрятъ, на полагающихъ. Старинная привычка, сильная особенно въ извѣстной средѣ, привычка бить, не мнѣнія а думающихъ, можетъ и теперь проявиться въ прежней силѣ своей. Не знаю, впрочемъ, какъ Васъ, а меня это не много безпокоитъ, можетъ быть потому главнымъ образомъ, что у меня были, да и теперь еще есть такія огорченія, въ сравненіи съ которыми все другое является уже пустякомъ. Какъ отнесся нашъ митрополитъ къ проекту? Вѣрно, Вы не разъ имѣли съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ. А Лавровъ продолжаетъ бросать молніи и громы на враговъ своихъ, которые, по нему, враги церкви, или даже вообще враги Креста Христова. Прочиталъ я вторую апологію его и могу пока сказать объ ней одно: безвкусица страшная, заносчивость старообрядческая и нетерпимость ультра-монтантская. Я лучше думалъ о немъ, хотя и никогда не сходился съ нимъ. Что-то въ третьей апологіи! Но довольно пока о петербургскомъ, теперь нѣсколько словъ о кіевскомъ. Недавно былъ у меня экзаменъ въ Университетѣ. Я приготовился къ нему нравственно, рѣшившись напередъ воздерживаться отъ всякихъ преній. Однако-жъ и въ настоящій разъ не вполнѣ удалось мнѣ это. Не было возможности молчать. Студенты мои отвѣчали очень порядочно. Изъ 13 человѣкъ,

спрошенныхъ при викаріѣ, ни одинъ не оказался слабымъ. Самъ викарій [1]), при прощаніи, отозвался мнѣ объ отвѣтахъ ихъ весьма благопріятно; но я думаю, что прошлогодняя исторія легко можетъ повториться, если къ тому представится поводъ; потому что, повторяю, для меня не было возможности промолчать на всѣ возраженія... И хотя я не сказалъ ничего рѣзкаго, однако-жъ по городу сейчасъ пошли анекдоты. Не въ одномъ уже мѣстѣ меня спрашивали, правда ли... то-то и то-то. Сущность вотъ въ чемъ? Студентъ отвѣчалъ, по нравственному богословію, о дѣлахъ христіанскаго милосердія и, во-первыхъ, о нищелюбіи съ христіанской точки зрѣнія. Преосвященный останавливаетъ его и говоритъ, что это „вовсе не церковное, а ваше философское ученіе. По ученію церкви, нищихъ между христіанами не должно быть".—А что-жъ дѣлать, когда они есть?—„Очень просто, продолжаетъ онъ: сдѣлать, чтобъ ихъ не было. Теперь у насъ все поглощается причтами церковными: имъ и земля дается, и жалованье, и доходы; а они еще вопіютъ, что плохо обезпечены. Представьте же, что все это, что идетъ на священниковъ и причетниковъ, обращено на помощь бѣднымъ: тогда, вѣрно, не оказалось-бы нищихъ. Вѣдь по меньшей мѣрѣ, 15 милліоновъ было-бы сбережено... Священники же сами должны помогать другимъ, а для этого они должны быть избираемы изъ зажиточныхъ поселянъ и проч. Вы знаете эту теорію?" Студентъ, конечно, молчалъ; но можно ли было молчать мнѣ во все время развитія этой теоріи? Сначала я дѣйствительно хотѣлъ ограничиться только тѣмъ замѣчаніемъ, что ученіе о христіанскомъ милосердіи и проектъ экономическаго устройства церкви и общества—вещи совершенно разныя и что въ нравственномъ богословіи, по моему мнѣнію, не должно быть мѣста для подобныхъ, да и ни для какихъ, проектовъ. Сказавъ это, я не думалъ продолжать пренія. Но одинъ изъ членовъ экзаменаціоннаго комитета поспѣшилъ выразить родъ благоговѣнія къ возвышенному взгляду на дѣло его преосвященства и тутъ-же

[1]) Епископъ Порфирій.

замѣтилъ, какъ дерутъ въ церквахъ даже за мѣсто для могилы съ самыхъ бѣдныхъ людей. Тогда я вступился въ рѣчь и, указавъ прежде, что доходы за кладбищенскія мѣста вовсе не идутъ въ карманы священниковъ (что не должно быть неизвѣстно епископу), перешелъ затѣмъ и къ нѣкоторымъ другимъ пунктамъ разсужденія викарія. Такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на выборѣ священниковъ изъ мужиковъ полуграмотныхъ и въ основаніе своего сужденія полагалъ ученіе Апостола Павла, то я попросилъ себѣ Библію и, отыскавши въ посланіи къ Тимоѳеею извѣстное мѣсто о качествахъ, какія долженъ имѣть пастырь, я прочиталъ громко и раздѣльно это мѣсто, ударивъ на слово „учительну" (подобаетъ быти) и окончивъ безъ всякаго умысла словомъ: „не сварливу". На этомъ и прекратились разсужденія наши. Какъ видите, я вовсе не хотѣлъ уязвить преосвященнаго; но студенты, вѣроятно, поняли дѣло нѣсколько иначе, и совершенно истинный случай разсказывается по городу въ такомъ смыслѣ, какого онъ не имѣлъ. Говорятъ, что я, долго не отвѣчая ничего викарію, взялъ, наконецъ, Библію и прочиталъ: „подобаетъ епископу быти не... сварливу" и что будто-бы этимъ и прекращены были разсужденія. Мнѣ повторилъ этотъ разсказъ, между прочимъ, и А. Н. Муравьевъ... Въ субботу будетъ еще экзаменъ въ женской гимназіи, но—авось все окончится благополучно. На диспутѣ В. Ѳ. Пѣвницкаго я опять не былъ по болѣзни. Въ „Кіевлянинѣ" на другой день были помѣщены рядомъ двѣ статейки объ этомъ диспутѣ радикально противоположнаго характера: въ одной хвалится докторантъ и унижается оппонентъ его Лашкаревъ; въ другой—наоборотъ. Каждому очевидно, что заявленія эти изъ двухъ враждебныхъ лагерей; но скандалъ порядочный. Отецъ Филаретъ печатаетъ „объ Іовѣ". Скоро, должно быть, и онъ будетъ диспутировать. Я прочиталъ напечатанную часть его сочиненія и нахожу ее весьма дѣльною, съ характеромъ дѣйствительно ученаго труда. Исторія съ В. Н. Полисадовымъ—печальна. Мнѣ жаль его. Но что это такое? Развѣ за нимъ водился этотъ грѣхъ. Не слышно было. Ужъ не съ горя ли? Первое мая праздновалось въ софійскомъ по обычаю.

Викарій не служилъ по нездоровью; преосвященный Александръ заступилъ его мѣсто. А теплаго собора я доселѣ не видалъ. Пріѣзжайте поскорѣе, съ Вами посмотрю. Даніилу Гавриловичу обычный братскій мой поклонъ. Будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте

Душевно преданнаго Вамъ Н. Ѳаворова.

Годъ пропущенъ, но, очевидно, писалось въ маѣ 1872 года.

23.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Итакъ у Васъ пошло на мировую: помогай Вамъ Богъ въ этомъ дѣлѣ! Можно только опасаться, что пойдутъ опять безконечныя трактаціи и чего добраго доведутъ до новаго раскола. Мысль преосвященнаго Макарія не новая. То, что говоритъ онъ теперь о судьяхъ, какъ уполномоченныхъ архіерея, высказано было при самомъ началѣ разсужденій объ отдѣленіи администраціи отъ суда, и мнѣніе это внесено было въ протоколъ. Но тогда преосв. Макарій рѣшительно отвергалъ такой способъ соглашенія каноновъ съ современными требованіями судоустройства. Я помню это потому, что указанный способъ предложенъ былъ мною. Почему-же теперь онъ находитъ правильнымъ то, противъ чего такъ рѣзко высказался во время оно? Впрочемъ, какъ-бы то ни было, настоящее мнѣніе пр. Макарія очень полезно для дѣла, и хорошо, что онъ высказалъ его не въ видѣ уступки, а какъ раціональное и нисколько непротиворѣчащее канонамъ начало. Учрежденная изъ 5-ти членовъ комиссія можетъ съ незначительными измѣненіями проектировать то-же самое, что уже проектировано было 9-ю членами. Не знаю только, вполнѣ ли удачно для этого составлена комиссія. Гг. Неклюдовъ и Сабуровъ не будутъ ли тормозить Вашего дѣла? Съ особеннымъ интересомъ буду ожидать Вашихъ дальнѣйшихъ увѣдомленій, въ которыхъ, надѣюсь, Вы не откажете мнѣ. А я

заболѣлъ было не на шутку. Угрожала горячка, но вовремя помогли. Нѣсколько дней однако-жъ пролежалъ не вставая, а потомъ просидѣлъ взаперти цѣлыхъ двѣ недѣли, и теперь только начинаю выходить на воздухъ. Въ консисторію, дѣйствительно, слѣдовало бы ходить, и я бы дѣлалъ это охотно и не безъ интереса, но, кажется, еще долгонько придется ограничивать мнѣ свои выходы посѣщеніями Университета и женской Гимназіи. Съ Н. Дмитріевичемъ не видѣлся уже цѣлый мѣсяцъ. Если увижусь 8-го числа, то передамъ ему Вашъ поклонъ и прочее, что слѣдуетъ. О. ректору Филарету вчера я кланялся отъ Васъ и пересказалъ рѣчи о немъ митрополита Исидора. Вѣроятно, у насъ скоро откроется серія диспутовъ на докторскія степени въ Академіи. О. ректоръ окончилъ печатаніе своей диссертаціи и въ концѣ этого или началѣ будущаго мѣсяца надѣется выступить на защиту ея. Затѣмъ докторантами явятся: Малышевскій, Поспѣховъ, о. Сильвестръ и, наконецъ, Щеголевъ.

Благодарю Васъ за доброе желаніе, высказанное въ заключеніи письма Вашего; только осуществленіе его очень трудно. Даніилу Гавриловичу мой дружескій и братскій поклонъ. Прошу засвидѣтельствовать мое уваженіе Василію Аѳанасьевичу. Когда увидитесь съ о. Прохоромъ и Николаемъ Прохоровичемъ, прошу также не забыть передать имъ мое душевное почтеніе. Будьте здоровы, счастливы, благоуспѣшны, паче же—въ дѣлахъ комитетскихъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Окт. 4. 1872 года.

24.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Душевно благодарю Васъ и Даніила Гавриловича за поздравленія и благожеланія. Письмо Ваше я получилъ 14 окт., оно уже не застало у меня небольшаго кружка поздравителей;

почтальонъ принесъ его, когда я былъ уже на всенощной; но я принялъ его за Ваше вечернее посѣщеніе вмѣсто утренняго визита и съ удовольствіемъ побесѣдовалъ съ Вами заочно. А лично когда придется бесѣдовать съ Вами? Какъ ни близокъ, кажется, конецъ комитетскимъ разсужденіямъ, но все мнѣ кажется, что Вы будете праздновать день своего ангела въ Питерѣ, и развѣ 1873 годъ разрѣшитъ, наконецъ, проблемы, заданныя 1870 годомъ.

Диву дался я, читая статью изъ Московскихъ Вѣдомостей объ устройствѣ духовнаго суда. Говорится въ ней такъ положительно и съ такою увѣренностію обо всѣхъ пунктахъ, что многіе сочли ее чуть не оффиціальнымъ извѣстіемъ объ окончательныхъ результатахъ комитетскихъ работъ. Между тѣмъ въ ней микстура такого противнаго вкуса, что при чтеніи позывало не разъ на рвоту. То идеи Лаврова о величественномъ соборѣ іерарховъ въ древней столицѣ православія, объ отдѣленіи судилищъ для монаховъ и проч., то—начало отдѣленія суда отъ администраціи въ видѣ окружныхъ судовъ, но—подъ предсѣдательствомъ митрополита, вѣроятно, титулярнаго, хотя титулярный митртполитъ былъ-бы тоже, что титулярный генералъ-губернаторъ... И нѣсколько другихъ подобныхъ комбинацій... Кто сочинилъ такую великолѣпную нелѣпицу? Воображаю, какъ происходили диспуты въ комитетѣ между Любимовымъ и Неклюдовымъ и каково было положеніе предсѣдателя. Что-жъ? Это самый естественный плодъ вилятельнаго направленія. О. ректоръ Академіи просилъ благодарить Васъ за поклонъ. Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ съ поднесеніемъ Вамъ докторской диссертаціи своей, и вѣрно напишетъ. Онъ предполагалъ скоро приступить къ защитѣ диссертаціи; но митрополитъ хочетъ, кажется, оттянуть срокъ диспута, чтобы самому не быть на немъ, а для этого представилъ недоумѣніе, кто будетъ предсѣдательствовать въ ученомъ собраніи, когда ректоръ явится докторантомъ. Думаетъ спрашивать объ этомъ Св. Синодъ. Ректоръ вообще опасается, какъ-бы разсужденіе его не признали еретическимъ. Но въ такомъ случаѣ въ духовной литературѣ нашей

подлежитъ остракизму все, что хотя сколько нибудь будетъ походить на научные пріемы въ изслѣдованіяхъ.

Усерднѣйшій поклонъ мой Даніилу Гавриловичу. Я еще не совсѣмъ поправился.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

16 октября 1872 года.

25.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Прежде всего, отъ души благодарю Васъ за дружеское поздравленіе, которое пришло какъ разъ къ тому времени, когда собрался ко мнѣ кружокъ добрыхъ знакомыхъ и поджидалъ моего возвращенія съ лекцій. Павелъ Ѳеодоровичъ какъ-то поймалъ на лету письмо Ваше и передалъ его мнѣ при самомъ входѣ моемъ въ свой домъ, такъ что Вы нѣкоторымъ образомъ поздравили меня первымъ. Прошу Васъ передать мою теплую благодарность и Даніилу Гавриловичу за память, равно и мой дружескій поклонъ ему. Теперь о комитетскомъ дѣлѣ. Телеграмму Вашу я получилъ вечеромъ (16-го числа), по возвращеніи изъ совѣта. При взглядѣ на поданный мнѣ кувертъ, я сильно испугался. Я подумалъ, что это не отъ Васъ, а если и отъ Васъ, то съ какимъ нибудь горькимъ извѣстіемъ. Нѣтъ нужды объяснять Вамъ, чего я боюсь изъ Петербурга. Потомъ, прочитавши телеграмму, я успокоился на этотъ счетъ, но за то пришелъ въ сильное раздумье о томъ, что значитъ ваше приглашеніе и какъ мнѣ отвѣчать на него: словомъ или дѣломъ? Я готовъ былъ и на первый отвѣтъ, но то былъ-бы для меня отвѣтъ рисковый, отъ котораго польза представлялась очень сомнительною, а вредъ очевидный, потому что я нездоровъ и обязанъ выполнять разныя діетическіе и лѣчебныя предписанія. И такъ, я положилъ отвѣчать на телеграмму телеграммой, которую и отправилъ въ субботу въ полдень. Догадываюсь, если не вполнѣ, то отчасти,

къ чему пригодилось-бы мое присутствіе, и весьма жалѣю, что не могу присоединить своего голоса къ голосу Вашему и другихъ; но что-же дѣлать? Говорю по чистой совѣсти, что не могъ и не могу теперь двинуться изъ дома. Не сердитесь на меня и попросите другихъ не сердиться. А въ доказательство, что извиняете мое невольное домосѣдство, извѣстите меня, въ чемъ именно дѣло и какъ вообще продолжаетъ итти комитетская работа. Хотя я теперь уже эксъ-членъ комитета, но дѣло его не меньше прежняго интересуетъ меня. Пожалуйста, не прекращайте Вашихъ бюллетеней. У насъ на дняхъ былъ принцъ Ольденбургскій. Въ день моихъ имянинъ онъ посѣтилъ Фундуклеевскую гимназію, гдѣ пробылъ около трехъ часовъ, а такъ какъ въ этотъ день и мой урокъ въ гимназіи, то и мнѣ необходимо было быть тамъ. Принцъ заходилъ и въ мой классъ, во время самаго преподаванія, но случилось это предъ самымъ окончаніемъ урока, минутъ за 5 до колокольчика, почему я и недолго ораторствовалъ въ его присутствіи. Гимназіею остался, по его собственному отзыву, очень доволенъ и Надеждѣ Ивановнѣ [1]) наговорилъ очень много лестнаго, помирился, кажется, и съ А. Ивановичемъ. [2]) За то для начальницы института пріѣздъ его оказался неблагопріятнымъ: ей приказано немедленно подать въ отставку, и должность начальницы поручена уже классной дамѣ Сенаторской. Вызовутъ ли нашего митрополита? А о преосвященномъ викаріѣ нашемъ не слышно-ли чего нибудь въ Питерѣ? Вѣдь говорили, что онъ хотѣлъ просить себѣ увольненія. Будьте здоровы и благополучны во всемъ, особенно въ дѣлахъ комитетскихъ. Да когда благоволите писать ко мнѣ, не забудьте упомянуть и о томъ, всѣ ли письма мои получаются Вами. Вѣдь Вы пишете большею частію такъ, какъ будто ничего не получали отъ меня.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

19 октября (годъ не обозначенъ).

---

[1]) Н. И. Полякова—начальница Фундукл. Женск. Гимназіи.

[2]) Андр. Иван. Линниченко—начальникъ гимназіи, который одно время былъ почему-то въ немилости у принца Ольденбургскаго.

26.

„Что молчиши, друже, и не глаголеши?“ Или у Васъ такъ много дѣла по комитету, что не остается свободнаго времени для необходимой переписки? Или Вы дожидаетесь поры, когда можно написать о какихъ нибудь опредѣленныхъ результатахъ комитетскихъ работъ? Или, не достаетъ просто охоты для недѣловой переписки? Или наконецъ, чего Боже сохрани, здоровье Ваше не совсѣмъ въ порядкѣ? Желалъ-бы я, чтобъ изъ всѣхъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось второе, и надѣюсь, что это дѣйствительно такъ и что скоро я получу отъ Васъ небезъинтересныя свѣдѣнія объ окончательныхъ работахъ комитетскихъ. Но во всякомъ случаѣ не молчите такъ упорно, какъ въ последнее время, если только Вы здоровы. Я собираюсь теперь писать къ Вамъ, не дождавшись письма Вашего, почти единственно потому, что наскучило молчать. Ничего сколько нибудь интереснаго сообщить Вамъ не могу, потому что таковаго не имѣется ни у меня, ни вокругъ меня. Прилагаю только записочку Николая Дмитріевича, который, поручая мнѣ передать Вамъ его почтительный поклонъ, поручаетъ вмѣстѣ просить Васъ о покупкѣ книжки, заглавіе которой означено на прилагаемомъ лоскуткѣ. Если Вы исполните его просьбу, то Вашъ долгъ на немъ возрастетъ, но за то, при расплатѣ, получите большій процентъ благодарности. Кстати и моя къ Вамъ просьба по книжному же дѣлу. Я имѣю билетъ изъ книжнаго магазина Исакова на полученіе 2-го и 3-го тома исторіи Бестужева-Рюмина, но не знаю, выслали ли эти томы, или хотя одинъ изъ нихъ: въ газетахъ я не встрѣчалъ объявленія объ этомъ, а, можетъ статься, и просмотрѣлъ. Вы сами, кажется, имѣете такой-же билетъ; такъ ежели 2-й томъ книги вышелъ, потрудитесь, пожалуйста, увѣдомить меня объ этомъ. Пора-бы уже и всему сочиненію Рюмина показаться на свѣтъ Божій, гдѣ за него напередъ заплачено, не то подписка на него будетъ нечестною спекуляціею со стороны автора на карманы покупателей. О вызовѣ митрополита у насъ

до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія. Графъ возвратился въ Петербургъ, кажется, 29 октября и, вѣроятно, теперь уже состоялось что нибудь по этому предмету. Кажется, я уже писалъ Вамъ, что защищеніе докторской диссертаціи о. Филаретомъ отсрочено по тому поводу, что митрополитъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе касательно этого дѣла. Теперь я достовѣрно узналъ, что онъ послалъ представленіе въ Синодъ такого содержанія, что ректору Академіи неприлично въ той-же Академіи диспутировать на ученую степень, такъ какъ онъ поставляется чрезъ это въ зависимость отъ своихъ подчиненныхъ. А что—дѣло о Янышевѣ? Любопытно, чѣмъ оно разрѣшится. Прошу передать мой обычный братскій поклонъ Д. Гавриловичу. При свиданіи съ В. Ѳеанасьевичемъ, прошу также свидѣтельствовать ему мое уваженіе. Collegam vale et bene vive, non male.

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

8 ноября 1872 года.

27.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Съ 16 ноября по настоящее число у Васъ состоялось, вѣроятно, три засѣданія, въ которыхъ комитетъ критически разбиралъ свое собственное произведеніе. Можно-бы предположить, что этотъ трудъ оконченъ; но по обыкновеннымъ категоріямъ нельзя судить о дѣйствіяхъ комитета; къ нему не прилагается, кажется, и та аксіома, что все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ: начало онъ имѣлъ, а будетъ ли имѣть конецъ,—неизвѣстно. Между тѣмъ пора бы Вамъ домой; вѣдь 1873 годъ уже на дворѣ: неужели Вы встрѣтите его въ Петербургѣ? Нашъ Владыка получилъ уже неоффиціальное приглашеніе въ Петербургъ и, говорятъ, собирается выѣхать 7 декабря. Помнится, и въ прошломъ году онъ въ то же время выѣхалъ изъ Кіева. Можетъ быть, Вамъ нужно-бы извѣстіе поточнѣе объ его выѣздѣ, чтобы, по

прошлогоднему, не прогуливаться даромъ на встрѣчу поѣздамъ безъ искомаго содержанія, но самъ я не спрашивалъ митрополита о днѣ и часѣ его отъѣзда, а отложить письмо къ Вамъ до полученія точныхъ справокъ о семъ не хочется. Да, по всей вѣроятности, Вы знаете или узнáете и безъ того объ этомъ. Впрочемъ, если я освѣдомлюсь, что выѣздъ его будетъ не 7-го, а въ какой нибудь другой день, то я не замедлю увѣдомить Васъ. О. Филаретъ, должно-быть, отправилъ уже къ Вамъ свою диссертацію, и Вы, можетъ быть, уже проштудировали ее. Докторскій диспутъ его предполагается 15 декабря. Если митрополитъ, дѣлая извѣстное представленіе въ Синодъ по поводу этого диспута, имѣлъ въ виду уклониться отъ присутствія на диспутѣ, то онъ достигъ своей цѣли. Самъ о. Филаретъ не только не желалъ возбуждать вопроса о мѣстѣ своего диспута, но рѣшился протестовать, если-бы его заставили отправляться въ другую Академію за пріобрѣтеніемъ докторской степени. Погода у насъ чисто весенняя. Въ садахъ у многихъ расцвѣли сирень и желтая акація. Я въ своемъ саду не былъ съ августа, а, вѣроятно и у меня тамъ что нибудь расцвѣло, или распустилось по крайней мѣрѣ. Самъ-то я не цвѣту, а, можно сказать, распускаюсь... Пріѣзжайте поскорѣй, уже и конь Вашъ скучаетъ по Васъ. Прежній импровизованный кучеръ мой оказался презлостнымъ пьяницею, такъ что не могъ не только ѣздить, но даже кормить и поить Вашего вороного. Я долженъ былъ вручить сію обязанность кухаркѣ, подъ собственнымъ надзоромъ, пока не прогналъ неисправимаго автомедона и не пріискалъ на его мѣсто другого. Въ отчаяніи отъ безпорядковъ, я уже хотѣлъ обратиться къ Павлу Ѳеодоровичу съ просьбою, чтобъ онъ взялъ у меня коня, чтобы кормить и поить его на мой счетъ, такъ какъ у него кучеромъ человѣкъ надежный, бывшій прежде у меня и очень хорошо служившій; но судьба послала мнѣ, кажется, порядочнаго человѣка, и я—успокоился. Даніилу Гавриловичу нижайшій поклонъ и другимъ знакомымъ?

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

1 декабря 1872 года.

28.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Близко 17, недалеко и 21 декабря. Думаю, что настоящее письмо мое получится Вами или 17, или наканунѣ этого числа, поэтому прошу Васъ передать мои искреннія чувства благожеланія дорогому имяниннику: да приложатся ему дни на дни, безъ ущерба его силъ и съ умноженіемъ его благополучія. Затѣмъ и сами примите отъ меня такія-же благожеланія, по исполненіи 53 лѣтъ Вашей жизни, потому что помню изреченіе: „Senectus ipsa morbus est", но десятка три-четыре лѣтъ дай Богъ прожить Вамъ еще на пользу церкви и славу отечества! Я и не думалъ, чтобы Вы могли до праздника возвратиться во-свояси, но предполагалъ, что, по крайней мѣрѣ, на праздникъ прибудете домой. Теперь же, судя по ходу Вашего дѣла, начинаю сомнѣваться, чтобы у Васъ кончилось все и къ новому году. Какъ-бы не пришлось Вамъ досидѣть въ Питерѣ и до поста, чтобы потомъ въ св. Кіевѣ, во дни покаянія, принесть и исповѣдь во грѣхахъ комитетскаго мудрствованія, съ выполненіемъ подобающей за то эпитиміи. Поспѣшите оставить Вавилонъ, пока не исполнилась мѣра его беззаконій. Цѣлуютъ Вы сущіе во Іерусалимѣ. О. Филаретъ никакъ не можетъ добраться до каѳедры докторантской. Чуть было не напечатали уже объявленія объ его диспутѣ, имѣющемся быть 15 сего декабря, но на протоколѣ совѣтскомъ по этому дѣлу митрополитъ написалъ, что диссертація докторанта, по мыслямъ и по тону ея, не соотвѣтствуетъ важности предмета и что, поэтому, онъ затрудняется разрѣшить ея защищеніе. Дѣло опять пошло въ Синодъ, который, думаю, поставленъ будетъ такимъ представленіемъ въ нѣкоторое затрудненіе. Митрополитъ нашъ, на мой взглядъ, выразилъ въ настоящемъ случаѣ такую мнительность, которая идетъ въ разрѣзъ съ научными требованіями богословскаго образованія. Что-то скажетъ Синодъ? Мнѣ нужда належитъ печатать новымъ изданіемъ мои издѣлія; но у насъ порядочной бумаги нѣтъ. Я уже хотѣлъ

было просить Васъ закупить нѣсколько стопъ въ Петербургѣ, въ томъ разсчетѣ, что это выгодно было-бы и для Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; но—провозъ и хлопоты, вѣроятно, будутъ стоить недешево; поэтому рѣшаюсь войти въ сдѣлку съ какою нибудь типографіею. Съ митрополитомъ я простился 7-го вечеромъ. Кажется, онъ въ хорошемъ расположеніи духа отправлялся въ путь. Когда Вы его встрѣтили? Должно быть 11-го утромъ.

Примите еще разъ мои искреннія благожеланія, какъ по случаю приближающагося дня Вашего Ангела, такъ и независимо отъ этого. Прошу кланяться общимъ знакомымъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

13 декабря 1872 года.

29.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Хотя старый годъ еще не кончился, но пока дойдетъ до Васъ письмо мое—улетятъ послѣдніе дни 1872 лѣта по Р. Хр. и наступитъ 1873 г.; и такъ—съ новымъ годомъ! Недавно былъ Вашъ собственный новый годъ: вѣрно, Вы получили искренно-дружескій привѣтъ мой въ то время; теперь повторяю Вамъ мои благожеланія, прибавляя къ нимъ одно, чтобы поскорѣе можно было возвратиться Вамъ къ старымъ друзьямъ Вашимъ!

Пора, пора кончиться комитету! Чтобы изъ него вышло что-нибудь доброе, надобно, чтобъ онъ умеръ благовременно; иначе, какъ залежавшееся зерно, онъ не дастъ никакого ростка въ будущемъ. Можетъ быть, онъ уже и скончался? Дай Богъ! Составляйте-же поскорѣе эпитафію ему, въ видѣ объяснительной, или исправительной, или какой-бы тамъ ни было записки, и съ похоронъ поскорѣй домой. А, можетъ быть, Вы уже и въ дорогѣ? Нѣтъ, впрочемъ: это невѣроятно. Думаю, что Вы еще довольно посидите у моря и въ новомъ году. Письмо мое не только заста-

нетъ Васъ тамъ, но, пожалуй, не будетъ и послѣднимъ, что, однако-жъ, крайне нежелательно. Прошу Васъ поздравить отъ меня Даніила Гавриловича съ новымъ годомъ. Ихъ комиссія, кажется, покончила свои занятія: остается ожидать трудившимся крестовъ и звѣздъ; дай Богъ и Даніилу Гавриловичу украситься звѣздою! Затѣмъ надобно пожелать и можно ожидать того-же и для тружениковъ нашего комитета.

Изъ особенностей кіевскихъ вотъ что мнѣ извѣстно: недавно въ Лаврѣ былъ порядочный пожаръ, а въ Университетѣ—маленькій скандалъ, о которомъ разглашать однако-жъ не слѣдуетъ. Лѣкарь П. защищалъ диссертацію на степень доктора медицины. Когда Зальтеръ началъ возражать, раздались свистки. Факультетъ, посовѣтовавшись, объявилъ публикѣ чрезъ декана, чтобъ она оставила залу. Послушались. Но когда факультетъ, послѣ закрытаго засѣданія, появился на корридорѣ передъ залою, тутъ снова раздались свистки. Профессоръ Томса схватилъ за руку одного студента, который свисталъ у него подъ носомъ; потомъ замѣченъ былъ и другой. Дѣло судилось Университетскимъ судомъ, которымъ и постановили, а совѣтомъ потомъ утверждено: исключить изъ Университета на годъ означенныхъ студентовъ (Ч. и Л.) По городу разнеслись слухи съ прибавленіями: вѣрно и въ Петербургъ сообщено не безъ прибавленій. Но дѣло было, какъ я сказалъ. Sic! Вы что-то опять замолчали. Если будете писать, не сообщите ли, какой оборотъ принимаетъ или приняло дѣло о. Филарета. Н. Д. получилъ книжку и просилъ благодарить Васъ. Онъ что-то не совсѣмъ здоровъ. Андрей Николаевичъ [1]) давно болѣетъ; поправляется, но медленно. Передайте, пожалуйста, при случаѣ мои поклоны В. Аѳанасьевичу и о. Прохору Карповичу. Будьте здоровы, благодушны и счастливы.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 декабря 1872 года.

---

[1]) А. Н. Муравьевъ.

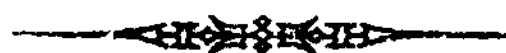
30.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Позвольте пожаловаться Вамъ на Васъ самихъ. Формируя хоръ для собора, Вы похитили у меня одного мальчика, который еще до праздниковъ Рождественскихъ приглашенъ мною пѣть на лѣвомъ клиросѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ за извѣстное вознагражденіе. Мальчикъ этотъ Кальницкій—изъ Софійскаго училища. Я былъ доволенъ имъ, и онъ, кажется, охотно посѣщалъ Университетскую церковь. Не знаю—почему, только г. Турчинскій съ видимымъ неудовольствіемъ далъ ему позволеніе ходить къ намъ. Если отъ него и теперь зависитъ выборъ мальчиковъ для формируемаго Вами хора, то мнѣ невольно думается, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взять мальчика изъ нашего хора. Повторяю, что причины къ тому поступку я не могу объяснить, потому что для мальчика не только не вредно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и полезно ходить къ намъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, я покорнѣйше прошу Васъ возвратить мнѣ моего пѣвчаго, который, конечно, по невѣдѣнію—похищенъ Вами у меня. Вы легко обойдетесь безъ него, а для меня подобныя похищенія—сущее разореніе. На этой недѣлѣ я два раза былъ у Васъ, но не засталъ Васъ дома. Петербургъ, видно, развратилъ Васъ и отучилъ отъ степеннаго домосѣдства. Надѣюсь, впрочемъ, когда нибудь захватить Васъ врасплохъ. А пока примите искреннее чувство благожеланія душевно преданнаго Вамъ

Н. Ѳаворова.

10 февраля 1873 года.



ГОРОДЯНКА.

(*Повисть.*)

(Окончаніе [1]).

XIX.

Не мало часу перейшло, покы Приська звыкла до тыхъ порядкивъ, що завела у своій господи Палагея Тыхоновна. Кватыранкы минялыся мало не що-дня; минялыся въ залежности видъ того и гости. Ридко яка зъ жинокъ, або дивокъ корыстувалася вильнымъ часомъ, щобъ обипратыся, облататыся та полагодыты свою одягу: бильшисть, ослобонывшысь видъ господарського ока, неначе упывалася волею и, не шкодіючы ни грошей, ни здоровья, потрачала весь вильный часъ на безперестанну гульню. Нихто зъ ныхъ не мигъ сказаты напевне, чы надовго, чы ни протягнется цей часъ воли, нихто не знавъ, чы завтра, чы черезъ мисяць найдется мисце, а тымъ паче, яке жыття та яки умовы незабаромъ сподиваются ихъ? „Може завтра доведется иты у наймы—треба нагулятысь", „може доведется служыть у

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 11.

такому пекли, що и до храму Божого не вырвусь, то пороскошую хочъ теперъ“,—думалы та казалы кватыранкы Палагеи Тыхоновны, и Приська незабаромъ впевнылася, що то не дурный розумъ, а гиркый досвидъ навчывъ дивчатъ-наймычокъ, такъ миркуваты. Чы знае вона сама, чого сподивается вона на ранокъ, куды потягне іи Лейба, або Палагея Тыхоновна? Дякуючы тому, що въ неи йе на цей разъ прыпасени грошы, вона може перебираты, „вередуваты“ та поватомъ шукаты такого мисця, що видповидало-бъ іи бажаннямъ. А що, колы-бъ це у неи не було ни шага за душею, а ни повнои скрыни? Чы не повынна бъ и вона була заплющыты очи та иты, куды голодъ та недостаткы поведуть на налыгачи?

Приська просыдила вже не тыждень и не два на кватыри. За цей часъ Гашка встыгла повернутысь на село, Машка—згоиты ти сынякы, що поробывъ ій Якивъ, та зійтыся изнову зъ нымъ; Варка—нанятыся у отель; Санька изійшла кривью писля шанобы якоись знахоркы та виддала Богови душу; и тилькы Приська зустричала та выряжала то пышавыхъ, то плохенькыхъ, але однаково безталанныхъ, кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и все иначе чого-сь сподивалася.

И справди, не дурно вызырала вона, наперекиръ и розуму, и добрій воли, такъ часто у виконце: вона сподивалася, якъ велыкого свята, Степана до себе. Попадысь винъ ій на очи у ту страшну ничъ—вона-бъ люто покарала ёго за зраду; прыйды винъ ранійше,—вона просыла-бъ зъ проклёномъ ёго, але теперъ... теперъ, черезъ добрый мисяць жыття помижъ кватыранокъ Палагеи Тыхоновны, багацько змінылася и вона сама. Вона пересвидчылася, що кохання, ця чыста, дорогà перлына за для неи, мало не скризь вже загыжена, заплямована людьмы; що люде навить забулы про велыкый коштъ іи и прыдають значиння тилькы тій оправи, у яку майстеръ вправыть іи; що люде и не шукають тіеи перлыны, а завдовольняются натомисць намыстынкамы зъ рижнобарвого скла, що знаходять выпадково по дорози свого життя та нанызують на одну нызку; що даремно вымагае вона видъ Степана того чыстого и едыного на весь

викъ кохання, яке зазнало іи властне серце, бо винъ навить не може й уявыты ёго соби... Скилькы перетерпилы на іи очахъ инши дивчата та молодыци, скилькы горя прыняла Машка! Чы не повынна и вона стерпиты та выбачыты своёму коханцеви, колы не хоче залышытысь останнёи краплыны счастя та загубыты навикы надію на спивпочуття? А до того, що знае вона певного про зраду Степана? Може винъ пишовъ тоди зъ Дунькою у садъ на гуляння, може запрохалы ихъ у гости, може навить воны наризно й выйшлы зъ кухни? Ничого вона не знае, ничого не чула, причъ де-килькохъ сливъ видъ крамаркы, и колы-бъ оце винъ прыйшовъ тилькы та побожывся ій, що невыненъ, вона радо повирыла-бъ, або прымусыла себе повирыты ёму. Абы винъ прыйшовъ, абы покаявся, абы зарикся дурыты іи та проказавъ ій словечко ласкаве—и вона простыть ёму зраду, загоить якъ небудь ти уразкы, що поробывъ винъ, необачный, на серци іи... Але винъ не прыходывъ. Приська вызырала, ходыла не разъ на ту вулыцю, де служывъ винъ, розпытувала про ёго,—нихто не мигъ ничого сказаты про видносыны ёго до Дунькы, ни разочку не довелося и ій зустрити ёго. Молодыци стало все частише здаватыся, що вона даремно покынула Степана та надала соби стилькы мукы,—що винъ кохае іи, якъ и ранійше, и тымъ и очей не каже никуды, що сумуе разъ-у-разъ самотный.

И ось нарешти, вертаючысь якось зъ городу, Приська спиткала ихъ обохъ. Степанъ ишовъ похмурый та сумный, а Дунька щось весело ёму цокотила. Приська одвернулася и хотила обмынуты ихъ, але Дунька немовъ оступылася и штовхнула іи у бикъ. Приська повернулася и плюнула Дуньци у вичи. Дунька спалахнула и замырылася, щобъ вдарыть Приську, але Степанъ спостеригъ завчасу іи замиръ и спынывъ за руку

Дунька ще дужче скыпила:

— Чого ты мене держышъ? Пусты мене... або наклады ій самъ... Иды... бижы... дожены іи зразу, провчы іи, якъ плюватыся!—напалася вона на Степана.

— Добре, добре,—заспокоювавъ Степанъ, не выпускаючы одначе іи рукы зъ своихъ рукъ...

— Сёгодни-жъ наклады! Зразу иды; а не схочешъ, то я намовлю парубкивъ, щобъ и тоби ребра полічылы!

— Сёгодни-жъ и пиду,—мовывъ Степанъ.

— Щобъ небезпреминно сёгодни!—прыказала Дунька.

— И пиду,—мовывъ Степанъ,—стежучы очыма, у якый край подалася молодыця.

И справди, годыны черезъ дви Степанъ майнувъ до Прискы, але, звычайно, не зъ тымъ замиромъ, щобъ выконаты бажання Дуньчыне.

Винъ нагодывся саме у той часъ, колы Приська найменьше сподивалася ёго. У кимнати кватыранокъ було чы-мало гостей. Вси сыдилы по парахъ та весело гомонилы, и тилькы Приська прымостылася въ сторонци одъ столу на своій скрыни та сумувала сама соби.

— Присько!—до тебе гисть прыйшовъ та не насмилытся увійты сюды; прохае, щобъ ты у сины выйшла,—погукала на молодыцю Палагея Тыхоновна.

Приська выйшла...

Не будемо оповидаты, якъ склалася помижъ Прiською та Степаномъ згода, не станемо и пересказуваты, якъ выправдывся зрадныкъ,—загублене та знову знайдене счастя мылійше за те, що не зныкало николы, и закохани колысь серця та розризнени на якый часъ зможуть порозумитыся. Степанъ не брехавъ, колы прысягавсь у цей вечиръ, що ненавыдыть Дуньку: безъ краю роспутня та уйидлыва дивка вже остогыдла ёму; винъ казавъ щыру правду Присьци, колы обнимаючы станъ іи та покрываючы іи выдъ поцилунками, божывся, що вона ёму наймылиша за всихъ у той часъ. Що до Прiськы, то вона тилькы й бажала ціеи прысягы, тилькы и сподивалася цихъ ричей, щобъ знову повирыты парубкови та виддаты ёму серце свое.

Степанъ ставъ ходыты що-вечора. Спочатку винъ трымавъ себе далеко краще за всихъ кавалеривъ, не вымагавъ видъ Присьвы грошей и не встрявавъ у гущу пьяныхъ гостей; але

пройшовъ якый часъ, и Присьци стало здаватыся, що коханець іи почынае нудытыся та все ранійше поспишается до-дому. Трохы перегодомъ вона стала добавляты до спильнои складчыны и свою пайку горилкы на долю Степанову. Черезъ це, трошкы згодомъ поличывшы невелычку остачу своихъ грошей, вона мусыла прызнатыся самій соби, що бильшиеть іи зосталася у шынку; а ще черезъ якый часъ вже попрохала Степана, щобъ шукавъ ій пидхоже мисце.

— Я тоби зразу поражу мисце: наймайся до Берчыхы,— пораявъ ій Степанъ.

— До жыдивкы?—здывувалася Приська.

— То що, якъ до жыдивкы? Ниде, колы хочешъ знать правду, наймытови не буде такъ добре, якъ у жыдивъ.

— Сміешся, чы що?

— А ни-же, не сміюся; я самъ служывъ колысь у жыдивъ,— мовывъ Степанъ.

— Тай оскому набывъ?—засміялася Приська.

— Чого ты сміешся? Далеби, не жартую: такы насправжкы кажу тоби, наймыся до Берчыхы,—стоявъ на своему Степанъ.

— Та що це тоби спалося на думку у жыдивьскы наймычкы мене посылаты? Саме прызвыще: „жыдивська наймычка“ мене зъ свиту зжене.

— Цилуй, колы такъ, Штейнмихельшени замкы, а у мене не пытай порады!—розсердывся Степанъ.

— Чого ты розсердывся? Невже жъ такы справди мени до Берчыхы йты?— все дужче та дужче дывувалася Приська.

— А чому тоби до Берчыхы й не йты?—перепытавъ іи Степанъ.—Хыба може роботы боишся? Не звыкла?

— Роботы я николы не боялася, за роботу мене нихто не лаявъ; робыты я здатня, якъ вилъ, абы мени за те було добре,— видмовыла Приська.

— Краще тоби ниде не буде, якъ у Берчыхы: харчъ добра...

— Зъ перцемъ,—додала Приська, жартуючы.

— До перцю можно звыкнуты. Плата гарна: чотыры карбованци...

— Прямо, що гарна! На чотыры карбованци и не одягнешся.

— Наймайся до Куракынои,—изнову розсердывся Степанъ.

— Не пиду я до Куракынои, не пиду и до Берчыхы! Годи мени голову клопотаты та нисенитныцю плескаты; пошукай мени краще мисця, щобъ намъ буты поблызу, та щобъ намъ було вильно бачытысь,—мовыла Приська.

— Ото-жъ саме таке й мисце у Берчыхы: я недалечко, а ничка уся за-для наймычокъ—у неи вильно; куды схоче-туды иде, що хоче-те й робыть...

— Одчепыся зъ своею Берчыхою: хай мени пообища и золоту труну справыты, то не пиду я до неи!—розсердылася Приська.

— Тётю! чы чуете, що мени Степанъ рае? Щобъ я наняласся до Берчыхы. Чы то-жъ можно отаке прырозумиты? Та невже я останния тутъ, у городи?—звернулася вона до Палагеи Тыхоновны, що забигла за чимъ-сь у хатыну кватыранокъ.

— Степанъ тоби на лыхо не порае, а я тоби скажу такъ: нема тутъ, у городи, помижъ вамы, наймычкамы, ни першыхъ, ни останнихъ; вси накуштуетесь рижныхъ борщивъ. За свій викъ спробуете и паньскои и жыдивськои ласкы,—видповила їй Палагея Тыхоновна трохы суворо, бо молодыця не згодылася їй продаты сёгодни платка.

— Не куштувала я жыдивського борщу тай не куштуватыму николы!—одризала молодыця.

— Вже-жъ и я не шматуватыму бильшъ николы одежыны по чужыхъ перелазахъ! Наймайся, куды знаешъ, робы, якъ хочешъ, та тилькы не враждуй на мене, якъ що може я трохы й забуду тебе... Не ручуся за себе, не поручуся и за тебе: хто ёго зна, чы довго сумуватымемъ мы одынъ за однымъ, та чы не звыкнемо жыты наризно? Хыба-бъ я забувъ, що до тебе треба йты, хыба-бъ я пишовъ зъ тіею Дунькою гуляты тоди, якъ-бы ты не була у тіеи скаженои пани, та якъ-бы мени було вильно ходыты до тебе? Раю тоби видъ щырого серця на корысть намъ обомъ, а проте твоя воля!—мовывъ Степанъ. Приська тяжко замыслылася.

— А прызвыща, а поговиръ!—ажъ скрыкнула Приська и спалахнула, немовъ хто вже кынувъ ій образлыве це прызвыще у вичи.

— А прызвыща? а поговиръ?—передражнывъ іи Степанъ.— Сказано, того людського поговору страшно! Прыстане винъ до тебе? Злыняешъ видъ его? Робы, якъ знаешъ, а моя воля, щобъ ты нанялася до Берчыхы!—додавъ винъ и подавсь, не попрощавшысь зъ Приською, до дверей.

Усю ничку не спала Приська та все миркувала сама соби, чы послухатысь Степановои порады, чы ни? Цилисенькый день уявляла вона себе у становыщи жыдивськои наймычкы и не знаходыла у соби снагы попустыты себе до того.

— А що? найшла мисце?—запытався іи другого вечора Степанъ.—А я вже знайшовъ соби: пойду до одного пана ажъ на хутиръ,—додавъ винъ, не диждавшысь видповиди видъ Приськы.

— Ажъ на хутиръ?—жахнулася молодыця.

— А що мени таке? Однаково, до кого-бъ ты не нанялася,—мени ходу туды не буде, бо у яку собаку не пошпурь, то хочъ у Рыбалкыну, хочъ у Куракыну влучышъ, а до Берчыхы ты не хочешъ.—

— Може и наймуся,—обизвалася и сама злякалася свого голосу Приська.

— Тоди буде инша ричъ: тоди я не пойиду,—мовывъ Степанъ.

— Я наймуся... тилькы мабуть, Степане, не выбуду я тамъ довго,—мовыла Приська.

— Ось хрестъ кладу тоби, що выбудешъ!—перехрестывся и видразу повеселишавъ Степанъ.

XX.

„Роботы“, якъ казала Берчыха, „у мене небагацько: встань раненько вытопы, насвитанку—сомоваръ наставъ, у снидання—коривку здій, передъ обидомъ—горныци прыберы, у обидъ—ди-

тей нагодуй, писля обидъ—тенеткы поперы, надъ вечиръ—воды наносы, у вечери—вечерю выдай, постиль перестелы, у кухни прыберы, коривци синця заложы, а тамъ вже хочъ и рукы склады“. Симья, на мову Берчыхы, тежъ невелычка: хазяинъ та хазяйка, хазяинивъ батько та хазяйчына сестра, шестеро хазяйськыхъ дитей, та двое хазяйчыныхъ племинныкивъ. Про те, невважаючы на таки чудови умовы, Приська хотила покынуты Берчыху у той-же самый день.

— Хай Богъ мылуе!—такого мени зроду-вику не траплялося чуты, щобъ моїй наймычци та надъ сылу була робота! То тоби, молодычко, зразу такъ здалося, то тоби уявылося, що у мене скрутно: оговтаешся, звыкнешъ, то спатымешъ цилый день на печи, бо все перероб ышъ въ одынъ разъ, и тоби зовсимъ ничого буде робыты.—Такъ стала умовляты Приську Берчыха.

— Ни, не буду я у васъ!—видмагалася Приська.

— Якъ-то не будешъ? Степанъ мени ручывся за тебе, а ты покынешъ? Колы-бъ я знала, що ты така недобра, то я бъ и не наймала тебе... Господь зъ тобою! А теперъ черезъ тебе я всихъ гарныхъ наймычокъ утеряла и не можу одпустыты тебе... Ну, прохаю тебе: побудь хочъ зъ мисяць, роздывысь краще, спробуй, а тоди вже и кыдай,—попрохала Берчыха.

— Далеби не можу!—надъ сылу мени робота, тай не звыкну я,—видмагалася все Приська.

— Колы не можешъ мисяця выбуты, то хочъ черезъ ярмарокъ перебудь,—попросыла іи Берчыха. Приська здалася бильше на волю Степана, нижъ на прохання Берчыхы, и зосталася на якый-сь тамъ часъ. Але перебигло непрымитно де-килько день, и Приська зрозумила, чого Степанъ такъ домагався видъ неи, щобъ вона нанялася сюды: ниде, справди, не було имъ такъ вильно, якъ тутъ.

Берчыха наймала сами рукы, платыла за ныхъ и вымагала багацько роботы, але їй зовсимъ не було дила до того, кому ти рукы належать и що то за людына въ іи хати жыве. Рукы най-

мычкы повынни булы буты дужымы, проворнымы та зученымы до праци,—а про решту вона николы й не пыталася.

Берко та Берчыха зпозаранку ишлы до крамнычкы, сестра Берчыхы сидала до машыны плесты панчохы, хазяиннивъ батько выходывъ тежъ куды-сь. Диты та племинныки зоставалыся на доглядъ старшои дочкы, Рухли, та Приськы, и молодыця дывувалася, якъ добре трымалы себе диты у видносынахъ до наймычокъ. Воны вмилы такъ само, якъ и Берчыха, вымагаты роботы, зналы, скилькы родына платыть и за яку працю, зате-жъ розумилы межи своихъ правъ и николы не допускалы себе до незвычайности, николы не мовылы якого неввичлывого слова.

Приська ходыла сама до торгу, и нихто зъ товарокъ та перекупокъ якый часъ не зналы, де вона служыть. Це іи захыстыло на першый часъ видъ тыхъ прызвыщъ, що Дунька напевне не забарылася-бъ прытулыты до неи, колы-бъ дозналася правды. До стравы Приська тежъ звыкла, тымъ паче, що Берчыха не забороняла їй варыты соби наризно, колы Рухля прыправыть свій обидъ не до смаку молодыци. Одно, до чого не постачало снаги у Приськы звыкнуты—це каторжна, безперестанна праця.

Молодыця пьялася скилькы мога, прынаровлялася, хытрувала такъ, щобъ заразомъ два дила робыты, вставала зарани, не прысидала цилый день, а проте ранишъ десяты годынъ вечора не могла скорыстуватыся тією волею, якою Берчыха надиляла своихъ наймычокъ. Зате зъ цёго часу наймычка вильна була робыты, що їй спадется на думку—йты куды хоче, гуляты хочъ и до свиту. Лягаючы спать, Берчыха замыкалася добрымъ замкомъ видъ кухни, а кухню кыдала на волю „самостійнои хазяйкы",—якъ казала Берчыха,—прохаючы іи тилькы погасыты свитло та замкнуты зъ околыци двери, якъ що прыйде охота погуляты.

Ридко якый вечиръ не прыходывъ Степанъ. Иноди винъ зоставався у Приськы, а иноди заходывъ тилькы за нею та вивъ до знаёмыхъ, або и у садъ—на музыку. Спочатку знаёми, музыка та театръ немовъ наче пидбадёрювалы молодыцю, и вона

охотнише бралася на другый день до роботы, адже не перейшло и мисяця, якъ мицный та спокійный сонъ ставъ ій здаватысь мылишымъ за гостей, за музыку та инши веселощи,—вона утомылася.

Степанъ не хотивъ того знаты, не вирывъ Присьци и вымагавъ, щобъ вона ходыла зъ нымъ; Берчыха тымъ паче не хотила того знаты та вымагала видъ наймычкы роботы—и молодыця незабаромъ зблидла, змарнила знесылылася. Мынавъ день, прыходывъ другый—Приська зустричала схидъ сонця, проводыла захидъ ёго неначе у сни. Якъ перебигло дванадцять мисяцивъціеи каторжнои праци, якъ протягла вона трыста шистьдесятъ пьять вильныхъ ничокъ мало не зовсимъ безъ сну,—Приська не хотила про це згадуваты...

Зибрався якось велыкый торгъ, и навезлы незвычайно багацько цыбули. Рухля купыла ажъ пьять винкивъ и звелила Присци однесты до-дому. Приська скынула ихъ соби на плечы, ступыла де-килькы крокивъ и трохы не крыкнула: щось неначе увирвалося у середыни, и гострый биль пронявъ наскризь ливый бикъ. Приська перестояла трохы и рушыла була знову иты, але друга, ще гострипа, колика переняла ій духъ. Вона скынула цыбулю додолу и прысила на пишоходи, вызыраючы, чы не надійде яка знаёма людына, щобъ пособыла донесты цыбулю до дому. Якъ на те молодыцю мыналы все незнаёми люде. Приська озырнулася ще разъ и стала скыдаты цыбулю изнову на плечы.

— Прысько! сестрычко! голубочко!—крыкнувъ хтось несподивано надъ самымъ іи вухомъ, и тужъ мыть чыи-сь рукы оточылы іи шыю, чыи-сь губы прыпалы до іи выду.—Охъ Господы, яка я рада! Видъ самисинького свитанку шукаемо мы тебе по городу... Гараздъ, що хочъ теперъ здыбала тебе, а то малы вже и до дому йихаты... Де ты теперъ служышъ? Та якъ-же ты змарнила, сестрычко!—перепынила свою ричъ Мелашка, и гарячи слёзы полылыся зъ іи тилькы-що веселыхъ та свитлыхъ очей.—Голубонько моя, сестрычко, скажы мени, яке тоби горе, що тоби сталося, що ты зблидла та постарилася такъ?—допытувала Ме-

лашка, пыльно та жалистлыво прыглядаючысь до знесыленои красуни-сестри.

— Пропасныця змучыла; четвертый мисяць трусыть,—видбрехалася Приська.

— Дай-же мени цыбулю—я тоби донесу,—мовыла Мелашка и перекынула вси пьять винкивъ, наче ту пирьину, на свои дебели плечы. Ходимъ! Або ни: я збигаю до воза—тамъ и Трохымъ и Данило. Отъ зрадіють! Може и ты пидешъ до ныхъ.

— Мене саме це трусыть—не можу йты,—збрехала вдруге Приська.

— Посыдь-же, сестрычко, колы такъ, тутъ, а мы зразу прыйдемо вси до тебе,—мовыла Мелашка, кладучы цыбулю на пишоходы, и ту-жъ мыть зныкла помижъ людей, возивъ та товару.

Приська не гаяла часу: тилькы зныкла сестра, вона кынулася навтикача видъ торгу, сестры та чоловика. Манивцямы, чужымы перелазамы та по-за крамныцямы добигла вона до знаёмои крамаркы и, покынувшы тамъ цыбулю, побигла до-дому.

— Що тоби трапылася? Що тоби таке? Де цыбуля?—запытала переляканa Рухля.—На тоби лыця немае! Може вкравъ хто цыбулю?

Приська замисть видповиди заголосыла. Нагодывся Степанъ, ставъ допытуваты. Рухля, диты тежъ обступылы наймычку та допытувалы—никому ничого не видповидала вона. Добру годыну простоялы вси надъ нею—тай не прочулы а ни словечка. Тай що мала вона имъ сказаты? Чы варто, чы гоже було роскрываты свою душу, прызнаватыся, на яки думкы та спогады навела іи сёгодняшня зустричъ зъ сестрою? Чы зрозуміють воны ти пекельни мукы, що вытрымала вона видъ самои думкы, що сестра та чоловикъ можуть довидатысь, де вона служыть, прыйты у жыдивськiй двиръ та здыбаты іи зъ полюбовныкомъ? Ни, не варто виддаваты ци перлыны—слёзы гиркого каяття на глумъ жыдивци та Степанови.—

Вона немовъ прокынулася теперъ писля довгого-довгого сну; вона немовъ зипьялася на высокый шпыль, немовъ глянула

прозорыми очыма навкругы и вперше побачыла те болото, де завьязла вона. А Мелашка, свижа, якъ квиткы умыти росою, здорова, певна у соби и у людяхъ, стояла наче жыва передъ очыма и прохала сестру повернутысь на село. Повернутысь на село? Для чого, для кого? Навикы заросла вже стежка до риднои осели; едына тоненька павутынка—спочуття до родыны—давно вже увирвалася, а тутъ, у городи, зисталася хочъ крихотна надія на краще жыття.

Довго плакала та ламала рукы зъ одчаю Приська.—Степанови обрыдло дывытысь на неи, и винъ пишовъ до шынку, де „зъ досады“ добре напывсь.

О-пивночи прокынулася Приська. Свитло горило, на столи лежавъ замокъ зъ ключемъ, а на лави мицно спавъ Степанъ.

— Степане, Степане! вставай та мерщій замкны конюшню, бо ось и ключъ и замокъ на столи!—сипнула ёго за рукавъ молодыця.

— Геть, чортова квысля!—гримнувъ на неи Степанъ и повернувся на другый бикъ.

— Степане, Степаночку, встань-бо! прокынься!—прохала ёго Приська.

— Иды къ бису!—лаявся Степанъ.

— Степане, коней покрадуть...

— Геть!—видпыхнувъ іи Степанъ.

— Степане, прокынься! Степане, коней повыводять. Иды замкны конюшню! Степане, голубчыку, розбуркайся-бо!—прохала та будыла Приська.

Але Степанъ лаявся, штовхався, крычавъ, перевертався на другый бикъ и не хотивъ знать ни коней, ни конюшни.

Приська взяла ключъ та замокъ и хотила вже йты у сусудськый двиръ замыкаты конюшню, колы щось застугонило пидъ викномъ, и незабаромъ убигла куховарка тыхъ панивъ, де служывъ Степанъ.

— Степанъ тутъ?—запытала вона.

— Онъ спыть!—показала Приська на лаву.

— Збуды ёго!—звелила куховарка.

— Я вже будыла та ничого не вдію, не прокыдается,—мовыла Приська.

— Я ёго, ледачого пьянюгу, зразу збужу! Я ёму покажу, якъ по ночахъ таскатыся! Черезъ ёго, проклятого, и мени немае спокою. Вставай!—крыкнула куховарка надъ самымъ вухомъ Степана и штовхнула ёго зъ усіеи сылы у бикъ.

Степанъ повернувся и, не росплющуючы очей, улучывъ куховарци замашнымъ кулакомъ у груды.

— А! щобъ ты, пьянюго непутящый, отутъ на мисти одубъ! щобъ тебе правцемъ поставыло!—Буды ёго!—накынулася розлютована куховарка на Приську.

— Та я-жъ будыла.

— Буды, жыдивьска потаскухо! Колы заклыкала до себе та напоила, то сама и видповидай!—крыкнула изнову куховарка.

— Я ёго не напувала,—видмовыла, ледве стримуючы слёзы, Приська.

— А мени яке дило, чы то ты, чы яка инша потаскуха напоила ёго? Не хочешъ будыты, то самъ панъ розбудыть ёго!—гримнула ще разъ куховарка и зныкла у синяхъ.

Не встыгла молодыця проковтнуты одніеи обрàзы, якъ вже самъ панъ кынувся до неи зъ кулакамы.

— Де той пьянюга? Куды ты ёго заховала?—налетивъ винъ, немовъ та шулика, на Приську.

— Онъ спыть на лави,—переляказася, ажъ затремтила вона.

Панъ пидбигъ до Степана и вразъ выбывъ хмиль зъ головы. Стапанъ схопывся и кынувся, якъ несамовытый, зъ хаты.

— А тебе я провчу колысь! Тоби я тежъ накладу колысь, жыдивськый попыхачъ!—налаявъ ще разъ панъ Приську.

Все стерпила, все знесла нышкомъ Приська, але на цёму не скинчылося: черезъ часъ повернувся Степанъ и сповистывъ Приську, що панъ вже прынявъ видъ ёго збрую и прогнавъ геть зъ двору.

У молодыци пидкосылыся ногы видъ такои звисткы.

— Що-жъ ты теперъ робытымешъ?—запытала вона Степана.

— Пересыжу на кватыри, поки мисце трапытся,—мовывъ винъ байдуже.

Приська тяжко зитхнула. Легко сказаты: „пересыжу на кватыри"; хыба вона не знае тыхъ кватыръ, хыба не вида вона, яку кватырю винъ уподоба? Чы за-для того вона стильки перетерпила, стильки перемучылася, щобъ диждаты побачыты Степана пидъ тынню? „Розипьется, роспустытся, розледачіе вкрай—и що я робытыму тоди зъ дытыною на рукахъ?"—журылася нышкомъ Приська.

— Погашу свитло, бо такъ не засну,—мовывъ трохы перегодомъ Степанъ, занудывшысь дывлячысь на Приську, якъ вона чуманіе.

— Гасы,—видповила Приська.

Степанъ буркнувъ щось соби пидъ нисъ, дмухнувъ на свитло и полизъ на пичъ спаты, а Приська немовъ прыкыпила до лавы й не рушыла зъ неи ажъ до свитанку.

Якъ тильки Берчыха выйшла до кухни уранци, Приська попрохала у неи порады.

Берчыха мыттю прырозумила, якъ пособыты горю.

— Хай Степанъ жыве у насъ до которого часу: винъ мене не объисть и кутка не завалыть, а щобъ ёму не прыкро було жыты безъ усякого дила, мы купымо поганеньку конячку,—хай винъ заробыть и хазяинови яку копійку, и самъ матыме прыстановыще та харчъ, и тоби буде спокійнише,—мовыла Берчыха.

Одначе ця щыра, розумна та корыстна за-для всихъ, на мову Берчыхы, порада не дуже-то прыйшлася по серцю молодыци: ій прыкро було навить и уявыть соби, що Степанъ іи стане жыдивськымъ попыхачемъ „за харчъ".

— Ни,—мовыла вона—хай я краще платытыму вамъ за кутокъ по карбованцю на мисяць, а харчуватымется винъ у кумы,—попрохала Приська.

— Боже упасы! Щобъ я брала зъ тебе грошы? Щобъ я вывертала зъ тебе за Степана? Та ты мени платы удесятеро бильше, то я не схочу твоихъ грошей. Якъ-то можно? хыба я

не знаю, яки твои грошы? Хыба въ мене жалю не мае? Ни, колы ты жалieшъ Степана, а я шкодiю твоихъ грошей, то хай же буде ни по твоему, ни по моему; мы умовымося зъ тобою такъ: незабаромъ будуть нашы Святкы, до мене прыйидуть здалека родычы—треба прыбраты, прычепурыты скризь, и звычайно я беру поденныхъ. Теперъ я поденныхъ не визьму: ты, молодычко, нивроку тоби, проворна, роботяща, управышся сама—и мы будемо квитъ.—Приська подумала трохы и згодылася.

XXI.

Степанъ не знавъ тай не дуже цикавывся знаты, на якыхъ умовахъ зистався винъ у Берчыхы. Роботы зъ ёго нихто нiякои не вымагавъ, кума Настя харчувала не зле, у кышени поводылося трохы грошей, и жылося-бъ ёму не погано, якъ-бы Приська меньше до роботы прыпадала та бильше часу ёму удиляла.

— Крутышся, якъ муха у окропи, николы не прысядешъ, не побалакаешъ! зануда бере, дывлячысь на тебе,—скаржывся Степанъ, потягаючысь та позихаючы на всю хату.

— А ты мени пособы трохы, той мени буде бильше вильного часу,—видмовляла Приська.

— У чимъ-же я тоби пособлятыму? Нема мени пидхожого дила. Якъ-бы це кони... або якъ-бы це у панивъ, та я за лакея,—позихавъ Степанъ.

— Корова йе,—нагадувала Приська.

— Хыба що корова!—позихавъ изнову Степанъ, и хочъ и погожувався, що доглядъ за коровою дило пидхоже за-для ёго, не йшовъ пораты iи, бо памьятавъ, що це задурно, що жыдивка не выкыне ёму и шага за ёго працю. Такъ само невелыка охота розбирала ёго и носыты воду, або дрова, вычыщаты биля порогу та ходыты зъ доручениямы. Приська мовчала якый часъ, терпила та тилькы дывылася, якъ винъ, мовъ непрыкаянный, вештается зъ угла у вуголъ, але колы побачыла, що таке жыття ёму до вподобы и що винъ не дуже-то турбуется про мисце,

стала докоряты та вымовляты ёму. Степанъ немовъ и схаменувся, почавъ доглядаты коровы; але-жъ той доглядъ дався у знаки молодыци: зъ самого ранку почынавъ Степанъ проклынаты и долю свою, и Берчыху, и іи корову, та скаржытысь, що ёго зробылы „жыдивськымъ попыхачемъ", що потуряють имъ, якъ якымъ крепакомъ. Молодыця доводыла ёму, що то винъ ій пособляе и робыть не Берчыси, а ій, що ій, хворій теперъ, надъ сылу праця, и що винъ повыненъ самъ попыльнуваты про те, щобъ вона не пидвередылася або не знесылылася вкрай.

— Тоби-жъ гирше буде, якъ я занедужаю та доведется тоби харчуваты и меня и дытыну. На твоій-же голови окошытся моя хвороба,—доводыла ёму Приська.

Степанъ гараздъ не розумивъ, зъ якои речи хвороба полюбовныци або и іи дытына надасть ёму клопотивъ, бо не почувавъ за собою ніякыхъ обовьязкивъ и николы не бачывъ, щобъ навить дукари-паны бралы на себе такы незвычайни турботы, проте не зважувався до котрого часу высловлюваты свои неясни думкы, и хочъ зъ проклёномъ та пересердямъ, а йшовъ такы до коровы. Повагомъ вытягавъ винъ два цебра воды, повагомъ, мало не по одній стеблыни, набиравъ у сараи сина, повагомъ напувавъ, злегенька вычыщавъ стійло и, скинчывшы цю працю, обовьязково проклынавъ свою долю—долю „жыдивського попыхача".

— Чомъ-же ты соби мисця не шукаешъ? Чого свитомъ нудышъ, чого мени голову отымы проклёнамы забываешъ. За тры тыжни можно було-бъ мисця знайты и заробыты хочъ на крестыны дытыни. Незабаромъ у тебе буде дытына; чы розумієшъ ты, що ты будешъ батькомъ, що у насъ буде зайвый йидець, зайва душа на рукахъ?—нагадувала ёму Приська.

— А це-жъ черезъ кого я мисця не шукаю, якъ не черезъ тебе та того зайвого йидця? Пиду звидциль, то ты и одного дня не выдержышъ! Кыдай Берчыху, наймайся до кого иншого, де не стилькы роботы, то я заспокоюсь и зразу наймуся,—видповидавъ Степанъ, и Приська вирыла ёму та тилькы зитхала: „до

кого пиде вона теперъ, хто схоче державы іи теперъ, причъ Берчыхы?"

Перейшлы жыдивськы святкы.—Якось видбула Приська гостей та родычивъ хазяйськихъ и, хочъ доводылося и до пизнёи ночи разъ-у-разъ робыты, хочъ выпадалы частенько и таки деньки, що вона не мала часу гараздъ и попойисты, але вона мовчала, бо бачыла, що недавня воля прызвела іи до гиркои неволи слугуваты тому, хто схоче іи державы, годыты тому, хто хочъ не жене іи вагитнои проты Свята зъ двору.

Диждалы Велыкодныхъ Святокъ. Берчыха не перечыла наймычкамъ видбуваты ихъ по закону, и Приська не шкодила ни праци, ни грошей своихъ, абы наготовыть всёго, що слидъ, та задовольныты Степана. Степанъ захопывся тежъ святочнымы турботамы и, сподиваючысь гостей, вычыстывъ навить частыну дворыща. Приська ледве волочыла ногы, почувала себе дуже погано, але ни однымъ словечкомъ не натякнула про те Степанови, щобъ не турбоваты его и щобъ не обрыднуты ёму жаліючысь на хвористь.

У велыкодну субботу вона уготовыла стилъ, прычепурыла все, а у вечери дала Степанови билу сорочку, повьязала ёму шыю своимъ шовковымъ платкомъ и вырядыла до церквы святыть Паску.

Народу стовпылося у церкви сыла. Степанъ не мигъ молытыся; винъ облюбовавъ соби мистечко и почавъ роздывлятыся навколо. Недалечко видъ ёго стояло двое дивчатъ. Воны зразу спостереглы ёго, и одна напевне и прызнала ёго, бо коженъ разъ, колы винъ хочъ ненарокомъ повертався до неи, вона схылялася до своеи сусидкы, шопотила ій щось на вухо, штовхала іи, щобъ та обернулася та глянула на парубка, и почынала реготатысь, затуляючысь биленькымъ платочкомъ. Довго прыдывлявся Степанъ до іи облыччя, довго ламавъ голову, що то за статурна та очевыдячкы безъ краю весела дивка, и нарешти такы прызнавъ,—то була Дунька. Степанъ усмихнувся и, колы Дунька повернулася до ёго, уклонывся ій. Дунька засміялася и кывнула й ёму головою.

— Ось зъ кымъ насампередъ похрыстосуюся!—подумавъ самъ соби Степанъ и посунувся на крокъ блыжче до дивокъ.— Покращала вона за цей часъ! Ачъ якъ очыма поводыть! Бидова дивка! Гараздъ, що незлопамьятна: инша-бъ и очи выдрапала за те, що я такъ, зъ доброго дыва, покынувъ іи, а вона щей усмихается!—думавъ дали Степанъ, все дывлячысь на неи.

— Идить швыдче до-дому!—сипнувъ ёго несподивано якый-сь хлопчыкъ.

— Чого?

— Не знаю: маты та Берчыха мене послалы по васъ,— видповивъ малый.

— Ось дослухаю службы, посвячу паску, тоди и прыйду,— мовывъ Степанъ, не зводячы очей зъ Дунькы, що вже покынула свою подругу та наблыжалася потроху до ёго.

— Я зостанусь биля паскы, а вы йдить,—не подавався хлопець.

— Та я не знаю, хто ты й такый? Може це ты помылывся, може то не мене клычуть?—запытався Степанъ, поступаючысь блыжче до Дунькы.

— Та ни-бо, васъ клычуть маты. Я васъ знаю, вы дядько Степанъ, а моя маты Горошыха-бублійныця,—трохы не заплакавъ хлопець. Маты та Берчыха велилы, щобъ вы зразу йшлы,—додавъ винъ и сипнувъ Степана изнову за рукавъ.

Ничого було діяты: видъ уйидлывого хлопця ніякымъ чыномъ не можно було одвьязатыся; люде тежъ прымитылы, що Степана клычуть до-дому,—треба було йты. Степанъ зитхнувъ тяжко, штовхнувъ зъ пересердя малого и повернувъ до дверей.

— До своеи мылои поспишаешся?—кынула ёму Дунька, наблызывшысь.

— Млосно стало!—збрехавъ Степанъ.

— Мени тежъ душно; ходимъ погуляемо вдвохъ по цвынтарю,—мовыла вона, йихыдно усмихаючысь.

— У мене тутъ, поблызу, маленьке дило йе;—ты гуляй, а я заразъ справлюся и черезъ хвылынку повернуся назадъ.—

— На мое й складается!—зареготалася дивка.—Я-жъ бо кажу «за Приською скучывъ», а винъ ще одбрихуется... Дежъ такъ? Добру годыну не бачывъ! ха-ха-ха!

— Зовсимъ я и въ думци не мавъ йты до Прискы; я й забувсь про неи,—видмагався Степанъ.

— Колы такъ, то я тебе и не видпущу видъ себе. Яки теперъ дила, у такый день? Годи, не выгадуй. Сядемо отутъ та побалакаемо, якъ колысь балакалы,—мовыла Дунька и потягла Степана за собою до лавочкы.

Степанъ сивъ биля неи.

— А що вже навчыла тебе Приська по-жыдивськи балакаты? А кучери вже повылысь видъ часныку?—почала зразу глузуваты Дунька.—Та яка вона прутка стала, твоя Приська: бигла я колысь зъ нею навыпередкы, тай не пагнала... А хороша яка! Пидъ очыма сынякы у гадюку завтовшкы, очи позавалювалыся,—хочъ выважуй, на выду зморшкивъ за симъ пьятныцъ не переличышъ—одно слово красуня на увесь повитъ!—сміялася Дунька.

Степанъ тежъ усмихався, тежъ жартувавъ та пидтрымувавъ Дуньчыны выгадкы, але не подавъ и выду, що ти выгадкы та жарты глыбоко бороздять ёго серце, що слова іи сіють у тыхъ борознахъ якесь недобре насиння, що зъ того насиння вже почынае выростаты досада и що та досада окошытся, звычайно, не на Дуньци, на цій веселій цокотуси, що риже ёму правду у вичи, а на тій, що прывела ёго до такого сорому, до Дуньчыного посмиху та глуму.—

А тымъ часомъ дочыталы до Хреста, и радистный спивъ „Хрыстосъ Воскресе“ пролунавъ побиля церквы.

Степанъ знявъ шапку и похрыстосувався зъ Дунькою.

Рушыла процессія, высыпавъ народъ зъ храму; Степанъ та Дунька прытаилыся за деревомъ.

Посвятылы паскы, народъ посунувъ шырокою хвылею зъ цвынтаря; завьязавъ вже и Степанову паску хлопець та понисъ до-дому, а Степанъ та Дунька все стоялы на мисти, бо гараздъ и не зналы, куды имъ иты.

— Пидемо до Палагеи Тыхоновны розговлятыся,—прыдумала Дунька.

— Добре!—радо зголывся Степанъ и пишовъ услидъ за Дунькою.

Дуньку прывитала Палагея Тыхоновна добре, бо це була одна зъ тыхъ любьязныхъ ій дивчатъ, що николы не журылася и збувала ій поцинно одягу. Степанови вона тежъ не пошкодила даты зайвои чаркы, бо то бувъ Дуньчынъ кавалеръ, до того на кватыри саме прожывала найщыриша подруга Дуньчына, Одарка, а вона була запаслыва дивчына и на гостре словечко, и на мицну горилочку... Часъ-другый не забарывся перебигты у такому веселому гурти, та ще за чаркою. Степанъ не спостеригъ, якъ пидбылося сонечко, и поплентавъ до-дому вже такъ якъ у пизне снидання.

А тамъ ёго давно сподивалыся, давно вызыралы й у викна, и за воритьмы: Господь пославъ ёму дочечку.

XXII.

„Непроханый гисть—кажуть—гиршъ за татарына". Колы-бъ тилькы крихотна Галя вмила зазыраты у вичи та дослухатыся до речей тыхъ людей, що вешталыся биля іи ночовъ, вона-бъ спостерегла гирку правду ціеи прыказкы у першу-жъ хвылыну свого жыття и не дывылася-бъ такъ байдуже своимы ясными оченятамы на похмурого батька, заплакану неньку та бабу, що, купаючы іи, зитхнула и мовыла до Прыськы зъ жалемъ: „одже не навмыруще—жытыме на грихъ". Нихто не прохавъ іи, нихто не клыкавъ, не уготовывъ ій мистечка на „шырокому" билому свити, и коженъ може запытаты іи зъ докоромъ: навищо ты прыйшла? Прыйшла непрохана, небажанна—не враждуй-же на людей за лыхе слово, не проклынай кревныхъ, що породылы тебе та не далы права жыты; склепы свои устонька, не роздывляйся навколо: свитъ шырокый и велыкый, але тоби одынъ шляхъ—шляхъ, що зборозныли глыбокымы

коліямы та засадылы колючымъ терномъ таки сами безбилетни, безталанни непрохани гости, якъ и ты! Берчыха перша показала той шляхъ: Галына колыска мулыла ій очи. Вона перетерпила чотыры дни Святъ, а на пьятый розсчытала Приську.

— Не враждуй на мене, молодычко,—казала вона, доручаючы Приськи остачу заробленыхъ грошей—тры карбованци:—самій шкода тебе, такъ не можу я тебе держаты, бо хазяинъ мій страсть не любытъ дытячого лементу.

— И що вамъ та дытына заважыть?—запыталася сумно Приська.

— Багацько не заважыть, а видъ роботы хазяйськои рукы видниме. А колы вже справди тоби никуды подитыся, та колы, хай Богъ мылуе, тоби крайнисть у мене служыты, то я вже такъ, щобъ люде не казалы: „сяка така Берчыха наймычку прогнала"—найму тебе и на дали, тилькы, звычайно, чотырёхъ карбованцивъ не дамъ.

— А скилькы-жъ дасте?—запытала Приська.

— Скилькы я тоби дамъ? Два карбованця на мисяць—то красна цина за-для наймычкы зъ маленькою дытыною.

— Тобъ-то наполовыну? А роботы-жъ якъ, тежъ меньше удвое буде?—

— Робота за тобою буде та, щой була, нема чого змиияты, нема чого зменьшуваты: йисты варыть що Божого дни треба, праты треба, корову доглядаты треба...

— Такъ вы хотилы, щобъ я ту саму роботу та робыла вамъ у пивъ-цины?—запытала Приська зъ докоромъ.

— Хыба я тебе сылую, хыба я домагаюся, щобъ ты у мене служыла? Якъ не хочешъ, то й Богъ зъ тобою! Я хотила якъ краще, бачу, що ты така нещасна, що у тебе маленька дытынка на рукахъ, що тоби никуды подитыся, ну я й...

— Хотила зъ тебе останню шкуру здерты?—перехопыла стурбована молодыця ричъ Берчыхы.—Тоби мало, що я у тебе здоровья перевела, що я тоби бильше року, якъ вилъ, робыла, мало, що я тоби, якъ кому й путнёму, корылася, мало, що за той кутокъ, що занявъ Степанъ, кривавымъ потомъ видробляла?

Тоби цёго мало? Ты хотила ще моимъ горемъ, моимъ грихомъ скорыстуватыся?—хотила по два карбованци на мисяць спокуты наложыты? А! будь ты проклята! Будьте вы вси прокляти, пьявкы ненажерлыви!—закрычала Приська, не памьятаючы себе зъ досады та горя.

— Цыть, цыть! Чого ты крычышъ? Цуръ тоби, пекъ тоби! Якъ-бы я знала, що ты така сердыта, то я-бъ до тебе и не балакала! Иды собн зъ Богомъ, иды!—

— Не бійсь,—не зистануся! Швыдче сама кыпуся зъ кручы и дытыну задавлю, а вже не попущу вдруге жыдивци вываріоваты зъ себе воду!—видмовыла Приська, пеленаючы Галю.

— Не зарикайся, молодыце, якъ-то люде кажуть: не ручыся, бо куры и на весилля та не хотять, та сылою тягнуть! Нихто тебе не клыкавъ до жыдивъ, сама прыйшла своею волею, прослужыла бильше року, получыла вси грошы до копійкы... Робота—не важка, симья невелычка.

— Годи!—одризала Приська.—Прощайте!

— Прощай! Иды соби зъ Богомъ! Я не знала, що ты така сердыта,—мовыла Берчыха и защипнула за наймычкою двери.

Приська перейихала на кватырю—велику та сумну хатыну у пидвали. Степанъ пособывъ ій перевезтыся, розикласты та розвишаты збижжя и зразу подався шукаты соби мисця. На ничъ винъ не вернувся, и Приська, не дождавшысь ёго до обидъ и на другый день, заперла хату и пишла зъ Галею до Насти поспытатысь порады, за вищо зачепыты рукы та якои праци шукаты теперъ? У Насти було ще дви мищанкы у гостяхъ, и вси жинкы пораялы въ одынъ голосъ зробытыся прачкою. Приська послухалася тіеи порады, и колы прыйшовъ у вечери Степанъ похвалытыся, що вже найшовъ соби мисце, молодыця похвалылася й соби, що Настя та дви мищанкы пообищалыся постачаты ій сорочкы. Степанъ значно повеселишавъ, прочувшы таку прыемну звистку, и побигъ зразу за горилкою та оселедцямы, щобъ спрыснуты щастлыве за-для обохъ ихъ новосилля.

— Жытымешъ теперъ: я матыму шисть карбованцивъ на мисяць, ты—зароблятымешъ удвое бильше, бо перешъ ты швыдко и гарно; матымешъ грошы на хлибъ и на силь,—радивъ Степанъ.

— Ты-то матымешъ, а я ще зразу не зароблю ничого: поки-то городяне довидаются про мене, та поки-то впевнятся, що я не покраду сорочокъ, або не перенивечу ихъ!—журылася Приська.

— Выгадкы! Я ось якъ пиду та оповищу знаёмыхъ панивъ, то тебе у одынъ день закыдають сорочкамы. Про те не журыся, що роботы не буде; абы охота,—мовывъ Степанъ.

— Э, ни, не кажы такъ: Настя казала, щобъ я и не надіялася и не думала у цёму мисяци роботы знайты. Доведется мабуть цей мисяць на готови грошы жыты.

— То що?—жывы на готови!—згодывся Степанъ.

— У мене-жъ тилькы тры карбованця,—нагадала Приська.

Степанъ промовчавъ.

— Хыба може ты выпросышъ у хазяина впередъ та дасы мени трохы?—запытала несмилыво Приська.

Степанъ изнову промовчавъ.

— Скажы хазяинови, що тоби дуже потрибни грошы.

— Якый чортъ дасть мени грошей впередъ? Де я тоби у лыхои годыны знайду такого дурня, щобъ такъ и пойнявъ мени виры? Перебувай якъ хочъ цей мисяць: продай що-небудь, або, про мене, на поденщыну ходы!—пораявъ Степанъ.

— Зъ маленькою дытыною?—нагадала Приська.

— Чы зъ дытыною, чы безъ дытыны—якъ знаешъ!—розсердывся Степанъ:—а тилькы зъ мене не потягнешъ ничого, бо мени панъ до кинця мисяця не копійкы не дасть.

— Якъ-же я жытыму?—запытала Приська.

— Якось та жытымешъ! Постачыть того дрантя на мисяць!—видповивъ Степанъ, показуючы на Присьчыну скрыню.

— Тобъ-то мени одежыну вже продаваты?—здывувалася и наче ажъ злякалася Приська.

— Тобъ-то мени вишатысь, абы ты тіеи одежы не продавала?—передражнывъ іи Степанъ и ухопывся за шапку.

— Куды-жъ ты?—спыныла ёго Приська.

— Не знаешъ хыба куды? До хазяина,—видповивъ Степанъ и пишовъ зъ хаты, навить не допывшы пляшкы.

Боляче стыскалося Прысьчыне серце; сумно та гирко стало ій на души. Щось непевне свитылося у очахъ коханця; чудный винъ бувъ самъ у цей вечиръ и чудни та не щыри булы его речи. Чы не надумавъ-то винъ вже зрадыты та покынуты іи?

На другый вечиръ Степанъ не прыйшовъ, третій—тежъ не прыходывъ; четвертого дня забигъ на хвылыну, взявъ дви билыхъ сорочкы та чумарку и зъ того часу не казавъ очей бильше тыждня. А Приська тымъ часомъ потратыла грошы на дрова та мыло, продала одынъ платокъ, щобъ забезпечыты хочъ карбованцемъ свою хазяйку—дуже побожну, але ще бильшъ, неймовирну крамарку, продала и два вышываныхъ рушныка на свои потребы и налагодыла ще де-яку одягу, щобъ несты до торгу,—колы прыйшла Настя и прынесла перший бунтъ чорныхъ сорочокъ. Приська заходылася того-жъ дня биля ныхъ, не пошкодила ни мыла, ни рукъ, и сорочкы выйшлы, якъ снигъ, били. Вона однесла ти сорочкы и повернулася щастлыва та завдовольнена зъ карбованцемъ у кышени. У синяхъ сподивався іи Степанъ. Винъ прыйшовъ одвидаты іи та Галю, а заразомъ попрохаты „у позыку“ двадцять пьять копіёкъ, до того дня, поки скинчытся ёму мисяць та хазяинъ виддасть грошы. Молодыця хотила спочатку видмогтыся, бо видъ Степана душыло горилкою, але якось не зважылася збрехаты и подала ёму четвертака. Степанъ поцилувавъ іи, подякувавъ и зновъ немовъ кризь землю провалывся ажъ на висимъ день. Даремно роспытувалася Приська всихъ, де шукаты Степана, даремно шукала ёго и Настя,—нихто не знавъ, де винъ нанявся, хочъ не разъ и бачылы ёго люде то у крамныцяхъ, то на вулыци.

Роботы у Приськы побильшало, одначе заробитка постачало тилькы на дрова та на харчъ. Нарешти прыйихалы якось паны, зупынылыся у отели недалечко видъ Приськы и якось пославы до неи чы-малый бунтъ сорочокъ. Молодыця не забарылася упораты ёго, и черезъ килькы день одержала бильшъ трёхъ карбованцивъ. Такый значный заробитокъ забезпечывъ-бы молодыцю на довгый часъ и заспокоивъ-бы напевне и хазяйку, що все скоса поглядала на кватыранку та мало не що-дня

вымагала въ неи грошы,—але іи знову сподивався вже у синяхъ Степанъ зъ такымъ самымъ проханнемъ „позычыты“ грошей, якъ и першый разъ. Приська видмовыла ёму и збрехала, що не мае й шага за душею. Степанъ не повирывъ и вымагавъ спочатку обережно та звычайно полтынныка, а колы Приська побожылася, що въ неи нема про ёго грошей, то почавъ гриматы, лаятысь и слово за словомъ прызнався, що знае весь Присьчынъ заробитокъ и що не прыйшовъ-бы и теперъ прохаты „на свою необходымисть“, якъ-бы напевне не знавъ, що у неи йе три карбованци.

— Навищо-жъ тоби грошы?—нарешти запыталася Приська безъ краю здывована, а почасти и завдовольнена тымъ, що Степанъ такы стежыть за нею и знае жыття іи, хочъ и не мае часу одвидать свою симью.

— Треба, дуже треба! Дай, прохаю тебе! Це-жъ у позычку!—попрохавъ Степанъ.

— Скажы: на вищо?—допытувала Приська.

— Ій-Богу треба! Ось бачъ—побожывся! Велыке слово—ій-Богу!—перехрестывся парубокъ.

— Не дамъ.—Далеби, не дамъ, доки не скажешъ!—забожылася и соби Приська.

— Уздечку украдено,—збрехавъ Степанъ.

Приська выйняла грошы.

— Дай мени карбованця, бо може за полтынныка щей не куплю,—попрохавъ Степанъ.

— А виддасы?—запытала Приська.

— Якъ достану у хазяина—зразу виддамъ.

— Гляды-жъ, Степане, не збрешы!—мени дуже скрутно, я тилькы и заспокоилася трохы цымы трёма карбованцямы. До кинця твого мисяця зостается ще шисть день, а у мене, якъ розплачуся зъ хазяйкою, залышится всёго шистьдесятъ копіёкъ. Памьятай-же, Степанныку, це, не надійся на мій заробитокъ та верны мени мои грошы тай своихъ дай трохы Гали на сорочечкы.

— Того-жъ дни, якъ достану и прынесу,—заспокоивъ Степанъ Приську и, заховавшы выдуренного карбованця у кышеню, побигъ до дому.

Не забарылыся перебигты ти шисть день. Наступывъ и той вечиръ, колы Степанъ повыненъ бувъ прынесты грошы. Якъ на те, у Приськы за цей часъ не було слыхе ніякого заробитку, и ци грошы Степанови тилькы й давалы надію молодыци. Смеркомъ забигла була Настя и похвалылася, що вже довидалася, де саме служыть Степанъ, и що колы треба, то вона може и забигты до ёго. Приська попрохала іи переказаты Степанови, щобъ винъ неодминно зайшовъ до неи цей вечиръ та прынисъ грошей, и думаючы, що парубокъ прыйде, потратыла останнёго злотого ёму на вечерю. И ось нарешти диждала вона вечера, диждала ночи, а писля першыхъ пизнивъ постукався и винъ. Винъ прыйшовъ, але... краще бувъ-бы й не прыходывъ! Червоный, роспатланый, пьяный, винъ ускочывъ въ хату, пройшовъ непевною ходою до ночовокъ, вывернувъ зъ ихъ постырани сорочкы, перекынувъ по дорози ослинець, сивъ мовчкы на лаву и, назбиравшы по усихъ кышеняхъ де скилькы-сь тамъ мидякивъ, пошпурывъ ными у Приську.

— На, собако, давыся!.. Зайила мое жыття! На... будь ты проклята... лопай! Бильше не дамъ... не дамъ! Пропадай ты зъ своею дытыною... Це не моя дочка... Чуешъ? Не моя! Хай Настя не бреше, хай не прыходыть вдруге до мене!.. Це не моя дочка!.. Я знать іи не хочу!—гримнувъ Степанъ.

— Степане, Степаныку! Господь зъ тобою! Що-бо ты кажешъ?—зляка̀лася Приська.

— Мовчы, а то бытыму! Убью, проклята, и тебе, и іи, и Настю—щобъ не було!—крыкнувъ ще дужче Степанъ.

— Степаныку! Лягай, серденько, та спочынь!—стала благаты ёго молодыця.

— Убью! прожену! Чоловикъ прогнавъ, и я прожену жыдивську наймычку! Вонъ!—закрычавъ винъ якъ несамовытый.

Спочынь, Степаныку! Ось я тоби вже и лижко уготовыла!—благала Приська, сылкуючысь звесты Степана зъ лавы та провесты до застланои постели.

— Ты думаешъ, я пьяный? Брешешъ, собако: я не пьяный... Теперъ я все чысто зрозумивъ... Ты була мени паморокы

забыла... я не розумивъ ничого, а теперь я все, все бачу... Я людына ще молода... саме у пори, у сыли... Дунька за мене зразу замижъ пиде... пиде, бо сама казала: сватай—пиду. А ты—жыдивська наймычка... тебе чоловикъ прогнавъ, и я прожену. Вонъ!—закрычавъ винъ знову.

Пьяне облыччя ёго прыйняло страшный выразъ, налыти кривью баньки выкотылыся наверхъ; мицно стысненный кулакъ падавъ разъ-повзъ-разъ зъ усіеи сылы на стилъ и ось пиднявся вже надъ Прыською.

Приська выхопыла зъ колыскы Галю и выбигла зъ хаты.

Степанъ кынувся за нею навздогинъ и вже бильше не вертався.

Навикы перервався звьязокъ зъ цёго часу мижъ Приською та Степаномъ: ніякымъ вузломъ не звьязаты погнывшои нытки, ніякымъ карукомъ не зклеиты трухлявои деревыны; ни любысткомъ, ни хытрощами, ни розумомъ не зйиднаты и перетлившии серденька.

Степанъ видчахнувся видъ Приськы, а вона зненавыдила ёго, якъ зрадныка, якъ непутящого батька своеи дытыны, якъ пьяныцю, якъ безсовистну людыну.

Галя, сама Галя зисталась молодыци, и зате якъ покохала вона, самотня, опорочена, бидна, маты, свою крихотку. Скилькы счастя, веселощивъ, скилькы жыття додавала іи колыска цёму сумному кутку у пидвали, и скилькы думокъ, надій, жаху та клопотивъ додавала вона своій неньци!..

— Гу-гу... гу!..—загуде манесенька Галя, сылкуючысь ухопыты выпростанными зъ повывача ручепятамы краечокъ червоного платка, що высыть на колысци.

— Гу-гу-гу! Крихотко, комашечко!—видповидае зразу маты, кыда сорочкы, бижыть до колыскы, прыпадае до своеи одыначкы. —Дочечко моя, рыбонько моя, счастя мое! Що-то буде зъ тобою? Яка-то доля чекае тебе? Чы дожыву я, щобъ побачыты тебе велыкою, чы захыщу тебе видъ недобрыхъ людей? Покынувъ насъ батько—залышылыся мы самитни на билому свити! Не покыдай-же хочъ ты, моя крапелько, своеи несчастлывои матери!

Жывы моя дытыночко, моя донечко! жывы, та будь счастлывиша за свою матирь!

XXIII.

Промынувъ рикъ. Рикъ тяжкои праци, незабезпеченого жыття не може промайнуты блескучымъ метеоромъ,—винъ тягнется, на жаль, дуже довго. Коженъ день, иноди навить хвылына, такого року видбывается глыбокымы зморшкамы на выду, кыда пасму сывого волосся у чорни кучеры, витается тяжкымъ стогиномъ, провожается якъ небажанный гисть.

Тяжко дався цей рикъ и молодыци нашій: непевный заробитокъ прачкы, звьязано, и дотого маленькою дытыною, далеко не забезпечавъ жыття. Сотни бунтивъ чорныхъ сорочокъ проходылы черезъ іи руки, але не давалы спроможности одикласты и шага про случай якои прыгоды. Лито та осинь пройшлы ще не дуже сутужно, бо дощи постачалы воду, а сонечко сушыло сорочкы. Зате зъ першымъ-же морозомъ праця *поважчала* удвое. Доводылося спускатыся по слызькій гори до ричкы по воду, носыты ту воду мало не до обидъ, полоскаты сорочкы у крыжаній води и потимъ пьястыся на гору зъ важкымъ бунтомъ мерзлыхъ сорочокъ. До того, довга зимня сушка на морози вымагала велыкого горища, або сарая, а до Присьчынои хаты давалася тилько маленька повитка. Молодыця розвишувала холодни, мерзли сорочкы по всій своій хати и тымъ додавала своій господи ще бильше вохкосты та цвили.

Намерзла та наморена, вона лягала на вохке лижко биля цвилыхъ стинокъ и вставала, наче пислям якои хворобы, отуманила, слаба та блида. При такыхъ умовахъ не забарылася одвидаты Приську и нахабна гостя бидности—пропасныця. Мицно ухопыла вона молодыцю у свои пазири, и якъ не змагалася Приська зъ нею, якъ не выкурювала іи зъ своеи господы,—вона такы добылася свого и знесылыла Приську. Праця прачкы стала

здаватыся ій надъ-сылу, сорочкы сталы выходыты не такымы билымы, якъ спочатку, и роботы видразу поменьшало.

— Паны не задовольнени на цей разъ вашымъ праттямъ,— казала одна покоянка.

— Panычъ не схотилы надиты тіеи сорочкы, що вы прынеслы,—казала друга.

— Не прыходьте за сорочкамы,—мы соби иншу прачку знайшлы,—казала третя.

Приська видмагалася то тымъ, то сымъ, звертала все то на мыло, то на воду, але незабаромъ повынна була соби прызнатыся, що вона вже не здатня працюваты такъ, якъ спочатку працювала, и що не даремно нарикають на неи люде. Погиршалы харчи, похолоднишало въ хати, але Приська не звертала ни на вищо увагы и може не зводылася-бъ по килько день и зъ лижка, колы-бъ не люта хазяйка, що разъ-у-разъ нагадувала ій про завынувачени грошы та пидганяла до праци.

— Не линуйся, не нивечы сорочокъ, докладай рукъ!— товкла мало не що дня гладка крамарка:—не лягай, бо пропасныця того не любыть: ходы, вештайся, працюй, не звертай на неи увагы, то вона покыне швыдче,—радыла вона.

И якъ тяжко було Прысьци слухаты ту пораду, якъ боляче зводытысь хворій зъ лижка та вештатысь зъ пухлымы ногамы заради крамарчыного спокою! Вона прыступала до ночовъ, почынала праты, але якъ тилькы хазяйка выходыла зъ хаты, изнову падала на лижко, брала Галю пидъ бокы и, укрывшысь теплымъ кылымомъ, пролежувала мало не до вечора. У вечери ій становылось легше; вона трохы бадёрнишала и хапалася скинчыты за ничъ роспочати сорочкы.

Зридка одвидувалы іи знаёми товаркы, але то булы таки-жъ сами безпрыютни, таки сами безпомични жинкы, якъ и вона. Одна людына, що хочъ трохы пособляла ій, засылаючы иноди середущу доньку доглядаты Галю, це була Настя, але-жъ и та не могла даты ій доброи порады та прырозумиты, якъ запобигты тому лыхови, що насувало темною хмарою и вже заволокло небо надъ головою немичнои молодыци.

— Я-бъ нанялася на твоему мисти,—казала Настя иноди Присьци.

— Хто-жъ мене найме зъ малою дытыною, причъ якои небудь Берчыхы, або Рыбалкынои, що тилькы и шукають такыхъ безталанныхъ наймычокъ, якъ я? Тай якый буде доглядъ Гали у чужыхъ людей? Мало хыба згорбатило, покрывило та послипло тыхъ дитей по панськыхъ кухняхъ? Мало ихъ гыне що року?—видповидала Приська.

— Виддай кому небудь Галю,—радыла изнову Настя.

— А вы виддалы-бъ хочъ одного зъ вашыхъ дитей на чужи рукы, чужый доглядъ та чужу ласку?—пыталася Приська.

— Йидь до дому, Присько, вернися на село! —зважылася нарешти якось Настя, пидъ впльвомъ розмовы своеи зъ Спырыдономъ, порааты молодыци.

— Повернутысь на село?—перепытала Приська, схоплюючысь зъ лижка.—Краще кынутысь зъ кручы, краще утопытыся, краще загынуты де небудь пидъ-тынью, нижъ вернутыся на село, пиїты на зустричъ глуму, докорамъ та знущеннямъ селянъ. Мало я горя прыняла видъ ныхъ, мало досаждалы, мало сміялыся зъ мене? А тоди я ще невынна була, я не заподіяла ще тоди никому ничого худого, на моій души не було ніякого гриха, я не осоромыла никого,—я тилькы не хотила корытыся имъ, я шукала иншого жыття, я лынула до иншои праци. Що-жъ то воны скажуть теперъ мени? Якъ глузуватымуть зъ мене, якъ радитымуть, що я спиткнулася, що не дійшла до бажанои меты! Тай куды я теперъ пиду? До кого? До матери, щобъ выплакала надъ колыскою внукы свои стари очи? До Мелашкы, щобъ осоромыты іи? До дядька Максыма, щобъ давъ килкомъ по голови? чы може иты до чоловика та выховуваты на его хлибови „жырову дытыну“, слухаты докоры, зносыты може й бійку? О! ни, найлютиша, найгирша смерть краща за таке жыття!.. Ось дасть Бигъ, пройде хвороба, покыне пропасныця— и все буде добре та гараздъ,—додала вона, трохы заспокоившысь.

— Не покыне тебе сплоха пропасныця,—зитхнула Настя: тоби треба килько день и зъ хаты не выходыты, до рички не

наблыжатыся, а ты мало не що дня полощешся у весняній води. Ось вже и кашель напавъ тебе...

— Я и сама знаю, що колы-бъ я перепочыла хочъ тыждень, колы-бъ оти сумни думкы, що разъ-у-разъ обгортають мою голову на самоти, покынулы мене хочъ на короткый часъ, то я-бъ видразу поздоровишала.

— Переходь на килько день до мене,—запрохала іи Настя.

— Тисно у васъ... видмоглася була Приська.

— Ничого—якось помистымося. Ходимъ!..

Приська не знала, якъ и дякуваты Насти за таку ласку. Симья Насти та Спырыдона, ихъ крихотна хатына, ихъ диткы, тыхе, спокійне та запезпечене, якъ здавалося ій, жыття—це саме й була та мета, до якои такъ лыпула душею и серцемъ Приська, яку завжды уявляла вона соби. Чоловикъ служыть, заробляе грошы, прыносыть ихъ до дому, виддае жинци, а жинка доглядае дитокъ, годуе, обпырае, обшывае ихъ и ще прыберигае копійку и про гостей и про яку прыгоду. Вона не разъ була у Насти въ гостяхъ, бачыла, якъ гарно жывуть Спырыдонъ та Настя, якъ кохають та жаліють одно одного; бачыла, що диткы завжды обути, одягнени, що поводывся инколы и ласый шматокъ про гостя, що жыття забезпечене и лыпе безъ усякыхъ турботъ, дарма що напевне, колы и воны тикалы зъ села въ городъ, колы кыдалы батькивську оселю, то селяне знущалыся зъ ныхъ такъ само, якъ и зъ неи, и казалы, що воны „пропадуть“. „Ни“,—думала Приська, идучы до Насти:—„не городъ выненъ у моій прыгоди, а безталання мое. Не пропадала-бъ я отакъ, не роскыдала-бъ здоровья, не занапастыла-бъ свого вику, якъ-бы не Степанъ. Перевела бильшъ трёхъ рокивъ у городи, а що я бачыла, чымъ скорыстувалася, чымъ можу похвалытыся, причъ горя, досады, то праци. Оце може одляже трохы видъ серця. Подывлюся хочъ на чуже счастя, прожыву хочъ килько день зъ людьмы, що не знають горя“.

Назустричъ Насти та Присьци высыпалы вси диты; старшенькый хлопчыкъ рокивъ шесты выбигъ ажъ на вулыцю. Винъ махавъ рученятамы, скакавъ босонижъ по калюжци и, ще

здалека показуючы жинкамъ медяного пряныка, крычавъ на всю вулыцю.

— Тато прыйшлы, тато прыйшлы!

— Настя набавыла ходу.

— Хыба тато давно не бувъ, що ты такъ зрадивъ?—запыталася Приська хлопчыка.

— Давно: бильше тыждня, — видповила Настя замисть хлопця.

— Не пускають, чы нйколы?—здывувалася Приська.

— Нйколы: робота не важка, а одлучитысь не можно, бо не вгадаешъ, колы панъ або пани велять запрягать,—мовыла Настя.

— Ажъ на тры дни прыйшовъ!—сповистывъ Спырыдонъ, здоровкаючысь зъ жинкою та Приською.

— Невже? обманюешъ!—зрадила Настя.

— Кажу тоби на тры дни. Бачъ, яка цяцька? це черезъ неи мени святкы,—мовывъ Спырыдонъ, показуючы перевьязану руку.

— Що-жъ то таке?—злякалася Настя.

— Пусте,—кинь трохы поносывъ. Сёгодни, диты, будемо увесь день гуляты!—звернувся винъ до дитокъ, що оточылы ёго коломъ.

— Вси тры дни гулятымемъ: намъ зъ вамы не було цей рикъ святокъ, то хай хочъ ци дни одсвяткуемо!

— Невже не булы на святкахъ дома?

— Ни одного денька; саме пански визиты—николы було й на хвылыну забигты до-дому. Та мы до цёго вже звыклы; мы знаемо, що симья—не про насъ. Ось симнадцять рокивъ, якъ оженывся, а не запамьятаю и одного дня такого, щобъ вильно було нагулятыся дома, роздывытыся гараздъ, побалакаты зъ дитьмы, жинкою... Прыбижу на якый часъ, перекынуся словечкомъ, ухоплю чысту сорочку—тай знову мерщій „до дому“. Вы спытайте мене, яки у мене диты—чы путящи, чы розумни, чы дурни, то я вамъ и не скажу: знаю, скилькы якому рокивъ, якъ звуть, а бильше й не пытайте. Отакъ само

знають и воны мене. Знають, що йе батько, бо прыносыть грошы та гостынци, бачуть, що иноди прыходыть до ихъ якыйсь чоловикъ, що воны повынни называты ёго „таткомъ", а що-то воно за людына, якои виры та якои вдачы,—то й не знатымуть... Иноди прямо и забудешъ, що въ тебе симья йе, що ты не самитній на свити... Хай Настя радіе, що въ неи такый дурный чоловикъ, а то инншый бы на моёму мисти черезъ саму зануду розледащивъ та завивъ соби яку кралю,—пожартувавъ Спырыдонъ.

— А може инша жинка ще-бъ швыдче за тебе занудылася, вызыраючы свого чоловика по цилыхъ мисяцяхъ?—засміялася Настя.

— И то правда,—згодывся Спырыдонъ.—Счастя наше, що мы обое дурни та доси кохаемося, а до того й натрапылы на пана плохого: держыть мене, ледачого, ажъ чотырнадцять рокивъ, не боится моеи смерти та дае грошы впередъ. Оце-жъ нà тоби зразу 10 карбованцивъ: взявъ впередъ, бо знаю, що диты обирвалыся,—мовывъ Спырыдонъ, доручаючы жинци грошы.

— Впередъ тай впередъ, а що буде дали? — зитхнула Настя.

— Що робыты? Не пропылы, не прогулялы—наслидныка хрестылы, теплу одягу справылы. Пошле Господь ще одного йидця, то мы ще визьмемъ впередъ, а одробымо може на тому свити!—пожартувавъ Спырыдонъ, але Присьци здалося, що середъ того жарту винъ тяжко зитхнувъ.—Ну, дитвора, колы готови, то ходимъ!—звернувся винъ до старшенькыхъ дитей, прыймаючы видъ Насти найменьшого девятымисячного хлопчыка.

— Готови, готови!—обизвалося въ одынъ голосъ трое дитокъ, спишно кинчаючы свое убрання.

— Може-бъ ты, Присько, и не йшла зъ намы, бо Спырыдонъ ходытыме довго: ажъ поки не покаже дитямъ всёго города та не прыморыть всихъ,—мовыла Настя.

— Ни, я пиду зъ вамы,—видповила Приська.

— Куды-жъ мы пидемо?—запыталася Настя Спырыдона, замыкаючы хату.

— Скризь, скризь пидемо?—видповила меньшенька дивчынка зазыраючы любому татови у вичи.

— Скризь, скризь пидемо!—пидтримавъ доньку батько и подавсь прямо до найголовнишои вулыци города.

—

Довгенько попоходылы воны по городу; надывылысь диты на усяки дыва, що выглядалы зъ виконъ у крамныцяхъ; де-якыхъ цяцёкъ купывъ Спырыдонъ имъ на играшкы. Вже надъ вечиръ повернулыся воны до-дому, потомлени, а особлыво Приська, бо хвористь іи давала такы себе знать.

Напылыся воны чаю. Меньшеньки диты заразъ-же поснулы, а Лызька та Мыкола пишлы у свій кутокъ гратысь новымы цяцькамы.

— Моя лялька буде „барынею", я—іи горнышна, а ты—кучеръ. Добре?—запыталася Лызька Мыколу.

— Добре!—згодывся Мыкола.

— Кучеръ, запрягай!—скомандувала дивчынка, та такъ гризно, що Приська не втерпила, щобъ не засміятыся.

— Ачъ яка строга горнышна!

— О! зъ неи буде бидова горнышна,—обизвалася Настя.

— Не пожаліе й батька: посадыть на козла пидъ дощъ, якъ звелять паны,—додавъ Спырыдонъ.—А зъ тебе, що буде?—звернувся винъ до старшенькои, Варкы.

— Незабаромъ побачымо, що буде: пислязавтрёго треба весты у наймы,—видповила Настя.

— Отъ тоби й на! Тобъ-то вже до чужыхъ людей иты, свое гниздо кыдаты?—зитхнувъ Спырыдонъ.

— А докы-жъ ій сыдиты? Вже дванадцятый годочокъ наступывъ,—хай иде заробляе.

— Може ты, Варко, не хочешъ иты у наймы, то я тебе не сылую; хай краще босонижъ стрыбатымешъ та знатымешъ, що дома?—запытавсь Спырыдонъ, пыльно заглядаючы у вичи доньци.

— Я не хочу ходыты босонижъ—я наймуся!—видмовыла Варка.

— Такъ ты хочешъ, чы не хочешъ служыты?—запытавъ іи вдруге Спырыдонъ.

— Хочу! Абы не былы,—видмовыла дивчына.

— Таке и выгада! хто-бъ же тебе бывъ?—хотила заспокоиты іи Настя.

— А ты й певна, що іи не бытымуть?—запытавсь Спырыдонъ жинкы.—Ты краще навчы дочку, що ій робыты, якъ бытымуть. Що ты, Варко, робытымешъ, якъ тебе якый катъ лясне?—звернувся винъ до Варкы.

— Покыну, скажы, та прыйду до батька,—навчыла дочку Настя.

— Я покыну, а воны мени заслуженыхъ грошей не дадуть,—нагадала Варка.

— Ха-ха-ха!—засміявсь Спырыдонъ.—Хто мигъ-бы й подуматы, що оця маленька голивка вже стилькы передумала, що дванадцятылитня дивчынка такъ добре жыття наймычкы знае? Правда твоя, дочко, якъ покынешъ, то тилькы сама соби лыха наробышъ: и за сынякы не помстышся, и грошы пропадуть, а ты робы такъ, якъ я колысь зробывъ: давъ мени одынъ панъ у пыку, а я прычынывъ дверы, щобъ свидкы не нагодылыся, та тоди й наклавъ ёму здачы.

— Схаменыся! Верзе таке, щой купы не держытся. Иды Варко, до дитей, не сыды тутъ,—розсердылася Настя. И що тоби за охота дытыну такому навчаты?—звернулася Настя до чоловика, якъ одійшла Варка. Николы батькивскои порады не дасть: все жартуе та, немовъ той ворогъ, на лыхо настановля.

— Бо такы я и йе ворогъ своимъ дитямъ, — зитхнувъ Спырыдонъ:—бо якъ-бы я думавъ бильше про дитей, то не покынувъ-бы села, своеи хаты, своеи землы, сыдилы-бъ диты на своій батькивщыни, у своій симьи, биля своихъ кревныхъ та не сподивалыся-бъ змалечку стусанивъ видъ чужыхъ людей.

Настя стала заспокаюваты чоловика: довго щось доводыла, у чымъ-сь впевняла, але Приська вже не слухала іи.

Те, що вона бачыла, чула сёгодни, а найбильше останя ричъ Спырыдонова дуже вразылы іи. Вона, покынута полюбов-

ныця, йшла видпочыты та заспокоитысь до счастлывыхъ людей у счастлыву симью, подывытыся хочъ на счастя, на чужи достаткы, колы не зумила выпрохаты у Бога соби такои доли, а натомисць наслухалася гиркыхъ речей, побачыла, якымъ коштомъ здобувае Спырыдонъ ти малесенькы достаткы, що здаются далеко бильшымы черезъ ту полуду, що вміе Настя, якъ и вси городянкы, имъ додаваты.

Вона не зисталася у Насти ночуваты, бо разъ—темно було, а вдруге—натомылася и бажала, якъ мога швыдче, добратысь до свого лижка...

XXIV.

Черезъ килько день занегодылося, пишовъ велыкый, холодный дощъ, а Присьци, якъ на те, прынеслы багацько сорочокъ. Думала молодыця, думала, лежучы пидъ кылымомъ зъ перевьязаною мокрымъ платочкомъ головою, чы однесты назадъ ци сорочкы, чы праты,—тай зважылася такы нарешти питы зъ ными на ричку. Такъ-сякъ дотяглася вона туды, пополоскала, позвьязувала и стала пьястыся на гору, але черезъ якый десятокъ крокивъ побачыла, що не дійде до дому, скынула зъ плечей важкый бунтъ и сила на дорози.

На счастя іи йихавъ хвурманъ. Приська поклыкала ёго, досторжылася, поклала сорочкы, сила сама и пойихала; але доїизжаючы вже до-дому, згадала, що не мае чимъ заплатыты хвурманови и гирько заплакала, уявляючы соби зарани ту лайку, що доведется ій выслухаты видъ ёго. Одже хвурманъ не мавъ и думкы лаяты іи: побачывшы, що жинка такъ побывается, винъ не тилькы подарувавъ ій того грывеныка, що молодыця повынна була заплатыты ёму, а ще пишовъ до хазяйкы та порадывъ звернуты увагу на недужу кватыранку.

И хазяйка на лыхо Присьци, зъ того часу стала пыльнуваты іи: ни одного дни не пропускала, щобъ не забигты поспытатыся про здоровья та заразомъ нагадаты и про грошы.

Нарешти здалося ій якось, що Присьци немынуча смерть. Якъ на те у той самый день Цриська понесла до торгу свій найкращый платокъ, и хазяйчына наймычка бачыла, якъ вона продала ёго и купыла на выручени грошы сахарю, чаю, булкы та килько аршынъ билого каленкору.

— Про смерть сама клопочется, напевне вже знае, що незабаромъ помре,—мовыла наймычка хазяйци, и хазяйка мыттю побигла до кватыранкы.

— Прыйшла до тебе, галочко, зъ останнимъ своимъ словомъ: щобъ ты выбиралася зъ моеи господы. Куды знаешъ—туды и йды, а мени держаты тебе вже надъ сылу. Терпила, терпила, а ты совисть загубыла: и грошей не платышъ, и сыдышъ на моій шыи, немовъ той лышай на дереви. Вашои сестры—що ряскы на ставку; всихъ у свою господу однаково не втовпышъ. Иды, серденько, Господь зъ тобою, куды знаешъ; у тебе-жъ и чоловикъ десь йе, а мени вже обрыдло правыты зъ тебе та выпрохуваты свои кревни грошы, немовъ ти бублыкы пидъ монастыремъ... Сёгодни ты платокъ продала, скилько-сь грошей уторгувала,—ось, якъ-бы ты була совистна, то давно-бъ такъ и мени оплатылася, а то все дожыдаешся заробитку, а ёго нема тай може вже й не буде.

— Буде, Меланья Семеновна, ій Богу буде! заждить тилькы тришечкы, поки хочъ потепліе,—попрохала Приська.

— Ни, серденько, не ждатыму бильше. Мени гарни кватыранты трапляются; шукай соби иншого прыстановыща. Грошы, що слидъ мени за ци два останни тыждни, я тоби подарую за спасення душы, а за ти два хочъ заплаты, хочъ кыдай скрыню у застанову,—мовыла хазяйка.

— Меланья Семеновна, тётю моя риднесенька, не женить мене, заждить трохы! Я-бъ давно продала що-небудь та заплатыла вамъ, якъ бы зисталося що путне у скрыни. Оце-жъ тилькы и мого богатства, що подушкы та перына; колы хочете, то берить ихъ, попрохала Приська.

— За перыну дадуть карбованцивъ пьять—кынула, немовъ байдуже ій до того, Меланья Семеновна.

— Продайте, визмить соби грошы, тилькы не женить мене, хвору, зъ вашои господы!—попрохала Приська.

Хазяйка не видповила ничого и пишла соби геть; але черезъ яку годыну прыбигла якась цокотуха перекупка, заверещала, накрычала Присьци повну голову, покынула ій карбованця, ткнула спишно тры карбованци хазяйчыній наймычци, що дожыдалася іи у синяхъ, ухопыла перыну и потаскала іи.

Лягла у вечери Приська на свое лижко—не засне ніякъ. Забрала вона всю одягу, що була у скрыни й на поверси, пидостлала соби у бокы и якось заснула. Прокынулася на свитанку. Болять намулени бокы, болять груды, кашель душыть, у голови шумыть...

— Не встану сёгодни,—пролежу увесь день. Гараздъ, що хазяйци оплатылася, праття не нанеслы и карбованець йе у кышени; спокійно лежатыму, покы хочъ голова перестане болиты,—поклала соби молодыця.

А тымъ часомъ крамарка-хазяйка держала пораду зъ своею наймычкою, якъ позбутыся тіеи напасты—недужои кватыранкы.

— Проженить іи, тай край!—радыла вирна служка Меланьи Семеновны, высока та ривна, якъ ломака, чорна, якъ цыганка, дуже литня вже дивка.

— Не можно: не дозволяють выгоныты недужои кватыранкы,—журылася Меланья Семеновна, одлежуючысь у пуховыхъ перынахъ.

— Хыба-жъ вы іи на вулыцю выженете? Можно іи перевезты до Хвеськы—у неи однаково теперъ пустуе хата, бо померъ кватырантъ,—порадыла наймычка. Меланья Семеновна замыслылася трохы: вона добре знала ту хату за городомъ, де вже не одна наймычка й не одынъ наймытъ скинчылы свои дни; вона уявыла теперъ соби „Хвесьчынъ лёхъ", уявыла соби недужу кватыранку и запытала себе: чы-то буде грихъ видъ Бога перевезты туды молодыцю, чы Господу Мылосердному байдуже до такыхъ дрибныцъ?

— Выгоднише Хвесьци заплатыты якого полтынныка и хвурмана за свій коштъ наняты, нижъ потимъ ховаты іи, та ще й клопотатыся зъ дытыною іи,—порахувала наймычка.

— Робы якъ знаешъ,—здалася Меланья Семеновна и „про всякъ случай“ звелила запалыты зайву лампадку биля божныци.

Наймычка перегодыла трохы, вырядыла крамарку до крамныци и постукалася до Приськы. Приська схопылася, накынула спидныцю, хотила мыттю видчыныты двери, але поточылася и трохы не упала.

— Охъ, Господы! невже я зовсимъ знесылылася, невже я ще дужче заслабла? Слава-жъ тоби, Царыце Небесна, що хочъ хазяйци ничого не вынна,—ажъ перехрестылася вона.

— Присько, що ты тамъ робышъ? Спышъ чы що доси?— погукала вдруге наймычка.

— Млосно стало... ледве до дверей дишла,—мовыла Приська, впускаючы у свою хату наймычку. „Саме Хвесьчына кватыранка“,—подумала сама соби наймычка, угледившы блиду Приську и іи неохайне лижко.

— Оце прыйшла до тебе—мовыла вона трохы перегодомъ— сказать тоби, щобъ ты вибыралася сёгодни, бо новый кватырантъ перейиде.

— Я-жъ вже оплатылася,—видповила спокійно Приська, певна, що наймычка ще не знае того.

— Знаю, що, спасыби Богови, перыною оплатылася, а проте ось Меланья Семеновна послалы мене до тебе,—мовыла наймычка.

— Одужаю трохы, то перейду,—зитхнула Приська,—а теперъ я и головы не зведу и ногамы не володію—заслабла чысто.

— Неодминно, щобъ сёгодни перейшла!—хазяйка тоби на хвурмана дасть,—не спынялася наймычка.

— Та я теперъ и до хвурмана не дійду, и зъ кганку не зійду: ось посыдила трохы, тай то вже голова завернулася. Тай куды-бъ оце я пойихала, куды-бъ мене той хвурманъ повизъ?— мовыла, изнову прыпадаючы головою до подушкы, Приська.

— У Хвеськы пустуе хата.

— У Хвеськы?—схопылася Приська:—у іи „лёхъ“ йихаты? Не пойиду я туды.

— Пойидешъ, якъ никуды буде бильшъ йихаты,—мовыла наймычка.

— И до вику не повезу у той „лёхъ“ своеи дытыны. Хай Меланья Семеновна жене мене й лае, а я не пойиду теперъ никуды.

— Булы таки и ранишъ за тебе, що не хотилы выйиздыты зъ кватыры, а проте такы выйихалы,—выдмовыла наймычка.

— А я не выйиду: я оплатылась, нездужаю и жытыму, поки зможу знайты соби яке инше прыстановыще.

— Того довго сподиватыся, а полыція не забарытся вывесты тебе звидциль. Я ось йиду зразу, пошукаю городового,— прырозумила наймычка налякаты Приську и пидвелась зъ стульця.

— Рятуйте!—крыкнула не своимъ голосомъ справди переляканa Приська и збудыла Галю. Дытына заплакала.

— Галыночко! Дытыно моя!—заголосыла и соби Приська, прыпадаючы до доньки.—Куды намъ теперъ подитыся, що намъ робыты у цёму велыкому городи?—

— Не голосы!—спыныла іи наймычка.—Упаковуй краще свое добро тай выйизды завчасу, поки хазяйка не повернулася зъ крамныци та не поклыкала городового.

— Хай вертается, хай иде, хай клыче, кого хоче—я не пиду у Хвесьчынъ лёхъ, не понесу туды своеи дытыны!—видповила твердо Приська, мицно прыгортаючы до своихъ грудей едыный и останній скарбъ, що додававъ ій ще звагы змагатыся зъ жыттямъ—свою манесеньку Галю.

— Знатымешъ-же ты!—посварылася на Приську наймычка, выходячы геть зъ хаты.

— „Симья-не про насъ, сады—не про насъ, грошы—не про насъ!... А що-жъ про насъ, наймытивъ у цёму велычезному городи?“—запытала себе Приська, намагаючысь звьязаты докупы шматкы якыхъ-сь думокъ, гадокъ та спогадивъ, що посилы іи роспалену хворобою голову.

„Такъ“, прыгадала вона „темни, неметени вулыци... праця... зневага... та Хвесьчынъ лёхъ!“.

XXV.

Кинець квитня. Весняне сонечко попсувало вже довгу працю зимы: билый непорочный снигъ не вытрымавъ ёго пекучого погляду—роставъ и побигъ ричечкамы та струмочкамы сповищаты людей про свою прыгоду... Зазеленивъ шырокый степъ. Залунала у чыстому, прозорому повитрю писня жайворонка... Прылетилы гусы зъ далекого краю... Обизвався вже разъ десь у гаю соловейко...

По дорози йиде повозка. Конячка тюпа помаленьку, залышуючы на вохкій земли слидъ непидкованыхъ копытивъ. Вона нызько похылыла свою голову, заплющыла очи, але не видъ втомы похнюпылася вона такъ и не зъ образы, що визныця стибнувъ іи недавнечко батижкомъ,—вона марыть про пахущу траву, ночный пастовень та свижый водопій у ставку.

Худа, блида, зморена жинка, що сыдыть на повозци тежъ у солодкій дримоти. На облыччю іи не выдно ни сумныхъ думокъ, ни турботъ. Вона зводыть зридка віи, и тоди глыбоко запали очи іи дывлятся спокійно на били, легеньки якъ подыхъ, хмаркы, на далекый блакитъ прозорого неба... На рукахъ іи спыть маленька дытына. Це Приська, писля лыхои городянськои доли, верталася на село.

Визныця звертается иноди до жинкы зъ якымъ небудь пытаннямъ, але бильшъ мовчыть. Весна, властыва господыня кожного створиння, опанувала своимы чарамы й ёго серцемъ. Не хотилося ни думаты, ни згадуваты, ни балакаты... Такъ гарно, такъ невымовно гарно було сыдиты спокійно, купатыся у золотому проминню сонечка, вбираты у себе свиже повитря весны!!

Ось поривнялыся зъ якою-сь экономіею. „А вже весна, а вже весна“—несподивано оголосыла весняночка поле. Приська стрепенулася и повернула голову назустричъ писни.

Надъ самымъ шляхомъ простяглыся плантаціи тютюну, и десяткивъ зо тры дивчатъ у рижнобарвыхъ карсеткахъ, билыхъ

сорочкахъ садылы розсаду. Весело та жваво йшла робота у велыкому гурти пидъ доглядомъ старенького „табашныка“—Приська задывылася на дивчатъ.

— Помагай-би! Боже поможы!—звернувся визныця, Максымъ, до строкивцивъ.

— Спасыби!—видповилы въ одынъ голосъ дивчата.

— Здорови, тату!—прывитала Максыма якась дивчына, перестрибнувшы черезъ канаву.

— Здорова!—хыба вже нанялася?—здывувався Максымъ.

— Вчора заступыла. Маты довго не пускалы, а я такы видпрохалася,—мовыла дивка.

— Кортило нанятысь?

— А вже-жъ! тутъ такъ весело: разъ-у-разъ у гурти—не счуешся, якъ и день зійде... Це мабуть вы, титко, того лыста прыслалы?—звернулася дивчына до Прыськы.

— Якого лыста?—здывувалася молодыця.

— Отъ и не дала вража дивчына збрехаты!—засміявся Максымъ. Я хотивъ, щобъ ты думала, нибы-то я выпадково нагодывся у городи та потрапывъ до тебе, ажъ воно, якъ то кажуть: „брехнею свитъ пройдешъ та назадъ не вернешся“...

— Пысавъ вамъ хто про мене, чы що?—запыталася Приська.

— Спырыдонъ сповистывъ насъ про тебе. Такого жалю намъ надавъ своимъ лыстомъ... У кинци прыпысавъ, щобъ и не хвалылыся и не прызнавалыся тоби про той лыстъ, а мы, бачъ, якъ уволылы ёго волю!—

Приська засміялася.

— Ажъ теперъ, якъ засміялыся, пизнала я васъ,—зрадила дивчына:—вы титка Приська.

— Вона сама,—мовыла молодыця.—А ты-жъ чыя будешъ?

— Це-жъ моя хрещеныця, Харытына; невже забулася? Вона надалечко видъ вашои хаты и жыве—друга хата видъ выгону,—нагадавъ Максымъ.

— Невже це та сама Харытына, що, здается, ще такъ недавнечко пасла гусей за царыною?—здывувалася молодыця.

— Вона сама,—видповивъ Максымъ. Приська прыдывлялася до дивчыны и не йняла виры своимъ очамъ. Колы встыгла вона такъ выросты? На якыхъ харчахъ набралася дивчына того дебелого тила. Яка праця додала до іи молодого лыченька стилькы колёру?

— А дытынка якъ мицно спыть!—мовыла Харытына, обережно оправляючы платочокъ на Галыній голивци.—Хлопчыкъ чы дивчынка? Приська спалахнула: „почынается!"—почынаются прыкри пытання! Незабаромъ пидуть сварка, докоры...—промайнуло у іи въ голови. Мыттю прыгадала вона, якъ колысь маты ціеи Харытыны прылюдно соромыла іи за глевки пырогы, якъ навить ця сама Харытына дратувала іи вкупи зъ иншымы дитьмы та дражныла прызвыщемъ „городянкы", и серце изнову боляче защемило... Чого-жъ сподиватыся ій, осоромленій, знывщеній, хворій душею и тиломъ, теперъ на сели? Чого вона йиде туды? Навищо послухалася дядька?

— Дивчына Галя—нарешти видповила зъ пересердямъ Приська.—Рушаймо, дядьку!—звернулася вона до Максыма.

— Тривайте, тату!—тпрр!... спынына дивчына коня.—У мене десь канхветыкъ бувъ—парубокъ давъ. Ось знайшла. Нате, дайте Гальци. Прощайте!—додала вона и мыттю опынылася биля подругъ.

Повозка рушыла дали.

— Зайидьмо може до мене?—перепочынешъ трохы,—запытався Максымъ, дойихавшы до перехрестя двохъ дорыгъ.

— Поганяйте до матери: я ще не дуже втомылася,—видмовыла молодыця и зайшлася сухымъ короткымъ кашлемъ.

— Про мене, якъ знаешъ—абы не дуже втомылася за дорогу.

— Дойиду якось: ще на дорози не помру,—мовыла стыха Приська, прытыскуючы руку до хворыхъ, втомленыхъ кашлемъ грудей.

— Запакувала ты себе, якъ сама знала,—зитхнувъ Максымъ.

— Не згадуйте, дядечку! не нагадуйте!... Якъ тутъ гарно, весело, ясно, просторо!... Не згадуйте мени про те, що недавно було,—немовъ попрохала молодыця.

— Дывысь ты, якъ мицно Галька спыть—и не прокыдалася за всю дорогу. Мени наче вона ажъ покращала за цей часъ; засмалылася трохы на сонечку; не така блида,—обизвався трохы згодомъ Максымъ.

— Цвила вона у мене якась,—зитхнула Приська.

— Поправытся: тыждnивъ черезъ два, гляды, и не прызнаешъ своеи донькы. Тамъ баба вже ій и колыску повисыла, а Санька ніякъ не диждется, щобъ іи колыхаты.

— Дядечку!—звернулася стурбована молодыця до Максыма.—Скажить мени, дядечку, по щырій правди, чого мени сподиватыся тамъ... на сели? Чы мене витатымуть тамъ за родыну, а чы може за останню...—Молодыця не домовыла и вытерла слёзы.

— Выгада таке-сяке-ніяке тай турбуе себе даремно! Ты-жъ йидешъ до риднои матери, а якъ-же ридній матери и витать тебе, якъ не за ридну дочку?

— Скилькы горя, скилькы клбпотивъ, сорому прынялы воны черезъ мене!—нагадала Приська.

— Матери було горе, тоби удвое, а про соромъ... такъ то, мовлявъ, „и за свою пазуху не ручыся". Велыкый свитъ та слызьки дорогы: той, дывысь, тамъ пидсковзнувсь, той—тамъ спиткнувсь, одынъ—зъ горы упаде, другый—у болото улучыть, и не намъ, гришнымъ, караты свого брата!—видмовывъ Максымъ.

— Якъ прыгадаю я иноди, якъ селяне знущалыся зъ мене, якъ воны докорялы мени, якъ дорикалы, такъ ажъ холодный питъ выступыть,—мовыла сумно Приська.

— Дорикалы та допикалы, доки можно було тебе ще на шляхъ справыты. Самъ я не разъ здатенъ бувъ хочъ и попобыты тебе за оти выгадкы та норовы, що прызвелы такы тебе нарешти до горя. А теперъ, колы ты вже й сама довидалася почимъ кившъ лыха та стилькы горя прыйняла, нихто тоби и прыкрого слова не мовыть. Вже, здается, ни передъ кымъ ты такъ не вынувата, якъ передъ чоловикомъ, а проте и винъ на тебе серця не мае: уготовывъ тоби хату, топлыва, хлиба, сподивается тебе, якъ жинкы, якъ господаркы.

— Не пойиду я до Данила. Навищо здалася я ёму хвора, сумна... невирна дружына? Винъ може и выбачывъ мени, може й справди здатенъ прыйняты до себе за жинку, але не буде мени тамъ жытїя черезъ самого Трохыма. Не забуде винъ мени мого гриха, не змылуется и надъ Галею...

— Що-жъ Галя? Чымъ воно вынне? Чы вона кому що заподіяла? Знайдется и про неи кутокъ та шматокъ хлиба, а выросте, дасть Бигъ, то щей допомогы тому дасть, хто іи выгодуе. Я самъ такый, що взявъ-бы іи зъ охотою. Це тоби не городъ, де на одынъ кутокъ—десять охотныкивъ, на одынъ шматокъ—десять ротивъ. Не повыненъ-бы и Трохымъ тоби дорикаты за Галю...

— Охъ ни, не кажить! Знаю я ёго—немылосердный винъ на такыхъ, якъ я; зненавыдыть винъ навикы и Галю,—мовыла Приська.

— Про Галю не клопочыся—не загыне вона на сели. Абы Господь допомигъ тоби одужаты, а те все гараздъ буде... Чы пытала ты ликаривъ, яке тоби лыхо та чымъ пособыты, що ты ось кривью кашляешъ.

— Була въ мене пропасныця. Чотыры мисяци мучыла, и ногы попухлы; ходыла до ликаря,—давъ чого-сь, звеливъ застуды остерегатыся; такъ хыба-жъ убережешся, якъ и воды никому податы.

— Сказано, въ городи людей обмаль,—вкынувъ немовъ про себе Максымъ.

— Всякому свое дило, своя робота, свое горе.

— Що до горя та роботы, такъ того добра и на сели досыть, а проте не залышать у насъ одыноку та щей хвору жинку безъ допомогы. Хай прыйидемо до-дому, я до тебе зразу бабу Катрю прыведу,—вона тебе выпользуе.

— Наврядъ. Люде кажуть, що въ мене вже печинкы тлїють...

Максымъ стёбнувъ конячку и не видповивъ ничого.

Сталы вйиздыты въ село.

Галя прокынулася, выпростала рученята зъ-пидъ невычынои литнячкы и потяглася до гилочкы черешни. Максымъ спы-

нывъ коня, скочывъ зъ повозкы, зломывъ гилочку и подавъ іи дытыни.

— На, бався, скилькы хочешъ! це тоби не городська забавка, грошей не коштуе. Незабаромъ наспіють и ягидкы про тебе—найисыся уволю.

Приська усмихнулася.

— Чого ты сміешся?—запытавъ Максымъ.

— Дывно мени, якъ оце вы до Гали промовлялы. Нибы-то и справди ягидкы наспіють про Галю. У городи та дитвора беззаланна на вищо не гляне—все не про ныхъ, все про кого-сь иншого, а тутъ ось на дорози забавку знайшлы.

-— Прыривняла! У городи и сонце не про всихъ однакове: багатшому бильше и свиту й тепла, а биднишому вже й меньшенько надиляе. Ось напрыкладъ, чы часто воно у твою хатыну зазырало?

— Не дуже... А йе й такы куткы, де воно и зовсимъ не бувае,—мовыла Приська, прыгадуючы зъ жахомъ холодну, вохку, темну хату—Хвесьчынъ лёхъ.

— То-жъ то, бачъ, и йе! Якого вже тамъ и добра сподиватыся, якъ, мовлявъ, сонечко тай то не всихъ однаково гріе? И схотилося-жъ тоби йихаты туды! А все черезъ дурный розумъ, черезъ ту волю,—мовывъ Максымъ.

— Ни, не кажить, дядечку, такъ, не нарикайте на мене: выбирае и скотына помижъ травою найсмачнишу пашу, шукае й людына, де краще; не зъ дурного ума пишла и я у городъ шукаты кращого жыття.

— Тай багацько-жъ побачыла тамъ добра!—гирко усмихнувся Максымъ.

— А багацько... багацько, бильшъ навить нижъ сподивалася,—мовыла стыха молодыця.

— Чы не у жыдивъ часомъ?—не втерпивъ Максымъ, щобъ не нагадаты.

— Одгадалы—мовыла спокійно Приська. У Берчыхы мени найвильнише було; у неи служачы, я найбильше прыдывылася до городу, и скилькы тамъ добра, колы-бъ вы зналы!

Максымъ глянувъ на небогу.

Ни, вона не сміялася. Облычча іи було сумне, суворе, у очахъ видбывалыся якись тяжки, невесели думкы.

— Багацько... багацько тамъ добра!—мовыла вдруге молодыця:—кныгарни, театры, музыка, вволю свита, тепла... счастя, жыття, достаткивъ... все, чого душа забажае, все йе у городи. Ни, не зъ дурного то розуму, дядечку, тикають люде зъ села.

Максымъ скыпивъ.

— Ты такы своеи спиваешъ! Не покынула и доси норовивъ! Сама душа у тили, а ще не каешся...

— Чого-жъ мени каятыся? Чы людыни невильно шукаты соби кращого жыття? Хыба-жъ я вынна, що робоча людына тамъ, у тому городи, де навколо така роскишъ, де люде роскыдають стилькы грошей на прымхы, не може здобуты зайвои копійкы про хворобу, не може забезпечыты себе найсутяжнишою працею видъ голоднои смерти пидъ тыномъ? Хыба то моя вына, що все, чымъ красуется городъ, що найдужче вабыть людей, вымагае або тыхъ проклятыхъ грошей, котрыхъ у нашого брата—наймыта завжды обмаль, або здоровья, котре намъ ще дорожче за грошы, або хочъ вильного часу, котрого у насъ и зовсимъ нема? Хыба мени спадалося на думку, колы я було хожу по городу зъ покійною генеральшею, що лыхтари свитять тилькы по тыхъ вулыцяхъ, де паны гуляють, що каминемъ мостятъ тилькы тамъ, де заможни люде йиздятъ, а що по тыхъ закуткахъ та вулычкахъ, де тысячы робочыхъ людей у глупу ничъ зъ вагою на плечахъ ходять,—грязюка по колина, темрява и у день, и у ночи...

— Ачъ, чого схотила! Щобъ лыхтарь и передъ іи викномъ стрымивъ! Ха-ха-ха! Не пагано й прырозумила!—засміявся Максымъ.—Ни, галочко, то тилькы на сели мы—„люде“, а у городи мы—„попыхачы“, „робитныкы“, „чужи наймыты“,—додавъ винъ зъ певнистью.

— „Люде!“—несподивано зареготалася и соби Приська.—Галько, чуешъ? Якъ прыйидемо на село, то зъ насъ будуть люде!!—звернулася вона до донькы...

Максымъ образывся.

— Чого ты сміешся? Що тоби дывного въ моихъ речахъ?—запытавъ винъ небогы.

— Люде! Якы мы и на сели люде? Темни, полатани... голодни... Ни, дядьку, мы и на сели тилькы робоча терпляча скотына... Але на сели маемо хочъ едыне счастя—громаду такыхъ же безталанныхъ, темныхъ, якъ и мы, сусидивъ; маемо добро—батькивськый кутокъ про смерть... и спасыби вамъ, мій батько ридный, що взялы мене до-дому... помираты!—мовыла стурбовано Приська и тыхо заплакала.

Максымъ стёбнувъ коня и одвернувся видъ небогы.

Перебиглы двое гонивъ, и возокъ вйихавъ въ добре знаёме Присьци село. Ось вже зъявылася и ызенька похыла, але била, ажъ блескуча хата іи ненькы.

— Дядечку! то-жъ здается Трохымивъ кинь стоить биля яселъ?—запыталася перелякана молодыця.

— Ни, ни—заспокоивъ іи Максымъ—то Данылова; винъ видкупывъ іи у брата. Ачъ, вражый сынъ якъ поспишывся до тебе—и насъ попередывъ! А онъ-де и Мелашчыны коривкы—и вона нагодылася.

— Хыба вона замижжю?—запытала Приська.

— Вже другый рикъ. Вона навмысне въ городъ йиздыла запрохуваты тебе на весилля и десь такы зустрила тебе, та, на жаль, загубыла помижъ возивъ та людей.

Приська прыгадала, якъ ховалася вона зъ цыбулею видъ сестры, и почервонила.

— Ось мы и прыйихалы,—мовывъ весело Максымъ, видчыняючы ворота.—Не бійсь, небого, никого... не клопочыся—нихто тебе тутъ не осудыть, не додасть зайвого горя... Трохымъ, правда, немылосердный на тебе за Даныла, такъ винъ далеко и не навернется напевне сюды, а про другыхъ людей не турбуйсь—буде тоби тутъ добре!

Назустричъ молодыци высыпала вся родына, вси блыжни сусиды. Вси обступылы воза, радо прывиталы Приську, и на

очахъ молодыць заблестила дорогоцинна перлына-слёза жалю та щырого спочуття до горя недужои, безталанной сестры.

—

Приська не дожыла и до осены. Вона вмерла пры повнiй памьяти у своiй хати, заспокоена родыною та селянамы, и едыне iи було прохання до матери, сестры та Максыма передъ смертью—це не пускаты Галю николы зъ села.

Л. Яновская.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Окончаніе*) [1].

53. Колдовство и чародѣйство.

Вопросъ о колдовствѣ въ правобережной Малороссіи весьма обстоятельно изслѣдованъ въ извѣстномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, составленномъ на основаніи обширнаго актоваго матеріала, извлеченнаго изъ книгъ кіевскаго Центральнаго Архива. Тамъ же указано существенное различіе во взглядахъ на колдовство въ Западной Европѣ, до конца XVIII ст., и въ Малороссіи. Тотъ жестокій характеръ, какой имѣли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся повсюду и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни. На колдуновъ и чародѣевъ смотрѣли, какъ на слугъ діавола, вступившихъ съ нимъ въ близкія сношенія и проявлявшихъ его силу ко вреду людей. Чтобы обезопасить себя отъ этого вреда, общество, руководимое членами священной инквизиціи, усердно стремится къ тому, чтобы открыть точные признаки, по которымъ можно было бы распознать слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ самихъ. И вотъ во всей Европѣ, начиная съ XIII вѣка, запылали костры, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрной публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII ст., подъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 11.

вліяніемъ широко развившагося на новыхъ началахъ европейскаго просвѣщенія. Послѣднее аутодафе совершилось—въ Австріи въ 1766 г., въ Испаніи 1781 г., въ Швейцаріи въ 1782 г., а въ Польшѣ лишь въ 1793 году.

Казалось бы, что тотъ же взглядъ на колдовство и то же безпощадное отношеніе къ чародѣямъ должны были бы существовать и въ Южной Руси, такъ долго находившейся подъ культурнымъ вліяніемъ Польши и заимствовавшей отъ нея порядокъ судопроизводства, основныя юридическія понятія и множество отдѣльныхъ законоположеній, вошедшихъ въ законодательство края какъ при передѣлкахъ Литовскаго Статута и дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского управленія на основаніи перешедшаго черезъ польскую редакцію Магдебургскаго права. Между тѣмъ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему пріемовъ выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое населеніе Рѣчи-Посполитой, и хотя въ Магдебургскомъ правѣ прямо предписывалось подвергать чародѣевъ казни чрезъ сожженіе, но даже магистратскіе суды правобережной Малороссіи почти никогда не примѣняли этой безчеловѣчной кары, обыкновенно замѣняя ее уплатою штрафа въ пользу церкви, духовною епитиміею или же предоставляя обвиняемымъ оправдаться очистительною присягою. Причина этой мягкости судебныхъ приговоровъ, по мнѣнію проф. Антоновича, лежала „не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи въ Малороссіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовыя, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII ст., насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народ-

ный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Само по себѣ обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если вчинялся искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу, и только во второмъ случаѣ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзнью, настроеніе населенія становилось тревожнымъ, и паническій страхъ побуждалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ“ [1].

Всѣ эти положенія могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ лѣвобережной Малороссіи, чего и слѣдовало, конечно, ожидать въ виду однородности населенія обѣихъ сторонъ Днѣпра. Имѣя подъ руками лишь нѣсколько актовыхъ книгъ малороссійскихъ судовъ XVII вѣка, мы не могли собрать такого же обширнаго матеріала, какимъ располагалъ проф. Антоновичъ для исторіи колдовства въ правобережной Малороссіи въ XVIII ст.; но и тѣ немногочисленные процессы о чародѣйствѣ, какіе намъ удалось разыскать, представляютъ совершенно однородную картину и народныхъ вѣрованій въ таинственныя силы природы, и отношенія суда къ предполагаемымъ обладателямъ этихъ тайнъ— „чаровникамъ и чаровницамъ“. Болѣе полные изъ этихъ процессовъ мы перескажемъ ниже, въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ, а здѣсь передадимъ лишь тѣ, о которыхъ не сохранилось подробностей.

—

1) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край. Югозападный отдѣлъ, томъ I, стр. 327 и 336.

Въ 1684 г. въ Кишинькѣ нѣкая Мотря Лисовчиха обвинялась въ томъ, что „посродку ночи чаровала домъ Иваныхшынъ Язловеджышынъ, нагая въ замкомъ у волоси вплетеннымъ ходячы, и поймалъ еи Корній Язловедженко подъ своею хатою". По приговору полковаго суда, „взято за тое проступство у Лисовчихи едного коня, а пару воловъ сынамъ еи вернено".

Въ 1690 г. нѣкто Тишко Матвіевъ, изъ с. Озаровки, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ явился въ Стародубскій магистратъ и заявилъ такую жалобу на своего односельца Ярмолу Чорнобая: „Оный Чорнобай, въ часъ моего весилья, обовязовалъ мене по сорочци портнинкою невѣдать для чого, и отъ того часу, черезъ два южъ роки, не маю жадного зъ моею жоною сполкованя и мѣти не могу. А тое мнѣ сталося въ клѣтѣ, подъ часъ вѣнчаня. А на завтрее самъ онъ тую ниточку отвязалъ, потомъ изгубилъ (потерялъ) оную, а говоритъ Чорнобай теперъ: „колы бъ, правѣ, тая ниточка була, я бы-мъ помоглъ тобѣ". Приговоръ суда по этой жалобѣ неизвѣстенъ.

Въ томъ же 1690 г. козакъ Маячской сотни Иванъ Червоный жаловался, что его односелицы Антоныха и Малярка безчестятъ жену его, „задаючи ей неслушный доводъ о мечтахъ бѣсовскихъ", т. е. распускаютъ слухъ, будто она чаровница. Полтавскій полковой судъ послалъ въ Маячку бурмистра Петра Юревича и двухъ козаковъ, чтобы они совмѣстно съ сотникомъ Иваномъ Керебердою произвели слѣдствіе, кому и какой вредъ причинила Червоныха своимъ чарованьемъ. Въ присутствіи всей мѣстной старшины, „товариства и мѣщанъ маяцкихъ", слѣдователи опрашивали „мирянъ всихъ: кому якая шкода и укрывженя було отъ Ивановои жоны Червоного, або колы-бъ на неи якый настоятель [1]) бувъ?"—„Тогди жаденъ духъ прызнавъ, що не міемъ жадного ущербку отъ жоны Червоного". На основаніи этого отчета полковый судъ, согласно 105 арт. 14 разд. Статута,

[1]) Неточный переводъ юридическаго термина instigator=обвинитель, обыкновенно въ то время употреблявшагося въ латинской формѣ.

призналъ Антоныху и Малярку „хвалшывыми свидками“ и велѣлъ имъ, „упросивши Ивана Червоного и жону его, нагородити имъ всѣ правные выклады“.

Если въ извѣстной мѣстности появлялся моръ, благодушное отношеніе суда и населенія къ чародѣямъ рѣзко измѣнялось.

Осенью 1652 года въ г. Бориснолѣ, въ переяславскомъ полку, была какая-то эпидемія. Кто-то распустилъ слухъ, что болѣзнь насылаютъ бабы-чаровницы. Съ особенною настойчивостью молва указывала на нѣкую Овдіиху Трасчиху, и сотникъ Антонъ Гарасименко, посовѣтовавшись съ войтомъ и другими урядниками, рѣшился арестовать её. Когда посланные отъ уряда Василь Волочай, Павло Галясненко и Матвѣй Шульга пришли въ хату къ Трацихѣ и объявили, по какому дѣлу имъ приказано арестовать ее, она сказала:

— Возьмитъ же, панове, и Путятыху, бо вона старшая наша есть: вона дивкою рядытся и въ косахъ ходытъ, молодою чынытся, по дворахъ ходытъ и дворы надыхае: якъ якый двиръ натхне, то вси вымрутъ.

Взяли, конечно, и Путятыху и обѣихъ въ ожиданіи суда посадили въ заключеніе.

Спустя нѣсколько дней въ ратушу, во время судебнаго присутствія, пришли многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и мѣщанъ и заявили:

— Пане уряде! Велыкая крывда намъ діется одъ тыхъ незбожныхъ и запамяталыхъ боязни Божои билогловъ (женщинъ) Тращихи и Путятыхи, що воны намъ згубыли отцивъ, матокъ, братив, сестеръ, дитокъ, та и намъ самымъ одъ ихъ досталося. Просымо, абы вашмости рачили (изволили), ведлугъ святои справедлывости и ихъ учинкивъ, билшъ ихъ у вязеню не триматы, але по заслузи карность имъ даты.

Урядъ изъявилъ готовность немедленно учинить судъ надъ обвиняемыми, если есть желающіе выступить въ роли обвинителей и представить улики. Желающіе оказались. Первымъ выступилъ Харько Якубенко и далъ такое показаніе относительно Овдіихи Тращихи:

— Едного часу, передъ святою Покровою, йшовъ я на торгъ, на мисто, а за мною ишла Тращиха; такъ я спытавъ еи: чи уймется моръ до Покровы? Вона мовыла: „ни“, и далій мовыла до мене: „выходь съ того кутка, де мешкаешъ, бо колы не выйдешъ, то вымрешъ“.

Другой свидѣтель Овсій Онанка показалъ такъ:

— Молотывъ я въ гумни жыто, ажъ прыйшла до мене Тращиха. Я тоди жыто у михъ сыпавъ, а вона мовыла до мене: „Йовсію, выкинь зъ миха тры зерна жытныхъ, тоди въ дому твоимъ ничого не станется лыхого, вси будутъ жыви“. И меду, и воску, и мукы просыла; медъ и вискъ взяла, а мукы не взяла: „не треба, мовытъ, намъ такои мукы—на тую ричъ не згожа“.

Третьимъ свидѣтелемъ оказался мѣстный „орендарь“ Кирило Давидовичъ, давшій такое показаніе:

— Овдіиха мовыла мени: „Пане орендарю, выходь зъ миста на Иваньковскую улыцю, то будешъ жывъ зо всею челядью“.

Вѣроятно, Тращиха на судѣ отрицала приписываемыя ей слова, поэтому ее подвергли пыткѣ, и „на квестіи“ она призналa все, что показывали свидѣтели. Другая обвиняемая, Путятыха, очевидно совсѣмъ слабоумная,—не даромъ она рядилась молодою,—безъ пытки, „добровольно“ винилась во всемъ, чего отъ нея спрашивали, но ея показаніе не занесено въ протоколъ. Она же „добровольно“ показала:

— И Васылыха попадья така, якъ и я.

То же показала и Тращиха о «вынничкѣ» (женѣ винокура):

— Такая есть вынничка, якъ и я.

Какъ ни были ничтожны улики, но судьи, очевидно поддаваясь настроенію встревоженной толпы, приговорили Тращиху къ сожженію. И когда она „стояла на остатнимъ стопню“ [1]),

---

[1]) Техническое выраженіе, заимствованное изъ обряда смертной казни чрезъ повѣшеніе. Осужденнаго взводили на висѣлицу по лѣстницѣ, и когда онъ стоялъ уже на послѣдней ступени („на остатнимъ стопню“), его еще разъ спрашивали, подтверждаетъ ли онъ прежнія

т. е. въ данномъ случаѣ была взведена на костеръ, она въ изступленіи твердила одно:

— Попадью, и Путятыху, [redacted] згубитъ, а не згубыте, то гирше буде зъ вамы.

И когда уже пламя охватило ее, она „по десять разъ мовыла“:

— Не пуститъ ихъ ни едnои!

Послушались ли судьи этого безумнаго совѣта изступленной старухи, или же ограничились сожженіемъ ея одной,—неизвѣстно, такъ какъ въ подлинномъ протоколѣ заключительныя строки оторваны.

---

54. Санжаровскія чаровницы.

Въ сентябрѣ 1693 года въ ново-санжаровскомъ сотенномъ судѣ разбиралось необыкновенно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло. Мѣстный житель Яковъ Михайленко, „прозвискомъ“ Бридуненко, молодой, болѣзненнаго вида человѣкъ, чинилъ „оповѣдь“ такими словами:

— Панове! Мешкавъ я спочатку изъ жоною своею полюдски, а теперъ и самъ не знаю, що намъ стало: чы то зъ навиженя Божого, чы черезъ злыхъ людей, взявъ мене якыйсь страхъ—и самъ не знаю, чого пужаюся, и жоны своеи чогось ненавыжу черезъ немалый уже часъ. А теперъ я почавъ узнаваты, що тое стало, мабуть, черезъ чары. Зостаючая у мене швачка Ганна Крывая дня вчорайшого прызнавала на Прыську, [1] бувшую мою наймычку, а теперъ жіючую у Якова Перехрыста,

---

показанія и не оговорилъ ли кого понапрасну. И тому, что говорилъ осужденный „стоячи на остатнимъ стопню“, давали большую вѣру, чѣмъ пыточнымъ его рѣчамъ.

[1] Въ подлинникѣ: *Пруска* и *Прюска*, какъ далѣе: *кушка* (кошка). Ясное указаніе, что нынѣшнее малорусское острое *и* (изъ основного *о*) въ концѣ XVII ст. еще звучало какъ *у* или *ю*.

що вона, исъ чіеись наукы, ирвала собачую и кошачую шерсть и палыла, не знаю задля чого".

Тутъ выступила жена Бридуненка и дополнила жалобу его:

— Мылостывыи панове! То еще не все оповидавъ мужъ мій. Власне черезъ тыи чары немалый часъ винъ въ велыкыхъ пострахахъ бувъ: нибы одъ челяды своеи у полю утикавъ до болота и все зъ себе скыдавъ, и чувъ голосъ одъ того прывыдинія, неначе говорылы: „быймо, быймо овакого сына; нехай каже, де гроши поховавъ!" И просывся Якивъ отъ оного прывыдинія, сыдячы въ багни, мовячы: „Не залазьтеся души моеи: вывезу вамъ гроши золотыхъ сто зъ дому и розсыплю передъ вамы, и подилытеся соби". А воны повидають: „Ни вже, овакый сыну, не увійдешъ одъ нашыхъ рукъ жывъ!"

Услышавъ этотъ разсказъ, присутствовавшіе выразили изумленіе, иные же замѣтили, что Яковъ, когда „на ёго находыло", продѣлывалъ и не такія „чудасіи".

Тѣмъ временемъ сотникъ распорядился, чтобы бывшая наймычка Бридуненка Приська была приведена, и когда она предстала предъ судомъ, ей задали вопросъ:

— Чы було тое такъ, якъ Ганна Крывая на тебе прызнаетъ?

Приська „безъ усякого замолчаня стала признаватыся":

— Що жъ, панове, було тое: ирвала-мъ собачую шерсть и кошечую и палыла; а на тое злое дило учила мене Ющыха Гузіенкова, що служыла на той часъ мамкою у Якова Бридуненка, и казала мени той попилъ и у страву (въ кушанье) сыпаты, тилько жъ я не сыпала, и не знаю, задля чого. А вона мени такъ говорыла: „Я, мовытъ, тое чыныла, якъ зъ Ромашкомъ позывалася, и якъ той попилъ розсыпала, а Ромашко уступывъ, то заразъ и люде Ромашкови сталы лаяты, и право, мовытъ, позыскала". Тилько, панове, моеи речи".

Позвали Ющыху и спросили:

— Чи було тое, якъ дивка на тебе вызнаетъ?

— Ото, панове,—показывала Ющыха,—якъ була на мене оказія, що я була байстря прывела, то Семеныха Лытвыныха

навчыла мене на тое дило, абы-мъ кыдала кишку на собаку и ирвала зъ ныхъ шерсть и палыла, то, мовытъ, не будутъ на тебе люде ничого говорыты.

Спросили затѣмъ Ющыху:

— А чи не вчыла тебе Лытвыныха, щобъ ты мила и Якову Бридуненку що чыныты?

— Ни, отвѣчала Ющыха:—на тое Лытовка ничого не учыла.

— Задля чого жъ ты дивку на тое злое дило учыла?

— Задля того-мъ учыла, що Бридунка дивци выслугы не заплатыла, а дивка на нюю плакала; съ тыхъ миръ я дивку на тое учыла.

Тутъ Ющыху прервала Приська и, обращаясь къ ней, сказала:

— Спалывшы того попилу, я отъ Якова Бридуненка одыйшла до Перехрыста, а ты у Якова осталася и попилъ въ мене той узяла. Я жъ не знаю, де ты ёго задила.

На это Ющыха ничего не отвѣтила, можетъ быть потому, что въ это время ввели Семеныху Литвиныху, или Литовку. Это была извѣстная всему Санжарову „баба-пупоризка", далеко еще не старая женщина, своимъ привѣтливымъ видомъ и ласковымъ выраженіемъ глазъ менѣе всего напоминавшая злую колдунью. Она проворно подошла къ урядникамъ, чинно поклонилась и застыла съ выраженіемъ почтительной готовности. Ее спросили, учила ли она чарамъ Ющыху Гузійку.

— А такъ, мылостывыи панове,—начала Литовка,—якъ Ющыха прывела, выбачайте, байстря, а я у неи бабою була, то й учыла де-чему, жалуючы еи, щобъ не було на неи поговору. Та вы, ласкавыи панове—заговорила Литовка другимъ тономъ, приблизившись къ судьямъ—не турбуйтесь: колы дозволыте, я хочъ заразъ пиднимаюсь Бридуненкови мешканя поправыты: буду старатыся, щобъ Яквівъ знову зъ жоною своею полюдски мешкавъ, якъ и спочатку.

Но въ отвѣтъ на это услужливое предложеніе послѣдовалъ приказъ сотника взять Литовку, вмѣстѣ съ Ющихой и Приськой, „до туремного вязеня." Дѣло было слишкомъ важно и подле-

жало компетенціи высшаго суда; а въ такихъ случаяхъ на обязанности сотеннаго суда лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, или „инквизиціи," и снятіе показаній сторонъ и свидѣтелей, затѣмъ подлинный протоколъ подписывался членами суда, скрѣплялся „звыклою мѣскою" печатью и вручался истцу для представленія„ въ зверхнѣйшій судъ," т. е. въ полковый. Туда же подъ конвоемъ были отправлены и подсудимыя.

Недѣлю спустя былъ назначенъ разборъ того же дѣла въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Сюда прибылъ истецъ Яковъ Бридуненко съ своими свидѣтелями и, вмѣсто устной жалобы, „презентовалъ выведенную атестацію," т. е. слѣдственный протоколъ ново-санжаровскаго сотеннаго суда. Какъ бы ни была подробна и обстоятельна такая „атестація", полковый судъ обыкновенно допрашивалъ вторично подсудимыхъ и свидѣтелей и вообще, въ чемъ требовалось, дополнялъ слѣдствіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, „хотячи познати явніе знаки и слушные доводы" преступленія, судъ велѣлъ сначала „передъ собою ку конечной отповѣди статы" Семенихѣ Литвинихѣ и задалъ ей вопросы:

— Для чого ты, препомнившы боязнь Божую, велила такіи чары діяты и мешканя Бридуненкови и жони его псоваты, и зъ чіеи направы и якымъ способомъ, якого часу? Що за слова до тыхъ чаривъ своихъ прымовляты, оны справуючы, казала? Одъ кого ты сама навчылася?

— А що жъ, панове,—отвѣчала Литовка: то правда, що я жалуючы Ганны, мамкы, щобъ на еи не було одъ людей пого, вору, що байстря прывела, учыла мамку, тилько не на тое, щобъ шерсть собачую и кошечую ирвала и палыла, а на тое, абы вона замокъ, замкнувшы, у воду укынула въ якое судно и тією водою умывалася рано, якъ маетъ сонце сходыты, и такъ прымовляла: „Якъ сей замокъ замкненъ есть, такъ людей, котры на мене злость якую будуть говорыты, языкъ и ричъ и мову абы замкнуло", и тією водою трычи умыватыся велила. А тіеи ричи, про зопсованя мешканя Бридуненкови, не видаю; однакъ можу

панове, о тое постаратыся, щобъ ёму и жони ёго мешканя поправыты.

При послѣднихъ словахъ судьи значительно переглянулись. Бѣдной старухѣ и на мысль не приходило, какъ много вредила она себѣ этой ненужной услужливостью. Больше не стали ее и допрашивать. Мѣсто ея заступила Приська.

— Панове! начала она: якъ первей говорыла-мъ, такъ и теперъ говору, що за заведеную заслугу мою Бридуненкомъ учыла мене Ганна Гузійка, мамка бувшая Бридуненкова, на тое, абы-мъ, кишку взявшы, на собаку кыдала и, шерсть зъ обохъ бестій рвучы, говорыла тыи слова: „Въ якій згоди песъ съ кишкою жывутъ, такъ нехай и Якивъ Бридуненко зъ жоною своею мешкаетъ,“—поневажъ мени не заплатылы. Тую жъ шерсть палыла и мала у страву сыпаты Бридуненкови, бо мене и на тое учыла тая жъ мамка, тилько жъ, панове, не сыпала, а той попилъ взяла въ мене тая жъ мамка. А колы вона зъ Ромашкомъ, Гарячого зятемъ, управовала (судилась) за посваръ, а власне за такый, що ёго господыня (жена) мамку назвала нецнотою, бо вона байстря прывела, а мамка й соби на Ромащыху такъ же одказала, що «и ты, прави, такыхъ же байстрятъ навела, якъ и я», то сыпала передъ урядомъ тыхъ бестій попилъ, а скоро Ромашко зъ невидомосты уступывъ ногою въ той попилъ, и вси люде тамошніи сталы якъ-бы за мамкою блажыты, а Ромашка ганыты; и такъ мамка позыскавшы право на Ромашкови, похвалылася мени, що тое чыныла. А того я не видаю, де вона остатокъ того попелу подила. А тое чынылося такъ рикъ назадъ, объ симъ же часи.

Судъ пожелалъ допросить затѣмъ свидѣтельницу, швачку Ганну Кривую, благодаря которой раскрыто было данное дѣло. Ее спросили: какъ она узнала о томъ, что наймичка Приська чаровала своихъ хозяевъ? Ганна объяснила:

— Тогды, панове, сыдила-мъ я на колоди, у двори Якововимъ, ажъ Приська, взявшы у хати кишку, несетъ до коморы и кынула еи на пса, и такъ говорытъ: „дичая собака не беретъ кишкы!“. Затымъ, піймавшы пса, рвала шерсть и понесла

у хату, а кишка тежъ за нею у хату побигла. Тамъ Приська шерсть спалывшы, попилъ у вузлыкъ завязала и заховала.

Снова спросили Приську:

— Чи такъ тое було? И де ты заховала попилъ?

Она отвѣтила:

— Було тое, панове, все, якъ Ганна мовытъ, а заховала-мъ я той попилъ у синяхъ, за комынъ; а навчыла мене мамка на тое.

Допрашивали и бывшую мамку Ющыху. Ее считали болѣе другихъ виновной, такъ какъ она собственно учила глупую Приську чаровать во вредъ хозяевамъ, да и въ показаніяхъ она замѣтно путала, поэтому ее не просто допрашивали, а съ пристрастіемъ: по словамъ протокола, ее «давано подъ килька-кротную карность»; но она осталась при прежнемъ показаніи.

Слѣдствіе было окончено. Судьи признали вполнѣ доказаннымъ, что Яковъ Бридуненко былъ жертвою злостнаго чарованія: и то, что онъ «до забутя ума» приходилъ, и что «зъ жоною своею не бытковавъ» (не имѣлъ общенія)—все это «ёму ся поводыло черезъ чары». Непосредственной виновницей этого чародѣянія была наймичка Приська, но она дѣйствовала по наученію и подговору со стороны бывшей мамки Ющыхи, которую слѣдуетъ считать болѣе виновной въ данномъ преступленіи. Но главной виновницей должна быть признана Литвиныха. Она научила чародѣйству Ющыху, а отъ той уже научилась и Приська; она и на судѣ хвалилась, что можетъ «поправыты мешканя» Бридуненку, а слѣдовательно, можетъ его всякому и «зопсовати»; наконецъ она же, Литвиныха, «будучи власною чародѣйницею», учила другихъ «богомерзкимъ дѣламъ чаровницкимъ», какъ нужно «примовляти» надъ брошеннымъ въ воду замкомъ, чѣмъ «якъ бы радыла, абы кождому чоловику ричъ и мову замкнуло». Справившись съ «правами Майдебурскими», судьи нашли въ книгѣ «Порядокъ», въ артыкулахъ 14 и 22, указаніе, что «чаровники и всѣ, котории ся отъ чорнокнижства а зъ гусла обходятъ, кгды ся покаже, же (что) таковыхъ речий иного училъ, албо кому грозилъ, а тому, которому грожоно,

зъ того що злого пригодило, таковый кождый маетъ срокгою смертельною карностью быти каранъ, то есть огнемъ спаленъ». «Запобѣгаючи тому, абы ся промежъ народомъ християнскимъ такая злость, якая есть противко Пану Богу, не множила и овшемъ была заповѣдана», судъ постановилъ декретъ, по которому Семеныха Литвиныха, какъ «власная чародѣйница», и съ нею Ющиха и Прiська, «яко послушаючии тыхъ еи богомерзкихъ учений», тою же «огненою карностю маютъ згинути».

Но этимъ суровымъ приговоромъ оказался недовольнымъ самъ же истецъ Яковъ Бридуненко. Онъ заявилъ, что «даруетъ горломъ» преступницъ и только желаетъ, чтобы онѣ «въ городѣ Новомъ-Санджаровѣ не мешкали вѣчне». Судъ охотно удовлетворилъ его желанію и постановилъ новый приговоръ: «абы тыи чаровници зъ мѣста били шворками выгнани и стали чуждыми отъ всѣхъ ихъ набытковъ», т. е. подверглись позорному изгнанію изъ родного города и были лишены имущественныхъ правъ, а «наклады правныи и вина панская и врядовая» были взысканы съ ихъ «худобы».

Опозореннымъ изгнанницамъ, конечно, предстояла очень печальная будущность; но если принять во вниманіе условія времени, то нужно признать, что полковый полтавскій судъ осудилъ ихъ довольно еще милостиво: судись онѣ въ другомъ мѣстѣ, хотя-бы въ самой культурной странѣ тогдашней Европы, имъ навѣрное не сносить бы головъ.

55. Порча вещей посредствомъ колдовства.

Впрочемъ, и изъ козацкихъ судовъ чаровницы не всегда благополучно уносили головы. Дѣйствовавшее въ малороссійскихъ судахъ Магдебургское право обычно требовало казни чаровникамъ, но примѣненіе этого суроваго закона зависѣло отъ обстоятельствъ. Санджаровскія чаровницы обвинялись въ причиненіи чарами вреда здоровью и даже жизни человѣческой, и тѣмъ не менѣе судьи нашли возможнымъ замѣнить для нихъ смертную

казнь другимъ, менѣе жестокимъ наказаніемъ; а въ это же время решетиловская чаровница Гапка Пасьчиха, обвинявшаяся лишь въ порчѣ малоцѣнныхъ вещей, поплатилась за это головой.

Существуетъ и теперь въ малорусскомъ простонародьи суевѣрное мнѣніе, будто знахари, посредствомъ чаръ, могутъ причинять непоправимую порчу вещамъ людей, почему-либо имъ непріятныхъ. Стоитъ, напримѣръ, чѣмъ-нибудь разсердить знахаря, и онъ „поробытъ" такъ, что ваше платье окажется все въ дырахъ, холстъ, нитки, пряжа разлѣзутся въ куски, словно гнилые, корова перестанетъ давать молоко, куры нести яйца и т. под. Въ настоящее время иной хитрой крестьянкѣ не безвыгодно самой распустить о себѣ слухи, что она можетъ это дѣлать, и тогда сосѣдки станутъ ее бояться и будутъ уступать ей въ мелочахъ, чтобы не возбудить ея гнѣва. Но въ старину подобная репутація была въ высшей степени опасной, ибо легко могла привести къ костру или къ плахѣ. И тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ легкомысленныхъ людяхъ, которые сами большею частію поддерживали или даже распускали о себѣ столь опасную славу.

Такой легкомысленной женщиной была обывательница сотеннаго города Решетиловки, козачка Гапка Пасьчиха, можетъ быть отдаленная прабабка знаменитаго впослѣдствіи князя Паскевича, тоже, какъ извѣстно, уроженца Полтавщины. Въ апрѣлѣ 1690 года по ея дѣлу спеціально былъ созванъ мѣстный сотенный судъ подъ предсѣдательствомъ сотника Есифа Завадовскаго, несомнѣннаго предка извѣстнаго впослѣдствіи вельможи. Жалобщикомъ выступилъ мѣстный городовой писарь Григорій Марковичъ. Онъ жаловался, что Гапка Пасьчиха, бывши у него въ домѣ на «беседи» и за что-то на него разсердившись, „перехвалялася", что его дорогіе жупаны не долго ему послужать,—и точно „вскорѣ затымъ злая похвалка еи справдылася": его платье изъ дорогихъ суконъ и аксамытовъ „зовсимъ зопсовалося"—вѣроятно, моль испортила. Удивительнѣе всего, что позванная къ допросу Пасьчиха и не думала отрекаться отъ приписываемаго ей „злого учинку", котораго, конечно, не со-

вершала; напротивъ, она признала себя „прычынною до зопсованя платя“ и „заразъ передъ врядомъ и передъ всимъ мыромъ (т. е. присутствовавшей на судѣ публикой), постокротне даючы руку писареви“, просила у него прощенія, говоря:

— Отъ тоби рука моя, що уже бильше не будешъ въ той втрати шкодоваты; я тоби поражу, що твое платя не буде бильше терятыся, и сама на себе покладаю декретъ: колы-бъ мило еще терятыся (портиться), то вольно тоби въ той часъ и мистру (палачу) до рукъ мене даты и смертелною карностю караты“.

Конечно, наивная женщина этимъ самымъ давала суду достаточный поводъ подвергнуть ее такой „карности“ немедленно, не ожидая повторенія проступка; но панъ Марковичъ былъ человѣкъ милосердный: онъ заявилъ суду, что готовъ простить подсудимую, и лишь просилъ, чтобы ея торжественное обѣщаніе болѣе не вредить ему было занесено въ протоколъ и выдана ему формальная съ него копія. Судьи согласились съ этимъ, говоря: „и мы тожъ сей разъ не настоемо на еи душу“, и ограничились строгимъ „наказомъ оной злой жинци“, что если и впредь она станетъ вредить своими чарами „не токмо писареви, але и всякому человѣку, зъ нею знаючомуся“, то ее ни въ какомъ случаѣ „не минетъ“ тотъ смертный декретъ, который она сама на себя наложила. Пасьчиха клялась, что навсегда „поперестанетъ того злого дила“, и ее съ миромъ отпустили, а писарю выдали копію судебнаго протокола.

Но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ недѣль, какъ Пасьчиха поссорилась съ сосѣдкою Палажкою Гришковною и по своему обычаю пригрозила ей бѣдой, а у той, какъ на зло, бѣлье, полотно и пряжа истлѣли,—вѣроятно отъ сырости. Въ это время прибыли въ Решетиловку полтавскій полковой судья Петръ Буцкій и значный товарищъ полтавскій Василій Бунчученко, присланные полковникомъ „для слушныхъ инквѣзицій правныхъ“, т. е. для какихъ-то судебныхъ разслѣдованій. Подъ своимъ предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ участіемъ мѣстнаго сотника, атамана городового и войта съ бурмистрами, они открыли нѣчто въ родѣ отдѣленія полкового суда и стали разбирать дѣла. Сюда прибѣ-

жала Палажка Гришковна съ мужемъ и занесла „плачливую скаргу“ на Гапку Пасьчиху, при чемъ „и слушное лице передъ судьями покладала“: испорченное сукно, полотно и „сорочки зъ дѣрами“, „а плачучи мовила“:

— Мои ласковыи панове! Тое злое дило учыныла мени оная не боячаяся Бога Гапка за тое, що намиткы еи у мене покрадено, а вона того жъ часу перехвалялася на мене, мовячы: „Ото жъ я тоби вчыню, що до смерты плакаты будешъ!“ И заразъ же, на другый день по перехвальци, одчыныла-мъ я скрыню—ажъ десять мотkивъ пряжи такъ потерани (испорчены), що ажъ въ пичъ мусила-мъ повкыдаты, а сама пры велыкимъ плачу востала-мъ.

— А есть же въ тебе свидкы, кымъ ты оныи потеряныи миткы освидчала?“—спросили судьи.

Такимъ „свидкомъ“ оказался заранѣе приглашенный Палажкою въ судъ „зацный и вѣры годный“ человѣкъ Микита Василенко. Онъ показалъ:

— Окомъ своимъ видилемъ, що моткы вельмы попсовани, на порохъ.

Когда на другой день возобновилось засѣданіе суда, явились новые обвинители Гапки. Козакъ Василь Неводничій занесъ „плачливую скаргу свою на тую жъ безецную чародѣйницу“ также „о потераню платя“ и сверхъ того о порчѣ коровъ относительно „дійва“.

— Тилко разъ—плакался онъ—въ моимъ дому побувала, а одъ того часу сталыся мени незносныи упадкы.

Наконецъ, мѣстный священникъ прислалъ „цедулку“ (записку) слѣдующаго содержанія: „Року 1690, априля 23, въ день св. мученика Георгія, прыходыла мя просити Гапка Пасьчиха, которая мни попсовала платя, и мовытъ: „просты мя въ томъ, отче, що я тоби учыныла, але отъ сего часу болше въ томъ шкоды тоби не будетъ, на що и слово и руку подаю пры людехъ зацныхъ, съ которыми теперъ тебе и прошу: съ Хведоромъ Гулаченкомъ, Хведоромъ Сидынкою, Иляшемъ Стрильныкомъ и зъ мужемъ моимъ Паскомъ, а вже болше тоби шкоды

не будетъ". Що для памяти собѣ и записалемъ, року и дня вышъ писаного".

Въ виду стольких обвиненій, а главное—въ виду того обстоятельства, что незадолго предъ тѣмъ Пасьчиха условно была помилована по однородному дѣлу, судъ имѣлъ основаніе признать ее крайне вредною и неисправимою чаровницей и, не производя дальнѣйшаго слѣдствія, приговорилъ ее, на основаніи извѣстныхъ уже намъ артыкуловъ Магдебургскаго права, къ смертной казни. Никто не пожалѣлъ несчастной, никто и слова не замолвилъ о смягченіи суроваго приговора. Не видно даже, чтобы и мужъ пытался ходатайствовать о ея помилованіи: можетъ быть, и ему надоѣла легкомысленная жена, пустыми „похвалками" безразсудно вооружившая противъ себя значительную часть односельцевъ.

---

56. Полтавскіе школяры.

Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, существовали многочисленныя приходскія школы. Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII ст. даютъ довольно точныя свѣдѣнія объ ихъ числѣ; въ 1740—48 гг. такихъ школъ было: въ нѣжинскомъ полку 217, въ лубенскомъ—172, въ черниговскомъ—154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ 98, и проч. [1]) Вообще можно сказать, что при каждой городской и сельской церкви существовала и школа; а такъ какъ въ старину приходы въ Малороссіи были малолюднѣе нынѣшнихъ, то приходится заключить, что пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое же отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ училищъ.

---

[1]) См. «Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ» А. Лазаревскаго, Основа, 1862 г., май.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь же точными данными относительно того, что собственно представляли собою старинныя малороссійскія школы. Извѣстно, что въ каждомъ приходѣ существовалъ церковно-общественный домъ, именовавшійся „школою", но, по указанію ревизскихъ книгъ, въ немъ жили дьяки мѣстные и «прихожіе»; а въ вѣдомости о приходскихъ школахъ г. Прилуки (1765 г.) мы находимъ именные списки «молодиковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ», при чемъ оказывается, что въ четырехъ прилуцкихъ школахъ ихъ жило 18 человѣкъ, а по возрасту они распредѣлялись такъ: шесть изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре—отъ 20 до 30 и восемь—отъ 30 до 39 лѣтъ [1]) Спрашивается: какіе же это были школьники, достигшіе столь почтеннаго возраста? Въ то же время имѣются несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что въ „школахъ" жили и обучались безпріютныя сироты и дѣти бѣдняковъ, нерѣдко занимавшія впослѣдствіи видныя общественныя положенія. Когда въ 1692 г. къ границамъ полтавскаго полка подступилъ съ ордой и запорожцами извѣстный претендентъ на гетманскую булаву Петрикъ, то Мазепа приказалъ составить и послать ему отъ имени полтавцевъ укорительное письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Всѣ мы знаемъ, же (что) батько твій жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашомъ въ Полтавѣ въ шпиталѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ межи нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками викормился" [2]). А извѣстно, что Петрикъ въ полтавской школѣ не только вскормился, но и „выполѣровался" (образовался) настолько, что могъ потомъ занять видную должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. Наконецъ, „школа" служила пріютомъ для такъ называемыхъ „мандрованыхъ (странствующихъ) дьяковъ" и „волочащихся черцовъ" въ родѣ извѣстнаго стихотворца конца XVII ст. монаха Климентія,

---

[1]) См. Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, А. Лазаревскаго, вып. I, Полтава, 1887 г. стр, 57—60.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка, т. III, стр. 114.

который въ одной изъ своихъ виршей приводитъ о ней пословицу: „Школа—всякимъ страннимъ домъ есть вольний.“ [1]) Итакъ, что же собственно представляла собою старинная украинская „школа“: жилище церковниковъ, страннопріимный домъ, или родъ бурсы для сиротъ и дѣтей бѣдняковъ? Кто же въ ней училъ и кто учился?

Чтобы хоть немного разобраться въ этомъ туманѣ разноречивыхъ представленій, разскажемъ одно слѣдственное дѣло, производившееся въ 1699 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ.

Въ половинѣ сентября, „по розъѣзду ярмарку полтавского“, какой-то Манецъ и его жена, „Безручкова невистка“, представили уряду найденную ими за городомъ, „на рецѣ Роговной“, близъ Ворсклы, шкатулку „одомкненую, порожнюю“, въ которой оказались какія-то тетради. Разсмотрѣвъ ихъ, урядъ сразу же опредѣлилъ, что это были „школярскіи письма“ (писанія), и по надписямъ на тетрадяхъ «позналъ», что онѣ принадлежали «выросткамъ» успенской соборной школы Хвеську и Грицьку. За ними тотчасъ послали «до школы» и предъявили имъ шкатулку «и письма». Хвесько и Грыцько «признались до шкатулки, же (что) ихъ власная», наканунѣ у нихъ кѣмъ-то украденная, но при этомъ заявили, что въ ней были не однѣ тетради, но и значительная сумма денегъ. Такъ какъ они не могли указать похитителя, то урядъ велѣлъ имъ „межи собою въ школѣ чинити опитъ и розискъ о той шкодѣ, на комъ бы выявитися мѣло.“ Объ этомъ же было сообщено и „пану *дидаскалу*“ успенской школы, каковымъ былъ въ то время „дьякъ рынковои святопречистскои“ (она же соборная) церкви Власъ Марченко, въ томъ же году перешедшій на должность „городового писаря.“ Школьники быстро разыскали виновнаго: въ тотъ же день „подзоръ (подозрѣніе) вказался на Омелька Иванчу, кравца“, о которомъ одинъ нищій, жившій въ шпиталѣ, въ одномъ дворѣ съ школой, далъ показаніе, что „бачывъ ёго, якъ учора

---

[1]) Основа, 1861 г. январь, стр. 173.

у вечоръ подъ полою шкатулку нисъ"; кромѣ того оказалось, что Омелько „тои ночи не ночовалъ въ школѣ, але десь инде". Его тотчасъ привели въ судъ и подвергли допросу. Въ кражѣ онъ не сознавался, а на вопросъ: почему не ночевалъ въ школѣ и гдѣ провелъ ночь?—„отказалъ, що у паламаря ночовалъ, а не каже, для якихъ мѣръ." Судъ велѣлъ его „за сторожу до приказу дати." Тамъ онъ очутился въ компаніи съ какимъ-то Савкою Ивановичемъ, „за долги посаженнымъ," пустился съ нимъ въ откровенную бесѣду и неосторожно признался, что онъ точно укралъ шкатулку вмѣстѣ съ другимъ школьникомъ. Савка немедленно передалъ его рѣчи уряду.

Поставленный вторично на допросъ, Омелько не сталъ болѣе запираться и сказалъ:

— Я зъ Андріемъ Степаненкомъ, выросткомъ школнымъ, тую шкатулку, зъ вечора зъ коморки школнои взявши, понеслы на Подолъ, и тамъ одомкнувши, чехи въ калюжу зарылы, а шкатулку зъ паперомъ и зъ мыломъ у воду вкынулы.

Послѣдовалъ приказъ привести „того Андрія, зъ которымъ Омелько гроши пидчепывъ". Его „запытали: чи такъ есть, якъ Омелько признается?" Онъ не сталъ запираться. Одно лишь возбуждало недоумѣніе: потерпѣвшіе утверждали, что въ шкатулкѣ находились не одни чехи, но и „копійки" (серебряная монета), а Омелько заявлялъ, что онъ „тилко о чеховой монетѣ вѣдалъ, а о копѣйкахъ не зналъ". Но Андрій разъяснилъ это недоумѣніе, признавшись:

— О чехахъ обыдва знаемъ, а копійкы зъ мишечкомъ я самъ, потай товарыша, въ писокъ зарывъ, и Омелько не знавъ.

Оба „шкодци признавали и на другихъ двохъ выростковъ":

— Кирило, поддячій, и Юхимъ Дяченко о томъ зналы, якъ шкатулку зъ коморы мы кралы, тилко жъ о томъ несвидоми, де мы гроши задилы.

Судъ не придалъ значенія этому оговору и не привлекъ Кирилла и Юхима къ слѣдствію. Ему предстояло еще разыскать украденныя деньги. Одному изъ бурмистровъ Олексѣ Рымарю было поручено вмѣстѣ съ понятыми и въ сопровожденіи Омелька

и Андрія отправиться на Подолъ, „на тое мѣстце, где гроши схованi булы, для зысканя шкоды.“ Обвиняемые указали это мѣсто, и тамъ найдены были чехи, „у хустѣ завязаные“, а въ другомъ мѣстѣ былъ вырытъ въ песку „мѣшечокъ съ копѣйками“. То и другое вручено было уряду. Обоихъ „злодіивъ“ приказано было отправить въ заключеніе, а урядъ занялся учетомъ денегъ, припрятанныхъ ворами. При разнообразіи тогдашней монеты и частыхъ колебаніяхъ курса, это было дѣло далеко не легкое; не всякій могъ его выполнить. Судьи „упросили людей добрыхъ и вѣры годныхъ, абы заразъ, якъ скоро подано на урядъ тую сумму, перелѣчили въ дому судовомъ, чи много всеи будетъ найдоватися послѣ рукъ злодѣйскихъ“. Пану Кондрату, „крамарю, изъ Грицкомъ, Тлустого зятемъ“, поручено было сосчитать „копійки“, а пану Захарію Важничому—чехи. Первые два „налѣчили копѣiокъ сто золотыхъ и тридцять талярей“, и послѣднiй „налѣчилъ чехами“ тоже сто золотыхъ и тридцять таляровъ, а всего оказалось денегъ 380 золотыхъ; [1]) между тѣмъ потерпѣвшіе заявили раньше, что въ шкатулкѣ у нихъ хранилось „полчварта ста (350) золотыхъ“. Это возбудило въ судьяхъ нѣкоторое недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ возникло и другое: потерпѣвшіе „суть нищіе и убогіе—а въ рукахъ ихъ такая знатная сумма оперлася“. Ихъ спросили: „где и отколь тіи гроши вамъ въ руки пришли?“ Хвесько отвѣтилъ:

— Складаюся тутейшими мищанами, що презъ килка литъ диты людскіе учачи, чехъ до чеха збиравъ и зобравъ сто золотыхъ и десять талярей. То—моя родная праця (заработокъ).

А Грыцько представилъ такое объясненіе:

— У мене отець можный (состоятельный), до Коломыи ходытъ, и мене дома приставлювавъ силью торговаты. Одно жъ самъ зобравъ, а другое въ отца взявъ, и пойшовъ по городахъ вандруючи. А знайшовшися зъ сымъ Хвеськомъ, скупылысь до

---

[1]) Талеръ заключалъ въ то время 3 золотыхъ, а копа—$3^1/_4$ золотыхъ.

гурту и милы коня зъ возомъ и куфу горилкы купывшы, на еденъ грошъ за товарыша торговаты.

Урядъ, повидимому, не вполнѣ удовлетворился этими объясненіями и рѣшилъ удержать деньги до окончанія дѣла, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ потерпѣвшихъ, выдалъ имъ всего 9 копъ (т. е. 29¹/₄ золотыхъ), а остальную сумму велѣлъ опечатать въ присутствіи счетчиковъ и „взялъ урядовне до рукъ своихъ“ для храненія.

Осторожность уряда, отказавшаго въ выдачѣ всей суммы, была далеко не напрасной: на другой день Хвесько и Грыцько внезапно скрылись изъ города. „Познавши по утечцѣ, що и се люде неробочіе,“ урядъ пожалѣлъ, что поддался ихъ „фортелю“ и далъ имъ 9 копъ на дорогу, и велѣлъ „всю справу о сихъ вкраденыхъ и перекраденыхъ грошехъ выписати и на далшую память и луччое повѣреня до книгъ мѣскихъ подати.“

Лишь спустя три мѣсяца объявился подлинный владѣлецъ этихъ денегъ: изъ Кіева прибылъ печерскій іеромонахъ Сила Жураховскій и предъявилъ удостовѣреніе въ томъ, что означенныя деньги были украдены у соборнаго старца и проповѣдника, кіевопечерскаго іеромонаха Аѳанасія Миславскаго [1]). Ему онѣ и были выданы подъ „квитанцію“ о. Жураховскаго.

—

Итакъ, что же мы узнаемъ о полтавской успенской школѣ изъ этого документа?

„Дидаскаломъ“ школы состоялъ дьякъ мѣстной церкви. Подъ его начальствомъ находились жившіе въ школѣ „выростки школяіи,“ или, какъ ихъ именовали въ XVIII ст., „молодыки“; съ ними же жилъ и помощникъ дьяка—„поддячій“. Въ данномъ слѣдственномъ дѣлѣ упоминаются шесть человѣкъ этихъ „выростковъ“, но ихъ, конечно, было больше. Они не были учениками въ школѣ, но сами промышляли учительствомъ. Многіе

---

1) Бывшаго впослѣдствіи (1710—1714 г.) архимандритомъ Печерскаго монастыря.

изъ нихъ, если не всѣ, были люди прихожіе, странствующіе; пока проживали въ школѣ—учили „людскихъ дѣтей", а надоѣдало это занятіе—уходили дальше или принимались за другое ремесло. Одинъ изъ такихъ „выростковъ" ссылается на свидѣтельство полтавскихъ мѣщанъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ ихъ дѣтей и заработалъ этимъ значительную сумму; другой разсказываетъ о себѣ, что сначала помогалъ отцу торговать солью, потомъ отправился „вандровать по городахъ," какъ это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей, еще не избравшихъ опредѣленной профессіи. Случайно забрелъ онъ въ Полтаву и пріютился въ успенской школѣ; но ему, очевидно, не нравилось учительское и дьяковское ремесло, и онъ задумалъ бросить его и заняться шинкованьемъ по ярмаркамъ. Вообще же это была „нищая, убогая" братія, способная даже на воровство, и если у кого изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами чему-нибудь эти „выростки школніи", проживая въ школѣ,—трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ „дидаскала", который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ.

Сопоставляя эти данныя съ другими свѣдѣніями, какія вообще имѣются о старинной приходской школѣ въ Малороссіи, мы представляемъ ея организацію въ такомъ видѣ: это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ коекакимъ школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьячковствомъ и учительствомъ. Обыкновенно ими бывали молодые люди, еще не избравшіе для себя опредѣленной профессіи и, по обычаю того вѣка, странствовавшіе „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія" [1]). Одни изъ нихъ впослѣдствіи становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею,

---

[1]) См. автобіографію Ильи Турчиновскаго, одного изъ такихъ странствователей первой четверти XVIII ст., помѣщенную въ Кіевской Старинѣ 1885 года, февраль.

третьи уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ пѣснопѣвцамъ и педагогамъ („мандрованымъ дякамъ и бакалярамъ") даровой пріютъ въ церковномъ домѣ (въ „школѣ"), но требовали, чтобы за это они „услуговали церкви Божіей" на клиросѣ. Въ этомъ смыслѣ Климентій говоритъ въ одной изъ виршей:

И причетниками тежъ школяри ся именуютъ,
Поневажъ церкви святой щире услугуютъ.

Сверхъ того, школяры обязаны были заниматься обученіемъ дѣтей, за что ихъ родители давали имъ особое вознагражденіе согласно условію, а церковные ктиторы собирали въ ихъ пользу съ прихожанъ подаянія деньгами и приносами. [1])Кромѣ школяровъ-учителей, въ „школѣ" жили и обучались и настоящіе „школники"—сироты и дѣти бѣдняковъ, призрѣваемыя церковнымъ братствомъ. Обученіе приходящихъ учениковъ происходило и въ самой школѣ, но, въ виду многолюдства постоянныхъ ея обитателей и тѣсноты помѣщенія, могло совершаться и въ домахъ родителей.

Этотъ своеобразный типъ школы со странствующими учителями и вмѣстѣ церковниками, какъ и многія другія культурныя пріобрѣтенія Малороссіи, цѣликомъ былъ заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе vagi scholares, бакханты и польскіе rybałty—это буквально наши „мандрованые дьяки и бакаляры", со всѣми ихъ типическими чертами, пороками и слабостями. Но этотъ типъ привился повсемѣстно въ Малороссіи и исчезъ только потому, что измѣнившіеся въ ней въ концѣ XVIII в. гражданскіе порядки сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Государственная перепись 1782 года, прикрѣпивъ всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожительству и

---

[1]) Въ ктиторскихъ реестрахъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви за 1693—1699 гг., сохранившихся въ ея архивѣ, есть записи такихъ подаяній „выросткамъ въ школу". Проф. Н. И. Петрова «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.», стр. 122.

роду занятій, отняла разомъ и у посполитыхъ право перехода отъ одного пана къ другому, и у бакаляровъ возможность перекочевывать изъ одной школы въ другую. Но этимъ самымъ былъ нанесенъ смертный ударъ и народной малороссійской школѣ.

---

57. Кіевскіе студенты.

Когда, бывало, студенты Кіево-Могилянской коллегіи предпринимаютъ по ночамъ опустошительные набѣги на обывательскіе огороды или воруютъ дрова и съѣстные припасы, никто не ставилъ имъ этого въ большой грѣхъ и не находилъ въ ихъ мародерствѣ ничего возмутительнаго, ибо всякому было извѣстно, что большинство учащейся молодежи состояло изъ бѣдняковъ, терпѣвшихъ и голодъ, и холодъ, и всякую нужду. Тогдашній стихотворецъ Климентій составилъ даже особую виршу: „О школярахъ, дрова крадущихъ“, гдѣ говорится:

Приповисть есть въ школяривъ: „не вкравъ, але доставъ“,
А ты, Боже, за дрова гриха имъ не поставъ» [1])

Но случалось, что студенты не ограничивались такими сравнительно невинными шалостями и затѣвали съ кіевскими мѣщанами настоящую войну, вступали съ ними въ кровопролитныя схватки, открыто грабили ихъ добро и наводили трепетъ на членовъ магистрата. Конечно, они подражали въ этихъ случаяхъ своимъ коллегамъ—студентамъ католическихъ школъ, въ особенности питомцамъ іезуитскихъ коллегій, безчинства коихъ нерѣдко достигали размѣровъ настоящаго общественнаго бѣдствія для тѣхъ городовъ, гдѣ коллегіи существовали. Было бы ошибочно полагать, что подобныя безчинства обусловливались слабостью школьной дисциплины, безсиліемъ начальствующихъ лицъ совладать съ разнузданностью учащихся; напротивъ,

---

[1]) Основа, 1861 года, январь, стр. 173.

съ такимъ орудіемъ въ рукахъ, какъ розги и вообще жестокія тѣлесныя наказанія, тогдашняя школьная власть была въ состояніи обуздывать самыя дикія натуры и предотвращать малѣйшее своеволіе, и мы видимъ, что ученики, напримѣръ, піарскихъ школъ никогда не дозволяли себѣ такихъ безчинствъ, какія почти ежедневно творили іезуитскіе коллегіаты. Слѣдовательно, эти безчинства совершались если не прямо по наущенію воспитателей, то во всякомъ случаѣ не наперекоръ ихъ воли и тайному желанію. И дѣйствительно, іезуитскіе студенты обыкновенно громили православныя или протестантскія школы и святыни, еврейскія синагоги, или же терроризовали магистраты въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе вели съ орденомъ тяжбы за захватъ городскихъ земель, привлеченіе мѣщанъ подъ свою юрисдикцію и т. под., но не было случаевъ, чтобы студенты бунтовали противъ своего начальства.

Въ кіевской коллегіи также господствовала строгая дисциплина. Кромѣ префекта, за поведеніемъ студентовъ наблюдала цѣлая фаланга его помощниковъ изъ среды самихъ учащихся: цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. под. Для усмиренія строптивыхъ употреблялись: стояніе на колѣняхъ, „пали" (битье линейками по ладонямъ), розги, публичное сѣченіе подъ звонъ школьнаго колокольчика и наконецъ позорное изгнаніе изъ коллегіи. При такихъ строгостяхъ, казалось, были немыслимы студенческія безчинства. И дѣйствительно, почти до конца XVII ст. ихъ и не было. Коллегія переживала очень трудное время; лишенная матеріальныхъ средствъ, она еще въ 1671 году открыто ко всѣмъ обращалась съ трогательнымъ воззваніемъ „о поратунокъ милостынею", и надо полагать, что ближайшую помощь ей могли оказать прежде всего кіевскіе мѣщане, коихъ дѣти здѣсь же учились. Къ тому же, въ этотъ періодъ число учащихся въ коллегіи едва ли превосходило 200—250 человѣкъ. За проступки внѣ школы студенты не только отвѣчали передъ префектомъ и ректоромъ, но и могли быть привлечены къ суду магистратскому или полковому, а въ крайнемъ случаѣ противъ

нихъ могла выступить и власть воеводы, какъ коменданта кіевской крѣпости.

Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. положеніе коллегіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось. Съ открытіемъ богословскаго класса число студентовъ значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился между ними процентъ великовозрастныхъ. Существовавшая еще со временъ Петра Могилы „конгрегація" студентовъ (духовное братство), преслѣдовавшая цѣли нравственно-религіознаго ихъ усовершенствованія, пріобрѣла теперь болѣе совершенную организацію, съ выборными префектами и вице-префектами изъ студентовъ, и немало содѣйствовала ихъ сплоченности, развитію въ нихъ чувства товарищеской солидарности, благодаря чему въ затѣянную немногими буянами исторію легко втягивалась вся корпорація. Преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ фактически приравнивало кіевскую коллегію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какими были академія Краковская, іезуитская Виленская и др., а одной изъ отличительныхъ привилегій этихъ заведеній было право собственнаго академическаго суда и независимости учащихся отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Такое право, вмѣстѣ съ титуломъ „академіи", было нѣкогда признано и за кіевской коллегіей извѣстными Гадяцкими пактами, но не получило осуществленія потому, что и самые эти пакты не были осуществлены. Теперь обладаніе этимъ правомъ сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній и учащихся, и учащихъ. Тѣ и другіе все чаще начинаютъ титуловать свое училище „академіей" и въ одинаковой мѣрѣ тяготятся судебною и административною зависимостью отъ мѣстныхъ властей. Въ особенности несносною и унизительною представлялась студентамъ подчиненность мѣстному магистрату, возбуждавшая въ нихъ чувство глухой вражды не къ однимъ магистратскимъ урядникамъ, но и ко всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ. Конечно, это странное чувство могло зародиться на почвѣ тѣхъ столкновеній, какія коллегіатская молодежь имѣла безпрестанно съ бурмистрами, исполнявшими полицейскія функціи; но въ немъ слышится и

другой мотивъ—высокомѣрное отношеніе къ мѣщанству, какъ сословію непривилегированному. Отношеніе это, свойственное тогдашней шляхетской молодежи, учившейся въ іезуитскихъ школахъ, было совершенною нелѣпостью въ кіевской коллегіи, питомцы которой въ огромномъ большинствѣ были дѣти тѣхъ же мѣщанъ, козаковъ и даже посполитыхъ. Противъ этихъ шляхетскихъ тенденцій должны были вопить самыя стѣны коллегіи, какъ учрежденія, взлелѣяннаго кіевскимъ братствомъ, первоначальное ядро котораго, безъ сомнѣнія, составляли кіевскіе мѣщане. Но, въ противоположность другимъ братскимъ училищамъ—львовскому, виленскому, луцкому,—съ кіевской коллегіей произошла странная метаморфоза: продолжая до конца XVII ст. носить имя „*братскихъ* школъ“, она въ дѣйствительности давно перестала быть *братскимъ* училищемъ, ибо и самое братство кіевское едва ли не со временъ еще Петра Могилы фактически прекратило свое существованіе. Какъ и почему оно исчезло—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ настоящаго очерка; но фактъ несомнѣнный, что во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ не было уже братства, а въ основанной имъ школѣ скоро заглохли и его лучшіе завѣты и преданія. Теперь коллегія находилась исключительно въ вѣдѣніи лицъ монашествующихъ, подчиненныхъ митрополиту; но ихъ чувства и настроеніе были уже не тѣ, какими воодушевлялись ея первые ректоры и преподаватели, „душею и рукою“ вписывавшіеся въ братскій реестръ и въ союзѣ съ представителями всѣхъ сословій кіевскаго воеводства клявшіеся „единъ за всѣхъ и всѣ за единого стояти, духомъ любве горячои звязавшеся“. И среди высшаго южнорусскаго духовенства многое уже было забыто изъ того, что выработано было въ эпоху борьбы съ уніей и въ качествѣ руководящихъ принциповъ церковной политики внесено въ актъ кіевскаго собора 1621 года[1]). Вмѣсто предписаннаго тамъ братолюбія, незлобія, терпѣливаго перенесенія обидъ отъ младшихъ,

---

[1]) Имѣемъ въ виду извѣстное «Совѣтованіе о благочестіи», изд. въ Памятникахъ Кіев. Коммиссіи, т. I.

нестяжательности и проч., митрополиты и игумены кіевскихъ монастырей конца XVII ст. только и дѣлали, что враждовали съ мѣщанами за земли, шинки и перевозы. Такой, напримѣръ, митрополитъ, какъ Гедеонъ Четвертанскій, типъ гордаго, надменнаго прелата, и подъ клобукомъ не забывавшаго о своемъ княжескомъ титулѣ,—какъ мало онъ напоминалъ кроткаго, благосерднаго Іова Борецкаго! Стоитъ лишь вспомнить, путемъ какихъ жестокихъ насилій поверсталъ онъ козаковъ Моровской сотни въ крестьянъ своего каѳедральнаго монастыря. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій, бывшій ректоръ кіевской коллегіи, несомнѣнно обладалъ многими достоинствами; однако кіевскіе мѣщане горько жаловались на него не только за земли и перевозы, но и за то, что онъ, въ противность вѣковѣчнымъ обычаямъ, самовольно назначалъ въ городскія церкви священниковъ помимо воли и избранія прихожанъ, отлучалъ мѣщанъ отъ церкви за малыя вины, по оговорамъ, и т. под. Вѣдь это какъ разъ тѣ проявленія шляхетскаго самовластія, за которыя православные столь рѣзко и единодушно порицали Ипатія Потѣя и другихъ архіереевъ-уніатовъ. Вообще нельзя не отмѣтить странной аномаліи, что демократическіе принципы, подъ знаменемъ коихъ православіе одолѣло унію, пользовались въ безсословной Малороссіи наименьшимъ кредитомъ именно въ средѣ высшаго духовенства, а слѣдовательно и въ управляемой имъ кіевской коллегіи. Не отсюда ли происходило и то, что козацкая старшина, здѣсь воспитывавшаяся, такъ легко отрѣшалась отъ преданій эпохи Хмельницкаго и проникалась шляхетскими тенденціями?

Такова была почва, на которой къ концу XVII ст. выросло уродливое явленіе—грубыя безчинства кіевскихъ студентовъ и ихъ нерѣдко кровавыя столкновенія съ мѣщанами.

Впервые подобныя безчинства въ рѣзкой формѣ произошли въ іюнѣ 1690 года. Въ одной изъ послѣдующихъ жалобъ магистратъ вспоминаетъ, что въ то время „студенты многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ и зъ дворовъ беручи, забивали смертно и

платье съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розками, плетьми и кіями, и въ желѣза оковывали, о чемъ въ книгахъ нашихъ майстратовыхъ лѣта 7198 (1690), іюня 11 числа, записано".[1]) Къ сожалѣнію, книги кіевскаго магистрата всѣ погибли, и мы не знаемъ, чѣмъ окончилось дѣло объ этихъ насиліяхъ; но, безъ сомнѣнія, мѣщане не остались въ долгу и за нихъ, конечно, вступился и кіевскій полковникъ съ козаками, и воевода съ ратными людьми. Это, вѣроятно, и побудило ректора Іоасафа Кроковскаго, при содѣйствіи митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, испросить (въ январѣ 1694 года) жалованную грамоту царскую, въ которой предписывалось: великороссійскимъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ, и кіевскаго и иныхъ полковъ полковникамъ и козакамъ, и кіевскому войту и мѣщанамъ, никакихъ ректору и учителямъ и ученикамъ, въ школахъ будучимъ, обидъ и утѣсненія не чинить, подъ угрозою царской опалы и двойного взысканія за обиды, а начальству коллегіи вмѣнялось въ обязанность „неспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать". Хотя въ текстѣ грамоты нѣтъ прямого указанія на изъятіе коллегіи изъ административной и судебной подчиненности городскимъ властямъ, но вся коллегіатская корпорація почему-то толковала эту грамоту въ такомъ именно смыслѣ, что отнынѣ коллегіи предоставлялось право самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, а магистратскіе и воинскіе чины не имѣли-де власти ни судить ихъ, ни даже подвергать предварительному аресту. Такая привилегія приравнивала коллегію къ заграничнымъ академіямъ и университетамъ и сулила студентамъ относительную базнаказанность: въ крайнемъ случаѣ префектъ могъ приговорить ихъ къ розгамъ и за такіе проступки, за какіе магистратъ приговаривалъ къ висѣлицѣ.

---

[1]) Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива И. Каманинымъ, вып. I, стр. 48.

Можетъ быть, въ разсчетѣ на эту безнаказанность, студенты въ томъ же 1694 году учинили грандіозное буйство, при чемъ одного мѣщанина, сапожнаго мастера Григорія Ополоника „смертно саблею порубили, и отъ тѣхъ ранъ тотъ человѣкъ умеръ". „Да они-жъ, студенты (жаловались мѣщане), многажды находя на сторожу, которая по вся нощи оберегаетъ на рынку торговыхъ лавокъ, убивали ихъ смертно и тѣхъ сторожей отъ лавокъ зъ рядовъ отгоняли, а въ лавкахъ невѣдомо якіе воры животы наши выкрадали, отъ чего намъ великая учинилася обида. Тѣ жъ студенты покрали зъ двора половинками сукно у мѣщанина нашего Филиппа Серебреника, а у иныхъ мѣщанъ покрали зъ дворовъ вино, медъ и съѣстныя харчи: муку, масло, пшено; такожде и животину всякую зъ дворовъ зводили и, убивъ, зъ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное зъ дворовъ мѣщанскихъ беручи и стѣны градскіе на дрова розбираючи, въ школу и въ бурсу по сту человѣкъ и болѣе носили и всякое воровство дѣлали. А тое покраденное сукно и всякіе краденные мѣщанскіе съѣстные харчи и дрова аще и были знайдены у студентовъ, но изъ нихъ немашъ намъ ниякои управы." [1])

Этотъ припѣвъ: „нѣтъ на студентовъ управы"—тянется съ этихъ поръ непрерывною нотою въ теченіе долгаго времени.

Съ умноженіемъ числа учащихся въ коллегіи, имѣвшаяся при ней бурса уже не могла вмѣстить всѣхъ бѣдняковъ, поэтому митрополитъ Варлаамъ Ясинскій велѣлъ размѣстить ихъ по приходскимъ „школамъ", существовавшимъ при кіево-подольскихъ церквяхъ. Собственно говоря, это было нарушеніемъ права прихожанъ, содержавшихъ школы совсѣмъ для другихъ надобностей, но они не протестовали противъ распоряженія митрополита, пока призрѣваемые ими студенты не обратили школьныхъ домовъ въ своего рода разбойничьи вертепы. Вотъ что писалъ по этому поводу московскій патріархъ Адріанъ митрополиту Ясинскому отъ 26 апрѣля 1699 года: „Доносиша нашей мѣрности кіевскіе

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.

граждане, яко при храмѣхъ Господнихъ ихъ приходскихъ живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины имъ строятъ прихожане; и съ тѣми де церковными дьяки въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити вмѣстѣ студентомъ, пришельцомъ изъ польскихъ городовъ, которые хотятъ учитися въ школѣ (т. е. въ коллегіи) мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ, и они де, студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся словенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчатъ и безчестятъ женъ и дѣтей, и ради ихъ, студентовъ, плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникомъ, иногда въ церквахъ и пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати негдѣ. Да они де, студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того некому. И ты... студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ въ особныхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется". [1])

Въ декабрѣ того же 1699 года войтъ Дмитрій Полоцкій доносилъ воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому, что студенты толпами по ночамъ растаскиваютъ бревна изъ городскихъ стѣнъ, какими тогда былъ обнесенъ Подолъ. Воевода приказалъ произвести осмотръ разоренныхъ стѣнъ и учинить допросъ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ нижнемъ городѣ. Въ подьяческомъ актѣ осмотра значилось: «отъ Крещатицкой башни до Глѣбоборисовскихъ воротъ съ городовой стѣны, съ тарасовъ, снято 23 бревна, да срублено 8 зубцовъ, да изъ башни мосты

---

[1]) Кіевская Старина, 1885 г., сентябрь, стр. 142. Патріаршій наказъ не былъ исполненъ митрополитомъ; кіевскіе мѣщане и въ 1741 году напрасно добивались удаленія студентовъ изъ приходскихъ школъ. См. статью Д. Вишневскаго въ янв. книгѣ Кіевской Старины 1896 года.

и у дверей два бревна и съ цѣпью выломано». А караульные стрѣльцы дали такую сказку: „стояли-де они у Крещатицкихъ воротъ и въ иныхъ мѣстехъ, и студенты-де не по одну ночь приходили къ городовой стѣнѣ человѣкъ по 20 и по 30, и съ городовой стѣны снявъ бревна, пошли къ себѣ въ школы, а по окличкѣ голосу они имъ, караульнымъ, не отдали, для чего одинъ по нихъ, студентахъ, изъ пищали выстрѣлилъ; а поймать ихъ невозможно, что приходятъ многолюдствомъ.“ [1])

А въ январѣ 1700 года студенты учинили настоящій погромъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Вечеромъ, 29 января, студенты встрѣтили на Подолѣ пріѣхавшаго изъ Хвастова еврея Беню Абрамова и стали его бить. Спасаясь, еврей забѣжалъ во дворъ ратуши и сталъ кричать, чтобъ его оборонили. Выбѣжавшіе на крикъ магистратскіе служители отняли еврея и задержали нѣсколько человѣкъ студентовъ. Бывшій въ ратушѣ бурмистръ Гордѣй Минцовъ приказалъ было арестовать ихъ до разслѣдованія дѣла, но затѣмъ отпустилъ, по ихъ просьбѣ. Когда студенты узнали, что ихъ товарищи подверглись хотя и временному аресту изъ-за какого-то „невѣрного жидовина“, они рѣшили прежде всего жестоко отомстить послѣднему. Развѣдавъ, что онъ остановился въ одномъ мѣщанскомъ дворѣ, они ночью нагрянули туда, перерыли весь домъ и дворъ, грозя убить еврея, но онъ успѣлъ скрыться. Тогда студенты пограбили его лошадь и изъ саней кое-какія „подорожнія“ вещи. Чтобы досадить и магистрату, вступившемуся за еврея, студенты зашли въ ратушный шинокъ, избили оказавшагося тамъ мѣщанина Стецька Карпенка, отняли у него два рубля денегъ и сняли кожухъ, поясъ и шапку. На утро прибѣжали въ ратушу Беня и Карпенко съ жалобами. Въ то время войтъ Дмитрій Полоцкій былъ въ Москвѣ.

---

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, д. Прав. Сената, кн. № 5, 1732 г., листы 129—134. Пользуемся спискомъ, сдѣланнымъ проф. С. Т. Голубевымъ и любезно предоставленнымъ редакціи «Кіев. Старины».

Правившій его должность бурмистръ Гордѣй Минцовъ, посовѣтовавшись съ товарищами, послалъ къ ректору, игумену Прокопію Колачинскому, и префекту, іеромонаху Иннокентію Поповскому, „который студентами владѣетъ", магистратскихъ урядниковъ съ почтительною просьбою наказать виновныхъ студентовъ, вернуть ими пограбленное и принять мѣры, чтобы „впредь въ городѣ такого забойства и грабежу пріѣзжимъ людямъ и мѣщанамъ студенты не дѣлали, понеже всякій пріѣзжій съ польской стороны человѣкъ или жидъ, понесши въ Кіевѣ отъ студентовъ или отъ иныхъ майстрату неналежныхъ людей якую обиду, нашихъ мѣщанъ въ польскихъ городахъ грабитъ и забираетъ". Ректоръ не далъ на это никакого отвѣта, сославшись на то, что это дѣло префекта, а послѣдній отвѣтилъ такъ: «не токмо жиду не вернемо коня, але и всихъ васъ, мищанъ, будемо, розложивши, рузками (розгами) бити», въ доказательство чего онъ и крестъ поцѣловалъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, студенты снова подстерегли на улицѣ еврея Беню и хотѣли „смертно убить", но онъ убѣжалъ во дворъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, „господарь" котораго Савва Можневскій «сховалъ его въ коморѣ». Студенты большою толпою ворвались въ дворъ, долго искали несчастнаго Беню и, не найдя, „похвалялися самого господаря розками бити". Въ сумерки Савва тайкомъ привелъ еврея въ ратушу, чтобъ его студенты на смерть не убили, и Беня провелъ ночь въ ратушѣ, подъ охраною.

Утромъ, 31 января, бурмистры послали своихъ урядниковъ въ верхній городъ къ воеводѣ съ докладомъ, что студенты великое «воровство» въ городѣ дѣлаютъ, а префектъ не хочетъ „дать съ нихъ никакой управы", и съ просьбой вступиться въ это дѣло. Тогда князь Хованскій послалъ къ ректору и префекту подьячаго приказной палаты Давида Фатѣева, да и бурмистрамъ велѣлъ послать съ нимъ своихъ людей; при этомъ посольствѣ ходилъ и потерпѣвшій Беня съ другимъ евреемъ Рафаломъ, толмачемъ войсковымъ. Ректоръ приказалъ отдать пограбленное. Студенты отдали еврею лошадь, а мѣщанину Карпенку вернули

только кожухъ и четыре гроша денегъ. Но лишь только посланцы вышли за монастырскія ворота, какъ со двора высыпало въ погоню за ними около сорока человѣкъ студентовъ съ кіями и принялись бить еврея Беню. Подьячій и магистратскіе урядники едва успѣли укрыться въ ратушѣ. Черезъ нѣкоторое время прибрелъ туда тяжко избитый и „кровью сплынучій“ Беня; голова его пробита была до кости, и онъ жаловался, что съ него сорвали кошелекъ съ четырьмя рублями.

Когда воевода узналъ о новомъ „воровствѣ студентскомъ“, онъ послалъ въ коллегію капитана Титова со стрѣльцами съ требованіемъ, чтобы „тѣхъ воровъ студентовъ“ прислали въ приказную избу; но ректоръ и префектъ „тѣмъ посыльщикамъ не сказались“. Возвращаясь ни съ чѣмъ, посланные встрѣтили на улицѣ студента, на котораго имъ указали, какъ на участника въ нанесеніи еврею побоевъ; его немедленно арестовали. Тотчасъ на выручку товарища выбѣжали изъ коллегіи человѣкъ двѣсти студентовъ и стали отбивать его; но стрѣльцы справились съ молодежью, схватили изъ ея среды шесть человѣкъ и подъ конвоемъ повели въ верхній городъ. Вдругъ съ колокольни Братскаго монастыря раздался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ Подола стали сбѣгаться толпы студентовъ съ саблями, пистолями, дубинами и другимъ оружіемъ. Они бросились въ погоню за стрѣльцами, гнались за ними „до взвоза“ (нынѣшняго Андреевскаго спуска), многихъ между ними ранили, но товарищей не отбили, потому что капитанъ со стрѣльцами успѣли скрыться въ верхнюю крѣпость. Поворотивъ назадъ, толпы студентовъ разсыпались по улицамъ Подола, хватали встрѣчныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ людей, мѣщанъ, били всѣхъ немилосердно; у извозчиковъ, стоявшихъ на рынковой площади, отняли лошадей и увели въ бурсу, а ихъ самихъ избили; потомъ повернули въ торговые ряды и стали громить лавки, бить мѣщанъ-торговцевъ и уничтожать товары. „А мы, сироты ваши (жаловались царю бурмистры и другіе магистратскіе урядники), бояся, чтобъ и намъ убійства и разоренія всему городу не было, заперлися и сидѣли въ ратушѣ, а наипаче для того, что на

рынку и по всѣхъ улицахъ студенты служивыхъ людей и мѣщанъ имая бьютъ, а въ Братскомъ въ большой колоколъ безперестанно бьютъ на сполохъ". Стоявшій на подольской заставѣ капитанъ Аристъ Фанидзинъ, заслышавъ набатъ, поспѣшилъ къ Братскому монастырю, чтобы узнать о причинѣ тревоги, но здѣсь за нимъ погнались студенты, и онъ едва успѣлъ вскочить въ ратушу. Сюда же поминутно прибѣгали избитые и раненные стрѣльцы и сказывали, что студенты царскихъ ратныхъ людей и мѣщанъ „убиваютъ смертно". Опасаясь, какъ бы студенты не раснесли и ратуши, бурмистры и лавники упросили капитана Фанидзина отправиться къ воеводѣ, донести ему „о студентскихъ бунтахъ" и просить отъ имени магистрата о вооруженной защитѣ. Храбрый капитанъ отважился пробраться въ верхній городъ, но не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Кожемяцкія ворота. Скоро послѣ этого воевода прислалъ на ратушный дворъ большой отрядъ стрѣльцовъ, оберегая хранившуюся тамъ казну и „бороня" бурмистровъ и лавниковъ, „чтобы студенты майстрату и всего города не разорили и ихъ не позабивали". Теперь только магистратскіе урядники вышли изъ осады и въ полномъ составѣ отправились съ жалобою къ князю Хованскому, при чемъ сообщили ему, „что и въ то время, якъ ратные люди зъ верхняго города на ратушу въ большомъ числѣ на оборону нижняго города и всѣхъ мѣщанъ ишли, то безперестанне студенты на сполохъ въ болший колоколъ били и въ то время наготовилися ввесь нижній городъ разорити, а когда бъ не были присланы ратные люди, тогда бы студенты ввесь нижній городъ разорили и всѣхъ мѣщанъ позабивали".

Когда прекратился погромъ, со всѣхъ сторонъ потянулись „битые и грабленные", чтобы занести жалобы и „записать бои и грабежи",—мѣщане въ магистратъ, а „служивые" въ приказную палату. Князь Хованскій снесся съ митрополитомъ, и оба они послали въ коллегію приказъ, чтобы ректоръ и префектъ „про бои ратныхъ людей и про набатъ сыскали" и велѣли вернуть отнятыхъ у извозчиковъ лошадей. Послѣднія немедленно были возвращены, а относительно сыска ректоръ съ префектомъ

отвѣтили: „мы ратныхъ людей и въ набатъ бить не велѣли, а кто такъ чинилъ—не вѣдаемъ“. Судя по этому отвѣту, трудно было разсчитывать на то, чтобы начальство коллегіи произвело какое-либо разслѣдованіе и подвергло виновныхъ студентовъ заслуженному наказанію; о томъ же можно заключить и изъ жалобы магистрата, посланной царю тотчасъ послѣ событій 29—31 генваря. Подробно и въ живыхъ краскахъ описавъ все происшедшее, члены магистрата такъ оканчиваютъ свою челобитную: „и нынѣ такое жъ воровство не переставая студенты мѣщанамъ дѣлаютъ, да и на насъ, сиротъ вашихъ, всѣхъ бурмистровъ и урядниковъ, похваляются смертнымъ убійствомъ и всего города разореніемъ. Милосердный великій государь! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, по премногой своей царской милости: вели, государь, тѣмъ своевольнымъ студентомъ дати по розыску наказаніе, и впредь вели своимъ боярамъ и воеводамъ насъ, сиротъ вашихъ, отъ такого убійства и разоренія студентскаго оберегать, чтобъ намъ отъ нихъ въ конецъ не разориться“. [1]).

Такъ какъ донесенія кіевскаго воеводы во всемъ подтверждали челобитную мѣщанъ, то въ царской жалованной грамотѣ, данной въ началѣ 1700 г. кіевскому магистрату на маетности и на всѣ права и вольности, [2]) сдѣлано было слѣдующее прибавленіе: „буде имъ, мѣщанамъ, отъ студентовъ впредь какія обиды чиниться будутъ и, приходя на дворы ихъ, учнутъ что имать насильствомъ,—и ихъ имая, имъ, мѣщанамъ, кіевскихъ полковъ съ служилыми людьми приводить въ приказную избу, и будущимъ въ Кіевѣ бояромъ и воеводомъ тѣхъ студентовъ принимать и противъ ихъ (мѣщанъ) челобитья розыскивая, указъ чинить по Уложенью и по новоуказнымъ статьямъ, до

---

[1]) Жалоба мѣщанъ напечатана г. Каманинымъ въ его «Сборникѣ историч. матеріаловъ» вып. I, стр. 42—50. Донесеніе воеводы о безчинствахъ студентовъ — въ цитированномъ выше документѣ Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Для исходатайствованія такой грамоты кіевскій войтъ Димитрій Полоцкій еще въ концѣ 1699 г. отправился въ Москву.

чего доведется". Такимъ образомъ, если начальство кіевской коллегіи почему-то было убѣждено, будто грамотой 1694 года ему даровано было исключительное право суда надъ учащимися, то теперь оно несомнѣнно лишалось этой привилегіи: настоящей грамотой магистрату предоставлялось право арестовывать буйныхъ студентовъ при помощи великороссійскихъ ратныхъ людей и передавать на судъ воеводѣ, который будетъ судить и наказывать виновныхъ не по мѣстному, а по болѣе строгому—великороссійскому праву.

Когда войтъ Полоцкій вернулся въ Кіевъ съ новопожалованной грамотой и объявилъ ее мѣщанамъ, вся коллегія, а съ нею и высшія духовныя власти впали въ уныніе и въ превеликое огорченіе. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, незадолго предъ тѣмъ получившій, по жалобѣ войта, отъ патріарха Адріана отеческое внушеніе не отнимать у мѣщанъ земель, не нарушать ихъ исконнаго права выбора приходскаго духовенства и не подвергать ихъ за малыя вины анаѳемѣ, былъ сугубо огорченъ новымъ торжествомъ тѣхъ же мѣщанъ и униженіемъ любимаго его дѣтища—коллегіи. Не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ, въ силу котораго ненавистные ему мѣщане станутъ „за караулъ брать" благородную „молодь" и отдавать на судъ московскимъ приказнымъ, онъ послалъ царю Петру челобитную, въ которой желалъ представить генварьское событіе въ иномъ освѣщеніи и между прочимъ писалъ: „Братскаго училища дѣтямъ учинилося разореніе, къ чему подвели кіевскіе мѣщане ратныхъ государевыхъ людей, и тѣ училище разорили и взяли въ приказъ семь человѣкъ учениковъ", о чемъ просилъ учинить надлежащій розыскъ. „А что мѣщане получили себѣ жалованную грамоту, чтобъ тѣхъ учениковъ за караулъ брать, и то мнѣ слезно и учителемъ учинился болѣзненный случай". Ссылаясь затѣмъ на грамоту 1694 года, якобы освобождающую студентовъ коллегіи отъ подчиненія городскимъ властямъ, митрополитъ ходатайствовалъ о пожалованіи коллегіи новой грамоты, „чтобъ виннымъ школьнымъ ученикамъ наказаніе чинить въ

школахъ" и чтобы магистратскія и приказныя власти не имѣли никакого къ нимъ касательства [1]).

Эта челобитная не имѣла успѣха. Между тѣмъ столкновенія студентовъ съ мѣщанами хотя и продолжались, но уже не достигали прежнихъ безобразныхъ размѣровъ—можетъ быть именно потому, что мѣщане съ помощью стрѣльцовъ безъ стѣсненія хватали буяновъ „за караулъ" и тѣмъ предотвращали дальнѣйшія безчинства, а въ приказной избѣ, вѣроятно, мало церемонились съ учеными людьми. Съ этимъ позоромъ и униженіемъ никакъ не могла примириться коллегіатская молодежь, среди которой были вѣдь и сыновья полковниковъ, обозныхъ и другихъ старшинъ. Много разъ студенты и даже профессора умоляли митрополита избавить коллегію отъ этого „неудобоносимаго ига", но что могъ онъ предпринять въ виду неуспѣха первой попытки? Лишь послѣ того, какъ бывшій питомецъ и впослѣдствіи преподаватель и префектъ кіевской коллегіи, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій занялъ высокій постъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, Ясинскій рѣшился прибѣгнуть къ его ходатайству и въ іюнѣ 1701 года послалъ ему письмо такого содержанія: „били-де челомъ ему, Варлааму, кіевскихъ братскихъ школъ учители, что кіевскій войтъ и мѣщане великую обиду имъ чинятъ противу крѣпостныхъ великаго государя грамотъ, данныхъ имъ, привлекая себѣ власть и волю взять студента въ ратушную тюрьму, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту, какъ было изъ начала того училища, но еще изъ своей тюрьмы отдаютъ въ верхній городъ къ генералу [2]), который тѣмъ хвалится, что имѣетъ власть сажать въ тюрьму студентовъ, каково иго и работа есть неудобоносимо". Поэтому Ясинскій „всеусердно" просилъ Стефана Яворскаго, дабы онъ былъ „ходатаемъ къ великому государю въ подаяніи полномощной грамоты и крѣпости, чтобъ тѣмъ училищамъ не

---

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Кіевскій воевода въ то время былъ переименованъ въ генералъ-губернатора.

имѣли отнынѣ мѣщане и генералъ-губернаторъ надъ студентами власти и воли, а какой студентъ провинится, чтобы искать управы въ належащемъ судѣ и правѣ: школъ братскихъ кіевскихъ у ректора и префекта, какъ было и прежде изначала". Къ этому письму Варлаамъ Ясинскій приложилъ и подлинное прошеніе учителей и учениковъ коллегіи слѣдующаго содержанія [1]): „Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, и просятъ его, митрополита, слезно о помощи отъ мѣщанъ кіевскихъ, которые-де прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на ихъ школы служилыхъ людей и много сдѣлали кровопролитія, а иныхъ, какъ злодѣевъ, взявъ въ приказную избу, въ цѣпи посадили; а и окромѣ того, мѣщане дерзаютъ многажды не къ праву школьному и его, митрополита, начальству, но въ тюрьму ратушную студентовъ берутъ и оттуду безъ всякого разсмотрѣнія отдаютъ въ верхній городъ, какъ нынѣ, въ Свѣтлую недѣлю, ихъ, студентовъ, много раненыхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ нещадно; и били-де челомъ они о управѣ въ верхнемъ городѣ генералу, надѣясь, что онъ дастъ имъ на нихъ (мѣщанъ) управу такую, какъ и надъ ними (студентами) даетъ. И онъ, генералъ, посланныхъ ихъ старцевъ обезчестя, сказалъ, что онъ не имѣетъ власти надъ мѣщанами, а надъ школами-де власть онъ и студентовъ въ тюрьму брать имѣетъ. О чемъ найпокорно его, митрополита, просятъ, чтобъ онъ своимъ челобитьемъ къ великому государю потщался объ нихъ умолити о освобожденіи ихъ отъ плѣненія и отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а въ чемъ ихъ, студентовъ, случится вина, судъ бы былъ въ академіи". Подъ этимъ прошеніемъ подписались: „Его царского

---

[1]) Къ сожалѣнію, какъ это прошеніе, такъ и приведенныя выше челобитную и письмо Ясинскаго мы имѣемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ приказномъ экстрактѣ, по документу Архива Мин. Юстиціи.

пресвѣтлаго величества академіи кіевской префектъ и школъ учитель наукъ философскихъ и богословскихъ, іеромонахъ Иннокентій Поповскій именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ, отцевъ учителей и профессоровъ.—Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникъ Николай Зотовъ, во академіи кіевской учащійся [1]).—Григорій Новицкій, префектъ конгрегаціи.—Семенъ Мировичъ, вице-префектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко переясловскій.—Семенъ Лизогубъ, полковниченко черниговскій.—Семенъ, Василій, Павелъ, полковниченки прилуцкіе [2]).—Яковъ Лисица; Григорій Голубъ, именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской".

Въ этомъ прошеніи, помимо подписей студентовъ, нарочито выбранныхъ изъ представителей малорусской и даже великорусской знати, весьма любопытна ссылка просителей на какія-то исконныя права коллегіи, которыми она, наравнѣ съ иностранными академіями, пользовалась якобы съ самаго основанія своего.

Царь Петръ уважилъ ходатайство Яворскаго и слезную просьбу кіевскаго митрополита; грамотою отъ 26 сентября 1701 года, онъ утвердилъ прежнюю грамоту 1694 года, предоставивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что если они виновнымъ студентамъ „управы чинить не учнутъ", то обиженные могутъ входить съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія; въ такихъ случаяхъ виновные студенты подвергаются суду кіевскаго генералъ-губернатора на общемъ основаніи, но послѣднему при этомъ вмѣнялась въ обязанность особенная осмотрительность, чтобы и права коллегіи не были нарушены, и „государевымъ дѣ-

---

[1]) Изъ другого документа, помѣщеннаго въ сент. кн. «Кіевской Старины» 1893 г., мы знаемъ, что въ августѣ 1700 г., по царскому дозволенію, отпущенъ былъ въ Кіевъ, «въ академію, для наукъ свободныхъ», сынъ думнаго дьяка, стольникъ Коновъ Никитичъ Зотовъ. Не былъ ли Николай Зотовъ его братомъ?

[2]) Т. е. сыновья Дмитрія Горленка, тогдашняго прилуцкаго полковника.

ламъ неуправленія" не послѣдовало, «и студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

Эта мѣра, конечно, не сразу умиротворила буйное студенчество. Посѣтившій въ томъ же 1701 году Кіевъ московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ вынесъ такое впечатлѣніе о студентахъ и ихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много: попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, пришедши ночью, да и укокошатъ хозяина-то, а съ двора корову или овцу сволокутъ. Нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ. А вечеръ пришелъ, то пошли по избамъ псалмы пѣть да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, и хлѣбомъ и деньгами, а иные имъ даютъ убоясь".

Лукьяновъ, конечно, не самъ выдумалъ, будто студентамъ «попущено отъ митрополита», а слышалъ это отъ кіевлянъ. Дѣйствительно, никогда коллегіаты такъ не безчинствовали, какъ въ управленіе Варлаама Ясинскаго. Бывали у нихъ и впослѣдствіи столкновенія съ мѣщанами, но такого погрома, какой они учинили въ 1700 году, больше не бывало.

---

58. Цыганы и евреи.

Хотя Литовскій Статутъ 1588 года предписывалъ поголовное изгнаніе изъ предѣловъ государства всѣхъ цыганъ, какъ праздныхъ и вредныхъ людей, живущихъ обманомъ и кражей, и угрожалъ крупнымъ штрафомъ за передержательство ихъ, тѣмъ не менѣе цыганы благополучно проживали въ польско-литовскомъ государствѣ, кочуя по всѣмъ его областямъ. Въ гетманщинѣ жилось имъ привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общая свобода передвиженія вполнѣ благопріятствовала ихъ привычкѣ къ кочевой жизни, а малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое поле цыганской ворожбѣ и хитростямъ. Любимымъ занятіемъ цыганъ и тогда было кузнечество и лошадиный промыселъ, въ связи съ чѣмъ находились и найболѣе обычные ихъ преступленія—фабрикація фальшивой монеты и конокрадство.

Въ октябрѣ 1684 г., во время ярмарки, въ Кобелякѣ были пойманы „миндзари“ [1]) цыганы, фабриковавшіе мѣдные чехи и пускавшіе ихъ въ оборотъ при помощи „переводчиковъ“, мѣстныхъ шинкаровъ. Ихъ, вмѣстѣ съ переводчиками, отправили подъ конвоемъ въ Полтаву, въ полковой судъ. Чѣмъ окончилось это дѣло—не извѣстно; по Лит. Статуту, фальшивомонетчики подлежали смертной казни чрезъ сожженіе.

А вотъ случай конокрадства.

Весною 1657 г. группа „прочанъ“ [2]) ночевала подъ с. Шаповаловкою, близъ Борзны, пустивъ спутанныхъ коней „на попасъ“. Къ утру исчезли лошади. Стали искать по „слѣду“; слѣдъ привелъ въ березнякъ, по другую сторону Борзны, гдѣ и были накрыты три цыгана съ уворованными лошадьми. Ихъ привели къ сотнику, который произвелъ разслѣдованіе, и затѣмъ дѣло поступило въ нѣжинскій полковой судъ. Несмотря на явныя улики, цыганы, оказавшіеся извѣстными „волоцюгами ярмарковыми“, „не зналися до учинку“ и утверждали, будто отъ нихъ отобраны ихъ собственныя лошади. Судъ, согласно Статуту, велѣлъ потерпѣвшимъ „поприсягнути“ своихъ „виноватцовъ“: одинъ долженъ былъ присягою подтвердить, что „не такъ ёго коня спутано, якъ онъ былъ спутанъ его путомъ“, а другой—что „не его уже путомъ коня его спутано“. Послѣ совершенія присяги, цыганы отданы были „на квестію“; два изъ нихъ признались въ кражѣ, а третьяго сколько ни мучили, ничего отъ него не добились. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ всѣхъ трехъ къ висѣлицѣ.

Любопытно, что въ тотъ же самый день нѣжинскій судъ разсмотрѣлъ однородное дѣло „о украденье коня зъ ночлѣгу“ нѣкіимъ Степаномъ Якубенкомъ, но послѣдній понесъ „вольнѣйшее каранье“: онъ былъ подвергнутъ отрѣзанью уха и позорному изгнанію изъ города. Очевидно, судъ не оказалъ по-

---

[1]) Польское mincarz, нѣм. münzer, монетчикъ.

[2]) *Прочане*—переселенцы, «идущіе на слободы».

щады цыганамъ потому, что это племя вообще пользовалось дурною славою въ Малороссіи.

—

У тогдашняго стихотворца Климентія есть вирша: „О цыганахъ и жидахъ", начинающаяся такъ:

Цыгане та жиды едни еднимъ равни,
Поневажъ вельми тие люде есть злонравни,
Бо въ ныхъ только есть правды, якъ въ шелягу сребра...
Збытечные людямъ чинятъ ошуканства...

Покойный П. А. Кулишъ, напечатавшій эту виршу, предполагалъ, что она относится къ польской Украинѣ, такъ какъ-де евреямъ не было доступу въ козацкую Украину до временъ Екатерины II. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался и показываться въ козацкомъ краѣ, а тѣ изъ евреевъ, которые не успѣли бѣжать отсюда, подверглись истребленію или же приняли крещеніе [1]). Проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію Павелъ Алеппскій расточаетъ похвалы свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что въ краѣ не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа". Но не прошло и четверти вѣка послѣ Хмельницкаго, какъ евреи снова стали исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Прежняя народная ненависть и злоба къ нимъ, видимо, была забыта, и евреи, разъѣзжая по ярмаркамъ, не только сознаютъ себя въ полной безопасности, но иные прямо ведутъ себя дерзко, вызывающе по отношенію къ мѣстному населенію. Вотъ, для примѣра, характерная запись въ полтавской актовой книгѣ 1684 года—если не ошибаемся, первое по времени документальное свидѣтельство и пребываніи евреевъ въ гетманщинѣ: „На ярмарку тутейшомъ о Воздвиженіи честнаго креста Господня, жидъ Ицикъ менуе-

[1]) Многіе изъ такихъ «перехрыстовъ» сдѣлались родоначальниками старшинскихъ (впослѣдствіи дворянскихъ) фамилій въ Малороссіи.

мый, з Прилуки мешканець, од суботи до понеделка (13—15 сент.) з многими особами духовними и свѣцкими диспутуючись, значне хулилъ вѣру нашу християнскую; а потомъ, впросившись до Трохима, обывателя полтавского, перегонити горѣлку, посеред ночи в хату уйшол до молодицѣ, хотячи ее зкгвалтовати (изнасиловать), еднакъ тотъ Трохимъ, вже ведле (подлѣ) своеи жоны жида того зловивши, оповѣстилъ врядови". Какъ же поступилъ урядъ съ дерзкимъ евреемъ? „За тое проступство (отмѣчено въ протоколѣ) взято в того жида коня з возомъ и з горѣлкою до двора полковничого". Можетъ быть, съ Ицыкомъ такъ милостиво было поступлено потому, что тогдашній полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ самъ былъ сыномъ крещеннаго еврея, торговавшаго въ Полтавѣ иголками и шпильками.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ 1680-хъ годахъ евреи свободно проживали (хотя и въ маломъ количествѣ) въ Малороссіи, разъѣзжали по ярмаркамъ и торговали водкою. Въ роли осѣдлыхъ корчмарей и шинкаровъ они пока еще не выступаютъ.

Но вотъ предъ нами процессъ о евреяхъ, занимавшихся болѣе предосудительнымъ промысломъ. Дѣло происходило въ Стародубѣ, въ ноябрѣ 1690 года. Незадолго предъ тѣмъ поселился здѣсь еврей Ирша Якубовичъ, „захожій" изъ м. Народичъ, Овручскаго повѣта. Кромѣ двухъ сыновей, при немъ проживали „два жидки молодыхъ" Израиль и Гаврило, которые, „постерегши, знатъ, по немъ шкодливые христіянскому жытыю поступки, отверглися злого ихъ еврейского невѣрыя", приняли крещеніе и были переименованы въ Романа и Михайла. Желая свести какіе-то счеты съ прежними единовѣрцами, эти неофиты выступили въ полковомъ судѣ обвинителями Ирши въ томъ, что онъ, „жывучы межи християнами, маетъ такихъ злочынцовъ, которые, крадучы въ людей конѣ и рѣчы иншыѣ, потаемне продаютъ ему". При этомъ они назвали нѣкоего Петра Кондратенка, какъ одного изъ такихъ „жидовскихъ переводниковъ". Онъ оказался выходцемъ изъ Стеблева, что близъ Корсуня. Его и еврея Иршу съ

двумя сыновьями тотчасъ разыскали и привели въ судъ. Всѣ они, конечно, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но когда Кондратенку пригрозили сѣченіемъ, онъ сталъ виниться и такъ показалъ:

— Жыдъ Ирша Якубовичъ зъ сынами своими подмовили мене на переводню—красты имъ кони, которыхъ южъ я, на розныхъ мисцехъ, въ розныхъ людей укравши зъ десятеро, безцинне (задешево) попродалемъ жыдамъ помененымъ.

Слыша это сознаніе, выкресты Романъ и Михайло прибавили:

— Въ того жъ злочынця Петра жыдъ Ирша не тылко краденые куповавъ кони, але и казаны горилчаные такіе жъ краденые покупывъ.

Кондратенко, „за погрозкою постронковою", долженъ былъ сознаться, что укралъ казаны у нѣкоей Хваихи и продалъ евреямъ.

Старый Ирша „ни до чого не признался", говоря:

— Не знаю того и не видаю; хиба мій сынъ якый безъ видома мого вчынывъ тое.

А обвинители все не унимались. Выкрестъ Михайло разсказалъ слѣдующее:

— Въ семъ же року 1690, о празницѣ Вознесенія Господня, йидучи мы зъ Мошкомъ Иршовичомъ, жыдомъ, зъ Почеповского ярмарку, сталы на ночлигъ подъ Почепомъ, подля горы Бабынои, де при початку ночи противко цегельни ставши, покилкократне Иршовичъ ходывъ подъ ночлижныкы для крадижкы коней, але вертався, бо брехалы собакы; потимъ, пойшедшы подъ туманъ, ранкомъ, украли двое коней, зъ которыхъ едного позналъ Заруцкій, а другого Мошко мни отдавъ, а я того коня проминявъ на діоготь. А старый Ирша на самый празныкъ Рождества Богородицы, въ Яремы, такого жъ злодія, купывъ четверо коней и попродавъ рознымъ людемъ на сторону.

Романъ разсказалъ еще худшее о другомъ сынѣ Якубовича, Копелѣ Иршовичѣ:

— Едного разу оный Копель, звирывшися мни, яко жыдови такому жъ на тотъ часъ будучому, повидавъ: „Я, прави, и братъ мій слипый, та жыдокъ докторчикъ, который мешкавъ въ городи Коропови, згубилисмо за Христиновкою, за рикою Ушею,[1]) чоловика именемъ Микиту, купца кіевского, которому перше зъ отрутою въ ротъ улили килишокъ горилкы, потымъ оного вожками задавили до смерты“.

Такъ какъ обвиняемые отрицали всѣ эти факты, то въ виду предстоявшаго слѣдствія полковой судъ велѣлъ арестовать Кондратенка и обоихъ Иршовичей, а съ ихъ отца взялъ подписку въ томъ, что по всѣмъ означеннымъ обвиненіямъ онъ обязанъ „успраедливитися зъ доводами певными, где належатиметъ“. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого дѣла не извѣстенъ.

Судя по даннымъ этого документа (и другимъ), можно полагать, что евреи раньше всего стали проникать изъ Бѣлоруссіи и Кіевскаго Полѣсья именно въ сѣверную Украину и что къ концу XVII ст. ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ южныхъ полкахъ. Промышляли они здѣсь перепродажей лошадей по ярмаркамъ, торговали дегтемъ, а нѣкоторые изъ нихъ слыли „докторчиками“, т. е. занимались врачевствомъ. Послѣднее не удивительно, если вспомнимъ, что на Волыни еще во второй половинѣ XVI ст. было немало ученыхъ докторовъ евреевъ, практиковавшихъ среди мѣстныхъ магнатовъ и шляхты; много было евреевъ и между тамошними „балверами“ (фельдшерами). Проникая въ сѣверную Украину, евреи скоро начали арендовать панскіе шинки и корчмы, а попутно съ этимъ занимались конокрадствомъ, устройствомъ воровскихъ притоновъ и сбытомъ краденнаго. Скоро послѣ того ихъ стали обвинять и въ тайныхъ убійствахъ. Неудивительно, что именно въ сѣверной Малороссіи евреи возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, и не далѣе какъ въ 1704 г. въ черниговскомъ полку про-

[1]) Христиновка—нынѣ дер. Овручскаго у., при впаденіи рч. Норыни въ Ушу.

изошелъ настоящій еврейскій погромъ, не распространившійся на другіе полки лишь благодаря принятымъ Мазепою предохранительнымъ мѣрамъ. [1]) А въ гетманство Скоропадскаго и Апостола издается уже рядъ универсаловъ о повсемѣстномъ изгнаніи іудеевъ изъ предѣловъ Малороссіи, и только въ царствованіе Екатерины II они снова пріобрѣли здѣсь право гражданства.

Ор. Левицкій.

[1]) См. очеркъ Н. И. Костомарова „Жидотрепаніе въ начал XVIII ст.", въ Кіевской Старинѣ 1883 г., кн. 1 и 3.

О происхожденіи слова „кацапъ“.

Въ № 301 (1 ноября 1901 г.) газеты „Русское Слово“ напечатана замѣтка Д. И. Эварницкаго: «Что значитъ слово „кацапъ“?».

Указавъ на неудачныя, по его мнѣнію, объясненія Н. И. Костомарова (кацапъ=цапъ, т. е. козелъ) и А. И. Бородая (кацапъ=катъ-цапъ, т. е. палачъ-козелъ), г. Эварницкій пишетъ далѣе:

„Занимаясь въ Архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ документовъ половины XVIII вѣка, въ которыхъ слово „кацапъ“ писалось не съ буквою *ц*, а съ буквою *с*, т. е. не „кацапъ“, а „касапъ“. Обратившись затѣмъ отъ архивныхъ документовъ къ языку туземцевъ Средней Азіи, я узналъ, что у сартовъ есть слово „касабъ“ или „касапъ“, что въ буквальномъ смыслѣ значитъ „мясникъ“ и въ переносномъ—„живодеръ“. Отсюда я и вывожу заключеніе, что теперешнее словъ „кацапъ“ вовсе не русскаго, а восточнаго, правдоподобно—татарскаго происхожденія, какъ слова: деньга́ (по-татарски—„тенга́“), хомутъ („хамутъ“) сундукъ („сандукъ“) и другія, которыя, однако, считаются у насъ за давностью чисто русскими. Идя далѣе, я допускаю, что первоначально кличкою „касапъ“ обзывали русскіе татаръ въ смыслѣ „насильниковъ“, „притѣснителей“, „живодеровъ“; потомъ это слово настолько акклиматизировалось на Руси, что стало считаться чисто мѣст-

нымъ и прикладываться уже къ самимъ русскимъ въ томъ же бранномъ смыслѣ, какъ другое татарское слово „харцызъ" (разбойникъ) акклиматизировалось у простого малороссійскаго населенія и употребляется въ смыслѣ разбойника или злодѣя вообще. Отъ великороссовъ слово „кацапъ" могло быть занесено къ малороссамъ въ эпоху великороссійской боярщины на Украйнѣ, въ XVII вѣкѣ, послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго. По крайней мѣрѣ, такое объясненіе не заставляетъ насъ ни отбрасывать слова, ни вставлять новаго, а лишь допускаетъ замѣну буквы *ц* буквою *с*, да и то оправдываемую архивными документами".

По поводу этой догадки г. Эварницкаго слѣдуетъ замѣтить, что слово *casap* (=перс. ḣasap, т. е. lanio, раздираю; по-арабски—*kassab*), въ значеніи мясникъ, macellarius, отмѣчено уже въ куманскомъ, т. е. въ половецкомъ, словарѣ и слѣдовательно употреблялось половцами побережья Чернаго моря, а можетъ быть и венгерцами еще до 1303 г. [1]). Въ таранчинскомъ, крымскомъ, османскомъ, адербеджанскомъ нарѣчіяхъ и въ чагатайскомъ книжномъ языкѣ также существуетъ слово *кассап* (въ крым. и осм. — въ формахъ *касап* и *хасап*) въ значеніи мясникъ, а въ османскомъ—и въ переносномъ смыслѣ (*адам кассабы*—лютый человѣкъ, деспотъ; *кассап одлу*—мошенникъ, шельма; буквально—сынъ мясника). Въ переведенной троцкими и луцкими караимами книгѣ прор. Даніила встрѣчается слово *кассапчы* въ значеніи палачъ. У крымскихъ татаръ слово *кассап* (=хәссап) даже вошло въ поговорку о мясникѣ и козлѣ: мясникъ хлопочетъ лишь о салѣ, а для козла дѣло идетъ о жизни. [2]).

Что касается перехода въ живомъ говорѣ звука *с* въ *ц* (*касап*, *кассап*, и „кацапъ"), то примѣровъ тому можно найти

---

[1]) См. Com. Géza Kuun, Codex cumanicus (Badapestini, 1880), 101, 267, 323.

[2]) В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Т. II, Спб., 1895—99), 349, 358, 1686 и указатель арабской транскрипціи).

немало. Прямую параллель можно указать хотя бы въ словѣ „харцызъ", на которое ссылается г. Эварницкій и которое донынѣ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Соотвѣтствующее нашему „харцызу" слово въ крымскомъ и османскомъ нарѣчіяхъ звучитъ *хырсыз* (тоже въ значеніи воръ, разбойникъ), съ несомнѣннымъ *с*, что отчасти подтверждается и транскрипціей въ текстахъ араб., осман. и греч. Если же сопоставлять наше слово „харцызъ" съ крымскимъ и османскимъ *карарсыз* и *харарсыз* (въ знач. непостоянный, безпокойный), то въ приставкѣ *сыз* (=безъ) звукъ *с* тоже не подлежитъ сомнѣнію. [1])

Такимъ образомъ, чтобы найти созвучія для малорусскаго слова „кацапъ" въ тюркскихъ нарѣчіяхъ, нѣтъ нужды обращаться непремѣнно къ языку туркменъ-сартовъ: слово это, въ прямомъ и переносномъ значеніи своемъ, получило, повидимому, съ давней поры, распространеніе и у другихъ тюрковъ, находившихся въ культурномъ взаимодѣйствіи съ южной Русью, именно у половцевъ, османлисовъ или малоазійскихъ сельджуковъ, крымскихъ татаръ, а также у литовскихъ караимовъ, выходцевъ изъ Крыма, усвоившихъ языкъ послѣдняго.

Догадка г. Эварницкаго о странствованіяхъ слова „*кассап*" отъ татаръ въ Великую Россію, а оттуда въ Малую, конечно, мало убѣдительна и не можетъ быть принята. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы г. Эварницкій опубликовалъ выдержки изъ архивныхъ документовъ, на которые ссылается въ своей замѣткѣ.

По поводу соображеній г. Эварницкаго г. Г. Б. въ газетѣ „Кіевлянинъ" (№ 308—7 ноября 1901 г.) предлагаетъ свою догадку.

„Мнѣ кажется—пишетъ г. Г. Б.—болѣе вѣроятнымъ, что слово „кацапъ" (а не касабъ)—еврейскаго корня. На талмудическомъ языкѣ глаголъ „кацебъ" означаетъ буквально—*рѣзать* (трак. бецца, л. ii), а въ переносномъ—*опредѣлять*. Отсюда

---

1) В. Радловъ. Опытъ, II, 158 и 1720 сл.

употребляемое и въ настоящее время у евреевъ слово „ка́цабъ“ означаетъ: рѣзникъ-мясопромышленникъ, въ отличіе отъ „шохетъ“—рѣзника, занимающагося исключительно убоемъ скота по еврейскому религіозному обряду.

Можно допустить, что сказанное слово перешло въ русскій языкъ уже въ старину отъ занимавшихся скотоводствомъ половцевъ-куманъ, среди которыхъ, какъ полагаютъ ученые, были и іудеи, чѣмъ и объясняется присутствіе въ куманскомъ словарѣ нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, какъ, напр. *тóра* (законъ) и др.“

Эта догадка возбуждаетъ большія сомнѣнія.

Совершенно вѣрно, что глаголъ *kazaw*, и производныя причастія и прилагательныя, встрѣчается въ древне-еврейскомъ и притомъ не только въ языкѣ талмуда, но и въ библіи (1 кн. царствъ, VI, 25; II кн. царствъ, VI, 7; Пѣснь пѣсней—IV, 2) въ значеніи рѣзать, распредѣлять. Произносить это слово можно и *kazaw*, и *kazab*, такъ какъ въ текстахъ безъ пунктуаціи разница между еврейскими *b* и *w* исчезаетъ. Въ подобныхъ случаяхъ сефарды произносятъ *б*, а ашкенази (почти всѣ русскіе евреи) произносятъ *w*. Въ талмудѣ (тракт. Беца, 11, 25 et pas.) слово *kazow* употребляется въ значеніи мясника, разрѣзывающаго и распредѣляющаго части животныхъ по сортамъ. Въ этомъ значеніи слово перешло и въ еврейскій жаргонъ, на которомъ мясникъ именуется *kazow*, но произносится *kazew* (подобно древнееврейскому *ganow*, воръ, которое произносится *ganew*, и т. п.). Слово *kazew* у современныхъ русскихъ евреевъ означаетъ рѣзника низшаго ранга, въ отличіе отъ шохета, который послѣ ритуальнаго зарѣза животнаго не прикасается уже къ тушѣ. Ремесло *kazow'a* или *kazew'a* не пользуется особымъ почетомъ въ еврейскихъ народныхъ понятіяхъ; такъ, на жаргонѣ есть пословица: когда kazew отошелъ отъ колоды (для разрубливанія мяса), подбѣгаетъ собака [1]).

---

[1]) За сообщеніе этихъ подробностей о еврейскомъ kazow'ѣ приношу благодарность А. Цейтлину. Слова *kasah*, *kazaw*, *kaza* и *kazaf*—см. въ евр. словарѣ Фишера, изд. 1827 г., 441, 783 и 785.

Такимъ образомъ, созвучіе словъ и общность обозначаемыхъ ими понятій и въ данномъ случаѣ неоспоримы. Но г. Г. Б. ничѣмъ не установилъ отношеніе талмудическаго *kaгow* къ соотвѣтственнымъ персидскимъ и тюркскимъ словамъ; между тѣмъ переходъ нѣкоторыхъ персидскихъ и тюркскихъ словъ въ арамейскій языкъ и затѣмъ въ талмудъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. [1]) Тѣмъ менѣе можно считать доказаннымъ позаимствованіе куманскаго *kasop* отъ талмудистовъ-евреевъ. Приводимое г. Г. Б. въ видѣ аналогіи др. евр. слово *torah* въ значеніи законъ въ куманскомъ словарѣ и глоссахъ не встрѣчается [2]). Вообще, вліяніе языка талмуда на куманское нарѣчіе донынѣ, сколько извѣстно, никѣмъ не установлено; о ближайшихъ связяхъ половцевъ съ евреями также молчатъ изданные пока источники. Исторія термина *caгow* въ древнееврейской письменности требовала-бы ближайшаго изслѣдованія, такъ какъ простая созвучность словъ, очевидно, недостаточна для догадокъ, подобныхъ высказанной г. Г. Б. [3]). Поэтому, до представленія дальнѣйшихъ доказательствъ, теорія позаимствованія малорусскаго „кацапъ" у евреевъ при посредствѣ половцевъ должна быть признана произвольною. Если полагаться на созвучія, то едва-ли не правдоподобнѣе всего искать ближайшую для насъ родину этого браннаго слова у крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Въ языкѣ нерѣдко сохраняются драгоцѣнные слѣды пережитыхъ моментовъ исторіи и культурныхъ отношеній народовъ.

---

[1]) Géza Kuun, op. c., LXIX.

[2]) Есть, правда, въ томъ же значеніи формы torä, törä и toura (исправленное другой рукой въ törä. Ср. еврейскій выговоръ *тойра*). Однако, ученый издатель половецкаго словаря гр. Геза Кунъ призналъ возможнымъ сопоставить эти куманскія формы съ казанскимъ *türä*, судья, и съ чагатайскимъ törä, законъ, но не съ евр. *torah*.

[3]) Такъ, напр., въ венгерскомъ тоже встрѣчается глаголъ *kaszabol* (чит. ка́сабол) въ значеніи раздѣлывать свиную тушу, рѣзать, рубить на части, но оно происходитъ отъ славянской косы (венгер. *kasza*).

Но при обсужденіи судьбы словъ и связанныхъ съ ними понятій и явленій недостаточно простыхъ созвучій: необходимо прослѣдить исторію словъ по помятникамъ письменности и въ живыхъ говорахъ, и лишь при этомъ условіи возможно разсчитывать на прочные результаты. Любителямъ созвучій слѣдуетъ вспомнить хотя-бы печальную участь работъ покойнаго дилетанта филолога Платона Лукашевича, многочисленные корнесловы котораго не принесли пользы наукѣ, ибо ничего не уяснили.

Н. М.

Николай Ильичъ Стороженко

(*по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности*).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года окончилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора московскаго университета, Николая Ильича Стороженка, одного изъ лучшихъ шекспирологовъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Англіи, гдѣ онъ былъ избранъ вице-президентомъ „Новаго Шекспировскаго Общества". Занимая каѳедру всеобщей литературы, Н. И. Стороженко главныя свои работы посвятилъ изученію и разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ разнообразными литературными теченіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, и въ то-же время, будучи уроженцемъ Малороссіи, онъ удѣлялъ свои немногіе досуги талантливому освѣщенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни своей родины, по преимуществу дѣлясь плодами своихъ изслѣдованій съ нашимъ изданіемъ. Это послѣднее не только даетъ намъ право, но и обязываетъ насъ посвятить имени уважаемаго нашего сотрудника нѣсколько страницъ въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины".

Н. И. Стороженко, принадлежа къ старинному козацкому роду, внесенному давно уже въ родословныя дворянскія книги нѣсколькихъ малорусскихъ губерній, родился 30 мая 1836 года въ полтавской губерніи, въ прилуцкомъ уѣздѣ. Воспитаніе свое получилъ онъ въ кіевской I-ой гимназіи, а затѣмъ въ москов-

скомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что занятія его въ студенческій періодъ направлены были, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ въ значительной долѣ, на изученіе исторіи Малороссіи и малорусской этнографіи. Свидѣтельствуетъ объ этомъ не только то, что первой его печатной работой, еще на студенческой скамьѣ, считается разборъ извѣстнаго малорусскаго литературнаго сборника, изданнаго въ Саратовѣ Костомаровымъ и Мордовцевымъ, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1859 года, но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія изъ его переписки въ 50-хъ г. съ двоюроднымъ братомъ В. А. Стороженкомъ, которыя имѣются у насъ въ рукахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 3 марта 1857 года онъ пишетъ: „Въ минуты досуга и свѣтлаго настроенія я продолжаю заниматься исторіею Малороссіи и успѣлъ состряпать статейку по поводу изданія Кулиша „Записки о Южной Руси;“ хочу отдать ее въ „Русскій Вѣстникъ“, но не знаю, примутъ-ли. „Мѣсяцъ спустя, отправившись въ Петербургъ, онъ сообщаетъ своему корреспонденту слѣдующія интересныя строки въ письмѣ отъ 7-го апрѣля: „Петербургъ полонъ искушеній. Захотѣлось-бы побывать вездѣ, а это стоитъ много, а самое главное—тамъ есть хорошій польскій книжный магазинъ Вольфа, до котораго я хочу добраться. Въ послѣднее время вышло множество любопытныхъ вещей, касающихся исторіи Малороссіи, и чтобъ пріобрѣсть ихъ, нужно истратить до 100 руб. серебр., потому что польскія изданія очень дороги въ Петербургѣ.... Мнѣ обѣщали дать кое-что за мой разборъ Кулиша“. Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, была-ли напечатана эта статья гдѣ нибудь,—но въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года мы ея не нашли. Что увлеченіе Н. И. Стороженка своей родной исторіей и всѣмъ, связывавшимъ его съ родиной, не прекращалось въ годы его студенческой жизни, видно еще и изъ послѣдующаго письма къ тому-же В. А. Стороженку, писаннаго изъ Петербурга 24 іюня 1861 года. „Въ Петербургѣ я познакомился со многими малороссами на концертѣ, данномъ въ пользу семейства

Шевченка; видѣлъ Алексѣя Петровича Стороженка,[1]) но по своему странному характеру не подошелъ къ нему. Если поѣду осенью, то непремѣнно познакомлюсь и поклонюсь отъ Васъ. Теперь легко это сдѣлать. Онъ бываетъ на вечерахъ у Черненка,[2]) устроенныхъ въ пользу семейства Шевченка съ платой за входъ по 50 к. Вечера эти имѣютъ исключительно національный характеръ; тамъ говорятъ исключительно по-малороссійски, Чумачевскій и Артемовскій поютъ малороссійскія пѣсни, словомъ—это авангардъ возрождающейся Малороссіи. Въ Москвѣ есть тоже подобныя собранія и называются *громадой*, но въ нихъ принимаетъ участіе только молодежь. Цѣль этой громады весьма похвальная: она хочетъ издавать книги для народа на малороссійскомъ языкѣ, но по сю пору не издала ничего."

Окончивъ Московскій университетъ, Николай Ильичъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ въ гимназіи и въ военномъ училищѣ. Въ этотъ періодъ онъ впервые заявилъ себя, какъ ученый, занявшійся изученіемъ Шекспира, результатомъ чего были публичныя лекціи, прочитанныя имъ въ Москвѣ въ 1864 году. Начиная съ этого времени, молодой ученый отдается главнымъ образомъ изученію великаго англійскаго драматурга и эпохи, современной ему, равно и предшествовавшей. Для этихъ занятій онъ проводитъ два года за границей, преимущественно въ Англіи. Плодомъ этихъ изученій былъ цѣлый рядъ его печатныхъ работъ, изъ которыхъ магистерская диссертація подъ заглавіемъ: „Предшественники Шекспира", напечатанная въ 1872 году, доставила ему всеобщую извѣстность и открыла для него каѳедру по исторіи все-

---

[1]) Извѣстный малорусскій беллетристъ—Олекса Стороженко.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Черненко группировалъ вокругъ себя малороссовъ, жившихъ въ Петербургѣ. Къ нему, напримѣръ, направлены были всѣ письма художника Г. Н. Честаховскаго, описывавшія въ 1861 году проводы гроба Т. Шевченка изъ Петербурга на Украину, похороны поэта подлѣ Канева и устроеніе его могилы. (См. Кіевс. Стар. 1898 г. № 2).

общей литературы въ Московскомъ университетѣ. Съ этихъ поръ Николай Ильичъ Стороженко безпрерывно работаетъ, какъ ученый спеціалистъ, надъ вопросами всеобщей литературы, и одновременно ведетъ чтеніе лекцій въ университетѣ, позднѣе—на высшихъ женскихъ курсахъ, въ театральномъ училищѣ; затѣмъ принимаетъ онъ на себя предсѣдательство въ литературно-театральномъ комитетѣ и въ обществѣ любителей россійской словесности; наконецъ, беретъ онъ на себя обязанность библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ. Во всей этой дѣятельности своей Николай Ильичъ успѣваетъ заслужить всеобщее уваженіе къ себѣ, такъ какъ на каѳедрѣ, въ роли профессора и талантливаго лектора публичныхъ лекцій, онъ приковываетъ вниманіе слушателей богатымъ содержаніемъ лекцій и блистательнымъ изложеніемъ ихъ; какъ авторъ многочисленныхъ статей, интересныхъ и поучительныхъ по самымъ темамъ своимъ, онъ обнаруживаетъ въ нихъ стремленіе къ освѣщенію лучшихъ сторонъ въ человѣкѣ (Философія Донъ-Кихота; Апостолъ гуманности и свободы—Теодоръ Паркеръ; Поэзія міровой скорби,—и др.), и тѣмъ, естественно, вызываетъ въ обществѣ чувства высокой благодарности; какъ предсѣдатель въ обществѣ любителей россійской словесности, онъ заботится объ интересномъ содержаніи засѣданій его и устраиваетъ ихъ открытыми для публики; наконецъ, какъ библіотекарь въ Румянцевскомъ музеѣ, онъ тщательно пополняетъ библіотеку и по собственной инпціативѣ устраиваетъ возможность публикѣ пользоваться особымъ научно-популярнымъ отдѣломъ въ читальномъ залѣ. Однимъ словомъ, Николай Ильичъ Стороженко сдѣлался для Москвы однимъ изъ популярнѣйшихъ гражданъ ея, и казалось-бы, въ силу этого, могъ сознавать себя совершенно оторваннымъ отъ родной ему Малороссіи. Однако не заглохли въ немъ тѣ юношескія увлеченія своимъ роднымъ краемъ, которыя нами были уже указаны, а отозвались они и въ зрѣлые годы его жизни, сохранились и до настоящаго времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, помимо всего прочаго, его сочувственное отношеніе къ нашему изданію, достиженію цѣлей и задачъ котораго онъ, по мѣрѣ возможности, всегда помогалъ

своимъ, очень цѣннымъ для насъ, сотрудничествомъ. Отвлекаемый своими спеціальными занятіями по всеобщей литературѣ далеко въ сторону отъ сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Малороссіи, онъ, однако-же, находилъ возможнымъ удѣлять немногіе досужные свои часы освѣщенію интересныхъ страницъ въ жизни того поэта, въ которомъ, какъ фокусѣ, сосредоточены до сихъ поръ всѣ основные лучи новой украинской поэзіи: Шевченко въ малорусской литературѣ, подобно Шекспиру въ англійской, сталъ для Н. И. Стороженка главнымъ предметомъ его изученія. Результатами этихъ своихъ изученій онъ и дѣлился по преимуществу съ „Кіевской Стариной".

Первой статьей, открывшей сотрудничество Н. И. Стороженка въ „Кіевской Старинѣ", была очень интересная его работа: „Первые четыре года ссылки Шевченка" (1888 г. № 10), написанная въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ М. Чалаго: „Жизнь и произведенія Шевченка", и составленная по письмамъ поэта къ кн. В. Н. Репниной и по разсказамъ Ѳ. М. Лазаревскаго. Этой статьей Н. И. Стороженко нѣсколько приподнялъ ту завѣсу, за которой почти скрыты были тяжкіе для Шевченка годы его ссылки, тѣмъ болѣе, что переписка съ кн. Репниной считалась безвозвратно потерянной. Продолженіе разработки этого періода ссылки поэта пришлось Н. И. Стороженку сдѣлать на основаніи любопытнѣйшаго матеріала, ставшаго для него доступнымъ благодаря разрѣшенію Министра Внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново,—это „Дѣло о художникѣ Шевченкѣ", хранящееся въ архивѣ департамента полиціи. Первая статья Н. И. Стороженка, составленная по этимъ документамъ, помѣщена была въ „Кіевской Старинѣ" 1893 г. № 3 подъ заглавіемъ: „Новые матеріалы для біографіи Шевченка", и подъ тѣмъ-же заглавіемъ вторая статья въ 1898 г. № 3. Уже самое указаніе того источника, откуда взятъ былъ матеріалъ для этихъ двухъ статей, служитъ свидѣтельствомъ, насколько цѣнны были тѣ немногія страницы, которыя составили богатый вкладъ въ сокровищницу біографическихъ данныхъ изъ жизни поэта.

Сверхъ этихъ основныхъ матеріаловъ по изученію Шевченка, Н. И. Стороженко сообщилъ въ нашъ журналъ найденное имъ въ томъ-же дѣлѣ стихотвореніе: „Славянамъ", которое онъ считалъ принадлежащимъ перу Шевченка (напечатано въ 1897 г. № 10), но которое возбудило у другихъ ученыхъ сомнѣніе въ авторствѣ Шевченка, вслѣдствіе чего Ник. Ильичъ прислалъ пояснительную замѣтку свою, гдѣ онъ отчасти соглашается съ тѣмъ, что въ этомъ стихотвореніи, можетъ быть, большая доля авторства принадлежитъ Костомарову, но часть его возможна и въ творчествѣ Шевченка (напеч. въ 1899 г. № 12).

Есть и еще одна маленька замѣтка, присланная Николаемъ Ильичемъ въ „Кіевскую Старину" (1894 г. № 2), — по поводу стихотворенія „Свячена вода" А. И. Псіолъ. Стихотвореніе это, не бывшее раньше извѣстнымъ въ печати, часто вспоминалось Шевченкомъ въ ссылкѣ, о чемъ онъ и писалъ къ друзьямъ, прося прислать ему эти стихи. Тутъ-же сдѣлана авторомъ замѣтки поправка къ изданію „Кобзаря" Шевченка 1889 г., въ которомъ было напечатано стихотв. „До сестры" приписанное Шевченку; на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, Николай Ильичъ указалъ, что это стихотвореніе принадлежитъ перу той-же А. И. Псіолъ, вслѣдствіе чего въ послѣдующихъ изданіяхъ „Кобзаря" оно уже выброшено.

Вотъ тѣ, повидимому немногіе, но очень цѣнные матеріалы, которые сообщены были Н. И. Стороженкомъ нашему изданію; за сотрудничество это редакція не можетъ не выразить ему своей глубочайшей признательности, тѣмъ болѣе, что она освѣдомлена о томъ, какъ дорога Николаю Ильичу каждая минута для его спеціальныхъ занятій. Такая отзывчивость его къ цѣлямъ и задачамъ, преслѣдуемымъ нашимъ изданіемъ, объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ, многолѣтній москвичъ, не прерывалъ связей съ родной и дорогой ему Украйной. Имѣя помѣстье въ Лохвицкомъ уѣздѣ, въ с. Мормизовкѣ, Николай Ильичъ почти ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводилъ на родинѣ, интересуясь всѣмъ тѣмъ, что составляетъ характерныя черты въ ея жизни, и слѣдя постоянно за литературнымъ движеніемъ въ малорусской пись-

менности: намъ извѣстенъ фактъ, что одному изъ кіевскихъ книгопродавцевъ имъ поручено высылать ему всѣ книжныя новости по части южнорусской письменности. Надѣясь въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины“ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя касаются времени пребыванія его минувшимъ лѣтомъ у себя на родинѣ, мы теперь закончимъ нашу замѣтку о немъ пожеланіемъ глубокоуважаемому юбиляру сохранить на много лѣтъ силы, здоровье и бодрость духа для трудовъ своихъ на пользу общественную и для блага его родины.

Н. В. ШУГУРОВЪ.

(*Некрологъ*).

6 ноября скончался въ г. Нѣжинѣ отъ паралича сердца одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего журнала, Николай Васильевичъ Шугуровъ. Покойный родился въ 1843 г., въ Черниговской губерніи. Учился Н. В. въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1861 г. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Въ Москву влекла покойнаго громкая слава Московскаго университета того времени, а выборъ факультета, по словамъ Н. В-ча, былъ обусловленъ чистою случайностью: въ IV классѣ гимназіи ему предстояло избрать для изученія латинскій языкъ или законовѣдѣніе; онъ избралъ послѣднее, а для поступленія въ университетъ требовался экзаменъ изъ латыни. Кое-какъ Н. В. приготовился къ экзамену. Но поступающихъ на историко-филологическій факультетъ, къ которому тяготѣли симпатіи Шугурова, экзаменовалъ Леонтьевъ, и экзаменовалъ сравнительно строго, а будущихъ юристовъ экзаменовалъ другой профессоръ, и экзаменовалъ легко. Это и рѣшило выборъ факультета Ш-вымъ.

Окончаніе Н. В. университетскаго курса совпало съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которымъ Ш-въ и посвятилъ свои силы до послѣдней минуты. Послѣ непродолжительной службы въ Москвѣ и Петербургѣ, Н. В. назначенъ былъ товарищемъ

прокурора въ Симбирскъ, а скоро потомъ получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя Одесскаго окружного суда. Съ этого времени Н. В. не покидалъ Юга Россіи. Но и въ Одессѣ Н. В. оставался не долго. Ладить съ власть имущими онъ не умѣлъ, постоять за свои интересы тоже, и его, вскорѣ по закрытіи отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, назначили на ту-же должность въ глухой Стародубъ. Тяжело жилось покойному, по его словамъ, въ первые годы на новомъ мѣстѣ. Но мало по малу онъ свыкся съ новыми условіями и сумѣлъ внести свѣтлый лучъ въ захолустную жизнь. Н. В. и въ глуши не отсталъ отъ культурной жизни: онъ съ любовью отдается чтенію по интересующимъ его вопросамъ искусства, изучаетъ прошлое своей родины, которую онъ горячо любилъ. Его поэтическая натура выразилась въ рядѣ стихотвореній, часть которыхъ была издана, безъ его вѣдома, въ видѣ сборника подъ псевдонимомъ Майскаго [1]). Но будучи эстетикомъ, Ш-въ не сторонился и отъ жизни съ ея не-эстетическими мелочами и дрязгами. Его мягкая любвеобильная натура, несмотря на кажущуюся его нелюдимость, искала сближенія съ людьми. Въ Стародубѣ ему удалось найти людей, близкихъ по настроенію; онъ сошелся съ А. С. Лашкевичемъ, кн. Н. Д. Долгоруковымъ, С. А. Сребдольскимъ, проф. Спб. консерваторіи А. Н. Рубцомъ. Въ скучную, монотонную жизнь уѣзднаго города онъ вноситъ оживленіе, являясь устроителемъ литературныхъ вечеровъ, чтеній и т. п.

На ряду съ этимъ Н. В. отдавалъ много времени и своимъ служебнымъ занятіямъ. Его трудолюбіе, строгая логичность, стремленіе доискаться истины, рѣдкая наблюдательность сдѣлали изъ него превосходнаго юриста-практика. Умѣнье въ немногихъ словахъ изложить суть дѣла и полная объективность придавали особую цѣну его заключительнымъ рѣчамъ. Въ 1887 г. Н. В. былъ назначенъ членомъ Кіевской судебной палаты; здѣсь его способности и познанія были оцѣнены по достоинству. Сверхъ

---

[1]) Думы и пѣсни Н. В. Майскаго Спб. 1882.

прямыхъ служебныхъ обязанностей, на него возлагается рядъ порученій по обревизованію судебныхъ учрежденій, и Н. В. всегда умѣлъ съ честью справиться съ этими, иногда очень нелегкими, задачами. „Большею частью, говоритъ Н. Г. Тальбергъ, эти порученія вызывались жалобами и донесеніями о тѣхъ или иныхъ безпорядкахъ въ судебной дѣятельности. При исполненіи такихъ порученій, нерѣдко очень щекотливыхъ, необходимы большая осторожность и тактъ. Строгій въ случаяхъ дѣйствительной виновности, чуткій къ нарушенію достоинства и авторитета судебной власти, Н. В. Шугуровъ умѣлъ вникать въ сущность событія и въ обстоятельства, окружавшія или обусловливавшія послѣднее, и вносилъ въ свои изслѣдованія доброе сердце".

„Его отчеты писались такъ, что читались съ большимъ удовольствіемъ, а талантливыя, живыя, полныя наблюдательности и остроумія характеристики лицъ и положеній давали такія обстоятельныя и художественныя картины жизни суда, что иногда прямо просились въ беллетристическое произведеніе... Лица, которыхъ непосредственно близко касались эти изслѣдованія, были многимъ обязаны Н. В. Шугурову". (Кіевлянинъ, 1901, № 312).

Съ переѣздомъ Ш—ва въ Кіевъ начинается новая полоса и въ его литературной дѣятельности. Въ 1888 г. близкій знакомый его еще по Стародубу, покойный А. С. Лашкевичъ, взялъ на себя изданіе „Кіевской Старины". Н. В. вошелъ въ составъ кружка, сгруппировавшагося вокругъ журнала, и до самой смерти принималъ въ „Кіевской Старинѣ" дѣятельное участіе. Рядъ статей, замѣтокъ и рецензій покойнаго, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" въ теченіе 1889—1901 г., носитъ на себѣ отпечатокъ его характерныхъ особенностей. Малорусская этнографія, малорусское искусство, біографіи выдающихся дѣятелей въ сферѣ культурной жизни Малороссіи—вотъ области, къ которымъ относятся работы Н. В. Тщательность въ изслѣдованіи, прекрасная литературная обработка отличаютъ эти работы. Самой крупной изъ нихъ была біографія И. Ѳ. Тимковскаго (К. Ст. 1891, кн. 8, 9, 10), о которой историкъ Харьковскаго университета отзывается какъ о „чрезвычайно

важной монографіи" (проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, ч. I стр. 3).

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью Н. В. принялъ мѣсто предсѣдателя Нѣжинскаго окружного суда. Но и переселившись въ Нѣжинъ, онъ не порвалъ связи съ Кіевомъ, гдѣ у него оставалось много друзей. Смерть застигла его неожиданно, среди работы. Похороны его привлекли множество народа изъ всѣхъ слоевъ нѣжинскаго общества; на гробъ его было возложено нѣсколько вѣнковъ. Рѣчей на могилѣ не было, но одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго произнесъ у раскрытой могилы прочувствованное стихотвореніе.

Н. В. оставилъ цѣнную библіотеку, а также, будучи знатокомъ живописи, собралъ прекрасную коллекцію рисунковъ и картинъ изъ малорусской жизни.

Неожиданная кончина Н. В. Шугурова является тяжелой утратой для общества, такъ нуждающагося въ носителяхъ чистыхъ и свѣтлыхъ взглядовъ на жизнь, чувствительнымъ ударомъ для судебнаго міра, гдѣ такъ необходимы честные и талантливые работники, и горестнымъ событіемъ для нашей редакціи, такъ сжившейся за 14 лѣтъ совмѣстной работы съ своимъ неоцѣненнымъ сотрудникомъ.

—

Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь перечень статей, разновременно напечатанныхъ покойнымъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть изъ нихъ была подписана только иниціалами, и, слѣдовательно, авторство ихъ можетъ въ недалекомъ будущемъ забыться послѣдующими поколѣніями.

статьи и замѣтки.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта (89, V—VI).

Илья Ивановичъ Квитка (90, III).

Илья Өеодоровичъ Тимковскій (91, VIII—X).

Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая (91, XII).

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома (93, II).

К. А. Трутовскій (некрологъ) (93, IV).

Къ воспоминаніямъ объ Аѳ. Вас. Марковичѣ (93, V).

По поводу одного стихотворенія Шевченка (93, VIII).

Предписаніе кн. Репнина по поводу холеры 1830 года (93, X).

Андріолли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта (94, I).

О рисункахъ Шевченка (94, II).

Предисловіе къ воспоминаніямъ Ег. Ѳед. Тимковскаго (94, III).

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ (94, III).

Живописная Украина. Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта за 1894 г. (95, II).

Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики (95, V).

Поднесеніе черниговскимъ дворянствомъ малорос. ген.-губернатору кн. Куракину золотой вазы (95, VI).

О малорусской одѣ П. Данилевскаго (95. VII—VIII).

Воспоминаніе о Тимковскихъ (98, XI).

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій (99, II).

Туманскій и Мицкевичъ (99, III).

Еще изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, IV).

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, VI).

Памяти В. В. Тарновскаго (99, VII).

Къ портрету Ил. Ѳ. Тимковскаго (99, XII).

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ (900, II).

Рецензіи на слѣд. изданія.

Часопись правнича 1889, кн. I—IV (89, XI).

Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія (90, VII).

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. П. Тарновскаго (93, VI).

Горленко В. В. Шевченко живописецъ и граверъ (ibid).

Рѣдинъ. Харьковъ, какъ центръ художественнаго образова ія юга Россіи (94, V)

Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ (95, IV).

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Гоголя (95, VI).

Провідник по виставі краевій у Львові (95, VII—VIII).

Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894 (ibid).

Album du Monde Illustré. La Russie et les russes (95, IX).

Пѣсни кубанскихъ козаковъ, вып. I—IV (97, VII—VIII).

Очерки Малороссіи (приходская библіотека, ред. Шемякина, т. V) (ibid).

Верещагинъ В. А Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX ст. 1720—1820 (98, VII—VIII).

Рѣпинъ И. Е. Альбомъ картинъ и рисунковъ (98, X).

Иллюстрированный путеводитель по юго-зап. жел. дорогамъ (98, XII).

Новые художественные журналы (99, I).

Черниговская памятка (99, VI).

Изъ украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Самокиша (900, VI).

Galicia w obrazach (900, VI).

Шрамченко Н. А. Воспоминанія и стихотворенія (901, IV).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Н. В. Шугурова. Поминая такъ неожиданно утраченнаго нами Николая Васильевича, сообщаемъ здѣсь двѣ-три черты изъ его общественной дѣятельности. Дѣятельность эта выражалась двояко: какъ судьи и какъ литератора. Почти вся литературная дѣятельность Н. В. исходила изъ его родинолюбія. Все, что касалось его родины и, особенно, что касалось этнографическихъ особенностей послѣдней, всегда вызывало въ Н. В. особое вниманіе, особую пытливость, и всегда онъ старался при этомъ закрѣпить печатью то или другое вновь имъ встрѣченное явленіе изъ старой или новой жизни этой родины.—Вотъ поэтому Н. В. былъ однимъ изъ неизмѣнно усердныхъ сотрудниковъ «Кіевской Старины», въ которой онъ видѣлъ *книгу для записки*—на память грядущему времени—всякаго интереснаго факта изъ исторіи дорогой ему родины.

Возвращаясь въ этомъ году съ каникулъ въ Нѣжинъ, Н. В. заѣхалъ къ намъ, въ нашъ хуторъ, и прожилъ здѣсь съ недѣлю, наполняя время то переглядываніемъ тѣхъ или другихъ книгъ и бумагъ, то—прогулками по саду, при чемъ все это онъ дѣлалъ съ свойственной ему *тихостью,* исходившею изъ всегдашняго желанія—никого не обезпокоить, никому не помѣшать... На этотъ разъ онъ заинтересовался только что полученною книжкою—*Литература украинскаго фольклора*, появленію которой особенно радовался, видя тутъ попытку—*перечня всего, что было напечатано по южно-русской этнографіи.* Тутъ же занялся Н. В. и дополненіями книжки г. Гринченка, которыя затѣмъ и перенесъ на страницы «Кіевск. Стар.». [1])

[1]) Въ сентябрьской книжкѣ.

Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, мы посѣтили Николая Васильевича въ Нѣжинѣ, откуда еще раньше условились побывать на могилѣ два года назадъ умершаго нѣжинскаго земца В. Я. Макарова, котораго оба мы и любили и уважали за его нелицепріятвую общественную дѣятельность. Посѣтивъ могилу В. Я. Макарова въ его родномъ селѣ Липовомъ-Рогѣ, мы тутъ-же заѣхали въ домъ его дочери Е. В. Разгоновой, гдѣ застали гостившую вдову старшаго брата В. Я. Макарова—Николая Яковлевича. Извѣстно, что подъ именемъ послѣдняго покойный Кулишъ печаталъ свои писанія во время наложеннаго на него послѣ 1847 г. запрета. (Такимъ образомъ „Николай М." явился, напр., авторомъ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя»). Н. Я. Макаровъ близко былъ причастенъ къ кружку «Основы», зная о чемъ, Н. В. давно искалъ встрѣчи съ его вдовою, чтобы узнать—не осталось-ли послѣ Н. Я. Макарова какихъ-нибудь интересныхъ бумагъ.—При совмѣстномъ нашемъ посѣщеніи Липова-Рога, Н. В. этого не успѣлъ сдѣлать, но сдѣлалъ это позже. По этому случаю онъ и написалъ это *послѣднее* къ намъ письмо, которое мы находимъ умѣстнымъ теперь же напечатать, желая на фактѣ показать—какъ непрестанно Николай Васильевичъ заботился о сохраненіи и обнародованіи всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя заключали въ себѣ тотъ или другой матеріалъ для исторіи нѣжно любимой имъ родины.

«Ми—ув. А. М.! Бывши у меня, вы высказали готовность попытаться достать для меня статью Стасова о Штернбергѣ или тотъ номеръ журнала, въ которомъ она была помѣщена, для чего спрашивали, когда именно она была напечатана. Отыскавъ у себя отмѣтку объ этомъ, сообщаю, что статья эта была помѣщена въ *Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ* 1887 г., № 5. Если добудете, буду вамъ очень благодаренъ.

Когда я былъ съ вами въ Липовомъ Рогѣ, вы такъ заторопили меня съ возвращеніемъ (въ Нѣжинъ), что я не успѣлъ разспросить кой о чемъ Ольгу Платоновну (вдову Н. Я. Макарова). Побывавши тамъ еще разъ, я освѣдомился, что у О. П. имѣется большая масса писемъ къ Ник. Як. Макарову отъ Кулиша и Вас. (Мих.) Бѣлозерскаго, а въ меньшемъ количествѣ имѣются письма Шевченка, Тургенева и разныхъ другихъ лицъ... Я совѣтовалъ ей сообщить письма «Кіевск. Старинѣ» для напечатанія, на что она высказала опасеніе, что въ письмахъ, можетъ быть, есть вещи, неудобныя для опубликованія, а ихъ могутъ пропечатать, какъ это сдѣлали съ письмами

Тургенева. При этомъ я узналъ, что имѣющееся въ одномъ изъ писемъ Тургенева выраженіе: «когда-то я находилъ ее красивою, а теперь»... относится къ NN.... Я убѣждалъ (О. П.), что если бы подобныя вещи были въ письмахъ, то «Кіевск. Старина» исключитъ ихъ. Она долго отнѣкивалась, говоря, что самой ей нѣтъ времени перечитать письма, такъ какъ ихъ слишкомъ много, да и трудно разбирать нѣкоторыя изъ нихъ, а на другихъ трудно положиться,—а въ концѣ концовъ высказала, что, если бы я взялъ на себя трудъ перечитать всѣ письма, выбрать то, что можетъ быть интересно для печати, и исключить то, что не слѣдуетъ опубликовывать, то мнѣ она пожалуй довѣрила бы. Я выразилъ готовность это сдѣлать, и она обѣщала, по возвращеніи въ Петербургъ, прислать мнѣ письма. Будьте здоровы. Н. Ш.

P. S. Написалъ на брошюрку С. И. Пономарева рецензію, которая вышла болѣе пространною, чѣмъ сама брошюрка.[1])—8 сентября, 1901». [2]) (Нѣжинъ).

Въ поясненіе къ началу этого письма, находимъ не лишнимъ сказать, что Н. В. старался пріобрѣтать—по книжной части—по возможности все, что относилось къ Малороссіи и къ *искусству* вообще. По части Малороссіи, кромѣ книгъ, Н. В. ревностно собиралъ брошюры, журнальныя статьи, рисунки (изъ разныхъ изданій), однимъ словомъ *все* печатное, такъ или иначе касавшееся родины. Поэтому малорусская библіотека Николая Васильевича заслуживаетъ вниманія. Онъ все собирался рѣшить вопросъ—что̀ сдѣлать съ своимъ книжнымъ достояніемъ послѣ смерти, но, кажется, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ, и библіотека Н. В. можетъ разсѣяться, какъ разсѣялись и другія такія собранія... Осталось послѣ Н. В. и небольшое собраніе картинъ, почти исключительно посвященныхъ Малороссіи, на природу которой любилъ онъ смотрѣть и на картинѣ, у себя въ кабинетѣ, и посѣщая для того разные уголки Черниговщины, Полтавщины и далѣе. Въ послѣднія свои судейскія каникулы Н. В., въ сообществѣ двухъ пріятелей, посѣтилъ днѣпровскіе пороги, которые давно желалъ видѣть.

А. Л.

8 ноября.

---

[1]) Напечатана въ октябрьской книжкѣ К. Стар.

[2]) Сколько мы знаемъ, Н. В. не успѣлъ получить писемъ отъ О. П. Макаровой.

Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ прежней моей замѣткѣ объ „атаманствахъ“[1]) вкралась одна ошибка, а именно: тамъ было сказано, что „парни“[2]) каждаго кутка составляютъ отдѣльное „атаманство“. Это не вѣрно. По точнымъ свѣдѣніямъ въ настоящее время всѣхъ „атаманствъ“ въ Маякахъ три—1) „Куркули“—сюда относятся „кавказьки парни“, они же и „пидкручныкы“; 2) „Сирнычкы“—вторые „кавказьки“ („пидкручныкы“) и „плоськіи“; 3) „Донське“—исключительно изъ „донськихъ парнивъ“. Каждое „атаманство“ имѣетъ своего „атамана“, „пидатамана“ и „писаря“. „Атаманомъ“ избирается человѣкъ, выдѣляющійся изъ общей массы: честный, справедливый, скромный, считающійся умнымъ и разсудительнымъ, вообще человѣкъ, который могъ бы примѣромъ своимъ оказывать облагораживающее вліяніе на парней. Кромѣ того, „атаманъ“ долженъ имѣть еще и имущественный цензъ для гарантіи на случай растраты имъ денегъ „атаманства“. Избравши „парня“ „атаманомъ“, увѣдомляютъ объ этомъ его отца. Раньше, когда въ Маякахъ жили пришлые парни, съ ихъ родителей брали росписки въ томъ, что они отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за растрату сыномъ денегъ „атаманства“. Но теперь не берутъ росписокъ: и безъ нихъ „парни“ знаютъ, что избранный ими „атаманъ“ надеженъ.

„Пидатаманомъ“ избираютъ вполнѣ соотвѣтствующаго помощника, а „писаремъ“—человѣка грамотнаго. Всѣ три лица („атаманъ“, „пидатаманъ“ и „писарь“) избираются сходкой „парней“. Избираются они на годъ. По истеченіи года они должны давать отчетъ въ веденіи денежныхъ расходовъ. „Атаманъ“, выбывающій по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, замѣняется другимъ, чаще всего „пидатаманомъ“; въ этомъ случаѣ взамѣнъ послѣдняго выбираютъ другого изъ среды парней. Общимъ рѣшеніемъ голосовъ „атаманъ“ и вся остальная администрація можетъ быть увольняема до срока и замѣняема новой. „Атаманъ“ пользуется авторитетомъ между „парнями“. Его приказанія и распоряженія, если въ нихъ нѣтъ злоупотребленій, должны быть исполняемы всѣми членами „атаманства“. „Атаманъ“

---

[1]) К. С. 1901 г. за іюль и августъ, Документы, извѣстія и замѣтки.

[2]) Въ Маякахъ „парубки“ наз. „парнями“; также говорятъ не „отаманъ“, а „атаманъ“.

разбираетъ распри между „парнями“ и, если нужно, прибѣгаетъ къ наказаніямъ. Наказанія заключаются въ пощечинахъ, а иногда бываютъ и посерьезнѣй, но никогда не переходятъ въ безчеловѣчные побои. По правамъ и дѣятельности „пидатаманъ“ является помощникомъ атамана. „Писарь“ не имѣетъ особенныхъ правъ, но все же занимаетъ привиллегированное положеніе.

Въ „атаманство“ должны входить всѣ „парни“; къ непоступающимъ всегда и вездѣ относятся враждебно, стараются повредить имъ; поймавъ, напр., стоящаго съ „дивчиною“ парня, не входящаго въ составъ „атаманства“, бьютъ его или же причиняютъ ему другія непріятности.

Каждый членъ „атаманства“ долженъ вносить ежегодно по 1 руб. въ кассу „атаманства“. Деньги эти большею частію идутъ на украшеніе церкви: дѣлаютъ хоругви и т. под.. Впрочемъ, въ одномъ изъ „атаманствъ“, при дурномъ личномъ составѣ, собранныя деньги пропиваются.

Кромѣ этого сбора, собираютъ еще по 10—15 коп. въ мѣсяцъ на „чогъ“—танцы подъ звуки музыки: кларнетъ, бубенъ, скрипка. Эти взносы, впрочемъ, не обязательны. Недостающую сумму денегъ для какой-либо покупки въ церковь пополняютъ въ праздникъ Рождества сборомъ съ „колядокъ“, во время которыхъ „парни“ наряжаются въ военные костюмы, придѣлываютъ погоны, ленты черезъ плечо, небольшія цилиндрическія шапки, мечи, и ходятъ со звѣздою. Во время „колядки“ запѣваетъ „береза“, имѣющій въ отличіе отъ другихъ бумажную медаль и крестъ. Деньги и калачи беретъ „михоноша“.

Отношенія между „атаманствами“ большею частію враждебныя. Въ прежнее время нерѣдко устраивались довольно серьезныя драки, даже съ косами, кольями. Теперь, впрочемъ, „Куркули“ и „Доньськи“ въ мирныхъ отношеніяхъ.

Власть „атаманства“ распространяется и на „дивчатъ“: „дивчина“ одного „атаманства“ не имѣетъ права пригласить къ себѣ „парня“ изъ другого „атаманства“ безъ вѣдома и разрѣшенія своего „атамана“. Въ противномъ случаѣ ей, и прежде всего „парню“, грозятъ побои. Члены же „атаманства“ пользуются свободнымъ доступомъ къ своимъ „дивчатамъ“. Иногда устраиваются „складки“: „парни“ заботятся о выпивкѣ, а „дивчата“—о закускѣ. Въ настоящее время[1])

---

[1]) Запись относится къ августу—сентябрю тек. года. Можетъ быть теперь уже есть «атаманы».

„атаманства“ остались безъ „атамановъ“. (Изъ одного—„атаманъ“ выбылъ вслѣдствіе женитьбы).

Нѣкоторые изъ „парнивъ“ думаютъ, что со временемъ „атаманства“ выведутся совершенно.

По словамъ одного мѣстнаго мѣщанина И. И. Миловидова, лѣтъ 50-ти, который лѣтъ 20 тому назадъ, „а може и бильшъ“, самъ принадлежалъ къ атаманству и даже былъ въ составѣ его администраціи, въ прежнее время „атамана“ избирали на годъ. Когда избирали кого либо „атаманомъ“, онъ ставилъ могарычъ на свои деньги. Если избранный соглашался быть „атаманомъ“, давали знать отцу, чтобы тотъ зналъ о деньгахъ „атаманства“, на случай ухода сына. Избирали подачей голосовъ—одни отходили налѣво, другіе направо; избирался атаманомъ кандидатъ стороны, оказавшейся болѣе многочисленной. Обязанности „атамана“ заключались въ томъ, чтобы держать „парнивъ“ *въ порядкѣ*: когда крестный ходъ—„атаманъ“ долженъ созвать „парнивъ“ для несенія хоругвей и т. п.; онъ же организуетъ на Рождество хожденіе съ „колядою“, при чемъ собранныя деньги тратятся на церковь. „Атаманъ“ охраняетъ границы „атаманства“. Было прежде на весь городъ 2 „атаманства“. Вступать въ „атаманство“ обязательно для всѣхъ, иначе теряешь право гулять съ „дивчатами“. Если поймаютъ съ „дивчиною“ парня, не вступившаго въ „атаманство“, то побьютъ или выкупаютъ въ колодцѣ. Власть „атамана“ была неограничена: его должны во всемъ слушать, ослушниковъ онъ могъ даже бить. Если „атаманъ“ оказывался не годнымъ для дѣла: не имѣлъ вліянія на парней, не держалъ ихъ въ строгости, не могъ управлять,—то его смѣняли новымъ. Раньше „атаманы“ имѣли большое вліяніе на парней: ихъ слушались, уважали, и парни были не такъ балованы. „Атаманства“ пользовались довѣріемъ: разъ священникъ повѣрилъ атаманству 15 руб. на цѣлый годъ (у нихъ не хватило денегъ на покупку церковной утвари).

По словамъ Миловидова подобныя „атаманства“ существуютъ также въ г. Одессѣ по настоящее время на сл. Романовкѣ, Кривой Балкѣ и Молдаванкѣ.

П. П. П.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Попытка учредить въ Балтѣ коммерческое собраніе и городскую общественную библіотеку.* Въ 1841 году балтскіе купцы Кондратовъ, Циконъ и елисаветградскій купеческій сынъ Савельевъ подали балтскому полицiймейстеру слѣдующее прошеніе.

„Движимые любовью къ просвѣщенію и чувствомъ искренняго желанія доставить здѣшнему купеческому обществу, посредствомъ чтенія журналовъ и газетъ, полезныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ промысловъ, и ознакомить съ учеными пособіями торговли, чрезъ совѣты опытныхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ развить въ немъ охоту къ образованію и любознательности и, наконецъ, соединивъ всѣхъ, донынѣ разрозненныхъ, въ одинъ пріятельскій кругъ, доставить скромное, пріятное и полезное препровожденіе времени.

Съ этою благонамѣренною цѣлью, одобренные почетнѣйшими изъ гражданъ и изъявленіемъ участія всего общества, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ видовъ, но, напротивъ, съ собственнымъ пожертвованіемъ, мы рѣшились открыть въ городѣ Балтѣ «коммерческое собраніе», постановивъ для него слѣдующія основныя правила:

1) Коммерческое собраніе имѣетъ пожертвованными и получаетъ издаваемые въ 1841 году:—Воскресное чтеніе, С.-Петербургское и Кіевское; журналы—Библіотеку для чтенія, Русскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Экономъ и Репертуаръ русскаго театра; газеты—Коммерческую газету, Сѣверную Пчелу, С.-Петербургскія Вѣдомости и Одесскій Вѣстникъ.

Эта обильная пища для ума, души и сердца съ 8 ч. утра до 10 пополудни ежедневно предлагается желающимъ для чтенія въ собраніи и, по истеченіи по полученіи журнала мѣсяца, а газеты—недѣли,—на домъ, но не болѣе, какъ на 4 и на 2 дня.

2) Коммерческое собраніе, какъ заведеніе, учреждаемое съ благороднѣйшею цѣлію распространенія общеполезныхъ свѣдѣній и доставленія пріятнаго развлеченія почетнѣйшимъ изъ гражданъ, не принимаетъ никого безъ билета, не въ приличномъ, а кольми паче не въ трезвомъ видѣ, во избѣжаніе чего не содержитъ никакихъ совершенно напитковъ.

3) К. собр. не ограничивается токмо купеческимъ сословіемъ, напротивъ, съ радостію принимаетъ и господъ дворянъ, кои удостоятъ своимъ участіемъ и посѣщеніями, соблюдая, впрочемъ, общія правила и не стѣсняя собою свободы другихъ.

4) За то, чтобы какъ собственностію пользоваться такимъ огромнымъ (по Балтѣ) запасомъ пріятнаго, полезнаго и необходимаго чтенія, назначается самая умѣренная, почти ничтожная, плата, а именно: за годъ 5 р., полгода 3 р. и мѣсяцъ 1 рубль серебромъ. Второй и послѣдній абонементъ принимается только отъ иногороднихъ, временно проживающихъ въ Балтѣ.

5) Сумма, собираемая коммерческимъ собраніемъ, употребляется на наемъ дома, необходимой прислуги и на отапливаніе и освѣщеніе, а затѣмъ на остающіяся деньги, по выбору членовъ, будутъ выписываться еще журналы или полезнѣйшія книги, что все вмѣстѣ навсегда остается собственностью города и служитъ началомъ и основаніемъ общественной библіотеки.

6) Для сохраненія и соблюденія порядка—въ первое собраніе изберутся директоры, о которыхъ своевременно будетъ объявлено градской полиціи, въ вѣдѣніе и покровительство коей поступаетъ заведеніе.

О столь полезномъ предпріятіи, доводя до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, всепокорнѣйше просимъ не оставить Вашимъ ходатайствомъ объ утвержденіи онаго у высшаго начальства, а до того, принявъ въ свое вѣдѣніе и удостоивъ Вашего участія, дозволить начать предварительное образованіе онаго."

Генералъ-Губернаторъ предложилъ Губернатору поступить сообразно узаконеніямъ: если на учрежденіе или воспрещеніе подобнаго рода обществъ и нѣтъ положительнаго закона, то, съ другой стороны, всякое закономъ неутвержденное общество подвергается уничтоженію и запрещенію, когда признано полиціею безполезнымъ, или правила его противными общему благу или частнымъ пользамъ.

Какъ было исполнено это указаніе, изъ дѣла не видно.

—

2) *Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ.* Въ 1844 году, В—скій Губернаторъ, въ письмѣ на имя Главнаго Начальника края, представилъ, что, въ виду учащающагося распространенія нелѣпыхъ слуховъ, онъ полагалъ бы полезнымъ лицъ, подобные слухи распускающихъ, когда они низшаго состоянія, высылать по этапу, на собственномъ содержаніи, въ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ словамъ, случилось происшествіе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несправедливости слуховъ, слѣдовали тѣмъ же порядкомъ обратно, и лично

объясняли объ оказавшемся. Лицъ привилегированныхъ состояній, подозрѣваемыхъ въ томъ же,—высылать на почтовыхъ.

Проектъ подшить къ дѣлу.

—

2) *Затрудненія въ Подольской губерніи, при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской билонной монеты на русскую.* 16 октября 1844 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ назначенъ двухлѣтній срокъ для сбыта жителями балтійскихъ и западныхъ губерній остававшейся у нихъ на рукахъ иностранной и польской билонной монеты.

По этому поводу Подольскій Губернаторъ въ 1846 г. доноситъ Главному Начальнику края, что, хотя количество подобной монеты въ обращеніи въ губерніи и уменьшается, тѣмъ не менѣе еще весьма распространены монеты Царства Польскаго прежняго чекана, съ изображеніемъ блаженной памяти Государя Императора Александра I, а изрѣдка попадаются монеты бывшихъ Королевства Польскаго и Герцогства Варшавскаго (въ 30 и 15 коп.), австрійскіе цванцигеры, прусскіе гульдены и баварскіе.

Предѣльнымъ срокомъ для пріема сихъ денегъ казначействами назначено 1 мая 1847 года.

Между тѣмъ, много польской монеты оказалось по краямъ обрѣзанной. Въ одной Подольской губерніи, къ совершенному смущенію уѣздныхъ казначеевъ, подобной монеты обнаружено до 70.000 шт. Евреи, конечно, не упустили случая извлечь изъ сего выгоду и за обмѣнъ сколько нибудь потертыхъ денегъ брали со злота отъ 2-хъ до 3-хъ копѣекъ.

По заключенію Губернатора, при недостаточной ясности правилъ, теряютъ не одни мѣняющіе, теряетъ и казна, ибо на плательщикахъ, особенно изъ податныхъ, должна неизбѣжно накопиться недоимка.

Подольская казенная палата отпустила коммиссіонерству дѣйствующей арміи подобной монеты на 28,123 р. сер., изъ коихъ 18979, однако, признаны Кіевскою Палатою негодною къ обращенію. Воспослѣдовавшее разъясненіе Министерства Финансовъ значительно облегчило населеніе, такъ какъ монетамъ съ изображеніемъ Императора Александра I, въ одинъ, два и пять злотыхъ (неиспорченнымъ), присвоивалось обращеніе наравнѣ съ россійскою, ибо чекана они россійскаго.

Испорченную монету разрѣшено обмѣнивать, но со взысканіемъ довѣса.

---

4) *Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ.* Въ 1844 году махновскій уѣздный Предводитель дворянства доносилъ Главному Начальнику края, что крестьяне селенія Пиковцы, владѣнія помѣщицы З., жалуются на то, что владѣлица, «кромѣ претерпѣваемаго ими отъ нея жестокаго обращенія, поводомъ каковаго съ числа 10 семействъ осталось на ея части три семьи, а прочія находятся въ бѣгахъ» —не предоставляетъ имъ положенныхъ законныхъ участковъ пахатной земли, при чемъ они «употребляются по цѣлымъ недѣлямъ въ барщину, но за непереработанные дни денежной платы, ниже какимъ другимъ образомъ, удовлетворенія не получаютъ. Дѣлаетъ на нихъ *налоги прясть* по 6 мотковъ, на что не даетъ имъ нужной пеньки и выбираетъ въ годъ по 18 штукъ курей и 20 яицъ, но какъ таковыхъ по бѣдному ихъ состоянію они (крестьяне) не имѣютъ, то воруютъ у сосѣдей, удовлетворяя требованія З-ой, опасаясь наказанія за неотдачу опредѣленнаго налога».

З., въ случаѣ какой либо, хотя и малѣйшей пропажи, «въ ту же минуту дѣлаетъ какую то ворожбу на ситѣ», «совокупно съ мужемъ, и, по какимъ то на этомъ ситѣ примѣчаніямъ, наказываетъ всѣхъ вообще, какъ дворовыхъ, такъ жительствующихъ на селѣ крестьянъ безъ пощады».

Къ вышесказанному предводитель дворянства присовокупилъ, что супруги ежедневно бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Сдѣлавъ г-ну и г-жѣ З-камъ внушеніе, онъ обязалъ ихъ подписками измѣнить обращеніе съ крѣпостными.

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. Въ 1895 г. мы выпустили въ свѣтъ вторымъ изданіемъ нашу работу: «Полтавская битва и ея памятники», въ которой помѣстили и нѣсколько рисунковъ. Съ того времени, интересуясь всѣмъ, что относится къ этому событію, имѣвшему столь громадное историческое значеніе, мы собирали гравюры какъ самой битвы, такъ и всего, что можетъ относиться къ ней.

Такимъ образомъ, составилась у насъ коллекція въ сто слишкомъ гравюръ, включая сюда портреты полководцевъ, воиновъ вообще, снимки съ медалей, памятниковъ и т. п. Достаточное количество собранныхъ гравюръ даетъ возможность опредѣлить, какія именно моменты битвы возможно иллюстрировать, что мы и постараемся сдѣлать въ настоящей замѣткѣ. Съ другой стороны, замѣтка эта будетъ и просьбой ко всѣмъ, кто имѣетъ что-либо относящееся до полтавской битвы, подѣлиться съ нами, что особенно интересно въ виду приближающагося двухсотлѣтія полтавской битвы.

—

Полтавскому сраженію, какъ извѣстно, предшествовала почти трехмѣсячная осада города. Гарнизонъ и жители Полтавы, предводимые славнымъ своимъ комендантомъ Келинымъ, храбро выдерживали натиски шведовъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ гравюры, изображающей хотя бы одинъ моментъ этой славной осады, кромѣ плохого рисунка, помѣщеннаго въ исторіи Петра В.—Ламбина (издана въ сороковыхъ годахъ). Также нѣтъ портрета и Келина, и всѣ наши поиски оказались тщетными. Нѣтъ ли его портрета гдѣ либо въ Азовѣ, куда Келинъ былъ назначенъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, такъ какъ Петръ В. предвидѣлъ, въ силу бѣгства Карлъ XII въ Турцію, войну съ послѣдней? Гравюръ же, изображающихъ полтавское сраженіе, достаточно. Но прежде упомянемъ о двухъ гравюрахъ, изображающихъ двухъ славныхъ противниковъ передъ боемъ. Одна рисуетъ Петра В. объѣзжающимъ войска свои передъ сраженіемъ, когда онъ убѣждалъ постоять за славу родины: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога.... etc. (есть и народная картинка), а другая Карла, убѣждающаго ничего не готовить: „все припасено у москвитянъ“... Гравюры, изображающія самое сраженіе, возможно подраздѣлить на три категоріи: 1) гравюры современныя, 2) гравюры художниковъ и, наконецъ, 3) гравюры живописцевъ или просто маляровъ, сильно распространенныя въ XVIII столѣтіи. Изъ современныхъ гравюръ укажемъ прежде всего на гравюру Петра Дени младшаго, сдѣланную по заказу самого Петра. Она имѣетъ такую надпись: «Изображеніе преславной баталіи между войскъ россійскихъ и свейскихъ въ присутствіи высокой команды надъ Россійскими войсками Его Царскаго Величества Всероссійскаго Петра Перваго, надъ свейскими Его Королевскаго Величества Карла XII, учинившейся неподалеку отъ

Полтавы, іюня въ 27 день, 1709 года». Эта гравюра и послужила образцомъ для работъ многихъ другихъ художниковъ, и ее можно встрѣтить подъ названіями: «Полтавская битва, начало сраженія», или просто: «Полтавская битва». Ее скопировалъ и художникъ конца XVIII стол. Балабинъ и, по просьбѣ полтавскаго обывателя Руденка, награвировалъ ее на мѣди, но прибавилъ только вверху молящагося св. Самсона Странноприимца, празднуемаго, какъ извѣстно, 27 іюня, т. е. въ день полтавской битвы. Картина эта была вставлена въ первый, по времени, памятникъ полтавской битвы, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ и служившій съ конца XVIII в. единственнымъ «трофеемъ и украшеніемъ Полтавы», какъ выражались путешественники того времени. Когда памятникъ былъ разрушенъ, то картину эту поставили въ воскресенскомъ храмѣ въ Полтавѣ, сооруженномъ тѣмъ же Руденкомъ, гдѣ она находится и нынѣ. Другая современная картина, гдѣ рѣзко выдѣляется Петръ на своемъ конѣ, Лизеттѣ, принадлежитъ извѣстному граверу Пикару. Долго думали, что ее гравировалъ Шхонебекъ, но еще Ровинскій замѣтилъ, что Шхонебекъ не могъ ее гравировать, такъ какъ онъ скончался въ 1705 году. Эти двѣ картины и представляютъ собой два типа современныхъ картинъ, послужившихъ образцами для другихъ. Ими отчасти воспользовался знаменитый французскій художникъ Натье (р. 1685 † 1776), который и начинаетъ собою рядъ художниковъ, бравшихъ сюжетомъ полтавскую битву. Это и будетъ вторая категорія картинъ полтавской битвы. Слѣдя хронологически, второй картиной будетъ извѣстная мозаичная картина Ломоносова, законченная имъ незадолго до своей кончины, въ 1764 г. Картина эта долго хранилась въ Академіи художествъ, но нынѣ, въ реставрированномъ видѣ, помѣщена въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ. Какъ Ломоносовъ, такъ за нимъ и Шебуевъ, профессоръ и ректоръ Академіи художествъ (р. 1777 † 1855) изобразили не общій видъ сраженія, а, главнымъ образомъ, Петра В. Картина Шебуева написана въ 1807 г. Въ 1844 г. она принесена въ даръ Императоромъ Николаемъ I полтавскому кадетскому корпусу, гдѣ находится и въ настоящее время. Если къ перечисленнымъ картинамъ прибавимъ сцены изъ полтавской битвы Каразина (всѣхъ 4) и большую картину художника, извѣстнаго баталиста, Коцебу († 1889) то этимъ и исчерпываются всѣ картины, принадлежащія кисти художниковъ. Послѣдняя картина, надо прибавить, изображаетъ послѣдній моментъ сраженія.

Остаются еще картины, принадлежащія не художникамъ, а просто живописцамъ. Онѣ относятся къ XVIII вѣку. Первою по времени будетъ картина, поднесенная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ Петру Великому при проѣздѣ послѣдняго, вскорѣ послѣ полтавской битвы, черезъ Кіевъ. Картину эту или, быть можетъ, копію ея нѣсколько лѣтъ назадъ нашли въ рухлядной Тихвинскаго монастыря, Новгородской епархіи. Найдена она въ разорванномъ видѣ; ее кое-какъ склеили, и настоятель этого монастыря принесъ ее въ даръ городу Полтавѣ (хранится въ городской думѣ). Кто рисовалъ ее, неизвѣстно. Другая картина находится въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Внизу этой картины надпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

Картина эта хранится въ покояхъ настоятеля, въ такъ наз. Екатерининскомъ залѣ. Залъ этотъ украшенъ многими картинами, что было сдѣлано къ пріѣзду въ Полтаву Императрицы Екатерины II, въ 1787 г., отчего онъ и названъ Екатерининскимъ.

Эти двѣ картины рѣзко отличаются по исполненію отъ картинъ художниковъ. На нихъ изображенъ Петръ В., попирающій, что было въ обычаѣ того времени, непремѣнно льва. Кто писалъ эту картину, точно неизвѣстно. Можно предполагать, что работа эта принадлежитъ иконописцу села Борисовки, Курской губ. Петръ В., возвращаясь послѣ полтавской битвы въ Петербургъ, заѣхалъ въ имѣніе своего славнаго сподвижника Б. П. Шереметева, Борисовку, которому подарилъ образъ Тихвинской Божіей Матери, во имя коей былъ основанъ женскій монастырь. При монастырѣ, по мысли Петра, основана была школа живописи, которой занимались сначала монахини, а затѣмъ и жители села. Работы ихъ были сильно распространены въ концѣ XVIII в. на югѣ Россіи, и возможно, что эта картина и принадлежитъ кисти художника изъ с. Борисовки. Всѣ перечисленныя нами картины рисуютъ намъ полтавское сраженіе или самого Петра, какъ главнаго его участника. Но въ коллекціи нашей есть картины, изображающія другіе моменты боя. Такъ, есть прекрасный снимокъ съ картины, полученный нами изъ Стокгольмскаго королевскаго му-

зея, рисующій тотъ моментъ, когда русская кавалерія загнала непріятеля въ лѣсъ, гдѣ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, Меньшиковъ. Изъ того же музея мы имѣемъ снимокъ Карла XII, когда подъ нимъ разбиты носилки и окружающіе убѣждаютъ его сѣсть на лошадь и спасаться... Тотъ же рѣшающій сраженіе моментъ, когда Петръ ринулся въ битву со своими преображенцами, также изображенъ художникомъ, но кѣмъ, неизвѣстно. Таковы главныя гравюры, рисующія сраженіе 1709 г.

Послѣ битвы Петръ В., упоенный побѣдой, какъ извѣстно, не сразу началъ преслѣдованіе бѣжавшаго съ поля битвы Карла XII. Только къ вечеру отправлены были отряды въ погоню за непріятелемъ. Самъ же Петръ, послѣ сраженія, принесъ благодарственное молебствіе за дарованную побѣду, что и изображено на картинѣ Животовскаго. А затѣмъ Петръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ за вѣрную службу. Сюжетъ этотъ взялъ для своей картины Коранъ д'Ашъ (псевдонимъ). Изображенію же отдыха Петра В. послѣ боя и обѣда въ шатрѣ, подаренномъ ему персидскимъ шахомъ, посвятили картины три художника, изобразившіе, впрочемъ, различные моменты. Одна изъ нихъ, помѣщенная во французскомъ изданіи 1813 г., изображаетъ Петра, сидящимъ за столомъ и бесѣдующимъ съ Реншильдомъ. Но гравюра эта мало удачна: ни Петръ, ни Реншильдъ не отличаются сходствомъ съ оригиналами, да и костюмы и лица не тѣ—все напоминаетъ нѣмецкое, чужеземное... Другая гравюра изображаетъ Петра В., вручающаго шпагу Реншильду, а третья—Петръ подымаетъ бокалъ за своихъ учителей—шведовъ. Послѣдняя гравюра принадлежитъ Н. А. Кошелеву.

И. Фр. Павловскій.

Изъ прошлаго Полтавщины. *Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, мергеля и алебастра.* 1 ноября 1801 года товарищъ Главнаго Судьи Новороссійской Опекунской Конторы Бригонци отправилъ на имя императора Александра I донесеніе объ открытіи имъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, при казенномъ селѣ Радичевѣ, торфа (или, какъ тогда называли его, турфа). Торфъ,

о мнѣнію Бригонци, можетъ вполнѣ замѣнить, какъ топливо, дрова на селитряныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ. Помимо этого, торфъ послѣ перегонки даетъ очень полезную жидкость при выдѣлкѣ кожъ, а зола можетъ служить хорошимъ удобреніемъ для полей. Площадь, занимаемая вновь открытымъ торфомъ, простиралась на нѣсколько верстъ; толщина его доходила до двухъ аршинъ. Это донесеніе министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей передалъ на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственнаго хозяйства. Экспедиція, разсмотрѣвъ его, представила министру обширный докладъ. Ея мнѣніе о пользѣ введенія торфа было таково: Въ Россіи, по роду устройства жилищъ и по образу жизни крестьянъ, употребленіе торфа не можетъ быть столь выгодно, какъ за границей, уже потому, что во многихъ губерніяхъ крестьянскія избы безъ трубъ; да и нагрѣть торфъ, по причинѣ его толщины, трудно; необходимы особаго рода обжигательныя печи. Съ большею пользою торфъ можетъ быть употребленъ, какъ топливо, на кирпичныхъ и винокуренныхъ заводахъ. Помимо этого, заготовка торфа совпадетъ съ временемъ занятій хлѣбопашествомъ, а это отвлечетъ населеніе отъ занятія послѣднимъ. Доставать же торфъ на земляхъ осушенныхъ неудобно, такъ какъ, по снятіи его, останется песчаный или глинистый грунтъ, мало годный для произрастанія травъ. При этомъ приводится, какъ примѣръ, Голландія, гдѣ обрабатывавшіе торфъ должны внести достаточный залогъ, проценты съ котораго шли на уплату казенныхъ и др. повинностей. Въ заключеніе Экспедиція считаетъ очень полезнымъ сдѣлать опытъ обработки торфа, и если по цѣнѣ онъ окажется дешевле дровъ, то ввести его, въ видахъ сбереженія лѣсовъ, въ употребленіе. Этотъ отзывъ Экспедиціи, какъ и копію донесенія Бригонци, министръ препроводилъ малороссійскому генералъ губернатору кн. Куракину.

«Нельзя не видѣть съ одной стороны,—писалъ министръ,—пользы, ожидаемой отъ сего открытія турфа, съ другой—неудобствъ, съ симъ сопряженныхъ и описанныхъ Экспедиціею въ его мнѣніи. Я не могу сдѣлать изъ всѣхъ сихъ предположеній, какъ то, чтобъ предать оныя мѣстному соображенію вашего сіятельства».

Кн. Куракинъ, поблагодаривъ министра за довѣріе, высказываетъ свой взглядъ на это открытіе. «На счетъ открытія сего (т. е. торфа) въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, гдѣ изобилуетъ лѣсъ, долженъ сказать, что введеніе его къ употребленію не обѣщаетъ того успѣха, котораго бы можно было желать. Извѣстенъ сей турфъ и въ

Глуховскомъ повѣтѣ, въ дачахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, который не разрабатывается, потому что дровъ довольно, а всякое новое признается затруднительнымъ. Обыватели здѣшніе, какъ и вашему сіятельству не безъизвѣстно, не весьма пристрастны къ новымъ открытіямъ, а потому и уваженіе къ изобрѣтеніямъ отъ нихъ еще отдалено. Если бы турфъ отыскался въ южной полосѣ Малороссіи (по безлѣсью оной) и тамъ, гдѣ тростникъ дрова не замѣняетъ, могъ бы онъ быть почтенъ даромъ природы, и нужда, конечно, ввела бы его въ употребленіе; а посему, когда бы къ отысканію мѣстъ, гдѣ произрастаетъ турфъ, былъ присланъ человѣкъ, къ таковому открытію способный, можно вѣрно бы надѣяться, что труды его тщетными не останутся, о чемъ по усердію моему къ здѣшнему краю позвольте мнѣ вашего сіятельства просить. Между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что природа и другимъ горючимъ веществомъ край сей наградила. По рѣчкѣ Орели есть ясныя доказательства существованія въ окрестностяхъ ея землянаго угля, къ отысканію котораго и былъ присланъ чиновникъ, но входя въ препорученіе поверхностно только, не удовлетворилъ тому намѣренію, съ каковымъ онъ былъ посланъ, и не нашедъ въ избыткѣ сего полезнаго природы произведенія, заключилъ, что угля нѣтъ, и оставилъ безъ дальнѣйшаго изысканія. И такъ, если бы содѣйствіемъ вашего сіятельства, изъ Луганскихъ заводовъ былъ присланъ чиновникъ съ какимъ-либо поощреніемъ, конечно преуспѣлъ бы въ открытіи сего угля.»

Въ ожиданіи прибытія такого чиновника, кн. Куракинъ энергично принялся за изслѣдованіе торфа, каменнаго угля и др. Онъ прежде всего потребовалъ отъ черниговскаго губернатора барона Френздорфа увѣдомленія, дѣйствительно ли есть торфъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ. Губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ. Оказывается, какъ писалъ Френздорфъ, еще въ 1800 г. генералъ-прокуроръ П. Х. Обольяниновъ требовалъ свѣдѣнія относительно употребленія торфа въ Черниговской губерніи, и тогда, по собраніи отъ городничихъ, земскихъ судовъ, свѣдѣній, оказалось, что мѣстъ, гдѣ находили бы торфъ, очень немного, а гдѣ же онъ и встрѣчается, то населеніе его не умѣетъ обрабатывать. Что касается открытаго Бриговцй торфа въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, то губернаторъ сообщилъ, что тамъ «мѣста лѣсныя, турфу въ отысканіи по тому повѣту и въ употребленіи нѣтъ.»

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ князя, и онъ предписалъ, чтобы мѣсто, гдѣ найденъ Бригонци торфъ, нижнимъ земскимъ судомъ (исполнявшимъ, какъ извѣстно, полицейскія обязанности) непремѣнно было отыскано; въ противномъ случаѣ «подаетъ онъ начальству о себѣ мысль, что состояніе повѣта ему не вовся извѣстно, а сіе составляетъ первую обязанность земской полиціи.»

Торфъ, конечно, нашелся именно, тамъ, гдѣ его видѣлъ и Бригонци, но жители не пользовались имъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ много лѣса, который и продавался ими на сторону. Кн. Куракинъ предписалъ губернатору внушить всѣмъ жителямъ пользу употребленія торфа, что губернаторъ и сдѣлалъ, оповѣстивъ объ этомъ всѣ повѣты ввѣренной ему губерніи.

—

Желаніе князя Куракина о присылкѣ чиновника для изслѣдованія южной Малороссіи, было исполнено. Правленіе Луганскаго завода назначило бергъ-гешворена Ильина, который въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года и производилъ розысканія въ константиноградскомъ и кобелякскомъ повѣтахъ.

Розысканія Ильина увѣнчались успѣхомъ, главнымъ образомъ, относительно торфа, который имъ былъ найденъ въ Маячскихъ дачахъ (наилучшій, по его мнѣнію), въ Царичанскихъ и Китайгородскихъ дачахъ. Что же касается каменнаго угля, которымъ особенно интересовался кн. Куракинъ, то Ильинъ высказалъ только предположеніе, что, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ и есть каменный уголь, но для этого, по замѣчанію Ильина, нужны еще изслѣдованія. О результатѣ изысканій Ильина князь Куракинъ увѣдомилъ министра внутр. дѣлъ. „Упованіе мое, пишетъ князь, на примѣчаніяхъ основывавшееся, что въ Малороссіи можетъ быть и каменный уголь, получило нѣкоторое событіе.“

Князь Куракинъ благодарилъ Правленіе Луганскаго завода за присылку чиновника Ильина и выхлопоталъ ему награду,—годовой окладъ жалованья (180 р. ассиг.). Въ слѣдующемъ 1805 г. изысканіе продолжалось; вмѣсто Ильина, правленіе Луганскаго завода командировало бергъ-гешворена Пиленка, который не нашелъ въ константиноградскомъ повѣтѣ каменнаго угля, но за то указалъ много мѣстъ, изобилующихъ торфомъ. Такъ, торфъ открытъ имъ по р. Орели при с. Чернетчинѣ и Орчикѣ, по рѣкѣ Берестовой въ дачахъ Параскѣевской, Берестовенской, Лебяжьинской, Николаевской, Завалинской. Въ Ста-

ровѣровкѣ онъ открылъ камень мергель, который можно употреблять на постройки, а при р. Орели—алебастръ, находившійся въ разн... цвѣтной глинѣ.

Помимо этого, хорошій торфъ былъ открытъ и въ Лубенск... повѣтѣ, гдѣ кн. Куракинъ желалъ открыть торфяной заводъ, ... чего испросилъ правительственный заемъ г. Лубнамъ въ 4.000 рублей... Дѣломъ этимъ долженъ былъ завѣдывать земскій комиссаръ лубенскаго повѣта Николай Кулябка, которому поручено было наблюдать и за обработкой торфа въ имѣніи гр. Разумовскаго, около Батурина.

Въ Лубенскомъ повѣтѣ торфъ былъ найденъ, главнымъ образомъ, въ селѣ Пескахъ, при р. Удаѣ, гдѣ и предполагалось устроить заводъ. Но для этой цѣли необходимо было пріобрѣсти эти земли, всего 16 дес. 430 квадр. саженъ, у каз. крестьянъ и у сосѣда, мѣщанина Сушка, 1 дес. 265 саж. Но оказалось, что купить эти земли нельзя было, такъ какъ онѣ были отданы крестьянамъ, въ силу высочайшаго повелѣнія, съ уплатою оброка по 55³/₄ коп. съ десятины. Куракинъ думалъ имъ предоставить другія казенныя земли, но таковыхъ по близости не оказалось. Сами же крестьяне готовы были промѣнять эти земли на что либо лучшее; получали они съ десятины сѣнокоса въ то время 2 р. 50 к.; мѣщанинъ же Сушко съ своего участка имѣлъ всего 5 р. дохода.

Когда не удалось Куракину переселить крестьянъ села Песокъ (ихъ было 17 человѣкъ муж. пола и 20 женскаго, по ревизіи 1795 года), то онъ рѣшилъ купить для нихъ землю гдѣ-либо невдалекѣ. Нѣкто Лозовецкій, жившій недалеко отъ Песковъ, уступалъ 15 десятинъ по 11 р. за десятину, но сдѣлка эта не состоялась. Въ началѣ 1808 г. Куракинъ переѣхалъ въ Петербургъ, занявъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Заводъ, такимъ образомъ, и не былъ открытъ. Изъ 4 тысячъ, ассигнованныхъ на его устройство, 296 р. 21¹/₄ к. издержаны на расходы по изысканіямъ Ильина и Пиленка, а остальные 3703 р. 78³/₄ к., какъ не требовавшіеся долгое время, изъ расхода исключены. Такимъ образомъ, главной причиной, почему не былъ открытъ заводъ, была невозможность пріобрѣсти торфяныя земли отъ крестьянъ.

Много лѣтъ спустя опять былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ Полтавской губерніи торфянаго завода. Это было при генералъ-губернаторѣ Н. А. Долгорукомъ (1840—1847.) Кн. Долгоруковъ потребовалъ мнѣнія по этому предмету отъ управляющаго полтавской

...ой Государственныхъ имуществъ. Мнѣніе управляющаго оконча-...но убѣдило въ невозможности строить заводъ. Всѣ болота, гдѣ ...или торфъ, служатъ, по мнѣнію управляющаго, резервуарами ...къ Берестовой, Орчика, Орели и Сулы «и полезны въ этомъ ...снабженіемъ воды этимъ рѣкамъ и испареніями своими, увла-...ющими поля, къ нимъ прилегающія.» «Я полагаю, писалъ управляющій палатой, что настоящая польза отъ сихъ болотъ гораздо благонадежнѣе, нежели разработка на нихъ торфа, черезъ которую если обнажится поверхность сихъ мѣстъ, то источники могутъ засориться, вода изсякнетъ и рѣки лишены будутъ нѣкоторой части своихъ запасовъ. Вода же въ Полтавской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ нужнѣе топлива.»

Такова исторія устройства торфянаго завода, о которомъ такъ много хлопоталъ кн. Куракинъ; по его мысли, заводъ этотъ долженъ былъ служить населенію школой обработки торфа. Разрабатывался ли въ другихъ мѣстахъ торфъ—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній, хотя инструкція, составленная съ этой цѣлью, была разослана губернаторами Черниговской и Полтавской губерніи. Замѣтимъ, что инструкція эта была позаимствована отъ бригадира Степана Ѳеодоровича Толстого, въ имѣніи котораго, въ Орловской губерніи, въ Карачевскомъ уѣздѣ, производилась обработка торфа.

(Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 173, 1803 года.)

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Въ настоящее время въ Полтавѣ на мѣстѣ этого домика стоитъ памятникъ съ такой надписью: «Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудамъ своимъ. Благоговѣй! Мѣсто свято есть!» Самый домикъ сломанъ.

По поводу этого авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ говоритъ слѣдующее: мнѣ весьма не нравится, что допустили сломать домъ, въ которомъ жилъ онъ (т. е. Петръ) и который, кажется, само Провидѣніе берегло; нѣсколько десятковъ лѣтъ находился онъ безъ крыши и время не посмѣло коснуться къ нему разрушительнымъ перстомъ своимъ: дубовыя бревна, изъ которыхъ срублены стѣны, понынѣ еще сохраняютъ первоначальную свою крѣпость и

свѣжесть. Срубъ сей перевезенъ въ деревню г. Магденкомъ, который предлагалъ неоднократно городу купить его! Домъ сей состоялъ изъ трехъ весьма узкихъ проходныхъ комнатъ, къ которымъ примыкали находившіяся во дворѣ баня и кухня. Петръ, услышавъ однажды плачъ младенца, который былъ дѣдомъ нынѣшнему Магденку, приказалъ его подать къ себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, повелѣлъ клкъ выростетъ, сказать ему, что царь его нянчилъ и для того онъ долженъ служить ему усерднѣе». [1])

Н. В.

Текущія извѣстія.

Къ 50-лѣтію со дня смерти Гоголя. Гоголевская коммиссія, образовавшаяся при историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ, готовитъ ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя сборникъ, посвященный его памяти. Въ составъ сборника войдутъ: 1) неизданное одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя, именно къ И. Барановскому; 2) обзоръ критической литературы о Гоголѣ, главнымъ образомъ за послѣднія десятилѣтія, что составитъ продолженіе библіографическаго труда Горожанскаго; 3) подробный каталогъ выставки, устраиваемой въ стѣнахъ института гоголевскою коммиссіей; каталогу предпосылаются двѣ объяснительныхъ статьи—о портретахъ Гоголя и о роли произведеній его въ народной книжкѣ и картинкѣ; 4) матеріалы для біографіи Гоголя, находящіеся въ архивѣ гимназіи высшихъ наукъ, принадлежащемъ институту, и 5) можетъ-быть, *обзоръ изданій переложеній Гоголя на малорусское нарѣчіе, появившихся преимущественно въ Галиціи и Буковинѣ.* Сборникъ иллюстрируется фототипіями съ неизвѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ Гоголю, портретами Гоголя, снимками съ его почерка и найденнаго въ архивѣ института ученическаго рисунка Гоголя. („Русск. Вѣдомости“, № 301).

—

[1]) Отечеств. записки П. Свиньина, 1830 г., ч. 42, стр. 7—8.

Усиленіе средствъ С.—Петербургскаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. На общемъ собраніи одесскаго отдѣла „общества помощи въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ", закрытаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшено капиталъ отдѣла (въ суммѣ 1100 руб.) передать С.—Петербургскому Обществу изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. („Одесскій„ Листокъ", № 273.)

—

Портретъ Ольриджа, писанный Т. Шевченкомъ. Въ картинной галлереѣ „Новаго театра" въ Спб. обращаетъ на себя вниманіе портретъ знаменитаго трагика Ольриджа, писанный украинскимъ поэтомъ Тарасомъ Шевченкомъ и посвященный извѣстному русскому артисту Щепкину. („Одесскій Листокъ", № 277).

—

Памятникъ Е. П. Гребенкѣ. На могилѣ писателя Е. П. Гребенки на-дняхъ поставленъ пирятинскимъ земствомъ въ хуторѣ „Убѣжище", родинѣ Е. П., памятникъ—чугунный крестъ красивой ажурной работы, на высокомъ пьедесталѣ („Одесскій Листокъ", № 277).

—

Извѣстіе о переводѣ Новаго Завѣта на малорусскій языкъ. Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что „законченъ переводъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта на малороссійское нарѣчіе. Переводъ уже разсматривался въ академіи Наукъ и отправленъ для одобренія въ Св. Синодъ" („Южанинъ" 277). Въ такой формѣ извѣстіе это болѣе чѣмъ темно. Какъ извѣстно, существуютъ два перевода Новаго Завѣта на украинскій языкъ: одинъ принадлежитъ Морачевскому, другой Кулишу и Полюю. Первый переводъ былъ одобренъ Академіей Наукъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но до сихъ поръ не напечатанъ; переводъ же Кулиша и Полюя въ первый разъ напечатанъ во Львовѣ въ 1880 г. Слѣдовательно, сообщеніе о томъ, что переводъ Новаго Завѣта на украинскій языкъ законченъ, не можетъ, повидимому, относиться ни къ одному изъ указанныхъ переводовъ.

—

Пѣсенная Комиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приступила къ снаряженію экспедицій для записыванія пѣсенъ непосредственно съ голосовъ народа, озабочиваясь сохраненіемъ живущихъ еще въ народѣ остатковъ его пѣсеннаго творчества.

Въ виду этого, для обезпеченія успѣха предполагаемыхъ экспедицій, Пѣсенная Комиссія обращается къ разнымъ лицамъ съ просьбою отвѣтить на прилагаемомъ при письмѣ вопросномъ листѣ возможно подробнѣе на всѣ помѣщенные въ немъ вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду высокаго научно-этнографическаго и художественнаго значенія, которое можетъ имѣть удачно собранный пѣсенный матеріалъ, Пѣсенная Комиссія проситъ указать, какія мѣры должно считать наиболѣе цѣлесообразными для достиженія лучшаго успѣха предпринятому дѣлу въ данной мѣстности независимо отъ предложенныхъ вопросовъ. Отвѣты просятъ присылать не позже наступленія зимы на имя дѣлопроизводителя комиссіи Владислава Ивановича Гоффе, въ С.-Петербургъ. Инженерная, 4.

Вопросный листъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 17 вопросовъ:

1) Сохранились-ли въ вашей мѣстности старинныя народныя пѣсни, былины или духовные стихи? 2) Если да, то какіе именно, т. е. духовные стихи, былины, или бытовыя? 3) Не можете-ли назвать тѣ духовные стихи, которые поются въ вашей мѣстности? 4) Не можете-ли назвать былины, которыя поются въ вашей мѣстности? 5) Сохранились-ли у васъ свадебные обряды, сопровождаемые пѣснями и причитаніями? 6) Сохранились-ли у васъ причитанія рекрутскія и похоронныя? 7) Сохранились-ли у васъ хороводы и гулянья, сопровождаемые пѣснями троицкими, семицкими или ивановскими? 8) Сохранились-ли у васъ игры святочныя и масляничныя, сопровождаемыя пѣснями? 9) Сохранились-ли у васъ плясовыя пѣсни? 10) Сохранились-ли въ народѣ старинные музыкальные инструменты и какіе именно? 11) Не можете-ли указать мѣстности (села или деревни), въ которыхъ наиболѣе сохранились пѣсни, съ обозначеніемъ, какой именно родъ пѣсенъ преобладаетъ въ каждомъ изъ нихъ? 12) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, помнящихъ старинныя пѣсни, былины или духовные стихи, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 13) Сохранились-ли въ деревняхъ зимнія посидѣлки, сопровождаемыя пѣснями бытовыми, протяжными? 14) Въ виду командированія Пѣсенною Комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества экспедицій для записыванія пѣсенъ, не можете ли сообщить, когда въ вашей мѣстности можно надѣяться собрать болѣе матеріала въ теченіе лѣтняго періода? 15) Не можете-ли сообщить тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ, былинъ или духовныхъ

стиховъ, для предварительнаго съ ними ознакомленія? 16) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, которыя могли-бы оказать содѣйствіе по собиранію пѣсеннаго матеріала, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 17) Не можете-ли представить какія либо соображенія, исходящія изъ условій вашей мѣстности, для наилучшаго успѣха предпринятаго Пѣсенною Комиссіей дѣла? („Югъ", № 1048).

—

Къ 30-лѣтнему юбилею М. Л. Кропивницкаго. Въ настоящемъ году исполняется 30-лѣтіе литературной дѣятельности М. Л. Кропивницкаго, такъ какъ первое его печатное произведеніе появилось въ 1871 г. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ". По этому поводу „Одесскій Листокъ" такъ характеризуетъ произведенія юбиляра: „Прекрасный малорусскій языкъ его сочиненій, яркая образность слога, изобилующая массой мѣткихъ народныхъ выраженій, поговорокъ и оборотовъ—все это достоинства, которыя очень хорошо извѣстны многочисленнымъ почитателямъ М. Л. Кропивницкаго; его талантъ авторскій, его художественная игра—по прежнему прекрасны и по прежнему трогаютъ душу" („Одескій Листокъ", № 276).

Какъ сообщаетъ та-же газета (№ 281), юбилей будетъ отпразднованъ въ Кіевѣ, куда труппа г. Кропивницкаго переѣдетъ въ декабрѣ. Какъ мы слышали, г. Кропивницкій имѣетъ намѣреніе ознаменовать 30-лѣтіе своего служенія родному искусству основаніемъ украинскихъ драматическихъ классовъ.

—

Полтавскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности, по докладу г-жи О. П. Косачъ „О народномъ украинскомъ искусствѣ въ кустарныхъ издѣліяхъ", постановилъ слѣдующую резолюцію: а) просить земскія управы малорусскихъ губерній, чтобы онѣ рекомендовали профессіональнымъ школамъ заботиться о сохраненіи національнаго стиля въ своихъ издѣліяхъ; в) просить предстоящее Полтавское губернское земское собраніе объ установленіи постоянныхъ хоть небольшихъ премій для выдачи тѣмъ лицамъ изъ народа, которыя представятъ въ профессіональныя школы или иныя учрежденія лучшія работы въ народномъ украинскомъ стилѣ („Хуторянинъ", № 45). По докладу г. Сластіонова: „О поднятіи художественнаго элемента въ кустарномъ производствѣ" съѣздъ, между прочимъ,

высказался о желательности, чтобы земства" озаботились собираніемъ образцовъ мѣстнаго орнамента во всѣхъ его видахъ для использованія тѣми учебными мастерскими, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе и развитіе кустарнаго производства". („Хуторянинъ", № 45). Какъ видно изъ напечатанной въ предыдущемъ номерѣ Хуторянина статьи г-жи Селиховой Полтавская ремесленная школа уже работаетъ въ направленіи, указанномъ докладами г-жи Косачъ и г. Sластіонова: при производствѣ портьеръ, занавѣсей, ковриковъ, скатертей и т. п. примѣняется старинный украинскій геометрическій орнаментъ.

—

Григорій Врецьона (некрологъ). 20 октября скончался во Львовѣ одинъ изъ старѣйшихъ галицкихъ педагоговъ, всю жизнь отдавшій на служеніе школьному дѣлу, извѣстный и въ мѣстной педагогической литературѣ многочисленными трудами—Григорій Врецьона. Покойный родился 8 октября 1839 года; окончивши педагогическіе курсы въ 1862 г., Врецьона въ продолженіе 15 лѣтъ былъ народнымъ учителемъ, а затѣмъ въ 1877 году получилъ мѣсто старшаго учителя въ Львовской учительской семинаріи, гдѣ и пробылъ до послѣднихъ дней своей жизни. Покойный состоялъ сотрудникомъ какъ спеціально-педагогическихъ, такъ общаго характера изданій (Ластовка, Голос Народній, Газета шкільна, Зоря, Письма з Просовіти, Слово, Діло и др.); съ 1879 по 1890 былъ редакторомъ педагогическаго журнала «Шкільна часопись», составилъ нѣсколько учебниковъ, писалъ беллетристическіе разсказы. Кромѣ чисто литературной дѣятельности, Врецьона принималъ всегда самое живое участіе во всѣхъ галицкихъ обществахъ національнаго направленія. Смерть этого неусыпнаго труженика на пользу родного народа вызвала повсемѣстно въ Галичинѣ искреннее сожалѣніе по поводу тяжелой утраты.

—

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. По просьбѣ городской управы архитекторъ А. И. Ширшовъ, составлявшій проектъ постамента для памятника И. П. Котляревскому, отправился на дняхъ въ Кременчугъ для осмотра производимыхъ г-нъ Певнымъ работъ по изготовленію изъ гранита названнаго постамента. Кромѣ мастерской, гдѣ строится постаментъ, А. И. Ширшовъ посѣтилъ также карьеръ, въ которомъ выламываются гранитныя глыбы, изъ коихъ высѣкаются

отдѣльныя его части. Карьеръ находится въ 15 верстахъ отъ г. Кременчуга на противоположномъ берегу рѣки Днѣпра; тамъ помѣщается также мастерская. Работами по устройству пьедестала для памятника занимаются ежедневно до 20 спеціальныхъ рабочихъ. По отзыву А. И. Ширшова, работы находятся въ слѣдующемъ положеніи: ступени для постамента, нижняя часть его, такъ называемая, ступенная площадка, имѣющая приблизительно до 5 арш. въ діаметрѣ и 1$^1/_2$ арш. высотою, а также верхняя самая сложная часть постамента уже совершенно готова. Неоконченной, хотя уже вчернѣ выкованной, осталась только средняя часть пьедестала. Всѣ отдѣльныя части сработаны тщательно, вполнѣ правильно и совершенно соотвѣтствуютъ проектнымъ шаблонамъ.

Перевозка пьедестала изъ Кременчуга въ Полтаву, какъ уже сообщалось въ «П. Г. В.», предполагается предстоящей зимой, а установка его на мѣстѣ начнется съ весны будущаго года.

Нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городского управленія вновь поднятъ уже разрѣшенный вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно: въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представленій. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на-дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже насаженнаго, то здѣсь, какъ мы слышали, предполагается поставить бюстъ Н. В. Гоголя. (П. Г. В., № 234).

—

Страничка изъ жизни коллегіи Павла Галагана. «Приднѣпр. Кр.» вспоминаетъ издававшійся 20 лѣтъ тому назадъ ученическій журналъ въ Кіевской коллегіи Павла Галагана.

Директоръ коллегіи былъ въ это время И. И. Ничипоренко, человѣкъ независимаго и твердаго характера, отъ всей души отдавшійся педагогическому дѣлу. Онъ заботился о серьезномъ образованіи учениковъ и большую библіотеку коллегіи отдалъ въ ихъ завѣдываніе, что значительно содѣйствовало развитію въ воспитанникахъ любви къ чтенію. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ ученики при-

ступили къ различнымъ предпріатіямъ. Тѣснымъ кружкомъ товарищей сейчасъ же сталъ издаваться журналъ «Слово», втайнѣ не только отъ начальства, но даже и отъ другихъ учениковъ. Содержаніе журнала составляли—стихи, повѣсти, критическія статьи и театральныя рецензіи. Журналъ носилъ серьезный характеръ и не заключалъ никакихъ выходокъ противъ начальства, учителей или товарищей. Въ это же время потихоньку отъ начальства образовалось среди учениковъ историко-литературное общество, гдѣ читались и обсуждались рефераты самаго разнообразнаго содержанія: тутъ были и философскія разсужденія о свободѣ воли, и научныя компиляціи, напримѣръ, о кожаныхъ деньгахъ въ древности, были темы и политико-экономическаго характера и литературно-критическія,—напримѣръ, о Тургеневѣ; читались иногда и переводныя вещи, напримѣръ, переводы стихотвореній Ришпена. Директоръ, конечно, скоро узналъ объ этихъ ученическихъ засѣданіяхъ, но не запретилъ ихъ, а потребовалъ только, чтобы они происходили въ присутствіи его самого или воспитателей. Это требованіе не охладило жара участниковъ собраній. Директоръ и воспитатели держали себя чрезвычайно тактично, просто, принимали участіе въ собраніяхъ, какъ собесѣдники. Поэтому присутствіе начальства на засѣданіяхъ нисколько не измѣнило дѣла. Всѣ относились къ обсужденію вопросовъ серьезно, много готовились къ преніямъ; одинъ рефератъ иногда обсуждался на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, затягивавшихся изрѣдка до часа ночи. Всѣ эти занятія, продолжавшіяся въ теченіе всего курса, не только не мѣшали ученію, но даже помогали ему. Считалось позорнымъ готовиться къ урокамъ по литературѣ и исторіи по однимъ учебникамъ.

Этнографическій отдѣлъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. На ряду съ отдѣломъ археологическимъ и отдѣломъ искусствъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ рѣшено организовать отдѣлъ этнографическій. Для помѣщенія послѣдняго изъ 6 залъ верхняго этажа зданія музея будетъ отведено два крайнихъ зала съ прилегающимъ къ нимъ небольшимъ корридоромъ. (Кіевлян.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, *изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря Общества. Т. XIX, вып. 1 и 2. Москва, 1901 г.*

Согласно съ новой программой этого изданія, настоящіе два выпуска XIX-го тома распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Прежде всего идутъ оригинальныя статьи; среди помѣщенныхъ, относящихся къ древностямъ южной Россіи не имѣется. Затѣмъ слѣдуютъ протоколы засѣданій Общества за 1899—1901 гг., протоколы Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за 1899—1900 г., археологическая хроника, ученыя общества и учрежденія, некрологи. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ отсутствуетъ еще одинъ отдѣлъ, входящій въ программу изданія,—библіографія.

Въ качествѣ приложеній къ протоколамъ помѣщено нѣсколько статей, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. Именно:, отчетъ о засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета XI Съѣзда (вып. 1), отчетъ по XI Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ гр. П. С. Уваровой (вып. 2) и наконецъ докладъ ея-же— «Архитектурные памятники юго-западнаго края», на которомъ мы считаемъ долгомъ остановиться подольше.

Послѣ Кіевскаго съѣзда гр. Уварова совершила небольшую экскурсію по юго-западному краю (главнымъ обр. по Волыни) и отчасти по Черниговской губерніи. Въ этомъ докладѣ гр. Уварова, какъ она говоритъ, дѣлится тѣми впечатлѣніями, какія вынесла изъ поѣздокъ.

Главное вниманіе привлекаютъ паиятники церковной старины, какъ архитектурные, такъ и вещественные—другихъ вѣдь памятниковъ очень и очень немного. Первую часть доклада занимаютъ указанія на встрѣченные остатки старины въ той или другой мѣстности. Гораздо интересна вторая часть, гдѣ гр. Уварова касается давно уже наболѣвшаго вопроса объ искаженіи и уничтоженіи церковной старины. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ доклада, касающіяся принципіальной и фактической сторонъ дѣла.

Но сначала—небольщое отступленіе. Упомянувъ о томъ, что въ нашемъ краѣ сохранились преимущественно памятники XVII и XVIII ст., гр. Уварова замѣчаетъ, что памятники эти носятъ иноземное вліяніе и не успѣли или не съумѣли «выработаться въ болѣе обычныя и знакомыя намъ формы церковнаго зодчества». Здѣсь не совсѣмъ ясно, какія формы подразумѣваетъ гр. Уварова. Совершенно справедливо, что въ южно-русской церковной архитектурѣ западное вліяніе играло довольно видную роль. Но вліяніе это коснулось главнымъ образомъ каменныхъ церквей, было, затѣмъ, не слѣпымъ позаимствованіемъ, а, вопреки только что приведенному мнѣнію, развилось на мѣстѣ въ опредѣленныя формы, носящіе всѣ признаки самостоятельнаго стиля; образчиковъ такой южно-русской архитектуры, образчиковъ иногда довольно совершенныхъ (особенно конца XVII ст.), сохранилось еще достаточно какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Бѣда лишь въ томъ, что до сихъ поръ эти памятники не привлекали къ себѣ изслѣдованій спеціалистовъ и остаются не описанными и не изученными. Если же взять деревянныя церкви, то здѣсь иноземное вліяніе почти не имѣло мѣста,—своеобразный типъ этихъ церквей возникъ и развился самостоятельно.

Основной вопросъ, какой ставитъ гр. Уварова,—что дѣлать съ этими памятниками, носящими иноземное вліяніе или требующими реставраціи? Что дѣлать, «чтобы не лишить мѣстность, если не древнихъ, то, по крайней мѣрѣ, историческихъ памятниковъ»? Въ концѣ доклада гр. Уварова намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, но передъ останавливается на особомъ направленіи въ извѣстной средѣ, направленіи, къ слову сказать дѣйствующемъ уже десятки лѣтъ и состоящемъ въ томъ, чтобы *«нынѣ* уничтожать и *не признавать* того, что казалось возможнымъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ». Гр. Уварора называетъ это направленіе «необъяснимымъ». Намъ кажется, что объ-

ясненіе возможно: съ одной стороны, изъ за предвзятыхъ цѣлей,—полное пренебреженіе къ историческимъ традиціямъ, и, благодаря этому, и къ остаткамъ старины, съ другой—невѣжество и усердіе не по разуму.

О томъ, какъ «дѣйствуетъ» это направленіе, гр. Уварова къ старымъ фактамъ, коихъ нѣсть числа, прибавляетъ еще нѣсколько, замѣченныхъ во время ея поѣздокъ, именно:

«Въ г. Острогѣ древній храмъ Богоявленія, кн. Острожскихъ, возстановили... совершенно невозможно».

Въ с. Зимно имѣется древній Крестовоздвиженскій мужской монастырь. «Нынѣ монастырь этотъ обращенъ въ женскій и новоназначенныя игуменьи, одна предъ другой, желая, вѣроятно, выслужиться предъ обуревающимъ насъ за послѣднее время какимъ-то особымъ направленіемъ, строютъ, перестраиваютъ»... Здѣсь уродуется церковь Успенія, одну изъ древнихъ башенъ стѣны, съ цѣлью превратить ее въ ворота, превратили въ «совершенную ветхость», есть сильное желаніе уничтожить существующій и весьма прочный иконостасъ Екатерининскихъ временъ..

Въ с. Низкиничахъ «вдовѣ Адама Киселя было дозволено воздвигнуть мужу въ церкви родного села памятникъ, а нынѣшнее духовенство требовало его уничтоженія»...

«Въ у. городѣ Козельцѣ, черниг. губ., и селеніи Лемеха, расположенномъ въ 7 верстахъ отъ того же города и родинѣ гр. Разумовскихъ, воздвигнуты Растрелли великолѣпные храмы, разукрашенные, какъ то и подобало подобнымъ постройкамъ, великолѣпными и весьма стильными иконостасами въ стилѣ рококо, разукрашенными рѣзными рельефными головками и цѣлыми фигурами ангеловъ и херувимовъ. Мѣстное духовенство находитъ *необходимымъ* уничтожить эти изображенія—какъ *неправославныя* и весьма желательнымъ замѣну великолѣпныхъ Елизаветинскихъ иконостасовъ болѣе доступными ихъ пониманію простыми гостинно-дворскими. Въ Козельцѣ претензіи духовенства удерживаются свѣтскими членами церковнаго попечительства, но въ Лемехѣ священникъ уже вошелъ по этому вопросу въ сдѣлку съ кіевскимъ мастеромъ и новый иконостасъ заказанъ».

Повторяемъ, только что приведенные факты буквально тонутъ въ массѣ имъ подобныхъ. Что касается причинъ такихъ печальныхъ явленій, то онѣ относятся къ разряду какъ общихъ такъ и частныхъ. Первыя—малый интересъ въ массѣ и остаткамъ прошлаго,

непониманіе послѣднихъ, вторыя—малоподвижность, зачастую даже и сознательная тѣхъ учрежденій и обществъ, отъ которыхъ зависитъ и въ задачи которыхъ входитъ сохраненіе памятниковъ старины.

Но примириться съ такимъ положеніемъ нельзя и гр. Уварова, такъ горячо всегда ратующая противъ невѣжества въ данномъ отношеніи, заключаетъ свой докладъ слѣдующимъ призывомъ:

«Что же дѣлать и какъ быть съ этимъ вопросомъ? Какъ сохранить юго-западному краю его послѣдніе, если не древніе, то историческіе памятники, и какъ выработать modus vivendi для ихъ реставраціи?

«Для разрѣшенія перваго вопроса существуютъ два условія: во-первыхъ—чтобы мы *всѣ* болѣе полюбили и изучили исторію своей страны и свое родное и дали себѣ слово стоять на стражѣ нашихъ памятниковъ и во-вторыхъ—чтобы существующія археологическія и историческія общества взялись за присмотръ и сохраненіе этихъ памятниковъ и, сплотивши свои пожеланія и усилія, наконецъ, выработали и достигли такого положенія, при которомъ подобный присмотръ и сохраненіе оказались бы возможными.

«Только при такомъ просвѣщенномъ участіи лучшихъ силъ страны окажется возможнымъ предупредить своевольное уничтоженіе историчискихъ могилъ, подобно могиламъ Кочубея и Искры, уничтоженныхъ монахами Кіево-Печерской Лавры за послѣдніе годы въ городѣ, гдѣ имѣются два ученыхъ общества.

«Представится возможность, вскрывая древнія могилы храмосоздателей, не разорять ихъ, не перемѣшивать и не выносить кости, не грабить ихъ безвозвратно, какъ то сдѣлано въ Мстиславовомъ храмѣ при вскрытіи могилъ князей».

И снова идетъ рядъ фактовъ, въ родѣ напр. того, «что въ началѣ нашего столѣтія сторожа Мстиславова храма, находящагося тогда въ рукахъ православнаго духовенства, 30 лѣтъ употребляли храмовую икону Божіей Матери *вмѣсто постели*»...

Что касается реставраціи, то гр. Уварова замѣчаетъ, что «хотя первое высказанное мною пожеланіе послужило бы главнымъ рычагомъ и при разработкѣ этого послѣдняго вопроса, но все таки же въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ должны помочь намъ какъ архитекторы, такъ и тѣ учрежденія, которыя ихъ воспитываютъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что высказываемыя гр. Уваровой пожеланія еще долго останутся лишь пожеланіями, что еще долго всѣмъ, кому

дорога родная старина, придется «мучаться», какъ выражается графиня, вопросомъ о возмутительномъ отношеніи къ этой старинѣ, пока же остается одно—возможно чаще предавать гласности въ точномъ смыслѣ варварское обращеніе съ остатками прошлаго—вѣдь и капля долбитъ камень...

Н В.

В. Русиновъ. 1) **Прыхожа.** *Сцена въ 1 дiи. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“.* Полтава, 1901, стр. 1—14. Ц. 5 к. 2) **Несподивана халепа.** *Драма въ II діяхъ. Посвята шановному М. Л. Кропивницкому.* Полтава, 1901, стр. 1—44. Ц. 15 к.

Въ первой изъ упомянутыхъ брошюръ г. Русиновъ сдѣлалъ попытку перевести на украинскій языкъ извѣстную живую театральную сценку Н. В. Гоголя «Лакейская», и надо признать, попытка его, по нашему мнѣнію, оказалась довольно удачной. Читателя на первый разъ можетъ нѣсколько смутить упоминаніе на обложкѣ «и переробывъ»; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что авторъ собственно почти ничего не «перероблявъ», а придерживался, насколько возможно только было, самымъ добросовѣстнымъ образомъ оригинала. Количество отступленій отъ текста и не особенно удачныхъ переводовъ настолько незначительно, что мы ихъ легко можемъ здѣсь всѣ отмѣтить. Наиболѣе крупнымъ отступленіемъ является нѣсколько видоизмѣненный, въ интересахъ сценичности, конецъ. У Гоголя піеса заканчивается тирадой дворецкаго о собственномъ краснорѣчіи, и послѣднія слова ея: «Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату? (Аннушка идетъ, Лаврентій за нею). У г. Русинова вмѣсто послѣдней фразы вставлена иная, довольно неумѣстная: «А все жъ такы я завсегда зъ моимъ зъ удовольствіемъ...». Затѣмъ вбѣгаетъ Иванъ, и происходитъ слѣдующая сцена:

Дворецькый. Чого тоби тутъ треба?

Иванъ. Панъ йидуть... Одчынить. (Пишовъ одчынять).

Анна Гаврыловна. Оце та-акъ!... Куды жъ мени?

Дворецькый. До жинчы до моеи (Ганна хоче йты въ тя жъ двери). Ни, черезъ залу, черезъ залу... (Ганна хутенько пишла).

Входыть панъ, за нымъ Иванъ; дворецькый кланяется. (Иванъ зныма шубу). Этой сцены у Гоголя нѣтъ совершенно.

Далѣе, на стр. 13, князь Брюховецкій почему-то передѣланъ въ Булкына; на стр. 7 мороженное—замѣнено «вареною» и добавлены: «чай, кохвій, щыколатъ».

Все это, конечно, мелочи, отъ которыхъ переводъ, въ общемъ довольно удовлетворительный, не теряетъ своихъ достоинствъ.

Пьеса дозволена драматическою цензурою къ представленію, и, надо думать, найдетъ себѣ мѣсто на театральной малорусской сценѣ.

Зато вторая, самостоятельная, пьеса того же автора далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ переводной. Какъ извѣстно, трудно вообще умѣстить какую-бы то ни было драму даже въ 3 дѣйствія, въ виду того, что необходимо достаточно выяснить психологію, мотивы, побужденія героевъ пьесы, обрисовать обстановку, среди которой постепенно должна развиваться драма, пока прійдетъ къ развязкѣ, и т. п. Между тѣмъ авторъ, выведя на сцену 22 дѣйствующихъ лица, не считая «народа», рѣшилъ представить драму въ 2 дѣйствіяхъ. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ является то, что характеры дѣйствующихъ лицъ оказались въ достаточной мѣрѣ непонятными, невыясненными; поступки часто не мотивированы, а если и есть послѣднее, то возбуждаетъ сомнѣніе, достаточно ли мотивъ основателенъ; да и вообще весь драматизмъ зиждется на шаткихъ основаніяхъ. Сущность піесы въ томъ что экономическій приказчикъ, намѣтивъ себѣ въ жертву дивчину Одарку, возлюбленную парубка Романа, посредствомъ подкупа кухарки Тетяны и другихъ средствъ, взводитъ на Романа ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, что онъ обворовалъ контору. Одарка, повѣривъ слухамъ о преступленіи Романа, подъ вліяніемъ насмѣшекъ подругъ, вдругъ нашла исходъ: «присягается», что пойдетъ въ «черницы», чтобы молиться за грѣшную душу Романа. Немного спустя оказывается, что Романъ не могъ обворовать конторы, такъ какъ не былъ даже въ ту ночь въ экономическомъ дворѣ. Романъ является съ объясненіемъ къ Одаркѣ; но послѣдняя ему въ отвѣтъ говоритъ слѣдующія слова: «Просты мене, парубче! Не памъятай худою (sic)! ...Забудь на-викы... Такъ мабуть судылось!» и т. п.—и зомлила! На этомъ кончается драма. Къ числу недостатковъ можно также отнести шаржъ (напр., 9 сцена 1 дѣйствія, нѣкоторыя реплики Хомы), неправильности языка: «заначвавъ мене медомъ», а главное—отсутствіе жизненности и интереса въ пьесѣ. Вообще драма, также дозволенная

драматическою цензурою къ представленію, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ.

В. Д.

Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ ред. Н. П. Василенка. *Вып. 1-й Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. Стр. XXX+IX+417. Черниговъ, 1901.*

«Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ», произведенное въ 1729—30 г. по всѣмъ полкамъ лѣвобережной Украйны, помимо чисто фискальныхъ соображеній, имѣло своей цѣлью ограниченіе непомѣрнаго роста монастырскаго землевладѣнія, возвращеніе «урядомъ» неправильно розданныхъ въ частное владѣніе земель и вообще упорядоченіе запутанныхъ земельныхъ отношеній. Лѣтомъ 1729 г. по полкамъ были командированы канцеляристы для собираніи свѣдѣній о времени основаніи каждаго села и о его владѣльцахъ, при чемъ послѣдніе должны были съ своей стороны представить въ полковыя канцеляріи тѣ документы (универсалы, грамоты), на которыхъ опиралось ихъ право владѣнія. Записанныя отъ старожиловъ свѣдѣнія и представленные владѣльцами документы были обработаны въ полковыхъ канцеляріяхъ и составили такъ называемыя книги генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ.

Первый выпускъ «Матеріаловъ для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи», издаваемыхъ при «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи» подъ редакціей Н. П. Василенка, содержитъ данныя по нѣжинскому полку. Какъ узнаемъ изъ предисловія редактора, книга издана по современной рукописи (копіи), находящейся въ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. По отзыву такихъ компетентныхъ изслѣдователей украинской старины, какъ А. М. Лазаревскій и В. А. Мякотинъ, свѣдѣнія генеральнаго слѣдствія являются въ высшей степени важнымъ историческимъ матеріаломъ. Отличаясь точностью и обстоятельностью, при отсутствіи къ тому же другихъ источниковъ, свѣдѣнія эти особенно представляются цѣнными для исторіи землевладѣнія на Украйнѣ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 11; 2) Русская старина № 11; 3) Историческій Вѣстникъ № 11; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10 и 11; 5) Журнал. Министерства Народн. Просв. № 11; 6) Вѣстникъ Европы № 11; 7) Русская Мысль № 11; 8) Міръ Божій № 11; 9) Книжки Восхода № 10; 10) Ученыя Записки Императорскаго Казанксаго Университета № 10; 11) Литературно-Науковый Вѣстникъ № 11; 12) Biblioteka Warszawska, № 11; 13) Варшавскія Универс. Изв. № 6.

Русская Старина № 11.

Лернеръ Николай. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г. (Стр. 323—326).

Со словъ г. Деменитру, бывшаго во время посѣщенія Гоголемъ Одессы студентомъ Ришельевскаго лицея, авторъ передаетъ нѣсколько небезынтересныхъ подробностей изъ жизни великаго писателя въ Одессѣ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи (стр. 341—342).

Приводятся два документа. (Отношеніе гр. Дибича главно-командующему въ Петербургѣ гр. Толстому и отвѣтное письмо послѣдняго), указывающія, что геніальный математикъ находился по какой-то неизвѣстной причинѣ подъ надзоромъ полиціи. Впрочемъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма гр. Толстого, «въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго» и его только имѣли „секретно на замѣчаніи“ (стр. 342).

Историческій Вѣстникъ, кн. 11, (ноябрь).

Записки Н. И. Мамаева (продолженіе), стр. 428—480.

Авторъ, служившій въ Житомирѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни мѣстнаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 10 и 11.

Караскевичъ С. Въ былые годы (№ 10, стр. 130—158).

Въ разсказѣ изъ временъ послѣдняго польскаго повстанья авторъ касается между прочимъ отношеній украинской и польской интелли-

генціи. Впрочемъ отношенія эти въ разсказѣ далеко не выяснены и многое представляется читателю непонятнымъ.

—

Русская Мысль № 11.

Вл. Калашъ «Обрывки прошлаго Ш. Крѣпостные театры и балеты XIX в.» (стр. 144—). Здѣсь даются выдержки изъ извѣстныхъ путешествій въ Малороссію кн. Шаликова.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщены краткія рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. И. Житецкій* «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.» (стр. 350); 2) *Т. Флоринскій* «Малорусскій языкъ и українсько-руській литературный сепартизмъ» (стр. 352); 3) *В. Дѣдловъ.* «Кіевскій Владиірскій Соборъ и его художественные творцы» (стр. 355).

—

Літературно-науковий Вістник кн. 11.

Содержаніе:

Наш альбом: поезиі Шелудька, Гриневичевоі; М. В. (125—132).

З прінціпа, оповіданне Охріма Варнака (133—154).

Вирія, оповіданне Осипа Шпитка (далі) (155—188).

Візник, з нотаток мисливця. М. Корчинського (189—195).

Перед досьвітом, драма Ст. Вакано (196—234).

Поручник Густль, новелл. Шніцлера (235—251).

Із П. Якубовича: Перед совітом (252).

Зі споминів засланого без суду, Миколи Ковалевського (52—68).

Сервітути і розмежоване грунтів на правобережній Украіні, Ф. Немоловскаго (далі) (69—87).

Новини нашоі літератури: ідеальный батько, оповідане Л. Яновськоі. В. Л-ка (88—94).

Уваги на сучасні темы. IV. Справа українсько-руського університету у Львові, Вол. Гнатюка V. «Славянскія начала» д. Вергуна, Ів. Франка. II. Національна школа та «сердечное попеченіе», Л. С. К-а, VII. Доступність освіти в Россиі, Вол. Дорошенка (95—108).

Микола Ковальський (з портретом) М. П. (109—110).

Хроніка і бібліографія (14—22).

—

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 люблянскаго журнала «Dom in Svet» напечатана статья «Ob Taras—Ševčenkovem grobu. Za Štiridesetletnico pesnicove Smrti—Spisal Baida Kazak». Цитаты изъ стихотвореній Шевченка приведены въ оригиналѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ поэта, видъ могилы, хаты на могилѣ и общій видъ Шевченковой горы.

—

Въ №-рахъ 11—13 вѣнскаго журнала «X—Strahlen», издаваемаго Сембратовичемъ, напечатана обстоятельная статья по поводу извѣстнаго запрещенія украинской литературы закономъ 1876 г. Статья озаглавлена «Eine proscribierte Nationalliteratur».

—

Въ «Южномъ Краѣ» (№№ 7178 и 7194) печатается продолженіе очерковъ проф. Сумцова: „Изъ этнографическихъ экскурсій". Указанныя номера содержатъ описаніе ярмарки въ Боромлѣ, Харьковской губерніи, и «стариннаго шляха Сагайдака».

—

Сборникъ въ честь проф. Н. И. Стороженка выйдетъ въ концѣ ноября. Чествованіе маститаго юбиляра предполагается 2 декабря. (СПБ. Вѣд. № 303).

—

Однимъ изъ житомірскихъ почитателей Мачтета получено,—по словамъ «Волыни»,—отъ вдовы Мачтетъ право издать отдѣльной книжкой фельетоны, которые покойный писатель печаталъ подъ псевдонимомъ «Черноморъ» въ «Волыни». Доходъ отъ изданія предполагается употребить на какое-либо доброе дѣло имени Мачтета. На-дняхъ фельетоны будутъ отправлены въ цензуру, а въ свѣтъ появятся, вѣроятно, не позже Рождества. (Б. В. 300).

—

Въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 283) помѣщена замѣтка по поводу извѣстной пьесы г. Карпенка-Караго «Хазяинъ». Усматривая въ этой комедіи «новую струю малороссійской литературы», газета даетъ о ней слѣдующій отзывъ: „Автору удалось создать нѣчто оригинальное и коснуться новыхъ сферъ бытового уклада деревни, затронуть соціально-экономическія отношенія народной жизни".

—

Въ № 284 вечерняго изданія «Одесскаго Листка» помѣщены портреты украинскихъ артистовъ г. г. Кропивницкаго, Заньковецкой, Садовскаго и Саксаганскаго. Та-же газета въ цѣломъ рядѣ театральныхъ рецензій отмѣчаетъ прекрасную игру, образцовый ансамбль и художественный репертуаръ гостящей въ настоящее время въ Одессѣ труппы М. Л. Кропивницкаго.

—

Въ фельетонѣ «Полтавск. Губ. Вѣд. № 237 описывается поѣздка участниковъ Полтавскаго Кустарнаго съѣзда въ Миргородъ. Грустное впечатлѣніе произвели издѣлія художественно-промышленнаго Училища Н. В. Гоголя. Въ статьѣ говорится: среди издѣлій нѣтъ ни одного, которое хоть напоминало-бы тѣ рисунки, которыми восторгался директоръ школы, а за нимъ и всѣ мы. Все здѣсь находящееся, отъ изразцовъ для печей, горшковъ и кончая гигантомъ иконостасомъ, нисколько не оригинально, не особенно изящно, а главное не особенно дешево; во всѣхъ издѣліяхъ сквозятъ одни и тѣ же тоны и формы; разница между рисунками и издѣліями учениковъ невообразимо громадная, ужъ не говоря о томъ, что о національномъ характерѣ стиля нѣтъ и помину.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Адріян.—Аграрний процес у Добростанах (Наукова бібліотека, ч. 9). Вид. укр.-руськоі Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стр. 82. Ціна 1 кор.

Алферовъ.—Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Барвінський В.—Досліди з поля статистики (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 17). Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. У Львові, 1901. Стр. 56. Ціна 20 сот.

Барвінський Ол.—Огляд історииі укр.-руськоі літератури до кінця XVIII ст. У Львові, 1901. Стр. 68. Ціна 40 сот.

Вергунъ Д. Н.—Червоно-русскіе отзвуки. Изданіе «Литературнаго кружка» при галицко-русскомъ студенческомъ обществѣ «Другъ». Львовъ, 1901.

Вольkенбергъ В.—Новыи побожныи пѣсни Отпустныи до Пресвятои Дѣвы Маріи. Перемышль, 1901. Стр. 32. Ціна 24 сот.

Галль Янъ.—12 українських писень для мишаного хору, з проводом фортепяна. Київ, 1901. Ціна 60 коп.

Грушевський М.—Ясновельможный сватъ. Оповидання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 к.

Гузар Е.—Практичний проповідник для катехитів. Ч. І. У Львові, 1901. Стр. 76. Ціна 1 кор.

Доброскокъ. Хамъ, оповидання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 коп.

Довнаръ-Запольскій М.—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

Зайберт А,—Стінна мапа Австро-Угорщини, переложена на руську мову О. Поповичем.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XLIV. Зміст: 1) Пяницьке чудо, в Корсуні—Ів. Франка; 2) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів,—Ів. Верхратського; 3) Miscellanea: а) Лист Степана Баторія до Калги з р. 1577, подав М. Грушевський; б) Чуб і чуприна, замітка для историків, малярів і акторів (з рисунком), подав З; в) Микола Савич, біогр. замітка Ол. Маркевича; 4) Наукова хроніка: Проби біографій и оцінки діяльности П. Кулиша,—Ів. Стешенка. 5) Бібліографія. У Львові, 1901. Стр. 14+113+224+9+28+51. Ціна 3 кор.

Катаевъ И.—Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи, Москва, 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.

Квитка-Основьяненко.—Перекотыполе. Оповидання. Харькивъ, 1901. Стр. 48. Ціна 4 коп.

Комарь М.—Оповидання про Богдана Хмельныцького, якъ вызволывъ винъ Украину видъ неволи польськои. Выд. «Благотворит. Общества», № 12. СПБ., 1901. Стр. 80. Ціна 8 коп. на кращому папери—15 коп.

Кониській Ол.—Тарас Шевченко-Грушівській, хроніка його життя. Томъ II. Збірник фильельогичноі секциі Наук. Товариства ім. Шевченка, т. IV. У Львові, 1901. Стр. VIII+398+26. Ціна 4 кор.

Копач. Ів.—Будучність гимназій (уваги пр. Паульзена). Відбитка з «Л.-Н. Вістника». У Львові, 1901. Стр. 50. Ціна 1 кор.

Короленко В.—Ліс шумить. (Полисська легенда). Переклав Маслов—стоків (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 18) Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. у Львові, 1901. Стр. 40. Ціна 20 сот.

Кравчинський С. М (С. Степняк).—Підземна Росия. Переклав з росийськоі мови Е. Косевич. (Наукова Бібліотека, ч. 8. Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. Львів, 1901. Стр. XVI+248. Ціна 3 корони.

Кримський А.—Пальмове гилля. Екзотичні поезиі (1898—1901). Белетристична Бібліотека, ч. 40). Виданне укр.-руськоі Видавничоі спілки. У Львові, 1901. Стр. VIII+152. Ціна 2 корони.

Левицкій Ив. Ем.—Прикарпатска Русь въ XIX вѣкѣ въ біографіяхъ и портретахъ еи дѣятелей, съ увзглядненьемъ замѣчательныххъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Томъ I, вып. 4. Львовъ, 1901. Стр. 169—214.

Левицкій Ив. Ем.—Александеръ Борвѣньскій въ исторіи культурнаго движенія руского народа на Прикарпатю. Біографично-историчный очеркъ (Перепечатка зъ «Прикарпатскои Руси») Львовъ, 1901. Стр. 52. Ціна 1 кор.

Лопатиньский Л.—Перед і за кулісами та други оповідання. У Львові, 1901. Стр. 122. Ціна 1 кор.

Лопатинський Л.—Перлы, шутки та выгадки. У Львові, 1901. Стр. 100. Ціна 1 кор.

Любавскій М.—Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени. Москва, 1901. Ц. 30 коп.

Ляскоронскій В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. I. Описаніе Украины. II. Карты Украины. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

О Ювилею. Листъ пастырскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго. Жовква, 1901. Стр. 36. Ціна 15 сот.

Перетцъ В. Н.—Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи. I—VIII. Спб., 1901. Ц. 75 коп.

Прозора Ом.—Мудрый монах і царь Микола II. історична поема. Посвящаеться Петру Кропоткину, Вип. 1. 1901. Ціна 15 центів (американськвх).

Ратунокъ для нашого селянства. Коломыя, 1901. Стор. 30.

Рахунки для шкіл народних. Части I, II, III, IV. У Львові, 1901.

Русско-народни колыбельни пѣсни. Собравъ изъ устъ женщинъ М. Бѣлоусъ. Коломыл, 1901, Стор. 48.

Спис слів до вправ латиньских. Штайнера-Шайндлера для першоі кляси. Перевів Р. Цеглиньский. Львів, 1901. Стор. 112.

Сроковський К.—Оповидання (беллетристична бібліотека, ч. 39). Вид. укр.-руськоі Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. 102. Ціна 1 кор. 40 сот.

Старыцькый М. П.—Якъ ковбаса та чарка, то мынеться й сварка. Комедія въ 1 діи. Зъ старои подіи. Кіевъ, 1902. Цина 30 к.

Студиньский Кирило.—Котляревский і Артемовский. Відповідь д. Ів. Стешенкови, Львів, 1901. Стор. 53. Ціна 40 сот.

Трызна Яцковськый М.—Виршы и переклады. Ровно, 1901. Стор. 34.

Франко Ів.—Пяницьке чудо в Корсуні. Причинок до історіи староруськоі легенди. Відбитка з XLIV т. «Записок». У Львові, 1900. Стор. 14. Ціна 15 сот.

Франко Ів.—Сім казок (белетристична біобліотека, ч. 36). Накладом укр.-руськоі. Вид. Спілки. Стор. 92. Ціна 1 кор. 40 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. Ш, ч. 7 у Львові, 1901. Стор. 17. Ціна 30 сот.

Чаговець В. А. Преподобный Өеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Кіевъ, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Тарасъ. Повисти. Томъ I-й (Наймычка, Безщасный Варнакъ), стор. 232. Томъ II (Капитанша, Музыка, Княгыня), Стор. 241. У Кыиви, 1901. Цина кажного тому 35 коп., на кращому папері 75 коп. Зъ портретами автора.

Шекспир Уіліям.—Ромео та Джульета. Переклад Куліша з Передмовою та пояснениями Франка (Белетристична библіотека, ч. 38). Вид. укр.-руськоі Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. XVI+132. Ціна 1 кор, 80 сот.

Шептицкий А.—Пояснене обрядовъ при посвященю церкви. Жовква, 1901. Стор. 42. Ціна 18 сот.

Штайнер і Шайндлер.—Вправи латиньскі для першоі кляси. Перевів Р. Цеглиньский. У Львові, 1901. Стор. 72. Ціна 1 к. 50 сот.

Щурат В.—Зарваниця. Перемышль, 1902. Стор. 16. Ціна 20 с.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Дѣятельность Комиссіи при Полтавскомъ губернск. статист. комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ XII-му археолог. съѣзду. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность Комиссіи за истекающій годъ носила характеръ энергичной и богатой результатами работы. Причины этого явленія: относительная новизна дѣла, малое число лицъ, обладающихъ и подготовкой и досугомъ, незначительность средствъ и, наконецъ, нѣкоторые тормазы со стороны исполнительнаго органа комиссіи. Однако, не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, Комиссія успѣла кое-что сдѣлать и, такимъ образомъ, начало для систематическаго изученія прошлаго Полтавщины положено.

Сообразно двумъ основнымъ задачамъ прдстоящаго съѣзда—изученія различныхъ областей въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ—и работа Комиссіи велась въ этихъ двухъ направленіяхъ,

Что касается перваго, то здѣсь можно отмѣтить слѣдующее.

Еще раньше, статистическимъ Бюро губ. земства было собрано путемъ опросныхъ листовъ довольно значительное количество свѣдѣній, касающихся различныхъ памятниковъ старины губерніи. Свѣдѣнія эти въ настоящее время систематизируются членами Комиссіи и составятъ довольно значительный матеріалъ для археологической карты.

Путемъ развѣдокъ на мѣстѣ, Комиссія собрала описанія и фотографіи цѣлаго ряда круглыхъ городищъ по нагорнымъ берегамъ р. Ворсклы и Псла, а также нѣкоторыхъ укрѣпленій другого рода.

Историческія древности также обратили на себя вниманіе Комиссіи: о нихъ собирались свѣдѣнія у частныхъ лицъ, владѣющихъ коллекціями или отдѣльными предметами, регистрировались и памятники церковной старины, находящіеся въ различныхъ пунктахъ губерніи. Изъ наиболѣе интересныхъ церквей въ этомъ отношеніи можно указать: Николаевскую въ с. Великихъ Будищахъ, Зѣньков. у., гдѣ есть старинный колоколъ и икона, „поновленная до 1705 года“; Гадячскій соборъ со старинною скрынею орѣховаго дерева съ перламутровыми, костяными и деревянными инкрустаціями; Сенчанскую старую церковь съ иконою, на каторой художникъ (начала 18 в.) изобразилъ фигуры въ костюмахъ того времени, Біевецкую (Лубенскаго у.), съ иконостасомъ изъ Красногорскаго монастыря; Бобрикскую съ книгами 17 в. изъ Быстрикскаго монастыря; Леприкскую, гдѣ хранятся льняные тканные подризники съ прекрасными узорами (Гадячскаго у.) и т. д. Что касается церковной старины г. Полтавы, то все, болѣе выдающееся, описано и сфотографировано О. И. Левицкимъ и нами во время командировокъ отъ Комиссіи при Обществѣ Нестора Лѣтописца для описанія памятниковъ украинской старины.

Этнографическія изслѣдованія губерніи составляли, собственно, главную цѣль дѣятельности Комиссіи. Нужно замѣтить, что для Полтавской губерніи почва въ этомъ отношеніи была уже подготовлена довольно многочисленными работами статистическаго Бюро земства, касавшимися главнымъ образомъ экономическаго положенія населенія. Съ этнографическими цѣлями Комиссіей была организована экскурсія, хотя и носившая развѣдачный характеръ, но результатомъ которой явилось много цѣннаго фактическаго матеріала. Совершилъ экскурсію М. А. Русовъ, которому было поручено, какъ одна изъ главныхъ цѣлей экскурсіи, собираніе свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Задачу эту можно считать выполненной вполнѣ удовлетворительно: записано около 130 дѣтскихъ игръ, забавъ, развлеченій

и занятій—въ большинствѣ случаевъ непосредственно отъ самихъ дѣтей въ у.у. Зѣньковскомъ, Гадячскомъ, Лубенскомъ, Лохвицкомъ и Миргородскомъ. Большая часть изъ нихъ первый разъ отмѣчена и записана, многія изъ нихъ крайне сложны и интересны и представляютъ прекрасный и новый матеріалъ для изученія жизни дѣтей и для сравнительной этнографіи. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія игры пастуховъ и пастушковъ, которыя у нихъ имѣютъ мѣсто во время пастьбы скота. Кромѣ того, интересны дѣтскія поговорки, системы и способы счета во время игръ и дѣтскія хороводныя пѣсни.

Попутно, при изученіи игръ, завязывались самыя дружескія отношенія съ играющими и благодаря этому являлась возможность записать и весеннія игры и зимнія развлеченія, а также понемногу собирать коллекцію игрушекъ и описывать тѣ изъ послѣднихъ, которыя нельзя было достать на мѣстѣ. Многіе изъ живущихъ постоянно въ селахъ любезно согласились собрать коллекціи игрушекъ и дѣтскихъ издѣлій и доставить въ комиссію или въ Полтавскій музей. Пока можно сказать, что, сверхъ ожиданія, игрушки оказались очень разнообразными и остроумными. Большая часть игрушекъ дѣлается самими дѣтьми, меньшая—взрослыми, покупныя же почти отсутствуютъ. Матерьяломъ служитъ дерево (верба, осина, береза), камышъ, трава, огурцы, дыни, кавуны, соцвѣтія подсолнуховъ, картошка, обломки желѣза и глина. Дѣвочки дѣлаютъ себѣ куклы—«ляльки» изъ тряпочекъ, рисуютъ углемъ глаза, носъ и ротъ и украшаютъ ихъ ожерельями изъ травъ и дикихъ ягодъ. Музыкальные инструменты оказались тоже очень интересными и разнообразными и вполнѣ оправдали распространенное мнѣніе о музыкальности украинскаго народа.

Очень важную роль при изслѣдованіи игралъ стереоскопическій фотографическій аппаратъ, при помощи котораго фотографировались виды поселеній, дворовъ, отдѣльныя постройки, зданія, хаты и внутренняя обстановка жилыхъ помѣщеній. Что касается до типа построекъ сельскаго населенія, то поскольку можно судить теперь, послѣ обслѣдованія центральныхъ уѣздовъ и восточныхъ Гадячскаго и Зѣньковскаго,—отмѣтилось довольно ярко два типа поселеній и построекъ. Первый типъ, наиболѣе

старинный, характеризуется болѣе глубокимъ расположеніемъ хаты во дворѣ, центростремительнымъ и скученнымъ планомъ дворовыхъ построекъ и изобиліемъ загородокъ и плетней—этотъ типъ наиболѣе часто встрѣчается въ сѣверной части Зѣньковскаго у., лѣсной Лубенщинѣ и Лохвицкомъ уѣздѣ. Второй—съ болѣе центробѣжнымъ расположеніемъ построекъ, болѣе открытою на улицу хатою съ колонками (піддашками) преобладаетъ въ степныхъ и южныхъ уѣздахъ. Кромѣ этихъ типовъ, въ различныхъ мѣстахъ есть видоизмѣненія и отклоненія, которыя будутъ указаны своевременно. Расположеніе поселеній, общій планъ ихъ—тоже имѣетъ свои различія; наиболѣе старинный типъ кругового поселенія и безпорядочный—характерно выступаетъ во многихъ лѣсныхъ частяхъ Зѣньковскаго, Лубенскаго и Гадячскаго уѣздовъ, и типъ линейнаго распространенія слободъ—въ степныхъ частяхъ уѣздовъ и по селеніямъ большихъ дорогъ и шляховъ. Много вліяетъ въ этомъ направленіи расположеніе селъ по балкамъ, долинамъ и берегамъ рѣкъ—здѣсь направленіе главной улицы опредѣлено линіей балки или долины. Что касается внутренней обстановки жилищъ, то можно констатировать удивительную устойчивость типа по всѣмъ упомянутымъ уѣздамъ и только новыя хаты съ грубою вмѣсто печи не имѣютъ обычнаго вида. Фотографическіе снимки, сдѣланные въ разныхъ пунктахъ, дадутъ возможность наглядно уяснить эту разницу, на которую здѣсь кратко указывается; эта разница въ матерьяльной культурѣ и внѣшней обстановкѣ показываетъ эволюцію ея въ связи съ волнами колонизаціи Полтавщины и постепеннаго удаленія отъ метрополіи (Кіевской губ. и юга Черниговской).

Между прочимъ, фотографировались и мѣстные костюмы: праздничный и будничный, женскій и мужской.

Одну изъ задачъ Комиссіи по этнографіи составляетъ этнографическій альбомъ Полтавской губерніи. Матеріала для альбома уже и теперь набралось достаточно. Прежде всего, хорошій подборъ фотографій имѣется въ Естественно-историческомъ музеѣ губернскаго земства, затѣмъ, серія фотографій получена благодаря вышеупомянутой экскурсіи М. А. Русова; наконецъ, для той-же цѣли Комиссія обратилась съ возваніемъ къ фотографамъ-любителямъ и уже послѣдовали отклики.

До съѣзда осталось уже сравнительно немного времени. Пожелаемъ-же Комиссіи какъ продолжать начатыя изслѣдованія, такъ и успѣшно ихъ закончить, чтобы на съѣздѣ Полтавская губернія не осталась позади другихъ. [1])

Ученыя общества.

27 октября, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе членовъ отдѣленія археологіи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества*. Предметами занятій служили доклады: графа А. А. Бобринскаго:—«Кіевскія миніатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича по псалтыри Егберта, архіепископа Трирскаго» и А. Л. Погодина—«Происхожденіе русскаго слова глазъ». Темою доклада графа А. А. Бобринскаго послужили рукописи, недавно лишь изданныя за границей подъ названіемъ «Кодекса Гертруды», королевы венгерской. Открыты рукописи въ музеѣ небольшого городка Италіи—Чивидаля, близъ Тріеста. Почеркъ—конца X и начала XI столѣтія. На одной изъ миніатюръ подпись славянская «Ярополкъ». По изслѣдованіи рукописей, онѣ признаны принадлежавшими Гертрудѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ, сыномъ Ярослава, Изяславомъ. За сына своего Ярополка, называемаго ею Петромъ, она, какъ показываютъ рукописи, часто молилась. Имя Петръ приписывается Ярополку, какъ строителю храма св. Петра и Павла. Миніатюръ, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи,—5; высказана желательность изданія ихъ въ краскахъ. Референтъ, на основаніи данныхъ рукописи, пришелъ къ важному историческому заклченію, что Ярополкъ былъ старшимъ сыномъ Изяслава, что Гертруда разошлась съ мужемъ и что остальные извѣстные въ лѣтописяхъ сыновья Изяслава—отъ другой жены. Лѣтопись же называетъ Ярополка младшимъ изъ сыновей. Стар-

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія для настоящей замѣтки заимствованы изъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей».

шинство Ярополка и объясняетъ его стремленіе сѣсть на княжескій столъ и борьбу съ братьями. („Спб. Вѣд.“).

—

Въ Екатеринодарѣ, 27 сентября, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе мѣстнаго подготовительнаго комитета по участію Кубанской области въ предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ. Причина созыва этого комитета, состоящаго изъ членовъ Общества любителей изученія Кубанской области, членовъ Кубанскаго областного статистическаго комитета и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ, объясняется желаніемъ прибывшей въ Екатеринодаръ предсѣдательницы Имп. Московскаго археологическаго общества гр. Уваровой на мѣстѣ ознакомиться какъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано членами комитета для предстоящаго съѣзда, такъ равно и съ тѣми предметами для выставки, которые уже имѣются въ распоряженіи или въ виду у комитета. Засѣданіе открылось сообщеніемъ предсѣдателя В. М. Сысоева о томъ, кѣмъ изъ лицъ обѣщано что-либо подготовить для съѣзда и что именно сдѣлано. Послѣ этого сообщенія гр. Уварова замѣтила, что изъ осмотрѣнныхъ уже ею въ Екатеринодарѣ предметовъ старины лишь очень немногое можетъ прадставить интересъ для съѣзда, такъ какъ всѣ остальные предметы достаточно извѣстны и потому не представляютъ интереса для спеціалистовъ. Вслѣдъ затѣмъ присутствующіе обмѣнялись сообщеніями о томъ, гдѣ бы на Кубани можно было еще найти интересныя древности. Такъ, сообщено было, между прочимъ, о томъ, что у потомковъ Антона Головатаго имѣются интересныя вещи изъ запорожской старины, доставшіяся имъ отъ предка; сообщено было также о томъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ Черноморіи, напр., въ станицахъ Анапской и Благовѣщенской, имѣются относящіеся ко времени Запорожья предметы, доставшіеся имъ послѣ разрушенія стараго екатеринодарскаго войскового собора (иконы, части иконостаса и т. п..

П. П. Короленко заявилъ о томъ, что у наслѣдниковъ генерала И. Д. Попко сохраняются интересные предметы запорожской старины („Куб. Вѣд.“).

—

27 октября состоялось годичное собраніе *Общества Нестора Лѣтописца*, на которомъ былъ прочтенъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Общества за послѣдній годъ (29-ый существованія Общества). Всѣхъ членовъ состояло 145, въ томъ числѣ 21 почетныхъ; засѣданій было 14, на нихъ доложено 28 рефератовъ по литературѣ, исторіи и археологіи; предсѣдательствовалъ въ Обществѣ Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя состоялъ А. М. Лазаревскій.

---

22 ноября, въ засѣданіи *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, было постановлено приступить къ систематизаціи и разборкѣ поступившаго матеріала для предполагаемаго изданія. Затѣмъ, были доложены краткія свѣдѣнія объ экскурсіяхъ этого года: В. И. Щербины, И. М. Каманина и Н. Ф. Бѣляшевскаго, причемъ постановлено сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя съемки памятниковъ церковной старины. Н. Ф. Бѣляшевскій сообщилъ о работахъ С. П. Яремича и Е. М. Кузьмина, изъ которыхъ первымъ изготовленъ альбомъ рисунковъ надглавныхъ желѣзныхъ крестовъ XVII—XVIII в.в. кіевскихъ церквей, а вторымъ—подготовляется альбомъ фотографій съ памятниковъ старины. Конецъ засѣданія былъ посвященъ разбору поступившихъ отъ разныхъ лицъ сообщеній, касающихся мѣстныхъ древностей и остатковъ старины.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки В. Е. Гезе въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Въ настоящемъ году, отъ конца апрѣля до первыхъ чиселъ ноября, В. Е. Гезе производились раскопки въ сс. Сахновкѣ и Набутовѣ, Каневскаго уѣзда.

Въ послѣднемъ раскапывалось славянское городище съ некрополемъ, давшимъ довольно много археологическаго матеріала въ видѣ хорошей сохранности череповъ, многіе изъ которыхъ добыты изъ земли вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ украшеніями, позволяющими опредѣлить съ точностью ихъ на-

значеніе и самое расположеніе, а также значительнаго количества предметовъ обихода и въ особенности туалета. Къ послѣднимъ, главнымъ образомъ, относятся по-истинѣ великолѣпныя ожерелья изъ крупныхъ янтарныхъ, каменныхъ и топазовыхъ бусъ. Независимо отъ высокаго достоинства послѣднихъ въ смыслѣ выдѣлки, величины и сохранности, научная цѣнность ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, значительно возрастаетъ благодаря тому обстоятельству, что г. Гезе примѣнилъ къ своимъ находкамъ весьма удачный пріемъ, введенный въ археологическую практику Н. Е. Бранденбургомъ,—именно, добываніе предметовъ изъ земли нетронутыми, путемъ вырѣзыванія окружающей ихъ части почвы, въ которой положеніе предмета или отдѣльныхъ частей находки сохраняется въ неприкосновенности. Примѣненіе этого пріема, вообще крайне желательное во всѣхъ случаяхъ, когда къ тому представляется возможность, позволяетъ, напр., въ данномъ случаѣ видѣть порядокъ, въ какомъ были расположены разнородныя бусы ожерелья, а на черепахъ—порядокъ размѣщенія мелкихъ украшеній и самыхъ матерій отъ повязокъ. Значительное количество погребеній и то обстоятельство, что городище осталось болѣе или менѣе нетронутымъ, придаютъ этой раскопкѣ большой интересъ.

Въ с. Сахновкѣ первоначально была подвергнута изслѣдованію извѣстная „Дѣвичь-гора". Къ сожалѣнію, хищническія раскопки мѣстныхъ кладоискателей до такой степени изуродовали эту гору, что сдѣланныя на нее немалыя затраты труда и средствъ остались безуспѣшными; отыскано было нѣсколько остатковъ жилищъ - землянокъ великокняжескаго періода съ весьма бѣднымъ инвентаремъ, заключавшимся въ кое-какихъ предметахъ обихода и украшеніяхъ, да въ самой насыпи нѣсколько десятковъ желѣзныхъ предметовъ и различныхъ бусъ— и только. Почти подъ конецъ, впрочемъ, удалось найти часть вызолоченной бляшки съ изображеніемъ фигуры святого и въ одномъ изъ жилищъ—верхнюю часть небольшого мѣднаго колокола съ характернымъ петлеобразнымъ ухомъ, представляющаго полную аналогію съ колоколомъ Десятинной церкви. Жилища

были расположены по склонамъ горы, почти по срединѣ ея, и, обыкновенно, имѣли видъ круглой глиняной площадки, надъ которой возвышался глиняный очагъ, въ одномъ случаѣ найденный почти цѣльнымъ; иногда вглубь площадки (пола) была прорыта яма около 1—1$^1/_2$ м. глубиной, служившая, м. б., кладовой для запасовъ и хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ на днѣ одной изъ нихъ найденъ большой желѣзный топоръ, а въ двухъ другихъ—цѣлые маленькіе клады изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, серегъ и др. украшеній, большею частью сильно поврежденныхъ. По части керамики найдено нѣсколько сосудовъ великокняжеской эпохи, но цѣльные попадались рѣдко. Изъ мѣдныхъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ сосудахъ (котлахъ), одинъ изъ которыхъ отличается довольно большими размѣрами; сосуды эти, повидимому, составляли необходимую принадлежность хозяйства, такъ какъ въ большей части землянокъ находились если не куски, то дужки отъ подобныхъ котловъ.

Въ началѣ іюля, параллельно съ раскопками на „Дѣвичь-горѣ", г. Гезе предпринялъ раскопки группы кургановъ, находящейся въ урочищѣ «Бабица», въ 3—4 верстахъ отъ с. Сахновки. Урочище это находится на возвышенности, спускающейся довольно крутымъ склономъ къ берегу р. Роси и продолжающейся почти до половины пути въ м. Корсунь; указанная мѣстность на всемъ своемъ протяженіи усѣяна курганами, представляющими почти неисчерпаемый археологическій матеріалъ. Въ урочищѣ «Бабица» расположено всего 11 кургановъ, два изъ которыхъ раскопаны были уже раньше тѣми-же хищниками изъ мѣстныхъ крестьянъ, нашедшими въ нихъ бронзовые и желѣзные предметы скифскаго періода; остальные 9 раскопаны нынѣшнимъ лѣтомъ. Всѣ вообще курганы были невелики и невысоки, благодаря ежегодному распахиванію; высота самаго большаго не превышала 2$^1/_2$ м., а окружность 20—25 м. Форма ихъ, на сколько можно было судить по болѣе уцѣлѣвшимъ, куполообразная. На основаніи разсказовъ о предметахъ, найденныхъ въ раскопанныхъ грабителями курганахъ, всѣ они но-

сили ясно выраженный скифскій характеръ. Изслѣдованія, къ которымъ было приступлено, подтвердили это, заставивъ отнести раскопанные курганы къ т. н. позднѣйшей скифской эпохѣ, на которую указывалъ общій характеръ найденныхъ предметовъ (трехгранныя бронзовыя стрѣлки, желѣзные ножи скифскаго типа съ костяными ручками, бронзовыя зеркала, остатки желѣзныхъ чешуекъ отъ панцыря, фрагменты большихъ амфоръ красной глины и сосуды съ гладкой поверхностью изъ сѣро-зеленоватой, черной и свѣтло-красной глины). Преобладающимъ типомъ погребеній было погребеніе въ землѣ, причемъ, однако-же, скелеты оказывались почти всегда въ безпорядкѣ, что указывало на ограбленіе, по большей части еще въ древности. Покойники лежали на деревянной подстилкѣ или обкладывались по двѣ стороны досками, какъ это имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ. Могильныя ямы находились подъ уровнемъ земли, въ материкѣ, и за однимъ исключеніемъ, не отличались большой глубиной (въ среднемъ она равнялась $1^1/_2$—2 м.); состояли онѣ изъ твердыхъ стѣнокъ, выкопанныхъ въ лессѣ.

Исключеніе представляли два склепа, или, точнѣе, навѣса, соединенные съ сожженіемъ. Одно изъ такихъ погребеній, найденное въ маленькомъ, едва возвышающемся надъ уровнемъ земли курганѣ, представляло слѣдующую картину: по снятіи верхняго слоя земли обнаружились два пятна, раздѣленныя между собою разстояніемъ въ 1 м. 20 стм. Въ одной изъ ямъ найдены истлѣвшіе остатки толстыхъ брусьевъ, поддерживавшихъ навѣсъ, который шелъ наклонно отъ N къ S, какъ это можно было видѣть по уцѣлѣвшимъ въ разрѣзѣ слѣдамъ бревенъ; на разстояніи $1^1/_2$ м. отъ нихъ лежала куча угля. На днѣ другой ямы оказались слѣды деревянной подстилки изъ бревенъ или досокъ, идущихъ параллельно по обѣ стороны; между ними, на желтой глинѣ, лежала довольно большая куча пережженныхъ до состоянія кальцинаціи костей, повидимому, отъ цѣлаго скелета, а далѣе, на томъ-же уровнѣ, стояла на подставкѣ круглая мисочка красной глины съ загнутыми внутрь краями. Въ наполнявшей яму землѣ найдены, кромѣ того, фрагменты большой красной амфоры.

Обстановка второго сожженія дала возможность составить болѣе ясное представленіе о способѣ постройки навѣса и общемъ расположеніи могилы въ другомъ большомъ и наилучше сохранившемся курганѣ.

Большая, $3^1/_2$ м. въ длину. 3 м. въ ширину и около $4^1/_2$ м. въ глубину (отъ уровня земли), яма была обставлена со всѣхъ четырехъ сторонъ громадными дубовыми столбами, врытыми въ глубокія ямки; на этихъ столбахъ покоился наклонный навѣсъ, болѣе высокая сторона котораго (2 м. 25 стм.) находилась съ юга и крышка котораго почти вездѣ сохранилась. Непосредственно подъ ней лежалъ толстый слой до красна выжженной глины, подъ которымъ находился громадный слой крупнаго угля, мѣстами доходившій въ толщину до 1 м. 20 стм. Вся яма была наполнена углемъ, пепломъ и кусками отвердѣвшей отъ огня глины. На днѣ ея, по расчисткѣ земли, найдено нѣсколько обугленныхъ костей въ крайнѣ фрагментарномъ состояніи и желѣзное кольцо отъ сбруи. Но за то въ противоположной, восточной сторонѣ ямы оказалась находка, превзошедшая самыя смѣлыя ожиданія.

Въ мелкой, порошкообразной глинѣ, окружавшей и наполнявшей одну изъ ямокъ, найдена свернутая врозь концами шейная гривна изъ толстой золотой проволоки, а вслѣдъ за ней—широкая золотая діадема, также м. б. вслѣдствіе жара свернутая въ трубку и вся покрытая рельефными штампованными изображеніями человѣческихъ фигуръ.

Діадема, сдѣланная изъ тонкой золотой бляхи самой высокой пробы, имѣетъ въ длину 36 стм. и въ ширину около 10-ти. На ней изображено 10 фигуръ. На первомъ планѣ сидитъ въ широкомъ креслѣ женщина въ повязкѣ, изъ-подъ которой падаютъ складки вуаля; въ одной рукѣ она держитъ сосудъ въ видѣ кувшинчика, изъ котораго, повидимому, собирается налить въ рогъ, находящійся въ лѣвой рукѣ колѣнопреклоненнаго передъ нею мужчины, типичнаго скифа, съ усами и бородой, въ широкомъ плащѣ. Въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ меча, упирающагося концомъ въ землю (рельефъ не вполнѣ

ясенъ), а сбоку колчанъ или налучье съ виднѣющимся изъ него лукомъ. За нимъ, почти касаясь его плеча своимъ инструментомъ, также стоитъ на колѣняхъ человѣкъ, играющій на чемъ то въ родѣ арфы. Далѣе, направо — двѣ женскія фигуры разливаютъ вино; одна въ высоко поднятой лѣвой рукѣ держитъ кувшинчикъ, а въ правой рогъ, въ который другая наливаетъ вино изъ желобчатой амфоры съ узкимъ дномъ и двумя ручками; между ними стоитъ широкій, низкій сосудъ въ видѣ холодильника, откуда выглядываютъ горлышки еще трехъ сосудовъ. Налѣво—мальчикъ, стоящій за кресломъ главной женской фигуры; онъ держитъ, вѣроятно, опахало, которое однако-же неясно, благодаря находящимся на этой высотѣ двумъ рядамъ мелкихъ отверстій для пришиванія, идущимъ вокругъ трехъ сторонъ діидемы; что эта фигура—фигура мальчика, должно судить по тому, что онъ одинъ изображенъ стоящимъ, тогда какъ всѣ остальные представлены сидящими или колѣнопреклоненными. За мальчикомъ два скифа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; лица перваго нельзя разобрать, такъ какъ бляха въ этомъ мѣстѣ измялась, но ясно видна верхняя часть его туловища съ согнутой, принимающей рогъ рукой и висящій сбоку колчанъ. Второй видѣнъ прекрасно. Наконецъ, послѣдняя группа—жрецъ съ мечомъ въ рукѣ готовится поразить барана, котораго ведетъ или держитъ колѣнопреклонный-же прислужникъ.

Чтб именно изображаетъ данная сцена, трудно сказать: пиръ-ли это по случаю возвращенія побѣдителей, свадебное-ли торжество или совершеніе какого-либо другого обряда, все это можно предположить только гипотетически. Работа фигуръ грубая, изобличающая руку мѣстнаго мастера-варвара, подражавшаго, конечно, греческимъ образцамъ; но именно это обстоятельство придаетъ находкѣ наибольшую силу и значеніе, такъ-какъ она представляетъ единственный образецъ подобнаго характера;—фигуры скифовъ Куль-Обской и Никопольской вазъ по своей художественной работѣ, будучи чисто-греческими произведеніями, не имѣютъ съ ней ничего общаго. Самая компози-

ція, совершенно новая, является оригинальнымъ замысломъ мѣстнаго художника; изъ встрѣчавшихся доселѣ группъ, на данной повязкѣ имѣется лишь одна, именно, группа двухъ пьющихъ скифовъ, трактованная, впрочемъ, совершенно самостоятельно. На Куль-Обской бляшкѣ, напримѣръ, будущіе побратимы пьютъ изъ стакана, обратясь профилемъ другъ къ другу; здѣсь обѣ фигуры представлены почти en face, по крайней мѣрѣ лѣвая фигура, и ясно видна лежащая у нея на плечѣ и обнимающая ее рука другой,—кромѣ того, она держитъ рогъ, изъ котораго они пьютъ или собираются пить. Аксессуары, постановка фигуръ, выраженіе лицъ,—словомъ все, проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ и отъ всей картины вѣетъ безпримѣсной, древней, грубой Скифіей. Внизу вся сцена окаймлена тремя рядами выпуклыхъ параллельныхъ линій, образующихъ посрединѣ діадемы тройной зубчикъ; ниже ихъ—орнаментъ изъ двойныхъ шариковъ.

Настоящая находка представляетъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное открытіе, и въ высшей степени желательно, чтобы авторъ этого открытія возможно скорѣе познакомилъ съ нимъ ученый міръ, путемъ изданія его детальнаго описанія и facsimile.

—

Глыба земли, заключавшая въ себѣ содержимое погребенія одного изъ кургановъ, раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ у м. Ильинецъ, Липовецк. у. (см. «Лѣтопись», октябрь, н. г.), въ настоящее время уже разобрана въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Разборъ показалъ, что и въ данномъ случаѣ погребеніе было нарушено грабителями, такъ какъ нетронутой оказалась лишь нижняя часть скелета. Внутри двухъ бронзовыхъ кнемидъ найдены части берцовыхъ костей и значительное количество кусковъ кожи, служившей по всей вѣроятности подбивкой поножей. Большая бронзовая бляха оказалась не круглой, а имѣла въ верхней части вырѣзъ, съ немного загнутыми наружу краями; вырѣзъ безъ сомнѣнія предназначался для шеи, а вся бляха служила защитой для верхней части груди. Кромѣ того,

при разборкѣ найдены еще 4 небольшія круглыя бляшки, такъ что всѣхъ ихъ будетъ 7, и затѣмъ 3 желѣзныхъ копья.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. II. [1]) Въ настоящей, второй замѣткѣ о музеѣ Е. Н. Скаржинской предполагалось дать рядъ свѣдѣній о памятникахъ исторической старины, хотя-бы въ краткомъ видѣ. Для этого нужно было еще разъ съѣздить въ х. Кругликъ; но мы не располагали свободнымъ временемъ и теперь приходится ограничиться лишь самымъ поверхностнымъ обзоромъ на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ первой поѣздки.

При комплектованіи и этого отдѣла, въ полной силѣ дѣйствуетъ основной принципъ: не гоняться за показными вещами, собирать все, характеризующее внѣшній бытъ прошлаго.

Къ велико-княжеской эпохѣ въ этомъ отдѣлѣ относится сравнительно немного предметовъ. Почти всѣ они найдены въ „Валахъ" въ г. Лубнахъ; это бусы, привѣски (м. п. изъ ляписъ—лазули), пряслицы, грузила, наконечники стрѣлъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большихъ размѣровъ костяной кружокъ, украшенный кружковымъ орнаментомъ—обычнымъ для костяныхъ издѣлій. Въ кружкѣ два отверстія; найденъ онъ въ Лубнахъ; назначеніе пока не опредѣлено—б. м. это крышка отъ сосуда. [2])

Памятники козацкой старины, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ встрѣчаются все рѣже и рѣже. Къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда ихъ можно еще было собирать—любителей-коллекціонеровъ было очень немного, изъ крупныхъ вѣдь можно указать лишь на одного В. В. Тарновскаго, да и дѣятельность его относится къ послѣднимъ 25—30-ти годамъ. Если-же обра-

---

[1]) См. «Лѣтопись», сентябрь н. г.

[2]) Совершенно такой-же кружокъ имѣется въ собраніи Б. И. Ханенко.

титься еще къ болѣе раннему времени, то мы должны констатировать полное отсутствіе коллекціонеровъ малорусской старины. Правда, въ помѣщичьихъ домахъ хранилась старина: хранились портреты и оружіе, кое-какіе предметы (преимущественно носящіе художественный характеръ) домашняго обихода; коллекцій-же въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало. И это тѣмъ удивительнѣе, что съ конца XVIII стол., среди малорусской интеллигенціи, главнымъ образомъ въ помѣщичьей средѣ, пробудился и пустилъ глубокіе корни интересъ къ прошлому своей родины: начали собирать различнаго рода матеріалы—лѣтописи, оффиціальные и частные документы, записки, воспоминанія и т. п., но памятники вещественной старины не привлекали къ себѣ вниманія. Время, затѣмъ, сдѣлало свое дѣло и теперь буквально приходится подбирать крохи.

Въ музеѣ Е. Н. Скаржинской собрано уже и собрано по мелочамъ довольно много предметовъ этой эпохи.

Почти цѣлую витрину занимаютъ находки въ г. Лубнахъ и окрестностяхъ: украшенія, принадлежности костюма (пуговицы, «чаки»—подковки), чарочки, ковшикъ и цѣлая серія глиняной и стекляной посуды, какъ цѣлой, такъ и въ фрагментахъ, иногда датированной (напр., орнаментированный кувшинъ, въ которомъ находились копѣечки Петра I). Особенно интересна поливяная посуда, дающая намъ образцы стариннаго малорусскаго народнаго орнамента—цѣлая, еще не початая область для изслѣдованія. Въ настоящее время музеи начинаютъ собирать современную малорусскую расписную посуду,—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія старинная посуда и въ этомъ отношеніи музею Е. Н. Скаржинской посчастливилось: здѣсь имѣется, помимо фрагментовъ, нѣсколько цѣлыхъ расписныхъ мисокъ изъ г. Лубенъ конца XVIII ст,

Изъ находокъ другихъ мѣстъ можно указать на хут. Войниху, Лубенск. у.,—мѣсто битвы Наливайка съ поляками; здѣсь найдены люльки, походная чернильница, мѣдный котелокъ, наконечникъ копья—несомнѣнные остатки военнаго обоза.

Въ отдѣльной витринѣ размѣщенъ рядъ изразцовъ, образующихъ довольно большую коллекцію. Происхожденіе ихъ—главн. обр. Полтавская губ., но есть и изъ Кіевской губ.,

и изъ другихъ мѣстъ. Изразцы раздѣляются на глазурованные и безъ поливы. Такъ-же, какъ и расписная посуда, они дают прекрасный матеріалъ для исторіи нашего орнамента, матеріалъ разнообразный, но, увы, мало собранный и почти совсѣмъ незатронутый изученіемъ.

Комната, гдѣ помѣщаются историческіе памятники старины, увѣшана различными портретами; среди другихъ, здѣсь есть и малорусскіе—гл. об. фамильные портреты семейства Родзянокъ.

Но главное содержаніе отдѣла составляетъ церковная старина, и, какъ это ни странно, но частный музей Е. Н. Скаржинской является единственнымъ хранилищемъ для нея въ Полтавской епархіи. Всѣмъ прекрасно извѣстно въ какомъ положеніи находится у насъ эта старина. Само духовенство отчасти сознало необходимость хотя чѣмъ ниб. помочь горю и вотъ, по различнымъ епархіямъ юга, устраиваются церковно-археологическіе музеи и древнехранилища; молчитъ лишь Полтавская епархія, имѣя полную возможность къ устройству такого учрежденія...

Музей Е. Н. Скаржинской отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ: собираніе церковной старины ведется энергично и предметы уже исчисляются сотнями. Тутъ мы имѣемъ полный иконостасъ изъ Петро-Павловской ц. г. Хорола, устроенный сотникомъ Іереміей Родзянко, царскія врата изъ соборной и Покровской церквей того-же города, сѣверныя и южныя алтарныя двери изъ с. Шишаковъ, Хорольск. у. и с. Овсюковъ, Лубенск. у. рядъ помѣстныхъ иконъ, рѣзные аналои, иконы на деревѣ и холстѣ, картины религіознаго содержанія, рѣзныя фигуры, антиминсы, плащаницы, церковную утварь, облаченія (представляющія въ большинствѣ случаевъ чудные образцы шитья), кованные желѣзные кресты съ церковныхъ главъ и т. д. Многіе изъ вышеперечисленныхъ предметовъ отличаются художественнымъ исполненіемъ, всѣ носятъ мѣстный колоритъ, выражающійся иногда въ оригинальной трактовкѣ. Слѣдуетъ еще упомянуть о большомъ мѣдномъ кувшинѣ, покрытомъ орнаментомъ; кувшинъ этотъ былъ въ семействѣ Скаржинскихъ до начала XVIII ст. и служилъ для

освященія воды. Церковный отдѣлъ въ настоящее время настолько разросся, что помѣщенія не хватаетъ и много интересныхъ предметовъ не можетъ быть какъ слѣдуетъ выставлено для обозрѣнія публики.

При собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины, а также и при устройствѣ или при пополненіи коллекцій очень часто ставятся опредѣленныя грани, напр., собирать по такой-то годъ и т. п. Намъ кажется, что система эта не выдерживаетъ критики: наша жизнь такъ полна всякаго рода пережитками, какъ въ духовной сферѣ (особенно), такъ и въ матеріальной, что дѣлать ограниченія въ этомъ отношеніи не представляется раціональнымъ: это значитъ сознательно съужать картину, лишать эту картину жизненной послѣдовательности. Возьмемъ, напр. первую половину прошлаго, XIX ст. Она, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, въ отношеніи матеріальной стороны жизни такъ тѣсно связана съ XVIII вѣкомъ, что отдѣлять ее нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Не говоря уже о народѣ, до послѣдняго времени жившемъ еще цѣликомъ завѣтами старины, но это относится и къ болѣе интеллигентному классу того времени. Вотъ почему намъ кажется, что уже давно пора включить въ программу музеевъ, особенно музеевъ областныхъ, съ болѣе широкими задачами, и собираніе предметовъ, относящихся ко всей первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи музей Е. Н. Скаржинской можетъ служить примѣромъ. Здѣсь есть уже цѣлый отдѣлъ, т. н. «панскій», гдѣ собранъ рядъ предметовъ помѣщичьяго быта крѣпостного періода.

Послѣдній отдѣлъ помѣщается въ нижней обширной залѣ, посвященной этнографіи. Предметовъ народнаго быта здѣсь масса. Большинство коллекцій, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ быту малороссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., коллекціи писанокъ, посуды) отличаются замѣчательнымъ подборомъ и полнотой; часть предметовъ можно уже смѣло отнести къ разряду старины (напр. килимы, шитые рушныки и др.). Но болѣе подробный обзоръ этнографическаго отдѣла не входитъ въ нашу задачу, да и завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, а потому на

этомъ мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку, отъ всей души, пожелавъ музею Е. Н. Скаржинской дальнѣйшаго развитія.

—

Въ г. Полтавѣ, въ первыхъ числахъ октября, состоялось открытіе помѣщеній библіотеки и *музея.* Эти учрежденія занимаютъ отдѣльное зданіе въ ряду другихъ, имѣющихъ спеціальныя просвѣтительныя цѣли (театръ и народная аудиторія, чайная безплатная читальня). Библіотека и музей снабжены паро-водянымъ отопленіемъ, освѣщаются электричествомъ. Переходъ Естественно-историческаго музея полтавскаго земства въ новое обширное и удобное помѣщеніе является вполнѣ своевременнымъ. Прежнее помѣщеніе (въ подвальномъ этажѣ губернск. земской управы) совершенно не удовлетворяло требованіямъ: мало мѣста, мало свѣта, не было возможности ни помѣстить все прибывавшіе предметы различныхъ отдѣловъ, ни выставить какъ слѣдуетъ для обзора. При размѣщеніи коллекцій въ новомъ зданіи, предметы будутъ разставляться по извѣстной системѣ, выработанной завѣдующимъ музеемъ М. А. Олеховскимъ. Система эта преслѣдуетъ обще-образовательныя цѣли и облегчаетъ знакомство съ естественными богатствами, населеніемъ и исторіей Полтавской губерніи.

—

Извѣстное *Смѣлянское собраніе древностей* предсѣдателя Имп. Археологической Комиссіи гр. А. А. Бобринскаго приносится владѣльцемъ въ даръ *Кіевскому музею древностей и искусствъ.*

Коллекціи, входящія въ составъ собранія, подбирались въ теченіе многихъ лѣтъ. Предметы ихъ составляющіе, происходятъ какъ изъ многочисленныхъ раскопокъ гр. Бобринскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (напр. С. А. Мазараки), такъ и изъ случайныхъ находокъ. Обнимаютъ они громадный періодъ времени, начиная съ каменнаго вѣка и кончая княжеской эпохой, и даютъ, такимъ образомъ, характеристику внѣшней стороны жизни всѣхъ тѣхъ народностей, какія послѣдовательно занимали среднее Поднѣпровье.

Пока въ музей передана лично гр. Бобринскимъ часть собранія, обнимающая главн. обр. каменный вѣкъ. Состоитъ этотъ отдѣлъ изъ различныхъ издѣлій изъ камня, кремня, кости и рога. Среди каменныхъ и кремневыхъ, которыхъ всего 1066, преобладаютъ кремневые—ихъ 950. Костяныхъ предметовъ 109. Нѣкоторые экземпляры какъ каменныхъ, такъ и костяныхъ орудій отличаются рѣдкостью.

Кромѣ каменнаго вѣка, поступили въ музей предметы изъ янтаря, олова, стекла и глины, затѣмъ коллекція пряслицъ и наконецъ каменныя издѣлія (метательные камни и точилки) скифской эпохи.

Всего изъ собранія гр. Бобринскаго переданъ въ музей 1431 экземпляръ.

—

Проф. И. А. Линниченко передалъ *въ Кіевскій музей древностей и искусствъ* содержимое одного изъ раскопанныхъ имъ кургановъ между с.с. Великія Будки и Аксютинцы. Курганъ заключалъ въ себѣ женское погребеніе скифской эпохи съ довольно богатымъ инвентаремъ. Тутъ находились: золотое ожерелье, состоящее изъ 6-ти лунницъ, 12-ти подвѣсокъ, заканчивающихся пирамидками изъ шариковъ и около 100 круглыхъ золотыхъ бусинъ. Другое ожерелье составлено изъ каменныхъ бусъ — сердоликовыхъ, ониксовыхъ, топазовыхъ и бусъ изъ композиціи. Къ разряду украшеній относятся также 7 крупныхъ золотыхъ серегъ, бронзовые ножные или наплечные и желѣзные, обложенные золотомъ, ручные браслеты, 4 бронз. шпильки и, какъ необходимая принадлежность туалета—два бронзовыхъ зеркала, изъ которыхъ одно украшено рельефными изображеніями женщины и грифона. Очень много предметовъ относится къ конской сбруѣ: бронзовые налобники, удила, пряжки, и т. п. Кромѣ того, здѣсь-же найдено конусовидное навершье отъ бунчука съ принадлежащими ему 26-ью бронзовыми колокольчиками.

—

Изъ послѣднихъ поступленій въ *Кіевскій церковно-археологическій музей* можно отмѣтить громадныхъ размѣровъ (высота

около аршина, окружность около 2-хъ саженей) чугунный котелъ, исполнявшій, повидимому, роль колокола, такъ какъ въ верхней части (если котелъ опрокинуть вверхъ дномъ), не вполнѣ вышедшей при отливкѣ, продѣланы два отверстія для подвѣшиванія. Этотъ котелъ-колоколъ переданъ изъ Мотронинскаго монастыря. Среди окрестнаго населенія существуетъ преданіе, что во времена гайдаматчини били въ этотъ колоколъ, сзывая гайдамаковъ „святыть ножи“.

Другое поступленіе—коллекція раскольничьихъ предметовъ (главнымъ обр. иконъ) изъ Новозыбковскаго у. Черниговск. г., пожертвованная В. Н. Фальковскимъ. Всѣхъ предметовъ 106 и между ними есть весьма рѣдкіе экземпляры (напр. евангеліе XVI в., нѣсколько древнихъ иконъ и т. п.).

—

Херсонскому археологическому музею принесены въ даръ: отъ команды землечерпательницы „Нева“ № 5, небольшой глиняный двуухій кувшинъ, поднятый со дна Днѣпра въ Збурьевскомъ гирлѣ; отъ волостного писаря Кисляковской волости Р. Малопурина—глиняная урна изъ развалинъ Ольвіи, съ греческой надписью, вытисненной на шейкѣ: NOCCO | OPOE | CILA.

Отъ кр. с. Кардашинки Г. Устименка поступило серповидное кремневое орудіе, выоранное вблизи названнаго села. („Югъ“).

Разныя извѣстія.

Въ Петербургъ К. Е. Думбергомъ привезенъ *замѣчательный саркофагъ*, найденный при раскопкахъ въ г. Керчи и вѣсящій слишкомъ 120 пудовъ. Саркофагъ этотъ, принадлежащій ко II вѣку до Р. Х., превосходно сохранился, благодаря чему получается возможность ознакомиться съ рѣдкими, находящимися на внутренней стѣнкѣ его восковыми изображеніями. Вмѣстѣ съ саркофагомъ, К. Е. Думбергомъ привезено еще нѣсколько не менѣе цѣнныхъ вещей, найденныхъ тоже при раскопкахъ въ Керчи—большею частью по склонамъ горы Митридата, гдѣ

имъ открытъ цѣлый древній городъ, относящійся къ римской эпохѣ.

—

Въ № 274 «Харьк. Губ. Вѣд.» А. Т. дѣлится своими путевыми впечатлѣніями, вынесенными изъ поѣздки по хуторамъ и селамъ побережій Ворсклы и Мерла въ у.у. Зѣньковскомъ, Богодуховскомъ и Ахтырскомъ; здѣсь отмѣчаются попутно и нѣкоторые встрѣченные памятники старины. У с. Бѣльска, Зѣньковск. у., расположены два городища на возвышенномъ берегу Ворсклы.

«Въ низинахъ кругомъ городищъ—болота, которыя вмѣстѣ съ прилежащими къ нимъ суходолами опоясываютъ—съ востока Ворскла, а съ запада—притокъ Псла, Сухая Грунь. Всю эту мѣстностъ непрерывнымъ кольцемъ, растягиваясь въ длину по направленію съ N на Z, обхватываетъ высокій насыпной валъ вмѣстѣ съ сопутствующимъ ему рвомъ рѣзной глубины. Если взять во вниманіе, что отъ Бѣльска тянутся—на югъ Опошнянское городище, а на сѣверъ—Скельское, Немѣровское и два Кукуевыхъ, то за описываемымъ уголкомъ Поворсклья нельзя не признать большого научнаго значенія“.

Въ с. Пархомовкѣ, центрѣ экономій Харитоненка, г. А. Т. описываетъ кое-какую церковную старину и останавливается на мѣстномъ костюмѣ. «Въ костюмахъ исчезли, хотя и неокончательно, бѣлый очипокъ, плахта съ запаской; за то существуютъ еще намитка, чоботы сапьянци, кисныкъ въ косѣ, дукаты и проч., а также старинныя пѣсни и обычаи свадьбы и похоронъ. Къ слову о похоронахъ отмѣчу особенность пархомовскаго кладбища. Изъ давнихъ лѣтъ помнится мнѣ, что на этомъ кладбищѣ рыли могилу для умершей матушки, жены или тещи мѣстнаго священника—точно не упомню. Рыть могилу пришлось на мѣстѣ старой могилы. Былъ отрытъ скелетъ, а въ его головахъ, бутыль съ окрашенною въ свѣтло-шафранный цвѣтъ горилкою. Гробокопатели тутъ-же, съ разными прибаутками по адресу усопшихъ, этотъ нектаръ и осушили. Въ разговорахъ съ пархомовцами-стариками объ этомъ, я узналъ, что

вообще на ихъ кладбищѣ въ старыхъ могилахъ попадаются скелеты и при нихъ «горилка»; теперь это наблюдается какъ рѣдкость, а лѣтъ 30 назадъ былъ даже спеціалистъ по части отысканія этой услады сердца. Его звали Мусій Ткаченко; онъ умѣлъ лучше другихъ распознавать, гдѣ хранится такой кладъ, почему мѣстные поклонники могильной горилки и имѣли его у себя за руководителя".

—

Въ № 7192 „Южнаго Края", въ корреспонденціи изъ ст. Усть-Медвѣдицкой, сообщается о рядѣ находокъ древностей въ хуторѣ Орловскомъ, на полуостровѣ «Осадномъ» въ двухъ верстахъ отъ хутора и возлѣ хутора Горина.

—

Въ объявленіи на подписку на газету «Югъ» въ 1902 г. сообщается, что подписчики получать безплатную премію—иллюстрированное изданіе «Древности и клады Херсонской губерніи».

братіи блюсти монастырское имущество: „што стратили были наши антецессоры, то ся нендзою (нуждою) моею—съ братіями—тяжкою, заледво долгимъ часомъ отшукано паки до монастыря святого, такъ село, кгрунты, млыны и проч., прошу васъ, отцы и братія, да бысте нѣякимъ своихъ нераденіемъ и незгодою паки не утратили“! Въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ зовѣ выразилась завѣтная цѣль всякаго хозяйливаго игумена—собирать, а не расточать „кгрунты и млины». Завѣщаніе Торскаго написано въ 1645 г. Другое такое же завѣщаніе,—Авксентія Якимовича,—писано ровно черезъ полвѣка, т. е. въ 1695 г. Въ этомъ писаніи тѣ же завѣты и тѣ же ихъ мотивы: совѣтъ выбрать преемника изъ *своихъ* („чужіе не знаютъ нашихъ порядковъ“), причемъ завѣщатель прибавляетъ совѣтъ—тотчасъ послѣ его смерти, просить митрополита и гетмана, „жебы того права не касовано: на волное обираніе игумена“, (т. е. чтобы монастырь не былъ лишенъ права свободнаго выбора себѣ игумена). Слѣдовательно, въ к. XVII в. монастыри были уже ограничиваемы въ томъ правѣ, которое за полвѣка передъ тѣмъ, повидимому, никакому ограниченію еще не подвергалось. Затѣмъ, игуменъ завѣщаетъ братіи повиноваться игуменской власти и „мѣти згоду и любовь межи собою“, а въ заключеніе—тотъ же, что и у Торскаго—завѣтъ: беречь монастырскія имѣнія: „фундуши благоч. княз. Вишневецкихъ и гетманские унѣверсали на села и млины, и царские грамоты, также и записи на лѣси и поля, щосмо прикупили, въ добромъ опатреню (смотрѣніи) и схованю мѣйте; *а поля и сѣножати на сторону, чужимъ людямъ, хотя бы и зъ десятина* (т. е. за десятую часть дохода въ пользу хозяина) *не давайте,* бо въ насъ бували и бываютъ такие икономи, же за подарки и по знаемости, даютъ монастирские кгрунта, а потимъ за отмѣною частихъ икономовъ, въ забвеніе тые приходятъ поля, и люде ихъ присвояютъ, же зтрудна упоминатися потреба“. Значительное накопленіе монастырскихъ имѣній къ к. XVII в., сравнительно съ полов. XVII в., даетъ основаніе позднѣйшему игумену—распространиться относительно будущаго распоряженія

этими именіями, при чемъ этотъ пунктъ завѣщанія является центральнымъ... *О*тсюда видно, что уже въ к. XVII в. главная забота собравшейся для богомоленія общины сосредоточивается въ накопленіи „селъ, грунтовъ и млиновъ"... Земныя блага настолько затемняютъ небесныя, что за бѣгство монастырскаго крестьянина въ чужую маетность (бѣгство это умаляетъ число м—рскихъ работниковъ) игуменъ Гавріилъ Леопольскій приказываетъ своимъ „экономамъ" бить возвращеннаго крестьянина, у себя на задворку, „шелепами", до тѣхъ поръ, пока этотъ крестьянинъ „по томъ бою и умре».... (с. 178). Такое обращеніе монастырей къ земнымъ благамъ порождаетъ въ нихъ и игуменовъ новаго типа, уже нескрывающихъ своего влеченія къ прелестямъ міра. Вотъ одинъ тому примѣръ. Въ 1750 г., „бывый" игуменъ Густынскаго м-ря Мельхиседекъ Богдановичъ былъ посланъ Кіевскимъ митрополитомъ въ Варшаву, на „будущій тогда въ Варшавѣ сеймъ", причемъ для охраны Мельхиседека въ пути митрополитомъ былъ нанятъ одинъ изъ Кіевскихъ рейтаровъ, Мизиковъ: рейтаръ ѣхалъ передъ игуменомъ, на своей лошади, верхомъ и кромѣ того исполнялъ всякія ему услуги.—Кромѣ рейтара, Богдановича, ѣхавшаго на своихъ лошадяхъ, сопровождало еще и трое его слугъ, въ числѣ которыхъ былъ и „писарь". Въ такой обстановкѣ случилось разъ путешественнику пріѣхать въ одно село, на ночлегъ, гдѣ ставши въ корчмѣ, Б-чъ встрѣтилъ „едного полского ксенза, едучого путемъ, и сталъ поччивать его водкой и вишнякомъ, и гулялъ съ нимъ ксензомъ довольно; а по отъѣздѣ же оного ксенза, началъ гулять Б—чъ съ хозяиномъ той корчмы, и гулялъ съ нимъ якъ-бы заполночь"... Находясь въ это время на дворѣ, Б-чъ замѣтилъ, что у лошадей его нѣтъ сѣна, и за это, тутъ же, набросился на своихъ спавшихъ уже слугъ. Одинъ изъ нихъ, проснувшись отъ ударовъ Б-ча, вскочилъ и убѣжалъ заворота. Тогда Б. послалъ мальчика за рейтаромъ, чтобы тотъ всталъ и шелъ бы искать бѣжавшаго. Около разбуженнаго рейтара лежалъ и „писарь", который услыхавъ приказъ Б-ча, сталъ совѣтовать рейтару не ходить: „ты знаешъ, сказалъ онъ Мизикову, „*жестокіи обычаи его мосци: албо окалѣчитъ, албо до смерти*

убьетъ!"—Рейтаръ послушалъ „писаря" и попросилъ мальчика сказать Б-чу, что онъ, рейтаръ, утомившись, крѣпко спитъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Б-чъ бросился къ рейтару и ударивъ его спящаго „дубиною", закричалъ: „научу я тебе, скурвій сыне, слушать!" И сталъ бить засимъ Б-чъ рейтара, пока не освободилъ послѣдняго хозяинъ корчмы.... Рейтаръ выбѣжалъ заворота, и сталъ ждать пока Б. успокоится.... Часа черезъ два онъ вернулся въ корчму, но Б., какъ будто его поджидалъ п., ч. сейчасъ позвалъ его въ свою комнату, гдѣ на столѣ уже лежали „флинта" и „шабля", вынутыя Б-чемъ изъ его „спальни дорожной" (коляски). Увидѣвъ рейтара, Б. схватилъ „обнаженную шаблю" и бросился на него, крича: „я тебе, жиде, скурвій сине, москалю, порубаю на кавалки!" И засимъ Б., если не „порубалъ" Мизикова, то опять сильно побилъ.... Тѣмъ не менѣе послѣдній доѣхалъ съ Б-чемъ до Варшавы, но вернувшись оттуда въ Кіевъ, подалъ митрополиту подробную жалобу на побои Б-ча, а митрополитъ жалобу эту передалъ на судъ консисторіи. Консисторія внимательно разобрала жалобу и допросивъ бывшихъ въ пути слугъ Б-ча, признала послѣдняго виновнымъ и приговорила на основаніи розд. 12, арт. 3 лит. стат., взыскать съ обидчика „6 рубл. грошей навязки". Этотъ случай столкновенія бывшаго игумена съ рейтаромъ—очень мелкій самъ по себѣ—хорошо рисуетъ Б-ча, который, какъ видно въ монахи вовсе не годился, что не помѣшало ему однакоже жъ быть однимъ изъ Г-скихъ игуменовъ....

Изъ той же *лѣтописи* видно, какія богатыя маетности нажилъ себѣ монастырь уже въ XVII в. Позже онъ пріобрѣталъ только разные „грунты" и „млины", для округленія старыхъ своихъ маетностей [1]). Всѣ эти имѣнія давали м-рю доходы конечно немалые, хотя монахи постоянно жаловались на крайнюю свою скудость, которая де позволяла имъ питаться только „вялою рибкою", а „свѣжую—они мало и видали"... Такъ

1) Въ книжкѣ архим. Нектарія перечислены эти отдѣльныя пріобрѣтенія м-ря (за XVIII в.), отчасти пожертвованіями религіозныхъ людей, а отчасти—покупкою.

говорили сами Г—скіе монахи, когда получили въ 1738 г. приказъ Кіевскаго митрополита—отослать *пятнадцать рублей* въ Глуховъ, на содержаніе засѣдавшаго тамъ въ коммиссіи „перевода правъ“ архимандрита Мигалевича. („Права“, Кистяковск., пред., 13). Получивъ этотъ приказъ, тогдашній игуменъ Леопольскій передалъ его на разрѣшеніе „соборныхъ старцевъ“, которые при этомъ и составили любопытный отвѣтъ. Описавъ подробно свою *скудость*, которая позволяла де братіи питаться лишь „вялою рыбкою“, п. ч. свѣжую они рѣдко и видятъ, „старцы“ просятъ игумена донести объ этомъ митрополиту и просить его, чтобы „денегъ 15-ти рублей отъ ихъ монастыря давать не повелѣно“... [1]) Въ этомъ характерномъ документѣ мо-

---

[1]) Приводимъ здѣсь полностью этотъ любопытный документъ. „Высоце и Богу превелебнѣйшему гидну его милости отцу Гавріилу Леопольскому, ігумену монастыра Троецкого Густинского, покорнѣйшее доношеніе.

Всеповажнимъ указомъ великого гидна нашего ясне в Богу преосвященнѣйшого киръ Рафаила Заборовскаго, архіепископа Кіевского, Галицкого и Малія Россіи, зъ священной духовной архіепископіи Кіевской консисторіи, прошедшого 1738 года, декабря 31 дня, вашею высоцепревелебностію полученнимъ, повелено, дабы зъ монастира Троецкого Густинского денегъ рублей пятьнадцать на прокормленіе архимандрита Софронія Мигалевича, началника Гамалѣевского, зъ его служителями, обрѣтаючогося нинѣ в Глуховѣ, з общества при переводѣ и сводѣ книгъ правнихъ, дать и оніе деньги к ему, архимандриту Мигалевичу, отослать въ Глуховъ, которій всеповажній его архипастирской святинѣ з духовной консисторіи указъ мы всенижайше слушали.—А понеже такихъ денегъ пятнадцати рублей *нѣ откуду взять*, ибо и сами нужду терпимъ, а что прежднихъ годовъ зъ ярмарковъ подъ м-ремъ Густинскимъ собираючихся, нѣкоторіе приходцы до м-ра и были взимани, то и тіи уже не оттеперъ по указу в скарбъ войсковой доправляютъ. Также намъ и самимъ не защо для вседневнаго препитанія покупать, яко то: соли, олѣи, рибки вялой (ибо свѣжой мало и видаемъ) для братіи и трудниковъ м-скихъ весма нужда крайная состоитъ, а прежде сего бывало хочай гз скотини что продастся, и за тое до м-ра потребы самонужніе исправляются, а нынѣ и скотину, лошади и воли вибрани, и (а) остатніе позаписывани. К тому

нахи между прочимъ говорятъ, что хотя съ монастырскихъ ярмарокъ они и получали „нѣкоторіе *приходцы*", но и тѣ де отбираетъ у нихъ войсковой скарбъ. Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о тѣхъ сборахъ, которые отданы были въ 30-хъ г.г. XVIII в. на откупъ (Кіевск. Стар. 1885 г., май, 9.), но разумѣется, что эти сборы сравнительно были незначительны, а ярмарочныхъ доходовъ м-ря никакъ нельзя было называть „приходцами", какъ это видно изъ свѣдѣній, представленныхъ самими монахами, въ 1765 г., Румянцовскимъ чиновникамъ, при описи своего м-ря. Говоря о доходахъ съ ярмарокъ, монахи писали, что у нихъ четыре раза бываетъ особый сборъ людей, а именно: въ са-

---

же м-ръ нашъ Г-скій, яко то церкви Божіе, такожъ келіи, в которихъ пребываемъ, и протчое весма обнетшалое и требуетъ подчинки, въ чемъ не малая нужда настоитъ, а хочай и имѣются при м-ру вотчини, *однакъ в онихъ людей мало восталось*, ибо въ государеви службѣ повисилани. Того ради, черезъ сіе наше всенижайшее доношеніе, покорнѣйше вашего преподобія просимъ: соблаговолѣте до архипастира нашего с прошеніемъ писать, дабы такихъ денегъ рублей 15-ти з м-ра нашего помянутому архимандриту Мигалевичу давать не повелено, о семъ и вторично вашей висоце в Богу превелебности покорнѣйше просимъ. Вашей высоце в Богу превелебности всенижайшіе слуги: монастира Густинскаго намѣстникъ іеромонахъ Михаилъ Даниловъ. Іером. Өеодосій, духовникъ. Іером. Силуанъ. Іером. Мелетій. Іером. Тимофей, экономъ. Іером. Варлаамъ, екклезіархъ. Іеродіаконъ Корнилій, шафаръ. За монаха Іоана, эконома дворецкого, неграмотного, по его прошенію, Григорій Афанасіевъ подписался». На эту просьбу Г—скихъ монаховъ отъ митрополита полученъ былъ только новый указъ—требуемыя деньги Мигалевичу отослать безъ замедленія. Указаніе монаховъ, что «скотина, лошади и волы выбраны (т. е. забраты), а остальныя позаписованы», имѣетъ въ виду тогдашнее правительственное роспоряженіе, по случаю войны съ Турціей,—«о высылкѣ изъ малороссійскихъ полковъ и друг., мѣстъ до 35000 паръ воловъ для арміи». (Опись выс. указ. и повелѣн., хранящ. въ сенатск. арх., Баранова, т. II, № 6451). Лошади въ эту войну тоже требовались съ обывателей, *по одной отъ 120 дворовъ*. Брали въ эту войну и «мужиковъ пѣшихъ». (Зап. Марк., II, 16 и 21).

момъ м-рѣ два раза, на Тройцу и на Успеніе Б-цы, и въ Деймановскомъ скитку—тоже два раза (с. 352), причемъ „пріѣзжающіе торговые люди, по позволенію, торгуютъ при тѣхъ сборахъ своими промыслами, и платятъ за то м-рю отъ тяжолаго воза по 4 коп. Кромѣ того, на этихъ ярмаркахъ м-рь получалъ доходъ еще: за продаваемыя свѣчи и ладанъ, отъ кошельковаго сбора и за постройку торговыхъ будокъ." Всего собиралось, по словамъ монаховъ, на этихъ ярмаркахъ—по 600 р. „а иногда поменьше". Конечно, цифра 600 р. далеко не была преувеличена, а слѣд. ярмарочный доходъ у монастыря былъ немалый. Особенно большая ярмарка бывала въ м-рѣ на Тройцу, въ престольный праздникъ главнаго м-скаго храма. Въ этотъ день народу собиралось *въ Густыню* многое множество, при чемъ наѣзжало сюда, на „храмъ", много и окрестныхъ „пановъ". Въ архивныхъ бумагахъ мы нашли свѣдѣнія о трехъ любопытныхъ ярмарочныхъ эпизодахъ въ Г-скомъ м-рѣ, случившихся въ срединѣ XVIII в.—Первый эпизодъ хотя прямо и не относится къ м-ской жизни, но рисуетъ картину троицкаго въ Густынѣ сборища людей, причемъ на фонѣ этой картины живо видѣляются тогдашніе большіе „паны" въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На Тройцу собиралось въ м-рѣ, кромѣ простого народа, много и окрестной старшины, большой и малой, причемъ она размѣщалась, съ своими экипажами и прислугою, въ монастырскомъ саду; здѣсь „паны", ставили свои „наметы", въ которыхъ и помѣщались. Такъ было на Тройцу и въ 1734 г. На этотъ разъ пріѣхали на „храмъ" въ м-рь, между прочими, полковница Елена Антоновна „Галаганша" и жена б. тов. Степана Тарновскаго, Агафья Степановна. Обѣ эти „паніи" занимали общественное положеніе далеко неравное. Полковница и по рангу мужа и по богатству, конечно, должна была первенствовать среди монастырскихъ гостей. Тарновская же, и по скромному чину мужа и по его довольно ограниченнымъ достаткамъ, стояла гораздо ниже. Но за то Тарновская была родовитая „пани": это была дочь генер. есаула Бутовича, внука Черниговскаго полковника Якова Кондратьевича Лизогуба и тетка тогдашняго генер. обознаго Якова Ефимовича Лизогуба...

А полковница „Галаганша", по происхожденію, была дочь Кіевкаго мѣщанина Тадрины, хотя человѣка и замѣтнаго, но все же только мѣщанина; при этомъ, и первый мужъ ея былъ только Кіевскій бурмистръ. Значитъ, по родовитости Тарновская стояла цѣлою головою выше своей полковницы. А если къ этому прибавить, что Агафья Степановна по характеру видимо походила на свою энергическую сестру Ульяну [1]), то и получится въ результатѣ, что, встрѣтившись на пути съ Галаганшею, Тарновская—едва ли могла уступить ей дорогу... Такъ оно и случилось въ Густынѣ, на Тройцу, въ 1734 г., на виду у многочисленнаго народнаго сборища. Дѣло въ томъ, что какъ только кончилась въ этотъ день обѣдня, тогдашній игуменъ Леопольскій поспѣшилъ послать своего келейника къ полковницѣ—просить ее въ игуменскія кельи, конечно, на учту". Случилось, что полковница стояла „своимъ обозомъ" недалеко отъ такого же „обоза" Тарновской. Кромѣ полковницы, конечно приглашены были игуменомъ и другія почетныя лица, но въ число ихъ Тарновская не попала: вѣроятно, игуменъ зналъ, что „Галаганша" съ Тарновскою встрѣчаться не желала... Приглашенная игуменомъ полковница и направилась къ его кельямъ, въ сопровожденіи цѣлой „компаніи", тоже приглашенныхъ игуменомъ лицъ. Но при этомъ „компанія" должна была проходить по дорогѣ—какъ разъ мимо „обоза" Тарновской... Послѣдняя воспользовалась хорошимъ случаемъ публично сконфузить вельможную панию... Сдѣлать это было легко: стоило только поставить свою „колясу" и лошадей на дорогѣ, по которой должна была идти „компанія" съ полковницей во главѣ. Тарновская такъ и сдѣлала, какъ только замѣтила послѣднюю.—Увидѣвъ заставленную дорогу, игуменскій посланецъ приказалъ было служителямъ Тарновской—„дать дорогу", но тѣ стояли на мѣстѣ, и—принуждена была „пани полковниковая съ компаніей" обходить колясу Тарновской—„бурьяномъ и ямами"... На возвратномъ пути, когда полковница шла отъ игумена въ свой „наметъ",

---

[1]) Жену Гадяцкаго полковника Михаила Милорадовича. См. о ней Кіевск. Стар. 1882 г., мартъ, 485.

повторилась таже исторія: снова полковница должна была „обходить не только „колясу" Тарновской, но „и ея служителей". Несомнѣнно, жена полковника была сильно оскорблена и притомъ предъ толпою народа... На это оскорбленіе она жаловалась (вѣроятно Глуховскимъ властямъ); произведено было разслѣдованіе, при чемъ допрошены были и монахи. По ихъ показаніямъ нами и разсказанъ здѣсь этотъ эпизодъ, въ свое время бывшій предметомъ живѣйшихъ толковъ въ Прилуччинѣ, которая, не любя Галагановъ, радовалась, что ихъ спесь была нѣсколько принижена, и при томъ такъ „всенародно" [1]).

Разсказанный эпизодъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ многолюдствѣ, которое собиралось на Густынскія ярмарки. Народу собиралось такъ много, что для наблюденія за порядкомъ на ярмаркѣ назначался изъ монаховъ особый надзиратель, носившій названіе „базарнаго".—Говоря выше объ источникахъ ярмарочныхъ доходовъ, монахи почему то не упоминаютъ о доходѣ отъ продажи водки. Дѣло въ томъ, что Г-скій м-рь еще у Самойловича выпросилъ запрещеніе торговли на своихъ ярмаркахъ „привозными горѣлками", а поэтому на ярмаркахъ продавалась только монастырская водка. Однакожъ этою водкою торговали „наѣзжіе люди", которые при этомъ помѣщались въ „будкахъ", нарочно для того монастыремъ приготовлявшихся. Торговали водкою въ этихъ будкахъ преимущественно Прилуцкіе мѣщане, причемъ торгъ водкою былъ такъ выгоденъ, что имъ не брезгала и аристократія этого мѣщанства. Такъ, на троицкой ярмаркѣ 1757 г. торговали водкою—въ монастырскихъ „будкахъ"—жена и дочь Прилуцкаго войта. По поводу ихъ и случился на этой ярмаркѣ характерный эпизодъ, рисующій отношеніе монаховъ

---

[1]) Интересно, что обстоятельства приведеннаго здѣсь случая сохранялись въ семейныхъ преданіяхъ Галагановъ и Тарновскихъ—до нашего времени: намъ не разъ приходилось слышать отъ покойнаго В. В. Тарновскаго († 1899 г.) этотъ разсказъ—какъ его прабабка «утерла носъ» полковницѣ „Галаганшѣ".. Случай, значитъ, былъ для того времени чрезвычайный, если память о немъ удержалась и черезъ 150 лѣтъ....

къ „ярмарковому“ народу. Дѣло началось съ того, что сидѣвшую въ одной изъ „будокъ“ „войтовну“ чѣмъ то обидѣла жена Прилуцкаго мѣщанина Тарасѡвича; та пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній *базарному* монаху Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ „тюрьму“. Послѣ этого мужъ арестованной сталъ просить *базарнаго*—освободить его жену, указывая, что если жена его и обидѣла „войтовну“, то онѣ разсудятся своимъ судомъ въ Прилукѣ. Но на эту просьбу „*базарный*“ отвѣчалъ такимъ ударомъ Тарасѡвича „въ щоку“, что тотъ „не устоялъ на ногахъ и повалился на землю“... А вслѣдъ затѣмъ „*базарный*“ приказалъ привести сюда и жену Тарасѡвича и тутъ же распорядился—„бить ее плетьми нещадно“. Не удовлетворившись этимъ, „*базарный*“ приказалъ—„на одни издѣвки“—„положить мужа на женѣ“ и тоже „бить плетьми безмилосердно“. Поруганный Тарасѡвичъ отправился въ Прилуцкую ратушу и просилъ прежде всего описать „боевые знаки“ на немъ и на женѣ, при чемъ у послѣдней оказалось „правой ноги стегно весьма побито и синіокриваво и опухло, колѣна оба позбиваны“ и проч. Съ этимъ „свидѣтельствомъ“ Тарасѡвичъ обратился къ Г-скому игумену (Митрофану Горленку), прося у него суда съ „*базарнымъ*“-обидчикомъ; но „оной Афанасій, не удоволясь тѣмъ увѣчьемъ и безчестіемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему и друг. монахахъ, сталъ еще бранить Тарасо́вича „сучимъ сыномъ, шельмою и каналіею“... Видя, что у игумена никакого суда добиться нельзя, Т-чъ обратился въ полковую к-рію, но послѣдняя могла только повторить у того же игумена свою просьбу „учинить Т-чу справедливость“, на что игуменъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ „того чинить не дозволялъ, то и вступаться въ это дѣло не станетъ“. Послѣ этого Т-чъ поѣхалъ жаловаться въ Кіевъ, къ самому митрополиту, который жалобу его передалъ въ консисторію. Въ консисторіи такія дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣлъ и щедръ. Въ к. января 1758 г. было предписано изъ Кіева Г-скому игумену произвести по жалобѣ Т-ча слѣдствіе, а въ апрѣлѣ получилось отъ него, въ консисторіи, донесеніе, что „Прилуцк. мѣщанинъ Тарасѡвичъ и іеромонахъ Афанасій“,

„не входя въ бо̀льшую контроверсію, по любви христіанской и снисхожденію, примирились“.... [1])

Еще болѣе разительный случай монашескаго самоуправія произошелъ въ Густынѣ, на успенской ярмаркѣ, въ 1763 г., съ рабочими Рясковской суконной фабрики (с. 319), которыхъ монахи не хотѣли пустить въ м-рь прежде, чѣмъ тѣ не заплатятъ „ярмарочныхъ взятковъ“. Дѣло въ томъ, что монахи устанавливали разные съ наѣзжаго люда сборы, а въ томъ числѣ, повидимому, установили плату и за проѣздъ чрезъ плотину въ м-рь, причемъ плата эта собиралась тутъ же на „греблѣ“, „учрежденнымъ на то карауломъ“. Рясковскіе рабочіе отъ взноса требуемой платы отказались конечно потому, что знали объ отмѣнѣ гетманомъ подобныхъ незаконныхъ сборовъ [2]). Однакожъ монахи не уступали, а когда рабочіе хотѣли силою пройти въ м-рь, то началась свалка, которая кончилась тѣмъ, что монахи десять человѣкъ рабочихъ задержали и—пока—посадили въ свою монастырскую „тюрьму“. Понимая однакожъ, что къ крестьянамъ кн. Юсупова нужно относиться осторожнѣе, чѣмъ къ какимъ нибудь Прилуцкимъ мѣщанамъ, монахи въ тотъ же день извѣстили Рясковскую „контору“, требуя прибытія въ м-рь „правителя фабрики для разсмотрѣнія того гвалту, людми его учиненного“. Управитель не замедлилъ прибыть въ м-рь, впрочемъ съ цѣлымъ отрядомъ, вооруженнымъ „списами желѣзными и дубьемъ нарочитымъ“. Такъ писали Г-скіе монахи 17-го августа въ Прилуцк. полк. к-рію, говоря далѣе, что „правитель фабрики“, сопровождаемый своими рабочими, началъ съ того, что „отломалъ брамніе ворота“, „поотбивалъ турми и людей своихъ выпустилъ“; а потомъ Рясковцы начали де безчеловѣчно бить монашествующихъ и мирскихъ послушниковъ смертнымъ боемъ, „на каковой гвалтъ какъ выбѣгъ съ келіи о. игуменъ, чтобъ тое усмирить, то и самого игумена били и голову до

---

[1]) Кіевск. Стар. 1899 г., апр., II, 12. (Изъ бумагъ Кіевск. дух. консист.).

[2]) См., между прочимъ, универсалъ Разумовскаго 1751 г. по поводу неправильно требованной Максаковскимъ м-ремъ платы за перевозъ. Кіевск. Стар. 1901 г., февр., II, 74.

крови розбили, а послушниковъ четырехъ до смерти прибили, и такій гвалтъ и разбой учинили, что опасно изъ м-ря монастырскимъ людямъ и выйти".—Такимъ образомъ монахи показывали видъ какъ бы побѣжденныхъ, а въ дѣйствительности—они не только превозмогли въ свалкѣ съ Рясковцами, но успѣли еще захватить изъ нихъ нѣсколькихъ, которыхъ и посадили въ ту же свою тюрьму. Извѣщая объ этомъ арестѣ фабричныхъ полк. к-рію, монахи писали, что арестованныхъ конечно слѣдовало бы немедленно отослать въ Прилуку, но сдѣлать это имъ показалось „сумнительно, чтобъ на пути товарищи ихъ не отбили и дабы отъ оныхъ разбойниковъ не послѣдовало ночью нападенія, понеже слышно, что совѣтуютъ напасти на м-рь и отбить своихъ людей, которіе поймани въ ономъ гвалтѣ".... Поэтому монахи просили Прилуцкое начальство „для ихъ защищенія, безъ укосненія прислать пристойную команду и опредѣлить кого для освидѣтельствованія на о. игумену и послушникахъ боевыхъ знаковъ". Случившееся столкновеніе съ Рясковскими фабричными монахи описывали не полно и не точно. Точнѣе это столкновеніе описано въ гетманскомъ универсалѣ, который явился отвѣтомъ на жалобу Рясковской администраціи за насилія монаховъ. Въ этомъ универсалѣ гетманъ писалъ (Прилуцк. полк. к-ріи): „Суконной Ряшковской фабрики директоръ Иванъ Деде поданимъ намъ доношеніемъ представилъ: когда де съ фабричнихъ оной фабрики работниковъ и съ подданнихъ Ряшевскихъ нѣкоторое число отлучились въ Густынскій м-ръ, ради исправленія своихъ надобностей, ибо де того числа въ ономъ м-рѣ ярмарокъ и великій зборъ биваетъ, *то учрежденній на греблѣ отъ манастира караулъ востребовалъ въ нихъ неподлежащихъ ярмарковихъ, указамы отсѣченнихъ, взятковъ, и какъ оніе Ряшковскіе обиватели платитъ не похотѣли*, то законники де, за тотъ неплатежъ, первѣе, немилостиво ихъ били, о якомъ де бои имѣется въ полк. Прилуцк. к-ріи обдукція, и ограбили денегъ 25 рубл., свитокъ 5, шапокъ 23, лошадей 8, телегъ 5, биковъ приведеннихъ къ продажѣ 6; опосля жъ де, взявъ съ нихъ 10 человѣкъ, посадили въ тюрму, а въ Ряшковскую контору прислали сообщеніе, показуя починенія якобы отъ онихъ посаженыхъ въ тюрму работниковъ, купечеству и другому народу, обиди и разоренія; и

какъ де потомъ Ряшковской фабрики директоръ поѣхалъ въ м-ръ ради удоволствія обидимихъ и освобожденія невинныхъ людей, коихъ началъ било и освобождать, то де законники пяніе, заперши ворота, намѣревали безъ всякаго уваженія съ нимъ директоромъ поступить, по ихъ самоволству, безчеловѣчно; однакъ де *онъ бѣжалъ*, опасиваясь смертного убійства, а оніе де законники, разбросавъ находячійся отъ м-ря въ полторы версти, на р. Удаи, мостъ, дабы Ряшковскихъ жителей въ домы не випустить, въ своихъ монашескихъ одѣяніяхъ и клобукахъ, пяніе, бѣгая зъ болшими жертками (жердями) по ярмарку, Ряшковскихъ обывателей и фабричныхъ работниковъ сискуючи, немилосердо били, и порознь отводили въ тюрмы; и тѣхъ де забратихъ оной игуменъ, забивши въ болшіе скрипицы, при своемъ писмѣ отправилъ въ плкв. Прлцк. к-рію зъ жалобамы, будто бы оніе разбили м-ръ. А полковая де к-рія, безъ всякаго о томъ изслѣдованія, посадила онихъ въ острогъ, и хотя де отъ конторы Ряшковской фабрики управитель княгини Юсуповой Василей Щербачевъ съ прошеніемъ объ освобожденіи оныхъ работниковъ (обращался въ полк. к-рію?), беручи ихъ на свои поруки, съ тѣмъ, что за востребованіемъ будутъ представлены, но оніе де и по тому не отпущены, чрезъ якой де заборъ фабричнихъ работниковъ и людей Ряшковскихъ г-жѣ ихъ следуетъ обида и убитокъ. И просилъ объ отпуске тѣхъ содержачихся въ остроге работниковъ и людей Ряшковскихъ, за роспискою въ томъ, что оніе по востребованіи будутъ представлены, и о изслѣдованіи о дерзостныхъ Г-скихъ законниковъ поступкахъ нашего разсмотренія. Сего ради полк. Прлцк. к-ріи приказываемъ: оніе Ряшковской сук. фабрики работники и жителѣ Ряшковскіе—кемъ и почему забрати и содержатся при полк. Прлцк. к-ріи въ остроге? и найдена ль уже по следствію тѣхъ людей какова винность? прислать къ намъ репортъ въ самой скорости, а между тѣмъ буди объ нихъ въ той к-ріи какое имѣется кримѣналное дѣло, по коему и содержатся, то оное по указамъ и правамъ рѣшить въ самой же скорости. Что жъ при томъ въ ономъ доношеніи упоминается, яко, во время того Г-ского ярмонку, нѣкоторіе въ монастирь взимаются збори, къ недопущенію де которихъ отъ полк. Прл. к-ріи не наблюдается

и команди козачей, въ силѣ ордера нашего, для воздержанія при томъ ярмонке между народомъ случаючихся дракъ и неспокойствъ, не опредѣляется, а *сами де монахи исъ подданними своими—держатъ ночніе обходи*, *съ крайнимъ безстидствомъ по шинкамъ, по шалашамъ и другимъ таковимъ мѣстамъ ходятъ*, гдѣ всякое безчиніе дѣлается, и въ случае поимки кого на худихъ учинкахъ, *сами монахи судъ и росправу производятъ*, то подлѣно ль и для чего сіе отъ плк. Прл. к-ріи допущено, прислать же къ намъ репортъ, а впредъ оной плк. к-ріи, во время тамошнего ярмонку, чинить добріе учрежденія, въ силѣ нашихъ ордеровъ, неотмѣно". („1763 г., сент. 12 д. Батуринъ". Подпись гетмана [1]).

Приведенный универсалъ Разумовскаго свидѣтельствуетъ, что Густынскіе монахи въ своихъ столкновеніяхъ съ окрестнымъ народомъ, „сами судъ и расправу производили." Монашеское самоуправіе проявлялось въ такихъ размѣрахъ, что для него потребовалось устройство въ м-рѣ даже „тюрьмы"... И это не былъ какой нибудь *карцеръ* для провинившихся монаховъ, а была настоящая тюрьма, въ которую можно было заключить не одинъ десятокъ напр. Рясковскихъ крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самоуправное заключеніе монахами тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа—въ *свою* тюрьму, производило на народъ то впечатлѣніе, которое заставляло его видѣть въ „законникахъ" не „богомольцовъ", а тѣхъ же „державцевъ", которые, владѣя крестьянами, уже по одному этому рѣзко расходились съ народомъ въ своихъ интересахъ... Въ этомъ заключалась главная причина непріязни у народа къ тогдашнимъ монахамъ, которую мы видимъ и по отношенію къ Г-скому м-рю. Повидимому, непріязнь народа къ монахамъ началась съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе стали владѣть крестьянами... Въ этомъ отношеніи замѣчательный фактъ сохранила приведенная выше *актовая лѣтопись* м-ря, указывающая, что когда лѣтомъ 1648 г. первыя побѣды Хмельницкаго взволновали по Украинѣ народъ, то онъ бросившись уничтожать своихъ притѣснителей—„паповъ", тутъ же заодно „*разрабовалъ*" и Г-скій м-рь, причемъ „*черноцовъ окрутне*

---

[1]) Съ подлинника наш. б-ки.

мордовавши, били, (а) иныхъ и въ смертъ убили". (с. 395). Несомнѣнно, что народъ въ этомъ случаѣ мстилъ монахамъ за то ихъ „державство", тяготу котораго онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ чужихъ, польскихъ „пановъ", такъ и отъ этихъ своихъ монаховъ.—На этомъ мы и заканчиваемъ наши далеко не полныя свѣдѣнія о Густынскомъ м-рѣ, который владѣя къ к. XVIII в. болѣе чѣмъ *тремя тысячами крестьянъ* [1]), былъ однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ южной Малороссіи.

Ладинскій покровскій монастырь основанъ одновременно съ Густынскимъ м-ремъ, тѣмъ же кн. Мих. Вишневецкимъ, причемъ этотъ м-рь сначала былъ мужскимъ и назывался *Подгорскимъ*. Тотъ же кн. Лыко отвелъ въ 1615 г. этому м-рю „грунтъ, такъ на робене хлѣба, яко и на сѣножати, также и на ставки и на млинъ належачій", причемъ границы этого грунта были указаны слѣд. „отъ Подинцъ идучи, отъ Погребцовъ, отъ р. Удая до дороги мѣской, отъ Подинцъ дорогою до могилы Робленое, отъ могилы до вершины руды Боршное, оттуль до острова, которого зовутъ Березовымъ колкомъ (лѣскомъ), оттуль до Сокулки рѣчки, а Сокуллею рѣчкою до р. Удая, а Удаемъ знову до Погребцувъ, изъ островомъ, который противъ м-ря, за Удаемъ рѣкою". (Густынск. лѣтоп., 55). Въ 1619 г. даръ кн. М. В-аго былъ подтвержденъ его вдовою, при чемъ изъ этого акта видно, что Л-ій м-рь былъ уже женскимъ и что первою въ немъ игуменіей была сестра Исаіи Копинскаго, *Александра*. Подтверждая Л-ому м-рю право на отведенный грунтъ, Раина В. дала м-рю и село Ладинъ. Интересно, что Л-скіе крестьяне тогда же обратились къ Исаіи Копинскому съ просьбою опредѣлить ихъ отношенія къ м-рю, и Копинскій далъ имъ подробное и постановене—„хто зъ нихъ и якую повинность на церковь Божію давати и чинити будетъ повиненъ". (Густ. лѣт., 57). Изъ послѣдующей исторіи Л-го м-ря извѣстно, что въ 1638 г. Ладинскія монахини, съ своей игуменьей *Елисаветой Летинской*, бѣжали вслѣдъ за Густынцами (с. 390) въ Путивль, [въ числѣ 53-хъ „сестеръ" и 16 человѣкъ „служекъ и пѣвцовъ" [2])].

---

[1]) См. въ книжкѣ архим. Нектарія, стр. 81, подробный перечень монастырскихъ имѣній.

[2]) Статья К. Невоструева «О началѣ Кіево-Алатырскаго монастыря». Вѣсти Зап. Россіи за $18^{65}/_{66}$ г., кн. 8, стр. 132.

Уходя изъ м-ря, Ладинскія монахини забрали съ собою 20 возовъ разнаго имущества, но оно на дорогѣ было у нихъ отнято поляками[1]). Изъ Путивля Ладинскія монахини переведены были, въ сентябрѣ того же 1738 г., въ г. Алатырь, въ тамошній Никольскій дѣвичій м-рь, а прежнія монахини переведены были въ другое мѣсто; но, какъ видно, старыя монахини не хотѣли уступить новымъ, и игуменія Елисавета выхлопотала постройку новаго, тамъ же, для себя м-ря, существующаго и понынѣ подъ названіемъ *Кіевскаго никольскаго новодѣвичьяго*[2]). Кто устроилъ Ладинскій м-рь послѣ его запустѣнія въ 1638 г.—неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1657 г. игуменьей здѣсь была Серафима „Зебровска". (Лѣтоп. Густ. м-ря, стр. 58). Изъ игуменій XVIII в. извѣстна *Александра Ивановна*, присланная сюда изъ Нѣжина въ 1743 г.[3]). Она управляла м-ремъ болѣе 20-лѣтъ, и построила въ 1763 г. каменную св. покровскую церковь, взамѣнъ деревянной, сгорѣвшей въ 1735 г., при общемъ пожарѣ монастырскихъ зданій. (Лѣт. Густ. м-ря, 67 и слѣд.) Другихъ свѣдѣній о Ладинскомъ м-рѣ розыскать мы не могли, хотя вѣроятно ихъ немало есть, хотя бы въ архивѣ Кіевск. духовной консисторіи.

Итогъ населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. При описаніи селъ мы указывали численность въ нихъ только крестьянъ и козаковъ. Все остальное населеніе села̀, (правда, очень незначительное) нами опускалось или по недостатку этихъ цифръ въ ревизскихъ книгахъ или изъ опасенія приводить цифры неточныя[4]). Обстоятельную цифру всего населенія—въ каждой

---

[1]) Любопытная опись отнятаго у монахинь имущества приведена почти полностью въ статьѣ Невоструева; изъ этой описи видно, что Ладинскій м-рь имѣлъ богатые сосуды, достаточно книгъ (въ числѣ ихъ: «книга Іоасафа царевича печатная, новая», «житія святыхъ, польскіе, нечатные» (Patericon?) и друг. На половину почти книги были *писанныя* Въ числѣ домашнихъ вещей въ описи показанъ «зыкгаръ мосяжовый," т. е. мѣдные часы (zegar). (Невоструевъ почему то это слово перевелъ словомъ вертелъ).

[2]) См. у Строева, «Списки іерарховъ и настоятел. м-рей,» (Спб. 1877), стр. 987.

[3]) Ср. у Строева, стр. 930.

[4]) Въ ревизской книгѣ за 1740 г., послѣ переписи посполитаго населенія, показывается отдѣльно «духовный чинъ» и мѣстная

населенной мѣстности—мы нашли только въ вѣдомости 1780 г., когда по распоряженію Румянцова собраны были—болѣе или менѣе вѣрныя—свѣдѣнія о населеніи, для раздѣленія бывшей гетманщины на намѣстничества. Вѣдомость эта особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что въ ней приведенъ точный списокъ *хуторовъ*, съ показаніемъ въ послѣднихъ населенія по сословіямъ. Относительно возникновенія хуторовъ въ Прилуцкомъ полку слѣдуетъ замѣтить, что до полов. XVIII в. ихъ здѣсь почти не было, за исключеніемъ развѣ такихъ пустырей, какой представляла собою Гнилицкая степь (с. 193—196). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—хуторовъ, за исключеніемъ Рудовскихъ, показано не болѣе десяти, а по вѣдом. 1780 г. ихъ значится уже болѣе *четырехсотъ,* причемъ въ хуторахъ показано: *козаковъ*: 60 дв., 130 х. и 16 бд. х.; *крестьянъ*: 143 дв., 164 х. и 713 бд. х., и *подсосѣдковъ* (коз. и кр.): 306 дв., 527 х. и 337 бд. х. Такимъ образомъ хуторское населеніе состояло главнымъ образомъ изъ крестьянъ и подсосѣдковъ, т. е. изъ элемента несвободнаго, изъ чего можно сдѣлать заключеніе, что хуторà стали селиться тогда, когда державцы получили бóльшую надъ крестьянами власть, съ помощью которой стали разселять ихъ и внѣ селъ. Въ экономическомъ отношеніи хуторà эти представляли значительныя выгоды, особенно для развитія скотоводства, и державцы поспѣшили ихъ заводить, какъ только къ тому представилась возможность.

Помѣщая засимъ таблицу населенія Прилуцкаго полка, составленную нами на основаніи вѣдомости 1780 г., мы должны объяснить, что въ графѣ „хаты", мы выдѣлили *бездворныя хаты* изъ общаго ихъ количества съ цѣлію дать нѣкоторый матеріалъ для заключенія объ экономическомъ положеніи населенія, такъ какъ въ бездворныхъ хатахъ жило то населеніе, которое не имѣло своего хозяйства и зарабатывало хлѣбъ главнымъ образомъ „зажономъ". Въ цифрахъ приведенныхъ въ видѣ дроби, верхняя цифра обозначаетъ количество хатъ *въ дворахъ*, а нижняя—*бездворныя* хаты. Цифры хатъ, показанныя въ видѣ цѣлыхъ чиселъ, обозначаютъ хаты *въ дворахъ*.

сельская администрація, но безъ указанія числа *дворовъ и хатъ*, почему эти свѣдѣнія и не даютъ надлежащаго матеріала для опредѣленія численности населенія.

Населеніе полка въ 1780 г. / С О Т Н И.	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	К О З А К И.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсосѣдки козачьи и посполитск.	
					Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
1. **Полковая** (*городъ 1, селъ 22, слободокъ 5 и деревень 8*)	52	65	45	51	443	884—11	1735	2433—269	459	662—213
Хутора (97) . .	2	1	—	—	3	5—7	71	80—513	41	78—23
Всего . .	54	66	45	51	446	889—18	1806	2513—782	500	740—236
2. **Переволочанская** (*мѣст. 1, селъ 12, дер. 3*).	4	24	26	22	454	963—17	583	789—38	138	200—77
Хутора (20)	—	—	—	—	2	8	—	—	4	10—6
Всего . . .	4	24	26	22	456	971—17	583	789—38	142	210—83
3. **Монастырищинская** (*мѣст. 1, селъ 9, дер. 4*).	10	20	14	17	201	384	612	899	109	197—24
Хутора (30)	1	—	—	—	2	9—8	—	0—66	4	9—49
Всего . .	11	20	14	17	203	393—8	612	899—66	113	206—73
4. **Иченская** (*мѣст. 1, селъ 9, слоб. 1, дер. 1*) .	13	43	22	23	639	1110	976	1257	198	355—8
Хутора (40) . .	—	—	—	—	6	13	—	—	64	86—18
Всего . . .	13	43	22	23	645	1123	976	1257	262	441—26

Населеніе полка въ 1780 г. СОТНИ.	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	КОЗАКИ.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсосѣдки козачьи и посполитск.	
					Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
5. **Красноколядинская** (*мѣст. 1, сель 10, слоб. 2*).	16	29	18	26	415	998	634	901—87	112	202—133
Хутора (59)	1	—	—	—	11	36	22	28—131	7	1—84
Всего .	17	29	18	26	426	1044	656	929—218	119	203—217
6. **Голенская** (*сель 10, слоб. 3, дерев. 2*) .	6	23	16	19	331	822--8	847	1264—19	102	191—87
Хутора (22) .	—	—	—	—	3	5	50	56—3	—	0—41
Всего . . .	6	23	16	19	334	827—8	897	1320—22	102	191—128
7. **Иваницкая** (*мѣст. 1, сель 5*)	8	16	9	16	276	517	706	944	121	201—8
Хутора (17)	2	2	—	—	4	9	—	—	59	102—23
Всего . . .	10	18	9	16	280	526	706	944	180	203—31
8. **Сребрянская** (*мѣст. 1, сель 8, дер. 1*)	22	26	20	16	429	809	1001	1387—6	85	132—36
Хутора (58)	—	—	—	—	23	37—1	—	—	57	101—27
Всего . . .	22	26	20	16	452	846—1	1001	1387—6	142	233—63

Населеніе полка въ 1780 г. СОТНИ	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	КОЗАКИ. Дворы.	КОЗАКИ. Хаты.	КРЕСТЬЯНЕ. Дворы.	КРЕСТЬЯНЕ. Хаты.	Подсосѣдки козачьи и посполитск. Дворы.	Подсосѣдки козачьи и посполитск. Хаты.
9 **Первая Варвинская** (*мѣст 1, сель 8, слоб. 1, дерев 2*)	13	43	16	18	483	964	565	879	116	187—26
Хутора (44)	—	—	—	—	4	4	—	—	46	96—61
Всего . .	13	43	16	18	487	968	565	879	162	283—87
10 **Вторая Варвинская** (*сель 9, дерев. 1*) . . .	4	23	18	13	431	805	507	755	31	65—2
Хутора (15)	—	—	—	—	2	4	—	—	24	41—5
Всего . . .	4	23	18	13	433	809	507	755	55	106—7
11. **Журавская** (*мѣст. 1, сель 2, дер. 1*) . . .	10	34	6	9	299	638	73	91—18	100	154—18
Хутора (2) . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего . . .	10	34	6	9	299	638	73	91—18	100	157—18
Всего въ полку . . .	164	349	210	230	4461	9 34—52	8392	11763—1150	1877	2963—969

Всего хатъ 23350—2171=25921

Примѣчаніе. Вслѣдствіе техническихъ затрудненій цифра въ графѣ хатъ, гдѣ есть *бездворныя* хаты, показана здѣсь не въ видѣ дроби, какъ сказано въ текстѣ, на стр. 416-й, а въ двухъ цифрахъ, раздѣленныхъ чертою, причемъ первая цифра обозначаетъ количество хатъ въ *дворахъ*, а вторая—*бездворныя* хаты. Одинарная цифра хатъ—указываетъ хаты въ *дворахъ*.

Добавки и поправки. *Стр. 2.* Отрывки изъ Литовской метрики, о которыхъ говорится въ примѣч. 2, напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Общ. Нестора. т. XIV.*

Стр. 29. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Носа см. ниже, стр. 317 и 321.

Стр. 54. Болѣе подробныя свѣдѣнія о полковникѣ Ал. Якубовичѣ см. ниже, стр. 381.

Стр. 60. Изъ акта 1689 г. видно, что полк. судьею былъ не Тарасъ Кондратенко, а *Кондратъ Тарасовичъ* См. стр. 147.

Стр. 63. Ив. Шнурчевскій былъ писаремъ до 1775 г., а Иванъ Ягельницкій имѣлъ только *чинъ* полк. писаря, а на урядѣ полк. писарства вовсе не былъ.

Т. ж. Григорій Ивановичъ Себастіановичъ имѣлъ одного сына Ивана, который въ 1731 г. писался бунч. товарищемъ и владѣлъ Гурбинцами. Повидимому, онъ умеръ бездѣтнымъ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Иваномъ Андреевичемъ С—чемъ, о которомъ говорится на стр. 357.

Стр. 66. Шнурчевскій оставался полк. писаремъ до 1775 г., когда былъ Румянцовымъ уволенъ по настойчивому о томъ ходатайству своего полковника Якубовича, который писалъ по этому поводу Румянцову слѣд.—„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не сочтите, в. с-во, штобъ прозба моя о перемѣни писаря полкового Шнурчевского простиралась по какимъ моимъ к нему партикулярнимъ недоброхотствамъ, но единственно к защищенію всѣхъ тѣхъ отъ в. с-ва учрежденій, кои толко могутъ составлять въ полку доброй порядокъ, ибо сей старой ябедникъ разсвериповши, не толь дѣлаетъ во всѣхъ указнихъ дѣлахъ замишателство и вводытъ заразу въ полку, по древнему своему обыкновенію, то и въ интересахъ в. с-ва [1]), по отлучкы моей въ Казанской походъ, державъ отъ чрезвычайной своей необузданности дѣлать великие препоны, в чемъ зсилаюсъ на Ивана Яковлевича г. Селецкого. А о вишшепрописанномъ за несказанную

---

[1]) Т. е. въ дѣлахъ, касавшихся имѣній Румянцова, которыя были и въ Прилуцкомъ полку.

милость почту, когда, в. с-во, изволите приказать виизслѣдовать. И что застарѣлое въ необузданносты состояние его не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправлению его жизны когда либо, а тѣмъ болѣе крайная неспособность къ дѣламъ, по его должности, служитъ единственно къ чувствителному безпокойству, то всѣ сіи резоны убѣдили меня искать високой милости отъ в. с-ва о избавленіи меня и полку моего отъ такова человѣка, которой всему обществу въ тягость. Всенижайше прошу в. с-ва перемѣнить его съ какимъ заблагоразсудить изволите чиномъ, толко удалить отъ писарской и всѣхъ полковихъ чиновъ должности, для возстановленія въ полку моемъ спокойства. А какъ сего подателъ хоружій полковій Галѣнковскій заслугамы отца его в семъ полку, и самымъ нимъ продолженнимы доволно, оправдаетъ свое достоинство къ награжденію, то повергая его въ високую в. с-ва милость, нижайше прошу объ определеніи его на то мѣсто полковимъ писаремъ, въ чемъ на високую в. с-ва милость полагаясь, зъ особливымъ високопочитаніемъ по жизнь мою пребуду в. с-ва, мил. государя, всенижайшимъ слугою Александръ Якубовичъ". („Ч. 4 февраля = 775 = году. Прилука" [1]).

---

[1]) *Съ подлинника.* Къ этому письму приложена еще и слѣд. «цедула»: «коль скоро получилъ повѣренность отъ Ивана Яковлевича (Селецкаго) о дѣлахъ в. с-ва Парафіевскихъ, то старался, сколко силъ моихъ, доказать мою услугу. Теперъ еще смѣжние Буличовскимъ грунтамъ многие помѣщики и разночинци продаютъ грунта, съ которимы кому приказано будетъ вътупать въ торгъ, в. с-ва нижайше прошу чрезъ сего подателя резолюциею.—Еще в. с-ва нижайше прошу о исключеніи с полку писаря Шнурчевского, какъ по високой милости и обѣщать мнѣ изволили». Эта цедула (т. е. особая, «довѣрительная» записка) указываетъ, что Якубовичъ занимался частными дѣлами Румянцова. Онъ здѣсь говоритъ о покупкѣ для Румянцова земель по сосѣдству съ с. Парафіевскою (с. 232) и спрашиваетъ—кому Р-въ поручитъ эту покупку. Буличовскіе грунта (т. е. земли Иченскихъ «разночинцовъ» Буличей) какъ видно, были куплены для Румянцова передъ тѣмъ.—Не надѣясь на свое личное ходатайство объ увольненіи Шнурчевскаго и объ опредѣленіи вмѣсто его—Галенковскаго. Якубовичъ одновременно писалъ еще и къ П. Завадовскому за-

Т. ж. Свѣдѣніе о Галенковскомъ должно быть закончено такъ: (послѣ словъ полк. хоружимъ)—а въ 1775 г. полков. писаремъ.

Т. ж. Въ списокъ полк. есауловъ долженъ быть включенъ *Степанъ Григорьевичъ Чернявскій, ок. 1700 г.*, на дочери котораго (вторымъ бракомъ) былъ женатъ Романъ Березинскій (см. стр. 181.)

Стр. 67. За Молчана ходатайствовалъ (въ мартѣ 1709 г.) Меншиковъ. См. Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 572.

Стр. 73. При обозрѣніи рѣкъ Прилуцкаго полка слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) статью Ник. Маркевича, *„Рѣки Полтавской губерніи“*, напечатанную въ XI-й книгѣ *Записокъ Русск. Геогр. Общества* (стр. 337—461); здѣсь показаны рѣчки, названій которыхъ мы нигдѣ не встрѣчали, напр., *Бабуся* (у с. Мал. Дѣвицы), *Дубогрызовка* (у с. Ольшаной), *Борлова* (у с. Березовки) и друг. Ко всѣмъ этимъ названіямъ нужно относиться съ осторожностью.... 2) *„Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества“*, составленное по приказанію императрицы Екатерины II. (Записки Черниг. Статист. Комитет., II), въ которомъ указаны нѣсколько мелкихъ рѣчекъ Удайскаго бассейна, у насъ не упомянутыхъ, какъ напр. рч. *Сухой Ярокъ*—притокъ рч. Линовицы... При названіи рѣчекъ, послѣднія часто называются по имени тѣхъ селъ, около которыхъ онѣ текутъ; напр., рч. *Степановка* около с. *Степановки* (с. 210); видимо, что это названіе присвоено рѣчкѣ

вѣдывавшему въ это время канцеляріей Румянцова: «М. г. Петръ Васильевичъ Податель сего хоружій полковій Галенковскій, бывшій въ Казанской экспедиціи и раненой, отправленъ отъ меня съ прозбою къ его с-ву о награжденіи его чиномъ полкового писаря въ полкъ Прилуцкій, на мѣсто нынѣшнего Шнурчевского, которій, какъ мнѣ, такъ и всему полку, чрезъ свои неистовые дѣла, въ тягость.—Я почитая васъ, м. г-ря, искони моимъ милостивцемъ, осмѣливаюсь трудить всепокорнѣйшою моею прозбою о учиненіи ему, Галѣнковскому, въ полученіи милостивой резолюціи *многомощного вашего вспомоществованія,* за что вѣчною моею благодарностію вамъ, м. г-рю, обязанъ буду, пребывая навсегда з должнимъ почтеніемъ вамъ, м. г-рю, всепокорнейшія слуга Якубовичъ.» («1775 году, февраля 4 ч. Прилука.»)

вслѣдствіе ея безыменности. Но въ этомъ описаніи есть и цѣнныя указанія—о „вершинахъ“ нѣкоторыхъ рѣчекъ, (напр. Смоши, Лисогора и проч.), слѣды которыхъ теперь совершенно изчезли.

Стр. 85. О другихъ случаяхъ расположенія малорусскаго духовенства помогать Яну-Казиміру, при его походѣ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1664 г., см. у *Эйнгорна*, „Сношенія малорос. духов. съ моск. правит. въ царств. Алексѣя Михайловича.“

Стр. 94. Опущенъ войтъ *„Васко Леновицкій“*, 1668 г., о котор. см. Акты Ю. и З. Р., VII, 16.

Стр. 99. По странной случайности мы упустили изъ виду цифру Прилуцкаго населенія въ 1666 г., имѣющуюся въ „Переписныхъ книгахъ“. Всѣхъ „мѣщанъ“ въ 1666 г. показано 268 дв., т. е. менѣе половины того количества дворовъ посполитыхъ, которое показано въ 1713 г. (569.) Изъ числа 268 дв. выдѣлены: 1) „сапожники“—37 дв., 2) „кушнеры и портные“—49 и 3) „кузнецы“—17 д. Всѣхъ ремесленниковъ—103 д. Мельниковъ показано 16 дв., но мельницъ (водяныхъ) около Прилуки показано всего четыре: Федоры Ворончихи, Саввы Чорного, полковника Лазаря Горленка и Василія Галенка, отца будущ. полк. писаря (с. 64).

Стр. 112. Сотникъ Лукомскій былъ не Степанъ Степановичъ, а Степанъ Васильевичъ. Послѣ Андрея Гуленка сотникомъ былъ *Павелъ Гуленко*, подписавшійся на вѣдом. 1760 г.

Стр. 127—128. Свѣдѣнія о Бѣлецкихъ-Носенкахъ слѣдуетъ исправить такъ: „онъ (Бѣлецкій) умеръ рано, оставивъ сына Петра, который писался Носенкомъ, п. ч. уже и отецъ его Ив. Бѣлецкій, живя у отчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. Вскорѣ Петръ сталъ виднымъ въ Прилуччинѣ человѣкомъ“ и т. д. Такимъ образомъ въ этой поправкѣ слѣдуетъ исключить Федора Носенка, свѣдѣніе о которомъ внесено сюда ошибочно.

Стр. 133. Срываемыя „наметки“ съ женщинъ, *находившихся на полевыхъ работахъ*—можетъ возбудить сомнѣніе у тѣхъ, кто еще помнитъ этотъ старинный головной женскій уборъ, надѣвавшійся обыкновенно только въ праздники, да и то только при посѣщеніи церкви. Но недавно умершій С. Д. Носъ (+1900) свидѣтельствуетъ (Кіевск. Стар. 1901 г., янв., II, 1.) со словъ

стариковъ, что, „когда-то“ женщины носили наметки и въ будни. Это извѣстіе очень вѣроятно, такъ какъ „наметка“ несомнѣнно есть пережитокъ того времени, когда женщина должна была закрывать свое лицо....

Стр. 168. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о поселеніи евреевъ въ лѣвобережной Малороссіи см. статью о евреяхъ И. М. Каманина, въ Чтен. въ общ. Нестора, V, 37—53.

Стр. 175. Уже въ 1781 г. въ *Радьковкѣ* была церковь, Вознесенія Г-ня, и при ней священникъ, Петръ Новосельскій. (Прилуцк. метрич. книги.)

Стр. 177. Кажется, *prochi* вѣрнѣе перевести словомъ *порохъ*. См. у Линде, *proch*.

Стр. 188. Упоминая объ остаткахъ этого *каменнаго моста*, Маркевичъ („Рѣки Полтавск. губ.“, стр. 375) относитъ постройку его къ новѣйшему времени...

Стр. 191. Народная память о *Держикраѣ* сохранялась еще недавно. См. Маркевича „Рѣки Полт. губ.“, стр. 375.

Стр. 198. Въ с. Обичевѣ, въ 1781 г.,—церковь архистр. Михаила и при ней два священника: Иванъ Трофимовскій и Михаилъ Нелговскій.

Стр. 204. Въ Монастырищѣ, въ 1781 г., церкви: 1) архистр. Михаила и при ней свящ. Антонъ Сохансків и Михаилъ Демидовъ и 2) Рождества Б-цы и при ней свящ. Михаилъ Даниленскій.

Стр. 205. Какъ „мѣстечко,“ имѣвшее и „фольваркъ“, Галица упоминается уже въ актѣ 1634 г. См. Кіевск. Стар. 1896 г., мартъ, 343.

Стр. 207. Въ с. Галицѣ, въ 1781 г., церковь Воскресенія Христова и свящ. Алексѣй Щербицкій.

Стр. 209. Въ с. Петровкѣ, въ 1781 г., церк. прор. Ильи и свящ. Григорій Сушкевичъ.

Стр. 210. Въ с. Сальномъ, въ 1781 г., церк. Андрея первозв. и свящ. Симеонъ Бодянскій (? въ рукоп. не ясно.)

Стр. 219. Въ ряду Стороженковъ—*Григорій, сотн. Иваницкій*, 1716 г., (№ 3)—показалъ ошибочно, такъ какъ это былъ не Стороженко, а Волошинъ, о которомъ см. стр. 304.

Т. ж. Жену Михаила Стороженка (№ 10) звали Марфою.

Стр. 273. Замѣтки Андрея Полетики (примѣч.) напечатаны въ Кіевск. Ст. 1901 г., іюнь.

Стр. 280. Интересное преданіе, связывающее возникновеніе Гайворона съ извѣстнымъ полковникомъ Хмельницкаго Нечаемъ, см. *Земск. Сборн. Черниг. губ.*, 1901 г., августъ, 41.

Стр. 314. После отрѣшенія Волошина отъ сотничества, Бережовка не была у него отобрана, вслѣдствіе „особливаго гетманского (Скоропадскаго) респекта, ради сватовства (свойства?) зъ его (Волошина) домомъ". Такъ значится въ „Генер. слѣдств. Прлцк. полка".

Стр. 315. О находящемся около с. Городни—городищѣ и его остаткахъ упоминаетъ и Маркевичъ. („Рѣки Полт. губ.," стр. 369).

Стр. 354. Варвинскій сотникъ Патока вѣроятно былъ родственникомъ Захарія Петровича Патоки, „писаря изъ Лубенъ", который былъ сосланъ въ 1721 г., въ Соловецкій м-рь. См. Кіевск. Стар. 1882 г., сент., 405.

Стр. 373. Въ семейн. архивѣ Галагановъ (въ с. Сокиренцахъ) сохраняется слѣд. документъ объ Озерянахъ. „Р. 1723, дек. 10 дня. При бытности уряду нашего мѣского Варвинского, при мнѣ Марку Михайлову, сотнику наказному, Семену Безцѣпчомъ, атам. город., Варвинскими, нижей именованние люде тавовое *о селѣ Озерянахъ* доброволне учинили сознатя, ижъ помянутое село з давнихъ часовъ належало до сотнѣ Варвинской, такъ якъ и протчии села свободнии тутейшой сотнѣ, а въ подданствѣ оное нѣкому не било, кромѣ тилко за гетманства Ив. Самойловича—кревному его гетманскому, сотникови на тотъ часъ будучому Варвинскому, прозываемому Моренцеви (Еремѣю), на время надано било въ послушеиство, и любо в томъ селѣ прежнихъ лѣтъ доволное било число посполитихъ людей, однакъ поневажъ зостаетъ осѣдлостію на пробитомъ шляху, то мало не всѣ люде, отъ тяжестѣ имъ дѣючойся, врознь поросходилися, и толко осталось било тамъ посполитихъ людей вусѣмъ человѣка. В то время, чому уже отъ вишписанного року дѣется осмий годъ, досталося оное село Озеряне во владѣніе его м. п. Игн. Кгалагану... И когда зостало оное во владѣніи полковничомъ, од того времени чрезъ сие осмъ годъ, посходилося з разнихъ

полковъ в тое село на житло нѣсколько человѣка"... Очевидно, что этимъ свидѣтельствомъ Галаганъ хотѣлъ доказать, что большинство тогдашняго населенія с. Озерянъ поселено уже *имъ*, на своихъ „грунтахъ". Это же свидѣтельство указываетъ, что большая часть 135-ти крест. двор., показанныхъ въ Озерянахъ по ревизіи 1729 г., заселено въ какіе нибудь *пять-шесть лѣтъ*, такъ какъ въ 1723 г. здѣсь было лишь „нѣсколько человѣка", что можетъ указывать самое большее десятка на два, на три— человѣкъ.

Изъ этого же акта, между прочимъ, видимъ что сотникъ Еремѣй Моренецъ былъ „кревный" (т. е. кровный родственникъ) гетм. Самойловича. Объ этомъ родствѣ намъ встрѣтились такія свѣдѣнія. Въ „Спискахъ дворянъ Н. Сѣверск. Намѣстн." 1788 г., (рукопись наш. б-ки) значится родъ *Яремовыхъ—Самойловичей*, причемъ родоначальникомъ его указанъ протопопъ „Тимофей, родной братъ гетм. Самойловича". У Тимофея показанъ сынъ Яковъ, а у Якова—сынъ *Еремѣй сотникъ*. Сыномъ послѣдняго показанъ (въ 1788 г.) „Иванъ Яремѣевъ сынъ Яремовъ Самойловичъ", 66 л., имѣвшій чинъ полк. писаря, а жительство въ г. Конотопѣ, въ „уѣздѣ" котораго за нимъ было записано „по послѣдней ревизіи об. пола 120 душъ". Въ спискахъ двор. Конотопск. уѣз. 1783 г., (въ книжкѣ „Списки Черниг. дворянъ 1783 г.") никакихъ ни Яремовыхъ, ни Самойловичей однакожъ не значится.... Но тѣмъ не менѣе свѣдѣніе о „родномъ братѣ" гетм. Самойловича—протопопѣ Тимофеѣ—слѣдуетъ считать вѣрнымъ, такъ какъ основано оно видимо на семейномъ преданіи, которое едвали могло ошибаться въ подобномъ фактѣ... Въ перечисленіи потомства „протопопа Тимофея" видится какая то неточность, такъ какъ Иванъ, родившійся въ 1722 г., едва ли могъ быть сыномъ нашего „Яремы Моренца" (с. 373).

Стр. 379. Въ спискѣ Журавскихъ сотниковъ неупомянутъ сотникъ *Иванъ Кисель*, котораго называютъ этимъ чиномъ сыновья полк. обознаго Якова Киселя (с. 59) бунч. товар. Федоръ и Андрей, въ своемъ доказательствѣ дворянства (Дѣло Полт. двор. арх., № 624), говоря, что прадѣдъ ихъ Иванъ былъ сотникомъ Журавскимъ, дѣдъ Дмитрій—войск. товарищ., а отецъ Яковъ—полк. обознымъ. По этому указанію Ив. Кисель могъ быть сотникомъ въ к. XVII в.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

2—3

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ у..верситетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

—

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1—3

6. Почтовый ящикъ. Вопросы подписчиковъ и отвѣты по нимъ редакціи.
7. Объявленія.
8. Приложенія. Различные каталоги и спеціальныя сочиненія, которыя редакція отъ времени до времени выдаетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу.

—

Поставивъ себѣ задачей создать для русскихъ собирателей объединяющій ихъ органъ печати, настоятельная потребность въ которомъ чувствуется уже давно, редакція будетъ стремиться къ возможной разносторонности, отведеніемъ постоянныхъ отдѣловъ для всѣхъ наиболѣе важныхъ отраслей коллектированія.

Иллюстраціи статей будетъ отведено широкое мѣсто.

Въ спеціальныхъ объявленіяхъ будетъ дано мѣсто спросу и предложенію и организованъ удобный обмѣнъ объектовъ коллектированія между собирателями.

Въ портфелѣ редакціи уже имѣется богатый запасъ матеріала. Въ ряду приложеній въ первую очередь намѣчены руководства по собиранію картинъ, фарфора, естественно-историческихъ коллекцій и т. д.

—

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря

Подписная цѣна въ годъ **2 р. 50 к.** съ доставкою и пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ г. Псковъ, въ контору журнала

«КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ».

Россія, издаваемый **Товариществомъ М. О. Вольфъ,** подъ редакціей
П. М. Ольхина,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія" состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати.** Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ— *«Временникъ живописной Россіи» —является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ" ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ" со „Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности.*

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

«Зѣница ока», О. Шапиръ.—«Стихотворенія» Ов. Туманьянца, съ арм.—«Дитя страданья», романъ Аларкона, съ исп.—«Мать и сынъ», драм. этюдъ кн. Ил. Г. Чавчавадзе, съ груз.—«Мемуары» кн. Андроникова (1811 г.).—«Максъ Мюллеръ», Бердяева.—«Воспоминанія» офицера генеральнаго штаба, С. Кишмишева.—«Обычное право у казаковъ», А. Передѣльскаго.—«Турецкій театръ», Эр. Росси, съ итал.—«Вахтангъ VI и Петръ Великій», В. Романовскаго.—«Обычное семейное право у армянъ», Самуельяна.—«Вліяніе Византіи на грузинское законодательство», Н Тавдгиридзе.—«Азіатская академія», проекты Кера и Гр. Уварова.—«Мемуары» Л. Исарлова.—«Матеріалы для исторіи Эчміадзинскаго патріаршаго престола.—«Очерки по крѣпостному праву и кр. реформѣ въ Грузіи. А. Киншидзе. - «Григорій Нарекскій, этюдъ А. Чобаньяна.- «Елисаветпольская губернія», впечатлѣнія и воспоминанія, І. Сегаль.—Письма и записки нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей, а также Ренана, Мопасана, В. Гюго, Шопенгауера и др.

Полный экземпляръ «Кавказскаго Вѣстника» за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 р.; за 1901 г.—10 р.

Годовые подписчики получатъ въ 1902 г. приложеніемъ къ «Кавказскому Вѣстнику» романъ М. С. Хатисовой «По новому пути».

Редакторъ-Издатель *В. Д. Коргановъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С. Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Ленке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Даниловъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Каплавъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Коныштъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Поюровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Міръ"

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Новаго Міра» получитъ съ доставкой и пересылкой: 24 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «Новый Міръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ.

24 №№ иллюстрированнаго двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемірная Лѣтопись»—въ форматѣ «Новаго Міра».

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. пис. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ n-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублем.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д, 5—7.

1—3

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній», содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

1—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газета

„ЮЖНАЯ РОССІЯ"

(бывш. „Южанинъ").

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей програмиѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., р 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 75-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1901 г.

Книга первая—откябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. Н. МУРАВЬЕВА И ПИСЬМА ЕГО КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Сообщ. **I. Г.** . . . 1—17

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Окончаніе)*. **В. Шенрока.** . . . 18—44

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . 45—76

IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. *Л. Яновской. (Продолженіе)* . 77—119

V. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАДЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКОЙ ЭПОХИ. **Н. Бѣляшевскаго.** . . . 120—132

VI. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка.** . . . 133—168

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій;** б) Одинъ изъ колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря; в) Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ; г) Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Макарову; д) Что значитъ слово «гомель?»; е) Для исторіи компанейскихъ полковъ; *ж)* Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёр**-

деръ; з) Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни; и) По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка «Литература украинскаго фольклора». (Письмо въ редакцію). **В. Гринченка** . . . . 1—20
Текущія извѣстія . . . . 20—28
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). **Н. Шугурова**; б) Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. **Н. Б.**; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . 29—52
Археологическая лѣтопись . . . . 53—64
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 22-й и 23 й 337—368

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 169—199
II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка** *(Окончаніе)* . . . 200—232
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго**. . 233—255
IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе)*. **Л. Яновской** . 256—302
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). *(Окончаніе)*. **Ник. Василенка** . . . . 303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи переяславской буреы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго прихода . . . . 65—83
Текущія извѣстія . . . . 83—94

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. **Ор. Левицкаго**; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. **Ш.**; в) Корифеи украинской сцены. **В. Д.**; г) Михновскій. Сатанынська поиста. Драма въ 4 діяхъ. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 95—135
Археологическая лѣтопись . . . . 138—152
+III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 24-й и 25-й . . . . 369—400

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

+I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. **В. Липковскаго**. . . . . 329—345
+II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . . . 346—374
+III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Окончаніе)*. **Л. Яновской**. . 375—423
+IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Окончаніе)* **Ор. Левицкаго**. . . . . 424—471
+V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАПЪ» **Н. М.** . . . 472—477
+VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО. . . . . 477—484
+VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ. . . . . 485—490

ОТДѢЛЪ II.

+I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова **А. Л.**; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. **П. П. П.**; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. **И. Фр. Павловскаго**; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? **Н. В.** . . . . 153—172
Текущія извѣстія . . . . 172—178

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. **Н. В.**; б) В. Русиновъ: 1) Прыхожа Сцена въ I дiи и 2) Несподивана халепа. Драма въ II дiяхъ. **В. Д.**; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . 179—192

Археологическая лѣтопись. . . . . . . 193—214

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 26-й и 27-й. . . . . 401—426